

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXIX.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXXIX

1902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1902

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ІЮЛЬ, 1902

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЮЛЬ, 1902 г.

	СТРАН.
I. Веселья похороны. (Повѣсть). XXIV — XXVII. (Продолженіе). А. В. Круглова	5
II. Воспоминанія М. А. Паткуль . Гл. XIII—XV. (Продолженіе) . . .	38
III. Первый разсказъ. С. П. Васюкова	67
IV. Моя прабабушка. (Изъ семейной хроники). В. А. Тимпрязева . .	74
V. Юные администраторы въ Болгаріи. (Отрывокъ изъ воспомина- ній). В. В. Вознесенскаго	97
VI. Лѣвый глазъ императора Николая I. А. А. Карасева	106
VII. Туркменскій аламанъ. (Эскизъ). А. П. Андреева	109
VIII. Къ биографіи М. Н. Загоскина. Барона Н. В. Дризена	142
IX. Андрей Ивановичъ Штакеншнейдеръ. А. П. Эйенера	146
иллюстрація: Андрей Ивановичъ Штакеншнейдеръ.	
X. Живые монстры. И. Г. Иноземцева	158
XI. Паломничество въ Палестину. (Продолженіе). И. П. Ювачева . .	165
иллюстраціи. 1) Женская школа въ Ель-Минѣ. — 2) Кедры ливанскіе. — 3) Видъ Бейрута съ юго-западной стороны. — 4) М. А. Черкасова со своею шко- лою въ Бейрутѣ. — 5) Яффскій рейдъ и гряда камней. — 6) Русское мѣсто близъ Яффы. — 7) Раборъ багажа паломниками въ Иерусалимѣ.	
XII. Памятникъ гетману Стефану Чарнецкому въ Тыкоцинѣ. Г. А. Во- робьева	196
иллюстрація. Памятникъ гетману Стефану Чарнецкому въ Тыкоцинѣ.	
XIII. Марко Россъ, онъ же Марка Толмачъ. (Историческая замѣтка). Е. Л. Маркова	207
XIV. Изъ жизни Дальняго Востока. В. Д. Черевкова	219
XV. Иностранцы о Россіи. В. Т.	229
XVI. Критика и библиографія	256

1) Н. Н. Леядеръ. Разсказы путника. (Паданіе А. С. Суворова). Спб. 1902. А. Б.—каго.—2) Профессоръ А. П. Лебедевъ. Историческіе очерки состо-
янія византийско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Изда-
ніе второе. М. 1902. С.—3) В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдова-
нія и матеріалы. Томъ III. Изъ истории развитія русской поэзіи XVIII в. Спб.
1902. П. Щ.—4) Графъ Павелъ Шереметевъ. Зимняя побѣдка въ Вѣдозерскій
край. Москва. 1902. М.—5) О. Д. Ватюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки о
современникахъ. Часть II. Спб. 1902.—М. О. Меньшиковъ. Критическіе очерки.
Томъ II. Спб. 1902. Щ.—6) Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т.
Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ И. С. Бѣляева.
Изданіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память
императора Александра III. Москва. 1902. М. П.—аго.—7) Матеріалы для биогра-
фіи кн. В. А. Черкаскаго. Составила кн. О. Трубенская. Томъ I. Москва. 1901.
Г. С.—8) Профессоръ Евгеній Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи
XIX в. Матеріалы, изслѣдованія, замѣтки. Тома I—III. Казань. 1901—1902.
П. Щ.—9) Волжскій. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. I. Г. П.
Успенскій.—II. Кто виновать? (Ученіе О. М. Достоевскаго объ отвѣтственности).
Спб. 1901. М. С.—10) Къ столѣтію комитета министровъ (1802—1902).
Наша желѣзнодорожная политика. По документамъ архива комитета министровъ.
Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія канцеляріи коми-

См. слѣд. стр.

тета министровъ Н. А. Кислинскимъ. Подъ главной редакціей **статей-секретаря** Куломзина. Томы 1-й и 2-й. Сиб. 1902. **в. п—на.**—11) Н. М. Чукумалдичъ. Записки о моей жизни. Изданіе Сергѣя Шарашовъ. М. 1902. **щ.** — 12) П. Ровинский. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Томъ II. Сиб. 1902. **а. фаре-сова.**—13) Ариаднѣ Чероковъ, личный секретарь Ф. В. Чицова. Оеодоръ Василевичъ Чицовъ и его связи съ Н. В. Гоголемъ. Біографическій очеркъ по поводу 25-ой годовщины его смерти, съ портретомъ. М. 1902. **п. щ.** — 14) Древности. Труды императорскаго Московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціей В. К. Труговскаго. Томъ XIX-й (выпуски 1—3). Москва. 1901—1902. **л. м.**—15) М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. II. (1877—1884). Изданіе П. Юргенсона. Москва—Лейпцигъ. 1902. **Григорія Тимо-олева.**—16) Памятная книжка Вятской губ. и календарь на 1902 годъ. Вятка. 1901. **а. с.** — 17) Алексѣй Веселовскій. Байронъ, біографическій очеркъ съ двумя фототипіями Фишера. Москва. 1902. **в. ивановича.** — 18) Разсказы изъ русской истории, составленные комиссіей преподающихъ исторію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Тифлиса. Курсъ 1-го и 2-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Тифлисъ. 1902. **м. п—аго.**—19) Leonard de Verdmon Jacques. Krótka monografia wszystkich miast, miasteczek i osad w królestwie Polskim. Nakładem Felicjana Borislawskiego. Warszawa. 1902. **г. а. воробьева.**—20) А. Рождествинъ. Жизнь и поэзія Никитина. Казань. 1902. **п. щ.**—21) А. Погодинъ. Виленскій учебный округъ 1803—1831 годовъ. Введеніе къ IV тому «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерствъ и народнаго просвѣщенія». Сиб. 1901. **в. гр—снаго.** 22) Гр. А. А. Бобринскій. Секта Пемайля въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. Географическое распространеніе и организація, Москва. 1902. **л. м.**—23) В. Смоленскій. Исторія польскаго народа. Переводъ Г. Ф. Львовича. Сиб. 1901. **в. инсана.** — 24) Г. И. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. М. 1902. **а. хат—ова**—25) Dr. phil. Альбертъ Родъ Гаутманъ и Нитцше. Къ объясненію «Погонышаго колокола». Пер. съ нѣм. Вс. Мейерхоляда и А. Ремизова. М. 1902. **щ.**—26) Походъ Суворова черезъ Швейцарію. Фонъ-Редингъ Виберегтъ, подполковникъ Швейцарскаго генеральнаго штаба. Переводъ полковника Е. И. МаргANOва. Сиб. 1902. **в. п.**—27) Владимиръ Вобровъ. Исторія изученія Святослава сборника 1076 г. Библиографическій обзоръ. Казань. 1902. **п. щ.**

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 296

1) Основатель Китайской Великой стѣны.—2) Каролина Знаменитая.—3) Памятникъ Ромашбо.—4) Столѣтіе ордена Почетнаго Легиона.—5) Мужчина—женщина.—6) Викторъ Гюго и Галья.—7) Молодость Эна.—8) Историческая эволюція нѣмецкой литературы.—9) Письма Верди.—10) Вальдекъ Руссо.—11) Смерть короля саксонскаго Альбрехта, тунисскаго бей Сиди Алл, сержанта Гоуга и г-жи Дюранъ.

XVIII. Смѣсь 321

1) Торжественное собраніе академіи наукъ.—2) Пятидесятилѣтіе кіевскаго центральнаго архива.—3) С.-Петербургское археологическое общество.—4) Къ XII археологическому съезду.—5) Московское археологическое общество.—6) Мѣсто ваточени боярина Михаила Никитича Ромалова.—7) Реставрація Зарайскаго кремля.—8) Археологическія раскопки.—9) Искатели кладъ.—10) Библиологическое общество.—11) Псковскій Пушкинскій комитетъ.—12) Церковь въ память І. В. Гурко.—13) Біографія П. С. Нахичова.—14) Общество востоконвѣдѣншя.—15) Географическое общество.—16) Сѣверо-западный отдѣлъ географическаго общества.

XIX. Некрологи 338

1) Кабатъ, П. П.—2) Катаринскій, В. В.—3) Клодтъ, М. К.—4) Навропкій, Ф. Ф.—5) Фонъ-Рейнгольдъ, А. А.—6) Эберманъ, А. Л.

XX. Замѣтки и поправки 342

1) Борисоглѣбскіе монастыри. **прот. А. Свирѣлина.**—2) О названіяхъ Переславскаго озера. **Его же.**

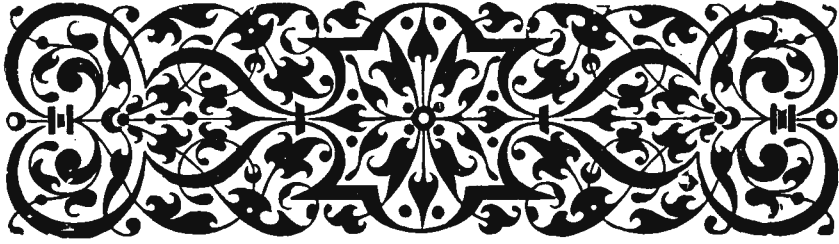
XXI. Объясненія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ баронессы Воде.—2) Измѣна. (In the house o his friends). Американскій романъ изъ эпохи войны Сѣвера съ Югомъ. **Ричарда Савэджа.** (Переводъ съ англійскаго). Часть первая. I—III.

БАРОНЕССА БОДЕ.

доз. цenz. СПб. 22 июня 1902 г.

ВЕСЕЛЫЯ ПОХОРОНЫ ¹⁾.

(Повѣсть).

XXIV.

ПЯТЬ наступили хорошіе, ясные дни для Якова Аванасьевича, и если бы не тревога о будущемъ, онъ чувствовалъ бы себя вполне счастливымъ. Онъ любилъ тишину, сельская жизнь ему очень нравилась. Онъ соглашался съ бабушкой, что «въ деревнѣ попу, когда жена хорошая, да всего вдоволь, житье отличное». Онъ даже какъ-то подумалъ: «конечно, можно и попомъ быть. Духовное просвѣщеніе народа—дѣло хорошее... Но вотъ Соня... Жаль, что она другого взгляда». Онъ теперь уже болѣе отстаивалъ не академію, а Соню. Но о Сонѣ онъ ничего не говорилъ бабушкѣ, которая также не подавала внуку вида о томъ, что она знаетъ о его любви къ Сонѣ. Умная, очень тактичная бабушка ни разу не раздражила молодого человѣка и не задѣла его самолюбія. Ея рѣчи, приправленные шуточками, ласковыми словами, доходили прямо до сердца. Онъ-то и сдѣлалъ то, что Яковъ Аванасьевичъ какъ бы сузилъ программу своей борьбы: онъ примирился съ іерействомъ и даже началъ раздѣлять на него взглядъ бабушки и только не могъ отказаться отъ Сони. Старуха дѣйствовала дипломатично, хорошо понимая внука. Она любила его и не могла не желать ему счастья, но она понимала и то, что счастье его не тамъ, гдѣ онъ самъ его видитъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVIII, стр. 815.

— Охъ, соколикъ мой,—сказала она ему какъ-то въ разговорѣ:— прежде чѣмъ большія-то деньги начнешь получать въ докторяхъ, сколько муки примешь... Кусокъ-то тамъ, можетъ быть, и жирный, да его надо умѣть взять, а ты не такой... Повѣрь мнѣ, не зла я тебѣ хочу. И тебя я хорошо знаю. Ты самъ себя такъ не знаешь, какъ я тебя знаю.

О. Аванасій хотѣлъ было «скорѣе повернуть дѣло», но теща остановила его. Сидя за чаемъ, когда внука не было дома, старуха промолвила, обращаясь къ зятю:

— Батюшка, о. Аванасій, не ломай круто вѣтки, не уйдетъ время, не малина это, не перезрѣть.

— Вы, Агнія Капитоновна, очень любите внучать...

— Люблю, о. Аванасій, люблю, батюшка. Что же тутъ худого? Отъ любви зла не бываетъ.

— А баловство не зло?

— Баловство не отъ любви, а отъ слѣпоты, батюшка. Я не говорю, что слѣдуетъ попускать дѣтямъ, а надо умѣючи ихъ отводить отъ погибели. Вы, мужчины, народъ горячій и крутой. Ума у васъ палата, да женской сноровки нѣтъ. Оттого вы вояки знатные, а хотя бы при болѣзни, примѣрно, никуда не годитесь.

— Что вы этимъ разсужденіемъ сказать хотите, Агнія Капитоновна?—спросилъ протопопъ, польщенный тѣмъ, что у него, какъ у мужчины, ума палата.

— А то, батюшка, что дай ты намъ съ матерью Якова урезонить. Мы потихоньку да полегоньку лучше все оборудуемъ. Душа у него кроткая, сердце мягкое и до своихъ жалостливое. Извѣстно, блажь вопла въ голову по молодости. Власть твоя всегда при тебѣ, и если у насъ ничего не выйдетъ, тогда и прикрикни: «ну, бабы, будетъ вамъ, ничего у васъ не ладится. Надо мнѣ самому приниматься за дѣло».

— Ха-ха-ха! Министръ вы, Агнія Капитоновна, да и только,—произнесъ зять:—ну, попадья, ты предъ матерью никуда не годишься, ей-ей!

Онъ всталъ, помолился на икону и отправился по дѣламъ.

— Какъ это вы всегда умѣете разсуждать съ нимъ, маменька,—сказала Анна Михайловна.—Я его тоже хорошо изучила, а чтобы такъ... Да у меня и словъ нѣтъ такихъ, ну, да и не вытерпишь.

— Э, Аннушка,—возразила старуха:—было бы желаніе, будетъ и стараніе. Больно ужъ мнѣ Яшеньку жалко. Примѣчаю я, тоскуетъ. Видимо, сильно забрала его эта дѣвушка, о которой ты мнѣ говорила. Можетъ быть, она и хорошая, и счастливъ былъ бы съ ней Яша, да не выйдетъ ничего.

— Нѣтъ, маменька, она не по немъ: свѣтская модница, о мужѣ въ рясѣ и слышать не хочетъ, самъ дядя сказывалъ.

— Вотъ, вотъ, гдѣ ужъ такая ему. Душа-то, можетъ быть, и чистая, да понятія не тѣ. А Дунечка славная. Я съ ней разъ говорила только и поняла. Она, какъ жена, для Яшеньки кладъ. О Господи, Господи! Помоги, Создатель, все устроить!

Она глубоко вздохнула.

Крестовоздвиженскій ждалъ съ сердечной тревогой письма отъ Сони. Ѣхать самому въ городъ ему было неудобно. Узнавъ, что работникъ старосты ѣдетъ въ Сонскъ, онъ попросилъ его зайти на почту за письмомъ.

— Если есть, такъ возьми, но только ты мнѣ передай прямо въ руки, чтобы никто не видалъ. Слышишь, Петръ?—добавилъ Крестовоздвиженскій, вручая работнику двугривенный.

— Ужъ будьте благонадежны,—отвѣтилъ Петръ:—ни одна душа не узнаетъ.

Къ обѣду неожиданно пріѣхала Дуня съ теткой.

Анна Михайловна засуетилась, выражая радость «по случаю пріѣзда такихъ дорогихъ гостей».

— Да что же вы такъ поздно, родныя мои?—говорила попадья, здороваясь со старухой и Дуней:—съ утречка бы. Ну, да ужъ все равно, пообѣдайте съ нами, чѣмъ Богъ послалъ. Не знали вѣдь, что такія дорогія гости будутъ.

— Развѣ мы для угощенія, Анна Михайловна? Что вы, голубушка,—возразила Анеиса Леонтьевна:—намъ васъ-то повидать захотѣлось. Мы въ городъ ѣдемъ, купить кое-что надо... Какъ же, думаемъ, не заѣхать? Хоть немного и крюкъ, а надо заѣхать.

— И хорошо сдѣлали, спасибо вамъ, спасибо!.. Дунечка милая! Вы день ото дня хорошѣете.

И какъ бы не имѣя силъ удержать своего порыва, Анна Михайловна стремительно обняла дѣвушку и расцѣловала ее.

Степа, несообщительная вообще, сегодня была еще угрюмѣе, благодаря зубной боли. Она скоро ушла въ свою комнату. Но Оеклуша вертѣлась около Дуни и постоянно вмѣшивалась въ разговоръ.

Послѣ обѣда подали самоваръ. На столѣ появились печенья, разные сорта варенья.

Дунечка сегодня дѣйствительно выглядѣла еще лучше, чѣмъ въ прошлый разъ дома. Она была въ голубомъ батистовомъ платьѣ и въ дорожной сѣрой бедуинкѣ. Изъ-подъ бѣлой соломенной шляпки, какъ изъ рамки, выглядывало свѣженькое личико Дуни. Когда она сняла шляпку, одна изъ прядей волосъ свѣсилась на лобъ и, правленная рукой дѣвушки, снова капризно приняла прежнее положеніе.

— Да оставьте такъ, это къ вамъ идетъ, милуша, — сказала Анна Михайловна.

Яковъ Аеанасъевичъ невольно согласился съ матерью. Въ простенькомъ костюмѣ дѣвушка показала ему привлекательнѣе. Она ему напомнила, хотя и очень отдаленно, Соню.

Дуня заговорила съ нимъ и невольно задѣла лучшія струны его сердца. Она говорила о своихъ овечкахъ, какъ о близкихъ друзьяхъ, радовалась тому, что поправились Буренка, съ восхищеніемъ рассказывала о своихъ удачахъ по разсадкѣ цвѣтовъ. Въ ней не было ни капли жеманства, и если проглядывало кокетство, то не холодное и рассчитанное, а то природное, непосредственное, въ которомъ проявляется женственность, и которое свойственно дѣвушкамъ всѣхъ положеній и народностей.

— Милая, милая дѣвушка, — шептала Агнія Капитоновна, слушая рассказы Дуни, и Крестовоздвиженскій, сидѣвшій рядомъ съ бабушкой, въ душѣ соглашался съ нею. Если бы не Соня, онъ могъ бы, пожалуй, полюбить дѣвушку. Эта мысль даже мелькнула въ его умѣ. Соня! У него снова заныло сердце, и онъ задумался на мгновенье, охваченный тревожнымъ вопросомъ: привезетъ ли Петръ письмо съ почты?

— Вы такъ и не собрались къ намъ? — сказала Дуня, обращаясь къ молодому человѣку. — А сколько у насъ малины-то!

— Меня не было дома, Евдокія Никифоровна.

— Гдѣ же вы были?

— Въ городѣ ѣздилъ, а потомъ гостилъ у Неофита Псалмопѣвцева.

— Вотъ какъ! Вы у него гостили, а къ намъ и пріѣхать не хотѣли.

— Все дѣла, Евдокія Никифоровна.

— Рассказывайте!

Она мило надула губки.

— Еще успѣете, Дунечка, наговориться, — таинственно замѣтила Анна Михайловна.

— Ну, да, жди его, — отвѣтила Дуня, засмѣявшись.

Анна Михайловна не могла рѣшить, что хотѣла этимъ сказать Дуня: поняла ли она слова въ прямомъ смыслѣ, то-есть «жди, когда онъ пріѣдетъ», или хотѣла своимъ отвѣтомъ сказать, что «жди, когда еще онъ согласится».

И попадья промолвила:

— Не долго ждать, Дунечка, не долго. Мы его пошлемъ къ вамъ.

— Я вовсе не хочу, чтобы его посылали. Надо, чтобы онъ самъ захотѣлъ, — воскликнула Дунечка съ улыбкой...

Всѣ засмѣялись. Отвѣтъ Дуни очень понравился Крестовоздвиженскому.

Послѣ чая онъ и Дуня случайно одни очутились на балконѣ. Дуня похвалила какой-то цвѣтокъ, стоявшій на перилахъ, отъ этого цвѣтка разговоръ перешелъ вообще къ цвѣтамъ, а затѣмъ къ хозяйству.

— Я не люблю города,—сказала Дуня.—А вы?

— Я тоже деревню люблю больше,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Ну, вотъ видите, значить, у насъ вкусы одинаковые!—воскликнула Дуня.

— Но не во всемъ,—произнесъ Крестовоздвиженскій.

— А въ чемъ же не одинаковые? Вы любите животныхъ?

— Люблю.

— И я люблю. Ну, вотъ. Что же еще?

— Я люблю читать, а вы не любите, Евдокія Никифоровна.

— Кто вамъ сказалъ? Я очень люблю, только не скучное. Вонъ папа заставляетъ читать духовные журналы, но это же, ей-Богу, скучно... Я не попъ!

— А хотѣли бы быть попадѣй,—неволью пошутилъ Яковъ Аѳанасьевичъ.

— Такъ что же? Попадья не служить обѣдни.

— А готовить обѣды?

— Я и умѣю. О, я это люблю и умѣю!—проговорила Дуня.

— А я не умѣю. Значить, вотъ вкусы...

— Ха-ха-ха!—звонко залилась дѣвушка.

— Что это, что это?—спросила подходившая Анна Михайловна, очень довольная тѣмъ, что разговоръ Дуни съ сыномъ принялъ такой веселый характеръ.—Что это васъ такъ разсмѣшило, Ду-нечка?

— Да какъ же, Анна Михайловна, послушайте... Ха-ха-ха, Яковъ Аѳанасьевичъ говоритъ, что у насъ разные вкусы, потому что я умѣю стряпать, а онъ не умѣетъ! Ха-ха-ха!

Смѣхъ Дуни былъ такой заразительный, что Яковъ Аѳанасьевичъ также не могъ удержаться и засмѣялся.

— Ну, ничего, научится потомъ,—сказала Анна Михайловна съ улыбкой.

Подошла и бабушка съ Анеисой Леонтьевной.

— Э, да какъ здѣсь весело,—проговорила она:—вотъ что значить молодые-то люди... Имъ другъ съ дружкой и весело... и думки однѣ и тѣ же и радости.

И, обратившись къ Дунѣ, она добавила:

— Спасибо вамъ, красавица, что съ тетенькой заѣхали къ намъ. Какъ птичка, сюда запорхнули и голоскомъ своимъ всѣхъ и расшевелили. Вонъ Яшенька всѣ дни скучалъ, а при васъ и разве-селился, смѣется. Да что онъ! Я и старуха, да и то ожила, словно помолодѣла. Отъ солнышка всегда всѣмъ тепло и радостно.

Дуня неволью покраснѣла, но глазки ея заблестѣли отъ счастья. Довольная улыбка расплылась по лицу Анеисы Леонтьевны.

«Министръ теща, да и только!»—подумалъ о. Аѳанасій, вышедшій на балконъ при послѣднихъ словахъ Агнии Капитоновны.

Гости не могли оставаться долго: нужно было попасть къ вечеру въ городъ.

— А знаете, родная моя,—вдругъ промолвила Анна Михайловна, обращаясь къ теткѣ Дуни:—и я бы съ вами съѣздила въ городъ, если бы только нашлось мѣстечко у васъ въ тарантасѣ.

— Къ чему, попадья, развѣ на своихъ нельзя?—произнесъ о. Аѳанасій, не понимая, зачѣмъ женѣ понадобилось ѣхать въ городъ.

— Ну, порознь ѣхать скучно.

— Да отчего же не съ нами? Мѣсто найдется, что вы!—сказала Аноѣса Леонтьевна:—очень рады, пожалуйста, Анна Михайловна.

— Ты зачѣмъ ѣдешь-то?—спросилъ жену о. Аѳанасій, отводя ее въ сторону.

— Надо, отецъ, не мѣшай. Дай-ка мнѣ четвертную.

— Четвертную?

— Ну, да, не бойся, не издержу всѣхъ. А если и издержу, такъ не на бросовое.

— Мм?...

— Ахъ, отецъ, некогда теперь объяснять! Что ты мнѣ не вѣришь, что ли?

— Ну, ну, ладно!—произнесъ протопопъ и подумалъ при этомъ:—«это, вѣрно, все теща задумала. Пусть ихъ, она не промахнется».

Черезъ полчаса гости и вмѣстѣ съ ними Анна Михайловна уѣхали.

Яковъ Аѳанасьевичъ пожалѣлъ, что и онъ не отправился съ ними. Онъ высказалъ это бабушкѣ.

— А зачѣмъ тебѣ ѣхать-то?—сказала она:—пыль-то глотать, большая охота. Мать по дѣламъ, а тебѣ зачѣмъ? Развѣ у тебя тоже дѣло есть?

Онъ ничего не отвѣтилъ на это. А бабушка помолчала и заговорила;

— Ну, и дѣвушка эта Дуня. Вотъ-то счастье принесетъ мужу. Веселая, добрая, на все умѣлая... У такой жены хозяйство не разстроится, и мужу изъ дома никуда не захочется. Не такъ ли, Яшенька? Гляди, какая она привѣтливая да ласковая.

— Вѣдь это въ гостяхъ, бабушка, а не дома,—замѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Да развѣ она притворица? У нея хитринки-то настолько вотъ нѣтъ,—проговорила Агнія Капитоновна, показывая на кончикъ пальца.—У нея, Яшенька, что на сердцѣ, то и на виду. Тебѣ, пожалуйста, это глупостью кажется?

Внукъ улыбнулся.

— Вотъ, вотъ! Не умѣютъ люди цѣнить такія достоинства. Въ міру лукавство больше любятъ, думаютъ: хитеръ, такъ и уменъ, а просто, такъ и глупъ. Нѣтъ, Яшенька, такихъ, какъ Дунечка,

надо цѣнить, да цѣнить. Нонѣ все меньше становится такихъ дѣвушекъ. Другая и умная, и образованная, и красивая, а что у ней на умѣ: франтить да гулять. О домѣ и думушки нѣтъ. Выйдетъ замужъ, о мужѣ и заботушки не будетъ. Вѣтеръ въ головѣ. Знала я, соколикъ мой, одну дѣвушку: такая бойкая да ловкая, всѣхъ плѣняла. Съ лица красива, ну, извѣстно, мужчины-то за ней и бѣгали. Представилась партія: хорошій человекъ. Ему выходило дяконское мѣсто. Посватался. Она какъ фыркнетъ. «За долгогриваго ни за что! Хотите брать меня,—идите въ чиновники». А онъ-то хотѣлъ въ дяконы, она уперлась и все тутъ. Плюнуть бы слѣдовало на нее, а онъ влюбился, жить безъ нея не можетъ. Однимъ словомъ захороводила, власть забрала. Такія вѣдь всегда умѣютъ, имъ вѣдь себя только жалко, а не мужа. Ну, вотъ онъ и отказался отъ мѣста и вышелъ въ почтовые чиновники. Обвѣнчались. Годика полтора прожили ничего, а тутъ и нелады пошли: денегъ мало, жить скучно. А гдѣ ему взять денегъ? Жалованье маленькое... со стороны работу взять—и нѣту, да онъ и такъ пожелтѣлъ и поху дѣлъ отъ службы, а она фыркаетъ... Въ дѣвушкахъ-то такая была сладкогласная, а тутъ и обращеніе другое... И пошло дальше да хуже... И мужъ сталъ глупъ, дуракомъ звать почала, а тутъ—и говорить-то срамно—слюбилась съ какимъ-то архитекторомъ, да мужа и бросила. Онъ съ горя-то запилъ и умеръ въ чахоткѣ. А вотъ ужъ Дуня не такая, этого не сдѣлаетъ. Знаешь, Яшенька, вотъ если бы тебѣ на ней жениться. То-то бы ты насъ всѣхъ обрадовалъ.

Крестовоздвиженскій грустно улыбнулся.

— Бабушка, зачѣмъ вы хитрите со мной?—сказалъ онъ:—вѣдь вы же знаете, что меня и ладятъ на ней женить...

И въ его голосѣ зазвучалъ упрекъ, соединенный какъ бы съ сожалѣніемъ, что вотъ де-и она, добрая бабушка, хитрить съ нимъ.

Старуха вздохнула и промолвила:

— Соколикъ мой, не хитрю я съ тобою. Не отопрусь, что знаю, а если не говорила, то потому, что не хотѣла тебя тревожить. Нѣтъ у меня хитрости. А это ты вѣрно сказалъ, хотятъ тебя женить на Дунѣ твои родители, и по-моему это хорошо. Лучше дѣвушки и не найдешь. А только вотъ что, милый мой: жениться—не лошадь купить. И тамъ нужна добрая воля, а женить тебя безъ твоего желанія и подавно нельзя. Это я матери твоей и о. Аванасію говорила. Уразумѣешь самъ, что счастье твое тутъ,—женишься, а то сохрани Богъ. А я тебѣ потому все и говорю теперь, что хочу тебѣ глаза открыть. Ты вотъ, можетъ быть, Дуню глупой считаешь, оттого только и отказываешься.

— Бабушка,—перебилъ Крестовоздвиженскій:—вы говорите, что у васъ нѣтъ хитрости... Ну, а скажите: знаете вы что нибудь про Сою?

И онъ устремилъ на старуху пристальный взглядъ.

Та улыбнулась и отвѣтила:

— И опять не откажусь, не буду врать—знаю. Да только что же я знаю, милый мой? Ну, Соня тебѣ очень нравится... и все. А кто она, что такое? Все это для меня потемки. Ты вотъ, соколикъ, тоже не откровененъ со мной, хотя и говоришь, что любишь меня, и знаешь, что и я люблю тебя. Зачѣмъ же скрывать?

— Тяжело говорить, бабушка,—со вздохомъ произнесъ Крестовоздвиженскій.

— А тяжело, такъ и подѣлись со мною. Я ли тебя не люблю? Вѣдь я тебя больше дѣтей своихъ люблю. Твое счастье мнѣ жизни дороже. Вотъ скажи сейчасъ, что умереть надо, лишь ты былъ бы счастливъ,—и умру.

На ея глазахъ навернулись слезы.

— Бабушка,—промолвилъ Крестовоздвиженскій, тронутый словами старухи,—я это знаю.

— Ну, такъ что же молчишь?

— Да что же я скажу? Родители противъ брака... Въ академію не отпускаютъ...

— Голубчикъ мой...

Старуха взяла его за руку и погладила ее, какъ это дѣлала давно, когда онъ былъ еще ребенкомъ.

— Голубчикъ мой,—повторила она:—да ты увѣренъ ли, что Соня тебя любитъ?

— Увѣренъ, бабушка.

— Да такъ ли? На чемъ твоя вѣра-то держится? Эхъ, Яша, словамъ да ласкамъ дѣвушки вѣрить еще не нельзя. Ты красивъ, она молода, ну, понравился, что мудренаго. А надолго ли? И любовь ли еще это, Яша?

— Она обѣщалась ждать, бабушка.

— А ты мнѣ вотъ что скажи: если бы ты ей объявилъ, что идешь въ попы... что она?

— Она не хочетъ этого.

— Вотъ видишь. Это—какъ и та, о которой я тебѣ рассказывала. Я не выдумала, не скажи, что изъ хитрости старуха все подвела... Перекрещусь, что правда. Вотъ ты говоришь, она это не хочетъ, а если такъ, то, стало быть, любви нѣтъ, не ты ей и дорогъ. Если бы ты-то былъ нуженъ, такъ она бы такъ не говорила. А то значить, если ты не согласился бы, она за другого пойдетъ. Гдѣ же любовь—посуди самъ? Если мнѣ челоуѣкъ дороже всего, такъ я ни на кого не промѣняю его. Куда бы онъ ни пошелъ—и я съ нимъ. А тутъ она сама себя любитъ, а не тебя. Вотъ ты-то ее любишь, это я вижу, потому что на нужду хочешь итти, съ родными готовъ поссориться. А съ ея стороны я никакой любви не вижу. Не дастъ она тебѣ счастья, не любитъ она тебя такъ, какъ надо любить мужа.

Крестовоздвиженскій задумался. Простыя слова бабушки встревожили его. «Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ?»

А старуха продолжала:

— Ты вотъ что, Яшенька, спроси-ка ее: я де такъ и такъ... въ лѣкаря итти передумалъ, а выхожу въ попы. Согласна повѣнчаться? Что она тебѣ отвѣтитъ? Ты ей не писалъ?

— Н-нѣтъ,—солгалъ Крестовоздвиженскій.

— Ну, а вотъ напиши. А то ты, того гляди, свою любовь за ейную принимаешь, и отъ своей-то любви тебѣ и самому тепло... Ты хорошій, сердечный... Какъ полюбилъ, такъ на все готовъ. А вотъ она-то...

Крестовоздвиженскій молчалъ.

«Если въ самомъ дѣлѣ написать?—мелькнула у него мысль.— А вдругъ она откажетъ?».

И ему сдѣлалось страшно.

Старуха, какъ бы угадывая мысли внука, проговорила:

— Конечно, больно правду узнать, да лучше до вѣнца, чѣмъ опосля.

Въ комнату вошелъ Михай.

— Яковъ Аванасьевичъ, а васъ Петръ спрашиваетъ. Говорить, зачѣмъ-то нужно.

Крестовоздвиженскій поспѣшно всталъ и вышелъ.

На дворѣ у крыльца стоялъ работникъ старосты.

— Ну, что?—спросилъ Яковъ Аванасьевичъ съ тревогой.

— Ничего нѣтути. Справлялись, искали, нѣтъ, говорятъ.

Сердце упало въ груди Крестовоздвиженскаго. Нѣтъ! «Но вѣдь онъ же просилъ ее немедленно отвѣтить, умолялъ... что же это такое? Неужели она увлеклась купцомъ? Неужели бабушка права?»

— Ну, значитъ, еще не пришло,—промолвилъ молодой человѣкъ, стараясь подавить волненіе.

Онъ не могъ вернуться въ комнату, боясь выдать передъ бабушкой свое душевное состояніе.

XXV.

Анна Михайловна возвращалась изъ торговыхъ рядовъ въ квартиру Пушкиновыхъ, у которыхъ она ночевала. Проходя мимо почтовой конторы, она приостановилась на мгновеніе. «Не зайти ли?» зада-ла она сама себѣ мысленный вопросъ и сейчасъ же рѣшила: «А зачѣмъ? Марки у попа есть... письма?—не отъ кого, а если какія есть, пришлются въ волостное правленіе. А тутъ еще жди да справляйся». Ей хотѣлось пить, она порядкомъ устала, обойдя чуть ли не всѣ лавки, выбирая получше и подешевле. Попадья стала спускаться съ высокаго тротуара на бульварчикъ. Но ее что-то потянуло на почту, словно, кто шепнуетъ: «зайди лучше». Какъ бы по-

коряясь этому невѣдомому внушенію, она вернулась и зашла въ контору. Она подошла къ прилавку и обратилась къ сидѣвшему угреватому чиновнику, смотрѣвшему на публику съ величіемъ, по крайней мѣрѣ, губернатора.

— Нѣтъ ли писемъ въ Домкино на имя протоіерея Крестовоздвиженскаго?—спросила Анна Михайловна.

Чиновникъ медленно поднялся, лѣнивой поступью подошелъ къ полкѣ, раздѣленной на множество перегородокъ, и досталъ изъ крайняго отдѣленія пачку писемъ. Онъ пересмотрѣлъ ихъ и сухо промолвилъ:

— Ничего нѣтъ.

Другой чиновникъ замѣтилъ ему:

— Кажется, сегодня утромъ было письмо до востребованія Крестовоздвиженскому, мнѣ что-то помнится.

Чиновникъ величаваго вида небрежно досталъ изъ другого ящика толстую пачку писемъ и быстро началъ ихъ пересматривать.

— Вы кому спрашиваете письмо?—сказалъ онъ, задерживая въ рукахъ небольшой конвертикъ.

— На имя протоіерея Аонасія Крестовоздвиженскаго,—отвѣтила попадья.

— Ему нѣтъ. А вотъ тутъ есть письмо на имя Якова Аонасевича Крестовоздвиженскаго.

— Все равно, дайте. Это моему сыну.

— Я не могу отдать вамъ.

— Отчего же? Неужели ему нарочно ѣхать за столько верстъ?—съ удивленіемъ спросила Анна Михайловна.

— Да, а то пусть пришлетъ довѣренность.

Въ эту минуту къ попадѣ подошелъ помощникъ почтмейстера.

— Здравствуйте, матушка. Что это, вы за письмами пріѣхали?

— Да, Ефимъ Григорьевичъ. Но вотъ не отдають мнѣ письмо. Говорять, на имя сына, нужна довѣренность.

— До востребованія,—пояснилъ угреватый чиновникъ уже другимъ тономъ.

— Ничего. Отдайте, Глушицкій, письмо.

Угреватый чиновникъ подаль письмо Аннѣ Михайловнѣ.

«Отъ кого это?—въ недоумѣніи подумала она.—Рука будто женская». Она взглядѣлась въ итмпель и разобрала «Петербургъ». Ее словно что-то осѣнило. «Это отъ той! Они переписываются!»

Ей захотѣлось сейчасъ же прочесть письмо. Но на почтѣ было неудобно. Она вышла на улицу. «Что она пишетъ? А если не она? Рука женская, но бываетъ и мужской почеркъ похожъ на женскій». Анна Михайловна находилась въ недоумѣніи. Ей очень хотѣлось прочесть письмо, и она не рѣшалась.

Попадья уже шла по бульвару, держа въ рукахъ загадочное письмо. Ее такъ и подмывало разорвать конвертъ. «Непремѣнно

отъ той, изъ Петербурга. Отъ кого же? Я вчера не повѣрила Пушкиной, что Яковъ не переписывается черезъ нее. А, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ такъ». Мысли Анны Михайловны вернулись къ вчерашнему разговору съ Марьей Ивановной.

Пушкова радушно встрѣтила попадью. Появился самоваръ, угощеніе. Мужа не было дома.—«По какому случаю вы въ городъ надумали?»—спросила Пушкина. Попадья отвѣтила уклончиво: «Купить кое-что надо».—«Ну, а что Яковъ Аѳанасьевичъ? Скоро ли на мѣсто?» Въ вопросѣ Пушкиной послышалось участіе. Попадья зорко посмотрѣла на нее, но ничего не могла разгадать по лицу. «Да вотъ все еще урезонить не можемъ,—отвѣтила она.—Забралъ себѣ въ голову какую-то глупость и стоитъ на своемъ». Марья Ивановна выразила удивленіе:—«Неужели это въ самомъ дѣлѣ серьезно? Да куда Якову Аѳанасьевичу ѣхать? Неужели онъ такой упорный? Кажется, онъ мягкій, кроткій». Попадья опять зорко посмотрѣла на Пушкину. «Да, онъ-то мягкій,—сказала она съ улыбкой,—но вѣрно есть ктонибудь подтверже его и руководить имъ». Пушкина еще болѣе удивилась.—«Кто же это?»—спросила она.—«Неужели Псалмопѣвцевъ имѣетъ на него такое вліяніе?» Попадья подумала: ну, и хитрая же ты, кажется, и промолвила вслухъ: «А я думаю, подальше ктонибудь». Пушкина молчала. «Я прямо думаю,—продолжала попадья,—не сердитесь на меня, Марья Ивановна, всему виною ваша племянница».—«Соня?»—воскликнула Пушкина.—«Да что вы!»—«А что же,—возразила попадья:—что Яковъ въ нее влюбленъ, я въ этомъ убѣдилась, да и вы, я полагаю, не могли не замѣтить?» Она подчеркнула послѣднія слова. Марья Ивановна отвѣтила вполне искренно: «Не стану лгать, замѣтила. Даже больше, догадываюсь, что и Соня его любитъ. Но вѣдь это все вздоръ. Мало ли кто нравится».—«А вотъ видите, не вздоръ»,—сказала Анна Михайловна.—«Все равно ничего не выйдетъ,—промолвила Пушкина:—сестра не выдастъ Соню за Якова Аѳанасьевича, пока онъ еще безъ всякаго опредѣленнаго положенія, а вѣдь не ждуть же нѣсколько лѣтъ. Соня не уродъ, женихи будутъ. Вонъ ужъ и теперь какой-то купецъ чуть не ежедневно у нихъ. Соня ему, очевидно, нравится. Нѣтъ, это пустяки, Анна Михайловна. Вы вотъ жените его скорѣе, и будетъ лучше». Искренній тонъ Пушкиной подкупилъ попадью, и она откровенно призналась: «Ахъ, матушка Марья Ивановна! Да какъ же его женишь? Не за пиворотъ же тащить его въ церковь. Измучилась я вся. О. Аѳанасій молчитъ, а вѣдь я знаю, что внутри-то у него творится. Вы вотъ правду говорите, и я то же самое говорю Яшѣ. Не слушаетъ, почему я и сказала вамъ, что ктонибудь его поддерживаетъ: такой смиренный, и вдругъ—на!»—Марья Ивановна махнула рукою.—«Да что вы, развѣ я бы позволила? Я очень люблю Якова Аѳанасьевича, но когда онъ былъ здѣсь у насъ недавно, я ему прямо ска-

зала: «если вы забрали въ голову насчетъ Сони чтонибудь, то все это вздоръ, ничего не выйдетъ». Хоть побожиться вамъ, такъ сказала. Не стану скрывать, если бы съ вашей стороны было согласие, я рада бы была видѣть Соню за нимъ. Но теперь совсѣмъ другое дѣло. Нѣтъ, Анна Михайловна, на меня вы и не думайте, не обижайте подозрѣнiемъ». «Вы простите меня, Марья Ивановна,— сказала попадья:—вѣдь такое горе, не знаешь, на что и подумать». Все это припомнилось теперь Аннѣ Михайловнѣ.

Марья Ивановна сама отперла двери.

— А и долго же вы ходили,— сказала она. — Я ужъ не утерпѣла, выпила чашечку кофею. Поди, устали? Чего это вы такъ много накупили?

— Надо, Марья Ивановна, надо,—съ улыбкой отвѣтила попадья, кладя осторожно въ карманъ платья письмо.

— И письмо получили отъ кого-то?

— И письмо. Вотъ поговоримъ потомъ. Дайте только напитокъ, въ горлѣ пересохло.

Она положила нѣсколько свертковъ на диванъ въ переднюю, а одинъ изъ нихъ оставила у себя.

— Что же вы этотъ-то здѣсь не положили?

— А это, голубушка, вамъ за вашу ласку и заботы о Яшѣ.

— Зачѣмъ, Анна Михайловна, что вы?—возразила Пушкива, на самомъ дѣлѣ очень довольная подаркомъ.

Она развернула свертокъ, заключавшій въ себѣ кусокъ шерстяной матерiи.

— Напрасно тратились, Анна Михайловна. Очень, очень вамъ благодарна. Только, право, мнѣ и совѣстно. Ничего я не сдѣлала особеннаго для вашего сына.

— Ну, что вы! Вы всегда къ нему относились, какъ родная, и теперь вотъ вижу, что жалѣете, добра хотите ему. Охъ, устала я!

Крестовоздвиженская грузно опустилась на стулъ.

Вошла кухарка и подала Марьѣ Ивановнѣ письмо. Пушкива взглянула на конвертъ и промолвила: «а, отъ сестры! Посмотримъ, что пишетъ».

Она разорвала конвертъ, положила на столъ и принялась читать письмо. Анна Михайловна привстала, какъ бы для того, чтобы взять сахару, но при этомъ нагнулась и посмотрѣла на адресъ на конвертѣ. Почеркъ былъ тотъ же самый, что и на письмѣ, которое она получила на почтѣ. Сомнѣнiя больше не было. Но она все-таки хотѣла какъ бы подтвержденiя со стороны Марьи Ивановны.

— А и красивъ же почеркъ у вашей сестрицы,—замѣтила она.

— Что?—спросила Пушкива, отрываясь отъ письма.

— Почеркъ красивъ у вашей сестрицы,—повторила Анна Михайловна, указывая глазами на конвертъ.

— О, это не ея рука, это рука Сони. Она всегда пишетъ адреса.

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди попадья. Марья Ивановна дочитала письмо и сказала:

— Ну, вотъ, Анна Михайловна: у Сони и женихъ готовъ почти. Сестра пишетъ, что фабрикантъ такъ ухаживаетъ за Соней, что надо непременно ждать предложенія. Онъ даже намекалъ объ этомъ.

— Еще неизвѣстно, что отвѣтитъ ваша племянница.

— Какъ что? Такая партія...

Крестовоздвиженская улыбнулась.

— Всяко бываетъ.

Она помолчала и прибавила:

— Говорить ли ужъ все вамъ?

— Что такое?—съ недоумѣніемъ спросила Пушкива.

— Да отъ васъ нечего скрывать. Помните, я вчера говорила вамъ о перепискѣ Якова съ вашей племянницей, еще подумала, что черезъ васъ идетъ переписка?

— Ну, ну!

— А они безъ васъ обошлись, прямо переписываются.

— Почему вы такъ думаете?

— Не думаю, а знаю. Вотъ вамъ.

Попадья вынула изъ кармана письмо и показала его Пушкивой.

— Чей почеркъ?

— Это... это рука Сони, — отвѣтила Пушкива тономъ искренняго удивленія.

— Вотъ видите! Значить, всерьезъ дѣло.

— Важно знать, что она пишетъ, — сказала Пушкива.

— А какъ это узнать?

— Возьмите и прочтите.

— Вы совѣтуете? — спросила попадья, которой очень хотѣлось прочесть, но она все еще не рѣшалась.

— Непременно.

— А не лучше ли ему отдать, и...

— Пусть онъ самъ покажетъ?—подхватила Марья Ивановна.—

И такъ можно.

Она разсмѣялась и прибавила:

— У меня, признаюсь, не хватило бы терпѣнія. Пускай нехорошо, а прочла бы.

— Ну?

Попадья вдумчиво посмотрѣла на хозяйку.

— А и въ самомъ дѣлѣ,—вдругъ рѣшила она.—Можетъ быть, тутъ такое есть, что и показать ему не слѣдуетъ. Вы правы. Вѣдь я же добра ему хочу.

— Конечно!

Пушкивой, очевидно и самой интересно было узнать содержаніе письма племянницы.

Однако, Анна Михайловна не разорвала конверта, а положила его на столъ.

— Вѣдь, можетъ быть, это и не первое, — сказала она.

— Можетъ быть, — согласилась Пушкова. — Только едва ли. Яковъ Аонасьевичъ сказалъ бы мнѣ. Знаете, — добавила она, какъ бы припоминая что-то: — когда онъ былъ у насъ недавно, онъ писалъ въ своей комнатѣ кому-то письмо. Я еще спросила: кому? Онъ отвѣтилъ: товарищу. Можетъ быть, онъ ей тогда и писалъ. Адресъ я ему сказала.

Она налила гостѣмъ кофе и промолвила, подвигая чашку:

— А все-таки, скажите мнѣ, Анна Михайловна: если бы Яковъ Аонасьевичъ не послушался и уѣхалъ бы и, — хоть этого не можетъ быть, но допустимъ для примѣра, — если бы онъ женился на Сонѣ, вѣдь простилъ же бы о. Аонасій?

— О, что вы, голубушка! — воскликнула попадья, махнувъ рукой. — И думать объ этомъ нечего.

— Неужели никогда бы не простилъ?

— Ни за что! Вы его не знаете. Сдѣлай такъ Яковъ, — никогда бы не простилъ и гроша мѣднаго не далъ бы.

— Хотя сынъ умиралъ бы съ голода?

— Все равно. Да вотъ вамъ: былъ у него племянникъ, не дурно учился въ семинари и вдругъ не захотѣлъ кончать, вышелъ изъ перваго класса философи, влюбившись въ какую-то портниху, и сдуру поступилъ въ почтальоны. Аонасій Григорьевичъ его уговаривалъ, тотъ не послушался. Прошло два года; заболѣла жена, ребенокъ... Пришелъ Константинъ просить денегъ. Онъ его не пустилъ даже. Онъ не злой, Марья Ивановна, а въ такихъ случаяхъ упорный. Ужъ такая порода у нихъ. Случись съ Яковомъ, пожалуй, и плакать бы сталъ втихомолку, а отказалъ бы навѣрно, на глаза бы не пустилъ. Сохрани, Господи! — съ испугомъ закончила попадья.

— Вѣдь это ужъ и не по-христіански, Анна Михайловна, — замѣтила Пушкова.

— Что дѣлать! такой характеръ! Отецъ его былъ еще тверже. Нѣтъ, избави, Господь, отъ такой напасти! И думать нечего!

— Да я и не думаю, — возразила Пушкова. — Вы, можетъ, полагаете, что я съ той цѣлью спросила, чтобы узнать, желая все-таки устроить свадьбу? Совсѣмъ нѣтъ! Я вотъ напишу сестрѣ, чтобы она не вздумала отказывать фабриканту. Такой богачъ, и такъ ее любить! Можетъ быть, сама судьба...

Попадья вздохнула и взяла письмо со стола.

— Такъ какъ же: прочесть, а?

И, не дожидаясь отвѣта, она быстро разорвала конвертъ, изъ котораго выпалъ листокъ красной почтовой бумаги.

— Какая бумага-то, самая пылкая, — съ грустной усмѣшкой замѣтила попадья и стала читать письмо.

Пушкова слѣдила за нею, желая по лицу отгадать то впечатлѣніе, какое произвело письмо на попадья. Анна Михайловна безъ перерыва медленно прочла все письмо и положила его обратно на столъ.

— Ну, что, что?—полюбопытствовала хозяйка.

— Да что,—отвѣтила попадья съ разстановкой:—любить Якова, ждать его, ободрять, успокоиваетъ. Вы, вѣрно, Марья Ивановна, говорили ему что нибудь о кушцѣ?

— Да, да. А что?

— Ну, вотъ. А онъ, видно, ей написалъ объ этомъ, тревогу выказалъ, она его и успокоиваетъ.

Попадья взяла письмо и, отыскавъ необходимое мѣсто, прочла вслухъ: «О какой новой любви пишете вы? Какъ вамъ не грѣшно? Это васъ тетья смутила, вѣрно. Такъ знайте, что все вздоръ. Вы хотѣли подтвержденія, такъ вотъ вамъ. Я дала слово и буду ему вѣрна, пока вы не измѣните своему. Приѣзжайте скорѣе. Мнѣ думается, что вы сами-то не выдержите, хотя и пишете, что боретесь со всѣми препятствіями. Дай Богъ! Я молюсь за васъ. Я отвѣчаю вамъ скоро, какъ только могу. Отвѣчайте немедленно и вы: когда приѣдете? Я беспокоюсь за васъ, и у меня для этого больше основанія. Меня никто ни къ чему не принуждаетъ, а на васъ навѣрное дѣйствуютъ всѣ и со всѣхъ сторонъ».

Крестовоздвиженская пропустила нѣсколько строкъ и продолжала: «не сдавайтесь, помните, что думами всегда съ вами, горячо любящая васъ Соня».

— Видите?—промолвила Анна Михайловна, подымая глаза на Пушкиву.

— Да-а,—протянула Марья Ивановна.—Ну, я этого не ожидала. Значитъ, Софья откажетъ купцу. Это видно по тону письма.

Анна Михайловна молча глядѣла на Пушкиву.

— Какъ же теперь быть съ письмомъ?—спросила она.—Не отдавать же его Якову распечатаннымъ.

— Да вы просто совсѣмъ ему не отдавайте и ничего не говорите.

— Ладно ли будетъ?—усомнилась Анна Михайловна.

— Что же иначе сдѣлать? Сказать, что прочитали? Это еще больше его раздражить.

— Что правда, то правда,—согласилась попадья.

— Разумѣется. Лучше ужъ солгать. Знаете: и ложь во спасеніе, говорятъ. Вы теперь видите, матушка, что я не хитрю и не противъ васъ.

— Спасибо вамъ,—промолвила гостья.—Я знаю, что вы хотите добра Яшѣ. Да вѣдь и вашей племянницѣ—это на пользу.

— Да, не думала я, что дѣло выйдетъ такое серьезное,—произнесла Пушкива.—Я еще смѣялась: не влюбитесь, говорю. А такъ и вышло. Я дивлюсь на Соню: положимъ, вашъ сынъ красивъ, это

вѣрно, и симпатиченъ, да вѣдь видѣла же она мужчинъ въ Самарѣ, были же и красивые, навѣрно, и симпатичные, а тутъ долго ли вѣдь пожила, и влюбилась.

— Вотъ подите,—сказала Анна Михайловна, разводя руками.— И я-то дивлюсь на своего. Откуда что взялось: уперся, спорить. Бывало, стѣбитъ слово молвить, и сейчасъ же уступитъ.

— Видно, Анна Михайловна, правда поется въ романсѣ, что «любовь чувство не простое, если всѣмъ волнуетъ кровь».

Пушкова задумалась на минуту и произнесла съ легкимъ вздохомъ:

— Всѣ мы прошли то же самое. Что скрывать: и я дѣвченкой влюбилась въ офицера. Казалось, если не за него, такъ лучше смерть.

— А вотъ и вышли же за другого.

— Противъ воли, Анна Михайловна. Мачиха была у меня суровая. Какъ прикрикнула, я и осѣла. Только плакала.

— А теперь не жалѣете?

— Нисколько. Дай Богъ всѣмъ такую жизнь. Павелъ чудный человѣкъ... А мой-то кумиръ женился на купчихѣ, да въ подлогѣ попался, изъ службы выгнали, и теперь золоторотцемъ сталъ.

— Ай-ай-ай! Вотъ она глупость-то наша въ молодости. Да ужъ что. Если пошло на то, и я скажу: не по любви за Аѳанасія Григорьевича вышла. Чиновникъ одинъ нравился. И вотъ тоже прожила, слава Богу, не на смѣхъ людямъ.

— И теперь, Анна Михайловна, и у Якова Аѳанасьевича то же: перемелется—мука будетъ. Соня веселая, долго грустить не станетъ. Выйдетъ за купца и заживетъ отлично. Характеръ у нея хорошій, правду скажу. Жаль, что такъ, а то жена для вашего сына она была бы прекрасная. А вотъ вѣдь что, Анна Михайловна: если бы она согласилась и за священника выйти, тогда что? Какъ вы?

— Да гдѣ же мѣсто, родная? Надо Аѳанасію Григорьевичу свое отдавать. А при чемъ же дочери? Ну, Оеклуша еще ничего, эта не засидится. А Сесту безъ мѣста никто не возьметъ.

— Это вѣрно,—согласилась Пушкова.—Да вѣдь я такъ только и говорю къ примѣру, а Соня за попа едва ли пойдетъ, она умереть со скуки въ деревнѣ.

Онѣ еще долго разговаривали на эту тему, какъ двѣ союзницы. Въ концѣ концовъ онѣ рѣшили дѣйствовать дружно. Попадья не должна была ничего говорить сыну о письмѣ, а напротивъ сообщить, что Соня, кажется, уже дала слово купцу. Такъ де можно понять изъ письма матери. А она, Пушкова, напишетъ Сонѣ, въ видѣ слуха, но почти вѣрнаго, что Крестовоздвиженскій стоворенъ на дочери о. Никифора и беретъ его мѣсто. А тѣмъ временемъ дѣйствовать на молодого человѣка и скорѣе кончать дѣло.

— Правда, не совсѣмъ прямое дѣло-то наше,—призналась Пушкова,—но какъ же иначе? Если купецъ посватается, и Соня

откажетъ—другой такой блестящей партіи ей не дожждаться. Онъ не уродъ, не старикъ и такой капиталъ. И при всемъ томъ она ему очень нравится. Нечего и говорить, что она его потомъ полюбитъ. А сгоряча все можно испортить. Я для блага ея все и дѣлаю.

— А если они спишутся снова,—сказала Анна Михайловна:— все и узнается.

— Вы слѣдите за нимъ, а я напишу сестрѣ. Надо ужъ ей все открыть. Пусть она посматриваетъ за получаемыми письмами. Соня у нея вѣдь полной свободой пользуется. Конечно, отъ случайностей не уберешься. Надо дѣйствовать, а что выйдетъ, не угадаешь. Если ничего не выгоритъ, значитъ тогда такая судьба.

— О Господи, что только и будетъ!—проговорила Анна Михайловна.—Я сегодня обнадежила тетку Дуни: все, говорю, скоро уладится. А кто вѣдь знаетъ? Право, и ихъ-то стыдно... Словно уродъ дѣвушка и мѣсто плохое, что уговаривать надо. Вѣдь только объяви, десятки жениховъ явятся.

— Видно, Дунечкѣ Яковъ Аванасьевичъ очень нравится,—замѣтила Пушкова.

— Въ томъ-то и дѣло, что очень нравится, потому и ждуть. Къ нимъ уже пріѣзжали двое, такъ Дуня и слышать не хочетъ.

Въ то время, какъ двѣ союзницы заключали между собой условіе, въ Домкинѣ Крестовоздвиженскій получилъ письмо отъ Неофита. Псалмопѣвцевъ извѣщаль пріятеля кратко: «Пока и здѣсь не удача. Юса нѣтъ, отецъ услалъ его за озеро, скоро будетъ. Я жду, и пока съѣзжу къ одному пріятелю, а оттуда снова въ Дубровки. Къ тому времени юсъ вернется. Крѣпись!

«P. S. О документахъ. Понялъ? Я явлюсь или со щитомъ, или на щигѣ. Знаешь меня».

Веселый тонъ пріятеля мало ободрилъ Крестовоздвиженскаго, на котораго сильно вліяли рѣчи бабушки и еще болѣе молчаніе Сони. Прочитавъ письмо товарища, Яковъ Аванасьевичъ вздохнулъ и подумалъ: «опять неудача, все неудачи». Видно, сама судьба противъ. А много ли осталось времени?

Молчаніе Сони прямо убивало молодого человѣка, который ходилъ, какъ потерянный.

Анна Михайловна вернулась ранѣ Дуни и Анюсы Леонтьевны, которыя остались еще въ городѣ. Попадья была довольна содѣйствіями и планомъ Пушковой, хотя ей было тяжело «такъ обманывать сына». Совѣсть невольно упрекала ее. Но Анна Михайловна успокаивала себя тѣмъ, что «все это для счастья Яши». Вѣдь и Пушкова, разсуждала она, для племянницы старается. Это было вѣрно. Марья Ивановна, узнавши изъ письма сестры о томъ, что фабрикантъ намѣренъ сдѣлать предложеніе Сонѣ, рѣшила во что бы то ни стало устранить все препятствія

къ этой свадьбѣ. Обѣ женщины считали, что онѣ дѣйствуютъ для пользы и счастья близкихъ людей. Имъ обѣимъ казалось, что счастье именно тамъ, гдѣ видятъ онѣ, а не увлекающіеся молодые люди.

XXVI.

Слова бабушки: «а ты спроси ее, согласится ли она выйти за тебя, за попа»,—смutilи Якова Аоанасьевича, но онъ рѣшилъ такъ, какъ рѣшаетъ всегда истинная любовь. Зачѣмъ требовать жертвъ отъ Сони? Онъ не хочетъ, чтобы счастье Сони было чѣмъ нибудь отравлено.

Съ этими мыслями онъ возвращался домой съ прогулки.

Оеклуна, кормившая на дворѣ куръ и утокъ, увидѣла входившаго брата и кинулась къ нему на встрѣчу.

— Мама вернулась!

— Давно ли?

— Сейчасъ только. Она пріѣхала на ямщицкихъ, а Дуня съ теткой еще остались въ городѣ.

Въ столовой Анна Михайловна показывала какія-то матеріи Агнѣ Капитоновѣ.

— Красивая и доброта хорошая,—говорила старуха.

Она оглянулась, заслышавъ шаги. Анна Михайловна подняла голову отъ куска матеріи.

— Вотъ я и вернулась,—сказала она вошедшему сыну.—Привезла тебѣ поклонны отъ Марьи Ивановны и Павла Ивановича.

Крестовоздвиженскій съ тревогою ждалъ, что скажетъ мать дальше. Онъ вдругъ почувствовалъ, что она должна сообщить что-то важное для него. Лишь она заговорила, и вдругъ по ея ли голосу, по выраженію ли ея лица, онъ понялъ какимъ-то необъяснимымъ внутреннимъ чувствомъ, что услышитъ что-то серьезное, важное.

И онъ не ошибся.

Мать, начавшая складывать матерію, добавила съ тревогой, которой она не могла скрыть:

— Да вотъ что.. Я тебѣ какую новость сообщу... Племянница Марьи Ивановны, Соня.. — такъ кажется? — почти помолвлена за какого-то фабриканта. Они съ нимъ еще въ Москвѣ встрѣтились.

У Крестовоздвиженскаго помутилось въ глазахъ. Онъ инстинктивно схватился за стулъ, вблизи котораго стоялъ. Смертельная блѣдность покрыла его лицо.

Бабушка взглянула на внука и какъ бы невольно промолвила, обращаясь къ дочери:

— Ну, Аннушка, можетъ быть, это и не правда.

Старуха поняла сердцемъ всю боль, переживаемую внукомъ, и постаралась смягчить ударъ, нанесенный ему матерью. Она даже

упрекнула мысленно дочь за ея слова, брошенная прямо безъ всякой подготовки. Аннѣ Михайловнѣ также стало жаль сына. И она отвѣтила матери нѣсколько уклончиво:

— Не знаю, маменька, но письмо получила Пушкина изъ Петербурга отъ сестры.

— Этого не можетъ быть,—медленно, какъ бы про себя, но вслухъ проговорилъ Яковъ Аонасьевичъ и, шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

Старуха пытливо воззрѣла на дочь и сказала:

— Аннушка, правда это?

Анна Михайловна на мгновенье поколебалась, но затѣмъ отвѣтила твердо:

— Марья Ивановна получила письмо, я вамъ говорю.. и при мнѣ читала, дѣло почти слажено.. Это же понятно, маменька: фабрикантъ милліонщикъ, такая блестящая партія, тутъ всякая дурь изъ головы выскочить.

— Такъ-то такъ, но нельзя было говорить сразу. Ты посмотри, какъ на него подѣйствовало... Вѣдь мало ли что... Пойду-ка я, погляжу, что съ нимъ...

И она, спѣша по-старушечьи, вышла изъ комнаты.

— Гдѣ Яковъ?—спросила она у Стеши, встрѣтивъ ее въ передней.

— Въ спальнѣ,—коротко отвѣтила внучка.

Старуха отворила дверь и окликнула внука:

— Яша!

Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ на кровати въ застывшей позѣ, устремивъ въ пространство неподвижный взоръ.

Агнія Капитоновна посмотрѣла на него, и ей сдѣлалось страшно.

Она сѣла съ нимъ рядомъ, обняла его и заговорила:

— Яшенька, соколикъ мой, что съ тобою? Полно! Это еще, можетъ быть, не правда, какъ можно такъ сразу... Что ты!

Онъ слегка повернулъ голову къ бабушкѣ.

— Этого не можетъ быть,—произнесъ онъ, точно онъ забылъ всѣ слова, кромѣ этихъ, и только ихъ повторялъ въ умѣ и вслухъ.

— Да, да, соколикъ, надо узнать все...

У Якова Аонасьевича вдругъ изъ глазъ покатались слезы.

Агнии Капитоновнѣ сдѣлалось невыразимо жаль внука, но она была рада этимъ спасительнымъ слезамъ.

— Яша, голубчикъ мой,—проговорила она, заглядывая ему въ лицо:—ты не отчаивайся, надо все узнать хорошенько.

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Какъ же узнать? И зачѣмъ?

У него словно все помутилось въ головѣ. Онъ твердилъ: «этого не можетъ быть, этого не можетъ быть», и въ то же время какъ бы уже признавалъ фактъ и съ увѣренностью отчаянія спрашивалъ: «зачѣмъ, когда уже все совершилось?»

— Какъ зачѣмъ? — возразила бабушка. — Да чтобы узнать, правда ли все.

Онъ глядѣлъ на нее и, видимо, дѣлалъ напряженіе, чтобы привести въ ясность мысли и понять, что ему говорить она.

— Вѣдь письмо изъ Петербурга... Маменька сказала.

— Милый мой! Да вѣдь, можетъ быть, ее, Соню-то, такъ же, какъ тебя, убѣждаютъ, настаиваютъ. Тотъ посватался, она не хочетъ, а мать настаиваетъ. Ты пойми это.

Молодой человѣкъ воззрися на бабушку, словно она сказала ему что-то такое, чего онъ не могъ ожидать, но что сразу внесло свѣтъ туда, гдѣ все было покрыто тьмою.

Радость мелькнула въ его глазахъ, и кровь прилила къ лицу.

— Вы думаете? выдумаете, что это такъ? — сказалъ онъ, оживляясь.

— Все можетъ быть, Яша. Я говорю потому, что надо узнать, а не отчаиваться.

Онъ вскочилъ съ кровати, глаза его заблестѣли.

— Я поѣду въ городъ!

— Поѣзжай, голубчикъ. Только возьми Михея. Тебѣ не до того, чтобы возиться съ лошадыю.

— Хорошо. Я ей пошлю депешу.

— Пошли, пошли...

Яковъ Аванасьевиичъ чувствовалъ, что онъ воскресаетъ. Жизнь снова возвращалась къ нему съ надеждами, съ тепломъ и свѣтомъ. Потрясенный, взволнованный, онъ стремительно обнялъ бабушку и тихо заплакалъ.

Это уже были слезы надежды, радости.

— Бабушка, бабушка, — проговорилъ онъ, — простите меня!

— Въ чемъ, въ чемъ, Яшенька?

— Что я сомнѣвался, что я могъ вамъ не вѣрить.

И онъ быстро вышелъ изъ комнаты.

«Ахъ, Яша, Яша!» — проговорила старуха, вздыхая. Въ эту минуту ей даже хотѣлось, чтобы Соня не выходила за фабриканта, чтобы она стала женою внука. Любовь къ нему все наполнила собою въ душѣ старухи.

Когда она вышла изъ спальни, ей попалась навстрѣчу дочь.

— Маменька, куда это Яковъ побѣжалъ?

— Въ городъ ѣдетъ.

— Въ городъ? — съ недоумѣніемъ промолвила Анна Михайловна. — Зачѣмъ?

— Депешу послать Сонѣ.

Анна Михайловна посмотрѣла на мать такими глазами, какими смотрять на сумасшедшихъ, когда они заговариваются.

— Маменька, что вы сказали? Сонѣ депешу?

— Да, Аннушка, и не мѣшайся ты лучше, — съ нѣкоторой досадою перебила старуха. — Если не хочешь погибели сына, не мѣшайся.

— Да зачѣмъ, зачѣмъ?—повторяла дочь, ничего не понимая.

— А зачѣмъ, чтобы онъ... не сдѣлалъ надъ собою чего нибудь сейчасъ, или не сошелъ бы съ ума, вотъ зачѣмъ.

Анна Михайловна молча посмотрѣла на мать и промолвила медленно, покорно:

— Но что же изъ этого будетъ?

— А Богъ знаетъ, что будетъ,—отвѣтила старуха.—Только пусть не будетъ того, что можетъ случится безъ этого.

— А если все-таки подтвердится?

— Ну, что же, и пусть. Я и сама увѣрена, что подтвердится, если такъ пишеть сестра... Но пройдетъ время, Яша освѣжится. Вѣдь пока онъ будетъ ждать отвѣта, мысль о возможности выхода замужъ Сони за купца все-таки будетъ съ нимъ жить, и онъ исподовольно примирится, такъ что всякій отвѣтъ приметъ легче.

— А если, маменька, та откажетъ фабриканту, что тогда?—спросила Анна Михайловна.

Старуха развела руками.

— Что тогда? Я ужъ не знаю. Да что,—прибавила она,—говорить о той тучѣ, которой еще нѣту, надо ту-то отвести, которая надъ головой виситъ, вотъ о чемъ подумай.

Она помолчала и промолвила:

— Всему предѣлъ есть, Аннушка. Надо настаивать, ну, а если... и противъ Божьей воли не пойдешь: если суждено иначе, что дѣлать...

— Маменька, да вѣдь вы знаете волю Аѳанасія Григорьевича?

— А что-жъ такое?—вдругъ сердито промолвила старуха:—что же Аѳанасію Григорьевичу: легче въ гробу сына видѣть, что ли? И тебѣ тоже? умри, или по-нашему, такъ что ли? Да ты ему мать, или нѣтъ?

Рѣзкимъ укоромъ прозвучали эти слова и, какъ ножемъ, пронзили сердце Анны Михайловны. «Неужели я его меньше люблю, чѣмъ бабушка?» задала она сама себѣ вопросъ. «Нѣтъ, нѣтъ! Ужъ лучше»... Она почувствовала, въ какія тенета попала теперь, и ужасъ охватилъ ее. Но вдругъ опять ее ободрила надежда: «а, можетъ быть, все пройдетъ благополучно, уладится».

Вошелъ о. Аѳанасій.

— Гдѣ Яковъ?—спросилъ онъ.

— Онъ собирается въ городъ,—отвѣтила жена.

— Какъ въ городъ? это зачѣмъ?

Анна Михайловна взглянула на мать, какъ бы прося ея помощи.

Старуха подошла къ зятю.

— Батюшка о. Аѳанасій, надо это, чтобы грѣха не случилось.

— Да что такое?—съ невольнымъ испугомъ спросилъ онъ.

Теща объяснила ему все дѣло.

— Гм...—повторилъ онъ, хмуясь.—Это что же такое выходитъ: опять...

— Ничего не опять, батюшка,—сказала Агнѣя Капитоновна:—дѣло уже къ концу клонится, не надо только портить его, да и Яшу губить. Надо его пожалѣть и о себѣ подумать, случись грѣхъ какой съ нимъ, всѣмъ намъ тяжело будетъ.

— Гм!—произнесъ о. Аоанасій, пройдясь по комнатѣ.—Ну, что же, пусть разрядится, это вы вѣрно надумали. А хорошо, что та выходитъ.

— Конечно, батюшка,—подтвердила теща:—а Яшенька пусть пройдетъ и, какъ ты изволилъ по-умному-то выразиться, пусть разрядится.

XXVII.

Еще не было четырехъ часовъ утра, когда Яковъ Аоанасьевичъ и Михай вѣхали въ городъ. На улицахъ царилъ тишина. На Архангельскомъ проспектѣ, у воротъ большого купеческаго дома на лавочкѣ сладко дремалъ полицейскій стражъ. Стукъ деревянной таратайки по мостовой не разбудилъ его.

— Ишь какъ спитъ, хошь укради его самого,—съ усмѣшкой произнесъ Михай.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ спросилъ у Якова Аоанасьевича:

— Что-жъ, прямо на телеграфъ вѣхать?

— Надо заѣхать на почту сперва, узнать, нѣтъ ли писемъ,—сказалъ Яковъ Аоанасьевичъ.

— Да нешто почта теперь открыта? — съ усмѣшкой проговорилъ Михай.

— Да, это вѣрно, — согласился Крестовоздвиженскій и добавилъ: — тогда нельзя и подавать депеши.

Онъ надѣялся еще получить письмо отъ Сони. Онъ тревожится, мучится, хочетъ послать телеграмму, а на почтѣ, можетъ быть, лежитъ письмо, и въ немъ все разъяснено. Да, надо непременно сначала справиться.

И онъ повторилъ вслухъ свою мысль:

— Надо на почту сперва заѣхать.

— Почта открывается въ восемь часовъ, я ужъ это знаю, — сказалъ работникъ.

— Тогда заѣдемъ въ трактиръ напиться чаю,—произнесъ Яковъ Аоанасьевичъ.

— Это можно, — радостно одобрилъ работникъ, и добавилъ: — къ Пальцеву, въ «Зеленый Островокъ», Яковъ Аоанасьевичъ? Чудесно! Съ пяти часовъ открытъ, и чистая половина есть, а ситникъ... у, какой ситникъ, точно конфета!

Въ трактирѣ въ первой комнатѣ было уже много народа. Пили чай и закусывали плотники, каменщики и разные мастеровые,

шедшіе на работу. Сидѣло и нѣсколько извозчиковъ. Яковъ Аванасьевичъ не пошелъ на чистую половину, а присѣлъ къ свободному столику у окна и потребовалъ чаю «на двоихъ». Михей поставилъ лошадь къ колодѣ, задалъ корму и вошелъ въ трактиръ.

— Да вы что же тутъ-то, Яковъ Аванасьевичъ, а не на чистой?— съ удивленіемъ проговорилъ онъ.

— Все равно.

— Какъ можно! Тамъ не въ примѣръ лучше.

Михею очень хотѣлось попить чаю «на чистой», гдѣ пьютъ подрядчики и хозяева. Но онъ не сталъ настаивать и оживленно принялся хлопотать около чайниковъ. Наливъ поповичу стаканъ крѣпкаго чаю и подвигая его, Михей замѣтилъ:

— А какъ же ситничку... не худо бы ситничку?

— Я не хочу, а ты спроси, если хочешь, — отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

Михей воспользовался предоставленнымъ ему правомъ и потребовалъ полтора фунта «ситнику перваго сорта съ изюмомъ».

Они просидѣли въ трактирѣ около двухъ часовъ. Михей выпилъ чашекъ десять и съѣлъ весь ситникъ. Онъ два раза спрашивалъ сахару, съ удовольствіемъ распивая чай въ накладку. Крестовоздвиженскій все время сидѣлъ задумчивъ. Чай его простылъ, и онъ выпилъ стаканъ залпомъ передъ самымъ уходомъ изъ трактира.

Почта только что открылась, когда Яковъ Аванасьевичъ подѣхалъ. Публики еще никого не было, даже не всѣ чиновники явились на службу. Крестовоздвиженскій обратился за справкой къ почталіону, разбиравшему письма. Тотъ посмотрѣлъ въ отдѣленіи до востребованія и сказалъ, что ничего нѣтъ.

— Это вѣрно? — переспросилъ Крестовоздвиженскій.

— Что же мнѣ за корысть врать? — довольно грубо отвѣтилъ почталіонъ.

— Можетъ быть, въ другомъ мѣстѣ?

— До востребованія всѣ тутъ, — тѣмъ же тономъ произнесъ почталіонъ.

Одной надеждой стало меньше, и тяжелое предположеніе получило какъ бы новое доказательство. Съ угнетеннымъ сердцемъ вышелъ Крестовоздвиженскій изъ конторы и поѣхалъ на телеграфъ.

«Какъ составить депешу?» Онъ испортилъ нѣсколько листковъ, прежде чѣмъ написалъ телеграмму слѣдующаго содержанія: «Петербургъ, Н—скій дѣтскій пріютъ. Софѣ Львовнѣ Карышевой. Получили ли письмо? Отвѣчайте немедленно и рѣшительно. Отъ этого зависитъ все. Яковъ».

Телеграфистъ принявъ депешу, сосчиталъ слова и, сдѣлавъ по-мѣтки, обратился къ Крестовоздвиженскому.

— Вашъ адресъ?

— Я прѣзжій.

— Все равно, гдѣ остановились. Куда же доставить вамъ отвѣтъ?

— Я зайду самъ.

— Тогда припишите, что до востребованія, и оговорите приписку.

Крестовоздвиженскій исполнилъ все это.

— Когда можетъ быть отвѣтъ? — робко спросилъ онъ.

— Смотря, какъ скоро отвѣтятъ.

— Но когда телеграмма будетъ въ Петербургѣ?

— Часа черезъ четыре будетъ навѣрное.

— А ночью телеграфъ открытъ?

— Да, все время.

Было уже около девяти часовъ. Теперь можно было вернуться къ Пушкинымъ. Крестовоздвиженскій отправился къ нимъ, а Михей поѣхалъ на постоянный дворъ къ знакомому.

Около Свѣтлыхъ рядовъ Крестовоздвиженскій столкнулся съ Пушкинымъ.

— Господи, откуда такое явленіе! — съ удивленіемъ воскликнулъ Давель Ивановичъ, останавливаясь. — По какому случаю? — добавилъ онъ, здороваясь.

— По дѣлу, — уклончиво отвѣтилъ семинаристъ.

— Вы не къ намъ ли шли? — спросилъ Пушкивъ.

— Да.

— Очень жалко... И Марья Ивановны нѣтъ дома.

— А гдѣ же она? — спросилъ Крестовоздвиженскій, вообразившій, что она поѣхала на свадьбу племянницы.

— Марья Ивановна задумала Богу молиться и вчера со знакомыми отправилась въ Семигородное. Раньше четырехъ, пяти дней назадъ не будетъ. Вы теперь куда? намъ не по пути?

— Мнѣ все равно.

— Такъ проводите меня до палаты.

Они пошли по бульварчику.

— Ну, что ваши дѣла? Ахъ, да! знаете, вѣдь Соня-то замужъ выходить.

— Вы это, какъ фактъ, сообщаете? — проговорилъ Крестовоздвиженскій, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы произнести фразу спокойно.

И все-таки это ему не удалось, его голосъ дрогнулъ.

— Мать Сони писала женѣ... Все слажено...

— И стоворы были?

— Стоворы? Ну, ужъ я этого не знаю... Самъ я письма не читалъ... Должно быть, были, или назначены... Однимъ словомъ —

дѣло слажено... Соня дала слово и выходитъ за этого... Вообразите: фабрикантъ, капиталу около милліона. Жирнаго гуся подцѣпила Сонька!

Какъ бы спохватившись, Пушковъ добавилъ, взглядывая на Крестовоздвиженскаго:

— Вѣдь вамъ Соня нравилась, я помню, ну, да вѣдь...

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ сгорбленный старичекъ съ портфелемъ подъ мышкой.

— Павлу Ивановичу, — проговорилъ онъ, покаясь на Крестовоздвиженскаго.

— А, Евгению Петровичу! И вы сегодня раненько на службу.

Крестовоздвиженскій воспользовался появленіемъ старичка и простился съ Пушковымъ.

— Да вы заходите ко мнѣ, я буду очень радъ, — проговорилъ Пушковъ. — Вы долго ли пробудете? Вѣдь не уѣдете сегодня?

— Думаю, что не уѣду.

— Тогда заходите ко мнѣ ночевать.

— Можетъ быть... благодарю васъ.

Крестовоздвиженскій повернулъ вправо. Онъ сдѣлалъ это машинально; ему было все равно, куда ни итти. Онъ шагаль по неровной панели, а въ головѣ билась мысль, давя мозгъ, словно свинцомъ: «какого же еще отвѣта ждать? дала слово... выходитъ — не все ли равно, какъ и почему? Оттого и молчить». У него даже мелькнулъ вопросъ: не отправиться ли сейчасъ домой? Но ему не хотѣлось ѣхать, точно здѣсь, на этомъ шумѣ, въ толпѣ, было лучше и легче, чѣмъ въ деревнѣ. Еще смутная надежда на что-то теплилась въ его душѣ, и какъ утопающій, онъ хватался за соломинку.

Онъ шелъ впередъ, погруженный въ думы. Вдругъ до его слуха донесся тоненькій церковный перезвонъ. Онъ оглядѣлся: невдаликѣ бѣлѣли казармы, изъ-за которыхъ виднѣлась колокольня съ золотымъ крестомъ. Онъ узналъ церковь подгородной пустыньки, куда онъ ходилъ иногда во время семинарскаго ученія къ обѣднѣ и пѣлъ вмѣстѣ съ товарищами на клиросѣ. Его вдругъ потянуло въ церковь, въ обитель Того, Кто призываетъ всѣхъ страдающихъ и обремененныхъ и обѣщаетъ имъ успокоеніе. Изстрадавшаяся, мятущаяся душа молодого человѣка возжаждала тѣхъ сладкихъ молитвенныхъ звуковъ, которые несутъ миръ огорченнымъ сердцамъ.

— Тутъ вѣдь священникомъ Трудолюбовъ, — вспомнилось Якову Аванасьевичу.

Ему захотѣлось увидать Трудолюбова, который былъ его старше на четыре года.

Церковь была почти совсѣмъ пуста. Впереди стоялъ толстый мужчина въ длинномъ сюртукѣ, рядомъ съ нимъ пожилая женщина, въ шелковой повязкѣ на головѣ, а позади, на разныхъ

мѣстахъ, три—четыре старушки,—вотъ и всѣ молящіяся, если не считать слѣпотаго, пріютившагося у самыхъ дверей. Обѣдня только-что началась. Дьякона не было, и священникъ служилъ одинъ. Онъ дѣлалъ возгласы высокимъ теноромъ, какъ бы съ нѣкоторой наугой. Яковъ Аванасьевичъ всталъ въ уголокъ за свѣчной ящикъ и началъ молиться. Прямо передъ нимъ, на боковой колоннѣ, висѣла икона Спасителя греческаго письма. Онъ всегда любилъ образа такого письма, потому что они всего болѣе вызывали у него религіозное настроеніе. Они не давали никакого опредѣленнаго реальнаго облика и не превращали Христа въ обыкновеннаго человѣка.

Передъ иконой горѣла лампадка, и ея мерцаніе, освѣщавшее ликъ Спасителя, наполнило сердце Крестовоздвиженскаго тихимъ врачующимъ свѣтомъ. Онъ опустился на колѣни и сталъ молиться безъ словъ, не слыша того, что читалось и пѣлось. Онъ весь унесся куда-то мыслю, и видѣлъ предъ собою только этотъ почернѣвшій ликъ божественнаго Учителя, какъ бы не нарисованнаго, но живого, слушающаго, сострадающаго. Молодой человѣкъ не устами, а сердцемъ взывалъ: «Спаси и защити!» И ему сдѣлалось такъ хорошо, такъ спокойно, словно Христосъ прикоснулся къ его изболѣвшей душѣ своей цѣлящей десницей. Вотъ до слуха Якова Аванасьевича донеслись слова: «Твоя отъ Твоихъ»... У него какъ-то невольно мелькнула мысль: «да давно ли же началась обѣдня и уже»... Онъ не замѣтилъ, какъ простоялъ на колѣняхъ въ забытіи такъ долго. Ему и теперь не хотѣлось вставать,—такъ было отрадно тутъ, въ уголку, бесѣдовать съ Тѣмъ, Которому близки печали и скорби людей. И вдругъ онъ подумалъ: «а вѣдь какъ хорошо молиться не только за себя, а и за всѣхъ, быть всегда близко къ Христу, служить ему, совершать безкровныя жертвы». Нервная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, онъ взглянулъ на образъ, и ему показалось, что Спаситель съ ласковымъ укоромъ глядитъ на него съ иконы и какъ бы говоритъ: «а ты бѣжишь отъ Меня и не хочешь служить у Моего алтаря». «Господи!..—воскликнулъ Яковъ Аванасьевичъ:—не суди меня, не суди! Я слабъ... Что же мнѣ дѣлать?»—и слезы, въ которыхъ разрѣшилась тягота душевной скорби, потокомъ хлынули изъ глазъ. Онъ упалъ ничкомъ на полъ и продолжалъ шептать лежа: «Господи, Господи!» А дребезжащій голосъ стараго дьячка тянулъ на клиросѣ: «И молимся, Боже нашъ!».

Когда Яковъ Аванасьевичъ поднялся съ пола, лицо его было влажно отъ слезъ.

Во время запричастнаго стиха въ церковь вошелъ невысокаго роста брюнетъ въ пиджакъ и съ соломенной шляпой въ рукахъ. Онъ остановился посреди церкви, перекрестился и оглядѣлся вокругъ. Увидѣвъ въ углу Крестовоздвиженскаго, онъ радостно улыбнулся и направился къ нему.

— Ты отчего не въ деревнѣ?—спросилъ онъ, здороваясь.

— Приѣхалъ по дѣлу. А ты какимъ образомъ?

— Взялъ отпускъ, ѣду къ роднымъ.

Отворились царскія врата. Священникъ вышелъ со Святыми Дарами. Крестовоздвиженскій сдѣлалъ земной поклонъ, но недавнее настроеніе уже начало покидать его. Появленіе брюнета и его разговоръ мѣшали Якову Аванасьевичу. Когда священникъ вышелъ для заамвонной молитвы, брюнетъ обратился къ Крестовоздвиженскому:

— Вѣдь ты знаешь о. Леонида?

— Знаю.

— Зайдемъ къ нему послѣ обѣдни.

— Хорошо,—согласился Яковъ Аванасьевичъ.

По окончаніи обѣдни брюнетъ отправился въ алтарь, а Крестовоздвиженскій остался дожидаться его на клиросѣ. Вскорѣ изъ алтаря вышелъ о. Леонидъ въ лиловой рясѣ. Это былъ еще молодой человѣкъ—лѣтъ подъ тридцать. Его простое русское лицо, съ легкимъ загаромъ, было очень симпатично. Въ свѣтлыхъ глазахъ виднѣлась ласка и привѣтливость. Русые волосы, длинные, но не густые, были аккуратно расчесаны и припомажены. О. Леонидъ радушно поздоровался съ Крестовоздвиженскимъ и пригласилъ его завернуть «въ хижину» и выпить чайку.

— А мы все ожидаемъ указа о васъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Якову Аванасьевичу, когда они вышли уже изъ церкви.—Скоро ли ваша свадьба?

Женщина, подошедшая подъ благословеніе «батюшки», помогла справиться съ смущеніемъ Якову Аванасьевичу, и онъ, когда женщина отошла, могъ отвѣтить довольно спокойно:

— Все еще не опредѣлено пока.

— Да вы что это,—усмѣхнувшись произнесъ о. Леонидъ,—не раздумали брать мѣсто? Я что-то слышалъ такое, да, по правдѣ сказать, не обратилъ большого вниманія и не придалъ значенія.

Они подходили къ небольшому одноэтажному домику, выкрашенному въ дикій цвѣтъ. Теперь брюнетъ неожиданно пришелъ на помощь Крестовоздвиженскому.

— А вѣдь это твой собственный домикъ?—спросилъ онъ.

— Да, то-есть женинъ,—отвѣтилъ Трудолюбовъ.

— Хорошій домикъ, и какой садикъ, прелесть! — продолжалъ брюнетъ.

— Сами ухаживаемъ,—произнесъ о. Леонидъ и съ любовью посмотрѣлъ на куртины въ палисадникѣ.

Трудолюбовъ забылъ о томъ, что онъ сдѣлалъ вопросъ, приведшій въ замѣшательство Крестовоздвиженскаго, чему этотъ послѣдній былъ очень радъ. Дворъ, какъ игрушечка: подметенъ, усыпанъ песочкомъ. Посрединѣ двора находился колодець съ колесомъ, дальше въ глубинѣ надворныя постройки.

— И это все сами? — проговорилъ Брюнетъ, указывая глазами на песокъ.

— Ну, — отвѣтилъ о. Леонидъ: — тутъ есть труды и сторожа, а, впрочемъ, и я самъ подметаю и посыпаю для моціона.

— Поди, коровки, лошади свои? — спрашивалъ Брюнетъ, поднимаясь на низенькое крыльцо.

— Да, двѣ коровки, а лошади нѣтъ. Зачѣмъ мнѣ лошадь? Мой приходъ весь тутъ, да вотъ на той сторонѣ, за рѣкою, нѣсколько домиковъ.

Изъ маленькой передней двери вели въ гостиную, также небольшую, но уютно и красиво обставленную. Въ ту самую минуту, когда всѣ трое вошли въ переднюю, откуда-то довезся плачь ребенка.

— Э-э, молодое поколѣніе, кажется? Какого пола? — спросилъ Брюнетъ.

— Мальчишка! — съ улыбкой отвѣтилъ о. Леонидъ и добавилъ: — проходите въ гостиную, я сейчасъ скажу только Дашѣ.

Молодые люди прошли въ гостиную.

— Ишь, — замѣтилъ вполголоса Брюнетъ: — не хочетъ свою жену называть попадѣй... Даша!

Онъ осмотрѣлъ обстановку гостиной и проговорилъ:

— Ничего себѣ, очень хорошо устроился, куда лучше нашего.

— А ты развѣ худо живешь? — спросилъ Крестовоздвиженскій, подходя къ дивану, надъ которомъ висѣла фотографія, изображавшая священника съ молодой женой, державшей на рукахъ ребенка.

— Да, не жирно. На сорокъ рублей не раскутишься, особенно при двухъ ребятахъ.

— Уже? — съ удивленіемъ проговорилъ Крестовоздвиженскій.

— Что же, братъ, вѣдь мы съ Леонидомъ на одной недѣлѣ вѣнчаны. Онъ четыре года попомъ. Тутъ не только двое, а трое могло быть.

Вошелъ хозяинъ. Брюнетъ обратился къ нему:

— А ты славно устроился. Просто зависть беретъ.

— Ну, вотъ, чего же самъ не шелъ въ попы, вѣдь тебѣ предлагали.

— Не хотѣлось рясы надѣвать, и вышелъ въ чиновники. А теперь вижу, что сглушилъ. Въ запахъ сытнѣе и спокойнѣе.

— Развѣ тебѣ такъ худо? — замѣтилъ о. Леонидъ. — Вѣдь не голодаешь?

— Не голодно, да и не жирно, а главное неприятностей много. Начальникъ такой злока, я ужъ переводиться хотѣлъ. Да и дѣло такое мертвое. Вѣдь ты помнишь Добронравова?

— Ивана? Съ кудистой головой? Какъ же! Онъ въ Сольскѣ служить?

— Да, мы вмѣстѣ ѣхали на пароходѣ. Тоже, братъ, жалуется. Заѣла, говорить, канцелярщина. Вѣдь вотъ тоже давали мѣсто, да гдѣ еще: на кладбищѣ! не взялъ. Дѣятельности хотѣлъ. Ну, вотъ и нашелъ. Теперь жалѣетъ, что не пошелъ въ попы.

— Пусть выходитъ, правъ не потерялъ,— сказалъ Трудолюбовъ.

— Сюда чай-то, или въ столовую?

Оба гостя обернулись.

— Въ столовую, Даша,— сказалъ о. Леонидъ. — Вотъ позволь тебя познакомить. Это мой товарищъ по семинаріи, Федоръ Алексѣевичъ Доброумовъ, служить въ казначействѣ въ Кольскѣ. А это—Яковъ Аванасъевичъ Крестовоздвиженскій, сынъ домкинскаго благочиннаго, котораго ты видѣла какъ-то у о. Всеволода. Помнишь?

— Какъ же, помню.

Попадья привѣтливо улыбнулась, подавая Крестовоздвиженскому маленькую пухлую руку.

Фотографія прекрасно передавала лицо молодой попадьи: то же полное, круглое, напоминающее кошачью мордочку, лицо, съ небольшимъ носикомъ, освѣщаемое парю добродушныхъ, веселыхъ карихъ глазъ, съ длинными черными рѣсницами. Гладкая прическа нѣсколько скрадывала красоту черныхъ волосъ, но придавала молодой женщинѣ видъ той скромности, которая такъ шла къ ея положенію. Она была одѣта въ ситцевое платье, свободно сшитое, съ широкими рукавами. Когда попадья вышла изъ комнаты, Крестовоздвиженскій снова взглянулъ на фотографію и подумалъ: «если бы придать этимъ глазамъ жизнь, которая свѣтится въ нихъ у оригинала, то изъ рамки глядѣло бы совсѣмъ живое лицо хозяйки».

— Да,— промолвилъ о. Леонидъ, поправляя скатерть на предиванномъ столикѣ:—Добронравовъ хотѣлъ дѣятельности, а попалъ въ бумажное царство. Если говорить правду, въ нашемъ дѣлѣ больше жизни для того, кто хочетъ быть настоящимъ пастыремъ.

— Ты доволенъ жизнью, стало быть?— спросилъ Доброумовъ.

— Да.

— А хотѣлъ вѣдь тоже въ свѣтскіе.

— Ну, чего тамъ хотѣлъ,—возразилъ о. Леонидъ.—Такъ только болталъ, Добронравовъ же меня и сбивалъ. А я всегда думалъ въ попы итти. Не хотѣлось только мнѣ брать мѣсто съ невѣстой.

— Развѣ у тебя была другая на примѣтѣ?

— Никого не было, а просто...

И о. Леонидъ, видимо не желавшій продолжать разговоръ на эту тему, обратился къ Крестовоздвиженскому:

— Вотъ, Яковъ Аванасъевичъ, не прельщайтесь очень-то свѣтской службою: видите, выходятъ, да и жалѣютъ.

Въ столовой гостей ждалъ не только чай, а настоящій завтракъ. Была подана яичница, творожнички, горячіе пирожки, масло, сардинки и какое-то печенье.

— Да когда же вы все это успѣли приготовить, матушка?— воскликнулъ Доброумовъ, разводя руками.

— Долго ли же сдѣлать яичницу?—съ улыбкой сказала попадья.—А пирожки уже были готовы.

Она перевела взглядъ на мужа, продолжая улыбаться свѣтло и радостно.

— Можетъ быть, они желаютъ водки?—сказала она, спустя минуту, обращаясь къ мужу.

— Ты пьешь?—спросилъ онъ у Доброумова.

— Выпиваю, а ты?

— Я почти не пью, но если ты...

— Нѣтъ, что же, не надо.

— Я тоже не пью,—поспѣшилъ заявить Крестовоздвиженскій.

— Не надо, Даша,—сказалъ о. Леонидъ женѣ.

За чаемъ Доброумовъ сообщалъ разныя новости изъ кольской жизни, рассказалъ о скандалѣ въ клубѣ, закончившемся протоколомъ.

— Однако, у васъ жизнь историческая,—съ усмѣшкой замѣтилъ о. Леонидъ.

— Именно: что ни день, то исторія—подтвердилъ Доброумовъ.— Да что же иначе дѣлать? Скучища смертная. Вѣдь и здѣсь тоже, даромъ, что губернский городъ. Тоже пьютъ, въ карты играютъ и сплетничаютъ.

— Это вѣрно,—согласилась попадья,—просто хоть куда не ходи: пересуды да карты, только и всего.

— Да, что же въ гостяхъ дѣлать? Вотъ къ вамъ гости ходятъ, вѣдь, поди, тоже въ карты играютъ?

— У насъ рѣдко гости,—отвѣтила попадья:—городъ далеко, а здѣсь кто же?

— Такъ какъ же вы не соскучитесь?—спросилъ Доброумовъ.

— Развлекаемся понемножку, чѣмъ можемъ,—сказалъ о. Леонидъ.

— Да чѣмъ же? По хозяйству?

— Всѣмъ. Надо же чѣмъ нибудь заняться, а то поневолѣ запьешь. Я вотъ слышалъ недавно, что мой сокурникъ, о. Аркадій Соколовъ,—онъ вѣдь за вашимъ городомъ,—тоже пить началъ.

— Горькую пьеть,—отвѣтилъ Доброумовъ, махнувъ рукою.

— Ну, вотъ. Нельзя опускать себя, чѣмъ нибудь слѣдуетъ заниматься. Вѣдь строго говоря,—произнесъ о. Леонидъ, покачавъ головой,—дѣла у насъ по горло, если относиться къ обязанностямъ, какъ слѣдуетъ, по-пастырски. Ну, да на это мы лѣнны и мало пригодны часто. А кто хочетъ да можетъ, здѣсь такое поле для дѣятельности, что не только о водкѣ, а и объ отдыхѣ, о снѣ некогда думать. Сколько душевныхъ драмъ однѣхъ узнаешь, да и мало ли что еще.

— Да, это такъ,—согласился Доброумовъ:—только вотъ...

Онъ вмѣсто окончанія фразы сдѣлалъ выразительный знакъ глазами.

— Въ этомъ вся суть,—сказалъ о. Леонидъ:—мало такихъ пастырей. Я вотъ первый скажу про себя: далекъ отъ идеала. Ну, такъ вотъ мы чѣмъ нибудь стараемся заняться, чтобы наполнить время.

— У васъ, я слышалъ, есть школа, — спросилъ Крестовоздвиженскій.

— Есть маленькая. Не особенно ревностно, а занимаюсь. Ну, да по дому, въ саду. Занимаюсь фотографіей. А теперь вотъ я задумалъ выпиливаніемъ разныхъ вещицъ заняться. Тоже дѣло.

Послѣ чая о. Леонидъ повелъ гостей въ свой кабинетъ. Это была небольшая комната въ два окна, въ которой посрединѣ стоялъ письменный столъ, вблизи его, у окна, кушетка, а вдоль стѣны шкафы съ книгами. На столѣ лежали книжки «Странника» и «Русскаго Вѣстника» и развернутый номеръ «Сына Отечества».

— Да ты и за литературой слѣдишь?—сказалъ Доброумовъ.— Неужели всѣ выписываешь?

— Газету и «Странникъ» выписываю, а «Русскій Вѣстникъ» беру въ библіотекѣ.

— Я положительно тебѣ завидую,—проговорилъ Доброумовъ.— У меня нѣтъ ни времени, ни возможности. Утромъ—на службу; тамъ съ этихъ чертовскихъ бумагъ голова кругомъ идетъ. Придешь домой, пообѣдаешь, немножко отдохнешь, а тамъ опять часто на службу, а то дома работаешь... или кто придетъ. Нѣтъ совсѣмъ времени. А у тебя его, видно, много?

— Достаточно,—сказалъ о. Леонидъ.—Конечно, я не служу ежедневно, это оттого.

— Ты что же: только разъ въ недѣлю?

— По воскресеньямъ и по праздникамъ и изрѣдка на недѣлѣ. Хотите посмотрѣть мою школу и кстати мои владѣнія?—предложилъ Трудолюбовъ.

— Пожалуйста,—отозвался Доброумовъ и прибавилъ, обращаясь къ Крестовоздвиженскому:—вотъ, Яковъ Аванасьевичъ, приглядывайся, учись. Самъ скоро будешь іереемъ, бери примѣръ, какъ надо жить. Видишь, какъ хорошо устроятся отцы, не то, что мы, чиновныя клячи.

Онъ засмѣялся, и въ его смѣхѣ послышались зависть и недовольство своимъ положеніемъ.

Сначала Трудолюбовъ повелъ гостей въ огородъ.

— Для чего у тебя столько этихъ инструментовъ?—спросилъ Доброумовъ, указывая на удочки и мережки, просушивавшіяся на огородномъ тынѣ:—рыбачишь, что ли?

— Да, съ дьячкомъ. И занятно, и подспорье.

— Что же, дѣло безгрѣшное. Это и попу можно, не то, что охота съ ружьемъ.

— Конечно,—согласился о. Леонидъ.—Рыболовствомъ и апостола занимались.

Почти весь огородъ былъ занятъ грядами и парниками.

— У тебя, стало быть, все свое?

— Да, всякій овощъ. Я вотъ хочу еще расширить огородъ, а пока яблонекъ насадилъ. Вотъ видите тамъ, за баней. Плодовъ-то пока придется подождать, а зато, должно быть, будутъ хорошіе. Хочу вотъ еще разбить малинникъ и смородникъ.

— Только недостаетъ ульевъ,—сказалъ Доброумовъ.

— Будутъ и они,—отвѣтилъ о. Леонидъ.—Я уже тутъ веду переговоры съ опытнымъ пчеловодомъ изъ мужичковъ. Надо устроить: дѣло интересное и полезное. Кажется, у твоего отца тоже есть ульи?

— Какъ же, любитель,—промолвилъ Доброумовъ:—только старъ ужъ становится, трудно заниматься.

Крестовоздвиженскій съ любопытствомъ разсматривалъ все, показываемое о. Леонидомъ, и думалъ: «а въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошо онъ устроился. Отчего это отецъ ничѣмъ не займется? Только и знаетъ, что строится да увеличиваетъ пашню. Наступитъ зима, скучаетъ и спитъ цѣлые дни. Кто хочетъ, тотъ можетъ очень хорошо устроиться на священническомъ мѣстѣ. Можно строже исполнять обязанности пастыря, и то время будетъ на разное другое».

— Какъ вамъ у меня нравится?—спросилъ его Трудолюбовъ, когда они, выйдя изъ огорода, направились въ школу, стоявшую черезъ дорогу противъ дома священника.

— Очень хорошо!—искренно воскликнулъ Крестовоздвиженскій.

— Все, братъ, отъ жены зависитъ,—рѣшительно промолвилъ Доброумовъ:—какая жена попадетъ. Другая всю жизнь въ каторгу обратитъ. Возьми-ка Троицкаго. Парень былъ добрый, не пилъ, а попалась баба-яга, что за жизнь у него! Цѣлый день грызня: то она ревнуетъ его, то ворчитъ, что мало принесъ денегъ, то зачѣмъ кому-то помогъ, потомъ ругаетъ... Какая она жадная, просто бѣда! Тебѣ вотъ посчастливилось, у тебя, я вижу, славная женка.

— Даша хорошая жена,—серіозно и съ довольствомъ произнесъ о. Леонидъ.—Она простая, а сердце хорошее у нея.

Школа очень понравилась Крестовоздвиженскому. Комнатка чистая, уютная, свѣтлая. Въ переднемъ углу образъ прекрасной работы, на стѣнахъ портреты государя, государыни и мѣстнаго архіерея. Около печки шкафикъ съ книжками.

— А гдѣ же столы и парты?—спросилъ Доброумовъ.

— Перекрашиваютъ. Обратите вниманіе на образъ Спасителя,—сказалъ священникъ:—это рѣдкой работы. Намъ подарила его здѣшняя купчиха, лично знавшая покойнаго художника. Она у насъ попечительницей.

— А учите вы съ женой?

— Я Закону Божію, жена рукодѣлію, а предметамъ дѣвушка сирота, дочь прежняго дьячка. Она уродецъ: горбатенькая, и на лѣвой рукѣ всего три пальца, но хорошая дѣвушка, старательная. Она получаетъ всего восемь рублей и живетъ у теперешняго дьячка. Ну, а мы ей помогаемъ немного изъ церковныхъ суммъ, попе-

чительница рублей десять даетъ на Пасху. Школка у насъ небольшая.

— Славно, славно у тебя!—восхищенно произнесъ Доброумовъ.— Вотъ-то устроился! И вѣдь небогатый приходъ, кажется?

— Такъ себѣ, Бога гнѣвить нечего, жить можно, особенно пока дѣтей нѣтъ, Мишка еще что—клопъ, на него немного надо. Конечно, не такой приходъ, какой достается Якову Аенасевичу. Тамъ не житье, а масленица.

Онъ не отпустилъ гостей, и они остались обѣдать. Послѣ обѣда всѣ трое ходили на набережную, осматривали близълежащій коженый заводикъ и вернулись какъ разъ къ вечернему чаю. Послѣ чая Крестовоздвиженскій заявилъ, что онъ не можетъ болѣе оставаться, что ему нужно итти по дѣлу. У него уже поднималась внутренняя тревога. Доброумовъ еще остался у о. Леонида.

— Ну, до свиданія, дружище,—сказалъ Доброумовъ, прощаясь съ Крестовоздвиженскимъ:—значить, скоро увидимся: поѣду къ роднымъ, вѣдь черезъ Домкино придется, заверну, можетъ быть, и къ тебѣ.

Крестовоздвиженскій отправился въ городъ.

Александръ Кругловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ ¹⁾.

ХІІІ.

Отъѣздъ въ Волковыскъ.—Прощаніе съ ихъ величествами.—Дорожные подарки.—Путь до Волковыска.—Приѣздъ.—Первое знакомство съ офицерами полка.—Холодная квартира.—Развлеченія въ Волковыскъ.—Неожиданный подарокъ вдовствующей императрицы.—Выступленіе полка въ Москву.—Курьезный поѣздъ.—Обѣдъ для начальника дивизіи въ Слонимѣ.—Приѣздъ въ Москву.—Губернаторъ Синельниковъ.—Свиданіе съ государемъ.—Усердный полицейскій.—Поѣздка въ Петербургъ.—Великая княгиня Александра Петровна.—Дача въ Всесвятскомъ.—Вечеръ въ павильонѣ, устроенномъ Синельниковымъ для офицеровъ.—Высочайшій смотръ.—Грубое обхожденіе шефа жандармовъ, князя Долгорукова.—Разводъ отъ Павловскаго полка.—Наслѣдникъ цесаревичъ объявляетъ мнѣ о назначеніи моего мужа генераль-адъютантомъ.—Посѣщеніе государемъ танцевальнаго вечера въ павильонѣ.

НАКОНЕЦЪ пришло письмо, вызывающее насъ въ Волковыскъ, Гродненской губерніи, гдѣ полкъ оставался на зимовку. Помѣщеніе и городокъ, наполненный евреями, были описаны весьма непривлекательно; но мнѣ рѣшительно было все равно; не быть бы только въ разлукѣ съ Сашей.

Наканунѣ отъѣзда я поѣхала проститься съ ихъ величествами; прощаніе было самое сердечное: государь поручилъ поцѣловать мужа, а императрица передать ему поклонъ.

Я вынесла самое отрадное впечатлѣніе отъ ихъ приѣма. О матушкѣ царицѣ говорить нечего, мы простились со слезами, она благословила меня такъ же, какъ и Сашу при отъѣздѣ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVIII, стр. 851.

Императрица Марія Александровна прислала мнѣ, какъ она выразилась, на представительность три куска матеріи траурной и полутраурной, а государь—на дорогу большой ананасъ и двѣ корзины съ персиками и абрикосами; послѣдними мы угощались въ дорогѣ, а ананасъ я отвезла Сашѣ, какъ царскій гостинецъ.

6-го сентября подъѣхали двѣ четырехъ-мѣстныхъ дорожныя кареты; одна была собственная, а другая, по повелѣнію государя, намъ была прислана съ царской конюшни. За каретами были крытыя сидѣнья. Въ каретахъ помѣстились шестеро дѣтей, я, гувернантка и няня, за каретами на одномъ сидѣньѣ гувернеръ, на другомъ горничная, а на козлахъ возлѣ ямщиковъ—дядька и данный мнѣ почталіонъ въ видѣ проводника. Съ Божимъ благословеніемъ мы тронулись въ путь.

8-го утромъ мы прибыли въ Псковъ, прослушали тамъ обѣдню по случаю праздника Рождества Богородицы и вмѣстѣ съ тѣмъ дня рожденія нашей старшей дочери Адини. Меньшихъ приобщали Святыхъ Тайнъ, и съ этого дня я перестала кормить Серезу.

На остановки мы употребляли только необходимое время, чтобъ запастись свѣжею провизіей и накормить дѣтей и свиту.

Во время перепряжки лошадей мы разминали отекишия ноги отъ долгаго сидѣнья, а дѣти рады были побѣгать; случалось, что мы уходили впередъ за версту.

На станцію Лиды Саша выслалъ намъ своего кучера съ лошадьми. Какъ мы обрадовались этой неожиданной встрѣчѣ; нашъ бѣлый пудель Шумла прыгалъ отъ радости, визжалъ и облизалъ руки всѣхъ дѣтей, которыя цѣловали его. Два мѣсяца не видѣлись. Въ одну карету впрягли нашу четверку, а въ другую шестерикъ чахлахъ почтовыхъ, такъ какъ предстояли пески. Ночная тѣнь быстро надвигалась, совсѣмъ смерклось, когда, переѣхавъ Двину по плывучему мосту, мы начали подниматься въ гору по крутому берегу. Тутъ въ сыпучемъ песку почтовые застряли; хотя всѣ вышли изъ кареты, но наличныхъ силъ не хватало высвободить ее.

Несмотря на шабашъ, ямщику удалось собрать нѣсколько чело-вѣкъ, которые помогли лошадямъ выбраться на прямую дорогу. Проѣхавъ нѣкоторое время лѣсомъ, мы остановились у какого-то домика, изображавшаго собою станцію или заѣзжій домъ. Тутъ кучеръ объявилъ, что такъ какъ ночь темная, дороги лѣсомъ не видать, и можно заплутаться, то генералъ приказалъ дожидаться здѣсь разсвѣта. Я вышла, но дѣтей боялась ввести въ такое грязное помѣщеніе, напоила всѣхъ и тутъ же переодѣлась въ сѣрое платье, чтобъ не приѣхать къ мужу въ глубокомъ траурѣ.

Нетерпѣніе видѣть Сашу было слишкомъ велико, чтобъ дожидаться полного разсвѣта, а потому, едва свѣтъ началъ пробиваться сквозь ночную темноту, мы тронулись съ мѣста, а къ восьми часамъ утра 14-го сентября остановились у подѣзда сѣраго, не-

взрачнаго покосившагося отъ ветхости дома съ заплатами на крышѣ, но двухъэтажнаго, съ балкономъ, который въ грустномъ раздумьѣ наклонился въ одну сторону.

Дѣти высунулись изъ окна и крикнули кучеру: «Сысой! неужели папа живетъ въ такомъ гадкомъ домѣ?» Но когда папа выбѣжалъ къ намъ, то радость свиданія затмила все невыгодныя впечатлѣнія косога дома съ маленькими окнами, крышу въ заплаткахъ и бѣгавшихъ за каретами грязныхъ жиденятъ съ пейзами. Саша, не ожидая насъ такъ рано, только что собирался ѣхать намъ навстрѣчу въ сопровожденіи нѣкоторыхъ офицеровъ; лошади были осѣдланы, и одноколки готовы, но я предупредила его своимъ появленіемъ.

Я знала изъ писемъ, что у мужа обѣдаютъ постоянно штабъ полка и командиръ съ офицерами той роты, которая занимала караулы. Когда пробило 2 часа, и никто не явился, не желая, вѣроятно, стѣснить насъ, Саша послалъ имъ сказать, что мы ожидаемъ ихъ. Явилось только нѣсколько человекъ въ сюртукахъ, хотя принято было собираться въ солдатскихъ шинеляхъ; примѣръ былъ данъ полковымъ командиромъ. Когда Саша мнѣ представилъ пришедшихъ, то я просила ихъ, чтобъ мое присутствіе не измѣняло никакихъ порядковъ, и поручила передать это всемъ остальнымъ. Кажется, этимъ всгущеніемъ я расположила всехъ къ себѣ. Они были поражены, что я знала имя и отчество каждаго: это—благодаря присланному мнѣ Сашей списку, который я вызубрила во время дороги.

Послѣ обѣда передъ балкономъ играла полковая музыка, улица была запружена евреями, которые пришли глазѣть на семью полкового командира, а собравшаяся куча жиденятъ держа себя за одно ухо и наклонивъ голову, припѣвая, вторила музыкѣ и очень не дурно.

Устроились мы всеѣмъ по-походному, дѣтей помѣстили внизу, тамъ было просторнѣе и удобнѣе, сѣнники были приготовлены для всехъ, для себя же я привезла сафьянный мѣшокъ и такой же поменьше для головной подушки.

Лѣтомъ пріятно спать на сѣнѣ, но зато зимой, когда стѣна у кровати и полъ подъ нею покрываются инеемъ, всеѣмъ другое. Бывало ляжешь въ ледяную постель и часа два дрожишь и щелкаешь зубами, пока не согрѣешься отъ собственной теплоты. Нагрѣвать комнаты печами было невозможно, онѣ были какого-то допотопнаго устройства, безъ оборотовъ, съ прямой трубой; въ которую, если просунешь голову, небо видно; вода мерзла въ комнатѣ; когда я писала письма (переписка у меня была очень обширная), возлѣ меня на полу ставился самоваръ, и надъ нимъ я отогрѣвала коченѣвшіе пальцы.

Въ дѣтскихъ комнатахъ все мѣры были приняты противъ холода, и въ нихъ дѣйствительно было тепло; когда къ чаю и обѣду

дѣти приходили на верхъ, ихъ одѣвали теплѣе. Къ счастью, осень была длинная, зима сравнительно короткая, а весна ранняя. Несмотря на всѣ неудобства, на всѣ лишения, я съ удовольствіемъ вспоминаю проведенные тамъ почти восемь мѣсяцевъ.

Волковыскъ считался городомъ, но это былъ жалкій грязный еврейскій городишка, состоящій изъ одной только улицы. Не далеко отъ насъ была православная церковь, устроенная въ бывшемъ когда-то сараѣ. Внутренняя обстановка былъ очень прилична; было, по крайней мѣрѣ, гдѣ помолиться, полковой священникъ служилъ хорошо, а офицеры составили хоръ пѣвчихъ, въ которомъ участвовали и сами.

Передъ обѣдомъ я обыкновенно отправлялась съ дѣтьми навстрѣчу мужу, который возвращался изъ лазарета, гдѣ по нѣсколько разъ въ день навѣщалъ больныхъ; тифъ свирѣпствовалъ между нижними чинами.

Дѣтей очень потѣшало, когда во время прогулокъ имъ удавалось видѣть, какъ случайно забредшая въ полуразвалившійся домъ корова съ любопытствомъ смотрѣла на насъ въ одно изъ отверстій, но дѣти приходили въ негодованіе, когда видѣли въ сѣняхъ еврейскаго дома на перинѣ развалившуюся тощую корову. Не возможно было примириться съ такою грязью; днемъ скотина отдыхаетъ, а ночью хозяева спятъ на той же перинѣ.

Со всѣми офицерами я успѣла познакомиться, и они меня не дичились.

Развлеченія наши состояли въ прогулкахъ и катаньѣ, по вечерамъ собирались, передавали другъ другу вѣсти изъ столицы, занимались секретеромъ и задавали риѣмы; при этихъ играхъ время проходило незамѣтно. Мнѣ часто случалось въ продолженіе вечера разливать до двухъ сотъ стакановъ чая, но это было и единственное средство — согрѣвать комнату самоварами. Весной я съ Сашей ходила на офицерскую стрѣльбу, стрѣляла только изъ форменнаго пистолета и попадала очень мѣтко.

Въ одинъ изъ почтовыхъ дней принесли небольшую посылку на имя Саши; въ ней было два футляра; въ одномъ для Саши была закладка для Евангелія: на одномъ концѣ золотомъ затканной тесьмы былъ крестъ, а на другомъ сердце, въ которомъ подъ крышкой былъ въ миниатюрѣ портретъ императора Николая на смертномъ одрѣ. Въ другомъ футлярѣ—медальонъ синей эмали съ брилліантовымъ крестомъ и напутственной звѣздочкой, тоже съ портретомъ императора. Письма никакого при посылкѣ не было, но догадаться, кѣмъ она прислана, было не трудно.

Я тотчасъ же написала матушкѣ царицѣ, что сердца подсказали намъ, что этотъ драгоценный подарокъ могъ быть присланъ только ею.

Весной пришло наконецъ извѣстіе, что полку предстоитъ выступить въ скоромъ времени изъ Волковыска въ Москву, чтобы быть тамъ ко времени коронаванія ихъ величествъ.

На просьбу мою слѣдовать съ полкомъ походомъ Саша не согласился, доказывая, что я съ дѣтьми стѣсно всѣхъ офицеровъ. Было рѣшено, что мы выѣдемъ одновременно съ выступленіемъ 1-го эшелона, и въ Слонимѣ я дождусь Сашу, который долженъ былъ со штабомъ и вторымъ эшелonomъ выступить днемъ позже. Сборы у насъ были не долгіе. Въ день отъѣзда мы встали рано, чтобъ присутствовать на молебствіи подъ открытымъ небомъ; погода была хорошая, но утро свѣжее.

Напились чаю, закусили на дорогу и разложили послѣднія вещи по каретамъ; когда ихъ подали, мы невольно расхохотались: въ первой каретѣ запряжены были шесть лошадей, по двѣ въ рядъ, а во второй восемь воловъ по парѣ; на одномъ волѣ отъ каждой пары сидѣлъ крестьянинъ, вѣроятно, собственникъ воловъ. Это былъ настоящій маскарадъ; всѣхъ такихъ кучеровъ и фореиторовъ было до 9-ти человѣкъ, и всѣ въ разныхъ костюмахъ; пестрота была неизмѣрная: у кого шляпа круглая съ огромными полями, у кого картузь или соломенная шляпа, но попадались и старья военныя фуражки.

Къ нашему выѣзду все населеніе выползло изъ своихъ норъ провожать насъ. Бѣдняки, которые до десяти человѣкъ ежедневно кормились на нашей кухнѣ, съ грустью смотрѣли на удаляющійся полкъ, который изъ ротныхъ котловъ тоже кормилъ ихъ. Между крестьянами была страшная нищета, они положительно находились въ рукахъ евреевъ, которые, какъ вампиры, высасываютъ у нихъ все.

Когда мы догнали эшелонъ, я съ двумя старшими дѣтьми вышла изъ кареты, и мы пошли пѣшкомъ вмѣстѣ съ ротой. Выступили пѣсенники съ бубнами и ложками, и мы незамѣтно немного не дошли до послѣдняго привала; непрошенный дождь заставилъ насъ сѣсть въ экипажъ.

Въ Слонимѣ меня встрѣтилъ квартирьеръ, который указалъ ямщикамъ дорогу, куда везти. Квартира была отведена у воинскаго начальника, который встрѣтилъ насъ и любезно предложилъ занять всю квартиру. Мнѣ было совѣстно воспользоваться его любезностью; я сказала, что двухъ комнатъ мнѣ достаточно, но онъ настоялъ на своемъ и перешелъ къ знакомому.

Зная, что на слѣдующій день полкъ будетъ въ сборѣ, и начальникъ дивизіи сдѣлаетъ ему смотръ, надо было подумать, какъ принять и накормить всѣхъ. Поваръ и кухня были при мужѣ. Благодаря моему хозяину, я добыла фактора, который обѣщалъ достать всю провизію, а хозяинъ предложилъ добыть посуду и даже повара, если нужно.

Вечеромъ Саша пріѣхалъ неожиданно; онъ вспомнилъ объ обѣдѣ, о которомъ у насъ рѣчи не было, боялся, что я не догадуюсь, не сумѣю распорядиться въ чужомъ мѣстѣ съ незнакомыми людьми, и поэтому опередилъ эшелонъ, привезъ повара и

кухню съ собой. Когда же онъ узналъ, что все заказано на 60-ть человѣкъ, и онъ можетъ пригласить къ обѣду всѣхъ, то похвалилъ и сказалъ: «спасибо! молодець, что догадалась».

Когда насчетъ стола всѣ распоряженія были сдѣланы, я отправилась съ дѣтьми на смотръ дивизионнаго. За одного нашего вольноопредѣляющагося я очень боялась; онъ никакъ не могъ попадать въ ногу, вѣчно спутается. Какъ я его ни просила быть внимательнѣе, не осрамить полкового командира и весь полкъ, но онъ былъ неисправимъ: передъ самымъ дивизионнымъ прошелъ не въ ногу и былъ отправленъ на гауптвахту. Пригласивъ дивизионнаго со штабомъ къ обѣду, я выпросила прощеніе для неисправимаго въ маршировкѣ юноши; онъ былъ отпущенъ и обѣдалъ у насъ со всѣми офицерами; хозяинъ квартиры, понятно, былъ въ числѣ приглашенныхъ.

Послѣ обѣда мы пошли осматривать городокъ, въ лавкахъ купили кое-какія бездѣлушки, а на другое утро выѣхали изъ Слонима. Саша и многіе изъ офицеровъ провожали насъ до выѣзда на большую дорогу, гдѣ я простилась съ мужемъ до прибытія его съ полкомъ въ Москву.

На пути нашемъ въ Москву Двина была въ полномъ разливѣ: хаты, деревья торчали изъ воды; при переѣздѣ черезъ плувчій мостъ, казалось, что ѣдемъ по морю; кругомъ только и была видна вода, вода и вода! Изъ всѣхъ городовъ, которые мы дорогой проѣзжали, Рославль понравился мнѣ больше всего по своему живописному мѣстоположенію; о тѣхъ, по которымъ проѣзжали ночью, судить не могла.

Прибывъ въ Москву, гдѣ въ то время губернаторомъ былъ Н. П. Синельниковъ, я заѣхала къ нему узнать, гдѣ онъ нанялъ для насъ дачу, о чемъ я письменно просила его изъ Волковыска, какъ стараго добраго знакомаго, къ тому же считавшаго себя въ родствѣ съ нами по женѣ своей. Оказалось, что дачи онъ не нанялъ, а приготовилъ намъ помѣщеніе въ одномъ изъ надворныхъ флигелей. Принявъ временно его любезное предложеніе, мы тамъ остановились. Губернаторскій домъ помѣщался на Тверской. Спустя нѣкоторое время, Синельниковъ зашелъ сообщить мнѣ, что государь на слѣдующее утро проѣздомъ будетъ въ Москвѣ. Желая видѣть его величество послѣ такого долгаго промежутка, я попросила Николая Петровича взять меня съ собой въ Кремль.

Подъѣхавъ къ дворцу, мы вышли изъ экипажа; Синельниковъ поставилъ меня у самыхъ воротъ, въ которыя государь долженъ былъ вѣхаться. Должностныхъ лицъ и народу было множество.

Вскорѣ подѣхалъ его величество. Увидѣвъ меня, онъ остановилъ кучера, вышелъ изъ коляски, привѣтливо подошелъ, поцѣловалъ мнѣ руку и съ теплымъ участіемъ разспрашивалъ о мужѣ и дѣтяхъ и освѣдомился, давно ли я здѣсь.

Когда государь вошелъ во дворецъ, я попросила Синельникова дать мнѣ когонибудь, чтобъ проводить меня до Иверской Божіей Матери; я боялась, что не найду дороги изъ Кремля.

Оберъ-полицеймейстеръ Лужинъ предложилъ мнѣ въ проводники одного изъ своихъ подчиненныхъ, который такъ усердно расчищалъ дорогу, несмотря на мою просьбу не дѣлать этого, что ставилъ меня въ весьма непріятное положеніе. Когда я увидѣла, что онъ собирается войти въ часовню, чтобъ расчислить и тамъ дорогу, я поблагодарила его, просила не беспокоиться, такъ какъ по Тверской дорога мнѣ извѣстна.

Выйдя изъ часовни, я опять увидѣла своего проводника; онъ любезно началъ помогать мнѣ сходить со ступеней, наступилъ на платье какой-то дамы, шедшей передъ нимъ, и съѣлъ, обдѣняжка, «дурака» изъ-за меня.

Тутъ я простилась окончательно съ нимъ. Встрѣтивъ на дорогѣ старшаго сына и гувернера его, идущихъ въ Кремль, я совѣтовала имъ торопиться, если хотятъ застать царя.

Возвратившись домой, сынъ передалъ мнѣ, что полицейскій офицеръ остановилъ ихъ, чтобъ освѣдомиться, кто эта барыня, съ которой они говорили. Оказывается, что онъ слѣдилъ за мной и, во что бы ни стало, хотѣлъ узнать, кто я. Когда сынъ сказалъ ему, что я его мамаша, и удовлетворилъ его любопытство касательно моей фамиліи и званія, онъ воскликнулъ: «Скажите, пожалуйста! такая важная особа, у которой государь императоръ поцѣловалъ руку, такъ просто одѣта; кто могъ бы подумать, а наши-то купчихи ходятъ такими расфуфыренными и воображаютъ себя барамы».

Я была въ сѣромъ кашемировомъ платьѣ, трауръ по свекрѣ продолжался еще; забыла упомянуть, что Саша былъ вызванъ въ декабрѣ изъ Волковыска въ Ревель эстафетою къ умирающему отцу. Во время его отсутствія по его желанію мнѣ пришлось угостить обѣдомъ командировъ и офицеровъ двухъ проходившихъ ополченій, не помню какихъ губерній.

Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе послѣ заутрени у насъ разгваивались офицеры лейбъ-гвардіи Московскаго полка, имѣвшіе тамъ дневку. Эти эпизоды были развлеченіемъ въ нашей однообразной походной жизни.

Возвращаясь въ Москву. Понимая, что мужу удобнѣе находиться вблизи Ходынскаго поля, гдѣ расположенъ будетъ полкъ, чѣмъ на Тверской, я поѣхала въ Всесвятское, и тамъ удалось нанять прекрасную дачу Маврокордатовой съ большимъ тѣнистымъ паркомъ, прилегающимъ вплотную къ Ходынскому полю.

Синельниковъ въ первую минуту обидѣлся, что я не хотѣла продолжать пользоваться его любезностью; но я доказала ему, что пыль, которая стоитъ на дворѣ, вслѣдствіе какой-то каменной постройки, вредна для дѣтей (Сережа былъ слабенькій), и, кромѣ того, мужу слишкомъ далеко отъ полка.

До прихода полка мнѣ пришлось съѣздить на нѣсколько дней въ Петербургъ, чтобы привести въ порядокъ мои наряды для коронаціонныхъ торжествъ. Въ Петергофѣ была у императрицы и великихъ княгинь. Великая княгиня Александра Петровна, которой я не видѣла еще послѣ ея бракосочетанія, тронула меня своимъ пріемомъ, вышла мнѣ навстрѣчу въ садъ, поцѣловала, сказавъ, что никогда не забудетъ, какъ въ то время, когда она не была еще замужемъ, я была добра къ ней на вечерѣ у матушки царицы.

Какъ малымъ она довольствовалась! — вотъ въ чемъ состояла, по ея мнѣнію, моя доброта:

Будучи принцессой Ольденбургской, она была приглашена въ Царское Село на вечеръ императрицы. Молодая, застѣнчивая, она не знала тамъ почти никого. Императрица поручила мнѣ ее, и я старалась, насколько могла и умѣла, занять ее разговоромъ.

Поговаривали, что прочать ее въ невѣсты великому князю Николаю Николаевичу. Хотя я очень любила его, но было на него досадно, что, сидя возлѣ нея, онъ въ продолженіе цѣлаго вечера такъ мало обращалъ на нее вниманія: изрѣдка скажетъ ей слово, а любезничалъ съ фрейлиной Пилларъ. Принцессу мнѣ было жаль, великій князь видимо нравился ей.

Возвратившись въ Бѣлокаменную, мы вскорѣ перебрались на дачу въ Всесвятское, гдѣ устроились очень удобно. Дѣти были рады дышать чистымъ воздухомъ и чувствовать себя на свободѣ, бѣгая въ обширномъ паркѣ. Все было хорошо, только вечерняя серенада несмѣтнаго количества лягушекъ, благодаря близости большого пруда, или спать не давала или дѣйствовала на нервы, но съ этимъ зломъ мириться было не очень трудно; остальные удобства вознаграждали за этотъ непріятный концертъ вполне.

Узнавъ, въ какой день и приблизительно въ какой часъ пріѣзжаетъ матушка царица въ Петровскій паркъ, я заблаговременно отправилась туда ожидать ее. Вскорѣ туда же явился министръ двора; на вопросъ его, назначено ли мнѣ встрѣчать ея величество, я отвѣтила, что разрѣшенія ничего не спрашивала и спрашивать не намѣрена, а пріѣхала сюда, чтобъ быть первой, которая поцѣлуетъ ей руку. Видя, какъ императрица обрадовалась мнѣ, графъ В. Ѡ. Адлербергъ убѣдился, что у матушки царицы я никогда лишней не бываю.

Наконецъ, я дождалась дня вступленія полка, а съ нимъ и пріѣзда Саша; я выѣхала къ нему навстрѣчу съ дѣтьми.

Выборомъ нанятой мною дачи онъ остался вполне доволенъ, главнымъ для него удобствомъ была близость полка, ему надо было только пройти нашъ паркъ и перейти маленькій мостикъ, чтобъ быть въ полку. Дѣйствительно, эта дача была чистой находкой, хотя цѣна была не дешевая; но сравнительно съ тѣмъ, что дерутъ такъ

немилосердно въ такіе экстренные случаи, наша плата была еще благоразумная.

Во время лѣта Н. П. Синельниковъ выстроилъ на Ходынскомъ полѣ большой павильонъ съ паркетнымъ поломъ, чтобъ устраивать въ немъ танцевальныя вечера во время пребыванія войскъ и тѣмъ дать возможность молодежи, лишенной въ походѣ всякаго развлечения, повеселиться немного.

Онъ просилъ меня быть хозяйкой со стороны военныхъ на этихъ вечерахъ, а жену генераль-губернатора, графиню Закревскую, со стороны московскаго общества.

Николай Петровичъ былъ оригиналъ, но добрый, честный и благородный человѣкъ, готовый помочь каждому. Нѣсколько разъ онъ возилъ меня на постройку павильона и спрашивалъ моего мнѣнія, хотя и не всегда соглашался со мною.

Когда войска совсѣмъ устроились, отдохнули и всѣ были въ сборѣ, начались вечера въ павильонѣ. Собирались разъ въ недѣлю, очень было оживленно, многолюдно. Хозяйкой оказалась я одна, такъ какъ графиня Закревская бывало пріѣдетъ, сядетъ въ кресло и цѣлый вечеръ съ мѣста не встаетъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда ихъ величествъ въ Петровскій паркъ назначенъ былъ высочайшій смотръ войскамъ, какъ дѣйствующимъ, такъ и резервнымъ полкамъ.

Мужу въ первый разъ приходилось представить свой полкъ его величеству, да еще въ двойномъ составѣ, до расформированія резервнаго.

Признаться, мнѣ ѣхать не хотѣлось, я слишкомъ волновалась; но дѣти такъ упрашивали меня ѣхать съ ними, что я уступила ихъ желанью и отправилась съ двумя дочерьми и тремя сыновьями; старшій, какъ всегда, былъ въ своей гродненской гусарской курткѣ, а двое въ павловскихъ шинелькахъ, которыя я заказала имъ.

Толпа наводила на меня всегда паническій страхъ, я боялась, чтобъ дѣтей какъ нибудь не отгиснули, но мы пробрались благополучно, стали недалеко отъ царской палатки, передъ одной изъ натянутыхъ веревокъ, прикрѣпленной къ колу для поддержки палатки.

Вдругъ подъѣхалъ шефъ жандармовъ, князь Василій Андреевичъ Долгорукій, котораго я знала хорошо, и началъ кричать: «назадъ! передъ веревкой не стоять!»; затѣмъ подозвавъ жандарма, сказалъ: «дави, если не слушаются!» Намъ осадить не было никакой возможности, за веревкой стояла сплошная масса, которая, несмотря на веревку, напирала на насъ. Точный исполнитель приказаній своего начальства, жандармъ повернулъ лошадь задомъ и началъ осаживать ее прямо на насъ; отъ страха, что онъ задавитъ дѣтей, я хлопнула лошадь ладонью и закричала: «Государю пожалуюсь, князь, какъ вы обращаетесь съ его вѣрноподданными», и при-

казала жандарму немедленно отъѣхать. Князь, услышавъ мою угрозу, повернулъ лошадь и ускакалъ. Что было обиднѣе всего, это—то, что эти господа, блюстители порядка, поставили около самой палатки нѣсколько дамъ изъ своихъ protégées, которыя никакого права не имѣли стоять тамъ. Я никогда не была такъ зла, какъ въ эту минуту, и не могла простить себѣ, что отправилась въ эту давку.

Смотрѣ сошелъ блистательно.

Вскорѣ послѣ этого смотра былъ назначенъ разводъ съ церемоніей отъ Павловскаго полка.

Опять новыя тревоги и волненія; какъ-то онъ сойdetъ?

Разводъ былъ передъ самымъ полкомъ. Перейдя изъ нашего парка прямо къ палаткамъ, я скромно стала за одной изъ солдатскихъ палатокъ, а не участвующіе въ разводѣ офицеры разобрали дѣтей и повели ихъ смотрѣть, какъ проходятъ солдаты.

По окончаніи развода я пошла отыскивать дѣтей, издали видѣла, какъ государь, сидя верхомъ на лошади, нагнулся и говорилъ что-то мужу, который нѣсколько разъ кланялся. Слава Богу, подумала я, вѣрно, государь остался доволенъ.

Не найдя по близости дѣтей, я вошла въ толпу, прошла порядочное разстояніе, гдѣ нашла ихъ наконецъ всѣхъ въ сборѣ. Отъ офицеровъ узнала, что разводъ сошелъ блистательно.

Въ это самое время я услышала, что кто-то кричитъ: «гдѣ м-ше Паткуль? гдѣ генеральша Паткуль?». Каково было мое удивленіе, когда я увидѣла пробиравшася верхомъ сквозь толпу князя Долгорукова, того шефа жандармовъ, который за нѣсколько дней велѣлъ давить насъ. Не успѣла спросить, что ему надо, какъ онъ издали закричалъ мнѣ: «Наслѣдникъ васъ ищетъ». Я тотчасъ пошла навстрѣчу цесаревичу, но мнѣ не пришлось сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ мы сошлись съ нимъ.

Его высочество, протянувъ мнѣ руку, сказалъ:

— «Государь прислалъ меня передать вамъ, что онъ остался вполне доволенъ разводомъ, и поручилъ поздравить вмѣстѣ съ тѣмъ съ назначеніемъ вашего мужа генераль-адъютантомъ».

— Благодарю ваше высочество за добрую вѣсть, я тронута до глубины сердца, что вамъ поручено передать ее мнѣ.

Когда великій князь отошелъ, стоявшая возлѣ меня, должно быть, крестьянка, схватила мою руку и, поцѣловавъ ее, спросила: «съ чѣмъ тебя, матушка, поздравилъ наслѣдникъ?». Когда я удовлетворила ея любопытство, она сказала: «вѣрно, батюшка царь очень тебя любитъ, что прислалъ къ тебѣ своего сына». «А что это все твои ребята?»—спросила она, указывая на дѣтей.—«Мои, голубушка!»—«Какая молодая, а ужъ пятеро». Я улыбнулась и сказала: «а шестой остался дома».

Дойдя съ дѣтьми и нѣкоторыми офицерами до полка, я застала еще тамъ Сашу, который благодарилъ офицеровъ и солдатъ за бли-

стательный разводъ, доставившій ему высокое званіе генераль-адъютанта.

Не стѣсняясь никѣмъ, я бросилась Сашѣ на шею и поздравила его. Оказывается, что государь, узнавъ отъ Саши, что я здѣсь, подозвалъ наслѣдника и поручилъ ему отыскать меня и передать мнѣ удовольствіе и поздравленіе его величества. Какое трогательное вниманіе!

Въ этотъ день былъ назначенъ танцевальный вечеръ въ павильонѣ, и государь прислалъ сказать намъ, что онъ пріѣдетъ тоже.

Залъ былъ полонъ военныхъ и дамъ; всѣ московскія дамы, которыхъ я вовсе не знала, подходили ко мнѣ, знакомились и просили представить кавалеровъ ихъ дочерямъ или молодымъ барынямъ. Я должна отдать полную справедливость всей тогдашней военной молодежи; никто не отказывался танцевать, приходилось просить знакомыхъ и незнакомыхъ, и всѣ охотно приглашали танцующихъ дамъ. Благодаря этому, танцы были въ полномъ разгарѣ, когда пріѣхалъ государь и сказалъ, протягивая мнѣ руку, что нынче онъ пріѣхалъ собственно для меня; я поблагодарила его за сдѣланную мнѣ честь и лестное назначеніе мужа генераль-адъютантомъ.

Во время присутствія государя я не танцевала. Его величество нашелъ вечеръ очень удачнымъ и благодарилъ Синельникова за счастливую мысль устроить павильонъ, чѣмъ далъ возможность молодежи повеселиться.

На слѣдующее утро Саша поѣхалъ благодарить государя за присланную ему полную генераль-адъютантскую форму, которую его величество привезъ для него изъ Петербурга.

XIV.

Коронація императора Александра Николаевича.—Неудобства, испытанныя мною.—Любезный приемъ императрицы Маріи Александровны.—Ея подарокъ.—Поздравленіе государя и государыни.—Московскія дамы.—Шутка вдовствующей императрицы.—Придворные балы.—Римская-Корсакова и ея выходка.—Баль у англійскаго посланника.—Народный обѣдъ.—Обѣдъ, устроенный московскимъ купечествомъ Павловскому полку.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Время командованія моего мужа Павловскимъ полкомъ.—Наши вечера и концерты.—Посѣщеніе государя.

Парадный вѣздъ ихъ величествъ изъ Петровскаго дворца въ Кремль былъ величественный, погода чудная, солнце сіяло во всей своей красотѣ и блескомъ своихъ лучей украшало эту прекрасную картину.

Мы смотрѣли изъ оконъ губернаторскаго дома.

26-го августа мы поднялись ни свѣтъ ни заря, т.-е. въ 5-ть часовъ утра, а къ 7-ми въ полномъ парадѣ были уже въ кремлев-

скомъ дворцѣ. Долго пришлось ожидать высочайшаго выхода; если не ошибаюсь, ихъ величества проходили по заламъ, направляясь въ Успенскій соборъ около одиннадцати часовъ.

Государь шелъ величественный, а императрица была трогательна въ своей скромной прическѣ, на головѣ не было никакого украшенія, только два длинные локона спускались изъ-за ушей по плечамъ. На остальной нарядъ я не обратила никакого вниманія, а только смотрѣла на нее; она была поразительно мила съ ея глубокимъ сосредоточеннымъ взглядомъ.

Какъ только ихъ величества прошли, намъ указали балконъ надъ теремами, рядомъ съ Краснымъ крыльцомъ, куда дамы и устремились, чтобъ видѣть, когда государь и государыня будутъ сходить съ Краснаго крыльца. Народъ привѣтствовалъ появленіе ихъ величествъ громкимъ «ура», провожавшимъ царскую чету до входа въ соборъ, куда былъ доступъ только свитѣ, двумъ первымъ классамъ и иностранному посольству.

Отъ солнца желѣзный или цинковый полъ накалился и неимоверно грѣлъ мнѣ ноги, обутыя въ тонкіе бѣлые атласные башмаки. Сверху солнце палило своими жгучими лучами, зонтиковъ для защиты у насъ не было, тяжелый кокошникъ, обшитый брилліантами и жемчугомъ, давилъ голову, не было ни одного стула, чтобъ присѣсть. У меня начала болѣть голова и ноги, и заговорилъ голодъ, когда наконецъ въ третьемъ, или около трехъ часовъ, матушка царица вышла изъ собора и подъ балдахиномъ начала подниматься по Красному крыльцу. Дойдя до верхней площадки, она остановилась, обратившись лицомъ къ народу и къ намъ, и три раза поклонилась на всѣ стороны. Мы низко присѣли ей, а снизу грянуло оглушительное «ура». У меня невольно навернулись слезы на глазахъ отъ этого умилительнаго зрѣлища, такъ бы и бросилась къ ней цѣловать ея руки. Верно ей припомнилось, какъ тридцать лѣтъ назадъ она поднималась, не одна, какъ теперь, а съ царственнымъ своимъ супругомъ, послѣ подобнаго же торжества коронаціи, по тому же Красному крыльцу.

Вскорѣ показались два балдахина: подъ первымъ шелъ государь въ брилліантовой коронѣ, въ мантии со всѣми регаліями императора. Балдахинъ несли министръ двора и генераль-адъютанты, въ числѣ которыхъ былъ Саша.

Подъ вторымъ шла императрица тоже въ мантии и коронѣ.

Когда ихъ величества по красному сукну, разостланному на площадке, прошли мимо насъ къ Архангельскому собору приложиться къ мощамъ, насъ пригласили войти въ залъ и стать на мѣста. Мы были поражены, когда насъ остановили въ очень небольшой комнатѣ, гдѣ выстроены были рядъ дворцовыхъ гренадеръ, и не позволили итти дальше. Мы положительно были сдавлены тамъ, какъ сельди въ боченкѣ, и, понятно, очень недовольны, что съ нами

обращаются такъ безцеремонно. Я стояла совсѣмъ позади и прислонилась къ стѣнѣ, ноги еле поддерживали меня.

Вошелъ министръ двора и видя, что нѣкоторыя дамы заняли мѣста передъ гренадерами, сказалъ: «mesdames, vous ne voudrez certainement pas être au rang des soldats, veuillez donc ne pas les cacher».

На это я громко отвѣтила: «je suppose qu'on ne nous a pas fait venir au palais, pour admirer les dots des soldats». Кто это отвѣтилъ, онъ не зналъ и видѣть меня не могъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ тотчасъ же удалился.

Было около пяти часовъ, когда Саша подошелъ наконецъ ко мнѣ и спросилъ, хочу ли остаться обѣдать или ѣхать домой. Я предпочла послѣднее; но когда мы выходили изъ залы, гофмаршалъ уговорилъ насъ остаться обѣдать, прибавивъ, что подадутъ сію минуту. Столы были накрыты во многихъ комнатахъ, но, въ какую мы ни совались, вездѣ мѣста были заняты. Наконецъ въ одной мы увидѣли два пустыхъ стула у самаго окна и усѣлись. Прошло полчаса, часъ, а обѣда нѣтъ какъ нѣтъ. Въ половинѣ седьмого мы рѣшили обѣда не дожидаться, выпили по бокалу шампанскаго за здравіе ихъ величествъ и уѣхали.

Я просто изнемогла отъ утомленія; пріѣхавъ домой, бросилась въ кресло, вытянула ноги, которыя горѣли и опухли, разоблачили меня, и такъ, не двигаясь съ мѣста, отказавшись отъ обѣда, выпила чай и въ девять съ наслажденіемъ легла спать одновременно съ дѣтьми.

Если я такъ устала, то что должна была чувствовать императрица Марія Александровна послѣ такого утомительнаго дня. Кромѣ физической усталости, сколько волненій испытано ею; на нее, кромѣ того, должно было сдѣлать непріятное впечатлѣніе, что корона, плохо прикрѣпленная статсъ-дамами, скатилась назадъ во время богослуженія, такъ что пришлось вторично укрѣпить ее.

На слѣдующее утро я поѣхала узнать, какъ чувствуетъ себя императрица послѣ вчерашняго насколько физически, настолько морально утомительнаго дня.

Бывъ тотчасъ же принята, я застала ея величество въ бѣломъ пенюарѣ отдыхавшей на кушеткѣ. При входѣ моемъ она извинилась, что приняла меня en deshabillé, но это-то именно было мнѣ дорого, и я прямо высказала, какъ я цѣню ея безцеремонное ко мнѣ отношеніе. Она была такъ мила, такъ интересна въ своемъ бѣломъ пенюарѣ, что я любовалась ею. Припоминая, какъ болѣли вчера опухшія ноги, вполне сочувствовала ея бѣднымъ ногамъ, отдыхавшимъ на кушеткѣ въ однихъ ажурныхъ чулкахъ.

Передъ тѣмъ какъ отпустить меня, императрица позвонила свою камеръюнгферу, велѣла принести два муаръ антикъ платья, розовое и голубое, которыя передала мнѣ. Такіе роскошные подарки заставили считать меня щеголихой, хотя сама же я никогда

не позволяла себѣ лишней траты на туалетъ. Что сказала бы княгиня Салтыкова, видя меня сидящей возлѣ отдохавшей на кушеткѣ императрицы, въ задушевной съ нею бесѣдѣ. Хотя я не злопамятна, давно простила ей сдѣланный мнѣ приемъ въ предыдущемъ году, 23-го іюля, но такіе случаи припоминаются какъ-то невольно, точно такъ же, какъ и любезное обращеніе шефа жандармовъ на высочайшемъ смотру.

Я имѣла деликатность никогда не намекнуть ни той, ни другому, о необдуманномъ ихъ поведеніи; но подозрѣваю, что это дошло до свѣдѣнія ихъ величествъ, иначе мнѣ трудно объяснить себѣ происшедшую въ нихъ перемену. Княгиня Салтыкова, статсъ-дама, пожилая особа, первая съ тѣхъ поръ дѣлала мнѣ визиты и была любезна, а князь во время коронаціонныхъ празднествъ чуть ли не ухаживалъ за мной. Какъ все это было смѣшно и жалко!

Въ день принесенія поздравленій ихъ величествамъ я пожалѣла бѣдныхъ церемоніймейстеровъ: они просили, увѣщевали дамъ не проталкиваться впередъ и дать имъ возможность пропускать насъ по старшинству, по заведенному церемоніалу, но все было тщетно. Петербургскія дамы знали свои мѣста, но московскія вели себя неподобающимъ образомъ; одна изъ нихъ просто выдернула у генеральши Мердеръ шлейфъ, который она держала, протиснулась между нами съ цѣлой вереницей другихъ дамъ и оттолкнула насъ, женъ генераль-адъютантовъ, совсѣмъ назадъ, такъ что мы очутились въ хвостѣ и заканчивали шествіе.

Когда дошла до насъ очередь подойти къ ихъ величествамъ, и пока императрица милостиво разговаривала съ С. Н. Мердеръ, за которою я стояла, государь обратился ко мнѣ со словами:

— Марія Александровна, вы не на своемъ мѣстѣ.

Въ первую минуту я была въ недоумѣніи, но тотчасъ отвѣтила:

— Ваше величество, мы, кажется, послѣднія.

— Да! но вамъ давно слѣдовало подойти, что же смотрять церемоніймейстеры?

Я заступилась за нихъ, объяснивъ ему, что дамы брали мѣста приступомъ, такъ что церемоніймейстеры тутъ не повинны.

На слѣдующій день приносили поздравленіе матушкѣ царицѣ, которая по слабости здоровья сидѣла въ креслахъ. Графиня Баранова называла подходящихъ дамъ. Когда до меня дошла очередь, она назвала меня Озеровой; взглянувъ на нее съ удивленіемъ, я поправила ее, думая, что она оговорилась, но когда цѣловала ручку матушкѣ царицѣ, послѣдняя улыбаясь сказала: «*Ma chère, c'était plaisanterie de ma part*» ¹⁾.

¹⁾ Императрица, увидя меня подходящую, сказала Барановой, чтобъ она ради шутки назвала меня Озеровой.

Мнѣ было пріятно, что матушка царица захотѣла пошутить. Сколько силы воли она выказала во время торжества коронаціи; преклоняться надо было передъ этой чудной женщиной.

На придворномъ балѣ маскарадѣ, куда допускались лица всѣхъ сословій, мнѣ пришлось дѣлать грустное сравненіе между 1849-мъ годомъ, когда женою полковника, адъютанта наслѣдника, я стояла за рѣшеткой со всею царскою семьей, принцами и свитой, имѣла счастье пройти въ польскомъ съ его величествомъ, съ наслѣдникомъ и прочими и прочими, а 1856-мъ, когда ни меня, бывшую уже женою генераль-адъютанта, ни С. Н. Мердеръ за рѣшетку не пустили, и мы стояли въ залѣ, затертая толпой; никто не вспомнилъ о насъ!

Быль прекуръезный случай на другомъ придворномъ балѣ. Явилась г-жа Римская-Корсакова, вычеркнутая изъ списка приглашенныхъ. Увидѣвъ ее, министръ двора подошелъ къ ней и спросилъ, получила ли она приглашеніе, на что она отвѣтила отрицательно, прибавивъ, что, вѣроятно, это была ошибка. На предложеніе министра уѣхать до выхода ихъ величествъ она отвѣтила, что, если она пріѣхала, то никакой силой ея не выведутъ. Увѣщеванія министра и оберъ-гофмаршала графа Шувалова не были уважены ею; она осталась и даже имѣла нахальство танцовать въ царской кадрили.

Про бабушку Корсаковой, которая вывозила ее дѣвицей въ свѣтъ, рассказывали, что на одномъ балѣ, когда внучка вальсировала съ какимъ-то восточнымъ княземъ, бабушка ему закричала: «*roi! roi! arrêtez, arrêtez, la Varinka vomira!*» Я забыла, кто была урожденная знаменитая ла-Варинька, которая потомъ хотѣла разыгрывать роль въ Царскомъ Селѣ, гдѣ она провела одно лѣто.

Балъ у французскаго посла и дворянскій были блестящіе; къ австрійскому послу мужъ ни за что не соглашался ѣхать; послѣ Венгерской кампаніи онъ даже ни разу не надѣвалъ пожалованный ему императоромъ орденъ Желѣзной Короны и забросилъ его. За своего благодѣтеля императора Николая онъ былъ сердитъ на австрійскаго и былъ совершенно правъ.

О балѣ у англійскаго посла умолчать не могу, постараюсь описать его вкратцѣ.

Такъ какъ въ нанятомъ имъ домѣ большого зала не было, то была сдѣлана пристройка, въ которой устроенъ былъ залъ палаткой, обитый полосатымъ тикомъ, бѣлымъ съ краснымъ. Люстра и стѣнные бра были въ видѣ обручей, бѣлаго некрашеннаго дерева, свѣчи вставлены безъ стеклышекъ, стеаринъ отъ жары стекалъ на полъ, образуя бѣлыя высокія кучки, которыя причиняли паденіе танцующимъ, но что было обиднѣе всего, это то, что бѣлый мундиръ государя оказался весь закапанъ стеариномъ. Копоть стояла, точно густой туманъ, наши бѣлыя платья казались грязными или сѣрыми.

Самъ посланникъ имѣлъ дерзость выразиться «*mon bal à l'air d'une quinquette*». Духота была невыносимая за отсутствіемъ вентиляціи. Мнѣ захотѣлось освѣжиться мороженымъ, и я отправилась въ буфетъ. Тамъ на столахъ были разставлены большихъ размѣровъ ростбифы, и между ними красовались блюда вареныхъ раковъ— самое подходящее бальное угощеніе! Я отказалась отъ мороженого, когда увидѣла, что человѣкъ вытаскивалъ его изъ-подъ стола на деревянной лопаточкѣ и сбрасывалъ на блюдце; это слишкомъ было неаппетитно, и я вернулась въ залъ. Съ бала мы уѣхали рано, поэтому не знаю, былъ ли сервированъ ужинъ, или ростбифы и раки должны были замѣнить его. Мы съ Сашей простить себѣ не могли, что поѣхали на этотъ балъ; во-первыхъ, мы были возмущены, какъ смѣли такъ принять ихъ величествовъ, а, во-вторыхъ, я потеряла брилліантовую вѣтку отъ букета.

Къ сожалѣнію, и народный обѣдъ былъ болѣе, чѣмъ неудаченъ; распорядительная комиссія такъ неумѣло и непрактично взялась за это, что никакого не заслуживаетъ оправданья.

Вмѣсто того, чтобъ сдавать съ подряда, предложили бы полкамъ, стоявшимъ лагеремъ на Ходынскомъ полѣ, гдѣ обѣдъ долженъ былъ состояться, взять на себя спечь къ назначенному дню такое-то количество ватрушекъ, сжарить столько-то барановъ и проч.; тогда въ самый день обѣда все было бы выставлено по мѣстамъ, а не мокло бы цѣлую недѣлю подъ дождемъ на накрытыхъ столахъ.

Намъ почти ежедневно приходилось проѣзжать близъ мѣста обѣда, и мы видѣли, какъ подъ конецъ ватрушки совершенно расползлись, бараны съ золочеными рогами и въ красныхъ мантильяхъ сдѣлались черезчуръ *faisandés* и распространяли далеко не привлекательный ароматъ. Чужа яства, голодные собаки стаями бѣгали около заманчивыхъ столовъ, задавая немалую работу разгонявшимъ ихъ сторожамъ.

День былъ воскресный, Саша поѣхалъ во дворецъ, а я съ дѣтьми къ обѣднѣ въ Всесвятскую церковь. Возвращаясь домой, я была поражена встрѣчею съ идущимъ народомъ. Кто несъ въ рукахъ рогатую подставку, на которой висѣли колбасы, кто барана съ золочеными рогами, а кто лоханку отъ творога или простокваши.

Хотя у насъ были билеты въ ложѣ на эстрадѣ, но погода была такъ мало заманчива, что я рѣшила не ѣхать смотрѣть обѣдъ.

Каково было мое удивленіе, когда Саша вернулся гораздо раньше, чѣмъ я могла ожидать его, и сказалъ, что ѣхать не зачѣмъ, обѣдъ съѣденъ до пріѣзда государя.

Взволнованный и недовольный, онъ разсказалъ, что когда государь подѣхалъ со всеми иностранными принцами, посольствами и свитой, то засталъ столы опустошенными, на нихъ ровно ничего ужъ не оставалось, а народъ угощался, сидя на мокрой травѣ, тѣмъ,

что кому удалось схватить со стола, и при появленіи государя вскакивали, кричали «ура» и бросали шапки вверхъ. Оказалось, что комиссія, не желая, чтобы государь видѣлъ, тѣмъ угощали народъ, подняла часомъ раньше бѣлый флагъ, служившій сигналомъ начала обѣда. Бѣдному государю ничего не оставалось, какъ только разсмѣяться и объяснить, что нетерпѣливый народъ самъ преждевременно распорядился обѣдомъ. Тѣмъ не менѣе слѣдствіе было наряжено; комиссія оправдывалась тѣмъ, будто бы флагъ былъ поднятъ въ видѣ опыта, а народъ принялъ его за сигналъ.

По окончаніи всѣхъ торжествъ московское купечество, желая угостить Павловскій полкъ обѣдомъ, испросило разрѣшеніе губернатора устроить его на Ходынскомъ полѣ въ павильонѣ.

Въ назначенный день Саша отправился на этотъ званый обѣдъ. Около часа спустя, пріѣхала карета съ запиской отъ Саши, въ которой онъ сообщалъ убѣдительную просьбу ко мнѣ старшинѣ пріѣхать, такъ какъ они желаютъ выпить въ моемъ присутствіи за мое здоровье. Это было послѣ моего обѣда.

Когда я подѣхала къ павильону, всѣ вышли мнѣ навстрѣчу съ бокалами въ рукахъ. Саша представилъ мнѣ главнаго распорядителя, г-на Алексѣева, а онъ въ свою очередь всѣхъ остальныхъ. Подоспѣвъ къ десерту, я заняла мѣсто, оставленное для меня возлѣ г-на Алексѣева, очень образованнаго, милаго и разговорчиваго молодого человѣка. Послѣ обѣда пѣлъ хоръ цыганъ, но я не плѣняюсь ими, а потомъ подъ звуки военной музыки протанцовали вальсъ и двѣ кадрили; я, какъ единственная дама,—съ хозяевами, а остальные танцовали между собой. Когда въ 8 часовъ мы простились, всѣ вышли провожать насъ и вынесли въ карету корзины съ фруктами и конфетами для дѣтей.

Саша былъ вездѣ, гдѣ бы онъ ни находился, душою общества, да не была ли и я баловнемъ судьбы?

Когда мысленно возвращаешься къ давно прошедшему, невольно задаешь себѣ вопросъ, почему именно на мою долю выпадали и оваціи и выборъ быть хозяйкой на устраиваемыхъ вечерахъ въ московскомъ, красносельскомъ павильонахъ, на семейныхъ вечерахъ въ Царскомъ, быть предсѣдательницей разныхъ комитетовъ.

Я не была никакой выдающейся личностью и не представляла собою ничего особеннаго; но, можетъ быть, выборъ падалъ на меня, потому что я была энергична, предприимчива, къ тому же проста и вѣжлива.

Въ половинѣ или концѣ сентября мы переѣхали въ отведенную намъ квартиру у Серпуховскихъ воротъ въ домѣ вдовы одного изъ купцовъ. Она предоставила намъ цѣлый меблированный этажъ въ занимаемомъ ею собственномъ домѣ. Въ день нашего переѣзда я пошла поблагодарить ее и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласила ее съ дочерью вечеромъ къ намъ на чай. Пробывъ тамъ около пяти недѣль,

дочери наши успѣли подружиться въ это время и разстались не безъ слезъ.

Самѣ было много дѣла по расформированію резервнаго полка, увольненію нижнихъ чиновъ и проч. и проч. Когда все по этой части было закончено, онъ отправилъ меня съ дѣтьми впередъ, а самъ выѣхалъ изъ Москвы съ полкомъ.

Въ Петербургъ мы прибыли вечеромъ, отправились прямо въ Павловскія казармы, гдѣ ожидала насъ сестра моя Аліне Бекманъ съ мужемъ. Дѣти напились чая, съ восторгомъ улеглись въ хорошія постельки, которыхъ они были лишены болѣе года, по случаю нашей бивуачной жизни.

Когда мы совершенно устроились, мужъ пригласилъ всѣхъ дежурныхъ и штабныхъ офицеровъ приходить ежедневно обѣдать къ намъ запросто; молодежь была холостая, не богатая, для которой это составляло расчетъ, а Саша соблюдалъ интересъ своихъ офицеровъ. Онъ былъ человѣкъ рѣдкой доброты, входилъ въ нужды каждаго изъ своихъ подчиненныхъ и помогалъ, какъ и чѣмъ могъ. Къ службѣ онъ относился строго, провинившагося въ чемъ нибудь приметъ у себя въ кабинетѣ, распечетъ, сдѣлаетъ родительское наставленіе, а затѣмъ виновнаго оставитъ или обѣдать, или къ чаю, это зависело отъ времени, когда происходила респеканція. Но зато во все время его командованія ни разу не случилось, чтобъ провинившійся заслужилъ вторичный выговоръ, такъ всѣ цѣнили ласковое и деликатное обращеніе своего начальника. Число офицеровъ по сляніи резервнаго и дѣйствующаго полковъ доходило до шестидесяти человѣкъ; всѣ жили мирно и дружно между собой. Для солдатъ Саша былъ настоящимъ отцемъ, они его такъ и называли «нашъ павловскій отецъ». Онъ берегъ ихъ, не дѣлалъ по нѣскольکو часовъ ученья передъ высочайшимъ смотромъ или майскимъ парадомъ, ученья кончались живо, скажетъ солдатамъ: «ребята, я мучить васъ не буду, а вы не ударьте лицомъ въ грязь и заслужите царское спасибо». Дѣйствительно, въ продолженіе пяти съ половиною лѣтъ командованія Саши Павловскій полкъ не только ни разу не ударилъ лицомъ въ грязь, но былъ всегда по отзыву его величества однимъ изъ первыхъ.

Пріютъ солдатскихъ дѣтей я взяла подъ свое попечительство, мы устраивали спектакли, которые вполне удавались; много оказалось между офицерами талантливыхъ актеровъ, а женскія роли Е. А. Леонтьева и я вывозили на своихъ плечахъ. «Свадьба Кречинскаго» сошла у насъ безукоризненно; на каждую мужскую роль являлось по два, по три желающихъ испытать свои силы. На репетиціяхъ, куда всѣ сходились, судъ офицеровъ рѣшалъ, кто лучше выполнить какую роль, и за кѣмъ ее оставить. Братъ мой Николай мастерски сыгралъ роль Кречинскаго, а М. И. Семевскій, впоследствии издатель «Русской Старины», былъ неподражаемъ въ роли Расплюева.

Въ то время былъ директоромъ театровъ Сабуровъ, тотъ самый, про котораго въ 1841-мъ году, на балѣ у графа Воронцова-Дашкова, наслѣдникъ спросилъ меня, правда ли, что я выхожу за него замужъ. Познакомилась я съ нимъ, много лѣтъ спустя, и должна отдать ему справедливость, что онъ всегда былъ со мною очень любезенъ. Когда мы желали видѣть на русской или французской сценѣ ту пьесу, которую мы собирались разыграть у себя въ казармахъ, мнѣ стоило только написать Сабурову записку, и не только желаемая пьеса была дана, но предоставлялась на этотъ вечеръ директорская его ложа въ мое распоряженіе, и мы ее занимали со всѣми нашими актерами, долженствовавшими участвовать въ этой пьесѣ. Мужъ мой былъ самый вѣрный и строгій критикъ въ исполненіи нашей игры, но самъ не участвовалъ никогда.

Государь и великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи удостоивали неоднократно своимъ посѣщеніемъ наши спектакли, къ которымъ печать отнеслась съ похвалою, хотя мы не только не приглашали репортеровъ, но не подозрѣвали даже присутствія ихъ.

Устраивались у насъ также танцевальныя вечера; разъ въ двѣ недѣли собирались всѣ офицеры, дамы полковныя, которыхъ впрочемъ было очень мало, родные и добрые знакомые. Музыка была полковая бальная, и несмотря на скромность и незатѣйливость нашихъ вечеровъ, веселились на нихъ отъ души.

Въ великомъ посту музыкальные вечера замѣняли танцевальныя. При любезномъ участіи гг. Герке и Равина, игравшихъ на двухъ рояляхъ, извѣстныхъ флейтиста Чіарди, корнетиста а пистонъ Вурма и нѣкоторыхъ любителей, концерты наши были весьма удачны. Принцъ П. Г. Ольденбургскій, большой любитель музыки, нѣсколько разъ посѣтилъ наши вечера и вполне одобрилъ исполненіе участвующихъ. Онъ даже сказалъ разъ мужу: «*Mon cher Patkul, ces soirées doivent vous couter les yeux de la tête*», на что Саша отвѣтилъ: «*Mon Seigneur, je ne suis pas assez riche pour payer les artistes, ils se sont offerts eux-mêmes; aussi cela ne me coûte qu'une visite, un souper et l'equipage*».

Съ семьею Герке мы были давно знакомы домами, а Чіарди и Вурмъ бывали у насъ въ Москвѣ; я часто аккомпанировала имъ на рояли. Къ женамъ ихъ я ѣздила съ визитомъ, и онѣ бывали у насъ на вечерахъ съ мужьями.

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ старшій сынъ нашъ приглашался постоянно въ дворецъ для совмѣстныхъ игръ съ великими князьями.

Вторая дочь Маруся отправлялась съ своей воспитательницей въ Мраморный дворецъ противъ нашихъ казармъ, къ великимъ князьямъ Ольгѣ и Вѣрѣ Константиновнамъ, а меньшей Сережа, бывъ ровесникомъ великаго князя Николая Николаевича Младшаго, ѣздилъ иногда къ нему на цѣлый день.

У ихъ высочествъ великаго князя Николая Николаевича и великой княжны Александры Петровны устраивались танць-классы, куда приглашались и наши дѣти.

Послѣ чая дѣтей увозили домой, а взрослые замѣняли ихъ въ танцахъ. Эти немногочисленные вечера у ихъ высочествъ были очень симпатичны, всѣ веселились отъ чистаго сердца. Хозяева такъ радушно и любезно принимали у себя.

Нынче пресыщенная молодежь веселиться не умѣетъ такъ, какъ веселились прежде.

Государь не забывалъ насъ и заѣзжалъ отъ времени до времени къ намъ въ казармы.

Однажды, во время довольно продолжительнаго визита, люди, не дождавшись его отъѣзда, накрыли столъ. Проходя обратно черезъ столовую, его величество спросилъ: «У васъ сегодня обѣдъ?» Улыбаясь я отвѣтила, что мы обѣдаемъ каждый день. «Это я знаю, — смѣясь сказалъ государь: — но развѣ васъ ежедневно такъ много за столомъ?» Когда я отвѣтила ему, что менѣе 24 чловѣкъ не садится за столъ, такъ какъ, кромѣ многочисленной семьи, у насъ обѣдаетъ штабъ полка, дежурные, и часто приходитъ кто нибудь изъ ротныхъ командировъ или офицеровъ; его величеству видно это было пріятно, и онъ замѣтилъ: «это дѣлаетъ вамъ честь».

XV.

Рожденіе дочери Ольги.—Скачки.—Паденіе съ лошади наслѣдника цесаревича Николая Александровича.—Его ушибъ во время пробы силы съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ.—Болѣзнь и кончина императрицы Александры Теодоровны.—Роквая ошибка придворныхъ врачей въ опредѣленіи болѣзни императрицы.—Болѣзнь наслѣдника цесаревича.—Augustine.—Спектакль въ пользу христіанъ Сиріи.—Графиня Ламбертъ.—И. С. Тургеневъ.—Мои литературныя попытки.—Рожденіе дочери Вѣры.—Оригинальный обѣдъ.—Болѣзнь дочери Маруси.—Ея чудесное спасеніе.—Карусель.—Воспоминанія объ императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.—Ея погребеніе.—Посмертные ея подарки нашему семейству.

Въ 1857-мъ году родилась въ Царскомъ Селѣ, гдѣ мы постоянно проводили лѣто, дочь наша Ольга. Воспріемниками были государь, а за матушку царицу у купели стояла великая княгиня Александра Петровна, которая, пріѣхавъ къ намъ гораздо раньше государя, все время нянчилась съ малюткой. Нѣжная мать и вообще добрая, простая и ласковая, она находила удовольствіе возиться съ дѣтьми. Третьей воспріемницей была королева виртембергская Ольга Николаевна, которой, къ сожалѣнію, крестницу свою никогда видѣть не удалось. Не представился къ тому случай.

Какъ-то лѣтомъ, наслѣдникъ Николай Александровичъ устроилъ скачку, въ которой въ числѣ товарищей участвовалъ старшій сынъ нашъ Александръ. Лошади были не большія. Огибая при поворотѣ

ипподрома уголь, наслѣдникъ упалъ, но тотчасъ же вскочилъ, сѣлъ на лошадь и продолжалъ начатый кругъ. Испугъ августѣйшихъ родителей, матушки царицы и присутствующихъ былъ большой; его высочество немного испугался, но не ушибся и ни на что не жаловался.

Въ запискахъ О. А. Оома совершенно ошибочно высказано мнѣніе докторовъ, будто бы болѣзнь и кончина цесаревича были слѣдствіемъ его паденія на скачкѣ. Нѣтъ! не это паденіе унесло преждевременно въ могилу это юное милое существо, а спустя три или четыре года, пробуя силы свои съ принцемъ Лейхтенбергскимъ, онъ такъ сильно ударился объ уголь мраморнаго стола, что, если бы его не поддержали, то онъ упалъ бы.

Мужъ мой, бывшій въ этотъ день дежурнымъ въ Зимнемъ дворцѣ при государѣ, въ это самое время вошелъ въ залъ, гдѣ играли ихъ высочества, чтобы поздороваться съ ними.

Увидя наслѣдника блѣднымъ и не имѣющимъ силы даже подняться съ мѣста, Саша побѣжалъ и принесъ стаканъ воды, о чемъ никто не подумалъ. Тутъ онъ спросилъ, въ чемъ дѣло, и, узнавъ отъ великаго князя Александра Александровича всѣ подробности, сказалъ графу Строгонову, что слѣдуетъ немедленно послать за докторомъ, что на такой серьезный ушибъ, какъ ушибъ спиннаго хребта, надо обратить вниманіе. Повидимому, графъ не считалъ ушиба этого опаснымъ, а напротивъ старался пристыдить наслѣдника, назвавъ его нѣженкой, которому при пустомъ толчкѣ дѣлается дурно до слезъ. «Развѣ вы мужчина послѣ этого?»—закончилъ онъ свои замѣчанія.

Саша вернулся съ дежурства возмущенный и съ негодованіемъ передавалъ мнѣ, какъ графъ Строгоновъ безсердечно отнесся къ этому несчастному случаю; «вотъ какъ берегутъ наслѣдника русскаго престола»,—закончилъ онъ.

Судя по грустнымъ послѣдствіямъ, никакихъ энергическихъ мѣръ принято не было, а на близъ стоящихъ къ нему точно какое-то затменіе нашло: никто не замѣчалъ, что съ этого времени великій князь худѣлъ, блѣднѣлъ, однимъ словомъ угасалъ; онъ подъ конецъ не могъ даже выпрямиться, а ходилъ немного сторбленнымъ. Но и тутъ упрекали его, что онъ ходитъ старикомъ. Всего обиднѣе то, что не вѣрили его страданіямъ, пока наконецъ не прозрѣли и не убѣдились въ ужасной истинѣ, но, увы, тогда было уже поздно. Упомянувъ о паденіи цесаревича на скачкѣ, я считала удобнѣе всего тутъ же опровергнуть мнѣніе докторовъ, считавшихъ паденіе съ лошади главной причиной его смертельной болѣзни. Если бы Саша не былъ случайнымъ свидѣтелемъ этого событія, то никто изъ насъ не зналъ бы истины. Вѣроятно, это скрыли отъ государя и императрицы, чтобъ не тревожить ихъ; я заключаю это потому, что никогда не упоминалось объ этомъ ушибѣ, а только о паденіи на скачкѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ сезонѣвъ мы взяли для совмѣстнаго ученія съ нашими дѣтьми тринадцати-лѣтнюю дѣвочку, за которую мать послѣ смерти мужа своего не въ состояннн была платить въ пансіонъ, гдѣ она воспитывалась и шла по способностямъ своимъ одною изъ первыхъ. Взявъ ее только на лѣто, мы и дѣти такъ привязались къ ней, что разстаться не рѣшились и оставили ее у себя. Augustine была милая, умная и очень развитая дѣвочка, она была не много старше Маруси, съ ней она была болѣе всѣхъ дружна, но всѣ дѣти полюбили ее. Родители ея были люди со средствами, но, какъ это часто случается, со смертью главы семейства, по той или другой причинѣ, семья остается безъ средствъ къ жизни.

Не помню, въ которомъ это было году, вслѣдствіе воззванія изъ Сиріи, гдѣ бѣдствовали христіане, и разорены были церкви, я по возвращеннн царской фамиліи изъ Петергофа послѣ лагеря устроила спектакль въ Китайскомъ театрѣ, предоставленномъ мнѣ его величествомъ съ полнымъ освѣщеніемъ и капельдинерами.

Извѣстнн, что государь и вся царская семья будутъ присутствовать на спектаклѣ, разнеслось мгновенно; ложь и кресель далеко не хватило, чтобъ удовлетворить всѣхъ желающихъ, хотя цѣны назначены были оперныя, по 25 рублей бельэтажъ и такъ далѣе, всѣ платили чуть ли не вдвое. Нашлись два очень щедрые жертвователя, кажется, откупщики, которые заплатили одинъ за свое кресло тысячу рублей, а другой пятьсотъ рублей.

Одна пьеса была французская: «Dieu vous benisse», другая русская: «Не любо—не слушай, лгать не мѣшай». Самымъ добросовѣстнымъ образомъ актеры исполнили свои роли, а поступившій со спектакля сборъ съ этого сравнительно маленькаго театра превысилъ всякое ожиданіе. Расходъ былъ самый незначительный, такъ что черезъ одно изъ нашихъ министерствъ было отправлено пять тысячъ съ чѣмъ-то рублей въ Сирію, откуда священникомъ при благодарности былъ присланъ отчетъ въ расходованнн денегъ.

Не упомянула я о томъ, что когда мы переѣхали въ нашъ новый домъ, матушка царица прислала намъ на новоселье пару серебряныхъ вазъ для шампанскаго. Когда мы съ мужемъ отправились благодарить ее, она сказала, что наружность дома очень нравится ей, и обѣщала какъ нибудь заѣхать къ намъ осмотрѣть его. Когда пріѣхала гостить къ ней сестра ея, герцогиня Мекленбургская, то ея величество съ своей сестрой два раза заѣзжала къ намъ, но къ великому нашему огорченнн не застала насъ дома, такъ какъ мы въ это время гуляли съ дѣтьми. Благодаря матушку царицу, мы высказали, что, не предупредивъ насъ о днѣ своего милостиваго посѣщенія, она лишила насъ счастья принять ее у себя. Хотя намъ было обѣщано еще разъ пріѣхать, но не привелось намъ дожидаться этой. счастливой минуты; что помѣшало, не помню, — кажется, отъѣздъ за границу.

Когда я начала собирать и приводить въ одно общее свои воспоминанія, я предупредила, что хронологія и послѣдовательность будутъ отсутствовать. Дневника своего я не вела, поэтому помню только тѣ года и числа, которыхъ забыть невозможно.

Проводя зимы въ Петербургѣ, мы очень сблизились съ семействомъ графа Ламберта, товарища мужа по службѣ при государѣ. Я подружилась съ графиней, рожденной Канкриной, а сынъ ихъ съ нашимъ старшимъ сыномъ. Она была женщина умная; у нея познакомилась я съ И. С. Тургеневымъ, который прочелъ намъ въ рукописи «Отцы и дѣти», предлагая намъ высказать свое мнѣніе. Ни ей, ни мнѣ Базаровъ не понравился, въ чемъ откровенно признались ему. Онъ не опровергалъ, что личность Базарова антипатична, но объяснилъ, что именно онъ хотѣлъ доказать то отталкивающее впечатлѣніе, которое производитъ подобная Базарову личность.

Къ сожалѣнію, Тургеневъ ошибся въ своемъ расчетѣ, тогдашняя легкомысленная, чтобъ не сказать, сумасбродная, молодежь старалась напротивъ подражать герою этого романа.

Графиня Ламбертъ имѣла неосторожность сказать Ивану Сергѣевичу, что передъ его приходомъ я прочла ей нѣсколько писемъ, никому не адресованныхъ, но написанныхъ мною въ видѣ опыта, которыхъ понравились ей, и она желаетъ знать его мнѣніе. Можно себя представить, въ какое она поставила меня положеніе; долго я не рѣшалась читать, но когда Тургеневъ мнѣ сказалъ, что никогда не надо бояться строгаго критика, и обѣщалъ мнѣ по совѣсти высказать свое сужденіе, я повиновалась. Голосъ у меня дрожалъ, я чувствовала это. Когда я кончила, онъ не только не сдѣлалъ замѣчаній, а отозвался лестно о легкомъ слогѣ моемъ, нашелъ картинныя описанія, еще что-то, чего не помню, и подъ конецъ посоветовалъ задать себя тему и написать повѣсть, обѣщая быть редакторомъ моего перваго произведенія. Хотя фантазіей я богата, но не надѣялась на успѣшность своего литературнаго опыта. Подъ конецъ онъ взялъ съ меня слово, что я попробую написать, а онъ, какъ человѣкъ опытный въ литературѣ, не покривитъ душой въ своемъ отзывѣ. Давъ ему слово, я дѣйствительно написала нѣсколько вещей, впрочемъ кончила только одну, которую приготовила для него. Тургеневъ уѣхалъ за границу, мы больше не встрѣчались съ нимъ, слѣдовательно ему не пришлось исполнить своего обѣщанія просмотрѣть и редактировать ее. Впрочемъ, это къ лучшему, знаю сама, что писано было неопытнымъ перомъ. Многое у меня написано, многое не кончено, и ровно ничего не отдѣлано. Чтобъ заняться литературой, надо имѣть много свободнаго времени, а у меня его не было, къ тому же для меня это было только забавой, на которую я удѣляла иногда вечерніе поздніе часы, когда въ домѣ всѣ предавались отдыху.

Рожденіе дочери нашей Вѣры, 1-го мая 1859 года, задержало перѣздъ на лѣтнее пребываніе почти до конца мѣсяца. Царская семья была уже въ Царскомъ. Воспріемниками при святомъ крещеніи были государь и матушка царица.

Лѣто я безвыѣздно провела съ дѣтьми въ Царскомъ, Саша пріѣзжалъ изъ лагеря по субботамъ, если не препятствовало дежурство его.

Во все время командованія Сашею полкомъ, въ день моего рожденія и именинъ, онъ со всѣми свободными отъ службы офицерами пріѣзжалъ ко мнѣ.

Государь былъ такъ милостивъ, что разрѣшилъ давать для офицеровъ придворныя линейки, чтобъ проѣздъ не былъ для нихъ сопряженъ съ расходомъ. Обѣдъ готовился въ эти дни на 60 и 70 человекъ, такъ какъ съѣзжались и родные.

Памятенъ мнѣ одинъ достопримѣчательный обѣдъ. Мы наняли новаго человекъ, далеко не молодого, бывшаго буфетчикомъ у старушки графини Лаваль. Такъ какъ онъ имѣлъ слабость—выпивать подчасъ лишнюю рюмочку, я просила его еще наканунѣ воздержаться въ день пріѣзда гостей, что онъ и обѣщаль мнѣ.

На другой день, утромъ, все обстояло благополучно, но потомъ дѣти прибѣжали сказать, что Иванъ выпустилъ до половины щеки крѣпко накрахмаленныя брыжи, что служило первымъ доказательствомъ посѣщенія бахуса, и пригласили меня посмотреть, какъ Иванъ приготовилъ закуску. Войдя въ буфетъ, его я не застала, онъ куда-то скрылся, но увидѣла куски растрепанной селедки, разложенной по краю тарелки, а въ срединѣ набросано было нѣсколько кусочковъ сыру. Было и смѣшно и досадно; бѣда была въ томъ, что онъ успѣлъ заснуть непробуднымъ сномъ, а время подходило къ обѣденному часу, однако рѣшительно ничего приготовлено не было.

Когда всѣ съѣхались, гости вмѣстѣ съ нами дружно взялись за дѣло, и столъ былъ накрытъ, какъ по мановенію волшебства. Много было смѣха, бѣготни, сами мѣняли приборы, приносили блюда съ кушаньемъ. Однимъ словомъ, обѣдъ былъ въ полномъ смыслѣ семейный, безцеремонный, оживленный, но вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальный. Наврядъ ли съ кѣмъ случилось чтонибудь подобное; хорошо, что не было передъ кѣмъ стѣсняться, случись это при другихъ обстоятельствахъ, въ какое непріятное положеніе была бы поставлена хозяйка дома.

Такъ какъ 30-го августа тоже собирались у насъ по случаю именинъ мужа, старшаго сына и дня рожденія Сережи, то во избѣжаніе повторенія скандала буфетчикъ съ знаменательными брыжами былъ уволенъ въ отставку.

Въ началѣ шестидесятаго года Маруся заболѣла брюшнымъ тифомъ, ей было въ то время 12 лѣтъ. Съ воспитательницей дѣтей

я по очереди дежурила днемъ и ночью при ней. Тяжело было слышать ни на одну минуту неумолкаемый бредъ. Какое ужасное мы пережили время! На 18-й день Маруся была такъ плоха, что спасенія ея мы могли ожидать только свыше.

Какъ не отнести выздоровленія ея къ числу чудесъ?

Возвратившись изъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ Радости, я положила подъ голову дочери вату, привезенную отъ чудотворной иконы.

Полчаса спустя, Маруся въ первый разъ уснула и, когда она проснулась послѣ трехчасоваго сна, узнала насъ всѣхъ. Съ этого дня она начала поправляться. Доктора недоумѣвали, какъ кризисъ могъ быть на 18-й день, а не на 21-й, это вовсе не согласовалось съ наукой медицины.

Господу Богу все возможно, и не даромъ говорится: вѣра спасетъ тя!

Когда выздоравливающая настолько окрѣпла, что могла стоять на ногахъ, чудотворная икона была привезена къ намъ, и отслуженъ благодарственный молебенъ.

Во время болѣзни Маруси царская семья приняла трогательное участіе; два и три раза въ день присылали узнавать о здоровьѣ больной; особенное вниманіе оказала великая княгиня Александра Иосифовна, у которой Маруся такъ часто цѣлые дни проводила съ великими княжнами Ольгой и Вѣрой Константиновнами.

Лѣто мы безвыѣздно провели въ Царскомъ, Саша же, какъ школьникъ, по субботамъ пріѣзжалъ къ намъ, а на дежурство и царскіе праздники ѣздилъ въ Петергофъ. Находясь въ Петергофѣ, онъ постоянно заѣзжалъ справляться о здоровьѣ матушки царицы, которая если была только у себя, то всегда принимала его.

Въ одинъ изъ такихъ дней императрица сообщила ему переданное ей государемъ намѣреніе назначить его оберъ-полицеймейстеромъ, на должность, которой она не сочувствовала для своего воспитанника, но когда она замѣтила это государю, то онъ отвѣтилъ, что Паткуль именно теперь нуженъ ему на этомъ мѣстѣ, какъ самый вѣрный, преданный и любящій его человекъ.

Въ началѣ 1861 года ожидалось объявленіе уничтоженія крѣпостного права.

Мужъ чистосердечно признался своей августѣйшей благодѣтельницѣ, что должность эта далеко не улыбается ему, но если это желаніе государя, то онъ не считаетъ себя въ правѣ отказываться и всѣми силами будетъ стараться оправдать довѣріе государя. Императрица оставила его обѣдать, а послѣ обѣда передала ему на память свой приборъ съ петергофскимъ гербомъ, состоящій изъ тарелки, стакана и рюмки. Это былъ послѣдній ея подарокъ.

Съ переѣздомъ изъ Петергофа въ Царское, попрежнему собирались по вечерамъ у матушки царицы самые приближенные, но

это видимо утомляло ее, и я какъ-то спросила, зачѣмъ она собираетъ насъ у себя, тогда какъ ей слѣдовало бы отдыхать. На это она отвѣтила:

— Que fera ma jeunesse, si je ne la réunis chez moi?

Она всю жизнь свою посвящала другимъ.

Наступила осень. Такъ какъ матушка царица не выѣзжала, то государь пожелалъ сдѣлать сюрпризъ своей матери и устроить передъ ея окнами карусель. Пригласили участвовать насъ и старшую дочь Адینی, которая превосходно ѣздила верхомъ. Я, давно уже не ѣздившая, отказалась, но такъ какъ Адینی объявила, что безъ меня она ни за что не будетъ участвовать, то я отправилась съ ней на первую репетицію. Увидѣвъ меня въ амазонкѣ, государь, здороваясь со мной, сказалъ:

— Вотъ пріятный сюрпризъ! Мнѣ сказали, что вы отказались?

Я отвѣтила государю, что въ сущности я только зрительница, а въ случаѣ надобности буду служить подставной.

Въ полномъ составѣ никогда никто не собирався, а потому волею-неволею мнѣ пришлось участвовать.

Моимъ кавалеромъ былъ принцъ П. Г. Ольденбургскій, а Адینی выбрала себѣ отца своего, который чудный былъ кавалеристъ, хотя числился по пѣхотѣ.

Репетиціи дѣлались сначала въ придворномъ манежѣ, потомъ на дворѣ Большого дворца. Когда карусель была разучена, собрались у Большого дворца, а оттуда верхами направились къ Александровскому, гдѣ передъ окномъ матушки царицы, у котораго она сидѣла, продѣлали подъ звуки музыки всю программу.

Императрица Марія Александровна вмѣстѣ съ матушкой царицей смотрѣли на карусель, а когда мы кончили и салютовали имъ, выстроившись въ шеренгу, онѣ кивали намъ головой и махали платками въ знакъ одобренія.

Вспомнила я еще нѣсколько эпизодовъ, подтверждающихъ мои слова, что матушка царица была ангельской доброты. Приходится вернуться къ прошедшему. Адینی была въ дѣтствѣ дикарка, стоило только сказать: «посмотри на меня или покажи свои глаза», которые у нея были большіе черные, она моментально пряталась за мое платье, или же бывало уткнется носомъ въ полъ.

Привезла я ее однажды, когда ей было лѣтъ шесть, къ императрицѣ; она все пряталась и конфузила меня. Въ это время наслѣдникъ былъ тамъ; ея величество попросила его принести что-то изъ сосѣдней комнаты. Наслѣдникъ вернулся, держа въ рукахъ тяжеловѣснаго бронзоваго слона съ сидящимъ на немъ китайцемъ. Адینی начала любоваться слономъ, а затѣмъ стала смотрѣть на всѣхъ открыто; за это императрица подарила ей слона.

Другой случай былъ въ полномъ смыслѣ трогательнымъ.

Наканунѣ семнадцатилѣтняго дня рожденія Адини, ея величество прислала узнать у прислуги, когда день рожденія барышни, 8-го или 9-го сентября, только не велѣла говорить намъ, такъ какъ мы можемъ обидѣться, что она забыла праздникъ своей крестницы. 8-го утромъ новорожденная получила отъ августѣйшей крестной матери своей много подарковъ: ожерелье, состоящее изъ крупныхъ коралловъ, бѣлую шелковую матерію на платье, цвѣты для бала и проч.

Вечеромъ Адини была приглашена съ нами во дворецъ; это былъ первый выѣздъ ея въ свѣтъ, взрослой дѣвицей.

Здоровье матушки царицы начало сильно тревожить насъ, вечера отъбнялись часто по случаю ея слабости.

Въ началѣ октября мы съ Сашей были приглашены къ ней, застали ее во внутреннемъ покоѣ лежащей на кушеткѣ. Кромѣ насъ двоихъ и графа Апраксина, не было никого, и я разливала чай. Императрицѣ подавался постоянно отдѣльный приборъ съ чаемъ изъ *fleurs d'oranges*.

Это былъ послѣдній разъ, что я видѣла ее въ живыхъ.

19-го октября, дѣти возвращались съ гулянья и, проходя мимо Александровскаго дворца, узнали, что матушкѣ царицѣ хуже, и она прощается со всѣми. Мужъ тотчасъ побѣжалъ туда; всѣ уже простились, но когда государь, сидѣвшій у кровати больной, сказалъ: «*Maman, Patkul veut vous baiser la main*»,—она сдѣлала знакъ, что желаетъ видѣть его. Когда Саша поцѣловалъ ей руку, она обѣими руками взяла его за голову, нѣсколько разъ погладила, перекрестила и, повернувъ голову къ государю, указывая на Сашу, что-то тихо сказала ему. По отвѣту его величества: «*Soyez tranquille, maman, je n'abandonnerai jamais ni Patkul, ni sa famille*»,—Саша догадался, что она поручала его своему царственному сыну.

Хотя я пошла вслѣдъ за мужемъ, но къ великому моему горю опоздала; послѣ него никого не впускали къ императрицѣ.

Поздно вечеромъ мы пошли узнать изъ бюллетеня о состояніи здоровья. Въ передней встрѣтились съ докторомъ Кареллемъ, который на вопросъ нашъ опредѣлилъ, что къ утру ожидается конецъ, такъ какъ остался только маленькій кусочекъ легкаго.

20-го, въ началѣ седьмого часа, насъ разбудили! Государь прислалъ сказать, что матушка царица кончается, насъ приглашаютъ во дворецъ.

Одѣвшись наскоро во что попало, я побѣжала вслѣдъ за Сашей, который въ двѣ минуты былъ одѣтъ и опередилъ меня.

Погода была темная, пасмурная, моросилъ осенній пронизывающій мелкій дождикъ. Природа точно вторила грустному настроенію нашей души. Въ камеръ-юнгферской, гдѣ насъ собралось нѣсколько человекъ, царила полная тишина, чувствовался гнетъ

надвигающагося на насъ несчастья. Всѣ стояли безмолвно, при-слонясь къ стѣнѣ. Графъ Апраксинъ, окончивъ свою обычную работу—заводъ карманныхъ часовъ императрицы, сидѣлъ передъ столомъ, понуривъ голову.

Когда съѣхалась царская семья, дверь открыли, и насъ впустили въ сосѣднюю комнату рядомъ съ спальней императрицы.

Августѣйшая больная лежала за перегородкой, а семья стояла по сю сторону передъ окнами. У самой перегородки былъ поставленъ аналой, передъ которымъ, когда всѣ опустились на колѣни, духовникъ ихъ величествъ, отецъ Бажановъ, началъ читать отходную.

Долго ли читались молитвы, этого опредѣлить не могу, но когда послышался тихій протяжный вздохъ, чтеніе прекратилось, и мы поняли, что матушки царицы не стало.

Минуту спустя, камерфрау г-жа Рорбекъ, высунулась изъ за перегородки и кликнула: «Patkul, kommen Sieher». Во время агоніи голова императрицы скатилась съ подушки, и она позвала его на помощь. Поднявъ и уложивъ ее на мѣсто, онъ имѣлъ то утѣшеніе, что первымъ поцѣловалъ еще не остывшую руку своей второй матери и благодѣтельницы. Пока онъ помогалъ m-me Рорбекъ, ситцевая портьера дверей, между которой я стояла на самомъ порогѣ на колѣняхъ, вдругъ сильно заколыхалась безъ всякой видимой на то причины. Я подняла глаза и точно чувствовала, что душа отлетѣвшаго отъ насъ ангела пронеслась невидимкой надъ моей головой и произвела колыханіе драпировки.

Минуты этого впечатлѣнія мнѣ не забыть никогда.

Дѣти, которыхъ мы привели проститься съ матушкой царицей до панихиды, назначенной въ 11 часовъ, безутѣшно плакали цѣлый день, взрослые и подростки сознавали понесенную всѣми нами утрату, а маленькіе подражали старшимъ.

Когда мы собрались опять вечеромъ, то до панихиды гробъ съ дорогими останками былъ перенесенъ государемъ, братьями его, графомъ Апраксинымъ и Сапеемъ на половину императора Николая Павловича.

Во дворцѣ мы узнали, что желаніе матушки царицы было, чтобы ее вскрыли ради науки.

Можно представить себѣ, въ какомъ сконфуженномъ положеніи оказался лѣчившій ее докторъ, когда при вскрытіи легкія оказались совершенно здоровыми, а лѣчили отъ чахотки; въ мнимомъ аневризмѣ одинъ сердечный клапанъ дѣйствовалъ немного слабѣе, что не имѣло никакого значенія, а вся болѣзнь сосредоточилась въ желудкѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ кишечномъ отдѣлѣ. Какъ можно было ошибиться такъ непростительно! Одинъ докторъ Тильманъ вѣрно опредѣлилъ болѣзнь, но придворные эскулапы не повѣрили ему.

Въ день, когда тѣло матушки императрицы было перевезено въ крѣпость, я была назначена въ первую очередь дежурства, которое исполняли дамы, принадлежащія къ 4-мъ первымъ классамъ, не считая фрейлинъ.

Къ двумъ часамъ мы всѣ были собраны въ соборѣ, и, когда гробъ былъ поставленъ на катафалкъ, мы заняли свои мѣста; первые чины встали въ головахъ, младшіе въ ногахъ, а двѣ фрейлины впереди. Смѣна была каждые два часа, а такъ какъ я даже послѣ смѣны не покидала собора, то замѣняла или запоздавшую къ дежурству или ту, которая не въ состояніи была стоять такъ долго неподвижно. Такъ какъ читалось непрерывно Святое Евангеліе, то я не садилась во все время нахождения моего въ церкви. Только въ часъ ночи мнѣ стало холодно, и я пошла на квартиру коменданта выпить чашку чая. Тамъ застала всѣхъ суетившихся около М. Т. Пашковой, которая какъ-то неловко упала съ дивана и при своей тучности такъ сильно ушибла себѣ ногу, что лишилась сознанія. Я предложила ей взять всѣ часы ея дежурства на себя; она согласилась и уѣхала домой.

Мое дежурство не обошлось мнѣ даромъ! Всю ночь я простояла въ соборѣ, не чувствуя ни усталости, ни голода, ни холода, ни сонливости, но передъ самой обѣдней мнѣ такъ сдѣлалось не хорошо, что, оставивъ мужа и Адина въ церкви, я уѣхала. Приѣхавъ домой, я тотчасъ легла, а, увидѣвъ себя въ зеркалѣ, просто испугалась: лицо мое распухло до безобразія. Отъ слезъ могли вспухнуть глаза, ни никакъ не лицо и руки, а такъ какъ вдобавокъ я чувствовала сильный ознобъ, то пришлось послать за докторомъ. Пришлось пролежать десять дней въ постели и лишиться возможности присутствовать на панихидахъ. М. Т. Пашкова подверглась той же участи, благодаря своей ногѣ.

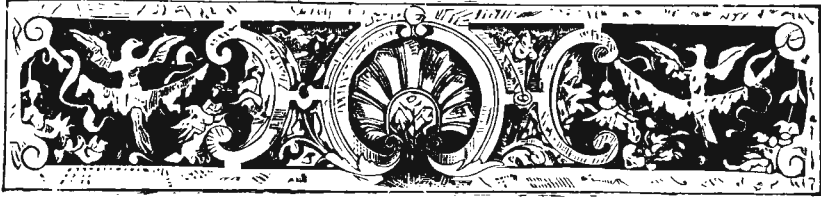
Пока матушка царица стояла еще въ Царскомъ, государь сказалъ Сашѣ: «Матап не забыла тебя, оставила 25 тысячъ».

Тогда же и m-me Рорбекъ передала мнѣ, что императрицею назначено было для меня ожерелье изъ 3-хъ нитокъ жемчуга, а Адина брилліантовый крестъ, о чемъ она заявила великому князю Николаю Николаевичу, который былъ назначенъ распорядителемъ. Но ни жемчуга, ни креста мы не получили: вѣроятно, заявленіе камерфрау сочли голословнымъ и не придали ему значенія.

Большое спасибо г-жѣ Рорбекъ; зная, какъ искренно мы любили матушку царицу, она передала Сашѣ одну половину фланелевой кофты, въ которой скончалась матушка царица, оставивъ вторую половину себѣ, а мнѣ локонъ волосъ, который я по сіе время ношу въ медальонѣ. Это дороже всякихъ жемчуговъ.

М. А. Паткуль.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВЫЙ РАЗКАЗЪ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ, разскажите, пожалуйста, когда вы начали писать?.. Что собственно васъ побудило? Очень интересно узнать!..—быстро проговорила молодая съ сѣрыми глазами женщина.

Литераторъ задумался, но затѣмъ улыбнулся.

— Что собственно меня побудило писать и стать беллетристомъ?—спросилъ онъ.—А какъ вы думаете?..

Бывшіе на этомъ вечерѣ гости оживились, заинтересовались и подвинулись ближе къ писателю. Въ самомъ дѣлѣ интересный вопросъ!

— Право, не знаю,—отвѣчала бойкая дама:—влюбилась, вѣроятно, или съ вами произошло что нибудь такое... особенное...

— Нѣтъ, первый разсказъ меня побудила написать... картина!..

— Какъ картина!?. Какая картина?..—послышались голоса.

— Картина на выставкѣ «передвижниковъ», картина небольшая, теперь уже покойнаго художника Ярошенко, но картина, тогда произведшая на меня глубокое впечатлѣніе... Давно это было... Если хотите, разскажу...

— Да, непременно... Нечего и спрашивать!—прибавила сѣроглазая дама.

Наступило нѣкоторое молчаніе.

— Да, давно это было... въ 1884 году... Я жилъ тогда на хуторѣ въ С—ской губерніи,—началъ Иванъ Ивановичъ:—на хуторѣ-съ, гдѣ мы сами работали, пахали, косили и прочее... Были мы молоды, сильны, полны вѣры въ жизнь и въ людей, и было нашимъ

искреннимъ желаніемъ служить нашему народу, мужику, на котораго мы даже походили внѣшнимъ видомъ. Загорѣлыя лица, съ мозолями руки радовали насъ, думаю, гораздо больше, чѣмъ культурнаго человѣка надиво вычищенные ногти и бѣлыя руки, вымытыя одеклономъ. Время было такое искреннее, благородное. Вы не думайте, что это была игра въ мужики, нѣтъ, ошибетесь... Мы дѣйствительно въ потѣ лица добывали хлѣбъ. Трудно было, господа!.. Но опять повторяю: мы были молоды и вѣрили... Русскіе идеалисты на что неспособны?! Это—такая сила, надъ которой напрасно смѣются нѣкоторые...

— Но зачѣмъ все это вы дѣлали?.. Мучили себя?.. — перебила нетерпѣливая слушательница:— мнѣ кажется, напрасно...

— Не перебивайте, Вѣра Ивановна, — раздались недовольные голоса:— не мѣшайте, пожалуйста...

— Мы думали, что не напрасно,—продолжалъ рассказчикъ:— мы хотѣли ближе стать къ народу, показать ему, что баринъ съ его точки зрѣнія также можетъ прокормить себя чистымъ земледѣльческимъ трудомъ. Тогда еще было свѣжо воспоминаніе крѣпостного времени, когда на барина работали, ухаживали и его выкармливали... Мы ненавидѣли тѣ времена и считали ихъ позоромъ своей родины и это чувство хотѣли выразить конкретно...

— Ну, и что же?..—начала Вѣра Ивановна, но на нее набросились со всѣхъ сторонъ.

Рассказчикъ взглянулъ на нее, хитро улыбнулся и продолжалъ:— «Можетъ быть, думаете, что мы были смѣшны... О, нѣтъ!.. Все было просто и ясно... донъ-кихотства никакого... работали и только, вставали со свѣтомъ и кончали работу съ закатомъ. Жили дружно, ѣли простую пищу, пили молоко да квасъ, и были бодры и здоровы... За народомъ былъ опытъ, за нами кое-что такое, въ чемъ народъ тоже нуждался... Я говорю о научныхъ приложеніяхъ и о томъ, что всякій честный и дѣйствительно образованный человѣкъ всегда можетъ быть полезенъ въ деревнѣ... Вотъ-съ!.. Однимъ словомъ мы устроились, на работѣ, какъ говорятъ крестьяне, «обтерпѣлись» и жили хорошо. Изъ городовъ пріѣзжали къ намъ пробовать работать, учиться... Нѣкоторые оставались подолгу, но большинство по трудности скоро уходило... Но къ дѣлу!.. Покосякъ былъ въ разгарѣ, работы, что называется, по горло, отъ зари до зари. Урожай тогда былъ превосходный и хлѣба и травы. Погода стояла прямо хозяйственная...

Иванъ Ивановичъ задумался, закурилъ папиросу, взглянулъ на слушателей и продолжалъ:

— Кажется, въ воскресенье или въ какой-то другой праздникъ, въ послѣобѣденное время, когда мы сидѣли на крыльцѣ дома, по дорогѣ къ нашему хутору показалась небольшая женская фигура съ котомкой за плечами. Это была молодая дѣвушка, которая, приблизившись къ намъ, спросила хозяина.

— Что угодно? Я самый,—отвѣчалъ послѣдній.

— Возьмите меня въ работницы,—тихо проговорила пришедшая и облокотилась о перила крыльца. Она была блѣдна, вся въ пыли и видимо устала страшно. Мы попросили ее сѣсть и спросили, издалека ли.

— Изъ Ч—ой губерніи... Насилу добралась,—отвѣчала странница.

— Какъ?.. Неужели пѣшкомъ?..—изумились мы, смотря на ея слабую фигуру и блѣднѣе, совсѣмъ молодое личико.

— Да, пѣшкомъ,—прошептала она.

Ее пригласили отобѣдать, отдохнуть, оставивъ до болѣе удобнаго времени дальнѣйшіе разспросы.

Странное на меня тогда впечатлѣніе произвела эта незнакомая дѣвушка. Вся она была такая нѣжная, изящная, только въ ея небольшихъ карихъ глазахъ порой проскальзывало выраженіе чего-то фанатическаго. Бываютъ такія молодыя монашенки, охваченныя религіознымъ экстазомъ, вѣрующія беззавѣтно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то болѣзненно.

— Куда ей работать?!—проговорилъ хозяинъ, когда незнакомка ушла отдыхать:—это какой-то слабый ребенокъ!.. Что мы съ ней станемъ дѣлать?!

— Ну, какънибудь,—сказалъ я:—будетъ помогать, ворошить сѣно, найдемъ работу...

— Чудно!.. Пѣшкомъ пришла! Да вѣдь это верстѣ двѣсти будетъ... Деньги, говорить, есть... Я спрашивалъ: отчего не пріѣхала по желѣзной дорогѣ?.. а она въ отвѣтъ: развѣ я дурно поступила, если пришла пѣшкомъ? Не дурно, а глупо... волновался хозяинъ... Къ чему это?.. Теперь и бабы и мужики все по чугункѣ ѣдутъ, развѣ когда на богомолье—тогда идутъ!.. Право, странная особа!.. Что я съ ней буду дѣлать? Картошку копать еще время не пришло... Коровъ доить куда ей!..

Дѣйствительно, новопривывшая на всѣхъ произвела странное впечатлѣніе, но мы думали, что дѣвушка, привыкнувъ и ближе познакомившись съ нами, и устроится и успокоится. Но произошло нѣчто иное... Нервность и возбужденность не оставили ея и на другой день... Прежде всего она сейчасъ же и очень настойчиво потребовала себѣ работы и накинулась на нее, какъ голодная на кусокъ хлѣба... Ея маленькія руки плохо владѣли неуклюжими деревенскими граблями. Съ непривычки она забирала слишкомъ большіе клоки сѣна, которые не подъ силу были для ея слабаго организма. Тяжело было смотрѣть на дѣвушку, на ея непомирныя усилія, но она была такъ серьезна, поглядывала по сторонамъ почти враждебно, что посовѣтовать ей не утруждать себя на первое время никому не хотѣлось... Пусть ея!..

Такъ продолжалось день, другой. Дѣвушка не переставала дичиться, сторониться. Она крайне неохотно говорила о себѣ, о своемъ

прошломъ. Тѣмъ не менѣе мы узнали, что она училась въ гимназiи, имѣла брата, были живы и родители. Фамилія дѣвушки была Волинцева, по имени Софья Ивановна, но она просила звать ее Софьей.

По прошествіи недѣли странная дѣвушка подружилась съ молодой бабой Матреной, съ которой она стала неразлучной. Впрочемъ, и другія деревенскія женщины относились къ Софьѣ Ивановнѣ душевно, но видимо съ жалостью.

Мы привыкли къ слабому созданію, которое во что бы то ни стало хотѣло мучить себя непосильнымъ трудомъ, и относились къ ней сдержанно и деликатно. Перемѣны въ ней не было, напротивъ еще задумчивѣе, сдержаннѣе становилась Волинцева и смотрѣла нелюдимкой.

Мнѣ было жаль дѣвушку.

Возвращаясь какъ-то разъ вечеромъ съ рѣки, я присѣлъ около бугра и сталъ смотрѣть на живописный ландшафтъ, разстилающійся передъ моими взорами и уходящій къ далекому синему лѣсу. Небольшая рѣчка, причудливо извиваясь, заворачивала вправо и, обогнувъ на высокомъ берегу деревню, сверкала среди поемныхъ луговъ; слѣва небольшая березовая роща выступала особенно картинно къ полямъ золотой ржи, частію уже тронутой жнищами. Я любилъ это мѣсто и часто подолгу сидѣлъ и смотрѣлъ на простую красоту русской природы... Вотъ и теперь!.. Но вдругъ голоса... Что это? Кто-то тихо плачетъ... Я сталъ прислушиваться...

— Болѣзненная, не нудь себя, оставь заботы!..

Я узналъ голосъ Матрены и догадался, что съ ней была Волинцева. Стало быть, это она плакала.

— По силамъ Богъ труды кладетъ,—продолжала сердобольная баба:—съ малаго да со стараго не взыщется... Гдѣ тебѣ надъ нашей мужицкой работой убиваться... смотри, твои товарищи ровно меренъе сытое!.. Пошла бы на покой къ родителямъ... не бойсь, они страдаютъ по дочкѣ... Ну, чего ты?!

Волинцева продолжала плакать еще горьчѣе.

— Что-жъ я,—заговорила сквозь слезы дѣвушка:—не могу ничего... не человекъ... всѣ могутъ... а я... такая... несчастная... Смѣются надо мной, думаютъ, зачѣмъ пришла... мѣшаю!..

И снова слезы, слезы...

— Въ учебу ребята бы взяла, чѣмъ серпомъ-то колоть руки, аль вязать, шить что...—продолжала Матрена.

«Экая умная и хорошая баба,—думалъ я:—въ самомъ дѣлѣ изъ Софьи Ивановны отличная бы вышла учительница!»

Я не сталъ больше слушать и, чтобы не быть замѣченнымъ, спустился внизъ къ рѣкѣ и поднялся на хуторъ другой тропинкой.

Однако Волинцева съ бабой откровенна, а съ нами нѣтъ. Что въ самомъ дѣлѣ въ ней за бѣсъ сидитъ? Да, права Матрена: не для тяжелой работы эта субтильная дѣвушка.

Я рѣшилъ при удобномъ случаѣ переговорить съ ней, убѣдить ее бросить работать. Долго выбиралъ я подходящее время, когда, наконецъ, въ воскресенье, подъ вечеръ, встрѣтилъ дѣвушку, возвращавшуюся изъ деревни. На этотъ разъ у нея былъ нѣсколько оживленный видъ.

Мы пошли вмѣстѣ.

— Долго еще пробудете у насъ?—спросилъ я не совѣмъ тактично.

— А что вамъ?—испуганно и жалобно взглянула на меня Во-лынцева.

— Мнѣ, конечно, ничего, Софья Ивановна, да вамъ-то трудно!..

— А вы почему знаете?.. развѣ я говорю?!

— Мнѣ кажется,—отвѣчалъ я,—впрочемъ не мое дѣло...

— Вы все гордые... эгоисты... бездушные...—вдругъ разгорячилась Волынцева и посмотрѣла на меня сверкающимъ взоромъ.

— Помилуйте!—возразилъ я.

— Вы горя не понимаете... страданія... не чувствуете!..

Я не зналъ, что сказать на такіе неожиданные упреки. Совѣтъ взяться за учительскую дѣятельность показался мнѣ теперь и грубымъ и нелѣпымъ... Да не совѣты и нужны были этому еще ребенку-идеалисту!

— Простите меня, Софья Ивановна, — сказалъ я, сворачивая въ сторону.

— Нѣтъ, нѣтъ,—заволновалась она, взявъ меня за руку.—Я злая, злая... васъ обидѣла... вы мнѣ добра желали... Простите меня!..

Мы разстались, и я никому не передавалъ объ этомъ случаѣ.

Все продолжалось попрежнему до Успеньева дня. Наканунѣ этого праздника рано, со свѣтомъ, Софья Ивановна въ обществѣ нѣсколькихъ бабъ ушла на храмовой праздникъ въ дальнее село. Ушла и больше не возвращалась. Возвратившіяся баба говорили, что онѣ потеряли ее въ толпѣ богомольцевъ.

Мы побесѣдовали о странной дѣвушкѣ, каждый о ней высказалъ свое мнѣніе, но все пришли къ одному выводу, что она чловѣкъ странный и даже ненормальный. Вотъ и все!..

Не стану вамъ рассказывать тѣхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ наша компанія разстроилась. Нѣкоторые остались на хуторѣ и продолжали работать, другіе ушли въ городъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ вашъ покорный слуга, промѣнявшій сермягу на пиджакъ и культурную обстановку.

Какъ-то утромъ, часовъ въ 11, я затопилъ каминъ. Сырыя дрова плохо разгорались. Звонокъ отвлекъ меня отъ растопки. Къ моему удивленію, въ комнату вошла Волынцева.

— Узнаете?—спросила она.

— Еще бы!.. очень радъ... Садитесь, пожалуйста!..

Волынцева подвинула стулъ къ камину и какъ-то съежилась.

Я смотрѣлъ на нее. Перемѣны не было, только еще худѣ стало ея тѣло, и больше, выразительнѣе казались черные глаза.

— Давно въ Москвѣ?

— Нѣтъ... недавно!.. Случайно узнала вашъ адресъ и пришла спросить о тѣхъ...

Софья Ивановна подробно разспросила о каждомъ изъ товарищей на хуторѣ. Потомъ, смотря на огонь въ каминѣ, она вынула бумажку, другую, подержавъ ихъ въ рукѣ, бросила въ огонь. Слабая улыбка на мигъ появилась на ея блѣдныхъ губахъ, и снова выраженіе ея лица стало строгое.

— Что вы теперь, Софья Ивановна, думаете дѣлать?

— Дѣлать?! я, дѣлать? — горько усмѣхнулась Волынцева: — я ничего не могу дѣлать... Помните, тогда... вы хотѣли мнѣ посовѣтовать быть учительницей...

— Почему вы такъ думали?—удивился я.

— Такъ... Многіе совѣтовали мнѣ эту дѣятельность.

— И что же?

— Не могу!—коротко отвѣчала Волынцева и стала прощаться.

Дня три прошло со времени ея визита, когда въ полученной мною газетѣ я прочелъ: «Въ меблированныхъ комнатахъ N.N. выстрѣломъ изъ револьвера покончила жизнь С. И. Волынцева. Причины самоубійства неизвѣстны». Я обомлѣлъ. Не выдержала бѣдная! Страдать не хватило силъ, какъ не было ихъ, чтобы работать крестьянскую работу. Въ народѣ она была лишней, а культурный міръ считала эгоистичнымъ. И вотъ страдающая душа нашла покой...

Конечно, въ столицѣ такой случай остался незамѣтнымъ. Я долго не могъ забыть ея маленькой фигуры съ блестящими мрачными глазами.

— Когда же картина?—перебила Вѣра Ивановна.

— Сейчасъ, сейчасъ... Осталось самое интересное...

Пришла весна, и въ Москвѣ открылась обычная выставка «передвижниковъ». Я люблю живопись и на другой день открытія отправился смотрѣть. Помню, особенно много было народа около картины Рѣпина «Не ждали», дѣйствительно, благородной работы и по сюжету и по исполненію. Отъ толкотни и движенія я усталъ и вошелъ въ уголокъ, гдѣ пустовалъ одинъ стулъ. Усѣвшись, я взглянулъ на обыкновенный русскій пейзажъ, который, странно... напоминалъ мнѣ именно то мѣсто, гдѣ Волынцева бесѣдовала съ Матреной. Но что это? Мое сердце страшно забилось. Рядомъ, да, рядомъ съ этой картиной, висѣла другая, на которой распростертой лежала молодая дѣвушка. Это была самоубійца, и подъ полотномъ заглавіе: «Причины неизвѣстны».

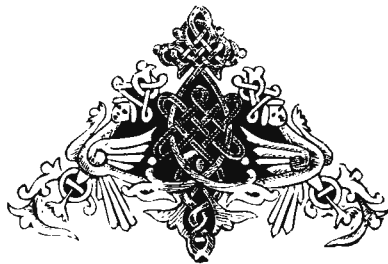
Я хорошенько не разобралъ, не рассмотрѣлъ всѣхъ подробностей этой картины и подъ вліяніемъ какого-то необъятнаго внутренняго страха покинулъ выставку. Куда дѣвалось мое спокойное

настроение! Я бродилъ по городу безъ цѣли, мнѣ вдругъ сталъ противенъ этотъ большой городъ, непріятны незнакомыя лица, и образъ Волынцевой вставалъ въ моемъ воображеніи съ неотразимой ясностью, словно тѣнь ея носилась предо мною.

Прошелъ день, наступила ночь, и кошмаръ продолжался. Я не зналъ, что дѣлать, какъ убить это ужасное время. На столѣ лежали листы бумаги. Я сталъ машинально писать, поставивъ заголовокъ: «Причины извѣстны». Я писалъ про Волынцеву, писалъ, что она была сельской учительницей, о томъ, какъ ее любили и дѣти, и бабы, и мужики, я писалъ и о природѣ и о развитіи дѣвушки-идеалистки, писалъ много, писалъ горячо и не замѣчалъ, какъ бѣжитъ время, и листъ за листомъ покрывается словами, фразами, скорбной повѣсти. Къ утру рассказъ былъ готовъ. Учительница Волынцева покончила жизнь самоубійствомъ. Вотъ и все!.. Теперь понимаете, какую роль играла картина въ моемъ первомъ рассказѣ... Усталъ я, господа, позвольте попрощаться,—грустно окончилъ Иванъ Ивановичъ, взявъ въ руки свою шляпу.

Всѣ молча простились съ нимъ.

С. Васюковъ.

МОЯ ПРАБАБУШКА.

(Изъ семейной хроники).

ОЧТИ въ каждомъ семействѣ сохраняются, болѣе или менѣе, любопытныя преданія. Такъ моя мать, Тимирязева, Аделаида Клементьевна, урожденная баронесса Боде, часто рассказывала намъ, дѣтямъ, патетическую одиссею ея бабушки—также баронессы Боде—во время французской революціи. Эта энергичная, предприимчивая и практическая женщина бѣжала съ мужемъ и дѣтьми изъ принадлежавшаго имъ помѣстья Сульцъ, въ Эльзасѣ, сначала въ Германію, а потомъ въ Россію, гдѣ она была осыпана милостями императрицы Екатерины II и императора Павла I. Моя мать въ своихъ рассказахъ упоминала и относительно походовъ прабабушки въ Россіи, гдѣ державные покровители пожаловали баронессѣ Боде помѣстья въ Петербургской и Екатеринославской губерніяхъ, а также въ Крыму. Но насъ, дѣтей, особенно занималъ эпизодъ ея бѣгства изъ Сульца, при чемъ одинъ изъ ея сыновей потерялъ башмакъ и продолжалъ путь полубосой.

Этотъ эпизодъ упоминался и въ «Мемуарахъ» прабабушки, которыми очень дорожили въ нашемъ семействѣ. Они представляли небольшой рукописный томикъ въ зеленомъ переплетѣ, и въ немъ прабабушка рассказывала на французскомъ языкѣ, довольно кратко, всѣ приключенія изъ своей жизни. Съ теченіемъ времени эти «Мемуары» неизвѣстно куда исчезли, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ семействѣ не осталось ихъ слѣда. Позже я узналъ, что послѣ прабабушки сохранилась другая книга, написанная въ послѣдніе годы ея жизни, подъ заглавіемъ: «Recit d'avantures», которую

перевела съ англійскаго языка на французскій ея дочь, графиня Коломби. По всему вѣроятію, «Мемуары», бывшіе у насъ, составляли копію съ этой книги, но я никогда ея не видалъ.

Несмотря на это, память о прабабушкѣ живо сохранялась на каждомъ шагу въ имѣніи Ропшѣ, подаренномъ ей императоромъ Павломъ, близъ Нарвы. Въ дѣтствѣ и юности я часто жила въ немъ, и невольно мнѣ грезилась въ каждомъ уголкѣ длиннаго стараго деревяннаго дома, построеннаго ея сыномъ и моимъ дѣдушкой, барономъ Клементіемъ Карловичемъ Боде, высокая, строгая старуха. Все, начиная съ мебели краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями, въ стилѣ «empire», до вѣковыхъ деревьевъ на берегу рѣки противъ оконъ дома, носило отпечатокъ того стараго времени, когда прабабушка царствовала здѣсь.

Въ мое время хозяйкой имѣнія была бабушка, баронесса Шарлотта Францовна Боде, такъ какъ ея мужъ и сынъ постоянно находились въ Англии, гдѣ вели послѣдовательно, одинъ за другимъ, въ продолженіе болѣе сорока пяти лѣтъ, миллионный процессъ. Даже въ этомъ процессѣ сохранилась память о прабабушкѣ, такъ какъ они добивались осуществить ея завѣтную мысль—возвращеніе Сульца. Мысль объ этомъ впервые пришла въ голову ея старшему сыну послѣ водворенія во Франціи Бурбоновъ, но вскорѣ оказалось, что возвращеніе Сульца было невозможно, и приходилось довольствоваться ходатайствомъ о вознагражденіи за потерю богатаго помѣстья. Надѣясь, что дѣло выиграется скоро, баронъ не возвратился въ Россію послѣ походовъ 1812—1815 гг., въ которыхъ онъ принималъ участіе, въ качествѣ русскаго полковника. Императоръ Александръ выдалъ ему на расходы по этому дѣлу около тысячи фунтовъ стерлинговъ. На основаніи того, что онъ родился въ Англии, баронъ обратился, въ качествѣ ея подданнаго, къ англійскому правительству съ просьбою выдать ему вознагражденіе, какъ англійскому эмигранту, изъ полученной отъ Франціи на этотъ предметъ суммы. Однако, англійское правительство всѣми мѣрами воспротивилось этой уплатѣ, хотя Франція и упомянула барона Боде въ числѣ пострадавшихъ эмигрантовъ.

Такимъ образомъ возникъ знаменитый Бодевскій миллионный процессъ, который до того сталъ извѣстенъ всѣмъ и каждому въ Англии, что Диккенсъ основалъ на немъ свой романъ: «Холодный домъ». Сначала баронъ оцѣнилъ свое требованіе въ 541.162 фунта стерлинговъ, впоследствии же эта сумма возросла съ процентами до 1½ милліона фунтовъ стерлинговъ, т. е. около 15 милліоновъ рублей. Ему пришлось ходатайствовать по всѣмъ судамъ, начиная отъ низшихъ до высшихъ, судиться во всѣхъ инстанціяхъ и въ обоихъ парламентахъ, въ верхнемъ и нижнемъ. Дѣло вели лучшіе въ то время юристы и политическіе дѣятели: лордъ Дерби, бывшій лордъ-канцлеръ Труро, членъ нижняго парламента

Давенпортъ Гиль, лордъ Линдгурстъ, лордъ Бругамъ и проч. Оно было выиграно нѣсколько разъ въ высшихъ судахъ, и по старинному англійскому обычаю, какъ въ судахъ, такъ и въ парламентахъ была провозглашена традиціонная фраза: «Let right be done» (да будетъ правда). Но какъ только дѣло доходило до выдачи денегъ, то англійское правительство находило какую нибудь новую придирку, и дѣло начиналось сызнова. Наконецъ въ 1846 году баронъ умеръ въ самомъ несчастномъ положеніи, не имѣя средствъ продолжать свой процессъ.

За это взялся его старшій сынъ и братъ моей матери, баронъ Клементій Клементьевичъ Боде. Онъ служилъ прежде въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, былъ первымъ секретаремъ посольства въ Персіи и бросилъ блестящую карьеру, чтобы довести это дѣло до развязки. Снова потянулся процессъ въ палатѣ пэровъ и въ палатѣ общинъ; лорды высказывались въ пользу барона, находя, что его дѣло было очень «жестокое и несправедливое», а палата общинъ въ 1861 году назначила комитетъ для разсмотрѣнія дѣла. Казалось, оно было выиграно, и оставалось лишь англійскому правительству рѣшить, гдѣ взять денегъ для уплаты барону. Но въ этомъ-то и заключалась причина упорства англійскаго правительства. По словамъ извѣстнаго сэра Теодора Мартина, біографа принца консорта: «деньги, которыми надо было уплатить барону требуемую имъ сумму, или, по крайней мѣрѣ, часть ея, были издержаны, и могущественное казначейство заглушало голосъ чести». Существовала даже легенда, что на Бодевскія деньги былъ перестроенъ и заново отдѣланъ Букингамскій дворецъ въ Лондонѣ, гдѣ жила тогда королева Викторія.

Баронъ такъ мало вѣрилъ въ честность англійскаго правительства, что телеграфировалъ своей матери: «не слишкомъ надѣйтесь на успѣхъ». Дѣйствительно, этотъ мнимый успѣхъ былъ лебединой пѣснью знаменитаго процесса. Англійское правительство снова затянуло дѣло, изобрѣтая новыя закорючки, и баронъ, подобно отцу, за неимѣніемъ средствъ, долженъ былъ отказаться отъ него. Онъ вернулся въ Россію и послѣ смерти матери, продавъ имѣніе Ропшу, поселился въ Московской губерніи, гдѣ умеръ, оставивъ послѣ себя сына, теперь молодого инженернаго офицера, барона Августина Клементьевича Боде.

Такимъ образомъ драматическая эпопея жизни прабабушки имѣла не менѣе драматическій эпилогъ въ погонѣ за милліонами ея сына и внука, желавшихъ во что бы то ни стало исполнить ея завѣтъ—возвратить семьѣ Сульцъ или его стоимость.

Прошло много, много лѣтъ, и ребенокъ, игравшій въ старомъ домѣ въ Ропшѣ и слушавшій рассказы матери о прабабушкѣ, сдѣлался старикомъ. Неожиданно мнѣ пришлось увидать въ англійскихъ газетахъ извѣстіе о появленіи новой книги, подъ загла-

віемъ: «Баронесса Боде 1775—1803 г.г., сочиненіе Вилльяма Чайльдъ-Пембертона». Выписавъ книгу, я съ любопытствомъ ее прочиталъ; она оказалась біографіей моеи прабабушки, составленной на основаніи ея переписки съ англійскими родственниками и преимущественно съ двумя сестрами. Одна изъ нихъ, мистриссъ Аддерлэй, завѣщала переписку своему внуку, лорду Нортону, который передалъ эту рукопись Пембертону. Въ одномъ изъ писемъ прабабушки, относившемся къ послѣдней эпохѣ ея жизни, видно, что она также писала свою подробную автобіографію на англійскомъ языкѣ. Уже два тома были готовы, и она принялась за третій, какъ внезапно рѣшила не печатать своей книги, до поры, до времени. Эта перемѣна была вызвана боязнью обидѣть когонибудь изъ живыхъ современниковъ. Дальнѣйшая судьба этой рукописи неизвѣстна, и отрывки ея писемъ, приводимые Пембертономъ, составляютъ все, что сохранилось отъ прабабушки.

Вообще содержаніе ея писемъ, судя по напечатаннымъ отрывкамъ, главнымъ образомъ касается ея походовъ въ Германіи и Франціи, жизнь же въ Россіи описана чрезвычайно кратко. Большая часть писемъ посвящена лишь семейной сторонѣ ея существованія, тогда какъ о жизни двора при Екатеринѣ, Павлѣ и Александрѣ говорится слегка, какъ бы вскользь. Не менѣе скупо упоминаетъ прабабушка и о русской аристократіи, съ которой она была въ дружескихъ отношеніяхъ. Главной причиною служить то обстоятельство, что она всю свою жизнь заботилась только о своемъ многочисленномъ семействѣ. Не имѣя состоянія, она старалась связями, протекціей высокихъ лицъ и сношеніями съ людьми вліятельными обезпечить семейству не только насущный хлѣбъ, но и будущность. Естественно, что вслѣдствіе этого ея переписка была чрезвычайно осторожна изъ боязни скомпрометировать когонибудь изъ власть имѣющихъ. Съ этою цѣлью она мало говоритъ о происшествіяхъ, случившихся въ ея время при дворѣ, или въ свѣтскомъ обществѣ. Наконецъ, это было сто лѣтъ назадъ, и въ то время она могла опасаться, что ея письма могутъ быть вскрыты правительствомъ и прочитаны. Впрочемъ, помимо этого, ея отличительной чертой было благородство, которое заставляло ее не все говорить, что видѣла у друзей.

Однако, несмотря на это, нельзя упрекнуть прабабушку въ томъ, что ея переписка совершенно безынтересна; она все-таки освѣщаетъ достаточно нравы и обычаи того времени. Съ перваго взгляда покажется, что ея поступки и дѣйствія въ большинствѣ случаевъ походятъ на выпрашиваніе и ухаживаніе съ корыстной цѣлью за знатными лицами. Но не надо забывать ту эпоху, когда ухаживать за вліятельными лицами и получать отъ нихъ подарки считалось вполне естественнымъ. Лично прабабушка не была корыстной женщиной, а напротивъ честной, доброй, благородной, лю-

бившей больше всего на свѣтъ свою семью. Конечно, ради мужа и дѣтей она вѣчно хлопотала, суетилась, а также искала средствъ къ обогащенію.

Еще остается прибавить, что самыя письма написаны очень просто, ясно и занимательно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, касающихся чисто семейныхъ подробностей—очень интересныхъ, можетъ быть, для ея сестеръ, но на постороннихъ онѣ навѣваютъ скуку. Въ очеркѣ ея жизни я старался передать читателямъ только то, что любопытно для всякаго, особенно русскаго. Вообще, ея характеристика, рисуемая этими письмами, не только имѣетъ психологическое значеніе, но и отчасти историческое.

I.

Прабабушка была четвертой дочерью Томаса Киннерзлея, владѣльца Локслэя-Парка, въ Стафортширѣ. Онъ былъ дворянскаго происхожденія, богатъ, и имѣлъ хорошія связи. Его дочь, Мэри (прабабушка), съ юности выказывала большое пристрастіе къ заграничнымъ путешествіямъ, и во Фландріи увидѣла впервые своего будущаго жениха. Онъ ей очень понравился, и, 21-го октября 1775 года, она вышла за него замужъ. Его звали барономъ Карломъ-Августомъ Боде. Онъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше ея и по происхожденію нѣмецъ, а по положенію французскій офицеръ. Онъ былъ очень добрый и хорошій человекъ, но мягкій и безхарактерный, что не мѣшало ему всю жизнь горячо и преданно любить свою жену, которая, напротивъ, отличалась твердостью воли, энергіей и необыкновенной предприимчивостью.

Сначала они поселились въ Лилѣ, гдѣ стоялъ полкъ барона, но вскорѣ онъ перешелъ въ полкъ герцога Сарбрюкенъ-Нассау, при чемъ все-таки не покинулъ службы французскаго короля. Жена его сблизилась съ герцогиней Нассауской и сдѣлалась ея придворной дамой. «Она была,—замѣчаетъ прабабушка:—безукоризненной нравственности, хотя въ то время аристократическія дамы не всѣ отличались этимъ качествомъ». Однако, чрезъ два года, герцогиня умерла, и тѣмъ прекратилась придворная жизнь баронессы, которая въ это короткое время совершенно превратилась изъ скромной застѣнчивой дѣвушки въ опытную свѣтскую даму.

Вскорѣ семья Боде завела дружбу съ другими нѣмецкими владѣтельными особами, именно: герцогомъ Цвейбрюкенскимъ и его женою, игравшими важную роль въ войнѣ за Баварское наслѣдство, втеченіе которой прекратилась переписка баронессы съ сестрой, такъ какъ она принуждена была выѣхать на время въ Англію. По заключеніи Тешенскаго мира она вернулась къ своему мужу въ Германію. Между тѣмъ, она родила трехъ сыновей, изъ

которыхъ одинъ умеръ въ младенчествѣ. Съ увеличеніемъ семейства положеніе молодой четы становилось затруднительнымъ, такъ какъ имъ приходилось жить на небольшое офицерское жалованье барона и еще меньшее содержаніе, получаемое отъ Цвейбрюкенскаго двора. Тутъ **начала выказывать прабабушка свои замѣчательныя практическія способности.** Хотя она и писала сестрѣ: «повѣрь мнѣ, что если мужъ и лучший изъ людей, то все-таки холостая жизнь—предпочтительнѣе», но выказывала замѣчательную любовь къ своему мужу и дѣтямъ и всячески заботилась, чтобы обезпечить ихъ будущность. Лучшимъ средствомъ къ этому она нашла распространеніе связей съ вліятельными, знатными особами.

Въ 1782 году, все семейство переехало въ Бергцабернъ, на границу Германіи и Франціи, близъ Сарбрюкена, резиденціи Цвейбрюкенскаго двора. Баронъ часто ѣздилъ въ Мецъ, гдѣ стоялъ его **подлкъ**, а баронесса затѣяла открыть фабрику кружевъ, съ благотворительной и финансовой цѣлью. Однако, это предпріятіе не имѣло успѣха, а семейство баронессы ежегодно увеличивалось. Тогда она рѣшилась уговорить мужа продать свой полковничій патентъ, чего нельзя было сдѣлать безъ согласія герцога Нассаускаго и французскаго короля. Оба они согласились, и дѣло имѣло успѣшное окончаніе. Нашелся юноша, купившій патентъ за 5.000 фунтовъ стерлинговъ. Эта сумма поправила дѣла семейства, которое осталось жить въ Бергцабернѣ. Ихъ жизнь протекала мирно и благополучно, хотя семейство все прибывало, и баронесса очень заботилась, чтобы дѣтей ея крестили важныя лица, какъ императрицы, королевы, ландграфы, герцоги и т. д. «Кто знаетъ,—говорила она:—можетъ быть, они будутъ могущественными покровителями моихъ дѣтей».

1788 годъ былъ счастливѣйшимъ для прабабушки. Неожиданно, въ предыдущемъ году умеръ бездѣтнымъ принцъ Роганъ-Субизъ, владѣлецъ значительнаго лена Сульцъ, въ Эльзасѣ, поэтому означенное владѣніе возвратилось къ верховному феодальному владѣтелю, епископу Кельнскому, младшему брату Маріи-Антуанеты и императора Іосифа II. Къ нему обратился баронъ Боденъ съ просьбой передать ленъ, и послѣ долгихъ переговоровъ епископъ согласился уступить свои права за 8.000 фунтовъ стерлинговъ. У барона же было только пять тысячъ, вырученныхъ за продажу офицерскаго патента, и онъ остальные три тысячи занялъ у англійскихъ родственниковъ жены. Такимъ образомъ дѣло сладилось, но, кромѣ того, ему необходимо было получить верховную инвеституру отъ Людовика XVI, такъ какъ по феодальнымъ правамъ король былъ высшимъ сюзереномъ всѣхъ владѣтелей. Это, конечно, требовало нѣкоторыхъ расходовъ и принятія французскаго подданства. Наконецъ, все устроилось: баронъ сдѣлался леннымъ владѣльцемъ Сульца.

Баронесса была въ восторгѣ и писала своей сестрѣ:

«Наша резиденція Сульцъ—очень хорошенькій городокъ. Но, кромѣ того, мы имѣемъ семь деревень. Мы полные хозяева этого лена. Вся гражданская власть сосредоточивается въ нашихъ рукахъ. По крайней мѣрѣ, двѣнадцать должностей зависятъ отъ насъ, и уже насъ бомбардируютъ со всѣхъ сторонъ искатели мѣстъ. Я рѣшительно не могу объяснить тебѣ, въ чемъ заключаются эти должности, потому что онѣ совершенно разнятся отъ англійскихъ. Прежде всего здѣсь есть bailli, нѣчто въ родѣ окружнаго судьи; онъ имѣетъ большое значеніе, и хотя это мѣсто занимаетъ не важное лицо, но онъ имѣетъ карету и ѣдетъ не хуже англійскаго лорда. Второй чиновникъ называется greffier, то-есть секретарь, также человѣкъ вліятельный и принадлежащій къ обществу; потомъ слѣдуютъ мэръ, управляющій, фискаль, смотритель тюрьмы и прочее. Я уже сказала, что Сульцъ—хорошенькій живописный городокъ: въ немъ есть католическій соборъ, протестантская церковь и еврейская синагога. У насъ живутъ до двадцати четырехъ еврейскихъ семействъ; они намъ платятъ за право жительства. Намъ принадлежитъ также десятинная подать. Наши подданные обязаны поставлять намъ индѣекъ, курицъ, каплуновъ, хлѣбъ, картофель и сѣно въ такомъ количествѣ, что мы не можемъ ихъ уничтожить. Невозможно тебѣ объяснить всѣхъ правъ, которыми мы обладаемъ; мы этого даже сами не знаемъ. Всякая женщина должна доставить мнѣ ежегодно два фунта льняной или пеньковой пряжи; каждый мужъ и жена обязаны работать на насъ десять дней въ году. Точно также десять дней въ году работаетъ на насъ каждый фургонъ и каждая телѣга. Всѣ трактирщики обязаны платить намъ известную сумму, а также намъ платятъ столько-то съ каждаго галлона вина, ввозимаго на нашу землю. Всѣ штрафы идутъ въ нашу пользу, и намъ также принадлежатъ наследственные пошлины. Мы одинаково же пользуемся доходами съ солеваренъ, которыми владѣемъ на алодіальномъ основаніи. Въ нашемъ ленѣ находятся угольные копи, которыя обѣщаютъ принести намъ большой доходъ. Уголья намъ необходимы для соляного и дегтярнаго производства, такъ какъ все дѣлается огнемъ, а лѣса въ окрестностяхъ очень мало. Есть основаніе полагать, что у насъ находится купоросъ. Что же касается до поверхности земли, то она чрезвычайно плодородна: это—страна хлѣба, масла и вина... Если Богъ послалъ намъ множество дѣтей, то онъ далъ намъ и множество всего необходимаго для нихъ».

Цѣль всей жизни прабабушки была достигнута. Все ея семейство, уже состоявшее изъ восьми человѣкъ, такъ какъ четверо умерли, было вполне обеспечено. У нихъ было собственныхъ подданныхъ 4.000 человѣкъ, и они получали болѣе 12.000 ливровъ въ годъ. Съ особымъ торжествомъ новые владѣльцы Сульца были

введены во владѣніе, въ присутствіи всего семейства барона, представителя короля, какъ верховнаго сюзерена, и значительной части вѣрноподданныхъ. Кромѣ официального пріема съ многочисленными рѣчами и стихами на французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и еврейскомъ языкахъ, было парадное богослуженіе въ церквахъ католической и лютеранской; потомъ роскошный банкетъ съ тостами, наконецъ, балъ и иллюминація.

Однако, послѣ этого веселья имъ пришлось вернуться въ свое скромное жилище въ Бергцабернѣ, такъ какъ старинный замокъ въ Сульцѣ находился въ развалинахъ, и баронъ приступилъ къ постройкѣ новаго дома. Онъ задуманъ былъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что только часть его была готова въ 1790 году, и владѣльцы могли переѣхать въ свой домъ, хотя онъ никогда не былъ окончательно отстроенъ.

Впрочемъ, новоселье совпало уже съ печальной эпохой судьбы баронской семьи. Въ 1789 году, грянула французская революція и вмѣстѣ съ ней уничтоженіе старинныхъ феодальныхъ порядковъ. Прабабушка, еще за годъ передъ тѣмъ радовавшаяся обезпеченію своей семьи, потеряла большую часть состоянія: у нихъ остался только Сульцъ, но безъ подданныхъ и доходовъ. «Если бы мы предвидѣли революцію, то, конечно, не поселились бы во Франціи», говорила она. Какъ бы то ни было, она продолжала надѣяться безъ надежды и окончательно поселилась съ мужемъ и дѣтьми въ Сульцѣ, энергично эксплуатируя въ своихъ владѣніяхъ все, что было возможно. Но чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе увеличивались республиканскіе порядки, и въ 1791—1792 г.г. семейству Боде пришлось то спастись изъ Сульца отъ угрозы яacobинцевъ, то снова возвращаться туда, подъ еще большей угрозой секвестраціи имущества всѣхъ отсутствующихъ французскихъ владѣльцевъ. Дѣлать нечего, семейство Боде возвратилось въ Сульцъ и стало жить въ постоянномъ страхѣ преслѣдованія республиканцами.

Дѣла дошли до того, что барону прямо угрожали смертью; освободившись отъ опасности своимъ краснорѣчіемъ, онъ принужденъ былъ, однако, бѣжать за Рейнъ, въ нѣмецкіе предѣлы. Прабабушка послѣдовала за нимъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они снова вернулись во Францію въ надеждѣ не потерять окончательно Сульца и поселились въ его окрестностяхъ, въ Виссембургѣ. Тамъ они называли себя гражданами: баронъ исполнялъ должность простого солдата національной гвардіи, а баронесса принуждена была ходить за больными французами и стирать на нихъ рубашки. «Хороша свобода, — говоритъ она: — и если дѣйствительно существуетъ равенство, то лишь въ томъ, что всѣ одинаково нищѣ».

Наконецъ наступилъ самый критическій моментъ для мужа и жены, уже не говоря о бѣдныхъ дѣтяхъ. Не желая воевать противъ нѣмцевъ, Боде сказался больнымъ и слегъ въ постель. Но и тутъ

его не оставили въ покоѣ и за нимъ прислали жандармовъ. Такъ какъ это была эпоха террора, то, очевидно, его засадили бы въ тюрьму, отдали бы подъ революціонный судъ, и черезъ двадцать четыре часа онъ очутился бы подъ гильотиной. Ради спасенія мужа, баронесса совершила удивительные подвиги мужества. Прежде всего она отдѣлалась отъ жандармовъ, увѣривъ ихъ, что мужъ уѣхалъ; а затѣмъ, боясь вторичнаго ихъ прихода, объявила всѣмъ въ домѣ о дѣйствительномъ отъѣздѣ барона и спрятала его въ стогѣ сѣна у сосѣдняго каменщика. Черезъ два дня она убѣдила мужа бѣжать въ въ Вогезскія горы, что онъ и исполнилъ, переодѣвшись крестьяниномъ. Послѣ благополучнаго его удаленія, она сама устроила свое бѣгство ночью пѣшкомъ, въ ненастную погоду, по горамъ, лѣсамъ и долинамъ. вмѣстѣ съ нею были ея старшія дѣти, а младшія остались въ Сульцѣ, подъ присмотромъ вѣрныхъ слугъ.

Въ это время войска коалиціи овладѣли Виссембургомъ, дѣти баронессы были освобождены отъ грозившей имъ опасности, и все семейство собралось на нѣмецкой границѣ. Но успѣхъ войскъ коалиціи былъ непродолжительный. Побѣдоносная республиканская армія двинулась въ предѣлы Германіи, и въ концѣ 1793 г. семья Боде была принуждена бѣжать все далѣе и далѣе. Наконецъ, они достигли до Альтенбургскаго монастыря, возлѣ Франкфурта-на-Майнѣ, гдѣ сестра барона была настоятельницей, и благополучно прожили тамъ около полгода. Хотя они были совершенно разорены и существовали только на деньги, вырученныя отъ продажи оставшихся у нихъ вещей, баронъ и его жена были такъ рады своему избавленію отъ всѣхъ опасностей, что проводили время очень весело. Въ эту эпоху монастырская жизнь въ Германіи не отличалась строгостью, и сестры не только устраивали балы и маскарады между собою, но и приглашали знакомыхъ на свои празднества.

II.

Въ 1794 г. началась для моей прабабушки самая замѣчательная эпоха ея энергичной, предприимчивой жизни. Случайно она съ мужемъ прочитала въ газетахъ, что русская императрица предложила принцу Кондэ землю на югѣ Россіи въ полную собственность съ тѣмъ, что онъ возьметъ съ собою туда своихъ офицеровъ и даже солдатъ, которымъ онъ дастъ жилище, лошадей, коровъ, овецъ и т. д. При чтеніи этого широкаго плана императрицы населить иностранцами свои обширныя, но малолюдныя владѣнія, Боде рѣшили отправиться въ Россію и выпросить у щедрой императрицы обширный участокъ земли, на которомъ они могли бы устроиться съ своимъ громаднымъ семействомъ до возвращенія имъ эльзасскихъ помѣстій, на что они не теряли надежды.

Дѣло задумано и быстро приведено въ исполненіе, такъ какъ семейное положеніе прабабушки было печально въ эту критическую минуту. Однако, она одна предприняла это далекое странствіе, въ виду того, что была гораздо рѣшительнѣе и смѣлѣе мужа; къ тому же долженъ былъ кто нибудь остаться съ многочисленной семьей въ Альтенбургѣ до счастливаго результата отважнаго предпріятія. Захвативъ съ собою своего старшаго сына, Клементія (моего дѣда), она пустилась въ путь, но не прямо, а окольнымъ путемъ. По обыкновенію, она прежде всего прибѣгла къ протекціи и помощи различныхъ покровителей. Она посѣтила ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго, герцогиню Цвейбрюкенскую, графиню Лейденскую, ландграфиню Гессенъ-Кассельскую и т. д.; всѣ они надавали рекомендательныхъ писемъ въ Петербургъ и снабдили ее средствами для путевыхъ расходовъ. Всего же полезнѣе ей было знакомство съ прусскою королевою Фредерикой, женой Фридриха-Вильгельма II, которая написала чрезвычайно лестное письмо къ русской императрицѣ о боронессѣ Боде и щедро наградила ее сорока золотыми, которыхъ хватило на ея путешествіе. Наконецъ, она получила отъ маркграфини Баденской очень любезное письмо къ ея внучкѣ Елисаветѣ, недавно вышедшей замужъ за великаго князя Александра Павловича, и которую баронессу знала ранѣе въ Германіи.

Изъ Пруссіи прабабушка, нагруженная подарками и рекомендательными письмами отъ высокопоставленныхъ особъ, отправилась въ Стокгольмъ и уже оттуда въ Россію.

Черезъ двѣнадцать дней путешественники достигли Кронштадта, гдѣ пробыли три дня, прежде чѣмъ отправиться въ Петербургъ. Такимъ образомъ черезъ два съ половиною мѣсяца странствія прабабушка явилась въ началѣ августа въ русскую столицу. Она съ сыномъ остановилась у знакомой, г-жи Болимани, которая приняла ее очень любезно. Однако, большое неудобство заключалось въ томъ, что она жила на правомъ берегу Невы, и, слѣдовательно, чтобы достигнуть многолюдныхъ и богатыхъ кварталовъ города, приходилось переправляться въ лодкѣ чрезъ Неву. Вскорѣ посѣтилъ баронессу сэръ Чарльзъ Витвортъ, англійскій посланникъ въ Россіи, и обѣщалъ ей всяческое содѣйствіе. Онъ сѣмъ въ это время жилъ на дачѣ, а потому предложилъ присылать ежедневно новой знакомой свою карету парой, такъ какъ, по его словамъ, «ни одна свѣтская женщина не могла обойтись безъ экипажа».

Какъ ловкая и практическая женщина, прабабушка не удовольствовалась этой любезностью англійскаго посланника, а воспользовалась его обширными связями въ петербургскомъ обществѣ, чтобы сразу проложить себѣ дорогу въ большомъ свѣтѣ. Онъ началъ съ того, что познакомилъ ее со своею интимной пріятельницей, г-жей Жеребцовой, сестрой могущественнаго Зубова, послѣдняго фаворита Екатерины, а чрезъ нее—съ самимъ временникомъ.

Кромѣ этихъ вліятельныхъ людей, она близко сошлась «съ добрымъ Роджерсономъ», придворнымъ докторомъ императрицы, чрезвычайно популярнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, пользовавшимся значительнымъ вліяніемъ. Такимъ образомъ баронесса сразу составила основу быстро распространившагося вокругъ нея тѣснаго дружественнаго кружка. Она старалась отдалиться, какъ можно далѣе, отъ толпы французскихъ эмигрантовъ, которые наводняли Петербургъ и были сначала очень радушно приняты императрицей и петербургскимъ обществомъ, но мало-помалу всеѣмъ надобли своей навязчивостью. Она, напротивъ, выдавала себя за знатную англичанку, желавшую помочь императрицѣ въ ея заботахъ о населеніи страны полезными людьми. Эта уловка, какъ нельзя болѣе, удалась ей въ отношеніи Зубова и Жеребцовой, которые терпѣть не могли французскихъ эмигрантовъ, а были большіе англофилы, оказывая всевозможныя любезности англичанамъ.

Поставивъ себѣ такимъ образомъ главной задачей, во что бы то ни стало, составить полезныя связи въ петербургскомъ обществѣ, прабабушка дѣйствовала энергично и прежде всего представилась великой княгинѣ Елисаветѣ, которой вручила привезенныя ею рекомендательныя письма. При ея аудіенціи у великой княгини присутствовалъ ея мужъ, великій князь Александръ Павловичъ; онъ оказалъ баронессѣ большое сочувствіе, обѣщалъ свое покровительство и взялся передать своей матери, великой княгинѣ Маріи Феодоровнѣ, письмо отъ прусской королевы. Мало того, онъ не только прочелъ и одобрилъ прошеніе, написанное баронессой императрицѣ, но указалъ, какимъ путемъ всего успѣшнѣе подать его.

Заручившись рекомендаціей официальной и неофициальной, прабабушка приступила къ дѣйствіямъ. Вотъ какимъ образомъ она описываетъ въ письмѣ къ сестрѣ результаты своихъ хлопотъ.

«До сихъ поръ мнѣ везетъ въ моемъ предпріятіи, благодаря находившимся у меня рекомендательнымъ письмамъ. Гдѣ я ни бываю, меня принимаютъ съ уваженіемъ и дружбой, но я никому не совѣтую безъ рекомендаціи отважиться на нѣчто подобное. Въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста неудача безусловна. Императрица и министры чрезвычайно добры ко мнѣ. Я видѣла великую государыню во всемъ ея блескѣ, въ пышномъ нарядѣ и въ бриллиантовой діадемѣ на головѣ. Это было на торжественномъ обѣдѣ, данномъ въ честь кавалеровъ ордена Александра Невскаго. Я никогда не видала въ жизни такъ много золота. На столахъ все было золотое, начиная съ блюдъ, съ крышками, да тарелокъ, ложекъ, ножей и вилокъ. Всего подавали шестьдесятъ три блюда, кромѣ десерта, чрезвычайно роскошнаго. Вечеромъ слѣдовалъ необыкновенный балъ, и я имѣла удовольствіе видѣть мою дорогую покровительницу танцовавшей вмѣстѣ съ молодыми членами императорской фамилии. Только великая княгиня (мать) не присутствовала

на этихъ увеселеніяхъ, такъ какъ беременна и находится на дачѣ. Что же касается великой княгини Елисаветы, то она чрезвычайно добра ко мнѣ, и я бываю у нея частнымъ образомъ въ ея личныхъ апартаментахъ. Императрица уже прислала мнѣ шестьсотъ рублей на расходы и приказала меня помѣстить на удобной квартирѣ, а также взяла на свой счетъ все расходы по содержанію меня съ сыномъ. Такимъ образомъ мы переѣхали на другую сторону Невы, въ модный кварталъ и живемъ чрезвычайно хорошо въ роскошномъ домѣ. Что касается до нашего дѣла, то оно тянется довольно долго, хотя мнѣ обѣщаютъ гдѣ-то далеко домъ и помѣстье. Первый, говорятъ, будетъ въ Херсонѣ, а послѣднее на югѣ Крыма, странѣ очень дикой и необработанной, но прекрасной по климату и плодородной».

Какъ только баронесса успѣла добиться покровительства императрицы и временщика, такъ свѣтское общество окружило ее безконечнымъ радушіемъ и любезностью. Впрочемъ, должно быть, она и сама обладала умѣніемъ привлекать къ себѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась большимъ тактомъ, благоразуміемъ и осторожностью не только на словахъ, но и въ письмахъ. «Вмѣшивающіеся въ чужія дѣла люди,—замѣчала она:—могутъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ странахъ, попадать впросакъ, но это по ихъ собственной винѣ». Она находила, что въ Россіи все прекрасно: люди—хорошіе и совершающіеся дѣла—выше всехъ похвалъ. Она чрезвычайно хвалила правительство и писала: «надо дѣлать большое различіе между правительствомъ неограниченнымъ и деспотическимъ. Первое въ хорошихъ рукахъ—очень мягкое; признаюсь, я его предпочитаю излишней свободѣ. Подъ его эгидой чувствуешь себя безопаснѣе отъ различныхъ козней. Удивительно, какъ здѣсь все спокойно: нѣтъ никакихъ безпорядковъ и толпы на улицѣ. Каждаго за пьянство или ссору садятъ въ тюрьму на 24 часа. Двери домовъ часто остаются отпертыми до часу или двухъ часовъ утра, и рѣдко слышишь о воровствахъ».

Неудивительно, что при такой политикѣ баронесса скоро очутилась среди лучшаго петербургскаго общества. Ее приглашали на обѣды, вечера, балы, театральныя представленія, концерты и т. д. Что касается до ея сына Клементія, то семнадцатилѣтній юноша былъ съ самаго начала назначенъ Зубовымъ въ гвардейскій полкъ, которымъ онъ командовалъ, и такъ какъ онъ не дурно танцевалъ, то молодыя придворныя дамы наперебой танцевали съ нимъ.

«Мы часто видимся,—пишетъ прабабушка:—съ графиней Шуваловой (съ вдовою графа Андрея Петровича Шувалова), которая была гофмейстериней при великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и жила во дворцѣ. Мы часто обѣдали у нея. Она чрезвычайно добра къ намъ и хлопочетъ о моемъ дѣлѣ у министровъ. Я была два раза въ ея ложѣ въ итальянской оперѣ. Она познакомила меня со

своей дочерью, княгиней Голицыной, и съ своей золовкой, княгиней Салтыковой. Съ ними обѣими я часто вижу. Довольно странно, что въ Петербургѣ русскіе, нѣмцы и англичане держатся совершенно отдѣльно. Русское общество исключительно дворянское. Англичане—всѣ купцы и живутъ богато, даже чудовищно богато; у нѣкоторыхъ изъ нихъ дома лучше, чѣмъ у знатнѣйшихъ аристократовъ въ Лондонѣ. Нѣмцы представляютъ смѣсь дворянства и купечества. Они происходятъ преимущественно изъ курляндскаго и лифляндскаго дворянства, а служатъ почти всѣ въ военной службѣ. На улицахъ встрѣчаются большею частью экипажи въ шесть лошадей, что дозволяется только извѣстнымъ чинамъ. Русскіе имѣютъ большой вкусъ въ архитектурѣ, но часто рядомъ съ красивымъ домомъ находится дрянной, полуразвалившійся домишко, такъ что въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, они представляютъ замѣчательную смѣсь. Военные—чрезвычайно красивые люди, въ современномъ вкусѣ, простой же народъ никогда не бреется, и у купцовъ, и также у мужиковъ, часто лица почти совершенно покрыты волосами... Я учусь русскому языку, но, признаюсь, никогда не встрѣчала такого труднаго языка, не имѣющаго ничего общаго съ другими европейскими языками, однако намъ необходимо ему научиться, такъ какъ безъ него здѣсь рѣшительно ничего нельзя сдѣлать».

Баронесса была такая практическая и дѣловая женщина, что, несмотря на неизвѣстность будущихъ благъ, она уже писала той же сестрѣ длинный списокъ вещей, которыя ей понадобятся въ крымскихъ помѣстьяхъ. Эти вещи она просила собрать у знакомыхъ, между прочимъ у герцогини Кумберландской. При этомъ она говорила, что ей «не стыдно брать у другихъ, потому что ее безжалостно ограбили». Заботясь такимъ образомъ о приготовленіяхъ къ устройству хозяйства въ крымскихъ воздушныхъ замкахъ, она терпѣливо ожидала ихъ осуществленія и попрежнему веселилась въ свѣтскомъ обществѣ. Между прочимъ она близко сошлась съ г-жей Загряжской, дочерью графа Разумовскаго. Последняя такъ полюбила ее, что, въ виду отсутствія изъ Петербурга своего мужа, пригласила баронессу погостить у нея болѣе трехъ недѣль.

«Она очень добра ко мнѣ: — говоритъ прабабушка,—у нея бываетъ много народа изъ высшаго общества. Я также встрѣчаюсь тамъ съ герцогомъ Серра-Каприолли. Мы расходимся обыкновенно въ два часа. Англійскій посланникъ часто пріѣзжаетъ и днемъ, оставаясь съ нами часъ или два, весело болтая. Такъ какъ г-жа Загряжская—урожденная Разумовская и жена генераль-лейтенанта и оберъ-шенка, то живетъ очень роскошно. У нея въ домѣ тридцать слугъ, но это немного для Россіи; напримѣръ, графиня Салтыкова имѣетъ прислуги двѣсти человѣкъ».

Къ величайшему удовольствію баронессы, она часто ѣздила на придворные балы вмѣстѣ съ сыномъ, который былъ переведенъ въ артиллерію, въ чинѣ поручика. Это обстоятельство, однако, не помѣшало Зубову продолжать ему покровительствовать и спити ему на свой счетъ всю новую экипировку. Баронесса, принимая отъ богатыхъ друзей подарки, заботилась отплатить имъ, чѣмъ могла; такъ она выписывала изъ Англій различныя садовыя растенія для графини Шуваловой, которая была страстной любительницей садоводства.

Въ январѣ мѣсяцѣ прабабушка случайно упала въ квартирѣ г-жи Жеребцовой и повредила себѣ ногу. Императрица тотчасъ же послала къ ней доктора Роджерсона, и большинство ея великосвѣтскихъ друзей навѣщали ее каждый день, пока она не выздоровѣла. Эта болѣзнь, заставившая ее жить нѣкоторое время у сестры Зубова, дала ей возможность еще болѣе сблизиться съ семьей временщика.

«Я не могу,—пишетъ она своей сестрѣ:—разсказать тебѣ, какую баснословную жизнь я веду здѣсь. Я не рѣшаюсь открыть тебѣ, какъ я провожу свое время. Меня столько лицъ приглашаютъ, что я не могу принять всѣхъ приглашеній. Петербургъ, право, это—островъ Калипсо. Я не знаю, какъ я рѣшусь уѣхать изъ него. Жаль, что я не могу разсказать тебѣ всего, ибо много чего изъ осторожности нельзя передать бумагѣ. Если мы когда нибудь свидимся, то, Боже мой, сколько я тебѣ расскажу! Я очень долго беспокоилась о мужѣ и дѣтяхъ; они почти умирали съ голода. Но нѣсколько времени тому назадъ Зубовъ написалъ русскому посланнику въ Франкфуртѣ, графу Румянцеву, чтобы онъ позаботился о нихъ и снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ. Вчера я ужинала у княгини Голицыной, а завтра ѣду праздновать день рожденія ея мужа на дачу, находящуюся въ 13-ти верстахъ отъ города».

Между тѣмъ баронессѣ дѣлали различныя предложенія насчетъ обѣщанныхъ помѣстій, но она не торопилась выборомъ и затруднялась въ немъ. Она прямо отказалась отъ помѣстья на Днѣпрѣ, потому что графъ Клермонъ-Тоннеръ, получившій тамъ большой участокъ земли, писалъ, что, несмотря на прекрасный климатъ и траву въ ростъ человѣка, на сто миль вокругъ нѣтъ ни одного дерева, такъ какъ, по словамъ француза, все было вырублено въ послѣднія войны.

Такъ протекло время до лѣта, и графиня Шувалова предложила баронессѣ свою дачу близъ Петербурга. «Нѣтъ людей на всемъ свѣтѣ гостепрѣимнѣе русскихъ,—замѣчаетъ она:—но у нихъ странный и неудобный обычай—брать съ собою свою постель». Около этого времени наконецъ устроились дѣла ея мужа и семейства. Они отправились въ Россію изъ Альтенбурга, близъ котораго уже

находились французы. Графъ Румянцевъ, по порученію Зубова, выдалъ имъ на путешествіе пятьсотъ сорокъ пять гиней, и на эти деньги они пустились въ дальній путь, въ Херсонъ. Хотя еще не рѣшено было окончательно, дадутъ ли баронессѣ помѣстье въ Крыму или въ окрестностяхъ Петербурга, но на авось баронъ съ семьёю дѣтьми выѣхалъ на югъ Россіи, разсчитывая, что по дорогѣ онъ получитъ опредѣленный адресъ той мѣстности, куда онъ долженъ былъ ѣхать.

Послѣднее письмо прабабушки изъ Петербурга было отъ 19-го іюля 1795 года; оно такъ интересно, что его стоитъ привести цѣликомъ.

«Я уѣзжаю, — пишетъ она: — чрезъ недѣлю и буду въ пути дней шестнадцать или двадцать. Графъ Зубовъ желаетъ, чтобы я приняла на первый случай землю въ Екатеринославской губерніи, на Днѣпрѣ, ближе отсюда, чѣмъ Херсонъ. Эта мѣстность чрезвычайно плодородная. Онъ обѣщаль построить намъ домъ въ Екатеринославѣ, но такъ какъ знаетъ, что я не люблю плоскую страну безъ деревьевъ, то посоветоваль мнѣ поѣхать посмотрѣть весь Крымъ для выбора помѣстья, расположеннаго въ живописной мѣстности, и гдѣ находятся обильныя руды. Когда я выберу себѣ подходящую землю, то мнѣ стоитъ только написать ему, и, если она въ распоряженіи правительства, дѣло будетъ въ шляпѣ. Что касается до моего сына, то Зубовъ позволилъ ему ѣхать со мною, на сколько времени я желаю, съ сохраненіемъ жалованья; когда же онъ вернется, Зубовъ обѣщаль позаботиться о немъ, точно также и объ остальныхъ моихъ дѣтяхъ, которыхъ я поручу ему. Онъ далъ мнѣ письмо къ своему зятю, который былъ губернаторомъ Екатеринослава; онъ поручилъ ему приготовить намъ домъ въ Екатеринославѣ и помочь намъ въ выборѣ имѣнія въ той же губерніи. Кромѣ того, онъ прислалъ мнѣ на путешествіе двѣ тысячи рублей. Наконецъ, онъ велѣлъ мнѣ сказать, чтобы я не церемонилась насчетъ земли и брала сколько хотѣла. Это прекрасно, и такъ какъ въ этой мѣстности отличная трава, то можно будетъ содержать много скота. Великая княгиня Марія прислала мнѣ 250 рублей на дорогу. Вообще я глубоко обязана своимъ здѣшнимъ друзьямъ и правительству: стоитъ только мнѣ чего нибудь попросить, и я получаю желаемое. Всѣ мои расходы въ Петербургѣ покрыты на счетъ императрицы. Прощай, милая сестра; пиши мнѣ часто, но не касайся политики, за исключеніемъ такихъ извѣстій, которыя уже напечатаны въ газетахъ; также никогда не позволяй себѣ шутокъ насчетъ этой страны или какого бы то ни было замѣчанія насчетъ здѣшняго правительства».

«Чтобы мнѣ привыкнуть къ путешествію, я надняхъ ѣздила на пикникъ въ Финляндію къ знаменитому водопаду Иматрѣ, близъ Выборга. Наше маленькое общество состояло изъ сэра Чарльса

Витворта, его племянника, г-жи Жеребцовой, ея сына и его учителя, французскаго аббата, и меня съ сыномъ. Сэръ Чарльсъ и аббатъ видѣли Шапгаузенъ въ Швейцаріи и говорятъ, что его нельзя сравнить съ Иматрой. Это зрѣлище превзошло все наши ожиданія: представь себѣ рѣку широкую, какъ Темза, сжатую по обѣимъ сторонамъ высокими скалами; она съ неистовой силой низвергается внизъ, образуя безконечную массу пѣны. Достигнувъ до kloкочущей бездны, она съ шумомъ продолжаетъ свой путь. День былъ жаркій, и мы прилегли въ тѣни, на зеленой муравѣ, усѣянной земляникой и черникой. Зрѣлище вокругъ насъ было великолѣпное и торжественное; мы нѣсколько часовъ любовались имъ съ удовольствіемъ. Въ Выборгѣ насъ принялъ очень любезно мѣстный губернаторъ, князь Щербатовъ. Мы проѣздили всего пять дней и брали съ собой три фургона съ кроватями и провизіей, на что требовалось двадцать лошадей. Черезъ нѣсколько дней мы предприняли другую экспедицію, съ цѣлью осмотрѣть Нарвскій водопадъ. Онъ совершенно иного рода и хотя красивый, но мнѣ менѣе понравился, чѣмъ Иматра. Нарва—любопытный старинный городъ; близъ него было сраженіе Петра Великаго и Карла XII. Домикъ Петра, со многими предметами его собственнаго произведенія, заслуживаетъ вниманія. Намъ потребовалось на это путешествіе четыре дня».

Наконецъ, 16-го августа, баронесса покинула Петербургъ послѣ годового въ немъ пребыванія. «Я должна сознаться, — говоритъ она: — что уѣзжала изъ этого города съ стѣсненнымъ сердцемъ. Меня ожидала встрѣча съ моимъ семействомъ, но я должна была проѣхать громадное пространство среди народа, говорящаго на малоизвѣстномъ мнѣ языкѣ».

III.

По пути въ Екатеринославъ моя прабабушка пришла въ восторгъ отъ прекрасныхъ дорогъ, «по которымъ въ каретѣ шестерней ѣхали чрезвычайно быстро». «Почти на всемъ свѣтѣ,—прибавляетъ она,—нѣтъ лучше и шире дорогъ, такъ какъ по нимъ могутъ проѣхать по шести экипажей въ рядъ». Проѣхавъ около 800 верстъ отъ Петербурга, она остановилась въ Шкловѣ у генерала Зорича, очень богатаго человѣка, бывшаго когда-то фаворитомъ Екатерины.

«У меня было рекомендательное письмо, — пишетъ она: — и я намѣревалась остаться тамъ одинъ день, чтобы отдохнуть; но оттуда нельзя было скоро выбраться, какъ съ острова Калипсо. Мы съ сыномъ были принуждены остаться тамъ двѣнадцать дней и ночей, переходя отъ одного очарованія къ другому. Каждый вечеръ были оперы и балетъ, не хуже, чѣмъ въ Петербургѣ, затѣмъ начинался балъ, и въ 12 часовъ подавался великолѣпный ужинъ,

и это повторялось ежедневно. Именины генерала случились во время нашего пребывания у него, и по этому случаю были еще блестящія увеселенія, въ продолженіе двухъ недѣль. По утрамъ устраивались кавалькады и карусели, которыя намъ очень нравились. Молодые люди изъ училища, открытаго Зоричемъ на свой счетъ въ Шкловѣ для мѣстныхъ дворянъ, очень ловко скакали верхомъ и отличались джигитовкой, при чемъ пиками, на всемъ скаку, поднимали перчатку съ земли и срывали голову куклы, прикрѣпленной на высококомъ шестѣ. Въ самый день его именинъ былъ обѣдъ на триста человѣкъ; на немъ присутствовали мѣстные поляки въ великолѣпныхъ національныхъ костюмахъ. Сынъ мой былъ очень доволенъ танцевать каждый вечеръ, хотя чаще всего тамъ танцевали польскій, танецъ очень медленный, въ сущности, походившій на простое расхаживаніе по комнатамъ подъ прелестную музыку, сопровождаемую хоромъ. Наконецъ я вырвалась изъ Шклова, но, признаюсь, была почти обязана сыграть роль ментора, который бросилъ Телемака въ воду».

Безъ дальнѣйшихъ приключеній мать и сынъ доѣхали благополучно до Екатеринослава, гдѣ чрезъ нѣсколько дней баронесса имѣла счастье свидѣться со своимъ мужемъ и остальными дѣтьми. Но это была до того энергичная и дѣятельная женщина, что на другой же день послѣ счастливаго свиданія съ семействомъ она отправилась въ Крымъ для выбора себѣ помѣстья. Ее сопровождалъ знаменитый ученый Палласъ, котораго она видѣла въ Петербургѣ. Теперь онъ жилъ въ Крыму со своимъ семействомъ и взялся быть ея проводникомъ. Эта поѣздка была тѣмъ болѣе кстати, что губернаторъ, зять Зубова, былъ въ отсутствіи, и она могла въ это время приготовить свой выборъ. Въ Крыму ей особенно понравились виноградники Судака, одинъ изъ которыхъ былъ подаренъ не задолго предъ тѣмъ Палласу, и она рѣшила, что подобный виноградникъ будетъ непременно принадлежать ей.

«Невозможно себѣ предстравить,—говоритъ она:— всю красоту южнаго берега Крыма, гдѣ море обыкновенно тихо, и горы живописны». Кромѣ Судака, она посѣтила въ Крыму Симферополь, гдѣ жили Палласы, и Бахчисарай, гдѣ она съ удивленіемъ нашла совершенно модное общество, имѣвшее слугъ, экипажи и т. д. Наконецъ она вернулась въ Екатеринославъ. Тамъ встрѣтилъ ее губернаторъ чрезвычайно радушно и чрезъ нѣсколько дней прочелъ ей полученную отъ императрицы бумагу, въ которой она подтверждала всѣ пожалованныя баронессѣ милости: именно домъ въ Екатеринославѣ, обширныя земли въ той же губерніи, помѣстье въ Крыму и еще пенсію, которою вся семья могла существовать. Баронъ нашелъ необходимымъ написать благодарственное письмо императрицѣ и сообщить Зубову, какое помѣстье съ виноградниками нашла жена. Вручивъ эти письма губернатору для отсылки

въ Петербургъ, баронъ и баронесса поселились въ своемъ новомъ домѣ и стали заниматься новымъ помѣстьемъ на Днѣпрѣ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ баронъ и его старшій сынъ отправились обозрѣвать свою новую землю. «Они очень довольны ею,—пишетъ баронесса:—скотъ на ней чрезвычайно хорошъ; рѣки, озера и пруды, принадлежащія намъ, прелестны и изобилуютъ рыбой. Земли наша очень плодородна, а луга даютъ 7.000 возовъ сѣна. Я съ нетерпѣніемъ жду, когда мнѣ удастся посѣтить Крамерово, какъ называется наше помѣстье, но туда нельзя ѣхать раньше, чѣмъ готовъ будетъ домъ, который поспѣетъ къ лѣту».

Дѣйствительно, лѣтомъ она поѣхала въ Крамерово, но домъ еще не былъ готовъ, и ей пришлось жить въ хижинѣ и питаться рыбою и дичью, которыхъ было въ изобиліи. Къ зимѣ она вернулась въ Екатеринославъ и въ письмахъ къ англійскимъ родственникамъ писала о странѣ, «въ которую свалилась будто съ неба». «Однако, не воображайте, что здѣсь совершенные дикари,—объясняла она:—дворянство крупное и мелкое такъ же образовано, какъ въ другихъ странахъ, а крестьяне все—христіане греческой церкви, которая гораздо строже католической. Они очень умны и умѣютъ работать все, что угодно; даже женщины строятъ дома и печки. Вы удивитесь, если я вамъ скажу, что то и другое дѣлается изъ дерева, но печки обыкновенно складываются изъ сучьевъ, которые артистически свиты и покрыты глиной. Единственный инструментъ, которымъ производятся все работы,—топоръ. Мужская одежда такова, что, пока къ ней не привыкнешь, поселяне похожи на медвѣдей. Женщины лѣтомъ носятъ длинную рубашку, застегнутую на горлѣ, и, кромѣ того, кусокъ шерстяной матеріи, служащій имъ юбкой, связанной кушакомъ на талѣ. Зимой они надѣваютъ овчинные тулупы, какъ мужчины. Въ Крыму поселяне преимущественно татары и магометане, но очень хорошій народъ. Мы еще не получили тамъ имѣнья, но надѣмся, что все обдѣлается къ будущей зимѣ. Крымъ славится плодородной землей, и она никогда не нуждается въ удобреніи, и стоитъ бросить только сѣмя въ землю, чтобы получить богатую жатву. Вообще въ Россіи мужчины и женщины любятъ водку; за стаканъ ея они готовы сдѣлать все на свѣтѣ. Они пьютъ до такой степени, что прошедшей зимой одна женщина, пропивъ запоемъ три, четыре дня, сгорѣла внутреннимъ пламенемъ. Говорятъ, что это часто здѣсь случается. Удивительно, что изъ-за пьянства не происходитъ ссоръ; пьяницы полагаютъ, что они напившись находятся на небѣ, и потому чувствуютъ себя въ самомъ лучшемъ настроеніи».

Такимъ образомъ протекло время до начала 1797 г., и баронесса съ мужемъ стали очень беспокоиться о своей будущности, такъ какъ не получали никакого отвѣта изъ Петербурга насчетъ Крымскаго имѣнья и пенсіи. Оказалось, что письма барона къ импе-

рагрицѣ и Зубову вовсе не были отправлены губернаторомъ, но онъ взялся самъ исправить эту ошибку во время своего предстоящаго пребыванія въ Петербургѣ. Однако, онъ съѣздивъ въ столицу и вернулся назадъ, не передавъ писемъ. Тогда явилась необходимость лично отправиться баронессѣ и ея мужу въ Петербургъ для устройства своихъ дѣлъ.

Пока они собирались въ это долгое путешествіе, случилась неожиданная смерть «милрой, доброй, прелестной императрицы», какъ прабабушка называла Екатерину, и баронессѣ грозила совершенная переѣна въ существованіи. Она вмѣстѣ съ мужемъ и старшимъ сыномъ поспѣшила въ Петербургъ.

Будущность всего семейства рисовалась въ мрачныхъ краскахъ, такъ какъ оно не было нимало обезпечено, и хотя новая императрица была надежнымъ другомъ баронессы, а великая княгиня Елисавета одинаково благоволила къ ней, но ей трудно было надѣяться на капризную натуру императора Павла. Однако ловкая, практическая женщина сумѣла при свиданіи съ нимъ такъ обойти его, что онъ осыпалъ ее милостями. Она представилась не бывшей protegé Зубова, но жертвой, какъ его безопасности, такъ и непростительнаго поведенія его зятя. Оказалось, что это былъ лучшій способъ снискать благосклонность императора. Онъ терпѣливо выслушалъ ея печальную исторію и немедленно подарилъ ей двѣсти душъ и помѣстье близъ Нарвы, на берегу Финскаго залива, называвшееся Ропшей, какъ и извѣстное царское помѣстье подъ Петербургомъ.

Дѣла семейства Боде поправились. Новое ихъ имѣніе состояло изъ шести деревень; съ одной его стороны протекали двѣ судоходныя рѣчки, а съ другой лежало море. Громадныя лѣса примыкали къ землѣ, и такъ какъ она находилась въ ста тридцати верстахъ отъ Петербурга, то прабабушка рѣшила сдѣлать его, несмотря на сѣверное положеніе, резиденціей всего семейства. Баронъ долженъ былъ тотчасъ поѣхать въ Крамерово и продать его, а также привезти дѣтей. Хотя въ письмахъ баронессы не упоминается ни одного слова, что она добилась укрѣпленія за ними, какъ Екатеринославскаго помѣстья, такъ и Судакскаго виноградника, но этотъ фактъ ясенъ самъ по себѣ изъ продажи перваго и сохранившагося въ семейныхъ преданіяхъ воспоминанія о завѣдываніи впоследствии виноградникомъ однимъ изъ сыновей баронессы, барономъ Александромъ Карловичемъ Боде.

Что же касается до самой прабабушки, то она осталась въ Петербургѣ, чтобы быть поближе къ имѣнію, гдѣ она вскорѣ выстроила хорошенькій домикъ на высокомъ берегу рѣчки Мертвицы. Она посѣтила при этомъ всѣ свои деревни, расположенныя чрезвычайно живописно среди рѣкъ, озеръ и лѣсовъ. Благодаря близости Петербурга, она постоянно ѣздила въ столицу и снова возобно-

вила свои аристократическія связи, въ особенности съ г-жею Загряжской. Лѣтомъ ея дача находилась рядомъ съ великолѣпной виллою графа Строгонова, съ приятнымъ семействомъ котораго баронесса была близка. Напротивъ Строгонова на Каменномъ островѣ жилъ бывший польскій король, нѣкогда фаворитъ Екатерины. Онъ былъ еще красавцемъ, несмотря на свою старость, чрезвычайно любезенъ со всѣми и давалъ великолѣпные балы, на которыхъ бывала прабабушка.

Въ концѣ года, столь счастливаго для баронессы, случилось, однако, большое несчастіе. Ея мужъ, находясь съ дѣтьми въ Крамеровѣ, помѣстился въ хижинѣ, такъ какъ домъ еще не былъ готовъ, гдѣ простудился и скоропостижно умеръ. Бѣдная вдова была въ отчаяніи и рѣшилась послать старшаго сына за остальными дѣтьми, но и онъ заболѣлъ, такъ что ей пришлось ѣхать самой. Несмотря на горе, обычная матеріальная удача не оставяла ея. Великая княгиня Елисавета и ея мужъ Александръ Павловичъ были чрезвычайно милостивы къ ней и не только приняли на свой счетъ ея путешествіе, но и путевые расходы всего ея семейства. Кромѣ того, ея пріятели, константинопольскій посланникъ Тамара и его жена, пригласили ее ѣхать съ ними до Москвы.

Прежде ея отъѣзда, она сдѣлала выгодную аферу, продавъ князю Куракину четыре деревни около своего имѣнія Ропши и взявъ еще въ промѣнъ одну деревню. Такимъ образомъ у нея осталось 2.928 десятинъ земли, и она получила довольно значительную сумму денегъ, на проценты съ которыхъ могла воспитывать своихъ дѣтей. «Хотя земля не такая плодородная, какъ на югѣ Россіи,—замѣчаетъ она съ чисто практической расчетливостью,—но трехъ деревень мнѣ будетъ достаточно для прожитія, такъ какъ по близости Петербурга можно возить оттуда дрова и сѣно. Несмотря на все, у насъ осталось до 5 миль морского берега и судоходная рѣка, хотя здѣсь нельзя отдавать землю фермерамъ, какъ въ Англіи. Ее надо воздѣлывать самому или имѣть управляющаго, что очень убыточно, такъ какъ управляющій обыкновенно обманываетъ, поэтому здѣсь предпочитаютъ отпускать крестьянъ на оброкъ, получая съ нихъ по стольку-то съ души. Этотъ способъ, однако, приноситъ доходу въ десять разъ меньше, чѣмъ можно было бы выручить изъ помѣстья».

Достигнувъ Крамерова, баронесса должна была остаться тамъ и въ Екатеринославѣ около года, для устройства своихъ дѣлъ. Наконецъ продажа имѣнія состоялась, но очень убыточная, и, забравъ все свое семейство, она возвратилась въ октябрѣ 1799 г.

Между тѣмъ старшій ея сынъ, Клементій, былъ назначенъ матерью полнымъ хозяиномъ имѣнья Ропши. Онъ выстроилъ большой одноэтажный домъ, и въ немъ поселились мать и всѣ дѣти. Однако, сначала ему не повезло въ хозяйствѣ, и въ морѣ погибло одно изъ построенныхъ имъ судовъ, нагруженное дровами. Хотя баро-

несса и поручила всё дѣла сыну, но все-таки дѣятельно занималась домоводствомъ. Особенно она хвалить въ своихъ письмахъ крестьянокъ, которыя работаютъ, по ея словамъ, гораздо больше и лучше, чѣмъ на югѣ. «Онѣ, наравнѣ съ мужчинами, рубятъ деревья, управляютъ лошадьми и занимаются всѣми сельскими работами, что не мѣшаетъ имъ ткать и шить».

Въ 1800 году прекращается на время переписка баронессы съ сестрами, такъ какъ письма, отправленные изъ Россіи въ Англію, возвращались назадъ въ виду воинственныхъ отношеній обѣихъ странъ. 15 апрѣля слѣдующаго года переписка снова возобновилась. Въ Петербургѣ все уже измѣнилось, и она писала:

«Теперь всюду распространена надежда, что въ безпокойной Европѣ вскорѣ водворится миръ и спокойствіе. Великое событіе, случившееся здѣсь, заключается въ восшествіи на престолъ Александра I-го, которое наполнило радостью всё сердца. Онъ и его ангельская императрица просто обожаемы. Трудно описать восторгъ, овладѣвшій всѣми; я полагаю, что нѣтъ на свѣтѣ другой такой прекрасной четы; ихъ сердца созданы для того, чтобы царствовать и дѣлать счастливыми многочисленный народъ. Первые дни своего царствованія они посвятили заботамъ о томъ, чтобы сдѣлать счастливыми несчастныхъ, опечаленныхъ прошедшимъ царствованіемъ. Каждый классъ народа вскорѣ почувствовалъ облегченіе, и счастливые дни великой Екатерины снова возобновились. Мы видѣли Павла I на его смертномъ одрѣ и его богатые похороны. Послѣ того мы были въ Михайловскомъ дворцѣ: онъ намъ показался маленькимъ въ сравненіи съ Зимнимъ дворцомъ, но онъ до того роскошенъ, что мнѣ невольно казалось, будто я нахожусь въ волшебномъ замкѣ. Говорятъ, что онъ стоитъ безъ мебели и украшеній семь милліоновъ рублей. Во многихъ комнатахъ стѣны обвѣшаны бархатомъ и золотыми матеріями. Каминны сдѣланы изъ агата, сердолика и другихъ драгоценныхъ сибирскихъ камней. У вдовствующей императрицы я была съ дочерью Маріей частнымъ образомъ, а при дворцѣ новаго императора мы были уже два раза».

Во Франціи въ это время водворился первымъ консуломъ Наполеонъ, и новый порядокъ вещей обѣщалъ эмигрантамъ не только разрѣшеніе вернуться въ отечество, но и возвращеніе ихъ имущества. Какъ практическая и дѣловая женщина, прабабушка вздумала вернуть себѣ свои Эльзасскія помѣстья. Съ этой цѣлью она отправилась въ Германію, Эльзасъ и Парижъ. Предъ отъѣздомъ она представилась вдовствующей императрицѣ. «Ничего нельзя себѣ представить, — говоритъ она: — болѣе лестнаго и милостиваго, какъ обращеніе со мною. Молодая императрица также приняла меня частнымъ образомъ. Она только что возвратилась съ прогулки верхомъ и сидѣла въ прелестномъ *pegligé*. Она болѣе часа продержала меня и мою дочь, разговаривая съ нами съ необыкновеннымъ радушіемъ.

Она обѣщала покровительствовать другимъ моимъ дѣтямъ и просила не забывать ея, когда прїѣду опять въ Петербургъ».

Въ концѣ 1801 г. баронесса отправилась съ дочерью Маріей и сыномъ Генрихомъ во Францію, гдѣ прежде всего заглянула въ свой Сулицъ, который во время революціи былъ проданъ и частью переданъ въ аренду. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что на немъ лежало баронскаго долга 13.000 фунтовъ стергинговъ. На мѣстѣ она ничего не могла выхлопотать, а поѣхала въ Парижъ, по совѣту мѣстныхъ жителей. Однако ей не повезло и во французской столицѣ. Первый консулъ ненавидѣлъ англичанъ, а у баронессы не было другой протекціи, какъ лордъ Витвортъ, тогда посланникъ въ Парижѣ. Естественно, что онъ не оказалъ ей никакого покровительства, и она, боясь, что ее засадятъ въ тюрьму за долги, если она вернется въ Сулицъ, поѣхала обратно въ Россію, по совѣту русскаго посланника.

По возвращеніи домой она проводила время среди своихъ знатныхъ знакомыхъ въ Петербургѣ, пользовалась милостями коронованныхъ особъ, которыя воспитывали на свой счетъ ея дѣтей, и жила весело нѣкоторое время въ имѣніи. Сдѣлавшись въ послѣднее время полнымъ хозяиномъ, ея сынъ, баронъ Клементій Карловичъ, женился на миссъ Гарднеръ, дочери богатаго англичанина, члена английской колоніи и основателя извѣстнаго въ Петербургѣ англійскаго клуба. Однако дѣла дѣда шли не очень блестяще, такъ какъ онъ потерялъ три судна, погибшія въ морѣ со всѣмъ экипажемъ. Остальныя семеро дѣтей баронессы—четыре мальчика и три дѣвочки—были благополучно размѣщены по различнымъ учебнымъ заведеніямъ, институтамъ и полкамъ.

23-го февраля 1803 года кончается переписка прабабушки съ ея сестрами, и въ послѣднемъ ея письмѣ заключается любопытный взглядъ на всю ея жизнь.

«Наша добрая императрица,—пишетъ она:—обѣщала мнѣ пенсію, на которую я буду жить независимо, и это меня очень успокоитъ. Я такъ и писала ей; главное меня радуетъ, что мнѣ не придется болѣе надоедать ей своими просьбами. Смотри теперь на мое прошедшее, я не могу не сказать, что климатъ того уголка Франціи и Германіи, въ которомъ я провела столько счастливыхъ лѣтъ, не можетъ сравниться съ здѣшнимъ. Я также вспоминаю съ сожалѣніемъ моихъ друзей въ Германіи и Франціи. Россія, теперешняя моя единственная родина, такъ далека отъ всего, что мнѣ было дорого въ прежнее время, но теперь въ Россіи у меня столько хорошихъ друзей и знакомыхъ, что я не могу нахвалиться ими. вмѣстѣ съ тѣмъ я должна быть вѣчно благодарной русскимъ за ихъ гостепрїимство и императорской фамиліи за ея великія милости».

Почему прабабушка перестала писать своимъ сестрамъ,—нѣтъ никакого свѣдѣнія, и послѣднія девять лѣтъ ея здоровье стало за-

мѣтно ослабѣвать, но все-таки она попрежнему разбѣзжала между Петербургомъ и Ропшей, навѣщала богатаго милліонера, шотландца Гаскойна, строителя оружейнаго завода въ Петрозаводскѣ, и даже съѣздила въ Англію навѣстить родственниковъ. Послѣднее событіе упоминается въ ея книгѣ «Recit d'aventures», изъ которой Пембертонъ приводитъ отрывокъ. Здѣсь еще разъ мы встрѣчаемъ описаніе придворной пышности, къ которой она такъ привыкла. Вдовствующая императрица пригласила ее съ старшей дочерью въ Павловскъ. «Тридцать человѣкъ обѣдало за столомъ,—пишетъ она:— тутъ были великій князь Константинъ, великія княжны, Марія и Екатерина, эрцъ-герцогъ Палатинъ, а также герцогъ и герцогиня Вюртембергскіе. Всѣ гости держались безъ стѣсненія, и ея величество разговаривала съ каждымъ. Послѣ обѣда перешли въ залъ, гдѣ пили кофе; затѣмъ императрица пригласила насъ сопровождать ее въ ея апартаменты, а потомъ въ садъ. Она уговаривала насъ остаться въ Павловскѣ вечеромъ, такъ какъ будетъ спектакль, но лэди Ворэнъ, съ которой мы ѣздили къ императрицѣ, почувствовала себя нездоровой, и мы должны были вернуться въ Петербургъ. Императрица сказала, что она надѣется видѣть меня вскорѣ въ Россіи послѣ пріѣзда изъ Англіи, и она не сомнѣвается, что въ мое отсутствіе будутъ обращаться съ моими дочерьми хорошо, подъ ея покровительствомъ. Какъ она была милостива и обязательна! Какъ мать можетъ быть спокойна, имѣя для своихъ дѣтей такихъ покровителей».

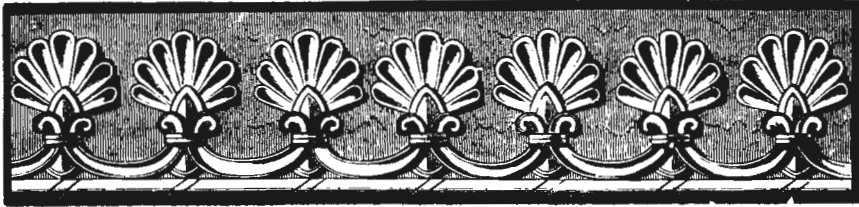
Смерть прабабушки была такъ же романтична, какъ вся ея жизнь. Зимой она отправилась къ своему сыну, Александру, въ Крымъ, такъ какъ надѣялась, что теплый климатъ принесетъ пользу ея здоровью. По дорогѣ въ Москвѣ она остановилась у г-жи Самариной, дочери графини Шуваловой, и за совершеннымъ упадкомъ силъ принуждена была оставаться тамъ до весны 1812 года. Узнавъ о движеніи на Москву арміи Наполеона, она говорила со страхомъ:

— Боже мой, неужели французы прогонятъ меня также изъ этой страны, которая служитъ мнѣ спасительнымъ убѣжищемъ?

Однако, судьбѣ было не угодно допустить ея до вторичнаго бѣгства отъ французовъ, такъ какъ она умерла въ Москвѣ на шестидесятомъ году отъ роду, незадолго до вступленія Наполеона въ Москву.

В. А. Тимирязевъ.

ЮНЫЕ АДМИНИСТРАТОРЫ ВЪ БОЛГАРИИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ПОХОДЪ въ Турцію въ 1877 году я дѣлалъ съ однимъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, въ которомъ служилъ и съ которымъ дошелъ до Силиври, что на Мраморномъ морѣ. Въ этомъ городѣ, послѣ занятія Санъ-Стефано, когда наша гвардія уже расположилась подъ стѣнами Константинополя, во всѣ гвардейскіе полки былъ присланъ вызовъ офицерамъ, желающимъ быть временно командированными въ распоряженіе завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандовавшемъ дѣйствовавшей арміей. Въ виду нѣкоторыхъ личныхъ обстоятельствъ, желая остаться дольше за предѣлами Россіи для поправленія здоровья, я, въ числѣ другихъ офицеровъ полка: штабсъ-капитана В. и поручика К., заявилъ о своемъ желаніи быть командированнымъ, хотя и побаивался этой командировки, не будучи знакомъ съ гражданской службой.

11-го марта 1878 года, послѣ товарищескихъ проводовъ, съ грустью въ сердцѣ, я покинулъ городъ Силиври, оставляя родной полкъ. Изъ Силиври мы всѣ трое отправились въ Санъ-Стефано, по прибытіи куда представились исправлявшему должность завѣдующаго гражданскими дѣлами Болгаріи, генералу Анучину. Отправивъ предварительно своихъ людей и лошадей въ городъ Четалджу, гдѣ послѣдніе должны были ожидать дальнѣйшихъ нашихъ распоряженій, мы рассчитывали, что скоро получимъ назначеніе по гражданской части.

Однако назначеніе это послѣдовало лишь черезъ мѣсяцъ; лучше сказать, мы были задержаны въ Санъ-Стефано, хотя и были на-

значены въ распоряженіе софійскаго губернатора Алабина и предназначались для занятія должностей въ Македоніи. Я былъ даже назначенъ въ Демотику. Нашъ выѣздъ къ мѣсту назначенія затянулся вслѣдствіе осложненія политическаго вопроса о Македоніи.

Сѣтовать, однако, на это замедленіе мы не могли; намъ было выдано невзачетъ 2-хъ-мѣсячное содержаніе, какъ начальникамъ округовъ, считая по 17 полуимперіаловъ въ мѣсяцъ. Содержаніе это было выдано въ видѣ подъемныхъ и, кромѣ того, прогоны по занимаемой должности на 4 лошади до города Софіи, что вмѣстѣ составило съ прибавкой неволью оставшейся экономіи отъ похода, ибо въ походѣ тратить было некуда, довольно значительную сумму, при выдачѣ которой намъ еще была объявлена полная свобода на неопредѣленное время, съ разрѣшеніемъ отправиться даже на жительство въ Константинополь.

Такъ какъ въ Санъ-Стефано пріискать помѣщеніе было трудно то мы и отправились въ Константинополь, гдѣ наняли себѣ комнаты въ одномъ изъ небольшихъ отелей, оказавшемся впослѣдствіи занятымъ уже артистами изъ театра Конкордія, съ которыми мы очень часто проводили время за общимъ табльдотомъ.

Въ Константинополѣ мы жили въ этомъ отелѣ, пользуясь большими удобствами, и, будучи офицерами одной гвардейской дивизіи, жили прииѣваячи. Къ нашей компаніи, между прочимъ, скоро присоединился извѣстный писатель Крестовскій, и жизнь пошла еще интереснѣе, такъ что время пролетѣло настолько быстро, что мы не успѣли приготовить къ отъѣзду въ Софію, т. е. закупить все необходимое для обстановки.

Между тѣмъ было получено приказаніе отправиться въ Софію; пришлось снимать штатское платье, и тутъ только я вспомнилъ о своихъ людяхъ и лошадяхъ, оставленныхъ въ Четалджѣ. Сѣвъ на поѣздъ, я отправился туда. Пріѣхавъ въ Четалджу, я долженъ былъ пройти довольно большое разстояніе пѣшкомъ, пока разыскалъ своего денщика. Сдѣлавъ всѣ распоряженія къ отъѣзду, поставивъ на поѣздъ лошадей, я вновь отправился въ Константинополь, откуда мы уже всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Софію.

По прибытіи въ Софію, мы явились къ губернатору Алабину, онъ котораго узнали, что собрались уже всѣ «македонцы», такъ называли офицеровъ, предназначенныхъ въ эту мѣстность. Съ грустью мы узнали отъ Алабина, что ѣхать намъ къ мѣсту служенія еще нельзя, и мы вновь должны ждать неопредѣленное время, ничего не дѣлая, получая, однако, содержаніе по мѣсту.

Нанявъ болгарскую «кышту» (домъ; хорошихъ домовъ не было, Софія представляла собою маленькій разоренный городишко), мы, однополчане, помѣстились втроемъ, устроившись вполне на мирномъ положеніи.

Вскорѣ насъ стала одолѣвать, за неимѣніемъ книгъ и общества, страшная тоска, вслѣдствіе чего я обратился къ губернатору Алабину съ просьбою дать мнѣ какое либо занятіе. На мою просьбу онъ мнѣ предложилъ заняться нумераціей домовъ города Софіи и наименованіемъ улицъ этой будущей столицы Болгаріи. Несмотря на всю скучную обстановку набиванія №№ на дома, я въ виду интереса пріисканія названій улицамъ согласился и сталъ заниматься этимъ дѣломъ. Названія улицъ я придумывалъ по боевымъ событіямъ, по главнымъ городамъ Россіи и по именамъ выдающихся дѣятелей по освобожденію Болгаріи.

Списки просматривались губернаторомъ, послѣ чего названія переписывались на желѣзныя дощечки масляною краскою и торжественно мною прибывались при посредствѣ болгарскихъ жандармовъ (полиціи) на углахъ и поворотахъ софійскихъ улицъ. При этомъ меня всегда сопровождала большая толпа зѣвакъ; для болгаръ названіе улицъ было дѣло совершенно новое и очень ихъ интересовало. Номера на дома набивать было труднѣе, ибо много было разоренныхъ домовъ и пустопорожнихъ мѣстъ. Приходилось разыскивать имена хозяевъ посредствомъ опросовъ; имена эти вносились тутъ же, уже подъ номеромъ, въ списки болгаринимъ, полицейскимъ надзирателемъ, который находился въ моемъ распоряженіи. Такимъ образомъ городъ Софія съ его обитателями былъ мною вполне изученъ, хотя занятіе это продолжалось недолго, такъ какъ городъ былъ разоренъ.

Въ теченіе нашего пребыванія въ Софіи гражданская часть Болгаріи получила самостоятельность, и былъ назначенъ императорскій російскій комиссаръ, генераль-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, приказомъ котораго, отъ 30-го мая, мы были откомандированы въ распоряженіе адрианопольскаго губернатора.

При отправленіи насъ въ Адрианополь намъ было предложено явиться въ Филиппополь къ князю Дондукову-Корсакову, куда мы и отправились 30-го мая, купивъ для переѣзда лошадей и экипажъ, въ которомъ и доѣхали до самаго Филиппополя. Генераль-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ на пріемѣ объяснилъ намъ, что главная наша обязанность слѣдить за успѣшнымъ поступленіемъ податей, а равно и во всемъ остальномъ управлять уѣздами Адрианопольскаго санджака (губерніи).

Выйдя изъ пріемной князя, мы порѣшили ѣхать далѣе всѣ вмѣстѣ до Адрианополя, куда немедленно и отправились по желѣзной дорогѣ.

Прибывъ въ г. Адрианополь, мы представились адрианопольскому военному губернатору, генераль-лейтенанту Липинскому. Онъ принялъ насъ въ очень короткой аудіенціи, объявивъ, что ему нѣтъ времени съ нами бесѣдовать, что и было понятно, такъ какъ онъ былъ и начальникомъ штаба корпуса.

Генераль Липинскій приказалъ намъ отправиться къ вице-губернатору, дѣйствительному статскому совѣтнику Баумгартену, который, по словамъ генерала Липинскаго, долженъ былъ намъ все рассказать, указать и познакомить насъ съ нашей новой дѣятельностью; къ нему мы тотчасъ и отправились, обрадованные, что наконецъ насъ посвятятъ во всѣ тайны гражданскаго управленія. Вице-губернаторъ Баумгартенъ, служившій ранѣе въ лейбъ-гвардіи Гродненскомъ гусарскомъ полку и по выходѣ изъ полка состоявшій на гражданской службѣ, былъ командированъ въ Болгарію въ распоряженіе императорскаго комиссара. Явившись къ нему, мы были крайне удивлены и озадачены, когда за разъясненіемъ нашихъ обязанностей онъ намъ предложилъ обратиться къ краткому сборнику описаній гражданскаго управленія при туркахъ (доподлинно не помню названія этой брошюрки въ нѣсколько страницъ). Тутъ же Баумгартенъ предложилъ намъ разыграть округа въ лотерею; мнѣ ужасно хотѣлось попасть на Мраморное море, но жребій выпалъ на округъ Узунъ-Кепри, что означаетъ «длинный мостъ». Городъ этотъ лежитъ на желѣзной дорогѣ, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Адрианополя.

Разыгравъ Адрианопольскій санджакъ въ лотерею, мы всѣ гурьбою отправились въ лучшую адрианопольскую гостиницу. Каждый изъ насъ захватилъ съ собою брошюрку; было постановлено прочесть и собраться вечеромъ, въ назначенный часъ, на совѣтъ, такъ сказать, на административное (корнетское) засѣданіе.

Въ назначенный часъ, вечеромъ, всѣ юные администраторы были налицо; усѣлись по-настоящему за столъ и открыли засѣданіе, выбравъ предсѣдателя и секретаря. Последнимъ, если не ошибаюсь, былъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка поручикъ графъ Стенбокъ-Ферморъ.

Въ первой очереди выяснили положеніе окружныхъ начальниковъ; при турецкомъ правительствѣ такой начальникъ назывался «каймаканъ», названіе это, вѣроятно, дано было потому, что, какъ первое лицо въ округѣ, и притомъ обезпеченное, каймаканъ имѣетъ возможность пить кофе съ каймаканомъ, т. е. съ наваромъ въ видѣ пѣнокъ. Каймаканы жили въ особыхъ казенныхъ зданіяхъ и представляли собою мѣстную, высшую, административную власть, имъ подчинялись совѣты: административный и судебный, состоявшіе изъ предсѣдателя и выборныхъ отъ народа, а равно и казначейская часть. Каймаканы обязаны были слѣдить за точнымъ исполненіями всѣми служащими чинами въ округѣ ихъ обязанностей, озабочиваясь и своевременнымъ поступленіемъ податей. Въ распоряженіи каймакана находилась вся полиція, и вообще до него касалось все въ районѣ его вѣдѣнія.

Такихъ административныхъ засѣданій у насъ было нѣсколько, и постепенно мы начали примѣняться къ новому положенію.

По разсмотрѣніи главныхъ обязанностей нашей будущей дѣятельности, т. е. отвѣтивъ на вопросъ: «что надо будетъ дѣлать?» — мы перешли къ вопросу: «какъ сдѣлать?» и послѣ нѣкоторыхъ дѣбатовъ, вспомнивъ курсъ администраціи, мы выработали форму книгъ и журналовъ по дѣлопроизводству, добываясь ясности и однообразія, равно установили форму книгъ для сбора податей. Податныя книги были установлены такъ, чтобы номерной корешокъ квитанціи съ распиской получателя оставался при книгѣ, а оторванная квитанція выдавалась плательщику. Такимъ образомъ, выяснивъ всѣ вопросы, мы заказали по одному образцу книги, бланки, журналы и т. п., книги зашнуровали, припечатали и представили вице-губернатору, послѣ чего всѣ разѣхались по своимъ округамъ.

Выработанное нами положеніе было представлено губернатору и оказалось въ послѣдствіи настолько удовлетворительно, что почти цѣликомъ было взято для Сѣверной Болгаріи.

Пріѣхавъ въ Узунъ-Кепри, я представился командиру корпуса, генералу Ганецкому, который назвалъ меня маленькимъ губернаторомъ, объявивъ, что прикажетъ временно завѣдующему городомъ сдать мнѣ текущія дѣла; поселился я, какъ и слѣдуетъ каймакану, въ конакѣ, воспользовавшись прекрасной квартирой моего турецкаго предмѣстника, гдѣ мнѣ и представлялись всѣ мѣстныя власти.

Совѣты уже существовали, такъ что мнѣ только оставалось назначить казначея, что я и сдѣлалъ, назначивъ, по указанію мѣстныхъ старожилловъ, одного изъ богатыхъ жителей, престарѣлаго турка, Сулеймана-эффенди; ему я и вручилъ книги по сбору податей, какъ-то: книгу «эмлякъ» съ имущества, книгу на «ашаръ» (т. е. десятинный сборъ, по которому десятая часть урожая отходила въ казну, будучи продана въ Адрианополѣ съ торговъ), «бегликъ» — подать съ овецъ; «серчимъ-перчимъ» (т. е. подать со свиней и чубовъ, носимыхъ на головахъ; современемъ эта послѣдняя подать была отмѣнена императорскимъ комиссаромъ, какъ обидная для жителей) и проч. и проч.

Самый трудный вопросъ для меня былъ найти толковаго правителя канцеляріи; за неимѣніемъ лицъ, годныхъ для этого дѣла, пришлось назначить полуграмотнаго болгарина Христу, и то больше изъ жалости: очень онъ много рассказывалъ о своихъ бѣдствіяхъ въ Эскизагрѣ.

Словомъ дѣлопроизводство было настолько трудно, что пришлось все вести самому лично, довѣривъ секретарю лишь входящія и исходящія журналы.

Главная моя дѣятельность состояла, какъ я уже говорилъ, въ наблюденіи за поступленіемъ податей; денегъ поступало довольно много, которыя я постоянно отвозилъ подъ конвоемъ въ Адрианополь и сдавалъ въ казначейство. Помню, разъ получаю телеграмму отъ губернатора съ приказаніемъ привезти немедленно всѣ имѣющіяся

деньги въ Адрианополи. Телеграмма пришла какъ разъ утромъ въ царскій день; въ виду экстренности я занялся немедленно приѣмомъ денегъ отъ казначея; на молебствіе, назначенное корпуснымъ командиромъ, на площади, я не пошелъ, а послалъ за себя заступающаго мое мѣсто во время моего отсутствія, предсѣдателя административнаго совѣта Чумакова, приказавъ, совмѣстно съ другими представителями уѣзда, принести поздравленіе корпусному командиру, какъ старшему, съ высокаторжественнымъ днемъ. Занимаюсь спокойно приѣмкой денегъ. Прибѣгаетъ жандармъ и докладываетъ, что меня къ себѣ требуетъ корпусный командиръ. Уже полъ-стола было занято столбиками золотыхъ монетъ, которыя я уже принялъ; уходитъ не было никакой возможности, надо было окончить приѣмку тѣмъ болѣе, что поѣздъ желѣзной дороги ходилъ только разъ въ день.

Сказавъ жандарму, что я занятъ службой и не могу отлучиться, продолжалъ свое занятіе. Къ моему удивленію, за первымъ жандармомъ послѣдовательно вскорѣ пришли еще два съ тѣмъ же приказаніемъ. Окончивъ свои занятія, запечатавъ мѣшки и представивъ часовыхъ, я отправился домой и, надѣвъ соответствующую форму, явился къ командиру корпуса, котораго засталъ въ большой залѣ его дома, окруженнаго массой офицеровъ. Я крайне былъ удивленъ, когда генераль сталъ мнѣ громко высказывать неудовольствіе, что я не явился на парадъ. Я доложилъ, что я занимался службой.

«Какой? — спрашиваетъ генераль: — въ этотъ день?» Говорю деньги принималъ. «Какія деньги? выбросить всѣ деньги!» Слушаю, говорю, исполню по полученіи предписанья! «Ну, ну, садитесь, будемъ пирогъ ѣсть».

Но мнѣ не удалось воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ гостепріимнаго хозяина, ибо я торопился къ отходу поѣзда, о чемъ я и доложилъ командиру корпуса.

По выраженному командиромъ корпуса желанію, видѣть на церковномъ парадѣ кметовъ (старшинъ) отъ сель всего округа, отъѣзжая, я приказалъ временно заступающему мое мѣсто вызвать кметовъ большихъ сель, но послѣдній вызвалъ всѣхъ, а таковыхъ въ округѣ было около трехъ сотъ, и вотъ по окончаніи парада онъ подходитъ во главѣ чиновниковъ и кметовъ съ поздравленіемъ. Генераль въ этотъ моментъ былъ безъ фуражки, и ему пришлось выдержать поздравленія, по очереди, всей этой толпы. Хорошо, что начальникъ штаба распорядился ихъ группировать, ибо солнце страшно жгло.

Мнѣ часто приходилось объѣзжать округъ, для очищенія и поимки разбойниковъ и по другимъ случаямъ, при чемъ меня всегда сопровождали казаки и мѣстные «запты» (полицейскіе). При объѣздѣ округа я нашелъ одно изъ большихъ сель опустѣвшимъ, жители переселились въ Малую Азію и ушли внезапно, не успѣвъ даже

продать хлѣбъ, частью собранный въ скирдахъ, а частью даже несжатый. Переселеніе это приняло широкіе размѣры, въ виду распространившихся слуховъ, что Адрианопольскій санджакъ отойдетъ къ Болгаріи.

Чрезвычайно было трудно установить охрану брошеннаго имущества, пришлось много ѣздить и наблюдать лично, а средствъ для охраны не было почти никакихъ, кромѣ полицейскихъ, въ большинствѣ турокъ. Поставивъ сторожей и установивъ разѣздную службу, я донесъ по телеграфу о найденныхъ мною богатствахъ въ Адрианополь по начальству. Немедленно было дано распоряженіе по всеѣмъ округамъ составить точныя описи, послѣ чего по таковымъ были назначены торги въ Адрианополь. Сумма за вырученный въ моемъ округѣ хлѣбъ, сколько помню, достигала до 20 тысячъ франковъ, что въ совокупности съ другими округами составило крупную цифру. Ко мнѣ явился извѣстный въ Турціи хлѣботорговецъ г. Кирбязи и представилъ мнѣ квитанцію о взносѣ въ казначейство денегъ за купленный на торгахъ хлѣбъ, которую я и заприходовалъ, что впоследствии сбило меня, не твердаго въ бухгалтеріи, съ толку, ибо налицо денегъ не было, а я, при повѣркѣ суммъ, до того засчитался, что не могъ скоро сообразить, что квитанція есть тѣ же деньги. По округу потомъ я ѣздилъ свободно съ двумя казаками. Жители ко мнѣ привыкли, а турки особенно довѣрчиво ко мнѣ относились, послѣ того какъ я оказалъ покровительство вдовѣ турецкаго билибаши (батальоннаго командира), снабдивъ ее одеждой и пищей; у вдовы была дочь Фатъма, обѣ онѣ приходили ко мнѣ и обѣдали ежедневно, при чемъ не закрывались яшмакомъ (покрывало на лицѣ).

Населеніе объ этомъ узнало, и я черезъ это получилъ между турками популярность, такъ что никакіе разбойники для меня не были страшны, почему я и ѣздилъ только съ двумя казаками по округу. Впоследствии мнѣ удалось отправить мать и дочь въ Константинополь, куда ихъ вызвали родственники для полученія наслѣдства и содержанія послѣ убитаго на войнѣ мужа; вообще моя жизнь и отношенія къ населенію округа Узунъ-Кепри были удачны; когда я уѣзжалъ, населеніе мнѣ сдѣлало проводы и поднесло адресъ.

Населеніе округа Узунъ-Кепри состояло изъ турокъ, грековъ и частью болгаръ. При этомъ долженъ замѣтить, что турки поселяне—прямой и честный и вполне симпатичный народъ. Каждому турку можно вѣрить на слово, ибо онъ вполне господинъ своего слова.

Приказомъ, 30-го сентября 1878 года, російскаго комиссара Болгаріи, я былъ назначенъ изъ Адрианопольскаго санджака въ сѣверную Болгарію начальникомъ Никопольскаго округа, куда и

отправился черезъ Константинополь на Варну, Руцукъ и по Дунаю парохомомъ. Путь этотъ хотя и дальнѣй, но я его выбралъ потому, что онъ меня интересовалъ. Прибывъ въ Никополь и принявъ округъ, я устроился уже совершенно комфортабельно, такъ какъ расположенный противъ Никополя румынскій городъ Турнъ-Северинъ представилъ къ тому полную возможность.

Съ дѣятельностью начальника округа я уже былъ знакомъ и не нуждался въ изученіи таковой, тѣмъ болѣе, что дѣлопроизводство почти сходилось съ установленнымъ въ Адрианополѣ.

Изъ дѣятельности моей въ Никопольскомъ уѣздѣ остались въ памяти особенно выборы депутатовъ въ народное собраніе, для избранія князя Болгаріи, на что были получены точныя инструкціи, для исполненія которыхъ потребовалось немало хлопотъ и энергіи.

Когда представители отъ уѣзда, то-есть, сель и деревень, были выбраны, то они собрались всѣ въ городѣ, въ конакѣ, въ числѣ почти трехсотъ человѣкъ; вся эта толпа помѣстилась на скамейкахъ сравнительно небольшого зала, при чемъ всѣ двери были заперты съ приставленіемъ часовыхъ, дабы не допускать постороннихъ, а равно для удержанія депутатовъ.

Выборы депутатовъ въ народное собраніе велись подъ моимъ предсѣдательствомъ, при чемъ голосованіе производилось съ помощью кукурузы и бобовъ.

Выбрали депутатовъ, и начались пренія о претендентахъ на болгарскій престолъ. Длилось это засѣданіе съ 12-ти часовъ дня до 2-хъ часовъ ночи; когда засѣданіе было окончено, и я вышелъ на свѣжій воздухъ, отправляясь домой, то у меня на воздухѣ закружилась голова, и я упалъ въ обморокъ. Оказалось, что спертый воздухъ и лукъ съ чеснокомъ, который ѣли съ хлѣбомъ болгары, меня отравили; когда я пришелъ въ себя, то чувствовалъ во рту вкусъ чеснока и лука; этотъ вкусъ исчезъ лишь на другой день. Въ декабрѣ мѣсяцѣ я по волѣ начальства вновь былъ назначенъ въ Разградскій округъ, вмѣсто полковника К., оказавшагося больнымъ; переводъ этотъ служилъ какъ бы поощреніемъ, такъ какъ Разградскій округъ самый большой въ губерніи со смѣшаннымъ населеніемъ и съ большимъ городомъ Разградомъ. Въ Разградѣ я пробылъ до передачи округовъ чиновникамъ изъ болгаръ, послѣ чего былъ назначенъ въ распоряженіе руцукскаго губернатора, генераль-лейтенанта Акимова, впоследствии начальника Павловскаго училища, при которомъ и состоялъ до вступленія на престолъ князя болгарскаго Александра Баттенбергскаго. Во время моего пребыванія въ Разградѣ, по моей инициативѣ, на городской площади, средствами жителей была заложена часовня, въ память освобожденія болгаръ отъ турецкаго владычества; на закладку часовни по просьбѣ жителей прибылъ самъ

императорскій російскій комиссаръ, князь Дондуковъ-Корсаковъ. Закладка была обставлена очень торжественно съ парадомъ мѣстной болгарской дружины, съ обѣдами, рѣчами и тостами.

По сдачѣ Разградскаго округа я переѣхалъ на жительство въ Руцукъ и присутствовалъ при моментѣ перваго шага на болгарскую землю избранника народа, князя Александра Баттенбергскаго, который по сходѣ на берегъ отправился тотчасъ же въ городъ Тырново, гдѣ уже образовалось народное собраніе. При пріѣздѣ князя Александра въ Руцукъ случился небольшой инцидентъ. Мнѣ для одной свадьбы была нужна карета; губернаторъ предложилъ свою; я отправилъ за каретою своихъ лошадей и челоѣка; случилось это за нѣсколько дней до прибытія князя; челоѣкъ мой, придя въ сарай, гдѣ помѣщалась карета губернатора, выбирая фонари и дышло, рѣшилъ, что лучше взять новые, какъ болѣе блестящіе; карета оставалась у меня, такъ какъ я въ ней ѣхалъ тоже въ Тырново смотрѣть торжество избранія. Когда нужно было запрягать карету, для пріѣзжающаго князя, то у совершенно новенькой, стоявшей тоже въ сараѣ губернатора, кареты не оказалось дышла и фонарей. Такъ какъ никто не зналъ, кто взялъ, то полицеймейстеру, гвардіи штабсъ-капитану К. (стрѣлковаго батальона), пришлось хлопотать о разысканіи недостававшихъ предметовъ, которые, находясь у меня, задержали карету князя и причинили много волненія, такъ что самъ князь Александръ потомъ вспоминалъ объ этомъ случаѣ, какъ задержавшемъ приготовленную встрѣчу.

Пріѣздъ князя въ Тырново былъ обставленъ весьма торжественно, и въ Руцукѣ онъ былъ встрѣченъ всѣми высшими властями Болгаріи и двумя назначенными къ нему, чрезвычайно симпатичными гвардейскими офицерами, лейбъ-гвардіи Коннаго полка поручикомъ Мосоловымъ и Егерскаго полка поручикомъ Ползиковымъ, въ качествѣ его адъютантовъ, съ которыми князь и отправился въ Тырново.

Послѣ избранія князя я вскорѣ былъ назначенъ въ Софію, въ болгарскія войска, куда и отправился.

В. Вознесенскій.

ЛѢВЫЙ ГЛАЗЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

ОКОЙНЫЙ Василій Алексѣевичъ Митрофановъ, во время нахождения моего въ донскомъ учебномъ казначьемъ полку, которымъ онъ командовалъ въ 50-хъ годахъ минувшаго столѣтія, рассказывалъ мнѣ слѣдующее о службѣ своей въ Варшавѣ, гдѣ онъ два раза состоялъ ординарцемъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ концѣ 30-хъ или началѣ 40-хъ годовъ ¹⁾.

«По окончаніи курса въ университетѣ,—говорилъ Митрофановъ,—я былъ записанъ въ одинъ изъ донскихъ полковъ, назначенныхъ въ царство Польское, гдѣ тогда же и произведенъ въ офицеры. Освоившись, какъ слѣдуетъ, съ военною выправкою, я вскорѣ прослылъ за хорошаго наѣздника, а порядочныя средства, которыми располагалъ мой отецъ, дали мнѣ возможность имѣть прекрасную фронтową лошадь и всю амуницию и сбрую, что называется, съ иголочки, чѣмъ вслѣдствіе нищенскаго жалованья могъ похвастать рѣдкій изъ офицеровъ тогдашнихъ донскихъ армейскихъ полковъ. Черезъ годъ службы моей въ Варшавѣ получено было извѣстіе, что въ скоромъ времени туда прибудетъ императоръ и, какъ нужно было ожидать, произведетъ смотръ всѣмъ бывшимъ тамъ воинскимъ частямъ. Полковой командиръ мой, порядочно перетрусивъ, тогда же предложилъ мнѣ, если потребуется, быть царскимъ ординарцемъ. Я съ удовольствіемъ согласился, будучи увѣренъ, что не ударю лицомъ въ грязь, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія государя. Черезъ нѣсколько дней послѣ приѣзда императора назначенъ былъ смотръ нашему полку. И походный ата-

¹⁾ Митрофановъ впоследствии былъ окружнымъ атаманомъ Черкаскаго округа и новочеркасскимъ комендантомъ. Скончался въ 1893 году. Авт.

манъ, и командиръ полка, накануне смотра подавали мнѣ множество совѣтовъ: какъ сказать, когда остановить свою лошадь предъ государемъ, какъ смотрѣть на него, какъ салютовать, рапортовать и проч. Все это мнѣ хорошо было извѣстно и безъ нихъ. Передъ выходомъ полка на площадь командиръ три раза перекрестилъ меня своей дрожащею рукою. Замѣтная растерянность моихъ начальниковъ не вызывала у меня и тѣни робости; если я и безпокоился, то единственно о томъ, что могу не получить отъ императора усиленнаго одобренія, которое, какъ я былъ увѣренъ, вполне заслужу. И вотъ лихо понесъ меня мой парадиръ, лихо, какъ вкопанный, остановился онъ на извѣстной дистанціи; не менѣе молодецки я отсалютовалъ, глядя прямо въ глаза государя, громкимъ голосомъ и внятно произнесъ извѣстный рапортъ: «къ вашему императорскому величеству отъ донскаго казачьяго № (такой-то) полка на ординарцы наряженъ». Но между тѣмъ временемъ, какъ я остановилъ коня и окончилъ приведенную фразу, прошло съ десятокъ секундъ. За это время взглядъ мой, вперившійся въ глаза императора еще до начала словеснаго рапорта, вскорѣ неволью упалъ сначала на грудь государя, а потомъ на гриву его коня. При всей моей смѣлости я не могъ выдержать ужаснаго блеска, его лѣваго глаза, изъ котораго ярко свѣтился конецъ докрасна раскаленнаго гвоздя и прожигалъ мои глаза. Несмотря на краткость времени, я успѣлъ сравнить этотъ лѣвый глазъ съ правымъ; но въ этомъ послѣднемъ, кромѣ строгаго спокойствія, я ничего не замѣтилъ; что же касается лѣваго, то онъ пронизывалъ насквозь и могъ привести въ трепетъ даже не робкаго человѣка... Спросивъ мою фамилію, государь отрывисто произнесъ: «хорошо», и освѣдомился, не служилъ ли я въ гвардіи. Это короткое и обыденное «хорошо» далеко не удовлетворило меня, а вопросъ о гвардіи прямо оскорбилъ: точно хорошіе наѣздники могутъ быть только изъ гвардіи. И походный атаманъ, и командиръ полка, а особенно товарищи-офицеры были въ восторгѣ отъ моего дебюта; но я самъ чувствовалъ въ себѣ полный упадокъ духа, хотя никому не далъ возможности замѣтить это. Когда я пришелъ домой, то предался своей думѣ и горько упрекалъ себя въ томъ, что не выдержалъ царскаго взгляда, точно дѣвица какая, опустилъ свои глаза вопреки воинскихъ правилъ. Долго думалъ я о лѣвомъ глазѣ императора, улегшись на кровать и погасивъ свѣчу, и послѣ усиленныхъ размышленій порѣшилъ, что у государя такіе жгучіе глаза оба; лѣвый же показался мнѣ ужаснымъ только потому, что я остановился нѣсколько влѣво отъ фигуры императора, правый глазъ котораго смотрѣлъ на меня не прямо, а искоса, почему и огонь его не былъ столь пронзителенъ, какъ блескъ лѣваго глаза. Но такъ ли это? На провѣрку такого заключенія моего не имѣлось надежды, а спрashi-

вать у кого либо мнѣ не хотѣлось изъ-за опасенія обнаружить свою тайну. Однако же вскорѣ я былъ обрадованъ извѣстiемъ, что смотръ всѣмъ войскамъ и нашему полку повторится. Снова получивъ назначенiе на ординарцы, я съ бодрымъ духомъ и неудержимымъ желанiемъ провѣрить свое недоумѣнiе выѣхалъ въ поле. Нашъ полкъ стоялъ на лѣвомъ флангѣ, и предъ тѣмъ, какъ до него дошла очередь, мы всѣ слышали серебряный, громко отчеканивающiй каждое слово, голосъ императора, производившаго разность одному начальнику кавалерiйской дивизiи за фронтонныя неисправности. Но вотъ наступилъ и мой моментъ. Полагая, что государь взволнованъ, а потому глаза его еще сильнѣе засвѣтятъ огненнымъ блескомъ, я собралъ все свое мужество, имѣя предъ собою заранѣе начертанный планъ: остановиться предъ нимъ такъ, чтобы мое лицо было параллельно его лицу; за нѣсколько саженъ до остановки начать смотрѣть ему прямо въ глаза до тѣхъ поръ пока не кончится церемонiя, при чемъ произвести сравненiе лѣваго глаза съ правымъ. Все это исполнилъ я микроскопически точно. Вперивъ глаза свои въ глаза императора еще за нѣсколько саженъ до остановки, я замѣтилъ на лицѣ его еще не улетшуюся разгнванность и остановилъ коня такъ, что мое лицо было en face къ лицу государя, смотрѣвшаго на меня обоими глазами въ одинаковомъ направленiи. Пока я отсалютовалъ и отчетливо-медленно произнесъ извѣстную фразу, я нѣсколько разъ попеременно впивалъ обоими глазами то въ правый, то въ лѣвый глазъ императора и замѣтилъ: правый глазъ былъ гнѣвнъ, но смотрѣлъ, имѣя въ себѣ рѣшительно никакого пронизывающаго блеска, а лѣвый—все тотъ же горящiй уголь, все тотъ же раскаленный гвоздь, пронизавшiй меня насквозь и еще сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Произошло то же самое: послѣднiя слова словеснаго рапорта и поднятiе пашки къ лицу по окончанiи его произведены были мною уже при опущенномъ книзу взорѣ, который я, какъ ни усиливался, не въ состоянiи былъ поднять до уровня глазъ государя. Только тогда я убѣдился, что лѣвый глазъ императора былъ связанъ отъ природы какимъ-то особеннымъ сiянемъ, на которое несмотря на усилiя, можно было глядѣть впродолженiе только двухъ или трехъ секундъ... Послѣ того мнѣ ни разу не пришлось видѣть императора Николая Павловича, и я остался при полной уверенности, что глаза его были не одинаковы; что же касается лѣваго глаза, то до самой смерти своей я не забуду его насквозь пронизывающаго блеска, могущаго привести въ смущенiе не только людей робкихъ, но и такихъ, какъ я, принадлежащихъ не къ тривиальному десятку».

А. Карасевъ.

ТУРКМЕНСКІЙ АЛАМАНЪ.

(Эскизъ).

ВА СЛОВА въ видѣ приступа къ разсказу и въ объясненіе его заглавія.

До завоеванія Россіей Закаспійской области обитатели ея, туркмены, сравнительно мало занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ. Къ этому ихъ приводили, съ одной стороны, неблагоприятныя природныя условія, недостатокъ удобной земли и оплодотворяющей ее влаги, а съ другой — слишкомъ легкая возможность существовать гораздо болѣе привлекательнымъ занятіемъ, далеко не столь обременительнымъ и тяжелымъ, а именно—грабежемъ своихъ слабыхъ сосѣдей.

И въ самомъ дѣлѣ, могъ ли долго колебаться въ своемъ выборѣ между упорнымъ трудомъ земледѣльца и быстрымъ, хотя и сопровождавшимся извѣстною опасностью, аламаномъ (набѣгомъ) дикій туркмень — это дитя природы, этотъ смѣлый и подвижной номадъ съ его болѣе чѣмъ необременительнымъ багажемъ религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній? Ни сердце и совѣсть его, ни «благочестивые» муллы и испаны—ничто не возбраняло ему заниматься грабежемъ и разбоемъ; соблазнъ же легкой добычи былъ слишкомъ великъ... И, конечно, онъ изошрялъ всѣ силы свои и способности, чтобы стать настоящимъ карабчи (разбойникомъ) и батыремъ (героемъ), и не стѣснялся предавать огню и мечу дѣльныя персидскія селенія, лишь бы добыть то, что ему было нужно...

И должно отдать справедливость этимъ дѣтямъ природы (не во вкусъ, конечно, Жанъ-Жака Руссо), они довели «технику» своихъ аламановъ до высокой степени художественности. Все воспи-

таніе, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ ближайшихъ друзей и помощниковъ—лошадей, было приноровлено къ наилучшему выполненію разбойническихъ набѣговъ. Никакія разстоянія, никакія пустыни не были страшны для нихъ. Вездѣ находили дорогу ихъ хищныя шайки, и всюду несли онѣ съ собою смерть, огонь и тяжелое рабство. Жизнь человѣка и его страданія не имѣли въ ихъ глазахъ ни малѣйшаго значенія, и они избивали при сопротивленіи или уводили на веревкахъ въ плѣнъ и на продажу въ Хиву и Бухару сотни и тысячи несчастныхъ персіянъ и персіянокъ.

«На конѣ туркменъ не знаетъ ни отца, ни матери!» — гласить ихъ поговорка.

И, дѣйствительно, они не знали предѣловъ своему хищничеству и, будучи полными хозяевами закаспійскихъ степей и пустынь, гдѣ такъ легко было укрываться отъ преслѣдованій, грабили и нападали на все и на всѣхъ, не дѣлая даже различія между своими и чужими. «Тутъ все грабили всехъ, и единственнымъ правомъ признавалась сила, — говоритъ ученый изслѣдователь Туркменіи, генераль Н. Г. Петрусевичъ, столь безвременно погибшій въ той же Туркменіи во время осады Геокъ-Тепе ¹⁾, — сарыки ²⁾ нападали на салыровъ ²⁾, на текинцевъ ²⁾ и на бухарскія, хивинскія и персидскія земли. Текинцы дѣлали то же самое, грабя вдобавокъ еще и іомудовъ ²⁾ и гокланъ ²⁾; гокланы и іомуды тоже не оставались въ долгу. Но больше всего доставалось отъ туркменскихъ грабежей Персіи, ея сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ провинціямъ, составляющимъ громадную область, извѣстную подъ именемъ Хорасана. Сюда обрушивались и іомуды, и гокланы, и текинцы Ахала, и текинцы Мерва, и салыры, и сарыки. Весь сѣверъ Хорасана и вся восточная часть его до границы съ Гератомъ были разорены окончательно, и теперь ³⁾ по этимъ мѣстностямъ встрѣчаются только развалины бывшихъ деревень. Въ одномъ только округѣ Пяссъ-и-Кухъ-и-Харабэ, лежащемъ по лѣвому берегу рѣки Герируда, насчитывалось до 460 деревень, отъ которыхъ теперь не осталось и двадцати, и къ названію этого округа «Пяссъ-и-Кухъ» прибавилось слово «харабэ» (разоренный), такъ что теперь этой части Хорасана никто иначе не называетъ, какъ «Пяссъ-и-Кухъ-и-Харабэ», то-есть округомъ загорныхъ развалинъ. Почти то же встрѣчается и на сѣверѣ провинцій: Келата, Дерегеза, Кучана и Буджнурда; поселенія держатся только тамъ, гдѣ они, пріютившись между скаль, прикрыты недоступностью мѣстности. Во всехъ же другихъ мѣстахъ поселенія уничтожены.. На хивинскихъ и бухар-

¹⁾ См. статьи его въ «Запискахъ Кавказскаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества», кн. IX, Тифлисъ, 1880.

²⁾ Туркменскія племена.

³⁾ Писано, какъ уже отмѣчено, до заво ванія Туркменіи Россіей.

скихъ владѣнiяхъ набѣги туркменъ не такъ отражаются... но и туда текинцы ежегодно приходятъ для грабежей. Такъ, въ 1876 г. былъ ограбленъ г. Питнакъ въ Хивѣ, а въ 1877 году текинцы уничтожили караванъ въ урочищѣ Балыклы, и въ томъ же году дѣлали нападенiя на селенiе Исмамудъ... Афганскимъ владѣнiямъ тоже достается немало, но тутъ уже арена сарыковъ. Они проникаютъ въ самую глубь Афганистана, увозя оттуда плѣнныхъ; округу же Маймэнэ достается болѣе всѣхъ»...

И слабые сосѣди ничего не могли подѣлать съ этими хищниками. Правда, и Хива, и Бухара, и особенно Персiя предпринимали походы въ глубь туркменскихъ степей и разоряли иногда ихъ поселки; но это не могло умѣрить необузданной дерзости грабителей. Измѣнить этотъ порядокъ вещей могла одна лишь Россiя. Уже съ занятiемъ Красноводска (1868 г.) прикаспiйскiе туркмены должны были стихнуть. Покоренiе же затѣмъ Хивы и Бухары закрыло для всѣхъ туркменъ важнѣйшiе рынки сбыта невольниковъ и тѣмъ отняло главный мотивъ къ грабежамъ—добычу плѣнныхъ для продажи. Но окончательнымъ ударомъ было, конечно, завоеванiе самыхъ гнѣздъ грабежа—Ахала (1881 г.), Мерва (1884 г.), Саракса, Иолотана и Пенде. А пораженiе афганцевъ на Кушкѣ (17-го марта 1885 года) доказало и нашимъ добрымъ друзьямъ англичанамъ, что Россiя стала твердой ногой во вновь присоединенныхъ областяхъ, и что никакiе корреспонденты, въ родѣ О'Донавана, и никакiе военные и дипломатическiе агенты, на подобiе капитана-бехадуря Iэта или генерала-бехадуря Лемседена, не въ состоянiи замутиль тамъ воду въ своихъ личныхъ интересахъ.

И со времени этихъ событiй миръ и спокойствiе воцарились въ сосѣднихъ земляхъ, и несчастная Персiя вздохнула полной грудью...

Описанiю одного изъ такихъ-то набѣговъ (аламановъ) на эту многострадальную страну и посвященъ настоящiй рассказъ.

I.

Въ туркменской степи.

Весна въ самомъ началѣ, весна теплая и благоуханная...

Вся необъятная туркменская степь, политая обильными дождями, забыла зимнiе холода и вьюги и всѣмъ существомъ своимъ рвется навстрѣчу теплымъ солнечнымъ лучамъ. Самыя разнообразныя травы и цвѣты покрыли поверхность ея сплошнымъ ковромъ, и, уходя во всѣ стороны на десятки и сотни верстъ, ровной, какъ столъ, гладью стелется она вдоль и вширь, пока не встрѣтитъ на своемъ пути или горной цѣпи Копеть-Дага, или ужасныхъ песча-

ныхъ пустынь, на которыхъ никакая весна и никакая влага не въ силахъ поднять или поддержать хотя бы самую жалкую животную или растительную жизнь...

Въ одинъ изъ такихъ прекрасныхъ весеннихъ дней, когда вся природа была проникнута общимъ жизнерадостнымъ настроеніемъ, по этой степи, уже въ предѣлахъ Ахальскаго оазиса ¹⁾, двигалась небольшая группа всадниковъ.

По одеждѣ и вообще по внѣшности въ нихъ не трудно было узнать самихъ владѣтелей степи—гордыхъ и неустрашимыхъ туркменъ-теке.

Въ теплыхъ ваточныхъ халатахъ и въ огромныхъ бараньихъ папахъ, съ ружьями разнообразныхъ системъ за плечами и съ кривыми клычцами (саблями) у пояса, они двигались мелкой рысью, направляясь къ ставшему въ послѣдствіи знаменитымъ Голубому холму (Гекъ-тепе).

Впереди, немного отдѣлившись отъ остальной группы, ѣхало двое всадниковъ, халаты и оружіе которыхъ обличали большую состоятельность сравнительно съ остальными товарищами. Между ними шелъ горячій разговоръ.

— Найдешь ли мы теперь охотниковъ поаламанить?—говорилъ одинъ изъ нихъ, молодой еще юноша, съ еле пробивающимися усами и бородой.

— Будь покоенъ, Оразъ-Берды,—отвѣтилъ ему его спутникъ, человѣкъ уже довольно пожилыхъ лѣтъ, съ большою хотя и довольно рѣдкой бородою:—будь покоенъ, на это дѣло всегда найдутся охотники. Что же и дѣлать доброму туркмену, какъ не ходить аламаномъ на подлыхъ и трусливыхъ кизилбашей ²⁾?

— Это вѣрно, Юсуфъ,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:—но вѣдь теперь мы затѣваемъ не обыкновенный аламанъ. Мы хотимъ итти далеко въ Хорасанъ, къ самому Мешхеду.

— О, ты еще молодецъ, Оразъ-Берды, но пора бы знать и тебѣ, что для настоящаго туркмена только тамъ и утѣха, гдѣ больше опасностей. Что за слава схватить безоружнаго въ полѣ и утащить его въ свой аулъ! Нѣтъ, пройти, какъ ураганъ, по чужой странѣ, разгромить города и села, увести въ плѣнъ тысячи рабовъ и рабынь, набить хурджины серебромъ и дорогими вещами, вотъ это хорошо, на это способенъ только добрый туркменъ, не успѣвшій обабиться у подола матери или жены.

— Не говори такихъ словъ, Юсуфъ,—крикнулъ Оразъ-Берды, сверкая глазами и судорожно хватаясь за рукоять своего клычца:—

¹⁾ Лучшая часть нынѣшняго Асхабадскаго уѣзда, въ восточной части которой расположенъ г. Асхабадъ, а въ западной—Кизиль-Арватъ.

²⁾ Такъ называютъ туркмены персіянь за то, что они красятъ себѣ волосы красной краской: кизиль—красный, башъ-голова (отсюда наша башка).

я не погляжу, что ты мой дядя, и что тебѣ поручилъ меня мой отецъ!... Если я и говорилъ объ опасностяхъ, то только потому, что боюсь, какъ бы онѣ не помѣшали намъ собрать большую партію, а за себя я не боюсь и готовъ доказать это передъ кѣмъ угодно.

— Ну, и горячъ же ты, Оразъ-Берды,—отвѣтилъ улыбаясь Юсуфъ: сейчасъ за клынчъ схватился! Видно, что—сынъ славнаго хана и сердаря ¹⁾). Даромъ, что тебя не выпускали еще изъ аула...

— Ты самъ знаешь, Юсуфъ, что я въ этомъ не виноватъ,—продолжалъ горячиться молодой туркменъ:—сколько разъ я тайкомъ уходилъ съ товарищами въ аламанъ, и всегда меня возвращали обратно, всегда отецъ и мать упрашивали не подвергать своей жизни опасности. А для чего же и жить, какъ не для опасностей? Вѣдь не для того же я родился, чтобы пасти барановъ и верблюдовъ, какъ кизилбаши, или торговать на базарѣ, какъ сарты!

— Правда, правда, Оразъ-Берды. Сынъ нашего хана самъ долженъ быть ханомъ и сердаремъ. Вотъ почему я и упротилъ твоего отца отпустить тебя теперь. Да поэтому же и думаю затѣять теперь аламанъ въ самую глубь Хорасана. Будетъ, гдѣ потѣшиться и разойтись тебѣ.

— Я уже это зналъ, Юсуфъ, и очень благодаренъ тебѣ и другимъ.

— А сейчасъ чуть было клынча на меня не обнажилъ,—замѣтилъ тотъ, улыбаясь.

— Не сердись за это, дядя: это я такъ, сгоряча.

— Знаю, знаю и не сержусь. Отцовская кровь ходитъ въ твоихъ жилахъ, и я вѣрю, что не одна персидская башка слетитъ съ плечъ отъ твоей руки. Однако, погоняй лошадь, а то намъ не одинъ агачъ ²⁾ еще остался впереди.

Оба всадника слегка ударили своихъ скакуновъ, и тѣ пошли крупнымъ галопомъ, любимымъ аллюромъ у туркменъ. За нимъ понеслись и остальные всадники.

Часа два продолжалась эта ѣзда, пока, наконецъ, вдали не показалась длинная глинобитная стѣна, изъ-за которой виднѣлись верхушки деревьевъ.

— Ну, теперь близко и Гѣкъ-тепе,—сказалъ Юсуфъ, сдерживая своего коня:—поѣдемъ потише и дадимъ отдохнуть нашимъ лошадямъ.

Всѣ послѣдовали этому приглашенію, и между Юсуфомъ и Оразъ-Берды завязался вновь разговоръ на ту же тему о предстоящемъ аламанѣ.

¹⁾ Предводителя отряда въ аламанѣ.

²⁾ Мѣра длины, равная приблизительно десяти верстамъ.

«истор. вѣстн.», июль, 1902 г., т. LXXXIX.

— Послушай, Юсуфъ,—говорилъ ему молодой спутникъ:—зачѣмъ ты задумалъ приглашать въ этотъ набѣгъ ахальскихъ теке ¹⁾? Развѣ мало однихъ нашихъ мервцевъ? Кликнуть кличъ, живо набралась бы тысяча, а то и болѣе молодецвъ...

— Да все для тебя же хлопочу,—отвѣтилъ улыбаясь Юсуфъ:—хочу, чтобы ты познакомился поближе съ ахальцами и не пренебрегалъ ими, когда впоследствии самому придется быть сердаремъ и водить аламань. А потомъ отсюда удобнѣе вести дѣло, чѣмъ изъ нашего Мерва. Оттуда очень долго нужно итти степью, гдѣ хотя и есть трава въ эту пору, но мало воды. Изъ этихъ же мѣстъ, какъ ты самъ видишь, рукой подать до горъ, а за ними уже начинается Хорасанъ, гдѣ много воды и всякаго добра.

— Правда,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:—хотя я уже и бывалъ въ Ахалѣ, но дѣйствовать вмѣстѣ съ ними мнѣ, конечно, не приходилось. Но посмотри, Юсуфъ, какъ будто кто-то ѣдетъ къ намъ навстрѣчу.

И дѣйствительно, впереди показалась группа всадниковъ, двигавшихся, очевидно, навстрѣчу нашимъ знакомцамъ. По мѣрѣ приближенія все яснѣе вырисовалось десятка два фигуръ въ тѣхъ же ваточныхъ халатахъ, съ тѣми же папахами на головахъ и клычачами у пояса.

— Это ахальцы прослышали уже о нашемъ приѣздѣ,—звѣтилъ Юсуфъ:—и выѣхали къ намъ навстрѣчу. Дѣло, значитъ, идетъ хорошо, и можно надѣяться, что аламанъ состоится. Да, впрочемъ, и они вѣдь также любятъ кизилбашей и ихъ серебро, какъ и мы.

Не прошло и десяти минутъ, какъ обѣ группы всадниковъ съѣхались, и ахальцы, не сходя съ коней, задали мервцамъ обычный въ туркменской степи вопросъ.

— Ягы-му, иль-му (враги вы или друзья)?

— Мы прибыли друзьями,—отвѣтилъ Юсуфъ:—и привезли добрыя вѣсти отъ мервъ-теке. Теперь мы ждемъ гостепрѣимства отъ нашихъ братьевъ ахальцевъ.

Тогда хозяева сошли съ коней и привѣтствовали своихъ гостей по всѣмъ правиламъ восточнаго этикета. Ставъ другъ передъ другомъ и опустивъ глаза въ землю, они простояли такъ нѣкоторое время съ поднятыми кверху руками, а затѣмъ уже начали обмѣниваться дружескими рукопожатіями.

— Аманъ гелдингизъ (добро пожаловать)! — сказали ахальцы своимъ гостямъ.

¹⁾ Туркмены дѣлятся на разныя племена, изъ которыхъ самое воинственное и многочисленное — теке (текинцы), разбивающееся по мѣсту жительства на ахальскихъ (т.-е. Ахальскаго оазиса, гдѣ теперь Асхабадъ) и мервскихъ теке. (Среди этихъ группъ есть еще свои подраздѣленія...

Затѣмъ, по окончаніи привѣтствій, всѣ сѣли снова въ сѣдла и тронулись вмѣстѣ къ недалекому уже оуба ¹⁾, все населеніе котораго высалпало навстрѣчу мервскимъ гостямъ и привѣтствовало ихъ криками и выстрѣлами изъ мултуковъ ²⁾.

II.

Джумъ-гуріе.

Утромъ на другой день по приѣздѣ Юсуфа и Оразъ-Берды въ Гѣкъ-тепе, на вольномъ воздухѣ около кибитки выборнаго хана ахальскихъ текинцевъ собрался джумъ-гуріе ³⁾ для обсужденія предложенія пріѣхавшихъ мервцевъ о совмѣстномъ аламанѣ вглубь Персіи.

Немало тутъ было батырей, насчитывавшихъ на своемъ вѣку десятки аламановъ, но еще болѣе было молодыхъ людей, которые ни разу пока не вынимали клынча изъ ноженъ и въ народныхъ собраніяхъ, по установившемуся адату (обычаю), не рѣшались подавать своихъ голосовъ, а прислушивались къ тому, что говорили старшіе.

— Какую же вѣсть привезли намъ наши мервскіе друзья?—заговорилъ первымъ выборный ханъ, почтенный старикъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди своего племени:—надѣюсь, что кибитки ихъ стоятъ на тѣхъ же мѣстахъ, что среди нихъ нѣтъ болѣзней, и поля ихъ попрежнему хорошо орошены и даютъ богатые урожаи?

— Мервскій народъ привѣтствуетъ своихъ братьевъ-ахальцевъ и желаетъ имъ всякаго благополучія,—отвѣтилъ Юсуфъ, сидѣвшій рядомъ съ ханомъ и посадившій съ другой стороны отъ себя Оразъ-Берды:—мервцы желаютъ имъ, чтобы кибитки ихъ были полны рабами и всякимъ добромъ, и чтобы весь домашній скотъ ихъ давалъ хорошій приплодъ.

— Сагъ олъ, сагъ оласизъ (благодаримъ)!—раздались со всѣхъ сторонъ голоса, и всѣ присутствующіе погладили въ знакъ удовольствія свои бороды.

— А пришли мы сюда,—продолжалъ Юсуфъ:—чтобы звать своихъ братьевъ на большой аламанъ въ Персію. Давно уже кизилбашскіе города не видѣли на своихъ стѣнахъ туркменскихъ значковъ, и ихъ ильхани ⁴⁾ разжирѣли, думая, что мы здѣсь обабились и не смѣемъ больше забираться въ глубину Хорасана. Покажемъ же

¹⁾ Туркменское названіе населенныхъ пунктовъ. Русская администрація ввела теперь кавказское названіе аулъ, не употребительное у туркменъ.

²⁾ Ружья.

³⁾ Совѣщаніе, народное собраніе.

⁴⁾ Правители.

этимъ презрѣннымъ трусамъ, что наша сила и удалъ не прошли еще, и что туркмену на конѣ и при клынчѣ путь открытъ повсюду.

— Яхши, чоъхъ яхши (хорошо, очень хорошо),—заговорили и закричали кругомъ:—правда, правда, давно уже мы не ходили большой партіей на Хорасанъ, и пора напомнить тамъ вновь о себѣ. Мы и сами думали уже объ этомъ и хотѣли пригласить съ собою нашихъ братьевъ-мервцевъ.

— Благодарю отъ всего мервскаго народа,—отвѣтилъ Юсуфъ:—мы знали, что не встрѣтимъ отказа съ вашей стороны, и готовы сами итти въ Персію хоть черезъ недѣлю.

— И мы готовы, —раздались крики со всѣхъ сторонъ:—идемъ на кизилбашей! Соберемъ нѣсколько партій и нагрянемъ на самый Мешхедъ! Покажемъ этимъ разжирѣвшимъ свиньямъ, что туркменъ-теке хватить, чтобы забрать въ плѣнъ и отвести въ Бухару на веревкахъ весь Хорасанъ! Напомнимъ имъ, что клынчи наши рубятъ безъ промаха и сносятъ головы съ одного удара!

— Ну, на этихъ подлыхъ трусовъ незачѣмъ и вынимать клынчи изъ ноженъ,—сказалъ одинъ старый батырь съ сѣдой бородой и съ глубокимъ шрамомъ черезъ все лицо:—для нихъ достаточно однѣхъ плетей и веревокъ.

Голоса и крики все росли и росли. Каждый старался перекричать сосѣдей, каждый выражалъ или, лучше сказать, выкрикивалъ свое мнѣніе, не заботясь о томъ, что говорили другіе. Да, впрочемъ, это была бы и совершенно излишняя забота, такъ какъ насчетъ аламановъ у туркменъ никогда не бывало различныхъ мнѣній, и всякое время считалось пригоднымъ для нихъ...

А подъ эти крики наиболѣе зеленая молодежь уже вытаскивала изъ ноженъ свои клынчи, пробуя, хорошо ли они отточены и будутъ ли рубить съ одного взмаха кизилбашскія головы. Готовые хоть сейчасъ летѣть черезъ горы, молодые номады не хотѣли уже слушать дальнѣйшихъ переговоровъ и, горячо толкуя между собой, стали расходиться по селенію. И только наиболѣе солидная часть собранія осталась на мѣстѣ, обсуждая подробности предстоящаго аламана и необходимую численность партій.

— Мервъ-теке можетъ дать для этого аламана нѣсколько тысячъ коней, —говорилъ между прочимъ Юсуфъ:—но я думаю, что если мы соберемъ вмѣстѣ четыре партіи по тысячѣ коней каждая, то этого будетъ довольно, чтобы разорить хоть самый Мешхедъ.

— Хорошо,—отвѣтили хозяева:—у насъ, какъ вы сами видѣли, есть много молодцевъ, готовыхъ итти хоть сейчасъ. Мы всегда соберемъ, сколько потребуется. Нужно опредѣлить только время, чтобы подготовить и лошадей, и людей къ походу.

— У насъ уже все подготовлено, — сказалъ Юсуфъ: — черезъ 9—10 дней мы будемъ здѣсь съ своими молодцами.

— Яхши, гой ела олсунъ (хорошо, пусть будетъ такъ), — заговорили ахальцы: — дѣло, значить, готово. А пока мы просимъ васъ быть нашими гостями и принять отъ насъ угощеніе.

III

Т о й.

И въ тотъ же день къ вечеру выборный ханъ и другія выдающіяся лица ахальскаго племени чествовали мервцевъ, устроивъ для нихъ той (праздникъ).

Передъ большой кибиткой хана было послано нѣсколько кусковъ войлока, покрытыхъ сверху прекрасными текинскими коврами, ставшими, впрочемъ, отъ грязи и пыли почти не узнаваемыми. На этихъ коврахъ размѣстилось нѣсколько десятковъ старыхъ и молодыхъ туркменъ, при чемъ у самаго входа въ кибитку помѣстились самъ ханъ и наши знакомцы Юсуфъ и Оразъ-Берды. Передъ ними же лежала толстая, достаточно грязная скатерть изъ грубаго холста (достарханъ), и на ней одни за другими появлялись деревянныя блюда и чашки съ разными кушаньями.

Прежде всего появилось любимѣйшее блюдо всей Средней Азіи — палау (пловъ). Приготовленное совсѣмъ своеобразнымъ способомъ, не такъ, какъ готовятъ его въ Персіи или Турціи, это блюдо состояло изъ отдѣльныхъ не смѣшанныхъ между собою слоевъ: внизу — риса, плававшего въ курдючномъ салтѣ, затѣмъ — рѣпы, а сверху всего — нарѣзаннаго кусочками бараньяго мяса.

За пловомъ шелъ берекъ — супъ съ лепешками, начиненными рубленнымъ мясомъ и пряностями, потомъ торама — мягко разваренное лошадиное мясо съ лукомъ, рыбой и прибавкой муки, потомъ нѣсколько сортовъ каши...

И все это было такъ вкусно, а аппетиты пирующихъ такъ велики, что около получаса только и было слышно одно чавканье челюстей да тѣ мало гармоничные звуки, про которые говорятъ, что это душа съ Богомъ бесѣдуетъ.

А чтобы восполнить картину, добавлю, что единственнымъ орудіемъ для доставленія всѣхъ перечисленныхъ кушаній въ ротъ служила каждому его собственная пригоршня, и, надо отдать ей справедливость, она весьма ловко извлекала изъ чашекъ не только твердые куски мяса, но и полужидкія части пищи. Если же при этомъ тонкія струйки жидкости бѣжали между пальцами обратно въ чашку, а съ бороды или изъ рта скатывалось въ нее все, чему не суждено было въ данный моментъ попасть по назначенію, то это обстоятельство, конечно, нисколько не смущало остальныхъ

сотрапезниковъ, обходившихся тѣми же орудіями и тѣмъ же способомъ...

Немало было выпито затѣмъ зеленаго чая, айрана¹⁾ и чала²⁾, а неизбѣжный чилимъ³⁾ ходилъ изъ рукъ въ руки въ теченіе всего обѣда...

Во время пира, когда надо утолять голодъ, не мѣсто вести какіе бы то ни было и особенно серьезные разговоры. Какъ хозяева, такъ и гости прекрасно понимали это правило хорошаго мусульманскаго тона и оставили бесѣду на послѣобѣденное время, когда молодежь должна была, по случаю тоя, устроить скачку и столъ любимую въ туркменской степи игру въ сѣраго волка (кокъ-бури).

Много великолѣпныхъ лошадей появилось передъ ауломъ въ открытомъ полѣ, когда ханъ объявилъ, что въ честь дорогихъ гостей онъ жертвуетъ въ видѣ приза наѣзднику-побѣдителю одну изъ своихъ красивыхъ рабынь-персіянокъ, а тому, кто прискачетъ вторымъ, — новую кибитку. Даже нашъ знакомецъ Оразъ-Берды не утерпѣлъ и по ханскому крику «кетъ» (пошелъ) полетѣлъ вмѣстѣ съ другими молодыми номадами къ еле виднѣвшемуся вдали одинокому холму, на которомъ заблаговременно были положены двѣ шапки—одна хана, а другая — Юсуфа. Ихъ-то и должны были доставить побѣдители въ знакъ того, что они опередили своихъ товарищей.

Лихая это была скачка, въ которой побѣдить могъ дѣйствительно только сильнѣйшій и наиболѣе ловкій. И какъ гордо глядѣлъ кругомъ Юсуфъ, когда всѣ увидѣли, что впереди другихъ несется обратно съ одною изъ шапокъ его племянникъ Оразъ-Берды.

— Молодецъ, молодецъ!—привѣтствовали его ханъ и почетные аксакалы⁴⁾, когда онъ, доскакавъ до оуба, быстро соскочилъ съ своего тяжело дышавшаго коня и подалъ хану его папаху:—рабыня твоя. Бери и вези ее съ собою въ Мервъ...

Во второй игрѣ кокъ-бури, состоявшей въ томъ, чтобы, доскакавъ ранѣе другихъ до назначеннаго мѣста, захватить тамъ барана и привезти его живымъ или мертвымъ обратно, не отдавъ другимъ, въ этой игрѣ Оразъ-Берды не принималъ участія, въ виду усталости своей лошади, и барана привезъ, хотя уже безъ переднихъ ногъ, оторванныхъ соперниками, и съ сильно пострадавшимъ туловищемъ, одинъ изъ сыновей хана, совсѣмъ молодой, еще безусый юноша, очень понравившійся Оразу, который не

¹⁾ Разведенное водой кислое лошадиное молоко.

²⁾ Такое же верблюжье молоко.

³⁾ Трубка въ родѣ упрощеннаго кальяна (дѣлается обыкновенно изъ тыквы).

⁴⁾ Сѣдобородые, старики.

замедлил тутъ же, въ знакъ зародившейся симпатіи, подарить ему въ видѣ приза рабыню и затѣмъ побрататься съ нимъ. Этими поступками онъ заслужилъ всеобщее одобреніе и закрѣпилъ связь между обоими племенами...

Долго еще продолжались шумъ и веселіе при свѣтѣ костровъ и взошедшей на небѣ полной великолѣпной луны.

Особенно большой кружекъ собрался около одного изъ костровъ, подлѣ котораго помѣстились рассказчики и столь любимые туркменами пѣвцы—бахши, съ ихъ двуструнными балалайками—ситарами.

Одинъ бахши, молодой еще туркменъ съ красивымъ, выразительнымъ лицомъ, одѣтый въ дорогой халатъ и игравшій на украшенной инкрустаціей ситарѣ, заслужилъ особое благоволеніе публики.

Онъ пѣлъ прекраснымъ теноромъ и съ огромнымъ чувствомъ. Разныя героическія пѣсни о Керъ-оглы и любимѣйшемъ національномъ героѣ и поэтѣ туркменъ Махдумъ-Кули занимали, конечно, первое мѣсто. Пѣніе это состояло изъ гортанныхъ, довольно однообразныхъ звуковъ и скорѣе напоминало щебетаніе птицы, чѣмъ пѣніе человѣка. Также однообразенъ былъ вначалѣ и аккомпанементъ, но по мѣрѣ развитія описываемыхъ дѣйствій и усиленія драматичности положенія бахши постепенно входилъ въ экстазъ и все сильнѣе и порывистѣе дергалъ за струны и ударялъ по инструменту. И этотъ энтузіазмъ пѣвца передавался его внимательнымъ слушателямъ и наэлектризовывалъ ихъ и безъ того приподнятое настроеніе. И они вслѣдъ за пѣвцемъ стали издавать глухіе стоны и дикіе крики, бросали свои шапки на землю, рвали на себѣ волосы и, казалось, готовы были сейчасъ же сѣсть на коней и летѣть въ бой, навстрѣчу приближающемуся свирѣпому врагу.

И долго еще мирная степь, далеко раскинувшаяся во все стороны подъ мягкимъ серебристымъ свѣтомъ луны, оглашалась воинственными кликами расходившихся туркменъ, звуками ихъ барабановъ и выстрѣлами изъ мултуковъ и зембурековъ...

Подъ эти же выстрѣлы и громъ барабановъ выѣхали изъ Гекъ-тепе къ себѣ обратно наши знакомцы Юсуфъ и Оразъ-Берды, чтобы скорѣе добраться до Мерва и затѣмъ, собравши свои силы, привести ихъ въ Ахаль.

IV.

Въ аламанъ!

Не прошло послѣ описанныхъ событій и двухъ недѣль, какъ подъ стѣнами Гекъ-тепе, — тѣми самыми стѣнами, которыя черезъ короткое сравнительно время стали знаменитыми на весь міръ, — произошла встрѣча мервскихъ теке съ ахальскими.

И та и другая сторона уже вполне изготовились къ аламану, и любо-дорого было смотрѣть на всѣхъ этихъ молодецъ, какъ

старыхъ, такъ и молодыхъ, вооруженныхъ длинными пиками съ крюками для захватыванія плѣнныхъ, громадными клинчами у пояса и тяжелыми мултуками и зембуреками.

Но особаго вниманія заслуживали ихъ прекрасныя лошади, уже самой природой подготовленныя для длинныхъ и трудныхъ переходовъ, а особымъ специальнымъ воспитаніемъ доведенныя до высочайшей степени крѣпости и выносливости.

Происшедшая отъ смѣшенія арабской породы съ мѣстной ¹⁾, туркменская лошадь не отличается красотой статей, но на знатока, цѣнящаго въ конѣ внутреннія качества и способность къ большимъ переходамъ, она всегда производитъ самое лучшее впечатлѣніе.

При сухомъ тѣлѣ, съ подобраннымъ животомъ, съ длинной шей и нѣсколько угловатой головой, высоко поднятой кверху, она отличается тонкими, но чрезвычайно мускулистыми ногами, сразу указывающими въ ней отличнаго ходока.

И дѣйствительно туркмены на своихъ лошадяхъ совершаютъ, или, вѣрнѣе сказать, совершали положительныя чудеса. Для нихъ не состовляло особеннаго труда проходить до 600 верстъ въ 6—7 дней. И эта быстрота, въ связи съ крайней неприхотливостью и способностью оставаться подолгу безъ пищи и воды, давала туркменамъ громадныя преимущества и позволяла имъ совершать тѣ удивительныя набѣги—аламаны, которыми они приводили въ страхъ и трепетъ своихъ сосѣдей—персіянъ.

Но зато какъ холили и лелѣяли туркмены своихъ лошадей!

Ни жена, ни дѣти никогда не вызывали такихъ заботъ съ ихъ стороны, какъ лошадь. Ее воспитывали не въ табунѣ, а тутъ же въ особомъ помѣщеніи, близъ кибитки хозяина. И самъ владѣлецъ, взваливающій всю домашнюю работу на женщинъ и рабовъ и гнушавшійся самага незначительнаго труда въ своемъ обычномъ обиходѣ, не щадилъ ни силъ, ни времени для ухода за лошадью. Онъ самъ кормилъ ее три раза въ день, самъ ухаживалъ за ней и по-

¹⁾ Сохранились преданія, что эта мѣстная порода была не хуже арабской и славилась высокими качествами еще во времена Искендера Дулькарнайна (Двурогаго, т. е. Александра Македонскаго). Марко Поло въ своемъ путешествіи по Татаріи (1286 г.) рассказываетъ, что въ тѣхъ странахъ, которыя теперь носятъ названіе Туркестана, существовали незадолго до его посѣщенія лошади, происходившія отъ Буцефала—коня Александра, и имѣвшія на лбу особый природный знакъ. Для нихъ былъ устроенъ особый конскій заводъ, принадлежавшій дядѣ одного изъ королей страны Баласіаны. Племянникъ-король пожелалъ приобрѣсти этотъ заводъ въ свою собственность, а такъ какъ дядя не соглашался, то онъ приказалъ убить его. Королева же, возмущенная этимъ злодѣяніемъ, велѣла тайно придушить всѣхъ лошадей на заводѣ. Такъ и погибла эта рѣдкая конская порода... Тѣмъ не менѣе въ странѣ продолжали водиться прекрасныя лошади, замѣчательныя своей выносливостью и такой крѣпостью копытъ, что онѣ не нуждались въ подковахъ даже при переходахъ по горамъ и скаламъ.

степенно приучалъ ее къ сѣдлу и долгимъ труднымъ переходамъ. А передъ набѣгомъ онъ въ теченіе извѣстнаго времени тренировалъ ее, какъ наши набѣдники тренируютъ своихъ скакуновъ.

Чтобы приучить къ обычнымъ въ походѣ лишеніямъ, онъ постепенно уменьшалъ количество корма и въ то же время долго и быстро скакалъ на ней каждый день, давая затѣмъ ей воды и наблюдая, какъ она будетъ пить: если она пила долго и жадно, то это значило, что въ ней еще было много жиру, и что она нуждалась въ дальнѣйшей тренировкѣ. И вотъ онъ снова морилъ ее голодомъ и снова подвергалъ ежедневнымъ скачкамъ до тѣхъ поръ пока наконецъ не добивался требуемой худобы и выносливости...

Вотъ на такихъ-то прекрасныхъ скакунахъ и собрались знакомые намъ туркмены сдѣлать свой кровавый набѣгъ на Персію.

Задумавъ аламанъ въ широкихъ размѣрахъ, они не прибѣгали къ обычнымъ хитростямъ и уловкамъ и не наблюдали особенной тайны относительно своихъ плановъ. Но, впрочемъ, мало кто и изъ самихъ участниковъ набѣга зналъ настоящую цѣль его. Это должны были вѣдать лишь одни предводители, лишь одни сердари, которымъ, вопреки обычаямъ мирнаго періода, всѣ участники должны были повиноваться въ теченіе аламана подъ страхомъ смертной казни.

Пришедшіе за 300 верстъ мервскіе теке потребовали себѣ три дня отдыха, чтобы затѣмъ со свѣжими силами двинуться на кизилбашскія земли. Этотъ срокъ имъ былъ данъ, несмотря на горячее желаніе молодежи ринуться, какъ можно скорѣе, въ аламанъ.

И за этотъ срокъ были выбраны 4 сердаря¹⁾, по числу четырехъ партій, на которыя разбились участники похода—на двѣ партіи съ каждой стороны, мервской и ахальской. И эти опытные и искусные предводители выработали на своихъ совѣщаніяхъ всѣ подробности предстоящаго похода.

Передъ выступленіемъ же въ набѣгъ всѣ аламанщики собрались въ стѣнахъ Гекъ-тепе и тутъ, при внушительной обстановкѣ, дали торжественную клятву повиноваться своимъ сердарямъ и взаимно поддерживать другъ друга до послѣдней крайности. А для закрѣпленія этой клятвы они прибѣгли къ освященному временемъ и преданіемъ дебу (обычаю).

Близъ cadaго изъ четырехъ угловъ крѣпости были вырыты неглубокія ямки, и къ нимъ подходили одинъ за другимъ всѣ аламанщики и плевали въ нихъ. Ямки постепенно заполнялись слю-

¹⁾ Персидское слово, означающее стоящій во главѣ. Происходитъ отъ серъ—голова, и даръ—имѣющій (производное отъ даштенъ—имѣть).

ной, и когда не осталось болѣе ни одного, не исполнившаго этого обычая, ямки засыпали и сравнивали съ окружающей почвой ¹⁾).

— Теперь эта земля,—говорить, указывая на засыпанную ямку, нашъ знакомецъ Юсуфъ, выбранный сердаремъ въ одной изъ двухъ партій мервскихъ теке:—эта земля будетъ свидѣтельницай вашей клятвы. Нарушившій ее не будетъ достоинъ имени туркмена и будетъ преданъ смерти или выброшенъ изъ нашей среды, какъ послѣдняя собака.

И онъ сурово оглянулъ всѣхъ окружавшихъ его, и каждый туркмень, шедшій въ аламанъ впервые, понялъ, что это не шутка, и что теперь онъ лишился самостоятельнаго голоса и долженъ идти, куда велятъ, и дѣлать то, что прикажутъ.

V.

Бей, руби кизилбашей!

«Если непріятель грабитъ домъ твоего
отца, грабь вмѣстѣ съ нимъ».

Туркменская поговорка.

Близился разсвѣтъ. Въ воздухѣ было свѣжо и тихо. По небу плылъ сильно убывшій уже дискъ луны и, то прячась за облака, то вновь показываясь между ними, освѣщалъ роскошную персидскую долину съ разбросанными по ней селеніями. Небольшая рѣчка, журча въ пологихъ берегахъ, сверкала подъ лучами мѣсяца и извивалась среди сочныхъ пажитей и богатыхъ, покрытыхъ уже густою листвою садовъ.

Все было тихо кругомъ. Вся природа спала крѣпкимъ предразсвѣтнымъ сномъ. Спали вмѣстѣ съ ней и обладатели этихъ прекрасныхъ полей и садовъ, богатые и бѣдные персіяне, не чувствуя и не подозрѣвая надвигавшейся на нихъ бѣды.

А бѣда была уже близка, и мечъ былъ занесенъ надъ ихъ головами.

И при неровномъ, слабомъ свѣтѣ луны не трудно было замѣтить спускавшіяся съ горъ, охватывавшихъ долину, большія, темныя группы всадниковъ. Ихъ было нѣсколько, и всѣ онѣ, отдѣльно одна отъ другой, двигались молча и тихо къ разбросаннымъ по долинамъ селеніямъ. Бывалые скакуны осторожно и почти неслышно ступали на мокрую отъ росы землю, а всадники лишь изрѣдка обмѣнивались между собой отдѣльными словами, стараясь говорить, какъ можно тише, и не нарушая господствовавшаго въ природѣ молчанія.

¹⁾ Объ этомъ оригинальномъ обычаѣ авторъ лично слышалъ нѣсколько разъ, а затѣмъ нашелъ подтвержденіе въ печатныхъ матеріалахъ («Закаспійское Обозрѣніе» 1898 г., «Ежемѣсячныя приложенія», № 1).

Но вдругъ рѣзкій, полный ужаса крикъ раздался въ воздухѣ и понесся во всѣ стороны. И вслѣдъ за нимъ раздались другой и третій крики, и гулкое эхо понесло ихъ въ разные концы долины...

А въ отвѣтъ на эти крики заночевавшихъ въ полѣ мальчиковъ-пастуховъ слышались дикія завыванія и бѣшеные вопли, способные оледенить кровь въ жилахъ самаго безстрашнаго человѣка. И всѣ эти темныя группы всадниковъ, какъ бы по одному общему знаку, ринулись впередъ къ заранѣе намѣченнымъ цѣлямъ и адскими криками подгоняли летѣвшихъ во весь махъ рьяныхъ скакуновъ своихъ.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ эти бурно несшіяся волны ударились о глинобитныя стѣны персидскихъ селеній. И въ отвѣтъ на дикія завыванія сыновъ свободной Туркменіи слышались вопли и стоны мирныхъ поселенъ, вскочившихъ среди сна и метавшихся по узкимъ и кривымъ переулкамъ въ полномъ безуміи отъ ужаса и отчаянія.

— Бей, руби подлыхъ кизилбашей! — кричалъ вскочившій въ главѣ своей шайки въ одинъ изъ ауловъ извѣстный уже намъ сердаръ Юсуфъ.

И, какъ ураганъ, несся онъ впереди другихъ и, будто тѣшась и играя, разсыпалъ направо и налево тяжелые удары своего остраго клынча, сразу однимъ взмахомъ снося головы или разсѣкалъ тѣла пополамъ.

А за нимъ слѣдомъ мчались и другіе туркмены, добывая всѣхъ встрѣчныхъ, которые не успѣли спрятаться и уйти отъ меча преслѣдователей...

Дикіе вопли, стоны и крики, жалобное мычаніе скота, лай и вой собакъ, выстрѣлы изъ мултуковъ—все это сливалось въ одинъ общій хаосъ звуковъ и неудержимой волной несло въ даль и тамъ сталкивалось съ такими же волнами полныхъ ужаса и дикаго, бѣшеннаго торжества звуковъ.

Всѣ аулы по долинѣ однимъ взмахомъ перешли въ руки номадовъ. Сопротивленія они не встрѣтили никакого, и всѣ эти пролитые ручьи крови, эти снесенныя сотнями головы, эти изрубленныя тѣла мужчинъ, женщинъ и дѣтей, эти пылающія сакли—все это было излишней жертвой богу мести и дикаго насилія.

И при свѣтѣ горящихъ домовъ, а затѣмъ и поднявшагося солнца возбужденные кровью номады продолжали свое ужасное дѣло убійства и грабежа.

Убивали, впрочемъ, уже немногихъ, такъ какъ это становилось убыточнымъ для кармановъ: зачѣмъ уничтожать этихъ собакъ—шитовъ, зачѣмъ сносить имъ ихъ красныя головы, если за нихъ на правовѣрныхъ суннитскихъ базарахъ въ Хивѣ и Бухарѣ дадутъ по нѣсколько тумановъ. А женщины-рабыни, онѣ, вѣдь, могутъ быть оставлены дома для работъ въ кибиткѣ и въ полѣ, а при молодости и красотѣ—и для любовныхъ утѣхъ своего хозяина.

Но дѣти—къ чему могутъ служить эти маленькія щенята, съ которыми только возня и забота, которыхъ нужно тащить на сѣдлѣ, а потомъ долго растить и кормить, пока, наконецъ, они будутъ въ состояніи впрячься въ хозяйское ярмо и обрабатывать его поле ¹⁾? Бейте же и кидайте въ огонь этихъ маленькихъ отродій! Слышите, какъ пріятно шипятъ на огнѣ ихъ нѣжныя тѣла, какъ уморительно пищатъ они и какъ смѣшно корчатся среди пылающихъ обломковъ?!

Но что это за крики несутся изъ того отдаленнаго края аула. Неужели же среди этихъ мирныхъ и обезумѣвшихъ отъ ужаса поселянъ нашлись таки храбрецы, рѣшившіеся съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою жизнь, свободу и имущество отъ звѣрства дикихъ номадовъ?

Нѣтъ, то была лишь ссора между самими грабителями, столкнувшимися у одной и той же добычи. И добычей этой была молодая и удивительно красивая дѣвушка—персіянка, стоявшая въ одной рубахѣ у стѣны загоравшейся сакли и высоко поднявшая правой рукой кинжалъ, готовый вонзиться въ перваго, кто подойдетъ къ ней.

Но, конечно, не эта геройская поза и не это мужество въ слабый дѣвущій удерживали окружившихъ ее туркменъ отъ нападенія: вѣдь одного удара длиннымъ клыччезомъ было бы достаточно, чтобы выбить кинжалъ изъ слабыхъ рукъ и завладѣть заманчивой добычей... Но именно эта-то заманчивость жертвы, эта удивительная красота дѣвушки, дававшая ей особенную цѣну даже въ глазахъ дикихъ номадовъ, и послужили ей на пользу, возбуждивъ среди грабителей взаимную зависть и желаніе захватить лакомый кусокъ въ свои руки.

И ближе всѣхъ къ дѣвущкѣ стоялъ нашъ знакомецъ Оразъ-Берды. Съ высоко поднятымъ клыччезомъ онъ загородилъ ее своимъ тѣломъ отъ напавшихъ со всѣхъ сторонъ туркменъ и громкимъ повелительнымъ голосомъ заявлялъ, что она принадлежитъ ему по праву, такъ какъ онъ первый проникъ въ саклю и первый же замѣтилъ тамъ эту дѣвушку.

Однако, слова молодого номада встрѣтили оживленные протесты среди окружающихъ. Нѣсколько голосовъ заговорило и закричало кругомъ, доказывая свои права на дѣвушку. А отъ словъ, взаимныхъ угрозъ и все усиливавшихся криковъ ссора была уже готова перейти въ кровавую схватку. Уже клыччи засверкали въ воздухѣ и поднялись надъ головами спорящихъ, какъ вдругъ могучій и

¹⁾ Впрочемъ, авторъ долженъ отмѣтить, что въ большинствѣ случаевъ туркмены забираютъ въ плѣнъ и дѣтей и затѣмъ или оставляютъ ихъ у себя, воспитывая, какъ своихъ сыновей—и тогда изъ этихъ воспитанниковъ выходятъ обыкновенно самые отчаянные разбойники—или продавая ихъ въ Хивѣ и Бухарѣ.

повелительный голосъ раздался около толпы и заставилъ ее разступиться, чтобы дать дорогу подошедшему.

То былъ сердаръ Юсуфъ, поспѣшившій къ мѣсту происшествія, дабы личнымъ присутствіемъ и своей неограниченной властью прекратить готовившуюся кровавую схватку.

— Это что такое?—громовымъ голосомъ прокричалъ онъ:—кто осмѣлился начать эту ссору? Кто рѣшился первый поднять клынчъ на своего брата изъ-за проклятой шитки? Тотчасъ же вложить клынчи въ ножны и разойтись отсюда! А кто ослушается, тотъ будетъ имѣть дѣло со мною...

И сердаръ обвелъ своими грозными, сверкающими очами толпу номадовъ. И всѣ взоры потупились, всѣ сабли скользнули въ ножны. Только одинъ Оразъ-Берды, хотя и опустившій клынчъ по примѣру другихъ, не потупилъ своихъ глазъ и рѣшительнымъ тономъ заявилъ дядѣ, что онъ не отступится отъ своего права, и что эта дѣвушка—его законная добыча, такъ какъ онъ первый нашелъ ее въ саклѣ.

— Молчать!—грозно крикнулъ на него Юсуфъ:—здѣсь я одинъ говорю и распоряжаюсь! Мурадъ-Гуссейнъ-оглы, возьми эту дѣвушку подъ свою охрану. Въ свое время она будетъ отдана тому, кому принадлежитъ по праву, а пока ты присоединишь ее къ общей нашей добычѣ.

Никто, даже и Оразъ-Берды, не осмѣлился противорѣчить этому властному приказу, и всѣ посторонились, чтобы дать дорогу уходившему сердару.

А виновница всей этой сцены, хотя и не понявшая ни одного слова изъ разговора туркменъ, стояла между тѣмъ въ той же героической позѣ у стѣны загорѣвшейся сакли. Но когда она увидала, какъ всѣ клынчи исчезли въ ножнахъ, и поняла, что непосредственная опасность миновала для нея, она потеряла все свое мужество, поддерживавшее ее до сихъ поръ. Ноги подкосились у нея, и она съ истерическимъ воплемъ опустилась на землю.

Мурадъ-Гуссейнъ-оглы подошелъ тутъ къ ней, чтобы исполнить приказъ сердаря. Но только что онъ успѣлъ прикоснуться къ рукѣ дѣвушки, какъ она, будто подъ вліяніемъ электрическаго тока, вновь вскочила на ноги и приняла свою прежнюю героическую позу. Однако, теперь ничто уже не могло отсрочить ея захвата. Мурадъ однимъ движеніемъ клынча выбилъ у нея изъ рукъ кинжалъ и, ловко обхвативъ, скрутилъ ей руки сзади веревкой. И, понявъ свою беспомощность, бѣдная дѣвушка перестала сопротивляться и только истерическимъ плачемъ выразила свой протестъ противъ грубаго насилія.

А на этотъ вопль изъ сосѣдней, наполовину уже сгорѣвшей сакли выбѣжала вдругъ какая-то пожилая женщина съ груднымъ младенцемъ на рукахъ и, какъ пантера, набросилась на Мурада,

стараясь оттолкнуть его и развязать руки дѣвушки. Но подскокившіе туркмены быстро овладѣли этой новой жертвой, вырвали у нея младенца, бросивъ его въ самую середину пламени, и скрутили ей руки, а чтобы она не оглашала воздуха своими неистовыми криками, заткнули ей ротъ тряпкой.

То была мать бѣдной дѣвушки, спрятавшаяся сначала съ своимъ маленькимъ сыномъ въ далекомъ углу сакли, но потомъ выгнанная оттуда пожаромъ и истерическимъ воплемъ своей дочери. Въ дикомъ отчаяніи билась она и каталась по землѣ, пока, по знаку Мурада, ея вмѣстѣ съ дочерью не подхватили на руки и не отнесли въ поле, гдѣ и посадили около груди награбленныхъ вещей и среди толпы такихъ же плѣнниковъ и плѣнницъ.

Не прошло и получаса послѣ описанной сцены, какъ цвѣтущій еще вчера аулъ превратился въ груды развалинъ и пепла, а все уцѣлѣвшее его населеніе, вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ и разнымъ движимымъ имуществомъ, было собрано на сосѣдней полянѣ.

Сюда же постепенно собрались и хозяева награбленного — эти дикіе хищники, для которыхъ человѣческіе вопли — лучшая музыка, а видъ чужихъ страданій — пріятнѣйшее зрѣлище.

Подъ предсѣдательствомъ самого сердаря собрался совѣтъ изъ почетнѣйшихъ туркменъ и рѣшилъ, не производя дѣлежа добычи, отправить ее, подъ начальствомъ Мурада-Гуссейинъ-оглы въ Ахальтеке, а остальному отряду спѣшить на условленное мѣсто для дальнѣйшаго выполненія заранѣе намѣченнаго плана набѣга.

VI.

Итти или не итти на Мешхедъ?

Широкой и бурной волной разлились по Хорасану шайки дикихъ туркменъ.

Разбившись на мелкія партіи и пробравшись незамѣченными въ среднія части провинціи, они затѣмъ вошли въ связь между собой и двинулись на сѣверъ, забирая въ полонъ все годное къ труду населеніе и грабя цѣнное имущество, а все остальное предавая мечу и огню.

Отчаяніе и ужасъ распространились среди персіянъ, и они, не полагаясь уже на глинобитныя стѣны селеній, бросали свои жилища и уходили въ горы, еле слышавъ о приближеніи надвигавшейся бури, одинъ изъ взрывовъ которой описанъ въ предшествующей главѣ. А если кое-гдѣ и встрѣчались храбрецы, готовые съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою жизнь и достояніе, то они представляли только каплю въ этомъ общемъ морѣ отчаянія и апатіи и гибли бесплодно подъ ударами враговъ...

Не доходя нѣсколькихъ переходовъ до столицы Хорасана — г. Мешхеда, туркмены встрѣтили новыя партіи своихъ сородичей, при-

шедшія за ними изъ Ахала и Мерва съ тою же цѣлю грабежа. Такимъ образомъ силы ихъ почти удвоились, и теперь можно было идти хотя бы на самый Тегеранъ...

Но, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ приближенія къ Мешхеду номады становились все осторожнѣе и осмотрительнѣе.

Дѣло въ томъ, что въ этомъ большомъ и торговомъ городѣ, глубоко чтимомъ всѣми персіянами въ виду нахождения въ немъ гробницы святого имама Ризы, стоялъ сравнительно значительный гарнизонъ, а по слухамъ въ его стѣнахъ стало собираться и все способное носить оружіе население сосѣднихъ деревень. Сверхъ того, стѣны его были вооружены, хотя и мало дѣйствительными, но все-таки весьма страшными для туркменъ пушками.

Всѣ эти свѣдѣнія нашли себѣ подтвержденіе, какъ въ донесеніяхъ туркменскихъ лазутчиковъ, такъ и въ разказахъ плѣнныхъ персіанъ, передававшихъ много всякихъ извѣстій о вооруженіи Мешхеда. И, конечно, подобное положеніе вещей не могло нравиться дерзкимъ, но въ то же время осторожнымъ туркменамъ, руководствовавшимся въ своихъ аламанахъ мудрымъ правиломъ: «попробуй разъ, попробуй два, а на третій ступай назадъ». А тутъ, пожалуй, и первая-то проба могла быть очень опасной!

Не мудрено поэтому, что вмѣсто предполагаемаго ранѣе быстрого и непосредственнаго нападенія на Мешхедъ туркмены рѣшили обсудить, какъ слѣдуетъ поступить при данныхъ условіяхъ. И для этой цѣли всѣ шайки грозныхъ грабителей собрались въ одномъ изъ горныхъ ущелій, и пока люди и лошади отдыхали отъ трудовъ похода, сердари и выдающіяся батыры сошлись около костра на маслахатъ, водрузивъ тутъ же значки партій съ конскими хвостами и полудуніями или съ шелковыми полотнищами съ вышитыми на нихъ различными фигурами.

И когда неизбѣжный чилимъ обошелъ кругъ вождей, начался обмѣнъ мнѣній между ними.

Много было высказано при этомъ различныхъ предположеній.

— Нужно сейчасъ же идти на Мешхедъ,—говорилъ одинъ изъ молодыхъ еще богатырей, энергично жестикулируя и сверкая своими черными глазами:—нужно немедленно напасть на городъ и разграбить его! Чего бояться этихъ подлыхъ кизилбашей? Если бы ихъ собралось тамъ хоть въ десять разъ больше, хотя бы все населеніе Хорасана, то и тогда достаточно было бы послать на нихъ нашихъ женщинъ, и онѣ забрали бы въ плѣнъ всѣхъ этихъ трусовъ! А насъ здѣсь вонъ сколько, и все какіе молодцы!..

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ ему сидѣвшій рядомъ сердаръ съ небольшой сѣдой бородкой:—не дѣло ты говоришь, Танатаръ. Зачѣмъ намъ нападать на Мешхедъ и вести въ жестокую битву нашихъ воиновъ? Мало развѣ мы собрали уже добычи, двигаясь сюда? У каждаго изъ насъ есть уже довольно имущества, рабовъ и ра-

бынь. Не нужно совсѣмъ ходить на Мешхедъ. Одна капля крови туркмена не стоитъ цѣлой рѣки поганой шіитской крови. А тамъ безъ боя дѣло не обойдется. Лучше не ходить туда, а разграбить сосѣднія селенія, гдѣ много есть всякаго добра, и гдѣ можно набрать еще много плѣнныхъ...

— Ну, Хидырь-Кули,—набросился на него Танатаръ,—если бы ты не былъ такимъ извѣстнымъ батыремъ и нашимъ сердаремъ, я подумалъ бы, что ты трусишь, и что тебѣ лучше было бы сидѣть дома и дѣлать ковры, чѣмъ водить въ аламанъ нашихъ храбрецовъ.

— Танатаръ!—грозно крикнулъ сердарь, выпрямляясь во весь ростъ и хватаясь за свой клыньчъ.

Но, остальные вожди постѣпили успокоить ихъ и не дали разгорѣться ссорѣ. Да и къ тому же мнѣніе Хидырь-Кули не осталось безъ поддержки, такъ какъ нѣсколько наиболѣе осторожныхъ голосовъ также высказалось за оставленіе въ сторонѣ Мешхеда, гдѣ неизбежно пришлось бы пролить немало туркменской крови.

Но верхъ одержало мнѣніе сердаря Юсуфа, который своимъ планомъ сумѣлъ примирить самые противоположные интересы.

— Зачѣмъ намъ отказываться отъ той добычи, которая сама ждетъ насъ въ Мешхедѣ?—говорилъ онъ:—все, что мы собрали до сихъ поръ, все это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что можно найти въ этомъ богатомъ городѣ. Каждый изъ насъ унесетъ отсюда груды дорогихъ товаровъ, шелковыхъ матерій, ковровъ. А народу тамъ собралось столько, что мы не въ состояніи будемъ перевязать всѣхъ и столько нагонимъ ихъ на базары Хивы и Бухары, что потомъ долго совсѣмъ не нужно будетъ ходить на аламанъ. Правду ли я говорю?

— Правду, правду,—заговорили кругомъ.

— А если это правда, то, значитъ, нужно итти на Мешхедъ,—продолжалъ Юсуфъ,—да и намъ ли, храбрымъ туркменамъ, боятся этихъ подлыхъ трусовъ, которые сами подставляютъ свои шеи подъ веревку? Конечно, нужно жалѣть нашу чистую кровь, и нельзя равнять её съ поганой шіитской кровью. Но кому судьба умереть въ бою, тотъ все равно умретъ, сколько бы ни берегся. Да и не отомстимъ мы, какъ слѣдуетъ, кизилбашамъ за ихъ набѣги на наши земли и за мученія нашихъ плѣнныхъ, если не возьмемъ и не разграбимъ Мешхеда!

— Яхши, яхши,—заговорили и закричали кругомъ, при чемъ особенно громко раздавался голосъ Танатара:—идемъ на Мешхедъ, разграбимъ его и предадимъ все мечу и огню!

— Но нужно беречь нашу кровь,—продолжалъ Юсуфъ, когда волненіе нѣсколько улеглось:—зачѣмъ мы пойдемъ на городъ сейчасъ, когда тамъ все насторожѣ, и насъ готовы встрѣтить и ружья-

ми и пушками? Нужно употребить хитрость, обмануть ихъ и напасть тогда, когда они совсѣмъ не будутъ насъ ждать...

— Трудно обмануть хитраго, какъ лисица, персюка, когда онъ насторожъ,—замѣтилъ Хидыръ-Кули.

— Да, они трусы и потому хитры, — отвѣтилъ ему Юсуфъ, — но обмануть ихъ все-таки можно. Мы вотъ какъ сдѣлаемъ. Пускай часть нашихъ воиновъ идетъ теперь же къ Мешхеду, но не такъ, какъ предлагалъ Танатаръ, не для того, чтобы сейчасъ напасть на городъ. Пускай эта партія только видъ дѣлаетъ, что хочетъ взять городъ: пускай она бросится на стѣны разъ или два, а потомъ и отступитъ совсѣмъ отсюда. Персюки и подумаютъ, что они отбили насъ, и перестанутъ бояться и беречься. Вотъ тогда-то мы и нападёмъ на нихъ всѣми нашими силами. А пока передовая партія будетъ ходить къ Мешхеду, остальные будутъ ждать здѣсь или уйдутъ куда нибудь подальше, но только, чтобы во-время опять сойтись и ударить вмѣстѣ всѣми нашими силами на Мешхедъ. Хорошо ли такъ будетъ?

— Хорошо, очень хорошо, — отвѣтили всѣ вожди, и только одинъ старый Хидыръ-Кули продолжалъ настаивать на томъ, чтобы совсѣмъ бросить столицу Хорасана и не ходить туда; но никто уже и слушать его не хотѣлъ. Каждый лелѣялъ разыгравшіяся мечты о той громадной добычѣ, которая ждетъ его въ богатомъ городѣ.

Еще нѣкоторое время просидѣли вожди за костромъ, обсуждая подробности плана, предложеннаго Юсуфомъ.

Въ передовую партію, на которую возлагалась демонстрація, рѣшено было отрядить половину всѣхъ наличныхъ силъ, чтобы «персюки» не догадались, что это одинъ лишь обманъ со стороны туркменъ. А остальная затѣмъ часть должна была двинуться на западъ, гдѣ лежало много богатыхъ селеній, и откуда мѣстный ильхани (правитель) прислалъ тайно уже двухъ посланцевъ, приглашая къ себѣ «дорогихъ гостей» и обѣщая имъ хорошую добычу.

Какъ это ни странно, но правители персидскихъ областей извлекали однѣ лишь выгоды изъ набѣговъ туркменъ на подвѣдомственные имъ земли.

Благодаря аламанамъ, ильхани сохраняли за собой разныя льготы, предоставленныя имъ центральнымъ правительствомъ относительно сбора податей и отбыванія военной повинности мѣстнымъ населеніемъ. Тогда какъ правители другихъ областей должны были посылать большее или меньшее количество податей въ Тегеранъ, ильхани сѣверныхъ провинцій, страдавшихъ отъ набѣговъ туркменъ, даже получали отъ шаха значительныя суммы для содержанія у себя въ постоянной готовности военной силы, способной отравить нашествіе хищниковъ.

Но, конечно, при томъ глубокомъ развращеніи, которое существовало, да существуетъ и теперь, среди персидскихъ чиновниковъ, и при полной ихъ деморализаціи, деньги эти, а равно и подати, шли въ ихъ собственные карманы, и они богатѣли, оставляя подвластное населеніе на произволь судьбы. И когда шайки дикихъ номадовъ почему либо долго не приходили, и, слѣдовательно, обстоятельства грозили отнятіемъ установившихся уже льготъ и выгодъ «военнаго положенія», то сами ильхани и серкерде (владѣтели деревень) посылали тайно своихъ вѣрныхъ слугъ къ туркменамъ, любезно приглашая ихъ пожаловать и пожать обильную жатву...

VII.

Отбиты.

Въ ту же ночь, когда состоялось совѣщаніе, описанное въ предшествующей главѣ, туркмены приступили къ исполненію плана, предложеннаго Юсуфомъ. И Мешхеду, вѣроятно, пришлось бы сильно пострадать, если бы счастливое стеченіе обстоятельствъ не избавило его отъ этого разгрома...

Сердарь Юсуфъ, поставленный во главѣ той партіи, которая должна была произвести демонстрацію къ столицѣ Хорасана, прекрасно исполнилъ взятую на себя задачу.

Ни въ чемъ не измѣняя обычной тактикѣ аламановъ, черезъ три дня послѣ описанныхъ событій, подошелъ онъ въ темную ночь къ Мешхеду. Но, конечно, движеніе это, несмотря на приданный ему обычный характеръ скрытности и внезапности, не ускользнуло отъ вниманія насторожившихся персіянъ, и Юсуфъ встрѣтилъ тутъ полную готовность къ бою, запертыя ворота и дымящіяся пушки на стѣнахъ. Хотя ему, въ цѣляхъ одной лишь демонстраціи, достаточно уже было только показаться подъ стѣнами города, но онъ рѣшилъ, для полного обмана осажденныхъ, сдѣлать еще ложную атаку.

Разбивъ своихъ воиновъ на мелкіе отряды, онъ передъ разсвѣтомъ повелъ ихъ на приступъ. Туркмены выполнили все, что дѣлали въ подобныхъ случаяхъ, но, конечно, они легко были отбиты и быстро ушли, не повторяя своей попытки, но все-таки оставляя за собой грозные слѣды аламана въ видѣ горящихъ подгородныхъ поселковъ и увозя съ собой большія стада скота, который хозяева не успѣли во время спрятать.

А черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда въ Мешхедѣ успѣли уже успокоиться послѣ отбитаго аламана и вознести молитвы передъ гробницей имама Ризы за избавленіе отъ грозившей бѣды, въ мрачную и бурную ночь весь соединенный отрядъ туркменъ, прошедшій въ 5—6 часовъ громадное разстояніе, собрался вблизи

города, занявъ опустѣвшіе подгородные сады. И тутъ, въ полной тишинѣ и строгомъ порядкѣ, были окончательно распредѣлены тѣ задачи, которыя выпадали на долю каждого отдѣльнаго начальника.

Главной цѣлью атаки была выбрана восточная стѣна, оказавшаяся, по собраннымъ справкамъ и по свѣдѣніямъ, добытымъ Юсуфомъ, наиболее доступной. Всѣ лошади были оставлены въ занятыхъ садахъ подъ присмотромъ части воиновъ, а остальные юмады, забравъ съ собою заранѣе приготовленные лѣстницы, двинулись въ тишинѣ и порядкѣ къ намѣченной цѣли.

Но имамъ Риза уберегъ свой городъ отъ грозной опасности...

Среди персидскихъ сарбазовъ (солдатъ) во всякое время бывало, какъ есть и теперь, извѣстное количество русскихъ бѣглыхъ солдатъ. Бѣгутъ они и отъ строгости службы, и изъ жажды къ новизнѣ, и отъ страха передъ грозящимъ за что либо наказаніемъ... Въ Персіи же такихъ дезертировъ встрѣчали всегда съ большимъ удовольствіемъ и назначали въ свои войска, хотя предварительно заставляли все-таки принимать мусульманство и совершали установленное обрѣзаніе. При извѣстныхъ способностяхъ и умѣніи понравиться начальству, многіе изъ этихъ дезертировъ быстро двигались въ служебной іерархіи и достигали иногда весьма почетнаго положенія.

Нѣсколько такихъ бѣглецовъ было и въ стѣнахъ Мешхеда во время описываемыхъ событій. Одинъ же изъ нихъ, получившій въ персидской службѣ имя Якубъ-хана, занималъ даже большой постъ начальника всѣхъ войскъ въ священномъ городѣ.

Прошедши у себя на родинѣ лишь небольшой практической курсъ военного дѣла, но будучи одаренъ отъ природы хорошими способностями и призваніемъ къ своей службѣ, что собственно въ связи съ страстью къ приключеніямъ и заставило его бѣжать въ Персію,—Якубъ-ханъ сумѣлъ въ короткое время своего пребыванія въ Мешхедѣ обучить болѣе или менѣе сносно порученныхъ ему сарбазовъ (солдатъ) и организовать изъ нихъ нѣкоторое, хотя и отдаленное, подобіе европейскаго войска. Онъ научилъ персидскую артиллерію стрѣлять изъ ея допотопныхъ орудій, а при слухахъ о движеніи большихъ шаекъ туркменъ искусно разставилъ эти орудія по стѣнамъ и распредѣлил пѣхотныя части, такъ что городъ могъ считаться сравнительно хорошо защищеннымъ. Сверхъ того, зная всю важность развѣдочной службы, онъ вызвалъ охотниковъ сарбазовъ и русскихъ бѣглецовъ и, пообѣщавъ имъ хорошее вознагражденіе, сталъ посылать ихъ для осмотра окрестностей города.

И эти-то мѣры въ связи съ проницательностью Якубъ-хана и спасли священный городъ отъ грозившаго ему разгрома.

Уже атака Юсуфа, несмотря на всю опытность и умѣлость сердаря, возбудила подозрѣніе въ Якубъ-ханѣ.

Самъ не умѣя себѣ объяснить причину и основаніе своихъ догадокъ, начальникъ персидскихъ войскъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что эта первая атака была одной лишь демонстраціей, и что вслѣдъ за нею должна послѣдовать другая, которая собственно и будетъ гибельной для города. Мучимый этими предчувствіями, онъ доложилъ о нихъ принцу - правителю Хорасана, но тотъ поднялъ его на смѣхъ и, ссылаясь на свое знаніе обычаевъ туркменъ, заявилъ, что все это вздоръ, и что атака никогда не повторится.

Но, тѣмъ не менѣе, уступая настойчивымъ представленіямъ Якубъ-хана, принцъ, отправляясь на торжественное молебствіе у гробницы имама Ризы, разрѣшилъ все-таки начальнику своихъ войскъ дѣйствовать по его усмотрѣнію.

И Якубъ-ханъ тотчасъ же воспользовался этимъ разрѣшеніемъ. Онъ подвергъ новому осмотру защиту стѣнъ, вошелъ во всѣ мелочи обороны и распредѣленія войскъ и, пообѣщавъ еще бѣльшее вознагражденіе, сталъ чаще прежняго высылать развѣдчиковъ по окрестностямъ города.

Правда, быстрый налетъ туркменскихъ шаекъ, подошедшихъ въ нѣсколько часовъ къ окрестностямъ города, ускользнулъ все-таки отъ его вниманія. Но не прошло и часа послѣ прибытія ихъ на это условленное мѣсто, какъ Якубъ-ханъ зналъ уже о немъ отъ одного изъ любимѣйшихъ и расторопнѣйшихъ изъ своихъ подчиненныхъ—такого же бѣглеца изъ Россіи, какъ и онъ самъ. И всѣ затѣмъ планы туркменъ, распредѣленіе ихъ силъ, рѣшеніе итти на восточную стѣну, приготовленіе лѣстницъ и оставленіе всѣхъ лошадей подъ небольшимъ прикрытіемъ въ садахъ,—обо всемъ этомъ онъ узнавалъ почти тотчасъ же отъ своихъ лазутчиковъ и быстро принималъ нужныя мѣры для парализованія замысловъ врага.

Прежде всего онъ составилъ отрядъ въ нѣсколько тысячъ конныхъ сарбазовъ для отбитія туркменскихъ лошадей и, давъ точныя инструкціи начальнику, выслалъ его на мѣсто туркменскаго бивака хорошо извѣстными скрытными путями. Затѣмъ, по мѣрѣ возможности, онъ усилилъ вооруженіе восточной стѣны, перевелъ на нее сарбазовъ съ другихъ участковъ и велѣлъ снабдить ихъ возможно обильнѣе метательными орудіями и снарядами для отраженія туркменской атаки. Подготовивъ же все это, онъ въ послѣдній разъ обошелъ своихъ воиновъ, ободряя ихъ и внушая увѣренность въ успѣхъ.

Послѣ этого оставалось только ожидать приступа.

Зная хорошо, что туркмены производятъ свои нападенія обыкновенно передъ разсвѣтомъ, Якубъ-ханъ сообразилъ съ этимъ всѣ свои дѣйствія и указалъ тотъ же предразсвѣтныи часъ и для отраженія атаки, и для нападенія на становище враговъ.

И вотъ, когда турмены, вполне убѣжденные въ успѣхъ своего предпріятія и предвкушавшіе сладость огромной и легко доставшейся добычи, подошли къ намѣченной ими стѣнѣ и были уже готовы приставить къ ней свои лѣстницы, чтобы одолѣть послѣднее препятствіе,—сверху грянули неожиданно пушки, зачастила дробь разнокалиберныхъ ружей, посыпались внизъ бревна, камни, и начали дѣйствовать разные метательные орудія и снаряды.

Дикіе хищники оторопѣли передъ такимъ неожиданнымъ отпоромъ и быстро отошли отъ стѣны... Впрочемъ, едва ли, привлекаемые слишкомъ заманчивой добычей, они не повторили бы своей попытки къ эскаладѣ, но въ это время со стороны ихъ становища послышались дикіе крики и завыванье, лязгъ оружія, щелканье выстрѣловъ и гулъ отъ топота лошадиныхъ копытъ...

Не трудно было догадаться, что значилъ этотъ шумъ.

Понявъ сразу, что враги проникли въ ихъ планы, и что если они опоздаютъ, то могутъ остаться безъ главнаго средства къ нападенію и защитѣ—безъ своихъ дивныхъ скакуновъ, туркмены оставили всякіе помыслы о дальнѣйшихъ атакахъ и бросились съ возможной быстротой къ своему биваку.

А тамъ между тѣмъ шелъ полный разгромъ и беспорядокъ.

Почти все уже прикрытіе пало подъ ударами скрытно подошедшихъ сарбазовъ, а туркменскіе скакуны, перепуганные шумомъ нападенія и вспыхнувшимъ затѣмъ пожаромъ, стали обрывать свои уздечки и путы и метаться изъ стороны въ сторону, пока не выскакивали совсѣмъ изъ круга битвы и пожара и не исчезали во мракѣ ночи.

Нѣтъ сомнѣнія, что запоздай еще хоть немного главныя силы туркменъ, они оказались бы безъ всякихъ средствъ къ передвиженію и едва ли уцѣлѣли бы въ борьбѣ съ гораздо болѣе многочисленными врагами. Но имъ удалось еще энергичнымъ натискомъ отбросить нападеніе. Переловивъ же затѣмъ своихъ лошадей, они быстрой и беспорядочной толпой бросились прочь отъ этого города, подъ стѣнами котораго вмѣсто добычи чуть-чуть не нашли своей смерти.

Не одна сотня отбитыхъ номадовъ легла, однако, подъ ударами вышедшихъ изъ Мешхеда конныхъ и пѣшихъ отрядовъ, но главныя силы успѣли все-таки ретироваться, уже не думая о нападеніи и помышляя единственно о возможно быстромъ отступленіи отъ опаснаго города.

Впрочемъ, едва ли туркменамъ слѣдовало особенно жалѣть о постигшей ихъ неудачѣ. Награбленные уже ранѣе богатства и толпы рабовъ и рабынь, отправленныхъ на сѣверъ, достаточно вознаграждали за всѣ труды и лишенія аламана, а гибель тѣхъ сотенъ товарищей, которые легли подъ стѣнами Мешхеда, оставалось предать пока на волю Аллаха, карающаго и милующаго по своему усмотрѣнію...

VIII.

Въ «благородной Бухарѣ».

«Благородная Бухара» (Бохара-и-Шерифъ) жила своей обычной жизнью.

Бадеветъ Мозафаръ-эдъ-Динъ¹⁾!—да прибавить ему Аллахъ 120 лѣтъ жизни!—былъ въ отсутствіи въ виду войны съ кокандскимъ ханомъ, но это мало отражалось на жизни столицы Трансоксаніи²⁾, этого «благоуханнѣйшаго цвѣтка ислама и просвѣщенія».

Такъ же, какъ и всегда, двигалась по узкимъ улицамъ шумная, разноплеменная толпа, также шелъ торгъ подъ темными сводами базаровъ, и въ караванъ-сараяхъ также молились въ мечетяхъ и, какъ всегда, судили и казнили на площадяхъ преступниковъ.

Но особенно большое скопленіе народа было около нѣсколькихъ караванъ-сараявъ, расположенныхъ вблизи знаменитаго Леби-Гаузъ-Диванъ-беги (резервуаръ Диванъ-беги). Громадная толпа запружала всѣ свободныя мѣста, переполняла чайхане (чайныя), двигалась, шумѣла, кричала и торговалась.

Предметомъ торга тутъ былъ уже живой товаръ: только что привезенные изъ дикихъ степей вольной Туркменіи персіяне и персіянки, захваченные въ плѣнъ во время послѣднихъ аламановъ. Давно уже оторванные отъ разоренныхъ и сожженныхъ родныхъ очаговъ своихъ и вдоволь натерпѣвшіеся всевозможныхъ и физическихъ, и нравственныхъ мученій, очутились они наконецъ на послѣднемъ этапѣ—на рынкѣ «благородной Бухары». Здѣсь уже окончательно должна была рѣшиться ихъ судьба, и здѣсь они должны были попасть въ тѣ руки, изъ которыхъ, быть можетъ, не суждено было вырваться во всю остальную жизнь...

Но тутъ прежде, чѣмъ продолжать разсказъ, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о торговлѣ людьми въ Средней Азіи,—объ этой гнусной профессіи, которой положило предѣлъ только завоеваніе Россіей, какъ главнѣйшихъ рынковъ этого торга, Бухары и Хивы, такъ и земель «солиднѣйшихъ» поставщиковъ живого товара, дикихъ номадовъ-туркменъ.

Вообще торговля эта велась въ Средней Азіи съ давнихъ временъ. Но предметомъ ея были сначала лишь «несвободные» люди—кафиры (невѣрные), т. е. представители всѣхъ религій, кромѣ ислама. Когда же, однако, въ 945 году тиджры уроженецъ Самар-

¹⁾ Бадеветъ значитъ собственно благоденствующій, въ данномъ же случаѣ имѣетъ значеніе—«его величество эмиръ».

²⁾ Т. е. странъ за Оксусомъ (Аму-Дарьей).

канда, знаменитый въ свое время мулла. Шемсединъ-Магометъ, объявилъ въ своей фетвѣ (заклятїи, молитвѣ), что отдѣлившіеся отъ истинной правой вѣры пророка шїиты—такіе же невѣрные, какъ и всѣ немусульмане, тогда вся Средняя Азія перестала смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ собратьевъ, и стала торговать и шїитами-персіянами на рынкѣ такъ же, какъ торговала до того китайцами или христіанами. А затѣмъ мало-помалу, по мѣрѣ увеличенія спроса на рабовъ и рабынь, забылась уже и разница между своими и чужими, и на рынкахъ стало появляться все болѣе и болѣе даже несомнѣнныхъ правовѣрныхъ, настоящихъ мусульманъ-суннитовъ. И лицемѣрная Бухара, громогласно объявлявшая себя истиннымъ свѣточемъ ислама, хранительницей ученія пророка во всей его неприкосновенности, шла тутъ впереди другихъ и, выводя на свои базары толпы суннитовъ, заставляла ихъ съ помощью побоевъ и притѣсненій выдавать себя за невѣрныхъ-шїитовъ. И только одни евреи, гонимые и въ Средней Азіи, какъ и во всемъ свѣтѣ, признавались недостойными чести быть проданными въ рабство и поэтому могли сравнительно спокойно вести свои торговые дѣла даже въ самыхъ туркменскихъ пустыняхъ.

Однако, возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Мы въ лавкѣ богатаго сарта Сеидъ-Назара-Курбанъ-оглы. Онъ давно уже принадлежитъ къ почтенному цеху догмафурунъ (торговцевъ невольниками) и нажилъ все свое состояніе на этомъ «честномъ» ремеслѣ. Безчисленное множество рабовъ и рабынь прошло черезъ его руки.

Вдоль и поперекъ исходилъ онъ и извѣздилъ туркменскія степи, разыскивая тамъ подходящїй для себя товаръ или заказывая его впередъ своимъ друзьямъ-туркменамъ и выдавая имъ авансы въ видѣ денегъ или разныхъ нужныхъ въ домашнемъ обиходѣ предметовъ. Но не стѣснялся онъ при этомъ разыгрывать и обратную роль и не разъ выводилъ изъ Бухары или изъ туркменскихъ пустынь въ города Персіи похищенныхъ отсюда аламанщиками дѣтей или родственниковъ богатыхъ людей, не щадившихъ денегъ, лишь бы вернуть изъ плѣна дорогихъ имъ людей. И къ кому же обратиться несчастнымъ отцамъ для этого, какъ не къ «честному» Сеидъ-Назару-Курбанъ-оглы, этому доброму челоуѣку, который такъ ненавидитъ гнусныхъ туркменъ за ихъ разбойническій нравъ и такъ проклинаетъ жестокость и презрѣнную жадность бухарцевъ, покупающихъ своихъ же собратьевъ мусульманъ для обработки полей и домашнихъ работъ!

Правда, услуги Сеидъ-Назара стоятъ очень дорого: но вѣдь сколько же трудовъ стоитъ и ему самому разыскать нужнаго плѣнника или плѣнницу и сколько хлопотъ, чтобы выкупить его изъ рукъ рабовладѣльца, а затѣмъ препроводить въ цѣлости и сохранности черезъ степи дикихъ разбойниковъ-туркменъ?!

Съ полнымъ безстрастіемъ на своемъ красивомъ лицѣ стоитъ онъ теперь въ бѣлоснѣжной чалмѣ и яркомъ цвѣтномъ халатѣ на порогѣ своей лавки и поджидаетъ хорошихъ покупателей на свой ходкій товаръ.

А этимъ товаромъ переполнено нѣсколько отдѣленій его магазина.

Мрачныя и угрюмыя, вытерпѣвшіе всевозможныя физическія и нравственныя муки, стоятъ и сидятъ съ опущенными головами бѣдные персидскіе рабы. Еле прикрытые жалкими обрывками одежды, черезъ которые виднѣется ихъ изнуренное и засинѣвшее кое-гдѣ отъ побоевъ тѣло, тупо и равнодушно взглядываютъ они на каждаго приходящаго покупателя и безпрекословно поднимаются, даютъ себя ощупывать и осматривать при выборѣ, а затѣмъ и покидаютъ лавку, уходя за своимъ новымъ хозяиномъ. Перенесшіе уже всѣ нравственныя страданія, оторванные безнадежно отъ родины и близкихъ людей, вынесшіе пытки и ужасы продолжительныхъ переходовъ съ веревкой на шеѣ вслѣдъ за грабителемъ-туркменомъ, ѣдущимъ рысью и подгоняющимъ плетью своихъ измученныхъ рабовъ,—чего могутъ бояться они впереди? Самый тяжелый трудъ, самая изнурительная работа лучше оставшихся уже сзади пытокъ и мученій!.. А кто знаетъ, можетъ быть, новый хозяинъ окажется хорошимъ человѣкомъ? можетъ быть, онъ не станетъ подавлять непосильной работой своего несчастнаго раба, а наоборотъ за усердіе и стараніе предоставитъ ему извѣстныя льготы, дастъ какое нибудь вознагражденіе, а затѣмъ, черезъ установленныя семь лѣтъ, предоставитъ и возможность выкупиться на свободу? А то все вѣдь въ рукахъ Аллаха!—можетъ быть, этотъ же жестокий Сеидъ-Назаръ-Курбанъ-оглы долженъ будетъ черезъ какой нибудь десятокъ лѣтъ кланяться ему, своему бывшему рабу, если небо будетъ особенно благосклонно къ нему и, что не разъ уже бывало, дастъ ему не только свободу, но и почетъ и высокое положеніе на новой его родинѣ?..

— Селямъ алейкумъ!—произнесъ вдругъ хозяинъ лавки, почтительно отступая съ порога и низко кланяясь входившему дородному узбеку въ огромной чалмѣ и парчевомъ парадномъ халатѣ.

— Алейкумъ селямъ!—отвѣтилъ нѣсколько небрежно вошедшій и тотчасъ же, почти не обращая вниманія на продавца, приступилъ къ осмотру его товара.

— Эй, ты, вставай!—произнесъ онъ, ткнувъ носкомъ сапога въ бокъ приглянувшагося ему персіянина-мужчину, лѣтъ тридцати, высокаго ростомъ и крѣпкаго тѣлосложенія. Когда же тотъ поднялся, онъ сталъ внимательно осматривать и ощупывать его: попробовалъ его мускулы, велѣлъ поднять лежавшій около тяжелый чурбанъ, постукалъ по грудной клѣткѣ...

— Какая же ему цѣна?—спросилъ онъ хозяина, оставшись, видимо, доволенъ результатами осмотра.

— Онъ мнѣ стоитъ 80 тилль¹⁾),—отвѣтилъ, низко кланяясь, Сеидъ-Назаръ:—но для такого важнаго господина я готовъ уступить за семьдесятъ.

— Яхши, гой ела олсунъ (хорошо, пусть будетъ такъ),—отвѣтилъ узбекъ:—менъ истерамъ гяна гегчачъ кизи (я хочу еще красивую дѣвицу).

— Гедачъ меннанъ (пойдемте сомной),—пригласилъ его хозяинъ:—у меня есть много красивыхъ дѣвицъ, но одна—настоящій цвѣтокъ и навѣрно понравится эфенди.

И они оба прошли въ боковую комнату, гдѣ въ тѣхъ же безучастныхъ позахъ, хотя и въ нѣсколько лучшихъ нарядахъ, сидѣли жены и дѣвы Ирана, долженствовавшія украсить собою гаремы бухарскихъ богачей или, при отсутствіи красоты, вступить въ ряды другихъ невольницъ и исправлять разныя домашнія работы.

Миновавъ нѣсколько ближайшихъ женщинъ, покупатель и продавецъ подошли прямо къ молоденькой персіянкѣ, удивительную красоту которой не могли испортить ни всѣ тягости огромнаго перехода, ни мученія и нравственныя пытки плѣна. То была несчастная Фатъма, извѣстная уже читателю по одной изъ предшествующихъ главъ, гдѣ описаны и ея попытка къ героической защитѣ, и тотъ азартъ, который она возбудила въ туркменахъ и особенно въ молодомъ нашемъ знакомцѣ Оразъ-Берды.

Засверкали глаза важнаго узбека, когда онъ увидалъ красавицу, и, даже не спросивъ о цѣнѣ, онъ оставилъ ее за собою. Красавица покорно встала, когда ей объявили о состоявшемся торгѣ, и послѣдовала за своимъ новымъ господиномъ. У порога лавки къ нимъ присоединился купленный рабъ, и всѣ они вышли на улицу, гдѣ узбека ждала его свита. Шумная и плотная толпа почтительно разступилась, давая проѣздъ важному эфенди и его свитѣ.

Много глазъ устремилось съ любопытствомъ на проѣздъ узбека и на купленныхъ имъ раба и рабыню, удивительная красота которой плохо скрывалась истрепаннымъ одѣяніемъ и полуразорванной чадрой. И среди этихъ глазъ были два глаза, черныхъ, какъ угли, и засверкавшихъ, какъ огонь, при взглядѣ на дѣвушку. И принадлежали глаза эти молодому Оразъ-Берды.

Судорожно ухватившись за висѣвшій сбоку клынокъ, молодой туркмень, казалось, готовъ былъ ринуться черезъ всю эту толпу, чтобы выхватить изъ рукъ узбека красавицу-персіянку, завладѣвшую еще тогда, при первой встрѣчѣ въ плававшемъ аулѣ, всѣми его помыслами и всѣмъ сердцемъ. Но крѣпкія руки схватили его сзади, и властный голосъ сказалъ:

— За тѣмъ развѣ пришли мы сюда, чтобы здѣсь погибнуть подъ ножами презрѣнныхъ торгашей? Я обѣщаль уже тебѣ, что мы ото-

¹⁾ Тилль — золотая бухарская монета.

бьемъ полюбившуюся тебѣ персіянку, но не сейчасъ, среди этой толпы. Будь мужественъ и успокойся.

— Да, ты правъ, Юсуфъ,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:—но не будемъ же упускать ее изъ вида. Сколько намъ стоило труда разыскать ее, и теперь, когда мы такъ счастливо подошли къ этой лавкѣ и встрѣтили тутъ Фатьму,—ее могутъ увезти.

— Не беспокойся, теперь она не уйдетъ отъ насъ,—возразилъ Юсуфъ, котораго мы видѣли въ предшествующихъ главахъ грознымъ сердаремъ въ аламанѣ на Персію.

И раздвигая толпу мощными плечами, оба туркмена послѣдовали за удалявшимся поѣздомъ узбека. У одного же чайхане стояли привязанными ихъ лошади. Они вскочили на нихъ и быстро догнали интересовавшую ихъ кавалькаду.

Судьба, видимо, покровительствовала туркменамъ.

На одномъ изъ безчисленныхъ поворотовъ къ нимъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ ихъ собратьевъ. Всѣ они пришли сюда вмѣстѣ съ Юсуфомъ и Оразъ-Берды, кто изъ желанія помочь предпріятію, а кто, будучи соблазненъ обѣщаннымъ хорошимъ вознагражденіемъ и страстью къ приключеніямъ. Разбившись затѣмъ въ Бухарѣ для поисковъ, они удачно встрѣтились теперь у самой цѣли своего дерзкаго замысла. Оставалось только ждать удобнаго момента для приведенія его въ исполненіе.

Нѣсколько отдѣлившись отъ поѣзда узбека, чтобы не возбуждать подозрѣній, и разбившись вновь на двѣ отдѣльныя группы, слѣдовали они потихоньку за двигавшейся впереди кавалькадой.

А бухарцы между тѣмъ миновали площадь, лежащую передъ аркомъ (дворцомъ эмира), пересѣкли рядъ узкихъ, кривыхъ улицъ и послѣ почти часового пути подѣхали къ стѣнѣ, охватывающей со всѣхъ сторонъ благородную Бухару.

Тутъ черезъ открытыя ворота выѣхали они въ поле, направляясь, очевидно, къ какому либо изъ окрестныхъ ауловъ.

— Самъ Аллахъ за насъ,—сказалъ съ улыбкою Юсуфъ, когда обѣ группы всадниковъ очутились въ полѣ:—вотъ теперь дадимъ имъ еще немного отѣхать, да и нагрнемъ сзади.

И какъ только миновали послѣдніе признаки жилья, и дорога совсѣмъ вышла на просторъ, туркмены подняли плети надъ своими скакунами и, мгновенно съ дикимъ крикомъ налетѣвъ на передній поѣздъ, разбросали его въ разныя стороны. И не успѣлъ еще ошеломленный неожиданнымъ нападеніемъ вельможа-узбекъ прійти въ себя, какъ группа туркменъ скакала уже вдаль, увозя съ собою красавицу персіянку.

— Догоняй, лови ихъ!—закричалъ въ изступленіи узбекъ, за мѣтивъ, что всѣ слуги его цѣлы, и даже рабъ-персіянинъ остался на мѣстѣ, а недоставало только красавицы-дѣвушки.

И, взмахнувъ плетью, онъ самъ полетѣлъ вслѣдъ за туркменами, сопровождаемый своими слугами.

Но гдѣ же было тяжелымъ бухарскимъ всадникамъ съ ихъ непривычными къ большимъ переходамъ и скачкѣ лошадьми догнать великолѣпныхъ туркменскихъ коней? Далеко за собой оставили Юсуфъ и Оразъ-Берды своихъ преслѣдователей, и, потерявъ уже ихъ изъ виду, они сдержали своихъ скакуновъ и поѣхали шагомъ. Красавица-персіянка лежала безъ чувствъ въ сѣдлѣ Оразъ-Берды.

— Ну, что, доволенъ ты нашей удачей?—спросилъ его улыбаясь Юсуфъ.

— О, я очень благодаренъ тебѣ, дядя,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:— все устроилось, какъ нельзя лучше.

— Значить, я сдержалъ свое слово, которое далъ тебѣ во время твоей болѣзни? Я общалъ тебѣ, когда ты лежалъ весь въ огнѣ и потерявши столько крови отъ ранъ, что мы достанемъ, во что бы то ни стало, приглянувшуюся тебѣ красавицу-персіянку, не доставшуюся тебѣ при раздѣлѣ добычи только оттого, что все считали уже тебя умершимъ. Да, по правдѣ говоря, я и самъ, подбравъ подъ Мешхедомъ твое тѣло, никакъ уже не думалъ, что удастся вернуть тебя къ жизни. Очень ужъ исполосовали тебя проклятые сарбазы. И отчего ты не уходилъ тогда вмѣстѣ съ нами? Нужно было еще бросаться въ бой и показывать свою храбрость!

— Но не могъ я вытерпѣть, дядя,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:— тѣхъ издѣвательствъ, которыя посылали намъ сзади презрѣнные шииты. Они смѣялись и кричали, что намъ нападать только на сонныхъ да на женщинъ и стариковъ, а что съ настоящими воинами мы боимся сразиться. Я уговаривалъ тогда скакавшихъ со мною товарищей повернуть на персюковъ. Нѣсколько человѣкъ согласилось на мое предложеніе, и мы повернули назадъ...

— Да, и все вы упали подъ ударами враговъ, которыхъ было по сотнѣ на каждого. Я потомъ уже узналъ о твоей выходкѣ. И сколько мнѣ труда и хлопотъ стоило, чтобы въ слѣдующую же ночь разыскать тебя на полѣ битвы! И не думалъ я, что удастся вернуть тебя къ жизни. Ну, да, по крайней мѣрѣ, не хотѣлъ оставлять твоего тѣла на проклятой шиитской землѣ, гдѣ, къ сожалѣнію, пришлось бросить трупы другихъ туркменъ.

— Да, ты поступилъ со мною, какъ отецъ,—съ чувствомъ сказалъ Оразъ-Берды:—и я не знаю, когда удастся мнѣ отплатить тебѣ и за спасеніе жизни, и за эту красавицу.

— Ну, красавица-то досталась намъ ужъ очень легко,—отвѣтилъ улыбаясь Юсуфъ:—но теперь нужно подумать и о ней. Вонъ никакъ не можетъ прійти въ себя! Нужно будетъ положить ее на землю и вспрыснуть водой,—быстро очнется.

Черезъ пять минутъ путники подѣхали къ караванъ-сераю и рѣшили расположиться тамъ на отдыхъ, поставивъ, однако, одного изъ воиновъ насторожѣ у воротъ, на случай могущей быть погони.

Но погони не было, и Оразъ-Берды имѣлъ полную возможность привести въ чувство свою красавицу и дать ей отдохнуть.

Долго не могла дѣвушка прійти въ себя отъ ужаса, когда увидала кругомъ тѣхъ же дикихъ грабителей, которые сожгли ея ауль, а среди нихъ и сильно врѣзавшіяся ей въ память лица Оразъ-Берды—перваго туркмена, нашедшаго ее въ саклѣ, и этого грознаго сердаря, который тогда однимъ появленіемъ своимъ прекратилъ готовившуюся подлѣ нея схватку, и послѣ ухода котораго ее схватили и связали вмѣстѣ съ ея дорогой матерью. Но только теперь уже эти туркмены ухаживали за нею, приводили ее въ чувство, предлагали ей ѣсть и пить... И особенно хлопоталъ этотъ молодой туркмень, который тогда первымъ нашелъ ее и не хотѣлъ уступить другимъ. Онъ не отходилъ отъ нея, а когда напряженные нервы ея не выдержали, и она разразилась слезами, онъ привелъ откуда-то переводчика и сталъ говорить ей слова утѣшенія.

— Тебѣ никто теперь не сдѣлаетъ зла,—говорилъ онъ ей:—ты поѣдешь теперь въ мою землю и будешь тамъ моей женой. Всѣ мы—твой друзья, и никто не посмѣетъ пальцемъ тронуть тебя. Перестань же плакать, успокойся, пей и ѣшь.

А когда эти слова, а особенно тотъ тонъ, которымъ они были сказаны туркменомъ, и нѣжные взгляды, сопровождавшіе ихъ, произвели свое дѣйствіе, Оразъ-Берды, вспомнивъ о похищенной вмѣстѣ съ дѣвушкой ея матери, спросилъ о ней Фатьму.

— О, ана джанъ, ана джанъ (дорогая мать)!—вскрикнула дѣвушка, выслушавъ вопросъ и вновь залившись слезами:—ее убилъ злой разбойникъ! Онъ взялъ меня къ себѣ въ сѣдло, а мать привязалъ сзади на веревкѣ. Я просила привязать тамъ меня вмѣсто нея, но онъ не хотѣлъ и слушать. А когда моя бѣдная мать устала бѣжать за лошадыю, онъ сначала билъ ее кнутомъ, а потомъ, когда она совсѣмъ упала, онъ однимъ взмахомъ отрубилъ ей голову! И ея кровь залила меня всю, и теперь еще на моей одеждѣ есть пятна отъ нея.

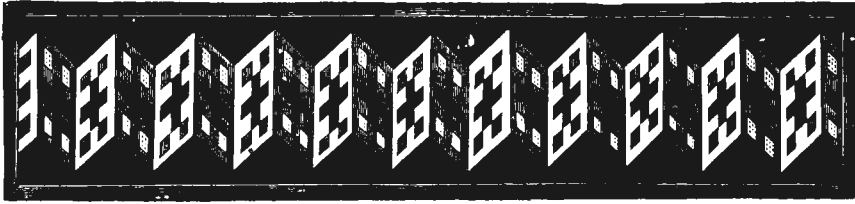
И она, указавъ эти пятна, залилась горькими слезами. Но Оразъ-Берды приложилъ новыя старанія, чтобы успокоить ее, и когда бѣдная дѣвушка почувствовала въ себѣ достаточно силы, чтобы продолжать путь, маленькій караванъ двинулся далѣе къ предѣламъ туркменскихъ пустынь...

Вы видите, читатель, что и въ сердцѣ дикаго туркмена могли уживаться рядомъ съ самыми звѣрскими наклонностями порывы «страсти нѣжной» и готовность къ самопожертвованію, и другія проявленія чистой и высокой души. Все это въ обыкновенной обстановкѣ скрывалось подъ толстымъ слоемъ невѣжества, грубости и съ незапамятныхъ временъ усвоенныхъ привычекъ къ грабежу и

разбою. Но въ нужную минуту всё эти добрыя чувства могли всплыть на верхъ и зачастую совершали чудеса. И, право, за такіе проблески, если даже они бывали и не часто, да за любовь туркменъ къ своей родинѣ, за ихъ своеобразную честность и несомнѣнную храбрость имъ можно, если не совсѣмъ извинить эти дикіе набѣги на несчастныхъ сосѣдей, то во всякомъ случаѣ найти «смягчающія вину обстоятельства», и особенно, если вспомнить исторію средневѣковой Европы съ ея рыцарствомъ и разбойниками—баронами, герцогами и даже епископами. Да кстати ужъ будетъ припомнить и то, что всё эти ужасы аламановъ также отошли, съ завоеваніемъ среднеазіатскихъ ханствъ и покореніемъ Туркменіи, въ область исторіи, какъ и подвиги прославленнаго Геца фонъ-Берлихенгена и другихъ достойныхъ представителей средневѣковаго рыцарства...

А. П. Андреевъ.

КЪ БІОГРАФІИ М. Н. ЗАГОСКИНА.

(1835—1840).

ВЪ ЭТОМЪ году, 23-го іюня, исполнилась пятидесятая годовщина со дня смерти М. Н. Загоскина, извѣстнаго автора «Юрія Милославскаго». Между другими эпизодами его разнообразной, но всегда искренней дѣятельности, вѣроятно, не пройдутъ молчаніемъ его работу на пользу русскаго театра. Загоскинъ послужилъ ему, и какъ драматургъ (многія комедіи его въ свое время пользовались успѣхомъ) и какъ администраторъ, на послѣднемъ поприщѣ занимая въ теченіе 11-лѣтъ (1831—1842 г.г.) отвѣтственный постъ директора Московскихъ императорскихъ театровъ. Все лучшее, чѣмъ когда либо могла похвастаться русская сцена, связано съ эпохой его управленія. Щепкинъ, Мочаловъ, Львова-Синецкая, Сабурова и Живокини играли въ Маломъ театрѣ; подъ сводами Большого—«заливался соловьемъ Бантышевъ, звучно-серебряный голосъ Лаврова»¹⁾. Отзывчивый, мягкій, иногда слишкомъ довѣрчивый Загоскинъ умѣлъ привлекать къ себѣ всѣхъ знавшихъ его; душевная чистота была основнымъ качествомъ его прямого и честнаго характера. Дѣлая много добра, онъ, по словамъ лучшаго своего біографа С. Т. Аксакова²⁾, никогда не помнилъ о томъ; ему пріятно было, если помнили другіе, и пріятно только потому, что онъ радовался душою, находя въ людяхъ добрыя качества. Въ ноябрѣ 1835 года, Загоскинъ впервые ставилъ въ

¹⁾ Отрывки изъ памятной книжки отставнаго режиссера («Ежегодникъ императорскихъ театровъ», 1895—1896, прилож., кн. I, стр. 120).

²⁾ Біографія Загоскина, Москва, 1853, стр. 52.

Москвѣ свою новую комедію «Недовольные». Донося объ этомъ министру двора князю Волконскому, онъ писалъ ему, между прочимъ, слѣдующее: «Комедія моя въ 4-хъ дѣйствіяхъ и въ стихахъ «Недовольные», которая съ дозволенія цензуры собственной канцеляріи государя императора ставится на сценѣ Московскаго театра, входитъ въ разрядъ драматическихъ пьесъ, за кои на основаніи высочайшаго постановленія дирекція платитъ автору десятую часть съ двухъ третей сбора каждаго представленія, а посему я покорнѣйше прошу вашу свѣтлость предписаніемъ вашимъ утвердить по сему предмету нижеслѣдующее мое распоряженіе: 1) десятую часть съ двухъ третей сбора съ каждаго представленія на императорскомъ Московскомъ театрѣ комедіи моей удерживать въ пользу экстерновъ школы Московскаго театра, болѣе другихъ имѣющихъ надобность въ семъ пособіи; 2) назначеніе сихъ пособій производить по усмотрѣнію директора, и, наконецъ, 3) если комедія моя останется въ репертуарѣ Московскаго театра, то продолжать удерживать вышеозначенную десятую часть въ пользу экстерновъ московской школы, на основаніи § 7 высочайше утвержденнаго положенія, въ которомъ предоставляется право сочинителямъ играныхъ пьесъ пользоваться слѣдующею имъ частію сборовъ во всю ихъ жизнь»¹⁾. Министръ, конечно, приказалъ удовлетворить просьбу Загоскина, при чемъ просилъ увѣдомить его, какой успѣхъ будетъ имѣть пьеса. Отвѣтъ Загоскина помѣченъ 4-мъ декабремъ. «Исполняя предписаніе вашего сіятельства,—писалъ онъ,—имѣю честь довести, что комедія моя «Недовольные», данная 2-го декабря на сценѣ Большаго театра, имѣла гораздо болѣе успѣха, нежели я могъ ожидать, потому что въ числѣ зрителей, безъ всякаго сомнѣнія, весьма многіе не могли быть довольны сюжетомъ оной. По окончаніи комедіи я былъ вызванъ. Театръ былъ наполненъ зрителями, и несмотря на то, что этотъ спектакль былъ данъ въ счетъ абонеента, сборъ простирался до 4-хъ тысячъ 162 р. 24 к. Такъ какъ комедія много потеряла отъ обширности сцены и глухоты Большаго театра, то во второй разъ она будетъ дана на Маломъ театрѣ. Коль скоро моя комедія выйдетъ изъ печати, я буду имѣть счастье доставить ее вашей свѣтлости»²⁾. Любопытно, что дѣйствительный успѣхъ комедіи немножко расходился съ отзывомъ о ней автора. Аксаковъ, напримѣръ, сообщаетъ, что «Недовольные» были представлены на московскомъ театрѣ «безъ большаго успѣха, несмотря на многія комическія сцены и на множество прекрасныхъ и сильныхъ стиховъ. Вообще въ чтеніи она нравилась гораздо больше»³⁾. Для насъ, конечно, было важно отмѣ-

¹⁾ Общ. арх. мин. имп. двора, оп. 10/905, д. № 115.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Біографія Загоскина, стр. 36.

тить великодушную черту характера Загоскина, въ полномъ смыслъ слова благодѣтеля своихъ подчиненныхъ ¹⁾). Не забывалъ онъ такъ и казеннаго интереса. Знаменательно его сопоставленіе успѣхъ «Недовольныхъ» съ цифрой театральнаго сбора; недаромъ формляръ его пестритъ отмѣтками о «высочайшемъ благоволеніи и труды и попеченіе о сохраненіи казеннаго интереса» ²⁾). Загоскин какъ-то умудрялся комбинировать то, что совершенно не удавалось его предшественникамъ и преемникамъ. Вышній блескъ театральнаго распорядка (прекрасная труппа, великолѣпная обстановка) гармонировалъ при немъ съ театральнымъ бюджетомъ, даже съ небольшою пользою для театральнаго финансовъ. Въ 1851 году Загоскинъ минулъ 51 годъ. Безпрерывная литературная и административная дѣятельность утомила старика. Захотѣлось тишины, отдыха. В этомъ году онъ собственноручно пишетъ князю Волконскому:

«Ваша свѣтлость! Въ первый еще разъ я осмѣливаюсь просить васъ о самомъ себѣ. Вы были всегда ко мнѣ милостивы и, вѣроятно, не откажетесь быть моимъ благодѣтелемъ до конца. Я почелъ бы за счастье служить всю жизнь подъ начальствомъ вашего сіятельства, но чувствую, что становлюсь уже неспособнымъ въ настоящей моей дѣятельности; здоровье мое съ каждымъ годомъ становится хуже, зрѣніе и память тупѣютъ, а начальникъ московскаго театра, котораго способности такъ ограничены, долженъ замѣнять этотъ недостатокъ средствъ непрерывной дѣятельности видѣть все собственными глазами и, слѣдовательно, въ теченіи цѣлаго года не имѣть почти ни одного дня для своего отдохновенія. Я не говорю уже, ваше сіятельство, о безчисленномъ множествѣ непріятностей, неразлучныхъ съ моимъ званіемъ; для постороннихъ онѣ кажутся совершенно ничтожными. Надобно быть директоромъ театра, то-есть всегдашнею цѣлью злословія публики, надобно быть начальникомъ актеровъ и актрисъ, чтобы понять, до какой степени эти мелкія, но непрерывныя непріятности становятся подъ конецъ тягостными. Я могу еще и желаю продолжать службу; но, чтобы служить безъ укоризны и выполнять въ точности всѣ мои обязанности, мнѣ должно имѣть мѣсто, не требующее такой непрерывной дѣятельности. Если бы я по ходатайству вашего сіятельства былъ помѣщенъ въ число почетныхъ опекуновъ Московскаго опекунскаго совѣта съ сохраненіемъ при мнѣ настоящихъ моихъ окладовъ, то я почелъ бы себя самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ. Это была бы не награда за мою долготѣнную службу,—такой награды я ничѣмъ не заслужилъ,—но величайшая милость,

¹⁾ «Десятая часть двухъ третей сбора» могла равняться въ среднемъ (при сборѣ въ 4 тыс.) почти 250 рублей. Если допустить, что пьеса выдержала 10 представлений, то въ пользу эстеровъ театральнаго училища должно было очиститься свыше 2 тыс. рублей.

²⁾ См. приложение.

за которую я сталъ бы во всю жизнь мою благодарить васъ, государя и Бога. Я не смѣлъ бы просить объ этой милости, если бы не было примѣровъ, что дѣйствительные статскіе совѣтники занимаютъ мѣста почетныхъ опекуновъ; въ здѣшнемъ опекуномъ совѣтѣ служилъ почетнымъ опекуномъ г. Арсеньевъ; онъ одного со мною чина и, вѣроятно, моложе меня по службѣ. Я въ 1805 году имѣлъ уже офицерскій чинъ и съ тѣхъ поръ служу непрерывно. Клянусь честью, ваше сіятельство, что только совершенная тѣлесная и душевная усталость побуждаютъ меня просить васъ объ исходатайствованіи мнѣ сей высоко монаршей милости. Повторяю еще разъ, что я за счастье почелъ бы служить всю жизнь мою подъ начальствомъ вашимъ. Со страхомъ и надеждою буду ожидать отвѣта вашего сіятельства, но во всякомъ случаѣ не сомнѣваюсь; что вы употребите все отъ васъ зависящее, чтобы только навсегда упрочить счастье и спокойную будущность вашего подчиненнаго, который всегда былъ и вѣчно будетъ вамъ преданъ всей своею душою. Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія за счастье почитаю называться вашего сіятельства и т. д.

«Михаилъ Загоскинъ»¹⁾.

Но Волконскому не хотѣлось отпускать Загоскина. Онъ зналъ давно М. Н., дорожилъ его дѣятельностью, и въ такомъ смыслѣ, вѣроятно, сдѣлалъ докладъ государю. 22 апрѣля Загоскинъ получилъ отвѣтъ министра:

«По всеподданнѣйшему докладу моему письма вашего превосходительства,—писалъ Волконскій,—о перемѣщеніи васъ въ опекунскій совѣтъ почетнымъ опекуномъ, государь императоръ соизволилъ отозваться, что, оставаясь доволенъ службою вашей, его величество желаетъ, дабы вы продолжали оную въ настоящей должности, тѣмъ еще болѣе, что строящійся въ Москвѣ театр²⁾ долженъ быть оконченъ подъ вашимъ распоряженіемъ»³⁾. Пришлось остаться. Только въ 1842 году отпустили его съ миромъ, но почетнымъ опекуномъ не сдѣлали, а опредѣлили директоромъ оружейной палаты, въ каковой должности онъ и оставался до самой своей кончины. Послѣ ухода Загоскина общее управленіе петербургскими и московскими театрами принялъ на себя Геденовъ.

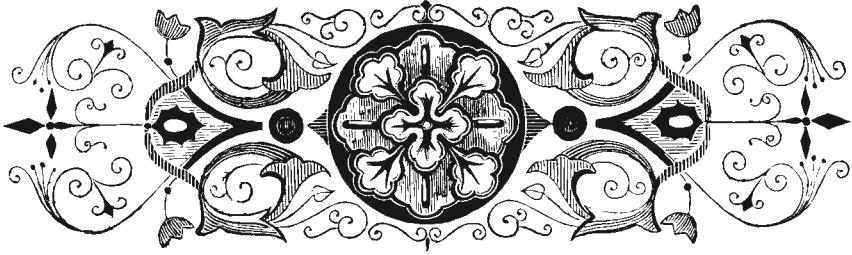
Баронъ Н. В. Дризенъ.

¹⁾ Общ. арх. мин. имп. д., оп. 3/335, д. № 66.

²⁾ Какой театр? Кромѣ Большого и Малаго театровъ, въ Москвѣ, какъ извѣстно, императорскихъ театровъ въ то время не существовало. Можетъ быть, здѣсь подразумѣвается перестройка Большого театра, но по официальнымъ даннымъ «Ежегодника императорскихъ театровъ» таковая перестройка начата была лишь въ 1848 году.

³⁾ Общ. арх. мин. имп. д., оп. 3/335, д. № 66.

«истор. вѣстн.», июль, 1902 г., т. LXXXIX.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ШТАКЕНШНЕЙДЕРЪ.

ВЪ ТЕКУЩЕМЪ году исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Андрея Ивановича Штакеншнейдера, плодовитаго и талантливаго строителя-художника своего времени, создавшаго за 30 слишкомъ лѣтъ, сравнительно не долговременный срокъ, своей архитектурной дѣятельности, массу грандіозныхъ и великолѣпныхъ сооружений, которыя сохранились до сего времени. Они разсѣяны не только по нашей сѣверной столицѣ и ея окрестностямъ, принадлежащимъ въ большинствѣ высочайшимъ особамъ, какъ-то: Петергофъ, Сергіево, Михайловка, Стрѣльна, Ораніенбаумъ, Царское Село, Павловскъ, но и по такимъ отдаленнымъ окраинамъ, какъ Севастополь и южный берегъ Крыма. Разсѣяны и по всей Россіи, въ губерніяхъ: Тамбовской, Тверской, Новгородской и т. д.

Сто лѣтъ назадъ, въ многочисленной семьѣ владѣтеля мельницы и мызы Ивановка, близъ Гатчины, что нынѣ полустанокъ Пудость, у Ивана Феодоровича Штакеншнейдера, 22 февраля 1802 г. родился сынъ Андрей. Съ раннихъ лѣтъ болѣзненный и слабый, онъ не увлекался играми сверстниковъ, братьевъ и сестеръ своихъ, и любимымъ занятіемъ его было придумывать и исполнять различныя сооруженія, которымъ онъ предавался со страстью. Получивъ домашнее образованіе, Андрей Ивановичъ тринадцати лѣтъ, по собственному желанію и по совѣту родителей, въ 1815 г. поступилъ въ академію художествъ пансіонеромъ съ платою 360 рублей ассигнаціями. Прилежно изучая предметы по избранной спе-

ціальности и будучи по природѣ скромнымъ работникомъ, А. И. черезъ два года по своемъ вступленіи былъ исключенъ изъ академіи за невзносъ платы, но въ скоромъ времени снова принять и продолжалъ попрежнему упорно работать. Не выдвигаясь изъ среды своихъ сотоварищей, онъ въ 1820 году восемнадцати лѣтъ окончилъ курсъ. Выпущенный на самостоятельный жизненный путь, онъ до самой смерти оставался истиннымъ труженикомъ и неутомимымъ работникомъ. Первые шаги его были очень затруднительны. Штакеншнейдеру былъ выданъ лишь аттестатъ, т. е. свидѣтельство объ окончаніи курса академическихъ наукъ, что не давало молодому человѣку полныхъ правъ, какими пользовались его сотоварищи, получившіе, во время пребыванія въ академіи, поощрительныя медали и другія награды, что особенно принималось во вниманіе при поступленіи на службу. Его матеріальное положеніе нѣсколько улучшилось, когда онъ въ 1821 году опредѣлился чертежникомъ въ комитетъ строительныхъ гидравлическихъ работъ. Черезъ 4 года, а именно 17 іюля 1825 г., А. И. перешелъ чертежникомъ и рисовальщикомъ къ Монтферану, при постройкѣ Исаіевскаго собора; знаменитый строитель, при своей наблюдательности, тотчасъ же замѣтилъ въ своемъ молодомъ помощникѣ выдающійся вкусъ и поручилъ ему составить общіе и детальныя рисунки катафалковъ, сначала для императора Александра I и въ скоромъ времени для императрицы Елисаветы Алексѣевны. За эти рисунки А. И. получилъ первую награду. Состоя на службѣ, онъ занимался и частными постройками. Одной изъ первыхъ самостоятельныхъ работъ его былъ памятникъ въ видѣ храма въ имѣніи барона Николаи «Mon heros».

Монтферанъ, видя необыкновенную усидчивость и любовь къ труду и искусству Штакеншнейдера, особенно заботился о судьбѣ его и, когда здоровье послѣдняго ухудшилось, выхлопоталъ ему поѣздку за границу съ усиленнымъ окладомъ для поправленія здоровья и совершенствованія. Но болѣзнь А. И. настолько осложнилась, что онъ не могъ предпринять далекое путешествіе. Представленный Монтфераномъ графу Бенкендорфу, онъ всю жизнь съ благодарностью и умиленіемъ вспоминалъ заботы и доброту своего начальника и учителя.

Знакомство съ гр. Бенкендорфомъ положило прочное основаніе дальнѣйшему развитію таланта въ молодомъ архитекторѣ. Въ 1830 году гр. Бенкендорфъ увезъ А. И. къ себѣ въ имѣніе «Fall» подъ Нарву; здѣсь, слегка окрѣпнувъ, онъ по порученію графа составилъ планъ перестройки стараго замка, а затѣмъ принялся и за самую постройку въ древне-германскомъ стилѣ, гдѣ вся трудность композиціи состояла, по желанію заказчика, въ сочетаніи прежняго разрушающагося съ новымъ моднымъ вѣяніемъ, и все же производило впечатлѣніе средневѣковаго. Восхищенный быстротъ

и блестящимъ исполненіемъ своей идеи, графъ Бенкендорфъ, 1831 г. принимая въ «Fall» императора Николая I и высочайшихъ особъ, представилъ имъ Штакеншнейдера и заказалъ ему воздвигнуть памятникъ въ честь посѣщенія государемъ его дома. Николай I, поощрявшій молодые таланты, обласкалъ Штакеншнейдера и съ этого дня не оставлялъ его своими милостями, поручая ему различныя постройки и назначивъ его архитекторомъ двора великаго князя Михаила Павловича. Первою постройкою этого періода была дача принца Ольденбургскаго на Каменномъ островѣ, гдѣ впервые были замѣчены самостоятельный вкусъ и удобство постройки. Тогда же (1834 г.) Штакеншнейдеръ получаетъ званіе «академика» за проектъ небольшого загороднаго дворца. Талантъ его находитъ обширное поле для своего развитія. Вся масса передѣлокъ старыхъ, обширныхъ, но не удобныхъ по тогдашнему времени дворцовъ была возложена на А. И.

Перестройки наружныя и внутреннія, проведеніе водопроводовъ, тогда еще впервые примѣненныхъ только въ дворцовыхъ зданіяхъ, проведеніе дорогъ, распланировка садовъ, построеніе мостовъ даютъ молодому академику разнообразное поприще для примѣненія теоріи. Онъ учится на своихъ собственныхъ произведеніяхъ, пополняетъ свои знанія на опытѣ. Судьба благоприятствовала успѣху Штакеншнейдера и росту его недюжиннаго таланта. По высочайшему повелѣнію онъ воздвигаетъ цѣлый рядъ дворцовъ, какъ городскихъ, такъ и загородныхъ, для августѣйшихъ дѣтей и родственниковъ императора. Въ 1835 г. ко дню рожденія государя молодой академикъ исполняетъ сельскій домикъ (нынѣ Охотничій) въ русскомъ вкусѣ въ Петергофѣ. Въ этомъ домикѣ и понынѣ находится акварель работы Штакеншнейдера—посѣщеніе вновь возведенной постройки высочайшими особами. Это была первая попытка постройки въ русскомъ стилѣ, начавшей только тогда входить въ моду. Въ 1837 году строитель былъ посланъ въ Москву осмотрѣть Коломенскій дворецъ, для составленія проекта возобновленія онаго, по желанію государя, въ стилѣ готическо-русскомъ, чтò и было исполнено. По составленному проекту дворецъ представлялъ грандіозное зданіе, увѣнчанное съ двухъ сторонъ большими высокими башнями, обширная дворцовая площадь образовывала цѣлый рядъ террасъ съ распланированными садами. Проектированный, величественный дворецъ былъ высочайше одобренъ, но, превысивъ по смѣтѣ ассигнованную на построеніе его сумму, не приведенъ въ исполненіе. За разрѣшеніе этой сложной задачи по составленію проекта А. И. удостоился нѣсколькихъ высочайшихъ наградъ. Въ іюлѣ того же года, онъ былъ посланъ за границу для усовершенствованія. Былъ въ Италіи, Франціи и Англии, неутомимо изучая западные образцы, и черезъ годъ вернулся на родину со свѣжими силами и новыми знаніями, которыми онъ и воспользовался въ ожидающей его постройкѣ Ма-

Андрей Иванович Штакеншнейдеръ.

ринскаго дворца, этого до сей поры блестящаго и интереснаго зданія, возведеніе котораго продолжалось около шести лѣтъ (1839—1844 гг.). Одна изъ самыхъ блестящихъ построекъ его сороковыхъ годовъ — это дворецъ въ имѣніи великой княгини Маріи Николаевны, Сергіевкѣ. Къ этому же періоду относятся и большинство небольшихъ самостоятельныхъ построекъ въ Петергофѣ: Сельскій домижъ, Ольгинъ островъ, Царскій островъ, собственная его величества дача въ Александріи, дача наслѣдника цесаревича, вилла въ Знаменкѣ, въ Петергофѣ же Озерки, Самсоніевскій каналъ и мостъ и т. д. Но самой крупной задачею, вѣнчающей этотъ періодъ, надо считать постройку дома князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, нынѣ дворца великаго князя Сергія Александровича на Невскомъ, у Аничкова моста, затѣмъ—постройку домовъ: графа Кушелева у Симеоновскаго моста, Олсуфьева противъ Инженерскаго замка и др. Начало же второго періода ознаменовалось исполненіемъ многосложной и трудной задачи постройки по составленному имъ и высочайше утвержденному проекту большого дворца для великой княгини Маріи Николаевны, нынѣ государственнаго совѣта. Мѣсто для построенія этого грандіознаго зданія было выбрано у Синяго моста на мѣстѣ, занятомъ домомъ графа Захарія Чернышева, выстроенномъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія первымъ профессоромъ архитектуры нашей академіи Валенъ-де-Монтомъ. Въ немъ помѣщалась школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ. По составленному проекту, вслѣдствіе недостатка мѣста, согласно предложенію строителя, были приобретены смежные дома: доктора Савенка, Демута, Малиновскаго и купца Вульфберта, а также по всему фасаду дворца расширенъ мостъ, образовавшій передъ нимъ обширную площадь. Постройка эта потребовала отъ архитектора большихъ усилій и опытности. Часть стѣнъ бывшаго дома, а именно выходящая на Вознесенскій проспектъ была сохранена Андреемъ Ивановичемъ и предназначена для внутреннихъ покоевъ высочайшихъ особъ. Употреблены были металлическія стропилы и балки, въ то время еще новость,—висячія колонны церкви, устройство фонарей для просвѣтовъ, сѣтки для намета штукатурки потолковъ. Все это неожиданно представило массу преградъ и затрудненій. Примѣненіе металлической системы не удавалось, но послѣ долгихъ стараній усовершенствовать ее труды эти привели къ желаемому результату. Поставленъ былъ гранитный куполъ съ чугунными вазами; часть наружныхъ украшеній высѣчена изъ песчаника, привезеннаго изъ имѣнія Бистрома, близъ Нарвы; отдѣлка оконъ, капителей, карнизы, пилястры, колонны, базы и кронштейны отлиты изъ англійскаго цемента. Въ парадныхъ сѣняхъ поставлены четыре колонны съ пилястрами для поддержанія сводовъ изъ тивдійскаго мрамора. Затѣмъ была отдѣлана церковь; все внутреннее помѣщеніе и залъ, покрытый скульптурою, расписаны. Дворецъ совершенно оконченъ

и сданъ 20 января 1845 г., а годъ передъ тѣмъ Штакеншнейдеръ за эту постройку былъ признанъ академіей профессоромъ архитектуры, именно, 24 сентября 1844 г., получилъ высочайшія награды отъ государя и великой княгини, которая приказала поставить внутри зданія мраморный бюстъ строителя. За время построенія дворца, А. И. возобновилъ и перестроилъ Большой китайскій дворецъ въ Ораніенбаумѣ, составилъ проектъ новгородскаго дворянскаго собранія, проектъ постройки дворца и зданія въ имѣніи ея величества «Оріанда» въ Крыму, проектъ дома Потемкиныхъ въ Гостилицахъ, въ Петергофѣ, по случаю свадьбы великой княгини Ольги Николаевны, на Старомъ дворцѣ пристроилъ третій этажъ, со стороны сада, комнаты и залъ со стороны церкви, тамъ же построилъ фазанное отдѣленіе. Былъ командированъ въ Крымъ для осмотра мѣстности Оріанда и приступилъ къ постройкѣ тамошняго дворца. Перестроилъ домъ графа Потоцкаго. Устроилъ садъ на Ольгиномъ островѣ, построилъ церковь въ Сергіевкѣ, имѣніи великой княгини Маріи Николаевны. Передѣлалъ около ста двадцати комнатъ въ Большомъ и Константиновскомъ дворцахъ, провелъ водопроводы въ Павловскѣ, гдѣ возобновилъ съ нѣкоторыми измѣненіями послѣ пожара вокзалъ, имъ же раніе выстроенный. Тамъ же построилъ церковь; составилъ проекты церквей для княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской, для генерала Офенберга. Построилъ въ Петербургѣ домъ для гофмаршала Олсуфьева у Пантелеймоновскаго моста. По высочайшему повелѣнію воздвигъ памятникъ почившей великой княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ въ Царскосельскомъ саду, перестроилъ близъ Петергофа ферму «Александрія» и дворецъ на Каменномъ островѣ. 24 марта 1843 г., Штакеншнейдеръ возведенъ былъ въ званіе вольнаго общника академіи.

Въ 1846 г. А. И. построилъ «Ренеллу» на Знаменской мызѣ, возобновилъ картинную галерею въ Большомъ петергофскомъ дворцѣ, построилъ собственную дачу его величества и въ Александріи молъ. Въ то же время онъ строилъ и составлялъ проекты частнымъ лицамъ, наблюдалъ за постройками въ Стрѣльнѣ; выстроилъ тамъ же каменную конюшню и перестроилъ дворецъ. Въ 1849 году, по высочайшему повелѣнію, вторично командированъ въ Крымъ для наблюденія за постройкой Оріандскаго дворца. Отъ департамента военныхъ поселеній имѣлъ порученіе, на пути въ Крымъ, осмотрѣть разныя воинскія зданія и постройки въ Екатеринославѣ, Перекопѣ, Симферополѣ, Бахчисараѣ, Карасубазарѣ, Евпаторіи, Керчи, Никополѣ, Новогеоргіевскѣ и Кременчугѣ. Въ томъ же году построилъ домъ на Каменномъ островѣ для князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ и составилъ проектъ средневѣковаго замка для г. Слизна. Въ 1851 г. А. И. перестроилъ Старый Эрмитажъ и павильонъ Малаго Эрмитажа, залы государственнаго совѣта, комитета министровъ и т. д. Въ Петергофѣ построилъ бель-

ведеръ на Бабигонскихъ высотахъ и церковь во имя царицы Александры. Составилъ проектъ каменнаго дома герцога Лейхтенбергскаго, загороднаго дома для графини Толстой, памятника кн. Кочубею, часовни надъ могилою гр. Бенкендорфа, мавзоль для егермейстера Васильчикова. Составилъ проектъ Николаевской часовни на Благовѣщенскомъ (нынѣ Николаевскомъ мосту), проектъ искусственныхъ руинъ близъ Петергофа и много другихъ. Въ 1852 г. составилъ проектъ дворца великаго князя Николая Николаевича (нынѣ Ксеніевскій институтъ) и дома герцога Лейхтенбергскаго въ имѣніи Тамбовскомъ. Построилъ каменную оранжерею на дачѣ Михайловской и загородный домъ графа Кушелева въ имѣніи Литово. Въ Зимнемъ дворцѣ передѣлалъ покои императрицы Александры Ѳеодоровны, угольный кабинетъ государя и столовый залъ. Въ Стрѣльнѣ провелъ дороги и построилъ водяную мельницу. Въ 1853 г. выстроилъ пятиэтажный флигель и оранжереи при дворцѣ Маріи Николаевны, перестроилъ флигель при Михайловскомъ дворцѣ, составилъ проектъ артиллерійскихъ казармъ. Въ 1854 г. выстроилъ въ Старомъ Эрмитажѣ сѣни и мраморную лѣстницу. Въ Петергофѣ построилъ два золотокупольныхъ съ колоннадами павильона, перестроилъ Львиный каскадъ, выстроилъ каменный гротъ подъ дворцомъ у Самсоніевскаго канала. Составилъ проектъ церкви въ имѣніи генерала Романовича и проектъ церкви для Тверской губ., составилъ также памятникъ Нестору-Лѣтописцу. Въ 1855 г. продолжалъ постройку Николаевскаго дворца. Въ 1857 г. по порученію князя Васильчикова имъ былъ составленъ идейный проектъ памятника-церкви надъ могилами севастопольскихъ героевъ; но судьба готовила Штакеншнейдеру неприятность: исполненіе проекта было поручено другому архитектору, а именно — Авдѣеву, который почему-то, несмотря на доводы профессора, составителя проекта, измѣнилъ его, безъ всякой видимой причины. Вотъ что пишетъ самъ Штакеншнейдеръ въ отвѣтъ на эту выходку Авдѣева: «Въ № 19 «Русскаго Вѣстника» 1857 года помѣщено описаніе закладки храма во имя Святителя Николая въ Севастополѣ надъ могилами павшихъ воиновъ. Въ описаніи упомянуто, что храмъ сей строится по проекту архитектора Авдѣева. Вѣроятно, г. Авдѣевъ по ошибкѣ присвоиваетъ себѣ составленный мною проектъ. Планъ сего храма-памятника, во имя св. Николая Чудотворца надъ могилами воиновъ, павшихъ при защитѣ Севастополя, составленъ мною по порученію генераль-адъютанта кн. В. Н. Васильчикова въ февралѣ 1857 года. Проектъ представленъ его сіятельству при слѣдующей запискѣ: при начертаніи проекта имѣлось въ виду, чтобы самая форма этого храма соотвѣтствовала идеѣ его построенія. Поэтому церкви, предназначенной для священнаго воспоминанія о герояхъ, положившихъ здѣсь жизнь свою за царя и отечество, и для служенія о нихъ божественныхъ панихидъ, предположено дать

видъ надгробнаго памятника. Это—увѣнчанная крестомъ четырехсторонняя пирамида, съ присоединенною къ ней частью, въ которой устроенъ входъ, и надъ которою возвышается колокольня. Часть эта проектирована въ древне-византійскомъ вкусѣ. Сверхъ того, вся постройка въ проектѣ своемъ приспособлена къ тому, чтобы выполненіе ея требовало сколь возможно менѣе издержекъ, чтобы она представляла наибольшую прочность и вполнѣнствіи не требовала ремонтной издержки. Для соблюденія двухъ послѣднихъ условій единственными матеріалами къ сооруженію храма полагаются камень и металл. Верхнему бронзовому вызолоченному кресту предположено дать значительный размѣръ, также примѣняясь къ главной идеѣ устроенія церкви надъ прахомъ павшихъ въ брани, поднятой за святыню креста Господня. По четыремъ наружнымъ сторонамъ пирамидальнаго храма предназначается помѣстить барельефныя изображенія: Николая Чудотворца, Георгія-Побѣдоносца, Святаго Равноапостольнаго князя Владимира и св. Александра Невскаго; подъ ними же на тесаномъ инкерманскомъ или артекскомъ камнѣ¹⁾ начертать имена храбрыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, положившихъ животь свой при твердыняхъ Севастополя. Куполь колокольни полагается мѣдный съ позолотою; наружный входъ и колонны на церковной паперти—изъ розоваго оріандскаго мрамора; прикрытіе, вѣнчающее наружный входъ въ церковь, — изъ мѣди. Надъ главными входными дверями храма на мраморной доскѣ имѣеть быть высѣчена славянскими литерами на память вѣковъ слѣдующая надпись: «Храмъ сей сооруженъ надъ могилами воиновъ, павшихъ при защитѣ Севастополя въ 1854 и 1855 годахъ». Внутри храма—мраморный иконостасъ, полъ—изъ того же камня; по стѣнамъ на мраморныхъ же доскахъ полагается изобразить имена доблестныхъ генераловъ, павшихъ при незабвенной оборонѣ Севастополя, съ краткимъ означеніемъ ихъ дня рожденія, смерти и достопамятнѣйшихъ совершенныхъ ими подвиговъ; а надъ этими начертаніями иконы соименныхъ имъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Образа и стѣны внутри предполагается расписать восковыми красками. Величина храма—въ слѣдующихъ размѣрахъ: каждая сторона основанія снаружи въ 10 саж., плоскость же основанія внутри—45 квадратн. сажень; высота церкви безъ креста 12, а съ крестомъ 15 сажень. Стоимость храма отъ 85 тыс. до 100 тыс. рублей. Постройка онаго храма передана архитектору Авдѣеву по приказанію князя Васильчикова. Г. Авдѣевъ являлся ко мнѣ сообщить, что въ проектѣ предполагается сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, между

¹⁾ Вѣроятно, послѣдній должно будетъ предпочесть первому, такъ какъ артекскій камень, хотя и дороже нѣсколько, но зато тверже инкерманскаго и, будучи темнѣе и отчасти сходствуя съ порфиромъ, болѣе соответствуетъ общей идеѣ постройки.

прочимъ, колокольню, которая въ моемъ проектѣ находится при входѣ отдѣльно, помѣститъ въ самой пирамидѣ, такъ что лѣстницу съ колокольни придется устроить по весьма узкому проходу съ чрезвычайно высокими ступенями, что, по моему мнѣнію, которое я и сообщилъ г. Авдѣеву, будетъ гибельно для здоровья понамаря. Колокольня же, помѣщенная въ верхней части пирамиды надъ сводами храма, съ открытыми со всѣхъ 4-хъ сторонъ отверстіями по неотвѣснымъ стѣнамъ, подвергая и самые своды храма всѣмъ непогодамъ, въ послѣдствіи должна будетъ дѣйствовать разрушительно на зданіе, которое по этому уже не будетъ соответствовать цѣли вѣкового памятника, не говоря уже, что храмъ сей отъ измѣненія также и цоколя теряетъ общую пропорцію и свой характеръ. Но, какъ видно по перспективному небольшому рисунку храма, приложенному къ вышеозначенному описанію въ № 19 «Русскаго Вѣстника», перемѣна сія будетъ приведена въ исполненіе.

Письмо это является какъ бы пророчествомъ опытнаго и тонкаго знатока своего дѣла. Не такъ давно въ газетахъ достаточно писалось о плохомъ, почти разрушающемся видѣ памятника участниковъ знаменитой Севастопольской обороны. Документъ этотъ приведенъ мной, какъ доказательство справедливаго негодованія А. И.

Съ 1855 по 1858 г. Штакеншнейдеръ продолжалъ начатыя постройки и составлялъ проекты, какъ-то: памятника баронету Вилліе, церкви со склепомъ для гр. Кушелевой при Сергіевскомъ монастырѣ и многихъ другихъ построекъ частнымъ лицамъ. По высочайшему повелѣнію составилъ проектъ дворца для великаго князя Михаила Николаевича и волею государя назначенъ строителемъ его; мѣсто построенія дворца отведено на Дворцовой набережной, гдѣ помѣщался департаментъ удѣловъ, выходившій, какъ нынѣ дворецъ, и на Милліонную улицу; онъ оконченъ былъ въ 1862 году. Это была лебединая пѣсня А. И.

Еще въ 1854 г. рескриптомъ августѣйшаго президента, великой княгини Маріи Николаевны онъ былъ назначенъ профессоромъ академіи, а въ 1857 г. архитекторомъ высочайшаго двора; утомленный непрестаннымъ трудомъ, вскорѣ по окончаніи дворца великаго князя Михаила Николаевича, во время занятій съ учениками въ академіи, А. И. почувствовалъ себя очень плохо, и съ этого дня здоровье его замѣтно ухудшалось; но, привыкшій къ труду, онъ не покидалъ обязанностей службы и любимой работы. Болѣзнь совершала свое разрушительное дѣло. Штакеншнейдеръ, назначенный экспертомъ въ комиссію по присужденію конкурсныхъ премій, долженъ былъ отказаться отъ участія въ ней и наконецъ по настоянію докторовъ отправленъ былъ въ Самару для лѣченія кумысомъ, гдѣ по истеченіи нѣкотораго времени почувствовалъ облегченіе и пожелалъ вернуться въ Петербургъ; но по дорогѣ, остановившись въ Москвѣ, внезапно скончался, 8-го августа 1865 года.

Для большаго выясненія личности А. И. считаю не лишнимъ привести нѣкоторыя данныя изъ семейной хроники родителей его. Императоръ Павелъ I, еще будучи наслѣдникомъ, выписывая изъ Германіи опытныхъ людей по различнымъ производствамъ, вытребовалъ дѣда А. И. для учрежденія подъ Гатчиной кожевеннаго завода, гдѣ таковой и былъ выстроенъ; заводъ этотъ Павелъ Петровичъ часто посѣщалъ, подолгу оставаясь у владѣльца его. Однажды, отдыхая тамъ послѣ обѣда на диванѣ, его высочество оповѣщенъ былъ гонцомъ о внезапной и опасной болѣзни императрицы Екатерины II. Диванъ, на которомъ почивалъ высокій гость, доселѣ хранится въ семьѣ Штакеншнейдеровъ. Кромѣ того, въ семьѣ находятся портреты августѣйшихъ супруговъ, писанные масляными красками сыномъ знаменитаго Лампи, пожалованные ими въ память излѣченія отъ ревматизма въ ногахъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны женой Штакеншнейдера. За это же была пожалована въ арендное пользованіе окружающая заводъ земля, впоследствии подаренная императоромъ Александромъ II внуку А. И. Близость семьи Штакеншнейдера къ императору Павлу не могла не отразиться на впечатлительной натурѣ ихъ сына. Такъ, постройки, возведенныя въ непродолжительное царствованіе Павла I въ Гатчинѣ, въ Приоратѣ, по сосѣдству съ мызой «Ивановкой», имѣніемъ Штакеншнейдеровъ, гдѣ маленькій А. И. провелъ свое дѣтство, и откуда часто гулялъ въ дворцовый садъ, гдѣ все дышало эпохой Павла Петровича,—его маленькій замокъ надъ озеромъ Приората прямо отразился въ первой постройкѣ Андрея Ивановича подъ Нарвой, въ имѣніи «Fall» графа Бенкендорфа. Слѣдующая затѣмъ постройка дворца въ Сергіевкѣ—прямое наслѣдіе пышнаго, но строгаго стиля временъ императора Александра I. Сельскій домикъ въ Петергофѣ—вольность художника. Дворецъ нынѣ великаго князя Сергія Александровича—остатокъ впечатлѣній пышности временъ Екатерины II.

Будучи придворнымъ архитекторомъ въ продолженіе всей своей служебной дѣятельности, Штакеншнейдеръ являлся исполнителемъ воли монарховъ, по возможности сохраняя самобытность. Его нельзя укорять въ пристрастіи къ тому или другому стилю, къ той или иной конструкціи: онъ съ одинаковымъ вниманіемъ и интересомъ относился ко всему новому и полезному, равно какъ и старому, въ строительномъ искусствѣ. Уже будучи извѣстенъ не только у насъ, но и на Западѣ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ за границу, онъ, объѣзжая Италію, остановился въ своей любимой Помпеѣ, цѣлые дни проводилъ на раскопкахъ, гдѣ изучалъ конструкціи лѣстницъ и пропорціи различныхъ сооружений, снимая со всего этого точные промѣры. Объ этомъ профессоръ Іорданъ, впоследствии ректоръ академіи, упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ, удивленный любовнымъ отношеніемъ къ дѣлу уже тогда знаменитаго строителя. Пло-

домъ такихъ изученій является разносторонность въ постройкахъ А. И., какъ-то: въ многочисленномъ сооруженіи церквей и памятниковъ, мостовъ и прочихъ построекъ, требующихъ спеціальныхъ знаній, гдѣ легкость и вкусъ, присущіе ему, можно наглядно прослѣдить. Эту рѣдкую черту особенно цѣнили строгій и взыскательный императоръ Николай I, о чемъ свидѣлствуютъ сохранившіеся документы съ резолюціями императора въ особо сложныхъ вопросахъ по части архитектуры—«представить на разсмотрѣніе Штакеншнейдеру. Николай». За эти же цѣнные качества А. И. былъ награждаемъ, какъ отличіями, такъ подарками, деньгами и вотчинами. Въ семьѣ сохраняются бюстъ Николая I, присланный имъ въ знакъ особаго благоволенія, и портретъ Александра II, пожалованный вдовѣ Штакеншнейдера въ память посѣщенія дома ея на мызѣ Ивановкѣ въ 1868 году. Назначенный профессоромъ въ академію, Штакеншнейдеръ снискалъ себѣ особую любовь учениковъ, и какъ учитель и какъ человѣкъ, что доказывается ихъ количествомъ черезъ четыре года, а именно въ 1858 году ихъ было у него 51 человѣкъ.

Изъ сохранившихся писемъ къ покойному многія заключаютъ въ себѣ просьбы учениковъ о поддержкѣ нравственной или матеріальной, которыя ихъ учитель по возможности старался удовлетворять, входя въ ихъ положеніе.

Какъ частный человѣкъ, Штакеншнейдеръ, въ домашнемъ и общественномъ быту, интересовался всѣмъ окружающимъ его строемъ, не только искусствами. Въ обширномъ домѣ его жены собирался тогда весь цвѣтъ представителей общественной дѣятельности сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ гостепріимномъ салонѣ А. И. можно было встрѣтить литераторовъ: Ө. Н. Глинку, Бенедиктова, Тургенева, Гончарова, графа Сологуба, и тогда еще совѣмъ молодыхъ: Григоровича, Достоевскаго, Данилевскаго, Крестовскаго, Аверкіева, Помяловскаго, Курочкина, Полонскаго (оставшагося до послѣднихъ дней своихъ другомъ дома), А. Н. Майкова, Шевченка и многихъ другихъ; художниковъ: Бруни, Басина, Майкова, графа Толстого, князя Гагарина, Бейдеманъ, барона Клодта, Иванова, Айвазовскаго, Сорокина, Шарлеманя, Тихообразова, Петцольда, Гоха, Зичи, и совершенно молодыхъ, теперь знаменитыхъ, баталиста В. В. Верещагина, историческаго жанриста Маковского, Микѣшина, Сухоровскаго и прочихъ; извѣстныхъ актеровъ: Самойлова, Олриджа; выразителей общественной мысли: Герцена и Лаврова; учредителя теперь столь популярныхъ понедѣльниковъ—Мюссара и многихъ представителей мыслящей и золотой молодежи. Все это сосредоточивалось у Штакеншнейдеровъ въ сплоченный и дружный кругъ, обмѣниваясь мыслями и знаніями. Живописцы писали, музыканты играли и пѣли, актеры декламировали, литераторы читали свои произведенія, словомъ всякій давалъ все,

чѣмъ могъ быть пріятенъ и полезенъ другому. Кружокъ этотъ долго еще собирался по смерти А. И. въ домѣ вдовы его, хотя и рѣдѣлъ отъ покидающихъ міръ сей друзей. Я. П. Полонскимъ была описана въ прекрасномъ стихотвореніи, посвященномъ вдовѣ Андрея Ивановича, мыза Ивановка—гнѣздо Штакеншнейдеровъ, гдѣ знаменитый поэтъ часто проводилъ свои молодые годы.

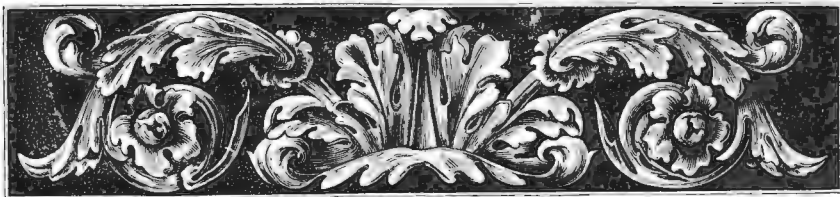
«А тамъ: сѣвозъ тѣнь—огни за чаемъ,
Сквозь окна—музыка... серпомъ
Блеститъ луна, и лѣсъ кругомъ,
Съ его росой и соловьемъ...
И ты назвать готова раемъ
И этотъ садъ, и этотъ домъ.
Страну волковъ преображая
Въ подобіе земного рая,
Здѣсь рѣчка вышла изъ болотъ;
На тундрахъ домъ возникъ,—и вотъ
Трудомъ тяжелымъ, неустаннымъ,
Кругомъ все ожило: нежданнымъ
Паденьемъ безмятежныхъ водъ
Возмущены ночныя тѣни,
И усыпительно для лѣни,
Однообразно жернова
Шумятъ,—и лодка у плотины,
И Термуса изъ бѣлой глины
Вдали мелькаетъ голова»...

Кромѣ строительной дѣятельности, А. И. вмѣсто отдыха занимался составленіемъ рисунковъ для различныхъ вещей, какъ-то: для бронзы, фарфора и мебели (исполнителями послѣдней были въ то время знаменитые Гамсъ и Туръ), дѣлалъ миниатюры, акварели на слоновой кости, родныхъ и близкихъ людей, при чемъ проявилъ большія способности портретиста. Очень интересны сохраняющіяся у сыновей его акварели: «Любопытные у Исаакиевского собора», «Путешествіе на яхтѣ императора Николая» и рисунокъ съ натуры «Постановка Александровской колонны».

Какъ бы предчувствуя близкій конецъ, въ 1862 году А. И. задумалъ составить собраніе снимковъ, какъ общихъ, такъ и детальныхъ, съ главнѣйшихъ своихъ произведеній, для помѣщенія ихъ въ общественномъ изданіи, на что получилъ высочайшее разрѣшеніе. Идеи этой ему не удалось осуществить при жизни; но надо надѣяться, что найдется человекъ, который сумѣетъ оцѣнить труды Штакеншнейдера.

А. П. Эйсеръ.

ЖИВЫЕ МОНСТРЫ.

ДНИМЪ изъ любимѣйшихъ созданій Петра Великаго была кунсткамера. Начиная съ 1698 г. Петръ приоб- рѣталъ за границей разнообразныя коллекціи и при- сылалъ ихъ въ Россію; сначала онѣ помѣщались въ Москвѣ, а затѣмъ переведены въ Петербургъ, гдѣ въ 1722 г. было построено особое зданіе для кунстка- меры и библіотеки.

Но Петръ хотѣлъ обезпечить поступленіе въ кунсткамеру и русскихъ «монстровъ» и издалъ указъ объ этомъ, но поступили всего три «монстра»—«два младенца, каждый о двухъ головахъ, два, которые срослись тѣлами». Тогда уже Петръ рѣшилъ написать обширный указъ, который представляетъ превосходный образецъ его умѣнья обходить щекотливые вопросы.

Указъ отъ 13 февраля 1718 г. начинается слѣдующими сло- вами: «понеже извѣстно, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей природѣ случается, что рождаются монстры, т. е. уроды, которые во всѣхъ государствахъ собираются для ди- ковинки». Далѣе указывается, что до сихъ поръ получено всего три монстра. «Однакожь въ такомъ великомъ государствѣ можетъ быть болѣе; но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды рождаются отъ дѣйства діавольскаго, черезъ вѣдовство и порчу, чему быть невоз- можно, ибо единъ Творецъ всея твари Богъ, а не діаволь, кото- рому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ; но отъ поврежденія внутренняго, такъ же отъ страха и мнѣнія материнскаго, какъ тому многіе есть примѣры».

Поэтому указъ назначаетъ денежную плату за доставку монстровъ и наказаніе за утайку. Они должны были доставляться мѣстнымъ комендантомъ, и монстры оцѣнивались: «за человѣческую по 10 рублей, за скотскую и звѣриную по 5 рублей, а за птичью по 3 рубля за мертвыхъ; а за живыхъ за человѣческую 100 рублей, за скотскую и звѣриную по 15 рублей, за птичью по 7 рублей, а ежели гораздо чудное, то дадутъ и болѣе».

Само собою, утайку монстровъ трудно было открыть обыкновеннымъ путемъ, поэтому указъ предлагаетъ на утайщиковъ «возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ брать вдесятеро противъ платежа за оныя и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ».

Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ во вниманіе и тотъ стыдъ, который должны были испытывать родители, у которыхъ родился «монстръ», и установилъ особый порядокъ для приѣма у комендантовъ человѣческихъ уродовъ: «тѣ не повинны были сказывать, кто принесетъ, а коменданты не повинны спрашивать, чье». Это подтверждается и въ особомъ указѣ губернаторамъ и комендантамъ: «когда кто принесетъ какой монструмъ или урода человѣчи, тому давъ деньги по указу отпускать не мѣшкавъ, отнюдь не спрашивая—чье, подъ потеряніемъ мѣста и жестокаго наказанія».

Послѣ этого указа монстры положительно посыпались, хотя въ 1725 г. въ числѣ другихъ «монстровъ», присланныхъ изъ Москвы, красовались «двѣ собачки, которыя родились отъ дѣвки 60 лѣтъ».

Монстры доставлялись сначала въ Московскую и Петербургскую аптеки, а съ 1725 г., съ основаніи академіи и перехода къ ней кунсткамеры и библіотеки, въ академію наукъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей кунсткамеры были и живые монстры. Еще въ 1722 г. управленіе кунсткамеры просило «на пропитаніе живыхъ монстровъ трехъ человѣкъ», а въ 1724 г. требовали, чтобы «обрѣтающійся въ госпиталѣ уродливый малый къ кабинету взять былъ и съ прочими пропитаніемъ содержанъ былъ».

Изъ этихъ четырехъ монстровъ перешло въ академію только двое: Яковъ Васильевъ и Ѳома Игнатъевъ, но, въ чемъ состояла ихъ монструозность, неизвѣстно.

23 апрѣля 1734 г. они обратились въ академію наукъ съ прошеніемъ, въ которомъ излагали, что «по изустному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества Петра Великаго указу велѣно намъ давать жалованье, такожь и мундиръ солдатскій черезъ три года», а мундиръ данъ былъ только въ 1730 г., и просители «мундиръ, кафтаны, камзолы и штаны изнасили, а нынѣ ходить намъ стало не въ чемъ, о чемъ съ покорностью просимъ кунсть-каморы монстры Яковъ Васильевъ и Ѳома Игнатъевъ».

Академія не вняла на этотъ разъ ихъ просьбѣ, и монстрамъ пришлось повторить свое прошеніе почти черезъ годъ 10 февраля 1735 г. Теперь академія смилостивилась. Сдѣлана была «раскладка, что надлежитъ на дѣло мундировъ Якова Васильева и Ѳомы Игнатъева», и оказалось 21 р. 1 к. Мундиръ былъ «дѣланъ зеленаго сукна со обшлага красными, камзолъ и штаны красные-жъ», а шляпы съ тесьмой. Когда «мундиръ» былъ готовъ, то президентъ академіи распорядился: «мундиры отдать имъ, монстрамъ, съ расписками, съ объявленіемъ, дабы оный мундиръ содержали во всякой чистотѣ и сохранности».

Но оказалось, что монстрамъ не пришлось проносить мундиры три года. Въ 1736 г. умеръ Ѳома Игнатъевъ какъ-то незамѣтно, извѣстно только, что его «анатомили». Больше извѣстій сохранилось о смерти Якова Васильева, который умеръ 10 апрѣля 1737 г. Онъ жилъ и кормился у служителя Конона Данилова и рассказывалъ ему, что онъ — «россійской націи, рейтарской сынъ, родомъ изъ Казани». 5 апрѣля монстръ сказалъ Конону, что «прежняя животная болѣзнь умножается, желалъ исповѣдываться и Святыхъ Тайнъ приобщиться, который Васильевъ по тому его желанію исповѣдыванъ и приобщенъ», а 10 апрѣля «послѣ полудня во второмъ часу оный монстръ Яковъ Васильевъ отъ той своей болѣзни умре».

Академія постановила: «объявленнаго монстра мертвое тѣло анатомить доктору и профессору Дюверноа и по анатоміи оное тѣло, разобравъ по частямъ, для куріозности всѣ части отдать въ кунсткамеру».

Но едва успѣли «анатомить» тѣло Якова Васильева, какъ появился новый монстръ, «присланный изъ Сибирской губерніи тюменскаго разночинца Гаврилы Воробьева сынъ его Петръ». Монструозность его заключалась въ слѣдующемъ: «у лѣвой руки ладонь толщиною въ три четверти и пальцы не такъ, какъ надлежитъ, да у правой ноги нѣтъ пальцевъ, и повыше ноги, какъ ниткою перевязано». Этотъ монстръ прибылъ въ Петербургъ съ отцомъ, и тотъ на поставленные академіей вопросы отвѣтилъ, что сынъ его Петръ родился въ 1728 г. (въ 1737 г. ему было 9 лѣтъ), когда матери было 28 лѣтъ, а отцу 25. Роды прошли благополучно, и жена передъ родами не болѣла и не пугалась и не видѣла никого законнаго. Петръ былъ первый, а послѣ него было трое дѣтей, и всѣ нормальны. Что касается до расширенія ладони, то отецъ сообщилъ: «отъ рожденья сколько одной сынъ его растеть, то у той руки та шишка растеть, въ четыре мѣсяца въ окруженіи вершокъ прибавляется и не отворяется никогда».

Академія постановила принять Петра Воробьева и «для пропитанія жалованья давать противъ умершаго монстра Ѳомы Игнатъева по восемнадцати рублей въ годъ». Какъ Яковъ Васильевъ у

Конона Данилова, такъ Петръ Воробьевъ состоялъ на попеченіи Петра Андреева, который «содержалъ его, какъ трактиромъ, такъ и покупкою на него рубашекъ, чулковъ и обуви, также и мытьемъ рубашекъ».

Въ 1739 г. «академіи монстръ Петръ Воробьевъ нижайше доносилъ», что «жалованье получаю токмо денежное», а потому «сталъ нагъ и босъ, и дабы указомъ его императорскаго величества повелѣно было противъ бывшаго монстра Фомы Игнатьева давать мнѣ мундиръ». И Воробьеву пришлось повторить прошеніе, но въ концѣ концовъ ему сдѣлали такой же мундиръ, какой былъ у Фомы Игнатьева.

Въ 1739 г. изъ той же Сибири присланъ былъ изъ Сургута «служилаго человѣка Ивана Тарасова сынъ его Федоръ, 11 лѣтъ, у котораго кругомъ голова безъ вершка аршинъ, лобъ и борода въ длину четь и полтретья вершка, туловище отъ шеи до вилкохъ двѣ чети и два вершка, ноги по три чети, тонки, руки по двѣ чети и по три вершка, носъ вершокъ, ротъ полвершка, а лицомъ гладокъ». Однако этотъ монстръ показался академіи не заслуживающимъ вниманія, и его отправили обратно въ Сургутъ.

Въ 1742 г. кунсткамера обогатилась четырьмя скопцами, по русскому названію, а академія называла ихъ то армофродитами, то амофродитами. И эти скопцы прибыли изъ Сибири. Сибирь такимъ образомъ доставила четырехъ монстровъ, но это не значитъ, что ихъ тамъ больше рождалось,—въ то время въ Сибири находилась Камчатская экспедиція, не добравшаяся, впрочемъ, до Камчатки. Въ ней участвовалъ профессоръ естествознанія Гмелинъ, онъ-то и выискивалъ монстровъ.

Курьезно, что эти четыре скопца родились въ «Красногорскомъ острогѣ Исецкой провинціи», но происходили изъ двухъ семей. Два были сыновья «церковнаго дьячка» Ивана Кузнецова и два отставнаго солдата Василія Яковлева. Кузнецовыхъ звали Аврамомъ и Терентьемъ, а Яковлевыхъ—Михаиломъ и Иваномъ. Исецкая канцелярія препроводила скопцовъ съ отцами, съ наказомъ «оныхъ младевцовъ хранить и давать имъ питье и пищу нескудно».

Въ академіи около этихъ монстровъ начинается разыгрываться плачевная исторія. У отцовъ отбираютъ старшихъ дѣтей, и они вошли въ академію со слѣдующимъ прошеніемъ: «мы, нижайшіе, у себя въ Сибири имѣемъ еще по сыну, токмо не скопцы, и никакой курьезности нѣтъ, и оныя наши дѣти въ малыхъ лѣтахъ, которыхъ тамъ содержать и пропитать некому, а мы уже при самой старости. И дабы указомъ ея императорскаго величества повелѣно было намъ, нижайшимъ, изъ помянутыхъ скопцовъ нашихъ дѣтей по одному, Михаилу да Авраму, для прокормленія обрѣтающихся въ Сибири ихъ братьевъ къ нимъ отдать и отпустить въ дома свои».

Канцелярія передала вопросъ въ конференцію «для разсужденія, всёхъ ли оныхъ скопцовъ оставить или двоихъ», и въ конференціи было «разсуждено скопцовъ всёхъ при академіи оставить для курьезу».

Такимъ образомъ ходатайство отцовъ было принесено въ жертву «курьезу». Канцелярія осталась этимъ недовольна и обратилась въ сенатъ съ «репортомъ»: въ немъ излагалось, что монстръ Воробьевъ получаетъ жалованья 18 рублей и мундиръ: «и ежели нынѣ сенатъ присланнымъ четверемъ младенцамъ противъ Воробьева 18 рублей въ годъ опредѣлить прикажетъ, то имѣтъ быть въ годъ всёмъ 72 рубля; притомъ же будутъ требовать мундиръ, то изъ какой суммы жалованье имъ давать и мундиръ дѣлать,—въ академіи не имѣтся. Того ради академія наукъ симъ покорнѣйше доноситъ: не соблаговолить ли сенатъ изъ оныхъ скопцовъ двухъ отпустить въ дома съ ихъ отгами, давъ на путевые расходы и на прогоны деньги, а двухъ удержать при академіи».

Сенатъ, однако, не сдѣлалъ никакого распоряженія, и всё четыре скопца остались при кунсткамерѣ, по академіи 12 января 1742 г. рѣшила: «оныхъ четырехъ дѣтей отдать въ гимназію для обученія русской грамоты, а притомъ и нѣмецкаго языка, дабы ихъ со временемъ къ тому употребить, къ чему каждый изъ нихъ способенъ будетъ». Жалованье назначили «противъ Петра Воробьева» по 18 рублей, а «за малолѣтствомъ отдать ихъ въ смотрѣніе Андрею Богданову, которому и жалованныя на содержаніе ихъ деньги отдавать».

Однако академія скоро передумала, и 16 февраля состоялось постановленіе: «четырехъ армофродитовъ для содержанія и обученія по-русски читать и писать отдать на руки академическимъ служителямъ, а именно солдата Василія Яковлева дѣтей Михайлу и Ивана канцеляристу Худякову, а двухъ дьячка Ивана Кузнецова Аврама да Терентья капралу Анцыгину». Будущимъ учителямъ данъ наказъ «содержать и учить у себя съ прилежнымъ за ними смотрѣніемъ, дабы оныя дѣти не рѣзвились и въ напрасномъ гуляніи времени не теряли, но черезъ годъ отъ сего времени по-русски читать и писать обучены были; ибо они потомъ отданы быть имѣютъ въ гимназію».

Прошелъ годъ. Насколько преуспѣвали «скопцы», неизвѣстно, но въ августѣ оказалось одному «армофродиту» не въ моготу... 25 августа 1744 г. канцеляристъ Худяковъ «репортовалъ»: «Михаилъ Васильевъ (по отцу) сего августа 22 числа изъ дому моего по утру ушелъ, который и понынѣ въ квартиру не является, а гдѣ онъ обрѣтается, о томъ я неизвѣстенъ».

Академія дождала до 4 сентября въ надеждѣ на возвращеніе бѣглеца. Въ этотъ же день она постановила: «о публикаціи послать въ полицію промеморію и въ Вѣдомостяхъ припечатать».

Въ проёморіи потребовали, «чтобъ отъ реченной полицеймейстерской канцеляріи по сообщеннымъ при семь 8 билетамъ о помянутомъ амофродитѣ въ пристойныхъ мѣстахъ опубликовано было съ барабаннымъ боемъ».

Приводимъ цѣликомъ этотъ «билетъ»:

«Отъ академіи наукъ черезъ сіе объявляется во всенародное свѣдѣніе.

«Минувшаго августа 22 дня сего года обрѣтающійся въ академіи наукъ амофродитъ Михайло Васильевъ бѣжалъ, а оному Васильеву отъ роду 13 лѣтъ, примѣтами: волосомъ русъ, глаза сѣрые, носъ плосковатъ. Того ради по указу ея императорскаго величества и по резолюціи академіи наукъ велѣно: ежели кто онаго амофродита въ домѣ у себя имѣеть или у кого другого вѣдаетъ, привести въ академію наукъ и болѣе его никому не держать. А ежели кто изобличенъ будетъ въ держаніи онаго амофродита, то поступлено будетъ съ тѣмъ по силѣ указовъ».

Ничто не помогло: Михайло Яковлевъ исчезъ безслѣдно...

Въ 1746 г. академія окончательно освободилась отъ живыхъ монстровъ. Освобожденіе началось съ Петра Воробьева, который 14 іюня доносилъ академіи: «нынѣ я, нижайшій, намѣреніе имѣю для свиданія съ родственниками и просить объ увольненіи меня, нижайшаго, въ свое жилище. Того ради академіи наукъ всепокорно прошу, дабы повелѣно было меня, нижайшаго, отъ академіи наукъ уволить».

Академія нашла, что «въ ономъ монстрѣ при академіи нужды не признается», и отпустила его въ Тюмень. Въ это время въ Петербургѣ находился вызванный Ямской канцеляріею «въ Сибири надъ ямщиками управитель», отставной поручикъ И. В. Баженовъ. Онъ взялся свести монстра «на своемъ коштѣ». Академія дала ему инструкцію «съ подтвержденіемъ, чтобы оной поручикъ его, монстра, отдалъ тамъ матери. А когда онъ, Воробьевъ, волею Божьею умретъ, объ ономъ объявлено бѣ было отъ матери или отъ родственникововъ въ тюменской канцеляріи, которая канцелярія должна, сыскавъ ближайшаго лѣкаря и по его лѣкарскому разсужденію, что онъ изъ тѣхъ частей сего монстра найдетъ примѣчанію достойное, оное отправить въ спиртъ въ академію незамедля».

Мѣсяцемъ позже академія избавилась и отъ скопцовъ. Въ этотъ промежутокъ времени умеръ отецъ Кузнецовыхъ, и осталась старуха мать. Солдатъ Василій Яковлевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и просилъ отпустить «скопцовъ» въ Сибирь, «понеже дѣтей никого не осталось, кромѣ находящихся здѣсь, и при старости насъ призрѣть некому».

Академія очень обрадовалась этому исходу, такъ какъ исчезновеніе Михайлы не могло не тревожить академиковъ. Состоялось такое опредѣленіе: «разсуждая объ оныхъ армофродитахъ, что въ

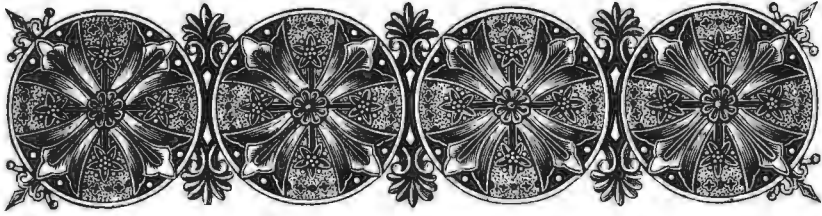
оныхъ никакой нужны при академіи и куріозности нѣтъ, и жалованье они берутъ напрасно, и плода отъ оныхъ не токмо, чтобъ въ гимназіи обучались, но и въ грамотѣ русской, читать и писать, понынѣ въ совершенство не пришли; къ тому же сего августа 9 числа объ оныхъ армофродитахъ поданъ отъ доктора и профессора Вейтбрехта репортъ, въ которомъ объявляетъ, что оныя при нынѣшнемъ случаѣ по осмотру его доктора имѣютъ мужское свойство».

Академія поэтому отдала Яковлеву всѣхъ трехъ дѣтей...

Такъ кончилась плачевная исторія скопцовъ, которые всѣ были отняты для «куръезу», а черезъ три года никакой «куръезности» не оказалось, да еще и погибъ одинъ ребенокъ....

И. Г. Иноземцевъ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЪ ПАЛЕСТИНУ ¹⁾.

V.

Ожиданіе Святой Земли.—Ночью на палубѣ парохода.—Благоуханіе Ливана.—
Предразсвѣтная картина.—Ливанскія горы.—Вѣрность Израиля своему Богу.—
Арабы-лодочники.

ДАВНИШНЯЯ моя мечта осуществляется; я приближаюсь къ Сиріи, къ горамъ Ливана, къ Святой Землѣ!.. Всю жизнь свою я мысленно виталъ по горамъ Іудеи и по берегамъ Галилейскаго моря. И вотъ теперь, наконецъ, воочию увижу страну моей поэзіи, моего вдохновенія, моей вѣры и надежды...

Съ вечера я узналъ, что пароходъ подойдетъ къ Триполи утромъ, и потому поспѣшилъ пораньше лечь, чтобы подняться съ разсвѣтомъ и привѣтствовать давно желанную землю. Оттого ли, что въ каютѣ душно, или отъ душевнаго волненія,—спать я не могъ и часа въ четыре ночи вышелъ наверхъ.

Было еще темно. На востокъ, прямо передъ носомъ парохода, надъ едва замѣтной полоскою берега сіяла луна. Ясно различаемый темный кругъ ея красиво окаймлялъ узкій серебристый серпикъ. Волненіе было совсѣмъ слабое, и тщательно закутанные паломники спокойно спали плотными группами по всей палубѣ.

Легкій вѣтерокъ дулъ прямо съ берега. Но откуда такой пріятный запахъ? Можетъ быть,—подумалъ я,—кто нибудь изъ паломниковъ купилъ розоваго масла въ Смирнѣ и нечаянно пролилъ на палубѣ...

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVIII, стр. 962.

Я сталъ ходить по площадкѣ взадъ и впередъ, постоянно взглядывая на берегъ. На поблѣднѣвшемъ горизонтѣ луна понемногу начинала блѣднѣть. Все сильнѣе и сильнѣе чувствовался аромат въ воздухѣ и напоминалъ померанцевые цвѣты. Тутъ меня осѣнила мысль: да вѣдь это съ берега несется чудный запахъ! вотъ оно, вотъ «благоуханіе Ливана», воспѣтое Соломономъ!

«Поднимись вѣтеръ съ сѣвера и принеси съ юга, повѣй на садъ мой,—и польются ароматы его!»...

А мы находились въ это время болѣе, чѣмъ въ двадцати миляхъ отъ берега!..

Утренняя заря разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Палуба зашевелилась. Въ разныхъ мѣстахъ, выбиваясь изъ-подъ одѣялъ и платья, стали подыматься паломники. Точно возстаніе изъ гробовъ при общемъ воскресеніи мертвыхъ. Зазвенѣли чайники и кувшины съ водою. Послышался шумъ и въ трюмѣ, гдѣ паломники располагаются на ночь въ два яруса.

Ожидая перваго луча солнца, я жадно вглядывался въ темные силуэты Ливана и весь перенесся мыслию въ библейскія времена этой благоухающей страны. Черезъ часъ ожиданія и восторга вдругъ блеснули розовымъ цвѣтомъ снѣжныя вершины горъ. Тутъ ужъ я не утерпѣлъ, не могъ одинъ перенести всей радости и восхищенія отъ представшей картины. Я бросился внизъ на палубу и, указывая на сіяющія вершины, говорилъ столпившимся у борта паломникамъ:

— Смотрите, смотрите, вѣдь это Ливанскія горы!

Многіе изъ русскихъ паломниковъ первый разъ въ своей жизни видятъ горы съ снѣжными вершинами и потому выказывали большое удивленіе; другіе же просто не хотѣли вѣрить, чтобы это былъ снѣгъ. Но когда достали бинокль и разсмотрѣли на темномъ краѣ снѣжныя полосы,—изумленію и восхищенію не было конца. Большинство благоговѣйно обнажали головы и крестились.

Подъ звуки утреннихъ молитвъ и припѣвовъ къ акаѳисту, которые неслись изъ трюма, я переходилъ отъ одной группы паломниковъ къ другой и всѣмъ старался сообщить что нибудь о Ливанѣ. На кормѣ парохода еврейскій раввинъ только что окончилъ свои утреннія молитвы и снималъ съ головы полосатый талесъ.

— Вотъ видите,—говорю ему,—бѣлый Ливанъ! Моисей подошелъ къ обѣтованной землѣ съ юго-востока и молилъ Господа, чтобы онъ «показалъ ему добрую землю за Иорданомъ и Ливанъ», а мы теперь подходимъ къ ней съ противоположной стороны, то-есть съ сѣверо-запада, и прежде всего видимъ цвѣтущій Ливанъ.

— А, такъ это Ливанъ!—оживился раввинъ и произнесъ нѣсколько фразъ по-еврейски.

Я напомнилъ ему, какъ пророкъ Іеремія, указывая на постоянное пребываніе снѣга на Ливанскихъ горахъ, противопоставлялъ ему непостоянство народа Израильскаго по отношенію къ Богу.

Сразу раввинъ ничего не отвѣтилъ и занялся укладкою въ ящикъ книгъ и талеса, но потомъ вдругъ быстро поднялся и, указывая на Ливанъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ:

— Какъ этотъ снѣгъ всегда на горахъ, такъ и Израиль никогда не оставитъ того Бога, съ которымъ говорилъ Моисей.

Въ семь часовъ мы подходили къ Триполи. Солнце уже высоко стояло на небѣ и заливало городъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Еще пароходъ не стопорилъ машины и подвигался довольно быстро, а арабскія лодки одна за другой приставали къ борту, невзирая на крики команды и офицеровъ. Тутъ мы полюбовались поразительною ловкостью лодчиковъ сирійцевъ. На волненіи, на быстромъ ходу фелюкъ, они смѣло перепрыгивали съ одной на другую, легко сохраняя равновѣсіе, и въ то же время сильно работали руками и ногами. Крику и гаму было довольно. Иные вскарабкались по борту парохода на палубу и стали предлагать паломникамъ свои услуги перевезти ихъ въ Ель-Мину, въ портъ Триполи.

VI.

Задержка на пристани.—Школа въ Ель-Минѣ.—Русская грамота у арабовъ.—
Дѣтскій садъ.—Арабки-учительницы.—Школьное преподаваніе.

Поѣхалъ и я съ небольшою группою паломниковъ на цвѣтущій берегъ Сиріи. На всякій случай мы захватили свои паспорта и приготовились къ требованію бакшиша. Одна лодка остановилась на нашихъ глазахъ у пристани, и пассажиры безпрепятственно вышли на берегъ и разошлись по улицамъ города. Почему-то нашу лодку подвели арабы къ таможнѣ. Лишь только мы поднялись на ея помость, какъ передъ самымъ носомъ нашимъ закрыли дверь и окружили ее не то сторожами, не то полицейскими.

— Паспорты!

Мы показали. Но они не удовольствовались этимъ и стали ихъ отбирать. Этотъ приѣмъ былъ совершенно иной, чѣмъ въ Константинополѣ или Смирнѣ, и мы поспѣшили взять свои паспорта назадъ. Насъ не пускаютъ.

— Ведите насъ къ русскому консулу!—настоячиво потребовали мы.

Послѣ небольшихъ препирательствъ они куда-то послали сирійца, и минутъ черезъ пять насъ препроводили къ агенту Русскаго общества пароходства и торговли. Какъ многіе наши консулы на Востокѣ, онъ ни слова не понималъ по-русски. Пришлось прибѣгнуть къ французскому языку, на которомъ агентъ объяснилъ намъ, что мы свободны, и намъ нѣтъ никакихъ препятствій итти въ городъ.

Но куда итти? Нѣкоторые изъ паломниковъ, узнавъ, что здѣсь нѣтъ «святыхъ мѣстъ» для поклоненія, сдѣлали небольшія покупки

тутъ же на берегу и поспѣшили вернуться на пароходъ. Я предложилъ своимъ спутникамъ посѣтить здѣшнюю русскую школу, находящуюся почти въ центрѣ христіанскаго квартала. Арабы скоро довели насъ до небольшого бѣловатаго зданія, и мы по восточному обычаю постучали металлической ручкой въ дверь. Насъ встрѣтила учительница, а вслѣдъ за нею и начальница женской школы, Валентина Михайловна Соколова, которая любезно предложила осмотрѣть классы и послушать занятія съ арабскими дѣвочками. Въ каждомъ классѣ при нашемъ входѣ всѣ дѣти вставали со своихъ мѣстъ и медленно нараспѣвъ привѣтствовали по-русски, твердо выговаривая послѣднюю гласную:

— Здрав-ствуй-тэ!

Большинство учительницъ были молодыя дѣвушки арабки, но въ одномъ классѣ мы застали русскую, которая вызвала маленькую ученицу къ классной доскѣ и попросила ее написать молитву: «Царю небесный». Дѣвочка арабка быстро и отчетливо стала писать по-русски. Мои спутники пришли въ умиленіе.

— Смотрите-ка, въ турецкой землѣ, а какъ научены по-русски!— замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

Переходя изъ комнаты въ комнату, мы были поражены числомъ дѣтей.

— Наша школа двухклассная,—поясняла намъ попутно начальница.—Первый классъ имѣетъ три отдѣленія, и первое изъ нихъ раздѣлено на три параллельныхъ группы по сорока человекъ въ каждой. Второй классъ пока еще имѣетъ только первое отдѣленіе.

— А сколько же всѣхъ дѣтей?

— Шестьсотъ. Есть и трехлѣтнія дѣвочки, но есть и очень взрослыя. Одной, напримѣръ, ученицѣ двадцать два года.

— Даже трехлѣтнихъ принимаете!

— Въ дѣтскій садъ. Если желаете взглянуть на него, то пожалуйте въ другое зданіе.

И любезная начальница школы повела насъ черезъ улицу въ другой арабскій домъ, на обширной террасѣ котораго мы застали массу маленькихъ дѣтей. Подъ руководствомъ старшихъ, они составляли изъ себя длинныя вереницы и на ходу пѣли пѣсни, похлопывая въ тактъ крошечными рученками.

Ель-Минская женская школа открыта въ октябрѣ 1897 г. и пока не имѣетъ собственнаго спеціальнаго зданія. Осмотрѣнные нами два дома нанимаются здѣшнимъ благотворительнымъ обществомъ, а все содержаніе школы и учительницъ беретъ на себя наше Палестинское общество. Одна изъ главныхъ задачъ этой школы—поддержаніе православной вѣры среди арабскаго населенія, а потому покровителемъ ея состоитъ триполійскій митрополитъ Григорій.

— Сколько же всѣхъ учительницъ?—спрашиваемъ мы Валентину Михайловну.

Женская школа въ Ель-Минѣ.

— Кромѣ меня, еще три русскихъ учительницы, да арабокъ одиннадцать. Вотъ позвольте васъ познакомить съ двумя арабскими учительницами, окончившими курсъ въ Бетъ-Джалъскомъ пансіонѣ¹⁾. Онѣ у насъ служатъ также и переводчицами.

Вѣра Николаевна Халеби и Е. Хури, очень миловидныя дѣвушки, съ типичными у арабокъ черными глазами, на самомъ дѣлѣ прекрасно говорятъ по-русски. У нихъ пламенное желаніе побывать въ Россіи, для которой онѣ такъ много поработали. И, мнѣ кажется, вполне было бы законно, если бы Палестинское общество пришло имъ на помощь и осуществило ихъ завѣтныя мечты.

Совмѣстными усиліями учительницы преподають дѣтямъ на арабскомъ языкѣ Законъ Божій, ариметику и географію, кромѣ того, три языка: арабскій, русскій и французскій. Обучають также руководѣлію и пѣнію по-русски и по-арабски. Помимо непосредственнаго занятія съ дѣтьми, русскія учительницы еще играютъ здѣсь роль руководительницъ преподаванія предметовъ, такъ какъ у арабокъ познанія небольшія, да и съ педагогическими приѣмами онѣ не вполне знакомы.

VII.

Переѣздъ въ Триполи.—Страна, гдѣ апельсины зрѣютъ.—Мужская школа.—Учитель Дагеръ Хайрула.—Осмотръ окрестностей города.—Русскія учительницы въ Сиріи.—В. М. Соколова.—Школы Палестинскаго общества.

Въ вѣдѣніи В. М. Соколовой находится еще другая недавно открытая женская школа въ городѣ Триполи, въ семи верстахъ отъ порта Ель-Мины. Она пригласила насъ и ее осмотрѣть, да кстати и самый городъ.

Дорога шла среди цвѣтущихъ садовъ. Яркая зелень, благоухающіе цвѣты и одновременно желтые и оранжевые плоды 16-го марта! Какой контрастъ съ русскими полями и лѣсами, которые мы оставили подъ снѣгомъ. Наше зрѣніе, вкусъ и обоняніе вполне были здѣсь насыщены апельсинами. Вотъ ужъ, можно сказать, страна, гдѣ буквально апельсины зрѣютъ. На однѣхъ и тѣхъ же вѣтвяхъ висятъ большіе созрѣвшіе плоды и рядомъ—маленькіе начинающіеся.

Моихъ спутниковъ, не видавшихъ жаркихъ странъ, это занимало, кажется, больше всего. Сильный ароматическій запахъ цвѣтовъ, особенно лимоновъ, сладостно кружилъ наши головы, но онъ же, говорятъ, причиняетъ и боль, какъ отъ угара. По крайней мѣрѣ, приѣзжіе изъ сѣверныхъ странъ первое время, пока не при-

¹⁾ Православное Палестинское общество устроило два пансіона для подготовленія учителей и учительницъ въ сельскія арабскія школы. Въ 1886 г. былъ основанъ мужской пансіонъ въ Назаретѣ, а въ 1890 г. женскій—въ Бетъ-Джалѣ, близъ Виллесема.

Кедры ливанские.

выкнутъ, жалуются на душливое благовоиe лимоновъ и апельсиновъ.

Посѣтивъ въ Триполи женскую школу, гдѣ были однѣ только арабки, мы заинтересовались и мужскою. Она помѣщается въ центрѣ города, на дворѣ церкви св. Николая. Это тоже двухклассная школа для арабскихъ мальчиковъ и поставлена на такихъ же началахъ, какъ и женская въ Ель-Минѣ. Всюду насъ любезно встрѣчали и охотно все показывали и объясняли. Очень трогательно было мое свиданіе съ преподавателемъ школы, Дагеромъ Хайрулою. Начальникъ триполійской школы молодой арабъ, Иосафъ Жересь, заранѣе предупредилъ меня, что въ лицѣ Д. Хайрулы я встрѣчу араба, извѣстнаго въ Сиріи своею ученостью. Лишь только показался я на порогѣ его класса, какъ онъ оживленно крикнулъ, широко улыбаясь:

— Арабъ! арабъ!

Онъ не сомнѣвался, что я русскій, но мое сильно загорѣвшее отъ весенняго солнца лицо и черная борода дали ему поводъ сдѣлать это сравненіе. Чуть не обнимая другъ друга, мы взаимно наговорили массу любезностей и крайне сожалѣли, что не могли иначе объясняться, какъ черезъ переводчика. Дагеръ Хайрула уже пожилой человекъ, невысокаго роста, съ живымъ симпатичнымъ лицомъ. Мнѣ самому лично потомъ пришлось убѣдиться, какою популярностью пользуется этотъ учитель среди арабовъ за свои сочиненія.

Здѣсь же мы познакомились и съ инспекторомъ школъ сѣверной Сиріи, Ефимомъ Ивановичемъ Тарасовымъ. Онъ присоединился къ нашей группѣ и предложилъ намъ взобраться на ближайшій холмъ, гдѣ до сихъ поръ сохранилась крѣпость крестоносцевъ, обращенная турками въ тюрьму. Отсюда былъ прекрасный видъ на окрестности города. Роци маслинъ и смоковницъ попеременно съ садами апельсиновъ и лимоновъ покрывали прибрежную долину на большое пространство. У подножія Ливана естественно было вспомнить про кедръ ливанскіе, но они, оказывается, давно вырублены на ближайшихъ склонахъ къ Триполи. Сохранилась еще небольшая роща кедровъ, но она отсюда порядочно далеко въ горахъ.

Посѣтивъ греческій и арабскій храмы, мы тѣмъ же путемъ на трамваѣ вернулись въ Ель-Мину, опять въ гостепріимную школу, гдѣ любезная хозяйка постаралась насъ угостить обѣдомъ въ арабскомъ вкусѣ. Тутъ мы познакомились съ П. П. Быстровой, С. М. Соколовой и А. Ѳ. Юдиной, молодыми учительницами, пріѣхавшими сюда года два тому назадъ изъ Россіи.

Конечно, благословляешь ихъ дѣятельность и радуешься за нихъ, видя, съ какимъ достоинствомъ онѣ несутъ православное знамя просвѣщенія и вѣры, но съ другой стороны и пожалѣешь ихъ. Вѣдь эти всѣ молодыя дѣвицы не отказались отъ личнаго

счастья и отъ радостей жизни. А между тѣмъ обстановка ихъ жизни такова, что волей-неволей имъ приходится быть вдали отъ родныхъ и друзей, внѣ всего русскаго. Съ арабскимъ языкомъ сами онѣ не знакомы, а потому одиночество среди чужого народа становится еще тяжелѣе. Кромѣ учительницъ, русскихъ людей здѣсь почти нѣтъ никого. Правда, по дорогѣ въ Палестину паломники заглядываютъ сюда, но вѣдь это не такъ часто и притомъ только весною. Жалуются, что въ Ель-Минѣ господствуютъ весною и осенью лихорадки, но и здѣшнее лѣто съ тропической жарой, мнѣ кажется, тоже не легко для сѣверянокъ.

Среди учительницъ особенно выдѣлялась начальница школы, В. М. Соколова. Озабоченное выраженіе лица, поспѣшная походка, толковыя объясненія намъ, краткія, но дѣловитыя фразы учительницамъ и служанкамъ, все обличало въ ней энергичную распорядительницу и хорошую хозяйку. А распорядиться въ двухъ школахъ есть чѣмъ. Какъ много надо умѣнья и такта обращаться съ одними только арабами, съ народомъ столь пылкаго темперамента!

Вечеромъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ учительницъ, Валентина Михайловна поѣхала съ нами на пароходъ. Здѣсь, внѣ школы, она представилась намъ въ новомъ свѣтѣ, какъ ласковая, спокойная, умиротворяющая подруга своихъ учительницъ. Такъ и кажется со стороны, что съ ней имъ легко и пріятно живется. А это здѣсь очень важное обстоятельство, для удержанія учителей и учительницъ въ Сиріи и Палестинѣ. Частая смѣна учителей—слабое мѣсто здѣшнихъ школъ. Немногіе выжили здѣсь болѣе двухъ лѣтъ. Сама Валентина Михайловна представляетъ въ этомъ отношеніи исключительный примѣръ. Она работаетъ въ этомъ краѣ съ 1890, а въ здѣшней школѣ—съ 1899 года.

Ель-Минская школа молодая, и еще рано подсчитывать ея успѣхи. Но и теперь уже замѣтно ея вліяніе на православное населеніе. Въ католическихъ и протестантскихъ низшихъ школахъ въ Ель-Минѣ и Триполи немного осталось православныхъ арабовъ, да и то, говорятъ, заманены сюда подарками. Чѣмъ инославные миссіонеры сильны—это средними и высшими учебными заведеніями, съ блестящимъ преподаваніемъ европейскихъ языковъ.

Наше Палестинское общество въ своихъ школахъ вообще не вводитъ преподаванія французскаго языка, но, уступая просьбѣ сирійцевъ, оно допустило и этотъ языкъ въ Ель-Минской школѣ, такъ какъ торговыя сношенія въ здѣшнихъ городахъ происходятъ главнымъ образомъ на французскомъ языкѣ.

VIII.

Ночная беседа.—Необходимость русскаго языка для арабовъ.—Конкуренція между инославными миссіонерами.—Просьба сирійскаго духовенства.—Численность русскихъ школъ въ Сиріи.—Успѣхъ ихъ.—Три типа учебныхъ заведеній.—Распространеніе русскаго языка въ Палестинѣ.

Пароходъ снялся ночью. Яркія звѣзды на небѣ вызвали меня любоваться ими на верхнюю площадку. Но у меня еще не вытѣснились изъ головы образы видѣннаго сегодня днемъ, и я искалъ, съ кѣмъ бы подѣлиться своими впечатлѣніями. Среди пассажировъ находился одинъ изъ служащихъ въ Православномъ Палестинскомъ обществѣ. Мнѣ интересно было слышать о школахъ общества вообще, объ ихъ возникновеніи и цѣли, объ условіяхъ жизни учителей и многое другое, и я обратился къ нему со своими вопросами. Мнѣ казалось, что онъ сообщаетъ свѣдѣнія о школахъ очень охотно и откровенно, и я позволилъ себѣ затронуть нѣкоторые щекотливые вопросы, о которыхъ писалось въ послѣднее время въ русскихъ газетахъ.

— О, это пишутъ люди, имѣющіе личные счеты съ обществомъ. Такимъ писаніямъ нельзя довѣрять,—отвѣтилъ мой собесѣдникъ.

— Но скажите, пожалуйста,—спрашиваю его,—насколько необходимъ для арабскихъ дѣтей русскій языкъ? Я читалъ, да мнѣ и говорили, все то немногое по русскому языку, что изучать дѣти въ сельской школѣ за три года, скоро ими забывается. Даже учителя и учительницы, окончившіе Назаретскій или Бетъ-Джальскій пансіонъ, гдѣ преподаваніе предметовъ ведется на русскомъ языкѣ, и гдѣ они усваиваютъ его настолько хорошо, что свободно объясняются и читаютъ съ пониманіемъ образцовыя произведенія русскихъ писателей, и эти арабы, если попадутъ въ отдаленныя школы среди арабскаго населенія, въ значительной степени, утрачиваютъ пониманіе русской рѣчи¹⁾. Къ чему имъ такое нетвердое знаніе русскаго языка, когда здѣсь пришлые иностранцы, или франки, преимущественно говорятъ на французскомъ языкѣ?

Мой собесѣдникъ, до сихъ поръ такъ мирно настроенный, вдругъ заволновался, потерялъ свой спокойный тонъ и, какъ будто съ кѣмъ полемизируя, сталъ крайне возбужденно доказывать необходимость русскаго языка въ сирійскихъ школахъ. Мнѣ непріятно было, что я вызвалъ въ человѣкѣ нежелательное огорченіе, затронувъ, какъ видно, больной вопросъ, а потому я скоро замолкъ, и мы разстались. Впослѣдствіи, объѣхавъ всю Палестину и присмотрѣвшись къ положенію дѣлъ Православнаго Палестинскаго общества, я самъ пришелъ къ тому убѣжденію, что русскій языкъ дѣйствительно необходимъ въ здѣшнихъ православныхъ школахъ.

¹⁾ См. «Сообщенія Православнаго Палестинскаго общества» за 1899 годъ.

Видъ Бейрута съ юго-западной стороны.

Въ Сиріи и Палестинѣ, какъ извѣстно, идетъ сильная конкуренція между различными исповѣдниками Христа. Каждый изъ нихъ хочетъ привлечь православнаго араба на свою сторону и чаще всего увлекаютъ его не будущими небесными, а настоящими земными благами. Нельзя сказать, чтобы араба легко можно было соблазнить. Но миссіонеры отлично поняли, что есть тонкій и вѣрный способъ обращенія арабовъ въ католичество или протестантство. Это провести дѣтей ихъ чрезъ миссіонерскія школы. Толпы инославныхъ мужчинъ и женщинъ, всецѣло отдавшія себя, какъ монахи, на служеніе идеѣ, наводнили здѣшній край и настроили множество блестящихъ школъ, и низшихъ, и высшихъ. Ну, какъ не соблазниться арабу даровымъ обученіемъ! И онъ отдаетъ своего сына или дочь въ прекрасно обставленный пансіонъ, гдѣ дѣти скоро усваиваютъ французскій, нѣмецкій или англійскій языкъ, смотря по тому, въ чьихъ рукахъ они находились, и вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно поддаются влиянію своихъ наставниковъ. Если бы не пришли сюда на помощь русскіе, то скоро не было бы араба сирійца, а были бы арабы французы, арабы нѣмцы, арабы англичане.

Для удержанія мѣстнаго населенія въ православіи, очевидно, надо создать для него школы въ православномъ духѣ, и при томъ такого устройства, чтобы онѣ могли выдержать конкуренцію съ инославными. Но какъ это сдѣлать? Сами арабы, какъ мало культурный народъ, да еще подъ турецкимъ гражданскимъ и подъ греческимъ духовнымъ режимомъ, не въ состояніи открыть не только высшей или средней, но и порядочной сельской школы.

Вотъ тутъ-то наше Палестинское общество и пришло на помощь арабамъ со своими русскими учителями. Но какъ скромно и деликатно это было сдѣлано въ Сиріи!

Осенью 1895 г., іерархи Антиохійской церкви, видя успѣхъ русскихъ учебныхъ заведеній въ Палестинѣ, стали горячо просить наше Палестинское общество, чтобы оно взяло на свое попеченіе и сирійскія школы. Несмотря на свои небольшія средства, общество пошло себя нравственно обязаннымъ не отказывать въ такомъ святомъ дѣлѣ, а потому распространило свою учебную дѣятельность и на Сирію.

Въ короткое время общество взяло подъ свою опеку сорокъ двѣ школы и раздѣлило ихъ на двѣ инспекціи: Южно-Сирійскую съ Дамаскомъ во главѣ и Сѣверо-Сирійскую, къ которой принадлежатъ Ель-Мина, Триполи и Хомсъ. Бейрутскія школы выдѣлены пока въ отдѣльный округъ, подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ М. А. Черкасовой.

Въ Южно-Сирійской инспекціи представителя общества, Дмитрія Федоровича Богданова (изъ Казанской духовной академіи), было семь мужскихъ школъ, двадцать смѣшанныхъ и одна исклю-

М. А. Черкасова со своєю школою вь Бейрутѣ.

чительно женская. Въ нихъ насчитывается 2.111 учениковъ и 1.333 ученицы. Сѣверо-Сирійскія учебныя заведенія были въ вѣдѣніи инспектора Ефима Ивановича Тарасова (изъ Петербургскаго историко-филологическаго института). Въ мое время здѣсь насчитывалось четыре мужскихъ школы, девять смѣшанныхъ и одна женская. Всѣхъ учащихся въ нихъ 2.519 мальчиковъ и 1.446 дѣвочекъ.

Успѣхъ нашихъ школъ больше всего очевиденъ въ селахъ. Напримѣръ, въ Рахбэ и Джиброилѣ дѣти покинули протестантскія школы съ открытіемъ русскихъ. Въ другихъ же селахъ жители упорно отказываются отъ назойливыхъ предложеній латинянъ и терпѣливо ждутъ православныхъ школъ.

Палестинское общество, какъ я говорилъ, радо исполнить ихъ просьбы; но помимо того, что для этого нужны большія деньги, надо еще создать контингентъ надежныхъ учителей, которые, взявшись за орало на арабской почвѣ, не оглядывались бы назадъ въ Россію. Какъ бы то ни было, общество дало арабамъ семьдесятъ школъ, гдѣ обучаются до 10.000 человекъ¹⁾.

Кромѣ двухъ учительскихъ пансіоновъ въ Назаретѣ и Бетъ-Джалѣ, созданныхъ по типу російскихъ учительскихъ семинарій, всѣ остальные школы общества дѣлятся на одноклассныя и двухклассныя. Въ первыхъ, съ тремя послѣдовательными группами и тремя годами обученія, преподаются: Законъ Божій, ариметика, арабскій и русскій языки и пѣніе. Въ двухклассныхъ же училищахъ, съ тремя послѣдовательными группами въ 1-мъ классѣ, т.-е. съ пятью годами обученія, преподается то же самое, что и въ одноклассныхъ, конечно, съ расширенной программой и, кромѣ того, еще турецкій языкъ и географія.

Кстати сказать, число русскихъ паломниковъ въ Палестинѣ съ годами все увеличивается и увеличивается. Иные проводятъ въ ней нѣсколько мѣсяцевъ, а есть, которые живутъ въ Палестинѣ и годы. Весь этотъ русскій людъ находится здѣсь въ постоянномъ движеніи, а слѣдовательно, и въ общеніи съ мѣстными жителями во всѣхъ городахъ и селахъ. Теперь неудивительно встрѣтить араба, знающаго нѣсколько словъ и даже нѣсколько фразъ по-русски. Мнѣ попадались мукари (проводники), которые очень развязно объяснялись по-русски съ паломниками, научившись языку только отъ нихъ въ караванныхъ шествіяхъ по святымъ мѣстамъ. Въ этихъ видахъ для насъ, конечно, выгодно распространеніе русскаго языка среди арабовъ.

Замѣчу кстати, что теперь, кромѣ Православнаго Палестинскаго общества, заботится еще другое—общество Востоковѣдѣнія—о рас-

¹⁾ Къ 1-му мая 1900 г. Въ настоящее время общество насчитываетъ 87 русскихъ школъ, которыя 1-го марта 1902 г. турецкимъ правительствомъ признаны законно существующими.

пространеніи русскаго языка вообще въ Азіи, чтобы тѣмъ содѣйствовать сближенію Россіи съ восточными странами и служить проводникомъ русской культуры и производительности среди восточныхъ народностей.

Нѣкоторые дальновидные экономисты предвидятъ сближеніе этого края съ Россіей чрезъ соединеніе желѣзною дорогою порта Александретты съ Закавказьемъ, но объ этомъ здѣсь не мѣсто говорить.

IX.

Бейрутъ.—Восточные порядки.—Греческій храмъ.—Георгіевскій госпиталь.—Мусульманскія женщины.—Молебенъ у источника св. Георгія.—Учительница Назира X.—Въ церкви за богослуженіемъ.—Молитвы М. А. Черкасовой.

Рейсы парохода вдоль Сирійскаго берега, мнѣ кажется, очень удачно распределены для туриста. Заснувъ въ Триполи, онъ просыпается въ Бейрутѣ, и опять почти цѣлый день въ его распоряженіи для осмотра города.

Бейрутъ въ торговомъ отношеніи главный городъ Сиріи. Отсюда идетъ дорога въ Дамаскъ черезъ Ливанскія горы, которыя и здѣсь красуются своими снѣжными вершинами. Городъ окруженъ пахучими садами. На первомъ планѣ видно много домовъ съ европейскими крышами.

Въ 8 ч. утра, со мной опять съѣхала на берегъ вчерашняя компанія паломниковъ. На этотъ разъ, если мы и не встрѣтили закрытыхъ воротъ, все же толпа сирійцевъ съ грубыми криками попробовала загородить намъ путь.

Среди насъ была родная сестра моряка—героя послѣдней китайской войны.

— Что на нихъ смотрѣть!—крикнула она намъ и рѣшительно прошла между сирійцами. За нею послѣдовали и другіе.

Такъ какъ я старался держать себя корректно и не рвался напроломъ, то сирійцы успѣли задержать меня и моего товарища по каютѣ Ф. А. А. Пробившіеся спутники махнули намъ не слушать ихъ и итти впередъ, что мы и сдѣлали. Это былъ хорошій намъ урокъ, какъ понимать турецкіе порядки на востокѣ вообще. Потомъ я видѣлъ, что для англичанъ, напримѣръ, здѣсь законъ не писанъ. Они идутъ впередъ, несмотря ни направо, ни налево, какъ у себя дома. Даже больше того, иногда они расчищаютъ себѣ дорогу хлыстомъ и тѣмъ только возбуждаютъ къ себѣ большее уваженіе...

«Святыя мѣста» Бейрута связаны съ именемъ св. великомученика Георгія. Небольшими группами мы направились по главной улицѣ за городъ, гдѣ указываютъ источникъ Георгія Побѣдоносца. По дорогѣ прежде всего зашли въ греческій храмъ. Въ немъ, какъ и вообще во многихъ греческихъ церквахъ, было подвѣшено мно-

жество лампадъ, блестящихъ шаровъ и страусовыхъ лицъ, что должно напоминать вселенную, наполненную звѣздами и планетами. Очень представительнаго вида грекъ-священникъ давалъ намъ объясненія на французскомъ языкѣ.

Зашли и въ госпиталь св. Георгія для православныхъ христіанъ. На большомъ дворѣ, среди одноэтажныхъ флигелей для больныхъ, разбитъ садъ съ фонтаномъ. Его украшаютъ два бюста докторовъ изъ бѣлаго мрамора. Завѣдующій госпиталемъ предложилъ мнѣ осмотрѣть палаты больныхъ. Не знаю, каковъ за ними уходъ, но съ внѣшней стороны госпиталь производитъ благопріятное впечатлѣніе: очень чисто и свѣтло.

Далѣе мы пришли къ источнику, гдѣ, по мѣстному преданію, св. Георгій Побѣдоносецъ убилъ чудовищнаго змія. Это мѣсто, какъ видно, уважается и мусульманами, построившими здѣсь свою молельню. Сюда собралось, вѣроятно, ради пятницы, множество мусульманокъ съ ребятами. Мужчинъ не было, и вслѣдствіе этого, можетъ быть, поведеніе ихъ женъ и дѣвицъ было довольно странно и даже нескромно. Обыкновенно, на улицахъ восточныхъ городовъ мусульманки, прикрытыя густой чадрой, идутъ очень степенно и какъ бы сторонятся отъ взглядовъ франковъ; а здѣсь, въ отсутствіи мужей, собравшись вмѣстѣ громадною толпой, онѣ не только позволяли себѣ открывать покрывало съ лица, но и сами заговаривали съ паломниками, бросая въ нихъ апельсинными корками.

Изъ церкви св. Георгія пріѣхалъ къ колодцу на осликѣ священникъ и отслужилъ по-гречески молебень, при чемъ произнесъ наши имена и спѣлъ по-русски трижды: «Господи, помилуй!»

Отдавъ дань поклоненія св. Георгію, паломники отправились на пароходъ. Только я со своимъ товарищемъ, Ф. А. А., поѣхалъ къ завѣдывающей бейрутскими школами, Маріи Александровнѣ Черкасовой.

Проводникъ привелъ насъ сперва въ небольшую одноклассную школу, гдѣ навстрѣчу намъ вышла молодая учительница, арабка Назира. Она немного владѣетъ русскимъ языкомъ, и потому могла намъ объяснить, какъ найти г-жу Черкасову. Но тутъ сказала у ней арабская кровь. Узнавъ, что намъ надо нанять экипажъ по часамъ, она быстро выбѣжала на улицу, отыскала извозчика, привела его, горячо поторговалась съ нимъ, рассказала ему, куда ѣхать, затѣмъ сорвала на дворѣ нѣсколько распущенныхъ розъ и съ миловидной улыбкой подала намъ.

— Вотъ вторая библейская Ревекка!—подумалъ я.—Когда рабъ Авраама попросилъ у Ревекки напитокъ, она тотчасъ спустила съ плеча кувшинъ и сказала ему: «Пей, и верблюдовъ твоихъ напою». И стала быстро черпать воду для верблюдовъ. Вотъ такое же ретивое проворство и ласковое гостепримство оказала намъ и Назира.

Яцфоніі рейдъ и гряда камней.

На нашъ разговоръ вышла служанка изъ школы. Какъ видно, и ей страстно хотѣлось поговорить съ нами, но мы не понимали ея гортанныхъ звуковъ. Пришлось и этой доброй женщинѣ ограничиться подачею намъ свѣжихъ чайныхъ розъ.

Мы не застали Маріи Александровны Черкасовой дома. Она была съ учащимися въ церкви на преждеосвященной обѣднѣ. До отхода парохода оставалось немного времени, и мы были крайне смущены, опасаясь не увидать этой замѣчательной труженицы въ Сиріи. Послѣ небольшого раздумья—итти ли къ обѣднѣ или ѣхать на пароходъ—рѣшились попросить у нея нѣсколько минутъ вниманія въ церкви.

Православный храмъ, гдѣ находилась Марія Александровна, былъ недалеко отъ ея дома. Мы вошли въ сѣверныя боковыя двери. Церковь была полна. Посреди стояли мальчики, съ лѣвой стороны—взрослый народъ, а съ правой—дѣвочки.

Арабы сообразили, что мы ищемъ Марію Александровну, и указали намъ на почтенную даму въ черномъ одѣяніи, сидящую сзади всѣхъ въ формѣ, т.-е. въ деревянномъ креслѣ, какія принято устраивать во всѣхъ греческихъ храмахъ вдоль стѣнъ. Болѣе удобно было подойти къ ней съ западныхъ дверей. Мы такъ и сдѣлали.

Марія Александровна успокоила насъ, что пароходъ не такъ скоро уйдетъ, какъ намъ сказали, и просила подождать до конца службы.

Пришлось выстоять всю преждеосвященную обѣдню и даже нѣсколько больше, но мы не раскаялись въ этомъ.

Священникъ служилъ по-гречески, а дѣвочки пѣли по-русски. Мнѣ казалось, это онѣ для насъ поютъ на понятномъ намъ языкѣ. «Да исправится молитва моя» пѣлъ самъ священникъ поочередно съ клиромъ. Порядокъ службы почти ничѣмъ не отличался отъ принятаго у насъ въ Россіи.

По окончаніи обѣдни, мальчики поспѣшили выйти черезъ западныя двери, а дѣвочки и молящійся народъ остались. Началось оригинальное богослуженіе, которое установила Марія Александровна послѣ каждой обѣдни.

Не выходя изъ своей формы, Марія Александровна громко и отчетливо прочитала рядъ молитвъ за Царя и Россію, за арабовъ и Палестинское общество. Послѣ чего дѣвочки спѣли по-русски: «Спаси, Господи», «Достойно есть» и др. церковныя пѣсни. Затѣмъ Марія Александровна проходитъ черезъ весь храмъ и останавливается у амвона. Здѣсь опять она читаетъ длинную молитву по-арабски. Священникъ, какъ бы въ отвѣтъ на это, сказалъ ектенію. Однимъ словомъ, вышло небольшое богослуженіе, продолжавшееся съ четверть часа, если не больше.

Я смотрѣлъ на эту невысокаго роста женщину, съ такою твердостью читающую молитвы, съ такою самоувѣренностью дѣйствующую

щую, и немало удивлялся. Да, правда, надо посмотрѣть на Марію Александровну въ церкви, чтобы понять, почему ея имя пользуется такимъ почетомъ въ Сиріи, почему арабы относятся къ ней съ такимъ благоговѣніемъ.

Вотъ и сейчасъ въ храмѣ. Народъ, вѣроятно, приутомился продолжительной обѣдней, соединенной съ вечерней, но никто и не думаетъ уходить. Всѣ чинно и благоговѣйно слушаютъ молитвы Маріи Александровны. И это происходитъ, какъ я потомъ узналъ, каждое воскресенье, каждый праздникъ; кромѣ того, Великимъ постомъ — каждыя среду и пятницу.

Мнѣ говорили, что нѣкоторымъ изъ русскихъ странно было видѣть, какъ въ присутствіи священника отъ лица всей церкви читаетъ женщина молитвы по-русски и по-арабски. Но въ Бейрутѣ кто бы могъ замѣнить ее въ данный моментъ ¹⁾? А главное, кто бы вложилъ въ свою молитву столько духовной силы, столько сердечности и горячей вѣры?!

Х.

Бейрутскія школы. — Въ гостяхъ у М. А. Черкасовой. — Поведеніе русскихъ въ храмѣ. — Случай съ митрополитомъ Иннокентіемъ. — Дѣятельность г-жи Черкасовой. — Трогательное прощаніе. — Успѣхъ сирійскихъ школъ. — Влужданіе по базару. — Выходъ въ море.

Послѣ священническаго отпуска изъ храма стали выходить дѣвочки чинно, безъ шума. Не надо много ходить по классамъ школы, чтобы сразу усмотрѣть, какая у нихъ выдержка, дисциплина! Съ арабскими дѣтьми трудно справиться, и нами видѣнный порядокъ школы только дѣлаетъ честь ея начальницѣ.

Сама Марія Александровна занимается въ смѣшанной школѣ св. Іліи—Мусайбе съ 15 марта 1887 г., но завѣдуетъ и другими школами Палестинскаго общества: Мазра—школа архангела Михаила, Хай-Румели—св. Николая, Расъ-Беруть—Пресвятой Богородицы и Хай-Румели—школа св. великомученика Георгія. Во всѣхъ пяти школахъ во время моего путешествія (мартъ 1900 г.) насчитывалось 151 мальчикъ и 864 дѣвочки.

Съ какимъ дружелюбнымъ довѣріемъ относятся жители Бейрута къ Маріи Александровнѣ и къ ея школамъ, можно было судить по поведенію кучки арабовъ, которая сопровождала ее изъ церкви до дому. Насъ, пріѣзжихъ гостей изъ Россіи, Марія Александровна пригласила въ гостиную и, угощая по восточному обычаю прохладительными напитками, объяснила намъ, почему она насъ держала въ церкви.

Арабы очень религіозный народъ и строгіе исполнители церковныхъ обрядовъ. У нихъ сложилось убѣжденіе, что настоящіе

¹⁾ Среди арабскихъ священниковъ до сихъ поръ встрѣчаются малограмотные.

христіане — это русскіе. А между тѣмъ много разъ приходилось Маріи Александровнѣ краснѣть за своихъ соотечественниковъ, когда они показывали свое невниманіе или небрежность къ богослуженію и къ храму. Развивая въ дѣтяхъ религіозное чувство, понятно, она оберегаетъ ихъ отъ дурныхъ примѣровъ. Вотъ почему ей всегда пріятно, если зашедшіе въ храмъ русскіе имѣютъ терпѣніе выстоять богослуженіе до конца.

Марія Александровна рассказала намъ по этому поводу одинъ случай изъ практики московскаго митрополита Иннокентія, когда онъ былъ на Алеутскихъ островахъ. Новообращенные туземцы съ самаго начала оказали большую ревность и усердіе къ церковнымъ молитвамъ и ко всѣмъ обрядамъ. А такъ какъ самъ проповѣдникъ вѣры былъ русскій, и вся священная утварь, образа, свѣчи шли изъ Россіи, то у нихъ составилось мнѣніе, что русскіе — идеальные христіане. Но вотъ приходитъ судно изъ Россіи. Алеуты во всѣ глаза смотрятъ за русскими и, какъ прозелиты, интересуются главнымъ образомъ ихъ поведеніемъ въ церкви. И вдругъ какое разочарованіе!.. Они спрашиваютъ Иннокентія, и тому пришлось сказать, что настоящіе русскіе другіе...

Увидя, что мы торопимся ѣхать на пароходъ и въ то же время выражаемъ большое желаніе услышать отъ нея хотя бы краткую повѣсть о себѣ, она сказала:

— Я не скрываю своего прошлаго, но рассказывать подробно о себѣ надо много времени. Начиная съ семнадцатилѣтняго возраста, тотчасъ по окончаніи институтскаго курса, я обратилась къ той дѣятельности, которой и теперь предана всей душой. Но прежде чѣмъ основаться гдѣ либо, я много изѣздила по свѣту Божію. Между прочимъ работала года три въ Японіи при русской духовной миссіи. Наконецъ, нашла себѣ мѣсто въ Сиріи, и, Богъ дастъ, навсегда. Я уже здѣсь работаю тринадцать лѣтъ. Только одинъ разъ, года четыре тому назадъ, съѣздила ненадолго въ Россію, и то по вызову. Въ этомъ-то все дѣло и есть, господа, что пріѣзжаютъ сюда люди съ искреннимъ желаніемъ поработать, но пройдетъ годъ, два,—смотришь, явившіеся дѣятели уже и назадъ въ Россію ѣдутъ. Мимо меня въ этомъ краѣ прошло около пятидесяти человѣкъ учителей и другихъ служащихъ Палестинскому обществу, а изъ нихъ удержались здѣсь развѣ только человѣка два-три, не болѣе.

Нашей бесѣдѣ помѣшали другіе гости, пришедшіе къ Маріи Александровнѣ, да и время подошло ѣхать намъ на пароходъ.

Провожая насъ до лѣстницы, Марія Александровна спросила наши имена, чтобы помянуть ихъ на молитвѣ. Такое христіански-умилительное вниманіе насъ окончательно растрогало, и мы не знали, какъ благодарить эту добродѣтельную женщину. Сколько сердце подсказало намъ самыхъ лучшихъ пожеланій и благословеній, все было горячо высказано ей на прощаніи.

Русское мѣсто близъ Яффы.

Дай Богъ, конечно, всякаго успѣха русскимъ труженикамъ въ Сиріи! Они не преслѣдуютъ здѣсь никакихъ политическихъ, экономическихъ и другихъ скрытыхъ цѣлей; ихъ задача одна: внести христіанскій свѣтъ истины въ среду православныхъ арабовъ. Такъ это и понимаютъ и сами арабы, и здѣшнее духовенство. А работы въ Сиріи еще немало! И тѣ школы, которыя уже состоятъ подъ попеченіемъ нашего Палестинскаго общества, требуютъ еще многого для своего усовершенствованія. А какое еще поле учебной дѣятельности остается для будущаго! Теперь мы работаемъ только въ треугольникѣ Триполи, Бейрута и Дамаска, но вѣдь во всѣхъ тринадцати епархіяхъ Антиохійской церкви находятся 20 городовъ и 180 деревень, съ 356.000 душъ православнаго населенія! Мы только можемъ порадоваться, что блаженнѣйшій патріархъ Мелетій такъ охотно занимается просвѣщеніемъ своей паствы. Въ Сиріи существуютъ попечительные совѣты, съ мѣстными архіереями во главѣ, которые заботятся о средствахъ для постройки домовъ для школъ или для найма временныхъ для нихъ помѣщеній, потому что при открытіи новой школы Палестинское общество ставитъ непремѣннымъ условіемъ для здѣшнихъ сельскихъ и городскихъ обществъ, чтобы школа была обеспечена вполне соотвѣтственнымъ помѣщеніемъ. Несмотря на теперешнее ихъ убожество сравнительно съ блестящими инославными учебными заведеніями, все-таки арабы инстинктивно предпочитаютъ въ нихъ отдавать своихъ дѣтей. Вотъ уже поистинѣ можно сказать: Господь отверзаетъ очи слѣпымъ и умудряетъ младенцевъ!

Понятно, въ настоящее время Палестинское общество не можетъ вести дѣло просвѣщенія арабовъ безъ посредства русскаго языка, безъ русскихъ руководителей, но пройдетъ лѣтъ десять, и, Богъ дастъ, арабы будутъ имѣть своихъ собственныхъ хорошихъ преподавателей, и тогда дѣло просвѣщенія православныхъ туземцевъ пойдетъ большими шагами.

Отъ дома г-жи Черкасовой до пристани не далеко. По времени мы давно должны бы были пріѣхать. Спрашиваемъ своего проводника (конечно, по-французски):

— Скоро ли будетъ пристань?

— А вотъ сейчасъ, лишь только пройдемъ базаръ. Не желаете ли купить древнихъ вещей, *antiques*?

— Нѣтъ, нѣтъ, скорѣй на пароходъ!

Но вотъ мы проѣхали еще одну улицу базара, проѣзжаемъ другую, третью, и на каждой нашъ проводникъ находитъ чтонибудь предложить для покупки. Появилась и у него въ карманѣ цѣлая куча монетъ. Наконецъ, намъ очевидно стало, что онъ насъ водитъ взадъ-впередъ по базару, тогда какъ пристань находится въ двухъ-трехъ шагахъ. Всѣ наши вѣжливыя просьбы не имѣли никакого воздѣйствія на проводника, и пришлось прибѣгнуть къ

азиатскому способу обращенія: энергично отказавшись отъ всѣхъ назойливыхъ предложеній, особенно отъ порнографическихъ карточекъ, надо было покричать и показать ему свое раздраженіе, чтобы онъ послушался и моментально доставилъ насъ къ лодкамъ. Да и пора было. Только что мы прибыли на пароходъ, какъ онъ снялся и направился къ послѣднему пункту нашего морского путешествія—Яфѳѣ.

Тепло. Каютные пассажиры высыпали на верхнюю площадку. До захода солнца еще было время попрощаться съ Сиріей. Выйдя изъ залива св. Георгія, пароходъ обогнулъ мысъ Бейрута и направился на юго-западъ. Песчаная прибрежная полоса скрылась. Только Ливанскія горы синеватою лентою растянулись по восточному горизонту. Небо было не чисто. Небольшое волненіе наводило нѣкоторыхъ на безпокойное раздумье — какова-то завтра будетъ высадка въ Яфѳѣ? Взглянулъ я на палубу: тамъ совершенно спокойно, съ твердымъ упованіемъ на Бога паломники готовятъ себѣ постели на ночь. А изъ трюма несутся умиротворяющіе звуки вечернихъ молитвъ и припѣвовъ къ акаѳисту Божіей Матери...

XI.

Яффа. — Переправа черезъ буруны. — Проводникъ-арабъ. — Восточная баня. — На желѣзнодорожной станціи. — Мѣсто воскресенія Тавнои. — Невниманіе къ русскому мѣсту. — Опять на станціи. — Тѣснота въ вагонахъ.

Чтобы съ восходомъ солнца встрѣтить первый для насъ палестинскій городъ Яфѳу, я поспѣшилъ пораньше улечься на своей койкѣ. То же сдѣлалъ и мой почтенный компаніонъ. Но я не обладалъ его безмятежнымъ спокойствіемъ духа и не могъ заснуть въ душной каютѣ. Опять пришлось провести всю ночь на верхней площадкѣ подъ открытымъ небомъ.

Утромъ, 18-го марта, немного покачиваясь, пароходъ подошелъ къ Яфѳѣ. Вѣтра большого не было, но порядочная зыбь на рейдѣ давала себя знать. Паломники, особенно женщины, съ нескрываемымъ смущеніемъ посматривали на берегъ. Тамъ на грядѣ камней яростно клекотали бѣлые буруны.

Переправа въ Яфѳѣ хорошо извѣстна русскому народу. Чуть ли не въ каждой избѣ рассказывается паломниками, съ какимъ страхомъ и трепетомъ приходится отдать себя въ руки арабовъ и затѣмъ съ сжатымъ сердцемъ въ продолженіе получаса ожидать желаннаго берега.

Какъ бы ни было страшно, надо съѣзжать! Есть женщины, которыя боятся съѣсть въ яликъ въ тихую погоду на Невѣ, здѣсь же онѣ рѣшаются прыгнуть съ трапа въ бросаемую волнами лодку. Но зато инныя, какъ повалятся ничкомъ на мѣшки паломниковъ, такъ и не двигаются до самаго берега.

Мнѣ лично не страшны были бѣлѣющіе буруны на камняхъ, за которыми находится тихая бухта съ пристанью, не пугали меня и гигантскія волны на рейдѣ, временами скрывающія лодку изъ глазъ береговыхъ зрителей, но у меня опять явилось тоскливое ожиданіе возни съ необузданными сирійцами-лодочниками.

Къ моей радости, на нашъ пароходъ пріѣхалъ агентъ Русскаго общества пароходства и торговли, Исса Фокичъ Самури. Любезный командиръ парохода познакомилъ меня съ нимъ и просилъ его помочь мнѣ въ Яфѣ. Этотъ уроженецъ Палестины, свободно объясняющійся на пяти языкахъ, оказался очень милымъ и внимательнымъ человѣкомъ. Онъ пригласилъ меня въ свою шлюпку, хотя много меньшую тѣхъ, на которыхъ перевозили паломниковъ, но зато обладавшую четырьмя сильными и ловкими гребцами. Они не пошли сѣвернымъ обходомъ вокругъ буруновъ, а смѣло направили лодку въ средній проходъ между камней. Мнѣ много приходилось на маленькихъ лодочкахъ нырять по морскимъ волнамъ, но такого гигантскаго буруна я ни разу раньше не испытывалъ. Арабы стараются грести сильно и мѣрно въ тактъ, чтобы не свернуло ихъ лодку поперекъ прохода. Съ боковъ стоятъ пѣнистыя горы яростныхъ волнъ на скалахъ... Вотъ ужъ мы миновали линію опасныхъ камней. Еще одинъ ударъ гигантскаго вала въ корму,—и мы вошли въ затишье.

Благодаря агенту, я избавился отъ назойливости таможенныхъ сторожей, но лодочники, улучивъ минуту, когда отошелъ отъ меня И. Ф. Самури, приперли меня, какъ говорится, къ стѣнѣ со своимъ попрошайничествомъ, хотя я отдалъ рулевому и билетъ, по которому они получаютъ отъ агентства установленную плату за перевозку пассажировъ съ парохода на берегъ, и хорошій бакшишъ.

Всѣ паломники, какъ только съѣхали на берегъ, сейчасъ же потянулись пѣшкомъ длинною вереницею къ желѣзнодорожной станціи за городъ. Немногіе ѣхали на ослахъ. Проводниками имъ служили паломники, не одинъ разъ раньше побывавшіе въ Палестинѣ. У меня былъ свой проводникъ изъ мѣстныхъ арабовъ. Когда-то онъ находился въ услуженіи на русскихъ постройкахъ въ Яфѣ, а потому довольно сносно объяснялся по-русски. Для своей рекомендаціи этотъ арабъ перекрестился нѣсколько разъ и показалъ одобрительныя свидѣтельства русскихъ путешественниковъ.

До отхода поѣзда было еще много времени, и я воспользовался имъ, чтобы помыться въ турецкой банѣ. Меня, давно знакомаго съ обстановкой восточныхъ бань, не удивили ни низкіе диваны въ общей раздѣльной, ни деревянныя сандалія для ногъ, чтобы не обжигаться отъ каменнаго пола, ни отдѣльныя каменные комнатки для мытья ¹⁾.

¹⁾ Обнажаться передъ другими на Востокѣ считается грѣхомъ (Ловит. 18 гл., 2 Царств. 6,20).

Разборъ багажа паломниками въ Иерусалимѣ.

Указали и мнѣ одну изъ нихъ.

Тамъ находился каменный диванъ и другой большой съ чашеобразнымъ углубленіемъ подъ кранами воды. Лишь только я расположился мыться, какъ приходитъ въ мою комнатку арабъ-цирульникъ съ открытой бритвой въ рукахъ и предлагаетъ мнѣ побриться по мусульманскому обычаю. Я энергично замахалъ руками и головой, чтобы онъ уходилъ скорѣй.

Своему проводнику-арабу я далъ нѣсколько рублей авансомъ и просилъ его всюду, гдѣ только надо, разсчитываться за меня съ мѣстными жителями. Это до нѣкоторой степени избавляло меня отъ многихъ неприятностей. Осмотрѣвъ яффскіе базары и сдѣлавъ необходимыя покупки на дорогу, я пришелъ на желѣзнодорожную станцію. Поѣздъ въ Іерусалимъ еще не отправлялся. На площади и на платформѣ толпы паломниковъ. Среди нихъ выдѣляется высокая фигура каваса Марко Джуричъ въ національномъ черногорскомъ костюмѣ. Онъ присланъ въ Яффу нашимъ Палестинскимъ обществомъ для встрѣчи и препровожденія паломниковъ въ Святой городъ. Оказывается, общество позаботилось заранѣе нанять къ приходу парохода нѣсколько поѣздовъ специально для русскихъ паломниковъ. Билеты раздавалъ кавасъ Марко изъ походной сумки кассы, висѣвшей у него черезъ плечо. Мѣста въ вагонахъ брались чуть ли не съ бою. Давка ужаснѣйшая. Я рѣшилъ поѣхать на послѣднемъ поѣздѣ, а до тѣхъ поръ—посѣтить съ своимъ проводникомъ здѣшнюю русскую церковь св. Тавиѳы, находящуюся въ вѣдѣніи русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Она была недалеко за городомъ, въ двухъ верстахъ отъ пристани, а потому мой проводникъ предложилъ мнѣ пройти туда пѣшкомъ.

Дорога пролегла мимо отдѣльно стоящихъ домовъ, утопавшихъ въ зелени садовъ. Послѣ утомительнаго перехода подъ горячимъ солнцемъ мы приблизились къ обширному саду, окруженному высокою стѣною. Надъ зданіями высилась высокая колокольня храма. Мы вошли въ открытыя ворота на небольшую площадь передъ двухъэтажнымъ домомъ, гостиницею для русскихъ паломниковъ. Насъ встрѣтилъ послушникъ въ черномъ подрясникѣ—единственный представитель Русской миссіи въ Яффѣ. Кромѣ него, тутъ былъ еще садовникъ магометанинъ.

По преданію, это мѣсто ознаменовано воскрешеніемъ св. Тавиѳы по молитвѣ апостола Петра. Осмотрѣвъ церковь и пещеру, гдѣ погребена была Тавиѳа, мы обошли великолѣпный фруктовый садъ съ пальмами и съ прекрасной аллеей эвкалиптовъ. Здѣсь я полюбовался на искусственный бассейнъ съ плававшими въ немъ золотыми рыбками, выпилъ свѣжей воды изъ чистаго источника, заглянулъ въ братскій корпусъ и... огорчился за русскихъ православныхъ христіанъ.

Покойный начальникъ духовной миссіи въ Палестинѣ, архимандритъ Антонинъ, много хлопоталъ, чтобы пріобрѣсти этотъ очаро-

вательный уголокъ Яффы, выстроилъ прекрасную церковь, развелъ садъ. Во всемъ видна заботливая рука... Но для кого все это? Для одного инокъ-сторожа? Черезъ Яффу ежегодно проходятъ русскіе паломники тысячами, большими караванами и маленькими группами они исходятъ пѣшкомъ всю Палестину, побываютъ въ иныхъ мѣстахъ по два, по три раза; а спросите, многіе ли изъ нихъ были въ русской церкви въ Яффѣ. Десятки! Да и то заглянуть сюда на самое короткое время. Многіе по моимъ разспросамъ даже не слышали, что есть русское мѣсто въ Яффѣ. Очевидно, надо позаботиться объ этомъ самой миссіи. Надо посылать навстрѣчу къ каждому пароходу проводника-монаха, надо оповѣщать, знакомить русскихъ паломниковъ съ мѣстомъ важнаго библейскаго событія.

Правда, у каждаго паломника, сошедшаго съ парохода на берегъ, всѣ мысли направлены прежде всего въ Иерусалимъ, но вѣдь въ Яффѣ приходится имъ быть не одинъ разъ.

Помимо того, что почти всѣ паломники, какъ пріѣзжаютъ, такъ и уѣзжаютъ черезъ Яффу, они бываютъ здѣсь еще и при переѣздѣ въ Галилею по морю. Правда и то, паломникамъ удобнѣе остановиться въ греческомъ монастырѣ, ради близости его къ пароходной пристани. Но если принять во вниманіе всѣ неудобства для ночлега на грязныхъ, холодныхъ каменныхъ плитахъ коридоровъ, террасъ и разныхъ переходовъ греческаго монастыря, то многіе предпочтутъ сдѣлать лишнѣхъ двѣ версты и воспользоваться чистой гостиницей съ кроватями.

Съ другой стороны, какая масса русскаго народа остается монахами на Аѳонѣ, и какъ мало ихъ здѣсь въ Палестинѣ! Въ Яффѣ тоже мѣстность здоровая, красивая, обильная фруктами. Здѣсь столько связано съ нею священныхъ преданій! И не обидно ли—такой благоустроенный готовый монастырь пустуетъ!

Незнаніе—вотъ, мнѣ кажется, главная причина такого пренебреженія къ яффскимъ постройкамъ о. Антонина со стороны русскихъ. Расскажи имъ про него обстоятельно, и они валомъ двинутся въ этотъ палестинскій рай.

Придя на станцію, я еще засталъ много народу въ ожиданіи поѣзда. Здѣсь паломники цѣлый день жарились подъ знойнымъ солнцемъ съ самаго утра. Въ паломническомъ поѣздѣ не было раздѣленія на первый и второй классы. Заходилъ кто куда хотѣлъ. Пришлось и мнѣ втиснуться въ толпу людей и стоять въ вагонѣ всю дорогу до Иерусалима. Прислуга поѣзда переходила черезъ головы пассажировъ по спинкамъ скамеекъ. Платформы вагоновъ тоже были заняты.

— Да,—подумалъ я,—мы теперь съ этою желѣзною дорогою много выигрываемъ въ скорости, зато сколько тяремъ въ поззиі этого благочестиваго путешествія!

XII.

Въ вагонѣ Иерусалимской дороги.—Воспоминанія о Лидѣ.—Саронская равнина.—
Безбилетный пассажиръ.—Въ каменистыхъ горахъ Іудеи.—Иерусалимъ.—Переѣздъ
отъ станціи въ городъ.—Русскія постройки.

Какъ только тронулся поѣздъ, всё перекрестились и обратились къ окнамъ. Потянулись передъ нашими глазами прославленные яфскіе сады съ апельсинами, лимонами, миндалямъ, маслинами, финиками и смоквами. Одни восторгались видомъ оранжевыхъ плодовъ, другихъ больше занимали кактусовыя изгороди. Но о томъ, что мы ѣдемъ, наконецъ, по землѣ, полной библейскихъ воспоминаній,—ни слова.

Кончились сады,—вступили въ полосу хлѣбныхъ полей... Встрѣчались феллахи—здѣшніе земледѣльцы. Паломники поражались, что въ мартѣ мѣсяцѣ пшеница и ячмень въ колосѣ.

Проѣзжая мимо Лидды, я сталъ рассказывать объ извѣстномъ евангельскомъ событіи, бывшемъ въ этомъ городѣ: исцѣленіи разслабленнаго Энея апостоломъ Петромъ. Но для народа и этого было довольно, чтобы съ нескрываемымъ любопытствомъ обернуться ко мнѣ и разспрашивать «о здѣшнихъ святыхъ мѣстахъ».

— Такъ вы говорите,—обращается ко мнѣ широкобородый мужчина, должно быть, изъ купеческаго званія,—въ этихъ мѣстахъ, что мы ѣдемъ, апостоль Петръ проповѣдывалъ?

— Не одинъ онъ. Здѣсь ходилъ и извѣстный Филиппъ, одинъ изъ семи первыхъ діаконовъ.

И сталъ я рассказывать про Филиппа. Паломники внимательно слушали меня, и нѣкоторые не могли удержаться, чтобы не замѣтить вслухъ:

— И откуда все это вы, господинъ, вычитали?

— Да вѣдь это въ «Дѣянїяхъ апостоловъ» написано. Развѣ вы не читали?

— Какъ не читать!—откликнулся купецъ.—Да, вѣдь, всего не запомнишь.

Я очень часто поражался, какъ нашъ народъ слабо знакомъ не только съ книгами Ветхаго Завѣта, но и Новаго. Даже грамотные набожные люди, и тѣ выказывали большее знакомство съ нѣкоторыми богослужебными книгами, съ житїями святыхъ, чѣмъ съ евангелїемъ.

Понемногу мы стали взбираться все выше и выше. Саронская равнина, а за нею синее море, стали закутываться легкимъ туманомъ. Почва становилась все болѣе и болѣе каменистой. Кое-гдѣ еще встрѣчались по склонамъ разработанные куски земли, но и они поражали обилїемъ крупнаго и мелкаго камня. Это вызывало немалое удивленіе со стороны русскихъ хлѣбопашцевъ.

— Экій народъ лѣнивый!—не выдержалъ купецъ.—У насъ землю раздѣляютъ, какъ пухъ. А тутъ, накось, смотрите!

Кто-то изъ бывалыхъ въ Палестинѣ заступился за феллаховъ и самыя камни на поляхъ призналъ необходимыми.

Во все время переѣзда народъ усердно угощался апельсинами. Многимъ они утоляли жажду. У нѣкоторыхъ запасливыхъ людей нашлась вода въ чайникахъ. Удушье и жара не покидала насъ и при въѣздѣ въ іудейскія горы.

Среди паломниковъ находился одинъ рясоносецъ съ чернымъ колпакомъ на головѣ, въ родѣ скуфьи. Это былъ типичный русскій странникъ по монастырямъ, со всѣми атрибутами своей профессіи, т. е. съ длинными волосами, съ котомкой за плечами, съ чайникомъ и съ палкой въ рукахъ. Когда вошелъ въ вагонъ контролеръ и сталъ провѣрять и считать билеты, то этотъ странникъ ловко уклонился въ толпѣ. Контролеръ, для провѣрки себя, сталъ считать пассажировъ. Оказывается, однимъ больше.

— Кто не показывалъ своего билета?—обращается онъ черезъ переводчика.

Всѣ молчатъ. Молчитъ и странникъ. Тогда контролеръ снова сталъ провѣрять билеты. Нѣкоторые изъ сосѣдей странника говорятъ ему шопотомъ, чтобы онъ спрятался внизъ. Но тотъ спокойно сидитъ на своемъ мѣстѣ и въ тѣсной толпѣ опять ускользнулъ отъ вниманія контролера.

— Одно билета не хватаетъ!—раздраженно замѣчаетъ контролеръ по-французски. Я боялся скандала и хотѣлъ было предложить деньги за билетъ, но контролеръ махнулъ рукой и скрылся.

Чѣмъ дальше мы лѣзли въ горы, тѣмъ безотраднѣе, безплоднѣе, безжизненнѣе былъ видъ ихъ: камень, камень и камень. Это были не тѣ монолитныя гранитныя скалы Финляндіи, мѣстами представляющія гладкія площадки на десятки квадратныхъ сажень. Нѣтъ, здѣсь онѣ какъ-то ужасно изрыты, представляя безформенныя ноздреватыя громады, съ массою отдѣльныхъ камней на неровной поверхности. И все это голо, безъ дерева, безъ кустика. Мѣстами встрѣчаются развалины—тоже сѣрый камень. Унылая страна! Да еще при такомъ палящемъ солнцѣ! И вспоминаются мнѣ пророческія слова Моисея: «И небеса твои, которыя надъ головою твоею, сдѣлаются мѣдью, и земля подъ тобою—желѣзомъ; вмѣсто дождя Господь дастъ землѣ твоей пыль».

Я смотрю на нашихъ паломниковъ и думаю себѣ: ожидали ли вы такого вида отъ Земли Обѣтованной, текущей молокомъ и медомъ? Но паломники, кажется, больше заняты были высотой горъ. Только тамъ, гдѣ поѣздъ дѣлалъ крутую кривую, или пробирался по обсѣченному скату горы, или несся по насыпи, они невольно выказывали свое удивленіе инженерному искусству.

День сталъ клониться къ вечеру. Скоро долженъ и Иерусалимъ показаться. Я заранѣе въ своемъ воображеніи рисую картину, какъ такая масса паломниковъ шумно начнетъ привѣтствовать Святой Городъ, какъ женщины заплачутъ отъ умиленія и, чего добраго, будутъ, какъ крестonosцы, цѣловать землю, освященную ногами Спасителя, Божіей Матери и апостоловъ.

Я вышелъ на площадку вагона, гдѣ между другими пассажирами стоялъ русскій нѣмецъ, исполняющій здѣсь, въ Палестинѣ, роль гида для большихъ господъ. Разговорились. Онъ рекомендовалъ себя, какъ единственнаго знающаго проводника въ Палестинѣ, и рѣзко подчеркивалъ, что здѣсь нѣтъ ученыхъ проводниковъ, хорошо знакомыхъ съ географіей и исторіей Палестины. По дорогѣ онъ мнѣ указывалъ болѣе или менѣе замѣчательныя мѣста и предупредилъ о близости Иерусалима. Впрочемъ, объ этомъ можно было и безъ него догадаться по встрѣчающимся все чаще и чаще постройкамъ изъ камня.

Паломники завязали свои узлы, взвалили ихъ на плечи и прижались къ выходнымъ дверямъ. Не успѣлъ я обратить должное вниманія на указанные нѣмецкимъ проводникомъ пункты, какъ сразу подкатили къ Иерусалиму, съ южной стороны его. Мелькнули его стѣны, башни, но все тотъ же сѣрый колоритъ.

На станціи насъ встрѣтила толпа извозчиковъ, носильщиковъ, проводниковъ... Пошла торговля, сдѣлки... Я опять посѣтовалъ на желѣзную дорогу. Гдѣ же эта умилительная картина встрѣчи съ Иерусалимомъ?!...

Ко мнѣ подскочили два русскихъ парня:

— Кладъ у васъ есть?—спрашиваютъ меня.

— Есть, вотъ два чемодана. Да, вы тутъ что?

— Мы тоже паломники. А теперь желаемъ заработать чтонибудь.

Я отдалъ имъ свой багажъ и въ душѣ благодарилъ ихъ. Мнѣ не хотѣлось на первый разъ вѣзжать въ Иерусалимъ на извозчикѣ, а потому я пошелъ пѣшкомъ за моими носильщиками.

Хорошая шоссеиная дорога проходила вдоль Вади-ер-Рабаби (Гинномова долина), мимо еврейской колоніи. Ради субботняго дня мы много встрѣтили гуляющихъ евреевъ въ праздничныхъ одеждахъ. Тутъ я впервые увидѣлъ бархатныя шапки, отороченныя какимъ-то темнымъ мѣхомъ. Лапсердаки и пейсы нѣсколько длиннѣе видѣнныхъ мною въ Россіи. Отъ еврейской колоніи по мосту перешли на другую сторону оврага, или вади, какъ здѣсь называютъ, и пошли вдоль западныхъ стѣнъ Святого Города, прямо на сѣверъ, къ «Русскимъ постройкамъ» Палестинскаго общества. По дорогѣ страшная известковая пыль. И безъ того-то все сѣро, а эта пыль еще больше придаетъ однотонный колоритъ всѣмъ предметамъ. Даже небо и то отъ насыщенія воздуха пылью ка-

жется сброватымъ. На первый разъ чрезвычайно грустное впечатлѣніе. Гдѣ же сады іерусалимскіе? Гдѣ тотъ лѣсъ, который росъ по сосѣднимъ горамъ? Впрочемъ, внизу, у подошвы Сіона, видѣются деревья и кусты.

Прошли довольно близко мимо Яффскихъ воротъ (Бабъ-ел-Халиль). Здѣсь толпился народъ, ослы, верблюды. Этотъ уголокъ напомнилъ еще библейскія картины. Далѣе съ вѣбншей стороны городскихъ стѣнъ тянулись постройки, преимущественно магазины.

Паломники неудержимою толпою вошли, наконецъ, въ улицу, которая заканчивалась воротами «Русскихъ построекъ». Здѣсь мы встрѣтили множество нашихъ соотечественниковъ, покупающихъ у торговцевъ свѣчи, масло, ладанъ, образа, кресты, книги, картины, а также—съѣстные припасы. Тутъ всѣ торговцы говорятъ по-русски и съ удовольствіемъ принимаютъ нашу монету.

Стало смеркаться, когда мы вступили въ ограду русскихъ построекъ, извѣстныхъ у паломниковъ подъ именемъ «Палестины». Надо было пройти черезъ весь дворъ, огороженный стѣнами, мимо больницы, дома духовной миссіи, красиваго собора и мужского корпуса. Черезъ противоположныя ворота мы выходимъ къ конторѣ и къ гостиницѣ съ номерами. Здѣсь отобрали отъ насъ паспорта и дали намъ всевозможныя указанія и справки. Затѣмъ всѣхъ паломниковъ пригласили въ столовую, гдѣ священникъ отслужилъ благодарственный молебенъ.

И. П. Ювачевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТНИКЪ ГЕТМАНУ СТЕФАНУ ЧАРНЕЦКОМУ ВЪ ТЫКОЦИНѢ.

ВЪ СЪВЕРОВО-ВОСТОЧНОМЪ углу Ломжинской губернии, на берегу Нарева, въ 56 верстахъ отъ губернскаго города и въ разстояніи 13 верстъ отъ Кнышина, ближайшей желѣзнодорожной станціи сѣти юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, лежитъ древній городъ Тыкоцинъ¹⁾. Годъ основанія его неизвѣстенъ, но первое упоминаніе о Тыкоцинѣ встрѣчается въ первой четверти XV ст. Въ 1424 г. Янушъ старшій, князь мазовецкій, выдалъ въ Ломжѣ на имя тыкоцинскаго войта Петра изъ Гумова привилегію, кою

¹⁾ Тыкоцинъ уже не разъ останавливалъ на себѣ вниманіе историковъ и былъ предметомъ ихъ изслѣдованія. О его прошломъ писали: М. Балинскій и Липинскій въ «Starożytna Polska» (т. III, ч. I, изд. 2), кс. Станиславъ Ямюлковскій («Przegląd katolicki» за 1879 и 1880 гг., № 41, 43—47, 49—51, 3), кс. Янчакъ (тамъ же 1879 г., № 22), Янъ Яриутовскій («Bibl. Warszaw.» 1885 г., т. IV), Собъщанскій во II томѣ своихъ «Wiadom. historyczn. o sztukach pięk. w daw. Polsce» (собственно о костѣлѣ). Описание Тыкоцина находимъ также: въ календарь-альманахѣ «Niezapominajki» на 1843 г., въ «Tygod. Ilustr.» за 1863 и 1871 гг. (съ рисунк.), «Encykl. Orgelbranda» и «Słow. geograf. król. Polskiego» В. Хлѣбовскаго (т. XII). Изъ перечисленныхъ трудовъ наибольшее предпочтеніе слѣдуетъ отдать труду кс. С. Ямюлковскаго, который при составленіи его имѣлъ случай пользоваться рукописными сборниками актовъ (относящихся къ истории Тыкоцина и особенно его фары), собранныхъ Игнатіемъ Капицею (1787—1800 гг.) и лѣтописцемъ тыкоцинскаго монастыря Бернардиновъ «Syntagma Archivisticum» (1773 г.—важно для истории монастыря), обширныя выписки изъ которыхъ приводятся кс. Ямюлковскимъ. Въ русской литературѣ имѣются свѣдѣнія о Тыкоцинѣ въ «Памятной книжкѣ Ломжинской губернии на 1894 г.» (Городъ Тыкоцинъ, ст., составленная по печатнымъ польскимъ источникамъ, главнымъ образомъ по «Słown. geograf.») и очень краткій этюдъ «Тыкоцинъ» въ книжкѣ—«Историческое обозрѣніе» района большого маневра въ 1897 г. подъ Вѣлостокомъ (Спб., 1897 г.). Авторъ настоящихъ строкъ избралъ исторію Тыкоцина темою для своего реферата на III съѣздѣ историковъ, происходившемъ въ Краковѣ въ первыхъ числахъ іюня (нов. ст.) 1900 г. Извлеченіе изъ этого реферата по-русски («гор. Тыкоцинъ») помѣщено имъ въ «Памятной книжкѣ Ломжинской губ. на 1901 годъ».

продоставлялъ Тыкоцину Магдебургское право. Очень вѣроятно, что Тыкоцинъ возникъ первоначально въ видѣ небольшой крѣпости, назначеніе которой состояло въ защитѣ Мазовіи отъ нападеній сѣверо-восточныхъ сосѣдей. Во второй четверти XV столѣтія литовцы захватили его. Городъ вмѣстѣ съ окружающими его поселеніями достался воеводѣ Яну Гаштолду и оставался во владѣніи Гаштолдовъ, переходя отъ одного къ другому, болѣе ста лѣтъ, пока, наконецъ, былъ присоединенъ къ короннымъ землямъ. Послѣдній изъ рода Гаштолдовъ—троцкій воевода Станиславъ Гаштольдъ, умеръ бездѣтнымъ. Вдова его—Варвара, урожденная Радзивиллъ, вышла въ 1547 году замужъ за польскаго короля Сигизмунда II Августа. Сигизмундъ II во время своихъ поѣздокъ на Литву всегда останавливался въ Тыкоцинѣ, лежавшемъ на королевскомъ пути. Онъ выстроилъ здѣсь каменный замокъ ¹⁾, собралъ въ немъ много сокровищъ, устроилъ бібліотеку и арсеналь ²⁾.

Въ 1572 г. сюда перевезли изъ Кнышина тѣло Сигизмунда-Августа, и оно оставалось въ замкѣ болѣе года ³⁾. Сокровищами и оружіемъ воспользовался Стефанъ Баторій (въ іюлѣ 1576 г.), когда шелъ добывать непокорный Гданскъ (Данцигъ). Въ 1630 г., во время свирѣпствовавшей въ Польшѣ моровой язвы, Сигизмундъ III удалился въ Тыкоцинъ вмѣстѣ съ семействомъ и дворомъ и оставался здѣсь до тѣхъ поръ, пока эпидемія не прекратилась. Сынъ и преемникъ Сигизмунда—Владиславъ IV, благоволилъ Тыкоцину ⁴⁾. Во время шведской войны 1657 г. шведскій отрядъ Дитриха Розе занялъ тыкоцинскій замокъ. Гетманы Павелъ Сапѣга и Викентій Гонсѣвскій осадили послѣдній. Осажденные подожгли порохъ и взлетѣли на воздухъ. Хотя стѣны замка сильно пострадали отъ взрыва, но онъ тогда еще уцѣлѣлъ. Сюда послѣ одержанной подъ Полонкою ⁵⁾ надъ московскимъ воеводою кн. Ив. Хованскимъ побѣды (1660 г.) Стефанъ Чарнецкій прислалъ свои трофеи—болѣе 20 орудій. Сюда же были доставлены взятые Чарнецкимъ московскіе плѣнные, въ числѣ 75 человекъ. Съ нихъ онъ требовалъ выкупъ «16.000 рублей, мѣхъ рысій или за него 100 рублей денегъ, да

¹⁾ Никакихъ слѣдовъ отъ замка теперь не осталось. Указываютъ—и то лишь по преданію—мѣсто, гдѣ онъ стоялъ: островъ, образуемый рукавами р. Нарена.

²⁾ Знаменитый Лука Гурицкій († 1602 г.), авторъ «Польскаго дворянина» («Dworzaniin Polski»), съ 1565—1569 гг. былъ здѣсь бібліотекаремъ, а послѣ королевскимъ секретаремъ и старостою.

³⁾ 10 сентября 1573 г. его отравили въ Краковѣ.

⁴⁾ Такъ, когда сгорѣли во время опустошительнаго пожара 1642 г. городскія привилегіи, онъ даровалъ мѣщанамъ магдебургское право, цеховые уставы, развѣшилъ три ярмарки и свободное производство питей. Не говоримъ уже о разныхъ привилегіяхъ, данныхъ имъ, въ видѣ милости, нѣкоторымъ частнымъ лицамъ изъ среды горожанъ.

⁵⁾ Полонка—дер. въ Минской губ. въ 35 верстахъ отъ Слонима.

барса»¹⁾). Награждая великія заслуги Чарнецкаго государству, сеймъ Рѣчи Посполитой въ 1661 г. подарилъ Стефану и его потомкамъ Тыкоцинское староство. Изданный по этому случаю королемъ Яномъ-Казимиромъ привилей²⁾ кончается слѣдующими словами: «... а если чего не достанетъ для награды безсмертныхъ заслугъ Чарнецкаго, то воздастъ ему позднѣйшее потомство. Мы же не одну только доблесть Стефана, но и славу нашу увѣнчать желали, вознаграждая его заслуги, дабы всѣ тѣ, кто стремится потрудиться для отечества, узнали, что путь доблести прекраснѣе (пути) праздности, и чтобы отселъ каждый гражданинъ, обладающій мужественнымъ сердцемъ, почиталъ за начало своего счастья такую доблесть, какую имѣлъ Чарнецкій». Новый владѣлецъ въ воззваніи (18 іюля 1661 г.) къ городскому и сельскому населенію обѣщалъ сохранить всѣ его права и свободы. Въ концѣ февраля 1703 г. Тыкоцинъ снова былъ занятъ шведами, поддерживавшими кандидатуру Станислава Лещинскаго на польскій престолъ.

Въ 1705 году шведовъ выгнали сандомирскіе конфедераты и издали манифестъ, въ которомъ протестовали противъ коронаціи Лещинскаго³⁾. 1-го ноября того же года пріѣхалъ въ Тыкоцинъ изъ Саксоніи тайкомъ курфирстъ Августъ II. Онъ прожилъ здѣсь недѣлю и, между прочимъ, установилъ орденъ Бѣлаго Орла. Есть извѣстіе у одного изъ русскихъ авторовъ, будто Петръ Великій былъ и жилъ въ Тыкоцинѣ⁴⁾. Но гдѣ доказательства этого? Карлъ XII прожилъ въ Тыкоцинѣ три дня (3—6 февраля) въ 1708 году. 2-го октября 1819 года, проѣздомъ въ Варшаву, останавливался въ Тыкоцинѣ императоръ Александръ I. Тыкоцинъ, какъ крѣпость, еще и въ то время не потерялъ своего значенія. Въ 1706 году онъ былъ занятъ союзниками поляковъ — русскими. Заключая въ 1706 г. альтранштадтскій договоръ, Карлъ II поставилъ, между прочимъ, условіе, чтобы «Тыкоцинская крѣпость со всѣми пушками и военными снарядами была сдана комиссарамъ короля Станислава Лещинскаго». Въ русско-польскую войну 1831 года, во время отступленія русскаго гвардейскаго корпуса передъ арміею Скржинецкаго за Наревъ, у Тыкоцина произошло 9-го мая арьергардное дѣло. По смерти Стефана Чарнецкаго, Тыкоцинъ достался дочери его, Александрѣ-Екатеринѣ. Она вышла замужъ за короннаго маршала Яна Браницкаго. Внукъ Александры, каштелянъ краковскій гетманъ Янъ-Клеменсъ Браницкій (род. 1689 г.

¹⁾ Соловьевъ, «Ист. Россіи», XI, 1880, 144—145.

²⁾ Краевскій, М. Д., «Hist. star. Czarneckiego», 399. Въ томъ же духѣ король говорилъ и на сеймѣ, когда нѣкоторые изъ недоброжелателей Чарнецкаго противились награжденію его (Ю.-У. Нѣмцевичъ, «Spiewy historycz.», I-e изд.).

³⁾ Albetrandy. «Dzieje królestw. Polskiego», 1768, 304.

⁴⁾ «Альбомъ 200-лѣтн. юбилея дня рожд. императора Петра Великаго», изд. Гоппе. Спб.

† 1771 г.) много добра сдѣлалъ для Тыкоцина. По смерти жены Яна-Клеменса, Елизаветы-Изабеллы (урожд. Понятовской, сестры короля), Тыкоцинъ перешелъ, по наслѣдству, къ графу Яну-Алоизию Потоцкому (*starościcu szczyrzyckiemu*). Отъ Потоцкаго Тыкоцинъ перешелъ въ собственность жены его, графини Антонины Потоцкой, а отъ послѣдней, по наслѣдству, къ дочерямъ ея Леоніи и Іоаннѣ. Іоанна вступила въ бракъ съ гр. Людовикомъ де-Флѣри и, по добровольному соглашенію, раздѣлилась (1855 г.) съ сестрою, при чемъ Тыкоцинъ оставила за собою. Впослѣдствіи она продала его Адаму Ростворовскому. Когда Ростворовскій умеръ, Тыкоцинъ приобрѣлъ Петръ фонъ-Раабенъ, владѣлъ нѣсколько времени и продалъ Вольфу Брамсону.

Въ настоящее время Тыкоцинъ — безуѣздный городъ ¹⁾ съ населеніемъ; по послѣднимъ (1899 г.) официальнымъ свѣдѣніямъ, 7.626 душъ обоого пола, при чемъ евреи, разумѣется, преобладаютъ. По своей наружности Тыкоцинъ рѣшительно ничѣмъ не разнится отъ подобныхъ ему городовъ. Мостовыя такія, что переломашь себѣ ноги, на каждомъ шагѣ слѣды навоза, взадъ и впередъ бродятъ свиньи, оставленныя хозяевами безо всякаго призора, снуютъ подъ ногами куры, пачкаются въ грязи чумазые ребяташки. Домишки деревянные (рѣдко гдѣ попадется каменный), покосившіеся, почернѣвшіе отъ времени, одноэтажные въ 2—3 окна. Обитатели ихъ такъ же убоги и грязны, какъ и ихъ жилища. Но есть здѣсь и достопримѣчательности, которыя дѣлаютъ этотъ бѣдный въ настоящее время городокъ интереснымъ не только для присяжнаго историка-археолога, но и для каждаго любознательнаго путника, сюда попавшаго.

Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ возвышающійся на площади противъ костѣла памятникъ гетману Стефану Чарнецкому. Стефанъ Чарнецкій, характеристику дѣятельности котораго найдемъ въ приводимыхъ ниже надписяхъ на памятникѣ, род. въ 1599 году. Военную службу онъ началъ подъ начальствомъ гетмана Конецпольскаго. Впервые выдвинулся во время московской войны Владислава IV съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ (1633 г.). Участвовалъ въ побѣдоносныхъ войнахъ съ казаками-мятежниками, татарами, шведами, Москвою; разъ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ (1648 г.) и пробылъ въ неволѣ цѣлый годъ, два раза былъ тяжело раненъ, совершилъ экспедицію въ Данію (1658 г.), при чемъ переправился вплавь черезъ морской заливъ. За свои труды Чарнецкій получилъ титулъ русскаго воеводы, а почти наканунѣ смерти — гетманскую булаву. Умеръ во время похода, въ январѣ 1665 г., на Украинѣ, въ дер. Соколовкѣ, въ крестьянской хатѣ, похороненъ въ костѣлѣ дер. Чарници (Кѣлецкой губерніи, Влощовскаго

¹⁾ Въ административномъ отношеніи входитъ въ районъ Мазовецкаго уѣзда.

уѣзда)¹⁾. Памятникъ стоитъ на срединѣ обширной, въ формѣ продолговатаго четырехугольника, площади противъ костѣла, лицомъ къ послѣднему.

Гетманъ, гроза внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ Рѣчи Посполитой, представленъ одѣтымъ въ мѣховую делію, съ открытою головою, отдающимъ приказанія, съ простертою (металлическою, вызолоченною) булавою въ правой рукѣ.

Любопытно, что пруссаки въ началѣ XIX столѣтія, занявъ Тыкоцинъ, взяли эту булаву. Въ № 30 *Gazet'y Warszawsk'ой*, отъ 12-го апрѣля 1808 г., находимъ описаніе торжества, происходившаго 8-го марта въ Тыкоцинѣ по случаю возвращенія статуѣ Чарнецкаго булавы, сооруженной на этотъ разъ иждивеніемъ народнаго войска. Въ торжествѣ приняли участіе части войскъ, стоявшихъ въ городѣ, гражданскія власти, цехи и обыватели. Говорили рѣчи, славили Наполеона, «избавителя и попечителя» польскаго народа. На булавѣ была сдѣлана надпись: «Roku 1807, a pierwszego rowrotu oyczyzny naszej, tobie Bohатыrze wraca żołnierz z twego narodu znak, który ci chciwy żołnierz pruski obdarł»²⁾; а подъ нею имена: «Z pułku 2-go lekkiej jazdy Legionu pierwszego pod-pułkownik i szef szwadronu, Franciszek Pogonowski — kapitani Piotr Lagowski, Ioachim Nowowiejski—porucznicy Iózef Olszewski, Jan Kurniewski—pod-porucznicy Wincenty Chełmieki, Woyciech Dębiński, Szczesny Wysocki»³⁾.

Статуя Чарнецкаго изъ мѣстнаго камня, вышиною 8 футовъ. Она стоитъ на четырехстороннемъ, суживающемся вверху, пьедесталѣ высотой тоже въ 8 футовъ. Пьедесталъ зиждется на квадратномъ основаніи, вышиною въ 4 фута, а послѣднее, въ свою очередь, утверждено на фундаментѣ въ 6 футовъ. Памятникъ сооруженъ въ 1770 г. помянутымъ выше гетманомъ Я. К. Браницкимъ.

¹⁾ Героическая личность С. Чарнецкаго и его подвиги не разъ вдохновляли польскихъ писателей и художниковъ. О Чарнецкомъ писали: кс.-піарь М. Д. Краевскій (Варшава, 1787); знаменитый Ю. У. Нѣмцевичъ воспѣлъ его въ своихъ «*Spiew'achъ historyczn'ыхъ*» (1815); Л. Ленике въ «*Księdze świata*» (Варшава, 1855) и Ю. Бартошевичъ въ большой «*Encykl. Powsz. Orgelbranda*» (т. III). Извѣстный своими приключеніями Мих. Чайковскій (Садьякъ-папа) написалъ повѣсть «*Stefan Czarniecki*» (2 т., Парижъ, 1840), заимствовавъ содержаніе ея изъ жизни Чарнецкаго, а Каетаиъ Козьянъ — поэму въ 12 пѣсняхъ, въ духѣ Виргиліевой «Энеиды»: «*Stefan Czarniecki*» (Познань, 1858). Покойный Леопольдъ Лѣффлеръ (1830—1898) написалъ картину «Смерть Чарнецкаго», слѣдуя разсказу Коховскаго, будто умирающій герой пожелалъ проститься со своимъ боевымъ конемъ и, когда послѣдняго ввели въ хату, приласкалъ его и поручилъ попеченію присутствующихъ.

²⁾ т. е. 1807 года и перваго возврата нашей родины, тебѣ—герою—возвращаетъ солдатъ изъ твоего народа знакъ отличія, который у тебя отнялъ алчный прусскій солдатъ.

³⁾ Существующая въ настоящее время булава несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ при осмотрѣ ея мною никакихъ на ней надписей не найдено.

Памятникъ гетману Стефану Чарнецкому въ Тыкоцинѣ.

Съ четырехъ сторонъ пьедестала помѣщаются латинскія надписи— текстъ постановленія сейма 1661 года. Вотъ онѣ:

На сторонѣ, обращенной къ костелу:

Stephano in Czarca Czarnecki
Palatino Russiae, Duci Copiarum
Regni, Omnium, quotquot Ejus
Aetate Fuerunt Poloniae
Hostium, Victori Regis Vindici,
Patriae Liberatori
Clemens in Branice et Ruszcza
Branicki Palatinus Cracoviensis,
Supremus Dux Exercituum Regni
Ejus ex Filia Nepos posuit.
Cum frontem, vultum Laurusque
Trophaeaque cum tam nobile posteritas
sera videbit opus quid dicet. Posuit Statuam
monumentaue claro Heros Heroi debita
Duxque Duci dicet, quod Civi sit gloria sum-
ma probari laudari quesuis Regibus et Patriae
Privatae sileant laudes cedantque sequenti.
Ingentem celebrant, Patriae Rexque Virum
Exceptum ¹⁾).

На правой сторонѣ:

Exceptum e Diplomati Ioannis
Casimiri Regis voluntati Ordinum
Regni in Comitibus Generalibus
Czarneccio an. MDCLXI, XIII Junii
Varsoviae dato.
Majestatis nostrae nos puderet
nisi Stephani Czarnecki Pal. Russiae tota
Europa celebratas virtutes testimo-
nio nostro posteris consignaremus.
Nihil enim magnum in armis aetate
nostra sine Czarneccio, quae non mirabi-

¹⁾ Стефану на Чарнцѣ Чарнецкому, воеводѣ русскому, вождю всѣхъ войскъ королевства, разгромителю наѣдниковъ, защитнику короля, спасителю отечества, Клеменсъ на Браницѣ и Руцѣ Браницкій, воевода краковскій, верховный вождь войскъ королевства, внукъ по дочери его, воздвигъ. Когда потомство увидитъ чело и лицо, увѣнчанныя лавровыми вѣнками, и, благодаря имъ, вспомнить столь великое дѣло, то несомнѣнно скажетъ, что этотъ памятникъ справедливо поставилъ герой герцогу, вождю вождю, и сознаетъ, что самое высшее достоинство каждаго—дать доказательство сыновней признательности къ отечеству и заслужить расположеніе королей, ибо самыя высокія заслуги ступаютъ передъ тѣми, за кои король и отечество удостоить своею милостью.

tur aetas, animum in arduis felicem, in
 periculis non magis fortem, quam providum
 Rebus perditis unica salus, numinis providentia.
 Datus Stephanus effusa per Regni provincias
 faedissima calamitas, religiones pollutae,
 omnia capta, direpta, dirruta. Nos ipsi fide
 Civium destituti, misserrima ubique strages
 nulli ad obsistendum virtus, donec Czarnecki
 Fortitudo supra opinionem emicuit,
 optabant ¹).

На лѣвой сторонѣ:

Optabant omnes virum, qui
 Statum Reipublicae in pristinum
 reduceret, spem in desperatis casi-
 bus erigeret refractarium militem
 saeviori disciplinae restitueret,
 labentem Regni dignitatem stabi-
 liret. Haec omnia a Czarneccio
 impeta esse admiramur Civem in
 illo Resp: experta est, qui vulneri-
 bus Patriae suis vulneribus mederetur.
 Bellicae virtutes quae uspiam gentium
 esset in Eum confluxere summis
 meritis aut raris nefas illi negare,
 qui omnibus omnia dedit: capiti nostro
 Coronam patriae civibus cives urbibus.
 Urbes provincias provinciis Regno et M. ducatii
 Lituaniae reddidit gentis utriusque famam
 summa gloria restituit
 fines ²):

¹) Извлечение изъ привилея короля Иоанна-Казимира сеймту (сейму) королевства (данного) на генеральномъ сеймѣ въ Варшавѣ юни 13-го 1661 г. Было бы намъ стыдно, если бы мы подвиги Стефана Чарнецкаго, воеводы русскаго, извѣстные всей Европѣ, не увѣковѣчили какимъ либо памятникомъ. Въ царствованіе наше безъ участія Чарнецкаго не было ничто ни начато, ни окончено. Миръ восхищается великимъ умомъ его, который въ критическомъ положеніи былъ счастливъ, при угрожающей опасности столько же храбръ, сколько и предусмотрителенъ въ поддержаніи государства, клонящагося къ упадку. Провидѣніе Божіе испослало намъ спасителя народа—Стефана, тогда, когда цѣлый рядъ смутъ и несчастій постигъ всѣ провинціи королевства, когда была нарушена присяга королямъ, вѣрность позабыта, когда даже одно цѣлое развѣдилось, когда все было разграблено врагами, присвоено и уничтожено, намъ самимъ, потеряншимъ довѣріе къ подданнымъ, и всѣмъ правдивымъ, съ печалью взирающимъ на эти смуты и неминуемую гибель, недоставало уже того необходимаго мужества, съ которымъ неожиданно явился Чарнецкій.

²) Всѣ искали мужа, который бы государство, тонущее уже въ своихъ разореніяхъ, возстановилъ въ прежнемъ состояніи, воскресилъ бы надежды въ отчаяніи, солдата бушующаго и упрямаго привелъ въ повиновеніе, ослабѣвшей

Назади:

Fines patrios victoriis praevectus
aequora et insulas suo nomine
illustravit paucis copiis ingentis
Exercitus Fudit aut fugavit. Ser-
vent Superi dui superstitem in
ampla Nepotum sobole, quorum
ex eadem fortunata radice.

Fides in principem et virtus
adolescat in hostem, quo itaque
Vindice Resp: patio pene pulsa solo
nuper suas haereditates recepit, Ei
Tykocinum gratiae nostrae monumen-
tum aeternum unanimi Ordinum Reipb.
Consensu et comitiorum constitutione
in haereditatem locamus et donamus.
Ioannes Casimirus Rex ¹⁾.

Присматриваясь ближе къ памятнику, нельзя не замѣтить, что онъ нуждается въ ремонтѣ (и притомъ неотложномъ). Пьедесталь его отъ времени нѣсколько наклонился на бокъ, мѣстами треснулъ, статуя Чарнецкаго, подъ влияніемъ атмосферы, дала поры. Необходимо поднять и укрѣпить пьедесталь, залить образовавшіяся поры и выкрасить всю статую полководца краскою, которая бы предохранила ее отъ вредныхъ вліяній атмосферы. На все это, какъ я узналъ, потребуется какихъ нибудь 300—400 руб. Но кто этимъ займется? Хотя и существуютъ у насъ циркуляры объ охранѣ историческихъ памятниковъ, но они, къ сожалѣнію, примѣняются не всегда и не вездѣ даже въ Россіи, а кто же станетъ заботиться о «польскихъ» памятникахъ? Въ этомъ случаѣ

власти возвратилъ необходимую силу. Все это исполнилъ Чарнецкій. Восхищаетъ насъ, что въ лицѣ его государство нашло вѣрнаго гражданина. Онъ своими ранами заживлялъ раны отечества. Храбрость солдата, вмѣстѣ съ мужествомъ полководца, столь рѣдкія, въ этомъ вождѣ достигли громадныхъ размѣровъ. Было бы преступленіемъ оскорбить честь того, который каждому свое вернулъ: главѣ нашей—корону, отечество—гражданамъ, города—провинціямъ и воссоединилъ королевство и великое княжество Литовское. Онъ поставилъ славу народа на значительную высоту.

¹⁾ Предѣлы отечества побѣдами расширилъ, моря и острова своею храбростію прославилъ, немногочисленнымъ войскомъ непріятельскія арміи поразилъ или разогналъ. Пусть небеса память его продлятъ во вся вѣки, размножатъ его единокровное потомство, которое наступающимъ вѣкамъ будетъ примѣромъ, какъ относиться къ королямъ и давать доказательство храбрости врагамъ. Тому, котораго мужествомъ государство, уже клонящееся къ разоренію, восстановило свои предѣлы,—тому Тыкоцинъ, въ память признательности и благоволенія нашего, единогласно съ сенатомъ и сеймомъ государства, въ вѣчное наслѣдство отдаемъ и даруемъ. Іоаннъ-Казимиръ, король.

всегда явится отговорка: откуда взять средства? Поэтому очень желательно, чтобы въ данномъ случаѣ пришли на помощь потомки тѣхъ фамилій, которыя когда-то владѣли Тыкоциномъ.

Кромѣ памятника Чарнецкому, въ Тыкоцинѣ заслуживаютъ также вниманія два костела—приходскій (ага) и помонастырскій, инвалидный домъ, именуемый «Тыкоцинскимъ алюмнатомъ», и старинная еврейская синагога. Существующій нынѣ каменный приходскій костелъ—красивой архитектуры, въ стилѣ Возрожденія—построенъ между 1742—1746 г.г. гетманомъ Я. К. Браницкимъ. Въ 1752 г. Браницкій вызвалъ къ нему миссіонеровъ, подъ управленіемъ которыхъ приходъ находился до 1864 г. Въ костелѣ замѣчательны главный алтарь во имя Пресвятой Троицы, сплошь вызолоченный, рѣзной работы и нѣсколько памятниковъ, а также богатая ризница ¹⁾.

Костелъ помонастырскій, т.е. монастыря ордена бернардиновъ, упраздненнаго въ 1871 г., существованіемъ своимъ обязанъ тому же Браницкому. Первоначально монастырь бернардиновъ находился на островѣ рѣки Нарева, вблизи того мѣста, гдѣ позднѣе стоялъ королевскій замокъ. Строителями его были Мартинъ Гаштольдъ, воевода троцкій, и его жена Софья. Въ 1480 году буллою (отъ 13-го февраля) папы Сикста II монастырь былъ утвержденъ. Но съ одной стороны страшная сырость, оказывавшая разрушительное вліяніе на стѣны строеній и на здоровье монаховъ, а съ другой стремленіе Сигизмунда-Августа занять монастырскія земли подъ зданія строившагося въ то время замка заставили бернардиновъ искать для своего монастыря другое мѣсто. Тогда на помощь имъ пришелъ извѣстный намъ Браницкій. Въ 1771 году онъ началъ возводить зданія для существующаго нынѣ монастыря. Но въ томъ же году гетманъ умеръ. Начатую постройку окончила вдова его при содѣйствіи короннаго полковника Антонія Островскаго. Въ 1777 г. онъ завѣщалъ 95.000 злотыхъ, занятыхъ у него придворнымъ подскарбіемъ литовскимъ Антономъ Тизенгаузомъ, со всѣми причитающимися отъ этой суммы процентами. Въ настоящее время помонастырское зданіе остается заброшеннымъ. Въ немъ живутъ ксендзъ, завѣдывающій бывшимъ монастырскимъ костеломъ, органистъ и сторожъ.

Тыкоцинскій алюмнатъ — одно изъ древнѣйшихъ благотворительныхъ заведеній въ Польшѣ. Учрежденный въ 1633 году старостою тыкоцинскимъ, маршаломъ великаго княжества Литовскаго, Христофоромъ Веселовскимъ, онъ получилъ уставъ, утвержденный на сеймѣ 17-го марта 1638 года. Основатель постановилъ, что въ

¹⁾ При костелѣ, въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ, до 1862 г. помѣщалась римско-католическая духовная семинарія, переведенная затѣмъ въ Сейны, Сувакской губ.

сооруженномъ имъ каменномъ домѣ найдутъ убѣжище 12 военныхъ инвалидовъ-католиковъ, изъ дворянъ, хорошо послужившихъ отечеству, потерявшихъ здоровье на службѣ или ослабѣвшихъ отъ старости и вслѣдствіе бѣдности не имѣющихъ другихъ средствъ къ жизни. На содержаніе каждаго призрѣваемаго Веселовскій назначилъ 200 золотыхъ въ годъ. Сумма эта была обезпечена жертвователемъ на его помѣстьяхъ Радзе и Долистово, относительно которыхъ жертвователемъ въ записи сказано: «*żeby pomienione dobra, ani in toto, ani in parte, na żadną inszą rzecz obroczone nie były*».

Съ теченіемъ времени о завѣщаніи Веселовскаго забыли, и алюмнатъ пересталъ существовать. Вспомнили объ немъ при Браницкихъ и на сеймѣ 1790 года снова его возстановили. Въ 1846 году, по повелѣнію императора Николая I, число призрѣваемыхъ увеличено до 23, съ преимуществомъ дворянъ-католиковъ передъ другими сословіями, согласно избранію намѣстника царства. Въ настоящее время алюмнатъ состоитъ въ вѣдѣніи мѣстнаго совѣта общественаго призрѣнія, владѣеть капиталомъ въ 20 слишкомъ тысячъ рублей. Содержится на проценты съ капитала, а, кромѣ того, получаетъ ежегодно съ имѣній Радзе и Долистово 360 рублей. Призрѣваемыхъ на лицо 16 человекъ. Живутъ они по большей части со своими семействами, въ отдѣльныхъ квартирахъ, состоящихъ изъ одной комнаты съ кухоннымъ очагомъ. При богадѣльнѣ находится каплица, куда инвалиды ежедневно, два раза, собираются на молитву. Богослуженій здѣсь уже давно не отправляется. Зданіе алюмната порядочно таки запущено. Еврейская синагога—каменная массивная въ романскомъ стилѣ. Судя по характеру постройки относится ко второй половинѣ XVII столѣтія. Въ ней замѣчательенъ древній алтарь или шкафъ (*ugon-kojdesz*), въ которомъ хранится священный свитокъ Закона, покрытый затѣйливыми арабесками, и богатая утварь XVII столѣтія ¹⁾.

Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія о городѣ Тыкоцинѣ и его достопримѣчательностяхъ желающіе могутъ найти въ нашей монографіи «Городъ Тыкоцинъ» (Памятная кн. Ломж. губ. на 1901 г., отд. V), тамъ же виды костела и синагоги.

МАРКО РОССЪ, ОНЪ ЖЕ МАРКА ТОЛМАЧЪ.

(Историческая замѣтка)¹⁾.

ВЪ СТАРИННОМЪ путешествіи 1473 года Амвросія Контарини, посла Венеціанской республики къ персидскому шаху Узунъ-Гассану, озаглавленномъ «Il Viaggio del magnifico M. Ambrosio Contarini», переведенномъ на русскій языкъ еще въ первой половинѣ XIX вѣка²⁾, я прочелъ между прочимъ о нѣкоемъ «Маркѣ Россѣ, посланникѣ великаго князя московскаго, государя Бѣлой Россіи» (del Duca di Moscovia Signor della Rossia Bianca).

Этотъ посоль Иванъ III выѣхалъ вмѣстѣ съ Контарини изъ Тавриза черезъ Тифлисъ и Кутаисъ въ городъ Фазисъ, теперешній Поти, терпя по пути всякаго рода притѣсненія и грабежи; въ Фазисѣ они узнали роковую для нихъ вѣсть, что страшные для всѣхъ турки-оттоманы овладѣли богатою Генуэзской колоніей Кафою, теперешнею Теодосіею, черезъ которую каждый изъ нихъ надѣялся безопасно вернуться на свою родину. Приходилось выбирать другой путь, и Марко Россъ, повидимому, болѣе знакомый съ мѣстностью и условіями дальнихъ путешествій, повернулъ назадъ, чтобы черезъ владѣнія Горгоры, государя Халчихана и Вати (Signore di Calcican et delle terre Vati), городовъ, пограничныхъ съ

¹⁾ Статья эта составитъ начало небольшого изслѣдованія по сохранившимся актамъ исторіи древняго рода дворянъ Марковыхъ.

²⁾ Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, подъ редакціей Семенова, т. I, Спб., 1836 г.

оттоманами и платящихъ имъ дань, -- ѣхать въ Шемаху (Samachi) и оттуда пробраться берегомъ Каспійскаго моря на Дербентъ и Астрахань, въ Татарію и Россію.

Контарини же, не рѣшаясь ѣхать этимъ путемъ, предпочель остаться въ Фазисѣ, хотя и дорожилъ спутничествомъ русскаго посла.

Однако, очутившись съ своими четырьмя спутниками безъ всякихъ средствъ и помощи среди чужого, враждебно настроеннаго населенія и страдая жестокою кавказскою лихорадкою, — Контарини не придумалъ ничего лучшаго, какъ послѣдовать примѣру опытнаго Марка Росса и направить свой путь въ ту же Шемаху дней черезъ 40 послѣ отъѣзда туда русскаго посла.

Это было 17 сентября 1475 года.

Въ Шемахѣ, принадлежавшей тогда «Сивансѣ, государю Медіи» и вассалу персидскаго шаха, Контарини снова встрѣтился съ Маркомъ Россомъ. Обрадованный итальянецъ упросилъ русскаго посла взять его съ собою, и Марко, по русскому добродушію, охотно согласился провезти его въ своей свитѣ въ Московію. 6-го ноября выѣхали они всѣ вмѣстѣ въ г. Дербентъ, лежавшій тогда «на границѣ Татаріи и принадлежавшій также Сивансѣ». По совѣту опытныхъ людей въ это время года было невозможно пускаться ни въ далекое путешествіе черезъ степи кочующихъ татаръ, ни по бурному Каспійскому, или, какъ называлъ его Контарини, Бакинскому морю; и Марко рѣшился зазимовать въ Дербентѣ съ тѣмъ, чтобы въ апрѣлѣ переправиться на судахъ «черезъ Бакинское море (Mare di Bachau) въ Цитрахань (Citrasan)», т.-е. Астрахань.

Хотя Контарини и хвалитъ добродушіе мусульманскихъ обитателей Дербента, но изъ его же разсказа видно, что ему приходилось скрывать отъ нихъ и свое настоящее званіе, и свою національность.

«Иногда прохожіе, глядя на меня, останавливались и гсворили между собою: этотъ человекъ, повидимому, не рожденъ для того, чтобы самому таскать припасы», передаетъ между прочимъ Контарини, описывая свои странствованія за провизіей по улицамъ и рынкамъ Дербента въ изорванномъ овчинномъ полушубкѣ, старомъ тулупѣ и бараньей шапкѣ, то-есть, подлинной русской одеждѣ, вѣроятно, данной ему русскимъ посломъ съ цѣлью выдать его за одного изъ своей свиты.

«Марко Россъ передавалъ мнѣ слова ихъ, — продолжаетъ далѣе Контарини, — убѣждая всякій разъ не дѣлать этого впередъ и помнить, что мы не во франкской землѣ; но я отвѣчалъ ему, что не могу поступать иначе и даже удивляюсь, какимъ образомъ можно открыть званіе мое подъ такою одеждою».

Изъ этихъ словъ видно, что русскій посолъ, открыто зимовавшій съ своими людьми во владѣніи азіатскаго царька, пользовал-

ся тамъ полной безопасностью и авторитетомъ, въ то время какъ посоль итальянской республики долженъ былъ скрываться и трепетать за свою судьбу.

Видно также, что Марко владѣлъ татарскимъ или персидскимъ языкомъ, если свободно понималъ разговоры уличной толпы. Съ другой стороны, все заставляетъ думать, что Марко бесѣдовалъ безъ переводчика и съ самимъ Контарини, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется постоянное стремленіе итальянца подъ покровительство Марка Росса, помимо очевидной авторитетности русскаго посла въ этихъ полудикихъ странахъ и его практической опытности, столь необходимой въ подобныхъ опасныхъ и трудныхъ путешествіяхъ.

Вообще Контарини смотрѣлъ на Марка Росса, какъ на своего надежнаго защитника и покровителя. Въ книгѣ своей онъ наивно признается, что передъ выѣздомъ ихъ въ Астрахань, когда Марко Россъ, наскучивъ въ продолженіе 8-ми дней ждать со всею поклажею на берегу, возвратился въ городъ и остался тамъ до самаго отплытія, бѣдные итальянцы, «оставшись совершенно одни, натерпѣлись довольно страха».

Маркъ заранѣе нанялъ судно для переѣзда въ Астрахань, и 6-го апрѣля 1476 года они наконецъ благополучно вышли въ море.

Всего народу было 35 человекъ вмѣстѣ съ хозяиномъ судна, матросами и персидскими купцами, отправлявшимися въ Астрахань съ своими товарами.

Спутники эти тоже подозрительно относились къ Контарини, и ихъ успокоивали только увѣренія Марка Росса, будто это врачъ, сынъ придворнаго медика московской великой княгини, дочери деспота Оомы, Софіи Ооминичны, и что онъ ѣдетъ въ Москву искать счастія при тамошнемъ дворѣ.

Послѣ бурнаго многодневнаго плаванія по Каспію, гдѣ судно едва не погибло, а пассажиры его терпѣли жестокой голодъ и холодъ, Маркъ съ Контарини только на 24-й день добрались до Астрахани. Даже день Свѣтлаго праздника пришлось провести въ глухихъ камышахъ, гдѣ они разговѣлись девятью утиными яйцами, разысканными между камней людьми Марка, и которыми русскій посоль великодушно подѣлился съ чужестранцами.

Въ Астрахани татары не хотѣли было пускать путешественниковъ на берегъ, пока не осмотрятъ ихъ на слѣдующій день. «Но Маркъ съ помощью нѣкоторыхъ пріятелей, бывшихъ у него въ городѣ, исходатайствовалъ для себя это позволеніе, а къ вечеру и меня со свитою моею выпустили также изъ лодки и отвели въ маленькій домикъ, гдѣ находился уже Маркъ», рассказываетъ Контарини. Маркъ, очевидно, вездѣ являлся его хранителемъ и покровителемъ. Очевидно также, что Маркъ не впервые входилъ въ сношенія съ восточными народами, сосѣдними съ Мо-

сковіей, если у него были дружественныя связи даже въ далекой Астрахани.

Книга Контарини вполне подтверждаетъ эти предположенія.

«На утро пришли къ намъ трое татаръ съ лицами узкими и плоскими, какъ доски,—повѣтствуетъ онъ дальше,—и, потребовавъ меня къ себѣ, объявили, что Марку опасаться нечего, ибо онъ другъ ихъ государю; но что я, какъ франкъ и врагъ хана, долженъ непремѣнно сдѣлаться рабомъ его. Таковой пріемъ крайне поразилъ насъ. Но Маркъ взялся отвѣчать за меня, совѣтуя мнѣ молчать и предаться совершенно ихъ покровительству. 1-го мая 1476 года возвратился я назадъ въ свою каморку, почти полумертвый отъ страха и не зная самъ, чѣмъ все это кончится; а между тѣмъ опасность съ каждымъ днемъ увеличивалась».

«Мнѣ объявили черезъ посредство Марка, что я буду проданъ на рынокъ. Несмотря, однако, на такое рѣшеніе, я успѣлъ кое-какъ, съ помощью Марка и нѣсколькихъ купцовъ, отправлявшихся въ Московію, уладить это дѣло за 2.000 алермовъ, которые долженъ былъ заплатить за выкупъ свой хану, не считая въ то число разныхъ подарковъ другимъ лицамъ; а какъ у меня не оставалось ни одной копейки, то деньги эти я принужденъ былъ занять у русскихъ и у татарскихъ купцовъ, отправлявшихся въ Московію, за большіе проценты и не иначе какъ за поручительство означеннаго Марка. Такимъ образомъ удовлетворили мы хана; но этимъ дѣло еще не кончилось. Повѣренный его всякій разъ, когда Маркъ выходилъ со двора, являлся къ нашему жилищу и, стуча изо всей силы въ дверь, страшнымъ голосомъ грозилъ посадить меня на колъ, если я не выдамъ ему всѣхъ моихъ драгоценностей».

Все это несомнѣнно указываетъ, что Маркъ Россъ былъ весьма вліятельнымъ и значительнымъ лицомъ, если за его поручительствомъ чужіе люди довѣряли большія суммы неизвѣстному иностранцу, если въ его присутствіи даже варвары-татары не смѣли тревожить его спутника, а дожидались для этого ухода его изъ дома, если онъ имѣлъ въ татарской столицѣ вліятельныхъ друзей среди власть имущихъ и даже громко признавался татарами другомъ самого хана ихъ.

Изъ Астрахани Маркъ съ Контарини могли выѣхать только 10-го августа. Вещи свои и путевые запасы они отправили съ служителями на баркѣ на ту сторону Волги. Сами же пріѣхали къ мѣсту перевоза миль за 12 отъ города съ тѣмъ, чтобы переправиться на противоположный берегъ, когда стемнѣтъ.

«Вдругъ Маркъ позвалъ меня къ себѣ такимъ страннымъ голосомъ, что я подумалъ, не насталъ ли послѣдній часъ жизни моей, и велѣлъ мнѣ сѣсть немедленно на коня и..... отправиться

въ путь въ сопровожденіи одного татарина, съ самою отвратительною рожею. Болѣе не объяснилъ онъ мнѣ ничего и только промолвилъ: скачи! скачи скорѣе! Не смѣя противорѣчить, я молча повиновался и тотчасъ же поскакалъ вслѣдъ за означеннымъ татаринѣмъ. Мы ѣхали безъ отдыха всю ночь и остановились не ранѣе, какъ на другой день, около полудня. Нѣсколько разъ спрашивалъ я проводника нашего, куда онъ везетъ меня, но никакъ не могъ добиться отвѣта. Наконецъ онъ объяснилъ мнѣ, что ханъ приказалъ осмотрѣть всѣ лодки, для каравана приготовленныя, и если бы меня нашли тамъ, то я бы навѣрно былъ задержанъ. Вотъ причина, по которой Маркъ съ такою поспѣшностью отправилъ меня». Татаринъ скрылъ Контарини на маленькомъ островѣ Волги, гдѣ жили съ своими стадами и другіе татары, крайне удивившіеся при видѣ христіанина. Но проводникъ не выдалъ тайны итальянца, «страшась, какъ я полагаю, посла, который считается у нихъ весьма важнымъ человѣкомъ», прибавляетъ Контарини.

Дня черезъ три Маркъ прислалъ за нимъ одного изъ своихъ русскихъ служителей съ татаринѣмъ, приказавъ имъ перевезти Контарини на лодкѣ къ тому мѣсту, гдѣ присталъ караванъ.

«Не довольствуясь симъ, Маркъ снабдилъ еще насъ для дороги потребнымъ количествомъ лошадей»,—съ благодарностью вспоминаетъ итальянецъ.

Путешественники двинулись въ Московію вдоль берега Волги. Посоль Маркъ начальствовалъ надъ всѣмъ караванѣмъ, состоявшимъ, по словамъ Контарини, изъ 300 человѣкъ русскихъ и татаръ, имѣвшихъ при себѣ болѣе 200 заводныхъ лошадей, какъ для прокормленія своего въ пути, такъ равно и для продажи въ Россіи.

Черезъ 15 дней Маркъ переправилъ свой караванъ на другой берегъ Волги, приказавъ своимъ людямъ рубить деревья въ лѣсу и вязать изъ нихъ плоты, по 40 бревенъ въ каждомъ. Къ плотамъ были привязаны веревками за хвосты по 6 и 7 лошадей, которыми правили татары, и которыя тащили за собою эти скородѣльные поромы.

Проѣхавъ неохватныя пространства «дикого поля», гдѣ не было ни дорогъ, ни жилья, караванъ Марка добрался наконецъ черезъ 33 дня послѣ выѣзда изъ Астрахани до рубежей Рязанской области и, только очутившись въ землѣ Русской, могъ наконецъ подкрѣпить чѣмъ нибудь свои силы. Люди едва держались на лошадяхъ отъ голода и утомленія. На 48-й день черезъ Рязань и Коломну пришли въ стольную Москву.

Маркъ Россъ приказалъ отвести помѣщеніе Контарини и его людямъ, и въ самый вечеръ своего пріѣзда посѣтилъ венецейскаго посла, одарилъ его всякими съѣстными припасами «и именемъ государя своего убѣждалъ быть спокойнымъ и почитать себя, какъ бы въ собственномъ домѣ».

Контарини горячо благодарилъ его «за всѣ его одолженія», а на другой день «отправился къ Марку и, желая поскорѣе пуститься въ обратный путь, просилъ его о доставленіи ему случая представиться государю».

«Онъ охотно исполнилъ мою просьбу,—разсказываетъ Контарини,—и въ скоромъ времени послѣ того получилъ я приказаніе явиться во дворецъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій я отблагодарилъ великаго князя за вниманіе, оказанное мнѣ посломъ его Маркомъ, который поистинѣ неоднократно спасалъ меня отъ великихъ опасностей».

Хотя венецейскому послу и объявлено было отъ великаго князя, что въ его волѣ ѣхать изъ Москвы или оставаться въ ней, но необходимость расплатиться съ русскими и татарскими купцами за деньги, занятые у нихъ подъ поручительство Марка, вынудила Контарини послать одного изъ своихъ спутниковъ за деньгами на родину, а самому остаться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ. Однако впослѣдствіи великій князь захотѣлъ оказать особенное вниманіе свѣтлѣйшей республикѣ и приказалъ уплатить долгъ ея посла изъ своей великокняжеской казны, такъ что Контарини могъ ѣхать, не дождавшись возвращенія своего посланца. Прибывъ во дворецъ къ послѣднему прощальному обѣду, Контарини «былъ введенъ въ особенную комнату, гдѣ находился государь съ Маркомъ и другимъ своимъ секретаремъ».

Это показываетъ, что Маркъ былъ весьма близокъ къ великому князю, и этимъ же объясняется, почему онъ могъ такъ скоро устроить представленіе Иоанну венецейскаго посла, а впослѣдствіи упросить великаго князя, по сильному ходатайству Контарини, отпустить изъ Москвы задержаннаго Иоанномъ антиохійскаго католическаго патріарха Людовика. Маркъ съ своей стороны пригласилъ спутника своихъ дальнихъ странствій вмѣстѣ съ его свитою къ себѣ въ домъ на прощальный обѣдъ «и угостилъ насъ весьма хорошо», прибавляетъ Контарини.

Вотъ все, что сохранилъ намъ въ своей крайне любопытной книгѣ старый итальянскій путешественникъ, относительно мало извѣстнаго у насъ, стараго московскаго дипломата Марка Росса, личность котораго даже въ краткомъ разказѣ Контарини обрисовывается чрезвычайно симпатичными и чисто русскими чертами великодушнаго, смѣлаго и практически смѣтливаго человѣка.

Путешествіе Контарини и самая личность Марка Росса безызвѣстны русскимъ историкамъ. Карамзинъ въ VI томѣ своей исторіи вкратцѣ разсказываетъ о посольствѣ Марка къ персидскому шаху Узунъ-Гассану и возвращеніи его въ Москву черезъ Татарію вмѣстѣ съ венецейскимъ посломъ. Но, къ сожалѣнію, какъ это видно изъ примѣчанія 136 къ 11 главѣ VI тома его исторіи, Карамзинъ не имѣлъ въ рукахъ подлинной книги Кон-

тарини, а познакомился съ нимъ изъ французскаго сочиненія Бержерона, который ошибочно перевелъ слово Rosso не «Руссомъ», какъ разумѣлъ Контарини, а «русымъ», или «рыжимъ», и замѣнилъ его соотвѣтствующимъ латинскимъ словомъ «rufus» (рыжий, русый), такъ что и у Карамзина, вмѣсто Марка Русса, появился какой-то не существовавшій Маркъ Руфъ. Но еще удивительнѣе, что Соловьевъ въ V томѣ своей русской исторіи, упомянувъ мимоходомъ въ концѣ III главы о посольствѣ въ Персію того же Марка, тоже называетъ его не Руссомъ, а Руфомъ, хотя ссылается при этомъ на русскій переводъ сочиненія Контарини въ той самой «Библиотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи», гдѣ на десяткахъ страницъ поминается Марко Россъ, а не Руфъ, гдѣ приложенъ итальянскій текстъ сочиненія Контарини, также вездѣ именующій Марка—Rosso, а не Ruffo, и гдѣ наконецъ въ предисловіи переводчика прямо объясняется причина ошибки Карамзина, назвавшаго Марка Руфомъ по ошибочному тексту Бержерона.

Карамзинъ титулуетъ этого Марка такъ же, какъ и Контарини, посломъ московскимъ и считаетъ его почему-то «итальянскимъ или греческимъ уроженцемъ».

Не знаю, откуда почерпнулъ нашъ знаменитый историкъ это свѣдѣніе, о которомъ ничего не говорится въ книгѣ Контарини, повидимому, единственномъ литературномъ документѣ, сохранившемъ намъ имя Марка Росса, но во всякомъ случаѣ предположеніе Карамзина имѣетъ за собою большую вѣроятность.

Имя Марка, можно сказать, спеціально итальянское и преимущественно венеціанское; итальянскія торговыя колоніи венеціанской и генуэзской республикъ до завоеванія Византіи оттоманами процвѣтали не только на берегахъ Крыма и Кавказа, но даже и у низовьевъ Дона, какъ, напримѣръ, Тана, и только въ послѣдующія десятилѣтія послѣ разгрома Византіи были покорены турками. Выходцамъ изъ этихъ колоній, сосѣднихъ съ татарами и Русью, было особенно удобно вступать въ службу къ русскому правительству и приносить ему большую пользу знаніемъ татарскаго и итальянскаго языковъ, изъ которыхъ послѣдній былъ тогда языкомъ торговли и мореходства въ Средиземномъ и Черномъ моряхъ, а языкомъ побѣдоносныхъ татаръ говорила тогда не только вся Азія, но и значительная часть теперешней восточной, южной и юговосточной Россіи. Весьма правдоподобно, что Маркъ Россъ получилъ важное дипломатическое порученіе къ могущественному восточному государю именно вслѣдствіе своего близкаго знакомства съ языками, необходимыми для тогдашнихъ сношеній съ иноземными правителями.

По крайней мѣрѣ, книга Контарини несомнѣнно убѣждаетъ, что Маркъ объяснялся безъ переводчика и съ итальянцами, и съ татарами.

Чтобы еще болѣе полно уяснить себѣ занимающую насъ личность Марка Росса, обратимся къ другимъ, не затронутымъ еще исторіею даннымъ, къ нѣкоторымъ юридическимъ актамъ, сохранившимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, нигдѣ не опубликованнымъ, но официально удостовѣренная копія съ которыхъ находится въ моихъ рукахъ.

Среди актовъ этихъ обращаетъ на себя вниманіе исковая тяжба 1737 года игумена Николаевского Угрѣшскаго монастыря Варлаама съ братіею, подавшего прошеніе въ коллегію экономіи «о завладѣніи крѣпостной монастырской крестьянской земли отъ смежныхъ помѣщиковъ артиллеріи цехватера ¹⁾ Алексѣя Гаврилова Маркова да поручика Антипа Наумова Маркова».

Въ прошеніи игумена между прочимъ говорится: «А въ духовной Марки Толмача Волошенина Дмитріева сына написано, что де его князь великій Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ селомъ Хонятинскимъ, да селомъ Хлябовскимъ, да деревнею Бердебековскою, да деревнею Гребенинскою, и Бердебековскую отдалъ онъ въ приданое за дочерью своею Лукерьею зятю своему Ивану Никифорову Басенкову».

«Та духовная котораго году, мѣсяца и числа писана, того не написано, токмо на той духовной подписано: «смиранный Геронтъ митрополитъ».

«7051 году (т. е. 1543 г.) іюня 14 дня Давыдъ, Авдулла, Меньшикъ да Кондіаръ Ивановы дѣти Марковы продали они игумену Зиновію съ братіею по духовной дѣда своего Марки Дмитріева и отца своего Ивана Марковича вотчину въ Коломенскомъ уѣздѣ въ Маковскомъ стану, село Хонятино да деревню Бердебековую».

Еще подробнѣе разсказано это обстоятельство въ прошеніи «выборнаго крестьянина с. Хонятина Коломенскаго уѣзда, вотчины Николаевского Угрѣшскаго монастыря», Никифора Игнатѣва, который въ 1738 году ноября 29-го «билъ челомъ» о нижеслѣдующемъ:

«Въ прошлыхъ де годахъ Маркъ Толмачъ Волошенинъ Дмитріевъ сынъ въ недвижимомъ своемъ имѣніи, а именно въ Коломенскомъ уѣздѣ с. Хонятино, да село Глѣбовское, да деревню Бердебековскую, да деревню Гребенинскую и съ пустошами, и съ селищи, и со всѣмъ, что къ тѣмъ селамъ и къ деревнямъ изстари принадлежитъ, отдалъ по духовной своей сыну своему родному Ивану Маркову въ вѣчное владѣніе, а въ прошломъ 7051 г. (1543 г.) іюня въ 14 день вышеупомянутаго Маркины внучата, а Ивановы дѣти Давыдъ, да Овдуль, да Кондіаръ Ивановы дѣти Марковы по вышеупомянутой дѣда своего Марки Дмитріева сына

¹⁾ Цейхвахтера?

и отца Ивана Маркова духовной с. Хонятино съ деревнями и съ пустошами, и съ селищи да поле Глѣбовская земля, что къ тому селу изстари принадлежитъ, продали въ монастырь Николо-Угрѣшскій и дали купчую на имя того монастыря игумена Зиновья съ братією, а во 135 и во 136 годехъ (т. е. 1627 и 1628 г.) писецъ Семень Усовъ въ тѣхъ своихъ писцовыхъ книгахъ написалъ и отмежевалъ за онымъ Николо-Угрѣшскимъ монастыремъ только одно село Хонятино да пустошь Бердебековскую, а что къ тому с. Хонятину надлежитъ по вышепомянутой духовной и по купчей, другія деревни и пустоши и селищи въ тѣхъ писцовыхъ своихъ книгахъ за онымъ монастыремъ не написалъ и не отмежевалъ, понеже та духовная и купчая за многими прежде бывшими того монастыря властями въ томъ Угрѣшскомъ монастырѣ была не въ вѣдѣніи, не отыскана, а нынѣ оная духовная и купчая въ ономъ монастырѣ отыскана, съ которыхъ и копии къ межевому дѣлу приняты».

Изъ лѣтописи по Воскресенскому списку, изданному Археологическою комиссією, въ «оглавленіяхъ и статьяхъ, помѣщенныхъ передъ лѣтописью», въ отдѣлѣ: «начало главамъ и о повѣсти временныхъ лѣтъ» и т. д., подъ ст. 49:

«Представленіе Геронтія митрополита» показано «въ лѣто 6995», т. е. въ 1487 году.

Слѣдовательно духовная Марки Толмача, подъ которою подписанъ свидѣтелемъ митрополитъ Геронтій, во всякомъ случаѣ была составлена ранѣе 1487 года, слѣдовательно при великомъ князѣ Иванѣ III-мъ, и притомъ задолго до кончины его (въ 1505 году).

Пожалованіе же Марку Толмачу великимъ княземъ различныхъ вотчинъ, о чемъ говорится въ духовной Марка Толмача, произошло, конечно, еще ранѣе и, стало быть, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ (1476 г.), когда вернулся въ Москву вмѣстѣ съ венеціанскимъ посломъ изъ своего дипломатическаго путешествія въ далекую Персію посолъ Ивана III-го Марко Россъ. Пожалованіе такимъ расчетливымъ и строгимъ государемъ, какъ Иванъ III-й, одному лицу многихъ вотчинъ въ столь близкой къ столицѣ и поэтому сравнительно дорогой мѣстности, какъ Коломенскій уѣздъ, могло быть вызвано только какими нибудь важными государственными заслугами, и несомнѣнно, что исполненіе Маркомъ Россомъ крайне труднаго и секретнаго политическаго порученія поднять противъ ненавистной русскому народу Золотой Орды грознаго владыку Персін Узунъ-Гассана, покорившаго уже подъ свою державу чуть не половину Азіи,—не могло быть не поставлено ему въ великую заслугу передъ государемъ и землею Русскою, тѣмъ болѣе, что въ тѣ времена уже одно путешествіе черезъ далекія чужія страны, населенныя полуварварскими разбойничьими народами, почти всегда кончалось мучительною смертію или многолѣтнимъ рабствомъ.

Кромѣ того, и венеціанскій посоль, котораго Марко Россъ съ рискомъ для самого себя такъ искусно сумѣлъ провезти въ Москву и спасти отъ безчисленныхъ опасностей,—горячо ходатайствовалъ о немъ передъ великимъ княземъ, въ глазахъ котораго этотъ высоко дружественный актъ по отношенію къ могущественной еще Венеціанской республикѣ тоже, конечно, имѣлъ весьма выгодное для Московскаго княжества политическое значеніе.

А такъ какъ Маркъ Дмитричъ, столь щедро одаренный великимъ княземъ въ то самое время, какъ вернулся въ Москву блестяще исполнившій свое порученіе Маркъ Россъ, называется во всѣхъ актахъ «Толмачемъ», и такъ какъ Толмачъ значилъ въ старину то же, что значитъ теперь драгоманъ посольства при восточныхъ дворахъ, то несомнѣнно, что Маркъ Дмитричъ принадлежалъ къ дипломатической профессіи, владѣлъ во всякомъ случаѣ восточными языками и получалъ награды отъ великаго князя за какія нибудь дипломатическія порученія. Прозваніе же его Волошениномъ указываетъ на его иноземное происхожденіе изъ какой нибудь южной страны романскаго племени, такъ какъ этимъ именемъ предки наши называли не только теперешнихъ румынъ, но не рѣдко и итальянцевъ, точно такъ же, какъ и нѣмцы звали этихъ послѣднихъ вельшами. Слѣдовательно Маркъ Дмитричъ Толмачъ былъ приблизительно того же происхожденія, которое Карамзинъ на основаніи какихъ-то бывшихъ у него источниковъ приписывалъ Марку Россу (Руфу, по его ошибочному писанію).

Маркъ Дмитричъ былъ, несомнѣнно, именитый и близкій ко двору человѣкъ, ибо иначе не получилъ бы по близости Москвы богатыхъ вотчинъ, не могъ бы отдать свою дочь Лукерью за такого знатнаго человѣка, каковъ былъ Иванъ Ѳедоровичъ Басенковъ, представитель одной изъ самыхъ первыхъ боярскихъ фамилій Московской Руси, игравшихъ очень важную роль въ дѣлахъ государства, и не могъ бы имѣть близкимъ другомъ, подписавшимъ его духовное завѣщаніе, митрополита московскаго, бывшаго первымъ духовнымъ лицомъ на Руси до времени избранія патріарховъ.

Но изъ разсказа Контарини мы видѣли, что Марко Россъ имѣлъ свободный доступъ къ великому князю и оказывалъ большое вліяніе на рѣшенія его.

Всѣ вышеизложенныя обстоятельства, мнѣ кажется, устанавливаютъ несомнѣнное тождество московскаго посла въ Персію Марка Росса, родомъ итальянца или грека, съ Маркомъ Дмитричемъ Толмачемъ Волошенинымъ, которому были пожалованы великимъ княземъ богатая вотчина близъ Москвы въ то самое время, когда Марко Россъ возвратился изъ Персіи, удачно исполнивъ свое дипломатическое порученіе.

Маркъ же Дмитричъ былъ родоначальникомъ того древняго рода дворянъ Марковыхъ, къ которому принадлежу я съ братьями и мои дѣти. Онъ былъ предкомъ нашимъ по прямой линіи, такъ какъ наша вѣтвь произошла, какъ видно изъ родословной нашей и изъ многихъ сохранившихся юридическихъ актовъ, отъ родного внука Марка Кондіара, сына его сына Ивана; сынъ Кондіара Матвѣй родилъ Василю, Василій Ивана, Иванъ Никифора, Никифоръ Ѳедора, Ѳедоръ Андрея, моего прадѣда, Андрей Александра, дѣда моего, Александръ Льва, моего родного отца.

Въ «Россійской родословной книгѣ», изданной княземъ Петромъ Долгоруковымъ (Спб., 1856 г., ч. III, стр. 199-201), въ главѣ о графахъ и дворянахъ Морковыхъ сказано, что «имя этой древней фамиліи пишется двояко: Морковы и Марковы». Дѣйствительно, одни и тѣ же лица изъ этой фамиліи даже въ официальныхъ документахъ пишутся безразлично то Морковымъ, то Марковымъ. Такъ, наприимѣръ, въ имѣющихся у меня подлинныхъ высочайшихъ рескриптахъ императрицы Екатерины II и императора Александра I на имя знаменитаго героя Измаила и Отечественной войны генераль-лейтенанта Евгенія Ивановича Маркова, кавалера орденовъ Георгія 4, 3 и 2 степени, и главнаго виновника плѣненія на Дунаѣ арміи великаго визиря въ 1811 г., что дало возможность войскамъ Кутузова двинуться противъ вторгнувшихся французовъ,—Евгеній Ивановичъ именуется то Марковымъ, то Морковымъ.

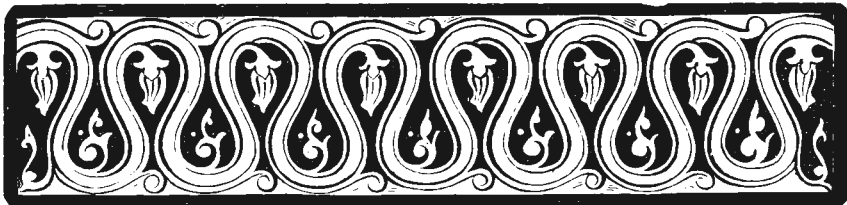
Родословная князя Долгорукова приурочиваетъ перваго извѣстнаго ей Маркова приблизительно къ тому же времени, въ какое жили Марко Россъ и Марко Толмачъ; именно, онъ упоминаетъ Ивана Ивановича Маркова, «который былъ новгородскимъ посланникомъ въ Москвѣ въ 1477 году». Марка Толмача эта родословная не упоминаетъ, но говоритъ, что «Давыдъ, Петръ, Киндяеръ и Меньшикъ Ивановы Морковы (хотя въ юридическихъ актахъ, на которые я ссылаюсь выше, эти внуки Марка Толмача именуются Марковыми), боярскіе дѣти, получили отъ царя Іоанна IV помѣстья въ уѣздѣ Московскомъ 2 октября 1550 года». Родословная называетъ еще Серапіона Маркова, подписавшаго грамоту избранія на царство Бориса Годунова въ 1598 г., Данилу Павловича, бывшаго стольникомъ при Петрѣ Великомъ, и другихъ, но изъ актовъ, которыми я располагаю, нѣтъ возможности судить, принадлежали ли они къ потомству Марка Толмача, нашего родоначальника. Въ II части «Общаго гербовника дворянскихъ родовъ», въ статьѣ о дворянахъ Морковыхъ, имѣющихъ титулъ Римской имперіи графовъ (№ 60), въ доказательство древности рода Аркадія, Николая и Ираклія Морковыхъ, Римской имперіи графовъ, приводится тотъ же указъ царя Ивана IV отъ 2-го октября 1550 г., коимъ онъ испомѣстилъ 3-хъ сыновей Ивана Маркова, слѣдова-

тельно, вѣтвь Марковыхъ, считающаяся теперь графами, ведетъ свой родъ отъ общихъ съ нами предковъ, хотя ни изъ ихъ, ни изъ нашей родословной не видно въ точности, дѣйствительно ли они происходятъ отъ кого либо изъ сыновей Ивана Марковича, внуковъ Марка Толмача, и отъ кого изъ нихъ именно. Въ то время какъ наша вѣтвь имѣетъ вполне ясную и непрерывную преемственность отъ Марка Толмача до моихъ внуковъ, въ родословной графовъ Морковыхъ или Марковыхъ первымъ въ точности извѣстнымъ предкомъ ихъ показанъ, сколько мнѣ извѣстно, упоминаемый въ писцовой книгѣ 7145-7155 года (т. е. 1637-1647 г.) по Владимирскому уѣзду Иванъ Андреевичъ Марковъ, но въ какой связи находился онъ съ родомъ Марка Толмача, ни изъ чего не видно.

Объ указѣ 2-го октября 1550 г. «Общій гербовникъ» сообщаетъ любопытныя историческія подробности и отчасти объясняетъ причину пожалованія помѣстій внукамъ Марка Толмача: «Царь Иванъ Васильевичъ указомъ 2 октября 1550 г. тысячу человекъ молодыхъ людей изъ лучшихъ боярскихъ фамилій въ Москву созвалъ для поселенія ихъ въ окрестностяхъ сего города; въ семь числъ находились и три сына Ивана Моркова, получившіе по близости Россійской столицы помѣстья и потомъ посвятившіе себя воинской службѣ съ такимъ отличіемъ, что за вѣрныя свои услуги особенно отъ государей жалованы были въ разныхъ областяхъ вотчинами, какъ то подтверждаютъ въ сей фамиліи донинѣ еще сохраненныя жалованныя грамоты отъ царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича».

Евгеній Марковъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЬНЯГО ВОСТОКА.

РАФЪ Инойё, преданнѣйшій другъ маркиза Ито, нынѣ, какъ и его патронъ, находящійся не у дѣлъ, счелъ нужнымъ подѣлиться съ публикой нѣкоторыми очень интересными замѣчаніями по поводу англо-японскаго союза, продолжающаго служить неистощимой темой для японскихъ публицистовъ. Когда вѣсть о заключеніи союза достигла Японіи,—говоритъ Инойё,—здѣсь было много всякихъ ликованій, празднествъ и пировъ по этому случаю. Но выпивка—не тотъ путь, какимъ осуществляются цѣли подобныхъ союзовъ. Пора взглянуть на вещи прямо и трезво. Почему Англія, отказавшись вдругъ отъ «политики величаваго уединенія», которой она придерживалась послѣ Крымской кампаніи, нашла необходимымъ заключить съ нами оборонительный и наступательный союзъ? Японія до недавняго времени была для европейской дипломатіи une *quantité negligible*. На насъ обратили вниманіе, стали смотрѣть съ уваженіемъ, когда намъ удалось благополучно покончить съ вопросомъ о пересмотрѣ трактатовъ. Затѣмъ мы выиграли кое-что въ общественномъ мнѣніи Запада войной нашей съ Китаемъ, но немного: въ Европѣ, повидимому, склонны были объяснять наши побѣды не тѣмъ, что мы сильны, а тѣмъ, что Китай слишкомъ слабъ. И только тогда, когда японскимъ войскамъ пришлось сражаться бокъ-о-бокъ съ войсками другихъ державъ въ Сѣверномъ Китаѣ во время недавнихъ смуть, ихъ качества были, наконецъ, надлежащимъ образомъ оцѣнены. Англія увидѣла, что Японія, столь сильно увеличившая свою армію и флотъ, стоитъ того, чтобы имѣть ее союзникомъ здѣсь. Для чего же нуженъ ей этотъ союзникъ? «Обезпеченіе

независимости Китая», «поддержаніе мира на Востокъ» — не такіе это стимулы, которые могли бы сами по себѣ побудить Англію искать союза съ Японіей. Независимость Китая и сохраненіе мира на Дальнемъ Востокѣ ей нужны только для развитія своей торговли здѣсь. Японія желаетъ того же самаго, и эта одинаковость стремленій дѣлаютъ союзъ съ Англіей особенно цѣннымъ для нея. Извлечь изъ своего новаго положенія возможно большія матеріальныя выгоды — вотъ задача, стоящая теперь передъ Японіей. Развитіе своей промышленности и торговли именно съ Китаемъ — вотъ цѣль, къ которой она должна отнынѣ стремиться всѣми мѣрами. Великія desiderata для нея въ этомъ дѣлѣ составляютъ капиталъ и опытъ. Капиталовъ у нея — мало; у Англии — много, очень много. Что касается опыта, то англичане, которые первые завели крупную торговлю съ Китаемъ, приобрѣли такой, какимъ ни одна другая нація похвастаться не можетъ. И японцамъ будетъ очень трудно сравняться съ ними въ этомъ дѣлѣ. Не надо упускать изъ вида еще одного обстоятельства. Состояніе вооруженныхъ силъ Японіи, ея арміи и флота, было одной изъ причинъ, заставившихъ Англію вступить въ этотъ союзъ. Но въ наше время, когда изобрѣтенія слѣдуютъ за изобрѣтеніями, нельзя стоять на мѣстѣ, довольствуясь достигнутыми результатами: вооруженія, средства защиты и нападенія, дѣйствительныя сегодня, могутъ черезъ пять лѣтъ оказаться негодными и устарѣлыми. Необходимо быть готовыми къ дальнѣйшему развитію японской арміи и флота. Для выполненія первой программы увеличенія своихъ вооруженныхъ силъ Японія имѣла китайскую контрибуцію. Теперь этотъ источникъ исчерпанъ. Единственнымъ средствомъ получить необходимые денежныя ресурсы является увеличеніе податного обложенія населенія, и къ этому народъ Японіи долженъ быть готовъ. Но чтобы онъ могъ вынести на своихъ плечахъ такую тяжесть, необходимо принять рѣшительныя мѣры къ подъему его матеріальнаго благосостоянія. Достигнуть этого можно путемъ поощренія всякой частной предпріимчивости, всевозможныхъ ассоціацій, союзовъ и т. п. комбинацій, имѣющихъ своею цѣлью соединеніе различныхъ предпріятій, нынѣ работающихъ въ разбродъ: такіе союзы, значительно уменьшая издержки производства, вмѣстѣ съ тѣмъ громадно увеличиваютъ выгоды предпріятія. Западъ въ этомъ отношеніи далеко опередилъ Японію. Отсутствие торговыхъ и промышленныхъ союзовъ и неумѣнье организовать — одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ этой страны. Все здѣсь разъединено, все несовершенно организовано. Китай и Корея ждуть предпріимчивыхъ людей и капиталовъ для развитія своихъ колоссальныхъ, еще не початыхъ богатствъ. Японія не можетъ одна, собственными силами, взяться за такое дѣло. Она должна привлечь къ совмѣстной работѣ на этомъ поприщѣ иностранцевъ: англичанъ, французовъ, германцевъ, амери-

канцевъ, все равно кого. Поэтому всѣ законы, направленные къ ограниченію правъ и привилегій иностранцевъ въ Японіи, должны быть измѣнены или уничтожены. Иностранцамъ должно разрѣшить владѣть земельной собственностью въ Японіи, принимать въ залогъ японскія желѣзныя дороги и проводить ихъ. При существующихъ же условіяхъ, иностранные капиталы не прійдутъ въ Японію, и ждать ихъ—пустая мечта.

Вопросъ о привлеченіи иностранныхъ капиталовъ, о развитіи мѣстной торговли и промышленности и мучительный вопросъ: «гдѣ бы и какъ бы занять» денегъ на удовлетвореніе «насуточныхъ государственныхъ нуждъ», т. е. завершеніе гигантскихъ вооруженій, составляютъ теперь злобу дня въ Японіи. Немудрено, поэтому, что государственные люди страны, печать и различныя общества усиленно занимаются ими.

На одно изъ послѣднихъ засѣданій Вольно-Экономическаго общества въ Токио были приглашены, въ качествѣ почетныхъ гостей, маркизъ Ито и графъ Окума. Публика съ большимъ перепѣниемъ ожидала этого засѣданія. Такъ какъ графъ Окума и маркизъ Ито рѣзко расходятся во взглядахъ на многіе капитальнѣйшіе вопросы и внутренней и внѣшней политики своей страны, то всѣхъ очень интересовалъ вопросъ: явятся ли приглашенные почетные гости, или предпочтутъ уклониться отъ этой встрѣчи. Они явились оба. Предсѣдатель общества, баронъ Канеко, упомянувъ въ своей рѣчи о большихъ успѣхахъ, достигнутыхъ Японіей въ дѣлѣ улучшенія судебной части, въ военномъ дѣлѣ и въ развитіи началъ конституціоннаго режима, остановился на печальномъ состояніи японской торговли и промышленности и закончилъ выраженіемъ надежды, что знаменитые государственные дѣятели, почтившіе своимъ присутствіемъ это засѣданіе, не откажутся дать обществу нѣсколько цѣнныхъ указаній по вопросу, для всѣхъ одинаково важному: что надо сдѣлать, чтобы поднять матеріальное благосостояніе страны? Маркизъ Ито, согласившись съ предсѣдателемъ насчетъ успѣховъ Японіи вообще, тѣмъ не менѣе нашелъ нужнымъ замѣтить, что они далеко не такъ блистательны, какъ, можетъ быть, кажутся. Онъ, на примѣръ, не видитъ, чтобы духъ новыхъ судебныхъ уставовъ проникъ сколько нибудь глубоко въ сознаніе народныхъ массъ; утвержденіе конституціоннаго режима не достигло еще степени законченности; узкіе партійные счеты поглощаютъ массу силъ и драгоцѣннаго времени; еще менѣе удовлетворительнымъ представляется ему экономическое положеніе его родины; но здѣсь онъ не чувствуетъ себя въ сферѣ своей компетенціи и полагаетъ, что ему не пристало давать какіе либо совѣты или указанія обществу ученыхъ экономистовъ: это, молъ, ваша

область, господа; вамъ и книги въ руки. Старый дипломатъ, такимъ образомъ, и здѣсь остался вѣренъ себѣ; но на этотъ разъ его хитрая, уклончивая рѣчь никого не удовлетворила и была встрѣчена очень холодно.

Графъ Окума, по экспансивности своей натуры, не могъ удержаться отъ пространнаго изложенія своихъ взглядовъ и высказалъ между прочими соображеніями одно въ высшей степени интересное. Обороты міровой торговли, говорилъ онъ, достигаютъ теперь приблизительно 30 милліардовъ енъ (30 милліардовъ рублей на наши деньги). Изъ этой суммы на долю странъ Дальняго Востока приходится около полутора милліарда. Но, принимая во вниманіе ростъ торговли этого Востока за послѣднее десятилѣтіе, можно рассчитывать, что къ концу текущаго десятилѣтія она достигнетъ трехъ милліардовъ. Львиную долю въ выгодахъ этой торговли получаютъ, конечно, тѣ націи, которыя располагаютъ большими капиталами. У Японіи такихъ капиталовъ нѣтъ; но отсюда ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что она должна остаться въ сторонѣ отъ общаго торговаго движенія. Европейскія государства обратили свое вниманіе на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ; въ ихъ рукахъ уже около 8.000 миль такихъ дорогъ, и затрачено на ихъ проведеніе до милліарда енъ. Конкурировать съ ними на этомъ поприщѣ Японіи не подъ силу. Совсѣмъ другое представляетъ перевозка товаровъ по внутреннимъ воднымъ путямъ Китая. Это дѣло требуетъ сравнительно небольшихъ издержекъ, и на полученіе чистой прибыли можно рассчитывать уже черезъ немного мѣсяцевъ, что представляетъ огромное преимущество въ сравненіи съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, гдѣ неизбѣжно долженъ пройти значительный промежутокъ времени, прежде чѣмъ дорога начнетъ давать прибыль. Японія, по мнѣнію графа Окума, должна обратить самое серьезное вниманіе именно на водяные пути Китая, играющіе, при его бездорожьи, роль важнѣйшихъ жизненныхъ артерій страны. Наиболѣе культурными и самыми богатыми провинціями Китая являются тѣ, которыя прилегаютъ къ его воднымъ путямъ, и начать обслуживать эти провинціи значитъ получить доступъ къ важнѣйшимъ для торговли областямъ. Японіи необходимо помнить, что если она позволитъ другимъ націямъ предупредить ее здѣсь, ей потомъ будетъ очень трудно рассчитывать на сколько нибудь крупныя выгоды въ этомъ дѣлѣ.

Вопросъ, поднятый графомъ Окума, имѣетъ очень большой интересъ и для насъ, — прежде всего, конечно, интересъ политическій.

Въ настоящее время въ водахъ Дальняго Востока подъ японскимъ коммерческимъ флагомъ плаваютъ до 100 пароходовъ, подъ германскимъ — 30, норвежскимъ — около 20; «China Merchant Steam

Navigation Co» имѣть до 40 пароходовъ; приблизительно по столько же компани: «Jardine Mathewson» и «Butterfield and Swire». Американцы своихъ коммерческихъ пароходовъ здѣсь не имѣютъ; но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что когда наступитъ удобный моментъ, они и въ Тихомъ океанѣ сумѣютъ устроить такой же гигантскій трестъ, какой устроили въ Атлантическомъ. Германия, по крайней мѣрѣ, уже теперь скупаетъ всѣ пароходы, какіе только можно купить, начиная отъ Сингапура вплоть до Японіи. Дѣлаетъ ли она это для того, чтобы предупредить возможность образованія, безъ ея участія, новаго океанскаго пароходнаго треста, или имѣетъ въ виду какойнибудь новый захватъ въ водахъ Дальняго Востока,— сказать покамѣстъ трудно. Важенъ самый фактъ такихъ приготовленій со стороны державы, которая ничего не дѣлаетъ безъ строго опредѣленнаго и всегда очень широко задуманнаго плана. Если же и японцамъ удастся осуществить идею, высказанную графомъ Окума и забрать въ свои руки пароходное сообщеніе по внутреннимъ воднымъ путямъ Китая, то въ одинъ далеко не прекрасный день мы можемъ очутиться въ положеніи, еще болѣе критическомъ, чѣмъ это было во время послѣднихъ смутъ въ Китаѣ.

Много у насъ говорили и писали о взятіи фортвъ Таку, бояхъ подъ Тяньцзиномъ, штурмѣ Пекина, и очень мало — о тѣхъ чрезвычайныхъ трудностяхъ, съ какими были сопряжены высадка нашихъ десантовъ, подвозъ жизненныхъ припасовъ, боевого матеріала, эвакуація больныхъ и раненыхъ. Только совершенно исключительной энергіей генераль-адъютанта Алексѣева да его умѣньемъ быстро ориентироваться и можно объяснить счастливый исходъ всей этой сложной операціи, которая зовется Печжилійской кампаніей. Время для полной исторіи этого въ высшей степени любопытнаго періода еще не наступило, конечно; но нѣкоторые эпизоды изъ пережитыхъ недавно тревожныхъ дней заслуживаютъ быть отмѣченными теперь же, въ виду ихъ крайней характерности и поучительности. Минувшей весной, въ одной изъ нашихъ газетъ возникла полемика по поводу высадки на берегъ въ Таку колонны генераль-майора Стесселя; но спорившіе такъ и разошлись, оставивъ открытымъ наиболѣе интересный вопросъ: имѣлось ли у начальника нашей тихо-океанской эскадры, на другой день по взятіи фортвъ Таку, достаточно средствъ для высадки десантной колонны, назначенной идти на выручку Тяньцзина, или нѣтъ? Такихъ средствъ не имѣлось. Выручила тогда нежданная помощь частнаго лица,— одного изъ тѣхъ людей, которыхъ умѣлъ находить въ нужный моментъ Е. И. Алексѣевъ.

Въ день боя подъ Таку, на рейдѣ, гдѣ стояли союзныя эскадры, пришелъ изъ Портъ-Артура, подъ германскимъ флагомъ, пароходъ «Чау-чау-фу», купленный незадолго передъ тѣмъ Гинзбургомъ, тѣмъ самымъ М. А. Гинзбургомъ, котораго хорошо знаютъ всѣ русскіе

люди, побывавшіе на Дальнемъ Востокѣ, да и весь Дальній Востокъ. Давно, лѣтъ 25 тому назадъ, юношей, почти мальчикомъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни, безъ связей, безъ знакомствъ, явился онъ въ Японію, да въ ней и остался, сумѣвъ нажить миллионное состояніе, благодаря своей смѣлкѣ, природному такту и репутациіи безукоризненно честнаго человѣка, на слово котораго можно положиться, какъ на каменную стѣну. На «Чау-чау-фу» пришелъ и его владѣлецъ, немедленно предоставившій себя и свой пароходъ въ распоряженіе начальника Тихоокеанской эскадры. Отрядъ генераль-майора Стесселя находился на нашихъ судахъ, ожидая только взятія фортовъ Таку, чтобы итти къ Тяньцзину. Но вотъ твердыни Таку пали. Нужно свозить десантъ на берегъ. Перевозочныхъ средствъ, такихъ, которыя могли бы сразу поднять артиллерию, много людей и лошадей,—нѣтъ, а дѣрогъ буквально каждый часъ. Не теряя времени, Гинзбургъ вмѣстѣ съ контръ-адмираломъ Веселаго и генераломъ Стесселемъ отправляется въ Таку. Войдя въ устье рѣки Пейхо, онъ видитъ, что къ мели приткнулись двѣ большія желѣзныя баржи съ полнымъ грузомъ товаровъ; на одной оказались желѣзнодорожныя шпалы, на другой — камфора, чай, рисъ и проч. На баржахъ были подняты флаги компаніи «Таку Lighter С^о», Гинзбургъ идетъ къ представителю этой компаніи, англичанину, который жилъ въ своемъ домикѣ тутъ же на берегу, и проситъ уступить ему баржи. Англичанинъ отвѣчаетъ, конечно, отказомъ. Гинзбургъ настаиваетъ и, наконецъ, заявляетъ, что если ихъ не отдадутъ добромъ, онъ ихъ возьметъ силой. Англичанинъ сдается, но требуетъ, чтобы ему выдали квитанцію въ томъ, что баржи взяты для русскаго правительства. Квитанція ему выдается за общей подписью командира канонерской лодки «Юбрь» и Гинзбурга. Нѣсколько часовъ спустя, обѣ баржи съ полнымъ грузомъ товаровъ (разгружать ихъ на берегъ было, конечно, некогда) стояли уже на рейдѣ, близъ нашего адмиральскаго корабля, куда ихъ привелъ, по приказанію нѣмецкаго адмирала, одинъ изъ китайскихъ буксирныхъ пароходовъ, захваченныхъ нѣмцами тотчасъ послѣ взятія Таку. Громадныя, плоскодонныя желѣзныя баржи, приспособленныя для плаванія именно по китайскимъ рѣкамъ, каждая въ 700 тоннъ, стоили вмѣстѣ около 400.000 рублей на наши деньги. Онѣ сослужили великую службу въ этотъ критическій моментъ. Товары съ нихъ частью выбросили въ море; то, что годилось по части провизіи и другихъ матеріаловъ, взяли на наши корабли, и началась спѣшная посадка казаковъ, артиллеріи и пѣхоты, составлявшихъ нашу десантную колонну. Благодаря этимъ баржамъ, генераль-майоръ Стессель могъ прійти въ Тяньцзинъ двумя днями раньше, какъ разъ во время, чтобы выручить 12-й стрѣлковый полкъ, изнемогавшій въ неравной борьбѣ съ китайскими полчищами, и спасти европейскую часть города отъ ужасовъ рѣзни.

Огромная, страшно острая потребность ощущалась тогда не въ однѣхъ баржахъ, а во всевозможныхъ перевозочныхъ средствахъ, буксирныхъ и всякихъ другихъ пароходахъ. Бралось все, что только можно было получить. Средствами не стѣснялись, и тѣмъ не менѣ нельзя было найти нужнаго числа пароходовъ, которыхъ вообще на Дальнемъ Востокѣ немного; да, кромѣ того, всѣ они, послѣ первыхъ же тревожныхъ извѣстій изъ Тяньцзина, оказались переданными въ распоряженіе правительствъ Англии, Германіи и Японіи. Гинзбургу удалось заблаговременно приобрести восемь пароходовъ (больше не оказалось свободныхъ пароходовъ на всемъ Дальнемъ Востокѣ), которые и были предоставлены имъ въ распоряженіе нашего правительства. Всѣмъ имъ нашлась бездна работы, вмѣстѣ съ пароходами Восточно-Китайской желѣзной дороги и Добровольнаго флота.

Великъ Богъ земли Русской, и, конечно, все хорошо, что хорошо кончается. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что кривая и впредь вывезетъ. Вопросъ объ увеличеніи числа русскихъ пароходовъ на крайнемъ Востокѣ выдвинуть теперь для насъ самою жизнью этого Востока въ первую очередь и такъ или иначе, но онъ долженъ быть рѣшенъ. У пароходовъ Добровольнаго флота — свои, опредѣленные задачи, точно такъ же, какъ и у пароходовъ Восточно-Китайской желѣзной дороги. Въ критическій моментъ они могутъ оказаться слишкомъ далеко или быть занятыми исполненіемъ какихъ нибудь специальныхъ порученій. Необходимо имѣть такіе пароходы, дѣятельность которыхъ была бы ограничена водами Тихаго океана, которые никогда не покидали бы ихъ, не выходили бы изъ района, предѣльными пунктами котораго являются: на югѣ — Сингапуръ, на сѣверѣ — Камчатка, и имѣли бы своимъ назначеніемъ въ мирное время обслуживаніе портовъ Дальняго Востока, преимущественно рѣчныхъ, китайскихъ, а въ военное поступали бы въ распоряженіе правительства для несенія транспортной и всякой иной службы. Дальній Востокъ великъ необъятно. Одинъ Китай — это цѣлая часть свѣта, обширнѣйшій рынокъ, въ сущности совсѣмъ еще непочатый. Здѣсь найдется достаточно мѣста для всевозможныхъ предпріятій, въ томъ числѣ и для русскихъ пароходныхъ компаній, но именно такихъ, которыя сосредоточатъ свою дѣятельность на мѣстѣ. Но для того, чтобы такая русская компанія могла рассчитывать на успѣхъ, необходимо соблюденіе двухъ условий: она должна сохранить всѣ основныя черты частной компаніи, частнаго коммерческаго предпріятія, и вмѣстѣ съ тѣмъ правительство должно имѣть въ немъ настолько крупный паи, чтобы въ каждый данный моментъ чувствовать себя господиномъ положенія. По мнѣнію людей, компетентность которыхъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, дѣло можетъ быть начато теперь же и поставлено вполне прочно въ десятилѣтній срокъ. Для этого необходимо поставить на

* «истор. вѣстн.», июль, 1902 г., т. LXXXIX.

линію сразу 10—12 пароходовъ, выстроивъ ихъ въ два года. Пароходы эти должны быть всѣ одного типа, величиною отъ 1.500 до 2.000 тоннъ, со скоростью въ 10—12 узловъ, сидѣть въ полномъ грузу до 16 футовъ, а разгруженные—8—9 футовъ; возможно малая осадка ихъ крайне желательна, для того, чтобы они могли подниматься вверхъ по всѣмъ судоходнымъ рѣкамъ Дальняго Востока. Такихъ именно пароходовъ очень искали германцы и англичане во время недавнихъ смутъ въ Сѣверномъ Китаѣ: они нужны были для военныхъ цѣлей. Но и въ мирное время пароходы такого типа выгоднѣе всякихъ другихъ въ этихъ водахъ для перевозки угля, риса, лѣса, бобовъ и проч. Хозяева подобныхъ пароходовъ въ послѣдніе годы имѣли громадныя выгоды, получая отъ 10 до 30 процентовъ чистой прибыли на затраченный капиталъ. Стоимость пароходовъ вышеуказаннаго типа можно считать въ 250.000 р. каждый. Полагая чистую прибыль съ предприятия лишь въ 10 процентовъ на затраченный капиталъ, возможно въ десятилѣтній срокъ удвоить общее число пароходовъ. И эта флотилія сравнительно небольшихъ паровыхъ судовъ, при возникновеніи какихъ бы то ни было политическихъ осложненій на Дальнемъ Востокѣ, затрагивающихъ наши жизненные интересы тамъ, явится въ высшей степени важнымъ дополненіемъ къ пароходамъ Добровольнаго флота и Восточно-Китайской желѣзной дороги, имѣющимъ гораздо большіе размѣры. Но, повторяемъ, существеннѣйшимъ условіемъ успѣхности и выгоды такого предприятия является чисто-коммерческій способъ его веденія. Казенное управленіе, съ дорого оплачиваемымъ штатомъ, всегда гораздо большимъ, чѣмъ этого требуетъ самое дѣло, съ его формалистикой, мертвящимъ чиновничьимъ духомъ, счетами всевозможныхъ самолюбіи, отсутствіемъ знанія Востока, его нуждъ и потребностей,—такое управленіе неминуемо и очень скоро повело бы къ гибели подобнаго предприятия, гдѣ нужны именно не чиновники, а живые люди, съ большимъ коммерческимъ опытомъ, съ чисто-коммерческимъ чутьемъ и нюхомъ и обширными, дѣловыми связями на этомъ самомъ Востокѣ. Комбинаціей, которая могла бы удовлетворить требуемому условіемъ, является, напр., слѣдующая: для начала дѣла нужно три милліона рублей (12 пароходовъ по 250.000 р. каждый), изъ нихъ два милліона даетъ казна и одинъ милліонъ—частное лицо, или группа такихъ лицъ, знающихъ Дальній Востокъ, извѣстныхъ ему и связанныхъ съ нимъ самыми тѣсными дѣловыми отношеніями.

Года три—четыре тому назадъ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» была напечатана прекрасная статья «О русской торговлѣ на Дальнемъ Востокѣ». Авторъ, скрывшій свое имя подъ инициалами А. Н. Г., приведя рядъ цифръ о положеніи нашего торговаго судоходства у береговъ Восточной Азіи, закончилъ ее такимъ меланхолическимъ замѣчаніемъ: «Увы! финскія лайбы въ торговлѣ

петербургскаго порта, вѣроятно, играютъ болѣе видную роль, чѣмъ русскій коммерческій флотъ въ торговлѣ Восточной Азіи!»

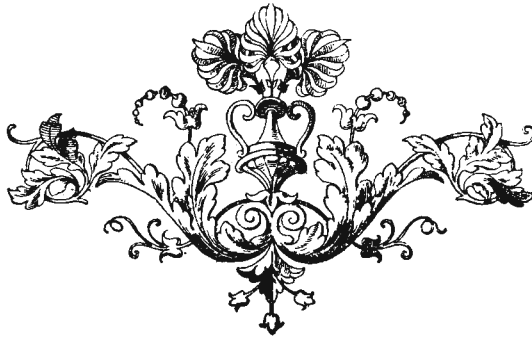
Но жизнь не ждетъ. И ускоренный пульсъ ея біенія нигдѣ не чувствуется такъ сильно, какъ на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ просыпается и подымаетъ голову гигантская сила, называемая желтой расой. Считаться съ ней въ первую голову придется намъ. Готовиться ко всевозможнымъ случайностямъ здѣсь—одна изъ самыхъ жизненныхъ задачъ, поставленныхъ на очередь. И въ ряду другихъ мѣропріятій имѣющихъ въ виду такую подготовку, увеличеніе числа пароходовъ, плавающихъ подъ русскимъ коммерческимъ флагомъ въ водахъ Тихаго океана,—одно изъ самыхъ нужныхъ и важныхъ. Въ военное время это—флотилія готовыхъ транспортныхъ судовъ, могущихъ подниматься по рѣкамъ, входить въ неглубокіе заливы и бухты для высадки десантовъ; въ мирное это—коммерческіе пароходы, занимающіеся крайне выгоднымъ дѣломъ, сами себя окупающіе и дающіе хорошую прибыль, не требуя отъ правительства ни гарантій, ни субсидій.

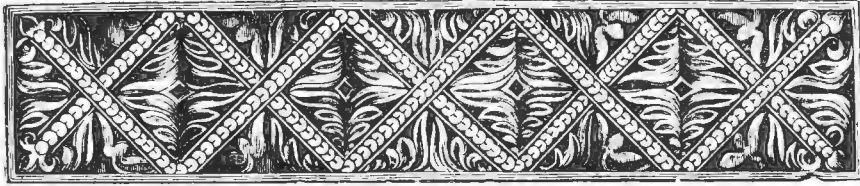
Въ концѣ апрѣля текущаго года въ Токио состоялось открытіе новаго общества, носящаго названіе «Кайжи Кіюкай», что означаетъ въ переводѣ «Мореходная ассоціація». Предсѣдателемъ этой ассоціаціи состоитъ вице-адмиралъ японскаго флота принцъ Арисугава; товарищемъ его—принцъ Конойѣ; въ члены же вошли всѣ дѣловые люди японской столицы. Баронъ Сибузава въ рѣчи своей при открытіи новаго общества заявилъ, что цѣль, которую его основатели имѣютъ въ виду, можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: привести военно-морскія силы Японіи и ея торговый флотъ въ возможно тѣсную связь другъ съ другомъ и содѣйствовать всѣми мѣрами развитію именно японскаго торговаго мореходства. Говорилъ, конечно, и графъ Окума, этотъ присяжный ораторъ на всѣхъ торжествахъ, гдѣ дѣло идетъ о «величіи и славѣ Японіи». Въ длинной и, какъ всегда, очень интересной рѣчи онъ, очертивъ положеніе различныхъ странъ на Дальнемъ Востокѣ, отмѣтилъ, между прочимъ, что хотя у Россіи есть здѣсь могущественный военный флотъ, но ея торговое судоходство не показываетъ и признаковъ сколько нибудь замѣтнаго развитія; Франція, военный флотъ которой уступаетъ только англійскому, также сдѣлала крайне мало для своего коммерческаго судоходства въ водахъ Тихаго океана; у Англии, при громадномъ военномъ флотѣ, есть и колоссальный коммерческій, представляющій собою половину всѣхъ судовъ въ мірѣ; но наиболѣе поразительны успѣхи въ этомъ дѣлѣ Германіи: императоръ Вильгельмъ ясно понялъ, что страна, претендующая на мировое значеніе, желающая быть великой и сильной, должна одинаково заботиться и о военномъ, и о коммерческомъ

*

своёмъ флотѣ. Графъ Окума говорилъ далѣе о четырехъ тысячахъ миль морской береговой линіи Японіи, о ея двухъ милліонахъ рыбаковъ, о быстромъ ростѣ населенія, которое черезъ 75 лѣтъ достигнетъ ста милліоновъ душъ, о ростѣ ея военнаго и коммерческаго флота. Японія, конечно, сдѣлала громадныя успѣхи на этомъ пути сравнительно съ тѣмъ временемъ (всего только 40 лѣтъ тому назадъ), когда выстроить мореходное судно являлось преступленіемъ; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что ей надо успокоиться на лаврахъ: торговый флотъ ея все еще слишкомъ ничтоженъ, а на дальнѣйшее развитіе его она должна обратить самое серьезное вниманіе. Вотъ почему онъ, графъ Окума, такъ горячо привѣтствуетъ вновь учрежденное общество, видя въ немъ залогъ новыхъ, большихъ успѣховъ Японіи.

В. Д. Черевковъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Петербургъ наканунѣ Крымской кампаніи. — Отношенія Россіи къ Франціи въ 1870 году.

ВЪ ПАРИЖѢ недавно вышелъ второй томъ «Воспоминаній» графа Резэ¹⁾, бывшаго перваго секретаря французскаго посольства въ Петербургѣ при Николаѣ I-мъ. Первый томъ, о которомъ мы уже упоминали въ «Мелочахъ» декабрьской книжки «Историческаго Вѣстника», касается пребыванія Резэ въ Римѣ, а главное въ Туринѣ, второй же томъ посвященъ воспоминаніямъ о Россіи. Въ предисловіи, написанномъ его другомъ и сотрудникомъ, Робинэ де-Клэри, благодаря упорнымъ просьбамъ котораго появились эти записки, между прочимъ говорится: «первой политической ошибкой Наполеона III было униженіе Россіи въ пользу неблагодарной Англіи».

Когда графъ Резэ пріѣхалъ изъ Турина въ Парижъ, въ мартѣ 1852 года, то Наполеонъ, бывший въ то время еще президентомъ, принялъ его очень милостиво и сказалъ: «я люблю молодыхъ людей и возвышу тѣхъ, которые будутъ служить мнѣ хорошо».

Черезъ нѣсколько дней, 3 марта 1852 года, Резэ былъ извѣщенъ о своемъ назначеніи въ Петербургъ письмомъ министра иностранныхъ дѣлъ Тувнеля, совѣтовавшаго ему не отказываться отъ этого назначенія въ интересахъ его будущности. Вслѣдъ затѣмъ, 23 іюля, Резэ отплылъ на пароходѣ изъ Штетина въ Россію, и черезъ четыре дня онъ достигъ Петербурга.

Русская столица показалась ему издали волшебнымъ восточнымъ городомъ, благодаря множеству золоченыхъ церковныхъ куполовъ, блестящихъ на солнцѣ; но иллюзія разсѣялась, какъ

¹⁾ Mes souvenirs, par le comte de Reiset, vol 2. Paris. 1902.

только приблизился онъ къ берегу. Маркизь Кафельбажакъ, находившійся въ Петербургѣ съ 1850 года въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, выслалъ ему на встрѣчу находившагося при посольствѣ Камилля Дольфюса.

Вблизи Петербургъ произвелъ на графа Резэ впечатлѣніе европейскаго города. «Можно подумать, что находишься въ Берлинѣ, говоритъ онъ, если бы не костюмы простолюдиновъ. Широкия и длинныя улицы, которыя здѣсь называются проспектами, окаймлены, большею частью, деревянными домами и нѣсколькими каменными дворцами въ итальянскомъ и французскомъ стиляхъ. Они не отличаются оригинальностью и ничѣмъ не поражаютъ, но представляютъ контрастъ съ бѣдностью проходящаго народа. Лѣтомъ коровъ выгоняютъ изъ домовъ въ поля подъ звуки пастушескаго рога, что придаетъ городу сельскій характеръ».

По своемъ пріѣздѣ Резэ поселился въ домѣ, гдѣ помѣщались находящіеся при посольствѣ лица, но не прошло и мѣсяца, какъ ему пришлось взять на себя обязанности французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, по случаю отъѣзда маркиза Кафельбажака, и переехать въ помѣщеніе, занимаемое французскимъ посланникомъ. Французское посольство въ то время находилось въ Сергіевской улицѣ. Фасадъ дома состоялъ изъ одиннадцати оконъ, и на верхъ вела прекрасная лѣстница. Во второмъ этажѣ находился громадный балый залъ, пять гостиныхъ и большая столовая. Личныя комнаты Резэ были въ нижнемъ этажѣ. Прислуга состояла изъ 30 человекъ. Жалованье Резэ получалъ небольшое, сравнительно съ дороговизной петербургской жизни — всего 5.000 франковъ въ мѣсяць. Прислуга оплачивалась въ то время недорого; такъ, на примѣръ, посольскій поваръ получалъ 31 р. 25 к въ мѣсяць, а его помощникъ 12 рублей, русскій лакей 30 рублей со своимъ кушаньемъ и одеждой. Но зато другіе предметы стоили довольно дорого: такъ, натираніе половъ въ двухъ комнатахъ стоило каждый разъ 4 рубля.

Съ первыхъ же дней своего появленія въ Петербургѣ Резэ сблизился съ англійскимъ посланникомъ Гамильтономъ Сеймуромъ и его семействомъ, вопреки предупрежденія Николая I-го, что между Франціей и Англійей не можетъ быть соглашенія, англійскій посланникъ, прекрасно знавшій Петербургъ, предложилъ ему служить проводнимъ въ высшемъ русскомъ обществѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда, Резэ сдѣлалъ вечерній визитъ графинѣ Апраксиной, урожденной княжнѣ Голицыной, старой фрейлинѣ великой княгини Елены Павловны, имѣвшей сильное вліяніе при дворѣ. При его приходѣ дамы находились въ столовой за чайнымъ столомъ, на которомъ были поставлены фрукты, широкки и молоко. Здороваясь со многими дамами, Резэ и не подозрѣвалъ, что среди нихъ находится Елена Павловна. За-

тѣмъ, перейдя въ гостиную, онъ направился къ хозяйкѣ дома, бесѣдовавшей съ принцемъ Августомъ Вюртембергскимъ, братомъ великой княгини, съ которымъ Резэ познакомился на пароходѣ по дорогѣ изъ Штегина въ Петербургъ. Принцъ попросилъ графиню представить французскаго дипломата своей сестрѣ. Последняя обошлась съ французскимъ дипломатомъ очень любезно.

Разговаривая съ нимъ, она между прочимъ замѣтила, что находитъ Наполеона замѣчательнымъ человѣкомъ и полнымъ добрыхъ чувствъ. На замѣчаніе Резэ, что онъ человѣкъ возвышеннаго ума и любящій искренно Францію, она отвѣтила: «Если это такъ, то было бы желательно, чтобы онъ продолжалъ путь, предназначенный ему Провидѣніемъ». «Великая княгиня, — говоритъ онъ: — отличалась мужественнымъ характеромъ и не очень была расположена въ пользу Франціи. При этомъ она сильно вліяла на императора Николая I-го».

Впервые Резэ увидѣлъ императора на смотру войскъ въ Красномъ Селѣ. Государь, находясь въ двадцати шагахъ отъ шатра императрицы, обращался къ ней съ фразами, на что она отвѣчала кивками головы. Затѣмъ онъ сталъ заботливо тревожиться объ императрицѣ и обратился къ ней съ слѣдующими вопросами: «Не устали ли вы? Не пыльно ли вамъ? Сносно ли тамъ сидѣть? Это скоро кончится, потерпите!» Вскорѣ сдѣлалось холодно, однако всѣ должны были оставаться съ обнаженными головами. Кто-то въ толпѣ отважился надѣть шляпу, но императоръ громкимъ голосомъ замѣтилъ ему: «Кто смѣетъ быть предо мною въ шляпѣ?» Тотчасъ же шляпа была снята.

Между многими анекдотами Резэ рассказываетъ одинъ относительно строгости полиціи того времени. Однажды императоръ Николай встрѣтилъ на улицѣ знаменитаго французскаго актера Вернэ. Остановивъ француза, государь спросилъ у него, какую пьесу онъ будетъ играть въ этотъ вечеръ.

— «Моя жена и мой зонтикъ», — отвѣтилъ ему актеръ.

— Прекрасно; я буду счастливъ, познакомивъ императрицу съ этой пьесой; до сегодняшняго вечера, г-нъ Вернэ.

И государь, сѣвъ въ свои дрожки, уѣхалъ.

Обрадованный такой честью, Вернэ отправился домой репетировать свою роль, какъ вдругъ къ нему подошелъ полицейскій и повелъ въ участокъ. Послѣ обычной процедуры онъ былъ арестованъ на двадцать четыре часа за то, что заговорилъ съ императоромъ безъ всякаго разрѣшенія. Напрасно онъ объяснялъ, что задержаніе повлечетъ отмѣну представленія, и, наконецъ, что императоръ самъ подошелъ къ нему, — ничто не помогло. Около 8 ч. вечера императоръ и императрица пріѣхали въ театръ. Директоръ Гедеоновъ объявилъ имъ объ отсутствіи Вернэ. Посланный же на квартиру къ нему сообщилъ, что его нѣтъ и не было дома, и

домашніе беспокоятся, не зная, куда онъ дѣвался. Тогда императоръ сообщилъ о своей встрѣчѣ съ актеромъ и приказалъ его разыскать. Вскорѣ ему доложили обо всемъ происшедшемъ, и Вернэ появился на сценѣ. Послѣ представленія императоръ пожелалъ его увидать и выслушать лично отъ него о происшествіи.

— Дорогой Вернэ,—сказалъ онъ актеру:—какъ заставить васъ забыть это непріятное приключеніе?

— Но, государь, ваша доброта настолько велика, что я уже вознагражденъ. Я такъ тронутъ, и мнѣ этого достаточно, чтобы не думать болѣе о происшедшемъ. Мнѣ нечего просить у вашего величества.

Императоръ снова сталъ настаивать, тогда Вернэ отвѣтилъ:

— Уже если ваше величество безусловно желаете, чтобы я попросилъ милости...

— Конечно, да,—прервалъ его императоръ.

— Такъ вотъ чего я попрошу отъ вашего величества: чтобы вы оказали мнѣ милость, никогда не обращаться ко мнѣ съ разговоромъ при встрѣчѣ на улицѣ.

Государь, государыня и великіе князья отъ души посмѣялись этой шуткѣ.

— Ахъ, ужъ этотъ Вернэ,—прибавилъ государь:—какой онъ забавный! Приходите завтра въ 12 часовъ въ Зимній дворецъ, и тамъ намъ нечего болѣе опасаться полиціи.

На другой день Вернэ явился въ Зимній дворецъ, и послѣ длиннаго разговора о новой пьесѣ, дававшейся тогда въ Петербургѣ, государь подарилъ ему золотую табакерку съ своимъ портретомъ, украшеннымъ брилліантами.

Изъ аристократическихъ домовъ, не прерывавшихъ своихъ пріемовъ лѣтомъ, былъ между прочимъ домъ графовъ Строгановыхъ. Самъ графъ былъ пажемъ императрицы Екатерины, а затѣмъ посланникомъ въ Испаніи и Франціи. Несмотря на свои восемьдесятъ восемь лѣтъ и на слѣпоту, онъ былъ очень занимательнымъ собесѣдникомъ. Его жена, шестидесяти-пятилѣтняя женщина, принимала радушно на своей великолѣпной дачѣ у Строгановскаго моста. У нея собирался весь цвѣтъ дипломатическаго корпуса. Резэ болѣе всего посѣщалъ ихъ домъ, а также Сеймура, гдѣ, по совѣту Гумбольдта, пробовали заниматься столоверченіемъ.

Отношенія Россіи и Франціи болѣе и болѣе обострялись по вопросу о Святыхъ Мѣстахъ. Николай I, увѣренный въ своемъ вліяніи на Европу, считалъ моментъ благоприятнымъ для достиженія своей цѣли. Кастельбажакъ, принятый очень привѣтливо императоромъ, относился къ этому спокойно, не замѣчая плановъ Николая I-го. Напрасно Резэ старался открыть ему глаза и для этого принялся даже за біографію Николая, но все было напрасно: Кастельбажакъ вполне довѣрялъ ему. Къ довершенію всего до импе-

ратора достигла одна фраза, сказанная Наполеономъ въ своей рѣчи въ Бордо: «Когда Франція довольна — Европа спокойна». На это Николай I-й замѣтилъ: «Такъ Франція считаетъ себя осью, вокругъ которой вертится весь свѣтъ?». Князь же Шварценбергъ сказалъ по этому поводу слѣдующую юмористическую фразу: «Когда Франція простудится,—Европа чихаетъ».

«Николай I отзывался о Наполеонѣ самымъ любезнымъ образомъ,—говорить французскій дипломатъ,—но за ласковыми фразами проглядывало безпокойство». «Надо,—замѣтилъ государь,—чтобы принцъ не портилъ своего положенія и продолжалъ благоразумно управлять Франціей». Этимъ словамъ Резэ придаетъ слѣдующее значеніе: «президентъ не долженъ, по мнѣнію Николая I-го, измѣнять формы правленія». Со времени своего пріѣзда въ Петербургъ графъ давалъ понять всѣмъ, что Наполеонъ ни у кого не спроситъ совѣта относительно этого вопроса. Императору объ этомъ передали, и хотя дипломатъ ему еще не представлялся, такъ какъ Николай готовился отправиться на большіе маневры въ Чугуевъ, но государь зналъ, какъ выражается Резэ, отъ великой княгини Маріи Николаевны, особенно интересовавшейся судьбой Франціи.

Несмотря на то, что маркизъ Кастельбажакъ пользовался милостивымъ вниманіемъ императора, положеніе французскаго посланника въ Петербургѣ было не изъ легкихъ. Напримѣръ, когда въ сентябрѣ выгнали изъ Кронштадта, прибывшихъ безъ паспорта, французовъ, то графъ Резэ не могъ даже потребовать объясненія, такъ какъ онъ лично былъ окруженъ большой любезностью. Однако, вскорѣ арестовали еще одного француза. Поводомъ къ этому задержанію послужило простое ухаживаніе за одной женщиной изъ дома банкира Штиглица, у котораго служилъ этотъ французъ. На этотъ разъ графъ поѣхалъ къ начальнику III Отдѣленія, генералу Дубельту, ходатайствовать объ освобожденіи француза. Генералъ принялъ его чрезвычайно любезно и приказалъ освободить узника, уже закованнаго въ кандалы для отправленія въ Сибирь.

Между прочимъ дипломатъ упоминаетъ, какимъ вниманіемъ со стороны императора пользовался министръ Чернышевъ. Извѣстно, что государь жилъ чуть не подъ крышей, но когда онъ замѣтилъ, насколько трудно престарѣлому министру подниматься такъ высоко, то перевелъ свой рабочій кабинетъ въ нижній этажъ. Резэ удалось достать извлеченіе изъ книги, находившейся всегда на столѣ императора, въ которой онъ справлялся каждый разъ, когда хотѣлъ наградить кого либо изъ приближенныхъ. Въ ней были записаны награды по градаціямъ, а также количество и родъ подарковъ, какіе каждый изъ нихъ уже получилъ. Рядомъ съ миллионной наградой находились подарки брилліантовъ и громадныя суммы, потраченныя на подкупъ разныхъ иностранцевъ.

Въ своей характеристикѣ Николая I-го Резэ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ съ твердой волей, презиравшемъ опасность. Его

самостоятельный характеръ представлялъ смѣсь гордости и истинной доброты. Такъ однажды онъ проѣзжалъ инкогнито по Невскому въ дрожкахъ, какъ вдругъ маленькая восьмилѣтняя дѣвочка, удѣлившись за рессоры его экипажа, не зная, кто онъ такой, закричала ему: «Дяденька, возьми меня съ собой и покажи балаганы». Императоръ остановилъ экипажъ, взялъ съ собою ребенка и купилъ ей на балаганахъ множество игрушекъ. Затѣмъ онъ сказалъ дѣвочкѣ: «Такъ какъ ты теперь знаешь твоего дяденьку, поѣдемъ къ тетенькѣ». И онъ повезъ ее къ императрицѣ.

Резе объясняетъ его суровость отношеніями къ нему его воспитателя, графа Ламздорфа, малоспособнаго человѣка, обращавшагося съ нимъ не только строго, но даже грубо. Онъ доходилъ до того, что поднималъ руку на своего царственнаго воспитанника. Это обстоятельство еще болѣе сдѣлало черствымъ его характеръ, отъ природы мало податливый, и онъ сталъ обращаться съ другими, какъ съ нимъ обращались въ дѣтствѣ. «Его страсть къ парадамъ доходила до крайности,—говоритъ Резе:—а солдаты были для него игрушками. Онъ преувеличилъ мысль Петра Великаго и держалъ всю націю въ дисциплинѣ, какъ армію. Всѣ носили мундиры, даже семилѣтніе мальчики ходили въ каскахъ и съ важнымъ видомъ дѣлали честь проходившимъ офицерамъ, а выѣздные лакеи офицеровъ обязаны были ѣздить на запягкахъ экипажей также въ военной формѣ. Эта страсть къ парадамъ препятствовала императору заниматься науками и искусствами, къ которымъ онъ не питалъ страсти. Обыкновенно онъ былъ замѣчательно вѣжливъ, но когда гнѣвался, то становился особенно суровъ и требовалъ, чтобы всѣ преклонялись предъ его волей. «Правда, что онъ почти всегда гнѣвался справедливо, желая исправить злоупотребленія и видѣть въ администраціи имперіи порядокъ и честное отношеніе, не зная, что взяточничество было главной язвой русскаго общества той эпохи».

«Императоръ былъ крайне умѣренъ и простъ, что не мѣшало ему любить церемоніи и пышность. Приходилось нерѣдко видѣть его на первомъ попавшемся извозчикѣ, а нѣсколько часовъ спустя онъ присутствовалъ на большихъ торжественныхъ выходахъ, самыя мельчайшія подробности которыхъ были имъ лично установлены, согласно старинному этикету русскаго двора. Но при этомъ онъ просто одѣвался, бережливо носилъ одежду и не любилъ ее часто замѣнять другою. Въ семейной жизни онъ былъ очень добродушенъ со слугами, и самъ разбиралъ ихъ проступки. Вообще государь былъ великодушенъ, но любилъ картинную обстановку».

Любезность его производила сильное впечатлѣніе, и онъ вліялъ на лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Въ своихъ «воспоминаніяхъ» Бейстъ говоритъ: «Никто болѣе его не былъ господиномъ Европы,

развѣ только Наполеонъ I-й, и никто болѣе его не внушалъ столько симпатіи, гнѣва и ненависти. Въ Берлинѣ его считали чуть ли не сверхъестественнымъ существомъ; также на него смотрѣли и при другихъ нѣмецкихъ дворахъ... Я не сумѣлъ бы выразить, какое благопріятное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ государь, и я никогда не забуду его большихъ голубыхъ глазъ».

Впрочемъ у него бывали припадки крайней рѣзкости. Напримѣръ, во время пребыванія Резэ въ Петербургѣ, императоръ былъ не доволенъ однимъ государственнымъ совѣтникомъ, котораго онъ очень любилъ. Осыпавъ его выговорами, онъ сказалъ ему сурово: «Объяснитесь, сударь». Но не успѣлъ несчастный произнести слово: «государь», какъ Николай I-й перебилъ его словами: «Молчите, сударь, вы, кажется, разсуждаете».

Очень часто онъ самъ игралъ роль полиціи, и нѣсколько времени спустя послѣ пріѣзда Резэ въ Петербургъ, онъ объѣзжалъ городъ ночью въ дрожкахъ и совершенно одинъ. Замѣтивъ пьянаго солдата, преслѣдовавшаго убѣгавшую отъ него женщину, онъ приказалъ кучеру догнать ихъ; затѣмъ, смотря прямо въ глаза солдату, спросилъ его: «Узналъ ли ты меня, негодяй? Почему ты не въ казармахъ?» Всѣ солдаты гарнизона знали государя въ лицо. Ужасъ отрезвилъ пьяницу.

— Садись на козлы моихъ дрожекъ,—сказалъ Николай:—и укажи кучеру, гдѣ живетъ твой полковникъ.

Несчастный, полуживой отъ страха, повиновался. Императоръ самъ продиктовалъ, какое онъ долженъ понести наказаніе.

Однажды Николай спросилъ французскую актрису, г-жу Бра, которая явилась просить его присутствовать на ея бенефисѣ:— «Какъ вы меня находите во главѣ моего войска?»— «Ахъ, государь,— отвѣчала актриса:—вы очень подходите къ вашему амшлуа». Императора очень позабавилъ этотъ отвѣтъ.

На маскарадахъ въ Большомъ театрѣ Николай I-й съ наследникомъ запросто разгуливали въ толпѣ. Государь былъ въ казацкой формѣ, которая очень къ нему шла. Маски приставали къ нему, толкали его, интриговали, брали подъ руку, и онъ отъ души смѣялся, какъ обыкновенный смертный. «Это именно отпечатокъ русской жизни,—говоритъ Резэ:—рядомъ съ самымъ строгимъ этикетомъ—самая большая непринужденность».

«Когда бывали большіе обѣды при дворѣ, то съ трудомъ можно было удержать приглашенныхъ не набрасываться на блюда при встрѣчѣ слугъ, прежде чѣмъ они будутъ поданы на столъ. За десертомъ высшіе чиновники набивали свои карманы фруктами, пирожками и всякаго рода лакомствами. Лишь только блюда снимали со стола, какъ слуги набрасывались на нихъ, и происходила отталкивающая сцена».

Когда вспыхивалъ въ Петербургѣ пожаръ, государь первый отважно рисковалъ своей жизнью. Однажды, онъ подвергся опасности, и если бы одинъ пожарный грубо не схватилъ его и не оттолкнулъ, то на него обвалилась бы пылающая балка. Государь пожелалъ узнать имя спасшаго его пожарнаго и очень огорчился, когда узналъ, что честный солдатъ заставилъ засадить себя подъ арестъ, обвиняя себя въ томъ, что поднялъ на императора руку. Во время громаднаго пожара Московскаго театра одинъ крестьянинъ спасъ многихъ съ опасностью для своей жизни. Государь приказалъ привести его къ себѣ и сказалъ: «Спасибо тебѣ за добрый поступокъ; обними меня и расскажи, какъ Богъ тебѣ помогъ». Выслушавъ рассказъ и вознаградивъ, онъ проводилъ его со словами: «Теперь иди, Богъ съ тобою! Если тебѣ что либо понадобится, приходи ко мнѣ, когда хочешь».

Резе рассказываетъ подробно о бракѣ императора Александра Николаевича и говоритъ, что онъ состоялся при рѣдкихъ въ королевскихъ семьяхъ обстоятельствахъ. Онъ узналъ подробности этого брака при дворѣ въ Дармштадтѣ и даже напечаталъ ихъ въ «Figaro» 7-го января 1880 г. Онѣ представляютъ нѣчто новое. Когда въ 1841 г. Александру Николаевичу исполнилось 23 г., и былъ поднятъ вопросъ о его бракѣ, то въ Петербургѣ былъ составленъ листъ всѣхъ нѣмецкихъ принцессъ, лѣта которыхъ подходили для брака. Вскорѣ наслѣдникъ отправился въ сопровожденіи князя Орлова и Толстого въ Германію. Посѣтивъ Берлинъ и нѣкоторые нѣмецкіе сѣверные дворы, они пріѣхали во Франкфуртъ, откуда Александръ Николаевичъ долженъ былъ отправиться прямо въ Карлсруэ, чтобы видѣть принцессу Александру, впоследствии герцогиню Саксъ-Кобургъ-Готскую, и принцессу Марію Баденскую, впоследствии герцогиню Гамильтонъ.

Уже былъ назначенъ отъѣздъ, когда великій герцогъ Гессенъ-Дармштадтскій, узнавъ о пребываніи русскаго наслѣдника, просилъ его отобѣдать у себя во дворцѣ. Александръ Николаевичъ безъ всякой мысли или цѣли принялъ приглашеніе. Обѣдъ прошелъ семейно, и въ немъ не принимала участія принцесса Марія Гессенская, будущая его жена, а наслѣдникъ даже и не подозрѣвалъ объ ея существованіи, такъ какъ ея имени не находилъ въ спискѣ нѣмецкихъ принцессъ, предлагаемыхъ ему въ невѣсты. Вечеромъ, отправляясь пить чай, онъ встрѣтилъ въ столовой дворца молодую дѣвушку, въ сопровожденіи ея гувернантки, г-жи Гранси. Онѣ шли пить чай, и, при видѣ наслѣдника, молодая дѣвушка застынчиво посторонилась, чтобы его пропустить. Замѣтивъ скромную, простую принцессу, взволновавшуюся при видѣ его, онъ спросилъ, кто—она. Ему отвѣчали, что это—дочь покойной герцогини Вильгельмины.

— А! правда,—отвѣтилъ наслѣдникъ:—а который ей годъ?

Онъ ни за что не хотѣлъ итти впереди ея, а когда пришелъ въ гостиную, то просилъ, чтобы его представили принцессѣ.

«Принцесса была очаровательная, простая, скромная дѣвушка, воспитанная въ Гессенскомъ домѣ, какъ Сандрильона. Она была очень образована и скрывала подъ застѣнчивостью твердое сердце, полное добродѣтелей. Наслѣдникъ сразу былъ пораженъ и долго бесѣдовалъ съ нею. Возвратившись къ себѣ, онъ былъ молчаливъ и озабоченъ. На утро, когда графъ Орловъ вошелъ къ нему, чтобы узнать, въ которомъ часу они отправятся въ герцогство Баденское, то онъ отвѣчалъ:

— Дорогой графъ, намъ незачѣмъ ѣхать далѣе; я сдѣлалъ свой выборъ: мое путешествіе окончено.

— Какъ?—воскликнулъ удивленный Орловъ:—кого же выбрали ваше высочество?

— Я женюсь на Маріи Гессенской, если она сдѣлаетъ мнѣ честь и отдастъ мнѣ свою руку.

— Но это невозможно со всѣхъ точекъ зрѣнія,—отвѣчалъ Орловъ:—ваше высочество можете дать себѣ въ этомъ отчетъ. Принцесса Марія не упомянута даже въ числѣ нѣмецкихъ принцессъ, которыя могутъ быть теперь невѣстами; она не отличается здоровьемъ и слишкомъ молода. Ваше высочество еще не видѣли Баденскихъ принцессъ, а, не поѣхать въ Карлсруэ, значитъ оскорбить великаго герцога Баденскаго.

— Я поѣду туда изъ вѣжливости, если меня принуждаютъ, но я раздумывалъ всю ночь и рѣшилъ, что не женюсь ни на комъ, кромѣ Маріи, принадлежащей къ дому, изъ котораго, кстати, уже вышла одна русская императрица; къ тому же онъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ и знаменитыхъ въ Германіи.

Графъ Орловъ пришелъ въ отчаяніе отъ этого заявленія и тотчасъ же написалъ императору. Это извѣстіе удивило Николая I и императрицу. Ихъ близкіе друзья уже проектировали другой бракъ и старались всѣми силами повліять на императорскую чету, съ цѣлію воспрепятствовать этому браку. Но императоръ, любившій болѣе остальныхъ сыновей Александра Николаевича за его преданность, почтительность и повиновеніе, не желалъ огорчать сына и заявилъ семьѣ въ присутствіи нѣсколькихъ придворныхъ:

— Принцесса Марія Гессенская, какъ и всѣ нѣмецкія принцессы, находится въ Готскомъ альманахѣ; это—прекрасная дѣвушка, которая сдѣлаетъ счастье моего сына и напе. Императрица и я того же мнѣнія, какъ и Александръ, что онъ долженъ жениться по влеченію сердца.

«Я зналъ въ 1852 г. цесаревича и цесаревну, когда былъ первымъ секретаремъ посольства въ Петербургѣ,—говоритъ въ заклю-

ченіе Резэ:—и я всегда слышалъ самые почтительные и восторженные отзывы о ней и объ этомъ счастливомъ бракѣ». Между прочимъ онъ рассказываетъ, какъ въ 1852 г., въ срединѣ августа мѣсяца, онъ отправился въ Красное Село съ визитомъ къ графинѣ Тизенгаузенъ, придворной дамѣ царствующей императрицы. Послѣ визита онъ прогуливался въ паркѣ съ однимъ изъ камергеровъ императора; въ это время пошелъ дождь, и они направились къ квартирѣ камергера. Проходя мимо дворца, послѣдній указалъ Резэ на стоявшаго на караулѣ ребенка: «Это первый караулъ внука императора, посмотрите, какъ онъ хорошо исполняетъ службу». Въ это время дождь усилился, и маленькій великій князь взялъ изъ караулки шинель солдата, котораго онъ смѣнилъ, и закутавшись въ нее, продолжалъ ходить взадъ и впередъ предъ дверьми дворца. Надъ дверью раскрылось окно, и показалась цесаревна, будущая императрица Марія Александровна; она смотрѣла то на облака, то на дежурившаго сына, присутствуя съ материнской заботой при его службѣ. «Въ самомъ дѣлѣ ничего не было забавнѣе и очаровательнѣе,—говоритъ Резэ:—какъ видѣть эту дѣтскую головку, выглядывавшую изъ большой сѣрой шинели, волочившейся по землѣ, въ то время, какъ дождь падалъ на маленькаго дежурившаго часового».

Перемокнувъ, они вошли въ квартиру камергера, находившуюся въ отдѣльномъ деревянномъ флигерѣ, гдѣ и принялись согрѣваться у огня, въ то время, какъ маленькій великій князь мокнулъ подъ дождемъ, оканчивая караулъ. Въ это время разговоръ коснулся цесаревны: «Она держится всегда въ отдаленіи...—сказалъ камергеръ.—Она также проста при русскомъ дворѣ, какъ и въ Дармштадтѣ. Цесаревна очень умна, религіозна и образованна. Когда ей позволяетъ здоровье, то она занимается, главнымъ образомъ воспитаніемъ своего сына, который, увѣряю васъ, будетъ, въ одинъ прекрасный день, достойнымъ человекомъ.

Впослѣдствіи Резэ видѣлъ Марію Александровну уже императрицей у ея брата, принца Александра Гессенскаго, въ Югенхеймскомъ замкѣ, въ которомъ она провела дѣтство. Здѣсь она вела жизнь совершенно простую и любила бесѣдовать съ окрестными поселянами, знавшими ее съ юныхъ лѣтъ. Она болѣе всѣхъ дѣтей любила старшаго сына и обращала особое вниманіе на его образованіе. «Отношенія ея къ свекрови, императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, — говоритъ Резэ: — были полны достоинства и почтенія.

Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ считался болѣе всѣхъ расположеннымъ къ Франціи. Онъ любилъ науку, былъ очень образованъ и зналъ прекрасно всѣ европейскіе языки. Всѣ отзывались о немъ, по словамъ Резэ, слѣдующимъ образомъ: «Откровенный человѣкъ, честный и вѣрный другъ, который слушаетъ и даетъ благоразумные совѣты; онъ не способенъ обмануть довѣріе и не выдастъ, ни при какихъ обстоятельствахъ». Его мягкость и доброта заставляли думать, что онъ не обладаетъ твердостью характера, но тѣ, кто его видѣлъ въ интимной жизни, знали его силу воли, и что если онъ преклонялся, то изъ уваженія къ отцу. Не разъ онъ выказывалъ силу воли относительно могущественныхъ людей и въ особенности онъ питалъ ужасъ къ лести.

Резэ приводитъ случай, въ которомъ мягкость и въ то же время твердость Александра Николаевича усмирила финляндскихъ студентовъ, взбунтовавшихся изъ-за отказа просимой ими каѳедры. Николай I послалъ туда Александра Николаевича; всѣ ожидали, что дѣло окончится для студентовъ ссылкой въ Сибирь; но послѣдній появился среди нихъ совершенно одинъ и мягко обратился къ нимъ, уговаривая исполнять свой долгъ.

— Вы меня очень огорчаете,—сказалъ онъ:—прошу васъ послѣдовать моему совѣту; довѣрьтесь мнѣ, и сейчасъ же пусть прекратятся всѣ несогласія среди васъ.

Студенты, увидѣвъ столько благородства въ Александрѣ Николаевичѣ, тотчасъ же успокоились, а великій князь, пока оставался въ Гельсингфорсѣ, былъ окруженъ такими изъясненіями симпатіи со стороны народа, что предъ отъѣздомъ онъ исполнилъ просьбу студентовъ.

Отношенія Николая I-го къ сыну Александру были самыя дружественныя и симпатичныя. Однажды, уѣзжая изъ Петербурга на югъ, Николай сказалъ одному лицу, посѣтившему его: «Я очень занятъ: необходимо привести въ порядокъ бумаги и запереть ихъ, такъ какъ въ мое отсутствіе мой сынъ будетъ тоже далеко отъ Петербурга, а я довѣряю только ему. Я хочу, чтобы онъ зналъ все, какъ я самъ, раздѣлялъ мои работы, и былъ бы подготовленъ наследовать мнѣ».

Въ разговорѣ съ маркизомъ Кастельбажакомъ императоръ сказалъ: «Александръ честный мальчикъ, вы будете также его любить. Я съ нимъ не поступаю, какъ со мною поступили: я ничего не зналъ о государственныхъ дѣлахъ, когда вошелъ на тронъ, и долженъ былъ учиться всему самъ. Мой сынъ, напротивъ, посвященъ во все, и если Богъ меня призоветъ, я вѣрю, что Россія будетъ послѣ меня хорошо управляема».

Наслѣдника очень любили за его мягкій характеръ. Однажды, рассказываетъ графъ, онъ встрѣтилъ офицера, который курилъ. Подойдя къ нему, онъ назвалъ его по имени и сказалъ: «Ты хорошо

знаешь, что запрещено курить на петербургскихъ улицахъ. Зачѣмъ ты ставишь себя въ положеніе заслужить суровое наказаніе? Ступай курить домой, но чтобы я никогда не встрѣчалъ тебя курящимъ на улицѣ».

Незадолго предъ своей кончиной императоръ пригласилъ обѣдать въ Ораніенбаумъ генерала Гэдувиля, посланнаго первымъ консуломъ. Во время десерта Павелъ разрѣзалъ пополамъ апельсинъ и послалъ съ пажемъ одну его половину французскому генералу, громко сказавъ, чтобы всѣ слышали: «Скажите первому консулу о моемъ желаніи, чтобы Франція и Россія были такъ же едины, какъ четверти этого апельсина, половину котораго я оставилъ себѣ, отдавъ вамъ другую». Эти слова надѣлали много шума. Резэ узналъ объ этомъ фактѣ отъ графа Толстого, шталмейстера Николая I-го, который въ то время былъ еще ребенкомъ и присутствовалъ, какъ зритель на хорахъ. Онъ самъ видѣлъ, какъ императоръ послалъ апельсинъ, а его отецъ, присутствовавшій на обѣдѣ, рассказалъ ему подробности.

12 ноября 1852 г. вернулся изъ Парижа Кастельбажакъ съ девятнадцати-лѣтнимъ сыномъ, назначеннымъ быть при посольствѣ.

«Императоръ Николай, считавшій себя главою всѣхъ европейскихъ государствъ,—говоритъ Резэ:—отнесся къ Наполеону III, сдѣлавшемуся императоромъ, не лучше, какъ къ Луи-Филиппу. Онъ считалъ, что въ положеніи Европы нечего сомнѣваться, и далъ полный просторъ своимъ монархическимъ стремленіямъ. Онъ только что спасъ австрійскаго императора отъ возставшихъ венгровъ, и поклоненіе Франца-Иосифа доходило до забвенія собственнаго достоинства. Такъ рассказывали, что въ Вѣнѣ австрійскій императоръ, думая, что находится наединѣ съ императоромъ Николаемъ I въ салонѣ, раздѣлявшемъ ихъ спальни, униженно поцѣловалъ руку послѣдняго, къ крайнему удивленію третьяго лица, присутствовавшаго невидимо при прощаніи. Король прусскій послушно сносилъ господство надъ нимъ Николая Павловича. По словамъ Сенъ-Ренэ Тальандье, «дружба, которую внушалъ русскій императоръ Фридриху-Вильгельму IV, доходила до экзальтаціи. Онъ называлъ его «самымъ великимъ и святымъ изъ людей». Напротивъ чувства, которыя онъ питалъ къ Наполеону, «только что коронованной хищной птицѣ», доходили до ненависти. Онъ считалъ невозможнымъ соглашеніе Франціи и Англіи. Когда же осуществился «англо-французскій союзъ», Фридрихъ-Вильгельмъ IV написалъ: «Если на меня нападутъ во время кровосмѣшенія Англіи и Франціи, или вслѣдствіе этого кровосмѣшенія, если двѣ кровосмѣсительныя страны возьмутъ революцію союзникомъ, распространивъ ее по всему свѣту,—тогда я заключу союзъ съ Россіей на жизнь и на смерть».

Императоръ Николай хотѣлъ дать урокъ Наполеону отъ имени законныхъ государей, главою которыхъ онъ себя считалъ, и въ кредитивной грамотѣ, данной своему посланнику, онъ отказался назвать «добрымъ братомъ» Наполеона, а замѣнилъ это официальное обращеніе «добрымъ другомъ». При этомъ онъ сказалъ: «Нѣтъ, братья даются небомъ, а друзей выбираютъ. Я не могу быть братомъ Наполеона, и могу его назвать лишь другомъ. Я восторгаюсь тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, и если бы онъ спросилъ у меня совѣтъ, то я не могъ бы ему дать иной, какой подсказала ему собственная совѣсть: но, несмотря ни на что, я не измѣню своего перваго рѣшенія, какъ Пруссія и Австрія, считавшія себя обязанными это сдѣлать. По правдѣ сказать, для него лучше имѣть добраго друга, чѣмъ фальшиваго брата; повторяю: братьевъ даетъ Богъ, а друзей выбираемъ мы сами».

«Никогда бы не было крымской войны,—замѣчаетъ австрійскій первый министръ графъ Бейстъ:—если бы не вопросъ «добраго брата». Въ Петербургѣ, по выраженію Тувнели, на Наполеона смотрѣли, какъ «на шляпу, занявшую мѣсто законной короны».

Новыя кредитивныя грамоты генерала Кастельбажака были доставлены 14 января 1855 года просто по почтѣ, а не со спеціальнымъ курьеромъ. Онѣ были адресованы «au très excellent, très sérénissime, très puissant prince Nicolas», доброму другу. «Это была точная формула, употребленная императоромъ Николаемъ относительно Наполеона III. Черезъ два дня генералъ Кастельбажакъ былъ принятъ императоромъ, который сказалъ ему: «Puisque l'empereur Napoleon m'a pris comme je suis j'espère que nous nous entendrons. J'y suis tout disposé». И онъ два раза обнялъ генерала Кастельбажака. Принимаемая секретарей посольства очень милостиво, онъ сказалъ, обращаясь къ Ренвалю: «Вы—старый знакомый!.. А г-нъ Резэ? У него также вѣтреная оспа? Какъ онъ поживаетъ? Гдѣ онъ досталъ эту болѣзнь? Сожалѣю, что не видѣлъ его сегодня, но какъ только онъ поправится, надѣюсь, вы представите его мнѣ».

Въ это время графъ былъ боленъ вѣтреной оспой, свирѣпствовавшей въ Петербургѣ.

Между прочимъ французскій дипломатъ рассказываетъ анекдотъ, позабавившей въ то время аристократическое общество Петербурга. Отправляясь въ Константинополь представителемъ Россіи, князь Меншиковъ вздумалъ пошутить надъ одной извѣстной недалекимъ умомъ фрейлиной, старой дѣвицей Барановой, которая обо всемъ узнавала послѣдняя. На ея вопросъ о цѣли его поѣздки князь Меншиковъ отвѣтилъ: «Это—большой секретъ, но я вамъ его доверю. Я ѣду къ султану просить руки его дочери для князя Чернышева, а такъ какъ Дмитрій Нессельроде очень счастливъ въ брачныхъ миссіяхъ, то я везу его съ собою». «Это была злая шутка, говоритъ Резэ, такъ какъ князь Меншиковъ, ненавидѣвшій князя Черны-

шева, ставилъ его въ смѣшное положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ намекалъ на несчастный бракъ Дмитрія Нессельроде. Фрейлина Баранова не только разнесла этотъ анекдотъ повсюду, но еще рассказала его самой императрицѣ».

Приближеніе войны не прервало празднествъ и баловъ въ Петербургѣ. Концерты и спектакли слѣдовали одинъ за другимъ. Маріо, Лаблашъ, Ронкони, госпожа Віардо были въ сѣверной столицѣ. Маріо и Ронкони съ громаднымъ успѣхомъ пѣли въ «Риголетто» въ присутствіи императора, императрицы и всего двора. Императоръ и императрица занимали двѣ ложи, одна надъ другою; императоръ слѣдилъ за пьесой съ видимымъ удовольствіемъ и дѣлалъ дружескіе знаки Ронкони. Но когда предупредили его, что императрица уѣзжаетъ, онъ тотчасъ же послѣдовалъ за нею, не дождавшись окончанія. При всякомъ случаѣ онъ выражалъ ей свою любовь и предупредительность.

Относительно крестьянъ Резэ пишетъ: «Многіе изъ крѣпостныхъ крестьянъ были очень богаты и вели торговлю фруктами съ Петербургомъ. Такъ одинъ изъ нихъ, владѣвшій 3 милліонами рублей, крѣпостной графа Шереметева, обладателя 150.000 душъ крестьянъ, на вопросъ, отчего онъ не откупится на свободу, отвѣтилъ: «Мнѣ лучше оставаться крестьяниномъ. Такъ какъ я принадлежу графу, одному изъ могущественнѣйшихъ владѣльцевъ въ Россіи, то онъ долженъ меня защищать, если на меня будутъ нападать. Я больше выиграю, оставаясь подъ его покровительствомъ». Благородныя чувства крестьянъ выражались даже вещественно. Такъ графъ Бутурлинъ, разорившись, долженъ былъ продать имѣніе. Узнавъ объ этомъ, крестьяне собрали между собою необходимую сумму и принесли графу со словами: «не продавай земли, вотъ деньги, которыя тебѣ нужно. Ты всегда былъ добръ для насъ, мы хотимъ, чтобы ты остался нашимъ господиномъ».

20-го февраля, во время бала, даннаго наслѣдникомъ, состоялось официальное представленіе выздоровѣвшаго Резэ императору. Графъ Воронцовъ просилъ французскаго дипломата пріѣхать до начала бала, и онъ такъ постарался, что явился, когда еще царилъ полный мракъ въ залахъ. Моментально при его появленіи зажглись свѣчи посредствомъ зажигательной нитки. У двери въ залъ, блестящій огнями, стояли арапы въ великолѣпныхъ восточныхъ костюмахъ съ вышитыми русскими орлами. Затѣмъ послѣ польскаго Резэ былъ приведенъ въ сосѣднюю гостиную вмѣстѣ съ графомъ Блумомъ, состоявшимъ при австрійскомъ посольствѣ, который долженъ былъ представиться въ одно время съ нимъ. Войдя въ гостиную, императоръ подошелъ къ Резэ и очень пріятливо сказалъ: «Очень сожалѣю, что не зналъ васъ ранѣе. Какъ вамъ нравится въ Петербургѣ?» На отвѣтъ Резэ, что все видѣнное и слышанное очень его интересуетъ, императоръ отвѣтилъ: «Тѣмъ лучше

надѣюсь, что вы довольны вашимъ пребываніемъ, хотя вы довольно плохо начали, получивъ вѣтреную оспу. Она не видна болѣе, благодаря Бога,—сказалъ онъ, пристально смотря на Резэ.—Я очень люблю г-на Кастельбажака, онъ это знаетъ. Онъ очень беспокоился о болѣзни сына и вашей, но, наконецъ все благополучно окончилось, и я васъ искренно поздравляю». Затѣмъ онъ перешелъ къ графу Блуму.

Императрица и прочіе члены царской фамиліи обошлись съ Резэ также любезно, и темой для всѣхъ разговоровъ служила вѣтреная оспа.

14-го марта 1853 года Резэ присутствовалъ на обѣдѣ, въ 250 курвертовъ, данномъ въ день восьмидесяти-трехлѣтняго существованія англійскаго клуба. На празднествѣ присутствовалъ фельдмаршалъ Паскевичъ. Обѣды англійскаго клуба отличались всегда рѣдкимъ богатствомъ. Уха изъ стерлядей стоила восемь тысячъ франковъ. Тосты пились за императора, императрицу и царствующій домъ, а также за англійскую королеву.

1-го апрѣля 1852 года, Резэ, а также другіе, человѣкъ двадцать, получили приглашеніе на обѣдъ къ графинѣ Воронцовой. Когда же они явились, то въ дверяхъ имъ вручали слѣдующія записки: «Poisson d'avril. Dieu que je suis bête». Графиня нарочно въ этотъ день обѣдала въ гостяхъ. Въ тотъ же день Нессельроде былъ приглашенъ на свиданіе съ двадцатилѣтней дѣвушкой въ его замѣчательныхъ оранжереяхъ за городомъ. Но, пріѣхавъ туда, старый канцлеръ никого не нашелъ. Его обманула, написавъ записку, жена греческаго посланника, г-жа Зографо.

Лѣтомъ Резэ предпринялъ путешествіе въ Москву, а 7-го августа уѣхалъ въ Парижъ въ отпускъ.

Императоръ Наполеонъ удержалъ Резэ въ Парижѣ до декабря, чтобы отослать послѣднія депеши предъ войною маркизу Кастельбажаку, продолжавшему вѣрить въ миролюбивыя отношенія русскаго императора. Депеша Наполеона къ Николаю I, въ которой онъ поздравлялъ его съ побѣдой адмирала Нахимова подъ Синопомъ, произвела въ Парижѣ невыгодное для перваго впечатлѣніе. Резэ былъ принятъ Наполеономъ 25-го, 27-го, 29-го декабря 1853 года и получилъ отъ него письмо къ Николаю I, по поводу входа союзнаго флота въ Черное море: Наполеонъ писалъ: «Еще одинъ шагъ и—война». Онъ спросилъ, каково личное мнѣніе Николая I о немъ. Вопросъ крайне затруднилъ Резэ, и онъ отвѣтилъ: «онъ питаетъ къ вамъ высокое уваженіе и болѣе ничего».

Резэ пріѣхалъ въ Петербургъ 10-го января. Государь боленъ. «Извѣстіе о входѣ союзнаго флота въ Черное море привело его въ страшный гнѣвъ, говорилъ французскій дипломатъ, и у него поднялась рвота желчью. Когда онъ выходилъ изъ себя, то все лицо его искажалось, и казалось, что зубы выходили изъ рта. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него болѣла нога вслѣдствіе подагры».

«Императоръ Николай постарѣлъ на 10 лѣтъ,—писалъ Кастельбажакъ:—онъ дѣйствительно болѣлъ физически и морально. Императору пришлось заказать бархатные сапоги и придѣлать къ нимъ шпоры».

Въ то время, какъ вспыхнула крымская война, Рашель играла въ Петербургѣ и пользовалась громаднымъ успѣхомъ. Въ честь ея отъѣзда былъ данъ гвардейскими офицерами обѣдъ, во время котораго одинъ изъ генераловъ всталъ и, осушая бокаль, сказалъ:

— Мы не говоримъ: прощайте, досвиданія. Скоро мы будемъ во Франціи и надѣмся снова выпить за ваше здоровье и вашъ успѣхъ.

— Благодарю васъ за пожеланіе, господа, но знайте, что Франція не настолько богата, чтобы предлагать шампанское своимъ военношлѣннымъ.

До послѣдняго момента императоръ Николай I относился къ Кастельбажаку очень благосклонно, и 8-го февраля 1854 года онъ послалъ ему орденъ Александра Невскаго. Императрица съ своей стороны подарила г-жѣ Кастельбажакъ индѣйскую шаль. Вскорѣ Франція и Англія послали въ Петербургъ ультиматумъ. Николай I-й отозвалъ своего посланника изъ Парижа, а Кастельбажакъ выѣхалъ изъ Петербурга. Разставаніе императора съ нимъ было самое нѣжное, и въ утѣшеніе Николай пожаловалъ ему орденъ св. Андрея. Это рѣдкое исключеніе въ исторіи, говоритъ Резэ, чтобы представитель Франціи получалъ объятія и награды государя, который велъ войну противъ его страны. Кастельбажакъ писалъ Тувнелю 16-го сентября 1853 года: «Императоръ Николай походитъ на Петра Великаго, Павла I-го и на средневѣковаго рыцаря, но съ лѣтами въ немъ преобладаетъ Павелъ I, и надо схватить на лету его добрыя вдохновенія. Въ общемъ это эксцентричный государь и человекъ, котораго трудно распознать, столько противорѣчій между его качествами». До послѣдней минуты посланникъ повторялъ: «Сѣверный медвѣдь достаточно укрощенъ. Если онъ окажется благоразумнымъ, не будемъ его выводить изъ себя, мы только чрезъ это потеряемъ».

22-го февраля Резэ съ другимъ секретаремъ посольства уѣхали изъ Петербурга на лошадяхъ чрезъ Ригу. Путь былъ не изъ легкихъ; морозъ и вьюга мѣшали продолжать непрерывно путь; при этомъ стаи волковъ преслѣдовали ихъ. Резэ былъ радъ, что покидалъ Россію и въ то же время доволенъ былъ, что вблизи изучилъ «сѣвернаго колосса», какъ вообще называли Николая I-го.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Резэ снова представился случай побывать въ Россіи, сначала въ качествѣ секретаря Морни, отправившагося на коронацію Александра II представителемъ Наполеона, а затѣмъ въ качествѣ посланника. Женитьба, однако, принудила Резэ отказаться отъ этихъ назначеній. Морни со своей стороны задумалъ тоже жениться, но на русской. Послѣ смерти принца

Лейхтенбергскаго онъ даже мечталъ о своемъ бракѣ съ великой княгиней Маріей Николаевной, и еще въ 1853 г. передалъ Резэ нѣсколько своихъ портретовъ, съ цѣлью, чтобы послѣдній какимъ нибудь способомъ показалъ ихъ великой княгинѣ. Но его планъ женитьбы на Маріи Николаевнѣ не состоялся, и онъ вступилъ въ бракъ въ княжной Трубецкой.

Послѣдующія главы «Воспоминаній» графа Резэ посвящены придворной жизни въ Парижѣ и не имѣютъ ничего интереснаго для насъ, русскихъ. Такъ какъ авторъ еще живъ, то мы въ правѣ ожидать отъ него продолженія въ скоромъ будущемъ его записокъ, во всякомъ случаѣ любопытныхъ въ историческомъ отношеніи.

Если Крымская кампанія была началомъ апогея декабрьской имперіи, то ея эпилогомъ служила франко-германская война. Кстати, въ одно и то же время, появились двѣ книги о прологахъ этихъ эпопей. Графъ Резэ описываетъ въ своихъ мемуарахъ ту эпоху, которая предшествовала Крымской войнѣ, а графъ Флѣри, извѣстный французской историкъ, на основаніи бумагъ своего отца, французскаго посланника въ Россіи въ 1870 г., рассказываетъ объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи предъ франко-германской войной и въ началѣ ея до паденія второй имперіи¹⁾.

Между этими сочиненіями большое различіе, именно Резэ занимается общественной и свѣтской подкладкой событій, предшествовавшихъ Крымской кампаніи, и главнымъ образомъ передаетъ безчисленное множество анекдотовъ изъ русской придворной жизни, а Флѣри, на основаніи переписки его отца съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и съ самимъ императоромъ, Наполеономъ III, исключительно посвящаетъ свою книгу дипломатической сторонѣ событій. Поэтому она интересна для насъ, русскихъ, только по приводимымъ подлиннымъ документамъ и имѣющимся въ нихъ выраженіямъ Александра II и князя Горчакова.

Отношенія Россіи и Франціи со времени Крымской кампаніи оставались холодны, несмотря на попытку сближенія графа Морни во время коронаціи Александра II-го и свиданіе императоровъ въ Штутгартѣ. Событія въ Польшѣ еще тѣснѣе сблизили Россію и Пруссію общностью ихъ интересовъ и традиционными семейными узами. Хотя императоръ Александръ и принялъ приглашеніе Наполеона посѣтить Парижъ въ 1867 г., но покушеніе Березовскаго охладило впечатлѣніе любезнаго приема. Тогда Наполеонъ, не довѣрившій болѣе «неблагодарной» Англіи и желавшій сближе-

¹⁾ La France et la Russie, en 1870, d'après les papiers du général Fleury. Paris. 1902. Par le comte Fleury.

нія съ Россіей, рѣшилъ вызвать Талейрана въ сенатъ, а на его мѣсто послать въ Петербургъ генерала Флѣри, въ октябрѣ 1869 г. Выборъ Наполеона выпалъ на генерала тѣмъ болѣе, что онъ уже удачно исполнялъ подобныя порученія и былъ испытаннымъ другомъ императора.

Указавъ, чего долженъ держаться генералъ Флѣри въ сношеніяхъ съ русскимъ императоромъ и прочими русскими государственными лицами, Наполеонъ далъ ему между прочимъ инструкцію намекнуть Александру II объ опасности, грозящей Россіи отъ германской идеи, которая, если будетъ распространяться, то охватитъ всѣ страны, говорящія по-нѣмецки, начиная съ Курляндіи и кончая Эльзасомъ.

Флѣри очень скоро завоевалъ симпатію петербургскаго высшаго общества, а, какъ генералъ, онъ пользовался почестями, какія не выпадали на долю другихъ посланниковъ. Такъ, напримѣръ, онъ присутствовалъ каждое воскресенье на смотрѣ войскъ въ Михайловскомъ манежѣ. Кромѣ того, помимо официальныхъ пріемовъ и охоты, на которую приглашали также его, онъ встрѣчался съ императоромъ и великими князьями почти каждую недѣлю. Его принимали у наслѣдника въ Аничковскомъ дворцѣ, такъ какъ наслѣдница Марія Теодоровна относилась съ большою симпатіей къ Франціи; у Маріи Николаевны, «друзи Наполеона», какъ называетъ ее сынъ генерала Флѣри, и его двоюродной сестры по мужу, а также у придворныхъ и государственныхъ людей. Посланникъ писалъ: «Мои отношенія съ наиболѣе важными политическими и военными личностями превосходны, и я надѣюсь вскорѣ завоевать сильное положеніе и довести до благопріятныхъ результатовъ довѣренныя мнѣ важныя интересы».

Свиданіе посланника съ Горчаковымъ было самое дружественное, а императоръ принялъ его въ Царскомъ Селѣ весьма лестно и продержалъ въ своемъ кабинетѣ три четверти часа, противъ установленнаго этикетомъ правила. «Разговоръ былъ въ высшей степени интересный, — писалъ Флери, — и общалъ въ будущемъ близкія отношенія, если противоположное вліяніе не измѣнитъ настроенія императора. Государь коснулся всѣхъ вопросовъ, но такъ какъ надо было обратить его вниманіе на тотъ, который намъ всего важнѣе въ данный моментъ, я горячо выдвинулъ необходимость мира, посредствомъ семейнаго вліянія на умъ короля Вильгельма. Я многое могъ сказать императору, что оставалось бы безъ особаго значенія, если бы я упомянулъ объ этомъ канцлеру. Видя его величество расположеннымъ на все пріятное для Франціи, я могъ дойти до настаиванія выдачи мнѣ залога его добрыхъ намѣреній. Въ дѣйствительности его величество общалъ, что онъ изслѣдуетъ близко это дѣло и секретно переговоритъ о немъ съ королемъ. Государь прибавилъ, что нужно осторожно обращаться съ

воинственной щекотливостью короля Вильгельма, который слишком честолюбивъ, но что онъ хорошо сдѣлаетъ, если «переварить то, что уже поглотилъ», прежде чѣмъ сдѣлаться снова побѣдителемъ. Наконецъ, онъ сказалъ, что хотя семейныя узы не имѣютъ большого вѣса въ политикѣ, онъ все-таки намѣренъ заступиться за дѣло отца своей невѣстки».

Императоръ, говоря о любопытствѣ, возбужденномъ повсюду назначеніемъ французскимъ посланникомъ въ Петербургъ генерала Флери, спросилъ его:

— Видѣли ли вы короля во время проѣзда черезъ Берлинъ?

— Нѣтъ, государь.

— Это меня не удивляетъ. Я знаю черезъ князя Рейса (нѣмецкаго посланника въ Петербургѣ), что мой дядя очень заинтригованъ вашей миссіей ко мнѣ.

Разговоръ окончился критикой Австріи, и государь замѣтилъ, что онъ не понимаетъ, зачѣмъ Францъ-Иосифъ отправился въ Константинополь, откуда «онъ возвратился болѣе восточнымъ, чѣмъ когда либо». Говоря о графѣ Бейстѣ, онъ замѣтилъ:

— Онъ всегда останется безпокойнымъ, вздорливымъ человекомъ.

Послѣдствіемъ этого перваго свиданія было то, что государь взялъ въ руки дѣло Шлезвига, и Флери извѣщалъ депешей, что императоръ Александръ написалъ съ своей стороны прусскому королю. Горчаковъ замѣтилъ: «Я понимаю необходимость разсѣять это черное облако; пока оно существуетъ—миръ не обезпеченъ». По словамъ Флери, князь Горчаковъ заговорилъ новымъ языкомъ, противоположнымъ его пассивной роли относительно временнаго занятія герцогства.

Разговоръ Флери съ императоромъ Александромъ II возбудилъ въ генералѣ Швейницѣ, прусскомъ военномъ агентѣ и креатурѣ Бисмарка, чрезвычайно ревнивое вниманіе.

Но вышнія дружественныя отношенія къ прусскому королю Александръ поддерживалъ попрежнему. Въ день столѣтія ордена св. Георгія, по словамъ графа Павла Шувалова, императоръ, не совѣтуясь ни съ кѣмъ, послалъ дядѣ большую Георгіевскую ленту «изъ скромности и сыновней почтительности». По этому поводу генералъ Флери писалъ: «Императоръ нѣсколько стѣсненъ относительно французскаго посланника, и при различныхъ обстоятельствахъ, когда я имѣю случай приблизиться къ нему, онъ удваиваетъ ко мнѣ, если я осмѣлюсь такъ сказать, любезность и предупредительность. Чтобы выразить свое особое вниманіе къ представителю Наполеона, императоръ, противъ всякаго этикета, неожиданно явился въ посольство съ визитомъ. Наканунѣ, въ воскресенье, были въ посольствѣ великіе князья. Позволительно думать, что императоръ не измѣнилъ своихъ мыслей».

Нѣсколько дней спустя, на балу во дворцѣ императоръ принялъ замѣчательно любезно французскаго посланника, и Флери рѣшился спросить его, прислалъ ли прусскій король отвѣтъ. Императоръ сказалъ, что получилъ отвѣтъ, но уклончивый: «Пруссскій король зрѣло обдумаетъ мои совѣты и замѣчанія; онъ признаетъ всю ихъ важность, но не можетъ принять окончательнаго рѣшенія». Флери добавлялъ: «Императоръ обожаетъ свою невѣстку. Она часто говоритъ ему о бѣдныхъ датчанахъ, съ которыми такъ дурно обходится ихъ честолюбивый сосѣдъ. Самъ наслѣдникъ, который выказываетъ себя все болѣе и болѣе противникомъ нѣмецкой политики, долженъ часто защищать дѣло своего тестя». По словамъ Горчакова, причины, данныя Вильгельмомъ относительно удержанія Шлезвига, были дурными. «Это ребячество желать удержанія всѣхъ деревень, гдѣ происходили сраженія, во имя славы своей арміи»,—добавлялъ Горчаковъ. Коснувшись вопроса о пожалованіи Георгіевской ленты Вильгельму, онъ сказалъ: «я повторю то же, что упоминалъ на официалномъ обѣдѣ въ министерствѣ: императоръ не имѣлъ мысли напомнить Франціи и Австріи о свѣжихъ воспоминаніяхъ, такъ какъ вопросъ шелъ не о побѣдѣ Вильгельма подъ Садовой, и телеграммы и тосты въ день празднованія столѣтія ордена св. Георгія Побѣдоносца относились къ прошедшему, случившемуся пятьдесятъ три года назадъ». «Онъ не безъ хитрости добавилъ: «если мы гордимся Березиной, Лейпцигомъ, Ватерлоо, то вы развѣ не гордитесь Аустерлицомъ, Іеной, Эйлау и Бородиннымъ? Развѣ намъ не приходится пробѣжать въ Парижѣ черезъ Севастопольскій бульваръ, имя котораго напоминаетъ поражение, безъ сомнѣнія, благородное, и растравляетъ рану, едва зажившую. Развѣ вы не назвали побѣдителя Крыма герцогомъ Малаховымъ? Вотъ видите, что мы не первые; каждое правительство приноситъ жертвы тѣмъ же идеямъ. Будьте увѣрены, что императоръ Александръ уважаетъ вашъ тактъ; что до меня, зачинщика идеи союза Франціи съ Россіей (который былъ бы въ настоящее время очень тѣснымъ, безъ вашего рискованнаго вмѣшательства въ дѣла Польши), защитника этой политики до тѣхъ поръ, пока я живъ, то скажу вамъ, что все происшедшее не должно мѣнять нашихъ добрыхъ отношеній, ни ихъ шансовъ на продолжительность».

Въ сущности Горчаковъ сближался съ Франціей, но въ то же время берегъ отношенія съ Пруссіей. Несмотря на свой восторгъ Бисмаркомъ и на свои «сожалѣнія» по поводу, какъ онъ называлъ, ошибки царствованія, т. е. вмѣшательства Франціи въ дѣла Польши, онъ признавалъ соглашеніе съ Франціей полезнымъ для обѣихъ странъ.

«Какое бы инстинктивное недоувѣріе ни испытывалъ я къ канцлеру,—пишетъ Флери,—но мнѣ совѣтъ непозволительно сомнѣваться въ его словахъ. Семейныя узы и нѣжное чувство, соеди-

няющія и императора Александра и короля Вильгельма, не могут вліять на необходимость политики, и царь подчинить свои дѣйствія горячему мнѣнію народа».

Въ депешѣ Флери отъ 12-го января находится нѣсколько любопытныхъ замѣчаній князя Горчакова относительно внутренней политики Франціи. Онъ самъ пришелъ въ посольство, чтобы поговорить объ измѣненіяхъ въ ходѣ дѣлъ французскаго правительства. Канцлеръ восторгался великой душой и проницательностью Наполеона, сумѣвшаго стать во главѣ мирной революціи, первые результаты которой будутъ залогомъ для поддержанія мира. Свои симпатіи къ либеральному министерству Горчаковъ снова выражалъ не разъ.

Флери, какъ уже упомянуто, имѣлъ частые случаи встрѣчаться съ Александромъ II. «Въ продолженіе двухъ недѣль,—писалъ онъ,—меня приглашали два раза на охоту. На прогулкѣ или воскресномъ парадѣ, гдѣ я сопровождалъ его величество верхомъ, я часто имѣлъ честь разговаривать съ нимъ. Въ послѣдней поѣздкѣ съ императоромъ въ Гатчину онъ самъ заговорилъ со мною о Шлезвигѣ и прибавилъ: «Я уже могу обезпечить вамъ одно: скажите императору Наполеону и вашему правительству, что Пруссія ничего не сдѣлаетъ такого, что бы смутило миръ». Не было никакого сомнѣнія, что императоръ имѣлъ добрыя намѣренія и иллюзіи.

1-го марта Флери получилъ отъ Наполеона депешу, въ которой, между прочимъ, послѣдній спрашиваетъ о здоровьѣ Александра II. Въ то же время министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Дарю, осведомлялся о томъ же и о политическомъ направленіи наследника. 5-го марта посланникъ отвѣтилъ:

«Царь хворалъ эту осень въ Крыму. Онъ перенесъ операцію, вслѣдствіе воспаленія, причиненнаго грыжею, но съ тѣхъ поръ императоръ не только здоровъ, но никогда еще онъ не былъ такъ дѣятеленъ тѣломъ и умомъ. Что касается до его умственной жизни, то положительно извѣстно, что онъ работаетъ шесть или восемь часовъ въ день. Всѣ дѣла представляются ему. Всѣ записки, адресованныя къ нему, прочитываются и отмѣчаются имъ, и судя по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя я могу засвидѣтельствовать, императоръ узнаетъ о приходѣ дипломатическихъ депешъ изъ всѣхъ странъ въ самый день ихъ прибытія. По чистой совѣсти я долженъ заявить, что императоръ не только здоровъ, но очень дѣятеленъ, веселъ въ интимной жизни, еще молодъ съ виду и по характеру, и, наконецъ, онъ много танцевалъ вчера вечеромъ. Г. Бисмаркъ вызвалъ призракъ болѣзни, лишь ради политической необходимости, которую легко объяснить. Относительно цесаревича—это правда, что онъ представитель такъ называемой русской партіи, т. е., анти-нѣмецкой, анти-иностранный, а это хорошая карта въ нашей игрѣ. Онъ доказалъ силу воли и твердость характера, съ которыми придется считаться. Какъ это принято съ наследниками, министры по-

свящаютъ его во всё текущія дѣла. Въ императорскомъ совѣтѣ онъ много разъ имѣлъ случай засвидѣтельствовать свои анти-нѣмецкія чувства, именно по поводу концессіи желѣзной дороги, данной графу Ламздорфу, которому покровительствуетъ король Вильгельмъ».

Относительно появившейся въ Петербургѣ брошюры «L'impassé politique», переведенной на русскій языкъ и продававшейся во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, Флери пишетъ: «Она надѣлала много шума. Баронъ Жомини признался мнѣ, что онъ ея авторъ. Горчаковъ не выразилъ своего неодобренія ни относительно мысли, ни выраженій, а императрица, прочитавъ ее сама, отослала въ министерство, сказавъ, что не нашла ни одного слова, которое слѣдовало бы измѣнить. Всѣ эти подробности я узналъ отъ Жомини. Князь Горчаковъ не хочетъ сказать имя автора брошюры. Онъ довольствуется лишь замѣчаніемъ, что «согласается съ главной мыслью брошюры, и она такъ хорошо написана, что онъ былъ бы счастливъ имѣть ея автора однимъ изъ редакторовъ своего министерства».

Слухъ о пріѣздѣ Вильгельма въ Петербургъ оправдывался, и такъ же, какъ по поводу пожалованія Георгіевской ленты, поднялась тревога во французскомъ посольствѣ. «Хотя я еще не спрашивалъ Горчакова,—писалъ Флери—но онъ мнѣ самъ сказалъ вчера: «Если состоится эта поѣздка, не безпокойтесь о ней болѣе, чѣмъ о столѣтніи ордена Георгія Побѣдоносца. Россія хочетъ мира, она хочетъ быть самостоятельна».

Въ свою очередь императоръ Александръ, какъ и во время Георгіевской исторіи, сдѣлалъ неожиданный визитъ во французское посольство. Флери отправилъ слѣдующую депешу: «Три дня тому назадъ я справлялъ годовщину рожденія императорскаго принца, и какъ это принято въ Петербургѣ, когда есть официальный пріемъ, я просилъ великихъ князей и княгинь пожаловать, предупредивъ ихъ о мотивѣ собранія. Я не думалъ, что долженъ официально пригласить императора. Но не только вся императорская семья и князь Горчаковъ, никогда не выѣзжавшій, явились въ посольство, но и царь пожелалъ присутствовать на празднествѣ, и несмотря на усталость послѣ цѣлаго дня охоты, онъ остался до двухъ часовъ утра».

«Слишкомъ очевидно,—пишетъ Флери по поводу восточнаго вопроса,—какъ бы ни увѣрялъ князь Горчаковъ, но Россія ласкается въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ честолюбивый проектъ пойти на Константинополь».

Коснувшись славянскаго вопроса, посланникъ услышалъ отъ Горчакова слѣдующій отвѣтъ:

«Слишкомъ преувеличиваютъ работы славянофиловъ и слишкомъ на шумѣли въ вашихъ журналахъ и газетахъ по поводу извѣстныхъ манифестацій, въ которыхъ правительство не прини-

мало участія. Съ другой стороны мы не можемъ ни отречься ни порицать этихъ манифестацій; мы не имѣемъ права противиться обществамъ, цѣль которыхъ — благотворительность, усилія которыхъ — попытка распространить просвѣщеніе между страдающими братьями. Эти комитеты дѣйствуютъ открыто; ихъ центры въ Петербургѣ и Москвѣ, и я не знаю, нѣтъ ли ихъ отдѣленій въ княжествахъ. Относительно этого вопроса я повторю вамъ то, что уже говорилъ: пусть намъ поименуютъ дѣла, назовутъ агентовъ, производившихъ политическую пропаганду подъ знаменемъ славянофильства, и мы будемъ ихъ судить, но я не могу допустить, что эти идеи братства повлекутъ за собою опасность, и что онѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ глухіе происки, способные остановить на себѣ вниманіе правительства.

Изъ этого отвѣта Флери вывелъ, что «панславизмъ еще одно средство для высшихъ классовъ бороться съ нигилизмомъ, народнымъ идеаломъ, котораго они боятся; они пробуютъ занять и присоединить къ великой идеѣ слишкомъ пылкіе умы. Наконецъ панславизмъ въ Россіи то же, что въ другихъ странахъ — патріотическія мечтанія, которыя народъ лелѣетъ, не давая отчета, возможно ли будетъ также когда нибудь видѣть ихъ осуществленными... Славянскіе народы одушевлены совсѣмъ различными стремленіями, согласно ихъ политическому положенію».

«Война зависитъ отъ случая, какъ сказалъ преждевременно полковникъ Стоффель, и 3-го іюля 1870 г. кандидатура принца Леопольда Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ послужила этимъ случаемъ, — говоритъ Флери, — и Горчаковъ, до тѣхъ поръ лавировавшій между прежнимъ союзомъ съ Германіей и будущимъ соглашеніемъ съ Франціей, выказалъ свое пристрастіе къ Пруссіи, какъ только событія приняли воинственный оборотъ».

15 іюля Россія категорически заявила Австріи, что не позволитъ ей дѣйствовать совмѣстно съ Франціей, и генераль Флери долженъ считать себя счастливымъ, что въ деклараціи нейтралитета, сдѣланной Александромъ II, ничего не упоминалось о Габсбургской имперіи.

Въ депешѣ герцога Грамона къ Флери между прочимъ говорилось: «Если Пруссія будетъ настаивать на вступленіи на престолъ принца Гогенцоллернскаго, — будетъ война».

На эту депешу Флери послалъ отвѣтъ 7-го іюня, въ которомъ онъ дѣлаетъ выводъ изъ разговора, бывшаго наканунѣ съ Горчаковымъ: «Россія всегда желала установить дружеское согласіе между ею и Франціей. Но Франція должница Россіи, и было бы необходимо, чтобы она дала на Востокъ залогъ примиренія».

Черезъ день послѣ этой депеши генераль Флери видѣлъ Александра II-го въ Красномъ, а 9-го онъ писалъ: «императоръ Александръ понимаетъ, насколько оскорбительно для Франціи предло-

женіе испанскаго престола принцу Гогенцоллерну. Его величество признаетъ, какъ бы ни былъ малозначителенъ кандидатъ, но не сдѣлался бы онъ въ данный моментъ знаменемъ для Пруссіи. Царь поручилъ увѣдомить императора, что у него есть важныя причины думать о неосуществимости заговора, составленнаго маршаломъ Примомъ».

11 іюля Флери увѣдомилъ герцога Грамона, что «канцлеръ отправился въ Германію съ приказаніемъ императора заставить въ Берлинѣ послушаться миролюбивыхъ совѣтовъ и подкрѣпить такимъ образомъ письмо, уже написанное прусскому королю въ томъ же смыслѣ. 12 іюля онъ писалъ Наполеону: «императоръ Александръ сдѣлаетъ все, что можетъ, для примиренія. Въ случаѣ войны я буду просить ваше величество довѣрить мнѣ командованіе кавалеріей, если ваше величество не пожелаетъ дать мнѣ постъ, болѣе близкій къ вамъ».

Въ тотъ же день посланникъ писалъ герцогу Грамону, что Александръ II, отъ котораго онъ только что вернулся, прочиталъ ему депешу къ дядѣ. «Онъ просилъ настоятельно прусскаго короля дать приказъ принцу Гогенцоллернскому отказаться отъ кандидатуры и взять обратно свое согласіе. Это было бы средство,—говорилось въ депешѣ,—успокоить справедливую обидчивость, возбужденную въ Парижѣ, такъ же, какъ въ Берлинѣ, съ которою обоимъ государямъ придется считаться. Александръ II прибавилъ: «Само собою разумѣется, если прусскій король приметъ это предложеніе, можно не колеблясь объявить, что онъ не заинтересованъ въ комбинаціяхъ маршала Прима. Война будетъ европейскимъ несчастіемъ, отъ котораго прибыль получить революція. Скажите вашему правительству: я все сдѣлаю возможное, чтобы помѣшать этому въ границахъ моихъ совѣтовъ и вліянія. Мое доброе расположеніе къ Наполеону не можетъ быть подъ сомнѣніемъ. Недавно герцогъ Омальскій и кто-то изъ его окружающихъ проектировали посѣтить великаго князя Константина и проѣхать по Россіи; я велѣлъ сказать принцамъ Орлеанскимъ, что послѣ недавняго голосованія палаты ихъ путешествіе по Россіи мнѣ кажется несвоевременнымъ».

Вмѣшательство императора Александра вызвало рѣшеніе принца Гогенцоллернскаго отказаться отъ испанскаго престола. Генеральтъ Флери имѣлъ долгое свиданіе съ Александромъ II, и 15 іюля онъ увѣдомилъ герцога Грамона: «Дѣло выиграно, благодаря его личному вмѣшательству. Онъ не можетъ болѣе вліять на прусскаго короля, гордость котораго уязвлена, и который также находится лицомъ къ лицу съ національнымъ чувствомъ, уже затронутымъ отказомъ принца Леопольда».

Несмотря на свой отказъ снова попытаться устроить дѣло съ Вильгельмомъ, императоръ, по словамъ Флери, опечалился,

видя, что война загорается изъ-за причины, которая не позволяет ему вновь сдѣлаться посредникомъ. Французскій посланникъ получилъ 18 іюля письмо отъ Жомини. Въ немъ послѣдній, между прочимъ, говоритъ: «Если необходимость этой борьбы заставитъ Францію вовлечь въ нее Австрію, то война приметъ столь угрожающій характеръ для насъ, что, несмотря на наше желаніе, намъ будетъ тяжело оставаться безучастными зрителями. Могутъ случиться неожиданности, которыя принудятъ насъ воевать. Тогда откроется неодолимая бездна между Франціей и Россіей. Я васъ умоляю воспрепятствовать этимъ результатамъ».

Разрѣшеніе этого вопроса приходило къ концу, и посланникъ писалъ герцогу Грамону 13 іюля: «Положеніе здѣсь не безъ важности. Есть два теченія мнѣній: императоръ увлеченъ семейными идеями и вліяніемъ прусскихъ интересовъ. Наслѣдникъ и армія, напротивъ—за Францію, но приказываетъ царь. Очень важно нѣсколько руководить главными газетами и дѣйствовать на нихъ. Прошу васъ разрѣшить мнѣ благоразумные расходы, которые я считаю необходимыми сдѣлать».

Того же числа генераль Флери извѣстилъ французскаго императора, что «Александръ проситъ Наполеона, если еще есть время, остановить окончательное рѣшеніе. Ночью онъ телеграфировалъ прусскому королю, что присоединяется къ ходатайству Англіи на почвѣ трактата 1856 г. Царь теперь воодушевленъ самыми дружескими намѣреніями. Я постарался вернуть его къ его первому впечатлѣнію. Онъ обѣщаль нейтралитетъ въ случаѣ войны съ условіемъ, что Австрія не приметъ никакого участія».

Въ тотъ же день онъ писалъ герцогу Грамону: «императоръ Александръ пришелъ въ себя отъ перваго впечатлѣнія, причиненнаго ложными телеграммами изъ Берлина, увѣдомлявшими, что Грамонъ сказалъ Вертеру, будто прусскій король долженъ извиниться предъ императоромъ Наполеономъ».

Въ Россіи были убѣждены, по словамъ Флери, что Пруссія будетъ побѣждена, такъ какъ генераль Тотлебенъ утверждалъ, будто Майнцъ былъ дурно защищенъ, и если Франція смѣло пойдетъ на него, и онъ будетъ взятъ,—успѣхъ послѣдней обезпеченъ.

Послѣ свиданія французскаго посланника съ императоромъ въ Петергофѣ 4 августа 1870 г. на замѣчаніе Александра II, что онъ очень сожалѣетъ о настойчивомъ желаніи Франціи вмѣшаться въ свой союзъ Данію, Флери отвѣчалъ: «Франція была согласна изъ угожденія Россіи лишиться участія Австріи, жертвуя выгодами отъ столь полезной диверсіи, относительно же Даніи и другихъ союзовъ не можетъ быть то же самое». «Послѣ этого разговора Флери бесѣдовалъ тайно съ наслѣдникомъ, прося его поговорить съ отцомъ, прежде чѣмъ отправиться въ Копенгагенъ въ ту же ночь». «Наслѣдница и всѣ ея друзья совершенно намъ сочувствуютъ».

Императрица благоразумна, одинъ императоръ увлекается. Но онъ окончилъ, давъ мнѣ слово, что до послѣдняго дня не отдастъ приказа относительно передвиженія арміи, и сдѣлалъ лишь кое-какія приготовленія, о которыхъ я уже вамъ говорилъ».

«Русскія газеты, очень самостоятельныя на политической національной почвѣ, оказываютъ намъ грамадныя услуги. Было бы важно прійти къ нимъ на помощь и перепечатать изъ нихъ нѣкоторыя выдержки».

«Императоръ Александръ воодушевленъ честными и прямодушными намѣреніями. Онъ понимаетъ, что политикѣ и интересамъ его страны угрожаетъ успѣхъ и увеличеніе Пруссіи. Онъ признался мнѣ по этому поводу, и я вѣрю его искренности, но его затягиваютъ, какъ вы знаете, семейныя узы и нѣмецкіе инстинкты; необходимо его успокаивать безпрестанно относительно революціи во Франціи, которой онъ страшится. Чтобы узнать полное мнѣніе князя Горчакова, я объявилъ, согласно вашему предписанію, что Франція не сдѣлаетъ никогда мирнаго трактата, пока не изсякнутъ всѣ средства защиты, какъ только подъ условіемъ неприкосновенности территоріи и сохраненія династіи. Канцлеръ отвѣтилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, династія непричастна къ этому вопросу. Онъ убѣжденъ, что перемѣна правительства во Франціи сначала повлечетъ за собою республику, и это будетъ несчастіемъ для всей Европы. Я выражаю вамъ это мнѣніе, окончилъ онъ, не для того, чтобы избѣжать вмѣшательства на этой почвѣ, такъ какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, какъ извѣстно, мои личныя симпатіи пріобрѣли довѣріе Наполеона и его семьи».

Въ депешѣ къ Туръ д'Оверну посланникъ, упоминая о династіи, пишетъ: «Что же касается династіи, то царь первый заговорилъ о ней, и я съ удовольствіемъ вамъ сообщаю, что онъ не только не поддерживаетъ, ни секретно, ни официально, какую либо орлеанскую кандидатуру, но еще убѣждаетъ меня, что прусскій король желаетъ поддерживать нашу династію. Надъ императоромъ тяготеетъ прусское вліяніе, и полезно періодически являться къ нему, чтобы оспаривать непрестанную работу Бисмарка надъ этой честной душой, но полной слабости и непостоянства. Онъ много разспрашивалъ меня относительно вѣрности и энергіи начальниковъ арміи».

6-го сентября 1870 года, послѣ Седанскаго погрома, посланникъ обратился съ просьбой объ отставкѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ временнаго французскаго правительства, Жюль Фавру, который, прежде чѣмъ получить телеграмму, уже отстранилъ его.

Несмотря на свое отвращеніе къ новому правительству Франціи, Александръ II внялъ, однако, голосу императрицы Евгеніи, умолявшей его въ письмѣ сохранить къ Франціи, какое бы ни было ея правленіе, тѣ же чувства, какія онъ выказывалъ династіи, и упо-

требить свое вліяніе, когда придетъ минута, чтобы могъ заключиться честный и продолжительный миръ. Это письмо изгнанной императрицы прибыло въ Петербургъ 17-го сентября на имя генерала Флери. Несмотря на то, что послѣдній не занималъ болѣе officialнаго положенія, онъ немедленно добился аудіенціи у императора и вручилъ письмо лично Александру II. Посланникъ,—говорить его сынъ,—нашелъ, что намѣренія императора странно измѣнились. На его просьбу, посланную черезъ графа Шувалова, вмѣшательство государь отвѣтилъ, что событія измѣнили положеніе, и его намѣренія совершенно приняли другое направленіе, благодаря революціи. Насколько Евгенія патріотично ступевалась передъ новымъ министерствомъ, настолько императоръ Александръ возмущался имъ. На письмо императрицы Евгеніи Александръ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

«Я получилъ, сударыня, письмо, которое ваше величество изволили мнѣ адресовать. Я понимаю и цѣню побужденіе, которое продиктовало его и заставило забыть ваши несчастія, чтобы думать только о несчастіи Франціи. Я искренно интересуюсь и горячо желаю, чтобы скорый миръ положилъ предѣлъ бѣдствіямъ для всей Европы. Я думаю, этотъ миръ будетъ тѣмъ болѣе солидный, чѣмъ онъ явится болѣе справедливымъ и умѣреннымъ. Я сдѣлалъ и буду продолжать дѣлать все зависящее отъ меня, чтобы способствовать тѣмъ результатамъ, которые я призываю всей душой. Благодарю васъ за добрую память и за довѣріе къ моимъ чувствамъ. Возобновляя мои увѣренія, остаюсь вашего величества
«добрый братъ

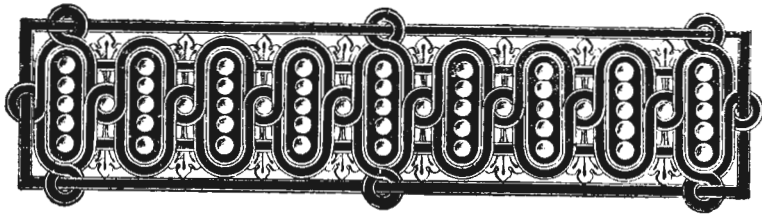
«Александръ».

Это письмо было послано изъ Царскаго Села 20-го сентября (2-го октября) 1870 года. Текстъ съ его копіи сынъ Флери доставилъ въ Петербургъ въ 1870 году.

Въ это время прежній посланникъ всѣми силами старался вліять на русскаго канцлера съ цѣлью измѣнить неблагоприятное мнѣніе о новомъ французскомъ правительствѣ 4-го сентября.

Благодаря его настояніямъ, петербургскій кабинетъ согласился посоветовать прусскому правительству начать переговоры съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Свиданіе состоялось 19-го сентября въ Феррьерѣ. Бисмаркъ сначала отказалъ въ перемиріи и принялъ Жюль Фавра свысока и напрямикъ поставилъ вопросъ объ Эльзасѣ. На другой день, посоветовавшись съ королемъ, на котораго вліялъ Александръ, Бисмаркъ рѣшился заключить миръ, съ условіемъ уступки Страсбурга съ его предмѣстьями. Жюль Фавръ, какъ извѣстно, отказался отъ исполненія этого условія, и война продолжалась. «Александръ II, видя, что его великодушное вмѣшательство, говоритъ Флери, осталось безплодно, болѣе не вмѣшивался и строго держался нейтралитета». **В. Т.**

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Н. Н. Лендеръ. Разказы путника. (Изданіе А. С. Суворина).
Спб. 1902.**

РАЗКАЗЫ путника—это уже восьмая книжка того же автора. Первые семь посвящены путешествіямъ. Г. Лендеръ основательно объѣздилъ весь югъ Россіи, Кавказъ и Черноморское побережье, Поволжье, а также посѣтилъ Царьградъ, святыя мѣста и Египетъ. Во время этихъ поѣздокъ передъ нимъ промелькнулъ цѣлый рядъ разнообразныхъ картинокъ, лицъ и характеровъ. Путешествіе очень полезно для молодыхъ писателей: оно знакомитъ ихъ съ жизнью при различныхъ обстановкахъ, даетъ рядъ живописныхъ образовъ, расширяетъ кругозоръ. Последняя книжка автора составлена изъ его беллетристическихъ работъ. Это все небольшіе наброски образовъ и положеній, болѣе или менѣе драматическихъ и довольно разнообразныхъ по содержанию. Во всѣхъ этихъ очеркахъ есть движеніе, что придаетъ имъ интересъ, есть чувство мѣры и желаніе быть правдивымъ. Во многихъ изъ нихъ авторъ является стороннимъ наблюдателемъ. Ему попалось на пути интересное лицо, интересное положеніе, которое можетъ развернуться къ драмѣ; онъ заноситъ его въ свою книжку и, какъ истинный путникъ, идетъ далѣе, довольствуясь наблюдаемымъ имъ отрывкомъ изъ жизни, какъ бы опасаясь или не желая прослѣдить эту жизнь болѣе широко.

Впрочемъ, нѣкоторые изъ очерковъ составляютъ исключеніе. Таковы: «Весна», «Разрывъ», «Чужіе», «Въ деревнѣ» и «У тихой пристани». Всѣ они связаны между собою одними и тѣми же дѣйствующими лицами. Въ пяти небольшихъ главахъ разсказывается исторія нѣкоего Радина и молодой и даривтой актрисы Ольги Петровны; они женятся по любви, но безпокойная артистическая натура побуждаетъ Ольгу покинуть любимаго мужа и его богатое

помѣстье и опять броситься въ водоворотъ бродячей актерской жизни; но истеченіи нѣкотораго времени закулисныя интриги и душевная усталость заставляютъ ее вспомнить про тихій уголокъ, гдѣ она оставила добраго и преданнаго ей человѣка; она бросаетъ сцену и возвращается къ мужу, который и встрѣчаетъ ее съ распростертыми объятіями; съ его стороны ни жалобъ, ни упрековъ... «Она же забыла обо всемъ. Она успокоилась: она дома!» Если бы было побольше такихъ мужей, то для женщинъ съ артистическими натурами было бы не житье, а масленица. Такова канва драмы, въ сущности, довольно сложной, но рассказанной г. Лендеромъ въ пяти главкахъ. При такой краткости всѣ душевныя страданія и перипетіи, пережитыя супругами, только намѣчены. По прочтеніи этихъ очерковъ, даже кажется, что Радшинъ особенно не страдалъ отъ разлуки съ нѣжно любимой женщиной, но когда она вернулась, то очень обрадовался; пассивная, но счастливая натура!

Тѣмъ не менѣе, эта исторія читается съ интересомъ, благодаря правдивости и пріятному стилю автора, а также сердечной деликатности, съ которой онъ обходитъ отрицательныя стороны своей героини. Здѣсь авторъ какъ будто измѣняетъ спокойному безстрастію путника, которому надо куда-то торопиться; онъ останавливается на симпатичномъ ему типѣ женщинѣ и, несмотря на всѣ ея приключенія на волнахъ житейскаго моря, заставляя ее одуматься и водворяетъ ее у семейнаго очага въ противность баснѣ, въ которой стрекозу, послѣ того какъ она все пѣла, заставляютъ еще поплясать...

А. В—кій.

Профессоръ А. П. Лебедевъ. Историческіе очерки состоянія византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Изданіе второе. М. 1902.

Неутомимый русскій ученый, талантливый изслѣдователь судебъ христіанской церкви, плодовитый писатель и прекраснѣйшій популяризаторъ въ нашемъ обществѣ научнаго церковно-историческаго знанія, профессоръ А. П. Лебедевъ успѣшно продолжаетъ изданіе полнаго собранія своихъ сочиненій. Предъ нами новый томъ этого собранія, посвященный исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV столѣтія, т. е. отъ начала крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя въ 1453 году. И этотъ томъ представляетъ большой интересъ въ различныхъ отношеніяхъ.

Онъ состоитъ изъ шести отдѣльныхъ очерковъ и приложенія. Въ первомъ очеркѣ (стр. 1—44) излагается взглядъ на взаимныя отношенія церкви греческой и латинской въ XI—XV вѣкахъ. Здѣсь почтенный ученый прочно устанавливаетъ тотъ научно-историческій фактъ, что въ отмѣченное время отношенія между греческой и латинской церквами были враждебныя. Причиной этого былъ рядъ новыхъ столкновеній между греками и латинянами, которыя не только не содѣйствовали умиротворенію церквей, варушенному въ IX и XI вѣкахъ, но еще болѣе усиливали взаимный антагонизмъ. Однимъ изъ значительныхъ факторовъ, содѣйствовавшихъ взаимному отчужденію грековъ и ла-

тинянь, были крестовые походы. Эти походы сопровождались, какъ извѣстно, грабёжами, убійствами и варварскимъ обращеніемъ рыцарей креста съ греческимъ населеніемъ, его собственностью, святынями, монастырями и породили въ грекахъ такую ненависть къ мнимымъ ихъ братьямъ—латинянамъ, которая залегла въ народной памяти и сознаніи на цѣлые вѣка. Достаточно ознакомиться съ современными византійскими разсказами о завоеваніи латинянами городовъ Фессалоники (въ 1185 г.) и Константинополя (1204 г.), чтобы видѣть вполне основательную причину ненависти грековъ къ латинянамъ. Затѣмъ, вражда разжигалась и презрительными отзывами римскихъ папъ и западныхъ королей о греческой церкви, какъ еретической, полемическими нападками латинскихъ писателей на православную вѣру и церковные обычаи грековъ, какъ исполненные ошибокъ и заблужденій, и обличеніями со стороны латинянь греческаго духовенства и монашества въ различныхъ религіозныхъ и нравственныхъ недостаткахъ и т. п. Разумѣется, византійцы не оставались въ долгу и въ свою очередь отвѣтили латинянамъ громаднымъ числомъ полемическихъ трактатовъ и діалоговъ, въ коихъ изобличили дѣйствительныя отступленія латинянь отъ истинно-христіанской догмы и ихъ противоцерковныя обрядовыя, заблужденія. Такимъ образомъ, почва для взаимной религіозной вражды была вполне благопріятна. Однако же нельзя полагать, что въ XI—XV вѣкахъ совершенно были порваны всѣ связи между востокомъ и западомъ, напротивъ, нѣкоторые факты свидѣтельствуютъ и о чувствахъ взаимнаго братства и любви между греками и латинянами. Къ сожалѣнію, эти немногіе голоса, раздававшіеся какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, призывавшіе къ единенію, были не настолько сильны, чтобы голоса, иначе звучавшіе, потеряли значеніе,— и раздѣленіе между церквями не могло смѣниться согласіемъ и братствомъ.

Во второмъ очеркѣ (стр. 45—105) изображается религіозно-нравственный характеръ Византійской имперіи отъ конца XI до половины XV вѣка. Здѣсь профессоръ Лебедевъ ведетъ весьма обстоятельную рѣчь о религіозно-нравственной жизни византійскихъ императоровъ, напримѣръ, Алексѣя Комнина и его сына Іоанна, Мануила и Андроника Комниновъ, Іоанна Ватаци, нѣкоторыхъ императоровъ изъ династіи Палеологовъ, затѣмъ представляетъ характерныя черты нравственной жизни высшихъ и низшихъ классовъ византійскаго общества, духовенства и монашества. Въ заключеніи очерка авторъ говоритъ: «если безпристрастно станемъ оцѣнивать, чего больше было въ религіозно-нравственной жизни византійцевъ—хорошаго или худого, то, къ сожалѣнію, должны будемъ сознаться, что отъ стеченія различныхъ причинъ очень много зла накопилось въ греческомъ христіанскомъ народѣ изучаемыхъ вѣковъ» (стр. 103—104).

Въ третьемъ очеркѣ рѣчь идетъ объ отношеніи государственной власти къ церкви (стр. 106—167). Западноевропейскіе писатели характеризуютъ отношенія византійскихъ императоровъ къ церкви, какъ цезаропанизмъ, т. е. считали византійскихъ императоровъ одновременно и царями и первосвященниками. Это мнѣніе, по объясненію г. Лебедева, отчасти несправедливо, отчасти справедливо: оно несправедливо, когда въ подобныхъ отношеніяхъ императоровъ въ ихъ церкви хотятъ видѣть какую-то систему или законъ, будто бы су-

ществовавшіе въ Византіи, и сираведливо въ томъ случаѣ, когда считаютъ это явленіе единичнымъ, частнымъ и, конечно, ненормальнымъ, не имѣвшимъ для себя основанія въ законоположеніи ни церковномъ, ни гражданскомъ, но, разумѣется, послѣдняя точка зрѣнія должна быть признана единственно правильной, и никакого цезаропапизма, какъ системы и законоположенія, въ Византіи не существовало. Были лишь злоупотребленія со стороны императоровъ, вслѣдствіе поущенія слабыхъ византійскихъ патріарховъ, но, съ другой стороны, можно указать цѣлый рядъ фактовъ, когда эти злоупотребленія встрѣчались энергичный отпоръ со стороны высшей церковной власти, и тогда отношенія императоровъ къ церкви входили въ обычную, установленную церковными законами норму, которая характеризовалась независимостью церкви отъ государства въ своей внутренней жизни и дѣятельности. Представивъ общую характеристику вопроса, г. профессоръ Лебедевъ разсматриваетъ далѣе отношенія къ церкви со стороны императоровъ Алексѣя и Мануила Комниновъ, Исаака Ангела, Михаила Палеолога, Андроника Старшаго и другихъ, принимавшихъ немалое участіе въ церковныхъ дѣлахъ.

Въ четвертомъ очеркѣ (стр. 168—366) обозрѣвается церковно-общественная дѣятельность іерарховъ византійско-восточной церкви. Нарисовавъ идеальнаго пастыря, но воззрѣніямъ византійскихъ писателей Никифора Григоры и Георгія Нахимера, профессоръ А. П. Лебедевъ обозрѣваетъ потомъ жизнь и дѣятельность выдающихся константинопольскихъ патріарховъ отъ конца XI вѣка до завоеванія Константинополя турками, а затѣмъ характеризуетъ двѣ партіи въ византійскомъ духовенствѣ—зилотовъ и политиковъ. Партія зилотовъ или ревнителей заявила себя поборницею свободы и независимости церкви, не дѣлала въ области церковной никакихъ уступокъ царской власти и не боялась, ради своихъ идей, вступать въ столкновенія съ властями и обществомъ, хотя бы это вело къ смутамъ и безпорядкамъ. Зилоты не отличались образованностью, пастырей строгихъ по жизни предпочитали ученымъ, а въ личной своей жизни руководились началами суроваго аскетизма. Политики же или умѣренные искали для церкви поддержку къ государствѣ, глубоко уважали государственную власть, стремились къ образованію и высоко цѣнили людей ученыхъ. Столкновенія этихъ партій вызвали въ Византіи большія смуты, наблюдаемая почти въ теченіе всего существованія Византійской имперіи, въ частности въ XI—XV вѣкахъ, какъ это обстоятельно и показываетъ г. Лебедевъ въ разсматриваемой книгѣ. Въ этомъ же очеркѣ описывается матеріальное положеніе византійско-восточнаго духовенства, а въ заключеніи его кратко обозрѣвается состояніе церковно-общественной жизни въ патріархатахъ Александрійскомъ, Антиохійскомъ и Іерусалимскомъ, еще въ VII вѣкѣ потерявшихъ свою политическую независимость.

Въ пятомъ очеркѣ (стр. 367—445) рѣчь идетъ о духовномъ просвѣщеніи и состояніи богословской науки въ Византіи съ конца XI до половины XV вѣка. И здѣсь на прочныхъ научныхъ данныхъ твердо устанавливается профессоромъ Лебедевымъ тотъ безспорный фактъ, что въ Византіи въ разсматриваемую эпоху просвѣщеніе стояло очень высоко, особенно въ царствованіе династія Комниновъ и нѣкоторыхъ Палеологовъ, которые отли-

чались замѣчательнымъ меценатствомъ, сами были люди всесторонне образованные, учреждали школы, покровительствовали ученымъ и вообще всѣми средствами поддерживали научно-литературное движеніе въ странѣ. Но были въ разсматриваемую эпоху и времена упадка византійскаго просвѣщенія. Такъ было въ эпоху латинскаго господства въ Константинополѣ (1204—1261 г.) и наканунѣ турецкаго завоеванія. Византійское образованіе имѣло богословскій характеръ по преимуществу, но устойчиво держались на византійской почвѣ и традиціи классицизма, а также пышнаго, сравнительно, расцвѣта достигла и философія, въ формѣ возродившихся платонизма и аристотелизма. Охарактеризовавъ византійское просвѣщеніе въ общихъ чертахъ, г. профессоръ Лебедевъ переходитъ къ обзору литературныхъ произведеній по различнымъ отраслямъ богословской науки, именно: священной экзететикѣ (Евѣимій Зигавинъ), догматикѣ и полемикѣ (Зигавинъ, Никита Хониатъ, Николай Метонскій), исторіи церкви (Никифоръ Каллистъ) и церковно-практическимъ наукамъ (Евѣимій Фессалоникійскій, Николай Кавасила).

Въ шестомъ очеркѣ (стр. 446—458) г. профессоръ Лебедевъ описываетъ паденіе Константинополя въ 1453 году, по поводу коего онъ, между прочимъ, говоритъ: «если нынѣшнюю Турецкую имперію съ ея плохимъ финансовымъ положеніемъ, голоднымъ и разутымъ войскомъ, неурядицами въ администраціи единогласно называютъ «больнымъ челоѣкомъ», то мы, право, затрудняемся, какъ назвать Византію середины XV вѣка. Тенерешняя Турція по сравненію съ тогдашней Византіей—могущественное государство. И если Византія наконецъ пала, то это значило только, что старый, давно заброшенный домъ, остававшійся безъ призора и ремонта, рухнулъ, какъ и слѣдовало того ожидать» (стр. 446). Но «паденіе Константинополя, пишетъ г. Лебедевъ въ заключеніи очерка, было такъ давно, что пора бы наступить другому событію—освобожденію этого великаго города изъ рукъ недостойныхъ его обладателей турокъ» (стр. 458).

Въ приложеніи (стр. 459—489) помѣщенъ этюдъ подъ заглавіемъ: «Общество любителей духовнаго просвѣщенія въ Византіи давняго времени». Здѣсь почтенный ученый показываетъ, что въ Византіи, начиная съ Константина Великаго и почти вплоть до паденія имперіи, существовало нѣчто въ родѣ общества любителей духовнаго просвѣщенія, находившагося подъ покровительствомъ и руководствомъ императоровъ, заставляшаго преимущественно въ царскомъ дворцѣ и проявляшаго свою дѣятельность въ ученыхъ собраніяхъ и бесѣдахъ на богословскія темы. Общество вносило большое оживленіе въ учено-литературную византійскую сферу и такъ называемую публику и представляло одну изъ замѣчательныхъ особенностей въ культурной жизни Византіи.

Новый томъ собранія церковно-историческихъ сочиненій профессора А. П. Лебедева представляетъ, какъ видно и изъ краткаго обзора его содержанія, большой научный интересъ. Почтенный ученый весьма отчетливо изобразилъ здѣсь внутреннюю жизнь византійско-восточной церкви въ XI—XV вѣкахъ, нарисовалъ яркую картину ея разнообразнаго и богатаго мощными запросами движенія и на основаніи прочныхъ научныхъ данныхъ утвердилъ свои сужденія и выводы касательно высокаго культурнаго расцвѣта Византіи.

Книга профессора Лебедева читается весьма легко, такъ какъ написана прекраснымъ популярнымъ языкомъ, который дѣлаетъ ее доступной и для читателей средняго образованія.

Σ.

В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. Спб. 1902.

Перетцъ, не такъ давно выступившій съ первыми учеными трудами (кажется, это было лѣтъ 8 тому назадъ), но уже успѣвшій дать много объемистыхъ работъ, выпустилъ недавно 3-й томъ своихъ историко-литературныхъ изслѣдованій, примыкающій по своей темѣ непосредственно къ первому ихъ тому. Предметъ изслѣдованія — специальный въ высшей степени, не могущій заинтересовать никого, кромѣ специалистовъ. Заглавіе труда г. Перетца «Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в.» какъ будто бы заключаетъ намеки на то, что тема представляетъ общій, историко-литературный интересъ, но г. Перетцъ остановилъ свое вниманіе не на содержаніи произведеній, а на ихъ формѣ, да и здѣсь ограничилъ себя изученіемъ исторіи стихотворной формы, стихосложенія, взявъ одинъ моментъ этой исторіи — начало XVIII вѣка. Всѣмъ извѣстенъ стихъ сѣверно-русскихъ былинъ; нужно думать, что эта форма существовала искони, быть можетъ, даже была первоначальной формой стиха. Опять-таки всѣмъ извѣстенъ (изъ теоріи словесности) силлабическій стихъ, переданный впервые въ малорусскую литературу, а уже потомъ и въ великорусскую. Въ первой онъ принялся, и въ взаимодѣйствіе стараго народнаго стиха и силлабическаго, выразившееся въ тонизаціи послѣдняго, приводитъ къ сближенію съ народной рѣчью. Это сближеніе характеризуетъ эволюцію малорусскаго стиха; въ Великороссіи же силлабическій стихъ не получилъ распространенія и на первыхъ же порахъ встрѣтилъ помѣху въ метро-тоническомъ стихѣ. Первымъ шагомъ этого метро-тоническаго стиха, дожившаго въ XIX вѣкѣ до блестящаго расцвѣта, посвящена основная часть изслѣдованія г. Перетца, та часть, въ которой выводы свѣжи и оригинальны.

Всѣ изъ теоріи словесности знаютъ, что метро-тоническій стихъ введенъ въ русскую литературу В. К. Тредьяковскимъ, и что въ этомъ — главная его заслуга. Г. Перетцъ на основаніи массы новыхъ фактовъ лишаетъ почтеннаго поэта права на эту заслугу. Принято вѣрить признанію Тредьяковскаго, что народныя пѣсни навели его на мысль бросить силлабическій размѣръ. Но это признаніе не соответствуетъ дѣйствительности: теоретическія соображенія въ пользу новой формы стиха высказывались въ многочисленныхъ рукописяхъ и до Тредьяковскаго, а онъ только печатно повторилъ ихъ. И не онъ первый началъ писать метро-тоническіе стихи. Тредьяковскій заимствовалъ эту форму (тутъ изслѣдователь стѣняется обозначить настоящимъ терминомъ дѣйствія Тредьяковскаго) у двухъ ученыхъ нѣмцевъ, которые просто-напросто переводили съ своего языка размѣрами подлинника, т.-е. писали тоническіе стихи. Это — исторъ Глюкъ и магистръ философіи Галльскаго университета, I. В. Паусъ, сначала учитель въ школѣ Глюка и въ своей собственной, а потомъ, съ

1726 года—главный переводчикъ Петербургской академіи наукъ. Паусъ былъ очень трудолюбивый нѣмецъ; оставшіяся послѣ его смерти рукописи были переданы въ академическую бібліотеку и здѣсь пролежали до сихъ поръ, и не то, чтобы ихъ никто не касался; напротивъ, академики XVIII вѣка и касались ихъ, но считали болѣе удобнымъ не сообщать о своемъ знакомствѣ съ этими рукописями. Паусъ—дѣйствительно основательно забытый человѣкъ, но не справедливо: человѣкъ, вмѣстѣ съ Глюкомъ насадившій тоническій стихъ. Стихъ Жуковского и Пушкина не заслуживалъ бы такого отношенія, но г. Перетцъ спасъ Пауса отъ забвенія, не только отмѣтивъ его заслугу, но и остановившись подробно на его біографіи и давъ обзоръ его трудовъ и изданіе его стиховъ. У Тредьяковскаго отнято право на признательность потомковъ за введеніе тоническаго стиха.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе любопытнаго, обстоятельнаго и объемистаго (IV + 426 + 168 стр.) труда г. Перетца. Выводы его о первыхъ шагахъ тоническаго стиха, конечно, основательны, изслѣдованіе сдѣлано тщательно, привлечено очень много новаго матеріала, напечатано много новыхъ текстовъ. Все бы казалось хорошо, но гдѣ-то въ глубинѣ возникаетъ вопросъ, не черезчуръ ли тщательно, не черезчуръ ли много новаго матеріала, новыхъ текстовъ. Это—вопросъ не праздный и не посягающій на научное значеніе подобныхъ трудовъ. Вѣдь, въ сущности, нельзя на виду оставлять всю черную работу, вѣдь для выводовъ, даваемыхъ трудомъ г. Перетца, можно было бы не печатать огромнаго тома въ 40 печатныхъ листовъ, можно было бы все содержаніе работы сжать въ нѣсколькихъ печатныхъ листахъ. А сырые матеріалы! Нельзя же печатать всѣ пошавшіе подъ руку матеріалы! Если поставить себѣ задачей изданіе всѣхъ матеріаловъ, подумайте, что за безконечный и скучный процессъ будетъ представлять наука. Относительно матеріаловъ, напечатанныхъ г. Перетцемъ (главнымъ образомъ, матеріалы о Паусѣ), можно сказать, что ихъ слишкомъ много, и всѣ они однообразны, и всѣ они наводятъ на одни и тѣ же мысли, и всѣ они будутъ покоиться въ книгѣ г. Перетца до тѣхъ поръ, пока вновь не станутъ сырымъ матеріаломъ. Г. Перетцъ сдѣлалъ всѣ возможные выводы на основаніи трудовъ Пауса, и дальнѣйшій интересъ къ нимъ будетъ нездоровымъ. Самъ г. Перетцъ чувствуетъ, что дѣло не ладно съ этими матеріалами. «Въ этой книгѣ, пишетъ онъ въ предисловіи, можетъ быть, слишкомъ много сырого, необработаннаго матеріала. Но — «*vita brevis*»... и я буду счастливъ, если собранный и опубликованный мною матеріалъ вызоветъ среди ученыхъ живой интересъ къ затронутой мною эпохѣ и болѣе детальныя изслѣдованія». Но вѣдь это—слова, и притомъ слова, въ которыхъ чувствуется противорѣчіе. И въ наукѣ нужно заботиться о томъ, чтобы важное отдѣлять отъ неважнаго, нужно ставить на первомъ планѣ задачи науки, а не процессъ научнаго изслѣдованія, собранія и публікаціи матеріаловъ и т. д. Не наука для матеріаловъ, а матеріалы для науки, не вообще сырые матеріалы, а матеріалы для научныхъ построеній.

Ш. Ш.

Графъ Павелъ Шереметевъ. Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. Москва. 1902.

На святкахъ прошлаго года авторъ названной книги получилъ приглашеніе отъ своего знакомаго, гр. А. А. Бобринскаго, принять участіе въ устраиваемой имъ охотѣ на лосей и медвѣдя. За косматымъ обитателемъ лѣсовъ прихотилось ѣхать далеко въ самую глушь Кирилловскаго уѣзда Новгородской губерніи. Путь охотниковъ лежалъ по желѣзной дорогѣ до Вологды, а затѣмъ нужно было ѣхать болѣе 100 верстъ въ сторону на лошадяхъ мимо занесенныхъ сугробами деревень и знаменитыхъ въ древности, но теперь запустѣвшихъ монастырей Терапонтова и Кириллова. Плодомъ этой поѣздки и явилась только что вышедшая книга. Несмотря на существованіе въ нашей литературѣ такихъ канитальныхъ трудовъ по описанію нашего сѣвера, какъ «Годъ на сѣвѣрѣ», «Лѣсная глушь» Максимова и сравнительно недавно вышедшая книга Случевскаго «По сѣверо-западу Россіи», и путевыя записки гр. Шереметева окажутся у насъ далеко не лишними. Дѣло въ томъ, что изслѣдователи обращали свое вниманіе главнымъ образомъ на рѣчные пути и бѣломорское побережье, а такая глушь, въ которую забрались охотники, извѣстна пока еще мало. Авторъ, видимо, прекрасно подготовленъ къ путешествію и потому во время пути имѣлъ возможность сдѣлать немало такихъ наблюденій, которыя не заинтересовали бы обыкновеннаго проѣзжаго человѣка или бы просто ускользнули отъ его вниманія.

Послѣ пребыванія въ тѣсномъ и шумномъ городѣ, тишь и просторъ безконечныхъ снѣжныхъ равнинъ заставляютъ путника переживать немало своеобразно пріятныхъ настроеній. Естественно поэтому, что гр. Шереметевъ, не гоняясь за особенной стройностью изложенія, пожелалъ въ своей книгѣ, такъ сказать, закрѣпить все видѣнное и слышанное во время поѣздки. Трудъ его носитъ характеръ дневника, въ который авторъ вносилъ все, что встрѣчалось на пути любопытнаго и съ его точки зрѣнія цѣннаго. Бытовая сторона и условія мѣстной жизни интересуютъ автора сравнительно мало, и все его усилія направлены къ отысканію и осмотру сохранившихся остатковъ старины. Съ этой цѣлью онъ неукоснительно осматриваетъ встрѣчающіяся на пути церкви, ѣдетъ въ Терапонтовъ монастырь, гдѣ въ его памяти живо воскресаетъ фигура «собиннаго» друга царя Алексѣя, величаваго патріарха Никона, проведеншаго здѣсь нѣсколько лѣтъ въ заточеніи; посѣщаетъ знаменитый въ русской исторіи монастырь Кирилло-Бѣлозерскій и старается разыскать тамъ могилы своихъ предковъ, бояръ Шереметевыхъ. Древности и сокровища монастырскихъ ризницъ и остатки когда-то богатыхъ рукописныхъ собраній пользуются самымъ серьезнымъ вниманіемъ автора. Въ долгіе зимніе вечера, останавливаясь на ночлегъ, онъ собираетъ цѣлую коллекцію мѣстныхъ узоровъ и записываетъ заговоры, сказки и былины, еще сохранившіяся съ грѣхомъ пополамъ въ памяти вымирающихъ мѣстныхъ сказителей. Въ дневникѣ попутно рисуются иногда и жанровыя сценки въ родѣ, напримѣръ, подгулявшей компаніи молодыхъ интеллигентовъ, разсуждающихъ въ грязноватой залѣ вологодской гостинницы о политико-экономическихъ вопросахъ. Въ ихъ рѣчахъ еще слышатся отголоски

марксизма, несмотря на то, что въ столицахъ онъ уже успѣлъ сойти со сцены. Или вотъ передъ читателемъ любопытная фигура одного изъ мѣстныхъ захолустныхъ обитателей изъ крестьянъ, который, жалуясь на произволъ мѣстнаго земскаго начальника, къ удивленію автора, распространился о неудобствѣ соединенія въ одномъ лицѣ власти судебной и полицейской. Какъ оказалось потомъ, этотъ крестьянинъ выписывалъ изъ С.-Петербургскаго комитета грамотности немало книгъ и старался распространять ихъ въ народѣ. Скоро однако просвѣтительной его дѣятельности былъ положенъ конецъ, и вотъ онъ обращается къ проѣзжимъ гостямъ съ такимъ характернымъ недоумѣніемъ: «Меня томить вопросъ, что значить это запрещеніе, стало быть, это нѣкій тормазь».

Не имѣя значенія объективнаго научнаго изслѣдованія, какъ заявляетъ и самъ авторъ, книга гр. Шереметева, написанная, кстаги сказать, живымъ, не лишеннымъ своеобразной свѣжести языкомъ, сильнѣйшимъ образомъ отражаетъ его личное настроеніе и его археологическія симпатіи. Отношеніе автора къ родной старинѣ самое любовное, что представляетъ большую рѣдкость въ нашемъ беззаботномъ насчетъ старины обществѣ. Забравшись въ этотъ «свѣтлый» сѣверный край, онъ переносится мысленно въ другое время, къ другой жизни и «съ наслажденіемъ вдыхаетъ свѣжій воздухъ древности».

Книга съ вышней стороны издана прекрасно, въ альбомномъ форматѣ и снабжена значительнымъ количествомъ фототипій. М.

Ө. Д. Батюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ. Часть II. Спб. 1902.

М. О. Меньшиковъ. Критическіе очерки. Томъ II. Спб. 1902.

Жалуются на оскуднѣніе литературной критики, но съ перваго взгляда эти жалобы оказываются неосновательными. Подумайте только, что никто изъ нашихъ извѣстныхъ критиковъ, ни Вѣлинскій, ни Чернышевскій, ни Добролюбовъ, ни Писаревъ, не дождался при своей жизни собранія своихъ сочиненій или даже просто отдѣльнаго изданія хоть бы только избранныхъ статей. А теперь, за послѣдніе три года, сколько появилось критическихъ трудовъ, не только этюдовъ, впервые являющихся въ отдѣльныхъ изданіяхъ, но и собраній журнальныхъ статей! Современные критики спѣшатъ выпустить отдѣльнымъ изданіемъ собраніе всѣхъ строкъ, помѣщенныхъ ими даже и не въ журналахъ, а въ газетахъ. Но, увы, этотъ видимый ростъ критической литературы нужно поставить за счетъ расширившагося спроса и предложенія на книги вообще, и формальный избытокъ критической литературы все-таки не можетъ покрыть внутренняго его оскуднѣнія.

Передъ нами—два сборника критическихъ очерковъ, это—не первый дебютъ автора, это—уже вторые томы «очерковъ». Г. Меньшиковъ—журналистъ и критикъ по профессіи, г. Батюшковъ—ученый, выступающій на журнальномъ поприщѣ изрѣдка съ темами, почему либо глубоко его интересующими. Г. Меньшиковъ и г. Батюшковъ отличаются другъ отъ друга манерой чтенія художественныхъ произведеній. Первый—читатель-любитель съ из-

вѣстнымъ среднимъ эстетическимъ критеріемъ, съ обычными средними представлениями о художественности, искусствѣ и т. д., читатель, которому нельзя отказать въ извѣстномъ вкусѣ, всѣ сужденія котораго опираются на его вкусъ; второй — читатель-филологъ, обладающій умѣньемъ филолога читать книги, тѣмъ умѣньемъ, которое такъ высоко цѣнитъ Ницше. Г. Меньшиковъ знакомъ со всеобщей литературой, именно, какъ любитель, въ ея лучшихъ, классическихъ произведеніяхъ; г. Батюшковъ — специалистъ по исторіи литературы. Общія убѣжденія г. Меньшикова носятъ слѣды ученія Толстого о мирной культурной дѣятельности и проникнуты этическимъ настроеніемъ, при чемъ этика г. Меньшикова — отраженіе этики Льва Толстого, значительно уступаетъ своему прототипу въ глубинѣ и проникновенности. Г. Батюшковъ тоже серьезно интересуется нравственными проблемами, но нѣсколько иначе. Въ художественномъ произведеніи его вниманіе приковываетъ его нравственная сторона; онъ тщательно анализируетъ данное произведеніе, стремясь найти отвѣтъ на свои вопросы. Свои разборы онъ приурочиваетъ къ выясненію опредѣленнаго вопроса, будетъ ли то вопросъ этики, или искусства. И съ внѣшней стороны очерки г. Меньшикова отличаются отъ очерковъ г. Батюшкова. Первый пишетъ живо и бойко, какъ журналистъ, набившій себѣ руку; второй пишетъ, какъ ученый, сжато и немного тяжело. Но этюды г. Батюшкова, вызванные не потребностями минуты, а вдумчивымъ настроеніемъ автора, представляютъ дѣйствительный интересъ не только для современнаго читателя; они принадлежатъ дѣйствительно къ произведеніямъ критической литературы и сохраняютъ свое значеніе и на будущее время. А очерки г. Меньшикова врядъ ли представляютъ интересъ и для современнаго читателя и безусловно потонуть въ морѣ другихъ критическихъ очерковъ.

«Довлѣетъ дневи злоба его»... и очерки г. Меньшикова были умѣстны въ журналѣ, газетѣ (всѣ они, между прочимъ, печатались въ «Недѣлѣ»): читатели въ свое время прочли ихъ и забыли. Вѣдь эти очерки — разговоръ, живой и интересный, о различныхъ литературныхъ явленіяхъ, но только разговоръ, содержаніе котораго забывается по окончаніи бесѣды. Въ книгѣ г. Меньшикова именно разговоры. Вотъ, на примѣръ, разговоръ о разрядѣ изящной словесности при академіи наукъ, при чемъ на 30 страницахъ г. Меньшиковъ доказываетъ, что музы не нуждаются въ покровительствѣ. Вотъ бесѣда по случаю появленія 13-го тома сочиненій Л. Толстого; г. Меньшиковъ на 9 страницахъ обращаетъ вниманіе на то, что статьи Толстого, собранныя вмѣстѣ, производятъ впечатлѣніе болѣе сильное, чѣмъ каждая въ отдѣльности. А вотъ «Слово о мужикахъ» — небольшой и легкій разговоръ читателя-любителя о «Мужикахъ» Чехова. Очеркъ «Замѣтки о языкѣ» — разговоръ на тему о томъ, что общество огражденія чистоты русскаго языка не можетъ направить развитіе языка въ ту или другую сторону. Болѣе содержательны очерки о Мережковскомъ и его взглядахъ на Пушкина («Клевета обожанія») и Горькомъ («Красивый цинизмъ»). Какое значеніе имѣетъ вкусъ въ разсужденіяхъ г. Меньшикова, видно хотя бы изъ слѣдующаго парадокса: «иногда, при нѣкоторомъ талантѣ, писателю достаточно красивой наружности, чтобы составить себѣ имя, — достаточно даже

эффектной шевелюры». Въ послѣднемъ очеркѣ г. Меньшикова встрѣчаемъ слѣдующія строки: «меня спросятъ, почему же въ такомъ случаѣ мы, пишущіе, пишемъ статьи и книги. По моимъ наблюденіямъ, почти всѣ мы пишемъ не для народа, а для себя. Въ худшемъ случаѣ хочется дешевой славы, денегъ,— въ лучшемъ—хочется облегчать свою душу отъ груза чувствъ и мыслей. Намѣреніе «послужить народу»—только оправданіе себя». Золотыя слова! Остается еще спросить: зачѣмъ выпускать отдѣльнымъ изданіемъ все, что пишешь въ журналахъ и газетахъ?

Содержаніе книжки г. Батюшкова—довольно разнообразно. Изъ историко-литературныхъ очерковъ отмѣтимъ любопытную параллель: взгляды на мужика у Бальзака, Чехова и Короленка, интересный и содержательный этюдъ—опять параллель между Пушкинымъ и Расиномъ («Борисъ Годуновъ» и «Атлія»). Въ книжкѣ даны характеристики критическихъ взглядовъ Н. К. Михайловскаго («Критикоуравнитель»), личности Л. Н. Майкова («Гуманистъ-академикъ»—вдумчиво и тепло написанный этюдъ), личности и поэзии Влад. Соловьева («Памяти В. С. Соловьева»). Статья «о смѣнѣ поколѣній и объ искателѣ» посвящена Вл. Короленку, произведенія котораго авторъ очень высоко цѣнитъ и внимательно и любовно изучалъ. Г. Батюшковъ характеризуетъ В. Короленка, какъ искателя, и, быть можетъ, поэтому писатель, отвѣчающій его собственному настроенію, такъ дорогъ для автора «очерковъ». Статья «Отъ сумерекъ къ разсвѣту» даетъ анализъ воззрѣній г. Розанова, изложенныхъ въ его книгѣ «Сумерки просвѣщенія». Въ очеркѣ «Комедія и трагедія индивидуализма» рѣчь идетъ о вопросахъ, вызываемыхъ «Накипью» Боборыкина и «Альмой» Мяскаго. Всѣ эти статьи, написанныя немного сухо, по своему научному интересу, другія—по современному ихъ значенію, заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Ц.

Крестянинъ-писатель начала XVIII вѣка. И. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ И. С. Бѣляева. Изданіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Москва. 1902.

Привлекательный образъ истинно-русскаго человѣка, преданнаго сына церкви православной, крѣпкаго стояльца и страдальца за правду государеву и земскую воскрешаетъ предъ нами очеркъ И. С. Бѣляева; въ его изложеніи, основанномъ предпочтительно на сочиненіяхъ самого Посошкова, оживаетъ этотъ умный крестянинъ-самоучка, упорнымъ трудомъ вышедшій въ люди, не закопавшій въ землю даннаго ему отъ Бога таланта, не павшій себя, когда дѣло шло о правдѣ, о пользѣ государства и погибшій жертвою какой-то темной, глухой, загадочной вражды. Взглядъ на личность Посошкова теперь болѣе или менѣе установленъ; его считаютъ истинно-русскимъ человѣкомъ того именно пошиба, какой знала лишь Московская Русь. Горячая любовь къ родинѣ вызвала у этого умнаго и вдобавокъ знакомаго съ передовыми людьми своего вѣка мужика здравое критическое отношеніе къ русской дѣйствитель-

ности, и потому этотъ московскій патриотъ сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ реформы Петра; въ ней привлекало его не сближеніе съ Западомъ,—нѣтъ, Посошковъ на этотъ Западъ смотритъ только-только не отрицательно; онъ цѣнилъ преобразовательную дѣятельность великаго царя потому, что видѣлъ въ ней грандіозную критику всѣхъ дореформенныхъ порядковъ и непорядковъ, видѣлъ въ ней рядъ способовъ исправить условія жизни Русскаго государства; это и заставляетъ его и самого посылить Петру, то измышляя для его полковъ какія-то «рогатки съ огненнымъ боемъ», то работая у царева питейнаго дѣла, то составляя «Зеркало очевидное», направленное противъ раскола; это же заставляетъ его съ грустью смотрѣть, какъ Петръ «на гору еще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору миллионы тянутъ»,—замѣчаніе, несомненно то лестное для лицъ правительственной среды Петрова царствованія и, быть можетъ, тоже поставленное Посошкову въ вину.

Въ этихъ именно чертахъ рисуетъ личность Посошкова и г. Вѣляевъ; внимательное изученіе произведеній крестьянина-писателя, а равно и другого матеріала, дало ему возможность прибавить одинъ-два тонкихъ штриха къ очерку его личности и жизни; особенно подчеркиваетъ г. Вѣляевъ патриотизмъ Посошкова, въ то же время указывая въ его характерѣ такія черты, которыя роднятъ самоучку-писателя съ массой русскаго народа; горячей вѣрой въ свѣтлое будущее родного народа, дающаго Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, дышать послѣднія страницы очерка, и вѣра эта кладетъ какой-то свѣтлый, бодрый отпечатокъ на всю біографію; это именно книга русскаго патриота XX вѣка о русскомъ патриотѣ XVIII столѣтія; авторъ понимаетъ Посошкова, и пониманіе это теплымъ, живымъ, непосредственнымъ сдѣлало и разсказъ его о жизни писателя-самоучки.

М. П—й.

Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкаскаго. Составила кн. О. Трубецкая. Томъ I. Москва. 1901.

Въ предисловіи своемъ составительница высказываетъ твердое убѣжденіе, что эпоха царствованія императора Александра II настолько отошла въ область исторіи, что обнародованіе относящихся къ ней документовъ не явится преждевременнымъ. Противъ этого положенія едва ли можно что либо возразить въ настоящее время, когда «Эпоха великихъ реформъ» покойнаго Джаншіева стала настольной книгой каждаго интеллигентнаго русскаго человѣка; но, характеризуя общій ходъ реформъ и настроеніе, господствовавшее въ то время въ обществѣ и правительственныхъ сферахъ, книга Джаншіева лишь вскользь касается личности самихъ дѣятелей этой эпохи. Послѣднее обстоятельство и побудило княгиню О. Трубецкую предложить читателямъ «Матеріалы для біографіи князя Владимира Александровича Черкаскаго» съ цѣлью «дать каждому изъ нихъ возможность воссозданія доблестнаго и благороднаго облика одного изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей царствованія Александра I». Тульскій дворянинъ, князь В. А. Черкасскій, еще будучи студентомъ Московскаго университета, подъ влияніемъ такихъ профессоровъ, какъ М. П. Пого-

динъ и Н. П. Крыловъ, всецѣло посвящаетъ себя наукѣ. вмѣстѣ съ Лакиеромъ онъ пишетъ сочиненіе на золотую медаль на тему «Очеркъ исторіи сельскаго сословія въ Россіи». Будучи помѣщикомъ Веневскаго уѣзда, слѣдовательно человѣкомъ, матеріально обеспеченнымъ, князь не бросаетъ научныхъ занятій, готовится къ экзамену на степень магистра русскаго государственнаго права, но въ то же время съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ крестьянскаго вопроса въ правительственныхъ сферахъ. Несмотря на неудачу представленнаго правительству грушюю тульскихъ дворянъ перваго проекта (1844 г.) освобожденія крестьянъ, князь В. А. пишетъ въ 1847 г. второй проектъ и настолько отдается крестьянскому дѣлу, что въ послѣдній моментъ отказывается держать магистерскій экзаменъ. Между тѣмъ февральская революція во Франціи вызвала въ отношеніи правительства къ крестьянскому вопросу рѣзкій поворотъ, результатомъ котораго было распушеніе тульскаго дворянскаго комитета, созданнаго для подписанія проекта князя Черкаскаго. Со времени закрытія «Тульскаго кружка» до наступленія новаго царствованія, съ 1848 по 1855 годъ, наступаетъ пробѣлъ въ общественной дѣятельности князя Черкаскаго. Къ этому періоду относится женитьба его на Ек. А. Васильчиковой (1850 г.), сближеніе съ московскими славянофилами и ревизія имѣній Васильчиковыхъ. Но завѣтныя идеи не покидаютъ князя В. А., и онъ пишетъ записку «О лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія», которую и представляетъ правительству въ 1857 г.

Въ то же время онъ сотрудничаетъ въ «Русской Бесѣдѣ» Кошелева, гдѣ публицистическія статьи его обращаютъ на себя общее вниманіе.

Между тѣмъ учрежденный въ январѣ 1859 года секретный комитетъ, послѣ года довольно безплодной канцелярской работы, былъ переименованъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, при чемъ предсѣдательство въ немъ принялъ на себя самъ государь. Кошелевъ, пользуясь расширеніемъ гласности, затѣваетъ изданіе новаго журнала «Сельское Благоустройство» и привлекаетъ къ нему въ качествѣ сотрудника князя В. А., только что вернувшася изъ за границы. Осенью 1858 года открыты губернскіе комитеты; подробности о ходѣ дѣла находимъ въ перепискѣ членовъ отъ правительства въ комитетахъ: тульскомъ—князя В. А. Черкаскаго, самарскомъ—Ю. Θ. Самарина и рязанскомъ—А. П. Кошелева. Отношенія между партіями либеральной и консервативной обострились до того, что членъ отъ правительства Кошелевъ вынужденъ былъ выйти изъ комитета; та же участь ожидала князя Черкаскаго, и неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы Кошелевъ не былъ возвращенъ въ комитетъ по желанію государя, который приказалъ объявить консервативному большинству высочайшее неудовольствіе. Послѣднее обстоятельство не могло, конечно, способствовать примиренію партій, и борьба въ тульскомъ губернскомъ комитетѣ между консервативнымъ большинствомъ и либеральнымъ меньшинствомъ, съ княземъ В. А. Черкасскимъ во главѣ, продолжалась до конца 1858 года. 4 марта 1859 г. была открыта знаменитая редакціонная комиссія для разсмотрѣнія проектовъ, поступавшихъ изъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, и составленія окончательнаго проекта освобожденія крестьянъ. Ростовцевъ, назначенный ея предсѣдателемъ, по совѣту Н. А. Милютина, ввелъ

въ составъ комиссіи князя В. А. Черкаскаго, Ю. Θ. Самарина и въ союзѣ съ ними, а также съ Я. А. Соловьевымъ и др., составилъ сплоченное ядро редакціонной комиссіи, проникнутое одними и тѣми же взглядами и вынесшее на своихъ плечахъ главный трудъ крестьянскаго законодательства.

На этомъ прерывается вышедшая въ свѣтъ 1-я книга I-го тома «Матеріаловъ». Весь матеріалъ, носящій чисто справочный характеръ, въ видахъ удобства изложенія вынесенъ составительницею въ отдѣлъ приложений, занимающій послѣднія 176 страницъ книги. Въ началѣ книги приложена фототипическая группа «меньшинства» тульскаго комитета.

Въ заключеніе не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ составительницы, что настоящая форма біографіи встрѣтитъ сочувствіе читателей. Г. О.

Профессоръ Евгенийъ Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матеріалы, изслѣдованія, замѣтки. Томы I—III. Казань. 1901—1902.

Заглавіе правильно указываетъ ту связь, которая существуетъ между всѣми статьями профессора Боброва, собранными въ этихъ книгахъ: всѣ онѣ освѣщаютъ различные моменты въ исторіи нашей литературы и нашего просвѣщенія въ XIX вѣкѣ. Въ этой исторіи авторъ выбираетъ явленія, или совсѣмъ забытыя, или не совсѣмъ ясныя для насъ, или тѣ, относительно которыхъ установилось опредѣленное мнѣніе, традиція, разрушающаяся первымъ критическимъ изслѣдованіемъ и держащаяся только при отсутствіи послѣдняго. Въ зависимости отъ темы каждая статья является или подборомъ матеріаловъ или пересмотромъ и критическимъ сопоставленіемъ этого матеріала. Относительно нѣкоторыхъ статей можно сказать, что онѣ готовятся превратиться въ изслѣдованія, являясь соединительнымъ звеномъ между выясненіемъ и констатированіемъ фактовъ и научнымъ ихъ изслѣдованіемъ. Дѣйствительно новыхъ, въ первый разъ появляющихся въ печати матеріаловъ немного найдется въ книгахъ профессора Боброва, но вѣдь и среди печатныхъ матеріаловъ немало такихъ, которые вполне могутъ сойти за новые: такъ основательно они забыты. Понятно, что статьи профессора Боброва имѣютъ различную цѣнность, если судить по важности затрогиваемыхъ ими вопросовъ.

Переходимъ къ обзору содержанія этихъ книгъ. Въ первомъ томѣ труда профессора Боброва помѣщено двѣ статьи. Одна изъ нихъ озаглавлена: «Поэзія Д. В. Веневитинова въ связи съ его жизнью». Содержаніе статьи вполне опредѣляется заглавіемъ: въ ней изъ произведеній Веневитинова извлеченъ весь матеріалъ, имѣющій значеніе для біографіи поэта. Этотъ очеркъ является одной изъ главъ предпринятой профессоромъ Бобровымъ спеціальной монографіи о Веневитиновѣ. Другая глава напечатана во второмъ томѣ «Литературы и просвѣщенія въ XIX вѣкѣ»; чтобы не возвращаться опять къ этой темѣ, скажемъ нѣсколько словъ по поводу этой второй главы. Она посвящена обзору критической дѣятельности поэта. Авторъ не согласенъ съ мнѣніемъ А. И. Иванова въ вопросѣ о взаимоотношеніяхъ критической дѣятельности Веневити-

нова и Вѣлинскаго. Г. Пвановъ смотритъ на дѣло такъ, что Веневитиновъ предвосхитилъ идейную сторону дѣятельности Вѣлинскаго. Профессоръ Бобровъ дѣлаетъ поправку къ этому мнѣнію: «не идеи Вѣлинскаго долженъ или могъ предвосхитить Веневитиновъ, по нашему мнѣнію, а мѣсто Вѣлинскаго въ русской литературѣ и критикѣ, значеніе и авторитетъ Вѣлинскаго» (II, 173). Изъ этого вывода можно принять отрицательную его часть, но съ положительной трудно согласиться. Вообще разсужденія о томъ, что было бы, если бы Веневитиновъ не умеръ, а жилъ, не представляютъ никакой важности и являются излишними. Вторая статья перваго тома содержитъ «Матеріалы для біографіи В. С. Печерина». Мы врядъ ли ошпбемся, если скажемъ, что для большой публики, живущей злобой дня, это имя пустой звукъ. И если бы не блестящая статья Герцена объ этомъ человѣкѣ, правда, доступная лишь немногимъ, это имя потерялось бы окончательно во мракъ забвенія. А между тѣмъ это имя принадлежитъ интереснѣйшему человѣку, сначала блестящему профессору греческаго языка въ Московскомъ университетѣ, потомъ эмигранту и важному патеру іезуитскаго ордена. Его исторія представляетъ интересъ и своей внѣшней загадочностью, и по загадочности психологическихъ мотивовъ. Профессоръ Бобровъ подобралъ и напечаталъ всѣ матеріалы о Печеринѣ, напечатанные въ Россіи, и прибавилъ къ нимъ, правда, съ нѣкоторыми сокращеніями статьи Герцена. Въ этой статьѣ данъ только сводъ матеріаловъ безъ критическаго изслѣдованія личности Печерина.

Такой же сводъ матеріаловъ представляетъ и первая статья второго тома, посвященная отношеніямъ Ѳ. П. Буслаева къ своему профессору и потомъ академику П. А. Давыдову; подборъ фактовъ даетъ возможность ярко обрисовать непривлекательную личность этого ученаго, о которомъ П. П. Клюшниковъ писалъ: «въ немъ грудь полна стяжанья мукой, полна расчетовъ голова, и тащится онъ за наукой, какъ за Минервою сова. Сквернить своимъ прикосновениемъ науку Божію педантъ» и т. д. Въ статьѣ «Генезисъ одной книги» рѣчь идетъ о книгѣ Ѳаддея Булгарина «Россія» въ историческомъ, статистическомъ и друг. отношеніяхъ, вышедшей въ 1837 году, и объ участіи въ авторствѣ этой книги профессора Н. А. Пванова. Книга эта является любопытнымъ трудомъ въ области нашей исторіографіи: «книга эта, говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, построена на чрезвычайно вѣрной мысли, что русская исторія должна быть изучаема въ связи съ славянской и вообще европейской». Мысль очень новая для того времени, когда она явилась. Немудрено, что о такой выдающейся книгѣ тотчасъ по появленіи ея стали ходить слухи, будто ее писалъ не Булгаринъ, а казанскій профессоръ Пвановъ, слухи, принявшіе впоследствии форму категорическаго утвержденія. Профессоръ Бобровъ произвелъ формальное слѣдствіе по дѣлу о плагиатѣ Булгарина и пришелъ къ заключенію что предположеніе о полномъ плагиатѣ Булгарина нужно считать вполне неосновательнымъ. Къ сожалѣнію, тѣхъ изысканій, которыя могли бы окончательно рѣшить вопросъ о долѣ участія въ трудѣ Булгарина Пванова, профессоръ Бобровъ не произвелъ: нужно было сдѣлать анализъ самой книги, и по идеямъ, положеннымъ въ основу книги, рѣшить, кому можетъ принадлежать замыселъ книги. Въ третьей статьѣ второго тома профессоръ Бобровъ предла-

гаетъ «нѣкоторыя» свѣдѣнія о научно-литературной дѣятельности Д. М. Велланскаго, преимущественно изъ ранняго ея періода. Профессоръ Бобровъ пересмотрѣлъ первые переводы Велланскаго и первую его оригинальную статью и далъ обзоръ ихъ содержанія, выполненный съ излишней щепетильностью. Велланскій перевелъ медицинскіе учебники Медгера, Селле, Прохаски и Гартмана; и профессоръ Бобровъ считаетъ нужнымъ сообщить біографическія данныя объ этихъ медикахъ, приложить списки ихъ трудовъ и даже дать подробное нѣмецкое оглавленіе учебника Гартмана. Быть можетъ, эти перечни и необходимы въ качествѣ матеріала для всякаго Wellansky-Forscher, по выраженію профессора Боброва, но они должны были бы остаться въ черновыхъ бумагахъ этого изслѣдователя. Въ приложенияхъ ко второму тому профессоръ Бобровъ даетъ обстоятельное примѣчаніе о «блестящемъ періодѣ» въ исторіи Московскаго университета и Московскаго учебнаго округа вообще подъ управленіемъ графа С. Г. Строганова. Профессоръ Бобровъ опровергаетъ избитую и ходячую фразу о «блестящемъ періодѣ»; въ примѣчаніи находится подборъ данныхъ для характеристики Строганова.

Въ третьемъ томѣ напечатаны затерянные произведенія С. Т. Аксакова, появившіяся въ прибавленіяхъ къ «Московскому Вѣстнику» и въ изданіи сочиненій не напечатанныя. Это театральныя рецензіи, не представляющія особеннаго интереса. Въ сущности, ихъ достаточно было бы только указать для издателя сочиненій С. Т. Аксакова, но профессоръ Бобровъ счелъ необходимымъ напечатать ихъ «съ дипломатическою точностью, съ той орѳографіею, интерпункціею и даже съ тѣми самыми опечатками, что и въ подлинникѣ» (Ш, 4). Пожалуй, это совѣтъ излишняя щепетильность. Вторая статья посвящена дѣлу Сочинскаго: это въ высшей степени интересная статья, и по темѣ и по подбору матеріаловъ. Дѣло Сочинскаго кровавая страница въ исторіи русскаго просвѣщенія. Студентъ-фармацевтъ медико-хирургической академіи Иванъ Сочинскій былъ присужденъ военнымъ судомъ къ битью шпицрутенами и къ проведенію сквозь строй за покушеніе на убійство профессора химіи С. Я. Нечаева, у котораго онъ неоднократно проваливался на экзаменѣ, почему и не могъ кончить курса. Статья профессора Боброва представляетъ сводъ частныхъ и официальныхъ данныхъ относительно самаго событія и даетъ историческую справку о шпицрутенахъ. У рѣдкаго современника читателя есть вполне ясное представленіе о томъ что такое шпицрутены; справка профессора Боброва можетъ удовлетворить любопытству, наполнивъ ужасомъ сердца любознательнаго общества. Въ очеркѣ о П. С. Нахимовѣ профессоръ Бобровъ далъ сводъ матеріаловъ объ этомъ удивительной доброты и мягкосердечія человѣкѣ, инспекторѣ Московскаго университета. Всѣ его питомцы всегда вспоминали о немъ съ чувствомъ глубочайшей признательности и уваженія. Слѣдующія статьи третьяго тома заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя данныя по исторіи масонства въ Казани. Въ ней напечатана пѣснь въ честь великаго мастера, извлеченная изъ бумагъ казанскаго масона С. А. Москотильникова, и рѣчь, сказанная въ казанской ложѣ. Къ казанской старинѣ относятся и письма Г. П. Каменева къ С. А. Москотильникову, правда, давно уже извѣстныя, но напечатанныя теперь безъ всякихъ пропусковъ по рукописямъ. Последняя статья тома трактуетъ о «ска-

заняхъ о корыстолюбцѣ въ козлиной шкурѣ». Этотъ очеркъ не даетъ ничего новаго.

Мы перебрали все содержаніе книгъ профессора Боброва; читатель видитъ, въ чемъ интересъ этихъ книгъ. Научное значеніе статей профессора Боброва, дающихъ сводъ матеріаловъ по данному вопросу, несомнѣнно; книги профессора Боброва освобождаютъ изслѣдователя отъ необходимости рыться по старымъ изданіямъ и подбирать матеріалы. Въ статьяхъ профессора Боброва матеріалъ не только собранъ: онъ отпечатанъ. Но книги профессора Боброва имѣютъ интересъ не только для специалистовъ: въ нихъ затрогиваются иногда темы (напримѣръ, дѣло Сочинскаго), имѣющія значеніе и для современности.

П. Щ.

Волжскій. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. I. Г. И. Успенскій.—II. Кто виноватъ? (Ученіе Ѳ. М. Достоевскаго объ отвѣтственности). Спб. 1902.

Очерки г. Волжскаго, посвященные двумъ нашимъ извѣстнымъ писателямъ, соединены въ одну книгу чисто механически, не имѣя между собою внутренней связи.

Въ первомъ изъ этихъ очерковъ (стр. 1—129) авторъ выясняетъ сущность идеала Г. И. Успенскаго, его «художественное à priori», основы его «правды», подробно развивая мысли, высказанныя по этому поводу Н. К. Михайловскимъ, который сущность творчества Успенскаго опредѣлилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «общій принципъ, къ которому могутъ быть сведены всѣ волненія Успенскаго, есть принципъ гармоніи, равновѣсія», — и «условное почтеніе ко всякой гармоніи и безусловное отвращеніе ко всякой расколотости». Не претендуя исчерпать все богатое содержаніе многочисленныхъ писаній автора «Власти земли», г. Волжскій ограничиваетъ свою задачу разсмотрѣніемъ того, какъ рѣшается Успенскимъ вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ народу. Рѣшеніе это резюмируется авторомъ такъ: «неустойчивый, безсознательный рай народной жизни (взятой въ ея основахъ, прибавимъ мы отъ себя) силою интеллигентной мысли долженъ быть возведенъ въ сознательный. На такую высокую задачу призвана интеллигенція» (69).

Второй очеркъ (стр. 131—192) снабженъ двумя эпитафиями изъ «Братьевъ Карамазовыхъ» и «Записокъ изъ мертваго дома»: «Знай, что воистину всякій и предъ всѣми и за все виноватъ. Не знаю я, какъ истолковать тебѣ это, но чувствую, что это такъ, до мученія»; и—«Погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?—То-то, кто виноватъ». Этими словами Достоевскаго опредѣляется содержаніе разсматриваемой статьи, цѣль которой—выяснить философскія воззрѣнія Ѳ. М. Достоевскаго, его ученіе объ отвѣтственности, покаяніи и свободѣ. Не разбирая отдѣльных типовъ и произведеній, не оцѣнивая художественныхъ достоинствъ и историческаго значенія творчества Достоевскаго, не касаясь его партійныхъ и политическихъ убѣжденій, авторъ «пробуетъ нащупать только одинъ нервъ его творческой работы, но, быть можетъ, наиболѣе жизненный и глубоко ле-

жаждій нервъ». Этотъ нервъ онъ видитъ въ вопросѣ, мучительно терзавшемъ мысль художника въ теченіе всей его жизни, — въ вопросѣ: «кто виноватъ?» — кто виноватъ во всѣхъ безобразіяхъ жизни, въ униженіи и оскорбленіи, въ страданіяхъ и горѣ, давящихъ миллионы людей, не исключая и ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей? «Вопросъ этотъ съ тревожной, властной настойчивостью преслѣдуетъ сознание великаго писателя, виситъ надъ нимъ, какъ темная загадка жизни, терзая и муча его своей таинственной глубиной». Въ рѣшеніи этого вопроса Достоевскій, какъ великій психологъ и впечатлительный художникъ, не могъ ограничиться объясненіемъ зла, какъ явленія соціальнаго, а смотрѣлъ на него съ индивидуально-психологической точки зрѣнія. вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніе этого теоретическаго вопроса осложнилось у него практическимъ моментомъ, — моментомъ живой связи съ совѣстью и ея неумолкаемыми стопами. «Проблема виновности срослась съ проблемой личной отвѣтственности, и вотъ почему она получаетъ у Достоевскаго и его героевъ такую жгуче-страстную постановку». Достоевскій прекрасно понималъ причинную обусловленность изображаемыхъ имъ страданій, необходимость всего совершающагося, но его совѣсть не могла на этомъ успокоиться, его нравственное сознание требовало признанія виновности, отвѣтственности, возмездія. Словомъ, мы видимъ здѣсь извѣстную кантовскую антиномію свободы и необходимости, которая и разрѣшается Достоевскимъ, въ общемъ, одинаково съ Кантомъ, но въ своеобразныхъ, свойственныхъ нашему художнику-психологу, терминахъ. Измученный своимъ исканіемъ виновнаго, не зная, съ кого спрашивать за все, что творится въ мірѣ, Достоевскій «взваливаетъ, наконецъ, всю отвѣтственность за огромность міроваго страданія на совѣсть самого страдальца, именно на того страдальца, который мучится страшнымъ вопросомъ «кто виноватъ?», на его собственное сознание, охваченное неутомимой, мучительной жаждой отыскать лично виновнаго». Отсюда — потребность покаянія.

Таково содержаніе книги г. Волжекаго, написанной съ знаніемъ предмета и съ строгимъ соблюденіемъ литературныхъ приличій (что рѣдко встрѣчается въ «критическихъ» статьяхъ послѣдняго времени). М. С.

Къ столѣтію комитета министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика. По документамъ архива комитета министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія канцеляріи комитета министровъ Н. А. Кислинскимъ. Подъ главной редакціей статсъ-секретаря Куломзина. Томы 1-й и 2-й. Спб. 1902.

За послѣднее время это третье официальное изданіе, о которомъ мнѣ приходится давать отзывъ въ библиографическомъ отдѣлѣ «Историч. Вѣстника», и все по тому же желѣзнодорожному вопросу. Съ этой точки зрѣнія, я долженъ сказать, что первыя двѣ работы министерства путей сообщенія: вообще по желѣзнодорожному строителству и особенно въ частности о по-

стройкѣ Николаевской желѣзной дороги, — составляютъ, какъ и слѣдовало ждать, на три четверти сочиненія болѣе техническаго, пусть хотя бы историко-техническаго характера, чѣмъ настоящія историческія монографіи. Напротивъ, въ превосходномъ трудѣ Н. А. Кислинскаго мы встрѣчаемся въ этомъ направленіи именно съ работой характера исключительно историческаго. Словомъ эта монографія написана съ тѣмъ великимъ безпристрастіемъ и полнотою, какія приличны трудамъ историческимъ, въ самомъ дѣлѣ излагаетъ исторію нашего желѣзнодорожнаго строительства въ его государственномъ смыслѣ. Тутъ идетъ великолѣпный по вышуклости рассказъ, какъ, начиная со страннаго для насъ скептицизма такихъ большихъ умовъ и характеровъ, какъ характеръ графа Толя и умъ и опытъ министра Канкринна, — въ пользу для земледѣльческой страны желѣзныхъ дорогъ, импониравшихъ самому императору Николаю 1-му, смотрѣвшему на тотъ же вопросъ совершенно иначе, мы дошли до постройки Варшавско-Вѣнской вѣтви, а затѣмъ съ 1842 года и Московской дороги за счетъ казны, а затѣмъ предались вакханаліи разорительной эпохи гарантій; благодаря однако имъ, Россія получила основную сѣть своихъ современныхъ желѣзныхъ путей, которыми мы пользуемся и досегодня. Но опытъ хищеній безграничныхъ и наглыхъ, да еще и не всегда русскихъ, принудилъ остановиться на этомъ пути еще въ концѣ царствованія императора Александра II, а затѣмъ, въ царствованіе царя миротворца, радикально и рѣзко повернуть на путь строительства казенными агентами и казенными средствами, чтобы въ наше время дополнить эту же сѣть такими грандіозными желѣзнодорожными сооружежіями, какъ великій транссибирскій путь, съ вѣтвью черезъ Манчжурію къ порту Артуру, въ связи съ послѣдовательнымъ и неослабнымъ выкупомъ желѣзнодорожныхъ линій Александровскаго времени въ казну.

Этими немногими строчками мы покуда указываемъ читателямъ, заинтересованнымъ вопросомъ, на прекрасный историческій источникъ по серьезнѣйшему изъ культурныхъ вопросовъ нашего времени, какъ на работу, въ высокой степени авторитетную, значительную и прекрасно исполненную.

Покуда второй томъ останавливается какъ разъ на кульминаціонной точкѣ рѣзкой перемѣны въ нашей желѣзнодорожной политикѣ, именно наканунѣ царствованія императора Александра III-го. Вотъ причина, почему и мы покуда считаемъ себя въ правѣ, по поводу этѣго капитальнаго историческаго документа, остановиться на точкѣ зрѣнія *fait sa voir*. Когда эта работа будетъ вполнѣ закончена, мы оставляемъ за собою право вернуться къ ней съ болѣе серьезнымъ указаніемъ и разборомъ сообщаемыхъ въ ней историческихъ фактовъ.

В. П.—нѣ.

Н. М. Чукмалдинъ. Записки о моей жизни. Изданіе Сергѣя Шарапова. М. 1902.

Записки Чукмалдина издать г. Шараповъ; онъ же въ предисловіи далъ рекомендацію и самой книгѣ и ея автору. Авторъ, по словамъ г. Шарапова, прекрасный человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова и весьма замѣчательный

русскій самородокъ, Н. М. Чукмалдинъ, сибирскій крестьянскій мальчикъ, обратившійся въ московскаго купца-милліонера. Чукмалдинъ, опять же по словамъ г. Шарарова, идеалистъ до корня волосъ и истинный поэтъ. Идеалистомъ и поэтомъ онъ былъ въ торговлѣ. Онъ такъ твердо вѣровалъ въ торжество правды и добра, что пускался въ самые смѣлые, самые рискованныя торговые планы, основанные на добрѣ, и всегда выходилъ побѣдителемъ, т.-е. получалъ огромную прибыль... И вотъ съ такою философіей Чукмалдинъ открываетъ новую отрасль чайнаго дѣла, останавливаетъ новый товаръ на рынкѣ и... среди всеобщаго кризиса наживаетъ сотни тысячъ. Устраиваетъ валяльную фабрику, даетъ высокой доброты товаръ для войскъ... и опять сотни тысячъ заработка, оплачивающаго только смѣлую инициативу честности. Все это—слова г. Шарарова, чрезвычайно ярко характеризующія его самого, его оригинальныя изслѣдованія объ идеализмѣ и его восторженное умиленіе передъ смѣлой инициативой честности, приносящей сотни тысячъ заработка. Читатель ровно ничего не знаетъ о Чукмалдинѣ и предисловіемъ г. Шарарова обязывается взглянуть на Чукмалдина съ извѣстной точки зрѣнія: личность Чукмалдина крупными штрихами обрисована и отрекомендована г. Шараровымъ. Но вѣдь читатель же не можетъ чувствовать за собой такой обязанности, и не теряетъ же онъ права оставить совершенно безъ вниманія воззваніе г. Шарарова.

Записки представляютъ просто написанный рассказъ о томъ, какъ мало-помалу составлялъ свою торговую карьеру Чукмалдинъ, сначала крестьянскій мальчикъ, потомъ подручный, приказчикъ, компаньонъ, хозяинъ и т. д. Авторъ описываетъ только внѣшнюю исторію своей жизни, весьма обыкновенную, ничѣмъ не отличающуюся отъ тысячи другихъ исторій наживанія капитала, но его жизнь протекала въ оригинальной обстановкѣ, сначала въ глуши—въ раскольничьей деревнѣ въ Сибири, а потомъ въ сибирскомъ городѣ. Поэтому нѣкоторыя подробности не лишены интереса. Къ сожалѣнію, авторъ записокъ совершенно не посвящаетъ насъ въ закулисную сторону своей жизни, въ исторію своихъ торговыхъ успѣховъ. Напримѣръ, изъ исторіи чайной торговли авторъ вспомнилъ только одинъ характерный эпизодъ. Онъ въ товариществѣ съ своимъ компаньономъ сторговалъ партію чая въ 2.000 ящиковъ по 12 рублей за ящикъ, но конкуррентъ могъ дать больше 12 рублей и укупить товаръ. Поэтому авторъ съ компаньономъ выкинули фортель: они предложили конкурренту купить у него раньше купленную партію того же чая по 10 рублей за ящикъ. Конкуррентъ, дѣйствительно, испугался паденія цѣны, испугался того, купивъ большую партію, онъ не развяжется съ ней, и «мы, пишетъ Чукмалдинъ, въ тотъ же день купили весь остатокъ, и въ теченіе года продали его съ пользою болѣе, чѣмъ по 5 рублей на ящикъ». Итого, больше 10.000 рублей прибыли: вотъ она—вѣра въ торжество правды и добра!

Авторъ не довелъ до конца своихъ записокъ; онъ остановился на переѣздѣ своемъ въ Москву, какъ разъ на началѣ своей дѣятельности въ крупныхъ размѣрахъ, и, къ сожалѣнію, не успѣлъ разсказать о своихъ торговыхъ реформахъ en grand, хотя занять былъ торговлей кирпичнымъ чаемъ и поставками войлоковъ въ войска. Быть можетъ, этотъ рассказъ и далъ бы намъ возможность увѣровать въ реальность образа идеалиста-купца, образа, созданнаго г. Шараровымъ.

Впрочемъ, для характеристики Чукмалдина любопытна послѣдняя глава записокъ: «бѣдные классы и косвенные налоги». Любопытенъ выводъ, къ которому привело автора созерцаніе современныхъ экономическихъ противорѣчій, современной нищеты и главнымъ образомъ системы косвенныхъ налоговъ, всей своею тяжестью обрушивающихся на бѣдныхъ: «мы, люди имущіе, обязанные, кромѣ заповѣди, преподанной намъ Спасителемъ міра, помогать бѣднымъ, поступаемъ какъ разъ наоборотъ и не возвышаемъ голоса противъ системы, помогающей богатому и забывающей бѣднаго (косвенныхъ налоговъ). Пора намъ прислушаться къ голосу нашей совѣсти и сказать во всеуслышаніе корпоративно, что всѣ налоги должны быть несены людьми имущими, и что налогомъ прямымъ и косвеннымъ должны быть обложены не бѣднякъ и его насущныя потребности, а капиталъ, крупный промыселъ и роскошь» (стр. 196). Очень характерно для автора записокъ то, что панацею отъ всѣхъ настоящихъ золъ онъ видитъ только въ налогѣ на доходъ съ капитала.

Знаменательно появленіе въ печати этой книги, и знаменательно то, что въ этихъ запискахъ г. Шараповъ усматриваетъ новое слово, которому предстоитъ смести всѣ старыя слова. Щ.

II. Ровинскій. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Томъ II. Спб. 1902.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Ровинскій издалъ первый томъ всесторонняго описанія Черногоріи. Географическое ея описаніе было снабжено картой, составленной на основаніи съемоковъ нашихъ военныхъ топографовъ, проверенныхъ самимъ г. Ровинскимъ; геологическое описаніе страны сдѣлано при помощи трудовъ европейскихъ ученыхъ, а въ историческомъ отношеніи всѣ данныя подвергнуты заново критической оцѣнкѣ, начиная съ первоначальной исторіи Зеты и кончая позднѣйшей исторіей Черной Горы. Но трудъ г. Ровинскаго былъ бы не полонъ, если бы авторъ не коснулся этнографіи края, какъ въ археологическомъ, такъ и въ современно-бытовомъ значеніи. Этому отдѣлу посвященъ второй томъ, обогащенный матеріаломъ не только изъ общихъ научныхъ источниковъ, но и собраннымъ путемъ личнаго и многолѣтняго общенія автора съ народомъ. Онъ самъ говоритъ объ этомъ главномъ отдѣлѣ своего труда слѣдующее: «прежде всего мы обратили вниманіе на различныя племена, изъ которыхъ составилось населеніе Черногоріи, собравъ по возможности все, что касается ихъ происхожденія и поселенія въ этихъ мѣстахъ и позднѣйшей ихъ исторіи. Затѣмъ мы остановились на изображеніи ихъ быта, начиная отъ племенныхъ или родовыхъ и общественныхъ отношеній и кончая обыденною жизнью и дѣятельностью со всею внѣшнею обстановкой въ тѣсной сферѣ дома, въ селѣ и городѣ, въ полѣ и горахъ, какъ семьянина, хозяина, пастуха и работника. Не пускаясь въ специальную область антропологіи, мы мало останавливались на описаніи физическаго, наружно-опредѣляемаго типа черногорца и взамѣнъ того старались собрать все, что обрисовываетъ его духовно-нравственный типъ, въ чемъ выражаются его понятія въ различныхъ

сферахъ: міра внѣшняго, физическаго и духовнаго (сверхъестественнаго); міра его собственнаго личнаго, какъ человѣка вообще, и какъ единицы общественной и семейной; міра его практической жизни и дѣятельности. Наконецъ духовный типъ народа выражается въ произведеніяхъ его ума: пѣснѣ, сказкѣ, преданіи, анекдотѣ, игрѣ, шуткѣ, пословицѣ, загадкѣ и языкѣ съ его особыми оборотами и способами выраженій. Сборникъ подобнаго матеріала завершаетъ этотъ отдѣлъ». Новый трудъ г. Ровинскаго раскрываетъ бытовое прошлое Черногоріи. По словамъ ея стариковъ, «въ прежнее время черногорецъ не работалъ тяжелыхъ работъ, онъ только пасъ свой скотъ и оберегалъ его отъ волковъ и турокъ, и съ 15 лѣтъ, а иногда и съ 10, начиналъ онъ ходить на четованье. А жилось между тѣмъ хорошо. А кто много работаетъ, въ томъ нѣтъ ни большой силы, ни ловкости и легкости. Негдѣ разгуляться юначеству, потому что всякій связанъ закономъ и исполняетъ только приказанія своей власти». Безъ четованья и гайдучества (малыя войны) нельзя себѣ представить старую Черногорію. Большія войны начинали всегда турки, а черногорцы только защищались. «Въ четованьѣ, напротивъ, нападаютъ черногорцы и при этомъ заходятъ очень далеко въ глубь непріятельской страны. Турки напали на Черногорію отъ времени до времени, и случалось, что проходило безъ войны два-три года; при томъ, протекая изъ общаго стремленія Турціи покорить себѣ Черногорію или «поставить ее подъ «араг» (дань), нападенія эти являлись слѣдствіемъ опредѣленныхъ поводовъ, наиримѣръ, нападенія черногорскихъ четъ на турецкіе торговые и казенные караваны, убійство кого либо изъ беговъ или вообще знатнаго турка и т. п. Четованье же представляло собою явленіе постоянное, не зависящее ни отъ какихъ внѣшнихъ и случайныхъ причинъ и поводовъ. Оно представляло собою такое же періодическое явленіе, какъ и времена года: начиналось обыкновенно съ Юрьева дня (23 апрѣля), а оканчивалось Дмитровымъ днемъ (26 октября), т. е. отъ времени, когда лѣсъ одѣвается листомъ, до того времени, когда листъ начинаетъ опадать».

Часто четованье смѣшиваютъ съ гайдучествомъ, но г. Ровинскій ихъ строго различаетъ: «Черногорская семья составила изъ людей, близкихъ между собою: одного племени или братства, часто ближайшихъ родственниковъ, соединенныхъ общимъ интересомъ, состоящимъ прежде всего въ обезпеченіи себя отъ нападенія турокъ или въ отмщеніи за какой бы то ни было ущербъ; и это было однимъ изъ главныхъ условій, такъ какъ каждая мѣстность имѣла свою чету. Черногорскій четникъ не былъ лишенъ своего отечества, какъ гайдукъ; онъ былъ человѣкъ семейный и домовитый и, если не былъ хорошимъ земледѣльцемъ, то былъ хорошимъ скотоводомъ. Въ четованьѣ онъ проводилъ извѣстное время, и потомъ сидѣлъ дома. Гайдучья же шайка составлялась изъ личностей, собравшихся изъ различныхъ краевъ, часто предварительно не знавшихъ другъ друга. Ихъ не связывалъ никакой интересъ, кромѣ непримиримой ненависти къ притѣснителямъ своего отечества и личныхъ враговъ, которые лишили ихъ дома и заставили скитаться по бѣлому свѣту. Вообще же гайдучу оказывалось почтеніе, какъ прежнему четнику, съ тою разницею, что четники считались борцами за народное дѣло и дѣйствовали во имя своего на-

рода, тогда какъ гайдукъ дѣйствовалъ по своему личному побужденію и преслѣдовалъ свои личныя цѣли, иногда расхившіяся съ интересами общими».

Но какъ только Черногорія вошла въ составъ европейскихъ государствъ, съ обязательствомъ передъ Европой не переходить чужія границы, не подавать повода къ пограничнымъ столкновениямъ и охранять международный миръ, такъ четованью и гайдучеству пришелъ конецъ.

Четованье, связанное всегда съ нарушеніемъ границъ, стало вырождаться... Четованье въ одиночку, вдоемъ или втроемъ напоминало уже гайдучество и даже простой разбой, ведомый иногда съ цѣлью грабежа и наживы.

Рыцарское прошлое черногорской исторіи мельчаетъ по мѣрѣ того, какъ политическія соображенія ея правительства все болѣе и болѣе идутъ въ разрѣзъ съ правами ея населенія. А эти нравы чрезвычайно любопытны, являясь въ обрядовой жизни черногорцевъ.

Во второмъ объемистомъ томѣ о Черногоріи г. Ровинскій дѣлитъ обычаи и обряды жителей на слѣдующія категории: «А) религіозные обряды и обычаи, относящіеся къ прославленію Бога, его святыхъ и важнѣйшихъ моментовъ изъ священной исторіи и христіанской жизни; Б) семейные, относящіеся къ важнѣйшимъ актамъ житейскимъ въ кругу семейной жизни; В) общественные или внѣсемейные, относящіеся къ болѣе важнымъ актамъ изъ жизни общественной, сюда же относимъ и правовые, и наконецъ, Г) мелкіе обычаи, обряды и формальности, встрѣчающіеся въ повседневной жизни семейной и общественной».

Обстоятельное знакомство съ обрядами каждаго отдѣла раскрываетъ родство черногорцевъ не только съ сербскими племенами, но даже и съ русскими въ доисторическія времена. Описаніе ихъ одинаково интересно, какъ публикѣ, такъ и специалистамъ по этнографіи и антропологіи.

Въ общемъ, несмотря на преобладаніе теологическаго міросозерцанія массъ и вырожденіе рыцарскаго «юначества», заключеніе автора о настоящемъ и прошломъ Черногоріи весьма благоприятно для нея.

Г. Ровинскій замѣчаетъ: «Одно сохраненіе политической самостоятельности такого ничтожнаго числомъ народа, среди столь сильныхъ, враждебныхъ ему державъ, какими въ свое время были Венеція и Турція, составляетъ въ исторіи явленіе весьма рѣдкое, можно сказать, загадочное и указываетъ только на его необыкновенную живучесть, силу характера и энергію, которая такъ рельефно выражается въ его вождахъ, обладавшихъ въ то же время и политическою мудростью».

Политическое значеніе Черногоріи въ европейскихъ дѣлахъ сознавалось еще Петромъ Великимъ, и Россія всегда имѣла въ ней вѣрнаго союзника.

Нѣкоторые публицисты мечтаютъ даже о томъ, чтобы Европа допустила на берегахъ «Синяго моря» образованіе новой монархіи изъ славянскихъ народовъ во главѣ съ черногорскими владыками; но, разумѣется, будетъ гораздо естественнѣе, во избѣжаніе поглощенія славянскихъ земель Австріей, образованіе изъ нихъ федераціи съ автономіей славянскихъ областей.

А. Фаресовъ.

Аркадій Чероковъ, личный секретарь Ѳ. В. Чижова. Федоръ Васильевичъ Чижовъ и его связи съ Н. В. Гоголемъ. Биографическій очеркъ по поводу 25-й годовщины его смерти, съ портретомъ. М., 1902.

Чрезвычайно претенціозная книжка! Даже обложка ея разсчитана на привлеченіе интереса: «личный секретарь покойнаго», думаетъ читатель, очевидно, разсчитываетъ сообщать что нибудь новое, интимное о жизни своего патрона, но, кромѣ того, г. Чероковъ обѣщаетъ дать новыя свѣдѣнія и о связяхъ съ Гоголемъ. На первыхъ же страницахъ г. Чероковъ взываетъ о грубыхъ искаженіяхъ и даже полномъ извращеніи личнаго характера Чижова, допущенныхъ между прочимъ и г. Шенрокомъ; по всей книжкѣ разсыпаны фразы: невдомекъ имъ, что Чижовъ былъ такимъ-то и такимъ-то человѣкомъ. Кому какъ, это не совсѣмъ ясно изъ словъ г. Черокова. Итакъ г. Чероковъ претендуетъ на истинное знаніе исторіи внутренней жизни Чижова, человѣка, дѣйствительно интереснаго. Достаточно сказать, что началъ онъ свой жизненный путь безъ гроша въ карманѣ профессоромъ начертательной геометрии въ Петербургскомъ университетѣ и кончилъ крупнымъ московскимъ финансовымъ дѣятелемъ, оставивъ послѣ своей смерти около 6 милліоновъ. Въ промежуткѣ между началомъ и концомъ были спеціальныя труды по физикѣ, спеціальныя занятія по искусству, практическое знакомство съ славянскимъ міромъ, инициатива постройки Московско-Ярославской желѣзной дороги, редактированіе посмертнаго изданія сочиненій Гоголя, изданіе журнала «Вѣстникъ промышленности» и газеты «Акціонеръ», учрежденіе крупныхъ торговыхъ предпріятій. Книжка г. Черокова имѣетъ, между прочимъ, своею цѣлью напомнить москвичамъ объ ихъ дѣятелѣ; этой цѣли она, быть можетъ, и достигнетъ, но она совершенно не даетъ того, что обѣщаетъ въ заглавіи г. личный секретарь покойнаго. Прежде всего это—не биографическій очеркъ, а нѣсколько припоминаній г. Черокова, главнымъ образомъ, о финансовой дѣятельности своего патрона. Съ литературной дѣятельностью его г. Чероковъ почти незнакомъ; даже фактической исторіи его жизни вы не найдете въ этой книжкѣ.

Нѣсколько припоминаній, снабженныхъ разсужденіями весьма примитивнаго характера, доказывающими чрезвычайно сомнительное знакомство г. личнаго секретаря съ исторіей внутренней жизни Чижова. Въ одномъ мѣстѣ г. Чероковъ пишетъ, что «Чижовъ былъ мужъ вѣчной духовной мысли и нравственныхъ идеаловъ» (стр. 5), а въ другомъ: «Мицкевича Чижовъ нашелъ крайнимъ мистикомъ и глупо вѣрующимъ идеалистомъ» (sic! стр. 12). Станный идеализмъ у Чижова или у г. Черокова! Г. Чероковъ, постигшій личный характеръ покойнаго, стремится доказать, что въ основѣ всѣхъ его крупнѣйшихъ финансовыхъ предпріятій лежитъ глубокій идеализмъ. Вотъ, напримѣръ, постройка желѣзной дороги: невдомекъ обыкновенному человѣку, что «эта постройка была затѣяна исключительно для того, чтобы убѣдить правительство въ способности самихъ русскихъ къ такимъ постройкамъ». Ну, какъ же, развѣ это не идеализмъ? «Имъ невдомекъ, продолжаетъ г. Чероковъ, что крупная и доходная желѣзная дорога была перехвачена у иностранцевъ, чтобы прибыли отъ

нея шли въ русскіе карманы, что это сдѣлалось вовсе не изъ ненависти къ нимъ а изъ сознанія высшей справедливости пользоваться своимъ добромъ самимъ же русскимъ» (стр. 6). Вотъ—она, высшая справедливость! «Невдомекъ имъ» и основаніе купеческаго банка и учрежденіе общества взаимнаго кредита, но тутъ г. Чероковъ не объясняетъ, какъ Чижовъ «одухотворялъ идеально банковое дѣло». Вотъ еще перлъ изъ статьи г. Черокова. «Въ одномъ Хомяковъ Чижовъ усматривалъ полное пониманіе историческаго значенія слова «славянскій міръ»,... разумѣя здѣсь названіе всего племени, и ничего политическаго» (стр. 14). Вотъ тебѣ—и полное пониманіе термина; г. Чероковъ, самъ не подозревая этого, вызываетъ въ читателѣ нелестныя представленія объ умственныхъ способностяхъ своего патрона. Мы могли бы продолжать свои выписки, но приведеннаго, кажется, достаточно для того, чтобы оцѣнить значеніе свѣдѣній г. Черокова о Чижовѣ. Перейдемъ теперь къ «связямъ Чижова съ Гоголемъ».

Интересуясь литературой о Гоголѣ и встрѣтивъ на обложкѣ эти слова, мы разсчитывали, что г. Чероковъ прибавитъ что нибудь новое объ отношеніяхъ Чижова къ Гоголю (весь ихъ интересъ, конечно, въ Гоголѣ) сравнительно съ тѣмъ, что извѣстно изъ воспоминаній самого Чижова, использованныхъ біографами Гоголя гг. Кулишемъ и Шенрокомъ. Наши надежды на новизну сообщеній г. Черокова усилились, когда мы прочли въ его книжкѣ рядъ рѣзкихъ и грубыхъ фразъ, направленныхъ по адресу г. Шенрока за искаженія характера Чижова. Оказалось, что новаго въ разсказѣ г. Черокова—только грубости и рѣзкость по адресу г. Шенрока, по книгѣ котораго г. личный секретарь изложилъ (въ краткомъ и неполномъ видѣ) все, что извѣстно объ отношеніяхъ Чижова и Гоголя. Рѣзкости вызваны соображеніями г. Шенрока о мотивахъ одного письма Чижова къ Гоголю. Въ немъ Чижовъ, зная, какъ не любить Гоголь обѣщать свое сотрудничество, сообщаетъ ему о журналѣ, имъ затѣваемомъ, и оговаривается, что онъ вовсе не думаетъ просить Гоголя объ участіи. Дальше слѣдуютъ нѣсколько фразъ, изъ которыхъ можно заключить, что завѣтнымъ желаніемъ Чижова какъ разъ было привлеченіе Гоголя въ сотрудники. Такъ вотъ г. Чероковъ, вѣрящій въ искренность каждаго слова покойнаго, возсталъ на его защиту, извратилъ и исказилъ очень умѣренныя фразы г. Шенрока о мотивахъ Чижова, воспользовался книгой этого же г. Шенрока и въ заключеніе обмолвился по его адресу нѣсколькими нелестными выраженіями. Какой неблагодарный человекъ—г. Чероковъ!

П. Щ.

Древности. Труды императорскаго Московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціей В. К. Трутовскаго. Томъ XIX-й (выпуски 1—3). Москва. 1901—1902.

Настоящимъ томомъ начинается новая серія «Древностей», программа которыхъ, съ одной стороны, приближается къ программѣ первыхъ годовъ этого изданія (когда оно выходило подъ редакціей основателя Московскаго археологическаго общества графа А. С. Уварова), а съ другой—къ программѣ

прекращенныхъ съ 1900 года «Археологическихъ извѣстій и замѣтокъ». Такимъ образомъ, каждый томъ этой новой серіи будетъ, сравнительно съ прежними, заключать въ себѣ, помимо отдѣльныхъ изслѣдованій, матеріаловъ и протоколовъ общества и его комиссій (по сохраненію древнихъ памятниковъ, восточной, славянской, археографической), также лѣтопись археологіи (новости, обзоръ дѣятельности другихъ ученыхъ учреждений и т. д.) и библиографію.

Рецензируя первый томъ реформированныхъ «Древностей», мы имѣемъ въ виду остановиться главнымъ образомъ на разсмотрѣніи самостоятельныхъ статей, заключающихся въ лежащихъ передъ нами трехъ выпускахъ, оставляя въ сторонѣ отдѣлы протоколовъ археологической хроники, библиографіи и некрологи. Изъ отдѣльныхъ изслѣдованій особенное вниманіе обращаетъ на себя начатый печатаніемъ интереснѣйшій трудъ покойнаго члена Московскаго археологическаго общества А. А. Потапова—«Очеркъ древней русской гражданской архитектуры», снабженный многочисленными иллюстраціями, рисунками и планами. Къ сожалѣнію, талантливый авторъ не успѣлъ окончательнымъ образомъ обработать свой обширный трудъ; какъ мы узнаемъ изъ предисловія редакціи (къ первому выпуску), г. Потаповъ успѣлъ доставить лишь первыя 28 главъ (съ 33 таблицами), хотя и «есть надежда, что онъ успѣлъ кончить нѣсколько дальнѣйшихъ главъ». Редакція «Древностей» обѣщаетъ сдѣлать «все возможное, чтобы поспѣе издать этотъ замѣчательный трудъ», который является цѣннѣйшимъ вкладомъ въ исторію русскаго зодчества. Авторъ представляетъ въ своемъ трудѣ систематическое описаніе остатковъ древне-русской гражданской архитектуры, иллюстрируя текстъ многочисленными, прекрасно и отчетливо исполненными рисунками, видами, планами и чертежами. Разсматриваемые г. Потаповымъ памятники хотя и представляютъ почти исключительно образцы архитектуры XVII столѣтія, однако авторъ счелъ нужнымъ, въ видѣ вступленія, сказать нѣсколько словъ также о состояніи строительной дѣятельности на Руси, въ періодъ отъ X до XV вѣка, основываясь для этой эпохи почти исключительно на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ въ письменныхъ документахъ.

Далѣе, въ области раскопокъ отмѣтимъ слѣдующія статьи, находимыя во второмъ и третьемъ выпускахъ настоящаго тома: Богоявленскаго и Готье—«Отчетъ о раскопкахъ Елизаровскаго могильника, Волоколамскаго уѣзда, Московской губ. 1900 г.»; Городцова—«Замѣтка о доисторическихъ стоянкахъ побережья Вѣлаго моря»; Готье—«Докладъ о раскопкахъ 1901 г. въ окрестностяхъ с. Каменки, Харьковской губ., Изюмскаго уѣзда»; кн. Урусова—«Раскопки кургановъ Енисейской губ., Красноярскаго уѣзда». Изъ статей, относящихся къ эпиграфическимъ памятникамъ, обращаютъ на себя вниманіе весьма интересныя работы краковскаго профессора Леціевскаго и г. Щепкина. Статья профессора Леціевскаго (помѣщенная въ польскомъ подлинникѣ и рускомъ переводѣ г. Щепкина) трактуетъ о «Руническихъ надписяхъ на Алкановскихъ урнахъ» (о которыхъ см. статью Городцова—«Замѣтка о глиняномъ сосудѣ съ загадочными надписями» въ «Археологическихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ», 1897 г., выпускъ XII). Хотя соображенія автора относительно ру-

ническаго характера знаковъ на упомянутыхъ урнахъ и заслуживаютъ особаго вниманія, однако остальные его доводы «не имѣютъ, — какъ выражается г. Щенкинъ (въ замѣткѣ предисланный переводу), — основанія въ данныхъ, изъ которыхъ должно было исходить изслѣдованіе». Самый вопросъ объ языкѣ алекановскихъ надписей продолжаетъ оставаться открытымъ. Статья г. Щепкина знакомитъ насъ съ «Новгородскими надписями—graffiti». Какъ извѣстно, при реставраціи Новгородскаго Софійскаго собора были открыты подъ современнымъ поломъ надписи и изображенія, «черченныя острымъ орудіемъ и относящіяся къ древнѣйшей эпохѣ существованія храма». Академикъ архитектуры г. Сусловъ, завѣдывавшій реставраціей храма, прислалъ въ Московское археологическое общество для изданія 42 слѣпка на мастикѣ (все они прекрасно изданы въ девяти фототипическихъ таблицахъ), снятые съ надписей, обнаруженныхъ при ремонтѣ 1898—1899 гг. (Надписи, открытыя въ 1894—1895 гг., готовятся къ изданію императорскою археологическою комиссіей). Работа г. Щепкина представляетъ детальное изученіе этого новаго эпиграфическаго матеріала какъ съ лингвистической, такъ и съ палеографической точекъ зрѣнія. Изученіе особенностей начертанія отдѣльныхъ буквъ заставляетъ отнести все надписи къ древнѣйшей порѣ русской письменности, а именно къ эпохѣ XI—XII вѣковъ. Что касается языка надписей, то въ немъ «на ряду съ явно-выраженными русскими особенностями, отчасти даже областными, встрѣчаются лишь очень рѣдко, и то не вполне достовѣрныя черты старо-славянскаго языка». Въ числѣ этихъ надписей двѣ писаны глаголицей. Къ статьямъ, изслѣдующимъ памятники древней письменности, иллюстрированныя рисунками, принадлежитъ работа профессора Рѣдина—«О нѣкоторыхъ лицевыхъ рукописяхъ «Шестоднева» Іоанна, экзарха болгарскаго» (съ 16 рис. въ текстѣ). Наконецъ, если мы упомянемъ о статьяхъ по церковной живописи г. Успенскаго—«Государевъ иконописецъ грекъ Апостоль» (весьма интересная статья, иллюстрирующая нѣкоторыя стороны русской культуры XVII вѣка) и «Исторія стѣнописи Успенскаго собора въ Москвѣ» (съ 7 рис. въ текстѣ), то мы почти закончимъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ изслѣдованій, помѣщенныхъ на страницахъ XIX тома «Древностей». Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателей на интересный «Отчетъ по XI археологическому съѣзду въ Кіевѣ», принадлежащій перу председателя Московскаго археологическаго общества, графини П. С. Уваровой.

Л. М.

М. Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. II (1877—1884). Изданіе П. Юргенсона. Москва—Лейпцигъ. 1902.

Объемистое и широко задуманное г. Модестомъ Чайковскимъ жизнеописаніе его знаменитаго брата благополучно подвигается впередъ. Какъ и въ первомъ ¹⁾, во второмъ томѣ (695 стр.) главнымъ матеріаломъ служатъ письма композитора, помѣщенные въ хронологическомъ порядкѣ. Изъ общаго числа

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», августъ 1901 г.

609 писемъ 282 письма адресованы къ разнымъ лицамъ: къ братьямъ Анатолію Ильичу (46 писемъ) и Модесту Ильичу (84 писемъ), къ П. И. Юргенсону (93 письма) главнымъ образомъ по издательскимъ дѣламъ, къ С. И. Танѣву, ученику Чайковскаго, композитору и бывшему директору Московской консерваторіи (17 писемъ), къ Ник. Гр. Рубинштейну, другу Чайковскаго, знаменитому піанисту и основателю той же консерваторіи (8 писемъ), къ двоюродной сестрѣ Чайковскаго, А. П. Мерклингъ (7 писемъ), къ Э. Ф. Направнику, композитору и директору Петербургской Маріинской оперы (6 писемъ), къ Л. Ткаченку (5 писемъ), которому Чайковскій оказывалъ по его просьбѣ нравственную и матеріальную поддержку, помѣстивъ его въ консерваторію, къ К. К. Альбрехту (4 письма), профессору Московской консерваторіи, къ П. В. Чайковской (4 письма), къ А. Бродскому (2 письма), исполнившему въ первый разъ въ Вѣнѣ скрипичный концертъ Чайковскаго, и къ прочимъ лицамъ (6 писемъ). Остальная главная масса (327) писемъ, представляющихъ наибольшій интересъ, адресована Н. Ф. фонъ-Меккъ, вдовѣ извѣстнаго желѣзнодорожнаго дѣятеля. Чайковскій лично съ ней знакомъ не былъ, тѣмъ не менѣе въ правѣ былъ назвать ее лучшимъ своимъ другомъ. Образованная, умная, энергичная, музыкальная, родственная по духу Чайковскому, женщина съ громадными средствами, она глубоко поняла и оцѣнила его талантъ, а по рассказамъ его друзей и его личности, сдѣлалась страшной поклонницей его музыки, вступила съ нимъ въ переписку и обезпечила любимому композитору матеріальное существованіе. Роль ея въ жизни Чайковскаго громадна. Благодаря ей, онъ могъ оставить тяготившее его профессорство въ консерваторіи, жить по долгу за границей (больше всего въ Италіи) или гостить, наслаждаясь желаннымъ одиночествомъ, въ помѣстьяхъ своей покровительницы и предаваться свободному творчеству, составлявшему непреодолимую его потребность.

Семилѣтній періодъ, которому посвященъ второй томъ, и который біографъ называетъ Каменскимъ по имени Каменки, главнаго тогда *ried à terre* Чайковскаго, отдохавшаго душой среди семейства родныхъ его Давыдовыхъ, является расцвѣтомъ творчества нашего композитора. За это время были написаны: четвертая симфонія (ор. 36 *F-moll*), посвященная «моему лучшему другу» (г-жѣ Меккъ), три сюиты для оркестра (ор. 43, 53, 55), «Итальянское каприччіо» (ор. 45), серенада для смычкового оркестра (ор. 48), торжественная увертюра 1812 г. (ор. 49) на освященіе собора Спасителя въ Москвѣ, фортепіанная соната (ор. 37.9—*Dur*), два скрипичныхъ концерта (ор. 35 и 44), «Воспоминаніе дорогаго мѣста»—три пьесы для скрипки и фортепіано (ор. 42), литургія св. Іоанна Златоуста (ор. 41), всенощное бдѣніе (ор. 52), тріо для фортепіано, скрипки и виолончели (ор. 50), затѣмъ оперы: «Евгеній Онѣгинъ» (лирическія сцены), «Орлеанская дѣва», «Мазепа», коронаціонная кантата «Москва» (1883 г.), коронаціонный маршъ, наконецъ концертная фантазія для фортепіано съ оркестромъ (ор. 56), масса фортепіанныхъ пьесъ и романсовъ.

Разсѣянные повсюду въ нисьмахъ свѣдѣнія объ этихъ сочиненіяхъ имѣютъ не только біографическій интересъ, но зачастую драгоцѣнны и для всякаго слушателя и любителя музыки Чайковскаго. Такова, напримѣръ, даваемая са-

миль композиторомъ въ одномъ изъ писемъ къ г-жѣ фонъ-Меккъ программа 4-й симфоніи, проливающая свѣтъ на содержаніе этой симфоніи.

Съ чисто біографической точки зрѣнія можно поставить нѣкоторый упрекъ автору «Жизни П. И. Чайковского».

Письма безспорно одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ путей для характеристики личности пишущаго, но, во-первыхъ, одинъ этотъ путь еще недостаточенъ: важны факты, отзывы, воспоминанія лицъ, знавшихъ Чайковского, во-вторыхъ, помѣщаемы не цѣликомъ, а съ пропусками (многія письма начинаются добросовѣстно поставленнымъ многоточіемъ), письма въ такомъ видѣ наводятъ на размышленіе, насколько можетъ быть полна и точна такая автобіографія. Не сомнѣваемся, что пропуски имѣютъ свои причины, какъ, напримѣръ, нежелательность увеличенія и безъ того большого объема жизнеописанія или несущественныя и интимныя подробности, но объ этихъ причинахъ необходимо было бы оговорить.

Все это съ точки зрѣнія біографической. Сами же по себѣ и въ томъ видѣ, какъ помѣщены письма Чайковского, они остаются, какъ и въ первомъ томѣ, весьма содержательными, заключаая въ себѣ много матеріаловъ для эстетики и исторіи музыки, преимущественно русской. По своему же простодушному и искреннему тону и живости литературнаго изложенія они несомнѣнно привлекутъ къ себѣ всякаго и не музыкальнаго читателя и невольно заставятъ его обратить вниманіе и глубже выникнуть въ музыку ихъ автора. Григорій Тимоеевъ.

Памятная книжка Вятской губ. и календарь на 1902 годъ. Вятка. 1901.

Это изданіе, вступившее въ 23-й годъ своего существованія, по обыкновенію, составлено интересно и разнообразно. Послѣ длиннаго ряда статистическихъ и справочныхъ свѣдѣній за 1900 годъ, слѣдуетъ обширный отдѣлъ статей, касающихся мѣстнаго края, преимущественно историческихъ. Г. Эргинъ даетъ обстоятельное обзорніе эксплоатаціи Пермско-Котласской желѣзной дороги. А. С. В—нъ выступаетъ въ календарѣ съ нѣсколькими новыми изысканіями и замѣтками. Въ статьѣ «Вятскій Успенскій монастырь при преп. Трифонѣ» онъ издаетъ интересную дозорную книгу монастыря 1601 года, отчасти уже извѣстную по изслѣдованіямъ профессора Дяконова и Н. П. Лихачева. Дозоръ этотъ является мѣрою совершенно экстраординарною и, по остроумному соображенію г. В—на, находится въ связи съ московскимъ боярскимъ розыскомъ 1601 г., направленнымъ въ сторону первыхъ слуховъ о царевичѣ Дмитріи. Авторъ предполагаетъ вѣроятнымъ, что розыскъ отведенъ былъ чудовскими старцами въ направленіи хлыновскаго игумена, совершившаго надъ Отрепьевымъ постриженіе, и что дозоръ Хлыновскаго монастыря является собственно розыскомъ о лицахъ монастыря и бумагахъ его игумена. Въ связь съ тѣмъ же розыскомъ г. В—нъ ставитъ извѣстіе о пребываніи препод. Трифона въ темницѣ и объ его «ростригѣ» въ Москвѣ. Какъ ни любопытно приведенное сопоставленіе событій, мы рѣшительно высказываемся противъ него.

Если бы дѣйствительно шелъ въ Москвѣ розыскъ и специально о препод. Трифонѣ, то, конечно, слѣдствие о немъ на Вяткѣ было бы поручено специальному довѣренному лицу, а ничуть не городовому приказчику, совершенно не знавшему, что собственно имѣется въ виду достигъ его дозоромъ. Да и какъ преподобный Трифонъ рѣшился бы сохранять подозрительныя бумаги въ кельѣ, и какія это могли быть бумаги? Въ житіи преподобнаго дѣйствительно говорится о пребываніи его въ темницѣ послѣ смѣщенія съ игуменской должности, но, безъ сомнѣнія, эта темница была обыкновенная монастырская, до которой городской приказчикъ не имѣлъ никакого касательства, и въ которую его легко могъ посадить любимецъ новаго игумена Іоны, Ѳеодоръ. Что же касается таинственнаго и ни съ чѣмъ несообразнаго «рострига» преподобнаго Трифона, то мы здѣсь видимъ простое недоразумѣніе. Безъ сомнѣнія, въ документѣ 1615 г. извѣстную фразу нужно читать: «та грамота у прежнего архимарита у Трифона утерялась при Ростригѣ на Москвѣ», а не: «при ростригѣ», какъ напечатано издателемъ (Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вяткаго края, стр. III). Преподобный Трифонъ отправился въ Москву переписывать жалованную грамоту на имя царя Димитрія и затерялъ ее тамъ, можетъ быть, гдѣ нибудь въ приказѣ. Впослѣдствіи, хотя онъ и былъ изгнанъ изъ своего монастыря, но игуменствовалъ въ другомъ, имъ же основанномъ; о ростригѣ его не можетъ быть и рѣчи. Итакъ, поводъ къ дозору Хлыновскаго монастыря 1601 г. пока не можетъ считаться определеннымъ. Въ статьѣ: «Почитаніе на Вяткѣ Николы Можайскаго въ XVII вѣкѣ», приводится одинъ документъ 1679 г., уже напечатанный г. Бѣлокуровымъ, съ комментариемъ. Для насъ не ясно, былъ ли упоминаемый въ этомъ документѣ походъ въ Вобловицкую волость обычнымъ, или же по какому нибудь отдѣльному случаю. Въ послѣдней статьѣ г. В—на: «Эпизоды изъ жизни основателя Вятской семинаріи» (стр. 50—102), излагается исторія прибытія въ Вятку епископа Лаврентія Горки и первой борьбы его съ отдѣльными представителями мѣстнаго духовенства. Какъ и во всѣхъ работахъ г. В—на, здѣсь проявляется великая начитанность его какъ въ источникахъ, такъ и въ пособіяхъ. Послѣ продолженія безконечно длинной, скучной и безплодной статьи: «Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края», авторъ которой на сей разъ отваживается даже на доисторическую археологію, при чемъ созидаетъ рядъ собственныхъ философическихъ наблюденій, слѣдуетъ очень полная «Хроника общественной жизни г. Вятки и Вятской губерніи за 1901 годъ». Книга заключается подробнымъ адресь-календаремъ.

А. С.

Алексѣй Веселовскій. Байронъ, біографическій очеркъ съ двумя фототипіями Фишера. Москва. 1902.

Съ именемъ великаго поэта всегда соединяется то общественно-литературное направленіе, которымъ было увлечено общество въ началѣ прошлаго столѣтія. Переводы его стихотвореній чуть ли не съ 20-хъ годовъ появлялись на страницахъ русскихъ періодическихъ изданій. Нельзя этого сказать о біо-

графическихъ данныхъ, которыми въ особенности бѣдна наша литература. Мы или пользовались переводными біографіями, или имѣли небольшія замѣтки въ журналахъ, при этомъ самая обширная, хотя и компилятивная работа по біографіи Байрона на русскомъ языкѣ относится къ 1850 году и была напечатана въ «Современникѣ». Изъ позднѣйшихъ біографій мы можемъ указать только на біографію, написанную Шерромъ для изданія Гербеля «Байронъ въ переводѣ русскихъ поэтовъ». За послѣдніе годы было обнаружено много новаго матеріала для біографіи Байрона въ изданіи внука его, лорда Ловлеса, куда вошли болѣе шестисотъ, раньше неизвѣстныхъ, писемъ, вариантовъ и стихотвореній поэта, которыя помогли болѣе ясно обрисовать и понять важныя черты въ жизни Байрона. Въ виду этого авторъ настоящей книги, собравъ все выдающееся по данному предмету въ иностранной литературѣ и пользуясь рукописными или рѣдкими напечатанными матеріалами въ бібліотекахъ Англіи и Італіи, напелъ своевременнымъ пополнить этотъ пробѣлъ въ нашей литературѣ, собравъ въ одну книгу и значительно дополнивъ свои отдѣльныя статьи, которыя печатались въ «Вѣстникѣ Европы» за 1900 годъ. Входитъ въ разборъ возрѣній г. Веселовскаго на жизнь поэта не имѣетъ значенія, такъ какъ въ свое время объ этомъ писалось достаточно. Что же касается фактическаго матеріала, то большаго нельзя и требовать. Дѣтство, юношескіе годы, начало литературной славы—все это, конечно, можетъ быть темой для монографій. Но всѣ существенныя черты жизни поэта настолько хорошо обрисованы въ біографіи г. Веселовскаго, что передъ нами ясно встаетъ мощная, многострадальная личность со всѣми ея желаніями и стремленіями. Къ сожалѣнію, авторъ не вездѣ объективенъ и невольно идеализируетъ личность поэта, такъ что нѣкоторыя мѣста уже не носятъ характера біографіи, а становятся сплошнымъ панегирикомъ.

Написаны очерки легкимъ, прекраснымъ языкомъ, вполне доступнымъ для обширнаго круга читателей. Издана книга тоже прекрасно, при чемъ особенно привлекаетъ вниманіе роскошная и удачная фототипія—портретъ Байрона.

В. Ивановичъ.

Разсказы изъ русской исторіи, составленные комиссіей преподающихъ исторію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Тифлиса. Курсъ 1-го и 2-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Тифлисъ. 1902.

Въ числѣ многочисленныхъ перемѣнъ, предположенныхъ для преобразованія нашей средней школы въ министерство ген.-ад. Ванновскаго, между прочимъ, стоитъ и преподаваніе русской исторіи въ двухъ младшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. Предполагалось при этомъ, что такіе разсказы изъ родного прошлаго будутъ способствовать зарожденію патріотическихъ чувствъ въ дѣтской душѣ. Въ минувшемъ учебномъ году былъ сдѣланъ опытъ постановки такого курса, и нельзя сказать, чтобы всѣ, дорожащіе пользами русской школы, вынесли полное удовлетвореніе изъ этого опыта. Прежде всего оказа-

лось одно чисто внѣшнее пренятствіе къ усиѣшному веденію дѣла, именно недостатокъ подходящаго учебника. Но этого мало; принимая во вниманіе возрастъ и развитіе учениковъ двухъ младшихъ классовъ, оказалось очень труднымъ знакомить ихъ съ историческими фактами: на выборъ представлялось или свести историческій рассказъ къ дѣтской сказочкѣ, или же, не роняя достоинства историческаго преподаванія, морить дѣтей непосильной работой. Едва ли новая школа серьезно захочетъ въ число предметовъ преподаванія внести также и тѣ исторіи, что покойная скотница Хавронья рассказывала извѣстному Митрофану Простакову, а съ другой стороны врядъ ли желательно вернуться къ образу дѣйствій старой, дереформенной школы, заставлявшей своихъ питомцевъ заниматься чѣмъ попало—посильнымъ или непосильнымъ, лишь бы были заняты. Надо поэтому надѣяться, что неудачное начинаніе прошлаго министерства не будетъ имѣть будущности.

Опытъ минувшаго года имѣлъ, однако же, и хорошую сторону, приведя къ созданію нѣсколькихъ сборниковъ историческихъ рассказовъ для дѣтей младшаго возраста: разумѣется, сборники эти представляютъ собою лишь рядъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ примирить отмѣченное нами противорѣчіе.

Къ числу сборниковъ этого рода принадлежитъ книжка рассказовъ, составленныхъ преподавателями тифлисскихъ учебныхъ заведеній. Авторы, насколько то было возможно, справились со своею задачею. Можно, правда, не соглашаться съ выборомъ историческаго матеріала, наиримѣръ, прямо таки рѣжетъ глазъ отсутствіе рассказа о св. Ольгѣ, о Хмельницкомъ, и въ то же время развѣ лишь мѣстными нуждами можетъ быть оправдано помѣщеніе рассказовъ о присоединеніи Грузіи и покореніи Кавказа, но въ общемъ книжка производитъ впечатлѣніе благоприятное; можно лишь сомнѣваться, чтобы слогъ и даже характеръ изложенія нѣкоторыхъ рассказовъ соответствовалъ задачѣ усвоенія ихъ содержанія маленькими дѣтьми.

М. П.—Я.

Leonard de Verdmon Jacques. Krótka monografia wszystkich miast, miasteczek i osad w Królestwie Polskiem. Nakładem Felicyana Borislawskiego. Warszawa. 1902.

Вотъ книга интересная и въ высокой степени полезная. На 330 ея страницахъ авторъ даетъ описаніе четырехсотъ шестидесяти двухъ городовъ, мѣстечекъ и посадовъ въ царствѣ Польскомъ. Въ заголовкѣ книги сказано всѣхъ, но, какъ увидимъ ниже, это не совсѣмъ такъ: пропуски въ этомъ изданіи, какъ и во всякомъ ему подобномъ, оказались неизбѣжными. Въ польской литературѣ уже существуетъ превосходный географическій словарь—«Słownik geograficzny», первый томъ котораго вышелъ въ 1860 году подъ редакцію Б. Хлѣбовскаго, а теперь выходятъ къ нему томы supplementum. Въ помянутомъ словарѣ заключаются описанія, болѣе или менѣе подробныя, не только мѣстностей, входящихъ въ районъ десяти губерній современнаго царства Польскаго, но и находящихся въ другихъ славянскихъ краяхъ (Россіи,

Богемии, Сербии и т. д.). Къ сожалѣнiю, словарь этотъ очень дорогъ и, благодаря этому, для большинства желающихъ имъ пользоваться недоступенъ. И вотъ на помощь является г. Leonard de Verdmon Jacques со своею книгою. Мы, разумѣется, не можемъ утверждать, что книга его замѣняетъ вполне «Słownik» Хлѣбовскаго, но во всякомъ случаѣ она полезна и для историка и для путешественника, помогая въ изученiи края и въ ознакомленiи съ нимъ. Достоинство ея еще и въ томъ, что свѣдѣнiя новыя, послѣднiя по времени. Напримѣръ, описывая Виштынецъ, посадъ въ Вылковскомъ уѣздѣ Сувалкской губернии, авторъ упоминаетъ о прошлогоднемъ посѣщенiи Виштынца императоромъ Вильгельмомъ II, передавшимъ населенiю, пострадавшему отъ пожара, высочайшее его величества императора Николая II денежное пособiе (стр. 305). Говоря объ Ойцовѣ (стр. 175), чудесной климатической станци въ Кѣлецкой губернии, г. de Verdmon предупреждаетъ путешественниковъ, что тамъ и скверныя дороги, и недостатокъ квартиръ, и отсутствiе сноснаго ресторана... Но еще Теренцiй сказалъ: «homo sum, humani nil a me alienum esse puto». Такъ и у г. de Verdmon... Описывая Ломжу (144—146), онъ говоритъ: «Въ Ломжѣ въ средѣ интеллигенци чрезвычайно распространена игра въ карты», какъ будто бы и на самомъ дѣлѣ Ломжа представляетъ въ этомъ отношенiи исключенiе... А въ Сувалкахъ, а въ Плоцкѣ, а въ Варшавѣ развѣ не процвѣтаетъ это мерзкое занятiе? Памятникъ императору Александру II въ Ченстоховѣ поставленъ не въ 1879 году (41), а въ 1889 году. Ближайшая желѣзнодорожная станция къ Макову (151) не Пултускъ, который совсѣмъ не стоитъ на желѣзнодорожной линiи, а Вышковъ. Въ Ломжѣ существуетъ женскiй монастырь ордена бенедиктинокъ, а не бернардинокъ (145). Въ описанiи Кольна (100) не упомянуто, что изъ этого городка происходилъ Jan Scolmus — славянскiй Колумбъ второй половины XV столѣтiя¹). Кромѣ того, есть и пропуски. Не упоминается о посадахъ: Червинѣ (Остроленскаго уѣзда Ломжинской губернии), Едвабно (Кольненскаго уѣзда той же губернии), Зарембы-Костельне (Островскаго уѣзда Ломжинской губернии), Яблонкѣ (Мазовецкаго уѣзда, Ломжинской губернии). Книга издана изящно и стоитъ очень недорого (1 р. 50 к.). Нельзя не пожелать появленiя подобныхъ изданiй, то есть, полныхъ по содержанию и доступныхъ по цѣнѣ, въ русской литературѣ.

Г. А. Воробьевъ.

А. Рождествинъ. Жизнь и поэзія Никитина. Казань. 1902.

Въ этой небольшой брошюрѣ—двѣ главы. Въ первой главѣ г. Рождествинъ, пользуясь общеизвѣстной биографіей И. С. Никитина, написанной М. Ѳ. Де-пуле, даетъ краткiй очеркъ жизни поэта. Достоинства очерка—доступность и простота изложенiя. Ничего новаго къ биографіи Никитина г. Рождествинъ, конечно, не прибавляетъ, но зато у него есть стремленiе провѣрить ходячiя мнѣнiя о поэтѣ. Ему кажется не соответствующимъ дѣйствительности обычное,

¹) Объ немъ наша замѣтка въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1900 г., № 2.

установившеся мнѣніе о происхожденіи и воспитаніи поэта. Всѣ біографы И. С. Никитина, говоря о средѣ, окружавшей его, опредѣляютъ ее, какъ среду мѣщанско-кулическую со всѣми характерными ея признаками, и отмѣчаютъ въ жизни Никитина немало слѣдовъ этой среды, царства торговли и наживы. Г. Рождествинъ пытается дискредитировать это ходячее мнѣніе, но неудачно. Г. Рождествинъ обращаетъ вниманіе на то, что отецъ Никитина происходилъ изъ духовнаго званія, но этотъ чисто внѣшній фактъ нисколько не опровергаетъ представленія объ отцѣ Никитина, какъ о торгошѣ-самодурѣ. Характеризуя личность поэта, г. Рождествинъ хочетъ создать изъ него чуткаго, нервнаго интеллигента съ характерной особенностью людей этого типа, отсутствіемъ специфическихъ слѣдовъ обстановки, въ которой они выросли. Съ такой характеристикой трудно согласиться. Всѣ имѣющіяся у насъ данныя, свѣдѣтельства современниковъ, наконецъ біографія, написанная человѣкомъ, хорошо знавшимъ Никитина, подтверждаютъ несомнѣнное вліяніе мелко-буржуазной среды. Но соображенія г. Рождествина, быть можетъ, имѣютъ всѣхъ для опроверженія крайнихъ взглядовъ на значеніе обстановки для жизни и поэзіи Никитина.

Въ второй главѣ своей брошюры г. Рождествинъ даетъ характеристику «поэзіи нужды и горя». Къ сожалѣнію, въ эту часть своей работы авторъ не внесъ стремленія давать новое освѣщеніе извѣстнымъ фактамъ, и его характеристика поэзіи Никитина оказалась похожей на школьныя характеристики, перечни содержанія произведеній поэта по рубрикамъ: нужда, горе, народный бытъ, религія по произведеніямъ И. С. Никитина. Поэтому характеристика музыки Никитина, данная г. Рождествинымъ, безусловно лишена всякаго значенія. Когда читаешь подобныя критическія произведенія, съ грустью думаешь о томъ, зачѣмъ они печатаются, почему же авторы ихъ не даютъ себѣ ни малѣйшаго труда задуматься надъ тѣмъ и серьезно отнестись къ тому, что они пишутъ.

П. Щ.

А. Погодинъ. Виленскій учебный округъ 1803—1831 годовъ. Введеніе къ IV тому «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія». Спб. 1901.

Темою своего труда г. Погодинъ взялъ по преимуществу общественныя настроенія польскихъ дѣятелей по народному просвѣщенію въ то время, когда, благодаря освободительнымъ взглядамъ императора Александра I, стремленія нѣкоторыхъ патріотовъ Польши тяготѣли не только къ отстаиванью самостоятельности родины, но и къ колонизаціи нѣкоторыхъ чуждыхъ ей областей. Поляки этой эпохи мечтали не только возстановить Польшу въ ея національныхъ предѣлахъ, но и присоединить къ польской коронѣ Литву и Украйну.

Однимъ изъ такихъ мечтателей былъ извѣстный другъ императора Александра I, князь Адамъ Чарторыйскій, пламенный патріотъ, а потому и узкій

крайний націонализмъ. Личность Чарторыйскаго до сихъ поръ представляеть собою личность, еще не оцѣненную, какъ слѣдуетъ, исторіей, однимъ (полякамъ) онъ кажется героемъ свободы, другимъ (русскимъ) политическимъ агитаторомъ, не колебавшимся жертвовать истиной и правдой ради націоналистическихъ убѣжденій. Какъ справедливо замѣчаетъ г. Погодинъ, «врядъ ли безпристрастная критика, для которой настанетъ время, когда политическія страсти, волновавшія Чарторыйскаго и его цѣнителей, отойдутъ въ область преданій, приметъ ту или другую изъ этихъ крайнихъ точекъ зрѣнія». Чарторыйскій явленіе историческое, обусловленное временемъ и средой своего возникновенія. Онъ былъ мечтатель, но не обманщикъ; онъ не скрывалъ своихъ убѣжденій передъ вѣщеннымъ другомъ и дѣйствовалъ прямо, такъ какъ это казалось ему наиболѣе полезнымъ для Польши. Онъ понималъ всю силу просвѣщенія для господства опредѣленнаго направленія мысли. А полонофильскія идеи, не исключая даже возвращенія Польшѣ ею нѣкогда захваченныхъ литовскихъ и украинскихъ областей, находили себѣ официальную поддержку.

Сознавая силу образованія, Чарторыйскій въ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа сдѣлалъ все, чтобы пропитать высшую и среднюю школу польскимъ духомъ и такимъ образомъ воздѣйствовать и на самое общество. Старанія Чарторыйскаго въ этомъ направленіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ: онъ преобразовалъ и поднялъ высшее общеобразовательное училище въ Вильнѣ, откуда вышелъ цѣлый рядъ убѣжденныхъ борцовъ за польскую идею; онъ старался въ томъ же духѣ направлять гимназій или, какъ ихъ тогда называли въ Польшѣ, повѣтовыя (уѣздныя) школы.

Насколько было возможно, то, что дѣлалъ для Литвы Чарторыйскій, на Украинѣ исполнялъ Чацкій. Роль Чацкаго была скромнѣе роли Чарторыйскаго, такъ какъ онъ по своимъ обязанностямъ являлся только визитаторомъ, т. е. окружнымъ инспекторомъ трехъ украинскихъ губерній (Волинской, Подольской и Кіевской). Чацкій придавалъ среднему образованію большее значеніе, нежели высшему. Поэтому между прочимъ онъ столько старанія положилъ на преобразование Кременецкой гимназій, которая въ своемъ новомъ видѣ явилась всецѣло дѣтищемъ Чацкаго. Кременецкая гимназія-лицей по немногу сдѣлалась центромъ украинскаго полонофильства.

Этой интересной эпохой занялся г. Погодинъ и достигъ не менѣе интересныхъ результатовъ. Почтенный ученый даетъ мѣткія характеристики Чарторыйскаго, Чацкаго и ихъ сподвижника Коллонтая, очерчиваетъ дѣятельность Виленскаго университета, Кременецкаго лицея, описываетъ общественныя движенія въ тогдашней польской въ существѣ, хотя и русской снаружи, школѣ. Г. Погодинъ, знакомый съ польскимъ языкомъ и потому имѣвшій возможность изучить относящуюся къ вопросу литературу на польскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ работалъ надъ подлиннымъ архивнымъ матеріаломъ министерства народнаго просвѣщенія. Помимо добросовѣстности въ настоящемъ случаѣ необходимо отмѣтить и литературность изложенія, не всегда встрѣчающуюся у патентованныхъ ученыхъ.

В. Гр—скій.

Гр. А. А. Бобринскій. Секта Исмаилья въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. Географическое распространение и организація. Москва. 1902.

Графу А. А. Бобринскому во время экскурсіи въ средне-азиатскія владѣнія пришлось посѣтить также нѣкоторыя таджикскія общества на верхнемъ Пянджѣ, расположенныя между отрогами сѣвернаго склона Гиндукуша и юго-западными склонами Памировъ. Въ данной мѣстности, какъ оказалось, населеніе принадлежит не къ шиитскому толку, а къ сектѣ Исмаилья, возникшей еще въ средніе вѣка (около 765 года). Секта Исмаилья является одною изъ самыхъ радикальныхъ шиитскихъ сектъ; философская сторона ея имѣетъ много общаго съ радикальными вѣтвями суфизма. Такъ какъ эти сектанты тщательно скрываютъ свое ученіе отъ непосвященныхъ, то нашему автору пришлось ограничиться вопросами географическаго распространенія и внѣшней организаціи данной секты. Свои свѣдѣнія, полученныя отъ трехъ «пировъ» (т. е. старцевъ), графъ Бобринскій излагаетъ въ видѣ трехъ отдѣльныхъ бесѣдъ съ этими главарями секты. Дѣлая общую характеристику сектантовъ, нашъ авторъ указываетъ на строгую нравственную дисциплину, царящую среди нихъ, на ихъ покойный, мягкій характеръ, привязанность «къ своему гнѣзду» и отсутствіе фанатизма по отношенію къ христіанамъ.

Въ заключеніе авторъ высказываетъ слѣдующія мысли по поводу отношеній Россіи къ мусульманству въ Средней Азіи: «Въ настоящее время мы покровительствуемъ только однимъ суннитамъ, игнорируя не только мелкія секты (Исмаилья, Бабидовъ), но даже шиизмъ, какъ будто наша цѣль — объединеніе мусульманства и поглощеніе всѣхъ его развѣтвленій суннизмомъ, что, какъ мнѣ кажется, не волишь совпадаетъ съ нашими интересами. Я же думаю, что нашъ прямой политическій расчетъ признавать за всѣми расщепленіями мусульманства право на официальную и самостоятельную жизнь и... считать обязательнымъ для насъ охрану этого права отъ посягательствъ на него со стороны болѣе сильнаго и боевого исповѣданія».

Л. М.

В. Смоленскій. Исторія польскаго народа. Переводъ. Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1901.

Литература по исторіи Польши очень обширна на родномъ языкѣ, но систематизированъ ея мы имѣемъ очень мало, и въ то время, какъ одни вопросы можно считать окончательно разобранными, другіе забыты въ небольшихъ брошюрахъ или журнальныхъ статьяхъ. Между тѣмъ потребность въ систематизаціи такого обширнаго матеріала, который имѣется по исторіи польскаго народа, назрѣла давно и настолько, что даже специально для разработки этого вопроса созывались съѣзды польскихъ историковъ. Изъ этого ясно, что появленіе всякой новой книги по исторіи «польскаго народа» встрѣчается съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, если книга даже носитъ названіе, которое позволяетъ заранее предположить въ ея авторѣ стремленіе разобраться въ тѣхъ историче-

скихъ процессахъ, которыми такъ богата исторія народа, существующаго de facto и потерявшаго въ настоящее время административную организацію. Къ сожалѣнію, книга г. Смоленскаго въ этомъ смыслѣ удовлетворить читателя не можетъ. Да и авторъ ея самъ, видимо, не преслѣдуетъ большихъ историческихъ горизонтовъ и ограничивается совсѣмъ скромной задачей не идти дальше изложенія фактического матеріала, оставивъ въ сторонѣ даже критическое отношеніе къ нему.

Начинается книга Смоленскаго такъ же, какъ и всѣ исторіи подобнаго рода. Довольно обширное введеніе, въ которомъ говорится о происхожденіи народа, начиная съ разселенія славянскаго племени, при чемъ здѣсь же отводится небольшое мѣсто и описанію славянской языческой религіи. Причину же образования государствъ изъ славянскихъ племенъ авторъ видитъ въ «набѣгахъ непріятели», при чемъ изъ пяти возникшихъ государствъ, по его словамъ, болгарское и русское возникли подъ иноземными вліяніями, чешское же, сербское и польское были самостоятельными созданіями. Какъ же это такъ?.. то непріятели, то какое-то «самостоятельное созданіе»? Неясно, какъ для читателя, такъ и для самого автора. Далѣе идетъ чисто фактическая часть, что тотъ-то воевалъ съ тѣмъ-то, а этотъ сдѣлалъ то-то. Отказать въ обширности матеріала г. Смоленскому нельзя, но нельзя и г. Смоленскому свою книгу назвать исторіей польскаго «народа», когда ее съ большой натяжкой можно назвать, пожалуй, политической исторіей Польши. Доведена исторія польскаго народа только до 1790 года. Издаѣна книга небрежно: скверная печать, плохая бумага. Издатель—редакція журнала «Вѣстникъ всемірной исторіи» по какимъ-то никому неизвѣстнымъ причинамъ отнесъ эту книгу къ избраннымъ сочиненіямъ по исторіи народовъ, но не потрудился предпослать отъ себя какое нибудь предисловіе этому «избранному» сочиненію. Если нѣтъ силъ издать книгу прилично, то не слѣдуетъ брать на себя непосильную задачу и смѣлость издавать цѣлую «библіотеку».

В. Инскій.

Г. І. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. М. 1902.

Авторъ этого труда изучаетъ условия, отъ которыхъ зависитъ существованіе или отсутствіе рабства у дикихъ племенъ. Такъ какъ дикарь представляетъ человѣка въ первобытномъ состояніи, то изъ современнаго состоянія дикихъ племенъ этнологи выводятъ заключенія о древнѣйшемъ состояніи человѣчества. Сравнивая учрежденія различныхъ дикихъ племенъ, можно найти социологическіе законы, имѣющіе примѣненіе къ социальной жизни цивилизованныхъ народовъ. Причины, приводящія къ рабству или, наоборотъ, препятствующія ему, авторъ раздѣлилъ на внутреннія и внѣшнія. Рабство не можетъ существовать, гдѣ нѣтъ внутреннихъ побудительныхъ мотивовъ къ этому, гдѣ въ рабскомъ трудѣ нѣтъ никакой выгоды ни экономической, ни неэкономической. Но если даже есть мотивы, рабство не будетъ существовать, если нѣтъ внѣшнихъ причинъ, дѣлающихъ его возможнымъ, т. е. если не имѣется случаевъ пріобрѣсти рабовъ и удержать ихъ за собою. Вездѣ люди были склонны взва-

ливать на других тяжелую работу. У некоторых диких племен черную работу исполняет слабый пол. Австралийскія и меланезійскія женщины занимают мѣсто рабовъ. Рабовъ могутъ держать ради одной роскоши, т. е. въ цѣляхъ неэкономическихъ.

Вся книга распадается на двѣ части (описательную и теоретическую) и заключаетъ въ себѣ семь главъ: I—опредѣленіе рабства и его отличіе отъ родственныхъ явленій, II—географическое распредѣленіе рабства, III—методъ и классификація, IV—охотники и рыболовы, V—пастушескія племена, VI—земледѣльскія племена и VII—заключеніе, содержащее программу дальнѣйшаго изслѣдованія древнѣйшей исторіи рабства. Въ главѣ второй авторъ, говоря о географическомъ распредѣленіи рабства, въ § 13 упоминаетъ Кавказъ и утверждаетъ: «рабство, несомнѣнно, существуетъ у осетинъ и черкесовъ», при чемъ ссылается на Клапрота, Моргана, Палласа и Ковалевскаго. Едва ли рѣшительно можно увѣрить, что нынѣ рабство существуетъ у названныхъ кавказскихъ народностей. Къ книгѣ приложенъ списокъ источниковъ, и пользование ею облегчено хорошо составленнымъ указателемъ. Переводъ русскій сдѣланъ лицомъ, извѣстнымъ въ русской этнографической литературѣ. А. Хах—овъ.

Dr. phil. Альбертъ Родэ Гауптманъ и Нитцше. Къ объясненію «Потонувшего колокола». Пер. съ нѣм. Вс. Мейерхольда и А. Ремизова. М. 1902.

Эта небольшая изящно изданная книжка въ оригинальной обложкѣ содержитъ критико-философскій этюдъ д-ра философіи Родэ, посвященный выясненію основной идеи извѣстной пьесы-сказки Гауптмана. Родэ съ полной основательностью устанавливаетъ связь мыслей драмы съ идеями Фридриха Нитцше. Ближайшимъ источникомъ, вдохновлявшимъ Гауптмана, Родэ считаетъ книгу Нитцше «Къ генеалогіи морали». Остроумнымъ подборомъ параллельныхъ мѣстъ изъ драмы и сочиненія Нитцше авторъ брошюры констатируетъ вліяніе Нитцше на Гауптмана не только въ мысляхъ драмы, но и въ выраженіи этихъ мыслей — въ отдѣльныхъ фразахъ. По мнѣнію Родэ, литейщикъ Генрихъ является творящимъ въ смыслѣ Заратустры, который погибаетъ отъ самого себя, который самъ былъ своимъ наибольшимъ врагомъ, потому что онъ еще не убилъ своей совѣсти. Мастеръ Генрихъ — высшій человекъ, чувствующій въ себѣ призваніе къ сверхчеловѣку. Если такова идея драмы, то возникаетъ вопросъ: «является ли судьба Генриха, его паденіе послѣ тяжелой борьбы, необходимой участью каждаго высшаго человека въ смыслѣ Нитцше? Есть ли такимъ образомъ «Потонувшій колоколъ» — уничтожающая критика такой философіи (стр. 32)? Или окончательный отвѣтъ Гауптманъ, быть можетъ, думаетъ дать во второй части трагедіи? Родэ заканчиваетъ этимъ вопросомъ свой этюдъ. Второй части трагедіи до сихъ поръ не появлялось.

Очеркъ Родэ — интересная попытка уясненія философскаго смысла драмы Гауптмана, который у насъ въ Россіи не былъ воспринятъ читателями надлежащимъ образомъ. Поэтому данная книжка — далеко не лишняя въ нашей литературѣ. Переводъ выполненъ тщательно и съ видимой любовью. Щ.

Походъ Суворова черезъ Швейцарію. Фонъ-Редингъ Бибереггъ, подполковникъ Швейцарскаго генеральнаго штаба. Переводъ полковника Е. И. Мартынова. Спб. 1902.

Для легкаго чтенія эта брошюрка, изданная редакціей «Вѣстника иностранной военной литературы», не годится. Это какая-то «частушка», пересыпанная самыми неудобьсказаемыми названіями швейцарскихъ урочищъ и поселеній около ста лѣтъ тому назадъ. Переводчикъ почему-то нашелъ необходимымъ совершенно устранить изъ своего перевода самое драгоценное въ историческомъ сочиненіи; именно: подлинные документы, частныя свидѣтельства и монастырскія записи, въ которыхъ отразилось крупное событіе суворовскихъ дѣяній и общій тонъ картины швейцарскаго неудачнаго похода, какимъ онъ сложился въ понятіяхъ обывателей того времени и въ рассказахъ живыхъ свидѣтелей происходившаго. Небольшая ссылка на комиссара Фасбинда, свидѣтельствующая о великодушіи русскихъ воиновъ, изголодавшихся и обнищавшихъ, не представляетъ исторической новости, такъ какъ объ этомъ свидѣлствуютъ многіе давно опубликованные документы, и о великодушіи русскихъ войскъ, сравнительно съ грабежами союзныхъ войскъ Массены, говорятъ всѣ военно-историческія сочиненія, касающіяся этого трогательнаго и печальнаго эпизода нашей военной политики, слишкомъ часто имѣвшей поводъ раскалываться въ вѣрѣ въ доблесть и честность австрійскихъ военачальниковъ, постоянно, какъ бы по традиціи предававшихъ въ минуту трудную всякихъ своихъ союзниковъ, чѣмъ и приобрѣтена австрійцами надлежащая историческая извѣстность. Предали они и гениальнаго Суворова, поставивъ его въ условія невозможныя и неслыханныя, изъ которыхъ могла, безъ лишняго безславія, выйти только одна сверхчеловѣческая энергія незабвеннаго покорителя Измаила.

При брошюрѣ приложена совершенно неудобочитаемая карта Швейцаріи, съ нѣмецкимъ обозначеніемъ урочищъ, въ полномъ смыслѣ слова слѣпая, да совершенно непозволительное кроки битвы въ Моутенской долинѣ русскихъ войскъ, въ которой Розенбергъ на голову разбилъ войска Массены. Подвиги эти заслуживали бы много лучшаго, и я думаю, для истыхъ историковъ эпохи имѣющіяся здѣсь детальныя указанія, различествующія отъ классическаго сочиненія Д. А. Милютина, едва ли покажутся убѣдительными и цѣнными, несмотря на кажущуюся мѣстами ихъ новизну.

Во всякомъ случаѣ это сочиненіе только для специалистовъ. Большой публикѣ оно не дастъ рѣшительно ничего интереснаго. В. П.

Владимиръ Бобровъ. Исторія изученія Святославова сборника 1076 года. Библиографическій обзоръ. Казань. 1902.

Въ своей брошюрѣ г. Бобровъ даетъ обстоятельную исторію вопроса о Святославовомъ сборникѣ 1076 года въ русской ученой литературѣ. Этотъ сборникъ, находящійся въ Императорской Публичной библиотекѣ, не представляетъ особаго

интереса въ историко-литературномъ отношеніи: это собраніе различныхъ нереводныхъ статей было чтеніемъ набожныхъ людей и было составлено для князя Святослава. Но если обратить вниманіе на сѣдую древность памятника, то станетъ очевидной важность его въ чисто филологическомъ отношеніи, и научное изслѣдованіе языка сборника можетъ вести къ очень цѣннымъ по своему значенію выводамъ. Къ сожалѣнію, этотъ сборникъ до сихъ поръ не подвергался спеціальному изслѣдованію и даже до сихъ поръ не изданъ вполне удовлетворительно съ ученой точки зрѣнія. Изданіе памятника, сдѣланное г. Шимановскимъ, вызвало на него справедливыя нареканія авторитетныхъ спеціалистовъ. Но зато ни одинъ ученый, занимавшійся древне-русской письменностію, не оставилъ безъ своихъ замѣчаній этого сборника. Г. Бобровъ дѣлаетъ обзоръ всѣмъ этимъ замѣчаніямъ, приводя ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и излагая подробно содержаніе этихъ замѣчаній. Въ библиографическомъ отношеніи обзоръ выполненъ обстоятельно, можно даже сказать, щепетильно, такъ какъ авторъ его считается чуть ли не съ каждой строчкой, написанной о памятникѣ. Можно было бы отмѣтить отсутствіе указанія на взгляды профессора Владимірова. Работа г. Боброва имѣетъ значеніе для науки, какъ толковая исторія ученыхъ взглядовъ на памятникъ, но намъ кажется, что гораздо большее ея значеніе—субъективное для г. Боброва. Его обзоръ является введеніемъ въ предпринятое имъ изслѣдованіе Святославова сборника 1076 года съ филологической и съ историко-литературной стороны. Понятно, что, приступая къ своей работѣ, авторъ долженъ былъ отдать себѣ строгій отчетъ во всемъ, что сдѣлано его предшественниками, этимъ отчетомъ и является обзоръ. Пожелаемъ автору, чтобы и все свое изслѣдованіе онъ исполнилъ съ такою же тщательностію и добросовѣстностію, съ какою выполнитъ этотъ обзоръ.

П. Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОСНОВАТЕЛЬ китайской Великой стѣны. Во второй майской книгѣ «La Nouvelle Revue» Леонъ Шарпантье разсказываетъ исторію безумнаго китайскаго императора, Ши-Гоангъ-Ти, на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ старинныхъ китайскихъ хроникъ ¹⁾. Въ XI вѣкѣ китайской эры, т. е. въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х., богатый китайскій торговецъ брильянтами, Лью-пу-уей, возымѣлъ желаніе сдѣлаться императоромъ. Не имѣя надежды достигнуть этого положенія самъ, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, имѣть сына, который сдѣлался бы, въ одинъ прекрасный день, Великимъ Дракономъ и Сыномъ Неба. Съ этой цѣлью онъ отправился къ торговцу невольницами и, выбравъ самую красивую дѣвушку, взялъ ее съ собою, объяснивъ ей, чего онъ отъ нея ожидаетъ. Вскорѣ она сдѣлалась отъ него беременной. Среди кліентовъ Лью-пу-уей былъ молодой принцъ Ш-жинъ, котораго дѣдъ, король Цинъ, отдалъ заложникомъ королю Тжау. Это было въ безпокойную эпоху великаго китайскаго феодализма, когда множество мелкихъ владѣтельныхъ князей и пять государей оснаривали первенство. Подъ предлогомъ показать принцу брильянты, Лью-пу-уей зазвалъ его къ себѣ и показалъ красавицу невольницу. Молодой человѣкъ безумно влюбился въ нее. Лью-пу-уей сдѣлалъ видъ, что онъ въ отчаяніи, но все-таки объявилъ своей невозможности отказать принцу. Онъ признался при этомъ, что купилъ ее для себя и очень будетъ огорченъ, если отдастъ ее принцу, не

¹⁾ La chronique de l'empereur Chi-Hoang-Ti, par Leopold Charpentier, «La Nouvelle Revue», 15 mai 1902.

вкусивъ счастья. Это еще болѣе подзадорило Жина тотчасъ же увезти къ себѣ красавицу, чтобы первому сорвать цвѣтокъ любви. Этому только и хотѣлъ кунецъ, чтобы принцъ повѣрилъ въ невинность дѣвушки. Китайскіе историки рассказываютъ, что красавица родила мальчика въ первый день первой луны, въ 48-мъ году царствованія Джао-Сян-гуан-гу, т. е. въ 259 г. прежде нашей эры.

Ея беременность продолжалась двѣнадцать мѣсяцевъ. Этотъ фактъ, — говоритъ Леонъ Шарпантье, — приводитъ въ сомнѣніе. Вѣроятно, китайскій историкъ хотѣлъ показать, что будущій императоръ, который долженъ былъ истребить письмена и книги, былъ назначенъ родиться чудовищемъ. При рожденіи ребенку дали имя Чан-гу-Ин-гу. Позднѣе, какъ Великій Драконъ и повелитель Китая, онъ взялъ себѣ имя Цинь-Ши-Гоан-гу-Ти, или первый августѣйшій государь крови Циновъ.

Онъ вступилъ на тронъ тринадцати лѣтъ. Его первымъ министромъ былъ торговецъ брильянтами Лью-пу-уей, выказавшій неожиданный талантъ въ этомъ званіи. Онъ заставилъ полюбить себя въ государствѣ и опасаться внѣ его. Но онъ воспылялъ опасной любовью къ матери императора, своей прежней рабынѣ, сдѣлавшейся королевой-регентшей. Последняя имѣла еще любовника, котораго и скрывала у себя подъ личиной свуха. Она имѣла отъ него двоихъ дѣтей, отцемъ которыхъ дворъ призналъ Лью-пу-уея, и онъ былъ изгнанъ, а королеву — регентшу Ши-Гоан-гу-Ти удалилъ отъ себя. Это вызвало массу неодобреній, и онъ получилъ множество писемъ съ упреками за недостатокъ сыновней любви. Последнее обстоятельство заставило его издать указъ о смертной казни тѣхъ, кто осмѣлится упоминать ему о матери. Съ этихъ поръ онъ не садился на свой тронъ, иначе какъ вооруженный мечемъ и готовый прозвѣсть всякаго, кто вздумаетъ дѣлать ему наставленіе. Такимъ образомъ онъ убилъ двадцать семь ученыхъ, дѣлавшихъ ему замѣчанія. Но двадцать восьмого, грубо пожурившаго императора и уже раздѣвагося, чтобы подвергнуться казни, онъ простилъ и вернулъ изъ изгнанія свою мать. Гоан-гу-Ти вскорѣ былъ озабоченъ соединеніемъ подъ свое владычество всѣхъ государствъ, составлявшихъ Китай. Онъ началъ съ того, что подкупалъ цѣною золота министровъ своихъ соперниковъ, сдѣлалъ несогласія и гражданскія войны въ ихъ странахъ. Его побѣды сдѣлали остальное. Въ тридцать девять лѣтъ, послѣ двадцати шестого года царствованія, онъ сдѣлался властелиномъ всей имперіи, послѣ невообразимыхъ опустошеній и жестокихъ вѣроломствъ. Съ этихъ поръ голова Ти-Гоан-гу-Ти завертѣлась. Онъ вздумалъ преобразовать арифметику, геометрію, географію, увѣряя, что основаніемъ всего — число шесть. Онъ отказался садиться въ экипажъ, если онъ не шесть футовъ длины и не запряженъ шестью лошадьми. Онъ не допускалъ шанки иначе, какъ въ шесть пальцевъ вышины, и приказалъ, чтобы одежда была соразмѣрна съ шанкой, а имперію раздѣлилъ на шесть провинцій. При этомъ онъ призналъ своимъ цвѣтомъ — черный. Знамена, флаги, придворные костюмы, а также военные мундиры, орудія жертвоприношеній и кухонная утварь — все было черное. Затѣмъ онъ задумалъ украсить свою столицу, Чан-гу-Ян-гу, въ которой находилось семьсотъ двадцать тысячъ душъ. Онъ увидѣлъ во снѣ людей, одѣтыхъ, какъ впоследствии одѣвались татары, которые угрожали низвергнуть, въ

одинъ прекрасный день, его имперію. Онъ приказалъ собрать всѣ колокола изъ различныхъ китайскихъ государствъ и велѣлъ ихъ расплавить, чтобы приготовить какъ можно болѣе статуй, похожихъ на людей его сновидѣнія. Каждая изъ нихъ должна была имѣть пятьдесятъ футовъ вышины. Такимъ образомъ его столицу украшало цѣлое народонаселеніе бронзовыхъ гигантовъ. Близъ города, на берегу рѣки Уей-Шун, по его приказанію выстроено множество дворцевъ и виллъ, которые служили подражаніемъ дворцамъ вассальныхъ королей и самыхъ богатыхъ принцевъ. Затѣмъ онъ овладѣлъ всѣмъ, что было самага дорогого въ ихъ домахъ, и украсилъ этимъ новыя постройки. Онъ называлъ такой поступокъ искусствомъ собрать всѣ чудеса Китая. Онъ былъ замѣчательно дѣятельнымъ администраторомъ, и послѣ соединенія имперіи подъ своей властью онъ объѣхалъ ее, оставляя вездѣ слѣды хорошихъ мѣръ и оригинальныхъ чертъ. Впрочемъ, этотъ сумасшедшій тиранъ былъ въ душѣ демократомъ. Такъ во время его путешествія для него устраивали искусственные пейзажи, при видѣ которыхъ онъ выразилъ желаніе, чтобы для его народа устраивались такія же прекрасныя дороги. Но онъ не довольствовался быть могущественнымъ, ему хотѣлось быть безсмертнымъ. Нѣкто Сонъ-Ше увѣрилъ его, что въ морѣ По-Хай находится островъ, гдѣ царствуютъ геніи, которые даютъ людямъ напитокъ безсмертія, если имъ будутъ принесены жертвы. Собравъ нѣсколько тысячъ мальчиковъ и дѣвочекъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ жрецами и жрицами этихъ геніевъ, Ши-Гоангъ-Ти отправился на островъ. Поднявшаяся буря разбила его флотъ, и Ши-Гоангъ-Ти считалъ это явленіе гнѣвомъ геніевъ. Въ это время онъ едва не погибъ близъ горы Сянгъ-Шанъ. Разгнѣвавшись, онъ покрылъ гору бранными словами и приказалъ съжечь въ своемъ присутствіи лѣса и поля, находившіяся на ней. Наконецъ онъ рѣшилъ скопировать млечный путь. На полосѣ земли широкой и длинной, въ нѣсколько миль, онъ приказалъ построить дворцы всевозможныхъ архитектуръ, представлявшіе звѣзды. Между дворцами виднѣлись однообразно обработанныя поля, что соответствовало темнымъ пространствамъ неба, раздѣлявшимъ звѣзды млечнаго пути. Вскорѣ онъ нашель, что его имперія недостаточно велика, и, собравъ многочисленную армію, онъ побѣдилъ въ 12 мѣсяцевъ сосѣдніе народы. Тогда она стала простирается отъ сѣвера къ югу, — отъ татарскихъ пустынь до острова Гайнана, а съ востока на западъ — отъ Кореи до царства Авы. Въ 213 году до Р. Х. въ Китаѣ замѣтили комету, и императоръ принялъ ее за предсказаніе будущей гибели Китая. Чтобы защитить свою имперію отъ татарскихъ набѣговъ, онъ задумалъ построить Великую Стѣну. Для этой колоссальной работы, какая еще не производилась человѣческими существами, онъ призвалъ нѣсколько милліоновъ солдатъ. Стѣна была окончена чрезъ десять лѣтъ. Китайцы называютъ ее Венъ-Ли-Чангъ-Чингъ. Длина ея равняется 68 милямъ. Она начинается каменнымъ валомъ, построеннымъ въ морѣ. Рабочимъ приказано было подъ угрозой смерти оставлять между камнями настолько малое пространство, что едва бы могъ пройти гвоздь. Она настолько широка, что шесть всадниковъ могутъ проѣхать по ней. Вышина ея восемь метровъ, и она то понижается, то возвышается, согласно мѣстности, взбираясь въ одномъ мѣстѣ на гору, вершина которой поднимается на 1800 метровъ. На опредѣленномъ разстояніи въ стѣнѣ находятся ворота, сна-

бженныя башнями и бастионами. Эти башни находятся другъ отъ друга на протяженіи полета стрѣлы, чтобы ни съ какого пункта непріятель не могъ избѣгнуть стрѣлы защитниковъ. Прежде чѣмъ Китай былъ покоренъ монголами, миллионъ солдатъ наполнялъ укрѣпленія, построенныя эшелонами въ длину стѣны. Древнія китайскія династіи исчезли, Великая же стѣна стоитъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, почти безъ поправокъ. Строя ее, Ши-Гоангъ-Ти повиновался политической идеѣ. Всѣ солдаты послѣ войны составляли шайки грабителей и убійцъ, и императоръ нашелъ средство занять ихъ и удержать на границѣ, заставивъ ихъ строить Великую Стѣну. Однако, ни его побѣды, ни грандіозныя работы не вызвали къ нему симпатій. Мандарины сошлись съ принцами и владѣтельными лицами другихъ государствъ имперіи и пожелали возвратиться къ прежнему феодальному положенію, какое было при древнихъ династіяхъ. Былъ моментъ, когда императоръ Ши-Гоангъ-Ти думалъ, что его ученые подданные и вельможи ослѣвлены его могуществомъ, и собралъ конгрессъ, который начался праздниками и банкетами. Затѣмъ онъ вошелъ на тронъ и благосклонно пригласилъ самыхъ краснорѣчивыхъ сказать свои рѣчи. Нѣсколько мандариновъ повиновались и восхваляли императора. Но послѣ нихъ заговорилъ Шунъ-Юе, который назвалъ подлецами всѣхъ предыдущихъ ораторовъ за ихъ лстивыя похвалы и окончательно разгнѣвалъ императора, потребовавъ отъ него возвращенія къ прежнему феодальному правленію. Императоръ приказалъ своему первому министру Ли-Сее прервать эту рѣчь. Министръ повиновался и посоветовалъ императору, чтобы въ будущемъ не досаждали ему прежними порядками, разыскать и сжечь всѣ книги, исключая грамматикъ, медицинскихъ и земледѣльческихъ трудовъ. Когда не будутъ болѣе знать о древнемъ времени, то объ этомъ не будутъ болѣе говорить. Императоръ былъ очень доволенъ предложеніемъ министра и приказалъ всѣмъ жителямъ принести свои книги, чтобы собрать ихъ и сдѣлать великолѣпный пожаръ. Такъ и сдѣлали. Но 460 ученыхъ спрятали въ подземельяхъ книги и посоветовали другимъ поступить также. Такимъ образомъ, впослѣдствіи книги явились рѣдкостью. Авторъ видѣлъ старинную гравюру, на которой изображены пылающія книги и солдаты, сбрасывающіе ученыхъ въ пропасть. Послѣ сожженія книгъ императоръ возобновилъ свои путешествія по имперіи и хотя не желалъ, чтобы говорили о древности, все-таки посѣщалъ древнія могилы предковъ и приносилъ имъ жертвы. Проходя по одному мосту, онъ ранилъ себя въ животъ; образовался нарывъ, и Ши-Гоангъ-Ти умеръ пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, въ 210 г. до нашей эры. Онъ распорядился, чтобы его похоронили у подножья горы Ли, а на вершинѣ поставили мавзолей. Согласно обычаю, конкубинки, не имѣвшія отъ него дѣтей, должны были лишиться себя жизни. Ихъ похоронили такъ же, какъ и дворцовыхъ слугъ, подъ его могилой. Гробъ императора стоялъ въ громадномъ залѣ, въ которомъ горѣли лампы, заправленныя человѣческимъ жиромъ. Въ этомъ же залѣ находилось озеро изъ ртути, въ которомъ качались золотыя птицы. Въ могилу были сложены оружіе, драгоценности и даже мебель. Народъ, преклонявшійся предъ нимъ, пока онъ былъ живъ, внезапно возмутился противъ мертваго императора, и Чу-Чангъ расположился лагеремъ у его могилы, а Гангъ-Ю уничтожилъ мавзолей, отъ котораго осталось лишь черное углубленіе. Пастухъ, забравшійся

туда случайно, докончили остальное. Онъ развелъ тамъ костеръ, и гробъ гениальнаго и въ то же время безумнаго Ши-Гоангъ-Ти сгорѣлъ. Черезъ годъ послѣ смерти перваго государя Китая, завоевавшего весь Китай, пять государствъ снова воскресли въ расчлененной имперіи.

— Каролина Знаменитая. Давъ английской публикѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ печальную исторію матери короля Георга II подъ названіемъ: «Любовь некоронованной королевы», В. Вилькинсъ теперь знакомитъ читателя съ жизнью жены того же монарха ¹⁾. Королеву Каролину, урожденную принцессу Анспахскую, онъ называетъ Знаменитой, потому что придворный пасторъ въ надгробной ея рѣчи сказалъ между прочимъ: «Будущее поколѣніе будетъ ее знать, какъ Каролину Знаменитую». Для подкрѣпленія этого громкаго титула онъ почерпнулъ новыя свѣдѣнія объ ея молодости изъ Анспахскихъ, Берлинскихъ и Ганноверскихъ архивовъ, а относительно ея послѣдующей жизни ему служили матеріаломъ рукописи въ Британскомъ музеѣ, различные мемуары и книги о той эпохѣ. Хотя лордъ Гарвей, Горасъ Вальполь и лэди Мэри Монтегью достаточно ярко обрисовали въ своихъ запискахъ ея личность, а новѣйшіе историки и особенно романистъ Теккерей въ своихъ блестящихъ «Четырехъ Георгахъ» вполне охарактеризовали Георга II и его жену, но сочиненіе Вилькинса не лишнее добавленіе къ существующимъ уже описаніямъ ея жизни. Каролина родилась въ 1683 г. и была дочерью маркграфа Анспаха, который умеръ такъ же, какъ ея мать, во время ея дѣтства; поэтому она провела свою молодость у тетки, жены курфюрста Бранденбургскаго, сдѣлавшагося въ 1701 г. первымъ королемъ Пруссіи. Ея воспитателемъ и менторомъ былъ знаменитый Лейбницъ, и вообще она получила старательное воспитаніе: богословское и философское. Сначала принцессу хотѣли выдать замужъ за ея двоюроднаго брата Фридриха-Вильгельма Прусскаго, а потомъ за эрцъ-герцога Карла Австрійскаго, который былъ очень увлеченъ ея красотой и высокими умственными качествами, но бракъ этотъ не состоялся по религіознымъ причинамъ, ибо Генріета не хотѣла переимѣнить протестантской вѣры на католическую, что было необходимо въ случаѣ брака съ эрцъ-герцогомъ. Наконецъ она вышла замужъ за другого своего двоюроднаго брата, курфюрста Ганноверскаго Георга-Августа, будущаго короля англійскаго Георга II, въ 1705 г. Послѣ романтическаго и даже комическаго, à la orga Bouffe, сватовства, первыя девятнадцать лѣтъ ея брака прошли чрезвычайно прозаическимъ образомъ, но были для нея хорошей школой для тринадцати лѣтъ, проведенныхъ ею въ качествѣ принцессы Уэльской, и десяти лѣтъ, какъ англійской королевы. «Въ началѣ ея брачной жизни, — говоритъ Вилькинсъ ¹⁾, — необходима была вся философія, природная въ ней и занятая у Лейбница, чтобы примириться съ капризами ея фантастическаго супруга. Она вскорѣ поняла всѣ недостатки и слабости его характера, его вспыльчивость, непостоянство, тщеславіе и страсть къ хвастовству. Онъ наследовалъ всѣ дурныя качества его родителей и ни одну ихъ добродѣтель, какъ, напримѣръ, благородство матери и прямотушье отца. Несмотря на то, что онъ былъ вообще презрѣннымъ человѣкомъ, она никогда не выказывала къ

¹⁾ Caroline the Illustrious, by W. Wilkins. 2 vol. London. 1902.

нему презрѣнія, а обращалась съ нимъ, какъ женѣ слѣдуетъ съ мужемъ, съ точки зрѣнія послѣдняго. Онъ постоянно кричалъ на нее, бранилъ, бросалъ въ нее свой парикъ и вообще всячески оскорблялъ ее, но она была всегда спокойна и покорна. Поэтому Георгъ былъ чрезвычайно привязанъ къ ней и не только любилъ ее, но подчинялся ея вліянію». Сдѣлавшись англійскимъ королемъ и королевой, они продолжали вести ту же жизнь, при чемъ Каролина вмѣстѣ съ Вальполемъ ловко и искусно руководили во всѣхъ отношеніяхъ Георгомъ II: онъ просто былъ игрушкой въ ихъ рукахъ. Они вскорѣ согласились, какъ вмѣстѣ водить за носъ идиота короля. Первый министръ докладывалъ королевѣ всѣ политическія дѣла, а она принимала на себя обязанность обойти Георга. «Обыкновенно, говоритъ Вилькинсъ, она обрабатывала это дѣло ночью. На другой день, когда къ королю являлся министръ, то Каролина входила въ его кабинетъ, какъ бы случайно, и предлагала тотчасъ уйти, но король настаивалъ на томъ, чтобы она осталась. Королева усаживалась въ кресло и принималась за вязанье. Когда Георгъ спрашивалъ ея мнѣніе о дѣлахъ, то она отвѣчала очень скромно: «Я ничего не понимаю въ политикѣ; ваше величество знаете лучше». Георгъ былъ въ восторгѣ отъ признанія его способностей и просилъ ее все-таки высказать свое мнѣніе. Тогда началась между Генріетой и Вальполемъ заранѣе условленная комедія; она подмигивала и кашляла, онъ игралъ шляпой, пинагой и табакеркой. Въ концѣ же концовъ, они добивались своей цѣли». Такую же ловкость, какъ въ политикѣ, она обнаруживала и въ домашней жизни, смотря сквозь пальцы на любовныя интриги Георга II-го. Она даже поощряла эти интриги, если это было въ интересахъ государства. Такъ, зная, что Георгъ оставался въ Ганноверѣ изъ любви къ г-жѣ Вальмоденъ и во вредъ англійскому правительству, она предложила взять ее ко двору. Вообще, несмотря на его развратную жизнь, она была постоянно преданной ему женой и даже скрывала отъ него въ послѣднее время свою болѣзнь, чтобы ему не опротивѣть. Вилькинсъ приводитъ нѣсколько новыхъ подробностей объ ея смерти на 35-мъ году жизни и рисуетъ кончину королевы чрезвычайно патетически. Георгъ даже до трогательности былъ нѣженъ въ послѣдніе ея дни и завѣщалъ, чтобы послѣ его смерти ихъ гробы были открыты съ одной стороны, и они такимъ образомъ останутся навѣки соединены.

— Памятникъ Рошамбо. 24 мая новаго стиля, въ Вашингтонѣ былъ торжественно воздвигнутъ памятникъ французскому сподвижнику героевъ американской независимости — маршалу Рошамбо. Графъ Рошамбо родился въ Вандомѣ въ 1725 г. Когда 4 іюля 1776 г. Франклинъ провозгласилъ во Франціи независимость Америки, она сочувственно отозвалась, хотя не имѣла никакого на то интереса, и, несмотря на свои въ 1776 году серьезно обремененные финансы, не колебалась вмѣшалась въ войну. Американскій историкъ Банкрофтъ говоритъ, что въ Парижѣ считали эту войну битвой за общія права. Хотя король колебался, но общественное мнѣніе было сильнѣе. Америка шла войною во имя принципа и философіи, а потому Франціи предстояло первый разъ защищать правое дѣло, говоритъ Райтъ въ своей статьѣ¹⁾). Бомарше слѣ-

¹⁾ La Fayette et Rochambeau devant les historiens américains, par D. J. Wright, «Revue Hebdomadaire» 24 mai 1902.

лался апостоломъ французскаго вмѣшательства, и его краснорѣчіе побѣдило сомнѣнія короля и министра Верженя. «Какъ бы то ни было, все-таки, война состоится, говорилъ Бомарше, если они примирятся между собою, то обрушатся на насъ». Но активное вмѣшательство Франціи началось съ оборонительнаго и наступательнаго союза, подписаннаго 6 февраля 1778 г. Первымъ отправился Лафайетъ. Въ то время ему было тридцать лѣтъ, и онъ оставилъ молодую беременную жену. Затѣмъ въ 1780 г. Рошамбо былъ сдѣланъ генералъ-лейтенантомъ и посланъ въ Америку во главѣ шести тысячъ солдатъ, гдѣ французская морская флотилія, подъ начальствомъ адмирала Эстена уже одержала нѣсколько побѣдъ, и Лафайетъ, сумѣвшій повраться съ самаго начала Вашингтону, уже былъ назначенъ генералъ-майоромъ. Сначала отношенія между Рошамбо и Вашингтономъ не были дружественныя, и только позже они узнали и полюбили другъ друга. Роль Рошамбо во время этой войны была блестящая, хотя онъ оставался въ тѣни. Не любящій демонстрацій, желавшій только выказать вѣрность королю и исполнить скромно свою миссію, онъ не былъ изъ тѣхъ, которые ищутъ случая занять первое мѣсто. Солдаты его обожали, и онъ установилъ въ совершенствѣ дисциплину среди своихъ подчиненныхъ. По прибытіи, его отрядъ сильно страдалъ отъ зимней стужи, но американцы были слишкомъ бѣдны, чтобы прійти къ нимъ на помощь, и онъ сумѣлъ устроить дѣло съ жителями Родъ-Айланда, которые помѣстили на квартиры солдатъ и выдали имъ 20.000 экю. Съ неграми было труднѣе сладить; они говорили Рошамбо: «Какъ же это такъ: нашъ отецъ, король Франціи, приказываетъ намъ не повиноваться нашему отцу, королю Англій, тогда какъ нашъ Небесный Отецъ помѣстилъ насъ въ имперію послѣдняго». На это Рошамбо отвѣтилъ: «Вашъ Небесный Отецъ далъ вамъ право на свободу вмѣстѣ съ жизнью; англійскій король хочетъ лишить васъ этой свободы, но вашъ отецъ, король Франціи, беретъ васъ подъ свое покровительство, потому что онъ хочетъ сохранить свободу, данную вамъ Небеснымъ Отцемъ». Американцы удивлялись блестящимъ манерамъ и легкомысленной любезности французскихъ офицеровъ, но Рошамбо ихъ успокоилъ: «Оставьте ихъ забавляться; французы такъ же горячи въ военныхъ дѣйствіяхъ, какъ и въ удовольствіяхъ, и тѣ, которые, повидимому, только и бредятъ о балахъ, тѣмъ лучше сумѣютъ воевать, когдамы будемъ лицомъ къ лицу съ непріателемъ». «Въ дѣйствительности, нѣкоторые офицеры, говоритъ Шарль Мало въ своей статьѣ¹⁾, далеко не оказывали услугъ, которыхъ отъ нихъ ожидали, и въ извѣстныхъ случаяхъ ставили Рошамбо въ затруднительное положеніе своей неспособностью. Большинство же съ достоинствомъ исполняло свой долгъ». Никто не оказывалъ Вашингтону болѣе преданности, какъ молодые французскіе волонтеры. Рошамбо былъ не только блестящимъ воиномъ, но также мыслителемъ и великодушнымъ человекомъ, что видно изъ письма²⁾ къ Лафайету, написаннаго 27 августа 1781 г., изъ Нью-Порта: «Всегда хорошо вѣрить, дорогой маркизъ, что французы непобѣ-

1) Rochambeau et la participation militaire de la France dans la guerre d'Amérique; par Charles Malo. «Journal des Débats hebdomadaire», 6 juin 1902.

2) Fêtes de Rochambeau, «Figaro», samedi, 24 mai 1902.

дпы, но я хочу вамъ довѣрить большой секретъ; я убѣдился послѣ сорокалѣтняго опыта, что легче всего побѣдить, когда солдаты противника потеряли довѣріе къ начальнику; они теряютъ его тотчасъ же, когда были пожертвованы ради личнаго самолюбія. Если я былъ настолько счастливъ, что сохранилъ до-сегодня довѣріе моихъ солдатъ, то только потому, что послѣ тщательной провѣрки моей совѣсти я могу сказать: изъ пятнадцати тысячъ убитыхъ подъ моимъ начальствомъ солдатъ я не могу упрекнуть себя въ смерти ни одного изъ нихъ. Вѣрьте моему нѣжной дружбѣ, и если я вамъ дѣлаю легкое замѣчаніе относительно того, что мнѣ не понравилось въ вашей депешѣ, то я подумаю, что пылкость вашей души и тѣла нѣсколько разгорячила хладнокровіе и благоразуміе вашего сужденія. Сохраните послѣднее качество въ совѣтахъ и поберегите первое для минуты военной экзекуціи. Это говоритъ старшій отецъ Рошамбо своему дорогому сыну Лафайету, котораго онъ любитъ и будетъ любить и уважать до послѣдняго дыханія». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого письма, въ октябрѣ 1781 г. началась осада Йорктауна, окончившаяся капитуляціей этого города и установленіемъ американской независимости. Французское войско принимало въ ней участіе, и съ 7 по 17 октября 1781 г. каждую ночь возводило траншеи. Рошамбо писалъ въ своихъ мемуарахъ объ этой осадѣ и капитуляціи: «Траншея была открыта внизу и сверху рѣки Йоркъ въ ночь съ 6 — 7 октября. Правая имѣла 600 футовъ ширины, она была прикрыта сбоку редутомъ. Она была сдѣлана безъ потерь, потому что мы начали работы съ лѣвой стороны, которая, хотя фальшивой атакой, привлекала вниманіе непріятели. Слѣд непріятельской арміи, которая была заперта, и характеръ ея полководца обяывали вести эти атаки съ системой и предосторожностями. Американская армія взяла на себя правую сторону траншеи, а французы лѣвую и центръ. Въ ночь съ 15 на 16-е ноября непріятель сдѣлалъ вылазку съ шестьюстами человѣкъ отборнаго войска; они встрѣтили сопротивленіе на всѣхъ нашихъ редутахъ и бросились на батарею второй параллели, гдѣ заклевали четыре пушки. Шатлю пошелъ на непріятеля со своимъ резервомъ и отбилъ эту вылазку. Четыре пушки, плохо заклеванныя, выстрѣлили шесть часовъ спустя, благодаря заботамъ генерала Абовиля, командовавшаго артиллеріей. Маркизь Сень-Симонъ былъ раненъ на другой день въ траншеѣ и умеръ черезъ двадцать часовъ».

Наконецъ, 17-го октября непріятель началъ вести переговоры, и 19-го была подписана капитуляція, по которой лордъ Корнвалльсъ и его корпусъ сдѣлались военнопленными. Герцогъ Лозенъ прибылъ во Францію на фрегатѣ «Surveillante» съ извѣстіемъ объ осадѣ и капитуляціи Йорктауна. Послѣ заключенія мира, подписаннаго въ 1783 г., англичане чествовали Рошамбо, пріѣхавшаго на 12 дней въ Англію.

Послѣ блестящей военной карьеры маршалъ Рошамбо умеръ въ 1807 году подъ бременемъ славы и лѣтъ: ему было уже 82 года. Въ 1803 году Наполеонъ, представляя ему генераловъ, служившихъ подъ его начальствомъ, сказалъ: «генераль, вотъ ваши ученики». Но любящій во всемъ скромность старшій воинъ отвѣтилъ: «ученики значительно превзошли своего учителя». Онъ похороненъ въ родномъ городѣ Вандомѣ на маленькомъ кладбищѣ Туре. Онъ

оставилъ два тома своихъ мемуаровъ, которые были напечатаны въ началѣ XIX вѣка Люсемъ де Лансивалемъ.

— Столѣтіе ордена Почетнаго Легіона. 19-го мая новаго стиля исполнилось сто лѣтъ существованія ордена Почетнаго Легіона, учрежденнаго по проекту перваго консула Бонапарта 19-го мая 1802 г. (29-го флореаля X г.). По этому поводу Луи Барронъ пишетъ въ «Revue Bleu» ¹⁾, что этотъ проектъ вызвалъ много замѣчаній и споровъ. 14 флореаля X года первый консулъ представилъ государственному совѣту этотъ проектъ на разсмотрѣніе. Первой заботой французской революціи было уничтоженіе орденовъ. Бонапартъ, подготовлявшій быстро имперію, задумалъ привлечь къ себѣ учрежденіемъ ордена всѣхъ выдающихся людей Франціи. Напрасно Рёдереръ его предупреждалъ, что треть членовъ совѣта питаетъ къ этому проекту отвращеніе и говоритъ: «По-давать голосъ за созданіе порядка привилегій не значитъ ли благоприятствовать страннымъ намѣреніямъ? Не поведетъ ли это къ монархіи, кресты и ленты которой—погрешки, и къ торжеству аристократіи, къ которой новый орденъ неизбежно приведетъ; а затѣмъ послѣдуетъ возвращеніе классовъ, недавно уничтоженныхъ». Оппозиція совѣтниковъ, обыкновенно ему послушныхъ, удивила Наполеона, привыкшаго дѣлать все по-своему; онъ возмущенъ ихъ упорствомъ, но не отступилъ. Первый консулъ долженъ былъ довольствоваться большинствомъ четырехъ голосовъ. Но ему предстояло еще затрудненіе получить согласіе трибунала и законодательнаго корпуса, гдѣ у него было меньшее количество противниковъ по этому вопросу. Что же касается общественнаго мнѣнія, то оно въ ту эпоху не представляло опасности. Печать дѣйствовала согласно желаніямъ и указаніямъ «повелителя». Если и произносилось собственное мнѣніе, то втихомолку и осторожно, такъ какъ шпионы Фушэ передавали обо всемъ Наполеону. Однако, недовѣріе упорно держалось. Бонапартъ началъ безпокоиться. «Не устала ли страна отъ нововведеній?—спрашивалъ себя Наполеонъ.—Орденъ Почетнаго Легіона вскорѣ послѣ конкордата, заключеннаго только что наканунѣ, своевременно ли это?» Бурьенъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ: «Послѣдность, съ которою Наполеонъ создалъ орденъ Почетнаго Легіона, едва не сдѣлалась для него роковой». Самъ же Наполеонъ говорилъ своему интимному секретарю: «Ахъ, я прекрасно вижу, что предубѣжденіе еще довольно сильно. Вы правы, слѣдовало обождать. Эго не слѣшно». Но то, что онъ называлъ «предубѣжденіемъ»,—говоритъ авторъ статьи,—было не что иное, какъ привязанность Франціи къ данному революціей драгоценному равенству. Съ 1791 по 1802 г. не существовало болѣе орденовъ. Гражданскія должности, военныя градаціи указывали на ранги, классифицировали достоинства—и этого было достаточно. Слуги государства, повидимому, ничего другого и не желали. Никому не приходило въ голову, чтобы республиканское правительство могло, какъ короли, стать судьями добродѣтелей и талантовъ гражданъ, чтобы вознаграждать ихъ почетнымъ различіемъ. Празднества, слѣдовавшія за Амьенскимъ миромъ, привлекавшія въ Тюильри множество иностранныхъ министровъ и царедворцевъ,

¹⁾ La création de l'ordre de la Legion d'honneur, par Louis Barron. «Revue Bleu», 17 mai 1902.

разукрашенных орденами, возбудили въ Наполеонѣ желаніе создать свой орденъ. Такъ Бурьеннъ говоритъ: онъ питалъ мысль создать орденъ Почетнаго Легіона съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ ордена, блестяшіе на груди иностранныхъ министровъ. Онъ часто повторялъ: «Это хорошо! Для народа это и нужно!» Въ то же время, Арно рисуетъ такую сцену, происшедшую въ Мальмэзонѣ, въ залѣ совѣта, среди приглашенныхъ: Дюрока, Монжа, Денона и самого Арно. Бонапартъ, коснувшись своего послѣдняго приема, сказалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ Тюильри сдѣлалось жилищемъ правительства, ни разу не было болѣе блестящаго приема. Съ какой жадностью присутствовавшіе смотрѣли на иностранныхъ посланниковъ, украшенныхъ звѣздами и лентами различныхъ орденовъ ихъ странъ. Денонъ, развѣ вы не видали этого?» — «Я тѣмъ болѣе это замѣтилъ, — отвѣтилъ послѣдній, — что раздѣляю вполне ваше мнѣніе. Надо согласиться, что широкія яркія ленты, звѣзды и эмальированные кресты производятъ чудный эффектъ: это одѣваетъ человѣка». — «Вотъ такъ артистъ, — сухо сказалъ Монжъ: — эти кресты, звѣзды и ленты только мишура, настояція побрякушки». — «Пусть это будутъ побрякушки, — возразилъ Бонапартъ, — но если ихъ любятъ. Эти кресты, ленты, явные знаки человѣческаго величія, бросаются въ глаза, внушая невольное уваженіе. Разсмотримъ откровенно этотъ вопросъ. Люди помѣшаны на отличіи, а французы въ особенности, они просто алчны къ нему, такъ былъ ихъ умъ во всѣ времена. Да вотъ крестъ св. Людовика; никогда бы Людовикъ XIV не могъ поддерживать борьбу противъ европейской коалиціи во время войны за баварское наслѣдство, если бы въ его распоряженіи не было ордена св. Людовика. Это могущественное, вспомогательное средство породило чудеса храбрости. Деньги не имѣли никакой цѣны рядомъ съ этимъ отличіемъ; многіе люди предпочитали его кучѣ золота». — «Прекрасно, — возразилъ Монжъ, — остается лишь возстановить орденъ св. Людовика». Изъ этого видно, что возбудило въ Наполеонѣ проектъ объ орденѣ. Въ концѣ апрѣля 1802 г. Бонапартъ въ особомъ совѣтѣ ставилъ на видъ преимущества почетнаго ордена, какой существуетъ во всѣхъ другихъ странахъ. Этотъ разговоръ Тибодо передаетъ такъ: «Конституція 1791 г., по словамъ Бонапарта, хорошо сдѣлала, обѣщая національныя награды. Надо сдержатъ обѣщаніе; это благородно и полезно: надо создать орденъ, который былъ бы знакомъ добродѣтели, чести, героизма; отличіе, которое служило бы вознагражденіемъ разомъ за военную отвагу и гражданскую доблесть». — «Основаніе республики — равенство, — отвѣчалъ Лебрёнъ: — создавая отличія, вы уничтожите гарантію равенства, относительно котораго французы ревнивы, вы поколеблете порядокъ и уничтожите гармонию новаго политическаго зданія». — «Но, — воскликнулъ Камбасересъ: — развѣ въ республиканскомъ Римѣ не было благороднаго сословія?» — «Безъ сомнѣнія, но въ Римѣ граждане были классифицированы, аристократія была могущественна и всѣми признана... У насъ же революція все сравняла; болѣе не хотятъ ни порядка, ни классовъ; хотятъ политическаго равенства столько же, если не больше, чѣмъ свободы. Въ нашемъ новомъ орденѣ я боюсь найти зачатокъ новой аристократіи. Здѣсь есть чего испугаться людямъ, привязаннымъ къ нашей новой соціальной системѣ». — «Я думаю, — сказалъ Бонапартъ, — это преувеличенныя опасенія относительно полезнаго учрежденія, которое не нарушаетъ вашего

принципа равенства, какъ только въ пользу заслугъ, оказанныхъ родинѣ. Мы упразднимъ, если надо, вишіе знаки, и каждый изъ членовъ поклянется возстать противъ возвращенія феодальныхъ учрежденій и поддерживать свободу и равенство». Три дня спустя послѣ этого разговора, проектъ объ орденѣ Почетнаго Легіона уже совершенно созрѣлъ въ головѣ Наполеона. Редереръ въ своихъ мемуарахъ говоритъ: «Въ первыхъ числахъ мая 1802 г. консулъ Камбасересъ пригласилъ меня къ себѣ. Я явился. Онъ мнѣ сказалъ, что первый консулъ обратился къ нему изъ Мальмэзона чрезъ курьера, въ 3 ч. утра, съ проектомъ закона и поручилъ ему сообщить мнѣ и посоветоваться со мною. Онъ мнѣ передалъ тотчасъ же проектъ ордена Почетнаго Легіона и послѣ нѣкотораго размышленія просилъ меня поговорить о немъ въ отдѣленіи внутреннихъ дѣлъ, и чтобы проектъ былъ рассмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ». 14-го флореала (4-го мая) этотъ вопросъ подвергли рассмотрѣнію. Преніи были жаркія. Бонапартъ никогда еще не выказывалъ себя болѣе ловкимъ, настоящимъ и увертливымъ. Бертье первый сказалъ: «Предложенный орденъ ведетъ къ аристократіи; кресты—побрякушки монархіи; у насъ больше нѣтъ классовъ, не будемъ ихъ возстанавливать. Первыми наградами въ республикѣ за услуги, талантъ и добродѣтели должно быть назначеніе судьями и высшими чиновниками». — «Сомнѣваюсь, чтобы мнѣ могли указать древнюю или современную республику, въ которой не было бы отличія, — отвѣтилъ Бонапартъ. — Это называютъ побрякушками. Такъ посредствомъ побрякушекъ руководятъ людьми! Все уничтожили, теперь дѣло идетъ о созданіи вновь. Есть правительство, власть, но остальная нація — что же? Песчинки... Думаете ли вы, что республика окончательна установлена? Вы очень ошибаетесь. Мы властны сдѣлать ее, но мы ея не имѣемъ, и мы не будемъ ее имѣть, если не бросимъ на почву Франціи нѣсколько глыбъ гранита. Вы думаете, что надо разсчитывать на народъ? Онъ кричитъ одинаково: «Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ лига!»... Надо ему дать направленіе, а для этого создать учрежденія... Я вѣрю въ социальную пользу аристократіи. Когда пересталъ существовать прекрасный классъ патриціевъ, Римъ былъ раздираемъ безпорядками, и народъ сдѣлался самымъ презрѣнымъ канальей!»... Въ концѣ концовъ законъ о Почетномъ Легіонѣ былъ принятъ, какъ мы уже сказали, только большинствомъ четырехъ голосовъ. Въ трибуналѣ Бонапартъ имѣлъ также слабый успѣхъ и получилъ смѣлый отпоръ изъ устъ достойныхъ трибуновъ. Савои-Ролленъ, заговорившій первымъ, прежде всего возсталъ противъ странной формулы присяги будущихъ кавалеровъ ордена Почетнаго Легіона. Законъ былъ принятъ большинствомъ 50 голосовъ противъ 38, и то благодаря подтасовкѣ голосовъ. Законодательное собраніе казалось столько же мужественно, но 29 флореала при баллотировкѣ оказалось въ пользу установленія ордена 166 депутатовъ, а противъ 110. Такимъ образомъ въ послѣдній разъ смѣло возвысился голосъ философской революціи. 19-го мая 1802 г. провозглашено было учрежденіе Почетнаго Легіона, и Наполеонъ оказался правымъ. Этотъ орденъ сдѣлался до того популярнымъ во Франціи, что его не только сохранила реставрація, июльская монархія и вторая имперія, но и двѣ республики. До сихъ поръ всякій

французъ обожаетъ красную ленточку и стремится во что бы то ни стало ее приобрести.

— Мужчина - женщина. На дняхъ появилась любопытная книга¹⁾ Жоржа Муссуара о женщинѣ, которая была мужчиной. Это — Савалеттъ де Ланжъ, дочь графа Поля Савалетта. Она родилась въ 1786 г. Ея семья была разорена, одолживъ графу д'Артуа 5 милліоновъ. Она лично получала пенсію отъ правительства имперіи и реставраціи. Ея несчастіе привлекло вниманіе многихъ лучшихъ аристократическихъ семействъ Франціи. Она была близка съ семьями Полиньяка, Сень-Романа и Рошфуко. Когда она умерла въ Версалѣ въ 1858 г., то всѣ убѣдились, что это былъ мужчина. Навѣрно, никто ничего не знаетъ относительно этой личности. Была ли она незаконной дочерью графа, богатаго вѣббрачными дѣтьми? Для чего она выдавала себя за женщину, если была мужчиной? Не подмѣнили ли дочери графа на этого мальчика и при какихъ обстоятельствахъ, — все покрыто таинственностію; одно извѣстно, что эта личность подробно знала дѣла семьи графа Савалетта. Но ея происхожденіе менѣе необычайно, чѣмъ ея жизнь. Въ продолженіе пятидесяти четырехъ лѣтъ эта личность разыгрывала роль женщины, ни разу не выдавъ себя, даже въ обстоятельствахъ довольно скабресныхъ. Въ ея перепискѣ нашли любовное письмо, адресованное къ ней въ 1804 г., когда ей было 18 лѣтъ. Какой-то влюбленный возвращалъ ей вуаль, покрывъ его тысячью поцѣлуевъ, и при этомъ назначалъ ей свиданіе вечеромъ. Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, она писала сама любовное письмо слѣдующаго содержанія: «Какое удовольствіе вамъ дѣлать меня самой несчастной женщиной на свѣтѣ?... Когда я увижу васъ? Сегодня вечеромъ, но не у васъ, я очень страдаю. Придите, дорогой другъ, сжальтесь, не приговаривайте меня къ пыткѣ страданія и смерти вдали отъ васъ; вы будете имѣть состраданіе къ положенію вашей подруги. А вы единственное вознагражденіе за всѣ страданія, перенесенныя мною, мое единственное сокровище, моя надежда и единственный предметъ всей любви моей души, не откажите мнѣ въ утѣшеніи, которое я надѣюсь получить отъ васъ». Въ 1820 году она была невѣстой нѣкоего Левезерна. Дѣло дошло до выключки. И она ловко увернулась и заставила себя покинуть. Она приняла безутѣшный видъ, и ее пожалѣли. Впрочемъ у нея былъ непріятный характеръ. О ней помнили въ Abbaye-aux-Bois, гдѣ она жила нѣсколько лѣтъ. Ея непріятный нравъ поссорилъ ее со всѣми друзьями. Но вотъ какія нѣжности она умѣла писать: «Наконецъ наступилъ день, когда я сорву покровъ, заволакивающій твою позорную неправду... Дрожи, вѣчная грѣшница, ненавистная всѣмъ, кто къ тебѣ приближается, и которыхъ ты наводняешь ядомъ, выходящимъ изъ твоей души... Слушай и пользуйся; ты ужасно отвратительна; грязь окружающая твое отвратительное тѣло, заставитъ его развалиться лоскутьями въ скоромъ времени» и т. д. Однако вообще она писала деликатно, ея письма легкаго стиля, она также составляла граціозные стихи. Она дѣлала друзьямъ маленькіе подарки и женскія рукодѣлія, и хотя безпрестанно попрошайничала, но давала въ займы деньги. Уже въ зрѣломъ возрастѣ она затѣяла совершенно

¹⁾ L'homme, femme. Mademoiselle Savalette Lange, par George Moussoir.

необыкновенную интригу съ однимъ несчастнымъ офицеромъ, котораго убили въ Африкѣ. Подъ видомъ срасти она заставила молодого человѣка принять деньги, а затѣмъ сурово требовала проценты. Послѣ ея смерти у нея нашли порядочное состояніе, гишоровое покрывало съ кровати Людовика XIV, представлявшее большую цѣнность. Въ концѣ жизни она сдѣлалась страшно нечистоплотной, и никто къ ней не могъ проникнуть. Ее видѣли только на улицахъ Версаля. Съ виду она была похожа на жандарма. Ея безобразный голосъ, громадная шляпа, зонтикъ и корзина, которую она носила, дѣлали ее смѣшно. При этомъ она нюхала табакъ. Обѣды она готовила сама, и очень хорошіе.

— Викторъ Гюго и Тальма. Извѣстно, какимъ свирѣпымъ нападкамъ подвергался во Франціи зарождавшійся романтизмъ со стороны поклонниковъ прежняго ложноклассическаго направленія. Особенно много хлопотъ причиняли старомодные ложноклассики Виктору Гюго. При постановкѣ на сцену его романтическихъ трагедій, актеры, также воспитавшіеся на приподнятомъ и напыщенномъ пафосѣ Корнеля и Расина, безпрестанно просили автора передѣлать то одинъ стихъ, то другой, находя ихъ плоскими и банальными. По ихъ мнѣнію, въ трагедіи, напримѣръ, нельзя было на вопросъ, который часъ, отвѣтить просто: двѣнадцать. Ради торжественности слѣдовало сказать: «Часы двѣнадцатымъ ударомъ прозвучали». Наталкиваясь обыкновенно на отказъ, актеры капризничали и даже отказывались отъ ролей. Не такъ отнесся къ новому литературному направленію знаменитый трагикъ того времени Тальма. Въ мартовской книжкѣ «Deutsche Revue» разсказаны исключительныя обстоятельства, при которыхъ состоялось знакомство стараго трагика и молодого только входящаго въ славу главы французскаго романтизма. Въ 1827 году Гюго окончилъ свою знаменитую драму «Кромвелль», и въ Rocher de Cancale было назначено первое ея чтеніе, на которомъ долженъ былъ присутствовать и Тальма. Всѣ давно уже собрались и нетерпѣливо поджидали запоздавашаго трагика. Наконецъ рѣшено было начать чтеніе и безъ него. Вдругъ порывисто растворилась дверь, и на порогъ появился растрепанный и взволнованный Тальма. Оказалось, что по дорогѣ онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ ужаснаго происшествія. Какая-то психопатка Генриетта Кормье, ни съ того, ни съ сего, перерѣзала ножомъ горло одному изъ дѣтей, весело игравшихъ на улицѣ. Тальма долго не могъ прійти въ себя отъ пережитаго волненія, но когда Викторъ Гюго началъ читать, онъ весь превратился въ слухъ. Когда Гюго, читавшій драму наизусть, дошелъ до словъ Кромвелля, съ которыми тотъ обращается къ Авенану: «Но ваша шляпа не подходитъ къ вамъ, фасонъ ея вѣдь далеко не модный», — Тальма пришелъ въ восторгъ. «Вотъ настоящая, живая человѣческая рѣчь!» — воскликнулъ онъ. Тутъ же рѣшено было, что онъ возьметъ на себя главную роль, но, увы! черезъ мѣсяцъ трагика уже не стало. Такъ и не пришлось ему выступить въ драмѣ Гюго.

— Молодость Тэна. Недавно напечатанъ въ Парижѣ первый томъ переписки Ипполита Тэна въ молодости ¹⁾ (1847—1853 гг.). Извѣстный французскій критикъ, философъ и историкъ, родился 21 апрѣля 1828 г. въ Арденнахъ,

¹⁾ Taine, sa vie et sa correspondance.

въ маленькомъ городкѣ Вуэе. Объ его дѣтствѣ мало свѣдѣній; извѣстно лишь, что онъ принадлежалъ къ небогатой буржуазной семьѣ; его отецъ отличался литературными вкусами, бабушка была англичанка, и одинъ изъ дядей, жившій долго въ Америкѣ, выучилъ его англійскому языку. Блестяще окончивъ Бонапартовскій лицей, онъ получилъ первую награду по риторикѣ на общемъ конкурсѣ всѣхъ парижскихъ школъ и первымъ поступилъ въ Нормальную школу, т. е. учительскую семинарію, гдѣ его товарищами были Абу, Сарсэ и Прево Парадолъ. Однако, несмотря на то, что Тэнъ получилъ лучшія отмѣтки на экзаменѣ, ему отказали въ выдачѣ диплома на степень «*agregé de philosophie*», при чемъ профессора ссылались на независимость его ума, и что онъ слишкомъ смѣло проводитъ границу между философіей и католическимъ богословіемъ, поэтому безопаснѣе предоставить ему учить дѣтей. Знаніе латинскаго, греческаго, нѣмецкаго языковъ и привычка сортировать факты способствовали тому, что въ 23 года онъ уже былъ ученымъ, прочитавъ всю историческую и философскую библіотеку Нормальной школы, а также часть литературной. Несмотря на это, молодому ученому пришлось довольствоваться пока учительствомъ въ провинціальныхъ лицеяхъ, сначала въ Неверѣ, а затѣмъ въ Пуатье. Но когда его назначили въ Безансонъ учителемъ шестого класса, то онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Парижъ. Однако, онъ не хотѣлъ порвать навсегда съ профессурой и рѣшилъ добиться степени «доктора литературы», открывавшей ему право сдѣлаться профессоромъ. Для своей диссертациі онъ выбралъ странную тему: «Васни Лафонтена», обработавъ ее весьма оригинально, при чемъ вывелъ свою замѣчательную систему о влияніи среды. Это привело его начальство въ ужасъ, но оно принуждено было преклониться предъ талантомъ автора и принять его въ число своихъ докторовъ. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ премію академіи за свой «опытъ о Титѣ Ливіи». Въ письмахъ Тэна всего лучше можно видѣть, насколько его нравственная твердость шла въ ногу съ твердостью его мысли, и что все свое время онъ посвящалъ мышленію. Его привлекало все, чему можно было учиться. «Если я взялъ на себя профессорство, писалъ онъ Прево Парадолу 20 марта 1849 г., то потому, что я считалъ его самой вѣрной дорогой сдѣлаться ученымъ». Это стремленіе къ наукѣ было врожденное; далѣе онъ писалъ: «Я хочу быть философомъ, и такъ какъ ты теперь понимаешь смыслъ этого слова, то видишь, какая послѣдовательность размышлений и серія знаній требуется мнѣ. Если бы я хотѣлъ просто выдержать экзаменъ или занять каѳедру, мнѣ не нужно было бы слишкомъ себя утомлять. Достаточно было бы запаса чтенія или ненарушимой вѣрности доктринѣ учителя въ совокупности съ полнымъ невѣжествомъ въ философіи и современныхъ знаніяхъ. Такъ какъ я скорѣе брошусь въ колодезь, чѣмъ отдамся всецѣло ремеслу, потому что я учусь ради необходимости знанія, а не куска хлѣба, то хочу полного образованія. Вотъ что меня бросаетъ во всевозможныя изысканія и заставляеть, когда я выйду изъ школы, изучать, кромѣ того, социальныя науки, политическую экономію и естественныя науки. Жизнь длинна, вотъ для чего она мнѣ послужить; но что у меня отнимаетъ болѣе времени— это личныя размышленія; чтобы понимать, надо искать; чтобы вѣрить философіи, надо ее самому передѣлать, исключая тѣхъ изысканій, которыя уже сдѣлали другіе.

Знай, что мнѣ нравится болѣе твоя холодность, отвращеніе, скептицизмъ и честолюбіе, чѣмъ прежнія слѣпья, страстныя, необдуманная размышленія; изъ этого выйдетъ, что ты будешь смотрѣть на жизнь не серьезно и проведешь ее пріятнѣе; также случится, что въ день, когда ты устанешь отъ этого вялаго и колеблющагося состоянія, ты будешь въ состояніи найти безъ предубѣжденія твердую почву, на которой наконецъ отдохнешь». Далѣе видно, что въ Тэнѣ уже жилъ давно духъ философа. «Теперь ты ближе ко мнѣ, чѣмъ прежде, писалъ онъ; свойство размышленій—умиротворить душу и, возвысивъ ее, сдѣлать индифферентной. Вотъ что со мною случилось: какъ и ты я дошелъ до великаго презрѣнія къ людямъ, сохраняя большой восторгъ къ человѣческой природѣ; я людей нахожу смѣшными, безпомощными, страстными, какъ дѣти, глухими и тщеславными, въ особенности невѣждами въ силу предрасудковъ. Сохраняя наружно вѣжливость, я смѣюсь втихомолку, настолько я нахожу ихъ уродливыми и идиотами; не правда ли, ты то же самое чувствовалъ прошедшій годъ. Ты мнѣ объ этомъ говорилъ, но я тебя не слушалъ, затерявшись въ созерцаніи человѣка, находившагося во мнѣ. Я пришелъ оттуда, гдѣ ты теперь, но сохранивъ мои первыя мнѣнія о человѣческой природѣ и глубокую любовь къ этому прекрасному, но странному предмету. Оба эти чувства прекрасно согласуются между собою, такъ какъ лучше сожлѣть людей, чѣмъ видѣть, что они съ такой совершенной субстанціей достигаютъ лишь положенія дураковъ, неистовыхъ или негодяевъ. Изъ этого слѣдуетъ, что моя любовь, отстраняясь отъ отдѣльныхъ предметовъ, простирается къ главнымъ или идеальнымъ, какъ искусство, цѣлое человѣчество, и въ особенности любовь къ природѣ. Вчера я былъ въ ботаническомъ саду и смотрѣлъ въ уединенномъ мѣстѣ на зеленя, молодыя, не обработанныя, цвѣтуція поляны. Солнце сіяло, и я видѣлъ эту внутреннюю жизнь, циркулирующую въ тонкой матеріи и въ сильныхъ густыхъ стебляхъ. Я чувствовалъ, какъ мое сердце билось, и вся моя душа дрожала отъ любви къ этимъ прекраснымъ, спокойнымъ, великимъ и страннымъ существамъ, которыя называютъ природой. Я ихъ люблю, люблю, я ихъ чувствую повсюду: въ небѣ, и растеніяхъ». Еще въ молодости онъ писалъ тому же Прево Парадолю 30 марта 1849 года: «Я не знаю ни человѣческихъ радостей, ни мірскихъ земныхъ благъ, которыя стоили бы того, что даетъ, такъ сказать, безусловная, несомнѣнно, вѣчная всемірная истина. Теперь надо мнѣ оправдаться. Ты упрекаешь меня за преслѣдованіе химеры и за пренебреженіе тѣмъ, что важно, — политической дѣятельностью, полезной работой для человѣчества. Истина не уклоняется отъ меня, я знаю ея принципы. У меня нѣтъ всемірнаго толкованія истины, но я владѣю принципами этого объясненія, и не сомнѣваясь, я подвигаюсь каждый день къ познанію истины. Я вижу, вѣрю, знаю. Я не хочу съ настоящаго времени отдаться политической жизни; я воздерживаюсь отъ этого, и ты знаешь — почему; я не хочу сдѣлать важнаго шага, не зная навѣрно, хорошъ ли онъ; я не хочу принадлежать ни къ какой партіи, не зная, права ли она, я не хочу защищать моими произведеніями никакой доктрины, не будучи убѣжденнымъ, что она рациональна. Я долженъ прежде всего изучить природу человѣка, обязанности, права, общество, будущность человѣческой расы и къ чему она теперь стремится. Кто слѣпъ, пусть лучше сидитъ на мѣстѣ. Поступая такимъ

образомъ, онъ, по крайней мѣрѣ, увѣренъ, что не принесетъ никому вреда». Въ письмѣ къ матери отъ 3 декабря 1851 г., говоря о намѣреніи Наполеона захватить императорскую власть съ республиканскими формами, Тэнъ пишетъ: «Франція въ продолженіе шестидесяти лѣтъ находится въ безпрестанномъ перебѣганіи отъ монархіи къ республикѣ и отъ свободы къ авторитету. Это долго еще будетъ продолжаться. Мы слишкомъ, слишкомъ и слишкомъ мало демократы, чтобы терпѣть другъ друга, но свободныя идеи все болѣе и болѣе проникаютъ въ насъ каждый день и укрѣплятся. Черезъ семь или восемь революцій онѣ вполне будутъ господствовать. Заболѣвъ монархіей въ прошедшемъ вѣкѣ, въ нынѣшнемъ столѣтіи мы находимся въ положеніи выздоравливающихъ, но съ возвратами болѣзни, мы только въ будущемъ вѣкѣ будемъ здоровы, надо къ этому привыкнуть и терпѣть; наши дѣти будутъ счастливѣе насъ». Во время декабрьскихъ дней Тэнъ какъ бы встряхнулся, но онъ не ожидалъ такихъ результатовъ. Въ письмѣ къ Прево-Парадолю 11 декабря 1851 года Тэнъ писалъ: «Я ненавижу воровство и преступленіе, будь это народъ или власти, которые ихъ совершаютъ. Будемъ молчать, повиноваться и учиться. Наши дѣти, болѣе счастливыя, можетъ быть, будутъ имѣть оба блага вмѣстѣ: науку и свободу. Что касается до правительства, я думаю, оно продержится. Армія на его сторонѣ, и оно уже сдѣлало шагъ къ клерикализму; поселяне хотятъ дать ему громадное большинство. Купцы и крупные землевладѣльцы болѣе всего желаютъ правительства, подобнаго русскому». Въ письмѣ къ сестрѣ Virginii отъ 18 ноября 1851 г. Тэнъ пишетъ, выражая свои благородныя чувства: «Ты знаешь, конечно, что Наполеонъ нарушилъ клятву. Самые либеральныя изъ моихъ коллегъ выразили президенту республики благодарность и свою преданность за мѣры, принятыя 2 декабря. Я отказался. Я не хотѣлъ начать мою карьеру профессора подлостью и ложью. Обучая уваженію къ закону, преданности къ присягѣ, культу вѣчнаго права, мнѣ было бы стыдно оправдывать узурпацію, клятвенное преступленіе и убійство. Я отказался бы отъ подписи, если бы ее потребовали снова и увѣренъ, что ты сдѣлала бы то же». По поводу этой переписки французскій историкъ Альберъ Сорель помѣстилъ въ «Temps» критическую замѣтку, въ которой утверждаетъ, что существенныя идеи Тэна уже были видны въ его первыхъ трудахъ, онъ владѣлъ ими въ юности и сознавалъ это. Конечно, съ годами онѣ обогатились и расцвѣли. Еще будучи въ нормальной школѣ, Тэнъ писалъ: «Ни моя природа, ни убѣжденія не измѣнились, онѣ только развились—вотъ и все». Это развитіе шло правильно, логично, безъ колебаній и возвратовъ назадъ. Сорель такъ описываетъ формированіе Тэна, какъ писателя: «Мысль родилась у него голая, и отвлеченность показала уже въ началѣ». «Форма моего ума французская и латинская: классифицировать идеи въ правильную нить прогрессивно... Мнѣ говорили въ школѣ»: «Будьте ясны, правильны и методичны». Тогда существовала еще школа Кондильяка; затѣмъ пришелъ Стендаль, вліянію котораго подчинился Тэнъ; онъ сохранилъ отъ него нѣкоторыя черты, въ особенности склонность къ полемикѣ «рѣзкой, сухой, рѣшительной, въ родѣ Поля Луи Курье, форму изложенія фактовъ онъ заимствовалъ изъ Трактата физиологій; для выраженія идей онъ слѣдовалъ граждан-

скому кодексу. Жившій въ немъ философъ заставлялъ его «интересоваться въ предметахъ вѣснмъ сильнымъ, спокойнымъ, и великимъ». Артистъ же увлекалъ его безпрестанно разсматривать природу съ другими оптическими моральными впечатлѣніями, съ болѣе безпокойной, трепещущей, чувствительностью», рассказывать свои впечатлѣнія и представлять ихъ болѣе трогательными образами. «Это пробужденіе природы и таланта артиста доказываютъ его письма». Разсудокъ совѣтуетъ мнѣ бытъ непреложнымъ, говоритъ онъ, природа приказываетъ мнѣ дѣятельность... Я горячо любилъ науку, искусство... И испытывалъ страстный восторгъ прекраснымъ, въ особенности деревней. Я защищалъ пантеизмъ и говорилъ о немъ, какъ артистъ».

— Историческая эволюція нѣмецкой литературы. До сихъ поръ еще не появлялась въ Германіи такая полная, систематичная, послѣдовательная и основательная исторія нѣмецкой литературы, какъ вышедшіе на-дняхъ въ Лейпцигѣ два тома ¹⁾ Адольфа Бартеляса. Конечно, и въ ней есть недостатки, какъ, наиримѣръ излишняя патріотическая гордость, въ ущербъ писателей другихъ странъ, но все-таки ея достоинства отъ этого не уменьшаются. Въ предисловіи авторъ представляетъ планъ и методъ, которыхъ онъ придерживался. «Я думалъ, говоритъ Адольфъ Бартельсъ, что картина исторической эволюціи нашей литературы должна быть разсматриваема внѣ подробнаго и послѣдовательнаго изученія жизни и произведеній каждаго изъ нашихъ великихъ писателей въ отдѣльности. Я попробовалъ начертать общую картину эволюціи нѣмецкой литературы, прибавивъ къ ней въ видѣ добавленія для каждаго періода болѣе полное изслѣдованіе относительно главныхъ писателей. Такимъ образомъ общая картина можетъ, я думаю, сохранить сжатый и живой порядокъ, который соответствуетъ историческому цѣлому; тогда какъ въ отдѣльномъ добавленіи—произведеній великихъ писателей, я могу, не только характеризовать съ большою точностью все, что есть оригинальнаго въ ихъ произведеніяхъ, но еще вмѣстѣ въ мой анализъ нѣкоторыя эстетическія сужденія, которыя мнѣ покажутся необходимыми. Однако, прежде всего я предложилъ себѣ начертать ходъ литературной эволюціи въ различные періоды, опредѣляя въ этой эволюціи настоящее мѣсто каждаго писателя и прямое вліяніе, какое производили въ ней его произведенія». Благодаря этой программѣ, многіе отдаленные забытые писатели, хотя и представляющіе крупныя единицы, въ этой эволюціи явились въ своемъ дѣйствительномъ свѣтѣ. Однако, однимъ изъ недостатковъ этого полезнаго труда служатъ безконечныя замѣтки, которыя сбиваютъ съ толку читателя. Онѣ были бы очень полезны, если бы авторъ собралъ ихъ отдѣльно, прибавивъ къ нимъ историческіе документы и мелкія бібліографическія и историческія подробности. Впрочемъ, это не умаляетъ главныхъ достоинствъ книги, изъ которыхъ между прочимъ выдѣляются: свобода и откровенность сужденія автора, такъ мало присущіе предшественникамъ Бартеляса. Прежде всего авторъ признаетъ, что нѣмецкая раса обладаетъ личнымъ характеромъ и качествомъ, которые должны руководить ими одинаково, какъ въ эволюціи литературы, такъ и въ политической жизни, а

¹⁾ Geschichte der Deutschen Litteratur, von A. Bartels. 2 Bde. Leipzig. 1902.

потому онъ требуетъ отъ писателей своей страны, чтобы они были нѣмцы, и степень ихъ національности служитъ мѣриломъ ихъ оцѣнки, не индивидуальной, а общей— исторической, даже соціальной. Бартельсъ не умаляетъ талантовъ Гейне, Зудермана, современныхъ романистовъ и драматурговъ, но онъ упрекаетъ ихъ за желаніе ввести въ свою національную литературу чужеземное направленіе, противное генію ихъ расы, которое мѣшаетъ, или, по крайней мѣрѣ, тормозитъ ихъ природное развитіе. Націонализмъ автора опирается на широкія познанія значенія и границъ нѣмецкаго генія. Послѣдній, по его мнѣнію, способенъ на различныя проявленія, но онъ характеризуется извѣстнымъ количествомъ чертъ, которыя находятся особенно у четырехъ самыхъ совершенныхъ и типичныхъ представителей расы: Лютера, Канта, Гете и Бисмарка. По словамъ Бартельса, едва ли у другихъ націй найдутся равносильные имъ типы въ Германіи. Въ національномъ геніи, символами котораго служатъ они, сущность беретъ верхъ надъ формой, правда надъ красотой и характеръ занимаетъ большее мѣсто, чѣмъ гармонія». «Но этотъ характеръ,—говоритъ авторъ,—примѣняется къ различнымъ контрастамъ. Въ среднихъ вѣкахъ, серьезный, глубокий и мрачный Вольфрамъ Эшенбахъ противопоставляется веселому, блестящему Готфриду изъ Страсбурга; позже энергичному Лютеру—благоразумный Гансъ Саксъ; ангельскому Клопштоку—легкомысленный Виландъ; ясному Лессингу—глубокий Гердеръ; патетическому Шиллеру—реалистъ Генри Клейстъ; наивному чувственному Гримальцеру—утонченный Геббель, который ранѣе Писева внесъ въ театръ печальныя задачи нашей участи. У величайшаго изъ нашихъ людей, Гете, эти контрасты соединены и согласованы. Самъ Гете въ своихъ образцовыхъ произведеніяхъ, въ особенности въ своемъ Фаустѣ, является намъ сѣвернымъ поэтомъ, въ такой степени, что желаніе красоты въ немъ гораздо глубже и дѣятельнѣе, чѣмъ въ комъ либо изъ его противниковъ». Такимъ образомъ индивидуализмъ—отличительная черта нѣмецкаго ума. Отсюда слѣдуетъ, что сущность является у нѣмецкихъ писателей важнѣе формы, которая, до извѣстной степени, зависитъ отъ традиціи. Бартельсъ утверждаетъ, что нѣмецкая литература богаче индивидуализмомъ, ходъ литературнаго развитія тамъ менѣе подчиненъ коллективной цивилизаціи. Она развивается непрерывно, но въ то время, когда думаютъ, что она приходитъ въ упадокъ, съ юга и сѣвера Германіи, съ границъ Пруссіи или изъ Тироля являются свѣжія силы. «Мы не обладаемъ еще нѣмецкой драмой въ томъ смыслѣ, говоритъ Бартельсъ, какъ испанская, англійская и французская драма, но у насъ есть драма Лессинга, Шиллера и Гримальцера. У насъ тѣмъ менѣе есть національный романъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ французы и англичане, но взамѣнъ того мы находимъ у нашихъ романистовъ болѣе разнообразія въ характерахъ, до такой степени, что даже тѣ между ними, которые спеціально писали для большой публики, какъ, напримѣръ, Шиндлеръ, Гилтей и Геклендеръ, представляютъ намъ опредѣленную личность». Бартельсъ дѣлитъ нѣмецкую литературу на восемь періодовъ. Первый заключаетъ въ себѣ всѣ средніе вѣка съ «Беовульфа» и «Нибелунговъ» до Реформациіи. Онъ называетъ эту эпоху—періодомъ народной, религіозной и рыцарской литературы. Второй періодъ заключаетъ XVI и XVII вѣка; это—періодъ буржуазной и ученой литературы; главными представителями его являются: не-

известный авторъ Рейнке-Лисъ, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, Лютеръ, Гансъ Саксъ, альзасскій поэтъ Фишеръ, ученый Мартинъ Опитцъ, прозванный отцемъ новаго нѣмецкаго стихосложенія; затѣмъ въ XVII вѣкѣ трагическій и сатирический поэтъ Грифіусъ и сказочникъ Гриммельстаузенъ, который со своей исторіей «*Simplicissimus*» создалъ въ Германіи очень характеристичный типъ реально-юмористическаго романа. Третій періодъ — «французской и англійской школы». Она, начинаясь съ 1675 г., развивается до 1760 г. и подготавливаетъ классическій періодъ Гёте и Шиллера, который останавливается около 1800 г. До тѣхъ поръ въ теченіе болѣе десяти вѣковъ нѣмецкая литература не перестаетъ дѣлать прогрессъ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе она, нѣкоторымъ образомъ, работала надъ своимъ развитіемъ, чтобы, наконецъ, достигъ въ классическій періодъ высшей степени совершенства, на которое была способна. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе XIX вѣка, она начала приходить въ упадокъ. Въ эпоху Гете она достигла своей вершины, затѣмъ медленно падала. «По счастью она падала не съ тою правильностью, какъ подымалась, и смѣнялась дѣятельностью и реакціей, ввремя которыхъ появилось множество произведеній неожиданной оригинальности и силы, задержавшихъ и даже устранившихъ неизбежное ея паденіе. Послѣ классическаго періода, прежде всего явился романтический. Онъ угасаетъ съ 1800 до 1830 года, и, уступая предшествующему періоду по качеству, онъ болѣе богатъ по количеству писателей и произведеній. Главными представителями его являются Гельдерлинъ, братья Шлегель, Лудвигъ Тикъ, Новалисъ, Клейстъ, Гофманъ, Климентъ Брентано, Эйхендорфъ, Уландъ и Шамиссо. Послѣ этого періода явилась эпоха, названная Бартельсомъ «послѣклассической» и «послѣромантической». Это былъ періодъ Грильпарцера, Рюккерта, а также періодъ «Молодой Германіи», тенденціи которой вдохновлялись романтизмомъ, тогда какъ стремленія Грильпарцера, Рюккерта и Шлятена были въ связи скорѣе съ классической школой. Наконецъ, появляются два послѣдніе періода. Одинъ изъ нихъ — реальный, къ нему принадлежатъ драмы Геббеля, Отто Людвигъ, поэмы Теодора Шторма и Клауса Гротта, романы Фрейтага, фонъ-Рейтера, Ереміаса Готхельфа и Готфрида Келлера. Что касается до современнаго періода, Бартельсъ хвалитъ въ немъ многія оригинальныя сочиненія, въ особенности романы Шеффеля, Конрада-Фердинанда Мейера, г-жи Эбнеръ Эшенбахъ и Теодора Фонтана. Но весь вмѣстѣ этотъ періодъ носить названіе «упадка», и судя по тѣмъ образамъ, которые предлагаетъ современная германская литература, нѣмецкій индивидуализмъ будетъ нуждаться въ большихъ усиліяхъ, чтобы спасти отъ окончательнаго упадка литературу. Для еще большей характеристики книги Бартельса прибавимъ то, что онъ говоритъ относительно литературной эволюціи XVIII вѣка, т. е. историческаго сдвигенія идей и произведеній. «Интеллектуальное совершенствѣніе народа начинается съ того дня, когда этотъ народъ въ состояніи произвести философа, говоритъ онъ; такъ, напримѣръ, совершенствѣніе нѣмецкаго народа начинается съ Лейбница. Но система этого философа слишкомъ метафизична и лична, что мѣшало ей служить для Германіи сводомъ рациональнаго и буржуазнаго либерализма; этотъ сводъ былъ извлеченъ изъ философіи Лейбница въ первые годы XVIII вѣка знаменитымъ Христіаномъ Вольфомъ, который въ продолженіе 50-ти лѣтъ не переста-

валь царить въ нѣмецкой философiи. Лейбницъ, Вольфъ, піетисты, Спенеръ и Франке свидѣтельствуютъ уже о пробужденіи нѣмецкой мысли; другъ Лейбница, Христіанъ Томазіусъ, написалъ тогда «О способѣ, какъ надо подражать французамъ». Сначала подражали французскимъ классикамъ, но вскорѣ перешли къ англійскимъ. Въ 1700 году баронъ Каницъ напечаталъ собраніе эпитафiovъ и сатиръ въ стихахъ; нѣсколько лѣтъ спустя, Нейкирхъ перевелъ въ стихахъ Телемака. Но эти подражанія принесли плодъ только въ 1720 году, и въ Германіи образовались три школы: въ Гамбургѣ, въ нѣмецкой Швейцаріи и въ Лейпцигѣ. Въ Гамбургѣ господствовало англійское вліяніе. Брокъ подражалъ Поэ и Томсону; Гагедорнъ—Поэ и Лафонтену, но въ особенности въ 1713 году появилась цѣлая серія еженедѣльныхъ журналовъ, въ родѣ «Spectator» Аддисона. Въ нѣмецкой Швейцаріи англійское вліяніе также было замѣтно; тамъ Бодмеръ въ 1732 году напечаталъ переводъ въ стихахъ «Потеряннаго Рая» Мильтона. Готшедъ же распространилъ французское вліяніе. Этотъ писатель и его жена подражали всѣмъ французскимъ писателямъ, начиная съ Корнеля, кончая Мольеромъ, а въ 1740 году они основали журналъ «Нѣмецкая сцена, созданная по правиламъ древнихъ», въ которомъ много лѣтъ продолжали проводить въ Германіи всѣ французскія литературныя новости. Но съ 1740 года иностранное вліяніе понемногу уменьшилось, и поэты Геллертъ, Глеймъ и Крамеръ, «если не ввели еще настоящаго національнаго искусства, то все-таки знали, по крайней мѣрѣ, какъ облечь въ хорошую нѣмецкую форму то, что они заняли во французской школѣ». Наконецъ, въ 1750 году появились два писателя, положившіе начало настоящей нѣмецкой литературѣ—Клопштокъ и Лессингъ. Первый еще въ 1745 году создалъ три первыя пѣсни Мессіады, а второй въ 1755 году представилъ свою первую трагедію «Миссъ Сарра Самсонъ». Вскорѣ къ нимъ присоединился третій—Христофъ Виландъ, начавшій въ 1752 году свой переводъ Шекспира. «Мечта Готшеда сбылась, но подъ другой формой. Англійское и французское вліяніе еще держалось, но подражанію пришелъ конецъ; нѣмецкій умъ эмансипировался, явились поэты, умѣвшіе выразить національную жизнь». «Клопштокъ,—говоритъ Бартельсъ,—прежде всего показалъ своему народу, чѣмъ былъ и чѣмъ долженъ быть настоящій поэтъ. Онъ создалъ новый поэтическій нѣмецкій языкъ, возвративъ права фантазіи и чувствамъ; наконецъ, своими одами онъ создалъ въ Германіи новую лирическую поэзію. Лессингъ старался основать тамъ новый театръ, а его критика и журнальныя статьи съ этой цѣлью возбуждали движеніе идей, что давало болѣе гибкости нѣмецкой прозѣ. Но вліяніе его зависѣло болѣе всего отъ его личности. Его вкусъ къ полемикѣ, его откровенность, смѣлость, свобода мысли дѣлали изъ него въ то время, а также и въ наше, лучшаго представителя нѣмецкаго ума. Что касается до Виланда, вліяніе котораго нельзя сравнивать съ вліяніемъ обоихъ его соперниковъ, то онъ уменьшилъ иностранное вліяніе, введя, однако, Вольтера, Шекспира, Аріосто и Лукьяно. Около 1760 года новыя иностранныя произведенія распространились въ Германіи и нѣмецкая эволюція литературы приняла другое направленіе. «Новая Элоиза» Руссо, поэмы «Оссіана» и англійская «Reliques of Ancient English Poetry» Перси произвели великое революціонное движеніе, которое обыкно-

венно называется Sturm und Drang. Развиваясь оно, изъ года въ годъ, благодаря Гердеру, Бюргеру, Клаудіусу, Фоссу и Леопольду фонъ-Штольбергу, замыкается сочиненіями Шиллера и Гёте. Каждый изъ этихъ классическихъ предшественниковъ великихъ гениевъ игралъ роль въ Sturm und Drang. Главная и важная роль принадлежала Иоганну Гердеру, ученику Канта и богослова Гаманна. «Не будучи, собственно говоря, ни поэтомъ, ни критикомъ,—замѣчаетъ Бартельсъ,—Гердеръ является самымъ дѣятельнымъ вдохновителемъ нашей литературы. Ему мы обязаны высокимъ зарожденіемъ искусства и поэзіи, но въ особенности тѣмъ, что есть въ искусствахъ чувствительнаго, глубоко близкаго, чему нельзя научиться, и лишь оно можетъ пробудиться въ насъ самихъ. Съ этого только времени мы умѣемъ различать народную поэзію отъ художественной или, вѣрнѣе, естественную отъ утонченной, искусственной поэзіи. Гердеръ пробудилъ въ насъ лирическій элементъ, который намъ позволяетъ узнавать національный и нынѣшній характеръ всѣхъ искусствъ. Онъ оказалъ также громадныя услуги своими изысканіями источниковъ, къ которымъ онъ питаетъ страсть въ различныхъ областяхъ языка, исторіи и богословіи. Гердеръ болѣе другихъ авторовъ подготовилъ рожденіе классической литературы. Бюргеръ былъ великимъ лирическимъ поэтомъ, влившимъ всю свою душу въ стихи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ больной человѣкъ, и его поэзія не имѣетъ здороваго вліянія тѣхъ писателей, которые слѣдовали за нимъ. Но она, тѣмъ не менѣе, живая, а съ точки зрѣнія формы свидѣтельствуетъ о громадномъ прогрессѣ литературы. «Сонеты» его отличаются мягкостью и красотой языка, тогда какъ остальные его стихи плоски, банальны и тяжело легкомысленны. Фоссъ создалъ въ Германіи новую моду поэтическаго чувства, но главное его достоинство въ переводахъ. Вмѣстѣ съ произведеніями братьевъ Штольбергъ его «Одиссея» открыла сердцамъ нѣмцевъ глубокія красоты древней литературы.

— Письма Верди. Когда послѣ смерти Веллини напечатали его письма, то Верди говорилъ, что «Катанскій лебедь» выйдетъ умаленнымъ послѣ этой публикаціи». Онъ писалъ одному другу: «Какая была необходимость выводить на свѣтъ письма музыканта,—письма, написанныя всегда наскоро, небрежно, безъ всякаго значенія, потому что маэстро не долженъ поддерживать литературную репутацію? Не достаточно болѣе освистывать его музыку. Нѣтъ, теперь надо также освистывать его письма. Ахъ, тяжелая ноша извѣстность! Эти бѣдныя великія людишки, знаменитости, дорого платятъ за свою славу. Нѣтъ имъ покоя ни при жизни, ни послѣ смерти». Несмотря на это замѣчаніе, Александръ Луціо, одинъ изъ поклонниковъ Верди, помѣстивъ въ миланскомъ журналѣ «La Lettura» нѣсколько писемъ изъ переписки, длившейся пятьдесятъ лѣтъ между Верди и графомъ Апирандино Арривабене, извѣстнымъ либеральнымъ патриотомъ и политическимъ вдохновителемъ газеты «Opinione». Но Верди не вышелъ «умаленнымъ» изъ этой переписки, хотя, вѣроятно, онъ не далъ бы согласія на ея напечатаніе. Можетъ быть, многіе будутъ оспаривать его мнѣніе относительно нѣмецкой музыки и сравненія Вагнера, Россини и Гуно, но никто не можетъ отрицать въ немъ генія гармоничнаго, полного равновѣсія и здороваго. Хотя Ломброзо со своими учениками считаютъ генія близкимъ къ помѣшаннымъ, ихъ же землякъ является какъ разъ антиподомъ этой теоріи

Повидимому, гений Верди является цвѣткомъ его физическаго и моральнаго здоровья; онъ вполне нормальный человекъ. Его умъ болѣе всего выдѣляется въ его любви къ родинѣ; онъ живетъ прежде всего для нея, а затѣмъ для себя. Известно, что выражали итальянцы крикамъ: «Viva Verdi!» подъ самымъ носомъ австрійцевъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ музыка Верди была въ тѣсной связи съ единствомъ Италіи, и Россини, съ презрѣніемъ относившійся къ патріотическимъ заботамъ своего собрата, называлъ его «музыкантомъ въ каскѣ». Верди довольствовался этой отрицательной политикой и, считая себя въ долгу предъ отечествомъ, принялъ званіе депутата въ палатѣ. Тамъ онъ держалъ себя всегда открытымъ либераломъ и націоналистомъ. Несмотря на угрозы вѣчнаго изгнанія, онъ подписалъ въ 1848 г. адресъ Гверьери Гонзаго, требуя вмѣшательства Франціи противъ Австріи. Въ 1859 г. онъ радовался вмѣшательству Наполеона III въ итальянскія дѣла, а позже выразилъ настоящее горе, видя въ 1870 г., что Италія отказалась идти противъ Пруссіи. Онъ называлъ этотъ отказъ «національной неблагодарностью» и искупилъ его тѣмъ, что въ 1873 г. подписался на памятникъ Наполеону. На осужденіе Гверрацци этого поступка, онъ отвѣтилъ въ «Opinione»: «Я всегда думалъ и думаю еще теперь, что Наполеонъ былъ единственный французъ, другъ Италіи. Затѣмъ онъ рисковалъ для насъ своей шкурой. Все это стоитъ моего скромнаго обоба». Онъ былъ самымъ искреннимъ поклонникомъ Кавура. Послѣ смерти послѣдняго Верди прислалъ графу Арривабене письмо, полное отчаянія, въ которомъ онъ признается, что «плакалъ, какъ дитя, на похоронахъ знаменитаго покойника». Затѣмъ довѣріе перешло на Квинтино Селла. Но смерть «рара Camillo» продолжала казаться ему неисправимымъ несчастьемъ, и онъ повторялъ, что счастье Италіи сошло въ могилу съ великимъ патріотомъ. Онъ всегда оставался независимымъ отъ всѣхъ партій. Онъ былъ демократомъ пылкимъ и страстнымъ, но боялся крайности демагогій. По поводу нѣкоторыхъ избирательныхъ преобразованій, которыя считалъ неудачными, онъ писалъ: «Онѣ снимутъ цѣпи съ хищныхъ звѣрей. Это будетъ чудо, если они насъ не растерзаютъ, прежде всего министровъ». Онъ хотѣлъ видѣть въ своей странѣ благоразумное, достойное правительство, а не такое, которое раздѣляло бы только личные его взгляды. «Все, что вамъ угодно, писалъ онъ по поводу паденія министерства Депретиса, бѣлый, красный, зеленый, желтый или черный, но только былъ бы человекъ, человекъ!»...

— Вальдекъ Руссо. Въ послѣднее время, какъ бы предчувствуя отставку французскаго первагоминистра Вальдека Руссо, иностранные журналы помѣстили на своихъ столбцахъ характеристику этого замѣчательнаго государственнаго человека. Въ первой юньской книжкѣ «Nouvelle Revue» мистическій и фантастическій писатель Пеладанъ говоритъ, что Вальдекъ Руссо внесъ въ политику новый элементъ, именно строгую логику идеолога. Гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе характеристику «этого единственнаго государственнаго человека нашего декадентскаго времени» представляетъ Шарль Бастидъ въ англійскомъ журналѣ «The Fortnightly Review» за май мѣсяцъ ¹⁾. По его словамъ, онъ три

¹⁾ M. Waldeck Rousseau, by Charles Bastide. «The Fortnightly Review», may 1902.

года занимать мѣсто премьера по приглашенію президента Лубэ и, блестяще исполнивъ порученную ему задачу, спокойно вышелъ изъ водоворота политической жизни. По предсказанію Бастида, онъ принялся за любимое имъ занятіе—рисованіе акварелью, и самое пріятное для него препровожденіе времени—катанье на яхтѣ. Не прошло и мѣсяца послѣ его выхода въ отставку, какъ онъ уже уѣхалъ въ экспедицію къ Норвежскимъ берегамъ. Вальдекъ-Руссо былъ сынъ депутата и родился 2-го декабря 1844 г. въ Реннѣ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ былъ адвокатомъ въ своемъ родномъ городѣ и въ 1849 г. былъ избранъ членомъ нижней палаты. Онъ засѣдалъ на скамьѣ тогдашней «Union republicaine», а теперь его называли бы умѣреннымъ республиканцемъ. Гамбетта обратилъ на него вниманіе и въ своемъ «великомъ министерствѣ» 1881 г. предложилъ ему мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ охотно согласился и обнаружилъ рѣшительность, энергію, а такъ же мужественное краснорѣчіе. Особенно онъ понравился Гамбеттѣ своей правдивостью и откровенностью: такъ въ отвѣтъ на вопросъ Гамбетты, понравилась ли ему одна изъ его рѣчей, онъ отвѣчалъ: «прекрасная, а главное короткая». Съ самаго начала онъ выказалъ замѣчательную авторитетность характера и въ циркулярѣ къ префектамъ обратилъ ихъ вниманіе на вмѣшательство сенаторовъ и депутатовъ въ дѣла административныя, какъ совершенно незаконное. Кабинетъ Гамбетты, какъ извѣстно, существовалъ недолго, но въ слѣдующемъ министерствѣ Ферри онъ продолжалъ занимать тотъ же постъ. Въ 1885 г. онъ вмѣстѣ съ премьеромъ вышелъ въ отставку и на выборахъ 1889 г. вовсе не баллотировался. Въ 1894 г. онъ вступилъ въ сенатъ, и въ мирной сенатской средѣ выбрали его премьеромъ. Время тогда было самое жаркое и опасное для республики, такъ какъ свирѣпствовала анти-дрейфусарская палата и такъ называемое націоналистское движеніе, поддерживаемое арміей. Прежде всего, во время своего трехлѣтняго правленія, онъ возстановилъ порядокъ и кончилъ дѣло Дрейфуса, а, во-вторыхъ, онъ провелъ нѣсколько чисто республиканскихъ реформъ. Главное вниманіе онъ обратилъ на клерикаловъ, противъ которыхъ ввелъ строгое законодательство. Зная, однако, что во Франціи всего популярнѣе внѣшнее представительство, онъ въ 1899 г. сдѣлалъ республиканское торжество: именно пригласилъ въ Парижъ всѣхъ провинціальныхъ мэрсовъ на обѣдъ въ честь президента. За этимъ слѣдовала всемірная выставка и посѣщеніе Франціи русскимъ императоромъ, такъ польстившее самолюбію французовъ. Все это вмѣстѣ очистило политическую атмосферу, и Вальдекъ-Руссо былъ готовъ передать въ другія руки правительственную власть, сильно укрѣпленную его усиліями. По его убѣжденію онъ исполнилъ свою задачу и можетъ отдыхать на лаврахъ. Тотчасъ послѣ открытія новаго парламента и въ ту минуту, когда вся Франція радовалась русскому путешествію Лубэ, Вальдекъ-Руссо, подъ предлогомъ разстроенаго здоровья, подаль въ отставку.

— Смерть короля саксонскаго Альбрехта, тунисскаго бея Сиди-Али, сержанта Гофа и г-жи Дюранъ. 19-го іюня умеръ одинъ изъ старѣйшихъ государей Европы, король саксонскій Альбрехтъ, родившійся въ 1828 г. Онъ былъ сыномъ короля Іоанна и принцессы Амаліи Баварской; его воспитателемъ былъ генералъ Мангольдъ, и 15 лѣтъ онъ поступилъ офице-

ромъ въ саксонскую армію. Въ то же время онъ, однако, до революціи 1848 г. слушалъ курсъ наукъ въ Бонскомъ университетѣ, гдѣ его товарищемъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій. Въ 1864 г. онъ принималъ участіе въ войнѣ съ Даніей, на сторонѣ германскихъ государствъ. По восшествіи на престолъ его отца, онъ получилъ титулъ генерала и въ 1866 г. оказалъ подвиги въ прусско-австрійской войнѣ, особливо въ битвѣ подъ Садовой, при чемъ онъ защищалъ австрійцевъ. Когда, по окончаніи этой кратковременной войны, Саксонское королевство вошло въ составъ конфедераціи сѣверной Германіи, онъ, въ качествѣ наслѣднаго принца, командовалъ саксонскою арміей. Въ этомъ званіи онъ участвовалъ въ франко-прусской войнѣ 1870 года. Послѣ сраженій подъ Мецомъ и Гравелотомъ онъ получилъ назначеніе командира четвертой арміи, съ которой онъ содѣйствовалъ Седанскому погрому, осадѣ Парижа и сраженію подъ Шампани. Послѣ войны принцъ Альбрехтъ былъ назначенъ фельдмаршаломъ и главнымъ инспекторомъ арміи, а 29 октября 1873 г. послѣ смерти отца онъ вступилъ на престолъ. Но и королемъ онъ продолжалъ оставаться солдатомъ, заботясь только о своей арміи, маневрахъ и т. д. Всѣ германскіе принцы особенно уважали этого маститаго ветерана и выразили искреннее сожалѣніе объ его смерти. Императоръ австрійскій и германскій присутствовали при его похоронахъ. Онъ былъ женатъ на принцессѣ Гольштейнъ-Готторпъ-Ваза, но не имѣлъ дѣтей, и ему наслѣдовалъ братъ его, принцъ Георгъ, родившійся въ 1832 г.

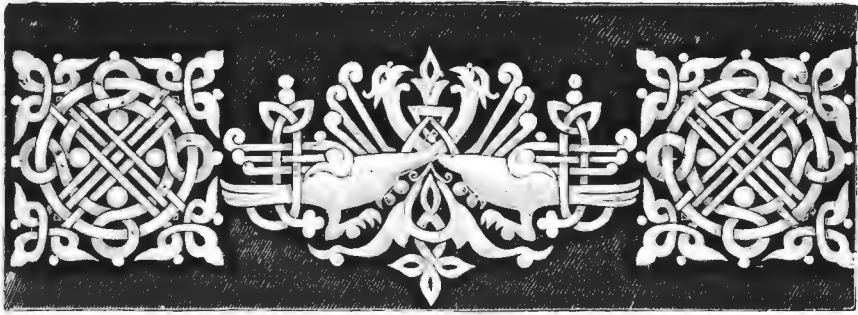
За нѣсколько дней до смерти короля саксонскаго скончался тунисскій бей, Сиди-Али. Онъ наслѣдовалъ своему брату Магомету-Эсъ-Садоку, чрезъ восемнадцать мѣсяцевъ послѣ заключенія Тунисомъ трактата о протекторатѣ Франціи. Въ продолженіе своего двадцатилѣтняго царствованія Сиди-Али всячески старался поддержать этотъ трактатъ, союзъ съ Франціей и многочисленныя экономическія и административныя реформы, которыя введены были въ Тунисѣ, подъ покровительствомъ французской республики. Французскіе представители въ этой странѣ Поль Камбо, Массико, Рувье и Миллье находили въ немъ энергичнаго помощника во всѣхъ полезныхъ для края мѣрахъ, какъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ, устройство портовъ, распространеніе школъ и развитіе, какъ земледѣлія, такъ и мануфактуры.

Въ началѣ іюня въ Шарпжѣ происходили чрезвычайно торжественныя похороны простого солдата въ присутствіи военнаго министра. Но сержантъ Гофъ былъ достоинъ оказанныхъ ему необыкновенныхъ почестей. Онъ отличился дѣйствительно поразительными подвигами въ франко-германскую войну и скороѣ походилъ на храбраго мужественнаго вольнаго стрѣлка, чѣмъ на регулярнаго солдата. Онъ стрѣлялъ безъ промаха, былъ храбръ до безумія и по ночамъ бросался на неприятельскіе ряды съ доблестью смѣлаго партизана. Особенно онъ отличился при взятіи съ нѣсколькими товарищами Волчьего острова, занятаго тремя стами пруссаковъ. Гофъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только двадцать четыре человѣка. Пользуясь темнотою ночи, онъ разставилъ большинство ихъ стрѣлками по берегу Марны и перешлылъ чрезъ рѣку на островъ впасть. За нимъ послѣдовали еще четыре человѣка. Очутившись на островѣ, всѣ они открыли огонь изъ ружей. Перепуганные нѣмцы, полагая, что многочис-

ленвыйъ непріятель овладѣлъ островомъ, бѣжали во всѣ стороны. Чрезъ часть островъ былъ въ рукахъ французовъ. Въ сраженіи подѣ Шампиньи Гофъ былъ взятъ въ плѣнъ, и по счастью для него, нѣмцы не узнали своего смертельнаго врага, а то, конечно, его разстрѣляли бы. Вернувшись послѣ мира во Францію, онъ участвовалъ въ борьбѣ противъ коммуны, при чемъ былъ тяжело раненъ. Въ виду его исчезновенія, послѣ битвы при Шампиньи, нѣкоторые его непріатели стали обвинять его въ шпионствѣ, но начальники его оправдали. Онъ награжденъ былъ Почетнымъ Легіономъ и сдѣлался легендарнымъ героемъ. Но такъ какъ онъ не могъ болѣе служить въ арміи, то Макъ-Магонъ назначилъ его смотрителемъ Вандомской колонны. Впослѣдствіи его перевели въ томъ же званіи къ Триумфальной аркѣ. Занимая этотъ почетный постъ, онъ и умеръ, окруженный невиданными почестями.

Мѣсяцъ тому назадъ умерла въ Парижѣ популярная писательница романовъ изъ русской жизни, г-жа Дюранъ, пріобрѣтшая себѣ извѣстность подѣ псевдонимомъ Анри Гревиль. Она была дочерью Жана Флерп, талантливаго журналиста, переселившагося въ Россію послѣ государственнаго переворота 1851 г. Ей тогда было только десять лѣтъ, и она провела въ Россіи большую часть своей молодости. Она здѣсь нашла себѣ и мужа Эмиля Дюрана, профессора французскаго языка въ училищѣ правовѣднія. Лишь въ 1872 г. она покинула Петербургъ и возвратилась въ Парижъ. Въ то время г-жа Дюранъ начала писать романы, избравъ себѣ псевдонимъ Анри Гревиль. Вскорѣ она сдѣлалась популярной писательницей и въ продолженіе тридцати лѣтъ выпустила въ свѣтъ одинъ за другимъ болѣе тридцати романовъ, черпая матеріалъ въ русской жизни. Одинъ изъ ея романовъ «Dosis» былъ награжденъ преміей со стороны французской академіи. Потомъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались: «La princesse Ogherof», «Sonia», «Le Coumassine», «Les epreuves de Raissa», «Tibelka», «L'heritage de Xenvi» и т. д. Всѣ они отличались скромностью, приличіемъ и талантливостью. Предѣ своей смертью она не успѣла окончить послѣдняго своего романа, печатавшагося въ «Temps»: «Le dernier des Ruugaou», и умерла среди своихъ литературныхъ трудовъ на шестидесятомъ году.

С М Ъ С Ъ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ собраніе академіи наукъ. 12-го мая состоялось подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи П. В. Никитина торжественное собраніе, посвященное памяти В. А. Жуковского. Въ числѣ присутствовавшихъ находились: товарищъ министра народнаго просвѣщенія Лукьяновъ, академики А. Н. Веселовскій, Н. П. Кондаковъ, почетные академики гр. А. А. Голенщевъ-Кутузовъ, А. Ѳ. Кони, членъ государственнаго совѣта инженеръ-генераль Н. П. Петровъ, вице-президентъ академіи художествъ гр. П. П. Толстой и др. Рѣчь академикъ А. Н. Веселовскаго прочиталъ Н. П. Кондаковъ. В. А. Жуковский, — говоритъ А. Н. Веселовскій, — занимаетъ въ нашей литературѣ особое положеніе. Кругомъ него есть подражатели, но нѣтъ собственно школы. Державинскій пафосъ, слышный въ его раннихъ произведеніяхъ, скоро и окончательно уступаетъ Карамзинскому сентиментализму. Любовь сдѣлала Жуковского поэтомъ, сентиментализмъ далъ ему готовыя формулы, съ тою разницей, что Жуковский пережилъ многое на дѣлѣ, глубоко и правдиво. Эта искренность насъ подкупаетъ, несмотря на нѣкоторую ограниченность и неподвижность міросозерцанія. Въ немъ нѣтъ колебаній и страстныхъ порывовъ, все идетъ медленно, методично, изъ однихъ и тѣхъ же началъ. Въ этой ограниченности и сила, и слабость Жуковского: рѣдко такъ, какъ въ немъ, человѣкъ покрывался поэтомъ. Съ мечтательной и вмѣстѣ недантичной программой онъ вступилъ въ жизнь, съ рѣшимостью заработать себѣ скромное счастье, съ требованіями возвышающей любви и той особой дружбы, которая колеблется на порогѣ любви и пріязни. Смерть его друга А. Тургенева, а затѣмъ неуда-

«истор. вѣств.», июль, 1902 г., т. LXXXIX.

21

впяся любовь къ племянницѣ М. А. Протасовой сообщили его настроенію мечтательность и меланхолію, которыя у насъ привыкли считать признакомъ романтизма. Но въ Жуковскомъ это не романтизмъ, а автобіографическія признанія сердца, шедшаго навстрѣчу сентиментальнымъ теченіямъ литературы. Въ этой-то атмосферѣ сложились любимые образы, общія мѣста, эпитеты, все, что дѣлаетъ лирику Жуковского своеобразной; сложился его стиль. Онъ надолго связалъ его. «C'est le poète de la passion»,—сказалъ о немъ кн. Вяземскій,—сохрани Богъ ему быть счастливымъ: со счастьемъ лопнетъ прекраснѣйшая струна его лиры». Передъ нами весь кругозоръ интимной лирики Жуковского; онъ ограниченъ личною жизнью, и въ ней уголкомъ чувства, тихо волнующагося, призывнаго, грѣющаго, томящагося по чьмъ-то реальному или не здѣшнему. На все кругомъ себя онъ смотрѣлъ «сквозь сонъ поэтической», все идеализовалъ, и друзья боялись рокового дара Мидаса—обращать въ золото все, до чего бы онъ ни дотронулся. У Жуковского «все поэзія — царскія двери, дьячки, понамари», трунилъ кн. Вяземскій. Его гуманизмъ былъ гуманизмъ жалости и благотворенія: носитель добра и помощи, онъ не рѣшался теоретически распространять то и другое на болѣе широкіе горизонты. Но въ этомъ бѣдномъ по содержанію районѣ онъ совершилъ чудеса: въ немъ онъ полный хозяинъ, знаетъ въ немъ всякій закоулокъ, неудовимыя движенія чувства. Въ этомъ очарованіе его стиха. Но не безъ борьбы дался Жуковскому его стиль, его школа—переводы; они составили ему репутацію. Но его переводы были тѣмъ же творчествомъ; онъ не столько переводилъ, сколько воспроизводилъ, спускаясь къ оригиналу, даже поднимая его до своего пониманія. Какъ-то разъ, защищая Жуковского отъ критиковъ, кн. Вяземскій выразился, что стихъ его можетъ устарѣть,—останется поэзія; я прибавилъ бы,—замѣчаетъ г. Веселовскій,—устарѣетъ ея содержаніе, въ болѣе широкихъ перспективахъ потонетъ его крохотный личный кругозоръ, останется правдивость настроенія и прелесть овладѣннаго имъ стиха. Вкратцѣ рѣчь гр. Голенищева-Кутузова заключалась въ слѣдующемъ. Въ пятистишіи Пушкина—«Его стиховъ плѣнительная сладость»—заключается полное опредѣленіе поэзіи Жуковского. Жуковский первый и величайшій поэтъ карамзинскаго періода нашей литературы, достигшій значительнаго совершенства во внѣшней формѣ стиха. Относительно внутренняго содержанія можно опредѣлить его поэзію, какъ «поэзію сердца». Первая безнадежная любовь поэта дала всей его поэзіи отпечатокъ задумчивой грусти, но не перешла въ отчаянье вслѣдствіе глубокаго религіознаго настроенія Жуковского, которое не покидало его въ продолженіе всей его жизни. Онъ прямо въ лицо смотрѣлъ несчастіямъ и бѣдствіямъ жизни и въ ней же пытался найти утѣшеніе. Въ заключеніе гр. Голенищевъ-Кутузовъ вспомнилъ также о значеніи Жуковского, какъ воспитателя императора Александра II, содѣйствовавшаго зарожденію и развитію великихъ освободительныхъ реформъ этого государя.

Пятидесятилѣтіе кіевскаго центрального архива. 2-го апрѣля 1852 года послѣдовалъ указъ правительствующему сенату объ учрежденіи кіевскаго центрального архива для древнихъ актовъ трехъ губерній Юго-Западнаго края: Кіевской, Подольской и Волынской. Одновременно съ этимъ учреждены были

такіе же архивы въ Вильнѣ и Витебскѣ для губерній сѣверо-западныхъ. Въ силу этого указа въ центральныхъ архивахъ должны быть собраны древнія актовыя книги до 1799 года включительно и не только изъ присутственныхъ мѣстъ всего Юго-Западнаго края, но и отъ частныхъ лицъ. Инициатива учрежденія центрального архива въ Кіевѣ принадлежитъ тогдашнему генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову, который понималъ важное значеніе сохраненія древнихъ документовъ. По его мысли центральный архивъ былъ учрежденъ при университетѣ св. Владимира. Сосредоточенію древнихъ документовъ и актовыхъ книгъ изъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ въ специальныхъ учрежденіяхъ— архивахъ, въ значительной мѣрѣ способствовали крупныя злоупотребленія, обнаруженныя по поддѣлкѣ дворянскихъ документовъ какъ на происхожденіе, такъ и на владѣніе, что имѣло подкладкой политическія тенденціи 1830-хъ годовъ и послѣдующихъ. Насколько велики были эти злоупотребленія, указываютъ немало завѣдомо подложныхъ документовъ, имѣющихся въ актовыхъ книгахъ, хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ. По такимъ документамъ утвердилось немало представителей бывшей польской шляхты въ дворянствѣ, доказывались права владѣнія землями и т. п. Поддѣлки документовъ были настолько широко распространены въ Юго-Западномъ краѣ, что правительство неоднократно учреждало повѣрочныя коммиссіи для осмотра актовыхъ книгъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Такія ревизіонныя коммиссіи дѣйствовали въ 1833, 1835, 1840 и 1842 гг. Но всѣ эти мѣры не могли прекратить подлоги и поддѣлки документовъ, которыя стали весьма прибыльнымъ занятіемъ для цѣлой группы адвокатовъ и ходатаевъ. Злоупотребленія эти пустили такіе глубокіе корни, что, повидимому, продолжались съ усиѣхомъ и послѣ сосредоточенія актовыхъ книгъ въ кіевскомъ архивѣ. На такое предположеніе наводитъ обнаруженіе въ 1867 году новыхъ подлоговъ. Назначена была особая слѣдственная коммиссія для разслѣдованія злоупотребленій, но, къ сожалѣнію, виновники не были обнаружены. Слѣдственная коммиссія вновь обнаружила, что въ актовыхъ книгахъ немало поддѣльныхъ документовъ, и что въ дачѣ копій разнаго рода документовъ необходима большая осмотрительность. Обнаруженіе подлоговъ въ 1867 году вызвало пріостановку въ депутатскихъ собраніяхъ дѣлопроизводства по выдачѣ разнаго рода справокъ о принадлежности къ дворянству. То же дѣлопроизводство прекратилось въ департаментѣ герольдіи по документамъ, выдаваемымъ изъ кіевского центрального архива. Такое положеніе дѣлъ продолжается и нынѣ. Мѣстныя депутатскія дворянскія собранія и департаментъ герольдіи не производятъ никакихъ дѣлъ по документамъ, хранящимся въ кіевскомъ архивѣ. Требуется громадныя навыкъ и опытность для установленія дѣйствительнаго характера того или иного архивнаго документа. Необходимы глубокія познанія въ палеографіи, знакомство съ бумагой, свойственными ей водяными знаками и т. п. для опредѣленія времени, когда написанъ документъ. Такимъ ученымъ архивистомъ въ кіевскомъ центральномъ архивѣ является помощникъ завѣдующаго, П. М. Каманинъ, занимающійся въ архивѣ уже 26 лѣтъ. Онъ авторъ извѣстнаго палеографическаго труда, удостоеннаго Уваровской преміи. На основаніи матеріаловъ, хранящихся въ кіевскомъ архивѣ, написанъ цѣлый рядъ ученыхъ изслѣдованій и монографій. Въ

числѣ этихъ работъ особеннаго вниманія заслуживаютъ труды профессоровъ Пванюкова, В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, М. П. Ясинскаго, П. М. Каманина, О. И. Левицкаго и мн. др. Документы, хранящіеся въ архивѣ, относятся къ XVI, XVII, XVIII и XIX вв. Всѣхъ актовыхъ книгъ, изъ которыхъ многіе составляютъ фоліанты въ нѣсколько тысячъ листовъ, въ архивѣ хранится около шести тысячъ и, кромѣ того, до полумиліона отдѣльных документовъ въ связкахъ. Большинство документовъ написано на польскомъ языкѣ, но есть также русскіе, латинскіе и греческіе. Древнѣйшія актовыя книги не восходятъ далѣе 1520 г., но въ нихъ написаны документы, относящіеся даже къ концу XIV вѣка. Къ числу ихъ относятся разныя грамоты великихъ князей литовскихъ (1390—1569 гг.), изданныя въ 1886 году. Въ послѣднія двадцать лѣтъ въ кievскій архивъ было передано много цѣнныхъ матеріаловъ изъ дѣлопроизводства кievскаго окружнаго суда и кievскихъ судебныхъ учреждений, начиная съ 1742 года, изъ судебныхъ учреждений Волынской и Подольской губерній и другихъ мѣстъ. Матеріаль этотъ тщательно подбирается и сортируется. Исполнившееся 2-го апрѣля нынѣшняго года 50-лѣтіе кievскаго архива прошло почти безслѣдно. Только въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца 28-го апрѣля прочитаны были два реферата, посвященные кievскому архиву. Доклады прочитаны И. М. Каменскимъ и О. И. Левицкимъ. Средства, отпускаемая на содержаніе архива, крайне ничтожны. Вопросъ объ увеличеніи штатовъ давно уже ждетъ рѣшенія.

С.-Петербургское археологическое общество. I. Общее годовое собраніе происходило 2-го мая подъ предсѣдательствомъ графа И. П. Толстого. Почтена была вставаніемъ память скончавшихся членовъ: барона Б. В. Тизенгаузена, Д. Ф. Щеглова и А. А. Неустроева. Прочитано было П. К. Коковцевымъ заключеніе комисіи. Секретарь общества сообщилъ отчетъ о дѣятельности общества. Въ отчетномъ 1901 г. общество состояло изъ 280 членовъ (19 — почетныхъ, 148 дѣйствительныхъ и 113 членовъ-сотрудниковъ); засѣданій происходило въ теченіе года—26; вышли нѣсколько выпусковъ изданій общества: восточнаго, русскаго и классическаго отдѣленій. Раскопки по порученію общества произведены были: В. Н. Глазовымъ въ Исковской и П. А. Тихомировымъ въ Тверской губ. Ученая дѣятельность общества заключалась также въ награжденіи медалями выдающихся ученыхъ трудовъ въ области археологіи. Средства общества, какъ сообщилъ казначей общества Н. К. Марковъ, достигали къ 1-му января 1902 года суммы 31.400 рублей, приходъ за 1901 годъ — 19.962 рубля 89 коп., расходъ — 18.928 рублей 67 коп. Библіотека общества приведена въ полный порядокъ. Сообщено содержаніе завѣщанія Б. В. Тизенгаузена, завѣщавшаго часть своей библіотеки въ даръ обществу. Для распредѣленія завѣщанныхъ книгъ между заинтересованными учреждениями избраны отъ общества: баронъ В. Р. Розень и И. В. Анничковъ. Представителями общества на харьковскій съѣздъ избраны: князь П. А. Путятинъ, С. Л. Иташицкій, Н. В. Покровскій и Н. И. Веселовскій. Произведены были выборы должностныхъ лицъ на новое трехлѣтіе; избраны: помощникомъ предсѣдателя—графъ И. П. Толстой и секретаремъ—В. Г. Дружининъ. Въ члены общества избранъ Э. Э. Лену. Высшую награду общества въ

этомъ году, большую золотую медаль, медальная комиссія присудила графу А. А. Бобринскому за трудъ его: «Курганы и случайныя находки близъ мѣстечка Смѣлы»—трудъ многолѣтній, огромный и снабженный богатыми рисунками. Состоитъ онъ изъ трехъ большихъ томовъ и представляетъ разнообразнѣйшій и богатѣйшій археологическій матеріалъ. Книга графа А. А. Бобринскаго сдѣлается вскорѣ, по заявленію проф. Н. И. Веселовскаго, настольною книгою каждаго археолога. Серебряную медаль комиссія назначила В. В. Фармаковскому за изслѣдованіе: «Византійскій пергаменный рукописный списокъ съ миниатюрами, принадлежащій Археологическому институту въ Константинополь». II. Дѣятельность общества въ текущемъ академическомъ году закончилась засѣданіемъ членовъ русскаго отдѣленія 7-го мая подъ предѣтельствомъ проф. С. Ѳ. Платонова. Предѣдатель отдѣленія сдѣлалъ докладъ о занятіяхъ организаціоннаго комитета предстоящаго въ 1903 г. тверскаго областного археологическаго съѣзда. Съ этимъ докладомъ былъ связанъ вопросъ о производствѣ въ текущемъ году раскопокъ на средства общества, такъ какъ русское отдѣленіе постановило оказать съѣзду всякую возможную съ его стороны поддержку. Поддержка выразится въ раскопкахъ въ мѣстностяхъ Тверской и сосѣднихъ съ нею областей, а также въ изданіи тома записокъ отдѣленія, посвященныхъ вопросамъ, входящимъ въ программу дѣятельности съѣзда. Районъ раскопокъ текущаго года на средства общества ограничится нѣкоторыми уѣздами Тверской, Нековской и Новгородской губерній по программѣ, составленной Н. И. Веселовскимъ и А. А. Спиченынымъ. Последній сдѣлалъ, кромѣ того, докладъ о любопытномъ обрядѣ, замѣченномъ имъ среди погребеній въ Пермской губерніи у камской чуди. Цѣлые могильники оказываются перерытыми, надъ могилами замѣтны ямы и слѣды кострища. Обрядъ существовалъ, повидимому, довольно долго; онъ наблюдается при погребеніяхъ IX—X и XIII—XIV вѣковъ у племенъ: пермяковъ, зарянъ и вотяковъ. Князь П. А. Путятинъ высказалъ мнѣніе, нельзя ли видѣть здѣсь обрядъ крещенія костей предковъ-язычниковъ потомками христіанами. С. Л. Итатицкій сообщилъ интересныя новыя данныя о московскомъ первопечатникѣ Иванѣ Ѳедоровѣ во Львовѣ и о судьбѣ типографіи его. Последняя была арестована послѣ смерти Ѳедорова княземъ Острожскимъ. По произведенной оцѣнкѣ все имущество стоило около 1.150 рублей. Оставшіеся экземпляры (120) библии оцѣнивались каждый 5 руб. 60 коп. Въ ту же сумму оцѣнивался на рынкѣ того времени (конецъ XVI стол.) цѣлый быкъ. Новыя данныя говорятъ также о существованіи еще одной типографіи въ Константиновѣ (неизвѣстной до настоящаго времени) и о командировкѣ Ѳедорова Стефаномъ Баторіемъ въ Краковъ въ 1583 г., при чемъ Ѳедоровъ получилъ на расходы по поѣздкѣ 63 рубля.

Къ XII археологическому съѣзду. 20-го мая, состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда. Профессоръ Д. П. Багалѣй доложилъ, что въ отвѣтъ на просьбу комитета о предоставленіи помѣщенія для гг. депутатовъ и членовъ отъ г. ректора университета, профессора Н. О. Куплевскаго, получено увѣдомленіе, что на время открытія XII археологическаго съѣзда имъ разрѣшается предоставленіе безплатнаго помѣщенія съ приспособленіями въ зданіи студенческаго общежитія для

г. членовъ и депутатовъ въ количествѣ до 150 человекъ. Профессоръ Багалѣй познакомилъ съ отрывками изъ дневника покойнаго профессора Морозова и съ отдѣльными статьями, входящими въ него по поводу древностей: 1) «замѣтка объ ископаемыхъ мѣдныхъ издѣліяхъ, найденныхъ въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ» (И. Леваковского); 2) нѣсколько словъ о лѣсныхъ курганахъ въ Харьковской губерніи (И. Леваковского); 3) о каменныхъ бабахъ музея Харьковского университета; 4) о Донецкомъ городищѣ; 5) о древностяхъ, находимыхъ около хутора Миргорода и села Соколова (И. Щелкова). Далѣе профессоромъ Багалѣемъ доложено: 1) сообщеніе управления Харьковско-Николаевской желѣзной дороги о присылкѣ комитету горшка и наконецника кошля, найденныхъ въ курганѣ въ Полтавской губ., Константиноградскаго уѣзда; 2) сообщеніе Б. Д. Гринченка о пожертвованіи имъ (черезъ Нѣжинское историко-филологическое общество) цѣлаго ряда своихъ научныхъ изданій и сочиненій будущему этнографическому музею при историко-филологическомъ обществѣ Харьковского университета; 3) сообщеніе А. И. Егорова о присылкѣ для выставки плана деревянаго чапеля, благодаря которому выясняется истинное положеніе усть-самарскаго ретраншемета; 4) сообщеніе М. Русова о присылкѣ имъ въ распоряженіе комитета своихъ трудовъ, посвященныхъ: а) изслѣдованію дворовъ и построекъ крестьянъ Полтавской губ., б) игръ и игрушекъ дѣтей крестьянъ той же губерніи. По выслушаніи отзыва о первомъ трудѣ профессора Н. Ѳ. Сумцова, признающаго его весьма цѣннымъ и полезнымъ, постановлено напечатать его въ «Трудахъ» комитета; второй трудъ— доложить на сѣздѣ. А. В. Ветуховъ подѣлился методомъ изслѣдованія матеріаловъ по этнографіи, полученныхъ комитетомъ и сгруппированныхъ профессоромъ Е. Рѣдинымъ по отдѣламъ и уѣздамъ. Рѣшено— матеріалъ въ извлеченіи А. В. Ветухова издать и просить его же сдѣлать докладъ на основаніи этого матеріала на сѣздѣ. Г. Криштафовичъ доложилъ о своей этнографической экскурсіи въ сел. Долгенькое, Изюмскаго уѣзда, о предметахъ, приобрѣтенныхъ при этомъ, и сообщилъ множество весьма интересныхъ преданій, легендъ, связанныхъ съ указанными предметами (изъ приобрѣтенныхъ предметовъ укажемъ: на прытыку чумацкую, райское дерево, музыкальный инструментъ о 4-хъ струнахъ, стулу, чабанскія ложки и др.). В. В. Ивановъ познакомилъ съ матеріалами, издаваемыми къ XII археологическому сѣзду харьковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ— по картографіи Харьковской губ. и намѣстничества. По замѣчанію, сдѣланному профессоромъ Д. И. Багалѣемъ, это изданіе явится цѣннымъ не только въ области изученія картографіи нашего края, но и вообще древне-русской картографіи. Отъ имени комитета выражена благодарность В. В. Иванову за его труды по изданію матеріала. В. А. Бабенко сообщилъ о результатахъ порученія по осмотру дома Квитки на Основѣ; рѣшено увѣдомить г. управляющаго о принятіи комитетомъ его предложенія— командировать членовъ для изученія дома и его памятниковъ. На основаніи сообщенія г. Бабенка о нахожденіи имъ кацарки, исполнившей нѣсколько работъ для выставки,— рѣшено пригласить эту кацарку на выставку во время сѣзда для демонстраціи самаго производства работы. Доложенъ рефератъ профессора М. А. Попова—изслѣдованія человѣческихъ череповъ, до-

бытыхъ при раскопкахъ, произведенныхъ профессоромъ Багалѣемъ, В. Е. Данилевичемъ, г-жею Мельникъ и др. (Рѣшено напечатать въ «Трудахъ» комитета). Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ объ отправкѣ отъ имени комитета просьбъ всѣмъ предварительнымъ комитетамъ и комиссіямъ по подготовкѣ съѣзда и отдѣльнымъ лицамъ—о присылкѣ для выставокъ памятниковъ древностей, этнографіи, изданій по этнографіи: екатеринодарскому статистическому комитету, екатеринодарскому обществу любителей изученія Кубанской области; статистическимъ комитетамъ: курскому, полтавскому, екатеринославскому, воронежскому, таврическому, черниговскому, нѣжинской комисіи при институтѣ князя Безбородка, черниговской земской управѣ, новочеркасскому комитету, черниговской и полтавской духовнымъ консисторіямъ, нѣкоторымъ земскимъ начальникамъ Курской губ., нѣкоторымъ священникамъ Харьковской епархіи, гг. Гринченко, А. А. Русову, В. П. Василенко, Я. П. Новицкому, В. П. Науменко, директору маріупольской гимназійи и др. Профессоромъ Е. К. Рѣдинымъ далѣе доложено: 1) о полученіи свѣдѣній отъ общества Нестора Антописца при университетѣ св. Владимира — о церковныхъ древностяхъ Черниговской епархіи (на основаніи этихъ свѣдѣній послана соответствующая просьба въ черниговскую духовную консисторію); 2) о полученіи свѣдѣній о древностяхъ отъ курскаго губернскаго статистическаго комитета (на основаніи ихъ послана просьба гг. земскимъ начальникамъ и др.); 3) о полученіи свѣдѣній отъ екатеринославскаго губ. статистическаго комитета (послана просьба); 4) о полученіи отъ г. начальника военно-ученаго архива главнаго штаба картъ для картографической выставки и о посылкѣ ему же просьбы о присылкѣ рукописныхъ картъ; 5) о согласіи г. Машукова (Екатеринославъ) прислать коллекцію фотографическихъ снимковъ наружныхъ и внутреннихъ видовъ церквей; 6) о присылкѣ академіей художествъ шести рисунковъ Ознобишина деревянныхъ церквей земли Войска Донскаго; 7) о присылкѣ г. Олевинымъ-Гнененко свѣдѣній о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи и по связаннымъ съ ними преданіямъ; 8) о согласіи г. Сочинскаго прислать на выставку портреты Ермака и запорожскихъ гайдамаковъ; 9) о присланной профессоромъ барономъ Розеномъ справки о древности никопольскаго татарскаго саркофага (XVI—XVII в.); 10) о полученіи открытыхъ листовъ для г-жи Томиной, Познанскаго, профессора Халанскаго, изъ коихъ первая и третій собираютъ свѣдѣнія и древности въ Курской губерніи, а второй въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи; 11) о письмѣ г. Твердохлѣбова, сообщающаго о своихъ трудахъ по собиранію древностей и памятниковъ этнографіи—въ Харьковской губерніи и отчасти Полтавской; 12) о согласіи комисіи по устройству народнаго дома въ г. Харьковѣ прислать для выставки при съѣздѣ имѣющіяся въ ея распоряженіи картины; 13) о присылкѣ г. земскимъ начальникомъ 1-го участка Перекопскаго уѣзда (Таврической губерніи) свѣдѣній о древностяхъ и двухъ фотографій (съ остатковъ древнихъ укрѣпленій у г. Перекопа); 14) о письмѣ Я. П. Смирнова, сообщающаго о приготовленіи для выставки фотографій съ нѣкоторыхъ древностей Императорскаго Эрмитажа; 15) о пожертвованіи 2 рублей Оренбургской ученой архивной комиссіею на изданіе южно-русскаго орнамента; 16) о присылкѣ импера-

торскимъ московскимъ археологическимъ обществомъ денегъ на расходы комитета; 17) о письмѣ священника Спелельникова, обещающаго доставить свою коллекцію древностей, и письмѣ профессора Берескова — о доставкѣ древностей отъ нѣжинской комисіи; 18) о согласіи г. Е. Воронца предоставить коллекцію фотографій съ композицій Воскресенія Христова; 19) о согласіи г. Овчаренка представить свои картины для выставки при сѣздѣ; 20) о письмѣ г. Остроухова, обещающаго свое содѣйствіе предъ г. Юстъ о доставкѣ для выставки глиняныхъ вазъ, имѣющихся въ Ново-Таволжанской экономіи Боткиныхъ; 21) о сообщеніи печенѣгскаго волостного правленія о нахожденіи въ пескахъ базальтской волости въ различныхъ мѣстахъ двухъ глиняныхъ сосудовъ (одинъ былъ разбитъ), при которыхъ были и человѣческія кости и черепъ. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ о поступленіи въ распоряженіе комитета для выставокъ и музея древностей университета различныхъ древностей и памятниковъ искусства и быта отъ разныхъ лицъ и учрежденій.

Московское археологическое общество. 2-го мая, въ засѣданіи археологической комисіи археологическаго общества В. Э. Дэнъ прочелъ докладъ о своей разработкѣ данныхъ 5-й ревизіи. Работа эта еще далеко не закончена, вышли изъ печати лишь первые два тома. Докладчикъ опредѣлилъ, какъ главную цѣль своей работы, сравнить населеніе Россіи въ концѣ XVIII вѣка (по 5-й ревизіи) и въ концѣ XIX вѣка (по переписи 1897 г.). Является вопросъ, насколько заслуживаютъ довѣрія данныя 5-й ревизіи, и насколько они пригодны для сравненія съ данными современныхъ переписей. Изслѣдованія докладчика привели его къ тому выводу, что 5-я ревизія, несмотря на все несовершенство тогдашнихъ пріемовъ собиранія статистическихъ свѣдѣній, все же доставляетъ цѣнный матеріалъ, которымъ можно воспользоваться, хотя и съ известными оговорками, для указанной цѣли. Докладчикъ не раздѣляетъ того пренебрежительнаго отношенія къ ревизіямъ, которое обнаруживается нѣкоторыми учеными, напримѣръ, Янсономъ. Точно опредѣлить степень достовѣрности ревизіи данныхъ нѣтъ никакой возможности. Но тѣмъ указаніямъ, которыя дѣлались нѣкоторыми изслѣдователями насчетъ обстоятельствъ, не благопріятствовавшихъ точному подсчету населенія при ревизіяхъ, можно противопоставить доводы противоположнаго характера. Такъ, хотя податная цѣль ревизій должна была заставлять многихъ уклоняться отъ ревизіи, но съ ревизіей вѣдь были связаны и выгодныя для населенія юридическія послѣдствія, въ смыслѣ, напримѣръ, признанія правъ на владѣніе и др., а съ другой стороны, за утайки полагались строгія наказанія. Эти обстоятельства должны были сильно сокращать число утаекъ. Знаменательно, что въ донесеніяхъ сенату сенаторовъ-ревизоровъ не встрѣчается никакихъ указаній на неурядки при ревизіяхъ. Въ своей работѣ докладчикъ принялъ во вниманіе многочисленныя измѣненія въ административномъ раздѣленіи имперіи за 100 лѣтъ; для сравненія съ данными переписи 1897 года онъ остановился на административномъ дѣленіи, введенномъ Александромъ I, и потому пользовался окладными книгами 1806 года.

Мѣсто заточенія боярина Михаила Никитича Романова. Въ Русскомъ собраніи было сдѣлано сообщеніе путешественникомъ А. К. Хребтовымъ объ

его поѣздкѣ въ 1900 г. по Сѣверу, гдѣ онъ посѣтилъ мѣсто заключенія боярина М. Н. Романова, котораго Борисъ Годуновъ сослалъ въ 1601 г. въ мѣстечко Ныробку, состоявшую тогда изъ 3—4 избышекъ. Привезя на мѣсто ссылки, стража вырала яму и посадила туда безвиннаго страдальца, устроивъ наверху небольшое отверстіе для подавія ему воды и хлѣба. Въ 1602 г. послѣдовала смерть Романова. Преданіе говоритъ, что стража его задушила, такъ какъ томилась своею жизнью. Похоронили М. Н. Романова въ Ныробкѣ, но въ 1606 г., по повелѣнію Дмитрія Самозванца, тѣло перевезено въ Москву въ церковь Спаса на Новомъ. Теперь это мѣстечко называется селомъ Ныробомъ, лежитъ 44 верстахъ отъ уѣзднаго гор. Чердыня, Пермской губ., куда возможно проѣхать по хорошей дорогѣ, и представляетъ интересъ въ археологическомъ отношеніи, ибо 1) это лѣтній храмъ, выстроенный въ 1705 г. въ память Николая Чудотворца, наружная сторона котораго (храма) разукрашена въ разные цвѣта, равно колонки и карнизы. Храмъ можно назвать одной изъ красивѣйшихъ церквей сѣвера; недаромъ его называютъ: «Красавицей церковью»; 2) часовня построена по указу императрицы Екатерины II подъ мѣстомъ зачоченія Романова; изъ часовни есть небольшой входъ въ яму; 3) церковь зимняя въ честь Богоявленія, вновь отстроенная послѣ пожаровъ 1738 г., гдѣ устроена ниша—мѣсто, въ которомъ покоилось тѣло Михаила Никитича. Докладчикъ въ заключеніе высказалъ желаніе, чтобы была сохранена и поддержана эта старина въ ея неприкосновенности; недавно еще закрашено было известкой все крыльцо съ его красивыми колонками. При церкви есть гостиница, гдѣ путникъ и богомолецъ могутъ найти пріютъ. Въ 5-ти верстахъ отъ села на берегу р. Колвы существуютъ интересныя «Давьи пещеры».

Реставрація Зарайскаго кремля. Зарайскій каменный кремль, построенный въ 1531 г. великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ, по словамъ «Волгаря», въ настоящее время близокъ къ разрушенію, а между тѣмъ кремль этотъ представляетъ собою историческій памятникъ древности. Онъ не разъ видѣлъ подъ своими стѣнами непріятельскія войска и выдерживалъ осаду. Въ 1541 году къ Зарайску подступилъ крымскій ханъ Саинъ-Гирей, но былъ разбитъ зарайскимъ воеводой Глѣбовымъ. Въ 1570 году нашествіе орды повторилось, но и на этотъ разъ она была разбита. Въ 1608 году кремль былъ занятъ польскими войсками и т. д. Кремль имѣетъ въ окружности 350 саж.; въ немъ имѣется памятникъ надъ усопшимъ княземъ Феодоромъ, его супругой Евпраксіей и сыномъ Іоанномъ, а подъ курганомъ около церкви Благовѣщенія скоронены убитые въ смутныя времена защитники Зарайска. Зарайская городская дума возбудила предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство объ исправленіи кремля на средства казны. Расходъ исчисленъ въ 33.090 рублей.

Археологическія раскопки. Съ Фоминой недѣли пзвѣстнымъ археологомъ генераль-лейтенантомъ Бранденбургомъ производятся археологическія раскопки огромнаго скиѣскаго кургана, находящагося въ имѣніи Ильинцы (въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи) Е. П. Демидовой княгини Санъ-Дonato. Нынѣшнія раскопки, по словамъ «Кіевлянина», являются продолженіемъ раскопокъ, начатыхъ генераломъ Бранденбургомъ въ прошломъ году. Раскопки эти, несмотря на то, что онѣ далеко еще не закончены, дали уже очень цѣн-

ные въ научномъ отношеніи результаты. Въ огромномъ курганѣ, изслѣдуемомъ Н. Е. Бранденбургомъ, обнаружены слѣды большого подземнаго склепа. Хотя послѣдній и оказался ограбленнымъ, тѣмъ не менѣе въ немъ удалость сдѣлать рѣдчайшую и драгоцѣнную находку. Находка эта уцѣлѣла, благодаря какой-то катастрофѣ, застигшей грабителей, по мнѣнію Н. Е. Бранденбурга, въ моментъ совершения ими грабежа и заставившей ихъ поспѣшно спастись, не давъ имъ возможности захватить съ собой всю добычу. Одинъ изъ грабителей, повидимому, былъ предавленъ обваломъ кургана. Кости его и были найдены при раскопкахъ въ мѣстѣ земельного завала. Уцѣлѣвшая, благодаря этому, находка представляетъ золотую оправу, повидимому, налуча. Она имѣетъ видъ большой золотой пластины, около 10 вершковъ длиной и около 7—шириной, поверхность которой покрыта художественно вычеканенными рельефными изображеніями разныхъ бытовыхъ сценъ. Работа отличается большою тонкостью. Всѣхъ картинокъ вычеканено 6. Онѣ отличаются разнообразнымъ содержаніемъ и заключаютъ въ себѣ въ общемъ до 20 человѣческихъ фигуръ. Всѣ пластины равны 50 золотникамъ. Кромѣ этой драгоцѣнной въ научномъ отношеніи находки, найдены еще бронзовыя кнемиды, къ сожалѣнію, сильно разрушившіяся, и разныя мелкія золотыя и другія украшенія. Все это было разбросано въ полномъ беспорядкѣ на небольшомъ сравнительно пространствѣ. Всѣ найденные генераломъ Н. Е. Бранденбургомъ предметы отправлены имъ въ Петербургъ, императорскую археологическую комиссію, на средства которой и произведена имъ раскопка.

Искатели клада. Крестьяне Ольгопольскаго уѣзда, Свиридъ и Ужвакъ, осенью прошлаго года явились въ селеніе Поборку Гайсинскаго уѣзда Подольской губерніи и предложили мѣстному крестьянину Зозулѣ разрѣшить имъ заняться раскопками въ его усадьбѣ, съ тѣмъ условіемъ, что если будетъ найденъ кладъ, о которомъ они имѣютъ свѣдѣніе, то подѣлятся съ нимъ поровну. Зозуля согласился, и искатели клада 15 апрѣля дѣйствительно на глубинѣ 2 сажень открыли квадратную, еще довольно сохранившуюся, комнату съ тонко обдѣланными каменными стѣнами, въ одной изъ которыхъ видна заложенная плоскимъ обдѣланнымъ камнемъ дверь, ведущая куда-то дальше. Мѣстная власть запретила, по словамъ «Одесскихъ Новостей», дальнѣйшую раскопку до особаго разрѣшенія. Въ виду этого, Свиридъ и Ужвакъ намѣрены подать въ археологическую комиссію просьбу о разрѣшеніи имъ продолжать начатую работу.

Библиологическое общество. 10-го мая, въ помѣщеніи главнаго управленія Краснаго Креста состоялось общее собраніе, открытое рѣчью вице-президента В. Ѳ. Бодяновскаго, посвященною памяти скончавшагося почетнаго члена общества Н. К. Шильдера. Собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ. А. В. Половцовымъ прочитанъ былъ рефератъ объ автографахъ русскихъ писателей въ Амстердамской библиотекѣ. Въ этой библиотекѣ ему была показана цѣлая связка писемъ нашихъ августѣйшихъ особъ и писателей, подаренная вѣкимъ Дидерихсомъ. Тутъ были письма Греча, Козлова, Каролины Павловой, Шлетнева, Сперанскаго, Свинына, Жуковскаго, Загоскина и др.; болѣе интересныя письма были прочтаны референтомъ. Г. Рейнботъ дополнилъ сооб-

ценіе референта личными воспоминаніями о своемъ путешествіи по Голландіи. Н. М. Лисовскимъ былъ доложенъ отчетъ выбранной при обществѣ комисіи по организациі чествованія 200-лѣтняго юбилея русской періодической печати. Послѣ продолжительной переписки комисіи удалось привлечь нѣкоторыя общества къ участию въ совѣщаніяхъ и организовать собранія изъ представителей общества дѣятелей печатнаго дѣла, кассы взаимопомощи литераторовъ и редакцій повременныхъ изданій. Комиссіей разосланы были приглашенія 349 петербургскимъ изданіямъ, но на совѣщаніе явились представители лишь 50 изданій. На расходы по организациі совѣщаній, производившейся исключительно силами библиологическаго общества, комиссіей издержано болѣе 100 рублей, каковая сумма пожертвована Н. М. Лисовскимъ. Несмотря на то, что библиологическое общество нисколько не заботилось, чтобы за нимъ была признана инициатива этого дѣла, оно не могло избѣгнуть цѣлаго рода незаслуженныхъ нареканій, вызванныхъ исключительно недоразумѣніемъ, и потому на будущее время рѣшило устраниваться отъ всякой активной роли по организациі и созыву совѣщаній. Собраніе, признавъ дѣятельность комисіи цѣлесообразной, постановило выразить особую признательность г. Лисовскому за его труды и поручило комисіи участвовать въ бюро представителей печати по организациі юбилея. Въ почетные члены общества избраны П. Я. Дашковъ, С. Н. Шубинскій и Д. Ѳ. Кобеко, въ дѣйствительные—Л. М. Савеловъ.

Исковскій Пушкинскій комитетъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій комитетъ распредѣлил, какъ сообщаютъ «Исковскія Губернскія Вѣдомости», собранныя имъ по всеобщей подпискѣ пожертвованія на учрежденія въ память поэта въ общей суммѣ 103.450 рублей между исковскимъ дворянствомъ, городомъ Исковомъ и попечительствомъ Пушкинской Святогорской богадѣльни по 31.000 рублей каждому, а остальные 10.450 рублей предназначилъ: на образованіе неприкосновеннаго капитала въ Святогорской обители съ тѣмъ, чтобы обитель установила повседневно поминованіе покойнаго поэта, на ремонтъ и убранство могилы поэта къ 26 мая и на работы по укрѣпленію горы монастыря, у края которой поконится прахъ поэта. По вопросу о дальнѣйшей судьбѣ села Михайловскаго, купленнаго правительствомъ, комитетъ рѣшилъ возбудить ходатайство объ учрежденіи здѣсь двухклассной народной школы, предназначивъ на устройство и содержаніе ея доходъ съ имѣнія и проценты съ капитала, образуемаго изъ 31.000 рублей, причитающихся на долю исковскаго дворянства, и изъ той суммы, которая можетъ быть выручена отъ продажи принадлежащей имѣнію сосѣдней пустоши въ 400 десятинъ, стоимость которой опредѣляется въ 90.000 рублей; при этой школѣ предположено устроить опытные и показательныя поля и опытную льняную станцію при содѣйствіи министерствъ земледѣлія и финансовъ. Что касается усадьбы села Михайловскаго, то комитетъ постановилъ принять мѣры къ охраненію ея.

Церковь въ память І. В. Гурко. «Варшавскій Дневникъ» сообщаетъ, что въ имѣніи Сахарово, Тверской губерніи, въ томъ павильонѣ, въ которомъ покойный варшавскій генералъ-губернаторъ І. В. Гурко проводилъ большую часть времени послѣднихъ лѣтъ своей жизни, имъ самимъ построеномъ, будетъ устроена большая церковь со склепомъ-усыпальницей, куда будетъ перенесенъ гробъ

почившаго фельдмаршала. Этотъ павильонъ, съ однимъ входомъ посерединѣ, имѣетъ два помѣщенія: въ одномъ устраивается церковь, а другое приспособлено для музея, въ которомъ будетъ собрано все, относящееся къ жизни и дѣятельности Г. В. Гурко. Павильонъ построенъ въ стилѣ французскаго возрожденія. Иконостасъ въ этой церкви исполняется по проекту архитектора высочайшаго двора профессора Г. Н. Бенуа. Иконостасъ свѣтлаго тона съ позолотой въ стилѣ Empire, какъ наиболѣе подходящемъ къ памяти выдающихся военныхъ дѣятелей. Образа будутъ на живописныхъ темныхъ фонахъ, работы художника Думитрашко. Запрестольный образъ—прекрасная старинная копія съ картины Рафаеля, изображающей Богоматерь съ Младенцемъ (оригиналъ находится въ Дрезденской галлерей). У лѣваго клироса предназначено мѣсто для гроба, покрытое однимъ камнемъ; въ головахъ будетъ поставленъ мраморный аналой съ двумя старинными вазами по бокамъ, въ видѣ урнъ. Все это предполагено исполнить текущимъ лѣтомъ и освятить церковь въ іюль мѣсяцѣ.

Биографія П. С. Нахимова. Лейтенантъ П. Бѣлавенецъ составляетъ подробную біографію адмирала П. С. Нахимова и въ «Русскомъ Инвалидѣ» обращается съ просьбой ко всѣмъ, кому дорога память героя, прислать ему, какіе у кого найдутся матеріалы.

Общество востокондѣнія. 12-го мая, въ Солянѣ Городкѣ подъ предсѣдательствомъ г.-м. Н. К. Шведова, состоялось общее годовое собраніе. Собраніе было открыто почетной предсѣдательницей общества О. С. Лебедевой; въ числѣ присутствовавшихъ на собраніи былъ почетный членъ общества В. П. Ковалевскій. Изъ отчета о дѣятельности общества за истекшій 1901 годъ, прочитаннаго предсѣдателемъ г.-м. Н. К. Шведовымъ, видно, что общество сильно выросло и окрѣпло. Количество членовъ простирается до 550, въ томъ числѣ почетныхъ членовъ 14, членъ-попечитель (А. И. Манташевъ, пожертвовавшій на нужды общества 10.000 рублей), дѣйствительныхъ—507, соревнователей—3, сотрудниковъ 23 и корреспондентовъ—5. Во время посѣщенія Петербурга его высочество эмиръ бухарскій и его наслѣдникъ приняли званіе почетныхъ членовъ общества и выразили полное сочувствіе задачамъ общества и готовность оказывать ему всякое содѣйствіе. За истекшій годъ значительно возросло также количество отдѣленій общества востокондѣнія, таковыя теперь открыты въ городахъ: Астрахани, Бухарѣ, Ташкентѣ, Тифлисѣ, Асхабадѣ, Рени и Эривани. Наибольшую дѣятельность изъ названныхъ отдѣленій проявляетъ ташкентское, состоящее теперь уже изъ 61 члена. Въ Ташкентѣ организованы: платные курсы для изученія персидскаго и сартскаго языковъ и бесплатные курсы русскаго языка для туземцевъ. Слушателями первыхъ курсовъ являются преимущественно представители мѣстной интеллигенціи: офицеры, чиновники и пр., что же касается курсовъ русскаго языка, то желающихъ изучать его туземцевъ оказалось такъ много, что въ короткое время мѣстное отдѣленіе принуждено было открыть четыре параллельныя отдѣленія; среди изучающихъ зарегистрированы лица различныхъ профессій, въ возрастѣ отъ 16 до 39 лѣтъ, при чемъ всѣ учащіеся здѣсь отличаются добросовѣстностью къ изученію, аккуратностью въ посѣщеніи лекцій и усердіемъ. Все это доказываетъ, насколько назрѣла среди туземцевъ потребность въ знаніи русскаго языка. Одинаково болѣе или менѣе расширяется дѣятель-

ность и во всѣхъ прочихъ мѣстныхъ отдѣленіяхъ общества. За истекшій годъ общество получило пожертвованій отъ разныхъ лицъ всего въ суммѣ 20.405 р. Въ теченіе двухлѣтней дѣятельности курсы восточныхъ языковъ, учрежденные обществомъ въ Петербургѣ, вполне доказываютъ свою жизненность. На нихъ изучались языки: персидскій, турецкій и японскій. Слушателей было настолько достаточно, что содержаніе курсовъ, съ вознагражденіемъ преподавателямъ, почти покрыто одной платой слушателей за изученіе. Изучали языки: персидскій—4 лица, турецкій—5 и японскій—4. Въ видахъ упроченія начатаго дѣла, совѣтъ въ ближайшемъ будущемъ займется разработкой вопроса о мѣрахъ поощренія слушателей и практическаго примѣненія ихъ познаній по восточнымъ языкамъ. Собраніе утвердило отчетъ и приходо-расходную смѣту на текущій 1902 годъ въ размѣрѣ 5.300 рублей Далѣе, по предложенію В. И. Ковалевскаго, собраніе единогласно выразило благодарность предсѣдателю общества и всѣмъ членамъ совѣта за ихъ безкорыстную, плодотворную дѣятельность. Н. К. Шведовъ съ своей стороны отъ лица комитета благодарилъ В. И. Ковалевскаго за его постоянное содѣйствіе и сердечное сочувствіе къ задачамъ общества. Собраніе закончилось выборами, при чемъ въ составъ членовъ комитета избраны: академикъ Ф. Е. Коршъ, баронъ М. Э. Нольде, Н. М. Штрумъ и кандидатомъ къ нимъ В. А. Соханскій; въ члены ревизіонной комиссіи: В. Н. Бѣляевъ, В. В. Вешняковъ, С. П. Лебедевъ и И. И. Попплавскій.

Географическое общество. 1. 3-го мая по отдѣленію этнографіи А. Н. Харузинъ изложилъ выработанный имъ проектъ для собиранія свѣдѣній о крестьянскихъ постройкахъ. Въ этомъ проектѣ между прочимъ сказано: этнографическое отдѣленіе географическаго общества въ виду важнаго значенія въ изученіи культуры народовъ изслѣдованія жилищъ нашло необходимымъ собрать и обработать матеріалы по исторіи развитія крестьянскихъ построекъ въ Россіи, почему оно обращается съ просьбой ко всѣмъ интересующимся отечественнымъ и вообще славянскимъ народовѣдѣніемъ, не найдутъ ли они возможнымъ составить, подробно по возможности, описаніе деревенскихъ зданій, какъ служащихъ для жилья, такъ и для хозяйственныхъ надобностей. Для облегченія труда прилагаются тѣ вопросные пункты, по которымъ отвѣты особенно важны. Вопросы эти слѣдующіе: 1) какъ называется на мѣстѣ данная постройка; 2) для чего она служитъ; 3) изъ какого матеріала сдѣлана: а) постройка и б) ея крыша; 4) имѣется ли крыльцо, балконъ, терраса, галлерей, и какъ называются эти постройки; 5) имѣется ли отдѣльный фундаментъ, изъ какого матеріала, и какъ онъ называется; 6) находится ли входная дверь со стороны фронтона или съ длинной стороны; 7) куда выходитъ входная дверь; 8) сколько оконъ а) съ фронтона и съ длинныхъ сторонъ и б) справа и слѣва отъ входной двери; 9) о сколькихъ скатахъ крыша; 10) примыкаетъ ли жилое помѣщеніе къ хозяйственной постройкѣ (или банѣ); а) къ сѣновалу, гумну, сараю, конюшнѣ и т. п.; б) подъ угломъ въ одну линію—по длинѣ или ширинѣ; 11) сообщается ли жилое помѣщеніе внутреннимъ ходомъ съ хозяйственной постройкой; 12) одноэтажная постройка или двухъэтажная; 13) для чего служитъ чердачное помѣщеніе; 14) какъ называется комната, въ которую ведетъ входная дверь; 15) имѣются ли другія комнаты въ постройкѣ; 16) имѣется ли

очагъ, и гдѣ онъ помѣщается; 17) имѣется ли печка, и какъ она топится; 18) въ какой комнатѣ обѣдаютъ, ситягъ, работаютъ; 19) гдѣ помѣщаются иконы; 20) гдѣ помѣщается обѣденный столъ; 21) имѣются ли вдоль стѣны прикрѣпленныя скамьи. Не лишнимъ представляется присовокупить свѣдѣнія о мѣстности, занимаемой селеніемъ, а также какое обычное занятіе крестьянъ. Проектъ одобренъ отдѣленіемъ, при чемъ сдѣланы нѣкоторыя добавленія. Въ этомъ же засѣданіи А. Б. Аракелянъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе: «Географъ Алишанъ и значеніе его трудовъ для географіи Кавказа». Алишанъ посвятилъ 60 лѣтъ упорнаго научнаго труда для изученія географіи, исторіи и литературы Арменіи. Наиболѣе замѣчательнымъ трудомъ его является описаніе провинцій древней Арменіи, представляющее 20 огромныхъ томовъ. Трудъ этотъ важенъ съ общей исторической точки зрѣнія для исторіи крестовыхъ походовъ и всемірной торговли. II. 15-го мая въ общемъ собраніи шт.-капитанъ л.-гв. Сапернаго батальона В. И. Семеновъ сдѣлалъ докладъ о совершенномъ имъ путешествіи по Персіи. Постоянными спутниками г. Семенова были нанятые имъ: переводчикъ изъ кавказскихъ персовъ и нѣкій Воронинъ, по ремеслу маляръ, но страстный охотникъ и любитель скитаній. Чарвадары (погонщики муловъ) и проводники являлись переменнымъ составомъ маленькой экспедиціи, выступившей въ половинѣ января 1898 года изъ Асхабада на Мешедъ и Нишапуръ. Изъ Мешеда г. Семеновъ сдѣлалъ интересную экскурсію на развалины древней столицы Хорасана, Туса, гдѣ еще сохранился величественный мавзолей, воздвигнутый надъ гробницею Фирдуси. Были посѣщены и знаменитыя бирюзовые копи, находящіяся въ Нишапурской провинціи. Копи эти, составляющія собственность персидскаго правительства, въ 1897 году были отданы въ аренду на десять лѣтъ съ платою по 48 тыс. рублей. Разработка ведется самымъ примитивнымъ способомъ и притомъ только въ шести шахтахъ, всего же шахтъ 18, но остальные заброшены. Изъ Нишапура экспедиція направилась на югъ, черезъ неизслѣдованныя горы Сіяхъ-Кухъ, гдѣ чуть было не погибла, отыскивая переваль на занесенномъ снѣгомъ хребтѣ. Одна изъ лошадей пала отъ истощенія и холода. Но зато въ этихъ горахъ г. Семеновъ открылъ небольшой округъ Кухъ-и-Сурхъ, не указанный ни на одной изъ картъ Персіи, хотя въ этомъ округѣ насчитывается до 20-ти довольно значительныхъ населенныхъ пунктовъ. Достигнувъ Туршиза, экспедиція повернула на западъ и, слѣдуя вдоль южной границы Хорасана, вышла къ Дамгану. Эта часть путешествія дала наиболѣе цѣнные результаты въ научномъ отношеніи. Былъ открытъ цѣлый рядъ горныхъ хребтовъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ, и при томъ открытъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по ранѣе имѣвшимся свѣдѣніямъ, предполагалось, что простирается ровная поверхность Великой Соляной пустыни. Между прочимъ города Тауруна или Тавруна, нанесеннаго на всѣхъ русскихъ и иностранныхъ картахъ, г. Семеновъ не нашелъ; оказалось, что именемъ Тауруна называется обширная долина, а не населенный пунктъ. Къ Западу отъ этой долины экспедиція перешла черезъ замѣчательную рѣку Каль-и-Шура, изливающую свои горько-соленыя воды въ обширное озеро, окруженное со всѣхъ сторонъ мертвыми солончаками. Пока путешественники не вышли на большую тегеранскую дорогу, имъ много приходилось терпѣть

лишеній во время длинныхъ переходовъ по малонаселенной и плохо орошенной мѣстности и еще быть подѣ постоянной угрозою нападеній со стороны дикихъ белуджей, кочующихъ въ центральной Персїи. Во время движенія отъ Дамгана на Симнанъ экспедиція пользовалась сравнительными удобствами, такъ какъ она шла по большому караванному пути, гдѣ можно было найти и убѣжище отъ непогоды и продовольствіе. Изъ Симнана г. Семеновъ направился черезъ Фирузъ-Кухъ въ Мазандеранъ. При подъѣлѣ на перевалъ Пешмъ путешественникамъ пришлось въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ идти по руслу горнаго потока, образовавшагося отъ таянія снѣговъ. Само русло представляло собою родъ гигантской лѣстницы, на ступени которой съ невѣроятными усиліями приходилось вводить муловъ и лошадей. Одна изъ послѣднихъ сорвалась съ уступа и разбилась. Встрѣтивъ праздникъ Пасхи въ пустынной долинѣ въ горахъ, путешественники на слѣдующій день достигли Фируза-Куха или «горы победы», называемой такъ потому, что тамъ Александръ Великій разбилъ войска сатрапа Бесса. Спускаясь по живописной долинѣ Толара, экспедиція въ продолженіе трехъ дней прошла черезъ все время года, начиная отъ суровой зимы на заоблачныхъ высотахъ горъ и кончая тропическимъ лѣтомъ у ихъ подножія. Еще черезъ нѣсколько дней путешественники прибыли въ Барфрушъ, главный торговый городъ Мазандерана, съ 50-тысячнымъ населеніемъ. Далѣе, слѣдуя черезъ Амоль, г. Семеновъ направился въ долину р. Харрасъ-па, по которой экспедиція вновь дошла до центрального хребта Эльбурса и, спустившись съ него, черезъ три дня достигла Тегерана, гдѣ г. Семеновъ встрѣтилъ самое широкое гостепрїимство со стороны нашего посольства. Послѣ довольно продолжительнаго, но заслуженнаго отдыха экспедиція выступила въ обратный путь, перешла черезъ Эльбурсъ по трудно доступному перевалу Авче и по склону вулкана Демавенда вышла вновь въ долину Харраса и направилась въ Мешедисеръ, гдѣ, сѣвъ на пароходъ, въ началѣ іюля покинула Персїю. Всего г. Семеновъ въ предѣлахъ Персїи прошелъ болѣе 3.500 верстъ, при чемъ на протяженіи 1.500 верстъ произвелъ съемку. Барометрическими наблюденіями опредѣлено свыше 50 высотъ. Произведены метеорологическія наблюденія и собраны статистическія и торговыя свѣдѣнія относительно всехъ посѣщенныхъ районовъ. Но самыми цѣнными являются изслѣдованія г. Семенова относительно Великой Соляной пустыни, которая, какъ оказывается, по своимъ размѣрамъ не заслуживаетъ эпитета «Великой». Сопоставляя свои наблюденія съ наблюденіями англійскаго путешественника г. Вогана (Vaughan), посѣтившаго въ 1888 году нѣкоторыя области Центральной Персїи, г. Семеновъ пришелъ къ выводамъ, что, по крайней мѣрѣ, восточная половина того, что раньше считалось Соляной пустыней, представляетъ страну, прорѣзанную горными хребтами и имѣющую населенные пункты. Послѣ доклада на экранѣ былъ показанъ цѣлый рядъ картинъ, иллюстрирующихъ весь путь, пройденный г. Семеновымъ.

Сѣверо-западный отдѣлъ географическаго общества. Попечитель Виленскаго учебнаго округа Н. П. Корниловъ въ 1866 году предложилъ, для объединенія ученыхъ силъ и привлеченія къ научной работѣ мѣстной русской интеллигенціи, учредить, по примѣру Сибири и Кавказа, Сѣверо-Западный

отдѣлъ императорскаго Русскаго географическаго общества. На первый проектъ министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ не далъ своего согласія; тогда за это дѣло взялся К. П. Кауфманъ, который написалъ очень сильную по выраженіямъ бумагу, доказывая въ ней необходимость этого учрежденія (Арх. Вил. ген.-губ. 1866 г., № 1.544). Благодаря этому содѣйствію, 26-го февраля 1867 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Сѣверо-Западнаго отдѣла, съ цѣлью изученія края во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, которыя составляютъ предметъ занятій географическаго общества. Подъ предсѣдательствомъ И. П. Корнилова отдѣлъ въ самое короткое время успѣлъ проявить свою дѣятельность нѣсколькими полезными предпріятіями: усилилось изученіе края въ историческомъ, этнографическомъ и особенно метеорологическомъ отношеніи. Для послѣдняго были учреждены спеціальныя станціи, къ метеорологическимъ наблюденіямъ и собиранію этнографическаго матеріала привлечены были духовенство, учителя народныхъ школъ и образованные люди изъ общества. Къ сожалѣнію, въ началѣ 1868 года попечитель И. П. Корниловъ оставилъ свой постъ. Въ 1868 году отдѣлъ бездѣйствовалъ (не было ни одного засѣданія), и только въ 1869 году, подъ предсѣдательствомъ А. Н. Никитина, а черезъ 2 года подъ предсѣдательствомъ Н. А. Сергіевскаго, онъ на нѣкоторое время оживился: до 8 марта 1875 года было всего 15 засѣданій, на которыхъ, кромѣ текущихъ докладовъ и выбора членовъ, читались небольшія сообщенія по археологій и этнографіи Сѣверо-Западнаго края. Нѣкоторыя изъ сообщеній были помѣщены въ Извѣстіяхъ общества, а протоколы печатались въ «Виленскомъ Вѣстникѣ». По спеціальностямъ члены отдѣла распались на 4 отдѣленія: физико-математическое, этнографическое, статистическое и археологическое. Благодаря энергіи и знаніямъ своихъ предсѣдателей, они оставили по себѣ значительные труды, хотя, въ большинствѣ, ограничившіеся собираніемъ сырыхъ матеріаловъ. По первому отдѣленію были урегулированы метеорологическія наблюденія, сдѣланы геологическія изысканія въ окрестностяхъ Гродны, гдѣ обнаружено мѣстонахожденіе бурогаго угля. По этнографіи и археологій, при посредствѣ народныхъ учителей и учениковъ, собраны значительные матеріалы, положившіе впоследствии начало нѣсколькимъ этнографическимъ сборникамъ и составленію археологическихъ картъ. Особенно много сдѣлано было по статистикѣ края. Благодаря трудамъ А. Н. Зиновьева, Энгеля и Гюббенета, въ 1874 году былъ созванъ въ Вильнѣ съѣздъ изъ представителей статистическихъ комитетовъ Сѣверо-Западнаго края; онъ продолжался 9 дней и очень оживилъ статистическую дѣятельность. Въ томъ же году, на основаніи заведенныхъ при гр. М. Н. Муравьевѣ бывальскихъ книгъ, впервые произведено исчисленіе еврейскаго населенія въ Виленской и Гродненской губерніяхъ. 15 апрѣля 1875 года А. Н. Зиновьевымъ была произведена въ городѣ Вильнѣ однодневная перепись, и результаты ея напечатаны въ особой запискѣ. Это была послѣдняя работа Сѣверо-Западнаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества. По «Извѣстіямъ» общества и въ Памятныхъ книжкахъ Виленской губерніи онъ продолжалъ существовать, во главѣ съ предсѣдателемъ Н. А. Сергіевскимъ (до 1898 г.), на его имя продолжали и продолжаютъ поступать изданія общества и другія

пожертвованія, составившія теперь цѣлый шкофъ, но засѣданій уже не было, нѣтъ ихъ и теперь. Причину, почему Сѣверо-Западный отдѣлъ въ своей дѣятельности ограничился лишь собираніемъ матеріаловъ, не проявивъ себя серьезными изслѣдованіями, и, наконецъ, впавъ въ летаргію, надо искать не въ отсутствіи мѣстныхъ ученыхъ силъ, а въ томъ бюрократизмѣ, который воцарился въ краѣ съ уходомъ Э. Т. Баранова и П. Н. Батюшкова, когда всякій литературный трудъ сталъ считаться нежелательнымъ; цѣлы даже циркуляры, предписывавшіе служащимъ заниматься исключительно своими прямыми обязанностями (И. С. Аксаковъ, III, стр. 510, 513—514). Культурныя мѣры, культурная борьба были предоставлены нашимъ противникамъ. Съ пріѣздомъ въ Вильну генералъ-губернатора В. Н. Троицкаго вопросъ о необходимости преобладанія въ краѣ культурныхъ мѣръ предъ административными и о необходимости научнаго оживленія воскресъ снова. Выразителемъ этого культурнаго движенія явился попечитель Виленскаго учебнаго округа В. А. Поповъ. Онъ увеличилъ средства на изданія археографической комиссіи, архива и публичной бібліотеки; въ прошедшемъ и текущемъ годахъ эти изданія появлялись въ печати съ быстротой и въ размѣрахъ, превосходящихъ прежніе. Онъ же ввелъ вечерніе курсы по разнымъ отраслямъ науки и публичныя лекціи, которыя бываютъ весьма интересны* и привлекаютъ иногда столько слушателей, что бывшій университетскій залъ для нихъ оказывается тѣснымъ. Въ текущемъ году при округѣ появилось новое періодическое изданіе; наконецъ, поднятъ вопросъ о восстановленіи Сѣверо-Западнаго отдѣла.

НЕКРОЛОГИ.

КАБАТЬ, И. И. 23-го мая скончался сенаторъ, гофмейстеръ высочайшаго двора, тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Кабатъ. Покойный родился въ 1843 году, образованіе получилъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ. Начавъ службу въ министерствѣ юстиціи, И. И. былъ прокуроромъ Новгородскаго окружного суда, затѣмъ перевелся въ государственную канцелярію и въ теченіе трехъ лѣтъ исполнялъ должность статсъ-секретаря департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта; въ 1883 г. вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи въ Курской губерніи и занялся общественною и сельско-хозяйственною дѣятельностью. Будучи избранъ въ гласные, участвовалъ въ земскихъ собраніяхъ, затѣмъ былъ избранъ предѣдателемъ курскаго сельско-хозяйственнаго общества. Въ качествѣ свѣдущаго лица участвовалъ въ разнообразныхъ правительственныхъ комиссіяхъ по разработкѣ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. Между прочимъ былъ приглашенъ къ участию въ комиссіи, образованной подъ предѣдательствомъ статсъ-секретаря В. К. Плеве, для рассмотрѣнія вопроса о паденіи цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія въ Россіи. Въ эту комиссію И. И. внесъ весьма обстоятельную записку о сельско-хозяйственномъ кредитѣ, многія положенія которой были приняты комиссіей. Статсъ-секретарь П. Н. Дурново, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, предложилъ покойному поступить на службу въ министерство, и И. И. былъ назначенъ директоромъ хозяйственнаго департамента. Во время неурожая 1891 года онъ отправился въ Ростовъ-на-Дону, образовать тамъ синдикатъ земскихъ агентовъ по закупкѣ хлѣба для голодавшихъ, при-

нял на себя руководство дѣятельностью синдиката и усиль дѣльмъ рядомъ мѣропріятій помѣшати повышенію хлѣбныхъ цѣнъ. Руководя дѣятельностью хозяйственнаго департамента, онъ посредствомъ правительственной покупки хлѣба снабдилъ зерномъ наиболѣе пострадавшія отъ неурожаа губерніи. При его ближайшемъ участіи былъ выработанъ и осуществленъ проектъ организации правительственнаго надзора за страховыми учрежденіями, окончательно разработано и введено новое городское положеніе 1892 г., составленъ проектъ продовольственнаго устава и многіе другіе законопроекты. Кромѣ того, онъ принялъ участіе въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ по вопросу о пониженіи вывозныхъ хлѣбныхъ тарифовъ, съ цѣлью оказанія помощи нашимъ сельскимъ хозяевамъ. Съ 1894 года покойный состоялъ членомъ сельско-хозяйственнаго совѣта министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Въ 1895 г. былъ пожалованъ въ гофмейстеры высочайшаго двора и въ 1900 г. назначенъ сенаторомъ. Въ послѣдніе два года И. И. присутствовалъ въ первомъ департаментѣ правительствующаго сената. Кромѣ того, онъ въ послѣднее же время принималъ дѣятельное участіе въ императорскомъ російскомъ пожарномъ обществѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902, № 9417).

† **Катаринскій, В. В.** 20-го мая скончался въ Оренбургѣ инспекторъ инородческихъ школъ Василій Владимировичъ Катаринскій. Покойный, одинъ изъ учениковъ извѣстнаго Н. И. Ильминскаго, болѣе двадцати пяти лѣтъ трудился на поприщѣ просвѣщенія и изученія нашихъ инородцевъ турецкаго племени, преимущественно киргизовъ. Ревностно исполняя свои служебныя обязанности, покойный находилъ досугъ и для занятій наукою. Имъ составлены «Словарь русско-киргизскій» и «Грамматика киргизскаго языка»; переизданъ съ дополненіями «Киргизско-русскій словарь» Н. И. Ильминскаго. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902, № 9433).

† **Клодтъ, М. К.** 16-го мая въ Петербургѣ скончался профессоръ пейзажной живописи Михаилъ Константиновичъ баронъ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ. Покойный былъ племянникомъ знаменитаго русскаго скульптора барона П. К. Клодта, родился въ Петербургѣ въ 1832 году, учился въ институтѣ горныхъ инженеровъ, потомъ въ академіи художествъ (съ 1851 года), гдѣ былъ ученикомъ М. Н. Воробьева, имѣлъ всѣ академическія медали и въ 1858 году, получивъ первую золотую медаль и званіе класснаго художника 1-й степени, былъ отправленъ за границу пенсіонеромъ академіи на три года. За границей онъ работалъ преимущественно въ Швейцаріи и Нормандіи. Картины его выставлялись имъ въ академіи въ 1860 и 1861 гг., а въ слѣдующемъ году онъ уже получилъ званіе академика за пейзажъ, изображающій долину Аа въ Лифляндіи (былъ пріобрѣтенъ Кокоревымъ). Званіе же профессора присуждено ему за пейзажъ изъ Орловской губерніи.

Въ послѣдующіе годы имъ были исполнены такія образцовыя произведенія нашей пейзажной живописи, какъ «Закатъ солнца» и «Дорога осенью», находящіяся въ галлерей П. М. Третьякова, «Дорога въ березовой рошѣ» (собств. К. Т. Солдатенкова), «Дубы» (находится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеѣ). Къ наилучшимъ изъ его картинъ, написанныхъ съ 1869

по 1870 годъ, принадлежать слѣдующія картины: 1) Коровы въ болотистой рѣчкѣ (полдень) (приобрѣтена княземъ Паскевичемъ); 2) Дорога во ржи— «Возвращеніе крестьянъ съ работъ» (вечеръ) (куплена г. Башмаковымъ); 3) Дорога черезъ березовую рощу (полдень) (приобрѣтена графомъ Строгановымъ); 4) Дорога съ идущимъ обозомъ (осень) (приобрѣтена г. Френкелемъ, въ Варшавѣ); 5) Стадо на водѣ (полдень) (приобрѣтена великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ); 6) Сосновая роща (по заказу князя Кочубея), 7) Видъ въ Тульской губерніи (вечеръ) (приобрѣтена г. Глаголинымъ); 8) «Пахарь» (полдень) (приобрѣтена г. Паскевичемъ); 9) Березовый лѣсъ (полдень) (по заказу г. Эстерейха); 10) Роща при рѣчкѣ; 11) Видъ деревни въ Смоленской губерніи; 12) Видъ деревни съ возвращающимся съ поля стадомъ; 13) «Коровы пьютъ на берегу»; 14) Лѣсокъ съ пасущимися коровами, и 15) Видъ въ Смоленской губерніи.

Неоднократно покойный предпринималъ поѣздки по Россіи, и результатомъ ихъ являлись произведенія, отличавшіяся простотой и въ то же время поэтичностью мотива, искренностью художническаго настроенія и реальной правдою. Участвуя въ академическихъ выставкахъ, М. К. одновременно съ 1871 г. по 1878 г. украшалъ своими пейзажами и выставки Товарищества передвижныхъ выставокъ. Къ сожалѣнію, съ конца 80-хъ годовъ М. К. пересталъ писать, а въ началѣ 90-хъ г. вышелъ въ отставку изъ профессоровъ и членовъ совѣта академіи художествъ и умеръ въ совершенной безвѣстности. Погребенъ М. К. Клодтъ на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ 22-го мая. (Некрологъ его: «Новое Время 1902, № 9416; «Новости», № отъ 17 мая 1902 г. и др.).

† **Навроцкій, Ф. Ф.** Въ Варшавѣ 20-го мая скончался заслуженный ординарный профессоръ Варшавскаго университета Феликсъ Феликсовичъ Навроцкій. Покойный родился 8-го ноября 1837 г. въ Варшавской губ., воспитывался въ Познани, медицинское образованіе получилъ въ Бреславльскомъ университетѣ. Признанный въ 1863 г. докторомъ медицины, онъ работалъ въ лабораторіи Клода Бернара и вскорѣ былъ приглашенъ голландскимъ Гронитенскимъ университетомъ руководить практическими упражненіями студентовъ по медицинской химіи. Въ 1864 г. представилъ въ Варшавскую главную школу разсужденіе «Заслуги Джона Мауэра въ области физиологіи» и былъ приглашенъ адъюнктомъ по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи медицины въ Варшавскую школу. Съ преобразованиемъ Варшавской главной школы въ университетъ онъ занялъ кафедру энциклопедіи медицины и по защитѣ диссертации «О вліяніи давленія крови на центръ блуждающихъ нервовъ» былъ признанъ медико-хирургической академіей въ 1870 г. докторомъ медицины. Начавъ профессорскую дѣятельность въ Варшавскомъ университетѣ, Ф. Ф. перевелся въ 1874 г. въ Казанскій университетъ на кафедру физиологіи, въ 1883 г. вернулся въ Варшавскій университетъ и занималъ въ немъ кафедру физиологіи до дня своей кончины. Одновременно онъ завѣдывалъ физиологической лабораторіей, въ которой подъ его руководствомъ работало до 30 докторовъ, и редактировалъ печатные труды этой лабораторіи. Изъ его многочисленныхъ научныхъ работъ извѣстны: «О вліяніи нервовъ на отравленіе брюшныхъ железъ», «О вліяніи

нервовъ на сокращеніе сердца», «О вліяніи спинного мозга на сердце», «О потовыхъ нервахъ головы» и др. Покойный состоялъ почетнымъ членомъ Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ, членомъ корреспондентомъ Брюссельской и Бреславльской академій, а также принималъ участіе во многихъ другихъ медицинскихъ обществахъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9419).

† **фонъ-Рейнгольдтъ, А. А.** 8-го іюня скончался даровитый историкъ русской литературы Александръ Александровичъ фонъ-Рейнгольдтъ. Онъ умеръ послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни, пораженный быстрой формой прогрессивнаго паралича.

А. А. Рейнгольдтъ родился въ 1856 году, въ С.-Петербургѣ, въ лютеранскомъ семействѣ, предки котораго давно уже переселились изъ Англіи въ Россію. Высшее образованіе А. А. получилъ на историко-филологическомъ факультетѣ Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета. Окончивъ университетъ, онъ всецѣло посвятилъ себя изученію русской литературы въ ея прошломъ и настоящемъ. Въ это время онъ издалъ брошюру о гимназическомъ вопросѣ и помѣщалъ въ разныхъ нѣмецкихъ журналахъ критическіе и біографическіе этюды о русскихъ писателяхъ, и статьи эти доставили ему такую извѣстность въ Германіи, что издательская фирма Фридрихъ въ Лейпцигѣ, предпринявшая большое изданіе «Geschichte der Weltliteratur in Einzeldarstellungen», предложила Рейнгольдту написать для этого изданія подробную исторію русской литературы. Втеченіе 3 лѣтъ онъ исполнилъ эту работу, и его книга—«Geschichte der russischen Litteratur von ihrem Anfang bis auf die neueste Zeit» (Leipzig und Berlin, 1885)—является капитальнымъ и единственнымъ во всѣхъ западноевропейскихъ литературахъ по обстоятельности, талантливости и добросовѣстности изложенія трудомъ по исторіи русской литературы. Въ этой книгѣ, доведенной до 1885 г., ясно, живо и характерно обрисована жизнь, литературная дѣятельность и значеніе нашихъ ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ и публицистовъ. Художественное и общественное значеніе замѣчательныхъ произведеній русской литературы очерчено Рейнгольдтомъ мастерски и съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла. Самъ Рейнгольдтъ былъ глубоко проникнутъ передовыми идеями лучшихъ русскихъ прогрессивныхъ мыслителей и критиковъ,— и это отразилось на его книгѣ, изъ которой на Западѣ почерпаютъ связныя систематическія свѣдѣнія о нашей литературѣ. Книга Рейнгольдта долго не утратитъ своего значенія, какъ первый и полный обзоръ всего литературнаго развитія русскаго народа, — и лучшей исторіи нашей литературы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ и на русскомъ языкѣ.

Съ конца 80-хъ годовъ Рейнгольдтъ сотрудничалъ, какъ историко-литературными этюдами и критическими статьями, такъ и переводами, въ разныхъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ: «Новостяхъ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Недѣлѣ», «Сѣверѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Космополисѣ», «Вѣстникѣ иностранной литературы» и другихъ изданіяхъ. Историко-литературныя и критическія статьи его отличались всегда интересомъ, дѣлнвостью и новыми данными о трактуемыхъ предметахъ, а переводы — замѣчательной точностью и изящнымъ литературнымъ языкомъ. Изъ числа болѣе крупныхъ переводовъ, исполненныхъ имъ въ послѣднее время, укажемъ, на примѣръ, на романъ Эффи

Брисгъ» извѣстнаго нѣмецкаго писателя Теодора Фонтана (въ «Вѣстникѣ иностр. литер.» 1899 г., №№ 5—12) и др.

Кромѣ того, въ послѣдніе годы А. А. Рейнгольдтъ написалъ также нѣсколько оригинальныхъ разсказовъ, драматическихъ пьесъ, много стихотвореній и цѣлую серію любопытныхъ и цѣнныхъ статей о новыхъ направленіяхъ и движеніяхъ и въ нѣмецкой, и въ скандинавскихъ литературахъ. (Некрологъ его въ «Новостяхъ» 1902 г., № 158).

† **Эберманъ, А. Л.** 21 мая въ г. Царскомъ Селѣ скончался докторъ медицины Александръ Леонтьевичъ Эберманъ, служившій долгое время въ императорскомъ челоуѣколюбивомъ обществѣ. Покойный былъ извѣстенъ, какъ врачъ-спеціалистъ по хирургическимъ боульзнямъ. Особенно ему удавалось камнедробленіе и камнеизвлеченіе. Въ сорокалѣтней практикѣ онъ много поработалъ надъ объединеніемъ врачей въ медицинскія общества. А. Л. состоялъ членомъ учредителемъ С.-Петербургскаго медицинскаго общества (и почетнымъ членомъ его же), членомъ-учредителемъ общества взаимопомощи врачей, учредителемъ създа врачей имени Н. И. Пирогова. Онъ былъ ученикомъ Н. И. Пирогова и вмѣстѣ съ нимъ работалъ въ Севастопольской кампаніи. А. Л. настойчиво проводилъ идею о необходимости учредить въ Россіи министерство народнаго здравія: доклады его по этому вопросу были читаны на международныхъ създахъ врачей въ Россіи и за границею. Среди больныхъ и товарищей покойный пользовался уваженіемъ за свою готовность служить каждому своими знаніями и многолѣтнимъ опытомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9416).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Борисоглѣбскіе монастыри.

Графъ С. Шереметевъ въ изданной имъ въ 1901 году брошюрѣ «Два упраздненныхъ монастыря надъ Переяславскимъ озеромъ», выражаетъ мнѣніе, «что въ 1702 году Борисоглѣбскій монастырь на песку и Борисоглѣбскій же монастырь патріаршій составляли одно и то же». Этого никогда не бывало; но всегда было два особыхъ монастыря. Это явствуетъ, во-первыхъ, изъ документовъ, предъявленныхъ въ означенной брошюрѣ самимъ графомъ: въ документѣ подъ № V пишется: Борисоглѣбскій, что на песку, стоялъ близко города, имѣлъ одну церковь да келью, и ту ветху; Борисоглѣбскій патріаршій стоялъ въ Конскомъ стану имѣлъ 3 церкви, нѣсколько келій, и назывался домовымъ патріаршимъ (док. № VI); во-вторыхъ, у того и другого монастыря были свои настоятели, что видно изъ книги Строева: «Списки іерарховъ» и проч., стр. 712, №№ 48 и 49; въ-тре-

тѣхъ, у того и другого монастыря были свои вотчины и земли, что видно изъ тѣхъ же документовъ графа №№ V, VI, VII, VIII и IX; въ-четвертыхъ, на содержаніе устроенной въ 1753 году въ Даниловомъ монастырѣ семинаріи собиралось въ 1754 году съ Борисоглѣбскаго, что на песку, монастыря съ 48 душъ 1 р. 44 к., а съ Борисоглѣбскаго, что на горахъ, съ 225-ти душъ—6 р. 75 к. (см. мою статью о семинаріи въ «Чтеніяхъ» общества исторіи 1859 г., кн. 2). Графа С. Шереметева смутила помѣта, сдѣланная на документѣ Борисоглѣбскаго что на песку монастыря № IX и на документѣ Николаевского монастыря, что на болотѣ, № X. На 1-мъ она изложена такъ: 1702 года марта въ 6-й день, съ отпискою его перенищиковою подалъ нижеписаннаго Борисоглѣбскаго монастыря подьячій Яковъ Лукинъ. На 2-мъ—на документѣ Николаевского монастыря, что на болотѣ, написано: 1702 г. марта въ 6-й день съ отпискою его перенищиковою подалъ Переяславля Залѣскаго патріарша Борисоглѣбскаго монастыря подьячій Яковъ Лукинъ. «Отсюда, заключаетъ графъ, видно, что въ 1702-мъ году Борисоглѣбскій монастырь, что на песку, и Борисоглѣбскій же монастырь патріаршій надъ Плещеевымъ озеромъ составляли одно и то же». Но помѣта подьячаго нисколько не относится къ монастырямъ; а касается только его личнаго титула: оба документа переписывалъ онъ, подьячій Лукинъ, и оба подалъ онъ въ одно и то же время: вотъ онъ и хотѣлъ распространить свою подпись на оба документа, чтобы не повторяться. Что помѣты не относятся къ монастырямъ, это доказываютъ онѣ сами собой: на 1-мъ документѣ Борисоглѣбскаго, что на песку, монастыря онъ пишетъ: нижеписаннаго, т. е., не этого, что на песку монастыря, а читай далѣе—какого..., а вторая помѣта сдѣлана не на документѣ Борисоглѣбскаго монастыря, но Николаевского—на болотѣ.

II.

О названіяхъ Переславскаго озера.

Въ древнихъ лѣтописяхъ и актахъ Переславское озеро называлось Клешино. По сказанію Нестора на озерѣ Клешинѣ жилъ народъ меря ¹⁾. Въ 1152-мъ объ основаніи г. Переславля кн. Юріемъ Долгорукимъ говорится: «преведе (князь) отъ Клешина заложеніе церкви» ²⁾. Въ 1176 г. Всеволодъ III Юрьевичъ княжилъ въ Переславлѣ, иже на Клешинѣ озерѣ ³⁾. Въ описаніи г. Переславля, представленномъ въ 1776 г. московскому губернатору Остерману, написано: при ономъ городѣ имѣется озеро, называемое Плещино ⁴⁾. Въ писцовыхъ книгахъ Рыбной слободы 1675 г. сказано: да подъ слободою озеро Переславское Плещее. Нынѣ по большей части зовутъ Плеще во озеро ⁵⁾.

¹⁾ Исторія Карамзина, томъ I примѣч. 73.

²⁾ Тамъ же, томъ II, примѣч. 376.

³⁾ Тамъ же, томъ III, прим. 46.

⁴⁾ См. «Переславль-Залѣскій». Матеріалы для исторіи города, изд. Н. А. Н. Москва, 1884, стр. 28.

⁵⁾ См. брош. графа Шереметева 1901 г., стр. 4.

Итакъ Переславское озеро имѣетъ 4 названія: Клецино, Плещино, Плещее, Плещеево; которое же вѣрнѣе? По нашему мнѣнію, два названія правильны: Плещино и Плещее; другія два: Клецино и Плещеево, неправильны. Изъ Плещина образовалось очевидно Клецино, названіе, никакого смысла не дающее; а изъ Плещее тоже неправильно явилось Плещеево, потому что, какъ прилагательное притяжательное, должно относиться къ лицу, отъ коего оно должно быть произведено, а этого быть не должно. Названія же—Плещино и Плещее виолнѣ соответствуютъ качествамъ Переславскаго озера. Плещее — плещущее — означаетъ качество движущееся, и произошло отъ плеска волнъ, слышнаго далеко въ вѣтреное время. Очень естественно было назвать озеро плещимъ, поднимающимъ плескъ волнъ, когда рыбакъ, жившій близъ озера, нѣсколько дней сряду только и слышалъ, что оглушительный плескъ волнъ своего озера, очень быстро развивающихся отъ вѣтра. Изъ названія «плещее» очень легко было образоваться названію «Плещино»¹⁾.

Прот. А. Свирѣлинъ.

¹⁾ См. подробнѣе мое описаніе Переславск. озера въ «Архивѣ», изд. Н. Калачовымъ, кн. V, 1863 г.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮНѢ 1902 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

І. Богословіе.

Глубоковскій, Николай. Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. апостола Павла къ Галатамъ. Сжатый обзоръ апостольскаго посланія со стороны его первоначальныхъ читателей, условий происхожденія, по содержанію и догматически-историческому значенію. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Кунцевичъ, Г. З. Житіе св. Никиты Столпника Переяславскаго. Чудо 19-е и 20-е. Спб. 1902. Ц. 30 к.

Розановъ, Василій. Богослужбный уставъ православной церкви. Опытъ изъяснительнаго изложенія порядка богослуженія православной церкви. М. 1902. Ц. 3 р. 50 к.

Синаискій, А., свящ. Краткое описаніе жизни и дѣятельности преподобнаго Мак-

сима Грека. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1902. Ц. 25 к.

Tideboehl, Paul (von). Wie ich die wahre Kirche fand. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Успенскій, А. И. Житіе св. Николая Чудотворца. Переводы изъ собранія В. П. Гурьянова. (Для настоящаго изданія исполнены Дюд. А. Шиловымъ). М. 1902. Ц. въ папкѣ 5 р.

Чтенія по Закону Божию для слушательницъ педагогическихъ курсовъ при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ. (По запискамъ слушательницъ 1895—1902 годовъ). Изд. 2-е, испр. и дополн. Подъ редакціи прот. А. Дернова. Въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1902. Ц. 3 р.

ІІ. Философія, психологія, логика.

Брюнгесъ, Г. І. Рескинъ и Библия. Къ исторіи одной мысли. Перев. съ франц. М. 1902. Ц. 90 к.

Джэмсъ, Уильямъ. Психологія. Перев. съ англ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Компере, Габріель. Элементарный курсъ психологіи въ ея приложеніи къ воспитанію. Перев. съ франц. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Остроумовъ, М. А., проф. Фалесъ Милетскій. Первый греческій философъ. Харьковъ. 1902. Ц. 30 к.

Свѣтлицкій, И. С. Начала философіи въ русской литературѣ XI—XVI вѣковъ. Львовъ. 1901. Ц. 30 к.

Шопенгауэръ, Артуръ. Міръ какъ воля и представленіе. Томъ І. Перев. Ю. И. Алхенвальда. М. 1902. Ц. 3 р.

«истор. вѣстн.», июль, 1902 г., т. LXXXIX.

23

III. Ботаника, зоологія, мінералогія і геологія.

* **Брайтвинъ, Элиза.** Дружба съ природой. Рассказы, въ изложеніи Дм. Кайгородова, со мног. рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

* **Кайгородовъ, Дмитрій.** Изъ зеленого царства. Популярныя очерки изъ міра растеній. Со мног. рис. Изд. 5-е. Спб. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

Лебазейль, Е. Чудеса полярнаго міра. Перев. Е. Костко. Съ 35 рис. въ текстѣ. Изд.

2-е, пересм. и дополн. Спб. 1902. Цѣна 50 к.

Левинсонъ-Лессингъ, Ф. Ю. проф. Основныя проблемы геологіи. Спб. 1902. Ц. 20 к.

Мензбиръ, М. А. Охотничьи и промысловыя птицы Европ. Россіи и Кавказа. Вып. 6-й (последній). М. 1902. Ц. за 2 тома 25 р.

Энштейнъ, К., проф. Борьба человѣка съ животнымъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1902. Ц. 50 к.

IV. Физика, химія, математика, астрономія и метеорологія.

Сеньи (Дж), Н. Куръ прямолінейной тригонометрии. Сост. по программѣ и применительно къ последнимъ требованіямъ конкурсныхъ экзаменовъ для поступления

въ институты: горный, инженеровъ путей сообщенія, технологическій и др. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

V. Словесность.

Антоновичъ, Ипп. Настроєнія. Очерки и рассказы. М. 1902. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Прошашка. Рассказъ. М. 1902. Ц. 5 к.

— **Проспѣла.** Рассказъ. М. 1902. Ц. 3 к.

— **Юмористическій сборникъ.** Маленькіе рассказы. Изд. 4-е. Спб. 1902. Ц. 60 к.

— **Картинки жизни.** Сборникъ юмористич. рассказовъ. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 60 к.

— **Звуки.** Сборн. юмористич. рассказовъ. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Брешко-Брешновскій, Н. Н. Изъ акционныхъ мелодій... Рассказы. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Гоголь, Н. В. Избранныя сочиненія, съ біографіей и портретомъ, въ 2-хъ томахъ. М. 1902. Ц. 75 к.

Григорьевъ, Н. Бредъ жизни. Повѣсти и рассказы. Спб. 1902. Ц. 80 к.

Дубровина, Е. О. Романы, повѣсти, рассказы. Спб. 1902. Ц. 70 к.

Жуновскій, В. А. Біографія и избранныя стихотворенія. Харьковъ. 1902. Ц. 8 к.

Зангвиль, И. Трагедія Гетто. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Засодимскій, П. В. Крыму. I. Городъ смерти и веселья. II. На могилахъ. М. 1902. Ц. 25 к.

Канадѣвъ, И. Н. Очерки закавказской жизни. Томъ I. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Лавровъ, П. А. Труды В. Г. Васильева-каго по исторіи славянъ. Львовъ. 1901. Ц. 25 к.

Луговой, А. А. Умеръ талантъ!. Повѣсть. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Лунашевичъ, Младдія. Въ глухомъ углу. Рассказъ. М. 1902. Ц. 4 к.

Мазуркевичъ, В. А. Море смѣха. Веселые рассказы, нескучныя сценки, юморист. штрихи и наброски. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Золото. Романъ. Изд. 2-е. М. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

— **Безъ названія.** Романъ. М. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Мезіеръ, А. В. Русская словесность съ XI—XIX столѣтія включительно. Библиографи-

скій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Часть II. Русская словесность XVIII и XIX ст. Спб. 1902. Ц. 4 р.

Мордовцевъ, Д. Л. Двѣнадцатый годъ. Кавалеристъ-дѣвица. Историч. романъ въ 3-хъ частяхъ. Изд. 4-е. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Никитинъ, И. С. Сочиненія, съ его портретомъ, fac-simile и біографіей, составленной редакторомъ изданія М. Ѳ. де-Пуле. 2 тома. Изд. 9-е. М. 1902. Ц. 5 р.

Николаевъ, П. Ѳ. Вопросы жизни въ современной литературѣ. М. 1902. Ц. 2 р.

Ожешко, Элиза. Зефирчикъ. Повѣсть. Перев. съ польскаго. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Пономаревъ, А. И., проф. Василій Андреевичъ Жуковский, какъ поэтъ-романтикъ и въ отношеніяхъ къ Царю-Освободителю. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Понсонъ дю-Террайль. Романы. Перев. съ франц. Томъ I. Молодость Генриха IV. Спб. 1902. Ц. по подп. на II серію въ 12 томахъ—6 р.

Родныхъ, А. А. Самокатная подземная желѣзная дорога между С.-Петербургомъ и Москвою. Фантастическій романъ пока въ 3-хъ главахъ, да и тѣхъ неоконченныхъ. Спб. 1902. Ц. 20 к.

Созоновичъ, И. П., проф. В. А. Жуковский, какъ писатель и человѣкъ. 1852—1902. Варшава. 1902. Ц. 30 к.

* **Соллогубъ, В. А., графъ.** Повѣсти и рассказы. Книга I. Аптекаряша. Метель. Неоконченныя повѣсти. Изд. 3-е. Съ портретомъ автора (Дешевая Библиотека Суворина, № 41). Спб. 1902. Ц. 20 к.

* — **Повѣсти и рассказы.** Книга II. Исторія двухъ калопъ. Нечистая сила. Воспитанница. Изд. 3-е (Дешевая Библиотека Суворина, № 42). Спб. 1902. Ц. 25 к.

Фартусовъ, В. Д. Изъ жизни иконописцевъ. Очеркъ. М. 1902. Ц. 60 к.

Фульда, Л. Причуды сердца. Ком. въ 4 д., переводъ въ стихахъ Lolo (Л. Мунштейна). М. 1902. Ц. 1 р.
 Чаевъ, Н. Три стихотворенія. М. 1902. Ц. 20 к.
 Шалирь, Ольга. Вернулась!.. Изд. 3-е. Спб. 1903. Ц. 1 р.
 — Старыя пѣсни. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. 1 р.
 Шницлеръ, Артуръ. Новые часы. Тетралогія. Перев. Г. Р. и М. В. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Шперль, Августъ. Сыновья Будивоя. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.
 Эрстовъ, Г. Открытое письмо Максиму Горькому. Спб. 1902. Ц. 15 к.
 Эр-Жако, С. Запазо. Юмористическій сборникъ. Спб. 1902. Ц. 60 к.
 Эсперовъ, П. Э. Женская доля или въ поискахъ жениховъ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ изъ жизни молодежи въ провинціи. Спб. 1902. Ц. 75 к.

VI. Исторія.

Барсуновъ, Александръ. Слiski городовыхъ воеводъ и другихъ лицъ воеводскаго управленія Московскаго государства XVII столѣтія по напечатаннымъ правительственнымъ актамъ. Спб. 1902. Ц. 2 р.
 Бречневичъ, М. Святополкъ, князь Поморскій. Юрьевъ. 1902. Ц. 30 к.
 Велично, В. Л. Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и творенія. Очеркъ съ прилож. рис. Н. Е. Рѣпина. портрета и факсимиле. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.
 Веселовскій, А. Н. В. А. Жуковскій. Чтеніе. Спб. 1902. Ц. 10 к.
 Воскресенскій, Е. Василій Андреевичъ Жуковскій. Краткій очеркъ его жизни и литер. дѣятельности. М. 1902. Ц. 20 к.
 Дитмаръ (фонъ), С. Е. П. В. Князь Болгарскій Фердинандъ I. Спб. 1902. Ц. 25 к.
 Забѣлинъ, И. Исторія города Москвы. Часть I, съ прилож. древняго плана Кремля. М. 1902. Ц. 2 р. 50 к.
 Каменскій, И. В. Панславизмъ, пангерманизмъ и панроманизмъ въ XX в. Одесса. 1902. Ц. 30 к.
 Малиновскій, І. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи пановъ-рады Великаго Княжества Литовскаго. Томскъ, 1901. Ц. 3 р.
 Панчулидзевъ, С. Исторія кавалергардовъ 1724—1799—1899. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Величества

Государыни Императрицы Маріи Теодоровны полка. Томъ I и II. Спб. 1901. Ц. по подп. за 4 тома 100 р., въ перепл. 120 р.; допускается разрочка при получ. I и II т. 75 р., III т. 25 р., IV тома за переплеты 20 руб.
 Петергофъ. Историческая справка и описаніе, съ портр. Импер. Петра Великаго, 22 фотогравюрами видовъ Петергофа и планомъ Петергофа и его окрестностей. Спб. 1902. Ц. 50 к.
 Сборникъ біографій кавалергардовъ. 1724—1762. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Теодоровны полка. Состав. подъ редакц. С. Панчулидзева. Томъ I. Спб. 1901. Ц. 6 р., въ пер. 11; по подп. за 4 тома 20 р. въ перепл. 40 р.
 Стопановъ, И. и Базаровъ, В. Общественныя отношенія во Франціи XII и XVII вѣка. По Боннемеру, Зеверту, Ковалевскому, Гуго и др. Спб. 1902. Ц. 50 к.
 Успенскій, В. и Воробьевъ, Н. Книга «Азбука» учебная блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Теодора Алексѣевича Всероссийскаго Самодержца». Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.
 Фриде, А. Е. Краткій обзоръ (конспектъ) средневѣковой исторіи. Курсъ V класса. 20 картъ съ объяснительнымъ текстомъ. Спб. 1902. Ц. 80 к.

VII. Географія.

Ветуховъ, А. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанныя на вѣрѣ въ силу слова. Изъ исторіи мысли. Вып. I. Варшава. 1902. Ц. 1 р.
 «Землевѣдніе». Периодическое изданіе географическаго отдѣленія Импер. общ. любит. естествознанія, антропологии и этнографіи. 1902. Книжка I. Подъ редакц. Д. Н. Анучина. М. 1902. Ц. 1 р. 75 к.
 Извѣстныя. Кругомъ отъ Владикавказа до

Владивостока. Размышленія и путевыя впечатлѣнія. Спб. 1901. Ц. 55 к.
 Иловайскій, С. И. Три дня въ Гаграхъ или страничка изъ «Тысячи и одной ночи». Одесса. 1902. Ц. 40 к.
 Кублицкій, Констант. Петр. «Родные углы». Кусково. Съ рис. автора. Вып. I. Спб. 1902. Ц. 30 к.
 Святловскій, В. В. Южный берегъ Крыма и Ривьера. Съ предисл. Л. В. Вертенсона. Спб. 1902. Ц. 1 р.

VIII. Сельское хозяйство.

Дьяновъ, М. Производство бакштейна и лимбургскаго сыра. Съ 30 рис. въ текстѣ. Спб. 1902. Ц. 30 к.
 * Земледѣльческая газета. Выходитъ еженедѣльно. № 23. Спб. 1902. Ц. 15 к.

Югансонъ, Ю. А. Поваренная книга. Руководство для приготовленія простыхъ, тонкихъ и вегетарианскихъ блюдъ. Съ 66 рис. Спб. 1902. Ц. 4 р.
 Надеждинъ, Э. И. Курсъ кройки, руковод-

ство для ученицъ средняго возраста. Часть II и III. Спб. 1902. Ц. II ч. 40 к., III—50 коп.

полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Томъ VI. Спб. 1902. Ц. 7 р. 50 к., въ пер. 8 р. 50 к.

Потѣхинъ, Л. А. Доходное пчеловодство. Съ 19 рис. въ текстѣ. Спб. 1902. Ц. 25 к.

Растеряевъ, Н. Уставъ сельскаго хозяйства и положеніе о наймѣ на сельскія работы. (Законы и судебная практика о сельскомъ хозяйствѣ). Практическое руководство. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Результаты сельскаго хозяйства въ Рос-

сиі за послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка. Сост. Р. Э. Л. Юрьевъ. 1902. Ц. 60 к.

Червинскій, Н. П. Учебникъ скотоводства и скотоврачеванія. Для низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ. Вып. I. Введеніе и общее скотоводство. Спб. 1902. Ц. 65 к.

Шантыръ, И. И. Болѣзни копытъ лошади. Руководство для врачей и студентовъ. Юрьевъ. 1902. Ц. 2 р.

Штейнбергъ, П. И. Какъ удобрять садъ и огородъ для полученія высшаго дохода. Спб. 1902. Ц. 50 к.

— Земляная теплица и ея использование. Изд. 2-е, дополн. и испр. Спб. 1902. Ц. 1 р.

IX. Технологія.

Казнь, Э. Практическое руководство къ устройству электрическаго освѣщенія въ частныхъ домахъ, публичныхъ зданіяхъ, на фабрикахъ и т. п. Перев. съ франц. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Мальцовъ, П. И. Добываніе золота изъ розсыпей въ Америкѣ. 2 част. Иркутскъ. 1901—1902. Ц. каждой. 1 р. 50 к.

Провѣтриваніе и отопленіе класныхъ комнатъ и соблюденіе чистоты въ школьныхъ помѣщеніяхъ. Спб. 1900. Ц. 30 к.

Теллоптионъ. Электрическая передача виднѣнія. Сост. изобрѣтатель. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Угримовъ, Б. Аккумуляторы въ электрическихъ установкахъ. Кратк. практ. руководство для проектированія станціи снабженной аккумуляторной батареей и всѣми необходимыми измѣрительными, контрольными автоматическими и др. приборами. М. 1902. Ц. 60 к.

Naeder Н. (Г. Хедеръ). Вольная паровая машина и первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ съ нею. Практ. руководство къ уходу и надзору за паровой машиной. Перев. съ нѣмецк. Часть I. М. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

X. Правовѣдѣніе.

Безобразова, П. В. Объ улучшеніи участи женщины. М. 1902. Ц. 20 к.

Богачевъ, Н. Семья и государство. М. 1902. Ц. 35 к.

Гамбаровъ, П. Двадцать пять лѣтъ дѣятельности германскаго имперскаго банка (1876—1900). Рига. 1902. Ц. 1 р. 80 к.

Меркель, Адольфъ, д-ръ. Юридическая энциклопедія. Перев. Ф. К. Зейделя, подъ редакц. В. М. Грибовскаго. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Минувевъ, П. Г. Передовая демократія современнаго міра. Англійская колонія «Новая Зеландія». Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Николаевъ, И. Краткій курсъ междуна-роднаго права. Сост. примѣнительно къ программѣ юридической испытательной комиссіи. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Николюскій, А. Земля, община и трудъ. Особенности крестьянскаго правопорядка, ихъ происхожденіе и значеніе. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Реми, Нагида. Еврейская женщина. Съ предисл. проф. М. Лацаруса, съ портретомъ автора и биографическимъ очеркомъ. Варшава. 1902. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 40 к., въ пер. 1 р. 50 к.

Sum sineque. У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Орель. 1901. Ц. 25 к.

XI. Медицина.

Волкова, М. Бесѣды о здоровьи женщины. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Ганзенъ, П. Г. Опытъ оздоровленія деревни. Съ 5 иллюстраціями и вступительною статью Р. И. Сементковскаго. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Годземба-Высоцій, А. И. Основы изготовленія ортопедической обуви. Съ 112 рис. въ текстѣ. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Добрянскій, І. С. Волосы, ихъ гигиена, болѣзня, дѣленіе и косметика. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Золотавинъ, Н. А. Очеркъ современной постановки кумысолѣченія въ виду борьбы съ

туберкулезомъ и указатель кумысолѣчен-ныхъ заведеній кумысныхъ селеній, хуторовъ и кочевомъ Россійской имперіи. Спб. 1902. Ц. 70 к.

Лебедевъ, Н. Н. Опытъ изученія въ санитарномъ отношеніи быта сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ районѣ свеклосахарнаго производства. М. 1901. Ц. 2 р.

Лозинскій, А. А., д-ръ. Кисловодскъ по наблюденіямъ въ лечебный сезонъ 1901 г. Спб. 1902. Ц. 20 к.

Сажинъ, В. В. Вліяніе алкоголя на нервную систему, въ особенности развивающагося организма. Спб. 1902. Ц. 30 к.

ХII. Военное и морское дѣло.

Незнамовъ, А. Подготовка полевыхъ позиций въ инженерномъ отношеніи. Съ 3 листами чертежей. Варшава. 1902. Ц. 55 к.

Семеновъ, н. и. Стратегическая задача № 2. Дѣйствія N—ой арміи въ Бессарабіи. Спб. 1902. Ц. 2 р. 60 к.

ХIII. Искусство.

Альбомъ выставки въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, устр. общ. любит. российск. словесности въ задахъ историческаго музея. М. 1902. Ц. 3 р. 50 к.

Виды Петергофа. 33 фотогравюры. Спб. 1902. Ц. 35 к.

Гречинскій, д-ръ. Фотографія. Элементарный самоучитель фотографіи для любителей. Съ 105 рис. Каменецъ-Подольскъ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Шахматный журналъ, ежем. изд. № 4. Апрель. 1902 г. Ц. 75 к.

ХIV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги.

Лисовскій, м. Нѣмые страдалцы. Бесѣда о животныхъ. Спб. 1902. Ц. 35 к.

ХV. Справочный отдѣлъ.

Весь Царицынъ на 1902 годъ. Адресъ-календарь, торгово-промышленная и справочная книга. Царицынъ. 1901. Ц. 75 к.

Иллюстрированный спутникъ по Курско-Харьково-Севастопольской жел. дор. Харьковъ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

* Каталогъ изданій А. С. Суворина, съ прилож. списка книгъ, находящихся въ складѣ, а также списка собраній сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей, продающихся въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени». Изд. 3-е. Спб. 1902. Выдается бесплатно.

Маврицій, В. А. Правила и программы классическихъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Изд. 11-е, измѣнен. М. 1902. Ц. 60 к.

Москвичъ, Григорій. Иллюстрированный практической путеводитель по Крыму. Изд. 11-е. Одесса. 1902. Ц. съ пер. 1 р.

— Иллюстр. практич. путеводитель по Волгѣ. Одесса. 1902. Ц. съ пер. 1 р.

— Иллюстр. практич. путеводитель по Кавказу. Изд. 7-е. Одесса. 1902. Ц. съ пер. Ц. 1 р. 50 к.

Новости технической литературы за 1901 годъ. Спб. 1902. Ц. 20 к.

Сеславинъ, д. н. Самоучитель англійскаго языка. Вып. 34-й (Курсъ II). Спб. 1902. Ц. по подп. 3 р.

— Самоучитель польскаго языка. Вып. 11-й. Спб. 1902. Ц. по подп. 3 р.

— Самоучитель нѣмецкаго языка. Вып. 31-й. (Курсъ II). Спб. 1902. Ц. по подп. 3 р.

— Самоучитель французскаго языка. Вып. 35-й. (Курсъ II). Спб. 1902. Ц. по подп. 3 р.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Полутомъ 69-й. Спб. 1902. Ц. въ переп. 3 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

Томики „Дешевой Библиотеки“ А. С. Суворина,

внесенные въ «Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Народн. Просвѣщенія, изд. 2-е 1896 г., и въ первое къ нему дополненіе 1897 г.»

- 45 и 46. Маразмизъ, Н. М. Письма русскаго путешественника. Со статьею Ѳ. И. Вулаева, съ портретомъ автора и рисунками. 2 т. Изд. 3-е. Ц. 1 р., на велен. бум. 2 руб.
15. — Великій князь Дмитрій Иоанновичъ, прозваніемъ Донской. Изд. 2-е. Цѣна 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.
17. — Царствованіе Теодора Иоанновича.—Правленіе Бориса Годунова.— Убіеніе царевни Дмитрія.— Состояніе Россіи въ концѣ XVI в. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
20. — Царствованіе Бориса Теодоровича и Лжедмитрія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.
24. — Царствованіе Василія Иоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Изд. 2-е. Цѣна 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 72а. — Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 72б. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 77а. — То же. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
- 77б. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
89. — То же. Т. V. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
91. — То же. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
239. Кольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ біографіей, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящномъ переплетѣ 25 к.
- То же. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей). 100 экз. на слоновой бумагѣ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к. и 300 экз. на веленовой бумагѣ. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.
149. Корнель, П. Гораций. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ М. Чайковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ переплетѣ 27 к.
222. — Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
28. Кохановская. Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.
29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.
318. Крыловъ. Васни. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣч. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пер. 30 к.
7. Ксавье-де-Местръ. Параша-Сибирячка. Разсказъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
9. Кунольникъ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. 1-я (Авдотья Лихончиха.— Купецъ Капустинъ.— Прокуроръ). Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленев. бум. 30 к.
10. — То же. Кн. 2-я (П. Сказаніе о снѣгѣ и зеленомъ сукнѣ.— П. Часовой). Съ портретомъ князя И. Ѳ. Долгорукова. Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.
11. — То же. Кн. 3-я (Позументы.— Новый годъ). Съ гравюрой: солдаты Петровскаго времени. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., на вел. бум. 30 к.
14. — То же. Кн. 4-я (Чернышевскій миръ.— Осталь и Ульяна.— Старый хламъ). Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленовой бумагѣ 30 коп.
18. — То же. Кн. 5-я (Запорожцы. Историческая быль временъ Екатерины Великой). Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
33. — То же. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно.— Вольный гетманъ панъ Савва.— Староста Меданья). Изданіе 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.
100. Ламартинъ, А. Иоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
6. Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ прозѣ. Съ портр. и биограф. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.
183. Маркъ Аврелій Антонинъ. Къ самому себѣ. Размышленія. Перев. съ греческ. Пл. Краснова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА.

Сочиненіе Николая ЭНГЕЛЬГАРДТА.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛѢТІЯ.

Томъ первый (1800—1850). Критика, романъ, поэзія и драма. Съ приложеніемъ: синхронической таблицы, хронологическаго указателя писателей и полной библиографіи. **Краткое содержаніе:** Предисловіе. Гл. I. **Начало вѣка** (1800—1810). Дней Александровыхъ счастливое начало.—Радищевъ.—Борьба «шишковистовъ» съ «карамзинистами».—Проза начала вѣка.—Развитіе «легкой поэзіи».—Новое и старое на русской сценѣ.—Озеровъ.—Шаховскій.— Гл. II. **Десятые годы** (1810—1820). Значеніе 1812 г. для литературы.—Мерзляковъ и его критическая дѣятельность.—«Домъ сумасшедшихъ».—«Исторія Государства Россійскаго».—Творчество Жуковскаго и Батюшкова.—Кн. Вяземскій и др.—«Лицейскія стихотворенія» А. С. Пушкина.—Комедіи Хмельницкаго и Загоскина.— Гл. III. **Двадцатые годы** (1820—1830). Очеркъ исторіи европейскаго классицизма и романтизма.—Эпоха «совершеннаго перелома» въ русской литературѣ.—Первые шеллингианцы.—«Мнемозина» и «Телеграфъ».—Романы Нарѣжнаго.—«Иванъ Выжигинъ».—«Юрій Милославскій».—Расцвѣтъ поэзіи Пушкина.—Переводъ «Илиады» Гомера.—Языковъ, Баратынскій, Рылѣевъ и др.—«Горе отъ ума».— Гл. IV. **Тридцатые годы** (1830—1840). «Холерный» годъ литературы.—«Телескопъ».—«Библіотека для Чтенія».—«Литературныя мечтанія».—Кружокъ Станкевича и Бѣлинскаго.—«Европеецъ».—«Философическія письма» Чаадаева.—Проза Пушкина.—«Повѣсти Бѣлкина».—«Повѣсти Гоголя».—Лермонтовъ, Кольцовъ, Полежаевъ и др.—«Борисъ Годуновъ».—«Ревизоръ».—«Маскарадъ».— Гл. V. **Сороковые годы** (1840—1850).—Славянофилы и западники.—«Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».—Письмо Бѣлинскаго.—Романы Кукольника.—«Герой нашего времени».—«Мертвыя души».—«Бѣдные люди».—«Кто виноватъ?»—Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ и др.—Майковъ, Полонскій и Фетъ.—Некрасовъ.—Шевченко.—Островскій.

Убористый томъ. Стр. XII+608. Цѣна 2 рубля.

Второй томъ (1850—1900) готовится къ печати.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПАЛЕСТИНА.

Сочиненіе А. А. СУВОРИНА.

Рисунки А. Д. КИВШЕНКО и В. И. НАВОЗОВА.

Изданіе состоитъ изъ 30-ти выпусковъ. Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ полный листъ текста и 6—8 рисунковъ, занимающихъ въ сложности 4—5 страницъ. Всѣ рисунки отпечатаны въ нѣсколько тоновъ каждый, и сверхъ того къ изданію приложены акварели А. Д. Кившенко, изображающія „Св. Гробъ Господень“ и „Пещеру Рождества Христова“ и акварели В. И. Навозова. „Типъ арабской деревни“, „Обрядъ священнаго огня въ Великую заутреню въ храмъ Гроба Господня“ и „Страница Евангелія, подареннаго храму Св. Гроба Борисомъ Годуновымъ“. При послѣднемъ выпускѣ—карта Палестины и планъ Иерусалима въ краскахъ.

Цѣна за всю книгу въ роскошномъ переплетѣ **тридцать пять** рублей.

Разсрочка платежа можетъ быть сдѣлана по соглашенію съ книжнымъ магазиномъ „Новаго Времени“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 іюня 1902 г.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13.

ИЗМѢНА

(IN THE HOUSE OF HIS FRIENDS)

АМЕРИКАНСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ЭПОХИ ВОЙНЫ СѢВЕРА СЪ ЮГОМЪ

РИЧАРДА САВЭДЖА

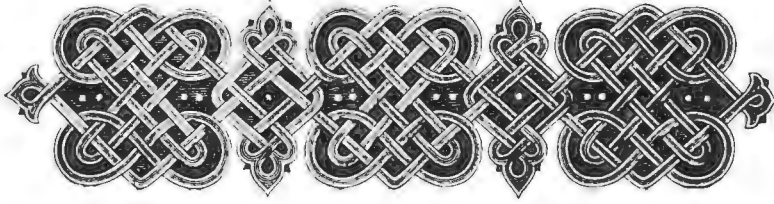
(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

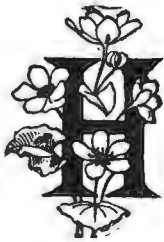
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

А КОГО теперь положиться?—произнесъ со вздохомъ главнокомандующій, прочитавъ послѣднее изъ длинной серіи писемъ, помѣченныхъ: «въ собственныя руки и конфиденціально».

Маятникъ старинныхъ канцелярскихъ часовъ монотонно повторялъ свои удары, и пожилой ветеранъ взглянулъ въ окно своего кабинета въ военномъ министерствѣ; хлопья снѣга падали на пустынные улицы Вашингтона.

Никогда національная столица не видала такого мрачнаго новаго года, какъ 1-е января 1861 года.

Впервые гостепріимный городъ на Потомакѣ отказался отъ временемъ освященныхъ новогоднихъ празднествъ.

Сомнѣніе и недоувѣріе витали вокругъ пылающихъ рождественскихъ, осмоленныхъ чурбановъ, а на лицахъ красавицъ, безцѣльно смотрѣвшихъ на висѣвшіе пучки омелы, пробѣгали тревожныя тѣни.

Это было естественно, такъ какъ, хотя тридцать четыре звѣзды еще блестѣли на флагѣ, развѣвавшемся надъ военнымъ министерствомъ, но государственный корабль беспомощно колыхался среди бурныхъ валовъ, срывавшихъ якоря и грозившихъ унести его въ пучину междоусобій.

Блѣдное, зимнее солнце уже закатилось за величественными Арлингтонскими рощами, прежде чѣмъ генераль-лейтенантъ Винифильдъ Скоттъ надумалъ вернуться домой.

Усталые чиновники военного вѣдомства давно разошлись по своимъ скромнымъ жилищамъ, а ветеранъ, начальникъ сѣвероамериканской арміи, все еще сидѣлъ за своимъ столомъ.

— Эти слова были произнесены Джорджемъ Вашингтономъ,— продолжалъ размышлять вслухъ маститый генералъ:— когда его благородное сердце было поражено измѣной Бенедикта Арнольда въ Вестъ-Пойнтѣ.—Теперь настаютъ времена, когда братья пойдутъ на братевъ, и люди, которые сражались рука объ руку въ Чепультэпки, будутъ осыпать другъ друга пулями, воюя подъ различными знаменами. Боже мой! Знамя отечества останется все-таки за нами, и мы будемъ его защищать до тѣхъ поръ, пока его складки покроются всѣ кровью, и на немъ останется хотя одна звѣзда.

И ветеранъ семидесяти пяти лѣтъ гордо выпрямился. Въ эту минуту въ комнату вошелъ лакей и объявилъ, что карета подана.

— Вы можете идти, Кларкъ,—сказалъ генералъ:—я жду одного джентльмена, который поѣдетъ со мною обѣдать. Стыдно, стыдно,—сказалъ онъ про себя:—обманывать своихъ подчиненныхъ, но теперь необходимы всякаго рода предосторожности.

Этотъ почтенный старикъ, бывший послѣднимъ звеномъ, соединявшимъ теперь разъединенную американскую армію, тринадцатилѣтнимъ юношей видѣлъ Вашингтона, благословлявшаго передъ своей смертью освобожденную имъ страну. Получивъ отъ безсмертнаго героя завѣтъ защищать родину, сѣдой старикъ теперь видѣлъ съ горечью, что ей грозили всѣ ужасы междоусобной войны.

Размышляя такимъ образомъ и мечтая о великихъ тѣняхъ Клея Вебстера, Джаксона и Калкуна, онъ вздрогнулъ.

Кто-то постучался въ дверь; чрезъ минуту въ комнату вошелъ воинственнаго вида мужчина, лѣтъ тридцати семи, съ благородной осанкой.

— Рапортуйте, сэръ,—официально произнесъ его начальникъ.

— Я сегодня принялъ присягу въ качествѣ полковника главнаго штаба и главнаго инспектора волонтеровъ въ Колумбіи,—отвѣчалъ вновь вошедшій:—и я рапортую, генералъ, вступившимъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

— Полковникъ Рованъ,—произнесъ серьезно глава арміи:—до новаго распоряженія вы будете являться сюда въ статскомъ платьѣ. Вы хорошо сдѣлали, что первый вступили на службу Соединенныхъ Штатовъ съ тѣхъ поръ, что имъ грозитъ разрывъ. Ваши дѣти припомнятъ это, какъ величайшую для себя честь. Теперь вы проводите меня до моей кареты, и я пригласилъ бы васъ обѣдать, если бы не боялся обратить на это всеобщее вниманіе. Въ настоящее время ваша служба будетъ конфиденціальная, невѣдомая публикѣ и, надѣюсь, врагамъ. Мексиканская война ручается мнѣ за васъ, въ то время какъ много старыхъ и преданныхъ друзей отпадаютъ отъ меня. Вы будете моимъ помощникомъ, пока не явится Робертъ Ли.

Въ эту критическую минуту правительство могло бы смѣло застраховать его жизнь въ 5 милліоновъ долларовъ. Онъ теперь единственный военный геній въ Америкѣ. Онъ находится въ фортѣ Мэсонѣ, въ Техасѣ, и имѣетъ чинъ драгунскаго подполковника. Я выписалъ его въ Вашингтонъ, но онъ не можетъ явиться сюда ранѣе 1-го марта. До тѣхъ поръ вы должны принять на себя всѣ распоряженія насчетъ приѣма и охраны нашего страннаго западнаго президента. Нація его не знаетъ, даже его товарищи не вполне увѣрены, зовутъ ли его Авраомомъ или Авраамомъ Линкольномъ. Это—дитя народа, труженикъ земли. Полковникъ Ли по пріѣздѣ будетъ назначенъ подполковникомъ перваго драгунскаго полка и, быть можетъ, его выберутъ въ мои преемники.

— Но, генераль,—произнесъ твердымъ голосомъ полковникъ Рованъ:—можно ли на него положиться?

— На него!—воскликнулъ старый виргинецъ:—Робертъ Ли и двое Джонсоновъ—настоящее зеркало военной чести. Надеженъ ли онъ? Да это—самый благородный и преданный отечеству чловѣкъ!

Старый ветеранъ вскочилъ и выпрямился во весь свой величественный ростъ. Его львиное лицо поражало достоинствомъ, а воинственная фигура, въ старомъ военномъ мундирѣ съ золотыми лаврами войны и дубовыми вѣнками мира, казалась непреклонной.

— Простите меня, генераль,—сказалъ полковникъ:—я очень хорошо знаю, что Робертъ Эдуардъ Ли вашъ естественный, предназначенный преемникъ. Я видѣлъ его среди нашей арміи самымъ храбрымъ, доблестнымъ, неутомимымъ и мужественнымъ воиномъ на каждомъ полѣ брани отъ Вэра Круца до Бэленскихъ воротъ. Онъ безупреченъ и служитъ образцемъ всѣмъ молодымъ воинамъ, но онъ владѣетъ Арлингтономъ! Онъ женился на наслѣдницѣ Вашингтона! Онъ виргинецъ съ цѣлымъ рядомъ великихъ предковъ. Вы знаете, какъ могущественна мистическая сила преданій.

— Полковникъ Рованъ,—серіозно отвѣчалъ генераль Скоттъ:—Ли—виргинецъ, а Виргинія—камень основанія американскаго союза. Цѣлое всегда больше, чѣмъ любая его часть. Мы сохранимъ Виргинію, сэръ, и Роберта Ли.

— Дай Богъ!—отвѣчалъ полковникъ Рованъ, выходя съ генераломъ изъ военнаго министерства чрезъ боковыя двери.

— Вы будете ежедневно приходить ко мнѣ на домъ рапортоваться въ 8 ч. вечера,—сказалъ старикъ:—въ вашемъ распоряженіи будетъ боковая дверь моей библіотеки. Мой вѣрный слуга Кларкъ получитъ приказаніе допускать васъ до меня во всякое время дня и ночи, безъ всякой формальности. Вы возьмете на себя всю конфиденціальную переписку, и хотя я никого прямо не подозреваю въ военномъ министерствѣ, но все-таки сохраняю въ тайнѣ отъ всѣхъ мои приготовленія къ приѣму президента Линкольна. Однако,

вы не будете одинъ. Я уже выбралъ нѣсколько вѣрныхъ людей: это—Генри Скоттъ, Лэй и Скайлеръ Гамильтонъ, послѣдній—человѣкъ надежный, храбрый, какъ остріе меча, и образованный, пріятный человѣкъ.

Снявъ шляпу, вновь назначенный полковникъ главнаго штаба проводилъ до кареты своего генерала, который теперь взялъ на себя заботу обезпечить вступленіе Линкольна въ должность президента.

Пустынны были улицы, по которымъ полковникъ Рованъ отправился домой, гдѣ любящая, юная жена и весело смѣявшаяся маленькая дочь нетерпѣливо ожидали его.

Мрачно, печально было въ этотъ несчастный новый годъ въ Вашингтонѣ. Даже официальный пріемъ президента казался какой-то бездушнѣею неживленною церемоніею. Два класса гражданъ отсутствовали на немъ.

«Иллюминаты», какъ называли гордыхъ, непреклонныхъ южанъ, сидѣли по своимъ домамъ и заняты были мрачною пропагандою, которая должна была наполнить огнемъ и пламенемъ весь югъ отъ Арлингтона до Ріо-Гранде. Дѣйствительно, въ этотъ печальный новый годъ Вашингтонъ былъ скорѣе столицей начинавшейся южной конфедераціи, чѣмъ правительственнымъ центромъ великой націи.

Южные сенаторы и депутаты, официальные представители рабовладѣльческаго культа и гордые, уже поражавшія своими блестящими глазами и туалетами съ южными кокардами ихъ жены, а также главы всѣхъ могущественныхъ семействъ аристократической партіи заперлись въ своихъ домахъ, устремивъ свои взоры на звѣзду южной Каролины, которая еще 20-го ноября 1860 г. безумно отдѣлилась отъ своихъ сестеръ. Во всемъ Вашингтонѣ рыцари одинокой звѣзды съ лихорадочнымъ безпокойствомъ ожидали, когда и другія планеты выйдутъ изъ своей орбиты и въ продолженіе четырехъ лѣтъ будутъ блуждать среди братоубійственной войны до окончательнаго пораженія Южнаго Креста. Высоко образованные, культурные, гостепримные, преданные стариннымъ кумирамъ, полные гордости и энергіи, они преданно смотрѣли на своего будущаго главу, умнаго, стойкаго и мужественнаго Джеферсона Дэвиса, какъ на преемника великаго Калкуна, который, двадцать восемь лѣтъ тому назадъ, едва не оторвалъ южно-каролинской звѣзды отъ національнаго знамени. Въ эту первую ночь сомнѣнія и братскаго разъединенія южане дулись въ своихъ жилищахъ, вполне надѣясь на рыцарскія чувства своихъ соотечественниковъ, нимало не подозрѣвая, что иллинойскій дровосѣкъ, котораго они такъ презирали, былъ рожденъ благороднымъ защитникомъ отечества. Они не знали, что Авраамъ Линкольнъ, родившійся въ Кентукки и добровольно назначивъ себя апостоломъ союза, былъ виргинской крови по отцу, который съ ногъ до головы былъ южанинъ такъ же, какъ его жена.

Этотъ дровосѣкъ былъ прямой наслѣдникъ доблестнаго Джексона, мудраго Джеферсона и краснорѣчиваго Гамильтона.

Однако и другой элементъ отсутствовалъ въ Бѣломъ Домѣ, именно трезвые, энергичные сѣверяне, ни на что не надѣявшіеся и ничего не боявшіеся. Длинный рядъ политическихъ столкновений въ національной столицѣ доказалъ имъ, теперь заботившимся собрать жатву своей политической побѣды, что городъ Вышингтонъ былъ имъ враждебенъ, и что сердце его тайно не лежало къ нимъ.

Быстро идя по грязнымъ, дурно освѣщеннымъ и не мощенымъ улицамъ, Рованъ задумчиво смотрѣлъ на мрачное небо.

Вашингтонъ былъ тогда еще въ переходномъ періодѣ своего существованія. Поля и огороды занимали большую часть его системы правильныхъ геометрическихъ линій. Красивѣйшая часть Вашингтонскаго округа, именно сорокъ квадратныхъ миль, была гнусно взята назадъ Виргиніей, неизвѣстно почему, хотя въ послѣдствіи это объяснилось возведенной на Мунсоновской горѣ батареей. На оставшихся же шестидесяти миляхъ, казавшихся искреннимъ подаркомъ штата Мериланда, не было ни конокъ, ни другихъ современныхъ средствъ сообщенія, кромѣ неуклюжихъ дилижансовъ, шумно перевозившихъ по грязи новыхъ членовъ конгресса въ неудобныя меблированныя комнаты.

Кромѣ, того, почтенныя, старинныя гостиницы Вилларда, Национальная и нѣкоторыя другія сурово принимали своихъ гостей, по древнему обычаю.

Полковникъ Рованъ шелъ по улицѣ, не обращая ни на что вниманія; его умъ весь былъ поглощенъ легкимъ довѣріемъ его начальника къ Виргиніи и его твердой вѣрой въ Роберта Ли. Ему же пришлось видѣть благородный флагъ съ сорока пятью звѣздами печально опущеннымъ на военномъ министерствѣ и потомъ торжественно развѣвавшимся послѣ безконечныхъ побѣдъ надъ югомъ, Сантъ-Яго, Гаванной, Маниллой и воротами Пекина.

Высоко образованный человѣкъ и храбрый воинъ, Рованъ бормоталъ про себя:

— Ну, увидимъ. Я могу только одну жизнь пожертвовать союзу и готовъ на это во всякое время.

Зная, какъ разсѣяны были армія и флотъ, а также какое множество пушекъ и военныхъ снарядовъ было втайнѣ увезено на югъ, полковникъ Рованъ считалъ, что самой печальной чертой предстоявшей борьбы было грозное отторженіе отъ Сѣвера офицеровъ, какъ сухопутной арміи, такъ и флота.

— Вы—за Югъ или Сѣверъ?—молча спрашивалъ глазами каждый американецъ, встрѣчая своего товарища за офицерскимъ общимъ столомъ, и недоувѣрчивое, печальное выраженіе омрачало его лицо.

— Наступило время разрыва и измѣненія старинныхъ рубежей,— думалъ полковникъ Рованъ, продолжая идти по уединеннымъ улицамъ:—вездѣ сняты буэра, затушены маяки, нарушены обязательства, нигдѣ не видно свѣта, руководящаго въ темнотѣ. Всюду вампиръ сепаратистской ненависти распространяетъ свои мрачныя крылья. Генераль Скоттъ умный, храбрый и отважный, однако доказываетъ свой старческій упадокъ силъ, пряча свои бумаги и заставляя меня надѣвать статское платье. И хотя старый воинъ не довѣряетъ главѣ военнаго вѣдомства, однако онъ твердо вѣритъ полковнику Ли и готовится сдѣлать его своей правой рукой. Въ сущности онъ знаетъ своего преемника меньше, чѣмъ я. Робертъ Ли пойдетъ туда, куда его поведетъ Виргинія. Я боюсь, что онъ обнажитъ свой виргинскій мечъ противъ насъ. Генераль Скоттъ также надѣется на меня, и я не измѣню ему,—да поможетъ мнѣ Господь.

Возвратившись домой, онъ прижалъ къ груди свою любящую жену и темноглазую дѣвочку.

Наскоро пообѣдавъ, полковникъ Рованъ снова накинулъ свою военную шинель и подошелъ къ женѣ.

— Ты опять уходишь?—спросила она.

Глядя рукой ея шелковистые волосы, онъ мрачно сказалъ:

— Я теперь буду часто отлучаться, но не надо меня спрашивать, куда я иду: я теперь принадлежу только своей родинѣ.

Оставшись одна, молодая женщина устремила глаза на серебристый Потомакъ, молча катившій свои воды. Слезы брызнули изъ ея глазъ при мысли, что наступило время, когда мужа, уходя отъ женъ, нерѣдко разлучались съ ними навсегда. Къ тому же ее мучилъ роковой вопросъ:

— Къ какой родинѣ онъ принадлежитъ—къ старой или новой?

Южная кровь текла въ ея венахъ, и ея сердце принадлежало родному югу.

Не вѣдая, что тѣнь разрыва омрачала его домъ, какъ многіе домашніе очаги, Карроль Рованъ быстро шелъ по направленію къ жилищу генерала Скотта. Черезъ двадцать минутъ онъ уже сидѣлъ рядомъ съ своимъ начальникомъ. Большой столъ библиотеки былъ загроможденъ бумагами. На стѣнѣ висѣли двѣ великолѣпныя сабли, съ золотыми рукоятками, усѣянныя брилліантами. Онѣ ясно говорили о благодарности штата Виргиніи къ его подвигамъ. Онѣ напоминали о Квинстоунѣ, о фортѣ Георги, о Лундѣ, Чипшэвѣ и другихъ битвахъ. Большая золотая медаль, украшавшая сосѣдній кабинетъ, напоминала о Вера-Круцѣ, о Серро-Гордѣ, Ялапѣ и Поэблѣ.

Все это возбуждало боевля воспоминанія конфиденціального адъютанта, слѣдовавшаго за старымъ генераломъ по всѣмъ Мексиканскимъ полямъ брани.

Оба воина молчали, и старикъ внимательно смотрѣлъ на своего молодого помощника. Тяжелыя мысли тѣснились въ головѣ Вини-

фильда Скотта, и онъ колебался разсказать ему откровенно обо всей своей беспомощности и подозрѣннн, возбуждаемомъ въ немъ многими товарищами офицерами, съ которыми онъ служилъ двадцать лѣтъ.

Онъ зналъ хорошо истинно-воинственную фигуру Рована, его мужественные глаза, достойный видъ и твердое утонченное лицо, которое обнаруживало въ немъ образованнаго человѣка, воина и путешественника. Ему также была извѣстна разнообразная и романтическая карьера Рована. Онъ не сомнѣвался въ его способности къ тѣмъ обязанностямъ, которыя онъ ему предоставлялъ.

Послѣ Мексиканской войны онъ дѣйствовалъ въ Калифорніи, былъ банкиромъ и производилъ изслѣдованія и межеванія въ Сонорѣ и Нижней Калифорніи. Въ юности же онъ отличился въ академіи Вестъ-Пойнта, научными трудами въ главномъ штабѣ, профессорствомъ въ академіи, практикой въ арсеналѣ и нѣсколькими путешествіями въ Европу, которыя сдѣлали его авторитетомъ насчетъ иностранныхъ армій. Его гражданскія знанія привлекли къ нему дружбу великаго Гумбольдта и послужили причиной посѣщенія въ теченіе недѣли прусскаго короля, впоследствии сдѣлавшагося германскимъ императоромъ.

— Онъ именно такой человѣкъ, какого нужно,—размышлялъ генералъ Скоттъ:—онъ прекрасный лингвистъ и одинъ изъ рѣдкихъ офицеровъ, который говоритъ по-французски, по-испански и по-нѣмецки; онъ одинаково храбръ и рѣшителенъ; кромѣ того, онъ—настоящая ходячая военная энциклопедія. вмѣстѣ съ тѣмъ это трезвый и сдержанный человѣкъ, не падкій ни на какія человѣческія слабости, но ему грозитъ только одна опасность.

При этомъ ветеранъ покраснѣлъ и сдержалъ глубокій вздохъ. Онъ зналъ, что Рованъ былъ женатъ на дочери мужественнаго южнаго офицера, соединявшаго въ себѣ, какъ многіе его соотечественники, всѣ достоинства и недостатки расы.

— Я, однако, легко удержу его отъ этой опасности, которой онъ, можетъ быть, и не подозрѣваетъ,—размышлялъ старикъ:—мы не будемъ имѣть ни одной бумаги, которую можно было бы похитить. На честь Рована я могу положиться, но его родственники и многочисленные друзья всѣ преданы синему флагу. Ничего не надо оставлять доступнымъ малѣйшей измѣнѣ. Онъ будетъ получать всѣ приказанія на словахъ. Такимъ образомъ всѣ распоряженія будутъ обезпечены, ни одно изъ близкихъ ему лицъ изъ преданности югу не омрачитъ его чести, какъ воина.

Между тѣмъ, ожидая, пока генералъ дастъ ему распоряженія, полковникъ Рованъ также мечталъ о беспомощномъ положеніи правительства.

— Мы живемъ въ странную эру роковой судьбы,—думалъ энергичный патріотъ:—южные предводители чрезвычайно хитро вы-

брали время для возмущенія. Это—последніе дни безпокойной нелѣпой администраціи. Выбранъ новый президентъ, и онъ практически никому не извѣстенъ въ официальныхъ сферахъ, а во главѣ государственныхъ дѣлъ стоитъ все еще Джемсъ Букананъ—нерѣшительный человѣкъ семидесяти лѣтъ.

Смотря на Винифильда Скотта, онъ вздрогнулъ при одной мысли, что армія была поручена семидесятилѣтнему старику, почтенной, но близкой къ слабоумію развалинѣ.

— Наша эра стариковъ,—продолжалъ размышлять Рованъ:—все—безпомощные Несторы. Страна разстроена, кабинетъ распался, армія и флотъ разъединены и разсѣяны на всѣ четыре стороны, и все это, благодаря измѣнѣ или случайности.

Полковникъ хорошо зналъ пространную карьеру Буканана. Родомъ изъ Пенсильваніи, онъ былъ постепенно членомъ конгресса, посланникомъ въ Россіи, сенаторомъ, государственнымъ секретаремъ, посломъ въ Англіи и, наконецъ, президентомъ. Онъ провелъ почти всю жизнь почтеннымъ официальнымъ дѣятелемъ и только подъ конецъ сдѣлался добровольнымъ орудіемъ ловкихъ, хитрыхъ предводителей партій. Онъ оказался защитникомъ ребовладѣльческихъ интересовъ, изъ любви къ своимъ товарищамъ.

— Не случайно, а благодаря измѣнѣ,—мыслилъ Рованъ:—наша великая страна безпомощна въ минуту гражданской войны. Всѣмъ извѣстно позорное письмо Буканана къ Джеферсону Дэвису отъ 16 марта 1850 г., а также преступная депеша президента Пирса къ тому же бойцу за югъ. Сѣверный измѣнникъ хуже южнаго мятежника, и Пирсъ сдѣлалъ Джеферсона Дэвиса военнымъ министромъ, чтобы заранѣе подготовить всѣхъ своихъ друзей къ возстанію, Букананъ ловко дозволилъ герою Буэна-Виста сдѣлаться сенаторомъ штата Миссиссиппи, съ цѣлью вывести югъ изъ союза. Однако есть люди моложе Скотта и Буканана, которые могли бы служить своему отечеству. Вѣдь Дэвису и Линкольпу 43 года и 51; а они будутъ главами враждебныхъ партій. Линкольнъ въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ поведетъ 19 милліоновъ населенія страны сосенъ противъ 12 милліоновъ—страны пальмъ. Страшная будетъ борьба. Наше положеніе отчаянное: флотъ безъ практическаго главы, а Исаакъ Тусей, измѣнникъ изъ штата Коннектикута, разбросалъ всѣ корабли по отдаленнымъ мѣстамъ и собралъ весь морской матеріалъ въ южныхъ портахъ, съ цѣлью обратить ихъ на пользу юга. Все это дѣло измѣны, а не случайности. Но гдѣ мы достанемъ человѣка, который замѣнитъ величественную благородную развалину Винифильда Скотта. Роберту Ли 55 лѣтъ, и онъ находится въ полномъ блескѣ своей дѣятельности, но онъ — задача настоящей минуты, и я не смѣю выразить своего сомнѣнія генералу, который любитъ его, какъ своего сына, и готовитъ въ преемники своей славы.

Но въ своемъ слѣпомъ отчаяніи полковникъ Рованъ забылъ, что въ критическую минуту, когда судьба народа, повидимому, гибнетъ, являются нужные люди. Въдѣ способному Макклелену было только тридцать пять лѣтъ, вулканическому Шерману—только сорокъ четыре, надежному Томасу—лишь сорокъ пять, неутомимому Миду—сорокъ восемь, Самсону войны, Филиппу Шеридану—тридцать, а Улиссу Гранту, великому защитнику сѣвера,—тридцать девять.

Хотя Югъ считалъ, что на его сторону перейдетъ цвѣтъ американскихъ генераловъ и офицеровъ, сѣверъ надѣялся на Гукэра, Ганкока, Борнсайда, Сэджевика, Рейнольдса и многихъ другихъ героевъ. Даже въ разстроенномъ флотѣ были Давидъ Фарагутъ, царь громовъ, рѣшительный и энергичный морякъ, пятидесяти лѣтъ, Давидъ Портэръ, храбрый и мужественный офицеръ, сорока восьми лѣтъ; Футъ, Гольдсборо, Дальгрень и Дюпонъ были несокрушимые, смѣлые морскіе дѣятели.

Однако, долго послѣ событій первой ночи 1861 г. Рованъ еще вспоминалъ мудрость старинной пословицы: «старики для совѣта, молодежь для дѣйствія».

Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ теперь, что скажетъ генераль Скоттъ. Предъ нимъ на столѣ лежала свернутая карта, на которую онъ устремилъ свой озабоченный взглядъ.

— Я позвалъ васъ сюда, полковникъ,—сказалъ онъ наконецъ:— чтобы объяснить вамъ настоящее положеніе. Кромѣ обычной рутины генеральнаго штаба, я буду опираться на васъ въ трехъ отношеніяхъ. Вы поможете мнѣ, во-первыхъ, въ общемъ управленіи города; во-вторыхъ—въ организациі имѣющихся здѣсь военныхъ силъ для содѣйствія тѣмъ войскамъ, которыя стягиваются мною тайно, и, въ-третьихъ—въ обезпеченіи безопаснаго прибытія и мирнаго вступленія въ должность избраннаго президента Линкольна.

Генераль остановился на минуту и потомъ, блестя глазами, воскликнулъ:

— Вы присягали въ вѣрности, какъ конфиденціальный офицеръ главнаго штаба, и вамъ я могу сказать, что президентъ Букананъ не руководитъ мною и не поддерживаетъ меня. Онъ, повидимому, не заботится даже о томъ, кто соберетъ остатки развалившагося зданія послѣ него. Но я забочусь объ этомъ и клянусь, что Линкольнъ будетъ мирно введенъ въ должность, и потомъ ему будетъ доставлена возможность соединить всю страну между собою по закону. Потомъ я заявлю готовность передать свое мѣсто другому. Я не въ состояніи болѣе ѣздить верхомъ, и насталъ часъ окончить мою военную дѣятельность, а потому я жду только той минуты, когда Линкольнъ разрѣшитъ мнѣ выйти въ отставку.

Почтенный ветеранъ тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Двадцать восемь лѣтъ тому назадъ мой старый личный врагъ, но благородный, стойкій президентъ Андрю Джексонъ послалъ меня въ Чарльстонъ для отмѣны тогдашняго положенія. Я отправился, потому что былъ въ цвѣтѣ лѣтъ и рассчитывалъ на поддержку президента людьми, долларами и всѣмъ, чѣмъ нужно. Теперь же, куда ни повернись, вездѣ развалины и погибель. Конгрессъ настроенъ предательски, и остается еще два мѣсяца, прежде чѣмъ новый конгрессъ и кабинетъ поддержать Линкольна въ его тяжелой задачѣ.

— А когда разразится буря?—спросилъ Рованъ нетерпѣливо, желая навести стараго ветерана на подробности настоящей минуты.

— Во всякое время,—печально отвѣчалъ генераль Скоттъ:— Южная Каролина отдѣлилась отъ союза 20 ноября и поведетъ за собою десять, а, можетъ быть, и двѣнадцать штатовъ. Одинъ человѣкъ выдѣляется, какъ предводитель этого мрачнаго, преступнаго дѣла—Джеферсонъ Дэвисъ. Онъ—опытный воинъ, знающій сенаторъ и родственникъ моего величайшаго врага, Захари Тэллора, который, въ качествѣ государственнаго секретаря, руководилъ слабохарактернымъ Пирсомъ и еще недавно передѣлалъ армію въ интересахъ юга. Даже Боргаръ былъ посланъ въ Вестъ-Пойнтъ съ цѣлью соблазнить тамошнихъ офицеровъ и тайно поручить южнымъ кадетамъ соорудить батареи будущей конфедераци.

Старикъ снова тяжело вздохнулъ и на минуту задумался.

— Ну, полковникъ Рованъ,—воскликнулъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—я началъ вамъ откровенно все рассказывать подъ вашей торжественной клятвой преданно сохранить тайну и буду продолжать. Робертъ Андерсонъ, три дня тому назадъ, занялъ фортъ Сумтеръ. Но я не могъ дать ему никакихъ подкрѣпленій и продовольствія и только приказалъ ему защищать Сумтеръ такъ, какъ велитъ военная честь. Вѣроятно, вскорѣ нападутъ на этотъ фортъ. Боргаръ усердно строитъ противъ него батареи. Первый выстрѣлъ подъ Сумтеромъ повергнетъ всю страну въ море крови. Ревърди Джонсонъ—архангелъ этихъ людей въ Вашингтонѣ. Они уже избрали президентомъ новой націи Дэвиса, и я знаю многихъ офицеровъ, которые при первомъ выстрѣлѣ перейдутъ на его сторону. Да поможетъ Богъ Аврааму Линкольну! У него истинныхъ друзей только четыре человѣка: Беккеръ, Дугласъ, Шильцъ и Макдугалъ, а кабинетъ онъ составитъ, какъ ему позволятъ политическія обстоятельства.

— А когда вы ожидаете, что грянетъ первый ударъ?—мрачно спросилъ полковникъ.

— Они рады начать, хоть сейчасъ,—отвѣчалъ энергично генераль:—но ради исторіи и европейской дружбы они хотятъ взвалить на насъ объявленіе войны. Штаты Миссиссипи, Флорида, Алабама, Георгія, Луизіана и Техасъ отложатся въ этомъ мѣсяцѣ.

За ними послѣдуютъ, лишь только начнется война, Сѣверная Каролина и Виргинія.

— Конечно, Мэриландъ и Делаваръ сохранятся нами, какъ военная необходимость,—замѣтилъ Рованъ.

— Вы правы,—отвѣчалъ генераль:—и я увѣренъ, что хотя Тэннесси будетъ, добромъ или силой, присоединенъ къ югу, за нами останутся Кэнтукки и Миссури. Я полагаю, что отторгнутся не болѣе одиннадцати штатовъ.

— Какая же работа прежде всего предстоитъ намъ?—застѣнчиво спросилъ Рованъ.

— Съ регулярной арміей въ фортѣ Монро и въ фортѣ Макгенри,—произнесъ генераль:—съ кавалерійскимъ отрядомъ въ Карляйлѣ и великолѣпной инженерной ротой капитана Дуана я отвѣчаю за безопасность Линкольна. Мнѣ еще помогутъ въ этомъ отношеніи моряки, которые останутся вѣрными, а вамъ, полковникъ, Рованъ, я поручаю организацію колумбійскихъ волонтеровъ. Я вамъ поручу также, подъ строжайшей тайной, образованіе вѣрныхъ департаментскихъ чиновниковъ. Эта идея мнѣ дана Кассіемъ Клэемъ.

— У меня будутъ помощники, генераль?—спросилъ Рованъ.

— Не теперь,—отвѣчалъ генераль Скоттъ. —Только мы двое будемъ знать о правительственныхъ распоряженіяхъ да еще нью-іоркскій губернаторъ Сьюардъ, который, какъ главный соперникъ Линкольна на выборахъ, будетъ назначенъ новымъ государственнымъ секретаремъ. Между нами не будетъ ничего на письмѣ, а необходимые документы будутъ сохраняться у меня въ частномъ сундукѣ. Такимъ образомъ мы сохранимъ все въ тайнѣ. Ни одинъ человекъ не долженъ знать нашихъ секретовъ. Я не буду сомнѣваться ни въ чьей вѣрности, но предоставляю всякому принять сторону, которую онъ хочетъ. Вы каждую ночь будете здѣсь ждать приказанія. Днемъ вы избѣгайте военного министерства и занимайтесь своей инспекціей волонтеровъ. Я легко могу издать указы о назначеніи и переводѣ офицеровъ волонтернаго отряда. Послѣ этого ваша первая обязанность будетъ заключаться въ составленіи военной карты здѣсь, въ моемъ домѣ, на основаніи доставленныхъ мною свѣдѣній. На этой картѣ должны быть помѣчены всѣ предполагаемыя укрѣпленія, каждая дорога и каждый лагерь нашихъ войскъ.

— Когда же, думаете вы, генераль, дѣло дойдетъ до кровавой борьбы? —спросилъ печально Рованъ:—вѣдь у васъ вовсе нѣтъ арміи.

— Мы должны положиться на волонтеровъ, и тогда регулярная армія увеличится,—твердо отвѣчалъ генераль:—намъ нужно 300.000 солдатъ, чтобъ справиться съ Югомъ. Я имѣю намѣреніе назначить васъ первымъ генераль-майоромъ волонтеровъ, но, смотрите, храните это въ тайнѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ около часа начальникъ и подчиненный разсматривали планы спасенія страны и обезпеченія жизни вновь избраннаго президента.

— Выходящій президентъ не оставитъ и не укрѣпитъ форта Сумтера, — сказалъ наконецъ старый воинъ: — онъ, очевидно, желаетъ предоставить эту заботу своему преемнику. Онъ всячески дѣйствуетъ въ пользу рабовладѣльцевъ, и ловкій Боргаръ будетъ готовъ съ своими силами захватить и Андерсона въ фортѣ Сумтерѣ, какъ только президентъ Линкольнъ начнетъ войну, но вы увидите, что прежде этого вступить въ исполненіе своихъ обязанностей южный президентъ Дэвисъ, и онъ будетъ имѣть престижъ первой побѣды, такъ какъ я не могу получить никакого распоряженія Линкольна раньше 4 марта, и они подготовятъ первый военный шагъ, какъ заблагодарасудится Дэвису и К°.

Неожиданно взглянувъ пристально на своего помощника, Винифильдъ Скоттъ воскликнулъ:

— Скажите мнѣ, кого бы назначить генералъ-майоромъ регулярныхъ войскъ. Президентъ намѣренъ воспользоваться услугами Джона Фреманта, капитана Джорджа Маклелана, Джона Дикса и, конечно, Вуда.

— Одинъ только человѣкъ на это годится—Генри Галлекъ,— твердо отвѣчалъ полковникъ Рованъ: — онъ почтенный резидентъ Калифорніи, ученый инженеръ, 45 лѣтъ, хладнокровный, очень способный и замѣчательно трудолюбивый человѣкъ.

— Хорошо, хорошо, — произнесъ генералъ: — его тотчасъ по секрету вызовутъ на востокъ. Я уже послалъ полковника Сумнера на подмогу храброму Сиднею Джонсу, такимъ образомъ Калифорнія и окраины Тихаго океана безопасны. Что касается до моего преемника, то нѣтъ никого, кромѣ Роберта Ли, и, слава Богу, онъ ѣдетъ изъ порта Мэсона въ Тѣхасъ.

Полковникъ Рованъ ждалъ блѣдный и безмолвный, чтобы начальникъ отпустилъ его.

— Помните,—продолжалъ генералъ:—что вы будете приходиться незамѣтно по вечерамъ: Кларкъ васъ всегда встрѣтитъ и проводить сюда; но не забудьте имѣть при себѣ оружіе; не извѣстно, что можетъ случиться. Я приму всѣ мѣры, чтобы сбить съ толку слѣдящихъ за мною шпионовъ. Вы никогда не должны упоминать моего имени, какъ официальнаго авторитета. Я же по секрету отдамъ всѣ нужныя приказанія; мы такимъ образомъ будемъ сохранять въ тайнѣ вашу дѣятельность до тѣхъ поръ, пока снимутся всѣ маски. По моему плану вы будете командовать всѣми волонтерами и озаботитесь, чтобы вновь избранный президентъ проѣхалъ по желѣзной дорогѣ безопасно, и оградите волонтерами Бѣлый Домъ и Капитолій; я же, съ Божьей помощью, въ день вступленія въ должность Линкольна, буду командовать моимъ немногочисленнымъ отрядомъ регулярныхъ войскъ. Въ моемъ

распоряженіи двѣ прекрасныя полевыя батареи, которыхъ достаточно, чтобы удержать недовольныхъ. Что же касается до инженеровъ Дуана, то имъ будетъ поручена честь страны; имъ поручится охрана экипажа двухъ президентовъ.

Старый ветеранъ какъ бы въ изнеможеніи откинулся на спинку кресла.

— Мнѣ еще надо вамъ сказать два слова,—прибавилъ онъ:— не довѣряйте, полковникъ, никому, даже вашимъ ближайшимъ друзьямъ. Для васъ ближе всего благоденствіе нашей родины и союза, поэтому я предупреждаю васъ еще противъ красавицъ нашего общества. Вы хорошо знаете, что всѣ здѣшніе домашніе очаги соединены узами крови съ Югомъ. До сихъ поръ еще здѣсь не живутъ сѣверяне лучшаго класса общества, а только встрѣчаются искатели мѣстъ и бѣдные чиновники. Съ малыми исключеніями южныя женщины играютъ роль красивыхъ Далиль, увлекающихъ слабохарактерныхъ офицеровъ на сторону Юга. Да благословить Господь этихъ красавицъ за ихъ добродѣтели и гостепріимство, но подъ ихъ красотой скрывается тайное намѣреніе переманить на сторону конфедераціи всѣхъ офицеровъ путемъ ласки, дести, просьбы и любви законной и незаконной.

— Это неужели вы намекаете на меня?—спросилъ Рованъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Винифильдъ Скоттъ:—я знаю, что вы счастливо женаты, но все-таки предупреждаю васъ. Эти соблазнительныя красавицы цѣлый годъ уже пишутъ письма, дѣлаютъ визиты и всячески интригуютъ, чтобы словить въ свои сѣти, какъ можно болѣе самыхъ лучшихъ офицеровъ. Остерегайтесь этихъ молодыхъ увлекательныхъ существъ. Когда напишется исторія предстоящей войны, то онѣ будутъ играть немалую роль въ ея прологѣ. Не даромъ Лоренцъ Китъ хвастался на-дняхъ, что они приготавливаются къ разрыву уже тридцать лѣтъ. Южныя женщины одинаково у колыбели, у подножья алтаря и на краю могилы смѣло, безстрашно проповѣдуютъ безумную теорію отторженія. Мы можемъ побѣдить южанъ, но южныя красавицы будутъ сопротивляться намъ до послѣдней минуты. Помните мои слова. Я хорошо знаю этихъ ангеловъ въ шелковыхъ юбкахъ. Онѣ страшнѣе для насъ всѣхъ воиновъ.

На этомъ подчиненный и начальникъ разстались.

Достигнувъ своего мрачнаго дома, полковникъ Рованъ долго колебался, войти ли ему въ дверь. Тяжелое сомнѣніе вкралось ему въ душу. Наконецъ съ громкимъ смѣхомъ онъ удалилъ его отъ себя:

— Слава Богу, — промолвилъ онъ вслухъ:— мнѣ нечего опасаться. У меня нѣтъ близкихъ людей, кромѣ жены и Джака Маккрэри: они оба вѣрны, какъ сталь.

Однако, спустя два часа, его молодой, блестящій родственникъ возвратился домой, весь загрязненный отъ экскурсіи по ту сторону Потомака.

II.

Три недѣли спустя послѣ назначенія полковника Рована, городъ Вашингтонъ находился въ сильномъ смятеніи.

Дома, принадлежавшіе враждебнымъ партіямъ, были почти все закрыты, но лучшія и среднія гостиницы, а также меблированныя комнаты были переполнены. Странная это была толпа посѣтителей: спекуляторы, искатели приключеній обоего пола, развратники, жадные политиканы, длинноволосые весельчаки, хитрые спекуляторы, отставные офицеры, иностранные интриганы, шулера, шпіоны и всякіе человѣческіе кровопійцы, собравшіеся на кровавый пиръ войны, обнаруженный летавшими высоко коршунами.

Сѣверная и южная печать была доведена до чисто американскаго истерическаго возбужденія.

Все глаза были обращены на Чарльстонъ, гдѣ майоръ Андерсонъ все еще оставался въ Сумтерѣ безъ малѣйшихъ приготовленій, а Боргаръ съ улыбкой возводилъ свои укрѣпленія.

Сомнѣніе, недовѣріе, страхъ и интрига царили въ враждебныхъ лагеряхъ.

Негры съ вытаращенными большими глазами и широкими ртами, доходившими до ушей, толковали о Линкольнѣ.

Полковникъ Рованъ, имени котораго не печатали въ газетахъ, былъ самымъ занятымъ человѣкомъ въ Вашингтонѣ и никогда днемъ не оставался дома.

Каждый вечеръ онъ приходилъ къ своему генералу и открывалъ до пятидесяти писемъ, грозившихъ смертью Винифильду Скотту, если онъ посмѣетъ водворить на президентскомъ креслѣ сѣвернаго узурпатора.

— Это будетъ самое смѣлое и критическое положеніе, Рованъ, въ которомъ я когда либо находился,—говорилъ безстрашный ветеранъ:—я твердо надѣюсь на васъ, на мой батальонъ регулярнаго войска и на двѣ превосходныя артиллерійскія батареи.

Дѣйствительно оба они были довольны прогрессивнымъ вооруженіемъ мѣстныхъ волонтеровъ. Генералъ Скоттъ нашелъ въ Рованѣ твердую опору. Съ другой стороны молодой патріотъ, вполне основываясь на помощи почтеннаго ветерана, прекрасно обучалъ избранныхъ людей изъ волонтеровъ. Генералъ съ улыбкой выслушалъ его докладъ, что самые выдающіеся юноши изъ южной молодежи составили двѣ спеціальныя роты.

— Это хорошо,—сказалъ старикъ:—въ день вступленія въ должность Линкольна мы предоставимъ имъ охранять казармы и не выдадимъ имъ патроновъ. Я также отберу у нихъ штыки, подъ предлогомъ ихъ осмотра, и въ каждой казармѣ поставлю отрядъ регулярныхъ войскъ, чтобы наблюдать за ними.

Гордый довѣріемъ своего начальника, Рованъ весь углубился въ приготовленіе къ торжеству и совершенно забылъ о своемъ домѣ, хотя онъ заранѣе позаботился о всѣхъ домашнихъ нуждахъ. Нимало не ожидалъ онъ, что красивый родственникъ его жены, Джакъ Маккрэри, ежедневно ѣздилъ изъ Ричмонда въ Гарперсферри и изъ форта Монро въ Балтимору, становясь все болѣе и болѣе важнымъ заговорщикомъ въ дѣлѣ Юга.

Жена Рована, спокойная, терпѣливая, ежедневно съ любопытствомъ читала газеты, но не спрашивала, чѣмъ занимался постоянно ея мужъ.

Въ эти безпокойные январскіе дни, изъ американскаго флага быстро выпадали звѣзды, одна за другой. Генеральтъ Скоттъ, съ тяжелымъ вздохомъ, встрѣчалъ каждое удаленіе изъ Вашингтона вмѣстѣ съ звѣздою флага и благородныхъ героевъ. Робертъ Ли имѣлъ полное право колебаться, на чью сторону ему склониться, такъ какъ честные и храбрые люди съ судорожной дрожью видѣли, какъ открывался роковой ящикъ Пандоры, оставленный въ наслѣдство старчески-слабоумнымъ, Букананомъ безпокойному Линкольну.

Полковникъ Рованъ зналъ, что его генеральтъ былъ окруженъ шпионами и ловкими врагами, низвергавшими ночью стѣны, воздвигнутыя днемъ преданнымъ родинѣ ветераномъ. Не даромъ Рованъ печально замѣчалъ, что наступила эра старыхъ выжившихъ изъ лѣтъ людей.

Въ сущности Вашингтонъ былъ столицей суроваго, энергичнаго, безмолвнаго Джеферсона Дэвиса, который изъ американскаго воина превратился въ предводителя южанъ. Не имѣя никакой власти, съ разсѣянной арміей и сомнительными подчиненными, Винифильдъ Скоттъ старался мирно устроить вступленіе во власть иллинойскаго дѣятеля и сохранить армію единственному способному военачальнику, кромѣ двухъ Джонстоновъ и энергичнаго Борегара, которому исторія мало воздала справедливости.

Представитель старой «искусственной» военной школы, генеральтъ Скоттъ, не довѣрялъ естественному воину, тому типу американцевъ, которые вскорѣ развились подъ пушечнымъ огнемъ. Опытные шпионы не могли ийти никого подозрительнаго среди дѣятелей военнаго министерства, но побѣдитель Квинстоуна зналъ, что всѣ служащіе министерства подозрѣвали другъ друга и искоса смотрѣли на старые общественные кружки. Особенно грустно было ветерану видѣть эту общую подозрительность послѣ столькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ арміи, единой, патріотичной, шедшей отъ успѣха къ успѣху подъ звуки Вашингтонова марша, «Yankee Doodle», или «Hail Columbia».

Ночь за ночью пораженный и безнадежный генеральтъ Скоттъ разсуждалъ съ Рованомъ о томъ, что нѣкоторыя изъ официальныхъ тайнъ очевидно ускользнули.

«истор. вѣстн.», июль, 1902 г., т. lxxxix.

2

— Тайны, должно быть, проникаютъ чрезъ окружающіе васъ официальные кружки, генераль,—отвѣчалъ печально полковникъ Рованъ:—ваша теперешняя корреспонденція съ новымъ президентомъ и его друзьями достигаетъ васъ совершенно безопасно. Это не можетъ быть дѣломъ общественныхъ шпионовъ и даже прекрасныхъ женщинъ, уже надѣвшихъ южную кокарду. Только люди, ежедневно имѣющіе въ рукахъ эти тайны, могутъ ихъ выдать.

— Боже мой!—воскликнулъ генераль:—вы правы. Всего подозрительнѣе почтовое вѣдомство. Какъ былъ бы я радъ, чтобы Бергаръ началъ войну: тогда удалились бы на югъ всѣ южные предводители конгресса и всѣ вѣроломные чиновники. Я могъ бы тогда настоять на военномъ положеніи и ясно видѣлъ бы, кто—мои подчиненные, и кто—мои враги. Говорятъ, что въ каждомъ полку, на каждомъ кораблѣ, или въ арсеналѣ, даже въ Вестъ-Пойнтѣ лихорадочное волненіе дошло до того, что опредѣлена ясная линия между Сѣверомъ и Югомъ. Я знаю, что всѣ атлантическіе форты и арсеналы предназначены отчужденію отъ сѣвера, и, однако, еще цѣлыхъ шесть недѣль Линкольнъ не можетъ дать авторитетную силу моимъ распоряженіямъ.

— Развѣ вы не можете скрыть принимаемыхъ вами мѣръ отъ главныхъ чиновниковъ военнаго министерства?—съ безпокойствомъ спросилъ Рованъ.

— Вы забываете,—произнесъ генераль Скоттъ:—что я не имѣю законнаго права арестовать ни одного изъ этихъ людей. У меня должны быть доказательства, а у меня только подозрѣнія. Болѣе всего я подозрѣваю самого президента Буканана, затѣмъ его сшитый на живую нитку кабинетъ, Реверди Джонсона, ловкаго интригана, и, конечно, всѣхъ южныхъ делегатовъ. Что же касается до моихъ офицеровъ, то всѣ они достойные люди.

Онъ тяжело вздохнулъ и продолжалъ:

— Я рѣшительно не могу указать пальцемъ ни на кого, какъ на подозрительнаго человѣка—ни на Джонсона, ни на Прайса, ни на Шираза, ни на Джонсона, ни на Томаса и ихъ товарищей. Старшій чиновникъ военнаго министерства, Джонъ Поцъ—честнѣйшій малый, и я могу на него положиться. Нѣтъ, рѣшительно я не могу подозрѣвать этихъ людей. Что же касается моихъ личныхъ адъютантовъ—Джорджа Лэ и Генри Скотта, то я могу своей жизнью поручиться за нихъ. Когда увеличатся мои силы, то я пошлю за Скайлеромъ Гамильтономъ, который преданно мнѣ служилъ въ Мексиканской войнѣ, и потомъ я имѣю васъ, Рованъ.

— Вамъ приходило ли когда въ голову, генераль, подозрѣвать почтовое вѣдомство?—спросилъ преданный подчиненный:—вѣдь почтовымъ чиновникамъ было бы легко узнать всѣ намѣренія правительства.

Генераль Скоттъ вскочилъ съ мѣста,

— Я полагаю, вы, полковникъ, правы,—воскликнулъ онъ:—но Джонъ Гольтъ и Горацій Клингъ—люди вѣрные. Впрочемъ, можетъ быть, измѣняютъ намъ ихъ подчиненные. Это очень вѣроятно, и были уже тому примѣры. Вы мнѣ дали новую мысль, и я ее разработаю. Когда прійдетъ Ли, то я буду дѣйствовать только черезъ него, такъ какъ онъ, а не кто другой, будетъ моимъ преемникомъ.

— Генераль,—произнесъ Рованъ дрожащимъ голосомъ, отвернувшись отъ своего начальника:—нѣтъ безсмертныхъ на свѣтѣ. Подумали ли вы о другомъ преемникѣ?

— Въ случаѣ какогонибудь несчастія съ полковникомъ Ли,—отвѣчалъ Винифильдъ Скоттъ, не понимая мысли своего подчиненнаго:—я думалъ только о двухъ—о Джорджѣ Маккелланѣ и Генри Галлекѣ, но Робертъ Ли сбѣитъ любыхъ пяти человекъ. Однако, перестанемъ объ этомъ говорить. Лучше скажите мнѣ, не слышали ли вы чего либо новаго и важнаго.

— Только,—отвѣчалъ Рованъ:—что тяжелыя пушки, взятая въ Пенсаколѣ 12-го января, посланы въ Чарльстонъ для подкрѣпленія новыхъ батарей генерала Бергара. Еще говорятъ, что вамъ помѣшаютъ отправить артиллерію въ фортъ Пиккенсъ, доставъ отъ стараго президента противоположный приказъ. Одна южная дама громко хвасталась этимъ въ моемъ присутствіи.

— Это гнусно!—воскликнулъ генераль:—впрочемъ нечего говорить объ измѣнникахъ, когда самъ президентъ Букананъ продаетъ свое отечество ради рукоплесканій Дэвиса и компаніи. Весь свѣтъ, кажется повернулся вверхъ дномъ. Я знаю, что мятежническія кокарды открыто носятъ отъ Сентъ-Луиса, Ковингтона и Ричмонда до послѣднихъ предѣловъ юга. Мнѣ грустно, Рованъ. Я прослужилъ на военной службѣ 53 года. Моя первая встрѣча съ измѣной была въ 1808 году, когда я открылъ заговоръ генерала Вилькинсона съ архиподлецомъ Арономъ Буромъ, за что меня арестовали въ чинѣ капитана легкой артиллеріи. Я участвовалъ въ четырехъ войнахъ и одинаково защищалъ родину, но если Бергаръ нанесетъ этотъ роковой ударъ, то война будетъ адская, хуже всѣхъ, которыя я видѣлъ.

Молодой человекъ вскочилъ и съ восторженнымъ воодушевленіемъ произнесъ:

— Не забудьте, генераль, словъ Линкольна. Я его никогда не видалъ, но Богъ укрѣпитъ человека, который сказалъ: «Эта страна будетъ или вся рабовладѣльческая, или вся свободная». А я вамъ скажу наканунѣ пролитія крови на рѣкѣ Потомакѣ, что вся страна будетъ-таки свободна.

— Дай Богъ, чтобы я до этого дожилъ, — со вздохомъ сказалъ Скоттъ и прибавилъ: — я знаю, гдѣ находится самый опасный центръ заговорщиковъ подъ эгидой Бѣлаго Дома. Вы должны теперь собирать для меня всѣ свѣдѣнія, а когда Линкольнъ

сдѣлается президентомъ, то я заведу своихъ шпионовъ и свою развѣдочную службу. Теперь же я не довѣряю чиновникамъ Буканана.

— Въ Александріи есть гостиница, которую содержитъ Джаксонъ,—поспѣшно отвѣчалъ Рованъ.—Это главная квартира виргинской молодежи. Тамъ они собираются навстрѣчу здѣшнимъ чиновникамъ, которые отправляются словно на охоту. Ихъ съ удовольствіемъ перевозятъ чрезъ рѣку за долларъ, днемъ или ночью.

— Моимъ первымъ дѣломъ, когда Виргинія отдѣлится, — сказалъ Скоттъ:—будетъ поставить пикеты вдоль всего берега.

— Да,—прибавилъ Рованъ, указывая на великолѣпную береговую карту, на которой онъ и его начальникъ уже намѣтили сорокъ укрѣпленій: — вы должны поторопиться и снабдить эти укрѣпленія пушками. Если вы вскорѣ не заведете на Потомакъ военныхъ судовъ, то опоздаете, и южане васъ замѣнятъ, отрѣзавъ отъ фортовъ Макъ-Генри и Монро.

— Вы правы,—отвѣчалъ генераль,—но Туссэй не хочетъ дать мнѣ ни одного матроса, ни одной пушки и ни одного судна, а Букананъ смотритъ на это сквозь пальцы. Намъ придется силой овладѣть рѣкою; храбрый и преданный Дальгрень боится, что ему не спасти здѣшняго арсенала, но онъ поклялся умереть, его защищая. Однако довольно объ этомъ. Скажите мнѣ лучше, какъ вамъ везетъ въ обществѣ. Я надѣюсь, что вы себя ведете осторожно. Что касается до меня, то я отказываюсь отъ всякаго приглашенія; я просто боюсь общества, хотя я старъ, но не позволю никому при мнѣ оскорбить мое отечество. Всего опаснѣ женщины. Прежде онѣ за мною ухаживали, а теперь онѣ или гордо отворачиваются отъ меня, не скрывая на своей груди мятежнической кокарды, или съ нѣжной лаской Далилы стараются заманить въ свой лагерь стараго Олоферна. По счастью я видалъ прекрасные дни и знаю, чѣмъ грозятъ эти бѣлогрудыя Венеры.

— Я боюсь, что извѣстіе о моей таинственной должности распространилось повсюду,—сказалъ Рованъ: — въ послѣднее время мой скромный домъ переполнился посѣтителями. Мои занятія, въ качествѣ профессора инженернаго искусства и управляющаго золотыми копами въ Виргиніи, увеличили количество мѣстныхъ пріятелей моей жены. Женщины всегда болтливы, но я ручаюсь, что моя жена держитъ языкъ за зубами. Я желалъ бы тоже сказать о моемъ другѣ и помощникѣ Джакѣ Маккрери. Конечно, всѣ говорятъ только о будущей войнѣ. Моя жена не знаетъ о моемъ теперешнемъ положеніи и предстоящей карьерѣ. Меня, конечно, старались всячески обойти и вывѣдать тайныя извѣстія. Но я не податливъ. Самъ же я узналъ, что всѣ южные офицеры и кадеты удаляются огуломъ при первомъ выстрѣлѣ, если имъ не дадутъ отставки.

— Понимаю, они измѣнятъ и перейдутъ на сторону враговъ!— воскликнулъ генераль.

— Называйте это, какъ хотите, но они такъ поступятъ. Со времени выбора Линкольна, въ каждомъ полку и въ каждомъ вѣдомствѣ интригуютъ въ особенности женщины. Благодаря этому, ихъ мужья, братья, друзья и т. д. съ гордостью увѣряютъ, что на ихъ сторонѣ Сидней Джонсонъ, Джо Джонсонъ, Твигсъ, Гарней, майоръ Томасъ и даже полковникъ Ли.

— Никогда не говорите мнѣ этого!— воскликнулъ Скоттъ.

— Я только исполнилъ мой долгъ, генераль,—сказалъ Рованъ, вставая и официально кланаясь: — бываютъ времена, когда всѣ общественныя и семейныя узы порываются, и роковой потокъ влечетъ людей къ ихъ гибели.

Ветеранъ такъ поблѣднѣлъ, что Рованъ уговорилъ его выпить стаканъ мадеры.

— Оставьте меня, полковникъ, одного съ моимъ горемъ,—сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ побѣдитель Мексики:—вы поступили хорошо, что сказали мнѣ всю правду; мнѣ только ее и нужно. Говорите мнѣ всё, даже самое непріятное. Что касается васъ самихъ, то не только храните молчаніе, но даже не высказывайте другимъ ничего вашимъ выразительнымъ лицомъ. Вы имѣете уважительный предлогъ для молчанія—интересъ вашей южной рудокопной компаніи. Но главное не берите домой никакой бумаги. Вы должны хранить все или запертымъ здѣсь, или въ своемъ сердцѣ. Но ваша честность выше всякаго подозрѣнія, и несмотря на мой совѣтъ, вотъ возьмите мою памятную книжку, просмотрите ее, и вы увидите, что я понялъ планъ мятежниковъ. Они хотятъ парализовать нашу армію и флотъ сдѣлать первый выстрѣлъ, когда ихъ правительство будетъ совсѣмъ устроено, и Виргинія укрѣплена настолько, чтобы принять въ свое лоно двухсотъ-тысячную южную армію. А я ничего не могу сдѣлать, даже двинуть на границу роту пѣхоты. Южане измѣнили этой странѣ, и я до 4-го марта не въ состояніи двинуться съ мѣста. Мы начинаемъ борьбу безъ гроша въ казначействѣ, съ большинствомъ регулярной арміи, запертой на югѣ, и съ двумя третями нашего флота въ рукахъ мятежниковъ.

Печально выслушавъ генерала, Рованъ простился съ нимъ и, спрятавъ въ боковой карманъ его памятную книжку, съ которой онъ обязался не спускать глазъ, отпавился домой.

— Что за великолѣпная руина,—бормоталъ онъ про себя:—его крупныя способности могутъ ему измѣнить, но его честная душа будетъ вѣчно вѣрна родинѣ, несмотря на всѣ соблазны. Однако, не дай Богъ, чтобы онъ въ своемъ слабоумномъ положеніи командовалъ нашей арміей, которая въ концѣ концовъ должна же сформироваться. Номинально пусть онъ будетъ главнымъ началь-

никомъ, но горе намъ, если старикъ приметъ начальство и издали въ своемъ покойномъ креслѣ будетъ руководить арміей.

Избѣгая клубовъ и ресторановъ, гдѣ собирались подозрительныя лица, а также и свѣтскихъ собраній, полковникъ Рованъ имѣлъ много свободнаго времени, чтобы изучить памятную книжку начальника. Поэтому, придя домой, онъ заперся въ своей комнатѣ и предался чтенію комментаріевъ генерала Скотта.

Несмотря на всю его прозорливость, онъ не могъ догадаться, что въ этотъ самый вечеръ, въ одной изъ комнатъ Маршалъ-Гауза, въ Александрии, его другъ Джакъ Маккрери съ блестящими глазами и развѣвающимися по плечамъ волосами громко разглагольствоваль предъ южной молодежью. Онъ былъ ловкій двадцатисемилѣтній виргинецъ, веселый, простодушный, мужественный, типъ человѣка, готоваго взять штурмомъ батарею или сердце женщины.

— Да, джентльмены, это—правда,—говорилъ онъ:—я прослѣдилъ, что Рованъ ходитъ каждую ночь на квартиру къ генералу Скотту. Онъ въ тайнѣ занимается съ нимъ какими-то военными приготовленіями, но онъ все еще въ статскомъ платьѣ и избѣгаетъ военнаго министерства. Это—мой другъ, дальній родственникъ, патронъ и честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ. Поэтому не я, а другой ѳжрый агентъ долженъ за нимъ шпионичать. Всякій, кто знаетъ Карроля Рована, чувствуетъ, что онъ необыкновенный человѣкъ: это — храбрый, образованный, энергичный воспитанникъ Вестъ-Пойнта, много путешествовавшій, и вообще онъ очень опасенъ для насъ. Я готовъ помѣриться съ нимъ въ открытомъ полѣ, какъ честный боецъ, но, Боже мой, я ѣлъ его хлѣбъ и не могу же ему измѣнить. Вѣдь, благодаря ему, я вышелъ въ люди.

— Вы правы, Маккрери, — спокойно отвѣтилъ майоръ Гарри Пейтонъ, начальникъ Ночныхъ Всадниковъ и глава тайнаго отряда:—мы всѣ понимаемъ, что для васъ это—вопросъ чести. Васъ не надо замѣшивать въ интриги противъ этого опаснаго уніониста. Я отъ другихъ знаю, что Рованъ—скрытая правая рука генерала Скотта. Я самъ буду слѣдить за нимъ и всячески стараться, чтобы ему помѣшали въ его козняхъ противъ насъ. Я уже имѣю около двѣнадцати агентовъ въ его мѣстныхъ волонтерахъ. Когда же мы будемъ разсуждать о мѣрахъ противъ него, то Маккрери можетъ не присутствовать на нашемъ совѣтѣ. Мы уважаемъ Рована, какъ человѣка, но должны дѣйствовать противъ него. Онъ теперь еще не воинъ, а тайный правительственный агентъ. Слава же Богу, чрезъ три мѣсяца будетъ открытая война, и онъ будетъ благороднымъ офицеромъ, защищающимъ свою голову предъ всѣми.

Джакъ Маккрери, спустя полчаса, уже скакалъ домой, а юные аристократы продолжали держать военный совѣтъ.

— Слава Богу, наши южныя красавицы скоро переманятъ всѣхъ молодцовъ на нашу сторону, — говорилъ Пейтонъ:—кто можетъ про-

тивостоять этимъ пламеннымъ глазамъ нашихъ храбрыхъ, преданныхъ южанокъ? У меня есть одна героиня, которая прочтетъ всѣ тайны сердца Рована. Скоттъ сдѣлаетъ его генераломъ и своимъ помощникомъ. Все, что Рованъ знаетъ, мы будемъ знать въ Ричмондѣ, но теперь еще рано его пугать. Довѣрьтесь мнѣ вполне, а главное не беспокойте Маккрери; онъ—истый рыцарь.

— Да здравствуютъ южанки!—воскликнула хоромъ вся молодежь:—только храбрецы достойны красавицъ!

Пока разсуждали такимъ образомъ южане, пока скакалъ Маккрери, чтобы своимъ возвращеніемъ домой уничтожить всякое подозрѣніе, и Винифильдъ Скоттъ спокойно спалъ въ своей постели, Рованъ, взглянувъ вскользь на спящихъ жену и дочь, лихорадочно изучалъ раскрытую предъ нимъ памятную книжку.

— Благословенное прошедшее навѣки прошло,—думалъ онъ плачевно:—настоящее—бурный океанъ роковыхъ разногласій, а будущее, Богъ знаетъ, что готовить нашей родинѣ.

И онъ сталъ мрачно перелистывать памятную книжку генерала Скотта съ 1820 г.

— Какъ долго записывалъ всѣ событія благородный старикъ,—продолжалъ онъ мечтать.—По однимъ заголовкамъ можно объ этомъ судить. Вотъ: «Миссурійская сдѣлка 1820 г.», «Тарифныя несогласія 1828 г.», «Присоединеніе Техаса», «Война съ Мексикой», «Канзасскіе беспорядки», «Законъ о бѣглыхъ невольникахъ», «Набѣгъ Джона Брауна».. Право, не стоитъ все это читать. Чѣмъ дальше, чѣмъ бѣдствія многочисленнѣе, и судьба становится безжалостнѣе. Измѣна идетъ за измѣной. Заголовки поражаютъ все болѣе и болѣе приближеніемъ расторженія союза. Вотъ: «Неудача примиренія», «Неизбѣжное отпаденіе юга», «Возстаніе южной Каролины»...

Дойдя до этого заголовка, онъ бросилъ книгу съ отвращеніемъ и воскликнулъ, пылая злобой:

— Проклятый Букананъ! Если бы не его измѣна, то планъ генерала Скотта послать капитана Варда въ фортъ Сумтеръ для его укрѣпленія удался бы, и возстаніе было бы уничтожено въ самомъ его зародышѣ въ Чарльстонѣ. Если бы сѣверъ зналъ объ его измѣнѣ, то, конечно, прогналъ бы его изъ президентовъ.

Приведенный въ отчаяніе, Рованъ поднялъ роковую книгу и заперъ ее подъ ключъ. Потомъ онъ легъ спать. Всю эту ночь ему снились громадныя арміи, которыя двигались съ сѣвера для отмщенія оскорбленной чести страны, и ему казалось, что онъ слышалъ топотъ этихъ армій, раздававшійся въ Пенсильванской аллеѣ подъ зоркимъ взглядомъ Линкольна.

Но лишь только солнце взошло, полковникъ Рованъ былъ на ногахъ и, возвративъ генералу тайную записную книжку, принялся за подготовительныя мѣры къ приближавшейся войнѣ—въ Вашинг-

тонъ, Нью-Йоркъ, Балтиморъ, Гарисбургъ, Цинцинатъ и въ Спринг-фильдъ.

Въ послѣдующіе дни, оканчивая организацію мѣстныхъ волонтеровъ, Рованъ откровенно сказалъ генералу Скотту, что ему напрасно было скрываться и не надѣвать его мундира.

— Меня всѣ знаютъ, всѣ слѣдятъ за мною и шпионятъ, — произнесъ онъ: — вездѣ на улицахъ и въ дилижансахъ я вижу открытыхъ и тайныхъ шпионовъ.

— Потерпите, — сказалъ генераль Скоттъ: — еще немного скрывайте свой чинъ и свою должность. Не долго продлится эта тишина, предвозвѣстница бури. Скоро вы увидите себя въ должномъ для васъ положеніи и во главѣ порученнаго вамъ войска. Съ каждымъ днемъ мы приближаемся къ 4-му марту, когда у насъ будетъ президентъ, министерство, контроль конгресса, и конституціонная власть, дѣйствовать открыто. Тогда наступитъ часъ битвы. Но въ продолженіе перваго года мы будемъ преданы сомнѣнію, остановкамъ и неподготовленности. Ловкому, опытному военному начальнику, какъ Дэвисъ, мы будемъ въ состояніи только противопоставить не станетъ опытнаго штатскаго, иллинойскаго законовѣда, человѣка, никогда не бывавшаго на полѣ брани или въ лагеряхъ. Джеферсонъ Дэвисъ лично знаетъ каждого офицера нашей арміи и флота; кромѣ того, онъ способный государственный человѣкъ, знающій администраторъ и глава гордаго аристократическаго кружка. Линкольну придется противостоять ему противъ невѣжественныхъ политиковъ, требующихъ себѣ силы и вліянія. Но съ принципами Линкольна и съ энергіей сѣвера вскорѣ перемѣнится теченіе военнаго счастья, если враждебная Европа не повернется противъ насъ.

— И это насъ не погубитъ, — воскликнулъ Рованъ: — мы будемъ бороться до послѣдней капли крови, и умремъ или побѣдимъ.

Однако, наступили мрачные дни взятія южанами арсеналовъ Августы, Мобилия и Лафайетбурга, а также фортовъ Джаксона, Пуласки, Массона и Моргана. Затѣмъ программа Дэвиса продолжала развиваться, и на сторону мятежниковъ перешли форты Джэксонъ и Св. Филиппа, арсеналь Baton-Rouge и правительственныя зданія Новаго Орлеана. Когда же адмиралтейство Пенсаколы и таможенный флотъ попали въ руки быстро организовавшихся инсургентовъ, генераль Скоттъ пришелъ въ горькое отчаяніе.

— Рованъ, — сказалъ онъ: — это послѣдній ударъ; война не избѣжна; весь югъ сошелъ съ ума.

— Генераль, — печально отвѣчалъ его адъютантъ: — національный позоръ еще впереди: Виргинія медлитъ, и почему? Ея гордые сыны готовы захватить милліоны Норфольскаго адмиралтейства и Гарперсферри. Но они только ждутъ, чтобы Южная Каролина

дала первый выстрѣлъ, и Виргинія съ послѣдними сомнительными штатами послѣдуетъ за нимъ. Это будетъ: «Dies iræ».

— Я этого боюсь, Рованъ,—со вздохомъ произнесъ старикъ:— мой родной штатъ! Богъ видитъ, что это для меня тяжелый ударъ, и у меня нѣтъ ни одного судна, ни одного солдата для защиты. Если бы въ Бѣломъ Домѣ былъ человѣкъ, а не измѣнникъ, то въ Норфолькѣ были бы полкъ, полдюжины военныхъ судовъ и наскоро возведенныя укрѣпленія, а Гарперсферри былъ бы защищенъ тремя полками и сильной полевой батареей.

— Вскорѣ подымется занавѣсъ, и начнется самая печальная трагедія нашего вѣка,—сказалъ Рованъ.—Только ждутъ принятія Линкольномъ присяги. Что касается до меня, то я готовъ, за исключеніемъ обѣщанной вами помощи.

— Я связанъ по рукамъ, — отвѣчалъ генералъ: — я долженъ сдерживать себя даже въ департаментѣ, а мои враги смотрятъ на меня съ улыбкой. Я долженъ спокойно слушать болтовню конгресса и кабинета; я долженъ хладнокровно видѣть, какъ Джеферсонъ Дэвисъ будетъ торжественно водворенъ, прежде присяги Линкольна. Затѣмъ насъ поразитъ прыжокъ льва, и 15-го марта у насъ, не останется куска юга, только можетъ быть, смѣлый Слеммеръ удержитъ фортъ Пиккенсъ.

— А что же съ нашей стороны?—спросилъ съ безпокойствомъ Рованъ.

— Торопливость, безпорядокъ и безумныя издержки,—отвѣчалъ Скоттъ:—одна надежда на Ли, что онъ приведетъ все въ порядокъ.

Рованъ поспѣшно всталъ и простился.

— Ли, все онъ мечтаетъ о Ли,—промолвилъ про себя Рованъ:— а избранный его преемникъ ѣдетъ изъ форта Мэсона въ Вашингтонъ уже третій мѣсяцъ. Талькотъ сказалъ мнѣ вчера, что онъ не прійдетъ раньше 1-го марта. Къ тому времени Виргинія рѣшитъ свою судьбу. На чью сторону онъ склонится?

Безпокойная сумятица царила въ грязномъ третьеклассномъ городѣ, хотя и называвшемся Вашингтономъ и ежедневно обѣзжаемомъ Рованомъ попрежнему въ бесполезномъ инкогнито. Въ лучшихъ домахъ не было ни улучшеній ни удобствъ. Плохія, невзрачныя, низенькія жилища тѣснились на Пенсильванской аллеѣ. Южный флигель зданія казначейства былъ одинъ оконченъ; сѣверный же флигель, гдѣ помѣщался государственный департаментъ, былъ на половину готовъ.

Капитоліская гора высилась надъ озерами грязи и пирамидами мусора, наполнявшими немощныя улицы. Неоконченный куполь Капитолія въ видѣ громаднаго желѣзнаго скелета грозно высился въ тяжеломъ мрачномъ небѣ, и дожидалась своего водруженія гордая статуя Колумбіи, которая теперь возвышается на нѣсколько сотенъ футовъ въ воздухѣ. Статуя Вашингтона мрачно смотрѣла на этотъ распростертый на землѣ символъ его родины. Въ Индѣйскомъ скверѣ

была возведена громадная временная постройка для церемоніи вступленія въ должность Линкольна.

Въ настоящее время общее смятеніе въ Вашингтонѣ достигло точки кипѣнія. Полковникъ Рованъ въ стаской одеждѣ быстро носился на великолѣпномъ конѣ изъ конюшни генерала Скотта по всему округу. Онъ старательно скрывалъ на груди карту мѣстности, нарочно разрѣзанную для большого удобства на квадраты. Какъ опытный военный топографъ, онъ намѣчалъ на нихъ всѣ предложенныя батареи и укрѣпленія. На этой картѣ были такъ же обозначены всѣ лагери, гарнизоны и депо на основаніи предположеній генерала Скотта.

Ежедневно вечеромъ Рованъ доносилъ генералу о томъ, какъ подвигалась его работа.

— Предположимъ, — говорилъ онъ грустно: — что непріятель стоитъ въ Арлингтонѣ; мы будемъ занимать только адмиралтейство и оконечности трехъ мостовъ. Вотъ все, что будетъ принадлежать намъ, пока мы кровью не проложимъ себѣ дорогу впередъ.

— Да, Рованъ, — отвѣчалъ генераль: — мы не можемъ быть болѣе готовыми, такъ какъ насъ всего двое, и мы работаемъ ночью, втайнѣ, безъ пушекъ, солдатъ, денегъ и права приказывать.

— Вы также забываете, генераль, — прервалъ его Рованъ: — что мы не знаемъ, кто — наши друзья, и кто — враги. Я боюсь, что въ Вашингтонѣ столько же энергичныхъ непріятелей, сколько въ сумасшедшемъ Чарльстонѣ и въ бѣшеномъ Ричмондѣ.

Въ подобныхъ бесѣдахъ проводилъ всѣ вечера генераль Скоттъ съ своимъ адъютантомъ. Умственно онъ былъ поразительно энергиченъ, но физически постоянно падалъ.

Что касается до Рована, то въ тѣ немногіе часы, которые онъ проводилъ дома, онъ посвящалъ своей любимой дочери и преданной женѣ. Онъ былъ еще не въ состояніи повѣдать женѣ свою будущую карьеру и не удивлялся, что она съ равнодушіемъ и апатіей ожидала приближавшейся борьбы.

— Во всякомъ случаѣ, — говорилъ полковникъ: — ты будешь обезпечена, что бы ни случилось здѣсь. Я отправлю васъ на сѣверъ, въ Массачузетскія горы.

Онъ забывалъ, что молодая женщина жаждала роднаго юга, гдѣ были ея родственники и товарищи дѣтства. Конечно, полковникъ Рованъ не могъ подозрѣвать измѣны въ глазахъ любимой женщины. Точно также онъ вѣрилъ преданности своего друга Маккери, которому онъ поручилъ веденіе дѣлъ компаніи золотыхъ копей, имѣвшей въ числѣ своихъ пайщиковъ сѣверянъ и южанъ. Поэтому очень правдоподобны ему казались постоянные развѣзды Джака, и онъ ежедневно садился за столъ безъ всякаго подозрѣнія въ отношеніи самаго храбраго и легкомысленнаго южанина.

Въ первыхъ дняхъ января полковникъ Рованъ отправился втайнѣ въ экспедицію, имѣвшую цѣлью Спрингфильдъ въ штатѣ Иллинойсѣ.

— Рованъ, — сказалъ генераль Скоттъ, прощаясь съ нимъ:— избранный президентъ предупрежденъ о вашемъ прїѣздѣ: возьмите теперь вашу инструкцію; она вся на словахъ и на письмѣхъ ни слова.

Четыре часа длилась конференція генерала съ своимъ посланникомъ, который долженъ былъ предупредить Линкольна обо всѣхъ опасностяхъ, его ожидавшихъ.

— Вы сдѣлали великое и гигантское дѣло, генераль, — сказалъ Рованъ.

— Я пользовался, — отвѣчалъ генераль: — всѣми своими друзьями и, благодаря имъ, узнаю все, что дѣлается въ лагерѣ измѣнниковъ. Линкольнъ защищенъ и будетъ защищенъ мною отъ всякой опасности до минуты принятія имъ присяги. Послѣ того, я надѣюсь, всѣ честные люди защитятъ его.

Когда кончилось совѣщаніе насчетъ предстоящаго посольства, Скоттъ воскликнулъ:

— Скажите мнѣ теперь, есть ли кто, могущій замѣнить васъ? Я связанъ по рукамъ и по ногамъ. Робертъ Ли явится сюда только къ вступленію Линкольна въ должность.

— У меня нѣтъ никого, — отвѣчалъ Рованъ:— только мой закадычный другъ Маккрери, но онъ вмѣсто меня управляетъ золотыми копами и постоянно долженъ ѣздить въ Виргинію. Къ тому же онъ статскій, молодой, легкомысленный и слишкомъ откровенный; я не посмѣю довѣрить ему такой важной должности. Къ тому же онъ по вопросу о расторженіи союза никогда не говоритъ ни слова, вѣроятно, изъ осторожности, такъ какъ женится на южанкѣ, миссъ Эстеллѣ Розевельдъ. Вы, можетъ быть, знаете ея тетку, знаменитую красавицу мистриссъ Дюваль, жену великаго вашингтонскаго юриста. Эстелла — любимая ея племянница. Что касается до Полины Дюваль, то я зналъ ее въ молодости, въ Саваннѣ, гдѣ мы часто танцевали съ ней. Она была тогда подъ опекой сенатора Нольтона изъ Георгіи.

— Знаю ли я ее, Рованъ?—сказалъ съ удивленіемъ генераль:— да Полина Дюваль стоитъ югу цѣлыя пѣхотныя дивизіи. Съ ея иностранной кровью, смѣлостью, храбростью и тысячею прелестей она—царица юга и своей очаровательной улыбкой готова увлечь колеблющихся южанъ. Она—родственница Суллэ, Сляйдлей и самыхъ гордыхъ южныхъ героевъ. Если она сама не перейдетъ на югъ, то ее выселятъ отсюда. Ея мужъ ни въ чемъ не виноватъ. Онъ славный, веселый, милый и занимается только юридическими процессами. Его же прелестная жена Минерва, Венера, Жанна д'Аркъ—все вмѣстѣ. Вы видите, полковникъ, какъ опасно подобное существо.

— Я вскорѣ пошлю свое семейство на сѣверъ, генераль,—сказалъ Рованъ:—что же касается до бѣднаго легкомысленнаго Джака Маккрери, то онъ, вѣроятно, перейдетъ на югъ въ хорошей компаніи. Но мы никогда съ нимъ не говорили ни слова о предстоящемъ кризисѣ.

— Не довѣряйтесь никогда слабодушному человѣку въ рукахъ южанки, — сказалъ Винифильдъ Скоттъ,—и помните, не рискуйте ничѣмъ. Не пишите мнѣ ни слова и не привозите никакого документа. Только глубоко сохраните, глубоко въ своемъ сердцѣ желанія Линкольна.

— Я васъ понимаю, генераль, — отвѣчалъ Рованъ откланиваясь. — Быть можетъ, вы въ правѣ сомнѣваться въ моихъ способностяхъ, но, слава Богу, не въ моей преданности.

Спустя двѣ недѣли, полковникъ Рованъ возвратился въ Вашингтонъ попрежнему въ статскомъ платьѣ. Онъ привезъ съ собою память о длинномъ, терпѣливомъ, загорѣломъ иллинойскомъ законовѣдѣ. Линкольнъ молча выслушалъ съ добродушной фамильярностью и въ обычной небрежной одеждѣ, все его донесеніе.

Наконецъ, онъ сказалъ съ поразительнымъ блескомъ своихъ черныхъ глазъ:

— Отправляйтесь сейчасъ обратно къ генералу Скотту, скажите ему, что я послушно исполнилъ всѣ его желанія и поступлю согласно его плану. Я буду въ Вашингтонѣ къ 22-му числу и до тѣхъ поръ предоставляю ему принять тѣ мѣры, которыя онъ считаетъ нужными для сохраненія оскорбленной національной чести. Скажите ему также, мой молодой другъ, что онъ выбралъ достойнаго посланнаго. Я отдамъ свою жизнь на вапѣ попеченію и буду руководствоваться его мудростью. Наконецъ, скажите ему еще, что первый приказъ о назначеніи генераль-майора волонтеровъ, который я подпишу, будетъ касаться васъ.

Окончивъ свое донесеніе объ его свиданіи съ Линкольномъ, Рованъ прибавилъ:

— И что это за человѣкъ!

— Слава Богу,—воскликнулъ Винифильдъ Скоттъ:—слушаясь моихъ желаній, Линкольнъ спасетъ свою жизнь. Но уже давно пора ему быть здѣсь. Подлецъ Твигъ предалъ нашу армію въ Техасѣ. Тридцать укрѣпленій уже находятся въ рукахъ южанъ. 16-го января Джеферсонъ Дэвисъ избранъ въ президенты юга и 18-го вступаетъ въ исполненіе своей должности. Его манифестъ дерзко проситъ благословенія Божія на новую націю. Но вскорѣ и мы будемъ имѣть избраннаго нами человѣка во главѣ родины.

— А полковникъ Ли?—съ безпокойствомъ спросилъ Рованъ.

— Еще не пріѣхалъ,—отвѣчалъ побѣдитель Санта-Анны съ тяжелымъ вздохомъ, свидѣтельствовавшимъ, какъ невыносимо страдало его львиное сердце.

Въ продолженіе слѣдующей недѣли, Рованъ продолжалъ исполнять свой тайныя обязанности. Американцы никогда не узнали странныхъ подробностей путешествія Линкольна изъ Спрингфильда въ Вашингтонъ окольными путями черезъ Индіанополисъ, Цинциннати, Колумбусъ, Питсбургъ, Клэвландъ, Эри, Буффало, Албани, Нью-Йоркъ, Трэнтонъ, Нэваркъ, Филадельфію, Ланкастэръ и Гарисбургъ. Только преданный Вардъ Леманъ и нѣсколько старыхъ друзей Линкольна, а также генераль Скоттъ и полковникъ Рованъ знали, зачѣмъ онъ выбралъ этотъ маршрутъ и, миновавъ секретно Балтиморъ, прибылъ въ Вашингтонъ утромъ 23-го января. Очутившись благополучно въ мѣстѣ своего четырехлѣтняго мученичества, онъ не предчувствовалъ, что выѣдетъ изъ этого города лишь мертвымъ, проливъ свою кровь за родину для того, чтобы она навѣки осталась единой, нераздѣльной. Теперь же эта странная дорога спасла Линкольна отъ дюжины плановъ преждевременнаго его убійства.

Какъ только новый президентъ вступилъ въ Вашингтонъ, онъ былъ окруженъ преданными ему Сьюардомъ, Блэромъ, Чэзомъ, Камерономъ, Уэльсомъ, Смитомъ, Бэтсомъ, Дугласомъ, Бэкеромъ, Макъ-Дугалемъ, Шильдсомъ, Гольтомъ, Стантономъ и многими другими его старыми друзьями. День и ночь предавался генераль Скоттъ съ послѣднимъ проблескомъ своей энергіи дѣлу спасенія Линкольна отъ грозившей ему опасности. Точно также проводилъ безсонныя ночи и цѣлые дни въ неустанныхъ заботахъ, полковникъ Рованъ, охраняя безопасность избранника страны.

Между тѣмъ на тысячѣ горныхъ возвышеній юга горѣли костры, громко заявлявшіе объ измѣнѣ юга. А все-таки Ли не являлся. Генераль Скоттъ и Рованъ съ глубокой радостью хранили въ своемъ сердцѣ тайну неудавшихся покушеній на жизнь чловѣка, который не желалъ зла никому, а всѣмъ добра.

III.

Послѣ долгаго, медленнаго странствованія изъ порта Мэсона въ Техасѣ, Робертъ Ли наконецъ прибылъ 1-го марта въ Вашингтонъ за четыре дня до вступленія въ должность «чловѣка изъ Иллинойса». Дождавшись съ нетерпѣніемъ его приѣзда, Виннифильдъ Скоттъ встрѣтилъ его съ печальнымъ, мрачнымъ лицомъ. Рованъ ясно видѣлъ, что горькое разочарованіе ждало его.

— Въ день присяги, — сказалъ генераль: — вы надѣнете полный мундиръ волонтеровъ и станете во главѣ мѣстныхъ войскъ. Я же буду самъ командовать регулярной арміей. Я дамъ вамъ секретную инструкцію, а себѣ прибегу распоряженію о дѣйствіяхъ регулярныхъ войскъ. Двѣ полевыя артиллерійскія батареи я спрячу въ

скверѣ, близъ Капитолія. Теперь маски сняты. Когда Линкольнъ приметъ присягу, то онъ обнародуетъ свой кабинетъ, который теперь уже составленъ, и окружить себя близкими ему людьми: Бекеромъ, Дугласомъ, Макдугалемъ, Реверди Джонсономъ, и Стюардомъ. Въ продолженіе одного дня онъ обопрется на мечъ стараго Скотта, затѣмъ ему придется избрать новаго воина, но по несчастью это, вѣроятно, не будетъ Ли.

Теперь было ясно, что тотъ, на кого онъ надѣялся, готовъ былъ измѣнить ему и странѣ. Но еще не достовѣрно было извѣстно, кто замѣнитъ его, такъ какъ старикъ, очевидно, не могъ быть главнокомандующимъ.

Спустя два дня, Рованъ, войдя въ кабинетъ генерала Скотта, былъ удивленъ, увидѣвъ портретъ генерала Галлека повернутымъ къ стѣнѣ.

— Это вѣрный признакъ, что онъ не будетъ главнокомандующимъ,—подумалъ онъ:—Галлекъ, по обыкновенію, обидѣлъ чѣмънибудь стараго героя. Начальникомъ арміи, значитъ, будетъ Маккелланъ.

Утро 4-го марта 1861 года было въ Вашингтонѣ свѣтлымъ солнечнымъ, и тучи собирались только на челѣ толпы, наполнявшей улицы. Звуки барабановъ и трубъ, раскаты пушекъ, свистъ поѣздовъ усиливали уличную сумятицу. Предъ домомъ Карроля Рована съ зари дожидалась его группа ординарцевъ верхами и богато украшенная лошадь.

Рано утромъ онъ спустился изъ своей маленькой комнаты въ верхнемъ этажѣ, гдѣ два мѣсяца онъ скрывалъ свою тайну. Теперь онъ былъ въ полной формѣ полковника волонтеровъ Соединенныхъ Штатовъ.

— Это что такое?—воскликнула со слезами Мэри Рованъ:—ты, Карроль, линкольнскій солдатъ? Что теперь съ нами?

Она теперь отгадала все, что было для нея тайной въ эти два мѣсяца.

— Гдѣ Джакъ?—спросилъ ее мужъ.

— Онъ поѣхалъ въ Ричмондъ по дѣлу,—сказала она, опуская глаза въ смущеніи.

— Я оставляю тебѣ двухъ моихъ ординарцевъ,—произнесъ Рованъ:—одинъ будетъ караулить домъ, а другой отыщетъ меня, если я тебѣ понадобится въ теченіе дня. Прислать тебѣ билеты на балъ въ Бѣломъ Домѣ? Я могу прислать офицера, чтобы проводить тебя и Адель туда. Зрѣлище будетъ великолѣпное, но я буду занятъ у генерала Скотта.

— Я съ большимъ удовольствіемъ осталась бы дома,—промолвила взволнованная женщина:—теперь слишкомъ смутное время, чтобы ѣздить на балы.

— Въ такомъ случаѣ, — произнесъ мужъ: — такъ какъ Джакъ мнѣ неожиданно измѣнилъ, то ты будешь принуждена остаться до двѣнадцати часовъ ночи одна, а послѣзавтра я буду дежурнымъ въ военномъ министерствѣ.

Въ заплаканныхъ глазахъ жены онъ видѣлъ ясно, какъ она оплакивала то грустное обстоятельство, что ея мужъ не стоялъ за Виргинію, съ которой соединяли ее всѣ дѣтскія привязанности. Въ отчаяніи, покачавъ головою, онъ поцѣловалъ ее, выбѣжалъ изъ комнаты и, вскочивъ на лошадь, отправился исполнять свои секретныя обязанности.

— Да поможетъ намъ Богъ! — промолвилъ онъ про себя: — всего печальнѣе будетъ борьба въ семейныхъ очагахъ. Бѣдная жена! Она одна изъ тысячи въ подобномъ положеніи. Всѣ ея родственники и друзья на сторонѣ юга, а мужъ въ рядахъ сѣверянъ.

Однако онъ гордо выпрямился и, осмотрѣвъ ряды своего войска, громко крикнулъ:

— Стройся! Впередъ!

За нимъ послѣдовали сорокъ офицеровъ, въ вѣрности которыхъ не сомнѣвался генералъ Скоттъ. Конные волонтеры были съ заряженными пистолетами, а пѣхотные имѣли ружья со штыками наготовѣ. Весь городъ былъ въ сильнѣйшемъ волненіи. Сенатъ засѣдалъ почти сорокъ восемь часовъ. Его предсѣдатель, выходящій вице-президентъ Брекенриджъ, приготовлялъ сдачу своей должности Гамлену.

На улицахъ тѣснились толпы тайно вооруженныхъ людей, нетерпѣливо желавшихъ увидѣть «страннаго челоуѣка изъ Иллинойса». Въ коляскѣ налѣво отъ бывшаго президента сидѣлъ высокій, худой Авраамъ Линкольнъ. Впереди экипажа шли развернутымъ фронтомъ саперы съ заряженными ружьями, а по обѣимъ сторонамъ тѣснилась кавалерія Рована, которой было приказано зорко слѣдить за всякой парой глазъ, устремленной на новаго президента.

Принятая генераломъ Скоттомъ мѣры были мастерскія; дисциплина войскъ выше всякихъ похвалъ. Громадная процессія гражданская и военная тянулась по Пенсильванской аллеѣ подъ возбуждающую музыку «Yankee Doodle».

Безмолвно, но внимательно смотря на толпу, подвигался Авраамъ Линкольнъ. Никто не могъ прочесть его мысли. Провидѣніе, въ своемъ милосердіи, скрыло отъ него, что, спустя нѣсколько лѣтъ, по этой самой улицѣ будетъ тянуться его похоронное шествіе, среди благодарныхъ гражданъ.

Рованъ и генералъ Скоттъ также зорко слѣдили за толпой и ихъ артиллеріей, готовой встрѣтить съ Капитолійской горы роковымъ залпомъ всякую попытку убійцы.

Въ мраморномъ залѣ сената были собраны дипломатическій корпусъ, судьи и конгрессъ. Всѣ они встрѣтили «челоуѣка изъ Ил-

линойса» и пошли торжественнымъ шествіемъ къ западному портику Капитолія.

Немногіе изъ зрителей этой зари знаменитой карьеры Линкольна знали, что на окрестныхъ крышахъ были скрыты стрѣлки, кавалерійскіе патрули стояли на углу каждой улицы, а толпы вооруженныхъ тайныхъ агентовъ были разсѣяны повсюду. Все это было дѣломъ Винифильда Скотта, и теперь сѣдой, но все-таки грозившій измѣнникамъ, онъ былъ доволенъ своимъ дѣломъ.

Линкольнъ былъ окруженъ представителями народа и своими друзьями: Дэвидомъ Дэвисомъ, полковникомъ Сумнеромъ, Вардомъ Ламономъ, капитаномъ Хазардомъ, Джономъ Хэй и многими другими. Сѣдой орелъ Орэгона, краснорѣчивый сенаторъ Эдуардъ Беккеръ представилъ народу новаго президента, и онъ произнесъ ко всей націи замѣчательную патетическую рѣчь, съ которой могло сравниться его прощальное слово въ Спрингфильдѣ. «Здѣсь я жилъ четверть столѣтія,—сказалъ онъ тогда,—и превратился изъ юноши въ старика; здѣсь родились мои дѣти, и одинъ изъ нихъ похороненъ. Я не знаю, когда и какимъ образомъ я возвращусь сюда послѣ исполненія той великой задачи, которая предстоитъ мнѣ; она тяжелѣе, чѣмъ задача, выпавшая на долю Вашингтона».

Когда Линкольнъ окончилъ въ этотъ солнечный мартовскій день свою рѣчь, онъ заслужилъ вѣчную славу великаго оратора. Тѣ, которые собрались съ твердымъ намѣреніемъ осмѣять его, почувствовали странный душевный трепетъ отъ его послѣднихъ величественныхъ, дышавшихъ братской любовью словъ: «Глубоко соединенные памятью обо всѣхъ павшихъ на полѣ браней патріотахъ, всѣ живые граждане страны, конечно, еще доживутъ до той минуты, когда снова ихъ будетъ соединять союзъ, взывая къ лучшимъ чувствамъ нашей природы».

Эти слова были произнесены, конечно, человѣкомъ необыкновеннымъ. Но, увы, онъ не дожидъ до той счастливой минуты, когда, дружно сомкнувшись, граждане всѣхъ штатовъ гордо воевали за освобожденіе Кубы.

Молча, печально, но съ какой-то твердой надеждой въ сердцѣ разошлась толпа. Новый президентъ переступилъ порогъ Бѣлаго Дома подъ впечатлѣніемъ торжественной клятвы только что принятой имъ присяги.

Эскортъ разсѣялся. Полковникъ Рованъ отправился въ военное министерство, чтобы открыто вступить въ должность офицера Соединенныхъ Штатовъ. Тамъ его встрѣтилъ генералъ Скоттъ и крѣпко пожалъ ему руку.

— Славу Богу! Онъ цѣлъ и невредимъ,—сказалъ ветеранъ.— Теперь его охраняютъ избранные сто тайныхъ агентовъ; кромѣ того, моя регулярная армія здѣсь невдалекѣ. Кабинетъ обнародованъ, и новый президентъ можетъ пользоваться всѣми силами

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

АВГУСТЪ, 1902

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1902 г.

	СТРАН.
I. Веселья похороны. (Повѣсть). XXVIII — XXXII. (Окончаніе). А. В. Круглова	345
II. Воспоминанія М. А. Паткуль . Гл. XVI—XVIII. (Продолженіе) . .	375
III. Подневольный муниципаль. Л. Я. Л—вскаго	404
IV. Карлъ Осиповичъ Хисъ. Біографическій очеркъ. Н. В. Чарыкова	422
иллюстрація: Карлъ Осиповичъ Хисъ.	
V. Красное озеро. Богдана Рыка	437
VI. Встрѣча съ абреками. С. А. Гунаропуло	445
VII. Церковное управленіе въ царствованіе императора Николая Павловича. В. М. Грибовскаго	453
VIII. Поручикъ П. К. Кусовъ. (Севастопольскія воспоминанія въ Неаполѣ). Н. Н. Фирсова (Л. Рускина)	469
IX. Поѣздка въ Боровскій Пафнугіевъ монастырь. А. Н. Фирсова .	476
X. Геленджикъ. С. Н. Васюкова	486
иллюстрація: 1) Общій видъ Геленджика. — 2) «Планъ» и дача въ Геленджикъ. — 3) Цементный заводъ въ Геленджикъ. — 4) Церковь въ Архиепископовкѣ. — 5) Цементная гора.	
XI. Паломничество въ Палестину. XIII—XIX. (Продолженіе). И. П. Ювачева	504
иллюстрація: 1) Куполы храма Гроба Господня съ юго-восточной стороны. — 2) Входъ въ храмъ Гроба Господня. — 3) Придѣлъ Ангела въ кувуклии Гроба Господня. — 4) Гробъ Господень. — 5) Планъ храма св. Гроба Господня. — 6) Мѣсто водруженія Креста Господня на Голговъ. — 7) Мечеть Омара (Куббетъ-эс-Сахра). — 8) Священная скала внутри мечети Омара. — 9) Елеовская гора и Иосафатова долина.	
XII. Пермьяки-инородцы. Священника Іакова Шестакова	544
XIII. Народный театръ XVIII вѣка. Н. Г. Иноземцева	554
XIV. На могилѣ П. И. Якушкина. П. Л. Юдина	563
XV. Англійскій король Эдуардъ VII. Біографическій очеркъ. I—V. В. Т.	569
XVI. Критика и библіографія	603

1) Исторія города Москвы. Сочиненіе Ивана Забѣлина, написанное по порученію Московской городской думы. Часть первая. Москва. 1902. М. П—аго. — 2) П. Красовскій. Очерки юрьевского студента. Рига. 1902. Д. З—нина. — 3) Русскія народныя картинки. Изданіе перваго дамскаго художественнаго кружка. Спб. 1902. А. Э. Мальмгrena. — 4) Н. К. Козминъ. Изъ исторіи русской литературы тридцатыхъ годовъ (Н. А. Полевой и А. И. Герценъ). Спб. 1902. П. Щ.— 5) Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга IV. Съ приложеніемъ одного автографа и 11 портретовъ. Губернскій городъ Владимиръ. 1902. В. Руданова. — 6) Къ антропологии лезингъ. К. Курдовъ. Москва. 1902. А. Хаханова. — 7) Н. Е. (Н. Е. Кудринъ). Очерки современной Франціи. Спб. 1902. П. Ж.— 8) Матеріалы военно-учебнаго архива. Картографическіе матеріалы. Выпускъ I. Карты Россіи 1614 г.: 1) Гесселя Герарда и 2) П. Дейриарда. Исслѣдованіе А. Даниловскаго. Спб. 1901. М. П—аго. — 9) Е. Булгакова. Изъ жизни средне-вѣковаго ремесленника. Москва. 1902. В. I.— 10) Сочиненія Василія Васильевича Селиванова. Томы I и II. Владимиръ на Клязьмѣ. 1902. В. Руданова. — 11) А. В. Семека. Русскіе розенкрейцеры и сочиненія императрицы Екатерины II противъ

См. слѣд. стр.

масонства. Сиб. 1902. щ. — 12) Die Aerzte Kurlands von 1825—1900. Ein biographisches Lexicon, bearbeitet von Dr. med. I. Brennsohn in Mitau. Herausgegeben von der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Mitau. Gedr. bei J. F. Steffenhagen u. Sohn. 1902. А. Мальмгренз. — 13) Михаилъ Николаевичъ Капустинъ и его письма къ А. А. Борзенко, Сиб. 1902. щ. — 14) Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическiй источникъ. II. Изслѣдованіе В. Н. Дебольскаго, Сиб. 1902. м. п.—аго. — 15) Заря. Русско-славянскiй сборникъ. Выпускъ I. Книгоиздательство «Русско-славянское дѣло». М. 1902. щ.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 623

1) Заклинанія древнихъ египтянъ. — 2) Шестисотлѣтіе изобрѣтенія компаса. — 3) Лукреція Борджиа. — 4) Первое русское коммерческое судно въ Бордо въ 1725 г. — 5) Двѣ соперницы при дворѣ Людовика XV. — 6) Памятникъ Руже де-Лиллю. — 7) Парижскiй салонъ принцессы Вельдюдюзоз.

XVIII. Смѣсь 644

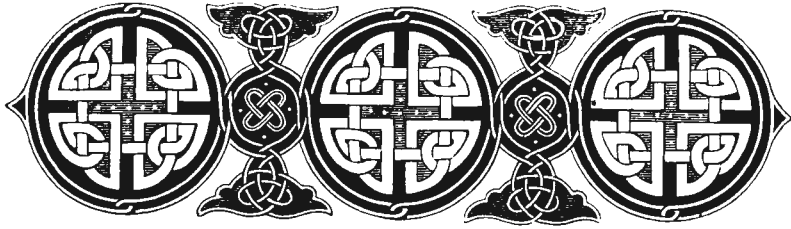
1) Столѣтіе рожденія П. С. Нихимова. — 2) Памятникъ пребыванія Петра Великаго въ Лондонѣ. — 3) Домикъ Петра Великаго въ Гапсагѣ. — 4) Херсонская старина. — 5) Ростовскiй соборъ. — 6) Археологическія новости. — 7) Къ XII археологическому съезду.

XIX. Некрологи 655

1) Андриевскiй, А. А. — 2) Антокольскiй, М. М. — 3) Бекетовъ, А. Н. — 4) Вальтеръ, А. А. — 5) Германъ, Н. П. — 6) Глушановскiй, А. А. — 7) Гольденбергъ, А. И. — 8) Ковальскiй, А. М. — 9) Новацкiй, И. Н. — 10) Пироговъ, А. А. — 11) Руммель, В. В. — 12) Скалонъ, Е. Н. — 13) Фелггертейтъ, К. Ф. — 14) Чаччиадзе, А. Г. — 15) Яновскiй, К. П. — 16) Яновскiй, Ф. И.

XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Александра Владимировича Паткуля. — 2) Измѣна. (In the house of his friends). Американскiй романъ изъ эпохи войны Сѣвера съ Югомъ. **Ричарда Савѣджа.** (Переводъ съ англійскаго). Часть первая. Гл. IV—V. Часть вторая. Гл. VI.

ВЕСЕЛЫЯ ПОХОРОНЫ¹⁾.

(Повѣсть).

XXVIII.

ВЪ ДОМКИНО вернулся одинъ Михай. Это было на другой день около полудня.

— А Яковъ? — воскликнула Анна Михайловна, бывшая въ это время на дворѣ.

— Яковъ Аванасьевичъ тамъ остались.

— Какъ тамъ? Почему?

Она измѣнилась въ лицѣ.

— Какъ же ты могъ его оставить?—проговорила она.

— Да я что же, — возразилъ работникъ: — развѣ я могу... Они сказали: ты поѣзжай домой. Я буду ждать отвѣта, а тебѣ здѣсь нечего оставаться. Ну, я и поѣхалъ.

— Когда же онъ вернется? Что это такое? Ты не долженъ былъ его оставлять.

— Да если они велѣли, долженъ я слушаться, или нѣтъ?—уже съ раздраженіемъ проговорилъ Михай, отпрягая лошадь.

— Это Богъ знаетъ, что такое!

Анна Михайловна кинулась къ дому. Первою ей попалась мать.

— Ну, вотъ, ваши затѣи... Радуйтесь!—крикнула она.

— Что такое?—тревожно спросила старуха.

— А то, что вернулся Михай одинъ, Яковъ остался въ городѣ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIX, стр. 5.

«Истор. вѣстн.», августъ, 1902 г., т. LXXXIX.

И, не дождавшись отвѣта матери, Анна Михайловна промолвила:
— Говорить, что будетъ ждать отвѣта. Какой тамъ отвѣтъ? Это что нибудь не то... Онъ либо хочетъ уѣхать потихоньку въ Петербургъ, либо... Нѣтъ, это невозможно... Я сама сейчасъ поѣду въ городъ, а то пусть ѣдетъ Аѳанасій Григорьевичъ.

Она прошла въ кабинетъ къ мужу, который просматривалъ счета.

— Отецъ, надо ѣхать сейчасъ въ городъ, — сказала она, опускаясь въ изнеможеніи на стуль.

— Зачѣмъ?

— Яковъ не вернулся. Отослалъ Михея, а самъ остался въ городѣ.

— Да вѣдь вернется же онъ?

— А кто его знаетъ? Можетъ быть, задумалъ что нибудь надъ собой... Либо хочетъ въ Петербургъ укатить. Не пріѣхалъ ли туда Псалмопѣвцевъ?..

— Да вѣдь бумаги у тебя?

— Что-жъ, что у меня? Господи! Да вѣдь знаешь, отецъ, я отдала ему свидѣтельство, а онъ мнѣ не вернулся... Да, да... я забыла, а онъ не вернулся...

Протопопъ нахмурился.

— Это глупо, попадья,—сказалъ онъ.

— Ужъ что теперь говорить! Собирайся скорѣе, нечего терять времени.

— Погоди, — перебилъ ее мужъ: — чего горячку порешь, сама промахнулась, а теперь и мечешься безъ толку. По воздуху что ли полечу? Если задумалъ уѣхать, такъ давно уѣхалъ, гдѣ его ловить... Не надо было отпускать.

— Это все маменькины выдумки. А ты одобрилъ.

О. Аѳанасій прошелся по комнатѣ, крикнулъ и произнесъ:

— Позови-ка сюда Михея.

Черезъ минуту явился работникъ.

— Ты это что же оставилъ Якова-то? — сказалъ протопопъ:— тебя послали вмѣстѣ, а ты его оставилъ.

— Да нешто я караульный, а Яковъ Аѳанасьевичъ ресторантъ?— возразилъ работникъ вызывающимъ тономъ. — Велѣлъ ѣхать, я и поѣхалъ.

— Ну, ну, не забывайся, — нахмурился оборвалъ его о. Аѳанасій.—Съ тобой говорятъ по-человѣчески, а ты грубіянишь, невѣжа!

Работникъ промычалъ что-то себѣ подъ носъ и прислонился къ косяку двери.

— Гдѣ же ты его оставилъ? Что онъ дѣлалъ это время?—спросилъ снова протопопъ, искоса поглядывая на работника.

— Да что дѣлалъ... Пріѣхали-то мы рано утромъ, напились, значить, чаю въ трактирѣ, потомъ на пошту, оттуда въ телеграфъ.

Тутотка Яковъ Аванасьевичъ пошелъ къ своимъ бывшимъ хозяевамъ, а меня съ лошадыю отослалъ на постоялый къ Якиму. Я прождалъ тамъ ихъ цѣлый день, не явился. Ходилъ я и къ хозяевамъ вечеромъ. Марья Ивановны нѣту, на богомолье ушла, а самъ говоритъ, что Якова Аванасьевича сегодня видѣлъ утромъ, и онъ хотѣлъ прійти ночевать, но не приходилъ. Я съ тѣмъ и ушелъ. А на утро, такъ часовъ, должно, около восьми, а то, пожалуй, и ранѣ, пришелъ онъ ко мнѣ на постоялый и говоритъ: я останусь здѣсь, а ты поѣзжай домой, я одинъ вернусь. А когда— не сказали. Ну, я и поѣхалъ.

— Гм! — произнесъ протоіерей и, пройдясь по комнатѣ, снова обратился къ работнику:—а Псалмопѣвцева тамъ нѣтъ, не видалъ?

— Нѣту, не видалъ.

— Ну, ладно, ступай!

Когда работникъ вышелъ, о. Аванасій промолвилъ, обращаясь къ женѣ:

— Я не поѣду. А вотъ, если онъ не вернется сегодня, то пусть завтра Михей опять ѣдетъ въ городъ.

— Какъ же такъ, отецъ?... А если онъ задумалъ уѣхать совсѣмъ?

— Ну, это глупости. Сама потеряла голову и меня спутала. Какъ онъ можетъ уѣхать безо всего? Вѣдь у него ни копейки денегъ, ни вещей, ни бѣлья, въ одномъ легкомъ пальтецѣ. Куда же онъ такъ поѣдетъ?

— Это такъ,—согласилась жена.

Она вздохнула.

— А если... Ахъ, Господи, Боже мой! И зачѣмъ было его отпускать! Послушался ты маменьки. Въ другой разъ тебя ничѣмъ не уломаешь, а тутъ послушался, на ея умъ положился, словно у тебя у самого нѣтъ царя въ головѣ.

— Ну, ладно, довольно,—остановилъ мужъ:—что сдѣлано, то сдѣлано. Ничего и не будетъ, вернется.

Анна Михайловна вышла изъ комнаты.

Она заплакала и, пройдя въ спальню, гдѣ стоялъ кіотъ, упала на колѣни передъ образомъ, заломивъ руки.

Она вчера и сегодня все время чувствовала себя угнетенной. Она не только тревожилась, но и мучилась отъ того «обмана», который она совершила передъ сыномъ. Ее тяготилъ этотъ обманъ, она считала себя виноватой. Надо дѣйствовать открыто... Конечно, все это для пользы Яши, но избранный путь все-таки не хорошъ. А возврата уже не было. Открыться сыну она не могла, это она сознавала: она боялась уронить себя въ его глазахъ, порвать съ нимъ всякую связь, потерять уваженіе, даже любовь. У нея не хватало духа даже открыться во всемъ матери и мужу. Она одиноко страдала, терзаемая совѣстью. Она плакала, вздыхала и молилась, скрывая отъ всѣхъ свое горе, свой стыдъ. Агнія Капитоновна за-

мѣтила внутреннюю тревогу дочери и останавливала на ней подолгу пристальный взглядъ. Это сердило Анну Михайловну, и она сказала какъ-то матери:

— Что вы смотрите на меня такъ, точно въ чемъ подозреваете и хотите укорить?

— Что ты, Аннушка, Богъ съ тобой!—возразила старуха:—я вотъ вижу, что ты волнуешься чѣмъ-то...

— И видите, — перебила дочь, — и таите про себя, а не смотрите такъ,—это меня раздражаетъ.

— Ну, Христось съ тобою,—сказала старуха, подавляя вздохъ.

На Ѳеклушу, которая сунулась было къ матери съ вопросомъ о братѣ, Анна Михайловна рѣзко прикрикнула:

— Отстань! чего лѣзешь! Иди къ бабушкѣ, ее и спрашивай.

Ѳеклуша съ испугомъ и удивленіемъ посмотрѣла на мать и отошла отъ нея.

Сегодня, въ началѣ поднявшейся тревоги, Ѳеклуши не было дома. Она ушла въ поле. Возвратившись домой и узнавъ, что Михей пріѣхалъ одинъ, она съ плачемъ кинулась опять къ матери и застала ее молящейся передъ кіотомъ. Ѳеклуша не посмѣла спросить ее и побѣжала къ бабушкѣ.

— Бабушка, гдѣ Яша? Онъ уѣхалъ? совсѣмъ? Мама плачетъ и молится въ спальнѣ...

— Ну, и пусть молится, ты ее не тревожь.

— А Яша, бабушка?

— Вернется твой Яша, не хлопочи. Онъ остался по дѣлу.

— А если не вернется?

— Говорю тебѣ, вернется, не приставай!

Старуха раздражаясь потеряла обычную ласковость. Ѳеклуша почувствовала себя одинокой, убѣжала въ огородъ и тамъ дала полную волю своимъ слезамъ.

Яковъ Аванасьевичъ не вернулся къ вечеру. Ужинъ прошелъ въ молчаніи. Почти никто ничего не ѣлъ, только о. Аванасій выпилъ два стакана квасу и съѣлъ немного гречневой каши, безъ которой онъ не могъ обойтись передъ сномъ. Послѣ ужина онъ призвалъ Михея и велѣлъ ему на утро рано отправиться въ городъ, найти тамъ Якова Аванасьевиича и привезти домой.

— Скажи ему прямо, что я велѣлъ, чтобы онъ дольше не оставался... Слышишь?

— Слышу,—отозвался работникъ:— а если онъ все же не поѣдетъ, что-жъ мнѣ, не на веревкѣ его тянуть.

— Дуракъ! — произнесъ раздраженно протопопъ: — дѣлай, что тебѣ приказываютъ, и не разсуждай!

Работникъ, ворча, вышелъ изъ кухни, въ которой происходилъ разговоръ.

Ночью Анна Михайловна почувствовала себя дурно: у нея захватывало дыханіе и появилась боль въ сердцѣ. Эта боль проходила и опять возобновлялась. Мать и мужъ перепугались и хотѣли послать за докторомъ, но помогли припарки, и къ утру попадѣ стало легче. Однако она осталась въ постели на день. Какъ и вчера, она безпрестанно плакала и что-то шептала. Раздраженіе у нея улеглось и смѣнилось тревожной тоскою. Когда въ спальню заходила мать, Анна Михайловна повторяла ей одно и то же:

— Ахъ, что съ Яшей? Вернется ли онъ? Боже, что я сдѣлала, что я сдѣлала!

— Да про что ты говоришь, Аннушка? — спросила старуха: — почему ты себя обвиняешь? въ чемъ?

— Да вѣдь я же была противъ, — отвѣтила Анна Михайловна. Она и теперь не могла сказать правды матери.

— Ну, что ты, вѣдь не ты одна...

— Но я, я... Вѣдь добра же хотѣла, кто же думалъ, что такъ все выйдетъ...

— Да полно, никто, какъ Богъ: вернется Яша, и все кончится благополучно, — сказала старуха въ утѣшеніе.

— О Господи!

Анна Михайловна опять принялась плакать.

Старуха ходила, какъ убитая. Глаза Оеклуши не просыхали отъ слезъ. О. Аванасій не выходилъ изъ кабинета. Темное облако нависло надъ всѣмъ домомъ.

И вдругъ эта туча порѣдѣла.

Было около десяти часовъ вечера. Оеклуша услышала стукъ колесъ, выбѣжала изъ комнаты и вернулась черезъ минуту съ радостнымъ крикомъ:

— Бабушка, Яша вернулся!

Этотъ крикъ долетѣлъ до спальни, гдѣ лежала Анна Михайловна.

Анна Михайловна ничего не промолвила, она только облегченно вздохнула, подняла на икону глаза, полные благодарныхъ слезъ, и перекрестилась.

Сообщивъ бабушкѣ о приѣздѣ брата, Оеклуша побѣжала къ нему навстрѣчу. Онъ снималъ пальто въ передней.

— Якуша, мама больна! — воскликнула сестра.

Онъ поблѣднѣлъ.

— Ну, что ты пугаешь брата? — сердито проговорила старуха, появляясь изъ столовой. — Здравствуй, Яша! здравствуй!

— Что съ маменькой? — спросилъ онъ.

— Не тревожься, Яша... ночью прихватило ее... ну, извѣстно, отъ волненія. Какъ это можно было отправлять Михея одного? Ты всѣхъ насъ перепугалъ, Яша.

Не отвѣчая ничего бабушкѣ, молодой человѣкъ прошелъ прямо въ спальню матери. Увидѣвъ сына, Анна Михайловна приподнялась на кровати и воскликнула радостно:

— Яша, голубчикъ!

И слезы полились изъ ея глазъ.

— Маменька, что съ вами?—проговорилъ Яковъ Аванасьевичъ, останавливаясь у кровати.

— Ничего, милый, это пустяки, пройдетъ. Мнѣ уже лучше... вотъ ты вернулся, и я поправлюсь. Яша, какъ ты напугалъ насъ всѣхъ! Голубчикъ, отчего ты такъ долго?

— Ждалъ отвѣта,—глухо промолвилъ Крестовоздвиженскій, который на мгновеніе, пораженный извѣстіемъ о болѣзни матери, забылъ совѣтъ о своемъ горѣ.

— Ну, и что же, что?—тревожно спрашивала мать, какъ будто не она сама все устроила, и не она желала того, что такъ было тяжело для сына.

— Никакого отвѣта...

— Вотъ видишь!

И въ тотъ же мигъ она почувствовала угрызения совѣсти. Кто-то словно шепнулъ ей: «и тебѣ не стыдно такъ лгать, лицомѣрить передъ сыномъ?»

Она со стономъ опустилась на подушки. Сынъ иначе перетолковалъ этотъ стонъ и опять, весь охваченный боязнью за мать, полный любви къ ней, воскликнулъ съ тревогой:

— Маменька, что съ вами? надо скорѣй за докторомъ...

— Нѣтъ, Яша, не надо, не надо!.. Голубчикъ, подойди ко мнѣ.

Онъ нагнулся. Она обняла его за шею и стала цѣловать.

— Яша, Яша, не сердись на меня. Не вини меня... вѣдь я добра хотѣла тебѣ...

— Что вы, маменька!—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Въ чемъ мнѣ васъ винить? Я вамъ много доставилъ горя... Но вѣдь я...

Ему было говорить не менѣе трудно, чѣмъ и матери, хотя и по другой причинѣ.

— Не волнуйтесь, маменька, — продолжалъ онъ, помолчавъ, когда мать положила свою руку на его плечо.

— Какъ же, Яша? Я о тебѣ горюю.

— Ну, что же, вѣрно... такая судьба... Вѣдь вы счастья мнѣ хотѣли, говорите вы?

Онъ приостановился на мгновеніе и добавилъ съ горечью:

— Что же! Вѣрно, оно тамъ и будетъ, гдѣ вы его находите...

Онъ быстро выпрямился и, сказавъ: «я пойду къ себѣ», вышелъ изъ спальни.

Придя въ свою комнату, онъ упалъ на постель и зарыдалъ. Это были слезы, которыми молодой человѣкъ справлялъ панихиду по своимъ грезамъ, оплакивалъ вѣру въ Соню и... нѣтъ, только

не любовь, потому что она еще не умерла въ его сердцѣ. Онъ по-прежнему продолжалъ любить ту, которая забыла его и промѣняла на богатаго фабриканта.

На другой день Анна Михайловна, хотя и съ трудомъ, но встала съ постели. За утреннимъ чаемъ, когда всѣ собрались въ столовой, кромѣ о Аѳанасія, который замѣшкался на дворѣ съ плотниками, — бабушка вдругъ обратилась съ вопросомъ къ внуку:

— Яша, какъ же понять тебя, скажи? Ты вчера такое слово молвилъ, что мы не знаемъ, какъ и принять его: не то радоваться твоимъ родителямъ и всѣмъ намъ... не то...

Ложка, которую мѣшалъ чай молодой человѣкъ, задрожала въ его рукахъ.

— Мнѣ все равно, — едва слышно произнесъ Яковъ Аѳанасевичъ: — пусть будетъ и такъ.

— То-есть что же: ты согласенъ на бракъ съ Дуней и берешь мѣсто? — также тихо спросила мать.

— Мнѣ все равно, — повторилъ сынъ, — пусть и такъ.

Въ столовую вошелъ о. Аѳанасій.

— Можно объявить отцу? — спросила Анна Михайловна нерѣшительно.

— Говорите.

Мать скорѣе догадалась, чѣмъ разобрала отвѣтъ сына.

— Аѳанасій Григорьевичъ, — сказала она, обращаясь къ мужу: — вотъ Яша сейчасъ сказалъ, что онъ беретъ мѣсто о. Никифора.

— А-а!...

И, обернувшись къ сыну, протопопъ промолвилъ:

— Вѣрно, Яковъ?

— Да, — отвѣтилъ онъ такимъ тономъ, словно произносилъ самъ себѣ смертный приговоръ.

— Ну, вотъ, это хорошо, что ты наконецъ надумалъ. Давно пора. Что же... Надо послать будетъ сегодня туда сказать.

Онъ опустился на стулъ и съ довольствомъ, которое выразилось и въ его лицѣ, и въ голосѣ, добавилъ:

— Это хорошо, и не жалѣй, увидишь, что твои родители правы.

Яковъ Аѳанасевичъ ничего не отвѣтилъ на это, допилъ чай, поднялся со стула и молча вышелъ изъ столовой.

Онъ прошелъ въ свою комнату, постоялъ у стола, потомъ надѣлъ фуражку и отправился черезъ кухню на дворъ, а оттуда въ поле. Ему вдругъ вспомнились слова Марьи Ивановны: «Соня просила кланяться и передать вамъ, чтобы вы вѣрили молитвамъ».

Онъ почувствовалъ рѣзкую боль въ сердцѣ и въ мозгу, его губы искривились отъ горькой улыбки. Онъ шелъ впередъ... Острая боль начала стихать и перешла въ тупую, давящую.

Поздно вечеромъ онъ вернулся домой.

XXIX.

О. Аванасій былъ радъ, что сынъ «наконецъ-то образумился и далъ согласіе».

— Конечно,—заявилъ онъ женѣ:—я заставилъ бы его сдѣлать по-моему, но все-таки лучше, что обошлось безъ принужденія.

Анна Михайловна ничего не сказала на это и только вздохнула. Она была и сама довольна, что сынъ оставался близъ нихъ и бралъ мѣсто, но одна мысль подавляла ее и отравляла радость. Анна Михайловна понимала, что только ея рѣшительный шагъ привелъ дѣло къ желаемой развязкѣ, что побѣда почти всецѣло принадлежитъ ей. Но эта побѣда была достигнута дорогой цѣной. Анна Михайловна не переставала мучиться отъ сознанія, что ей пришлось «пойти на обманъ». Но вѣдь иного способа не находилось,—пыталась она оправдывать и утѣшать себя. Несмотря на такіе доводы, она мучилась. Дѣлая рѣшительный шагъ, она была убѣждена, что борется за счастье сына. И вотъ теперь у нея вдругъ зародилось сомнѣніе: «а будетъ ли онъ счастливъ?» Она опять-таки старалась убѣдить себя, что, «конечно, будетъ», и въ то же время чего-то боялась. Все время она безусловно вѣрила въ счастье сына съ Дуней, а теперь вдругъ явилась боязнь за будущее. Словно эти мученія были посланы ей, какъ кара за ея вѣроломный поступокъ. Она не удержалась и подѣлилась мыслями съ мужемъ.

— Вотъ тебѣ на!—проговорилъ о. Аванасій, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на жену:—сама все твердила, что лучше Дуни жены не найти для Якова, а теперь несеть Богъ знаетъ что!

— И теперь скажу то же самое: а если только онъ ея не полюбитъ, что тогда?

— Э, полно говорить вздоръ! И Яковъ-то надоѣлъ мнѣ, а еще ты...

Видя, что отъ мужа она ничего другого не дожидается, Анна Михайловна обратилась къ матери.

Та выслушала сѣтованія дочери и сказала:

— Полно, Аннушка; онъ скоро Дуняшу полюбитъ. Огорченное сердце запроситъ ласки. Вотъ, если бы его заставили насильно отказаться отъ той, ну, это другое дѣло. А разъ та ему измѣнила, такъ это лучше. Извѣстно, онъ потоскуеть, а потомъ и привяжется къ Дунѣ. Любовь всегда родитъ любовь, какъ и злоба злобу.

— Какой онъ скучный, маменька! Словно онъ плачетъ потихоньку... Глаза красные.

— Все можетъ быть, Аннушка. Ты думаешь, легко перенести-то ему. Вѣдь онъ ее любилъ и любить, это ясно. Сердце у него привязчивое. Крѣпко полюбилъ онъ... А все пройдетъ. На Дуню злобы у него теперь не можетъ быть.

— Да и никогда не могло быть, маменька.

— Ну, какъ же: если бы та осталась вѣрна, а его приневолити бы на Дунѣ жениться, безпремѣнно злоба противъ нея явилась бы у него. На счастье фабрикантъ-то прельстилъ ту.

— Да, конечно,—сказала Анна Михайловна, подавляя вздохъ.

Она не договорила и какъ бы сама не рѣшалась уяснить себѣ причину своей тревоги. Анна Михайловна не столько тревожилась о томъ, что сынъ не полюбитъ Дуню, хотя объ этомъ и говорила мужу, сколько боялась, что все откроется, и сынъ узнаетъ правду. О. Аѳанасій торопился сговоромъ и свадьбой и дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ согласно съ о. Никифоромъ. Анна Михайловна также говорила, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, хотя и понимала, что этимъ достигается не прочность счастья сына, а только предупрежденіе скандала, если бы правда открылась. Только одно соображеніе успокоивало ее: «Дуня сумѣетъ заставить полюбить себя и покорить лаской Якова». Увѣренность Агніи Капитоновны начала передаваться и Аннѣ Михайловнѣ. Она нѣсколько повеселѣла.

Наканунѣ сговора Крестовоздвиженскій рассказалъ бабушкѣ о своемъ посѣщеніи Трудолюбова и о его жизни въ Пустынѣ. Бабушка сидѣла въ комнатѣ внука; о. Аѳанасій уѣхалъ съ требой къ умирающему, Анна Михайловна ушла по дѣлу къ женѣ церковнаго старосты.

— Вотъ видишь, Яшенька,—сказала старуха:—прекрасно живетъ человѣкъ... А тѣ, чиновники-то, бѣдствуютъ. И ты хорошо устроишься. Не печалься, соколикъ, будь веселѣй... Полно... на всякомъ мѣстѣ можно быть человѣкомъ. Кто чего ищетъ... Не бойся ты іерейства, Яшенька...

— Я не боюсь, бабушка, да только... что же я съ сердцемъ подѣлаю?

— Ну, Христось съ тобой... Ты молись, Яшенька... Господь и сниметъ печаль съ сердца. Я понимаю тебя, родной мой... Какъ не обидно... обидно, конечно... А вотъ видишь, бабушка твоя и права... ты по себѣ всѣхъ мѣряешь...

Агнія Капитоновна нарочно подчеркивала измѣну Сони; старуха понимала, что эта измѣна тяжела внуку, но она понимала также, что эта боль вызоветъ и другое чувство, которое вытолкнетъ любовь къ Сонѣ изъ сердца и, такъ сказать, очиститъ мѣсто для любви къ Дунѣ.

Агнія Капитоновна еще не кончила начатой фразы, когда вдругъ въ комнату вошелъ Псалмопѣвецъ.

— Яковъ!—воскликнулъ онъ, не поздоровавшись даже съ Агніей Капитоновной, и остановился посреди комнаты:—что за басню сообщили мнѣ сейчасъ... говорятъ, что ты идешь въ попы!.. Быть не можетъ! Я не хочу вѣрить!

Крестовоздвиженскій смутился.

— Вѣрно, батюшка, вѣрно, поздравьте Яшенку, — проговорила старуха, предупредивъ отвѣтъ внука: — завтра стоворы...

— Такъ это правда, а не басня! Тьфу ты, дьявольщина! Я тутъ хлопочу, изъ силъ выбился... лечу сюда... вдругъ...

Онъ не договорилъ, покачалъ головой, глядя на Крестовоздвиженскаго, и произнесъ съ сожалѣнiемъ:

— Эхъ, боецъ, боецъ! И втихомолку, не предупредивъ меня...

— Неофитъ, я тебѣ все объясню, — произнесъ Крестовоздвиженскiй въ волненiи.

— Да скажи, пожалуйста... ты съ ума сошелъ что ли? — перебилъ Псалмопѣвцевъ. — Съ чего это?

— Да что вы, батюшка, такъ-то? — снова вмѣшалась бабушка: — замѣсто того, чтобы поздравить товарища, вы вдругъ его сумасшедшимъ зовете...

— Эхъ, Божья старушка! — сказалъ Псалмопѣвцевъ, садясь на стулъ: — поздравлять-то не съ чѣмъ! Я думалъ, что онъ въ люди выйдетъ... а теперь...

— Да нешто священники и не люди... какъ это вы такъ говорите? — промолвила Агнiя Капитоновна обидчиво... Пастырь Христовъ, и вдругъ...

— Ну, что, бабушка, антимонiи разводить, — перебилъ Псалмопѣвцевъ: — надо говорить прямо: идетъ Яковъ въ мужицкiе захребетники, нахлѣбники... станетъ за ругой ѣздить да яица собирать, съ бабами спорить: «ты, Матрена, сметаны-то чего жалѣешь для отца духовнаго?.. прибавь»... Вотъ вамъ и пастырство!

— Неофитъ, — началъ было Крестовоздвиженскiй, но Псалмопѣвцевъ не далъ ему продолжать.

— Ну, что, скажешь, не вѣрно? Полно, будь хотя правдивъ-то!

— Не дѣло вы опять говорите, — возразила старуха, приходя въ волненiе: — всякiй отъ своихъ трудовъ питается... вѣдь и доктора, батюшка...

— Эхъ, куда хватили! — воскликнулъ Псалмопѣвцевъ, не дослушавъ: — ну, да что разсуждать даромъ... Сдѣлано дѣло... и конецъ всему.

Но, какъ бы спохватившись, онъ вдругъ произнесъ другимъ тономъ, обращаясь къ прiятелю:

— Яковъ, да образумься... Еще и стоворы не было... Можно все поправить, я денегъ досталъ... ѣдемъ!

— Батюшка, вы это что же... смущать пришли?

Не слушая старухи, Псалмопѣвцевъ подошелъ къ Крестовоздвиженскому и повторилъ, кладя ему руку на плечо:

— Встряхнись, Яковъ!.. пока еще не поздно!

— Зачѣмъ? мнѣ теперь все равно!

И, поднимаясь со стула, Крестовоздвиженскiй добавилъ:

— Пойдемъ въ огородъ... Я тебѣ все разскажу.

— Вотъ оказія!—произнесъ Псалмопѣвцевъ:—все время чело-
вѣкъ стоялъ, стоялъ на своемъ и вдругъ... Чѣмъ тебя подкупили
врази твои?—продолжалъ онъ, идя за Яковомъ Аванасьевичемъ.

— Ахъ, безпутый!—прошептала Агнія Капитоновна, глядя вслѣдъ
уходившему:—совсѣмъ отчаянный! Пришелъ въ домъ священника
и что говорить!... Ну, человекъ!

Пріятели вышли на дворъ.

— Мнѣ все равно теперъ!—повторилъ Крестовоздвиженскій,
отворяя калитку въ огородъ:—тамъ все рухнуло!

— Гдѣ—тамъ?

— Да... Соня... она... выходитъ замужъ.

Крестовоздвиженскій рассказалъ все товарищу.

— Вотъ что!.. Значитъ, дѣвочка не промахъ... Ну, такъ что же
тебѣ, значитъ, не академія была нужна, а все дѣло въ Сонѣ? Ки-
сляй, кисляй! А я-то повѣрилъ тебѣ, что ты не чувствуешь при-
званія къ поповству... Возился... А вся цѣна тебѣ грошъ ломаный!

Слова пріятеля съ болью отозвались въ сердцѣ Крестовоздви-
женскаго.

— Зачѣмъ ты бранишься, Неофитъ?—сказалъ онъ съ горечью.—
Бхатъ въ Петербургъ... да... это тяжело: еще встрѣтишься...

— Такъ что же? умрешь, что ли?—возразилъ Псалмопѣвцевъ...
Экая важность!.. Не клиномъ сошелся свѣтъ... Было бы чего жа-
лѣть... А то невысокаго качества и Соня твоя... Такое же дрянцо...
Только на иной манеръ...

Крестовоздвиженскій поблѣднѣлъ.

— Какъ ты говоришь!—промолвилъ онъ.—Я вижу, ты сер-
дишься на меня, Неофитъ...

Якову Аванасьевичу было тяжело. Слезы подступали къ горлу...
Хотѣлось во многомъ открыться пріятелю, но насмѣшливое отно-
шеніе Псалмопѣвцева и еще что-то, непонятное и самому Кресто-
воздвиженскому, удерживало этого послѣдняго отъ откровенныхъ
изліяній и заставляло его замкнуться въ себѣ.

А Псалмопѣвцевъ между тѣмъ продолжалъ:

— Въ попы... И зачѣмъ бурлил!.. Вѣнчался бы давно... Я го-
ворилъ тебѣ, что ты рожденъ для рясы... Такъ и вышло... Только
юбка Сонина и тянула тебя, а не академія... И умно сдѣлала
Сонька, что за фабриканта выходитъ... Изъ Москвы въ Питеръ за
ней полетѣлъ и ужъ, видно, старался, что тебя забыла. Я напрасно
ее выругалъ: не однѣ деньги сманили ее, а просто поняла, что ты
кисель, а тотъ съ силой человекъ. Такіе, какъ ты, никому не нужны,
кромѣ дурочекъ, въ родѣ Дуни. Ну, и грызите орѣхи, и милуйтесь...
Чортъ съ вами!

Псалмопѣвцевъ не щадилъ пріятеля. Онъ былъ возмущенъ,
озлобленъ и «вымещалъ сердце» на Крестовоздвиженскомъ. Яковъ
Аванасьевичъ молчалъ и только то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Онъ въ

душѣ признавалъ справедливымъ гнѣвъ Псалмопѣвцева, и когда этотъ кончилъ, то онъ не въ оправданіе, а въ видѣ мольбы произнесъ снова:

— Неофитъ, не сердись, Бога ради... Мнѣ и такъ тяжело.

Въ его голосѣ слышались слезы.

Псалмопѣвцевъ былъ горячъ, порывистъ, неразборчивъ на слова, но не злой въ душѣ. Ему стало жалко пріятеля, и онъ произнесъ мягче, опускаясь на скамейку, стоящую вблизи бесѣдки:

— Что ты канонить-то задумалъ! Да я оттого тебя и ругаю, что еще люблю дурака этакого! Тебя же жаль мнѣ. Вѣдь ты замуравить себя заживо хочешь. Ну, что за жизнь: крести да отпѣвай—экое веселіе! Облѣнишься, огрубѣешь, въ такого же попа, какъ отецъ, превратишься, а то, пожалуй, и хуже. Повезешь потомъ сына въ семинарію и тоже будешь въ попы тащить.

— Нѣтъ, онъ будетъ учиться въ гимназіи.

— Кто?

— Сынъ мой.

— Ахъ, ты чучело!—уже засмѣявшись, сказалъ Псалмопѣвцевъ:—въ гимназіи!.. Да ты еще женись, да вырасти... Можетъ быть, и сына не будетъ.

— Ты же говоришь.

— Я говорю! Ты говоришь! А тамъ, братъ, жизнь будетъ говорить!.. А ты рѣшать погоди... Эхъ, Яшка, Яшка! Напрасно я тебѣ повѣрилъ. Забылъ, изъ какого ты тѣста сдѣланъ...

Онъ поднялся.

— Ну, прощай, попове! Миръ вамъ да совѣтъ и двѣ дюжины ребятъ!

— Погоди, Неофитъ... Вѣдь ты скоро уѣзжаешь...

— Завтра же!.. Я и такъ изъ-за тебя столько времени потерялъ—гляди, срокъ пропущу.

Онъ протянулъ руку.

— Некогда мнѣ... Ну, черезъ годъ свидимся, можетъ быть... А окопѣю, отслужи панихиду по безшабашномъ рабѣ Божьему Неофитѣ.

Крестовоздвиженскій крѣпко пожалъ протянутую руку; ему было тяжело и тоскливо разставаться съ пріятелемъ... «Вотъ вмѣстѣ бы ѣхали... А теперь»...

— Кланяться Сонѣ, что ли?—спросилъ Псалмопѣвцевъ, прерывая его думы.

— Ты развѣ будешь у нея?

— Съ какой стати! А такъ... встрѣтимся, можетъ... Я ее узнаю... Слушай, Яковъ: хочешь, такъ и быть, я схожу къ ней отъ тебя? Предлогъ найду, не бойся... А то, пиши сейчасъ письмо...

— Зачѣмъ же?

— А пусть все объяснитъ... Интересно посмотрѣть на нее...

Крестовоздвиженскій подумалъ и произнесъ:

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Уже все кончено теперь... А если встрѣ-
тишь... кланяйся ей... скажи, что я ей желаю... счастья... Да ты
ее едва ли застанешь въ Петербургѣ... Она, вѣроятно, уѣдетъ скоро
съ мужемъ въ Казань.

— Ну, какъ знаешь!.. Носи хомутъ! Да смотри, не давай Дуныкѣ
осѣдлать себя... Она хотя и дурочка, а вожжи забрать сумѣетъ...

Онъ засмѣялся, Крестовоздвиженскій принужденно улыбнулся.

— Ну, прощай!—повторилъ Псалмопѣвецъ.—Какъ ни какъ,
хотя ты меня и надулъ, а все-жъ друзья... Давай, простимся по-
прятельски.

Они расцѣловались.

— Жаль мнѣ тебя, Яша!—искренно произнесъ Псалмопѣвецъ
и добавилъ, какъ бы не имѣя силъ примириться съ совершившимся:

— Не вѣрится, просто! Давно ли разсуждали съ тобой... Я
мчался сюда... радуясь, что досталъ деньги... И вдругъ—какой
сюрпризъ! Эхъ!

Онъ энергично махнулъ рукой и пошелъ изъ огорода. На дворѣ
у забора была привязана гнѣдая малорослая лошаденка. Псалмо-
пѣвецъ вскочилъ на нее, кивнулъ головой и, не удержавшись,
крикнулъ:

— Ну, благослови, отче!

XXX.

Время отъ сговоровъ до свадьбы обыкновенно самое веселое
для жениха и невѣсты. Если они влюблены другъ въ друга, то
стараятся воспользоваться полнѣе долей свободы, какая допу-
скается для помолвленныхъ. Положимъ, въ духовной средѣ, гдѣ
чаще всего женятся по расчету, берутъ не невѣсту, а мѣсто, о
позѣи брачной жизни заботятся мало. Все-таки, если невѣста не-
дурна, то женихъ не остается къ ней равнодушнымъ, хотя бы и
не былъ влюбленъ въ нее. Близость красивой дѣвушки невольно
наэлектризовываетъ его и пробуждаетъ въ его сердцѣ ту страсть,
которая одна только и придаетъ праздничный характеръ обыден-
ной и прозаической жизни большинства людей.

Дуня была недурна, Яковъ Аванасьевичъ влюбчивъ. Будь его
сердце свободно, онъ навѣрное скоро увлекся бы и почувство-
валъ ту радость, какую приносить однимъ своимъ присутствіемъ
хорошенькая дѣвушка. А если эта дѣвушка еще и любитъ васъ,
то радости легко перейти въ то чувство, которое дѣлаетъ чело-
вѣка счастливымъ и молодымъ даже въ зрѣлые годы.

Дуня любила Крестовоздвиженскаго, сама, по выраженію Анны
Михайловны, «ластилась» къ жениху, и если онъ не поддавался
всецѣло опьяняющей страсти, то потому только, что его сердце

жило еще любовью къ Сонѣ. Если люди подолгу не могутъ выкинуть изъ сердца «трупъ» старой любви, то какъ же могъ Крестовоздвиженскій сразу освободиться отъ любви, которая еще была жива, сильна, которою еще трепетало его раненое сердце.

У молодого человѣка не было злобы противъ Дуни, онъ отдавалъ ей должное, ему нравилась ея чистота, доброта, онъ невольно любовался ея свѣжимъ личикомъ, его заражалъ ея здоровый смѣхъ, трогало ея чувство къ нему, ему было жаль ее—и онъ сознавалъ свою вину передъ нею. Въ самомъ дѣлѣ: она отдастъ ему свою первую любовь, свое чистое сердце... А онъ? Что дастъ онъ ей? Онъ ея не любитъ, онъ любитъ другую и не можетъ забыть ее. Онъ жлетъ... Ему было не только совѣстно, но и страшно за будущее. Не лучше ли отказаться, что бы ни вышло изъ этого? Это честнѣе.

Онъ тосковалъ, томился... Въ день стѣвора онъ былъ самъ не свой. Точно его не обручали, а забивали въ кандалы. Его преслѣдовала одна мысль: «надо ей все сказать, пусть знаетъ»... За ужиномъ онъ немного оживился, даже развеселился: разгорѣвшаяся, хорошенькая Дуня задѣла его, и онъ почувствовалъ сладость отъ ея близости, она потянула его къ себѣ... Но это было еще не то чувство, которое вызвала у него Соня. И настроеніе, охватившее молодого человѣка, было непродолжительно... Опять пробудилась глухая старая боль. А та же мысль и еще настойчивѣе билась въ мозгу: «скажи ей всю правду, это надо... иначе нечестно». Но у него теперь не хватило рѣшимости, да и мѣшали гости. «Все равно, на-дняхъ же ей скажу, до свадьбы»...

Онъ равнодушно слушалъ всѣ разговоры о предстоящей брачной жизни, а когда зашла рѣчь о росписи, и обратились къ нему, онъ точно испугался и воскликнулъ въ смущеніи:

— Все равно... дѣло не въ этомъ...

Онъ неясно выразилъ свою мысль, не договорилъ даже фразы, и Анна Михайловна постаралась перетолковать ее въ пріятномъ смыслѣ для родныхъ невѣсты:

— Ну, конечно,—сказала попадья съ улыбкой:—когда любя невѣста,—не въ приданомъ дѣло.

И добавила, обращаясь къ теткѣ Дуни:

— Вотъ она молодость-то, Анѳиса Леонтьевна! Ну, а мы постыли и можемъ спокойно говорить о такихъ вещахъ.

И она «спокойно» заговорила, какъ женщина, которая своего не упуститъ, хотя, конечно, дѣло не въ приданомъ, а въ невѣстѣ. Впрочемъ, спора и не предстояло. «Дуня одна у насъ... все ей... другому и некому, развѣ что немножко племянникамъ»,—заявила Анѳиса Леонтьевна.

Якову Аванасьевичу не легко было объясняться съ Дуней. Онъ считалъ себя обязаннымъ открыться, тайна мучила его, но не хва-

тало рѣшимости, да и каждый разъ, какъ только онъ приступалъ къ объясненію, кто нибудь мѣшалъ ему.

А время шло. До свадьбы осталось всего нѣсколько дней. Дальше откладывать было нельзя, тѣмъ болѣе, что онъ не часто ѣздилъ къ невѣстѣ. И вотъ онъ рѣшился объяснить въ что бы то ни стало. Онъ поѣхалъ къ Осокинымъ верхомъ, послѣ обѣда. Ему сегодня посчастливилось,—онъ засталъ невѣсту одну: о. Никифоръ спалъ, а тетка ушла къ дьяконицѣ. Не было никого и изъ дѣвушекъ—подругъ Дуни. Невѣста выбѣжала на встрѣчу и ласково промолвила:

— Вотъ паинька, что пріѣхали... хвалю!

Она сдѣлала движеніе, какъ бы вызывая жениха на цоцѣлуй. Но онъ только пожалъ руку невѣстѣ и смущенно произнесъ:

— Авдотья Никифоровна, пойдите въ садъ... мнѣ надо вамъ сказать очень важное.

Онъ смотрѣлъ въ сторону, избѣгая взглядовъ дѣвушки.

— Пойдемъ,—согласилась она:—но что такое?

Въ ея словахъ послышалась тревога.

— Вы не письмо ли изъ Питера получили?—спросила она, когда они спускались съ террасы.

— Письмо? отъ кого?—спросилъ въ свою очередь Крестовоздвиженскій, быстро поднимая голову.

— Отъ кого нибудь... я вѣдь все знаю,—добавила она:—молчала только... а вы скрытный... ахъ, какой скрытный!..

— Я скрытный? Нѣтъ, Авдотья Никифоровна... Я не скрытный... Я нарочно и пріѣхалъ, чтобы все объяснить... Но если вы знаете... что же вы знаете?

— Знаю все!—повторила Дуня:—а вы что хотѣли объяснить? Ну, говорите.

Крестовоздвиженскій обрадовался намекамъ Дуни и ждалъ, что она сама скажетъ ему то, что ему было такъ трудно передать. Тогда бы онъ только подтвердилъ. Но невѣста не сказала и задала вопросъ. Яковъ Аванасьевичъ не былъ увѣренъ, что Дуня знаетъ именно то, что онъ хотѣлъ ей открыть. Можетъ быть, она имѣетъ въ виду что нибудь другое.

Онъ въ молчаніи сдѣлалъ еще шага три и произнесъ:

— Вы упомянули о письмѣ... Отъ кого же оно могло быть по вашему мнѣнію? отъ Псалмопѣвца?

— Нѣтъ.

— Отъ кого же еще?

Онъ пытливо глядѣлъ на нее.

— Можетъ быть, вы писали той,—сказала Дуня.

— Кому—той?

Голосъ Крестовоздвиженскаго дрогнулъ.

— Той, въ которую вы были влюблены... какъ ее... Соней, что ли зовутъ?

— Такъ вы это знали?.. знаете?.. съ удивленіемъ проговорилъ молодой человѣкъ.

— А вы думали—нѣтъ!

— И... и что же?

— Да ничего.

Дѣвушка засмѣялась.

— Вы смѣетесь?—съ еще большимъ удивленіемъ произнесъ Яковъ Аѳанасьевичъ.

— А что же—плакать?.. О чемъ это?.. Вѣдь то было... не на ней, а на мнѣ женитесь... о чемъ же мнѣ плакать?

Крестовоздвиженскій все болѣе и болѣе изумлялся. Онъ никакъ не ожидалъ услышать то, что слышалъ. Онъ такъ стѣснялся... боялся поразить, обидѣть невѣсту, и вотъ она говоритъ такъ просто, даже смѣется, словно въ «тайнѣ» и нѣтъ ничего особеннаго.

— Развѣ васъ это не тревожитъ, не обижаетъ?—промолвилъ онъ.

— А что такое? почему тревожиться? Тети всегда говоритъ: «что до свадьбы, это пустяки... не было бы только послѣ чего»... Это вѣрно.

— Ну... я... не такъ... произнесъ женихъ, пожимая плечами:—если бы вы, напримѣръ, сообщили мнѣ...

— Ну, это дѣло другое!—искренно вырвалось у Дуни.

— Почему?

— Вы—мужчина... Тети тоже говоритъ: «къ дѣвушкамъ всякая пылинка льнетъ... а мужчины—чтò»...

Она твердо и беззапѣтно исповѣдывала обиходный катихизисъ толпы. Крестовоздвиженскій и самъ почти такъ же смотрѣлъ на «права» мужчинъ, ибо «быль—молодцу не укоръ». Но онъ все-таки не могъ понять, какъ можно не чувствовать обиды, какъ можно встрѣчать равнодушно «такое извѣстіе». Онъ промолвилъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою:

— Все-таки... развѣ не обидно—это?

— Да какая же обида?—возразила Дуня.—Вы были влюблены, а теперь нѣтъ.

— Да почему вы это знаете?—воскликнулъ Крестовоздвиженскій не то съ болью, не то съ досадой.

— Развѣ вы... еще все влюблены?—какъ бы не вѣря, спросила невѣста.

— А если да... что тогда?..

По мнѣнію Якова Аѳанасьевича, эти слова должны были поразить дѣвушку. Но она, помолчавъ, проговорила:

— Неужели она такъ хороша?

— Позвольте!.. но... какъ же вы пойдете за меня?

— Это же у васъ все пройдет!.. Не можете вы ее вѣчно любить. Когда Копосовъ женился на Настенькѣ Тихомировой, онъ

страсть какъ былъ вгюрившись въ Катеньку Румянцеву... А теперь души въ женѣ не чаешь... И всегда такъ бываетъ... То— такъ... мало ли кто нравится... А тутъ—законная жена.

Крестовоздвиженскій былъ разбитъ и обезоруженъ. Онъ не зналъ, что и отвѣтить Дунѣ.

— А развѣ я вамъ противна?—вдругъ спросила она.

Жениху стало неловко отъ этого вопроса. И этотъ вопросъ, противъ желанія Дуни, которая не рассчитывала на его силу, произвелъ очень благопріятное впечатлѣніе на жениха, заставивъ его обратить безпристрастное вниманіе на дѣвушку.

— Что вы еще выдумаете!—воскликнулъ Крестовоздвиженскій искренно... Развѣ вы уродъ!..

— Да?—обрадовавшись, сказала Дуня.—Я немногимъ хуже... Сони?

Она сказала это такъ мило, что молодой человѣкъ невольно восхитился ея наивностью, и съ той же искренностью отвѣтилъ ей:

— Вы очень хорошенькая, Авдотья Никифоровна!

— Вы это находите? Ну, такъ вы меня полюбите и забудете Соню. Да иначе и быть не можетъ... Тетя права...

— Въ чемъ?

— Она говоритъ, что горячая любовь всегда вызываетъ любовь.

— А развѣ вы меня горячо любите?

Краска залила щеки молодого человѣка.

— А развѣ вы не видите?—сказала Дуня.—Иначе зачѣмъ я ждала бы такъ долго, пока васъ уламывали... Я все знала... Тетя не разъ говорила мнѣ: «жениховъ много, Дуняша... выходи за другого»... Но я сказала, что не пойду... Я была увѣрена, что все случится такъ...

— Почему же вы были увѣрены?

— Не знаю почему... такъ... была увѣрена, и все тутъ... сердце говорило мнѣ...

Крестовоздвиженскій посмотрѣлъ на Дуню, и ему вспомнились слова бабушки: «Она стоитъ любви».. Да, это вѣрно... она славная... И онъ радъ былъ бы полюбить. О, какъ все хорошо сложилось бы тогда! Никакой муки, никакой тоски... «Все такъ и будетъ»... Онъ желалъ этого, потому что иначе какая же ему предстоитъ жизнь? Онъ желалъ, но не вѣрилъ, что можетъ такъ случиться. Ему казалось, что этого никогда не случится, потому что онъ никогда не забудетъ Сони, никогда не затихнетъ боль сердца.

Онъ тяжело вздохнулъ и произнесъ:

— Ну, Авдотья Никифоровна... Я все сказалъ вамъ... Не вините меня.

— И не буду... да и не придется...

Непоколебимая увѣренность слышалась въ ея отвѣтѣ.

Женихъ протянулъ руку.

— Ну, до свиданья.

— Какъ? Вы уѣзжаете? Только за этимъ и прїѣзжали?—воскликнула Дуня.

— Да, за этимъ... Мнѣ кажется, стоило ѣхать!—съ отгѣнкомъ досады сказалъ онъ.

— Ну, вотъ! Оставайтесь! Скоро соберутся подружки... будутъ пѣть пѣсни...

— Нѣтъ, не могу... Мой поклонъ бабушкѣ... Анненсѣ Леонтьевнѣ...

Онъ повернулся и быстро пошелъ изъ сада.

— А вотъ за это вы бяка, а не паинька!—крикнула ему вслѣдъ Дуня.

Она надула губки, но въ голосѣ ея прозвучалъ смѣхъ.

XXXI.

— Ёдутъ, ёдутъ!—закричала дѣвочка, стоявшая на крыльцѣ дома. Аннѣса Леонтьевна, уставлявшая въ залѣ приборы на свадебномъ столѣ, услышала это и кинулась въ сосѣдную комнату.

— Анна Михайловна! пожалуйте скорѣе, молодые ёдутъ отъ вѣнца!

Попадья засуетилась.

— Гдѣ же хмель-то? Хмель гдѣ?

— Здѣсь, здѣсь!.. Маша, бери лукошко и неси за матушкой.

Анна Михайловна поспѣшила на крыльцо, за ней слѣдовала дѣвочка съ лукошкомъ, наполненнымъ хмелемъ.

Молодые уже вышли изъ тарантаса и подходили къ крыльцу.

Оживленная, счастливая Дуня сегодня была особенно хороша. Она шла, какъ побѣдительница, съ улыбкой отвѣчая на поклоны и привѣтствія женщинъ и дѣвицъ, толпившихся на дворѣ и на улицѣ.

Дуня была одѣта въ бѣлое кисейное платье съ двумя широкими воланами на юбкѣ и съ широкими же рукавами, обшитыми кружевомъ. Талию перетягивала бѣлая атласная лента, завязанная сзади пышнымъ бантомъ. Широкая воздушная одежда красиво волновалась на молодой женщинѣ, поминутно измѣняя форму и обозначая волнистыя линіи полнаго здороваго тѣла. На матовомъ фонѣ кисей атласъ кушака отливалъ серебромъ. Пышныя букли волосъ сдерживала тюлевая фата, прикрѣпленная къ вѣнчику изъ флеръ-доранжа, необыкновенно шедшаго къ свѣжему личику Дуни.

Яковъ Аванасьевичъ сегодня много проигрывалъ передъ нею. Новый сюртукъ сидѣлъ на немъ нѣсколько мѣшковато; волосы, слишкомъ напомаженные, сдѣлали прическу прилизанной, которая не шла къ нему. Онъ имѣлъ растерянный видъ человѣка, совершавшаго такое дѣло, которое не допустимо, по его мнѣнію, но на которое онъ согласился лишь по слабости воли. Казалось, не онъ

велъ Дуню подъ руку, а она его, онъ же только покорялся ей и шелъ туда, куда она хотѣла.

Яковъ Аѳанасьевичъ началъ волноваться съ самаго утра, а когда онъ сѣдился въ тарантасъ, чтобы ѣхать къ вѣнцу, его била лихорадка. Потомъ она прошла, и Крестовоздвиженскій впалъ въ угнетенное состояніе. Словно камнемъ придавило ему сердце, и невыразимая тоска охватила его.

— Что съ тобой, Яша?—заботливо спросилъ его казенно-палатскій чиновникъ Титовъ, бывшій товарищъ его по семинаріи, приглашенный въ шафера.

— Скверно, Вася... точно что нибудь ужасное ждетъ меня... такая тоска, хоть... въ петлю...

— Полно, что ты!—испуганно возразилъ пріятель:—не волнуйся... успокойся... Чего тамъ ужаснаго!.. Невѣста хорошенькая, мѣсто чудное... заживете на славу... Брось думать объ академіи... Экъ тебя какъ Псалмопѣвцевъ-то настроилъ... Ну, не время грустить... Погрустилъ и будетъ... Теперь надо радоваться.

Однако уговоры шафера не дѣйствовали на Крестовоздвиженскаго. Всю дорогу онъ сидѣлъ убитый, тяжело вздыхалъ и хватался за сердце.

— Да ты здоровъ ли?—спросилъ Титовъ, когда они уже подѣзжали къ церкви.

— Здоровъ... Это не отъ болѣзни,—неохотно отозвался женихъ.

Титовъ въ недоумѣніи пожалъ плечами.

Въ церкви, въ ожиданіи невѣсты, Яковъ Аѳанасьевичъ еще болѣе поддался тоскѣ. У него явилась даже мысль убѣжать и скрыться. Онъ понималъ всю нелѣпость этой мысли, но она такъ овладѣла имъ, что ему пришлось употребить всю силу воли, чтобы устоять противъ искушенія. Потомъ онъ вдругъ вспомнилъ описаніе смертной казни какого-то преступника. Кругомъ люди, но онъ—одинъ. Вотъ сейчасъ придетъ палачъ—спасенія нѣтъ. Нѣчто подобное онъ испытывалъ теперь. Положимъ, стоитъ только сказать: «обѣщался»—и священникъ вѣнчать не станетъ. Но это невозможно... Мысли быстро мѣнялись... Вотъ плачетъ бабушка; плачетъ и говоритъ: «Яша, родной мой... это я отъ радости»... Благословляютъ родители и тоже плачутъ. Они-то отчего?.. Вѣдь они желали. И ему хочется плакать, но слезъ нѣтъ... Словно камнемъ придавило сердце, а слезъ нѣтъ.

— Невѣста пріѣхала! Яковъ Аѳанасьевичъ, идите встрѣчать невѣсту!

Чудный осенній день, точно лѣтній. Яковъ Аѳанасьевичъ выходитъ на паперть. Невѣста вся въ бѣломъ. «Настоящій цвѣтокъ!» долетаетъ до слуха жениха чье-то замѣчаніе. Онъ взглядываетъ на Дуню. Бѣлый нарядъ придавалъ ей видъ трогательной невинности. Онъ невольно засмотрѣлся на нее.

— Дайте руку невѣстѣ!—шепчетъ шаферъ.

Онъ наконецъ понялъ и въ смущеніи взялъ за руку Дуню.

— Гряди, голубица!—запѣли на клиросѣ.

Яковъ Аванасьевичъ опять взглянулъ на невѣсту. Она была прелестна. Не красота дѣлала ее такою, а то настроеніе, которое отражалось въ лицѣ. Что-то внутреннее придавало ей внѣшнюю прелесть. Крестовоздвиженскій вдругъ вспомнилъ лекціи по Римской исторіи. «Весталка!» Да, вѣроятно, такой видъ имѣли весталки.

Что-то успокоительное и радостное проникло въ его сердце. Тоска стихала. Онъ держалъ руку невѣсты; рука была мягкая, горячая.

Обрядъ уже начался. Вотъ о. Вуколь, священникъ ближайшаго села, спрашиваетъ жениха:

— Не общался ли кому?

Онъ слышалъ этотъ вопросъ, но вдругъ его мысль унеслась далеко, и онъ ничего не отвѣтилъ священнику. Онъ думалъ о Сонѣ: да, и ей тамъ приходилось отвѣчать на такой же вопросъ... Неужели она твердо и спокойно сказала: «нѣтъ»? И сейчасъ же другая мысль: а что если я скажу?..

О. Вуколь ждалъ отвѣта. Онъ съ удивленіемъ глядѣлъ на жениха. Смущеніе и тревога изобразились на лицѣ Дуни. Шопотъ пронесся по церкви. Одна изъ свахъ улынулась.

Къ Якову Аванасьевичу наклонился кто-то и шепнулъ:

— Отвѣчайте же: «нѣтъ»!

Онъ смутился и поспѣшно, громче, чѣмъ нужно, воскликнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ!

Въ толпѣ зрителей, собравшихся на вѣнчанье, раздался тихій смѣхъ.

Невѣста, не поднимая головы, отвѣтила:

— Нѣтъ.

И вотъ опять тоска, стихнувшая на минуту, охватила жениха. Онъ не слышалъ того, что пѣли и читали. Какъ въ полуснѣ, обошелъ онъ вокругъ анаоя и очнулся только тогда, когда ему пришлось при всѣхъ поцѣловать жену. Дуня просто, спокойно поцѣловала мужа и не могла удержаться отъ легкой улыбки при видѣ его смущенія. Начались поздравленія. Яковъ Аванасьевичъ жаль руки, цѣловался, благодарилъ. Но все это онъ дѣлалъ машинально, какъ заведенный манекенъ. Также безучастно отнесся онъ къ поцѣлову и поздравленіямъ своей любимицы Оеклуши.

— Ну, нашъ молодой не походитъ на счастливаго новобрачнаго,—сказалъ Первушинъ, бухгалтеръ водочнаго завода, обращаясь къ Титову.

Да, онъ походилъ скорѣе на плѣнника, котораго побѣдно вела за собою Дуня. Съ видомъ этого плѣнника Яковъ Аванасьевичъ приближался теперь къ крыльцу, на которомъ стояла Анна Михайловна.

Онъ отвѣчалъ на поклоны толпы какъ-то неловко, точно стѣсняясь своего положенія.

Едва молодые вступили на крыльцо, какъ Анна Михайловна, взявъ горсть хмеля, осыпала имъ обоихъ.

Дуня весело засмѣялась и тряхнула головой, съ которой посыпался хмель. Яковъ Аванасьевичъ, какъ бы озадаченный, остановился на мгновение, но Дуня увлекла его впередъ. Онъ шелъ съ хмелемъ на плечахъ и въ волосахъ.

Когда они поднялись на крыльцо, Анна Михайловна поцѣловала сына и потомъ невѣстку, которая ей поклонилась чуть не до земли. Анна Михайловна что-то проговорила и заплакала. Но это были счастливыя, радостныя слезы.

Въ дверяхъ зала встрѣтили молодыхъ о. Аванасій и о. Никифоръ.

Дуня у обоихъ поцѣловала руки и повлонилась свекору такъ же низко, какъ и Аннѣ Михайловнѣ. Яковъ Аванасьевичъ поцѣловался съ обоими «отцами». Старикъ Крестовоздвиженскій промолвилъ довольнымъ тономъ:

— Ну, вотъ, и слава Богу, Яковъ! Теперь ты на истинной дорогѣ... Господь да устроитъ вашу жизнь!

За порогомъ комнаты ждала Анѳиса Леонтьевна. Она обняла Дуню и крѣпко прижала ее къ себѣ.

— Благослови тебя, Господи!—въ волненіи прошептала она.

XXXII.

Свадебный столъ былъ простой, но обильный и сытный, «на славу», какъ говорятъ въ деревнѣ: и кушаній и всякаго питія вдоволь.

— Однако пиръ-то въ копеечку вскочитъ о. Никифору! — замѣтилъ лавочникъ, обращаясь къ сосѣду дьякону.

— Го!.. одна дочка-то, чай! — отвѣтилъ дьяконъ, наливая себѣ мадеры.

Онъ отхлебнулъ и добавилъ, улыбаясь:

— А мадера того... горьковата... Яковъ Аванасьевичъ! мадерца-то съ горечью какъ будто.

— Горько, горько! — подхватили и другіе гости слова дьякона. Оеклуша смѣялась и тоже кричала: горько!

Молодымъ пришлось «подслащать».

Обѣдъ подходилъ уже къ концу. Разговоры не смолкали ни на минуту. Общее оживленіе росло все болѣе и болѣе. Оживился и повеселѣлъ также и Яковъ Аванасьевичъ, выпитое вино произвело на него свое дѣйствіе. Не пить сегодня было нельзя.

— Шалишь, шалишь, — кричалъ Титовъ, скоро пришедшій въ самое игривое настроеніе: — ужъ сегодня напоимъ тебя пьянымъ! Сегодня должно!

— Вѣрно! — поддержалъ шафера дьяконъ. — Сегодня смиренно-мудріе, терпѣніе и прочія добродѣтели по боку! Помню я свадьбу Сиземскаго: до положенія ризъ напоили... Дьячка за молодуху принялъ и цѣловать началъ... умора... ха, ха, ха!

— Ничего тутъ нѣтъ смѣшного, — вмѣшалась въ разговоръ Анна Михайловна... — Одно безобразіе только!.. И какая же пріятность женѣ!

— Ну, молодая свое наверстааетъ! — сказалъ дьяконъ и захоталъ.

Засмѣялись и нѣкоторые изъ гостей.

Анна Михайловна опять хотѣла что-то возразить дьякону, но о. Аванасій остановилъ ее.

— Брось, мать, его не убѣдишь... видишь, онъ на как... възводѣ!.. Яша самъ знаетъ!

Онъ зналъ, но пилъ довольно охотно. Первые двѣ—три рюмки какого-то вина пріятно отуманили его, гнетущія мысли сразу куда-то уплыли, — онъ повеселѣлъ. Сначала онъ смущенно, краснѣя, «подслащивалъ» вино по требованію гостей, но потомъ, послѣ «хересовъ и мадеръ», онъ уже, развязно смѣясь, цѣловалъ Дуню при всякомъ восклицаніи «горько!» Послѣ выпитаго шампанскаго онъ еще болѣе оживился, началъ шутить и на чье-то замѣчаніе отвѣтилъ такъ находчиво, что вызвалъ одобреніе дьякона и счастливую улыбку жены. Феклуша часто кидала взгляды на брата, полные ласки и довольства тѣмъ, что ея Якушъ веселъ.

— Вотъ и отлично! — воскликнулъ Титовъ, обрадованный пере-мѣной въ женихѣ: — а то хмурый, словно туча... И съ чего?.. Счастливчикъ ты, братъ!.. Если бы у меня такая жена... да я бы...

— Пьемъ за твою будущую жену! — подхватилъ дьяконъ и, пользуясь предлогомъ, налилъ себѣ полный стаканъ вина.

Раздался смѣхъ, Засмѣялись и молодые.

— Ну, вотъ, Анюса Леонтьевна, все наладилось, какъ слѣдуетъ, и Яковъ веселъ, — сказала Анна Михайловна подошедшей старухѣ.

— Слава Богу, — отвѣтила та, перекрестившись: — а то какъ пріѣхали отъ вѣнца, у меня и сердце упало... вотъ тебѣ, думаю, и молодой!.. Словно его въ неволю тащаты!

— Ахъ, голубушка, ужъ больно ему въ академію-то медицинскую хотѣлось... надо по правдѣ признаться... Смutilъ его Псалмопѣвцевъ.

— Ну, родная моя, дѣло прошлое, что поминать... а тутъ только не въ одномъ Псалмопѣвцевѣ сила, — многозначительно подмигнувъ, произнесла старуха и отошла отъ сваты.

Анна Михайловна проводила ее долгимъ взглядомъ и подумала: «да ты, матушка, хоть проста, проста, а тоже ядику умѣешь подпустить!».

— Евдокія Никифоровна! Зачѣмъ вы пошли за Якова? Лучше бы за меня... Я люблю васъ пламенно! — раздался снова голосъ сильно подкутившаго Титова.

Гости засмѣялись.

А Титовъ продолжалъ:

— Евдокія Никифоровна! разводитесь! Пусть онъ ѣдетъ въ мѣдики!

— Ну, ужъ ты, братъ, того... переборщилъ!—перебилъ его дьяконъ.

— Почему?

— А потому... Язычекъ твой все о пороги задѣваетъ... ха, ха, ха!.. Выпей-ка лучше водицы.

Титовъ хотѣлъ возразить, но ему не дали. Начали вставать изъ-за стола. Кто-то взялъ Титова подъ руку и вывелъ изъ зала. Дуня отправилась въ свою комнату, которая отнынѣ становилась спальней молодыхъ.

Яковъ Аванасьевичъ вышелъ на террасу. Въ его головѣ шумѣло. Бодрящій воздухъ пріятно освѣжалъ ему лицо, которое пылало. Онъ распахнулъ сюртукъ и опустился на скамейку.

Къ нему подошелъ письмоводитель становаго, дальній родственникъ Псалмопѣвцева.

— И свадьба же... все по хорошему!—произнесъ онъ, сядясь рядомъ съ Яковымъ Аванасьевичемъ.—Я гляжу на васъ и дивлюсь: откуда прыть! Ну, что же, привыкать надо.

— Къ чему?—спросилъ Крестовоздвиженскій.

— Къ разнымъ питіямъ, или, какъ выражается о. діаконъ, «къ хересамъ и мадерамъ».

— Я не буду пить... это только сегодня.

— А тогда васъ не будутъ любить. Батюшку угощаютъ, а онъ не хочетъ... какъ можно!

Крестовоздвиженскій промолчалъ.

— Да—а,—протянулъ письмоводитель, не получивъ отвѣта... Ну, и денегъ же: точно лѣто!.. Вы устали?

— Нѣтъ... а что?

— Пройдемтесь по саду пока до танцевъ...

Крестовоздвиженскій всталъ.

— А что... не пишетъ вамъ ничего Неофитъ?—спросилъ онъ, когда они уже шли по дорожкѣ, которая вела къ бесѣдкѣ въ самомъ концѣ сада.

— Неофитъ?.. Ахъ, батюшки!.. Да вѣдь я предъ вами виноватъ!—воскликнулъ письмоводитель, ударяя себя по лбу.—Вамъ

письмо отъ него есть... Я еще третьяго дня получилъ... да думаю, что же пересылать, гонять человѣка... На свадьбѣ и отдамъ.

— Оно съ вами, значить?—порывисто спросилъ Крестовоздвиженскій.

— Какъ же! Чуть было не забылъ дома... Уже садясь въ тарантасъ, вспомнилъ... взялъ и сунулъ въ пальто... Я потомъ, какъ вернемся...

— Нѣтъ, вы лучше сейчасъ принесите... Я подожду васъ въ бесѣдкѣ,—перебилъ Крестовоздвиженскій, волнуясь.

— Можно!—согласился письмоводитель.

И онъ отправился за письмомъ торопливой, не совѣмъ твердой походкой.

Крестовоздвиженскій дошелъ до бесѣдки и опустился на диванъ. Душевное настроеніе его вдругъ измѣнилось. Еще ничего особеннаго онъ не узналъ, а уже веселость исчезла, какъ птичка, спугнутая легкимъ шорохомъ. Когда письмоводитель упомянулъ о письмѣ, что-то кольнуло въ сердце Крестовоздвиженскаго, и онъ рѣшилъ, что Неофитъ пишетъ по порученію Сони, или, во всякомъ случаѣ, послѣ свиданія съ нею. У него не было оснований для такого предположенія, и все-таки онъ рѣшилъ, что это именно такъ.

По ближней дорожкѣ прошла компанія молодежи съ веселыми шутками и смѣхомъ.

Вернулся письмоводитель.

— Ну, вотъ вамъ и посланіе!

Задумавшійся Яковъ Аванасьевичъ вздрогнулъ. Письмоводитель подалъ ему конвертъ. Онъ молча разорвалъ конвертъ, но вмѣсто ожидаемаго письма онъ нашелъ новый конвертъ, болѣе маленькій, на которомъ стояло только: «Я. А. Кр—му». Почеркъ женскій, довольно красивый. Онъ не зналъ почерка Сони, но онъ не сомнѣвался, что писала она. Кровь бросилась ему въ голову, и сердце забилось, какъ пойманная птичка. Она пишетъ... Что это значить? Почему не прямо ему? и почему черезъ Псалмопѣвцева? Эти мысли съ быстротой молнии пронесли у него въ мозгу, прежде чѣмъ онъ успѣлъ разорвать второй конвертъ. Не читая письма, Крестовоздвиженскій перевернулъ листокъ синей почтовой бумаги и посмотрѣлъ на подпись. Тамъ стояло: «всегда помнящая С.»; эта подпись не рѣшила вопроса, вышла Соня замужъ, или еще нѣтъ.

— Ну, вы читайте, а я пойду пить квасъ,—сказалъ письмоводитель и, сощуривъ глаза, добавилъ въ видѣ поясненія:—отъ этихъ «хересовъ» что-то подъ ложечкой скверно.

Яковъ Аванасьевичъ уже ничего не слышалъ. Онъ читалъ письмо, первыя же строки котораго словно обожгли его: «Я пишу вамъ, хотя уже ничего нельзя поправить: я — замужемъ, а вы, вѣроятно, обвѣнчаны. И все-таки я пишу... Я не могу допу-

стить, чтобы вы считали меня виноватой... Это ужасно, ужасно! Я не могу понять, какъ это случилось... Вы не получили отъ меня письма на свое, я не получила вашей депеши. Что вы не получили, я это вижу изъ словъ вашего пріятеля, съ которымъ случайно встрѣтилась на Невскомъ. Онъ остановилъ меня. Вѣрьте, что я не получала депеши. Я мучилась, не получая отвѣта, вся изстрадалась. И вдругъ мама получила письмо отъ тѣти; та сообщаетъ, что вы помолвлены, что уже назначена ваша свадьба. Я не хотѣла вѣрить, я не могла допустить... Но ваше молчаніе подтверждало все. А тѣтя писала еще: «такъ и должно было случиться, Яковъ Аванасьевичъ не могъ пойти противъ воли родителей». Это возмущало меня. Я не вѣрила все-таки... Но отъ васъ ни слова. Значить, не устоялъ и стыдится писать... Ну, что же! Я могла написать вамъ еще, но зачѣмъ? упрекать? бесполезно! Умолять о любви? Нѣтъ, на это я не способна... Клянусь, я любила васъ, и... не буду скрывать, — я и теперь еще люблю васъ, но—вымаливать... Нѣтъ, нѣтъ! Лучше попытка, смерть, чѣмъ это! У меня не было сомнѣнія... Какъ я могла предположить, что это все ложь... О, если бы я получила депешу — никакія силы не заставили бы меня согласиться дать слово другому! Но вы молчите... Тѣтя сообщаетъ, какъ вѣрное... Мама умоляетъ, онъ проситъ, какъ милости, моего согласія... Я была потрясена... И не все ли равно? Отчего же не выйти за того, кто такъ любитъ? Человѣкъ хорошій—я это скажу прямо... Если не вы... Я и дала согласіе... Не любя? спросите вы. Да, не любя, но уважая, цѣня чувство любви ко мнѣ. Я не солгала ему. Я сказала: я уважаю васъ, но я не люблю васъ... какъ любятъ обыкновенно... Я въ васъ не влюблена. Если вамъ этого довольно—я согласна. И онъ отвѣтилъ мнѣ буквально слѣдующее: «Для меня довольно. Я увѣренъ, что вы полюбите меня. Я заслужу вашу любовь». И я вышла. Не знаю, можетъ быть, я и полюблю моего мужа... Онъ хорошій, но пока еще я не могу сказать этого... Я еще живу прошлымъ... Боже мой! Зачѣмъ это я пишу вамъ? Бѣдный мой, дорогой мой! Встрѣча съ вашимъ пріятелемъ меня повергла въ ужасное состояніе. Я весь день рыдала, какъ безумная... Боже, Боже! И кто всему виновой? Какъ могли вы не получить моего письма! Куда дѣлась ваша депеша? Мы живемъ уже отдѣльно отъ мамы, но она ежедневно бываетъ у насъ... Я нарочно поѣхала къ ней... и умоляла ее сказать мнѣ... Она отвѣтила, что не получала никакой депеши отъ васъ. Но я не вѣрю ей... Въ ея голосѣ мнѣ слышалось что-то неискреннее... Неужели она скрыла? Мнѣ тяжело думать... Я чувствую, что неволью что-то легло между мной и мамой. Но я стараюсь увѣрить себя, что это не такъ... Но какъ же? А кто взялъ мое письмо? Его никому не могли отдать, кромѣ васъ и вашихъ родителей. Кто же? Господи!... Тутъ чувствуется какая-то неви-

димая рука... сила, способствующая всему... Ужели самъ Богъ противъ нашего союза? Почему? Мнѣ тяжело писать... Но я пишу... Зачѣмъ я пишу? Все непоправимо! Я плачу и пишу... Мнѣ хочется утѣшить васъ... Но развѣ это все утѣшеніе? Женская логика! Нѣтъ, примиримся со всѣмъ... Возьмемъ свой крестъ и понесемъ. Тетя пишетъ, что ваша невѣста—дѣвушка хорошая... Пошли вамъ Богъ счастья! Постарайтесь полюбить ее ради своего счастья. Я буду молиться за васъ, а вы, стоя у Престола, помолитесь обо мнѣ, какъ о другѣ... Мнѣ также нужны силы... Господи!. Господи!. Прощайте!. Не забывайте меня... или нѣтъ: лучше забудьте скорѣе... Я сама не знаю, что пишу!. Прощайте!. Всегда помнящая васъ С.

«P. S. Какъ жаль, что вы не поѣхали съ пріятелемъ! Васъ такъ поразила «моя измѣна», что вы измѣнили и мечтѣ вашей объ академіи. Другъ мой, если бы вы пріѣхали тогда, то ужели не пришли бы сразу ко мнѣ? А тогда я не была еще замужемъ и, конечно, узнавъ все, уже не вышла бы!.. Да, вѣрно, такъ назначено судьбой... Прощайте!. Всегда, всегда помнящая васъ С.»

Крестовоздвиженскій едва могъ дочитать письмо. Слезы застлали ему глаза. Кончивъ чтеніе, онъ зажалъ листокъ въ рукѣ, упалъ головою на столъ и зарыдалъ.

Въ такомъ положеніи застала его Анна Михайловна, которая уже искала его, и, узнавъ отъ письмоводителя, что онъ въ бѣсѣдкѣ и читаетъ письмо отъ Псалмопѣвцева, пошла туда.

Она была поражена.

— Яшенька, родной мой, что съ тобою?—воскликнула она испуганно.

При этихъ словахъ Крестовоздвиженскій быстро приподнялся и воскликнулъ голосомъ, полнымъ отчаянія и укора:

— Матушка, что вы сдѣлали со мною!

— Яша... голубчикъ!..

— Гдѣ письмо ко мнѣ отъ Сони?—продолжалъ онъ, устремляя на мать взглядъ, въ которомъ если и виднѣлось еще сомнѣніе, то оно было искрой, готовой сейчасъ потухнуть.

Анна Михайловна растерялась. Она поблѣднѣла и едва могла отвѣтить:

— Какое письмо?.. Богъ съ тобою!.. Я... не... видѣла никакого письма отъ Сони...

Голосъ ея дрожалъ, и въ ея глазахъ сынъ прочелъ всю ту правду, которую она силилась скрыть. Болѣзненная улыбка искривила губы молодого человѣка, и онъ засмѣялся такъ, что этотъ смѣхъ, словно ножомъ, рѣзнулъ сердце матери.

— Такъ вотъ какимъ путемъ вы захотѣли... ха-ха-ха!.. Ну, что-жъ... раду...

Онъ не могъ кончить и въ изнеможеніи опустился на деревянный диванъ.

— Господи!.. Что же это такое?.. Яша!.. Яша!..—со стоиомъ вырвалось изъ груди Анны Михайловны, и она кинулась къ сыну.— Яша!..—повторила она: — ты одинъ у меня!.. Вѣдь я тебя больше всѣхъ люблю!.. Голубчикъ, прости!..

Онъ медленно повернулъ голову въ сторону матери и чуть слышно произнесъ:

— Такъ это правда, матушка?

Что-то неуловимое проскользнуло по лицу Анны Михайловны.

Она выпрямилась и, видимо, подавляя внутреннюю боль, дѣлая усиліе надъ собою, воскликнула рѣшительно:

— Нѣтъ, это не правда!.. Не правда!.. Я совсѣмъ не это хотѣла сказать!

Онъ не то съ жалостью, не то со злобой, смѣшанной съ жалостью, поглядѣвъ на Анну Михайловну и проговорилъ, вздохнувъ:

— Эхъ, матушка!..

Въ эту минуту въ бесѣдку вбѣжала Оеклуша, веселая, розовая, съ рассыпавшимися по плечамъ русыми кудрями.

— Мамочка!.. Якушъ!.. что же вы?.. сейчасъ танцы!..

Она съ удивленіемъ взглянула на брата и потомъ на мать.

— Мамочка... что съ Якушемъ?

— А то, что твой братъ пилъ мало сегодня!— съ неестественной улыбкой произнесъ Крестовоздвиженскій, сиѣшно пряча письмо въ карманъ брюкъ.

Онъ всталъ и взялъ за руки дѣвочку.

— Ты говоришь, танцы сейчасъ?.. Будемъ плясать!.. Дикіе и на похоронахъ пляшутъ!.. Ну, Оеклуша, живо!..

И засмѣявшись онъ пошелъ въ комнаты. Оеклуша побѣжала впередъ.

Мать проводила его долгимъ грустнымъ взглядомъ, постояла на порогѣ бесѣдки и, вздохнувъ, направилась также къ дому.

На послѣдней ступенькѣ террасы стояла Дуня, уже безъ фаты и сильно раскраснѣвшаяся отъ шампанскаго. Она посмотрѣла на мужа съ видомъ недоумѣнія и отчасти тревоги. Ей сразу бросилась въ глаза перемѣна въ лицѣ Якова Аванасьевича, его красные глаза и растрепанные волосы.

— Что съ вами?.. гдѣ вы были?..—спросила она тихо.

При видѣ жены судорога пробѣжала по всему лицу молодого человѣка, его глаза блеснули недобрымъ огнемъ. Но онъ овладѣлъ собою и отвѣтилъ, улыбаясь:

— Не допилъ, Евдокія Никифоровна!.. А вотъ сейчасъ... еще выпью!..

— Не надо, Яковъ Аванасьевичь, довольно!..

Ничего не отвѣтивъ, онъ прошелъ мимо изумленной жены и направился въ уголь, къ столу, на которомъ стояли еще бутылки съ виномъ для желающихъ. Наливъ стаканъ вина, не справляясь, какое оно, Яковъ Аванасьевичъ выпилъ залпомъ и сталъ наливать снова.

Къ нему подошелъ о. Аванасій.

— Яковъ, не будетъ ли?—сказалъ онъ...—ты сегодня и такъ много пилъ.

— Оставьте, батюшка,—довольно рѣзко перебилъ сынъ:—вы свое взяли... дайте мнѣ свое взять... Батюшка, а какъ вы насчетъ письма Сони? а?

О. Аванасій вытаращилъ глаза отъ изумленія.

— Яковъ... ты, братъ, заговариваешься... не ладно...

— Такъ вы не знаете?..

Онъ пытливо поглядѣлъ на отца.

— Ничего я не понимаю... брось ты пить, ради Бога... Не привыкъ... вотъ оно...

Слова его звучали полной искренностью.

— Батюшка!.. Родной мой!..

Онъ вдругъ обнялъ отца и поцѣловалъ его.

— Все-таки легче!—промолвилъ онъ и, увидавъ подходящаго письмоводителя, крикнулъ ему:

— Выпьемъ, друже!.. Да и плясать!.. Будь визави!.. Надо потѣшить супругу и родителей.

Онъ налилъ вина себѣ и письмоводителю и чокнувшись осушилъ весь стаканъ.

— Родитель!—проговорилъ онъ, обращаясь къ о. Аванасію:—не сердись!.. это для храбрости... Сейчасъ буду съ супругой русскую плясать... Ужъ если похороны... такъ пусть же веселья похороны!..

И, увидавъ Дуню, онъ крикнулъ:

— Евдокія!.. Дунечка!.. Русскую!..

Дуня растерянно улыбалась. Ее выручили письмоводитель и тысяцкій.

— Какая вамъ русская, что вы, Яковъ Аванасьевичъ!—сказали они чуть не въ одинъ голосъ... Сейчасъ кадриль.

— Ну, кадриль, такъ кадриль!.. Все равно!.. согласился молодой.

— Никакъ онъ съ ума сошелъ!—улыбаясь насмѣшливо проговорила толстая купчиха изъ города, обращаясь къ женѣ псаломщика.—Или онъ перепилъ на радости?

— Еще радость ли, надо узнать!—съ ехидствомъ отвѣтила псаломщица и, наклонившись къ уху сосѣдки, зашептала ей о чемъ-то...

— Ай-ай!.. да что вы!.. произнесла толстая купчиха, качая головою.—Вотъ оно что!.. а я и не знала...

Начались танцы... Яковъ Аванасьевичъ плясалъ съ увлеченіемъ, притопывая, присвистывая.

Дьяконъ стоялъ въ дверяхъ зала.

— Не дѣло это, не дѣло!.. бурчалъ онъ, покачивая головою... Переборщилъ, отче Якове... не слѣдовало!..

— Надо ему сказать,—произнесъ лавочникъ, стоявшій рядомъ съ дьякономъ.

— Разошелся!.. Не уймешь!.. Не пиль никогда... Нето, что мы... хошь снова начинай... го-го-го!..

Кадриль кончилась. Крестовоздвиженскій посадилъ жену и, вытирая потъ съ лица, подошелъ къ дьякону.

— Ну, дьяконъ, еще по единой!

— Не довольно ли?... Оно того... для меня-то плевое дѣло, а вамъ-то...

— Молчи, дьяконъ!.. Пей!.. На похоронахъ всегда пьютъ!..

— Го-го-го!.. И шутникъ же вы, Яковъ Аванасьевичъ! Такое веселье... а онъ— похороны!..

— Веселья похороны, дьяконъ!

— Кого же хоронятъ?

Они уже подходили къ столику съ бутылками.

— Кого? Рабовъ Божьихъ Якова и Софію-премудрость,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій, вынимая пробку изъ бутылки.

— И не пойму!—сказалъ дьяконъ.—Это притча, что ли?

Онъ щурясь посмотрѣлъ на молодого.

— Притча... А ты, дьяконъ, отчего не пляшешь?.. Снимай рясу и пляши!.. Похороны... а дьяконъ бездѣйствуетъ!

Онъ вышилъ залпомъ стаканчикъ.

— Фу, кисло какъ!—сказалъ онъ, дѣлая гримасу.

Дуня видѣла все, сидя между подругами. Она старалась казаться веселой и улыбалась. Но ея лицо поблѣднѣло, и она едва удерживалась отъ слезъ.

Заиграла опять музыка.

Вторую кадрили Яковъ Аванасьевичъ танцевалъ опять съ женой, а слѣдующую съ Оеклушей, что доставило дѣвочкѣ невыразимое удовольствіе.

— Якушъ,—сказала она брату между фигурами:—ты совсѣмъ сегодня не похожъ на себя... Тебѣ очень весело?

— Очень, Оеклуша!

— И мнѣ очень!.. А только что такое говоритъ дьяконъ?... Я слышала—смѣется и говоритъ: Яковъ Аванасьевичъ сказалъ: веселья похороны сегодня!.. Что такое... я не понимаю... Какія веселья похороны?... Развѣ могутъ быть похороны веселья?

— Могутъ, Оеклуша... только дай Богъ, чтобы ты ихъ не знала... Ну, валяй! Намъ теперь!

Дѣвочка изумленно посмотрѣла на брата и взяла протянутую ей руку.

Разсказъ дьякона сталъ скоро извѣстенъ многимъ, въ числѣ ихъ и о. Никифору. Онъ неодобрительно покачалъ головой. Анна

Михайловна, проходя мимо псаломщицы и толстой купчихи, уловила фразу «веселыя похороны». Она остановилась и промолвила, обращаясь къ купчихѣ:

— Веселыя похороны? Это еще что такое?

— А это вашъ сыночекъ пошутить,—съ злорадствомъ отвѣтила псаломщица:—о. дьяконъ говоритъ: веселая свадьба... а сыночекъ вашъ: да, говоритъ, веселыя похороны! Шутникъ онъ у васъ!

Псаломщица засмѣялась. Закипѣло на сердцѣ у попадьи, но она сдержалась и произнесла небрежно:

— Онъ сегодня немало глупостей сказалъ... напоили его...

И она прошла далѣе, провожаемая насмѣшливыми взглядами псаломщицы.

«Веселыя похороны» были въ разгарѣ. Играли вальсъ, Пары носились по небольшому залу, иногда сталкиваясь между собою, что вызывало неудержимый смѣхъ у танцующихъ. Повидимому, всѣмъ было весело. Если дѣйствительно кого-то хоронили, какъ выразился Яковъ Аѳанасьевичъ, то хоронили весело.

Не веселилась только одна бабушка, по болѣзни ногъ оставшаяся дома. Она лежала на постели и молилась Богу, прося у Него счастья для «милаго Яшеньки». Она съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія дочери и зятя, чтобы узнать отъ нихъ подробности свадебнаго пира. Какая-то неопредѣленная тревога мучила старуху.

О. Аѳанасій вернулся съ женою домой поздно ночью. Агнія Капитоновна еще не спала.

— Ну, что? какъ? все ли хорошо было?—поспѣшно проговорила она, когда въ комнату вошла дочь, а за нею и зять.

— Все хорошо,—отвѣтилъ о. Аѳанасій.—Тестюшка не поскупился. Яковъ разошелся сегодня. Немножко подпилъ...

— И совѣмъ не немножко,—перебила жена:—а напился, какъ слѣдуетъ, и наговорилъ глупостей вдоволь.

— Какъ глупостей?—съ недоумѣніемъ и тревогой спросила старуха.

— А такъ, глупости молоть. Дьяконъ говоритъ: веселая свадьба, а Яковъ ему на это: да, веселыя похороны!

— Ну, что же,—замѣтилъ о. Аѳанасій, зѣвая:—никто, какъ Богъ! Лазарь умеръ, а Христосъ его воскресилъ.

Старуха помолчала, устремивъ въ пространство задумчивый взглядъ, и промолвила:

— А по-моему Яшенька и правъ: старое похоронено, и зачнется все новое. Софья для него умерла, да и Якова скоро не будетъ, а будетъ о. Иаковъ.

— Молодецъ теща!—радостно воскликнулъ о. Аѳанасій:—всегда найдется.., министр да и только!

Осталась довольна словами матери и Анна Михайловна.

Александръ Кругловъ.

АЛЕКСАНДРЪ ВЛАДИМИРОВИЧЪ ПАТКУЛЬ.

ДОВВ. ЦЕНВ. 26 МАРТА 1902 Г. СІВ.

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ ¹⁾.

XVI.

Назначеніе моего мужа петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ.—Кончина дочери Вѣры.—Болѣзнь моя и дочери Ольги.—Графъ П. Н. Игнатьевъ и его жена.—Назначеніе генераль-губернаторомъ князя Суворова.—Его характеристика.—Жизнь на дачѣ на Карповкѣ.—Я интригую мужа въ маскарадѣ.—Его глазная болѣзнь.—Я дѣлаюсь его чтицей.—Безпокойная должность мужа.—Угрожающее анонимное письмо.—Увольненіе мужа, по его просьбѣ, отъ должности оберъ-полицеймейстера.—Поджоги, грабежи и общая паника.—Переѣздъ въ Царское.—Отправленіе сына Александра въ походъ.—Неудавшаяся поѣздка къ сыну.—Дрентельны.—Переводъ сына въ кирасирскій его величества полкъ.—Назначеніе мужа начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи.—Ухудшеніе здоровья наслѣдника цесаревича.—Отѣздъ его за границу.

ВЪ КОНЦѢ ноября мужъ былъ назначенъ оберъ-полицеймейстеромъ; не миновала его эта должность.

Онъ переѣхалъ съ сыновьями и гувернеромъ тотчасъ послѣ выѣзда своего предмѣстника, а я осталась съ дочерьми и женскимъ персоналомъ укладываться и перебраться всѣмъ домомъ.

Преемникомъ его въ полку былъ назначенъ Н. Н. Вельяминовъ, нашъ давнишній хорошій знакомый. Узнавъ, что онъ собирается жениться и ждетъ моего выѣзда, чтобы приступить къ ремонту и устройству квартиры, я увѣдомила его, что 20-го декабря очищу ее. Наканунѣ нашего переѣзда заболѣваетъ scarlatinoю наша маленькая Вѣра; перевезти ее не мыслимо, оставаться тамъ дольше тоже нельзя,—какъ тутъ быть? Полковой адъютантъ Тимоѣевъ предложилъ мнѣ занять его квартиру, а самъ перешелъ къ одному

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIX стр. 38.

изъ товарищей. Другого исхода не было, какъ принять предложеніе съ благодарностью. Въ нѣсколько часовъ все было устроено, докторомъ провѣрена температура, и, завернувъ больную въ шубу, я перенесла ее сама по лѣстницѣ наверхъ. Несмотря на всѣ мѣры предосторожности, на уходъ, который я никому не довѣряла, кромѣ себя, этого милого ребенка, котораго я кормила полтора года, черезъ шесть дней не стало. Похоронивъ Вѣру въ Невской лаврѣ, рядомъ со старшимъ ея братомъ Николаемъ, мы перебрались въ домъ оберъ-полицеймейстера.

Не симпатичная была квартира, начиная съ того, что надо было взбираться чуть ли не въ поднебесье; едва переведешь духъ, какъ дойдешь до верху по сто двѣнадцати ступенькамъ; комнаты отапливались амосовскими печами и освѣщались газомъ. Всѣ растенія попадали отъ сухости воздуха.

Четырехлѣтняя наша Оля, сучая по своей маленькой сестрѣ, увеличивала мою скорбь, повторяя безпрестанно: «Мама, я тоже хочу итти къ Боженькѣ видѣть Вѣрочку».

Зимой я заболѣла сильнымъ воспаленіемъ легкаго, и докторъ посоветовалъ перенести въ другую комнату спавшаго возлѣ меня ребенка. Хотя я знала, что воспитательница дѣтей, Л. А. Ставская, жившая у меня уже нѣсколько лѣтъ, будетъ беречь Олю, но я согласилась только, когда мужъ доказалъ, что это для блага дочери.

Три дня я была между жизнью и смертью; вѣроятно, я не тотчасъ замѣтила, что между дѣтьми, которыя приходили здороваться утромъ и прощаться вечеромъ, Оли не было. Когда у меня исчезла болѣзненная апатія, на вопросы мои: почему Оли нѣтъ? гдѣ она? отговаривались то тѣмъ, то другимъ, наконецъ признались мнѣ, что она не совсѣмъ здорова и лежитъ въ постели. Несмотря ни на мою болѣзнь, ни на мою слабость, я объявила, что если ее не могутъ принести ко мнѣ, то я встану и сама пойду къ ней. Признаться, у меня запала мысль, что отъ меня скрываютъ, что Оли нѣтъ на свѣтѣ. Желаніе ея итти къ Боженькѣ невольно не выходило у меня изъ головы и преслѣдовало меня. Но когда докторъ объявилъ, что онъ не допуститъ меня встать, а перенесетъ Олю съ кроваткой ко мнѣ, я, убѣдившись этимъ, что Оля жива, успокоилась и разрѣшила не переносить ее. Боялись брюшного тифа, но, благодаря Бога, не дошло до этого.

По выздоровленіи, я по случаю двойного траура, никуда не выѣзжала, лишь навѣщала въ крѣпости могилы нашихъ августѣйшихъ благодѣтелей и ѣздила въ лавру, куда меня тянули двое моихъ малютокъ, покоившихся тамъ.

Генераль-губернаторомъ въ то время былъ П. Н. Игнатьевъ, съ которымъ мужу пріятно было служить. Хотя П. Н. имѣлъ иногда своеобразные взгляды, но былъ человекъ добрый, серьезный и не упрямъ; если ему докажутъ, что онъ ошибся, то сдавался охотно.

Жена его М. И. была добрая, милая и простая женщина, въ ней не было свѣтской напыщенности, сердца было много. Мы очень сошлись съ ней. Зная, что я никуда не выѣзжаю, она часто присылала дѣтямъ ложу въ театръ въ такіе дни, когда давались подходящія для юношества пьесы.

Въ февралѣ 1861 года было объявлено освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Не знаю, почему П. Н. и многія другія высокопоставленныя лица боялись, что въ этотъ день произойдутъ безпорядки, какъ будто столица—деревня или село внутри или на окраинѣ Россіи, куда забирались злоумышленники мутить народъ и превратно толковать эту великую царскую милость, милость царя-освободителя.

Одинъ Саша былъ вполне увѣренъ, что народъ скорѣй пойдетъ помолиться въ церковь, чѣмъ безобразничать на улицѣ; оно такъ и было; крестились, молились за царя, поздравляли другъ друга, и все было тихо, спокойно.

Не помню, скоро ли, нѣтъ ли, послѣ этого великаго событія П. Н. Игнатьевъ получилъ назначеніе на высшую должность, и его замѣнилъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ. Нельзя отнять отъ него, что онъ былъ милѣйшій человѣкъ въ обществѣ, могъ очаровать своей любезностью и свѣтской болтовней, но, какъ генераль-губернаторъ, онъ положительно стоялъ не на своемъ мѣстѣ въ то неспокойное время броженія умовъ. Прямому, честному, благонамѣренному человѣку, какъ Саша, трудно было служить съ нимъ. Суворову не было времени самому заниматься дѣлами, которыя задерживались и лежали не рѣшенными въ канцеляріи. Кто бы ни обращался къ нему съ просьбой, онъ всегда все обѣщалъ сдѣлать, но кончалось все одними обѣщаніями. Въ принципѣ у него было не отказывать никому, а предоставлялось отказывать другимъ. Къ мужу нѣсколько разъ являлись личности съ письмомъ отъ князя, въ которомъ онъ его просить дать мѣсто въ полиціи, рекомендуетъ личность, а въ концѣ приписка по-французски карандашемъ: «Je vous prévient que c'est une grande canaille, il a été chassé de sa place!» Какъ это характеризуетъ его свѣтлость! Что же мужу оставалось дѣлать, какъ не заявить просителю, что не только въ настоящее время мѣстъ нѣтъ, но и въ будущемъ не предвидится. Недовольный субъектъ отправляется къ Суворову жаловаться. Своими глазами видѣла я неоднократно всѣ эти приписки. Князь искалъ популярности, хотѣлъ ввести гуманность, а къ чему привела эта гуманность? Къ распущенности, къ безпорядкамъ и т. д. Спрашивается, кому онъ сдѣлалъ этимъ добро. Сколько молодежи погубила эта немѣстная гуманность! Достаточно судить о Суворовѣ, припомнивъ, какъ онъ громогласно бранилъ М. Н. Муравьева вездѣ, гдѣ только могъ, и отказался участвовать въ поднесеніи иконы этому выдаю-

щемуся великому русскому дѣятелю. Не походилъ онъ на знаменитаго своего дѣда Екатерининскихъ временъ.

Такъ какъ Саша, благодаря своей службѣ, не могъ бы навѣщать насъ въ Царскомъ, то онъ нанялъ намъ дачу на Карповкѣ съ большимъ прилегающимъ къ ней садомъ, принадлежавшую княгинѣ Урусовой. Дача была просторная и симпатичная, не то, что квартира въ домѣ оберъ-полицеймейстера. Дѣти поздоровѣли на чистомъ воздухѣ и наслаждались вполне дачной жизнью. Погода все лѣто простояла чудная. По утрамъ дѣти занимались уроками, послѣ чего имъ давался отдыхъ. Особенное удовольствіе доставляло имъ кататься въ лодкѣ по Карповкѣ и Невкѣ.

Мужъ каждый день прѣзжалъ обѣдать съ нами, оставался часовъ до десяти, если какойнибудь пожаръ или экстренное дѣло не отнимало его у насъ раньше; но это случалось очень рѣдко. Дѣти, чтобъ развлечь и повеселить отца, устраивали ему по временамъ сюрпризы, состоящіе изъ живыхъ картинъ, спектакля, разученной пьесы на рояли или поднесенія рисунковъ, что доставляло отцу большое удовольствіе. Воспитательница дѣтей была насчетъ подобныхъ устройствъ большая мастерица; иногда это дѣлалось даже сюрпризомъ для меня. Разъ совершенно неожиданно правитель канцеляріи прѣхалъ съ извѣстной нашей пѣвицей Леоновой, которая въ продолженіе цѣлаго вечера доставляла намъ истинное наслажденіе своимъ прекраснымъ голосомъ. Большая часть лѣта прошла довольно уединенно въ семейномъ кругу. Съ переѣздомъ въ городъ снова началась суетная и безпокойная жизнь.

Когда кончился трауръ по матушкѣ царицѣ, который я носила цѣлый годъ, я начала выѣзжать и вывозить въ свѣтъ старшую дочь. Хотя она часто отказывалась отъ этихъ официальныхъ выѣздовъ, но такъ какъ «noblesse oblige», то повиноваться приходилось.

На костюмированный балъ академіи художествъ, на которомъ присутствовала президентъ, ея высочество великая княгиня Марія Николаевна, Адина поѣхала съ удовольствіемъ, такъ какъ ей самой хотѣлось быть въ костюмѣ. Балъ былъ дѣйствительно изященъ по составу и разнообразію костюмовъ.

По должности своей, какъ блюститель порядка, мужъ долженъ былъ посѣщать театры, маскарады и вообще общественныя собранія. Мнѣ такъ мало удавалось быть съ нимъ, что мнѣ пришла мысль ѣхать въ маскарадъ, чтобъ интриговать его. Моя старинная добрая знакомая, графиня Сиверсъ, зная, что я одна не поѣду, предложила сопровождать меня. Прибавивъ себѣ росту, несмотря на мой и безъ того высокій, измѣнивъ свой голосъ, взявъ подъ языкъ орѣхъ, я все же имѣла мало надежды быть неузнанной. Первый опытъ былъ такъ удаченъ, что онъ придалъ мнѣ храбрость продолжать. Хотя мужъ говорилъ иногда маскѣ, что минутами она жестами и манерами напоминаетъ ему жену, тѣмъ не менѣе онъ не узналъ меня

Много способствовала графиня Сиверсъ: чтобъ отвлечь отъ него всякое подозрѣнiе, она написала мнѣ цѣлую серiю записокъ, въ которыхъ просила не ревновать ея прiятельницы и не сердиться на нее за то, что она для забавы будетъ интриговать моего мужа. Понятно, что эти записки показывались ему, точно такъ же, какъ мои отвѣты, поэтому ему въ голову не приходило, что мы дѣйствуемъ заодно. По окончанiи маскарадовъ я призналась, что маска была не кто другой, какъ я.

Отъ постоянного чтенiя до глубокой ночи безчисленнаго количества бумагъ для утренняго доклада у него такъ разболѣлись глаза, что, опасаясь, чтобъ онъ окончательно не испортилъ себѣ зрѣнiя, я предложила читать ему бумаги вслухъ.

Когда отъ продолжительнаго чтенiя горло у меня черезчуръ пересохнетъ, мы дѣлали перерывъ и отправлялись прокатиться, но и эти прогулки предпринимались не безъ цѣли. Дѣлались ночныя провѣрки пожарнымъ частямъ. Въ какiя только окраины города мы не заѣзжали по очереди!

Возвратившись домой, опять принимались за дѣло: я читала, онъ подписывалъ или ставилъ резолюцiи. Бывало, что до пяти часовъ утра просиживали за этимъ занятiемъ.

Хорошо, если ночь пройдетъ спокойно, а какъ часто случалось, что едва успѣешь заснуть, какъ надъ самой головой зловѣщiй колокольчикъ немилосердно будитъ, извѣщая о пожарѣ. Затѣмъ у висющаго ящика откидывается клапанъ, указывая, въ какой части и за какимъ № пожаръ. Если тревожный, то мгновенно все засуетится, черезъ какихъ нибудь нѣсколько минутъ Саша готовъ, пожарные выѣзжаютъ изъ-подъ воротъ, всѣ умчатыя, и слѣдъ ихъ простылъ. Не успѣли еще отѣхать отъ дома, какъ колокольчикъ снова загудѣлъ и гласитъ объ отказѣ. Остановить, дать знать, я не имѣла никакой возможности, однако вскакивала, начинала стучать въ окно, но кто могъ услышать этотъ стукъ, когда пожарныя лошади, потряхивая отъ нетерпѣнья головами, производили звонъ своими многочисленными колокольчиками.

Сколько я выстрадала за мужа, это одному Богу извѣстно! Находиться подъ вѣчнымъ страхомъ, когда онъ отправлялся на пожаръ, чтобъ съ нимъ не случилось какого несчастья, это была своего рода пытка.

Однажды онъ получилъ анонимное письмо, въ которомъ его предупреждали, что въ такой-то день онъ будетъ убитъ на паперти Казанскаго собора. Когда въ назначенный анонимнымъ письмомъ день онъ подѣхалъ къ собору, на лѣстницѣ стояли студенты, которые поклонились ему, снимая фуражки. Отвѣчая на ихъ поклоны, поднимаясь по ступенямъ, онъ вошелъ въ храмъ, помолился передъ иконою Царицы Небесной и, возвратившись благополучно домой, сообщилъ мнѣ, гдѣ онъ былъ и по какому поводу. На вопросъ

мой, зачѣмъ онъ скрылъ это письмо отъ меня, онъ отвѣтилъ, что былъ убѣжденъ, что я буду отговаривать его, а такъ какъ никакія просьбы не могли бы удержать его, то что случилось бы со мной, если и безъ того я часто создаю въ своемъ воображеніи такія опасности, которыхъ не существуетъ.

Разъ прискакали за нимъ; требовалось присутствіе его на Васильевскомъ островѣ, гдѣ передъ университетомъ собралась шумная толпа студентовъ. Въ самое это время я лежала въ обморокъ, около меня суетились два доктора, одинъ держалъ мнѣ пульсъ, другой разными спиртами старался привести въ чувство; а тутъ хоть умирай дорогое существо, но изволь скакать туда, чтобъ унимать эту неугомонную молодежь. Въ какомъ состояніи былъ Сапа, не зная, по возвращеніи своемъ застанетъ онъ меня въ живыхъ или нѣтъ?

Кто не былъ оберъ-полицеймейстеромъ въ Петербургѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, тотъ не въ состояніи представить себѣ всю дѣятельность и сомоотверженіе, съ которыми была сопряжена эта тяжелая, многосложная и, прибавлю еще, неблагодарная служба. Говорю,—неблагодарная, потому, что массѣ неприятностей, сплетенъ и напраслинъ подвергается лицо, занимающе эту должность. На всѣхъ вѣдъ не угодишь, кто хвалить, а кто бранить.

Совмѣстное служеніе съ свѣтлѣйшимъ княземъ, для котораго дѣла не существовали, и который никогда не вникалъ серьезно ни во что, тяготило Сашу, этого правдиваго и благороднаго человѣка. Къ веснѣ у него обнаружилось страданье печени. Призванный мною докторъ заявилъ, что ему лѣчиться необходимо, а такъ какъ съ его службой это было невысказано, то я умоляла его просить государя уволить его по болѣзни отъ занимаемой имъ должности. Послѣ долгаго колебанья онъ рѣшился наконецъ въ первый разъ своей жизни обратиться къ его величеству съ подобной просьбой. Когда онъ вернулся изъ дворца и сообщилъ мнѣ, что государь милостиво уважилъ ее, я перекрестилась и поѣхала въ домикъ Петра Великаго отслужить благодарственный молебенъ Спасу Нерукотворенному.

Какъ отрадно было вернуться къ хорошему прошлому! Итакъ онъ опять былъ опредѣленъ состоять при государѣ.

Преемникомъ ему былъ назначенъ генералъ Анненковъ; какъ человѣкъ холостой, онъ предложилъ намъ не торопиться съ переездомъ, но я жаждала минуты выбраться изъ этого несимпатичнаго дома, напоминавшаго мнѣ столько тяжелыхъ минутъ, и быть опять въ нашемъ царскосельскомъ гнѣздышкѣ.

Наканунѣ нашего переезда, а именно въ Духовъ день, начались страшные пожары отъ поджоговъ.

Съ давнихъ поръ въ этотъ день было гулянье въ Лѣтнемъ саду. Насколько это вѣрно, не знаю, но утверждали, что купеческіе ма-

меньки и папеньки водили на показъ своихъ дочекъ, а сыновья, гуляя, выбирали себѣ невѣсты.

Въ самое это время со всѣхъ концовъ вспыхнулъ пожаръ въ Апраксиномъ дворѣ. Этой минуты, должно бытъ, только и ожидали любители чужой собственности, которымъ, вѣроятно, небезызвѣстно было о готовившемся поджогѣ; они кинулись въ садъ и, бѣгая по аллеямъ, съ крикомъ извѣщали о пожарѣ. Перепуганная толпа ринулась къ выходамъ; можно себѣ представить, какая произошла давка, смятеніе, крики. Вотъ тутъ-то начался грабежъ, вырывали изъ ушей драгоценныя серьги, срывали съ шеи нитки съ жемчугами, выкрадывали деньги изъ кармановъ, однимъ словомъ это было что-то ужасное и возмутительное. Не обошлось, говорятъ, и безъ человѣческихъ жертвъ въ этой давкѣ. Злодѣи не довольствовались поджогомъ Апраксина двора, а поджигали въ разныхъ мѣстностяхъ города. Горѣли дровяные дворы, частные дома, такъ что въ этотъ день въ восьми или девяти мѣстахъ горѣло почти одновременно. Паника охватила все народонаселеніе столицы.

Какъ было не благодарить Бога, что всѣ эти ужасы произошли послѣ того, какъ Саша сдалъ должность? Отчасти это было эгоистическое чувство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, намъ искренно было жаль генерала Анненкова и пожарныхъ, которые просто выбивались изъ силъ.

Не далеко отъ дома, гдѣ жила сестра моя Бекманъ, тоже вспыхнулъ пожаръ. Безпокоясь, не подвергается ли она съ семьей опасности, мы отправились къ ней. Остановившись у дома, гдѣ горѣло во дворѣ, мужъ соскочилъ съ дрожекъ и вошелъ во дворъ. Жидаясь его, я слышала, какъ въ толпѣ шелъ слѣдующій говоръ: «пока Паткуль былъ оберъ-полицеймейстеромъ, пожаровъ было мало, а какъ только онъ ушелъ, то пошло писать, начались и поджоги и грабежи на гуляньяхъ! Господи, чѣмъ все это кончится? На Апраксиномъ-то чистый адъ, все горитъ кругомъ».

Какъ только мы отѣхали, я передала Сашѣ слышанный въ толпѣ разговоръ, на что онъ сказалъ: «слава Богу, что помянули добромъ».

Переѣхавъ въ Царское, мы снова зажили нашей семейной счастливой жизнью.

Въ половинѣ мая 1863 года старшій сынъ нашъ поѣхалъ въ Петербургъ сдавать юнкерскій экзаменъ. Выдержавъ его и возвратившись домой, онъ объявилъ, что на-дняхъ онъ съ лейбъ-гвардіи Семеновскимъ полкомъ, въ которомъ числился, выступаетъ походомъ въ Гродно для усмиренія польскихъ мятежниковъ. Снарядивъ и проводивъ его на желѣзную дорогу, мы разстались съ нимъ на неопредѣленное время. Это первая была моя съ нимъ разлука, такъ какъ онъ воспитывался дома. Съ какимъ чувствомъ я отпускала его, объ этомъ говорить не буду.

Соскучившись по сынѣ, мы съ мужемъ рѣшили сдѣлать ему сюрпризъ и навѣстить его. Въ сентябрѣ мы предприняли эту поѣздку. На перепутьѣ заѣхали въ Вильно къ генералу Дрентельну, жену котораго я знала еще до ея замужества, когда она съ матерью своей, генеральшей Вяткиной, жила въ Царскомъ Селѣ. Какая умная, прелестная была старушка!

Супруги Дрентельны приняли насъ такъ радушно, что не пустили отъ себя, совѣтуя, чтобъ не ѣздить даромъ, спросить телеграммою генерала Ганецкаго, подѣ начальствомъ котораго находился отрядъ, въ Гроднѣ ли полкъ или нѣтъ. Получивъ на слѣдующій день неутѣшительный отвѣтъ, что полкъ въ походѣ, и неизвѣстно, когда вернется, мы рѣшили въ тотъ же вечеръ ѣхать обратно домой.

Утромъ мужъ ѣздитъ являться Михаилу Николаевичу Муравьеву, а днемъ мы поѣхали вмѣстѣ съ визитомъ къ женѣ его, Пелагеѣ Васильевнѣ, которая обворожила насъ своею привѣтливостью и пригласила пріѣхать на слѣдующій день къ обѣднѣ въ домовую церковь, чтобъ познакомиться съ ея мужемъ, котораго я раньше только встрѣчала во дворцѣ, какъ многихъ другихъ, знала только, что это генералъ Муравьевъ.

Такъ какъ М. А. Дрентельнѣ уговорила насъ погостить у нихъ, мы отправились въ воскресенье всѣ вмѣстѣ къ обѣднѣ. По окончаніи службы Пелагея Васильевна подвела ко мнѣ Михаила Николаевича, познакомила насъ и пригласила въ садъ, куда былъ поданъ чай. На дорогѣ лежало много осыпавшихся дикихъ каштановъ, и я попросила позволенія взять одинъ на память, чтобъ посадить его въ нашемъ саду. Она не только разрѣшила, но сконфузила меня тѣмъ, что нагибаясь собрала самые крупные и, передавая ихъ мнѣ, пожелала, чтобъ они принялись хорошо.

Теперь деревья эти высокія, тѣнистыя, цвѣтутъ великолѣпно и напоминаютъ мнѣ эту любезную старушку и Михаила Николаевича, этого энергичнаго, благороднаго человѣка, котораго не оцѣнили въ то время по заслугамъ его, но котораго Россія должна помнить и не забывать, чѣмъ она обязана ему.

На четвертый день мы уѣхали обратно, унося съ собою теплыя воспоминанія о кратковременномъ пребываніи нашемъ въ Вильнѣ и сожальѣя вмѣстѣ съ тѣмъ, что цѣль нашей поѣздки — увидѣть сына — не была достигнута.

Поздней осенью нашъ юнкеръ вернулся изъ похода цѣлъ и невредимъ, украшенный солдатскимъ Георгіемъ.

Такъ какъ мы жили въ Царскомъ и желали имѣть сына при себѣ, то онъ испросилъ себѣ переводъ въ лейбъ-гвардіи кирасирскій его величества полкъ, и этимъ достигъ исполненія своей всегдашней мечты служить въ кавалеріи, бывъ, какъ и отецъ его, отличнымъ наѣздникомъ.

Въ Семеновскій же полкъ мужъ опредѣлилъ его, въ память своего отца, который началъ въ немъ свою службу и во время отечественной войны, за отсутствіемъ полкового командира, будучи старшимъ въ чинѣ, ввелъ полкъ въ Парижъ.

Но экономическій расчетъ, чтобъ сынъ жилъ съ нами, не осуществился.

18-го марта 1864 года мужъ былъ назначенъ начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи, штабъ которой находился въ Варшавѣ.

Откланявшись своему обожаемому государю, мужъ по-военному въ три дня собрался и 22-го числа того же мѣсяца уѣхалъ къ новому мѣсту своего служенія.

На лѣто дворъ переѣхалъ въ Царское.

Здоровье наслѣдника видимо ухудшалось, сердце у меня каждый разъ болѣзненно сжималось, когда я встрѣчала его блѣднаго, похудѣвшаго, почти прозрачнаго, съ страдальческимъ выраженіемъ въ лицѣ. Наконецъ, было рѣшено, что онъ поѣдетъ въ Ниццу, гдѣ, надѣялись, хорошій климатъ возстановитъ его здоровье. За нѣсколько дней до своего отъѣзда его высочество устроилъ въ честь Евгеніи Максимиліановны Лейхтенбергской прощальный вечеръ въ домикѣ на островкѣ большого озера, на который я была приглашена съ двумя старшими дочерьми.

Великій князь, правя рулемъ, самъ перевозилъ въ лодкѣ приглашенныхъ дамъ. Вечеръ былъ очень не многолюденъ, состоялъ изъ молодежи и нѣсколькихъ маменекъ, сопровождавшихъ своихъ дочерей.

Государь пріѣхалъ позже посмотреть, какъ веселится молодежь.

Мазурку наслѣдникъ танцевалъ съ Марусей, которая, смѣясь и разговаривая съ нимъ, не подозрѣвала, въ какомъ опасномъ состояніи была жизнь этого симпатичнаго, милаго, когда-то стройнаго великаго князя. Танцую онъ видимо перемогался, страдалъ, но старался это скрыть, что, однако, не ускользнуло отъ моихъ наблюдательныхъ глазъ. Въ день его отъѣзда мы всѣ отправились провожать его высочество на Александровскую станцію Петербургско-Варшавской желѣзной дороги. Привѣтливо простившись со всѣми нами, сказавъ каждому ласковое слово, онъ вошелъ въ вагонъ, кланялся, стоя у окна, пока не тронулся поѣздъ, увозившій наслѣдника русскаго престола за границу, откуда не суждено ему было вернуться.

Страшное предчувствіе, что я видѣла его въ послѣдній разъ, тяжелымъ камнемъ легло у меня на сердцѣ. Увы, оно не обмануло меня.

XVII.

Приготовлені къ отъѣзду въ Варшаву.—Отказъ гувернера и гувернантки ѣхать со мной.—Отъѣздъ въ Варшаву.—Прощаніе съ царской семьей.—Грустное разставаніе съ сыномъ.—Пріѣздъ въ Варшаву.—Наша квартира.—Рожденіе дочери Евгени.—Болѣзнь мужа.—Докторъ Коссинскій.—Дѣтскій спектакль.—Смерть сына Алексѣя.—Варшавскія строгости.—Кончина наслѣдника цесаревича.—Баронеса Менгденъ.—Учрежденіе въ Варшавѣ русскаго благотворительнаго общества.—Пріѣздъ сыновей.—Устройство благотворительныхъ спектаклей, баловъ и лотерей.—Открытіе пріюта имени императрицы.

Въ августѣ я получила наконецъ отъ мужа письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что дивизія остается въ Варшавѣ, что ему отвели помѣстительную для нашей семьи квартиру, и что какъ только онъ устроитъ ее, будетъ ждать насъ къ себѣ.

Не задолго до нашего отъѣзда гувернеръ дѣтей, французъ, поднесъ мнѣ пріятный сюрпризъ, объявивъ, что не рѣшается ѣхать съ нами, въ виду того, что, какъ католикъ, онъ можетъ подвергаться разнымъ неприятностямъ. Спрашивается—какимъ? Его примѣру послѣдовала французенка, жившая у меня уже года три; она явилась ко мнѣ со слезами на глазахъ и говоритъ: «Madame, veuillez de grâce me pardonner, mais je ne risque pas d'aller à Varsovie, où les polonais vont me tuer». Какъ я ни увѣряла ее, что никто не посягнетъ на жизнь ея, но убѣдить ее мнѣ не удалось, и она уѣхала во Францію.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, паническій страхъ исчезъ, и она пріѣхала къ намъ въ Варшаву. Пріѣзду ея мы обрадовались всѣ. Она прожила у насъ болѣе десяти лѣтъ, но за два года до своей смерти стосковалась по родинѣ, уѣхала и умерла въ Парижѣ отъ чахотки.

Можно сказать про нее, что она хорошій была человѣкъ и привязана къ нашей семьѣ. Въ настоящее время, не говоря объ иностранцахъ, но и свои забыли, что существуетъ слово привязанность.

Много хлопотъ предстояло передъ отъѣздомъ; укладка того, что оставалось въ домѣ, того, что отправлялось въ Варшаву, поѣздки въ городъ за разными покупками для дѣтей. Передъ одной изъ такихъ поѣздокъ въ Петербургъ я видѣла во снѣ, что государь посѣтилъ меня. Не предполагая, что и на этотъ разъ мой сонъ превратится въ дѣйствительность, я уѣхала. Возвратившись къ обѣду, я узнала о посѣщеніи его величества, который поручилъ передать мнѣ о своемъ сожалѣніи, что не засталъ меня. Мнѣ было такъ досадно на себя, что упустила случай лишній разъ видѣть государя у себя.

На другой день я поѣхала къ императрицѣ, прося ее передать мою признательность его величеству и то, какъ я была огорчена, что меня не было дома.

Наканунѣ того, какъ я покидала Царское на неопредѣленное время, я была у ихъ величествъ. Прощаніе наше было теплое и сердечное. Государь поручилъ поцѣловать Сашу, а императрица сказала: «*Passez mes amitiés à votre mari*».

Приходилось разстаться съ старшимъ сыномъ! Хотя онъ былъ уже въ разлукѣ съ нами во время похода, но тогда онъ былъ порученъ двоюродному своему дядѣ, у котораго онъ находился въ ротѣ. Боязно и тяжело было для любящаго материнскаго сердца оставить безъ родительскаго надзора молодого человѣка, неопытнаго, довѣрчиваго, съ теплой благородной душой, не привыкшаго къ самостоятельной жизни.

Но никто, какъ Богъ! Въ его милосердіи покоилась моя надежда, что онъ будетъ хранить мнѣ сына.

Насталъ день нашего отъѣзда. Подняться съ многочисленной семьей и всей прислугой, которую приходилось взять съ собой за неизмѣнимъ въ Польшѣ русской, было не такъ легко.

9-го или 10-го сентября мы отправились на Александровскую станцію; сколько насъ было съ людьми отъѣзжающихъ, теперь не помню, но что-то много. Насъ провожалъ сынъ, родные и добрые знакомые. Простившись со всѣми, мы усѣлись въ вагонъ 2-го класса: я, шестеро дѣтей, воспитанница наша Augustine и воспитательница дѣтей Л. А. Ставская, которая, несмотря на то, что она была польскаго происхожденія и католичка, не побоялась ѣхать съ нами; въ ней было полное отсутствіе іезуитскаго фанатизма. До поступленія къ намъ она жила нѣсколько лѣтъ у извѣстной нашей писательницы, графини Ростопчиной, которая вмѣстѣ съ дочерьми своими любила и уважала ее. Она дѣйствительно прекрасная была особа, привязалась къ нашей семьѣ, какъ къ родной, прожила у насъ 15 лѣтъ, и только семейныя обстоятельства заставили ее разстаться съ нами.

Перехожу къ прерванному описанію нашего отъѣзда.

Послѣ третьяго звонка послышался пронзительный свистокъ, поѣздъ судорожно рванулся впередъ и пыхтя, фыркая, выпускаая пары, началъ мѣрно удаляться отъ станціи, увозя насъ изъ родного въ враждебный намъ въ ту пору городъ.

Совершивъ благополучно нашъ путь, мы утромъ на третій день прибыли въ Варшаву, гдѣ на станціи ожидалъ насъ Саша. Радость свиданія была общая.

Городъ не произвелъ на меня благопріятнаго впечатлѣнія, хотя мужъ говорилъ, что его узнать было нельзя въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ онъ засталъ его въ мартѣ; но много осталось еще слѣдовъ недавняго мятежа.

Домъ, въ которомъ была отведена намъ квартира, находился во дворѣ, чѣмъ мы избавлены были отъ постоянного шума проѣзжавшихъ экипажей по узкой мощеной улицѣ «Новый Свѣтъ». По размѣру комнатъ и паркетнымъ поламъ можно было назвать ее барскою, если бы не ощущалось полное отсутствіе жизненныхъ удобствъ. Одному оставалось удивляться, какъ вельможные графы и зажиточные паны могли жить безъ нихъ.

Чему мы порадовались, это большому тѣнистому саду, принадлежавшему къ квартирѣ, куда изъ каждой комнаты былъ выходъ, и такъ какъ помѣщеніе наше было внизу, и полъ наравнѣ съ садомъ, то стоило лишь только переступить порогъ, чтобы быть въ саду.

29-го сентября родилась наша дочь Евгенія. Государь былъ ея восприемникомъ, но на этотъ разъ, къ сожалѣнію, заочнымъ. Намѣстникъ его, графъ Бергъ, былъ замѣстителемъ его величества у купели. Графъ такъ восторгался ея черными длинными волосами, что, взявъ на руки, подносилъ ее ко всѣмъ показывать, а, передавая мнѣ малютку, сказалъ: «de ma vie je n'ai rien vu de pareil». Не удивительно: своихъ дѣтей у него не было.

Въ январѣ Саша простудился на освященіи моста черезъ Вислу, у него сдѣлалась невыносимая боль въ головѣ и въ ухѣ, къ тому же лихорадка, и онъ слегъ въ постель. Дивизионный докторъ, къ которому онъ обратился, началъ пичкать его такимъ несмѣтнымъ количествомъ хины, отъ котораго Саша только глохнулъ, а улучшения никакого не почувствовалъ. Я просто была въ отчаяніи, видя его страданія; не зная тамъ никого изъ докторовъ, я обратилась къ начальнику штаба дивизіи, который рекомендовалъ мнѣ молодого врача военного Уяздовскаго госпиталя, Коссинскаго, какъ хорошаго врача и искуснаго хирурга.

Какъ человѣкъ, хорошо понимающій свое дѣло, онъ тотчасъ же рѣшилъ, что глубоко за ухомъ образовался нарывъ, который дня черезъ три вскрыть необходимо. Когда явился Коссинскій съ своими инструментами и одновременно съ нимъ дивизионный, Саша упротилъ меня не присутствовать при операціи. Не желая противиться просьбѣ его, я съ старшею дочерью осталась въ сосѣдней комнатѣ въ такомъ тревожномъ состояніи, что съ Адиной сдѣлался обморокъ. Пока я возилась, чтобы привести ее въ чувство, операція кончилась благополучно, перевязка была сдѣлана, и нашъ бѣдный дорогой страдалецъ вышелъ къ намъ, избавленный отъ мучительной боли. Съ этого дня Коссинскій сдѣлался нашимъ домашнимъ докторомъ и другомъ дома. На перевязку онъ ежедневно пріѣзжалъ самъ, не поручая ея никому.

Чтобы развлечь отца, дѣти затѣяли сдѣлать ему сюрпризъ. Нашъ тринадцатилѣтній Алеша написалъ пьесу, распредѣлилъ роли между сестрами, братьями и дѣтьми барона Фредерикса и, когда

роли были разучены, и все устроено, пригласилъ на представленіе.

Пьеса была разыграна очень хорошо, молодые актеры и актрисы добросовѣстно исполняли свои роли, а Алеша въ костюмѣ трубадура съ гитарою въ рукахъ былъ такой хорошенькій и такъ мило пѣлъ, что отецъ восхищался имъ.

Могъ ли кто изъ насъ тогда предвидѣть, что этого ласковаго, здороваго, милаго мальчика черезъ недѣлю не станетъ?

Заболѣлъ онъ воспаленіемъ мозга, которое въ четыре или пять дней подкосило его молодую жизнь. Отъ какой ничтожной причины бывають иногда такія ужасныя послѣдствія! Недѣли за полторы до своей кончины, бѣгая по снѣгу въ саду, онъ упалъ и ножнами дѣтской сабли, которая была у него припоясана, придавилъ подъ колѣномъ узелъ нервовъ. Не чувствуя никакой боли, онъ умолчалъ объ этомъ, пока не началъ вдругъ хромать. Осмотрѣвъ его ногу и увидѣвъ темное пятно подъ колѣномъ, я стала допытываться о причинѣ, и тутъ только онъ припомнилъ о ничтожномъ своемъ паденіи при саблѣ. Началось съ воспаленія колѣна и перешло на мозгъ. Коссинскимъ были приглашаемы два дня сряду лучшіе доктора и хирурги на консиліумъ, они именно и объяснили, что узелъ нервовъ подъ колѣномъ имѣетъ сношеніе съ мозговыми нервами. Спасти его не могли! Видно, такъ Богу было угодно.

31-го января, въ воскресенье, въ послѣдній день своего земного пребыванія, находясь въ бреду, онъ все молился, пѣлъ «Воскресеніе днесь», прощался съ нами и вечеромъ уснулъ блаженнымъ сномъ. Много, много лѣтъ спустя, когда въ Свѣтлую Христову ночь пѣли «Воскресеніе днесь», я безъ слезъ слышать не могла.

Въ то время, когда онъ переходилъ въ лучшій міръ, вся семья молилась на колѣняхъ у кровати его, а я, нагнувшись надъ нимъ, приняла послѣдній вздохъ его и закрыла ему глаза. Я очень боялась, чтобъ этотъ ударъ не повліялъ пагубно на здоровье мужа, рана котораго была еще не заживлена, но, какъ онъ, такъ и я, безропотно покорились волѣ Всевышняго, утѣшая другъ друга въ нашей скорби.

Глубоко чтимый всѣми русскими преосвященный Іоанникій послѣ обѣдни самъ соборнѣ отпѣвалъ нашего незабвеннаго сына, доказавъ этимъ, какъ сочувственно онъ отнесся къ нашей утратѣ.

Дорогіе останки сына мы проводили на станцію желѣзной дороги, откуда тѣло отправлено съ камердинеромъ мужа въ Петербургъ. Въ Петербургѣ покойника встрѣтили старшій братъ и родные и проводили въ Невскую лавру, гдѣ покоились уже двое нашихъ малютокъ.

Ни отецъ, ни я не имѣли, къ сожалѣнію, возможности проводить дорогого мальчика до мѣста вѣчнаго упокоенія.

Такъ какъ въ Варшавѣ было строго воспрещено ходить въ траурѣ, то для ношенія его намъ были выданы билеты генераломъ Ѳ. Ѳ. Треповымъ, безъ которыхъ мы не выходили изъ дома, чтобъ не быть забранными въ циркуль (участокъ полиціи), что чуть не случилось разъ съ дочерью самого генерала Трепова, которая носила трауръ по матери.

Наши дѣти попали разъ въ циркуль. Ъхали они вечеромъ въ саяхъ, не имѣя фонаря, по невѣдѣнію нашему. Несмотря на русскую упряжь, городской полякъ, желая показать свое усердіе, вскочилъ на запятки и представилъ ихъ въ циркуль, гдѣ ихъ задержали около получаса за отсутствіемъ старшаго. Чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли это семья генераль-адъютанта Паткули, ихъ отпустили домой въ сопровожденіи полицейскаго. Претендовать на это было нельзя; ужъ если это было постановленіе, надо было повиноваться безпрекословно; однако не всѣ думали, какъ мы; много нашихъ русскихъ вначалѣ заявляли свои претензіи генералу Трепову, считая себя оскорбленными.

О состояніи здоровья наслѣдника никто ничего не зналъ, хотя носились подчасъ тревожные слухи, но такъ какъ бюллетеней не выходило, то не вѣрилось тому, чему вѣрить боялись. Вдругъ разнеслась вѣсть, что ихъ величества прослѣдовали черезъ Парижъ въ Ниццу къ августѣйшему сыну, бывшему въ безнадежномъ состояніи. Можно себѣ представить, какъ напряженно и съ какимъ страхомъ ожидались извѣстія изъ Ниццы. Не замедлила долетѣть до Варшавы роковая вѣсть, что угасъ во цвѣтѣ лѣтъ наслѣдникъ престола, оплакиваемый всею Россіей и юной августѣйшей невѣстой его.

Когда мы лишились нашего Алеши, императрица, какъ любящая нѣжная мать, поняла наше горе и поручила баронессѣ М. П. Фредериксъ, фрейлинѣ ея величества, написать мнѣ и передать свое соболѣзнованіе въ нашей утратѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, какая была причина смерти ея крестника.

Не предвидѣла я тогда, что черезъ два съ половиною мѣсяца мнѣ придется писать въ свою очередь и выразить ту глубокую скорбь, которой мы были преисполнены постигшимъ ихъ величествомъ несчастіемъ.

Ко времени погребенія великаго князя Николая Александровича мужъ поѣхалъ въ Петербургъ; свиданіе его съ ихъ величествами было самое трогательное и сердечное. Какъ царямъ, такъ и намъ, простымъ смертнымъ, дѣти одинаково дороги и близки родительскому сердцу.

Годъ этотъ мы провели очень тихо, наши выѣзды ограничивались только церковью или прогулками. Лазенки, красотою видовъ которыхъ многіе восторгались, не произвели на меня ожидаемаго впечатлѣнія. Кто видѣлъ Петергофъ, тотъ Лазенками восхищаться

не можетъ, несмотря на болѣе богатую растительность въ Лазенкахъ, благодаря инымъ климатическимъ условіямъ.

Баронесса Е. Н. Менгденъ, рожденная Муравьева, жившая надъ нами, выказала намъ такое сердечное участіе, когда мы лишились сына, что мы сошлись съ ней, какъ съ родной. Она была прекрасная, добрѣйшая женщина, патриотка съ чисто русскою душой, иначе оно и быть не могло: она находилась въ родствѣ съ Михайломъ Николаевичемъ, который доводился ей двоюроднымъ братомъ. Мы видѣлись съ ней ежедневно, дѣти очень полюбили ее; не имѣя своихъ, она ласкала и баловала нашихъ и привязалась къ нимъ, какъ къ роднымъ. Въ молодости, должно быть, она была очень не дурна собой, прекрасные черные глаза, красивыя черты лица свидѣтельствовали о прошедшемъ. Разговоръ ея былъ медленный, съ пріостановкой, поэтому растянутый, въ движеніяхъ она не отличалась быстротою, вслѣдствіе чего производила впечатлѣніе апатичной, равнодушной, между тѣмъ она была очень сердечная и не лишенная энергіи. Какъ часто наружность обманчива! Не помню, какую должность занималъ мужъ ея, генераль. Живя уже нѣсколько лѣтъ въ Варшавѣ, она съ грустью передавала намъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находятся православныя церкви въ привислинскихъ губерніяхъ; въ нѣкоторыхъ даже сосуды были деревянные. Не говоря уже о другой церковной утвари, не было приличнаго облаченія для священнослужителей. Рассказывала она, въ какомъ нищенскомъ положеніи находятся много русскихъ семей, заброшенныхъ туда судьбою. Существовали благотворительныя общества: польское, нѣмецкое и еврейское, но ни одно изъ нихъ, само собою разумѣется, не приходило на помощь православнымъ; этого и нельзя было ожидать, такъ какъ поляки считали грѣхомъ помогать москалямъ, какъ они величали русскихъ.

Нѣсколько разъ Е. Н. пыталась учредить русское благотворительное общество, но начинъ ея плохо развивался по ея, какъ она думала, неумѣнью взяться за это дѣло, по недостаточной ея поворотливости и малой энергіи.

Въ Варшавѣ былъ основанъ Николаевскій пріютъ исключительно для солдатскихъ дѣтей; онъ помѣщался въ одной части упраздненнаго католическаго монастыря, предоставленнаго для этой цѣли намѣстникомъ. Пріютъ находился недалеко отъ Повонзска, гдѣ расположенъ былъ Прусскій полкъ. Учредить пріютъ для бѣдныхъ дѣтей другого сословія казалось въ то время невысказано.

Когда начали вводить новыя учрежденія для обрусенія края, русское общество съ каждымъ годомъ становилось многочисленнѣе.

Получивъ благословеніе преосвященнаго Іоаннікія, который обѣщалъ съ своей стороны помогать намъ, чѣмъ можетъ, мы втроемъ: Е. Н. Менгденъ, Саша и я, принялись энергично за дѣло лучшаго

устроения въ краѣ церквей. На мою долю выпала письменная часть, которая предоставлена была исключительно мнѣ ¹⁾).

Голосъ мой не остался вопіющимъ въ пустынь. Протопресвитеръ Бажановъ, котораго я знала хорошо, выслалъ иконостасъ, а отъ купечества, родныхъ, знакомыхъ присылались на наше имя цѣлые ящики съ церковною утварью, парчей для облачений священнослужителей, при спискахъ, что и кѣмъ пожертвовано.

Сапа, бывъ въ Петербургѣ, пополнилъ нашъ запасъ тѣми вещами, которыхъ въ числѣ присланныхъ не находилось, и привезъ Святую Плащаницу, хоругви и брачныя вѣнцы. По мѣрѣ требованія, разсылались по губерніямъ церковныя принадлежности, а церковь мужской гимназій въ г. Бѣлы, или Бялы, полностью была снабжена нашимъ складомъ, начиная съ иконостаса до мельчайшихъ подробностей, такъ что когда вещи пришли туда, въ два дня все было устроено, и въ сочельникъ служили всенощную, а въ день Рождества Христова состоялось освященіе церкви и обѣдня.

Этимъ временемъ и составъ благотворительнаго общества увеличивался съ каждымъ днемъ; годичный членскій взносъ былъ опредѣленъ по большинству голосовъ въ 6 рублей. Распорядительный комитетъ также былъ избранъ общимъ собраніемъ. Фундуклея просили взять на себя званіе предсѣдателя, надѣясь, что, какъ человекъ съ большими средствами, онъ щедро будетъ приходить на помощь нашему обществу; но онъ не очень расщедрился и не выполнѣ оправдалъ наши ожиданія.

Наконецъ, состоялось давно желаемое нами общество, которое имѣло возможность приходить на помощь бѣднымъ. Членамъ комитета было поручено лично убѣждаться въ нуждахъ лицъ, подававшихъ прошенія. Хотя мы съ Сашей отказались отъ этой обязанности за неимѣніемъ времени, но поѣхали разъ, чтобъ убѣдиться, дѣйствительно ли одно семейство находилось въ такомъ ужасномъ положеніи, какъ было описано въ прошеніи. Съ трудомъ мы отыскали за городомъ какую-то убогую мазанку, вошли согнувшись въ небольшое отверстіе и застали тамъ семью, состоящую изъ отца и матери въ рубищахъ, трехъ старшихъ дѣтей въ какихъ-то лохмотьяхъ, а двухъ меньшихъ безъ сорочекъ съ подвязанной тряпницей въ видѣ передника, чтобъ немного прикрыть наготу этихъ несчастныхъ дѣтей. Въ чугуи стояла готовая къ обѣду пища, мы заглянули въ него, тамъ оказалась вода съ горсточкою крупъ, немного соли и какой-то травы, рядомъ лежало нѣсколько кусочковъ черстватаго хлѣба. Существованіе мяса давно было забыто ими. Оставивъ имъ на первое время посильную денежную помощь и обѣщавъ прислать дѣтямъ кой-какую одежду, мы уѣхали оттуда, удрученные впечатлѣніемъ, произведеннымъ на

¹⁾ Саша увѣрилъ, что меня хлѣбомъ не корми, а только дай писать.

насъ этой нищетой. На первомъ же засѣданіи все видѣнное нами было доложено правленію и предложено дѣйствовать энергично, чтобы имѣть возможность основать пріютъ для призрѣнія бѣдныхъ дѣтей обоого пола.

Осенью 1865 года, намъ пришлось разстаться съ 15-ти-лѣтнимъ сыномъ нашимъ Владимиромъ, который въ первый разъ покидалъ родительскій домъ, чтобы поступить въ императорскій лицей. Отецъ самъ отвезъ его въ училище.

Къ Рождеству оба брата пріѣхали къ намъ на праздникъ; старшій Александръ былъ уже офицеромъ. Когда онъ въ полной нарядной формѣ лейбъ-гвардіи кирасирскаго его величества полка поѣхалъ являться коменданту, на улицѣ останавливались, принимая его за иностраннаго принца. Дѣйствительно форма эта эффектная, и тамъ, какъ видно, она была въ диковину. Не долго продолжалась радость видѣть сыновей у себя; къ Крещенью они должны были находиться на своихъ мѣстахъ. Хотя кратковременно было ихъ пребываніе, но и это для насъ было большимъ утѣшеніемъ.

Въ эту же зиму состоялось открытіе русскаго собранія въ домѣ, тоже бывшемъ Замойскаго, рядомъ съ нами. Мужъ былъ избранъ въ число директоровъ. Мысль основать пріютъ не покидила меня, но средствъ было еще мало. Предложеніе мое устраивать въ залѣ собранія, съ разрѣшенія директоровъ, танцевальныя и музыкально-литературныя вечера, спектакли и живыя картины, послѣднія во время великаго поста, было принято правленіемъ съ благодарностію, но, повидимому, всѣ сомнѣвались въ большомъ успѣхѣ.

За это время кругъ нашего знакомства очень расширился, и я вспоминаю съ благодарностью готовность, съ какою наше русское общество участвовало во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ, чѣмъ способствовало полной ихъ удачѣ во время нашего пятилѣтняго пребыванія въ Варшавѣ, за исключеніемъ перваго года, когда я никогда и ничѣмъ не занималась по части благотворительности; до того ли мнѣ тогда было?

У насъ собирались для выбора пьесъ, распредѣленія ролей, считки къ предполагаемому спектаклю. Между мужскимъ персоналомъ было много талантливыхъ актеровъ, въ особенности выдѣлялись Кони и Дерфельденъ, но послѣдній своими капризами часто доводилъ меня до слезъ, и я готова была отказаться отъ устройства спектакля; въ концѣ концовъ кончалось примиреніемъ, такъ какъ онъ не отступалъ, пока не выпроситъ моего прощенія.

Въ женскомъ персоналѣ большой былъ недостатокъ, участвовали только А. П. Мерклингъ, m-me Кони и изъ нашей семьи Маруся и Augustine, а въ нѣкоторыхъ пьесахъ и мнѣ пришлось, по необходимости, подвизаться на подмосткахъ. Одно могу сказать, что все, что было поставлено нами, исполнялось самымъ добросовѣстнымъ образомъ и шло гладко; публика поощряла своимъ при-

сутствиемъ; мѣсть не хватало для желающаго числа зрителей. Живыя картины были тоже очень удачны; ихъ ставилъ Н. Якимовскій, человекъ съ большимъ вкусомъ. Для разнообразія я предложила устроить костюмированный вечеръ. Къ этому несомнѣнно отнеслись, особенно старикъ Фундуклей, который утверждалъ, что ничего не выйдетъ изъ этого, и никто не захочетъ тратиться на костюмы. Но когда я стала доказывать, что новизна имѣетъ притягательную силу, и ради любопытства съѣдутся больше, чѣмъ на наши скромные семейные вечера, то единогласно было рѣшено предоставить мнѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Правда, что хлопотъ это стоило мнѣ много, но зато результатъ былъ блистательный, несмотря на то, что плата за входъ не была возвышена; кавалеры платили полтинникъ, а дамы ничего. Какъ патриотка и хозяйка, я была въ русскомъ костюмѣ, изъ дочерей Адини сдѣлала себѣ костюмъ египтянки, который былъ очень ей къ лицу, Маруся нарядилась ундиной, а Augustine была въ костюмѣ весны. Мы съ m-me Менгденъ, которая тоже была въ русскомъ костюмѣ, отправились первыми въ собраніе, чтобъ принимать гостей. Признаюсь, я немного побаивалась, чтобъ не сбылось предсказаніе нашего предсѣдателя, но вскорѣ я убѣдилась, что мой расчетъ былъ вѣренъ. Рѣшительно всѣ дамы и барышни были въ костюмахъ, даже жена намѣстника, почтенная старушка, надѣла домино. За мазуркой танцовало семьдесятъ паръ. Очень эффектны были эти разнородные и фантастическіе костюмы. Залъ былъ такъ полонъ, что сначала двигаться было трудно. Во время перерыва танцевъ барышни и молодыя барыни продавали шампанское въ бокалахъ и букеты цвѣтовъ. Племянницы Фундуклея, княжны Голицыны, заставляли дядюшку роскошничать, предлагая ему покупать букеты и подносить барышнямъ; хотя онъ дѣлалъ это не съ особеннымъ удовольствіемъ, но отказываться при другихъ ему было не ловко, барышни не щадили старика. Освѣщеніе было предоставлено отъ собранія даромъ; Левандовскій, оркестръ котораго постоянно игралъ на нашихъ вечерахъ, взялъ небольшую плату для своихъ музыкантовъ, а самъ для себя отказался отъ вознагражденія. Букеты прекрасныхъ, свѣжихъ цвѣтовъ были пожертвованы варшавскими садовниками.

Блистательный результатъ этого вечера былъ и для меня неожиданнымъ; могла ли я думать, что выручка съ него дойдетъ до тысячи двухъ сотъ рублей? Когда я представила эту сумму правленію, надо было видѣть удивленную и недоумѣвающую физиономію Фундуклея; съ улыбкой онъ пробормоталъ себѣ подъ носъ, что не будетъ больше сомнѣваться въ успѣхахъ моихъ предпріятій.

Хлопоты съ костюмированнымъ баломъ были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что предстояло намъ при устройствѣ фантовой лотереи въ Саксонскомъ саду. Брать такую обузу на себя было

немалымъ самопожертвованіемъ. Залъ нашъ, загроможденный складными официантскими столами, съ разставленными на нихъ выигрышами, былъ похожъ на выставку базара; сколько времени надо было жертвовать на выборъ и покупку вещей, дѣлая при этомъ расчетъ, чтобы мелкія вещи не превышали извѣстной стоимости, и чтобъ имѣть возможность купить и такія, которыя обходились отъ ста до трехсотъ рублей.

Когда все было выбрано, и пожертвованныя вещи собраны, тогда у насъ съ утра былъ настоящій раутъ. Намъ однимъ справиться было невозможно, поэтому всѣ предложившіе помогать намъ являлись, и работа назначалась каждому. Одни крутили билеты, другіе клеймили входные, кто составлялъ списки по павильонамъ, а кто привязывалъ №№ къ вещамъ; никто не сидѣлъ, сложа руки, и работа кипѣла до поздняго вечера. Наканунѣ розыгрыша, полицеймейстеръ приѣзжалъ къ намъ съ печатью; самъ скрутилъ билеты лучшихъ выигрышей, опускалъ ихъ въ разные колеса и запечатывалъ; это дѣлалось для того, чтобъ недовѣрчивая публика не могла подумать, что къ самому началу не всѣ вещи находятся въ колесахъ. Въ день лотереи являлись наши любезные помощники, большею частью, молодые офицеры, въ сопровожденіи которыхъ вещи уносились на деревянныхъ носилкахъ въ Саксонскій садъ, гдѣ они разставляли ихъ въ двухъ павильонахъ по полкамъ, обтянутымъ краснымъ кумачемъ. Въ извѣстный часъ дамы и дѣвицы заняли свои мѣста въ особенныхъ павильонахъ, имѣя по нѣсколько помощниковъ и казначея, завѣдующаго кассой. По окончаніи лотереи не разыгранныя или не взятые еще счастливыми вещи такимъ же путемъ приносились обратно, но это была уже малая доля того, что было перенесено утромъ.

На слѣдующее утро явились всѣ казначеи съ ключами отъ своихъ кассъ, и я принялась считать и провѣрять выручки. Не привлекательно было занятіе перебирать эту грудку грязныхъ злотъ, десентковъ и мѣдяковъ, отъ которыхъ руки дѣлались черными, и приходилось мыть ихъ безпрестанно.

Послѣ первой фантовой лотереи, средства общества настолько увеличились, что можно было приступить къ устройству пріюта. Саша выпросилъ у намѣстника другую половину монастыря, никѣмъ не занятую, въ которомъ находился Николаевскій пріютъ; эта часть шла по Фретовой улицѣ, гдѣ видимо-невидимо гнѣздилося еврейское племя съ пейсами и лапсердаками. На Е. Н. Менгденъ и на меня, какъ на главныхъ руководителей, было возложено все устройство по пріюту, мы дѣлали всѣ закупки; чего въ Варшавѣ достать было нельзя, или слишкомъ дорого, я выписывала изъ Петербурга; но самую скучную и утомительную обязанность Екатерина Николаевна взяла на себя, а именно кроить бѣлье и одежду

для дѣтей обоого пола и раздавать все это пить бѣднымъ, для которыхъ этотъ заработокъ былъ нелишнимъ.

Наконецъ мечта моя осуществилась, и состоялось открытіе пріюта, окрещеннаго именемъ императрицы Маріи Александровны—Маринскимъ, который въ одно изъ посѣщеній ихъ величествъ Варшавы, по личной моей просьбѣ, былъ принятъ ею подъ августѣйшее свое покровительство.

Отъ званія попечительницы я отказалась; довольно того, что моими трудами основанъ былъ пріютъ; жена генерала Фейхнеръ, Софія Морисовна, рожденная Коцебу, взяла эту должность на себя. Несмотря на свою нѣмецкую фамилію она была православная и русская въ душѣ, умная и энергичная женщина.

Когда въ Варшавѣ учредился мѣстный комитетъ Краснаго Креста попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, Саша далъ мнѣ благоую мысль основать дамскій комитетъ, и я тотчасъ принялась приводить ее въ исполненіе. Не большихъ трудовъ это мнѣ стоило; дамы охотно подписывались въ члены. Если не ошибаюсь, комитетъ нашъ состоялъ изъ 10 дамъ, между прочимъ Е. Н. Менгенъ, С. М. Фейхнеръ, О. А. Соловьевой, рожденной Арбузовой, М. А. Брауншвейгъ, М. К. Мухановой, княгини Вахваховой, которая вызвалась быть моимъ секретаремъ, такъ какъ я была избрана предсѣдательницей. Не помню, кто были еще членами комитета.

Увѣряютъ, что тамъ, гдѣ орудуютъ дамы, безъ спора и шума не обходится; въ нашемъ комитетѣ все было мирно, согласно, и дѣло успѣшно шло впередъ. Такимъ умнымъ, исполнительнымъ секретаремъ, какимъ была княгиня Вахвахова, любое министерство могло бы гордиться.

Два года сряду мы брали на себя обузу фантовыхъ лотерей, но на третій предложили устроить просто лотерею, по примѣру Петербурга, въ пользу пріюта въ сто тысячъ билетовъ по четвертаку билетъ. Тутъ опять выпала на мою долю вся переписка; я обратилась ко всѣмъ губернаторамъ Привислинскаго края—помочь мнѣ въ распространеніи билетовъ; всѣ родные и знакомые наши въ Петербургѣ не изъяты были отъ непріятнаго порученія помѣщать билеты; я наградила даже порядочнымъ количествомъ ихъ Г. Т. Бока, состоящаго при великихъ князьяхъ и жившаго въ Зимнемъ дворцѣ; онъ приходился дальнимъ родственникомъ, но близкимъ по дружбѣ къ намъ и былъ общимъ нашимъ любимцемъ. Выигрыши, присылаемые императрицею Маріей Александровною, къ которой я обращалась черезъ секретаря ея Морица, были такъ прекрасны и изящны, что много способствовали къ раздачѣ билетовъ, не говоря уже о томъ, что каждый желалъ выиграть присланную царицей вещь, какъ память ея щедрости.

О дѣятельности нашей во время пребыванія нашего въ Варшавѣ я распространилась не изъ хвастовства или желанія выказать этимъ особенныя заслуги, но въ примѣръ нашему потомству, которое можетъ видѣть, насколько при энергіи можно быть полезнымъ для блага нуждающихся.

XVIII.

Назначеніе дочери фрейлиной.—Празднованіе нашей серебряной свадьбы.—Помолвка дочери.—Бракосочетаніе наслѣдника цесаревича Александра Александровича.—Свадьба моей дочери.—Государь соизволяетъ быть ея посаженнымъ отцомъ.—Поѣздка Адими на Кавказъ.—Рожденіе внучки Евгеніи.—Назначеніе Бойде командиромъ Московскаго полка.—Назначеніе дочери Маруси фрейлиной и ея выходъ замужъ за Мейера.—Поѣздка къ свекрови.—Скрипачъ Шевчукъ.—Публичное чтеніе моего стихотворенія.—Производство мужа въ полные генералы и назначеніе его членомъ военнаго совѣта.—Лотерея въ пользу Маринскаго приюта.—Отъѣздъ изъ Варшавы.—Проводы.

Возвращаюсь къ 1866-му году. 16-го апрѣля, въ день 25-лѣтняго юбилея бракосочетанія ихъ величествъ, старшая дочь наша была сдѣлана фрейлиной.

27-го августа того же года мы праздновали нашу серебряную свадьбу. Наканунѣ оба сына, Александръ и Владиміръ, пріѣхали изъ Петербурга. Утромъ мы были пробуждены хоромъ музыки, игравшей въ саду передъ нашимъ окномъ; это было любезное вниманіе начальника штаба дивизіи, полковника Войде. Дѣти поднесли намъ подарки своихъ трудовъ; множество чудныхъ букетовъ было прислано знакомыми. День начался съ того, что мы всей семьей, не исключая двухлѣтней Евгеніи, поѣхали въ соборъ, гдѣ послѣ литургіи былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Преосвященный Іоанникій тронулъ насъ своимъ вниманіемъ, сошелъ къ намъ въ церковь изъ своихъ покоевъ, чтобъ поздравить насъ и благословить святою иконою. По возвращеніи домой, начался пріемъ поздравительныхъ визитовъ, въ числѣ которыхъ былъ визитъ намѣстника съ супругою. Вечеромъ сюрпризомъ для насъ дѣти устроили танцевальный вечеръ, пригласили своихъ подругъ, молодежь, добыли музыку, которая играла въ саду въ палаткѣ, устроенной у самыхъ дверей залы. Погода была такая чудная, что дверь могла остаться открытой до поздняго вечера. Первую кадрили танцевали четыре пары, состоявшія изъ насъ, юбиляровъ, и трехъ сыновей съ своими сестрами; послѣ этого мы предоставили веселиться молодежи.

Вскорѣ послѣ нашего двадцатипятилѣтняго торжества полковникъ Карлъ Маврикіевичъ Войде сдѣлалъ предложеніе Адими, которое было принято ею. Неохотно я выдавала дочерей замужъ. Избалованная рѣдкимъ супружескимъ счастьемъ, которымъ я

пользовалась въ продолженіе своей жизни, я боялась, что дѣтямъ нашимъ не выпадеть въ удѣлъ подобное же.

Какъ только было получено согласіе императрицы на бракъ фрейлины ея величества, помолвка была объявлена, и принимались поздравленія.

По случаю предстоящаго бракосочетанія наследника цесаревича Александра Александровича, мы поѣхали въ октябрѣ въ Петербургъ съ двумя старшими дочерьми, которыхъ надо было представить, старшую въ званіи фрейлины, а Марусю—впервые. Согласно желанію Адини, было рѣшено, что свадьба ея будетъ въ Петербургѣ; Адини хотѣла вѣнчаться въ церкви лейбъ-гвардіи Павловскаго полка и имѣть подружками, кромѣ Маруси, своихъ закадычныхъ друзей: В. К. Шабельскую и Е. Гулевичъ, которыя жили въ Петербургѣ.

28-го октября 1866 года, состоялось бракосочетаніе наследника цесаревича съ датскою принцессою Дагмарою, судьба которой предназначила быть нашей русской цесаревною Маріей Феодоровной. Съ какимъ особеннымъ чувствомъ мы любовались этой юной, симпатичной августѣйшей четой, этими добрыми улыбающимися глазами Александра Александровича, съ его открытымъ и добродушнымъ выраженіемъ лица и прелестною цесаревною, внушившею столько сочувствія и симпатіи русскимъ сердцамъ.

Грандіозны и величественны придворныя празднества, мы присутствовали на всѣхъ: на парадномъ обѣдѣ, во время котораго пѣли оперныя пѣвцы и пѣвицы, какъ русскіе, такъ и итальянскіе, на куртагѣ, гдѣ августѣйшая новобрачная въ пурпуровой мантіи съ брильянтовой короной проходитъ по всѣмъ заламъ, во время польскаго, чтобъ дать возможность видѣть ее, и наконецъ на *baise main*, т. е. принесеніи поздравленія ихъ высочествамъ.

3-го ноября была свадьба Адини съ полковникомъ генеральнаго штаба Карломъ Маврикѣвичемъ Войде. Къ назначенному часу мы пріѣхали въ Зимній дворецъ, гдѣ ихъ величества благословляли невѣсту. Высадивъ у дворца меня и Адини, мужъ съ Марусей поѣхали впередъ въ казармы Павловскаго полка, чтобъ встрѣтить на подъѣздѣ августѣйшаго шефа. Какъ только было доложено о нашемъ прибытіи, мы тотчасъ были приняты ихъ величествами съ свойственной имъ сердечною привѣтливостью. Тутъ императрица, взявъ Адини за руку, повела ее въ сопровожденіи государя къ себѣ въ комнату, гдѣ благословили невѣсту иконою, хлѣбомъ съ солью и расцѣловавъ пожелали Адини полнаго счастья въ новой для нея жизни. Адини вышла оттуда въ слезахъ, такъ была растрогана добротою царя и царицы. Шаферъ уже ждалъ съ докладомъ, что женихъ въ церкви.

Когда простились съ императрицей и поблагодарили ее, государь взялъ свою крестницу, вмѣстѣ съ тѣмъ и посаженую дочь подъ руку, и мы всѣ спустились на подъѣздъ, у котораго стояла

придворная карета, запряженная четвертою бѣлыхъ лошадей съ уносомъ и фореиторомъ.

Старшій шаферъ невѣсты, братъ ея Александръ, въ полной парадной кирасирской формѣ, увидѣвъ насъ, спускавшихся съ лѣстницы, поскакалъ къ казармамъ предупредить, что ѣдутъ. Войдя первая въ карету, я сѣла на переднюю скамейку, предоставляя почетное мѣсто возлѣ государя невѣстѣ, но его величество заставилъ меня сѣсть рядомъ съ дочерью, а самъ помѣстился противъ меня на переднее сидѣнiе, имѣя возлѣ себя сына нашего Владимира, 16-ти-лѣтняго лицеиста, ѣхавшаго съ образомъ. Мнѣ было очень ѣловко оттого, что государь не занялъ перваго мѣста, но дѣлать было нечего, надо было повиноваться волѣ царя, когда онъ объявилъ, что если я не пересяду, то поѣдетъ отдѣльно.

Погода была отвратительная, снѣгъ валилъ хлопьями при вьюгѣ и мятели.

У подѣзда казармъ Саша и полковой командиръ Н. Н. Вельяминовъ въ мундирахъ встрѣтили его величество, который ввелъ подъ руку невѣсту въ церковь. Поднимаясь по лѣстницѣ мимо офицеровъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ на ступеняхъ, государь милостиво здоровался со всѣми. Подвѣнечный нарядъ былъ очень къ лицу Адини; ея черные большіе глаза съ длинными рѣсницами, черные волосы и матовая смуглость лица какъ-то ярко выступали въ контрастѣ бѣлой одежды. Кромѣ фрейлинскаго шифра, на ней не было никакихъ украшеній.

Женихъ былъ красивый мужчина, съ темными глазами и такими же вьющимися волосами; парочка была совсѣмъ подходящая.

По окончаніи обряда, государь подвелъ молодую къ образамъ, послѣ чего поздравилъ ее, поцѣловавъ ей руку, ему же милостиво протянулъ свою, потомъ поздравилъ насъ, такъ же сердечно поцѣловалъ мнѣ руку, а Сашу обнялъ, и простившись съ нами, его величество отбылъ къ себѣ, а мы поѣхали къ Шабельскимъ, у которыхъ остановились.

Тамъ молодые были встрѣчены лютеранскимъ пасторомъ, сказавшимъ имъ короткую рѣчь и благословившимъ новобрачныхъ. Войде былъ венгерскаго происхожденія, дѣдъ его былъ венгерець, а бабушка, француженка, говорятъ, была красавица.

Выпивъ по бокалу шампанскаго за здравіе и благополучіе нашихъ дѣтей и перекусивъ à la fourchette, мы всѣ переодѣлись и поѣхали проводить молодыхъ на Варшавскую желѣзную дорогу.

Такъ какъ мы оставались еще нѣсколько дней въ Петербургѣ, то я поручила Л. А. Ставской все приготовить къ пріѣзду молодыхъ; квартиру они нашли освѣщенной, чай завареннымъ и ужиномъ на столѣ.

Опять приходится сдѣлать прыжокъ назадъ, такъ какъ я не упомянула о путешествіи Адини съ семействомъ Шабельскихъ на Кавказъ за годъ или два до нашего переѣзда въ Варшаву.

Препятствовать ей воспользоваться любезнымъ предложеніемъ этого милаго семейства и такимъ удобнымъ случаемъ увидѣть то, что она видѣть жаждала, мы не считали себя въ правѣ, и какъ ни тяжело было разстаться, мы отпустили ее. Письма получались восторженные, она вполне наслаждалась тамошней дикою, но величественной природой; ей удалось быть въ Пятигорскѣ, Кисловодскѣ и Желѣзноводскѣ.

Какими яркими красками она описывала красоту исполинскихъ горъ Казбека и Бештау! Не помню, на которой изъ двухъ, чтобъ видѣть восходъ солнца, они провели ночь въ каретѣ: воздухъ былъ слишкомъ холоденъ и рѣзокъ, чтобы покинуть экипажъ безъ опасенія поймать мѣстную лихорадку.

Путешествіе на Кавказъ было, къ сожалѣнію, омрачено утратою матери Вареньки Шабельской, которая скончалась, кажется, въ Пятигорскѣ. Ее перевезли въ имѣніе Екатеринославской губерніи, куда и вся семья послѣдовала, тамъ оставалась до тѣхъ поръ, пока К. П. Шабельскій не получилъ извѣстія, что ожидаютъ въ Екатеринославъ цесаревича Николая Александровича, которому дворянство даетъ балъ.

Будучи предводителемъ дворянства, онъ, какъ официальное лицо, долженъ былъ быть на мѣстѣ, поэтому всѣ тотчасъ же переѣхали въ Екатеринославъ. Шабельскій уговорилъ Адину ѣхать съ нимъ на балъ, отъ чего она не отказалась, желая видѣть наследника.

Великій князь обрадовался встрѣчѣ знакомаго ему лица въ совершенно чужомъ для него обществѣ, танцевалъ и много разговаривалъ съ Адینی. Вотъ гдѣ суждено было ей встрѣтиться съ великимъ княземъ, который ровно годомъ былъ моложе ея; оба родились 8-го сентября.

Мой рассказъ напоминаетъ мнѣ игру въ скачку, гдѣ жокеямъ на оловянныхъ лошадяхъ то приходится скакать впередъ, то, доѣхавъ до какого нибудь препятствія, осадить на нѣсколько номеровъ назадъ и ждать своей очереди. Впрочемъ, я предупредила въ самомъ началѣ, что послѣдовательность въ моихъ воспоминаніяхъ будетъ отсутствовать. По мѣрѣ того, какъ пишу, въ умѣ всплываетъ прошлое, жаль только, что о многомъ приходится умолчать, не все то удобно наносить на бумагу, чему былъ свидѣтелемъ.

Продолжаю. Спустился годъ, Богъ далъ намъ первую внучку, названную въ честь ея трехлѣтней тетки Евгеніи. Можно себѣ представить, какъ маленькая тетушка гордилась своей племянницей.

Весной Войде былъ назначенъ командиромъ Московскаго полка 2-й гренадерской дивизіи, квартировавшаго въ Новоминскѣ. Городишко маленькій, пожалуй, и городомъ назвать было нельзя, общества положительно никакого, кромѣ полкового, въ которомъ женатые отсутствовали. Но въ евреяхъ, какъ вездѣ въ томъ краѣ, недостатка не было.

Отъ Варшавы до Новоминска по Тереспольской желѣзной дорогѣ только часъ ѣзды, и я каждую недѣлю ѣздила навѣщать молодыхъ и внучку, утромъ поѣду, а вечеромъ возвращалась съ поѣздомъ, везущимъ живой товаръ: откормленныхъ свиней, гусей, воловъ, телятъ и т. д., которые во время нашего переѣзда задавали вокальный концертъ, каждый на свой ладъ и по своему умѣнью. По распоряженію любезнаго начальника станціи въ Варшавѣ, для меня прицѣплялся вагонъ, такъ что мнѣ не приходилось сидѣть въ обществѣ четвероногихъ.

На болѣе продолжительные праздники Адини пріѣзжала къ намъ съ внучкой; съ нею взрослые и маленькія тетушки нянчились, какъ съ куклой.

Въ день рожденія государя императора, 17-го апрѣля 1868 года, Маруся была сдѣлана фрейлиной. Саша сообщилъ намъ телеграммою изъ Петербурга эту новую милость царя и самъ привезъ ей шифръ, возвратившись оттуда. Онъ ѣздилъ въ столицу исключительно, чтобъ поздравить государя.

Въ апрѣлѣ 1869 года Маруся вышла замужъ за Ивана Карловича фонъ-Мейера, состоявшаго по особымъ порученіямъ при намѣстникѣ по дипломатическому отдѣлу.

Такъ какъ Мейеръ жилъ въ замкѣ, то по случаю его женитьбы квартира была отведена ему обширнѣе, окнами на покатую террасу, у подножья которой протекала Висла. Намѣстникъ какъ-то особенно былъ расположенъ къ Мейеру, а такъ какъ мы не сразу дали свое согласіе на этотъ бракъ, то графъ Бергъ съ графиней лично пріѣхали къ намъ просить для Мейера руки нашей дочери; это вышло черезчуръ официально. Видя, что Маруся сама этого желаетъ, мы предоставили тогда совершеннолѣтней уже дочери самой рѣшать свою судьбу, тѣмъ болѣе, что Мейера хвалили со всѣхъ сторонъ. Но чуть-чуть наканунѣ не разошлась свадьба, благодаря брату его (нѣмцу 84-й пробы, какъ выражался Саша), пріѣхавшему изъ Петербурга, съ цѣлью уговорить жениха не соглашаться, чтобъ дѣти были православныя; при этомъ онъ показалъ брату какую-то бумагу, въ силу которой онъ могъ не покоряться этому закону.

Мы были въ это время на квартирѣ, когда послѣ молебна и окропленія святой водой принесли изъ церкви книгу, въ которой женихъ долженъ подписать какъ свое согласіе на бракъ, такъ и обязательство крестить дѣтей по православной вѣрѣ. Книга лежала передъ нимъ, но онъ медлилъ взяться за перо и заикнулся о бумагѣ, привезенной его братомъ. Тогда Саша сказалъ ему, что онъ можетъ не подписываться, и что въ такомъ случаѣ Саша беретъ назадъ данное согласіе на бракъ съ нашей дочерью, которой, во-первыхъ, не позволить обойти законъ, а, во-вторыхъ, какъ русской душой, не допустить, чтобъ кто нибудь изъ его потомства былъ неправославнаго вѣроисповѣданія. Эта угроза заставила Мейера

моментально и безпрекословно схватить перо и подписаться. У Маруси въ то время были нѣкоторые ухаживатели съ серьезными видами, и онъ боялся, что она выпорхнетъ у него изъ рукъ.

Намѣстникъ былъ посаженнымъ отцомъ Мейера, и свадьба состоялась въ замковой церкви. По окончаніи бракосочетанія перешли на квартиру молодыхъ, гдѣ нѣмецкій пасторъ длинной высокопарной рѣчью напутствовалъ ихъ на новую жизнь. О его рѣчи смѣло можно сказать, что въ ней былъ «*der kurze Sinn der langen Rede*».

Вскорѣ молодые уѣхали въ двухмѣсячное путешествіе за границу, а по возвращеніи, черезъ нѣсколько дней, собрались въ деревню къ его матери, которая не знала еще жену своего любимчика, матушкина сынка; надо же было представить въ милость или на сѣдненіе свекрови молодую невѣстку. Желая сдѣлать сюрпризъ Марусѣ къ ея именинамъ, мы съ мужемъ поѣхали къ нимъ въ Псковскую губернію, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ познакомиться съ свекровью.

Съто шестьдесятъ верстъ, начиная отъ г. Острова, намъ пришлось тристисъ на отвратительныхъ перекладныхъ съ тонкимъ слоємъ сѣна на веревочныхъ переплетахъ, составлявшихъ сидѣнье; на одной изъ нихъ переплетъ лопнулъ, и мы очутились на днѣ таратайки; какъ это было мягко и удобно!

Радость Маруси описать трудно, *belle mère* ея приняла насъ очень любезно, разсыпалась въ похвалахъ о нашей дочери, но о произведенномъ ею впечатлѣніи на насъ лучше умолчу.... еще придется, вѣроятно, впоследствии упомянуть о ней.

Пробывъ у нихъ два дня, мы вернулись домой.

Не упомянула объ одномъ русскомъ 14-ти или 15-тилѣтнемъ мальчикѣ, по фамиліи Шевчукъ, который, играя однажды въ костелѣ на скрипкѣ, своимъ мягкимъ, нѣжнымъ смычкомъ обратилъ на себя вниманіе одного изъ нашихъ русскихъ, зашедшаго туда во время обѣдни. Заинтересованный, онъ дождался, когда музыканты сошли съ хоръ, и спросилъ, кто игралъ первую скрипку. Узнавъ отъ Шевчука, что онъ русскій (малороссъ), круглый сирота, живетъ тѣми грошами, которые зарабатываетъ своей игрой, заинтересовавшійся его игрой пожелалъ видѣть, гдѣ онъ живетъ, и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Шевчукъ занималъ убогую конуру на чердакѣ съ самой нищенской обстановкой. На вопросъ, кто училъ его играть, онъ отвѣтилъ, что жилъ у одного польскаго помѣщика, который прекрасно игралъ на скрипкѣ и, когда увидѣлъ въ Шевчукѣ страстное желаніе учиться на этомъ инструментѣ, то настолько былъ добръ, что купилъ ему скрипку и самъ училъ его, а когда мальчикъ усовершенствовался, помѣстилъ его къ варшавскую консерваторію, откуда онъ, спустя нѣкоторое время, былъ исключенъ директоромъ, который къ нему придирался, по словамъ Шевчука, потому, что онъ былъ русскій; когда же сдѣлали запросъ, за что

исключенъ Шевчукъ, директоръ сказалъ, что онъ плохо учился и былъ лѣнтяй.

Узнавъ всѣ подробности о Шевчукѣ, мы доложили объ этомъ на засѣданіи, и было рѣшено взять его подъ покровительство русскаго благотворительнаго общества, одѣть, обусть, помѣстить его къ кому нибудь и нанять учителей музыки, русскаго языка, Закона Божія и ариѳметики. Не помню, кто вызвался взять его къ себѣ, т. е. дать ему помѣщеніе и столъ; все остальное, какъ-то: одежда и учителя, лежало на благотворительномъ обществѣ. Вымыли, одѣли мальчика и водворили его къ вызвавшемуся благодѣтелю; но горе было въ томъ, что холостякъ не переносилъ упражненій, этюдовъ и гаммъ на скрипкѣ, и не позволялъ ему учиться. Тогда Шевчукъ со слезами явился къ намъ, чтобъ раздѣлить съ нами свою горькую участь. По наведеннымъ у холостяка справкамъ оказалось дѣйствительно вѣрно, что нервы его не въ состояніи переносить это постоянное пиликанье, какъ онъ выразился. Такъ какъ желающихъ пріютить мальчика не оказалось, то мы рѣшили оставить его на время у себя. Въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, которые онъ провелъ у насъ, я жаловаться на него не могла: онъ занимался усердно, дѣлалъ успѣхи, а когда готовилъ уроки, я заставляла его учиться при мнѣ, пьесы же я аккомпанировала ему на рояли. Мои уши не страдали, и нервы мои стойко выносили его пиликанье, какъ выражался нервный холостякъ съ придурью.

Какъ-то былъ назначенъ музыкально-литературный вечеръ въ собраніи, Шевчукъ къ этому времени хорошо разучилъ пьесу: «Соловья» Венявскаго, игралъ ее отчетливо и съ большимъ чувствомъ, поэтому хотѣли, чтобъ благотворительное общество, принявшее въ немъ участіе, но никогда не слышавшее его, могло судить о его игрѣ. Всѣ эти вечера давались съ благотворительною цѣлью, то въ пользу Маринскаго пріюта, то въ пользу дамскаго комитета Краснаго Креста. Которая-то изъ участвующихъ дамъ зашла ко мнѣ днемъ; напечатанная программа лежала на столѣ; прочитавъ ее и не найдя моего имени, дама спросила, почему я не участвую. Отвѣтъ мой былъ простъ: благодаря отсутствію всякаго таланта. Тогда она за себя и за другихъ объявила мнѣ, что въ такомъ случаѣ и онѣ отказываются; боясь разстроить вечеръ, я должна была въ концѣ концовъ обѣщать прочесть какое нибудь стихотвореніе. Какъ на грѣхъ, я въ то время, должно быть, отъ переутомленія мозга не помнила наизусть ни одного даже самаго коротенькаго стихотворенія Пушкина или Лермонтова, а выучить до вечера съ вѣрными интонаціями мнѣ было некогда. Единственная вещь, которую я знала, это когда-то написанный мною экспромтъ «Къ дыму пахитосы». Нечего дѣлать, чѣмъ богата, тѣмъ и рада. Списала его, чтобъ отъ волненья не смутиться и прочесть гладко. Никогда мнѣ не случалось при большомъ стеченіи публики что нибудь читать громко, а стихи подавно.

Когда Шевчукъ вошелъ на эстраду, его встрѣтили для поощренія аплодисментами; онъ очень трусилъ, и это ободрило его. Сыгралъ онъ съ чувствомъ и очень хорошо, не сдѣлавъ ни одной ошибки, но чѣмъ ближе пьеса подходила къ концу, тѣмъ Шевчукъ становился блѣднѣе; подъ конецъ онъ закрылъ глаза, и когда провелъ смычкомъ послѣднюю ноту, скрипка выпала у него изъ рукъ, и онъ свалился бы съ эстрады, если бы Саша, стоявшій внизу, не поддержалъ и не снялъ его оттуда; бѣдному мальчику сдѣлалось дурно, онъ не слышалъ ни браво, ни аплодисментовъ. Многіе подходили къ нему, когда онъ пришелъ въ себя, хвалили его игру и пожелали ему быть со временемъ вторымъ Венявскимъ. Впослѣдствіи Шевчукъ былъ помѣщенъ въ Петербургскую консерваторію на счетъ великой княгини Елены Павловны, но и тамъ не устоялъ. Что съ нимъ сдѣлалось, куда онъ дѣлся, послѣ того какъ покинулъ Петербургскую консерваторію, мы узнать не могли; только разъ какъ-то случайно одни знакомые, которымъ мы о немъ рассказывали, передали намъ, что онъ игралъ у нихъ въ квартетѣ и на вопросъ, почему онъ не бываетъ у насъ, признался, что ему совѣстно показаться намъ на глаза. Это по-моему не оправданіе; если онъ чувствовалъ, что мы много сдѣлали для него, какъ онъ выразился, то лучше бы явился къ намъ съ повинной головой. Своей лѣнью онъ сдѣлалъ вредъ себѣ, а не намъ.

Дошла наконецъ моя очередь вступить на подмостки; скверное чувство!—не скрываю. Хотя аплодисменты, которыми меня встрѣтили, должны были придать мнѣ мужество, но я чувствовала, что волненіе слышалось въ моемъ голосѣ; одной рукой я держалась за спинку стула, а въ другой былъ листъ со стихами, который немилосердно дрожалъ. Какъ сумѣла, такъ прочла, комплиментовъ посыпалось много, но можно ли было вѣрить имъ? За самопожертвованіе я вполне заслужила благодарность публики.

30-го августа, въ день тезоименитства государя, Саша получилъ телеграмму отъ министра двора, графа А. В. Адлерберга, въ которой онъ поздравлялъ его съ именинами, производствомъ въ генерала отъ инфантеріи и зачисленіемъ въ военный совѣтъ.

Это былъ сигналъ нашего будущаго возвращенія въ родное гнѣздо.

Хотя срокъ нашего отъѣзда далеко не былъ еще рѣшенъ, тѣмъ не менѣе въ виду собственныхъ нашихъ хлопотъ мы заявили, что не можемъ взять на себя устройство и розыгрышъ предпринятой мною лотереи, и предложили просить А. С. Муханова и жену его взять это на себя. Лотерея была разыграна въ началѣ и около половины ноября; небольшая часть нераспроданныхъ билетовъ осталась въ пользу пріюта съ выпавшими на нихъ выигрышами, и слишкомъ 20 тыс. было выручено. Этой лотереей закончилась наша дѣятельность въ Варшавѣ; мы были избраны почетными членами русскаго благотворительнаго общества.

Маріинскій пріютъ, состоящій нынѣ подъ августѣйшимъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, судя по получаемымъ отчетамъ, процвѣтаетъ и понынѣ.

Въ половинѣ ноября Саша дождался своего замѣстителя и, сдавъ ему дивизию, уѣхалъ въ Царское Село, а мы остались еще въ Варшавѣ, въ ожиданіи увѣдомленія, что домъ приведенъ въ порядокъ и готовъ принять насъ.

Доказательствомъ, насколько въ продолженіе пяти лѣтъ нашего пребыванія въ Варшавѣ увеличилось тамъ русское общество, можетъ служить то, что, пріѣхавъ туда, я едва насчитала десять визитовъ, а уѣзжая мнѣ пришлось откланиваться ста двадцати пяти семействамъ.

Наканунѣ нашего отъѣзда въ домѣ былъ настоящій хаосъ, залъ загроможденъ картонками, сундуками, ящиками, шла дѣятельная укладка; дѣти, внучки бѣгали, суетились, воображая, что помогаютъ. Вечеромъ собралась молодежь, и всѣ принялись за работу: кто надписывалъ №№ и фамиліи, кто заколачивалъ, а кто перевязывалъ ящики; возились до трехъ часовъ утра, не обошло безъ смѣха и остротъ насчетъ багажа.

28-го декабря, благословясь, мы отправились въ 9 часовъ утра на желѣзную дорогу, гдѣ собралось много добрыхъ знакомыхъ проводить насъ. Проводы были самые теплые и сердечные. Какъ только я вошла въ вагонъ, поднесли намъ альбомъ съ фотографическими карточками всѣхъ участвовавшихъ въ подношеніи; кромѣ того, внесли жардиньерку, наполненную цвѣтами, и прелестные букеты. Я была глубоко тронута выраженнымъ всѣми сожалѣніемъ, что мы покидаемъ Варшаву, что на домъ нашъ смотрѣли, какъ на родной, гдѣ всегда были увѣрены встрѣтить радушный пріемъ. Въ этомъ отношеніи мы дѣйствительно были счастливы; гдѣ бы мы ни находились, насъ всегда посѣщали охотно; отсутствіе гнестущей церемоніи было всѣмъ по сердцу. При прощаніи съ замужними дочерьми, съ которыми пришлось разстаться на неопредѣленный срокъ, не обошло съ обѣихъ сторонъ безъ слезъ.

М. А. Паткуль.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОДНЕВОЛЬНЫЙ МУНИЦИПАЛЪ.

I.

ВЪ ЗАПИСКАХЪ о двѣнадцатомъ годѣ князя Н. Б. Голицына разсказанъ одинъ интересный эпизодъ, очевидцемъ котораго онъ былъ въ моментъ соединенія обѣихъ русскихъ армій подѣ Смоленскомъ. «Во время пребыванія нашего въ Смоленскѣ я былъ свидѣтелемъ одной сцены, о которой упоминаю только для того, чтобы показать, что, кромѣ внѣшнихъ враговъ, у насъ были еще другіе. Офицеръ, присланный отъ генерала Невѣровскаго съ извѣстіемъ о его пораженіи, привезъ съ собою шкатулку, сначала разбитую, а потомъ запечатанную. Съ нимъ пріѣхали пожилой мужчина въ губернскомъ мундирѣ, съ аннинскимъ крестомъ на шеѣ, и его семнадцатилѣтній сынъ. Шкатулку отнесли въ кабинетъ главнокомандующаго, а два незнакомца остались съ нами въ приемной залѣ. Черезъ четверть часа отворяется дверь; князь Багратионъ съ грознымъ видомъ подходитъ къ старшему изъ пріѣзжихъ и, не говоря ни слова, срываетъ съ него аннинскій крестъ. Они съ воплемъ бросились ему въ ноги; но дѣло кончилось тѣмъ, что князь приказалъ взять обоихъ подѣ стражу. Я не имѣлъ впослѣдствіи случая узнать, чѣмъ рѣшилась участь этихъ несчастныхъ; но это обстоятельство уже тогда убѣдило насъ въ существованіи измѣнниковъ въ провинціяхъ, которыя мы только что оставили» ¹⁾.

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1884, кн. 4, стр. 340—341.

Можно почти безошибочно предполагать, что эти лица, упоминаемая Голицынымъ, если только они попались въ шпіонствѣ или въ сношеніяхъ съ непріятелемъ, по законамъ военнаго времени, были разстрѣляны. Совсѣмъ иначе правительство сочло нужнымъ отнестись къ тѣмъ русскимъ подданнымъ, которые, оставшись въ занятыхъ французами городахъ, принуждены были противъ своей воли и желанія измѣнить своему долгу и служить французамъ въ той или другой должности. Конечно, здѣсь не принимается въ расчетъ Верещагинъ, убитый по не совсѣмъ обдуманному распоряженію графа Растопчина, въ угоду московской черни, самимъ же графомъ взбудораженной, или же архіепископъ могилевскій, Варлаамъ Шишацкій, который понесъ тяжелое наказаніе, какъ человѣкъ, не только не исполнившій своего долга, но и своимъ примѣромъ увлекшій другихъ, даже вовсе не расположенныхъ къ измѣнѣ ¹⁾. Поэтому общая амнистія, дарованная императоромъ Александромъ I полякамъ по манифесту, данному въ Вильнѣ 24 декабря 1812 г., и жителямъ Курляндіи, по манифесту 31 декабря 1812 г., тѣмъ болѣе должна была бы цѣниться, что тѣ и другіе вмѣстѣ были несравненно виновнѣе предъ Россіей, нежели небольшое число русскихъ, провинившихся предъ отечествомъ во время нашествія Наполеона. О нихъ какъ бы позабыли въ это время, и надъ ними тяготѣли слѣдствія и судъ ²⁾. Почти уже черезъ два года и эти несчастные получили прощеніе по высочайшему милостивому манифесту 30 августа 1814 года. Съ судьбой одного изъ этихъ подневольныхъ измѣнниковъ мы и намѣрены познакомить своихъ читателей.

II.

Извѣстно, что, по вторженіи войскъ Наполеона въ Россію, въ занятыхъ русскихъ губерніяхъ французы учреждали верховныя распорядительныя комиссіи, а какъ ихъ исполнительный органъ, городскія муниципалитеты. Такія комиссіи и муниципалитеты были учреждены въ Вильнѣ, Могилевѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ и Москвѣ. Комиссіи преслѣдовали болѣе военноинтендантскія цѣли, по запасамъ и продовольствію арміи, двигавшейся все впередъ, а муниципалитеты, содѣйствуя главнымъ образомъ цѣлямъ комиссій, лишены были и нѣкоторой самостоятельной роли по устроенію внутренняго порядка и безопасности въ разоренныхъ городахъ. Тамъ и здѣсь главными начальниками были французскіе военные чины. Муниципалитеты организовались изъ захваченныхъ на мѣстѣ

¹⁾ О немъ смотри интересную статью Брайдовскаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1893 г., т. LIV, стр. 231.

²⁾ Н. Шильдеръ. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Спб., 1897 г., т. III, стр. 134 и прим. 210.

жителей, изъ лицъ самаго разнообразнаго общественнаго положенія. Сюда входили дворяне, купцы и разночинцы. Въ городахъ Западнаго края муниципалитеты составились изъ лицъ польскаго происхожденія, которыя охотно шли на службу Наполеона, видя въ его торжествѣ и побѣдахъ залогъ успѣха для собственнаго дѣла—возстановленія прежней Польши ¹⁾. Совсѣмъ другое было въ Смоленскѣ, гдѣ польскій элементъ отсутствовалъ, а въ муниципалитетѣ пришлось набирать природныхъ русскихъ людей, не только не расположенныхъ служить Наполеону, но отъ всей души его проклинавшихъ. Здѣсь уже приходилось силою привлекать на службу въ муниципалитетъ, кто только мало-мальски подходилъ къ цѣлямъ этого учрежденія.

6-го августа 1812 года, Смоленскъ былъ окончательно занятъ французскими войсками, а чрезъ 6 дней назначенный правителемъ Смоленской губерніи государственнаго совѣта аудиторъ, Арманъ Вилльлебланшъ, занялся сформированіемъ муниципалитета въ Смоленскѣ, и однимъ изъ первыхъ русскихъ, получившихъ назначеніе въ организуемый муниципалитетъ, былъ Фѣдоръ Рагулинъ, лицо, неизвѣстное намъ по своему положенію. Онъ получилъ записку такого содержанія. «Смоленскъ, 24 (12) августа 1812 года. Я васъ предваряю, государь мой, что, по повелѣнію императора 24 августа, вы назначены членомъ совѣта Смоленскаго муниципалитета. Господинъ Вилльлебланшъ, правитель губерніи Смоленской, имѣетъ васъ ввести въ сіе достоинство. Принцъ Невшательскій, генераль-майоръ Талейранъ». Мэромъ города былъ назначенъ титулярный совѣтникъ Василій Матвѣевичъ Ярославцевъ, а генераль-секретаремъ муниципалитета—учитель классической гимназіи Ефремовъ. Постепенно привлекались другія лица разнаго званія для образованія муниципалитета, и сначала такихъ набралось до 10 человекъ. Позже нѣкоторыя лица замѣнились другими. 15 августа, состоялось торжественное открытіе муниципалитета Вилльлебланшемъ, и было приступлено къ обсужденію разнаго рода мѣропріятій по благоустройству города, обезпеченію порядка и безопасности, а главное—продовольствія жителей и войскъ. Однако, несмотря на все личное усердіе и ревность самого Вилльлебланша, муниципальная машина шла очень плохо, виною чего было очень малое усердіе къ дѣлу г.г. муниципаловъ и крайнее разореніе самого города Смоленска и сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ. Черезъ мѣсяць и Вилльлебланшъ счелъ нужнымъ произвести нѣкоторыя перемѣны въ муниципалитетѣ, а главное точнѣе обозначить обязанности каждаго изъ его членовъ. «Г. мэръ! Увѣдомляю васъ,—писалъ правитель Ярославцеву,—что, по опредѣленію отъ 26 сентября сего 1812 года, я назначилъ адъюнкта Чану (бывшій трактирщикъ) казначеемъ го-

¹⁾ Сапуновъ. Витебская старина, т. I. Документы, относящіеся къ 1812 г.

рода Смоленска и муниципалитета. Онъ обязанъ вести счета исправно и не выдавать безъ моего предписанія. По тому же опредѣленію г. Рутковскій будетъ заниматься съ вами всѣми обыкновенными дѣлами вообще; онъ будетъ рѣшать и подписывать одинъ, въ случаѣ отсутствія вашего. Г. Брунъ будетъ имѣть смотрѣніе за мельницами и за доставленіемъ съѣстныхъ припасовъ, когда муниципалитетъ учинитъ о семъ разсмотрѣніе. Г. Узелковъ будетъ имѣть дѣла, относящіяся до благочинія деревенскихъ жителей, и доставлять людей по требованію правительства. Г. Рагулинъ долженъ смотрѣть за городской полиціей, а особливо за чистотою улицъ и погребеніемъ мертвыхъ тѣлъ. Гг. Рейнеке, Коховскій, Лешевичъ должны быть въ вашемъ распоряженіи, какъ адъютанты, переводчики и комиссары. Я прошу объявить означеннымъ господамъ ихъ должности и приказать сіе письмо повѣсить на стѣнѣ, въ залѣ муниципалитета... Прошу васъ сіе распоряженіе исполнить въ самомъ скоромъ времени». Но легко было писать предписанія, изъ которыхъ мало выходило толку. 15 (27) сентября Вилльлебланшъ пишетъ строгій выговоръ всему муниципалитету за его крайнее нерадѣніе о дѣлахъ: «Государи мои! Къ крайнему прискорбію моему, нужно мнѣ предварить васъ, что не могу быть доволенъ рачительностью вашей въ службѣ вашего отечества (!). Сего утра, въ половинѣ 9 часа утра, не находилось въ муниципалитетѣ никого изъ членовъ, ниже мэра онаго. Никто рачительно не трудится, какъ г.г. Рутковскій и Ефремовъ. Я увѣдомляю васъ, хотя сіе и съ прискорбіемъ моимъ сопряжено, ежели сіе продолжится, принужденъ буду употребить строгія средства. Такъ же, какъ члены муниципалитета, имѣете вы совершенно въ законной власти всѣхъ жителей, посему г.г. Рейнеке, Коховскому и Лешевичу въ присутствіи сдѣлать выговоръ и предостеречь ихъ, что противное съ ними послѣдовать можетъ». Ефремову, усердіе котораго отмѣтилъ самъ г. правитель, дали въ помощь писца Звѣрева; онъ же былъ и архивариусъ муниципалитета, но муниципальное управленіе отъ этого мало выиграло ¹⁾. Мѣнялись лица, усердія же отъ этихъ новыхъ членовъ едва ли прибавлялось.

Смоленскій муниципалитетъ просуществовалъ до 5 ноября 1812 г., когда городъ былъ занятъ русскими войсками. Позднѣе всѣхъ другихъ членовъ попалъ въ муниципалитетъ, на замѣну одного выбывшаго, губернской секретарь Николай Великановъ, будучи назначенъ въ него 21 (9) октября, съ обязанностями, похожими на тѣ, которыя раньше были указаны Рагулину, съ прибавленіемъ квартирмейстерскихъ. Довольно короткое пребываніе его въ насильно

¹⁾ Смоленскій дневникъ съ 1774 по 1834, священника Мурзакевича въ брошюрѣ: «О. Никифоръ Адриановичъ Мурзакевичъ, историкъ города Смоленска». Спб., 1877 г., стр. 43, 22, прим. 2. Ср. «Русская Старина», 1901 г., кн. IV, стр. 139—143.

навязанной должности стоило ему двухлѣтняго пребыванія подъ судомъ и грозило чѣмъ-то еще болѣе серьезнымъ, если бы не воспослѣдовалъ милостивый манифестъ 30-го августа 1814 года. Его подневольное градоправительство и составить предметъ настоящей статьи.

III.

Нашъ подневольный муниципаль принадлежалъ къ чиновничьему сословію и въ губернской іерархіи занималъ не очень видное мѣсто, но нельзя его назвать и очень ничтожнымъ чиновникомъ. Въ моментъ занятія Смоленска французами онъ состоялъ въ должности секретарскаго помощника въ Смоленской духовной консисторіи. Сынъ сычевскаго соборнаго дьячка Григорія Великанова, образованіе получилъ Н. Великановъ очень маленькое: проучился всего 1 годъ въ Вяземской славянской школѣ, и 11-ти лѣтъ, по просьбѣ отца, въ 1781 году опредѣленъ на службу безъ жалованья въ Сычевское духовное правленіе. Отсюда, въ 1785 г., перебрался на службу въ Смоленскую духовную консисторію и былъ опредѣленъ копистомъ, но въ томъ же году получилъ повышеніе въ должности и возведенъ въ чинъ подканцеляриста. Черезъ четыре года службы получаетъ новое повышеніе—въ канцеляриста, а въ 1796 году—первый классный чинъ коллежскаго регистратора. Въ 1810 году губернской секретарь Великановъ изъ повытчиковъ опредѣленъ въ помощники секретаря консисторіи¹⁾. Такимъ образомъ служба Великанова въ консисторіи тянулась обычнымъ порядкомъ, и, вѣроятно, онъ и дальше продолжалъ бы мирно прозябать въ своемъ довольно сносномъ служебномъ положеніи, живя интересами своей среды, но нашествіе французовъ произвело такое потрясеніе, какого онъ никогда и предвидѣть не могъ.

Не успѣвъ выѣхать изъ Смоленска вмѣстѣ съ своими товарищами по службѣ, задержанный главнымъ образомъ болѣзнію жены и невозможностью достать подводу, Великановъ во время своего пребыванія въ занятомъ французами городѣ терпитъ всѣ невзгоды своего положенія и, наконецъ, попадаетъ членомъ во французскій муниципалитетъ. Всѣ его приключенія и служба французамъ излагаются въ собственныхъ его показаніяхъ въ судебномъ дѣлѣ, возникшемъ по поводу измѣны нѣкоторыхъ смоленскихъ обывателей своему гражданскому долгу. Такъ какъ Великановъ служилъ чиновникомъ по духовному вѣдомству, то и разбирательство его дѣла велось сначала въ инстанціяхъ этого же вѣдомства. 27-го ноября 1812 года, членъ святѣйшаго синода, архіепископъ рязанскій Теофилактъ Русановъ, получилъ высочайшій рескриптъ съ повелѣніемъ

¹⁾ Дѣла архива Смоленской духовной консисторіи 1781 г., № 4, и 1810 г., № 15.

привести Смоленскую епархію въ надлежащее устройство по всѣмъ ея частямъ. Въѣстѣ съ этимъ порученіемъ онъ долженъ былъ посѣтить Могилевскую епархію для разслѣдованія дѣла архіепископа могилевскаго, Варлаама Шишацкаго. 19-го декабря, Теофилактъ рязанскій прибылъ въ Смоленскъ, а на другой день пріѣхалъ изъ Ярославля Ириней, епископъ смоленскій. Среди множества дѣлъ по устройству разоренной епархіи были также дѣла о лицахъ, измѣнившихъ своему гражданскому и служебному долгу. Первые дни своего пребывания въ Смоленскѣ архіепископъ Теофилактъ посвятилъ разспросамъ у мѣстнаго духовенства о положеніи церквей, о поведеніи духовныхъ лицъ, остававшихся въ городѣ, о пострадавшихъ отъ французскаго разоренія и нуждающихся въ помощи. Николаевскій протоіерей Алексѣй Васильевъ больше другихъ сообщилъ ему нужныя свѣдѣнія. На трехъ смоленскихъ священниковъ: Никифора Мурзакевича, Якова Соколова и протоіерея Поликарпа Звѣрева, пало тяжелое обвиненіе въ томъ, что 27-го октября, по распоряженію муниципалитета, ходили встрѣчать къ Днѣпровскимъ воротамъ возвращающагося изъ Москвы Наполеона; всѣ трое были въ церковныхъ облаченіяхъ. Наполеона они не встрѣтили: въ тотъ день онъ не пріѣхалъ. Кромѣ того, священникъ Мурзакевичъ обвинялся еще въ томъ, что на слѣдующій день послѣ несостоявшейся встрѣчи Наполеона, идя для приобщенія больного и на Молоховской улицѣ встрѣтивъ ѣхавшаго въ каретѣ Наполеона, онъ поднесъ ему просфору¹⁾. Тутъ же заодно съ этими духовными лицами оказался подлежащимъ тяжкой отвѣтственности помощникъ консисторскаго секретаря Великановъ за свое участіе въ муниципалитетѣ. Понятно, что на всѣ эти дѣла архіепископъ Теофилактъ обратилъ самое серьезное вниманіе. 24-го декабря, началось формальное разслѣдованіе по дѣлу Мурзакевича и Великанова чрезъ Смоленскую духовную консисторію. Предварительно предъ этимъ Теофилактъ вызывалъ къ себѣ Мурзакевича и разспрашивалъ, какъ и зачѣмъ онъ встрѣчалъ Наполеона, и что его побуждало къ такому поступку²⁾. Вѣроятно, такого же разговора удостоился у преосвященнаго и Великановъ. «Рекомендую вашему преосвященству развѣдать,—писалъ Теофилактъ Ириней, епископу смоленскому, въ своемъ отношеніи отъ 24-го декабря 1812 г. за № 42,—не были ль священникъ Мурзакевичъ и иные, а особенно помощникъ консисторскаго секретаря, отъ французскаго правительства употребляемы въ другія какія дѣла?» Въ тотъ же день преосвященный Ириней предписалъ консисторіи: «учинить въ подлежащемъ вопросные пункты

1) Дѣло архива Смоленской духовной консисторіи о священникахъ Никифорѣ Мурзакевичѣ и Яковѣ Соколовѣ и протоіерей Поликарпѣ Звѣревѣ, 1812 года, № 669—58.

2) Смоленскій дневникъ Н. Мурзакевича, стр. 47.

«истор. вѣстн.», августъ, 1902 г., т. LXXXIX.

священнику Никифору Мурзакевичу, а также помощнику консисторскаго секретаря и инымъ тѣмъ духовнымъ особамъ, которыя показаны будутъ въ отвѣтѣ священника Мурзакевича, отобравъ противъ оныхъ вопросныхъ пунктовъ обстоятельныя отвѣты»¹⁾). Наступали великіе рождественскіе праздники, и легко вообразить, съ какими чувствами встрѣчали ихъ Мурзакевичъ, Великановъ и другіе. Консисторія учинила имъ допросъ 26-го декабря, на второй день праздника. Подсудимые должны были переживать невеселыя минуты: и праздникъ сталъ не въ праздникъ. Первымъ допрашивали священника Мурзакевича. Ему были предложены письменные вопросные пункты, на которые онъ долженъ былъ дать письменные отвѣты. Шестой вопросъ въ этихъ «пунктахъ» былъ выраженъ такъ: «Вы, священникъ Мурзакевичъ, и иные, а особенно помощникъ консисторскаго секретаря, были ль отъ помянутаго французскаго правительства употребляемы и въ другія дѣла?» Мурзакевичъ отвѣчалъ: «отъ французскаго правительства въ другія дѣла употребляемъ не былъ, и иные были ль употребляемы, не знаю, но точію слышалъ, что помощникъ консисторскаго секретаря, губернской секретарь Николай Великановъ, былъ употребляемъ французскимъ правительствомъ, въ какомъ дѣлѣ его, Великанова, руки получилъ выписку, что въ его, Мурзакевича, домѣ ставится на квартиру полковникъ Дарю». Въ такомъ отвѣтѣ Мурзакевича сказалось высокое благородство его души. Онъ не хотѣлъ никого запутывать въ свое дѣло, хотя онъ могъ бы очень многое поразсказать о Великановѣ и другихъ муниципалахъ, кто изъ нихъ и съ какимъ расположеніемъ служилъ французамъ. Не захотѣлъ онъ и умолчать о поступкѣ Великанова, какъ муниципальнаго чиновника, потому что указываемый фактъ касался лично одного только Мурзакевича, да и, кромѣ того, это умолчаніе впоследствии могло повредить ему же самому.

Наконецъ дошла очередь въ допросѣ и до Великанова. Ему предложили два вопроса, изъ нихъ второй относился къ дѣлу Мурзакевича. Вопросъ 1-й: «Вы, губернской секретарь, Николай Великановъ, по занятіи непріателемъ города Смоленска, были ль употребляемы отъ французскаго правительства въ какія либо дѣла, и буде были употребляемы, то почему и въ какія именно; и почему вы писали записку Одигитріевской церкви священнику Никифору Мурзакевичу, что въ его, Мурзакевича, домѣ ставится на квартиру полковникъ Дарю?» Вопросъ 2-й: «Вы, губернской секретарь Великановъ, знаете ль, что, когда городъ Смоленскъ занятъ былъ французами, то отъ французскаго правительства были ль препоручены ключи отъ собора и кладовыхъ Одигитріевской церкви священнику Никифору Мурзакевичу, или оныя ключи имѣлъ тогда священникъ Василій Щировскій?»

¹⁾ Дѣло архива Смоленской духовной консисторіи 1812 г., № 669—55, дл. 4—8.

Соображая отвѣты на эти вопросы, Великановъ могъ понимать, что только чистосердечное признаніе можетъ смягчить его вину, поэтому онъ въ своихъ отвѣтахъ изобразилъ грустную картину своего положенія въ городѣ, занятомъ французами, при которомъ его подневольная служба французскому правительству была послѣднимъ звеномъ въ цѣпи его злоключеній. Свой первый отвѣтъ Великановъ раздѣлилъ на нѣсколько пунктовъ, какъ бы желая убѣдить своихъ судей въ своей искренности обстоятельностью и точностью своего показанія.

«Я, губернской секретарь Николай Великановъ, былъ всегда и нынѣ есть вѣрноподанный рабъ государю императору Александру Павловичу, самодержцу всероссійскому, а оставался въ Смоленскѣ во время нашествія французовъ по такимъ причинамъ. 1. О томъ, чтобы выѣзжать изъ Смоленска жителямъ, я ни отъ свѣтской, ни отъ духовной команды приказанія не слыхалъ¹⁾. 2. Россійское воинство и тогда, когда уже подъ Смоленскомъ началось сраженіе, увѣряло, что Смоленскъ врагамъ отданъ ни подъ какимъ видомъ не будетъ, и чтобы жители не отлучались и не опасались, а были спокойны. 3. Въ то самое время жена моя была больна лихорадкою, коею она страдала ежедневно недѣль 20, и при томъ есть у меня малолѣтній сынъ 6 лѣтъ, то мнѣ отбыть изъ Смоленска, оставя ихъ безъ присмотра, весьма прискорбно и даже невозможно было. Наконецъ, 4-е,—самый недостатокъ не позволялъ мнѣ нанять подводу, да и оной въ тогдашнее время и сыскать уже было негдѣ, а пѣшихъ вести жену больную и малолѣтняго сына не можно было. А между тѣмъ 6-го числа августа французы и Смоленскъ заняли, и кого въ Смоленскѣ застали изъ жителей, всѣхъ тѣхъ заарестовали, и уже уйти изъ Смоленска сдѣлалось невозможно, потому что французы распространились повсюду.

«Во время же плѣненія находился я съ женою и сыномъ при домѣ своемъ, который понынѣ хотя и въ цѣлости находится, но во многихъ частяхъ поразоренъ, и имѣніе, кромѣ одного фризоваго сюртука, жениной ветхой шубы, книгъ, нѣкоторыхъ мелочныхъ вещей да на стѣнахъ образовъ, коихъ французы не брали, а все прочее хорошее: одежда, хлѣбъ, посуда, все разграблено. Я же употребляемъ былъ въ работу ежедневно: возить и носить на себѣ воду, запрягать и отпрягать лошадей и, сверхъ натуры моей, бить ско-

¹⁾ Въ имѣющейся у насъ черновой записи показанія Великанова 1 пунктъ изложенъ иначе: «Именнымъ высочайшимъ указомъ, даннымъ сего 1812 года, іюля 9 дня, преосвященному смоленскому Иринею велѣно увѣщевать жителей и даже крестьянъ, чтобы отъ домовъ своихъ не отлучались, и оный указъ отъ преосвященнаго въ соборѣ къ народу неоднократно былъ читаемъ съ увѣщаніемъ, чтобы обыватели отъ домовъ своихъ не отлучались». Такая прямая ссылка на архіерейское увѣщаніе, вѣроятно, потомъ показалась Великанову неудобной, а потому онъ ее опустилъ.

тину на мясо, вытаскивать падлину; изъ лазарета волочилъ мертвыхъ французовъ, а въ лазаретѣ на очищенныя мѣста больныхъ и очищалъ мерзости французскія, и во всякія другія трудныя и гнусныя работы былъ употребляемъ, со изнуреніемъ моего здоровья, и при томъ неоднократно и битъ былъ отъ французовъ, да и повсечасно ожидалъ отъ нихъ себѣ, равно женѣ и сыну, смерти, которая, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, казалась неизбѣжной; въ каковыхъ трудныхъ и страшныхъ моихъ положеніяхъ находился я съ 6-го августа по 9-е октября. Онаго же числа прислано мнѣ повелѣніе о бытіи мнѣ въ муниципалитетѣ, на мѣстѣ уволенного члена Желтовскаго, которое повелѣніе подлинное при семъ представляю. А кто ему для сего рекомендовалъ меня, и почему, мнѣ неизвѣстно, ибо какъ онъ меня не зналъ, такъ и я его никогда и нигдѣ и не видывалъ. Но, по присылкѣ ко мнѣ въ домъ того повелѣнія, отыскивалъ средства, какъ бы мнѣ отбыть отъ того; однако видя, что мнѣ не принять сей должности не можно было, потому что неповинующимся предлагала необходимая смерть,—жизнь же для всякаго дорога,—то я и явился въ муниципалитетъ противу желанія моего, принужденно, но обѣщанія на то и присяги не давалъ и служилъ при ономъ двѣ только недѣли. Должность же моя состояла только въ томъ, что показывалъ квартиры, по присылаемымъ отъ коменданта цидулкамъ, изъ коихъ одну, состоящую на собственный мой домъ, для усмотрѣнія при семъ представляю; по каковой причинѣ и въ домѣ священника Никифора Мурзакевича, какъ полковникъ Дарю, такъ и другіе генералы французскіе на квартиру становлены были тоже по присланнымъ отъ коменданта цидулкамъ. А по прошествіи двухъ недѣль, по причинѣ безпрестанныхъ на меня нападений, брани и намѣренія отъ приходящихъ французскихъ офицеровъ битъ меня сдѣлался я боленъ и пробылъ въ болѣзни, страхѣ и трепетѣ, ожидая себѣ, женѣ и сыну смерти, болѣе недѣли, послѣ чего, нѣсколько оздоровѣвши, вновь сходилъ раза два въ муниципалитетъ, но ничѣмъ уже, по слабости здоровья, не занимался.

«А между тѣмъ, съ 4 на 5 число ноября и Смоленскъ российскимъ воинствомъ отъ французовъ отобранъ.

«Приверженности къ французамъ нималой я не имѣлъ, ибо, вѣдавши прежде, что въ Авраміевѣ Смоленскомъ монастырѣ, въ церкви, сохранено церковное сокровище, не только французскому начальству, не объявилъ, но и никому изъ обывателей смоленскихъ того не открылъ, чтобы разграблено или похищено не было, которое и сохранено; и уже, по прибытіи въ Смоленскъ настоятеля, вынуто оно вмѣстѣ и со мною во всякой цѣлости».

На второй вопросъ Великановъ отвѣчалъ кратко. «Когда Смоленскъ занятъ былъ французами, то я, Великановъ, съ 6-го даже до 15-го числа августа никуда не ходилъ изъ дому, также и въ сборѣ по то число не былъ и потому не знаю, препоручало ль фран-

цузское правительство ключи отъ собора и кладовыхъ священнику Никифору Мурзакевичу, или оныя имѣлъ тогда соборный священникъ Василій Щировскій, и того не знаю; а 15-го числа, на Успеніе Божіей Матери, по звону въ первый разъ пришелъ изъ дому въ соборъ и видѣлъ, что часы отправлялъ священникъ Василій Щировскій, а не Мурзакевичъ».

Въ консисторскомъ допросѣ Великанова приложены къ дѣлу двѣ записки, изъ которыхъ одна на французскомъ языкѣ, была приказомъ правителя объ отводѣ квартиры въ домѣ самого Великанова. Она въ дѣлѣ не сохранилась и не переведена на русскій, по незнанію консисторскими чиновниками французскаго языка. Другая же записка—приказъ о назначеніи Великанова въ члены муниципалитета. Содержаніе ея сходно съ подобными же, какія получили и другіе члены муниципалитета.

«№ 27.

«Смоленскъ. 21 октября.

«Г. Великанову.

«Государь мой!

«Имѣю честь извѣститъ васъ, что по опредѣленію, состоявшемуся 21 числа октября сего 1812 года, я назначилъ васъ предварительно членомъ Смоленскаго муниципалитета на мѣсто уволеннаго г. Желтовскаго.

«Имѣю честь быть и пр. аудиторъ въ статскомъ совѣтѣ, интендантъ Смоленской губерніи,

«А. Вильмлебраншъ.

«Генераль-секретарь Ефремовъ» 1).

Послѣ консисторскаго вопроса Великанова и другихъ, преосвященный Ириней представилъ архіепископу Теофилакту свои заключенія по данному дѣлу, въ своемъ къ нему отношеніи, отъ 15 января 1812 года, за № 54. О Великановѣ онъ писалъ: «помощника секретаря оправданіе, хотя и заслуживаетъ уваженія справедливости тогдашняго времени, но однако же былъ онъ употребленъ, хотя и на малое время, къ должности... Неблагоугодно ли будетъ вашему высокопреосвященству занимательность (sic) Великановымъ должности представить гражданскому правительству на разсмотрѣніе, которому съ прописаніемъ всѣхъ его показаній и сообщить, съ требованіемъ о послѣдующемъ рѣшеніи мнѣнія». Преосвященный Теофилактъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ епископа Ириней и на слѣдующій же день извѣщалъ его: «Поелику

1) Дѣло священника Мурзакевича, л. 52.

нарушеніе должности судится обыкновеннымъ порядкомъ въ уголовной палатѣ, а для разбирательства тѣхъ, кои употреблялись французскимъ правительствомъ въ разныя порученія, учреждена въ Москвѣ, по высочайшему повелѣнію, особая комиссія, куда и управляющему Смоленской губерніей, г. сенатору, калужскому гражданскому губернатору, Павлу Никитичу Каверину ¹⁾, высочайше также повелѣно отсылать всѣхъ таковыхъ, какого бы они званія ни были, то рекомендую вашему преосвященству: губернскаго секретаря Великанова нынѣ же препроводить къ его превосходительству Павлу Никитичу Каверину по надлежащему» ²⁾. Но еще раньше, чѣмъ епископъ Иринеѣ успѣлъ извѣститъ Каверина о распоряженіяхъ Теофилакта, утромъ 16 января, Великановъ былъ арестованъ полиціей, а по справкѣ изъ консисторіи у правящаго должность полицеймейстера Цетреуса, оказалось, что изъ полиціи онъ отправленъ къ подполковнику Устьянцеву, «для содержанія съ подобными ему преступниками подъ карауломъ». Извѣщая Каверина объ этомъ арестѣ, который, вѣроятно, былъ произведенъ по приказанію самого же сенатора, Иринеѣ распорядился, чтобы изъ духовной консисторіи были предпроведены къ сенатору Каверину всѣ документы по дѣлу Великанова, то-есть объясненія, данныя въ консисторіи, и его послужной списокъ. «Доставленныя ко мнѣ при отношеніи отъ 17 января за № 70 вашего преосвященства,—писалъ Каверинъ преосвященному Иринею,—бумаги о губернскомъ секретарѣ Великановѣ, въ службѣ непріятеля бывшемъ, препроводить я къ здѣшнему гражданскому губернатору, для отсылки въ учрежденную въ Москвѣ по высочайшему повелѣнію комиссію» ³⁾. Такимъ образомъ судьба Великанова очутилась въ рукахъ гражданскихъ властей. Дальнѣйшее его теченіе рассказано въ прошеніи самого Великанова, которое онъ подалъ смоленскому губернатору, барону Казимиру Ивановичу Ашу, 23 сентября 1814 года, прося о своемъ освобожденіи изъ-подъ поручительства и объ опредѣленіи на службу на прежнее мѣсто въ консисторіи.

IV.

«Два года и два мѣсяца протекло, какъ нахожусь я удаленнымъ отъ должности и испытываю съ семействомъ моимъ, изъ пяти душъ состоящимъ, всю жестокость горести, претерпѣвая стужу, голодъ и происходящіе отъ того болѣзненные припадки. Причиною сему

¹⁾ Сенаторъ Павелъ Никитичъ Каверинъ былъ назначенъ для устроенія Смоленской губерніи послѣ французскаго разоренія; подъ его вѣдѣніемъ состояла учрежденная въ Смоленскѣ «комиссія для пособія разореннымъ жителямъ Смоленской губерніи». Во все время пребыванія Каверина въ Смоленскѣ здѣшній губернаторъ баронъ Ашъ находился въ его распоряженіи.

²⁾ Дѣло священника Мурзакевича, л. 57—59.

³⁾ Означенное дѣло, лл. 64 и 74.

случившаяся предъ нашествіемъ непріятели и продолжавшаяся по нашествіи уже тяжкая болѣзнь жены моей, воспрепятствовавшая мнѣ удалиться отъ дому моего въ ту губернію, гдѣ находилось мое начальство и сотоварищи, и навлекшая на меня нго бѣдствія. Чрезъ таковыя обстоятельства отъ истязанія враговъ принужденъ былъ, втеченіе девяти недѣль съ половиною, возить и на себѣ носить воду, волочить мертвыя тѣлеса и скотскіе трупы, очищать мерзости лазаретныя и исполнять всѣ приказанія, подъ опасеніемъ лишиться жизни, а наконецъ взять былъ служить въ муниципалитетъ и находился тамъ двѣ недѣли. Вотъ вся вина долговременныхъ страданій моихъ, по самой истинѣ изъясненная, по коей я 1813 года, января 17 дня, взять подъ стражу и съ прочими, по сему предмету взятыми, возимъ былъ въ Москву, а оттолъ, по возвращеніи обратно въ Смоленскъ, находился подъ слѣдствіемъ, гг. сенаторами производимымъ, по окончаніи котораго освобожденъ изъ-подъ стражи на поручительную расписку, 5-го іюля 1813 года, и нынѣ состою подъ непосредственнымъ распоряженіемъ и властью вашего превосходительства.

«Сколь тягостно ни было переносить мнѣ, не бывшему ни въ самомалѣйшемъ подозрѣніи въ протеченіе 30-тилѣтней статской службы, содержаніе подъ стражею, различныя истязанія, причиняемыя отъ враговъ; но нынѣ, возсылая хвалу Всевышнему и августѣйшему монарху нашему, даровавшему манифестомъ своимъ, августа въ 30 день состоявшимся, всѣмъ, впадшимъ въ преступленія волею и отъ принужденія враговъ, прощеніе съ тѣмъ, чтобы всѣхъ постановить въ то состояніе, въ какомъ находились прежде впаденія въ сію вину,—всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство, какъ еще должность моя по духовной консисторіи никѣмъ не занята, приказать освободить меня отъ поручительства, и дабы далѣе не изнурился съ семействомъ моимъ голодомъ, допустить къ должности моей и о томъ учинить начальниче благо-соизволеніе» ¹⁾. Высочайше учрежденная въ Москвѣ комиссія, въ которой должно было разбираться дѣло Великанова и ему подобныхъ, направила его обратно въ Смоленскъ, потому что, по высочайшему повелѣнію, такая же комиссія составила въ маѣ мѣсяцѣ въ самомъ Смоленскѣ изъ трехъ сенаторовъ: Карла Ѳеодоровича Модераха, Алексѣя Ульяновича Болотникова и Павла Никитича Каверина. По донесенію сенатора Каверина, что во время занятія Смоленской губерніи непріятеlemъ употреблены были въ должности по службѣ французамъ русскіе чиновники и разнаго званія люди, 13 марта 1813 года, послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, на имя фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова, объ учрежденіи въ Смоленскѣ особой комиссіи. Она и должна была заняться разбо-

¹⁾ Дѣло священника Н. Муракевича, л. 137.

ромъ дѣлъ касательно нарушенія смоленскими обывателями своего гражданскаго долга въ французское нашествіе ¹⁾).

Изъ журнала сенаторской комиссіи видно, что дѣло Великанова поступило въ нее въ концѣ мая, или въ началѣ іюня, но еще 12-го мая смоленскій губернаторъ, баронъ Ашъ, требовалъ послужной списокъ Великанова для представленія въ эту же комиссію. Кромѣ того, по дѣлу Великанова прибавилось еще одно важное показаніе ректора семинаріи и настоятеля Авраміевскаго монастыря, архимандрита Павла ²⁾, на котораго ссылался въ своемъ показаніи самъ Великановъ. «1813 года, мая 27 дня, я, нижеподписавшійся, Смоленскаго Авраміева училищнаго монастыря архимандритъ Павелъ, на указъ духовной консисторіи, вслѣдствіе отношенія г. сенатора и кавалера Павла Никитича Каверина о губернскомъ секретарѣ Великановѣ, по иноческому общанію объясненіемъ показалъ: 1-е, что губернскій секретарь не могъ знать, гдѣ церковное монастырское сокровище было мною предъ нашествіемъ непріятели сокрыто, потому что я не имѣлъ никакой обязанности ему, Великанову, о семъ открывать и не открывалъ, такъ какъ онъ въ разсужденіи монастыря есть посторонній человѣкъ, не имѣвшій никакого вліянія на оный. Слѣдственно, онъ, Великановъ, въ разсужденіи меня не имѣлъ никакой причины знать о взятіи мною мѣръ и о назначеніи мѣста, гдѣ церковное сокровище положить, но что въ послѣдствіи времени, по возвращеніи моемъ въ Смоленскъ, онъ лично мнѣ объявилъ, что онъ знаетъ, гдѣ сокровище церковное сокрыто, и что оно цѣло, то о семъ сообщилъ ему свѣдѣніе оставшійся въ монастырѣ и пребывавшій въ ономъ, во все время бытія непріятельскаго въ Смоленскѣ, монахъ Аркадій, который мнѣ, какъ настоятелю, по обязанности вспомошествовавшій съ казначеемъ монастыря и съ двумя штатными служителями, зналъ совершенно, что сокрыто и гдѣ. Впрочемъ, хотя онъ, Великановъ, и узналъ совершенно отъ вышесказаннаго монаха Аркадія, гдѣ сокрыто сокровище церковное, но, по изслѣдованію моему, когда я вознамѣрился оное сокровище вынуть, нашель я дѣйствительно при немъ, Великановѣ, и при сказанномъ монахѣ Аркадіи, при учителѣ священникѣ, Тимоѣѣ Рабчинскомъ, и при другомъ священникѣ Алексѣѣ и при другихъ, то мѣсто, гдѣ хранилось сокровище сокрытое, неприкосновеннымъ, и никакого признака не оказалось къ покушенію вынуть оное. Онъ же, Великановъ, по возвращеніи моемъ въ монастырь, былъ мною, какъ выше значить, употребленъ къ вырытію сокровеннаго имущества церковнаго въ помощь и въ свидѣтельство по той причинѣ, что онъ, какъ въ 1 пунктѣ показано, зналъ, гдѣ сокрыто, съ прочими вышеописанными. По вскрытіи

¹⁾ Полн. Собр. Закон., т. XXXII, № 25, 356.

²⁾ Павелъ Саботовскій, съ 1817 г. епископъ харьковскій.

же того мѣста при немъ, Великановъ, и при прочихъ, оное сокровище найдено все въ цѣлости и неприкосновенности, въ чемъ и подписуюсь»¹⁾. Сенаторская комиссія такимъ образомъ имѣла подъ руками достаточно матеріала для сужденія о степени виновности Великанова. Мы не имѣемъ свѣдѣній, прибавилъ ли Великановъ что нибудь новое къ своимъ показаніямъ, даннымъ въ консисторіи, какіе еще свидѣтели вызывались для его оправданія или изобличенія, и что онъ показывалъ на очныхъ ставкахъ съ другими муниципалами, и какія новыя нашлись улики относительно его злосчастной муниципальной службы. Вѣроятно, чего нибудь новаго, изобличающаго Великанова въ ложности его первоначальнаго показанія, не оказалось. Во всякомъ случаѣ комиссія, нужно предполагать, признала оправданія Великанова заслуживающими вниманія и, закончивъ свои засѣданія къ 1 іюля 1813 года, нашла возможнымъ выпустить Великанова на поруки, впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла²⁾. Мы уже знаемъ, что послѣ этого Великанову пришлось больше года состоять на поручительствѣ, пока не послѣдовалъ милостивый манифестъ 30 августа 1814 года.

V.

Воспользовавшись этимъ манифестомъ, Великановъ не терялъ времени и сталъ добиваться возстановленія своихъ гражданскихъ и служебныхъ правъ, для чего подалъ смоленскому губернатору извѣстное уже намъ слезное прошеніе. Теперь его дѣло двигалось съ желательною для него быстротою. Баронъ Ашъ не замедлилъ дать прошенію Великанова надлежащее движеніе, такъ что 28 сен-

¹⁾ Показаніе арх. Павла въ бумагахъ протоіерея А. Васильева, хранящихся въ Смоленской епархіальной бібліотекѣ. Въ тѣхъ же бумагахъ имѣется «Вѣдомость о состояніи церквей и монастырей въ г. Смоленскѣ послѣ изгнанія французовъ изъ города 5 ноября 1812 г., съ обозначеніемъ, въ какомъ видѣ всѣ храмы нынѣ состоятъ». Она составлена тѣмъ же прот. А. Васильевымъ. О положеніи Авраміевскаго монастыря въ ней сказано: «Монастырь мужской Авраміевскій, въ которомъ первая церковь каменная о двухъ этажахъ: въ верхнемъ—во имя Преображенія Господня, а въ нижнемъ—преподобнаго Аврамія Смоленскаго. Оная церковь отъ пожара осталась цѣла, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иконостасъ поврежденъ, вверху и внизу, а равно и престолы; въ верхней церкви было жилище французовъ, а въ нижней—хлѣбный французскій магазинъ; окна и двери повреждены и рабиты во многихъ мѣстахъ. 2. Каменная церковь теплая, во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, отъ пожара осталась въ цѣлости, только въ ней были французскія конюшни, и теперь находится много навозу; полы, окна, двери и иконостасъ повреждены; престола и антимиса вовсе не имѣется».

²⁾ Изъ другихъ подсудимыхъ бывшій генераль-секретарь муниципалитета, Ефремовъ, умеръ, не дождавшисъ разбирательства своего дѣла въ сенаторской комиссіи, а бывшій мэръ муниципалитета, титулярный савѣтникъ В. М. Ярославцевъ, покончилъ самоубійствомъ 13 іюня.

тября смоленское губернское правленіе увѣдомляло духовную консисторію о слѣдующемъ. «При двухъ отношеніяхъ здѣшній гражданскій губернаторъ, препровождавая при первомъ—списокъ содержащихся въ Смоленскѣ, въ вѣдѣніи ордонансъ-гауза, подсудимыхъ, бывшихъ на службѣ у непріятели, таковой же и о находящихся на поручительствѣ, предлагаетъ правленію, дабы, на основаніи всемилостивѣйшаго его императорскаго величества манифеста, въ 30 день августа состоявшагося, къ освобожденію помянутыхъ подсудимыхъ сдѣлать въ поспѣшнѣйшемъ времени надлежащее распоряженіе ¹⁾, а при второмъ—прошеніе губернскаго секретаря Николая Великанова, состоявшаго подѣ сужденіемъ за нахожденіе въ службѣ у непріятели, объ освобожденіи его отъ сего на основаніи того же всемилостивѣйшаго манифеста и о допущеніи къ прежней должности въ духовной консисторіи,—предлагаетъ правленію къ удовлетворенію просителя сдѣлать законное постановленіе и распоряженіе немедленно. А именнымъ высочайшимъ манифестомъ, состоявшимся августа въ 30 день сего года, въ 19 пунктѣ повелѣно: «всѣмъ тѣмъ людямъ, которые, забывъ священный долгъ къ отечеству и вообще къ добродѣтели, пристали къ неправой, Богу и людямъ ненавистой, сторонѣ злонамѣреннаго врага, даруемъ имъ, безъ всякаго изъятія, всеобщее прощеніе и всѣхъ, по симъ обстоятельствамъ взятыхъ, сосланныхъ или инымъ какимъ либо образомъ задержанныхъ, освободить; такожъ имѣнія или имущества ихъ, по сему

¹⁾ Оба эти списка, соединенные въ одинъ, сохранились въ бумагахъ прот. А. Васильева, съ такимъ заглавіемъ: «Именной реестръ чиновникамъ, кои въ 1812 году служили у французовъ, и несчастно пострадавшимъ: 1) майоръ Аристархъ Борисовичъ Каховскій, 2) капитанъ Степанъ Григорьевичъ Телеснинъ, 3) капитанъ Павелъ Ивановичъ Конопатчиковъ, 4) штабъ-капитанъ Петръ Петровичъ Поповъ, 5) коллежскій ассессоръ Михайлъ Козьмичъ Узелковъ, 6) титулярный совѣтникъ Василій Матвѣевичъ Ярославцевъ, который 13 іюня 1813 года, поутру въ 11 или 12 часовъ, застрѣлился самъ, 7) титулярный совѣтникъ Флоръ Герасимовичъ Рожанко, 8) коллежскій секретарь Григорій Никитичъ Петрунинъ, 9) поручикъ Василій Михайловичъ Трубниковъ, 10) поручикъ Тимофей Семеновичъ Мелещенковъ, 11) поручикъ Андрей Петровичъ Четыркинъ, 12) Семень Давыдовичъ Эсмонъ, 13) подпоручикъ Иванъ Михайловичъ Амблевскій, 14) Тарасій Бородинецъ, 15) Косьма Ивановичъ Смуновскій, 16) Павелъ Ивановичъ Молоховъ, 17) Сергѣй Тимошеевичъ Щеченковъ, 18) прапорщикъ Захарій Владимировичъ Пашкевичъ, 19) Филиппъ Константиновичъ Путья, 20) Николай Федоровичъ Козловъ, 21) Мартинъ Герасимовичъ Прозаревичъ, 22) поручикъ Павелъ Тимошеевичъ Краевскій, 23) поручикъ Иванъ Петровичъ Табеньковъ, 24) священникъ Леонтій Ширяевъ, 25) губернский секретарь Николай Григорьевичъ Великановъ, 26) Павелъ Прокофьевичъ Ключаревъ, 27) Елисей Герасимовичъ Селяниновъ, 28) Стефанъ Гавриловичъ Строевъ, 29) Александръ Ивановичъ Пановъ, 30) 14 класса Яковъ Павловичъ Павъ, 31) Федоръ Прокофьевичъ Рагулинъ, 32) Николай Яковлевичъ Дроздовскій, 33) Антонъ Жиркевичъ, 34) Симонъ Ивановичъ Чапа, 35) Егоръ Михайловичъ Санхо-Лешевичъ, 36) регистраторъ Левъ Козьмичъ Сыткинъ, 37) Иванъ Степановичъ Сутковскій.

случаю конфискованныя или инымъ какимъ случаемъ подъ надзоръ взятыя и по сіе время удерживаемыя, попрежнему владѣльцамъ ихъ возвратить, и всѣ слѣдствія надъ ними пресѣчь, и никакихъ притязаній къ нимъ не дѣлать, словомъ поставить ихъ въ то состояніе, въ какомъ находились они прежде, до впаденія въ сію вину», и для того въ губернскомъ правленіи опредѣлено: копіи съ первополученнаго предложенія и съ приложенныхъ при ономъ списковъ отослать къ коменданту внутренней стражи, г. майору Трубникову, при отношеніи съ тѣмъ, чтобы показанныя въ спискахъ лица, на основаніи его императорскаго величества всемилостивѣйшаго манифеста, состоявшагося сего августа въ 30 день, получили свободу, и съ тѣмъ, чтобы онъ благоволилъ каждому изъ оныхъ показанныхъ въ спискахъ лицъ, для возвращенія въ ихъ дома, дать отъ себя билеты, съ внушеніемъ имъ, чтобы они тѣ билеты представили, по вѣдомству, въ полицейскія мѣста; съ прошенія жъ губернскаго секретаря Николая Великанова кошію препроводить въ здѣшнюю духовную консисторію, при сообщеніи на ея благоусмотрѣніе, которая копія при семъ препровождается. Сентября 28 дня, 1814 года»¹⁾.

Смоленская консисторія не имѣла основаній отклонить прошеніе Великанова и въ своемъ журналѣ № 2, 2 октября 1814 года, постановила: «на основаніи высочайше послѣдовавшаго манифеста, означеннаго губернскаго секретаря Великанова допустить къ отправленію прежней должности, о чемъ отъ имени его преосвященства написавъ доношеніе, предложить его преосвященству для подписанія и о семъ представить его преосвященству на разсмотрѣніе». На этомъ журналѣ консисторіи послѣдовала резолюція преосвященнаго Іоасафа: «1814 г., октября 8, учинить по сему, но прежде допущенія къ должности изготovitъ, съ прописаніемъ нужныхъ обстоятельствъ, доношеніе въ святѣйшій синодъ»²⁾. Теперь уже, повидимому, Великановъ могъ совершенно успокоиться и, получивъ полную реабилитацію своихъ правъ, снова всецѣло отдаться своему привычному дѣлу въ консисторіи и житьъ прежнею жизнью. Но Великановъ все еще не успокоился. 12 октября 1814 года, онъ подалъ въ духовную консисторію прошеніе, адресованное на высочайшее имя; въ немъ онъ излагаетъ свою просьбу слѣдующаго рода.

Такъ какъ въ теченіе двухъ лѣтъ онъ находился подъ судомъ по дѣлу объ измѣнѣ, но, по высочайшему манифесту, прощенъ и вновь на свое прежнее мѣсто на службу въ консисторію опредѣленъ, то консисторія выдала ему только половину слѣдующаго ему за два года жалованья, въ размѣрѣ ста рублей, а другую половину удержала въ казну. Опираясь на силу указа 1726 года, которымъ

¹⁾ Дѣло архива Смол. дух. консисторіи 1812 г., № 669—53, л. 136.

²⁾ Означ. дѣло, л. 140.

повелѣно: «если статскіе чины, состоявшіе подѣ слѣдствіемъ, освободятся отъ всякаго штрафа, тогда онымъ выдавать и другую половину ихъ окадовъ», просилъ его величество учинить повелѣніе о выдачѣ ему другой половины жалованья, въ размѣрѣ ста рублей.

По сему прошенію Великанова консисторія постановила представить отъ имени преосвященнаго на разрѣшеніе святѣйшаго синода, слѣдуетъ ли выдать Великанову остальную половину его жалованья, а по полученіи указа изъ святѣйшаго синода, доложить просьбу Великанова къ разсмотрѣнію ¹⁾.

VI.

Мирно прожилъ Великановъ еще девять лѣтъ, какъ вновь постигли его тревоженія, которыя уже прямо зависѣли отъ него самого. Въ 1823 году, Смоленское губернское правленіе просило духовную консисторію взыскать съ Николая Великанова 50 рублей, пожертвованныхъ имъ на милицію 1807 года. На это требованіе Великановъ далъ объясненіе, что требуемая деньги 50 рублей въ декабрѣ 1806 года онъ лично внесъ на собираемую милицію, вручивъ ихъ предводителю дворянства, Сергѣю Ивановичу Лесли, и въ полученіи этихъ денегъ получилъ отъ него расписку, которая и представляется Великановымъ. Копія съ этой расписки была послана въ губернское правленіе ²⁾. Въ томъ же году болѣе серьезная непріятность ожидала Великанова изъ самой же консисторіи. Секретарь консисторіи, Никита Грибскій, давнишній сослуживецъ Великанова, вынужденъ былъ донести консисторіи, что его помощникъ, Н. Великановъ, имѣетъ «невоздержное поведеніе, такъ что большую часть года не исполняетъ своей должности», а его обязанности несутъ другіе канцеляристы. Секретарь предлагалъ, съ своей стороны, на мѣсто Великанова перевести повытчика консисторіи, Добрыничева, а Великанова низвести на его мѣсто въ повытчики по Гжатскому уѣзду. Въ такомъ смыслѣ консисторія составила свой докладъ преосвященному Іоасафу. Этотъ архипастырь былъ извѣстенъ своею добротою и мягкостью характера ³⁾. Великановъ подалъ ему слезное прошеніе, обѣщая исправиться, и былъ оставленъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ.

Можно догадываться, что у бывшаго «подневольнаго муниципала» были какія-то семейныя непріятности, побудившія его прибѣгнуть къ обычному утѣшенію русскаго человѣка въ горѣ—зелену вино. Самая среда, въ которой вращался Великановъ, въ то давнее время не отличалась ни интеллектуальностью, ни стремленіемъ къ ка-

¹⁾ Дѣло архива Смоленской духовной консисторіи, № 669—53, л. 154—155.

²⁾ Дѣло архива Смоленской духовной консисторіи 1823 г., № 9.

³⁾ Іоасафъ Срѣтенскій, епископъ смоленскій съ сентября 1813 года; въ 1821 году архіепископъ могилевскій.

кимъ нибудь инымъ интересамъ, кромѣ матеріальныхъ или служебныхъ. Самъ начальникъ Великанова, секретарь Грибскій, еще въ 1811 году имѣлъ деревеньку въ 44 души мужескаго пола, а въ послужномъ спискѣ Великанова за тотъ же годъ на вопросъ объ имущественномъ положеніи довольно загадочно сказано: «душъ мужескаго пола не имѣть» ¹⁾. Впрочемъ, самъ Великановъ интересовался кое-чѣмъ, и кромѣ службы: отъ него остался сборникъ, писанный его рукою, изъ разнообразныхъ выписокъ — поздравительныхъ и шуточныхъ стиховъ, одъ, переложеній, анекдотовъ, остроумныхъ и назидательныхъ изреченій ²⁾. Уже послѣ смерти Великанова, изъ дѣла, возникшаго по поводу его наслѣдства, отчасти обнаруживается причина его семейныхъ нестроений.

Великановъ скончался 30-го іюня 1828 года. Священникъ Покровской церкви, его хоронившій, донесъ Смоленской духовной консисторіи, что необходимо на имущество умершаго Великанова наложить опеку, потому что послѣ него остались жена Евдокія Яковлевна, «по невоздержной жизни въ разсудкѣ своемъ разстроенная», и сынъ, Пареній, служившій въ то время въ какомъ-то полку ³⁾. Консисторія сначала написала въ дворянскую опеку, но оттуда отвѣтили, что Великановъ, какъ служившій въ духовномъ вѣдомствѣ, ей не подлежитъ. Обратились въ сиротскій судъ, и оттуда очень просто разрѣшили недоумѣніе: такъ какъ сынъ Великанова родился въ 1806 году и теперь уже достигъ совершеннолѣтія, то онъ и не нуждается въ опекѣ, а слѣдуетъ позаботиться объ охранѣ имущества до его пріѣзда въ Смоленскъ ⁴⁾. Тогда консисторія распорядилась написать полиціи объ охранѣ оставшагося послѣ Н. Великанова имущества до пріѣзда его наслѣдника, что полиція и исполнила ⁵⁾.

Л. Я. Л—вскій.

¹⁾ Дѣло архива (Смоленской духовной консисторія 1811 г., № 43.

²⁾ Бумаги протоіерея А. Васильева.

³⁾ Кромѣ этого сына, у Великанова была дочь, вышедшая замужъ еще въ 1809 году.

⁴⁾ Объ этомъ сынѣ Великанова, какъ сверстникъ и товарищъ дѣтства, вспоминаетъ Н. Н. Мурзакевичъ, извѣстный основатель Одесскаго историческаго общества. См. его «Записки» въ «Русской Старинѣ» 1887 г., кн. 1, стр. 34.

⁵⁾ Дѣло архива Смоленской духовной консисторіи 1828 г., №№ 21 и 525.

КАРЛЪ ОСИПОВИЧЪ ХИСЪ.

Биографическій очеркъ.

ОДЪ тому назадъ скончался въ Петербургѣ высоко-
чтимый педагогъ Карлъ Осиповичъ Хисъ.

Онъ былъ преподавателемъ и воспитателемъ въ им-
ператорскомъ Александровскомъ лицѣе безъ малаго
четверть вѣка, преподавалъ англійскій языкъ и сло-
весность многимъ членамъ императорской фамилии и
затѣмъ, до конца жизни, занималъ должность помощника воспи-
тателя августѣйшихъ дѣтей императора Александра III, имѣвъ
счастье считать въ числѣ своихъ учениковъ нынѣ благополучно
царствующаго Государя Императора.

По желанію многихъ почитателей покойнаго, мы постарались
представить въ слѣдующихъ строкахъ краткій обзоръ жизни и тру-
довъ Карла Осиповича и при этомъ выяснить тѣ черты его харак-
тера и тѣ педагогическіе приемы, благодаря которымъ онъ вызвалъ
въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ неизгладимое чувство любви,
уваженія и благодарности.

Намъ кажется, что очеркъ учебной и воспитательной дѣятель-
ности Карла Осиповича Хиса и достигнутыхъ имъ результатовъ
можетъ заинтересовать не только его близкихъ, но и болѣе ши-
рокій кругъ русской читающей публики, въ виду того, что въ об-
ласти преподаванія и воспитанія предпринимаются теперь преобро-
зованія, которыя затрогиваютъ живѣйшимъ образомъ почти каждую
русскую семью.

Родственники г. Хиса предоставили въ наше распоряженіе весьма полный официальный и частный биографическій матеріалъ. Кроме того, мы имѣли возможность пользоваться обширнымъ собраніемъ воспоминаній о Карлѣ Осиповичѣ лицъ, знавшихъ его, и, главнымъ образомъ, бывшихъ лицеистовъ. Собраніе это было составлено вслѣдъ за кончиною г. Хиса П. И. Варыпаевымъ, который своимъ энергичнымъ и симпатичнымъ починомъ заслужилъ, безъ сомнѣнія, со стороны всѣхъ друзей покойнаго глубокую и искреннюю признательность.

I.

Карлъ Осиповичъ Хисъ (Mr. Charles Heath) родился 16—28 сентября 1826 года въ городкѣ Гретъ Марло (Great Marlow) графства Берксъ, расположенномъ на берегу рѣки Темзы.

Отецъ Карла Осиповича принадлежалъ къ числу дворянъ фермеровъ (gentlemen furmes), которые составляютъ одну изъ основныхъ и типичныхъ общественныхъ группъ Англій, и владѣлъ помѣстьями, достигавшими до 3.000 десятинъ въ графствахъ Букингамъ и Оксфордъ. Въ числѣ предковъ г. Хиса извѣстенъ сэръ Николай Хисъ (Sir Nicholas Heath), бывшій канцлеромъ англійскаго королевства при Маріи Тюдоръ. Въ его честь изъ поколѣнія въ поколѣніе одинъ изъ рода Хисъ всегда носилъ имя Николая.

Семья Хисъ была большая. У отца Чарльза было отъ перваго брака четыре сына и три дочери и отъ втораго—четыре дочери три сына, изъ которыхъ Карлъ Осиповичъ былъ старшій. Его мать отличалась рѣдкими дарованіями и красотою и сохранила до глубокой старости изящество и привлекательность, за которыя друзья прозвали ее «герцогинею».

Соотвѣтственно вѣковымъ традиціямъ, жизнь семьи Хисъ въ имѣніи Милль-Эндъ (Mill End), находившемся вблизи городка Гретъ Марло, протекала въ неизмѣнномъ, строгомъ до педантичности, порядкѣ. Отецъ съ неуклонною настойчивостію его поддерживалъ, все ему по внѣшности подчинялись. Однако, вспоминая дѣтскіе годы, Карлъ Осиповичъ признавался, что этотъ формализмъ сильно тяготилъ его и его братьевъ, и что послѣ обѣда, за которой садились не иначе, какъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, молодые люди спѣшили изъ дома, чтобы хоть покурить на свободѣ. Въ комнатахъ курить не дозволялось.

Очень можетъ быть, что отличавшія Карла Осиповича отсутствіе педантизма и нелюбовь къ рутинѣ объясняются, хотя отчасти, той строгостію, съ которой разнаго рода внѣшнія требованія предъявлялись къ нему и къ его близкимъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ.

Но на ряду съ этими отрицательными сторонами жизненный строй семьи Хисъ приносилъ юному Чарльзу неоцѣнимую пользу. Строгость, проявлявшаяся въ области матеріальной, распространилась и на нравственную. Въ особенности неуможимо карались въ дѣтяхъ, даже тѣлеснымъ наказаніемъ, два проступка—ложь и жестокость. Одинъ случай, приключившійся съ маленькимъ Чарльзомъ, послужилъ ему урокомъ навсегда.

Разъ мальчика послали въ сосѣдній городокъ одного, верхомъ, купить изюму. Возвращаясь, Чарльзъ не удержался полакомиться и, пробравшись незамѣченнымъ въ домъ, положилъ на столъ значительно уменьшившійся свертокъ. На вопросы матери Чарльзъ отвѣтилъ уклончиво, что ничего не знаетъ, что можетъ быть, ему не додали изюму въ лавкѣ, или же кто нибудь разсыпалъ его или съѣлъ въ домѣ.

Входитъ отецъ, приказываетъ Чарльзу сказать правду и на признаніе мальчика говоритъ ему: «Понимаешь ли ты, что ты сдѣлалъ? Изъ страха предъ заслуженнымъ наказаніемъ ты своею ложью набросилъ подозрѣніе на честнаго торговца и на другихъ неповинныхъ людей. Ты презрѣнный трусъ и лжець». (You are a mean coward and a liar, Sir!).

Послѣдовала грозная расправа. Но не столько она запечатлѣлась въ памяти Чарльза, сколько измѣнившееся отношеніе къ нему другихъ членовъ семьи, особенно старшаго брата Тома, который, чтобы показать, насколько онъ возмущенъ его поступкомъ, подвергъ Чарльза остракизму. Томъ дѣлалъ видъ, будто не узнаетъ маленькаго брата, и, когда тотъ попался ему на глаза, съ притворнымъ удивленіемъ спрашивалъ: «Это кто? кто впустилъ сюда этого мальчика?» Цѣлую недѣлю длилось это наказаніе, и, когда Чарльза наконецъ простили, онъ ожилъ, словно его выпустили изъ тюрьмы.

Въ общемъ, дѣтямъ г. Хиса весело жило въ деревнѣ. У мальчиковъ были лошадки—пони, на которыхъ они приучались смѣло скакать съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Все свободное отъ уроковъ время молодежь проводила на открытомъ воздухѣ, въ разнообразныхъ играхъ, которыя являются завидною особенностью англійскаго быта. Къ этимъ забавамъ для старшихъ мальчиковъ прибавлялась рыбная ловля, доведенная до степени сложнаго искусства, и охота съ ружьемъ и борзыми.

Идеаломъ въ отношеніи всякаго рода спорта былъ для юнаго Чарльза его вышеупомянутый сводный братъ Томъ. Нести для него удочку или ружье казалось ребенку великимъ счастьемъ, а заслужить въ чемъ либо его одобреніе—величайшею честью. Съ годами Чарльзу Хису удалось сравниться со своимъ идеаломъ: онъ прекрасно ѣздилъ верхомъ, въ совершенствѣ гребъ и правилъ лодкою, ходилъ быстро и особенно любилъ рыбную ловлю. Не разъ гатчинскія форели, а также лососи въ озерѣ Саймъ, испытали на себѣ его удивительное искусство.

Слѣдуя примѣру брата, Чарльзъ на своемъ маленькомъ пони не отставалъ отъ старшихъ во время парфорсной охоты на лисицу или оленя, смѣло перескакивая черезъ препятствія. Пройти пѣшкомъ верстъ пятьдесятъ въ день было уже тогда ему не въ дико-

Карль Осиповичъ Хисъ.

вину. Физическую боль онъ приучился съ малыхъ лѣтъ переносить по-спартански. Такъ, вывихнувъ ногу наканунѣ состязанія въ игрѣ крикетъ, онъ, пренебрегая совѣтомъ доктора и цѣною острыхъ страданій, самъ вправилъ поврежденный суставъ и участвовалъ въ игрѣ. Ничего не бояться и быть истинно мужественнымъ было неизмѣнною цѣлью его юношескихъ стремленій.

«истор. вѣстн.», августъ, 1902 г., т. LXXXIX.

6

II.

Быстро протекли для мальчика счастливые и беззаботные годы дѣтства.

Со смертью отца, уютный и жизнерадостный семейный уголокъ Хисовъ распался. Завѣдываніе имуществомъ перешло къ недобросовѣстному опекуну. Родную усадьбу пришлось покинуть и переселиться въ маленькій коттеджъ неподалеку отъ городка Гретъ Марло. Главною заботою матери Чарльза стало тогда воспитаніе ея малолѣтнихъ дѣтей. Пасынки и падчерицы ея были къ тому времени уже взрослыми.

Первоначальное образованіе Чарльзъ получилъ въ Гретъ-Марлоской школѣ и, затѣмъ, въ другой, находившейся въ мѣстечкѣ Хай Уикомбъ (High Wycomb), но въ виду того, что начальство послѣдней относилось къ ребенку несправедливо, Чарльза перевели въ Лондонскую школу, а въ 1848 году г. Хисъ поступилъ въ Кэмбриджскій университетъ. Тамъ онъ пользовался стипендіею, благодаря покровительству нѣкоторыхъ друзей его семьи.

Съ этого времени началась для Карла Осиповича мучительная эпоха исканія сроднаго его духу и характеру дѣла, эпоха поисковъ за истиннымъ своимъ призваніемъ.

Послѣднее выяснилось не скоро и не легко.

Сначала Карла Осиповича прочили во врачи. Одинъ докторъ, мужъ любимѣйшей его сестры, взялъ Чарльза къ себѣ на испытаніе. Въ Англіи врачи обыкновенно сами готовятъ лѣкарство, и молодого Хиса стали приучать къ этому дѣлу. Оно оказалось ему не по нраву. Живой, быстрый умомъ и дѣломъ и очень разсѣянный, онъ не могъ привыкнуть къ аптекарской аккуратности.

Затѣмъ его мать, женщина очень набожная, и покровительствующіе ему друзья, принадлежавшіе къ англиканской церкви, рѣшили сдѣлать изъ него пастора—обычная карьера для младшихъ сыновей англійскихъ дворянскихъ семей.

Въ теченіе перваго года занятія Чарльза на богословскомъ факультетѣ Кэмбриджскаго университета шли прекрасно. Но, по мѣрѣ ознакомленія съ ученіемъ и обрядами англиканской церкви, многое изъ того, что требуется отъ пастора, показалось крайне тяжелымъ для его глубоко-религіозной, но свободолюбивой, независимой, враждебной формализму, натуре.

Чарльзу хотѣлось перейти къ занятіямъ математикой, въ которой онъ отличался и не разъ получалъ награды. Однако это слишкомъ огорчило бы мать, да и родственники Карла Осиповича на это не соглашались.

Другимъ поприщемъ для юныхъ англичанъ является подысканіе какого нибудь дѣла за границею, и обыкновенно служба въ Индіи. И тутъ молодой Хисъ проявилъ себя незаурядною личностью. Онъ

началь стремиться не въ Индію, а въ Сибирь, и мечталъ попасть въ Россію.

Тяжелому періоду описанной выше внутренней борьбы былъ положенъ конецъ счастливою случайностію.

Въ 1850 году Чарльзъ прочелъ однажды объявленіе въ газетахъ о вызовѣ въ Петербургъ англійскаго гувернера въ пансіонъ нѣкоего В. Ф. Мечина.

На другой же день онъ отправился по указанному адресу въ Лондонъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ вліятельнаго лица. «Что вы знаете и что умѣете дѣлать?»—спросилъ его братъ содержателя пансіона. «Я знаю основательно, — отвѣчалъ Хисъ, — свой родной языкъ и его литературу, а также и математику. Я изучалъ древніе языки и говорю немного по-французски. Я умѣю ѣздить верхомъ на любой лошади, стрѣлять, плавать, грести, —бралъ призы на университетскихъ гонкахъ, —ловить рыбу и играть въ крикетъ».

«Вотъ это намъ и надо», отвѣтилъ г. Мечинъ и отправилъ молодого Хиса къ своему брату, съ первымъ пароходомъ, отходившимъ изъ Лондона въ Кронштадтъ.

III.

Мы видѣли, съ какимъ запасомъ здоровыхъ и свѣтлыхъ жизненныхъ силъ К. О. отправился въ Россію. Здѣсь онъ нашелъ широкое и благодарное поприще для ихъ приложенія.

Пансіонъ Мечина, куда онъ поступилъ, служилъ преимущественно для приготовленія сыновей русскихъ аристократическихъ семей въ высшія учебныя заведенія, благодаря чему К. О. получилъ сразу возможность ознакомиться и сойтись со средою, которая наименѣ отличалась отъ соотвѣтственныхъ западно-европейскихъ круговъ, и въ которую онъ могъ внести лучшіе элементы англійскаго воспитанія. вмѣстѣ съ тѣмъ, при небольшомъ числѣ воспитанниковъ, г. Хису было легче сдѣлать первые шаги на новомъ для него поприщѣ.

Тутъ, съ самаго начала, К. О. проявилъ тѣ педагогическія особенности, которыя стали его отличительными свойствами при всей послѣдующей воспитательной дѣятельности: любовь къ дѣтямъ и умѣніе внушать имъ къ себѣ привязанность и довѣріе, глубокое пониманіе дѣтской души и основанный на этомъ пониманіи выборъ средствъ педагогическаго воздѣйствія, удивительная находчивость, не связанная никакой педантичной рутинной, и жизнерадостный юморъ—это наиболѣ рѣдкое среди профессиональныхъ педагоговъ и крайне цѣнное дарованіе.

Отмѣтимъ одинъ случай изъ практики молодого воспитателя.

Въ пансіонѣ было два мальчика, которые любили гримасничать и особенно старались выказывать свое искусство въ дежурство К. О. выжидая, какъ онъ справится съ ними.

— «Замѣчательный вы мимикъ!—сказаль одному изъ нихъ разъ вечеромъ г. Хисъ, — но и вашъ товарищъ недалеко отъ васъ отсталъ. Чтобы сдѣлать вамъ и всему классу большое удовольствіе, поставимъ стулъ посреди комнаты: вы оба встаньте по сторонамъ его, а мы посмотримъ, который изъ васъ сдѣлаеть лучшія гримасы».

Это предложеніе вызвало общій восторгъ и хохоть, и мальчики, присѣвъ другъ противъ друга на корточки, начали свое представленіе.

Не прошло, однако, и получаса, какъ оно всѣмъ надоѣло. Товарищи принялись за уроки, а гримасники стали просить, чтобы ихъ отпустили.

— «Голубчики, зачѣмъ же мнѣ лишать васъ такого удовольствія? Занятіе хорошее и умное,—отвѣчалъ К. О. самымъ добродушнымъ образомъ, хлопая мальчиковъ одобрительно по плечу:—продолжайте».

Несмотря на мольбу дѣтей, которыя, чуть не плача, просили К. О. отпустить ихъ, онъ заставилъ ихъ продолжать гримасы часа три. Только когда другія дѣти уже давно спали, эти получили разрѣшеніе лечь въ постель.

Съ тѣхъ поръ К. О. гримасъ больше не видѣлъ, какъ онъ ни упрашивалъ палуновъ показать ему снова образчикъ ихъ искусства.

Пансіонъ Мечина вскорѣ закрылся по случаю назначенія Василія Ф-ча преподавателемъ англійскаго языка къ августѣйшимъ сыновьямъ императора Александра II, а впослѣдствіи помощникомъ воспитателя великихъ князей Сергія и Павла Александровичей.

Тогда К. О. началъ заниматься частными уроками и жилъ одно время въ семьѣ нашего извѣстнаго ученаго филолога Греча. Съ семьєю этою такъ же, какъ съ семействомъ Мечина, К. О. сжился, какъ съ родными, и сохранилъ съ ними до конца самыя сердечныя отношенія. Въ числѣ юношей, которымъ К. О. преподавалъ англійскую словесность и расположеніе коихъ онъ приобрѣлъ, былъ нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ В. Н. Ламздорфъ.

Репутація К. О., какъ знатока англійскаго языка и замѣтнаго, хотя и начинающаго педагога, постепенно упрочилась въ Петербургѣ, и 13 ноября 1856 г. онъ былъ приглашенъ на должность репетитора въ императорскій Александровскій лицей, на испытаніе. Черезъ полгода, по полученіи отъ Петербургскаго университета свидѣтельства на званіе учителя англійскаго языка въ гимназіяхъ, К. О. былъ опредѣленъ высочайшимъ приказомъ на дѣйствительную службу преподавателемъ англійскаго языка въ лицей же, а въ концѣ 1862 года г. Хисъ былъ назначенъ тамъ же воспитателемъ съ оставленіемъ въ занимаемой должности преподавателя.

Къ этому времени К. О., живя безвыѣздно въ Россіи, все болѣе и болѣе привыкалъ смотрѣть на нее, какъ на второе отечество.

Къ тому же, въ 1861 году К. О. женился на петербургской уроженкѣ, Вильгельминѣ-Амалии Ѳеодоровнѣ Ледигсенъ. Такимъ образомъ, когда для назначенія воспитателемъ въ лицей г-ну Хису было предъявлено требованіе принять русское подданство, онъ, хотя и не безъ внутренней борьбы, рѣшился остаться навсегда въ Россіи и посвятить всѣ свои силы воспитанію русскаго юношества.

IV.

Лицей, когда въ него поступилъ К. О., уже не былъ тѣмъ царскосельскимъ питомникомъ русской молодежи, предназначавшейся для служенія родинѣ, какимъ онъ былъ въ эпоху Пушкина и Горчакова. Изъ Царскосельскаго дворца онъ былъ перемѣщенъ въ Петербургъ, на Каменноостровскій проспектъ. Соответственно этому и другимъ обстоятельствамъ того времени значительно измѣнился внѣшній и внутренній строй лицея.

Тѣмъ не менѣе, лицейскія преданія не были забыты. Любовь къ литературѣ—отечественной и иностранной, къ истинному просвѣщенію, безъ схоластической рутинны, служила попрежнему отличительною чертою воспитательной системы лицея.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, только въ лицей изъ всѣхъ учебныхъ заведеній имперіи, англійскій языкъ былъ въ числѣ обязательныхъ предметовъ.

При подобныхъ условіяхъ, лицей представилъ К. О.—чу особенно благоприятное поприще для наставнической и воспитательной дѣятельности. Г. Хисъ отдался ей вполне, всею силою своего пылкаго, энергичнаго и самоотверженнаго характера. Будучи самъ безупречной нравственности, онъ могъ смѣло предъявлять своимъ воспитанникамъ самыя строгія нравственныя требованія. Проникнутый горячею любовью къ правдѣ, онъ неуклонно развивалъ эту любовь въ дѣтяхъ, дѣйствуя на нихъ не страхомъ и принужденіемъ, а обращаясь къ ихъ чувству чести, справедливости и чело-вѣческаго достоинства.

Какъ учитель, К. О. старался болѣе всего пріучать своихъ слушателей къ англійскому живому разговорному языку, а въ отношеніи литературы главнымъ предметомъ преподаванія г. Хиса былъ Шекспиръ, передъ которымъ онъ благоговѣлъ, и изъ твореній котораго онъ любилъ цитировать наизусть цѣлыя страницы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокое пониманіе и специальная эрудиція давали возможность К. О. основательно и притомъ увлекательно комментировать читаемый текстъ и заставлять своихъ слушателей невольно раздѣлять энтузіазмъ, которымъ онъ самъ былъ проникнутъ къ твореніямъ великаго знатока чело-вѣческаго сердца, великаго выразителя художественной правды.

Бывало, К. О. выстраивалъ классъ въ шеренгу и заставлялъ учениковъ декламировать по очереди тирады изъ «Гамлета», «Отелло» и «Короля Лира». Тотъ, кто выказывалъ наиболѣе чувства и пониманія, перемѣщался на первое мѣсто. На читавшихъ плохо К. О. сердился и, чтобы пояснить смыслъ даннаго стиха, самъ начиналъ декламировать вдохновенно и страстно, приводя въ восторгъ своихъ слушателей.

Когда въ Петербургѣ возникъ среди, главнымъ образомъ, преподавателей англійскаго языка Шекспировскій кружокъ по образцу существующихъ въ Англии Шекспировскихъ обществъ, К. О. сталъ однимъ изъ наиболѣе восторженныхъ его членовъ, посвящая ему возможно большую часть своихъ рѣдкихъ досуговъ. К. О. не упускалъ ни одного случая видѣть Шекспировскія пьесы на сценѣ, стараясь отыскать въ игрѣ cadaго артиста какую либо новую черту, какой нибудь особый оттѣнокъ въ пониманіи текста. Г. Хисъ признавалъ за извѣстнымъ итальянскимъ актеромъ Росси большой талантъ, но изъ самаго исполненія имъ шекспировскихъ ролей заключалъ, что онъ человѣкъ мало образованный. Особенное вниманіе К. О. посвящалъ роли Гамлета. Когда эта драма появилась въ русскомъ переводѣ К. Р., и экземпляръ этого труда былъ посланъ г. Хису его бывшимъ ученикомъ, К. О. попросилъ свою жену пройти съ нимъ каждую строку перевода, и надо было видѣть радость, съ которою К. О. подмѣчалъ, какъ прекрасно были переданы не только мысли, но и выраженія подлинника. «That's it,—воскличалъ К. О.,—that's it exactly!»¹⁾

Подъ руководствомъ г. Хиса, ученики быстро знакомились съ англійскимъ языкомъ. К. О. обращался даже къ начинающимъ почти исключительно по-англійски. Онъ прочитывалъ нѣсколько предложеній и заставлялъ ученика передать содержаніе ихъ по-англійски. Затѣмъ К. О. писалъ нѣсколько строкъ, состоящихъ лишь изъ подлежащаго и сказуемаго, и мальчикъ долженъ былъ пополнять ихъ недостающими частями предложенія: опредѣленіемъ, дополненіемъ. Этотъ способъ оказался чрезвычайно практичнымъ и давалъ возможность ученику дѣлать быстрые успѣхи.

К. О. принесъ съ собою въ лицей приемы англійской гигиены и привычку къ играмъ на открытомъ воздухѣ. Своимъ примѣромъ К. О. распространялъ любовь къ холодной водѣ для обильныхъ омовеній. Его цвѣтущее здоровье, прекрасный цвѣтъ лица, сохранившійся до старости, густые, вьющіеся волосы, которые съ годами поблѣбли, но не выпали, открытый, прямой и смѣлый взглядъ и вся его высокая, прямая, мускулистая фигура свидѣтельствовали краснорѣчиво о пользѣ пропагандированной имъ гигиенической системы.

¹⁾ Вотъ это такъ! Вотъ это совершенно такъ!

Вскорѣ послѣ его поступленія въ лицей тамъ была введена по инициативѣ «мистера Хиса», какъ его обыкновенно тамъ звали, игра въ крикетъ. Первый опытъ происходилъ въ лицейскомъ саду въ присутствіи директора, Н. И. Миллера, и въ самый разгаръ игры жесткій кожаный мячъ, которымъ играютъ, ударилъ самого К. О. въ глазъ. Это чуть не положило конецъ новой игрѣ, оказавшейся такой опасной. Однако, К. О. объяснилъ, что если мячъ, попавъ даже въ глазъ, не причинилъ особаго вреда, то нѣтъ основанія запрещать здоровой и веселой игры,—и крикетъ продолжалъ процвѣтать, только играющіе сдѣлались осторожнѣе. Г. Хисъ ввелъ въ лицей также игру «крокетъ».

Не менѣе англійскихъ, К. О. любилъ и поощрялъ русскія игры: городки, ланту и снѣжки, и въ рекреаціонное время самъ игралъ въ нихъ съ воспитанниками. Кромѣ того, онъ нерѣдко катался съ мальчиками на лодкѣ, обучая ихъ, какъ слѣдуетъ, грести.

Мистеръ Хисъ не забывалъ гигиены даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло совсѣмъ о другомъ.

По лицейскимъ правиламъ, воспитанникамъ самаго младшаго возраста не разрѣшалось уѣзжать по субботамъ безъ провожатаго. Правило это очень стѣсняло какъ родителей, такъ и самихъ воспитанниковъ, и послѣдніе,—это было вскорѣ послѣ поступленія К. О.,—успѣвъ понять его задушевное отношеніе къ дѣтямъ, обсудили этотъ вопросъ съ нимъ и попросили его помочь имъ.

Мистеръ Хисъ побѣждалъ къ директору (К. О. никогда не ходилъ тихо) и выхлопоталъ разрѣшеніе брать съ собою, на свой страхъ, тѣхъ воспитанниковъ, которыхъ онъ признаетъ достойными этой привилегіи. Единственное условіе, которое мистеръ Хисъ при этомъ поставилъ, заключалось въ томъ, чтобы непременно итти пѣшкомъ, и съ этого дня К. О. выходилъ каждую субботу добрый, сіяющій, весело и широко размахивая руками и ногами, сопровождаемый пятью, шестью и болѣе маленькими лицейцами, еле-еле поспѣвавшими за его англійскою походкою. Способъ этотъ, конечно, понравился дѣтямъ, и всѣ дорожили честью попасть въ число избранниковъ обожаемаго мистера Хиса.

Съ Каменноостровскаго проспекта до мѣста жительства большинства лицейстовъ было не менѣе двухъ, трехъ верстъ, и подобная прогулка, при описанной обстановкѣ, должна была быть очень полезною для здоровья 14—15-тилѣтнихъ мальчиковъ. К. О. доводилъ каждаго изъ нихъ до его дома, составивъ предварительно маршрутъ, которому всѣ слѣдовали.

Игры на открытомъ воздухѣ К. О. разнообразилъ фехтованіемъ на рапирахъ и эспадронахъ и англійскимъ боксомъ. Во всѣхъ этихъ упражненіяхъ онъ являлся не начальникомъ, который снисходительно участвуетъ въ дѣтскихъ забавахъ, а старшимъ товарищемъ, который съ необходимою осмотрительностью, но и всею юношескою душою, отдается занимательному дѣлу.

Скучны бываютъ обыкновенно часы, которые воспитатель закрытаго учебнаго заведенія проводить, сидя или расхаживая одиноко, въ рекреационное время воспитанниковъ. Въ эти часы вокругъ мистера Хиса неизмѣнно собиралась молодежь, слушая его рассказы о школьной жизни въ Англии, объ играхъ и занятіяхъ английскихъ юношей и въ особенности о рыбной ловлѣ, по поводу которой К. О. дѣлился со слушателями своими познаніями изъ жизни природы. Естественвѣдѣніе не входило тогда въ лицейскую учебную программу. Тутъ же наставникъ и дѣти бесѣдовали по душѣ о злобахъ дня «его мальчиковъ», ту boys, какъ мистеръ Хисъ любилъ называть своихъ учениковъ не только въ лицей, но и по окончаніи ими курса.

За нихъ К. О. являлся горячимъ и успѣшнымъ заступникомъ на педагогическихъ конференціяхъ совѣта лицея. Многихъ молодыхъ людей, въ искренности и порядочности которыхъ онъ былъ убѣжденъ, выручилъ онъ отъ тяжелыхъ наказаній и даже отъ исключенія изъ лицея. Оглядываясь назадъ, нельзя не признать, что онъ былъ правъ, и что своимъ умѣніемъ отличать юношескую шалость отъ дурнаго поступка онъ сохранилъ русскому обществу не одного полезнаго и полноправнаго дѣятеля.

Между прочимъ, лицей обязанъ почину г. Хиса введеніемъ формы наказанія, извѣстной въ английскихъ университетахъ подъ именемъ rustication. Она состоитъ въ томъ, что виновный исключается изъ заведенія не навсегда, а на одинъ учебный годъ. Наказаніе это тяжкое, такъ какъ оно замедляетъ окончаніе курса, но оно не влечетъ за собою для виновнаго тѣхъ губительныхъ послѣдствій, которыя связаны съ волчьимъ паспортомъ неокончившаго курсъ по причинѣ исключенія.

Если бы намъ дозволило мѣсто, мы могли бы привести въ подлинникѣ воспоминанія многихъ бывшихъ лицейстовъ, какъ молодыхъ, такъ и тѣхъ, которые теперь сами стали отцами и дѣдами, о «мистерѣ Хисѣ». Всѣ эти воспоминанія рисуютъ одинъ и тотъ же образъ любимаго, даровитаго, гуманнаго, ласковаго и честнаго наставника, чуждаго леденящей официальнойности, обладавшаго сердечной пронизательностью и вкладывавшаго всю душу въ дѣло, которое явилось истиннымъ его призваніемъ. Къ К. О. Хису могутъ быть по справедливости отнесены слова Шиллера:

Tausend Keime zerstreuet der Herbst, doch bringt kaum einer
Früchte, zum Elemente kehren die meisten zurück,
Aber entfaltet sich einer nur,—einer allein streut
Eine lebendige Welt ewiger Bildungen aus¹⁾.

¹⁾ Осень разбрасываетъ тысячу сѣмянъ, но едва одно изъ нихъ приноситъ плодъ, большинство же возвращаются въ стихію. Но если разовьется хотя бы одно, это одно сѣмя создаетъ цѣлый живой міръ вѣчныхъ существъ.

V.

Въ частной жизни, среди семьи, состоявшей изъ жены и двухъ дочерей, К. О. пользовался заслуженнымъ счастьемъ.

Свободныя минуты г. Хисъ посвящалъ акварельной живописи и состоялъ членомъ общества русскихъ акварелистовъ. Его картины были допущены весьма разборчивымъ жюри на выставку въ Dudley Gallery въ Лондонѣ и охотно раскупались въ Англии и Россіи.

Владѣя карандашемъ въ совершенствѣ, К. О. любилъ рисовать во время дежурства въ лицей, поощряя къ этому дѣтей, у которыхъ онъ замѣчалъ признаки таланта. Многіе лицеисты сохранили рисунки К. О. на память о занимательно проведенныхъ вмѣстѣ часахъ.

Г. Хисъ былъ однимъ изъ основателей возникшаго въ Петербургѣ еще до Крымской войны и просуществовавшаго почти 40 лѣтъ англійскаго «общества для преній» (debating society). Оно называлось «The Islanders» (островитяне), такъ какъ большинство его членовъ жило на Васильевскомъ островѣ; уставъ его былъ утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и походилъ на уставъ подобнаго рода собраній, существующихъ во всѣхъ англійскихъ университетскихъ городахъ.

Цѣлью подобныхъ обществъ служить обсужденіе, въ періодическихъ собраніяхъ, всевозможныхъ литературныхъ, историческихъ, экономическихъ и политическихъ вопросовъ, которые рѣшаются въ концѣ засѣданія голосованіемъ. Англійская молодежь пріучается въ этихъ обществахъ къ произнесенію публичныхъ рѣчей, къ сжатому импровизированному изложенію мыслей, къ обставленной строгими формами словесной борьбѣ, къ спокойному выслушиванію мнѣнія противника, къ дисциплинѣ спора.

Свобода преній петербургскаго общества была ограничена лишь исключеніемъ изъ предметовъ обсуждения вопросовъ религиозныхъ и касающихся русской политики. Въ остальномъ общество это дѣйствовало такъ же, какъ если бы оно находилось въ Англии, и К. О. любилъ указывать, какъ на примѣръ широкой терпимости русскаго правительства, на тотъ фактъ, что во время всей Крымской войны общество продолжало безпрепятственно свои засѣданія. Будучи избраннымъ въ члены общества по предложенію г. Хиса, находясь еще въ лицей, мы съ искреннимъ удовольствіемъ припоминаемъ дебаты, въ которыхъ К. О., сторонникъ англійскихъ либераловъ, состязался съ представителями консерватизма, предводительствуемыми г. Харрисономъ, покойнымъ преподавателемъ англійскаго языка въ Морскомъ корпусѣ.

Членами общества было нѣсколько лицеистовъ, но, къ сожалѣнію, число тѣхъ, которые принимали участіе въ преніяхъ, было не велико.

Иногда г. Хисъ бралъ къ себѣ двухъ или трехъ пансіонеровъ, которые или готовились къ поступленію въ лицей, или отпускались къ нему изъ лицея въ праздничные дни. Намъ пришлось быть въ теченіе двухъ лѣтъ въ числѣ второй категоріи учениковъ К. О., и мы не можемъ не вспомнить съ искреннею благодарностью образцовую англійскую семейную обстановку его дома, свободную отъ чисто британскаго педантизма, и ту громадную нравственную пользу, которую во многихъ случаяхъ близость къ г. Хису и его семейству принесла русскимъ юношамъ.

VI.

За двадцать слишкомъ лѣтъ службы въ лицей К. О. пріобрѣлъ чинъ статскаго совѣтника и орденъ Владимира 4-ой степени, а 31-го декабря 1878 года былъ уволенъ отъ службы, по прошенію, съ мундиромъ, присвоеннымъ должности воспитателя императорскаго Александровскаго лицея, и пенсією. Вскорѣ послѣ того онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Однако, покидая лицей, К. О. не отказался отъ педагогической дѣятельности. Напротивъ, онъ былъ призванъ продолжать ее на самомъ высокомъ поприщѣ, будучи назначенъ помощникомъ воспитателя августѣйшихъ дѣтей императора Александра III и преподавателемъ англійскаго языка при ихъ высочествахъ.

Уже вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, К. О.—чу выпало на долю давать уроки англійскаго языка и словесности членамъ императорскаго дома и, прежде всего, ихъ императорскимъ высочествамъ, князьямъ Романовскимъ, герцогамъ Лейхтенбергскимъ, при чемъ съ принцессами Марією и Евгенією Максимилиановнами г. Хисъ занимался также рисованіемъ и акварелью.

Во время двухлѣтняго отсутствія упомянутаго выше В. Ф. Мечина, сопровождавшаго его императорское высочество, великаго князя Алексѣя Александровича, въ кругосвѣтномъ плаваніи, г. Хисъ замѣщаль его въ занятіяхъ съ ихъ императорскими высочествами великими князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами, а съ великою княжною Марією Александровною продолжалъ уроки до ея замужества съ герцогомъ Эдинбургскимъ.

Будучи уже въ лицей, К. О. получилъ приглашеніе преподавать англійскій языкъ и словесность тремъ младшимъ сыновьямъ великаго князя Константина Николаевича. Эти занятія продолжались втеченіе многихъ лѣтъ, при чемъ К. О. сопровождалъ ихъ императорскія высочества одно лѣто въ Старую Руссу и нерѣдко проводилъ съ ними цѣлыя недѣли въ Павловскѣ. Выше было упомянуто о доброй памяти къ своему бывшему учителю, выразившейся въ посылкѣ къ К. О. великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ экземпляра его перевода Гамлета. Великій

князь пригласилъ также г. Хиса присутствовать при представленіи этой драмы въ офицерскомъ собраніи Измайловскаго полка, когда его императорское высочество лично исполнялъ заглавную роль.

VII.

Съ 1889 года здоровье начало измѣнять К. О. Хису: у него развилась болѣзнь сердца.

Въ это время К. О. проживалъ съ семьей главнымъ образомъ въ Гатчинѣ и пользовался во дворцѣ заботливымъ вниманіемъ и покоемъ, въ которомъ онъ все болѣе нуждался.

Послѣднее лѣто своей жизни К. О. провелъ, по волѣ государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, на Финляндской дачѣ императора Александра III, Лангинкоски, въ сопровожденіи придворнаго врача Н. Н. Калинина.

Несмотря на тяжкую болѣзнь, г. Хисъ продолжалъ увлекаться горячими бесѣдами и спорами о разнообразныхъ вопросахъ отвлеченнаго и философскаго характера. Бодрость слова и ясность мысли не покидали К. О. до конца. По свидѣтельству его близкихъ, въ эти послѣдніе дни попрежнему чувствовался человѣкъ съ сильнымъ духомъ, любящимъ и порою дѣтски-наивнымъ сердцемъ и чистою душою, не привыкшій сдаваться ни на какіе компромиссы и оставшійся вѣрнымъ своимъ юношескимъ идеаламъ.

Всесторонне образованный, проникнутый серьезнымъ духомъ англійской науки, К. О. весь былъ полонъ гуманныхъ стремленій и отличался рѣдкимъ добродушіемъ и незлобивою. Онъ любилъ людей, твердо вѣрилъ въ хорошія начала, вложенныя въ человѣческую природу, вѣрилъ въ возможность исправленія даже самаго испорченнаго человѣка и зналъ сложную человѣческую природу въ совершенствѣ. Отъ человѣка онъ требовалъ, прежде всего, неуклоннаго и строгаго исполненія долга, чистоты намѣреній и безусловной правдивости.

К. О. живо интересовался педагогическими вопросами и внѣ той среды, гдѣ ему привелось трудиться. Такъ, его глубоко трогало бѣдственное положеніе дѣтей, брошенныхъ судьбою въ большіе города и поступающихъ въ обученіе къ содержателямъ ремесленныхъ мастерскихъ. Онъ считалъ необходимымъ устройство для такихъ дѣтей особыхъ приютовъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы болѣзни, г. Хиса часто посѣщали государыня императрица Марія Ѳеодоровна, государь наслѣдникъ и великая княжна Ольга Александровна. Знаки трогательнаго, чуткаго, заботливаго вниманія, которое членамъ царской семьи угодно было оказывать г. Хису, останутся неизгладимыми въ благодарной памяти его семьи и были для него самого источникомъ глубокой радости, которая заставляла его забывать физическія страданія и преобразаться, хоть не надолго, въ здороваго и веселаго человѣка.

VIII.

Болѣзнь К. О. развилась, однако, неудержимо, и 19-го ноября 1900 года, на 75 году жизни, въ квартирѣ, занимаемой имъ въ Аничковскомъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ, г. Хисъ тихо и спокойно скончался.

Погребеніе, послѣдовавшее на Смоленскомъ кладбищѣ 23-го ноября, состоялось при трогательной обстановкѣ.

На выносъ въ Англиканскую церковь прибыли ея императорское величество государыня императрица Марія Ѳеодоровна и ихъ императорскія высочества государь наслѣдникъ и великій князь Михаилъ Александровичъ, великая княжна Ольга Александровна, великій князь Константинъ Константиновичъ и князь Александръ Георгіевичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій. Его величество Государь Императоръ, находившійся въ Крыму, изволилъ выразить соболѣзнованіе вдовѣ покойнаго по телеграфу.

Гробъ окружала масса вѣнковъ, среди которыхъ находились вѣнки: отъ государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, отъ государя наслѣдника, отъ великой княгини Ксеніи Александровны, отъ великой княжны Ольги Александровны, отъ великихъ князей Бориса и Андрея Владимировичей и отъ многихъ другихъ высокопоставленныхъ почитателей г. Хиса.

Послѣ богослуженія, совершеннаго пасторомъ г. Маклаудъ, государь наслѣдникъ, великій князь Константинъ Константиновичъ, князь Александръ Георгіевичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій, генераль-адъютантъ князь Барятинскій и другіе вынесли гробъ и поставили на траурную колесницу. Государыня императрица Марія Ѳеодоровна и великая княжна Ольга Александровна изволили проводить гробъ до сѣзда съ Николаевского моста, а государь наслѣдникъ и князь Александръ Георгіевичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій слѣдовали за колесницей пѣшкомъ до кладбища и отнесли гробъ къ могилѣ. Кромѣ перечисленныхъ, многіе военные и гражданскіе чины и частныя лица, преимущественно старые лицейсты, собрались проводить Карла Осиповича Хиса къ мѣсту конечнаго отдохновенія послѣ его долгой, дѣятельной и полезной жизни.

Н. Чарыковъ.

КРАСНОЕ ОЗЕРО.

ВЪ МЕЛКОЙ ряби моря тысячами разноцвѣтныхъ огней переливались яркіе лучи полуденнаго солнца. Небо было ясно, погода стояла тихая, и становилось жарко.

Іюльскій полдень наступалъ...

Пароходъ «Адмиралъ Корниловъ» шелъ полнымъ ходомъ, бросая глубокій слѣдъ въ море. Пароходный винтъ, внизу желѣзнаго корпуса, неустанно вращался со страшною силою; громадныя стальные лопасти его могучимъ размахомъ рѣзали море. Взбаламученная вода кипѣла, клокотала позади парохода, какъ въ котлѣ, и, шипя и пѣнясь, уходила въ даль широкою полосою, покрытою пузырями и пѣною.

Мы приближались къ Александровскому форту, на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Вдали бѣлѣлись высокіе мѣловые утесы; облитые солнцемъ, они блестѣли, какъ серебро, вздымаясь какимъ-то фантастическимъ лѣсомъ къ небу и купаясь вершинами въ морѣ.

Плывшій съ нами одинъ старый персъ на палубѣ рассказывалъ странную исторію о происхожденіи Краснаго озера, которое находится на берегу моря, вблизи форта Александровскаго.

Такъ онъ говорилъ:

Въ старину, когда людей на землѣ было меньше, а въ морѣ воды больше, эта мѣстность не была такъ пустынна, какъ теперь. Тогда въ этой мѣстности жилъ богатырь Искандеръ.

Однажды, гуляя надъ озеромъ, онъ увидѣлъ, что на той сторонѣ, на берегу озера, надъ самой водою, стоитъ молодая дѣ-

вущка; она была стройна, какъ трость, и, одѣтая вся въ бѣломъ, блестяла, какъ снѣжинка.

Искандеръ сѣлъ въ легкую лодку и быстро переправился на ту сторону. Подойдя къ ней, онъ ласково спросилъ, кто она такая.

— Я сирота... — сказала она.—Я не родная дочь вѣдьмы, которая переселилась сюда изъ холодныхъ странъ и живетъ тутъ, недалеко въ горахъ... У вѣдьмы есть своя родная дочь, прижитая съ шайтаномъ, ту она любитъ и всячески потѣшаетъ, а меня поѣдомъ ѣстъ и каждый день мучить страшно за то, что я красивѣе ея родной дочери, прижитой съ шайтаномъ... Она давно бы извела меня совсѣмъ, если бы не боялась шайтана... Онъ и то добрѣе ея... Онъ строго ей приказываетъ, чтобы она меня оберегла... Она такъ меня мучитъ... Я каждый день прихожу сюда, чтобы поплакать наединѣ... Зовутъ меня Гюли, а ея родную дочь зовутъ Нахнакъ...

Искандеру стало жалко Гюли.

Она была такъ нѣжна, такъ красива и миловидна, что онъ тутъ же влюбился въ нее и сейчасъ же сталъ просить, чтобы она вышла замужъ за него. Но Гюли сказала, что безъ спроса у вѣдьмы она ни на что не можетъ рѣшиться, потому что та, разсердившись, можетъ погубить ихъ обоихъ.

— Тогда я самъ пойду къ вѣдьмѣ и буду просить за тебя,—сказалъ Искандеръ.

На это Гюли согласилась, и они сейчасъ же отправились къ вѣдьмѣ.

— Хорошо,—сказала ласковымъ голосомъ хитрая вѣдьма, выслушавъ просьбу Искандера:—я согласна! Только мнѣ надо переодѣть невѣсту и нарядить ее получше...

Вѣдьмѣ захотѣлось выдать замужъ и свою дочь. Красавецъ Искандеръ ей приглянулся, и жаль ей стало пропустить такого жениха...

Вѣдьма подмѣнила Гюли своею дочерью Нахнакъ, прижитою съ шайтаномъ... Она повела Гюли въ уборные покои, превратила ее тамъ въ работницу и послала мыть платья, а свою Нахнакъ преобразила въ подобіе Гюли и привела ее къ Искандеру.

Тотъ, ничего не подозревая, взялъ невѣсту и отправился домой.

На другой день онъ замѣтилъ, что жена его какъ-то странно глядитъ: то пренебрежительно водитъ полуопущенными глазами и, какъ будто, никого не замѣчая, что-то высматриваетъ, то вдругъ сдѣлаетъ страшные, круглые глаза, полные злости и распространяющіе отраву, а въ жадномъ взглядѣ порою вспыхиваютъ дикіе огоньки, жестокіе и пожирающіе. Онъ подслушалъ, какъ сердито она говоритъ съ работницами и домашними, при этомъ отвратительно оскаливаетъ выдавшіеся впередъ рѣдкіе зубы, а голосъ, злой и страшный, взвизгиваетъ, какъ у подстрѣленнаго кабана.

Замѣтивъ все это, Искандеръ сталъ раскаиваться, но поздно было...

Печальный онъ одиноко бродилъ по берегу озера. Грустныя думы его подхватывалъ степной вѣтеръ и, унося въ даль, безжалостно разбивалъ ихъ о прибрежныя скалы; разбитыя, онѣ превращались въ тонкія брызги и прозрачными каплями, словно горючія слезы, одна за другою быстро катились съ крутого утеса и падали въ море. Страдающая душа его томилась одиночествомъ, не находя отклика...

Вдругъ онъ замѣтилъ молодую дѣвушку, стоявшую на берегу озера и мывшую платье. Она работала и неутѣшно плакала, проливая слезы; они катились изъ ея голубыхъ очей и неудержимымъ потокомъ падали въ озеро такъ часто, что вода сдѣлалась горько-соленая и съѣдала мыло съ платья... Ея собственное горе съѣдало ея работу, а она еще пуще плакала и увеличивала горе свое.

Искандеру показался знакомымъ голосъ дѣвушки. Онъ подошелъ... и узналъ Гюли... Тутъ она рассказала ему, какъ его обманули,—вѣдьма обманомъ выдала за него свою дочку, а ее, Гюли, превратила въ работницу.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, Искандеръ пришелъ домой и позвалъ жену свою, назвавъ ее настоящимъ именемъ—Нахнакъ. Когда та по ошибкѣ отозвалась, онъ взялъ ее и бросилъ въ озеро. Но она не утонула, а сейчасъ же превратилась въ крокодила и скрылась въ глубину.

Вѣдьма, гулявшая въ степи, возвращалась съ попутнымъ вихремъ домой. Она прислушивалась къ вѣтру, тогда какъ тотъ услужливо доносилъ ей разговоръ Гюли съ Искандеромъ на берегу озера.

Такимъ образомъ вѣдьма узнала, что ея продѣлка открыта. Разсердившись, она прокляла Гюли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ дѣвушка выдала Искандеру ея тайну.

Гюли не стало.

Заклятая вѣдьмой, она превратилась въ цвѣтокъ, и на берегу озера, гдѣ стояла работница, появилась фіалка. На тонкомъ стебелькѣ ея, печально склонившись надъ водою, одиноко качался маленькій голубой цвѣтокъ и постоянно слезился алмазными каплями, которыя, какъ слезы сироты, невидимо падали въ холодное озеро и насыщали горечью соленую воду.

Страдающій, одинокій, печально бродилъ Искандеръ по берегамъ озера. Придя къ тому мѣсту, гдѣ послѣдній разъ видѣлъ Гюли, моющую вѣдьмино платье, Искандеръ замѣтилъ на берегу маленькій голубой цвѣтокъ и хотѣлъ сорвать его, но цвѣтокъ затрепеталъ, заколыхался и заговорилъ человѣческимъ голосомъ...

Онъ узналъ голосъ Гюли...

И цвѣтокъ рассказалъ Искандеру, что случилось съ Гюли послѣ того, какъ она выдала ему тайну вѣдьмы...

Вѣдьма не разъ уже отдавала такимъ образомъ свою дочь замужъ. Она просватывала женихамъ Гюли, потомъ переряживала въ ея платьѣ свою дочь, Нахнакъ, и, преобразивъ ее въ подобіе Гюли, выдавала жениху. Но злая Нахнакъ на третій же день загрызала зубами мужа и возвращалась опять къ матери...

— Я спасу тебя... Научи, какъ это сдѣлать...—сказалъ растроганный Искандеръ.

— Трудно спасти...—заговорилъ печальнымъ голосомъ голубой цвѣтокъ.—Вѣдьма заклала меня такъ, что если кто до меня дотронется, тотъ самъ превратится въ траву, въ солончаковый хвощъ... Это уже случалось... вонъ сколько вокругъ меня выросло хвощей... Спасти меня можетъ только тотъ, кто прямо съ того берега въ бродъ перейдетъ это озеро и, не выходя здѣсь на сушу, достанетъ меня рукою, возьметъ и перенесетъ опять черезъ озеро на тотъ берегъ. Тамъ спадутъ съ меня злыя чары вѣдьмы, и тогда я превращусь опять въ прежнюю Гюли.

Выслушавъ объясненіе цвѣтка, Искандеръ рѣшилъ спасти дѣвушку... Чтобъ перейти озеро въ бродъ, богатырь поднялъ въ озерѣ дно, такъ что можно стало перейти въ бродъ. И онъ перешелъ... Тутъ, не выходя на сушу, онъ сорвалъ рукою цвѣтокъ и, держа его надъ головою, отправился назадъ.

Ему оставалось только нѣсколько шаговъ до берега. Онъ бережно держалъ въ рукѣ голубой цвѣтокъ и нѣжно цѣловалъ его... Какъ вдругъ передъ нимъ вода разступилась... оттуда показалась громадная пасть крокодила, и раздался дикій, визгливый ревъ...

Въ дикомъ голосѣ, въ страшныхъ глазахъ и оскаленныхъ зубахъ онъ узналъ свою отвратительную Нахнакъ, вѣдьмину дочку, которую онъ утопилъ въ озерѣ.

Страшное чудовище схватило его своими острыми, какъ пила, зубами и скрылось подъ водою. вмѣстѣ съ Искандеромъ исчезъ и голубой цвѣтокъ... Изъ воды показалась на поверхность только алая кровь Искандера, насыщенная запахомъ фіалки.

Злая Нахнакъ и до сихъ поръ еще крѣпко держитъ въ своихъ острыхъ когтяхъ несчастнаго Искандера; она пьетъ его кровь и все мучитъ его...

Кровь и до сихъ поръ еще капля за каплей выступаетъ на верхъ, окрашивая прозрачную воду, и аромать фіалки до сихъ поръ еще надъ мертвою поверхностью Краснаго озера.

Съ тѣхъ поръ тамъ не стало ни одной рыбы. Горько-соленая вода, какъ мертвая, стоитъ неподвижно. И съ тѣхъ поръ это озеро стало Краснымъ.

Старикъ кончилъ свой разсказъ въ то время, когда пароходъ, забирая вправо и уменьшая ходъ, входилъ въ широкую бухту Александровскаго форта.

На палубѣ, расталкивая публику, суетились матросы, перебрасывали на пристань толстый притяжной канатъ и спускали трапъ. Пароходъ покачиваясь приставалъ бокомъ къ борту плочучаго моста открытой пристани.

Гдѣ-то, далеко въ горахъ, гулко отзывалось могучее эхо оглушительнаго гудка...

Было около двухъ часовъ дня, до отправленія парохода оставалось часа три. Я вышелъ на берегъ...

Берегъ былъ весь загроможденъ. Кругомъ стояли старыя баржи съ ободранными боками и проломленными днищами, развалившіяся лодки, разбитые челны, валялись сломанныя мачты; заржавленные якоря торчали въ песокѣ; тѣснились груды лѣсныхъ матеріаловъ, бочки черной пахучей смолы, кучи желтоватой пакли для конопатки щелей въ лодкахъ, и разныя рыболовныя снасти,—все толпилось, образуя непроходимый лабиринтъ на берегу.

Надъ берегомъ, по каменистому плоскогорью, живописно раскинулся небольшой поселокъ Николаевскій, населенный рыбаками и торговцами. Дома въ поселкѣ, построенные изъ раковистаго известняка, издали кажутся высѣченными изъ цѣльной скалы. Кое-гдѣ желтѣютъ золотистые подсолнухи въ палисадникахъ, разведенныхъ на скалѣ, въ горсточкѣ земли, привезенной изъ Астрахани, или въ искусственной почвѣ, образовавшейся изъ смѣси песку и перегнивашаго мусора. Кругомъ ни кусточка, ни деревца... Тамъ море; тамъ причудливыя вершины мѣловыхъ скалъ, а тамъ—безбрежная равнина и песчаные барханы, возвышаясь одинъ надъ другимъ, уходятъ куда-то въ недосыгаемую даль.

Красное озеро съ пристани находится влѣво отъ поселка, на разстояніи около двухъ верстъ. Сначала, отъ пристани по хрящевато-песчаному грунту тянется, неизвѣстно куда ведущая, колесная дорога, пересѣкаемая въ разныхъ направленіяхъ мелкими тропинками. Затѣмъ мѣстность постепенно возвышается, и на сухомъ, песчаномъ грунтѣ дорога пропадаетъ и становится незамѣтною.

Пройдя съ четверть версты по этой дорогѣ, я круто повернулъ налѣво и скоро поднялся на высокій песчаный переваль. Отсюда открывается видъ на Красное озеро.

Вдали показалась вода—красная, словно разведенная кровью. Озеро куда-то тянулось узкою длиною полосою. Гладкая поверхность его стояла неподвижно, какъ стекло, и, отражая лучи солнца, сіяла ослѣпительнымъ блескомъ.

Озеро лежитъ въ длинной, узкой котловинѣ. Образовалось оно, очевидно, изъ оторвавшагося отъ моря и обмелѣвшаго небольшого залива. Однимъ концомъ оно протянулось къ морю, другимъ далеко уходитъ въ пустыню, скрываясь за барханами. Ширина различна, и самая большая—около версты; озеро тянется узкимъ извилистымъ рукавомъ. За озеромъ стелется песчаная пустыня, перехо-

дящая постепенно въ скалу; вдали поднимаются мѣловые утесы, покрытые причудливымъ узоромъ глубокихъ ущелій.

По мѣрѣ приближенія къ озеру, мѣстность постепенно понижается и принимаетъ приморскій видъ; грунтъ становится тяжелѣе, песокъ переходитъ въ хрящъ. Ближе къ берегу мѣстность изрыта небольшими ямками, въ видѣ мелкихъ ключей, наполненныхъ подпочвенною водою. Въ ямкахъ растутъ короткіе, мелкіе хвощи, изъ семейства солончаковыхъ — съ длинными корнями, толстые, жирные, мокрые, съ лапчатымъ развѣтвленіемъ.

Отлогіе песчаные берега сплошь засыпаны толстымъ слоемъ мелкихъ ракушекъ, покрытыхъ солью. Вода въ озерѣ, сама по себѣ, прозрачна, какъ хрусталь, но на поверхности ея, и въ особенности вблизи береговъ, въ большомъ количествѣ плаваетъ какое-то постороннее вещество кроваво-краснаго цвѣта, жидкое, студенистое — го почти неуловимо тонкими прожилками, то въ видѣ небольшихъ кровяныхъ сгустковъ, то плотною киселеобразною массою грязновато-краснаго цвѣта. Вещество это сильно пахучее, съ натуральнымъ запахомъ свѣжей фіалки.

Глубина озера не одинакова, но въ значительной части оно мелководно; мѣстами глубина не превышаетъ двухъ-трехъ футовъ, мѣстами понижается менѣе фута. Вода такъ плотно насыщена солью, что поднимаетъ человѣка, и не умѣющій плавать свободно можетъ держаться на водѣ; вода теплая, а у береговъ словно грѣтая въ котлѣ.

По выходѣ изъ воды, тѣло покрывается тонкимъ бѣлымъ налетомъ, который образуется изъ оставшихся на тѣлѣ солей и засыхаетъ чешуеобразною корою. Впослѣдствіи отъ этого купанья самый тонкій слой кожи на тѣлѣ линяетъ; кожа отпадаетъ мелкими лохмотьями, въ видѣ тончайшей пленки. Искупавшись здѣсь, необходимо обмыться въ болѣе прѣсной водѣ, въ морѣ, въ противномъ случаѣ сильнѣйшій жгучій зудъ на тѣлѣ будетъ продолжаться нѣсколько дней.

На днѣ озера почти сплошь залегаютъ соль слоистыми пластами въ разную толщину, отъ одного дюйма до фута и толще. Въ тонкихъ мѣстахъ пласты подъ ногами трескаются; тогда руками можно доставать большія плитки соли, вѣсомъ около пуда. Пласты зернистые, изъ многоугольныхъ кристалликовъ. Соль совершенно чистая, съ нѣжнымъ розоватымъ оттѣнкомъ и тонкимъ запахомъ фіалки; просыхая на воздухѣ, она скоро теряетъ розовый оттѣнокъ и принимаетъ бѣлоснѣжный цвѣтъ, позже улетучивается и запахъ фіалки.

Образованіе, кристаллизація соли и наслоеніе соляныхъ пластовъ совершается тутъ почти на глазахъ. Отъ дѣйствія солнечной теплоты вода испаряется и оставляетъ на поверхности озера содержащіяся въ ней соляныя частички; на мѣсто испарившейся, на поверхность выступаетъ новый слой воды, которая также испаря-

ряется и въ свою очередь освобождаетъ заключенную въ ней соль. Каждая, выступающая на верхъ частичка воды, несетъ съ собою соль, которая, въ концѣ концовъ, насыщаетъ здѣсь воду настолько, что становится неусвояемою для воды; вода уже не въ состояніи растворять такое количество соли, потому что частицы воды не могутъ поглотить всѣхъ частицъ соли. Пользуясь этимъ, частицы соли стремятся къ освобожденію отъ воды.

Въ силу извѣстнаго притяженія, незамѣтныя частички соли начинаютъ группироваться—и на поверхности воды, вдругъ, появляется едва замѣтная точка, какъ булавочный уколъ; начинается образованіе чистой соли. Къ точкѣ пристають другія частички и образуютъ едва замѣтный кристалликъ въ видѣ крошечной снѣжной пушинки или звѣздочки, которая, въ силу того же притяженія и отъ соприкосновенія пристающихъ къ ней новыхъ частицъ, начинаетъ дѣлать круговращательное движеніе. Соль тяжелѣе воды, но въ силу капиллярности кристалликъ держится на поверхности,—и только вращеніемъ своимъ онъ какъ бы просверливаетъ себѣ путь сквозь верхній слой, въ глубину. Своимъ движеніемъ кристалликъ нарушаетъ отталкивающее дѣйствіе капиллярности—онъ захлестывается водою самъ и, въ силу своей тяжести, опускается на дно.

Такимъ образомъ, незамѣтно совершается непрерывная работа воды и солнца, и изъ невидимыхъ частичекъ и мельчайшихъ кристалликовъ зарождающейся на водѣ соли внизу, на днѣ озера, наслаиваются толстые пласты, и накаплиются цѣлыя богатства.

Красное вещество, плавающее на озерѣ, едва ли кто изслѣдовалъ, и происхожденіе его не извѣстно. При высушиваніи оно темнѣетъ, стужается и, по консистенціи своей, походитъ на жирную глину; затѣмъ твердѣетъ, выцвѣтаетъ и сухое становится ломкимъ, хрупкимъ, легкимъ, мелкозернистымъ веществомъ бурога цвѣта. При растираніи превращается въ мелкій порошокъ землистаго вида.

Можетъ быть, оно образовалось изъ окиси желѣза, или выдѣлилось отъ разложенія растительныхъ веществъ или животныхъ организмовъ. А, можетъ быть, и то, и другое вмѣстѣ... Но отчего все это пахнетъ фіалкой?

Сказка стараго перса, разумѣется, невѣроятна... Но вѣдь можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы и соль въ водѣ образовалась и лежала бы въ озерѣ не размокая, тогда какъ обыкновенно въ водѣ она немедленно растворяется—и кажется, что пропадаетъ... Много бываетъ на свѣтѣ вещей невѣроятныхъ...

Вспоминая сказку стараго перса, я думалъ: не напоминаетъ ли его хитрая вѣдьма новѣйшую цивилизацію, которая такъ заманчиво сулитъ старымъ народамъ новыя, невѣдомыя блага и обольщаетъ восточнаго богатыря красивымъ идеаломъ? А сама пользуется кра-

сотою того идеала, только какъ средствомъ для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, и, увлекая неопытнаго, даетъ ему вмѣсто благодатной красоты, рабство и награждаетъ такимъ обманчивымъ признакомъ счастья, который ведетъ къ медленной, но вѣрной смерти... И отъ всѣхъ стремленій и кровавой борьбы остается, вмѣсто вещественнаго блага, только одинъ невестественный, неуловимый запахъ фіалки.

Такова участь и бѣднаго Искандера... Но отчего все это пахнетъ фіалкой?

На Красномъ озерѣ я былъ въ июлѣ мѣсяцѣ 1897 года. Теперь, можетъ быть, тамъ все переѣнилось; можетъ быть, даже и фіалкой не пахнетъ.

Богданъ Рыкъ.

ВСТРѢЧА СЪ АБРЕКАМИ ¹⁾.

(Посвящается княгинѣ Маріи Михайловнѣ Дадіанѣ).

ЯБЫЛЪ назначенъ 20-го мая 1862 года вахтеннымъ начальникомъ на трехмачтовый транспортъ «Дунай», подъ командой капитана-лейтенанта Аѳанасія Палеолога. Транспортъ стоялъ въ Севастополѣ. По полученіи приказа на другой же день я отправился изъ Николаева къ мѣсту нахождения готовящагося уже къ отплытію въ Сухумъ судна.

Въ описываемое мною время транспортныя военныя суда, предназначенныя исключительно для перевозки грузовъ, носили кормовой флагъ совершенно различный отъ флаговъ, поднимаемыхъ на боевыхъ военныхъ судахъ; помимо этого, и весь внѣшній и внутренній ихъ видъ мало имѣлъ чего либо общаго съ судами, на флагштокахъ которыхъ развѣвался бѣлый, съ голубымъ крестомъ, морской военный флагъ; начиная съ вооруженія и кончая характеромъ службы, суда эти производили впечатлѣніе скорѣе импортирующихъ купцовъ, чѣмъ грозныхъ воиновъ; они не снабжались никакими воинскими доспѣхами: ни пушками, ни ружьями, ни даже холоднымъ оружіемъ; считалось только обязательнымъ, какъ вообще для всѣхъ плавающихъ въ морѣ судовъ, имѣть сигнальное орудіе, но и эта двухфунтовая мѣдная пушечка не всегда удостоивалась на нашихъ транспортахъ должной о ней заботливости.

¹⁾ Черкесы, давнѣе обѣтъ безпредѣльной храбрости, не щадя своей головы и не взирая ни на какія опасности.

Патріархальность жизни, царившая на нѣкоторыхъ подобныхъ судахъ, безцеремонность и халатность въ служебныхъ приѣмахъ, ярко характеризовалась кличками, присвоенными этимъ судамъ въ черноморскомъ флотѣ: такъ, транспортная шкуна «Анапа» именовалась Маня, а «Новороссійскъ»—Анжелика. Если бы у женатыхъ служащихъ на этихъ судахъ офицеровъ было по одной лишней каютѣ, то весьма возможно, что, отправляясь въ плаваніе, они брали бы съ собой и свои семейства, какъ это дѣлали, нисколько не стѣняясь, иные командиры транспортовъ, представлявшіе собою большею частью добрыхъ и благодушныхъ товарищей, чѣмъ достоительно строгихъ начальниковъ. Позднѣе уже, вслѣдствіе ли случившагося съ транспортомъ «Дунай» и описываемаго мною эпизода, или по другимъ соображеніямъ, но всѣ правительственныя суда, безъ различія ихъ предназначенія, одинаково поднимали на своей кормѣ военный морской флагъ, и названіе «транспортъ» не избавляло уже судна при выходѣ въ море отъ обязанности снабжать себя оружіемъ, требуемымъ военно-морскимъ уставомъ, чѣмъ и весь строй службы на немъ отождествлялся съ таковой на военно-боевыхъ судахъ.

Не имѣя надобности заходить на своемъ пути въ какой либо портъ, мы взяли курсъ прямо въ Сухумъ, пошли на перевалъ. Дулъ все время легкій и мало попутный намъ вѣтеръ, который на четвертый день утромъ совершенно стихнулъ. Мы находились на высотѣ Керченскаго пролива. Съ утра уже было душно, на небѣ ни одного облачка; чѣмъ ближе время подходило къ полдню, тѣмъ жаръ становился невыносимѣе; яркое солнце своими жгучими снопами раскаливало поливаемую матросами палубу судна, воздухъ былъ неподвиженъ; паруса уныло болтались на реяхъ. Какъ только насталъ полдень, и просвистали къ водкѣ, на горизонтѣ къ нордъ-весту показались быстро надвигавшіяся тучи; вскорѣ солнце скрылось, и все небо заволоклось свинцовыми облаками, барометръ упалъ: на транспортѣ убрали верхніе паруса, спустили стеньги; вся морская поверхность окуталась зловѣщимъ мѣднокраснымъ сумракомъ; наконецъ, въ глубинѣ тучъ послышалось глухое рокотаніе грома, а за нимъ сверкнула огромная молнія; жгучій вѣтеръ рветъ паруса, хлопаетъ ими, кренитъ судно; нѣкоторые валятся съ ногъ, изъ каютъ-компаніи доносится грохотъ разбившейся посуды; транспортъ, какъ щепку, бросало со стороны на сторону; офицеры и команда держались за снасти. При благопріятныхъ обстоятельствахъ во время плаванія, чередуясь, одна вахта отдыхаетъ, теперь же на верхъ были вызваны обѣ вахты. Вѣтеръ ревѣлъ; начало смеркаться; вскорѣ темная ночь опустилась надъ моремъ. Самыя опасныя минуты во время шторма—это поворотъ судна въ моментъ перехода его на другой галсъ; очутившись противъ вѣтра и теряя ходъ, оно уже не сопротивляется волнамъ, которыя еще съ большей силой,

плескомъ и шумомъ взметывались на палубу и съ дикимъ грохотомъ разбивались о мачты. Судно вздрагивало, металось во всѣ стороны; паруса полоскались, бились; всю ночь съ страшнымъ ливнемъ продолжался штормъ. Только къ утру, когда на востокѣ забрезжилъ свѣтъ, небо начало очищаться, порывы вѣтра дѣлались слабѣе, мягче; волны, теряя свою силу, свои сѣдые гребни, легче ударяли въ бортъ уменьшившаго свои размахи судна; всѣ стали глядѣть какъ-то спокойнѣе; движенія людей были натуральнѣе. Просвистали «подвахтенныхъ внизъ». Истомленные лица озаряются улыбками, нѣкоторые крестятся; одна половина изнеможенной, выбившейся изъ силъ команды спускается въ кубрикъ на покой, оставшіеся, исключая часовыхъ и вахтенныхъ унтеръ-офицеровъ, ютятся, гдѣ только возможно на палубѣ, стремятся отдохнуть, до перваго призыва сомкнуть свои усталые глаза.

Къ семи часамъ утра на востокѣ, сквозь свѣтлый сумракъ утра, начали вырисовываться силуэты горъ. По астрономическимъ наблюденіямъ мы находились въ 20-ти миляхъ отъ Псезуапскихъ возвышенностей, у подножія которыхъ были расположены многочисленные, враждебные, какъ и почти все еще тогда восточное побережье Кавказа, черкесскіе аулы. Никто изъ насъ не допускалъ возможности въ этой мѣстности столкновенія съ морскими пиратами. Когда заштилѣло, то мы, собравшись на верхней палубѣ, совершенно хладнокровно относились къ тому, что образовавшіеся крупной зыбью транспортъ прибываетъ къ берегу; послѣ долгаго глазѣнія на однообразіе морской поверхности мы съ удовольствіемъ всматривались въ малѣйшія видоизмѣненія все яснѣе и яснѣе очерчивающейся передъ нами въ голубой дали цѣпи горъ. «Что это за черныя пятна показались вонъ тамъ?»—сказалъ мичманъ Вережниковъ, указывая на нихъ рукой. Дѣйствительно, въ указанномъ направленіи, постепенно отдѣляясь отъ берега, на блистающихъ въ лучахъ солнца пологихъ и гладкихъ волнахъ, казалось, точно ныряя и снова выныривая, приближались къ намъ исполнскіе дельфины. Подзорная труба обходитъ по рукамъ, и послѣ нѣкоторыхъ предположеній всѣ убѣждаются, что это не что иное, какъ наполненные вооруженными кавказскими хищниками галеры. Вызвавъ всю команду на верхъ, капитанъ объявилъ, что употребить всѣ средства къ защитѣ, а въ безысходный моментъ мы должны взорваться на воздухъ. Затѣмъ, обратившись къ штурманскому офицеру, отдалъ ему приказаніе отправиться съ фитилемъ въ крѣпость-камеру и по полученіи имъ на то приказанія взорвать транспортъ. Слова капитана спокойно были выслушаны командой; никто не желалъ отдаться живымъ въ руки непріятеля. Единственнымъ средствомъ для обороны представлялся камень, которымъ былъ нагруженъ транспортъ; имъ и было рѣшено воспользоваться; черезъ нѣсколько минутъ команда загроздила имъ всю верхнюю

палубу судна. Галеры, усиленно выгребая, замѣтно приближались къ намъ; не участвующіе въ греблѣ черкесы стояли вплотную, среди торчащихъ ружей; въ подзорную трубу уже хорошо можно было разсмотрѣть давно намъ знакомые высокія, заостренныя папахи и войлочные бурки. Надъ одной изъ галеръ блеснулъ огонекъ, и за раздавшимся глухимъ ударомъ цѣлый дождь пуль съ визгомъ пронесся надъ нами, пробивъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ паруса. Когда галеры подошли къ корпусу транспорта, то гряда камней полетѣла въ нихъ. Черкесы, со всѣхъ сторонъ окруживъ насъ и приставивъ къ судну трапы, старались взобраться на транспортъ; нѣкоторые изъ нихъ уже высовываются изъ-за борта, команда отбивается отъ нихъ ганшпугами, ломами, топорами. По временамъ удается опрокинуть въ воду непріятельскій трапъ съ стоящими на немъ горцами, и радостныя восклицанія раздаются на суднѣ; еще болѣе вызываетъ восторгъ команды разбитая грохнувшимся въ нее якоремъ подошедшая къ якорному клюзу галера. Почти часть продолжалась наша борьба; мы сознавали, что намъ тяжело бороться съ тремя стами съ ногъ до головы вооруженныхъ дикарей и въ эти тяжелыя минуты вдругъ увидѣли зарябившуюся вдали морскую гладь; еще минута, и на суднѣ почувствовалось колебаніе воздуха, подулъ, шелестя парусами, легкій нордъ. Транспортъ двинулся впередъ, оставляя за собой галеры. Все вниманіе наше было теперь сосредоточено на парусахъ, какъ бы связанныхъ съ нами электрическимъ токомъ. На палубѣ, послѣ продолжительнаго напряженія, беспорядочной бѣготни, хаоса, все стихло, успокоилось; вскидывались только тревожные взгляды на гнавшіяся за нами галеры, и на порой заполоснувшійся парусъ. Въ это время изъ гротъ-люка медленно поднимались по трапу нѣсколько матросовъ, они тащили на верхъ случайно найденную, заваленную камнями, сигнальную пушку. Лица у нѣкоторыхъ просіяли, но ненадолго; на суднѣ не оказалось ни одного ядра. «Ваше благородіе, пугнуть бы ихъ холостымъ зарядцемъ?»—сказалъ, обращаясь къ намъ, боцманъ. Получивъ согласіе на это капитана и въ одну минуту загнавъ зарядъ, онъ сдѣлалъ выстрѣлъ. Ошеломленные горцы вдругъ остановились, но послѣ нѣкотораго раздумья снова продолжали грестъ. По заходѣ солнца стало быстро темнѣть, вскорѣ море и облачное небо опутала однообразная мгла, въ которой совершенно потонули и контуры горъ и преслѣдовавшія насъ галеры. Чтобы потеряться, не обнаруживать себя, на транспортѣ потушили всѣ огни, необходимыя работы производились молча, безъ свистковъ. По временамъ вѣтеръ затихалъ, судно уменьшало ходъ; при этомъ всѣ невольно внутренне вздрагивали, съ тревожнымъ чувствомъ зорко всматриваясь въ ночной мракъ, въ даль, и напряженно прислушиваясь къ малѣйшему шороху, къ малѣйшему плеску волны. По полуночи вѣтеръ усилился; бросили лагъ; ходу оказа-

лось восемь узловъ; мы приободрились. Сейчасъ же взвился на мачтѣ отличительный фонарь, освѣтились кубрикъ и каютъ-кампанія, зажгли камбузъ. Чтобы наиболѣе пользоваться вѣтромъ, мы измѣнили даже румбъ и только утромъ, находясь по счисленію въ 50-ти миляхъ отъ скрывшагося съ глазъ берега, снова взяли курсъ на Сухумъ; но къ вечеру вѣтеръ стихнулъ. Находясь въ неопредѣленномъ положеніи относительно времени прихода нашего въ Сухумъ, капитанъ приказалъ приготовиться къ похоронамъ убитыхъ. Ночь была чудная; въ отливавшемся свинцовымъ блескомъ, усѣянномъ яркими звѣздами небѣ, красиво играя по гладкимъ соннымъ волнамъ, высоко сіяла полная луна. Вызвали всѣхъ на верхъ, подняли палубу, подвѣсили снасти, команда умылась, почистилась и къ 12-ти часамъ выстроилась на лѣвой сторонѣ шканцевъ, а на правой, на парусинныхъ койкахъ, лежали облаченные въ бѣлые рубахи, крестообразно окруженные тускло мерцавшими фонарями, двое убитыхъ. По прочтеніи молитвы, къ ногамъ покойниковъ привѣсили баластины и одного за другимъ спустили за бортъ. Всѣ какъ-то невольно высовываются, смотрятъ внизъ, въ воду, жадно ловятъ глазами только что всплеснувшуюся и поглотившую трупы волну.

Я вступилъ на вахту съ часу пополночи до четырехъ утра. На транспортѣ царила глубокая тишина; кругомъ точно все застыло, море лежало неподвижно, будто очарованное; тяжелое чувство испытываешь во время заштилеванія судна, какъ-то озлобляешься за свое бессиліе выйти изъ такого инертнаго состоянія. Пробыло четыре склянки, это два часа. «Впередъ смотрѣть!»— вскрикнулъ я. — «Есть»,— послышался съ бока голосъ часового. «Огонь видать!»— снова гаркнулъ онъ, и вслѣдъ за этимъ, вдали, по направленію къ сѣверу, на темно-синемъ фонѣ горизонта, какъ-то особенно ярко загорѣлся фальшфейеръ. Когда обмѣнялись ночными сигналами, оказалось, что это была паровая шкуна «Туансе»; черезъ полчаса она уже рѣзала бортъ транспорта, таща за собою турецкую кочерму. Имѣя экстренное порученіе, капитанъ шкуны просилъ нашего командира облегчить его: принять на себя хлопоты по доставкѣ въ Сухумъ плѣнныхъ женщинъ. Вѣсть о случившемся быстро разнеслась по транспорту. Все офицерство и почти вся команда были уже на верху. На десятивесельномъ катерѣ я отправился за плѣнными. Когда катеръ приблизился къ кочермѣ, на ней замелькали быстро передвигавшіяся тѣни, послышались полные отчаянія гортанные голоса, а затѣмъ вдругъ все стихло; не было никакого сомнѣнія, что выражали отчаяніе женщины; сначала я предполагалъ, что онѣ побросались съ противоположной стороны въ море, но, не слыша всплеска воды, рѣшилъ, что черкешенки скрылись внутри судна. Вступивъ на кочерму, я замѣтилъ въ носовой ея части медленно приподнимавшихся и низко

мнѣ кланявшихся черкесовъ. У горцевъ уже искони практиковалось отвозить своихъ юныхъ дочерей въ Константинополь; этотъ освященный у нихъ временемъ обычай вполнѣ удовлетворялъ обѣ стороны: родители получали значительный калымъ, а у дочерей ихъ исполнялось завѣтное желаніе: облачившись въ парчу, утопая въ нѣгѣ, любоваться въ гаремѣ богатаго паши, а то болѣе счастливымъ и въ гаремѣ самого султана, своимъ украшеннымъ дорогими побрякушками нарядомъ. Правительственнымъ судамъ строго предписывалось ловить рыскавшія у кавказскихъ береговъ кочермы, лишая ихъ возможности, на обратномъ пути изъ Константинополя, привозить огнестрѣльные оружія и снаряды, что усложняло наши военныя операціи на Кавказѣ.

Воспользовавшись тѣмъ, что одинъ изъ гребцовъ моихъ, находившійся въ плѣну у горцевъ, говорилъ по-черкесски, я велѣлъ передать, что мы хотимъ взять женщинъ на транспортъ; мое предложеніе, видимо, имъ не понравилось. Вопрошающе поглядывая другъ на друга и окидывая меня подозрительными, злобными взглядами, они долго затруднялись отвѣтомъ, только послѣ моихъ настоятельныхъ завѣреній, что гуріямъ ихъ будетъ оказано заботливое вниманіе, и что на транспортѣ имъ будетъ удобнѣе и безопаснѣе, горцы, молча, закивавъ мнѣ, подойдя къ кормѣ, одинъ за другимъ, стали спускаться внизъ. Вдругъ я услыхалъ неистовые, душу раздирающіе крики, а вслѣдъ за этимъ увидѣлъ порывисто выскакивающихъ, дико озирающихся по сторонамъ, съ разсыпавшимися по плечамъ волосами, точно обезумѣвшихъ женщинъ. Въ эту минуту, угадавъ мой жестъ, гребцы мои, однимъ прыжкомъ очутившись на кочермѣ, схватили трехъ черкешенокъ, на этотъ разъ помѣшавъ имъ броситься въ море, какъ это уже и было на одной пойманной нашимъ судномъ кочермѣ. Матросы, хотя съ большимъ трудомъ и съ исцарапанными до крови лицами, но бережно приподнявшись по трапу съ своей дорогой ношей, вступили на бортъ транспорта.

Для нашихъ неожиданныхъ плѣнницъ на кубрикѣ, со всею предупредительностью, было отгорожено отдѣльное помѣщеніе.

На транспортъ былъ также взятъ одинъ изъ черкесовъ, изъяснившій желаніе состоять при своихъ единоплеменницахъ. По окончаніи вахты, спускаясь внизъ, я услыхалъ спорящіе голоса; мое любопытство было тѣмъ болѣе затронуто, что говоръ происходилъ на совершенно непонятномъ для меня языкѣ. На кубрикѣ, возлѣ отведеннаго черкешенкамъ помѣщенія, я увидѣлъ чуть ли не дерущихся, размашисто жестикулирующихъ двухъ субъектовъ: одинъ изъ нихъ былъ черкесь, а другой—мой переводчикъ, матросъ Павлюкъ; при моемъ появленіи оба спорящіе замолчали. Я былъ убѣжденъ, что Павлюкъ при моемъ допросѣ, путаясь въ словахъ,

скрывалъ настоящую причину своей ссоры. Впослѣдствіи уже выяснилось, что онъ требовалъ слѣдующую ему изъ выкупной суммы долю отъ плѣнившаго его черкеса. Если не ошибаюсь, то въ концѣ 1860-хъ годовъ правительствомъ былъ отмѣненъ выкупъ плѣнныхъ, старались это дѣлать посредствомъ обмѣна людей; слишкомъ уже часто захватывались наши нижніе чины горцами не только въ стычкахъ съ ними, но также во время какъ бы неосторожнаго появленія ихъ на рубежѣ непріятельскихъ владѣній; въ концѣ концовъ было констатировано, что плѣненіе это часто совершалось по обоюдному соглашенію равно этимъ заинтересованныхъ сторонъ, по заранѣе уже составленному ими плану; уговоры же эти заключались посредствомъ парламентаровъ-горцевъ, посѣщавшихъ наши береговья укрѣпленія.

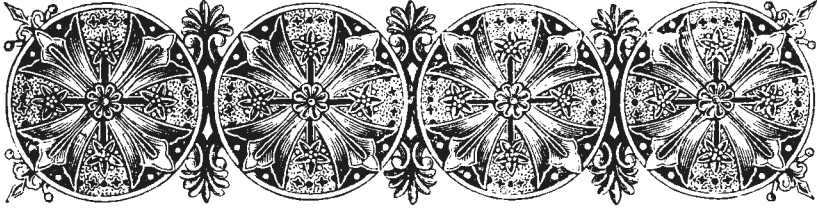
На третій день прихода нашего въ Сухумъ, по желанію бывшаго тогда начальникомъ морской станціи капитана 1-го ранга Шафранова и его супруги, всѣ три черкешенки, нисколько уже не сопротивлявшіяся, вполне успокоившіяся, были доставлены къ нему въ домъ. Самой старшей изъ нихъ и самой красивой, называвшейся Фатьмой, было 16 лѣтъ, самой же младшей 14; черкешенки рано развиваются и 14-ти лѣтъ уже выходятъ замужъ. Необыкновенно трагическая участь постигла Фатьму; двѣ другія были взяты на воспитаніе: одна гагринскимъ воинскимъ начальникомъ, а другая— батальоннымъ командиромъ въ Сухумѣ; обѣ, принявъ православіе, вышли замужъ за пѣхотныхъ офицеровъ. Фатьма черезъ два года по возвращеніи моемъ снова въ Сухумъ была неузнаваема; когда я вошелъ въ домъ начальника станціи, на первыхъ порахъ меня встрѣтила высокая элегантная, съ чрезвычайно красивыми формами, подъ узкимъ корсажемъ, молодая дѣвушка—это была Фатьма. Большіе умные черные глаза ея смотрѣли мягкимъ, но въ то же время пронизывающимъ взглядомъ, черные темные волоса обрамляли ея выразительный лобъ, все лицо ея представляло собою соединеніе выдающейся красоты. Когда Шафрановъ сказалъ ей, что я—тотъ самый офицеръ, который помѣшалъ ей броситься въ море, она, вся раскраснѣвшаяся, устремивъ на меня свои лучистые глаза, замахала головой; она не повѣрила Шафранову, у нея сильно запечатлѣлся обликъ схватившаго ее тогда матроса.

Въ Фатьму былъ безумно влюбленъ одинъ изъ нашихъ флотскихъ офицеровъ, лейтенантъ Д. Хорошій человѣкъ и хорошій офицеръ, но неуклюжій и флегматикъ; можетъ быть, ему и удалось бы завладѣть сердцемъ молодой азіатки, но на бѣду его и его кумира она познакомилась съ бригаднымъ адъютантомъ Безсоновымъ, красивымъ, жизнерадостнымъ молодымъ человѣкомъ, и воспылала къ нему страстью; никто не могъ ее убѣдить въ томъ, что по нашимъ законамъ она не можетъ быть женой уже женатаго человѣка. Без-

соновъ своимъ ухаживаніемъ за Фатьмой былъ невольнымъ виновникомъ того грустнаго, взволновавшаго всѣхъ въ Сухумѣ, эпизода, что она, явившись къ нему на квартиру и заставъ въ ней его жену, объявила ей, что будетъ женой ея мужа; та велѣла выгнать свою соперницу. Фатьма, на глазахъ толкавшихъ ее солдатъ и собравшейся при этомъ на улицѣ публики, вонзила себѣ въ сердце кинжалъ.

С. Гунаропуло.

ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ¹⁾.

АДУМАННЫЯ Петромъ Великимъ коренныя реформы русской жизни вначалѣ во многихъ отношеніяхъ должны были вызвать столкновение церкви и государства.

Какъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Знаменскій ²⁾, реформаторъ не могъ удовлетвориться однимъ пассивнымъ отношеніемъ представителей церкви къ предпринимаемымъ преобразованіямъ; онъ требовалъ активного содѣйствія своимъ начинаніямъ; между тѣмъ подавляющее большинство тогдашняго духовенства не только не поддержало осуществленія замысловъ Петра, но даже противодѣйствовало имъ. Преобразователь встрѣчалъ поддержку въ единицахъ, тогда какъ намѣченныя имъ задачи вызвали желательность содѣйствія массоваго. Все это привело царя къ убѣжденію въ необходимости реформы и самого церковнаго управленія, являвшагося въ своемъ прежнемъ видѣ опорой двоевластія и возможнымъ источникомъ общественной смуты.

Великій преобразователь, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, слилъ церковное управленіе съ государственнымъ.

Руководствуясь примѣромъ протестантскихъ государствъ ³⁾, Петръ вмѣсто древняго патриархата установилъ духовную коллегію—святѣйшій синодъ. Попутно въ восемнадцатомъ вѣкѣ совершилось

¹⁾ Матеріалы для исторіи православной церкви въ царствованіе императора Николая I, изданныя подъ редакціей Н. Ф. Дубровина, въ 113-мъ томѣ «Сборника императорскаго Русскаго историческаго общества», Спб., 1902 г.

²⁾ Руководство по русской церковной исторіи.

³⁾ Начала русскаго государственнаго права, т. II.

и преобразование мѣстныхъ церковныхъ установленій, получившихъ названіе дикастерій, консисторій, канцелярій и въ извѣстной степени стѣснившихъ самостоятельность архіереевъ по управленію епархіей.

Однако, несмотря на внѣшнія новыя формы въ церковномъ управленіи, долго еще продолжали жить старыя взгляды и старыя приемы. Условія быта духовенства, пополнявшаго ряды церковныхъ іерарховъ и вообще администраціи, туго поддавались реформаторскимъ воздѣйствіямъ, и потому, даже спустя цѣлое столѣтіе послѣ смерти Петра, верховной власти приходилось считаться съ закоренѣлыми недостатками церковнаго управленія и прилагать напряженныя старанія къ ихъ уничтоженію.

Прежде всего верховному правительству пришлось вынести съ церковью серьезную борьбу изъ-за церковныхъ имуществъ. Однимъ изъ яркихъ эпизодовъ этой борьбы является столкновение Екатерины Второй съ Арсеніемъ Маціевичемъ. Вслѣдъ за тѣмъ отношенія свѣтской и духовной власти обострились въ царствованіе Александра Благословеннаго, задумавшаго соединить воедино министерство народнаго просвѣщенія съ управленіемъ духовными дѣлами всѣхъ исповѣданій. Собственно говоря, новое министерство «духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія» какъ бы должно было подчинить народное просвѣщеніе религіознымъ началамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ дѣйствительности оно отнимало у православнаго духовенства его прежнее привилегированное положеніе и уравнивало его съ представителями духовенствъ инославныхъ. Кромѣ того, «самое религіозное направленіе» той эпохи, между прочимъ породившее Руничей и Магницкихъ, оказалось несогласнымъ съ ортодоксальными взглядами духовныхъ лицъ, считавшихъ себя поборниками православія.

Новое министерство просуществовало недолго, въ 1824 г. оно было закрыто, и синодъ сталъ дѣйствовать на прежнихъ основаніяхъ, что, однако, не уничтожило необходимости въ особомъ вниманіи верховной власти къ синодальному управленію и въ послѣдующее царствованіе.

Мѣрамъ и постановленіямъ, предпринятымъ къ устроенію православной церкви по волѣ и указаніямъ императора Николая Павловича, посвященъ сто тринадцатый томъ «Сборника императорскаго Русскаго историческаго общества». Томъ названъ «Матеріалами», хотя въ немъ идетъ связанный разсказъ, характеризующій главное и мѣстное церковное управленія соотвѣтствующей эпохи, и вмѣстѣ съ тѣмъ передается въ общихъ чертахъ и настроеніе высшихъ іерарховъ во время существованія министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ княземъ А. Н. Голицынымъ во главѣ.

Особенное противодѣйствіе новому порядку вещей оказалъ митрополитъ новгородскій и петербургскій Серафимъ. Митрополиту

давно не нравилось то стѣсненное положеніе, въ которое былъ поставленъ синодъ съ учрежденіемъ новаго министерства. Между прочимъ его тревожили разныя тогдашнія мистическо-религіозныя сочиненія, выходившія безъ вѣдома синода, но съ разрѣшенія министра духовныхъ дѣлъ. Съ цѣлью представить о неестественности такого положенія на благоусмотрѣніе императора Александра Серафимъ исключоталъ себѣ аудіенцію, во время которой и коснулся дѣйствій Голицына, казавшихся ему опасными для церкви и православія.

— Владыко,— отвѣчалъ государь,—Голицынъ христіаннѣйшій человѣкъ; вы введены въ заблужденіе насчетъ его; васъ ссорятъ съ нимъ.

Митрополитъ сослался на сочиненія, изъ которыхъ онъ заранѣе вырвалъ, по его мнѣнію, наиболѣе соблазнительные листы, чтобы ихъ показать императору.

Государь прочелъ эти листы и продолжалъ:

— Знаете ли что, владыко, Голицынъ не подданный мой, а другъ; я убѣдить его не могу.

— Ваше величество,—возразилъ Серафимъ:—у васъ есть много другихъ милостей, которыми вы можете наградить Голицына.

На другой день рано утромъ къ митрополиту явился Аракчеевъ. Ранѣе всегда принимавшій временщика въ одномъ подрясникѣ, Серафимъ вдругъ облачился и въ регаліяхъ вышелъ къ графу.

— Я къ вамъ, ваше высокопреосвященство,—сказалъ Аракчеевъ:—съ повелѣніемъ отъ государя, или, лучше, со слѣдующимъ порученіемъ: помиритесь съ Голицынымъ; вѣдь, вы знаете, что онъ другъ государя съ самаго дѣтства, совоспитанникъ его, сдѣлайте милость, помиритесь.

Въ отвѣтъ на это обращеніе Серафимъ всталъ съ дивана со словами:

— Вотъ какъ я помирюсь съ нимъ.

Онъ снялъ съ себя клобукъ, сложилъ всѣ свои ордена и попросилъ графа отнести все это къ государю.

— А я самъ,—закончилъ митрополитъ,—готовъ итти послѣднимъ монахомъ въ послѣдній монастырь, но съ Голицынымъ не помирюсь, такъ и доложите государю; за вѣру и православіе я готовъ на все.

Эта выходка прошла митрополиту даромъ; мало того, она способствовала паденію Голицына и возвращенію самостоятельности синоду. Но такому обороту дѣла Серафимъ былъ обязанъ поддержкѣ со стороны самого Аракчеева. Дѣло въ томъ, что, открывая борьбу съ Голицынымъ, митрополитъ заранѣе заручился симпатіями временщика, всячески выражая ему почетъ и уваженіе въ ущербъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Паденіе Голицына было въ значительной степени обусловлено этими обстоятельствами, но въ свою очередь возвысило Серафима; митрополитъ получилъ частый доступъ къ государю; по его представленіямъ

императоръ утвердилъ разные проекты противъ раскольниковъ и законы о цензурѣ книгъ. Александръ Благословенный искренно полюбилъ Серафима и передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, нѣсколько разъ поцѣловавъ у него руку на прощаніе, сказалъ: «вѣрите ли, владыко, я сердечно люблю васъ и, можетъ быть, въ жизни моей рѣдко кого такъ уважалъ, какъ васъ».

Николай Павловичъ отнесся вначалѣ къ Серафиму съ недоверіемъ, но потомъ одинъ случай повернулъ симпатію государя въ пользу митрополита. Серафимъ по прошенію безъ формальнаго слѣдствія уволилъ игумена Коневского монастыря, начавшаго вдругъ злоупотреблять спиртными напитками и забывавшаго свой санъ до того, что купцы заставляли это духовное лицо плясать у себя на вечеринкахъ. Голицынъ, старый врагъ митрополита, неудачно попытался придаться къ этому факту, чтобы игумена представить мученикомъ произвола со стороны Серафима. Дѣло объяснилось, и благородная душа императора склонилась въ пользу митрополита. Серафимъ же тотчасъ сумѣлъ воспользоваться царскимъ благоволеніемъ; онъ укрѣпился въ немъ, поднялъ свой авторитетъ и снова, какъ въ предшествовавшее царствованіе, поднялъ гоненіе на живое слово и мысль въ области богословія. По его настояніямъ былъ удаленъ отъ должности законоучитель государя наследника, талантливый и высокообразованный протоіерей Павскій, обвиняемый въ несообразностяхъ по преподаванію; точно также по инициативѣ митрополита подверглись гоненію студенты XIII и XIV курсовъ С.-Петербургской духовной академіи, отлитографировавшіе нѣкоторыя книги Ветхаго Заветъ въ русскомъ переводѣ, въ которомъ митрополитъ усмотрѣлъ «пагубныя иноземныя суетумудрія».

Серафимомъ открывається рядъ выдающихся дѣятелей по высшему церковному управленію въ царствованіе Николая I. Большинство именъ этихъ дѣятелей связано съ именемъ того же Серафима. Въ тѣсной дружбѣ съ послѣднимъ былъ извѣстный митрополитъ кievскій и галицкій Евгений, стяжавшій себя извѣстность любовью къ русскимъ древностямъ; вмѣстѣ съ Серафимомъ Евгений преслѣдовалъ раскольниковъ и подавалъ представленія о закрытіи Библейскаго общества.

Съ совершенно инымъ чувствомъ Серафимъ относился къ другому митрополиту, корифею духовнаго краснорѣчія, Филарету московскому и коломенскому. Выдающіяся способности въ короткій срокъ выдвинули молодого учителя Сергіево-Лаврской семинаріи сперва на мѣсто викарнаго епископа С.-Петербургской митрополии, а потомъ на кафедру первопрестольной столицы. Вліяніе Филарета, какъ члена святѣйшаго синода, на дѣла русской церкви было громадно; почти каждая мѣра или распоряженіе синода, имѣвшая болѣе или менѣе важное значеніе для церкви, духовенства или духовно-учебной части,—были плодомъ ума или совѣта московскаго митрополита.

Онъ сочинялъ катихизисъ, писалъ бесѣды къ «глаголемому старообрядцу», онъ разсматривалъ «Начертаніе церковной исторіи» протоіерея Павскаго. Приговоръ и мнѣніе Филарета были почти непрекаемыми въ синодѣ. Самостоятельность московскаго митрополита сказывалась въ столкновеніяхъ его съ оберъ-прокуроромъ синода Протасовымъ; эта же самостоятельность возбудила противъ него Серафима.

При первомъ удобномъ случаѣ Серафимъ открылъ войну противъ Филарета. Поводомъ къ тому послужилъ катихизисъ московскаго владыки, заподозрѣнный въ лютеранскомъ направленіи. Подъ давленіемъ обвиненій всякаго рода катихизисъ былъ исправленъ въ желательномъ для обвинителей смыслѣ, и репутація Филарета, поколебленная этимъ дѣломъ, была восстановлена, но затѣмъ снова Филаретъ подвергся гоненіямъ по поводу упомянутаго выше отлитографированія студентами духовной академіи перевода книгъ св. Писанія. Отзывъ Филарета объ этомъ переводѣ навлекъ подозрѣнія въ неправославіи автора, и московскій митрополитъ принужденъ былъ покинуть синодъ.

Серафимъ, Евгеній и Филаретъ являлись наиболѣе блестящими представителями состава синода въ царствованіе Николая Павловича. Рядъ другихъ членовъ даже и при неотъемлемыхъ достоинствахъ не могъ спорить съ этими архипастырями; къ сожалѣнію, однако, за нѣкоторыми изъ засѣдавшихъ въ духовной коллегіи епископовъ на ряду съ достоинствами водились и крупные недостатки, а иногда достоинства прямо отсутствовали. Верховная власть неусыпно стремилась къ тому, чтобы синодъ пополнялся достойнѣйшими, но людей попрежнему было мало, и съ этимъ приходилось считаться. Такъ, на примѣръ, Павелъ Васильевичъ Криницкій, бывшій духовникъ императора Александра I, былъ величавъ по наружности, но въ обращеніи съ низшими важень, надменень, въ дѣйствіяхъ самовластенъ, упрямъ, капризенъ, горячъ до бѣшенства и мстителенъ изъ-за мелочей. Относительно мстительности Криницкаго характеренъ слѣдующій случай. Криницкій началъ преслѣдовать придворнаго протодьякона Ворскаго за то, что тотъ по незнанію и совершенно безъ умысла взялъ къ себѣ въ прислугу ту самую горничную, которая прежде жила у зятя императорскаго духовника и была имъ отпущена за какой-то проступокъ, или сама отказалась отъ прежняго мѣста. Криницкій, узнавъ объ этомъ, приказалъ Ворскому немедленно отказать прислугѣ. Ворскій удивился и отказалъ. За это онъ былъ лишенъ мѣста и посланъ въ Ярославль. Когда же императоръ Николай I опять его взялъ ко двору, то Криницкій не хотѣлъ его допустить служить съ собою, и только повелѣніе государя, объявленное черезъ министра двора, заставило старика переломить свое упрямство.

Духовникъ государя, оберъ-священникъ главнаго штаба и гвар-

дейскаго и гренадерскаго корпусовъ Музовской отличался знаніемъ иностранныхъ языковъ и былъ извѣстенъ въ качествѣ пріятнаго собесѣдника и занимательнаго рассказчика. Но, какъ начальникъ, Музовской, будучи простъ и доступенъ въ обращеніи, довелъ подчиненное духовенство до крайней распущенности, которую испытывалъ на себѣ самъ протопресвитеръ. Нерѣдко бывало, что когда въ обществѣ Музовской игралъ въ карты, придворный протодьяконъ, стоя у него за спиной, въ грубыхъ выраженіяхъ поправлялъ неправильные ходы начальника, и тотъ слушалъ и молчалъ. Наряду съ этимъ у Музовского при назначеніяхъ на мѣста играла роль протекція и всякаго рода постороннія соображенія. Въ синодѣ очень невысоко цѣнили голосъ оберъ-священника, хотя онъ и умѣлъ пользоваться симпатіями сильныхъ міра.

Оберъ-священникомъ арміи и флота былъ протоіерей Моджугинскій. Невзыскательный къ себѣ Моджугинскій скрывалъ и терпѣлъ такіе недостатки и пороки подчиненныхъ, которые требовали строгаго преслѣдованія. Такъ, на примѣръ, протоіерей Карышевъ, безчеловѣчно обращавшійся со своей женой, прогнавшій ее отъ себя и доведшій несчастную женщину до помѣшательства, былъ всегда аттестуемъ оберъ-священникомъ съ лучшей стороны, хотя поведеніе Карышева было хорошо извѣстно Моджугинскому. Причины такого послабленія крылись въ сознаніи собственныхъ слабостей оберъ-священника. Между прочимъ онъ былъ обличенъ въ предосудительной связи съ женщиной, находившейся у него въ услуженіи; за это Моджугинскаго секретно судили и сослали въ Валаамскій монастырь. Нѣсколько разъ государь оставлялъ безъ послѣдствій просьбы бывшаго оберъ-священника о помилованіи, и только позднѣе ему было разрѣшено перевестись іеромонахомъ въ монастырь одной изъ внутреннихъ губерній.

Владимиръ, архіепископъ казанскій и свѣяжскій, отличался даромъ колкой насмѣшки надъ слабыми сторонами людей. Съ лѣтами сдѣлался ко всему равнодушнымъ, началъ сквозь пальцы смотрѣть на безпорядки даже въ отправленіи самого богослуженія; мало охранялъ въ немъ благолѣпіе и чинность. Къ чести его, онъ самъ признавалъ свою старческую немощь и не разъ повторялъ: «Нѣтъ, уже прошли старые годы, пора отказываться отъ управленія; епархія бурьяномъ заростать стала». И во время отказался.

Никодимъ, епископъ орловскій и сѣвскій, своей жизнью показалъ, что можно быть хорошимъ человѣкомъ въ частныхъ отношеніяхъ и очень плохимъ администраторомъ. Строгій подвижникъ, спавшій на голыхъ доскахъ съ полѣномъ подъ головой вмѣсто подушки, Никодимъ хотѣлъ примѣнять тѣ же суровыя правила и къ другимъ; оттого въ управленіи онъ являлся жестокимъ и даже безчеловѣчнымъ, бичемъ своей паствы и страшилищемъ подчиненнаго духовенства.

Антоній, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, успѣлъ обратить на себя вниманіе еще въ качествѣ протоіерея въ Кременцѣ и Волыни, какъ ловкій и обходительный тактичный человѣкъ. Тѣ же качества, умѣнье ладить съ поляками въ бытность епископомъ варшавскимъ, снискали Антонію благоволеніе императора и содѣйствовали переводу его на петербургскую кафедру. Когда въ 1843 году скончался Серафимъ, графъ Протасовъ, оберъ-прокуроръ, былъ нездоровъ и не могъ лично объ этомъ доложить государю. Николай Павловичъ на докладной запискѣ написалъ: «Ежели ты себя еще не совершенно хорошо чувствуешь, не прїѣзжай ко мнѣ, но пришли писменно свои соображенія». Обстоятельства, однако, были такъ важны, что Протасовъ забылъ болѣзнь и поспѣшилъ лично къ государю. «Господа,—сказалъ онъ, возвратившись съ доклада,—угадайте, кто у насъ митрополитъ?» Никто не угадалъ. Митрополитомъ былъ назначенъ Антоній варшавскій, о заслугахъ котораго ничего не знали въ Петербургѣ непосвященные.

По прибытіи въ Петербургъ Антоній поразилъ всѣхъ пышностью своего служенія и образа жизни. У него давались великолѣпные обѣды, приготовленные французскими поварами, у подъѣзда стоялъ швейцаръ съ булавою. вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено вниманіе и на надменность новаго митрополита и презрительное отношеніе ко всѣмъ, кто стоялъ ниже его. Счастье отуманило голову волынскому семинаристу, и власть сдѣлала его деспотомъ. «Почему мы должны платить деньги за секретаря Лисенко, укравшаго ихъ?»—спрашивали члены консисторіи Антонія, приказавшаго имъ внести украденную сумму. «Потому что я приказываю вамъ»,—отвѣчалъ митрополитъ. «Представьте это дѣло въ синодъ»,—замѣтилъ одинъ изъ членовъ. «А ты забылъ, что я президентъ святѣйшаго синода»,—возразилъ Антоній. «Не пожалуете ли, ваше высокопреосвященство,—спросилъ ректоръ петербургской семинаріи:—на экзаменъ въ духовныя приходскія и уѣздныя училища?» «Мнѣ мука тамъ быть»,—съ презрѣніемъ отвѣчалъ митрополитъ.

Не окончивъ академін, Антоній жалъ академистовъ и протезировалъ семинаристамъ; въ синодѣ митрополитъ являлся послушнымъ орудіемъ Протасова и раболѣпствовалъ передъ нимъ, забывая свой санъ и достоинство.

Антоній любилъ пожить, а при его склонности къ полнотѣ эта слабость и привела его къ апоплектическому удару.

Гедeonъ, архіепископъ полтавскій и переяславскій, надутый, жеманный, важничавшій съ низшими и угодливый съ людьми, отъ которыхъ что нибудь зависѣло, очень нравился Протасову, которому преосвященный старался угодить, предугадывая даже намѣренія оберъ-прокурора.

Евгеній, архіепископъ астраханскій и енотаевскій, за-сѣдалъ въ синодѣ съ 1850 по 1855 г. Еще будучи епископомъ

тамбовскимъ въ 1829 году, Евгеній вызвалъ противъ себя массу жалобъ и нареканій за жестокость и несправедливость. Государь дѣлалъ епископу неоднократные выговоры, но Евгеній не унимался, и Тамбовъ плакалъ отъ желѣзнаго правленія своего преосвященнаго. Изъ Тамбова Евгеній былъ переведенъ въ Минскъ, а оттуда — въ Тифлисъ. По поводу послѣдняго перехода въ Минскъ служили благодарственные молебны, и никто изъ подчиненныхъ не пришелъ проститься съ архіереемъ. Грузинскимъ экзархатомъ Евгеній управлялъ 10 лѣтъ, и за это время паствѣ его пришлось порядочно настрадаться. Пользуясь отдаленностью края отъ центра, Евгеній далъ волю жестокости, произволу и несправедливости. Весь край проклиналъ экзарха и русское правительство; семинарія готовилась къ бунту; грузины соблазнялись архипастырскимъ служеніемъ, не обходившимся безъ брани и крика на священниковъ и дьяконовъ. Будучи самъ жестокимъ, Евгеній давалъ потачку разнымъ своимъ недостойнымъ любимцамъ, которые съ своей стороны еще увеличивали страданія подчиненныхъ. Одинъ изъ такихъ любимцевъ, Порфирій, получилъ въ Тифлисъ мѣсто ректора семинаріи и началъ обращать съ семинаристами, какъ плантаторъ съ неграми. Онъ не кормилъ воспитанниковъ, или давалъ такую пищу, что нѣкоторые умирали отъ болѣзней, сѣкъ ихъ розгами передъ портретомъ государя и иконами. Евгеній все зналъ, но продолжалъ покровительствовать любимцу. Наконецъ надъ Порфиріемъ назначено было слѣдствіе, но экзархъ и тутъ защищалъ ректора и преслѣдовалъ воспитанниковъ, показавшихъ противъ него. Слѣдствіе кончилось разжалованіемъ Порфирія въ рядовые монахи и переводомъ Евгенія въ Астрахань.

Печальны страницы настоящаго тома «Сборника историческаго общества», но, конечно, и онѣ могутъ найти оправданіе въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ росли и слагались будущіе дѣятели церковнаго управленія. Большинство изъ нихъ выходило изъ забитаго класса сельскаго духовенства, многимъ въ дѣтствѣ приходилось выносить суровую школу сперва въ бѣдности, а потомъ въ тогдашней бурсѣ, какъ бы нарочно старавшейся забить въ воспитанникѣ всѣ лучшія стороны человѣческаго существа. Послѣ тяжкихъ годовъ ученья начиналась для большинства также полная лишеній монашеская жизнь. Ранѣе ожесточенное сердце невольно стремилось у нѣкоторыхъ найти для себя какой нибудь предметъ нѣжности, а отсюда получались любимцы въ родѣ Порфирія у грузинскаго экзарха, или Навроцкаго у Никанора, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго. Кстати сказать, этотъ Навроцкій во многихъ отношеніяхъ не уступалъ Порфирію. Хитрый, вкрадчивый, умный и искусный лицемѣръ, услужливый и предупредительный, лакей и секретарь въ одно и то же время, Навроцкій умѣлъ до такой степени овладѣть своимъ владыкой, отъ природы нерѣшительнымъ и неу-

вѣреннымъ въ себѣ, любившимъ всегда опираться на когонибудь, что безъ его совѣта не рѣшалось ни одно дѣло, и, въ существѣ, онъ одинъ управлялъ епархіей, награждалъ и наказывалъ. Въ виду подобнаго рода обстоятельствъ происходилъ цѣлый рядъ вошіющихъ несообразностей: лица, отлично аттестованныя митрополитомъ на словахъ или на бумагѣ, имъ же самимъ были отставляемы отъ должности. Лица, которыхъ митрополитъ желалъ наградить, оставались безъ награды потому, что не сумѣли снискать расположеніе секретаря. Негодай и пьяница, позорившій все духовенство, спокойно занималъ священническое мѣсто въ самой столицѣ, и ему прощались самыя безобразныя поступки, потому что онъ былъ братомъ синодскаго казначея, въ свою очередь бывшего другомъ митрополичьаго секретаря.

Только что поименованные члены синода, дѣти своего вѣка и особыхъ бытовыхъ условій, обращали на себя вниманіе только отрицательными сторонами. Но рядомъ съ ними и въ центральномъ управленіи и на мѣстахъ дѣйствовали архіереи, быть можетъ, и не отличавшіеся особыми исключительными дарованіями и не чуждые недостатковъ, но по мѣрѣ силъ честно служившіе своему дѣлу и оставившіе по себѣ свѣтлую память.

Не говоря объ Иннокентіи, архіепископѣ херсонскомъ и таврическомъ, стяжавшимъ себѣ славу выдающагося церковнаго оратора и ученаго, необходимо упомянуть образованнаго, благороднаго, доступнаго Василія Борисовича Бажанова, духовника ихъ императорскихъ величествъ, оберъ-священника гвардіи и протопресвитера придворнаго и московскаго Благовѣщенскаго соборовъ. Безъ крутыхъ мѣръ, безъ шума онъ исправилъ упущенія Музовскаго и сумѣлъ всемъ внушить къ себѣ любовь и уваженіе. Удивителенъ въ дѣлѣ борьбы съ расколомъ былъ Игнатій воронежскій. Управляя Олонецкой епархіей, Игнатій отказался отъ строгости и суровости въ отношеніи раскольниковъ, стараясь вліять на отщепенцевъ словомъ, убѣжденіемъ, личнымъ вліяніемъ. Преслѣдуя свою цѣль, Игнатій часто пѣшкомъ пробирался въ самыя отдаленныя и уединенныя раскольниковыя скиты и проводилъ цѣлыя дни и ночи въ бесѣдахъ съ расколоучителями, снося безропотно и грубости и дерзости раскольниковъ. Его умѣнье говорить съ простымъ народомъ побуждало иногда упорство самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ. Онъ же заботился о просвѣщеніи, заводя при церквахъ даровыя школы, куда сами раскольники отдавали своихъ дѣтей.

Таковъ же былъ и Іаковъ Нижегородскій, проповѣдникъ православія среди сектантовъ Саратовской епархіи. Іаковъ тоже предпринималъ поѣздки въ гнѣзда сектантства и вступалъ въ богословскія пренія, обнаруживая большую начитанность въ самыхъ раскольниковыхъ книгахъ. На сектантовъ вліяли не только его рѣчи, но и слухи о подвижнической жизни. Отщепенцы невольно

внимали тихому, слабому голосу архіерея, похожего на отшельника, кидавшагося въ глаза своей изможденностью, впалыми щеками, ввалившейся грудью. Тому же содѣйствовала доброта, ласковость и привѣтливость въ обращеніи. Іаковъ любилъ древности и оставилъ послѣ себя нѣсколько трудовъ по археологіи.

За этими болѣе или менѣе незаурядными людьми шли рядовые архипастыри, подобные Іоанну Донскому, въ синодѣ осмѣлившемуся шутить надъ невнимательностью къ дѣламъ митрополита Никанора и его забывчивостью въ отношеніи данныхъ имъ заключеній. Къ этой категоріи относится Смарагдъ орловскій, усердно заботившійся о положеніи русскихъ церквей и причтовъ въ Плоцкѣ. Были свои заслуги у Аркадія олонецкаго, Наѳанаила псковскаго, Ѳеодотія симбирскаго, между прочимъ прославившагося умѣньемъ давать подчиненнымъ мѣткія прозвища.

Такимъ образомъ синодскій составъ эпохи царствованія императора Николая I являлся пестрымъ въ достаточной степени по свойствамъ и достоинствамъ членовъ, но было бы ошибкой представлять его себѣ только въ мрачныхъ краскахъ, хотя и для таковыхъ являлся извѣстный матеріалъ.

Оберъ-прокурорами святѣйшаго синода въ управленіе Николая Павловича были князь П. С. Мещерскій, племянникъ по женѣ Мещерскаго С. Д. Нечаевъ и графъ Н. А. Протасовъ.

Какъ личность, Мещерскій былъ довольно безцвѣтенъ. Кроткій, добрый, набожный, раздававшій щедро милостыню и много жертвовавшій на монастыри, въ частной жизни этотъ оберъ-прокуроръ являлся прекраснымъ человѣкомъ. Но того же нельзя сказать о его служебной дѣятельности. Здѣсь сказывались ограниченныя способности Мещерскаго, его неумѣнье отличить среди своихъ чиновниковъ людей полезныхъ отъ безсовѣстныхъ и наглыхъ шарлатановъ. Помимо этихъ свойствъ Мещерскій имѣлъ склонность постоянно находиться подъ чьимъ либо вліяніемъ: сперва Голицына, потомъ Серафима и наконецъ со времени назначенія за оберъ-прокурорскій столъ Нечаева подъ вліяніемъ этого послѣдняго. Мещерскій не любилъ преобразованій; его управленіе наоборотъ ознаменовалось общимъ безпорядкомъ и запущенностью во всѣхъ синодскихъ и консисторскихъ дѣлахъ.

Смѣнившій Мещерскаго Нечаевъ былъ администраторомъ другой закваски. Бывшій студентъ Московскаго университета, онъ сперва явился негласнымъ руководителемъ своего предшественника, а потомъ, замѣнивъ его, выказалъ недюжинную энергію и способности. Онъ самъ ревизовалъ центральныя и мѣстныя учрежденія духовнаго вѣдомства, вникалъ въ малѣйшія подробности, преслѣдовалъ неисправныхъ и подбодрялъ старательныхъ. Нечаевъ любилъ реформы и въ короткій срокъ своего оберъ-прокурорства успѣлъ сдѣлать весьма многое, между прочимъ онъ учредилъ кон-

троль надъ суммами духовнаго вѣдомства, подалъ мысль измѣнить уставъ духовныхъ училищъ по указаніямъ опыта.

Въ успѣхѣ дѣятельности ему мѣшала только вспыльчивость, рѣзкость и неумѣнье скрывать внутреннія ощущенія. Надъ членами синода онъ посмѣивался и называлъ ихъ своими «старичками». Это возстановило противъ энергичнаго оберъ-прокурора самого Серафима, не любившаго свободнаго обращенія.

Митрополитъ любилъ говорить о своихъ болѣзняхъ, а Нечаевъ рассказывалъ, что члены синода въ засѣданіяхъ только и дѣлаютъ, что перебираютъ свои недуги. По проискамъ Серафима Нечаевъ былъ внезапно уволенъ въ 1836 г.

Протасовъ не получилъ никакого высшаго образованія. Онъ учился дома и потомъ вышелъ въ офицеры лейбъ-гусарскаго полка, но это не помѣшало ему быть дѣльнымъ оберъ-прокуроромъ, много содѣйствовавшимъ упорядоченію въ особенности мѣстнаго церковнаго управленія.

Съ самаго для вступленія на новую должность Протасовъ началъ оказывать особое почтеніе могущественному Серафиму и совершенно очаровалъ старика, который благодарилъ государя за назначеніе новаго оберъ-прокурора. За время управленія Протасова прошли важнѣйшія мѣропріятія по духовной части; приведенъ въ исполненіе проектъ объ обезпеченіи сельскаго духовенства, изданъ уставъ епархіальнаго управленія, явились новыя учрежденія при святѣйшемъ синодѣ, преобразованы духовныя училища и открыта четвертая духовная академія. Многое, правда, совершалось Протасовымъ по указаніямъ державнаго руководителя, но нельзя не признать, что во многихъ случаяхъ императоръ дѣйствовалъ по совѣтамъ оберъ-прокурора, пользовавшагося большимъ довѣріемъ Николая Павловича.

Желчный, съ больной печенью, но энергичный и способный Протасовъ не давалъ никому покоя. Когда дѣло шло о скорѣйшемъ исполненіи высочайшей воли, на этомъ пути онъ готовъ былъ все преодолѣть, все сломить. Сильный довѣренностью государя оберъ-прокуроръ-гусаръ скоро далъ почувствовать синоду свою тяжелую руку. Себя онъ обставилъ министерской обстановкой. Въ синодѣ стало все дѣлаться по одному мановенію оберъ-прокурора. Членамъ коллегіи сталъ страшень стукъ его гусарской сабли. Людей самостоятельныхъ Протасовъ старался удалять изъ синода; такъ, между прочимъ, былъ удаленъ московскій Филаретъ. Удаляемые замѣщались по большей части умысленно епископами слабаго характера или честолюбивыми и искательными, гнавшимися за благосклонностью оберъ-прокурора, но мало трудившимися надъ дѣлами, съ которыми, кстати сказать, за краткостью пребыванія въ синодѣ они не могли даже хорошенько ознакомиться. Чтобы легче властвовать надъ коллегией представителей высшаго духовенства, Протасовъ даже пред-

намѣренно за глаза вооружалъ другъ противъ друга болѣе вліятельныхъ и самостоятельныхъ изъ нихъ.

Понемногу сіятельный оберъ-прокуроръ сталъ проявлять все болѣе и болѣе самовластія, переставъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и преслѣдуя въ дѣлахъ вѣдомства личныя цѣли. Такъ, на примѣръ, онъ потребовалъ, чтобы петербургскіе студенты и семинаристы объяснялись по-нѣмецки и по-французски. Это требованье основывалось на желаніи Протасова устроить гувернера своего племянника. Точно также по личнымъ соображеніямъ онъ наполнял канцелярію синода людьми сомнительной репутаціи, однако щедро награждая ихъ и обезпечивая ихъ на счетъ духовно-учебныхъ капиталовъ, чѣмъ вызывался справедливый ропотъ духовенства. За исключеніемъ московскаго и петербургскаго митрополитовъ, съ другими членами синода Протасовъ держалъ себя надменно, а съ лицами, даже занимавшими высшія должности по управленію, обращался не только невѣжливо, но даже грубо, и позволялъ себѣ прямо кричать на нихъ. Впрочемъ онъ зналъ, кого онъ бралъ къ себѣ и съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Образцовымъ исполнителемъ воли оберъ-прокурора былъ воспитанникъ полоцкихъ іезуитовъ, директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Сербиновичъ; хитрый, вкрадчивый, этотъ человекъ въ концѣ концовъ, несмотря на вѣншнюю покорность и готовность выносить какое угодно обращеніе, подчинилъ себѣ Протасова; столь же мало взыскателенъ въ охраненіи своего достоинства былъ стоявшій во главѣ синодскаго хозяйственнаго управленія бывший морякъ и кутила Новосильскій. Страстный игрокъ, постоянно проводившій ночи въ клубахъ и ставившій цѣлью своей жизни наслажденіе во всѣхъ его видахъ, Новосильскій смотрѣлъ на свою должность, какъ на средство пріобрѣтенія доходовъ. Не довольствуясь жалованьемъ, Новосильскій ради денегъ входилъ въ дозволенныя сношенія съ купцами, подрядчиками, облагалъ ихъ различными поборами, продавалъ на толкучемъ рынкѣ изданія синода, а иногда прямо накладывалъ руку на казенныя суммы. Подобнымъ господамъ поневолѣ приходилось молчать передъ Протасовымъ, въ особенности когда вслѣдъ за оберъ-прокурорскими грубостями на потерпѣвшихъ сыпались чины, звѣзды и денежныя награды.

Замѣчательно между прочимъ, что, самъ будучи деспотомъ, Протасовъ полагалъ при каждомъ удобномъ случаѣ предѣлъ проявленіямъ самовластія со стороны епархіальныхъ архіереевъ, тоже крайне склонныхъ къ произволу и требовавшихъ отъ подчиненныхъ неограниченнаго повиновенія. Для оберъ-прокурора на судѣ были равны и дьячекъ, и архіерей; это вліяло на начальниковъ епархій, и они стали дѣйствовать съ большей осторожностью и законностью. Къ чести Протасова также нужно сказать, что при разборѣ дѣла онъ всегда старался брать сторону слабого и всегда становился на сторону блага духовенства передъ чернымъ. Безъ

Протасова всѣ дѣянія экзарха Грузіи Евгенія остались бы безнаказанными, возмутившіеся семинаристы были бы сданы въ солдаты, а преподаватели лишились бы своихъ мѣстъ. У Протасова было даже не совсѣмъ безосновательное предубѣжденіе противъ большинства архіереевъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ онъ радъ былъ жестокимъ выговоромъ или неуважительнымъ обращеніемъ преслѣдовать епископа за злоупотребленіе властью. Поэтому Протасовъ не стѣснялся обращаться къ архіереямъ съ такими рѣчами: «Батюшка, что это у васъ за беспорядокъ? На что это похоже? что вы смотрите?»

Какъ уже можно было видѣть изъ характеристикъ нѣкоторыхъ изъ временныхъ членовъ синода, многіе архіереи у себя въ епархіяхъ дѣйствительно требовали надзора и понужденія. Еще императоръ Александръ I, глубоко пораженный несоотвѣтствіемъ поступковъ духовныхъ лицъ съ высотой ихъ званія, неоднократно обращалъ на это вниманіе святѣйшаго синода. Съ этой цѣлью не только было подтверждено архіереямъ строго и неуклонно держаться правилъ кормчей, регламента и узаконеній, появившихся позднѣе, но и были начертаны вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія особыя правила, опредѣляющія обязанности епархіальныхъ архіереевъ.

Преемникъ Александра Благословеннаго, со свойственной ему энергіей стремившійся возвысить духовенство и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи, настоятельно требовалъ отъ высшаго духовнаго начальства усилить дѣятельность и бдительность въ отношеніи подчиненнаго духовенства; такое требованіе было тѣмъ необходимѣе, что цифра преступности лицъ духовнаго состоянія росла съ каждымъ годомъ, а нѣкоторыя преступленія могли бы занять видное мѣсто въ всемірныхъ уголовныхъ лѣтописяхъ. Таково, напримѣръ, было дѣло о подсыпкѣ сулемы въ Святые Дары. Императоръ Николай глубоко былъ потрясенъ извѣстіями о разныхъ безнравственныхъ поступкахъ духовныхъ лицъ, и нерѣдко изъ его устъ вылетали слова негодованія.

Кромѣ мѣръ надзора общаго характера, въ эту эпоху широко практиковались чрезвычайныя ревизіи епархіи лицами, посылавшимися отъ синода. Эти ревизіи предпринимались для возбужденія уснувшей или ослабѣвшей дѣятельности нѣкоторыхъ архіереевъ, а также для направленія отдѣльныхъ епископовъ на покинутый ими прямой путь. Нерѣдко подобныя ревизіи производились по распоряженію самого государя.

Среди цѣлаго ряда ревизій въ особенности выдается одна, заставляющая предполагать, что ревизованный архіерей, собственно говоря, нуждался даже не въ ревизіи, а въ лѣченіи, такъ какъ дѣятельность его давала всѣ признаки душевно-больного человѣка. Обыкновенно синодскія ревизіи обнаруживали nepотизмъ со стороны архіерея, симонію, потворство любимцамъ, грубость владыкъ

съ низшими и беззащѣнное раболѣпство передъ всѣми вліятельными людьми, даже помѣщиками, расхищеніе казенныхъ суммъ, лихоимство и взяточничество консисторскихъ чиновниковъ, пререканія секретарей консисторій съ архіереями, различныя нарушенія правилъ нравственности со стороны мѣстныхъ духовныхъ властей. Но слѣдствіе надъ иркутскимъ архіепископомъ Иринеемъ затмевало собою все ¹⁾).

Ириной, будучи ректоромъ Кишиневской семинаріи, слылъ человекомъ безукоризненнымъ въ частной жизни, строго монашеской, свѣдущимъ въ богословскихъ наукахъ, стойкимъ въ убѣжденіяхъ и немного желчнымъ съ примѣсю страстности характера уроженца юга.

Въ 1825 году Ириной былъ посвященъ въ епископа пензенскаго. Въ этомъ санѣ съ нимъ вдругъ произошла крутая переменна: дурныя склонности, не сдерживаемыя постояннымъ высшимъ надзоромъ, получили полный просторъ; теперь впечатлительность и раздражительность перешли въ ярость, твердость въ самоуправство, презрѣніе чужихъ правъ и даже безчеловѣчіе, поступки и дѣйствія превратились въ выходки и странности.

Уже въ Пензѣ на новаго епископа стали смотрѣть, какъ на чудака, такъ какъ онъ позволялъ себѣ кричать въ церкви во время литургіи, бранился во время богослуженія, казнилъ подчиненныхъ безъ суда и миловалъ безъ причины. Въ довершеніе странностей, хотя и изъ благихъ побужденій, Ириной изобрѣлъ особое прибавленіе къ богослуженію, новшество отиѣненное, но въ свое время надѣлавшее много шуму. Но страсти чудака-епископа развились и достигли предѣла въ Иркутскѣ, гдѣ Ириной явился безпощаднымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неразборчивымъ, самоуправнымъ карателемъ преступленій иркутскаго духовенства, совершенныхъ еще до его прибытія. Недовольствуясь преслѣдованіемъ за явныя вины, Ириной подвергалъ гоненію заподозрѣнныхъ имъ и наказывалъ безъ суда и слѣдствія, съ холоднымъ безчеловѣчіемъ азіатскаго деспота. Не довольствуясь преслѣдованіемъ духовенства, Ириной взялъ на себя обязанность Наана-пророка по отношенію къ генераль-губернатору Лавинскому. Замѣтивъ явное отвращеніе къ своей личности и гласныя открытыя насмѣшки, архіерей еще болѣе ожесточился и началъ сумасбродствовать.

Вотъ, напримѣръ, каково было его отношеніе къ иркутскому кафедральному протоіерею Парнякову, принесшему жалобу на своего начальника самому государю. Ириной прямо глумился надъ Парняковымъ. Онъ приказалъ протоіерею вмѣстѣ съ ключаремъ Масюковымъ встрѣчать себя при рундукѣ у придѣла Казанской Божіей Матери въ кафедральномъ соборѣ и возводить себя такъ,

¹⁾ Свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ дѣлѣ появлялись уже на страницахъ одного историческаго журнала, но въ отрывочномъ и краткомъ видѣ.

чтобы тяжесть тѣла его лежала на рукахъ встрѣчавшихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ архіерей предписалъ Парнякову ожидать его извѣстный срокъ на помостѣ непремѣнно въ холодной одеждѣ, несмотря ни на какой морозъ. Далѣе Ириней публично назвалъ Парнякова невѣжей за то, что тотъ въ его присутствіи осмѣлился поклониться генераль-губернатору Восточной Сибири Лавинскому. «Невѣжа,— сказалъ архіерей:—при мнѣ ты не долженъ кланяться г. губернатору: гдѣ я, тамъ все должно уничтожаться и падать». Въ тезоименитство императора Ириней приказалъ читать Парнякову слово; слово было произнесено и удостоилось похвалы архіерея, но потомъ архіерей подвергъ автора слова за него гоненію и объявилъ, что Парняковъ похитилъ тексты изъ св. Писанія, какъ Прометей похитилъ священный огонь съ неба». Подобные укоры соединялись съ угрозами, усиливаемыми заявленіемъ, что онъ (Ириней) изъ всѣхъ архіереевъ избраннѣйшій и отличнѣйшій, что онъ имѣетъ высочайшую грамоту на знаки ордена св. Анны преимущественно передъ другими архіереями, и что весь жребій Парнякова въ рукѣ начальника Иркутской епархіи.

Во время богослуженія Ириней ходилъ по собору, переставлялъ священниковъ и діаконовъ, поправлялъ у нихъ платки на шеѣ, своими руками перекладывалъ коверъ, останавливалъ безъ нужды исправлявшаго должность протодіакона, угрожая ему то ссылкой въ село, то отправкой въ полицію или къ коменданту, передразнивалъ пѣвчихъ; не довольствуясь этимъ, архіерей приказывалъ протоіерею зачесывать тутъ же волосы псаломщиковъ и понамарей и требовалъ лицемѣрія въ произнесеніи словъ «Господи, помилуй», если у произносившаго не хватало для того душевнаго умиленія. Всѣ эти сумасбродства, являющіяся въ данномъ случаѣ только образцами поведенія Ириней, вмѣстѣ съ обличеніями генераль-губернатора заставили послѣдняго донести обо всемъ черезъ шефа жандармовъ государю.

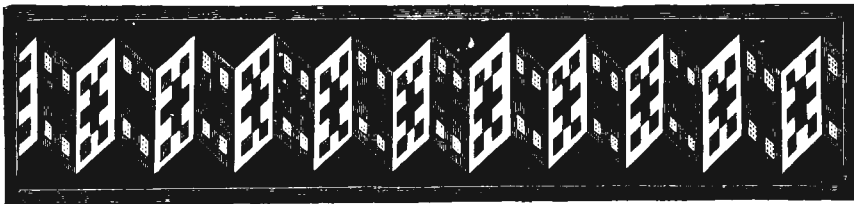
Высочайшая резолюція не замедлила послѣдовать. Ириней былъ удаленъ отъ управленія епархіей; кромѣ того, предписывалось заключить его въ монастырь, а обо всѣхъ дѣйствіяхъ, на которыя поступили жалобы, произвести слѣдствіе. Иринею о его отставкѣ былъ посланъ указъ, но самодуръ-епископъ счелъ этотъ указъ за подложный, за продѣлку Лавинскаго и другихъ своихъ зложелателей. Дѣло въ томъ, что Ириней не только не принялъ указа, но самъ рѣшилъ отвести на гауптвахту чиновника, отряженнаго для сопровожденія его въ монастырь Вологодской губерніи; этого же чиновника передъ народомъ архіерей обвинялъ въ злоумышленіи на его жизнь и просилъ у солдатъ защиты. Въ виду сопротивленія Ириней при его арестѣ происходили дикія сцены, которыя могли, однако, произвести впечатлѣніе на толпу. Упорство смѣщеннаго архіерея привело къ тому, что имъ овладѣли съ насиліемъ. Им-

ператоръ заподозрѣлъ Иринея въ душевномъ разстройствѣ, хотя медицинское освидѣтельствоваіе нарушенія умственныхъ способностей не открыло. Однако, съ увѣренностью можно сказать, что, если Иринея могъ здраво рассуждать объ общежитейскихъ предметахъ, то, тѣмъ не менѣе, все-таки онъ страдалъ особой формой помѣшательства, которое въ современной медицинѣ именуется нравственнымъ помѣшательствомъ.

Много можно было бы еще извлечь интереснаго и поучительнаго изъ «Матеріаловъ» для исторіи православной церкви въ царствованіе Николая Павловича, но для общей характеристики условій тогдашняго церковнаго управленія достаточно и того, что нами приведено выше.

В. Грибовскій.

ПОРУЧИКЪ П. К. КУСОВЪ.

(Севастопольскія воспоминанія въ Неаполѣ).

А ОСТРОВЪ Искію (въ Неаполитанскомъ заливѣ) въ 1857 году, по совѣту русскихъ врачей, щедро вспомошествомый въ Визѣ почивающей императрицей Маріей Александровной, былъ привезенъ изъ Россіи поручикъ Украинскаго пѣхотнаго полка Пантелеймонъ Кузьмичъ Кусовъ. Онъ едва шевелился при помощи сопровождавшаго его русскаго денщика. У Кусова было восемь полученныхъ въ сраженіи ранъ. Между прочимъ, въ спинной хребетъ, въ бокъ, въ легкое и въ голову.

На Искіи онъ устроился въ домѣ мѣстнаго землевладѣльца Морджеро. Младшая дочь послѣдняго ходила за больнымъ, любила его. Впослѣдствіи она стала его женой и его нѣжной сестрой милосердія.

Въ 1896 году на ея рукахъ Кусовъ и скончался въ Неаполѣ.

Безъ малаго 40 лѣтъ Кусовъ провелъ то на Искіи, то въ Неаполѣ. Многіе русскіе его знали; севастипольцы, заѣзжавшіе сюда, навѣщали его; нѣсколько разъ его удостоилъ запросто посѣщеніемъ его императорское высочество герцогъ Лейхтенбергскій. Особенное участіе (какъ мы усматриваемъ изъ находящихся въ нашихъ рукахъ документовъ и писемъ, оставшихся послѣ покойнаго) принималъ въ немъ генераль-адъютантъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, и его дочери.

Въ 1860—1880 годахъ русская колонія въ Неаполѣ группировалась преимущественно около гостепріимной русской семьи графини Сухтеленъ, отъ которой въ 1880-хъ годахъ я и узналъ, что Ку-

совъ находится въ Италиі. Престарѣлая графиня и двѣ ея пожилыя дочери тоже заботливо относились къ больному соотечественнику, тѣмъ болѣе, что для этой семьи воспоминанія о Севастополѣ тоже были близки къ сердцу, хотя и горьки.

Я во время крымской войны былъ еще мальчикомъ, юнкеромъ артиллерійскаго училища, и могу только смутно по слышанному впоследствии (частію отъ семьи Сухтеленъ, частію отъ покойнаго князя Виктора Иларіоновича Васильчикова, занимавшаго въ свое время важный постъ въ военномъ министерствѣ) припомнить нѣчто о покойномъ графѣ Сухтеленѣ, сынѣ старушки, кончившей впоследствии свои дни въ Неаполѣ. И вотъ что я припоминаю. Молодой графъ служилъ въ гвардіи, находился въ Севастополѣ въ первые мѣсяцы осады. Онъ одинъ изъ первыхъ севастопольцевъ высказывалъ громко негодованіе противъ беспорядковъ и злоупотребленій по интендантской провіантской части, столь пагубно отражавшихся на положеніи и успѣхахъ войскъ въ Крыму. Его послали изъ Севастополя съ почетнымъ порученіемъ въ Петербургъ къ государю, можетъ быть, для того, чтобы отдѣлаться отъ молодого аристократа-фрондера. Вліятельныя лица въ столицѣ предвѣряли его, чтобы онъ не безпокоилъ императора намеками на свои подозрѣнія. Однако, когда Николай Павловичъ спросилъ посланца о положеніи войска въ Крыму, графъ откровенно высказался. Государь очень милостиво отнесся къ нему и, сколько мнѣ помнится, даже наградилъ его. Но по пословицѣ: милуетъ царь, да не милуетъ псарь,—карьеру Сухтелена съ тѣхъ поръ все-таки словно заколодило, онъ получалъ множество непріятностей, разстроившихъ его здоровье и, какъ полагала его семья, послужившихъ поводомъ его ранней кончины. Немудрено, что мать и сестры Сухтелена сердечно относились къ севастопольцу Кусову.

Когда я, проживая въ Неаполѣ въ 1881 году, узналъ о Кусовѣ, севастопольская эпопея успѣла уже отодвинуться въ историческую даль. Самъ онъ давно жилъ здѣсь; правда, много рассказывалъ о войнѣ, но по прирожденной ему скромности такъ мало говорилъ о себѣ самомъ, что о его прошломъ между наиболѣе близкими ему даже знакомыми, въ томъ числѣ и русскими, ходили рассказы, похожіе на легенды. Говорили, будто бы въ одной изъ вылазокъ осажденнаго Севастополя храбрый поручикъ Кусовъ былъ жестоко израненъ, что его подобрали, принявъ за мертваго, въ телѣгу, свозившую трупы съ поля сраженія, дабы зарыть ихъ въ общую яму; что профессоръ Н. И. Пироговъ случайно встрѣтилъ эту печальную колесницу, отобралъ нѣсколько труповъ для своихъ хирургическихъ изслѣдованій, но тутъ же замѣтилъ, что Кусовъ еще живъ, взялся лѣчить его и спасъ. Однако, эта легенда, по провѣркѣ ея, оказалась не точна.

Настоящая исторія Кусова, какъ я узналъ позднѣе (не только изъ рассказовъ, но изъ документовъ, которыми теперь располагаю)

такова. Въ сраженіи 4-го августа 1855 года подъ Черной онъ былъ раненъ въ обѣ ноги, въ грудь, въ спинной хребетъ и въ голову. Послѣднія три раны, какъ потомъ опредѣлили сначала французскіе, а затѣмъ русскіе врачи, были смертельны. Во время битвы, пока у него были силы, онъ шелъ все впередъ съ немногими еще не павшими солдатами, и самъ палъ на той части поля сраженія, съ котораго отступавшія русскія войска не могли въ скорости подобрать своихъ. Французы же своихъ убирали, но въ первыя сутки только раненыхъ. На другой день только французы начали подбирать и хоронить своихъ мертвыхъ. Русскихъ же, въ томъ числѣ и Кусова, оставили бы на мѣстѣ или то же закопали бы въ землю, если бы докторъ, присутствовавшій при этой печальной процедурѣ, не примѣтилъ у него очень слабыхъ признаковъ жизни. Его забрали въ плѣнъ. Какъ Кусовъ потомъ рассказывалъ со слезами на глазахъ, французы обращались съ нимъ и лѣчили его съ нѣжной заботливостью и вниманіемъ, хотя въ то время общества Краснаго Креста не существовало. Врачи и сестры милосердія сдѣлали для него все доступное въ походномъ, переполненномъ ранеными, госпиталѣ.

Съ первымъ же отвозящимъ больныхъ пароходомъ отправили русскаго поручика вмѣстѣ съ своими выбывшими изъ строя въ Константинополь. Тамъ помѣстили его въ лазаретъ, устроенный въ бывшемъ помѣщеніи русскаго посольства. Сестры милосердія не только, не жалѣя себя, исполняли денно и ночью всѣ предписанія врачей относительно больного, котораго считали приговореннымъ къ смерти, но и сами изобрѣтали палліативныя средства для облегченія его страданій. Во всемъ его существѣ не было мѣста, не было кости, которая бы не болѣла. Конечно, онъ лежалъ; но всѣ частички тѣла, которыя соприкасались даже съ мягчайшими подушками и простынями, болѣли сугубо. Сестры милосердія безпрестанно перемѣняли его положеніе, чтобы утолить боли. «И гдѣ только онѣ при такомъ огромномъ количествѣ больныхъ находили всѣ эти мягкія подушки, вату да и время, чтобы возиться со мной!»—воскликнулъ бывало Кусовъ, когда уже былъ въ Италіи. Послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ Константинопольскомъ лазаретѣ русскій раненый изумилъ медицинскій персоналъ: онъ не умеръ, а напротивъ сталъ оправляться. То-есть невысказанно было предположить, чтобы онъ когда либо обратился вновь во вполне здороваго человѣка, но становилось ясно, что онъ еще многіе годы не намѣренъ отправляться на тотъ свѣтъ.

Въ концѣ кампаніи французскія власти предложили русскимъ, не дожидаясь общаго обмѣна плѣнныхъ, препроводить Кусова въ Россію. Его привезли изъ Константинополя въ Одессу. Графъ Коцебу принялъ въ немъ живѣйшее участіе; лучшіе русскіе врачи, въ томъ числѣ профессоръ Пироговъ, лѣчили его съ любовью и

интересомъ: онъ былъ едва ли не самымъ интереснымъ и поучительнымъ въ медико-хирургическомъ отношеніи раненымъ. Графъ А. Г. Строгоновъ и многіе вліятельные севастопольцы лично и черезъ своихъ друзей стали хлопотать въ Петербургѣ о матеріальномъ облегченіи участи бѣднаго калѣки. Свѣтлѣйшій князь Суворовъ лично довелъ до свѣдѣнія императрицы Маріи Александровны о положеніи Кусова. Государыня приказала, чтобы консилиумъ врачей опредѣлилъ, что именно должно предпринять для возможнаго излѣченія Кусова и для продленія его жизни при доступныхъ благоприятныхъ условіяхъ.

Когда княземъ Суворовымъ было доложено ея величеству о результатѣ консилиума, признавшаго для Кусова необходимымъ продолжительное лѣченіе въ разныхъ заграничныхъ курортахъ, государыня, имѣя въ виду, что у Кусова нѣтъ никакихъ личныхъ средствъ (кромя крошечнаго клочка земли въ Полтавской губ.), благоволила принять на свой счетъ обезпеченіе средствъ жизни и лѣченія раненаго: назначила ему безсрочное пособіе по 6.000 франковъ въ годъ,—сумму, которая по мнѣнію врачей была необходима. Между прочимъ врачи указывали на пользу, которую могутъ принести раненому минеральныя воды острова Искіи.

Источники острова Искіи весьма разнообразны по химическому и терапевтическому характеру; одинъ изъ нихъ поразительно цѣлебенъ для излѣченія послѣдствій тяжелыхъ ранъ и контузій. Между прочимъ на Искіи же лѣчился въ послѣдствіи отъ знаменитой аспромонтской раны знаменитый Гарибальди. Туда съѣзжаются каждое лѣто тысячи болящихъ, особенно параличныхъ, ревматиковъ, страдающихъ разными ранами и язвами. Прожившій эти строки, прожившій въ Казамиціоло нѣсколько мѣсяцевъ съ больной сестрой, могъ убѣдиться личнымъ опытомъ, что жизнь тамъ гораздо дешевле большинства средне-европейскихъ курортовъ, и городъ удобнѣе нашихъ кавказскихъ и крымскихъ, устроителямъ которыхъ, къ слову сказать, не мѣшало бы поучиться у искіотовъ.

Вотъ сюда-то, въ городокъ Казамиціоло, разбросанный по живописному, крутому холмистому склону, привезли Кусова. Его сопровождалъ русскій слуга изъ солдатъ, точнѣе денщикъ, которому онъ платилъ жалованье. Впрочемъ для бѣднаго денщика итальянскій климатъ оказался нездоровымъ. Вскорѣ Кусовъ долженъ былъ отправить его въ Россію. Надо добавить, что Кусовъ къ тому времени былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и получилъ за отличіе орденъ св. Анны съ мечами. Онъ былъ оставленъ на службѣ, но ему былъ данъ безсрочный отпускъ. Благодаря рекомендаціямъ князя Алекс. Арк. Суворова и другихъ русскихъ, имѣвшихъ знакомыхъ въ Италіи. Пантелеймонъ Кузьмичъ удобно устроился. Ему наняли помѣщеніе въ виллѣ, принадлежащей скромной семьѣ мѣстнаго землевладѣльца Морджеро, которая состояла изъ мужа

и жены, маленькаго сына и двухъ дочерей-подростковъ, изъ которыхъ старшая была Луиза. Она воспитывалась въ монастырскомъ институтѣ. Прекрасный горно-морской воздухъ, спокойная обстановка, дружескій уходъ окружающихъ, а главное цѣлебное дѣйствіе искиотскихъ водъ благотворно дѣйствовали на раненаго. Однако ему пришлось прожить нѣсколько лѣтъ на Искіи, прежде чѣмъ, какъ самъ Кусовъ говорилъ, онъ «сталъ человѣкомъ», то-есть получилъ возможность свободно, хотя и съ костылемъ, двигаться, проводить недѣли, а иногда и мѣсяцы безъ сильныхъ болей, хотя все-таки всегда можно было ожидать разныхъ опасныхъ осложнений. Сила жизни въ этомъ истерзанномъ организмѣ была поразительна. Ставъ «человѣкомъ», онъ сдѣлался снова веселъ, добродушенъ, много разговаривалъ, любилъ разсказывать, но не о своихъ подвигахъ. Онъ очень охотно поучалъ своихъ знакомыхъ итальянцевъ о Россіи, о значеніи и ходѣ крымской войны. Всѣ окружавшіе его полюбили за общительность и мягкость нрава. За этотъ свѣтлый періодъ онъ порывался на родину, впрочемъ безуспѣшно, потому что совѣты врачей, да и опытъ и самочувствіе приковывали его къ югу Италіи. Около Пантелеймона Кузьмича въ то время появилось существо, которое полюбило его прежде всего за его страданія. Это была Луиза Морджеро, которая по выходѣ изъ монастырскаго института возвратилась въ родительскій домъ. Она сначала робко издали наблюдала за жильцомъ. Дѣвушка добраго, веселаго нрава, но впечатлительная, она часто плакала потихоньку о почти незнакомомъ ей больномъ. Потомъ стала понемногу ходить за нимъ. Одинокій, на чужой сторонѣ, онъ не могъ не отозваться на состраданіе, которое вскорѣ перешло въ любовь. Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Они обвѣнчались. Кусовъ еще болѣе оживился и окрѣпъ въ теплой атмосферѣ нѣжной, дѣятельной, прозорливой любви. Дѣтей у нихъ не было. Тихо текли его дни; онъ читалъ, бесѣдовалъ съ женой, училъ ее по-русски. По-французски она знала нѣсколько раньше. Правда, надежда на полное выздоровленіе была болѣе чѣмъ слабая; припадки болѣзненныхъ послѣдствій отъ сложныхъ ранъ по временамъ возобновлялись, но смягчались близость любящей женщины, которая не жалѣла себя, чтобы облегчать его болѣзненное состояніе.

Въ 1883 году, надъ всею Искіей разразилось стихійное бѣдствіе. Заглохшій вулканъ Ипомео вздумалъ встряхнуться: всколыхнулъ весь островъ, а городокъ Казамичіоло обратилъ буквально въ кладбище. Въ какойнибудь часъ погибло болѣе 3.000 человѣкъ и нѣсколько тысячъ животныхъ, погребенныхъ подъ развалинами зданій.

Семейство Морджеро, дотолѣ зажиточное, потеряло почти все свое состояніе: семь небольшихъ крестьянскихъ фермъ, отдаваемыхъ въ наймы; обширный каштановый лѣсъ, задавленный ска-

тившимися утесами; хорошіе виноградники, плодовые сады. Изъ небольшой двухъэтажной виллы, часть которой отдавалась въ наймы, осталось только нѣсколько комнатъ, годныхъ для жилья; большой запасъ цѣннаго искіотскаго вина былъ погребенъ навѣки. Эта ужасная катастрофа не могла не произвести потрясающаго впечатлѣнія на больного Кусова, хотя онъ съ женой случайно, ради своей болѣзни, находился въ роковой день въ Неаполѣ. Послѣ того онъ до самой своей смерти оставался въ Неаполѣ, отчасти потому, что въ Казамичіоло негдѣ было жить, отчасти потому, что безпрестанно возобновлявшіяся и усложнявшіяся болѣзни раненаго требовали постоянного наблюденія искусныхъ врачей. Правда, на лѣтніе мѣсяцы Пантелеймонъ Кузьмичъ ѣздилъ на Искію, чтобы брать поддерживающія его ванны. Лучшіе медики неоднократно за эти годы приговаривали его къ смерти, но, насколько должно судить, ошибались въ діагнозѣ болѣзни. По крайней мѣрѣ, онъ пережилъ нѣсколько сроковъ неизбежнаго, по мнѣнію свѣтиль науки, конца. Можетъ быть, этому содѣйствовала живучая бодрость его духа, прирожденная крѣпость организма, а также самоотверженныя заботы жены. Въ послѣдніе годы его жизни она почти не спала по цѣлымъ недѣлямъ: проводила ночи у его кровати, постоянно укачивала ее то ногами, то руками, какъ колыбель младенца, ибо только при этомъ укачиваніи страдалецъ могъ забыться сномъ и слабѣе чувствовать боли. Она не жалѣла и своихъ скудныхъ средствъ, очень умалившихся послѣ землетрясенія въ 1883 г. При усложнившихся болѣзняхъ теперь не всегда хватало денегъ на лѣченіе, а пособіе императрицы безусловно было такъ щедро, что ни больной, ни его жена не осмѣливались и помышлять о томъ, чтобы ходатайствовать объ его усиленіи. Послѣдніе и самыя тяжкіе годы севастопольскаго ветерана, его положеніе и горе жены облегчало своимъ теплымъ участіемъ и практической заботливостью нѣкоторые живущіе здѣсь русскіе, между прочимъ русскій вице-консулъ, баронъ А. А. Гейкинъ. Онъ часто навѣщалъ больного, доставлялъ всѣ зависящія отъ него удобства, выдавалъ изъ собственныхъ средствъ пенсію впередъ. Положеніемъ Кусова и послѣ его кончины безпомощнымъ положеніемъ его вдовы былъ весьма заинтересованъ бывшій русскій посолъ при квиринальскомъ дворѣ Влангали. Внимательно и неустанно также ходилъ за нимъ тогда начинающій врачъ (вскорѣ профессоръ, которымъ Неаполь имѣетъ право гордиться, и какъ медикомъ и какъ человѣкомъ), д-ръ Романелли. Мы его лично знаемъ, отъ него мы слышали о послѣднихъ дняхъ жизни Кусова.

Ночь на 6-е іюня 1896 г. Романелли провелъ у постели жестоко страдавшаго больного. Силы и по временамъ сознаніе начинали его покидать. Едва забрезжилась заря, Кусовъ словно встретился и сказалъ женѣ: «пошли за отцемъ Евгеніемъ причаститься... скорѣй, скорѣй»...

Пока ходили за православнымъ священникомъ, умирающій то тревожно просилъ жену или Романелли взглянуть въ окно, не идетъ ли отецъ Евгеній, то, успокоиваясь, читалъ вслухъ молитвы и силился пѣть:

«Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ!» и т. д.

Жена его ему вторила.

Онъ успѣлъ, однако, исповѣдаться и причаститься. Когда же солнце взошло, онъ перешелъ въ тотъ міръ, куда ему предшествовали столько доблестныхъ соратниковъ, защитниковъ Севастополя. Прахъ его доселѣ, вслѣдствіе весьма странныхъ правилъ о содержаніи неаполитанскихъ кладбищъ и своеобразныхъ порядковъ попечительства греческой церкви относительно православнаго кладбища, невзирая на усердныя хлопоты вдовы, покоится во временной могилѣ, изъ которой его могутъ по здѣшнимъ уставамъ не сегодня-завтра бросить въ общую яму.

Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

ПОЪЗДКА ВЪ БОРОВСКІЙ ПАФНУТІЕВЪ МОНАСТЫРЬ.

I.

По дорогѣ въ монастырь.

ОСЛѢДНІЙ свистокъ; скорый поѣздъ, погромыхивая, отошелъ отъ московской платформы. Новая Московско-Брянская дорога, открытая осенью 1899 года, проходить по очень красивымъ мѣстамъ. Начинаясь у Дорогомиловской заставы, она огибаеть знаменитыя Поклонную и Воробьевы горы. Изъ окна вагона открывается великолѣпный видъ: внизу, у подножья холмовъ, змѣится Москва—рѣка, за нею видна почти вся красавица столица.

Бѣлокаменной Москвы,
Какъ жарь, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы...

И быстро мелькаетъ предъ нами та Поклонная гора, на которой

Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля.

Лѣса, лѣса и лѣса; среди нихъ, несмотря на недавнее лишь оживленіе мѣстности, вдоль полотна уже выросли сотни дачъ и все еще растутъ. Многочисленныя рѣчки прихотливо извиваются по обѣ стороны дороги.

Минуемъ нѣсколько дачныхъ платформъ и станціи Внуково, Апрѣлевку и Нару. У послѣдней станціи, на берегу рѣки Нары, рас-

кинулось большое и богатое село Нара Ѳоминская. Примыкающая къ селу обширная бумаго-прядильная и бумаго-ткацкая фабрика представляет собою живописный городокъ. За рѣкою Нарою желѣзный путь входитъ въ предѣлы Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи.

Брянская дорога внесла въ мартирологъ русскихъ городовъ поразительное число пасынковъ: г. Боровскъ отстоитъ отъ станціи Балабановой на тринадцать верстъ, Калуга имѣетъ соединительную семнадцативерстную вѣтвь со станціей Тихоновой Пустынью, города Воротынскъ и Сухиничи отдѣлены отъ станцій того же имени двумя или тремя верстами, отъ ст. Кудринской нужно тащиться по отвратительной дорогѣ восемнадцать верстъ до г. Мещовска, г. Жиздру съ Брянской дорогой соединяетъ десятиверстный подъѣздной путь отъ станціи Зикѣвой. Шестъ обойденныхъ желѣзной дорогою городовъ на разстояніи всего 356 верстъ! Въ этомъ, конечно, виноваты вся и всѣ, развѣ кромѣ г.г. инженеровъ...

Пробѣжавъ отъ Москвы 90 верстъ въ два съ половиною часа, поѣздъ остановился на станціи Балабановой. Проложенное по боровско-серпуховскому большаку шоссе соединяетъ послѣднюю съ городомъ Боровскомъ. Въ трехъ верстахъ отъ города (въ 10 верстахъ отъ станціи), по спуску шоссе, расположенъ древній Пафнүтievъ монастырь, конечный пунктъ моего странствованія.

Чернолѣски по обѣ стороны шоссе тянутся на всемъ десятиверстномъ разстояніи, и лишь на полпути мы пробѣжаемъ какое-то небольшое селеніе, да еще у самыхъ стѣнъ монастыря минуемъ Рябушинскую слободу. Удивительно воздвигнуто это шоссе! Постройку его земство сдало подрядчику, позднею осенью 1900 года оно было открыто для эксплуатаціи, а я ѣхалъ по немъ въ маѣ 1901 года и четвертую часть пути проклиналъ строителей, такъ какъ пришлось нырять въ такія ямы, что становилось страшно за цѣлость экипажа и собственнаго брэннаго тѣла. Кстати нужно замѣтить, что шоссе проложено по ровной мѣстности!

II.

Описаніе монастыря.

Высокая каменная съ пятью башнями стѣна окружаетъ монастырь. Башни—четыреугольныя, трехъярусныя, съ деревянными пирамидальными крышами. На южной лицевой сторонѣ Георгіевской башни имѣется большое древнее изображеніе св. великомученика Георгія, значительно выцвѣтшее.

Соборный храмъ во имя Рождества Пресвятыя Богородицы занимаетъ средину обители. Пять главъ вѣнчаютъ его. Вся церковь состоитъ изъ алтаря, храма и западнаго притвора—трапезы. Всѣ стѣны расписаны священными изображеніями. Послѣднія, равно

какъ и всѣ иконы, греческаго письма и недавно реставрированы. Надъ иконостасомъ помѣщенъ большой деревянный крестъ, водруженный въ Голгоуу, а на крестѣ сдѣлано рѣзкое изображеніе распятаго Христа, очень недурной работы; два рѣзныхъ ангела, стоящіе по сторонамъ креста, поддерживаютъ корону, его вѣнчающую.

Подлѣ иконостаса «отъ южныхъ страны той церкви близъ дверей церковныхъ» почиваютъ подъ спудомъ мощи основателя св. обители, пр. Пафнута. Надъ ракою устроена на четырехъ витыхъ столбахъ сѣнь. Именно въ этомъ мѣстѣ и завѣщаль предъ кончиною погребсти свое тѣло преподобный. Время постройки настоящаго храма неизвѣстно.

Съ сѣверной стороны къ соборному храму пристроена небольшая церковь во имя святой великомученицы Ирины. Изъ надписи, имѣющейся въ иконостасѣ, видно, что эта церковь была освящена въ 1651 году «тщаниемъ благовѣрныхъ государыни царевны и великія княжны Ирины Михайловны». При входѣ въ храмъ въ стѣнѣ помѣщенъ бѣлый камень, надпись на которомъ гласитъ: «лѣта 3333 (1599 г.) апрѣля въ 3 день преставися рабъ Божій великаго государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Россіи дятка окольничей Луппъ зовомый Андрей Петровичъ Клешнинъ во иноцѣхъ Левкей схимникъ».

Напомнимъ о той исторической роли, которую, по преданію, привелось сыграть этому окольничему. Клешнинъ былъ лицомъ, близкимъ къ Борису Годунову. Когда попытка умертвить царевича Дмитрія при помощи яда не удалась, и когда родственники Бориса отказались принимать дальнѣйшее участіе въ зломъ дѣлѣ, Клешнинъ утѣшилъ Годунова: «не печалься — у меня много родныхъ и друзей; твоё желаніе будетъ исполнено». Клешнинъ исполнилъ обѣщаніе: черезъ нѣсколько дней, по указанію его, въ Угличѣ поселились Битяговскіе, Качаловъ и Волоховъ, а 15-го мая 1591 года царевича Дмитрія не стало. Ужь 19-го мая окольничій вмѣстѣ съ Василиемъ Шуйскимъ и др. прибылъ въ Угличъ для производства слѣдствія по этому темному, загадочному дѣлу. Не схимою ли захотѣлъ окольничій Клешнинъ искупить приписываемое ему многими сказаніями страшное преступленіе?

Къ двухъэтажной церкви во имя Рождества Христова, въ которой нижній этажъ занятъ кладовыми, а второй—храмомъ, примыкаетъ пятиярусная, чрезвычайно величественная колокольня. Три первыхъ ея яруса четырехгранные, а два послѣднихъ—восьмигранные. Въ второмъ ярусѣ помѣщаются ризница и библіотека.

При храмѣ во имя св. пророка Ильи, построенномъ во второй половинѣ XVII в. на средства князей Рѣпниныхъ, устроены братская трапеза съ кухней и больничка.

На южной сторонѣ близъ соборнаго храма въ 1837 году была выстроена, по завѣщанію князя Николая Алексѣевича Волконскаго,

на его средства, церкви на гробахъ его предковъ. На мраморныхъ и мѣдныхъ доскахъ, вставленныхъ въ стѣны храма, а равно и на половыхъ плитахъ, обозначены время кончины и мѣсто погребенія князей Волконскихъ.

Къ сѣверу отъ соборнаго храма стоитъ большой трехъэтажный домъ, въ которомъ живетъ настоятель монастыря. Къ дому пристроена двухъэтажная церковь во имя св. Митрофана, патріарха цареградскаго. Въ верхнемъ этажѣ помѣщается самая церковь, а въ нижнемъ двѣ палатки, въ одной изъ коихъ покоятся нѣкоторые изъ бывшихъ настоятелей обители.

Налѣво отъ входныхъ воротъ стоитъ двухъэтажный каменный корпусъ. Въ немъ до 1867 года помѣщалось боровское духовное училище, а съ 1868 года приготовительное духовное училище. Въ настоящее время это зданіе пустоуетъ, такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ училище было почему-то упразднено.

Рядъ надгробныхъ памятниковъ, расположенныхъ близъ алтаря соборнаго храма, указываетъ мѣсто упокоенія многихъ благодетелей обители. Кладбище содержится въ достаточномъ порядкѣ, но казалось бы неумѣстнымъ привязывать колокольный канатъ къ одному изъ памятниковъ, что богомольцамъ бросается въ глаза при посѣщеніи монастыря.

Напротивъ монастыря, черезъ шоссе, находятся монастырскіе скотный и конюшенный дворы и при нихъ... монастырская гостиница! Послѣднюю завѣдываютъ какія-то женщины, одѣтыя во все черное, говорящія вамъ на каждомъ шагѣ: «спаси васъ, Христосъ».

III.

«Житіе» святого основателя обители.

Сѣдой стариной вѣтъ отъ стѣнъ св. обители. Болѣе четырехъ съ половиною вѣковъ протекло со дня ея основанія — она была основана преподобнымъ Пафнүтиемъ въ 1444 году.

«Преподобный отецъ нашъ Пафнүтій происходилъ отъ агарянскаго рода», начинается «житіе» основателя обители его біографъ ¹⁾. Дѣдомъ св. Пафнүтія былъ татарскій баскакъ, принявшій крещеніе и нареченный при этомъ Мартиномъ, родителями же его были Іоаннъ и Фотинія. Родился онъ въ трехъ верстахъ отъ Боровска, въ селѣ Кудановѣ. Двѣнадцати лѣтъ покинулъ онъ родительскій кровъ и удалился въ обитель Покрова Пресвятыя Богородицы, находившуюся въ родномъ его городѣ, на горѣ Высокой. Здѣсь онъ былъ постриженъ въ иночество игуменомъ Маркеломъ, и здѣсь съ замѣною его мірскаго имени Паросенія именемъ Пафнүтія началось

¹⁾ «Житіе» пр. Пафнүтія составлено знаменитымъ ученикомъ его, братомъ пр. Іосифа Волоколамскаго, Вассіаномъ, архіепископомъ ростовскимъ.

его многолѣтнее служеніе Вседержителю. Духовное руководство юнымъ подвижникомъ было поручено ученику Сергія, радо-нежскаго чудотворца, священноиноку Никитѣ.

Двадцать лѣтъ продолжалось приготовленіе преподобнаго къ пастырскому служенію. Почилъ игумень Маркель; по избранію братіи и горячей просьбѣ боровскаго князя Симеона Владимировича настоятельство въ обители принялъ на себя св. Пафнутій; въ санъ священства онъ былъ рукоположенъ митрополитомъ московскимъ Фотіемъ.

Около тринадцати лѣтъ «начальствовалъ» св. Пафнутій въ Покровской обители. На пятидесятомъ году жизни его «постигъ недугъ тѣлесный». Тогда онъ принялъ схиму и послѣ этого до конца дней лишь однажды совершилъ божественную литургію.

Когда онъ выздоровѣлъ, то не хотѣлъ уже болѣе нести «на раменахъ своихъ тяготу начальства» въ Покровскомъ монастырѣ. Его влекло къ «безмолвному» житію, къ подвижничеству безъ верховенства, къ простому, но упорному труду на нивѣ Божіей, ради Бога... И вотъ онъ «нисшелъ съ высокой обители въ юдоліе» и въ двухъ верстахъ отъ приглубившаго его монастыря, «между двухъ рукавовъ мимотекущей рѣчки», въ лѣсной чащѣ, положилъ основаніе обители, носящей и понынѣ его святое имя.

Въ «пустыню» преподобный удалился лишь съ однимъ инокомъ. Но подвижничество духовныхъ богатырей вездѣ и всегда имѣло притягательную силу. Такъ и около св. Пафнутія быстро собралась братія. А тамъ вскорѣ застучалъ топоръ, заработала пила, и среди лѣсной чащи засіялъ крестъ Христовъ надъ храмомъ, освященнымъ по благословенію св. Юны, митрополита, во имя Рождества Богородицы. Когда этотъ храмъ сталъ тѣсенъ, то было приступлено къ постройкѣ новаго каменнаго храма, при чемъ самымъ усерднымъ работникомъ былъ преподобный.

Глубокой старости достигъ св. Пафнутій, и наконецъ онъ почувствовалъ приближеніе смерти. Одному изъ своихъ учениковъ старецъ завѣщалъ совершить его погребеніе лишь монастырскимъ священникамъ и не приглашать для этого городского и другого духовенства, дабы молва о его кончинѣ не распространилась ранѣе его погребенья. Мѣстомъ могилы онъ указалъ воздвигнутый имъ храмъ, именно съ южной стороны, около церковныхъ дверей.

Послѣ вечерни «въ лѣто 1476-е мѣсяца мая въ первый день, за часъ до захожденія солнца, въ четвергъ послѣ преполовенія», въ келію его пришли иноки, и при нихъ великій старецъ «простерся на одрѣ», сложилъ крестообразно руки и тихо почилъ... Солнце послѣдними лучами озарило верхушки вѣковыхъ дубовъ и елей и скрылось за горизонтъ...

На другой день состоялось погребеніе пр. Пафнутія. Горько оплакивало кончину пастыря своего осиротѣвшее духовное стадо.

При погребеніи его «никто не могъ, рассказываетъ очевидецъ, отъ чрезвычайнаго рыданія ни пѣть, ни возглашать стихи; одинъ только ученикъ его Иннокентій сквозь слезы проговорилъ надгробныя пѣсни, а прочіе только плакали».

Отрекшись въ юные годы отъ міра, отъ всѣхъ прелестей его и соблазновъ, пр. Пафнугій до конца дней являлъ собою примѣръ замѣчательнаго подвижника-аскета. Когда на востокѣ занималась заря, онъ уже творилъ милитву. Не пропускалъ онъ ни одного богослуженія. На всѣхъ монастырскихъ работахъ онъ былъ первымъ и самымъ ревностнымъ работникомъ; онъ самъ рубилъ дрова, таскалъ воду, пахалъ землю. Ходилъ онъ въ рубищахъ; въ понедѣльникъ и пятницу ничего не ѣлъ, въ среду «разрѣшалъ на сухоядѣніе», въ остальные же дни дѣлилъ трапезу съ братіей.

Самъ нравственно совершенный, онъ снисходилъ къ слабостямъ другихъ, стараясь воздѣйствовать на нихъ путемъ увѣщанія, назиданія, молитвы. Онъ не пресмыкался у дверей великихъ и сильныхъ міра сего, но широко благодворилъ сирыхъ и убогихъ. Его дивная строгая жизнь служила надежнымъ щитомъ противъ нравственной порчи людей, прибѣгавшихъ къ его духовной помощи.

По свидѣтельству современниковъ, св. Пафнугій обладалъ поразительной прозорливостью: по лицу каждаго приближающагося къ нему человѣка онъ угадывалъ въ немъ всякую страсть, всякій помысль. Ни одинъ инокъ не могъ скрыть отъ него никакого дурного дѣла, никакого порока. Составитель житія преподобнаго, ученикъ его Вассіанъ, приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ такой его прозорливости и пророческаго дара.

По «Иконописному подлиннику» пр. Пафнугій былъ «подобіемъ старъ и сѣдъ, брада поменьше Богословли, разохата, ризы преподобническія, и въ святую схиму облечень».

Причисленіе пр. Пафнугія къ лику святыхъ состоялось въ 1574 году.

IV.

Лѣтопись св. обители послѣ кончины ея основателя.

Въ 1440 году въ городѣ Волокѣ-Ламскомъ, въ семьѣ служилаго человѣка Санина, родился сынъ Иванъ. Семи лѣтъ онъ былъ отданъ для обученія грамотѣ въ мѣстный Крестовоздвиженскій монастырь и съ тѣхъ поръ въ міръ уже больше не возвращался. Страстно влекомый къ иноческой жизни, на двадцатомъ году онъ былъ уже постриженъ въ нашей обители пр. Пафнугіемъ подъ именемъ Іосифа. Въ теченіе семнадцати лѣтъ, которыя Іосифъ провелъ въ Пафнугіевомъ монастырѣ, онъ настолько успѣлъ прославиться чистотою и строгостью жизни, что, по кончинѣ основателя обители, былъ единогласно избранъ братією игуменомъ. Іосифъ не былъ вполне до

воленъ своею братією: онъ держался слишкомъ высокихъ идеаловъ иночества, и ему казалось, что въ другихъ обителяхъ и жизнь иноковъ чище и строже и уставъ суровѣе. И вотъ онъ, временно сложивъ съ себя игуменство, рѣшился простымъ монахомъ-странникомъ обойти все монастыри сѣверной Руси. Много лѣтъ онъ странствовалъ по разнымъ монастырямъ, внимательно въ нихъ ко всему присматривался и все наблюдалъ. Наконецъ онъ возвратился въ свою обитель и задумалъ измѣнить въ ней жизнь по тому образцу, который сложился въ умѣ его за годы странствованія. Но братія сразу отнеслась къ его новшествамъ недружелюбно. Тогда онъ покинулъ монастырь св. Пафнутія и удалился къ себѣ на родину, въ Волокъ-Ламскій, гдѣ и основалъ свою обитель и ввелъ въ ней свой очень строгій уставъ. Разсмотрѣніе дальнѣйшей замѣчательной дѣятельности св. Іосифа Волоцкаго—участіе его въ борьбѣ за православіе съ «жидовствующими» и полемика его съ Ниломъ Сорскимъ и «старцами» по вопросу о монастырской жизни и монастырскихъ имѣніяхъ—уже не входитъ въ рамки настоящаго очерка.

Наступилъ роковой для многихъ русскихъ монастырей 1610 годъ; былъ онъ «лихимъ» и для обители пр. Пафнутія. Тушинскій воръ, идя на Москву, осадилъ монастырь, который въ то время былъ окруженъ стѣной съ бойницами и башнями. Московскій воевода князь Михаилъ Константиновичъ Волконскій храбро выдерживалъ осаду. Но измѣна таилась въ стѣнахъ самой обители... Младшіе воеводы Яковъ Змѣевъ и Аванасій Челищевъ рѣшились сдать самозванцу и тайно отворили острожныя ворота, куда и устремилось войско Лжедмитрія. Увидавъ измѣну, князь Волконскій бросился къ церкви; воеводы-измѣнники тщетно звали его выйти съ челобитьемъ къ побѣдителямъ. «Умру у гроба Пафнутія чудотворца, а не сдамся», промолвилъ князь и продолжалъ одинъ биться съ врагами у церковныхъ дверей; уже раненый, въ изнеможени, побѣжалъ онъ къ клиросу; здѣсь онъ палъ и былъ добитъ мятежниками. Такъ геройски покончилъ жизнь у гробницы св. Пафнутія храбрый воевода, «долгъ вождя исполнивъ въ вѣчну честь и славу!»¹⁾

Прахъ его почиваетъ подъ храмомъ Всѣхъ Святыхъ, воздвигнутымъ его потомкомъ, княземъ Н. А. Волконскимъ.

Полчища самозванца сожгли монастырь, предварительно расхитивъ все его сокровища. При этомъ сгорѣли все жалованныя и тарханныя грамоты, данныя и вотчинныя крѣпости монастыря.

Но царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и его преемники въ разное время жалованными грамотами утвердили за Пафнутіевымъ монастыремъ

¹⁾ Память о геройской кончинѣ князя Волконскаго сохранена въ гербѣ г. Боровска, пожалованномъ послѣдному императрицею Екатериною II.

бывшія прежде во владѣніи его вотчины, пожалованныя царями Иоанномъ Грознымъ и Осодоромъ Иоанновичемъ. Кромѣ того, монастырю были пожалованы и новыя угодья. Такимъ образомъ обители были дарованы всѣ средства къ возстановленію ея, и дѣйствительно монастырь былъ вскорѣ приведенъ въ цвѣтущее состояніе.

При игуменѣ Іонѣ (1613—1618 гг.), по его ходатайству, по царской грамотѣ велѣно было Пафнутіеву монастырю возстановить разрушенный Тушинскимъ воровъ боровскій Покровскій Высокій монастырь, въ которомъ началось иночество пр. Пафнутія, при чемъ св. обители было вновь разрѣшено владѣть всѣми вотчинами, и ранѣе принадлежавшими Покровскому монастырю. По «Учрежденію о духовныхъ имѣніяхъ» (1764 г.), послѣдній былъ приписанъ къ боровской городской Крестовоздвиженской церкви, а самое мѣсто было обращено въ городское кладбище. Въ настоящее время тамъ находится лишь одна деревянная церковь съ колокольнею.

При преемникѣ Іоны, игуменѣ Іосифѣ, монастырь получилъ особенно много всевозможныхъ пожертвованій. При немъ же были возведены многія каменные постройки.

Въ 1812 году св. обитель была сожжена войсками Наполеона и была возстановлена лишь черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого.

Въ настоящее время обитель принадлежитъ къ числу первоклассныхъ штатныхъ монастырей. Братія его состоитъ изъ 30—40 чело-вѣкъ. Богатство его не велико. Кажется, главный источникъ доходовъ доставляетъ ему Пафнутьевское подворье, находящееся въ Москвѣ между Ильинкой и Варваркой. Затѣмъ нѣкоторые доходъ доставляютъ монастырю разныя угодья, отдаваемые имъ въ аренду, какъ, напримѣръ, мельницы на р.р. Протвѣ и Истермѣ, расположенныя напротивъ обители деревянныя палатки, снимаемыя торговцами на время ярмарки 1 мая—въ день преставленія пр. Пафнутія.

V.

Знаменитые узники въ святой обители.

Во второй половинѣ XVII вѣка обитель пр. Пафнутія была дважды мѣстомъ ссылки протопопа Аввакума. 9 марта 1666 года знаменитый расколучитель былъ доставленъ въ монастырь «на чѣши» и пробылъ здѣсь до начала мая. Сюда для увѣщанія былъ присланъ ярославскій діаконъ Козьма, про котораго въ своемъ «житіи» Аввакумъ рассказываетъ: «не знаю, коего духа чело-вѣкъ: въявѣ уговариваетъ, а втайнѣ подкрѣпляетъ меня, сице говоря: протопопъ! не отступай ты стараго того благочестія! великъ ты будешь у Христа чело-вѣкъ, какъ до конца претерпишь! Не гляди

на насъ, что погибаетъ мы!» Хорошимъ былъ врачомъ ярославскій діаконъ для такого упорнаго хроника, каковымъ былъ Аввакумъ!

Черезъ четыре мѣсяца послѣ первой ссылки Аввакумъ былъ вторично привезенъ въ Пафнугіевъ монастырь и заключенъ въ «студеной тюрьмѣ». Игумену монастыря Пароенію было строго наказано «беречь его накрѣпко съ великимъ опасеніемъ, чтобы онъ съ тюрьмы не ушелъ и дурна никакова бѣ надъ собою не учинилъ, и чернилъ и бумаги ему не давать и никого къ нему пускати не велѣтъ, а корму давать какъ и прочимъ колодникамъ». Но никакія оковы, никакія увѣщанія не могли обуздать непреклоннаго протопопа: и здѣсь, невзирая на страшныя строгости, онъ дѣятельно велъ свою пропаганду и пріобрѣталъ прозелитовъ.

30 апрѣля 1667 года Аввакумъ былъ привезенъ изъ Пуфнугіева монастыря въ Москву, гдѣ и былъ подвергнутъ суду собора.

Спустя пять лѣтъ послѣ этого, въ Боровскѣ были сосланы вѣрныя ученицы протопопа, сестры-раскольницы, боярыня Морозова и княгиня Урусова. Съ этой ссылкой наступилъ послѣдній этапъ на страдальческомъ пути сестеръ. Такъ какъ связь городовъ съ примыкающими къ нимъ монастырями очень тѣсная (что особенно относится къ до-петровскому времени), я нахожу умѣстнымъ нѣсколько строкъ посвятить этимъ двумъ сильнымъ духомъ русскимъ женщинамъ.

Въ Боровскѣ Морозова и Урусова вмѣстѣ съ третьей раскольницей инокиней Маріей были посажены въ одну земляную тюрьму. Однако, несмотря на такую репрессивную мѣру, сообщеніе узницъ съ старообрядцами не прекращалось, что вызвало въ концѣ июня 1672 года жестокій розыскъ, для котораго въ Боровскѣ былъ присланъ подъячій Кузьмищевъ. Тогда прежнюю земляную тюрьму разорили, выкопали новую, болѣе глубокую, въ которую и посадили сестеръ. «Настало лютое время для заключенныхъ,—говоритъ профессоръ Тихонравовъ.—Всѣ сношенія съ старовѣрами были отрѣзаны. Душно было въ темной тюрьмѣ, безсонница мучила сестеръ, сидѣвшихъ въ грязи и смрадѣ. Пища была скудная: «дадутъ иногда сухариковъ пять-шесть, и больше не спрашивай; иногда яблочко одно-два, а иногда огурчиковъ малую чашку»¹⁾.

11-го сентября 1675 года княгиня Урусова скончалась. Передъ кончиной она просила сестру отпѣтъ ей отходную, что та и исполнила.

Недолго пережила сестру Морозова: она умерла въ ночь на второе ноября. Передъ смертью она просила сторожа вымыть ей бѣлье: «не подобно тѣлу моему въ нечистотѣ одежды возлечь въ нѣдрахъ

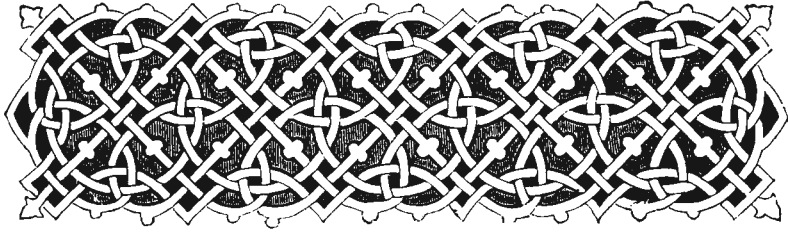
¹⁾ Сочиненія Н. С. Тихонравова. Москва, 1898, т. II, стр. 39.

матери своей земли», сказала она. Сторожъ исполнилъ ея послѣднее желаніе. Тѣло усопшей было завернуто въ рогожу и зарыто въ острогѣ рядомъ съ сестрой.

Учитель недолго пережилъ ученицъ: 1-го апрѣля 1681 года въ Пустозерскѣ Аввакумъ былъ сожженъ «за великія на царскій домъ хулы».

Андрей И. Фирсовъ.

ГЕЛЕНДЖИКЪ.

ОМНИТЕ, когда писалъ Н. В. Гоголь о департаментахъ и прибавлялъ, что не дай Богъ тронуть какойнибудь департаментъ, что нѣтъ ничего сердитѣе департаментовъ.

Да, это было тогда... когда не было курортовъ... А теперь съ увѣренностью можно сказать, что нѣтъ ничего сердитѣе курортовъ, самолюбивѣе, мелочнѣе и самохвальнѣе, особенно при этомъ новыхъ, зарождающихся...

Поэтому нужно быть при ихъ описаніи особенно осмотрительнымъ, но все-таки справедливымъ.

Геленджикъ происходитъ отъ татарскаго слова, что означаетъ невѣста. Это село, или станица, какъ называютъ мѣстные жители, находится въ 38 верстахъ къ югу отъ Новороссійска и расположено полукругомъ по берегу красивой и большой бухты въ формѣ кошеля.

Окрестности Геленджика не представляютъ ничего особеннаго ни по своему расположенію, ни по своей живописности. Скорѣе угрюмыя, нежели привлекательныя, горы невысокія съ сѣроватымъ колоритомъ и бѣдною растительностью окружаютъ бухту, отступая отъ берега, гдѣ на версту, а гдѣ болѣе. Вотъ на этомъ пространствѣ и помѣщаются село, дачныя постройки и цементный заводъ франкорусской акціонерной компаніи. На сѣверномъ мысу бухты и вдоль берега открытаго моря находятся культурные участки, за

нятые виноградниками. Эти участки принадлежатъ частнымъ лицамъ, получившимъ землю отъ министерства государственныхъ имуществъ на льготныхъ условіяхъ по выплатѣ изъ стоимости по 100 рублей за десятиву съ обязательствомъ въ теченіе 5-ти лѣтъ воздвигнуть жилия постройки и произвести культуру половины участка. Участки разныхъ размѣровъ, по 3, 7 и 10 десятинъ. Для устройства хозяйства на такихъ участкахъ непременно требуется нѣкоторый капиталъ.

Участки всѣ подъ виноградниками, культура плодовыхъ, фруктовыхъ деревьевъ невозможна, вслѣдствіе сильнаго мордъ-оста, къ сожалѣнію, свирѣпствующаго въ этой мѣстности. Но объ этомъ я поговорю потомъ подробнѣе.

Село расположилось на южномъ берегу бухты. Постройки его разбросаны, не тѣсны, нѣкоторыя окружены растительностью довольно жалкаго вида; впрочемъ попадаются кое-гдѣ фруктовыя деревья, черешня и даже пирамидальныя тополя; эти деревья растутъ въ низинахъ, гдѣ мордъ-ость «не беретъ» сильно.

Небольшая церковь близъ моря построена на площади противъ двухкласснаго мужского училища, прекраснаго зданія, гдѣ много свѣта и простора, позади церкви тоже красивая постройка сельскаго правленія,—всѣ постройки каменные, оштукатуренныя.

Близъ этой площади извозчичья биржа, пристань ежедневно приходящаго лѣтомъ изъ Новороссійска катера и контора русскаго общества пароходства и торговли, пароходы котораго приходятъ дважды въ недѣлю изъ Одессы и дважды изъ Батума.

Кромѣ морскаго сообщенія съ Геленджикомъ, имѣется и сухопутное по прекрасному «голодному» шоссе (построено въ 1891 году въ голодный годъ генераломъ Анненковымъ), какъ я уже упоминалъ, въ 38 верстахъ отъ главнаго города Черноморской губерніи Новороссійска. Переходя къ краткому описанію станицы, я долженъ упомянуть о множествѣ мелочныхъ лавокъ и пекаренъ съ товарами, бракованными въ центрахъ: мука и папиросы, чай и керосинъ, картофель и конфеты, лампы и брюки, табакъ и ветчина, все можете приобрѣсти почти въ каждомъ торговомъ заведеніи Геленджика. Имѣется даже «лавка для потребителей», остроумная вывѣска которой придумана владѣльцами этой жалкой лавченки по причинѣ фиктивнаго рыбнаго акціонернаго завода, къ которому будто бы сія лавка относится.

Итакъ торговля процвѣтаетъ. Въ Геленджикѣ торгуютъ всѣ—и чиновники, и дачевладѣльцы, и агенты, и старые, и малые... Кто же этотъ несчастный покупатель? Конечно, курсовой, пріѣзжій на морское купанье. Разумѣется, для него понастроены, понадѣланы всякіе ловушки и калканы, и онъ желанный звѣрь и добыча.

Имѣется аптека, аптекарскій магазинъ, трактиръ, двѣ гостиницы, двѣ турецкихъ кофейни, сапожники, портные, парикмахеръ,

«монополь», двѣ торговли мѣстными винами и базарная площадь, на которой почему-то помѣщается женское начальное училище, вѣроятно, чтобы съ дѣтства приучить женскій полъ къ хозяйственнымъ манипуляціямъ.

Вотъ и все, прибавивъ сюда почтовую контору и санаторію доктора Сульджинскаго, у котораго на полномъ пансіонѣ за 100 рублей въ мѣсяцъ каждому не возбраняется пожить, покупаться и познакомиться съ нордъ-остомъ.

Этотъ нордъ-ость, ужасный вѣтеръ, кромѣ своей силы, сухости, доходящей до того, что палить, уничтожаетъ, коверкаетъ (кривая низкорослая растительность) деревья, характеренъ своей непрерывностью, дуетъ по три, по шести, девяти дней необычайно заунывными тонами. Онъ проникаетъ всюду, отъ него нѣтъ спасенія. Качаются и трещатъ деревья, скрипитъ дверь, пищитъ оконная рама, стонетъ въ лѣсу, хаосъ происходитъ въ бухтѣ, въ которой вода летитъ вверхъ, разсыпаясь мелкими брызгами.

Во время нордъ-оста, зимой и весной, если вы нервный человекъ, то рискуете сойти съ ума, пустить себѣ пулю въ лобъ. Боже!.. что за ужасный, гнетущій этотъ вѣтеръ!.. «Какъ себя чувствуете?»—спрашиваетъ меня послѣ пятидневнаго нордъ-оста мѣстный обыватель. Я затрудняюсь отвѣтить.—«У меня,—продолжаетъ, онъ,—не нервы, а веревки, но и меня тронулъ, мѣста не могу найти, сна никакого»...

Да, сонъ бѣжитъ отъ васъ, и вы невольно по цѣлымъ ночамъ прислушиваетесь къ этому стону, визжанью, къ этому нестерпимому хору отвратительныхъ, щемящихъ сердце звуковъ... жутко!.. тяжело!..

Зимой нордъ-ость холодный, сухой, никакой сѣверный морозъ не поспоритъ съ нимъ въ люлости, а лѣтомъ жаркій, сухой, пышетъ словно изъ гигантской раскаленной печи.

Ну, можетъ ли при такомъ «иродѣ» выдержать какая либо культура, когда дубъ, могучій дубъ, морщится и свертывается въ три погибели?

«У насъ нордъ-ость беретъ меньше, нежели въ Новороссійскѣ,—говоритъ въ ваше утѣшеніе геленджикскій житель... тамъ и крыши снимаетъ, и телеграфные столбы, какъ прутики сухіе, ешибаетъ, тамъ и экипажи съ людьми и лошадьми переворачиваетъ, а у насъ слава Богу!»...

Не угодно ли?

Крѣпкая колючка(держи-дерево)—характерная флора Геленджика, это родное дитя нордъ-оста. Еще не боится его виноградъ, это благородное и вмѣстѣ съ тѣмъ странное растеніе по неразборчивости почвы; мало того, виноградъ здѣсь великолѣпный и вина прекрасныя, во всякомъ случаѣ лучше крымскихъ, могу указать на сорта сотерна и лафита.

Общій видъ Геленджика.

Нордъ-ость для винограда не вреденъ, если не полезенъ, нордъ-ость пользуется исключительной любовью винодѣловъ, безбоязненно совершающихъ свои операціи при нордъ-остѣ, но никогда во время «моряка» (вѣтра съ моря, SO).

«Сѣверо-восточное побережье Чернаго моря представляетъ собою одну изъ лучшихъ въ мірѣ мѣстностей для разведенія виноградниковъ... этотъ край предназначенъ природой производить вино высокиихъ качествъ» (рѣпортъ агронома по изслѣдованію винодѣлія 20-го февраля 1870 года).

Съ своей стороны повторяю: прекрасныя, тонкія вина!.. Можетъ быть, нордъ-ость играетъ при этомъ большую роль своею сухостью. Благодаря этому же нордъ-осту, Геленджикъ обладаетъ превосходнымъ, здоровымъ и сухимъ воздухомъ. Лихорадокъ здѣсь нѣтъ вообще рѣдко бываетъ тифъ и другія заболѣванія, которыми такъ богатъ югъ этого побережья.

Вообще, если бы не было нордъ-оста, то былъ бы Геленджикъ живописнымъ и красивымъ мѣстечкомъ, но тогда не было бы и здороваго по своей рѣдкости воздуха.

Лѣтомъ послѣ нордъ-оста нѣтъ ни мухи, ни мошки, а комаровъ и вовсе не бываетъ. Море тогда чистое, свѣтлое, какъ слеза. Послѣ нордъ-оста и зимой и лѣтомъ, а особенно осенью, бываютъ прямо чудные дни.

Мы совѣтуемъ пріѣзжать сюда на лѣто и осень, но отнюдь не на зиму и весну.

Теперь перейдемъ къ населенію и исторіи этого морского мѣстечка. Геленджикская община смѣшанная и состоитъ изъ русскихъ и грековъ съ преобладаніемъ первыхъ: русскихъ 776 душъ и грековъ—92, еще 7 поляковъ и 5 нѣмцевъ душъ обоего пола, что составляетъ около 300 дворовъ.

Заселеніе Геленджика русскими относится къ 1864 году, когда берега бухты заняли прибывшіе изъ-за Кубани казацкія семьи нынѣ упраздненнаго Шапсугскаго батальона. Эти шапсугцы составляютъ теперь коренное населеніе 12 станицъ Черноморской губерніи.

Шапсугскіе поселенцы были надѣлены землею по 20 десятинъ на каждую наличную мужскую душу (душъ, рожденныхъ по 1870 годъ) и по 10 десятинъ потомственныхъ участковъ на поселенца-охотника. Шапсугцы получали солдатскій паекъ въ теченіе трехъ лѣтъ, затѣмъ, по ихъ просьбѣ, паекъ продолжали выдавать еще и четвертый годъ.

Новые поселенцы, живя казена нныхъ харчахъ, къ хозяйственной организаціи не спѣшили приступать.

Черкесы оставили прекрасные сады близъ Геленджика въ горныхъ ущельяхъ, но шапсугцы ими не воспользовались, да и не умѣли, вѣроятно, обращаться съ культурными деревьями. Однимъ

словомъ часть садовъ порубили, а оставшаяся обратилась въ дичь и пошла на кормъ кабановъ и медвѣдей.

Неохотно приступали поселенцы къ работамъ, какъ рассказывали мнѣ старожилы. «Не родить земля»,—отвѣчали они начальству, требуя паякъ. Начальство рѣшило само убѣдиться и потребовало, чтобы на его глазахъ была посеяна пшеница.

Тогда поселенцы обнаружили остроуміе: они обварили сѣмена кипяткомъ и посеяли. Пшеница, разумѣется, не родилась, тѣмъ

«Планъ» и дача въ Геленджикѣ.

не менѣе паякъ прекратился, и остроумные люди должны были приняться за плуги.

Положимъ, въ этой мѣстности, по случаю сухого климата, урожаи посредственные и то на низинахъ. Повыше посеянный хлѣбъ или сгораетъ или сносится нордъ-остомъ. Нынѣшнюю весну я самъ видѣлъ десятины двѣ прекрасно взшедшей пшеницы, которую нордъ-ость всю, безъ остатка, снесъ въ море, и на мѣстѣ красиваго зеленаго поля на берегу осталось поле бурой земли.

Разговорился я со старымъ поселенцемъ-шапсугцемъ.

— Дикое мѣсто тогда было,—рассказывалъ онъ.—Дорогъ никакихъ, кромѣ горныхъ черкесскихъ. Выдано намъ было на семью по 140 рублей на подъемъ, у кого свои деньги были... ничего—жить

можно было... Черкесы тогда еще проживали, дешево у нихъ все было, а скотъ, когда уходили, нипочемъ продавали. Сады, хорошіе сады были у черкесовъ.

— Гдѣ же они теперь?...

— Пропали, одичали.

— А греки когда поселились?.

— Года черезъ два послѣ нашего устройства пришли изъ Турціи. Смотримъ, однажды на берегу народъ неизвѣстный, священникъ въ родѣ нашего попа съ ними, что-то лопочать непонятное... Фелюги ушли, а они остались; начальство разъяснило намъ, что люди эти съ нами жить будутъ. Намъ что жъ?.. Земли много, да и намъ веселѣе...

— А много васъ было въ Геленджикѣ?

— Семей сорокъ было... Послѣ грековъ стали принимать русскихъ изъ Полтавской, Екатеринославской, Черниговской губерній, хохловъ, которые стали тоже селиться и стали называть станицу Зеленчукъ.

Поселенцы изъ русскихъ губерній, или новожилы, какъ ихъ называютъ старожилы, поселены были на другихъ условіяхъ землевладѣнія, а именно: получили въ надѣлъ на каждый дворъ по 30 десятинъ въ общемъ со старыми поселенцами юрту. Земли были не размежеваны, не устроены, работаль тамъ, гдѣ хотѣль, и старый и новый поселенець.

Такимъ образомъ составилаь разнохарактерная община и по національности и по землевладѣнію: душевому и подворному. Такое поземельное устройство не общало особыхъ благъ въ будущемъ, въ чемъ и приходится убѣдиться въ настоящее время при вопросѣ объ отдѣленіи старожилковъ отъ новожиловъ. Вопросъ этотъ весьма существенный, а неопредѣленное земельное положеніе крестьянъ Черноморской губерніи несомнѣнно весьма вредно вліяеть на прогрессъ и культуру крестьянскаго хозяйства.

Но какъ произвести раздѣлъ, когда отдѣльныя хозяйства новожиловъ и старожилковъ смежны, и когда и тѣ и другіе поженились и перероднились?!

Поселеніе крестьянъ на черноморскомъ побережьи производилось ранѣе безъ системы. Мѣнялось управленіе, край переходилъ изъ вѣдѣнія одного вѣдомства въ другое, и въ результатѣ получилась какая-то земельная каша, которую теперь приходится расклебывать.

На этомъ земельномъ нестройствѣ возникло любопытное явленіе, — явленіе, привлекающее въ Геленджикъ спекуляторовъ, аферистовъ и дачниковъ, явленіе, вреднымъ образомъ отразившееся на жизни крестьянъ и еще больше спутавшее ихъ понятіе о земельномъ правѣ.

Я имѣю въ виду «планы», крохотные земельные участки въ 500 квадратныхъ сажень, которые въ настоящее время продаются,

Цементный заводъ въ Геленджикѣ.

перепродаются, понижаются, а больше повышаются въ цѣнахъ, составляя предметъ самой беззащитной и наглой спекуляціи.

Къ чести крестьянъ надо сказать, что въ спекуляціяхъ они не участвуютъ, кромѣ развѣ своего представителя и нѣкоторыхъ комиссіонеровъ, жалкихъ крестьянъ, не могущихъ работать и жондствовать.

Въ почтовой конторѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ, на фонарномъ столбѣ, на извозничьей биржѣ, вывѣшены объявленія о продажѣ плановъ. Кто же эти продавцы и перекупщики? Чиновники, разные мелкіе коммерсанты и лица изъ Ростова и Екатеринодара, вообще лица, желающія получить на свой капиталъ 200, 300 процентовъ барыша.

Какимъ образомъ?!

Сейчасъ я объясню эту въ сущности нехитрую механику, относящуюся къ оживленію и развитію курортной жизни на черноморскомъ побережьи, также и въ Геленджикѣ.

Восточный, самый красивый берегъ бухты, принадлежащій геленджикской общинѣ не былъ заселенъ, представляя собою плотныя рощи колючекъ, которыя впрочемъ и теперь доминируютъ надъ растительностью «бульвара приморскаго».

Когда въ 1891 году прошло черезъ Геленджикъ шоссе, когда, благодаря богатству въ горахъ цемента, на сѣверо-восточной сторонѣ бухты началъ строиться цементный заводъ франко-русской компаніи, тогда «дѣловые» люди обратили вниманіе на красивый и незаселенный восточный берегъ.

Геленджикская община тогда была бѣдная и доходовъ (оброчныхъ статей) никакихъ не имѣла.

«Дѣловые люди» говорятъ крестьянамъ: «Сколько у васъ тамъ на берегу гуляетъ земли, дайте намъ въ аренду, мы будемъ платить посаженно, построимъ домики, будемъ жить, пріѣдутъ другіе, тоже «хорошіе» люди, и всѣмъ будетъ хорошо, а вамъ выгодно, потому что у насъ деньги, а у васъ шиши».

«Дѣловые» люди были правы, и крестьяне постановили обществомъ сдать имъ въ арендное пользованіе нѣкоторые участки, близкіе къ морю. «Хорошіе» люди построились, немного пожили, да и продали и землю и домики за хорошія деньги другимъ людямъ, т.-е. уступили арендное пользованіе за деньги, получивъ оное отъ крестьянъ бесплатно.

Узнали объ этомъ крестьяне и, по обыкновенію, зачесали въ затылкахъ.

А «хорошіе» люди пріѣзжали, да пріѣзжали, желая тоже быть полезными крестьянамъ, которые узнали, что участки, получившіе названіе плановъ, можно не только сдавать въ аренду, но и продавать (это общественную землю-то!).

Собрали сходъ, постановили продавать мірскую землю участками по 500 квадратныхъ сажень, рѣшивъ каждому общиннику отрѣзать по четыре плана.

Начальство утвердило это въ сущности незаконное постановленіе схода, и «тогда пошла писать губернія».

Пригласили землемѣра, который разбилъ планы по четыреугольникамъ, по десяти плановъ въ каждомъ, поставилъ мѣста для улицъ, переулковъ, словомъ распланировалъ цѣлый городокъ, захвативъ лучшія приморскія мѣста южной части бухты. Землемѣръ сдѣлалъ свое дѣло и получилъ, кромѣ денежной mzды, отъ благодарныхъ крестьянъ еще планъ.

Все было хорошо. Теперь, пожалуйста, самые лучшіе, свѣжіе планы!.. И пожаловали... Вотъ тогда и поѣхали аферисты и перекупщики; къ тому времени, къ 1894 году, и относится возникновеніе особаго рода спекулятивной «плановой биржи», этого любопытнаго и выѣстѣ съ тѣмъ безнравственнаго явленія въ Геленджикѣ.

«Плановъ» было много, крестьяне въ деньгахъ нуждались и при томъ цѣнности «планамъ» не придавали. Плановое, заросшее колючками мѣсто—что въ немъ?! оно не родитъ ни жита, ни пшеницы, да и скоту ходить по колючкамъ трудно, да и травы почти нѣтъ на сухомъ, каменистомъ берегу. Виноградниками (а здѣсь могли бы быть чудные виноградники) крестьяне не занимались, не были знакомы съ его культурой, да и средствъ на это дѣло у нихъ не было, а о будущемъ курортѣ, конечно, и помыслить не могли.

Нѣкоторые даже удивлялись и смѣялись надъ панями, которымъ понадобилась земля съ колючкой, когда подальше отъ моря, туда, въ горы, добрыя земли, на которыхъ богато растутъ и травы и хлѣба.

Но «дѣловые люди» знали, что дѣлали. Они покупали да покупали: «планы» шли по 25, 40 и рѣдко по 50 р., а кое-кто продавалъ и дешевле: мнѣ показывали прекрасное, теперь культивированное и застроенное мѣсто, прибрѣтенное, кажется, за ведро водки.

Какая же была техника продажи?.. Гдѣ производилась сдѣлка, и совершалась купчая?..

Разумѣется, ни одинъ нотаріусъ не могъ быть посредникомъ въ продажѣ участковъ мірской земли—всѣ сдѣлки совершались въ сельскомъ правленіи и вносились въ имѣющіяся тамъ книги.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, когда у крестьянъ были скуплены, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, всѣ лучшіе, близкіе къ морю «планы», и начался сперва медленный, а потомъ быстрый ростъ «плановыхъ» цѣностей. Покупались и перепродавались, переходили изъ однѣхъ рукъ въ другія, люди волновались, интриговали, выжидали, высматривали, однимъ словомъ пускали въ ходъ всякіе приемы, лишь бы купить дешево и продать дорого.

Тихое, непосредственное мѣстечко преобразилось и стало неузнаваемо. Лѣтомъ стало набѣзжать много людей, одни пожить и покупаться, другіе по «дѣловой части». Эти послѣдніе строили дачи, спѣшили и, не достраивая, продавали съ огромной выгодой, а затѣмъ покупали новые планы и приступали къ еще болѣе хитрымъ постройкамъ. Появились дачи съ башенками, съ удивительными балкончиками, нелѣпыми террасами, но ни одного красиваго, удобнаго зданія. Во всѣхъ этихъ постройкахъ, всякій поверхностный наблюдатель можетъ видѣть нехозяйственность и спѣшку построекъ.

Издали и хорошо и красиво, а познакомьтесь со внутренностью, и вы тотчасъ поймете, что домъ выстроенъ не для того, чтобы жить, а чтобы продать.

Къ этому времени относится возникновеніе санаторіи и многихъ мелкихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній. Геленджикъ шель по пути городского культурнаго развитія.

Восточный берегъ бухты сталъ неузнаваемъ, онъ весь покрылся пестрыми постройками домиковъ и дачъ на плановыхъ участкахъ. Мѣстные культуртрегеры, занявшіеся постройками, перестройками и перепродажами участковъ въ тѣсномъ сообществѣ съ чиновниками, поставили вопросъ о переходѣ села Геленджикъ въ посадъ съ цѣлью, конечно, полнаго отчужденія крестьянскихъ земель и продолженія спекуляціи этими землями въ новыхъ посадскихъ условіяхъ, ибо цѣны на планы въ настоящее время искусственно они, «дѣловые люди», довели прямо до ужасающихъ суммъ.

Планъ, стоившій въ 1894 г. 50 р., теперь, и то съ трудомъ, можно купить за 3.000 рублей... Цѣны 50 р., 40 р. отошли въ область далекаго преданія. Не вѣрится, что существовали такіе цѣны. Помилуйте!..

Недавно осматривая случайно отдаленный отъ моря «планъ», на твердой каменистой почвѣ котораго не выростетъ деревца, планъ съ какими-то буграми, ямами, я спросилъ его цѣну: «тысяча рублей», отвѣчалъ мрачный человѣкъ хищнаго вида — хозяинъ этого «чуднаго уголка».

— Значитъ, десятина такой прелестной земли, — сказалъ я, — стоитъ четыре съ половиной тысячи?!

Хищникъ былъ видимо пораженъ и молчалъ. Потомъ крикнулъ лишь въ слѣдъ: «говорите вашу цѣну, можно уступить»...

Въ самомъ дѣлѣ, если «планъ» 2.000, 3.000 р. (500 кв. саж.), то какая же выходитъ цѣна десятины? 10.000 р. и 15.000 рублей!..

Вотъ до чего довела спекуляція!..

Рядомъ министерство земледѣлія отдаетъ въ полную собственность и еще съ разсрочкой платежа десятину земли, несравненно лучшей, нежели подъ плановыми мѣстами,—за 100 р.; г-жа Хрущева, извѣстная винодѣлка, продаетъ десятину прекрасной и удоб-

ной по 700 р. ¹⁾, а аферисты по 15.000 р.—еще сомнительной и только арендованной земли!..

Меня прямо удивляетъ, какъ могло это произойти. Странно, въ Россіи такъ много начальства и всякаго надзора, а когда надзоръ этотъ нуженъ, когда спекуляція дошла до точки, и когда вредъ ея безусловный, тогда... тогда дѣйствуйте, милые «дѣловые» люди!.. набивайте себѣ карманы!..

А деморализація крестьянъ, еще не устроенныхъ въ земельномъ отношеніи?! Развѣ это не важное обстоятельство?!..

Церковь въ Архипоосиповѣ.

Кавказское побережье—край, еще не изслѣдованный, край будущаго, еще неизвѣстно, какого будущаго, ни земельныхъ оцѣнокъ, ни статистическихъ изслѣдованій не было, а спекуляція земельная царить по всему побережью. Развѣ искусственное поднятіе цѣнъ поведетъ къ добру? поможетъ культурнымъ цѣлямъ? Развѣ дачники, всѣ мысли которыхъ направлены къ тому, чтобы создать ротонду и бульваръ, гдѣ бы игралъ оркестръ музыки, и гдѣ они могутъ показать свои костюмы и обмѣняться свѣжими силетнями, развѣ это элементъ нужный и полезный?!.. Это соръ и накупъ

¹⁾ Семьсотъ рублей на самомъ берегу моря.

культуры и больше ничего, хоть они и называютъ себя «интеллигенціей», но читатель, конечно, знаетъ настоящую интеллигенцію, трудовую, не спекулирующую.

Не для нихъ кавказское побережье, а для людей труда и труда упорнаго, долгаго, тяжелаго, ибо здѣсь все упорно—и земля, и скалы, и горы, и культура, которая можетъ вознаградить, но ждать этого нужно терпѣливо.

А то, не угодно ли?

Передъ окнами моей квартиры возвышается вычурный, съ балкончиками домъ, принадлежащій нѣкоей особѣ. Домъ, конечно, сдается порознь и весь...

Хозяйка гдѣ-то помѣщается на задворкѣ, что здѣсь въ порядкѣ вещей среди «дѣловыхъ людей». Этотъ домикъ—уже третій. Первый былъ выстроенъ на пріобрѣтенномъ «планѣ» и проданъ за хорошую цѣну... Купленъ другой планъ и выстроенъ другой домъ и проданъ... Теперь третій домъ, большой, построенъ на чистый доходъ отъ первыхъ двухъ, а капиталъ цѣль, и это въ два года нажить 200%!..

Довольно, однако, фактовъ изъ области спекуляціи, хотя это самое современное, совершенно терпимое здѣсь явленіе.

Мнѣ жаль Геленджикъ, какъ курортъ и мѣсто лѣтняго отдыха небогатой трудящейся интеллигенціи, той интеллигенціи, которая, намаявшись и уставши за зиму, имѣетъ даже нѣкоторое право на отдыхъ.

Для людей со средствами къ услугамъ южный берегъ Крыма съ его дорогими гостиницами и всякимъ комфортомъ, Сочи и другія мѣста; но чтобы пожить дешево на берегу моря, подышать свѣжимъ воздухомъ, покупаться и, хотя на время, избавиться отъ мелочныхъ неприятностей, такого мѣста нѣтъ.

Былъ Геленджикъ, но теперь этотъ Геленджикъ дорогой и безпокойный для лицъ съ небольшими средствами. Квартиры на культурной сторонѣ дороги, жизненные продукты вслѣдствіе общаго спекулятивнаго характера жизни вздорожали: фунтъ баранины стоитъ 15 к., молоко снятое 8 к. бутылка, сливочное масло 60 к. фунтъ и т. д.—все петербургскія цѣны.

Прежде, «до спекуляціи», было все втрое дешевле. Прежде прожить на 25 р. въ мѣсяцъ, имѣя комнату въ крестьянской хатѣ, было совершенно возможно, но теперь и крестьянинъ во всемъ дорожится, видя, какъ поступаютъ «дѣловые люди».

Ко всему этому отношеніе къ квартирантамъ на культурной или дачной сторонѣ самое возмутительное.

Мой, напримѣръ, хозяинъ, подписавъ со мной условіе, на соблюденіе его не обращаетъ никакого вниманія и, взявъ половину

платы за квартиру (за сезонъ), хладнокровно говоритъ: «не нравится—такъ уходите!»..

Ну, что вы подблаете?.. Судитесь, ѣхать въ Новороссійскъ, гдѣ пребываетъ судья.. подумайте, вѣдь вы пріѣхали отдохнуть и полѣчиться!.. Съ крестьянами, конечно, такихъ недоразумѣній не можетъ быть: ихъ во всякомъ случаѣ разрѣшитъ сельское правленіе.

Такимъ образомъ складывается въ сущности шаблонный курортъ со всѣми особенностями, неудобствами, а главное ненормальными отношеніями между пріѣзжими и квартиросодержателями.

Цементная гора.

А было не то до поселенія въ Геленджикѣ культурныхъ хищниковъ. Была деревня, куда пріѣзжала небогатая трудовая интеллигенція, безъ претензій на какой либо внѣшній комфортъ; эта интеллигенція, довольная волей и просторомъ горъ и моря, не обращала вниманія на неудобства и ютилась по крестьянскимъ хатамъ и была довольна, благо дешево и просто..

Но... «налетѣли злые коршуны, набѣжали поляки»..

И началось другое, дорогое, нудное и сложное... и простой, дешевый курортъ направился по проторенной дорожкѣ дороговизны и искусственнаго вздорожанія.

Теперь бѣднякъ не поѣдетъ отдыхать въ Геленджикъ.

Кстати, село Геленджикъ будто наканунѣ перехода въ посадъ. Плохо вѣрится этому, но все можетъ быть! Кому этотъ переходъ нуженъ? Не крестьянамъ, конечно, а людямъ, желающимъ развитія курорта, лицамъ, купившимъ «планы» (арендовавшимъ крестьянскіе участки) и страстно желающимъ получить оныя въ свою полную собственность.

Если посадъ вмѣсто села—дѣло рѣшенное, то мѣсто ли для этого Геленджикъ, близкій къ Новороссійску? Мнѣ кажется, что въ административномъ, врачебномъ и др. отношеніяхъ нужно выбрать для центра съ врачебнымъ пунктомъ другой пунктъ посреди Новороссійска и Туапсе, и такой пунктъ имѣется на берегу моря въ 100 верстахъ отъ Новороссійска и въ 90 верстахъ отъ Туапсе—большое селеніе Архипоосиповка.

Селеніе—для русскихъ имѣющее историческое значеніе, вслѣдствіе геройской смерти рядового тенгинскаго полка Архипа Осипова, взорвавшаго при нападеніи 10.000 черкесовъ пороховой погребъ Михайловскаго укрѣпленія, при чемъ при взрывѣ погибъ многочисленный непріятель и небольшой русскій отрядъ смѣлыхъ защитниковъ Михайловскаго.

Событіе это произошло 22 марта 1840 года. Въ настоящее время Архипу Осипову поставленъ въ видѣ памятника большой желѣзный крестъ, который виденъ въ долинѣ далеко съ моря.

Повторяю, если правительство не остановится передъ большими затратами, чтобы село обратить въ посадъ (хотя собственно нужды въ этомъ нѣтъ), то, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ сообразоваться съ мѣстными нуждами края, а не съ алчными аппетитами сомнительныхъ пришельцевъ.

Представьте себѣ больныхъ въ Архипоосиповкѣ и окрестностяхъ. Медицинская помощь—или въ 100 или 90 верстахъ.

Я не понимаю: не останавливаться для ненужныхъ затратъ въ Геленджикѣ передъ сотнями тысячъ и въ то же время не обращать вниманія, что въ Архипоосиповкѣ развалилась церковь и по своей ветхости въ нынѣшнемъ году должна быть запечатана.

Кстати, рисунокъ этой церкви прилагаю.

Но перехожу къ Геленджику.

Сѣверо-восточная часть бухты занята цементнымъ заводомъ акціонерной компании. Заводъ находится на арендованной у крестьянъ землѣ и состоитъ въ синдикатѣ съ двумя другими цементными заводами въ Новороссійскѣ.

Прежде дѣла этого завода шли хорошо, теперь неособенно.

На прилагаемомъ мною рисункѣ нѣтъ жилищъ рабочихъ—этихъ жалкихъ землянокъ, конуръ, вырытыхъ по оврагамъ... Боже!.. что это такое?.. Для видимости, а, можетъ быть, для насмѣшки построено 4 или 5 каменныхъ коттеджей, но большинство землянки.

Мнѣ говорили, что это хорошо теперь, а прежде рабочіе спали просто въ кустахъ колючки. Въ самомъ дѣлѣ, тепло—югъ и Кавказъ.

На самомъ берегу бухты малюсенькій домикъ съ электрическимъ освѣщеніемъ и шестью кроватями: это—больница, такая чистенькая, прибранная, точь въ точь курсовая барышня, вышедшая на вечернюю прогулку на бульваръ, гдѣ гремитъ или будетъ гремѣть музыка.

Цементныя залежи не въ одномъ только Геленджикѣ и Новороссійскѣ. Онѣ идутъ горными отрогами далѣе къ югу къ Михайловскому перевалу, гдѣ разработаны инженеромъ-техникомъ Томашевскимъ, который между прочимъ нашель въ своемъ имѣніи прекрасный литографскій камень, получившій первую награду на Нижегородской выставкѣ. Но дѣло это, по отсутствію средствъ у г. Томашевского, не пошло.

Въ заключеніе моего очерка я долженъ сказать нѣсколько словъ объ окрестностяхъ Геленджика, которыя впрочемъ особаго интереса не представляютъ. Къ югу идутъ горы, покрытыя лѣсомъ, преобладающими породами которыхъ являются дубъ, букъ (по-мѣстному чинаръ), ясень, грабъ, можжевеловое дерево, сосна, груша, яблонь—все это перевито ліанами и дикимъ виноградомъ и потому даетъ пріютъ дикимъ звѣрямъ, которымъ кормовъ пропасть. Медвѣди, кабаны, барсуки, волки, шакалы, лисицы, зайцы, дикіе коты и проч. водятся въ лѣсахъ въ достаточномъ количествѣ.

Прогулки совершаются въ «фальшивый Геленджикъ», красивое мѣстечко на берегу моря, названное такъ потому, что имѣетъ небольшую бухту съ очень похожими съ моря очертаніями, такими, какъ въ настоящемъ Геленджикѣ: какъ та, такъ и другая бухта, при входѣ въ море, имѣетъ съ южной стороны толстый мысъ, а съ сѣверной тонкій.

Это—сходство Геленджиковъ настоящаго и фальшиваго. Но разница весьма основательная.

Мы пошли въ «фальшивый» Геленджикъ пѣшкомъ черезъ горы по старой черкесской ¹⁾ дорогѣ. Нужно подняться на перевалъ и спуститься.

Дорога, неинтересная сама по себѣ, тѣмъ не менѣе, даетъ возможность любоваться Геленджиками, настоящимъ и фальшивымъ, а также открытымъ безграничнымъ моремъ.

Нѣкоторые предметы и комбинаціи въ миниатюрѣ изящны и красивы: такъ и Геленджики съ перевала. Раскинулись среди зелени домики и дачи, пестрой толпой спускаются къ бухтѣ, какая прелестная зеленая декорація!..

¹⁾ Прежде до взвоеванія Кавказа были прекрасныя горныя черкесскія дороги, которыхъ русскіе не поддерживали, и большинство ихъ заросло, а нѣкоторыя, рѣдкія остались.

Когда мы спустились къ «фальшивому» Геленджику, кромѣ моря, бухточки и долины, видны были двѣ постройки: одна внизу долины—бѣлое зданіе, другая постройка—сѣрая, вверху на толстомъ мысу.

Та и другая замѣчательно красивы издали, особенно нижняя, вся въ зелени.

— Нижнія постройки,—говорилъ нашъ спутникъ, старый мѣстный охотникъ,—санаторія доктора Свѣтлицкаго, а хуторъ повыше принадлежитъ Навроцкому. Прежде здѣсь прѣдѣла фазановъ водилась...

— А теперь?!

— Перебили... Легко было стрѣлять эту птицу, да лисицы и шакалы за ней тоже охотились, а люди послѣднихъ истребляли мало,—отвѣчалъ охотникъ.

Мы продолжали спускаться къ «фальшивому». По скату горъ лѣсъ повырубленъ, множество мелкихъ дубковъ, похожихъ на кустарники, и много цвѣтовъ, среди которыхъ пунцовыя и бѣлыя дикія розы, очень пахучія. Пустынно, тихо кругомъ, воздухъ дивный и это блестящее, изумрудное море... Какая сила, красота и могущество!.. Вдали тянется, какъ червякъ, большой пароходъ, близъ берега бѣлѣетъ парусъ турецкой фелюги!..

Чѣмъ ниже, тѣмъ гуще и темнѣе зелень.

— Надо будетъ намъ переходить рѣчки,—говорилъ охотникъ:—положены ли только переходы?

Мы были близъ санаторіи, которая теперь совсѣмъ скрылась въ зелени. Что это? Трава высокая, сочная, лопухи, а затѣмъ, затѣмъ болото... Итти трудно. Но наконецъ вотъ и рѣчка. Окруженная ветлами, камышемъ, всякими порослями, темная, непривѣтливая рѣчка съ квакающими лягушками.

Комары кружатся надъ вами и около васъ со своимъ тонкимъ, характернымъ визгомъ.

«Санаторія,—мелькало въ моей головѣ,—но здѣсь болото, лихорадочное мѣсто и даже комары, которыхъ нѣтъ въ настоящемъ Геленджикѣ!»

Першли одну рѣчку, другую. Неприятно было перебираться сквозь кусты и заросли. Скоро подошли къ санаторіи, которая окружена валомъ и глубокими канавами, что совершенно понятно среди болотнаго мѣста.

На валахъ растутъ виноградъ, въ канавахъ вода. Прекрасно!.. Вотъ такъ лѣчебница!.. Мнѣ раньше говорили, что эта санаторія славится лихорадками, но я не вѣрилъ, пока не убѣдился собственными глазами. Море близко, его берегъ низкій, несомнѣнно онъ заливается, здѣсь же впадаетъ въ море рѣчка. Однимъ словомъ лѣчебница, стоящая въ низинѣ, окружена съ трехъ сторонъ водою, представляя собой малярійный полуостровъ.

Владѣніе санаторіи—10 десятинъ бывшаго потомственнаго участка кр. Ст—ва, купленнаго докторомъ за 800 р. Мѣсто, какъ огородное и баштанное, великолѣпное мѣсто... Но, согласитесь, для лѣчебницы немного смѣлая затѣя!..

Вообще крайне непріятное впечатлѣніе!.. сумрачно, неуютно, а между тѣмъ издали какимъ прекраснымъ мѣстечкомъ кажутся постройки санаторіи, прямо живописныя!..

Воду изъ рѣчки пить нельзя, но при санаторіи имѣется колодезь. Бѣдовое дѣло эти горныя рѣчки, если онѣ застаиваются, образуя болота—тогда малярія несомнѣнная.

Красивое, живописное мѣстечко, этотъ «фальшивый» Геленджикъ, все было бы хорошо, если бы не болотная рѣчка!..

Лучше бы, если бы лѣчебница помѣщалась хотя бы на мѣстѣ хутора, на высотѣ, тамъ меньше лихорадокъ, и видъ на море замѣчательный по красотѣ и по широкому горизонту.

— Много живутъ во время сезона въ санаторіи?

— Въ прошломъ году человѣкъ 30 жило, а то и больше...

— Что же? болѣли лихорадками?

— Какъ не болѣть?.. извѣстно, какая мѣстность, особенно, если лѣто дождливое...—отвѣчалъ мѣстный обыватель и отвѣчалъ грустно.

— Сколько стоитъ пансіонъ въ санаторіи?..

— 50 рублей въ мѣсяцъ.

— Недорого, очень недорого,—удивился я,—въ настоящемъ Геленджикѣ въ санаторіи Сульджинскаго 100 р., но помѣщенія лучше, хвалятъ очень и содержаніе, и лихорадокъ нѣтъ, а есть нордъ-остъ!...

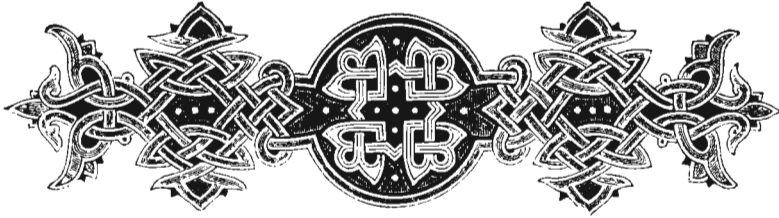
Я бы предпочелъ послѣдній, ибо, по русской пословицѣ, изъ двухъ золь выбирай меньшее, а лѣтній NO не такъ страшенъ, какъ зимній и весенній.

Вообще желающимъ провести время въ Геленджикѣ я рекомендую лѣто, но отнюдь не зиму и весну.

Говорятъ, что хороша и осень. Думаю, что это похоже на правду, прошлая осень была великолѣпна.

С. И. Васюковъ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЪ ПАЛЕСТИНУ ¹⁾.

ХІІІ.

Въ гостяхъ у образованнаго араба.—Разбитая лампадка.—Жертвенникъ въ Святой Землѣ.—Дорожный костюмъ.—Плодовитость земли.—Храмъ Гроба Господня.—Камень миропомазанія.—Искушеніе вѣры.

ВЪ РОССІИ мнѣ дали рекомендательное письмо къ одному іерусалимскому арабу, окончившему курсъ Кіевской духовной академіи. Онъ оказалъ мнѣ чисто восточное гостепріимство, предложивъ въ мое распоряженіе свою квартиру и даже свою кровать. Кромѣ меня, къ нему зашелъ еще одинъ пріѣзжій изъ Россіи.

Любезный хозяинъ оставилъ насъ вдвоемъ, а самъ поспѣшилъ на вечернія занятія въ контору. Я, нѣсколько знакомый уже съ обстановкой сирійскихъ домовъ, вышелъ на небольшой дворикъ полюбоваться прекраснымъ видомъ на Елеонскую гору, а мой компаніонъ занялся осмотромъ внутренней обстановки комнатъ. Вдругъ онъ быстро выходитъ ко мнѣ и говоритъ встревоженнымъ голосомъ:

— Помогите мнѣ исправить случившуюся неприятность.

— Да что такое?—спрашиваю его.

— Въ углу спальни теплилась у него лампада на столѣ, и тутъ же стояли прислоненные образа одинъ надъ другимъ. Я взялъ одинъ образокъ въ руки, а другіе скатились на лампадку, сдвинули ее, и она упала на полъ и разбилась. Разбилась и стеклянная подставка подъ лампадой. Все это я могу, конечно, сейчасъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIX, стр. 165.

купить, но меня угнетаетъ самый фактъ: не успѣлъ оставить насъ гостепріимный хозяинъ однихъ, какъ мы сейчасъ же причинили ему непріятность; кромѣ того, разбитая лампадка въ первыя минуты моего пріѣзда въ Іерусалимъ сильно меня смущаетъ, какъ вѣщее предзнаменованіе.

Я успокоилъ его, какъ могъ, и предложилъ ему сейчасъ же пойти въ лавки и купить стаканчикъ. И не только стаканчикъ мы скоро нашли и красивую подставку, и масло, и поплавки,—однимъ словомъ, все, что нужно для лампадки. Когда онъ зажегъ ее, я весело замѣтилъ своему товарищу:

— Ну, вотъ видите: «знаменіе-то ваше во благо» стало! Вспомните, когда Авраамъ или Іаковъ входили въ эту обѣтованную землю, то прежде всего чтò они дѣлали? Ставили жертвенникъ! Это даже и узаконено въ Библии Самимъ Богомъ! Поэтому евреи, входя въ Палестину изъ Египта или изъ Вавилонскаго плѣна, прежде всего воздвигали алтарь. Вотъ и вы: не разбей случайно лампады, вамъ бы и въ голову не пришло устроить этотъ жертвенникъ.

— Да, да!—вдругъ обрадовался онъ,—это законъ общій для всѣхъ людей, когда они вступаютъ не только въ Палестину, а вообще на нашу грѣшную планету. Вѣдь появленіе каждаго младенца на свѣтъ Божій сопровождается по закону тоже жертвою. Да, чего лучше! Общій родоначальникъ нашъ Ной, когда послѣ сорокадневнаго плаванія въ ковчегѣ вышелъ изъ него на землю, то прежде всего воздвигъ жертвенникъ.

Вскорѣ пришелъ хозяинъ дома, и мы втроемъ стали обсуждать планъ нашего путешествія по Палестинѣ. До Пасхи оставалось три недѣли. Страстную рѣшено провести въ Іерусалимѣ, а до тѣхъ поръ объѣхать Самарію и Галилею. Кстати приближался назаретскій праздникъ — Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы. Хозяинъ, какъ знакомый съ порядками, посоветовалъ отправиться въ Галилею круговымъ морскимъ путемъ черезъ Кайфу, а оттуда съ караваномъ черезъ Сихемъ въ Іерусалимъ. Онъ далъ намъ адреса и рекомендательныя письма и убѣждалъ не мѣшкать.

Мнѣ нравился намѣченный маршрутъ, потому что онъ давалъ намъ возможность осмотрѣть не только всѣ мѣста въ Галилеѣ, куда обыкновенно проникаетъ пѣшкомъ нашъ русскій паломникъ, но познакомиться еще съ прибрежною полосою Палестины и съ Кармилломъ, этою знаменитою горою пророка Іліи. Я предложилъ отправиться черезъ день, чтобы прежде успѣть посѣтить Гробъ Господень и вообще осмотрѣться въ Іерусалимѣ. Мой товарищъ по путешествію былъ со мною вполне согласенъ, но у него были еще и другія причины отложить поѣздку на одинъ день. Между прочимъ, онъ хотѣлъ застаться лѣтнимъ костюмомъ на дорогу.

— Господа, мой совѣтъ,—замѣтилъ намъ хозяинъ,—непремѣнно вамъ надо запастись теплымъ платьемъ на дорогу, потому что придется вамъ иногда путешествовать и по ночамъ. А теперь такъ легко простудиться на ночлегѣ подъ открытымъ небомъ, особенно послѣ сильно знойнаго дня.

— Я хотѣлъ ѣхать безъ багажа, а теперь придется везти и теплое платье!—съ горечью воскликнулъ мой компаніонъ.—Ну, а какъ же мѣстные жители: неужели у нихъ по двѣ перемѣны платья? Одно—для дневного времени, другое—для ночного?!

— Съ мѣстными жителями себя не сравнивайте: они здѣсь родились, да и костюмъ у нихъ приспособленъ и къ здѣшнему зною, и къ ночнымъ холодамъ. Бедуины завернутся съ головой въ свой шерстяной аба ¹⁾ и спокойно почувуютъ на землѣ. Но этотъ же плащъ защищаетъ ихъ отъ пыли, да и солнце не такъ сильно жжетъ спину.

— Отлично! Тогда и я наряжусь бедуиномъ,—рѣшилъ мой товарищъ и попросилъ свести его завтра въ магазины восточнаго платья.

Мы вышли въ небольшой садъ, огороженный каменнымъ заборомъ. Ни малѣйшаго дуновенія вѣтра. Темно настолько, что не различаешь дорожки подъ ногами среди темныхъ кустовъ.

— Удивительно,—замѣчаю я, задѣвая кусты и деревья,—какъ тутъ ухитряются что либо выростить на камняхъ!

— Вотъ вы,—сказалъ хозяинъ,—проѣзжали по желѣзной дорогѣ и видѣли кругомъ одинъ только голый камень, но попробуйте хоть немного надъ нимъ поработать, дайте ему воды, и вы будете поражены обиліемъ плодовъ. Про эту каменистую землю и теперь можно сказать, что она «течетъ молокомъ и медомъ». Только приложите небольшое стараніе.

На другой день, рано утромъ, первую мысль нашею было поспѣшить ко Гробу Господню. Любезный хозяинъ самъ повелъ насъ мимо многочисленныхъ иностранныхъ построекъ къ сѣверо-западному углу Иерусалима. Съ этой стороны какъ-то незамѣтно для себя мы очутились въ стѣнахъ города. Нѣсколько поворотовъ по узкимъ переулкамъ, и мы скоро вышли на небольшую площадку передъ храмомъ Воскресенія.

Вотъ онѣ хорошо знакомыя по фотографіямъ двѣ двери! Правыя заложены, а лѣвыя открыты настежь. Я приготовился къ обычному на Востокѣ при всякомъ случаѣ выпрашиванію бакшиша, но къ моему удивленію и удовольствію турецкая стража не обращала никакого вниманія ни на входящихъ, ни на выходящихъ.

Вступивъ въ таинственный полумракъ огромнаго храма, я

¹⁾ Аба—арабскій полосатый плащъ. Чаще всего темносинія или темнокоричневыя полосы чередуются съ бѣлыми.

сразу забыть все внѣшнее, мірское: передо мною возсталъ высочайшая святыня, какая только существуетъ для христіанъ на землѣ. Мой путеводитель, ученый арабъ, быстро прошелъ впередъ, распростерся передъ большимъ розоватымъ камнемъ, лежащимъ на полу, и поцѣловалъ его. Я послѣдовалъ его примѣру.

— Камень миропомазанія,—сказалъ онъ мнѣ коротко.

Этотъ камень, окруженный гигантскими свѣчами на высокихъ подсвѣчникахъ, служить, такъ сказать, введеніемъ къ поклоненію святыхъ мѣстъ. Ему же даютъ и послѣднее лобзаніе, уходя изъ храма. Еще бы! На этомъ камнѣ лежало тѣло Спасителя, когда Иосифъ и Никодимъ повивали его плащаницею съ ароматами.

Но тутъ у меня въ головѣ прокрадывается скептическая мысль: если ученые археологи оспариваютъ подлинность Голгофы и самого Гроба Господня, то можно ли повѣрить, что сохранилось преданіе о камнѣ, на который возложили снятое съ креста тѣло Спасителя?

Я остановился въ раздумѣ. А сколько еще дальше будетъ указано разныхъ святыхъ мѣстъ и предметовъ! И что же—всегда сомнѣваться и отрицать достовѣрность преданія? Хочу вѣрить. Но гдѣ взять вѣру?

— Господи,—помолился я,—помоги моему невѣрію!

Да, этотъ камень воистину пробный для паломника. Вотъ у простецовъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Ничтоже сумняся, бацъ въ землю и горячо цѣлуютъ камень. Иной не удовлетворится однимъ мѣстомъ, перецѣлуетъ камень во всѣхъ углахъ. И у нихъ есть основаніе.

— Вы почему думаете, что на этомъ камнѣ совершилось миропомазаніе тѣла Іисуса Христа?

— Святые отцы положили, такъ и намъ предали.

— А они откуда узнали объ этомъ?

— По откровенію отъ Бога и Его святыхъ ангеловъ.

Противъ такого довода нельзя спорить. Дѣйствительно, только остается одно: повѣрить.

Впрочемъ, развѣ можно сомнѣваться, что этотъ камень святой? Развѣ пролитые на немъ слезы и милліоны поцѣлуевъ съ искреннею вѣрою и любовію не освящаютъ его? Развѣ горячія молитвы надъ нимъ въ продолженіе вѣковъ не дѣлаютъ его святымъ для послѣдующихъ вѣковъ? Наконецъ, развѣ этотъ камень, откуда бы онъ ни былъ взятъ, не есть настоящій жертвенникъ безпредѣльной любви людей къ своему Спасителю?

Съ облегченнымъ сердцемъ я еще разъ склонился передъ камнемъ миропомазанія и горячо приложился къ нему съ молитвою апостоловъ:

— Господи! приложи намъ вѣру.

XIV.

Ротонда и кувуклія гроба Господня.—Придѣлъ Ангела.—Сниманіе обуви.—Гробъ Господень.—Церковь Воскресенія.—Мѣсто стоянія Божіей Матери.—Какъ слагаются легенды.—Голгова.—Сокровенность Ковчега Завета.—Служба въ русскомъ храмѣ.

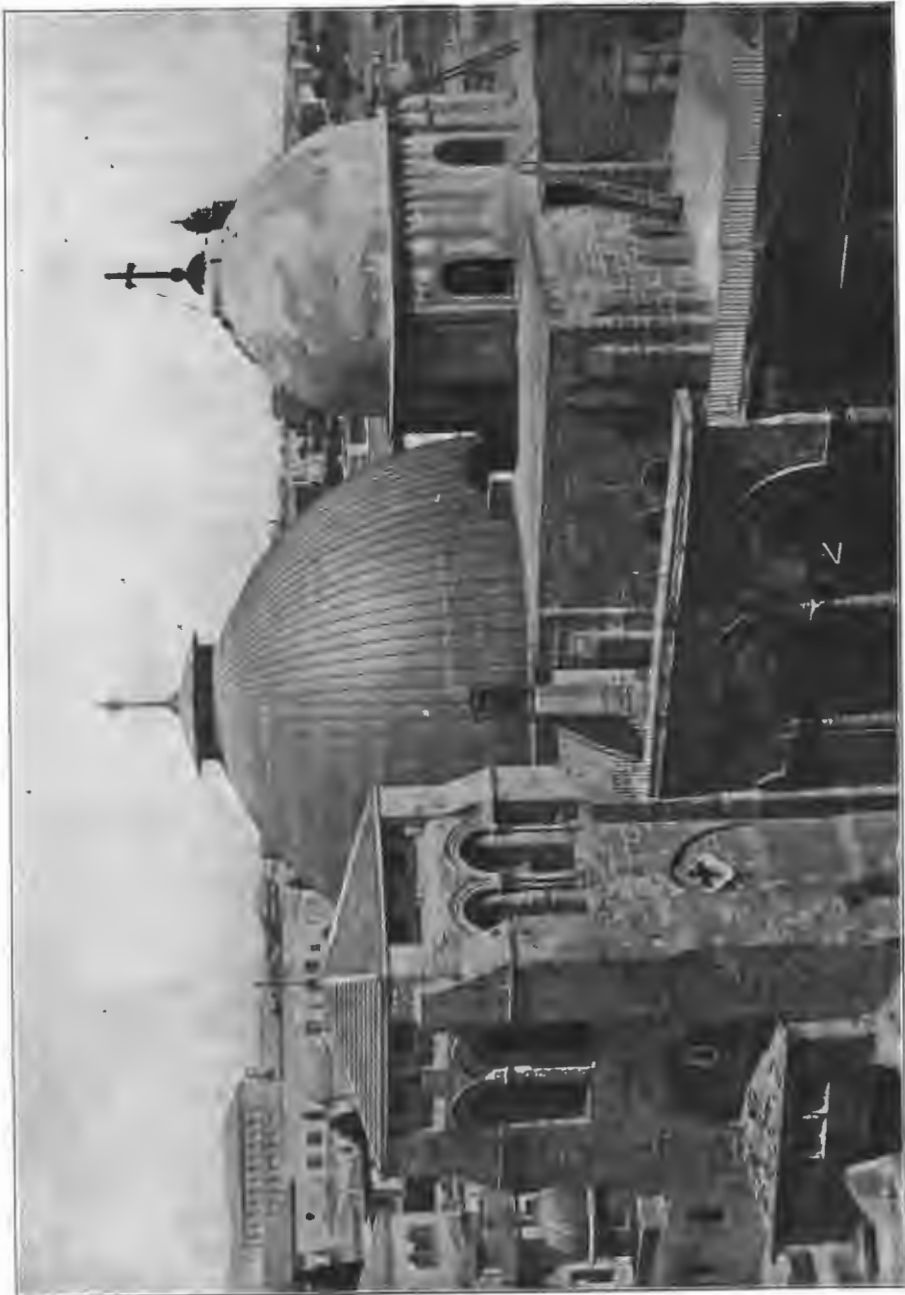
Изъ обширнаго предхрамія, гдѣ лежитъ камень миропомазанія, я отправился вслѣдъ за своимъ пріателемъ-арабомъ въ храмъ Гроба Господня. Мы вошли въ высокое круглое зданіе, служащее какъ бы футляромъ, ротондою для маленькой часовни, или кувукліи, какъ ее называютъ греки. Въ ней имѣются два отдѣленія: въ первомъ находится извѣстный камень, отваленный ангеломъ отъ гроба; во второмъ—самая пещера гроба Господня.

Въ ротондѣ толпился народъ, ожидая очереди войти внутрь кувукліи. Присоединился къ нему и я со своимъ спутникомъ. У входа стоятъ высокіе подсвѣчники съ пятиаршинными свѣчами. Тутъ же торчатъ гигантскія палки, которыми тушатъ и зажигаютъ эти свѣчи. Мраморныя стѣны кувукліи украшены иконами, свѣчами и лампадами. Каждое вѣроисповѣданіе—православные, католики, армяне, копты—имѣютъ свои особенныя лампады или свѣчи.

Въ придѣлъ Ангела пробрались мы скоро. Здѣсь народъ еще больше тѣснился, осаждая низенькій входъ въ пещеру гроба. Посреди придѣла, какъ бы на пьедесталѣ, стоитъ камень отъ дверей пещеры. Вѣроятно, часть камня, потому что онъ не такъ великъ, какъ объ этомъ извѣстно изъ Евангелія. Въ боковыхъ стѣнахъ придѣла прорѣзаны два круглыхъ отверстія для передачи святого огня въ Великую Субботу.

Мнѣ приходилось читать, что прежде паломники не осмѣливались входить въ сапогахъ въ пещеру Гроба Господня, но теперь, сколько я могъ замѣтить, почти всѣ туда лѣзутъ, не снимая обуви. Если Господь велѣлъ Моисею на Хоривѣ и Иисусу Навину близъ Іерихона снять свою обувь, потому что они стояли на святомъ мѣстѣ, то, конечно, для насъ, христіанъ, тутъ и вопроса не можетъ быть, входить ли въ пещеру Святого Гроба въ сапогахъ или безъ сапогъ. И что удивительно: мы, христіане, чрезвычайно послушны туркамъ и снимаемъ свою обувь, входя въ ихъ мечети, а мѣсто своей величайшей святыни мы топчемъ своими грязными сапогами!

Повинуясь первому побужденію, я моментально сбросилъ свои ботинки и, низко согнувшись, чтобъ не задѣть головою рѣзныхъ украшеній надъ входомъ, пролѣзъ въ маленькую пещеру, около сажени длиною. Заразъ въ нее не входятъ болѣе двухъ-трехъ человекъ, иначе не повернешься. Въ глубинѣ пещеры стоялъ греческій монахъ съ тарелкой и съ сосудомъ розовой воды. Самый гробъ представляетъ каменное ложе, покрытое расколотою пополамъ мраморною доскою. Надъ нимъ висятъ лампады и образа.

Куполы храма Гроба Господня съ юго-восточной стороны.

Когда мои предшественники дали мнѣ подойти къ гробу, я, весь охваченный сознаниемъ страшной святыни, благоговѣнно прильнулъ къ священному камню и прослезился. Тутъ мнѣ хотѣлось сразу сказать всѣ свои молитвы, всѣ тайныя просьбы души, хотѣлось помянуть отца и мать, всѣхъ родныхъ и друзей, здѣсь хотѣлось прикосновеніемъ къ святыни освятить свое лицо, руки, всего себя. Какъ будто бы стоишь предъ самимъ Христомъ, и Онъ говоритъ тебѣ: «проси въ эту минуту все, что хочешь: Я исполню». Но минуты у Гроба Господня коротки: тысячи людей ждутъ у входа, чтобы замѣнить тебя. Надо выйти.

Получивъ отъ монаха кропленіе розовой воды на руки и положивъ ему монету, я попятился изъ пещеры задомъ въ согбенномъ видѣ. Надо удивляться, какъ относительно хорошо ведутъ себя здѣсь наши паломники! Если бы они съ такою стремительностью, съ какою прикладываются, на примѣръ, за всенощной на Вербное воскресеніе, хлынули ко входу въ пещеру Гроба Господня, то они не дали бы никому выйти наружу. Но этого на самомъ дѣлѣ не происходитъ. Тѣснятся, но выйти можно. Конечно, тутъ имѣетъ значеніе, съ одной стороны, сознание важности святыни, съ другой—ограниченное пространство придѣла Ангела, такъ что вся масса народа волей-неволей стоитъ внѣ кувукліи.

Съ сладостнымъ сознаниемъ достиженія главной цѣли паломничества я сталъ осматривать церковь, лучше сказать, собраніе церквей. Прямо противъ входа въ Гробъ Господень—главная церковь Воскресенія Христова, принадлежащая исключительно грекамъ. Она совершенно изолирована отъ всѣхъ другихъ придѣловъ, занимая срединную часть громаднаго храма, окруженнаго со всѣхъ сторонъ многочисленными пристройками. Церковь Воскресенія богато разукрашена можествомъ висячихъ лампадъ и паникадилъ. Изъ нихъ многія пожертвованы русскими такъ же, какъ и вызолоченный четырехъ-ярусный иконостасъ. Вокругъ церкви кольцомъ тянется полусвѣтлый, а мѣстами и совсѣмъ темный, коридоръ съ небольшими открытыми придѣлами въ память лицъ и событій, связанныхъ со страстями Христовыми; на примѣръ, въ память сотника Лонгина, свидѣтеля смерти Иисуса Христа, въ память раздѣленія ризъ Господнихъ, въ память возложенія терноваго вѣнца и др.

Когда я осматривалъ придѣлъ въ память Матери Божіей, близъ темницы Иисуса Христа, подходитъ къ нему очень скромно одѣтая русская паломница и обращается къ одному изъ толпы молящихся:

— А тутъ, батюшка, что было?

— На семъ мѣстѣ стояла Пресвятая Богородица и плакала, когда распинали Ея Сына,—отвѣтилъ ей сосѣдь и прошелъ дальше.

Подходитъ къ ней другая женщина и спрашиваетъ ее:

— Что тутъ такое?

— А вотъ видишь,—быстро заговорила только что просвѣщенная паломница:—на этомъ камнѣ стояла Матушка Царица Небес-

Входъ въ храмъ Гроба Господня.

нал и плакала, когда жиды распинали Иисуса Христа. И слезы-то, вотъ видишь, падали на этотъ камень и выбили на немъ крестикъ.

Она показала на недавно выбитый крестъ на камнѣ изъ крупныхъ точекъ. Я пораженъ былъ, какъ скоро на моихъ глазахъ сложилась легенда. Одинъ сказалъ, что тутъ плакала Божія Ма-

терь, а другой ужъ прибавляетъ, что слезы оставили на камнѣ знаки. Толпа сдвинулась около этого мѣста, разсматривала крестъ, переспрашивала о немъ сказаніе, молилась, ставила свѣчки и даже плакала. А потомъ всѣ эти поклонники въ простотѣ сердечной разнесутъ по всей Руси сказаніе о слезахъ Богородицы... Попробуйте-ка разубѣдить ихъ! Да и та паломница, которая первая придумала сопоставить слезы Божіей Матери съ выбитыми точками на камнѣ, сама уже вѣритъ въ свой собственный рассказъ. И это понятно здѣсь. За десять тысячъ верстъ люди собрались сюда, какъ въ страну чудесъ и дивныхъ сказаній о пребываніи Самого Бога на землѣ. Здѣсь каждое повѣствованіе, каждое преданіе непременно должно быть облечено въ форму диковинныхъ, изумительныхъ легендъ. Безполезно, да и невозможно было бы разрушить этотъ фантастическій міръ, въ которомъ дышатъ наши паломники; вотъ почему я и не порывался разоблачать новое «чудесное сказаніе». Пришлось съ грустью отойти къ слѣдующимъ святымъ мѣстамъ, чтобы выслушать новыя преданія, не менѣе чудесныя по своему содержанію. Около католической капеллы намъ показали мѣсто явленія Иисуса Христа Маріи Магдалинѣ. И мѣсто, гдѣ стояла плачущая Марія, также обозначено на каменномъ полу кружкомъ.

Недалеко отъ камня миропомазанія былъ входъ на каменную лѣстницу Голговы. Многіе воображаютъ, что мѣсто, гдѣ стоялъ крестъ Господень, сохранило еще видъ холма. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ комнату какъ бы во второмъ этажѣ храмовой пристройки, съ небольшою частью естественной скалы, обсаженной съ боковъ и снизу и прикрытой стѣнами окружающихъ комнатъ.

Мой спутникъ сталъ на колѣни предъ отверстіемъ Креста Господня и просунулъ туда кисть руки, а затѣмъ перекрестился ею. Я сдѣлалъ то же самое и отошелъ немного въ сторону, чтобы вознести молитву Спасителю міра, пострадавшему здѣсь за грѣхи наши.

Протестанты склонны видѣть Голгоу въ другомъ мѣстѣ — къ сѣверу отъ Дамасскихъ воротъ (Бабъ-ель-Амудъ); но ихъ доводы въ настоящее время еще не настолько сильны, чтобы поколебать вѣру православныхъ и католиковъ въ заповѣданное вѣками мѣсто смерти и воскресенія Искушителя. Это правда, при взглядѣ на карту, храмъ Гроба Господня занимаетъ почти срединное положеніе Иерусалима въ настоящемъ его развитіи. Если радіусомъ въ триста сажень обвести кругъ около главныхъ современныхъ построекъ города, то центръ его ляжетъ на мѣсто храма Гроба Господня. Однако надо помнить, что ростъ Иерусалима все время идетъ быстрыми шагами на сѣверо-западъ; въ старину же было не такъ. Очень недавно нашли остатки стѣны и массивнаго порога воротъ, которые показываютъ, что православная Голгоа находилась въ то время внѣ городскихъ стѣнъ.

Придѣлъ Ангела въ кувукли Гроба Господня.

Припоминаю по сему поводу мой разговоръ съ однимъ ученымъ богословомъ.

— Зачѣмъ вы допытываетесь,—говорилъ онъ мнѣ,—гдѣ именно находится святѣйшій Гробъ Господень? Если Ковчегъ Ветхаго За-

вѣта сокрытъ Божіимъ повелѣніемъ отъ нашихъ очей, то что удивительнаго, если Господь скрываетъ и мѣсто своей смерти и воскресенія, такъ сказать, Ковчегъ Новаго Завѣта? Можемъ ли мы, грѣшныя люди, съ подобающею святостію отнести къ мѣсту, гдѣ лежало святѣйшее тѣло Господне? Погодите: въ послѣднее время, какъ предсказалъ Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ, откроется людямъ Ковчегъ Завѣта, откроется и живоносный Гробъ Господень.

Я ему могъ на это только сказать:

— Правда, въ прежнее время наказывалось смертью одно прикосновеніе къ Ковчегу Завѣта. Но то было до Иисуса Христа. Спаситель же нашъ пришелъ не губить, а спасать человѣковъ, какъ объ этомъ Онъ Самъ говоритъ ¹⁾. А потому прикосновеніе къ святѣйшему Гробу Господню теперь не убиваетъ, а освящаетъ и спасаетъ людей.

Послѣ утренняго завтрака обѣдно мы отстояли въ русскомъ храмѣ Св. Троицы, гдѣ служило наше духовенство, составляющее здѣсь Іерусалимскую православную миссію. Миссія состоитъ, кромѣ ея начальника, архимандрита Александра, изъ шести іеромонаховъ, трехъ іеродіаконовъ, шести монаховъ, одиннадцати послушниковъ, регента, восьми пѣвчихъ и драгомана. Раньше, до образованія православнаго Палестинскаго общества, наша духовная миссія, въ лицѣ ея нынѣ усопшаго архимандрита Антонина, проявила чрезвычайно плодотворную дѣятельность и создала нѣсколько чисто русскихъ мѣстъ въ разныхъ углахъ Палестины; но теперь она почти исключительно занялась церковными службами и требами. Заботы же о матеріальныхъ нуждахъ паломниковъ, о содержаніи русскихъ мѣстъ, о поддержаніи православія среди единовѣрныхъ намъ туземцевъ-сирійцевъ съ 1882 года высочайшею волею были возложены на Палестинское общество.

Я не стану описывать ни храма Св. Троицы, ни церковной службы въ немъ: здѣсь все было такъ же, какъ и въ Россіи. Сколько я могъ замѣтить за свое пребываніе въ Іерусалимѣ, нашъ русскій храмъ всегда былъ полонъ паломниками. Имъ, конечно, нравилась понятная и не спѣшная служба, да и близко было: храмъ занималъ срединное положеніе въ участкѣ русскихъ построекъ.

XV.

«Святое святыхъ». — Гостепріимное дерево. — Страстной путь. — Грекъ-истолкователь. — Выманываніе денегъ мусульманами. — Священная скала. — Соломоновъ храмъ. — Своды подземелья. — «Остатокъ Израиля». — Мечеть Эль-Акса.

Еще съ утра въ этотъ самый день, т. е. въ воскресенье, 19-го марта, въ конторѣ русскихъ построекъ въ Іерусалимѣ объявили подписку желающимъ посѣтить «Святое Святыхъ», или мечеть Омара

¹⁾ Лука IX, 56.

и огражденный дворъ при ней. Для паломниковъ, конечно, не интересны мусульманскія мечети, но имъ дорого то мѣсто, гдѣ стоялъ священный храмъ Соломоновъ, а главное—гдѣ находилось «Святое Святыхъ», въ которое имѣлъ доступъ только первосвященникъ и при томъ одинъ разъ въ годъ. Сколько я могъ замѣтить, русскій богомолецъ постольку чтить библейскія мѣста, поскольку они связаны съ новозавѣтными событіями. Такъ, при воспоминаніи храма Соломонова, они не говорятъ о томъ, что въ немъ стоялъ Ковчегъ Завета, что въ немъ являлась «Слава Господня» и др. Нѣтъ, они пріурочиваютъ къ «Святому Святыхъ» главнымъ образомъ священное преданіе о вхожденіи въ него Божіей Матери.

Желающихъ посѣтить это святое мѣсто оказалось немало. Каждый долженъ былъ предварительно внести въ контору Палестинскаго общества небольшую плату, потому что завѣдывающіе мечетью Омара пускали въ нее христіанъ только за деньги.

Послѣ посѣщенія Гроба Господня меня особенно тянуло увидѣть мѣсто храма Соломонова, въ доподлинности котораго не можетъ быть никакого сомнѣнія. Я тоже записался въ конторѣ, и мнѣ выдали, какъ и всѣмъ, билетикъ для свободнаго прохода въ мечеть Омара. По числу этихъ билетиковъ Палестинское общество платило туркамъ договоренную плату.

Послѣ обѣда объявлено было, чтобы всѣ, записавшіеся на осмотръ «Святого Святыхъ», собирались къ персиковому дереву, около мужского подворья. Это дерево ¹⁾, очень красивое и раскидистое, всегда привлекаетъ подъ свою тѣнь массу паломниковъ для отдыха и бесѣды. Здѣсь происходитъ перепродажа вещей ихъ, здѣсь можно услышать пророческую проповѣдь о кончинѣ міра, здѣсь же собираются и караваны богомольцевъ.

Когда собралась толпа приблизительно сотни въ двѣ паломниковъ, черногорецъ-кавасъ повелъ ее черезъ весь городъ, мимо храма Воскресенія, къ мечети Омара. Часть дороги проходила по такъ называемому «Страстному пути». И въ настоящее время къ нему примѣнно названіе «страстной», потому что до сихъ поръ нельзя пройти здѣсь спокойно, безъ содроганія, при видѣ такого множества слѣпыхъ, прокаженныхъ, увѣчныхъ и вообще страдающихъ отъ разныхъ болѣзней людей. Всѣ они шпалерами вытянулись вдоль улицы и отчаянно вопятъ о милостыни.

— Яслабѹ!.. Яслабѹ (т.-е. я слѣпой)!—чаще всего слышится среди общаго шума. Но если вы остановитесь и окажете вниманіе одному убогому человѣку, васъ мигомъ окружитъ толпа нищихъ съ протянутыми руками.

Передъ стѣною обширнаго двора Омаровой мечети произошла задержка. Посылали извѣщеніе о паломникахъ магометанскимъ

¹⁾ Иные называютъ его перечнымъ деревомъ. Правду сказать, я лично не далъ себѣ труда опредѣлить точно видъ этого красавца.

властямъ. Тутъ я замѣтилъ горбатенькаго грека-монаха, который присоединился къ намъ въ качествѣ проводника и истолкователя святыхъ мѣстъ. Я уже имѣлъ случай послушать его бесѣдъ. Онъ изъясняется довольно свободно по-русски и пріобрѣлъ большую сноровку въ обращеніи съ нашими паломниками. Прежде чѣмъ начать объясненіе, онъ немало потратитъ словъ на призываніе къ тишинѣ, пересыпая свою рѣчь всевозможными прибаутками и остроуміями. Ему, какъ видно, надобно ждать передъ воротами, и онъ, энергично поговоривъ съ кавасомъ и съ турецкими солдатами, смѣло двинулся впередъ, а за нимъ вошла во дворъ вся толпа. Это чисто восточный пріемъ съ разными задержками и препятствіями, сколько я могъ замѣтить въ своемъ путешествіи по городамъ Сиріи и Палестины.

Мечетью Омара я уже любовался издали. Собственно въ ней красива верхняя часть и особенно — куполь. Это не византійскія полушарія или наши старинныя луковки на вытянутыхъ шейкахъ. Въ грандіозномъ куполѣ мечети поражаешься сколько гармоніей, столько же красотою и благородствомъ линій.

При входѣ въ мечеть намъ подали мягкія туфли и чехлы для сапогъ—бабуши. Кто оставлялъ свои сапоги у дверей, а кто ихъ бралъ съ собою подъ мышку. Пользуясь суматохой, нѣкоторыя женщины вовсе не надѣвали бабушей и проходили свободно среди другихъ паломниковъ, скрывая длиннымъ платьемъ свою обувь. У дверей—толпа магометанъ. Они безцеремонно хватаютъ каждого и отбираютъ билеты на пропускъ. Вторые и третіе ряды турокъ грубо требуютъ бакшишъ, особенно отъ женщинъ. Не подозрѣвая, что это незаконное насиліе, нѣкоторыя даютъ имъ деньги. Я поспѣшилъ за грекомъ, чтобы послушать его объясненій. Многія, въ особенности простыя женщины, разбрелись по мечети и продолжали отдавать дань туркамъ. И какъ грубо они эксплуатируютъ религіозное чувство нашихъ паломниковъ! Забѣжитъ передъ толпою женщинъ молодой турокъ и, указывая на первую попавшуюся колонну, скажетъ имъ:

— Христось, Христось!

Бабы цѣлуютъ камень и даютъ турку парички. Далѣе онъ покажетъ ближайшую стѣнку и скажетъ имъ съ нескрываемою ехидной улыбкой:

— Марія, Марія!

И опять летятъ ему въ руку парички. И это въ магометанской мечети, построенной спустя шесть-семь вѣковъ послѣ евангельскихъ событій!

Внутренняя отдѣлка мечети чрезвычайно богата и красива при эффектномъ освѣщеніи чрезъ цвѣтныя стекла гигантскихъ оконъ. Конечно, самую дорогою святынею въ ней была священная скала, на которой стоялъ жертвенникъ при Соломоновомъ храмѣ. Потому

Гробъ Господень.

и мечеть, эта великая святыня въ глазахъ мусульманъ, обыкновенно зовется въ Иерусалимѣ Куббетъ-эсъ-Сахра, т.-е. «Куполь скалы».

Нашъ толкователь, горбатенькій монахъ, остановился около священной скалы, выждалъ, когда столпившііся около него народъ успокоился, и началъ повѣствовать о святомъ мѣстѣ горы Моріа, на которой мы находились. Его объясненіе не шло дальше русскихъ брошюрокъ для народа о святыхъ мѣстахъ, но спасибо ему и за это. Пріятно вспомнить, хоть вкратцѣ, повѣствованіе о какомъ либо событіи на самомъ мѣстѣ его происшествія. Только непріятно рѣзало ухо его сказаніе, безъ всякихъ оговорокъ, что на семъ камнѣ Авраамъ возложилъ Исаака для жертвоприношенія, тогда какъ утромъ въ Аврааміевскомъ монастырѣ (близъ храма Вокресенія) тѣмъ же паломникамъ онъ указывалъ другое мѣсто, обозначенное на камнѣ чернымъ крестомъ, гдѣ также Авраамъ приносилъ въ жертву своего сына.

Побывавшіе раньше въ Иерусалимѣ чрезвычайно любятъ поучать въ первый разъ прибывшихъ въ Святую Землю и авторитетно рассказывать имъ о мѣстахъ поклоненія. Въ сторонѣ отъ грека-монаха собралась небольшая группа паломниковъ послушать добровольнаго рассказчика. Онъ смѣло говорилъ имъ, что вотъ въ этихъ самыхъ стѣнахъ, построенныхъ Соломономъ, и есть «Святое Святыхъ», куда удостоилась войти Матерь Божія. Очевидно, самое названіе «Святое Святыхъ» онъ примѣнялъ, какъ и большинство паломниковъ, не къ мѣсту, гдѣ стоялъ Ковчегъ Заѣта, а къ самой Божіей Матери.

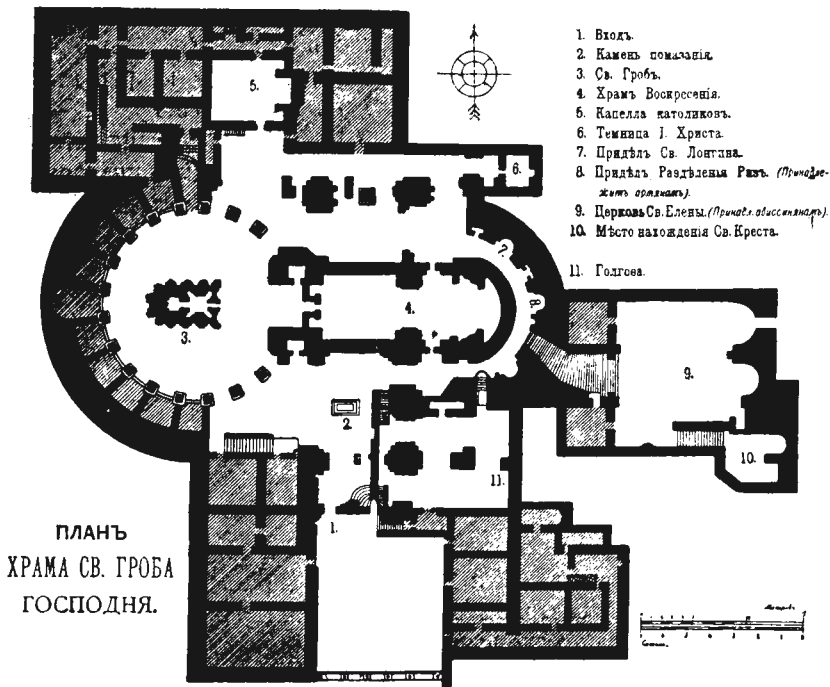
— Послушайте,—не выдержалъ мой спутникъ,—отъ древняго храма Соломонова не осталось камня на камнѣ здѣсь сверхъ площади. Соломоновъ храмъ, какъ извѣстно изъ Библии, былъ сожженъ при царѣ Навуходносорѣ. Тогда же исчезъ неизвѣстно куда Ковчегъ Заѣта. Потомъ, послѣ вавилонскаго плѣна, евреи снова построили храмъ, въ которомъ впослѣдствіи являлся Христосъ и Божія Матерь. Но и этотъ второй храмъ былъ разрушенъ и сожженъ римскимъ императоромъ Титомъ. А эти красивыя стѣны, которыя вы сейчасъ видите, построены магометанскими царями: Омаромъ, Саладиномъ, Солиманомъ...

Но тутъ ему не дали договорить. Невѣжественный рассказчикъ, а за нимъ и его слушатели, яростно закидали его оскорбительными словами, — какъ онъ смѣлъ приписывать устройство «Святого Святыхъ» какому-то мусульманскимъ царямъ!

Сконфуженный мой спутникъ поспѣшилъ отойти, чтобы еще больше не возбуждать темной толпы. Чтобы повѣрить, очевидно ей нуженъ или официальный проводникъ-истолкователь, облеченный внѣшними атрибутами, или свой братъ, полуграмотный рассказчикъ, невѣжественный, но безотчетно вѣрующій.

Кто бы ни строилъ стѣны мечети, но само мѣсто чрезвычайно свято по своимъ воспоминаніямъ. Никто въ этомъ не сомнѣвается,

что здѣсь прошла вся священная исторія отъ Давида до Иисуса Христа на протяжении слишкомъ одиннадцати вѣковъ, т.-е. во все время владѣнія евреевъ Иерусалимомъ. Сюда былъ принесенъ Божественный Младенецъ Иисусъ Христосъ Своею Пресвятою Матерью, «чтобы представить Его предъ Господа» и чтобы принести установленную жертву по закону. Здѣсь была боговдохновенная встрѣча праведнымъ Симеономъ Богопримцемъ и Анною пророчицею Спасителя народовъ, свѣта міра и славы Израиля. Впрочемъ, иные го-

ворять, что встрѣча Симеона съ Младенцемъ Иисусомъ произошла въ другомъ мѣстѣ, гдѣ теперь мечеть Эль-Акса.

Преданіе указываетъ, что праведный Симеонъ Богопримецъ жилъ тоже на горѣ Морія ¹⁾, гдѣ въ настоящее время находится подземная мечеть. Теперь тутъ за деньги турки показываютъ христіанамъ «Колыбель Христа». Когда мы выходили изъ подземелья, одинъ дервишъ (мусульманскій монахъ), показывая на нишу, кричалъ паломникамъ по-русски:

— Обрѣзаніе! Обрѣзаніе!..

И въ его руку сыпались парички.

¹⁾ Указываютъ домъ Симеона Богопримца также близъ вокзала желѣзной дороги.

Кстати о подземельѣ. Чтобы выровнять вершину горы Моріа, на которой предназначался дворъ для храма, Соломонъ покрылъ это мѣсто гигантскими сооружениями, состоящими изъ множества сводовъ. А ужъ поверхъ ихъ была выровнена на пространствѣ около двѣнадцати десятинъ красивая площадь, извѣстная въ настоящее время подъ названіемъ Харамъ-эшъ-Шерифъ, т.-е. «благородное святилище». Поземные своды хорошо сохранились до сихъ поръ и образуютъ огромное, рѣшительно ничѣмъ не занятое помѣщеніе. Во времена крестоносцевъ здѣсь содержались ихъ лошади.

Смотря на эти колоссальныя каменныя сооруженія, простоявшія около трехъ тысячъ лѣтъ и выдержавшія, вѣроятно, не одно землетрясеніе, невольно вспоминаешь предсказанія пророковъ объ «остаткѣ Израіля» (Ис. X, 20—22). Въ нынѣшнее время, — говоритъ апостоль Павель, — по избранію благодати, сохранился остатокъ. И къ этому остатку, къ этому корню дерева прививались другіе народы, другія религіи. И христіанство, и магометанство со всѣми ихъ многочисленными развѣтвленіями выросли на еврействѣ. Такъ и на сводахъ Соломоновыхъ, по разрушеніи еврейскаго храма Іеговы, стояли и языческіе храмы (Юпитера Капитолійскаго при императорѣ Адріанѣ), и магометанскіе (при Омарѣ и его преемникахъ), и христіанскіе (во времена крестоносцевъ). Отъ христіанскихъ храмовъ на площади Харамъ-эшъ-Шерифъ осталась, полагаютъ, Юстиніановская базилика, также превращенная магометанами въ мечеть. Она извѣстна здѣсь подъ названіемъ Эль-Акса («удаленная»). Когда мы пришли въ нее, проводникъ-грекъ подвелъ насъ къ двумъ рядомъ стоящимъ колоннамъ и рассказалъ, что онѣ служили для испытанія грѣховности людей. Грѣшный человекъ не могъ пролѣзть между ними. Но съ тѣхъ поръ, какъ одинъ неудачникъ застрялъ между колоннами, приказано было загородить проходъ металлическими прутьями.

Въ этой мечети еще показываютъ слѣдъ ступни Христовой, отпечатавшейся на камнѣ во время вознесенія Іюго на небо на горѣ Елеонской.

Хотя мы сдѣлали бѣглый обзоръ всего, что помѣщалось на площади Харамъ-эшъ-Шерифъ и подъ нею, но и онъ насъ очень утомилъ. А большинство женщинъ давно уже усѣлось въ кружокъ и мирно разговаривали между собою, въ ожиданіи окончанія осмотра.

Многіе, выйдя изъ воротъ двора, сейчасъ же поспѣшили отправиться домой, но нашлись и такіе неутомимые, которые послѣдовали за проводникомъ-грекомъ по Кедронскому потоку, чтобы видѣть снаружи стѣны Харамъ-эшъ-Шерифа и заложенные въ нихъ такъ называемыя Золотыя ворота, т.-е. тѣ самыя, черезъ которыя, по преданію, вѣхалъ Іисусъ Христосъ на осляти въ Іерусалимъ.

Місто водруження Креста Господня на Голгофѣ.

XVI.

Вокругъ стѣнъ Иерусалима.—Памятникъ Авессалома.—Иосафатова долина.—Страшный судъ.—Источникъ Богородицы.—Нечистое мѣсто.—Долина сыновей Епимовыхъ.—Прокаженные.—Акедама.—«Новый Иерусалимъ».

Прежде чѣмъ выйти за городъ, грекъ-проводникъ обратился къ толпѣ паломниковъ и громко провозгласилъ два стиха изъ извѣстнаго псалма:

— Пойдите вокругъ Сіона и обойдите его, пересчитайте башни его; обратите сердце ваше къ укрѣпленіямъ его, рассмотрите дѣла его, чтобы пересказать грядущему роду.

Это библейское воззваніе въ устахъ проводника въ Иерусалимѣ меня очень тронуло, и я, какъ ни усталъ, рѣшилъ послѣдовать ему, чтобы обойти вокругъ стѣнъ города.

Число паломниковъ сократилось, по крайней мѣрѣ, на половину. Мы вышли изъ города единственными открытыми на восточной сторонѣ Геосиманскими воротами Бабъ-ситти-Марьямъ. Такъ названы, вѣроятно, потому, что отъ нихъ чрезъ Кедронскій потокъ идетъ дорога къ гробницѣ Божіей Матери. Они еще носятъ названіе воротъ св. Стефана, въ память первомученика, котораго побили камнями въ Иосафатовой долинѣ, недалеко отъ этихъ воротъ. Это событіе дало поводъ нашему проводнику сказать пространную рѣчь, съ указаніемъ точныхъ мѣстъ, гдѣ кто стоялъ восемнадцать съ половиною вѣковъ тому назадъ. Отсюда мы повернули направо вдоль по Иосафатовой долинѣ, между Елеонскою горою и стѣною города. Жарко. Душно. Недалеко отъ каменнаго моста черезъ Кедронскій потокъ продавали какое-то подслащенное питье въ грязныхъ бутылкахъ. Я воздержался отъ искушенія утолить имъ свою жажду и вслѣдъ за паломниками спустился въ глубину долины, къ памятникамъ сѣдой старины, извѣстнымъ здѣсь подъ названіемъ Авессаломова столба и гробницъ Іакова и Захаріи.

Изъ Библии мы знаемъ, что возстаніе Авессалома противъ своего отца, царя Давида, не удалось, а его самого убили, бросили въ глубокую яму въ лѣсу и наметали надъ нимъ огромную кучу камней. Но онъ еще при жизни своей поставилъ себѣ памятникъ въ царской долинѣ. «И называется онъ памятникъ Авессалома до сего дня». Вотъ это-то непреложное слово «до сего дня» и заставляетъ предполагать евреевъ, что небольшая каменная башенка съ конусообразнымъ верхомъ и есть древній памятникъ Авессалома. Они до сихъ поръ не могутъ пройти мимо него, чтобы не бросить камня на память мятежнаго сына.

Относительно другихъ гробницъ имѣются неопредѣленные преданія, и нашъ проводникъ, не останавливаясь у нихъ, послѣдовалъ перейти по небольшому каменному мосту опять на ту сторону долины, ближе къ стѣнамъ города.

Иосафатова долина вся усеяна могильными памятниками евреевъ и магометанъ. По общему преданію у всѣхъ вѣроисповѣданій на Востокѣ, въ этой долинѣ произойдетъ страшный судъ при концѣ міра. Пророкъ Іоиль отъ лица Божія такъ рисуесть картину суда:

«Я соберу всѣ народы и проведу ихъ въ долину Иосафата ¹⁾ и тамъ произведу надъ ними судъ... Спѣшите и сходитесь, всѣ народы окрестные, и соберитесь! Пусть воспрянуть народы и низойдутъ въ долину Иосафата; ибо тамъ я возсяду, чтобы судить всѣ народы оговсюду... Толпы, толпы въ долинѣ суда! ибо близокъ день Господень къ долинѣ суда! Солнце и луна померкнутъ, и звѣзды потеряютъ блескъ свой. И возгремитъ Господь съ Сіона и дастъ гласъ свой изъ Іерусалима; содрогнутся небо и земля... Тогда узнаете, что я—Господь Богъ вашъ, обитающій на Сіонѣ, на святой горѣ Моей».

Замѣчательно, турки отдали гору Сіонъ христіанамъ для погребенія покойниковъ. Здѣсь сосредоточены кладбища и православныхъ, и протестантовъ, и армяно-грегоріанъ, тогда какъ долина суда наполнена костями евреевъ и магометанъ.

Огибая юго-восточный уголъ зубчатыхъ сѣрыхъ стѣнъ Іерусалима, наше вниманіе обратили на угловой камень, около трехъ съ половиной сажень длиною, при саженной толщинѣ. И такой большой камень находится не въ нижнихъ рядахъ основанія, а на порядочной высотѣ отъ земли: вѣроятно, тоже свидѣтель древнѣйшихъ временъ.

Недалеко отъ угла города дорога расходилась на три стороны. Мы выбрали лѣвую, которая привела насъ къ источнику Богоматери—Айнъ-ситти-Марьямъ, близъ деревни Силоамъ. Передовые паломники, спустившіеся въ пещеру источника внизъ по лѣстницѣ, успѣли спокойно почерпнуть воды и напиться; но послѣднимъ пришлось выдержать борьбу съ арабами, набѣжавшими сюда со всѣхъ сторонъ. Пользуясь случаемъ, здѣшніе силоамцы требовали за воду деньги, вырывали изъ рукъ кружки съ водой и вообще вели себя очень дико и непристойно. Я переждалъ первыя горячія схватки, осторожно спустился по скользкимъ ступенькамъ и далъ денегъ арабской дѣвушкѣ, оберегающей воду внизу колодца. Она поспѣшила поднести и мнѣ свой водоносъ на одинъ моментъ. Спасибо и за это!

Должно быть, горбатенькій проводникъ нашъ сильно утомился, потому что онъ предложилъ паломникамъ отдохнуть около Силоамскаго пруда и самъ присѣлъ на заросшемъ склонѣ горы. Хотя не съ прежнею энергіей, онъ все-таки продолжать рассказывать намъ про окружающіе предметы.

¹⁾ Еврейское имя Иосафатъ означаетъ «Богъ судья».

На сѣверъ отъ насъ высились сѣрыя стѣны Иерусалима съ Навозными воротами, или Бабъ-ель-Мугарибе. На западѣ—Сіонъ. На востокѣ—гора Соблазна, сосѣдка Елеонской горы, а съ юга пещерныя скалы Акелдамы и горы Злого Совѣщанія. Дѣйствительно, удачно былъ выбранъ пунктъ для обозрѣнія окрестностей. Прямо передъ нами двѣ долины—Иосафатова и Гинномова—сходятся около колодца Иова въ одну щель, которая пробирается между скалами Иудейскихъ горъ до самаго Мертваго моря. А около колодца виднѣется турецкій домъ прокаженныхъ.

Что-то грязное, гнусное, скверное и въ то же время ужасное, угрожающее чувствуется въ этихъ названіяхъ и предметахъ. Мы сидѣли въ центрѣ самаго нечистаго мѣста во всѣхъ смыслахъ. Черезъ Навозныя ворота сюда вывозились всѣ нечистоты изъ Иерусалима, сюда извергались всѣ прокаженные и нечистые, тутъ на окружающихъ высотахъ были построены капища Хамосу, «мерзости Моавитской», Молоху, «мерзости Аммонитской», и Астаргѣ, «мерзости Сидонской», тутъ и страшная Акелдама—«земля крови», купленная цѣною крови Иисуса Христа. Наконецъ, какъ говоритъ Господь черезъ пророка Іеремію, здѣсь «устроили высоты Тофета въ долинѣ сыновей Енномовыхъ, чтобы сожигать сыновей своихъ и дочерей своихъ въ огнѣ, чего я не повелѣвалъ, и что мнѣ на сердце не приходило». За то и грозятъ пророки, что здѣсь будетъ страшный судъ, здѣсь потечетъ огненная рѣка, «ибо Тофетъ давно уже устроенъ; онъ глубокъ и широкъ; въ кострѣ его много огня и дровъ; дуновеніе Господа, какъ потокъ сѣры, зажжетъ его» (Исаи, 30, 33).

Водосочная городская канава, проведенная въ этихъ мѣстахъ, своимъ зловоніемъ и теперь неспрiятно напоминаетъ древнее значеніе Навозныхъ воротъ и вообще всего этого мѣста.

Когда мы стали спускаться въ долину сыновей Енномовыхъ, или Вади-ер-Рабаби, то намъ навстрѣчу вышли изъ своего дома прокаженные. Пропустивъ мимо себя съ криками о помощи переднюю главную массу паломниковъ, они вдругъ быстро заняли средину дороги и такимъ образомъ отрѣзали остальную часть уставшихъ пѣшеходовъ. Несчастные прокаженные нагло протягивали руки съ отгнившими пальцами, показывали видъ, что желаютъ прикоснуться къ паломникамъ, иные дерзко перегораживали путь, растопыривъ руки. Толпа паломниковъ, особенно женщины, съ криками и визгомъ отшатнулась назадъ, боясь заразиться, но потомъ, угрожая своими посохами, расчистила путь дальше.

Въ долинѣ сыновей Енномовыхъ мы подошли къ пещерамъ Акелдамы. Здѣсь насъ встрѣтили греческіе монахи, провели въ церковь, отслужили молебенъ и затѣмъ стали показывать пещеры, наполненныя не закрытыми костями усопшихъ. Въ Акелдамѣ лучше всего можно понять, какъ хоронятъ покойниковъ на Востокѣ въ твердомъ грунтѣ. Передъ нашими глазами протянулись ряды нишъ,

Мечеть Омара (Хуббейт-есть-Сахра).

выдолбленныхъ по размѣру тѣла въ стѣнахъ пещеры. Эти ниши и служили собственно гробами для усопшихъ тѣлъ. Общая же ихъ могила, или пещера, снаружи заваливалась камнемъ.

Греческіе монахи предложили паломникамъ отдохнуть и выпить какого-то угощенія. Но такъ какъ было уже поздно, къ тому же мнѣ надо было приготовиться къ завтрашней дорогѣ, то я, поблагодаривъ монаховъ, поспѣшилъ одинъ отправиться домой. Мѣстами, въ долинѣ сыновъ Енномовыхъ, я чувствовалъ жуткое одиночество. Только у юго-западнаго угла Сіона мнѣ встрѣтились двое арабскихъ мальчиковъ, разговаривающихъ по-англійски. Я распросилъ ихъ, почему они знаютъ англійскій языкъ. Оказывается, на Сіонѣ для арабскихъ дѣтей имѣется прекрасная англійская школа Гобата, въ которой и они обучались.

Миновавъ Яффскія ворота, я пришелъ опять къ русскимъ постройкамъ. Такимъ образомъ на первыхъ же порахъ въ Иерусалимѣ мнѣ пришлось обойти его стѣны и невольно обратить свое вниманіе на контрастъ двухъ сторонъ его—юго-восточной и сѣверо-западной. Если мы проведемъ прямую линію черезъ мѣсто св. Гроба Господня и Силоамскій прудъ, то эта магистраль, пройдя посрединѣ между Сіономъ и священной скалой Соломонова храма, раздѣлитъ городъ на двѣ равныя части. Но какъ на южномъ концѣ этой магистрали мѣсто суда, «огненной рѣки», адскаго огня, мѣсто изверженія всего нечистаго, сквернаго, негоднаго, такъ на сѣверномъ ея концѣ выростаетъ новый городъ, новый Иерусалимъ, какъ бы въ прообразъ «Новаго Иерусалима», предсказаннаго въ Апокалипсисѣ. Южная сторона западаетъ въ глубину долины, идущей въ Мертвое море, а сѣверная—возвышается къ горѣ Скопусъ, гдѣ нѣкогда стоялъ римскій лагерь. Очень пріятно было мнѣ, какъ русскому, видѣть, что и наше Палестинское общество заняло большую часть будущаго Новаго Иерусалима, и въ средоточіи русскихъ подворій устроены храмъ во имя Святой Троицы.

Къ сѣверу отъ русскаго мѣста много владѣній, принадлежащихъ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, но еще сѣвернѣе—раскинулись еврейскія колоніи: Ебенъ Израэль, Езратъ Израэль, Суккотъ Шеломо, Меа Шеаримъ, Шааре Моше, Байтъ Израэль, Шааръ Пинна, Охель Шеломо и др. Не указываютъ ли онѣ на образованіе «Новаго Израіля» въ «Новомъ Иерусалимѣ», какъ предсказывалъ пророкъ Давидъ: «на сѣверной сторонѣ городъ великаго царя» (Псал. 47, 3)?

XVII.

Изъ Иерусалима въ Галилею.—Въ вагонѣ до Яффы.—На австрійскомъ пароходѣ.—Старообрядецъ въ числѣ спутниковъ.—Кайфа.—У русскаго консула.—На горѣ Кармилѣ.—Почитаніе Божіей Матери и пророка Іліи.—Видъ съ Кармида.—Сень Жанъ д'Акрь.—Бедуинскій костюмъ.

На другой день, 20 марта, по условію мы должны были отправиться въ Галилею. Я уже говорилъ, что изъ Иерусалима въ Назаретъ русскіе паломники ѣдутъ двумя путями: или по желѣзной дорогѣ и моремъ на пароходѣ черезъ Яффу и Кайфу, или прямо на сѣверъ сухимъ путемъ черезъ Самарію. По скорости, комфорту и разнообразію способовъ передвиженія считается легкимъ и доступнымъ даже для дряхлыхъ стариковъ — первый путь; за то второй — дорогъ паломникамъ по священнымъ воспоминаніямъ путешествій Самого Господа. Мнѣ лично хотѣлось испытать ту и другую дорогу; но сначала, по совѣту гостепріимнаго хозяина, я рѣшилъ отправиться въ Назаретъ черезъ Яффу и Кайфу.

Мой товарищъ нарядился въ легкій бедуинскій костюмъ, прикрывъ его сверху осеннимъ пальто обыкновеннаго покроя. До Кайфы въ вагонѣ и на пароходѣ онъ хотѣлъ ѣхать европейцемъ. Весь багажъ его состоялъ изъ двухъ небольшихъ мѣшковъ, перевязанныхъ такъ, чтобы впоследствии удобно было положить ихъ черезъ сѣдло на осла.

Отгѣзжающихъ вмѣстѣ съ нами по желѣзной дорогѣ изъ Иерусалима было очень много, но изъ русскихъ, кажется, только мы вдвоемъ и были. Турки и сирійцы-магометане старались занять отдѣльные вагоны, а христіанскіе туземцы перемѣшались съ иностранцами, среди которыхъ больше всего замѣчалось нѣмцевъ. Почти всю дорогу до Яффы мы бесѣдовали со своими сосѣдями, жадно разспрашивая о палестинскихъ порядкахъ и обычаяхъ. На промежуточныхъ станціяхъ не держатъ буфетовъ. Каждому пассажиру приходится заблаговременно позаботиться о своемъ столѣ. Въ придачу къ захваченнымъ закускамъ мы запаслись еще немалымъ количествомъ апельсиновъ — необходимый плодъ при здѣшней жарѣ, вызывающей сильную жажду въ дорогѣ.

Мы прибыли въ Яффу какъ разъ во-время: австрійскій пароходъ стоялъ уже на рейдѣ, готовый сняться въ Кайфу. Погода была тихая, и рейдъ сравнительно спокоенъ. Намъ опять помочь любезный агентъ Русскаго общества пароходства и торговли, и мы благополучно водворились на австрійцѣ. Здѣсь произошла пріятная встрѣча со знакомыми русскими паломниками. Небольшая партія, человекъ въ восемь, прибывъ изъ Россіи со мной вмѣстѣ на одномъ и томъ же русскомъ пароходѣ въ Яффу, не поѣхала тотчасъ въ Иерусалимъ, а рѣшила подождать австрійскаго парохода, чтобы сперва отправиться въ Галилею и поспѣть къ празднику Благовѣщенія въ На-

заретъ. Они заняли часть палубы спереди машиннаго люка. Такое помѣщеніе не совсѣмъ удобно для большого переѣзда, но до Кайфы было всего полсотни миль, т. е. часа на три, на четыре ходу, и притомъ стояла тихая, теплая погода, такъ что и мы согласились присоединиться къ нимъ на палубу. Кромѣ насъ, на пароходѣ ѣхало пассажирами немного туземцевъ-магометанъ, которые вскорѣ послѣ вечерней молитвы залегли спать. Подъ мѣрный шумъ пароходнаго винта мы тихо разговаривали, передавая другъ другу свои свѣдѣнія о Палестинѣ. Между нами были лица духовнаго званія: добродушнѣйшій соборный диаконъ съ женою, жена протоіерея и псаломщикъ. Но больше всѣхъ изъ моихъ спутниковъ мнѣ нравился купецъ, старообрядецъ изъ Тверской губерніи. Онъ скрывалъ свою привязанность «къ старинкѣ», и я, вѣроятно, долго бы не догадался о его принадлежности къ старой вѣрѣ, если бы не раскрылъ случайно его тайну диаконъ. Приводя слова одной молитвы, старообрядецъ закончилъ ее такъ: «и во вѣки вѣкомъ, аминь». Диаконъ поправилъ его—«во вѣки вѣковъ»— и сейчасъ же замѣтилъ ему при всѣхъ, что онъ въ старой вѣрѣ. Купецъ покраснѣлъ, но не возражалъ. Впослѣдствіи онъ мнѣ открылся чистосердечно, причѣмъ высказалъ свой взглядъ на внѣшніе порядки никоніанской церкви, отгаживающіе старообрядцевъ своимъ нехристіанскимъ характеромъ. Тамъ, по его мнѣнію, гдѣ должны пребывать любовь, довѣріе и братское общеніе, тамъ царятъ формализмъ, безсердечіе и нерадѣніе. Мнѣ казалось, что онъ посланъ своимъ городомъ съ тайнымъ порученіемъ обследовать восточныя церкви.

Пароходъ прибылъ въ Кайфу ночью. Къ нашему удовольствію переправа на берегъ прошла безъ всякаго смятенія и ссоръ съ арабами-лодочниками, благодаря участію здѣшняго консульскаго агента. Онъ самъ лично встрѣтилъ насъ съ фонаремъ и усадилъ въ свою шлюпку. Мы безпрепятственно вышли на берегъ и въ сопровожденіи фонаря веселою толпою направились въ домъ агента. Городъ благоухалъ отъ множества цвѣтущихъ садовъ. Успокоивающая тишина и пріятная теплота въ ночномъ воздухѣ какъ-то особенно замѣтно отразились въ настроеніи нашихъ душъ.

— Господа, — замѣтилъ намъ мой товарищъ, — мы вступили въ благословенную Галилею, гдѣ впервые раздалось слово христіанскаго ученія.

— А былъ ли Христосъ въ Кайфѣ? — спросила одна изъ женщинъ.

— Вѣроятно, былъ. По крайней мѣрѣ, у католиковъ есть преданіе, что Христосъ со Своей Матерію посѣщалъ сосѣднюю гору Кармилъ.

Вскорѣ мы пришли къ дому агента и взобрались на самый верхъ его, гдѣ для паломниковъ приготовлень были три-четыре комнаты съ кроватями и нарами. Послѣ короткаго ужина расположи-

Священная скала внутри мечети Омара.

лись на ночлегъ, гдѣ кто хотѣлъ. Нельзя особенно похвалить обстановку нашихъ спаленъ, но мы были рады и такому помѣщенію, потому что оно избавляло насъ отъ многихъ хлопотъ.

Утромъ пришелъ хозяинъ и предложилъ намъ до отъѣзда въ Назаретъ посѣтить гору Кармилъ и католическій монастырь на немъ.

Городъ Кайфа раскинулся на береговой полосѣ морского залива у подножья горы. Въ немъ очень много европейцевъ и особенно нѣмцевъ, которые нѣсколько западнѣе города имѣютъ прекрасную колонію. На сѣверной сторонѣ залива бѣлѣется Акка, древняя Птолемаида.

Было очень рано, и потому улицы города не отличались многолюдствомъ, а прекрасная дорога на гору была совсѣмъ пуста.

По мѣрѣ того, какъ мы подымались все выше и выше, передъ нами раскрывалась прелестная картина морского залива, окруженнаго горами.

На вершинѣ Кармила стояли каменные постройки католическаго монастыря Notre Dame du Mont Carmel. По преданію, родители Божіей Матери, св. Іоакимъ и Анна, одно время жили въ этихъ мѣстахъ. Полагаютъ, что и Сама Божія Матерь посѣщала гору Кармилъ. Почитаніе же Присноблаженной Дѣвы Маріи и устройство здѣсь алтаря въ честь Ея относятъ къ апостольскимъ временамъ. И до сихъ поръ вся католическая церковь празднуетъ 16-е іюля, какъ день Кармилъской Божіей Матери.

Насъ встрѣтилъ у воротъ католическій монахъ и съ строгимъ лицомъ довольно сухо предложилъ войти въ церковь. Въ его глазахъ мы представляли жалкую толпу схизматиковъ, а потому странно было бы здѣсь намъ рассчитывать на особенную любезность и радушиное гостепримство. Онъ показалъ, между прочимъ, художественныя изваянія Божіей Матери и пророка Іліи. Здѣсь, по преданію, было то самое мѣсто, гдѣ молился пророкъ въ ожиданіи дождя.

«... Ілія взошелъ на верхъ Кармила и наклонился къ землѣ, и положилъ лицо свое между колѣнами своими, и сказалъ отроку своему:

— «Пойди, посмотри къ морю.

«Тотъ пошелъ и посмотрѣлъ, и сказалъ:

— «Ничего нѣтъ.

«Ілія сказалъ:

— «Продолжай это до семи разъ.

«Въ седьмой разъ тотъ сказалъ:

— «Вотъ небольшое облако поднимается отъ моря, величиною въ ладонь человѣческую».... (3 Царствъ, 18 глава).

Въ этомъ облакѣ Ілія увидѣлъ признакъ дождя. «И была на Іліи рука Господня. Онъ опоясалъ чресла свои и бѣжалъ предъ

(царемъ) Ахавомъ до самаго Изрееля». Слѣдовательно, Илія пробѣжалъ передъ колесницею царя всю долину Издрилонскую, т. е. около сорока верстъ.

Это видѣніе маленькаго облака, которое дало обильный дождь послѣ трехлѣтней засухи, по сказанію святыхъ отцевъ, и есть образъ Дѣвы Маріи, родившей Слово Божіе. А потому здѣшніе монахи считаютъ пророка Илію, какъ перваго читателя Божіей Матери.

Монахъ предложилъ намъ купить на память крестиковъ и образковъ Кармильской Божіей Матери. Осмотрѣвъ поверхностно постройки монастыря, мы вышли на открытое мѣсто, чтобы полюбоваться восхитительной панорамой Палестины. На западѣ передъ нами лежало далекое Средиземное море. Надъ нимъ разстилался необъятный воздушный океанъ, съ ослѣпительнымъ солнцемъ въ его вершинѣ. На сѣверѣ, за мысомъ древней Птолемаиды, убогае въ даль финикійскій берегъ. Правѣ его вырисовываются въ воздухѣ вершины Ливана. Еще правѣ весь горизонтъ вплоть до Кармильскаго кряжа покрытъ Галилейскими горами, среди которыхъ прячется Назаретъ. Надъ Галилеей царитъ величественный Ермонъ подъ снѣжною шапкою. Ближе, у самой подошвы Кармила разстилается равнина съ извивающеюся лентой Нахр-ель-Мукатта, или древняго потока Киссона. Внизу, при морѣ лежитъ городъ Кайфа и нѣмецкая колонія.

Во времена крестоносцевъ Птолемаида (въ тринадцати верстахъ отъ Кайфы) была обращена въ крѣпость Сенъ Жанъ д'Акръ. Весною 1799 г., эта крѣпость остановила побѣдоносное шествіе Наполеона, какъ нѣкогда Тиръ задержалъ Александра Македонскаго на семь мѣсяцевъ. Но Наполеонъ не располагалъ ни средствами, ни временемъ великаго завоевателя Востока и потому послѣ восьми безуспѣшныхъ приступовъ въ продолженіе семидесятидневной осады долженъ былъ отступить отъ крѣпости. Всѣхъ своихъ больныхъ и раненыхъ онъ оставилъ на попеченіе кармильскихъ монаховъ; но губернаторъ Акры, Джебзаръ-паша, безжалостно приказалъ перерѣзать ихъ. Монаховъ разогнали, а монастырь подожгли. Въ 1821 году, Абдалла-паша взорвалъ минами остатки монастыря, и Кармилъ снова обратился въ пустыню на нѣкоторое время. Въ небольшомъ монастырскомъ саду теперь стоитъ памятникъ надъ собранными костями французовъ.

Недалеко отъ монастыря высится Кармильскій маякъ, видимый съ моря за тридцать миль.

Пріятно было бы осмотрѣть окрестности монастыря и вмѣстѣ съ тѣмъ башню св. Елены, школу пророковъ, источникъ Иліи, но сегодня мы должны засвѣтло попасть въ Назаретъ, а потому поспѣшили спуститься съ Кармила и по прежней дорогѣ вернулись въ городъ. Въ этотъ часъ онъ былъ оживленъ торговцами, моря-

ками, прїѣзжими феллахами и колонистами болѣе, чѣмъ утромъ. Я шелъ съ дякономъ и поторапливалъ его покончить скорѣе съ безконечными прицѣнками къ разнымъ товарамъ на базарѣ. Вдругъ онъ вынимаетъ сотенный билетъ и хочетъ размѣнять его у уличныхъ мѣняль. Я насилу удержалъ его этого не дѣлать.

Къ нашему приходу были наняты для насъ большіе тарантасы. Консульскій агентъ не дѣлалъ намъ особенной любезности: за лодку, за помѣщеніе, за тарантасы и проч. онъ бралъ съ насъ деньги. Но хорошо было то, что все это было опредѣленно, безъ непрїятной возни съ арабами и ихъ безконечнымъ попрошайничествомъ.

Товарищъ мой снялъ свое осеннее пальто и надѣлъ бедуинскій костюмъ. Удивительно просто покрой платья бедуиновъ! Напримѣръ, что такое верхній плащъ, или аба по-арабски? Это—двѣ прямоугольныя полки, пришитыя къ квадратному куску полосатой матеріи съ боковъ и сверху. Ни рукавовъ, ни воротника, ни петель, ни пуговиць. Только въ верхнихъ углахъ плаща недошито, чтобы въ оставленныя отверстія можно было просунуть руки. Штаны тоже своеобразнаго покроя. Шиваютъ два прямоугольныхъ куска бумажной матеріи съ боковъ и снизу, такъ что получается мѣшокъ, не глубокій, но очень широкій. Внизу по угламъ оставлены недошитыя мѣста для ногъ, а верхній край мѣшка стягивается шнуркомъ около талии. Головной уборъ, или кефіе, опять таки представляетъ простой квадратный платокъ, стянутый вокругъ головы шерстянымъ жгутомъ. Только кумбазъ, родъ халата или подрясника, кроится нѣсколько въ талію, съ рукавами, съ карманами и на подкладкѣ. Кумбазъ стягивается пестрымъ кушакомъ. На ногахъ красныя сафьянныя туфли, съ выступающей по краямъ подошвой, для защиты ихъ отъ каменистой почвы. Я пробовалъ надѣвать такія туфли и пораженъ былъ ихъ удобствомъ для путешествія въ Палестинѣ. Благодаря толстой составной подошвѣ, можно было безболѣзненно ступать по насыщенному щебню.

Одѣвшагося такимъ образомъ моего товарища арабы обступили съ нескрываемымъ удивленіемъ. Они такъ цѣнятъ и уважаютъ (франка¹⁾) въ европейскомъ костюмѣ, а тутъ вдругъ добровольное облаченіе себя въ костюмъ бѣднаго кочевого бедуина! Если бы еще костюмъ былъ роскошный, дорогой по цѣнѣ, то они, пожалуй, помирились бы съ этимъ; но вѣдь на немъ все бумажное, дешевое, рублей на двѣнадцать не больше.

— Почему покупалъ?—спрашиваютъ моего товарища одинъ за другимъ арабы.

Тотъ молчитъ, сердится и не знаетъ, какъ отъ нихъ отвязаться. А то станутъ учить его, какъ бедуины подвязываютъ концы платка, спускающагося съ головы, какъ надо накладывать черный жгутъ на голову и проч.

¹⁾ Франкъ на Востоку не только французъ, но и вообще всякій европеецъ.

XVIII.

Въ тарантасѣ по Ездрилонской долицѣ.—Самоуглубленный странникъ.—Одежды Иисуса Христа.—Въ Назаретѣ.—Греческая церковь Благовѣщенія.—Поведеніе злира при богослуженіи.—Католическій храмъ Благовѣщенія.—Разъясненіе францисканца.—«Трапеза Христова».—Гора Сверженія.

Въ тарантасѣ я усѣлся рядомъ съ тучнымъ діакономъ и все время бесѣдовалъ съ нимъ объ окружающихъ насъ предметахъ. Напервыхъ порахъ все встрѣчное по пути напоминало намъ пророка Ілію. Съ правой стороны высилась гора Кармиль, а съ лѣвой протекалъ потокъ Киссонъ, съ которымъ мы все больше и больше сближались, пока не переѣхали его близъ деревни Ель-Харисія. Отсюда дорога приняла еще болѣе восточное направленіе и стала постепенно входить въ холмы и въ предгорія назаретскихъ высотъ. Надъ Ездрилонской долиной, съ правой стороны отъ насъ, возвышался южный конецъ Кармила, называемый арабами Ель-Мухрака, что значитъ жертва, потому что на этой вершинѣ пророкъ Ілія вызвалъ огонь съ неба на свою жертву въ посрамленіе жрецовъ Ваала. Тутъ же, у потока Киссона, указываютъ и мѣсто, гдѣ онъ закололъ этихъ пророковъ. Эта двойная жертва пророка огнемъ и мечемъ, его горячая ревность о Единомъ истинномъ Богѣ стали примѣромъ для гонителей еретиковъ. Но... что было уместно по духу Ветхаго Завѣта, то не совсѣмъ прилично въ Новомъ Завѣтѣ. Когда апостолы хотѣли свести огонь съ неба и истребить людей, какъ и Ілія это сдѣлалъ, Христосъ запретилъ имъ и сказалъ: «Не знаете, какого вы духа!».

Чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ все болѣе и болѣе смягчались пейзажи. Встрѣчались красивыя рощи, цвѣтистые луга, обширныя поля съ колосистымъ хлѣбомъ и даже небольшой лѣсокъ. Это единственное мѣсто въ Палестинѣ, гдѣ мы увидѣли лѣсъ. Здѣшнія картины какъ-то ближе, роднѣ нашей душѣ, чѣмъ суровые виды каменистой Іудеи. Простота деревенской жизни туземныхъ крестьянъ, или феллаховъ, невольно напоминаетъ съ дѣтства вычитанную изъ Евангелія ту безыскусственную обстановку, среди которой раздались премудрыя притчи Божественнаго Учителя. Почти на каждомъ шагѣ встрѣчается какая нибудь иллюстрація къ евангельскому тексту. Вотъ проѣхалъ старецъ на маленькомъ ослѣ, чуть не касаясь свѣсившимися ногами земли. Вотъ молодой пастухъ не спѣша идетъ по склону горы со своимъ стадомъ «мелкаго скота». Или вотъ пробирается феллахъ по полю со своими волами. Почти у cadaго источника можно видѣть черноглазую дѣвицу съ чернымъ кувшиномъ на плечѣ или на головѣ.

Остановились мы въ одномъ небольшомъ селеніи на короткій отдыхъ. Всѣ мы сошли съ тарантасовъ и расположились около небольшой лавочки выпить воды или кофѣ. Обмѣниваясь своими впе-

чатлѣвнѣями, мы громко говорили, смѣялись и вообще производили замѣтный шумъ. Передъ нами наискось лежала дорога. Вдругъ изъ-за угла дома показывается арабъ въ темносинемъ полосатомъ плащѣ, въ красномъ кумбазѣ, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ подъ двойнымъ чернымъ кольцомъ толстой веревки. Высокій, статный, онъ медленно шелъ по дорогѣ, какъ бы въ глубокомъ раздумѣ. Несмотря на нашъ веселый и громкій смѣхъ, онъ не повернулъ головы въ нашу сторону. Для этого философа какъ бы не существовало ничего земного. Мы сразу смолкли и переглянулись между собою. Вѣдь арабы такъ любопытны, а нашъ шумъ и вереница тарантасовъ—не обычное явленіе въ этомъ глухомъ мѣстечкѣ.

— Такъ только могъ пройти Христосъ или библейскій пророкъ,—замѣтилъ намъ мой товарищъ въ бедунинскомъ костюмѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, точно видѣніе, не оглядываясь назадъ, исчезъ вдали за холмами самоуглубленный странникъ.

Вспомнивъ Христа, мы заговорили о его костюмѣ. Обыкновенно изображаютъ его на иконахъ босымъ, безъ головного убора, въ греческомъ красномъ хитонѣ и съ синей хламидой на плечахъ. Но такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? Нашъ «бедуинъ» настойчиво доказывалъ, что Иисусъ Христосъ, какъ и всѣ евреи того времени, не носилъ костюма язычниковъ, а навѣрно имѣлъ такой же кумбазъ и абу, какой носятъ и теперъ всѣ жители Палестины.

— Иоаннъ Предтеча,—говорилъ онъ,—замѣтилъ про себя, что онъ недостоинъ развязать ремень обуви его; слѣдовательно Христосъ носилъ обувь. А если такъ, то отчего не допустить у Него и обычнаго на Востокѣ головного убора въ защиту отъ жгучаго солнца?

Другіе возражали ему, но слабо, указывая на запрещеніе (Лк. 10) брать съ собою обувь. Мнѣ казалось, что спорить объ этомъ предметѣ не зачѣмъ. Кумбазъ арабовъ это тотъ же хитонъ грековъ. Положимъ, у Христа онъ имѣлъ ту особенность, что былъ не сшитый, а весь тканый; но все-таки стягивался поясомъ, о которомъ упоминается въ Евангеліи (Мт. 10). Также и греческая хламида вполне соответствуетъ современному плащу, бурнусу, или «аба», какъ называютъ арабы. У Христа аба разодрали на четыре части. И въ самомъ дѣлѣ арабскій плащъ легко дѣлится на четыре равныя части, стоитъ лишь отдѣлить пришитыя двѣ полки, а остальное разодрать пополамъ сверху до низу. Что же касается запрещенія брать обувь, то, вѣроятно, это сказано о второй запасной парѣ, потому что одновременно говорится не брать двухъ одеждъ (Мт. X, 10).

— Поѣдьте-ка дальше! — перебила нашъ споръ матушка. — А объ одеждѣ что заботитесь? Посмотрите на полевая лиліи, какъ онѣ растутъ: ни трудятся, ни прядутъ. Если же траву полевую Богъ такъ одѣваетъ, то тѣмъ болѣе насъ одѣнетъ... Поѣдьте!

Илеонская гора и Исафагова Долина.

Въ самомъ дѣлѣ день склонялся къ вечеру, и надо было поспѣшить къ подъему Назаретской горы. Я попрежнему сидѣлъ въ тарантасѣ съ отцомъ діакономъ и слушалъ его медленный, нескончаемый разсказъ о его родномъ городѣ. Онъ нагруженъ былъ множествомъ мѣшочковъ, футляровъ, узелковъ, кошельковъ, и все это поочередно выпадало на дорогу. То и дѣло приходилось подбирать ему то очки, то платокъ. Наконецъ, я не выдержалъ и, собравъ всю мелочь, передалъ ее женѣ діакона.

Поздно вечеромъ мы прибыли въ священный городъ Назаретъ и остановились въ русскомъ домѣ.

Не успѣли немного отдохнуть съ дороги и закусить, какъ наступила уже ночь, темная, тихая, настоящая палестинская ночь. Я вышелъ на крышу дома, но черный бархатный покровъ уже окуталъ городъ. Оставалось любоваться только свѣтлыми звѣздами на небѣ.

Одна изъ учительницъ здѣшней школы, увидѣвъ меня на крышѣ безъ шляпы, предупредительно замѣтила мнѣ, что въ Палестинѣ, хотя и тепло въ мартѣ мѣсяцѣ, но безъ шляпы нельзя стоять ночью подъ открытымъ небомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разность дневной и ночной температуры здѣсь очень большая. И это надо постоянно внушать нашимъ паломникамъ простолюдинамъ, путешествующимъ въ Палестинѣ налегкѣ, въ одномъ пиджакѣ. Потому, когда мнѣ случилось пройти съ ними въ одномъ караванѣ черезъ Самарію, я имѣлъ возможность убѣдиться, какъ много больныхъ среди нихъ отъ простуды. Разгоряченные, вспотѣвшіе, истомленные отъ жары, на привалѣ обыкновенно они ложились прямо на землю подъ открытымъ небомъ. И чаще всего простуживали животы.

Я послушался совѣта учительницы и, простившись съ любезною хозяйкою, присоединился къ своей компаніи паломниковъ, которые уже располагались на ночлегъ въ общей комнатѣ въ нижнемъ этажѣ дома.

На другой день утромъ мы поспѣшили къ обѣднѣ въ православную церковь Благовѣщенія.

Наружный видъ ея очень скромный и мало отличается отъ обыкновенныхъ домовъ Палестины. И только небольшая башенка надъ входомъ служила до нѣкоторой степени отличительнымъ признакомъ церкви, когда мнѣ случалось потомъ искать ее безъ проводника. Креста надъ храмомъ не красовалось ¹⁾. Внутренность, по обычаю восточныхъ церквей, была украшена висячими лампадами. У обоихъ клиросовъ стояли стасидіи для духовенства, пѣвчихъ и почетныхъ гражданъ города. Иконостасъ рѣзной, довольно хорошей работы, но въ запущенномъ видѣ и съ значительными поломками.

¹⁾ Онъ былъ въ это время сломанъ.

Напримѣръ, лампады предъ образами подвѣшены къ рѣзнымъ изображеніямъ голубей, но всѣ эти голуби безъ крыла или безъ хвоста.

Какъ видно, и здѣсь, какъ въ Иерусалимскомъ храмѣ, ремонта не полагается. Даже рѣзной крестъ на иконостасѣ не поправленъ, хотя его было бы легко починить. Иконы отстаютъ отъ рамъ. На всемъ лежатъ густые слои пыли. Вообще всюду замѣтная грязь. Порядки и обычаи въ арабскомъ храмѣ тоже странные для русскаго глаза. Однихъ видишь въ красныхъ фескахъ, другихъ—въ бедуинскихъ головныхъ уборахъ (платокъ, обтянутый шерстянымъ жгутомъ). Во время службы идутъ громкіе переговоры, особенно между арабками. Греческіе монахи свободно проходятъ въ алтарь черезъ царскія двери. Если онѣ закрыты завѣсой, то монахи, чтобы пройти черезъ нихъ, не стѣсняются приподнять ее. Иногда изъ-за завѣсы показывалась голова монаха; скажетъ онъ что нибудь вслухъ пѣвчимъ на клиросѣ и опять скроется. Царскія двери закрываетъ и открываетъ церковный слуга, который ставитъ свѣчи. И все это дѣлается даже въ присутствіи самого назаретскаго владыки.

Съ сѣверной стороны храма маленькій спускъ ведетъ въ пещеру съ колодцемъ, гдѣ и было радостное и спасительное благовѣствованіе архангела Гавріила Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Надъ колодцемъ устроенъ престолъ Благовѣщенія.

Несмотря на непристойную для русскаго храма грязь и распушенность, общее впечатлѣніе наше все-таки было благопріятное. Что тутъ этому помогало? Вѣроятно, и сознаніе святости мѣста, и постоянно встрѣчающіяся картины дѣтскаго увлеченія горячо вѣрующахъ арабовъ. Пѣніе у нихъ для русскаго уха непривлекательное, тѣмъ не менѣе оно производитъ сильное впечатлѣніе своею страстностью и воодушевленіемъ.

Обѣдно служили на двухъ языкахъ: греческомъ и арабскомъ, потому что господа церкви въ Иерусалимскомъ патріархатѣ исключительно греки. Въ Антиохійскомъ патріархатѣ арабы сильно борются противъ господства грековъ и въ этомъ направленіи уже сдѣлали довольно много: напримѣръ, недавно добились того, что патріархомъ назначили природнаго араба, но въ Палестинѣ, какъ я говорилъ уже, греческое иго надъ православною церковью еще лежитъ тяжелымъ ярмомъ, снять которое, вѣроятно, удастся не скоро.

Надо видѣть, съ какою радостью, съ какимъ энтузіазмомъ поютъ на своемъ клиросѣ арабы, когда придетъ ихъ очередь отвѣчать на ектенію или прочтѣть какую либо пѣснь изъ литургійной службы. Но нѣтъ худа безъ добра! Можетъ быть, это соревнованіе, эта рознь двухъ племенъ поддерживаетъ внутреннюю силу ихъ вѣры и религіознаго воодушевленія. Въ этомъ смыслѣ апостолъ Павелъ говоритъ въ своемъ посланіи къ римлянамъ (X, 19; XI, 11),

какъ язычники возбуждали ревность въ Израилѣ, а Израиль—въ язычникахъ.

Изъ греческаго храма въ небольшой компаніи я прошелъ въ католическій храмъ Благовѣщенія. Насъ встрѣтилъ высокій францисканскій монахъ и очень любезно объяснилъ намъ на французскомъ языкѣ значеніе нѣсколькихъ придѣловъ въ храмѣ. Всѣ престолы украшены живыми цвѣтами. Въ главномъ красуется изваяніе св. Дѣвы Маріи. То мѣсто, гдѣ стояла Матерь Божія во время архангельскаго благовѣстія, обозначено надписью: *Nic verbum caro factum est* (т. е. здѣсь Слово плоть бысть. Иоан. I, 14). На лѣвой сторонѣ отъ входа виситъ толстая каменная колонна. Низъ колонны отломанъ. Она возбуждаетъ въ народѣ большое удивленіе и считается имъ однимъ изъ главныхъ чудесъ Назарета. Полагають, что на мѣстѣ этой колонны стоялъ святой благовѣстникъ—архангелъ Гавріилъ. Кромѣ престоловъ во имя св. Іоакима и Анны, родителей Божіей Матери, и архангела Гавріила, въ сосѣдней пещерѣ имѣется придѣлъ, гдѣ праведный Іосифъ училъ отрока Іисуса. На стѣнѣ сдѣлана надпись золотыми буквами: *Nic erat subditus illis* (т. е. здѣсь былъ въ повиновеніи у нихъ. Лук. 2, 51). Есть еще пещера, которую называютъ кухней Матери Божіей.

Здѣсь, у католиковъ, все было безукоризненно чисто и въ порядкѣ. Мирная тишина, скромный любезный францисканецъ и... въ то же время пустота, безлюдье.

— Скажите,—обращаюсь я къ католическому монаху,—гдѣ собственно было Благовѣщеніе? Вы говорите, что оно происходило здѣсь, въ этомъ храмѣ, а греки намъ только что показывали колодець, у котораго явился архангелъ Гавріилъ Пресвятой Дѣвѣ.

— Не надо вѣрить ни намъ, ни грекамъ,—наставительно произнесъ францисканецъ,—а вѣрьте святому Евангелію, гдѣ сказано: *et ingressus Angelus ad Eam dixit* (и вшедъ къ Ней Ангелъ рече. Лк. I, 28). Замѣтьте, евангелистъ сказалъ къ Ней, т. е. въ Ея домъ, а не къ городскому колодцу. Не желаете ли взглянуть,—сразу перевелъ онъ разговоръ на другой предметъ,—на большой камень, на которомъ Іисусъ Христосъ обѣдалъ со своими учениками?

Мы съ благодарностью согласились, и онъ насъ повелъ въ капеллу, недалеко отъ латинскаго монастыря. Здѣсь посреди нея возвышался большой свѣтло-сѣрый камень, извѣстный у паломниковъ подъ названіемъ «Трапезы Христовой».

Обозрѣвая Назаретъ, заодно мы осмотрѣли и гору Низверженія съ небольшою православною церковью на вершинѣ, построенною на средства пензенской помѣщицы М. М. Киселевой. Католики и тутъ расходятся съ греками: они указываютъ на другую вершину, какъ на гору Сверженія. Та и другая, впрочемъ, высятся рядомъ надъ Ездрилонскою долиною, куда хотѣли евреи свергнуть Іисуса Христа послѣ его обличительной проповѣди въ синагогѣ.

Спустившись съ Тарпейской скалы назаретскихъ жителей, мы отправились обѣдать. По дорогѣ показали намъ мѣсто той еврейской синагоги, гдѣ Христосъ сказалъ своимъ соотечественникамъ, что никакой пророкъ не принимается въ своемъ отечествѣ. Теперь здѣсь выстроена двухъэтажная церковь маронитовъ.

XIX.

Поѣздка на Фаворъ.—Выборъ осла.—Продѣлки арабскихъ проводниковъ.—Встрѣча съ русскими паломниками.—Разсказъ о Преображеніи Господнемъ.—Поворотный пунктъ въ ходѣ евангельскихъ событій.—Ермонъ, какъ гора Преображенія.—Схема шествія Христа.—Въ греческомъ монастырѣ.—Военное значеніе Фавора.—Обзоръ вершины горы.

Вечеромъ мы стали собираться на гору Фаворъ и на Тиверіадское озеро. Компанія наша раздѣлилась. Одни, отягощенные тучнымъ тѣломъ, боялись тронуться въ тяжелый путь, гдѣ нельзя пользоваться тарантасомъ, другіе, въ видахъ экономіи, отправились заранѣе пѣшкомъ, третьи, къ которымъ принадлежали я, мой товарищъ въ бедуинскомъ костюмѣ и купецъ-старообрядецъ, рѣшили ѣхать на ослахъ. Для того, чтобы не связывать другъ друга въ дорогѣ, я предложилъ своимъ спутникамъ каждому взять себѣ отдѣльнаго проводника и для скорости тоже на ослѣ.

Узнавъ о нашемъ желаніи, арабы привели множество ословъ къ русскому дому. Всѣ они были очень мелки, потерты по бокамъ иногда съ кровавыми подтеками отъ укуловъ на шеѣ. Я выбиралъ себѣ осла пободрѣе съ виду, да хоть немного съ сносной сбруей изъ веревокъ. Арабы кругомъ меня кричатъ, что-то толкуютъ непонятное. Наконецъ, въ первый разъ въ жизни я взобрался съ камня на бѣлаго осла и еще не успѣлъ оправиться въ сѣдлѣ, какъ онъ рванулся сразу въ сторону и бросился бѣжать со всѣхъ ногъ. Я едва удержался на немъ. Арабы сзади бѣгутъ и кричатъ: «хорошъ! хорошъ!».. Оказывается, они нарочно кольнули осла шиломъ сзади, чтобы онъ проявилъ такую прыть.

Наша кавалькада выѣхала часа въ три пополудни, съ расчетомъ къ вечеру быть на Фаворѣ и тамъ переночевать до утра. Лишь только миновали городъ, какъ одинъ изъ погонщиковъ тихонько отсталъ и исчезъ. Я остановился и сталъ говорить другому проводнику, что мы не поѣдемъ безъ двухъ проводниковъ-мукари, а потому пусть онъ вернетъ скорѣй своего товарища. Намъ предупреждали, что за арабами проводниками надо слѣдить внимательно и не спускать имъ на первыхъ порахъ ни малѣйшаго проступка, иначе они будутъ обманывать потомъ на каждомъ шагѣ.

Мы настояли на своемъ, и проводникъ вернулся въ городъ за своимъ товарищемъ.

Дорога спускалась между зеленѣющими холмами все ниже и ниже въ Ездрилонскую долину. Сравнить нельзя съ каменистою

Иудеи! Здѣсь очертанія горъ болѣе округлы, и долины болѣе широки, а главное кругомъ все покрыто цвѣтущею травою и разнообразными деревьями и кустарниками.

Вскорѣ мы нагнали своихъ знакомцевъ—пѣшихъ паломниковъ, вышедшихъ изъ Назарета часомъ раньше. Мы уступили женщинамъ своихъ ословъ, а сами пошли за ними пѣшкомъ. Я былъ радъ поразмять свои ноги послѣ неудобнаго сидѣнія въ сѣдлѣ съ высокоподнятыми стременами; да и вообще я предпочитаю идти пѣшкомъ,—въ этомъ куда больше удовольствія и свободы въ пути! Можешь остановиться надъ камнемъ, цвѣткомъ, жучкомъ, взять въ руку, рассмотреть, спрятать на память.

Наши мукари были молодые ребята, не старше двадцати лѣтъ, и родственники между собою. Они немного знали русскихъ словъ, научившись отъ прѣбжающихъ паломниковъ въ Назаретъ. Всѣхъ мужчинъ они звали «Иваномъ», а всѣхъ женщинъ «Маріей».

— Иванъ, Иванъ!—часто останавливали меня, подмѣтивъ мое любопытствующее вниманіе къ здѣшней природѣ и подносили бабочекъ и жучковъ. А то укажутъ какую нибудь гору или деревню и назовутъ ее по-арабски.

Сами мы знали не болѣе десятка арабскихъ фразъ, необходимыхъ при встрѣчѣ съ туземцами въ Палестинѣ, такъ что какихъ нибудь обстоятельныхъ разговоровъ со своими мукари не могли вести.

Съ Ездрилонской долины Оаворъ весь передъ нами. Онъ представляетъ изъ себя совершенно изолированную гору правильнаго округлаго очертанія. Я заранѣе предвкушалъ удовольствіе увидѣть съ ея вершины всю Галилею.

Нашъ «бедуинъ» предложилъ въ долинѣ, въ виду красивой горы Преображенія Господня, сѣсть на траву и отдохнуть немного. Но умыселъ другой тутъ былъ. Ему, очевидно, хотѣлось высказать свое мнѣніе объ этой горѣ, потому что сейчасъ же разразился, очевидно, заранѣе приготовленною рѣчью, которую я нахожу нужнымъ привести цѣликомъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ и вспомнить Христа и Его Евангеліе, какъ не здѣсь, между Назаретомъ и Оаворомъ? Онъ говорилъ:

— Обратите, господа, вниманіе, что самый фактъ Преображенія былъ тайною для апостоловъ, кромѣ трехъ,—Петра, Іакова и Іоанна,—которымъ Господь запретилъ рассказывать до поры до времени. Да и рассказывая объ этомъ впослѣдствіи, они какъ бы скрываютъ, на какой горѣ происходило Преображеніе. Были ли они въ это время «въ тѣлѣ или внѣ тѣла»¹⁾? Неизвѣстно. Мы знаемъ только, что эта гора была высокая и святая. Палестинское преданіе указываетъ на Оаворъ, имѣя въ виду стихъ извѣстнаго псалма: «Оаворъ и Ермонъ объ имени твоемъ радуются». Но мнѣ кажется, что

¹⁾ 2 Кор. XII, 2.

этотъ стихъ даетъ такое же основаніе утверждать, что Преображеніе было на горѣ Ермонъ.

— Какъ!—всѣ встрепенулись:—вы хотите отвергнуть установленнаго съ древнѣйшихъ временъ преданіе?

— Ничего я, господа, не отвергаю,—продолжалъ «бедуинъ»:—но мнѣ хочется сдѣлать выводъ, непосредственно вытекающій изъ Евангелія. Мы видимъ, что Христосъ проповѣдуетъ и дѣлаетъ чудеса въ Галилеѣ; но ни слова не говоритъ, по крайней мѣрѣ, явно, о своей искупительной миссіи, о своей крестной смерти. Наконецъ, Онъ достигаетъ со своими учениками крайнихъ предѣловъ Палестины, такъ сказать, вершины ея, гдѣ когда-то расположилось самое сѣверное колѣно Израилево—Даново. И вотъ здѣсь-то, въ Кесаріи Филипповой, у подножія горы Ермонъ, онъ спрашиваетъ своихъ учениковъ, за кого почитаютъ его люди. Они сказали: за одного изъ пророковъ, за Іеремию, Ілію или за Іоанна Крестителя. «А вы,—говоритъ имъ Христосъ,—за кого Меня почитаете?» Тогда Петръ призналъ Его Христомъ, Сыномъ Бога Живого. Это очень важный моментъ, потому что въ этомъ признаніи половина миссіи Христа окончилась. Апостолы, такъ сказать, выдержали свой экзаменъ, ихъ ученіе въ первой половинѣ кончается. Здѣсь поворотный пунктъ шествія Христа, отсюда Онъ идетъ на югъ, къ Іерусалиму, гдѣ и заканчиваетъ свою миссію крестною смертью и воскресеніемъ. Въ этомъ поворотномъ пунктѣ, въ Кесаріи Филипповой, онъ впервые прямо, безъ обиняковъ и прикровенія, говоритъ ученикамъ о своемъ страданіи и смерти. Какъ говоритъ евангелистъ Матоей: «Съ того времени Іисусъ началъ открывать ученикамъ своимъ и т. д.». И вотъ тутъ-то, въ сѣверныхъ предѣлахъ Палестины, по прошествіи шести-восьми дней, Христосъ преобразился на святой высокой горѣ предъ своими избранниками, то-есть подтвердилъ имъ свое Божественное происхожденіе, и они услышали свидѣтельство Самого Бога Отца. Какъ естественно допустить, что это происходило именно на Ермонѣ, на высочайшей горѣ въ Палестинѣ, сверкающей своею чистою снѣжною вершиною. Вѣдь городъ Кесарія Филиппова лежитъ при подошвѣ этой прекрасной горы, не одинъ разъ воспѣтой царемъ-пророкомъ Давидомъ.

«Бедуинъ» прервалъ свою рѣчь и оглянулъ своихъ слушателей, но теперь никто ему не возражалъ.

— Итакъ, господа,—снова заговорилъ онъ:—вотъ схема Христа шествія: оно начинается въ Вилелемѣ, направляется съ юга на сѣверъ до Ермона, здѣсь поворачиваетъ опять на югъ и заканчивается въ Іерусалимѣ. Рожденіе, Преображеніе и Воскресеніе—это главные моменты въ жизни Христа.

Мнѣ понравилась его рѣчь, но какъ жалко, что сказалъ онъ ее въ виду Оавора. Для меня эта гора до нѣкоторой степени уже потеряла свое священное значеніе.

Когда мы снова двинулись въ путь, одна женщина, взлѣзая на осла, сказала вслухъ, какъ бы про себя:

— Вотъ еще что выдумалъ: Ермонъ! Ужъ сказалъ бы, что Господь преобразился на небесной горѣ,—это куда понятнѣе!

Дорога съ подошвы горы на вершину шла зигзагами. Какъ видно, монахи поработали надъ нею, потому что, несмотря на крутой подъемъ, она была легко доступна для ословъ. Пѣшіе же, для сокращенія пути, пробирались прямо на верхъ, пересѣкая зигзаги шоссеиной дороги. Деревья и кусты, за которые цѣплялись мы руками, постоянно останавливали наше вниманіе своею новизною для насъ, но мнѣ болѣе всего нравились полевые цвѣты, густо разбросанные по всему склону.

Наконецъ, мы и на вершинѣ въ греческомъ монастырѣ. Монахъ указалъ намъ небольшія комнаты, обставленныя всѣмъ необходимымъ для ночлега паломниковъ. Къ нашему ужину грекъ принесъ бутылку мутнаго вина изъ здѣшнихъ виноградниковъ. Его нельзя было назвать ни краснымъ, ни бѣлымъ, что-то среднее по цвѣту. Намъ казалось, вино плохо перебродило. Вообще въ Палестинѣ рѣдко можно достать хорошаго вина у туземцевъ. Только въ европейскихъ колоніяхъ еще можно купить хорошаго и недорогого.

Послѣ ужина монахъ повелъ насъ на плоскую крышу зданія при церкви. Отсюда открывался восхитительный видъ на Галилею. Подъ нами глубоко западаетъ Ездрилонская долина. Она уходитъ на западъ, гдѣ и таетъ въ неясной дали у подножья Кармила. Съ другой стороны между горъ лежитъ длиннымъ синимъ оваломъ Тиверіадское озеро. Надъ нимъ сверкаетъ высокій снѣжный Ермонъ.

Въ старину Фаворъ имѣлъ большое военное значеніе. Во времена владычества римлянъ здѣсь была крѣпость. А сколько битвъ усматривалось съ вершины этой горы въ продолженіе сорока вѣковъ! Тотъ, который провозгласилъ своимъ солдатамъ въ Египтѣ: «сорокъ вѣковъ смотрятъ съ вершинъ этихъ пирамидъ!» тотъ самый воевалъ и здѣсь въ Ездрилонской долиинѣ подъ Фаворомъ, разставивъ противъ сирійцевъ свои щегинистыя карре. Но раньше Наполеона, около трехъ тысячъ лѣтъ до него, тутъ происходила знаменитая битва Израиля, когда, по выраженію пророчицы Деворы, «съ неба сражались, звѣзды съ путей своихъ сражались съ Сисарою», съ военачальникомъ ханаанскаго войска, въ которомъ участвовали девятьсотъ желѣзныхъ колесницъ.

Вообще древніе смотрѣли на изолированныя горы, какъ на естественныя крѣпости, среди которыхъ Фаворъ считалась перво-классною.

Наступившая ночь и ощутительная прохлада согнали насъ съ крыши, и мы вскорѣ залегли спать.

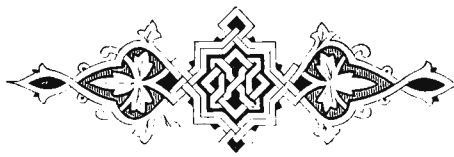
Чуть только занялась заря, какъ мои спутники одинъ за другимъ стали подыматься: намъ предстоялъ немалый путь къ Ти-

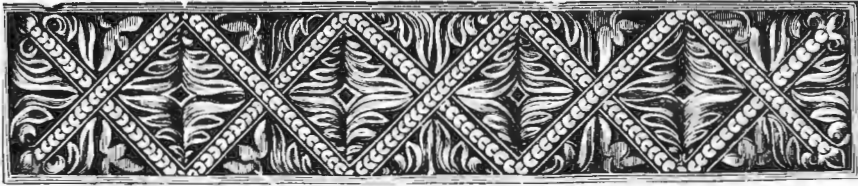
веріадскому озеру. Пока погонщики приготавливали ословъ, мы успѣли обойти вершину горы, но не заходили въ католическій монастырь. Вся вершина усѣяна остатками древнихъ сооружений, видны слѣды и христіанской церкви.

Получивъ въ благословеніе отъ греческаго монаха литографированные образки Преображенія Господня, мы отправились въ путь по направленію къ Тиверіадѣ.

И. П. Ювачевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРМЯКИ-ИНОРОДЦЫ.

Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,
Будь первый тамъ.

Некрасовъ.

РЕДИ русскаго населенія Пермской губерніи существуютъ пермяки-инородцы, имѣющіе свой бытъ и языкъ. О нихъ мы и хотимъ сообщить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія, такъ какъ бытъ ихъ еще мало изслѣдованъ. Они населяютъ юго-западную часть Чердынскаго уѣзда и сѣверо-западную Соликамскаго. Мѣстность эта находится въ 150 верстахъ отъ рѣки Камы, на правомъ ея берегу, среди лѣсовъ имѣнія графа Строганова и вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ. Собственно иньвенскіе пермяки населяютъ мѣстность по рѣкѣ Иньвѣ («инь»—женщина, «во»—вода), представляющую географическое пространство въ 70 верствъ въ діаметрѣ. И вотъ на этомъ-то пространствѣ проживаетъ 100.000 пермяковъ земледѣльцевъ бобылей: лѣсъ, лучшіе покосы, выгоны, мельницы и другія жизненныя удобства—все это (частію) монополія майоратнаго имѣнія графа Строганова.

Обитатели этого злополучнаго края до настоящаго времени остаются, за весьма немногими исключеніями, все такими сынами природы, какими они были нѣсколько десятковъ, если только не сотенъ лѣтъ тому назадъ. Неподвижные, малоразвитые, они производятъ на посторонняго наблюдателя впечатлѣніе людей первобытной культуры по бѣдности своего языка и примитивности развитія своихъ душевныхъ качествъ. Языкъ ихъ принадлежитъ къ финскому и что либо оригинальнаго противъ родственныхъ ему, зырянскаго и вотскаго, не представляетъ.

Научиться говорить по-пермьяцки и понимать ихъ разговорный языкъ довольно трудно, что объясняется исключительными особенностями этого языка. Литературы своей у пермьяковъ нѣтъ. Только лишь за послѣднее время появились книги на пермьяцкомъ языкѣ, что послужить, несомнѣнно, могучимъ средствомъ къ обрусенію женщинъ, все еще плохо понимающихъ русскій языкъ, и сознательному усвоенію пермьяками христіанства вообще. Ученіе Христа, хотя христіанство закамскими пермьяками принято давно, еще не коснулось пермьяковъ; поэтому любовь къ ближнему между ними замѣтна такъ рѣдко, христіанство принято ими лишь формально, они все еще слѣдуютъ ветхозавѣтнымъ традиціямъ: «око за око, зубъ за зубъ».

Случаи оскорбленія дѣйствіемъ родителей довольно часты, и убійства не рѣдкость. Всепрощающей любви нѣтъ даже у дѣтей по отношенію къ родителямъ и между мужемъ и женою. По наружности пермьяки преимущественно малаго роста, сухощавы, ноги короче верхней части тѣла, руки толстыя съ широкою кистью. Голова чаще малая, чѣмъ большая, съ свѣтлыми волосами, рѣдко черными. Лицо представляется угловатымъ, какъ бы четверугольнымъ, съ выраженіемъ тупости, лукавства, дикости, скрытности, упрямства и злости; вообще, какъ мужчины, такъ и женщины не привлекательны по наружности, къ тому же пермьякъ неповоротливъ, неуклюжъ, вялъ, худо сложенъ, слабосиленъ, ходитъ небольшимъ мѣрнымъ шагомъ, покачиваясь въ стороны и сильно размахивая руками. Землянистый цвѣтъ лица съ мутными, безъ выраженія, глазами, съ безучастно-равнодушнымъ взглядомъ, съ хмельною головою отъ браги, апатичный, съ нечесаными волосами, въ грязной одеждѣ, вонючихъ онучахъ, большихъ лантяхъ—вотъ внѣшній обликъ иньвенскаго пермьяка. Этому наружному виду соотвѣтствуетъ и внутреннее состояніе инородца.

Нельзя назвать пермьяковъ и трудолюбивыми. Есть, конечно, примѣры трудолюбія среди пермьяковъ, но ихъ чрезвычайно мало. Пермьяки вообще нерадивы къ труду и живутъ далеко бѣднѣе русскихъ, но они и менѣе требовательны въ жизни. Дома пермьякъ смѣлъ и дерзокъ, но въ чужомъ мѣстѣ трусливъ и робокъ, къ хмельнымъ напиткамъ привыкаютъ почти съ дѣтства, какъ мужчины, такъ и женщины; оба пола весьма склонны къ разврату и мало заботятся о нравственности дѣтей; дѣвственность дѣвицъ ставится ни во что, и пермьякъ охотно женится на дѣвицѣ беременной или даже на дѣвушкѣ, имѣющей дѣтей, которыя называются у нихъ «міроношъ», т. е. родившіяся отъ міра, утѣшая себя тѣмъ, что будетъ имѣть борноволока. Замѣтны случаи оставленія женами своихъ мужей; родители въ такихъ случаяхъ не только не содѣйствуютъ примиренію супруговъ, но дѣйствуютъ въ обратномъ направленіи. Будучи суевѣрны, они прибѣгаютъ къ колдунамъ и

знахарямъ, пользующимся громкою славою и большимъ уваженіемъ, суевѣрными обрядами сопровождаются даже наружное Богопочитаніе и поклоненіе святымъ. Къ церкви мужчины въ большинствѣ лѣнны, и многіе изъ нихъ бывали въ ней разъ-два въ своей жизни—при крещеніи и вѣнчаніи, посты исполняютъ безусловно всѣ.

Пермяки, живя въ дымныхъ закоптѣлыхъ, грязныхъ избахъ, рѣдко мѣняя бѣлье, большею частью очень нечистоплотны; умываются нерѣдко грязной водой безъ мыла и утираются черными обносками рубахъ; лавки и полы въ избахъ рѣдко моютъ, а кухонная посуда, если и споласкивается, то рѣдко вытирается. Ее очищаютъ тараканы. Лишь въ рѣдкихъ домахъ можно встрѣтить чистоту и опрятность. Если попадетъ обиходная женщина въ семью, то «большаки» бываютъ ею недовольны и ругаютъ ее «обиходкой», «русской».

Намъ приходилось не разъ встрѣчать такихъ мужчинъ среди пермяковъ, которые ни разу въ жизни не чесали волосъ на головѣ. Съ пермяцкой точки зрѣнія, сколько нибудь порядочная жизнь—зло, самая комнатная жизнь, комнатный воздухъ—тоже зло. Ихъ одежда—синенные рубахи и штаны, сверху которыхъ надѣвается, въ родѣ пальто, зипунъ, который самими же женщинами прядется изъ овечьей шерсти и ткется. У пермяковъ средняго состоянія одежда—шабуръ холщевый, понизокъ полусуконный, а у богатыхъ—«бешметъ» изрѣдка изъ фабричнаго дешеваго сукна; зимою надѣваютъ полушубокъ или тулупъ.

Въ рабочее время для предохраненія одежды надѣваютъ сверху запаль, родъ рубашки, замѣняющей фартукъ. Ноги обертываютъ въ холщевыя онучи, а зимою, кромѣ того, въ скуты, т.-е. въ суконныя бѣлыя полосы, длиною въ полтора аршина, а то и короче, поверхъ онучъ надѣваютъ лапти изъ лыка, а по праздникамъ зажиточные пермяки лапти замѣняютъ сапогами, а въ зимнее время валенками. Рубашку они подпоясываютъ поясомъ собственнаго издѣлія, довольно оригинальнымъ и красивымъ, къ поясу рубашки привѣшиваютъ сумочку съ огнивомъ и ключи отъ ящичковъ и шкатулокъ и ножны. Шляпы катаютъ изъ овечьей бѣлой шерсти съ отдѣлкою манчестеромъ, что служитъ характерною частію одежды иньвенскаго пермяка. Пермячки поверхъ рубахи носятъ синіе холщевыя «дубасы», въ родѣ сарафана, и весьма рѣдко русскій сарафанъ, прикрываемый спереди фартукомъ; на голову замужнія женщины надѣваютъ «шамшуру», изъ кумача, особой формы повойникъ или чепецъ, унизанный съ затыльной стороны бисеромъ или позументомъ, а то и нитками въ видѣ цвѣтовъ. Дѣти у пермяковъ 7—8-ми-лѣтняго возраста ходятъ въ лѣтнее время въ однихъ рубашкахъ, передѣланныхъ изъ родительскихъ обносковъ, а потому нерѣдко представляются полунагими.

Пицца пермяковъ далеко скуднѣе, чѣмъ у русскихъ; народнымъ праздничнымъ кушаньемъ считаются «пельмяни», пель—ухо, нянь—хлѣбъ, называемые русскими «пельмени», т.-е. пирожки изъ творога, свиного или другого мяса; это лакомое блюдо употребляется лишь въ чтимые праздники. Бѣдняки ѣдятъ хлѣбъ ячменно-овсяный, средняго состоянія—ячменный, а богатые—ржаной. Любимый напитокъ пермяка составляетъ брага, замѣняющая русскій квасъ. Въ будничное время пермяки болѣе зажиточные питаются овощами, а бѣдняки—лишь хлѣбомъ и брагой. Пермякъ не знаетъ поэзіи, пѣсни на улицахъ рѣдко слышатся на родномъ языкѣ. Пѣсни эти съ грустнымъ мотивомъ, да и тѣ, которыя поются, по своему складу, скорѣе должны быть названы прибаутками, побасенками и, по нескромному содержанію, не всегда могутъ быть произносимы публично. Пѣсни же, въ собственномъ смыслѣ, они переняли отъ русскихъ и поютъ ихъ съ нѣкоторымъ искаженіемъ въ словахъ и смыслѣ, вслѣдствіе малаго знакомства съ русскимъ языкомъ. Въ чемъ заключается жизнь пермяковъ, и чѣмъ она отличается отъ жизни только-что вернувшихся съ полей овецъ и коровъ? Почти совершенно ничѣмъ. Встаютъ они рано утромъ и принимаются за работу, работаютъ они большею частью всѣ шесть дней, если не случится праздника. Работа однообразная, монотонная, изо дня въ день, изъ году въ годъ, и такъ всю жизнь. Въ воскресенье или праздникъ является отдыхъ. Этотъ отдыхъ выражается въ томъ, что парни соберутся въ кружокъ и играютъ на гармоніи, дѣвушки тоже соберутся вмѣстѣ и споютъ одну, другую пѣсню совершенно неопредѣленнаго оттѣнка, всегда грустнаго мотива. Взрослые соберутся въ избу и попиваютъ бражку. На другой день вновь работа, подъ часъ очень и очень тяжелая, и такъ всю жизнь!

Ни малѣйшаго проблеска свѣта, ни малѣйшаго луча духовной жизни—нѣтъ ничего для души! Только тѣло и забота объ этомъ тѣлѣ. Вслѣдствіе полнаго отсутствія духовнаго начала въ ихъ жизни получается невѣжество и безнравственность, результатомъ которыхъ является бѣдность, т.-е. недостиженіе именно того, изъ чего они бьются всю свою жизнь, отъ раннихъ лѣтъ до гробовой доски. Вырастающія при такихъ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ поколѣнія малосильны, дряблы, съ отсутствіемъ всякой энергіи и съ поразительной покорностью судьбѣ; не удивительно, что между ними много кретиновъ, психопатовъ, и есть цѣлыя поколѣнія, у которыхъ «не всѣ дома», нравственное вырожденіе идетъ быстрыми шагами, хотя количество населенія растетъ. Пермякъ безропотно переноситъ все, что бы съ нимъ ни случилось: горе, или радость, стихійное ли бѣдствіе, или даже смерть кого либо изъ членовъ семьи производятъ на него едва замѣтное впечатлѣніе. Апатичное и пассивное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ жизни—вотъ характерная черта нивенскаго пермяка. Это происходитъ не отъ

какого либо нравственнаго сознанія или религіознаго чувства, а просто вырабатывается такой характеръ подъ гнетомъ вѣчно тяжелыхъ экономическихъ условій жизни.

Между тѣмъ, умереть у крестьянина ребенокъ—сынъ или дочь, онъ совершенно равнодушенъ къ такому горю, его занимаетъ лишь расходъ на похороны. Если смерть послѣдовала въ раннемъ возрастѣ, то родители даже не обмолвятся сожалѣніемъ, если же умереть сынъ или дочь въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, то отецъ скажетъ: «жаль — былъ работникъ», и больше ничего. Вообще, чувство у пермяка еще спитъ, оно не пробуждено, потому что духовная сторона его натуры не развита и даже еще совсѣмъ не затронута. Поэтому образуется типъ равнодушнаго, безличнаго и апатичнаго человѣка. Отъ этой апатіи, отъ этой покорности судьбѣ происходитъ лѣнь, безпечность, низведеніе до крайняго минимума своихъ потребностей и, въ заключеніе, поразительная бѣдность, подъ гнетомъ которой окончательно гибнетъ въ немъ все человѣческое и даже врожденное человѣку религіозное чувство. Нравственное его міровоззрѣніе, отношеніе къ чужой собственности—жалкое. Пермякъ умѣетъ оправдать воровство лѣса, допустимъ, тѣмъ, что «лѣсъ не помѣщикъ орошаетъ, а Богъ», слѣдовательно, лѣсъ общій. Никакого чувства правды и справедливости, признательности, никакого уваженія къ своему ближнему, никакого сознанія долга передъ Богомъ и людьми—въ немъ нѣтъ. Слова «благодарить» на пермякомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ. Если общежитіе съ пермякомъ возможно, то только потому, что онъ знаетъ, что надъ нимъ есть «власть».

Чѣмъ строже власть, тѣмъ лучше съ нимъ общежитіе; когда власть слабѣетъ, тогда получается разнузданность. Положеніе лицъ, на обязанности коихъ лежитъ долгъ оберегать чужую собственность, крайне тяжело. Намъ пришлось слышать не разъ такое сѣтованіе одного интеллигентнаго служащаго имѣнія графа Строганова, пріѣхавшаго въ Иньвенскій край съ цѣлью поработать на пользу глухого пермяцкаго края. «Они не даютъ вамъ,—говорилъ К.,—возможности вести правильное хозяйство, не даютъ покоя, разстраиваютъ ваши нервы, и никакія легальныя мѣры не помогаютъ. Законъ нашъ въ этомъ отношеніи слишкомъ строгъ и недостаточно логиченъ. Самовольная вырубка хотя нѣсколькихъ десятинъ вѣковаго лѣса не считается кражей и даетъ только право на вознагражденіе убытковъ, тогда какъ воровство какого либо лежащаго чурбана, цѣнностью хотя въ три копейки, считается кражей и влечетъ за собою тюремное заключеніе. Но искъ объ убыткахъ съ нихъ положительно невозможенъ. Допустимъ, крестьянинъ срубилъ у васъ дерево, которое вы можете оцѣнить въ 1 рубль. Для того, чтобы взыскать этотъ рубль, вы должны брать старосту и понятыхъ, составлять протоколъ, писать прошеніе земскому на-

чальнику, ѣздить къ нему и вообще принимать на себя такую массу хлопотъ, траты времени и денегъ, что, въ концѣ концовъ, оказывается, что наказаны вы, а не онъ. Наконецъ, когда вы пріѣзжаете съ исполнительнымъ листомъ къ порубщику для взыска- нія присужденнаго вамъ одного рубля, то вы застаете такую бѣд- ность, что, какъ бы вы ни были жестоки сердцемъ, у васъ не под- нимется рука на продажу нищенской сумы. Вы пріѣхали въ глу- хой край съ самой искренней любовью къ «мужику», съ мыслью поработать на его пользу. И вдругъ вы сталкиваетесь съ страшной распущенностью этого мужика—онъ васъ жалитъ ежечасно и окон- чательно отравляетъ вашу жизнь. Вы впадаете въ разладъ съ сам- имъ собою, въ васъ нарушается душевное равновѣсіе — вы не прочь бы бѣжать изъ этого убогаго края, въ который вы ѣхали съ мечтою о широкой дѣятельности». Таковъ взглядъ «quasi-куль- тиверовъ», но они забываютъ, что «мужикъ» нисколько не ви- новать въ своей грубости, въ своей зачерствѣлости, въ своемъ дикомъ отношеніи къ вамъ.

Пришлые люди съ образованіемъ, за весьма небольшими исклю- ченіями, слишкомъ мало дали пермяку и совѣмъ не думаютъ о его нравственности и экономическомъ положеніи. Пришлое русское населеніе, торговый и другой людъ, преслѣдующій лишь свои меркан- тильные интересы, смотритъ на пермяковъ съ коммерческой точки зрѣнія и не только не имѣетъ благотворнаго вліянія на инород- цевъ, но вслѣдствіе своеобразнаго оттѣнка, налагаемаго на него условіями жизни, умственно понижается до инородческаго, демо- рализируется. Лица изъ среды самихъ инородцевъ, учившіяся гдѣ-то, чему-то, когда-то, представляютъ собою людей безпочвен- ныхъ и, пожалуй, лишнихъ, оторванныхъ путемъ усвоенія внѣш- няго мѣщанскаго лоска отъ родной почвы (перемѣною костюма, вы- вѣшиваніемъ медалей и проч.), въ большинствѣ не вѣрующихъ ни во что родное, людей, лишенныхъ нравственнаго спокойствія, равно- вѣсія душевныхъ силъ, страдающихъ и причиняющихъ страданія сталкивающимся съ ними, эгоистично-холодныхъ, болѣзненно-само- любивыхъ и гордыхъ, драпирующихся въ разочарованныхъ, отвер- женныхъ героевъ, ничего общаго не имѣющихъ съ простымъ тем- нымъ народомъ, изъ котораго они сами вышли. Эти люди безпо- койно мечутся. Одни изъ нихъ погибли ни за что, ни про что, «не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой, ни геніемъ начатаго труда». Другіе страдаютъ хандрой, ипохондріей, мнительностью и самомнѣ- ніемъ, обвиняя во всемъ другихъ, хотя сами для культурнаго подъема захудалаго пермяка и пальцемъ не двинули. Они напротивъ не прочь поживиться на счетъ пермяка. Такъ одинъ изъ пермяковъ, учась въ С.-Петербургскомъ университетѣ (П. В. В.), подавалъ заявленіе мѣст- ному сходу въ 1894 году о разрѣшеніи ему открыть въ деревнѣ Пань- ковой винную лавку. Образованные люди, случайно попавшіе сюда,

стараются уйти изъ глухого края, если только не успѣли понизиться въ своихъ умственныхъ требованіяхъ до торговаго люда. Людей съ простымъ здравымъ толкомъ и чувствомъ, въ которыхъ сохранилось бы гармоническое согласіе душевныхъ силъ и твердость нравственныхъ основъ,—людей, стоящихъ по своему нравственному складу на пути общенія съ простымъ народомъ, нужно искать днемъ съ огнемъ. При такихъ-то условіяхъ трудно, конечно, ожидать подъема умственной и нравственной жизни захудалыхъ инородцевъ. Мы страдаемъ за нашъ индифферентизмъ къ участи пермяка или за индифферентизмъ нашихъ родителей, и теперь, когда я пишу настоящія строки, когда въ природѣ все такъ прекрасно и гармонично, мнѣ жаль, до глубины сердца жаль, этого мужика, больно и за его бѣдность и косность. Человѣческій образъ низведенъ на степень животнаго.

Отмѣчая темныя черты жизни современныхъ подлиповцевъ, нельзя пройти молчаніемъ и симпатичныхъ сторонъ этого забытаго люда. Женщины-пермячки отличаются добродушіемъ, гостепріимствомъ и состраданіемъ къ ближнему, выражающимся въ подачѣ милостыни, какъ это рѣзко обнаруживается въ поддержкѣ и бѣднячками единственной на весь со стотысячнымъ населеніемъ край богадѣльни въ с. Кудымкорѣ. Онѣ весьма усердно посѣщаютъ церкви и монастыри, нерѣдко принимая путешествія съ религіозною цѣлью за 200 и 300 верстъ. Въ мужчинахъ замѣтно стремленіе къ постройкѣ новыхъ храмовъ и часовенъ. Въ молодомъ поколѣнн рѣзко обнаруживается стремленіе къ продолженію образованія. Встрѣчаются примѣры, когда мальчики идутъ пѣшкомъ до пристани на Камѣ съ грошами въ карманѣ съ цѣлью добраться до Казани и Красноуфимска, гдѣ учатся на счетъ казны. Сдѣлавъ общій очеркъ быта иньвенскаго инородца, мы приведемъ черты характеризующіе подлиповцевъ нашихъ дней. Здѣсь мы коснемся лишь самихъ глухихъ мѣстностей Иньвенскаго края, куда совсѣмъ еще мало проникъ лучъ просвѣщенія. Въ дни великаго поста, когда полагаются земные поклоны, пермяки лѣбнутся кланяться въ землю, а, поклонившись въ землю, они не встаютъ, а потому приходится священнику оборачиваться назадъ и просить ихъ встать и снова кланяться. По окончаннн же службы, на замѣчаніе священника о томъ, что нужно вмѣстѣ съ нимъ класть поклоны, они заявляютъ, «что де вставать, когда опять придется падать на землю». Когда же священникъ говоритъ имъ, чтобы они достаточно открывали ротъ, когда принимаютъ Св. Тайны, то говѣющіе, по открытн царскихъ вратъ, при словахъ: «со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите», всѣ, какъ одинъ человѣкъ, открываютъ широко ротъ и такъ подходятъ къ принятію Св. Тайнъ. Къ принятію Св. Тайнъ нерѣдко подходятъ по нѣскольку разъ, и когда замѣчаютъ имъ, то пермяки говорятъ: «а я, батюшка, вѣдь, лони (прошедннй годъ) не былъ,—

давай и за тотъ годъ». Подходятъ къ принятію Св. Тайнъ и безъ исповѣди. Младенцевъ стараются приобщить въ первую же очередь, «дабы болѣзнь скорѣе прошла». Если женщина не застанетъ обѣдни, то за уходомъ священника обращается къ діакону и говоритъ ему: «дай причастіе!» На отказъ діакона пермячка говоритъ: «а что тебѣ жаль? давай!»

Фельдшерница акушерка К. больницы г. Аполлонова спросила однажды пермячку, знаетъ ли она молитву. Пермячка сказала: «какъ не знать».—«А какую же знаешь?»—«Аминь знаю».—«А еще какую знаешь?»—«А больше «абу» (нѣтъ)».

Длинной исповѣди пермяки не любятъ и, желая скорѣе уйти отъ священника, говорятъ ему при спросѣ его о грѣхахъ: согрѣшилъ ли ты въ томъ-то?—«а самъ-то ты?»

При крещеніи дѣтей воспріемники, на предложеніе священника: дунь и плюнь, плюютъ иногда на ребенка.

При бракосочетаніи не умѣютъ ни кланяться, ни правильно креститься. Стоять точно манекены, на предложеніе священника, по окончаніи брака, поцѣловаться, новобрачные, глядя другъ на друга, сначала перекрестятся, а потомъ уже поцѣлуются.

Въ селѣ Ошибѣ имѣлъ мѣсто такой случай. Священникъ Калачниковъ отпѣвалъ покойника и при словахъ: «миръ всѣмъ», пермяки обернулись къ дверямъ и поклонились на западъ. На вопросъ, почему они дверямъ кланяются, отвѣчали: «а ты, батюшка, дверямъ кланяешься, такъ и мы дверямъ».

При обзорѣннн церковныхъ школъ мы спрашивали взрослыхъ мальчиковъ молитвы, и когда ученикъ не могъ отвѣтить, мы сами заставляли повторять съ голоса ту или другую молитву. Когда же молитва читалась неправильно, то на предложеніе взрослому мальчику: «слушай же, я еще тебѣ прочитаю», мальчикъ съ досадой говорилъ: «ладно тебѣ, ты знаешь такъ».

Учитель жеребцовской школы, Кашоковъ (пермякъ), на вопросъ мой, «откуда онъ получаетъ жалованье», отвѣтилъ: «изъ попа». Поѣздка пермяка въ городъ, а особенно въ губернской, —цѣлое событіе. Староста одной церкви П. поѣхалъ за свѣчами для церкви въ Пермь. Мѣстный священникъ просилъ его передать деньги своему сыну-семинаристу. Моментальное появленіе электричества на пароходѣ, на которомъ ѣхалъ П. до Перми, такъ поразило его, что онъ всю ночь не могъ успокоиться; немало смушалъ его и шумъ отъ машины парохода. Когда пароходъ присталъ въ Перми къ пристани, П. вышелъ на пристань и сталъ спрашивать встрѣчающихъ пароходъ барышень: «голубушки, гдѣ же этта живетъ нашего попа сынъ С?». На вопросъ: «какой С?» онъ отвѣтилъ: «лико, да нашего попа сына не знаетъ». И послѣ лишь большихъ поисковъ нашелъ онъ С. Проходилъ тотъ же П. по Сибирской улицѣ и въ одномъ изъ оконъ магазина увидѣлъ себя; принимая двойника за

другое лицо, онъ спросилъ: «а что это ровно знакомый мужикъ-то?»—и только когда подошелъ ближе къ окну, то убѣдился, что другой пермякъ не кто иной, какъ онъ же самъ П...

Сцена въ окружномъ судѣ. Предсѣдатель суда спрашиваетъ пермяка: какъ ваше имя? Пермякъ при словѣ «ваше» оборачивается къ другимъ пермякамъ и говоритъ: «насъ зовутъ Михайло, Миколай»... и проч. Предсѣдатель снова спрашиваетъ: какъ ваше-то имя? Пермяка смущаетъ слово «ваше», онъ снова повторяетъ: «насъ зовутъ Михайло, Миколай»... и пр. Предсѣдатель не выдерживаетъ: какъ твое-то имя? «Мое-то? Михайло». Женщинъ обыкновенно на судѣ, по незнанію русскаго языка, спрашиваютъ черезъ переводчика. Уходя на судъ, пермячка, по совѣту родственниковъ, научается просить прогоны по-русски. И вотъ, когда окончился допросъ ея по дѣлу, она стремительно подходитъ къ судейскому столу и порывисто произноситъ: «деньги давай!»

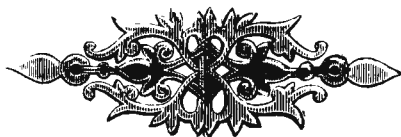
Пріѣзжаетъ помощникъ чердынскаго исправника Н. В. А. на станцію Селище, Косинской волости, и проситъ закусить. Хозяинъ отозвался незнаніемъ, есть ли чего поѣсть, и общалъ, уходя, послать жену. Является хозяйка. На вопросъ А., что есть закусить,—пермячка на своемъ ломаномъ языкѣ сказала: «abu» (нѣтъ). «А, что прикажешь мнѣ зубы на полку класть?»—и тутъ же А. вынимаетъ свою искусственную челюсть и кладетъ на полку. Это такъ ошеломило пермячку, что она, точно ошпаренная, съ крикомъ: «колдунъ, колдунъ», стремглавъ убѣжала изъ комнаты. Проходитъ 15—20 минутъ, и на столѣ появились молоко, яйца и хлѣбъ, принесенные самимъ хозяиномъ.

На вопросъ церковному сторожу, зачѣмъ долго ходилъ за просфорами, пермякъ говоритъ: «на просфорнѣ дрова рубилъ», вмѣсто того, чтобы сказать, что просфорнѣ приготавлилъ дрова.

Въ поѣздкахъ нашихъ по деревнямъ съ волшебнымъ фонаремъ, при показываніи картинъ, наблюдались такіе случаи. Если показывается картина цвѣтная, раскрашенная, то слышится изъ толпы: «ой, батко, баско, шибко баско, ишшо, ишшо покажи». Въ деревнѣ Б.-Сервѣ, Кудымкорской волости, на елкѣ, 27-го декабря минувшаго года, мною былъ демонстрированъ фонографъ. Надо было видѣть удивленные фізіономіи присутствовавшихъ. Когда я поставилъ: «Боже, Царя храни»,—сначала было громовое молчаніе, а потомъ раздалось чмоканье и крики: «ой, ческытъ, ческытъ!» (ой, сладко, сладко). Когда же было поставлено «попури-оркестръ», то одинъ пермякъ не выдержалъ и выругался нецензурно. На замѣчаніе мое, зачѣмъ онъ ругается,—пермякъ отвѣтилъ: «да ужъ шибко баско... и не знаю, что сказать». А когда другой же пермякъ напѣлъ пѣсню на фонографъ, то, при повтореніи ея, пермяки были такъ поражены, что только разинули рты и остались въ нѣмомъ оцѣпенѣніи.

Заканчивая настоящій очеркъ быта современныхъ подлиповцевъ, добавимъ, что къ описанію мы относились совершенно объективно, не увеличивая суммы зла и не уменьшая суммы добра. Здѣсь описаны нравы людей, которые не только однимъ воздухомъ дышать съ нами, но живутъ подъ охраною тѣхъ же самыхъ законовъ, которые и нашу жизнь регулируютъ, это наши соотечественники, наши земляки... И что всего ужаснѣе: приходится сознаться, что Подлиповка—не исключительный курьезъ, герои повѣсти—не выродки, а своего рода типы, не аномалии, а естественные, логическіе продукты жизни и исторіи. Это—не дикари, это—тѣ же люди, живущіе отъ Перми въ 180 — 200 верстахъ, но только люди глубоко несчастные. Лютая бѣдность извела, доконала ихъ въ конецъ.

Священникъ Іаковъ Шестаковъ.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ XVIII ВѢКА.

I.

НАРОДНЫЕ театры растутъ въ Россіи, какъ грибы, и особенно много ихъ открывается попечительствомъ о народной трезвости. Создалась цѣлая литература, обсуждающая задачи и цѣли народнаго театра. По исторіи же его нѣтъ ничего, и, можетъ быть, теперь какъ разъ время напомнить, что и у русскаго народнаго театра имѣется своя исторія, и исторія эта начинается въ восемнадцатомъ вѣкѣ, когда существовали такіе же народные театры, какъ и теперь, т. е. знакомившіе народъ съ лучшими произведеніями того времени.

Русская національная драма не создалась, хотя ея начатки замѣчаются въ хороводныхъ пѣсняхъ, разныхъ обрядахъ и съ особенной рельефностью проявляются въ ряженьяхъ. Во многихъ мѣстахъ ряженые разыгрываютъ цѣлыя сатирическія сцены. Были у насъ и скоморохи, которые въ качествѣ профессиональных забавниковъ могли бы обособить и развить драматическое искусство, однако времена были не тѣ. Духовенство и власти преслѣдовали всякое развлеченіе. Даже въ семнадцатомъ вѣкѣ назначалась ссылка тѣмъ, кто ходятъ «съ бубны и съ сурмами и съ медвѣди и съ маленькими собачками и играютъ бѣсовскими играми». Поэтому первые народные театры пробавлялись переводными пьесами.

Если не нашлось русскихъ національныхъ пьесъ, то оба народные театры восемнадцатаго вѣка имѣли исполнителей изъ народа. Насчетъ талантовъ русскаго человѣка въ «забавномъ искусствѣ» существуетъ любопытная легенда, приводимая въ статьѣ

Ө. А. Кони ¹⁾: «Въ Выборгской волости Чердынскаго уѣзда жилъ веселый мужикъ Василій Бухонинъ, балагуръ и прибаутникъ. Разъ послѣ разныхъ фарсовъ нѣмецкихъ комедіантовъ, которыми восхищался весь дворъ, царь спросилъ у окружающихъ: «неужели у насъ не найдется своего такого же шутника?» Нашелся. Указали на Ваську Бухонина. Поставили его на одну доску съ нѣмцами, и онъ ихъ превзошелъ ко всеобщему удовольствію. Бухонинъ получилъ въ награду Печерскій волокъ и остался при царѣ придворнымъ шутомъ».

Извѣстія о народномъ театрѣ въ современномъ смыслѣ слова идутъ съ двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка. Первое относится ко времени Петра Великаго. Сообщаетъ о спектаклѣ академикъ Штелинъ, написавшій первую исторію русскаго театра. «На масленицѣ служители царскихъ конюшенъ, въ рогожныхъ костюмахъ, давали свои представленія въ родѣ *sottises theatrales*. Для извѣщенія о томъ публики выставляли бумажный фонарь и играли на рожкахъ. Представленія носили названіе игрищъ. Зрители платили за мѣсто отъ 1 до 4 копеекъ».

Слѣдующія затѣмъ свѣдѣнія о народномъ театрѣ относятся ко времени Анны Іоанновны. Въ Москвѣ школьники и подьячіе на святкахъ и масленицѣ нанимали дома, давали представленія для народа и разыгрывали «Александра Македонскаго», «Соломона» и «Евдона и Берфу». «Евдонъ и Берфа» передѣлана изъ романа, и это та самая пьеса, которая была поставлена, по преданію, на первомъ спектаклѣ Волкова въ Ярославлѣ.

Въ Петербургѣ, по словамъ А. Малиновскаго, въ 1735 г. «артиллерійской школы солдатскія дѣти завели театръ и привлекли къ себѣ немалое стеченіе охотниковъ. Стеченіе ихъ на сіи грубыя позорища вѣщало о необходимости національнаго театра».

II.

Если о первыхъ зачаткахъ народнаго театра сохранились лишь самыя скудныя свѣдѣнія, то два народныхъ театра временъ Екатерины оставили столько слѣдовъ, что по нимъ можно установить полную картину. Появленіе первыхъ народныхъ театровъ именно при Екатеринѣ II вполне понятно, такъ какъ императрица часто говорила: «народъ, который поетъ и пляшетъ, зла не думаетъ», а также считала театръ школой народной. Первый народный театръ временъ Екатерины описали современники: упомянутый уже академикъ Штелинъ и драматическій писатель Лукинъ.

По опредѣленію Лукина, этотъ театръ находился «на пустырьѣ за Малой Морской близъ Мойки», а Штелинъ называетъ это

¹⁾ Русская сцена 1864 г.

мѣсто «Брумбергской площадкой близъ Мойки». Имя свое площадка получила отъ голландскаго купца Семена Брумберга. Это былъ богатый купецъ, владѣвшій домами въ Провіантской, Малой и Большой Морскихъ, канатнымъ заводомъ въ 18 верстахъ отъ Петербурга и «лѣсопильнымъ амбаромъ въ 12 верстахъ по Невѣ»; онъ умеръ въ 1769 г., и за долги казнѣ его имущество было продано, но до какой степени имя Брумберга было популярно въ Петербургѣ, это видно изъ того, что черезъ 6 лѣтъ послѣ продажи дома въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1775) публиковалась квартира: «въ прежде бывшемъ Брумберговомъ каменномъ домѣ». Поэтому вполне понятно, что площадка, на которой раньше складывались доски Брумбергова лѣсопильнаго завода, получила названіе Брумбергской.

Театръ открылся на второй день Пасхи, 4 апрѣля 1765 г. «Больше партеръ сего театра,—говоритъ Штелинъ,—неуповательно, чтобъ во всей Европѣ гдѣ былъ, ибо они занимали нарочитое пространство открытаго поля, на которомъ сдѣланы были изъ досокъ скамейки для простаго народа». Позднѣйшіе писатели (Араповъ и Карабановъ съ легкой руки издателя «Корифея» Галинковскаго) видѣли въ этомъ театрѣ «грубый эскизъ греческаго».

Театръ содержался отъ полиціи, которая платила комедіантамъ по полтинѣ на человѣка, «а общество сіе комедіантское, по словамъ Штелина, составляли наборщики, подьячіе, переплетчики, фабричные и другіе мастеровые». Лукинъ характеризуетъ актеровъ съ другой стороны: «играютъ тутъ охотники, изъ разныхъ мѣстъ собранные, и между ними есть довольно способностей имѣющіе, а склонность чрезмѣрную».

Лукинъ сообщаетъ репертуаръ театра на Брумбергской площади. Прежде всего двѣ комедіи Мольера «Лѣкаръ поневолѣ» и «Скупой». Послѣдній въ переводѣ Кропотова былъ поставленъ впервые на придворномъ театрѣ въ 1757 году и тогда уже считался «лучшей комедіей». Далѣе Лукинъ называетъ трехактную комедію нѣмецкаго драматурга Геноберга: «Генрихъ и Пернила». Комедія эта переведена А. Нартовымъ и поставлена впервые на сценѣ въ 1760, а напечатана только въ 1767 г. Изъ тогдашняго французскаго репертуара шли комедіи «Новопріѣзжіе» Леграна и «Привидѣніе съ барабаномъ или пророчествующій женатый» «славнаго» Дегуша. Обѣ эти пьесы шли на придворномъ театрѣ въ 1759 году. Наконецъ, въ репертуаръ входила пьеса «Чадолюбіе», о которой мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ «Драматическомъ словарѣ» 1781 г.: «Комедія въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе русскаго на нравы національные, была много разъ представлена, какъ въ С. Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Комедія довольно наполнена какъ множествомъ шутокъ, такъ и острыми словами».

Это былъ, такимъ образомъ, настоящій народный театръ въ современномъ смыслѣ слова. Поэтому прямо невозможнымъ является

сообщеніе Арапова въ «Драматическомъ альбомѣ» 1853 г. Онъ откуда-то выкопалъ слѣдующее извѣстіе о брумбергскомъ театрѣ: «Пьесы они (актеры) сочиняли и импровизировали ихъ часто безъ приготовленія. Имъ разсудилось однажды разыграть комедію по печатному. Разучивая роли, не знали они, что дѣлать съ рѣчами, означенными въ скобкахъ, и придумали ихъ пѣть отдѣльно отъ разговора, почему и выходили, напримѣръ, такіе монологи:

Не подходи ко мнѣ съ отвлагою,
Заколю тебя этой шпагою.

Потомъ соло: «въ скобкахъ, показывая на оную».

Этотъ разсказъ совершенно противорѣчитъ показаніямъ Штелина и относится къ числу мифовъ, которыхъ уже достаточно накопилось въ исторіи русскаго театра, особенно древнѣйшаго времени.

Переходимъ къ публикѣ. Народу собиралось очень много: «почти вся чернь, купцы, и прочіе имъ подобные. Много и знатныхъ господъ и посредственныхъ чиновныхъ людей изъ любопытства пріѣзжали». Однако, по замѣчанію Штелина, «сіи не очень другимъ зрителямъ пріятны были, ибо они иногда экипажами своими стѣсняли пространные партеры». Спектакли начинались въ четыре часа и очень нравились народу. «Нашъ низшей степени народъ,—разсказываетъ Лукинъ,—столь великую жадность къ нему (зрѣлищу) показалъ, что, оставя свои забавы, изъ которыхъ инныя дѣйствіемъ незабавны, ежедневно на онныя зрѣлища сбирался... Началась комедія, а съ нею смѣхъ общенародный».

Вообще Лукинъ разсказалъ о народномъ театрѣ на Брумбергской площадкѣ больше Штелина, но этого еще мало: онъ первый въ русской литературѣ разсмотрѣлъ теоретически вопросъ о народномъ театрѣ и о вліяніи его на уменьшеніе народнаго пьянства. «Сія народная потѣха,—говоритъ Лукинъ,—можетъ произвести у насъ не только зрителей, но современемъ и писцовъ, которые сперва хотя и неудачны будутъ, но впослѣдствіи исправятся. Словомъ, искренно тебя увѣряю¹⁾, что сіе для народа упражненіе весьма полезно, и потому великія похвалы достойно».

Далѣе Лукинъ описываетъ двухъ пьяницъ, которые уже успѣли кое-что заложить, и отъ нихъ неся «запахъ винный, доказывающій, что они держатся сея пословицы: «кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ, а кто его чтитъ, тотъ и весь день не просыпается». Но они, повидимому, и болѣе того могли сдѣлать и на цѣлую недѣлю пуститься, только сіи зрѣлища имъ помѣшали; а если бы

¹⁾ Статья Лукина написана въ видѣ письма къ Елчанинову, тоже драматическому писателю восемнадцатаго вѣка.

оныхъ не было, то бы они сію минуту остались такъ чисты, какъ ихъ мать родила».

Любопытно, что подобное же замѣчаніе вызвалъ Брумбергскій театръ и у издателя «Корифея» Галинковскаго (1803 г.): «это учрежденіе имѣло бы свою цѣну во всякое время; а народъ, привлеченный любопытствомъ, меньше находилъ бы времени въ праздничные дни предаваться пьянству въ кабакахъ».

III.

Для театра на Брумбергской площади мы имѣемъ такихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, какъ Штелинъ и Лукинъ. Объ этомъ театрѣ болѣе или менѣе знали. Но въ Екатерининское время былъ еще одинъ народный театръ, который совсѣмъ затерялся, а между тѣмъ онъ былъ учрежденъ именнымъ указомъ императрицы. Театръ этотъ стоялъ на мѣстѣ консерваторіи, и помѣщеніемъ для него служилъ амфитеатръ, перенесенный въ это мѣсто послѣ знаменитой карусели 1766 г. Прежде чѣмъ перейти къ тѣмъ даннымъ, на основаніи которыхъ можно возстановить исторію «карусельнаго театра», приведемъ указъ императрицы: «ея императорское величество сего іюня 9-го дня (1773) указомъ соизволила въ здѣшнемъ городѣ сдѣлать публичное комедіальное зрѣлище, какъ оное и прежде было, которое и производить на построенномъ для карусели мѣстѣ, и для представленія оныхъ построить театръ и комедіантовъ нанять; и на все то равно жъ, если потребна будетъ въ карусели починка, то и на починку деньги держать изъ наличныхъ въ полиціи, подлежащихъ до статсъ-конторы доходовъ».

Какъ по вопросу о Брумбергскомъ театрѣ Араповъ распространилъ мнѣ, такъ по поводу приведеннаго указа въ ошибку впалъ такой осторожный изслѣдователь, какъ М. Н. Лонгиновъ («Русскій театръ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ», 1873). Онъ рѣшилъ, что этимъ указомъ учреждается казенный театръ, въ который входъ былъ бы свободенъ для всѣхъ желающихъ за деньги, т. е. публичный. Кромѣ того, онъ даже не разобралъ, что такое «построенное для карусели мѣсто». «Мѣсто» для карусели,—пишетъ онъ,—площадь нынѣшняго Большого театра, какъ то видно изъ нѣкоторыхъ старинныхъ описаній. Кажется, тутъ бывали прежде такъ называемыя качели». Вовсе не отъ качелей происходитъ названіе карусельнаго мѣста. Петербуржцы такъ были увлечены великолѣпной каруселью 1766 года, что и амфитеатръ называли каруселью. Указъ организовалъ театръ по образцу Брумбергскаго, о чемъ свидѣтельствуютъ слова указа: «какъ оное и прежде было». Наконецъ, Лонгиновъ спуталъ и выраженія: «построить театръ» на языкѣ XVIII вѣка значитъ устроить сцену. Затѣмъ Лонгиновъ не обратилъ вниманія на «починку карусели», странно было бы «чинить» цѣлую площадь.

Несмотря на всѣ поиски, намъ нигдѣ не удалось найти описанія амфитеатра, или карусели, на языкѣ тогдашнихъ петербуржцевъ. Самая карусель описана во многихъ мѣстахъ, но никто не догадался описать ея помѣщенія. Одно только можно сказать съ опредѣленностью, что у амфитеатра была пара воротъ, такъ какъ черезъ нихъ «входили кадрили». Въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1766 года, при описаніи карусели, говорилось: «сіе было такое зрѣлище, которое къ достопамятству на будущія времена описать надлежитъ въ особой книгѣ... что и исполнено будетъ». Тѣмъ не менѣе книга не появилась въ свѣтъ. Амфитеатръ былъ построенъ еще въ 1765 г. на нынѣшней Дворцовой площади. Карусель предполагалась въ 1765 г., но была отложена «за дурной погодой», состоялась 16 іюня 1766 г. и была повторена 11 іюля.

Однако на Дворцовой площади амфитеатръ оставался недолго. «Предназначенный для карусели амфитеатръ простоялъ еще около двухъ лѣтъ на старомъ мѣстѣ,—говоритъ Реймерсъ въ своемъ описаніи Петербурга,—а затѣмъ былъ перенесенъ туда, гдѣ нынѣ стоитъ каменный театръ»¹⁾. Но мы этотъ срокъ можемъ установить и другимъ, болѣе положительнымъ способомъ. Въ то время нумеровъ на домахъ не было, и адреса въ объявленіяхъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» выражались въ описательной формѣ. И эти-то объявленія даютъ намъ возможность установить точность указанія Реймерса насчетъ времени перенесенія карусели. Нѣкій секретарь Вахтинъ хотѣлъ продать или нанять свой домъ, который находился «по Мойкѣ противъ Морской»²⁾ церкви и карусели». Это объявленіе появилось въ маѣ 1768 года. Вахтину не везло на продажу дома, а потому мы изъ года въ годъ можемъ убѣждаться, что карусель стоитъ на мѣстѣ. Объявленія его появляются въ 1769, 1770 и 1771 годахъ. Въ послѣднемъ году удалось таки Вахтину нанять домъ. Послѣ большого пожара 31 мая въ его домъ перебрался съ Васильевскаго острова содержатель пансіона Карбонетъ, который тоже сообщилъ въ «Вѣдомостяхъ», что «онъ живетъ противъ карусели». Вахтинъ успокоился, но нашелся «генераль-поручикъ Рамбуръ», который предлагалъ купить въ домѣ «близъ карусели» «молодыхъ, большого росту мериновъ». Публикаціи его появились въ 1773 и 1774 годахъ. Въ 1775 году домъ продавался на Васильевскомъ островѣ, а о цѣнѣ его приглашали справиться у Болотчикова, «живущаго въ Малой Коломнѣ, близъ карусели». Наконецъ, въ 1776 году Вахтинъ снова дѣлаетъ попытку продать свой домъ, и послѣднее его объявленіе съ упоминаніемъ карусели помѣщено 5 сентября 1777 года.

¹⁾ Нынѣшняя консерваторія; театръ назывался каменнымъ, потому что былъ единственнымъ въ то время каменнымъ.

²⁾ Никольская, и теперь она стоитъ въ такомъ же положеніи относительно консерваторіи, какъ стояла 180 лѣтъ назадъ относительно карусели.

Слѣдующее затѣмъ объявленіе изъ той мѣстности 12 января 1778 года о продажѣ Дурасовымъ деревяннаго дома не упоминаетъ о карусели, а только о церкви св. Николая. Значить, въ этомъ промежуткѣ разобрана карусель. О томъ же свидѣтельствуеъ и то обстоятельство, что завѣдывавшій постройкой «вольнаго каменнаго театра» вызывалъ подрядчиковъ на поставку кирпича и предлагалъ имъ явиться 14 августа 1777 года.

Указъ Екатерины II уже свидѣтельствуеъ, что въ карусели давались спектакли, но у старыхъ писателей мы находимъ и свѣдѣнія объ этомъ. Первое указаніе находится въ журналѣ Новикова «Кошелекъ», выходившемъ въ 1774 году. Въ этомъ журналѣ помѣщена комедія «Народное игрище», и въ ней мы находимъ слѣдующій діалогъ: — «А коли ста прикажешь, такъ и комедь сломаемъ...» — «Какую?» — «Такую же ста, какъ и въ Питерѣ играютъ въ курасели. Куда, парень, тамъ столько народу собирается, что и видимо съ невидимымъ. Да правда, что и есть чего смотрѣть: такъ мудрено говорить, что и Боже упаси». Второе указаніе даетъ Георги въ своемъ описаніи Петербурга (1794 г.): «не за много лѣтъ еще давались отъ правительства въ продолженіе всего лѣта на бывшемъ карусельномъ мѣстѣ вольныя игральща». Далѣе по времени (1805 г.) идетъ Реймерсъ, на котораго мы уже ссылались: «въ этомъ-то амфитеатрѣ, или во внутренней части карусели, позднѣе правительствомъ были устроены русскія комедіи (игральща). Представленія давались здѣсь цѣлое лѣто».

Наконецъ намъ остается привести слова Греча: «игрища начинались въ четыре часа, актерами были наборщики, переплетчики и другіе мастеровые люди».

Кстати здѣсь будетъ сказать нѣсколько словъ о «Хроникѣ русскаго театра» Носова, изданной Е. В. Барсовымъ. Это было бы превосходное пособіе для исторіи русскаго театра, если бы въ немъ было хоть слово правды, хотя Носовъ и говоритъ, что писалъ со словъ Дмитревскаго. Хроника эта представляетъ репертуаръ русскаго театра, веденный изо дня въ день. И такъ мы находимъ 6 сентября 1751 года (sic!) такое сообщеніе: «на театрѣ карусельной площади представленіе народныхъ комедій російскими безыменными комедіантами», и затѣмъ цѣлый годъ даетъ свѣдѣнія объ этихъ комедіяхъ, такъ что по его утвержденію спектакли происходили и зимой. Но что еще лучше: театръ на Брумбергской площадкѣ оказался у Носова позже карусельнаго, да и площадку эту онъ называетъ Браумбургской.

IV.

Народные спектакли начались въ 1773 году, но и до того времени карусель не пустовала: по крайней мѣрѣ, въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1771 г. помѣщено объявленіе, изъ котораго видно, что въ «карусельномъ мѣстѣ» показывались ученые медвѣди «пополудни въ шестомъ часу ¹⁾. Первые мѣста по 25 коп., вторыя по 15 коп., а послѣднія по 5 коп. съ человѣка. Смотрители впускаются будутъ по заплатамъ наличныхъ денегъ».

Приведшіе этихъ медвѣдей «города Курмыша Нижегородской губерніи крестьяне» очень подробно сообщали, какія штуки медвѣди «къ немалому удивленію зрителей исполняютъ»: «1) Вставши на дыбы, присутствующимъ въ землю кланяются и до тѣхъ поръ не встаютъ, пока имъ приказано не будетъ; 2) показываютъ, какъ хмель вьется; 3) на заднихъ лапахъ танцуютъ; 4) подражаютъ судьямъ, какъ они сидятъ за судейскимъ столомъ; 5) натягиваютъ и стрѣляютъ, употребляя палку, будто бы изъ лука; 6) борются, вставши на заднія ноги и воткнувши между оныхъ палку, ѣздятъ такъ, какъ малые ребята; 7) берутъ палку и маршируютъ, подражая учащимся ружьемъ солдатамъ; 8) задними ногами перебрасываются черезъ цѣпь; 9) ходятъ, какъ карлы и престарѣлые, и, какъ хромые, ногу таскаютъ; 10) какъ лежанка безъ рукъ и безъ ногъ лежитъ и одну голову показываетъ; 11) какъ сельскія дѣвушки смотрятся въ зеркало и прикрываются отъ своихъ жениховъ; 12) какъ малыя ребята горохъ крадутъ и ползаютъ, гдѣ сухо на брюхѣ, а гдѣ мокро—на колѣняхъ, выкравши же валяются; 13) показываютъ, какъ мать дѣтей родныхъ холить, и какъ мачиха насынокъ убираетъ; 14) какъ жена милаго друга приголубливаетъ; 15) порошокъ изъ глазъ вычищаютъ съ удивительной бережливостью; 16) съ меньшей осторожностью и табакъ у хозяина изъ-за губы вынимаютъ; 17) какъ теща зятя потчевала, пекла блины и угорѣвши повалилась; 18) допускаютъ каждаго на себя садиться и ѣздить безъ малѣйшаго сопротивленія; 19) кто похочетъ, подають тотчасъ шляпу, подають шляпу хозяину и барабанъ, когда козой играютъ; 20) кто поднесетъ пиво или вино, съ учтивостью принимаютъ и выпивши, посуду назадъ отдавая, кланяются». Описавъ шутки медвѣдей, хозяинъ прибавляетъ, «что не столько бы вещь сія была смотрѣнія достойна, ежели бы сіи дикіе и въ прочемъ необузданные звѣри были лишены тѣхъ природныхъ своихъ орудій, коими людямъ страхъ и вредъ наносятъ. Напротивъ того, не обрублены у нихъ лапы, также и зубы не выбиты, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ».

¹⁾ Пять часовъ.

Самъ же хозяинъ обѣщаетъ «замысловатыя и смѣшныя приговорки, которыя тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ больше сельской простоты въ себѣ заключаютъ».

V.

Отъ XVIII вѣка мы имѣемъ еще одно свѣдѣніе о народномъ спектаклѣ. Онъ состоялся въ великолѣпномъ подмосковномъ имѣніи графа Н. П. Шереметева—Кусковѣ, 1 августа 1792 года. 1 августа въ этомъ имѣніи храмовой праздникъ. Можетъ быть, и въ другіе годы устраивались спектакли для «простолюдиновъ», но сохранилось описаніе спектакля 1792 года въ «Описаніи Кусковского праздника въ 1 день августа 1792 года» Ѳ. Туманскаго («Россійскій Магазинъ», 1792 г.). Гости прошли къ открытой сценѣ, «на которой играны были двѣ оперы: сперва «Роза и Каласъ», а послѣ «Говорящая картина». Простолюдины при каждомъ забавномъ словѣ помирали со смѣху; всему давали свой толкъ и чрезъ то представляли изъ себя другое очень занимательное дѣйствіе». Упомянутыя оперы—собственно комическія оперы, обѣ въ одномъ дѣйствіи и обѣ переведены съ французскаго.

Ив. Иноземцевъ.

НА МОГИЛѢ П. И. ЯКУШКИНА.

ВЪ ТЕКУЩЕМЪ году исполнилось тридцать лѣтъ со дня кончины извѣстнаго писателя-народника Павла Ивановича Якушкина. Онъ умеръ 8-го января 1872 года въ Самарѣ, въ губернской земской больницѣ, «безъ копейки въ карманѣ». Кружокъ мѣстныхъ интеллигентовъ, во главѣ съ небезызвѣстнымъ врачомъ-писателемъ В. О. Португаловымъ, устроилъ ему пышныя похороны: Павла Ивановича проводили въ мѣсто вѣчнаго упокоенія съ военной музыкой, при большомъ стеченіи народа. Похороны, такимъ образомъ, вышли необычныя для человѣка, умершаго на больничной койкѣ, чуть не нищаго.

Самара, впрочемъ, уже давно знала Якушкина. Еще въ августѣ 1859 года, когда псковская полиція продержала его «въ арестантской» шесть дней за безписьменность и крестьянскій костюмъ, «Самарскія Губернскія Вѣдомости» открыто выступили въ защиту Якушкина, посвятивъ этому дѣлу пять номеровъ (за 1859 г., №№ 46, 47, 50—52). Изложивъ на страницахъ провинціального официальнаго органа со всѣми подробностями эту исторію, редація высказала отъ себя полное порицаніе дѣйствіямъ полиціи. «Вѣдомости», какъ будто, предвидѣли, что Павлу Ивановичу потомъ придется жить въ Самарѣ, пользоваться гостепріимствомъ горожанъ и скончать здѣсь свои трудовые дни...

Прибылъ Якушкинъ въ Самару осенью 1871 года изъ г. Краснаго Яра, Астраханской губерніи, въ которую былъ сосланъ въ

1868 году, по распоряженію петербургскаго генераль-губернатора, князя Суворова.

«Въ концѣ сентября, въ дождливыя скучныя сумерки, рассказываетъ покойный В. О. Португаловъ ¹⁾, прислуга доложила мнѣ, что пришелъ кто-то, не то баринъ, не то изъ мужиковъ. Встрѣтивъ неожиданнаго гостя, легко было догадаться, въ чемъ вся суть, когда посѣтитель назвалъ свое знаменитое имя: «Павелъ Ивановичъ Якушкинъ!» Нѣсколько минутъ спустя, это ужъ былъ не гость, а дорогой членъ семьи, запросто, въ интимной бесѣдѣ сообщившій причину своего внезапнаго появленія».

Какъ намъ удалось узнать, въ Астрахани П. Ив. жилъ нѣкоторое время въ домѣ купчихи С—вой, противъ пѣшеходнаго моста чрезъ р. Кутумъ ²⁾, занимая одну большую комнату, гдѣ съ утра до вечера, расхаживая изъ угла въ уголъ, распѣвалъ разныя русскія пѣсни, чѣмъ сильно досаждалъ суровой и патриархальной хозяйкѣ. Тутъ онъ познакомился съ сыномъ ея А. М. С—вымъ, артистомъ-любителемъ, впоследствии извѣстнымъ драматическимъ актеромъ, подвизавшимся на сценахъ столичныхъ театровъ. Молодой С—въ былъ кутила, какихъ мало, но человѣкъ очень умный и довольно развитой. Съ нимъ они частенько раздѣляли трапезу по части выпивки, что не особенно нравилось г-жѣ С—вой, и понынѣ здравствующей въ Астрахани вмѣстѣ съ сыномъ, который, благодаря непрерывнымъ въ теченіе многихъ лѣтъ кутежамъ, теперь дошелъ до полубезсознательнаго состоянія.

Въ Астрахани Павелъ Ивановичъ могъ отвести душу съ людьми образованными. Но по нечаянности, «благодаря своему невоздержному языку», онъ навлекъ на себя гнѣвъ правителя губернаторской канцеляріи Чичинадзе, который, занимая одновременно должность секретаря мѣстнаго статистическаго комитета, мнилъ себя человѣкомъ ученымъ, литераторомъ и знатокомъ Астраханскаго края. Чичинадзе ворочалъ всѣми дѣлами въ губерніи и соваль свой носъ туда, куда и не слѣдовало. Губернаторомъ астраханскимъ въ то время былъ тайный совѣтникъ Н. Н. Вишпенъ, впоследствии сенаторъ (теперь уже покойный), человѣкъ слабохарактерный и довѣрчивый. Пользуясь его слабостью, Чичинадзе наговорилъ ему про Якушкина кучу небывалыхъ вещей и увѣрилъ, что держать его въ Астрахани, какъ мѣстѣ сосредоточенія рабочаго и промысловаго люда, небезопасно въ политическомъ отношеніи. Губернаторъ согласился (въ апрѣлѣ 1869 г.) убрать его въ одинъ изъ самыхъ захудалыхъ уѣздныхъ городовъ—Красный Яръ, въ 70 верстахъ отъ Астрахани, расположенный въ центрѣ рыбныхъ промысловъ и рыбацкихъ ватагъ.

¹⁾ См. его воспоминанія въ книгѣ Михневича «Сочиненія П. И. Якушкина», 1884, стр. ХСІІІ.

²⁾ Рѣка Кутумъ, рукавъ Волги, раздѣляетъ г. Астрахань на двѣ части.

Тамъ Якушкину жилось, конечно, хуже. Ужъ не съ кѣмъ было развлечься, поговорить о литературѣ, побесѣдовать по душѣ, кромѣ горемычной рюмочки. Онъ чувствовалъ и самъ, что опускается все ниже, а организмъ его расплывається все больше. Павелъ Ивановичъ просилъ, чтобы его перевели куда нибудь поближе къ центру, въ русскій городъ. Наконецъ, вышло предписаніе отправить его на житье въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Самарской губерніи, по выбору мѣстнаго губернатора. Тогдашнимъ губернаторомъ въ Самарѣ былъ тайный совѣтникъ Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ (братъ извѣстныхъ славянофиловъ - писателей Константина и Ивана Сергѣевичей). Онъ избралъ ему мѣстомъ жительства довольно чистенькій и людной Бузулукъ, лежавшій на большомъ почтовомъ тракѣ между Самарой и Оренбургомъ. Однако, ѣхать туда ему не пришлось.

Какъ указываютъ мѣстныя «Губернскія Вѣдомости» (1872 г., № 4), Якушкинъ «съ самаго пріѣзда въ Самару былъ почти постоянно боленъ» ¹⁾. Это обстоятельство позволило Португалову, бывшему въ то время штатнымъ ординаторомъ въ земской больницѣ, просить Г. С. Аксакова оставить Павла Ивановича «впредь до поправленія здоровья» въ Самарѣ. Губернаторъ согласился, и 4-го октября 1871 года Якушкинъ поступилъ въ больницу въ отдѣленіе Португалова.

Павелъ Ивановичъ «постоянно страдалъ сердцѣбіеніемъ, удущьемъ, часто и сильно кашлялъ, а бессонница и нравственныя терзанія иногда доводили его до гибельныхъ злоупотребленій спиртными напитками». Въ больницѣ ему отвели отдѣльную комнату, и «онъ пользовался исключительными привилегіями и полной свободой». Это значило, что, оправившись нѣсколько отъ болѣзни, онъ могъ выходить куда ему угодно и вообще смотрѣть на больничную койку, какъ на временную квартиру, которой заставляла держаться необходимость, иначе полиція могла выслать его въ назначенный городъ ²⁾.

Въ Самарѣ у него скоро образовался кружокъ изъ интеллигентныхъ лицъ и писателей. Онъ близко сошелся съ извѣстнымъ впоследствии драматическимъ актеромъ М. И. Писаревымъ, подвизавшимся въ то время на сценѣ самарскаго театра въ труппѣ безызвѣстнаго артиста А. А. Разказова, и съ Андреевскимъ, бывшимъ потомъ редакторомъ «Зари». Нерѣдко вся эта компанія сходилась и проводила время въ литературномъ собесѣдованіи. Чаше другихъ собирались у Португалова. На этихъ вечерахъ Якушкинъ обыкновенно садился въ уголъ за особымъ столикомъ; передъ нимъ ставили «графинчикъ съ веселящимъ сердце зельемъ» и «спохмель-

¹⁾ По воспоминаніямъ Португалова, болѣзнь сначала была фиктивной.

²⁾ Воспоминанія Португалова, стр. ХСІІ,

ная кушанья» ¹⁾. Одна знакомая барышня, дочь крестьянина, «дочь народа», О. К.—ва, очень хорошо пѣла русскія пѣсни. Павелъ Ивановичъ подсаживался ближе къ роялю и подпѣвалъ ей:

Мы пить будемъ, мы играть будемъ,
Коли смерть придетъ, умирать будемъ.

Во все время пребыванія въ Самарѣ Павелъ Ивановичъ никогда не высказывалъ о себѣ ничего опредѣленнаго. Неизвѣстно, были ли у него какія либо надежды, желалъ ли онъ чегонибудь иного, лучшаго, ждалъ ли какихъ либо перемѣнъ въ жизни. «Кажется, говорить Португаловъ, онъ жилъ, какъ говорятъ малороссы: «абы день до вечера». Повидимому, онъ былъ радъ, что вырвался изъ могилы, именуемой Краснымъ Яромъ, и до того былъ доволенъ своимъ воскресеніемъ, что не желалъ ничего лучшаго, только бы ему не мѣшали хоть тутъ спокойно доживать свой вѣкъ.

Увы, надломленному тяжелыми житейскими невзгодами организму уже трудно было возстановиться и окрѣпнуть для новой дѣятельности. Въ концѣ ноября Павелъ Ивановичъ заразился въ больницѣ возвратнымъ тифомъ. «Хотя отъ возвратной горячки онъ оправился, но не могъ уже перенести послѣдовавшаго за болѣзнью истощенія» ²⁾, и 8-го января 1872 года его не стало. Онъ умеръ на 52 году жизни, не оставивъ по себѣ ни гроша, и, «кромѣ частныхъ писемъ, у него не осталось никакихъ бумагъ, указывавшихъ на новые литературные труды» ³⁾.

Онъ все молилъ судьбу дотянуть до полученія гонорара изъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», чтобы быть погребеннымъ на свои трудовыя деньги. И дѣйствительно, въ день его похоронъ было получено на его имя изъ послѣдней нѣсколько рублей за его литературные труды. Однако, друзья похоронили его на свой счетъ, а редакція мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей» почтила его коротенькимъ некрологомъ (въ № 4, отъ 12-го января).

Павла Ивановича похоронили на Всесвятскомъ кладбищѣ. Первое время могила писателя находилась въ большомъ запустѣніи. Уже въ 1877 году ее едва можно было отыскать въ тѣсной толпѣ другихъ могилъ: только полусгнившій деревянный крестъ отмѣчалъ мѣсто вѣчнаго покоя народника. Были, впрочемъ, попытки вскорѣ послѣ его кончины соорудить на могилѣ хотя бы скромный, «но характеристичный и прочный памятникъ», и членъ мѣстной городской управы, купецъ В. И. Шибаевъ, собиралъ для этой цѣли пожертвованія ⁴⁾. Къ сожалѣнію, до сей поры неизвѣстно, сколько

¹⁾ «Волжскій Вѣстникъ» 1901 г., № 161.

²⁾ «Самарскія Губернскія Вѣдомости», 1872 года, № 4.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Алабинъ. Двадцатипятилѣтіе Самары, стр. 109.

было собрано этихъ денегъ, куда онѣ дѣвались, и почему не воздвигнуть предполагаемый монументъ. Только года два спустя, москвичъ Чаевъ и сынъ извѣстнаго славянофила и собирателя народныхъ пѣсенъ И. В. Кирѣевского, Сергѣй Ивановичъ Кирѣевскій, при помощи мѣстнаго старожила Ѳ. Е. Никольскаго и старосты Всесвятской церкви, купца Ѳ. Г. Первовскаго, отыскали его могилу и на свои средства привели ее въ болѣе или менѣе приличный видъ, поручивъ старостѣ поставить на ней дубовый крестъ и сдѣлать надпись.

Могила Якушкина находится недалеко отъ церкви, въ какихъ нибудь пяти шагахъ отъ правой средней аллеи, рядомъ съ могилами: съ лѣвой стороны мѣщанина Куклева, похороненнаго въ 1865 году, и купцовъ Сидоровыхъ, передъ могилами Брюно и Жданова, возникшихъ въ 1896—1897 годахъ. Въ настоящее время она представляется въ такомъ видѣ: надгробный холмъ по бокамъ обложенъ кирпичемъ. Могила устлана широкими каменными плитами. Лѣвѣе у ногъ изъ-подъ плиты пышно разрослась «горькая» осина (тополь), сажень на пять въ вышинѣ шума своей верхушкой, точно сторожить усопшаго, котораго вся жизнь прошла въ горѣ и «горечи». Правѣе ея немного, въ самыхъ ногахъ, стоитъ еще довольно прочный деревянный крестъ, окрашенный бѣлой краской. На средней перекладинѣ прибита жестяная квадратная доска, на которой по бѣлому фону черными печатными буквами написано:

Павель
Ивановичъ
ЯКУШКИНЪ
скончался въ январѣ
1872 года.

А въ самыхъ головахъ, изъ расщелины плиты разбросался небольшой кустъ желтой акаціи.

Въ день тридцатилѣтней годовщины кончины Павла Ивановича 8-го января сего года редакція «Самарской Газеты» почтила его память общей молитвой. На двукратное приглашеніе, помѣщенное въ «Газетѣ», на панихиду во Всесвятскую церковь собралось, увы, не большое число почитателей, человекъ тридцать: пять—шесть сотрудниковъ, три—четыре дамы, врачъ, два офицера, нѣсколько студентовъ, одинъ земець,—вотъ и всѣ.

Началась служба. Волны ладана, полумракъ, забиравшійся подъ своды, золотой фонъ иконостаса, простое архаическое пѣніе, заунывные возгласы, невольно уносили насъ далеко отъ дѣйствительности, будя полусознательныя, но сильныя воспоминанія. Кроткій образъ покойнаго возставалъ каждый разъ, когда раздавалось моленіе объ упокоеніи раба Божьяго Павла и о прощеніи ему вся-

кихъ прегрѣшеній, вольныхъ и невольныхъ. Какъ малы казались эти прегрѣшенія въ сравненіи съ тѣми, что мы видимъ теперь отъ писателей-народниковъ!

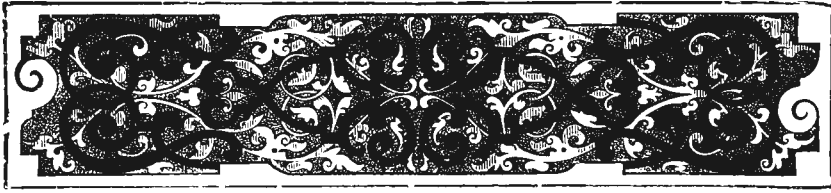
Мы пошли къ могилѣ по узкой тропинкѣ, едва проложенной въ глубокомъ снѣгѣ. Передъ скромнымъ бѣлымъ крестомъ священники пропѣли литію. Гулкій буранъ вторилъ заунывному пѣнію. На крестъ былъ возложенъ вѣнокъ, съ надписью: «Писателю и гражданину Павлу Ивановичу Якушкину — редакція «Самарской Газеты» 19^{го}02», пестрѣвшій на бѣломъ мертвомъ фонѣ яркими цвѣтами грядущей весны. Были сказаны рѣчи, простыя, безхитростныя, и мы разошлись, вспоминая добромъ рано скончавшаго жизнь неудачника-писателя.

Послѣ панихиды въ редакцію «Газеты» стали поступать пожертвованія на постановку Якушкину памятника. Собралось рублей 12-ть. Потомъ въ Орлѣ, въ первыхъ числахъ февраля, предполагалось устроить литературный вечеръ, всецѣло посвященный памяти Павла Ивановича, уроженца Орловской губерніи. Весь сборъ съ него предназначенъ на сооруженіе памятника на его могилѣ. Но почему-то до сей поры ничего не сдѣлано, и сколько собрано денегъ—неизвѣстно. А между тѣмъ, мы имѣемъ печальныя свѣдѣнія, что въ послѣднее время могила писателя разрушается. Нѣкто Соколовъ, мѣстный кузнецъ, поставщикъ желѣзныхъ рѣшетокъ, снялъ (въ апрѣлѣ) нѣсколько камней, лежавшихъ на могилѣ Павла Ивановича, и употребилъ ихъ на постаментъ подъ рѣшетки у могилъ богатыхъ купцовъ.

Такъ у насъ читается память нашихъ дѣятелей, и оберегаются ихъ гробницы! А вѣдь, кажется, въ Петербургѣ существуетъ особая коммиссія по поддержанію въ приличномъ видѣ могилъ и памятниковъ русскихъ писателей! Знаетъ ли она объ этомъ?.. Не грѣшно было бы вспомнить объ Якушкинѣ хоть теперь...

П. Л. Юдинъ.

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ VII¹⁾.

Биографическій очеркъ.

I.

ВЪ ЛОНДОНѢ, 9-го ноября 1841 года, происходило традиціонное балаганное шествіе по случаю дня, когда новые лордъ-мэры по всей Англии вступали въ исполненіе своихъ обязанностей. Въ это время въ Букингамскомъ дворцѣ была большая радость: королева Викторія сдержала данное мужу обѣщаніе удовлетворить англійскій народъ и подарила ему наследника. Согласно этикету, необходимо было тотчасъ же извѣстить архіепископа кантэрибурійскаго и министровъ, но окружавшіе королеву совершенно забыли объ этомъ въ переполохѣ. Когда вошелъ принцъ-супругъ въ спальню Викторіи, то первый ея вопросъ былъ:

— Ну, что?

— Мальчикъ, дорогая женка!—отвѣтилъ сіяющій принцъ Альбертъ.

¹⁾ Настоящая статья составлена по многимъ матеріаламъ, изъ которыхъ главные: 1) Our King und Queen. By W. H. Wilkins. 1 v. 1902. London. 2) Edouard VII intime, par J. H. Aubry. 1902. Paris. 3) La Reine Alexandra, par Aubry. 1902. Paris. 4) The Royal family of England. By Oscar Browning. The Century Magazine, June, 1902. 5) King Eduard VII. Character sketch, by W. Stead, Review of Reviews. 1901, february. 6) Eighteen years on the Sandringham Estate. By M-rs Cresswell. London, 1890. 7) The King in Politics, by Ed. Robertson. Coronation. Number of The Pall-Mall Magazine, 1902, June. 8) The King as the leader of society. By N. Devis. Ibid. 9) Their Majesties' courts. By Mary Howarth. Ibid.

— Счастливы ли вы?—прервала она мужа:—въ такомъ случаѣ поцѣлуйте меня, я заслуживаю этого.

Послѣ сна, продолжавшагося нѣсколько минутъ, она спросила:

— Предупредили ли архіепископа и министровъ?

Всѣ переглянулись и въ то же время удивились, какъ это они не догадались позаботиться объ этомъ тотчасъ же.

— Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчала кормилица, мистриссъ Бругъ.

— О чемъ же вы думали? Скорѣе позовите ихъ!

Несмотря на свое положеніе, королева твердо помнила обязанность конституціонной государыни, и, исполнивъ ее, она заснула. Когда она снова проснулась, то ей доложили о Веллингтонѣ, который, несмотря на свой преклонный возрастъ, бросился прямо съ постели во дворецъ, наскоро одѣвшись. Первый вопросъ его былъ: кто родился—мальчикъ или дѣвочка?

Тщетно обращался онъ ко всѣмъ съ этимъ вопросомъ, но никто не могъ ему отвѣтить. Наконецъ, на порогѣ спальни появилась кормилица съ ребенкомъ.

— Наконецъ-то я узнаю, мальчикъ ли это!—воскликнулъ Веллингтонъ.

— Это принцъ, ваша милость,—отвѣтила съ упрекомъ кормилица, оскорбленная тѣмъ, что Веллингтонъ говоритъ о принцѣ, какъ о простомъ смертномъ.

Веллингтонъ несказанно обрадовался этому отвѣту.

Не прошло и четырехъ недѣль со дня рожденія принца, какъ Викторія отпраздновала свое взятіе молитвы пожалованіемъ титула принца Уэльскаго и графа Честера своему новорожденному сыну. Эдуардъ наслѣдовалъ уже со дня рожденія титулъ герцога Корнваллійскаго, а также герцогство того же имени. Онъ долженъ былъ сохранять эти титулы въ продолженіе всего шестидесятилѣтняго періода, пока не сдѣлался королемъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ получилъ титулъ герцога Ротзея, принадлежавшій старшимъ сыновьямъ шотландскихъ королей, затѣмъ графа Каррика, барона Ренфрея и лорда Острововъ.

Ошибочно считаютъ, что титулъ принца Уэльскаго наслѣдственный, напротивъ, послѣ смерти владѣтеля его, или если носитель его дѣлается королемъ, то онъ уничтожается и каждый разъ вновь создается для наслѣдника престола. Титулъ же герцога Корнваллійскаго принадлежит по праву со дня рожденія старшему королевскому сыну такъ же, какъ и герцогство, приносящіе доходу отъ 60.000 до 80.000 ливровъ стерлинговъ.

Викторія первая нарушила традицію англійскихъ королей, окрестивъ сына не во дворцѣ, а въ часовнѣ св. Георгія въ Виндзорскомъ дворцѣ. Она распорядилась достать для крещенія Иорданской воды, въ память крещенія Спасителя. Воспріемникомъ наслѣд-

наго принца при купели былъ прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, а восприемницей—мать принца Альберта, за которую принимала герцогиня Кентская. Всѣ иностранные дворы доискивались въ этомъ выборѣ политической причины, и чтобы прекратить толки, дворъ сталъ рассказывать, будто Викторіей руководило религиозное соображеніе. По ихъ словамъ, она хотѣла, чтобы восприемникомъ сына былъ непременно могущественнѣйшій протестантскій король. Это возбудило религиозную полемику между протестантской Англіей и лютеранской Германіей. Англичане говорили, что королева хочетъ онѣмечить англійскую вѣру, а нѣмцы подозрѣвали, что она думаетъ англиканизировать протестантизмъ. Уже недовольные тѣмъ, что королева выбрала въ супруги нѣмца, англичане порицали ее за вновь выраженную симпатію къ Пруссіи. Тѣмъ не менѣе, 25-го января 1842 года, состоялось торжественное крещеніе, при чемъ наслѣднику дали имя Альбертъ-Эдуардъ. Затѣмъ было устроено пышное празднество, а 3-го февраля королева объявила официально въ парламентъ о рожденіи наслѣдника.

Много было вложено любви, усердія и старанія въ физическое воспитаніе наслѣдника престола, какъ со стороны принца-супруга, такъ и Викторіи. Послѣдняя писала бельгійскому королю Леопольду I: «Я спрашиваю себя, чѣмъ будетъ мой сынъ. Вы понимаете, какъ горячо я прошу Бога, чтобы онъ походилъ тѣломъ и умомъ на отца». Отецъ, съ своей стороны, писалъ своему другу, барону Штокмару, восхваляя ребенка, не забывая отдать должное и кормилицѣ.

Первой воспитательницей маленькаго Берти, какъ его называли въ семьѣ, была лэди Литльтонъ, сестра 1-жи Гладстонъ, находившаяся при наслѣдномъ принцѣ до шести лѣтъ. Симпатія между принцемъ Уэльскимъ и Гладстономъ сохранилась и впослѣдствіи. Каждый разъ, когда народъ возмущался учиненными принцемъ скандалами, Гладстонъ всегда находилъ для принца извиненія и умѣлъ смягчить его будущихъ подданныхъ въ пользу принца. Вслѣдствіе этого Эдуардъ питалъ къ нему тайную благодарность, и когда хоронили бывшаго премьера, то онъ и его сынъ держали кисти балдахина.

Эдуардъ росъ среди физическихъ упражненій на чистомъ воздухѣ. Съ дѣтства онъ не отличался особыми королевскими наклонностями и былъ, какъ большинство обыкновенныхъ смертныхъ, шаловливымъ и даже задорнымъ мальчикомъ. Такъ, на примѣръ, однажды онъ замѣтилъ на морскомъ берегу мальчика его лѣтъ, собиравшаго раковины для продажи. Недолго думая, Эдуардъ подкрался къ корзинѣ и опрокинулъ ее, заранѣе радуясь огорченію своего маленькаго будущаго подданнаго. Шумъ отъ паденія раковинъ возбудилъ вниманіе жертвы шаловливаго принца, и, подбѣжавъ къ нему, мальчикъ расплатился съ нимъ самымъ демокра-

тическимъ образомъ. Пристыженному Берти оставалось лишь вытирать платкомъ свою королевскую кровь, хлынувшую изъ носа. Воспитательница, видя эту сцену, не только не вступилась за него, а даже похвалила маленькаго демократа за его поступокъ.

Вмѣстѣ съ этими недостатками маленькій принцъ обладалъ золотымъ сердцемъ и рѣдкой откровенностью. Правда, онъ былъ очень застѣнчивъ и не любилъ учиться, предпочитая фокусника Андерсона учительницѣ своихъ сестеръ, которая занималась также и съ нимъ. Но болѣе всего онъ любилъ циркъ и, въ особенности, клоуновъ.

Въ 1846 году, путешествуя по Ирландіи съ родителями, будущій наслѣдникъ престола былъ встрѣченъ ирландцами восторженно, и въ память этого посѣщенія Викторія создала для него титулъ графа Дублинскаго. По этому поводу королева Викторія отмѣтила въ своей записной книжкѣ 12-го августа: «Я намѣрена создать для Берти титулъ графа Дублинскаго, чтобы польстить Ирландіи и ея столицѣ. У Берти нѣтъ ирландскаго титула, тогда какъ онъ имѣетъ нѣсколько шотландскихъ, которые мы наслѣдовали отъ Іакова VI шотландскаго и Іакова I англійскаго. Это, впрочемъ, одинъ изъ титуловъ моего отца». 5-го сентября того же года, королевская яхта прибыла въ Маунтсъ-Бей, и королева была вполне счастлива, что народъ восторженно встрѣтилъ своего маленькаго герцога.

Эдуардъ умѣлъ читать и писать съ семилѣтняго возраста; онъ говорилъ уже по-нѣмецки и по-англійски. Англійскій языкъ ему преподавала лэди Литльтонъ, а отецъ никогда не говорилъ съ нимъ иначе, какъ по-нѣмецки. Эта привычка говорить по-нѣмецки съ дѣтства оказала вліяніе на его англійское произношеніе, и слегка нѣмецкій выговоръ остался у него навсегда, несмотря на всѣ старанія исправить этотъ грѣхъ. Еще недавно въ палатѣ лордовъ онъ вызвалъ у старыхъ пэровъ гримасы неудовольствія при произнесеніи первой тронной рѣчи.

Когда ему минуло семь лѣтъ, родители были озабочены выборомъ воспитателя. Уже нѣсколько лѣтъ этотъ вопросъ былъ поднятъ публично, и даже въ газетахъ велась полемика, за которою внимательно слѣдили Викторія и принцъ Альбертъ. Она спрашивала совѣта у министровъ и архіепископа Оксфордскаго, доктора богословія Вильберфорса. Наконецъ, выборъ остановился на Генрихѣ Бирчѣ, бывшемъ ученикѣ аристократической Итонской коллегіи, окончившемъ курсъ въ Кэмбриджскомъ университетѣ. Принцъ Альбертъ имѣлъ съ нимъ свиданіе и нашелъ его «любезнымъ и выдающимся». Генрихъ Бирчъ предался всецѣло своей задачѣ, но, несмотря на три года усердныхъ стараній и любви къ нему Эдуарда, онъ долженъ былъ сознаться, что не достигъ обѣщанныхъ имъ результатовъ. Онъ посовѣтовалъ принцу Альберту взять дру-

гого воспитателя. Это извѣстіе очень огорчило Берти, и онъ сталъ класть подъ подушку своего воспитателя любезныя записочки. Но ничто не помогало: послѣдній не измѣнилъ своего рѣшенія. Его замѣнилъ Фредрикъ Джиббсъ, остававшійся при маленькомъ принцѣ семь лѣтъ, до 1858 года. Онъ не былъ счастливѣе своего предшественника относительно нравственнаго его воспитанія, но зато успѣлъ достаточно подготовить его научно. Викторія успокоивала себя тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ихъ семьѣ все развивалось поздно.

Зато Берти имѣлъ успѣхъ въ столярномъ ремеслѣ и въ искусствѣ строить крѣпости. Это развлеченіе было въ большемъ ходу въ домашней жизни королевскихъ дѣтей въ Осборнѣ. Во время вакацій онъ путешествовалъ съ родителями. Такъ, въ 1853 году, Эдуардъ былъ съ ними на Парижской всемірной выставкѣ, и нѣсколько дней былъ баловнемъ всего двора Наполеона въ Тюильри и служилъ забавой въ Сенъ-Клу. Все любовались хорошенькимъ мальчикомъ съ бѣлокурыми локонами, и у будущаго короля уже тогда проявилась страсть къ Парижу и парижскимъ празднествамъ. Съ трудомъ императрица Евгенія могла уговорить его отправиться съ родителями въ Англію, а не оставаться у нея. Впослѣдствіи, когда Наполеонъ жилъ въ изгнаніи въ Чезльгерстѣ, Эдуардъ посѣщалъ его чаще всехъ.

Принцъ, помимо различныхъ обязанностей наслѣдника престола, съ 1849 года присутствовалъ на открытіи угольной биржи. Это было его первое публичное появленіе, и его привѣтствовали, какъ «послѣдняго изъ отпрысковъ Ганноверскаго дома». Затѣмъ онъ участвовалъ въ открытіи Лондонской выставки въ 1851 году, сопровождалъ мать въ палату лордовъ, при чемъ сидѣлъ на тронѣ рядомъ съ нею, посѣтилъ западную Англію вмѣстѣ съ воспитателемъ Джиббсомъ и полковникомъ Кавендишемъ. Онъ побывалъ и въ Германіи, гдѣ оставался довольно долго въ Кёнигсвинтерѣ, на берегу Рейна.

Когда ему исполнилось 18 лѣтъ, то Викторія извѣстила его письмомъ, что съ этого дня онъ выходитъ изъ-подъ опеки родителей и можетъ дѣлать, что хочетъ. Однако, Викторія прибавила, что она и его отецъ будутъ польщены, если въ важныхъ случаяхъ онъ попроситъ ихъ совѣта. Письмо не было опубликовано, но оно было настолько умно и возвышенно написано, что вызвало слезы у Эдуарда.

Съ этого времени наслѣдный принцъ поселился близъ Лондона, въ хорошенькомъ уединенномъ бѣломъ домикѣ, находившемся въ великолѣпномъ вѣковомъ Ричмондскомъ паркѣ въ Суреѣ, расположенномъ въ долинѣ Темзы, гдѣ Шекспиръ создалъ «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Вмѣстѣ съ тѣмъ Эдуарду дали новаго воспитателя, сэра Чарльса Гарвера. Наслѣдникъ въ это время сдѣлалъ большіе

успѣхи въ наукахъ. Онъ перечитывалъ, время отъ времени, письмо матери, которое, по словамъ Гревилля, было самой воспитательной страницей, какую когда либо начертало перо, и сталъ понемногу сознавать свою судьбу и понимать необходимость образованія. Въ немъ проснулся умъ и личное я. Изъ наивнаго мальчика сдѣлался разсудительный человѣкъ, жадный къ познаніямъ, проникательный наблюдатель, но въ то же время веселый собесѣдникъ. Принцъ-консортъ позаботился дать ему трехъ товарищей-однолѣтокъ: лорда Валльторта и будущихъ майоровъ Тьюсдаля и Линдзая, которые остались его друзьями. Военнымъ наукамъ его обучалъ полковникъ Робертъ Брюсъ; архіепископъ же Велслэй подготовилъ его держать религіозный экзаменъ передъ конфирмаціей.

Вскорѣ религіозное образованіе было окончено, и онъ принялъ причастіе въ присутствіи отца и матери. Послѣ этого онъ довольно удовлетворительно сдалъ военный экзаменъ. Викторія сдѣлала его армейскимъ полковникомъ и кавалеромъ королевскаго ордена Подвязки. Ради развлеченія она отправила его лѣтомъ путешествовать на югъ Ирландіи, къ которой онъ питалъ большую симпатію, а затѣмъ въ 1859 году подъ именемъ барона Ренфрея она послала его въ Италію, въ виду политическихъ интересовъ. Онъ остался въ Римѣ на страстную недѣлю, посѣтилъ папу, но воздержался присутствовать на церковныхъ службахъ, и только одинъ разъ посѣтилъ соборъ, отговариваясь тѣмъ, что «въ особенности въ Римѣ протестантъ долженъ выказать себя вѣрнымъ своей религіи». Въ это время между Италіей, Франціей и Австріей поднялись споры, и Викторія распорядилась, чтобы сынъ возвратился чрезъ Гибралтаръ.

II.

По возвращеніи изъ Италіи наслѣдный принцъ поступилъ въ Эдинбургскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи по химіи доктора Шлейфера, которыя иллюстрировались посѣщеніями главныхъ заводовъ Англій. вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный историкъ Чарльсъ Кингслей читалъ ему лекціи по исторіи Рима, каноникъ Гивсайдъ — по математикѣ, а Фишеръ — по государственному праву. Онъ поселился во дворцѣ Голироодъ и три раза въ недѣлю по 2 часа занимался военными упражненіями въ 18-мъ мѣстномъ гусарскомъ полку.

Слишкомъ усердное стараніе Викторіи и Альберта относительно умственнаго развитія принца не разъ осмѣивалось прессой. «Punch» помѣстилъ цѣлую серію статейъ подъ заглавіемъ «A prince at high pressure», въ которыхъ жизнь принца изображалась «печальною повѣстью».

Другой же анонимный авторъ помѣстилъ въ газетахъ такого рода совѣтъ: «Пусть принцъ любитъ прекрасныхъ поэтовъ, но не

позволяйте ему писать стиховъ; пусть онъ восторгается чудесами живописи и скульптуры, но не давайте ему палитры или рѣзца; пусть онъ понимаетъ всѣ механическія работы, но не допускайте его до ручныхъ инструментовъ; пусть онъ познакомится со всѣми науками, но не заводите у себя лабораторій и научныхъ коллекцій».

Однако подобное воззваніе не имѣло успѣха, и принцъ продолжалъ оставаться «подъ тяжестью науки».

Хотя принцъ-супругъ въ письмахъ къ барону Штокмару отзывался о Берти, какъ о совершенномъ произведеніи природы, онъ все-таки впоследствии долженъ былъ въ немъ разочароваться. Послѣ родительской строгой опеки Берти, сдѣлавшись студентомъ, далъ волю своимъ молодымъ порывамъ и далеко не систематической, флегматичной натурѣ, не имѣющей никакого сходства съ натурой отца. Викторія, раздѣлявшая опасенія народа относительно нравственной стороны характера своего Берти, задумала отправить его путешествовать, въ надеждѣ, что это благотворно подѣйствуетъ на пылкую голову принца. Однако она не хотѣла осуществлять этой мысли, прежде чѣмъ принцъ не пробудетъ нѣкоторое время въ Оксфордскомъ университетѣ.

Въ Оксфордѣ при немъ находился воспитателемъ Фревенъ Голль. Но и здѣсь принцъ предавался болѣе спорту, чѣмъ ученію, а также всякаго рода пріятнымъ развлеченіямъ, не имѣвшимъ отношенія къ исторіи и государственному праву. Насколько пріятно протекло время для наслѣднаго принца въ Оксфордѣ, видно изъ того, что онъ до настоящей минуты вспоминаетъ съ восторгомъ о своемъ тамъ пребываніи.

Тамъ наслѣднаго принца оставили недолго, видя, что результаты получаются иные, чѣмъ ожидали. Выходки молодого повѣсы все болѣе и болѣе проникали въ общество, и королева рѣшила исполнить свое обѣщаніе, данное еще послѣ крымской кампаніи, отдать благодарственный визитъ канадцамъ, вооружившимъ на свой счетъ цѣлый полкъ для этой войны. Она хотѣла сдѣлать его сама, но министры боялись, что это ее утомитъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ Викторія осуществила этотъ проектъ въ лицѣ сына. Программу поѣздки разработалъ самъ принцъ-супругъ: церемоніи, остановки, рѣчи, которыя предстояло произнести наслѣдному принцу,— все было предусмотрено.

Въ ожиданіи отъѣзда Альбертъ распорядился, чтобы сынъ изучилъ исторію, нравы и обычаи канадцевъ. Экспедиціей было поручено руководить герцогу Ньюкастльскому, которому вполнѣ довѣряли Викторія и Альбертъ.

Узнавъ о предполагаемомъ визитѣ въ Канаду, американскій президентъ Букананъ обратился къ королевѣ съ просьбой, чтобы принцъ Уэльскій заѣхалъ въ Америку. Викторія колебалась, помня

пораженіе англійской арміи, а также опасаясь возбудить негодованіе англійскаго народа и боясь холоднаго пріема въ Америкѣ. Но президентъ вторично прислалъ письмо съ увѣреніемъ въ добрыхъ чувствахъ народа, и Викторія рѣшила вопросъ утвердительно.

Въ іюлѣ принцъ Уэльскій отплылъ на «Эро», эскортируемый «Ариадной». Прибывъ въ главный городъ Канады, принцъ направился прямо во дворецъ губернатора. Послѣ завтрака былъ данъ банкетъ, на которомъ Эдуардъ танцевалъ всю ночь не только съ дочерьми и женами высшихъ англійскихъ чиновниковъ, но и съ женами и дочерьми рыбаковъ. Это его сдѣлало вполне популярнымъ.

Уже заранѣе было извѣстно канадцамъ, что принцъ веселый малый, и пріемъ, оказанный ему, былъ восторженный, не считая незначительныхъ приключеній. Пріемы и балы слѣдовали одинъ за другимъ, и принцъ танцевалъ безъ усталости. Однако въ Квебекѣ принцъ нѣсколько сдалъ и въ разгарѣ вальса поскользнулся и упалъ вмѣстѣ съ своей дамой. На другой день объ этомъ напечатали газеты статью подъ заглавіемъ: «Nonni soit qui mal у pense».

На другой день пріѣзда, по программѣ канадскаго правительства, была назначена поѣздка на Ніагару. Принцъ и его свита пріѣхали туда верхами. Весь Монреаль былъ въ сборѣ. Въ видѣ дивертиссента Блонденъ переходилъ на проволоку чрезъ водопадъ съ человѣкомъ на спинѣ. Увидѣвъ, что онъ достигъ благополучно берега, Эдуардъ произнесъ:

— Слава Богу! онъ добрался!

Когда ему представили Блондена, принцъ просилъ его не возобновлять болѣе попытки подвергать свою жизнь опасности.

— Но никакой нѣтъ опасности, — отвѣчалъ Блонденъ: — и если ваше высочество согласны, я готовъ перенести васъ.

Но принцъ отклонилъ подобное предложеніе.

Изъ Монреаля онъ направился въ Гамильтонъ, а затѣмъ въ Американскіе штаты.

Чтобы расположить заранѣе американцевъ, Эдуардъ сказалъ въ своей рѣчи, между прочимъ, слѣдующее: «мои обязанности представителя королевы скоро окончатся, и я отправлюсь частнымъ человѣкомъ въ эту замѣчательную страну, которая считаетъ предковъ Англійи своими, а ея необыкновенными успѣхами интересуется вся Англія».

Эти слова вызвали восторгъ въ американцахъ, и принцъ былъ принятъ съ такимъ энтузіазмомъ всѣмъ народомъ, что кортежъ едва могъ двигаться.

Между прочимъ, въ загородномъ мѣстечкѣ города Чикаго состоялась охота, на которой случилось неприятное приключеніе.

Дѣло въ томъ, что по дорогѣ, гдѣ происходила охота, встрѣтился легкій заборъ одной фермы. Собравъ свѣдѣнія, узнали, что фермеръ — англичанинъ, и одинъ изъ охотниковъ направился къ нему

за разрѣшеніемъ проникнуть въ его владѣнія. Послѣдній, увидѣвъ герцога Ньюкастля, у котораго онъ былъ въ молодости фермеромъ и сохранилъ о немъ самыя непріятныя воспоминанія, сказалъ:

— Эти господа могутъ охотиться, но не вы, Ньюкастль; пока я живъ, вы не переступите моихъ владѣній.

Конечно, охота не продолжалась.

Во время этой поѣздки впервые заговорило въ принцѣ чувство сознанія отвѣтственности. Дѣло было такъ. Принцъ и его спутники, возвращаясь разочарованные приѣмомъ фермера, приняли предложеніе генерала Брюса выкурить въ утѣшеніе гаванскую сигару. Но когда хотѣли закурить сигары, то оказалось, что ни у кого нѣтъ спичекъ, и только нашлась единственная у одного изъ спутниковъ. Но какъ быть, чтобы благополучно зажечь ее на открытомъ для вѣтра мѣстѣ? Никто не хотѣлъ брать на себя отвѣтственность. Рѣшили бросить жребій, который выпалъ на долю принца. Когда Эдуардъ чиркнулъ спичку, поднялся вѣтеръ, но онъ ловко успѣлъ закурить свою сигару. Позже онъ сознавался, что въ первый разъ потерялъ гордость и понялъ чувство взятой на себя отвѣтственности.

На другой день принцъ отправился въ Вашингтонъ, гдѣ въ Бѣломъ Домѣ его приняли очень любезно и просто Букананъ и его прелестная племянница, миссъ Гарриетъ Лэнъ. Эдуардъ поселился на пять дней въ Бѣломъ Домѣ, гдѣ принималъ всѣхъ, какъ властитель страны. Президентъ написалъ королевѣ, что принцъ побѣдилъ всѣ сердца, а герцогъ Ньюкастль сообщилъ впоследствии принцу Альберту, что, судя по сдѣланному принцу Уэльскому приѣму, можно быть увѣреннымъ, что если бы онъ явился кандидатомъ, то навѣрно былъ бы выбранъ большинствомъ въ президенты.

Особенно привлекъ къ нему сердца тактъ, выказанный имъ при посѣщеніи могилы Вашингтона, гдѣ онъ снялъ шляпу и оставался такъ нѣсколько минутъ въ почтительномъ молчаніи. Согласно введенной принцемъ Альбертомъ модѣ, Эдуардъ пожелалъ посадить самъ на могилѣ Вашингтона каштанъ. Ему это разрѣшили, и въ тотъ же вечеръ корреспондентъ «Times'a» телеграфировалъ въ органъ лондонскаго Сити, что «принцъ похоронилъ возлѣ американскаго героя послѣдній зародышъ несогласія между двумя странами».

Принцъ отклонилъ предложеніе видѣть рынокъ невольниковъ въ Ричмондѣ, но устроилъ, чтобы продажа была остановлена, а также посѣтилъ городъ, гдѣ былъ принятъ восторженно. Затѣмъ Эдуардъ возвратился въ Вашингтонъ. Оттуда онъ поѣхалъ въ Филадельфію, гдѣ впервые слышалъ Патти и пришелъ въ такой восторгъ, что пригласилъ ее цѣловать въ Виндзорскій дворецъ къ королевѣ.

Приѣмъ наслѣднаго принца Англій состоялся въ залѣ «Независимости», гдѣ на каждомъ шагѣ ему бросалось въ глаза воспоми-

наніе о происходившей борьбѣ между Англіей и Америкой; затѣмъ послѣдовалъ банкетъ въ музыкальной академіи на 3.000 приглашенныхъ. Но это празднество окончилось печально, благодаря катастрофѣ: полъ не выдержалъ такой тяжести и проломился, результатомъ чего было множество человѣческихъ жертвъ. Энтузіазмъ, выраженный американцами при посѣщеніи принцемъ остальныхъ городовъ, былъ не менѣшій.

Королева была въ восторгѣ отъ успѣха поѣздки, и по возвращеніи принца въ Виндзоръ она пожаловала герцогу Ньюкастлю орденъ Подвязки. Наслѣдный принцъ исправилъ произведенное имъ прежде дурное впечатлѣніе на народъ успѣхомъ своей миссіи.

Эдуардъ возвратился въ Англію къ дню своего девятнадцатилѣтія, которое торжественно отпраздновали при дворѣ.

Вскорѣ онъ отправился въ Кэмбриджъ, чтобы поступить въ университетъ, выдержавъ экзаменъ въ коллегіи Троицы. Онъ поселился въ трехъ миляхъ отъ города въ Madingly Hall. Хотя греческій, латинскій языки и математика не занимали перваго мѣста въ его познаніяхъ, зато онъ превосходилъ товарищей въ новыхъ языкахъ.

Сначала Эдуардъ довольно правильно слѣдилъ за лекціями, но ему скоро это надобно, и онъ увлекся Вальтеръ-Скоттомъ. Между прочимъ, ректоръ, вѣроятно, предчувствуя, что изъ ученія наследнаго принца ничего не выйдетъ, забылъ занести его въ списокъ и исправилъ эту ошибку тогда лишь, когда Эдуардъ привезъ туда своего сына, герцога Кларентскаго, въ 1883 году. Но, несмотря на разбѣянную жизнь, онъ все-таки продолжалъ слушать три раза въ недѣлю лекціи Чарльса Кингслея по исторіи.

Въ Кэмбриджѣ за нимъ слѣдили строже, помня объ его оксфордскихъ продѣлкахъ. Но не легко было удержать живого, веселаго наследнаго принца, не довольствовавшагося гребнымъ спортомъ и катаньемъ на конькахъ. Генералу Брюсу, его воспитателю, дана была инструкція оставить видимую свободу принцу, но не выпускать его изъ виду. Тяготѣніе къ лондонскимъ удовольствіямъ было слишкомъ сильно, чтобы не соблазнить Эдуарда на проказы, которыя не всегда оканчивались для него удачно.

Однажды, тайкомъ, онъ уѣхалъ въ Лондонъ съ тѣмъ, что, прокутивъ тамъ въ веселой компаніи ночь, вернется къ утру въ Кэмбриджъ. Каково же было его разочарованіе, когда, выйдя изъ вагона, онъ былъ встрѣченъ королевскимъ лакеемъ, который первымъ долгомъ спросилъ его, куда его высочество прикажетъ его отвезти. Послѣ такого вопроса ничего не оставалось дѣлать, какъ придумать приличное мѣсто, куда поѣхать. Онъ вспомнилъ, что въ Эксетерской залѣ въ этотъ вечеръ было собраніе, и приказалъ отвезти себя туда. Прослушавъ скучныя монотонныя рѣчи, онъ вернулся опечаленный въ Кэмбриджъ.

Свои вакаціи Эдуардъ проводилъ въ Ирландіи, въ лагерѣ, гдѣ его посѣщали мать и отецъ. По приглашенію императора Вильгельма онъ отправился въ Германію на маневры, откуда проѣхалъ въ Вормсъ къ сестрѣ. Осматривая Вормскій соборъ, онъ встрѣтился съ принцессой Александрой Датской; влюбился въ нее и рѣшился на ней жениться.

Въ Кэмбриджъ онъ возвратился совершенно преобразившимся и еще менѣе сталъ думать объ ученіи. Но ему оставалось ожидать еще годъ совершеннолѣтія, и неизвѣстно, послѣдовало ли на этотъ бракъ согласіе отца, тяготѣвшаго еще болѣе Викторіи къ нѣмцамъ. Однако судьба рѣшила этотъ бракъ: 28 ноября къ нему пріѣхалъ принцъ Альбертъ, котораго тревожило поведеніе сына. Погода была сырая и холодная: онъ простудился и, когда вернулся въ Виндзоръ, то слегъ. Черезъ нѣсколько дней Эдуардъ получилъ депешу отъ любимой сестры Алисы, которая безъ позволенія королевы предупредила его о болѣзни отца. Извѣстіе пришло какъ разъ во время, наслѣдный принцъ засталъ отца при послѣднихъ минутахъ жизни.

Удивительно, что такой легкомысленный, жизнерадостный юноша былъ такъ сильно пораженъ этимъ печальнымъ событіемъ, что даже опасались за его здоровье. Ради развлеченія Викторія отправила Эдуарда въ Палестину, въ сопровожденіи Артура Станлея, единственнаго человѣка, которому принцъ Альбертъ пожелалъ ввѣрить нравственное воспитаніе сына. 28 февраля 1862 г. они отправились въ Александрію, въ сопровожденіи генерала Брюса, майора Тьюсдаля, капитана Каппеля и небольшой свиты. Тамъ Эдуардъ посѣтилъ пирамиды и охотился на крокодиловъ. Принцъ, уже тогда бывший хорошимъ стрѣлкомъ, убилъ ихъ нѣсколько. Между прочимъ, одинъ изъ нихъ былъ убитъ имъ въ воскресенье, день, который уважается въ Англій болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Этотъ проступокъ огорчилъ Станлея, но принцъ смягчилъ его гнѣвъ, прочитавъ утромъ объѣдню всему экипажу корабля, и ему простился грѣхъ.

Со времени Эдуарда I и королевы Элеоноры, Палестины не посѣщали англійскіе короли, и наслѣдный принцъ Эдуардъ первый съ тѣхъ поръ появился на Святой Землѣ. Для него открыли могилу Авраама, но отказались допустить до могилы Сарры. Ему показали Гебронскую мечеть, остававшуюся недоступной для иностранцевъ впродолженіе семисотъ лѣтъ, которую открыли исключительно для него. Воскресенье Христова принцъ провелъ на берегу Таверіадскаго озера, а затѣмъ направился въ Дамаскъ, Бейрутъ. Эдуардъ возвратился въ Англію какъ разъ на свадьбу любимой сестры Алисы, матери русской императрицы Александры Теодоровны, съ принцемъ Гессенскимъ.

Наконецъ наступило совершеннолѣтіе наслѣднаго принца. По этому случаю онъ присутствовалъ въ палатѣ пэровъ въ генераль-

скомъ мундирѣ, сверхъ котораго была надѣта пурпуровая мантия, окаймленная горностаемъ. Принимая присягу, онъ поразилъ пэровъ своимъ сходствомъ съ Генрихомъ VIII. Съ этого момента онъ сдѣлался членомъ совѣта королевы.

Съ него была снята опека; онъ остался полнымъ господиномъ своей личности и широко воспользовался этимъ правомъ преимущественно въ одномъ направленіи.

Если подвести резюме его интеллектуальному развитію, получится слѣдующій результатъ. Наслѣдный принцъ не питалъ страсти къ наукамъ, ни къ военному искусству. Напрасно старались развить въ немъ стремленіе къ военной карьерѣ, но успѣха не достигли. Въ дѣтствѣ его еще занимало строить крѣпости, но и только. Послѣ поверхностнаго обученія военному искусству съ четырнадцатилѣтняго возраста подъ руководствомъ полковника Кавендиша, онъ былъ произведенъ въ полковники въ то самое время, какъ мать пожаловала его орденомъ Подвязки. Хотя генералъ Брюсъ продолжалъ заниматься его военнымъ образованіемъ, но оно ограничивалось военными упражненіями въ 18-мъ гусарскомъ полку, въ бытность его въ Эдинбургѣ. Полковникъ же Перси проводилъ съ нимъ вакаціи въ Куррагскомъ лагерѣ, находившемся въ Ирландіи, но все-таки принцъ немного усовершенствовался, хотя въ день совершеннолѣтія королева произвела его въ генералы. Если же онъ, въ концѣ концовъ, достигъ фельдмаршальскаго чина, то благодаря той же Викторіи, которая, ради своего пятидесятилѣтняго юбилея, пожаловала его этимъ чиномъ.

Впрочемъ, это не мѣшало ему быть любимцемъ военной молодежи. Его товарищеское отношеніе, шутки, веселье и его шампанское привлекали къ нему сердца офицеровъ.

Но и морское образованіе его заключается въ томъ, что онъ сдѣлался, главнымъ образомъ, веселымъ, пріятнымъ товарищемъ и прекрасно управлялъ яхтой. Впрочемъ, призы, взятые его яхтами на гонкахъ, были выиграны капитаномъ Вильямомъ Джэмсономъ.

Если что и дѣлало его похожимъ на отважнаго моряка, такъ только то, что онъ никогда не страдалъ морскою болѣзною, исключая въ Ла-Маншѣ. Впрочемъ, все это не мѣшало ему любить флотъ, благодаря чему онъ далъ своимъ обоимъ сыновьямъ тщательное морское воспитаніе. Что же касается лично его, то онъ пользовался своими морскими познаніями ради поѣздокъ въ Трувилль, не считая другихъ увеселительныхъ прогулокъ въ веселомъ обществѣ пикантныхъ златокудрыхъ парижанокъ.

III.

Увлечение принцессой Александрой не прошло у пылкаго Эдуарда. Бѣлокурая сѣверянка съ голубыми глазами, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица побѣдила серьезно сердце легкомысленнаго юноши. Обстоятельства, которымъ способствовалъ самъ Эдуардъ, устраивались такъ, что онъ довольно часто встрѣчалъ ее у своей сестры Фредерики, и въ 1861 г., проводя у нея три дня въ Гейдельбергѣ, онъ наконецъ открылъ принцессѣ Александрѣ свои планы.

Извѣстно, какую борьбу съ матерью и отцемъ пришлось ему перенести по поводу брака съ датской принцессой. Насколько англійскій народъ былъ радъ, что будущая королева не нѣмецкаго происхожденія, настолько Викторія съ мужемъ былъ не по сердцу этотъ бракъ.

Александра - Каролина-Марія-Шарлотта-Луиза-Юлія Шлезвигъ-Гольштейнъ - Сондербургъ - Глюксбургская родилась въ 1844 г. въ скромномъ, маленькомъ Гюльскомъ дворцѣ. Ея отецъ, герцогъ Христіанъ, тихо проживалъ, держа на скромныя средства свою семью. Легенда рассказываетъ, что ему приходилось давать уроки рисованія для зарабатыванія средствъ для своей семьи. Но это не вѣрно, такъ какъ онъ получалъ жалованье офицера датской арміи, на которое и жилъ. При небольшихъ средствахъ его жена, дочь ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, воспитывала дѣтей буржуазно, пріучая ихъ къ шитью и домашнему хозяйству. Принцессы сами шили себѣ платья и дѣлали шляпы.

Принцессѣ Александрѣ было восемь лѣтъ, когда въ 1852 году датскій король Фридрихъ VII, не имѣвшій потомства, избралъ ея отца своимъ наслѣдникомъ. Палата утвердила выборъ короля и дала герцогу Христіану титулъ наслѣднаго принца, а вмѣстѣ съ тѣмъ предложила ему для резиденціи болѣе богатый и обширный Бернсдорфскій дворецъ. Впрочемъ, герцогъ Христіанъ и его жена сами были потомками королевскаго дома, именно дочери Георга II, короля Англій, вышедшей замужъ за Фридриха V, короля Даніи.

Въ Бернсдорфскомъ дворцѣ протекала юность принцессы Александры такъ же мирно и регулярно, какъ и въ Гюльскомъ. Она вставала очень рано, изучала изящныя искусства и музыку: играла на рояли и цитрѣ, училась поварскому искусству, шила для церкви и благотворительныхъ заведеній. Свободное время посвящалось прогулкамъ. По вечерамъ устраивались семейные концерты, на которыхъ имѣла большой успѣхъ мать принцессы, прекрасно игравшая на арфѣ. Принцесса была также хорошая музыкантша, хотя, какъ и ея мать, нѣсколько туга на ухо.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она давала тонъ въ вопросѣ туалета, и хотя семья герцога рѣдко посѣщала театръ, но зато очень часто по-

являлась въ свѣтскомъ обществѣ, оживляя его своей веселостью, и разъ въ годъ ѣздила за границу.

Послѣ долгихъ и упорныхъ настояній Эдуарда Викторія наконецъ рѣшилась отправиться въ Лекенъ къ бельгійскому королю, гдѣ было устроено ея свиданіе съ принцессой и ея матерью въ сентябрѣ 1862 года. Наконецъ Эдуарду было разрѣшено сдѣлать официальное предложеніе. Вся англійская пресса единогласно одобрила выборъ наслѣднаго принца, только нѣсколько газетъ попробовали, но тщетно, воскресить далекое воспоминаніе о томъ, что Данія когда-то разбила Англію. Но это не произвело впечатлѣнія, и 7-го марта 1863 года королевская яхта «Викторія и Альбертъ» отправилась за принцессой.

Александра была встрѣчена въ Англии восторженно. Эдуардъ сіялъ. Когда графъ и графиня Кэтнесъ поздравили его, то онъ отвѣтилъ: «Теперь я знаю счастье; я буду счастливъ, и достигну того, чтобы сдѣлать принцессу счастливой».

Толпа запрудила улицы при встрѣчѣ будущей наслѣдной принцессы, такъ что Альфредъ Паджетъ, ѣхавшій во главѣ кортежа, принужденъ былъ обратиться къ народу со словами: «Ну, друзья, если вы не пропустите насъ, мы никогда не пріѣдемъ въ Виндзоръ, гдѣ насъ ожидаетъ королева». Толпа засмѣялась и пропустила ихъ.

На другой день состоялась брачная церемонія въ часовнѣ дворца. Послѣ нея молодые отправились въ Осборнъ, а черезъ три дня официально принимали въ Сенъ-Джемскомъ дворцѣ 1.500 членовъ аристократіи и горожанъ.

Когда принцъ еще только началъ мечтать о женитьбѣ, то родители распорядились приготовить для него въ Лондонѣ дворецъ Марльборо-Гаузъ, который по внѣшности походитъ скорѣе на казармы, зато внутри напоминаетъ маленькій Лувръ.

Въ первомъ этажѣ находятся залы и парадная столовая. Большой залъ, около двадцати метровъ длины и семи ширины, обитъ бѣлой съ золотомъ матеріей, а мебель, находящаяся въ немъ,— блѣднорозовой. Двѣ концертныхъ рояли и растенія дополняютъ его обстановку. Затѣмъ слѣдуетъ большая столовая съ портретомъ Викторіи и Альберта, Фридриха прусскаго и его жены Викторіи, Георговъ II и III англійскихъ. Въ ней принцъ устраивалъ позже банкеты для членовъ *Jokey Club*, въ день Дерби. Вторая столовая поменьше, служила для придворныхъ въ дни пріемовъ, въ ней находились музыканты во время банкетовъ. Кромѣ того, тамъ была биллиардная и другія пріемныя залы. Только друзья наслѣднаго принца поднимались на элеваторѣ въ бель-этажъ. Коридоръ, который велъ къ нему, былъ украшенъ гобеленами, изображавшими Донъ-Кихота и подаренными принцу Наполеономъ III. Здѣсь находились личные апартаменты принца и его жены. Между прочимъ, всеобщее вниманіе привлекалъ голубой будуаръ молодой принцессы.

Въ этомъ-то дворцѣ и поселились молодые.

Женатая жизнь на время преобразовала наслѣднаго принца, хотя не вполне, и это длилось до 1869 г. Его обѣщаніе сдѣлать принцессу счастливой, повидимому, сбылось. Предупредительный, любезный, онъ старался развлекать жену, первое время скучавшую по Даніи.

Что касается общества, то появленіе молодой, веселой и живой принцессы обрадовало его. Уже многіе порядочно тяготились и скучали, благодаря установленному Викторіей строгому этикету и монотонности ея характера. Александра сдѣлалась центромъ веселаго, изящнаго двора.

Наивная дѣвушка, воспитанная строго и буржуазно, не понимала тогда всѣхъ тонкостей интригъ и охотно допустила къ себѣ всевозможныхъ хорошенькихъ женщинъ, не только англичанокъ, но и американскихъ красавицъ, чему мною способствовалъ Эдуардъ, питавшій попрежнему слабость къ прекрасному полу.

Отношенія Викторіи къ Александрѣ были сначала натянуты. Королева никакъ не могла примириться съ мыслью, что ея мѣсто займетъ не нѣмецкая принцесса. Много не нравилось въ ней строгой, педантичной Викторіи. Очень часто она, не имѣя возможности лично выразить ей свое порицаніе, вымещала свое неудовольствіе на придворныхъ дамахъ. Такъ, однажды молодая принцесса грѣхала съ коротко подстриженными на лбу волосами, какъ тогда начали носить въ Парижѣ, и всѣ дамы со свойственной женщинамъ переимчивостью и изъ желанія понравиться принцессѣ также подрѣзали волоса. Королева, дѣлавшая себѣ всегда простую прическу съ проборомъ, приказала имъ не являться во дворецъ, пока онѣ не отротятъ волосъ.

Что еще болѣе отдаляло ихъ—это различіе симпатій. Викторія, любившая нѣмцевъ, никогда не сдѣлала шага въ пользу датчанъ, несмотря на мольбы принцессы. Конечно, со временемъ неприязнь улеглась: Викторія, имѣвшая идеальнаго мужа, поняла, какъ терпѣливо переносить ея невѣстка семейныя невзгоды, и принцесса сдѣлалась настолько близка къ королевѣ, что ея собственныя дѣти, имѣя какую нибудь надобность у Викторіи, обращались сначала къ наслѣдной принцессѣ, которая умѣла уговаривать Викторію. Вообще простота и скромность молодой наслѣдницы побѣдили королеву-свекровь.

Въ сущности принцесса не отличалась блестящимъ или глубокимъ умомъ. Она занята была лишь вопросомъ туалета; сама дѣлала рисунки своихъ платьевъ и шляпъ и придавала большее значеніе каждой складочкѣ, чѣмъ самолюбію. Она была совершенно счастлива, такъ какъ ей предоставлялось теперь тратить на туалеты вдвойнѣ, чѣмъ получалъ ея отецъ, король Христіанъ, содержанія.

Вскорѣ ея счастье сдѣлалось еще полнѣе: она родила дочь при обстоятельствахъ, довольно необычайныхъ для августѣйшей родильницы. Въ февралѣ 1864 г. королева Викторія пригласила принца съ супругой для встрѣчи весны въ Frogmog-House, находящійся въ Виндзорскомъ паркѣ. Александра считала себя беременной только восемь мѣсяцевъ. Въ одинъ прекрасный день, возвратившись съ катанья на конькахъ, она почувствовала родовые потуги. При ней находилась лишь одна фрейлина, графиня Маклесфильдъ, и одинъ министръ королевы. Встревоженный Эдуардъ послалъ за докторомъ къ себѣ во дворецъ, но когда онъ прибылъ, то событіе уже совершилось. Къ счастью принцессы Александры, графиня, родившая множество дѣтей, была настолько опытна, что сумѣла принять новорожденнаго съ помощью Эдуарда. Она даже одолжила одну изъ своихъ юбокъ, чтобы закутать ребенка, такъ какъ его богатое приданое было приготовлено въ Malborough-House. Министръ объявилъ, что новорожденный ребенокъ былъ мальчикъ.

Ему дали имя въ честь королевы и отца—Альбертъ-Викторъ, и онъ также родился ранѣе времени, какъ и его отецъ.

Послѣ официальнаго приѣма въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ Александра старалась жить вдали отъ официальныхъ приѣмовъ, и лондонское общество рѣдко видѣло ее. Къ тому же ея семейство быстро размножилось, и чрезъ шестнадцать мѣсяцевъ она родила второго сына, Георга, въ июнѣ 1865 г., а затѣмъ трехъ дочерей: Луизу въ 1867 г., Викторію въ 1868 г., Модъ въ 1869 г. и наконецъ сына въ 1872 г.

Притомъ она долго хворала послѣ родовъ; такъ, напримѣръ, послѣ появленія на свѣтъ дочери, Луизы, она не покидала комнаты въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Какъ увлекающійся человекъ, принцъ Эдуардъ выказалъ относительно жены въ этотъ періодъ столько вниманія, участія и заботы, что невозможно было заподозрѣть его въ легкомысліи. Чтобы находиться ближе къ больной женѣ, онъ приказалъ перенести свой письменный столъ въ ея будуаръ; ухаживалъ за нею лично самъ, и разговоръ ихъ обыкновенно касался воспитанія дѣтей. Когда принцесса оправилась и снова родила дочь, принцессу Викторію, то Эдуардъ предпринялъ путешествіе въ Ирландію съ женою.

По прибытіи въ Кингстоунъ, Александрѣ поднесли бѣлую голубку, символъ симпатіи и расположенія. Англичане хотѣли разставить войско на пути, по которому слѣдовали принцъ и принцесса, но Эдуардъ отклонилъ эту предосторожность, сказавъ, что не хочетъ отдѣлять себя штыками отъ ирландскаго народа и вполне вѣряется его гостепріимству. Опасенія англичанъ были напрасны. Вообще принцъ былъ расположенъ къ Ирландіи, и среди близкихъ его друзей находилось немало ирландцевъ.

Вскорѣ Эдуарду представилось политическое путешествіе въ Египетъ, и лишь принцесса Александра оправилась отъ остраго рев-

матизма, какъ они поѣхали въ Триестъ, а затѣмъ на «Ариаднѣ» въ Александрію. Оттуда они прямо отправились въ Каиръ. Хедивъ приготовилъ для нихъ пышный Эсбехійскій дворецъ, гдѣ восточная роскошь перемѣшивалась съ парижской, при чемъ кровать, назначенная принцу и принцессѣ, была изъ массивнаго серебра. Они присутствовали при отправленіи священныхъ ковровъ, которые предназначались для покрытія могилы Магомета. Въ честь гостей были даны празднества и приемы, а затѣмъ принцессу и ея дамъ пригласили въ гаремъ хедива.

Александра горѣла желаніемъ видѣть поближе гаремныхъ красавицъ, и мистриссъ Грей, одна изъ ея придворныхъ дамъ, рассказывала о впечатлѣніи, произведенномъ на принцессу этимъ визитомъ. Въ гаремѣ находилось четыре жены и пятьсотъ невольницъ. Всѣ онѣ были слегка одѣты и покрыты драгоценными камнями. Каждая изъ нихъ носила на безымянномъ пальцѣ лѣвой руки кольцо съ брилльянтомъ. Какъ только вошла Александра со своими дамами, невольницы поднесли серебряный тазъ, украшенный драгоценными камнями, и встали предъ ними на колѣни. Мать хедива очень граціозно пригласила Александру и ея спутницъ вымыть руки. Когда онѣ это исполнили, то заняли мѣста за столомъ съ женами хедива, что составляло большую честь для иностранцевъ. Онѣ сѣли на подушки вокругъ низенькаго турецкаго стола, на которомъ невольницы разставляли блюда.

Сначала наслѣдная принцесса была смущена, но старая дуэнья скоро ее успокоила. Она подала ей, какъ и женамъ хедива, верхній черепъ черепахи съ коралловой ручкой, который служилъ имъ ложкой, для тапвоки. Мясо онѣ ѣли руками. Меню было очень разнообразное и сложное: изъ 24 мясныхъ и рыбныхъ кушаній. Жены едва до нихъ дотрогивались. Послѣ каждаго блюда пили розовую воду, въ которую подливали ложку уксуса. Наконецъ, подали фрукты и сласти. Затѣмъ послѣдовало новое омовеніе рукъ въ душистой водѣ, и всѣ возвратились въ залъ, гдѣ невольницы танцевали и пѣли, въ то время какъ жены и принцесса со своими дамами пили турецкій кофе. Послѣ кофе жены закурили кальянъ. Принцессѣ и дамамъ подали также кальянъ, но украшенный драгоценными камнями, который, однако, онѣ отклонили къ большому удивленію турецкихъ женщинъ.

Во время разговора Александра спросила у женъ хедива, какъ онѣ дѣлають, чтобы такъ граціозно носить свои чадры. На нее тотчасъ же накинута восточное покрывало, при чемъ предварительно накрашили брови и рѣсницы. Она заранѣе радовалась впечатлѣнію, которое рассчитывала произвести на Эдуарда, но онъ былъ у хедива, и ея гримировка оказалась бесполезной. «Принцесса вынесла впечатлѣніе,—говоритъ мистриссъ Грей,—что эти женщины далеко не красавицы и всѣ глубоко невѣжественны».

Въ продолженіе путешествія по Нилу царственные гости вели веселую жизнь на «Аріаднѣ». Пѣли, играли, танцевали, а главное пили. Шампанскаго было истреблено 3.000 бутылокъ, 20.000 бутылокъ содовой воды, 4.000 бутылокъ бордо, не считая пива, ликеровъ и легкихъ винъ.

Среди этого кутежа едва не случилась катастрофа. Въ каютѣ принца Людвигъ Баттенбергскаго вспыхнулъ пожаръ, и благодаря сухости воздуха и египетскому солнцу, было чего опасаться. Къ довершенію на яхтѣ находилось много пороху и зарядовъ для охоты на крокодиловъ. Первый подалъ помощь принцъ Уэльскій. Дамы были высажены въ беспорядочныхъ костюмахъ, полуодѣтыя, а мужчины организовали помощь, повинувась во всемъ принцу, и вскорѣ опасность миновала.

Возвратившись въ Каиръ, Эдуардъ посѣтилъ всѣ британскія учрежденія и миссіи, и, наконецъ, они рѣшили распроститься съ хедивомъ. Принцесса и дамы отправились въ гаремъ проститься съ женами хедива. Онѣ были приняты съ тою же церемоніей, какъ и первый разъ. Уходя, принцесса спросила у нихъ, желаютъ ли онѣ быть представленными ея мужу, въ отвѣтъ на что раздался общій хохотъ. Предъ отъѣздомъ она ходила по турецкимъ базарамъ и дѣлала покупки. На другой день Лессепсъ показывалъ имъ Суэзскій каналъ, а затѣмъ они поѣхали въ Константинополь.

1-го апрѣля предъ ними показался Константинополь. Этотъ визитъ султану дѣлался согласно мнѣнію британскаго кабинета, какъ бы противовѣсь визиту хедива. Встрѣча имъ была сдѣлана торжественная, но они находили все-таки время гулять по городу инкогнито, какъ мистеръ и мистриссъ Вилльямсъ. Принцесса и дамы посѣтили гаремъ и были приняты съ тою же церемоніей, какъ и въ Египтѣ. Только въ Турціи женщины не курили кальяна.

10-го апрѣля они направились въ Крымъ и остановились въ Севастополѣ, гдѣ ихъ встрѣчалъ генералъ Коцебу. Тамъ они посѣтили домъ, гдѣ умеръ лордъ Рагланъ, а также поля битвъ: Альму, Инкерманъ и Балаклаву. Принцъ былъ очарованъ пріемомъ Коцебу и пригласилъ его къ себѣ обѣдать на «Аріадну», при чемъ пили за здоровье русскаго императора и королевы Викторіи. Затѣмъ въ Ялтѣ они пересѣли на «Аріадну».

На возвратномъ пути «Аріадна» зашла въ Пирей, гдѣ король Георгъ встрѣтилъ свою сестру Александру. Проведя короткій срокъ въ Аѳинахъ, Эдуардъ закончилъ свою политическую поѣздку, которая не была такъ блестяща, какъ въ Канаду и Соединенные Штаты. По возвращеніи изъ этой поѣздки, Александра подарила Эдуарду четвертаго ребенка, принцессу Модъ, которая походила на отца, какъ двѣ капли воды, вслѣдствіе чего сдѣлалась любимцей Викторіи.

Въ 1875 году, Эдуарду представился случай предпринять политическую поѣздку въ Индію. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Салисбюри предложилъ Викторіи отправить наслѣднаго принца осмотрѣть восточныя владѣнія. Но въ эту поѣздку Эдуардъ собрался ѣхать уже одинъ, безъ принцессы.

Съ этой цѣлью онъ весь углубился въ изученіе нравовъ и обычаевъ страны, а также въ приготовленіе рѣчей. Его менторомъ Викторія назначила сэра Барта Фрера, знавшаго прекрасно страну и всѣхъ ея властителей. Въ спутники Эдуардъ взялъ неразлучнаго съ нимъ герцога Сутерландскаго, графа Элъсфорда, лорда Каррингтона, полковника Вилльяма, лейтенанта Бересфора, генерала Пробица, Ноллиса, своего личнаго секретаря, каноника Дикворта, доктора Фейрера, художника Голля, лорда Альфреда Паджета и доктора Росселя, описавшаго это путешествіе.

Принцъ пустился въ путь съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ противъ радушнаго приѣма и былъ даже печаленъ.

Прибывъ въ Бомбей, онъ принималъ у себя раджей, и въ день его рожденія во всемъ Индостанѣ были устроены народныя гулянья, а на его суднѣ «Serapis» былъ данъ банкетъ. На другой день онъ отдалъ раджамъ визитъ, а англійская колонія чествовала офицеровъ эскадры.

По случаю новаго года, 1-го января 1876 года, согласно составленной въ Англии программѣ, была совершена церемонія раздачи орденовъ Индѣйской звѣзды, при чемъ раджи, получавшіе ордена, должны были принять присягу въ вѣрности англійскому престолу. Изъ Калькутты принцъ отправился въ Бенаресъ, гдѣ посѣтилъ знаменитые храмы. Въ Лукновѣ онъ присутствовалъ на открытіи памятника туземцамъ, павшимъ во время защиты города отъ мятежниковъ.

Однако, эта поѣздка не обошлась безъ печальнаго приключенія. Охотясь на кабановъ, лорды Каррингтонъ и Нэпиръ сломали себѣ ключицы при паденіи съ лошади.

Въ Джейпурѣ Эдуардъ первый разъ въ жизни убилъ тигра. Онъ говорилъ, что изъ всего путешествія по Индіи это былъ самый счастливый моментъ. Наконецъ онъ возвратился въ Бомбей. Этимъ воспользовался Дизраэли, чтобы поднести Викторіи титулъ императрицы Индіи. Англичане съ любопытствомъ слѣдили за подробностями этого путешествія и при вѣздѣ принца въ Лондонъ ему сдѣлали горячія оваціи. Индѣйскіе принцы преподнесли ему на полмилліона ливровъ стерлинговъ подарковъ.

IV.

Съ рожденіемъ принцессы Модъ начался періодъ легкомысленной жизни Эдуарда, полный скандальныхъ похожденій во всѣхъ пяти частяхъ свѣта.

Насколько Викторія была вѣрна конституціоннымъ традиціямъ, настолько онъ вполнѣ сохранялъ традиціи принцевъ Уэльскихъ, большая часть которыхъ пользовалась репутаціей кутиль. Въ XVIII вѣкѣ они сдѣлались очень непопулярными, благодаря производимымъ ими скандаламъ. Рассказываютъ, что Георгъ I, возмущенный поведеніемъ принца и принцессы Уэльскихъ—своего сына и невестки,—приказалъ своему камеръ-юнкеру выгнать ихъ, съ ихъ слугами, изъ дворца. Георгъ II возненавидѣлъ своего сына Фридриха, тоже принца Уэльскаго, о которомъ родная мать отзывалась, какъ о самомъ великомъ ослѣ, великомъ лгунѣ, великомъ канальѣ и великомъ животномъ въ цѣломъ свѣтѣ. Георгъ IV, прежде чѣмъ вступить на тронъ, велъ легкомысленную и безобразную жизнь, возбуждавшую въ народѣ ненависть и презрѣніе.

Съ тѣхъ поръ англійская нація относилась съ недовѣріемъ къ принцамъ Уэльскимъ и каждый разъ, какъ вспыхивалъ какойнибудь скандалъ, въ которомъ участвовалъ Эдуардъ, то все соединенное королевство выражало негодованіе. Только благодаря строгому воспитанію, которое ему далъ принцъ Альбертъ, Эдуардъ не дошелъ до худшаго.

Когда ребенкомъ, въ 1856 г., онъ былъ съ отцомъ и матерью въ Парижѣ, то уже тогда его притягивала легкомысленная парижская жизнь, и императрица Евгенія едва уговорила его ѣхать съ родителями въ Англію. Онъ наконецъ согласился, но обѣщалъ возвратиться, что слишкомъ добросовѣстно исполнилъ. Въ продолженіе двадцати лѣтъ у него не прерывались тамъ любовныя интриги во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ принцессъ и кончая кокетками всѣхъ марокъ и положеній. Вообще, впоследствии, принцъ не былъ взыскателемъ, какъ относительно національности, такъ и соціального положенія женщинъ, хотя на его пути встрѣчались чаще всего парижанки и американки.

Случалось принцу попадать въ рискованное положеніе, изъ котораго ему едва удавалось благополучно выбираться. Такъ, однажды, онъ завелъ интригу съ замужней женщиной, и обѣдая вдвоемъ съ нею въ кабинетѣ ресторана, онъ узналъ, что мужъ красавицы находится предъ дверью ресторана, дожидаясь ихъ выхода. Быстро сообразивъ, Эдуардъ уговорилъ красавицу переодѣться булочникомъ и выйти изъ ресторана въ передникъ и бѣломъ колпакѣ, съ корзиной на головѣ. Уловка удалась: жена прошла мимо мужа неузнанной, и дѣло окончилось благополучно. Мужъ остался у двери ожидать ея выхода, а она уже была далеко.

Подобныхъ легкихъ связей было у принца безъ конца; но вскорѣ послѣ этого приключенія у него началась серіозная связь съ нѣкою принцессой, длившаяся нѣсколько лѣтъ. Ради нея онъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ недѣлю въ Парижъ, а лѣтомъ въ Трувилль. Эта принцесса была старше его, и въ бытность его съ родителями въ Тюильри у Наполеона и Евгении она не разъ держала его на колѣняхъ. Во время многихъ сезоновъ его яхта регулярно стояла у Трувилля, и это служило пищей для придворныхъ сплетенъ.

Въ то время принцъ говорилъ, что его элементъ «grandes coquettes» аристократическаго парижскаго общества, которымъ, по его мнѣнію, нѣтъ подобныхъ во всемъ свѣтѣ, и что принцы должны заводить интриги лишь съ самыми элегантными женщинами. Какъ-то, гуляя въ Булонскомъ лѣсу, онъ увидѣлъ своего дядю Эрнеста, владѣтельнаго герцога Саксъ-Кобургъ-Готскаго, и отвернувшись, сказалъ: «А вотъ и дядюшка; я всегда смотрю въ сторону при встрѣчѣ съ нимъ, такъ какъ его сопровождаютъ невозможныя женщины».

Однако, по вечерамъ принцъ не брезгалъ и кулисами театровъ, прося представить ему актрисъ, знаменитыхъ тѣмъ или другимъ, при чемъ онъ часто приглашалъ ихъ ужинать. Однажды, вскорѣ послѣ паденія имперіи, онъ пригласилъ въ свою ложу г-жу Жюдикъ. Въ разговорѣ она замѣтила, что если бы ктонибудь изъ претендентовъ походилъ на него, то навѣрно монархія была бы вновь восстановлена во Франціи.

— Очень вамъ благодаренъ, — отвѣчалъ принцъ, — но вы слишкомъ скоро изнашиваете вашихъ королей.

Извѣстный историкъ Джюстинъ Макъ-Карти говоритъ: «Я не сомнѣваюсь, что многіе нескромныя поступки его молодости и его дикіе порывы происходили оттого, что онъ привыкъ бывать въ обществѣ лицъ, которыя дѣлали жизнь его пріятной. Такимъ образомъ онъ окружалъ себя артистами, актерами, пѣвцами и разными шутниками; благодаря ихъ обществу, онъ интересовался театральными кулисами, при чемъ не питалъ неприязни къ балетамъ и короткимъ юбкамъ балетныхъ танцовщицъ».

Но этого было недостаточно принцу, и онъ, вѣроятно, придерживаясь пословицы: «l'appetit vient en mangeant», окружалъ себя красавицами даже въ домѣ жены, гдѣ первое мѣсто занимали американки. Его обращеніе съ ними было самое непринужденное, и этимъ красавицамъ позволялись всевозможныя фамиллярности. Такъ, напримѣръ, нѣкая миссъ, избравшая себѣ гривуазный репертуаръ Жюдикъ, Терезы Тео и Жанны Гранье, пѣла свои нумера, выбивая тактъ на плечѣ принца. Ея мѣсто впослѣдствіи заняла миссъ Кунингсъ. За нею слѣдовала Ланктри, дочь священника, обладавшая подавляющимъ мужемъ, котораго принцъ отыскалъ на островѣ Джерсеѣ и ввелъ въ англійское общество.

Онъ приставалъ къ Викторіи, чтобы она допустила мистриссъ Лантри до официальнаго приема въ Букингамскомъ дворцѣ, но королева упорно отказывалась. Наконецъ ему удалось ее упросить, и красавица появилась на королевскомъ приемѣ. Но только что она появилась, какъ церемоніймейстеръ просилъ ее удалиться и поправить туалетъ. Дѣло въ томъ, что миссъ Лантри вздумала не повиноваться этикету и расположила три традиціонныя пера, не какъ было указано по немъ—кстати сказать, весьма не граціозно, а какъ ей болѣе шло. Красавицѣ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ удалиться и поправить прическу.

Весь Лондонъ былъ у ногъ этой красивой куколки, и принцъ переносилъ отъ нея всевозможныя выходки. Такъ однажды она публично вылила ему за воротникъ растаявшее мороженое, и принцъ, не возражая, перенесъ это оскорбленіе. Лондонскіе репортеры создали для нея титулъ «professional beauty». Но вскорѣ избалованная Лантри преобразилась въ вульгарную куртизанку, и двери салоновъ мало-по-малу закрылись предъ ней. Наконецъ, одинъ предприимчивый американскій антрепренеръ рѣшилъ взять красавицу въ Америку и сдѣлать изъ нея актрису. Онъ рассчитывалъ, что американцы бросятся посмотрѣть на бывшую фаворитку наслѣдника англійскаго престола. Такъ и случилось. Увидѣвъ успѣхъ Лантри, антрепренеръ рѣшился поѣхать съ нею въ Лондонъ, гдѣ выпустилъ ее въ «Школѣ скандаловъ» Шеридана. Успѣхъ былъ большой, и Лантри сдѣлалась актрисой.

Однако, иногда принцъ бывалъ очень щепетилень, и что позволялось мистриссъ Лантри, то не допускалось другимъ. Однажды, присутствуя на благотворительномъ базарѣ, одна актриса, продавая ему чашку чая, спросила за нее гинею. Признавъ въ немъ принца Уэльскаго, она спохватилась, что спросила мало, и прибѣгла къ хитрости. Отпивъ изъ чашки глотокъ, она заявила, что теперь чай стоитъ дороже—именно пять гиней. Эдуардъ не возражалъ, заплатилъ требуемую сумму, но въ то же время онъ громко заявилъ:

— Унесите эту чашку и прикажите подать чистую.

До послѣдняго времени американки пользовались у Эдуарда успѣхомъ болѣе, чѣмъ когда либо. Миссъ Андерсонъ завладѣла вниманіемъ принца, за ней слѣдовала миссъ Фортеस्कью. Но всѣхъ этихъ красавицъ затмила миссъ Чамберлэнъ, покоровшая сердце Эдуарда не въ шутку. Онъ ѣздилъ съ нею въ Гамбургъ и по континенту. Впрочемъ, Эдуардъ отличался непостоянствомъ и вскорѣ увлекся ея подругой, миссъ Винсло, которую первая имѣла неосторожность представить своему обожателю. Послѣднюю прозвали въ Лондонѣ «vice-Chamberlain».

Однако, Эдуардъ и въ Лондонѣ не брезгалъ театральными кулисами, въ особенности Gaiety-Theater, который славится красивыми женщинами.

Когда же онъ хотѣлъ кутнуть «во всю», то отправлялся въ Парижъ на своей яхтѣ, набиралъ тамъ «златокудыхъ красавицъ» и отплывалъ съ ними на Лазуревый берегъ. Путешествіе было самое веселое; шампанское лилось рѣкою, и весь большой запасъ истреблялся до капли. Чтобы рассказать веселыя походы принца, потребовался бы цѣлый томъ.

Впрочемъ принца не только не огорчали распространявшіеся о его кутежахъ слухи, но это ему даже льстило. Слава донъ-Жуана была ему по сердцу. Такимъ образомъ онъ, не стѣсняясь, давалъ показанія въ судѣ по поводу затѣяннаго въ 1870 г. бракоразводнаго процесса лорда Мордонта. Этотъ процессъ, конечно, не удался, хотя надѣлалъ громадной скандаль.

Изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ видно, что брачная жизнь Александры была, повидимому, не розоваго цвѣта. Но внѣшнимъ образомъ она относилась къ поведенію мужа спокойно.

Причиной ея спокойнаго отношенія къ продѣлкамъ Эдуарда служить еще то обстоятельство, что послѣ рожденія дочери Луизы у нея сдѣлался острый ревматизмъ, а появленіе послѣдняго сына вызвало у нея глухоту. Такимъ образомъ, физическія страданія принцессы отвлекали ее отъ окружающихъ нравственныхъ уколовъ.

Кромѣ того, Эдуардъ, какъ большинство легкомысленныхъ и безхарактерныхъ людей, обладалъ добрымъ сердцемъ и, сознавая свои проступки, былъ особенно предупредителенъ и любезенъ къ женѣ и отечески привязанъ къ дѣтямъ. Такъ, напримѣръ, въ отсутствіе принцессы Александры ихъ сынъ Георгъ заболѣлъ тифомъ въ лѣтнемъ мѣстопребываніи, и Эдуардъ, завернувъ его бережно, отвезъ въ Марльборо-Гаузъ, гдѣ не покидалъ его ни на секунду, пока его жена не возвратилась изъ Даніи. Вообще, по словамъ дѣтей, онъ самый «идеальный отецъ», и дочери довѣряли ему свои тайны, что ему очень нравилось.

Насколько была привязана Александра къ своему легкомысленному мужу, видно изъ того, что въ 1871 г. Эдуардъ заболѣлъ тифозной горячкой. Лакей, ухаживавшій за нимъ, заразился ею и вскорѣ умеръ. Тогда принцесса начала ухаживать сама и ни на минуту не отходила отъ него, исполняя все, какъ простая семьянинка. Вообще ихъ семья была самая согласная.

Но страсть Эдуарда не ограничивалась только хорошенькими женщинами, онъ былъ также ярымъ игрокомъ. Онъ любилъ играть лишь въ азартныя игры, какъ, напримѣръ, баккара, и не терпѣлъ любимаго при Виндзорскомъ дворѣ виста, въ который обыкновенно играла Викторія. Гдѣ бы онъ ни появлялся, въ аристократическомъ ли кругу, на модныхъ ли купаніяхъ или водахъ,—тотчасъ устраивалась азартная игра, и цѣлыя ночи Эдуардъ былъ банкометомъ. Много денегъ, едва ли не больше, чѣмъ на женщинъ, потрачено имъ за карточнымъ столомъ, хотя, какъ вообще боль-

шинство англичанъ, онъ не терялъ хладнокровія при проигрышахъ.

Одно время азартная игра такъ распространилась въ Англии, во всѣхъ классахъ общества, что архіепископъ кантербурійскій долженъ былъ основать лигу, съ цѣлью уменьшенія этого зла, и предложилъ принцу Уэльскому быть предѣдателемъ. Эдуардъ, никогда не отказывавшійся отъ покровительства какимъ либо общественнымъ учрежденіямъ, принялъ это званіе, не предвидя, что ему можетъ грозить непріятность. Въ одно прекрасное утро, въ 1891 г., въ англійскихъ журналахъ появилось извѣстіе, что у мистера и мистриссъ Вилльсонъ, которыхъ очень часто посѣщаль наслѣдный принцъ, случился ночью скандалъ. Потомокъ старинной аристократической фамиліи въ Англии, сэръ Вилльямъ Гордонъ-Куммингъ, попался въ мошенничествѣ, играя партію баккара, въ которой участвовалъ Эдуардъ, какъ банкومتъ.

Друзья принца Уэльскаго дѣлали все, чтобы затушить скандалъ, но одинъ изъ игроковъ ни за что не хотѣлъ оставить этотъ скандалъ безъ послѣдствій и перенесъ его въ судъ. Волненіе въ Лондонѣ было сильное, такъ какъ въ дѣлѣ участвовали члены лучшихъ аристократическихъ семействъ и, главное, принцъ Уэльскій. Дѣло приняло такую окраску, будто судили самого наслѣдника престола, президента анти-карточной лиги, просиживавшаго за карточнымъ столомъ ночи въ частномъ домѣ, обращенномъ въ картежный притонъ. Пасторы и епископы соединеннаго королевства напечатали въ газетахъ строгое письмо, осуждавшее наслѣднаго принца. Викторія была въ отчаяніи. Напрасно близкіе утѣшали ее, говоря, что эта исторія исправитъ принца, но она не могла успокоиться.

— Къ несчастію, въ пятьдесятъ лѣтъ не измѣняются,—замѣтила печально королева, которую въ особенности огорчало народное негодованіе.

Церковные проповѣдники, публичные ораторы, газеты и проч. только и говорили, что объ этомъ скандалѣ: «Такъ вотъ какой человѣкъ будетъ царствовать въ соединенномъ королевствѣ!»—воскликали одни.

— Когда подумаешь, — говорили другіе, — если бы скандалъ вспыхнулъ въ публичномъ домѣ, то наслѣдникъ былъ бы арестованъ, какъ злоумышленникъ, и запертъ въ тюрьму.

Нѣкоторые еще рѣзче выражали свое мнѣніе.

— Мы не хотимъ имѣть во главѣ государства банкомета,—говорили они.

Даже поднимался вопросъ о перемѣнѣ правительственной системы, или объ основаніи закона, исключаящаго преимущества мужской линіи.

— Съ женщиною во главѣ государства,—говорили многіе,—у насъ не будетъ такихъ скандаловъ.

Но Эдуардъ не сознавалъ важности своего проступка и улыбающійся, съ гортензией въ бутоньеркѣ, явился публично предъ судомъ, не желая, чтобы ему дѣлали допросъ на дому. Онъ сказалъ, что ничего не видѣлъ, такъ какъ сидѣлъ далеко, будучи банкометомъ, и ему невозможно было замѣтить движеній сэра Вильяма. Тогда одинъ изъ присяжныхъ спросилъ его:

— Ваше высочество можете ли намъ сказать, что вы вѣрите въ виновность обвиняемаго?

Эдуардъ, все еще продолжая улыбаться, отвѣтилъ:

— Мнѣ трудно это сказать, однако почтенныхъ лицъ, которыя это утверждаютъ, столько, что мнѣ не позволено въ этомъ сомнѣваться.

Послѣ этого принцъ удалился.

На другой день всѣ газеты заговорили, что принцъ часто посѣщалъ и мистера и мистриссъ Вилльсонъ, и партіи баккара продолжались тамъ цѣлыя ночи, что многіе члены старинной аристократіи оставили тамъ свое состояніе, что принцъ платилъ жетонами съ его гербомъ, по которымъ уплачивалъ его банкиръ, и онъ проигрывалъ болѣе, чѣмъ имѣлъ дохода, прибѣгая къ помощи евреевъ для уплаты суммъ, взятыхъ въ счетъ будущаго государственнаго содержанія, и даже долженъ былъ заложить лѣтній дворецъ Сандрингамъ.

Это обстоятельство еще болѣе взволновало Викторію, и она, призвавъ къ себѣ принца Уэльскаго, стала упрекать его и потребовала, чтобы былъ положенъ конецъ скандальному поведенію. Тогда принцъ написалъ архіепископу Кантербурійскому трогательное письмо, въ которомъ жаловался, что предается легкомысленной жизни по причинѣ удаленія отъ государственныхъ дѣлъ.

Этотъ урокъ отчасти подѣйствовалъ на Эдуарда; онъ пересталъ играть въ карты въ Лондонѣ, сохранивъ, однако, право предаваться этой страсти внѣ Англіи.

Немалые расходы причинила ему страсть къ скаковымъ лошадямъ. Этотъ спортъ зародился въ Англіи съ 1377 г., когда Ричардъ II, еще будучи принцемъ уэльскимъ, вызвалъ на состязаніе графа Арунделя, и съ тѣхъ поръ всѣ короли Англіи покровительствовали ему, и онъ сталъ развиваться.

Эдуардъ владѣлъ нѣсколькими большими конюшнями, состоящими изъ лошадей для скачекъ гладкихъ и барьерныхъ. Они участвовали на всѣхъ состязаніяхъ Соединеннаго королевства. Эдуардъ интересовался всѣмъ, что касается его скакуновъ, и завѣдующій конюшнями, лордъ Маркусъ Бернсдорфъ, ежедневно давалъ ему обо всемъ отчетъ.

Ему сначала не везло съ лошадьми въ барьерныхъ скачкахъ, и только въ концѣ 1899 г., по подсчету лорда Маркуса Бернсдорфа, лошади Эдуарда отчасти оплатили потерянные деньги, выигравъ

68.000 фунтовъ стерлинговъ. Главными его скакунами были Magie, Playlair, Diamand Julilee и Persimmon. Послѣдній былъ проданъ американцамъ за громадную сумму. Не разъ лошади принца брали первый призъ на Дерби, что производило энтузіазмъ во всей странѣ. Вообще съ начала участія его лошадей въ гладкихъ скачкахъ онѣ взяли призы въ семидесяти скачкахъ, а въ одномъ 1896 г. одержали побѣды въ двѣнадцати скачкахъ.

Эдуардъ былъ страстный охотникъ и хорошій стрѣлокъ. Онъ забывалъ весь міръ, когда, одѣтый въ сѣрый костюмъ и такую же шапочку, съ трубкой въ зубахъ и ружьемъ за плечами, отправлялся, въ сопровожденіи своего вѣрнаго пса, на охоту. Изъ любезнаго, предупредительнаго человѣка онъ превращался въ настоящаго охотника. Однако, онъ не любилъ, чтобы дамы занимались этого рода спортомъ, и число Діанъ-охотницъ уменьшилось среди англійской аристократіи. На охоту онъ приглашалъ не болѣе десяти человѣкъ.

Танцоромъ онъ былъ неутомимымъ, предпочитая, однако, нѣмецкій вальсъ медленнаго темпа, что не мѣшало ему прекрасно танцевать сложные шотландскіе танцы. Его любовь къ танцамъ сдѣлала его популярнымъ во время посѣщенія Канады и Америки, несмотря на различные инциденты, которымъ онъ подвергалъ дамъ. Хотя онъ сдѣлался подъ старость очень полнымъ, но все-таки рассчитывалъ участвовать въ большой кадрили во время коронаціи, если бы судьба не рѣшила иначе.

На конькахъ онъ катался ловко и умѣло. Онъ наследовалъ эту страсть и ловкость отъ отца. Не разъ въ присутствіи Викторіи устраивались на льду партіи huskey изъ членовъ аристократическаго общества. Однажды даже состоялся матчъ между членами палаты лордовъ и общины, при чемъ первые одержали побѣду. Онъ старался развивать этотъ спортъ среди народа.

Кегли онъ считалъ лучшимъ средствомъ для возбужденія аппетита и игралъ обыкновенно до обѣда или въ лунную ночь предъ сномъ, находя, что послѣ игры онъ прекрасно спалъ. На биллиардѣ онъ игралъ въ пасмурные, дождливые дни, при чемъ бралъ уроки у знаменитаго Джона Роберто.

Изъ садовыхъ игръ онъ любилъ болѣе всего лаунъ-теннисъ и, дѣйствительно, игралъ очень граціозно. Одно время онъ упражнялся ежедневно въ эту игру. Даже во время морскаго путешествія онъ устраивалъ на мостикѣ судна лаунъ-теннисъ, при чемъ бралъ съ собою въ путешествіе большой запасъ мячиковъ на всякій случай.

Рыбная ловля—тяжелое для него занятіе, такъ какъ ему необходимо было движеніе. Еще ловлю сѣтями онъ иногда признавалъ и принималъ въ ней участіе. Но довольно странно, что изъ всѣхъ дѣтей Викторіи одинъ принцъ Эдинбургскій былъ хорошій пловецъ. Зато Эдуардъ прекрасно ѣздилъ верхомъ, и когда былъ по-

тоньше, то страстно любилъ охотиться на лошади. Однако, онъ избавился отъ этой страсти, перенесъ нѣсколько разъ опасныя приключенія, охотясь вмѣстѣ съ Наполеономъ III. Въ послѣднее время онъ сдѣлался такъ грузенъ, что ему требовалась солидная лошадь, и онъ замѣнилъ это удовольствіе ѣздой на трициклѣ. Однако, и его дѣлали Эдуарду на заказъ, спеціально для его полноты, такъ какъ бициклъ для него былъ ненадеженъ. Уже будучи королемъ, онъ такъ быстро ѣздилъ изъ Лондона въ Виндзоръ на автомобилѣ, что надо было ожидать вмѣшательства полиціи. Автомобилемъ онъ управляетъ прекрасно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отлично управлялъ бичемъ, когда ѣздилъ четверкой въ four-in-hand.

Впрочемъ, онъ охотиѣе управлялъ своей яхтой и никогда не терялъ присутствія духа. Еще недавно Эдуардъ подвергся большой опасности, пробуя свою яхту. Опасность была такъ велика, что онъ едва не погибъ. Никто не подозрѣвалъ въ Лондонѣ и даже въ его семьѣ, что онъ отправился на яхтѣ, предполагая, что онъ сидитъ въ кабинетѣ за работой. Не желая, чтобы о его приключеніи Александра узнала изъ газетъ, онъ скорѣе возвратился въ Лондонъ и сообщилъ ей самъ.

Онъ обладалъ большимъ количествомъ яхтъ. Двѣ главныя изъ нихъ назывались «Алина» и «Британія». Его яхты принесли ему множество призовъ, и столовая въ Мальборо-Гаузѣ украшена различными серебряными кубками, полученными въ награду за быстроту.

Онъ также большой любитель голубинаго спорта, и въ его лѣтнемъ дворцѣ устроенъ образцовый садокъ. Онъ признаетъ этотъ спортъ полезнымъ и держится правила медленной и методичной тренировки.

V.

Несмотря на то, что при дворѣ Эдуарда, въ Marlborough-House, почти не существовало этикета сравнительно съ тѣмъ, какой установила у себя Викторія, все-таки онъ тяготился жить круглый годъ въ этомъ дворцѣ. Въ 1870 году, наслѣдный принцъ съ женою устроили себѣ новый уголокъ — Сандрингамъ. Этотъ дворецъ находится въ Норфолькскомъ графствѣ, составлявшемъ нѣкогда часть королевскаго оленьяго парка, подареннаго Генрихомъ VIII Томасу Говарду, герцогу Норфолькскому. Послѣ того онъ перешелъ изъ рукъ въ руки и въ 1861 году принадлежалъ Спенсеру Каупэру, когда принцъ Альбертъ купилъ его для Эдуарда за 220.000 фунтовъ стерлинговъ. Эта сумма была скоплена изъ доходовъ съ герцогства Корнваллійскаго.

Эдуарду было въ то время двадцать лѣтъ, и онъ не могъ располагать этими деньгами, что помогло отцу приберечь такую со-

лидную сумму. Старый дворецъ былъ въ плачевномъ состояніи. Принцъ Альбертъ хотѣлъ его исправить, но пришлось отказаться отъ этой мысли и вложить еще 70.000 фунтовъ, чтобы построить новую резиденцію.

Отъ Лондона Сандрингамъ отдаленъ на три съ половиной часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. Въ Линнѣ приходится перемѣнить поѣздъ и взять другой, направляющійся изъ Линня въ Гунстонтонъ. Между этими двумя городами находится станція Вольфѣртинъ, расположенная въ веселой, привѣтливой долинѣ. Оттуда на разстояніи двухъ миль стоитъ Сандрингамскій дворецъ. Дорога ведетъ къ нему извилистая и гористая.

Принцъ устроилъ вокзалъ подальше отъ дворца, чтобы изолировать себя отъ посторонней публики и имѣть возможность вести тамъ жизнь частнаго человѣка.

По мѣрѣ того, какъ поднимается дорога въ гору, передъ зрителемъ открывается прекрасный видъ. Съ живописной равнины видны на западѣ Сѣверное море и Линкольнширскій берегъ, а въ ясную погоду можно разсмотрѣть старый городъ Линнъ. На равнинѣ панорама мѣняется. Здѣсь руководилъ всеѣмъ вкусъ Эдуарда: крестьянскіе домики, фермы, плантаціи, церкви, школы и проч., все было устроено по рисунку наслѣднаго принца.

Пройдя мимо птичнаго двора, достигаешь Норвикской рѣшетки, которая ведетъ ко дворцу. Она представляетъ настоящій образецъ искусства и имѣетъ свою исторію. Ее предложилъ городъ Норвикъ Эдуарду, какъ свадебный подарокъ. Вершина ея украшена золотой короной, на которой красуются три традиціонныхъ пера принцевъ Уэльскихъ, и она состоитъ изъ гербовыхъ раскрашенныхъ щитовъ, представляющихъ различные титулы наслѣдника трона. Она открывается на широкую лужайку, окаймленную съ обѣихъ сторонъ тополями, позади которыхъ тянутся сосны и березы. Тамъ, впродолженіе двадцати лѣтъ, прогуливается полисмэнъ, Миддлтонъ, составляющій единственную охрану принца такъ же, какъ было у Викторіи въ Бальморалѣ. Черезъ рѣшетку можно видѣть дворецъ, расположенный за деревьями.

Собственно говоря, Сандрингамъ не напоминаетъ ни дворца, ни даже замка; онъ просто представляетъ комфортабельное жилище, состоящее изъ цѣлаго ряда построекъ, спереди правильныхъ, а позади неправильныхъ линій. Онъ построенъ изъ краснаго кирпича и украшенъ обтесанными камнями, безъ всякихъ орнаментовъ, въ стилѣ Елизаветы, но на современный ладъ. Надъ входной дверью дома находится надпись: «Этотъ домъ построенъ Альбертомъ-Эдуардомъ, принцемъ Уэльскимъ, и Александрой, его женою, въ 1870 году».

Но наружность обманчива, и насколько дворецъ простъ снаружи, настолько онъ богатъ и великолѣпно отдѣланъ внутри.

Залы обиты великолѣпными тканями и украшены образцовыми художественными произведеніями. Только комнаты молодыхъ принцессъ болѣе скромныя. Особенно замѣчательны по роскоши: будуаръ Александры и комната «Serapis», названная именемъ военного судна, на которомъ принцъ плавалъ въ Индію. Она украшена подарками индійскихъ раджей и шкурами тигровъ, убитыхъ тамъ принцемъ.

Паркъ, окружающій дворецъ, великолѣпенъ и представляетъ во всѣ времена года прелестное зрѣлище. Одна часть его, именно восточная, раздѣлана въ англійскомъ стилѣ; западная же напоминаетъ альпійскую природу своими каскадами и пещерами. Въ этой части парка всѣ коронованные гости садятъ на память о своемъ пребываніи какое нибудь дерево, согласно обычаю, заведенному принцемъ Альбертомъ. На террасѣ возвышается китайскій храмъ изъ драгоценнаго металла, охраняемый львами изъ японскаго гранита. На берегу озера устроена красивая пристань для лодокъ; американская аллея для игры въ кегли, паркъ для ланей, будущихъ жертвъ охоты, и проч. Черезъ него проходятъ въ сельскую церковь.

На противоположномъ берегу виднѣется хорошенькій домикъ, называемый Bacheliers' Wing (флигель холостыхъ), въ которомъ жили сыновья Эдуарда съ университетскими товарищами. Тамъ-то умеръ старшій сынъ принца. Впослѣдствіи домикъ увеличили и назвали York-Cottage. Въ немъ проживаетъ молодой принцъ Уэльскій съ женою, принцессой Маріей Тэкъ.

Недалеко отъ него, по направленію къ селенію, находится Appleton Hall, когда-то бывшая ферма, а теперь роскошно украшенное жилище для принца Карла Датскаго и его жены Модъ, дочери Эдуарда и Александры. Ежегодно, въ сезонъ охоты, они прѣзжаютъ туда изъ Даніи.

Александра имѣетъ въ уединенной части парка своего рода маленькій Трианонъ, во вкусѣ швейцарскаго коттэджа. Его стѣны украшены павлиньяго цвѣта фаянсовыми плитками, сдѣланными въ Бомбеѣ и подаренными принцу во время его пребыванія тамъ. Каждый квадратъ представляетъ розу Англій, трилистникъ Ирландіи или чертополохъ Шотландіи съ стариннымъ нѣмецкимъ девизомъ герцоговъ Уэльскихъ: «Ich dien» (я служу). Этой фермой заведуетъ мистеръ Флигъ. Вокругъ центральнаго двора устроены стойла для коровъ всевозможныхъ породъ. Молочная вся изъ бѣлаго мрамора.

Вообще большинство находящихся въ Сандрингамъ животныхъ были не разъ посылаемы на выставки и возвращались часто съ наградами. Королевская семья Викторіи, живя въ Лондонѣ или даже внѣ его, получала всегда молочные продукты съ фермы принцессы Александры.

Во время рѣдкихъ посѣщеній Сандрингама Викторіей, послѣдняя заходила на эту ферму вмѣстѣ съ внучатами выпить чашку молока. Обыкновенно, тамъ ставили попугая принцессы, который кричалъ при появленіи Викторіи и къ ея великому удивленію: «Three cheers for the Queen!»—чему научили его дочери Эдуарда.

Надъ молочной находится чайная комната принцессы Александры, украшенная портретами Эдуарда, въ костюмѣ Генриха VIII, и принцессы, въ костюмѣ королевы Елисаветы, а также другихъ членовъ королевской семьи—кисти принцессы Девонширской. Посуда украшена живописью дочерей Александры. Люстра привезена была принцессой изъ Копенгагена; вообще она старалась имѣть предъ глазами вещи, напоминавшія ей родину. Мебель изъ свѣтлаго дуба, обитая желтой и зеленой матеріей, украшаетъ эту комнату. На стѣнѣ висятъ часы съ кукушкой изъ Шварцвальдена. Въ этомъ уголкѣ Александра и вся семья собирались ежедневно на five o'clock tee. Эдуардъ являлся всегда туда первый и встрѣчалъ свою жену. Сколько бы ни было приглашенныхъ, но всегда служилъ одинъ слуга.

Эта ферма отдѣлялась цвѣточнымъ садомъ отъ технической школы для сельскихъ дѣвушекъ, основанной принцессой Александрой. Школой завѣдуетъ старая гувернантка принцессы, нѣмка, г-жа Нѣдель. Тамъ имъ преподають кройку, шитье на машинкѣ, поварское искусство, дѣлать консервы, пирожки и конфеты. За 40 пенсовъ съ персоны ученицы пользовались кушаньемъ со своей кухни, и часто принцесса и ея дочери не брезгали отвѣдать ихъ страпню. Почти съ начала своего существованія школа могла поддерживать собственными средствами, которыя получались отъ распроданныхъ очень дешево вещей, какъ, напримѣръ, платьевъ для прогулокъ, жилетовъ для охоты, блузъ для художниковъ и проч. На всѣхъ этихъ вещахъ находится штемпель школы, и аристократія раскупааетъ ихъ наперебой.

На противоположной сторонѣ парка находится техническая школа для мальчиковъ, которой руководить Шваннъ. Въ ней преподають рѣзбу на деревѣ и художественную обработку кожи—два искусства, дорогія для принцессы, и которыя она сама отлично знаетъ. Произведенія учениковъ также быстро расходятся, и школа поддерживается на собственные средства.

Двадцать лѣтъ какъ существуютъ эти школы, и онѣ уже дали англійскимъ фабрикамъ порядочное количество артистовъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ.

Сандрингамскія конюшни пользуются всемірной извѣстностью. Въ нихъ находится до шестидесяти чистокровныхъ лошадей, изъ которыхъ старѣйшія окончили тамъ свою жизнь, между прочимъ, знаменитый Калибанъ.

Конюшни принцессы содержатъ прекрасную коллекцію лошадей и пони. Тамъ по сію пору сохраняется знаменитая кобыла Вива,

которую принцесса брала съ собою на континентъ, когда ѣздила охотиться на кабановъ къ герцогу Шартрскому. Тамъ же находятся четыре пони, подаренныя Эдуардомъ женѣ передъ отъѣздомъ въ Индію, которыми правила сама принцесса. Конюшными завѣдуетъ уже много лѣтъ Бэкъ и каждое утро приготовляетъ корзину свѣжей моркови, которую раздаетъ сама Александра своимъ любимцамъ. Но Эдуардъ и Александра не только думали о живыхъ лошадяхъ, а также увѣковѣчивали память мертвыхъ любимцевъ, ставя имъ памятники.

Александра всегда питала страсть къ собакамъ, и въ Сандрингамѣ ихъ находится до 70-ти экземпляровъ, всевозможныхъ породъ. Каждый членъ семьи имѣетъ свою любимую породу. Эдуардъ любитъ рѣдкія породы, Александра — граціозныхъ собакъ. Кромѣ того, каждый имѣетъ своего обычнаго спутника, и было время, когда Александра не выходила безъ своей рыжей китайской собаки Плумпи, а Эдуардъ безъ Берти — бѣлаго пса, померанской породы.

Александра даже путешествуетъ не менѣе какъ съ полдюжиною собакъ, и ся придворныя дамы всегда ими нагружены. Не разъ Викторія подсмѣивалась надъ подобными переѣздами своей невѣстки, но это не уменьшало страсти принцессы.

Прежде въ Сандрингамѣ держали обезьянъ, но ихъ нравственность оказалась слишкомъ легкой, и онѣ были изгнаны оттуда самимъ Эдуардомъ. На этомъ мѣстѣ устроили птичникъ, въ которомъ содержатся какаду, попугаи и австралійскія птички.

По другую сторону селенія Вольфертонъ Эдуардъ владѣетъ другою фермою, въ 600 или 700 акровъ. Тамъ заведено хозяйство на серіозныхъ началахъ, и въ немъ находится 200 лошадей, 150 коровъ и телокъ, изъ которыхъ до дюжины самыхъ красивыхъ породъ съ острова Джерсея, и 300 овецъ всевозможныхъ породъ. Эта ферма приноситъ хорошій доходъ, такъ какъ каждые два года тамъ производится продажа скота по дешевой цѣнѣ, который раскупаютъ нарасхватъ.

Всѣмъ Сандрингамомъ завѣдуетъ Джаксонъ — правая рука принца, — съ которымъ послѣдній всегда совѣтовался. Джаксонъ отдаетъ обо всемъ подробный отчетъ Эдуарду. Онъ живетъ на лѣвой сторонѣ отъ Норвикской рѣшетки въ комфортабельномъ коттеджѣ и ежедневно въ девять часовъ утра являлся къ Эдуарду съ отчетомъ.

Кромѣ того, что мѣстность, въ которой находится Сандрингамъ, очень красива, но въ то же время тамъ очень здоровый воздухъ. Принцъ, уѣзжая изъ Лондона, не оставался вполнѣ безъ общества, но только оно здѣсь совершенно мѣняло свой обликъ. Въ началѣ каждой недѣли рассылались приглашенія безъ разбора званій, общественныхъ положеній и политическихъ взглядовъ. Двери двorca

были открыты для всѣхъ. Очень часто тамъ бывали республиканскіе депутаты. Пребываніе гостей въ Сандрингамѣ обыкновенно продолжалось отъ понедѣльника утра до четверга вечера, или отъ четверга вечера до понедѣльника утра.

Между приглашенными всегда бывалъ какойнибудь пасторъ, извѣстный своимъ краснорѣчіемъ, и онъ заранѣе зналъ, что ему предстоитъ служить въ воскресенье утромъ обѣдню для семьи Эдуарда. Прибытіе и отъѣздъ поѣздовъ такъ былъ устроенъ, что одни гости уѣзжали, а другіе пріѣзжали. На станціи ожидали экипажи принца, чтобы взять багажъ гостей. Принцъ и принцесса всегда присутствовали при пріѣздѣ и отъѣздѣ гостей и старались такъ радушно принимать, что всѣ тотчасъ же чувствовали себя, какъ дома. Эдуардъ, любившій веселье, старался такъ подбирать серію гостей, что въ Сандрингамѣ никогда не проникала скука.

Утренній завтракъ подавался въ девять часовъ; второй — въ половинѣ второго, а обѣдъ въ половинѣ восьмого. Первый завтракъ накрывали приглашеннымъ на маленькихъ столикахъ, также и lunch; семья Эдуарда оставалась въ своихъ апартаментяхъ. Къ обѣду же всѣ собирались въ большой столовой, украшенной испанскими тканями, подаренными Альфонсомъ XII. Приглашенныхъ заранѣе предупреждали о той странности, что всѣ часы поставлены были на полчаса назадъ.

Гости свободно располагали временемъ между завтракомъ и обѣдомъ, но Александра и Эдуардъ всегда умѣли найти развлеченіе и отправлялись то ловить рыбу, верхомъ или въ экипажѣ, то на охоту. Послѣ five o'clock's tee на фермѣ наслѣдной принцессы всѣ отправлялись одѣваться къ обѣденному столу. Однако, роскошь не допускалась, и были случаи, что тѣ гости, которые злоупотребляли ею, болѣе не приглашались.

Старинная аристократія относилась недружелюбно къ общительности Эдуарда и его разнообразному обществу, что было причиною рѣдкихъ посѣщеній Сандрингама Викторіей. Послѣ обѣда отправлялись въ залъ, гдѣ играли, пѣли и танцовали за полночь. Охотно переходили тамъ съ классической музыки на весьма легкую, во вкусѣ Эдуарда.

По воскресеньямъ всѣ отправлялись къ обѣднѣ, дамы ранѣе, мужчины позже. Александра сосредоточенно слушала службу; Эдуардъ же напрогивъ нетерпѣливо смотрѣлъ по сторонамъ. Обѣдню служили наскоро, такъ какъ однажды знаменитый проповѣдникъ слишкомъ долго говорилъ проповѣдь, и съ тѣхъ поръ его болѣе не приглашали въ Сандрингамѣ. Послѣ обѣдни катались на конькахъ, — если это было зимою, — гуляли или занимались какимънибудь спортомъ. Въ этотъ день занимались лишь церковной музыкой и никогда не танцовали.

Семья Эдуарда прїѣзжала въ Сандрингамъ во всѣ времена года, но Рождественскую елку всегда устраивали тамъ въ 12 часовъ ночи 25-го декабря. Этотъ обычай заимствовалъ принцъ Альбертъ изъ Германіи. Въ день Рождества Александра съ дочерьми украшала домъ пучками омелы. Этотъ обычай вѣками существовалъ въ Англии, и каждый молодой человѣкъ можетъ поцѣловать молодую дѣвушку, когда встрѣтится съ нею подъ пучкомъ омелы. Въ этотъ день къ обѣду являются въ роскошныхъ туалетахъ. Александра надѣвала ожерелье изъ опаловъ въ 10.000 ливровъ, подаренное ей лондонской корпораціей.

День рожденія принца справлялся въ Сандрингамѣ торжественно. Въ этотъ день всѣ жители его владѣній приглашались въ Сандрингамъ. По этому случаю тамъ устраивались фейерверки и сельскій балъ при свѣтѣ смоляныхъ факеловъ. Подъ звуки роговъ королевская семья и придворные танцевали съ поселянами, какъ это бывало въ Бальморалѣ въ дѣтство Эдуарда.

Что же касается личной жизни Эдуарда въ Сандрингамѣ, то въ началѣ его супружеской жизни онъ велъ себя совершенно по-ребячески, и его шутки съ прїятелями часто переходили границы приличія. Напримѣръ, онъ наполнялъ ихъ постели печеными яблоками, валялъ ихъ въ снѣгу, или засовывалъ имъ въ карманы сладкія тянушки и т. д.

Въ послѣдующіе годы, хотя онъ сдѣлался гораздо степеннѣе относительно ихъ, но все-таки позволялъ себѣ довольно часто сомнительныя шутки.

Особенно были оживлены и веселы дни охоты въ Сандрингамѣ. Съ зари вокругъ дома тѣснилась цѣлая армія егерей въ курткахъ королевскаго синяго цвѣта и такихъ же шапочкахъ съ бѣлыми лентами подъ начальствомъ мистера Джаксона, умудрявшагося устраивать такъ, что ихъ присутствіе было незамѣтно. Сандрингамъ для охотника былъ настоящимъ раемъ.

Предъ отъѣздомъ назначали мѣста, гдѣ должны были всѣ собираться на завтракъ. Въ назначенный часъ туда прїѣзжала принцесса и дамы, въ экипажахъ или верхами. Чаще всего завтракъ устраивался въ залѣ Вольфертонскаго вокзала, который собственно былъ устроенъ Эдуардомъ съ этой цѣлью. Иногда завтракали на какойнибудь лужайкѣ. При разставаньѣ уговаривались, гдѣ встрѣтятся для чая или горячаго супа, если охота была зимою.

По субботамъ выводили всѣхъ собакъ на лужайку съ цѣлью дать полюбоваться на нихъ принцессѣ и дамамъ.

Эдуардъ требовалъ, чтобы вели вѣрный счетъ, какъ расходамъ по содержанію охоты, такъ и убитой птицѣ. Изъ отчета видно, что съ 1871 г. по 1880 г. убивали ежегодно отъ 830 до 8.640 головъ дичи, а съ 1880—1901 г.г. отъ 10.000 до 16.131 головъ, изъ которыхъ 7.000 фазановъ. Самыми замѣчательными днями были:

9-е ноября 1881 г., когда одной убитой птицы было 2.244 головы; изъ нихъ 1.725 фазановъ; 11-е ноября 1885 г.—2.561 голова, изъ нихъ 2.060 фазановъ; 31-е декабря 1885 г.—2.853 головы, изъ нихъ 1.275 фазановъ; 30-е декабря 1885 г.—2.482 головы, изъ нихъ 950 фазановъ и 1.391 заецъ; 2-е декабря 1896 г. 2.486 головъ, изъ нихъ 1.032 фазана.

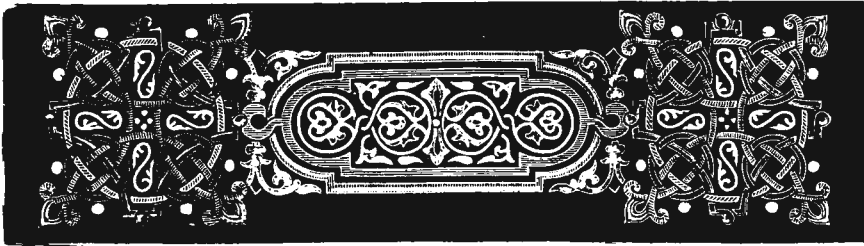
По своей величинѣ Сандрингамская кладовая дичи—вторая въ свѣтѣ: первая принадлежит барону Гирту въ Венгрии, у котораго часто охотился Эдуардъ. Небольшую часть убитой въ Сандрингамѣ дичи принцъ отправлялъ друзьямъ въ подарокъ, большую же часть продавалъ на рынки Лондона. Въ Сандрингамѣ воспитываются 10.000 фазановъ въ годъ. Для высиживанія же яицъ употребляются куры. Кормъ для нихъ сбѣтся тамъ же, въ Сандрингамѣ.

Сандрингамская оружейная комната можетъ служить образцемъ по разнообразію и количеству оружія.

В. Т.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Исторія города Москвы. Сочиненіе Ивана Забѣлина, написанное по порученію Московской городской думы. Часть первая. Москва. 1902.

ИЗВѢСТНЫЙ нашъ историкъ и археологъ, П. Е. Забѣлинъ, снова подарилъ русскую публику великолѣпнымъ трудомъ первостепенной важности; первая часть «Исторіи города Москвы», несмотря на свое скромное заглавіе, представляетъ собою цѣлый рядъ очерковъ древне-русской исторіи, выдающихся по интересу изложенія и по тщательной обработкѣ; положительно изумительна эта работа, свидѣтельствующая о колоссальной памяти маститаго ученаго, удерживающей всякую мелочь, и объ умѣннн изъ мелочныхъ свидѣтельствъ создать широкую, мастерски написанную картину.

Возникновеніе этой «Исторіи города Москвы» само по себѣ представляетъ занимательную исторію. Еще въ 1877 году Московская городская дума пришла къ сознанию необходимости имѣть подробное историческое описаніе Москвы; признавъ всѣ существовавшія описанія не совсѣмъ полными и удовлетворительными, думская коммисія, въ составѣ которой были такія лица, какъ П. С. Аксаковъ, П. Н. Батюшковъ, М. П. Щенкинъ, указала, что предварительно необходимо собрать всѣ пригодные къ составленію описанія матеріалы, а затѣмъ уже издать и само описаніе. Выполненіе этой работы думою было возложено на П. Е. Забѣлина, который уже и тогда пользовался извѣстностью одного изъ лучшихъ знатоковъ русской бытовой старины. П. Е. Забѣлинъ принялся за дѣло съ тою любовью и увлеченіемъ, которыя всегда характеризовали его, какъ работника; въ 1881 году онъ представилъ думѣ напечатанную и въ настоящемъ его трудѣ программу описанія Москвы: «Предполагаемая

задачи историко-археологическаго и статистическаго описанія города Москвы»; программа эта самымъ широкимъ образомъ разсматриваетъ содержаніе бытовой исторіи города; сюда входитъ и подробнѣйшая исторія городского правительства и управления, составъ населенія Москвы, его статистика, его промышленная жизнь, исторія отдѣльныхъ слободъ: иноземной, стрѣлцкой и т. д., приходовъ и ихъ населенія, монастырей, кладбищъ. Здѣсь разсматривается церковная жизнь, благотворительность, заботы о народномъ здравіи, рассказывается и о торговой дѣятельности населенія и т. д. и т. д., даже до хроники воровства и мошенничества включительно. Вслѣдъ за составленіемъ этой программы, которая сама по себѣ явилась очевидно результатомъ немалой работы, П. Е. Забѣлинъ выпустилъ въ свѣтъ два тома «Матеріаловъ для исторіи, археологій и статистики города Москвы» въ объемѣ 196 печатныхъ листовъ. Уже одно собраніе и изданіе этихъ «Матеріаловъ» представляетъ собою громадную заслугу, но съ другой стороны эта работа наглядно доказала, что, продолжая трудъ такимъ образомъ, нельзя и рассчитывать на скорое появленіе историческаго описанія Москвы. Поэтому-то уважаемый авторъ црѣшилъ измѣнить порядокъ изданія и выпустить теперь же въ свѣтъ ту часть «Исторіи города Москвы», для которой у него былъ накопленъ матеріалъ, и затѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго его накопленія, издавать прямо въ обработанномъ видѣ и стѣдующіе выпуски своего капитальнаго труда.

Содержаніе появившагося въ свѣтъ тома чрезвычайно разнообразно и интересно; по своему обыкновенію П. Е. Забѣлинъ даетъ читателю гораздо болѣе, чѣмъ обѣщаетъ на первый взглядъ заглавіе его книги; такъ, напримѣръ, III глава: «Старый городъ Кремль», заключаетъ въ своемъ составѣ небольшое, но очень обстоятельное и остроумное изслѣдованіе объ образованіи и наростаніи Московско-Русскаго государства; выдающееся вниманіе отведено при этомъ эпохѣ Іоанна III, оставившей наиболѣе видный слѣдъ и въ строительствѣ Москвы, и въ созиданіи государства Московскаго. Въ этой же главѣ встрѣчаются и грустныя страницы, повѣствующія объ «очищеніи» Кремля отъ древнихъ памятниковъ московской старины; больно читать, какъ въ 1847 году гофмаршалъ баронъ Боде, не взирая на самыя авторитетныя представленія, снесъ съ лица земли первую московскую церковь во имя св. Іоанна Предтечи; это было вызвано тѣмъ соображеніемъ, будто старый храмъ портитъ видъ на Новый Кремлевскій дворецъ изъ Замоскворѣчья; однако, когда церковь разобрали, видъ этотъ сталъ лишь еще непригляднѣе: пришлось для того, чтобъ его скрасить, поставить большую чугунную рѣшетку, а одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ древней Москвы погибъ навсегда и совершенно понапрасну; здѣсь же повѣствуется и о подвигахъ П. С. Валусева, начальника дворцоваго вѣдомства въ началѣ царствованія императора Александра I; этому другу чистоты и порядка старый Кремль внушалъ прямое отвращеніе, и ревнитель опрятности официально заявлялъ, что памятники кремлевской старины «помрачаютъ своимъ неблагообразнымъ видомъ всѣ прочія великолѣпнѣйшія зданія»; и привялись безжалостно уничтожать это «неблагообразіе». При чтеніи этихъ страницъ невольно вспоминается утвержденіе, что отношеніе народа къ остаткамъ его прошлаго свидѣтельствуетъ о степени его самосознанія: теперь мы дорожимъ малѣйшимъ

памятникомъ старины, а сентиментальная первая чертвѣрть XIX вѣка уничтожила ихъ, но вѣдь тогда насъ и нельзя было назвать русскими.

Съ большимъ интересомъ читается и IV глава, содержащая въ себѣ мѣстный обзоръ стараго Кремля. Здѣсь П. Е. Забѣлинъ тщательно слѣдитъ судьбу каждаго кремлевскаго урочища, сообщая объ нихъ множество любопытныхъ подробностей; особенно занимательны описанія старыхъ боярскихъ дворовъ; говоря объ нихъ, уважаемый историкъ сообщаетъ много цѣнныхъ замѣчаній о боярскихъ отношеніяхъ Московской Руси, дѣлающихъ знакомство съ этой главой необходимымъ не только для археолога. Видное мѣсто въ этой главѣ занимаетъ описаніе патриаршаго двора и его устройства; присовокупивъ сюда же разсказъ о домашнемъ бытѣ патриарховъ, П. Е. Забѣлинъ представилъ въ этой части своего труда въ маломъ видѣ нѣчто подобное его извѣстнымъ книгамъ о домашнемъ бытѣ русскихъ царей и царицъ.

Болѣе спеціальнымъ интересомъ отличаются двѣ первыя главы: о первобытномъ времени Московской старины и о сказаніяхъ про начало города Москвы, но и онѣ написаны живо и занимательно и читаются очень легко. Чрезвычайно подробно и остроумно разбираетъ П. Е. Забѣлинъ вопросъ о мѣстѣ первоначальнаго московскаго поселенія, исходя изъ послѣднихъ выводовъ относительно роли и значенія городскихъ поселеній въ древней Руси; особенно интересны здѣсь указанія на древніе торговые пути черезъ Суздальскую землю. Вторая глава подробно разсматриваетъ народныя сказанія о началѣ Москвы и домыслы ученыхъ, оставивавшихъ вниманіе на этомъ вопросѣ; разборъ легенды объ убіеніи князя Андрея Боголюбскаго положенъ здѣсь въ основаніе изслѣдованія. Очень любопытны также и замѣчанія о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ.

Здѣсь же поднимается вопросъ и о происхожденіи имени Москвы. Въ данномъ случаѣ можно и не соглашаться съ догадками П. Е. Забѣлина, который вмѣстѣ съ Ходаковскимъ производитъ это имя отъ «мостъ», «мостить», «мостокъ», но нельзя не сознаться, что и здѣсь уважаемый изслѣдователь привлекъ къ дѣлу много матеріала и разсмотрѣлъ вопросъ широко и разносторонне.

Внѣшность изданія книги П. Е. Забѣлина оставляетъ мало желать: къ книгѣ приложенъ одинъ изъ лучшихъ старинныхъ плановъ Кремля, напечатана она превосходно.

Остается лишь желать, чтобъ преклонныя лѣта уважаемаго Пв. Е-ча не помѣшали ему издать и продолженіе настоящаго труда, являющагося виднымъ вкладомъ въ русскую историческую науку.

М. П.—й.

П. Красовскій. Очерки юрьевскаго студента. Рига. 1902.

Странное впечатлѣніе производитъ эта книга на читателя; и если бы не предвидѣлся столѣтній юбилей Юрьевскаго университета, то мы рѣшительно отказались бы придумать, для чего она появилась на свѣтъ. (Въ юбилейной литературѣ, какъ извѣстно, встрѣчаются и не такіе перлы).

Неопредѣленное при всей своей затасканности, заглавіе книги заставляетъ предпологать, что передъ вами безыскусственные воспоминанія о прошломъ

какогонибудь мирнаго старца или, въ худшемъ случаѣ, беллетристическое произведение. Въ дѣйствительности оказывается ни то, ни другое, а какой-то винегретъ. Послѣ вступительнаго «наброска» — «Родной край», состоящаго изъ однихъ многоточій и знаковъ восклицанія, мы встрѣчаемъ библиографическій перечень чуть не сотни статей и книгъ, касающихся такъ или иначе «города студентовъ» (Юрьева), перечень, обращающій на себя вниманіе только своею удивительною безпорядочностію и не имѣющей буквально никакого значенія послѣ обстоятельной статьи профессора Е. В. Пѣтухова «Обзоръ печатныхъ матеріаловъ для исторіи Импер. Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета» (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1900 г., № 12). Очевидно, автору нужно было заполнить три лишніе листа, да еще, быть можетъ, авторъ думаетъ черезъ это сгладить нѣсколько впечатлѣніе отъ той беззащитности, съ какою онъ пользуется своею «литературою»: громадная (болѣе 300 стр.) статья «Городъ студентовъ» представляетъ собою почти сплошную цитату изъ разныхъ литературныхъ источниковъ. Въ статьѣ этой, что называется, всякаго жита по лопатѣ: много исторіи, публицистики, немало анекдотовъ и еще больше того матеріала, какимъ заполняются разные «путеводители». Отсюда мы узнаемъ, напримѣръ, такую новость, будто «пристрастіе (юрьевскихъ жителей) къ горячимъ нашивкамъ создаетъ благодарную почву для душевныхъ заболѣваній. Новопріѣзжимъ въ Юрьевѣ бросается въ глаза значительное число бродящихъ по улицамъ на свободѣ ненормальныхъ людей. Среди нихъ чаще всего встрѣчаются женщины въ странныхъ костюмахъ, съ блуждающимъ взоромъ» (стр. 36); рядомъ находимъ длиннѣйшія разглагольствованія о значеніи театра (стр. 43—48; къ счастью, тутъ большею частію цитуются слова Вѣлинскаго), о торжественной встрѣчѣ юрьевскими жителями новаго года (стр. 50—52) и т. п.

Спасибо автору нужно сказать за перепечатку нѣкоторыхъ трудно доступныхъ въ настоящее время статей по исторіи университета, напримѣръ, полемики ректоровъ Будиловича и фонъ-Эттингена. Въ остальномъ книга могла бы служить чѣмъ-то въ родѣ «путеводителя» для новопріѣзжихъ въ Юрьевъ студентовъ, въ цѣляхъ ознакомленія съ новою обстановкою, но для этой цѣли она слишкомъ дорога (2 рубля).

Помѣщенные въ той же книгѣ небольшія статьи автора: «Въ гимназій», «Очерки студенческой жизни (I. Въ университетѣ; II. Дубинкинъ; III. Она не любила его)» и «Корреспондентъ», претендуютъ быть беллетристикою, и о нихъ мы умолчимъ.

Д. З.—никъ.

Русскія народныя картинки. Изданіе перваго дамскаго художественнаго кружка. Спб. 1902.

Въ прошломъ году при первомъ дамскомъ художественномъ кружкѣ была избрана особая редакціонная комиссія, подъ предѣлательствомъ А. В. Сабанѣевой, для выработки программы изданія художественныхъ картинокъ для народа, которыя могли бы замѣнить и изгнать изъ обращенія антихудожественныя и часто вредныя по своему направленію картины, распространяемыя среди

народа невѣжественными «лубочными» издателями. Въ составъ комиссiи, кромѣ художниковъ, вошли и представители главнаго управленiя неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, г. товарищъ министра финансовъ В. Н. Коковцовъ, А. А. Шумахеръ и В. В. Сабанинъ. Министерство финансовъ субсидировало 3.000 р. на изданiе картинъ и предложило для распространенiя изданiя продавать картины въ чайныхъ и столовыхъ попечительствѣхъ о народной трезвости и въ казенныхъ винныхъ лавкахъ. Такимъ образомъ, объ этихъ картинахъ и важномъ значенiи ихъ для народа говорили очень много и долго, готовившемуся изданiю, повидимому предначалась, честь нанести сильный ударъ всѣмъ «лубочнымъ» издателямъ, внести свѣжую струю въ искусство для народа, даже реформировать это несчастное искусство. Поэтому тѣмъ большiя требованiя можемъ мы предъявить къ этому изданiю «лубочныхъ» картинъ новаго характера, первая серiя которыхъ вышла теперь въ свѣтъ и, благодаря выставкѣ дамскаго художественнаго кружка, даже начала быстро распространяться. Для того, чтобы новыя картинки вытѣснили старыя, нежелательныя картинки, нужно прежде всего, чтобы онѣ могли вытѣснить, а для этого, во-первыхъ, новыя картины должны быть дешевле прежнихъ, во-вторыхъ, чтобы онѣ не отступали на первое время отъ излюбленныхъ народомъ сюжетовъ, но трактовали ихъ въ болѣе художественной и правдивой формѣ. Посмотримъ, что далъ теперь народу дамскiй художественный кружокъ, насколько его изданiе интересно для народа, и можетъ ли оно такимъ образомъ вытѣснить изъ употребленiя излюбленныя народомъ, дешевыя «лубочныя» картинки, иначе говоря, насколько этотъ альбомъ отвѣчаетъ ожиданiямъ общества и симпатичнымъ дѣламъ кружка. Прежде всего—о цѣнѣ. Стоимость альбома—75 к., т. е., при одной двухлистовой картинѣ, выходитъ почти 7 к. за картину формата немного меньше листовой хромолитографiи, оптовая цѣна которой—35 р. за 1.000, а розничная 5—6 коп. за экземпляръ. Теперь о сюжетахъ. Въ первую серiю вошли слѣдующiя картины: 1) И. Вилибина,—Ширь у князя Владимира, 2) М. Езучевскаго—Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ, 3) Н. Бартрама—Добрыня Никитичъ и Змѣй Горыничъ, 4) его же—Отчего перевелись богатыри на Руси, 5) М. Езучевскаго,—Куликовская битва, 6) И. Вилибина,—Осада Свято-Троицкой лавры, 7) И. Ковалевскаго,—Молбенъ передъ Бородинскимъ боемъ, 8) его же—Оборона Севастополя (смерть вице-адмирала Корнилова), 9) Θ. Бернштама—Ипатьевскiй монастырь, 10) Зарубина—Успенскiй монастырь и «Святая горы». Всего 10 картинъ, изъ коихъ 1 двухлистовая (Куликовская битва). Какъ мы видимъ, былинамъ отведено 4 сюжета, русскои исторiи 4 и русскимъ историческимъ мѣстностямъ 2.

Первая ошибка дѣятелей кружка состоитъ въ томъ, что они забыли о двухъ родахъ любимыхъ народомъ сюжетовъ: о царскихъ портретахъ и о духовныхъ картинахъ. Какая масса царскихъ изображенiй распространяется въ народѣ, но какъ все это конщунственно далеко отъ истины, и можно глубоко жалѣть, что кружокъ въ первомъ же выпускѣ не далъ художественныхъ портретовъ августѣйшей семьи. Что касается картинъ духовнаго содержанiя, то здѣсь представляется широкое поле для издателей: библейскiя событiя, житiя,

изображенія святыхъ по лицевымъ подлинникамъ, наконецъ лицевыя молитвы всегда найдутъ въ народѣ большой сбытъ.

Далѣе, альбомъ вышелъ какъ разъ въ промежутокъ между двумя чествованіями русскихъ поэтовъ: днями Гоголя и Жуковского. При нашей бѣдности лубочныхъ иллюстрацій къ русскимъ писателямъ было бы весьма кстати помѣстить въ 1-мъ выпускѣ хотя по 1 сводной иллюстраціи къ нѣсколькимъ произведеніямъ чествуемыхъ поэтовъ. Вспомнимъ подобныя изданія Сытина. Иллюстраціи къ русскимъ былинамъ, съ которыхъ начинается альбомъ кружка, и къ сказкамъ составляли издавна любимыя народомъ сюжеты, но въ старыя времена при нихъ печатались тексты цѣликомъ, а отдѣльныя сцены съ нѣсколькими выхваченными изъ текста стихами мало говорятъ простолыдину. Недурна по идеѣ и по выполненію первая картина «Пиръ у князя Владимира». Жаль только, зачѣмъ при нестротѣ красокъ на всю картину наложенъ такой темный, выцвѣтшій тонъ, чѣмъ страдаютъ и нѣкоторыя другія картины разсматриваемаго выпуска, что противорѣчитъ характеру русскаго лубка, предпочитающаго яркіе цвѣта. Картина г. Езучевскаго «Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ» прямо поражаетъ зрителя неряшливостью исполненія. Почему Соловей Разбойникъ изображенъ нагимъ? Иллюстраціи стараго времени къ Ильѣ Муромцу, при всей ихъ наивности, имѣли то достоинство, что всѣ фигуры были отчетливы и понятны, а Соловей Разбойникъ сидѣлъ на деревѣ въ одеждѣ и даже въ шапкѣ. На 3-й картинѣ «Добрыня Никитичъ и Змѣй Горыничъ» ни словомъ не объяснено значеніе послѣдней сцены (толпа освобожденныхъ Добрыней людей выходитъ изъ пещеры).

Вмѣсто малоознакомой былинны «Отчего перевелись богатыри на Руси» лучше бы дать былинну объ Юрусланѣ Лазаревичѣ или одну изъ сказокъ (напримѣръ, объ Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ). Событія русской исторіи — тоже любимыя народомъ сюжеты, но вотъ удивительно, что ни войны съ татарами, ни славное время Петра Великаго, ни 1812 годъ, ни оборона Севастополя, ни даже китайскія событія послѣдняго времени не дороги такъ для народа, какъ русско-турецкая война 1877—1878 годовъ. Эта безсмертная эпопея попрежнему преимущественно интересуется народъ и переиздается въ массѣ экземпляровъ десятки разъ. Поэтому напрасно кружокъ для перваго выпуска не далъ ни одной картины изъ этой войны.

Переходя затѣмъ къ видамъ, мы должны замѣтить, что не русскіе города и монастыри, а только гору Аѳонъ и Іерусалимъ можно назвать всероссійскими лубочными сюжетами, прочія же мѣстности имѣли всегда интересъ почти исключительно для мѣстныхъ уроженцевъ. Еще одно замѣчаніе. Объяснительные тексты подъ картинами должно печатать на бѣломъ фонѣ крупными буквами. Легко ли прочесть малограмотному крестьянину мелкій текстъ на полотнѣ сѣромъ фонѣ, какъ, напримѣръ, на картинѣ «Осада Свято-Троицкой лавры»? Въ заключеніе пожелаемъ кружку полного успѣха въ дальнѣйшихъ выпускахъ, дабы дѣйствительно миновало господство невѣжественныхъ лубочныхъ издателей; вѣдь не безотрадно же положеніе лубочной картины, вѣдь было же время, когда Л. Толстой писалъ текстъ, а Рѣпинъ, Микѣшинъ и другіе талантливые художники давали для этого несчастнаго лубочнаго иску-

ства шедевры своей работы. Пожелаемъ еще, чтобы цензура строже взглянула на значеніе и вліяніе народной картины и совершенно не допускала къ выпуску картинъ съ вреднымъ направлениемъ. Безъ официальной помощи никакая борьба со зломъ невозможна.

А. Э. Мальмгрень.

Н. К. Козминъ. Изъ исторіи русской литературы тридцатыхъ годовъ (Н. А. Полевой и А. И. Герценъ). Спб. 1902.

Небольшая (29 стр.) статейка г. Козмина, напечатанная въ академическомъ журналѣ, посвящена эпизоду отношеній между Герценомъ и Полевымъ. До своей высылки въ Вятку Герцену приходилось встрѣчаться и вести жаркіе споры съ Полевымъ. Понятно, что убѣжденія журналиста, поборника эклектической теоріи Кузена, и молодого сень-симониста Герцена расходились кореннымъ образомъ. Личныя отношенія смѣнились письменными сношеніями. Изъсылки Герценъ прислалъ Полевому свою статью о Гофманѣ, но совершенно неожиданно для нихъ обоимъ статья эта появилась въ «Телескопѣ». По милости недоразумѣнія произошло объясненіе, и сношенія порвались. Не возстановились они и по возвращеніи Герцена изъ Вятки. Вовсе не за Гофмана сердился въ это время Герценъ на Полевого; это было время «Параши Сибирячки», время общественнаго паденія Полевого.

О своихъ отношеніяхъ къ Полевому рассказалъ самъ Герценъ въ своихъ запискахъ и въ «Полярной Звѣздѣ». Вся цѣнность статьи г. Козмина въ томъ и заключается, что онъ извлекъ изъ сочиненій Герцена весь историко-литературный матеріалъ и ввелъ его въ обиходъ. Но онъ не ограничилъ своей задачи извлеченіемъ матеріала: онъ устроилъ еще обстановочку, или, другими словами, далъ ученый комментарий по всѣмъ правиламъ искусства, уснастивъ свою статью достаточнымъ количествомъ ссылокъ, сносокъ, примѣчаній и цитатъ. По поводу взглядовъ Полевого г. Козминъ изложилъ кратко-кратко теорію Кузена; сказавъ о Герценѣ, что онъ былъ сень-симонистъ, г. Козминъ счелъ необходимымъ дать крошечное изложеніе всего на одной страничкѣ взглядовъ Сень-Симона въ самой общей формѣ и въ примѣчаніи сослался на дѣльныхъ три книги о сень-симонизмѣ, тогда какъ все это изложеніе свободно можно было составить по одной статьѣ «Словаря» Брокгауза и Ефрона. По поводу Гофмана, г. Козминъ привелъ изъ извѣстныхъ книгъ г. Пышина и Анненкова данныя, свидѣтельствующія объ извѣстномъ увлеченіи этимъ писателемъ въ тридцатыхъ годахъ. То же самое онъ сдѣлалъ относительно Жоржъ-Зандъ. Заспоривъ о статьѣ Герцена, посвященной Огареву, г. Козминъ въ сноскѣ обязательно сообщаетъ: «поэтъ-эмигрантъ». Когда рѣчь коснулась Герцена, г. Козминъ и тутъ далъ небольшія поясненія, сказавъ, что «личность автора «Былого и думъ», оставившаго столь живыя воспоминанія о дняхъ юности, не менѣе интересна, чѣмъ его произведеніе». Самъ г. Козминъ, очевидно, очень осторожный изсѣдователь, не оставляющій ни одной своей фразы безъ ссылки на какіе либо источники, но эта фраза объ интересѣ личности Герцена принадлежитъ ему самому и, представьте себѣ, не скрѣплена никакими ссылками! Ему же принадлежитъ замѣчаніе по поводу приведеннаго имъ свидѣтельства Анненкова о не-

обыкновенныхъ знаніяхъ Герцена, вызывавшихъ дѣйствительно удивленіе знавшихъ Герцена. Г. Козминъ критически замѣчаетъ: «положимъ, въ студенческую пору капиталъ свѣдѣній еще не могъ быть такъ великъ, какъ въ позднѣйшее время». Несомнѣнно, Герценъ-зрѣлый человѣкъ знаетъ больше, чѣмъ Герценъ-юноша, но суть-то въ томъ, что уже у юноши былъ дѣйствительно огромный капиталъ свѣдѣній: это общезвѣстно.

Мы не стали бы говорить такъ много о статьѣ г. Козмина, если бы она не была напечатана въ ученомъ журналѣ и не представляла любопытнаго образчика «манеры ученаго изслѣдованія», которую нельзя иначе назвать, какъ обстановочной ученой работой, и которая иногда закрываетъ отъ авторовъ истинныя цѣли научнаго знанія и суть истинной научной работы. Мы считали нужнымъ обратить вниманіе именно на приемы изслѣдованія, которые не обѣщаютъ большихъ результатовъ.

П. Щ.

Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга IV. Съ приложеніемъ одного автографа и 11 портретовъ. Губернскій городъ Владимиръ. 1902.

Изученію прошлаго Владимирской губерніи посвящали свой трудъ довольно многіе и видные мѣстные историки. Въ числѣ ихъ есть немало лицъ, пользующихся и всеобщою извѣстностью, каковы, напримѣръ, К. Тихонравовъ, Артлебенъ, Борисовъ, іеромонахъ Іоасафъ, Стромилловъ и др. Многочисленныя работы ихъ открываютъ мѣстную исторію въ значительно болѣешемъ объемѣ по сравненію съ тѣмъ, что мы знаемъ о прошломъ громаднаго большинства нашихъ губерній. И тѣмъ не менѣе недавно начавшая свою дѣятельность учена архивная комиссія во Владимирѣ въ каждой своей новой книжкѣ «Трудовъ» даетъ намъ множество новаго еще никѣмъ неиспользованнаго матеріала и такимъ образомъ представляетъ широкое поле для новыхъ работъ будущимъ историкамъ не только мѣстнымъ, но даже и всей Россіи. Я уже не разъ подробно останавливался на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», указывая на обильное и цѣнное содержаніе прежнихъ книжекъ «Трудовъ» Владимирской комиссіи. Тѣмъ же цѣннымъ обиліемъ содержанія отличается и четвертая только что вышедшая въ свѣтъ книжка «Трудовъ», по поводу которой я и буду говорить теперь съ тѣмъ болѣешимъ удовольствіемъ, что «Труды Владимирской архивной комиссіи» представляютъ счастливое исключеніе среди «Трудовъ» и «Извѣстій» прочихъ 19 комиссій.

Во главѣ отдѣла «Сообщенія» въ разсматриваемой нами четвертой книжкѣ помѣщена статья священника М. А. Сперанскаго—«Древнія гробницы Георгіевской церкви въ губернскомъ городѣ Владимирѣ», гдѣ рѣчь идетъ о гробницахъ матери и брата св. Александра Невскаго—великой княгини Θεодосіи, въ иночествѣ Евфросиніи, и князя Θεодора. Вопросъ о томъ, гдѣ въ дѣйствительности были погребены вышеназванные князь и княгиня, оставался нерѣшеннымъ до сего дня. Надписи на гробницахъ, лѣтописныя и другія свидѣтель-

ства заставляли историковъ въ рѣшеніи этого вопроса раздѣляться на два лагера. Одни признавали, что княгиня Евфросинія и князь Феодоръ погребены въ Георгіевской церкви во Владимирѣ, а другіе (большинство)—въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ. Въ 1900 г. членами Владимирской архивной коммисіи предпринято было «обслѣдованіе» гробницъ Георгіевской Владимирской церкви, которое обнаружило, что одна гробница была совершенно пустая, а во второй оказались кости скелетовъ женскаго и младенца, но положеніе послѣднихъ было иное, чѣмъ описывается въ лѣтописи, и приписать ихъ кому либо вѣтъ возможности. Провѣривъ и сопоставивъ затѣмъ всѣ свидѣтельства лѣтописныя и другія, священникъ М. А. Сперанскій пришелъ къ окончательному и, какъ намъ кажется, совершенно правильному выводу, что княгиня Феодосія и князь Феодоръ дѣйствительно погребены въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ, и что происхожденіе надписей на гробницахъ Георгіевской церкви во Владимирѣ будто бы погребенныхъ въ нихъ князя и княгини слѣдуетъ приписать исключительно желанію владимирцевъ опредѣлить такъ или иначе, чьи гробницы въ Георгіевской церкви. «Пользуясь тѣмъ,—говоритъ авторъ,—что лѣтописи, кромѣ Никоновской, не называютъ города, гдѣ погребена княгиня Феодосія, а называютъ лишь Юрьевъ монастырь, они и положили, что княгиня, хотя и умерла въ Новгородѣ, но, какъ супруга великаго князя, погребена во Владимирѣ. И такъ какъ лѣтописи говорятъ, что княгиня-мать погребена «сторонь» сына своего Феодора въ Георгіевскомъ монастырѣ, то и о князѣ Феодорѣ рѣшили, что и онъ погребенъ во Владимирѣ. Вислѣдствіи это мнѣніе могла поддерживать Степенная книга, на основаніи которой, можетъ быть, сдѣланы и надписи надгробныя, дѣлалось и сообщеніе Владимирской консисторіи въ синодъ и отъ губернатора Н. М. Карамзину» (стр. 26).

Въ слѣдующей по порядку статьѣ—«Надгробная надпись на могилѣ А. Ягужинской (историческій экскурсъ по поводу ея)»—А. П. С—въ, на основаніи матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ Переславскаго Феодоровскаго женскаго монастыря, сообщаетъ нѣсколько новыхъ данныхъ о бракоразводномъ дѣлѣ извѣстнаго Петровскаго дѣятеля П. И. Ягужинскаго съ супругою Анною Феодоровною, урожденною Хвостовой, и объ ея житѣ въ названной обители. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія вносятъ серіозную и необходимую поправку къ статьѣ А. П. Барсукова, напечатанной въ «Памятникахъ новой русской исторіи, изд. Кантеревымъ», т. III, ч. 3.

Затѣмъ представляютъ нѣкоторый интересъ статьи: Н. Чебышева—о пребываніи А. И. Герцена во Владимирѣ (1838—1840) и А. В. Смирнова—«Изъ общественной жизни города Владимира» (разсказывается о томъ переполохѣ и смущеніи гражданъ города Владимира, которые они пережили въ 1827 году по поводу найденныхъ въ гражданской палатѣ двухъ конвертовъ съ стихотворными «буйными пасквилями», воспѣвающими свободу. Усердіе не по разуму чиновныхъ разслѣдователей автора ихъ было прекращено лишь высочайшею властью).

Въ отдѣлѣ «Матеріалы» обращаетъ непрежнему наибольшее вниманіе «Опись дѣлъ архива Владимирскаго губернскаго правленія. Дѣла канцеляріи владимирскаго губернатора», за 1797—1799 годы. Составитель ея, А. В. Се-

ливановъ, выписавъ заглавія дѣлъ, сообщаетъ подробно всю сущность и ходъ ихъ и приводитъ довольно подробныя цитаты, наиболѣе интересныя въ бытовомъ отношеніи. Особенно любопытными и подробными изъ описанныхъ дѣлъ являются: 1) «Объ учиненіи единообразнаго положенія, какимъ образомъ вообще претерпѣвающимъ злоключенія отъ поджоговъ и другихъ общественныхъ несчастій въ обезпеченіе каждаго въ своемъ имуществѣ возможно было бы получить пособіе» (приводится цѣлый рядъ рапортовъ городскихъ магистратовъ и ратушъ) и 2) «Дѣло о невинности крестьянъ села Мугрѣва съ деревнями, Гороховской округи, Владимирской губерніи, своему помѣщику, подполковнику Ивану Аванасьевичу Гончарову», родному дѣду жены А. С. Пушкина.

Далѣе находимъ «Разборъ и описаніе дѣлъ Переславскаго духовнаго правленія» (составилъ М. В. Загорскій), которыя по своему содержанію весьма разнообразны и касаются исторіи всей Переславской епархіи, Переславскаго духовнаго училища, построенія церквей, раскольническихъ сектъ, духовенства и многого другого; «Свѣдѣнія объ архивѣ бывшаго Муромскаго духовнаго правленія», сообщенныя Н. П. Травчатовымъ; замѣтку М. С. Померанцева «объ учрежденіи во Владимирскомъ намѣстничествѣ ярмарокъ и базарныхъ дней»; «Опись, учиненную вдовы подполковницы Парасковьи Семеновой дочери Хоненевои движимому имѣнію, состоящему въ селцѣ Полховѣ, 1780 года, января 14 дня» (сообщилъ и снабдилъ примѣчаніями П. Г. Левкоевъ; по этой описи можно составить нѣкоторое представленіе о характерѣ жизни средней руки помѣщика конца XVIII вѣка и о его домашнемъ бытѣ); «Письма Аркадія, архіепископа олонецкаго и петрозаводскаго, къ причту погоста Дмитріевскаго въ Покровскомъ уѣздѣ» (имѣеть болѣе автобіографическое значеніе) и «Отдѣленіе архива старыхъ дѣлъ Владимирской духовной консисторіи». Очень важныя и цѣнныя въ историческомъ, біографическомъ, этнографическомъ и бытовомъ отношеніяхъ матеріалы, заключающіеся въ этихъ дѣлахъ (за 1770—1817 гг.), долгое время, по словамъ священника В. П. Плынскаго, лежали въ беспорядкѣ и сырости въ зданіи монастырской колокольни и только очень недавно, благодаря преосвященному Сергію, были перенесены въ его домъ и подвергнуты рассмотрѣнію.

Пронуская, наконецъ, отдѣлъ «Хроники», по обыкновенію, наполняемый преимущественно библиографическими замѣтками о сочиненіяхъ, касающихся исторіи и археологіи Владимирскаго края, и краткими некрологами, остановимся нѣсколько на «Приложеніяхъ», а именно на «Историческомъ обзорѣ г. Мурома» А. А. Титова и «Портретной галлерей уроженцевъ и дѣятелей Владимирской губерніи» (вып. 2-й, сост. А. В. Смирновъ). Купецъ по происхожденію, извѣстный своею обширною дѣятельностью какъ торговопромышленною, такъ и общественною (былъ ратманомъ, бургомистромъ и городскимъ головою), А. А. Титовъ находилъ время и для веденія своихъ «лѣтписанныхъ записокъ» и оставилъ довольно цѣнную исторію г. Мурома, которая, благодаря поправкамъ и дополненіямъ г. Добрынкина, является однимъ изъ лучшихъ пособій по исторіи этого города.

Въ «Портретной галлерей» даются краткія біографическія свѣдѣнія съ портретами—о іеромонахѣ Іоасафѣ, М. П. Алякринскомъ, Н. М. Меморскомъ,

П. А. Голышевъ, М. П. Херасковъ, К. А. Веселовскомъ, А. П. Сервицкомъ, Н. С. Стромилловъ, Я. В. Смирновъ и П. В. Романовскомъ. Жаль только, что въ этихъ біографіяхъ сообщаются черезчуръ скудныя данныя о трудахъ писателей.

В. Рудаковъ.

Къ антропологіи лезгинъ. К. Курдовъ. Москва. 1902.

Дагестанъ—эта «гора языковъ», по словамъ арабскихъ писателей, до настоящаго времени привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Было нѣсколько попытокъ выяснитъ этнической составъ Дагестана на основаніи лингвистическихъ данныхъ. Теперь приходитъ на помощь антропологія для разсмотрѣнія этого же вопроса. Авторъ названной статьи пользуется въ этихъ видахъ собственными антропологическими наблюденіями и изслѣдованіями, произведенными надъ южно-дагестанскими горцами, относимыми въ кюринскую группу. Изслѣдованіе его ограничивается кюринцами Самурскаго округа. Онъ описываетъ образъ жизни кюринцевъ, ихъ одежду, пищу, занятіе (хлѣбонашество, садоводство, скотоводство) и затѣмъ сообщаетъ свѣдѣнія объ антропологическихъ измѣненіяхъ кюринцевъ, собранныя по программѣ антропологическаго отдѣла Московскаго общества естествознанія. По его даннымъ, собраннымъ на основаніи измѣреній 132 субъектовъ, кюринцы отличаются короткоголовостью, принадлежатъ они къ черноволосымъ, преобладаетъ между ними типъ брюнетическій, являются они рослымъ, стройнымъ народомъ съ вполне развитой здоровой грудной кѣткой. Голова покрыта прямыми (рѣдко курчавыми), темными по цвѣту, волосами. Лицо у нихъ, широкое въ верхней части, книзу суживается, съ открытымъ, широкимъ и прямымъ лбомъ, смуглое, выразительные, темные глаза и прямой (рѣдко горбатый) носъ средней величины. Судя по главнымъ физическимъ признакамъ, кюринцевъ можно отнести къ представителямъ какой-то одной расы, сохранившейся и по сію пору въ довольно чистомъ видѣ. Это уже а priori можно было предположить на основаніи знакомства съ орографіей мѣстности Самурскаго округа. Здѣсь гора громоздится на гору съ глубокими, дикими ущельями, и съ юга все это заштрапается Кавказскимъ хребтомъ. При такомъ характерѣ мѣстности не могли совершаться свободныя движенія народовъ, а слѣдовательно не могло происходить и смѣшеніе. Авторъ, отмѣчая относительно большую чистоту кюринцевъ въ антропологическомъ отношеніи, признаетъ извѣстную долю метисаціи, которую претерпѣли кюринцы. Основываясь на историческихъ данныхъ, мы знаемъ, что въ VIII в. въ Дагестанъ явились арабы и распространили здѣсь магометанство; съ другой стороны, принимая во вниманіе преданія самихъ горцевъ о своихъ предкахъ, нужно заключить, что еще до распространенія ислама по Дагестану, особенно южному, уже были разбросаны селенія горскихъ евреевъ. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ евреи живутъ вмѣстѣ съ туземцами. Поэтому авторъ приходитъ къ выводу, который дастъ ему право предпологать метисацію кюринцевъ съ евреями. Одна часть евреевъ, такъ называемыхъ «откенизмъ», къ которой принадлежатъ и горскіе евреи Кавказа, отличается характерными физическими чертами, которыя сближаютъ ихъ съ кюринцами.

Выяснить степень и предѣлы самой метисаціи пока невозможно, въ виду отсутствія антропологическихъ изслѣдованій среди горскихъ евреевъ. Нельзя не пожелать, чтобы антропологія кавказскихъ народностей обратила вниманіе изслѣдователей и вступила на путь научныхъ изысканій, въ которыхъ она настоятельно нуждается. Эта юная наука выяснитъ, быть можетъ, многое изъ того, что пока представляется намекомъ при изученіи многоязычнаго Кавказа.

А. Хахановъ.

Н. Е. (Н. Е. Кудринъ). Очерки современной Франціи.
Спб. 1902.

Талантливый публицистъ, корреспондируя изъ Франціи въ теченіе шести лѣтъ, изучившій по волю судьбы не только внѣшнюю французскую жизнь, но и психологическую ея сторону, собралъ всѣ выдающіяся изъ своихъ писемъ и, имѣя въ своемъ распоряженіи такой обширный матеріалъ, попытался въ настоящей книгѣ нарисовать намъ картину современной Франціи. Преслѣдуя въ своихъ письмахъ, печатавшихся раньше отдѣльно въ «Русскомъ Богатствѣ», одну цѣль— «останавливаться на дѣящихся явленіяхъ французской жизни», а не на мимо-летныхъ ея фактахъ, авторъ анализировалъ эти явленія съ исторической, экономической и политической точекъ зрѣнія. Для насъ же знакомство съ этими явленіями имѣетъ то значеніе, которое лучше всего можно формулировать словами же Н. К., что Франція — это «страна великихъ соціологическихъ опытовъ, упорно и страстно ищущая, — несмотря на свои ошибки, увлеченія и разочарованія, — практическіе пути къ лучшему будущему всего человѣчества». Накопившійся матеріалъ авторъ сгруппировалъ въ отдѣльныя категоріи, чтобы такимъ образомъ каждый этюдъ имѣлъ законченный видъ и по возможности освѣщать разныя стороны разсматриваемаго явленія. Такимъ образомъ получилось четыре законченныхъ этюда: народъ и его характеръ, общественные классы, наука, литература и печать, борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ. Первый этюдъ разсматриваетъ «психологію француза», какъ личности индивидуальной и общественной, а также и психологію отдѣльныхъ экономическихъ классовъ и отличительныя черты характера, склада ума француза отъ другихъ цивилизованныхъ народовъ. Изъ «общественныхъ классовъ» авторъ больше всего удѣляетъ мѣста французскому крестьянству и идеаламъ четвертаго сословія, проводя параллель между земледѣльческой и промышленной Франціей, при чемъ всѣ свои экономическіе выводы дѣлаетъ не на основаніи личныхъ впечатлѣній, а основываясь на точныхъ статистическихъ данныхъ, которыя и приводитъ въ соответствующемъ мѣстѣ. Болѣе доступнаго по изложенію и по оригинальности мысли описанія выдающихся явленій французской жизни читатель едва ли найдетъ въ современной русской литературѣ. Но все же это очерки и при томъ съ индивидуальнымъ освѣщеніемъ, что, конечно, нельзя поставить въ вину автору, но что иногда уноситъ его за предѣлы дѣйствительности. Въ послѣднемъ этюдѣ авторъ затрогиваетъ общевропейскій вопросъ — антисемитизмъ, при чемъ въ основаніи этого вопроса лежитъ дѣло Дрейфуса.

П. Ж.

Матеріалы военно-ученаго архива. Картографическіе матеріалы. Выпускъ I. Карты Россіи 1614 г.: 1) Гесселя Герарда и 2) П. Дейриарда. Изслѣдованіе А. Даниловскаго. Спб. 1901.

Подъ этимъ заглавіемъ г. Даниловскій опубликовалъ два варианта давно уже извѣстной карты Гесселя Герарда, помѣщенной еще покойнымъ Устряловымъ въ его «Сказаніяхъ современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ» въ приложеніи къ запискамъ Маржерета. Г. Даниловскій присовокупилъ къ этимъ картамъ небольшой разъяснительный текстъ, который распадается на двѣ части: вторая представляетъ собою 3 таблицы, свидѣтельствующія, какую кропотливую работу продѣлалъ издатель надъ обѣими картами; таблица I даетъ алфавитное указаніе всѣхъ названій, нанесенныхъ на обѣ карты, съ указаніемъ градусовъ широты и долготы; II—приводитъ названія карты Герарда, не имѣющіяся на картѣ Дейриарда, и III—наоборотъ. Первая часть текста даетъ краткое описаніе обѣихъ картъ и нѣкоторыя указанія на ихъ исторію; эта часть текста представляется работою довольно невдержанною, не свободною мѣстами отъ промаховъ. Эти промахи главнымъ образомъ происходятъ отъ не точной передачи латинскихъ или нѣмецкихъ текстовъ на русскій языкъ и иногда удивляютъ своею наивною. Передавая, напримѣръ, заимствованный у Герберштейна титулъ московскаго государя, г. Даниловскій переводитъ слово *Basilius* словомъ царь; далѣе, когда нѣмецкій текстъ говоритъ, что русскіе монахи считаютъ своимъ патрономъ св. Василія Великаго, переводчикъ тоже говоритъ о царѣ. *Basilius und Nazianzenus* подлинника превратились въ какого-то безмысленнаго Василія Націанскаго. Мѣстами переводчикъ произвольно мѣняетъ орфографію или интерпункцію, что измѣняетъ и смыслъ, такъ, напримѣръ, московскій Скородомъ у него превратился въ Скородумъ, изъ великаго князя Новагорода Низовскія земли, т. е. Нижняго Новгорода, онъ дѣлаетъ государя Новагорода Низовскія земли и пр. Иногда даже въ русскомъ переводѣ г. Даниловскаго являются реченія, отсутствующія въ передаваемомъ текстѣ: такъ на стр. 20 мы не нашли, откуда взялась Тверь въ русскомъ переводѣ царскаго титула; на стр. 24 нѣмецкій подлинникъ не даетъ глагола «мигнуть», очень некстати вкрадшагося въ русскій переводъ.

Въ общемъ брошюрка г. Даниловскаго не представляетъ собою замѣтнаго явленія въ русской исторической литературѣ. Карта Гесселя Герарда уже была не разъ издана, карта Дейриарда, несмотря на свои противъ нея отмѣны, не представляетъ собою ничего существенно важнаго, текстъ избилуетъ промахами, заставляющими очень осторожно пользоваться этимъ изданіемъ.

М. П. —й.

Е. Булгакова. Изъ жизни средневѣковаго ремесленника. Москва. 1902.

Появленіе въ свѣтъ популярнаго книжъ, преслѣдующихъ общеобразовательную цѣль и въ особенности по такимъ вопросамъ, которые имѣютъ общій интересъ безъ различія специальностей, всегда встрѣчается съ полнымъ довѣ-

риемъ и ими охотно пользуется «широкій кругъ читателей». Не такъ любезно относятся къ читателю авторы большинства такихъ книгъ и главнымъ образомъ тѣ, которые, не имѣя способности и знаній написать что либо свое, пользуются въ широкихъ размѣрахъ тѣмъ приемомъ, который называется компиляціей. Конечно, не рѣдко встрѣчаются и очень талантливые компилянты, которые остроумно пользуются имѣющимся у нихъ матеріаломъ, но къ нимъ мы не можемъ отнести г-жу Булгакову, которая, пользуясь обширной литературой (судя по приведенному въ концѣ книги списку) на четырехъ языкахъ, попыталась на десяти печатныхъ листахъ «представить исторію ремесленнаго сословія въ средніе вѣка, начиная съ момента возникновенія цеховъ и кончая ихъ распаденіемъ въ трехъ странахъ: Англій, Франціи и Германіи». Сомнительно, чтобы описаніе такого важнаго явленія въ жизни народовъ, имѣвшаго общественное, историческое, политическое и экономическое значеніе, можно было умѣстить на десяти печатныхъ листахъ, да еще иллюстрировать текстъ 23 рисунками... Но, можетъ быть, авторъ обладаетъ прекраснымъ компилятивнымъ талантомъ?.. Прочитавъ данную книгу, этого сказать нельзя. Прежде всего г-жа Булгакова не имѣетъ опредѣленнаго взгляда на тотъ вопросъ, которому посвящена ея книга, и у нея поэтому получилась «исторія вообще», гдѣ историческая, политическая и экономическая части въ развитіи ремесль настолько перепутываются между собою, что получается какой-то пересказъ, изъ котораго у читателя остаются нѣкоторыя отдѣльныя мѣста, относящіяся къ тому, что гдѣ-то кому-то и почему-то жилось плохо, кто-то за что-то кого-то билъ и т. д. въ этомъ родѣ.

Историческое значеніе ремесленниковъ объяснено довольно сносно, но экономическое — слишкомъ сжато, и всегда о немъ упоминается какъ бы между прочимъ. Гораздо лучше изображена бытовая сторона ремесленнаго сословія, гдѣ авторъ болѣе подробно остановился на положеніи мастера, подмастерья, ученика и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но этого, къ сожалѣнію, нельзя поставить автору въ заслугу, ибо взрослому человѣку не изложить простого описанія было бы непростительно.

Послѣдняя глава, посвященная упадку средневѣковой цеховой промышленности, написана болѣе талантливо, и ее всякій прочтетъ съ большимъ интересомъ.

В. I.

**Сочиненія Василія Васильевича Селиванова. Томы I и II.
Владимиръ на Клязьмѣ. 1902.**

Изданные подъ редакціей и съ примѣчаніями А. В. Селиванова два тома произведеній его отца, весьма безызвѣстнаго писателя 1850—1860-хъ годовъ, и въ настоящее время представляютъ значительный интересъ. Въ свое время В. В. Селивановъ помѣщалъ свои произведенія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; теперь же они являются въ единомъ сборникѣ, и между ними встрѣчаются такія, которыя не были еще въ печати.

Начавъ свою службу въ драгунскомъ Казанскомъ полку унтеръ-офицеромъ, семнадцати лѣтъ отъ роду, В. В. Селивановъ на другой же годъ долженъ былъ

участвовать въ усмиреніи польскихъ повстанцевъ (1831 г.). Отець его былъ тоже военный, и потому у него сохранилось множество воспоминаній о бытѣ дворянъ офицеровъ за конецъ XVIII ст. и начало XIX-го. Съ 1844 по 1857 годъ. В. В. Селивановъ проживалъ въ своемъ имѣннй селѣ Любавѣ Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи, занимаясь хозяйствомъ, а также изученіемъ исторіи и археологіи края; къ этому же времени относится и большая часть его литературныхъ произведеній. Въ 1860-хъ годахъ В. В. Селивановъ предался земской дѣятельности и на этомъ поприщѣ стяжалъ себѣ славу покровителя и защитника крестьянъ. Скончался онъ въ 1875 г.

Въ первый томъ сочиненій его вошли 1) «Преданія и воспоминанія» (напечатанныя впервые въ журналѣ «Историческая Библиотека»), 2) «Т. Н. Грановскій» (первоначально въ «Русской Старинѣ» за 1878 г., томъ XX), 3) «Изъ давнихъ воспоминаній» (первоначально въ «Русскомъ Архивѣ» за 1869 г.) и 4) «Записки офицера въ Вознесенскомъ походѣ 1837 года», имѣющія автобиографическое значеніе и напечатанныя впервые въ «Рязанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1892 г.

«Преданія и воспоминанія» занимаютъ почти весь первый томъ и являются самыми интересными среди очень многихъ произведеній подобнаго рода. Они ярко и правдиво рисуютъ помѣщичій бытъ Рязанской и смежныхъ съ нею губерній за конецъ XVIII и первую половину XIX вв., сообщаютъ немало подробностей о многихъ выдающихся личностяхъ того времени (Архаровъ, отцѣ А. П. Ермолова, Ѳ. Н. Глинкѣ, писателѣ князѣ Шаховскомъ и другихъ) и заключаютъ небезынтересныя подробности о войнѣ 1831 г. съ польскими повстанцами.

Весьма любопытна также и статья В. В. Селиванова о Т. Н. Грановскомъ, съ которымъ онъ вмѣстѣ воспитывался въ пансіонѣ для благородныхъ дѣтей доктора Федора Каспара, и его воспоминанія о Л. Л. Демидовѣ, Поздѣевѣ и А. Н. Соковнинѣ, сообщившемъ автору рядъ своихъ воспоминаній объ императорахъ Павлѣ Петровичѣ и Александрѣ Павловичѣ, объ Архаровѣ и комендантѣ Гессе.

Лучшую и большую часть второго тома составляетъ «Годъ русскаго земледѣльца». Объ этомъ произведеніи помѣстившая его на страницахъ «Русской Бесѣды», издававшейся Кушелевымъ, редакция сочла нужнымъ сказать, что оно «замѣчательно по истинно русскому духу, которымъ все проникнуто». Принятое весьма благосклонно и современной критикой, оно вошло потомъ частями даже въ учебныя хрестоматіи и сборники. Съ большимъ знаніемъ дѣла и рѣдкимъ мастерствомъ и живостью написаны и помѣщенные въ слѣдъ за «Годомъ русскаго земледѣльца» — «День помѣщика» (первоначально въ той же «Русской Бесѣдѣ» за 1858 г.), «Мірской сходъ» (первоначально въ «Журналѣ земледѣльцевъ» за 1858 г., № 17), «Дворянскіе выборы. Изъ записокъ моего покойнаго друга Чертолобова» (печатаются здѣсь впервые) и «Новый бѣсъ» (также впервые появляется въ печати), гдѣ много любопытнѣйшихъ подробностей о провинціальныхъ судахъ первой половины XIX столѣтія.

Далѣе помѣщены подъ общимъ заглавіемъ «Разныя мелкія сочиненія» — три письменныхъ заявленія В. В. Селиванова въ Рязанскомъ губернскомъ зем

скомъ собраніи: 1) «объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній» со всѣми вызванными имъ преніями, 2) «объ ограниченіи правъ мировыхъ посредниковъ» и 3) «о предоставленіи крестьянамъ права избирать гласныхъ въ земскія собранія исключительно только изъ своей среды»; «о значеніи лѣсовъ въ Россіи и ихъ истребленіи» (изъ «Морского Сборника», 1857 г., томъ XXX); «Деревенскіе сады» (изъ «Журнала Сельскаго Хозяйства» за 1856 г.); «Императоръ Николай I и К. П. Бистромъ»; «Монахъ Паисій» и «Юродивый Данила Ивановъ».

Въ приложеніи редакторомъ напечатана полная родословная рода Селивановыхъ и указатель личныхъ именъ къ первому тому.

Съ внѣшней стороны разсматриваемое нами изданіе вполне безусловно и несомнѣнно найдетъ широкій кругъ читателей.

В. Рудаковъ.

А. В. Семека. Русскіе розенкрейцеры и сочиненія императрицы Екатерины II противъ масонства. Спб. 1902.

Сжатая и дѣльная статья г. Семеки даетъ очеркъ этическихъ и философскихъ взглядовъ важнѣйшей системы русскаго масонства—«братства златорозоваго креста». Этому очерку особенную цѣнность придаетъ то обстоятельство, что въ основу его положены почти не использованныя масонскія рукописи Императорской Публичной библиотекы. Авторъ статьи, оставляя въ сторонѣ обрядовую сторону, старается дать стройное и логическое изложеніе сначала духовно-нравственнаго ученія розенкрейцеровъ, а потомъ ихъ научныхъ взглядовъ. Съ особеннымъ сочувствіемъ г. Семека относится къ этикѣ масонства. Отмѣчая послѣдовательныя ступени нравственнаго развитія—самоусовершенствованія—самопознаніе и самоотреченіе, г. Семека оправдываетъ масоновъ отъ обвиненій въ аскетизмѣ и въ отрицаніи земной жизни. При изложеніи научныхъ взглядовъ масоновъ, авторъ останавливается на ученіи о твореніи и на алхимическихъ теоріяхъ, указывая, что послѣднія играли въ русскомъ масонствѣ ничтожную роль. Въ опредѣленіи общественнаго значенія масонства въ русской жизни XVIII вѣка, г. Семека сходится съ Пыпинымъ и видитъ его, главнымъ образомъ, въ пробужденіи этическихъ интересовъ и этическаго движенія и въ связи съ нимъ извѣстной общественной самодѣятельности.

Во второй части своей статьи г. Семека анализируетъ произведенія императрицы Екатерины II, направленные противъ масонства: «Тайну противовѣтнаго общества» и комедіи «Обманщики», «Обольщенный» и «Шаманъ Сибирскій». Екатерина II, мастерски отмѣчая слабыя стороны ордена, не обнаруживаетъ въ то же время глубокаго представленія о цѣляхъ ордена. Въ масонствѣ она видѣла явленіе, не подчинявшееся ея контролю: «оно возбуждало ея негодованіе своей рѣзкой критикой современной дѣйствительности, своею замкнутостью и своимъ мистическимъ направленіемъ». Отсюда—ея преслѣдованія масоновъ, сначала только литературныя, а потомъ и вполне реальныя. Какъ разъ въ это время русское масонство переживало кризисъ, добываясь «высшихъ степеней» и раскрытія масонскихъ тайнъ. Если бы оно и переняло изъ-за границы высшіе градусы, то зануталось бы въ мистицизмъ и пало бы безъ постороннихъ вмѣшательствъ.

Г. Семека отмѣчаетъ несправедливое отношеніе Екатерины къ ордену, но находитъ для нея странное оправданіе: «Екатерина, способствуя распаденію ордена, помогла масонству остановиться, какъ разъ на томъ пунктѣ, откуда дальнѣйшіе шаги могли бы повести къ нехорошимъ послѣдствіямъ... Слѣдуетъ благодарить судьбу за то, что она не начала своихъ преслѣдованій нѣсколько раньше и не помѣшала масонству сыграть важную роль въ исторіи общественной жизни конца XVIII столѣтія».

Нельзя не пожалѣть, что авторъ слишкомъ сжато и схематично охарактеризовалъ этические и теологические взгляды масоновъ, имѣя подъ руками важный и неиспользованный матеріалъ. Его изложеніе — стройно и систематично, но не слѣдуетъ ли опасаться, что тщательный анализъ матеріала разрушитъ стройность и внесетъ нѣкоторый безпорядокъ въ систему? Щ.

— — — — —

Die Aerzte Kurlands von 1825 — 1900. Ein biographisches Lexicon, bearbeitet von Dr. med. I. Brennsohn in Mitau. Herausgegeben von der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Mitau. Gedr. bei J. F. Steffenhagen u. Sohn. 1902.

Одна изъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ провинціи, непослѣдняя заслуга ея предъ центромъ, это—рѣдкая любовь и уваженіе къ памяти мѣстныхъ уроженцевъ, чѣмъ либо послужившихъ своей родинѣ, или даже иноземцевъ, работавшихъ въ этомъ краѣ или оказавшихъ ему какія либо услуги. Это почитаніе тружениковъ выражается собираніемъ и опубликованіемъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности этихъ лицъ. Таковы біографическіе сборники Дилакторскаго, Селиванова, Смирнова, Рекке и Наперскаго, Бейзе и др. Къ подобнымъ изданіямъ принадлежитъ и вышедшая недавно книга д-ра Бреннзона, составляющая продолженіе біографическихъ трудовъ д-ра Г. Отто о врачахъ Курляндіи въ предшествующее время (до 1825 г.). Книга д-ра Бреннзона начинается съ краткаго историческаго очерка положенія медицинскаго дѣла въ Курляндіи, затѣмъ помѣщены хронологическіе списки мѣстныхъ врачей (начиная съ конца XVIII вѣка), небольшой очеркъ исторіи больницы общественнаго призрѣнія въ Митавѣ и наконецъ біографическій словарь врачей, родившихся или практиковавшихъ въ Курляндіи за время съ 1825 по 1900 г. Большинство свѣдѣній составлено на основаніи собственныхъ записокъ врачей, отозвавшихся на приглашенія д-ра Бреннзона. Къ сожалѣнію, болѣе чѣмъ на 1.000 приглашеній было получено только 500 отвѣтовъ. Авторъ пользовался также архивами общественнаго призрѣнія и курляндскихъ медицинскихъ учреждений. Источники указаны при каждой біографіи. При нѣкоторыхъ біографіяхъ приведены и списки (но очень неполные) печатныхъ трудовъ врачей. Всего на 171 стр. изложены біографіи 582 врачей. Авторъ самъ сознается, что его работа есть только «сухой перечень именъ и цифръ»; можно только пожалѣть, что авторъ придалъ своей интересной работѣ форму исключительно справочнаго изданія. Но кому интересно знать о томъ, кто былъ тесть врача, или что вдова и теперь живетъ

въ Митавѣ, или что она вышла замужъ за содержателя гостиницы въ Митавѣ? Излишнимъ является и подробное (въ 15 строчкахъ) описаніе какого-то стариннаго серебрянаго бокала, перешедшаго къ одному врачу отъ предковъ (срв. стр. 204, біографія Wilpert'a). Подобныя свѣдѣнія, не прибавляя достоинства къ біографіи, только увеличиваютъ объемъ книжки. Трудъ Бреннзона заканчивается нѣкоторыми статистическими выводами и указателемъ лицъ, упоминаемыхъ въ текстѣ. Въ заключеніе пожелаемъ этой во всякомъ случаѣ полезной книжкѣ широкаго распространенія и чтобы остальные курляндскіе врачи, запоздавшіе почему либо присылкою автору своихъ записокъ, сдѣлали это ко времени выхода 2-го изданія книжки, дабы мы имѣли дѣйствительно полный біографическій словарь курляндскихъ врачей.

А. Мальгрень.

Михаилъ Николаевичъ Капустинъ и его письма къ А. А. Борзенко. Спб. 1902.

Въ этой брошюркѣ—краткія біографическія данныя о покойномъ попечителѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа и 23 его письма. Читатели нашего журнала знакомы съ личностью Капустина по воспоминаніямъ, помѣщеннымъ у насъ въ 1900 году. Письма къ А. А. Борзенко даютъ нѣсколько черточекъ, отбѣняющихъ его характеристику и иногда весьма поучительныхъ. Въ одномъ письмѣ—ответъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» по вопросу, можно ли безграмотнаго инородца начать обучать прямо русскому чтенію. Отвѣтъ московской газеты ясенъ: можно и должно. Капустинъ, бывший тогда попечителемъ Рижскаго учебнаго округа, пишетъ: «По этому вопросу я велъ переписку съ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа; затѣмъ для опыта давалъ маленькихъ латышей въ обученіе русскимъ учителямъ, не знавшимъ по-латышски. И переписка, и опытъ привели къ отрицательному отвѣту... Балты испробовали всѣ приемы учить латышей по-нѣмецки, и они начинали съ латышской грамоты». Въ другомъ письмѣ, находясь на краю гроба, Капустинъ съ тоской пишетъ о томъ, что онъ не уплатилъ своего долга народу: «Мы по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ обязаны своей культурой труду нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ. По не зависить ли отъ насъ поблагодарить за добро, намъ сдѣланное... Я откровенно сознаю, что не уплатилъ моего долга, а развѣ изрѣдка вношу по немъ минимальные проценты; пользуюсь же своей культурой очень широко». Сообщая своему корреспонденту о томъ, что во время студенческихъ волненій онъ выходилъ къ толпѣ и успѣлъ утишить страсти (дѣло было въ 1896 году), Капустинъ, попечитель округа, добавляетъ: «Дѣло обошлось безъ арестовъ, безъ увольненій,—и то хорошо. Но въ уставѣ 1884 г. есть много нездороваго, что будетъ сказываться постоянно».

Любопытно отношеніе Капустина къ своимъ письмамъ. Онъ пишетъ: «Радуюсь успѣхамъ созданной вами бібліотеки и сочувствію. Только напрасно вы помѣщаете туда мои письма, едва ли они могутъ имѣть какой нибудь интересъ даже для моего біографа, если таковой найдется послѣ моей смерти».

Приведенныя нами выдержки свидѣтельствуя объ интересѣ писемъ, но, къ сожалѣнію, Капустинъ былъ скупъ въ своихъ письмахъ, и такихъ интересныхъ мѣстъ въ родѣ выше приведенныхъ чрезвычайно немного. Ц.

Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. II. Изслѣдованіе В. Н. Дебольскаго. Спб. 1902.

Второй выпускъ интереснаго труда В. Н. Дебольскаго, подобно первому, представляетъ собою отгискъ изъ «Записокъ» Русскаго отдѣленія императорскаго Русскаго археологическаго общества. Это—первый трудъ молодого ученаго, производящій чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе; работа его является попыткой историко-географическаго изслѣдованія, имѣющаго цѣлью выяснитъ постепенное наростаніе и образованіе территоріи московскаго удѣла-государства. Привлекая къ дѣлу очень широкій кругъ печатнаго матеріала, авторъ стремится установить точное положеніе о границѣ каждой изъ волостей, входившихъ въ составъ Московскаго княжества; при этомъ иногда ему приходится прибѣгать къ различнымъ догадкамъ, дабы приурочитъ къ опредѣленной мѣстности названія, встрѣченныя имъ въ старинныхъ актахъ и нынѣ не встрѣчающіяся; догадки эти, по большей части, настолько осторожны и въ то же время опираются на такую основательную предварительную работу, что съ ними приходится соглашаться. Основательное знакомство съ текстомъ и духовныхъ грамотъ, и междукняжескихъ договоровъ, даетъ В. Н. Дебольскому возможность съ большою точностью возстановитъ картину территоріи Московскаго княжества, кончая годомъ смерти Юанна III; многочисленные чертежи и наброски и весьма тщательно составленная карта Московскаго княжества въ 1504 году немало облегчаютъ чтеніе въ высшей степени занимательной работы, которая несомнѣнно во многомъ подвинетъ впередъ изученіе ранней исторіи Московскаго государства. М. П—ѣ.

Заря. Русско-славянскій сборникъ. Выпускъ I. Книгоиздательство «Русско-славянское дѣло». М. 1902.

Это—новая попытка воскреситъ періодическій органъ, посвященный изложенію основначалъ славянофильства въ редакціи И. С. Аксакова и критикѣ лицъ и событій съ точки зрѣнія этихъ началъ, — попытка, которой суждено, по вѣсѣмъ видимостямъ, остаться безплодной. Авторы статей, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, г.г. Апокрифъ, Н. Недолинъ, Славяноборъ, Русскій, Г. Е. Р., Н. Московцевъ, выступаютъ правовѣрными учениками послѣднихъ славянофиловъ и разсыпаютъ на каждой страницѣ цѣлый рядъ догматическихъ утверженій и вѣщаній о томъ, что Россія зачнетъ съ крушеніемъ стараго европейскаго міра новый міръ вселенскаго братства, любви и свободы (стр. 44), что въ свое

время Россія останется межъ Европой и ея противниками святымъ мстителемъ во имя Бога (стр. 57) и т. д. въ томъ же родѣ. Очевидно, эти авторы ничему не научились за время отъ смерти Аксакова до нашихъ дней. Странно читать всѣ ихъ утверждения, которыя признаются давно уже сданными въ архивъ, и если гдѣ встрѣчаются въ своемъ видѣ, то лишь въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Или, быть можетъ, составители сборника считали настоящій моментъ наиболѣе подходящимъ для проповѣди старыхъ идей, надѣясь, что онѣ будутъ панацеей всѣхъ золъ?

Въ книжкѣ нѣсколько статей: есть о гр. Л. Н. Толстомъ и вопросахъ жизни, о святой Руси, есть размышленія «въ началѣ вѣка» Г. Е. Р. Все это статьи, не могущія заинтересовать обыкновеннаго средняго человѣка. Есть статья о Горькомъ съ заглавіемъ, которое, вѣроятно, кажется остроумнымъ его изобрѣтателю: «Мальчикъ безъ штановъ, нынѣ буревѣстникъ». Сравнительно интереснѣе и полезнѣе статьи о Македоніи, Босніи и Герцеговинѣ: въ нихъ, по крайней мѣрѣ, найдется нѣсколько любопытныхъ подробностей о славянахъ. Въ общемъ, несмотря на бойкость нѣкоторыхъ статей, сборникъ не представляетъ интереса и, очевидно, потонетъ въ морѣ печатныхъ произведеній.

Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВАКЛИНАНІЯ древнихъ египтянъ. По египетскимъ вѣрованіямъ живыя человѣческія существа представляютъ лишь ничтожную часть созданій, населяющихъ міръ. Воздухъ, земля, вода, горы и лѣса—все населено невидимыми силами. Живые люди ходятъ между ними и, сами того не сознавая, толкають, задѣвають и призываютъ ихъ, чтобы получить какое либо благодѣяніе, или подвергаются ихъ дурному вліянію. Этому вопросу касается недавно вышедшая въ Берлинѣ книга Эрмана: «*Laubersprüche für Mutter und Kind aus dem Papyrus 3.027 des Berliner Museum*», о которой французскій ученый Масперо написалъ статью въ «*Revue hebdomadaire du Journal des Débats*» ¹⁾. Древніе египтяне были убѣждены, что многія изъ такихъ существъ, или полубоговъ, никогда не воплощались въ человѣческій образъ. Но немалое ихъ число представляютъ не что иное, какъ перевоплощенныя души, блуждающіе двойники или недовольныя тѣни, поведеніе которыхъ при жизни было такъ дурно, что не приготовило имъ ничего отраднанаго въ загробной жизни. Это ихъ такъ озлобило, что всѣ ихъ помыслы заключались въ совершеніи зла людямъ. Они проникали въ человѣка черезъ ухо, носъ, ротъ и т. д. и дѣлали изъ него свою жертву, вліяя по своему усмотрѣнію. Отсюда истекали различныя неудачи и болѣзни, которыя, по мнѣнію древнихъ египтянъ, были не что иное, какъ злое вліяніе подобныхъ перевоплощенныхъ душъ. Въ особенности подъ ихъ власть подпадали слабыя существа, какъ, напримѣръ, беременныя женщины, родильницы и новорожденные. Для ихъ изгнанія существовали заклинанія; но египтяне находили, что вѣрнѣе ихъ не допускать до слабыхъ существъ, чѣмъ изгонять. Съ

¹⁾ Formules égyptiennes pour la protection des enfants, par G. Maspero. Journal des Débats, Revue Hebdomadaire, 27 juin 1902.

этого цѣлю они придумали различные амулеты и заговоры. Формулы этихъ заговоровъ Эрманъ привелъ въ своей книгѣ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: «Разсѣйся, мертвецъ, приходящій въ темнотѣ, тайкомъ, спиною, съ искаженнымъ лицомъ, разсѣйся, обманутый тѣмъ, для чего ты пришелъ! Если ты пришелъ, чтобы облобызать этого ребенка, я не позволю тебѣ его поцѣловать! Если ты пришелъ утишить его крики, я не позволю тебѣ ихъ утишить! Если ты пришелъ сдѣлать ему зло, я не допущу ему причинить вредъ! Если ты пришелъ взять его, я не позволю, чтобы ты его взял! Я ему сдѣлалъ противъ тебя заговоръ изъ латука, который колется, изъ чеснока, который тебѣ дѣлаетъ вредъ, изъ меда, сладкаго для людей и отвратительнаго для мертвецовъ, изъ шиповъ, изъ плетешки прядева, изъ рыбьей позвоночной кости». Матери и няни должны были часто стращать непослушныхъ дѣтей этими отвратительными привидѣнiями. «Можно себя представить, — говоритъ Масперо, — какое чувство ужаса охватывало несчастныхъ египетскихъ малютокъ, если, проснувшись среди ночной тьмы, они воображали присутствiе ужаснаго привидѣнiя. Ребенокъ умеръ бы отъ страха, если бы онъ не довѣрялъ надѣтому на немъ написанному заговору и амулету, въ которомъ были зашиты страшныя для мертвецовъ растенiя, медъ и рыбы кости». «Въ деревняхъ Францiи такъ же поступаютъ, — говоритъ Масперо: — и если покойники выражаютъ тѣ же злыя инстинкты, что и мертвецы Египта, то пользуются не меньшей антипатiей». Разница та, что египетскiя привидѣнiя не боятся дневнаго свѣта, и ибнiе пѣтуха не влiяетъ на ихъ могущество. Египетская религiя назначала душамъ, какъ высшее блаженство, власть «выходить по желанiю днемъ» изъ подземнаго мрака. Эта власть предоставлена одинаково какъ злымъ, такъ и добрымъ душамъ. Такимъ образомъ, ихъ надо было опасаться днемъ и ночью, а потому надъ дѣтьми читали утромъ и вечеромъ заговоры, имѣющiе силу въ продолженiе двѣнадцати часовъ дня и двѣнадцати часовъ ночи. Въ первомъ случаѣ солнце играло роль защитника, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: «Ты встаешь, о божество Шу; ты встаешь, о божество Ра! Если ты увидишь мертвеца, идущаго къ такому-то новорожденному, такой-то матери, или покойницѣ, вредную женщину, задумавшую какой-нибудь злой умыселъ, сдѣлай такъ, чтобы она не брала ребенка въ руки». «Онъ меня спасъ, мой владыка Ра, — говоритъ тогда мать, — я не дамъ тебѣ моего ребенка, я не дамъ тебя вору, или воровкѣ ада, мою дорогую ношу, но рука, вырѣзанная на этомъ перстнѣ, — чары для тебя, и я тебя храню». Чтобы заговоръ имѣлъ болѣе силы, его наговаривали на амулетъ, который тотчасъ же надѣвали на шею ребенку. Иногда для этого служилъ перстень, на которомъ вырѣзана была рука мужчины. Его навязывали на тесемку, которую связывали узломъ каждое утро и каждый вечеръ, пока не образовывалось семь узловъ. Во многихъ музеяхъ можно видѣть плоскiе камни, на которыхъ вырѣзана мужская раскрытая рука съ вытянутыми пальцами и прижатыми одинъ къ другому. До сихъ поръ не понимали смысла этихъ эмблемъ. Теперь стало извѣстно, что онѣ служили защитой маленькимъ дѣтямъ противъ мертвецовъ, свующихъ на землѣ, по мнѣнiю древнихъ египтянъ, даже среди бѣлаго дня. Вечеромъ служилъ тотъ же заговоръ, что и днемъ, лишь измѣняли нѣсколько словъ. Въмѣсто того, чтобы обращаться къ встающему солнцу, — упоминали о солнцѣ, заходя-

щемъ въ странѣ жизни. Какъ обыкновенно бываетъ съ заученными на память и повторяемыми ежедневно молитвами, египтяне кончили тѣмъ, что говорили ихъ машинально, не придавая смысла каждому слову, довольствуясь общимъ созвучіемъ, и часто перенутывали слова. Такимъ образомъ Эрману было чрезвычайно трудно возстановить заговоры цѣлкомъ, и ему это удалось, только благодаря тому, что заговоръ повторялся четыре раза въ его рукописи, и онъ наконецъ могъ его правильно возстановить. Нѣкоторыя дѣти подвергались болѣе другихъ такому влиянію, и за ними приходилось наблюдать усиленнѣе. Такъ извѣстно, что многіе народы питали ужасъ къ рыжимъ людямъ или животнымъ. Они сжигали ихъ, чтобы избѣжать гнѣва боговъ. Даже тѣ, которые не питали такой ненависти къ рыжимъ, все-таки относились къ нимъ иначе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ, ссылаясь на то, что убійца Озириса, Сеть-Тифонъ, былъ рыжій. Если ребенокъ родился рыжій или его мать имѣла этого цвѣта волосы, то его окружали особыми предосторожностями, чтобы помѣшать Тифону овладѣть имъ. Въ такомъ случаѣ читали «заговоръ рыжей женщины, родившей существо». Писецъ не смѣлъ записывать, что она родила «ребенка», такъ какъ отъ «тифонской» матери могло родиться лишь проклятое существо. Чтобы такому ребенку покровительствовали двѣ сестры Озириса — Изда и Нефтисъ — враждебныя его богу, египтяне составили слѣдующее заклинаніе: «Привѣтъ вамъ, Изда и Нефтисъ, лоцкая нити божественной тесьмы о семи узлахъ, которою я покровительствую тебѣ, о здоровое дитя, сынъ такой-то, чтобы ты былъ здоровъ, благополученъ, и въ милости у всѣхъ боговъ и богинь, чтобы ты низвергнулъ всѣхъ непріятелей, которые соперничаютъ, чтобы были низвергнуты всѣ непріятельницы, чтобы замуравился ротъ, который колдуетъ противъ тебя, какъ замуравлены рты семидесяти семи ословъ въ озерѣ Дадъ; я знаю ихъ; я знаю ихъ имена, но тотъ, который ихъ совѣмъ не знаетъ и все-таки хочетъ сдѣлать зло этому ребенку, чтобы пострадать отъ нихъ, и будетъ такъ». Амулетъ долженъ былъ состоять изъ семи круглыхъ бусъ изъ порфира, изъ семи золотыхъ бусъ, изъ семи льняныхъ волоконъ, скрученныхъ двумя сестрами матери, изъ которыхъ одна должна крутить, другая лоцить. Изъ всего этого дѣлается талисманъ о семи узлахъ, надъ которымъ читали молитву четыре раза и затѣмъ навязывали на шею ребенку. На помощь ребенку призывали двухъ озирійскихъ богинь, и ихъ изображали, пока дѣлали амулетъ, двѣ сестры матери, которыя обѣ были сами матерями. Онѣ приготавливали талисманъ, тождественный съ тѣмъ, что дѣлался для молодого Гора, когда его преслѣдовалъ Тифонъ, и съ тѣхъ поръ на него не имѣли влияния ни призраки, ни колдуны. Не только ихъ рты были замуравлены, какъ у семидесяти семи ословъ, но если они захотѣли бы повредить ребенку, то тѣ же ослы возстали бы противъ нихъ. Если же съ ребенкомъ все-таки случалось несчастіе, то это приписывалось недовѣрію къ магіи. Масперо выбралъ изъ приведенныхъ Эрманомъ формулъ заклинаній самыя ясныя, такъ какъ остальные страдаютъ неясностью.

— Шестисотлѣтіе изобрѣтенія компаса. Городъ Амальфи въ іюнѣ мѣсяцѣ праздновалъ шестисотлѣтіе рожденія Флавіо Джіюффа, котораго итальянцы считаютъ изобрѣтателемъ компаса, хотя это неправильно. На самомъ

дѣль Флавіо Джіюйа, хотя и существовалъ, но вообще мѣсто и время изобрѣтенія компаса недостовѣрно извѣстно. Только въ половинѣ XV вѣка Флавіо Бюндо въ своихъ стихахъ впервые приписалъ изобрѣтеніе компаса какому-то моряку города Амальфи. По поводу этого юбилея въ юньской книгѣ «La Nouvelle Revue» Р. Монклавель ¹⁾ помѣстилъ небольшую статью, въ которой опровергаетъ приписываемое Джіюйа открытіе. Во-первыхъ, онъ указываетъ на то обстоятельство, что Брюнетто Латини еще въ 1258 г. описывалъ норвежскій компасъ, состоявшій изъ соломинки, чрезъ которую была пропущена магнитная игла; они помѣщались въ локани съ водою. Во-вторыхъ, честь этого открытія съ давнихъ временъ приписывалась китайцамъ. Тѣмъ болѣе вѣроятности въ послѣднемъ предположеніи, что существуютъ документы, которые трудно оспаривать. Р. Монклавель приводитъ одинъ изъ нихъ, который онъ заимствовалъ у Форція Урбана, взявшаго эти свѣдѣнія въ «Mémoires concernant les Chinois», написанные патеромъ Амьо въ 1769 г. Вотъ его содержаніе: «Года 2631 до христіанской эры (хроника императора Кіенъ-Лангъ) императоръ Янгъ-Ти заблудился, преслѣдуя Че-Ю, и, чтобы увѣреннѣе итти по незнакомой странѣ, онъ изобрѣлъ колесницу, которую везла фигура духа, указывавшаго неизмѣнно на югъ, какъ бы ни повернулась колесница. Эта колесница очевидно изображала компасъ». Рядомъ съ этимъ подтвержденіемъ Легу Флэксъ увѣряетъ въ своемъ «Essai sur l'Hindoustan», что, во время царствованія Кихинаха Вэгу, нѣкій индусъ, Саредана, изобрѣлъ компасъ около 37 г. нашей эры, и арабы, а также китайцы, признали подлинность этого факта. Такимъ образомъ въ Китаѣ увидѣли компасъ, устроенный по модели Янгъ-Ти только въ 806 г. «Но прежде историческихъ работъ этихъ двухъ ученыхъ,—говоритъ авторъ:—хотя не было документовъ, но доказывался фактъ утвердительно. Нѣкоторые приписывали изобрѣтеніе арабамъ; иные говорили, что они заимствовали открытіе его у европейцевъ. Аббать Прево, авторъ «Исторіи путешествій», разумно пишетъ, что восточные мусульмане были слишкомъ плохими мореплавателями и вообще не способными на изобрѣтенія; соседнія страны доставляли имъ все, а потому имъ было не зачѣмъ подвергаться опасностямъ и случайностямъ мореплаванія. Нѣкоторые географы опредѣляютъ 5.000 лѣтъ изобрѣтенію компаса китайцами. Но если это вѣрно, что императоръ Янгъ-Ти изобрѣлъ компасъ, то очевидно это изобрѣтеніе было затеряно во время наводненія Яо въ 2297 г. до Р. Х., или во время внутреннихъ революцій имперіи, какъ это случилось съ египетскими іероглифами. Вотъ почему такъ скоро привилась гипотеза Марко Поло, который будто бы вывезъ компасъ изъ Средней Азіи. Историки, считавшіе китайцевъ утопистами, приписываютъ изобрѣтеніе компаса знаменитому англійскому монаху Рожеру Бакону. Одно положительно извѣстно, что имъ начали пользоваться въ концѣ пятнадцатаго вѣка, въ эпоху Васко де Гамы и Колумба. По всей вѣроятности, Джіюйа, которому справили юбилей, усовершенствовалъ его. Одно достовѣрно тоже, что Джіюйа существовалъ и имѣлъ отношеніе къ компасу;

¹⁾ L'inventeur de la boussole. Par Roland Montclavel. La Nouvelle Revue, 15 juin 1902.

это доказывается принятиемъ отъ него этого изобрѣтенія въ бібліотеку Карла V въ 1364 г. Несмотря на то, что городъ Амальфи празднуетъ уже шестой разъ юбилей Джіоѳа, авторъ увѣряетъ, что не онъ изобрѣлъ компасъ, потому что уже въ XII вѣкѣ былъ извѣстенъ этотъ инструментъ. Такъ, въ 1180 г. одинъ французскій поэтъ, Гюйо де Провенъ, въ своихъ прекрасныхъ стихахъ говорилъ объ инструментѣ, который въ то время назывался «magnière», «d'amagnière», «magnette», а на Средиземномъ морѣ онъ назывался «salamite». Даже увѣряютъ, что онъ былъ извѣстенъ во Франціи около 1200 г. Между прочимъ авторъ приводитъ слѣдующую легенду о Джіоѳа. Когда-то городъ Амальфи былъ портомъ, не хуже Венеціи, и въ немъ родился Флавіо Джіоѳа. Онъ былъ простымъ насѣкальщикомъ, а не морякомъ. Несмотря на бѣдность, онъ съ утра до ночи пѣлъ пѣсни, работая инкрустаціи металловъ. Благодаря веселому нраву, его прозвали Джіоѳа, т. е. «радость». Такъ бы и работалъ Джіоѳа, попѣвая пѣсни, если бы онъ не встрѣтилъ красавицу Анджіолу, дочь рыбака Доменико Муло. Влюбленный Флавіо сталъ просить у рыбака руку его дочери. Но Доменико хотѣлъ выдать ее замужъ только за рыбака. Бѣдный Флавіо рѣшился перемѣнить ремесло и сдѣлаться также рыбакомъ, но старый рыбакъ замѣтилъ ему, что «морякомъ родятся, но не дѣлаются». Видя, что юноша пришелъ въ отчаяніе, старикъ сказалъ ему въ утѣшеніе: «Я отдамъ вамъ дочь, если вы добьетесь, чтобъ моя лодка шла по прямой линіи, это порядочно сократитъ нашъ путь и дастъ возможность наловить болѣе рыбы». Старикъ понималъ, насколько его требованіе невозможно. Дѣло въ томъ, что онъ жилъ на скалистомъ островѣ и долженъ былъ закидывать сѣти еще далѣе, съ острововъ Галли,—они же острова Сирень,—гдѣ болѣе ловилось скумбріи. Одинъ изъ этихъ острововъ, Кастеллето, гдѣ старый морякъ устроилъ свою главную квартиру, былъ удаленъ на нѣсколько миль въ море. Достигнуть его по прямой линіи не было бы большого труда, если бы не чрезмѣрное теченіе и не туманъ, застилавшій настолько мѣстность, что рыбаки рисковали заблудиться. Флавіо предстояла такая трудная задача, что онъ не зналъ, какъ за нее приняться, но влюбленнымъ покровительствуютъ боги. Какимъ образомъ онъ постигъ, что магнитная стрѣлка имѣетъ тайное отношеніе къ сѣверу,—легенда ничего не говоритъ. Извѣстно только, что онъ имѣлъ магнитный камень, который служилъ ему для притяженія маленькихъ кусковъ желѣза, и, чтобы имѣть его подъ рукою, онъ клалъ камень около себя въ тазъ съ водою, въ которой онъ плавалъ на кускѣ пробки. Однажды, онъ замѣтилъ, что магниту свойственно останавливаться на определенной точкѣ, и это открытіе помогло ему сдѣлать компасъ. Джіоѳа былъ обрадованъ, запѣлъ снова свои пѣсни, но уже работая не надъ инкрустаціей металловъ, а надъ инструментомъ, состоявшимъ изъ очень тонкой стальной иглы, лежавшей свободно въ равновѣсіи на верхней точкѣ серебрянаго расширеннаго конуса. Такимъ образомъ компасъ былъ изобрѣтенъ, а чрезъ мѣсяць Флавіо женился на дочери рыбака, который сначала колебался, думая, что юношѣ помогъ дьяволъ изобрѣсть этотъ инструментъ.

— Лукреція Борджіа, какъ монахиня. Кому неизвѣстна итальянская историческая фамилія Борджіа XV-го вѣка и главное имя красавицы Лук-

реци, но не все знают конец ее истории. Фамилия Борджиа не итальянского происхождения, а испанского—Воржа из Арагоны. Их громадное состояние возникло с избранием Альфонса Борджиа, архиепископа Валенского, на папский престол в 1445 г., под именем Каликста III. С того момента эта странная семья посвятила себя одной цели—соединить всю Италию под свое владычество, сделав из нее соединенное государство, центр цивилизации и средоточие европейской политики. Уже Каликст III был очень богат, когда его племянник, Родриго Борджиа, был избран папой в 1492 г. под именем Александра VI. У последнего было множество незаконных детей от Розы Ванотци ди Каттанеи. Один из его сыновей, Цезарь, замечательный красавец, управлял отцом, как хотел. Дочь же его, красавица Лукреция, была образованной, умной и от природы нравственной девушкой. Однако, отец и брат не только развратили ее и соблазнили на кровосмешение, но даже сделали из нее свое политическое орудие. Выйдя замуж за Джованни Сфорца, она развелась с ним в 1497 г., а через год после развода, до нового брака с герцогом Альфонсом Безалья, незаконным сыном Альфонса II Арагонского, она родила сына. Этого ребенка ее отец, папа Александр IV, признал сначала за своего, а затем издал вторую буллу, в которой назвал его сыном Цезаря, своего сына и брата Лукреции. В 1500 г. ее муж был убит в ее комнате Цезарем Борджиа, а в следующем году она вновь вступила в третий брак с Альфонсом Естэ, герцогом Феррары, и окружила себя блестящим обществом ученых артистов и писателей, между которыми был Бембо и Ариосто, воспевший ее добродетели в «Неистовом Ролланде». С этого времени она повела безукоризненную жизнь. Недавно один флорентийский профессор, Роберто Давидзонъ, отыскал в национальной библиотеке любопытный документ, который он напечатал в «Archivio storico italiano». Он узнал из рукописи, так называемой «Il Palatino 147», что знаменитая Лукреция Борджиа не только вела впоследствии безукоризненную жизнь, но сделалась даже монахиней Францисканского ордена. «Palatino 147» был составлен, вероятно, около 1520 г. В нем заключаются статуты ордена и краткие сведения о святых королях и королевах, принадлежавших к нему. № 34 посвящен Лукреции Борджиа и гласит: «Madonna Lucrezia, герцогиня Феррары, была посвящена в монашество братом Людовиком де ла Торре, главным икаріемъ. Она умерла 1518 г. и похоронена в нашем монастыре, облеченной в монашескую рясу». Но в этом документе вкрались две ошибки. Во-первых, она умерла не в 1518 г., а в 1519 г., и, во-вторых, она похоронена не во Флоренции, а в Ферраре. Однако, это не мешало ей окончить жизнь монахиней, как утверждает А. Давидзонъ.

— Первое русское коммерческое судно в Бордо в 1725 г. Франко-русский союз послужил причиной появления небольшой брошюры I. Каллена ¹⁾, в которой автор приводит воспоминания о появлении первого русского судна в Бордо. К сожаленью, автор не упоминает ни названия

¹⁾ Le premier bateau russe à Bordeaux, par J. Callen.

корабля, ни имени капитана, что умалывает значение сообщаемого факта. Тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя данныя довольно интересныя. По его словамъ, въ одномъ неизданномъ документѣ бордоскаго архива говорится, что отношенія Франціи съ Россіей завязались 23-го февраля 1725 г., прежде чѣмъ былъ подписанъ какой либо союзъ между этими странами. Сень-Симонъ упоминаетъ, что «Петръ Великій крайне желалъ соединиться съ Франціей. Ничто не подходило лучше, — добавлялъ герцогъ: — къ нашей промышленности и значенію на сѣверѣ, въ Германіи и во всей Европѣ, какъ союзъ съ Россіей». Однако, ни Людовикъ XIV, уже состарѣвшійся и не питавшій къ этому союзу симпатіи, ни позднѣе регентъ, которымъ руководилъ приверженецъ Англіи, аббатъ Дюбуа, не слѣдовали желанію, выражаемому народомъ. При Версальскомъ дворѣ царило презрѣніе къ Россіи. Тонкое, изящное общество видѣло въ Петрѣ I геніальнаго «варвара». Хотя Полтавская битва и морскія удачи дѣлали его владыкой Балтійскаго моря, но Швеція, однако, не сдавалась, и Ништадтскій миръ еще не былъ заключенъ. Приѣмъ, оказанный въ Версальѣ въ 1711 г. русскому посланнику, Григорію Волкову, былъ настолько ледяной, что сразу далъ понять Петру I, чего надо держаться. Царь самъ сталъ избѣгать Франціи до тѣхъ поръ, пока онъ не занялъ въ политикѣ виднаго мѣста. Сначала онъ поѣхалъ въ Англію; въ 1697 г. онъ былъ въ Голландіи, работая въ арсеналѣ, какъ простой рабочій, и только чрезъ два года послѣ смерти Людовика XIV онъ рѣшился посѣтить Францію. 30-го апрѣля 1717 г. Петръ I высадился на берегъ въ Дюнкирхенѣ; 7-го мая царь былъ въ Парижѣ. Извѣстный французскій историкъ Генрихъ Мартенъ говоритъ, что существуетъ множество анекдотовъ относительно его путешествія и объ его умѣ, объ его изученіи всѣхъ главныхъ парижскихъ учреждений, а также о словечкахъ, какими награждалъ онъ тонкій версальскій дворъ. Его поведеніе относительно г-жи Ментенонъ было болѣе чѣмъ безцеремонное. Такъ, явившись въ Сень-Сиръ въ пятницу 11-го іюня, онъ посмотрѣлъ ученицъ въ ихъ классахъ и пожелалъ увидѣть г-жу Ментенонъ, которая, сказавшись больной, легла въ постель, спустивъ всѣ занавѣси, исключая одной, наполовину открытой. Войдя въ спальню, Петръ I не сказалъ ей никакого привѣтствія, поднялъ занавѣсы у оконъ, а затѣмъ у кровати, и, хорошо разсмотрѣвъ ее, удалился, также молча, не сказавъ ей ни одного слова на прощаніе. Что еще болѣе возмущало всѣхъ, это невниманіе его къ королевскимъ принцамъ: онъ совершенно ихъ игнорировалъ, а все вниманіе перенесъ на низшій классъ. Петръ I не сдѣлалъ визита принцамъ, а 16-го мая, въ день Вознесенія, онъ отправился къ инвалидамъ. Тамъ онъ обратился весь во вниманіе; все желалъ разсмотрѣть и обо всемъ хотѣлъ знать; пробовалъ солдатскій супъ и вино, хлопалъ по плечу солдатъ, шилъ за ихъ здоровье и звалъ ихъ «камрадами». Онъ игнорировалъ придворныхъ дамъ, а открыто кутилъ въ Версальѣ съ оперными танцовщицами. Убѣжая онъ сказалъ о французахъ: «Жаль, что они погибнуть отъ роскоши». Тройственный союзъ былъ заключенъ 4-го января 1717 г. въ Гаагѣ, а 15-го августа былъ подписанъ трактатъ между Франціей, Россіей и Пруссіей, и съ этого момента Франція впервые рѣшила послать въ Россію своего посланника или консула. Въ томъ же году другъ Петра Великаго, князь Куракинъ, сдѣлался посланни-

комъ въ Парижѣ, и союзъ Россіи съ Франціей еще болѣе укрѣпился послѣ заключенія торговаго договора. Въ началѣ прямыхъ торговыхъ сношеній между Франціей и Россіей не отличались большимъ оживленіемъ, что видно изъ одного документа, отъ 26-го іюля 1769 г., напечатаннаго въ «Inventaire de la chambre de commerce de Guyenne» подъ номеромъ XXIV. Въ немъ говорится: «Французская навигація въ Балтійское море была и осталась въ посредственномъ положеніи, что удивительно». Авторъ этой замѣтки заключилъ, что: «въ основаніи прямой торговли на сѣверѣ Россія должна быть главною цѣлью. Это самое доступное государство къ увеличенію, какъ вывоза, такъ и ввоза товаровъ. Торговля этой имперіи съ каждымъ днемъ растетъ, по мѣрѣ того, какъ эта нація цивилизуется». «Можно себѣ представить, — замѣчаетъ Калленъ: — какія были торговые отношенія между Россіей и Франціей въ началѣ царствованія Людовика XV, если накануне Революціи они были такъ ничтожны». Въ 1720 году на картахъ стали появляться Балтійскіе порты, но подъ общей рубрикой: «Сѣверь». Только въ началѣ XVIII вѣка Петръ I впервые заказалъ въ Бордо вино. Въ «Регистрѣ торговаго совѣта» 1706 г. упоминается, что 10-го іюня въ совѣтъ обращались за пропускомъ для корабля, который требовалъ разрѣшенія пріѣхать прямо изъ Амстердама въ Бордо, чтобы взять въ Архангельскѣ вино и другіе ликеры для стола русскаго царя. Уже въ то время поддѣлка вина была широко распространена. Голландскіе и фламандскіе купцы отправляли подобныя вина въ громадномъ количествѣ, такъ что Петръ I распорядился перевозить ихъ не чрезъ Амстердамъ, а прямо изъ Бордо въ Архангельскъ, чрезъ Гамбургъ, чтобы избѣжать фальсификаціи и, кромѣ того, дурнаго вліянія на вкусъ вина отъ долгаго путешествія. «Нѣтъ сомнѣнія, — замѣчаетъ Калленъ: — что любознательный Петръ прекрасно понималъ поддѣлки торговцевъ и не довольствовался той гарантіей, которую представляла доставка вина въ Архангельскъ. Онъ издалъ указъ, въ которомъ говорилось, что изъ Россіи отправится корабль въ Бордо и привезетъ всѣхъ сортовъ Гвіенскія вина». Къ сожалѣнію, авторъ не могъ отыскать названіе корабля, но увѣренъ, что въ русскомъ государственномъ архивѣ или въ адмиралтейскомъ навѣрно находятся драгоценныя подробности объ этомъ кораблѣ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1724 г. русскій посланникъ въ Парижѣ, князь Куракинъ, донесъ французскому министру Додену объ ожидаемомъ русскомъ суднѣ. Наконецъ въ февралѣ 1725 г. русскій корабль приблизился къ Бордо. Какъ и надо было ожидать, вниманіе публики было крайне возбуждено. Первый разъ русскій флагъ показался во французскомъ портѣ. Вниманіе русскаго царя крайне польстило жителямъ Бордо. Выраженіямъ симпатіи не было конца, что видно изъ письма управляющаго Буше къ министру финансовъ Додену, въ которомъ онъ спрашиваетъ, «не будетъ ли согласно съ величіемъ короля оказать кораблю царя особенно любезный пріемъ». Доденъ, обыкновенно не очень торопившійся отвѣтомъ, на этотъ разъ поспѣшилъ. Письмо Буше было слѣдующее: «Въ этотъ городъ прибылъ изъ Московіи корабль, списокъ товаровъ котораго я имѣлъ честь вамъ послать. Такъ какъ это первый корабль, который прибылъ во Францію, то я не знаю, не найдете ли вы, что величіе короля требуетъ освободить его, на одинъ только разъ, отъ взысканія всѣхъ пошлинъ, какъ входныхъ съ привезенныхъ

имъ товаровъ, такъ и выходныхъ съ вина и др. нагруженныхъ товаровъ. Что касается до пошлины ввозной, то она не велика, а именно 3.783, 6, 7, считая городской налогъ. Выходныя же пошлины не больше; онъ будетъ нагруженъ всякаго рода виномъ, производящимся въ этой провинціи. Царь желаетъ знать, которыя вина лучше сохранятся въ путешествіи». Отвѣтъ послѣдовалъ слѣдующій: «Я получилъ ваше письмо, которое вы потрудились мнѣ написать отъ 23-го прошедшаго мѣсяца по поводу корабля изъ Московіи, прибывшаго въ Бордо, для котораго вы предлагаете снять пошлину съ ввозныхъ и вывозныхъ товаровъ. Князь Куракинъ, посланникъ Московіи, уже вручилъ мнѣ въ декабрѣ записку объ этомъ предметѣ на имя его величества короля и принца регента, которые рѣшили снять только половину пошлины и разрѣшили вывозъ воспрещеннаго товара, не конфисковавъ его, и я вслѣдствіе этого далъ распоряженіе». Но въ то время, когда жители Бордо восторженно встрѣчали русскій корабль, и Буше переписывался съ Доденомъ, Петра Великаго уже не было на свѣтѣ, хотя объ его смерти еще не узнали въ Бордо, несмотря на то, что прошло полтора мѣсяца. На этомъ и остановилась переписка между французскими властями о русскомъ суднѣ, и неизвѣстно, чѣмъ кончилась эта исторія.

— Двѣ соперницы при дворѣ Людовика XV. Французскій историкъ, графъ Флери, помѣстилъ интересную небольшую статью ¹⁾ въ июньской книжкѣ «Carnet», въ которой рассказываетъ о соперничествѣ Дюбарри и Маріи-Антуанеты. На свадебныхъ празднествахъ юная Марія-Антуанета замѣтила одну блестящую красавицу, великолѣпно одѣтую и усыпанную драгоценными камнями, которая много разъ ужинала за королевскимъ столомъ. «Какое положеніе этой дамы?»—спросила она графиню Нуаль. Графиня смутилась. — «Ей поручено развеселять короля, ваше высочество»,—отвѣтилъ герцогъ Айенъ, видя смущеніе графини. Марія-Антуанета наивно и весело замѣтила: «Въ такомъ случаѣ вы можете ей сказать, что во мнѣ она найдетъ соперницу, такъ какъ я тоже хочу нравиться королю». Отвѣтъ дофини облетѣлъ весь дворъ. Съ этого дня началась борьба между этими двумя женщинами. Марія-Антуанета искренно была возмущена положеніемъ при дворѣ графини Дюбарри. Фаворитка дѣда приводила въ ужасъ юную, еще не испорченную и строго воспитанную пятнадцатилѣтнюю дофиню. Она наотрѣзъ отказалась впустить ее въ свой кружокъ и стала сторониться тѣхъ лицъ, которыя были близки къ Дюбарри. Еще болѣе возмущалась дофина, когда узнала, что графиня Грамонъ была сослана въ изгнаніе въ июлѣ 1770 г. по настоянію самой Дюбарри за недостаточное вниманіе къ фавориткѣ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Марія-Антуанета продолжала относиться небрежно къ Дюбарри и даже упростила Людовика XV разрѣшить графинѣ Грамонъ вернуться въ Парижъ, но не въ Версаль. Это уже было открытой неприязнью къ Дюбарри. Марія-Антуанета рассчитывала опереться на Шуазеля, къ которому она питала благодарность за устроенный съ дофиномъ бракъ. Но она ошибалась: Шуазель не пользовался вліяніемъ уже давно. Его нежеланіе сблизиться съ Дюбарри возбудило въ фавориткѣ ненависть, къ этому прибавились другія причины, и Людовикъ подъ ея вліяніемъ

¹⁾ Princesse et favorite, par le comte Fleuri, «Le Carnet», juin 1902.

выслать Шуазеля въ его замокъ Шантлу. Марія-Антуанета громко сожалѣла объ этой немилости, за что получила замѣчанія отъ Маріи-Терези за слишкомъ горячее участіе въ дѣлѣ Грамонъ, а отъ мужа за Шуазеля, при чемъ онъ напомнилъ ей о прежнихъ интригахъ герцога съ Помпадуръ. Наивная молодая женщина, совершенно предоставленная себѣ и поддававшаяся вліянію дочерей короля, проводила время въ ребяческихъ и пустыхъ занятіяхъ, не подходящихъ наслѣдницѣ престола. Вскорѣ настала свадьба младшаго брата дофина, графа Прованскаго, и Дюбарри отмстила по-своему Марію-Антуанетѣ, окруживъ молодую графиню любезностями и вниманіемъ. Свадебныя празднества были устроены не хуже, чѣмъ у дофина, и фаворитка рѣшила возвысить графиню въ ущербъ Маріи-Антуанетѣ; такимъ образомъ она постаралась возстановитъ другъ противъ друга обѣихъ невѣстокъ. Повелась глухая интрига; Марія-Антуанета не поддавалась. Дюбарри теперь добивалась, чтобы дофина выказала къ ней публично вниманіе, обратившись съ разговоромъ. Король, къ которому приставала фаворитка, не рѣшался взять на себя роль посредника, и было рѣшено обратиться къ помощи австрійскаго посланника, графа Мерси, руководившаго молодой дофиной. Лѣтомъ 1771 г. начались переговоры въ Комьенѣ, куда ежегодно ѣздилъ король. 28 іюля состоялся у графини Валентинуа ужинъ. Нунцій, посланникъ Сардиніи, и графъ Мерси пріѣхали вмѣстѣ и встрѣтили тамъ герцога и герцогиню Эгильонъ, г-жу Форкалькье, прочихъ придворныхъ дамъ и, наконецъ, Дюбарри. Въ первый разъ австрійскій посланникъ встрѣтился съ Дюбарри и понимая, какія ему предстоятъ затрудненія, старался держаться въ сторонѣ, несмотря на видимыя ухаживанія Дюбарри; разговоръ велся посторонній. Фаворитка вскорѣ уѣхала домой. Посланникъ тоже хотѣлъ удалиться, но герцогъ Эгильонъ отвелъ его въ сторону и сказалъ: «Король желаетъ поговорить съ вами наединѣ. Онъ предлагаетъ вамъ повидаться у графини Дюбарри послѣзавтра, возвращаясь съ охоты». Мерси сначала отклонялся, но затѣмъ не колеблясь отвѣтилъ: «Я явлюсь повсюду, куда потребуетъ меня его величество». Отвѣтивъ официальную фразу, онъ съ улыбкой замѣтилъ: «Я не скрою отъ васъ, что этотъ проектъ короля скрываетъ тайную цѣль: чтобы я явился къ фавориткѣ». — «Вы ошибаетесь, — отвѣтилъ Эгильонъ: — король сказалъ мнѣ вчера, что желаетъ видѣть васъ одного, но здѣсь у него не такое помѣщеніе, чтобы принять васъ наединѣ, а потому онъ просилъ васъ быть у г-жи Дюбарри». Мерси пришлось повиноваться, однако онъ воздержался сообщить другимъ посланникамъ о перемѣнѣ своей политики относительно Дюбарри. Но это было излишне; всѣ посланники подпали подъ обаяніе фаворитки и заявили Эгильону, что сдѣлаютъ ей визитъ. Мерси зналъ заранѣе, къ чему поведетъ этотъ визитъ, и рѣшилъ предупредить Марію-Антуанету. Но на другой день онъ не имѣлъ случая бесѣдовать съ ней. Только 30-го утромъ дофина, увидѣвъ у себя вмѣстѣ съ другими посланниками и Мерси, подошла къ нему и лукаво сказала въ полголоса: «Поздравляю васъ съ хорошею компаніей, съ которой вы ужинали въ воскресенье». Мерси ничего не отвѣтилъ, но объяснилъ ей обстоятельства. Въ назначенный часъ посланникъ былъ въ галлерей замка. Эгильонъ проводилъ его къ Дюбарри, которая его встрѣтила очень любезно и пригласила сѣсть возлѣ нея. Вскорѣ герцогиня

Эгильонъ и проч. незамѣтно удалились. Дюбарри и Мерси остались съ глазу на глазъ. — «Я въ восторгѣ, — сказала очень любезно фаворитка: — что мысль короля поговорить съ вами у меня дала мнѣ возможность познакомиться съ вами». Мерси пробормотала полувзвизненіе, но графиня его перебила: «Я хочу воспользоваться этимъ знакомствомъ и довѣрить вамъ одну причину моей печали, которая меня очень огорчаетъ. Вы можете уменьшить это горе». Говоря эти слова, Дюбарри придала голосу нѣжный, даже ласкающій тонъ: — «Уже давно, — продолжала она: — ищутъ случая уронить меня въ умѣ дофины. На меня клеветали самымъ жестокимъ образомъ. Вездѣ говорили, что я отзываюсь непочтительно о принцессѣ, и повторяютъ слова, которыхъ никогда я не произносила... Не говорите мнѣ, нѣтъ, я въ этомъ увѣрена!» — «Я не знаю, графиня, о чемъ вопросъ, — прошептала посланникъ: — развѣ придворныя шлетни имѣютъ какую нибудь важность въ вашихъ глазахъ?» — «Эти шлетни становятся упорны и невыносимы! Подумайте, насколько мое положеніе тяжело. Развѣ я не дѣлаю всего, чтобы сгладить затрудненія? И чѣмъ же я вознаграждена? Дофина меня безпрестанно строго третируетъ. Меня же она не можетъ упрекнуть въ неуваженіи или просто въ легкости выраженій». Мерси прекрасно знала, что Дюбарри называла Марію-Антуанету «маленькимъ рыжикомъ» и другими подобными словами. Небезызвѣстно было ему также, что и дофина въ свою очередь не всегда сдержанно выражалась о Дюбарри. Но его роль была такова, что приходилось только слушать и вставлять малозначительныя восклицанія и протесты. — «Развѣ вы не знаете, — продолжала фаворитка: — что при всякомъ случаѣ я старалась быть пріятной дофинѣ? Еще недавно, когда вопросъ зашелъ о содержаніи ея дома, развѣ я не сказала королю, что онъ не можетъ отказать такимъ благоразумнымъ требованіямъ?» Мерси ничего не могъ возражать: Дюбарри была права въ этомъ отношеніи. Съ ея стороны была только ревность, а со стороны дофины нескрываемое отвращеніе. Наконецъ дверь открылась, и появился король. Послѣ официальныхъ привѣтствій, во время которыхъ Дюбарри удалась, король сказалъ: «До сихъ поръ вы были посланникомъ императрицы, теперь же я прошу васъ быть моимъ посланникомъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время». Затѣмъ король, повидимому, стѣсняясь сказалъ: «То, что я хочу вамъ довѣрить, очень щекотливое дѣло. Я хочу съ вами поговорить наединѣ о дофинѣ... Я люблю ее отъ всего сердца и нахожу очаровательною, но она очень молода, рѣзка и неразумительна, а такъ какъ ея мужъ не въ состояніи руководить ею, то невозможно, чтобы она избѣжала западни, разставленной ей ради интриги... Я знаю, какимъ довѣріемъ вы пользуетесь у ея величества императрицы, и готовъ оказать вамъ мое». — «При отъѣздѣ изъ Вѣны, — сказалъ Мерси: — дофинѣ дано было наставленіе, касавшееся двухъ пунктовъ: во-первыхъ, любить и уважать короля, а затѣмъ выказывать ему во всемъ повиновеніе». — «Я не могу пожаловаться на недостатокъ расположенія дофины. Мнѣ непріятно, — продолжалъ король: — объясняться съ моими дѣтьми, и я прошу васъ взять на себя эту заботу. Я замѣтилъ съ неудовольствіемъ, что дофина поддается предубѣжденіямъ и ненависти, которыя исходятъ не отъ нея, и которыя ей внушены, что она обращается дурно и даже натянута съ

особами, которыхъ я принялъ въ свое частное общество». — «Не должны ли, ваше величество, сами вы дать понять это дофинѣ?» — робко замѣтилъ Мерси. Людовикъ XV смутился и продолжалъ: «Развѣ нельзя требовать отъ нея, чтобы она строго согласовала обращеніе со всѣми представленными ей лицами, чего они имѣютъ право отъ нея ожидать? Противоположное поведеніе создаетъ сцены при дворѣ, порождаетъ злословіе, разжигаетъ умы интригановъ и партій. Вы часто видите дофиню, я прошу васъ сказать ей все, что вы хотите, отъ моего имени; ей даютъ дурные совѣты; не надо, чтобы она слѣдовала имъ». Напрасно Мерси доказывалъ, что приличнѣе и болѣе шансовъ добиться успѣха, если король переговоритъ съ дофиной самъ. Людовикъ XV настаивалъ, и Мерси отвѣтилъ неопредѣленнымъ общаніемъ. Король, найдя, что разговоръ длится слишкомъ долго, призвалъ Дюбарри и герцога Эгильона. Бесѣда приняла другое направленіе, и вскорѣ Мерси удалился. Возвратившись къ себѣ, онъ написалъ письмо Кауницу, въ которомъ обрисовалъ Дюбарри слѣдующимъ образомъ: «У нея довольно хорошія манеры, но ея выраженія очень напоминаютъ ея прежнее положеніе. Повидимому, она не очень умна, но слишкомъ щепетильна относительно всего, что касается мелкаго тщеславія женщинъ ея сорта. Она совсѣмъ не склонна къ злобѣ, мщенію или другимъ ненавистнымъ страстямъ. Зная, чего держаться, легко можно заставить ее говорить, и возможно воспользоваться многими случаями въ этомъ отношеніи. Все ея желаніе, чтобы дофина, хотя разъ, заговорила съ ней». На другой день онъ началъ атаковать Марію-Антуанету. Послѣ утренней прогулки онъ попросилъ у нея аудіенціи, во время которой передалъ желаніе короля. «Такъ всѣ эти переговоры, замѣтила дофина, — клонятся къ тому, чтобы заставить меня заговорить съ Дюбарри?» — «Я въ этомъ не сомнѣваюсь, — отвѣтилъ Мерси. — Впрочемъ, такъ какъ необходимо что нибудь предпринять, то я пришелъ за приказаніями вашего королевскаго высочества». Дофина была въ нервномъ состояніи и недовольная, а потому потребовала, чтобы посланникъ письменно изложилъ свое мнѣніе. Мерси повиновался. На другой день, 1-го августа, король охотился на ланей; дофина слѣдовала въ коляскѣ за нимъ. Преслѣдуемое животное бросилось бѣжать чрезъ засѣянное поле, при чемъ Марія-Антуанета отказалась слѣдовать, говоря, что зрѣлище охоты въ ущербъ хлѣбонашцевъ ей не нравится. Король нѣсколько разъ подходилъ къ ней, садился въ ея коляску и даже бралъ ее къ себѣ на колѣни, оказывая ей «тысячи ласкъ». Марія-Антуанета была въ хорошемъ настроеніи послѣ охоты и вызвала Мерси. «Я рѣшилась, — сказала она посланнику: — я поговорю одинъ разъ съ графиней Дюбарри, при первомъ удобномъ случаѣ. Дофинѣ на это согласенъ». Мерси никакъ не ожидалъ такого быстрого рѣшенія. «Но, — прибавила она: — принцесса Аделаида протестуетъ противъ моего объясненія съ королемъ, такъ какъ оно только поставитъ его въ затруднительное положеніе». Наконецъ, 10 числа, Дюбарри пожелала отправиться на придворное собраніе въ сопровожденіи графини Валентинуа. Мерси, узнавъ объ этомъ, предупредилъ Марію-Антуанету. «Да, я поговорю съ графиней Дюбарри, — отвѣтила она, — но надо, чтобы вы были тоже тамъ. Въ концѣ игры вы приблизитесь къ «этой дамѣ» и будете съ нею разговаривать. Прогуливаясь, я остановлюсь предъ вами». Дофина колебалась окончить свою мысль,

такъ ей было это тяжело. «Насколько я понялъ,— замѣтилъ Мерси:— я долженъ овладѣть вниманіемъ Дюбарри, пока ваше высочество пройдетъ около нея. Тогда, какъ бы «случайно», вы скажете нѣсколько словъ графинѣ... я буду тамъ, чтобы поддержать вашу храбрость, если это потребуется». — «Именно такъ,— отвѣтила Марія-Антуанета:— одна я не осмѣлюсь этого сдѣлать... Эта обстановка необходима, чтобы меня успокоить отъ страха, испытываемаго мною». — «Ваше высочество позволить мнѣ замѣтить, насколько важно, чтобы принятое вами рѣшеніе было твердо». Марія-Антуанета удивилась, что посланникъ сомнѣвается въ твердости ея рѣшенія. Однако она не удержалась и сообщила свой секретъ принцессѣ Аделаидѣ. Дофина пріѣхала съ твердой рѣшимостью сказать Дюбарри нѣсколько словъ. Дюбарри съ графиней Валентинуа уже была тамъ. Замѣтивъ ее, Марія-Антуанета подозвала посланника и сказала ему: «Я очень боюсь... но не беспокойтесь, наше намѣреніе состоится». Началась игра. Черезъ часъ, когда она оканчивалась, дофина отослала Мерси къ фавориткѣ, съ которой онъ долженъ былъ завязать разговоръ. Моментъ приближался, и всѣ глаза обратились на посланника. Дофина начала свой «обходъ», обращаясь съ нѣсколькими словами къ каждой дамѣ. Уже она приближалась къ посланнику и была лишь въ двухъ шагахъ отъ него, какъ вдругъ принцесса Аделаида, слѣдившая все время за нею, сказала громко: «Время ѣхать, отправляемся. Мы поѣдемъ ждать короля у моей сестры Викторіи». Дофина, хотя не была обязана повиноваться теткѣ, однако не колеблясь послѣдовала за ней, и весь планъ рушился. Предъ этою сценой у *mesdames*, какъ называли дочерей Людовика XV, происходила сцена. Онъ порицалъ Мерси за поданный дофинѣ совѣтъ, а послѣдняя защищала посланника. На этотъ разъ даже дофинъ вышелъ изъ обычной апатіи и заявилъ: «По моему мнѣнію, Мерси правъ, а вы не правы». Дюбарри въ это время выходила изъ себя отъ неудачи, происшедшей на глазахъ публики, но не показывала вида и удвоила любезность относительно Мерси за ужиномъ, на которомъ присутствовали всѣ посланники. Мерси выбралъ минуту и объяснилъ герцогу Эгильону, кто помѣшалъ осуществленію плана. Такимъ образомъ онъ выгородилъ Марію-Антуанету. Король, въ свою очередь съ нетерпѣніемъ ожидавшій результата этой исторіи, зашелъ къ Дюбарри послѣ государственнаго совѣта, прежде чѣмъ отправиться ужинать къ дочерямъ. Послѣ ужина онъ опять зашелъ къ фавориткѣ и остался у нея съ посланниками. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ Мерси, не рѣшаясь съ нимъ заговорить. Въ концѣ вечера онъ увлекъ его въ уголъ комнаты и сказалъ: «Ну, что же, г-нъ Мерси, видѣли ли вы дофину? Ваши совѣты безплодны, надо къ вамъ притти на помощь». Марія-Антуанета поняла, что поступила ошибочно, и, нѣсколько дней спустя, сказала Мерси: «Мнѣ всего непріятнѣе опасеніе, что я васъ скомпрометировала. Я понимаю ваше стараніе и, насколько могу, буду слѣдовать вашимъ совѣтамъ. Я вѣрю, что они хорошіе, не сомнѣвайтесь въ этомъ, только я боюсь не понравиться принцессѣ Аделаидѣ». Такъ прошелъ мѣсяцъ, и опять у дофины былъ одинъ отвѣтъ: «Я боюсь тетокъ». Эта подчиненность Маріи-Антуанеты принцессамъ послужила для многочисленныхъ комментаріевъ въ письмахъ между Мерси и Маріей-Терезіей. Послѣдняя, между прочимъ, писала: «Вы не должны ни знать ни видѣть Лабарри (*sic*) иначе, какъ

даму, принятую ко двору и въ общество короля. Вы — первая подданная короля и обязаны ему повиноваться. Вы должны показать примѣръ двору и царедворцамъ, что воля вашего повелителя исполняется. Если бы отъ васъ потребовали униженія, фамильярности, то ни я, никто другой не можетъ вамъ этого совѣтовать; но дѣло идетъ о безразличныхъ словахъ, извѣстныхъ взглядахъ, не для дамы, но для вашего дѣда, повелителя и благодѣтеля. И вы это упустили при первомъ случаѣ, когда могли его обязать и доказать вашу привязанность». Въ своей наивности Марія-Антуанета не подозрѣвала, что ея мать узнала обо всемъ отъ самого Мерси, и писала ей: «Я въ отчаяніи, что вы вѣрите всей жи, которую про меня здѣсь рассказываютъ, предпочитая тому, что можемъ передать вамъ Мерси и я. У меня много причинъ думать, что король самъ не желаетъ моей бесѣды съ Лабарри (Дюбарри), помимо того, что онъ ничего мнѣ объ этомъ не говорилъ. Онъ сталъ ко мнѣ дружелюбнѣе съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что я отказала въ этой просьбѣ. Если бы вы видѣли, какъ я, все, что здѣсь происходитъ, то повѣрили бы, что эта женщина и ея клика не будутъ довольствоваться однимъ моимъ словомъ, и ея требованія снова возобновятся. Вы можете быть увѣрены, что мною не надо руководить въ чемъ бы то ни было, касающемся чести». Этимъ временемъ Дюбарри терпѣливо выжидала и увивалась около Мерси, который, съ своей стороны, не отличаясь строгой нравственностью, наслаждался долгими бесѣдами въ будуарѣ фаворитки, въ качествѣ ментора и совѣтника дофина. Онъ старался внушить Дюбарри, что дофина не питаетъ къ ней ни симпатіи ни ненависти, и что она никогда не имѣла бы случая жаловаться на нее, если бы не ея порабощеніе принцессами. Дюбарри легко этому повѣрила и обратила свой гнѣвъ на дочерей короля и на ихъ придворную даму, графиню Нарбонъ. Послѣдовали безконечныя сцены, и Дюбарри пустила въ ходъ всѣ уловки, чтобы разлучить короля съ дочерьми. Кончилось тѣмъ, что Людовикъ XV вслухъ сталъ жаловаться на поведеніе дочерей и предложилъ отправить ихъ въ небольшое путешествіе, къ себѣ же никого не допускалъ, кромѣ дофина и графини Прованской. Пришла осень; изъ Фонтенебло дворецъ переехалъ на зимнюю квартиру въ Версаль. На время затихнувшія интриги противъ дофина снова возобновились, и Мерси писалъ Маріи-Терезіи, что безпокоится относительно «жестокихъ людей, клеветующихъ на Марію-Антуанету». Въ особенности онъ боялся герцога Эгильона, который, по его словамъ, становился все «чернѣе и чернѣе и заставлялъ трепетать». Партія Дюбарри дошла бы неизвѣстно до чего, если бы дофина, уставъ колебаться между совѣтами тетокъ-принцессъ и Мерси, не рѣшилась повиноваться матери, которая болѣе заботилась о политикѣ, чѣмъ о нравственности. 1-го января 1772 года на парадномъ пріемѣ придворныхъ дамъ, когда Дюбарри, въ сопровожденіи герцогини Эгильонъ и жены маршала Мирнуа, появилась предъ ней, то дофина, сначала заговорившая съ герцогиней, вдругъ сказала, проходя мимо Дюбарри и посмотрѣвъ на нее: «Сегодня много народу въ Версаль». При этихъ простыхъ словахъ дворецъ переполошился. Король, увидѣвъ вечеромъ дофину, обнялъ ее и осыпалъ ласковыми словами. У тетокъ принцессъ же наоборотъ отзывались о ней гнѣвно. «Вотъ дура! — восклицала принцесса Аделаида: — славная исторія!» На другой день за обѣдомъ Марія-Антуанета сказала Мерси: «Я послѣдовала ва-

шимъ совѣтамъ; дофинъ сообщить вамъ о моемъ поведеніи». На ея слова дофинъ принялся смѣяться, не говоря ни слова. Разказавъ все подробно, она окончила словами: «Я говорила съ нею только разъ и твердо рѣшила на этомъ остановиться; эта женщина никогда болѣе не услышитъ звука моего голоса». Матери она написала: «Я не сомнѣваюсь, что Мерси извѣстилъ васъ о моемъ поведеніи въ день Новаго года, и надѣюсь, вы довольны мною. Можете мнѣ повѣрить, что я всегда пожертвую моими предубѣжденіями и отвращеніемъ, пока мнѣ не предлагаютъ ничего безчестнаго и нецѣломудреннаго». Последняя фраза дѣла самолюбіе императрицы, и Марія-Терезія отвѣтила дочери: «Вы заставили меня посмѣяться надъ вашимъ воображеніемъ, будто я или мой министръ можемъ когда нибудь дать вамъ совѣтъ въ ущербъ чести или малѣйшей пристойности». Однако, шагъ, сдѣланный Маріей-Антуанетой, не измѣнилъ ея отношеній къ Дюбарри. Попрежнему она продолжала видѣть въ ней врага и упрекала себя за выказанную слабость. Дофинъ, не терпѣвшій Дюбарри, еще болѣе возбуждалъ жену. Теперь потребовалось много усилія со стороны Маріи-Терезіи и Мерси, чтобы заставить ее вновь заговорить съ Дюбарри. Это случилось въ Компьенѣ: дофина должна была обратиться одновременно къ герцогинѣ Эгильонъ и къ ней съ нѣсколькими словами. Послѣ того Дюбарри представляла ей свою племянницу, виконтессу Адольфъ Дюбарри, урожденную Турнонь, которую маркиза предназначала въ фаворитки королю, что видно изъ ея переписки съ зятемъ. Она предложила сама похлопотать у короля о возвращеніи Грамонъ въ Версаль, но за это хотѣла, чтобы ея племянница имѣла мѣсто въ коляскѣ дофины въ дни охоты. Марія-Антуанета выказала себя безжалостной относительно нея, и въ день представленія она приняла молодую женщину, но не сказала ей ни слова. Также она обошлась и съ другой родственницей фаворитки, маркизой Барри, урожденной Фюмель, которую назначили придворной дамой къ графинѣ д'Артуа. Дюбарри дѣлала всевозможныя усилія, чтобы дофина измѣнила свое поведеніе, но все было напрасно. Тогда фаворитка рѣшила дѣйствовать иначе. Она уже болѣе не жаловалась открыто, а сблизилась со своими прежними врагами, дочерьми Людовика XV, и даже вошла въ кратковременный союзъ съ принцессой Аделаидой, которая рѣшилась написать королю, что подчиняется ему, обѣщая уговорить его внука лучше обращаться съ придворными дамами. Это было слишкомъ. Дофинъ и Марія-Антуанета возмущались: положеніе становилось все болѣе напряженнымъ, и такъ длилось до смерти Людовика XV. Сдѣлавшись королевой, Марія-Антуанета болѣе не опасалась интригъ партіи Дюбарри-Эгильонъ, которую отравили въ ссылку. Но клеветы не прекращались; тетки Людовика XVI видя, что болѣе не властвуютъ надъ умомъ Маріи-Антуанеты, распространяли о ней за границей всевозможныя сплетни.

— Памятникъ Руже де-Лиллю. На-дняхъ Франція вспоминала о создателѣ марсельезы, Руже де-Лиллѣ, и муниципальный совѣтъ Шуази-ле-Руа рѣшилъ воздвигнуть памятникъ надъ его прахомъ. Это уже третій разъ, какъ преобразовываютъ его могилу. Корнедъ Миромонъ въ 1840 г. говоритъ, что первоначально его могила была заброшена, и на ней не находилось никакого знака памяти его согражданъ. Позже другой авторъ уже упоминалъ о лакированномъ

крестъ. Наконецъ А. Леконтъ и Тьерсо говорятъ въ своихъ книгахъ о памятникѣ, который будетъ замѣненъ новымъ. О злополучной судьбѣ французскаго патріота рассказываетъ Петрюсъ Дюрель въ «Nouvelle Revue»¹⁾. «Руже де-Лиль,—говоритъ авторъ,—былъ игрушкою судьбы, которая его возвышала и затѣмъ разбила». Клодъ-Жозефъ Руже родился 10 мая 1760 г. въ Монтегю, маленькой деревнѣ Юры, въ 500 метрахъ на западъ отъ Лонъ-ле-Сольнье. Это была живописная страна съ нѣсколькими развалинами замка, снесеннаго въ 1784 г., великолѣпными равнинами и широкимъ горизонтомъ. Онъ былъ старшимъ сыномъ Клода Игнатъя Руже, перваго адвоката короля при мѣстномъ судѣ, и дѣвицы Гальяндъ. Ихъ фамилія была просто Руже, и его отецъ иногда называлъ себя Руже, дворянинъ Лилия. Первый разъ это имя встрѣчается въ письмѣ автора марсельезы къ своей сестрѣ, которое онъ подписывалъ «М. Руже, такъ называемый Лиль», Ихъ семья унаслѣдовала одну физическую уродливость, и когда авторъ марсельезы достигъ три четверти своей карьеры, то эта уродливость стала у него очень замѣтна. Правильное возвышеніе его праваго плеча перемѣстилось и приподняло правую сторону головы. Такимъ образомъ правая сторона его лица образовала косую линію съ лѣвой стороной. Эта уродливость была и у его брата, но менѣе замѣтна. Онъ былъ искренно убѣжденнымъ республиканцемъ, но миролюбивымъ. Его глубокая любовь къ свободѣ, храброе поведеніе въ отрядѣ генерала Валанса, его борьба противъ эмигрантовъ, не измѣнили отношенія къ нему Робеспьера, и онъ былъ арестованъ по подозрѣнію въ антиреволюціонномъ направленіи. Это вызвало слѣдующее замѣчаніе у члена конвента Жана Дебри 26 мессидора III года: «Я требую, чтобы авторъ гимна марсельцевъ, Руже де-Лиль, былъ занесенъ въ сегодняшнемъ протоколѣ съ хвалебнымъ отзывомъ. Этотъ достойный патріотъ былъ заключенъ шесть мѣсяцевъ въ тюрьму во время тираніи Робеспьера, тогда какъ гимнъ, слова котораго и музыка составлены имъ, велъ нашихъ братьевъ къ побѣдѣ». Руже де-Лиль былъ вспыльчивъ, обладалъ твердой волей и непоколебимой откровенностью. Рассказываютъ, что, однажды, еще юношей, онъ пріѣхалъ въ Версаль къ одной своей двоюродной сестрѣ, придворной дамѣ королевы. Когда онъ находился въ ея комнатѣ, то слышались легкіе шаги. «Спрячьтесь скорѣе, Жозефъ»,—сказала ему тихо родственница, толкнувъ юношу въ уголокъ комнаты за занавѣску. Онъ спрятался и сталъ ожидать. Вошла королева въ сопровожденіи принцессы Елизаветы. На этотъ разъ ея визитъ длился болѣе, чѣмъ предполагалъ молодой человѣкъ; у бѣднаго Руже де-Лилия онѣмѣли члены, и онъ не могъ совладать со своей природной нервностью. Онъ началъ повторять жесты одной изъ дамъ, и шумъ, причиненный движеніями, обратилъ ихъ вниманіе. Двоюродная сестра должна была все объяснить и представила юношу Маріи-Антуанетѣ, которая отъ души посмѣялась, благодаря этому приключенію. Этотъ случай остался въ памяти Руже де-Лилия, и кто знаетъ, не былъ ли онъ причиной его отказа присоединить свою подпись на декретъ о низложеніи короля. Думали даже о публичномъ его удаленіи со службы, но, зная искренность его убѣжденій, ограничились лишь отчисленіемъ его отъ должности инженернаго капитана. Послѣ этого событія онъ

¹⁾ Rouget de Lisle et son frère, par Petrus Durel, «La Nouvelle Revue», juin 1902.

уѣхалъ на два мѣсяца въ Эльзасъ. Возвратившись во Францію, онъ поступилъ подъ начальство Валанса. Революція шла быстрымъ шагомъ; Руже де-Лиль вновь очутился подъ подозрѣніемъ и былъ арестованъ въ концѣ сентября 1773 года, а 16 августа 1794 года освобожденъ. Онъ вышелъ изъ тюрьмы, распѣвая гимнъ термидора, который народъ привѣтствовалъ съ тѣмъ же жаромъ, какъ и первое появленіе марсельезы. Возвратившись въ Монтегю, онъ принялся приводить въ порядокъ дѣла послѣ смерти своей матери въ 1811 году. Но несчастія не оставляли его, и онъ послѣдовательно похоронилъ свою сестру Клодину, а затѣмъ и брата, бригаднаго генерала Пьера Руже, который оставилъ ему пенсію въ пятьсотъ франковъ. Эта сумма ему была недостаточна, и онъ надѣлалъ долговъ, за что въ 1826 году былъ арестованъ. Его положеніе еще ухудшилось вслѣдствіе кражи, произведенной въ его квартирѣ. Много лѣтъ спустя, послѣ дѣятельныхъ хлопотъ, Луи-Филиппъ опредѣлилъ ему пенсію въ 1.500 франковъ, которой онъ уплачивалъ долги. Но судьба не давала ему успокоиться, и онъ запутывался вновь въ долги не по своей винѣ. Оставшись одинъ, онъ долженъ былъ продать землю въ Монтегю и удалился въ Шуази къ одному своему другу, по имени Венару, гдѣ жилъ, какъ членъ его семьи. «Онъ часто сожалѣлъ,—разсказывалъ Венаръ,—что злонамѣренные люди пѣли иногда его гимнъ, который онъ составилъ, чтобы поддерживать пылъ въ солдатахъ, а не возбуждать гражданъ ихъ общей родины одного противъ другого, для удовлетворенія ихъ ненависти или соперничества». 26 іюня 1836 года Руже де-Лиль умеръ въ домѣ своего искренно преданнаго друга въ Шуази де-Руа. Послѣ его смерти неоднократно оспаривалось его авторство марсельезы. Не только во Франціи, но даже въ Германіи являлись претенденты на его произведеніе. Такъ въ однихъ воспоминаніяхъ подъ названіемъ : *An Englishman in Paris*, приводится слѣдующая сцена свиданія Руже де-Лилиа съ Александромъ Буше, который считалъ себя настоящимъ создателемъ марсельезы. «Я похвалилъ автора гимна,—говорилъ Буше,—за благородство и краснорѣчіе словъ марсельезы, но я заботился не говорить о музыкѣ». — «А что же вы ни слова не говорите о музыкѣ?»—спросилъ его Руже де-Лиль. — «Развѣо на вамъ не нравится?» — «Напротивъ, есть причины, чтобы она мнѣ очень нравилась»,—возразилъ Буше съ значительнымъ выраженіемъ. — «Ну, хорошо, я хочу быть съ вами откровеннымъ,—сказалъ Руже де-Лиль:—не я сочинилъ музыку, я слышалъ ее въ Марселѣ, находясь въ заключеніи въ крѣпости Св. Іоанна, и только переписалъ». — «Что вы мнѣ говорите, меня нисколько не удивляетъ,—отвѣтилъ Буше:—такъ какъ я долженъ вамъ признаться, что предъ вами композиторъ марсельезы». Руже де-Лиль нѣсколько смутился, но скоро оправился и сказалъ: «И такъ, дорогой Буше, я очень опасаясь, что вы навсегда будете обобраны, такъ какъ ваша музыка и мои слова такъ подходятъ другъ другу, какъ будто два цвѣтка на одномъ стеблѣ, и даже, если я объявлю о моемъ долгѣ вамъ, никто мнѣ не повѣритъ». — «Что было мнѣ отвѣчать,—разсказывалъ Буше:—я былъ обезоруженъ этимъ чисто сердечіемъ и сказалъ: берите все себѣ; безъ вашего генія мой маршъ былъ бы давно забытъ. Вы ему придали грамоту дворянства. Онъ вашъ навсегда». Вотъ почему Руже де-Лиль остался полнымъ обладателемъ марсельезы, если эта легенда вѣрна.

— Парижскій салонъ принцессы Бельджюдджозо. Недавно въ «Мелочахъ» мы упоминали о русскихъ салонахъ въ Парижѣ, теперь въ «Revue Bleue»¹⁾ Морисъ Мюре сообщаетъ еще объ одномъ салонѣ, хотя не русскомъ, но раздѣлявшемъ успѣхъ, которымъ пользовались въ 1835 г. салоны княгини Ливень, госпожи Свѣчиной и госпожи Сиркуръ. Это былъ салонъ итальянки, принцессы Бельджюдджозо. Авторъ не очень любезно признается, что царство этихъ четырехъ салоновъ положило начало упадку парижскихъ салоновъ, отличавшихся прежде тонкимъ кокетствомъ. Еще госпожа Рекамье сколько нибудь требовала отъ своихъ гостей, говоритъ авторъ, выдержки и сама служила примѣромъ сдержанности и достоинства: она ненавидѣла умышленныя странности и заученныя эксцентричности. Нельзя сказать того же объ ея преемницахъ. Самая плѣнительная изъ нихъ, безъ сомнѣнія, была принцесса Бельджюдджозо, но она отличалась шумливой внѣшностью и постояннымъ стараніемъ бить на эффектъ. Иноземный характеръ этой дамы отпечатывался въ малѣйшихъ подробностяхъ ея существованія. Она была болѣе чѣмъ интересна, необыкновенной красоты, талантлива и даже обладала нѣкоторыми добродѣтелями, но ей не хватало деликатности, такта, мѣры и вкуса. Принцесса Эристина Бельджюдджозо родилась 28 іюня 1808 года, въ одномъ старомъ дворцѣ въ Миланѣ, въ семьѣ Тривульціо. Эта фамилія была одна изъ самыхъ древнихъ и благородныхъ въ Миланѣ и даже играла нѣкоторую роль въ исторіи Італіи и Франціи. Въ это время ломбардская аристократія была возбуждена противъ австрійскаго владычества, и это возбужденіе отражалось на всей Італіи, поэтому Христина воспитывалась въ любви къ свободѣ и ненависти къ германскому игу. Шестнадцати лѣтъ она вышла замужъ за итальянскаго принца, Эмилио Бельджюдджозо, который, послѣ разсѣянной жизни кутилы, сдѣлался политикомъ. Общая ненависть къ Германіи обманула молодыхъ людей, и они приняли ее за любовь. Вскорѣ они поняли ошибку и, возвратившись въ Миланъ, начали жизнь, хотя совмѣстную, но какъ два посторонніе человека, связанные лишь политическими идеями. Въ 1831 году Жозефъ Мадзини основалъ въ Марсели тайное общество подѣ названіемъ: «Молодая Італія», направленное противъ Австріи, и принцъ Бельджюдджозо тотчасъ же сдѣлался его членомъ. Однако, Австрія скорѣ узнала объ его существованіи, и уголовный судъ въ Миланѣ возбудилъ противъ нихъ дѣло. Францъ-Іосифъ I, думая, что будетъ лучше дѣйствовать на заговорщиковъ милосердіемъ, отпустилъ ихъ на свободу. Вырвавшись изъ австрійскихъ рукъ, принцъ и его жена уѣхали въ Парижъ. Австрійскій императоръ ошибся; они не только не оставили мысли о заговорѣ, но еще съ большимъ рвеніемъ предалися ему. Парижъ въ то время былъ центромъ всевозможныхъ заговорщиковъ, и, со дня пріѣзда, принцъ сдѣлался душою собраній въ улицѣ Пелетье. Вскорѣ онъ очаровалъ всѣхъ своими чуднымъ голозомъ, манерами и щедростью, которою онъ хотѣлъ доказать, что онъ человекъ состоятельный. Но это было фиктивное богатство, такъ какъ ихъ состояніе было секвестровано австрійскимъ правительствомъ послѣ ихъ бѣгства въ Парижъ, и принцессѣ Христинѣ приходилось зарабатывать ручнымъ тру-

¹⁾ Un salon sous Louis Philippe, par Maurice Muret. Revue Bleue, 1902, 12 juillet.

домъ пропитаніе. Она разрисовывала вѣра и другія бездѣлушки, которыя у нея покупали изъ состраданія. Какимъ образомъ она познакомилась съ Тьеромъ, — нѣтъ свѣдѣній; одно извѣстно, что векорѣ онъ сдѣлался близкимъ человѣкомъ въ домѣ. Насколько принцесса любила эффекты, видно изъ надписи, которую она сдѣлала на двери своего жилища: «Несчастливая принцесса». Она придавала своему лицу печальный видъ, чтобы сильнѣе выразить патріотическое горе, что очень шло къ ея роду красоты. Тьеръ проводилъ около красавицы цѣлыя часы и даже приготавливалъ ей завтраки, далеко не сложные, состоящіе изъ двухъ яицъ. Онъ покровительствовалъ ея друзьямъ и защищалъ у Луи-Филиппа дѣло итальянскихъ изгнанныхъ. Черезъ него принцесса попала въ салоны госпожи Рекамье и Лафайета. Благодаря ему, австрійское правительство возвратило имъ часть конфискованнаго состоянія, и принцесса переехала въ кокетливое помѣщеніе въ улицѣ Анжу, которое сдѣлалось средоточіемъ блестящаго общества. Обстановка ея жилища была на эффектъ. Въ особенности спальная отличалась эксцентричностью. Посрединѣ комнаты возвышался бѣлый *grie-Dieu*, украшенный человѣческимъ черепомъ. Въ прихожей всегда находился негръ въ тюрбанѣ. Но сама принцесса и ея одежда едва ли не были еще страннѣе. Она была высокаго роста, худая, блѣдная. При освѣщеніи ея блѣдность казалась голубовато-зеленой, какъ будто она принимала *datura stramonium*, и только два черные глаза оттѣняли ее. Густые черные волосы, причесанные съ пробормомъ, служили красивой рамкой. Она казалась призракомъ, а по словамъ ея враговъ—мертвецомъ. «Она, должно быть, отличалась красотой при жизни!»—замѣтилъ однажды одинъ изъ ея непріятелей. Въ романтическую эпоху она прекрасно воплотила романтическій идеалъ. Принцесса принимала безъ различія всѣхъ: политическихъ дѣятелей, музыкантовъ, поэтовъ и т. д. Она, говорятъ, питала продолжительную и глубокую страсть къ историку Минье. Тьерри, Гюго, Сень-Бенъ, Шатобрианъ, Вальзакъ и Кавуръ бывали въ ея гостиной. Многіе актеры и актрисы присутствовали на ея собраніяхъ, и Гризи не разъ вызывала тамъ восторгъ слушателей. Однако принцесса Христина не умѣла себя сдерживать, и въ нѣкоторыхъ положеніяхъ ей совершенно не хватало такта. Однажды Александръ Дюма, находившійся въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Идой Феррье, актрисой изъ Французской Комедіи, привезъ ее со своейственной ему развязностью къ принцессѣ. Актриса была красивая блондинка, отличавшаяся формами классической красоты. При ихъ появленіи Христина подарила Дюма улыбкой, на красавицу же не обратила ни малѣйшаго вниманія, найдя, что незванная гостья очень дурного тона. Эта щепетильность тѣмъ болѣе была странна, что сама хозяйка дома не отличалась строгою нравственностью, и ея поступокъ былъ проявленіемъ зависти. Такъ Ида Феррье болѣе очевидно не показывалась въ ея салонѣ. Въ другомъ случаѣ она выказала еще большую нетактичность. Ее посѣщали три художника: Жераръ, Леманъ и Делакруа. Послѣдній явился къ ней однажды на дачу въ Портъ-Марли и неожиданно услышалъ ея разговоръ съ однимъ итальянцемъ, Биксіо, относительно отрицательныхъ качествъ французовъ и итальянцевъ. Принцесса отстаивала своихъ соотечественниковъ, ея оппонентъ—французовъ. Послѣдній настаивалъ на томъ, что-то его мнѣнію, французы болѣе итальянцевъ держатся своихъ принциповъ.

Его противница разгорячившись закричала ему: «Какъ, вы итальянецъ, и поддерживаете подобное мнѣніе? Но изъ какого принципа французъ откажется отъ обѣда?» При этихъ словахъ Делакруа, входившій въ комнату, быстро повернулся, какъ бы получивъ пощечину, и вышелъ, чтобы больше никогда не возвращаться. Леманъ былъ нѣмецкаго происхожденія, но посвятилъ свой талантъ Парижу, и лучшіе его портреты были съ принцессою Христины. Поэтъ Гейне былъ тоже свой человѣкъ у нея въ домѣ. Ихъ отношенія начались съ перваго знакомства и оставались превосходными. Какъ и всѣ, кто приближался къ ней, Гейне мечталъ владѣть ея сердцемъ, но вскорѣ онъ увидѣлъ, что ему не добиться ничего, и довольствовался дружескими отношеніями. Черезъ нее онъ познакомился съ Минье, который его представилъ Тьеру. Послѣдній доставилъ поэту изъ секретныхъ фондовъ ежегодную пенсію въ 4.800 франковъ. «Исторія этой пенсіи темна, — говоритъ авторъ, — и служитъ однимъ изъ менѣе славныхъ эпизодовъ въ жизни Гейне, отвѣтственность за который лежитъ на Христинѣ Бельджюджозо. Гейне увеселялъ хозяйку дома и ея гостей нападками на Виктора Кузена, котораго онъ ненавидѣлъ. Когда же раздосадованный философъ уходилъ, то его насмѣшки обращались на Беллини. Остроумный Гейне, а главное злой, представлялъ въ смѣшномъ свѣтѣ всѣ даже незначачіе недостатки композитора. Несмотря на то, что поэтъ самъ дурно произносилъ по-французски и говорилъ всегда *ronpoung*, онъ старательно осмѣивалъ произношеніе Беллини, и принцесса находила это остроумнымъ. Гейне очень благоразумно поступилъ, когда Христина отстранила его, какъ любовника, и онъ занялъ мѣсто домашняго человѣка. Не такъ-то легко сдался Мюссэ. Любовь къ принцессѣ дѣлала его положительно несчастнымъ. Онъ познакомился съ ней у Лафайета. Затѣмъ встрѣчалъ ее въ Версалѣ, гдѣ жилъ нѣкоторое время такъ же, какъ и принцесса. Во время совмѣстныхъ прогулокъ онъ декламировалъ страстнымъ голосомъ стихи, а принцесса слушала его въ восхищеніи съ улыбкой на устахъ. Но, по словамъ Луизы Коле, Мюссэ утомилъ сентиментальный флиртъ, и онъ рискнулъ перейти отъ страстныхъ словъ къ дѣлу. Принцесса прикинулась испуганной и бросилась бѣжать. Мюссэ кинулся за ней, но въ темнотѣ онъ наткнулся на стволъ дерева и тяжело ушибся. Тогда принцесса приютила его у себя и нѣжно ухаживала, пока онъ былъ прикованъ къ постели. Съ того момента онъ еще сильнѣе влюбился въ нее. Принцесса не оставалась равнодушной, но этимъ все ограничивалось, и ея страсть не проявлялась фактически. Мюссэ наконецъ надоѣла роль игрушки, и его любовь обратилась въ ненависть. На балу у красавицы онъ началъ ухаживать за одной молодой дѣвушкой. Принцесса не могла примириться съ мыслью, что ее можно такъ скоро забыть, и на другой день утромъ она отправилась къ одной дамѣ, близкому другу Мюссэ. Описывая балъ, она замѣтила вскользь: «Я надѣюсь, что Мюссэ оцѣнилъ красоту г-жи С., какъ это сдѣлала я. Это приведетъ къ счастливой перемѣнѣ въ чувствахъ, которыя онъ будто бы питаетъ ко мнѣ, и которыя портятъ наши отношенія». Это была дипломатическая уловка кокетки, не желавшій потерять своей жертвы. Но это не было концомъ. Нѣсколько времени спустя, на одномъ вечерѣ Мюссэ развлекался, рисуя карикатуры, и высказывалъ мнѣніе, что можно сдѣлать смѣшнымъ самое красивое лицо. Кто-то сказалъ: «Только

не принцессы Христины». — «Нѣтъ, и ея, какъ и другія», — возразилъ Мюссэ. И на ея глазахъ онъ сдѣлалъ смѣшной набросокъ ея портрета. Принцессу это уязвило настолько, что и на этотъ разъ она не сумѣла сдержаться. Съ этого вечера ихъ отношенія порвались. Затѣмъ въ «Revue des deux Mondes» появились стихи Мюссэ «Sur une morte». Принцесса узнала себя въ стихахъ, но не показывала вида и въ продолженіе двухъ недѣль спрашивала всѣхъ: «Читали вы стихи Мюссэ «Sur une morte»? Кажется, эта — покойница — Рашель». Но, однажды, она попала на человѣка хитрѣе ея, и на ея вопросъ онъ отвѣтилъ: «Это, должно быть, Рашель, такъ какъ она сказала вчера вечеромъ Бюлозу при всѣхъ: вы только что напечатали въ «Revue» стихи Мюссэ, посвященные принцессѣ Бельджіоджозо»... Но положеніе хозяйки салона не удовлетворяло принцессу Христину, ей хотѣлось литературныхъ лавръ, и она напечатала новеллы, отрывки изъ путешествій: «Опытъ на образованіе католическихъ догматовъ», который произвелъ большой шумъ. Въ концѣ ея жизни она перешла отъ богословія къ социологіи и написала различные трактаты, въ которыхъ заранѣе предвидѣла современный феминизмъ. Эта странная женщина не только царилла въ своемъ салонѣ, но даже занимала постъ главнокомандующаго въ 1848 г., когда вспыхнула революція въ Миланѣ. Она оснастила корабль и вооружила на свой счетъ двѣсти волонтеровъ. Это было для нея торжествомъ: итальянцы привѣтствовали ее криками и сравнивали съ Іоанной д'Аркъ. Принцесса не въ шутку вошла въ свою роль и даже составляла планы атаки, и подписывала назначенія въ различные чины слѣдующимъ образомъ: «Мы, княгиня Бельджіоджозо, назначаемъ» и т. д. Конецъ ея жизни былъ печаленъ. Почти разоренная своими безумными расходами, принцесса думала поправить свое состояніе покупкою земли около Ангоры, которую она хотѣла обрабатывать подъ своимъ присмотромъ. Но въ этомъ дѣлѣ она потеряла остатки состоянія. Старая и желчная она вернулась въ Миланъ, чтобы тамъ умереть, и 5 іюля 1871 г. ея не стало. Что касается ея мужа, то во время ея господства въ салонѣ онъ велъ самую скандальную и развратную жизнь. Среди шумнаго веселаго существованія онъ страстно влюбился въ герцогиню Піаченце. Отвѣчая ему такой же пылкой любовью, герцогиня покинула съ нимъ Парижъ и поселилась въ виллѣ Бельджіоджозо на берегу озера Комо. Восемь лѣтъ они жили влюбленные другъ въ друга. Но въ одинъ прекрасный день герцогиня бросила его и отправилась въ Миланъ, гдѣ ее ожидалъ обожатель, моложе принца Бельджіоджозо. Принцъ съ горя умеръ.

С М Ъ С Ъ.

СТОЛѢТІЕ рожденія П. С. Нахимова. 23-го іюня исполнилось столѣтіе рожденія Нахимова. Память его Севастополь уже ранѣе почтилъ наименованіемъ главной улицы Нахимовскимъ проспектомъ, постановкой изящнаго памятника на площади передъ Севастопольскимъ морскимъ собраніемъ и учрежденіемъ въ музеѣ Севастопольской обороны Нахимовскаго уголка, гдѣ въ стеклянной витринѣ хранятся вещи, принадлежавшія покойному адмиралу, и крестикъ, выдѣланный изъ его лобной кости—лѣваго виска, въ который онъ былъ смертельно раненъ. Севастополь, составляющій до сихъ поръ живой памятникъ героической обороны, хранитъ въ средѣ участниковъ Севастопольской кампаніи много воспоминаній о Нахимовѣ. Малаховъ курганъ, находящійся въ получасовомъ разстояніи отъ города, воскрешаетъ въ памяти посѣтителей обстановку, при которой происходила отчаянная защита города отъ непріятельской бомбардировки. Здѣсь уцѣлѣло подземелье-укрѣпленіе (верхняя часть его разрушена), служившее для военнаго совѣта, походнаго обѣда и кратковременнаго отдыха Нахимова и другихъ начальствующихъ лицъ. Въ виду приближенія полувѣкового юбилея Севастопольской обороны комиссія подъ предсѣдательствомъ великаго князя Александра Михайловича озаботилась уже, какъ о сохраненіи всѣхъ военныхъ памятниковъ Малахова кургана, такъ и о возстановленіи по возможности картины расположенія нашихъ войскъ во время защиты Севастополя: нашихъ батарей и редутовъ. Карты и планы, хранящіеся въ Севастопольскомъ музеѣ, или личные рассказы немногихъ остающихся въ живыхъ свидѣтелей обороны, помогутъ успѣшному выполненію этой задачи. Ма-

лаховъ курганъ довольно круто поднимается надъ окрестною низиною; съ вершины его открывается видъ на Севастополь, на бухты, гдѣ бытъ затопленъ флотъ для прекращенія доступа непріятелю, и на мѣсто нахождения союзнаго флота. Кромѣ самаго Севастополя, нѣкоторыя воспоминанія о военныхъ подвигахъ 1854—1855 гг. хранитъ расположенная въ 12 верстахъ отъ Севастополя Балаклава. Она составляетъ нынѣ молодой курортный центръ Крыма (морскія купанья). Англійскіе корабли подходили къ берегамъ Балаклавы; во время сильнаго шторма здѣсь погибъ корабль, нагруженный англійскимъ золотомъ. Севастополь совмѣстно съ Балаклавой представляютъ обширный и интересный районъ памятниковъ непріятельской осады. Могила П. С. Нахимова находится въ севастопольско-адмиральскомъ соборѣ, въ верхней части города; на мраморныхъ плитахъ вы читаете, кромѣ имени П. С. Нахимова, имена другихъ защитниковъ Севастополя: адмираловъ Корнилова, Лазарева, Истомина, Шестакова и генераль-адъютанта Перелешина, сподвижника Нахимова по Синопскому сраженію, бывшаго впоследствии первымъ градоначальникомъ Севастополя. Въ этой исторической обстановкѣ и происходили нынче юбилейныя торжества, нашедшія отзывъ и по всей Россіи, какъ въ печати, такъ и въ общественныхъ учрежденіяхъ, особенно же въ морскомъ вѣдомствѣ. Память доблестнаго русскаго гражданина чествовалась отъ Кронштадта до Владивостока, отъ Севастополя до Архангельска, но, конечно, центромъ торжествъ былъ Севастополь. 22 іюня утромъ въ верхнемъ храмѣ св. Владимира была совершена заупокойная литургія. Постѣ нея въ нижнемъ храмѣ, гдѣ подъ общимъ мраморнымъ крестомъ покоятся Корниловъ, Истоминъ, Лазаревъ и Нахимовъ, совершена панихида по чествуемому адмиралѣ. Литургію и панихиду совершало все мѣстное духовенство въ сослуженіи защитника Севастополя, живущаго здѣсь на покой, протоіерея Сокальскаго. Надъ могилою держали адмиральскій флагъ, который былъ въ процессіи при похоронахъ Нахимова. Въ храмѣ за общемою молитвою собралось начальство Севастополя, съѣхавшіеся на торжество моряки, герои крымской войны и родственники покойнаго. Въ морскомъ собраніи лейтенантомъ Бѣлавенцемъ прочитана популярная лекція о личности Нахимова и его великихъ подвигахъ. Городъ былъ празднично украшенъ. 23 іюня чествованія продолжались. Въ центрѣ города, на Екатерининской площади, около памятника Нахимову, построились войска, къ которымъ присоединились кадеты перваго петербургскаго корпуса, нижніе чины-участники Синопскаго сраженія и обороны Севастополя. Послѣдняя группа старыхъ воиновъ оставивала на себѣ вниманіе зрителей: убѣленные сѣдинами ветераны съ грудью, покрытою многими знаками отличія, являлись живыми свидѣтелями былыхъ подвиговъ, создавшихъ незыблемую славу Черноморскому флоту. Около утопавшаго въ зелени памятника и въ сквозномъ задрапированномъ флагами павильонѣ собрались власти, начальники частей, чины морского, военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, представители города, разныхъ учреждений, учащіеся, приглашенные на торжество защитники Севастополя, участники Синопскаго боя. Почетные часовые всѣхъ родовъ оружія отъ бывшихъ въ Севастополь въ время обороны частей занимали мѣста кругомъ памятника. Духовенство во главѣ съ протоіереемъ Сокальскимъ, окончивъ служеніе литургіи въ древнемъ

храмъ Михаила Архистратига, гдѣ въ крымскую войну отпѣвали тѣло Нахимова, пришло къ памятнику и совершило молебствіе съ возглашеніемъ царскаго многолѣтія и вѣчной памяти героямъ Синопа и Севастополя, многолѣтія побѣдоносному русскому флоту и воинству. Стоящіа на рейдѣ суда загрѣмили императорскимъ салютомъ и расцѣтились флагами. Главный командиръ Черноморскаго флота адмиралъ Тыртовъ, обходя линіи войскъ, здоровался. Оркестры играли встрѣчный маршъ Нахимова, подѣ звуки котораго возвращалась въ Севастополь послѣ боя подѣ Синопомъ эскадра адмирала. Затѣмъ, по отданіи чести Нахимову, войска построились въ колонны и прошли церемониальнымъ маршемъ мимо памятника и дома, гдѣ постоянно жилъ покойный адмиралъ. Густыя толпы народа опоясывали площадь и запружали ведущія къ ней улицы. Въ гостиницѣ Ветцель, бывшемъ казенномъ зданіи комитета, гдѣ жилъ Нахимовъ, морскимъ духовенствомъ въ присутствіи властей и публики совершена была панихида по адмиралѣ. Въ казармахъ морское вѣдомство устроило обѣдъ для нижнихъ чиновъ, участниковъ Синопскаго сраженія и обороны Севастополя. Собравшіеся ветераны вели оживленную бесѣду съ молодыми окружавшими ихъ матросами, вспоминая подвиги и эпизоды военной жизни обожаемаго ими адмирала Нахимова. Нижнимъ чинамъ и народу раздавали брошюры ген. Богдановича о Нахимовѣ. Юбилейный Нахимовскій обѣдъ въ морскомъ собраніи отличался большимъ оживленіемъ. Возлѣ каждаго прибора лежало меню съ программой музыки, украшенное видомъ памятника Нахимову. Среди присутствовавшихъ находились власти, участники Синопскаго сраженія и славной обороны Севастополя, родная племянница чествуемаго, г-жа Спицына. Когда подали шампанское, главный командиръ черноморскаго флота, адмиралъ Тыртовъ, поднявъ бокаль за государя и весь царствующій домъ. Отвѣтомъ было дружное, долго несомлавленное «ура», слившееся съ звуками народнаго гимна. Затѣмъ слѣдовали тосты за великихъ князей Михаила Николаевича и Алексѣя Александровича, морского и военнаго министровъ, главнаго командира адмирала Тыртова, за черноморскій флотъ и гарнизонъ Севастополя и за собравшихся почтить память столѣтія дня рожденія незабвеннаго героя, за участниковъ Синопскаго боя и Севастопольской обороны, за нынѣ здравствующихъ родныхъ и близкихъ адмирала. Вслѣдъ за тостами начались рѣчи. Общій восторгъ вызвало сообщеніе отвѣтной телеграммы государя на имя главнаго командира: «Передайте чинамъ черноморскаго флота и севастопольскаго гарнизона мою благодарность и увѣренность въ томъ, что они будутъ попрежнему свято хранить завѣтъ адмирала Нахимова. Примѣръ великаго нашего морскаго учителя долженъ возбуждать подражаніе въ каждомъ русскомъ морякѣ. Николай». Телеграмма вызвала восторженное «ура», слившееся съ повторяемымъ народнымъ гимномъ. Затѣмъ прочитана телеграмма августѣйшаго севастопольца: «Мысленно съ вами и моряками славнаго черноморскаго флота на торжествѣ въ память незабвеннаго Павла Степановича. Крайне сожалѣю, что не могу быть въ средѣ вашей у подножія его памятника. Дай Богъ, чтобы чудные завѣты адмирала Нахимова вѣчно жили въ сердцахъ нашего флота и всей арміи. Михаилъ». Долго разносилось «ура». Съ большимъ вниманіемъ выслушана телеграмма генерала Богдановича. Было прочитано еще много привѣтственныхъ

телеграммъ, въ томъ числѣ отъ старыхъ севастопольцевъ и родственниковъ Нахимова, не имѣвшихъ возможности пріѣхать на торжество. Послѣ обѣда въ морскомъ собраніи состоялись танцы. Залитый огнями залъ, въ которомъ по стѣнамъ были развѣшены собранныя картины, изображающія различные моменты военной жизни Нахимова, наполнился гостями, представляя въ общемъ прекрасную картину. Всюду замѣчалась простота, вполне отвѣчавшая взглядамъ Нахимова. Игралъ флотскій оркестръ музыки. Оживленные танцы продолжались до глубокой ночи. Гости, оставляя собраніе, уносили лучшія воспоминанія о проведенномъ времени среди весьма любезныхъ и внимательныхъ хозяевъ-моряковъ. На разсвѣтъ погода рѣзко измѣнилась. Подулъ холодный вѣтеръ и развелъ въ морѣ волненіе, граничащее со штормомъ. На рейдѣ въ южной бухтѣ образовалась толча: катера и шлюпки съ трудомъ поддерживали сообщеніе съ берегомъ и судами. Назначенная парусная гонка на соисканіе приза въ честь Нахимова по случаю дурной погоды была отложена. Кромѣ Севастополя, особенно торжественно былъ отпразднованъ юбилей въ Кронштадтѣ и Портъ-Артурѣ на крейсерахъ «Адмиралъ Нахимовъ».

Памятникъ пребыванія Петра Великаго въ Лондонѣ. Въ лондонской посольской церкви праздновалась 230-лѣтняя годовщина рожденія Петра Великаго въ связи съ его пребываніемъ въ Лондонѣ въ 1698 году. Празднованіе это имѣло особый поводъ и характеръ. Въ прошломъ сентябрѣ Лондонъ постигла, какъ извѣстно, первая экспедиція русскихъ сельскихъ хозяевъ, организованная императорскимъ московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства. Члены экспедиціи при посѣщеніи Дентфордскихъ доковъ напрасно искали доски, нѣкогда напоминавшей, что въ Дентфордѣ, тогда еще загородномъ мѣстечкѣ, жилъ и работалъ собственноручно на докахъ Великій Петръ. Доска эта, уничтоженная пожаромъ, не была замѣнена новой, и память о пребываніи и трудахъ императора-преобразователя нынѣ ничѣмъ не ознаменована. По возвращеніи въ Россію, члены экспедиціи нашли необходимымъ восполнить этотъ пробѣлъ. Собравъ по добровольной подпискѣ 300 рублей, они препроводили ихъ къ С. С. Татищеву съ просьбою осуществить проектъ. Въ подпискѣ участвовали: верхнедѣвровскій предводитель дворянства д. с. с. Э. К. Бродскій, землевладѣлецъ Екатеринославской губерніи И. В. Тищенко, землевладѣлецъ Тобольской губерніи колл. сов. И. Трофимовъ, землевладѣлецъ Смоленской губерніи И. Голынский, магистрантъ ветеринарныхъ наукъ колл. сов. Н. Кулешовъ, профессоръ зоотехніи, членъ совѣта Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, стат. сов. И. Кулешовъ, курганскій купецъ Ѳ. С. Гусевъ, студентъ императорскаго С.-Петербургскаго университета В. Бродскій, землевладѣлецъ Ставропольской губерніи агрономъ І. Т. Пвановъ, землевладѣлецъ Ставропольской губерніи П. Т. Рудневъ, области Войска Донскаго предводитель дворяншинъ, камергеръ высочайшаго двора В. И. Денисовъ, секретарь кавказскаго отдѣла комитета овцеводства императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства К. Н. Фурсенко. Посольство получило разрѣшеніе англійскаго правительства. Доска была выставлена въ нашей церкви, и на ней по-русски и по-англійски начертано слѣдующее:

Въ память
 пребыванія въ Лондонѣ и его предмѣстьяхъ
 Петра Великаго,
 Императора и Самодержца Всероссійскаго,
 Безсмертнаго Преобразователя Россіи,
 съ 11-го (21-го) февраля по 21-е апрѣля
 (1-го мая)
 МDCCXCVIII

Сооружено пждивеніемъ русскихъ сельскихъ хозяевъ, посѣтившихъ Великобри-
 танію въ сентябрѣ
 MCM.

Значеніе этого проявленія русскаго народнаго самосознанія освѣщено въ словѣ, сказанномъ настоятелемъ нашей посольской церкви, о. Смирновымъ, при окончаніи обѣдни 26-го мая. Приведемъ заключительныя слова этой рѣчи: «Петръ Великій—это наша народная слава и наша общерусская гордость. Если при его имени усиленно бьется сердце и окрыляется мысль русскаго всякаго человѣка въ предѣлахъ нашего дорогого отечества, то тѣмъ большій патріотическій подъемъ ощущаетъ каждый русскій, живя или находясь за рубежомъ Россіи. Самосознаніе народное усиливается въ немъ, крѣпнеть и требуетъ вышшаго обнаруженія. Доска сія есть естественный плодъ патріотическаго самосознанія, и мы погрѣшили бы противъ русскихъ сельскихъ хозяевъ первой партіи, если бы не помянули ихъ добромъ. Честь имъ и слава, что, прибивъ сюда, они пожелали увѣковѣчить не для русскихъ только, но и для обывателей сей страны память о великомъ царѣ русскомъ, трудившемся въ Деуффордѣ во славу и для величія Россіи».

Домикъ Петра Великаго въ Гапсаль. Мало кому извѣстно, что въ Гапсаль, уѣздномъ городкѣ Эстляндской губерніи, знаменитомъ своими цѣлебными грязями и морскими купаньями, имѣется домикъ, связанный съ именемъ Петра Великаго. Домикъ этотъ стоитъ на углу Рыцарской и Нѣмецкой улицъ, возлѣ русской церкви. Съ улицы домъ ничѣмъ не отличается отъ сосѣднихъ домовъ, но со стороны двора разница замѣтна хорошо: старыя потемнѣвшія стѣны рѣзко выдѣляются отъ свѣтлаго фона сосѣдней позднѣйшей пристройки. Преданіе говоритъ, что 22 іюля 1715 года царь Петръ прибылъ на галерахъ въ Гапсаль, высадился въ мѣстности, называемой теперь Царскимъ мѣстомъ (Kaisersort), осмотрѣлъ гавань, старый замокъ и церковь (уже тогда пришедшіе въ ветхость) и отпразднелъ въ имѣніи Линденъ, гдѣ посѣтилъ вдову барона Унгернъ-Штернберга. Возратившись въ Гапсаль, царь пробылъ нѣсколько часовъ въ домѣ судьи, обѣдалъ здѣсь и затѣмъ выѣхалъ черезъ Падисъ въ Балтійскій портъ, а оттуда въ Ревель.

Нѣкто Н. Самойловъ, посѣтившій въ 1840 году Гапсаль и издавшій въ 1842 году книжку подъ названіемъ «Гапсаль, древній разрушенный замокъ въ Эстляндіи, и при ономъ того же имени уѣздный городъ», такъ описываетъ

этотъ домъ, перестроенный около 1893 года (Russwurm, Das Schloss zu Narsal, стр. 85): «Домъ деревянный на каменномъ основаніи, большой, раздѣленный на двѣ половины, и въ то время, какъ должно полагать, былъ одинъ изъ первѣйшихъ въ городѣ; онъ построенъ изъ толстыхъ бревенъ, такъ окрѣпшихъ отъ времени, какъ камень, и потомъ обшитъ тесомъ. Онъ стоитъ на возвышенномъ берегу морского залива, гдѣ прежде была гавань, потомъ устроенная на другомъ мѣстѣ. Домъ этотъ принадлежитъ нынѣ Маллеру Гомми» (Самойловъ, стр. 4 и 5). По справкамъ въ гапсальской думѣ выяснилось, что домъ этотъ принадлежалъ въ 40-хъ годахъ купцу Христиану Гольму (у Самойлова очевидно ошибка или опечатка), затѣмъ перешелъ къ Фридриху Гейну, а теперь принадлежитъ вдовѣ послѣдняго и сдается въ наемъ. Указываютъ и комнату, гдѣ обѣдалъ великій царь. Можно пожелать, чтобы этотъ домикъ, напоминающій дорогое для русскихъ имя, сдѣлался городской собственностью и охранялся, какъ драгоценность.

Херсонская старина. Херсонъ обладаетъ цѣнными историческими памятниками: дворцомъ императрицы Екатерины II, основательницы города, Екатерининскимъ соборомъ, въ которомъ находится могила Потемкина. Дворецъ и соборъ находятся за городомъ, въ земляныхъ стѣнахъ старой Екатерининской крѣпости, заключающей также древніе монументы и могилы героев Очакова и Килии. Екатерининская крѣпость—живая страница русской исторіи прошлаго вѣка, когда Россія овладѣвала черноморскимъ югомъ, и возникали одинъ за другимъ Николаевъ (1788 г.), Херсонъ (1778 г.), (Екатеринославъ (1787 г.), Аккерманъ (1792 г.), Бендеры (1789 г.), Очаковъ (1788 г.); въ пустынныхъ областяхъ Юга зарождалась промышленная жизнь, торговля, явилось русское парусное судостроеніе, а на водахъ Чернаго моря разрастался понемногу русскій коммерческій флотъ. Признательные херсонцы соорудили на могилѣ кн. Г. А. Потемкина мраморную плиту съ надписями: «Основателю Херсона—фельд-маршалу свѣтлѣйшему князю Григорію Александровичу Потемкину—Таврическому—благодарные граждане—5 октября 1891 года». Въ Екатерининскомъ соборѣ подъ почетнымъ балдахиномъ хранится кресло императрицы Екатерины II съ полустлѣвшею бархатной матеріей, съ поблѣднѣвшими серебряными вышивками, каймами, не возобновляемое, дабы не нарушить его подлинности. Екатерининскому собору 113 лѣтъ. Соборъ этотъ выстроенъ Потемкинымъ; иконопись была выполнена крупнымъ художникомъ того времени В. Л. Боровиковскимъ; по желанію строителя собора иконописецъ, какъ говорятъ, придалъ ликамъ нѣкоторыхъ святыхъ точныя изображенія императрицы и государственныхъ дѣятелей Екатерининскаго времени. Таково существующее преданіе. Осматривая иконопись собора, вы видите дѣйствительно значительное число образовъ стариннаго письма, потемнѣвшихъ отъ времени; особенное вниманіе приковываютъ къ себѣ двѣ большія иконы, находящіяся въ центральной части храма, близъ входа, на поддерживающихъ соборъ массивныхъ колоннахъ. Это—иконы св. великомученицы Екатерины и св. великомученика Георгія. Онѣ помѣщены одна противъ другой: первая на правой колоннѣ, вторая на лѣвой. Вглядываясь въ лики этихъ святыхъ, вы видите дѣйствительное сходство св. Екатерины съ лицомъ Екатерины II, а великомученика Георгія съ Потемки-

нымъ. Иконы стали неотчетливы отъ времени, и ихъ недавно покрыли лакомъ. Это возобновленіе нѣсколько повредило старинной живописи. До возобновленія лики святыхъ имѣли, какъ говорятъ, еще большее сходство съ лицами Екатерины и Потемкина, чѣмъ теперь. Замѣчательно, что въ Херсонѣ лишь немногіе знаютъ объ историческихъ сокровищахъ, хранящихся въ крѣпостномъ соборѣ. Въ Екатерининскомъ соборѣ хранятся старинныя священническія облаченія: одна риза собственноручной работы Екатерины II. Отъ времени она поблѣднѣла, полиняла, но и теперь еще отличается пышностью. Всѣхъ старыхъ ризъ въ соборномъ шкафу восемь; среди нихъ есть старыя ризы запорожскихъ церквей. Соборъ, несмотря на протекшее столѣтіе, имѣетъ довольно свѣжій величественный видъ; только наружная архитектура его переноситъ мысль къ старинѣ. Окружающее соборъ кладбище героевъ Килии и Очаковской войны изобилуетъ любопытными монументами древнихъ формъ и характерными надписями. Памятники эти видимо поддерживаются кладбищенскою администраціей; разрушенныхъ нѣтъ; возобновленные отремонтированы безъ ущерба для ихъ старинной фізіономіи. Вотъ могила одного изъ дѣятельныхъ работниковъ по основанію Херсона—полковника Корсакова, убитаго при осадѣ Очакова въ 1788 году. На надгробной плитѣ начертано: «Здѣсь другъ Отечества, почтенный мужъ Корсаковъ, Къ сожалѣнію сыновъ Россіи, погребенъ... Онъ строилъ городъ сей и покорялъ Очаковъ, Гдѣ бодрый духъ его отъ тѣла отлученъ».

Вотъ рядъ другихъ историческихъ могилъ героевъ Килии: генерала Меллера-Закомельскаго (1790 г.), полковника Меллера-Закомельскаго (убитъ при осадѣ Килии въ 1790 г.), князя молдавскаго Эммануила Россета, принца Александра Виртембергскаго и проч. На могилѣ героя очаковской войны полковника Петра Мартынова (1788 г.) начертанъ характерный «Гласъ здѣ лежащаго мертвеца», въ стихахъ.

Ростовскій соборъ. Ростовскій Спасо-Яковлевскій Дмитріевскій монастырь, центръ недавнихъ празднествъ, одинъ изъ древнихъ монастырей, основанъ въ 1389 г. св. епископомъ Іаковомъ и стоитъ на концѣ города, на берегу озера Неро. Сюда приплылъ св. Іаковъ, изгнанный изъ тогдашняго города ростовцами, и здѣсь поставилъ первую церковь Зачатія св. Анны, отчего въ то время монастырь назывался Зачатьевскимъ. Св. Іаковъ не пожелалъ вернуться, какъ его потомъ ни умоляли ростовцы, и оставался въ своей обители, сначала очень бѣдной, а потомъ сдѣлавшейся первокласснымъ монастыремъ, который до 1888 года былъ въ разрядѣ немногихъ ставропигіальныхъ монастырей, то-есть подчиненныхъ прямо святѣйшему синоду, и только съ 3-го апрѣля 1888 года сдѣланъ епархіальнымъ съ предоставленіемъ управленія имъ викарію Ярославской епархіи, епископу угличскому. Къ обители въ 1765 году приписанъ былъ Спасскій монастырь, соседній съ нею, отчего и называется съ этого времени Спасо-Яковлевскимъ. Обитель много страдала и отъ пожаровъ, и отъ польскаго погрома въ 1608 году. Соборный храмъ во имя Зачатія св. Анны сооруженъ въ семнадцатомъ столѣтіи ростовскимъ митрополитомъ Іоной. Подъ одною крышею съ этимъ храмомъ находится и церковь св. Іакова, группа главъ возвышается надъ ними. Сѣверная сторона Яковлевской церкви и общая наперть обоихъ храмовъ обставлены колоннами Іоническаго ордена, стѣны расписаны *al fresco* въ

XVII вѣкѣ, живопись реставрирована потомъ, со строгой тщательностью. Иконостасъ въ этомъ храмѣ замѣчательный, почти такой же, какъ въ Смоленскомъ кафедральномъ соборѣ, кромѣ того, за престоломъ еще другой иконостасъ, иконы котораго обложены серебряными вызолоченными вѣнцами съ алмазами и драгоценными камнями. Тутъ стоитъ и дарохранительница въ видѣ храма изъ серебра, вѣсомъ въ 1 пудъ 25 фунтовъ, даръ графа Н. П. Шереметева. Въ храмѣ много драгоценностей: писанный іеромонахомъ Амфилохіемъ образъ Томской Божіей Матери, помѣщенный въ правомъ столбѣ, поддерживающемъ своды, во всю величину (1 ¹/₄ арш.) покрытъ позолоченной ризой, осыпанной брильянтами и драгоценными камнями,—даръ графини А. А. Орловой-Чесменской. Передъ другимъ образомъ, что прѣжде былъ въ кельѣ св. Димитрія, Божіей Матери Ватопедской, виситъ лампада въ 2 пуда 8 фунтовъ серебра. Другія иконы покрыты жемчужными вѣнцами, золочеными ризами. Есть иконы, замѣчательно шитыя по малиновому бархату серебромъ,—тоже даръ графини Орловой. На сѣверной сторонѣ, въ 4 аршинахъ отъ царскихъ вратъ находится гробница св. Іакова, а близъ юго-западнаго угла храма великолѣпная рака съ открыто почивающими въ полномъ архіерейскомъ облаченіи мощами св. Димитрія. Богомольцы прикладываются къ челу угодника, на главѣ котораго драгоценная митра, даръ графа Н. П. Шереметева. Рака на подобіе гробницы выкована изъ серебра, серебряная крыша украшена архіерейскими атрибутами изъ серебра же; передъ ракою, у подножія святителя, поставленъ его образъ, писанный на холстѣ въ 1759 г. граф. Ротари, помѣщенный въ серебряную раму на серебряной тумбѣ; на основаніи рамы надпись Ломоносова, начинающаяся словами: «Всемогущій непостижимый Богъ» и проч. Рака и образъ устроены при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, но поступили въ монастырь при Екатеринѣ II. Дорогія лампы висятъ одна передъ образомъ—даръ граф. Орловой, другая передъ мощами—даръ великаго князя Константина Николаевича. Мощи святителя Димитрія, много странствовавшаго въ своей жизни, покоятся на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ указалъ, когда прибылъ на ростовскую митрополию и, выходя изъ храма, сказалъ окружающимъ: «Се покой мой, здѣ вселюся во вѣкъ вѣка». Въ старомъ соборѣ, кромѣ мощей свв. Іакова и Димитрія, почитаются народомъ еще двѣ гробницы знаменитыхъ старцевъ обители: Амфилохія и архим. Иннокентія. Изъ другихъ примѣчательностей монастыря въ алтарѣ теплой церкви находится картина знаменитаго Карачи «Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ». Она была подарена Екатериною II графу Алексѣю Орлову, а его дочерью, графиней А. А. Орловою, пожертвована въ этотъ монастырь. Къ сожалѣнію, ее сырость испортила. На западной сторонѣ монастыря находится древняя пятиглавая церковь Преображенія Господня, выстроенная въ XVI в. въ Спасскомъ тогда монастырѣ, основанномъ въ XIII в. княгиней ростовскою Марією. Церковь эта—одна изъ капитальныхъ древнихъ построекъ. Была возлѣ еще и другая, Георгіевская, но варварски разрушена однимъ изъ архимандритовъ на хозяйскія надобности; описаніе этого разрушенія можно найти у А. А. Титова.

Археологическія новости. I. Археологическою комиссіею была отправлена особая экспедиція въ Тверскую губернію. Экспедиціей въ составѣ Н. Е.

Макаренко, Н. И. Ретникова, С. А. Гатцука, съ членомъ императорской археологической комиссіи, ученымъ археологомъ А. А. Спицынымъ во главѣ, были произведены въ Тверскомъ уѣздѣ раскопки 14-ти кургановъ — близъ села Отмичь, на лѣвомъ берегу рѣки Волги, на землѣ крестьянъ деревни Дудинева. Въ могилахъ, гдѣ погребены были женщины, найдено было много различныхъ украшеній, а на мужскихъ двухъ костякахъ у поясовъ найдено по ножу. Всѣ найденные предметы А. А. Спицынъ относитъ къ XI, XII и частью къ XIII вѣкамъ. По словамъ А. А. Спицына, императорской археологической комиссіей ассигновано 800 рублей на производство курганныхъ раскопокъ въ Тверской и отчасти въ сосѣднихъ губерніяхъ съ тѣмъ, чтобы результаты этихъ археологическихъ изысканій были доложены второму областному археологическому съѣзду, имѣющему состояться въ Твери въ будущемъ году. II. Къ предстоящему въ Харьковѣ археологическому съѣзду, по словамъ «Екатеринославскаго Листка», производятся А. С. Снявскимъ вблизи Екатеринослава мѣстныя археологическія изслѣдованія и раскопки. Послѣднее время было посвящено обследованію мѣстности у сс. Каменки, Поповки и Подгородней Новомосковского уѣзда, по лѣвой сторонѣ Днѣпра, противъ Екатеринослава, и раскопки нѣсколькихъ кургановъ и городища. Курганы были раскопаны у села Каменки, городище и валы — у села Подгородней. Задача изслѣдованій — собрать матеріалъ для опредѣленія древнѣйшихъ населенниковъ территоріи, ближайшей къ Екатеринославу, и установить, существовало ли единство между правою и лѣвою стороной Днѣпра. Раскопки дали довольно цѣнные результаты. Найдено довольно много предметовъ: остатковъ посуды, 8 цѣлыхъ глиняныхъ сосудовъ, нѣсколько сосудовъ съ оригинальнымъ первобытнымъ орнаментомъ, два древнѣйшей формы съ круглымъ дномъ по типу первыхъ сосудовъ — череповъ животныхъ и людей. Раскопки велись попластно, что хотя удорожало стоимость раскопки, но обезпечивало большую ихъ научную цѣнность: открыто 8 цѣнныхъ погребальныхъ типовъ, изъ нихъ одинъ парный. Скелеты лежали къ югу въ согнутомъ положеніи, что въ связи съ другимъ обстоятельствомъ заставляло бы ихъ отнести къ древнѣйшему погребальному типу. У головъ, а у нѣкоторыхъ и у ногъ, поставлены сосуды. Сосуды сдѣланы еще безъ помощи гончарнаго колеса и плохо обожжены, но нѣкоторые не лишены изящества. Черепа почти не сохранились и даже не могли быть сфотографированы. Хотя въ мѣстной почвѣ первобытные черепа сохраняются тысячелѣтія, если не поддаются дѣйствию сырости, но въ данномъ случаѣ кости скелетовъ истлѣли совершенно, и едва сохранились только общія очертанія череповъ. Безъ особаго риска все же можно сказать, что данная курганная раса скорѣ брахоцефалическая, чѣмъ долихоцефалическая, и дать общіе выводы о данной курганной культурѣ было бы поспѣшно въ виду небольшого числа раскопокъ, но несомнѣнно то, что вскрытые курганы и городище (майданъ) принадлежали одному и тому же, уже осѣдлому, достигшему извѣстной культуры, народу, жившему не менѣе 7 вѣковъ до нашей эры. Дальнѣйшія раскопки въ ближайшее время будутъ производиться у селъ, лежащихъ по лѣвой сторонѣ Днѣпра, а также по правой у Екатеринослава. III. Въ срединѣ истекшаго мая археологами генераль-лейтенантомъ Е. Н. Бранденбург-

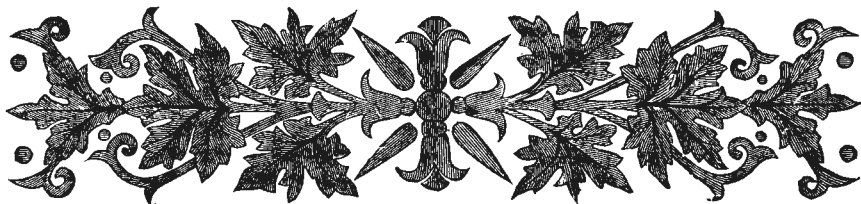
гомъ и В. В. Хвойко, по словамъ «Кіевлянина», были произведены въ 4 верстахъ отъ мѣстечка Триполья, на возвышенности, прилегающей къ рѣкѣ Сухая Бобрлица, раскопки древнихъ могилъ. Могилы эти, лежація на земляхъ трипольскихъ крестьянъ, едва замѣтны для глаза, такъ какъ холмы этихъ могилъ отъ времени и дѣйствія плуга почти сравнялись съ поверхностью земли. Раскопано было 5 могилъ. Въ нихъ найдены были большіе склены изъ деревянныхъ брусевъ. Склены состояли, большею частью, изъ стѣнокъ и крыши. Въ склепахъ находились человѣческія кости, по 3—4 костяка въ каждомъ склепѣ, и только въ одномъ склепѣ оказался всего одинъ костякъ, но зато при этомъ костякѣ находилось и другое погребеніе, но уже не въ видѣ положенія, а въ видѣ сожженія, совершеннаго внѣ могилы и перенесеннаго сюда для преданія землѣ останковъ сожженнаго человѣка. Въ склепахъ найдены черпачки, имѣющіе форму скиевскихъ, и большіе сосуды, по формѣ и орнаменту сильно напоминающіе сосуды трипольской культуры. При погребеніяхъ найдены нѣкоторые бронзовые предметы; зато желѣза совсѣмъ не было найдено: этого металла еще не зналъ народъ, оставившій намъ раскопанныя могилы. Раньше въ томъ же районѣ В. В. Хвойко, какъ своевременно сообщалось въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», было раскопано 7 такихъ же могилъ. Эти могилы лежали ближе къ селу Веремье, и въ нихъ преобладало сожженіе. Полное отсутствіе желѣза, являющееся характернымъ признакомъ такъ называемой скиевской культуры, наблюдалось и въ тѣхъ 7 могилахъ. Черепа этихъ погребеній (средне-длинноголовые), очень хорошо сохранившіеся, тождественны съ черепами славянскихъ полей погребенія VIII—X вѣковъ. Культура этихъ могилъ можетъ быть разсматриваема, какъ соединительное звено между трипольской древне-арійскою культурой и днѣпровско-скиевскою культурой. Последняя же, какъ теперь уже доказано, представляетъ не что иное, какъ древнѣйшій періодъ славянской культуры. Вновь раскопанныя могилы, изслѣдованіе которыхъ еще будетъ продолжаться, относятся къ конечному періоду бронзоваго вѣка. Содержимое раскопанныхъ могилъ представляетъ смѣсь чисто-славянской культуры съ тѣмъ, что по старой привычкѣ принято называть скиевскою культурой: настоящая «славянская скиевія», какъ выразился генералъ Е. Н. Бранденбургъ.

Къ XII археологическому съѣзду. 13-го іюня состоялось подъ предѣтельствомъ графини П. С. Уваровой засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII-го археологическаго съѣзда. Профессоръ Д. И. Багалъй доложилъ, что П. И. Харитоненко готовъ предоставить въ Янковкѣ для экскурсантовъ помѣщеніе, столъ и лошадей для поѣздки съ вокзала на мѣсто раскопокъ и обратно. Обсуждался вопросъ объ устройствѣ экскурсій въ Янковку, въ Верхній Салтовъ, на Донецкое городище. Окончательное рѣшеніе по поводу экскурсій во время съѣзда будетъ принято по собраніи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній. Профессоромъ Д. И. Багалъемъ доложено далѣе, 1) что г. харьковскій губернаторъ увѣдомилъ, что, согласно просьбѣ комитета, будутъ приняты мѣры къ охраненію древняго могильника въ с. Верхнемъ Салтовѣ; 2) что донской предварительный комитетъ (письмо А. Попова) обѣщаетъ въ ближайшемъ времени высылку для выставокъ книгъ, синодиковъ, предметовъ каменнаго, брон-

зоваго и желѣзнаго вѣковъ, часть портретовъ, фотографій и рисунковъ типовъ казаковъ и казачекъ XVIII вѣка; 3) что по наведеннымъ справкамъ въ харьковской духовной консисторіи не оказалось ни въ архивѣ консисторіи, ни въ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ бумагъ, найденныхъ въ 1819 г. въ кладовой старой колокольни означеннаго собора; 4) что по наведеннымъ справкамъ г. завѣдующимъ основянскимъ домомъ забытая комната служила нѣкогда домовою церковью, изъ которой, по устройствѣ новой приходской церкви, была перенесена въ послѣднюю вся утварь. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ 1) письмо Кедровскаго, въ которомъ сообщается о томъ, что въ 15 верстахъ отъ станціи Пологи Екатерининской желѣзной дороги, при производствѣ на землѣ г. Кетлера земляныхъ работъ для выемки полотна желѣзной дороги, разрыты два кургана, при чемъ въ одномъ найдено много гробовъ съ костями и хорошо сохранившіеся одежду, а въ другомъ—склепъ, внутри вымазанный известкой, и много горшковъ (рѣшено просить о присылкѣ вещей для выставки); 2) письмо г. Поддубнаго о присылкѣ комитету вч. даръ специально для XII археологическаго съѣзда изданнаго имъ атласа Слободской Украинской губерніи 1802 (130 экземпляровъ); 3) письмо Василенка о присылкѣ имъ толковаго словаря народной технической терминологіи (словарь рѣшено напечатать въ «Трудахъ» комитета). Далѣе профессоромъ Рѣдинымъ доложены поступления различныхъ памятниковъ древностей для выставокъ при съѣздѣ и для музея университета отъ разныхъ лицъ и учреждений.

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, приславшимъ предметы и сообщенія.

НЕКРОЛОГИ.

АНДРІЕВСКІЙ, А. А. 9-го іюля въ Кіевѣ скончался Алексѣй Александровичъ Андріевскій. А. А. родился въ г. Каневѣ въ 1845 г., образованіе получилъ во второй Кіевской гимназій и университетѣ св. Владимира, въ 1866 г. былъ назначенъ учителемъ словесности въ Екатеринославѣ, черезъ шесть лѣтъ переведенъ въ Одессу, а въ 1877 г. въ Тулу. Здѣсь А. А. заболѣлъ, вышелъ въ отставку, поселился въ Одессѣ и началъ сотрудничать въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», гдѣ и помѣстилъ первую свою литературную работу: «Г. Ф. Квитка», біографическій очеркъ по поводу исполнившагося 100-лѣтія со дня рожденія этого писателя. Въ 1880 г. А. А. въ теченіе 7 мѣсяцевъ работалъ въ Вяткѣ при составленіи мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ сборника въ 2-хъ томахъ «Столѣтіе Вятской губерніи». А. А., кромѣ участія въ общемъ трудѣ, написалъ для этого сборника «Историческій очеркъ Вятки до открытія намѣстничества», «Вятскую хронику за послѣднія 25 лѣтъ» и «О языческихъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ крещеныхъ инородцевъ Вятской губерніи». Одинъ изъ очерковъ, составленный для того же сборника: «Картофельный бунтъ въ Вятской губерніи», напечатанъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1881 г. Въ 1881 г. А. А. былъ назначенъ редакторомъ неофіціальной части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», и въ этой должности состоялъ 4½ года. За это время онъ составилъ и издалъ 10 выпусковъ подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ архива кіевскаго губернскаго правленія», составилъ 7-й томъ «Матеріаловъ по исторіи Запорожья». А. А. писалъ о запорожцахъ и въ «Кіевской Старинѣ», именно: «Запорожскіе выборы и порядки въ XVIII вѣкѣ» и «Изъ дѣлъ объ оскорбленіи гетманской чести». Андріевскій сотрудничалъ также въ кіевскихъ газетахъ «Заря» и «Жизнь и Искусство». Въ 1885 г. А. А. былъ назначенъ инспекторомъ Златопольской гимназій, но въ 1890 году переехалъ въ Кіевъ,

на должность преподавателя русского языка и словесности в первой гимназии. В 1895 году оставил службу в министерствѣ народного просвѣщенія, а в слѣдующемъ году назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда. В томъ же году А. А. Андриевскій перешелъ на службу в Одессу, гдѣ занялъ мѣсто директора городского сиротскаго дома. В этой должности онъ и умеръ. (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1902 г., № 188; «Кіевская Газета», 1902 г., № 188; «Кіевское Слово», 1902 г., № 5211).

† **Антокольскій, М. М.** 26-го іюня скончался в Бадъ-Гомбургѣ знаменитый русскій скульпторъ Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій. М. М. родился в 1842 году в Вильнѣ. В 1863 году онъ пріѣхалъ (съ великимъ трудомъ) в Петербургъ и поступилъ в академію художествъ, а в слѣдующемъ году онъ уже обратилъ на себя вниманіе академіи и всей русской интеллигентной публики необыкновенно своеобразными созданіями своими: «Еврей-портной» и «Еврей-скупой». Это были вещицы маленькія по размѣрамъ, но большія, новыя по содержанию, формѣ и выраженію. Здѣсь являлось впервые реалистическое начало в русской скульптурѣ. Его Антокольскій твердо держалъ, какъ неизмѣнное знамя, в рукахъ, в теченіе всей своей жизни. Потомъ, скоро послѣ первыхъ своихъ вещицъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько прекрасныхъ эскизовъ изъ глины: «Споръ о Талмудѣ» и другія еврейскія сценки, однѣ комическія, другія серьезныя; наконецъ, выполнилъ большой эскизъ «Кардиналь-инквизиторъ, идущій арестовать евреевъ в подвалѣ во время празднованія ими праздника Пасхи». Это созданіе его было глубоко трагично, оригинально и ново; оно сильно плѣнило великую княгиню Марію Николаевну, состоявшую тогда президентомъ академіи художествъ, и она заказала ему выполнить это сочиненіе его в большемъ видѣ. В 1871 году онъ выставилъ своего «Ивана Грознаго», за котораго (помимо правилъ) получилъ званіе академика, а среди русской публики сразу сдѣлался знаменитостью. Затѣмъ пошелъ рядъ его крупныхъ шедевровъ: «Петръ I» (1872)—лучшее изъ всѣхъ существующихъ изображеній этого великаго человѣка, «Христосъ» (1874)—замѣчательнѣйшее изображеніе Христа изъ числа всѣхъ созданныхъ в Европѣ его статуя; драматическій характерный «Сократъ» (1877), «Спиноза», «Надгробный памятникъ княжны Оболенской», в Римѣ (1876), «Лѣтописецъ Несторъ», «Ермакъ», нѣсколько другихъ еще скульптуръ, между прочими, проекты большихъ конныхъ статуй для Николаевского моста: «Великій князь Ярославъ», «Димитрій Донской» и «Иванъ III», «Петръ Великій» (всѣ 1872 года), также значительное количество превосходныхъ портретныхъ статуй и бюстовъ. (Некрологи его: В. В. Стасова—«Новое Время», 1902 г., № 9451; «Новости», 1902 г., № 175).

† **Бекетовъ А. И.** 1-го іюля в имѣніи Шахматово, Московской губерніи, скончался извѣстный ученый, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Андрей Николаевичъ Бекетовъ. Покойному принадлежитъ множество научныхъ сочиненій, естественно-историческихъ изслѣдованій и переводовъ, и его имя занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ среди популяризаторовъ науки. Своей долговременною профессорскою дѣятельностью онъ содѣйствовалъ появленію цѣлаго ряда русскихъ ученыхъ ботаниковъ, многіе изъ которыхъ теперь занимаютъ профессорскія

каедры. Кромѣ университета, А. Н. состоялъ преподавателемъ также на высшихъ женскихъ курсахъ и посвящалъ имъ много заботъ, какъ председатель комитета для доставленія средствъ курсамъ и какъ завѣдывающій ими до ихъ преобразованія въ 1889 году. Весьма дѣятельное участіе онъ принималъ въ работахъ съѣздовъ русскихъ естествоиспытателей и не разъ былъ избираемъ въ председатели съѣздовъ. Дворянинъ по происхожденію, А. Н. родился 26-го ноября 1825 года въ селѣ Алферьевкѣ (Новой Бекетовкѣ), Пензенской губерніи. Среднее образованіе получилъ въ 1-й С.-Петербургской гимназій и по окончаніи курса поступилъ на факультетъ восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета, но со второго курса оставилъ университетъ и опредѣлился на военную службу юнкеромъ лейбъ-гвардіи въ егерскій полкъ. Вскорѣ, однако, покойный вышелъ въ отставку и поступилъ вольнослушателемъ на естественный факультетъ Казанскаго университета, который славился тогда учеными силами. Въ 1849 году А. Н. окончилъ университетскій курсъ и уѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ занялъ мѣсто преподавателя естествознанія въ гимназій. Въ 1853 году онъ защитилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ диссертацию: «Очеркъ Тифлисской флоры, съ описаніемъ лютиковыхъ, ей принадлежащихъ», и получилъ степень магистра, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, въ 1858 году—степень доктора ботаники по защитѣ диссертации: «О морфологическихъ отношеніяхъ листовыхъ частей между собою и со стеблемъ». Въ этомъ сочиненіи покойный высказалъ принципъ, который старался выяснить и въ послѣдующихъ своихъ изслѣдованіяхъ, что причина растительныхъ и вообще органическихъ формъ лежитъ въ окружающихъ условіяхъ. Въ статьѣ, написанной въ 1859 году: «Гармонія въ природѣ», онъ устанавливаетъ еще два положенія: 1) измѣнчивость существъ по мѣрѣ измѣненія условій, ихъ окружающихъ, и 2) совершенное ихъ исчезновеніе съ радикальнымъ измѣненіемъ этихъ условій. Въ 1859 году А. Н. занялъ кафедру ботаники въ Харьковскомъ университетѣ, а черезъ два года переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ; въ семидесятихъ годахъ состоялъ деканомъ физико-математическаго факультета, а съ 1876 по 1883 годъ былъ ректоромъ университета. По его почину и при его стараніяхъ устроенъ при университетѣ ботаническій садъ, который теперь можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ въ Россіи, и значительно увеличенъ гербарій университета посредствомъ привлеченія коллекцій со всѣхъ концовъ имперіи. Въ числѣ сочиненій А. Н. Бекетова, кромѣ упомянутыхъ диссертаций, одно изъ первыхъ мѣсть занимаетъ «Курсъ ботаники для университетскихъ слушателей», первый томъ котораго вышелъ въ 1862 году. Такого полнаго сочиненія по ботаникѣ въ то время не имѣлось не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ. Стремленіе къ популяризаціи науки со стороны А. Н. выразилось въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ для народа. Онъ помѣщалъ въ издаваемой Погосскимъ «Солдатской Бесѣдѣ» статьи, вышедшія затѣмъ отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ: «О землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ». Сочиненіе это награждено было большой киселевской золотой медалью и издано въ разное время въ количествѣ 50.000 экземпляровъ. Покойному также принадлежатъ отдѣльно изданныя сочиненія: «Бесѣды о звѣряхъ», «Ботаническіе

очерки», «Изъ жизни природы и людей» (собрание общедоступныхъ статей), «О питаніи человѣка въ настоящемъ и будущемъ», «Главнѣйшіе съѣдобные и вредные грибы», «Учебникъ ботаники» (2 изданія) и множество журнальныхъ статей. Кроме того, русская научная литература обязана А. Н. переводами многихъ крупныхъ западно-европейскихъ естественно-научныхъ сочиненій — Шлейдена, Гексли, Любена, Гризенбаха, Росмесселера и др. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1902 г., № 146, «Новое Время»; 1902 г., № 9458).

† **Вальтеръ, А. А.** 3-го іюня скончался молодой, много обѣщавшій ученый, приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины Антонъ Антоновичъ Вальтеръ. Смерть его произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 2-го іюля А. А. Вальтеръ выѣхалъ изъ Петербурга по с.-петербургско-варшавской желѣзной дорогѣ, направляясь въ Минскъ. Ночью во время полного хода поѣзда онъ, по несчастной случайности, выпалъ изъ боковой двери и вкорѣ былъ найденъ путевымъ сторожемъ въ безсознательномъ состояніи. Получивъ сильное сотрясеніе мозга, покойный скончался въ 7 часовъ утра, не приходя въ сознаніе. А. А. былъ сынъ доктора. Родился 20-го февраля 1870 года. Среднее образованіе получилъ въ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра въ Петербургѣ. Поступивъ въ 1888 году въ число студентовъ Императорской военно-медицинской академіи, онъ окончилъ курсъ въ ней со степенью «лѣкаря съ отличіемъ» въ 1894 году, и въ томъ же году въ числѣ другихъ отличнѣйшихъ студентовъ по конкурсу былъ оставленъ при академіи для дальнѣйшаго научнаго усовершенствованія на три года. Произведенное имъ экспериментальное изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Отдѣлительная работа поджелудочной железы», за которое онъ былъ удостоенъ конференціею академіи степени доктора медицины, представляетъ собою весьма серьезный трудъ, имѣющій большое научное значеніе. Работа эта обратила на себя въ свое время вниманіе медицинскаго міра. Въ декабрѣ 1897 года докторъ Вальтеръ былъ избранъ конференціею къ командированію за границу съ научною цѣлью. Во время заграничной командировки онъ работалъ въ лучшихъ фізіологическихъ кабинетахъ Германіи и Франціи. По возвращеніи изъ-за границы, въ декабрѣ 1900 года, былъ назначенъ приватъ-доцентомъ академіи по кафедрѣ фізіологіи. Имѣя солидную подготовку по естественнымъ наукамъ, онъ былъ опытнымъ, строгимъ и точнымъ экспериментаторомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9459).

† **Германъ, Н. П.** 14-го іюня скончался одинъ изъ участниковъ русско-турецкой войны 1877—1878 гг., отставной полковникъ артиллеріи Николай Павловичъ Германъ. Покойный родился въ 1837 году, окончилъ курсъ въ Дворянскомъ полку (нынѣ Константиновское артиллерійское училище) въ 1855 году. Въ войну 1877—1878 годовъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ на кавказскомъ театрѣ войны. За военныя отличія награжденъ чиномъ полковника и орденами св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ и св. Владимира 3-й степени съ мечами. Эту награду онъ получилъ за участіе въ штурмѣ Карса. Н. П. былъ сотрудникомъ многихъ періодическихъ изданій по вопросамъ историческимъ и военнымъ. Въ 1861 году Н. П. составилъ курсъ геометріи для

артиллерійскихъ школъ, который вполнѣ одобренъ и принятъ во всѣхъ этихъ школахъ къ руководству. Н. П. былъ ближайшимъ сотрудникомъ генерал-отъ-инфантеріи Г. А. Леера, по изданію его капитальнаго труда «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», въ теченіе долгихъ лѣтъ выхода въ свѣтъ этого восьмитомнаго сборника. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9439).

† **Глушановскій, А. А.** 15-го іюня, въ Одессѣ, въ преклонномъ возрастѣ скончался послѣдній, остававшійся еще въ живыхъ студентъ перваго выпуска (1838) университета св. Владимира, т. с. Антонъ Андреевичъ Глушановскій. А. А. Глушановскій родился въ 1816 году, въ Полтавской губерніи, образованіе получилъ сначала въ Черниговскомъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ, въ 1827 году, былъ опредѣленъ въ Нѣжинскую гимназію. Въ 1833 году А. А. поступилъ въ военно-медицинскую академію, но уже, въ 1834 году, переѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ открылся университетъ св. Владимира, и поступилъ на юридическій факультетъ. Въ 1838 году окончилъ университетъ со степенью кандидата правъ. Въ 1842 году А. А. Глушановскій былъ назначенъ профессоромъ финансоваго права въ преобразованномъ Нѣжинскомъ лицей, затѣмъ состоялъ синдикомъ Кіевского университета. Далѣе, А. А. занималъ послѣдовательно должности управляющаго палатою государственныхъ имуществъ въ Минскѣ, Новгородѣ и Вильнѣ, и цензора сначала въ Кіевѣ, затѣмъ въ Одессѣ. Послѣ Глушановскаго остались обширныя воспоминанія. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1902 г., № 166).

† **Гольденбергъ, А. И.** 19-го іюня скончался въ Петербургѣ, а погребенъ въ Москвѣ, въ Алексѣевскомъ монастырѣ, выдающійся математикъ и педагогъ Александръ Ивановичъ Гольденбергъ. А. И. родился въ Москвѣ, въ 1837 году; его отецъ былъ извѣстный въ свое время врачъ-гомеопатъ. Гольденбергъ образованіе началъ въ 3-й гимназій, затѣмъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по математическому факультету и въ артиллерійской академіи. Прослуживъ нѣкоторое время въ военной службѣ, А. И. вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана артиллеріи, поселился въ Москвѣ и жилъ здѣсь до второй половины 1880-хъ годовъ. Въ это время онъ занимался частными уроками, работалъ надъ составленіемъ учебниковъ по ариѳметикѣ и нѣкоторое время состоялъ директоромъ находившейся, близъ Москвы, Поливановской семинаріи. Послѣднія 18 лѣтъ А. И. Гольденбергъ прожилъ въ Петербургѣ. А. И. оказалъ весьма большую услугу нашей школѣ, много содѣйствуя правильной постановкѣ въ ней такого важнаго предмета, какъ ариѳметика. Въ составленной имъ «Методикѣ начальной ариѳметики» онъ выступилъ противникомъ господствовавшаго до того времени метода Грубе. Этотъ методъ, сторонникомъ и едва ли не самымъ главнымъ распространителемъ котораго былъ у насъ извѣстный педагогъ Евтушевскій, вызывалъ рядъ весьма справедливыхъ возраженій, подвергаясь безошадной критикѣ, между прочимъ, со стороны такихъ крупныхъ педагогическихъ дѣятелей, какъ графъ Л. Н. Толстой и скончавшійся недавно С. А. Рачинскій. Несмотря на возраженія, «грубеизмъ» крѣпко держался въ педагогической практикѣ. Для того, чтобы нанести ему ударъ, нужно было предложить другой столь же разработанный методъ. Эту задачу и исполнилъ А. И. въ своей «Методикѣ».

Послѣднія 18 лѣтъ А. И. ежегодно принималъ, по приглашенію разныхъ земствъ, участіе въ педагогическихъ курсахъ для учащихся и, основываясь на солидномъ научномъ знаніи, передъ многочисленною аудиторіей народныхъ учителей и учительницъ въ блестящихъ своихъ лекціяхъ и бесѣдахъ выясняли достоинства и недостатки наиболѣе распространенныхъ методовъ и пріемовъ обученія ариѳметикѣ и тѣмъ еще болѣе содѣйствовали широкому распространенію въ преподавательской средѣ здоровыхъ педагогическихъ взглядовъ на преподаваніе этого предмета. Дѣятельное участіе А. И. принималъ въ педагогической журналистикѣ. Всего болѣе, въ послѣднее время, онъ участвовалъ въ «Педагогическомъ Сборникѣ», издаваемомъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, помѣщая въ немъ свои работы по математикѣ. Кромѣ «Методики», особенно цѣнными работами его, вышедшими въ отдѣльныхъ изданіяхъ, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить: «Собраніе ариѳметическихъ упражненій для гимназій и реальныхъ училищъ». Эта книга, вышедшая въ трехъ выпускахъ: для приготовительнаго, перваго и втораго классовъ средней школы, можетъ служить превосходнымъ пособіемъ и для начальной школы. Специально для послѣдней А. И. въ прошломъ году выпущена, въ изданіи Тульскаго губернскаго земства, книга: «Уроки счисленія въ начальной школѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1902 г., №№ 168, 170, 171).

† **Ковальскій, А. М.** 23-го іюня скончался старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи въ Пулковѣ Александръ Маріановичъ Ковальскій. Покойный сынъ извѣстнаго астронома, профессора Казанскаго университета, умершаго въ 1883 году, родился въ Казани въ 1858 году. Онъ получилъ образованіе сначала въ 1-й казанской гимназій, а затѣмъ на физико-математическомъ факультетѣ Казанскаго университета, при которомъ и былъ оставленъ для приготовленія къ профессорскому званію по окончаніи курса въ 1880 году. Еще будучи студентомъ, А. М. началъ заниматься съ особенной любовью астрономіей, которой затѣмъ посвятилъ всю свою краткую жизнь. Въ 1882 году онъ былъ назначенъ ассистентомъ Казанской обсерваторіи, а въ 1889 году—астрономомъ-наблюдателемъ той же обсерваторіи. Въ 1894 году онъ перешелъ на службу въ Пулковскую обсерваторію по приглашенію бывшаго ея директора, академика Вредихина, гдѣ занималъ сначала должность адъюнкта-астронома, а съ 1897 года — старшаго астронома. Покойный отличался выдающимися способностями къ тонкимъ астрономическимъ наблюденіямъ и изящной ихъ обработкѣ. Ряды наблюденій, произведенныхъ имъ какъ въ Казани, такъ и въ Пулковѣ, по справедливости, могутъ считаться образцовыми. Среди нихъ главными являются: опредѣленіе измѣненія шпроты въ Казани и большой фундаментальный каталогъ прямыхъ восхожденій звѣздъ, наблюденныхъ пассажнымъ инструментомъ въ Пулковѣ. Надъ обработкой послѣдняго ряда покойный трудился до конца своей жизни съ рѣдкой энергіей и любовью, положивъ всѣ свои силы на служеніе дорогой ему наукѣ (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9448).

† **Новацкій, И. П.** 4-го іюля въ селѣ Кунцевѣ, около Москвы, скончался отъ перерожденія сердца бывший главный врачъ императорской Екатерининской больницы, заслуженный ординарный профессоръ Московскаго университета

Иванъ Николаевичъ Новацкій. П. Н. родился въ 1827 г., образованіе получилъ въ смоленской гимназіи и въ Московскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Въ 1854 г. состоялъ въ Симферополѣ въ военномъ госпиталѣ. Въ 1859 г. П. Н. получилъ степень доктора медицины, а въ 1868 г. П. Н. утверждается экстраординарнымъ профессоромъ и въ томъ же году назначается главнымъ врачомъ Екатерининской больницы. Въ 1870 г. онъ утверждается ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ; въ 1872 г. получаетъ монаршую благодарность за полезные труды по предупрежденію развитія холеры въ Москвѣ. Въ 1877 году П. Н. командированъ въ штабъ главной квартиры дѣйствующей на Дунаѣ арміи, а затѣмъ назначается медицинскимъ инспекторомъ больницъ гражданскаго вѣдомства и членомъ попечительства совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ. Въ 1883 году П. Н. получаетъ высочайшее благоволеніе за полезные труды по всероссійской промышленно-художественной выставкѣ въ Москвѣ, въ 1885 г. утверждается въ званіи заслуженнаго профессора университета, а въ 1890 г. увольняется, по болѣзни, отъ службы главнаго врача императорской Екатерининской больницы. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1902 г., № 182).

† **Пирогова, А. А.** Въ ночь на 1-го іюля въ д. Вишня, около г. Винницы, Подольской губерніи, скончалась послѣ продолжительной болѣзни вдова извѣстнаго хирурга Н. И. Пирогова—Александра Антоновна Пирогова. Покойная, урожденная Бистромъ, послѣ смерти мужа продолжала свою благотворительную дѣятельность. При ея участіи и по ея инициативѣ въ Кіевѣ учреждены пріютъ для дѣтей арестантовъ, затѣмъ на ея средства въ теченіе 14 лѣтъ содержался пріютъ для выздоравливающихъ при хирургической клиникѣ университета св. Владимира. А. А. Пирогова похоронена въ семейномъ склепѣ въ имѣніи Вишня, гдѣ находится и прахъ ея мужа. Она скончалась на 78 году жизни. (Некрологъ ея: «Кіевлянинъ», 1902 г., № 180).

† **Руммель, В. В.** 21-го іюня скончался извѣстный генеалогъ Вятольдъ Владиславовичъ Руммель. В. В. родился въ с-цѣ Деревкахъ Московской губ. 5-го октября 1855 года, воспитывался въ тверской (1866—1871 гг.) и астраханской (1871—1875 гг.) гимназіяхъ.

Страсть къ генеалогическимъ занятіямъ проявилась у покойнаго еще на гимназической скамьѣ, а впослѣдствіи онъ посвящалъ имъ всѣ свои досуги. Поступивъ въ октябрѣ 1890 года на службу завѣдывающимъ архивомъ департамента герольдіи, онъ получилъ широкую возможность работать въ излюбленной имъ области родословія, преимущественно русскаго дворянства, и успѣлъ собрать по этой части богатѣйшіе матеріалы. Еще въ 1886—1887 гг. онъ издалъ совмѣстно съ В. Голубцовымъ два объемистыхъ тома «Родословнаго сборника русскихъ дворянскихъ фамилій». Въ послѣдніе годы онъ трудился надъ обработкой матеріала для 3-го тома «Сборника» и собраніемъ изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ матеріала для полнаго родословія Рюриковичей,—труда, предпринятаго имъ совмѣстно съ Г. А. Власьевымъ. Съ основанія въ Петербургѣ русскаго генеалогическаго общества, состоящаго подъ покровительствомъ великаго князя Георгія Михайловича, В. В. Руммель сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его членовъ и былъ избранъ въ секретари

общества. Сверхъ того, покойный состоялъ однимъ изъ редакторовъ «Русскаго біографическаго словаря», посвящая этому монументальному предіриятію много времени и труда и обогащая его множествомъ цѣннаго матеріала. (Некрологъ его: «НовоеВремя», 1902 г., № 9448 и 9449).

† **Скалонъ, Е. Н.** 20-го іюня, въ Берлинѣ, послѣ тяжкой болѣзни, скончался эстляндскій губернаторъ, Евтихій Николаевичъ Скалонъ. Е. Н. родился 9-го сентября 1845 года въ Курской губерніи. Воспитаніе получилъ въ императорскомъ Александровскомъ лицей и дѣятельность началъ по судебному вѣдомству. Въ 1883 г. Е. Н. Скалонъ былъ назначенъ членомъ виленской судебной палаты, въ 1889 г.—виленскимъ вице-губернаторомъ, а въ 1894 г. эстляндскимъ губернаторомъ. (Некрологъ его: «Ревельскія Извѣстія», 1902 г., № 138).

† **Феттерлейнъ, К. О.** 16-го іюня въ Гапсалѣ скончался помощникъ директора Императорской Публичной бібліотеки д. с. с. Карлъ Фодоровичъ Феттерлейнъ. К. О. родился въ Ригѣ въ 1828 г.; по окончаніи образованія въ Дерптскомъ университетѣ К. О. въ 1858 г. выдержалъ при С.-Петербургскомъ университетѣ испытаніе на званіе домашняго учителя, а въ слѣдующимъ году началъ преподавать нѣмецкій языкъ въ 1-й военной гимназіи (нынѣ первомъ кадетскомъ корпусѣ). Въ 1861 г. К. О. былъ назначенъ въ распоряженіе статсъ-секретаря барона Корфа для разработки матеріаловъ по исторіи царствованія императора Николая I и впослѣдствіи продолжалъ эту работу подѣ руководствомъ статсъ-секретаря князя Урусова. Съ 1864 г. покойный началъ службу въ Публичной бібліотекѣ помощникомъ младшаго бібліотекаря и служилъ въ ней до конца своей жизни, занимаясь главнымъ образомъ архивными работами; кромѣ того, съ 1886 г. К. О. преподавалъ нѣмецкій языкъ въ военно-юридической академіи. На должность помощника деректора бібліотеки покойный былъ назначенъ три года назадъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9443).

† **Чавчавадзе, А. Г.** 27-го іюня въ Тифлисѣ скончался командующій кавказской кавалерійской дивизіей, князь Арчилъ Гулбатовичъ Чавчавадзе. Онъ родился въ 1841 г., воспитаніе получилъ во 2 московскомъ корпусѣ. Въ войну 1877 г. А. Г. Чавчавадзе, во главѣ иррегулярнаго Дагестанскаго баталіона въ составѣ главныхъ силъ отдѣльно дѣйствующаго корпуса, подѣ начальствомъ генерала-адъютанта Лорисъ-Меликова, участвовалъ почти во всѣхъ дѣлахъ и сраженіяхъ на малоазіатскомъ театрѣ войны. За отличіе въ дѣлахъ противъ турокъ А. Г. былъ награжденъ: чиномъ подполковника, золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость»; орденами: св. Георгія 4-й степени (за штурмъ кр. Карса), св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ и св. Станислава 2-й степени съ мечами. (Некрологъ его: «Русскій Инвалидъ», 1902 г., № 143).

† **Яновскій, К. П.** 12-го іюля въ Сухумѣ скончался бывший попечитель Кавказскаго учебнаго округа, членъ государственнаго совѣта, д. т. с. Киррилль Петровичъ Яновскій. К. П. родился въ 1828 г., въ м. Березнѣ Черниговской губ., образованіе получилъ въ Черниговской гимназіи и въ университетѣ св. Владимира, служебное поприще началъ въ 1853 г. учителемъ математическихъ наукъ въ Ровенской гимназіи, въ 1858 г. переводится преподавателемъ

математики и физики въ Кишиневскую гимназію и нѣкоторое время состоитъ инспекторомъ этой гимназіи, а въ 1863 г. уже назначается директоромъ училищъ Бессарабской губ. Въ этой должности К. П. былъ до 1871 г., когда состоялось назначеніе его на постъ помощника попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, а въ 1879 г.—попечителя Кавказскаго округа. Сюда онъ явился послѣ 24-лѣтней службы и скоро показалъ себя опытнымъ администраторомъ и прекраснымъ педагогомъ.

Прежде всего К. П. задался цѣлью, чтобы во всѣхъ школахъ преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, а мѣстный—служилъ лишь подспорьемъ при первоначальномъ преподаваніи. Въ этомъ отношеніи здѣсь чувствовался недостатокъ въ хорошихъ народныхъ учителяхъ, и при К. П. число учительскихъ семинарій увеличилось вдвое. Чтобы ознакомить учителей съ мѣстными языками, въ учительскихъ семинаріяхъ было введено ихъ преподаваніе. До назначенія К. П. въ кавказскихъ школахъ не было преподаванія сельско-хозяйственныхъ предметовъ; между тѣмъ Кавказъ со своими естественными богатствами давно уже нуждался въ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ. Поэтому также вводится въ учительскихъ семинаріяхъ преподаваніе шелководства, садоводства, огородничества и ремесль. Благодаря такимъ мѣрамъ, сельско-хозяйственныя знанія получили доступъ во многія сотни кавказскихъ училищъ. Кромѣ того, въ округѣ возникло до 10 специальныхъ ремесленныхъ училищъ.

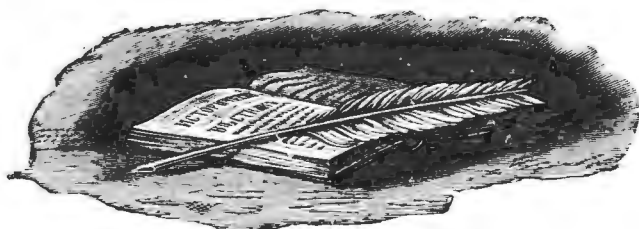
Понимая важность изученія учителями мѣстныхъ обычаевъ, К. П. предложилъ учителямъ составлять по особой программѣ описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Учителя сочувственно отнеслись къ этому предложенію и доставили много интереснаго матеріала, который и вошелъ въ «Сборникъ матеріаловъ по описанію мѣстъ и племенъ Кавказа». Такихъ сборниковъ вышло около 20, и насколько они цѣнны, видно уже изъ того, что за этотъ трудъ академія наукъ избрала К. П. въ свои почетные члены. За время управленія К. П. Кавказскимъ учебнымъ округомъ начальныя школы сдѣлались неузнаваемыми; появились опытные учителя, и матеріальное положеніе школъ, а также ихъ количество возросло въ большой степени. Были также преобразованы дирекціи народныхъ школъ, и вдвое увеличилось число инспекторовъ.

К. П. обращалъ вниманіе и на развитіе эстетическаго воспитанія и изученіе искусства въ учебныхъ заведеніяхъ. Преподаваніе рисованія и черченія сдѣлало такіе успѣхи, что академія художествъ избрала К. П. своимъ почетнымъ членомъ. Кромѣ того, К. П. образовалъ при многихъ учебныхъ заведеніяхъ свои хоры и оркестры и значительно содѣйствовалъ устройству литературно-музыкальныхъ вечеровъ и утръ.

По представленію К. П. въ 1884 г. армяно-грегоріанскія школы были подчинены въ учебномъ отношеніи министерству народнаго просвѣщенія, и были выработаны особыя правила для открытія частныхъ учебныхъ заведеній. Вся эта дѣятельность прекрасно выразилась въ трехъ томахъ сборника распоряженій по учебному округу. За свою дѣятельность по С.-Петербургскому учебному округу К. П. былъ избранъ въ почетные члены С.-Петербургскаго университета. К. П. причастенъ и къ журналистикѣ. Его статьи въ «Русской Школѣ» произвели въ свое время большое впечатлѣніе, а теперь въ «Русскомъ Вѣстникѣ»

печатаются его воспоминанія. (Некрологи его: «Новое Время», 1902 г., № 9467; «Новости», 1902 г., № 192).

† **Ясновскій, О. И.** 12-го іюля скончался въ Москвѣ академикъ живописи Федоръ Ивановичъ Ясновскій, 69 лѣтъ отъ роду. Покойный — уроженецъ Минской губерніи, образованіе получилъ въ школѣ технического рисованія, нынѣшнее Строгоновское училище. По окончанія курса О. И. Ясновскій былъ оставленъ преподавателемъ въ Строгоновскомъ училищѣ, оставаясь въ этой должности около 40 лѣтъ, до 1892 года. Изъ учениковъ покойнаго очень многіе занимаютъ теперь преподавательскія должности въ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Покойный писалъ главнымъ образомъ пейзажи города Москвы и ея окрестностей. Въ шестидесятихъ годахъ О. И. Ясновскій получилъ званіе академика живописи. Его работы приобрѣтались въ большомъ количествѣ Третьяковымъ и Солдатенковымъ, и часть произведеній Ясновскаго находится въ Третьяковской городской галлерей и Солдатенковской, теперь переданной въ Румянцевскій и Публичный музей. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1902 г., № 192).

страны. Вы, Рованъ, съ этой минуты будете здѣсь моей правой рукой.

Полковникъ Рованъ случайно взглянулъ въ окно и увидѣлъ проѣзжавшаго мимо Джемса Буканана, въ одеждѣ простого гражданина.

Онъ отправлялся изъ Бѣлаго Дома въ семейное жилище на югѣ. Бывшій президентъ продалъ свою страну изъ-за похвалъ отщепенцевъ.

— Слава Богу,—воскликнулъ генераль:—теперь другой человекъ въ Бѣломъ Домѣ. Илинойскій самоучка только что говорилъ голосомъ ангеловъ къ народу, сошедшему съ ума. Я былъ до глубины души тронутъ его словами, и въ моей душѣ возникла надежда. Ну, полковникъ, отдохните теперь, а сегодня вечеромъ вы будете сопровождать меня на президентскій балъ такъ же, какъ 8-го числа на его первый приемъ. Не забудьте мнѣ напомнить Линкольну, что вы будете первый генераль-майоръ волонтеровъ. Кромѣ того, мы увеличимъ регулярную армію, и вы получите первый изъ вновь образованныхъ полковъ. Это будетъ мой подарокъ. Вы хорошо исполнили свой долгъ.

— Я буду къ вамъ въ 9 часовъ, — сказалъ Рованъ, выходя изъ дверей.

Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ стараго чиновника военного министерства.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ у него Рованъ:—гдѣ полковникъ Ли?

— Онъ уѣхалъ въ Арлингтонъ, взявъ короткій отпускъ,—отвѣчалъ чиновникъ.

— Это начало конца,—промолвилъ про себя Рованъ.

Отпустивъ своего ординарца, онъ поѣхалъ домой, но по дорогѣ увидалъ на подъѣздѣ великолѣпнаго дома Горація Дюваля свою хорошенькую дочь, протягивавшую къ нему обѣ руки.

Онъ соскочилъ съ лошади и, войдя въ домъ, съ удивленіемъ увидалъ свою жену и пропавшаго Джака Макъ-Крери въ обществѣ обворожительной Полины Дюваль.

— Я, право, не знаю, говорить ли мнѣ съ вами въ этомъ Линкольнскомъ мундирѣ,—сказала она, протягивая ему руки, достойныя Венеры Медицейской и усыпанныя брилліантами.

— И я не знаю,—отвѣчалъ Рованъ:—слѣдуетъ ли мнѣ говорить съ вами, развѣ только вспомнивъ вашу прежнюю прелесть, наши танцы въ Саваннѣ и прогулки въ рошѣ магнолій при лунномъ свѣтѣ.

Дѣйствительно эта красавица, несмотря на ея тридцать три года, была одной изъ царицъ свѣтскаго общества. Кромѣ того, она теперь сдѣлалась при всемъ своемъ блескѣ смѣлой проповѣдницей и защитницей юга.

— Что же это новая попытка, Рованъ?—сказалъ Гораціѣ Дюваль, подходя къ полковнику и уводя его въ свой кабинетъ, гдѣ онъ тотчасъ предложилъ ему стаканъ мадеры, какъ въ веселые мирные дни до войны.

— Э, любезный другъ!—отвѣчалъ полковникъ:—кому нибудь надо же быть вѣрнымъ слугою отечества. У меня нѣтъ негровъ, и мнѣ нечего сражаться за ихъ рабство.

Въ эту минуту къ нему подошелъ Джакъ Макъ-Крери, и онъ невольно насушилъ брови.

— Я все закрылъ на копяхъ,—сказалъ онъ, оправдываясь:—и пріѣхалъ въ городъ во время, чтобы проводить Мэри и Адель на великолѣпную процессію. Очень сожалѣю, что не былъ дома, когда вамъ потребовался.

Лицо Рована просвѣтлѣло, а Макъ-Крери прибавилъ въ полголоса:

— Я еще не вижу, какой стороны держаться; пока я останусь здѣсь, буду наблюдать за нашими общими интересами и беречь ваше семейство. Я слышалъ, что вскорѣ вспыхнетъ война, и Ли будетъ главнокомандующимъ южной арміи.

— Кто вамъ это сказалъ?—рѣзко спросилъ Рованъ.

— Конечно, Дюваль,—откровенно отвѣчалъ Макъ-Крери,—нѣтъ Ли, нѣтъ и Виргиніи, а нѣтъ Виргиніи, нѣтъ и мятежа. Я также слышалъ въ Ричмондѣ, что южная конвенція ожидаетъ для назначенія Ли только его пріѣзда.

— Джакъ,—сказалъ Рованъ, пристально смотря въ глаза молодого человѣка:—я полагаю, что заслужилъ откровенность съ вашей стороны, недаромъ я поручаю вамъ свою семью.

— Вы вскорѣ узнаете все,—произнесъ смущенный виргинецъ.—Вотъ моя невѣста, и я женюсь на ней, какъ только позволятъ обстоятельства.

Съ этими словами онъ указалъ рукою на племянницу Полины, Эстеллу Розевельдъ, которая кивала ему головою изъ-за занавѣски сосѣдней комнаты.

Тяжело вздохнувъ, полковникъ возвратился къ своему семейству, но на порогѣ встрѣтилъ красавицу Дюваль.

— Позвольте мнѣ, полковникъ, оставить вашу жену и дочь у меня обѣдать. Вы, конечно, будете теперь всюду на первомъ планѣ, и безъ васъ не обойдется президентскій балъ; мы же, представители старинныхъ семействъ, будемъ блестять своимъ отсутствіемъ.

— Глубоко сожалѣю,—серьезно отвѣчалъ Рованъ:—я надѣялся, что благородныя слова новаго президента задержать южное движеніе.

— Наше движеніе,—сказала со смѣхомъ Полина Дюваль:—не новость. Оно началось во времена Калькуна, двадцать восемь лѣтъ тому назадъ. Только новыя лица и новые люди, но идея—старая.

Право, полковникъ Рованъ, останемся друзьями, пока Потомакъ насъ не разлучить.

— Охотно,— отвѣчалъ Рованъ,—я долженъ до ночи разстаться съ моими, потому что я—дежурный. Но не внушайте южныхъ идей моей женѣ. Я скажу Джакъ Макъ-Крери, чтобы онъ проводилъ ихъ домой, хотя онъ скоро будетъ вашимъ преданнымъ слугой.

— Да,— отвѣчала Полина, которая своей очаровательностью переманила послѣдняго на сторону юга:—они вскорѣ обвѣнчаются, а эти узы самыя твердыя.

Такимъ образомъ Рованъ дебютировалъ въ качествѣ официального адъютанта генерала Скотта въ обществѣ враждебныхъ ему южанъ.

— Не говорите мнѣ ничего,—прибавила Полина Дюваль со смѣхомъ:—я знаю все о вашихъ стратегическихъ дѣйствіяхъ за послѣдніе два мѣсяца.

Рованъ покраснѣлъ и сердито взглянулъ на Макъ-Крери, который стоялъ подлѣ своей невѣсты.

— Нѣтъ, избави Богъ,—поспѣшно воскликнула неосторожная женщина:—мнѣ все передала маленькая птичка, а Макъ-Крери, вы знаете,—честнѣйшій человекъ.

— Надѣюсь,—отвѣтилъ Рованъ, цѣлуя руку у Полины, бросившей на него обворожительный взглядъ, который дѣйствовалъ даже на него:—будущее извѣстно одному Богу, но постараемся сохранить нашу семейную дружбу, пока возможно.

Простившись съ Дювалями и своими, полковникъ вернулся домой по тихимъ, безмолвнымъ улицамъ.

Въ девять часовъ вечера онъ явился за генераломъ Скоттомъ, не подозрѣвая, что въ это время Дюваль, майоръ Пейтонъ и безпокойный Макъ-Крери засѣдали въ библиотекѣ богача, обсуждая планъ ночныхъ сигналовъ между Вашингтономъ и Ричмондомъ, по обѣ стороны Потомака.

— Не забудьте, Дюваль,—говорилъ Макъ-Крери:—я ничего не сдѣлаю, чтобы компрометировать или подвергнуть отвѣтственности Рована. Онъ будетъ одинъ изъ первыхъ генераловъ преемника Скотта. Я не могу сдѣлаться домашнимъ измѣнникомъ.

— Пустяки, мой другъ! — сказалъ Дюваль, подавая ему дорогую сигару.—Мы сбережемъ вашу честь. Пусть Рованъ позаботится о своей славѣ на полѣ брани. Но вы можете въ тысячу разъ быть намъ полезнѣе простымъ гражданиномъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ войны. Мы нуждаемся въ вашемъ умѣ, въ вашей энергіи и въ вашей помощи; вамъ еще рано служить пушечнымъ мясомъ.

— Хорошо,—отвѣчалъ Макъ-Крери:—я готовъ рисковать жизнью здѣсь, но я не измѣню Ровану. Выпьемте предлагаемый мною тостъ,—сказалъ онъ, поднимая стаканъ: — къ чорту всѣхъ янки аболіціонистовъ!

Рованъ нашелъ своего генерала въ прекрасномъ расположеніи духа.

— Мы торжествуемъ полную побѣду, — воскликнулъ генералъ, выходя изъ своей комнаты въ парадномъ мундирѣ: — одинъ успѣхъ слѣдуетъ за другимъ. Монтгомери Блэръ назначенъ генералъ-почтмейстеромъ. Онъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ совѣтниковъ Линкольна. Онъ только что завернулъ ко мнѣ и сказалъ, что его сынъ, Франкъ, кумиръ Миссурри, получить высокое званіе въ арміи. По моему совѣту, онъ, вмѣстѣ съ сыномъ, предложитъ Роберту Ли команду надъ всей американской арміей. Ли, находясь въ качествѣ генералъ-лейтенанта и главнокомандующаго войскъ Соединенныхъ Штатовъ, привлечетъ къ себѣ многихъ колеблющихся еще людей. По крайней мѣрѣ, его назначеніе удержитъ три штата.

Полковникъ Рованъ поблѣднѣлъ и произнесъ:

— Приметъ ли еще Ли званіе главнокомандующаго? Далъ ли онъ вамъ положительное обѣщаніе принять это мѣсто? Вы вѣдь знаете, что я его не видалъ.

— Кто откажется отъ такого назначенія! — воскликнулъ старикъ, думая только о спасеніи отечества.

— Конечно, только человѣкъ, послушавшій магическаго голоса своего штата, — подумалъ Рованъ, садясь въ карету съ генераломъ.

Странное, разношерстное собраніе представлялъ президентскій балъ во временно выстроенномъ, громадномъ павильонѣ Бѣлаго Дома. Авраамъ Линкольнъ въ 11 часовъ вечера вышелъ съ многочисленной свитой. Всѣ знатные представители юга отсутствовали, а большинство толпившейся публики состояло изъ никому неизвѣстныхъ лицъ, авантюристовъ, искателей мѣстъ и т. д.

— Здѣсь пять тысячъ человѣкъ, — думалъ Рованъ: — но соль земли исчезла. Полина Дюваль была права, она — вѣрный пророкъ.

Возвратившись домой, поздно ночью, послѣ неудавшагося президентскаго бала, Рованъ печально посмотрѣлъ на спавшихъ жену и ребенка и легъ спать съ тревожными мыслями.

То же впечатлѣніе неудачи произвелъ и первый приемъ президента 8 марта. Несмотря на то, что вокругъ Линкольна тѣснились всѣ его министры, кромѣ Сьюарда, занятаго дѣлами, и дипломатическій корпусъ въ полномъ составѣ, — отсутствіе блестящихъ южанокъ заранѣе обезпечивало полное фіаско общественнаго сборища. Гордая, красивая жена президента, уроженка юга, нѣкогда слава Кентукки, теперь была всѣми покинута. Никогда не суждено было обитать въ Бѣломъ Домѣ болѣе патетической фигурѣ, чѣмъ жена Линкольна. Въ этомъ роковомъ жилищѣ она должна была потерять любимаго ребенка, вынести тяжелое бойкотированіе всѣми дорогими ея сердцу родичами и лишиться мужа, убитаго безумнымъ злодѣемъ.

— Можетъ быть, мы побѣдимъ въ концѣ концовъ на полѣ брани,—сказалъ Рованъ, возвращаясь съ генераломъ изъ Бѣлаго Дома:— но въ общественномъ и свѣтскомъ отношеніи мы проиграли.

— Я предупреждалъ васъ отъ опасныхъ южныхъ красавицъ,— воскликнулъ съ сердцемъ старикъ:— онѣ, хотя и женщины, но не милосердны. Ихъ свѣтскія царицы намъ болѣе навредятъ, чѣмъ любой армейскій корпусъ. Да, нечего сказать, намъ угрожаютъ мрачные дни.

Вернувшись въ домъ генерала, Рованъ спросилъ у него:

— А какое намъ предстоитъ теперь дѣло?

— Мы исполнили свою обязанность относительно страны, — отвѣчалъ генералъ: — пусть зубоскалы надъ нами смѣются, но Линкольнъ былъ бы убитъ, если бы онъ не послушался меня и не выбралъ бы окольного пути. Теперь намъ предстоитъ открытая борьба. Во всякомъ случаѣ новый кабинетъ удачный, и только Сьюардъ слишкомъ слѣпой оптимистъ. Но Линкольнъ станетъ дѣйствовать энергично, и его будутъ еще подстрекать Дугласъ, Беккеръ, Стантонъ, Камеронъ и проч. Конгрессъ будетъ собранъ 4-го іюля. Во всякомъ случаѣ, хотя Линкольнъ грубъ и неотесанъ, но въ немъ бьется пульсъ народа. Со времени Джаксона онъ — самый ловкій политикъ на президентскомъ мѣстѣ. Черезъ двѣ недѣли онъ приготовитъ и вышлетъ экспедицію на помощь Сумтеру. Это заставитъ Дэвиса нанести первый ударъ. Онъ этимъ скрѣпитъ и соединитъ сѣверъ.

Генералъ замолчалъ на минуту и потомъ продолжалъ:

— Вы, какъ солдатъ, Рованъ, понимаете, что Виргинія возвращается намъ путь на югъ. Намъ естественно придется приготовить флотъ, и на это потребуется время. Линкольнъ рѣшилъ, что каждое утро отъ семи до девяти часовъ онъ будетъ здѣсь готовиться технически къ кабинетнымъ засѣданіямъ. Прежде всего мы займемся назначеніемъ мнѣ преемника, а, во-вторыхъ, спасеніемъ, если возможно, Виргиніи. Немедленно усилить Гарперсъ-Ферри и Норфолькское адмиралтейство было бы безуміемъ. Оно разомъ заставило бы отторгнуться Виргинію. Планъ укрѣпленій Вашингтона будетъ составленъ мною, вами, Делафильдомъ, капитаномъ Александромъ и Дальгриномъ. Это будетъ тайная работа, и нашу карту будутъ знать только Линкольнъ, министръ Камеронъ и мы двое. Было бы гибелью для страны, если бы мятежники ее узнали. На нашей сторонѣ будутъ войска, флотъ и деньги, только послѣ разрушенія Сумтера Борегаромъ, что непременно случится. Помните мои слова, Рованъ, что раздавшіеся тогда выстрѣлы составятъ гибель рабства, правъ, отдѣльных штатовъ и южнаго превосходства. Если Виргинія отторгнется отъ союза, то она, въ концѣ концовъ, по крайней мѣрѣ, на два поколѣнія будетъ калѣжкой.

— А вашъ пресемникъ?—спросилъ Рованъ.

— Странно сказать,—воскликнулъ старикъ:—но Линкольнъ съ вами согласенъ. Онъ говоритъ, что Ли и Виргинія будутъ дѣйствовать заодно. По его словамъ, «Ли первый актеръ, и будетъ играть главную роль въ пьесѣ». Зная мою нѣжную привязанность къ полковнику Ли, Линкольнъ послалъ къ нему Блэровъ, отца и сына. Они оба высоко благородные люди, и, можетъ быть, имъ удастся спасти мое сердце отъ грозящаго ему удара. Теперь Ли живетъ уединенно въ Арлингтонѣ.

Снявъ со стѣны легкую саблю, Винифильдъ Скоттъ подаль ее Ровану и сказалъ:

— Я хочу что нибудь дать вамъ на память. Носите всегда эту саблю въ память о старомъ военачальникѣ. Въ молодости я сражался ею противъ индѣйцевъ, которые называли меня «рослымъ дубомъ».

Рованъ почтительно взялъ саблю и низко поклонился:

— Надѣюсь, никогда не обезчестить ея,—сказалъ онъ:—я въ этомъ даю клятву. Она священна для меня.

Черезъ нѣсколько минутъ Рованъ продолжалъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— Я хочу посоветоваться съ вами насчетъ моего семейства. Гринфильдъ въ Массачусетѣ уже давно пересталъ быть моимъ домомъ. Я беспокоюсь, что будетъ съ моей женой и ребенкомъ. Что мнѣ съ ними сдѣлать? Вы знаете, что моя жена очень утонченное существо, и я боюсь, что ея сердце печально надломлено отъ расторгенія всѣхъ нашихъ юношескихъ узъ.

— Оставьте ихъ при себѣ, Рованъ,—поспѣшно сказалъ Скоттъ:—они будутъ здѣсь въ полной безопасности. Вашингтонъ станетъ громаднымъ укрѣпленнымъ лагеремъ. Судя по твердости Линкольна и живости Дэвиса, эта война будетъ долгая. Если мы и побѣдимъ, то въ концѣ концовъ. вмѣстѣ съ профессоромъ Мейгономъ и генераломъ Делафильдомъ, я превращу Вашингтонъ въ американскій Гибралтаръ. Дальгринъ уже дѣлаетъ неприступнымъ наше адмиралтейство. Право, Рованъ, оставьте ваше семейство здѣсь. У васъ натура любящая, а при первой опасности вы можете ихъ послать въ Пенсильванскія горы, тамъ они будутъ вполне безопасны. Къ тому же вы займете значительный постъ и будете въ состояніи содержать свое семейство приличнымъ образомъ. Пусть молодой Макъ-Крери будетъ заботиться о нихъ. Это, можетъ быть, и удержитъ его отъ перехода въ ряды южной арміи.

Давая этотъ совѣтъ, старый воинъ не подозрѣвалъ, что онъ подвергаетъ своего благороднаго адъютанта самой печальной судьбѣ, измѣнѣ и позору.

Возвращаясь домой, Рованъ, однако, думалъ о предстоявшей судьбѣ его родины, а не о томъ, что грозило его домашнему очагу.

Онъ съ безпокойствомъ соображалъ, что, повидимому, Линкольнъ былъ превосходнымъ человѣкомъ, но не отличался рѣшительной энергіей. Узнавъ отъ одного штабнаго офицера, что каждый день около дюжины армейскихъ и морскихъ офицеровъ подаютъ въ отставку, онъ спокойно произнесъ:

— Пусть они всѣ уходятъ; мы назначимъ на ихъ мѣста людей, преданныхъ отечеству.

— Линкольнъ, — думалъ Рованъ:—еще не знаетъ даже людей своей партіи. Ему не извѣстны интриги богатаго сѣвера. Онъ позволитъ Сьюарду терять время на примирительныя предложенія, но когда Дэвисъ приведетъ въ ярость всю страну объявленіемъ войны, бывший дровосѣкъ станетъ наносить удары своей гигантской дланью.

Слѣдующіе безпокойные дни полковникъ Рованъ проводилъ между официальной работой въ штабѣ генерала Скотта и тайными занятіями по вечерамъ въ его библіотекѣ, гдѣ онъ наносилъ планы защиты на прекрасную карту, хранившуюся въ желѣзномъ сундукѣ и копіи которой не имѣлъ даже президентъ.

— Это моя лебединая пѣснь, — говорилъ генералъ Скоттъ:—когда эта карта будетъ окончена, то она будетъ моимъ послѣднимъ прости съ военной карьерой.

Онъ также написалъ замѣчательное письмо Вильяму Сьюарду и копію его передалъ Ровану. На оригиналѣ же этого письма Авраамъ Линкольнъ синимъ карандашомъ зачеркнулъ четвертое предложеніе Скотта: «сказать отгоргнувшимъ штатамъ: легкомысленныя сестры, ступайте съ миромъ». Тѣмъ же карандашомъ Линкольнъ прибавилъ: «мы на это согласимся, только потерявъ послѣднее ружье и послѣдняго человѣка, могущаго изъ него стрѣлять».

Не подозрѣвая этого откровеннаго комментарія президента, Скоттъ сказалъ своему адъютанту:

— Я отказался отъ всякаго вмѣшательства въ назначеніе лицъ ниже полковниковъ. Такимъ образомъ я отклонился отъ всякихъ дразгъ военнаго министерства. Но мои ежедневные совѣты президенту, мои стратегическіе планы и мои общія предположенія относительно организаціи оборонительной системы положатъ конецъ моей военной карьерѣ. Я хочу прикрыть всѣ опасные пункты, оставить открытыми рѣчныя и морскіе пути для Балтиморы и форта Монро, а также организовать хоть одинъ армейскій корпусъ на Виргинской сторонѣ. Вы сдѣлаете двѣ копіи оконченной карты— для меня и себя, обозначивъ ихъ буквами «А» и «Б». Оригиналъ же будетъ переданъ Линкольну. Гей и Николаи будутъ хранить карту. Когда все это будетъ сдѣлано, я скажу: моя задача окончена, и я могу отдыхать съ миромъ. Я очень благодаренъ вамъ, что вы такой славный чертежникъ, и никому, кромѣ васъ, я не могу довѣрять мои тайны. Мнѣ еще надо приготовить карту Потомака до Мартинсбурга

и другую—границы Виргиніи до Кульпепера и Фридриксбурга. Вы ихъ начертите. Вамъ пришлютъ матеріалы и инструменты. Вы будете заниматься здѣсь съ Кларкомъ; никого не допускать въ эту комнату, кромѣ васъ и его. Мнѣ будетъ нужна копія этихъ послѣднихъ картъ, а оригиналъ также пошлемъ Линкольну. Впослѣдствіи я наброшу на нихъ карандашемъ движеніе нашей арміи на Ричмондъ, который будетъ столицей конфедераціи.

— О, если бы намъ только удалось разбить этихъ мятежниковъ!—воскликнулъ Рованъ.—Они уже теперь защищаютъ Потомакъ.

— А у насъ нѣтъ ни одной лодки, ни одной пушки и ни одного солдата,—отвѣчалъ Скоттъ:—Линкольнъ или удивительный простакъ или глубокій политикъ. Онъ не дотронется до «святой земли», пока старый штатъ не отложится отъ союза. Онъ желаетъ имѣть за своей спиной весь сѣверъ.

— Если я не ошибаюсь,—мрачно сказалъ Рованъ:—то враги нанесутъ намъ вскорѣ первый ударъ.

— Конечно,—отвѣчалъ генералъ:—впрочемъ, мы устроили хорошую развѣдочную службу, и всѣ пушечные и ружейные заводы работаютъ днемъ и ночью. Кромѣ того, за границу посланы вѣрные агенты.

— Но, благодаря Буканану, югъ уже обезпечилъ себѣ годовые запасы,—замѣтилъ со вздохомъ Рованъ.

— Вы правы,—торжественно сказалъ Скоттъ:—послѣднимъ нашимъ горемъ будетъ забраніе всѣхъ національныхъ запасовъ въ Виргиніи; но Линкольнъ играетъ теперь въ выжидательную игру.

Пока Карроль Рованъ усердно исполнялъ свою конфиденціальную работу, его жена и дочь большую часть времени проводили въ гостепріимномъ домѣ Дювалей.

— Джакъ,—сказалъ неожиданно Рованъ однажды вечеромъ:—скоро и вы должны будете рѣшить, на какую сторону вы перейдете.

— Нѣтъ, полковникъ,—спокойно отвѣчалъ молодой инженеръ.—У Эстеллы большое помѣстье въ Георгіи и много негровъ. Дюваль ея опекунъ. Наша свадьба, быть можетъ, отложится, согласно событіямъ. Я не хочу лишить любимую дѣвушку ея родительскаго наслѣдства. Однако, я боюсь, что мистриссъ Дюваль за ея энтузіазмъ къ югу будетъ удалена отсюда; за нею, конечно, послѣдуетъ и мужъ, такъ что у меня будетъ здѣсь двойная забота. Я тогда всячески ускорю нашу свадьбу и займу семейный домъ. Такимъ образомъ, я буду въ состояніи оказать покровительство Эстеллѣ и сохранить имущество Дюваль. Вотъ почему я по рукамъ и ногамъ связанъ съ Вашингтономъ. Впрочемъ, я не пессимистъ и увѣренъ, что грозовыя тучи пройдутъ: война не состоится.

Нимало не подозрѣвая Макъ-Крери, Рованъ внимательно слушалъ.

— Я могу, конечно,—продолжалъ легкомысленный юноша:— предложить Мэри и Адель поселиться въ этомъ прекрасномъ домѣ. Я желалъ бы сохранить его Дювалю; онъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ почтенный; что же касается до Полины, то она чрезвычайно стремительна. Вы вѣдь знаете, что значить южная порывистая натура. Вы также легко можете удержать Оріона, какъ и истерическую сентиментальность Полины. Она слишкомъ прекрасна и слишкомъ увлекательная женщина, чтобы представлять собою вторую г-жу Роланъ. Она никому не принесетъ вреда, кромѣ самой себя. Вы, конечно, можете спасти союзъ безъ нея. Полина Дюваль никогда не скрываетъ своихъ мыслей, и всякій можетъ ихъ прочитать, но ваша милая жена такъ скрываетъ свои мысли, что никому онѣ не доступны. Я боюсь, что для нея будетъ ужаснымъ ударомъ ваша военная служба.

— Да, для всѣхъ насъ будетъ гораздо лучше, если вы останетесь здѣсь,—спокойно произнесъ полковникъ, видя въ предложеніи Макъ-Крери облегченіе для всего семейства.

Онъ никакъ не могъ подозрѣвать измѣны молодого человѣка; любовь къ своимъ, семейная гордость и долговременная дружба ослѣпляли его. А въ это самое время карманы Макъ-Крери были полны военными и морскими замѣтками, добытыми въ министерствахъ Полиной Дюваль. Макъ-Крери при этомъ было нимало не совѣстно, такъ какъ не онъ измѣнялъ, а потому считалъ свою совѣсть спокойной.

Мартъ приближался къ концу, и южная гроза еще не разражалась. Клингманъ, Вейердъ и Брекенриджъ обманывали Линкольна въ сенатѣ, который разошелся только 28 марта. Симоръ, Морсъ, Прайсъ и другіе члены мирной лиги старались обойти Линкольна. Фортъ Пиккенсъ стойко удерживался, на Сумтерѣ все еще развѣвался звѣздный флагъ, а Виргинія попрежнему держалась союза.

Ли былъ все еще тайной загадкой. Генералъ Скоттъ пересталъ даже упоминать о немъ, но Рованъ могъ кое-что узнать отъ подполковника Банкхэда Магрудера, который увѣрялъ президента, что онъ никогда не покинетъ его. Въ дверяхъ Бѣлаго Дома Магрудеръ говорилъ Ровану:

— Ли такъ же вѣренъ союзу, какъ я. Вѣдь онъ писалъ 23 января: «Ничего не можетъ быть печальнѣе для всей страны, какъ расчлененіе союза». Это его собственныя слова. Я на-дняхъ обѣдалъ съ нимъ въ Арлингтонѣ. Тамъ такъ же находились два Блэра съ какимъ-то таинственнымъ порученіемъ отъ Линкольна; я слышалъ, какъ Ли сказалъ имъ: «Я смотрю на отторженіе отъ союза, какъ на анархію. Я готовъ пожертвовать четырьмя милліонами южными невольниками ради сохраненія американскаго союза. Но какъ могу я выдернуть изъ ноженъ свою саблю противъ Виргиніи, моего родного штата?»

— Знаете ли вы, Магрудеръ,—торжественно сказалъ Рованъ:— что 5-го марта Блэръ предложилъ Роберту Ли главное командованіе всѣми военными силами Соединенныхъ Штатовъ, по приказанію Линкольна и по совѣту генерала Скотта?

— Боже мой, неужели!—воскликнулъ Магрудеръ:—чего же онъ еще ждетъ?

— Я боюсь, что онъ ждетъ открытія огня со стороны Борегара,—отвѣтилъ Рованъ.

— Этотъ пылкій креоль готовъ стрѣлять, когда угодно,—замѣтилъ Магрудеръ.

— А потомъ,—произнесъ Рованъ:—намъ не позволять спасти Сумтеръ, и Сумтеръ погибнетъ, тогда Виргинія отпадетъ и вмѣстѣ съ нею Ли. Планы Дэвиса—ничто безъ Виргиніи и генерала Ли.

Съ этими словами и прежде чѣмъ Магрудеръ могъ на нихъ отвѣчать, Рованъ быстро удалился.

Въ этотъ самый вечеръ въ Арлингтонѣ величественный чело-вѣкъ, 56 лѣтъ, сидѣлъ въ великолѣпной библиотекѣ роскошнаго жилища, наслѣдованнаго имъ отъ потомковъ Вашингтона. Богатѣйшій офицеръ въ арміи Соединенныхъ Штатовъ и глава виргинской аристократіи пересматривалъ восемь военныхъ патентовъ, выданныхъ ему арміей Соединенныхъ Штатовъ. Смотря чрезъ окно на вдали виднѣвшійся Вашингтонъ, онъ спрашивалъ себя, когда же онъ отвѣтитъ на предложеніе командовать всей американской арміей.

— Что мнѣ отвѣчать, пока Виргинія молчитъ?—бормоталъ онъ со слезами на глазахъ.

Двѣ недѣли спустя, Рованъ молча смотрѣлъ на Винифильда Скотта, который былъ въ отчаяніи.

— Сумтеръ палъ,—говорилъ тихо старый генералъ:—сѣверъ поднялся. Эдмунъ Руффинъ наложилъ печать на судьбу юга. Да сохранить Богъ штатъ Виргинію. Война началась. Рованъ, готовьтесь къ открытой полевой службѣ, но окончите прежде двѣ карты. Фортификаціонный проектъ совершенно готовъ, и вы можете нанести его со всѣми батареями на карты.

Прежде чѣмъ смѣлый Андерсонъ прибылъ изъ Нью-Йорка на «Болтикъ», прокламація Линкольна 15 апрѣля была радостно принята Джеферсономъ Дэвисомъ за объявленіе войны. Югъ предвкушалъ побѣду, но по всему сѣверу слышенъ былъ голосъ, откликавшійся на радостные крики конечнымъ восторженнымъ отвѣтомъ.

Теперь Рованъ поспѣшно приводилъ въ порядокъ свои семейныя дѣла и передавалъ все на попеченіе Джака Макъ-Крери.

— Я теперь готовъ, полковникъ, жениться на Эстеллѣ,—сказалъ молодой чело-вѣкъ:— и вы можете поручить мнѣ заботы о нашемъ семействѣ.

Среди своихъ заботъ Рованъ не замѣчалъ грустнаго лица своей безмолвной жены, такъ какъ онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на бѣдномъ старомъ генералѣ, который вѣчно бормоталъ:

— А Ли все еще не объяснился.

Пенсильванскія войска были выстроены вдоль Пенсильванской аллеи, а 6-й Массачусетскій полкъ былъ отправленъ въ Балтимору; 7-й, 12-й, и 31-й Нью-Йоркскіе полки шли на югъ подъ начальствомъ Бутлера, въ то время какъ генералъ Скоттъ получилъ извѣстіе о грабежѣ въ Гарперсъ-Ферри.

— Я долженъ наконецъ открыть вамъ мое сердце, Рованъ, — сказалъ старикъ, блѣдный, какъ смерть, въ ту ночь, когда пришла роковая вѣсть объ отторженіи Виргиніи: — нашъ штатъ отдѣлился вчера отъ союза. Въ тотъ же день пришелъ ко мнѣ Ли. Никому изъ смертныхъ я не могу рассказать нашего свиданія. Онъ былъ глухъ ко всѣмъ моимъ просьбамъ, и я только его могъ уговорить, чтобы онъ сегодня подалъ письменную отставку.

— Погибшій главнокомандующій, — пробормоталъ Рованъ со вздохомъ, видя, что агонія Скотта окончилась.

Въ то же самое время произошли беспорядки въ Балтиморѣ и позорная сдача югу Норфолькскаго адмиралтейства.

— Линкольнъ теперь встрепенулся, — сказалъ старый генералъ 20 апрѣля, подавая Ровану письмо отъ Ли.

Молча молодой патриотъ взялъ письмо и сталъ читать его, пока Скоттъ бормоталъ про себя:

— Магрудеръ и вся его клика сегодня бѣжала на югъ. На Длинномъ Мосту — нашъ передовой постъ. Мятежническій флагъ развѣвается въ виду Вашингтона.

Рованъ грустно прочелъ вслухъ роковыя строки Ли: «Я никогда не обнажу своей сабли иначе, какъ въ защиту моего роднаго штата».

— Это значитъ, — прибавилъ Рованъ, — что онъ вскорѣ будетъ назначенъ главнокомандующимъ виргинскихъ войскъ.

— Да, — отвѣчалъ Скоттъ: — оканчивайте скорѣе карту. Ваше назначеніе бригаднымъ генераломъ волонтеровъ и полковникомъ новаго регулярнаго пѣхотнаго полка уже подписано. Шерманъ также получилъ новый полкъ. Изъ письма Ли ясно, что Виргинія будетъ главнымъ полемъ сраженія. Мои развѣдчики донесли мнѣ, что полковникъ Ли уѣхалъ сегодня въ Ричмондъ. Я никогда болѣе не увижу его, но, по счастью, онъ избавилъ меня отъ тяжелаго прощанія. Линкольнъ поднялъ весь сѣверъ, и какъ только у насъ будетъ флотъ, то мы откроемъ путь по Потомаку.

Занятый дѣлами генералъ Скоттъ болѣе не упоминалъ имени погибшаго главнокомандующаго, пока онъ не прочелъ Ровану въ Ричмондской газетѣ «Despatch» отъ 23 апрѣля: «Генералъ Робертъ

Ли сегодня принялъ командованіе надъ всѣми виргинскими войсками, порученными ему вчера».

— «*Finis coronat opus*», — прибавилъ торжественно старый ветеранъ.

IV.

Роковая недѣля агоніи окончилась, и Вашингтонъ наполнился войсками, которыя Рованъ размѣстилъ по назначеннымъ пунктамъ. Отъ Капитолія до Длиннаго Моста засверкали союзные штыки. Наконецъ сѣверъ поднялся, доведенный до бѣшенства, и бросилъ далеко отъ себя мирныя ножны. Семьдесятъ пять тысячъ войска спѣшили на передовую линію; флотъ готовился къ своей полезной дѣятельности, а вашингтонскіе уніонисты съ довѣріемъ видѣли вокругъ себя живую стѣну, защищавшую столицу.

Однако, Рованъ все еще ждалъ производства и искося посматривалъ на добродушнаго президента.

— Отчего онъ вызвалъ только семьдесятъ пять тысячъ чело-вѣкъ, а не полмилліона, чтобы разомъ покончить дѣло? — спрашивалъ онъ себя.

Рованъ также обвинялъ генерала Скотта въ слабой нерѣшительной политикѣ относительно Бальтиморы. Только неудовольствіе всего сѣвера подстрекнуло къ дѣятельности старика и побудило его поручить Бутлеру занять Бальтимору и навести на нее страхъ, хотя въ продолженіе болѣе года она была центромъ всѣхъ ричмондскихъ шпионовъ.

Съ увеличеніемъ войскъ и шума оружія въ Вашингтонѣ, росло мрачное настроеніе жены Рована.

— Послушай, Карроль, — сказала она наконецъ однажды вечеромъ: — уѣдемъ отсюда куданибудь подалыше отъ сценъ кровопролитія, которыя вскорѣ здѣсь разыграются.

— Куда мнѣ тебя отправить? — воскликнулъ Рованъ: — въ уединенный Массачусетъ, но это — *terra incognita*? Вѣдь твои друзья и родственники вскорѣ все будутъ въ южной арміи. Я долженъ исполнить свой долгъ. Моя солдатская честь обязываетъ меня вознаграждать отечество за данное мнѣ воспитаніе. Право, ты не можешь быть безопаснѣе гдѣ либо, чѣмъ здѣсь, на моихъ любящихъ глазахъ.

И нѣжными словами онъ уговорилъ жену подождать до свадьбы Макъ-Крери, который дастъ ей убѣжище, чтобы скрыть свое горе.

— Бѣдная, какъ она перемѣнилась, — со вздохомъ произнесъ Рованъ, возвращаясь къ своей недоконченной картѣ, на которую онъ теперь наносилъ все укрѣпленія, возведенныя вокругъ Капитолія.

Мало думалъ онъ, что тайная болѣзнь его несчастной жены мало-помалу снѣдала ее.

Между тѣмъ обѣ половины страны находились въ страшномъ безпорядкѣ. Съ той и другой стороны арміи представляли сырой, неготовый матеріалъ. Правда, на югѣ вся аристократія мужественно стремилась на войну, и ея храбрость была безпредѣльна, но сѣверъ былъ еще необученной, неразвитой массой, не знавшей, что такое организація и дисциплина.

Сьюардъ смѣялся надъ Винифильдомъ Скоттомъ, говоря, что сѣверяне соберутъ триста тысячъ человѣкъ и побѣдятъ его въ шесть-десять дней. Въ Вашингтонѣ прибывали безъ конца безпорядочныя толпы искателей мѣстъ, иностранныхъ авантюристовъ, всевозможныхъ интригановъ и политикановъ, окружавшихъ дядю Линкольна.

Флотъ былъ частью завербованъ югомъ, а частью повсюду разбросанъ, такъ что, пока, онъ не могъ принести никакой пользы. Армія была деморализована, подъ начальствомъ стараго, умственно усталаго генерала Скотта. Конечно, около полумилліона солдатъ быстро стекалось въ Вашингтонъ, но они не имѣли ни оружія, ни припасовъ, ни опытныхъ начальниковъ.

Упорный Линкольнъ отказывался учинить передовое движеніе, пока Виргинія не начнетъ практически войны, и терпѣливо слушалъ жужжанія человѣческаго роя, наполнявшаго его пріемныя.

— Жалко, печально и позорно, — произносилъ со вздохомъ Рованъ, видя, какъ нація неслась по теченію безъ должнаго руководства, хотя замѣтно было начало эволюціи и появленіе стойкой энергіи: — но въ концѣ концовъ, я убѣжденъ, южане, разбивая насъ, научатъ побѣждать ихъ.

Хитрый политикъ, Авраамъ Линкольнъ скрывалъ свою настоящую цѣль. Онъ зналъ, что сѣверъ былъ непреодолимъ, хотя и медленно дѣйствовалъ. Къ тому же Букананъ своей измѣной дѣлалъ эту медленность неизбѣжной. Но Линкольнъ поклялся, что «правительство народа, народомъ и для народа не исчезнетъ съ лица земли».

И хотя оскорбленное звѣздное знамя лѣниво развѣвалось надъ неоконченнымъ куполомъ Капитолія, Потомакская армія, которой суждено было перенести отчаянное пораженіе Буллъ-Руна и гордую побѣду на Апоматоксѣ, начала собираться.

Хотя сѣверъ не имѣлъ еще главнокомандующихъ, но по счастью Капитолій былъ очищенъ отъ измѣнниковъ, армія и флотъ теперь не имѣли предателя, конгрессъ былъ переполненъ вѣрными людьми, и вся страна приготовлялась въ теченіе четырехъ лѣтъ искупить кровью легкомысліе основателей конституціи. Эта борьба была старое, еще неоконченное единоборство Андрю Джексона и Калькуна.

Карроль Рованъ сильно обрадовался, когда вокругъ генерала Скотта сомкнулись двѣнадцать дѣятельныхъ, энергичныхъ офице-

ровъ, приведшихъ съ собою массу новыхъ рекрутовъ. Къ нему былъ назначенъ помощникомъ и военнымъ секретаремъ старый его товарищъ полковникъ Скайлеръ Гамильтонъ. Запершись въ домъ генерала Скотта, они мрачно обсуждали будущность. Карты Рована были уже окончены, но онъ только отмѣчалъ еще прибытіе новыхъ силъ.

Теперь веселый Гамильтонъ придавалъ блестящій оттѣнокъ тяжелымъ занятіямъ Рована, такъ какъ Джакъ Макъ-Крери постоянно отсутствовалъ по вечерамъ, подъ предлогомъ посѣщенія своей невѣсты.

До своей смерти Рованъ не подозрѣвалъ интригъ краснорѣчиваго Дюваля, его ловкой жены, «мѣстнаго агента» майора Пейтона и красиваго Макъ-Крери, который постоянно сновалъ между Вашингтономъ и городомъ Александріей. Эта преступная компанія пользовалась вѣрными невольниками, потомакскими лодочниками, путешествующими «дамами» и даже преданнымъ женихомъ Эстеллы для передачи правительственныхъ извѣстій, тайныхъ плановъ и всевозможныхъ свѣдѣній изъ Балтиморы въ южную армію.

Всегда веселая, отважная и прелестная Полина Дюваль была «*m-me Angot*» вашингтонскихъ заговорщиковъ. Ея великолѣпные обѣды, блестящіе вечера и празднества по случаю свадьбы Джакъ Макъ-Крери привлекали безконечное множество сѣверныхъ офицеровъ въ гостиныя Далилы, съ роскошными плечами и соблазнительными черными глазами.

— Болѣе всего надо бояться красоты, — со смѣхомъ сказалъ полковникъ Скайлеръ Гамильтонъ, въ то время какъ г-жа Дюваль пыталась его переманить на свою сторону. — Когда же двинутся ваши войска, прелестная дама? Мы нуждаемся въ трехъ вещахъ: въ арміи, въ главнокомандующемъ и въ нападеніи Виргиніи. Но — терпѣніе: мы увидимъ и то, и другое, и третье. Вы украли у насъ Роберта Ли. *Primus inter pares* — мы теперь ищемъ новаго главнокомандующаго.

Соблазнительная женщина засмѣялась и рѣшила обратить свое оружіе противъ болѣе легкомысленной жертвы.

Въ тотъ же вечеръ Рованъ съ Гамильтономъ обсуждали печальное положеніе отечества.

— Конечно, странно было бы, — говорилъ Гамильтонъ: — если бъ главнокомандующими обѣихъ армій сдѣлались старые инженерные товарищи, Ли и Макъ-Клелланъ. Галекъ, мой уважаемый зять, также инженеръ, ожидаетъ повышенія, но ему мѣшаетъ грубость нрава и рѣзкій языкъ.

Рованъ изъ осторожности молчалъ.

— Кто, по вашему мнѣнію, — продолжалъ Гамильтонъ: — лучшій изъ всѣхъ воителей?

— Странно сказать, это зависитъ отъ обстоятельствъ войны,— отвѣчалъ Рованъ:— Ли, Макъ-Клелланъ и Борегаръ до сихъ поръ не командовали ни одной бригадой и ни на одномъ полѣ брани. Всѣ они—теоретическіе генералы. Но въ сущности Сидней Джонсонъ и Борегаръ были бы лучшими военачальниками, чѣмъ Ли, который привязанъ къ Виргиніи любовью, мѣстожительствомъ и мѣстнымъ знаніемъ. Если война не будетъ «виргинскимъ пикникомъ», то я избралъ бы Сиднея Джонсона. Галекъ и Борегаръ—идеальные соперники, и Макъ-Клелланъ не плохой противникъ Ли, если онъ только будетъ довѣрять себѣ. Мѣстная популярность Ли очень велика, но помѣсти его въ Миссури, и его легко побѣдилъ бы мѣстный генералъ, въ родѣ Стерлинга Прайса. Съ нашей стороны еще не обнаружился геній, потому я предчувствую, что война будетъ долгая, и, несмотря на всѣ рассказы, намъ съ обѣихъ сторонъ недостаетъ упорной дисциплины, которая намъ дастся только опытомъ крови. Нашъ будущій великій полководецъ образуется со временемъ на полѣ брани.

Рованъ, уже теперъ носившій на плечахъ генераль-майорскія звѣзды, разговаривалъ съ своимъ другомъ Гамильтономъ только о войнѣ. Послѣдній однажды сказалъ ему тономъ серьезнаго предостереженія:

— Рованъ, мы—старые пріатели; взгляните основательно на свою жену. Старшій военный докторъ, Триплеръ, говорилъ мнѣ, что онъ боится у нея болѣзни сердца. Вашей женѣ надо избѣгать всякаго волненія.

Слезы навернулись на глазахъ Рована.

— Милая, бѣдная женщина,—промолвилъ онъ, тяжело вздыхая:— ея сердце изнываетъ въ безмолвіи. Она всецѣло находится въ Виргиніи со своими родственниками. Если бы она высказывала свое горе, то ей было бы легче. Она нѣжно меня любитъ и преданно привязана къ дочери, поэтому она не хочетъ уговаривать меня измѣнить своему отечеству и молча оплакиваетъ расторженіе нашихъ старыхъ дружескихъ связей.

— Отошлите ее отсюда,—замѣтилъ Гамильтонъ.

— Куда?—сказалъ печально Рованъ:—это невозможно. Когда армія двинется, такъ Джекъ Макъ-Крери возьметъ ее въ домъ Дювала, а Адель я пошлю въ школу на сѣверъ. Мэри не должна меня покидать; у нея прекрасная натура, но все горе въ томъ, что она страдаетъ безмолвно.

— Въ такомъ случаѣ,—произнесъ Гамильтонъ:—постарайтесь, какъ можно болѣе, умалить ея горе. А какъ начнется война?—прибавилъ онъ, перемѣняя разговоръ, который, видно, грустно дѣйствовалъ на Рована.

— Случайно!—отвѣчалъ послѣдній, сверкая глазами:—съ обѣихъ сторонъ эта роковая трагикомедія запечатлѣна самымъ безмы-

сленнымъ характеромъ. Скоттъ, нуждающійся болѣе, чѣмъ когда либо, въ отвѣтственномъ помощникѣ, держитъ Макъ-Клееллана далеко въ западной Виргиніи и не пускаетъ въ дѣло Розенкранца, который дѣятеленъ, энергиченъ и способенъ на военные подвиги. Во всемъ этомъ виновато самолюбіе. Оно доходитъ до того, что, говорятъ, королева Елисавета завѣщала похоронить ее нарумяненной. Винифильдъ Скоттъ доводитъ свое самолюбіе до того, что выбралъ себѣ мѣсто, гдѣ онъ одержитъ одну великую побѣду передъ отставкой. Я даже начерталъ эту позицію подлѣ Манассаса. Линкольнъ такъ занятъ своей политикой, что позволяетъ дѣлать ему, что угодно. Старому ветерану измѣняютъ на каждомъ шагу, и помните мое слово, онъ доведетъ такъ называемую «великую армію» до ужасной катастрофы, если будетъ ею командовать, сидя въ своемъ креслѣ. Отчего здѣсь нѣтъ Макъ-Клееллана? Онъ знаетъ, что будетъ преемникомъ Скотта. Страна уплатитъ слезами и кровью за эти ошибки.

— Вы, однако, пророкъ несчастій,—воскликнулъ Гамильтонъ.

— Послушайте,—сказалъ Рованъ,—вы все еще считаете Скотта героемъ 1847 г. Вы не видали его въ послѣднее время; я же въ продолженіе пяти мѣсяцевъ слѣдилъ за нимъ: онъ наканунѣ паралича, глаза его помутились, умъ ослабъ, и только остались въ прежней силѣ его самолюбіе и военная храбрость. Да хранить Богъ нашу родину! Но ужасное пораженіе только поведетъ къ скорѣйшей его отставкѣ. Вы знаете, кто будутъ его противниками?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ мрачно Гамильтонъ.

— Борегаръ, Смитъ, и Джо Джонсонъ,—произнесъ Рованъ:—это опасная тройка, но безмолвная.

— А гдѣ Ли?—спросилъ Гамильтонъ.

— Это—искусная уловка Джеферсона Дэвиса,—отвѣчалъ Рованъ.—Онъ не выставилъ впередъ Ли, такъ какъ зналъ, что Виргинія въ такомъ случаѣ вернется къ союзу. Въ этомъ странномъ положеніи хитрый Дэвисъ послалъ Роберта Ли въ западную Виргинію, гдѣ Макъ-Клеелланъ съ нашей стороны командуетъ фантастической арміей.

— Страшное положеніе,—со вздохомъ произнесъ Гамильтонъ:—значитъ, Дэвисъ провелъ Ли.

— Нисколько,—произнесъ хладнокровно Рованъ:—Ли—баловень судьбы, а Дэвисъ—самый ловкій человекъ въ Америкѣ. Онъ всегда былъ творцемъ успѣховъ Ли, который изъ капитановъ выскочилъ въ подполковники, благодаря тому, что Дэвисъ былъ военнымъ министромъ, и теперь онъ мало-помалу замѣнитъ Борегара и Джонсона Робертомъ Ли. Какъ политическій дѣятель и воинъ, Джеферсонъ Дэвисъ соединяетъ мужество и ловкость.

— А Линкольнъ?—спросилъ Гамильтонъ, не долюбивавшій грубой манеры президента.

— Линкольнъ — естественный великій государственный человекъ, — произнесъ Рованъ: — врожденный предводитель людей, но не воинъ. Дэвисъ — ловкій политикъ и прекрасный воинъ, но не государственный человекъ. Линкольнъ соединитъ страну и послѣ многихъ ошибокъ дойдетъ до побѣды. Въ концѣ концовъ популярный кумирь одержитъ побѣду. Онъ знаетъ тайну политическаго успѣха.

— А что онъ теперь дѣлаетъ? — снова спросилъ Гамильтонъ.

— Вторично избираетъ себя, — отвѣтилъ Рованъ: — онъ ловко устранить всѣхъ претендентовъ, какъ штатскихъ, такъ и военныхъ. На-дняхъ Вилльямъ Шерманъ сказалъ мнѣ: «Первое дѣло, которымъ занимается президентъ при появленіи въ Бѣломъ Домѣ, это — обезпечить свое вторичное избраніе. Вы увидите, что человекъ изъ Иллинойса будетъ мудрый и искусный Моисей».

— А что будетъ со страной? — воскликнулъ патріотичный Гамильтонъ.

— Линкольнъ выведетъ ее изъ бѣды, но ей придется уплатить убытки, — отвѣчалъ Рованъ.

Наконецъ долгая четырехлѣтняя борьба сѣвера съ югомъ началась. Съ обѣихъ сторонъ ошибки слѣдовали за ошибками, но Дэвисъ быстро ихъ поправлялъ и постоянно говорилъ:

— Война должна быть короткая и съ нашей стороны наступательная и блестяще смѣлая; это единственный способъ одержать побѣду. Если сѣверъ очнется и дружно соединится, то мы погибнемъ.

Линкольнъ сыпалъ шутками, афоризмами и насмѣшками, сдерживалъ толпу финансистовъ, фабрикантовъ и политикановъ, наконецъ, щедро раздавалъ деньги направо и налево, требуя только преданной вѣрности. Разнаго рода изобрѣтатели, легкомысленные проповѣдники и юныя Деборы осаждали Бѣлый Домъ, въ который не являлись люди благоразумные и мудрые.

Между тѣмъ, возвращаясь однажды поздно вечеромъ домой, Рованъ засталъ въ спальной жены Полину Дюваль и ихъ семейнаго доктора. А въ гостиной Джекъ Макъ-Крери старался тщетно уговорить испуганную Адель.

Рованъ съ ужасомъ увидалъ блѣдное, страждущее лицо Мэри.

— Я взяла на себя всѣ распоряженія, генераль, — сказала Полина, отводя его въ сторону: — старшій военный докторъ, Триплеръ, прислалъ сюда доктора Армистеда въ помощь старому доктору Оглетропу. Главное, она должна быть спокойна, и не надо допускать никакого волненія. Умѣрьте свои чувства и довѣрьтесь совершенно мнѣ и Макъ-Крери. Эстелла можетъ заняться Аделью. У васъ обязанности, лагери, солдаты и т. д. Каждую минуту могутъ случиться важныя обстоятельства; предоставьте мнѣ заботиться о Мэри. Теперь пришло время страдать всѣмъ любящимъ женщинамъ сѣвера и юга.

Нельзя было сомнѣваться въ добротѣ Полины Дюваль, и генералъ Рованъ положился на нее. Что же касается до его жены, то оба доктора сказали ему, что она безнадежна.

— Главное, не выказывайте своихъ заботъ, — сказали они въ одинъ голосъ:—еще одинъ припадокъ, и смерть унесетъ ее.

Въ это время Рованъ получилъ извѣстіе, что на передовой позиціи произведена неожиданная тревога. Патріотъ быстро вскочилъ, одѣлся и пошелъ проститься съ женой.

— Мэри,—прошепталъ онъ, цѣлуя ея блѣдныя щеки:—Богъ хранить насъ обоихъ. Мое сердце вѣчно съ тобою.

— Мужъ мой!—едва слышно произнесла больная, сжимая его руку.

До этого несчастнаго года они жили такъ счастливо, что ни одна минута ихъ существованія не была омрачена горемъ. Теперь все перевернулось вверхъ дномъ.

Полина Дюваль и Макъ-Крери передали другимъ свою дѣятельность заговорщиковъ и занялись исключительно больною женою Рована.

На разсвѣтѣ вернулся домой утомленный генералъ, вызванный на тревогу совершенно напрасно.

Такимъ образомъ шли золотые іюньскіе дни въ преступной праздности. Престарѣлый генералъ Скоттъ, лежа на своемъ покойномъ креслѣ въ припадкѣ подагры, бесполезно изучалъ карты Рована. Великая же армія ничего не дѣлала, пока южане упорно дрались въ Миссури, Кентукки и западной Виргиніи.

Между тѣмъ Полина Дюваль окончательно устроила домашнія дѣла Рована, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои.

— Если случатся роковыя обстоятельства, — сказала она генералу:—то я тотчасъ обвиняю Эстеллу и Джака. Терять время нечего. Моего мужа и меня могутъ выгнать изъ Вашингтона. Молодая чета будетъ заботиться о больной и объ Адели.

— А я слышалъ, — сказалъ генералъ, нимало не подозрѣвая Полину:—что меня пошлютъ съ сильной бригадой оберегать Мерилендскій берегъ, и моя главная квартира будетъ въ Пулесвиллѣ. Генералъ Джери расположится противъ меня въ Гарперсъ-Ферри. Такимъ образомъ мнѣ придется отстоять отсюда на тридцать миль, и такъ какъ во всякое время можетъ предстоять борьба съ непріателемъ, то я долженъ принять это благородное предложеніе и оставить больную жену на ваше попеченіе. Но простите, Полина, что я называю вашихъ друзей и родственниковъ непріателями. Они должны были бы считаться моими братьями, какъ вы — моею сестрою въ минуту опасности.

Полина Дюваль съ страннымъ блескомъ въ глазахъ пожала руку Рована.

Въ эту самую ночь генералъ Борегаръ весело засмѣялся, получивъ чрезъ Пейтона телеграмму отъ Полины Дюваль.

— Молодецъ, храбрый Рованъ,—сказалъ онъ:— если онъ займетъ Пулесвилъ, то мы легко съ нимъ справимся.

— Не беспокойте Рована въ его позиціи, — посовѣтовалъ ловкій виргинскій шпіонъ: — мы легко все обдѣлаемъ чрезъ Макъ-Крери и узнаемъ большую часть тайнъ Рована, даже, быть можетъ, генерала Скотта.

Послѣ часа совѣщанія генералъ Борегаръ подписалъ назначеніе Пейтона полковникомъ и состоящимъ при его штабѣ.

— Я даю вамъ право дѣйствовать, какъ угодно, — сказалъ онъ: — не компрометируйте никого, но давайте мнѣ всѣ свѣдѣнія. Ваша служба полезнѣе для предстоящаго сраженія, чѣмъ цѣлая бригада ветерановъ.

Двѣ недѣли спустя, Джакъ Макъ-Крери спокойно провелъ ночь въ лагерѣ генерала Рована въ Пулесвиллѣ, въ качествѣ гостя, а утромъ, перебравшись черезъ Потомакъ, завтракалъ въ палаткѣ генерала Борегара, гдѣ онъ былъ скрытъ до ночи въ одеждѣ простого фермера съ длинной бородой.

— Передайте г-жѣ Дюваль это кольцо, — сказалъ Борегаръ: — оно принадлежало моей матери, и скажите ей, что я съ удовольствіемъ пожаловалъ бы ей двѣ звѣздочки южнаго генераль-майора. Да благословитъ ее Господь! Что касается до васъ, Макъ-Крери, то останьтесь тамъ, гдѣ вы теперь. Вы полезнѣе въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ предводительствуя безнадежной арміей. Мнѣ еще необходимо...

И онъ шепотомъ произнесъ нѣсколько словъ, а потомъ громко прибавилъ:

— Полковничій чинъ ждетъ васъ здѣсь, когда вы явитесь сюда въ слѣдующій разъ. Но помните, что если васъ поймаютъ и посадятъ въ тюрьму, то молчите до послѣдняго вздоха. Впрочемъ, мы можемъ тайно оказать вамъ всякую помощь, куда бы васъ ни заперли. У насъ есть лазутчики въ фортѣ Макъ-Генри, въ старомъ Капитоліи и въ мрачномъ фортѣ Лафайетъ. Помните, что вы крадете свѣдѣнія не у Рована, но у дровосѣка Линкольна.

На разсвѣтѣ негръ перевезъ на лодкѣ чрезъ Потомакъ, повидимому, старика, который выскочилъ на берегъ съ легкостью, несоответственной его возрасту, и поспѣшилъ въ сосѣднее скромное жилище.

Черезъ часъ въ своей обыкновенной одеждѣ Макъ-Крери вошелъ въ домъ Рована, отперевъ наружную дверь ключемъ, находившимся у него.

Полина Дюваль встрѣтила его въ сѣняхъ съ безпокойнымъ, мрачнымъ лицомъ. Старая негритянка тихо шевелилась въ комнатѣ больной.

— Генераль Борегаръ позлалъ вамъ кольцо своей матери, какъ залогъ, — сказалъ Макъ-Крери: — Полина, мы должны спасти югъ; это страшное, но необходимое дѣло.

И онъ передалъ все, что ему сказалъ Борегаръ.

— Мы должны смотрѣть на цѣль, а не на средство, — сказала Полина: — Рованъ прїѣдетъ сюда на-дняхъ, чтобы совѣщаться съ генераломъ Скоттомъ о движеніи впередъ «великой арміи» въ будущемъ мѣсяцѣ. Борегаръ тогда долженъ получить то, что ему нужно. Мы вдвоемъ можемъ это исполнить.

— Я могу достать все, что угодно, изъ лагеря Рована, — сказалъ Макъ-Крери: — но карту можно получить только здѣсь и съ вашей помощью. Насъ никто не подозрѣваетъ. Бѣлый Домъ до сихъ поръ легко выдаетъ всѣ тайны: около президента можно найти до двадцати южныхъ сенаторовъ и депутатовъ, которые готовы помогать Борегару. Одна большая побѣда предастъ въ наши руки національную столицу. Скоттъ по болѣзни не выходитъ изъ дома, и Линкольнъ каждое утро навѣщаетъ его. Почти бесполезно стараться что нибудь узнать черезъ него. Кларкъ, старый лакей генерала, — хитрый и неподкупный человекъ. Къ тому же генерала постоянно охраняютъ часовые, и двѣнадцать офицеровъ стараются окончить трудъ Рована и Гамильтона, который также уѣхалъ. Такимъ образомъ никакой тайны нельзя добиться отъ Скотта; только отъ Рована мы можемъ достать то, что намъ необходимо.

— А на это дѣло готовы вы, я и Эстелла, — шепотомъ произнесла Полина: — помните, какую клятву вы произнесли, когда я вамъ отдала руку молодой дѣвушки и ея состояніе. Мы должны одержать успѣхъ. Рованъ привезетъ сюда свою карту, потому что онъ нѣжно привязанъ къ больной, и, ради отечества, мы должны достать, во что бы то ни стало, то, чего требуетъ Борегаръ.

Между тѣмъ къ военному позору обѣихъ сторонъ совершались безконечныя ошибки 1861 года. Въ теченіе перваго года войны на сѣверѣ не двигали войска, безъ всякой системы и въ Ричмондѣ только думали о славѣ и самолюбіи, а на сѣверѣ лишь руководствовались личными интригами, среди невѣроятной неспособности начальниковъ. Адвокатъ Линкольнъ и бывший военный министръ Дэвисъ, повидимому, не умѣли двигать военными массами. Наконецъ, къ довершенію всего грянуло побоище Булль-Рунское, которое нанесло страшное пораженіе сѣверу, хотя южная армія не умѣла имъ воспользоваться. При позорищѣ Булль-Руна генераль Рованъ имѣлъ счастье не присутствовать. За недѣлю онъ былъ отозванъ изъ Пулсвилля для совѣщанія съ больнымъ генераломъ Скоттомъ и для присутствія при послѣднихъ минутахъ своей умирающей жены.

Несмотря на личное горе и отчаяніе, Рованъ, все-таки, не забывалъ своего патриотизма и носившагося въ воздухѣ пораженія сѣверной арміи. Его пугало до безконечности желаніе генерала Скотта,

во что бы то ни стало, одержать побѣду, и онъ горячо протестоваль противъ боевыхъ приготовленій. Кромѣ того, онъ тщетно совѣтоваль Скотту не поручать арміи Патерсону, а назначить на его мѣсто кого либо другого, такъ какъ неспособность этого человѣка не было во всей сѣверной арміи.

— Вы забываете,—замѣтилъ Скоттъ:—что генераль Патерсонъ выше всѣхъ чиномъ и достойно помогаль мнѣ въ Мексиканской войнѣ.

— Не торопитесь, генераль, — убѣждалъ его Рованъ: — дайте Макъ-Довеллю еще двадцать пять тысячъ войска и двѣнадцать батарей.

— У арміи есть Патерсонъ,—промолвилъ сердито Скоттъ:—и у него достаточно войска.

— По крайней мѣрѣ, — отвѣчалъ Рованъ: — не держите въ резервѣ пять ново-джерсейскихъ полковъ, а пошлите ихъ въ бой.

— Они еще слишкомъ молоды,—замѣтилъ Скоттъ:—все трехмѣсячники.

— Такъ подождите, генераль, еще войскъ, а главное Макъ-Клеллана.

— Нѣтъ, вся нація требуетъ битвы, — закричалъ изо всей силы Винифильдъ Скоттъ: — она и будетъ. Всѣ жаждутъ итти на Ричмондъ. Вотъ моя карта движенія впередъ. Я ея не измѣню. Подпишите ее, генераль Рованъ, и поставьте число, даже часъ. Я вѣдь теперь создаю исторію. Подпишите вашъ экземпляръ, а также выставьте на немъ число и часъ. Ну, отправляйтесь теперь къ постели вашей бѣдной жены. Дай Богъ, чтобы она поправилась. Я удержу васъ здѣсь около недѣли, чтобы вы были готовы всегда помочь мнѣ. Я самъ передамъ Макъ-Довеллю карту западной мѣстности вокругъ Вашингтона, а у Линкольна есть другая. Каждый вечеръ полковникъ Гей прячетъ ее аккуратно. Сохраняйте свой экземпляръ на груди, чтобы отправиться съ нимъ на поле брани, если Макъ-Довелль потеряетъ или случайно уничтожитъ свою карту.

Впослѣдствіи оказалось, что за два дня до Буль-Рунской битвы Линкольнъ получилъ депешу отъ несчастнаго Макъ-Довелля съ торжественнымъ предостереженіемъ о скрывавшейся въ высшихъ слояхъ опасной измѣнѣ.

— Мы взяли въ Сентервиллѣ,—писаль онъ:—нѣсколько предметовъ, брошенныхъ врагами во время поспѣшнаго ихъ ухода. Къ нашему удивленію, среди этихъ вещей найдена правильная копія нашей карты, помѣченной только двумя днями тому назадъ. Генераль Скоттъ далъ мнѣ свою карту; я ношу ее постоянно на себѣ свернутой. Это—вѣрная и подписанная копія оригинала, находящагося у васъ, и дубликатъ его найденъ у непріятели. Этотъ дубликатъ начерченъ поспѣшно, но совершенно вѣрно, и подъ нимъ точно

выведена подпись генерала Скотта. Президентъ, если битва будетъ проиграна, то этимъ вы обязаны шпионамъ, которыхъ множество въ вашемъ официальномъ жилищѣ. Я предупреждаю васъ объ этомъ, потому что вы, можете быть, примете мѣры. Но пожалѣйте генерала Скотта и не наносите ему этого удара.

Линкольнъ молча передалъ это письмо сенатору Чарльсу Сумнеру.

— Что вы скажете объ этомъ?—сказалъ онъ съ безпокойствомъ.

Сумнеръ прочелъ депешу, потомъ списалъ ее карандашемъ и наконецъ сказалъ:

— Позвольте, мистеръ Линкольнъ, посмотрѣть на вашу карту. Я пойду и покажу ее министру Камерону. Вокругъ насъ опасный измѣнникъ или измѣнники. Кто можетъ въ этомъ поручиться? Весь городъ кишитъ шпионами. Но прошу васъ объ этомъ никому ни полслова, а въ особенности Скотту: отъ подобнаго извѣстія онъ получитъ апоплектическій ударъ; уже поздно измѣнять наши планы.

Въ эту минуту офицеръ, весь запыленный, вбѣжалъ и на ходу заявилъ:

— Дерутся въ Блэкбурнъ-Фордѣ. Бригада Ричардсона и батарея Шермана сражаются уже три часа, и вся непріятельская армія выстроилась вдоль Буллъ-Руна. Намъ приходится отступать.

— Я жду васъ здѣсь чрезъ полчаса, Сумнеръ,—сказалъ Линкольнъ: — теперь, дѣйствительно, поздно что нибудь предпринять, но Богъ спасетъ правое дѣло.

И онъ отправился къ генералу Скотту, а, вернувшись назадъ, уже засталъ Сумнера.

— Что сказалъ вамъ Скоттъ? — произнесъ Сумнеръ съ неудовольствіемъ.

— Онъ только твердитъ, что Патерсонъ удержитъ Джонстона,—отвѣчалъ Линкольнъ.—Я предлагалъ ему послать до послѣдняго человека съ фортификацій для подкрѣпленія войска, но онъ твердитъ одно: «Патерсонъ побьетъ Джонстона».

— Я ни слова не вѣрю ему,—произнесъ Сумнеръ.—Что-то недоброе во всемъ этомъ дѣлѣ. Чрезъ два дня мы могли бы послать на подкрѣпленія Макъ-Довеллю 30.000 человекъ. Удержите, ради Бога, старика.

— Онъ не согласенъ,—возразилъ Линкольнъ.

— Это ошибка или измѣна!—воскликнулъ Сумнеръ:—и видитъ Богъ, кто нибудь за это пострадаетъ.

Онъ быстро удалился, и Линкольнъ его болѣе не видѣлъ до постыднаго Буллъ-Рунскаго пораженія.

За нимъ послѣдовалъ и военный министръ Камеронъ, который сказалъ, уходя:

— Мистеръ Линкольнъ, насъ продали; Сумнеръ добьется правды; Скоттъ долженъ быть смѣненъ. Конечно, онъ виновенъ только въ

старости и слабоуміи. Но мы отыщемъ измѣнника, укравшаго карту.

Въ это самое время усталый Макъ-Крери вошелъ въ мрачный домъ Рована. Полина Дюваль встрѣтила его, прижавъ палецъ къ губамъ.

— Еле жива,—произнесла она шепотомъ:—а вы какія принесли новости?

Макъ-Крери отвелъ ее въ сторону и сказалъ, заливаясь слезами:

— Богъ проститъ мнѣ. У каждого южнаго бригаднаго командира находится копія карты. Борегаръ пришлетъ вамъ съ тайнымъ агентомъ мой полковничій патентъ. Но, если меня поймаютъ, то, конечно, повѣсятъ.

— Молчите!—шепотомъ перебила его Полина:—теперь, какъ ваше дѣло сдѣлано, вы можете жениться на Эстеллѣ и тайкомъ уѣхать на Бермудскіе острова, куда вы повезете Адель послѣ смерти Мэри. Чего вы плачете? Гордитесь—вы спасли югъ.

И она страстно прильнула къ его губамъ.

— Но что я скажу ему?—со страхомъ спросилъ Макъ-Крери:—гдѣ я былъ?

— Два дня боленъ въ Бальтиморѣ,—едва слышно промолвила она:—я уже такъ ему и сказала, и для безопасности распорядилась вчера, чтобы васъ прописали пріѣхавшимъ въ Бальтимору. Пойдите къ нему, скажите, что вы очень устали, и отправляйтесь спать.

Рованъ едва поднялъ голову, услыхавъ ложь Макъ-Крери.

— Говорятъ, теперь идетъ страшная битва,—произнесъ онъ:—но я привязанъ къ Вашингтону: Скоттъ не велѣлъ мнѣ уѣзжать отсюда. Посидите у больной, Джакъ: я долженъ итти къ нему.

Оставшись одинъ, Джакъ Макъ-Крери съ ужасомъ вспомнилъ позорное дѣло этихъ двухъ дней. Полина отвлекла на нѣсколько часовъ Рована въ свой домъ, подъ предлогомъ, что онъ тамъ лучше отдохнетъ, и негритянка, служившая у нея, ловко выкрала ключъ отъ конторки Рована, гдѣ была спрятана карта. Макъ-Крери открылъ конторку, взялъ карту и въ теченіе трехъ часовъ ловко снялъ копію съ нея, которую снова положилъ на прежнее мѣсто.

— Онъ никогда не заподозритъ, кто именно укралъ ее,—пробормоталъ Макъ-Крери и поскакалъ въ Александрію, гдѣ вручилъ Пейтону драгоцѣнный документъ.

Теперь они вмѣстѣ стали его переписывать, и когда чрезъ два дня готовы были всѣ копіи, то Макъ-Крери вернулся въ Вашингтонъ.

Первымъ дѣломъ послѣ его возвращенія было вознаграждать за услугу старую негритянку.

— Вотъ тебѣ 250 долларовъ за ключъ,—сказаль онъ:—и двѣсти пятьдесятъ за ночныя дежурства у больной. Будь также вѣрна, и ты скоро заработаешь себѣ свободу.

Вернувшись домой, Рованъ прежде всего спросилъ у Макъ-Крери:

— Ну, какъ она?

— Все также,—отвѣчалъ послѣдній:—Полина у нея.

— Послушайте, Джакъ,—сказаль Рованъ:—я лягу спать; моя лошадь и ординарецъ готовы; генераль Скоттъ каждую минуту можетъ послать меня съ депешою. Подождите здѣсь до 12 часовъ, а потомъ разбудите меня. Бѣдный старикъ, онъ полагаетъ, что пошлетъ меня съ новыми планами о наступленіи въ Кульпепперъ или Фредрикбургъ. А въ сущности въ воздухѣ носится пораженіе; онъ просто съ ума сошелъ. Армія будетъ разбита. Патерсонъ не двинулся. Не только слава Скотта омрачена навѣки, но страна потерпѣть страшное пораженіе.

— Все благополучно,—сказала Полина, входя въ комнату чрезъ нѣсколько времени:—Рованъ спитъ. Помните, что рука Эстеллы служить вашей наградой. Моя старуха совершенно довольна вашей наградой. Она и всѣ негры въ большомъ волненіи. Говорятъ, теперь происходитъ ужасная битва.

Дѣйствительно 21 іюля 1861 г. произошло первое генеральное сраженіе между сѣверянами и южанами. Великая армія была разбита на голову, благодаря неспособности и упрямству Скотта, а также измѣнѣ генерала Патерсона. Остатки сѣвернаго войска въ безпорядкѣ наполняли улицы Вышингтона.

Генераль Скоттъ въ отчаяніи послалъ за Рованомъ.

— Патерсонъ измѣнилъ,—воскликнулъ Скоттъ:—Джонсонъ его избѣгнулъ; все погибло. Теперь надо во что бы то ни стало защищать Вашингтонъ. Пошлите Мансфельда собрать бѣглецовъ. Макъ-Довелль приведетъ остальныхъ войска въ Ферфаксъ и Арлингтонъ. Возьмите эскадронъ и найдите артиллерію Барри, а также резервную дивизію Руніона. Я же отправлюсь къ президенту, чтобы рѣшить вопросъ о защитѣ города.

Однако, генераль Скоттъ ошибся насчетъ защиты Вышингтона: не ему она была поручена. Линкольнъ немедленно обратился къ Макъ-Клеллану съ просьбой «спасти столицу».

Звѣзда Скотта навѣки померкла, и Джорджъ Бринтонъ Макъ-Клелланъ 25 іюля сдѣлался практически главнокомандующимъ.

V.

26 іюля прибылъ въ Вышингтонъ Макъ-Клелланъ и, въ сущности, принялъ начальство надъ войскомъ, хотя номинально онъ за вѣдывалъ только вашингтонскимъ департаментомъ, а главнокомандующимъ былъ сдѣланъ бывший спикеръ и способный политиче-

скій дѣятель, генераль Банксъ. Макъ-Клелланъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія и вскорѣ довелъ армію до двухсотъ-пятидесяти-тысячнаго состава, однако онъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ, и въ Вашингтонѣ его постоянно подозрѣвали и подвергали безконечнымъ политическимъ нитригамъ.

Линкольнъ не смѣлъ публично взвалить всю вину за Буль-Рунское пораженіе на престарѣлаго, упрямаго Винифильда Скотта. Но въ сущности этотъ старый, нѣкогда опытный и способный главнокомандующій былъ причиною разразившейся надъ странюю катастрофы. Не подготовивъ армію къ сраженію, онъ надѣлалъ столько ошибокъ, что объяснить ихъ могли только его старость и слабость. Смѣнно раскинутая армія, бездѣйствіе измѣнника Патерсона, неподкрѣпленіе во-время Макъ-Довелля, кража карты у генерала Рована, отсутствіе кавалеріи, пьянство во время боя полковника Мильса и многіе другіе позорные эпизоды прямо зависѣли отъ него.

Однако, южане не воспользовались своей побѣдой; у нихъ начались ссоры между Борегаромъ и Джонсономъ, а между офицерами нарушилась всякая дисциплина, благодаря ихъ самонадѣянности и чрезмѣрной гордости. Все это потихоньку прокладывало генералу Ли путь къ первенству, и Дэвисъ ловко пользовался всякимъ случаемъ для его торжества.

Между тѣмъ Рованъ въ официальномъ отношеніи терпѣлъ отъ немилости генерала Скотта, хотя Макъ-Клелланъ былъ очень любезенъ и выражалъ дружественныя къ нему чувства. Вообще положеніе Рована было самое несчастное, какъ дома, такъ и внѣ его. Бѣдная жена его умерла въ то самое время, какъ старый генераль Скоттъ подвергнулъ его безо всякой вины позору, а невѣдомый злодѣй побудилъ его бессознательно учинить измѣну.

Убитый горемъ, несчастный Рованъ получилъ двухнедѣльный отпускъ по случаю смерти жены и долженъ былъ утѣшать свою горько плакавшую дочь. Единственной его отрадой были нѣжныя попеченія Полины Дюваль, которую терзали чисто женскія сожалѣнія обо всемъ, что она сдѣлала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она хлопотала о свадьбѣ молодого Макъ-Крери съ ея прекрасной племянницей.

— Слава Богу,—говорила она шопотомъ мрачному жениху:—теперь не можетъ быть никакого подозрѣнія. Еще одна побѣда, и наши войска займутъ Капитолій.

Она неосторожно радовалась пораженію генерала Скотта, и Гораций Дюваль старался уговорить ее быть осмотрительной.

— Берегись, Полина,—говорилъ онъ:—какъ ни счастливо для насъ это событіе, но надо быть особенно тебѣ очень осторожной на словахъ. Славу Богу, что твои вечера прекратились. Я не боюсь, что меня вышлютъ отсюда, и не поѣду съ тобой, если бы тебя выслали въ Савану; у меня слишкомъ много здѣсь дѣла.

Двѣ недѣли отпуска Карроль Рованъ провелъ въ семейныхъ занятіяхъ и домашнихъ хлопотахъ, не подозрѣвая, что именно дома была небезопасна врученная ему государственная тайна.

Когда онъ былъ послѣдній разъ послѣ Буль-Рунскаго пораженія у генерала Скотта, онъ получилъ отъ него двѣ карты.

— Онѣ могутъ вамъ съ Макъ-Клелланомъ пригодиться,—сказалъ Скоттъ:—можетъ быть, въ вашихъ интересахъ будетъ владѣть этими картами. Моя звѣзда уже навсегда закатилась, я только жду, чтобы собрался конгрессъ, и тогда представлю мою отставку.

Рованъ не зналъ, что, нѣсколько дней спустя, сенаторъ Сумнеръ, тайно стараясь открыть измѣнника, укравшаго карту, посѣтилъ генерала Скотта и ловко вывѣдалъ у него, что Рованъ имѣлъ дубликатъ карты, найденной въ Сентервиллѣ.

— Онъ самъ списалъ копіи карты, генераль?—спросилъ Сумнеръ.

— Конечно,—отвѣчалъ старикъ, невольно проговариваясь:—у него теперь копіи двухъ картъ, и онѣ могутъ понадобится генералу Макъ-Клеллану. Онъ—ближайшій генераль-майоръ отъ Вышингтона.

— И отъ Ричмонда,—цинически сказалъ Сумнеръ.

Онъ задумался и мысленно произнесъ:

— Юже мой! Возможно ли это? Мнѣ надо повидать Камерона и рассказать ему обо всемъ. Но Линкольнъ, бѣдный Скоттъ и генераль Рованъ не должны имѣть ни малѣйшаго объ этомъ подозрѣнія. У Рована была жена южанка... Все возможно въ эти мрачные дни.

Дѣйствительно, не подозрѣвая о собиравшихся надъ нимъ тучахъ, Рованъ спокойно предавался своему горю, подъ вліяніемъ котораго онъ невольно подчинился Полинѣ Дюваль. Въ эти плачевныя минуты гостепріимный домъ ея мужа былъ убѣжищемъ для него и дочери, днемъ онъ занимался военными бумагами въ своемъ кабинетѣ, а вечера проводилъ съ добродушнымъ, разговорчивымъ Дювалемъ и любезной Полиной.

Только на нѣсколько дней онъ уѣзжалъ, чтобы покончить всѣ дѣла по виргинскимъ золотымъ приискамъ, и по совѣту Полины его домъ охраняли Макъ-Крери и старая негритянка. Когда онъ вернулся назадъ, то его жизнь потекла попрежнему въ кругу Дювалей.

Горацій Дюваль не имѣлъ и понятія, что его прекрасная жена была въ такихъ близкихъ политическихъ отношеніяхъ съ Джакомъ Макъ-Крери. Конечно, его богатая племянница могла выйти за человѣка поважнѣе. Но въ эти безпокойныя времена Макъ-Крери казался безопаснымъ, вѣрнымъ человѣкомъ. Могущественная дружба Рована общала Макъ-Крери и его женѣ полную безопасность, а также обезпеченіе состоянія Дювалей.

Поэтому онъ допускалъ раннія утреннія и позднія вечернія совѣщанія наединѣ жены съ Макъ-Крери, нимало не подозрѣвая ихъ настоящей цѣли.

— Однако, странно, что этотъ молодой человѣкъ не вступилъ въ ту или другую армію, — раздумывалъ старый юристъ: — онъ, храбрый и мужественный молодець, а теперь такое время, что военная слава соблазняетъ всякаго человѣка.

Дюваль ничего не зналъ объ интригахъ и заговорахъ его жены, въ которыхъ невольно участвовалъ Макъ-Крери, поддававшійся ея пламенному вліянію, благодаря чему онъ былъ ревностнымъ рабомъ Полины. Дюваль также не подозрѣвалъ, что приближавшаяся свадьба была тайнымъ сборищемъ самыхъ опасныхъ сторонниковъ юга, которые получали свободные пропуска, благодаря плѣнительнымъ улыбкамъ Полины, щедро раздававшей ихъ блестящей свитѣ Макъ-Кледлана.

Хотя Дюваль желалъ полного успѣха южанамъ, но самъ онъ нимало не думалъ сдѣлаться героемъ, мученикомъ или шпиономъ въ ихъ пользу. Онъ просто былъ «старымъ обозрѣвателемъ» той странной сумятицы, которую мы называемъ жизнью, и онъ возмущался бы при малѣйшей мысли, что Макъ-Крери и его жена измѣняютъ Ровану. Его жилище было священно, и Рованъ былъ его другомъ, хотя во враждебномъ мундирѣ. Если бы Дюваль имѣлъ малѣйшее понятіе о томъ, что они составляли таинственный заговоръ противъ его друга, то онъ немедленно предупредилъ бы обо всемъ Рована. Теперь же, слѣпо вѣря женѣ и ея другу, онъ подерживалъ Рована въ слѣпомъ довѣріи.

Такимъ образомъ Рованъ спокойно сидѣлъ по вечерамъ въ домѣ Дюваля, считая, что его карты безопасно лежали въ конторкѣ бібліотеки, ключъ отъ которой находился въ его карманѣ.

Маленькая Аделъ ласкала его и играла его длинными волосами, симпатичный же голосъ мистриссъ Дюваль чарующе плѣнялъ его. Слепой человѣкъ, онъ до своей смерти не зналъ, что съ его ключа былъ сдѣланъ восковой слѣпокъ, и дубликатъ ключа, сдѣланный негритянскимъ слесаремъ, находился у Макъ-Крери. Въ виду этой уловки молодой человѣкъ въ послѣднія двѣ недѣли могъ снять копію съ новыхъ картъ Рована. Онъ такъ безумствовалъ въ своемъ любовномъ пылу къ своей невѣстѣ, что нимало не обращалъ вниманія на эту вторую измѣну. Если же когда нибудь въ немъ просыпалась совѣсть, то соблазнительная Полина Дюваль успокоивала его своей чудной улыбкой и непреодолимымъ вліяніемъ своихъ словъ.

— Вы—герой, Джакъ,—говорила она:—вы ничего не украли у Рована, а только взяли у Линкольна его планъ безжалостной рѣзни. Это—Божье дѣло; да и притомъ генераль Рованъ уже будетъ за двѣсти милль отсюда, прежде чѣмъ эти карты пригодятся къ дѣлу.

Окончивъ свою работу, Макъ-Крери спряталъ ее подъ коверъ своей комнаты и сказалъ Полинѣ:

— Я не хочу, чтобы меня поймали съ картами наканунѣ свадьбы, а потому не отвезу ихъ самъ.

— Конечно, вы правы,—воскликнула Полина, бросаясь къ нему на шею:—ступайте къ Эстеллѣ и забудьте обо всемъ въ ея объятіяхъ. Предоставьте все мнѣ. Въ день вашей свадьбы карты будутъ въ вѣрныхъ рукахъ, только остерегайтесь мужа и будьте, какъ можно естественнѣе, какъ можно проще съ Рованомъ.

Между тѣмъ, Рованъ, по окончаніи своего отпуска, не могъ никакъ добиться частнаго свиданія съ генераломъ Макъ-Клелланомъ, до котораго не допускала его свита, пользуясь тѣмъ, что онъ дѣйствительно былъ занятъ съ утра до вечера. Этотъ патриотичный, храбрый и энергичный человекъ взялъ на себя тяжелый трудъ сдѣлать настоящую армію изъ бѣглецовъ Буллъ-Руна. Дѣйствительно, 1-го октября онъ сдѣлалъ смотръ уже отличавшемуся дисциплиной и порядкомъ, великолѣпному, хорошо обмундированому и вооруженному войску. Въ сущности, Макъ-Клелланъ сѣялъ, а Грантъ въ послѣдствіи собиралъ жатву.

Наконецъ Рованъ пробился сквозь ряды свиты Макъ-Клеллана и получилъ отъ него инструкцію для командованія Мэриландской бригадой.

— Смотрите,—сказалъ онъ:—чтобы никто не прорвался чрезъ Потомакъ, Эдвардсъ-Ферри, Ласбургъ и Сенеку; охраняйте желѣзные дороги и каналы, сообщайте мнѣ всѣ свѣдѣнія; часто демонстрируйте противъ Лисбурга и занимайте непріятеля вылазками—вотъ ваша обязанность, генераль Рованъ, а главное приведите въ порядокъ вашу армію; я знаю, что это будетъ вашей гордостью. Я имѣю планы на васъ въ будущемъ. Пока, возьмите эту фортификаціонную карту. Я могу пріѣхать къ вамъ или прислать Сета-Вилльямса, чтобы получить ваши совѣты. Вы не забудете, какъ важна эта карта и эти планы Верхняго Потوماка.

— Я буду ихъ беречь, какъ свою жизнь,—торжественно отвѣчалъ Рованъ.

— Вы можете, генераль, теперь ѣхать въ свою бригаду, какъ только устроите семейныя дѣла,—сказалъ Макъ-Клелланъ.

Забываясь, какъ можно скорѣе, достигнуть своей бригады, Рованъ слѣшилъ устроить свои личныя дѣла. Первымъ, чѣмъ онъ занялся, было устроить хорошенько свои карты, о которыхъ такъ старательно предостерегъ его Макъ-Клелланъ. Онъ свернулъ ихъ плоско въ два свертка и спряталъ во внутренніе карманы жилетки такъ, чтобы онѣ всегда были при немъ. Въ главной же его квартирѣ эти карты должны были находиться подъ ключемъ, въ официальномъ сундукѣ.

Еще болѣе заботы ему представляло урегулированіе офицерскаго персонала своей бригады. Онъ не пользовался популярностью, и его называли «Вестъ-Пойнтскимъ вампиромъ». Особливо его не жаловалъ любимецъ Линкольна, сенаторъ Бэкеръ, который со-

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

СЕНТЯБРЬ, 1902

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯВРЬ, 1902 г.

СТРАН.

I. Въ народъ. Изъ эпохи 1870-хъ годовъ. С. И. Васюкова	665
II. Воспоминанія М. А. Паткуль . Гл. XIX—XX. (Окончаніе)	700
III. «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!» А. В. Жиркевича	737
IV. Опала и ссылка боярина А. С. Матвѣева. П. А. Матвѣева	780
иллюстрація: Бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.	
V. Тихій уголокъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). Н. Н. Степаненка	819
VI. Цензура въ эпоху великихъ реформъ (1855—1875 гг.). Очеркъ первый. Н. А. Энгельгардта	830
VII. «Первинка» графа Л. Н. Толстого. (1852—6 сентября—1902 гг.). Д. Д. Языкова	854
VIII. Измаильскій герой. П. Н. Симанскаго	859
IX. Атаманъ Степанъ Даниловичъ Ефремовъ (1753—1772 гг.). А. А. Карасева	870
иллюстрація: 1) Атаманъ Степанъ Даниловичъ Ефремовъ.—2) Мелавья Карповна Ефремова.	
X. Паломничество въ Палестину. XX—XXVI. (Продолженіе). И. П. Ювачева	884
иллюстрація: 1) Видъ города Тиверіады (Табарія).—2) Рыбаки на Тиверіадскомъ озерѣ.—3) Православная церковь Благовѣщенія въ Назаретѣ.—4) Колодецъ Іакова (или Самарянки) близъ Сихема.—5) Приваль каравана паломниковъ.—6) Караванъ паломниковъ передъ отправленіемъ изъ Іерусалима.—7) Возвращеніе каравана паломниковъ въ Іерусалимъ.—8) Видъ Іерусалима съ сѣверной стороны.	
XI. Вниманію археологическаго общества. С. И. Васюкова	924
иллюстрація: Дольмены на Кавказѣ (3 рисунка).	
XII. Къ біографіи графа П. А. Румянцова-Задунайскаго. А. А. Танкова	930
XIII. Изъ архивныхъ дѣлъ XVIII столѣтія. Ф. Л—ева	939
XIV. Мелочи театральной старины. Барона Н. В. Дризена	946
XV. Англійскій король Эдуардъ VII. Біографическій очеркъ. VI—X. (Окончаніе). В. Т.	960
XVI. Критика и бібліографія	992

1) Н. Д. Сергѣевскій, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета. Къ вопросу о филиндской автономіи и основныхъ законахъ. Спб. 1902. **В. Грибовскаго**.—2) В. А. Францевъ. Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія ученныя связи конца XVIII и первой половины XIX столѣтія. Варшава. 1902. **А. Сиротинина**.—3) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXIX. Тифлисъ. 1901. **В. Р—ва**.—4) Пресвященный Аркадій, архіепископъ одонскій, какъ дѣятель противъ раскола. Сочиненіе іеромонаха Веніамина, Петро-заводскъ. 1901. **С.**—5) Мелеръ, А. В. Русскія словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно. Библіографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журналы статьи. Ч. II. Русская словесность XVIII и XIX ст. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. Спб. 1902. **п. Щ.**—6) Антонъ Чеховъ. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ).

См. слѣд. стр.

сокъ). Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1902. **И. Ю.**—7) П. Головачевъ. Сибирь, Природа, люди, жизнь. Съ 66 рисунками и 2 картами. Изданіе Ю. И. Базановой. Москва. 1902. **А. О—ва.**—8) Е. Жилинская. Путешествіе по горамъ Средней Азии. Варшава. 1902. **Бориса Тагъева.**—8) Turkestan, von Franz von Schwarz. (Nach fünfzehnjährigen Aufenthalt in Turkestan). Freiburg in 13 Breisgau. 1900. **А. Хах—ова.**—9) Л. Орда. Крестовоздвиженская братская церковь въ г. Луцкъ. Опыт историческаго очерка. Луцкъ. 1902. **И. Ю.**

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1012

1) Гомеръ-географъ.—2) Римскіе выборы.—3) Письма принцессы Урсень.—4) Вѣнчаніе лаврами итальянской поэтессы.—5) Мемуары герцогини Флери.—6) Наполеонъ-мировторецъ.—7) Наполеонъ на островѣ Эльбѣ.—8) Еще одинъ Бурбонъ.—9) Столѣтній юбилей Лакордера.—10) Смерть кардинала Лядоховскаго.

XVIII. Смѣсь 1032

1) Памятникъ императору Александру II.—2) Столѣтіе Голицынской больницы.—3) Эриванскія древности.—4) Древности великокняжеской эпохи.—5) Раскопки кургановъ.—6) Находка клада.

XIX. Некрологи 1036

1) Аркъ, фонъ, К. К.—2) Базили, А. К.—3) Верверъ, К. А.—4) Гейротъ, А. А.—5) Клевещій, А. З.—6) Ландау, А. Е.—7) Орловъ, И. Я.—8) Пастернацкій, Ѳ. И.—9) Паленко, К. И.—10) Починскій, Н. С.—11) Реммертъ, А. А.—12) Розенштейнъ, Н. П.—13) Семирадскій, Г. И.—14) Старышкевичъ, С. П.—15) Штейнфельдъ, П. К.

XX. Замятки и поправки 1046

Поправка къ замяткамъ прог. А. Свирилина, **И. С. Бяляева.**

XXI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Маріи Александровны Паткуль.—2) Измѣна. (In the house of his friends). Американскій романъ изъ эпохи войны Сѣвера съ Югомъ. **Ричарда Савэджа.** (Переводъ съ англійскаго). Часть вторая. Гл. VII—VIII.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАГО ТОМА.

(ЮЛЪ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1902 года).

	СТРАН.
Веселыя похороны. (Повѣсть). XXIV—XXXII. (Окончаніе). А. В. Круглова 5,	345
Воспоминанія М. А. Паткуль . Гл. XIII—XX. (Окончаніе)	38, 375, 700
Первый разсказъ. С. И. Васюнова	67
Моя прабабушка. (Изъ семейной хроникки). В. А. Тимирязева	74
Юные администраторы въ Болгаріи. (Отрывокъ изъ воспоминаній). В. В. Вознесенскаго	97
Лѣвый глазъ императора Николая I. А. А. Карасева	106
Туркменскій аламанъ. (Эскизъ). А. П. Андреева	109
Къ біографіи М. Н. Загоскина. Барона Н. В. Дризена	142
Андрей Ивановичъ Штакенштейндеръ. А. П. Эйнера	146
<i>иллюстраціи:</i> Андрей Ивановичъ Штакенштейндеръ.	
Живые монстры. И. Г. Иноземцева	158
Паломничество въ Палестину. V—XXVI. (Продолженіе). И. П. Ювачева	165, 504, 884
<i>иллюстрація:</i> 1) Женская школа въ Ель-Минѣ. — 2) Кедры ливанскіе. — 3) Видъ Бейрута съ юго-западной стороны. — 4) М. А. Черкасова со своею школою въ Бейрутѣ. — 5) Ифскій рейдъ и гряда камней. — 6) Русское мѣсто близъ Иффы. — 7) Разборъ багажа паломниками въ Иерусалимѣ. — 8) Куполы храма Гроба Господня съ юго-восточной стороны. — 9) Входъ въ храмъ Гроба Господня. — 10) Придѣлъ Авгела въ кувукліи Гроба Господня. — 11) Гробъ Господень. — 12) Плянъ храма св. Гроба Господня. — 13) Мѣсто водруженія Креста Господня на Голгоѣ. — 14) Мечеть Омара (Куббетъ-эль-Сахра). — 15) Священная скала внутри мечети Омара. — 16) Елеонская гора и Иосафатова долина. — 17) Видъ города Тиверіады (Табарія). — 18) Рыбаки на Тиверіадскомъ озерѣ. — 19) Православная церковь Благовѣщенія въ Назаретѣ. — 20) Колодець Іакова (или Самарянки) близъ Сихема. — 21) Привалъ каравана паломниковъ. — 22) Караванъ паломниковъ передъ отправленіемъ изъ Іерусалима. — 23) Возвращеніе каравана паломниковъ въ Іерусалимъ. — 24) Видъ Іерусалима съ сѣверной стороны.	
Памятникъ гетману Стефану Чарнецкому въ Тыкоцинѣ. Г. А. Воробьева .	196
<i>иллюстрація:</i> Памятникъ гетману Стефану Чарнецкому въ Тыкоцинѣ.	
Марко Россъ, онъ же Марка Толмачъ. (Историческая замѣтка). Е. Л. Маркова	207
Изъ жизни дальняго востока. В. Д. Черевкова	219
Иностранцы о Россіи. В. Т.	229
Подневольный муниципаль. Л. Я. Л—вскаго	404
Карлъ Осиповичъ Хисъ. Біографическій очеркъ. Н. В. Чарыкова	422
<i>иллюстрація:</i> Карлъ Осиповичъ Хисъ.	
Красное озеро. Богдана Рыка	437
Встрѣча съ абреками. С. А. Гунаропуло	445
Церковное управленіе въ царствованіе императора Николая Павловича. В. М. Грибовскаго	453

Поручикъ П. К. Кусовъ. (Севастопольскія воспоминанія въ Неаполѣ). Н. Н. Фирсова (Л. Рускина)	469
Пѣздка въ Боровскій Пафнугіевъ монастырь. А. И. Фирсова	476
Геленджикъ. С. И. Васюкова	486
<i>иллюстраціи:</i> 1) Общій видъ Геленджика.—2) «Пляжъ» и дача въ Геленджикѣ.—3) Цементный заводъ въ Геленджикѣ.—4) Церковь въ Архидіоцесіи.—5) Цементная гора.	
Пермяки-пнородцы. Священника Іакова Шестанова	544
Народный театръ XVIII вѣка. И. Г. Иноземцева	554
На могилѣ П. И. Якушкина. П. Л. Юдина	563
Англійскій король Эдуардъ VII. Біографическій очеркъ. В. Т.	569, 960
Въ народъ. Изъ эпохи 1870-хъ годовъ. С. И. Васюкова	665
«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!» А. В. Жирневича	737
Опала и ссылка боярина А. С. Матвѣева. П. А. Матвѣева	780
<i>иллюстраціи:</i> Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.	
Тихій уголокъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). Н. Н. Степаненка	819
Цензура въ эпоху великихъ реформъ. (1855—1875). Очеркъ первый. Н. А. Энгельгардта	830
«Первинка» графа Л. Н. Толстого. (1852—6 сентября—1902 г.г.). Д. Д. Языкова	854
Измаильскій герой. П. Н. Симанскаго	859
Атаманъ Степанъ Даниловичъ Ефремовъ. (1753—1772). А. А. Карасева.	870
<i>иллюстраціи:</i> 1) Атаманъ Степанъ Даниловичъ Ефремовъ.—2) Меланья Карповна Ефремова.	
Вниманію археологическаго общества. С. И. Васюкова	824
<i>иллюстраціи:</i> Дольмены на Кавказѣ (3 рисунка).	
Къ біографіи графа П. А. Румянцова-Задунайскаго. А. А. Танкова	930
Изъ архивныхъ дѣлъ XVIII столѣтія. Ф. Л—ева	939
Мелочи театральн. старины. Барона Н. В. Дризена	946
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	256, 603, 992

1) Н. Н. Лендеръ. Разсказы путника. (Изданіе А. С. Суворина). Спб. 1902. А. Б—наго.—2) Профессоръ А. П. Лебедевъ. Историческіе очерки состоянія византийскаго восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Изданіе второе. М. 1902. С.—3) В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII вѣка. Спб. 1902. п. щ.—4) Графъ Павелъ Шереметевъ. Зимняя пѣздка въ Вьлзосерскій край. Москва. 1902. м.—5) Ф. Д. Ватюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ. Часть II. Спб. 1902. — М. О. Меньшиковъ. Критическіе очерки. Томъ II. Спб. 1902. щ.—6) Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Посоховъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ. И. С. Бѣляева. Изданіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Москва. 1902. м. п—аго.—7) Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго. Составила кн. О. Трубецкая. Томъ I. Москва. 1901. г. с.—8) Профессоръ Евгенийъ Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матеріалы, изслѣдованія, замѣтки. Тома I—III. Казань. 1901—1902. п. щ.—9) Волжскій. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. I. Г. Я. Успенскій.—II. Кто виноватъ? (Ученіе Ф. М. Достоевскаго объ ответственности). Спб. 1901. м. с.—10) Къ столѣтню комитету министровъ (1802—1902). Напа желзнодорожная политика. По документамъ архива комитета министровъ. Исто-

рической очеркъ, составленный начальником отдѣленія канцелярн комитета министровъ Н. А. Кислинскимъ. Подъ главной редакціей статьи секретаря Кудозина. Томы 1-й и 2-й. Спб. 1902. в. П—на.—11) Н. М. Чукмадинъ. Записки о моей жизни. Изданіе Сергія Шаранова. М. 1902. щ.—12) П. Ровинскій. Черногогоріи въ ея прошломъ и настоящемъ. Томъ II. Спб. 1902. А. Фаресова.—13) Аркадій Чероковъ, личный секретарь Ѳ. В. Чижова. Ѳеодоръ Васильевичъ Чижовъ и его связи съ И. В. Гоголемъ. Биографическій очеркъ по поводу 25-й годовщины его смерти, съ портретомъ. М. 1902. п. щ.—14) Древности. Труды императорскаго Московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціей В. К. Трутоскаго. Томъ XIX-й (выпуски 1—3). Москва. 1901—1902. л. м.—15) М. Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. II. (1877—1884). Изданіе П. Юргенсона. Москва—Лейпцигъ. 1902. Григорія Тимошеева.—16) Памятная книжка Вятской губ. и календарь на 1902 годъ. Вятка. 1901. А. с.—17) Алексій Веселовскій. Байропъ, биографическій очеркъ съ двумя фототипіями Фишера. Москва. 1902. в. Ивановича.—18) Разсказы изъ русской исторіи, составленные комиссіей преподающихъ исторію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Тифлиса. Курсы 1-го и 2-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Тифлисъ. 1902. м. п—аго.—19) Leonard de Verdmon Jacques. Krótka monografia wszystkich miast, miasteczek i osad w królestwie Polskiem. Nakładem Felicyana Borislawskiego. Warszawa. 1902. г. А. Воробьева.—20) А. Рождественскій. Жизнь и поэзія Никитина. Казань. 1902. п. щ.—21) А. Погодинъ. Виленскій учебный округъ 1803—1831 годовъ. Введеніе къ IV тому «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія». Спб. 1901. в. Гр—снаго.—22) Гр. А. А. Бобринскій. Секта Исмаилъ въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азии. Географическое распространеніе и организація. Москва. 1902. л. м.—23) В. Смоленскій. Исторія польскаго народа. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1901. в. инскаго.—24) Г. I. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. Москва. 1902. Хах—ова.—25) Dr. phil. Альбертъ Рода Гауптманъ и Нитише. Къ объясненію «Потонушаго колокола». Пер. съ нѣм. Вс. Мейерхольда и А. Ремизова. М. 1902. щ.—26) Походъ Суворова черезъ Швейцарію. Фонъ-Редингъ Вибереггъ, подполковникъ Швейцарскаго генеральнаго штаба. Переводъ полковника Е. И. Мартанова. Спб. 1902. в. П.—27) Владимиръ Бобровъ. Исторія изучения Станиславова сборника 1076 г. Библиографическій обзоръ. Казань. 1902. п. щ.—28) Исторія города Москвы. Сочиненіе Ивана Забѣлина, написанное по порученію Московской городской думы. Часть первая. Москва. 1902. м. п—аго.—29) П. Красовскій. Очерки юрьевскаго студента. Рига. 1902. Д. З—нина.—30) Русскія народныя картинки. Изданіе перваго дамскаго художественнаго кружка. Спб. 1902. А. Э. Мальмгрена.—31) И. К. Козминъ. Изъ исторіи русской литературы тридцатыхъ годовъ (Н. А. Полевой и А. И. Герцена). Спб. 1902. п. щ.—32) Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга IV. Съ приложеніемъ одного автографа и 11 портретовъ. Губернскій городъ Владимиръ. 1902. в. Руданова.—33) Къ антропологн лезинъ. К. Курдовъ. Москва. 1902. А. Хаханова.—34) И. Е. (П. Е. Кудринъ). Очерки современной Франціи. Спб. 1902. п. ж.—35) Матеріалы военно-учебнаго комитета. Картографическіе матеріалы. Выпускъ I. Карты Россіи 1614 г.: 1) Гесселя Герарда и 2) П. Дебриарта. Изслѣдованіе А. Даниловскаго. Спб. 1901. м. п—аго.—36) Е. Булгакова. Изъ жизни средневѣковаго ремесленника. Москва. 1902. в. I.—37) Сочиненія Василя Васильевича Седянова. Томы I и II. Владимиръ на Клязьмѣ. 1902. в. Руданова.—38) А. В. Семека. Русскіе розенкрейцеры и сочиненія императрицы Екатерины II противъ масонства. Спб. 1902. щ.—39) Die Aerzte Kurlands von 1825—1900. Ein biographisches Lexicon, bearbeitet von Dr. med. I. Brennsohn in Mitau. Herausgegeben von der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Mitau. Gedr. bei J. Steffenhagen u. Sohn. 1902. А. Мальмгрена.—40) Михаилъ Николаевичъ Капусинъ и его письма къ А. А. Борзенко. Спб. 1902. щ.—41) Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. II. Изслѣдованіе В. И. Дебольскаго. Спб. 1902. м. п—аго.—42) Зари. Русско-славянскій сборникъ. Выпускъ I. Книгоиздательство «Русско-славянское дѣло». М. 1902. щ.—43) Н. Д. Сергѣевскій, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета. Къ вопросу о Финляндской автономіи и основныхъ законахъ. Спб. 1902. в. Грибовскаго.—44) В. А. Францевъ. Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія ученые связи конца XVIII и первой половины XIX столѣтія. Варшава. 1902. А. Сиротинина.—45) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXIX. Тифлисъ. 1901. в. Р—ва.—46) Пресвященный Аркадій, архіепископъ олонекскій, какъ дѣятель противъ раскола. Сочиненіе іеромонаха Веніамина. Петрозаводскъ. 1901. с.—47) Мезіерь. А. В. Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно. Библиографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Ч. II. Русская словесность XVIII и XIX ст. Съ предисловіемъ

Н. А. Рубакина. Спб. 1902. п. щ. — 48) Антонъ Чеховъ. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Спб. Изданіе А. Ф. Маркса). И. Ю. — 49) П. Головачевъ. Сибирь. Природа, люди, жизнь. Съ 66 рисунками и 2 картами. Изданіе Ю. И. Вазановой. Москва. 1902. А. о—ва. — 50) Е. Жилинская. Путешествіе по горамъ Средней Азии. Варшава. 1602. Бориса Тагбева. — 51) Turkestan, von Franz von Schwarz (nach fünfzehnjährigen Aufenthalt in Turkestan). Freiburg in Breisgan. 1900. А. Хах—ова. — 52) Л. Орда. Крестовоздвиженская братская церковь въ г. Луцкѣ. Опытъ историческаго очерка. Луцкѣ. 1902. И. Ю.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ 296, 623, 1012

1) Основатель Китайской Великой стѣны. — 2) Каролина Знаменитая. — 3) Памятникъ Рошамбо. — 4) Столѣтіе ордена Почетнаго Легіона. — 5) Мужчина-женщина. — 6) Викторъ Гюго и Талья. — 7) Молодость Тэна. — 8) Историческая эволюція нѣмецкой литературы. — 9) Письма Верди. — 10) Вальдекъ Руссо. — 11) Смерть короля саксонскаго Альбрехта, тунисскаго бея Сиди Али, сержанта Гофа и г-жи Дюранъ. — 12) Заклинанія древнихъ египтянъ. — 13) Шестисотлѣтіе изобрѣтенія компаса. — 14) Лукреція Борджіа. — 15) Первое русское коммерческое судно въ Бордо въ 1725 г. — 16) Двѣ соперницы при дворѣ Людовика XV. — 17) Памятникъ Руже де-Лиллю. — 18) Парижскій саловъ принцессы Вельджюджо. — 19) Гомеръ-географъ. — 20) Римскіе выборы. — 21) Письма принцессы Урсенъ. — 22) Вѣнчаніе лаврами итальянской поэтессы. — 23) Мелуары герцогини Флери. — 24) Наполеонъ-миротворецъ. — 25) Наполеонъ на островѣ Эльбѣ. — 26) Еще одинъ Бурбонъ. — 27) Столѣтній юбилей Лакордера. — 28) Смерть кардинала Лидоховскаго.

СМѢСЬ 321, 644, 1032

1) Торжественное собраніе академіи наукъ. — 2) Пятидесятилѣтіе кievскаго централнаго архива. — 3) С.-Петербургское археологическое общество. — 4) Къ XII археологическому съѣзду. — 5) Московское археологическое общество. — 6) Мѣсто заточенія боярина Михаила Никитича Романова — 7) Реставрація Зарайскаго кремля. — 8) Археологическія раскопки. — 9) Искатели клада. — 10) Библиологическое общество. — 11) Псковскій Пушкинскій комитетъ. — 12) Церковь въ память Г. В. Гурко. — 13) Біографія П. С. Нахимова. — 14) Общество востоковѣдѣній. — 15) Географическое общество. — 16) Сѣверо-западный отдѣлъ географическаго общества. — 17) Столѣтіе рожденія П. С. Нахимова. — 18) Памятникъ пребыванія Петра Великаго въ Лондонѣ. — 19) Домикъ Петра Великаго въ Галсатѣ. — 20) Херсонская старина. — 21) Ростовскій соборъ. — 22) Археологическія новости. — 24) Къ XII археологическому съѣзду. — 25) Памятникъ императору Александру II. — 26) Столѣтіе Голицынсконъ больницы. — 27) Урианскія древности. — 28) Древности великокняжеской эпохи. — 29) Раскопки кургановъ. — 30) Находка клада.

НЕКРОЛОГИ 338, 655, 1036

1) Кабать, И. И. — 2) Катаринскій, В. В. — 3) Клодтъ, М. К. — 4) Навроцкий, Ф. Ф. — 5) Фонъ-Рейнгольдъ, А. А. — 6) Эберманъ, А. Л. — 7) Андріевскій, А. А. — 8) Автокольскій, М. М. — 9) Бекетовъ, А. Н. — 10) Вальтеръ, А. А. — 11) Германъ, Н. П. — 12) Глушановскій, А. А. — 13) Гольденбергъ, А. И. — 14) Ковальскій, А. М. — 15) Новацкій, И. Н. — 16) Широкова, А. А. — 17) Румель, В. В. — 18) Скалонъ, Е. Н. — 19) Феттерлейнъ, К. О. — 20) Чавчавадзе, А. Г. — 21) Яновскій, К. П. — 22) Яновскій, О. И. — 23) Аръ, фанъ, К. К. — 24) Базили, А. К. — 25) Вернеръ, К. А. — 26) Гейротъ, А. А. — 27) Клевецкій, А. З. — 28) Ландау, А. Е. — 29) Орловъ, Н. Я. — 30) Пастернацкій, О. И. — 31) Пашенко, К. И. — 32) Починскій, Н. С. — 33) Реммертъ, А. А. — 34) Розентейнъ, Н. И. — 35) Семирадскій, Г. И. — 36) Старынкевичъ, С. И. — 37) Штейнфельдъ, П. К.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 342, 1046

1) Борисоглѣбскіе монастыри. Прот. А. Свирѣлина. — 2) О названіяхъ Переславскаго озера. Его же. — 3) Поправка къ замѣткамъ прот. А. Свирѣлина. И. С. Бѣлева.

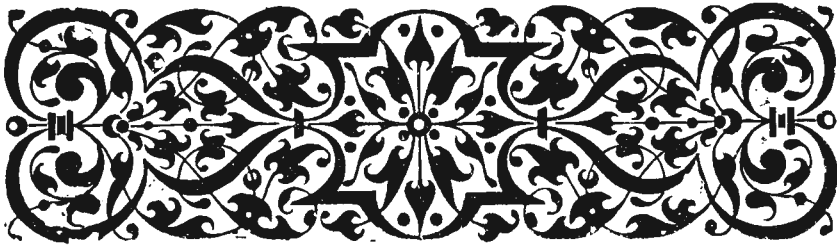
Приложенія: 1) Портреты баронессы Боде, А. В. Паткуля и М. А. Паткуль. — 2) Измѣна. (In the house of his friends). Американскій романъ изъ эпохи войны Сѣвера съ Югомъ. Ричарда Савэджа. Переводъ съ англійскаго. Часть первая и часть вторая, гл. VI—VIII.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПАТКУЛЬ.

доз. ценз. СПб. 22 іюня 1903 г.

ВЪ НАРОДЪ.

Изъ эпохи 1870-хъ годовъ.

(Посвящается моей матери М. И. Васюковой).

ВЪ МОИМЪ пріятелемъ произошла непріятность. Онъ долженъ былъ уѣхать и уѣхалъ навсегда. «Тамъ» онъ сошелъ съ ума.

Когда я получилъ это извѣстіе, то вспомнилъ, что у меня остались его нѣкоторыя вещи, въ числѣ которыхъ были рукописи, связанные очень аккуратно и тщательно подобранныя. Я сталъ ихъ просматривать, прочитывать, и фигура моего пріятеля обрисовывалась яснѣй, опредѣленнѣй: я знакомился съ интимной стороною его жизни. Да! Это былъ безпокойный человѣкъ! Вся его жизнь прошла въ погонѣ за мечтой, за идеаломъ, хотя наканунѣ дней несчастья онъ искалъ покоя, желая разобраться въ самомъ себѣ и отдохнуть отъ скитальчества. Онъ сталъ ликвидировать свои дѣла и распутывать свои старыя связи и отношенія. Онъ торопился все это сдѣлать и почти успѣлъ. Я не зналъ, что онъ былъ женатъ. Можетъ быть, мнѣ прежде говорили объ этомъ обстоятельствѣ, но я не обратилъ тогда вниманія. Да и въ самомъ дѣлѣ мало ли людей женатыхъ, но не живущихъ со своими женами? Многіе соломенные вдовцы чувствуютъ себя спокойно въ своемъ положеніи. Но не таковъ былъ мой пріятель, котораго назову Гавриловымъ. Онъ былъ нѣсколько странный человѣкъ, но сердце имѣлъ деликатное, нѣжное и, кромѣ того, постоянно мучился и страдалъ среди тѣхъ условій и обстоятельствъ, которыя, собственно говоря, онъ самъ себѣ создалъ.

Разсказанный имъ эпизодъ изъ своей жизни совпадаетъ съ интересной эпохой послѣ освобожденія. Гавриловъ былъ захваченъ освободительнымъ теченіемъ, и это теченіе отразилось на немъ въ достаточной степени.

I.

Движеніе, среди котораго я жилъ и воспитался, носило характеръ нравственнаго усовершенствованія личности и проповѣди мирныхъ идей братства, любви и счастья на землѣ... Молодые, юные энтузіасты несли ее туда, въ самую глубину Россіи, въ сѣрую массу русскаго крестьянства. Шли въ сельскіе учителя, въ волостные писаря, работали такъ просто среди народа... И въ сердцахъ не было ни злобы, ни негодованія... Хотѣли быть ближе къ народу, служить ему и защищать его отъ вторгнувшихся въ народъ въ то время принциповъ кулачества всякаго рода и вида. «Политики» тогда не было, она выросла потомъ во время борьбы, во время преслѣдованія молодежи лицами, не понявшими этого мирнаго движенія и увлеченія. Это былъ процессъ историческій и чисто русскій: послѣ великой реформы освобожденія въ числѣ другихъ дѣти рабовладѣльцевъ шли къ освобожденнымъ искупать грѣхи своихъ отцовъ!.. Какая идея, полная самоотреченія и благородства!.. Я не знаю страны, которая бы дала такую эпоху идеализма, чистаго, непосредственнаго!.. Вспомните, въ то самое время росла промышленность, создавалась буржуазія и капиталы, а лучшая часть молодежи мимо всего этого шла на трудъ и лишенія. Кто пережилъ то время не умою, а сердцемъ, тотъ долженъ сохранить вѣру въ человѣка и не падать духомъ, но бороться, не надѣясь на какую либо награду, кромѣ своего сознанія, въ которомъ порой столько счастья, столько жизни...

Пусть наслаждаются «матеріализмомъ» тѣ, которые могутъ... Мы, русскіе, по существу идеалисты. Развѣ крестьянинъ не наслаждается, не любитъ природы и не сложилъ дивныхъ поэтическихъ пѣсенъ про просторъ матушки-степи, про волю вольную, про лѣса дремучіе?!.. Въ этой идеализаціи, въ этихъ мечтаніяхъ о вольномъ, великомъ житьѣ народа должна заключаться связь интеллигенціи, связь кровная, духовная...

Но довольно философіи. Я уклонился отъ своей темы. Пусть мои размышленія пропуститъ читатель и снова слѣдитъ за простымъ разсказомъ объ обыкновенномъ человѣкѣ.

Наступало лѣто, кончались экзамены, которые я сдалъ благополучно, и меня потянуло вонъ изъ душнаго города. Куда? я еще не зналъ, и мнѣ стало скучно. Мои друзья давно разбрелись. Я былъ молодъ, неопытенъ и, признаться, боялся затеряться тамъ,

куда смѣло пошли другіе. Кромѣ того, я еще не былъ подготовленъ и не сознавалъ ясно, что могу я дѣлать. Мнѣ только хотѣлось быть поближе къ «настоящему» народу. Я навѣстилъ свою матушку, которая жила тоже въ городѣ, не въ этомъ, но другомъ, гдѣ было душно и также суетливо. Тянуло меня на волю сильнѣй и сильнѣй. Помню, я встрѣтилъ милую дѣвушку, познакомился съ ней, проводилъ пѣлые дни, вечера. Между нами были чистыя, дѣтскія отношенія. Вся она была простота и глубокое нѣжное чувство... Послѣ я часто вспоминалъ эту дѣвушку, мое сердце рвалось къ ней, какъ лепестокъ тянется къ солнцу, но было поздно!.. Да, поздно. Я не остался съ ней и не пришелъ къ ней снова такимъ, какимъ былъ въ тѣ длинные вечера, когда мы сидѣли подъ развѣсистыми вѣтвями старой липы у полуразрушенной березовой бесѣдки стараго сада. Мы тогда не думали о будущемъ, а только вѣрили въ волшебную силу добра и красоты. Я говорилъ ей о хорошихъ людяхъ, о той кипучей дѣятельности, которая скоро охватитъ все общество, о томъ, какъ воцарится счастье на землѣ, и не будетъ больше «страдающихъ, обремененныхъ», и дѣвушка шептала въ волненіи: «О, какъ это будетъ хорошо!.. О Господи!.. Смотрите, какъ хороша ночь!.. Какъ нѣжно блещутъ звѣзды!..» И мы смотрѣли на темное небо и на свѣтлыя звѣзды, и намъ было хорошо... Боже!.. какъ хорошо!.. Но мы были только большія дѣти!..

— Не будетъ богатыхъ и бѣдныхъ,—говорила она,—и злыхъ не будетъ?!

— Не можетъ этого быть, когда люди станутъ братьями... когда... я помню, что говорилъ увѣренно, твердо.

— Я буду молиться... шептала она.

— Молиться!.. почему?—недоумѣвалъ я.

— Молиться... за тѣхъ, кто все это сдѣлаетъ, кто защититъ слабого, обиженнаго...

О святая простота!.. О природа!.. О молодость чудная, вѣра чистая, благородная!..

И мы молчали подолгу... Не молилась ли она въ то время, эта скромная, печальная дѣвушка?!.. И молится ли она теперь, и также ли чиста ея молитва?!..

Я не молился и думалъ о тѣхъ, которые пошли «туда», «къ униженнымъ, обиженнымъ», думалъ и страдалъ. Они «тамъ», а я здѣсь наслаждаюсь поэзіей лѣтняго вечера и сентиментальными разговорами съ «неразвитой» дѣвицей, которая можетъ «только» молиться, нечего сказать, хорошъ!..» и въ сердце мое закрадывалось нехорошее чувство, и вдругъ неприятными становились для меня эти старыя липы, и освѣщенная луной сирень, и блѣдная дѣвушка съ тихимъ восторженнымъ взоромъ, я вставалъ и почти грубо говорилъ: «Прощайте!..». «Куда же?!..» вздрагивала дѣвушка.

«Здѣсь такъ хорошо и еще рано...». «Что хорошаго?.. Спать пора!.. Да мнѣ еще надо заниматься!».. отвѣчалъ я съ напускной холодною, а самому не хотѣлось уходить изъ тихаго сада отъ этой дѣвушки. Но я уходилъ и не занимался, а подолгу, подолгу сидѣлъ у отвореннаго окна, и слѣзы капали изъ глазъ, и въ груди моей совершалось что-то непонятное... «Скорѣй!.. въ деревню!.. Куда нибудь!.. Надо же мнѣ видѣть жизнь, надо сообразить, взвѣсить силы... А здѣсь?.. Какая здѣсь жизнь!»..

Такъ проходили дни, но я не зналъ, не рѣшался, куда уѣхать. Мнѣ было хорошо! Любящая и любимая мной мать, хорошіе простые люди, безхитростная открытая жизнь и отношенія. Но порой находили на меня минуты истиннаго мученія, словно кто звалъ, манилъ меня въ неизвѣстную даль. Я не спалъ, размышляя, что мнѣ сказать матери и куда направиться. «Да, просто», думалъ я, «пріѣду и буду жить въ глухой деревнѣ, сойду съ полустанка, приду и поселюсь, начну работать, научусь какъ нибудь, а тамъ увижу, отлично!..». Между тѣмъ свиданія и бесѣды съ дѣвушкой въ саду продолжались ежедневно. Когда она однажды долго не приходила, я сторалъ отъ нетерпѣнія и въ то же время очень удивлялся этому: «вѣдь она ничего «этого» не понимаетъ, что между нами общаго?!» Однако общее было, да еще какое!..

Случайно встрѣтилъ я своего товарища-студента, съ которымъ былъ хорошъ, хотя онъ не принадлежалъ къ нашему кружку, но былъ простой, искренній человѣкъ. По дѣлу онъ долженъ былъ пробыть въ нашемъ городѣ нѣсколько дней, а затѣмъ ѣхать на родину въ Крымъ.

Бывая у насъ, Масловъ съ восторгомъ говорилъ объ югѣ, о своемъ родномъ мѣстѣ, о морѣ, о тѣхъ красотахъ горной природы, о которыхъ я, сѣверянинъ, не имѣлъ никакого понятія. Я слушалъ товарища, и мысль моя неслась туда, гдѣ миртъ и кипарисъ въ дремотѣ зеленѣютъ. Масловъ сталъ звать меня съ собой на лѣто, въ горы.

Я обрадовался, но колебался. Тамъ живутъ татары, мало русскихихъ, и онъ помѣщикъ. «Ты не можешь представить, что за хорошій народъ эти горцы, ты ихъ изучишь и полюбишь, повѣрь!.. А море, а горы?.. Я тебѣ все покажу, будемъ ѣздить верхомъ, охотиться»... уговаривалъ меня товарищъ-студентъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—зачѣмъ охотиться?.. Я желалъ бы работать...

— Какъ работать?—вытаращилъ глаза Масловъ:—я зову тебя гостить къ намъ на лѣто...

— Благодарю. Но я могу поѣхать только въ томъ случаѣ, если ты устроишь, что я могу научиться сельскимъ работамъ—пахать, косить, запрягать лошадей...

— Вотъ чудакъ-то!.. смѣялся студентъ,—да сдѣлай одолженіе, работай, сколько хочешь, только это скоро надоѣстъ.

— Позволь мнѣ объ этомъ знать.

— Что ты, что ты!. Я ничего, какъ хочешь, можешь работать, у насъ и садъ есть, хорошій садовникъ, онъ тебя многому научить.

Въ моей головѣ созрѣлъ превосходный планъ: въ лѣто выучиться сельскимъ работамъ, закалить себя и, наконецъ, посмотрѣть неизвѣстныя мѣста и людей. А свободное время буду читать, буду учиться... и я рѣшился ѣхать.

Прекрасно я помню наше послѣднее свиданіе около березовой бесѣдки. Насъ было трое, но Масловъ скоро ушелъ, взявъ съ меня слово, что завтра я буду на вокзалѣ.

— Вы ѣдете съ нимъ?—проговорила со вздохомъ дѣвушка.

— Да, мнѣ тамъ удобно будетъ работать, — проговорилъ я угрюмо, но сердце мое ёкнуло, и мнѣ стало стыдно, стыдно, что я съ ней грубъ, что становлюсь на ходули. Мнѣ такъ хотѣлось ее приласкать, сказать ей много, много хорошаго, теплаго, но я молчалъ, и въ моей головѣ вертѣлась мысль: «зачѣмъ я ѣду, не лучше ли куда поближе?». Мнѣ было грустно разставаться съ этими тихими вечерами, съ душевными разговорами.

«Обабился!»—прошепталъ я съ презрѣніемъ на себя.

— Тамъ татары... далеко!. А вы хотѣли ѣхать въ русскую деревню.

— Что жъ, татары?.. И они люди,—проговорилъ я мягче.

— Да, правда, — согласилась собесѣдница, — въ самомъ дѣлѣ... только онъ не такой.

— Кто?

— Масловъ. Онъ такой веселый, безпечный...

— Онъ хорошій человѣкъ, неразвитой развѣ... «Что она говорить?. И какая она странная сегодня!»

Когда она подняла голову и взглянула на меня, я вздрогнулъ, да и было отчего. Луна освѣтила ея блѣдное лицо, выраженіе котораго было то же, что у «него», моего погибшаго учителя—друга. Да, оно, оно, особенно глаза, глубокие, грустные и эта улыбка...

Мнѣ стало даже страшно. Мы сидѣли долго и молча, я колебался ѣхать. Далеко, незнакомая семья. Я даже не спросилъ Маслова: кто у него?.. Отецъ, мать, братья?. Положимъ, это ничего!.. Но странно, я рѣшилъ ѣхать, далъ слово, и вдругъ...

— Вы писать мнѣ будете?.. Вѣдь тамъ такъ интересно... какая природа!.. О, какъ бы мнѣ хотѣлось поѣхать, посмотрѣть море, я никогда не видала моря!.. А вы?..

— Тоже не видалъ... Не знаю, ѣхать ли только?..

Она опять подняла голову и серьезно спросила: «почему?»

Это «почему» вышло даже рѣзко. Я смутился.

— Нѣтъ, я такъ... Вѣдь, уже далъ слово... нельзя...

— Конечно, поѣзжайте!.. Всего вамъ хорошаго!.. Прощайте!..

— Куда же вы?.. Такъ скоро...

— Пора... У меня сегодня что-то болитъ голова...

— Дѣйствительно, вы странная какая-то!..

— Находите меня странной?.. нервно засмѣялась дѣвушка:—я тоже думаю!.. И она быстро скрылась за кустарникомъ. На поворотѣ дорожки еще разъ мелькнула ея фигура въ бѣломъ платкѣ. Я остался и долго, долго сидѣлъ на знакомой скамейкѣ. Кругомъ было тихо, но мое сердце трепетало и ныло въ груди, а неотвязный вопросъ: почему это мгновенное сходство выраженія съ «нимъ»? еще болѣе усиливало мое волненіе...

На другой день я уѣхалъ въ Крымъ.

II.

Поѣздъ мчался, по сторонамъ мелькали незнакомыя мѣста, на которыя я смотрѣлъ машинально, не замѣчая и не интересуясь ихъ живописностью.

Въ вагонѣ передо мной носились только два образа: матери и блѣдной дѣвушки, оставшейся тамъ, позади мчавшагося поѣзда, подъ старыми липами, среди тишины соннаго переулочка. Сердце томительно ныло, въ головѣ упорно держалась мысль: «зачѣмъ такъ далеко я поѣхалъ, не лучше ли было ближе, гдѣ понятнѣе, роднѣе?»... Въ такомъ состояніи я проѣхалъ до Одессы. Я чувствовалъ на себѣ зной юга, я видѣлъ живость и подвижность южанъ, но былъ сосредоточенъ въ себѣ, въ своихъ неопредѣленно тоскующихъ мысляхъ.

«Красавица» Одесса не произвела на меня особеннаго впечатлѣнія. Я помню, что мнѣ понравились бѣлыя акаціи, и я задыхался отъ бѣлой известковой пыли, носившейся въ знойномъ воздухѣ. Жизнь кипѣла въ городѣ, лавки и магазины пестрѣли своими товарами, живописно выставленными въ зеркальныхъ окнахъ. Въ этомъ движеніи, въ этой кипучей дѣятельности я чувствовалъ себя одинокимъ. Мой товарищъ ушелъ къ своимъ знакомымъ, я не могъ сидѣть въ номерѣ и бродилъ, бродилъ по многолюднымъ улицамъ, пока наконецъ не спустился къ морю, въ гавани котораго «кишмя кишѣла» масса народа. Нагружали и разгружали товары, носили мѣшки, ящики; шумъ, гамъ и пыль ѣдкая, густая. За этимъ хаосомъ, мачтами судовъ и трубами пароходовъ утопало въ туманномъ облакѣ Черное море. Я долго всматривался въ безконечную даль стихійнаго царства и не понималъ, и не наслаждался, и мнѣ было только жутко. А городъ кипѣлъ жизнью, спѣшилъ, торговалъ, принималъ и отправлялъ по этому теперь тихому морю, которое меня и влекло и страшило.

— Давно не было на морѣ бури?—спросилъ я коридорнаго по возвращеніи въ гостиницу.

— Лѣтомъ тихо!—отвѣчалъ онъ:—вотъ зимой, осенью...

— Что?!

— Качаетъ. Зыбь большая!..

«Не буря, а зыбь», думалъ я, принимаясь за чай... «Любопытно, что это такое зыбь?.. Должно быть, неприятная штука»...

Ночью мы отправились на пристань, взявъ билеты и на пароходъ «Царевна» отошли отъ Одессы. Я взошелъ на палубу и, кромѣ мерцающихъ огней города, ничего болѣе не увидѣлъ: ночь была темная и тихая. Пароходъ шумѣлъ и дрожалъ своей собственною дрожью. Скоро я заснулъ, прислушиваясь къ какимъ-то незнакомымъ для меня звукамъ...

Проснулся я рано, но все-таки опоздалъ. Солнце уже взошло и ярко блистало надъ горизонтомъ. Я быстро вбѣжалъ на палубу и оглянулся... Что это?.. Я не понялъ и смутился. «Эка, благодать!».. послышался сзади меня возгласъ. Именно «благодать» не подумалъ, а почувствовалъ я своимъ существомъ и вдохнулъ полной грудью. Передо мной во всемъ своемъ величїи и могучей красотѣ раскинулось безпредѣльное море! Море лазурное, тихое, сливалось съ лазурью небесъ, а надъ моремъ горячее, свѣтлое солнце, и ни тучки, ни облачка. Мое сердце наполнялось благоговѣйнымъ восторгомъ, взоръ долго не могъ оторваться отъ чудной картины: мнѣ такъ было хорошо и такъ радостно, точно въ первый день свѣтлаго праздника... Съ меня словно скатилось какое-то бремя, мнѣ было такъ легко, хотѣлось радоваться, жить и дышать этимъ ароматнымъ воздухомъ, этой безпредѣльной далью, этимъ свѣтомъ и просторомъ, хотѣлось... «Какъ хорошо, а я боялся», подумалъ я, и мнѣ хотѣлось говорить, подѣлиться своими хорошими чувствами съ хорошими людьми. Да, здѣсь и не можетъ быть дурныхъ, всѣ должны быть хороши и привѣтливы, какъ привѣтливо это чудное море. Я забылъ берегъ, забылъ «то», о чемъ такъ страдалъ и мучился недавно, вчера, — я находился во власти моря, его чарующей силы. Это море охватывало мою душу спокойствїемъ, котораго я не испытывалъ прежде, это море дѣлало меня простымъ, искреннимъ чело-вѣкомъ. Да!.. кромѣ того, море возвышало мою душу, вдыхало въ мою грудь мужество и силу... Это море заставляло меня лучше всякихъ философскихъ сентенцій вѣрить въ вѣчность и въ чело-вѣка духа и правды. Въ этомъ вѣчномъ просторѣ правда живетъ въ силѣ, и ложь не можетъ имѣть здѣсь ни мѣста, ни значенія. И меня обдавало, ласкало и нѣжило спокойное море! Я забылъ о бурѣ (и зыби), и мнѣ и въ голову не приходила мысль объ опасности. Мнѣ было хорошо, какъ никогда. Часы шли быстро, всѣ были довольны и спокойны. Составлялись кружки, пѣли, въ ти-хомъ воздухѣ неслась мелодїя Шопена, и я не замѣтилъ, какъ мы уже подходили къ берегу. Не хотѣлось уходить, разставаться и съ пароходомъ, и съ пассажирами, и особенно съ моремъ. Подѣхали шлюпки, и мы черезъ десять минутъ были на берегу. Когда мы на

почтовой телѣжкѣ огибали береговой мысъ, пароходъ тронулся, и я долго еще видѣлъ «Царевну», блестящую на солнцѣ и на морѣ. Флаги парохода тихо рѣяли въ воздухѣ, черный дымъ валилъ клубами, оставляя за собой длинный слѣдъ.

Мы мчались по знойной крымской степи, подвигаясь къ горамъ, которыя виднѣлись вдалькѣ замѣтной синѣющей полосой на горизонтѣ. Было жарко, и не интересно, только дышалось хорошо въ чистомъ степномъ воздухѣ, пропитанномъ соляными испареніями близкаго моря.

III.

Море, южное, знойное солнце, яркая пестрота луговъ и причудливыя своими вершинами горы—все это произвело на меня неотразимое, могучее впечатлѣніе. Все было ново для сѣверянина, и темно-зеленый, задумчивый кипарисъ, и олеандръ, и розы, и дикія душистыя травы, и скалы, ущелья, и маленькія, но бурливыя рѣчки. А люди?! И люди иные, и языкъ, и нравы. Все было хорошо, слишкомъ хорошо, чтобы не увлечься и не забыть суроваго сѣвера, и близкихъ и друзей. Еще бы, когда здѣсь нашлись новые друзья, съ которыми я быстро сходилъ, и которымъ нравилась моя непосредственность, мое горячее и любовное отношеніе къ ихъ родному углу и характеру ихъ жизни.

Это былъ горный уголокъ русскихъ помѣщиковъ среди татаръ-горцевъ. Они были коренные крымчаки, незнакомые съ крѣпостнымъ правомъ, и, несмотря на свое богатство, люди, живущіе по простотѣ и оригинально. Жилища ихъ такъ же устроены, какъ и у крестьянъ—татаръ, но только больше, т. е. длиннѣе, а матеріаль и архитектура все тѣ же, и такъ же сквозить и дуетъ, какъ и въ сакляхъ татарскихъ.

Всѣ отношенія просты, кромѣ внѣшняго уваженія, да и то какого: бѣднякъ первый поклонится помѣщику, первый прижметъ руку ко лбу и сердцу, а помѣщикъ подастъ ему руку и пригласитъ садиться. Это—демократизмъ горнаго царства, демократизмъ непосредственный, не выдуманный, не сочиненный. Да и какъ среди этой воли и красоты быть кичливымъ и гордымъ?.. Чѣмъ?.. своимъ богатствомъ, своими садами и землей!? Да что они могутъ дать безъ рукъ человѣческихъ, безъ труда и обработки!

И работаютъ и трудятся татары-горцы и живутъ въ своихъ маленькихъ сакляхъ, лѣдя свои садочки и баштаны, а если таковыхъ нѣтъ, то своихъ воловъ и лошадей, которыми зарабатываютъ возкой угля или дровъ...

Послѣ я узналъ, что много татаръ безземельныхъ, зависимыхъ отъ землевладѣльцевъ, отъ ихъ капризовъ и своеволій, но это не относится къ дѣлу.

Мои землевладѣльцы были люди добрые и по-своему великодушные, это понимали татары, и жизнь текла безъ недоразумѣній, безъ тревогъ. Масловы продавали по частямъ лѣсъ татарамъ, сѣяли очень мало, только для своей экономіи, и главный доходъ получали съ дѣйствительно обширныхъ и разведенныхъ въ удобныхъ мѣстахъ фруктовыхъ садовъ. Купцы прїѣзжали весной, когда деревья въ цвѣту, глядѣли и скупали, отдавая половину денегъ, а остальные во время сбора плодовъ. Коротко и просто. Послѣ покупки даже сторожа держали купцы, а не владѣльцы. Однимъ словомъ хозяйство было выгодное и не мудреное и притомъ въ одномъ изъ живописныхъ и дикихъ уголковъ южнаго Крыма.

Семья Масловыхъ состояла изъ двухъ братьевъ: одного студента, моего товарища, другого—старше, хозяина, двухъ сестеръ и старухи матери. По сосѣдству жили ихъ родственники, которые часто посѣщали Масловыхъ. Это тоже были молодые и хорошіе люди.

Старшій Масловъ, Сергѣй, былъ богатырь, прекрасный охотникъ и наѣздникъ. Онъ былъ крайне привязанъ къ своей землѣ и лошадамъ, которымъ выстроилъ на рѣдкость конюшню. О младшемъ братѣ я упоминалъ. Скажу о сестрахъ. Старшая Варвара была сосредоточенная и серьезная дѣвушка, вторая Елена—живая, подвижная натура истой южанки, немного легкомысленной, но смѣлой и неглупой. Смуглая, стройная Елена обращала на себя вниманіе.

Я очень скоро сошелся съ семьей, которая обрадовалась брату и выразила искреннее удовольствіе, что онъ привезъ меня... «Слава Богу, помѣщеніе найдется, а что касается удовольствій, то увидимъ»... говорили Масловы.

— Онъ работать прїѣхалъ... засмѣялся младшій.

— Работать?—усмѣхнулся Сергѣй, взглянувъ на меня:—что жъ? и работу дадимъ, была бы охота!.. Но сначала мы васъ познакомимъ съ нашей мѣстностью. Вы любите природу?..

Я не зналъ, что отвѣтить.

— Онъ ошалѣлъ отъ моря, я думалъ, съ ума сойдеть!—вскричалъ мой товарищъ.

Всѣ засмѣялись. Всѣмъ было весело. Яркое солнце блестѣло на темно-голубомъ небѣ, въ саду играли причудливыя тѣни, красивая цвѣтная птичка чистила крылышки и, поглядывая на насъ, стрекотала что-то радостно и весело. А горы?! Онѣ близки, сейчасъ же, съ террасы, гдѣ мы сидимъ, видны, и Тапшанъ и Ортасыртъ, надъ которыми задумчиво остановилось легкое, нѣжное облако...

— Верхомъ любите ѣздить!?

— Все люблю и верхомъ и пѣшкомъ, какъ и куда хотите,—говорила во мнѣ молодость и жажда жизни.

— Однако, какой вы смѣшной, очень смѣшной!..—крикнула Елена, подскочивъ ко мнѣ.

Я взглянулъ на дѣвушку. Въ ея глазахъ игралъ лукавый огонекъ. «Вѣсенокъ, чистый бѣсенокъ!»—мелькнуло въ моей головѣ.

— Поѣдемъ послѣ обѣда на хуторъ къ Волинымъ!.. Сергѣй, ты ему дашь иноходца?!

— Хорошо... впрочемъ и я съ вами поѣду; на хуторѣ у меня есть дѣло...

— Съ удовольствіемъ,—говорилъ я и смотрѣлъ на стройную дѣвушку, которая глядѣла на меня, продолжая загадочно улыбаться.

Послѣ обѣда, хотя было еще очень жарко, но мы поѣхали. Лошади были прекрасныя, но я былъ плохой ѣздокъ, и если бы не Елена, гарцовавшая на сѣренькой лошаdkѣ, я бы, вѣроятно, испугался своего горячаго иноходца, но при такихъ обстоятельствахъ я рѣшилъ: будь, что будетъ... Я былъ мужчина, еще очень молодой, но всадница была слишкомъ красива и увлекательна, чтобы не рисковать свалиться съ лошади, чего, какъ я послѣ узналъ, дѣвущкѣ хотѣлось чрезвычайно.

Но я побѣдоносно выдержалъ этотъ искусь, благодаря впрочемъ Сергѣю, который не отставалъ отъ насъ, поминутно мнѣ дѣлая замѣчанія.

Когда я слѣзъ съ сѣдла, я чувствовалъ боль и дрожь въ ногахъ, голова кружилась, сердце усиленно билось, и при томъ разбирала злость на смотрѣвшую на меня съ насмѣшкой Елену.

— Что, устали, молодой человѣкъ?..

Я даже ей не отвѣтилъ, дѣлая видъ, что занятъ лошаdkю.

Съ этой самой первой поѣздки между мной и Еленой установились довольно странныя отношенія. Я сталъ избѣгать ее, она меня преслѣдовала. Ей это нравилось, меня страшно бѣсило. Я нарочно дѣлался серьезнымъ, читалъ книги, дѣлалъ выписки, хотя меня манило въ горы, въ садъ и, не скрою, къ этой насмѣшливой и живой дѣвущкѣ.

Такъ продолжалось первое время, и я все еще не могъ опомниться отъ впечатлѣній чудной горной природы. Я сталъ забывать даже море. Мнѣ больше нравились горы.

Однажды наша компанія устроила въ горахъ пикникъ. На вольномъ и ароматномъ воздухѣ ѣли шашлыкъ, который запивали краснымъ мѣстнымъ виномъ. Было хорошо и весело. Въ ожиданіи кофе перекидывались фразами, легкими насмѣшками. Я молча лежалъ на травѣ и смотрѣлъ внизъ на дорогу. Мнѣ почему-то было скучно. «Не вѣчный же это будетъ праздникъ?!»—думалъ я.—«Сегодня пикникъ, завтра ловля раковъ, послѣзавтра опять что нибудь... не такъ я думалъ провести лѣто, просто совѣстно дѣлается»...

Мысли мои принимали неутѣшительный оборотъ, я живо вспомнилъ своихъ друзей, русскую деревню, въ которую я такъ стремился.

— Господинъ философъ!.. идите пить кофе!.. крикнула мнѣ Елена.

— Благодарю!.. отвѣчалъ я, не двигаясь.

— Да идите же!..—настаивала дѣвушка; меня позвали и другіе. Я рѣшительно отказался и продолжалъ лежать, не двигаясь.

Надо написать матери, тамъ, можетъ быть, обо мнѣ беспокоятся! Сегодня же займусь письмами!..—рѣшилъ я, и мнѣ сдѣлалось легче.

По дорогѣ показался верхомъ татаринъ. Ближе и ближе. Какая посадка!.. сидитъ точно въ креслѣ, и ходъ лошади такой спокойный, увѣренный. Татаринъ свернулъ съ дороги и сталъ подниматься въ гору, прямо на насъ. Теперь я узналъ его — это былъ объѣздчикъ Масловыхъ, Сарафъ, старшій типичный татаринъ.

Спрыгнувъ съ сѣдла, Сарафъ вынулъ изъ куртки газеты и письма и подалъ ихъ Сергѣю, а самъ сѣлъ на корточки къ огню и сталъ вертѣть папиросу.

Одно изъ писемъ было мнѣ.

— Да, это цѣлое посланіе!—промолвилъ Сергѣй, подавая мнѣ дѣйствительно толстый пакетъ, который я разорвалъ и бросилъ около на траву. Усаживаясь поудобнѣе, чтобы читать, я встрѣтился взглядомъ съ Еленой, которая смотрѣла на меня серьезно, безъ улыбки, той задорной улыбки, которая меня раздражала.

Письмо было изъ родного города, отъ той дѣвушки, съ которой я провелъ столько тихихъ и хорошихъ вечеровъ.

Письмо было большое, мелко и сжато писанное. Начиналось оно нѣжнымъ, деликатнымъ упрекомъ на мою невнимательность къ старымъ друзьямъ, которыхъ, а особенно мою мать, беспокоитъ мое молчаніе. Дальше слѣдовалъ наивный, простой рассказъ о своей безпомощности, объ отсутствіи поддержки и о желаніи развить, расширить свои умственные силы, чтобы стать хотя нѣсколько самостоятельной. «Вѣдь я такая глупая и неопытная,—писала она,—ничего я не знаю и всего боюсь, скажите, напишите, что мнѣ дѣлать, что читать и надъ чѣмъ работать—я какъ во снѣ, только, когда молюсь, то мнѣ легче... Я готова васъ слушать, но оставьте мнѣ моего Бога, до него не касайтесь!»...

Письмо на меня произвело сильное впечатлѣніе, и не скрою, вначалѣ во мнѣ заговорило нехорошее самолюбіе: «вотъ, молъ, я какое произвелъ впечатлѣніе!»... Но это первое время. По окончаніи чтенія письма я самъ устыдился этого чувства, и мнѣ стало даже грустно, а въ сердце волной хлынулъ нѣжный, робкій трепетъ теплаго участія и благодарности. «Какое чистое, кроткое существо!.. Сколько вѣры!.. Какая нѣжная натура!.. О, я ей напишу, много буду писать!» И я, взволнованный, рѣшилъ сейчасъ же отправиться домой и сѣсть за письма.

— Отъ кого это вы получили такое невозможно длинное письмо?—раздался надо мной рѣзкій и нѣсколько взволнованный голосъ Елены:—такъ только институтки переписываются!..

Я поднялъ глаза. Дѣвушка стояла передо мной. Въ ея рукахъ былъ разорванный и брошенный мной конвертъ отъ письма.

— Такъ... отъ знакомой... смутился я, складывая и пряча письмо. Елена продолжала смотрѣть на меня съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ.

— Ну, вставайте!.. мы ѣдемъ въ монастырь... тамъ будемъ пить чай!..

— Нѣтъ, я хотѣлъ бы домой... мнѣ нужно заняться и...

— И отвѣчать на это письмо,—прервала меня Елена,—успѣете...

— Нѣтъ, Елена Спиридоновна, прошу васъ, безъ меня: не хочется и дѣйствительно надо...

— А если я васъ прошу,—и дѣвушка взяла меня за руку и посмотрѣла мнѣ въ глаза. Этому крѣпкому пожатію и нѣжной, нѣмой мольбѣ я не могъ отказать и согласился.

— А отвѣтъ завтра утромъ напишите,—прошептала Елена, не выпуская моей руки.—Кто она такая? Вы давно съ ней знакомы?..—еще тише прибавила она.

— Знакомая моей матери,—отвѣчалъ я.

— Вашей матери!.. а, а!.. — проговорила она, отпустивъ мою руку и задумчиво смотря вдаль.

Съ этого времени Елена рѣзко перемѣнила со мной свое обращеніе, она сдѣлалась ко мнѣ очень внимательной, часто задумывалась, загадочно посматривая на меня.

Мы вернулись поздно изъ монастыря. Была чудная, лунная ночь. Проснувшись утромъ, я успѣлъ написать страничку матери и нѣсколько выдуманныхъ фразъ въ отвѣтъ на душевное и искреннее ко мнѣ письмо. Мы спѣшили сегодня къ морю.

IV.

Лѣто проходило. Наступала пора сбора винограда и другихъ фруктовъ. Работа по садамъ кипѣла. Мы часто ѣздили на берегъ моря, гдѣ у Масловыхъ были свои виноградники. Мы съ Еленой не разставались, и даже ея братья недоувѣрчиво посматривали на нашу дружбу. Мы же съ ней проводили дни и вечера въ какомъ-то чаду и упоеніи. Теперь я надъ ней властвовалъ, я иногда съ насмѣшкой относился къ ея наивности и тому, что она не знаетъ, что дѣлается тамъ, въ столицахъ, среди «настоящихъ» людей, которые стремятся внести и распространить счастье на землѣ.

— А развѣ нельзя быть счастливымъ здѣсь?.. Смотрите, какъ хорошо!.. какъ луна отражается въ волнахъ моря!.. слушайте, какъ шелеститъ море по песку!.. Смотрите на эти утесы!.. Развѣ вамъ не хорошо?.. и Елена прижималась ко мнѣ и заглядывала мнѣ въ лицо.

Я сознавалъ и чувствовалъ, что все это было прекрасно, мнѣ была пріятна близость красивой и симпатичной дѣвушки, но я говорилъ: «это намъ хорошо, но далеко не всѣмъ, мы не должны быть эгоистами!»

— Я тоже не хочу этого, но я хочу быть и счастливой, наслаждаться жизнью.

— Кто же вамъ не велить? Живите, вы имѣете возможность...

— Нѣтъ, нѣтъ, не то, вы не такъ меня поняли, — чуть не со слезами говорила Елена:—я не хочу быть богатой, я буду трудиться, я отдамъ, готова отдать свою часть, но..

— Въ васъ прекрасное сердце, но объ этомъ нужно подумать, нужно сначала научиться работать, а потомъ и отдавать,—совѣтовалъ я съ достоинствомъ.

— Да, да!..—волновалась дѣвушка.... Я осенью поѣду въ Петербургъ, мама меня отпускаетъ съ Зиной на курсы.. Охъ!.. какъ будетъ хорошо!.. Вы меня познакомите съ ними, съ вашими друзьями!..

Я, конечно, общался. А южная ночь лила свой ароматъ, море ласково баюкало своей чудной пѣснью, съ темнаго неба глядѣли яркія звѣзды; утесы выступали, словно волшебные замки, и, какъ сторожа, по виноградникамъ то здѣсь, то тамъ, высились пирамидальные тополи. Мы сидѣли подолгу на берегу моря. Боже!.. какія чудныя мѣста! какія ночи! Сколько поэзіи среди благодатнаго юга! чье сердце можетъ быть спокойно и не затрепещетъ на призывъ таинственныхъ звуковъ, манящихъ въ царство мечты и грезы!?

Порой я забывался среди этой прелести. Рѣдкія воспоминанія о сѣверѣ возбуждали въ моемъ сердцѣ непонятную для меня тревогу. Тогда я тосковалъ и обыкновенно отправлялся работать. Въ саду или виноградникахъ я занимался поливкой, окапывалъ деревья, срѣзалъ мертвыя, сухія вѣтви. Работа меня интересовала и увлекала, но приходили за мной, и, подъ предлогомъ завтрака или какой нибудь поѣздки въ горы, я бросалъ свое дѣло и опять кружился въ вихрѣ удовольствій и шумнаго веселаго общества.

Къ Масловымъ то и дѣло наѣзжали гости, молодыя дѣвушки и кавалеры, для которыхъ хозяева выдумывали всевозможныя развлечения и поѣздки, и я не могъ отъ нихъ отказываться.

Время летѣло незамѣтно. Я все болѣе свыкался и съ людьми и съ природой. Татары мнѣ нравились своей непосредственной гордостью и искренней прямою. Какъ жаль, что я не говорилъ по-татарски, хотя и привыкалъ понемногу къ ихъ языку.

Въ это памятное для меня лѣто я окрѣпъ и тѣломъ и духомъ. Постоянное общеніе съ могучей природой не прошло для меня безслѣдно. Я смѣло смотрѣлъ впередъ. Будущее рисовалось заманчивыми красками. Еще столько жизни, молодости и свободы! Какое великое слово: свобода!.. Недаромъ за нее многіе заплатили жизнью!..

Могъ ли я думать, что именно здѣсь со мною случится?..

Чудны и полны необычайной красоты и ласки августовскіе вечера въ Крыму. Особенно поэтичны въ горахъ лунныя ночи когда причудливыя тѣни густо ложатся по озаренной блѣднымъ сіяніемъ травъ и дорожкамъ сада, гдѣ мы съ Еленой проводили время.

Тихо. Ароматенъ и свѣжъ горный воздухъ. Грудь не надышится рѣзкимъ запахомъ горной травы. Хорошо до жуткости, до истомы! И сидимъ мы подолгу съ Еленой, и бьются сильнѣй наши молодые сердца. Надъ нами бархатно-темное небо и глубокія яркія звѣзды. Вершины горъ особенно таинственно выступаютъ среди волшебной обстановки. Чу! какъ рѣзко стучить по твердому грунту дороги твердый шагъ лошади! Запоздалый татаринъ спѣшитъ въ свою саклю. Вотъ онъ быстро переѣхалъ рѣчку, свернулъ въ сторону, шаги коня глуше и глуше, и снова смолкло. Стемнѣло на минуту. Небольшое облако пробѣжало по лунѣ. Опять задвигались тѣни, и снова ярко блещетъ серебряный мѣсяцъ. Гдѣ-то въ дали залаяла собака, въ горахъ отвѣтило эхо, и снова тихо. Мы сидимъ молча, не хочется нарушать этой благоговѣйной тишины. Да о чемъ говорить?! Мы такъ много за послѣднее время переговорили, передумали и стали незамѣтно людьми, близкими между собою. Мы постоянно другъ друга искали, расходились на короткія минуты, чтобы опять свидѣться. Какъ измѣнилась легкомысленная дѣвушка!.. Откуда взялась эта сосредоточенность и вдумчивость?.. И сидимъ мы съ ней и прислушиваемся... Къ чему?.. Къ чему-то непонятному, но желанному. Мы ждали чего-то и боялись. Эта трепетная боязнь охватывала насъ ласковой дрожью, и руки наши незамѣтно сближались въ тѣсномъ и долгомъ пожатіи. Намъ было хорошо. Ближе и ближе другъ къ другу; стемнѣло. Что это?.. скрылись и звѣзды... Моя голова закружилась отъ жаркаго поцѣлуя, а сердце... сердце перестало биться совершенно...

— Гдѣ вы, мечтатели?..—словно громъ, прогремѣлъ надъ нами голосъ Сергѣя... Идите ужинать, да и спать пора!.. Завтра на охоту, будить рано буду...

Мы молча, словно пьяные, шатаясь, идемъ въ комнаты.

— Да что вы? спали что ли?..—смѣется Масловъ, слѣдуя за нами.

— Въ родѣ этого что-то!..—отвѣчаю я, не понимая хорошо, что говорю.

— Покойной ночи!..—проговорила Елена, исчезая за дверью.

Я ужинаю, хотя мнѣ совершенно не хочется ѣсть, и стаканъ за стаканомъ пью красное вино. Сергѣй что-то говорить, смѣется. Онъ такой веселый, довольный, а я?.. Я не понимаю, что со мной дѣлается!..

Настало утро, и первою моею мыслью было: уѣхать!.. Уѣхать во что бы то ни стало и по возможности скорѣй. Да! сегодня на охоту, а потомъ и въ путь!.. а то, Богъ знаетъ, что можетъ выйти! Рѣшено! На охотѣ, во время привала я заявилъ о своемъ намѣреніи. Никто не хотѣлъ объ этомъ говорить и слушать, а Елена, поблѣднѣвъ, испуганно смотрѣла на меня. Я не имѣлъ силы настаивать. Когда мы остались одни, дѣвушка быстро спросила: «что

это значить?.. почему вы вздумали уѣзжать?.. говорите, только говорите правду!» Я смутился, но сказалъ: «не надо, помните, что было тамъ, вчера»... Елена посмотрѣла на меня не то съ насмѣшкой, не то съ любопытствомъ, но не сказала ни слова.

Я остался еще на двѣ недѣли.

Теперь, когда вспоминаю объ этомъ, мнѣ приходитъ въ голову: а если бы я дѣйствительно уѣхалъ? Тогда мнѣ не пришлось бы писать этихъ строкъ... да!.. но я писалъ бы другія—не знаю, какія строки!.. Вѣдь я былъ молодъ и хотѣлъ жить... я не понималъ, но чувствовалъ жизнь.

Виноватъ ли я въ этомъ? Можетъ быть, многіе серьезные люди прочтутъ и улыбнутся. Что же, пускай!.. но пускай и вспомнятъ они, что было прежде... пускай!.. я буду доволенъ.

Однимъ словомъ, въ одинъ изъ такихъ чудныхъ вечеровъ мы принадлежали другъ другу. Природа сдѣлала свое дѣло, а затѣмъ... затѣмъ должны были устроиваться мы. Закрылся занавѣсъ, и нѣтъ болѣе прекрасной декораціи, которой только-что любовался зритель. Снова сѣрая дѣйствительность, забота и трудъ. А давно ли воображеніе носилось гдѣ-то въ невѣдомомъ мірѣ, среди волшебной мечты?

На другой день я проснулся раньше всѣхъ и ушелъ въ горы. Мнѣ было тяжело и тоскливо. Давило грудь, мысль безсвязно работала, и мнѣ вдругъ стало жаль и себя, и мать и... образъ той дѣвушки носился передо мной въ туманѣ со скорбнымъ и блѣднымъ лицомъ. Природа, лѣсъ и горы не успокоили меня; мрачными и некрасивыми казались мнѣ корявые стволы дуба и кизилія съ жесткими и грубыми листьями. Солнце не свѣтило ярко и радостно. Словно сѣрая сѣтка закрывала вершины горъ. Вѣтеръ, порывисто вырываясь изъ ущелій, несся внизъ къ усадьбѣ, по временамъ яростно кружась на дорогѣ. Все предвѣщало дождь и непогоду. По далекимъ вершинамъ спускались сизыя тучи. Я сѣлъ на камень и задумался. Надо мной кружилъ огромный орелъ. Медленно, едва шевеля огромными крыльями, плавала въ воздухѣ птица. «Что онъ?.. почему летаетъ и не отходитъ отсюда?—думалъ я, продолжая глядѣть на гордую птицу.—Вотъ бы улетѣть отсюда, подняться и на сѣверь!»—усмѣхнулся я. Но теперь нельзя, теперь на мнѣ лежали обязанности. Тѣмъ не менѣе, мнѣ страстно хотѣлось уѣхать, хотя я и сознавалъ, что это невозможно и зависить не отъ одного только меня.

Проходили часы, и я не двигался съ мѣста. Мысль: «что я буду дѣлать?» словно тупымъ буравомъ сверлила мой мозгъ. Когда я входилъ въ домъ, гдѣ меня ожидали къ чаю, мнѣ было неловко и стыдно.

V.

Наступили дождливые дни. Солнце не выглядывало изъ-за темныхъ тучъ, которыя быстро неслись съ сѣверо-запада. Мы не выходили изъ комнатъ и были постоянно всѣ вмѣстѣ. Это обстоятельство не давало мнѣ возможности переговорить съ Еленой. Она была мрачна, блѣдна и жаловалась на нездоровье. Да и всѣ были какъ-то унылы, точно не знали, куда себя дѣвать. Ходили изъ комнаты въ комнату, пробовали читать, смотрѣли въ окна, не проглянетъ ли солнце, и вообще скучали.

Я положительно не находилъ себѣ мѣста.

Наконецъ, подъ вечеръ мы остались въ комнатѣ одни съ Еленой. Дѣвушка взяла меня за руку и посмотрѣла въ глаза.

— Отчего вы скучны?..—спросила она шопотомъ.

— Мнѣ пора ѣхать,—отвѣчалъ я тихо.

— Что же, поѣзжайте!.. только не завтра... не надо очень спѣшить...

Я удивился и промолвилъ:

— Какъ же!.. а вы?!..

— Я приѣду скоро въ Петербургъ, а тамъ увидимъ, что дѣлать!—она снова пожала мою руку и, погрозивъ пальцемъ, прибавила:—только не надо скучать и падать духомъ!..

Этотъ мимолетный разговоръ вывелъ меня изъ гнетущаго состоянія; мнѣ стало легче, и я думалъ: «какая, однако, Елена сообразительная и спокойная женщина... да, у нея есть характеръ!.. Что-жь?.. дѣйствительно унывать не надо!»..

Послѣдніе дни моего пребыванія въ Крыму прошли тихо и сумрачно. Погода немало способствовала кислому настроенію. Я понемногу собирался, обѣщая братьямъ приѣхать на слѣдующее лѣто. Меня тянуло на сѣверъ, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ отъѣзда. Этого я даже не скрывалъ отъ Елены, которая должна была туда скоро приѣхать.

Я такъ и покинулъ прелестный уголокъ Крыма въ дождь и туманъ. Не видно было живописныхъ горъ и тѣхъ причудливыхъ пригорковъ, гдѣ мы проводили время. Лошади едва тащили по черной, липкой грязи легкой дилижансъ. Море было не спокойно, и страшная качка не покидала насъ до самой Одессы, куда мы пришли рано утромъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ я мчался на сѣверъ!

VI.

Въ родномъ городѣ все было по-старому. Всѣ удивлялись моему здоровому, загорѣлому виду, спрашивали о Крымѣ, о морѣ. Нервное состояніе не оставляло меня и дома. Меня тянуло дальше, туда, въ столицу, къ своимъ друзьямъ, отъ которыхъ я долженъ

былъ столько узнать для меня интереснаго. Я совсѣмъ было забылъ о дѣвушкѣ,—о дѣвушкѣ, которой я такъ холодно и неосторожно отвѣтилъ на горячія, искреннія строки.

Скоро я увидѣлъ ее. И что же?.. я былъ удивленъ, если не больше, происшедшей въ ней переменѣ. Она показалась мнѣ очень серьезной, ушедшей въ себя и замкнутой. Вся жизнь выражалась въ ея глубокомъ и нѣсколько печальномъ взглядѣ. Порой блѣдное лицо ея озарялось улыбкой, отъ которой дѣлалось такъ свѣтло и радостно. Къ этой дѣвушкѣ меня тянула какая-то таинственная сила. Въ присутствіи ея во мнѣ росли и поднимались духовныя силы, хорошія великодушныя чувства наполняли мою грудь, и я мало-по-малу сознавалъ, какъ близка и какъ дорога для меня эта дѣвушка. А Елена?.. а Крымъ?.. а тихія живописныя ночи?.. Я гналъ отъ себя эти образы, эти воспоминанія, но напрасно — они стояли предо мной во всей ихъ реальной неприкосновенности. Между мной и ими была связь, которую теперь я былъ порвать уже не въ силахъ. Образъ Елены, этой живой красавицы юга, не выходилъ изъ моей памяти и давилъ меня и не давалъ мнѣ покоя.

Лучше было уѣхать одному не въ Крымъ и посвятить себя тому дѣлу, о которомъ я мечталъ, и для котораго я хотѣлъ жить и работать.

Какъ мало я въ то время понималъ жизнь и не зналъ людей, я только вѣрилъ въ жизнь...

Между нами осталось нѣчто недоговоренное, невыясненное. Она была деликатна и чутка. Я былъ сдержанъ, хотя и нервенъ. Мы простились какъ-то странно, и я не думалъ, что простились навсегда.

И вотъ я снова въ Петербургѣ, снова среди друзей, между которыми я нашелъ большую переменѣ. Лѣто не прошло безслѣдно. Многія горячія головы, столкнувшись съ дѣйствительною жизнью, поняли и сознали, что собственныя ихъ силы слишкомъ слабы и ничтожны, чтобы привести къ тѣмъ результатамъ, о которыхъ такъ мечтали въ тѣсныхъ товарищескихъ кружкахъ. Однимъ словомъ, разочарованіе наступило послѣ усиленнаго напряженія и той страстности, которая влекла «туда» неопытныхъ юношей. Этотъ практическій урокъ былъ, несомнѣнно, полезенъ. Юноши задумывались и принимались еще серьезнѣе за работу, за саморазвитіе и науку. Многіе вновь поступали въ высшія заведенія, которыя они только что покинули. Вообще это хожденіе въ народъ привело къ различнымъ результатамъ. Народъ жилъ своею жизнью, своими исторически сложившимися устоями. Послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости народъ устраивался въ новой сельско-хозяйственной единицѣ. Молодежь не обладала никакими практическими свойствами. Любовь къ народу привела ее въ деревню, и она увидѣла народъ и познакомилась съ нимъ. Народъ оказался вовсе не тѣмъ,

что представлялось въ юномъ воображеніи. Прежде всего это была сила, можетъ быть, темная, но трудовая и непосредственная. Кромѣ того, эта сѣрая масса жила своей жизнью, своими традиціями, въ которыхъ столько наивности и простоты.

Скоро я сталъ понимать реакцію, которая происходила среди молодежи. Одни, побывавъ въ народѣ и не сообразивъ всѣхъ тѣхъ историческихъ условій, въ которыхъ развивался народъ, махнули на него рукой, какъ на матеріаль, слишкомъ трудно поддающійся обработкѣ. Другіе, напротивъ, поняли, что для того, чтобы быть полезнымъ народу, мало одного только желанія, нужно изучить народъ и тѣ настоящія условія, въ которыхъ онъ находится. Нужно явиться въ народъ съ запасомъ тѣхъ знаній, въ которыхъ нуждалось крестьянство.

Я засталъ по пріѣздѣ горячіе споры о необходимости специализироваться.

— Народу нужны врачи, учителя, юристы...—говорилъ широкоплечій, крѣпкій медикъ.

— Юристы?! это, позвольте васъ спросить, какъ понять?..—возражали горячо нѣсколько голосовъ разомъ.

— Понять очень просто,—рѣзко отвѣчалъ медикъ:—кто, какъ не они, можетъ народу разъяснить его права и способы ими пользоваться?.. Вѣдь законы для всѣхъ одинаковы!..

— Но, позвольте...

— Въ руки кулаковъ недолго попасть,—кричалъ медикъ,—а вырваться не легко...

— Больницы и школы...—раздавались голоса.—Важно и необходимо, чтобы хорошіе, честные люди работали...

— Въ учителя, такъ въ учителя... Гораздо лучше, нежели здѣсь заниматься болтовней,—проговорилъ мрачный блондинъ, плохо одѣтый, и, подойдя къ окну, сталъ что-то съ жаромъ объяснять дѣвущкѣ въ черномъ платьѣ съ густыми, заплетенными косами.

Эти споры и разговоры, рѣдко подчинявшіеся дисциплинѣ, тѣмъ не менѣе производили большое впечатлѣніе, гораздо большее, нежели строго организованныя пренія. Въ этихъ собраніяхъ все дышало искренностью, а вопросъ: «что дѣлать?» былъ близокъ сердцу каждаго присутствовавшего. Каждый хотѣлъ отдать свои силы на служеніе народу и не хотѣлъ и не думалъ жить иначе. Не всѣ, конечно, остались вѣрными завѣтамъ юности и, по прошествіи времени, оглянувшись назадъ, едва вспомнили о «томъ увлеченіи». А все-таки хорошее, чистое было увлеченіе, которое не было понято и...

Никогда я не забуду восторженныхъ лицъ юношей и дѣвущекъ. Они были скромны, молчаливы. Едва только перешедшіе въ года юности, они были чисты и полны вѣрой во все чистое, благородное. Я помню, они не вступали въ разговоры, но съ какимъ на-

пряженнымъ вниманіемъ вслушивались и въ умныя и наивныя рѣчи. Даже не особенно наблюдательный человѣкъ понялъ бы, что передъ нимъ молодежь, жаждущая подвиговъ, готовая на самоотреченіе.

И сколько такихъ свершило подвиги, не сознавая этого! Гдѣнибудь въ глуши, среди занесенной снѣгомъ деревни, молодая дѣвушка, отказавшись отъ личной жизни и отъ комфорта, который она могла бы имѣть по праву рожденія, посвятила себя, свой трудъ крестьянскому молодому поколѣнію. Развѣ не подвигомъ это?.. не служеніе тѣмъ идеямъ, при одномъ имени которыхъ трепетало и билось молодое сердце?.. А фельдшерицы, сестры милосердія, побросавшія теплые углы и обстановку, чтобы итти и обмывать раны русскаго солдата? Развѣ онѣ не подвижницы?! Развѣ это не гордость русскихъ женщинъ?!.. Какое же названіе дать тѣмъ людямъ, которые бросали въ нихъ камень? Я право, не знаю!.. жалкіе, презрѣнные люди!..

И вотъ я, снова очутившись въ центрѣ идейной, увлекающейся молодежи и присматриваясь и прислушиваясь къ окружающимъ толкамъ, въ первое время моего пріѣзда смутился и недоумѣвалъ. Между тѣмъ, споры разгорались, появились несогласія, составлялись партіи. Разочарованные и усталые уходили, на ихъ мѣсто приходили другіе, нервныя и безпокойныя люди. Молодежь бурлила, шумѣла внутри себя и страстно искала твердой для себя почвы. Но почва давалась не многимъ, а только тѣмъ, кто не пренебрегалъ и не сторонился тяжелаго кропотливаго труда и скромнаго положенія, однимъ словомъ, людямъ, искренно убѣжденнымъ.

Время шло быстро. Впечатлѣній было много, и они были разнообразны. Я былъ тотъ же, но чувствовалъ себя не такъ, какъ въ прошломъ году. Я понималъ, что должна произойти перемѣна въ моей жизни, и ждалъ этой перемѣны.

Елена еще не пріѣзжала. Изъ дома я получилъ письмо, въ которомъ мнѣ сообщали о болѣзни «печальной дѣвушки». Я написалъ къ ней горячее, полное участія, письмо. Я хотѣлъ не только заглядить прошлое, но поговорить, высказать о накопившихся во мнѣ сомнѣніяхъ и тревогахъ. Дѣвушка отвѣтила мнѣ просто и искренно, и я успокоился. Между нами началась дѣятельная и дружеская переписка. Странно!.. по этимъ письмамъ я болѣе и болѣе изучалъ моего новаго друга и цѣнилъ и удивлялся ея искренности и красотѣ душевной. Я вспоминалъ наши короткія свиданія и ту теплоту и искренность, которыя она вносила въ свои отношенія. Я все чаще и чаще думалъ о дѣвушкѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ отъ нея извѣстій. Она прислала свою фотографическую карточку, которая цѣла и понынѣ.

Смутная тревога, впрочемъ, не покидала меня; я сознавалъ, что живу наканунѣ... наканунѣ прїѣзда Елены. Тогда должно случиться для меня нѣчто серьезное.

Наконецъ Елена прїѣхала въ Петербургъ.

VII.

Елена встрѣтила меня взволнованная и сіяющая. Она была въ восторгѣ отъ сѣверной столицы. Ей нравилось все: и широкія улицы, и блестящіе магазины, и дворцы, и театры... А народъ, толпа!.. Она никогда не видѣла такого множества людей, и военныхъ, и статскихъ, и все такихъ живыхъ, нарядныхъ... Она говорила безъ умолка, не замѣчая моего смущенія и сумрачнаго вида. Елена не могла еще опомниться отъ первыхъ впечатлѣній. Я молча слушалъ ее и вспоминалъ тихую ночь, берегъ моря и волны при лунномъ блескѣ и синія горы!.. Развѣ та природа юга можетъ равняться съ мертвымъ гранитомъ и бездушной, нарядной толпой Невскаго проспекта?.. «И что ей нравится, и чему она радуется?»— думалъ я, смотря на блестящіе глаза и пылающія щеки дѣвушки.

— Остановилась я у двоюродной тетки,—быстро сообщила мнѣ Елена,—у нея очень удобно... у меня отдѣльная комната... скоро прїѣдетъ сестра... Сегодня меня везутъ въ оперу... Ахъ, какъ это прїятно!.. жаль, что вы... ты не будешь со мной...—дѣвушка смѣялась и продолжала:—ахъ, да!.. тебѣ все кланяются!.. знаешь, меня было не пускали въ Петербургъ, да Сергѣй заступился!.. Когда ты уѣхалъ, мнѣ стало такъ скучно, и я плакала, плакала... прямо не знала, что дѣлать, а тутъ они ко мнѣ все съ разспросами... противные!..

— Кто?.. съ какими разспросами?..—вздрыгнулъ я.

— Съ такими...—сдѣлала гримасу Елена,—конечно, все о тебѣ... невозможно было, и не могла скрыть!..

— Елена!.. что скрыть?! неужели ты сказала?!—вскричалъ я съ испугомъ, и помню, мнѣ стало даже страшно.

Дѣвушка взглянула на меня какъ-то съ боку и не сразу отвѣтила.

— Я всегда была откровенна съ сестрой и братьями,—отвѣчала она серьезно,—а Сергѣй сказалъ, что ты честный человѣкъ!..

«Честный человѣкъ», подумалъ я съ горечью и сейчасъ же вспомнилъ, что молодой Масловъ еще не былъ у меня, хотя и прїѣхалъ вмѣстѣ съ Еленой.

Мнѣ было тяжело, сердце почему-то сжималось тоскливо, словно въ ожиданіи несчастья. Странно!.. но я хорошо это помню!.. Странно!.. когда передо мною была красивая, полная жизни дѣвушка, которая меня любила первой любовью. А я, какъ истуканъ, сидѣлъ и прислушивался къ чему-то такому, что совершалось въ моей душѣ, откуда неслись и словно молотомъ ударяли по сердцу слова: «не то, не то!» А Елена весело продолжала:

— Ты не безпокойся!.. все устроится, скоро прїѣдетъ Сергѣй... Онъ такой хорошій, и ты ему очень нравишься. Однако,—перемѣнила она тонъ,—что же я тебя не спрошу, какъ ты поживаешь? что твои друзья? тѣ, про которыхъ ты мнѣ тогда говорилъ... я непремѣнно хочу познакомиться съ ними... только потому, немного послѣ...

Я не отвѣчалъ, и глядя на ея модный красивый костюмъ и вспоминая своихъ друзей, серьезныхъ, «демократичныхъ», думалъ: «какъ я ее познакомлю, и что они мнѣ скажутъ, когда я въ жены выбралъ чуть не аристократку!»

— Что же ты молчишь?.. Не радъ, что я прїѣхала?!

— Конечно, радъ!.. только я не ожидалъ, что уже извѣстно!.. Теперь надо слѣшнить!..

— Особенно слѣшнить нечего!.. Я говорила, что подождемъ Сергѣя, онъ все устроитъ...—Елена задумалась на минуту, оглянулась и, потупивъ глаза, подошла ко мнѣ и наклонилась къ моему уху:—кажется, безъ послѣдствій не обошлось, я чувствую...

Дальше я не разслышалъ и вскочилъ, какъ ошпаренный.

— Что? что ты сказала?—вскричалъ я въ волненіи:—не можетъ быть!..

— Не можетъ быть!?—повторила удивленно Елена.—Да ты, въ самомъ дѣлѣ, ребенокъ что ли?! Если я говорю, то, стало быть, знаю...

— Елена, милая Елена! что же это?.. а!..—я схватилъ ее за руки, смотрѣлъ ей въ глаза и не зналъ, что сказать. Голова моя кружилась, мысли въ безпорядкѣ неслись, точно въ перегонку.

Но Елена была совершенно спокойна. Она поправляла передъ зеркаломъ свою прическу и, повидимому, не замѣтила моего черзчуръ сильнаго волненія.

Это удивило и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоило меня нѣсколько.

Вошла ея тетка, и я скоро простился.

Ощущеніе нѣкоторой неловкости и безпокойства не покидало меня и дорогой и дома. Я ни съ кѣмъ не подѣлился и никому изъ друзей не сказалъ о предстоящей перемѣнѣ въ моей жизни. «Это—моя личная жизнь!.. что имъ?!—думалъ я.—Какъ они отнесутся къ этому?!» И мнѣ почему-то представлялись насмѣшливыя улыбки и пожатіе плечъ, и фразы: «Женился, молъ! хорошъ гусь!» Но что смущало меня особенно, это—то, что невѣста моя была не нашего круга и съ порядочными средствами.

Но теперь разсуждать было нечего, и нужно было хлопотать и приготовляться къ свадьбѣ. Тогда студентамъ можно было жениться безъ особаго разрѣшенія...

Прїѣхалъ Сергѣй, и насъ вскорѣ обвѣнчали.

IX.

Еще ярки и свѣжи впечатлѣнія, хотя много лѣтъ прошло съ того времени. Поселились мы въ двухъ комнатахъ, и у насъ завелась нѣкоторая обстановка. Я чувствовалъ себя какъ-то неловко и не могъ войти въ колею новой для меня жизни. Словно я переживалъ яркій и продолжительный сонъ. Мнѣ казалось, что скоро все это измѣнится. Мы жили вмѣстѣ, но общей внутренней связи между нами не было. Въ Крыму насъ соединяла молодость и природа, а здѣсь разъединяли различные интересы. У меня были свои друзья, а у нея завелись свои знакомые. Мои друзья жили, одухотворенные любовью, надеждой, вѣрой, а ея знакомые, люди общества, интересовались внѣшней, казовой жизнью...

Скоро моя жена стала страстной любительницей театра и рѣдкіе вечера проводила дома. Я былъ доволенъ этимъ и свободный чувствовалъ себя дома и могъ уходить, куда мнѣ было нужно, и куда меня влекло... Со времени моей женитьбы влечение къ общественной дѣятельности росло во мнѣ съ каждымъ днемъ, и я подумывалъ о томъ, что пора выйти изъ того заведенія, въ которомъ я былъ студентомъ; тѣмъ болѣе я женатъ и скоро назовусь отцемъ.

Мои друзья, удивленные моей женитьбой, догадывались, что во мнѣ происходитъ нравственный переломъ, и относились ко мнѣ тепло и предупредительно. Съ женой были вѣжливы и сдержанны. Общественная жизнь продолжала развиваться, литература завоевывала все болѣе и болѣе видное положеніе. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали выхода книжекъ нѣкоторыхъ журналовъ!..

Были любимые писатели, которымъ вѣрили безусловно. Гуманитарное направленіе литературы соответствовало такому же въ жизни. Подъемъ духа продолжалъ расти, личность все болѣе и болѣе освобождалась и становилась нравственно-отвѣтственной. Эта отвѣтственность и сердечные, глубокіе порывы къ широкой плодотворной дѣятельности и составляютъ характерную особенность эпохи семидесятыхъ годовъ.

Было такое время, когда старые люди молодѣли, когда въ ихъ сердцахъ загорался огонь юности.

Отцы соединялись съ дѣтьми духовно, въ общей дѣятельности. Вообще идеализмъ пріобрѣталъ право гражданства. Россія просыпалась отъ долгой спячки, и всюду кипѣла работа. Не канцелярія и «бумага», а жизнь царилъ въ земствѣ, въ судахъ. Изъ глубины родины выходили дѣятели и несли свою лепту труда. Въ будущемъ открывался широкій путь обновленія и социальнаго и экономическаго.

Каждый день приносилъ съ собой нѣчто новое и хорошее, а вмѣстѣ съ тѣмъ росли надежды и на лучшее. Широкой волной

неслась жизнь, захватывая въ своемъ теченіи все то, что не противилось свѣту и простору.

Развѣ мы, молодые, полные физическихъ и нравственныхъ силъ, могли относиться ко всему этому равнодушно? Напротивъ, мы отозвались и отзывались на это теченіе всѣми фибрами своего существа, всѣми силами своего сердца. И нужно ли прибавлять, что если наше служеніе народу и было неумѣло и непрактично, то оно было полно всякаго безкорыстія и увлеченія высокими человѣческими идеалами.

Да, мы не были равнодушны и готовы были жертвовать всѣмъ, даже личнымъ счастьемъ.

И въ то время всѣ эти жертвы были обыкновенны и никого особенно не удивляли. «Такъ было надо! такъ мы были воспитаны!.. или такъ воспитали себя сами!» Мы любили другъ друга, но любили высокою, идейною любовью. Вѣрнѣе, мы любили и преклонялись передъ идеей самоотреченія.

И вотъ теперъ мнѣ кажется, что въ то время я не могъ любить женщины. Чувство восторженнаго энтузіазма наполняло мое сердце, которое билось не для тихаго семейнаго очага.

Елена хотя и не понимала этого, но чувствовала, что мы хотимъ работать и дѣлать хорошія дѣла.

Порой она задумывалась и подолгу разспрашивала о моихъ друзьяхъ, о русской деревнѣ.

— Я немножко боюсь твоихъ друзей!.. говорила она, улыбаясь.

— Отчего?..

— Они такіе серьезные и умные... вѣрно, меня считаютъ глупой!..

— Съ какой стати!.. что ты выдумываешь!..

— Въ самомъ дѣлѣ!.. вѣдь, иногда я ничего не понимаю, что вы говорите... Что такое «надѣлѣ»?.. и скажи, пожалуйста, при чемъ тутъ «душа»?..

Я постарался объяснить. Елена родилась въ Крыму, въ условіяхъ, совершенно отличныхъ отъ русской жизни. Природа надѣлила ее гордымъ и смѣлымъ сердцемъ, и мои друзья ей нравились за ихъ мужественность и нравственное достоинство. Одно время Елена занялась чтеніемъ и совѣтовалась со мной. Я, конечно, доставилъ ей множество матеріала. Занявшись нѣсколько дней, она откровенно сказала мнѣ, что ей скучно съ такими умными книгами.

— Съ ними скучнѣй, нежели съ твоими друзьями!.. смѣялась молодая женщина.—Лучше пойдемъ сегодня въ театръ. Я не понимаю, отчего ты не любишь ходить въ театръ!..

— Почему не люблю?!—отвѣчалъ я:—пойдемъ, я пойду съ удовольствіемъ.

И мы ѣхали въ театръ и были очень довольны другъ другомъ.

Елена съ увлеченіемъ вспоминала о своихъ любимыхъ актерахъ и съ жаромъ доказывала мнѣ, что въ театрѣ гораздо веселѣе и интереснѣе, чѣмъ занятіе скучными разговорами о «надѣлахъ» и мужикахъ.

— Одно дѣловое, Елена, другое удовольствіе,—возражалъ я.

— Побольше бы со мной ходилъ въ театръ, и лучше было бы... Вотъ сегодня ты такой хорошій и смѣялся и былъ доволенъ, а то все думаешь, задумчивый такой и хмурый...

— Ну, не всегда же!—смѣялся я, любясь оживленіемъ Елены, которая обыкновенно долго находилась подъ впечатлѣніемъ спектакля.

Такимъ образомъ наша жизнь шла спокойно и безъ всякихъ недоразумѣній и сценъ. Еленѣ Петербургъ продолжалъ нравиться, знакомство увеличивалось, скучать было некогда, и моя «другая» жизнь ея нисколько не стѣсняла. Мало-по-малу мы привыкли видѣть другъ друга рѣдко и этимъ не тяготились. Да, можетъ быть, это было и лучше: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь общаго между нами было немного, молодость и неиспорченность соединяла насъ теплою дружбой, а внутренніе интересы тянули въ разныя стороны. Мы не думали о будущемъ и не заводили рѣчи о томъ, какъ мы устроимся, и что я думаю дѣлать.

Однажды она мелькомъ бросила мнѣ:—Какое сегодня яркое солнышко, скоро и весна, хорошо тогда у насъ въ Крыму... Ахъ, какъ хорошо! Ты не былъ, вѣдь, весной?..

— Не знаю, придется ли быть въ этомъ году...

Она не удивилась нисколько.

— А я непременно въ апрѣлѣ въ путь-дорогу... Кузина Настя тоже поѣдетъ со мной.

Елена не спросила даже, почему я не поѣду и что буду дѣлать!.. Помню, это понравилось мнѣ чрезвычайно, и я проговорилъ:

— Лѣтомъ я, конечно, опять буду съ тобой...

— Да, да! пріѣзжай, а то неловко... мать обидится...

Елена задумалась, вздохнула и тихо прошептала: «да, въ маѣ мнѣ придется помяться, пройдетъ девять мѣсяцевъ!.. Ну, ничего!»... и она тряхнула головой.

У меня при послѣднихъ словахъ заныло сердце, и въ головѣ мелькнуло: «и я не буду съ ней въ то время!.. правъ ли я?!.. и не отказаться ли отъ своихъ плановъ?!» Я сидѣлъ печальный и не говорилъ ни слова. Елена ушла въ другую комнату переодѣваться. Теперь я думаю, что, если бы она меня стала просить и уговаривать ѣхать съ нею вмѣстѣ, то я не могъ бы отказаться. Но она этого не сдѣлала, и мы не заводили больше рѣчи о томъ, что я буду дѣлать весной.

Я еще не оставлялъ того заведенія, въ которомъ числился, хотя и сказалъ о своемъ намѣреніи Еленѣ. Она не была противъ этого.

Мнѣ показалось, что ей даже пришлось мое рѣшеніе по сердцу.

— Не пойдешь со мной обѣдать къ тетѣ?.. Она все про тебя спрашиваетъ!..

— Нѣтъ, не могу сегодня!.. а ты уже одѣлась? какъ скоро!..

— Ну, этого сказать нельзя!..—засмѣялась она:—прошло больше получаса! Ишь, у тебя какъ летитъ время!.. Что ты дѣлалъ?.. такъ и сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, мечтатель этакій!.. Можетъ быть, проводишь меня... Ты въ какую сторону? по дорогѣ?..

Я охотно согласился, и мы пошли вмѣстѣ.

Намъ было хорошо ити и болтать между собою. День былъ прекрасный. Легкій морозъ слабо боролся съ теплотой солнца, которое стояло высоко на блѣдномъ безоблачномъ небѣ. Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе весны. Отъ яркаго ли солнца или вслѣдствіе нашего настроенія и дома, и люди, и экипажи казались намъ такими красивыми и нарядными. Какъ хороша жизнь, особенно, когда молодѣ, когда вѣришь и надѣешься!..

IX.

Наступила весна, и я простился съ Еленой. Откровенно говоря, я былъ радъ ея отѣзду, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время она стала нѣсколько раздражительна и капризна. У меня же шли переговоры, и я колебался, занять ли мнѣ мѣсто сельскаго учителя, или поѣхать на работы въ одну изъ приволжскихъ губерній, гдѣ въ имѣніи одного изъ членовъ нашего кружка организовалась интеллигентная община.

Признаться, первое привлекало меня больше, но отвѣтственность и невозможность во всякое время уѣхать по своимъ семейнымъ дѣламъ заставили меня войти въ соглашеніе съ будущими интеллигентными сельскими рабочими.

Насъ было четверо, и мы рѣшили работать сами, нанявъ только одного опытнаго рабочаго, который бы въ первое время дѣлалъ намъ необходимыя указанія. Земля и помѣщеніе были, а матеріалы и орудія производства будутъ куплены въ ближайшемъ мѣстномъ городѣ на общія наши средства. Двое уже уѣхали на мѣсто, мы тоже вдвоемъ должны были скоро послѣдовать ихъ примѣру. Разногласія происходили между нами по вопросу о принятіи въ маленькую общину женщинъ. Впрочемъ въ принципѣ мы не были противъ этого, но въ первое время устройства и обзаведенія рѣшили обойтись безъ прекраснаго пола, сдѣлавъ исключеніе для сестры одного изъ нашихъ товарищей, которая обязалась завѣдывать нашей кухней. Эту дѣвушку намъ пришлось подождать нѣсколько дней, чтобы вмѣстѣ ѣхать туда, гдѣ въ потѣ лица мы должны были зарабатывать свой хлѣбъ.

Когда рѣшеніе состоялось, когда выяснилось все въ окончательной формѣ, мнѣ стало необыкновенно легко и весело, и я ждалъ съ нетерпѣніемъ дня отъѣзда изъ города, который съ наступленіемъ весны производилъ гнетущее и непріятное впечатлѣніе. Эти каменные зданія давили своимъ угрюмымъ видомъ, эти печальныя деревья и блѣдная зелень живо напоминали о дремучихъ лѣсахъ и широкихъ росистыхъ лугахъ, о просторѣ и тишинѣ полей... Скоро наконецъ раздраженное ухо перестанетъ слышать дребезжанье по мостовымъ извозчичьихъ пролетокъ и рѣзкіе крики разносчиковъ. Мысль о предстоящей работѣ не пугала меня, но напротивъ возбуждала. Съ лихорадочной поспѣшностью написалъ я нѣсколько писемъ. Помню хорошо, что въ этихъ письмахъ выразилось тогда мое приподнятое настроеніе. Только одно меня смущало: это невозможность заѣхать къ матери и узнать, чтѣ съ «тою дѣвушкой», которая перестала мнѣ писать, въ послѣднемъ письмѣ поздравивъ меня съ женитьбой... Теперь я припомнилъ это письмо, и сердце мое забилося какою-то безотчетной тоской. Вдругъ мнѣ захотѣлось посѣтить родной городъ, увидеть мать и провести хоть одинъ вечеръ въ старомъ саду, въ которомъ тихо шумятъ старыя липы.

Я вспомнилъ грустное письмо моей матери, которую я увѣдомилъ о своемъ бракѣ. «Конечно, твое дѣло», писала она, «и я желаю тебѣ отъ души счастья, но... ты еще такъ молодъ!» Помню, тогда подумалъ я, что не о молодости хотѣла сказать мать. Да, вѣдь, она совсѣмъ не знала моей жены, не имѣла о ней никакого понятія. Елена была ей чужая. Кто знаетъ, кого сулила мнѣ мать въ подруги жизни? Правда, она любовно относилась къ «той дѣвушкѣ», и, можетъ быть... Но прошлаго не воротить!.. Мнѣ показалось, что я виноватъ передъ ними, я какъ-то таинственно женился, не сказавъ раньше ни слова о своемъ намѣреніи. Но и какъ сказать?!.. Сказать все, какъ было, мнѣ было стыдно!. Мнѣ и теперь досадно и стыдно, что я не могу откровенно рассказать о себѣ, о своихъ отношеніяхъ и о своемъ будущемъ. Я еще не зналъ, что будетъ со мною, я шелъ по теченію туда, куда стремились люди, которыхъ я любилъ и которымъ сочувствовалъ. И такъ вперед!.. прочь сентиментальности!.. на трудъ!.. на волю!..

Насталъ наконецъ день отъѣзда. Я рѣшилъ не заѣзжать въ родной городъ. Мы спѣшили въ деревню, на работу. Поѣздъ мчался, и чѣмъ ближе подвигались мы къ югу, становилось теплѣе. Снѣгъ лежалъ только по оврагамъ и ложбинамъ. На поляхъ уже работали крестьяне, поднимая землю подъ яровые. Съ любопытствомъ смотрѣли мы изъ оконъ вагона на ихъ работы. Намъ казалось такъ просто, легко владѣть сохой или плугомъ. Въ нашемъ воображеніи рисовались прекрасно обработанныя поля, ровные всходы и затѣмъ чудный урожай!.. И все это дѣло нашихъ рукъ, нашего труда и усилій!.. Какъ хорошо!.. Скорѣй, скорѣй за работу!..

Ѣхали мы въ третьемъ классѣ. Въ вагонъ, въ которомъ мы сидѣли, вошла цѣлая партія рабочихъ, съ сумками, котомками и козовищами, къ которымъ были прикрѣплены косы. Эти люди скромно и конфузливо заняли мѣста на краю лавокъ. Одинъ изъ нихъ присѣлъ къ намъ. Это было на маленькой станціи одной черноземной губерніи.

— Далеко ѣдете?.. — спросили мы.

— Въ Ростовъ на Донъ.

— Зачѣмъ такъ далеко?..

— Точно, что далече!.. на работы въ степь... къ казакамъ...

— А какъ же свою землю?.. развѣ не обрабатываете?..

— Какъ можно!.. да много ли земли-то у насъ?!.. всего ничего!.. бабамъ въ самую пору справиться!.. Послабѣ кто, ну, значить, остается... а мы въ отходъ...

— Что же, каждое лѣто уходите?..

— По веснѣ уходимъ... по времени, — отвѣчалъ крестьянинъ и попросилъ насъ положить на полку свои вещи. Мы охотно подѣлились мѣстомъ. Между тѣмъ разговоръ продолжался.

— Что же, выгодны работы? хорошо зарабатываете?..

— Какъ Богъ пошлетъ!.. годъ на годъ не наладишь!.. куда попадешь... какія цѣны!..

— А вы развѣ не знаете, гдѣ будете работать?..

— Знамо, въ степи, — отвѣчалъ крестьянинъ, — можетъ, на Дону, а то на Черноморьѣ... развѣ это узнаешь... Вотъ прибудемъ, тогда видно будетъ, гдѣ Господь больше хлѣбушко послалъ, туда и пойдемъ... а теперь не знаемъ...

— Дорого вамъ обойдется такъ далеко ѣхать?..

— Вѣстимо, дорого... Да мы, баринъ хорошій, попервоначалу только на чугункѣ, а опосля ходомъ... артелью идемъ...

— Пѣшкомъ!?!.. — удивились мы. — Пѣшкомъ до Кавказа!.. ужь очень далеко!..

— Не близко... Это вѣрно!.. да неча дѣлать, привышны мы къ этому, баринъ...

— А что трудно пахать?.. вѣдь, ничего особеннаго? — спрашивалъ я: — только бы лошадь послушная!..

— Чего трудно?!.. по землѣ... какая, значить, земля!.. цѣлину тяжело подымать, а у насъ земля легкая!..

— Сохами пашете?..

— Сохой, а то чѣмъ же?..

— Научиться пахать скоро можно?..

— Чего-жъ не научиться!.. была бы охота!..

— Въ одну недѣлю можно научиться?.. а?..

Нашъ собесѣдникъ немного смутился и, повидимому, не зная, что отвѣтить.

— Крестьяне смолоду привыкають... еще ребятишками!.. рази мы ихъ учимъ?!.. придетъ время, самъ работаетъ!.. какое ученье!..

— Неужто у васъ и мальчишки и бабы пашутъ?..

— Пашутъ?.. чего-жъ не пахать?!— усмѣхнулся крестьянинъ.—
Иная баба ловчѣ мужика!.. еще какъ!..

Отъ этихъ разговоровъ намъ становилось веселѣе и спокойнѣе. Бабы, ребятишки пашутъ, стало быть, пустяки, особеннаго напряженія не нужно. Научиться легко.

Какое симпатичное, доброе лицо у нашего сосѣда!.. Да и у другихъ крестьянъ тоже. Ясные, голубые глаза, бѣлокурая борода, широкія плечи и грудь, загорѣлое лицо и руки. Намъ было необыкновенно пріятно, что сосѣдомъ нашимъ былъ настоящій крестьянинъ-земледѣлецъ, и мы думали: «скоро, скоро мы будемъ находиться среди такихъ простыхъ тружениковъ, которые, конечно, попросту и любовно отнесутся къ намъ, когда увидятъ, что мы живемъ своимъ трудомъ и работаемъ такъ же, какъ и они. Въ этомъ мы не сомнѣвались, тѣмъ болѣе, что наши сердца бились любовью и участіемъ къ народу и его представителямъ. Въ нашемъ отношеніи къ простому человѣку было столько искренности, и притомъ искренности непосредственной, идущей прямо отъ сердца.

На одной изъ большихъ промежуточныхъ станцій рабочіе-крестьяне слѣзли. Вагонъ опростался, мѣста освободились, и мы рѣшили уснуть до утра. Намъ оставалось ѣхать не особенно много. На другой день мы должны быть уже на мѣстѣ.

Я уснулъ скоро, но не надолго. На какой-то станціи вошло много пассажировъ, изъ которыхъ двое усѣлись противъ меня на свободной лавкѣ. Одинъ изъ нихъ былъ, повидимому, выпивши и говорилъ громкимъ, хриплымъ голосомъ, другой велъ себя поскромнѣе.

— По-моему драть ихъ и только!.. да хорошенько!.. чтобы на долгую память!.. На что похоже!.. — хрипѣлъ первый.

— Надоѣсть, сами оставятъ баловство, — возражалъ второй.

— Пока оставятъ... еще жди!.. а мужики въ голову, чортъ знаетъ, что заберутъ!.. Развѣ статочное дѣло, когда наша барышня съ поповичемъ на огородѣ работаютъ вмѣстѣ съ мужиками и бабами... Ну, развѣ можно?.. Знай свое дѣло!.. Не суйся, куда не спрашиваютъ... Драть и больше ничего!.. Драть ихъ!..

— Ну, не кричи!.. что тутъ особеннаго?!.. Только баловство одно!..

— Баловство! какое баловство?!.. когда вольныя мысли... Ты бы послушалъ, что поповичъ поетъ: «теперь, молъ, баринъ и мужикъ— все равно»!.. а, а?! Вона куда?!.. а ты споришь!.. драть, и кончено!..

Я начиналъ понимать, въ чемъ дѣло, и какіе «охранители» сидятъ передо мною. Признаюсь, мнѣ стало не по себѣ, я совершенно

забылъ о такихъ элементахъ, которые насъ встрѣтятъ въ деревнѣ и встрѣтятъ враждебно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія...

«Ну, да, впрочемъ увидимъ!.. волка бояться, въ лѣсъ не ходить!»... И подѣ постоянно повторяемое, патріотическое слово драть я уснулъ крѣпко и спокойно.

Х.

Мѣсто, куда мы наконецъ благополучно прибыли, было глухое, находившееся въ сторонѣ и отъ дороги и отъ большой деревни. Небольшая хата изъ двухъ комнатъ, сарай, сторожка и амбаръ— вотъ и всѣ постройки хутора. Ни рѣчки, ни пруда не было вблизи, воду брали изъ колодца, неуклюжій срубъ котораго былъ виденъ изъ оконъ хаты.

Вокругъ нашего жилища въ безпорядкѣ росло нѣсколько деревьевъ, изъ которыхъ два или три были вишневыя, а прочія простая бузина. Ни загороди, ни плетня не существовало около этого садочка.

«Однако, и пустовато же здѣсь!»—первымъ дѣломъ подумалъ я при видѣ нашей усадьбы и пустынныхъ черныхъ полей, которыя замыкались мелкимъ дубнякомъ со всѣхъ сторонъ. Ничего не было видно изъ нашего хутора, кромѣ той пашины, на которой мы будемъ работать.

«Это и лучше,—соображалъ я,—удобнѣе учиться, не на виду, и никто не помѣшаетъ»; тѣмъ не менѣе на душѣ стало грустно отъ угрюмаго сумрачнаго ландшафта. Рисовалось въ воображеніи далеко не то, что оказалось въ дѣйствительности. Но насъ было пятеро молодыхъ людей, полныхъ силы и энергіи. Скучно не будетъ, да и работы въволю.

— Вотъ за оврагомъ, какъ пройти перелѣсокъ, видъ какой, братецъ,—проговорилъ Петровъ, собственникъ хутора:—деревня и рѣчка, какъ на ладони!.. Послѣ работъ будемъ туда ходить, если не въ деревню. Дядя просилъ навѣщать его... Обѣщалъ намъ показать и посовѣтовать по хозяйству...

Дядя Петрова былъ землевладѣлецъ и извѣстный хозяинъ. Потомъ я съ нимъ велъ нескончаемые споры. Онъ былъ матеріалистъ и всякія чувства, порывы называлъ «сентиментами», при чемъ выговаривалъ это слово особенно презрительно. Въ мужикѣ онъ видѣлъ только рабочую силу и животную способность приспособляться. Хорошо, хозяйственно живетъ крестьянинъ, ну, значитъ, онъ человѣкъ хорошій и умный, а если нѣтъ, избенка развалилась, пала лошадь и неустройство и разоръ у домохозяина, тотъ, по его словамъ, глупый и пустой человѣкъ.

Припоминаю случай. Мы шли какъ-то съ нимъ по деревнѣ, на краю которой стояла ветхая хата. Около крыльца съ топоромъ въ

рукахъ надъ чѣмъ-то возился высокаго роста человѣкъ. Когда мы подошли, онъ поклонился. Петровъ едва кивнулъ головой, презрительно прибавивъ: «вотъ мечтатель!.. не угодно ли... совсѣмъ плохой мужиченко, лѣнтяй!.. Оттого и нѣтъ ничего!.. бѣденъ, какъ цыганъ!»

Впослѣдствіи я познакомился съ Алексѣемъ (такъ звали крестьянина) и былъ удивленъ поэтическимъ складомъ его характера. Это была удивительно добрая и наивная душа. Да, Алексѣй былъ мечтатель и мечтатель неисправимый, хотя первое время, когда онъ женился и по смерти отца сталъ хозяиномъ, дѣла его шли такъ себѣ. Однимъ словомъ справлялся и съ домомъ и податями. Съ женой жилъ хорошо, а въ сынѣ души не чаялъ. Все бывало съ мальчикомъ въ свободное время. Жили ничего себѣ, не нуждались. Но подошла бѣда большая, стали болѣть и умирать на деревнѣ дѣти отъ дифтерита; заболѣлъ и умеръ сынъ Алексѣя.

Отъ такого горя затосковалъ, загрустилъ мужикъ. Пошла валиться изъ рукъ работа. Одно не во время, къ другому не поспѣлъ, хозяйство пошло на разстройство. Можетъ, какъ нибудь и выкрутился бы мужикъ, по времени горе бы и прошло, пересталъ бы бродить по ночамъ да надъ рѣчкой просиживать безъ дѣла. Да на бѣду подати въ тотъ годъ спрашивали строго, ну, и постегали Алексѣя немного.

Съ тѣхъ поръ пропалъ мужикъ, забросилъ свое хозяйство и отъ земли отказался и сталъ въ лѣсу жить, къ птицамъ охоту получить... Ловить-то птицъ мало, а не то поймаетъ, да выпустить, а слушать охочъ больно!.. Все бы слушалъ!.. И чѣмъ только живъ мужикъ!.. по зимамъ бѣдствуетъ очень. Кабы не жена, то и не прожить бы Алексѣю... Что же дѣлать?! баба по міру собираетъ, когда работы нѣтъ!.. Нелюдимый больно мужикъ-то сталъ, ровно волкъ людей боится, въ лѣсѣ норовить... Стращали его, уговаривали, кажись, еще постегали... совсѣмъ худо стало!.. Махнулъ рукой и порѣшилъ міръ оставить его... пуцай съ птицами! Пропашій человѣкъ!..

Приблизительно мнѣ такъ рассказали крестьяне объ Алексѣй-птичникѣ.

Но я уклонился въ сторону.

Скоро мы приступили къ работамъ. Конечно, приступили неловко, неумѣло до смѣшного. Нашимъ руководителемъ былъ безземельный крестьянинъ Степанъ, вѣчный батракъ, угрюмый, неразговорчивый мужикъ, лѣтъ сорока. Любимымъ занятіемъ Степана было постоянное препирательство съ женой, которая съ нимъ вмѣстѣ была нанята къ намъ на лѣто.

Пахали мы одноконными шведскими плугами, очень легкими, но трудно управляемыми. Выбивались положительно изъ силъ, особенно въ первое время. Лемехъ шелъ неровно, выскакивая изъ пашни, лошадь едва слушалась, болѣли руки, ноги, невыносимо ныла спина.

Но Петровъ и я не отступали и хотя медленно, но дѣлали успѣхи. Степанъ, конечно, пахалъ ровно, гладко и вдвое больше насъ, при чемъ часто оставлялъ свою работу, помогалъ намъ и дѣломъ и совѣтомъ. Другіе два брата, Левины, болѣе слабые и неумѣлые, скоро отказались пахать, занявшись устройствомъ огорожи около дома и починкой сарая, тоже подъ непосредственнымъ руководствомъ Степана и жены его Акулины.

Все-таки черезъ недѣлю кое-что было сдѣлано и въ полѣ и около дома. Хуторъ оживлялся и не имѣлъ того мрачнаго вида, который рѣзко бросился въ глаза по приѣздѣ. Вокругъ все зеленѣло, стояли чудные майскіе дни, я втягивался въ работу все болѣе и болѣе, страшно уставалъ, ѣлъ, пилъ и спалъ непробуднымъ, спокойнымъ сномъ. Жили мы дружно и заводили мало-помалу порядокъ и регулярность. Я не скучалъ, чувствовалъ себя бодро, и лишь тогда, когда получалъ письмо отъ жены и отъ матери, нѣкоторое безпокойство закрадывалось въ сердце, и невольно рождался вопросъ: «а что же дальше?.. что потомъ!»

Я былъ семейный человѣкъ, и на мнѣ лежали обязанности. Но время шло, и пока еще я не получалъ никакихъ особенныхъ извѣстій.

Къ намъ почти каждый день заѣзжалъ старикъ Петровъ. Онъ подолгу болталъ со мной въ полѣ, ему нравилось, повидимому, выкладывать передо мной свои сельско-хозяйственныя знанія. Петровъ посовѣтовалъ намъ завести небольшой огородъ и прислалъ расады.

Вообще нашъ хуторъ подвигался по пути процвѣтанія. Интеллигентная работница, скучавшая очевидно и не находившая для себя подходящаго дѣла, теперь по цѣлымъ днямъ копалась въ маленькомъ огородѣ. Поливка лежала на ея обязанности. Однимъ словомъ мы культивировались на хуторѣ превосходно. Короткіе послѣ работы вечера мы проводили за оврагомъ на высокомъ берегу рѣчки или уходили на деревню. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ во время тихаго пѣнія небольшого хора кучеръ старика Петрова принесъ мнѣ письмо, которое я распечаталъ въ хатѣ. Елена увѣдомляла меня о рожденіи сына и звала въ Крымъ.

Цѣлую ночь я не могъ сомкнуть глазъ. На другой день работа не спорилась, и снова безпокойство и тихая тоска заступили мѣсто бодрости и спокойствія. Въ самомъ дѣлѣ, надо было ѣхать, а хотѣлось и нужно было остаться.

XI.

Я все-таки рѣшилъ остаться на нѣкоторое время. Интересъ къ работамъ, а главное къ деревнѣ возрасталъ. Я еще не былъ знакомъ съ общинно-мірскимъ устройствомъ и присматривался и изучалъ сложную организацію деревни. Выстѣ съ тѣмъ мы наблюдали

крестьянина въ его будничной обстановкѣ, и мало-по-малу образъ «реальнаго мужика» заслонялъ и становился на мѣсто того идеальнаго, который ранѣе рисовался въ нашемъ воображеніи. И что же? Разница въ фигурахъ получалась огромная. Живою типъ мужика носилъ въ себѣ слѣды непосредственной силы и крѣпости. Отъ этой силы вѣяло грубымъ недоувѣремъ, и намъ казалось съ перваго взгляда, что крестьяне рѣшительно ничѣмъ не интересуются, кромѣ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Голова каждаго крестьянина была наполнена счетами, расчетами и разными матеріальными соображеніями. Онъ дѣйствительно долженъ многое помнить, постоянно соображать. Конечно, памятной книги у него не было, но онъ ничего не забывалъ и былъ удивительно терпѣливъ и мужественъ во всякихъ затрудненіяхъ.

Крестьянское терпѣніе—не терпѣніе забитаго раба, о, нѣтъ, это терпѣніе въ его силѣ, а главное въ вѣрѣ въ силу. Не дай Богъ, когда это терпѣніе лопнетъ...

Наблюденіе надъ мужикомъ дало для насъ различные результаты.

— Мы,—говорилъ Петровъ,—здѣсь въ деревнѣ лишніе. Между нами и ими нѣтъ никакой связи. Пройдутъ года, десятки лѣтъ, когда эта связь можетъ возродиться... Ну, тогда въ деревнѣ можно жить и работать съ пользой... А теперь?! одичать, опуститься самому до мужика!.. нѣтъ, слуга покорный!.. наша работа должна быть въ центрахъ...

— Какая же работа?..—возражалъ я.

— Всякая, подготовительная къ тому, чтобы приобщить его къ прогрессу, которому мы служимъ.

— А теперь пусть его гложетъ кулакъ!.. Пусть онъ самъ выпутывается изъ земельныхъ и разныхъ другихъ затрудненій?!..

— Не безпокойтесь!—горячился Петровъ... Земельныя затрудненія ему не страшны, за себя постоитъ, да и земля мірская...

На первое время я не находилъ, что возразить Петрову на его аргументы, лишь смутно сознавая, что онъ не правъ, и что деревнѣ интеллигентныя силы нужны такъ же, какъ онѣ нужны въ городѣ.

Но Петровъ рѣзко нападалъ на косность и дикость крестьянина.

Изъ такомъ духѣ споры наши продолжались, и наша маленькая колонія скоро состояла изъ двухъ партій: народниковъ и ненародниковъ.

Во главѣ второй стоялъ Петровъ, собственникъ хутора, и я съ горечью думалъ, что нашей затѣѣ грозитъ несомнѣнная опасность, и въ будущемъ году на раздѣланной нашими руками пашнѣ возникнетъ обыкновенное эксплуататорское хозяйство.

А было жаль! Тѣмъ болѣе, что крестьяне, вначалѣ относившіеся къ намъ недоувѣрчиво, увидавъ, что мы заняты своими

дѣлами, работаемъ не на шутку, стали проще и заводили съ нами бесѣды.

— Что же хуторъ-то обществомъ что ли купили?.. Пустошь ничего себѣ,—какъ-то разговорился со мной пожилой крестьянинъ Петръ.— Попервоначалу думали, что земля эта самая къ намъ отойдетъ... Нѣтъ, слава тебѣ Господи!..

— Да ты говоришь, что земля хорошая?..

— Вѣрно, да за рѣкой!.. черезъ господскую землю надо...

— А, понимаю...

Я дѣйствительно понималъ значеніе цѣльности крестьянскихъ надѣловъ. Еще въ семидесятыхъ годахъ черезполосица, стѣсненія въ выгонахъ и прогонахъ давали себя знать. Шли по этому поводу нескончаемые споры, которые въ концѣ концовъ ни къ чему не приводили, и крестьяне платили большія деньги или отработывали землевладѣльцу за пастбища и прогоны скота.

— Что-жъ навѣчно у насъ будете?—спрашивалъ Петръ.

— Нѣтъ. Мы только научиться работать пріѣхали, а потомъ по своимъ мѣстамъ... у меня своя земля...

— Значить, рендуете землю-то?

— Да, въ родѣ того, арендуемъ.

— И молодой баринъ съ вами въ части?

— Да, съ нами вмѣстѣ.

— Ничего. Дѣло хорошее. Мы думали, что баловство, а вышло подходящее у васъ дѣло. Плужки хорошіе и траву посяжали... травы здѣсь въ цѣнахъ... Хорошее дѣло!.. повторялъ Петръ.

— Плуги нравятся,—говорилъ я:—отчего бы вамъ не завести?.. тоже и траву...

— Что говорить!.. что говорить!.. послѣшилъ согласиться Петръ:— видѣли!.. понимаемъ!.. да не подъ силу намъ... не одному выходить съ плугомъ въ поле, когда получше тебя на сохахъ выѣхали... Нѣтъ, господинъ, наше дѣло мірское... Теперь у насъ одна бѣда... дожди пойдутъ, скотину одинъ грѣхъ прогонять... того гляди, чтобы не утонула... Таково вязко!.. таково вязко, что чистая бѣда.

Я приходилъ къ убѣжденію о необходимости выяснитъ и изучить сложное крестьянское хозяйство.

Къ такому же рѣшенію пришелъ одинъ изъ моихъ товарищей, и свободное отъ работъ время мы посвящали вопросамъ о передѣлахъ, о дѣлежѣ луговъ и многихъ другихъ явленіяхъ крестьянской жизни.

Мы сознавали, что дѣло это мудреное, и крестьянинъ на своихъ плечахъ несетъ всю тяготу не только труда, но и приспособленій къ только что созданнымъ послѣ реформы новымъ условіямъ.

Жизнь становилась сложнѣй. Вокругъ деревни и въ ней самой развивались новые элементы и сталкивались съ крестьянской общиной. Въ этомъ устройствѣ и организаціи новой деревни подросло молодое поколѣніе, которое помимо интересовъ деревни получало вліяніе извнѣ, гдѣ кипѣла жизнь и развивалась промышленность и торговля, гдѣ требовались рабочія руки. Крестьяне уходили и приходили снова въ деревню. То здѣсь, то тамъ строились фабрики, заводы. Однообразіе и тишь сельской жизни нарушались крестьянами фабричными и отхожими. Семейныя основы расшатывались, частые раздѣлы вносили въ общину смуты и недоразумѣнія. Кулаки и мірѣды пріобрѣтали бѣльшій и бѣльшій авторитетъ. Развивалось переселеніе въ другія далекія земли.

Но все-таки община была крѣпка, и міръ главенствовалъ, особенно въ экономическихъ, сельско-хозяйственныхъ вопросахъ.

Конечно, намъ трудно было понять въ совокупности всю сложность и зависимость явленій въ крестьянскомъ общинно-мірскомъ строѣ, мы задумывались, сознавая необходимость правильнаго и всесторонняго изученія деревни.

И такъ у однихъ интересъ къ мужику остывалъ, у другихъ напротивъ этотъ интересъ становился реальнѣе и глубже.

Увлеченіе смѣнялось вдумчивымъ анализомъ. Молодые силы страстно искали точекъ соприкосновенія съ народомъ, и чѣмъ болѣе послѣднее являлось нелегкимъ, тѣмъ болѣе рѣдѣли ряды народниковъ, и возрастало число недовольныхъ вообще. Въ центрахъ появились многочисленныя партіи, народъ для которыхъ представлялся въ видѣ огромной механической силы, безъ всякаго сознанія, съ однимъ животнымъ инстинктомъ.

Началась пестрая отчаянная борьба. Неясность положенія давала возможность выходить на арену общественной дѣятельности темнымъ силамъ, которыя до поры до времени скрывались гдѣ-то «подъ спудомъ».

Въ народѣ и съ народомъ оставались немногіе, но убѣжденные, что сама по себѣ интеллигенція представляетъ лишь эфемерную силу.

Однимъ словомъ наступалъ переломъ именно съ того времени, когда знакомились съ народомъ практически. Впрочемъ были и другія причины...

Для однихъ народъ не оправдалъ ожиданій, другіе не сошлись съ народомъ по отсутствію въ нихъ искренности и простоты, а третьи рѣшили работать въ народѣ и для народа.

Жизнь шла своимъ историческимъ путемъ. Честная интеллигенція должна и имѣла право занять опредѣленное мѣсто для служенія родинѣ—этого требовали интересы государства.

Однако я очень уклонился отъ своего пересказа.

По мѣрѣ того, какъ я ближе и ближе сживался съ деревней, мнѣ не хотѣлось уѣзжать. Мое мировоззрѣніе расширялось, и методъ изученія народа опредѣлялся, и вмѣстѣ съ этимъ опредѣлялись мои отношенія. Однимъ словомъ, съ тѣхъ поръ, какъ я позналъ темныя и свѣтлыя стороны народной жизни, я полюбилъ деревню и рѣшилъ не потерять съ ней связи, а напротивъ укрѣпить ее въ будущемъ... Но мнѣ надо было ѣхать, и я уѣхалъ въ Крымъ неразочарованный, а полный надеждъ и вѣры въ будущую производительную дѣятельность... Это было уже начало августа. Въ теченіе этого лѣта я окрѣпъ и духомъ и умственно.

С. И. Васюковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ ¹⁾.

XIX.

Пріѣздъ въ Царское Село.—Генераль Захаржевскій.—Комендантъ Царскаго Села Велліо.—Выходъ Augustine замужъ за барона Каульбарса.—Учрежденіе въ Царскомъ пріюта для бѣдныхъ дѣвочекъ.—Шедрое пожертвованіе государя.—Кончина Адини.—Назначеніе дочери Ольги фрейлиной.—Непріятное путешествіе.—Выходъ одного сына въ отставку и поступленіе другого въ Самогитскій полкъ.—Дамскій комитетъ Краснаго Креста.—Спектакль у насъ въ присутствіи государя и великихъ князей.—Смерть барона Каульбарса.—Неожиданная кончина моего мужа.—Телеграмма государя.—Похороны мужа.—Отъѣздъ сына Сергѣя на войну.—Неожиданное посѣщеніе насъ принцемъ Дармштадтскимъ.—Устройство, по желанію императрицы, госпиталя на сто раненыхъ.—Удачное лѣченіе мною тифознаго больного.—Дѣятельность нашего госпиталя.

ВАДЦАТЬ ДЕВЯТАГО декабря, мы благополучно доѣхали до Царскаго, гдѣ были встрѣчены на станціи желѣзной дороги Сашей и сыновьями; здѣсь насъ ожидало радостное свиданіе послѣ тяжелой разлуки съ дочерьми въ Варшавѣ.

Полнаго счастья не бываетъ въ жизни.

Многихъ изъ числа нашихъ прежнихъ, добрыхъ знакомыхъ мы не застали; кто покинулъ Царское, а кто переселился къ праотцамъ, между послѣдними былъ генераль Я. В. Захаржевскій, управляющій городомъ, дворцами царскими и оранжереями и пр. Это былъ человекъ рѣдкой честности. Я помню, какъ государь Николай Павловичъ, придя разъ во время вечера къ императрицѣ, сказалъ, что Захаржевскій сдѣлалъ ему подарокъ, поднесъ 100 ты-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIX, стр. 375.

сячь, накопившійся остатокъ изъ отпускаемыхъ денегъ на содержаніе дворцовъ и парковъ.

Требованіе чистоты и порядка въ садахъ и на улицахъ доходило до педантизма, зато улицы и дороги образцово содержались: ѣдешь, точно скользя по паркету, нигдѣ не колыхнешь, часъ спустя послѣ проливного дождя, можно было перейти дорогу въ атласныхъ сапожкахъ, не запачкавъ ихъ. Несмотря на то, что Захаржевскій былъ съ одной ногой, онъ скоро ходилъ со своей клюкой. Много анекдотовъ было на его счетъ; между прочимъ увѣряли, что, желая ловить офицеровъ, топтавшихъ газонъ во время верховой ѣзды, онъ однажды переодѣлся въ китайца и занялъ мѣсто одного изъ нихъ на мосту. Изъ числа тогдашнихъ молодыхъ повѣсъ, одинъ изъ гусарскихъ офицеровъ, проѣзжая верхомъ черезъ мостъ, узналъ Захаржевскаго, слѣзъ съ лошади, сорвалъ травку и, подойдя къ переодѣтому китайцу, началъ травкой проводить ему подъ носомъ, но щекотка не произвела ожидаемаго чиханья, китаецъ твердо выдержалъ свою роль, не мигнувъ даже глазомъ. Конечно, это была выдумка, пущенная въ свѣтъ молодежью. Мы искренно пожалѣли, что его не было уже въ живыхъ. Казалось, что Царское Село безъ Захаржевскаго не мыслимо, онъ былъ здѣшнимъ старожиломъ; не знаю, много ли осталось людей, знавшихъ его лично, а по преданіямъ вспоминаютъ о немъ съ благословеніемъ, особенно крестьяне Царскосельскаго уѣзда, бывшіе въ его вѣдѣніи, но отошедшіе потомъ подъ другое управленіе.

Мѣсто Захаржевскаго было занято генераломъ Гогелемъ, а замѣстителемъ ворчливаго, непривѣтливаго, однорукаго коменданга Велліо былъ П. А. Степановъ, съ которымъ мы очень сошлись, равно какъ и со всей его семьей. Жена Велліо была не красива собой, но была такъ умна и пріятна въ общеніи, что наружность ея забывалась совсѣмъ. Ей бѣдной часто приходилось краснѣть, когда ея любезный мужъ въ извѣстныя часы выпроваживалъ изъ дома гостей, хотя бы они были приглашены. Онъ требовалъ отъ жены, чтобъ въ половинѣ одиннадцатаго всѣ огни въ домѣ были потушены. Разъ онъ вынулъ изъ кармана часы и положилъ ихъ передо мною на столъ, но я, не стѣсняясь, сказала ему, что онъ можетъ ихъ убрать, такъ какъ я не уйду, пока экипажъ не пріѣдетъ за мной; боюсь вечеромъ по улицамъ идти одна. На это онъ имѣлъ нахальство предложить мнѣ въ провожатые сидѣвшую у нихъ молодежь. Сдѣлавъ ему довольно рѣзкое замѣчаніе, я прибавила, что онъ могъ предложить самъ проводить меня. Онъ дѣйствительно принялъ это за чистую монету и проводилъ меня, а я заставила его дожидаться, пока калитку не отворятъ, хотя онъ собирался удрать, доведя меня до дома; такъ я проучила этого бирюка. Съ тѣхъ поръ я вечеромъ не рѣшалась бывать у нихъ, несмотря на просьбу его жены, которой я откровенно сказала

что мужъ ея такъ неучтиво выгоняетъ своихъ гостей, что отнимаетъ у нихъ всякое желаніе посѣщать его домъ.

Пріѣхавъ къ Адини, чтобъ навѣстить ее и дѣтей, если не ошибаюсь, въ 1872 году, я получила изъ дома письмо отъ воспитанницы нашей Augustine, въ которомъ она проситъ моего благословенія на бракъ ея съ полковникомъ барономъ Каульбарсомъ, сдѣлавшимъ ей предложеніе. За нее я могла только порадоваться. Баронъ былъ человѣкъ положительный, хорошій, имѣлъ положеніе самостоятельное, бывъ назначенъ командиромъ стрѣлковаго батальона въ Кутнѣ; поэтому я поздравила Augustine отъ чистаго сердца письменно, пока не вернулась отъ Адини.

Осенью бракосочетаніе ея состоялось въ лютеранской церкви, откуда всѣ пріѣхали къ намъ, пообѣдали, послѣ чего отправились на станцію провожать молодыхъ, уѣзжавшихъ къ себѣ. На станціи собрались товарищи Каульбарса, офицеры л.-г. 2-го стрѣлковаго батальона, молодую встрѣтили съ роскошнымъ букетомъ, пили шампанское за здоровье новобрачныхъ, пожелавъ имъ счастливаго пути и всякаго благополучія. Батальонная музыка играла на дебаркадерѣ. Когда подошелъ поѣздъ, всѣ пассажиры кинулись къ окнамъ смотрѣть, кого провожаютъ съ такими почестями. Шафера, въ числѣ которыхъ былъ сынъ нашъ Александръ, проводили ихъ до Гатчины. Еще одна взрослая дѣвица выбыла изъ нашей семьи; Густеньку, какъ ее называли, всѣ любили въ домѣ, она была умная и ласковая.

Ежегодные отчеты изъ Варшавы, свидѣтельствовавшіе о процвѣтаніи русскаго благотворительнаго общества и Маріинскаго пріюта, возбудили во мнѣ сожалѣніе къ царскосельскимъ дѣтямъ и подросткамъ, просящимъ подаенія на папертяхъ церковей и бродящимъ по улицѣ. Поступивъ членомъ въ здѣшнее благотворительное общество, предсѣдательницей котораго была m-me Гогель, я нѣсколько разъ заявляла о необходимости устроить пріютъ, но предложеніе мое отклоняли за неимѣніемъ средствъ. Прежде чѣмъ привести въ исполненіе задуманное, надо было заручиться хорошею добросовѣстною начальницею для пріюта, которая за небольшое вознагражденіе взялась бы помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ и устроить его. Къ счастью, я нашла то, чего ожидать даже не могла. Извѣстная своею неутомимой дѣятельностью и энергіей, Варвара Ивановна Щедрина, бывшая сестрою милосердія въ Севастополѣ во время Крымской кампаніи, предложила мнѣ свою помощь, соглашаясь быть начальницею предполагаемаго пріюта съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ основанъ на самыхъ простыхъ и незатѣйливыхъ началахъ. Въ этомъ мы вполне сошлись съ ней. Отъ всякаго возмездія она положительно отказалась.

Съ помощью графини Адлербергъ, которая передала мнѣ 700 рублей, оставшихся отъ какого-то упраздненнаго пріюта, и при по-

мощи разныхъ сборовъ мы наняли маленькую квартиру, выбрали изъ самыхъ бѣдныхъ семействъ 10 дѣвочекъ, отслужили молебствіе и такимъ образомъ открыли незатѣйливый пріютъ. Начало сдѣлано, а дальше Богъ поможетъ. Кромѣ Щедриной, была взята учительницей Е. А. Боголюбова. Протоіерей духовнаго училища Ѳ. А. Павловичъ предложилъ преподавать дѣтямъ Законъ Божій безвозмездно.

Узнавъ, спустя нѣкоторое время, что Уконинъ продаетъ свою бывшую обойную фабрику, принадлежавшую при императорѣ Николаѣ I дворцовому вѣдомству, я поѣхала къ Уконину, торговалась и упрашивала его, пока онъ не спустилъ цѣну до 10.000 рублей.

Сознаюсь, что я дѣйствовала, очертя голову; у меня было всего двѣсти рублей; я ихъ отдала въ задатокъ, взяла расписку, что домъ проданъ мнѣ, и, возвратившись къ себѣ, объявила Сашѣ о своемъ приобрѣтеніи. Первый вопросъ мужа былъ, чѣмъ я заплачу.

Зная, что онъ на слѣдующій день дежурный, я отвѣтила, что онъ передастъ государю мое письмо, въ которомъ я попрошу его величество ссудить эту сумму на десять лѣтъ безъ процентовъ. Черезъ три дня я получила бумагу отъ министра финансовъ, которая гласила, что его величество повелѣтъ соизволилъ выдать мнѣ изъ царскосельскаго казначейства десять тысячъ безъ возврата. Можно себѣ представить, какъ я обрадовалась этой доброй вѣсти; это сдѣлалось такъ скоро и неожиданно. Вотъ и деньги явились, благодаря щедрости нашего милостиваго государя.

Такихъ фундаментальныхъ построекъ, какъ это зданіе, построенное кругомъ на гранитномъ цоколѣ, нынче не только не дѣлаютъ, да, пожалуй, и построить не сумѣютъ. Домъ существуетъ со временъ императрицы Елисаветы Петровны; тогда выдѣльвались въ немъ государственныя бумаги. Но когда оказалось, что только стѣны годны, а въ зданіи полное отсутствіе печей, оконъ, дверей и двойныхъ половъ, я поневолѣ призадумалась, особенно когда мнѣ заявили, что привести домъ въ должный видъ, сдѣлать приспособленія для ремесленнаго пріюта и съ десятью тысячами невозможно. Составился строительный комитетъ подъ предсѣдательствомъ мужа; пока шла перестройка, я съ своей стороны добывала средства лотереями аллегри въ Лѣтнемъ саду, въ Павловскѣ, спектаклями, музыкальными вечерами и проч.хлопотъ было много, но Богъ помогъ мнѣ, и дѣло увѣнчалось успѣхомъ. Когда все было готово, перевели всѣхъ изъ наемнаго дома въ собственный, и сверхъ десяти приняты еще тридцать дѣвочекъ. Одно время число призрѣваемыхъ доходило до 83-хъ, но впоследствии по недостатку средствъ пришлось сократить комплектъ.

Цесаревна Марія Ѳеодоровна соблаговолила взять пріютъ этотъ подъ августѣйшее свое покровительство.

Въ августѣ 1873 года, Саша получилъ командировку для смотра войскъ въ Кіевѣ и Екатеринбургѣ и поѣхалъ на Варшаву,

чтобъ быть воспріемникомъ маленькаго Каульбарса, котораго называли Александромъ въ честь крестнаго отца и окрестили по православному обряду, согласно желанію родителей, лютеранъ.

Заѣхавъ проѣздомъ въ Новоминскъ, Саша телеграфироваль мнѣ, что Адини безъ голоса, кашляетъ, и совѣтоваль мнѣ ѣхать къ ней. Зная, какъ вообще Адини неосторожна и бравируетъ своимъ здоровьемъ, это извѣстіе сильно напугало меня, и я на другой же день выѣхала, телеграфировавъ зятю, чтобъ онъ подготовилъ жену къ моему приѣзду.

Въ Варшавѣ я заѣхала къ Augustine поздравить ее съ сыномъ и познакомиться съ нимъ. Отъ нея я узнала, что Адини серьезно больна, докторъ боится, не перешло бы въ чахотку, но она никакихъ средствъ не хочетъ принимать. Съ какимъ безпокойнымъ, тяжелымъ чувствомъ я ѣхала къ ней на слѣдующій день; вѣрно, что нибудь тревожное, если мужъ вызваль меня. Нашла я Адини страшно исхудавшей, съ полнымъ отсутствіемъ голоса. Она и дѣти обрадовались мнѣ, но у больныхъ всегда рождается подозрительность; я чувствовала, что она старалась прочесть въ моихъ глазахъ, какое впечатлѣніе она произвела на меня; не знаю, сумѣла ли я скрыть или нѣтъ, знаю только, что мнѣ съ трудомъ удалось удержать слезы. Я не годилась бы въ сестры милосердія, потому что мнѣ трудно скрывать безпокойство и тревогу, которыя выражаются противъ моей воли и бессознательно на моемъ лицѣ.

1-го октября, Саша на возвратномъ пути изъ Кіева заѣхаль къ Адини, не подозрѣвая, что онъ не увидитъ ея больше. 13-го октября, нашей дорогой дочери не стало; послѣднія ея слова за нѣсколько минутъ до кончины были: «возьми меня съ собой въ Царское».

Раздирающая душу сцена была, когда я повела дѣтей поцѣловать свою мамочку: шестилѣтняя Евгенія, рыдая, бросилась ко мнѣ со словами: «у насъ нѣтъ больше мамы! ты бабушка будешь теперь нашей мамой!» Я предложила зятю взять всѣхъ дѣтей къ себѣ, но онъ не рѣшился разстаться съ ними. Получивъ въ тотъ же день мою телеграмму, Саша съ двумя сыновьями выѣхаль 14-го изъ Царскаго въ день рожденія старшаго сына Александра; какъ грустенъ былъ его праздникъ! Отпѣвали въ полковой походной церкви, куда собрались всѣ бывшіе не на службѣ офицеры; ее оплакивали, какъ родную мать, настолько она сумѣла приобрѣсть общую любовь.

Такъ какъ Войде былъ произведенъ въ генералы и получилъ другое назначеніе въ Варшавѣ, то послѣ отпѣванія мы всѣ переѣхали въ Варшаву, гдѣ дорогіе останки нашей дочери были поставлены въ храмѣ на Прагѣ до полученія разрѣшенія изъ Петербурга на перевозъ тѣла въ Царское. Дѣти были водворены на новой квартирѣ, гдѣ ожидала ихъ сестра Войде, которая оста-

ласъ при нихъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока она не приискала къ нимъ надежную личность, которая вмѣстѣ съ тѣмъ могла вести хозяйство.

Мы же остановились у оберъ-полицеймейстера Г. П. Власова, нашего бывшего павловца, который былъ моимъ посаженнымъ сыномъ. Жена его была очень хорошенькая, ласковая и привѣтливая.

Всѣ дѣти провожали, когда перевозили дорогую ихъ маму изъ церкви на желѣзную дорогу, двѣ старшія шли пѣшкомъ, меньшихъ несли на рукахъ, у трехлѣтней Любы все время по щечкамъ катились слезы, стало быть, ребенокъ сознавалъ, что есть горе. Слезы старшихъ дѣтей не удивляли; они уже понимали понесенную ими невозвратную утрату. Сынъ Александръ уѣхалъ впередъ, чтобъ все приготовить къ нашему приѣзду.

Жаль мнѣ было расстаться съ дѣтьми, которыя привязались ко мнѣ, въ эти два мѣсяца, проведенные съ ними и день и ночь; они спали у меня, чтобъ не шумѣли и дали матери покой, а днемъ я занимала ихъ сказками или показывала картинки съ объясненіями.

Когда была закладка Пражской церкви, я тоже положила кирпичъ въ фундаментъ; могла ли думать тогда, что, нѣсколько лѣтъ спустя, въ этомъ самомъ храмѣ въ продолженіе цѣлой недѣли будутъ стоять дорогая наша Адини въ своемъ свинцовомъ гробу?

Войде, поручивъ дѣтокъ сестрѣ своей, уѣхалъ съ нами въ Царское отдать послѣдній долгъ своей женѣ; погребена она на Кузьминскомъ кладбищѣ, гдѣ поручено было сыну нашему приобрести просторное мѣсто въ 20-ть квадр. сажень.

15-го августа 1874 года, наканунѣ бракосочетанія великаго князя Владимира Александровича, Ольгѣ былъ присланъ фрейлинскій шифръ; это былъ такой неожиданный сюрпризъ и такой восторгъ, что она расплакалась отъ радости и бросилась цѣловать то отца, то меня; ей не было семнадцати лѣтъ, она не была еще представлена ко двору, и царская милость была неожиданной для насъ. Когда же французенка А. Пашу узнала о семейной радости, то и она расплакалась и, цѣлуя Олю, сказала: «*Olga, comme tu seras belle dans ton habit de cour!*» Ольга—та изъ нашихъ дочерей, которой больше всего пришлось носить фрейлинскій нарядъ, очень подходившій къ ея довольно полной фигурѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы переѣхали изъ Варшавы, я ежегодно навѣщала своихъ дочерей, но Марусю мужъ черезъ два года увезъ въ деревню, гдѣ она провела всю свою молодость, не имѣя даже сосѣдей, чтобъ отвести душу. Теперь я ѣздила къ внучкамъ и раза два заѣзжала въ Кутно къ Augustine Kaulbars.

Собралась я однажды проводить Марусю до Острова, гдѣ она надѣялась застать высланную за ней карету, которой не оказалось

по невниманію, какъ мы предполагали, ея мужа. Боясь пустить ее одну совершить стошестидесятиверстное путешествіе, въ октябрѣ, по отвратительнымъ дорогамъ, на перекладной, я поѣхала вмѣстѣ съ ней. У станціи, гдѣ поворотъ былъ на Новоржевъ, стояли двѣ кареты. Ночь была темная. Маруся любопытствовала, зажгла спичку, чтобы посмотрѣть, чьи кареты, но сколько мы ни зажигали, вѣтеръ задувалъ моментально. Кареты стояли пустыя, на почтѣ сказали, что ѣдетъ семья изъ четырехъ особъ: баринъ, жена, гувернантка и мальчикъ, а кто, не знаютъ, въ книгѣ фамилію не записывали еще, остались ночевать, заняли двѣ комнаты и не велѣли будить себя. Марусѣ, не знаю почему, думалось, не мужъ ли, но узнавъ, что семья состоитъ изъ четырехъ особъ, успокоилась. Подали намъ лошадей, и мы поѣхали дальше, несмотря на темноту, на скверную погоду, изморозь и вѣтеръ. Колеи были такія глубокія, что, боясь вывалиться, мы обнявшись держались другъ за друга. Голодныя, жаждущія и холодныя мы проѣхали Новоржевъ, около пяти часовъ доѣхали до имѣнія belle mère Маруси; я совѣтовала тамъ переночевать, но Маруся сказала, что если я очень устала, то она готова остановиться, но ей очень хочется скорѣй домой, и что здѣсь ей заложать коляску, и мы доѣдемъ спокойно. Въ коляскѣ отказали, безъ старой барыни давать не велѣно. Выпросили подушки отъ кареты, положили на переплетъ и поѣхали дальше. Видимо темнѣло, а до Бардова еще далеко. Наконецъ добрались до Самсоньевой горы, потихоньку начали спускаться, по обѣмъ ея сторонамъ обрывы, а впереди лежало большое озеро. Когда доѣхали до половины горы, мгновенно передъ нами точно спустилась темная занавѣсъ, зги не было видно. Ямщикъ тотчасъ остановился и заявилъ, что дальше онъ ѣхать не рѣшается, дороги положительно не видно, даже лошади не идутъ впередъ. Рисковать было бы глупо, въ экипажѣ оставаться опасно, мы выбрались изъ него и завязли въ грязи; дождались проѣзда своего экипажа, приближеніе котораго могли узнать только по звону бубенчиковъ, такъ было темно, и увидѣвъ, что вдали за горой свѣтился спасительный для насъ огонекъ, велѣли направиться туда.

У подѣзда мы стучали и слезно просили, чтобъ насъ впустили отогрѣться. Послѣ предварительнаго вопроса, «кто тамъ», дверь привѣтливо растворилась, и мы вошли въ комнату. Мы такъ продрогли, не говоря уже объ усталости, что съ наслажденіемъ и жадностью напились чаю и напоили нашего бѣднаго возницу. Несмотря на отсутствіе помѣщицы, прислуга приняла насъ гостеприимно, приготовила намъ комнату для ночлега, которая оказалась такъ холодна, что теплаго платья снять съ себя было невозможно. Для компаніи вбѣжали три огромныя собаки; благодаря одной изъ нихъ, которая развалилась безцеремонно на приготовленной для меня постели, мнѣ пришлось всю ночь просидѣть на стулѣ, облокотясь о столъ, съ

котораго, какъ только я задремлю, рука соскальзываетъ, и я вздрагивая просыпалась.

Едва начало свѣтать, мы поѣхали дальше. Около 10-ти часовъ мы были въ Бардовѣ; солнцѣ весело свѣтило въ такое неурочное время года, но ясный свѣтъ не согласовался съ сдѣланнымъ Марусѣ мрачнымъ приѣмомъ. Дѣти, конечно, выбѣжали съ радостными криками: «мамаша! бабушка!», а за ними, важно выступая, въ бѣломъ балахонѣ, безъ чепца, съ папиросою въ рукахъ, свекровь, явилась на подѣздъ и вмѣсто привѣтствія начала выговаривать Марусѣ, какъ она, не дождавшись приказанія мужа, уѣхала отъ насъ, а онъ только вчера отправился за ней въ Царское.

Оказалось, что тѣ двѣ кареты, на которыя мы даромъ потратили столько спичекъ, принадлежали одна Мейеру, а другая сестрѣ его, отправлявшейся съ сыномъ въ Петербургъ.

Вечеромъ принесли Марусѣ письмо мужа, въ которомъ онъ писалъ, что, узнавъ на желѣзной дорогѣ о проѣздѣ ея, онъ повернулъ оглобли; но, доѣхавъ до имѣнія матери, чувствовалъ себя настолько разбитымъ и утомленнымъ, что остался тамъ отдохнуть до слѣдующаго дня. Не знаю, что онъ ей писалъ еще, но она плакала и рѣшила ѣхать утромъ сама къ нему. Со старухой я имѣла очень крупное объясненіе. Она прислала горничную просить меня подняться къ ней, такъ какъ она очень разстроена. Можно себѣ представить, какъ меня взорвало, когда она меня встрѣтила со словами: «Подумайте! Мой бѣдный Жанъ вернулся изъ Острова, узнавъ, что Маруся проѣхала, онъ такъ разбитъ и утомленъ, что не въ силахъ былъ доѣхать сюда и остался отдыхать въ моемъ имѣннѣ». Безъ всякаго стѣсненія я сказала старухѣ, какъ могла она рѣшиться жалѣть при мнѣ своего бѣднаго Жана, который выпался отлично на станціи, тогда какъ мы не отдыхали нигдѣ, путешествуетъ спокойно и съ удобствомъ въ рессорной каретѣ и смѣетъ охать и жаловаться на усталость, тогда какъ я, гораздо старше его, не заикнулась даже о томъ, какъ мы съ Марусей тряслись и отбили себѣ бока по адскимъ дорогамъ на перекладной, и въ заключеніе не выдержала, назвала его эгоистомъ и прибавила, что остается только жалѣть, что моя бѣдная Маруся попала въ такую семью, гдѣ не умѣютъ ее цѣнить. Вступаясь за свою дочь, можетъ быть, я сказала слишкомъ много. Маруся дѣйствительно рано утромъ поѣхала за своимъ мужемъ и вернулась съ нимъ къ обѣду.

Спрашивается, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, чтобы ѣхать обратно черезъ нѣсколько дней по дѣламъ въ Петербургъ.

Я не засидѣлась у нихъ, торопилась домой и невольно сдѣлала сравненіе, какъ я была принята мужемъ, и какъ приняли Марусю.

Въ продолженіе этихъ нѣсколькихъ лѣтъ дѣти подросли, Владимиръ успѣлъ послѣ выпуска изъ лица прослужить три года въ

Кирасирскомъ его величества полку, выйти въ отставку по слабости здоровья и сдѣлаться помѣщикомъ села Романшина въ Лужскомъ уѣздѣ, купленномъ ему отцомъ отъ двоюроднаго моего брата, которому имѣніе досталось въ наслѣдство послѣ тетушки.

Сергѣй поступилъ въ Варшавское юнкерское училище, откуда, сдавъ офицерскій экзаменъ, онъ по собственному желанію поступилъ въ Самогитскій полкъ 2-й гренадерской дивизіи.

Въ 1876-мъ году, въ виду предстоящей турецкой кампаніи, мы съ мужемъ основали дамскій комитетъ общества Краснаго Креста, и опять въ нашемъ домѣ закипѣла дѣятельность. Кромѣ поступившихъ, положенныхъ, ежемѣсячныхъ взносовъ, мы, дамы, раздѣлили между собой улицы и ходили собирать съ книжкой и кружкой изъ дома въ домъ. Тяжелая обязанность и далеко непріятная. Не всегда принимали насъ благосклонно, бывало увидятъ издали и кричатъ въ окно: «Богъ подастъ, не трудитесь заходить». Большою частью, однако, насъ не прогоняли и давали посильную лепту. По вечерамъ собирались у насъ дамы, барышни и офицеры, въ залѣ за длиннымъ столомъ всѣ усаживались за работу: кроили, шили, щипали корпію, и, въ похвалу будь сказано, всѣ усердно занимались дѣломъ.

Въ ноябрѣ, ко дню рожденія мужа, Ольга затѣяла устроить спектакль, чтобъ повеселить отца. Двѣ пьесы были разучены: «Соль супружества» и «Осенній вечеръ въ деревнѣ», обѣ не длинныя и веселенькія. Всѣ актеры очень добросовѣстно исполняли свои роли. Видя, что все идетъ такъ дружно и гладко, на послѣдней репетиціи я посовѣтовала Сашѣ пойти къ государю и просить его, не осчастливить ли онъ своимъ присутствіемъ нашъ семейный праздникъ, также и великихъ князей, наслѣдника, Владимира Александровича съ великими княгинями, великихъ князей Сергія и Павла Александровичей.

Какъ я предполагала, приглашеніе было принято его величествомъ не только милостиво, но съ удовольствіемъ.

Возвратившись изъ дворца и передавая мнѣ съ сіяющимъ лицомъ радостную вѣсть, что его величество и ихъ высочества обѣщали пріѣхать, Саша при этомъ поднесъ мнѣ такой сюрпризъ, который въ первую минуту ошеломилъ меня. На вопросъ государя, кто участвуетъ въ спектаклѣ, мужъ, по разсѣянности или нѣтъ, въ числѣ прочихъ назвалъ меня, вовсе не подготовленную явиться на сцену.

Узнавъ, что я играю, его величество сказалъ: «какъ я буду радъ видѣть Марію Александровну послѣ многихъ лѣтъ на подмосткахъ!». «Саша, что ты сдѣлалъ со мною?»—невольнo вырвалось у меня. Положеніе дѣйствительно было самое критическое, а дѣлать было нечего, надо выручить мужа, который самъ же посовѣтовалъ поставить пьесу, игранную нами годъ передъ тѣмъ: «Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши плачемъ».

Пока я ѣздила приглашать цесаревну и великую княгиню Марію Павловну, мужъ написалъ актерамъ, участвовавшимъ въ этой пьесѣ, и просилъ ихъ собраться у насъ. Женскія роли исполнялись мною и Ольгой. Вечеромъ собрались всѣ актеры, сдѣлали репетицію, играли больше по суфлеру и рѣшили повторить еще на слѣдующее утро.

Всѣ гости были въ сборѣ, когда, ровно въ 9-ть часовъ, пріѣхали наслѣдникъ съ цесаревной, великій князь Владимиръ Александровичъ съ великою княгинею Маріей Павловной и великіе князья Сергѣй и Павелъ Александровичи.

Встрѣтивъ ихъ высочества, я передала имъ, какъ мнѣ совершенно неожиданно приходится участвовать въ спектаклѣ, и просила впередъ снисхожденія, если пьеса, поставленная въ нѣсколько часовъ, сойдетъ не такъ гладко. Но я надѣюсь, что мы лицомъ въ грязь не ударимъ.

Когда пріѣхалъ государь, и всѣ заняли свои мѣста, занавѣсъ поднялась. Во время первой пьесы «Соль супружества», въ которой играла Оля и товарищи сына моего по Кирасирскому полку, Лавровъ и Эрдели, я сидѣла возлѣ великой княгини Маріи Павловны. Пьеса была веселая, не длинная и сошла очень дружно и хорошо. По окончаніи ея, его величество и ихъ высочества прошли въ гостиную, гдѣ сервированъ былъ чай. Испросивъ позволеніе удалиться, чтобъ выступить въ роли Матрены Марковны, я оставила мужа исправлять должность хозяйки.

Старшій сынъ нашъ Александръ былъ не только нашимъ режиссеромъ, но на немъ лежала вся декоративная и бутафорская часть, распорядился онъ мастерски, перемѣна декораций подъ его наблюденіемъ дѣлалась такъ быстро и безъ шума, какъ бы по мановенію волшебной палочки.

Звонокъ подалъ сигналъ, что все готово!

При поднятіи занавѣса я сидѣла по одну сторону сцены, а по другую И. А. Грейгъ, который, бряча по струнамъ гитары, такъ гаркнулъ: «прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою», исполняя роль Пѣтухова, что вызвалъ всеобщій смѣхъ, благодаря которому пришлось сдѣлать маленькую паузу, и я тѣмъ временемъ могла запастись кладнокровіемъ и смѣлостью. Когда же во второмъ дѣйствіи Пѣтуховъ явился съ огромнымъ чубомъ, на подобіе «*triquet à la houppre*», съ громаднымъ радужнымъ бантомъ галстучнаго шарфа, въ свѣтлозеленомъ фракѣ съ желтыми брюками, жилетомъ и перчатками, имѣя въ бутоньеркѣ гигантскаго размѣра пунцовый куличный цвѣтокъ, и, чтобъ объясниться, бросился на колѣни со всего размаха, такъ что затрещали подмостки, его комическая фигура въ фантастическомъ нарядѣ вызвала такой взрывъ хохота съ рукоплесканіями, что мы, актеры, съ трудомъ удержались, чтобъ не заразиться въ свою очередь смѣхомъ.

Пьеса сошла сверх всякаго ожиданія отлично; отрадно было видѣть, какъ государь и ихъ высочества смѣялись отъ души.

Въ третьей пьесѣ «Осенній вечеръ въ деревнѣ» Н. П. Степановъ смѣшилъ какъ костюмомъ своимъ, такъ и игрой; онъ дѣйствительно былъ артистъ въ комическихъ роляхъ.

По окончаніи спектакля, государь благодарилъ отдѣльно каждаго изъ участвующихъ за доставленное ему удовольствіе, прибавивъ, что давно не смѣялся такъ, какъ въ этотъ вечеръ. Убѣжая, онъ вынулъ изъ кармана кожаный портсигаръ съ эмальированнымъ вензелемъ и царскою короною и, передавая его виновнику торжества, Сашѣ, сказалъ, поцѣловавъ его: «Вотъ тебѣ на память сегодняшняго вечера; спасибо, я провелъ его очень пріятно».

Увы! этотъ вечеръ былъ пѣсней лебеда!!

На слѣдующій день мужъ поѣхалъ благодарить его величество и ихъ высочества, а я цесаревну и великую княгиню Марію Павловну за ихъ милостивое посѣщеніе.

Зима прошла въ усиленной дѣятельности по Красному Кресту, къ веснѣ у насъ все было готово на 25-ть кроватей со всѣми хирургическими, лазаретными принадлежностями и провизіей на 6-ть мѣсяцевъ.

Когда дворъ переѣхалъ въ Царское, я отправилась къ императрицѣ передать въ ея распоряженіе, какъ покровительницѣ Краснаго Креста, изготовленный нами складъ на 25 кроватей, заявивъ при этомъ, что В. И. Щедрина вызвалась ѣхать со складомъ на театръ войны съ двумя младшими сестрами, заявившими желаніе сопровождать ее. Складъ помѣщался въ зданіи ремесленнаго пріюта, гдѣ ему отведена была большая комната, лежащая въ сторонѣ.

Бывъ у цесаревны, я спросила ея высочество, не угодно ли ей посмотрѣть складъ, пока онъ не отправленъ.

Когда великая княгиня пріѣхала осматривать его, она застала Сашу стоящимъ на колѣняхъ передъ большимъ тюкомъ, на которомъ онъ наводилъ красный крестъ, имѣя въ одной рукѣ кисть, а въ другой посудину съ краской; такъ какъ руки у него были заняты, онъ попросилъ ея высочество протянуть руку, чтобъ имѣть возможность поцѣловать ее. Цесаревна съ очаровательной своей улыбкой исполнила его просьбу и, поговоривъ съ нимъ, перешла въ сосѣднюю комнату, гдѣ все было разложено на столахъ. Все, что было заготовлено, удостоилось одобренія ея высочества. По распоряженію главнаго управленія, складъ нашъ отправился со всѣми сестрами въ Каларашъ.

Когда государь уѣхалъ на войну, императрица переѣхала въ Петергофъ. Саша взялъ отпускъ, и мы поѣхали къ сыну нашему Владимиру въ село Романшино, Лужскаго уѣзда, куда переѣхала тоже Augustine Kaulbars съ трехлѣтнимъ сыномъ, проводивъ мужа своего на войну.

Возвратившись однажды из Луги, куда я часто ѣздила сама за почтой, мнѣ суждено было привезти газету, въ которой между жертвами этой ужасной войны находилось имя командира Шуйскаго полка, барона Каульбарса, павшаго мужественно подъ Плевной за царя и отечество. Если бы Augustine сама не прочла имени своего мужа между убитыми, то я не знаю, кто изъ насъ рѣшился бы сообщить ей ужасное извѣстіе о постигшемъ ее несчастіи. Бѣдная Густенька, мы сердечно раздѣляли ея горе; могла ли я думать, что вскорѣ и меня ожидаетъ потрясающій ударъ!

Спустя нѣсколько дней, мужъ получаетъ телеграмму изъ Люблина, въ которой корпусный командиръ, генералъ И. С. Ганецкій, сообщая, что онъ отправляется на войну, спрашивалъ согласія взять къ себѣ ординарцемъ сына нашего Сергѣя, находящагося въ Брестъ-Литовскѣ съ Самогитскимъ полкомъ, который тоже выступалъ въ походъ. Принявъ съ благодарностью его предложеніе, Саша просилъ увѣдомить о днѣ выступленія штаба корпуса изъ Люблина, чтобъ пріѣхать туда къ этому времени проститься съ сыномъ и проводить его.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! вмѣсто того, чтобъ намъ проводить сына, ему пришлось пріѣхать проводить отца.

15-го августа, у Саши сдѣлался приступъ грудной жабы. Докторъ, вызванный мною тотчасъ же изъ Луги, засталъ его уже бодрымъ и скрылъ отъ меня, что это болѣзнь сердца, и конецъ можетъ быть мгновенный. 16-го Саша чувствовалъ себя хорошо, и мы пріѣхали къ обѣду въ Царское. Владимиръ проводилъ насъ до Луги, и, прощаясь съ нами, онъ не думалъ, что это послѣднее свиданіе его съ отцомъ.

Въ три часа по полуночи съ 16-го на 17-ое мужа моего не стало!

Не буду растревлять временемъ затянувшуюся рану, скажу только, что онъ унесъ съ собою все мое счастье! Точно частица сердца оторвалась у меня безвозвратно! Какъ ни ужасна была утрата, я безропотно приняла посланный мнѣ крестъ и покорилась волѣ Небеснаго Отца нашего.

Государь находился въ это время на войнѣ. Сообщивъ въ Петергофъ императрицѣ о постигшемъ меня несчастіи, я просила ее передать это извѣстіе его величеству. Въ третьемъ часу по полудни я получила отъ государя изъ Горнаго Студня слѣдующую телеграмму, отправленную оттуда въ 12 час. 10 м. 17-го августа 1877 года:

«Только что узналъ отъ императрицы о внезапной кончинѣ вашего мужа. Вамъ извѣстна дружба, которую я питалъ къ нему съ нашего дѣтства, а потому не усомнитесь въ искренности моего горя, которое я вполне раздѣляю съ вами; что было причиной его

смерти, и былъ ли онъ передъ этимъ боленъ? Будьте увѣрены, что я не оставлю васъ и ваше семейство; да подкрѣпите васъ Богъ.

«Александръ».

Зная государя, я ни минуты не сомнѣвалась въ сердечномъ участіи къ великому моему горю, но въ этихъ теплыхъ строкахъ, какъ въ зеркалѣ, отразилось ангельское сердце императора.

Императрица въ этотъ же день переѣхала въ Царское и тотчасъ прислала ко мнѣ фрейлину Н. А. Бартеневу передать мнѣ свое горячее соболѣзнованіе въ моей тяжелой утратѣ. Ея величество знала, какъ мы были счастливы и какъ любили другъ друга!

Старшій сынъ мой возвращался изъ Тосны, гдѣ послѣ лагеря находился съ своимъ эскадрономъ, встрѣтилъ въ Петербургѣ на желѣзной дорогѣ сестру свою Ольгу, которая отправилась за покупкой траура. Не подозрѣвая ничего, онъ такъ былъ пораженъ извѣстіемъ о кончинѣ отца, что не выдержалъ и навзрыдъ расплакался. Всѣ дѣти боготворили отца. Владимиръ не менѣе былъ пораженъ этимъ потрясающимъ извѣстіемъ; онъ съ первымъ же поѣздомъ пріѣхалъ ко мнѣ. У Сережи точно было предчувствіе, что полученная телеграмма принесла недобрую вѣсть; долго онъ не рѣшался вскрыть ее, и на сдѣланный ему вопросъ, отчего онъ медлитъ прочесть, онъ отвѣтилъ, что ему страшно, чувствуетъ, что въ ней вѣсть какого нибудь несчастья. Увы! предчувствіе не обмануло его. Находясь въ это время у полкового командира, онъ былъ тотчасъ уволенъ въ Царское Село проститься съ отцемъ и отдать ему послѣдній долгъ. 20-го утромъ, ко дню погребенія, онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ зятемъ моимъ К. М. Войде изъ Варшавы. Всѣ дѣти были въ сборѣ, недоставало только Маруси, которой въ день кончины отца Богъ далъ дочку; поэтому долго скрывали отъ нея о постигшемъ насъ несчастіи. При отпѣваніи присутствовали великій князь Павелъ Александровичъ и принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Императрица Марія Александровна во время выноса стояла въ экипажѣ въ лицейскомъ саду. Она отмѣнила на этотъ день музыку въ паркѣ. Какое трогательное вниманіе! Все это дѣти передали мнѣ, сама же я ничего не видѣла, и въ состояніи ли я была что либо соображать? Говорятъ, я даже отвѣчала на соболѣзнованіе ихъ высочествъ, но если это и было, то, конечно, безсознательно. 80-лѣтній отецъ мой пѣшкомъ вмѣстѣ съ нами проводилъ зятя своего до Кузьмина, а это въ 3-хъ верстахъ отъ насъ. Пока тѣло стояло дома, я имѣла хотя то утѣшеніе, что видѣла его и провела всѣ ночи возлѣ него, но когда его вынесли, — ахъ, какая это была ужасная минута! Однимъ утѣшеніемъ моимъ оставались дѣти, они понимали мои сердечныя страданія и трогательно ухаживали за мной.

30-го августа, посѣтивъ всей семьей въ Кузьминѣ незабвеннаго нашего именинника, мы отправились на Александровскую станцію

проводить моего дорогого новорожденного Сергѣя, который отпра- влялся въ Люблинъ къ своему новому начальнику, чтобъ сопро- возждать его на войну. Для материнскаго сердца разлука эта пред- ставляла немало опасеній; при немъ я старалась крѣпиться, но когда поѣздъ скрылся изъ глазъ, слезъ было пролито немало. Надежда на милосердіе Божіе, что Онъ возвратитъ мнѣ его невре- димымъ, поддерживала меня.

Когда, спустя два мѣсяца, я рѣшилась поѣхать къ императрицѣ, она такъ сердечно, съ такимъ теплымъ сочувствіемъ отнеслась къ моей ничѣмъ незамѣнимой утратѣ, что я никогда этого не забуду.

Въ Кузьмино я ѣздила ежедневно; никакая погода не удержи- вала меня.

Не помню, въ какомъ это было мѣсяцѣ, во время моего отсут- ствія, Оля работала одна въ залѣ. Услышавъ звонокъ, она пошла на парадную лѣстницу, открывъ дверь и спускаясь по ступенямъ, громко про себя сказала: «*Si c'est une dame ce n'est rien, si c'est un monsieur!*»... На это за дверью ей отвѣтили: «*C'en est un!*» Въ это время придворный лакей, обѣжавшій кругомъ черезъ кухню, стремился за ней, но она опередила его и открыла дверь. Незна- комый ей генераль, узнавъ, что я поѣхала въ Кузьмино, и меня дома нѣтъ, просилъ ее принять его, такъ какъ онъ только что пріѣхалъ изъ-за границы и желаетъ знать подробности кончины отца ея. Разговаривая съ нимъ, она все время называла его *mon général*. Уходя, онъ сказалъ ей:

— *Veillez, je vous prie, présenter mes respectes à madame votre mère, qui me connaît de longue date et lui dire combien je prends part à sa douleur, j'ai beaucoup aimé monsieur votre père, il a souvent accompagné l'empereur et ma soeur l'orsqu'ils venaient me voir à Darmstadt.*

Тутъ она только догадалась, что это, должно быть, братъ им- ператрицы.

Когда я вернулась, и она со смѣхомъ передала мнѣ, какъ она принцу все время говорила *mon général*, я объяснила ей, что это принцъ Александръ Гессенъ-Дармштадтскій, братъ императрицы, съ которымъ я познакомилась, когда пріѣзжала въ 1841 году въ Петербургъ. Онъ тогда состоялъ на русской службѣ, и я очень, очень часто видѣла его при дворѣ, пока онъ, не помню въ кото- ромъ году, долженъ былъ оставить Россію и вернуться къ себѣ въ Дармштадтъ, откуда онъ больше не пріѣзжалъ во время цар- ствованія императора Николая I.

На другой день его посѣщенія я поѣхала къ императрицѣ из- виниться за дочь, которая, не подозрѣвая, что имѣетъ честь го- ворить съ братомъ ея величества, приняла его за знакомаго мнѣ генерала; вмѣстѣ съ тѣмъ я просила императрицу благодарить принца, что вспомнилъ обо мнѣ.

Между разговоромъ, императрица сообщила мнѣ свое желаніе устроить въ здѣшней придворной больницѣ помѣщеніе на сто кроватей для раненыхъ и больныхъ воиновъ, присылаемыхъ въ санитарныхъ поѣздахъ съ театра войны, и спросила, сколько нашъ дамскій комитетъ можетъ снарядить.

На это я отвѣтила, что средства нашего комитета такъ невелики, что, отправивъ въ Каларашъ все, что требовалось на 25 человекъ, мы не въ состояніи приготовить болѣе, какъ на такое же число. На это императрица заявила, что она пришлетъ на 50 кроватей и попроситъ цесаревну пополнить остальные двадцать пять. При этомъ ея величество выразила желаніе, чтобъ я взяла на себя всѣ хлопоты по устройству; но я просила уволить меня отъ этой заботы, чувствуя, что кончина мужа и безпокойство о сынѣ, отправившемся на войну, парализовали всю мою энергію. Но когда императрица мнѣ сказала: «*Je vous prie de ne pas me refuser et de prendre cette besogne sur vous*»,—я отвѣтила: «*Madame, je n'ose désobeir aux ordres de Votre Majesté*», прося при этомъ сложить съ меня всю хозяйственную часть и отчетность по ней; эта статья была не по силамъ мнѣ. При этомъ получила разрѣшеніе отъ императрицы вызвать Щедрина изъ Калараша; она, какъ бывалая при лазаретахъ и, во всякомъ случаѣ, опытиѣ меня, будетъ мнѣ помощью.

Наконецъ палаты на сто человекъ нижнихъ чиновъ и на 6-ть раненыхъ офицеровъ были устроены.

Докторъ Норбековъ былъ главнымъ моимъ помощникомъ при приемѣ присылаемыхъ вещей отъ императрицы и цесаревны. Случалось, что присылали за мной въ 11 часовъ вечера съ извѣстіемъ, что бланкарды пріѣхали изъ города, надо принять вещи по описи и выдать расписки. Я тотчасъ отправлялась въ больницу, посылала за Норбековымъ, и мы съ нимъ иногда до 3-хъ часовъ утра, можно сказать, до одуренія считали и провѣряли массу присланныхъ вещей. Правду императрица мнѣ сказала: «*Cette occupation vous étourdira un peu*».

Щедрина вернулась наконецъ.

Пришла телеграмма, что въ такой-то день, въ 5 часовъ утра, санитарный поѣздъ привезетъ намъ 60 раненыхъ и больныхъ; чтобъ были линейки и носилки. Комендантъ П. А. Степановъ, взявшій на себя хозяйственную часть, заказалъ обѣдъ для 60-ти человекъ. Высланы были придворныя линейки, носилки, и мы къ пяти часамъ съѣхались на Александровскую станцію, комендантъ, плацъ-адъютантъ, докторъ и я. Когда поѣздъ подошелъ, изъ него вышелъ одинъ раненый офицеръ и пять нижнихъ чиновъ, которые всѣ были на ногахъ. Высадивъ ихъ, поѣздъ съ остальными отправился въ Петербургъ; чье это было распоряженіе, не извѣстно, но комендантъ имѣлъ полное основаніе быть недовольнымъ за полученные

неточныя свѣдѣнія, причинившія столько лишняго расхода; вмѣсто шестидесяти накормить шесть человѣкъ — разница большая.

Нѣкоторыя дамы выразили готовность дежурить въ больницѣ, чтобъ наблюдать за правильнымъ уходомъ за больными, и надо отдать имъ полную справедливость, что онѣ исполняли взятый на себя трудъ усердно и добросовѣстно. Я ѣздила только ко времени перевязокъ утромъ и вечеромъ.

Со вторымъ транспортомъ привезено восемь нижнихъ чиновъ, раненыхъ и съ отмороженными ногами.

Императрица очень интересовалась всѣмъ, что дѣлается въ больницѣ, поэтому я часто ѣздила къ ея величеству съ докладомъ. Она подробно разспрашивала обо всемъ и очень близко къ сердцу принимала участь страждущихъ.

Къ Рождеству императрица велѣла устроить для нихъ елку, и каждому больному были присланы подарки.

У одного изъ нашихъ больныхъ сдѣлался брюшной тифъ, перешедшій въ пятнистый; когда доктора на консилиумѣ опредѣлили, что онъ не проживетъ до утра, я попросила дежурнаго доктора позволить мнѣ полѣчить его моимъ средствомъ. Хотя недовѣрчивая улыбка явилась на устахъ этого симпатичнаго врача, онъ съ удовольствіемъ выразилъ свое согласіе. Заѣхавъ въ винный погребъ, я купила бутылку шампанскаго и, передавая ее сестрѣ милосердія, просила ее вливать больному по столовой ложкѣ; первый приемъ былъ данъ при мнѣ; съ большимъ трудомъ удалось пропустить больному сквозь стиснутые зубы; онъ былъ въ безпамятствѣ и пересталъ уже бредить. Немалое было для меня утѣшеніе, когда на другое утро, пріѣхавъ въ больницу, я узнала, что нашъ больной ожилъ и подаетъ надежду на выздоровленіе; онъ выздоровѣлъ дѣйствительно.

Умеръ у насъ одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ раненыхъ, благодарный за все, что для него дѣлали, кроткій и терпѣливо переносящій свои страданія. Онъ былъ представленъ къ георгіевскому кресту, ждалъ его съ такимъ нетерпѣніемъ, но крестъ былъ присланъ въ день его кончины, не дождался онъ его, а какъ онъ порадовался бы этой заслуженной наградѣ, но зато хоронили его съ музыкой и со всѣми воинскими почестями георгіевскаго кавалера.

Одинъ изъ петербургскихъ военныхъ госпиталей увѣдомилъ коменданта, что за недостаткомъ въ немъ мѣстъ въ такой-то день доставятъ въ нашу больницу, не помню, шестьдесятъ или восемьдесятъ человѣкъ. Каково было наше разочарованіе, когда вмѣсто заслуженныхъ раненыхъ и больныхъ воиновъ привезли къ намъ рекрутъ, не бывшихъ даже еще въ строю. Это были одни только чухны, эстонцы, латыши и прочіе, не говорящіе ни на какомъ языкѣ, кромѣ своего родного. Изъ присланныхъ одинъ чахоточный умеръ въ тотъ же день, а другой на слѣдующій. Къ счастью, нашелся

одинъ изъ нихъ говорящій хорошо по-русски, вотъ онъ и служилъ переводчикомъ. Въ дѣтствѣ я хорошо говорила по-эстонски, помнила еще отдѣльныя слова, но объясниться была не въ состояніи.

Генераль Степановъ былъ въ большомъ негодованіи на петербургскій госпиталь и зная, что я во всякое время имѣю доступъ къ императрицѣ, просилъ меня заявить ей объ этомъ. Вслѣдъ за этимъ послѣдовало повелѣніе ея величества доставлять въ отдѣленіе Краснаго Креста царскосельской больницы только возвращающихся съ театра войны. Благодаря хорошему уходу за больными и здоровой пищѣ, всѣ мало-по-малу выписывались, а когда осталось всего пять, которые не совсѣмъ оправились, то они были переданы въ военный царскосельскій госпиталь. Съ перевозкой въ складъ и провѣркой всѣхъ вещей окончилась наша больничная дѣятельность продолжавшаяся семь или восемь мѣсяцевъ.

XX.

Извѣстія отъ сына Сергѣя съ театра войны.—Посѣщеніе государя.—Женитьба сына Владимира.—Кончина императрицы Маріи Александровны.—Воспоминаніе о ней.—Подарокъ государя.—Исторія имущества Паткулей.—Свадьба дочери Ольги.—Милости государя.—Женитьба сына Сергѣя.—Кончина государя.—Поѣздка въ Оренбургъ.—Городъ и его окрестности.—Возвращеніе въ Царское.—Переводъ зятя Войде въ Варшаву.—Поѣздка къ Мамаевымъ.—Смерть сына Сергѣя.—Поѣздка въ Крымъ.—Генеральша Постольская.—Кончина внучки.—Курьезная ошибка.—Свадьба дочери Евгениі.—Моя семья.—Кончина императора Александра II.—Смерть сына Александра и зятя Мамаева.—Заключеніе.

Возвращаюсь къ сыну моему Сергѣю, отъ котораго письма во время похода доходили неаккуратно, хотя онъ писалъ, откуда была только возможность; иногда разомъ получала по три письма. Только съ устройствомъ полевой почты извѣстія доходили довольно правильно; а съ какимъ нетерпѣніемъ они ожидались, это понять не трудно.

Переходъ черезъ Балканы былъ тяжелый, утомительный и не прошелъ для сына безслѣдно, онъ тамъ простудился и сильно началъ кашлять. Описывалъ онъ интересно, какъ, добравшись къ ночи на вершину, покрытую снѣгомъ, имъ пришлось дожидаться тамъ разсвѣта. Поставили самоваръ, наполнивъ его снѣгомъ за неимѣніемъ воды, раскинули палатку и, напившись чаю, улеглись на постланную солому. Утомленные переходомъ, они всѣ уснули такимъ богатырскимъ сномъ, что не почувствовали, какъ сырая холодная палатка свалилась на нихъ.

Если всадники могли спускаться съ горъ не иначе, какъ ведя своихъ лошадей подъ уздцы, то можно себѣ представить, съ какой опасностью и съ какими затрудненіями переправлялась артиллерія, обозы и фургоны.

Плевна наконецъ сдалась. Сережа стоялъ у палатки Османъ-паши въ то время, когда онъ передавалъ свою шпагу генералу Ганецкому. Славу Богу! вскорѣ миръ былъ заключенъ. Но сколько крови стоила эта война! сколько пало жертвъ!

По возвращеніи государя въ Петербургъ, я получила письмо отъ графа А. В. Адлерберга, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что его величество желаетъ видѣть меня съ дочерьми, и императрица проситъ насъ пріѣхать въ назначенный ею день и часъ. Мы надѣли сѣрыя кашемировыя платья и поѣхали представиться. Свиданіе было самое трогательное и сердечное. Я поражена была, насколько государь похудѣлъ за нѣсколько мѣсяцевъ своего отсутствія, и нашла его очень нервнымъ, все время слезы стояли у него въ глазахъ, несмотря на то, что я удержалась плакать при немъ. Подробности о кончинѣ мужа онъ зналъ по отвѣтной моей телеграммѣ. Ихъ величества обласкали и дочерей моихъ, Ольгу и Евгенію.

Вскорѣ возвратился мой Сережа, благодаря Бога, невредимымъ, но похудѣлъ и съ кашлемъ. Генералъ Ганецкій отпустилъ его ко мнѣ при первой возможности, а когда Самогитскій полкъ прибылъ съ похода въ Москву, куда онъ былъ переведенъ, Сережа вернулся въ полкъ. Желая имѣть Сережу при себѣ, я просила государя о переводѣ его во 2-й лейбъ-гвардіи стрѣлковый батальонъ, къ которому онъ и былъ сперва прикомандированъ, а потомъ зачисленъ.

Когда на слѣдующую весну дворъ переѣхалъ въ Царское, государь тотчасъ же по пріѣздѣ осчастливилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Сыновья, увидѣвъ, какъ дрожки его завернули къ намъ, выбѣжали отворить ему дверь и снять съ него шинель. Видя на Сережѣ форму Самогитскаго полка, такъ жестоко пострадавшаго на войнѣ, его величество спросилъ, участвовалъ ли онъ въ этой кампаніи. На мой отвѣтъ, что онъ состоялъ ординарцемъ при генералѣ Ганецкомъ, его величество подозвалъ Сережу и, разспросивъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, спросилъ между прочимъ, кормили ли его тоже бараньимъ саломъ, отъ котораго самъ государь заболѣлъ, вслѣдствіе чего пришлось выписать масло сначала изъ Парижа, а потомъ высылалось изъ Петербурга. И государю пришлось испытать лишенія, но что это въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ перенесъ морально во время войны, въ которой участвовали, подвергаясь опасности, наслѣдникъ цесаревичъ и августѣйшіе его братья.

Въ то лѣто, т. е., въ 1878 году, состоялась свадьба Владимира; онъ женился на 19-ти-лѣтней дочери капитанъ-лейтенанта Вараксина, Юліи Николаевнѣ; она была круглая сирота, очень симпатичная, веселая и большая умница, кончившая свое образованіе съ серебряной медалью. Высокимъ ростомъ своимъ она какъ разъ подходила подъ пару своему мужу. Свадьба была самая тихая, кромѣ

родныхъ, приглашенныхъ не было: утрата главы семейства была еще слишкомъ близка и свѣжа. Отобѣдавъ въ семейномъ кругу, мы поѣхали проводить молодыхъ на Александровскую станцію, откуда они отбыли къ себѣ въ Романшино, гдѣ мы навѣщали ихъ отъ времени до времени.

Въ маѣ 1880 года, Россія облеклась въ глубокой трауръ по случаю кончины императрицы Маріи Александровны, здоровье которой было подкошено всѣми пережитыми душевными страданіями и опасеніями во время турецкой войны. Императрица чахла и видимо угасала, какъ догорающая свѣча, для которой малѣйшаго дуновенья достаточно было, чтобъ исчезла послѣдняя искра.

Нѣсколько часовъ послѣ ея кончины, я была уже въ Зимнемъ дворцѣ, камеръ-юнгфера Макушина впустила меня тотчасъ же въ опочивальню, гдѣ въ это время не было никого. Императрица лежала на кровати, окруженная гирляндами цвѣтовъ, на исхудаломъ лицѣ ея лежалъ отпечатокъ блаженнаго спокойствія. Съ какимъ тяжелымъ чувствомъ я поцѣловала ея охолодѣвшую руку! Долго я стояла передъ ней, вспоминая давно минувшее, которое такъ ясно и живо всплывало въ моей памяти. Бывъ цесаревной, она неоднократно навѣщала меня въ Царскомъ, когда же я въ Ревелѣ сломала себѣ руку, какъ были дороги и незабвенны ея ежедневныя посѣщенія, когда, разговаривая со мной, она, отказываясь отъ стула, сидѣла на моей кровати, и сколько вообще теплаго сочувствія и трогательнаго вниманія она проявляла ко мнѣ, какъ и въ скорбныя минуты моей жизни. Какою грустью переполнилось сердце мое при всѣхъ этихъ воспоминаніяхъ, передать трудно моему слабому, неумѣлому перу. Тѣ, которые не знали императрицу, считали ее холодною, но это совершенно ошибочно; она была очень умна, серьезна, но ужасно застѣнчива; вотъ это непреодолимое чувство много вредило ей.

Въ день перенесенія ея величества въ Петропавловскую крѣпость я была наряжена на первое дежурство; Ольга, какъ фрейлина, дежурила тоже, чередуясь днемъ и ночью съ остальными фрейлинами.

Шесть недѣль послѣ кончины императрицы, государь прислалъ мнѣ на память браслетъ съ его миниатюрой, подаренный имъ своей августѣйшей невѣстѣ, принцессѣ Маріи Дармштадтской; его величество чувствовалъ, что никто лучше меня не оцѣнитъ этого трогательнаго вниманія, и онъ не ошибся.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что я являлась противоположностью тѣмъ матерямъ, которыя радуются, когда имъ удастся просватать дочь.

Но каюсъ чистосердечно, что я была одна изъ самыхъ непріятныхъ матерей въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось давать со-

гласіе на бракъ дочерей, а къ искателямъ ихъ руки я относилась даже черезчуръ недружелюбно.

Могутъ заподозрѣть меня, что эгоистическое чувство руководило мною, что, разставаясь съ дочерьми, мнѣ тяжело было мириться съ мыслью быть выдвинутой въ ихъ сердцахъ на второй планъ. Эгоисткой я никогда не была, поэтому ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову; но причина моего колебанія гнѣздилась въ неувѣренности ихъ счастья, а вопросъ, что ждетъ ихъ впереди, не могъ не заботить меня, тѣмъ болѣе, что я не имѣла возможности обезпечить ихъ будущность въ матеріальномъ отношеніи.

Неволью задаешь себѣ подчасъ вопросъ, почему фортуна постоянно отворачивалась отъ насъ, и то, что по неотъемлемому праву должно было принадлежать намъ, перешло со всѣми неправдами въ другія руки. Богатѣйшее имѣніе въ Лифляндской губерніи, Оберпалень, въ которомъ родился мой свекоръ, было дано въ приданое его матери и, несмотря на то, что оно составляло майоратъ, по фальшивымъ документамъ было заложено ея опекунами, родными дядями, въ петербургскомъ опекунскомъ совѣтѣ. Когда свекру моему было 9 лѣтъ, въ одно прекрасное утро явились туда требовать ихъ выѣзда, такъ какъ имѣніе, за неуплатою долга, перешло въ собственность опекунскаго совѣта. На поданное на высочайшее имя прошеніе, резолюція императрицы Екатерины II гласила: «опекунскій совѣтъ терять не можетъ, взыскать съ виновныхъ». Одинъ утопился, а другой застрѣлился: съ покойниковъ взять было нечего. Впослѣдствіи оказалось, что сама императрица выкупила имѣніе и подарила его одному изъ своихъ приближенныхъ.

Изъ богатыхъ помѣщиковъ отецъ и мать моего свекра остались не при чемъ, переѣхали въ маленькій г. Фелинъ, отдали тамъ сына въ школу, а потомъ онъ поступилъ юнкеромъ въ Семеновскій полкъ при императорѣ Павлѣ I.

Интересны были рассказы моего свекра. Балованный мальчикъ, которому выписанъ былъ маленькій арабъ, красивая верховая лошадка, долженъ былъ послѣ роскошной жизни перейти къ самой скромной.

Юнкеромъ онъ кормился изъ ротнаго котла, спалъ съ солдатами въ казармахъ, рассказывалъ, какъ на ночь онъ завивалъ себѣ волосы на сальныхъ огаркахъ и какъ, проснувшись разъ утромъ, увидѣлъ, что одинъ локонъ былъ отгрызанъ крысой, польстившейся саломъ.

Императоръ Александръ I былъ очень расположенъ къ Паткулю, былъ воспріемникомъ его дѣтей и мужа моего, который родился въ Семеновскихъ казармахъ; кажется, отецъ его былъ тогда уже полковникомъ, иначе онъ не могъ бы ввести полкъ въ Парижъ за отсутствіемъ командира. Лѣтомъ свекоръ жилъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ ему со всей семьей былъ отведенъ казенный домъ по Садовой, противъ дворца; государь часто заходилъ къ нему.

Когда императоръ узналъ о вопіющемъ дѣлѣ съ Оберпаленомъ, онъ спросилъ свекра, почему онъ не начинаетъ процесса съ казной, на что тотъ отвѣтилъ, что для этого надо имѣть большія средства, а у него ихъ нѣтъ.

— Когда я вернусь изъ Таганрога, помогу тебѣ выиграть процессъ; если казна не можетъ терять, то частный человѣкъ тѣмъ менѣе.

Но государю не суждено было исполнить свое обѣщаніе.

Такъ дѣло съ Оберпаленомъ кануло въ воду; не знаю, кому имѣніе это принадлежитъ теперь, но слышала, что оно даетъ большой доходъ.

Извѣстный своей мученической смертью, лифляндскій дворянинъ Рейнгольдъ Паткуль, бывъ посланъ депутатомъ отъ дворянства къ Карлу XI, несмотря на то, что краснорѣчивая и правдивая рѣчь его понравилась королю, впалъ въ немилость, благодаря наговорамъ завистниковъ, и уѣхалъ изъ Швеціи, не достигнувъ желаемого результата возложенной на него миссіи. Когда по возвращеніи въ Лифляндію онъ узналъ, что голова его оцѣнена, онъ перевелъ на храненіе въ Венеціанскій банкъ свои капиталы, покинулъ родину и пріѣхалъ въ Россію искать защиты русскаго царя. Петръ Великій полюбилъ его, оцѣнилъ его умъ, способности и свѣтлыя воззрѣнія. Еще довольно молодымъ онъ былъ назначенъ русскимъ посломъ при польскомъ дворѣ. Когда возникла война Швеціи съ Польшей, Карлъ XII, по наущенію своихъ приближенныхъ, поклялся отмстить Паткулю за слишкомъ будто бы смѣлую рѣчь отцу своему Карлу XI, а потому предложилъ Августу II заключить миръ подъ условіемъ выдачи ему Паткуля. Этотъ слабый, безхарактерный Августъ, забывъ все, чѣмъ онъ обязанъ Паткулю, не отвергъ этого постыднаго мира. Передъ смертью Паткуль завѣщалъ брату своему, родоначальнику нашей фамиліи, все свое имущество, включая и капиталъ, поручивъ передать ему квитанцію Венеціанскаго банка вмѣстѣ съ завѣщаніемъ и патентомъ своимъ на графское достоинство. Какъ письма Паткуля къ Петру Великому были перехвачены, такъ и документы не дошли по принадлежности и попали неизвѣстно какимъ образомъ въ руки Меншикова. Временщикъ, не долго думая, отправилъ нарочнаго съ квитанціей банка въ Венецію, думая присвоить себѣ этотъ лакомый кусокъ, но посланный вернулся съ пустыми руками и заявилъ, что капиталъ этотъ будетъ выданъ лично наслѣднику Паткуля. Тогда Меншиковъ послалъ за братомъ Паткуля, предложилъ ему раздѣлить капиталъ пополамъ, но, получивъ отвѣтъ: «все или ничего», онъ съ гнѣвомъ бросилъ всѣ документы въ пылающій каминъ. Когда венеціанскій банкъ переводился въ австрійскій, не могу сказать въ которомъ году, за границей была публикація, вызывающая наслѣдниковъ Рейнгольда Паткуля за полученіемъ капитала, но она до Россіи не дошла.

Нѣсколько лѣтъ спустя, мужъ мой встрѣтился съ бывшимъ во время перевода денегъ изъ одного банка въ другой нашимъ русскимъ консуломъ въ Венеціи, Фрейгангомъ, который, узнавъ, что о публикаціи никто никогда понятія не имѣлъ, совѣтовалъ ему взяться за это дѣло. Мужъ мой поѣхалъ къ графу Бенкендорфу и просилъ его ходатайствовать черезъ графа Меттерниха о возвратѣ капитала Паткуля наслѣдникамъ, въ числѣ которыхъ отецъ его былъ прямымъ. Графъ, очень расположенный къ Сапфъ, съ удовольствіемъ взялся быть ходатаемъ у графа Меттерниха; тотчасъ же написалъ австрійскому канцлеру или министру, не знаю, чѣмъ онъ былъ, и вскорѣ получилъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія: къ сожалѣнію, просьбу графа онъ исполнить не можетъ, такъ какъ австрійскій банкъ не отвѣчаетъ за долги Венеціанскаго, а на $\frac{1}{10}$ двухмилліоннаго Паткульскаго капитала содержатся богоугодныя заведенія.

Какъ назвать присвоеніе Австрійскимъ государствомъ чужихъ денегъ—благороднымъ или нѣтъ?

Кромѣ всего этого, наша золотопромышленная компанія самой вопіющей неправдой проиграла процессъ, который немало стоилъ намъ денегъ. Умалчиваю о причинѣ. Не въ деньгахъ, говорятъ, счастье; отчасти это, можетъ быть, и вѣрно; настоящее счастье у дружнаго семейнаго домашняго очага.

Несмотря на всѣ мои доводы, Ольга въ февралѣ была обручена съ поручикомъ лейбъ-гвардіи Кирасирскаго его величества полка Сергѣемъ Александровичемъ Мамаевымъ, состоящимъ въ эскадронѣ, которымъ командовалъ сынъ мой Александръ. Полюбивъ своего нареченнаго, она не пугалась перспективы жить въ деревнѣ, въ глуши Новгородской губерніи, съ родителями мужа. Средства Мамаева не позволяли ему продолжать военную службу послѣ жинитьбы. Опять свекровь! Опасенія свои я сообщила Ольгѣ и жениху, но оба успокоивали меня на этотъ счетъ, она мирилась охотно съ этою необходимостью, а онъ обѣщалъ не давать жену въ обиду.

30-го іюля 1880 года состоялось ея бракосочетаніе. Въ 8 часовъ вечера пріѣхала за невѣстой четырехмѣстная парадная придворная карета съ четверкой бѣлыхъ лошадей и двумя ливрейными лакеями. Въ ней насъ качало, какъ въ люлькѣ, пока мы не остановились у церковнаго подъѣзда большого царскосельскаго дворца, оттуда насъ провели тотчасъ на верхъ. Какъ только доложили о нашемъ прибытіи, его величество вышелъ къ намъ. Поздоровавшись, государь взялъ со стола икону Божіей Матери и, благословляя свою крестницу, сказалъ: «Отецъ вашъ благословляетъ васъ свыше», затѣмъ, поцѣловавъ ее въ лобъ, онъ надѣлъ ей на руку браслетъ со словами: «Это въ память нынѣшняго дня, да благословитъ васъ Господь». Взявъ Олю подъ руку, его величество, предшествуемый мальчикомъ съ образомъ, спустился съ лѣстницы и, проходя черезъ

заль, гдѣ собрались всѣ приглашенные, милостиво протянулъ руку Мамаеву, стоявшему на проходѣ. Обрядъ вѣнчанія, согласно желанію Оли, совершалъ нашъ духовникъ, протоіерей духовнаго училища, Павловичъ. Старшій сынъ мой Александръ былъ главнымъ шаферомъ у всѣхъ своихъ сестеръ и братьевъ; надо отдать ему полную справедливость, что онъ былъ очень распорядителенъ и представителенъ, какъ своимъ высокимъ ростомъ, такъ и наружностью. По окончаніи обряда, поздравивъ меня и молодыхъ, его величество прошелъ въ заль, куда всѣ двинулись за нимъ. Тамъ было подано шампанское и угощеніе отъ двора. Выпивъ за здоровье молодыхъ и выразивъ сожалѣніе, что не можетъ ѣхать ко мнѣ по случаю собравшагося у него экстреннаго совѣта, государь удалился, а за нимъ разѣхались всѣ. Съ нашей и со стороны жениха, кромѣ родныхъ и товарищей по полку, никого не было.

На слѣдующее утро я поѣхала благодарить его величество. Онъ принялъ меня внизу въ своемъ кабинетѣ. На государѣ была тулурка и бѣлый жилетъ, застегнутый запонками, которыя запечатлѣлись въ моей памяти; не знаю, почему я обратила на нихъ вниманіе. Прощаясь съ государемъ, я передала ему просьбу Оли—дать ей свою карточку съ собственноручной подписью; просьба была принята милостиво. Передавая мнѣ этотъ столь дорогой для дочери подарокъ, онъ сказалъ: «подпись еще не высохла», на что я отвѣтила улыбаясь, что сберегу ее въ цѣлости.

Какъ далека я была отъ мысли, выходя изъ царскаго кабинета, что счастье видѣть нашего добраго, милостиваго, черезчуръ гуманнаго государя было для меня въ послѣдній разъ!..

Погостивъ у меня съ недѣлю, молодые отправились къ родителямъ. Не завидное путешествіе предстояло моей Олѣ—трястись на перекладной 220 верстъ отъ Чудова, по плохой дорогѣ.

Въ январѣ на слѣдующій годъ они пріѣхали, чтобъ присутствовать на свадьбѣ брата, т. е. сына моего Сергѣя, который женился на 19-ти-лѣтней симпатичной и миловидной дочери Беклешова, Маріи Григорьевнѣ. Вѣнчались они въ Петербургѣ, такъ какъ вся родня ея находилась тамъ; послѣ же вѣнца молодые пріѣхали съ нами въ Царское, гдѣ свили себѣ гнѣздышко.

1-го марта я обѣдала у дѣтей; несмотря на просьбу остаться у нихъ вечеръ, я черезъ садъ ушла къ себѣ; мной овладѣла какая-то безотчетная тоска, причину которой я не могла себѣ объяснить. До 11-ти часовъ мы съ Евгеніей сидѣли за чайнымъ столомъ; вдругъ раздался звонокъ, вслѣдъ за которымъ поспѣшно вошелъ флигель-адъютантъ, баронъ Котенъ, и, подойдя ко мнѣ, блѣдный и взволнованный, спросилъ дрожащимъ голосомъ, знаю ли я, какое несчастье случилось съ государемъ. Когда онъ сообщилъ мнѣ потрясающую вѣсть о царевубійствѣ среди бѣлаго дня, меня точно обдало ледяной водой, я вся дрожала, зубы не-

милосердно начали щелкать одинъ о другой; не бывъ въ состояннн выговорить ни слова, я съ какимъ-то тупоуміемъ вытаращила на него глаза. Хотя баронъ передалъ мнѣ подробности этого ужаснаго злодѣянн, насколько онѣ были ему извѣстны, мнѣ трудно вѣрилось, что нашлись изверги, которые могли покуситься на жизнь помазанника Божія.

Вотъ и причина непреодолимой безотчетной тоски—несчастіе предчувствовалось.

На слѣдующій день я поѣхала въ Зимній дворецъ, зашла къ фрейлинѣ Н. А. Бартеневой, оставила у нея шубу и, поднявшись по лѣстницѣ, направилась къ двери билліардной его величества. Стоявшій тамъ человѣкъ тотчасъ провелъ меня до комнаты, гдѣ лежалъ на кровати нашъ бѣдный царь-мученикъ, покоившійся блаженнымъ непробуднымъ сномъ.

Смерть его—неизгладимое пятно въ лѣтописяхъ русской исторіи XIX вѣка.

Не буду вдаваться въ описаніе, что я перечувствовала, стоя на колѣняхъ у смертнаго одра нашего благодѣтеля; знаю только то, что не помню, какъ вышла изъ комнаты и какъ доѣхала домой къ Царское.

Послѣ одной изъ вечернихъ панихидъ въ крѣпости, лакей, стоявшій на дворѣ съ моей шубой при 15-ти градусахъ мороза, подалъ мнѣ ее совершенно оледенѣлой; въ церкви было жарко, и я тотчасъ почувствовала, что дрожь охватила меня до костей. При чуткости моей къ простудѣ это не обошлось мнѣ даромъ, явился признаки начала воспаленія легкихъ, которое у меня было уже нѣсколько разъ; во-время принятія энергическія мѣры не допустили развитія болѣзни, и все ограничилось десятидневнымъ постельнымъ арестомъ.

По совѣту докторовъ повторить прошлогоднее кумысное лѣченіе Сережа съ женой отправились въ маѣ въ Оренбургъ, куда пригласилъ ихъ зять мой Войде, занимавшій тамъ третій годъ мѣсто начальника штаба военнаго округа. Какъ человѣкъ добрый, ласковый и родственнн, онъ хотѣлъ, чтобъ мои молодые находились въ кругу родныхъ, а не между больными: поэтому предоставилъ имъ комнату и сговорился съ татаринимъ, который согласился ежедневно привозить хорошій кумысъ. Онъ и меня убѣждалъ приѣхать туда съ Евгеніей, навѣстить внучекъ, давно мной не виданныхъ. Эта поѣздка улыбалае мнѣ. Кромѣ удовольствія видѣть ихъ всѣхъ, я хотѣла привести въ исполненіе давнишнее мое желаніе проѣхать по Волгѣ.

Въ концѣ іюля мы пустились въ дорогу. По пути изъ Москвы заѣхали въ Сергіевскую пустынь, отстояли молебенъ преподобному Сергію, Радонежскому чудотворцу, осмотрѣли всѣ достопримѣчательности въ подробности, но опоздали къ осмотру ризницы, ко-

торую закрыли за четверть часа до нашего прихода. Впрочемъ всѣ эти богатства интересовали меня менѣ всего. Закусили на станціи, напились чая, сѣли въ вагонъ и поѣхали въ Ярославль, куда прибыли утромъ. Городъ имѣлъ праздничный видъ, былъ разукрашенъ флагами и гирляндами цвѣтовъ. На сдѣланный вопросъ извозчикъ отвѣтилъ, что ждутъ пріѣзда ихъ величествъ, которые путешествуютъ по Волгѣ. Не останавливаясь нигдѣ, возница довезъ насъ до парохода, стоявшаго уже подъ парами. Не могу сказать, что этотъ небольшой и невзрачный пароходъ былъ привлекателенъ, хотя онъ назывался «Глазенапъ» по имени одного изъ учредителей общества «Самолетъ», однако онъ былъ единственный; впрочемъ и то надо сказать, что изъ Ярославля по мелководью рѣки большому судну не пройти. Вскорѣ мы отчалили. Я, какъ ребенокъ, радовалась поѣздкѣ по матушкѣ Волгѣ. Съ какимъ любопытствомъ взоры мои переносились съ одного берега на другой; я съ жадностью наслаждалась все новыми и новыми впечатлѣніями. На крутомъ берегу живописно выглядывали то тамъ, то тутъ, остроконечные зеленые купола сельскихъ церквей. Въ первый разъ мнѣ пришлось плыть по рѣкѣ, тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что нахожусь въ родной стихіи; впечатлѣнія дѣтства и первой юности слишкомъ глубоко врѣзались, чтобъ забыть, что я родилась, выросла на берегу моря, дочь моряка и внучка двухъ морскихъ дѣдовъ. При всей моей когда-то веселости и живости я была мечтательна, съ поэтическимъ настроеніемъ не безъ примѣси экзальтаціи и очень впечатлительна, для меня красота природы ни съ чѣмъ сравниться не можетъ, это Божественная поэзія, въ которой читается величіе и могущество Создателя міра.

Въ Костромѣ мы остановились у малой пристани, такъ какъ у главной стоялъ царскій пароходъ или яхта; тутъ мы узнали, что ихъ величества выѣхали изъ Ипатіевскаго монастыря и ѣдутъ къ пристани. Спустя нѣсколько минутъ, мы увидѣли государя съ императрицей, подѣвжающихъ въ открытой коляскѣ; нашъ пароходъ тотчасъ же отвалилъ. Проходя мимо яхты, мы надѣялись хоть мелькомъ взглянуть на царя и царицу, но, къ великому нашему сожалѣнію, стеклянная галерея яхты скрыла ихъ отъ нашихъ глазъ.

Въ Нижнемъ Новгородѣ мы пересѣли на другой пароходъ того же общества, онъ былъ больше и этимъ только отличался отъ предыдущаго. Ночью мы были разбужены бѣготней по палубѣ, шумомъ цѣпей, которыя тянули надъ нашими головами, пароходъ же стоялъ на мѣстѣ. Въ каютѣ всѣ переполошились. Посмотрѣвъ въ окно, я увидала надъ поверхностью воды мелькающіе огни фонарей, движущіяся человѣческія фигуры, стоявшія, вѣроятно, въ спущенной лодкѣ, которую въ темную ночь разглядѣть было нельзя, и догадалась, что, вѣроятно, мы сѣли на мель. Въ самое то время,

когда я поднялась на палубу, чтобъ узнать о случившемся, мимо насъ пронесся пароходъ «Александръ II», отплывшій изъ Нижняго одновременно съ нами и какъ бы поддразнивая меня, что не отправилась на немъ, а предпочла другой, не стоящій его ни въ какомъ отношеніи. Въ первую минуту я, признаться, пожалѣла, что не поѣхала на немъ, но когда разсвѣло, и я увидѣла Жегулевскія горы, которыя когда-то въ старину, какъ гласитъ преданье, были приютищемъ морскихъ разбойниковъ, я подумала: нѣтъ худа безъ добра, на «Александрѣ II» не удалось бы видѣть ихъ, а полюбоваться ими стоило.

Благодаря нашему ночному приключенію, мы прибыли въ Самару послѣ отхода утренняго поѣзда въ Оренбургъ. Увѣдомивъ телеграммою Войде, что прибудемъ на слѣдующій день, мы были встрѣчены всей семьей на желѣзной дорогѣ. Велика была радость свиданья съ моими внучками, которыя очень выросли за эти три года.

Лѣтнее мѣстопробываніе генераль-губернатора и штаба его было за городомъ, на довольно возвышенномъ мѣстѣ; зять мой занималъ небольшой деревянный домъ, гдѣ была намъ отведена комната. Мѣсто это сохранило названіе маяка со временъ Пугачева. Существовалъ ли при немъ маякъ или нѣтъ, неизвѣстно мнѣ, но остались слѣды валовъ, гдѣ Пугачевъ стоялъ лагеремъ. Недалеко отъ этого мѣста протекала рѣка Сакмара; чтобъ дойти до нея, надо было спуститься точно въ обрывъ по крутому спуску, гдѣ въ одномъ мѣстѣ было нѣчто въ родѣ полуобвалившихся земляныхъ ступеней, и пройти черезъ небольшую рощу по едва проложенной тропинкѣ; ходу къ ней было минутъ десять.

Излюбленная моя прогулка была къ Сакмарѣ, куда я отправлялась почти ежедневно. Сидя тамъ на мелкомъ бѣломъ пескѣ, любясь живописно протекавшей извилисто между крутымъ и отлогимъ берегомъ Сакмарой, я вмѣстѣ съ тѣмъ собирала красивые разноцвѣтные камешки, къ которымъ съ дѣтства имѣла большую слабость.

Городъ Оренбургъ не представлялъ собою ничего особеннаго, онъ сильно пострадалъ отъ пожара, бывшаго тамъ за годъ или два до моего пріѣзда. Хотя много было построено новыхъ домовъ, но городъ не успѣлъ еще вполне обстроиться послѣ произведеннаго въ немъ безпощадною стихіею разрушенія. Та часть города, которая уцѣлѣла, носила отпечатокъ азіатской архитектуры.

Когда мы переѣхали рѣку Уралъ, чтобъ осмотрѣть мѣновой дворъ, мы были въ Азіи; необозримая степь раскинулась передъ нами, она произвела на меня странное впечатлѣніе: ни дерева, ни кустарника, ни пригорка, ни даже солнцемъ выжженной травы; не на чемъ было остановить свой взоръ.

Самъ мѣновой дворъ не что иное, какъ длинная деревянная постройка, разгороженная на лавки. Онъ сохранилъ свое названье

съ того времени, какъ производилась тамъ мѣна товаровъ, въ немъ торгуютъ разнородные купцы: татары, персы, киргизы въ чалмахъ, въ остроконечныхъ шапкахъ и халатахъ; торгуютъ только своими произведеніями, не отличающимися изяществомъ вкуса, а лишь пестротой и яркими цвѣтами. Кто польстится бирюзой, навѣрно купить фальшивую за настоящую — надуваютъ мастерски. Ковры попадаютъ иногда хорошіе персидскіе, но въ мое время ихъ не было.

Однажды зять повезъ насъ въ Илецкую защиту за 60 верстъ отъ Оренбурга. По дорогѣ въ степи паслись цѣлыя стада верблюдовъ, принадлежавшія киргизамъ, раскинувшимъ тамъ же свои кибитки. Эти бѣдные животныя, привязанныя одинъ къ другому за палочки, продернутыя сквозь ноздри, щипали что-то на оголѣвшей землѣ, поднимали головы во время нашего проѣзда и съ любопытствомъ смотрѣли на насъ.

Мы остановились у кибитокъ, киргизы, или, вѣрнѣе сказать киргизки приняли насъ дружелюбно, и хотя мы другъ друга не понимали и объяснялись только жестами, но онѣ съ удовольствіемъ показывали намъ внутренность своихъ кибитокъ. Шалаши эти очень хитро устроены; это сѣтъ изъ узкихъ плоскихъ палочекъ, которая раздвигалась и сдвигалась книзу шире, кверху уже; въ срединѣ она была переплетена широкой тесьмой, у зажиточныхъ съ красивымъ разноцвѣтнымъ узоромъ, у бѣдныхъ поскромнѣе. Кибитка, крытая верблюжьимъ сукномъ, имѣла наверху отверстіе для пропуска дыма во время стряпни. При перевозкѣ кибитка складывалась, занимала мало мѣста и перевозилась на верблюдахъ, когда, продавъ свои товары на Нижегородской ярмаркѣ, киргизы возвращались со всей семьей восвояси; народъ кочующій, какъ цыганы.

Уже смерклось, когда мы доѣхали до Илецка; переночевавъ, мы пошли утромъ осматривать Пугачевскую защиту. Это высокая, не большая, но очень крутая гора; съ трудомъ взобрались мы на нее почти по вертикальной тропинкѣ. На горѣ уцѣлѣли двѣ или три стѣны построенаго Пугачевымъ дома. Стѣны были изъ бѣлаго камня, гладко отполированнаго; на нѣкоторыхъ видѣлись розовыя жилки, что придавало видъ мрамора. Гора, вѣроятно, не природная, подъ ней, или, вѣрнѣе сказать, въ ней, были своды; когда намъ открыли дверь, и мы вошли туда съ огнемъ, все было покрыто инеемъ и ледяными сосульками, блестящими разноцвѣтными огнями. День былъ жаркій, а тамъ такой холодъ, что я моментально выскочила. Осмотрѣли мы также небольшое озеро, замѣчательное своей цѣлебной грязью, но что необъяснимо, это--то, что никто не можетъ войти въ воду, не бывъ тотчасъ выброшеннымъ изъ нея. Причина до сихъ поръ не изслѣдована, и озеро это извѣстно, кажется, только тамошнимъ жителямъ. Сторожъ черпнулъ намъ воды; вода какъ вода, но въ ней несмѣтное количество ярко-пунцовыхъ микроско-

пическихъ животныхъ, напоминающихъ формой рака или кревета; они такія живыя, что разглядѣть было трудно.

Въ Илецкой тюрьмѣ арестанты очень искусно выдѣлываютъ изъ соли разныя небольшія вещицы; я купила все, что у нихъ оставалось не проданнымъ. Какъ образецъ произведенія илецкихъ арестантовъ, работавшихъ только деревянными смоченными палочками, я привезла императрицѣ Маріи Феодоровнѣ бусы, наследнику Николаю Александровичу триумфальныя ворота, надъ которыми искусно красовался двуглавый орелъ, а великому князю Георгію Александровичу пушку на лафетѣ.

Возвращаясь изъ Илецка, мы проѣхали мимо озера, въ которомъ торчали изъ воды многочисленныя кольца съ привязанными къ нимъ разноцвѣтными тряпочками. Это заинтересовало меня, и на сдѣланный вопросъ мнѣ объяснили, что въ этомъ озерѣ купаются исключительно киргизы, и воткнутые ими кольца означаютъ, что они оставляютъ тамъ свою болѣзнь.

Осматривали тоже соляныя копи. Меня поразила эта сплошная масса соли, не помню, на сколько сажень глубины было уже вырыто, но, если стоять внизу, эта соленая гора казалась очень высокой; какъ далеко она простирается, мнѣ сказать не могли. Перевозка соли въ Оренбургъ очень медленная, судя по тому, что мы видѣли: пара воловъ, тащившая въ телѣгѣ кусокъ соли величиной въ дѣшній кабанъ льда, пройдя небольшое пространство, ложилась отдыхать.

Передъ самымъ приѣздомъ въ Оренбургъ было получено извѣстіе, что упраздняется генераль-губернаторское мѣсто, а съ нимъ и штабъ его.

Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія, мы большой компаніей выѣхали изъ Оренбурга, Сережа съ женой, я съ Евгеніей и четырьмя внучками, которыхъ отецъ поручилъ мнѣ, такъ какъ онъ долженъ былъ остаться тамъ нѣкоторое время для сдачи дѣлъ и продажи за безцѣнокъ своего инвентаря: такова участь, которой подвергаются болѣе или менѣе всѣ военные при перемѣщеніи съ одного мѣста на другое. Внучки мои съ сожалѣніемъ разставались съ Оренбургомъ, съ которымъ свыклись; къ тому же климатъ тамъ здоровый и жизнь недорога.

Изъ Самары мы поѣхали на пароходѣ «Александръ II» и имѣли всѣ удобства для переѣзда. Изъ Нижняго мы отправились по желѣзной дорогѣ, пробыли въ Москвѣ два дня и прибыли въ Царское 25-го августа.

По желанію отца, внучки начали посѣщать гимназію, но къ Рождеству онѣ переѣхали въ Варшаву, гдѣ Войде получилъ новую должность.

Осенью 1884 года мы съ Евгеніей поѣхали въ Кожакowo, имѣніе Мамаевыхъ, навѣстить Олю. До Чудова по желѣзной дорогѣ, а оттуда, переѣхавъ Волховъ на поромѣ, тряслись на перекладной по

отвратительной дорогѣ 220 верстѣ. Проѣздомъ заѣхали въ Тихвинъ къ В. И. Щедриной. Бѣдная старушка лишилась зрѣнія, встрѣтила насъ, какъ родныхъ, и просила не миновать ея на обратномъ пути.

Это было второе посѣщеніе мое Кожакова; первый разъ я ѣздила на крестины внука, замѣнить у купели императрицу Марію Оеодоровну, которая милостиво пожелала быть его воспріемницею.

Погостивъ шесть недѣль у Мамаевыхъ, мы уѣхали обратно, взявъ съ собой Щедрину. Въ Грузинѣ въ продолженіе трехъ сутокъ мы были задержаны страшной бурей; перевозчикъ порома отказался перевезти насъ, даже почта была задержана.

Пріѣхавъ въ концѣ октября домой, я узнала, что невѣсткой была послана мнѣ телеграмма, вызывающая меня, по случаю серьезной болѣзни Сережи, но телеграмма не застала меня въ Кожаковѣ.

Прибыли мы домой вечеромъ и, узнавъ о болѣзни Сережи, тотчасъ же съ Геней пошли туда, гдѣ застали Марію Григорьевну и родителей ея въ самомъ тревожномъ состояніи. Моему пріѣзду дорогой больной очень обрадовался; я застала его въ постели страшно измѣнившимся. Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій пріѣзжалъ присоединить свои святыя молитвы къ нашимъ, но не суждено было сыну моему поправиться. 22-го ноября, скоротечная чахотка унесла его отъ насъ; осталась молодая жена и двѣ малолѣтнія дочери. Онъ скончался настоящимъ христіаниномъ. Простуда въ 1877 году при переходѣ черезъ Балканы, увы, не прошла безслѣдно, она постепенно подтачивала его молодую жизнь, и онъ угасъ на тридцать первомъ году своего земного странствованія. Послѣ похоронъ вдова его съ дѣтьми переѣхала ко мнѣ. Зиму мы провели грустную и тревожную, обѣ малютки заболѣли воспаленіемъ легкихъ, и такъ какъ здоровье старшей внушало серьезныя опасенія, она переѣхала на лѣто съ дѣтками по совѣту докторовъ на дачу въ Лужскій уѣздъ.

За границей я никогда не была, о чемъ нисколько не жалѣю, и, какъ патриотка, радуюсь, что мнѣ не пришлось тамъ оставить ни одного русскаго гроша, но зато не устояла отъ соблазна побывать въ Крыму, о мѣстностяхъ котораго слышала такъ много. Пуститься же въ дальній путь одной съ Евгеніей, въ совершенно незнакомую мнѣ мѣстность, я, можетъ быть, и не рѣшилась бы, если бы не представился удобный случай ѣхать одновременно съ генераломъ Постольскимъ и дочерью его, которые отправлялись на морскія купанья.

Обѣ Евгеніи были очень дружны, и совмѣстное путешествіе улыбалось имъ. Взявъ билеты прямого сообщенія изъ Петербурга, мы прибыли въ Севастополь около часа ночи.

Городъ былъ таинственно освѣщенъ ночнымъ свѣтиломъ. Сложенные изъ бѣлаго камня дома красиво выдѣлялись, но тяжелое

и грустное впечатлѣніе производили громадныя постройки госпиталя и другихъ зданій, полуразрушенныхъ во время крымской кампаніи отъ неумолимыхъ непріятельскихъ бомбъ.

Остановились мы въ гостиницѣ на самомъ берегу небольшой бухты.

Утромъ отправились на Малаховъ курганъ, который интересовалъ меня. На вопросъ мой у сторожа, что сдѣлалось съ иконою Знаменья Божьей Матери, отправленною мною туда во время войны, онъ за незнаніемъ отвѣта дать не могъ. Переѣхавъ въ лодкѣ на братское кладбище, мы осматривали надгробные памятники воиновъ, павшихъ за царя и отечество. Были въ музеѣ, въ которомъ находится портретъ великой княгини Елены Павловны, окруженный фотографическими портретами нѣкоторыхъ заслуженныхъ сестеръ Крестовоздвиженской общины, между которыми находилась В. И. Щедрина. Осматривали церкви, но въ ту, гдѣ покоятся наши четыре храбрые адмирала, мы попасть не могли: она была заперта и стояла въ лѣсахъ.

Постольскій былъ хорошимъ проводникомъ, онъ участвовалъ въ Крымской кампаніи, гдѣ былъ раненъ въ то время, какъ сбѣжалъ съ высоты, заклепавъ непріятельскую пушку, и ему все было знакомо, такъ что онъ могъ давать отвѣты на всѣ наши вопросы.

Рано утромъ на слѣдующій день мы поѣхали за 12 верстъ въ Георгіевскій монастырь. Хотя я слышала о красотѣ его мѣстоположенія, но картина, развернувшаяся передъ моими глазами, превзошла всякое ожиданіе. Отъ подножья горы шла небольшая бухта, у которой, при сліяніи ея съ моремъ, по обѣимъ сторонамъ грозно поднимались изъ воды два высокихъ камня, какъ два сторожа, охранявшихъ въѣздъ въ бухту, какъ бы защищавшихъ монастырь. Мнѣ ужасно хотѣлось спуститься къ берегу, чтобъ видѣть, имѣла ли вода вблизи тотъ же самый необыкновенно чудный цвѣтъ изумруда, какимъ онъ казался сверху. Для этого надо было спуститься по неровнымъ землянымъ ступенямъ, которыхъ, какъ насчитывалъ монахъ, было болѣе ста. Но между моими спутниками не нашлось охотниковъ сопровождать меня, а одна я не рѣшилась предпринять этотъ рискованный переходъ. Съ трудомъ и сожалѣніемъ я оторвалась отъ созерцанія этой живописной природной картины, которую никакое перо описать не въ состояніи, и никакой живописецъ, какимъ бы онъ талантливымъ ни былъ, передать не можетъ; все будетъ слабо и мертво въ сравненіи съ дѣйствительностью. Осмотрѣли главную церковь, въ ней происходилъ ремонтъ живописи на средства настоятеля, выписавшаго художника изъ Москвы, которымъ замѣчательно была исполнена копія съ купола храма Спасителя первопрестольной столицы.

По окончаніи благовѣста, мы пошли къ обѣднѣ по случаю праздника Успенія Пресвятой Богородицы. Въ небольшой скромной церкви служилъ высокій, красивый, какъ лунъ сѣдой, архимандритъ-настоятель съ поразительно черными бровями и глазами. По окончаніи обѣдни мы вернулись въ Севастопольскую гостиницу, откуда, нанявъ четырехъ-мѣстную коляску въ Алупку, выѣхали въ 7 часовъ вечера. Въ одиннадцать часовъ мы остановились въ единственно находившемся на пути заѣжемъ домѣ, имѣвшемъ дерзость назваться гостиницей. Надо было дать лошадямъ нѣсколько часовъ отдыха, накормить ихъ, а намъ согрѣться чаемъ; ночь была холодная, и мы перезябли. Двинулись мы изъ этой пародіи гостиницы до восхода солнца, но когда проѣхали черезъ Байдарскія ворота, и кучеръ остановилъ вдругъ лошадей, передъ нами представилось во всей своей красѣ необозримое Черное море съ поверхностью, на которой заигрывали солнечные лучи. При этомъ зрѣлищѣ я не могла удержаться, чтобъ не воскликнуть: «какая прелесть!». Спускаясь постепенно зигзагомъ взадъ и впередъ по прекрасной шоссеиной дорогѣ, окаймленной невысокимъ каменнымъ заборомъ, мы не подвигались впередъ, надъ нами все виднѣлись Байдарскія ворота, пока наконецъ мы не стали удаляться. Дорога до самой Алупки шла извилисто, то поднимаясь въ гору, то опускаясь. У горныхъ ключей мы останавливались, кучеръ доставалъ взятое съ собой желѣзное ведро и поилъ лошадей.

Совершивъ восьмидесяти-верстное путешествіе, мы прибыли въ Алупку около одиннадцати часовъ. Утро было жаркое. Въ гостиницѣ Виноградова я заняла съ двумя барышнями хорошую просторную комнату, гдѣ охотно бы осталась, если бы не былъ съ нами Постольскій, который желалъ быть ближе къ морю, такъ какъ ему, раненому, тяжело было сходить и подниматься въ гору во время морского купанья. Когда очистились на берегу моря двѣ комнаты въ такъ называемой экономіи, арендуемой Долговымъ, мы переселились туда. Это было не что иное, какъ длинный низенькій каменный домъ, выстроенный свѣтлѣйшимъ княземъ Воронцовымъ для рабочихъ; поэтому можно себя представить, какое мы занимали помѣщеніе. Комната, окрашенная клеевой желтой краской, имѣла самую невзрачную обстановку; не было даже самаго необходимаго удобства; одно только, съ чѣмъ можно было мириться, это то, что мы были почти на берегу моря, на которое выходило единственное наше окно, довольно широкое, съ небольшими стеклами.

Нѣсколько дней спустя, меня охватилъ сквозной вѣтеръ, и я заболѣла крупознымъ воспаленіемъ легкаго и плевритомъ, продолжавшимъ меня въ комнатѣ въ продолженіе пяти недѣль. Мою бѣдную Евгенію я сильно напугала своей болѣзнью. Несмотря, однако, на свою молодость и неопытность, Евгенія не растерялась,

немедленно обратилась къ медицинской помощи и ухаживала за мною, какъ настоящая сестра милосердія. Во время моего комнатнаго ареста меня посѣтилъ генералъ Ѳ. Ѳ. Треповъ съ старшей дочерью своей, графиней А. Ѳ. Ниродъ.

Какъ только мнѣ позволили выѣхать, мы поѣхали въ Ливадію отдать имъ визитъ и добрымъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ были задержаны къ обѣду. Въ первый разъ намъ пришлось сытно и хорошо поѣсть, потому что въ Крыму кормили очень плохо. Главнымъ лишеніемъ для меня было не имѣть сливокъ къ чаю и хорошаго масла съ хлѣбомъ; тамъ этого достать было нельзя. Какъ отрадно встрѣтить хорошихъ знакомыхъ вдали отъ своихъ. У обѣдни я тоже имѣла пріятный сюрпризъ неожиданно увидѣть М. И. Игнатьеву, которая гостила въ Симеисѣ у брата своего, Мальцева.

Были въ Гурзуфѣ, Ялтѣ, Симеисѣ, Никитскомъ саду, Ливадіи, проѣзжали черезъ Оріанду и Айтодоръ.

Изъ всѣхъ прибрежныхъ помѣстій отдаю преимущество Алупкѣ; жаль, только что эта прелестная вилла находилась въ запущеніи; чувствовалось отсутствіе хозяина, но не исчезли слѣды барскаго благолѣпія, существовавшего при старомъ свѣтлѣйшемъ князѣ Воронцовѣ. Въ прекрасно распланированномъ паркѣ дорожки не были посыпаны пескомъ, а усѣяны мелкимъ камнемъ, по которому и ходить было больно, и обувь безпощадно уничтожалась. Вдовою сына старшаго князя, Маріей Васильевной, рожденной княжною Трубецкой, бывшей въ первомъ бракѣ за Столыпинымъ, были перевезены во Флоренцію, гдѣ она поселилась, всѣ рѣдкости, находящіяся въ домѣ, такъ что, кромѣ расположенія комнатъ, осматривать въ немъ было нечего. Самъ же домъ, или дворецъ, какъ его тамъ называли, имѣлъ снаружи изящный видъ съ своимъ блѣдно-зеленымъ цвѣтомъ aqua-marine и красивою верандою.

Фонтанъ, стоявшій передъ нимъ, не выбрасывалъ больше своей водяной струи, точно умолкъ, грустя о счастливомъ прошломъ. Не бывъ свѣдущей въ архитектурѣ, я не могу опредѣлить, къ какому стилю принадлежитъ домъ, но всѣ службы и стѣны были выстроены по одному образцу. По зубчатымъ стѣнамъ, мимо которыхъ приходилось проѣзжать, стлалась, какъ по трельяжу, большія вѣтви деревьевъ, на которыхъ граціозно висѣли продолговатыя густыя кисти лиловыхъ цвѣтовъ. Названіе этихъ деревьевъ я узнать не могла. Вообще въ Алупкѣ—собраніе самыхъ разнообразныхъ деревьевъ; есть тамъ цѣлая кипарисовая роща, красное дерево, молодые стволы котораго—зеленые, гладкіе, точно полированные; высокія магноліи съ своими крупными бѣлыми цвѣтами, похожими издали на гигантскія розы, съ нѣжно-лимоннымъ запахомъ; одно или два пробковыхъ дерева, обнесенныя рѣшеткой для огражденія отъ любителей, не падающихъ ничего и вырѣзывающихъ свои имена на корѣ. Много было другихъ деревьевъ, не виданныхъ мною на сѣверѣ, но названій

ихъ не помню, такъ какъ садовники татары объясняли по-своему. При насъ привезли маленькую березу, которую посадили въ паркъ съ церемоніей; какъ ей должно было казаться дико очутиться въ совершенно незнакомомъ и неподходящемъ ей обществѣ. Не знаю, существуетъ ли она или исчезла, тоскуя по родинѣ. Масличныя деревья, виноградники и табакъ, главное производство въ Крыму. Въ паркѣ къ самому берегу прилегаетъ большой вдающійся въ море камень, названный «Стрѣлокъ»—онъ замѣчателенъ тѣмъ, что когда девятый валъ въ него ударяетъ, онъ издаетъ сильный пушечный выстрѣлъ. Хотя камень этотъ находился въ довольно отдаленномъ разстояніи отъ занимаемаго нами дома, я часто, просыпаясь ночью, думала, что гибнетъ какой нибудь пароходъ и просить о помощи.

Мнѣ очень нравилось мѣсто подъ названіемъ «Хаосъ». Оно находилось въ самомъ концѣ обширнаго парка. Чтобъ подняться до него въ гору, надо было пройти по узкой тропинкѣ, нагибаясь подъ нависшими надъ головой двумя плотно соединенными скалами. Вокругъ горы, на которой мы усѣлись на скамьѣ, груды навалены были камни, представлявшіе собой настоящій хаосъ, но съ этой горы открывался чудный видъ на Черное море, которое такъ сливалось съ горизонтомъ, что раздѣляющую полосу одного отъ другого положительно не было видно. Вдали что-то мелькало въ родѣ летавшихъ чаекъ, но по мѣрѣ того, какъ точки эти приближались, оказывалось, что это было не что иное, какъ суда, шедшія подъ парусами. На гору Ай-Петри мы подняться не рѣшили, разница температуры была слишкомъ велика, чтобъ не подвергнуться простудѣ; внизу было 34 градуса тепла, а съ горы доставали ледъ.

Однажды мимо насъ проплыла цѣлая вереница дельфиновъ, разглядѣть ихъ хорошо было невозможно, они проходили колесомъ, то высунувъ на мгновенье свою черную морду, то ныряя съ поднятымъ хвостомъ, оставляя за собой полосу или дорожку на поверхности воды.

Катаясь однажды, мы видѣли на самой вершинѣ одной горы крестъ, водруженный императоромъ Александромъ II.

За исключеніемъ Алушки, мы осмотрѣли всѣ прелести крымскаго берега очень поверхностно. Постольскому все было давно знакомо, а барышни очень равнодушно относились ко всему, онѣ ничѣмъ не восхищались, ни красотой природы, ни живописной мѣстностію. Моя Евгенія скучала, сердце и мысли не тѣмъ были заняты, однако это не помѣшало ей видимо поправиться отъ морскихъ купаній.

Покинули мы Алуку въ концѣ октября; выѣхали рано утромъ, чтобъ поспѣть въ Севастополь къ отходу поѣзда. Закусивъ взятымъ съ собою завтракомъ въ Байдарской гостиницѣ, которая немного преобразовалась, я съ Петромъ Ивановичемъ пошли впередъ пѣшкомъ, пока не догонитъ насъ коляска съ нашими спут-

ницами. Погода была дивная, и мы прошли болѣе пяти верстъ, пока наконецъ не подѣхали за нами.

Въ Москвѣ мы разстались съ нашимъ спутникомъ, который остался погостить у знакомыхъ, и вернулись въ Царское въ первыхъ числахъ ноября.

Дома ожидало насъ новое горе; мы застали старшую дочь Се-режи, трехлѣтняго ребенка, въ безнадежномъ состояннн. Нѣсколько дней спустя, она скончалась отъ чахотки, не переживъ даже на годъ своего отца, котораго она ужасно любила и все говорила, что она скоро пойдетъ къ нему и къ Боженькѣ, а сестра останется у мамы.

Зимой съ нами былъ преуморительный случай. Поѣхали мы съ Евгеніей на приглашенный вечеръ въ Петербургъ къ хорошимъ старымъ нашимъ знакомымъ, генералу В., у котораго я была посаженной матерью, когда онъ женился. Жена его, хорошенькая и очень милая женщина, предупредила, что молодежь будетъ танцовать запросто, и барышни будутъ въ высокихъ платьяхъ. Евгенія была въ бѣломъ, съ цвѣткомъ на головѣ, а я въ сѣромъ атласномъ платьѣ съ мантилейю того же цвѣта и кружевной наколкой. Подѣхали къ дому, верхомъ жандармы, городовые стоятъ, я высунулась въ окно и спросила, тутъ ли живетъ генералъ В. Получивъ утвердительный отвѣтъ, мы выходимъ изъ кареты; въ сѣняхъ швейцаръ въ красной ливреѣ съ булавой; на ступенькахъ по обѣ стороны разставлены лакеи въ ливреяхъ. Я говорю, обращаясь къ дочери: съ какой радости онъ задеетъ такой шикъ, кажется, насъ надули, приглашая запросто, но, какъ видно, это *grand bal paré*. Подымаемся нѣсколько ступень выше, лакей французъ снимаетъ съ насъ шубы; еще нѣсколько ступеней, и ко мнѣ подходитъ господинъ во фракѣ съ вопросомъ: «*Votre nom, madame?*» Когда я назвалась, и онъ въ дверяхъ во всеуслышаніе повторилъ: «*M-me Patkul et sa fille*», тутъ только я сообразила, что мы не туда попали. Благодаря церемоній-мейстеру высочайшаго двора, стоявшему возлѣ дамы въ парадномъ туалетѣ, я догадалась, что мы находимся у французской посланницы. Такъ какъ я была врагомъ всѣхъ официальныхъ представлений и никогда не посѣщала ихъ, то не обратила вниманія, что въ приглашеннн день ея приѣма совпадалъ съ вечеромъ генерала В. Представивъ другъ другу своихъ дочерей и обмѣнявшись нѣсколькими любезными словами, мы съ Евгеніей вышли въ боковую дверь, сошли съ лѣстницы и, сѣвъ въ карету, такъ расхохотались, что, доѣхавъ до мѣста назначенія, не могли прійти въ себя и со смѣхомъ рассказывали о нашемъ случайномъ визитѣ французской посланницѣ. Первый разъ въ жизни со мной подобное случилось, не понимаю, какъ могло найти на меня такое затменіе, что при видѣ швейцара, лакеевъ въ парадныхъ ливреяхъ я не тотчасъ догадалась, что мы попали не туда, куда ѣхали.

Впрочемъ могло бы случиться, что В....., обладая хорошими средствами, имѣя взрослыхъ дочерей, вздумалъ бы задать пиръ на весь міръ. Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я не могу вспомнить безъ смѣха объ этомъ случаѣ.

Въ 1887 году, 22-го апрѣля, состоялось бракосочетаніе дочери моей Евгеніи съ поручикомъ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго батальона, Александромъ Михайловичемъ Малиновскимъ. Это было развязкой того равнодушнаго или апатичнаго настроенія, которое появилось у нея въ Крыму и вообще за послѣднее время. Она была того мнѣнія, «qu'un seul être lui manque et l'univers est dépeuplé». Главная бѣда была въ томъ, что маменька долго не давала своего согласія, но увидѣвъ наконецъ, что это не увлеченіе, а серьезное чувство, должна была уступить. Противъ судьбы не подѣлаешь ничего. Молодые поселились въ офицерскомъ флигелѣ, а я съ старшимъ сыномъ отправилась на лѣто въ Романшино къ Владимиру. Время провели мы очень пріятно въ большомъ обществѣ; туда пріѣхала тоже вдова Сережи съ своей малюткой, матерью и бабушкой; кромѣ того, были очень симпатичные дачники, А. П. Ганзенъ съ дочерью Е. К. Якоби и внучатами. Мои молодые два раза пріѣзжали насъ навѣщать.

Въ Романшинѣ я принялась за отдѣлку моей поэмы «Суженный», лежавшей подъ спудомъ за отсутствіемъ времени, или, вѣрнѣе, вдохновенія, съ 1862 года.

Дѣти мои, какъ сыновья, такъ и дочери, женились и вышли замужъ по любви и счастливы въ супружеской жизни, семьи почти у всѣхъ большія, но средствъ, къ сожалѣнію, нѣтъ, и приходится перебиваться. Никто какъ Богъ; Онъ не оставитъ ихъ.

Сынъ мой Александръ, бывъ полковникомъ, передъ выходомъ въ отставку перешелъ въ Нарвскій гусарскій полкъ, объясняя переходъ свой тѣмъ, что въ гусарской формѣ не такъ замѣтно отсутствіе погонь, какъ въ кирасирской.

Со свадьбы Евгеніи я удалилась отъ свѣта, сознавая, что присутствіе мое никому не можетъ доставить удовольствія; къ тому же я чувствовала себя чуждой и уединенной въ большомъ свѣтѣ, гдѣ мало осталось моихъ современниковъ, а потому предпочла доживать свой вѣкъ вдаль отъ суеты мірской, тѣмъ болѣе, что пошатнувшееся здоровье часто приковывало меня къ дому.

Въ апрѣлѣ 1894 года дочь моя Маруся Мейеръ отпраздновала у меня свою серебряную свадьбу. Къ этому торжеству съѣхались ко мнѣ, кромѣ юбиляровъ съ многочисленной своей семьей, остальные дѣти, внучата, невѣстки, зятя, Augustine Каульбарсъ съ сыномъ, такъ что домъ мой, довольно помѣстительный, былъ переполненъ, и размѣстились, какъ и кто гдѣ могъ; не даромъ пословица говорить: «чѣмъ тѣснѣе, тѣмъ дружнѣе».

Семья моя, благодаря Бога, большая; если бы всѣ одновременно съѣхались, то съ правнуками и со мной насъ было бы 55 чело-

вѣкъ. Зять мой Мамаевъ увѣрялъ, что на домѣ моемъ не доставало надписи: «Страннопріимный домъ», такъ какъ у меня regrettable mobile: одни пріѣзжаютъ, другіе уѣзжаютъ; поэтому я никогда одна не бываю: то дѣти, то внучата гостятъ у меня; теперь только для нихъ осталось жить; ими и живу, счастлива, если могу имъ быть чѣмъ нибудь полезна.

Тяжелый ударъ судьба готовила Россіи въ 1894 году.

20-го октября, ровно тридцать четыре года спустя послѣ кончины матушки царицы Александры Феодоровны, намъ суждено было оплакивать преждевременную кончину внука ея, нашего обожаемаго государя императора Александра III.

Весь міръ съ небывалымъ сочувствіемъ отнесся къ глубокому горю Россіи въ утратѣ царя-миротворца! Неисповѣдимы предначертанія Всевышняго!

Мнѣ, старухѣ, носившей его ребенкомъ на рукахъ, пришлось пережить этого колосса по сложенію и силѣ.

Въ февралѣ 1896 года, вставъ съ мѣста, съ свойственной мнѣ живостью, чтобы пойти накормить внучатъ завтракомъ, я зацѣпила ногой за коверъ, растянулась на полу во весь ростъ, сломала себѣ опять правую руку и такъ сильно ушибла колѣно, что ступить на ногу не могла. Благодаря сыну моему Александру, который проводилъ зиму постоянно со мной, медицинская помощь была немедленно подана. Онъ, дочь моя Ольга Мамаева и двѣ взрослые внучки, гостившія у меня, трогательно ухаживали за мной. Александръ написалъ брату и сестрамъ о случившемся со мной несчастіи, на что я замѣтила ему, что этотъ случай нельзя назвать несчастіемъ, такъ какъ несчастіе бываетъ только тогда, когда смерть возьметъ отъ васъ дорогое существо. Несчастіе не замедлило глубоко поразить мое материнское сердце.

Въ томъ же 1896 году, 13-го іюля, съ Александромъ сдѣлалось дурно, когда онъ возвратился изъ Петербурга. Вообще послѣднее время видъ у него былъ не хорошій, онъ былъ блѣденъ и худъ, но не признавалъ ни докторовъ, ни лѣченія. Несмотря на то, я тотчасъ послала за докторомъ, къ которому онъ имѣлъ довѣріе. Выйдя отъ него, докторъ имѣлъ озабоченный видъ, но сказалъ мнѣ только, что онъ обѣщаль сыну пріѣхать на слѣдующее утро, чтобы рѣшить, можетъ ли онъ ѣхать на скачки въ Петербургъ или нѣтъ. 14-го утромъ, въ то время, какъ я сидѣла съ сыномъ въ его комнатѣ у письменнаго стола и разговаривала, онъ закрылъ вдругъ глаза, голова его начала склоняться въ сторону, тутъ я вскочила съ мѣста, поддержала его голову, и онъ тихо скончался на моихъ рукахъ, точно уснулъ. Никогда мнѣ не случалось видѣть такую спокойную, тихую кончину, ни одинъ мускулъ лица не дрогнулъ, ни одного вздоха не было слышно. Онъ угасъ на 51-мъ году отъ рожденія. Человѣкъ чуднаго характера, онъ былъ любимъ всѣми, кто его зналъ: родными, друзьями и товарищами.

Сколько утратъ и тяжелыхъ испытаній пришлось мнѣ перенести на своемъ вѣку! Черезъ три мѣсяца послѣ его кончины новое горе посѣтило нашу семью: моя бѣдная дочь Ольга Мамаева лишилась своего мужа, котораго злая чахотка свела въ могилу. Она осталась съ четырьмя дѣтьми: тремя сыновьями, еще учениками, и маленькой дочкой, такъ что въ дѣтяхъ у нея помощи еще нѣтъ.

Тяжело оставаться вдовой съ малолѣтними дѣтьми, не имѣя ни помощниковъ, ни совѣтниковъ.

Говорятъ, что въ старости люди дѣлаются ворчливы, я не отрицаю этой истины, потому что мнѣ часто приходится ворчать на пятерыхъ моихъ внуковъ, которые съѣзжаются ко мнѣ изъ Петербурга на праздники изъ разныхъ учебныхъ заведеній, иногда съ своими товарищами. Можно себѣ представить, какой шумъ подниметь эта молодежь, изъ коей старшимъ 19, а младшему 15 лѣтъ, когда они начнутъ бѣгать и возиться, не понимая, что этотъ шумъ въ тягость ихъ 78-ми-лѣтней бабушкѣ, которая не въ состояннн переносить его съ должной снисходительностью. Но моя ворчливость, какъ видно, не пугаетъ ихъ, потому что они всегда охотно прѣзжаютъ ко мнѣ, не пропуская не только ни одной субботы, но даже если праздникъ выпадетъ среди недѣли.

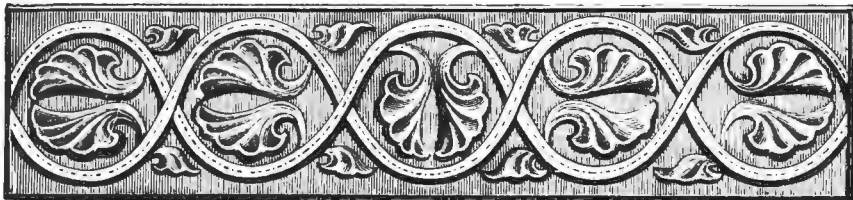
25-го мая 1900 года, свѣтлый, чудный лучъ солнца неожиданно озарилъ мой домъ. Наша обожаемая императрица Марія Теодоровна осчастливила меня своимъ милостивымъ посѣщеніемъ, которое точно придало мнѣ новыя силы и подкрѣпило мое пошатнувшееся здоровье.

Да благословитъ Господь Богъ ея величество за доставленныя мнѣ своимъ посѣщеніемъ отрадныя и счастливыя минуты.

Этимъ заканчиваю свои воспоминанія.

М. А. Паткуль.

«СВѢЖО ПРЕДАНИЕ, А ВѢРИТСЯ СЪ ТРУДОМЪ!»

В ОЛБѢ ТРИДЦАТИ ЛѢТЪ живя, служа и работая на самыхъ разнородныхъ поприщахъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, пріѣхавъ сюда сейчасъ вслѣдъ за подавленіемъ возстанія 1863—1865 гг., на каждомъ шагѣ сталкивался я и сталкиваюсь до сихъ поръ со слѣдами удивительной дѣятельности приснопамятнаго русскаго человѣка, гр. М. Н. Муравьева. Въ государственную жизнь края графъ Муравьевъ мощной, убѣжденной рукой вбилъ навѣки такой прочный клинъ, что всѣ попытки враговъ его системы, начиная съ Потапова, выбить этотъ клинъ не привели ни къ чему... Напротивъ... даже въ наши дни, за какое бы мирное начинаніе ни принимались въ краѣ, неизбѣжно приходятъ къ роковому вопросу: «а что сдѣлалъ въ этомъ направленіи графъ Муравьевъ?» и, ознакомившись со взглядами графа, отдаютъ должную справедливость ихъ глубинѣ, ясности, прозорливости и практичности, поучаются и вдохновляются... Смѣло можно сказать, что нѣтъ той сферы, въ которую бы, за короткій промежутокъ трехъ лѣтъ, не проникъ своевременно острый, государственный умъ Муравьева, куда не забросилъ бы онъ своего орлинаго, молніеноснаго взора... И куда ни падалъ этотъ взоръ, всюду устанавливался законный порядокъ, закипала здоровая, бодрая жизнь, униженные поднимали головы, крамола блѣднѣла и гасла, справедливость торжествовала... Были, конечно, единичныя жертвы... Зато спасались милліоны!.. И русская исторія, въ лицѣ гр. М. Н. Муравьева, имѣетъ яркій примѣръ упорнаго, убѣжденнаго, колоссальнаго труда одного человѣка на пользу общую... Политика, адми-

нистрація, искусство, быть простого народа и войска, служба въ канцеляріяхъ, общественныя удовольствія, благоустройство городовъ и деревень, частная жизнь, вопросы церкви православной и римско-католической—все одухотворялось вѣрою этого нравственного и умственного титана въ историческія задачи Россіи, горячей любовью къ отечеству, жаждой честно, по мѣрѣ пониманія и силъ, послужить своему государю... И гр. М. Н. Муравьевъ точно торопился въ своихъ замыслахъ и предначертаніяхъ какъ бы предвидя, что его могутъ остановить на поль-пути, или что старческія силы его не вынесутъ въ концѣ концовъ подобной работы...

Изучая прошлое Сѣверо-Западнаго края, постоянно встрѣчалъ я лицъ, беззавѣтно поклонявшихся памяти великаго покойника, и на ряду съ ними особъ, отъ одного упоминанія имени его блѣднѣвшихъ и раздражавшихся бурными, страстными филиппиками... Между тѣми и другими находились и русскіе и поляки, люди «чистые сердцемъ» и политическіе безумцы; лица, нагрѣвшія себѣ руки, пользуясь смутами, и ушедшія изъ края съ незамаванными репутаціями... Трудно было подчасъ разобраться среди этихъ противорѣчивыхъ мнѣній, иногда вызванныхъ болью незажившихъ еще ранъ, уязвленныхъ самолюбій, неудовлетворенныхъ аппетитовъ... Но, во всякомъ случаѣ, крупная, мощная, грозная фигура «диктатора Литвы» вставала во весь ростъ еще рельефнѣе каждый разъ, когда касались ея любовь или ненависть человѣческія... И какъ мелки, ничтожны и пристрастны казались мнѣ порой многіе пигмеи современности, умысленно или въ невѣдѣніи того, что творятъ, старающіеся, иногда даже въ наши дни, расшатать тотъ культурно-историческій клинъ, который вбитъ былъ въ жизнь Сѣверо-Западнаго края гр. Муравьевымъ, и о которомъ я уже упомянулъ выше.

Часто проходя мимо разрушающагося, запущеннаго виленскаго генераль-губернаторскаго дворца, въ которомъ жилъ, думалъ и работалъ гр. М. Н. Муравьевъ, вникалъ я въ судьбу этого желѣзнаго дѣятеля. И всегда чудилось мнѣ много глубокаго трагизма въ положеніи Муравьева, призваннаго, вопреки желанію его, къ дѣлу умиротворенія края,—человѣка, которому досталось на долю, съ болью въ сердцѣ, съ отвращеніемъ въ душѣ, казнить, усмирять, искоренять и преслѣдовать, но котораго грубо оторвали отъ дѣла недремавшіе враги его въ тотъ самый моментъ, когда ему оставалось только прощать, миловать, направлять милліоны ввѣренныхъ ему высочайшей властью жизней на путь мирнаго развитія и благоденствія по программѣ, строго основанной на историческихъ началахъ. Много передумалъ я и на тему о той непримиримой, беспощадной ненависти, которая зорко преслѣдуетъ скорбную тѣнь его даже за гробомъ... И вотъ, по мѣрѣ того, какъ изучалъ я, по сказаніямъ очевидцевъ, по безспорнымъ подлинникамъ,

частью не опубликованнымъ, по фактамъ и воспоминаніямъ, исторію послѣдняго возстанія, все то, что относилось къ личности Муравьева,—великая, искренняя жалость къ судьбѣ его чаще и чаще прокрадывалась въ мое сердце,—та жалость, которая обыкновенно служитъ источникомъ безграничной, преданной любви... Матеріала же было достаточно, и матеріала самаго разнороднаго, идущаго изъ различныхъ лагерей, даже отъ враговъ Муравьева...

Въ Вильнѣ пережилъ я позоръ, ужасы «потоповщины» и видѣлъ, какъ русскія же руки старались стереть въ потомствѣ самую память о Муравьевѣ... Преслѣдовались лица, ему близкія; уничтожались дѣла, свидѣтельствовавшія о его добротѣ и гуманности; запрещалось громко говорить правду о его мирныхъ, культурныхъ подвигахъ; считалось преступнымъ писать и даже думать о Муравьевѣ... То были дни тяжелыхъ испытаній для нашего многострадальнаго края. Все робко притаилось и ждало наступленія лучшаго времени, вѣруя и молясь... Сколько пострадало въ эту грустную эпоху ревностныхъ, честныхъ сотрудниковъ графа, недавно еще считавшихъ, что они служили вѣрой и правдою царю и родинѣ, получившихъ за эту службу награды, и которыхъ высылали теперь, гнали, зашали за ту же бывшую дѣятельность!.. Ихъ преждевременныя могилы разсыпаны по всей Руси великой и украшаютъ Виленское православное кладбище... Сердца ихъ, надорванныя неправдой и преслѣдованіями, перестали биться, но идеалы ихъ живы, безсмертны... Тружениковъ этихъ не забудетъ тотъ, кто станетъ писать о графѣ Муравьевѣ. А историкъ послѣдняго возстанія и времени, за нимъ непосредственно слѣдовавшаго, уже теперь бережно собираетъ имена этихъ жертвъ недоразумѣнія въ свои изслѣдованія и мартирологи... Но сколько такихъ борцовъ за правду осталось неизвѣстными міру!.. Ты же, Господи, видѣлъ ихъ труды, Ты читалъ въ сердцахъ ихъ и помыслахъ!.. Ты простилъ имъ уже ихъ невольныя прегрѣшенія во имя того, что они беззавѣтно любили свою родину и служили ей по мѣрѣ силъ и разума!..

Настали, наконецъ, снова въ Вильнѣ, свѣтлые, давно желанные дни—дни спокойной, безпристрастной оцѣнки заслугъ графа М. Н. Муравьева. По высочайшей волѣ и почину, пожертвованіями русскихъ людей выросъ здѣсь, рядомъ съ генераль-губернаторскимъ дворцомъ, внушительный памятникъ крутому, суровому генералу, не любившему много разговаривать, колебаться и шутить. Вслѣдъ за нимъ возникъ и музей имени покойнаго графа, куда быстро стали стекаться документы, краснорѣчиво говорящіе истину о прошломъ... И вотъ изъ хаоса лжи, клеветъ, злобныхъ нападокъ все чаще и чаще стала просвѣчивать добрая, отзывчивая на все честное, благородная личность Муравьева, раздавившаго отдѣльныя личности—русскія и польскія, по большей части, глу-

боко преступныя, чтобы цѣною этихъ жертвъ спасти миллионы невинныхъ, готовившихся, очертя голову, броситься въ безуміе послѣдняго мятежа... Недаромъ же благополучно здравствующій нынѣ сотрудникъ графа Муравьева, высокія сердечныя качества котораго извѣстны всей Россіи, сенаторъ Иванъ Михайловичъ Геденовъ, въ эпоху возникновенія Муравьевскаго музея, писалъ мнѣ о добротѣ и сердечности покойнаго «диктатора Литвы», опровергая тѣмъ сплетни о его кровожадности и жестокости. Письмо это въ подлинникѣ пожертвовано мною въ Муравьевскій музей вмѣстѣ съ другими документами, характеризующими личность графа Муравьева. Много хорошаго сообщалъ мнѣ о графѣ Муравьевѣ, какъ человѣкѣ, другой его сотрудникъ—почтенный старецъ Ив. Петр. Корниловъ, а равно лица, бывшія свидѣтелями благородныхъ, великодушныхъ его поступковъ. Постановка памятника графу М. Н. Муравьеву, учрежденіе въ Вильнѣ музея его имени—событія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, подняли сданные уже въ архивъ историческіе вопросы... Старыя раны снова раскрылись; могилы заговорили. Оказалось, что, переживъ въ краѣ эпохи различныхъ колебаній, индифферентизма, перемѣтъ, мы все-таки роковымъ путемъ очутились у прежняго источника, т.-е. у основъ государственной политики гр. Муравьева. Это былъ сюрпризъ для многихъ... «Кликуши» же мѣстнаго общества громко увѣряли, что они всегда жили и дѣйствовали «по Муравьеву»... Явились, какъ водится, очевидцы, будто бы знавшіе лично графа Муравьева и по рассказамъ которыхъ выходило, что Россія и самъ графъ погибли бы, если бы не они, его сотрудники, «дѣлавшіе съ нимъ исторію». Общество слушало, улыбалось и не возражало «кликушамъ»... Вильна пережила, наконецъ, и трогательныя, незабвенныя торжества открытія памятника и музея... Увы! немного съѣхалось тогда изъ бывшихъ вѣрныхъ соратниковъ гр. Муравьева. Можно было кстати припомнить слова поэта: «однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече!»... Но зато достаточно было произнесено теплыхъ, убѣжденныхъ рѣчей; со всѣхъ концовъ Россіи слетѣлись въ Вильну привѣтствія, вѣнки, телеграммы, адреса... Не припомню, чтобы русское самосознаніе въ краѣ проявилось за послѣдніе годы въ такой силѣ!... Мы, русскіе, съ замраніемъ сердца ожидали еще одного вѣнка... вѣнка отъ «благодарныхъ польскихъ матерей», конечно, не отъ тѣхъ несчастныхъ, убитыхъ горемъ матерей, дѣти которыхъ погибли во время мятежа, а отъ тѣхъ, сыновей которыхъ нѣкогда удержала желѣзная рука графа Муравьева отъ непосредственнаго участія въ мятежническихъ шайкахъ, а слѣдовательно и отъ гибели. Такого вѣнка не дождалась молчаливая, угрюмая статуя графа... Зато ко дню и въ самый день открытія памятника Вильна была засыпана прокламаціями, пытавшимися запугать русское общество и затормозить проявленіе истинныхъ его чувствъ. (Нѣсколько

такихъ прокламацій мнѣ удалось официально получить для Муравьевскаго музея изъ Виленскаго губернскаго жандармскаго управленія. Я передалъ ихъ въ музей, какъ характеристику настроенія известной части общества). Одинъ мѣстный писатель, дерзнувшій прочесть публично стихотвореніе, посвященное памяти Муравьева, получилъ угрожающее, анонимное двустишіе; къ дверямъ его квартиры подкинули изображеніе висѣлицы. Невѣдомые міру безумцы очевидно предполагали, что и въ наши дни они способны поставить между графомъ Муравьевымъ и его политическимъ потомствомъ преграду въ формѣ жалкихъ, подпольныхъ листовъ, въ которыхъ было много бессильной, беззубой ненависти и клеветы, а правда умышленно искажалась или обходилась молчаніемъ. Но русское общество безстрашно, презрѣвъ угрозы, въ составѣ лучшихъ своихъ представителей, пришло поклониться тому, кто нѣкогда работалъ и страдалъ въ Вильнѣ,—работалъ, предвидя спокойствіе, которымъ нынѣ наслаждается нашъ Сѣверо-Западный край... Не забуду той минуты, когда покойный генералъ-адъютантъ В. Н. Троицкій, вставъ во главѣ войскъ Виленскаго гарнизона, проходилъ церемоніальнымъ маршемъ мимо памятника знаменитаго своего предшественника, салютуя ему и восторженно вглядываясь въ его бронзовыя черты, — проходилъ передъ блестящею группою родственниковъ графа, бывшихъ его сотрудниковъ, православнаго духовенства, высшихъ представителей духовной и гражданской власти... Помню, какъ земля дрогнула подъ безчисленными орудіями, подъ лошадиными копытами и шагами стройно проходившаго многочисленнаго войска. Дрогнули и русскія сердца... Съ исторической Замковой горы раздался установленный пушечный салютъ. Музыка гремѣла. Знамена развѣвались. Солнце сіяло... Все слилось въ одномъ общемъ ликованіи, но въ ликованіи мирномъ, въ которомъ не было и тѣни желанія обидѣть бывшихъ противниковъ, грубо прикоснуться къ незажившимъ еще ихъ ранамъ. Забвеніе, забвеніе прошлому и вѣчная память честнымъ бойцамъ, павшимъ за правду! Казалось, только одна фигура грознаго графа безстрастно относилась къ этому суду потомства, или принимая его, какъ должное, или скорбно вдумываясь въ пережитое, а, быть можетъ, и прозрѣвая будущее...

Не обошлось, какъ водится, безъ комическаго элемента—безъ «мирной демонстраціи»: въ окнахъ дома, находящагося противъ памятника, были умышленно приспущены сторы, и въ то же время изъ-подъ сторъ этихъ, въ промежуткѣ между нижнимъ краемъ ихъ и подоконниками, украдкой на торжество и собравшуюся публику глядѣло нѣсколько паръ глазъ и даже сверкали бинокли... Мы, русскіе, все это видѣли и отъ души смѣялись. А я лично пожалѣлъ, что не было подъ рукой фотографа, который снялъ бы эту сцену, чтобы пожертвовать потомъ снимокъ въ Муравьевскій музей въ дополненіе къ прокламаціямъ...

На торжествѣ открытія памятника Муравьеву былъ, — зачѣмъ скрывать это? — и элементъ крайне грустный, нежелательный. Вѣроятно, въ суетѣ и заботахъ о съѣхавшихся высокопоставленныхъ гостяхъ забыли тѣхъ, кого такъ любилъ, уважалъ и отличалъ виновникъ торжества графъ М. Н. Муравьевъ: провинціальное православное духовенство Сѣверо-Западнаго края, этихъ скромныхъ, незамѣтныхъ, но великихъ пионеровъ русскихъ началъ въ краѣ. Ко дню открытія памятника сельскихъ батюшекъ съѣхалось въ Вильну видимо-невидимо. Были между ними почтенные, сѣдовласые старцы, хорошо помнящіе послѣдній мятежъ и, быть можетъ, только благодаря случаю, благополучно избѣжавшіе повстанской висѣлицы, позора и пытокъ... Много о чемъ могли бы они вспомнить, рассказать намъ, современникамъ, поучительное о томъ, каково жилось до графа Муравьева въ краѣ православному священнику, честно исполнявшему свой пастырскій долгъ... Батюшки эти участвовали и въ духовной процессіи къ памятнику. Но... ихъ не угостили не только обѣдомъ, даже стаканомъ чая: ихъ попросту забыли!.. И могу удостовѣрить, какъ говорившій лично со многими изъ нихъ, что увезли они изъ современной Вильны далеко не свѣтлое, благодарное воспоминаніе, еще теплѣй помянувъ «приснопамятнаго боярина Михаила»... Зато мы, немногіе избранные, хорошо покушали въ военномъ собраніи, во время торжественнаго официальнаго обѣда, гдѣ говорились официальные рѣчи, а потомъ вечеромъ въ дворянскомъ клубѣ — на частномъ ужинѣ по подпискѣ... На ужинѣ, кромѣ рѣчей, были даже поросята, специально выписанные изъ Москвы отъ Тѣстова... И какіе это были поросята, бѣлые, нѣжные, таявшіе во рту! Уничтожая мою порцію, невольно вспоминалъ я сельскихъ батюшекъ, разѣзжавшихся въ тотъ мигъ изъ Вильны, какъ говорится, «не солоно хлебавши»... В. В. Комаровъ, которому, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, не удалось произнести рѣчь за официальнымъ обѣдомъ, обманулъ ожиданіе и надежды распорядителей, просившихъ не говорить рѣчей, и произнесъ-таки за ужиномъ бурно-пламенное слово, всѣхъ наэлектризовавшее...

Въ періодъ съѣзда гостей въ Вильну у одного изъ мѣстныхъ дѣятелей былъ пиръ, на которомъ представитель администраціи края, недавно пріѣхавшій сюда со стороны и мало еще край знавшій, произнесъ спичъ, бросивъ присутствовавшимъ, а, значитъ, и тѣмъ изъ нихъ, кто на плечахъ своихъ съ честью вынесли всѣ ужасы и недоразумѣнія послѣдняго мятежа, обвиненіе въ «недостаткѣ культурности», пояснивъ, что мнѣніе это окрѣпло въ немъ подъ влияніемъ... чтенія подлинныхъ дѣлъ его канцелярѣи, относящихся къ прошлому времени... Нѣкоторые изъ насъ, не разобравъ сразу всей соли этой фразы, даже чокнулись съ ораторомъ и въ замѣшательствѣ благодарно пожали ему руку... Зато и ругались же они послѣ, когда поспокойнѣй разобрались въ минувшихъ впечатлѣніяхъ!.

Многіе хотѣли тутъ же возразить ему, заявивъ, что онъ слишкомъ мало живетъ въ краѣ, чтобы дѣлать подобныя выводы, напомнивъ ему, кстати, завѣтъ графа М. Н. Муравьева—изучать людей отнюдь не по канцелярской перепискѣ, а на дѣлѣ, сходясь съ ними, совместно работая... Но основательнаго возраженія не послѣдовало... Воображаю, однако, какое мнѣніе о виленскихъ дѣятеляхъ унесли сидѣвшіе за столомъ и слышавшіе эту рѣчь пріѣзжіе со стороны?!...

Были еще курьезы, недоразумѣнія и типичныя сценки... Но, право, они достойны особаго повѣствованія и ждуть еще своего писателя... Многіе изъ нихъ несомнѣнно свидѣтельствовали о томъ, что попрежнему далеки мы еще отъ идеаловъ Муравьева, отъ сознательнаго проведенія этихъ идеаловъ въ нашу жизнь...

«А сколько ихъ нѣтъ уже въ живыхъ» изъ тѣхъ, которые въ стѣнахъ древней Вильны сошлись и съѣхались въ этотъ день, чтобы возстановить историческую правду! Умерли и В. Н. Троицкій, и Т. И. Филипповъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ: какъ сейчасъ, вижу ихъ всѣхъ въ различные моменты церемоніи. Умолкъ и голосъ честнаго, благороднаго, неутомимо-вѣрнаго, много-выстрадавшаго сотрудника графа М. Н. Муравьева—Ивана Петровича Корнилова, не могшаго явиться лично по болѣзни, но зато горячо откликнувшася издалека ко дню всеобщаго торжества... Нѣтъ уже и многихъ, многихъ изъ менѣ крупныхъ, менѣ видныхъ дѣятелей, которые радовались со всѣми нами и переживали бывшее...

Врѣзалась мнѣ въ память еще одна характерная, бытовая картинка... Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія памятника, когда именитые гости и депутаціи разъѣхались, а наша Вильна приняла обычный сонный видъ, проходилъ я рано утромъ по Муравьевской площади мимо памятника. На площади, какъ мнѣ показалось въ первую минуту, никого не было, кромѣ очереднаго городского... Вдругъ замѣчаю колѣнопреклоненную фигуру: у памятника стоитъ и усердно молится, творя крестное знаменіе, старый, увѣшанный орденами, отставной солдатъ. Нечего говорить, что молился онъ о графѣ Муравьевѣ. И не могу себѣ простить, что недосугъ помѣшалъ мнѣ подойти и разспросить набожнаго служиваго о его прошломъ. Про случай этотъ, какъ очень характерный, передалъ я тогда же многимъ... Онъ тронулъ меня до глубины души, тѣмъ болѣе, что молящійся въ такой ранній часъ на пустынной площади не могъ подозревать даже, что поведеніе его будетъ замѣчено постороннимъ, случайнымъ прохожимъ... Эта тайная молитва безвѣстнаго русскаго солдатика, вѣроятно, бывшаго подчиненнаго графа М. Н. Муравьева, по мнѣнію моему, была лучшимъ, безсмертнымъ вѣнкомъ среди дорогихъ, пышныхъ вѣнковъ, которые украшали въ тѣ дни подножіе Муравьевской статуи... Невольно вспомнились мнѣ слова поэта:

«Къ нему не зарастетъ народная тропа».

Дай-то Богъ, чтобы не заросла!...

Если подробно остановился я на личности гр. М. Н. Муравьева, на его эпохѣ, коснувшись попутно событій открытія въ Вильнѣ памятника и музея его имени, то для того, чтобы объяснить, почему столь горячо, за много лѣтъ до устройства музея, сталъ собирать я документы, относившіеся до такъ называемаго «Муравьевскаго времени» въ нашемъ краѣ, спасая то, что еще можно было спасти. Въ комиссію по устройству музея попалъ я тоже при исключительныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ упомяну ниже.

Мысль о Муравьевскомъ музеѣ въ Вильнѣ принадлежитъ всецѣло мнѣ, и впервые въ печати была высказана она мною въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 16-го сентября 1897 г. (№ 205), во время закладки памятника гр. Муравьеву. Замятка эта произвела должное впечатлѣніе на мѣстное общество и подготовила почву въ умахъ и сердцахъ для осуществленія проекта о музеѣ. Но задолго до этой замятки говорилъ я и писалъ о необходимости такого музея именно въ Вильнѣ. Говорилъ не разъ я на ту же тему и съ покойнымъ генералъ-адъютантомъ В. Н. Троицкимъ. Номеръ «Виленскаго Вѣстника» съ моей замяткой при письмѣ представилъ я тогда же генералу Троицкому, былъ вызванъ послѣднимъ для личныхъ объясненій, и мнѣ было поручено выработать подробную памятную записку по этому вопросу. Составленная мною записка вызвала резолюцію, въ смыслѣ необходимости болѣе подробнаго указанія на средства, нужныя для открытія музея, и на мѣсто, гдѣ было бы возможно его устроить. (Имѣющіеся у меня документы по вопросу о возникновеніи Муравьевскаго музея, его развитіи и ростѣ со временемъ я пожертвую въ музей).

Болѣзнь, недосугъ, частыя отлучки изъ Вильны мѣшали мнѣ, однако, передѣлать мою записку. Наконецъ, она была готова и переписана, когда случайно узналъ я, что другое лицо представило генералу Троицкому по тому же вопросу объ устройствѣ музея памятную записку, которой и дается законный ходъ... Нечего говорить, съ какими чувствами принялъ я это неожиданное извѣстіе!.. И вотъ, пользуясь первымъ же свиданіемъ съ генераломъ Троицкимъ, я со свойственной мнѣ откровенностью высказалъ ему мое удивленіе по поводу того, что онъ очевидно оставилъ безъ вниманія все, что говорилось мною и писалось ранѣе объ учрежденіи въ Вильнѣ Муравьевскаго музея, а даетъ ходъ проекту другого лица. Благородный, прямой Виталий Николаевичъ искренно смѣялся надъ моимъ негодованіемъ, сообщивъ мнѣ въ шутовомъ тонѣ имя лица, подавшаго ему новый проектъ, а на мое замѣчаніе, что вѣдь я первый высказалъ печатно мысль о музеѣ, а теперь мысль мою осуществляетъ другой, нѣсколько сухо замѣтилъ:

— Да не все ли равно для исторіи, кто это сдѣлалъ первый?

— Конечно,—отвѣтилъ я,—для исторіи это безразлично! Я и не претендую дѣлать исторію. А вотъ для чувства справедливости это далеко не все равно...

— Ну, тогда, для чувства справедливости, я и назначу васъ въ будущую комиссію по устройству Муравьевскаго музея,— снова переходя на шутливый тонъ, замѣтилъ мнѣ Виталій Николаевичъ.

Такимъ образомъ, неожиданно для меня самого состоялось назначеніе мое членомъ комиссіи, и изъ инициаторовъ музея попалъ я въ число его заурядныхъ работниковъ... Конечно, это нисколько не ослабило моей энергіи, и нѣсколько фактовъ, приводимыхъ ниже, покажутъ, что я все-таки сдѣлалъ кое-что для памяти гр. М. Н. Муравьева, оставаясь даже простымъ любителемъ-археологомъ и членомъ комиссіи...

Извиняясь за эти невольныя отступленія, необходимыя, однако, для уясненія фактовъ, служащихъ содержаніемъ настоящей статьи, попытаюсь, хотя бы въ бѣглыхъ очеркахъ, изложить грустныя и комическія приключенія нѣкоторыхъ предметовъ и документовъ, при моемъ непосредственномъ участіи попавшихъ, наконецъ, въ Муравьевскій музей.

Проѣздомъ въ имѣніе жены моей «Лабардзи», Ковенской губерніи, узнавъ отъ знакомаго, что въ г. Россіенахъ, въ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, пропадають тысячи пудовъ старой бумаги, я пошелъ къ россіенскому исправнику (теперь уже переведенному изъ Россіенъ и, кажется, умершему). Между мною и официальнымъ блюстителемъ уѣздной нравственности произошелъ слѣдующій характерный діалогъ.

— Можно заглянуть мнѣ въ вашъ полицейскій архивъ?—говорю я послѣ нѣ котораго предисловія.

— А вамъ это зачѣмъ?

— Да вотъ хотѣлъ бы посмотреть... нѣтъ ли чего тамъ интереснаго...

— Что же васъ собственно интересуетъ?

— Да такъ... Напримѣръ, историческіе документы...

— Какіе же въ уѣздномъ архивѣ могутъ быть историческіе документы?

— У васъ, говорятъ, они навалены тысячами пудовъ! Поговариваютъ даже, что когда-то видѣли тамъ бумаги, относящіяся къ великому Суворову...

— Мало ли что говорятъ! Вы осторожниѣ вѣрьте рассказамъ...

Представитель полиціи, тѣмъ не менѣе, задумался и, насторожившись, подозрительно обыскивалъ меня взорами, точно стараясь нырнуть въ мою душу и вывѣдать всѣ сокровенныя ея тайны и помыслы...

— Такъ можно заглянуть въ архивъ?—настаивалъ я, прервавъ неловкое молчаніе.

— Нѣтъ, ужъ извините! Безъ разрѣшенія высшаго начальства никакъ не могу дозволить этого.

— Но вѣдь документы, какъ утверждаютъ, гніють и растаскиваются?

— Кто это вамъ сказалъ?... Для меня это новость. Они въ сохранности-съ. Во всякомъ случаѣ безъ приказанія свыше я не могу...

— Даже позволить заглянуть?

— Даже и заглянуть...

Пришлось ретироваться ни съ чѣмъ и ждать лучшаго времени.

Въ слѣдующемъ году снова проѣзжаю черезъ Россіены. Тотъ же знакомый, который сообщалъ ранѣе о безобразномъ состояніи архива, говоритъ мнѣ вдругъ, что прежняго исправника уже нѣтъ, а весь архивъ официально проданъ съ торговъ на пуды росіенскимъ лавочникамъ-евреямъ; что онъ уже перевезенъ ими въ особый складъ, гдѣ и покоится въ ожиданіи распродажи по частямъ. Иду къ евреямъ, нахожу и покушниковъ, и архивъ, наполняющій собою сверху до низу огромный сарай. Какъ теперь помню, моросилъ дождикъ, дулъ пронизывающій насквозь вѣтеръ... Возлѣ—никакого подходящаго помѣщенія для работы. Тѣмъ не менѣе для опыта вытаскиваю наугадъ клочокъ бумаги: попался документъ конца XVIII столѣтія, несомнѣнно, интересная бумага. Такъ и тянетъ пріобрѣсти у жидовъ право на разборъ кучи, на отобраніе всего, что можетъ оказаться въ ней замѣчательнаго, историческаго... А времени нѣтъ и обстановка для работы прямо невыносимая... Евреи уже тревожно перешептываются по поводу моего осмотра; «въ отдаленіи рѣютъ», какъ писалъ Щедринъ, росіенскіе городовые, подозрительно за мной присматривающіе... Дѣйствительно, для г. Россіенъ—болѣе чѣмъ странное зрѣлище полковника, тревожно, зло задумавшагося у груды ненужной, проданной, по распоряженію начальства, бумаги, среди толпы недоумѣвающихъ евреевъ... Утѣшаю, наконецъ, себя мыслию, что не распродадутъ же еврейчики всего сейчасъ: на это нужно время. А пока, думаю, надо сообщить въ Вильнѣ «власть имущимъ» о готовящейся позорной гибели архива, о возможности еще спасти документы, отобравъ у жидовъ все, болѣе или менѣе цѣнное для исторіи края. По пріѣздѣ въ Вильну, немедленно нахожу и особу, «власть имущую», говорю съ ней, излагаю возможно краснорѣчивѣе мои опасенія и соображенія, повидимому, даже увлекаю моимъ разсказомъ. Особа сочувственно, съ благодарностью жметъ мнѣ руку и спрашиваетъ, могу ли я поставить все сказанное на официальную, бумажную почву, заявивъ по начальству письменно о фактѣ продажи росіенскаго архива. «Отчего же нѣтъ?!—отвѣчаю я:—только, Бога ради, поспѣшите со спасеніемъ бумагъ! Время не терпитъ, и жида

спать не будутъ». Непріятная перспектива сдѣлаться официальнымъ обличителемъ не пугаетъ меня: въ глазахъ такъ и стоятъ еще эти груды гибнущей, исторической бумаги... Да, наконецъ, архивъ вѣдь проданъ съ разрѣшенія начальства, значитъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, и тайны въ подобной продажѣ, конечно, нѣтъ. Пишу, поэтому, преспокойно официальное заявленіе «особѣ» и успокоиваюсь на мысли, что зло, безъ сомнѣнія, будетъ пресѣчено, при томъ немедленно. Къ чему же напоминать, надоѣдать, разъ все поставлено мною на такую прочную почву?.. И при встрѣчахъ нарочно я молчу, не бережу раны...

Проходятъ еще нѣсколько мѣсяцевъ... Новая поѣздка моя въ Россіены. Случайно вспоминаю про уѣздный архивъ и, спокойный за его участь, не безъ злорадства, спрашиваю все того же моего знакомаго: «А гдѣ же бумаги уѣзднаго полицейскаго управленія? Ихъ, вѣроятно, взяли уже въ Ковну?»—«Ну, батюшка, опоздали! Никто съ вашего отѣзда о нихъ и не заикнулся. Бумаги давнымъ-давно разобраны жидами и проданы на пуды, по мелочамъ... Уже мѣсяца четыре получаю я въ нихъ продукты изъ мелочныхъ лавокъ». — «Да чтò вы?» — «Увѣряю васъ, что это такъ... хотя недавно у одного лавочника видѣлъ я цѣлыя, неразорванныя дѣла... Поищите!.. Быть можетъ, еще что либо спасете»...

Помянувъ недобрыми словами «особу, власть имущую», бросился я наводить справки. Дѣйствительно, оказалось, что бóльшая часть документовъ пошла уже на удовлетвореніе насущныхъ нуждъ россіенскихъ обывателей, меньшая же уѣхала изъ Россіенъ по мѣстечкамъ и въ г. Ковну. Осталось немного по албарамъ, складамъ, чердакамъ и отхожимъ мѣстамъ россіенскихъ евреевъ... Нечего дѣлать! Принялся я спасать хотя то, что можно еще было найти и выкупить изъ позорнаго плѣненія... Два дня тяжелой, спѣшной работы съ утра до вечера, въ вонючемъ, зараженномъ воздухѣ, въ пыли, холодѣ, дали мнѣ все-таки возможность выручить десятки пудовъ историческаго матеріала, въ томъ числѣ и рядъ крайне интересныхъ, подлинныхъ дѣлъ Муравьевской эпохи... Но то были лишь, увы, жалкіе остатки, грустно, хотя краснорѣчиво, говорившіе о другихъ сокровищахъ, вѣроятно, заключавшихся въ погибшихъ бумагахъ... Во всякомъ случаѣ, раскопки были важны для меня уже въ томъ отношеніи, что онѣ представили мнѣ неопровержимыя доказательства нахождения въ уѣздныхъ полицейскихъ архивахъ подлинныхъ дѣлъ бывшихъ во время мятежа «военныхъ начальниковъ»: когда военные начальники были упразднены, переписка ихъ очевидно попала въ соответствующія (по уѣздамъ) полицейскія управленія. Открытіе это было для меня неожиданностью, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ старыхъ виленскихъ чиновниковъ, знатокъ по архивной части, къ которому обратился я за указаніемъ

и совѣтомъ по вопросу о мѣстонахожденіи бумагъ тѣхъ же военныхъ начальниковъ, сообщилъ письменно мнѣ, что бумаги эти, по окончаніи возстанія, были разсортированы и, вѣроятно, лежатъ по архивамъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ края... Въ присутственныхъ же мѣстахъ, несмотря на долгіе настойчивые поиски, я до того времени не находилъ ничего подходящаго для Муравьевскаго музея.

Надо было видѣть эффектъ, произведенный моими странствіями, поисками и раскопками по сараямъ, чердакамъ и подваламъ на росіенскихъ евреевъ!.. Бѣдняжки нюхомъ чувствовали возможность сдѣлать хорошій «тешевтъ», хорошій «гандель» и никакъ не могли додуматься, догадаться, что именно нужно мнѣ въ грязныхъ, вонючихъ бумагахъ: всѣ попытки ихъ вывѣдать у меня тайну оставались безплодными... Мѣстная полиція, видя меня цѣлые дни, а иногда и ночью, копающагося въ неподходящей къ чину моему обстановкѣ, попрежнему недоумѣвала и ходила за мной мрачная, сосредоточенная, подозрѣвая съ моей стороны какой-то подвохъ. А я покупалъ и покупалъ на пуды, по фунтамъ, по связкамъ, спасая то цѣлыя дѣла, то обрывки дѣлъ, даже отдѣльные листки, если они имѣли значеніе. Деньги мои быстро истощались... Бойкіе сыны Израиля удесятѣряли цѣну; одинъ же изъ нихъ додумался даже до того, что за право посмотреть грудѣ дѣлъ, лежащую въ его сараѣ, потребовалъ съ меня три рубля. Заплатилъ я эти 3 рубля, но зато нашелъ въ кучѣ крайне цѣнные документы и нравственно былъ вознагражденъ сторицею. Скупивъ все, что было возможно, въ Росіенахъ и узнавъ о томъ, въ какіе именно пункты отправлены остальные по слухамъ еще уцѣлѣвшія бумаги, поѣхалъ я немедленно по мѣстечкамъ, а затѣмъ въ города Шавли и Ковну... Увы! Тамъ все уже погибло безвозвратно! Приѣзжаю, на примѣръ, въ городъ Ковну; нахожу еврея, который скупилъ 300 пудовъ росіенской бумаги... Оказывается, человекъ почтенный, даже съ высшимъ образованіемъ. Спѣшу къ нему, какъ на радостное свиданіе. Спрашиваю: «У васъ бумаги росіенскаго архива?»—«Были... И какія замѣчательныя!.. Особенно изъ времени возстанія 1863 года. Я многое успѣлъ перечестъ изъ нихъ и, по правдѣ сказать, удивлялся, какъ только могли продать подобные документы изъ полиціи».—«Но гдѣ же, гдѣ они, эти документы? У васъ? Отобраны?! Могу ли ихъ видѣть?!»—спрашиваю я съ понятнымъ волненіемъ и не безъ надежды.—«Къ сожалѣнію... я торговый человекъ... Мѣсяцъ тому назадъ вы бы нашли ихъ еще у меня».—«А теперь?..»—«Теперь все давно уже распродано, пошло на обертку»... Напрасно, пользуясь указаніями купца, искалъ я затѣмъ по Ковнѣ историческихъ документовъ, о которыхъ онъ говорилъ: въ лавочкахъ и складахъ не уцѣлѣло ни одного клочка бумаги!..

Такъ погибъ замѣчательный, тысячепудовый, историческій архивъ. Продажа этого архива была обставлена настолько безобразно,

что въ числѣ разнаго хлама, выбраннаго мною «на всякій случай», для того, чтобы просмотрѣть на досугѣ, попалось подлинное секретное дѣло 1892 — 1893 гг. о закрытіи знаменитаго Крожскаго костела,—дѣло, конечно, не подлежащее огласкѣ и заключающее въ себѣ весьма цѣнный матеріалъ ¹⁾. Когда потомъ показалъ я это дѣло одному очень высокопоставленному лицу въ Вильнѣ, то этотъ господинъ съ молчаливымъ ужасомъ взялся за голову...

Получивъ, по личной инициативѣ, при посредствѣ комиссіи по устройству музея, разрѣшеніе генераль-губернатора, генераль-адъютанта В. Н. Троицкаго, объѣхать всѣ архивы присутственныхъ мѣстъ Сѣверо-Западнаго края, имѣя на глазахъ грустную судьбу Россійскаго архива, энергично принялся я за раскопки и работу въ уѣздахъ. Въ довольно короткій промежутокъ времени я посѣтилъ 20 городовъ края, производя розыски и раскопки.

Надо сказать, что въ судьбѣ уѣздныхъ архивовъ, какъ это ни странно, сыгралъ несомнѣнно роковую роль циркуляръ 1899 года виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генераль-губернатора, разосланный по присутственнымъ мѣстамъ края, вслѣдствіе ходатайства комиссіи по устройству Муравьевскаго музея,—циркуляръ, которымъ поручено было самой мѣстной полиціи, при разборахъ архивовъ, выдѣлять все, относящееся къ мятежу 1863—1865 гг. Будучи членомъ комиссіи, я ничего не зналъ о циркулярѣ, пока не поѣхалъ по архивамъ. На самомъ дѣлѣ, не было ничего неудачнѣе мысли — поручить дѣло упорядоченія архивовъ и сортировки ихъ дѣлъ той же полиціи, которая въ большинствѣ случаевъ привела эти архивы къ позорному состоянію... До циркуляра нѣкоторые архивы покоились еще по разнымъ неподходящимъ мѣстамъ. У полиціи не было ни средствъ, ни досуга, ни желанія, ни свободныхъ рукъ, а, главное, не было охоты, чтобы копаться въ безобразныхъ, вонючихъ, пыльныхъ грудахъ... И вдругъ—грозный, настойчивый циркуляръ, напоминающій о томъ, что за подобное отношеніе къ дѣловымъ бумагамъ можетъ еще достаться... Выбирай какія-то «Муравьевскія» бумаги!.. До нихъ ли тутъ! Приѣдутъ, обревизуютъ, увидятъ недочеты по этой части и пропишутъ должное возмездіе. Вѣдь «на Муравьева снова пошла мода», какъ выразился при мнѣ одинъ мой знакомый. Въ уѣздахъ зашевелились... Конечно, самый простой способъ былъ окончательно уничтожить старую бумагу, подъ видомъ ненужнаго хлама, донеся о томъ, что о Муравьевскихъ документахъ и не слыхивали... Удобный случай скрыть старые грѣхи, такимъ образомъ, представился... И вотъ по захолустнымъ городкамъ нашего обширнаго края началась энергичная работа по приведенію въ исполненіе злополучнаго циркуляра, т. е. по «упорядоче-

¹⁾ Дѣло это недавно представлено мною господину министру внутреннихъ дѣлъ.

нію» мѣстныхъ архивовъ... Говорю это со словъ многихъ чиновниковъ, искренно каявшихся мнѣ въ помыслахъ своихъ и архивныхъ реформахъ... Не забуду, какъ набросился на меня одинъ такой чиновникъ, человекъ съ положеніемъ, когда узналъ о моемъ прїѣздѣ за «Муравьевскими бумагами»... Онъ вообразилъ, что я, какъ членъ комиссіи по устройству Муравьевскаго музея, былъ авторомъ знаменитаго циркуляра... Въ негодованіи потрясалъ онъ при мнѣ клочками старой бумаги, вырванными наугадъ изъ архивной груды, передъ нами лежавшей, проклиная тѣхъ, кто «выдумываетъ циркуляры и заставляетъ приводить въ порядокъ всякую дрянъ, скопившуюся въ архивахъ»; говорилъ на тему о теоретикахъ, тамъ, въ Вильнѣ, строчащихъ бумаги и на самомъ дѣлѣ не знающихъ положенія служащихъ по уѣздамъ; спрашивалъ меня о томъ, кто вернетъ ему здоровье, если онъ «глупо» отдастъ его на «подобный трудъ» и т. д. Это былъ искренній вопль наболѣвшаго чиновничьяго сердца, вырвавшійся въ минуту отчаянія... И когда я заявилъ, что циркуляръ былъ изданъ безъ моего участія, и въ немъ я, слѣдовательно, неповиненъ, то представитель мѣстной администраціи нѣсколько смягчился и повѣдалъ мнѣ свои тайные замыслы относительно «упрощенія» работы по вопросу о систематизаціи дѣлъ архива, — замыслы, повергнувшіе меня въ ужасъ, заставившіе забраться немедленно въ архивъ и лично приняться за его разработку. И сколько такихъ же исповѣдей, признаній и соображеній пришлось мнѣ выслушать при первыхъ же моихъ поѣздкахъ въ уѣзды на архивныя раскопки!.. Кляли циркуляръ, его авторовъ и подъ шумокъ приводили въ порядокъ, т. е. попросту уничтожали и то, что еще валялось неприбранное, неупорядоченное въ архивахъ... Тогда-то подалъ я официальное заявленіе въ комиссію по устройству Муравьевскаго музея, прося остановить дѣйствіе циркуляра... Но заявленіе мое, какъ и многія другія, было гласомъ воиющаго въ пустынѣ... И мнѣ ничего не оставалось, какъ торопиться спасать то, что еще возможно было спасти отъ неминуемой гибели, объѣзжая уѣзды лично, такъ какъ переписка, предварительныя справки, не вели ни къ чему: на письма мои чаще всего даже не отвѣчали, а если и отвѣчали, то уклончиво, неохотно...

За исключеніемъ двухъ-трехъ архивовъ, ни въ одномъ полицейскомъ управленіи и не подозрѣвали о документальныхъ сокровищахъ, покоящихся тамъ по части усмиренія польскаго мятежа. Въ большинствѣ такихъ управленій обыкновенно сразу же объявляли мнѣ, что въ архивѣ ничего интереснаго не имѣется, что старый архивъ давнымъ-давно проданъ на пуды; что о «Муравьевскихъ бумагахъ» никогда и не слыхивали; что если онѣ существовали, то ихъ давно постигла общая участь и т. п. Затѣмъ дѣлались попытки отклонить личное посѣщеніе мною архива, и только послѣ настоя-

чивыхъ требованій и ссылки на генераль-губернаторское разрѣшеніе меня туда впускали съ видимымъ неудовольствіемъ, какъ чудака, который разыгрываетъ роль Оомы невѣрнаго, тая въ душѣ своей какіе-то тайныя помыслы... Въ официальныхъ описяхъ, мнѣ представлявшихся, не находилъ я почти нигдѣ желаемого. Разспросы архиваріусовъ, въ большинствѣ случаевъ людей, недавно служащихъ и не знакомыхъ съ архивнымъ прошлымъ, не приводили ни къ чему... Приходилось фактически самому приступать къ раскопкамъ, подавая собою примѣръ другимъ... Душные, пыльные, вонючіе склады полуистлѣвшей, зараженной всякими нечистотами, бумаги скоро превращались мною въ оживленную, научную лабораторію; появлялись столы, стулья; отворялись окна и двери, чтобы хотя немного впустить въ помѣщеніе свѣжаго воздуха; назначались въ распоряженіе мое чиновники и полицейскіе служителя... Между праздничными и будничными днями разницы не дѣлалось, и не разъ рядомъ со мною усаживался за работу уѣздный франтъ, съ напомаженнымъ кокомъ и въ бѣломъ галстукѣ, вырванный съ какой-нибудь вечеринки и не успѣвшій переодѣться и провѣтриться... Въ пыли, поднявшейся отъ передвигаемыхъ пачекъ дѣлалъ, на сквознякахъ, часто зимою, въ трескучій холодъ, въ неотопленномъ помѣщеніи, иногда лѣтомъ въ удушающую жару, днемъ и ночью (при свѣтѣ фонарей и лампъ), приходилось мнѣ рыться, указывать, руководить цѣлыми часами подъ рядъ, забывая объ обѣдахъ, завтракахъ и чаяхъ... Ни одна бумага не откладывалась въ ту или иную сторону, не побывавъ предварительно въ моихъ рукахъ, такъ какъ я убѣдился, что безъ этого толку не будетъ. Обыкновенно, если до моего пріѣзда архивъ не успѣли еще привести въ должный порядокъ «по циркуляру», я, пользуясь указаніями росіенскаго архива, скоро натыкался на слѣдъ документовъ Маравьевской эпохи. При первой же такой находкѣ обращался я съ упреками къ полицейскимъ властямъ, еще недавно увѣрявшимъ меня и даже клявшимся, что ничего нѣтъ, что все давно продано, сгорѣло, растащено и т. п. Конфузу, объясненіямъ, извиненіямъ конца не было... Климъ начиналъ украдкой или явно кивать на Петра, а Петръ—на Клима... Впрочемъ, надо отдать справедливость, вездѣ оказывалось мнѣ дѣятельное, энергичное, любезное содѣйствіе, тѣмъ болѣе, что я откровенно заявлялъ о своемъ намѣреніи отобрать только все нужное для Муравьевскаго музея, не касаясь архивныхъ порядковъ, или, вѣрнѣе, беспорядковъ, до которыхъ мнѣ не было дѣла. Увидѣвъ въ лицѣ моемъ не «око» высшей власти края, присланное для того, чтобы высмотрѣть, донести, а простого мирнаго любителя старины, предложившаго властямъ свои услуги,—со мною становились довѣрчивѣе, откровеннѣе, предупредительнѣе... Какихъ «архивныхъ» признаній я только не выслушалъ!.. Были тутъ цѣлыя исповѣди... Но, щадя чувства истинныхъ археологовъ и храня тайну говорившихъ, я умолчу о нихъ...

Покончивъ съ такъ называемымъ официальнымъ архивомъ, начиналъ я настойчиво просить сказать мнѣ откровенно, нѣтъ ли еще гдѣ нибудь бумагъ, предназначенныхъ, за полную ихъ негодностью, къ продажѣ на пуды, нѣтъ ли еще чердака, подвала, гдѣ бумаги эти на время свалены... Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, отговорокъ, заминки, меня очень часто вели именно въ подобныя мѣста, на чердаки и въ подвалы, показывая груды зараженной бумаги, обреченной на уничтоженіе и продажу. Нечего говорить, что тутъ-то и закипала настоящая работа... Чаще всего въ числѣ хлама и находилъ я драгоценныя дѣла, относящіяся къ эпохѣ Муравьевскаго управленія краемъ,—дѣла выброшенныя, какъ лишнія, негодныя, обреченныя на продажу или уничтоженіе. Не забуду одну гигантскую груду на чердакѣ,—груду, въ которую черезъ разбитыя стекла слухового окна много лѣтъ свободно билъ дождь, обращая бумагу въ какую-то жидкую, сѣрую, вонючую массу... Въ грудѣ этой, однако, отыскалъ я цѣлое сокровище... И едва ли юноша прижималъ къ груди своей съ такою страстью и жаромъ первый предметъ любви, какъ прижималъ я эту пыльную, грязную пачку старой, полуистлѣвшей бумаги, говорившую о мученической смерти одного безвѣстнаго русскаго героя, пострадавшаго за вѣрность родинѣ и присягѣ...

Нечего распространяться о томъ, что мнѣ случайно удавалось находить нѣкоторыя дѣла военныхъ начальниковъ въ строгомъ порядкѣ, красовавшіяся на полкахъ, въ папкахъ и при описяхъ, но на обложкахъ которыхъ стояли, увы, крупныя роковыя помѣтки «продать», «уничтожить» и т. п. Съ этими надписями я и просилъ полицейскія власти препроводить папки въ Муравьевскій музей въ назиданіе потомству. Опоздай я пріѣхать на нѣсколько недѣль, и постигла бы ихъ печальная судьба росіенскаго сокровища. Въ иныхъ архивахъ бумаги военныхъ начальниковъ смѣшивали съ бумагами воинскихъ начальниковъ, не придавая имъ поэтому никакой цѣны и считая ихъ излишнимъ балластомъ, заполняющимъ полки напрасно, по какому-то недоразумѣнію. Попадались архивы въ видимомъ наружномъ порядкѣ, но съ папками, надписи которыхъ не соответствовали ихъ содержанію. И вотъ, напѣвая мысленно романсъ «ужъ я не вѣрю увѣреньямъ», приходилось мнѣ провѣрять весь такой архивъ отъ первой до послѣдней бумаги. А ихъ были тысячи, десятки тысячъ—и въ какомъ видѣ!! Не забуду, какъ при хохотѣ чиновниковъ нашель я въ старинной папкѣ съ надписью «важные, историческіе документы», крайне меня заинтриговавшей, дѣла... о прелюбодѣйныхъ похиженіяхъ мѣстныхъ обывателей, при чемъ въ одномъ изъ нихъ, въ качествѣ неопровержимаго вещественнаго доказательства, красовалась припечатанная казенной печатью изрядная доля чьей-то рыжей, вырванной съ корнями, обывательской бороды... Зато въ папкахъ съ

надписями «о происшествіяхъ» находилъ я важные историческіе документы... Архивъ же этотъ по наружному виду представлялъ собою идеаль приличія, даже щегольства... Его, по увѣреніямъ исправника, недавно лишь привели въ «должный порядокъ»... и вдругъ разоблачилъ я этотъ порядокъ!.. Надо было видѣть лица, сцены... Воображаю, что происходило потомъ, когда я уѣхалъ, между начальствомъ, такъ слѣпо довѣрившимся своимъ подчиненнымъ, и подчиненными. А сколько рассказывалось забавнаго, занесеннаго мною въ мою записную книжку, про «былое» уѣздныхъ архивовъ!.. Особенно интересно было повѣствованіе про какого-то архиваріуса, который, уходя домой, преспокойно уносилъ съ собою каждый разъ казенныя бумаги въ мѣшкѣ и спускалъ ихъ затѣмъ въ мелочныя лавочки на обертку продуктовъ... Не безъ гордости и хвастовства вводили меня иногда въ архивъ, приведенный уже въ наружно приличный видъ. Чистыя полки, чистыя обложки, четкія, красивыя надписи, исправныя описи... Дѣтище представлено въ блестящемъ парадѣ, словно къ празднику... А у меня, при созерцаніи такой щегольской экипировки, вдругъ начинается, бывало, щемить подъ ложечкою, сосеть, замираетъ сердце, и пробѣгаютъ по спинѣ «археологическія» мурашки ужаса: «значить, все уже спустили жидамъ!» думаю я въ тайномъ негодованіи... Дѣйствительно, оказывается, что давно уже, по распоряженію свыше, кое-что, ненужное, «разный, знаете ли, хламъ», продали на пуды... «Вотъ Иванъ Ивановичъ самъ вамъ расскажетъ, сколько было ему возни и трудовъ по приведенію нашего архива въ порядокъ!.. Ему же мы обязаны тѣмъ, что теперь легко наводить справки» и т. п. Иванъ Ивановичъ не безъ удовольствія подробно описываетъ мнѣ свои мирные подвиги... «А не попадались ли вамъ случайно во время работы Муравьевскія бумаги?»—спрашиваю я осторожно.—«Помилуйте-съ,—заявляетъ даже нѣсколько обиженно, съ достоинствомъ Иванъ Ивановичъ:—столько лѣтъ завѣдую я уже архивомъ, самъ своими руками все перебралъ... каждую бумагу... Какія же могутъ быть тутъ Муравьевскія бумаги?»...—Прихожу въ уныніе... Однако, по предыдущему опыту, еще не теряю надежды... Сажусь посреди архива и начинаю его детально разсматривать... Случайно замѣчаю за первымъ рядомъ пачекъ дѣлъ одной полки второй такой же рядъ. — «А это,—спрашиваю,—что у васъ тамъ такое, сзади?»—«Это чужія, не наши бумаги... Онѣ не попали въ опись, такъ какъ помѣчены къ продажѣ»... Оживаю, требую дать мнѣ хоть одну пачку... И вдругъ: «дѣла военнаго начальника»!! Болѣе двадцати огромныхъ, прекрасно сохранившихся, тюковъ... Выраженіе лицъ присутствующихъ быстро мѣняется. Иванъ Ивановичъ сконфуженно молчитъ, и счастье его, конечно, что человѣческіе взоры, особенно взоры начальства, не имѣютъ свойства убивать на мѣстѣ... «Давайте-ка,—говорю я недавно столь

самонадѣянному господину, — лучше переберемъ еще разъ весь архивъ!».

И закипаетъ работа, во время которой франтоватый Иванъ Ивановичъ превращается скоро въ движущійся комокъ грязи, пыли, соломы, паутинъ и клочковъ старой бумаги, чихаетъ и кашляетъ...

Не забуду, въ какой исключительной обстановкѣ пришлось работать мнѣ въ одномъ изъ правительственныхъ, сравнительно благоустроенныхъ по наружному виду, архивовъ г. Ковны... Въ архивѣ почему-то стояли (а, быть можетъ, и до сихъ поръ стоятъ) вещественныя доказательства судебного слѣдователя—рядъ банокъ съ опущенными въ спиртъ человѣческими внутренностями... Вѣроятно, укупорка банокъ была произведена небрежно или отъ времени испортилась, такъ какъ воздухъ архива буквально насытился трупнымъ запахомъ настолько, что во время работы мнѣ дѣлалось нѣсколько разъ дурно, а бывшіе со мной служителя, подавашіе мнѣ дѣла для просмотра, только молча, хотя энергично, отплевывались...

Попутно, при раскопкахъ, наткнулся я въ уѣздныхъ архивахъ и на интересные документы не одной Муравьевской эпохи... Но, къ сожалѣнію, я не имѣлъ права откладывать ихъ и не имѣлъ времени подробнѣе съ ними знакомиться. Оставалось только просить уѣздныя власти приберечь, не уничтожать ихъ. Такъ, въ одномъ архивѣ, случайно и вопреки упрямому увѣренію полицейскихъ властей о томъ, что ничего интереснаго нѣтъ, нашелъ я нѣсколько подробностей, относящихся къ фельдмаршалу Суворову. Надо замѣтить, что не задолго до меня въ тотъ же архивъ пріѣзжали со спеціальной цѣлью—отыскать все, что могло относиться къ безсмертному полководцу, офицеры и, успокоенные увѣреніями представителей мѣстной администраціи, уѣхали съ пустыми руками. Я же лично полѣзъ на полки и открылъ довольно цѣнный кладъ. (Копіи съ этихъ документовъ, снятыя мною, я представилъ генералу Пузыревскому для напечатанія въ Варшавскомъ военномъ журналѣ). На возвратномъ пути нарочно отыскалъ я молодыхъ, неопытныхъ археологовъ, показалъ имъ мою находку и далъ практическій совѣтъ, какъ и гдѣ нужно искать документы при будущихъ экскурсіяхъ, не вѣря никому на слово.

Интересенъ тотъ фактъ, что въ Гродненской губерніи о Муравьевскихъ бумагахъ, валявшихся по уѣздамъ, вспомнили вновь, когда пришлось составлять исторію губерніи по поводу столѣтняго юбилея существованія послѣдней. Зная, что я спасъ сотни пудовъ Муравьевскихъ документовъ, обращались, конечно, за справками ко мнѣ, а я направлялъ за документами въ Муравьевскій музей... Не безъ удовольствія передавалъ я посланцамъ подробности моихъ архивныхъ скитаній, справедливо замѣчая, что не сохрани свое-

временно я взятого мною изъ архивовъ, многое ко дню юбилея Гродненской губерніи пошло бы въ жидовскія мелочныя лавочки... А теперь... теперь оно, слава Богу, покоится въ Муравьевскомъ музеѣ...

Мои поѣздки по уѣздамъ Сѣверо-Западнаго края не обошлись, конечно, безъ курьезовъ и приключеній, то грустныхъ, то комичныхъ. Въ одномъ городкѣ, гдѣ пришлось работать глухою ночью, при фонаряхъ, мой пріѣздъ, таинственное ночное шествіе въ сопровожденіи полицейскихъ и самыя работы въ архивѣ на другой же день вызвали Богъ вѣсть какіе толки о внезапной, секретной ревизіи... Особенно волновались мѣстные жидки, отъ любопытства которыхъ ускользала истина... Въ другомъ городѣ, пріѣхавъ рано утромъ, я послалъ къ исправнику доложить, что явился такой-то, по распоряженію генераль-губернатора, разыскивать Муравьевскія бумаги въ архивѣ. На бѣду въ уѣздѣ оказалась Муравьевская волость, а на пальто моемъ были бѣлые погоны... И вотъ посланный мною полицейскій все перепуталъ, а я выросъ въ жандармскаго полковника, пріѣхавшаго внезапно на ревизію по приказанію высшаго начальства и требующаго немедленно представленія списка крестьянъ Муравьевской волости. Появилась и другая варіація, не менѣе остроумная... Надо было видѣть изумленіе, а отчасти и досаду, милѣйшаго исправника, оказавшагося притомъ моимъ старымъ знакомымъ, когда, зайдя ко мнѣ въ гостиницу, куда я ушелъ, онъ вмѣсто грознаго, секретнаго ревизора встрѣтилъ простаго любителя-археолога, добывающагося, по разрѣшенію свыше, возможности безъ всякихъ формальностей порыться въ полицейскомъ архивѣ...

Возстаніе 1863—1865 г.г., по мнѣнію моему, не дало для историка крупныхъ событій и въ сущности все состояло изъ мелкихъ, отдѣльныхъ эпизодовъ. Но, только изучивъ эти отдѣльные эпизоды, разбросанные по дѣламъ всего Сѣверо-Западнаго края, уясняешь себѣ, насколько сильно и опасно было броженіе, и какъ трудно было бороться съ хитрымъ, настойчивымъ и осторожнымъ врагомъ. Тѣ же эпизоды прекрасно рисуютъ критическое положеніе мелкихъ русскихъ властей, а также православнаго духовенства и одиночныхъ русскихъ людей, закинутыхъ судьбою въ захолустья, посреди враждебнаго, сплоченнаго, нафантизированнаго ксендзами населенія. И вдругъ картина мѣняется: именно со времени прибытія въ край гр. М. Н. Муравьева русскіе люди поднимаютъ голову, закишаетъ дѣятельность мѣстныхъ властей, войскъ, и постепенно наступаетъ полное умиротвореніе... А сколько мученическихъ, потрясающихъ страницъ изъ жизни «незамѣтныхъ героевъ» хранять въ себѣ дѣла уѣздныхъ полицейскихъ управленій! Будущій лѣтописецъ усмиренія мятежа скажетъ не разъ еще мнѣ «спасибо» именно за спасеніе дѣлъ этихъ управленій. Безъ изученія ихъ въ

подлинникахъ всякое описаніе мятежа 1863—1865 г.г. будетъ одно-стороннимъ, блѣднымъ и неполнымъ... А изучивъ дѣла, поймешь гр. М. Н. Муравьева, его систему и тѣ крутыя мѣры, къ которымъ онъ долженъ былъ, скрѣпя сердце, прибѣгнуть...

Насколько помню, въ 1899 году, вызвавъ меня къ себѣ, покойный В. Н. Троицкій передалъ мнѣ присланную ему для Муравьевскаго музея палку графа М. Н. Муравьева съ зеленою, нефритовою ручкою и резиновымъ наконечникомъ. При этомъ онъ поручилъ мнѣ сдать палку въ музей, добавивъ, что дня три ходилъ съ нею гулять по саду, и что она очень удобна.

Взявъ палку, пошелъ я съ нею въ городъ, такъ какъ было еще рано, и въ музей никого не могло находиться. Встрѣчаю на улицѣ одного знакомаго поляка. Палка въ рукахъ у военнаго, конечно, обращаетъ на себя сейчасъ же вниманіе. Начинаются разспросы.

— Угадайте!—говорю:—чья у меня палка?.. Заранѣе предупреждаю, что она принадлежала одному знаменитому литовскому дѣятелю, жившему въ Вильнѣ...

Начинаются отгадки. Дѣло доходитъ до Адама Мицкевича, Одынца, Сырокомли.

— Нѣтъ,—говорю:—дѣятеля не литературнаго, а политическаго, государственнаго... Временъ послѣдняго польскаго возстанія...

Собесѣдникъ робко, полушопотомъ, называетъ рядъ польскихъ дѣятелей возстанія, но я отрицательно качаю головой.

— Это... палка...

— ?!..

— Это—палка приснопамятнаго графа Мих. Ник. Муравьева,—разгадываю я наконецъ загадку.

Надо было видѣть выраженіе лица моего собесѣдника!.. Съ этой поры мы съ нимъ—лишь на сухихъ официальныхъ поклонахъ, а палку въ тотъ же день передалъ я по принадлежности въ Муравьевскій музей.

О томъ, что должны существовать гдѣ-то мемуары бывшаго во время мятежа правителемъ канцеляріи графа Муравьева, Ив. Ак. Никотина, давно доходили до меня неясные слухи. Когда же стала осуществляться на дѣлѣ мысль моя объ учрежденіи въ Вильнѣ Муравьевскаго музея, началъ я искать эти записки и, въ концѣ концовъ, обратился письменно за справками къ дочерямъ покойнаго Никотина, прося ихъ, въ случаѣ, если мемуары находятся у кого либо на рукахъ, дать мнѣ довѣренность на право розысковъ ихъ и передачи въ музей имени графа Муравьева. Скоро получилъ я самый любезный отвѣтъ, изъ котораго было видно, что мемуары дѣйствительно существовали и должны еще существовать; что у

покойной вдовы Никотина взялъ ихъ прочесть на время государственнѣйшій контролеръ Т. Ив. Филипповъ; что записки эти такъ и остались у г. Филиппова, а на позднѣйшій запросъ о нихъ Тертій Ивановичъ отвѣчалъ политѣйшимъ невѣдѣніемъ или запямятованіемъ, такъ что въ дѣло обратнаго полученія рукописей отъ него былъ вмѣшанъ, хотя и безплодно, тоже покойный нынѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ.

Все это давало нѣкоторую надежду на полученіе мемуаровъ, и я энергично принялся за ихъ розыски, дважды написавъ Т. Ив. Филиппову со ссылкой на данную мнѣ довѣренность, но не получивъ никакого отвѣта. Вскорѣ Т. Ив. Филипповъ скончался, и съ той же просьбою обратился я письменно къ сыну его. Прошло довольно долго времени, и я не получалъ отвѣта, такъ что совершенно потерялъ надежду на отысканіе мемуаровъ, когда однажды явился ко мнѣ въ Вильну посланный отъ С. Т. Филиппова и въ простомъ, незашитомъ мѣшкѣ, безъ описи и письма, привезъ нѣсколько объемистыхъ рукописей Никотина.

Вопросъ сводился теперь къ условіямъ передачи мемуаровъ въ Муравьевскій музей и напечатанія той части ихъ, которая относится къ эпохамъ, предшествовавшей возстанію и самаго возстанія. Но тутъ вышло одно небольшое недоразумѣніе, поставившее меня временно въ неловкое положеніе передъ комиссіей по устройству Муравьевскаго музея, куда передалъ я записки Никотина: отъ наслѣдниковъ покойнаго получилъ я заявленіе, что хотя рукопись передается ими въ музей, но только рукопись, безъ права ея печатанія. Спасши, быть можетъ, отъ гибели мемуары Никотина, ведя о нихъ непріятную переписку и переговоры, я, конечно, имѣлъ въ виду, прежде всего, интересы Муравьевскаго музея и исторіи, а потомъ уже интересы наслѣдниковъ Никотина. На эту тему, по порученію комиссіи, и началась у меня съ наслѣдниками Никотина оживленная переписка, приведшая въ концѣ концовъ къ полному соглашенію. Благодаря любезности этихъ лицъ, музей получилъ не только самую рукопись, но и право изданія ея на извѣстныхъ условіяхъ. Мемуары стали уже печататься въ «Русской Старинѣ». Особенно интересна та часть ихъ, которая рисуетъ жизнь Вильны, довѣрчивый сонъ мѣстной администраціи и мягкосердаго, благороднаго, вѣрившаго на слово В. И. Назимова, наканунѣ возстанія. Части же записокъ, не относящихся къ возстанію, возвращены наслѣдникамъ.

Лѣтомъ 1899 года, въ 10 часовъ утра, черезъ жандарма, вызвалъ меня къ себѣ покойный генералъ-адъютантъ В. Н. Троцкій. Вызовъ безъ записки, черезъ нижняго чина, указывалъ всегда на неотложность и важность предстоящаго свиданія: я отправился къ

генералу немедленно, заставъ его не въ духѣ, ходящаго большими шагами по кабинету. На письменномъ его столѣ лежала изрядная куча бумаги.

— Вы чѣмъ-то тамъ состоите, въ комисіи по устройству Муравьевскаго музея?..—началь послѣ первыхъ привѣтствій генераль Троцкій.

— То-есть, какъ состою?.. Я назначенъ вашимъ высокопревосходительствомъ членомъ этой комисіи...

— Ахъ, да!.. Я и забылъ... Вотъ въ чемъ дѣло. Министръ внутреннихъ дѣлъ прислалъ мнѣ изъ министерства замѣчательные документы, найденные у графа М. Н. Муравьева послѣ его смерти... Здѣсь есть и переписка его съ государемъ императоромъ Александромъ II, въ копіяхъ, и памятные записки графа, и конфискованные предметы, и многое другое... Большинство присланнаго не подлежитъ еще, конечно, оглашенію. Была и опись. Но она съ однимъ документомъ осталась у В. Т. Судейкина... Не забудьте взять ихъ у него!.. А пока...

Генераль на минуту замолчалъ, но затѣмъ добавилъ:

— А пока... За отсутствіемъ предсѣдателя комисіи А. В. Бѣлецкаго неудобно ли вамъ взять все присланное къ себѣ на квартиру, на храненіе, а потомъ передать въ музей... Но смотрите, будьте осторожны... чтобы чего либо не пропало...

— Ваше высокопревосходительство!—съ ужасомъ взмолился я:— какъ же могу я взять къ себѣ такія важныя государственныя бумаги безъ описи?!

— А вотъ такъ и возьмете... У себя я не могу ихъ держать на квартирѣ: у меня производится ремонтъ, я долженъ уѣхать... какъ разъ стащатъ...

— Да и у меня въ квартирѣ ремонтъ... Семьи нѣтъ. Стережетъ имущество одна глупая баба. Я тоже выѣзжаю въ командировки. У васъ же жандармы, ординарцы...

— Ну, ужъ это ваше дѣло,—сказалъ генераль, видимо довольный моими возраженіями. Затѣмъ онъ позвонилъ лакею, простился со мной и велѣлъ слугѣ снести за мною внизъ кучу бумаги, присланную министромъ.

Аудіенція кончилась. Разсуждать болѣе не приходилось, и я спустился въ пріемную, сопровождаемый лакеемъ, который положилъ на столъ документы и удалился. Въ пріемной засталъ я генераловъ II и А. Вѣроятно, на лицѣ моемъ были написаны ярко недоумѣніе и растерянность, такъ какъ послѣдовали разспросы, и, когда я передалъ о томъ затрудненіи, въ которое поставленъ щекотливымъ порученіемъ В. Н. Троцкаго, то генераль А. любезно предложилъ мнѣ сдать бумаги на храненіе во вѣренное ему управленіе, занимающее помѣщеніе со специально устроенною несгораемою кладовою. Конечно, какъ утопающій, съ восторгомъ ухва-

тился я за подобную комбинацію, оставилъ бумаги въ квартирѣ генераль-губернатора на рукахъ у жандарма, съѣздилъ домой за моей печатью, опечаталъ ею тюкъ, а затѣмъ свезъ и сдалъ его на храненіе въ указанное мѣсто. Въ то время я даже побоялся заглянуть въ содержимое тюка и познакомился съ нимъ уже позднѣе.

По прїѣздѣ А. В. Бѣлецкаго долго не могъ я передать ему полученные отъ генерала Троцкаго бумаги, такъ какъ не находилась опись. Наконецъ, рѣшено было принять отъ меня документы комиссіей. Въ назначенный день я, А. В. Бѣлецкій и еще одинъ членъ комиссіи отправились въ управленіе генерала А. Принесли бумаги, осмотрѣли цѣлость печатей, вскрыли тюкъ и переписали въ немъ содержавшееся. Тутъ случился инцидентъ, о которомъ я и теперь не могу вспомнить безъ улыбки. Мнѣ принесли официальную книгу, въ которую были занесены документы, съ просьбой расписаться въ обратномъ ихъ полученіи. Едва заглянулъ я туда, какъ разразился неудержимымъ хохотомъ: зная со словъ моихъ, что бумаги очень важныя, секретныя, не подлежащія оглашенію, чиновники, безъ вѣдома генерала А., не нашли ничего удобнѣе, съ цѣлью замаскировать содержимое тюка, какъ занести въ книгу, что мною, по приказанію генераль-адъютанта В. Н. Троцкаго, такого-то числа сданы на храненіе бумаги... «поэта А. С. Пушкина».

Необходимо замѣтить, что въ тѣ дни въ обществѣ и печати было много толковъ объ А. С. Пушкинѣ, по поводу столѣтія дня его рожденія. И вотъ «Муравьевскія» бумаги обратились, по волѣ хитроумныхъ чиновниковъ, въ «Пушкинскія». Я взялъ перо и со словами: «не менѣе почтенный русскій дѣятель», собственноручно зачеркнулъ: «поэта А. С. Пушкина», и подписалъ: «графъ М. Н. Муравьева». Въ такомъ видѣ, съ моей помѣткою, книга хранится въ управленіи и по сіе время.

Но представьте себѣ, что я просмотрѣлъ бы, не замѣтилъ редакцію журнальной записи и расписался бы въ обратномъ полученіи моего вклада. Прошло бы нѣсколько лѣтъ. И я и другіе, участвовавшіе въ прїемкѣ Муравьевскихъ бумагъ изъ управленія, сошли бы постепенно съ житейской сцены... И вотъ какойнибудь любитель-археологъ, или просто любознательный чиновникъ, просматривая случайно старый журналъ, натолкнулся бы на запись. Воображаю, какое волненіе охватило бы русское общество, когда оно узнало бы, что по приказанію генераль-губернатора секретно хранились въ такомъ-то вѣдомствѣ, не имѣющемъ никакого отношенія къ литературѣ, бумаги знаменитаго поэта, сданныя писателемъ, полковникомъ Жиркевичемъ, а затѣмъ взятыя имъ же обратно подъ расписку и... безвѣстно пропавшія!.. Да о подобномъ фактѣ создалась бы не одна легенда.

Впоследствии были препровождены В. Т. Судейкинымъ въ Муравьевскій музей и опись и взятый имъ для прочтенія документъ.

Если я такъ долго остановился на разсказанномъ, то лишь для того, чтобы показать, какимъ случаямъ и приключеніямъ подвергаются иногда у насъ, на Руси, историческіе документы даже тогда, когда они пересылаются министромъ генераль-губернатору... Развѣ не могли они затеряться при переходѣ изъ рукъ въ руки?!.. получить нежелательную огласку прежде времени?..

Извѣстный виленскій дѣятель, археологъ и писатель, Ив. Як. Спрогисъ, сердечно болѣющий, какъ и я, о грустной судьбѣ многихъ мѣстныхъ архивовъ и потому энергично поддерживающій меня въ моихъ архивныхъ приключеніяхъ, давно говорилъ мнѣ о томъ, что слѣдовало бы «основательно порыться» въ архивѣ Виленскаго городского полицейскаго управленія, въ которомъ, по словамъ его, онъ былъ, и гдѣ лежатъ кучи старой бумаги. Какъ-то, съ разрѣшенія полицейскихъ властей, пошелъ и я взглянуть на архивъ, о которомъ такъ увлекательно разсказывалъ мнѣ почтенный Иванъ Яковлевичъ. Дѣйствительно, нашелъ я огромное помѣщеніе, заваленное старинными документами всевозможныхъ годовъ, между которыми попадались дѣла конца XVIII столѣтія. Вѣтеръ и дождь безпрепятственно врываются въ комнаты вмѣстѣ съ голубями, оставившими на бумагахъ слѣды своихъ посѣщеній...

Всюду — обычныя картины нашихъ заброшенныхъ архивовъ: хаосъ, пыль, грязь, зловоніе. Полъ устланъ дѣлами, изъ которыхъ многія подъ вліяніемъ сырости давно уже превратились въ вонючую кашу. Я невольно отступилъ передъ этимъ бумажнымъ хламомъ, сознавая, что тутъ одинъ человекъ едва ли что либо сдѣлаетъ, даже при самыхъ пламенныхъ желаніяхъ. Въ сосѣдней комнатѣ, какъ теперь помню, были навалены ящики и сундуки, вѣроятно, съ конфискованными документами, валялись цѣпи, какая-то надгробная плита, различный ломъ. Помѣщенія были заперты на замки: это указывало на то, что все-таки принимались мѣры къ охранѣ старой бумаги. И я ушелъ, полный соображеніями о томъ, какъ бы поближе познакомиться съ архивомъ. Передо мною уже рисовались заманчивыя картины тѣхъ будущихъ дней, когда мы съ Ив. Як. Спрогисомъ, по уполномочію начальства, подобравъ себѣ ревностныхъ сотрудниковъ, примемся за разборку бумагъ и спасеніе всего, что имѣетъ значеніе для исторіи края. А пока я, занятый службою и своими дѣлами, мечталъ такимъ образомъ, прошло немало мѣсяцевъ.

Въ 1900 году, виленскіе евреи приносятъ мнѣ однажды на просмотръ нѣсколько бумагъ, несомнѣнно, изъ того же архива Виленскаго городского полицейскаго управленія. Узнаю отъ нихъ, что самый архивъ проданъ на пуды съ аукціона полиціей, по столько-то копеекъ за пудъ; что пришедшіе ко мнѣ купили всю бумагу и

недавно спустили одному господину много дѣлъ, взявъ съ него изрядный кушъ. Отправляюсь къ новымъ владѣльцамъ правительственнаго архива, работаю и въ ихъ квартирѣ, и въ ихъ складѣ, на дворѣ у отхожаго мѣста, при ужасной обстановкѣ; выбираю, покупаю массу историческихъ документовъ, относящихся къ далекому прошлому Вильны, торгуюсь и отвожу домой спасенныя сокровища. Но кто же этотъ таинственный незнакомецъ, до меня успѣвшій пріобрѣсти большую часть архивныхъ дѣлъ, на выборъ? Евреи не сообщаютъ его фамиліи и адреса, а я стораю понятнымъ любопытствомъ. Несомнѣнно, однако, ко мнѣ въ руки попали лишь остатки. Но какіе остатки!! Они краснорѣчиво говорятъ о заслугахъ покойнаго архива. Десятки дѣлъ, относящихся къ быту римско-католическаго духовенства, къ бывшему Виленскому университету, къ эпохѣ пребыванія въ Вильнѣ французовъ, къ массонамъ, тайнымъ обществамъ, по еврейскому вопросу и т. д. Вотъ, наконецъ, и Муравьевскія бумаги, которыя, главнымъ образомъ, я и искалъ, помня, прежде всего, какъ и ранѣе, нужды Муравьевскаго музея. Большинства купленнаго мною у евреевъ уже нѣтъ теперь въ моемъ распоряженіи, такъ какъ я пожертвовалъ документы въ различныя учрежденія. Достаточно будетъ сказать, что однихъ неизданныхъ матеріаловъ, относящихся ко времени пребыванія французовъ въ Вильнѣ, передалъ я въ учрежденный при Виленскомъ военномъ собраніи военно-историческій музей тринадцать огромныхъ переплетенныхъ томовъ. Недавно туда же пожертвовалъ я 28 объемистыхъ тома дѣлъ, рисующихъ жизнь былой Вильны.

По мѣрѣ того, какъ скупалъ я бумаги по частямъ, хитрые евреи, конечно, набавляли цѣну. Однажды приносятъ они мнѣ, сравнительно, небольшую пачку какихъ-то старыхъ документовъ, предлагаютъ купить ее, назначая большую цѣну съ условіемъ, что я возьму все «не смотря, а на счастье». Поторговавшись, купилъ я пачку, положилъ ее на шкафъ и забылъ про нее. Какъ-то попадаетъ она мнѣ на глаза. Съ неохотой начинаю разбирать бумаги, заранѣе убѣжденный, что мнѣ всунули негодное, и замираю отъ восторга: вотъ подлинный рескриптъ императрицы Екатерины, данный одному генералу за участіе въ дѣлахъ по раздѣлу Польши; вотъ автографъ Потемкина, рескрипты Александра Благословеннаго, грамоты польскихъ королей. Видимо, это были документы, или конфискованные, или утерянные и потому хранившіеся въ полиціи. Надо замѣтить, что большинство ихъ дошло до меня въ удивительной сохранности. Въ настоящее время я тоже пожертвовалъ ихъ въ музей при Виленскомъ военномъ собраніи. Но предварительно объяснилъ я евреямъ, думавшимъ сдѣлать «гешефтъ» на счетъ моего кармана, о томъ, какова настоящая стоимость на антикварномъ рынкѣ мною пріобрѣтеннаго. Отчаянію ихъ не было границъ!.. Желая поправить свой промахъ и наверстать безнадежно

потерянное, стали они таскать мнѣ обрывки дѣлъ, увѣряя, что «тутъ, можетъ, есть одна такая бумага, которая стоитъ сотню рублей». Но болѣе такихъ бумагъ не находилось, или, вѣрнѣе, онѣ были, да погибли въ неумѣлыхъ рукахъ барышниковъ, быстро разорвавшихъ дѣла на отдѣльные листы различного формата и пустившихъ все въ оборотъ. Быть можетъ, въ какой либо лавчонкѣ завернули селедку въ другой автографъ Великой Екатерины!.. Помню хорошо, какъ Ив. К. Спрогисъ увѣрялъ меня въ томъ, что видѣлъ самъ, при посѣщеніи полицейскаго архива, цѣлыя переплетенныя дѣла съ подписями извѣстныхъ лицъ. Но до меня дошло всего одно такое дѣло въ четырехъ томахъ, которое евреи стали уже разрывать на отдѣльные листы. Гдѣ же остальные? Попадались мнѣ и обрывки старинныхъ документовъ, видимо остатки конфискованныхъ. А гдѣ же другія части документовъ? Попали ли онѣ къ тому таинственному лицу, которое до меня хозяйничало въ архивѣ, выбравъ, очевидно, лучшее, или въ нихъ преспокойно обертываются продукты виленскихъ мелочныхъ торговцевъ? Не поѣхали ли онѣ изъ Вильны за границу? Дай только Богъ, чтобы онѣ попали въ руки настоящаго ученаго или понимающаго любителя, будетъ ли то русскій или челоуѣкъ иной національности!..

Я упомянулъ выше, что архивъ виленскаго полицейскаго управленія былъ проданъ офиціально, съ разрѣшенія начальства, слѣдовательно при соблюденіи всѣхъ формальностей... Какой грустной ироніей должна звучать эта фраза въ сердцахъ истинныхъ цѣнителей отечественной старины! Гдѣ были въ то время виленскіе ученые? Знали ли они о такой продажѣ? Однажды зашелъ ко мнѣ съ визитомъ главный виновникъ подобной неосторожной, скажу даже, преступной продажи историческаго матеріала. Бумаги, купленныя у евреевъ, были уже разсортированы мною, подклеены, переплетены, заполнивъ собою огромный шкафъ; я тогда еще не раздавалъ ихъ по музеямъ. Подвожу «особу» къ этому шкафу, рассказываю подробности приобрѣтенія документовъ у виленскихъ евреевъ, про ихъ продажу...

— Ну, уже навѣрное это было не при мнѣ!—отвѣчаетъ съ увѣренностью «особа».

— Увы! при васъ... Самъ видѣлъ резолюцію, рѣшившую вопросъ о продажѣ архива,—отвѣчаю я. И тутъ же, въ шутиломъ тонѣ, благодарю за предоставленіе мнѣ возможности пополнить, обогатить мои коллекціи интересными документами и автографами...

Быть можетъ, это мѣсто настоящей замѣтки попадется случайно тому незнакомцу, который былъ счастливѣе меня и первый рылся у евреевъ въ приобрѣтенномъ ими полицейскомъ архивѣ... Пусть онъ, въ благородномъ радѣніи о спасеніи обрывковъ нашей отечественной исторіи, гибнущихъ въ частныхъ рукахъ, поступитъ подобно мнѣ, то-есть пожертвуетъ все купленное въ архивы прави-

тельственныхъ учрежденій, хотя бы той же Вильны, отъ которой документы оторваны по недоразумѣнію:

«Отторженное возвратихъ!»...

— Не знаете ли про какіе либо историческіе документы, валяющіеся въ частныхъ рукахъ?—спрашиваю я однажды, сидя въ вагонѣ, молодого знакомаго армейскаго офицера. У меня, надо замѣтить, вошло въ привычку наводить разговоръ на тему о старинѣ, и, благодаря этому, часто совершенно неожиданно натькался я на очень интересныя бумаги и вещи. Совѣтую и другимъ любителямъ-археологамъ дѣлать то же: изъ сотни случаевъ навѣрное получится нѣсколько цѣнныхъ указаній.

— А вамъ нужны бумаги какого времени? — спрашиваетъ, въ свою очередь, собесѣдникъ.

— Ну, хотя бы, Муравьевской эпохи въ краѣ.

— Пойдите,—говоритъ офицеръ:—послѣ моего отца остались какія-то бумаги... даже какъ разъ относящіяся къ возстанію. Помню подписи графа Муравьева, епископа Красинскаго...

Нечего говорить, какъ заинтересовала меня подобная находка... Пристаю къ офицеру, стараюсь навести его на мысль о томъ, гдѣ валяются у него документы. Но собесѣдникъ не увѣренъ даже, сохранились ли они. Лежали они не то въ старыхъ, ненужныхъ вещахъ, не то въ бѣльѣ, быть можетъ, въ Вильнѣ, а то и въ другомъ мѣстѣ. Могли ихъ давно уже «утилизировать» на домашнія надобности хотя бы денщики... Ободряю собесѣдника на немедленныя, энергичныя розыски. Вижу, что расшевелилъ его равнодушіе, вдохновилъ и пристыдилъ...

И вотъ черезъ нѣсколько дней у меня въ рукахъ 120 листовъ интересной исторической переписки, относящейся къ казнямъ политическихъ преступниковъ, съ многочисленными автографами графа М. Н. Муравьева и другихъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Оказалось, что во время возстанія отецъ офицера служилъ въ одномъ изъ правительственныхъ учрежденій города Вильны, и документы, оставшіеся у него на рукахъ очевидно по недоразумѣнію, достались сыну и... попали въ кучу ненужнаго хлама... Въ нихъ не хватало многихъ страницъ. Было ясно, что ко мнѣ перешло не все. Но и сохранившагося уже достаточно для освѣщенія самыхъ грустныхъ, трагическихъ страницъ послѣдняго возстанія.

Документы офицеръ подарилъ мнѣ, какъ ему «ненужные», а я, конечно, передалъ ихъ въ Муравьевскій музей, гдѣ они и хранятся, ожидая будущаго историка.

Въ одну изъ другихъ моихъ поѣздокъ, тоже заведя въ вагонѣ разговоръ на тему о старинѣ вообще и о документахъ, относящихся къ возстанію 1863—1865 гг., въ частности, узналъ я, что въ одномъ имени Т—го уѣзда, на чердакѣ, валяются бумаги бывшего люстратора К. Г., нынѣ покойнаго, въ которыхъ попадаются автографы Муравьева. Подобнаго извѣстія было достаточно, чтобы заставить меня свернуть съ дороги и поѣхать нарочно знакомиться съ владельцами имѣнья и самыми документами. Любезная хозяйка имѣнья, передъ которой извинился я за мой странный, неожиданный визитъ и откровенно высказалъ про цѣль моего посѣщенія, дѣйствительно показала мнѣ переплетенную тетрадь съ подписью графа М. Н. Муравьева; въ тетради былъ крайне важный сводъ люстраціонныхъ работъ. По словамъ г. К. Г., на чердакѣ лежало много такихъ же бумагъ, но пустить меня туда она не соглашается, такъ какъ чердакъ—грязный, лѣстница—круглая, опасная, бумаги—въ штыли, въ беспорядкѣ; часть ихъ уже пошла на хозяйственныя нужды по имѣнію, а оставшееся (кромѣ тетради) она все собирается продать или уничтожить... Несмотря на всѣ мои убѣжденія и просьбы, меня усердно угощали, но уговаривали не рисковать сломать себѣ шею, взбираясь на неустроенный чердакъ... Надо было дѣйствовать энергично, не теряя времени... И вотъ, едва хозяйка вышла для какихъ-то распоряженій, я, разспросивъ прислугу о дорогѣ на запретный чердакъ, скоро очутился передъ ящикою, наполненнымъ официальными бумагами; въ углу валялись груды такой же бумаги. Даже бѣгло осмотра было достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какое громадное значеніе имѣютъ эти документы для исторіи крестьянской реформы въ краѣ, для характеристики отношенія къ ней графа М. Н. Муравьева, какъ министра государственныхъ имуществъ. Въ перепискѣ заключались цѣнныя автографы графа Муравьева, графа Валюева и другихъ дѣятелей крестьянской реформы. Помню, какъ изъ ящика, едва я его коснулся, бросились на меня крысы... Вернувшись внизъ и извинившись передъ хозяйкой за мой энергичный, быть можетъ, не совсѣмъ деликатный для перваго визита походъ на ея чердаки, я безъ труда получилъ въ свое распоряженіе архивное наслѣдство, оставшееся послѣ извѣстнаго дѣятеля К. Г., уложилъ подаренное мнѣ въ два огромныхъ мѣшка и привезъ ихъ немедленно въ Вильну. Нечего говорить, что все было пожертвовано мною впослѣдствіи въ Муравьевскій музей—около 2.500 листовъ официальной и частной переписки и болѣе 5 пудовъ приложений. Но исторія съ люстраціонными бумагами этимъ не кончилась: у г. К. Г. осталась тетрадь, о которой я упомянулъ выше—съ общимъ сводомъ по люстраціоннымъ работамъ. Прежде чѣмъ передать мнѣ эту тетрадь, хозяйка имѣнья, по словамъ ея, хотѣла посоветоваться съ какимъ-то господиномъ, фамилію котораго я слышалъ въ первый разъ. Нако-

нецъ, получилъ я извѣстіе, что тетрадь взята этимъ господиномъ для врученія ей мнѣ. Но напрасно писалъ я ему, напоминая о передачѣ мнѣ подарка, пытался добиться личнаго свиданія: на письма мои не было отвѣта, а господина никогда не находилось дома. Такъ протянулось нѣсколько мѣсяцевъ. Выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія и узнавъ, гдѣ хранится тетрадь, я пошелъ въ указанную квартиру, гдѣ дѣйствительно была мнѣ предъявлена тетрадь, но безъ хозяина мнѣ не согласились ее выдать... Я просилъ напомнить еще разъ господину о желаніи моемъ получить то, что принадлежитъ мнѣ, какъ давно подаренное, однако отвѣта не послѣдовало. Тогда вторично пошелъ я на квартиру, попросилъ еще разъ показать мнѣ тетрадь, преспокойно, несмотря на протесты, спрятавъ ее въ мой портфель и унесъ съ собой, оставивъ расписку, удостоверяющую, что такого-то числа я взялъ мнѣ принадлежащее. Протеста не послѣдовало, а тетрадь я тоже пріобщилъ къ сокровищамъ Муравьевскаго музея. Такимъ образомъ закончилась комедія съ подаркомъ, который почему-то долго не могъ понасть ко мнѣ по назначенію...

Осенью 1897 г., въ залахъ виленскаго генераль-губернаторскаго дворца, устроена была японско-абиссинская выставка въ пользу мѣстнаго отдѣленія общества «Вѣлаго Креста». Въ выставкѣ этой принималъ я дѣятельное участіе въ качествѣ дѣлопроизводителя виленскаго отдѣленія общества. И вотъ, бродя по комнатамъ дворца, старался я найти хотя что либо, относящееся къ графу М. Н. Муравьеву, но, къ сожалѣнію, натолкнулся на весьма немногое: точно чья-то недобрая, мстительная, сознательно-дѣйствовавшая рука вымела изъ дворца все, что такъ или иначе напоминало бы потомству о замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ... Съ трудомъ, при помощи слугъ, можно было установить, гдѣ находились спальня и кабинетъ покойнаго графа... Разспрашивалъ я, конечно, и дворцовую администрацію о вещахъ, бумагахъ эпохи графа Муравьева, которыя могли гдѣ либо завалиться въ складахъ тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстенъ уже былъ тогда фактъ продажи съ аукціона изъ состава дворцоваго имущества за 3 рубля, напимѣръ, такой исторической драгоцѣности, какъ модели Александровской колонны въ С. Петербургѣ, поднесенной М. Н. Муравьеву, насколько помню, даже съ посвященіемъ ему¹⁾. Но я получалъ однообразные отвѣты: «ничего нѣтъ, а что было, то давно уже продано, уничтожено, выброшено»... И неудивительно: вѣдь

¹⁾ Модель эта до сихъ поръ стоитъ въ квартирѣ у купившаго ее лица. Мѣсто ея, конечно, въ Муравьевскомъ музеѣ, какъ вещи, принадлежавшей Муравьеву и попавшей въ частныя руки по недоразумѣнію.

въ томъ же дворцѣ жилъ, думалъ и дѣйствовалъ А. Л. Потаповъ... Этимъ все сказано...

Однако, во время упомянутой выставки мнѣ неожиданно повезло: какъ-то разъ увидѣлъ я, что лакей растапливаетъ самоваръ старинной бумагою. Взявъ ее, я убѣдился, что на ней подпись генераль-адъютанта Вибикова. Конечно, я поспѣшилъ узнать, какъ подобный документъ могъ попасть въ лакейскія руки и въ самоваръ... Простодушный слуга откровенно сообщилъ мнѣ, что надъ конюшными генераль-губернаторскаго дворца валяются «горы» подобной же старой бумаги, что бумагою этой уже много лѣтъ топятся печи дворцовой прислугою; что ее растаскиваетъ всякій, кто захочетъ... Попросивъ лакея немедленно же провести меня къ этимъ «горамъ», я очутился надъ дворцовыми конюшными, во второмъ этажѣ отдѣльнаго флигеля, выходящаго нѣкоторыми окнами на дворцовый дворъ. Внизу флигеля еще при генералѣ Оржевскомъ помѣщались конюшни; вверху — нѣсколько комнатъ, часть которыхъ была занята жильцами. Въ первой изъ нихъ, самой большой, увидѣлъ я слѣдующую картину: въ углу лежала огромная, выше роста человѣческаго, въ нѣсколько сажень окружностью, груда старыхъ бумагъ и дѣлъ, на самомъ верху которой мирно спали чьи-то куры. Дѣла были въ хаотическомъ безпорядкѣ, въ большинствѣ разорванныя, разбитыя, загаженныя, безъ обложекъ и надписей... Но попадали и цѣлыя папки. Я взялъ одну изъ нихъ: оказалась переписка о расквартированіи войскъ въ Вильнѣ, кажется, въ 1840—1850 годахъ, съ цѣнными автографами. При дальнѣйшей расколкѣ попалась не менѣе интересные документы начала прошлаго столѣтія и, наконецъ, то, чего я главнымъ образомъ искалъ, — бумага съ собственноручной подписью графа М. Н. Муравьева. Не было болѣе сомнѣнія въ томъ, что случайно я набрелъ на часть документовъ изъ времени приснопамятнаго пребыванія въ Вильнѣ Муравьева. Впоследствии, какъ мнѣ объяснили, найденная груда бумаги оказалась остатками особой канцеляріи генераль-губернаторовъ... Не знаю, впрочемъ, вѣрно ли это...

Дальнѣйшій осмотръ помѣщенія показалъ мнѣ, что въ комнатахъ, сосѣднихъ съ той, гдѣ лежала груда, жили какіе-то люди; мимо меня шмыгали ребятишки, проходили женщины. Около кучи и даже въ самой кучѣ валялись свѣжіе окурки папиросъ. Наружная дверь, благодаря тому, что въ помѣщеніи находились жильцы, не запиралась на замокъ; самое строеніе, хотя было каменное, но съ деревянной лѣстницею, скрипѣвшей подъ ногами, съ гнилымъ поломъ. Нахожденіе его надъ конюшными, гдѣ отъ пьяныхъ кучеровъ могъ всегда возникнуть пожаръ, невольно наводило на тревожныя мысли, тѣмъ болѣе, что мнѣ рассказали о пожарѣ, который будто бы уже начинался во флигелѣ и только случайно во-время былъ замѣченъ и прекращенъ...

Визитъ мой изумилъ дворцовую челядь; она съ улыбкой обступила меня и стала откровенно передавать возмущающія душу подробности о бумагахъ... Оказывалось, что архивъ, если вѣрить свидѣтелямъ (а почему же и не вѣрить имъ?), находился въ этомъ зданіи давно и былъ прежде въ сравнительномъ порядкѣ. Въ зданіи всегда жила прислуга дворца. Стоялъ себѣ архивъ, помѣщаясь на полкахъ и въ шкафахъ, тоже никѣмъ не охраняемый, но все-таки стоялъ до той поры, когда во времена пребыванія въ Вильнѣ генераль-губернатора графа Тотлебена кому-то понадобился шкафъ: тутъ бумаги безъ церемоніи вывалили на полъ... Съ этой-то минуты, по словамъ рассказчиковъ, началась топка печей дворцовой прислуги архивными бумагами. Впрочемъ, нашелся одинъ голосъ, утверждавшій, что топили архивомъ печи еще ранѣе—при генералѣ Потаповѣ. Топили, по заявленію лакея, не жалѣя «дряни», особенно облюбовавъ цѣлыя, неразбитыя еще пачки. — «Какъ положишь такую пачку съ пескомъ и пылью въ огонь, — увѣрялъ меня съ самодовольной улыбкой словоохотливый лакей, — такъ она горитъ долго, не хуже дровъ?»..

Много въ тотъ день рассказано было мнѣ у архивной груды вполне правдиво прямо невѣроятнаго... Но въ числѣ собравшейся прислуги замѣтилъ я и такихъ, которые видимо осуждали товарищей за болтливое разоблаченіе дворцовыхъ тайнъ, указывавшее на недавніе беспорядки... Впослѣдствіи на дѣлѣ могъ я убѣдиться въ томъ, что лзыки оказались сильно прикушенными, откровенничали менѣе охотно, съ опаскою, хотя факта топки печей бумагами и растаскиванія ихъ всякимъ, кто хотѣлъ, не отрицали и впослѣдствіи... А тогда въ первое мое посѣщеніе передавалось мнѣ, напримѣръ, о томъ, что въ архивѣ, даже во времена генерала Оржевскаго, было много еще старинныхъ рисунковъ, гравюръ, карикатуръ на Наполеона и Александра Благословеннаго, портретовъ, фотографическихъ изображеній графа Муравьева, конфискованныхъ предметовъ и книгъ; что жилъ тутъ же, возлѣ архива, во флигелѣ, разный людъ, устраивавшій ночные кутежи и приглашавшій на нихъ къ себѣ темныхъ личностей. Особенно много рассказывали про какого-то лакея, заводившаго здѣсь, на архивной кучѣ, пьяныя оргіи и амурныя свиданья, у котораго постоянно бывали сомнительные знакомые — русскіе и поляки... «Какъ все это сто разъ не сгорѣло!» — резонировалъ рассказчикъ. Болѣе подробный осмотръ убѣдилъ меня въ томъ, что въ грудѣ бумагъ находились дѣла «Доброхотной Копейки» и «Краснаго Креста» за прошлые годы, книги и брошюры, представляющія теперь библиографическую рѣдкость, какіе-то цвѣтные фонари, остатки бывшей иллюминаціи и другой хламъ.

Я слушалъ поучительную повѣсть гибели генераль-губернаторскаго архива, а на меня, съ высоты безобразной груды сто, гля-

дѣли не менѣе, чѣмъ дворцовая челядь, удивленные вниманіемъ моимъ къ этому позорищу, куры, вѣроятно, считая меня, если не совсѣмъ выжившимъ изъ ума, то во всякомъ случаѣ чудачкомъ, ненормальнымъ субъектомъ... Человѣческія, собачьи испражненія, птичій пометъ, паутина, пыль, грязь—все это, высохшее отъ времени—въ изобиліи пересыпали древніе листы: нельзя было взять въ руку бумаги, чтобы прибавленія эти въ изобиліи не сыпались на полъ... Отъ кучи, едва тронули ее, понеслись ароматы неблагоустроеннаго отхожаго мѣста...

А я все стоялъ, стоялъ и думалъ грустную думу: было и стыдно, и больно, и досадно!.. Наконецъ, я ушелъ съ твердымъ намѣреніемъ еще разъ поближе познакомиться съ архивомъ, а затѣмъ обратить на него вниманіе кого слѣдуетъ.

Прихожу черезъ нѣсколько дней: на входныхъ дверяхъ флигеля—замокъ; въ самомъ флигелѣ—мертвая тишина, указывающая на то, что всѣ жильцы изъ него выселены... Что такое, думаю, случилось? Узнаю, что одинъ изъ дворниковъ донесъ дворцовой администраціи о внезапномъ визитѣ моемъ въ архивъ, вѣроятно, и о негодующихъ восклицаніяхъ, невольно у меня вырвавшихся, и вотъ въ короткій срокъ насильственно выселили жильцовъ, а двери накрѣпко заперли, приставивъ къ нимъ въ видѣ наблюдающаго «цербера» дворника—доносчика... Шло даже, какъ передали мнѣ перепуганные лакеи, разслѣдованіе о томъ, кто и зачѣмъ безъ позволенія ходилъ во флигель, кто копался въ бумагахъ, кто ихъ указывалъ... «Значитъ,—подумалъ я,—визитъ мой не прошелъ даромъ... Кое-кто зашевелился и сознаетъ, что по части разореннаго архива могутъ быть непріятности»...

Странной казалась мнѣ, однако, эта «охранительная», канцелярская логика, внезапно осѣнившая виленское дворцовое управленіе: двадцать лѣтъ разрѣшалось (или не препятствовали) дворникамъ и лакеямъ растапливать архивомъ кухонныя печи, а въ первый же разъ, когда надъ конюшнями появился любитель-археологъ, т. е. челоуѣкъ интеллигентный, сейчасъ вонъ и его, и лакеевъ съ ихъ семьями, ни въ чемъ неповинными, изъ поруганнаго святилища... Досадно мнѣ было и за прислугу, пострадавшую столь жестоко, благодаря моему несвоевременному любопытству.

А куча бумаги не давала мнѣ покоя!.. У меня было, конечно, право на входъ въ разоренный архивъ, такъ какъ, будучи дѣлопроизводителемъ мѣстнаго управленія общества «Краснаго Креста», видѣлъ я въ кучѣ бумаги и документы общества, относившіеся къ дѣятельности его во время послѣдней русско-турецкой кампаніи. Но не буду утомлять читателя подробнымъ описаніемъ всѣхъ моихъ приключеній по вопросу о допущеніи меня поближе ознакомиться съ архивной кучей и взять изъ нея хотя бы бумаги «Краснаго Креста». Наконецъ-то, послѣ долгихъ колебаній, распро-

совъ, сомнѣній, дали мнѣ разрѣшеніе порыться въ архивѣ, а также и людей въ помощь, при чемъ было выражено полное недоумѣніе по поводу предполагаемой мною экскурсіи, а также высказана мысль, что «давно пора бы всѣ эти старья, никому ненужныя, дрянныя бумаги вынести на середину дворцоваго двора и сжечь». Выражалось даже сожалѣніе, что проектъ этотъ остался до сихъ поръ неприведеннымъ въ исполненіе. Я не спорилъ, чтобы не раздражить гусей, а принялся въ самомъ архивѣ за работу. Впрочемъ, съ первыхъ же дней убѣдился я, что мнѣ не одолѣть гигантской груды, что для этого нужна извѣстная система, продолжительное время, гораздо больше рабочихъ рукъ. Взявъ кое-что, случайно подвернувшееся подъ руку изъ дѣлъ «Краснаго Креста», я на этотъ разъ малодушно отступилъ съ сознаниемъ, что безсиленъ бороться со стихіей въ видѣ разореннаго архива, но не терялъ надежды собрать болѣе основательныя силы и двинуться съ новой энергіей на борьбу и раскопки...

Осмотръ, хотя и бѣглый, поверхностный, имѣлъ тѣмъ не менѣе для меня важное значеніе: онъ окончательно убѣдилъ меня въ томъ, что находка моя, даже въ ея позорномъ состояніи, даже въ видѣ обрывковъ и остатковъ бывшихъ дѣлъ, имѣетъ для края несомнѣнное значеніе... Но въ какомъ видѣ былъ самый архивъ, можно судить уже по тому, что помогавшій мнѣ въ раскопкахъ курьеръ вытѣзалъ изъ кучи бумагъ буквально съ ногъ до головы покрытый сухимъ навозомъ, паутиной, пылью, вѣроятно, посылая мнѣ, непосредственному виновнику его страданій, мысленно не совѣмъ лестныя эпитеты... Въ глазахъ этого браваго заслуженнаго ветерана, несмотря на получаемое отъ меня за тяжелый, каторожный трудъ его прилагательное, не разъ читалъ я уже высказанную мнѣ мысль: «Давно пора бы сжечь всю эту дрянь посреди двора генераль-губернаторскаго дворца. А то ходять, безпокоять съ нею другихъ!»

Прошло съ тѣхъ поръ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Во флигелѣ надъ конюшнями, гдѣ покоились жалкіе останки маститаго старца— архива, снова незамѣтно поселились прежніе жильцы съ ребятяшками и хозяйствомъ; замокъ на дверяхъ сняли, и доступъ къ бумажной грудѣ попрежнему сталъ свободенъ для всякаго желающаго, въ томъ числѣ для куръ, кошекъ, собакъ, облюбовавшихъ старую бумагу. Напрасно начиналъ я разговоры съ лицами, прикосновенными къ судьбѣ архива, о необходимости положить конецъ этому безобразію и привести бумаги въ порядокъ: мнѣ отвѣчали улыбками, шутками, пожиманіемъ плечъ, недружелюбнымъ молчаніемъ. Однажды, во время подобной бесѣды, въ намекахъ и лицѣ говорившаго прочелъ я прежнюю энергичную идею о необходимости сразу же разрубить Гордіевъ узелъ. Думаю себѣ, ну, какъ на самомъ дѣлѣ возьмутъ да и сожгутъ потихоньку мо-

его старца, хотя бы за то, что онъ, въ моей особѣ, упрямо напоминаетъ о себѣ. А то продадутъ его на пуды виленскимъ жидамъ. И такой проектъ, какъ мнѣ потомъ передавали, уже появлялся, благо съ нимъ связанъ былъ и доходъ казнѣ отъ проданной, ненужной и только зря занимающей мѣсто бумаги. Заходилъ я время отъ времени и въ самый архивъ нарочно при свидѣтеляхъ, чтобы не вызывать болѣе сплетенъ и подозрѣній. Посѣщенія эти только убѣждали меня въ томъ, что куча бумаги какъ будто бы осѣдаетъ, таетъ, уменьшается въ объемѣ; что цѣлыя папки, которыя недавно еще видѣлъ я въ кучѣ, куда-то исчезаютъ, вѣроятно, приносясь въ жертву безпощадному Молоху—кухоннымъ печамъ дворцовой прислуги. Да и время было холодное, сырое, вызывавшее усиленное отопленіе лакейскихъ квартиръ. Трудно было и осуждать темныхъ, многосемейныхъ бѣдняковъ!.. И каждый разъ, при моихъ посѣщеніяхъ, встрѣчалъ я собачку—новую жилищу флигеля—несомнѣнно, своеобразную цѣнительницу старины, которая, возбужденная моимъ приходомъ, взбиралась на самую вершину груди и преспокойно совершала тамъ свои естественныя отправленія...

Много передумалъ я надъ архивной кучей во флигелѣ надъ конюшнями. Новаго генераль-губернатора еще назначено не было, и мое болѣе энергичное вмѣшательство не привело бы ни къ чему, а только озлобило бы всѣхъ противъ меня, ускоривъ, быть можетъ, кончину архива. Припоминалось и равнодушіе нашихъ чиновниковъ къ остаткамъ родной старины, и книга графа Леливы «Русско-польскія отношенія», сплошь основанная на выкраденныхъ официальныхъ документахъ, и многое другое... Можно ли, впрочемъ, винить мелкій чиновный людъ,—философствовалъ я,—когда между лицами, высоко стоящими, свѣтскими и духовными, отъ которыхъ подчасъ вполне зависитъ судьба историческихъ сокровищъ, встрѣчалъ я постоянно относившихся къ этимъ сокровищамъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ или равнодушіемъ, даже враждою?.. Надо дѣйствительно быть археологомъ, писателемъ, ученымъ въ душѣ, по рожденію, по крови, чтобы проникнуться должнымъ уваженіемъ къ тому, что для толпы простыхъ смертныхъ—лишь соръ, хламъ, ненужная дрянь, которая только осложняетъ жизнь, вызывая непріятности, охрану, описи, справки... Въ археологіи есть своеобразная, высокая поэзія для тѣхъ, кто посвятилъ себя ей... А много ли вообще истинныхъ поэтовъ на бѣломъ свѣтѣ?!

Между тѣмъ, картина виленской жизни постепенно мѣнялась... Послѣдовало назначеніе на постъ генераль-губернатора, генераль-адъютанта В. Н. Троцкого, человѣка вполне русскаго, не любившаго полусловъ и полумѣръ... Приѣхалъ и ближайшій сотрудникъ его В. Т. Судейкинъ. Въ Вильнѣ почувствовались въ воздухѣ

инья вѣянiя. Канцелярiи проснулись и засуетились: стало жить тамъ не такъ спокойно, какъ жилось во время отсутствiя высшей власти въ краѣ... То были вновь хорошія, радостныя минуты для насъ, русскихъ виленскихъ старожиловъ, разные виды здѣсь видѣвшихъ и думавшихъ уже, что съ генераль-губернаторствомъ навсегда покончено... Радовался, надѣялся со всѣми и я, будучи увѣренъ, что когда новыя лица присмотрятся, когда водворится должный порядокъ, то можно будетъ заговорить съ ними и объ архивѣ надъ конюшнями, при томъ съ надеждою на успѣхъ... Приѣздъ въ Вильну генерала Троцкого, какъ я уже сказалъ, быстро двинулъ впередъ вопросъ объ открытіи памятника гр. М. Н. Муравьеву: въ лицѣ Виталiя Николаевича явился человѣкъ, уважавшій память великаго дѣятеля и часто справлявшійся съ его взглядами и завѣтами. Состоялось, какъ я уже сказалъ выше, и назначеніе меня, въ числѣ прочихъ, въ комиссію по устройству музея имени графа Муравьева.

Въ первомъ же засѣданiи комиссіи, происходившемъ въ залѣ Виленской публичной библіотеки, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ генераль-губернаторскаго дворца, невольно зашла рѣчь о томъ, какъ трудно доставать новыя документы, освѣщающіе эпоху усмиренiя гр. Муравьевымъ мятежа и правильно проливающіе свѣтъ на его замѣчательную личность: «все это скрыто, вывезено за границу, уничтожено; жаль, что мысль о Муравьевскомъ музеѣ не была осуществлена сейчасъ вслѣдъ за умиротвореніемъ края»... Тогда-то съ торжествомъ заявилъ я впервые публично о моей неожиданной находкѣ—той грудѣ исторической бумаги, которая много лѣтъ гниетъ надъ генераль-губернаторскими конюшнями, и въ которой попались мнѣ документы, относящіеся къ дѣятельности гр. Муравьева. Тутъ же, не щадя красокъ, откровенно рассказалъ я членамъ комиссіи исторію того, какъ случайная, благотворительная выставка и глупый лакей, въ святой простотѣ растапливающей старинной бумагою самоваръ, дали мнѣ возможность дойти до разореннаго архива. Сообщение мое было настолько неожиданно, что вызвало недовѣрчивыя улыбки, а представитель генераль-губернаторской канцелярiи, заступавшій въ засѣданiи мѣсто В. Т. Студейкина, выразилъ открыто сомнѣніе въ справедливости моихъ словъ... Тогда, чтобы не быть голословнымъ, предложилъ я предсѣдателю комиссіи А. В. Бѣлецкому, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, пойти со мною во флигель и самому убѣдиться въ точности сказаннаго мною. Въ назначенный день и часъ мы были уже съ нимъ у В. Т. Студейкина и, подъ предлогомъ розыска во дворцѣ вещей, принадлежавшихъ кабинету гр. Муравьева (дѣйствительно, увѣряли, что старое кресло, стоявшее въ архивной грудѣ, принадлежало когда-то Муравьеву), двинулись въ походъ съ г. Студейкинымъ, въ сопровожденiи представителя дворцовой администраціи и прислуги,—той самой прислу-

ги, которая столько разъ передавала мнѣ грустныя подробности изъ былой жизни архива... Нарочно ничего не говорилъ я В. Т. Судейкину, какъ правителю генераль-губернаторской канцеляріи, о за-таенной цѣли нашей экскурсіи, для того, чтобы эффектъ вышелъ болѣе сильный, неожиданный. Напрасно представитель дворцовой администраціи (мнѣ такъ, по крайней мѣрѣ, это показалось) старался остановить наше торжественное шествіе, увѣряя, что «во флигелѣ надъ конюшнями ничего интереснаго нѣтъ, что тамъ грязь, пыль, вонь»,—ему въ концѣ концовъ предложено было вести насъ изъ дворца прямо туда, куда я указывалъ. Мы прошли дворцовый дворъ, взобрались по хорошо знакомой мнѣ, скрипучей лѣсенкѣ на второй этажъ надъ конюшнями и очутились передъ развалинами бывшего архива.

Тотъ, кто подобно мнѣ беззавѣтно любитъ исторію, археологію, отечественную старину, кто не разъ дрожалъ нервной дрожью, понятной археологу, отъ волненія и восторга надъ какимъ нибудь черепкомъ или кускомъ полуистлѣвшаго пергамента, бросающими лучъ въ темное прошлое, для кого мертвый предметъ получалъ значеніе дорогого, живого существа, говорящаго о жизни прежнихъ поколѣній,—тотъ пойметъ, что испытывалъ я въ эти минуты, стоя передъ тысячами загаженныхъ, растрепанныхъ, поруганныхъ актовъ, въ присутствіи В. Т. Судейкина, отъ одного слова котораго всецѣло зависѣла дальнѣйшая судьба ихъ.

Разыгралась надъ конюшнями характерная сцена, которой я никогда не забуду.

На изумленный, рѣзкій вопросъ Власія Тимоѣевича, обращенный къ представителю дворцовой администраціи: «что это такое?»,—поспѣшилъ отвѣтить за послѣдняго я самъ:

— Это часть вашего генераль-губернаторскаго архива.

Тутъ снова, на этотъ разъ уже робко, въ послѣдній разъ, прозвучало мнѣніе о томъ, что всю эту «дрянь» давно слѣдовало бы «сжечь посреди генераль-губернаторскаго двора», какъ напрасно занимающую мѣсто и никому ненужную. Тогда, торжествующій, неумолимый, въ присутствіи дворниковъ и лакеевъ, ссылаясь на ихъ показанія, сообщилъ я В. Т. Судейкину неприкрашенную правду о томъ, какъ цѣлые годы сжигалось, раскрадывалось и шло на отопленіе дворцовыхъ печей, гибло подъ испражнениями людей и животныхъ, быть можетъ, безцѣнное сокровище мѣстной исторіи, жалкіе останки котораго вопіютъ о правосудіи и отмщеніи. И словно нарочно, чтобы подтвердить мое показаніе, собаченка—своеобразный любитель археологіи, о которой я уже упоминалъ, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, взобралась на самую вершину груды и тамъ устроилась. Когда же представитель дворцовой администраціи заявилъ, что въ грудѣ бумагъ навѣрно нѣтъ ничего цѣннаго, я и А. В. Бѣлецкій стали наугадъ рыться въ хламѣ, находя то какой

либо хорошо сохранившійся документъ, то отрывокъ документа, то дѣлое дѣло, при чемъ натолкнулись на объемистую тетрадь, половина которой видимо недавно была оторвана. Попался и Муравьевскій автографъ. Я торжествовать...

Искреннему негодованію В. Т. Судейкина, конечно, не подозрѣвавшего при вступленіи въ должность правителя канцеляріи о части этой канцеляріи, валяющейся надъ конюшнями, не было границъ. По докладу о находкѣ генералу Троцкому, приказано было привести архивъ въ должный видъ: были назначены чиновники и служителя для работы, а я, какъ счастливецъ, открывшій въ Вильнѣ Америку, очутился во главѣ работающихъ. Съ радостью принявъ это назначеніе, ввелъ я въ работы извѣстную систему, прося чиновниковъ откладывать въ сторону все, относящееся къ гр. Муравьеву, и увѣренный, что усидчивой, непрерывной работы хватить, по крайней мѣрѣ, на мѣсяць. Раскопки начались въ самой антисанитарной обстановкѣ, которая, впрочемъ, для меня, какъ уже ранѣе работавшаго до нашихъ архивамъ, не была новостью.

Помню, что по обязанностямъ службы долженъ былъ я на время уѣхать изъ Вильны. Прихожу, по возвращеніи, къ архиву, чтобы убѣдиться, насколько подвинулась работа, и останавливаюсь пораженный: бывшей груды какъ не бывало; поль-комнаты, въ которой недавно она еще покоилась, торопливо подметается служителями; въ углу куча порванной, видимо ненужной, бумаги, а уцѣлѣвшіе дѣла и листы тщательно сложены въ тюки, которые перевязываются веревками и опечатываются печатью генераль-губернаторской канцеляріи. Работа эта видимо шла къ концу. Тогда произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Гдѣ же архивъ?—спрашиваю я.

— Какъ видите, онъ приведенъ въ порядокъ,—отвѣчаютъ мнѣ.

— Вотъ какъ поняли вы распоряженіе начальства. И вы называете это приведеніемъ въ порядокъ?

— Называю.

— А Муравьевскія бумаги, которыя просилъ я васъ откладывать?

— Мы ихъ и не отбирали. Гдѣ же тутъ возиться въ такой обстановкѣ? Одинъ изъ работавшихъ даже заболѣлъ, надыхавшись вони и пыли.

— Что же вы дѣлаете теперь?

— А вотъ запечатаемъ эти послѣдніе тюки и отошлемъ ихъ на подводахъ въ общій архивъ присутственныхъ мѣстъ по счету.

— И безъ описей?

— Безъ описей. Намъ было велѣно привести архивъ въ порядокъ—мы его привели, какъ могли.

Дальнѣйшее ознакомленіе съ работой убѣдило меня въ томъ, что бумаги свалены въ тюки безъ всякой системы, а на тюкахъ—

надписи, не дающія ровно никакого представленія о содержаніи самыхъ тюковъ. И это называлось привести архивъ въ порядокъ! Конечно, я заявилъ энергичный протестъ, доказывая, что высшее начальство ожидало совѣтъ иныхъ результатовъ отъ работы; что я, на отвѣтственности котораго лежитъ общее наблюденіе, не могу же допустить, чтобы найденный мною архивъ погибъ на моихъ глазахъ на этотъ разъ безвозвратно въ пучинахъ общаго правительственнаго архива.

— Значить,—спрашиваютъ меня грустно, съ отгѣнкомъ разочарованія: — надо, по-вашему, перерывать съ начала?

— Значить.

Взялъ я одинъ тюкъ, велѣлъ служителямъ раскрыть его, самъ разложилъ бумаги на столахъ по десятилѣтіямъ, отобралъ все, что относилось къ послѣдному возстанію или графу Муравьеву. Работа, конечно, осложнилась, не была вполнѣ удовлетворительна, но въ ней, по крайней мѣрѣ, существовалъ нѣкоторый смыслъ; она давала извѣстные положительные результаты...

Видя, что взглядъ мой не встрѣчаетъ никакого сочувствія въ работающихъ, и что при подобномъ настроеніи ничего путнаго не выйдетъ,—рѣшилъ я самъ засѣсть за разборку бумагъ и, по обычаю, показать собою примѣръ другимъ... На много дней потянулись строго систематическія занятія, при чемъ мнѣ приходилось работать съ утра до ночи, часто одному съ четырьмя служителями и всегда въ удушающемъ зловоніи и пыли, поднимаемой передвигаемою бумагой, утомляться до изнеможенія, приходитъ домой съ больными, воспаленными глазами, съ легкими, надышавшимися зараженнымъ воздухомъ. А главное, тяжело было работать, сознавая, что случайные сотрудники тебѣ не сочувствуютъ и трудятся лишь по обязанности... Но у меня имѣлось зато великое утѣшеніе: каждый день убѣждалъ меня все болѣе и болѣе въ томъ, что находка моя стоила потраченнаго на нее времени и здоровья... Кучка Муравьевскихъ документовъ постепенно росла и росла на окнѣ, куда ее складывали... Бумаги «Краснаго Креста» тоже приходили въ порядокъ... Наконецъ, документовъ, относящихся къ графу М. Н. Муравьеву, накопилось 13 большихъ тюковъ, которые я перенумеровалъ лично и отложилъ въ сторону, чтобы на другой день сдать въ канцелярію генераль-губернатора. Но вдругъ случилось загадочное происшествіе: одинъ изъ тюковъ пропалъ!.. Исторію его исчезновенія, находки и того, что пережилъ я при этомъ, мнѣ хочется рассказать какъ нибудь въ другой разъ... Она слишкомъ поучительна...

Наконецъ-то всѣ 13 тюковъ были переданы въ канцелярію, а оттуда сданы въ Муравьевскій музей, умноживъ собою сокровища послѣдняго.

Что же спасено мною изъ груды бумагъ надъ конюшными для музея имени графа М. Н. Муравьева? Конечно, только остатки,

обрывки, клочки. Но и спасенное очень важно для характеристики той эпохи... Туда попали нѣсколько черновыхъ тетрадей телеграммъ графа М. Н. Муравьева къ разнымъ лицамъ, секретное, очень ядовитое письмо къ нему графа Валуева, любопытное донесеніе состоявшаго при графѣ чиновникомъ особыхъ порученій князя Урусова, относящееся къ депутации крестьянъ Августовской губерніи, множество прошеній лицъ польскаго происхожденія о свиданіи съ заключенными, причастными къ мятежу, весьма характерныхъ по льстивому ихъ тону и со справками о положеніи дѣлъ; свѣдѣнія о расходахъ на поимку повстанцевъ, на субсидіи семьямъ лицъ, пострадавшихъ отъ мятежа; вѣдомости по контрибуціонному сбору и т. п.

Помню, какъ заволновался покойный Иванъ Петровичъ Корниловъ, когда узналъ отъ меня о судьбѣ части генераль-губернаторскаго архива. По просьбѣ его я написалъ статью, погибшую безвозвратно въ одной газетѣ...

Не буду описывать приключеній съ другими документами, рисунками и предметами, попавшими въ Муравьевскій музей при моемъ посредствѣ. Упомяну между прочимъ лишь про замѣчательный рисунокъ акварелью художника Жамета, изображающій кабинетъ графа М. Н. Муравьева въ виленскомъ генераль-губернаторскомъ дворцѣ. Приобрѣлъ я этотъ рисунокъ у одного мѣстнаго коллекціонера-поляка, въ то время, когда о Муравьевскомъ музей не было еще и рѣчи въ Вильнѣ. На рисунокѣ красовалась польская надпись карандашомъ, которую я стеръ... И негодовало же потомъ лицо, отъ котораго удалось мнѣ приобрести эту драгоценность, умолчавъ о цѣли покупки, когда узнало, что рисунокъ украшаетъ собою музей имени графа Муравьева! Единственно благодаря этому рисунку, при моемъ личномъ содѣйствіи, были найдены въ генераль-губернаторскомъ дворцѣ письменный столъ Муравьева (по заявленію прислуги, въ немъ передѣланы лишь ножки) и два кресла, стоявшія когда-то у этого стола.

Также, задолго до открытія музея, собраны были мною многочисленныя отдѣльныя фотографіи сотрудниковъ графа М. Н. Муравьева, гравюры и рисунки, въ ихъ числѣ и весьма рѣдкій рисунокъ тушью Пятницкой церкви въ томъ позорномъ, разоренномъ видѣ, въ какомъ существовала она въ 1805 году.

Мною же пожертвованы въ музей двѣ группы ближайшихъ сотрудниковъ графа (на одной изъ нихъ снятъ и онъ самъ). Кажется, сравнительно немного лѣтъ прошло со времени усмиренія послѣдняго мятежа, а нѣкоторыя лица, снятыя на группахъ, были опредѣлены мною лишь по указаніямъ сотрудниковъ Муравьева —

академика Н. М. Чагина, генерала А. М. Божерянова, предводителя дворянства В. И. Павлова и другихъ лицъ, послѣ продолжительныхъ, сложныхъ справокъ и переписки. Прошло бы еще нѣсколько лѣтъ, и сдѣлать это было бы уже невозможно...

Передача извѣстнымъ виленскимъ дѣятелемъ, академикомъ Н. М. Чагинымъ, замѣчательныхъ рисунковъ церквей, восстановленныхъ и обновленныхъ графомъ М. Н. Муравьевымъ, обошлась тоже не безъ моего участія, такъ какъ о передачѣ этой, задолго до поступленія рисунковъ въ музей, совѣщался я съ Н. М. Чагинымъ, убѣдивъ его бросить колебанія и сдѣлать въ музей это пожертваніе.

Недавно прочелъ я одну статью о Муравьевскомъ музеѣ и его жертвователяхъ. Въ статьѣ этой пропущены, забыты самые интересные, трогательные жертвователи — лица низшихъ и среднихъ сословій; въ ней смѣшаны, поставлены рядомъ, дѣйствительныя жертвы (т.-е. то, что стоило жертвователямъ личнаго труда, досуговъ, личныхъ средствъ) съ передачей, напримѣръ, копій официальной переписки, сдѣланныхъ казенными писарями, по приказу начальства. Недаромъ же покойный В. Н. Троцкій съ рѣзкостью, юморомъ и справедливостью, ему присущими, на черновомъ экземплярѣ перваго отчета по музею, поднесенномъ для его разсмотрѣнія въ рукописи, противъ того мѣста, гдѣ говорилось о весьма важномъ «пожертваніи» однимъ лицомъ копій съ официальной переписки, сдѣлалъ собственноручную замѣтку карандашомъ въ томъ смыслѣ, что лицо это, какъ подчиненное, не имѣло права приносить подобной жертвы... Послѣ такой отповѣди, конечно, измѣнилась и редакція о «важности пожертванія». *Mais voila comme on fait l'histoire!*..

Кончаю настоящую статью, далеко ею неудовлетворенный, чувствуя, что я могъ бы рассказать о Муравьевскомъ музеѣ еще кое-что поучительное.

Признаюсь, многое хотѣлось бы видѣть мнѣ въ Муравьевскомъ музеѣ при другой обстановкѣ; многое смущало и смущаетъ меня. А затѣмъ да здравствуютъ, какъ всегда, правда, свѣтъ, согласіе и любовь!!..

У меня сохранилось гдѣ-то въ бумагахъ неизданное письмо пятидесятихъ годовъ извѣстнаго польскаго романиста І. Крашевскаго къ русскому писателю Нестору Васильевичу Кукольникову. Помню, какъ Крашевскій, касаясь въ немъ раздоровъ между русскими писателями, говоритъ, что ссорящіеся писатели эти напоминаютъ ему всегда жрецовъ, спорящихъ у алтаря о томъ, кому изъ нихъ слѣдуетъ раньше приступить къ жертвоприношенію. Прекрасно и мѣтко сказано! Я не придаю, конечно, Муравьевскому музею неподобающаго ему значенія какой-то школы для дурныхъ патріотовъ, ко-

торые яко бы должны ходить въ него учиться патриотизму, какой-то фабрики отечественныхъ патриотовъ (мысль автора анонимной статьи «Виленскаго календаря» 1902 г.): никакой музей не былъ и не будетъ школою, а лишь необходимымъ полезнымъ пособіемъ къ школѣ, и того, кто не родился съ любовью къ родинѣ, кто не всосалъ эту любовь съ молокомъ матери, никакими музеями не обратишь въ истиннаго патриота. Но устройство музея, постепенное, умѣлое, добросовѣстное наполненіе его историческимъ матеріаломъ, — не своего ли рода торжественное жертвоприношеніе?! И намъ ли, имѣющимъ счастье участвовать въ этомъ жертвоприношеніи, спорить за первое мѣсто у алтаря? Дѣло другое, когда затронута истина!.. Тогда нельзя молчать и прятаться за спины другихъ... Тогда жрецъ, знающій правду, обязанъ раздвинуть ряды другихъ жрецовъ, ее затемняющихъ, и провозгласить, возстановить истину, какъ бы это для нихъ непріятно ни было.

Настоящая замѣтка посвящается такимъ же, какъ я, любителямъ-археологамъ, которые работаютъ по разнымъ уголкамъ нашего отечества, робко, неувѣренно, никѣмъ непризнанные, часто осмѣянные и гонимые. Мнѣ кажется, что, прочитавъ замѣтку, имъ пріятно будетъ узнать отъѣхъ результатахъ, которыхъ удалось мнѣ добиться, благодаря забвенію личныхъ интересовъ и упрямому служенію отвлеченной идеѣ.

Повторяю, глубоко убѣжденъ я въ томъ, что недалеко то время, когда званіе археолога-любителя будетъ столь же почетнымъ, какъ званіе ученаго. Итакъ, дорогіе собратья по одной и той же профессіи, любители-археологи, дружно, бодро, съ вѣрою въ будущее, примемся усиленно за работу!.. Если стануть гибнуть на глазахъ нашихъ правительственные и частные архивы, поспѣшимъ спасти ихъ во имя исторической справедливости и науки!.. Станемъ, наконецъ, всѣми силами предупреждать самую возможность такой гибели, смѣло, безстрашно стучась съ нашимъ протестомъ, заявленіями и разоблаченіями въ двери тѣхъ, отъ кого зависитъ судьба того или иного древняго бумагохранилища!.. Повѣрьте, всегда найдутся добрые, честные люди, которые васъ поддержать. Не забывайте также стариннаго правила, продиѣтованнаго опытомъ, по которому въ дѣлѣ археологіи нельзя откладывать на «завтра» того, что можно сдѣлать сегодня: благодаря отступленію отъ этого мудраго правила, часто, на глазахъ моихъ, гибли документы, которые могъ бы я еще спасти всего нѣсколько дней тому назадъ. Сколько позднихъ сожалѣній и горькихъ упрековъ въ этомъ отношеніи лежитъ на моей совѣсти за то время, когда только что началъ я еще втягиваться въ дѣло любительской археологіи, дѣйствовалъ робко, деликатничалъ и боялся дразнить канцелярскихъ гусей... Дорогіе друзья мои, не повторяйте моихъ ошибокъ!.. И смѣло, честно, открыто впередъ на спасеніе обломковъ родной исторіи!..

Недавно вновь проходилъ я въ Вильнѣ по такъ называемой «Муравьевской площади», на которой стоитъ съ непокрытой головою угрюмая, строгая фигура «диктатора Литвы». По правую руку ея — разваливающийся генераль-губернаторскій дворецъ, въ который теперь рѣдко ходятъ въ виду его небезопасности; въ нѣсколькихъ саженяхъ — Муравьевскій музей... Читатель, вѣроятно, подумалъ, что этотъ музей представляетъ собою специально-сооруженное зданіе въ память того, кто далъ особый оттѣнокъ всей жизни нашего края, въ честь кого недавно еще праздновала, волновалась наша Вильна, гремѣли орудія и возносились горячія молитвы къ Богу. Нѣтъ, если вы такъ предположили, то грубо ошиблись... Въ зданіи публичной библіотеки и общаго музея (къ слову сказать, возрожденныхъ на русскихъ началахъ все имъ же, графомъ М. Н. Муравьевымъ), въ одной изъ нижнихъ комнатъ, даже въ углу одной изъ этихъ комнатъ, отгорожено небольшое мѣсто, въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ,—мѣсто, въ которомъ трудно повернуться, и гдѣ немислимо работать. Это и есть знаменитый Муравьевскій музей, гордость нашего края. Въ томъ же зданіи помѣщается центральный архивъ, десятки тысячъ древнихъ документовъ котораго на русскомъ языкѣ краснорѣчиво говорятъ о томъ, какая народность нѣсколько столѣтій подъ рядъ преобладала въ краѣ, и кто въ немъ — законные, историческіе, хозяева, а кто—терпимые пришельцы. Рѣдкіе, случайные прохожіе спѣшатъ черезъ Муравьевскую площадь, мимо Муравьевскаго музея: площадь эта въ сторонѣ отъ общаго главнаго движенія. Иногда прогремятъ извозчичьи дрожки, проѣдетъ шагомъ, непремѣнно шагомъ, щегольской, аристократическій экипажъ, запряженный парю богатыхъ рысаковъ въ польской упряжи, и покажутся пріѣзжіе польскіе гости, не могущіе не удовлетворить своего любопытства—взглянуть на бронзовыя черты лица человѣка, который не позволилъ русской исторіи перекроиться по капризу заграничныхъ и мѣстныхъ энтузіастовъ... Но звукъ экипажа умолкъ въ отдаленіи... И снова въ безмолвіи дремлетъ Муравьевская площадь, и думаетъ на ней грустную думу бронзовая фигура, охраняемая дежурнымъ полицейскимъ... Остановишься противъ памятника, чтобы еще разъ провѣрить себя, воскресить въ памяти давно минувшее, призадуматься надъ преходимостью всего земного...

И помню, какъ возлѣ памятника вдругъ представилась мнѣ однажды картина пожара музея и публичной библіотеки,—пожара, возможнаго въ зданіи старомъ, совершенно не приспособленномъ, давно не удовлетворяющемъ культурнымъ, научнымъ нуждамъ нашего края... Даже при одной мысли сердце белѣзненно сжалось: вѣдь, въ нѣсколько часовъ погибло бы тогда безцѣнное сокровище отечественной исторіи, которое съ такою любовью накапливалось цѣлыми поколѣніями, погибло бы на радость враговъ нашихъ!..

Да, вопросъ о болѣе приличномъ и безопасномъ помѣщеніи для Муравьевскаго музея—вопросъ крайне важный и неотложный. Не разрѣшивъ его въ удовлетворительномъ смыслѣ, мы, русскіе, останемся навсегда съ сознаниемъ, что сдѣлали для памяти графа М. Н. Муравьева далеко не все то, что должны были сдѣлать по совѣсти. Я слышалъ, впрочемъ, будто бы возбуждено уже ходатайство о постройкѣ особаго, приспособленнаго помѣщенія для музея. Такъ ли это? И въ какомъ положеніи вопросъ? Опять тайна, опять молчаніе!.. А пока... пока и грустно, и больно, и стыдно-стыдно видѣть Муравьевскій музей, точно незаконное, терпимое лишь по необходимости дѣтище пріютившимся въ углу казеннаго и безъ того переполненнаго всякимъ историческимъ матеріаломъ зданія,—зданія, которое подвержено нежелательнымъ случайностямъ....

А. В. Жиркевичъ.

ОПАЛА И ССЫЛКА БОЯРИНА А. С. МАТВѢВА.

Мужъ знаменитый, другъ добра,
Бояринъ Артемонъ Матвѣевъ
Былъ сосланъ въ ссылку отъ двора
По клеветамъ своихъ злодѣевъ.

К. Рылѣевъ. Думы.

НАША исторія XVII вѣка, особенно второй его половины, до сихъ поръ мало изслѣдована. Эпоха великаго преобразователя Московскаго государства, Петра, сына царя Алексѣя Михайловича, въ глазахъ многихъ совершенно заслонила достопамятное царствованіе послѣдняго.

Извѣстный своей правдивостью, князь Яковъ Долгоруковъ, хорошо помнившій время отца, разъ сказалъ: «Государь, въ иномъ отецъ твой, въ иномъ ты больше хвалы и благодарности достоинъ. Главное дѣло государей—внутренняя расправа, и главное дѣло ваше есть правосудіе. Въ семь отецъ твой болѣе, нежели, ты сдѣчалъ» ¹⁾.

Наши историки (напримѣръ, профессоръ С. О. Платоновъ) выдвигаютъ на первый планъ законодательную дѣятельность царя Алексѣя Михайловича, справедливо указывая, что изданное при немъ уложеніе составляетъ эпоху въ области нашего суда и управленія. Но «тишайшій царь» совершилъ немало другихъ великихъ, историческихъ дѣлъ. Онъ присоединилъ къ Московскому государству Малороссію, «прицѣпилъ сію естественную вѣтвь къ ея историче-

¹⁾ Эти слова Долгорукова приведены В. Н. Татищевымъ въ его «Исторіи».

скому корню» и тѣмъ рѣшилъ вѣковой споръ между Польшей и Москвой въ пользу послѣдней. Онъ возвратилъ Русской землѣ «сѣдалище первѣйшее русскаго благочестія», по выраженію митрополита Сильвестра Косова¹⁾, въ его царствованіе обновилась, «яко орля юность», наслѣдіе благочестивыхъ великихъ царей русскихъ, и Москва стала твердой ногой на Днѣпрѣ, гдѣ ей пришлось вскорѣ, при его сынѣ и преемникѣ, дать рѣшительный отпоръ нашествію на Украину въ то время еще грозныхъ турокъ²⁾, взявшихъ Каменецъ, разгромившихъ Польшу и желавшихъ овладѣть Днѣпромъ и Кіевомъ.

Очевидно, что великія дѣянія, ознаменовавшія тридцатилѣтнее правленіе Алексѣя Михайловича, совершились не безъ участія въ нихъ его сподвижниковъ и сотрудниковъ. Москва его времени выдвинула рядъ искусныхъ въ политикѣ, твердыхъ и умѣлыхъ государственныхъ дѣятелей, отиѣченныхъ умомъ и дарованіями. Вся исторія правленія Алексѣя Михайловича свидѣтельствуетъ, что этотъ царь, по натурѣ своей мягкій и воспримчивый, постоянно находился подъ вліяніемъ окружающихъ, въ средѣ которыхъ мы видимъ нѣсколько крупныхъ историческихъ личностей.

При вступленіи на престолъ, шестнадцатилѣтній Алексѣй всецѣло находился подъ вліяніемъ своего дядьки и воспитателя, боярина Бориса Ивановича Морозова, «его царскаго величества отъ младенческаго возраста хранителя», по отзыву современниковъ, «мужа крѣпкодушнаго и прилежнаго строителя царскихъ дѣлъ». Морозовъ, человекъ безспорно умный и властолюбивый, былъ силенъ въ словѣ и дѣлѣ благоволеніемъ царскимъ, но замаралъ себя интригами и злоупотребленіемъ власти. Безмѣрная стяжательность и притѣсненія, чинимыя народу его приближенными, прислѣзниками и родственниками вызывали общее неудовольствіе и ропотъ, перешедшіе наконецъ въ открытый бунтъ.

Народный мятежъ въ Москвѣ въ маѣ 1648 года низвергъ всеильнаго Морозова, слишкомъ полагавшагося на расположеніе къ

¹⁾ Видите въ домъ Бога Нашего и на сѣдалище первѣйшее благочестія русскаго, да вашимъ пришествіемъ обновится, яко орля юность, наслѣдіе благочестивыхъ князей русскихъ,—говорилъ митрополитъ Сильвестръ въ враснорѣчивомъ привѣтствіи московскому войску, съ бояриномъ В. В. Бугурлинымъ во главѣ, 16 января 1654 г., передъ вступленіемъ его въ Кіевъ.

²⁾ Въ царствованіе Магомета IV (1648—1678), сына свергнутаго и задушеннаго янычарами Ибрагима, Турція замѣтно окрѣпла и прониклась снова духомъ завоеваній. Турецкія войска, дисциплинированныя энергичнымъ и талантливымъ великимъ визиремъ Магометомъ Киприли, снова сдѣлались грозною силой и нанесли рядъ пораженій цезарской арміи и венеціанцамъ—въ 1669 г. была завоевана Кандія, а зимою 1672 г. собрано многочисленное войско для Украинскаго похода.

нему царя, закрѣпленное привычкою и свойствомъ ¹⁾). Ненавистный народу думный дьякъ, изъ купцовъ (гостей), Назаръ Частой, былъ убитъ разграбившей великолѣпныя палаты Морозова толпой, искавшей самого правителя-временщика, чтобы съ нимъ расправиться. Особенно ненавистные народу своимъ лихоимствомъ люди, а именно: судья земскаго приказа Леонтій Плещеевъ и завѣдывавшій пушкарнымъ приказомъ окольнічій Петръ Трахоніотовъ, по требованію разсвирѣпѣвшаго народа, были казнены, а самъ Морозовъ былъ спасенъ отъ народной ярости лишь личнымъ заступничествомъ молодого царя. Во время крестнаго хода царь обратился къ народу съ рѣчью, въ которой выразилъ сожалѣніе о безчинствахъ и неправдахъ Плещеева и Трахоніотова, дѣлавшихся отъ его имени, и обѣщалъ пониженіе цѣны на соль и уничтоженіе монополій, ненавистныхъ народу. «Я обѣщаю выдать вамъ, — сказалъ далѣе юный царь, — Морозова и долженъ признаться, что не могу совершенно оправдать его, но осудить его мнѣ тяжело: это—человѣкъ мнѣ дорогой, мужъ сестры царицой, и выдать его на смерть будетъ мнѣ очень тяжело». Говоря это, царь плакалъ. Растроганная такими словами толпа закричала: «Да здравствуетъ государь на многія лѣта, да будетъ воля Божія и государева!». Спасенный такимъ образомъ, Морозовъ былъ сосланъ на житье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, откуда, когда волненіе стихло, перебрался сначала въ свою тверскую вотчину, а затѣмъ вернулся въ Москву. По свидѣтельству извѣстнаго Мейерберга, Морозовъ и по возвращеніи изъ постигшей его ссылки продолжалъ принимать участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ государства. Алексѣй Михайловичъ до самой его кончины (въ 1662 г.) пользовался его совѣтами, цѣня его опытность въ дѣлахъ, но, по совершенно вѣрному замѣчанію С. М. Соловьева въ его «Исторіи», Морозовъ послѣ мятежа 1648 г. сошелъ съ перваго плана и пересталъ быть временщикомъ.

Вслѣдъ за паденіемъ Морозова выдвигается другая фигура, заслонившая собою личность царя, на этотъ разъ особа духовнаго званія—это извѣстный Никонъ, сынъ крестьянина, посвященный въ санъ священника на 26-мъ году отъ рожденія и послѣ смерти дѣтей постригшійся въ монахи въ Анзерскомъ скитѣ, на Бѣломъ морѣ.

¹⁾ 16-го января 1648 г. царь сочетался бракомъ съ Марьей Ильиничной Милославской, дѣвицей незначнаго происхожденія. Отецъ ея, Илья Даниловичъ, мелкопомѣстный дворянинъ, былъ выведенъ въ люди дядей своимъ, извѣстнымъ дьякомъ Громотинымъ. Морозовъ черезъ десять дней послѣ царскаго брака женился на младшей сестрѣ царицы Аннѣ Ильиничнѣ и породнился съ царемъ и Милославскими. Бракъ стараго боярина-вдовца съ молодой смуглянкой, какъ называется Коллинсъ Анну, не былъ счастливъ, вмѣсто дѣтей у нихъ родилась ревность. Коллинсъ—врачъ, англичанинъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, въ качествѣ придворнаго врача Алексѣя Михайловича; онъ составилъ извѣстное сочиненіе о Московскомъ государствѣ времени этого царя.

Благодаря своей подвижнической жизни и дарованіямъ, онъ скоро выдвинулся впередъ и попалъ въ игумены Кожеозерскаго монастыря, Новгородской епархіи. Приѣхавъ въ Москву по дѣламъ своего монастыря, игумень Никонъ обратилъ на себя вниманіе молодого и впечатлительнаго царя: былъ оставленъ въ Москвѣ и посвященъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря. Отсюда и началось его сближеніе съ Алексѣемъ Михайловичемъ, съ которымъ онъ много и подолгу бесѣдовалъ, посѣщая царя каждую пятницу.

Въ смутный 1648 годъ Никонъ былъ посвященъ въ митрополиты новгородскіе и на этомъ посту оказалъ государству немало-важныя услуги при усмирении новгородскаго мятежа, а 25 іюля 1652 года сталъ великимъ государемъ патріархомъ московскимъ и всея Руси.

Въ этотъ періодъ правленія Алексѣя Михайловича, то-есть съ іюля 1652 года до лѣта 1658 года, когда возникла распря между патріархомъ и царемъ, мощная фигура Никона, «крѣпкостоятельнаго пастыря душъ и тѣлесъ», какъ называлъ его царь въ своихъ письмахъ, заслоняетъ собой личность послѣдняго. Никонъ властною рукою направлялъ всю политику Московскаго государства, которая въ его время обнаруживаетъ необычную ей смѣлость, предприимчивость и энергію. При новомъ патріархѣ быстро, безъ прежнихъ колебаній, рѣшается вопросъ о Малороссіи. Никонъ благословляетъ царя и войско на войну съ поляками и является едва ли не главнымъ виновникомъ нашего разрыва съ Швеціей.

Послѣ возникновенія распри между царемъ и Никономъ выдвигается извѣстный московскій дипломатъ, Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, въ избыткѣ самонадѣянности твердившій, «что онъ де единственный въ Московскомъ государствѣ промышленникъ» въ области вмѣшней политики, то-есть человекъ, способный вести самостоятельную и обдуманную политику. Но смута въ Малороссіи 1668 года, вызванная измѣной гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго, когда во многихъ черкасскихъ городахъ, отпавшихъ отъ Москвы, были избиты царскіе воеводы и ратные люди, поколебала положеніе Нащокина. Великое посольство изъ Малороссіи, прибывшее съ повинной къ царю въ январѣ 1669 г., прямо объявило, что одной изъ причинъ «великой и необъятной измѣны Ивашки Брюховецкаго» были слова и дѣйствія начальника малороссійскаго приказа Нащокина. Между нимъ и царемъ обнаруживалось и прежде разногласіе по дѣламъ Малороссіи. Религіозное чувство царя было оскорблено уступкой Кіева полякамъ по Андрусовскому договору. Алексѣй Михайловичъ не одобрялъ дипломатическихъ комбинацій Нащокина, склоннаго жертвовать черкасскими городами Польшѣ длѣ снисканія прочнаго мира и союза съ послѣдней. Предложеніе Нащокина отступить отъ Черкасъ, высказанное въ одномъ изъ его докладовъ, такъ не понравилось

царю, что онъ приказалъ статью ту выкинуть изъ доклада, «какъ непристойную».

Жалобы представителей духовенства Малороссіи на Нащокина и общее неудовольствіе въ ней, вызванное Андрусовскимъ договоромъ, сильно поколебали вліяніе Нащокина, особенно послѣ заявленій великаго посольства, присланнаго въ Москву наказнымъ гетманомъ Демьяномъ Многогрѣшнымъ и архіепископомъ черниговскимъ Лазаремъ Барановичемъ. Разногласіе между царемъ и Нащокинымъ по дѣламъ Малороссіи, со времени поѣздки Нащокина въ Мигновичи, на посольскій съѣздъ съ польскими комиссарами, замѣтно обострилось ¹⁾. Послѣ этого съѣзда Аоанасій Лаврентьевичъ теряетъ вліяніе и сходитъ со сцены. Его замѣняетъ новый любимецъ царя— Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣвъ.

Въ послѣдніе годы правленія Алексѣя Михайловича мы видимъ на первомъ планѣ давняго друга царя «Сергѣевича», т. е. Артемона Сергѣевича Матвѣва, которому онъ еще въ 1654 году писалъ изъ Москвы въ лагерь подъ Смоленскомъ, гдѣ послѣдній находился со своимъ полкомъ: «Другъ мой Сергѣичъ, пріѣзжай къ намъ поскорѣе: дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли, за ними присмотрѣть некому, а мнѣ посовѣтоваться безъ тебя не съ кѣмъ».

А. С. Матвѣвъ, какъ это видно изъ его переписки съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, былъ къ нему близокъ съ юныхъ лѣтъ: они воспитывались вмѣстѣ ²⁾, но до 1669 года, когда Матвѣвъ былъ посланъ на Глуховскую раду царскимъ представителемъ, въ товарищахъ къ князю Гр. Гр. Ромодановскому, онъ держался въ тѣни. Въ апрѣлѣ этого года Артемонъ Сергѣевичъ, какъ только вернулся изъ Глухова, въ званіи стольника и полковника, былъ назначенъ начальникомъ важнаго, по обстоятельствамъ времени, приказа Малой Россіи, а 27 ноября 1671 года (тогда годъ начинался съ 1 сентября) былъ пожалованъ въ думные дворяне ³⁾. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ томъ же 1671 году, царь вступилъ во второй бракъ съ воспитанницей и свойственницей Матвѣва, Натальей Кирилловной Нарышкиной, что, конечно, еще болѣе упрочило и возвысило его положеніе.

Матвѣвъ совершенно расхотѣлся во взглядахъ на дѣла Малороссіи съ Нащокинымъ, занимавшимъ тогда важный постъ начальника посольскаго приказа, т. е. по-нашему министра иностранныхъ дѣлъ. Ордынъ-Нащокинъ такъ же, какъ и многіе другіе изъ приближенныхъ царедворцевъ (напримѣръ, оружейничій бояринъ Б. М. Хитрово), смотрѣлъ на Черкасскіе города, какъ на ненужную и

¹⁾ Съѣздъ продолжался около года, Нащокинъ вернулся со съѣзда только въ мартѣ 1670 г.

²⁾ Это фактъ общеизвѣстный.

³⁾ Т.-е. уже значительный чинъ въ тогдашней московской іерархіи; думные дворяне засѣдали въ думѣ.

великую для государственной казны обузу. Аѳанасій Лаврентьевичъ обзываетъ казаковъ «бездѣльниками и крамольниками» и держался того мнѣнія, что Черкасскіе города Московскому государству не надобны, и даже вредны, потому что присоединеніе ихъ къ Москвѣ мѣшаетъ прочному миру и союзу съ Польшей противъ Швеціи, по его мнѣнію, главнаго и наиболѣе опаснаго врага Московскаго государства. Завоеваніе Ливоніи, открывшей доступъ Москвѣ къ Балтійскому морю, было главною цѣлью его политики,

Бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

(Съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ его жизнеописанію, изд. въ 1776 году).

ради которой онъ всемѣрно добивался союза съ Польшей. Въ этомъ отношеніи онъ былъ дѣйствительно предшественникомъ Петра Великаго.

А. С. Матвѣевъ лично и хорошо зналъ Малороссію; онъ видѣлъ народный восторгъ при вступленіи московскаго войска въ города Украйны, исконное наслѣдіе великихъ князей русскихъ; присутствовалъ при вступленіи царскаго войска въ Кіевъ и былъ на знаменитой радѣ въ Переяславлѣ, когда Хмельницкій со всѣми полковниками и старшинами казацкими, при общемъ ликованіи украинскаго народа и крикахъ: «волимъ подѣ царя восточнаго православнаго», принялъ московское подданство. Все это заставило Матвѣева смотрѣть на малороссійскій вопросъ иначе.

Онъ видѣлъ въ присоединеніи Малороссіи «прицѣпленіе естественной вѣтви къ ея историческому корню»; онъ говорилъ

и писалъ, что объ уступкѣ Кіева полякамъ не только нельзя говорить, но и помыслить страшно. При такомъ разномысліи между начальниками приказовъ посольскаго и малороссійскаго, т.-е. Нащокинымъ и Матвѣевымъ, область дѣятельности которыхъ была въ тѣсной связи, борьба между ними была неизбежна.

Она дѣйствительно началась вскорѣ послѣ того, какъ Артемонъ Сергѣевичъ былъ посаженъ въ приказъ Малой Россіи, хотя осторожный и тактичный Матвѣевъ, во время переговоровъ Нащокина съ польскими уполномоченными, на сѣздѣ въ Мигновичахъ, тщательно воздерживался отъ всякихъ личныхъ столкновеній со строптивымъ и раздражительнымъ начальникомъ посольскаго приказа.

По возвращеніи Нащокина со сѣзда въ Москву, его ждала опала: сначала ему даже было отказано въ личномъ приѣмѣ царемъ, и только послѣ его заявленія, что явно выраженная ему немилость, будучи разглашена въ Польскомъ королевствѣ, можетъ вредно отозваться на предстоящемъ мирномъ соглашеніи съ Польшей, онъ былъ удостоенъ личнаго приѣма. Царь принялъ отъ него икону, врученную ему при отправленіи на сѣздъ, и «пожаловалъ его, великаго и полномочнаго посла, къ цѣлованію своей царской руки и за службу милостиво похвалилъ»¹⁾. Но со времени возвращенія Нащокина съ этого сѣзда, т.-е. съ конца марта 1670 года, политика посольскихъ дѣлъ оберегателя потеряла кредитъ въ глазахъ царя Алексѣя Михайловича, и стало очевидно, что вліяніе его въ совѣтахъ царя и направленіи московской политики кончилось.

22 февраля 1671 года, послѣдовалъ указъ о назначеніи начальникомъ посольскаго приказа думнаго дворянина Артемона Сергѣевича Матвѣева на мѣсто Нащокина, послѣдній же назначался полномочнымъ посломъ московскаго царя въ Польшу.

Но на этомъ дѣло не остановилось. Составленный А. С. Матвѣевымъ наказъ для Нащокина, отправлявшагося полномочнымъ посломъ въ Польшу, претендовавшаго на самыя широкія полномочія и думавшаго, какъ это видно изъ его доклада царю, вести свою самостоятельную политику, несогласную со взглядами царя и Матвѣева, былъ окончательнымъ для него ударомъ. Въ этомъ наказѣ было весьма ясно и категорически выражено, что высказанное въ докладѣ, подданномъ царю Нащокинымъ, вслѣдъ за назначеніемъ его посломъ, предложеніе о цѣляхъ и задачахъ посольства признано неумѣстнымъ.

Нащокинъ, какъ было объявлено официально, волею Божіею занемогъ, и великій государь за тою его болѣзнью на сѣздѣ его послать не извоилъ, а указалъ послать окольничаго Василія Семеновича Волынскаго (2 іюля 1671 г.)²⁾. Въ декабрѣ того же

¹⁾ Объ этомъ подробно разсказано въ моей статьѣ: «А. С. Матвѣевъ въ приказѣ Малой Россіи», «Русская Мысль», 1901 г., августъ и сентябрь.

²⁾ Московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ. Польскіе статейные списки, № 140, листъ 110.

года, царь при всемъ синклитѣ милостиво освободилъ Нащокина совѣмъ отъ службы (всея мірскія суеты свободилъ явно). Аѳанасій Лаврентьевичъ послѣ этого отправился въ Крыпецкую пустынь подъ Псковомъ (онъ былъ уроженецъ Псковской области и тамошній помѣщикъ) и 21 февраля 1672 г. постригся тамъ въ монахи, принявъ имя Антонія.

Удаленіе Нащокина съ политической сцены вызвало общую радость въ Малороссіи и большое огорченіе въ Польшѣ: прибывшіе тогда въ Москву польскіе послы Янъ Гнинскій, Павелъ Бростовскій и другіе это прямо высказали.

А. С. Матвѣвъ послѣ ухода Нащокина въ монастырь сталъ главнымъ и наиболѣе вліятельнымъ совѣтникомъ царя Алексѣя Михайловича, и это продолжалось до самой кончины послѣдняго, послѣдовавшей 30 января 1676 г. Въ Малороссіи, Польшѣ вообще за границею его называли канцлеромъ московскаго царя, его первымъ министромъ ¹⁾. Онъ управлялъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политикой государства, завѣдывалъ не только польскимъ и малороссійскимъ приказами, но также обширнымъ новгородскимъ и аптекарскимъ приказами.

Его благоразумная и твердая политика въ дѣлахъ Малороссіи не замедлила принести благіе плоды. Твердо и ясно выраженное имъ намѣреніе московскаго правительства исправить Андрусовскій договоръ, именно статью его о Кіевѣ, успокоило Малороссію, гдѣ снова началась было смута (низверженіе гетмана Демьяна Многогрѣшнаго, начавшаго шататься и вошедшаго въ тайныя сношенія съ Дорошенкомъ).

На мѣсто Многогрѣшнаго, схваченнаго казацкой старшиной въ постели ночью и отвезеннаго въ Москву для суда надъ нимъ по обвиненію въ измѣнѣ, былъ избранъ на радѣ въ Казачей Дубравѣ генеральный писарь Иванъ Самойловичъ, человѣкъ болѣе пригодный для высокаго и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма труднаго гетманскаго уряда. При послушномъ, ловкомъ и безспорно умномъ Самойловичѣ умиротвореніе Малороссіи пошло успѣшно, а это было необходимо, въ виду надвигавшейся на Украину грозы съ юга. Турецкій султанъ Магометъ IV, долгое время довольствовавшійся фиктивнымъ подданствомъ чигиринскаго гетмана Петра Дорошенка, какъ разъ въ это время собралъ многочисленное войско, готовясь къ походу на Малороссію.

А. С. Матвѣвъ дѣятельно и умѣло началъ готовиться къ оборонѣ Днѣпровской Украины отъ Турціи. Онъ вернулъ изъ Сибири извѣстнаго кошевого атамана запорожцевъ, Ивана Сѣрка ²⁾, замѣнилъ старыхъ московскихъ воеводъ въ черкасскихъ городахъ

¹⁾ Primarius minister.

²⁾ Исторія Юго-Западной Россіи, т. IX.

людьми болѣе энергичными и способными (на мѣсто кн. Козловскаго, получившаго выговоръ за свое безтактное отношеніе къ гетману Многогрѣшному и распространеніе невѣрныхъ о немъ слуховъ, въ Кіевъ былъ посланъ воевода бояринъ князь Юрій Петровичъ Трубецкой со многими ратными людьми, въ Черниговъ—стольникъ князь Семень Хованскій, въ Нѣжинъ—князь Звенигородскій ¹⁾ и т. д.).

Во всѣхъ черкасскихъ городахъ начали усердно чинить укрѣпленія, снабжая ихъ пушками, мушкетами и пороховымъ зельемъ. Были приняты дѣятельныя мѣры для снабженія ратныхъ людей продовольствіемъ, заведены казенные склады для хлѣбныхъ припасовъ.

По совѣту А. С. Матвѣва, царь созвалъ на совѣщаніе высшее духовенство, бояръ и думныхъ людей, для объявленія имъ объ успѣхахъ султана и его намѣреніи итти весною на Кіевъ, черкасскіе города и Сѣвскую Украину, спрашивая, что дѣлать. Было постановлено: обложить чрезвычайнымъ сборомъ всѣ помѣстья и вотчины, именно по полтинѣ со двора, а съ горожанъ взять десятую деньгу. Царь выразилъ намѣреніе лично выступить къ Путивлю съ главной ратью; въ этомъ городѣ стали готовить дворъ для его приѣзда.

Но на этотъ разъ турецкая гроза миновала московскіе предѣлы и обрушилась исключительно на Польшу. Послѣ пораженія поляковъ подъ Батогомъ, взятія Каменца, осады Львова, откупившагося отъ турокъ богатымъ выкупомъ, султанъ съ своими полчищами ушелъ обратно за Дунай, оставивъ гарнизоны въ городахъ Подоліи.

А. С. Матвѣвъ весьма искусно воспользовался такимъ положеніемъ вещей. Онъ перемѣнилъ тонъ въ нашихъ сношеніяхъ съ Польшей и, пользуясь «пашквилями», съ посмѣятельствомъ на царское величество и на святой родъ его и весь народъ московскій, которые печатались въ Польшѣ ²⁾, сталъ упрекать поляковъ въ вѣроломствѣ и нарушеніи установленной договорами дружбы. Послѣ турецкаго погрома Матвѣвъ рѣшительно заявилъ польскимъ

¹⁾ Старый и дряхлый воевода въ Нѣжинѣ С. И. Хрущовъ былъ смѣненъ, по письму московскаго агента въ Малороссіи, нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича, писавшаго Матвѣву: Степанъ Ивановичъ Хрущовъ—не по Нѣжину воевода, присылайте воеводу добраго человѣка, прибавляйте силъ въ Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ и Черниговъ.

²⁾ Любопытныя указанія по этому предмету находятся въ написанной по первоисточникамъ статьѣ Н. В. Чарыкова: «Павелъ Менезій и его дипломатическая и военная служба при московскомъ дворѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1900 г., №№ 11 и 12). Посылка Менезія къ папѣ была предметомъ особаго доклада А. С. Матвѣва въ с. Преображенскомъ 4 октября 1672 г., въ то время, какъ у великаго государя было съ бояры сидѣніе. Весьма любопытны мотивы доклада Матвѣва въ пользу обращенія московскаго царя къ папѣ, по случаю ожидаемаго нашествія турокъ; они частью вошли въ наказъ Менезію.

панамъ, что «Рѣчь Посполитая», которая не въ состояніи защитить своихъ предѣловъ отъ турокъ, не въ правѣ претендовать на возвращеніе Польшѣ Кіева, который Московское государство не можетъ отдать польскому королю, опасаясь, что онъ въ такомъ случаѣ попадетъ въ руки невѣрныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Матвѣвъ, въ качествѣ начальника посольскаго приказа, поспѣшилъ войти въ болѣе близкія сношенія съ западными христіанскими государствами, съ цѣлью образованія союза христіанскихъ народовъ противъ дальнѣйшаго торжества ислама. Близкій къ Матвѣву человекъ, даже его свойственникъ, Павелъ Менезій, былъ посланъ съ этою цѣлью въ Вѣну, Венецію и Римъ, для приглашенія правителей оныхъ къ союзу противъ турокъ. Въ царской грамотѣ папѣ римскому Клименту X было написано: «Вамъ бы, папѣ и учителю римскаго костела, къ намъ, великому государю, отписать по должности христіанской, на общаго непріятели брату нашему, его королевскому величеству (т. е. королю польскому), войсками своими помогать станете ли?» Далѣе въ этой же грамотѣ папа приглашался московскимъ царемъ писать окрестнымъ государствамъ, чтобы они королевскому величеству были помощниками, а именно писать къ Людовику, королю французскому, и Карлу, королю англійскому, чтобы они войну съ Голландскими штатами прекратили и войска свои противъ общаго христіанскаго врага обратили ¹⁾).

Но, приглашая папу и европейскихъ государей къ оказанію помощи Польшѣ отъ угрожавшихъ ей побѣдителей—турокъ, Матвѣвъ не думалъ, однако, истощать силы Московскаго государства, оказывая ей самъ слишкомъ усердную помощь. Москва приняла выжидательное положеніе въ начавшейся между турками и Польшей войнѣ. Во время движенія турокъ на Каменецъ польскій король просилъ московской помощи, на основаніи Андрусовскаго договора, но ему отвѣтили, что Андрусовскія статьи повреждены самими поляками, хотя, тѣмъ не менѣе, царь по христіанскому долгу готовъ оказать ему помощь и указалъ подвластнымъ ему калмыкамъ, татарамъ и донскимъ казакамъ произвести нападеніе на крымскіе улусы, для отвлеченія крымцевъ, воевавшихъ вмѣстѣ съ турками Польшу. Кромѣ того, царь де не запрещаетъ охотникамъ изъ своихъ подданныхъ участвовать вмѣстѣ съ поляками въ войнѣ съ невѣрными.

Но Москва не думала тратить свои вооруженныя силы на оборону Польши, къ великой досадѣ польскихъ пановъ и короля. Князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ, по инструкціямъ Матвѣва, держали свои полки на готовѣ, заботясь исключительно

¹⁾ См. его статейный списокъ въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ.

объ охранѣ московскихъ предѣловъ и московской Украйны отъ пашествія турокъ и набѣговъ подвластныхъ имъ крымцевъ.

Князь Козловскій, воевода кievскій, извѣщалъ въ тревогѣ, что по лѣвобережной Украйнѣ стали ходить «прелестные листы» Дорошенка, принявшаго турецкое подданство и кланявшагося до земли высокому покровителю казаковъ, турецкому падишаху, въ лагерѣ подъ Каменцомъ, куда онъ явился на зовъ султана съ отрядомъ казаковъ, за что и получилъ въ знакъ милости богатый халатъ, булаву и коня.

Артемонъ Сергѣевичъ поспѣшилъ отозвать князя Козловскаго, челоуѣка, судя по всѣмъ его отпискамъ, недалновиднаго, и послалъ въ Кіевъ воеводу болѣе надежнаго и способнаго, князя Юрія Трубецкаго, со многими ратными людьми, для усиленія состава гарнизона. (Трубецкой былъ отправленъ въ Кіевъ 2-го декабря 1672 г.).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Матвѣевъ спѣшилъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы завязать дружескія сношенія съ самимъ Дорошенкомъ, склоняя его принять московское подданство. Онъ не стѣснялся болѣе въ этомъ отношеніи Андрусовскимъ договоромъ и открыто звалъ чигиринскаго гетмана подъ высокую руку бѣлаго царя, не смущаясь протестами поляковъ и инсинуаціями гетмана Самойловича, не желавшаго примиренія своего соперника съ Москвой.

Благоразумная политика Матвѣева въ Малороссіи не замедлила, какъ уже было сказано, принести плоды. Дорошенко, удрученный опустошеніемъ родной Украйны турками и татарами и поруганіемъ христіанской церковной святыни мусульманами, что навлекло на него народную ненависть, сталъ искать московской протекціи. Матвѣевъ искусно пользовался его стѣсненнымъ положеніемъ и готовилъ ему золотой мостъ для перехода на московскую сторону, предписывая Ромодановскому и Самойловичу тѣснить чигиринскаго гетмана въ его резиденціи и отбирать у него города правобережной Украйны, опустошенные турками.

Въ январѣ 1676 года, наконецъ прибыло въ Москву посольство отъ Дорошенка съ ходатайствомъ о принятіи его въ московское подданство, подъ высокую руку бѣлаго царя ¹⁾. Это посольство состояло изъ тестя Петра Дорошенка, Павла Яненка, Хмельницкаго, Семена Тихаго и нѣсколькихъ знатныхъ казаковъ. Оно привезло съ собою бунчуки и санджаки, которые султанъ четыре года тому назадъ, наступая на Украйну, пожаловалъ чигиринскому гетману, своему вассалу. Матвѣевъ ласково принялъ посольство Дорошенка, объяснившее ему, что онъ, хотя и продолжаетъ называться гетманомъ, но не стоитъ на томъ и просить только дозво-

¹⁾ Азты Юго-Зап. Россіи, т. IX.

ленія себѣ, а также своимъ сродникамъ и посполитымъ, жить на правой сторонѣ Днѣпра.

Пріемъ привезенныхъ отъ чигиринскаго гетмана знаковь гетманскаго достоинства происходилъ, при торжественной церемоніи 12-го января. Казаки несли съ малороссійскаго двора, гдѣ имъ было отведено помѣщеніе, въ царскій дворець бунчуки, булаву, султанскіе санджаки и грамоты. Знамена несли, волоча тафту по землѣ, и поставили передъ столовой комнатою, откуда ихъ смотрѣлъ государь; потомъ все это отнесли на малороссійскій дворъ, гдѣ угощали посланцевъ.

12-го января, былъ день ангела царевны-сестры, Татьяны Михайловны, царь слушалъ обѣдню въ церкви св. Евдокіи, а послѣ нея жаловалъ именными пирогами бояръ и смотрѣлъ турецкіе санджаки, привезенные посольствомъ чигиринскаго гетмана. Повидимому, онъ былъ совершенно здоровъ, а за нѣсколько дней передъ тѣмъ, именно 6-го января, въ полномъ облаченіи ходилъ на Иорданъ.

19-го января, недѣлю спустя, была во дворцѣ комедія съ музыкой, при чемъ царь, по свидѣтельству голландскаго резидента фонъ-Кленка, уже чувствовалъ себя нездоровымъ, а черезъ десять дней, въ ночь съ 29-го на 30-ое января, царь Алексѣй скончался.

Мы не знаемъ въ точности, отъ какой болѣзни умеръ царь Алексѣй Михайловичъ, но внезапная смерть его была роковымъ ударомъ не только для его «друга Сергѣевича», но и всего Московскаго государства. Царь скончался всего на 47-мъ году отъ рожденія. Онъ казался здоровымъ и бодрымъ, его крѣпкое сложеніе, повидимому, предвѣщало долготѣнную жизнь, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ мѣру во всемъ и велъ самую умѣренную и правильную жизнь.

На третій день послѣ кончины царя Алексѣя Михайловича было совершено погребеніе по обычаю въ Архангельскомъ соборѣ. Кремль былъ полонъ народомъ, и «все несчетное число людей отъ великой и неутѣшной печали зѣло многослезно плакало и рыдало, съ великимъ стенаніемъ и воплемъ».

По свидѣтельству даже иноземныхъ писателей, посѣтившихъ Московское государство въ его правленіе, благодушный царь Алексѣй отличался рѣдкими душевными качествами, былъ преисполненъ доброжелательствомъ и снисходительностью и блисталъ чистотою души. Въ дошедшихъ до насъ его письмахъ, весьма многочисленныхъ, ясно высказывается его прекрасная душа. Онъ любилъ писать и хорошо писалъ. Его утѣшительныя письма къ князю Н. И. Одоевскому, Л. А. Ордыну-Нащокину и другимъ лицамъ свидѣлствуютъ, что онъ во многихъ отношеніяхъ высоко поднялся надъ вѣкомъ и былъ однимъ изъ лучшихъ русскихъ

людей своего времени. Въ заключеніи XII тома своей «Исторіи Россіи» Соловьевъ, дѣлая характеристику Алексѣя Михайловича, говоритъ: «безспорно царь Алексѣй Михайловичъ представлялъ самое привлекательное явленіе, когда либо видѣнное на престолѣ московскихъ царей».

II.

Царь Алексѣй Михайловичъ лишился первой супруги еще въ цвѣтущемъ возрастѣ; ему было всего 40 лѣтъ, когда скончалась царица Марья Ильинична, и черезъ два года, 22-го января 1676 г., онъ вступилъ во второй бракъ съ воспитанницей и свойственницей Артемона Сергѣевича Матвѣева, Натальей Кирилловной Нарышкиной ¹⁾.

Съ 28-го ноября 1669 года по 17-е апрѣля 1670 года, Алексѣй Михайловичъ девятнадцать разъ обходилъ верховыя опочивальни въ Кремлѣ, производя «смотрины» спавшихъ въ нихъ московскихъ красавицъ, выбирая, которая изъ нихъ «покарасивѣе и ему, великому государю, пригляднѣе». Царь облюбовалъ Наталью Кирилловну 1-го февраля 1670 г., въ ночь на дванадесятый праздникъ Срѣтенія Господня, но, какъ видно изъ документовъ, не остановилъ на ней окончательно своего выбора и продолжалъ смотрѣть еще разныхъ чиновъ привозныхъ дѣвокъ московскихъ и городскихъ (изъ Новгорода, Рязани, Костромы).

Смотрины привезенныхъ къ Верху дѣвокъ кончились только 17-го апрѣля 1670 года, когда царь объявилъ, что облюбовалъ дѣвицу Нарышкину, но она и послѣ того девять мѣсяцевъ оставалась царскою невѣстою, а, считая съ 1-го февраля, безъ малаго годъ, потому что свадьба послѣдовала лишь 22-го января 1671 г. Явленіе необычное въ бытѣ московскихъ государей! Оно, во-первыхъ, опровергаетъ извѣстный рассказъ академика аллегоріи, нѣмца Штелина, о романической встрѣчѣ царя съ Нарышкиной въ домѣ Артемона Матвѣева, за ужиномъ, при чемъ будто бы Алексѣй Михайловичъ сразу влюбился въ красавицу-воспитанницу своего друга ²⁾ «Сергѣевича», во-вторыхъ, по справедливому замѣ-

¹⁾ Наталья Кирилловна, — свойственница жены Артемона Сергѣевича, Авдотьи Григорьевны Матвѣевой, урожденной Гамильтонъ. Гамильтоны, выходцы изъ Шотландіи, при Грозномъ, скоро обрусѣли, приняли православную вѣру и обратились въ Хомутовыхъ.

²⁾ Штелинь, голштинскій нѣмецъ, вызванный изъ Дрездена въ 1736 г. президентомъ академіи барономъ Корфомъ на должность адъюнта, былъ вскорѣ назначенъ профессоромъ краснорѣчія и стихотворства, былъ учителемъ великаго князя Петра Федоровича, плохо до конца жизни зналъ по-русски и былъ извѣстенъ своею изобрѣтательностью по части аллегоріи и празднествъ, былъ любителемъ анекдотовъ, которые тщательно собиралъ и записывалъ. Не задолго передъ смертью въ 1785 г. онъ напечаталъ свое собраніе анекдотовъ по-нѣмецки въ Лейпцигѣ: «Originale Anekdoten von Peter dem Grossen. Подъ каждымъ анекдотомъ указаніе, отъ кого слышанъ. Анекдотъ о встрѣчѣ царя Алексѣя съ Нарышкиной рассказанъ со словъ гр. М. А. Румянцевой, внучки Артемона Матвѣева.

чанію П. И. Мельникова ¹⁾, указываетъ, что въ царской семьѣ второй бракъ Алексѣя Михайловича вызвалъ неудовольствіе и раздоры, что, вѣроятно, и затянуло празднованіе свадьбы.

Не подлежитъ сомнѣнію, что сдѣланный царемъ выборъ вызвалъ ропотъ и смуту въ Кремлевскихъ теремахъ. Царевны-сестры и царевны дочери, въ особенности же 14-ти-лѣтняя, не по лѣтамъ развитая, знаменитая Софья, по отзыву современниковъ, «мужеска ума исполненная дѣва», была весьма недовольна вторымъ бракомъ Алексѣя Михайловича. Царевнамъ-дочерямъ не нравилось, что онѣ должны преклоняться передъ царской невѣстою незнатнаго рода: ихъ родственники по матери Милославскіе, хотя сами по себѣ люди незнатные, отличались заносчивостью и надменностью, ревниво смотрѣли на близкихъ къ царю людей, относились крайне враждебно къ Никону и Нащокину и были недовольны возвышеніемъ Артемона Матвѣва. Старушки—царевны-сестры (Ирина, Татьяна и Анна Михайловны), богомольныя постницы, не одобряли выбора царя потому, что Нарышкина, воспитанница Матвѣва, привыкла къ «новшествамъ» и иноземнымъ обычаямъ и любила театральныя зрѣлища, которыя вмѣстѣ съ нею перешли въ царскій дворецъ.

Вступленіе мачехи въ семью вдовца со взрослыми дочерьми,— а у Алексѣя Михайловича ихъ было шесть отъ перваго брака,— даже и въ народномъ быту вызываетъ раздоры, не могло быть иначе и въ царской семьѣ, особенно при условіяхъ теремной жизни, тѣмъ болѣе, что царь, по мягкости своей натуры, отнюдь не былъ грознымъ домовладкой и не внушалъ страха своимъ домо-чадцамъ. Въ женской половинѣ Кремлевскихъ палатъ, такимъ образомъ, не замедлила образоваться партія, враждебная Натальѣ Кирилловнѣ и Матвѣву.

П. И. Мельниковъ въ своей любопытной исторической замѣткѣ «Объ Авдотѣ Петровнѣ Нарышкиной» приводитъ ходившія при Московскомъ дворѣ сплетни насчетъ Натальи Кирилловны, поводомъ для которыхъ послужило ея долгое пребываніе невѣстой царя. Царевны называли вторую супругу Алексѣя Михайловича «медвѣдицей и еретицей», а царевна Софья, особенно возненавидѣвшая мачеху, шла далѣе другихъ и распускала слухи, самые неблагопріятные и лживые насчетъ ея поведенія: она называла, какъ извѣстно, своего младшаго брата, царевича Петра, сыномъ Тихона Никитича Стрѣшнева. Такіе слухи проникали въ народъ— они сохранились въ раскольническихъ преданіяхъ ²⁾.

Партія Милославскихъ, многочисленныхъ и завистливыхъ родственниковъ первой жены царя, лакомыхъ на почести и наживу,

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ», № 1, за 1872 г.

²⁾ См. вышеозначенную замѣтку П. И. Мельникова въ «Русскомъ Вѣстникѣ». «Истор. вѣстн.», сентябрь, 1902 г., т. LXXXIX.

стала усиленно интриговать противъ Матвѣева, вслѣдъ за объявленіемъ его воспитанницы и свойственницы царской невѣстой ¹⁾).

Мы знаемъ, что Алексѣю Михайловичу приходилось при жизни царицы Марьи Ильиничны не разъ «смирять» заносчивыхъ, хвастливыхъ и самонадѣянныхъ родственниковъ ея, справляясь съ ними даже собственноручно. Цесарскій посолъ, извѣстный Мейербергъ, въ своемъ «Описаніи путешествія въ Московское государство», рассказываетъ, что въ 1661 году въ думѣ царь долженъ былъ оборвать своего тестя, боярина Илью Даниловича Милославскаго, просившаго себѣ главное начальство надъ войскомъ, воевавшимъ съ поляками, и похвалявшагося, что де онъ въ такомъ случаѣ скоро привезетъ польскаго короля плѣнникомъ въ Москву. Не терпѣвшій самохвальства царь вспылилъ и вышелъ изъ себя. «Какъ ты смѣешь, страдникъ, худой человѣчишко, хвалиться своимъ искусствомъ въ ратномъ дѣлѣ? Когда ты ходилъ съ полками? Какія побѣды ты показалъ надъ непріятелемъ?»— крикнулъ разгнѣванный Алексѣй Михайловичъ, выталкивая его пинками изъ палаты, гдѣ засѣдала дума, и захлопнувъ за нимъ дверь, при чемъ вспылчивый царь, если вѣрить Мейербергу, даже зашилъ своего стараго тестя.

Смирять царь Алексѣй Михайловичъ и другихъ Милославскихъ и между прочимъ извѣстнаго Ивана Михайловича, хитраго интригана, заклятаго врага Матвѣева, впоследствии главнаго виновника перваго стрѣльческаго бунта, одной изъ жертвъ котораго палъ и Матвѣевъ ²⁾). Иванъ Михайловичъ Милославскій былъ злѣйшимъ врагомъ Матвѣева, какъ свидѣлствуютъ русскій биографъ современникъ, а равно и иностранные писатели ³⁾).

Изъ боярскихъ книгъ и другихъ официальныхъ источниковъ мы видимъ, что при царѣ Алексѣѣ, кромѣ его тестя, боярина Ильи Даниловича, выдвинулись еще два Милославскіе, оба Ивана, достигшіе званія окольничихъ. Вышеозначенный Иванъ Михайловичъ, посланный въ 1674 г. воеводой въ Астрахань, вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ царя Ѳеодора пожалованный боярствомъ, былъ лукавый царедворецъ, посѣдѣвшій интриганъ, искусный въ тайныхъ подкопахъ, старый крамольникъ, какъ называетъ его П. И. Мельниковъ, говоря объ его интригахъ противъ первой жены царя Ѳеодора Алексѣевича, навлекшихъ на него опалу ⁴⁾).

¹⁾ Какъ извѣстно, былъ подброшенъ извѣтъ съ обвиненіемъ Артемона въ чародѣйствѣ.

²⁾ 15-го мая 1682 г.

³⁾ Безымянный составитель извѣстнаго «Объявленія о ссылке и возвращеніи Артемона Матвѣева». Изъ иностранныхъ писателей можно назвать, напримеръ, Таннера, Невилля и др.

⁴⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XIII, стр. 832.

Въ 1671 г. на Волгѣ, во время похода на Астрахань, передавшуюся въ руки воровъ-казаковъ Разина, въ которой засѣлъ его сподвижникъ, извѣстный атаманъ Василій Усъ, этотъ Милославскій проявилъ въ званіи воеводы не столько свои воинскія способности, какъ ненасытное корыстолюбіе. Вступивъ съ войскомъ въ покорившуюся Астрахань, онъ усердно занялся отобраніемъ у воровъ награбленнаго имущества. Главные заводчики мятежа въ городѣ, задобивъ щедрими дарами воеводу, лакомаго на деньги, были имъ оставлены безъ суда и наказанія. Оедька Шелудякъ, замѣнившій перваго астраханскаго атамана Василя Уса, «умершаго злою смертью», въ управленіи городомъ, проживалъ свободно на воеводскомъ дворѣ, а виновникъ трагической смерти астраханскаго митрополита Іосифа, сброшеннаго съ раската, Алешка Грузинкинъ, подаривъ воеводу, получилъ отъ него даже пропускъ на выѣздъ изъ Астрахани ¹⁾. Многіе изъ астраханскихъ воровъ, совершившихъ вѣдомыя всему городу злодѣянія, закабалившихся въ холопы къ воеводѣ Милославскому и его приказнымъ, избѣгли всякой кары. Свѣдѣнія о такой дѣятельности астраханскаго воеводы дошли до Москвы, и въ Астрахань для суда и расправы былъ посланъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, который только лѣтомъ 1672 года, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ взятія Астрахани царскимъ войскомъ, «сыскалъ, судилъ и казнилъ» главныхъ заводчиковъ мятежа Шелудяка и Грузинкина ²⁾.

Другой Милославскій, также Иванъ, по отчеству Богдановичъ, окольный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, едва ли не самый способный изъ всѣхъ, былъ воеводой въ Казани и принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ осужденія и ссылки Матвѣева. Онъ руководилъ дознаніемъ, производившимся въ Казани, и сильно тѣснилъ опальнаго боярина, относясь къ нему съ большимъ пристрастіемъ, жестокостью и злобой. Онъ явно потворствовалъ злѣйшему врагу Матвѣева, дяку Ивану Горохову, приглашенному изъ Москвы въ Казань, для описи имущества Матвѣева и отобранія отъ него дополнительныхъ показаній.

Мы не имѣемъ подлиннаго дѣла о Матвѣевѣ. Оно не только не разыскано, но едва ли даже существовало, потому что велось,

¹⁾ См. «Исторію Россіи» Соловьева, т. XI.

²⁾ Этому кн. Як. Ник. Одоевскому адресовано одно изъ писемъ Матвѣева изъ Пустоозерскаго острога, съ просьбой о заступничествѣ, какъ станутъ челобитную его «передъ великимъ государемъ честь». Въ этомъ письмѣ Матвѣевъ вспоминаетъ объ оказанныхъ имъ услугахъ, какъ ему, князю Якову, такъ и отцу его, извѣстному боярину Никитѣ Ивановичу Одоевскому (Новиковъ, «Исторія о невинномъ заточеніи», стр. 352).

Въ числѣ писемъ, посланныхъ Матвѣевымъ изъ заточенія, мы находимъ два, адресованныя къ И. М. Милославскому; въ послѣднемъ изъ нихъ (отъ 1679 г.) Матвѣевъ пишетъ, что «не причиненъ ни въ чемъ относительно его астраханской службы», т. е. оправдывается передъ нимъ въ этомъ отношеніи.

такъ сказать, келейно, домашнимъ порядкомъ. Въ Лаишевѣ и Казани отъ него были отобраны сказки, т. е. показанія по нѣкоторымъ обвиненіямъ, «но суда ему дано не было», на что онъ и жалуется въ своей челобитной. Ему было отказано въ очныхъ ставкахъ съ клеветниками-обвинителями, лживыми наносчиками, главнымъ изъ которыхъ былъ Давыдка, т. е. лѣкаръ Давыдъ Берловъ.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, много потрудившагося надъ установленіемъ правосудія въ Московскомъ государствѣ, съ изданіемъ извѣстнаго Соборнаго Уложенія 1649 г., были введены извѣстныя гарантіи для правильности суда и огражденія обвиняемыхъ отъ ложныхъ извѣтовъ, безбожной клятвы и злобы. Современники свои и иноземные хвалятъ «тишайшаго царя» за то, что въ его долгое царствованіе никто изъ его подданныхъ не пострадалъ безвинно, безъ законнаго разсмотрѣнія дѣла и суда. «Изумительно,—говорили про него иноземцы,—что при неограниченной власти онъ не посягнулъ ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь» ¹⁾). Недаромъ князь Яковъ Долгорукій говорилъ Петру, что въ отношеніи правосудія отецъ его болѣе, нежели онъ, сдѣлалъ. Царь Алексѣй Михайловичъ строго придерживался правила: «не судить законъ челоуѣка, аще не слышитъ отъ него прежде оправданіе», заочныхъ осужденій при немъ, сколько мы знаемъ, не было. Судныя дѣла его времени производились по извѣстнымъ формальнымъ правиламъ. Вины вычитывались обвиняемымъ, имъ давались очныя ставки съ показывавшими на нихъ свидѣтелями, заочное осужденіе не допускалось.

Такъ судили не только воровъ и душегубовъ, совершившихъ тяжкія государственныя преступленія, напримѣръ Стеньку, Разина и его соумышленниковъ, на что ссылался Артемонъ Матвѣевъ въ одной изъ своихъ челобитныхъ, но и обвиненныхъ въ чисто-политическомъ преступленіи, напримѣръ, бывшаго гетмана Демьяна Многогрѣшнаго (онъ обвинялся старшиной въ измѣнѣ и плевелосѣятельныхъ рѣчахъ для склоненія казаковъ въ сторону турецкаго султана и даже самозванца Лже-Симеона). Обвиненіе, взведенное на Матвѣева, было такъ шатко, нелѣпо и очевидно измышленно, что наши историческіе изслѣдователи ²⁾ не разъ выражали желаніе о болѣе тщательномъ критическомъ пересмотрѣ всего дѣла, а иноземные писатели современники указывали даже другія, болѣе серьезныя, политическія причины его опалы и ссылки. Наши исто-

¹⁾ Соловьевъ, т. XII, стр. 339. Дѣйствительно, послѣ паденія Бориса Морозова, произвольныя домашнія расправы котораго съ обвиняемыми «по темнымъ извѣтамъ» извѣстны, мы не находимъ болѣе подобныхъ дѣлъ—они прекратились, и никого не осуждали безъ слѣдствія и суда.

²⁾ Напримѣръ, А. Н. Поповъ въ его извѣстной монографіи: «Русское посольство въ Польшѣ», Спб., 1854 г.

рики, Устряловъ и Соловьевъ, впрочемъ, давно уже рѣшительно отвергли и опровергли такое мнѣніе. Они признали, что причиной паденія Матвѣва была крамола царедворцевъ и интриги его личныхъ враговъ, воспользовавшихся раздоромъ и несогласіемъ въ царской семьѣ, злостная клевета его личныхъ недоброхотовъ¹⁾.

Изъ челобитной и писемъ Матвѣва, а также отобранныхъ у него показаній (сказокъ) можно возстановить ходъ дѣла и прослѣдить ходъ интриги, сгубившей канцлера московскаго царя, какъ называли иноземцы и малороссіяне Матвѣва²⁾.

Въ Московскомъ государствѣ XVII в. извѣты въ чародѣйствѣ и чернокнижїи были страшнымъ орудіемъ въ рукахъ клеветы и злобы. Мы знаемъ нѣсколько случаевъ такого рода; на нихъ, между прочимъ, указываетъ и самъ Матвѣвъ въ одной изъ своихъ челобитныхъ³⁾. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ отецъ первой жены царя Алексѣя Михайловича, Илья Даниловичъ Милославскій, едва не погибъ отъ извѣта о мнимомъ волшебномъ перстнѣ, будто бы переданномъ ему его дядей съ материнской стороны, извѣстнымъ дьякомъ посольскаго приказа Грамотинымъ. Ненависти ради подкинули воровское письмо, обличавшее Илью Милославскаго, бывшаго въ то время стольникомъ, будто онъ имѣетъ у себя волшебный перстень думнаго дьяка Грамотина, а Илья Милославскій отъ того воровскаго письма «немного не пришелъ въ конечное разореніе», былъ за приставомъ долгое время, животы (т. е. имущество) его пересматриваны и запечатаны были, и хотя ничего не найдено, тѣмъ не менѣе отъ тѣхъ подметныхъ писемъ не столько невинностью своей, но и милостью и заступленіемъ богобоязливыхъ людей освобожденъ былъ. Жертвой подобнаго же извѣта при царѣ Михаилѣ, государѣ милостивомъ, сдѣлался его свойственникъ, братъ царицы, Семень Лукьяновичъ Стрѣшневъ. Онъ также завистью и ненавистью былъ обвиненъ въ волшебствѣ и за тотъ извѣтъ невинно пострадалъ: былъ лишенъ боярства и почестей и сосланъ въ Вологду, хотя имущества у него не отобрали⁴⁾.

«Много такихъ воровскихъ извѣтовъ было, — пишетъ Артемонъ Матвѣвъ въ своей челобитной, — отъ которыхъ иные въ смерт-

¹⁾ Иностранцы, главнымъ образомъ поляки, приписываютъ Артемену Матвѣву намѣреніе послѣ кончины царя Алексѣя возвести на престолъ, помимо Ѳеодора, младшаго царевича-ребенка Петра, сына Нарышкиной, чтобы управлять его именемъ. Такое объясненіе опалы и ссылки Матвѣва идетъ изъ польскихъ источниковъ, мы его находимъ въ извѣстномъ письмѣ епископа Андрея Хризостома Залусскаго въ «Описанїи посольства въ Москву въ 1674 году Бернгардта Тамнера, казначея польскаго посольства».

²⁾ «Исторія о невинномъ заточенїи», изд. 2-е, челобитная третья 1681 г., посланная изъ Пустоозерскаго острога, съ ссылнымъ самарскімъ офицеромъ Василиемъ Пастуховымъ, стр. 161.

³⁾ «Исторія о невинномъ заточенїи», третья челобитная царю.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 163.

номъ страхъ были, что нынѣ забыли, и намъ невиннымъ помощи учинить не хотятъ, какъ мы имъ тогда чинили». Далѣе Матвѣевъ объясняетъ, что уже разъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, ему угрожало подобное же обвиненіе. Послѣ объявленія Нарышкиной царскою невѣстой было подброшено въ сѣняхъ грановитой палаты подметное, безъименное письмо—хотѣли учинить препону намѣреніямъ великаго государя вступить во второй бракъ и «въ письмѣ написали коренья», но «Всесильный Богъ сотворилъ выше естества и разумѣнія неразумной и смертной твари и злую мысль человѣческую далече отъ судебъ своихъ отринулъ».

Говоря проще, при жизни царя Алексѣя Михайловича, вообще не любившаго тайныхъ доносовъ, такого рода извѣты противъ его друга «Сергѣевича», конечно, не могли имѣть силы и значенія, но со смертю царя положеніе совершенно измѣнилось.

На основаніи документовъ, напечатанныхъ Н. Новиковымъ въ его извѣстной книгѣ «Исторія о невинномъ заточеніи боярина А. С. Матвѣева», т.-е. его челобитныхъ царю Θεодору Алексѣевичу и такъ называемаго «Объявленія» о возвращеніи его изъ ссылки¹⁾ и нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, несомнѣнно достовѣрныхъ, можно, какъ я уже сказалъ, выяснитъ ходъ подпольной придворной интриги «злораднаго собора» враговъ Матвѣева, сгубившей этого заслуженнаго и умнаго совѣтника московскаго царя.

Соборъ этотъ, о которомъ подробно рассказываетъ составитель вышеуказаннаго «Объявленія», образовался изъ Милославскихъ и Хитровыхъ, къ нимъ примкнулъ и окольничій Василій Семеновичъ Волинскій, мѣтившій на мѣсто начальника посольскаго приказа, «человѣкъ гораздо посредственнаго смысла и легкомысленной совѣсти», мужъ малограмотный, вышедшій въ люди, благодаря своему искательству предъ сильными придворными и лицемѣрному похлѣбничеству передъ ними, а также ловкости своей жены, умѣвшей угодить при дворѣ царевнамъ и вліятельнымъ боярынямъ издѣльями своихъ швей, славившихся въ Москвѣ золотошвейнымъ искусствомъ.

Душой этого собора, по объясненію современника, была царская нянька, Анна Петровна Хитрая, имѣвшая при царѣ Θεодорѣ большую силу. Эта Анна Петровна, по дошедшимъ до насъ отзывамъ, была «ложная постница», отличалась злымъ и дерзкимъ языкомъ. Женщина лукавая, пронырливая, лживая и великая интриганка, она раздувала раздоры въ царской семьѣ своимъ «ушничествомъ», возбуждая несогласіе между дѣтьми отъ перваго брака и царицей-

¹⁾ Надо полагать, авторомъ этого «Объявленія» былъ учитель сына, бѣлорусскій шляхтичъ Иванъ Лаврентьевичъ Поборскій, сопровождавшій боярина Матвѣева и его сына въ ссылку и раздѣлившій съ нимъ горько-слезное житіе въ Пустозерскомъ острогѣ.

мачехой, которую постоянно оскорбляла своимъ «лютымъ нравомъ», по отзыву современниковъ.

Любопытна характеристика этой верховной боярыни, игравшей немалую роль при царѣ Θεодорѣ, до вступленія его въ бракъ съ Агаѣей Семеновной Грущецкой, написанная современникомъ.

«Враги Матвѣва,—говоритъ онъ,—со злобой видѣли, что онъ и при новомъ царѣ, управляя посольскимъ приказомъ и многими другими важнѣйшими дѣлами, по своей вѣрной и усердной службѣ ему, великому государю, зѣло угоденъ и безъ всякой отмѣны пользуется его государевой милостью и попрежнему въ его государевы комнаты съ докладами доступенъ», и начали подъ него подкапываться. Соображенія о будущемъ усугубляли ихъ рвеніе. Надо было какъ можно скорѣе сломить Матвѣва, пока не подросъ царевичъ Петръ, его цвѣтущая надежда, сынъ его воспитанницы Нарышкиной, «преуспѣвающая, неуывдаемая надежная отрасль всему Россійскому государству». Ненависть къ царицѣ Натальѣ сблизила вожаковъ, враждебныхъ Матвѣву, со сродницей одного изъ нихъ, верховной боярыней Анной Петровной Хитрой: въ ней они нашли крѣпкую себѣ подпору. Вдова Анна Петровна, въ то время, при государѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, зѣло продерзостная и злоненавистная, подъ фарисейскимъ только видомъ постница, въ верху бывшая боярыня, долговременно имѣла сильную мощь, по случаю расположенія къ ней и привычкѣ старшаго царевича Θεодора,—она была его нянькой,—ставшаго по кончинѣ отца царемъ. Она была лютая враждебница вдовствующей царицы Натальи Кирилловны и тяжкая озлобительница возникшихъ въ царской семьѣ раздоровъ. Она была во всемъ подобна древней окаянной Езавели, иногда алкавшей крови св. пророка Іліи, во Израилѣ. Та боярыня, хитрая видомъ, нравомъ и самымъ дѣломъ, паче же по званію своему (т. е. придворному положенію) зло-хитрая, пустой бабьей святыею полная устами, а не дѣломъ, прилежно тщила и искала случаевъ и удобнаго времени, чтобы своимъ ушничествомъ (т. е. нашептываніемъ) и ложными наговорами сѣять вражду между двумя высокими отраслями царскаго дома, возбуждая между ними безсоюзство и раздувая раздоры, дабы царствующій домъ, т.-е. царя Θεодора и его родственниковъ, возстановить противъ царицы Натальи и сына ея царевича Петра и всѣхъ ихъ родственниковъ и благопріятелей и въ числѣ ихъ боярина Артемона Сергѣевича. Она особенно добивалась низверженія послѣдняго и всячески старалась его всеконечно отъ царской милости отлучить и, выславъ изъ Москвы, погубить».

Академикъ Н. Г. Устряловъ, изслѣдовавшій по первоисточникамъ младенческіе годы Петра, въ первомъ томѣ своей «Исторіи Петра Великаго», положительно утверждаетъ, что виною паденія Матвѣва и несогласій въ царскомъ семействѣ были крамолы ца-

редворцевъ; его (т.-е. Матвѣева) погубила царская родня, съ материнской стороны, фамилія Милославскихъ, при содѣйствіи дядекъ и нянекъ юнаго царя Феодора. Устряловъ приписываетъ, согласно указанію источниковъ, значительную роль въ интригахъ противъ Матвѣева вышеуказанной Аниѣ Петровнѣ Хитровой, которую онъ изображаетъ согласно характеристикѣ ея, данной современникомъ-біографомъ Матвѣева. Въ заключеніе Устряловъ прибавляетъ, что вдовствующая царица Наталья Кирилловна, удаляясь отъ придворныхъ интригъ и дерзкаго властолюбія царской няньки (т.-е. Анны Петровны Хитровой), жила большею частью въ селѣ Преображенскомъ, вдали отъ царскаго двора.

Въ виду несомнѣнной добросовѣстности показаній современнаго біографа Матвѣева, т.-е. составителя «Объявленія», напечатаннаго Николаемъ Новиковымъ въ его книгѣ о бояринѣ Матвѣевѣ, этимъ источникомъ можно пользоваться, какъ заслуживающимъ довѣрія. Нѣкоторая неточность относительно событій, при которыхъ послѣдовало освобожденіе Матвѣева изъ острожнаго заточенія на Пустомъ, т.-е. Ледовитомъ морѣ, вполне объясняется личнымъ положеніемъ автора этого «Объявленія». Онъ сопровождалъ Матвѣва въ ссылку и изъ его разсказовъ хорошо зналъ обстоятельства, вызвавшія опалу и ссылку. Что же касается положенія вещей и отношеній московскихъ придворныхъ партій, во время пребыванія Артемона Матвѣева въ Пустоозерскомъ острогѣ, то, очевидно, онъ могъ сообщить о нихъ лишь по слухамъ, на основаніи извѣстій, не всегда и не совсѣмъ точныхъ.

Личные враги Матвѣева—окольничій Иванъ Михайловичъ Милославскій и дворецкій бояринъ Б. М. Хитровъ, съ племянникомъ своимъ Александромъ Севастьяновичемъ Хитровымъ, составили, говоря языкомъ того времени, «соброръ на пагубу Артемона». По указанію современника, по всей вѣроятности, учителя сына его Андрея, бѣлорускаго шляхтича Ивана Поборскаго ¹⁾, всѣ они, т.-е. члены злоумышлявшаго на Матвѣева собора, были движимы личной враждой. Иванъ Михайловичъ Милославскій не терпѣлъ Матвѣева по многимъ причинамъ и между прочимъ за то, что приписывалъ его внушеніямъ свое удаленіе отъ двора и назначеніе воеводою въ Астрахань ²⁾. Оба Хитрова, дядя и племянникъ, завѣ-

¹⁾ «Исторія о невинномъ заточеніи», стр. 385—386. Есть немало указаній, что этотъ Иванъ Поборскій изъ малаго шляхетства и составилъ извѣстное «Объявленіе» объ Артемонѣ Матвѣевѣ, напечатанное въ книгѣ Новикова.

²⁾ Въ «Опытѣ жизни сановниковъ», въ біографіи А. С. Матвѣева, I ч., стр. 96, это мѣсто «Объявленія» передано весьма невѣрно. А. Герещенко пользовался документами, напечатанными Новиковымъ весьма небрежно, и часто перевиралъ ихъ. Онъ пишетъ, заимствуя свои свѣдѣнія изъ «Объявленія» (стр. 96 его «Опыта»). Оба Хитрова грабили съ бояриномъ Иваномъ Морозовымъ приказъ посольскаго дворца, но такого приказа вовсе не было, а сидѣли и грабили Хитровы приказъ боль-

дывавшіе приказомъ большого дворца, набивали себѣ карманы и наполняли свои вотчины изъ государственныхъ дворцовыхъ селъ и волостей, извлекая изъ нихъ для себя великую прибыль, строили себѣ заводы, пользуясь безстыдно запасами изъ дворцовъ сытнаго, кормового и хлѣбнаго; «богатыя себя», они ненавидѣли Артемона Матвѣва за то, что онъ открылъ царю ихъ продѣлки и казнокрадство.

Окружавшія больного царя тетки и сестры—родныхъ сестеръ по матери у него было шесть: Евдокія, Марѳа, Екатерина, Марья, Θεодосія—ухаживая за Θεодоромъ Алексѣевичемъ, страдавшимъ отъ естественной скорби—скорбутика, т.-е. цынга, отъ которой у него постоянно пухли ноги, хоромъ нашептывали государю, что здоровье де его умалается и убываетъ отъ нерадѣнія начальника аптекарскаго приказа, Матвѣва, друга и свойственника Нарышкиныхъ, потому что онъ не изслѣдуетъ, какъ надо, подносимыя больному царю лѣкарства. То же усердно повторяла и государева нянька, вышеуказанная Анна Петровна Хитрова, лаявшая на царицу-мачеху при всякомъ удобномъ случаѣ и обносившая ее великими клеветами съ великой продерзостию. Тайный врагъ Матвѣва при жизни царя Алексѣя, окольничій Василій Семеновичъ Волинскій, избавленный сильнымъ заступничествомъ Матвѣва отъ грозившей ему бѣды, преданія уголовному суду, угождая придворнымъ «принадочнымъ» людямъ (фаворитамъ), сталъ всякіе ложные составы и вымыслы на него чинить, коварно ушничая и обнося Артемона Сергѣевича всякими хулами, ради угожденія сильнымъ при дворѣ людямъ.

Врагамъ Матвѣва было нужно прежде всего оттереть его отъ близости и постоянного присутствія при больномъ царѣ, т.-е. удалить его изъ аптекарскаго приказа, получившаго большое значеніе, въ виду болѣзни Θεодора Алексѣевича, требовавшей постоянного лѣченія. Дѣйствительно, мы видимъ, что уже въ апрѣлѣ 1676 года, т.-е. два мѣсяца спустя послѣ воцаренія Θεодора, Матвѣвъ удаленъ изъ этого приказа и замѣненъ княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ. Начальникъ аптекарскаго приказа долженъ былъ являться во дворецъ ежедневно, онъ имѣлъ по своей должности постоянно свободный доступъ въ комнату больного царя. Въ вѣдѣніи этого приказа состояли врачи-иностранны, лѣчившіе Θεодора Алексѣевича, и подносимыя ему лѣкарства.

Изъ челобитной Матвѣва мы узнаемъ любопытныя подробности «о чинѣ» (т.-е. порядкѣ) приготовленія, подписанія и приѣма лѣкарствъ. Въ челобитной и сказкѣ, подписанной имъ, объяснено, что

шого дворца, въ которомъ не было Ивана Морозова. И. В. Морозовъ, судья суднаго приказа, умеръ еще въ 1655 г. На это указано, какъ въ «Объявленіи», такъ и во второмъ письмѣ Арт. Матвѣва къ И. М. Милославскому («Исторія о невинномъ заточеніи», стр. 360).

лѣкарства составлялись докторами Костеріусомъ и Стефаномъ Симономъ¹⁾ по рецептамъ, а рецепты тѣ хранятся въ аптекарской палатѣ. По «чину» (т.-е. установленнымъ правиламъ), писалъ Матвѣевъ въ челобитной, всякое лѣкарство обязаны были сначала отвѣдать доктора, потомъ онъ, Матвѣевъ, а послѣ него царскіе дядьки, князь Куракинъ и Иванъ Хитрово. Остатки лѣкарства въ рюмкѣ по «чину» начальникъ приказа не долженъ былъ выливать, хотя Матвѣева, между прочимъ, и въ этомъ обвинили.

Остатки лѣкарства, какъ объяснилъ Матвѣевъ, онъ выпивалъ не «по чину», а желая угодить наипаче государю, «что оставалось послѣ великаго государя приемовъ въ рюмкѣ, тѣ лѣкарства при васъ, великомъ государѣ, выпивалъ я жъ, холопъ твой»,—пишетъ онъ въ челобитной, напоминая царю, что онъ дѣлалъ болѣе предписаннаго ему установленными правилами, по которымъ ему вмѣнялось въ обязанность лишь «накушивать подносимыя лѣкарства». Матвѣевъ прибавляетъ, что, чая усугубить милость къ себѣ его, государя, угождая ему, когда принималъ отъ него рюмку отъ принятаго лѣкарства, все въ ней оставшееся выливалъ на ладонь и выпивалъ въ его, государя, присутствіи. Посему не только написать о семъ ложно въ сказкѣ, но и помыслить не посмѣлъ бы. Если царскіе дядьки то запомнили и показываютъ, что онъ, Артемонъ, остатковъ не выпивалъ, то это должно быть лично извѣстно ему, государю, а его царскіе дядьки, князь Ѳеодоръ Куракинъ и Иванъ Хитрово, за свои показанія не по правдѣ дадутъ отвѣтъ въ день всѣмъ страшнаго праведнаго суда.

¹⁾ Этотъ придворный докторъ Стефанъ—личность довольно интересная. Онъ началъ царскую службу въ качествѣ цирюльника (въ 1659 г.), потомъ былъ пожалованъ царскимъ указомъ въ доктора медицины, хотя не имѣлъ никакого диплома. Онъ былъ польскій жидъ, присланный въ Москву изъ Кіева бояриномъ В. В. Бутурлинымъ въ 1651 г., нѣсколько разъ мѣнялъ вѣру—сначала сдѣлался католикомъ, потомъ лютераниномъ, наконецъ православнымъ. Въ нашихъ источникахъ называется то Степаномъ фонъ-Гаденомъ, то докторомъ Данилой Жидовиновымъ, то Данилой Ильинымъ, чаще же Ѳонгадинымъ. Свѣдѣнія о немъ находятся въ изданной на нѣмецкомъ языкѣ въ 1815 г. Рихтеромъ «Исторіи медицины въ Россіи». Убитъ во время перваго стрѣлцаго мятежа въ Москвѣ 16-го мая 1682 г. Въ изданныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1882—1886 годахъ по распоряженію покойнаго гр. Д. А. Толстого «Матеріалахъ для исторіи медицины въ Россіи», въ выпускахъ 2, 3 и 4 встрѣчается не разъ этотъ докторъ Стефанъ. Въ дѣлахъ аптекарскаго приказа онъ зовется дохтуромъ Степкой Ѳонгадинымъ; въ 1672 году получалъ онъ годового оклада 60 рублей да кормовыхъ мѣсячныхъ денегъ 40 рублей. По его челобитію, поданному царю 4-го мая этого года (т.-е. 1672), годового окладъ увеличенъ до 250 рублей, а мѣсячнаго корма положено по 72 рубля на мѣсяцъ (Матеріалы для исторіи медицины, вып. 2-й, стр. 450 и 451). Именной царскій указъ объ увеличеніи оклада фонъ-Гадену и назначеніи его быть въ докторохъ въ аптекарскомъ приказѣ сказалъ думный дворянинъ Арт. Серг. Матвѣевъ. Докторъ Стефанъ фонъ-Гаденъ былъ, такъ сказать, домашнимъ докторомъ Наталіи Кирилловны.

Такимъ образомъ, дядьки царя, князь Феодоръ Феодоровичъ Куракинъ и Иванъ Хитрово, оказались также на сторонѣ враговъ Матвѣва, что вполне понятно въ виду общаго настроенія придворныхъ. Когда были въ силѣ Милославскіе, родственники царя по матери, а вражда въ кремлевскихъ теремахъ между двумя отроками царскаго дома въ полномъ разгарѣ, царица-мачеха Наталья Кирилловна подвергалась всякому злословію и находилась не въ авантажѣ. Къ тому же Иванъ Хитрово былъ сынъ дворецкаго боярина Богдана Хитрово, злѣйшаго врага Матвѣва.

Подробностей удаленія Матвѣва отъ управленія ввѣренными ему приказами мы не знаемъ. Намъ извѣстно только то, что, когда онъ пріѣхалъ 4-го іюля 1676 года во дворецъ съ обычнымъ докладомъ къ царю, его не допустили въ комнату, и въ передней объявленъ былъ ему бояриномъ Родіономъ Матвѣвичемъ Стрѣшневымъ указъ: указалъ де великій государь быть тебѣ на службѣ въ Верхотурьѣ воеводой.

Кажется, предлогомъ къ такой опалѣ послужило слѣдующее обстоятельство. Въ то время былъ въ Москвѣ датскій резидентъ Монсъ Гей, человѣкъ пьяный и весьма невоздержный. Въ Москвѣ онъ сдѣлался извѣстенъ своимъ безобразнымъ поведеніемъ и частыми скандалами и даже дѣломъ прямо уголовнымъ: онъ въ пьяномъ видѣ проживающему въ Москвѣ гамбургскому гостю (купцу) Петру Марселису разрѣзалъ рюмкою горло, отчего тотъ и умеръ. Этотъ самый Монсъ Гей, уѣзжая изъ Москвы, подалъ жалобу на Матвѣва, обвиняя его въ недоплатѣ 500 рублей за рейнское вино, поставленное имъ ко двору, а также въ представленіи фальшиваго контракта, при расчетѣ съ нимъ, по этой поставкѣ. Хотя личность датскаго резидента и его зазорное поведеніе были достаточно извѣстны въ Москвѣ и отнюдь не внушали довѣрія, враги Матвѣва не преминули воспользоваться этимъ извѣтомъ ¹⁾.

Посольскому приказу велѣно было уплатить Монсу Гею 500 рублей, а вслѣдъ затѣмъ Матвѣву было указано ѣхать воеводой въ Верхотурье. Соловьевъ въ своей «Исторіи» прямо приписываетъ (т. XIII, глава 2-я) этому обстоятельству удаленіе Матвѣва изъ посольскаго приказа и Москвы; онъ пишетъ, что враги Матвѣва воспользовались доносомъ датскаго резидента, чтобы лишить его завѣдыванія тѣми приказами, которыми онъ продолжалъ управлять.

Такое указаніе нашего историка отчасти подтверждается документами Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ (датскія дѣла 1676 г.) и, кромѣ того, одной изъ челобитныхъ Матвѣва царю (именно второй), посланной изъ Пустозерскаго острога въ 1679

¹⁾ Покупки заграничныхъ винъ для великаго государя находились въ вѣдѣніи аптекарскаго приказа.

году съ нарочнымъ Андреемъ Мезенцевымъ. Въ этой челобитной Матвѣевъ, жалуясь на пристрастіе лицъ, производившихъ дознаніе надъ нимъ въ Лаишевѣ, т. е. на думнаго дворянина Соковнина и думнаго дьяка Семенова, а также на дьяка Ивана Горохова и воеводу Ивана Богдановича Милославскаго, производившихъ розыскъ надъ нимъ въ Казани, писалъ, выставляя на видъ и объясняя незаконность и неправоту своего заочнаго осужденія, безъ спроса при немъ обвинителей. «Кому великій и милостивый государь повѣрили? Пьяному вору, нехранителю чести своего государя, недоброхоту моему, датскому нѣмчину (т. е. Монсу Гею), который, будучи въ Москвѣ, при васъ, великомъ государѣ, своему государю какія прислуги учинилъ, только что пьяница былъ. Вездѣ ругались, что отъ всѣхъ друзей его возили пьянымъ, черезъ лошадь и сѣдло перекинувъ, а въ каретѣ положила вверхъ ногами пьянаго же». Далѣе Матвѣевъ вспоминаетъ о его вышеупомянутомъ поступкѣ съ Марселисомъ, отъ чего тотъ и умеръ. «Другому иностранному гостю,—продолжаетъ Матвѣевъ,—именно Томасу Кальдерону шандаломъ пьянъ пробилъ голову, меня же, холопа твоего, пріѣхавъ ко мнѣ въ домишко, по наущенію доброжелателей моихъ, а своихъ друзей, безчестилъ и, только благодаря заступничеству за него ближняго боярина, князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, это дѣло мною было оставлено безъ челобитной государю, и вообще тотъ датскій нѣмчинъ многіе зазоры невѣрные чинилъ. Гей пріобрѣлъ въ Москвѣ такую незавидную репутацію, что ребята, когда онъ показывался на улицѣ, бѣгали за нимъ и вопили: «пьяница, пьяница, шишъ на Кокуѣ»¹⁾).

Такимъ образомъ, послѣ удаленія Матвѣева изъ аптекарскаго приказа, вслѣдствіе чего онъ лишился возможности видѣть царя Θεодора ежедневно, враги его съ большимъ рвеніемъ и успѣхомъ продолжали свои подъ него подкопы, не брезгуя никакими средствами. Они (т. е. Милославскіе и Хитровы), какъ видно изъ этой челобитной, даже напустили на него пьянаго датскаго резидента, вмѣстѣ съ которымъ бражничали; тотъ пріѣхалъ въ домъ начальника посольскаго приказа, чтобы безчестить его и произвести скандалъ, но дѣло было замято посредствомъ князя Долгорукова, въ виду предстоявшаго отъѣзда Монса Гея изъ Москвы. Когда же этотъ буйный дипломатъ наконецъ изъ Москвы и выѣхалъ, откуда-то съ дороги послалъ доносъ на Матвѣева съ вышеуказаннымъ обвиненіемъ.

Вмѣстѣ съ этимъ обвиненіемъ выѣхавшаго изъ Москвы датскаго резидента были подняты и другія, о которыхъ пишетъ Матвѣевъ въ первой челобитной, а именно, что онъ «взятки ималь

¹⁾ Кокуемъ навывалась Нѣмецкая слобода въ Москвѣ.

и чинилъ тѣсноту людямъ великаго государя, покупая отчины тѣсноты» ¹⁾).

Безкорыстіе и правосудіе Артемона Сергѣевича были слишкомъ извѣстны въ Москвѣ того времени, и потому несостоятельность такого обвиненія представлялась вполне очевидной. Но Матвѣеву не было дано надлежащаго суда по этимъ обвиненіямъ; его поспѣшили удалить изъ Москвы, а послѣ его отъѣзда выдвинуть былъ болѣе вѣрный способъ погубить его: обвиненіе въ чародѣйствѣ.

Получивъ назначеніе воеводой въ сибирскій городъ Верхотурье, онъ отправился туда въ началѣ осени, т. е. въ сентябрѣ 1676 года, водою. Поѣхалъ онъ изъ Москвы въ началѣ сентября, т. е. два мѣсяца спустя послѣ постигшей его опалы, съ сыномъ своимъ, девятилѣтнимъ сиротой Андреемъ ²⁾, тремя племянниками, учителемъ сына, бѣлорусскимъ шляхтичемъ, православнаго исповѣданія, Иваномъ Лаврентьевичемъ Поборскимъ, священникомъ Василиемъ Чернцовымъ, многочисленной прислугой и двумя пушками, въ виду небезопасности пути въ такой далекій городъ Сибири, какъ Верхотурье. Но Матвѣеву не довелось достигнуть этого города. Враги его не дремали. Онъ казался имъ опаснымъ даже въ званіи сибирскаго воеводы въ небольшомъ городкѣ.

III.

Едва прибылъ опальный бояринъ въ городъ Лаишевъ, на Волгѣ, въ ноябрѣ того же года, какъ туда прискакалъ царскій гонецъ, полуголова московскихъ стрѣльцовъ, Алексѣй Лужинъ, для допроса Матвѣева. 25-го ноября Лужинъ спрашивалъ Матвѣева о книгѣ «Лѣчебникъ», въ которой многія статьи писаны цифирью, а также потребовалъ отъ него двоихъ изъ сопровождавшихъ его слугъ, а именно Ивашку Еврея и Карла Захарку. Матвѣевъ отвѣтилъ, что указанной книги у него нѣтъ, при чемъ просилъ Лужина великимъ прошеніемъ обыскать какъ его самого, такъ и людей его, но Лужинъ отъ обыска отказался, объяснивъ, что не имѣетъ на то государева указа.

¹⁾ «Исторія о невинномъ заточеніи», третья челобитная.

²⁾ Жена его, Авдотья Григорьевна, умерла 24-го августа 1672 года. Люди, его сопровождавшіе, указаны его биографомъ-современникомъ въ «Объявленіи», напечатанномъ въ книгѣ Новикова (см. «Исторію о невинномъ заточеніи», стр. 376 и 377). Это «Объявленіе» было доставлено въ списокъ изъ собственной книгохранилищницы императрицы Екатерины II. Люди, сопровождавшіе Матвѣева, показаны А. Терещенкомъ невѣрно, стр. 98, ч. I «Опыта». Онъ, видимо, спуталъ указанія «Объявленія» и называетъ священникомъ Ивана Лаврентьева, хотя Иванъ Лаврентьевъ Поборскій былъ мірянинъ, учитель, а не священникъ; священникъ же, сопровождавшій Матвѣева въ ссылку, былъ Василій Чернцовъ; на это указываетъ самъ Терещенко въ примѣчаніи № 99, стр. 245.

Матвѣевъ, при допросѣ его Лужинымъ, показывалъ послѣднему «тетрадку словенскаго письма», въ которой писаны приемы отъ всякихъ болѣзней и помѣчены статьи словами цифирными, для присканія лѣкарствъ, «но онъ тое тетрадку отъ меня, холопа твоего, не взялъ»,—писалъ Матвѣевъ въ первой своей челобитной царю изъ Пустоозерскаго острога ¹⁾).

Отобравъ у Матвѣева его людей, указанныхъ въ данномъ ему наказѣ, т. е. Ивашку Еврея и Карла Захарку, Лужинъ уѣхалъ обратно въ Москву, а Матвѣевъ былъ задержанъ въ Лаишевѣ. Въ Москвѣ, между тѣмъ, дѣятельно работали его враги, выдвинувшіе противъ него обвиненіе въ чародѣйствѣ, противъ котораго трудно было оправдываться, выискался подкупленный обвинитель, лѣкаръ Давидъ Берловъ, предъявившій на боярина Матвѣева обвиненіе въ чернокнижьи и вызываніи нечистыхъ духовъ. Въ виду такого обвиненія со стороны Берлова и были забраны въ Лаишевѣ Ивашка Еврей и Карла Захарка, какъ свидѣтели, на которыхъ сослался Берловъ.

22-го декабря того же года, пріѣхалъ въ Лаишевъ думный дворянинъ Ѳедоръ Прокофьевичъ Соковнинъ да думный дякъ Василій Семеновъ для обыска въ книгахъ и рухляди опальнаго боярина Матвѣева. При обыскѣ ничего не нашли, а о показаніяхъ, данныхъ имъ, его племянниками, которыхъ при немъ было трое, а равно его прислугою, была составлена сказка, за ихъ рукоприкладствомъ. Какъ видно изъ этой сказки, всѣхъ ихъ допрашивали о черной книгѣ, по которой будто бы Матвѣевъ вызывалъ нечистыхъ духовъ.

Артемонъ Сергѣевичъ объявилъ Соковнину и дяку Семенову вышеуказанную тетрадку «словенскаго письма», которую показывалъ прежде Лужину, и на этотъ разъ тетрадка была у него взята. Затѣмъ пріѣхалъ изъ Казани дворянинъ Гавріилъ Нормацикій и уже знакомый намъ полуголова Алексѣй Лужинъ, которые взяли Матвѣева, задержаннаго въ Лаишевѣ ²⁾, и отвезли въ Казань, гдѣ онъ уже былъ отданъ «за крѣпкій караулъ».

Такимъ образомъ, производство дѣла было перенесено въ Казань, гдѣ въ то время былъ воеводой Иванъ Богдановичъ Милославскій, что предвѣщало печальный исходъ для дѣла. Вслѣдъ за прибытіемъ Матвѣева въ Казань тамъ былъ полученъ указъ: отпустить его людей по деревнямъ, а иныхъ на волю.

Очевидно было, что судьба Матвѣева уже предрѣшена, что не замедлило подтвердиться пріѣздомъ въ Казань дяка Ивана Горо-

¹⁾ Т.-е. 1676 года.

²⁾ Лаишевъ—на пути, по которому слѣдовалъ Матвѣевъ, далѣе Казани, которую они уже проѣхали. Послѣ задержанія Матвѣева въ этомъ городѣ его вернули въ Казань, гдѣ тамошній воевода Ив. Богдановичъ Милославскій и руководилъ производствомъ обыска.

хова, злѣйшаго врага опальнаго боярина ¹⁾. Гороховъ прѣхаль въ Казань ночью и сейчасъ же началъ допрашивать и всячески тѣснить Матвѣева, подвергая его всякаго рода униженіямъ, обращаясь съ нимъ крайне грубо. Уже Соковнинъ водилъ Артемона изъ его квартиры въ сѣзжую избу пѣшкомъ, подъ конвоемъ. Воевода Иванъ Милославскій въ Казани посадилъ его подъ крѣпкій караулъ за приставами, т. е. отдалъ его подъ ихъ надзоръ. Послѣ прѣзда Горохова съ Матвѣевымъ стали обращаться еще хуже. Дьякъ Гороховъ при допросахъ кричалъ на него и обращался съ нимъ, какъ съ государственнымъ преступникомъ, или, по тогдашнему выраженію, «воромъ».

— Гдѣ твое имущество?—крикнулъ Гороховъ Матвѣеву при первомъ же допросѣ,—давай его сейчасъ.

— Въ животахъ моихъ (т. е. имуществѣ) ни краденаго, ни разбойнаго, ни воровскаго, ни измѣннаго, ни заповѣднаго нѣтъ. Животы отца моего и родителей его, животы матери моей и родителей ея и мои, нажитыя милостью Божіей и великихъ государей жалованьемъ, за посольскія мои службы и за мои работы ратныя, за кровь и за всякія великія работы въ 69 лѣтъ нажитыя, а когда часъ пришелъ невинному нашему разоренію, и великій государь изволить всѣ животы взять безъ вины моей, въ томъ воля Божія и его, государская ²⁾.

Изъ архивныхъ документовъ, напечатанныхъ С. М. Соловьевымъ въ XIII томѣ его «Исторіи Россіи» (гл. II), мы знаемъ, что почти одновременно съ обвиненіемъ Артемона въ чародѣйствѣ тѣмъ же лѣкаремъ Давидомъ Берловымъ былъ поданъ извѣтъ на родного брата царицы-мачехи, Ивана Кирилловича Нарышкина, который будто бы подговаривалъ «держальника своего» Ивашку Орла убить изъ пищали царя Феодора Алексѣевича: «онъ де орель старый, а молодой на заводи ходитъ, и когда ты (т. е. Ивашка Орель) убьешь стараго, будешь взысканъ милостью царицы Натальи Кирилловны и Божіей, такъ что у тебя и на умѣ нѣтъ».

Давидъ Берловъ въ тѣхъ своихъ словахъ, т. е. что самъ слышалъ подговоръ Нарышкина убить царя Феодора, былъ пытанъ и

¹⁾ Дьякъ Иванъ Гороховъ былъ изобличенъ Матвѣевымъ въ воровствѣ, именно въ той же перепискѣ съ донскими казаками, и сосланъ въ ссылку за то воровство, но по воцареніи Феодора врагами Матвѣева возвращенъ въ Москву. «Исторія о невинномъ заточеніи», стр. 392.

²⁾ «Исторія о невинномъ заточеніи», третья челобитная, стр. 204. Въ «Объявленіи» прямо указано, что дьякъ Гороховъ чинилъ всякія досады и пакости опальному боярину не только по злобѣ, но и съ корыстной цѣлью, и прибылъ въ Москву, по окончаніи дѣла, т. е. ссылки Матвѣева, со многими боярскими пожитками, яко изъ Восточной Индіи Гишпанской. За услуги, имъ оказанныя Милославскимъ, онъ былъ произведенъ въ думные дьяки; изъ отписанныхъ у Артемона Матвѣева вотчинъ ему была дана одна, именно село Папулово, съ деревнями въ Нижегородскомъ уѣздѣ (тамъ же, стр. 393).

огнемъ и клещами жженъ многожды и передъ государемъ и патриархомъ и бояры и отцу своему духовному на исповѣди показалъ то же, т. е. утверждалъ, что Иванъ Нарышкинъ дѣйствительно подговаривалъ на убійство благочестиваго государя. Велѣдствіе этого, Нарышкинъ былъ приведенъ стрѣльцами въ Кремль, передъ Грановитою палатою, и ближній бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, выйдя на крыльцо съ думнымъ дьякомъ, объявилъ Нарышкину, что «за такія его страшныя вины и воровство царь указалъ и бояре приговорили: бить его кнутомъ и огнемъ жечь и смертию казнить, но великій государь его жалуетъ и вмѣсто смерти велѣлъ животь дать и указалъ сослать его въ ссылку въ Рязный городъ на Рязань ¹⁾, гдѣ и быть ему за приставами до смерти живота».

Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ, какъ наиболѣе способный изъ братьевъ царицы-мачехи, представлялся опаснымъ противникомъ для Милославскихъ: они его при царѣ Феодорѣ обвинили въ замыслѣ извести больного царя и сослали въ ссылку, а когда по воцареніи Петра онъ вернулся изъ ссылки въ Москву, подстрекнули стрѣльцовъ требовать его головы, чему, по рассказамъ современниковъ, довольно явно потакала царевна Софья. Спрятанный въ церкви Иванъ Нарышкинъ былъ выданъ стрѣльцамъ, отведенъ въ Константиновскій застѣнокъ и тамъ жестоко пытанъ, при чемъ обнаружилъ немалое мужество, отвѣчая молчаніемъ на ихъ вопросы; его наконецъ вывели изъ застѣнка на Красную площадь, подняли на копыя и разѣкли бердышами ²⁾.

Съ Матвѣевымъ, впослѣдствіи такъ же, какъ и съ Нарышкинымъ, павшимъ жертвой стрѣлецкаго мятежа 15-го мая 1682 года при царѣ Феодорѣ, поступили подобнымъ же образомъ, но только сослали его далѣе города Рязска: по своей опытности и популярности онъ былъ опаснѣе молодого Ивана Нарышкина, и его было рѣшено сослать въ дальній острогъ на Пустомъ морѣ, какъ называли тогда у насъ Ледовитый океанъ.

Пріѣхалъ въ Казань стольникъ Тухачевскій, оказавшійся впоследствии весьма добрымъ человекомъ, весьма жалостливо относившійся къ ввѣренному его надзору Матвѣеву; онъ былъ назначенъ состоять при немъ въ приставахъ и потребовалъ у него пушки, порохъ, свинець и всякіе иные предметы воинской утвари.

— Я никогда не былъ зачинщикомъ мятежа и всякаго воровства, а всегда унималъ и смирялъ воровъ, — отвѣтилъ на это оскорбленный Матвѣевъ. Онъ увидѣлъ, что судьба его уже рѣшена.

Присланный вслѣдъ за тѣмъ казанскимъ воеводой Милославскимъ стрѣлецкій голова Иванъ Садиковъ взялъ Матвѣева, мало-

¹⁾ Въ г. Рязскъ.

²⁾ Устряловъ, «Исторія Петра Великаго», т. I.

лѣтняго сына его Андрея и оставшихся при опальномъ бояринѣ слугъ и повелъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ пѣшкомъ, на позоръ глазъвишей на нихъ народной толпы, въ сѣзжую избу. Тамъ были наконецъ объявлены Матвѣву его вины. Онъ обвинялся, во-первыхъ, въ томъ, что написалъ въ сказкѣ своей въ Лаишевѣ, что послѣ пріема лѣкарства государемъ выпивалъ остатки его, что опровергается показаніями дядекъ государя: князя Куракина и Хитрово. Во-вторыхъ, лѣкарь Давидъ Берловъ донесъ, что лѣчилъ челоуѣка его, Матвѣва, Карла Захара, сказавшаго ему, что боленъ отъ господскихъ побоевъ, нанесенныхъ ему Артемономъ Матвѣвымъ за то, что онъ, Карла Захаръ, заснулъ за печью въ комнатѣ, въ которой Матвѣвъ съ докторомъ Стефановымъ читали черную книгу, по которой вызываются злые духи, и былъ свидѣтелемъ появленія во множествѣ злыхъ духовъ, объявившихъ, что за печью находится третій челоуѣкъ. Сославшись на такое заявленіе Захара, Берловъ прибавилъ, что и самъ видѣлъ, какъ Матвѣвъ съ докторами Стефаномъ и грекомъ Спааріемъ, запершись, читали черную книгу. Спаарій училъ по этой книгѣ Матвѣва и сына его Андрея.

Когда прочли обвинительныя статьи Матвѣву, онъ хотѣлъ говорить, но дьякъ прикрикнулъ: «Слушай, молчи и не говори». Однимъ словомъ, какъ справедливо объяснилъ впоследствии Матвѣвъ въ своей челобитной, онъ былъ лишень тѣхъ правъ и способовъ защиты, которые въ царствованіе блаженной памяти царя Алексѣя Михайловича предоставлялись на судѣ даже завѣдомымъ ворами и разбойникамъ. Матвѣвъ, на основаніи вычитанныхъ ему въ Казани на сѣзжей избѣ вышеуказанныхъ винъ, былъ лишень боярской чести, у него были отобраны всѣ его имѣнія и вотчины, на прожитіе ему была дана всего тысяча рублей, а самъ онъ былъ сосланъ на житіе въ Пустоозерскій острогъ, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ. Изъ первой его челобитной царю видно, что указъ о лишеніи боярской чести, конфискаціи имущества и ссылкѣ въ Пустоозерскій острогъ былъ объявленъ ему въ Казани 11-го іюня 1677 года. Такимъ образомъ, дознаніе и розыскъ по введеннымъ на него обвиненіямъ тянулись нѣсколько мѣсяцевъ (съ ноября по начало іюня). Въ Москвѣ дѣло по извѣту на Матвѣва въ чернокнижии, повидимому, разсматривалось боярской думой, на что есть указаніе въ одной изъ его челобитныхъ изъ Пустоозерска. Но никакихъ документовъ въ московскихъ архивахъ, касающихся этого производства, не розыскано. Вопросъ о томъ, было ли разсматрѣно боярской думой дѣло по взведеннымъ обвиненіямъ на Матвѣва, и были ли ему даны средства защиты, которыя Соборнымъ Уложеніемъ 1649 года были предоставлены въ Московскомъ государствѣ всѣхъ чиновъ людямъ, остается открытымъ.

Повидимому, судя по челобитнымъ Матвѣева, ему не было дано суда, и онъ былъ лишенъ тѣхъ средствъ защиты, какія были предоставлены даже такимъ ворами, какъ Стенька Разинъ, и бродяга, называвшійся царевичемъ Симеономъ.

Матвѣевъ подалъ царю Феодору Алексѣевичу изъ своего заточенія въ острогѣ на Пустомъ морѣ три челобитныя, напечатанныя Новиковымъ въ его книгѣ о Матвѣевѣ¹⁾.

Первая изъ нихъ была составлена и написана еще въ Казани, два дня спустя послѣ объявленнаго ему рѣшенія по его дѣлу, но въ Казани она не была принята и отправлена, годъ спустя, съ мѣста заточенія.

Во второй челобитной, писанной въ острогѣ и посланной въ 1679 году, Матвѣевъ объяснялъ царю, что въ первой челобитной, старости ради, увѣчья, а также отъ государскихъ службъ и частныхъ посылокъ погорбленъ, онъ обезпамятѣлъ отъ его государственнаго гнѣва, и сполна и многое поэтому не написалъ.

Третья челобитная царю была послана оттуда же съ ссылкой самарскимъ офицеромъ Василиемъ Пастуховымъ. Въ ней Матвѣевъ съ краснорѣчиемъ и большой силой изложилъ свое горько-слезное житье, съ убогимъ червемъ, сынишкомъ своимъ Андреемъ, въ пустынномъ и скудномъ во всѣхъ отношеніяхъ Пустоозерскрѣ, гдѣ и «хлѣбомъ не можемъ накормить тѣло свое, кровь свою истожили, кости свои изсушили на государственной службѣ, хлѣба теперь не имѣемъ», писалъ Матвѣевъ въ этой послѣдней челобитной, заканчивая ее такими словами: «Милосердія, милости умоляемъ и отрады просимъ. Премилостивый государь, умились».

Изъ содержанія этой послѣдней челобитной, посланной изъ Пустоозерскаго острога, видно, что она была писана по полученіи тамъ царскаго указа «переволочь Матвѣева съ сыномъ отъ Пустоозерскаго горько-слезнаго мѣста и отъ моря къ тому же пустому морю», за тою же тѣсною и стражей темничной. Въ этой челобитной Матвѣевъ просилъ, чтобы ему, если государь не велитъ ихъ взять на Москву, было приказано возвратить ихъ разореніе (т. е. отобранное имѣніе) и жить на деревенскихъ хлѣбахъ.

Какъ извѣстно, въ острогѣ на Пустомъ морѣ и въ Мезени былъ великій недостатокъ въ хлѣбѣ, и заточенные тамъ питались скудно одной только рыбой²⁾.

Послѣдовавшая въ 1680 году перемѣна положенія Матвѣева была незначительна: онъ былъ переведенъ въ Мезень, гдѣ находился въ заточеніи извѣстный расколоучитель протопопъ Авва-

¹⁾ См. «Ист. о невинномъ заточеніи», изд. 2-е, Москва.

²⁾ Есть указаніе, что Матвѣевъ не погибъ въ ссылкѣ отъ голоду, только благодаря великодушію воеводы Тухачевскаго, раздѣлявшаго съ нимъ свои хлѣбныя запасы.

кумъ, противникъ церковный, какъ называлъ его Матвѣвъ, получавшій болѣе щедрое содержаніе, чѣмъ онъ, опальный бояринъ, претерпѣвавшій во время своего заточенія въ Пустоозерскомъ острогѣ непрестанный голодъ, холодъ, угаръ и всякую тѣсноту.

Соловьевъ въ своей «Исторіи» пишетъ: «Конечно, не плачевныя челобитныя, которыя писалъ Матвѣвъ, помогли ему, а перемѣна придворныхъ отношеній была причиною тому, что участь Пустоозерскаго заточенца въ 1680 году была облегчена—онъ былъ переведенъ въ Мезень».

Болѣе существенное измѣненіе въ положеніи Матвѣва послѣдовало только въ концѣ слѣдующаго 1681 года, когда овдовѣвшій царь Феодоръ Алексѣевичъ былъ помолвленъ съ Марѳой Матвѣвной Апраксиной, крестницей Матвѣва. Первымъ дѣломъ невѣсты царской было бить челомъ жениху о крестномъ, и въ первыхъ числахъ января 1682 года пріѣхалъ въ городъ Мезень капитанъ Лишуковъ съ указомъ объявить Матвѣву и сыну его, что царское величество, разсмотря ихъ невинность и бывшее на нихъ ложное оклеветаніе и милосердуя о нихъ, указалъ ихъ изъ-за приставовъ освободить, московскій дворъ, подмосковныя и другія вотчины и пожитки, оставшіяся за раздачей и продажей, имъ возвратитъ; сверхъ того, пожаловалъ имъ государь новую вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ, село Верхній Ландехъ, съ деревнями, 800 дворовъ крестьянскихъ, и указалъ отпустить ихъ изъ Мезени въ городъ Лухъ, гдѣ ждать новаго указа.

Указомъ, привезеннымъ Лишуковымъ, было предписано отпустить Матвѣва съ сыномъ съ Мезени «свободно въ г. Лухъ, давъ имъ подорожныя и ямскія подводы» ¹⁾.

О перемѣнахъ, происшедшихъ при московскомъ дворѣ царя Феодора Алексѣевича, вызвавшихъ сначала облегченіе положенія сосланныхъ въ острогъ на Пустое море, «на послѣдней чертѣ къ этому морю», какъ писалъ Матвѣвъ, мы имѣемъ довольно скудныя свѣдѣнія. Царствованіе Феодора Алексѣевича даже съ чисто фактической стороны довольно мало и слабо изслѣдовано, и мы до сихъ поръ не имѣемъ его обстоятельной исторіи.

Въ XIII томѣ «Исторіи» Соловьева о первомъ бракѣ царя Феодора Алексѣевича сообщается какъ-то вскользь, не опредѣлено даже въ точности (нѣтъ числа) время совершенія этого брака, не дается почти никакихъ свѣдѣній о личности и происхожденіи первой су-

¹⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. III, гл. 2. Эти свѣдѣнія взяты нашимъ историкомъ изъ извѣстнаго «Объявленія» о возвращеніи изъ заточенія А. С. Матвѣвыхъ въ книгѣ Николая Новикова, именно изъ стр. 374, втораго изданія съ исправленіемъ ошибокъ, допущенныхъ составителемъ «Объявленія», а именно, что Апраксина ходатайствовала передъ царемъ за крестнаго не по вступленіи въ бракъ, а ранѣе, будучи еще только невѣстой.

пруги царя, Агаѣи Семеновны Грушецкой, на которой Феодоръ женился, по словомъ Соловьева, въ июль 1680 года.

Кто была царица Агаѣя Семеновна, мы обстоятельно не знаемъ. Мы знаемъ только, что царь, увидавъ ее во время крестнаго хода, обратилъ на нее вниманіе и поручилъ своему первому постельнику, Ивану Максимовичу Языкову, развѣдать о ней, а тотъ донесъ царю, что она, Агаѣя Семеновна Грушецкая, живетъ у своей тетки, жены думнаго дьяка Заборовскаго, при чемъ дьяку Заборовскому сейчасъ же было дано знать, чтобы онъ отнюдь не выдавалъ племянницы замужъ впредь до указа. Мы имѣемъ весьма любопытную записку почти современника, извѣстнаго историка В. Н. Татищева, «О царствованіи Феодора Алексѣевича», но она, какъ и нѣкоторые другіе современные источники, требуетъ критической провѣрки.

Достоверно извѣстно, что вскорѣ по вступленіи на престолъ Феодора преобладающее вліяніе Милославскихъ стало вызывать неудовольствіе, которое еще болѣе усилилось, когда послѣ опалы и ссылки Матвѣева Иванъ Богдановичъ Милославскій, вызванный изъ Казани, «схватился въ Москвѣ за всѣ дѣла» и сталъ играть роль полновластнаго правителя; на него пошли жалобы со всѣхъ сторонъ, доходившія и до молодого царя.

Старые бояре (по разсказу Татищева въ его запискѣ), Долгорукій (вѣроятно, Юрій Алексѣевичъ) и Хитрово, разсудили, что имъ въ исключительной милости у царя, вслѣдствіе ихъ старости, удержаться трудно, и поэтому допустили прибывшаго изъ Казани И. Б. Милославскаго взять въ свои руки всѣ главные дѣла правленія, сохранивъ себѣ только малыя дѣла. Предоставляя, такимъ образомъ, преобладающее положеніе Милославскому, они расчитывали сломить ему шею, для чего постарались выдвинуть и приблизить къ царю думнаго дворянина Ивана Максимовича Языкова, человѣка великой остроты, по отзыву Татищева, и несомнѣнно очень ловкаго царедворца, котораго постоянно выхваляли царю и въ милость ввели, равно какъ и его свойственника, бывшаго учителя покойнаго царевича Алексѣя Алексѣевича, Алексѣя Лихачева, человѣка доброй совѣсти. Языковъ, состоявшій въ должности постельничаго при царѣ, и Алексѣй Тимоѣевичъ Лихачевъ въ званіи комнатнаго стольника не замедлили внушить къ себѣ особое расположеніе Феодора Алексѣевича: они скоро стали его первыми любимцами и наиболѣе довѣренными людьми, что возбудило сильную къ нимъ зависть Милославскихъ. Борьба между ними, сначала скрытая и незамѣтная, обнаружилась въ важномъ вопросѣ о бракѣ царя. Языковъ, понятное дѣло, всячески радѣлъ о скорѣйшей женитьбѣ Феодора Алексѣевича, въ надеждѣ, что молодая царица можетъ ослабить или даже совсѣмъ упразднить преобладающее вліяніе царевенъ-сестеръ и тетокъ, которыя держали сторону Милославскихъ и составляли ихъ главную опору.

Милославскіе, какъ только узнали о намѣреніи царя жениться на Агаѣѣ Семеновнѣ Грушецкой, при чемъ, конечно, усмотрѣли въ этомъ бракѣ происки Языкова и Лихачева, прибѣгли къ своему старому и обычному средству — клеветѣ. Они стали всячески чернить Грушецкую и ея мать, распуская про нихъ злостныя клеветы. Но на этотъ разъ интриги Милославскихъ привели къ самымъ плачевнымъ для нихъ слѣдствіямъ: царь въ іюлѣ 1680 года все-таки женился на избранной имъ при участіи Языкова невѣстѣ, а Милославскому было запрещено являться ко двору; ему предстояла еще болѣе тяжкая кара, отъ которой онъ былъ избавленъ лишь заступничествомъ молодой царицы.

Въ это время (т.-е. лѣтомъ 1680 г.) думный постельничій Иванъ Языковъ былъ пожалованъ въ окольничіе, при чемъ ему указано быть оружейничимъ, а на его мѣсто постельничимъ былъ назначенъ Алексѣй Лихачевъ, которые такимъ образомъ сломили Милославскихъ. Въ концѣ царствованія Θεодора Языковъ въ 1681 г. былъ пожалованъ боярствомъ. Сохранилось даже преданіе о намѣреніи царя съ нимъ породниться, женивъ его на одной изъ своихъ сестеръ. Но, ставши полновластнымъ временщикомъ и отстранивъ отъ двора обоихъ Милославскихъ, т. е. Ивана Михайловича и Ивана Богдановича, Языковъ сначала не думалъ о возвращеніи Матвѣва изъ ссылки и о сближеніи съ Натальей Кирилловной и Нарышкиными. Молодая царица скоро забеременѣла, а рожденіе наслѣдника-сына могло упрочить на много лѣтъ преобладаніе и власть честолюбиваго временщика.

Но этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Царица разрѣшилась отъ бремени 11-го іюля 1681 года сыномъ царевичемъ Ильей, но черезъ три дня послѣ родовъ скончалась (14-го іюля), новорожденный же царевичъ черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ въ могилу за матерью—онъ умеръ 21-го іюля того же года ¹⁾.

Внезапная кончина молодой царицы и рожденнаго ею наслѣдника престола совершенно измѣнила положеніе. Было очевидно, что хилый Θεодоръ Алексѣевичъ недолговѣченъ, а кончина его угрожала неизбѣжнымъ паденіемъ Языкову. При больномъ и почти слѣпомъ старшемъ братѣ его, царевичѣ Иванѣ, Милославскіе стали бы опять сильны и, конечно, взявъ въ свои руки правленіе, не поцеремонятся съ любимцемъ царя Θεодора, Языковымъ. Они люди злопамятные и ревнивые, и къ тому же у нихъ старые счеты съ временщикомъ, удалившимъ ихъ отъ царя и двора. Языковъ видѣлъ, какъ расправились Милославскіе съ такимъ заслуженнымъ бояриномъ, какъ Матвѣвъ, и не могъ ждать отъ нихъ лучшей участи для себя ²⁾.

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ, т. 11, № 331 и 341.

²⁾ Чувства, которыя къ нему питалъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, вопль обнаружались во время перваго стрѣлцаго бунта: въ спискѣ жертвъ,

Поэтому онъ съ свойственной ему ловкостью сейчасъ же измѣнилъ свою политику и сталъ искать сближенія съ противниками Милославскихъ — царицей-мачехой Наталіей Кирилловной и Матвѣевымъ.

Объ отношеніяхъ царя Θεодора и его любимца къ младшему царевичу Петру наши историки высказывали довольно различныя мнѣнія, нерѣдко голословныя. Господствующее мнѣніе сходится съ мнѣніемъ біографа-современника Матвѣева, составителя извѣстнаго не разъ мною указаннаго «Объявленія» о возвращеніи его изъ ссылки, распространяющагося о добромъ расположеніи и нѣжной любви царя Θεодора къ своему меньшему брату Петру. Споры и недоразумѣнія по этому вопросу, однако, не трудно разрѣшить справкой съ нѣкоторыми, повидимому, мелкими, но вполне достовѣрными фактами.

По вступленіи на престолъ Θεодора Алексѣевича, царица Наталья съ сыномъ Петромъ переселилась въ село Преображенское, гдѣ вдали отъ московскаго двора, явно ей враждебнаго, проживала она почти безвыѣздно. Ея родственники и даже братья подвергались преслѣдованіямъ и ссылкѣ. Но послѣ кончины царицы Агаѣи и рожденнаго ею сына отношенія мѣняются. Въ изданныхъ П. М. Строевымъ «Выходахъ царей», или выходныхъ книгахъ, записаны всѣ выходы царя Θεодора Алексѣевича: онъ посѣтилъ Преображенское, т.-е. мачеху и брата Петра, первый разъ проѣздомъ въ Троицкую лавру 1 октября 1680 г., т.-е. черезъ 4 года и 3 мѣсяца послѣ кончины отца и своего вступленія на престолъ.

Эта дата заслуживаетъ вниманія. Вотъ когда началось сближеніе Θεодора Алексѣевича съ мачехой и меньшимъ братомъ. Это произошло до объявленія Марѣи Апраксиной невѣстой царя, а тѣмъ болѣе до вторичнаго брака, послѣдовавшаго лишь 14 февраля 1682 года.

Царица Марѣа Матвѣевна пользовалась въ послѣдствіи благосклоннымъ расположеніемъ царя Петра. Крестница Матвѣева, она несомнѣнно не была враждебницей царицѣ Наталѣ Кирилловнѣ и, весьма вѣроятно, охотно ходатайствовала за опальнаго «крестнаго», но едва ли въ этомъ случаѣ играла главную роль.

Все шло и направлялось Иваномъ Максимовичемъ Языковымъ. Онъ нашелъ нужнымъ и полезнымъ сближеніе съ царицей-мачехой и подроставшей отраслью царскаго дома, царевичемъ Петромъ, которому неизбѣжно должно было принадлежать будущее, послѣ смерти первой жены царя и ея сына. И вотъ начинается примиреніе Θεодора Алексѣевича съ мачехой и ея сыномъ; первымъ ша-

обреченныхъ на смерть, розданномъ стрѣльцамъ, на первомъ мѣстѣ вслѣдъ за Матвѣевымъ стоялъ бояринъ Иванъ Языковъ, — онъ и былъ убитъ во время этого бунта всюду его искавшими стрѣльцами.

гомъ было посѣщеніе царемъ Преображенскаго. Вслѣдъ затѣмъ вспомнили о Матвѣевѣ; надо было его вернуть изъ заточенія на Пустомъ морѣ, т. е. Ледовитомъ морѣ, гдѣ томился въ великой нуждѣ и горѣ славный сотрудникъ царя Алексѣя Михайловича, воспитатель и свойственникъ царицы Натальи Кирилловны. Позаботились и о немъ. Въ Мезень, вслѣдъ засимъ, посылается капитанъ стрелянаго полка Лишуковъ съ вышеупомянутымъ указомъ о прекращеніи ссылки и возвращеніи животомъ (т.-е. имущества) и дозволеніи переселиться въ г. Лухъ ¹⁾ и тамъ дожидаться новаго царскаго указа.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ, при которыхъ послѣдовало это распоряженіе, но можно догадываться, что князь В. В. Голицынъ, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ бояръ того времени, послѣ Языкова, также человекъ очень близкій къ больному царю, принимавшій весьма дѣятельное участіе въ дѣлѣ правленія, повліялъ на отсрочку совершенной и полной отмѣны опалы Матвѣева.

Голицынъ, несмотря на свою дружбу съ Языковымъ, находился въ иномъ, чѣмъ онъ, положеніи, благодаря своей близости къ царевнѣ Софьѣ. Онъ отнюдь не искалъ сближенія съ царицей и Нарышкиными. Возвышеніе снова Милославскихъ, въ случаѣ смерти бездѣтнаго царя и вступленія на престолъ его больного брата Ивана, ничѣмъ ему не грозило—эта комбинація, напротивъ, того, весьма улыбалась царевнѣ Софьѣ и ему. Преждевременное возвращеніе въ Москву Матвѣева могло только помѣшпать исполненію ихъ плановъ.

При такомъ положеніи дѣлъ при московскомъ дворѣ послѣдовалъ царскій указъ объ освобожденіи Матвѣева изъ заточенія, привезенный въ Мезень капитаномъ Лишуковымъ, въ началѣ января 1682 года.

Въ «Объявленіи», т. е. разсказѣ современника о возвращеніи Матвѣева изъ ссылки, подробно описанъ его путь изъ Мезени въ г. Лухъ. По полученіи царскаго указа, освободившаго его отъ горькослезной ссылки, Матвѣевъ немедленно отправился въ назначенное для него мѣстожительство, г. Лухъ. Путь его имѣлъ торжественный характеръ. Во всѣхъ городахъ, черезъ которые проѣзжалъ опальный бояринъ, его встрѣчали воеводы и народъ съ большимъ почетомъ и великой любовью, начиная съ Холмогоръ, гдѣ мѣстный воевода, кн. Николай Семеновичъ Урусовъ ²⁾, встрѣтилъ его съ большимъ радушіемъ и почтеніемъ, равно какъ и всѣ холмогорскіе жители, иноземцы и всѣхъ чиновъ люди. Двинскій воевода оказалъ такое благопріятство и сердечное расположеніе къ возврати-

¹⁾ Нынѣ уѣздный городъ Костромской губерніи.

²⁾ Онъ былъ воеводой на Двинѣ и проживалъ въ Холмогорахъ.

вшемуся изъ ссылки Матвѣеву, что при отъѣздѣ его провожалъ съ дѣтьми своими за пять верстъ отъ города, до села, называемаго Матигоры.

Такія же сочувственныя и почетныя встрѣчи были оказаны на всемъ пути, шедшемъ чрезъ Шенкурскъ, Вологду и Ярославль. Вездѣ воеводы его встрѣчали за нѣсколько верстъ отъ города съ прेमногою честью и довольствовались изобильно всякими путевыми потребностями и провожали немалое число верстъ при отъѣздѣ. Въ Вологдѣ воевода князь Петръ Ивановичъ Львовъ, въ Ярославлѣ воевода господинъ Уньковскій, какъ называетъ его спутникъ Матвѣева по ссылкѣ, особенно сердечно чествовали Матвѣева, снабжая всякимъ довольствомъ на дорогу.

Измученный продолжительной ссылкой и всякими лишеніями, старый бояринъ совершалъ свой путь съ немалыми остановками и весьма медленно—торопиться ему было некуда. Описаніе его пути сдѣлано довольно подробно въ «Объявленіи», напечатанномъ въ книгѣ Николая Новикова¹⁾.

Только въ концѣ марта прибылъ Матвѣевъ съ сыномъ и всѣми сущими при немъ въ г. Лухъ, гдѣ былъ полученъ царскій указъ о дачѣ ему Суздальской вотчины, села Ландеха, отводѣ ему для пребыванія въ городѣ Лухъ довольныхъ постоянныхъ дворовъ, впредь до новаго указа.

Любопытно, что историкъ П. К. Щебальскій, авторъ извѣстной монографіи «Правленіе царевны Софьи», смѣшалъ эту поѣздку Матвѣева изъ Мезени въ Лухъ съ переѣздомъ его, въ маѣ того же 1682 г., изъ Луха въ Москву, вслѣдствіе повелительнаго указа, послѣдовавшаго на другой день послѣ кончины царя Θεодора, привезеннаго въ Лухъ стольникомъ Алмазовымъ, чтобы бояринъ съ сыномъ «неукоснительно съ поспѣшеніемъ ѣхали въ Москву».

«Матвѣевъ былъ рѣшительно ниже роли, на которую ему указывали надежды его друзей и важность обстоятельствъ»,—нѣсколько поспѣшно заключаетъ Щебальскій, обвиняя Матвѣева въ томъ, что онъ при первомъ извѣстии о кончинѣ Θεодора не поспѣшилъ въ Москву, куда могъ поспѣть 1-го или 2-го мая и принять рѣшительныя мѣры для предупрежденія мятежа.

Такое опрометчивое и торопливое заключеніе историка «царевны Софьи» не оправдывается справкой съ фактическими данными, вполне очевидными и непререкаемыми. Царь Θεодоръ скончался 27-го апрѣля къ вечеру, и въ тотъ же день послѣдовало избраніе на царство Петра. Мы не имѣемъ точной даты относительно выѣзда

¹⁾ На что и было указано въ обстоятельной рецензій на книгу Щебальскаго, написанной извѣстнымъ знатокомъ нашей исторической старины И. Е. Забѣлинымъ: «Отеч. Зап.», 1856 г., іюнь, подъ заглавіемъ «Драматическія прикрасы въ исторіи».

изъ Москвы гонца, стольника Алмазова, но очевидно онъ не могъ выѣхать изъ Москвы ранѣ слѣдующаго дня. Г. Лухъ отстоять отъ Москвы въ 476 верстахъ, а въ Костромской области конецъ апрѣля—еще время весенней распутицы, зима въ томъ году была снѣжная, а весенняя распутица большая и поздняя. Переѣздъ гонца, конечно, потребовалъ нѣсколько сутокъ, и Матвѣвъ могъ получить извѣстіе о кончинѣ Θεодора только въ первыхъ числахъ мая—почтъ и телеграфовъ тогда не было. Ъхалъ онъ съ «великимъ посѣщеніемъ» и прибылъ въ Москву 12-го мая, остановившись на пути только въ Троицкой лаврѣ на нѣсколько часовъ, гдѣ слушалъ обѣдню и служилъ молебенъ, при рактъ московскаго чудотворца св. Сергія, и принялъ трапезу отъ архимандрита старца Викентія и келаря Прохора.

Въ Троицкую лавру, гдѣ Матвѣвъ пробылъ менѣе сутокъ, онъ пріѣхалъ 11-го мая и того же числа выѣхалъ, принявъ присланнаго къ нему съ царскою грамотою своего стараго знакомаго, думнаго дворянина Юрія Петровича Лутохина¹⁾, бесѣда съ которымъ, конечно, взяла нѣсколько часовъ.

Кромѣ того, изслѣдованіе документовъ перваго стрѣлецкаго бунта свидѣтельствуетъ, что руководители и заводчики были уже готовы къ дѣйствию за нѣсколько дней до пріѣзда Матвѣва, и что они ждали только его пріѣзда. Артемонъ Сергѣевичъ былъ для партіи Милославскихъ гораздо опаснѣе внѣ Москвы, нежели въ ней, гдѣ онъ являлся заранѣе обреченной и беззащитной жертвой.

Онъ скорѣе сдѣлалъ ошибку, что не остался на нѣсколько дней въ обители св. Сергія, гдѣ могъ бы собрать нужную силу для борьбы съ Милославскими и поступить такъ же, какъ впослѣдствіи царевна Софья, выѣхавшая изъ Москвы въ Троицкую лавру для отпора Хованскому и его стрѣльцамъ.

Но Матвѣвъ, исполняя царскій указъ, не могъ остаться въ Троицкой лаврѣ, онъ долженъ былъ спѣшить въ Москву, гдѣ родственники царицы Натальи Кирилловны своимъ безтактнымъ поведеніемъ вызвали немалое неудовольствіе, и гдѣ было неспокойно.

Прибывъ въ Москву 12-го мая, онъ былъ поглощенъ неизбѣжными послѣ долгаго отсутствія формальностями, приемами, свиданіями, выѣздами. 13-го мая онъ нѣсколько часовъ провелъ во дворцѣ, удостоившись самаго родственнаго приема. Онъ повергся со слезами радости и благодарности передъ царскимъ престоломъ и цѣловалъ руки у ребенка-царя, который самъ обнялъ многопострадавшаго старца. Сцена свиданія Матвѣва съ царицей Натальей и царемъ Петромъ была такъ трогательна, по словамъ современ-

¹⁾ Того самаго, который возилъ въ «Мигновичи» въ посольскій станъ строгій выговоръ царя Нащокину (см. мои статьи объ Арт. Матвѣвѣ въ «Русской Мысли» за 1901 г., книжки за августъ и сентябрь).

никовъ, «что никакое человѣческое писаніе всего того описать не можетъ»¹⁾. На слѣдующій день, 14-го мая, Матвѣевъ посѣтилъ патриарха Іоакима и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Къ сожалѣнію, царица-мать и патриархъ были мало освѣдомлены о положеніи дѣлъ—они имѣли самое смутное представленіе объ уже созрѣвшемъ заговорѣ. На слѣдующій день 15-го мая разыгрался стрѣлецкій бунтъ, одной изъ первыхъ жертвъ котораго на Кремлевской площади передъ Архангельскимъ соборомъ и палъ Матвѣевъ.

Описаніе мученической смерти Матвѣева не входитъ въ рамки настоящаго очерка. Челобитныя и письма Матвѣева до сихъ поръ весьма мало разработаны, хотя онѣ представляютъ цѣнный матеріалъ для характеристики быта и нравовъ Московскаго государства, конца XVII вѣка.

Павелъ Матвѣевъ.

¹⁾ «Исторія о невинномъ заточеніи», см. «Объявленіе» о возвращеніи изъ ссылки боярина Артемона Матвѣева.

ТИХІЙ УГОЛОКЪ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

I.

СЛИ вы туристъ или просто любитель-художникъ, и вамъ придется проѣзжать по Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ, сдѣлайте остановку на станціи Макошинѣ. Станція эта маленькая, и поѣздъ стоитъ здѣсь не болѣе трехъ минутъ, поэтому вамъ надо будетъ позаботиться скорѣйшей выгрузкой вещей. Извозчиковъ здѣсь достаточно; конечно, извозчики не важные, мужички, и повозки у нихъ мужичьи, тряскія, но бываютъ и евреи со своими традиционными «балагурами», и въ балагурѣ ѣхать удобнѣе, если не случится сосѣдей-евреевъ, присутствіе которыхъ рядомъ бываетъ не особенно пріятно. Макошинѣ—небольшое село, и отъ него до г. Сосницы, что называется, рукой подать—12 верстъ всего. Если вы не привыкли ѣздить на неудобныхъ мужичьихъ телѣгахъ, и 2—3 рубля для васъ не составляютъ существеннаго расхода,—въ Сосницѣ вы можете имѣть болѣе или менѣе удобный экипажъ, взявъ его на такъ называемой вольной почтѣ. Отъ Сосницы до Рыхловскаго монастыря разстоянія 30 верстъ. Разстояніе не Богъ вѣсть какое большое, а главное, оно проходитъ почти незамѣтно, такъ какъ добрую треть его приходится ѣхать лѣсомъ. Поѣзжайте въ Рыхловской монастырь; право, не пожалѣете ни о потраченномъ времени, ни о расходахъ на поѣздку, которые составить сущіе пустяки.

Есть еще и другой путь—на пароходѣ по Деснѣ до с. Оболонья. Отъ Оболонья до монастыря и десяти верстъ не будетъ.

Что за чудной уголокъ! Щедрой рукой природа разсыпала здѣсь свои краски. Сколько живописи, поэзіи, которыя въ одно и то же время просятся и на бумагу, и на полотно. Если вы эстетикъ, эстетическое чувство ваше несомнѣнно будетъ удовлетворено, если душа ваша обуреваема житейскими невзгодами и тревоженіями, здѣсь вы получите хотя на время отрадное успокоеніе наболѣвшей души. Это не только чудный, но и тихій уголокъ, удаленный отъ людскихъ нескромныхъ взоровъ и жилыхъ грѣховныхъ мѣстъ, и не даромъ монастырь получилъ названіе «пустыннаго».

Окруженный съ трехъ сторонъ глубокими оврагами, «ярами», какъ здѣсь ихъ называютъ, монастырь расположенъ на пологомъ холмѣ, и только съ четвертой, сѣверо-восточной стороны къ нему открывается путь свободный и удобный. Вѣковыя деревья растутъ въ оврагахъ и, кажется, дружной толпой взбираются по уступамъ и все выше поднимаются, словно надоѣло имъ вѣками находиться въ этихъ Богъ вѣсть какими геологическими переворотами образовавшихся глубоко-изрытыхъ ямахъ. Черные корни извиваются, словно гигантскія змѣи, и то падаютъ внизъ, то ползутъ вверхъ, цѣпляясь по уступамъ. Тропинки во всевозможныхъ направленіяхъ проложены богомольцами, но есть мѣста глухія, куда не всякій изъ богомольцевъ рѣшится пробраться, и были случаи, когда богомольцевъ, какъ бѣлокъ, обдирали, а женщинъ раздѣвали наголо. Теперь такихъ случаевъ болѣе не повторяется.

Подъ горой, въ лѣсу—пещера. По преданію, ее вырыли подвижавшіеся пустынники—Евстаѳій, Елисей и Илія. Тихій, сосредоточенный шумъ деревьевъ, пустынность мѣста, неволью наводятъ на размышленія, неволью заставляютъ призадуматься о тѣхъ отдаленныхъ временахъ, когда у людей и бодрость духа была сильнѣй, и стойкость воли давала возможность совершать по истинѣ дивные подвиги...

Каменные стѣны высоко поднимаются надъ обителью и, какъ вѣрный стражъ, замыкаютъ монастырскія зданія плотнымъ кольцомъ. Давно уже они стоятъ... Монастырь воздвигнутъ въ 1666 году, и первымъ сонователемъ его былъ гетманъ Даниилъ Хмельницкій съ роднымъ братомъ своимъ Василиемъ Хмельницкимъ. Сначала монастырь былъ деревянный; въ 1743 году, благодаря стараніямъ ктиторовъ своихъ Каченовскаго и Чижевскаго, монастырь принимаетъ обновленный видъ: какъ церкви, такъ и прочія зданія выстроены изъ камня.

II.

Для русскаго слуха монастырь носить нѣсколько странное названіе—Рыхловской. Преданіе гласитъ слѣдующее. Нѣкій священникъ сосѣдняго села, по имени Василій, приставленный для совер-

шенія требъ въ монастырѣ, не пожелалъ служить въ день храмового праздника въ церкви, устроенной въ честь святителя Николая. Во снѣ священнику явился святой Николай и началъ укорять облѣнившагося служителя алтаря. Проснулся о. Василій и, почувствовавъ себя больнымъ, произнесъ, обращаясь къ домашнимъ: «Рыхло, рыхло ¹⁾ везите меня въ храмъ святого Николая, къ чудотворной иконѣ, да исцѣлюся»... Священника повезли, и разслабленный получилъ исцѣленіе, но по причинѣ усталости служить, однако, не могъ. Собравшійся народъ уже готовъ былъ уйти, но въ это время подѣхалъ священникъ изъ г. Новгородсѣверска, по имени о. Ѳеодоръ. Когда у него спросили, какъ узналъ о болѣзни о. Василія, онъ рассказалъ, что въ то время, когда онъ шелъ въ свою приходскую церковь на служеніе, встрѣтилъ его какой-то юноша, совершенно ему неизвѣстный, и началъ его просить отъ имени больного съѣздить съ нимъ въ монастырь и отслужить обѣдню. Такъ какъ разстояніе было большое — 50 верстъ, то священникъ началъ отказываться и, только благодаря усиленнымъ просьбамъ и настоянію юноши, согласился. Ызда была настолько скорая, что о. Ѳеодоръ подоспѣлъ какъ разъ ко времени обѣдни, и когда онъ рассказалъ о случившемся собравшемуся народу, то народъ вскрикнулъ отъ удивленія: «рыхло, рыхло!», что означало: что такъ скоро! Юноша исчезъ, и его никто и не замѣтилъ.

Преданіе это переходитъ изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и про него расскажетъ вамъ всякій послушникъ.

Монастырскія помѣщенія довольно обширны, но во время наплыва богомольцевъ, что бываетъ преимущественно весною и осенью, помѣщений не хватаетъ. Впрочемъ, при хорошей погодѣ богомольцы и не нуждаются въ помѣщеніяхъ: располагаются они среди обширнаго гостинаго двора, а кто посмѣлѣе — и прямо въ лѣсу.

Монахи очень услужливы и внимательны, и не успѣете вы войти въ келью, какъ къ вашимъ услугамъ является послушникъ, а то и монахъ-гостиникъ (завѣдывающій гостинымъ дворомъ).

— Самоварчикъ прикажетъ? А, можетъ быть, молочка угодно?

Молоко здѣсь чудное. Такого молока въ городѣ вы не достанете ни за какія деньги. Коровы здѣсь «холмогорки», и выпасть для нихъ въ ярахъ прекрасный. Молоко имѣетъ желтоватый цвѣтъ, густое и вкусное.

Скотный дворъ расположенъ позади монастыря, по скату пригорка и прячется въ оврагѣ. Здѣсь цѣлое хозяйство — бондарня, столярная мастерская, портняжная. Фруктовъ — масса, такъ какъ при монастырѣ два огромныхъ сада; имѣются въ небольшомъ количествѣ виноградъ и волошскіе орѣхи. Довольно обширная пасѣка дополняетъ монастырское хозяйство.

¹⁾ Рыхло (rychło) — слово польское, означаетъ «скоро».

— Вамъ не скучно? — спросилъ я однажды у одного изъ монаховъ.

— А чего намъ будетъ скучно? Намъ скучать некогда, у насъ хозяйство. Иные, которые Богу молятся, а иные по хозяйству. Набѣгаешься — ногъ не слышишь. Братіи у насъ немного... сокращаютъ; раньше, когда братіи было больше, легче было, а теперь... теперь не то. Раньше и пища была лучше, особливо въ праздники, осетрина въ борщѣ, къ кашѣ масло коровье подавалось, либо молоко, когда по уставу скѣромъ полагался... Ъдали, поди, нашъ обѣдъ?

— Ъдалъ.

— Строгий обѣдъ. Иные, которые богомольцы изъ благородныхъ, потребуютъ обѣдъ, потому интересно отвѣдать монастырскаго обѣда, а служка опосля такъ и принимаетъ, поди что не тронутый. Благородные къ соусамъ всякимъ привычны, а тутъ бурякъ да фасолка. Хлѣбъ у насъ хорошій, особый хлѣбъ, монастырскій. Ъдали нашъ хлѣбъ?

— Ъдалъ.

— Хорошій хлѣбъ, скусный. Одно—пекари стараются, а другое—съ молитвой. Еще молоко у насъ хорошее. Только не для братіи, — для мірянъ, которые ежели попросятъ, — съ скотнаго двора принесутъ. Опять же фрухта; фрухты у насъ сколько угодно, и для братіи не возбраняется.

III.

Монахъ оказался словоохотливый. Такихъ словоохотливыхъ монаховъ можно встрѣтить въ каждомъ монастырѣ. Хотя обыкновенно они и говорятъ, что имъ не скучно, но они всегда рады бываютъ всякому пріѣзжему и охотно вступаютъ въ разговоръ. Оказалось, что монаха звали о. Антоніемъ. Онъ разсказалъ мнѣ свою біографію, изъ которой я узналъ, что о. Антоній уже около 30 лѣтъ, какъ облекся въ «ангельскую одежду». Была у него когда-то жена, дѣти, но «съ тѣхъ поръ, какъ Господу было угодно отнять ихъ у меня, — разсказывалъ онъ, — тщета мірская опротивѣла мнѣ, и я порѣшилъ отдать себя на служеніе Богу. Сначала странный образъ принялъ, по градамъ и весямъ странствовалъ, а послѣ того и въ монастырь опредѣлился».

О. Антоній происходилъ изъ крестьянскаго сословія и душой былъ простъ. Несмотря, однако, на это, онъ не чуждъ былъ художественнаго вкуса и эстетики. За время своего многолѣтняго пребыванія въ монастырѣ онъ достаточно присмотрѣлся къ каждому кустику, къ каждому деревцу, и все-таки это обстоятельство не мѣшало ему любоваться живописной природой и приходитъ въ восторгъ отъ дивной чарующей прелести ея.

— Вотъ вы говорите: скучно,—напомнилъ онъ мнѣ, когда мы вдвоемъ съ нимъ проходили по монастырскому саду, взбираясь по крутымъ извилинамъ его,—вы только поглядите, какая краса, какую Господь Богъ красу разсыпалъ. Истинно, дивны дѣла твоя, Господи! Этакое мѣстечко облюбовалъ нашъ святитель Николай! Вы поглядите только,—о. Антоній остановился и пристальнымъ взглядомъ окинулъ мѣстность,—мысомъ упирается пригорокъ, и на этомъ пригоркѣ церковь. На этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ церковь стоитъ, и явилась икона святителя. Поди, слышали? Чудесное мѣстечко, ужъ такое чудесное!.. Сказываютъ, кленъ здѣсь росъ, громадный кленъ. На кленѣ и икона явилась. Кленъ срубили, а на пнѣ его престолъ устроили... А ковчегъ видали? Въ Соборной церкви... Одного серебра пять пудовъ... А работа какая! Спаситель Христосъ... тутъ и страданіе, и смерть, и славное воскресеніе... Сбоку—Марія Магдалина, Марія Іаковля и Соломонія... Евангелисты у ногъ... Стражи, попадавшіе отъ страха... Я такъ полагаю, ежели гдѣ и есть такая работа, ее за рѣдкость надо почитать. Безъ перста Божьяго и сдѣлать такой работы не можно; поистинѣ самъ Господь Богъ водилъ перстомъ искусника. Въ нѣмецкой странѣ, Богеміей называется, сказываютъ, гробъ есть, и въ этомъ гробѣ покоятся мощи Іоанна Непомука, ихняго святого, значить; хорошій, сказываютъ, гробъ, работа рѣзная, и ангелы и все такое прочее, только куда хуже! серебра только больше. А у насъ... Да вы посмотрите, вотъ, когда служенія не будетъ, зайдите и посмотрите.

Я не разъ уже смотрѣлъ это чудное святое изображеніе тріеди-наго Бога, какъ изваяніе, полное художественнаго вкуса его творца, гармоническихъ сочетаній, и всякій разъ, разсматривая, получалъ огромное эстетическое наслажденіе. Это дѣйствительно художественное произведеніе и по тонкости исполненія и по силѣ замысла, полного глубокаго смысла. Въ постановкѣ фигуръ, въ положеніяхъ ихъ чувствуется чисто воздушная легкость линій и изящества. Воскресшій Христосъ возносится на небо; въ небесахъ Богъ Отецъ, принимающій Сына въ свои объятія, Духъ Святой витаетъ въ видѣ голубя. Въ самомъ низу, у гроба, попадавшіе стражи; сбоку Марія Магдалина, Марія Іаковля и Соломія; четыре евангелиста сидятъ двумя ступенями ниже гроба. Верхнюю часть гробницы поддерживаютъ колонны, и между колоннами искусно расположены подсвѣчники. Украшенія сдѣланы во вкусѣ renaissance. Жаль, что имя художника-скульптора этого прекраснаго произведенія такъ и остается въ неизвѣстности.

Другая достопримѣчательность монастырская—это царскія врата, серебряныя, довольно внушительныхъ размѣровъ, хотя по части рисунка и композиціи значительно уступающія ковчегу.

IV.

Во все время пребыванія въ монастырѣ я не прерывалъ связи съ о. Антоніемъ, и всякій разъ при встрѣчѣ онъ спрашивалъ меня:

— Ну, что? Какъ вамъ?..

— Ничего, хорошо.

— Хорошо у насъ, благода-ать! Какое благораствореніе воздуховъ!.. Ежели кто съ города... Вы съ города?

— Съ города.

— Нѣтъ того въ городѣ, какое!—онъ махнулъ рукой,—бывалъ я въ городахъ, когда страннической образъ носилъ; бывалъ и въ большихъ, и въ малыхъ—въ Кіевѣ бывалъ, въ Москвѣ, въ Воронежѣ, въ Харьковѣ по пути заходилъ... Въ Кіевѣ хорошо, городъ особый, красота, ну, а насчетъ воздуха... нѣтъ лучшаго воздуха, какъ въ нашей обители. А пѣвчихъ пташекъ сколько!.. Вотъ вы приѣзжайте къ намъ по веснѣ. Приѣдете?

О. Антоній посмотрѣлъ на меня такимъ взглядомъ, полнымъ просительной ласки и сердечнаго чувства, что мнѣ ничего больше не оставалось, какъ дать свое согласіе.

— Игуменъ у насъ хорошій человѣкъ, — продолжалъ о. Антоній,—строгий, но справедливый. Нельзя безъ строгости, на то и монастырь. Вотъ я вамъ говорилъ насчетъ пици—строгая пицца, а только къ примѣру, ежели монахъ будетъ вкушать соусы, какой же это и монахъ будетъ... Отъ императрицы Елизаветы наказъ у насъ имѣется: на вѣки вѣчные изъ казны на содержаніе монастыря отпущать 500 рублей каждый годъ. Нашъ монастырь и до сего дня и вѣки вѣчные будетъ получать способіе, потому нельзя, воля императрицы, хотя въ способіи и не нуждается,—богатый монастырь. Сколько земли вокругъ монастыря, — все наша земля, монастырская. Недавно еще братія землю обрабатывала, а теперь вотъ годовъ съ двадцать, а, можетъ, и больше, земля въ аренду ходитъ. Видали, поля кружаломъ лѣсъ огибаютъ?

— Видалъ.

— Все наши. Хлѣба у насъ хоть отбавляй. Богомольцевъ сколько перевернется,—всѣхъ кормимъ и ни одной копейки, помимо того, развѣ кто по усердію.

Часть лѣса, съ боковой стороны монастыря, была за продана. Отецъ Антоній очень печаловался, и какъ ни сдерживалъ онъ себя, нѣтъ-нѣтъ и прорвется чувство, полное негодованія.

— И для какой такой potreбы?—говорилъ онъ, а глаза, уже подернутые старческой немощью, вспыхивали и разгорались, какъ искры изъ-подъ пепла:—для какой potreбы? Этакая благодать, и вдругъ... Вѣками росли деревья... Ежели порченныя... Иное дерево и порченное десятки лѣтъ простоитъ. Дерево, что человѣкъ; крѣпкій человѣкъ на видъ, а, глядишь, и свалится... Въ теплой

церкви бывали?—вдругъ круто оборвалъ онъ разговоръ.—Ежели желаете, пойдемте, покажу. Теперь какъ, значить, лѣтошняя пора,—заперта, служеніе только зимой бываетъ. Ктиторъ Каченовскій въ ней похороненъ. А я и забылъ вамъ сказать: ковчегъ, что въ Соборной церкви, усердіемъ Каченовскаго поданъ. Благочестивый мужъ, вѣры и любви къ Богу исполненный, теперь и людей такихъ нѣтъ. Вы—какъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ я.

— Надпись на ковчегѣ латинская. Sancti Nicolai... Anno Domini... А что такое Domini,—Господь вѣдаетъ.

Минуть черезъ десять о. Антоній принесъ ключи и отперъ церковь.

— Пожалуйте сюда,—сказалъ онъ,—видите надгробникъ. А вотъ и стихи, хорошіе стихи! Когда былъ въ мірѣ, читалъ я стихи господина Пушкина, тоже хорошіе стихи, только у господина Пушкина суетствія все мірскія, а здѣсь одна услада духовная. Вы только послушайте. И о. Антоній началъ читать:

«Здѣсь погребенъ на мѣстѣ умершій сей тѣломъ
 Феодоръ Каченовскій за благимъ своимъ дѣломъ.
 Какъ къ нищимъ и богатымъ паче же преславнѣ,
 Въ обители Рыхловской всѣмъ да будетъ явѣ.
 Родился онъ въ тысяча семьсотъ осьмомъ году
 И, проживъ четыредесять и четыре лѣта отъ роду,
 Умеръ тысяча семьсотъ пятьдесятъ четвертаго года,
 Февраля девятаго, въ началѣ весны плода.
 Послуживъ много лѣта все императрицы
 Елисаветѣ Петровны самодержицы,
 И дворянство получивъ въ ея жѣ державѣ,
 Что въ сей Малой Россіи слухъ былъ сей явѣ»...

Отецъ Антоній остановился.

— Дастъ же Господь этакое дарованіе человѣку! Весь стихъ я наизусть знаю.

Теперь я только замѣтилъ, что въ полумракѣ, который сгущенной пеленой стоялъ въ церкви, и читать было трудно, и о. Антоній читалъ надпись на память.

— Тутъ все,—продолжалъ онъ,—и какъ, значить, «бригадирскій рангъ получи не во мнозѣ», и «двоихъ сыновъ плода» погребоба «въ единомъ съ отцемъ гробѣ». Вотъ, значить, какое дарованіе!

«Всякъ бо, прочетши сіе, сердцемъ умилися,
 Къ Богу рудѣ воздѣвъ, за нихъ помолися:
 За такъ являемые къ обители труды
 Вѣчна-жѣ память имъ рцы во вѣкъ буди, буди».

Отецъ Антоній положилъ на себя широкій крестъ и сдѣлалъ «монашескій» поклонъ, дотрогиваясь кончиками пальцевъ до пола.

— Хотите посидѣть,—сказалъ онъ, выходя изъ церкви,—вотъ моя келья, крайнее окно въ цвѣтошникъ.

V.

Келья о. Антонія окнами выходила на монастырскій дворъ, или, скорѣе, садъ, такъ какъ здѣсь росли фруктовыя деревья и зрѣли на солнцѣ, выглядывая изъ-за густыхъ листьевъ, огромныя, какъ тыквы, груши. Длинный корпусъ монашескихъ келій, начисто выбѣленный известкой, былъ обнесенъ деревянной рѣшеткой, и за рѣшеткой цвѣли цвѣты, распространяя густой, слегка одуряющій запахъ. Здѣсь были и левкой, и резеда, и никоціана съ своимъ захватывающимъ, какъ кадильный дымъ, запахомъ, и еще какіе-то цвѣты. Скамейки были расположены у входа въ кельи и немного поодаль, подъ деревьями. Отецъ Антоній выбралъ скамейку въ густой тѣни деревьевъ.

— Сядемте здѣсь, — сказалъ онъ и опускаясь вздохнулъ. Вздохъ вышелъ глубокий, подавленный.— Охо-хо, грѣхи!

Наступило молчаніе, то именно молчаніе, при которомъ такъ неловко чувствуешь себя. Отецъ Антоній перебиралъ четками, и его взоръ былъ устремленъ куда-то далеко въ пространство.

— Скоро звонъ будетъ,—произнесъ я и только для того, чтобы выйти изъ неловкаго положенія.

— Звонъ...—отецъ Антоній приложилъ руку «kozyрькомъ» къ клобуку и посмотрѣлъ на солнце:—рано еще.

Служки въ бѣлыхъ балахонахъ суетливо бѣгали мимо насъ, и всякій разъ сбрасывали свои остроконечныя шапочки и низко кланялись.

— Хорошій мальчикъ,—сказалъ о. Антоній, указывая глазами на пробѣжавшаго мимо насъ мальчика лѣтъ десяти, миловиднаго, съ свѣтлыми вьющимися волосами,—а какой голосъ! ангельскій, можно сказать, голосъ. На клиросѣ какъ запоетъ,—заслушаться. Отецъ игуменъ узналъ,—уходитъ мальчикъ... ужъ такъ онъ упрашивалъ, такъ упрашивалъ...

— Куда же онъ уходитъ?

— Родители берутъ. Добро бы родители путные: отецъ пьяница, жену то и дѣло колотить... О-охъ, мірская суета! Суета суетствій, всяческая суета. И какъ это подумаешь... Господи Боже ты мой!..

— Пришелъ въ монастырь,—продолжалъ о. Антоній,—подучился, говорить, теперь онъ въ самый разъ мнѣ. Что ты съ нимъ подѣлаешь? Отцу игумену нагрубилъ. Мнѣ, говорить, монаха не надобно, подучился хлопшишка, читать умѣетъ,—съ меня и довольно.

— Школы у васъ нѣтъ?

— Э, ежели бы школа! Ужъ я говорилъ о. игумену. «Не разрѣшать», говорить. А почему не разрѣшать? Ежели иноки малограмотны,—не всѣ же они малограмотны. Былъ у насъ инокъ одинъ,—о. Питиримомъ звали, теперь его для исправленія владыка къ себѣ взялъ,—ужъ такой инокъ! Ума у него за десятерыхъ, а

начнетъ говорить—заслушаться. И не старій еще; въ тѣ поры, когда въ нашемъ монастырѣ былъ, и сорока лѣтъ не было. И вотъ же, этакій человѣкъ, дарованіе какое Господь далъ, умъ и прочее такое... Охъ, Господи! Рыщетъ бѣсъ, аки звѣрь лютой, ища, кого бы поглотити. И намѣтилъ бѣсъ о. Питирима. И надо полагать, давно намѣтилъ. А о. игумену и невдомекъ. Трудно сатанинскія козни постигнуть человѣку, хотя бы и иноческій образъ принявшему.

О. Антоній быстро принялся перебирать четками и, шевеля губами, что-то шепталъ. Должно быть, молитву читалъ. Потомъ скалъ:

— Городъ есть уѣздный Сосница, 30 верстъ—отсюда, можетъ, слыхали?

— Слыхалъ.

— Можетъ, и въ самомъ городѣ бывали?

— И въ городѣ бывалъ.

— Маленькій городишка, такъ... и на городъ не похожъ. На базарѣ соборная церковь. Замѣтили? Вотъ вотъ... Умеръ священникъ въ этой церкви, старій уже былъ. Священникъ умеръ, а на мѣсто его никого нѣтъ, и никто не хочетъ итти, потому самому—приходъ маленькій, сказываютъ, 73 двора всего и народъ все бѣдный. Начали прихожане хлопотать, и вышелъ приказъ: послать инока. Подумалъ о. игумень, подумалъ, кого послать, и порѣшилъ: больше некого, какъ о. Питирима. «Такъ и такъ, говоритъ, въ Сосницѣ померъ священникъ, и некому служить, а теперь великій постъ, поѣзжай, говоритъ, ты, о. Питиримъ». А тутъ уже и лошади готовы, одна гостиномъ дворѣ староста дожидаетъ. Собрался о. Питиримъ,—сборы инока какіе? скорые сборы,—собрался и уѣхалъ.

О. Антоній взглянулъ на меня.

— Я вамъ не надоѣдаю?—спросилъ онъ.

— Нисколько,—поспѣшилъ я успокоить,—миѣ остается только благодарить васъ.

— Я это къ тому, соблазнъ большой на міру... рыщетъ бѣсъ... Уѣхалъ о. Питиримъ какъ разъ на пятой недѣлѣ великаго поста во вторникъ, а въ среду Андреево стояніе. Отслужилъ о. Питиримъ Андреево стояніе, а тутъ бѣсовское наважденіе и подвернись. Всю ночь бѣсъ водилъ о. Питирима, а потомъ того и заведи на рѣку. Было уже утріе, и народъ возсталъ отъ сна. Слышитъ—крикъ. Что такое? Сбѣжался до рѣки, а въ ополонѣ... о Господи!—отецъ Антоній вздохнулъ глубокимъ подавленнымъ вздохомъ:—въ ополонѣ о. Питиримъ. Искушеніе-то какое, искушеніе!.. До самаго Свѣтлаго праздника такъ ни одного служенія и не свершилъ. Водить бѣсъ... Страшно сказать,—въ синагогу еврейскую завелъ. Страшенъ грѣхъ и великъ соблазнъ на міру...

О. Антоній на минуту задумался и грустно опустилъ на грудь свою уже значительно посѣдѣвшую голову. И на этотъ разъ, какъ и раньше, онъ быстро перемѣнилъ тему разговора.

— Видите рѣшетки?—спросилъ онъ, поднявъ голову и указывая глазами на большую соборную церковь довольно красивой архитектуры.—Рѣшетки эти для Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ предназначены были, а Господу было угодно, чтобы онѣ попали въ Рыхловской монастырь. Милосердый Зиждитель всяческихъ, дѣйствующій вся и во всѣхъ, тако творить чудеса! Въ тѣ поры соборную церковь строили, и учинилась остановка въ устроении желѣзныхъ рѣшетокъ на окна, по причинѣ неимѣнія желѣза. Какъ тутъ быть? Настоятель и рабочіе пришли въ затрудненіе. И вдругъ благодать! появилось и желѣзо и не простое,—готовыя рѣшетки. Святый Николай побудилъ управителя одного судна завезти ихъ въ нашу пустынь. И какъ, значить, на рѣшетки отъ казны подрядъ былъ, императрица, узнавъ о дивномъ чудѣ, велѣла и деньги изъ казны уплатить. Возблагодарила братія за такую благодать, со слезами возблагодарила...

О. Антоній рассказывалъ съ такимъ увлеченіемъ, точно онъ видѣлъ собственными глазами, точно все это не двѣ съ половиною сотни лѣтъ тому назадъ имѣло мѣсто, а свершилось только вчера.

Къ колокольніѣ подошелъ послушникъ, снялъ шапку, перекрестился и потянулъ за веревку. Раздался ударъ колокола. У-у-у... у-у-у... плавной волной носились звуки, осѣдали, снова вставали и терялись далеко за лѣсомъ.

О. Антоній быстро, не по лѣтамъ, поднялся со скамейки, на которой сидѣлъ, выпрямился во весь свой богатырскій ростъ и протянулъ руку.

— Увидимся еще,—произнесъ онъ и, минуя келью, направился прямо въ церковь.

Но увидѣться не пришлось; неотложныя дѣла потребовали немедленнаго отъѣзда, и я уѣхалъ на завтра рано утромъ, какъ разъ въ то время, когда шло служеніе, и о. Антоній былъ на молитвѣ.

Утро было великолѣпное. Выходило солнце; его огромный шаръ, брызгами разсыпая лучи, выкатывался изъ-за лѣса и подымался все выше и выше. Въ молчаливомъ сосредоточенномъ настроеніи стояли деревья, не шелохнувъ листкомъ, точно очарованныя. Верхушки пламенѣли и вспыхивали. Подъ самымъ лѣсомъ, при вѣздѣ, пріютилась часовенка. Бѣлый, какъ лунь, монахъ-схимникъ вышелъ на крылечко и любится утромъ. Ямщикъ бросаетъ вожжи прямо мнѣ на колѣни, соскакиваетъ съ козелъ, беретъ благословеніе у схимника, прикладываетъ къ иконѣ. Я слышу глухой стукъ мѣдной монеты, опущенной имъ въ кружку, и быстро, быстро проносится въ мозгу далекое дѣтство... мать покойная, мы, дѣти; насъ везутъ въ монастырь; каждый годъ мы отправляемся на поклоне-

ніе святинѣ. Это нашъ праздникъ. Какая радость, какъ сильно бьются въ груди дѣтскія сердца! У часовни мы все встаемъ, идемъ, прикладываемся. Нельзя... Богъ... накажетъ. Какъ все это давно было и въ то же время какъ будто недавно!..

А солнце разгорается, и лѣсъ какъ будто въ огнѣ весь, и схимникъ стоитъ попрежнему на крыльцѣ; взоръ у него строгій, карательный и какъ бы пронизывающій насквозь. Что-то тянетъ... я бросаю вожжи и иду въ часовню.

Года, кажется, черезъ три я снова навѣстилъ тихій уголокъ. Мнѣ такъ хотѣлось повидаться съ о. Антоніемъ. Но, увы! повидаться не пришлось: о. Антоній умеръ весною и какъ разъ въ то время, когда деревья покрылись листвою, и «лѣвчія пташки», которыхъ такъ любилъ онъ, оглашали воздухъ своимъ веселымъ щебетаніемъ.

Монахъ, передавшій мнѣ грустную вѣсть, добавилъ:

— Приказалъ даже окно растворить. Растворили окно, «какъ, говорить, хорошо!» и едва сказалъ,—взоръ померкъ, и душа отлетѣла на небеса.

Я вспомнилъ слова о. Антонія: «вотъ вы пріѣзжайте къ намъ по веснѣ. Пріѣдете?»

И сердце сжалось тоской. Точно предчувствовалъ покойный...

Н. Степаненко.

ЦЕНЗУРА ВЪ ЭПОХУ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ.

(1855—1875).

Очеркъ первый.

Раздѣленіе исторіи русской цензуры на періоды.—Цензура XVIII вѣка.—Цензура «предупредительная» съ 1804 по 1865 гг.—Цензура «послѣдовательная» съ 1865 г. по наши дни.—Цензура «эпохи великихъ реформъ» (1855—1875).—Теоретическая разработка принципа терпимости.—«Передовья» И. С. Аксакова.—«Цензура опасна для государства!»—Какъ это надо понимать?—*Pia desideria*.—Мы всѣхъ переце-голяемъ свободой.—Что же говорятъ факты?—«Ареопагитика».—Убить внигу то же, что убить человѣка.—1644 г. и 1868 г.—Поучительные уроки изъ исторіи западной цензуры.—Цензура и патриотизмъ.—Цензура и финансы.—Гоненія мысли въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ на Западѣ и послѣдствія ихъ.—Высшій надзоръ за «духомъ и направленіемъ» въ Россіи.—Каррикатурно-печальные факты.—«Система» цензора Фрейганга.—Уничтоженіе «негласнаго» комитета 6 декабря 1855 г.—Исторія десятилѣтней подготовки закона о печати 6 апрѣля 1865 г.—«Лицомъ къ лицу съ закономъ».—«Газетная» и «Пѣсни о свободномъ словѣ» Некрасова.—Предусмотрительный гимнъ «осторожности».—«Вадуевская» свобода печати.—Ея специфическія качества.—Сто семьдесятъ семь предостереженій.—Пятьдесятъ двѣ пріостановки.—Печать на судѣ «гласномъ, скоромъ и милостивомъ».—«Реакція» 1858, 1862, 1868 и 1872 гг.—Общій набросокъ цензурной эволюціи разсматриваемыхъ двадцати лѣтъ.

I.

ИСТОРИЯ русской цензуры естественно распадается на три періода. Первый періодъ — XVIII вѣкъ, когда правильная регламентація по цензурной части отсутствовала. Правда, цензура книгъ была предметомъ синодскихъ занятій, но спорадически и между прочимъ. Синодъ разсматривалъ, за неимѣніемъ новыхъ, старыя книги, давно вышедшія въ свѣтъ. Такъ въ 1749 году велѣно было отбирать книгу: «Театронъ, или позоръ историческій», переведенную съ латинскаго Гавріиломъ Бужинскимъ и изданную въ 1724 году¹⁾. Тредьяковскій доносилъ синоду на переводъ разсужденія

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи. Книга пятая, 617. Изд. Общ. Пользы.

Фонтенеля «О многочисленности населенныхъ міровъ», доказывая еретичность такого мнѣнія. 11 ноября 1745 года, при докладѣ канцлера, Елисавета приказала: привозимыя на корабляхъ и сухимъ путемъ книги отбирать и объявлять синоду, нѣтъ ли въ нихъ противностей вѣрѣ. И когда указъ былъ написанъ, и Елисавета выслушала его, то Бестужевъ представилъ, что такое распоряженіе будетъ очень тяжело, такъ что никому нельзя будетъ достать изъ чужихъ краевъ никакихъ нужныхъ для обученія и историческихъ книгъ, ибо когда всѣ такія книги будутъ свидѣтельствовать, то для прочтенія каждой потребуется немалое время, и кому она будетъ надобна, тотъ дожидаться можетъ. Пусть такимъ образомъ свидѣлствуются только церковныя книги, а прочія, историческія и другія, пусть свободно привозятся и въ народѣ употребляются. Императрица оставила указъ у себя для разсужденія съ архіереемъ Крутицкимъ. Это — первая мысль объ иностранной цензурѣ ¹⁾).

Ученому учрежденію, академіи наукъ, принадлежала цензура сочиненій, бывшая прежде у сената ²⁾). Въ регламентаціи и сосредоточеніи цензуры въ XVIII вѣкѣ не имѣлось нужды, такъ какъ литература была слишкомъ ничтожна, состояла почти изъ однихъ панегириковъ и за страхъ, и за совѣсть, кругъ читателей ограничивался верхами общества, писатели сочиняли по непосредственному почину верховной власти. Петръ самъ держалъ корректуру. Писатели екатерининскаго вѣка были придворными, окружали въ расшитыхъ кафтанахъ престолъ монархини-вольтеріанки, съ дорными табакерками въ рукахъ, съ камергерскими ключами на поясицѣ. Что касается первой половины столѣтія, то съ ученымъ сословіемъ тогда обходились безъ цензуры. Волынский просто давалъ оплеухи и билъ тростью профессора элоквенціи Василія Кирилловича Тредьяковскаго за недоставленіе оды къ сроку. Конечно, никто болѣе вольно не писалъ, чѣмъ Екатерина Великая, которая въ своемъ «Наказѣ», за четверть вѣка до французскаго національнаго собранія, провозгласила всѣ принципы «Déclaration des droits de l'homme et du citoyen». Въ «Наказѣ», который императрица рекомендуетъ подданнымъ «твердить почаще», находимъ опредѣленія понятій въ параллельномъ французскомъ и русскомъ текстахъ: un esprit général, l'esprit de la nation — общее въ народѣ умствованіе, народное умствованіе; bonheur commun — общее благо; la société civile — гражданское общество; l'humanité — челоѣчество; bon citoyen — честный челоѣкъ въ обществѣ; concitoyen — согражданинъ; la liberté des citoyens — вольность гражданъ; un esprit de liberté — разумъ вольности; la liberté civile — гражданская вольность; l'éga-

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи. Книга пятая, 331. Изд. Общ. Пользы.

²⁾ Ibid., 876.

lité de tous les citoyens — равенство всѣхъ гражданъ; le citoyen et sa liberté — гражданинъ и его свобода; l'union des citoyens — соединеніе гражданъ. Такимъ образомъ, за двадцать лѣтъ до великой французской революціи, съ высоты русскаго престола самодержавной монархиней провозглашена была знаменитая формула: liberté, égalité, union des citoyens (fraternité), bonheur commun... И, несмотря на это, песчинки не тронулось въ строѣ Русской земли¹⁾!

Однако «Наказъ» не остался безъ своего историческаго вліянія. Долго, даже въ либеральнѣйшую эпоху «дней Александровыхъ счастливаго начала», мысль самыхъ передовыхъ писателей не шла дальше круга идей «Наказа», который по желанію самой государыни сначала прошелъ черезъ строжайшую цензуру ея приближенныхъ. Вся литература XVIII вѣка — дѣло Петра и Екатерины. Имъ приходилось просвѣщать «косные разумы» русскихъ людей, и они находили въ нихъ лишь то, что сами туда вложили, заимствовавъ на Западѣ. Какая же требовалась цензура для этой высочайше одобренной литературы? Кромѣ «Наказа», Екатерина дѣйствовала на общество другимъ путемъ, именно путемъ журналовъ. Такова «Всякая всячина» 1769 г., которую вела сама императрица. Давъ первый опытъ публицистики, она породила цѣлый рядъ и другихъ журналовъ (Новикова, Эмина, Чулкова и т. д.). Конечно, въ концѣ своего царствованія Екатерина, напуганная французской революціей, положила предѣлы либеральному теченію, ею же самой возбужденному въ литературѣ. Подвернулся въ 1790 году Радищевъ съ своею книгою, отпечатанной имъ въ собственной деревенской типографіи, и хотя идеи ея содержатся въ собственноручныхъ замѣткахъ Екатерины («хочу повиновенія законамъ, но не рабовъ»)²⁾, онъ былъ, однако, сначала «препорученъ» Шешковскому, а потомъ въ кандалахъ «въ Илимскъ влечется». Царствованіе Павла — продолженіе реакціи — просвѣщеніе подавлено, ввозъ иностранныхъ книгъ запрещенъ, частныя типографіи закрыты, литература на двѣ трети сокращена.

Какъ бы то ни было, въ этотъ первый періодъ предупредительная цензура не организована, находится въ рукахъ самихъ монарховъ, синода, сената, академіи, потомъ губернаторовъ, полиціи, училищной комиссіи, кураторовъ Московскаго университета и т. д. Карательная цензура дѣйствуетъ по случайнымъ поводамъ.

Второй періодъ съ 1804 по 1865 годъ — періодъ предупредительной цензуры, когда былъ созданъ уставъ и центральное учрежденіе цензуры. Этотъ періодъ распадается на четыре эпохи: съ 1804 по 1828 годъ — дѣйствіе устава Александра I; съ 1828 по 1848 годъ — дѣйствіе исправленнаго устава 1826 года, первоначально

¹⁾ См. нашу статью въ «Книжкахъ Недѣли», № 2, 1897 г., стр. 232 и дал.

²⁾ А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы, т. IV, стр. 14.

сочиненнаго Шишковымъ и Шихматовымъ; съ 1848 по 1855 годъ— эпоха бутурлинскаго «негласнаго» комитета, крайней нетерпимости и мыслелюбности; четвертая эпоха съ 1855 по 1865 годъ; это время переходное, когда мало-помалу, подъ влияніемъ реформъ Александра II, все настоятельнѣе выяснялась необходимость замѣны цензуры «предварительной» цензурою «последовательной», «карательной» или такъ называемой «свободой печати».

Третій періодъ исторіи русской цензуры съ 1865 года по наши дни — періодъ введенія и дѣйствія карательной цензуры въ довольно своеобразной формѣ.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ мы останавливаемся преимущественно на эпохѣ съ 1855 по 1865 годъ — переходномъ времени смѣны двухъ системъ, и затѣмъ на 1865—1875 годахъ, — времени, когда введена была и укрѣплялась новая «карательная» система цензурнаго досмотра.

Это двадцатилѣтіе (1855—1875) и является «эпохой великихъ реформъ»: 20-го ноября 1857 года, 19-го февраля и 2-го марта 1861 г.—освобожденіе крестьянъ; 17-апрѣля 1863 года—отмѣна тѣлесныхъ наказаній; 18-го іюня 1863 г. — университетскій уставъ; 20-го ноября 1864 г. — судебные уставы; 7-го февраля 1865 г. — открытіе земскихъ учрежденій; 6-го апрѣля 1865 г. — уничтоженіе предварительной цензуры; 1870 г.—городовое положеніе; 1874 г.— уставъ о воинской повинности; 1875 г.—открытіе послѣднихъ земскихъ учрежденій. Всѣ реформы логически истекали изъ великаго акта 19-го февраля и севастопольскаго погрома. Такимъ образомъ наша работа дѣйствительно обнимаетъ цензуру «эпохи великихъ реформъ».

II.

Реформы вносили въ народную жизнь идеи, которыми давно уже жили лучшіе умы русской литературы—законности, гуманности, гласности, равноправности, личной свободы, самоуправления. Эти идеи претворялись въ плоть и кровь, въ законы и учрежденія, становились творческими началами жизни общественной и народной. Насколько же широко могла войти въ жизнь тогда идея терпимости, гласности, свободы духа, слова, совѣсти?

Теоретическую разработку принципа терпимости въ эпоху реформъ находимъ прежде всего въ передовыхъ статьяхъ Ивана Сергѣевича Аксакова. Такъ въ «Днѣ» отъ 12 мая 1862 года онъ писалъ: «Стѣсненіе печати губительно для самого государства, въ видахъ собственнаго сохраненія должно предоставить полнѣйшую свободу дѣятельности общественнаго сознанія, выражающейся преимущественно въ литературѣ... Если государство желаетъ жить, то должно соблюдать непремѣнныя условія жизни, въ которыхъ смерть и разрушеніе; условіе жизни государства есть жизнь обще-

ства; условіе жизни общества есть свобода слова, какъ орудія общественнаго сознанія. Поэтому цензура, какъ орудіе стѣсненія словъ, есть опасное (курсивъ подлинника) для государства учрежденіе, ибо, не будучи въ силахъ остановить дѣятельность мысли, сообщаетъ ея развитію характеръ раздраженнаго противодѣйствія и вноситъ въ область печатнаго слова начало лжи и лицемѣрія»¹⁾.

Чтобы правильно понять эти слова Аксакова, надо принять во вниманіе, что, говоря: «цензура есть учрежденіе, опасное для государства», онъ имѣлъ въ виду только цензуру «предупредительную», а отнюдь не «карательную», которую считалъ совершенно необходимой, ибо «свобода слова не есть свобода сквернословія».

«Если законодатель,—пишетъ ниже Аксаковъ,—относится къ свободѣ слова непріязненно,—его законы будутъ имѣть характеръ притязательнаго контроля и не только не помогутъ общественному развитію, но нарушатъ миръ и правильность отправленій общественнаго организма, и приведутъ общество и всю страну, по крайней мѣрѣ, къ упадку. Если же законодатель относится къ свободѣ слова вполне сочувственно, и искренно желаетъ ея водворенія въ своемъ отечествѣ,—его законы напишутся въ духѣ покровительства свободѣ и дадутъ обществу надежную опору противъ злоупотребленій печати»²⁾.

Итакъ «свобода слова», несомнѣнно, понимается Аксаковымъ, какъ замѣна «предварительной» цензуры цензурою «карательною», въ духѣ французскаго законодательства Наполеона III-го, въ какой онъ видитъ «опору противъ злоупотребленій печати». Въ самомъ дѣлѣ, въ передовой «Дня» отъ 19 мая 1862 года Аксаковъ пишетъ: «Прежде всего необходимымъ кажется намъ постановить твердое правило, которое и внести въ I томъ Св. зак., разд. 1, главу 1,—слѣдующаго содержанія: «Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго Россійской имперіи, безъ различія званія и состоянія».

Аксаковъ затѣмъ проектируетъ «постановленія, утверждающія это право на незыблемомъ основаніи и въ то же время предохраняющія частныя лица и государство отъ злоупотребленій сего права,—постановленія, какъ полицейскія, такъ и судебныя».

Въ основу этихъ постановленій Аксаковъ желаетъ положить три слѣдующихъ принципа:

«Во-первыхъ, признавая за каждымъ безусловное право на свободу рѣчи изустной и печатной, мы полагаемъ необходимымъ, чтобы каждый несъ и отвѣтственность за свое слово такъ же, какъ онъ несетъ отвѣтственность и за всякое общественное дѣйствіе. Такое требованіе общественной чести должно быть неуклонно выполняемо».

¹⁾ Полное собраніе сочиненій. Томъ четвертый, 362.

²⁾ Ibid., 365.

«Во-вторыхъ, преступныя дѣйствія въ области публичнаго слова должны подлежать единственно вѣдѣнію (юрисдикціи) гѣхъ же судебныхъ учреждений, которымъ подлежатъ и всякія другія преступныя дѣйствія».

«Въ-третьихъ, по самому свойству этихъ преступленій, принадлежащихъ преимущественно къ сферѣ нравственной и духовной, по невозможности съ точностью опредѣлить положительными законами все разнообразіе неправды и вреда, допускаемое дѣятельностью слова, — судъ надъ преступными дѣяніями въ предѣлахъ свободы слова немислимъ безъ суда присяжныхъ»¹⁾.

При всей широтѣ воззрѣній Аксаковъ вовсе не желаетъ «анархіи печати», а при всемъ своемъ славянофильствѣ не выходитъ изъ сферы либеральныхъ понятій французскаго, т. е. наполеоновскаго, законодательства объ «отвѣтственной» свободѣ слова.

Въ передовой «Дня» отъ 24 ноября 1862 года Аксаковъ приводитъ благородныя слова Хомякова: «Общественная критика необходима для самого общества, ибо безъ нея общество лишается сознанія, а правительство лишается всего общественнаго ума. Честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ. Когда по милости слишкомъ строгой цензуры вся словесность бываетъ наводнена выраженіемъ лести и явнаго лицемерія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, честное слово молчитъ, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости; лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ; душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всѣ произведенія словесности; умственная жизнь изсыкаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало-помалу въ обществѣ растетъ то равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобы отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія, за нимъ слѣдующія»²⁾.

Въ передовой «Дня» отъ 23-го января 1863 года Аксаковъ писалъ:

«Естественный голосъ человѣческаго общества въ наше время есть печать. Стѣсненіе печати есть стѣсненіе жизни общественнаго разума, оно парализуетъ всѣ духовныя отправленія общества, осуждаетъ всѣ его дѣйствія на безсиліе, удерживаетъ общество въ вѣчной незрѣлости, обрекаетъ мертворожденности всѣ исчадія его духовной производительности».

«Никакія самоуправленія, никакія реформы, никакіе благотѣльные законы не только не принесутъ добра, но даже и не при-

¹⁾ Ibid., 366, 367 и 368.

²⁾ Ibid., 389.

вьются къ общественной жизни, если общество будетъ лишено существенныхъ условій жизни—свободы мысли и слова. Поэтому во всякой странѣ общество остается совершенно безучастнымъ ко всѣмъ либеральнымъ нововведеніямъ, встрѣчаетъ ихъ съ убійственнымъ равнодушіемъ, пока продолжаетъ чувствовать, ощущать и слышать свою мысль и слово придавленными, угнетенными и скованными».

«Возможно ли, чтобъ оно повѣрило въ свою гражданскую и политическую свободу, когда оно не свободно въ мысли и словѣ?»

«Мы полагаемъ, что именно въ Россіи, именно при ея формѣ правленія, можетъ и должна существовать такая свобода печати, какая немыслима во Франціи и въ другихъ государствахъ Европейскаго материка».

«Свободное мнѣніе въ Россіи есть надежнѣйшая опора свободной власти, ибо въ союзѣ этихъ двухъ свободъ заключается обоюдная крѣпость земли и государства. Всякое стѣсненіе области духа вѣншею властью, всякое ограниченіе свободы нравственнаго развитія подрываетъ нравственныя основы государства, нарушаетъ взаимное довѣріе и то равновѣсіе, ту взаимную равномѣрность обѣихъ силъ, которыхъ дружное, согласное дѣйствіе составляетъ необходимое условіе благого и правильнаго хода русской народной и государственной жизни»¹⁾.

Эти, проникнутыя идеализмомъ, утвержденія Аксакова фактами не оправданы. Реформы, въ противность его предсказаніямъ, прочно привились, несмотря на то, что главнѣйшія изъ нихъ (крестьянская, судебная и земская) проводились подъ гнѣтомъ предварительной цензуры всѣхъ заинтересованныхъ сановниковъ и вѣдомствъ. «Немыслимая» во Франціи и въ другихъ государствахъ Европы степень «свободы печати» свелась на дѣлѣ къ весьма своеобразной формѣ «карательной» цензуры, дѣйствующей не путемъ гласныхъ преслѣдованій въ судѣ съ присяжными, а помощью угрожающихъ предостереженій, пріостановокъ и конфиденціально сообщаемыхъ органамъ печати къ обязательному исполненію циркуляровъ. Въ сущности, это смѣсь двухъ системъ «предупредительной» (обязательные циркуляры) и «карательной» (предостереженія и пріостановки).

III.

Въ журналѣ Тиблена «Современное Обозрѣніе» на 1868 годѣ былъ напечатанъ переводъ рѣчи Мильтона о свободѣ печати, обращенной къ англійскому парламенту, въ 1644 году, знаменитой «Ареопагитики». Къ переводу присовокуплено слѣдующее характерное «примѣчаніе» редакціи:

¹⁾ Ibid., стр. 400 и 401.

«Появленіе статьи Мильтона на страницахъ періодическаго изданія настоящаго времени можетъ показаться нѣсколько страннымъ; но предметъ ея принадлежитъ къ разряду тѣхъ, о которыхъ «Современное Обзорѣніе» считаетъ покуда по многимъ причинамъ гораздо болѣе удобнымъ и полезнымъ говорить устами классическихкихъ и иностранныхъ писателей, нежели писателей отечественныхъ».

Мильтонъ разсматриваетъ законъ о предварительной цензурѣ книгъ. «Такое постановленіе,—говоритъ онъ,—неизбѣжно отниметъ смѣлость у всѣхъ, кто занимается наукой, и воспрепятствуетъ распространенію истины, не только притупляя наши дарованія и лишая ихъ возможности совершенствоваться въ извѣстныхъ уже намъ областяхъ науки, но и непосредственно пріостанавливая открытія, которыя могли бы быть сдѣланы на поприщѣ религіознаго и свѣтскаго знанія» ¹⁾.

«Книги не могутъ быть вполне причислены къ неодушевленнымъ вещамъ: онѣ содержатъ въ себѣ жизненную силу, которая въ нихъ такъ же проявляется и дѣйствуетъ, какъ та душа, которая создала ихъ; даже еще болѣе—въ нихъ, какъ въ сосудѣ, заключается чистѣйшее начало, экстрактъ произведшаго ихъ живого разума... Убить хорошую книгу—то же, что убить хорошаго человѣка; тотъ, кто убиваетъ человѣка, убиваетъ разумное созданіе, подобіе Божіе; но тотъ, кто уничтожаетъ хорошую книгу, убиваетъ самый разумъ, дѣйствительное, истинное подобіе Божіе».

«Хорошая книга есть жизненный сокъ высокаго разума, который, набальзамированный и сохраняемый, могъ бы служить для дѣлага ряда поколѣній... Часто всевозможныя превращенія въ теченіе цѣлыхъ эпохъ не возвращаютъ уничтоженной истины, недостатокъ которой заставляеть цѣлые народы испытывать много непріятнаго... Тутъ уничтожается вполне созрѣвшая человѣческая жизнь, обнаруживающаяся и неизмѣнно хранящаяся въ книгѣ. И здѣсь можетъ имѣть мѣсто не только убійство, но и мучительство; а если это гоненіе простирается на всю печать, тутъ уже явится погодовное избіеніе, въ которомъ отнимается не только земная жизнь, но гибнетъ квинтэссенція, духъ самаго разума: однимъ словомъ—здѣсь убивается скорѣе безсмертіе, чѣмъ жизнь».

«Книжная цензура порождена самымъ противохристіанскимъ учрежденіемъ—инквизиціей, наиболѣе тиранническимъ изъ всѣхъ судилицъ, которыя когда либо существовали. До тѣхъ поръ книги могли также свободно появляться, какъ и все рожденное на свѣтѣ; произведеніе мозга такъ же не стѣснялось, какъ и произведеніе чрева».

Свою гениальную рѣчь вѣщій пѣвецъ «Потеряннаго Рая» заключаетъ такими глубокими словами:

¹⁾ Іюнь 1868 г., 526.

«Истина нѣкогда явилась въ міръ со своимъ Божественнымъ Учителемъ и представляла тогда совершенную и прекрасную форму; но когда Онъ вознесся на небо, а апостолы Его предалися покою, тогда явилось поколѣніе злоумышленныхъ обманщиковъ, которые изрубили прекрасное тѣло дѣвственной истины на тысячу частей и развѣяли ее по всѣмъ вѣтрамъ. Съ этого времени несчастные друзья ея ходятъ повсюду и собираютъ членъ за членомъ вездѣ, гдѣ только могутъ найти ихъ. Мы отыскивали еще далеко не всѣ члены ея и не увидимъ ихъ въ полной совокупности, пока во второй разъ не придетъ къ намъ Господь нашъ. Онъ сложитъ ихъ въ безсмертную форму красоты и совершенства. Не позволяйте же этимъ цензурнымъ уставамъ искать всякаго случая останавливать и тревожить тѣхъ, кто не перестаетъ отыскивать изрубленное на части тѣло нашего мученика... Лорды и общины Англіи! взгляните внимательнѣе на тотъ народъ, къ которому вы принадлежите, и которымъ вы управляете: это—нація съ умомъ не лѣнивымъ и не тупымъ, а живымъ, острымъ и проникающимъ; она искусна въ изобрѣтеніи, прилежна и сильна въ изслѣдованіи и не лишена возможности достигать высшихъ точекъ, до которыхъ доходятъ способности человѣка... Но важнѣе всего то, что мы имѣемъ полное основаніе полагать, что Господь особенно и видимо благоволитъ къ намъ. Развѣ тотъ народъ не избранъ предъ всѣми другими, если изъ среды его, какъ изъ Сіона, по всей Европѣ гремитъ и разносится трубный звукъ реформаціи? И если бы не упорное сопротивленіе нашихъ прелатовъ дивному и божественному уму Виклефа и стремленіе подавить его, какъ еретика и новатора, быть можетъ, ни богемцы Гуссъ и Иеронимъ, ни даже Лютеръ и Кальвинъ никогда бы не были извѣстны: слава религіозной реформы для всѣхъ нашихъ сосѣдей принадлежала бы исключительно намъ. Но благодаря закоснѣлости нашего духовенства, съ насиліемъ и жестокостью относившагося къ этому дѣлу, мы стали отсталыми учениками въ этомъ дѣлѣ, тогда какъ Богъ назначилъ насъ быть учителями... Взгляните на этотъ обширный городъ, убѣжище гонимыхъ и жилище свободы! Не молотками и наковальнями вырабатываются здѣсь орудія защиты истины, осажденной врагами; этими орудіями служатъ перья и умы тѣхъ, которые сидятъ по ночамъ, при свѣтѣ своихъ труженическихъ лампадъ, обдумывая, изслѣдуя, вырабатывая новыя убѣжденія и идеи, которыми они привѣтствуютъ приближающуюся реформацію... Умственнымъ очамъ моимъ является доблестная и могущественная нація, просыпающаяся бодрой и свѣжей отъ сна, подобно сильному человѣку, разомъ вставшему и тряхнувшему кудрями!»

Этотъ образъ націи, просыпающейся отъ сна, употребленный Мильтономъ въ 1644 году, конечно, прилагался русскими читателями 1868 года къ Россіи.

Однако, несмотря на заявленіе «Современнаго Обозрѣнія», что по вопросу о свободѣ печати «отечественнымъ писателямъ» выступать не совсѣмъ-то удобно, въ 1869 году вышла книга подъ заглавіемъ: «Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати». Эта замѣчательная книга въ слѣдующемъ же 1870 году вышла вторымъ изданіемъ. Авторъ примѣрами изъ исторіи западной цензуры доказывалъ всю эфемерность борьбы съ духомъ времени и растущую мыслью.

Свобода рѣчи не можетъ ускорить распространенія политическихъ идей, а стѣсненіе рѣчи не можетъ его замедлить; все, что можетъ сдѣлать свобода, состоитъ въ томъ, что она распространяетъ идеи въ болѣе зрѣломъ видѣ, при стѣсненіи же онѣ принимаютъ характеръ непрактическихъ восторженныхъ мечтаній, и развитіе государства дѣлается болѣзненнымъ и сопровождается потрясеніями. Стѣсненіе рѣчи порождаетъ въ народѣ страсть къ заносчивой политикѣ и въ то же время совершенную неспособность приносить жертвы, необходимыя не только для заносчивой, но даже для самой умѣренной политики; упадокъ патріотизма въ народѣ прямо пропорціоналенъ степени стѣсненія слова. Между различными классами общества стѣсненіе слова порождаетъ чувства не примиримыя и не совмѣстимыя, а потому безвыходную вражду.

Точно также свобода слова — единственное средство для уничтоженія религіозной и національной вражды.

Въ теченіе XVII вѣка въ Англіи воздвигалось самое грубое гоненіе противъ свободнаго выраженія своихъ чувствъ и мыслей, и Англія была мѣстомъ постоянныхъ заговоровъ и открытыхъ возстаній. Карлъ I погубилъ себя. Кромвель могъ отсрочить революцію только до своей смерти, а Іаковъ II долженъ былъ позорно бѣжать изъ страны. Франція въ теченіе всего XVIII-го вѣка продолжала преслѣдовать всякое свободное проявленіе слова и чувства до тѣхъ поръ, пока надъ нею не разразились громы революціи.

Одно изъ поразительнѣйшихъ доказательствъ непреоборимости мысли—крушеніе системы Меттерниха.

Меттернихъ могъ видѣть, какъ вездѣ, гдѣ господствовало нетерпимое управленіе, начинался процессъ разложенія. Испанія и Португалія потеряли лучшія свои владѣнія и лишились большей части государственной территоріи. Несмотря на самое безжалостное преслѣдованіе свободы слова, въ народѣ распространялись самые нелѣпые и утопическіе взгляды. Для распространенія основательныхъ идей нужно свободное разъясненіе, а для распространенія мечтаній достаточно одной готовности воспринимать ихъ.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія мадьярскій языкъ почти вымеръ. Языкъ этотъ ожилъ, распространился, создалъ изъ венгерцевъ объединенную, крѣпкую національность, которою они никогда не были

до того времени, и все это въ то время, когда Меттернихъ дѣлалъ всѣ усилія для германизаціи венгерцевъ.

Замѣчательно, что Меттернихъ ясно видѣлъ невозможность успѣха своей системы и былъ убѣжденъ въ неизбежности неуспѣха. Во время управленія Меттерниха, несмотря на цензуру и на всѣ мѣры для уменьшенія политическаго развитія, политическія идеи продолжали распространяться.

IV.

Свобода слова заставляетъ народъ серьезно смотрѣть на свою жизнь, порождаетъ въ немъ мужество и патріотизмъ. Стѣсненіе слова порождаетъ политическую мечтательность, разливаетъ въ народѣ нравственную дряблость и умственную лѣнь, лишаетъ его мужества и ослабляетъ патріотизмъ. Меттернихъ хотѣлъ помѣшать появленію новыхъ политическихъ идей и чувствъ и сохранить уже существующія на неопредѣленное время. Исторія показываетъ намъ, однако же, что если бы ему и всѣмъ тѣмъ государственнымъ людямъ, которые раздѣляли его мнѣнія, могло удаться достигнуть этой цѣли, то они непременно погубили бы свои государства.

Свобода рѣчи не только не имѣетъ способности порождать внезапные государственные и соціальные перевороты, но, напротивъ, она ихъ дѣлаетъ невозможными. Если бы у насъ въ сороковыхъ годахъ существовала свобода рѣчи, неужели возможна была бы севастопольская катастрофа, неужели могло бы случиться, чтобы наша армія столкнулась лицомъ къ лицу съ могущественнымъ непріателемъ, безъ надлежащаго оружія и безъ достаточнаго числа способныхъ офицеровъ. Если бы возможно было энергически напасть на дѣйствія бывшаго тогда военнаго министра, то развѣ могла бы у насъ такъ долго держаться мысль, что хорошее вооруженіе негодно для нашего войска, и что ему суждено одерживать побѣды и при плохомъ оружіи? Жалкая мысль, въ которой намъ такъ горько пришлось раскаиваться¹⁾.

Во всѣхъ государствахъ, гдѣ правительство имѣло слабость зажимать ротъ непріятнымъ голосамъ, мы видимъ одинаково повторяющійся фактъ. Высшія сословія тамъ одинаково не понимали, что заносчивая внѣшняя политика требуетъ большихъ жертвъ, что для того, чтобы гордо выступать на международномъ поприщѣ, нужно много платить, и что поэтому гораздо выгоднѣе и достоинѣе великаго народа держать себя скромнѣе. Они постоянно настаивали на самой заносчивой политикѣ. Поэтому всѣ подобныя государства

¹⁾ «Мы не два года ведемъ войну—мы вели ее тридцать лѣтъ, содержа миллионъ войскъ и безпрестанно грозя Европѣ. Къ чему все это? Какія выгоды и какую славу приобрѣла отъ того Россія?» 27 августа 1855 года. Дневникъ Никитенка. Томъ второй. Спб. 1893. Стр. 17.

приходили къ банкротству, повторяющемуся разъ за разомъ, и къ совершенному разоренію народа. Недостатокъ денегъ и разстроенныя финансы были всюду причиною, вынуждавшей къ изданію конституцій. Исторія Австріи, на примѣръ, есть исторія самой заносчивой и въ то же время самой жалкой политики. Прославившаяся въ исторіи система постоянныхъ банкротствъ и обмановъ своихъ кредиторовъ кончилась тѣмъ, что въ австрійскомъ бюджетѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1848 по 1858 годъ, оказался дефицитъ въ 1.181 милліоновъ флориновъ. Напротивъ, государства Европы даже тогда, когда они только до извѣстной степени расширяли свободу рѣчи, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда поправляли и свои финансы. Свобода слова не способна породить крутые переломы и необыкновенно быстрые переходы,—къ этому способны только государства съ стѣсненнымъ словомъ. Въ странахъ съ свободнымъ словомъ иногда даже поразительно долго держатся устарѣлыя учрежденія.

Въ государствахъ, гдѣ общество не находится подъ вліяніемъ свободнаго и самостоятельнаго движенія мысли, мы видимъ въ населеніи рядомъ съ крайней политической заносчивостью крайнее легкомысліе. Первый характеристическій признакъ чловѣка, воспитаннаго въ странѣ, гдѣ отсутствуетъ свобода рѣчи, состоитъ въ томъ, что онъ не понимаетъ, какъ нужно поступать, чтобы избѣгать отношенія безвыходной вражды¹⁾.

Въ Англіи производилось несравненно менѣе соціальныхъ реформъ, чѣмъ на материкѣ Европы, и реформы эти были несравненно менѣе радикальны. Министерства въ теченіе длинныхъ періодовъ времени занимались почти исключительно внѣшней политикой. По отношенію къ внутреннимъ дѣламъ соціальныя вопросы обращали на себя несравненно болѣе вниманія, чѣмъ политическіе. Ни одинъ изъ журналовъ, распространенныхъ во всѣхъ слояхъ общества, не чуждался ихъ, и половина занималась ими исключительно. Тамъ, гдѣ господствуютъ газеты и періодическія изданія, при полной свободѣ высказываться по самымъ существеннымъ интересамъ, образъ мысли людей принимаетъ несравненно болѣе однообразныя формы. Руководящія статьи газетъ одного направленія поютъ въ одну ноту, и ихъ читатели приучаются думать точно также. Это единообразіе придаетъ силу народнымъ убѣжденіямъ. Наканунѣ 1848 г. Луи-Филиппъ писалъ королю бельгійскому, что если онъ не обуздаетъ прессы и не подавитъ радикально народнаго движенія въ странѣ, то онъ погубитъ себя и свое королевство, но король бельгійскій и не думалъ слѣдовать такому совѣту,—движеніе разрослось, и руководители его получили власть конституціоннымъ путемъ; оказалось, что охотникъ до подавленія прессы и народныхъ

¹⁾ Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. Изданіе второе. Спб. 1870, стр. 11, 15, 19, 20, 40, 41, 46.

движеній, Луи-Филиппъ, лишился престола, а король бельгійскій безмятежно царствовалъ въ то время, когда надъ всею Европой разразилась буря.

Разсматривая исторію, приходимъ къ выводу, что всего болѣе пострадали не тѣ страны, гдѣ духъ нетерпимости боролся совершенно безуспѣшно, и не тѣ, гдѣ послѣ кровавой борьбы онъ долженъ былъ болѣе или менѣе уступить, а тѣ, гдѣ онъ царилъ спокойно и безраздѣльно, гордый своимъ могуществомъ. Такъ, отъ движенія 1848 года всего болѣе пострадали не тѣ страны, гдѣ были возстанія и революціи, а тѣ, гдѣ стѣсненіе народной мысли и народныхъ стремленій было вполне успѣшно, и страны оставались спокойными. Германія въ теченіе XVI и XVII вв. покрывалась горами кровавыхъ развалинъ; она одичала и опустѣла, и, несмотря на эту ужасную борьбу, только половина ея населенія осталась въ католичествомъ. Въ окончательномъ же результатѣ, кромѣ Англіи, отъ религиозныхъ гоненій всего менѣе пострадала Германія. Самыя ужасныя послѣдствія сосредоточились на Испаніи, гдѣ нетерпимость царила безраздѣльно. Въ XV вѣкѣ Пиренейскій полуостровъ былъ гораздо богаче и населеннѣе Франціи; въ теченіе XVI и XVII вв. его населеніе уменьшилось на двѣ трети, и страна пришла въ такое ужасное положеніе, что въ теченіе XVIII и XIX вв. не могла даже достигнуть той густоты населенія, которою она пользовалась прежде. Въ свою очередь Франція до реформации была гуще населена, чѣмъ Англія, ея промышленность была гораздо болѣе развита, и работники ея были гораздо искуснѣе. Послѣ двухъ вѣковъ религиозной борьбы первенство на промышленномъ рынкѣ перешло на сторону Англіи. Нетерпимость погубила Польшу. Національная и религиозная ненависть—это извращеніе чувствъ и верхъ нелѣпости, это плодъ грубаго эгоизма немногихъ, которые пользуются слабостями народовъ. Есть одно средство для излѣченія отъ этой болѣзни—это свобода рѣчи. Вездѣ, гдѣ водворяется свобода рѣчи, религиозная и національная вражда блекнетъ и исчезаетъ. Только одно свободное слово способно доводить до терпимости и внутренняго мира государства съ населеніемъ, принадлежащимъ къ различнымъ національностямъ и къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Степень нетерпимости, натянутыхъ отношеній внутри государства и неизбежнаго послѣдствія всего этого—внѣшней слабости, прямо соотвѣтствуетъ стѣсненію свободы рѣчи. Великіе уроки исторіи научаютъ народы понимать, что противъ религиозной и національной вражды свобода рѣчи—единственное и радикальное средство. Національная и религиозная вражда—чувства такія ложныя, безцѣльныя и безусловно зловредныя, что они не могутъ не пасть отъ дуновенія свѣжей струи свободнаго слова. Свобода слова не въ состояніи создать идеальнаго счастья и разомъ перенести страну въ среду совершенныхъ политическихъ и социальныхъ учреждений,

но она увеличиваетъ внѣшнюю ея безопасность, даетъ ей спокойное и правильное внутреннее развитіе, поднимаетъ упавшіе финансы страны, развиваетъ патріотизмъ, смягчая и уничтожая междусословную, національную и религіозную вражду, возноситъ авторитетъ верховной власти и государственныхъ началъ. Сверхъ того, свобода слова весьма полезна, а иногда неизбѣжна для правильнаго дѣйствія и усовершенствованія различныхъ учреждений. При внесеніи свободнаго слова и гласности въ самые странные и устарѣлые институты и учрежденія, онѣ получаютъ способность еще долго держаться. Ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что гласное и устное судопроизводство во всѣхъ случаяхъ есть благодѣяніе. Судопроизводство это приноситъ мало пользы и составляетъ судъ весьма несовершенный вездѣ, гдѣ дѣятельность судей не находится подъ контролемъ общественнаго мнѣнія или потому, что печать стѣснена, или потому, что не вездѣ, гдѣ производится судъ, имѣются мѣстные органы печати, защищающіе интересы различныхъ партій. Точно также, при отсутствіи свободной прессы, выборы и представительныя собранія почти утрачиваютъ свое значеніе ¹⁾.

V.

Таковы тѣ идеалы терпимости и гласности, которыми проникнуты были въ эпоху великихъ реформъ передовые люди Россіи. Если мы просмотримъ журнальныя и газетныя статьи этого времени по вопросу о преобразованіи цензуры, то увидимъ, что требованія отъ пракческаго осуществленія этихъ идеаловъ были весьма умѣренны ²⁾.

Трудно было требовать многого, когда малѣйшій просвѣтъ свободы мысли достигался долгими чрезвычайными усиліями, такъ грандіозны были толщи мыслебоязни и нетерпимости.

¹⁾ Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. Стр. 49, 51, 53, 61, 64, 66, 69, 73 и 74.

²⁾ Укажемъ здѣсь бібліографію вопроса. Журнальныя статьи: «Библиотека для Чтенія», 1862 г., № 3, т. CLXX, 83—99; 1863 г., № 2, т. CLXXV, 69—92. «Отечественныя Записки», 1862 г., № 4 и 7, 204—207; 1—15; № 8, CXLIII, 384—415. «Современникъ»: 1862 г., № 3, 59—65; 1865 г., № 8, 174—197. «Вѣстникъ Европы», 1869 г., № 4 и 6, т. 2-й и 3-й, 794—811; 732—790. «Русское Слово», 1865 г., № 5. «Русскій Вѣстникъ», 1860 г., № 1 и 2, т. XXV, 111—122. «Библиографъ», 1869 г., т. I, № 2 и 3. Газетныя статьи: «Голосъ», 1865 г., №№ 105, 106, 244 и 300; 1866 г., №№ 22 и 23; 47—49; 65 и 72; 87; 91; 107; 138, 156; 169; 1867 г.: №№ 32 и 33; 48; 172 и 203; 241; 354 и 357; 1869 г.: № 306 и 309; 336; 245. «Биржевыя Вѣдомости»: 1865 г., №№ 93, 190, 280; 1870 г., № 271. «Московскія Вѣдомости»: 1862 г., №№ 89 и 90; 1865 г., №№ 44, 65, 276, 277, 281; 1868 г., № 170; 1869 г.: № 216, 202, 270. «Сѣверная Почта»: 1865 г., №№ 81—87; 189—190; 1867 г., №№ 279 и 280. «С.-Петербургскія Вѣдомости»: 1865 г., № 229, 254; 1866 г., №№ 12, 129, 158; 1869 г., №№ 104 и 105; 299. «Судебный Вѣстникъ»: 1866 г., №№ 41 и 36; 1860 г., №№ 247 и 249.

Вскорѣ уже послѣ введенія въ дѣйствіе цензурнаго устава 1828 года, а именно въ 1831 году, возникли особыя недоразумѣнія. Ихъ разсматривали Васильчиковъ, Нессельроде, Дашковъ и Бенкендорфъ. Лица сіи во всеподданнѣйшей запискѣ изъяснили, что недоразумѣнія должно отнести «къ недостатку въ главномъ управленіи цензуры свѣдѣній о настоящемъ расположеніи умовъ и о соотношеніяхъ между обстоятельствами времени и стремленіемъ людей неблагонамѣренныхъ».

Въ 1848 году «цензоры объясняютъ, что если бы правительству извѣстны были всѣ сочиненія или мѣста въ статьяхъ, которыя ими воспрещены къ печатанію, то оно, усмотрѣвъ, сколько вредныхъ книгъ и мыслей остановлено, отдало бы еще похвалу усердію и предусмотрительности цензоровъ».

«Объясненія сіи показываютъ, говоритъ секретное циркулярное распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, отъ 14-го мая 1848 года, что дѣйствіе цензоровъ ограничивается единственно тѣмъ, что они возвращаютъ писателямъ преступныя сочиненія, или уничтожаютъ въ нихъ нѣкоторыя мѣста, а сами писатели остаются не только безъ взысканія, но даже въ неизвѣстности правительству, тогда какъ многіе изъ нихъ въ сочиненіяхъ своихъ обнаруживаютъ самый вредный образъ мыслей».

«Государь императоръ высочайше повелѣтъ изволилъ, дабы тѣ изъ воспрещаемыхъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ писателѣ особенно вредное въ политическомъ или нравственномъ отношеніи направленіе, были представляемы отъ цензоровъ, негласнымъ образомъ, въ III Отдѣленіе, съ тѣмъ, чтобы послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, или принимало мѣры къ предупрежденію вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало за нимъ наблюденіе»¹⁾).

Встревоженный революціоннымъ движеніемъ на Западѣ въ 1848 году, Николай Павловичъ, по докладу графа Орлова, приказалъ составить особый комитетъ, чтобы, гдѣ найдетъ какія упущенія журналовъ, цензуры и министерства народнаго просвѣщенія, «съ доказательствами донести».

Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова, обзрѣлъ всѣ тогдашніе журналы и представилъ замѣчанія свои о направленіи и духѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Тогда-то былъ 2-го апрѣля 1848 года учрежденъ постоянный негласный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, для высшаго надзора. Комитетъ этотъ, кромѣ предсѣдателя, состоялъ изъ трехъ членовъ, семи помощниковъ ихъ и правителя дѣлъ.

¹⁾ Записка о цензурѣ коллежскаго ассесора Фукса. 1862 г., приложение Г, стр. 71 и 72.

Въ основаніе обязанностей комитета положены были слѣдующія главныя начала:

1) Цѣль комитета есть высшій въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ надзоръ за духомъ и направлениемъ нашего книгопечатанія.

2) Комитетъ, не касаясь предварительной цензуры, разсматриваетъ единственно то, что уже вышло въ печать, и о всѣхъ наблюденіяхъ и замѣчаніяхъ своихъ доводитъ до высочайшаго свѣдѣнія.

3) Какъ установленіе неофіціальное, комитетъ не имѣетъ самъ по себѣ никакой власти, и всѣ его заключенія вступаютъ въ силу лишь чрезъ высочайшее ихъ утвержденіе.

Въ дополненіе къ сему, государь императоръ, лично передавая членамъ комитета волю свою, между прочимъ, объяснилъ, «что какъ его величеству нельзя самому читать всего выходящаго у насъ въ печать, то они, члены, будутъ его глазами, пока это дѣло иначе устроится»¹⁾.

VI.

Однако скоро изъята была изъ круга дѣйствій комитета вся духовная литература, потомъ всѣ сочиненія на восточныхъ и еврейскомъ языкахъ. Потомъ повелѣно: единогласныя заключенія комитета приводить въ дѣйствіе собственною его властью. Потомъ былъ учрежденъ особый комитетъ для разсматриванія заключеній Бутурлинскаго. Въ 1854 году, въ число членовъ комитета назначенъ и министръ народнаго просвѣщенія. Последняя мѣра объясняется невыносимымъ положеніемъ несчастнаго министра Ширинскаго-Шихматова.

«Министерство (просвѣщенія) оказалось, такъ сказать, ущемленнымъ между негласнымъ архи-цензурнымъ комитетомъ 2-го апрѣля и между комитетомъ для пересмотра постановленій послѣдняго, подъ предсѣдательствомъ Блудова. Подъ министерство подкапываются со всѣхъ сторонъ. Оно сдѣлалось какою-то сомнительною отрослью государственнаго управленія, а представитель его, министръ, скорѣе отвѣтное лицо передъ допросомъ, чѣмъ государственный чиновникъ»²⁾.

Въ то же время расплодилось свыше двадцати различныхъ спеціальныхъ цензуръ всевозможныхъ вѣдомствъ. Мы видимъ здѣсь съ одной стороны цензуру «предупредительную» — цензурный комитетъ и цензуры вѣдомствъ, чрезъ которыя проходила всякая

¹⁾ Проектъ устава о книгопечатаніи. Спб. 1862. Раздѣлъ первый. Историческій обзоръ цензурныхъ установленій въ Россіи. Стр. 49.

²⁾ 5-го мая 1853 г. Записки Никитенка, I, 552.

написанная строка. При этомъ кара постигала только пропусти-
вшаго «неблагонамѣренную» статью цензора:

Авторъ правъ, чего смотрѣлъ цензоръ!

Съ другой—учреждена и «карательная цензура». Во-первыхъ, каждому цензору предоставлено право покарать любого автора, возмущившаго его доставленной рукописью. Писатели, проявившіе особо вредное направленіе въ своихъ рукописяхъ, могли быть «представляемы отъ цензоровъ» въ III-е Отдѣленіе. Во-вторыхъ, учреждена была «карательная» цензура въ видѣ «негласнаго комитета» надъ печатными, пропущенными чрезъ всѣ виды и разновидности цензуры «предварительной», книгами и журналами.

Объ системы дѣйствовали одновременно.

Что же изъ этого получилось?

«Общество быстро погружается въ варварство, писалъ очевидецъ. Спасай, кто можетъ, свою душу»¹⁾

«Въ Европѣ напраказять, а русскихъ бьютъ по спинѣ»²⁾.

«Общество должно обновиться въ свѣжихъ и свѣтлыхъ вѣрованіяхъ, иначе развратъ пожретъ его»³⁾.

Никитенко характеризуетъ цѣлымъ рядомъ карикатурныхъ фактовъ дѣятельность «негласнаго» комитета:

«Получена отъ министра конфиденціальная бумага, по запросу верховнаго или, какъ его называютъ, негласнаго комитета, слѣдующаго содержанія: «Вышла гадальная книга. Отъ цензурнаго комитета требуютъ, чтобы онъ донесъ, кто авторъ этой книги, и почему этотъ авторъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей?» На это комитетъ отвѣчалъ, что «книгу эту напечатали новымъ, вѣроятно, сотымъ изданіемъ какой-то книгопродавецъ, а почему онъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей,— комитету это неизвѣстно».

«Кажется, наша литература,—прибавляетъ Никитенко,—въ послѣднее время ужъ очень скромна, такъ скромна, что люди образованные, начавшіе было почитать по-русски, теперь опять вынуждены обращаться къ иностраннымъ, особенно французскимъ книгамъ. Однако Анненковъ (смѣнившій Бутурлина) въ какихъ-то книжкахъ и журнальныхъ статьяхъ набралъ шестнадцать обвинительныхъ пунктовъ противъ нея, разумѣется, все изъ отдѣльныхъ фразъ, и приготовилъ докладъ. М. А. Корфъ успѣлъ доказать нелѣпость этихъ придирокъ, но принужденъ былъ уступить въ двухъ пунктахъ. Корфъ говорилъ своему брату, что все, что дѣлается въ негласномъ комитетѣ, приводитъ его въ омерзѣніе, и что онъ давно

¹⁾ 28-го марта 1850 г. Записки Никитенка, I, 519.

²⁾ 11-го апрѣля 1850 г. Записки Никитенка, I, 519.

³⁾ 24-го февраля 1852 г. Записки Никитенка, I, 529.

бѣжалъ бы оттуда, еслибъ не надежда иногда что нибудь устроить въ пользу преслѣдуемыхъ»¹⁾).

«Графъ А. С. Уваровъ рассказывалъ мнѣ на-дняхъ, какъ онъ боролся съ цензурою при печатаніи своей книги, недавно вышедшей: «О греческихъ древностяхъ, открытыхъ въ южной Россіи». Надо было, между прочимъ, перевести на русскій языкъ нѣсколько греческихъ надписей. Встрѣтилось слово: демось—народъ. Цензоръ никакъ не соглашался пропустить это слово и замѣнилъ его словомъ: граждане. Автору стоило большого труда убѣдить его, что это былъ бы не переводъ, а искаженіе подлинника. Еще цензоръ не позволялъ говорить о римскихъ императорахъ, убитыхъ, что они убиты, а велѣлъ писать: погибли» и т. д.²⁾

Въ Парижѣ выдумали какой-то танецъ и назвали «мазепой». Въ фельетонѣ «Академическихъ Вѣдомостей» объ этомъ сказано нѣсколько словъ, съ замѣчаніемъ, что этотъ танецъ, вѣроятно, распространится вездѣ. Министру показалось, что тутъ скрывается насмѣшка надъ Россіей. Онъ позвалъ къ себѣ бѣднаго Очкина и сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ, съ угрозой отдать его подъ судъ³⁾).

VII.

Хотя самъ Никитенко былъ и профессоръ, и цензоръ, однако не менѣе бывшего министра народнаго просвѣщенія, классика Уварова, терпѣлъ отъ цензуры.

«Былъ вчера у цензора Фрейганга съ моей статьей о Жуковскомъ... Онъ замѣтилъ... два слова: «движеніе умовъ». Отъ Фрейганга я услышалъ дивныя вещи о цензурѣ: о томъ, какъ Елагинъ не пропускалъ въ физикѣ выраженія: «силы природы»; о шпіонствѣ разныхъ прислужниковъ, о тысячѣ притѣсненій... Фрейгангъ въ мое время считался однимъ изъ самыхъ мнительныхъ цензоровъ, теперь же слыветъ за самаго снисходительнаго»⁴⁾).

«Я почти не спорилъ, сознавая, что иначе и нельзя по той системѣ, которой держатся нынѣ благоразумнѣйшіе цензора, въ родѣ Фрейганга. Объ остальныхъ и говорить нечего: тѣ не держатся никакой системы и слѣдуютъ только внушеніямъ страха. Система же первыхъ въ томъ, чтобы угадывать, какъ могутъ истолковать данную статью враги литературы и просвѣщенія. Фрейгангъ откровенно мнѣ въ томъ сознался»⁵⁾).

«Дѣйствія цензуры превосходятъ всякое вѣроятіе. Чего этимъ хотятъ достигнуть? Остановить дѣятельность мысли? Но вѣдь это

1) 18-го марта 1850 г. Записки Никитенка, I, 517 и 518.

2) 11-го января 1852 г. Записки Никитенка. Томъ первый. Стр. 524.

3) 16-го февраля 1852 г. Дневникъ Никитенка, I, 526.

4) 27-го ноября 1852 г. Дневникъ Никитенка, I, 537.

5) 22-го декабря 1852 г. Дневникъ Никитенка, I, 539.

все равно, что велѣтъ рѣкѣ плыть обратно. Вотъ изъ тысячи фактовъ нѣкоторые самые свѣжіе. Цензоръ Ахматовъ остановилъ печатаніе одной ариѳметики, потому что между цифрами какой-то задачи тамъ помѣщенъ рядъ точекъ. Онъ подозрѣваетъ здѣсь какой-то умыселъ составителя ариѳметики. Цензоръ Елагинъ не пропустилъ въ одной географической статьѣ мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Онъ мотивировалъ свое запрещеніе необходимостью, чтобы это извѣстіе предварительно получило подтвержденіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ» ¹⁾).

6-го декабря 1855 года, уже въ первый годъ царствованія императора Александра II-го, негласный комитетъ 2-го апрѣля, по докладу предсѣдателя барона Корфа, былъ упраздненъ. Въ докладѣ Корфъ объяснилъ:

«Въ настоящее время, послѣ восьмилѣтняго почти существованія комитета, дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ:

«1) Въ писателяхъ и цензорахъ окончательно водворена та весьма дѣйствительная увѣренность, что надъ ними всегда, несусышно, неослабно дѣйствуетъ глазъ правительства.

«2) Цензурныя постановленія приведены въ должную опредѣлительность, и средства цензуры усилились и обезпечены въ полную соотвѣтственность кругу ея дѣйствій.

«3) Въ главѣ министерства народнаго просвѣщенія находится лицо, пользующееся монаршимъ довѣріемъ (sic!).

«Въ семъ положеніи» комитетъ 2-го апрѣля «окончательно совершилъ свое назначеніе». «Осмѣлюсь сказать еще болѣе: комитетъ въ настоящее время не только пересталъ быть полезнымъ, но и сдѣлался вреднымъ».

«Во всѣхъ законодательствахъ принято за основаніе, что представленіе авторомъ книги въ цензуру избавляетъ его отъ всякаго личнаго преслѣдованія; опасеніе же авторовъ, что они, несмотря на пропускъ цензора, могутъ подвергнуться взысканію безъ истребованія отъ нихъ сперва объясненій, доводитъ иногда до цѣли совершенно противоположной: распространяется рукописная литература, гораздо болѣе опасная, ибо она читается съ жадностью, и противъ нея безсильны всѣ полицейскія мѣры» ²⁾).

VIII.

Уничтоженіе «негласнаго комитета», этого инквизиціоннаго трибунала, который создали, пользуясь европейской революціей 1848 года и опасеніями императора Николая Павловича ³⁾, графъ

¹⁾ 25-го февраля 1853 г. Дневникъ Никитенка, I, 545.

²⁾ Проектъ устава о книгопечатаніи, 1862 г. Стр. 53.

³⁾ Во всѣхъ такихъ случаяхъ государь восклицалъ: «Ah! c'est mes amis de quatorze!» Гибельная ошибка декабристовъ!

Строгановъ и баронъ Корфъ съ единственной, чисто личной цѣлью свергнуть министра народнаго просвѣщенія Уварова, было учинено по докладу самого участника интриги, Корфа, сейчасъ по смерти Уварова. Бывшій министръ Уваровъ умеръ 4-го сентября 1855 года, и Корфъ доложилъ, что «негласный» комитетъ «окончательно совершилъ свое назначеніе», и черезъ три мѣсяца послѣ смерти Уварова, 6-го декабря 1855 года, комитетъ былъ упраздненъ! Въ жертву честолюбія и мщенія, прикрываясь личиною казеннаго интереса, Корфъ и Строгановъ принесли въ жертву русскую науку, просвѣщеніе, литературу ¹⁾!

Съ 6-го декабря 1855 года по 6-е апрѣля 1865 года, т. е. отъ уничтоженія «негласнаго» комитета до уничтоженія «предварительной» цензуры, прошло цѣлое десятилѣтіе. Въ своей извѣстной книгѣ «Эпоха великихъ реформъ» Джаншіевъ говоритъ:

«Исторія подготовки, составленія и примѣненія закона о печати 6-го апрѣля 1865 года представляетъ много своеобразнаго и поучительнаго сравнительно съ другими законоположеніями эпохи великихъ реформъ».

Для подготовки и редактированія такого громаднаго и по объему, и по важности затрагиваемыхъ интересовъ законодательнаго акта, какъ Положеніе о крестьянахъ 19-го февраля, потребовалось съ небольшимъ три года (съ 20-го ноября 1857 года по 19-е февраля 1861 года).

Образцовое по внѣшности и заключавшее полное переустройство сверху донизу всего судебного строя законодательство, какъ судебные уставы 20-го ноября 1864 года, было составлено тоже въ три года.

Еще менѣе времени потребовалось для выработки органическихъ законоположеній о земскомъ и университетскомъ самоуправленіи 1862 и 1864 годовъ.

На подготовительныя же работы закона о печати ушло десять лѣтъ, при чемъ составлялось нѣсколько проектовъ, образовалось нѣсколько комиссій. Успѣли смѣниться четыре министра народнаго просвѣщенія (Норовъ, Ковалевскій, Путятинъ, Головинъ). Даже само дѣло цензурнаго надзора успѣло въ это время перейти изъ одного вѣдомства въ другое—изъ министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

«Въ результатъ усиленныхъ десятилѣтнихъ работъ, заключаетъ Джаншіевъ, получился крайне неудовлетворительный законъ 6-го апрѣля 1865 года, никого, кромѣ автора, министра внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуева, не удовлетворившій и одобренный государственнымъ совѣтомъ съ оговоркою, что законъ вводится, какъ «временная, переходная мѣра» ²⁾.

¹⁾ См. Дневникъ Никитенка, I, 493.

²⁾ Джаншіевъ: «Эпоха великихъ реформъ». Изд. 6-е, М., 1896, стр. 321 и 322.

4-го сентября 1865 года, впервые за все время существованія русской печати, вышли въ свѣтъ, въ силу закона 6-го апрѣля 1865 г., произведенія печатнаго слова безъ предварительнаго цензурнаго просмотра и одобренія.

«Сѣверная Почта», официальный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, привѣтствовала законъ, подчеркивая, однако, что «свобода обязываетъ» (№ 189, 1865 г.). В. Θ. Коршъ ликовалъ: «Крѣпостная зависимость наша отъ цензуры... кончилась... мы будемъ зависѣть съ настоящаго дня отъ нашей собственной воли... мы очутились, какъ люди свободные, лицомъ къ лицу съ закономъ» и т. д. ¹⁾.

Отмѣненный старый цензурный порядокъ помянулъ Некрасовъ, написавшій въ 1865 году поэму «Газетная» и «Пѣсни о свободномъ словѣ».

Здѣсь являются типографскій разсылный Минай, отставной цензоръ, «фельетонная букашка».

Разсылный Минай восклицаетъ:

Баста ходить по цензурѣ!
Ослобонилась печать,
Авторы наши въ натурѣ
Стали статейки пуцать.

Некрасовъ вымещаетъ старую боль на отставномъ цензорѣ, этомъ всегда виноватомъ «стрѣлочникѣ» цензурной мыслебоязни:

Подъ огромнымъ газетнымъ листомъ,
Видишь, тощій сидитъ человѣчекъ,
Съ озабоченнымъ, блѣднымъ лицомъ,
Весь исполненъ тревогою страстной,
По движеньямъ похожъ на лису,
Старъ и глухъ; и въ рукахъ его красный
Карандашъ и очки на носу.
Въ оны годы служилъ онъ цензурѣ
И донынѣ привычку сберегъ,
Все, что прежде чиркалъ въ корректурѣ,
Отмѣчать...
— Ужасаюсь, читая журналы!
Гдѣ я? Гдѣ? Цѣнешъеть мой умъ!
Что ни строчка — скандалы, скандалы!
Вотъ взгляните — мой собственный кумъ
Обличень! Моралистъ-проповѣдникъ,
Цыцъ!.. Умольни, журнальная тварь!..
Онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ...

Въ свою очередь «фельетонная букашка» повѣствуетъ о своихъ былыхъ злключеніяхъ:

¹⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1865 г., № 229.

Мою любимую идею,
 Что въ Петербургѣ климатъ плохъ,
 И ту не въ каждую статейку
 Вставлятъ я безъ боязни могъ...
 Но, претерпѣвъ судьбы удары,
 Подъ старость счастье я узналъ:
 Курилъ на улицахъ сигары
 И безъ цензуры сочинялъ!

Однако, настоящіе литераторы говорятъ разное:

Три друга обнялись при встрѣчѣ,
 Входя въ какой-то магазинъ.
 «Теперь пойдутъ инныя рѣчи!»—
 Замѣтилъ весело одинъ.
 — Теперь насъ ждуть просторъ и слава!—
 Другой восторженно сказалъ,
 А третій посмотрѣлъ лукаво
 И головою покачалъ!

«Пѣсни о свободномъ словѣ» заканчиваются гимномъ «осторожности»:

Оправдаться есть возможность,
 Да не спросятъ — вотъ бѣда!
 Осторожность! Осторожность!
 Осторожность, господа!

Не прошло и двухъ недѣль со дня введенія новаго закона, какъ 18-го сентября послѣдовало первое изъ первыхъ предостереженій.

Оно было дано «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» за полемическую статью противъ «Сѣверной Почты», въ которой высказано было мнѣніе, что осуществленіе предложеннаго, по газетнымъ извѣстіямъ, проекта о залогѣ части государственныхъ имуществъ и о второмъ выпускѣ 5% банковыхъ билетовъ невозможно, безъ выкупа перваго выпуска, который обезпеченъ государственными имуществами.

Послѣ небольшой передышки предостереженія посыпались отъ П. А. Валугева съ новою силою, въ которой явственно слышалась нота личного раздраженія. Не прошло и года со времени введенія новаго закона, какъ подъ предостереженіями очутились журналы и газеты самыхъ различныхъ, часто противоположныхъ направленій.

Предостереженія, мотивированныя самими разнообразными соображеніями (изъ коихъ далеко не всѣ приводились официально), были даны: радикальнымъ «Современнику» и «Русскому Слову», умѣренно-либеральнымъ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» и «Голосу», дворянской «Вѣсти», славянофильскимъ «Дню» и «Москвѣ»; не миновала чаша сія и «Московскія Вѣдомости». «Голосу» давалось предостереженіе и за непочтительный отзывъ о туркестанской админи-

страци и за неуважительный о Наполеонѣ и остзейскихъ баронахъ. Въ первые два года существованія безцензурной печати дано было 24 предостереженія.

«С.-Петербургскія Вѣдомости», «Голосъ», «Москва», «Московскія Вѣдомости» приостановлены были послѣ третьяго предостереженія. Прекращены были: «Современникъ», «Русское Слово», «Москва».

Тимашевъ наслѣдовалъ новую систему отъ Валугева. Она укрѣпилась и упорядочилась. Всего съ 1865 г. по 1880 г., за пятнадцать лѣтъ ея существованія, дано было 177 предостереженій и сдѣлано 52 приостановки ¹⁾.

Рядомъ съ административными взысканіями шли судебныя преслѣдованія журналовъ и газетъ ²⁾.

IX.

Цензура есть равнодѣйствующая общественной нетерпимости. Нетерпимость же прямо пропорціональна невѣжеству. Нетерпимость и есть, употребляя выраженіе Гоголя, «невѣжественная раздражительность».

Почему предполагать, что въ эпоху реформъ (1855—1875 гг.) было меньше невѣжества и нетерпимости, чѣмъ наканунѣ этой эпохи? Реформы посягали на интересы крѣпостниковъ, казнокрадовъ, взяточниковъ—подъячихъ, тупыхъ бюрократовъ, свирѣпыхъ фронтовиковъ.

Тьма невѣжества и озлобленной нетерпимости поднялась, ополчилась на все свѣтлое, входившее въ общество. Въ результатѣ—ужасающій цензурный гнетъ рядомъ съ попустительствомъ. Постоянныя, спорадическія реакціи проходятъ черезъ все двадцатилѣтіе.

Каждому поступательному шагу реформъ предшествуетъ ослабленіе цензурнаго гнета.

Каждому поступательному шагу реформъ послѣдуетъ усиленіе цензурнаго гнета.

Въ первомъ случаѣ государь присоединялся къ прогрессивному «меньшинству».

Во второмъ случаѣ государь уступалъ ретроградному «большинству».

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», 1880 г., № 6.

²⁾ Замѣчательнѣйшіе изъ этихъ процессовъ: противъ Суворина (за книгу «Всякіе. Очерки современной жизни»); о снятіи ареста съ книги профессора Съченова: «Рефлексы головного мозга»; противъ Гайдебурова за книгу Вундта: «Душа человѣка и животныхъ»; противъ Павленкова за статьи Писарева во II томѣ сочиненій: «Вѣдная русская мысль» и «Русскій Донъ-Кихотъ»; А. Н. Пыпина и Юлія Жуковскаго за статью въ «Современникѣ»: «Вопросъ молодого поколѣнія», обвиняемыхъ въ оскорбленіи чести всего дворянскаго сословія и друг.

Литература за все служила козломъ отпущенія. На ней вострили зубы и вымещали свою злобу ретрограды. Реакціи падали на годы 1858, 1862, 1868, 1872. Всего за два десятилѣтія четыре реакціи; двѣ при дѣйствіи старой «предварительной» системы; двѣ по введеніи системы «послѣдовательной». Въ сущности Валуевско-Тимашевская система не была чисто «карательной», но смѣшеніемъ двухъ системъ.

Судебныя кары и административныя взысканія, т. е. тюрьма, штрафы и предостереженія, пріостановки, — карательная «послѣдовательная» система.

Обязательные циркуляры, для исполненія объявляемые конфиденціально редакціямъ и исходящіе единственно отъ воли министра внутреннихъ дѣлъ, — цензура «предварительная». Послѣдняя была сохранена для народныхъ изданій и книгъ, объемомъ менѣе десяти печатныхъ листовъ.

Изъ судебныхъ преслѣдованій, однако, ничего не вышло путнаго. Почему? Да просто потому, что судъ не могъ найти въ книгахъ и статьяхъ русскихъ литераторовъ тѣхъ преступленій, которые въ нихъ видѣло министерство внутреннихъ дѣлъ.

Приговаривали къ незначительнымъ штрафамъ или немногодневнымъ арестамъ больше изъ любезности. Обвиняемый былъ героемъ дня. Все общество ему сочувствовало, да и судъ былъ на его сторонѣ.

Дѣла эти только компрометировали министра.

Замѣтимъ, что въ первую половину разсматриваемой эпохи, съ 1855 по 1865 годъ, число специальныхъ цензуръ не уменьшилось, а наоборотъ разрослось. Уничтоженный въ 1855 году «негласный» комитетъ возникъ было опять въ 1859 году, но быстро и закрылся. Въ 1862 году было рѣшительно приступлено къ преобразованію цензуры. Но оказалось, что раньше введенія судебной реформы это преобразование произвести нельзя.

Въ 1864 году суды преобразуются, и сейчасъ же, въ началѣ 1865 года, послѣдовало отмѣненіе предварительной цензуры.

Какова была цензура Тимашева, можно заключить изъ восклицанія Никитенка въ 1872 году, что цензура не хуже «николаевской».

Ошибаются тѣ, кому «эпоха великихъ реформъ» представляется временемъ полной свободы мысли. Въ настоящее время мы пользуемся, во всякомъ случаѣ, не меньшей свободой.

Николай Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

«ПЕРВИНКА» ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО.

(1852—6 сентября — 1902 гг.).

«Герой, котораго я люблю всѣми
«силами души, котораго старался
«воспроизвести во всей красотѣ его,
«и который всегда былъ, есть и
«будетъ прекрасенъ,—правда»...

Толстой.

ПЕРВЫЙ печатный трудъ писателя, ставшаго впослѣдствіи знаменитымъ, несомнѣнно, имѣетъ важное историко-литературное значеніе. Очень часто такой начинающій авторъ уже въ первой своей работѣ обнаруживаетъ проблескъ того направленія, которому затѣмъ сильнѣе служить въ теченіе своей дальнѣйшей дѣятельности, а потому его «проба пера и таланта» почти всегда является какъ бы исходной точкой остальныхъ литературныхъ произведеній. Съ другой стороны, литературная «первинка» нерѣдко выступаетъ на Божій свѣтъ при особыхъ, часто любопытныхъ, обстоятельствахъ жизни ея автора: вѣдь съ нею, подобно первому шагу дитяти, были связаны надежды или опасенія, восторгъ или разочарованіе,—особенно если она появлялась передъ читателями не въ томъ видѣ, какъ вышла изъ-подъ пера литературнаго дебютанта.

Вотъ почему и первый литературный трудъ гр. Л. Н. Толстого—повѣсть «Дѣтство»—достигающій на-дняхъ (6 сентября текущаго года) своего пятидесятилѣтія, естественно долженъ обратить на себя самое пристальное вниманіе со стороны изслѣдователей, тѣмъ болѣе, что рассказъ о выпускѣ этой «первинки» изъ-подъ печат-

наго станка въ послѣднее время сталъ уже окутываться легендарною дымкою. Въ нѣсколькихъ очеркахъ и воспоминаніяхъ, посвященныхъ нашему знаменитому писателю, безъ провѣрки сообщался, напримѣръ, такой «странный фактъ»: «получивъ повѣсть «Дѣтство» въ Петербургѣ незадолго до отъѣзда въ имѣніе, Некрасовъ (издатель «Современника») не прочелъ ея, и она вмѣстѣ съ другими рукописями была имъ отправлена въ имѣніе, гдѣ Некрасовъ обыкновенно въ дождливое время прочитывалъ то, что не успѣвалъ прочитать зимою въ Петербургѣ. Должно быть, въ данное лѣто ненастныхъ дней было мало, и повѣсть «Дѣтство» осталась непрочитанной до слѣдующаго пріѣзда Некрасова въ имѣніе. Тогда-то онъ удосужился прочесть эту повѣсть и пришелъ отъ нея въ восторгъ»... Такимъ образомъ, по этой версіи, оказывается, что «первинка» гр. Толстого чуть ли не болѣе года находилась безъ должной оцѣнки въ редакціонномъ портфель «Современника».

На самомъ же дѣлѣ, какъ показываютъ недавно опубликованные документы ¹⁾, появленіе перваго литературнаго опыта гр. Л. Н. Толстого сопровождалось иными, весьма интересными, обстоятельствами.

Какъ теперъ точно извѣстно ²⁾, графъ Л. Н. Толстой девятнадцатилѣтнимъ юношей, въ 1847 году, покинулъ Казанскій университетъ, гдѣ числился на второмъ курсѣ юридическаго факультета, и уѣхалъ изъ Казани въ свою родовую деревню—Ясную Поляну (Тульской губерніи, Крапивинскаго уѣзда), которая досталась ему по раздѣлу. «Я,—писалъ его герой князь Нехлюдовъ,—выхожу изъ университета, чтобы посвятить себя жизни въ деревнѣ, потому что чувствую, что рожденъ для нея... Я чувствую себя способнымъ быть хорошимъ хозяиномъ, а для того, чтобы быть имъ, не нужно ни кандидатакаго диплома, ни чиновъ... Я пошелъ по совершенно особенной дорогѣ, но которая хороша и—я чувствую—приведетъ меня къ счастью»... Можно думать, что тогда, при выходѣ изъ университета и отъѣздѣ въ родное имѣніе, эти мысли раздѣлялъ и самъ авторъ.

Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ недолгой поѣздки въ Петербургъ, въ 1848 году, графъ безвыѣздно провелъ въ Ясной Полянѣ почти четыре года. Тамъ, на мѣстѣ своей родины, среди тихой сельской природы, окруженный воспоминаніями о своемъ миломъ дѣтствѣ и дорогихъ лицахъ, онъ задумалъ написать большой романъ. Пока разрабатывался планъ представить героя въ те-

¹⁾ «Четыре письма Н. А. Некрасова къ гр. Л. Н. Толстому» въ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ къ «Нивѣ» (1898 г., № 2, стр. 337—344).

²⁾ См. статью проф. Н. П. Загоскина: «Графъ Л. Н. Толстой и его студенческіе годы», въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1894 г., кн. 1).

ченіе «четырехъ эпохъ» его жизни,—у автора явилось сильное желаніе повидаться съ роднымъ братомъ, графомъ Николаемъ Николаевичемъ Толстымъ, тогда служившимъ на Кавказѣ ¹⁾. Графъ Левъ Николаевичъ отправился туда въ 1851 году, какъ любознательный туристъ, но вскорѣ по прибытіи на кавказскую линію самъ поступилъ юнкеромъ на службу въ 4-ю батарею 20-й артиллерійской бригады, расположенную на берегу Терека, въ Старогладовской станицѣ, и сталъ принимать живое участіе въ схваткахъ съ чеченцами ²⁾. Однако и среди такой боевой обстановки его не покидала мысль о литературной работѣ, задуманной еще въ деревнѣ: въ часы, свободные отъ службы, въ присутствіи любимого брата, съ которымъ, конечно, живо вспоминалась прошлая семейная жизнь, онъ написалъ первую часть предполагаемаго романа, посвященную «ранней эпохѣ избраннаго героя»—дѣтству, и по окончаніи (9 іюня 1852 года) отправилъ ее за подписью двухъ буквъ «Л. Н.» въ редакцію «Современника».

Отвѣтъ одного изъ редакторовъ — Н. А. Некрасова, оказался весьма благопріятнымъ. «Я,—писалъ онъ автору,— прочелъ вашу рукопись (Дѣтство). Она имѣетъ въ себѣ настолько интереса, что я ее напечатаю. Не зная продолженія, не могу сказать рѣшительно, но мнѣ кажется, что въ авторѣ ея есть талантъ. Во всякомъ случаѣ направленіе автора, простота и дѣйствительность содержанія ³⁾ составляютъ неотъемлемыя достоинства этого произведенія. Если въ дальнѣйшихъ частяхъ (какъ и слѣдуетъ ожидать) будетъ поболѣе живости и движенія, то это будетъ хорошій романъ... Еще я посоветовалъ бы вамъ не прикрываться буквами, а начать печататься прямо съ своей фамиліей»...

Послѣдній «совѣтъ» редактора, однако, не былъ принятъ авторомъ: графъ оставался скрытымъ даже для издателей журнала подъ инициалами своего имени и отчества. Тогда Некрасовъ поспѣшилъ отправить къ нему слѣдующее второе письмо (отъ 5-го сентября 1852 года): «Я писалъ вамъ о вашей повѣсти, но теперь считаю своимъ долгомъ еще сказать вамъ о ней нѣсколько словъ. Я далъ ее въ наборъ на IX кн. «Современника» и, прочитавъ внимательно въ корректурѣ, а не въ слѣпо написанной рукописи, нашелъ, что эта повѣсть гораздо лучше, чѣмъ показалась мнѣ съ

¹⁾ См. объ этомъ лицѣ: «Историческій Вѣстникъ», 1888 г., кн. 11, стр. 388, «Русское Обзоріе», 1890 г., кн. 1, стр. 7—69, и нашу замѣтку въ «Библиографическихъ Запискахъ», 1892 г., № 8, стр. 561—562.

²⁾ Одинъ фактъ изъ этой боевой жизни графа Л. Н. Толстого переданъ въ «Воспоминаніяхъ В. А. Полторацкаго» («Историческій Вѣстникъ», 1898 г., кн. 6, стр. 673—675).

³⁾ Послѣднее замѣчаніе очень характерно: по утверженію людей, знавшихъ семейный бытъ гр. Толстыхъ, въ повѣсти «Дѣтство» дѣйствительно находится много «автобіографическаго» матеріала.

перваго раза. Могу сказать положительно, что у автора есть талантъ. Убѣжденіе въ этомъ для васъ, какъ для начинающаго, думаю, всего важнѣе въ настоящее время. Книжка «Современника» съ вашею повѣстью завтра выйдетъ въ Петербургъ... Изъ нея кое-что исключено (немного, впрочемъ); не прибавлено ничего». Въ припискѣ Некрасовъ прибавлялъ: «Прошу васъ сказать мнѣ положительно имя автора повѣсти. Это мнѣ нужно знать и по правиламъ нашей цензуры».

Такимъ образомъ, на другой день послѣ этого письма—6-го сентября, вышла въ свѣтъ девятая книжка «Современника», датированная цензурнымъ дозволеніемъ отъ 31-го августа 1852 года, и на первыхъ же ея страницахъ виднѣлась литературная первинка графа Л. Н. Толстого—«Исторія моего дѣтства», за подписью «Л. Н.»¹⁾.

Какъ и сообщалъ Некрасовъ, «исключенія» изъ повѣсти, сдѣланныя редакціей или цензурою, были незначительны: напримѣръ, судя по поставленнымъ точкамъ, они коснулись конца XII главы (эпизодъ съ Катенькой) и начала XIII главы (разсказъ о горничной Натальѣ). Теперь эти пропуски восстановлены, но зато уничтожены авторомъ эпиграфы при VIII и XIX главахъ, находившіеся въ журнальномъ текстѣ повѣсти²⁾.

Появленіе «первинки» графа Толстого, позже извѣстной подъ болѣе краткимъ заголовкомъ: «Дѣтство», было привѣтливо встрѣчено и читателями «Современника», и тогдашнею критикою. Некрасовъ желалъ провѣрить свое впечатлѣніе «судомъ публики». «Этотъ судъ,—писалъ онъ автору въ третьемъ письмѣ (отъ 30 октября 1852 года),—оказался какъ нельзя болѣе въ вашу пользу, и я очень радъ, что не ошибся въ мнѣніи своемъ о вашемъ первомъ произведеніи... Такъ какъ ваша повѣсть имѣла успѣхъ, то намъ очень было бы пріятно имѣть поскорѣе второе ваше произведеніе».

Съ своей стороны, другой журналъ воспѣшилъ дать также весьма сочувственный отзывъ. «Давно,—признавался журнальный обозрѣватель Отечественныхъ Записокъ,—не случалось намъ читать произведенія, болѣе прочувствованнаго, болѣе благородно-написаннаго, болѣе проникнутаго симпатіей къ тѣмъ явленіямъ дѣйствительности, за изображеніе которыхъ взялся авторъ... Мы желали бы познакомить читателей съ произведеніемъ г. Л. Н., выпиравъ изъ него лучшее мѣсто, но лучшаго въ немъ нѣтъ: все оно, съ начала до конца, истинно прекрасно»...³⁾

Черезъ два года, когда, по приглашенію Некрасова, была написана и напечатана вторая часть — «Отрочество»⁴⁾, то извѣстный

¹⁾ См. «Современникъ» 1852 г., т. XXXV, кн. 9, отд. I, стр. 5—104.

²⁾ Сл. «Сочиненія гр. Л. Н. Толстого», М., 1880 г., ч. I, стр. 49 и 50; «Современникъ» 1852 г., кн. 9, стр. 39 и 40.

³⁾ «Отечественныя Записки», 1852 г., т. LXXXIV, кн. 10, отд. VI, стр. 84.

⁴⁾ «Современникъ» 1854 г., т. XLVII, кн. 10, отд. I, стр. 81—146.

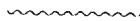
«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1902 г., т. LXXXIX.

критикъ П. В. Анненковъ посвятилъ разбору обоихъ трудовъ такія строки: «Полнота выраженія въ лицахъ и предметахъ, глубокія психическія разъясненія и, наконецъ, картина нравовъ извѣстнаго свѣтскаго и строго приличнаго круга,—картина, написанная такой тонкой кистью, какой мы уже давно не видѣли у себя при описаніяхъ высшаго общества, были плодомъ серьезнаго пониманія авторомъ своего предмета. Вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніе первыхъ колебаній воли, сознанія, мысли у ребенка, благодаря тому же качеству, возвышается у автора до исторіи всѣхъ дѣтей извѣстнаго мѣста и извѣстной эпохи, и какъ исторія, написанная поэтомъ, она уже заключаетъ, рядомъ съ поводами къ эстетическому наслажденію, и обильную пищу для всякаго мыслящаго человѣка»... «Мы можемъ,—заклучалъ критикъ,—теперь же поздравить себя съ замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ»... 1).

Послѣ такой высокой оцѣнки оба разсказа гр. Л. Н. Толстого, соединенные вмѣстѣ, вышли отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ «Дѣтство и отрочество» (Спб., 1856 г., 306 стр.), а затѣмъ, кромѣ помѣщенія въ первой части «Сочиненій» автора, непрерывно появлялись новыми изданіями до настоящаго времени. На отдѣльную перепечатку ихъ скоро обратили вниманіе и за границею. По словамъ П. А. Плетнева, французскій писатель — академикъ Ксавье Мармье, еще въ началѣ 1857 года, «неотлагательно» желалъ получить эти разсказы 2). Спустя нѣкоторое время, явились и переводы: такъ, изъ ряда попытокъ—передать «первинку» графа на нѣмецкомъ языкѣ—заслуживаетъ вниманія самый удачный переводъ, подъ заголовкомъ: «Geschichte meiner Kindheit, von Ernst Röttger» (Leipzig, 1882).

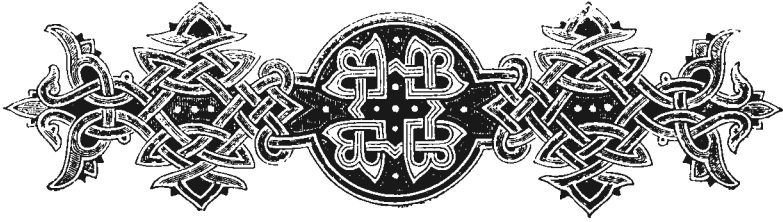
Наконецъ, нельзя забыть, что и наша школа съ давнихъ поръ признала важное значеніе за «Дѣтствомъ и отрочествомъ». Наши учебныя заведенія включили эти разсказы въ число лучшихъ произведеній для дѣтскаго чтенія, а составители школьныхъ хрестоматій заимствовали изъ нихъ многочисленныя «образцовыя отрывки», какъ, напримѣръ, начало XV главы перваго разсказа: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лѣзать воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій»...

Дмитрій Языковъ.

1) «Современникъ», 1855 г., т. XLIX, кн. 1, отд. III, стр. 22—26. См. также «Воспоминанія и критическіе очерки» П. В. Анненкова, Спб., 1879 г., отд. II, стр. 103—108.

2) См. «Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», Спб., 1896 г., т. III, стр. 648—649.

ИЗМАЙЛЬСКИЙ ГЕРОЙ.

I.

ТЬ, КТО хоть разъ читалъ гдѣ нибудь описаніе Измаильскаго штурма, конечно, обратили вниманіе на мужество, проявленное при взятіи крѣпостнаго вала однимъ изъ полковыхъ священниковъ. «Въ одномъ мѣстѣ русскіе дрогнули,—пишетъ Полевой ¹⁾,—среди нихъ явился священникъ и именемъ Бога Побѣдодавца, держа въ рукѣ крестъ, повелъ ихъ впередъ» ²⁾. На слѣдующій день 12 декабря тотъ же герой служилъ благодарственное молебствіе «при громѣ взятыхъ орудій» ³⁾.

Онъ не остался безъ награды... «По рекомендаціи разныхъ генералитетовъ», главнымъ образомъ по ходатайству самого свѣтлѣйшаго, т. е. князя Потемкина-Таврическаго, онъ получилъ отъ «священнѣйшей десницы всемилостивѣйшей государыни Екатерины II» крестъ на Георгіевской лентѣ, осыпанный «вещьми», или брильянтами, возведенъ въ санъ протоіерея и пожалованъ пенсіями: единовременной въ 500 и пожизненной въ 300 рублей.

Самый подвигъ его не былъ забытъ... Еще Суворовъ, объясняя тѣ средства, которыми онъ побѣждалъ иногда противника и которыми воскрешалъ нравственную силу въ подчиненныхъ ему войскахъ, говорилъ: «Съ крестомъ въ рукѣ священника, распущен-

¹⁾ Полевой, «Исторія графа Суворова-Рымникскаго», Москва, 1897, стр. 160.

²⁾ Большія подробности см. у Орлова: «Штурмъ Измаила Суворовымъ въ 1790», Спб., 1890, стр. 68,69. Вариантъ въ «Нов. Времени», 1890 г., № 5.313, статья М. И. П.

³⁾ Тамъ же, стр. 80.

нымъ знаменемъ и громогласной музыкой я взялъ Измаилъ»¹⁾. Съ легкой руки А. Коцебу и Тимма²⁾ почти ни одно изъ иллюстрированныхъ изданій, посвященныхъ великому вождю, не обходится безъ рисунка, изображающаго только что рассказанный эпизодъ.

Но самое имя героя долгое время оставалось совершенно неизвѣстнымъ для читающей публики³⁾. Только въ 1891 г. А. Н. Львовъ на основаніи документовъ, заимствованныхъ имъ изъ архива святѣйшаго синода, выяснилъ, что то былъ священникъ Полоцкаго пѣхотнаго полка отецъ Трофимъ Куцинскій⁴⁾. Вслѣдъ затѣмъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1894 г., въ томѣ LVII, стр. 134—152, появилась интересная статья С. Г. Рункевича, передавшая намъ различныя событія изъ жизни измаильскаго героя, изъ жизни, полной странностей, невзгодъ и какихъ-то вѣчныхъ мытарствъ. Та же статья обрисовала намъ и удивительно безпокойный характеръ отца Трофима, перемѣниваго за свою службу священникомъ массу мѣстъ⁵⁾ и не разъ обращавшагося съ пространными просьбами, какъ въ святѣйшій синодъ, такъ и къ императорамъ Павлу и Александру I. Обработанная исключительно по документамъ синодальнаго архива, эта статья оставляетъ въ передачѣ событій отъ 1797 г. до 1802 г. нѣкоторые пробѣлы, которые мы и постараемся заполнить матеріалами, найденными нами въ московскомъ отдѣлѣ общаго архива министерства императорскаго двора.

II.

Послѣ Измаила прошло уже около 7 лѣтъ... Отецъ Трофимъ успѣлъ побывать полковымъ священникомъ въ Днѣпровскомъ Приморскомъ гренадерскомъ полку, затѣмъ въ одномъ изъ полковъ,

¹⁾ Е. Фуксъ, «Анекдоты князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго», Спб., 1827, стр. 44.

²⁾ Коцебу принадлежит рисунокъ у Полевого (стр. 161), Тимму—рисунокъ, приготовленный для Ольхинскаго изданія «Суворовъ» (сочиненіе Ѳ. Булгарина, Спб., 1843), остановившагося на первой части; въ 1897 году всѣ эти рисунки, предназначенные для Булгарина, попали какимъ-то образомъ въ изданіе С. А. Живарева (стр. 69): «Исторія графа Алекс. Вас. Суворова, или жизнь великаго русскаго воина».

³⁾ Было извѣстно только одно, что это былъ священникъ Полоцкаго пѣхотнаго полка.

⁴⁾ «Вѣстникъ военнаго духовенства», 1891 г., № 5: «Историч. справка о томъ, кто былъ первый священникъ, получившій крестъ на георгіевской лентѣ».

⁵⁾ А именно: а) въ г. Могилевѣ, при греческой георгіевской церкви, б) въ Полтавѣ, при церкви св. Николая Чудотворца, в) въ слободѣ Волненкѣ Павлоградскаго уѣзда, г) полков. свящ. при Павлоградскомъ легкоконномъ полку, д) при Полоцкомъ пѣхотномъ полку, е) при Днѣпровскомъ Приморскомъ гренадерскомъ полку, ж) въ одномъ изъ полковъ, бывшихъ въ 1794 г. подъ начальствомъ гр. Румянцева-Задунайскаго, з) свящ. въ Брацлавской епархіи, и) въ Черниговѣ, въ Богоявленск. церкви, ю) въ Волчанскѣ, въ соборн. Троицкой церкви, к) въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, л) въ Кіевѣ при Доброниколаевской церкви и м) при Олонецкомъ пѣх. полку.

бывшихъ въ началѣ девяностыхъ годовъ XVIII столѣтія подъ командою графа Румянцева-Задунайскаго, и наконецъ очутился въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ, образовавшихъ епархіи Минскую, Изяславскую и Брацлавскую. «Когда затѣмъ въ 1795 году,—пишетъ г. Рункевичъ,—эта епархіа (преосвященнаго Виктора Садковскаго) была раздѣлена на три: Минскую, Волынскую и Подольскую (Брацлавскую), отецъ Куцинскій остался въ послѣдней; здѣсь впутанный въ какое-то кляузное дѣло противъ брацлавскаго епископа Іоанникія ¹⁾, онъ въ строгое павловское время потерпѣлъ жестокое наказаніе: былъ лишенъ креста, пенсіи и, оставшійся безъ всякихъ средствъ къ жизни, нашелъ нѣкоторый пріютъ у преосвященнаго Виктора, перемѣщеннаго въ 1796 году въ Черниговъ» ²⁾.

Эти свѣдѣнія требуютъ нѣкоторыхъ дополненій.

«Кляузное дѣло» состояло въ томъ, что Куцинскій, человѣкъ безспорно неуживчивый, своевольный и горячій, подалъ въ святѣйшій синодъ доносъ на епископа Іоанникія: «якобы епископъ, разсуждая о милостяхъ, покойнымъ ³⁾ государемъ императоромъ (то-есть Павломъ I) оказанныхъ, между прочимъ сказалъ: та уже умерла, которая была милостива, а онъ не милостивый». Самъ Куцинскій объясняетъ свой проступокъ «несчастьемъ иностранства ⁴⁾, своею простотою и неосторожностью, и болѣе склонностью изъ стороны»... Святѣйшій синодъ призналъ доносъ несправедливымъ, и съ Куцинскаго по высочайшей конфирмаціи былъ снятъ крестъ на Георгіевской лентѣ и отнятъ пожизненный пенсіонъ ⁵⁾. Вслѣдъ затѣмъ его отправили въ Крестовоздвиженскій монастырь Полтавской губерніи, куда онъ и прибылъ приблизительно къ 1 сентября 1797 года. Въ этомъ «изгнаніи» онъ пробылъ годъ и четыре мѣсяца, послѣ чего по высочайшему повелѣнію императора Павла и, вѣроятно, по ходатайству благоволившаго къ Куцинскому епископа Виктора былъ переведенъ въ епархію послѣдняго, въ городъ Черниговъ, къ Богоявленскому приходу ⁶⁾... Судя по аттестату, выданному отцу Тро-

¹⁾ Іоанникій (Никифоровичъ, Полянскій) изъ архимандритовъ Донского монастыря, хиротонисанъ во епископа Подольскаго и Брацлавскаго 12 апрѣля 1796 г., архіеписк. съ 15 сентября 1801 г., скончался 7 февраля 1819 г.

²⁾ «Истор. Вѣстн.», 1894 г., т. LVII, стр. 143.

³⁾ Эта выписка взята изъ доклада Трошинскаго, который происходилъ въ октябрѣ 1801 г., въ виду чего императоръ Павелъ и назывался «покойнымъ»... (Опись № 352, дѣло № 200).

⁴⁾ Все его «иностранство» заключалось въ томъ, что онъ родился въ городѣ Шаровѣ «польской области», жилъ нѣкоторое время въ «польскомъ» городѣ Могилевѣ на Днѣпрѣ, а затѣмъ болѣе продолжительное время въ Молдавіи, въ Яссахъ.

⁵⁾ Дѣло Трошинскаго (опись № 352, дѣло № 200), докладъ государю императору.

⁶⁾ Тамъ же, изъ того же доклада.

фиму черниговскимъ губернаторомъ Миклашевскимъ ¹⁾ 21 апрѣля 1800 года, Куцинскій прибылъ въ Черниговъ къ Богоявленской церкви къ 1 января 1799 года ²⁾).

Отсюда, по словамъ г. Рункевича, осенью 1800 г. онъ и обратился къ государю со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о разрѣшеніи выѣхать въ Яссы, въ «прежнее отечество», къ «поправленію подупалаго... до крайности... недостатка»...

По даннымъ Московскаго отдѣла общаго архива министерства императорскаго двора оказывается, что это уже было второе прошеніе, отправленное Куцинскимъ императору Павлу. По крайней мѣрѣ, въ «отказномъ спискѣ мая съ 1-го по 16-е число» (1800 г.) въ числѣ прошеній, возвращенныхъ «съ наддраніемъ», значится (8-го мая подъ № 2) и прошеніе о. Трофима, «испрашивавшаго въ сдѣланной имъ погрѣшности всемилостивѣйшаго прощенія» ³⁾.

25-го мая, эта резолюція, по всей вѣроятности, была по принятому тогда порядку отправлена вмѣстѣ съ прочими въ императорскую академію наукъ «для напечатанія въ Санктпетербургскихъ какъ русскихъ, такъ и нѣмецкихъ вѣдомостяхъ» ⁴⁾.

III.

Однако рѣшительный отказъ императора и «наддраніе» не остановили неугомоннаго протоіерея, и осенью того же 1800 года имъ подано новое прошеніе, приводимое въ статьѣ г. Рункевича.

Слѣдъ отъ резолюціи, положенной на эту просьбу Куцинскаго и остальныхъ распоряженія, вызванныя рѣшеніемъ императора, со-

¹⁾ Кстати — объ этомъ Миклашевскомъ; въ Московскомъ отдѣлѣ общаго архива министерства императорскаго двора имѣется интересное письмо къ нему отъ тайн. сов. Неплюева слѣдующаго содержанія: «Во всѣхъ рапортахъ вашего превосходительства, присылаемыхъ на всевысочайшее имя о состояніи ввѣренной управленію вашему губерніи, послѣ описанія случаевъ, заслуживающихъ вниманія, обыкновенно въ концѣ рапорта пишется: «другихъ же происшествій и никакихъ удивительныхъ дѣйствій не случилось», а какъ сіе выраженіе словъ необыкновенно въ подобныхъ донесеніяхъ и, судя по смыслу, совсѣмъ есть лишнее, то я въ предосторожность вашего превосходительства совѣтую избѣгать въ вашихъ рапортахъ сей формы, которая сама по себѣ можетъ казаться странною. Впрочемъ емь съ совершеннымъ почтеніемъ (опись № 497, дѣло № 130. Журналъ исходящимъ письмамъ т. сов. Неплюева, которыми сообщаются высочайшія его императорскаго величества именныя повелѣнія къ разнымъ особамъ и по разнымъ дѣламъ, № 195, февраля 23).

²⁾ «Истор. Вѣстникъ», 1894 г., т. LVII, стр. 145.

³⁾ Дѣла Троцинскаго, опись № 475, № 39. Списки отказные 1800 г. Списокъ отказной мая съ 1-го по 16-е число «съ наддраніемъ», 8-го, № 2: «Черниговской Богоявленской церкви протоіерею Куцинскому, испрашивавшему въ сдѣланной имъ погрѣшности всемилостивѣйшаго прощенія».

⁴⁾ См. Журналъ исходящимъ письмамъ т. сов. Брискорна, которыми сообщаются высочайшія его императорскаго величества повелѣнія разнымъ особамъ и по разнымъ дѣламъ 1800 г., № 499. (Опись № 497, дѣло № 136).

хранились и въ Московскомъ отдѣлѣ... 29-го октября 1800 г. дѣйствительный камергеръ графъ Кутайсовъ пишетъ къ генералъ-адъютанту князю Гагарину: «По прошенію протоіерея Куцинскаго о позволеніи ему возвратиться съ семействомъ своимъ въ городъ Яссы, гдѣ онъ родился, его императорское величество высочайше повелѣть изволилъ доставить къ просителю пашпортъ для проѣзда туда безъ возврата. Вслѣдствіе чего покорнѣйше прося ваше сіятельство о доставленіи ко мнѣ такового пашпортнаго бланкета, честь имѣю быть» и пр... ¹⁾.

На слѣдующій день, 30-го октября, тотъ же Кутайсовъ пишетъ и оберъ-прокурору святѣйшаго синода Хвостову: «По всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ о прилагаемомъ у сего прошеніи протоіерея Трофима Куцинскаго, его императорское величество высочайше указать изволилъ снабдить его пашпортомъ для проѣзда съ семействомъ въ городъ Яссы, возвратя ему хранящіяся въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ грамоты, буде слѣдуетъ; во исполненіе каковой монаршей воли, препровождая при семъ къ вашему превосходительству означенный пашпортъ, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, доставить оный вмѣстѣ съ помянутыми грамотами къ просителю» ²⁾.

Въ результатѣ о. Трофимъ выбылъ въ г. Яссы, какъ онъ самъ писалъ впоследствии, «для свиданія съ родными», которыхъ, однако, «по довольномъ исканіи, въ живыхъ не нашель». Но онъ не долго находился въ «безвѣстности». «Не прошло и двухъ лѣтъ,—пишетъ г. Рункевичъ,—какъ о. Куцинскій снова появился въ Петербургѣ. Онъ обратился въ святѣйшій синодъ съ прошеніемъ объ опредѣленіи его снова въ ряды войскового духовенства». Въ дѣйствительности, какъ видно изъ дѣлъ Московскаго отдѣла общаго архива министерства императорскаго двора, о. Трофимъ далъ о себѣ вѣсть значительно раньше, а именно уже въ апрѣлѣ 1801 года.

Въ присланномъ въ этомъ мѣсяцѣ на «всевысочайшее имя изъ Яссы прошеніи означенный Куцинскій, описывая оказанные имъ при штурмѣ города Измаила подвиги, и что онъ по увольненіи отъ полку получилъ протопопское мѣсто Подольской губерніи въ Могилевскомъ уѣздѣ, но въ 1797 году, за доносъ на тамошняго епископа, лишенъ мѣста, пенсіи и креста и содержанъ былъ въ Крестовоздвиженскомъ Полтавскомъ монастырѣ годъ и 4 мѣсяца, потомъ по высочайшему повелѣнію покойнаго государя импера-

¹⁾ Письма съ изображеніемъ высочайшихъ его императорскаго величества повелѣній по части статсъ-секретаря дѣйствительнаго камергера графа Кутайсова 1800 г., 29 октября, № 521. (Опись № 497, дѣло № 131). «Пашпортный бланкетъ» пришелъ за подписью графа Раstopчина, какъ о томъ сказано въ статьѣ г. Рункевича и въ нижеприводимомъ прошеніи самого Куцинскаго.

²⁾ Тамъ же, 30-го октября № 526 (опись № 497, дѣло № 131).

тора переведенъ въ городъ Черниговъ къ Богоявленскому приходу, а на послѣдокъ вслѣдствіе принесенной его величеству просьбы о прощеніи вины его получилъ за подписаніемъ графа Растопчина паспортъ за границу, просилъ... равнобѣрно о прощеніи его погрѣшности и о возвращеніи милости великія Екатерины съ позволеніемъ возвратиться съ семействомъ паки въ Россію и опредѣлить въ Кіевскую губернію»...¹⁾

«Ваше императорское величество»,—пишетъ статсъ-секретарь Троцинскій въ своей справкѣ по другому прошенію того же Куцинскаго,—прошенію, о которомъ мы будемъ говорить ниже,—«по выслушаніи сей просьбы²⁾ и взятой изъ святѣйшаго синода справки... высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ государственному казначею 8-го мая сего года, повелѣть соизволили пожалованную ему за усердіе и раны³⁾ пенсію 300 рублей и потомъ въ 1797 году за ложный доносъ остановленную во уваженіе прежнихъ заслугъ его и ревности паки производить по смерти, доставляя ее къ нему въ Яссы, гдѣ онъ жителство имѣеть, чрезъ генеральнаго консула»...

IV.

Судя по статьѣ г. Рункевича, Куцинскій въ это время уже былъ въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, 12-го мая принималъ участіе въ прошеніи, составленномъ за него въ синодальной канцеляріи однимъ изъ канцелярскихъ чиновниковъ. Въ этомъ прошеніи, поданномъ, повидимому, почти одновременно съ тѣмъ, которое было представлено на «всевысочайшее имя», о. Трофимъ просилъ у святѣйшаго синода мѣста въ одномъ изъ армейскихъ полковъ. Синодъ отказалъ. «Обстоятельства,—прибавляетъ г. Рункевичъ,—складывались очень плохо для измаильскаго героя». Но мы видимъ, что это не совсѣмъ такъ; Куцинскій уже успѣлъ заручиться нѣкоторою милостью молодого императора и успѣлъ вернуть себѣ пожизненную пенсію. Это показалось ему, однако, недостаточнымъ. Мечтая о полной «реабилитаціи», онъ подаетъ 7-го сентября 1801 г. изъ Москвы⁴⁾ второе прошеніе, о которомъ въ статьѣ г. Рунке-

¹⁾ Дѣла Троцинскаго, опись № 352, дѣло № 200.

²⁾ То-есть апрѣльскаго прошенія о. Трофима.

³⁾ «При предхожденіи своемъ при штурмѣ Измаила по лѣстницѣ на крѣпость къ нѣкоему ободренію россійскихъ войскъ», Куцинскій получилъ въ лѣвую ногу рану, отъ «коей часто и всегда чувствовалъ боль и слабость въ здоровьѣ», «весь корпусъ тѣла отъ безпрестанной боли, въ поврежденномъ мѣстѣ происходящей, изнурился», и самъ Куцинскій «натуральнаго движенія имѣть не могъ». Насколько эти показанія соответствовали дѣйствительности, судить, конечно, трудно.

⁴⁾ Куда прибылъ, вѣроятно, по случаю приѣзда въ эту столицу самого императора. Александръ I пробылъ въ Москвѣ съ 5-го сентября по 15-е октября. 15 го сентября состоялось торжество его коронаванія.

вича не упомянуто ни слова, но которое въ подлинникѣ хранится въ Московскомъ архивѣ ¹⁾.

«Всемиловѣйшій государь!

«Извѣстно всему свѣту, что главное вашего императорскаго величества желаніе есть видѣть верно подданныхъ вашихъ столь щастливыми и довольными, сколь далеко щастіе человѣческое простираться можетъ, сію истинну ясно доказываютъ неисчислимыя Вашего Императорскаго Величества милости, которымъ всѣ мы, верно подданные ваши, при глубочайшей благодарности наслаждаемся благоденствіемъ и тишиною, въ такомъ находясь общемъ положеніи, и я со благоговеніемъ осмѣливаюсь утруждать Ваше Императорское Величество, хотя я, всемиловѣйшій Государь, и имѣлъ щастіе воспользоваться Высочайшею милостіею Вашею Императорскаго Величества въ возвращеніи мнѣ во уваженіе оказанныхъ мною отечеству во время непріязненныхъ дѣйствій со стороны Аттоманской порты противъ Россіи во взятіе штурмомъ города Изъмаила Всемиловѣйше пожалованной мнѣ покойною Государынею Императрицею Екатериною второю пенсію, но поелику пожалованный мнѣ отличный знакъ Георгіевскій крестъ осыпанный вещьми, который находится и теперь въ конторѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, невозвращенъ, почему, прибегая ко священнѣйшему престолу Вашего Императорскаго Величества, все-нижайше прошу, дабы Ваше Императорское Величество, снисходя на прошеніе мое. Высочайше благоволили оный пожалованный мнѣ крестъ въ отличность подвиговъ моихъ повелеть мнѣ возвратить. Сверхъ сего еще усерднѣйше Вашего Императорскаго Величества прошу для поправленія самобеднѣйшаго моего состоянія по сродной Вашему Императорскому Величеству благности высочайше повелеть удержанную у меня за пять лѣтъ пенсію мнѣ выдать, и опредѣлить меня въ службу Вашего Императорскаго Величества въ Молдавскомъ городѣ Яссахъ при Россійскомъ Генеральномъ консулѣ на праздное священническое мѣсто.

«всемиловѣйшій Государь!

«вашего Императорскаго Величества верно
«подданный Протоіерей Трофимъ Куцинскій».

Сентября 7-го дня
1801 года
Москва.

Судя по сдѣланной на прошеніи помѣткѣ, оно было получено въ Москвѣ 10-го сентября, а 5-го октября Михаилъ Никитичъ Му-

¹⁾ Опись № 352, дѣло № 200. Помѣта сверху: Москва, 10-го сентября 1801 г., № 5396.

равьевъ препроводилъ просьбу Куцинскаго Троцинскому при слѣдующемъ письмѣ:

«Милостивый Государь!

«Дмитрій Прокофьевичъ!

«По высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопревосходительству для разсмотрѣнія прошенія: 1-е отставнаго критсъ-комиссара Демидова, просящаго о пожалованіи дворянскаго достоинства и фамиліи его тремъ его дочерямъ безъ брачно рожденнымъ, и 2-е протоіерея Куцинскаго, просящаго о возвращеніи ему знака Георгіевскаго креста, находящагося въ Синодальной Конторѣ, объ отпускѣ удержаннаго за пять лѣтъ пенсіона и объ опредѣленіи въ Яссахъ при Россійскомъ Генеральномъ Консулѣ на праздное священническое мѣсто, въ прочемъ имѣю честь быть съ отличнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію,

«Милостивый Государь,

«вашего высокопревосходительства

«всепокорнѣйшій слуга

«Михайло Муравьевъ».

«Москва
«октября 5-го дня
«1801 г.»

На докладѣ, составленномъ объ этомъ этомъ дѣлѣ. Троцинскимъ и приложенномъ къ прошенію Куцинскаго и къ письму Муравьева, рукою перваго крайне неразборчиво написана резолюція: «довольствоваться (два слова нельзя совѣмъ разобрать)... поелику прочаго онъ лишился гнуснымъ поступкомъ лжи, которою вель въ погибель своего ближняго, и еще своего пастыря».

V.

Такимъ образомъ рѣшеніе императора по второй просьбѣ Куцинскаго было для послѣдняго неблагоприятнымъ. Судя по даннымъ Московскаго архива, онъ встрѣтилъ отказъ. По даннымъ же Синодальнаго архива, ему удалось вернуть себѣ и Георгіевскій крестъ. «Высочайше было конфирмовано, — пишетъ г. Рункевичъ ¹⁾, — возвратитъ ему (т.-е. Куцинскому) на георгіевской лентѣ крестъ, всемилостивѣйше пожалованный ему за отличное дѣло, и что касается до опредѣленія къ мѣсту служенія, то сіе представитъ разсмотрѣнію святѣйшаго синода».

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., т. LVII, стр. 146.

Болѣе благоприятная для Куцинскаго резолюція явилась не по его прошенію, а по докладу особой комиссіи, учрежденной въ день коронаціи императора (15-го сентября) для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ. Въ списокѣ, представленномъ отъ комиссіи сенату, находились имена двухъ духовныхъ особъ, изъ которыхъ одной былъ о. Трофимъ. Г. Рункевичъ не говоритъ точно¹⁾, когда именно воспослѣдовала высочайшая «конfirmaція» по докладу комиссіи, но по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что она состоялась во второй половинѣ сентября, и вотъ почему: 15-го сентября вышелъ указъ о сформированіи комиссіи, 16-го октября, по свѣдѣніямъ г. Рункевича²⁾, о. Куцинскій уже расписывался въ Петербургѣ въ полученіи креста изъ Московской синодальной ризницы. Слѣдовательно нужно было время: 1) на то, чтобы изъ Москвы, гдѣ находился императоръ и члены синода, сообщить о высочайшей резолюціи синодальной канцеляріи³⁾, 2) на то, чтобы послать изъ канцеляріи требованіе въ Москву въ ризницу, и 3) на то, чтобы наконецъ крестъ былъ доставленъ изъ Москвы въ Петербургъ для выдачи по принадлежности...⁴⁾

Всѣ эти сроки мы устанавливаемъ только въ виду данныхъ, имѣющихся въ статьѣ г. Рункевича, который, повидимому, не зналъ, что осенью 1801 года Куцинскій былъ въ Москвѣ, гдѣ находился въ эти дни и самъ императоръ съ членами святѣйшаго синода. Въ дѣйствительности возвращеніе о. Трофиму его георгиевскаго креста могло быть обдѣлано и проще, и скорѣе. Высочайшая «конfirmaція» могла быть сообщена московской синодальной ризницѣ помимо Петербурга и его синодальной канцеляріи, такъ какъ члены синода несомнѣнно находились въ это время также въ Москвѣ, прибывъ сюда для участія въ торжествахъ коронаціи. 16 октября, расписавшись въ полученіи креста, о. Куцинскій могъ только оформить дѣло, фактически рѣшенное въ его пользу еще въ Москвѣ, т. е. нѣсколькими днями раньше.

Если перечисленные только что сроки мы будемъ отсчитывать отъ 16 октября, то получимъ, что высочайшая резолюція должна

¹⁾ На стр. 146 между прочимъ сказано: «Въ сентябрѣ святѣйшій синодъ получилъ изъ сената «вѣдѣніе»: «Сенатъ слушали внесенный изъ комиссіи для пересмотра прежнихъ дѣлъ уголовныхъ списокъ сосланнымъ людямъ въ разныя мѣста, который съ мнѣніемъ всеподданнѣйше поднесенъ былъ на высочайшее благоразсмотрѣніе, а по воспослѣдовавшей конfirmациіи для должнаго по оной исполненія представленъ комиссіей сенату». Такимъ образомъ и изъ этой выписки явствуетъ, что высочайшая конfirmация должна была состояться въ сентябрѣ, а такъ какъ самая комиссія учреждена лишь 15-го сентября, то слѣдовательно—во второй половинѣ этого мѣсяца.

²⁾ Тамъ же, стр. 146.

³⁾ «Протоіерей Куцинскій все еще жилъ въ Петербургѣ. Онъ былъ приглашенъ въ синодальную канцелярію, и ему было офиціально объявлено о высочайшей волѣ», стр. 146.

⁴⁾ «16-го октября о. Куцинскій расписался въ полученіи креста», стр. 146.

была состояться во второй половинѣ сентября. Если согласно высказанному предположенію о болѣе простомъ рѣшеніи дѣла мы эти сроки уменьшимъ, но будемъ отсчитывать ихъ попрежнему отъ 16 числа, то получимъ, что эта резолюція могла состояться и въ первыхъ числахъ октября. Какъ бы то ни было, она состоялась во всякомъ случаѣ раньше резолюціи, помѣщенной на докладѣ Трощинскаго, такъ какъ докладъ статсъ-секретаря могъ происходить самое раннее 9 или 10 октября: вѣдь только 7 числа¹⁾ Трощинскій получилъ письмо Муравьева и прошеніе Куцинскаго, а между тѣмъ, вѣроятно, нужно было еще 2—3 дня для сбора необходимыхъ справокъ и для ознакомленія съ дѣломъ. Если резолюція, возвращавшая Куцинскому крестъ, состоялась раньше, чѣмъ та, гдѣ ему предлагали «довольствоваться» апрѣльскимъ рѣшеніемъ императора, то странно, что она не вошла въ докладъ Трощинскаго. Тутъ есть какое-то недоразумѣніе или неясность²⁾. По всей вѣроятности, по недосмотру обѣ резолюціи явились на свѣтъ независимо одна отъ другой, и болѣе благоприятная для Куцинскаго поглотила собою менѣе удачную для него въ тотъ моментъ, когда обѣ онѣ должны были сойтись предъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, т. е. предъ самимъ просителемъ.

Во всякомъ случаѣ, по свидѣтельству г. Рункевича, 16 октября о. Куцинскій уже расписывался въ полученіи своего креста изъ Московской синодальной ризницы. О дальнѣйшей судьбѣ о. Трофима въ Московскомъ отдѣлѣ общаго архива министерства императорскаго двора никакихъ свѣдѣній не имѣется. Поэтому интересующихся позднѣйшими эпизодами изъ жизни безпокойнаго пастыря отсылаемъ къ статьѣ г. Рункевича.

VI.

Данныя, взятые нами изъ указаннаго архива, не только восполняютъ собою пробѣлы, случайно образовавшіеся въ этой статьѣ на стр. 143—147, но придають лишнія черты и всей характеристикѣ о. Трофима. Нужно было имѣть много энергіи, гражданскаго мужества и смѣлости, чтобы послѣдовательно подавать двумъ императорамъ по два прошенія каждому за самый короткій срокъ,

¹⁾ Помѣта, имѣющаяся на письмѣ: 7 октября 1801 г., № 1253.

²⁾ Самый текстъ высочайшей конфирмаціи, приводимый у г. Рункевича, скорѣе соответствуетъ не докладу комиссіи, намѣченной для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ, а содержанію того сентябрьскаго прошенія о. Куцинскаго, о которомъ у г. Рункевича не упомянуто, но которое имѣется въ Московскомъ отдѣлѣ общаго архива министерства императорскаго двора. Въ резолюціи, какъ и въ указанномъ прошеніи, идетъ рѣчь о крестѣ и о мѣстѣ, въ докладѣ же комиссіи могла быть рѣчь только о крестѣ, ибо въ комиссіи имѣлось свѣдѣніе, что самъ Куцинскій уже опредѣляетъ къ Черниговской Богоявленской церкви.

чтобы упорно отвоевывать для себя все утраченное и не смущаться, если какое нибудь изъ прошеній будетъ возвращено «съ надраніемъ».

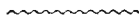
Уроженецъ «польской области», сынъ малороссіянина¹⁾, мужъ Могилы²⁾, ставленникъ греческаго митрополита, пастырь, о посвященіи котораго одно время даже серьезно сомнѣвались, одинъ изъ героевъ Измаила, увѣковѣченный историческими данными, легендами и рисунками, затѣмъ ссыльный «протопопъ», яскскій изгнанникъ, протоіерей Трофимъ Егоровичъ Куцинскій представляетъ собою въ болѣе скромной формѣ типичнѣйшее порожденіе XVIII-го столѣтія на русской почвѣ, когда въ Россіи появлялась такая масса никому невѣдомыхъ авантюристовъ, добивалась иногда самыхъ «теплыхъ» мѣстъ, достигала иногда крупныхъ почестей, миллионнаго достатка, обширнаго вліянія и затѣмъ, уѣхавъ изъ Россіи, таяла въ европейскомъ обществѣ, гдѣ не встрѣчала удобнаго и свободнаго поля для развитія своихъ хищническихъ и бродячихъ инстинктовъ.

Многіе изъ нихъ, находясь въ Россіи, успѣвали попутно сослужить ей и нѣкоторую службу, обычно беря, однако, громадные проценты за эти услуги. Если по безпокойному нраву, по вѣчнымъ мытарствамъ, по частой перемѣнѣ тѣхъ государствъ (Россія и Дунайскія княжества), кому онъ служилъ, о. Трофимъ и напоминаетъ собою столь знакомый намъ типъ европейца-авантюриста, стремившагося въ Россію поправить свои неудачи на родинѣ, то зато онъ дорогъ намъ, какъ одинъ изъ героевъ Измаила, одинъ изъ участниковъ штурма, оставшагося незабвеннымъ, одинъ изъ свидѣтелей изумительнаго подвига вождя, оставшагося безсмертнымъ.

Всякая крупица, вносимая въ историческую кладовую, отведенную Суворову, его рѣчамъ и поученіямъ, его дѣяніямъ и побѣдамъ, его сподвижникамъ и подчиненнымъ, уже имѣетъ и нѣкоторое значеніе, и извѣстный интересъ.

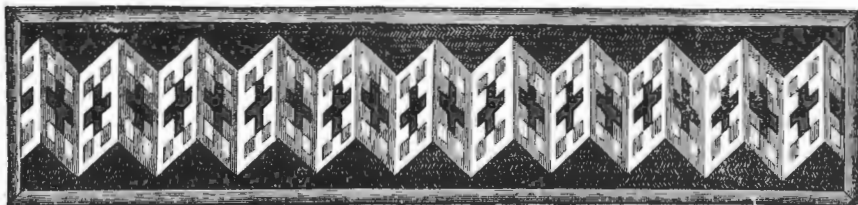
Вотъ почему мы и думаемъ, что читатели «Историческаго Вѣстника» не посѣтуютъ на насъ за небольшія дополненія, сдѣланныя нами относительно личности «измаильскаго героя» по даннымъ одного изъ московскихъ архивовъ.

П. Симанскій.

¹⁾ По заявленію самого Куцинскаго, «природою изъ молдованскихъ дворянъ». О малороссійскомъ происхожденіи о. Трофима свидѣтельствовалъ преосвященный екатеринославскій Гавріилъ въ своемъ рапортѣ святѣйшему синоду (стр. 141).

²⁾ Т. е. молдаванки Прасковьи Могилы.

АТАМАНЪ СТЕПАНЪ ДАНИЛОВИЧЪ ЕФРЕМОВЪ¹⁾.

(1753—1772 г.г.).

(Посвящается памяти И. В. Мушкетова).

О СЕМИДЕСЯТЫХЪ годовъ XVIII вѣка, на Дону, несмотря на новыя, естественно, не понравившіяся казакамъ порядки, не случилось ни одного событія, которое встревожило бы правительство до степени принятія какихъ либо суровыхъ мѣръ относительно этой воинственной страны. Казаки, скрѣпя сердце, терпѣли назначеніе атамановъ не по ихъ выбору и терпѣли, можетъ быть, потому, что въ ихъ средѣ не находилось человѣка, который заставилъ бы казачью массу серьезно взглянуть въ свое положеніе. Но на атаманскомъ посту, въ половинѣ того же столѣтія, появился человѣкъ съ крутой волею, съ большимъ умомъ, съ такою же силой вліянія на своихъ согражданъ, съ огромными, по тогдашнему времени, матеріальными средствами, полученными имъ отъ своего отца въ наслѣдство. Находясь первыя 7 лѣтъ своего атаманства подъ опекой своего отца, согласно категорически выраженной на то волѣ императрицы Елисаветы Петровны, Степанъ Ефремовъ не могъ проявлять на дѣлѣ своихъ взглядовъ и стремленій, но вскорѣ послѣ смерти его отца, Данилы Ефремовича, началось на Дону «штаніе», которое получило крѣпкую поддержку отъ неожиданнаго вступленія на престолъ императрицы Екатерины II. Между этимъ временемъ и началомъ Пугачевского бунта протекло съ небольшимъ 10 лѣтъ,

¹⁾ Источники: газета «Донской Вѣстникъ», труды войскового статистическаго комитета за 1874 годъ, очерки г. Филонова, «Ефремовскій монастырь» А. Кириллова и другіе.

впродолженіе которыхъ поведеніе Степана Ефремова относительно русскаго правительства обнаружило, какъ увидитъ читатель, много такихъ особенностей, которыя, по нашему мнѣнію, устанавливаетъ фактъ связи этого «штанія» съ Пугачевской смутой, охватившей всю приволжскую часть государства. Быть можетъ, мы ошибаемся, дѣлая такое заключеніе: связь, о которой мы говоримъ, была, быть можетъ, послѣдствіемъ слѣпнаго массоваго движенія, при отсутствіи активнаго участія отдѣльныхъ лицъ, но она была, и въ этомъ правдываютъ насъ донскія событія, случившіяся въ атаманство Степана Даниловича Ефремова, краткое изложеніе которыхъ и составляетъ предметъ настоящей статьи.

Степанъ Даниловичъ Ефремовъ родился въ 1715 году отъ старшины Данилы Ефремовича, впослѣдствіи войскового атамана донскаго войска (1738 — 1753), произведеннаго, при увольненіи отъ должности, въ чинъ армейскаго генералъ-майора, а чрезъ шесть лѣтъ, за участіе въ Померанской кампаніи, въ тайные совѣтники. Прежде чѣмъ заняться знаменитымъ сыномъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о его знаменитомъ отцѣ. Еще будучи въ званіи донскаго старшины, Данило Ефремовичъ имѣлъ важныя порученія отъ русскаго правительства, между которыми видное мѣсто занимаютъ сношенія съ калмыцкимъ ханомъ Дондукъ-Омбо, съ которымъ Данило Ефремовичъ былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Въ предписаніяхъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 1736 и 1737 годовъ говорится: «а наипаче тебѣ отъ ея императорскаго величества всемилостивѣйше повелѣвается по извѣстному твоему о немъ Дондукъ-Омбѣ и его нравѣ вѣдѣнію и искусству неусыпное и наиприлежнѣйшее о томъ стараніе прилагать», или: «все передается на ваше искусство и вѣрность». Возлагая на Данилу Ефремова порученіе убѣдить Дондукъ-Омбо къ походу въ Крымъ для присоединенія къ войскамъ фельдмаршала Миниха, чтобы тѣмъ воспрепятствовать этому хану отдаться подъ покровительство Турціи, коллегія, между прочимъ, писала ему: «для лучшаго предводительства... въ Крымъ отправить (съ войскомъ Дондукъ-Омбо) сына своего Степана, а самому тебѣ быть при немъ, Дондукъ-Омбѣ, безотлучно». Кромѣ того, Данилѣ Ефремовичу давались, помимо войскового атамана Фролова, разныя другія порученія, усердное исполненіе которыхъ и доставило ему вскорѣ должность войскового атамана, какъ сказано въ грамотѣ императрицы Анны, «за долговременныя и ревностныя его ей и предкамъ ея службы». Кромѣ военныхъ подвиговъ, которыми ознаменована вся его жизнь, Данило Ефремовъ былъ даровитый администраторъ въ смыслѣ введенія на Дону гражданственности: въ Черкасскѣ учреждена была пограничная таможня; состоялся законъ объ исключеніи донцовъ изъ пошлиннаго оклада; при его домѣ построена церковь (теперь Ефремовскій женскій монастырь); при немъ разграничены владѣнія донскихъ казаковъ отъ

Запорожскихъ и проч. Въ домашней жизни Данило Ефремовичъ любилъ роскошь и веселье, заводилъ хутора, приглашалъ селиться въ нихъ малороссіяны; сталъ употреблять назнакомые на Дону экипажи-коляски, возки; строилъ мельницы, составлялъ конскіе табуны и прочее. Кромѣ атаманской резиденціи въ Черкасскѣ, какъ разъ на берегу Дона, у этого атамана имѣлись особые близъ Черкасска выѣздные дворы, впоследствии разукрашенные его сыномъ Степаномъ — «Красный», «Зеленый» и другіе, на правой сторонѣ рѣки Аксая. Теперь все въ развалинахъ, и только остатки древесной растительности говорятъ о силѣ и могуществѣ ихъ обитателей. Все это дало атаману большое богатство, при посредствѣ котораго онъ могъ удовлетворять не бывшимъ до того на Дону обычаямъ роскоши, заимствованнымъ отъ вельможъ въ столицахъ, куда онъ многократно вызывался по дѣламъ. Послѣ 15-ти-лѣтняго управленія войскомъ, Данило Ефремовичъ самъ просилъ императрицу уволить его отъ атаманства «по преклонности лѣтъ» и назначить вмѣсто себя, сына его Степана, что и было исполнено, «съ тѣмъ, однако же», какъ сказано въ грамотѣ 1753 года, чтобы онъ, Степанъ, «въ нужныхъ дѣлахъ, случающихся по пограничному мѣсту, и во внезапныхъ приключеніяхъ по ордерамъ и наставленіямъ отца поступалъ», а въ 1755 году повелѣно состоять подъ главнымъ его, Данилы, начальствомъ какъ войсковому атаману Степану Ефремову, такъ и всему войску. Совершивъ на закатѣ дней Померанскую кампанію, въ которую для командованія донскими полками онъ вызвался самъ, Данило Ефремовъ возвратился на Донъ, гдѣ и скончался въ 1760 году. Онъ передалъ сыну своему Степану, вмѣстѣ съ атаманскою насѣкою, и полную благорасположенность верховной власти, выраженную какъ во многихъ милостивыхъ грамотахъ, такъ и въ производствѣ его въ большіе, до того не практиковавшіеся на Дону, чины (генераль-майора и тайнаго совѣтника) и въ пожалованіи ему «богатоубраннаго брильянтами» портрета императрицы Елисаветы Петровны (1749 г.).

Итакъ, съ 1760 года атаманъ Степанъ Даниловичъ остался полновластнымъ правителемъ донского войска, и именно съ этой поры начинается то «штаніе» донскихъ казаковъ, которое привело этотъ преданный русскому правительству край въ положеніе ослушника царской воли, выразившееся сначала въ явномъ неповиновеніи его атамана указамъ, въ изгнаніи генерала Черепова изъ Черкасска, въ осадѣ казаками крѣпости св. Димитрія, куда привезенъ былъ атаманъ Ефремовъ, взятый ночью изъ своего Зеленаго хутора особою драгунскою командою, и наконецъ, въ безспорномъ, хотя и частичномъ участіи донского войска въ Пугачевскомъ бунтѣ, имѣвшемъ мѣсто вскорѣ по взятіи Ефремова и по доставленіи его на судъ въ Петербургъ.

Степанъ Даниловичъ былъ женатъ три раза. О первыхъ двухъ женахъ его не сохранилось никакихъ извѣстій, но о послѣдней, Ме-

Атаманъ Степанъ Даниловичъ Ефремовъ.

лани Карповиѣ, бывшей черкасской торговкѣ, и преданіе и исторія говорятъ очень много. Рассказываютъ, что однажды разведенный со второю женою атаманъ, проходя по базару, увидѣлъ за однимъ изъ базарныхъ столиковъ молодую красавицу торговку и сразу плѣнился ея прелестями, къ числу которыхъ относилась

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1902 г., т. LXXXIX.

14

также ея бойкая рѣчь и рѣдкая въ простомъ народѣ находчивость и любезность. Недолго думая, онъ «приказалъ» ей выйти за него замужъ. Естественно, что отказа быть не могло, и вскорѣ торговка сдѣлалась атаманшею и не только не уронила своего званія, но возвысила его особенно своими дѣйствіями по части созиданія и украшенія храмовъ Божіихъ, что въ тѣ поры считалось на Дону главнѣйшимъ просвѣтительнымъ дѣломъ. Свадьба была сыграна съ атаманскою пышностью. Яствій и питій приготовлено было для этого празднованія такое множество, что на Дону до сихъ поръ для подходящихъ случаевъ осталась въ употребленіи пословица: «наварили, какъ на Меланьину свадьбу». Къ мѣсту нельзя не привести и другой пословицы, относящейся къ этой же замѣчательной донской женщинѣ XVIII столѣтія,—пословицы, до сихъ поръ произносимой въ случаяхъ какой нибудь неожиданной неудачи: «вотъ тебѣ и тюкъ на крюкъ, Меланья Карповна!» Надо думать, что это «тюкъ на крюкъ» кѣмъ либо произнесено было въ первый разъ въ тотъ моментъ, когда мужъ Меланьи Карповны взятъ былъ силою и навсегда увезенъ отъ нея, а она изъ всевластной атаманши сдѣлалась опальною, имѣя при себѣ шестерыхъ малолѣтнихъ дѣтей и при имуществѣ, на которое наложенъ былъ секвестръ. Эта женщина пережила своего мужа двадцатью годами и скончалась въ 1804 году. Ликъ ея, въ богатой донской одеждѣ того времени, сохранился на портретѣ, находящемся теперь въ залѣ атаманскаго дворца въ Новочеркасскѣ, гдѣ имѣются также изображенія почти всѣхъ донскихъ атамановъ, начиная съ Данилы Ефремовича Ефремова (1738—1753) и оканчивая генераломъ Краснокутскимъ, прожившимъ на этой должности съ 1874 по 1881 годъ.

Переходя затѣмъ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ Степана Даниловича, мы, прежде всего, остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя относились къ «гражданской» части его управленія краемъ. Они могутъ быть раздѣлены на три разряда: 1) устройство войсковыхъ духовныхъ дѣлъ, 2) народнаго образованія и 3) упорядоченія малороссіянъ, занявшихъ донскія казачьи земли.

Донское духовное дѣло, т. е. ставленіе на священническія и діаконскія мѣста, въ прежнее время зависѣло сначала отъ московскихъ патріарховъ и митрополитовъ, а съ Петра Великаго донское войско въ этомъ отношеніи подчинено было воронежскому преосвященному, каковой постъ, въ атаманство Ефремова, занималъ святитель Тихонъ Задонскій, который жаловался въ святѣйшій синодъ, что «войско донское, и нынѣ самовольно властвуя, въ духовныя дѣла вступаетъ, къ церквамъ въ дьячки, понамари опредѣляетъ и грамоты даетъ, посвященныхъ въ стихарь собою отрѣшаетъ, въ казаки записываетъ и священниковъ къ себѣ собираетъ». Послѣ долгихъ препирательствъ, въ Черкасскѣ учреждена была семинарія, гдѣ готовились донцы къ духовнымъ должностямъ и рукопо-

Меланья Карповна Ефремова.

дагались воронежскими преосвященными. Устройствомъ этого учебнаго заведенія, недолго, впрочемъ, просуществовавшаго, всевластный атаманъ, имѣвшій полную возможность не допустить такого посягательства на разсѣяніе мѣстнаго невѣжества, доказаль, что онъ въ самое темное время донской жизни былъ не прочь предоста-

14*

вить своимъ подчиненнымъ возможность просвѣтить свой умъ науками. Что же касается до устройства малороссіянъ, которыхъ, по счету 1762 года, было на Дону болѣе 20 тысячъ, размѣщенныхъ по войску донскому болѣе чѣмъ въ 200 поселеніяхъ, то они были записаны въ особый подушный, такъ называемый, семигривенный окладъ. Кромѣ всего этого, атаманъ Ефремовъ, бывшій въ 1765 году въ Петербургѣ, представилъ высшему правительству проектъ преобразования внутренняго управленія войскомъ донскимъ, будто бы съ намѣреніемъ получить полное право неограниченно распоряжаться не только всѣми военными и гражданскими дѣлами, но и всѣми войсковыми денежными средствами. Но этому намѣренію не суждено было осуществиться, такъ какъ именно съ этого времени атаманъ началъ терять довѣріе правительства, поколебленное сдѣланными на него доносами бывшего наказнаго атамана Сидора Кирсанова и старшины Юдина.

Что касается военныхъ дѣйствій Степана Даниловича, то они не представляютъ собою чего либо выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ. Начавъ службу простымъ казакомъ, онъ, не имѣя и 20 лѣтъ отъ роду, былъ пожалованъ въ донскіе старшины, можно сказать, за заслуги своего отца; вскорѣ затѣмъ ему пожаловано было 30 рублей на саблю; въ началѣ сороковыхъ годовъ Степанъ Даниловичъ былъ походнымъ атаманомъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, едва достигнувъ 27-ми-лѣтняго возраста; участвовалъ и въ Семилѣтней войнѣ съ пруссаками. Кромѣ этого, атаманъ Ефремовъ ходилъ въ Крымскій походъ и преслѣдовалъ черкесъ, разграбившихъ Романовскую станицу на Дону, но эти послѣдніе его дѣйствія подверглись жестокой критикѣ и вошли впоследствии въ составъ многихъ обвинительныхъ пунктовъ, приведшихъ его къ потерѣ власти и къ ссылкѣ. Слава Степана Даниловича, какъ правителя, военачальника и покровителя просвѣщенія народнаго, и въ тогдашнее глухое и бездорожное время гремѣла далеко за предѣлами Донской земли, вызывая къ нему сочувствіе лицъ, совершенно ему не подчиненныхъ. Въ доказательство можно упомянуть о сохранившемся огромномъ, съ акростихомъ, «Панагирисѣ его высокоблагородію, Стефану Даниловичу, войска донского войсковому атаману, чрезъ три пѣтическія музы: Клію, Талію, Полимнію». Тяжелый рюмочанный «Панагирисъ» этотъ поднесенъ ему въ 1753 году нѣкимъ Яковомъ Семеновичемъ и сочиненъ поэтами Харьковскаго коллегиума.

Степанъ Даниловичъ, кромѣ всего, принималъ дѣятельное участіе въ походѣ на Петергофъ 28 іюня 1762 года, возведшемъ Екатерину на престолъ. Находясь въ то время въ Петербургѣ, атаманъ Ефремовъ, во главѣ донского старшины Михаила Поздѣева, войскового дьяка Ивана Янова, походныхъ есауловъ: Семена Сулина и Ивана Горбикова, донскихъ и значительнаго числа гребенскихъ, терскихъ

и япцкихъ казаковъ, слѣдовалъ за императрицею въ Петергофъ и обратно, за что, по собственноручной резолюціи государыни, удостоился получить саблю съ серебряною оправою, при чемъ находившіяся подъ его командой лица также были щедро награждены: старшины и есаулы золотыми медалями, каждая вѣсомъ въ 30 червонныхъ, а казаки по 10 рублей каждый «противъ гвардіи солдатъ». Въ спискахъ казаковъ, между прочими, находится Иванъ Платовъ—отецъ атамана и графа, а также Карпъ Денисовъ—отецъ Андріяна Карповича Денисова, бывшего войсковымъ атаманомъ съ 1818 по 1821 годъ¹⁾.

Несмотря на то, что проектъ преобразованія въ управленіи войскомъ Донскимъ если и не провалился, то затормозился поданными на Степана Даниловича доносами, онъ, по возвращеніи изъ Петербурга на Донъ, вступилъ во всѣ права неограниченнаго правителя Донской земли. Онъ оставлялъ безъ вниманія всѣ требованія объясненій по взводимымъ на него обвиненіямъ, не исполнилъ шести указовъ о прибытіи его въ Петербургъ для личной дачи отвѣтовъ и одинъ разъ, отправившись какъ бы въ Петербургъ, проѣхалъ по нѣкоторымъ донскимъ станицамъ и неожиданно для всѣхъ возвратился въ Черкасскъ. Послѣ такихъ дѣйствій атамана, доказывающихъ его явное неповиновеніе государственной власти, правительству ничего не оставалось, какъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и укротить ослушника. Съ этою цѣлью въ 1772 году былъ посланъ на Донъ генераль Череповъ, которому приказано было понудить Ефремова къ немедленному отправленію въ Петербургъ и на время его отсутствія управлять Донскимъ войскомъ. Вмѣстѣ съ пріѣздомъ этого лица въ Черкасскъ по Дону пошли тревожные слухи, говорившіе о томъ, что Череповъ присланъ туда для того, чтобы, «раздѣливъ рѣку», т. е. войско Донское, всѣхъ казаковъ записать въ «регулярство». Эти слухи, въ распущеніи которыхъ обвинялся атаманъ Ефремовъ, быстро пролетѣли по Донской землѣ и всполошили ее на всемъ протяженіи, а въ Черкасскѣ произвели настоящій бунтъ. Прежде всего не повѣрили казаки указамъ военной коллегіи, съ которыми явился на войсковой кругъ генераль Череповъ 1-го октября 1772 года, и не повѣрили потому, что на нихъ не было «ручки государыни», а потомъ придрался къ тому, что атаманъ назначенъ на эту должность именнымъ царскимъ указомъ, а лишается власти военною коллегіей, которая не въ правѣ де отмѣнять высочайшихъ повелѣній. Какъ на основаніи этихъ официальныхъ причинъ, такъ и вслѣдствіе общаго раздраженія, произведеннаго распущенными слухами,

¹⁾ Свѣдѣнія о Петергофскомъ походѣ заимствованы изъ архива сената и обязательно сообщены въ архивъ донского музея любителемъ донской старины А. М. Казлюгинимъ.

войсковой кругъ забунтовалъ въ полномъ составѣ. Крикъ, гвалтъ и ругательства по адресу генерала Черепова заставили этого послѣдняго ретироваться въ свою квартиру; называя этого посланца «нечистымъ духомъ», зачинщики и заправилы бунта появились у его квартиры, откуда намѣревались вытащить этого генерала и вонъ изъ города выгнать, а потому, какъ говорить слѣдственное производство, «на крыльцо и сѣни метались, да и въ свѣтлицы войти порывались; въ покой и въ старшинъ каменья бросали, въ крыльцо плахами били, а по выходѣ его, Черепова, чрезъ заднее крыльцо къ рѣкѣ Дону отплыть въ крѣпость, затопить хотѣли», а когда «съ бывшими при немъ старшинами между мятежнаго народа чрезъ городъ и живой мостъ пошелъ, въ то время ругательно его кулакамъ, земляною грудю и пеньками били, за волосы драли и сюртукъ на немъ изорвали». Хотя атаманъ Ефремовъ не уличенъ въ возбужденіи и поощреніи этого бунта, но все это отнесено къ его интригѣ, а потому чрезъ мѣсяцъ послѣ этого побоища, когда Ефремовъ все же не спѣшилъ отъѣздомъ въ Петербургъ, въ его «Зеленый дворъ» среди ночи явился, во главѣ цѣлаго эскадрона драгунъ, капитанъ-поручикъ Ржевскій и, арестовавъ его, доставилъ въ крѣпость св. Димитрія. На утро, когда объ этомъ разнеслась вѣсть, Черкасскъ и сосѣднія станицы встали, какъ одинъ человекъ, и, обложивъ со всѣхъ сторонъ крѣпость, потребовали выдачи любимаго начальника. Официально извѣстно, что къ недовольнымъ вышелъ оберъ-комендантъ Потаповъ, который успокоилъ казаковъ заявленіемъ, что атаманъ взять по высочайшему повелѣнію, между тѣмъ какъ преданіе гласитъ объ этомъ дѣлѣ иными словами. Не повѣрили казаки и Потапову, а съ угрозами продолжали взбираться на крѣпостныя стѣны, обѣщаясь не оставить камня на камнѣ, и только вслѣдствіе усиленныхъ убѣжденій коменданта Степанъ Даниловичъ вышелъ на валъ и обратился къ казакамъ съ рѣчью, въ которой заявилъ, что онъ взять по приказанію императрицы, на любовь которой къ нему и къ войску Донскому вполне надѣется, и что онъ скоро вернется къ нимъ и порадуетъ ихъ новыми царскими милостями¹⁾. Это преданіе подтверждается и сказкой-пѣснью, неизвѣстно кѣмъ и когда составленной, но на распѣвъ произносимой нѣкоторыми стариками въ половинѣ XIX столѣтія.

Тамъ по этому случаю говорится:

¹⁾ За хорошее обхожденіе коменданта Потапова Ефремовъ подарилъ ему сѣдло и полную верховую сбрую. Потомокъ коменданта, донской атаманъ А. Л. Потаповъ (1865 — 1868 гг.), показывалъ всѣмъ въ Новочеркасскѣ это сѣдло и сбрую. Куда дѣвались эти вещи послѣ смерти Александра Львовича,—неизвѣстно.

Авт.

И выходитъ къ нимъ генералушка,
 Говорить онъ зычно, въ лицѣ мѣняючись,
 Что велѣла взять Степанъ Данилыча
 Сама матушка-государыня
 За его-то дѣла, за дѣла беззаконныя.
 «Ужъ и врешь ты и брешишь, генералушка,
 Не она тебѣ приказывала,
 Не она, матушка, тебѣ указывала,
 Указали тебѣ сенаторы-генералушки,
 Что Степанъ Данилыча завистники...
 Ужъ подай ты намъ, выдай отца рѣднэгс...
 Не отдашь добромъ—только ты и жиль
 Сы своею крѣпкой крѣпостью,
 Сы солдатами своими, сы казенными!»

Эти слова, будто бы, сильно подѣйствовали на оберъ-коменданта, и на крѣпостной валъ былъ выпущенъ арестованный атаманъ, послѣ такой рѣчи котораго, обращенной къ бунтовщикамъ, сіи послѣдніе разошлись по домамъ:

«Ужъ вы дѣтки мои, дѣти родныя,
 Вы товарищи мои болючіе!
 На горе-кручинушку вы, дѣтки, зародилися,
 Сы своей нуждою, сы печалью примирилися...
 Разъѣжайтесь вы, дѣтушки, успокойтесь,
 Земелюшкѣ родимой поклонитесь,
 Старикамъ, женамъ, дѣтямъ повѣдайте,
 Что навѣтами злого врага Сидора Кирсанова
 Мать-царица на меня разгнѣвана...
 Я предстану предъ ней, государыней,
 Правоту свою я ей выложу,
 У ней милости я вамъ выпрошу
 И вернуся къ вамъ, на славный Тихій Донъ».

Только послѣ этихъ словъ, но и то не успокоенные, казаки разошлись. Какъ только разнеслась по Дону вѣсть объ арестѣ любимаго атамана, весь онъ, сверху и донизу, «всколыхнулся и взволновался», но не тѣмъ чувствомъ покорности и раболѣпія, которыми отличался впослѣдствіи, а чувствомъ оскорбленнаго самолюбія, чувствомъ боязни за свое казачье существованіе, чувствомъ желанія отмстить за такое неслыханное нарушеніе кровью заслуженныхъ имъ правъ и вольностей.

Надо было появиться чему нибудь подходящему для того, чтобы дать возможность этимъ противоположеннымъ чувствамъ выйти наружу. Въ воздухъ носился уже запахъ пугачевщины.

Не далѣе какъ съ небольшимъ чрезъ годъ послѣ арестованія Степана Ефремова, на Волгѣ появился казакъ Зимовейской станицы, Емельянъ Пугачевъ, окруженный представителями недовольныхъ новыми порядками донцовъ, и по всей восточной Россіи загорѣлся пожаръ, съ такими большими усиліями потушенный...

Ефремова привезли въ Петербургъ закованнымъ въ кандалы, и надъ нимъ начался военный судъ. Слѣдствіе по разнообразнымъ преступленіямъ атамана производилось, сравнительно, недолго. Покуда тянулось оно, Степанъ Даниловичъ велъ дѣятельную переписку со своею женою, нѣкоторыми приверженными къ нему на Дону чиновниками и даже съ цѣлыми станицами. Въ письмахъ своихъ онъ живо интересовался дѣлами родины, показывалъ бодрость своего духа и полную увѣренность въ томъ, что невинность его восторжествуетъ надъ кознями враговъ. Произведенное надъ нимъ слѣдствіе обвиняло его въ преступленіяхъ, раздѣленныхъ слѣдственною комиссію, засѣдавшею то въ крѣпости св. Димитрія, то въ Черкасскѣ, на три разряда: 1) о расхищеніи денежной казны, 2) о взяткахъ и 3) о боѣ и выгонѣ изъ Черкаска генераль-майора Черепова; въ приговорѣ же военного суда къ этимъ тремъ разрядамъ прибавлены и другіе. Какъ производился этотъ судъ, какъ и чѣмъ защищался на немъ подсудимый атаманъ,—изъ дѣлъ не видно; сохранились только строки упомянутой выше пѣсни-сказки, говорящей между прочимъ, что на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля, присутствовалъ и доносчикъ Сидоръ Кирсановъ.

Не сама-то судъ творила государыня,
Отдала она Степанъ Данилыча
Сенаторамъ злымъ, генералушкамъ,
Сидоркинымъ да друзьямъ и пріятелямъ...
И какъ грянетъ Степанъ Даниловичъ
Тому Сидорѣ, Іудѣ Искаріотскому:
«Ужь холопъ ты, рабъ, душа ты продажная,
Ужь прислужникъ ты, пѣсъ ненасытливый,
Ужь не я-ль тебя въ люди выдвинулъ?
Не моей ли казной въ богачи попалъ?
Не моей ли рукой властной, атаманскою,
Я спасалъ тебя, пса смердящаго,
Перебѣжчика, переметчика,
Отъ ненависти въ войсковыхъ кругахъ?
Разнесли-бъ твоё тѣло смрадное,
Потолкли-бъ твои кости поганья,
И въ мѣшкахъ твои-бъ дѣти плавали
И сравнивали-бъ твой домъ со сырой землей».
И какъ снопъ упалъ отщепенецъ пѣсъ.

«Отщепенецъ» Кирсановъ не выдержалъ дѣйствія словъ безсильнаго властью, но сильнаго духомъ атамана и упалъ въ обморокъ въ судебной залѣ. Военный судъ, какъ и слѣдовало ожидать, обвинилъ Ефремова въ тяжкихъ преступленіяхъ, какъ противъ верховной власти, такъ и противъ законовъ службы государственной. Войсковая грамота отъ 28-го апрѣля 1773 года, кратко цитирующая приговоръ военного суда, говоритъ, что онъ признанъ виновнымъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ: «1) дѣлалъ онъ, атаманъ Ефремовъ, презрительное оставленіе присылаемыхъ къ нему

отъ главнокомандующихъ ея императорскаго величества арміями генераловъ повелѣній, составляющихъ службѣ ея императорскаго величества пользу; 2) въ безплодномъ и по службѣ совсѣмъ въ упустительномъ бытіи въ 1769 году на Крымской степи до девяти тысячъ казаковъ и тѣмъ самымъ неисполненіемъ имъ той вѣрности и присяги, которою онъ къ службѣ обязанъ былъ; 3) нерадительное преслѣдованіе приходившаго къ Романовской станицѣ и разорившаго оную непріятели, и что онъ за нимъ далѣе рѣчки Би посланной командѣ гнать не велѣлъ; 4) въ ослушности и совсѣмъ въ презрѣніи шести посланныхъ къ нему изъ военной коллегіи о бытіи въ Санктъ-Петербургъ указовъ; 5) въ неповиновеніи по онымъ и возвращеніемъ къ Черкаску подалъ онъ причину къ замѣшательству нѣкоторыхъ, кои дерзновенно коснулись буйственными и своевольными своими поступками обругать, выгнать и бить господина генераль-майора Черепова, и тѣмъ онъ навелъ на себя въ сообществѣ съ ними явное подозрѣніе; 6) публично предъ старшинами съ дерзостью, клонящеюся ко угроженію, забывъ подданническую къ ея императорскому величеству должность, выговаривалъ непристойныя слова, а, сверхъ того, найденъ и въ прочихъ, противныхъ законамъ чести и должности, проступкахъ». Подъ «прочими», въ приговорѣ не названными, проступками надо разумѣть обвиненія Ефремова во взяткахъ и расхищеніи войсковою казны, о чемъ подробно говорится въ слѣдственномъ производствѣ. Разсматривая теперь, какъ это послѣднее, такъ и приговоръ суда, нельзя не замѣтить, что Степанъ Ефремовъ осужденъ былъ единственно за преступленіе, имѣющее политическую окраску, это—за неисполненіе шести указовъ и за какія-то «непристойныя слова», ибо всѣ остальные проступки или не доказаны, или обвиненія въ нихъ падаютъ сами собою. «Безплодное» бытіе его въ Крымской степи и слабое преслѣдованіе черкесъ, разорившихъ Романовскую станицу, никому не было извѣстно, такъ какъ атаманъ совершенно независимо распоряжался своими силами. «Явное подозрѣніе» въ томъ, что онъ былъ въ сообществѣ съ буянами въ дѣлѣ генерала Черепова, какъ «подозрѣніе», не могло быть наказуемо; что же касается до взятокъ и расхищеній казны, то, прежде всего, одни свидѣтели утверждаютъ это, другіе отрицаютъ. Да и кто въ тѣ поры не бралъ такъ называемыхъ «благодарностей»? Всѣ, начиная отъ писца земскаго суда до первоприсутствующаго въ сенатѣ; кромѣ того, атаману Ефремову и не было надобности въ такихъ ничтожныхъ приобрѣтеніяхъ, какъ, напримѣръ, 200 рублей за производство въ чинъ: получивъ отъ своего отца въ наслѣдство одной серебряной монеты на 535.000 рублей, червонцевъ на 70.000 рублей, 5 фунтовъ жемчугу, много сундуковъ съ серебряною посудой, шубами и мѣхами, а также богатые конскія сбруи, до 10.000 головъ лошадей, нѣсколько мельницъ, виноградныхъ садовъ, а также

много людей разныхъ вѣръ и происхожденій, т. е. крестьянъ, всего и въ миллионъ не уберешь, а такая сумма по тому времени составляла огромный капиталъ,—Степанъ Ефремовъ дополнилъ это состояніе доходами отъ своихъ имѣній и едва ли могъ унизиться до мелкихъ взятокъ съ частныхъ лицъ и похищеній изъ казны. Но политическаго преступника нужно было еще полить и грязью для того, чтобы люди смотрѣли на него, какъ на хитителя частной и общественной собственности. Такъ или иначе, а военный судъ «за всѣ тѣ его преступления, оказавшіяся по дѣлу по застарѣлой въ немъ гордости, упрямству, противности и ослушанію, сентенціею приговорилъ его, бывшего атамана Ефремова, къ лишенію живота, и именно повѣсить правильно». У императрицы дрогнула рука утвердить этотъ жестокій приговоръ. Она только лишила Ефремова всѣхъ чиновъ и повелѣла сослать его на вѣчное жителство въ г. Перновъ. Сидя въ казематѣ этого города, закованный въ кандалы, «гордый», «упрямый» и «противный» владыка Донской земли не могъ не слышать объ успѣхахъ своего однокашника Емельяна Пугачева, точно мстившаго правительству за незаслуженное униженіе своего атамана...

Долго ли прожилъ Степанъ Ефремовъ въ Перновѣ,—изъ документовъ не видно. Знаемъ только, что онъ возвращенъ былъ въ Петербургъ, гдѣ императрица повелѣла снять съ него кандалы и дозволила жить въ Таганрогѣ; но Ефремовъ почему-то не пожелалъ воспользоваться этой милостью и остался въ Петербургѣ. Она, можетъ быть, отпустила бы его и на Донъ, какъ уже человѣка стараго, но при снятіи кандаловъ Ефремовъ снова обнаружилъ гордость и упрямство. Сказка-пѣсня по этому поводу говоритъ слѣдующее:

Расковать его капитанушка,
И беретъ онъ себѣ цѣпь желѣзную,
И возговорилъ ему Степанъ Даниловичъ:
«Ты не тронь, не бери кандалы-цѣпи тяжелыя,
Я ихъ самъ возьму, покажу дѣткамъ-сиротинушкамъ,
И скажу я имъ, добрымъ слугамъ государыни,
Что за вѣрную службу нашу, за подвиги,
Намъ награда—цѣпи тяжелыя,
Кандалы-то намъ, кандалы желѣзные»...

Послѣ такихъ словъ о возвращеніи Ефремова на Донъ и думать было нечего. Все время низверженный атаманъ прожилъ подъ надзоромъ въ Петербургѣ вдали отъ жены и дѣтей; тамъ онъ и скончался, будучи похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ на его могильной плитѣ, кромѣ трудно читаемыхъ пустыхъ хвалебныхъ виршей, выбита слѣдующая надпись: «Сей представившійся Степанъ Даниловичъ Ефремовъ былъ сынъ тайнаго совѣтника и донскихъ войскъ атамана Данилы Ефремовича Ефремова. Родился 1715 года іюля 27, а тезоименитство его августа 2-го,

войсковымъ атаманомъ былъ 19 лѣтъ (съ 1753 по 1772 г.), скончался 1784 года марта 15; житія его было 69 лѣтъ». Теперь же и могилы его отыскать нельзя, и доска съ надписью куда-то исчезла, хотя сорокъ лѣтъ назадъ все это держалось въ возможномъ порядкѣ. Но пусть прахъ покроется прахомъ. Исторія сохранить память о человѣкѣ, который за благо страны своей пожертвовалъ и семьей, и родиной, и свободой, и жизнью...

И дѣйствительно, Степанъ Даниловичъ одинъ пострадалъ за Череповскій бунтъ, такъ какъ императрица особою грамотою 1774 года повелѣла: «всѣ слѣдствія по дѣлу Ефремова оставить и уничтожить, казаковъ, содержащихся по симъ дѣламъ подъ стражею, выпустить и простить». Такая милость учинена, будто бы, «въ разсужденіи вѣрной и усердной службы войска Донского въ сей (Турецкой) войнѣ». По всѣмъ признакамъ думается, что не турецкая война была причиною такой милости, а опасеніе большаго распространенія на Дону недовольства за насильственное взятіе любимаго атамана, да и разгорѣвшейся какъ разъ въ ту пору Пугачевской драмѣ на Волгѣ надо приписать въ этомъ отношеніи какое нибудь значеніе.

Знаменитый атаманъ оставилъ послѣ себя трехъ сыновей и трехъ дочерей, одна изъ которыхъ (Надежда) была въ замужествѣ за старшиной М. И. Платовымъ, впоследствии атаманомъ и графомъ. Два сына его, Даниилъ и Александръ, умерли, не оставивъ дѣтей мужского пола. Нынѣшнее поколѣніе Ефремовыхъ (правнуки атамана) идетъ по прямой линіи отъ третьяго сына его, Степана Степановича. Эти потомки—шесть братьевъ, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, послѣ смерти отца своего Николая Степановича, раздѣлили между собою принадлежавшую имъ въ разныхъ округахъ Донской области площадь земли пространствомъ около 50 тысячъ десятинъ. Изъ нихъ въ живыхъ осталось только два—Михаилъ и Василій Николаевичи, а также и дѣти ихъ умершихъ братьевъ, и роду Ефремовыхъ не угрожаетъ той опасности вырожденія, какая постигла родъ Платовыхъ, въ мужскомъ поколѣніи совершенно угасшій...

Фамилія Ефремовыхъ до сихъ поръ уважается на Дону, несмотря на то, что въ послѣднія 50 лѣтъ совершенно измѣнился ликъ этого защитника и виждителя русскаго царства,—уважается, говорю, потому, что не умерло еще преданіе о его знаменитыхъ родоначальникахъ, а главное, что все поколѣніе Степана Даниловича, все безъ исключенія, отличается необыкновенною добротою характера, «Ефремовскою» добротою и участливостью къ нуждамъ ближняго. Такое завидное качество дано природою потомкамъ Степана Даниловича какъ будто для того, чтобы вознаградить тѣнь ихъ прародителя за перенесенныя имъ страданія.

А. Карасевъ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЪ ПАЛЕСТИНУ ¹⁾.

XX.

Отъ Ѡавора до Тиверіады.—Кочевые бедуины.—Мрачный видъ становища.—Библиейское значеніе суши и воды.—Тиверіадское озеро—колыбель христіанства.—Греческій монастырь.—Рыбацкая лодка.—Разъѣзды Христа по озеру.—Храмъ нерукотворенный.—Чтеніе Евангелія.—Галилейскіе рыбаки.—Соединеніе церквей.

ТЪ ѠАВОРА до Тиверіады около двадцати верстѣ. Дорога пробирается на сѣверо-востокъ между галилейскими горами. Вчера здѣсь прошелъ большой караванъ паломниковъ, и мы рѣшили нагнать его на берегу Тиверіадскаго озера, чтобы дальнѣйшій путь въ Кану и въ Назаретъ сдѣлать въ толпѣ русскихъ богомольцевъ.

Часто попадались намъ хлѣбныя поля, почти готовыя къ жатвѣ. И это въ двадцатыхъ числахъ марта! Встрѣчныхъ было очень мало. Когда встрѣчался туземный крестьянинъ феллахъ, мы спѣшили привѣтствовать его заученнымъ «мархаба!»—здравствуйте! Селеній по пути немного. Мѣстами натыкались на бедуинскія становища.

Если я мечталъ прійти отъ чего въ восторгъ, такъ это отъ палатокъ кочевыхъ арабовъ. Съ ранняго дѣтства, по яркимъ раскрашеннымъ картинкамъ библиейской исторіи, у меня составилось свѣтлое представленіе о кочевой жизни Авраама, Исаака и Іакова. Зеленыя пастбища, лазурное небо, яркое солнце, разнообразный мел-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIX, стр. 504.

кій и крупный скоть, гостепріимные шатры, веселые ребятишки, наконецъ, сами кочевники, ласковые, сердечно зазывающіе въ гости всякаго путника. На нихъ яркія пестрыя одежды, величественная поступь, величавыя рѣчи... На самомъ дѣлѣ далеко не такъ! На голомъ грунтѣ стоятъ черныя длинныя палатки, съ покрывкою въ два-три перелома. Чѣмъ-то суровымъ вѣетъ отъ темныхъ дырвухъ войлоковъ. Скота поблизости не видно. Дѣти держатся издали и смотрятъ исподлобья. Взрослые закутаны въ одежды темнаго цвѣта. Что-то мрачное, угрюмое казалось мнѣ въ картинѣ становища бедуиновъ. И это, можетъ быть, только потому, что насъ раздѣляетъ религіозная рознь.

Вѣроятно, черныя палатки бедуиновъ вызывали бы у меня болѣе радостное настроеніе, если бы они были христіанами и съ радостіемъ Авраама предлагали бы свое гостепріимство; но даже мой спутникъ въ бедуинскомъ костюмѣ и тотъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ обходилъ подалеже отъ шатровъ потомковъ Авраама.

— Богъ ихъ знаетъ,—замѣчалъ онъ,—можетъ быть, это разбойники. Вѣдь вы знаете, какая молва идетъ о здѣшнихъ бедуинахъ.

Въ одномъ только мѣстѣ мы осмѣлились подойти поближе къ колодцу, гдѣ собрались женщины и дѣти. Они сначала очень дичились насъ, но звонкія парички заставили ихъ подойти къ намъ нѣсколько поближе.

Большую часть пути я прошелъ пѣшкомъ вмѣстѣ съ нашимъ «бедуиномъ». Мы оба страстно желали поскорѣе увидѣть Тиверіадское озеро, на которомъ впервые раздалось евангельское ученіе Иисуса Христа. Исторія ветхозавѣтнаго Израиля прошла по сушѣ. Ханаанъ, Халдея, Египетъ, Синайская пустыня—вотъ страны библейскихъ событій. Если евреямъ и случилось переходить Черное море и рѣку Иорданъ, то и тутъ они дивнымъ образомъ прошли, «яко по суху». Господь водилъ ихъ «по пустынѣ великой и страшной, гдѣ змѣи, василиски, скорпіоны и мѣста сухія, на которыхъ нѣтъ воды» (Втор. VIII, 15). Въ этой-то сухой, безводной пустынѣ Господь явился Израилю и заключилъ съ нимъ свой Завѣтъ. Но вотъ наступило время Новаго Завѣта, и Господь являетъ себя на Иорданѣ и на Галилейскомъ морѣ. Черезъ воду крещенія стали входить въ Новый Завѣтъ. Съ лодки на Тиверіадскомъ озерѣ раздалось Евангеліе.

Итакъ христіанство родилось на водѣ. И я теперь жаждалъ видѣть берега Галилейскаго моря, какъ колыбель христіанства. Мы много опередили нашихъ спутникомъ, несмотря на то, что они ѣхали на ослахъ. Дорога шла къ перевалу, отъ котораго начинался спускъ къ озеру. Оно сразу намъ открылось во всю свою ширину, но концы его терялись вдали за горами.

Я остановился въ благоговѣйномъ восторгѣ и замеръ отъ сознанія важной минуты. Вѣроятно, подумалъ я, и Христосъ, проходя

къ Тиверіадѣ, не одинъ разъ стоялъ на этомъ перевалѣ передъ озеромъ.

«Бедуинъ» выразилъ свой восторгъ болѣе шумно и сильно. Онъ воздѣлъ руки къ небу и громко произнесъ по-гречески «Отче нашъ», а затѣмъ все время читалъ молитвы по-славянски, пока не нагнали насъ остальные спутники. Теперь уже оставалось немного до Тиверіады: надо было спуститься съ горы къ береговой равнинѣ и пойти съ южной стороны отъ города. Красивое озеро среди зеленѣющихъ береговъ вызывало искренніе восторги у всей моей компаніи. Здѣсь царило удивительное спокойствіе. Издали незамѣтно было на поверхности воды ни малѣйшей ряби. Ни одного паруса, ни одной двигающейся точки. На небѣ также не плыветъ ни одного облачка. Полнѣйшая тишина! Даже непрестанно лющіеся горячіе лучи высокаго солнца тоже какъ бы застыли въ этой яркой картинѣ.

— Какая тишина! Какое спокойствіе!—непрестанно восклицалъ болѣе страстный по темпераменту «бедуинъ».

Когда мы приблизились къ Тиверіадѣ, или къ Табаріи, какъ теперь называютъ этотъ единственный городъ на берегахъ озера, намъ стали встрѣчаться наши соотечественники. Мы были очень довольны, что нагнали караванъ паломниковъ, и согласились выступить въ путь вмѣстѣ съ ними завтра утромъ. При въѣздѣ въ городъ происходила торговля; между прочимъ здѣшніе рыбаки продавали только что пойманную рыбу. Ничто, напоминающее Евангеліе, меня такъ не обрадовало въ Палестинѣ, ни груды плодовъ, ни смоквы, ни масличныя деревья, ни пальмовыя ваи, какъ эта серебристая рыба въ рукахъ рыбаковъ на берегу Тиверіадскаго озера.

— Сейчасъ же отправимся! Слышите,—говорю я своимъ спутникамъ:—сейчасъ нанимаемъ лодку и ѣдемъ къ Геннисаретскимъ берегамъ.

Тѣсныя и грязныя улицы Тиверіады съ частыми поворотами направо и налево скоро привели насъ къ греческому монастырю. Дворъ и лѣстница двухъэтажнаго зданія невѣроятнo грязны. Всюду толпится народъ. Всѣ комнаты заняты паломниками. У меня было рекомендательное письмо къ здѣшнему архимандриту Аврааму, но и онъ въ такой тѣснотѣ безсиленъ былъ предоставить намъ какія либо удобства для ночлега. Я попросилъ его нанять для насъ лодку, а самъ съ «бедуиномъ» пошелъ обозрѣвать, какъ пріютилась здѣсь такая масса паломниковъ. Говорятъ, въ караванѣ было до тысячи человекъ обоого пола. Женщины отдѣльно заняли двѣ-три комнаты въ верхнемъ этажѣ. Нѣкоторые расположились внизу въ какихъ-то сараяхъ прямо на землѣ. Въ одномъ изъ этихъ сараевъ была церковь, и она тоже сплошь была занята народомъ. Это была, кажется, самая убогая церковь, какую я встрѣчалъ до сихъ поръ въ Палестинѣ. На дворѣ толкались и кричали ослы и мулы. Въ об-

Видъ города Тиверіады (Табарія).

щемъ царилъ здѣсь страшный безпорядокъ. Въ коридорѣ мы встрѣтили крестьянина-богомольца съ котелкомъ горячей ухи изъ здѣшной свѣжей рыбы.

— Продай, голубчикъ, хоть тарелочку ухи!—просимъ у него.

— Пожалуйста, кушайте, сколько хотите: я еще себѣ сварю,—любезно предлагаетъ крестьянинъ.

Въ эту минуту мы не такъ дорожили ѣдой вообще, какъ тѣмъ сознаниемъ, что мы ѣдимъ рыбу, которую нѣкогда ловили самъ Христосъ съ апостолами.

Вскорѣ пришелъ хозяинъ лодки и договорился съ нами въ цѣнѣ. Изъ моихъ товарищей согласились сейчасъ ѣхать только «бедуинъ» и старообрядецъ купецъ. Остальные ссылались на усталость и позднее время. Былъ, однако, четвертый часъ дня. Черезъ грека-монаха мы просили лодочника вести насъ въ Телль-Хумъ на сѣверный берегъ озера, гдѣ мы намѣревались сдѣлать высадку на полчаса, а затѣмъ назадъ въ Тивериаду.

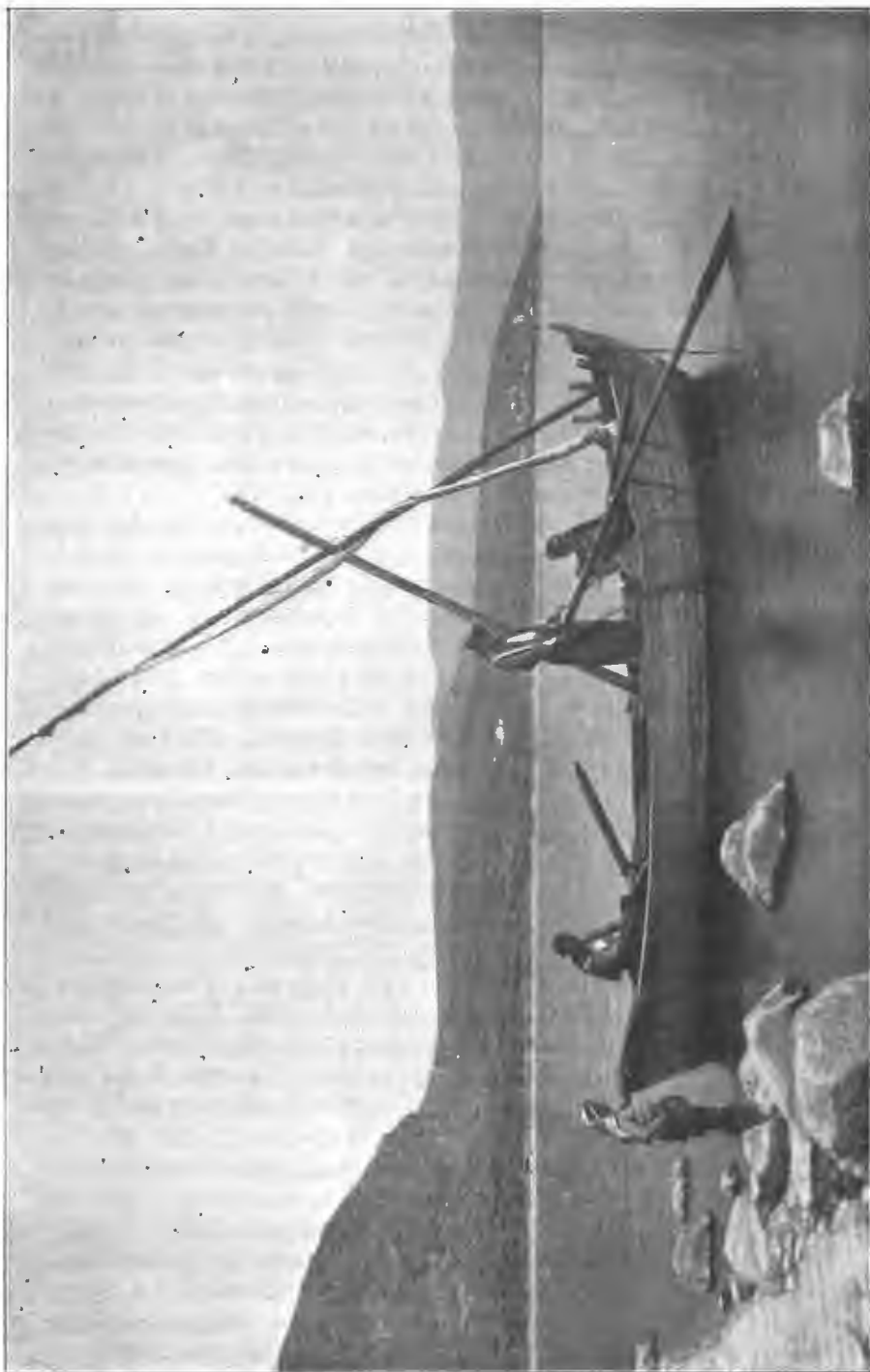
По дорогѣ къ озеру мы купили хлѣба и маслинъ. Пристаней не было. Берегъ отлогій, а суда стояли въ отдаленіи отъ него на якоряхъ. На лодку насъ перенесли рыбаки на своихъ спинахъ.

Невыразимый восторгъ охватилъ насъ, когда мы усѣлись на палубной кормѣ. Легко повѣрить, что во времена Христа Спасителя лодки были на здѣшнемъ озерѣ совершенно такого же типа, какъ и наша. Длинною она была около четырехъ саженъ. Кромѣ крытыхъ кормы и носа, въ лодкѣ были двѣ скамейки для гребцовъ. Невысокая мачта была наклонна впередъ, а на концѣ ея держался своею серединою длинный реекъ съ однимъ треугольнымъ парусомъ. Нижній конецъ рейка крѣпился у носа лодки. Съ нами отправилось четыре рыбака изъ мѣстныхъ жителей.

Было тихо, и рыбаки, поднявъ якорь, сѣли въ весла. По-русски они не говорили, и намъ нельзя было ихъ разспросить. А хотѣлось бы многое узнать непосредственно отъ галилейскихъ рыбаковъ!

Отъ Тивериады до Телль-Хума по прямому направленію считается десять верстъ. Собственно все озеро въ длину около двадцати верстъ, и половина этого въ ширину, противъ Магалды, нынѣ деревушки Ель-Медждель. Евангеліе говоритъ о разѣздахъ Христа въ сѣверной половинѣ озера. Извѣстное укрощеніе бури случилось въ сѣверо-восточной части, по дорогѣ отъ Капернаума въ Гергесинскую страну, откуда Христосъ, послѣ испѣленія бѣсноватаго, тотчасъ же выѣхалъ обратно въ свой городъ Капернаумъ. Чудесное хожденіе по водамъ совершилось по пути въ Геннисаретскую землю, въ Виесаиду, или въ Капернаумъ.

Послѣ насыщенія народа семью хлѣбами Христосъ прибылъ на лодкѣ въ предѣлы Магдалинскія (Далмануескія) и отсюда, отказавшись дать фарисеямъ «знаменіе», отплылъ, вѣроятно, къ Виесаидѣ

Рыбаки на Тиверіадскомъ озерѣ.

Юлиадѣ. Эта послѣдняя поѣздка Божественнаго учителя сопровождалась его бесѣдою о воздержаніи отъ фарисейской закваски. Вотъ и всѣ главные переѣзды, о которыхъ упоминается въ Евангеліи. Понятно, что христіанина тянетъ именно въ сѣверныя воды Тиверіадскаго озера, куда и мы тихо плыли, наслаждаясь красивымъ видомъ уходящихъ вдаль гористыхъ береговъ.

Здѣсь я отдыхалъ душою. Ничто насъ не тревожило въ эти радостныя минуты. Никакого сомнѣнія для насъ не было, что мы плывемъ по тѣмъ водамъ, которыя носили и Христа съ апостолами. Здѣсь намъ никто не указывалъ пальцемъ точнаго мѣста стоянія Христа, никто не насиловалъ нашей совѣсти, никто не продавалъ за деньги благодати Божіей, никто не навязывалъ благочестивыхъ преданій. Здѣсь все было свободно, открыто, естественно. Здѣсь на озерѣ, въ зеленыхъ берегахъ, подъ сводомъ голубого неба, былъ всенародный нерукотворенный храмъ, въ которомъ съ чистою вѣрою легко возносились молитва къ Богу.

Мы все болѣе и болѣе удалялись отъ западнаго берега, такъ что когда вышли на параллель деревушки Ель-Медждель (древняя Магдала), то были отъ нея въ разстояніи трехъ верстъ. Тутъ мы вспомнили свои маслины и дружелюбно раздѣлили ихъ со своими рыбаками. Питьемъ намъ служила чистая, мягкая вода озера. Кружка непрестанно переходила изъ рукъ въ руки. Всѣмъ намъ хотѣлось побольше отвѣдать священныхъ водъ колыбели христіанства.

Чѣмъ ближе мы были къ сѣвернымъ берегамъ, тѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ относились къ незабвеннымъ мѣстамъ.

— Вотъ и здѣсь Христосъ явилъ Себя народу,—замѣтилъ намъ «бедуинъ», когда мы были напротивъ ярко-зеленой Геннисаретской равнины. Онъ вытащилъ изъ-за пазухи небольшую книжечку, тщательно завернутую въ темный платокъ. Это былъ изящный экземпляръ Новаго Завѣта на греческомъ языкѣ. «Бедуинъ» раскрылъ намъ всѣ мѣста Евангелія, гдѣ говорится о пребываніи Иисуса Христа на озерѣ, и перевелъ ихъ по-русски. Старообрядецъ съ большимъ вниманіемъ слушалъ чтеніе и очень былъ доволенъ, что извѣстный ему, принятый въ Россіи, славянскій текстъ благовѣствованія не отличается отъ греческаго. Можетъ быть, онъ впервые здѣсь увидѣлъ, что слово Иисусъ и по-гречески начинается съ десятиричнаго и съ восьмеричнаго «И».

Рыбаки-лодочники во все время гребли не переставали разговаривать между собою на непонятномъ для насъ языкѣ и, конечно, были совершенно безучастны къ нашимъ ликованіямъ.

Мы все время любовались ими, какъ потомками знаменитыхъ рыбарей, которые своею проповѣдью уловили цѣлый міръ людей. Старшаго по возрасту мы окрестили Симономъ Петромъ, а молодого — Іоанномъ. Для полноты картины, остальныхъ двоихъ назвали Іаковомъ и Андреемъ. Но... иронія судьбы! Тутъ-то, гдѣ ро-

дилось христіанство, дѣти основателей его не знаютъ ни Христа, какъ Спасителя, ни Евангелія... Они мусульмане.

— Вотъ мы сейчасъ прочитали, какъ Христосъ плавалъ въ ладѣ со своими учениками, — обратился «бедуинъ» къ старообрядцу.—А приходило ли вамъ на мысль, что ладья-то въ тотъ моментъ представляла единую соборную апостольскую церковь? Теперь уже не то: церковь раскололась надвое, вотъ какъ мы съ вами въ этой лодкѣ. И мы, никоніане, и вы, старообрядцы, называемся христіанами, а любви христовой между нами и нѣтъ.

Старообрядцу не понравился этотъ разговоръ, и онъ хотѣлъ его замаять, но «бедуинъ» успѣшилъ успокоить кушца:

— Я вѣдь не въ осужденіе вамъ говорю и не имѣю въ виду считаться, какая церковь болѣе права. «Раздѣленіе» идетъ съ самого Адама: такъ ужъ положено челоуѣчеству. Каинъ и Авель, Измаиль и Исаакъ, Исавъ и Іаковъ, Іудейское царство и Израильское, Восточная церковь и Западная,—вѣдь это прямо законъ челоуѣчеству раскалываться на двѣ половины. Но Христосъ предсказалъ, что Онъ соединитъ обѣ церкви, и будетъ едино стадо и единъ пастырь.

— Да, правда,—замѣтилъ я съ своей стороны,—работали двѣ лодки на озерѣ, Петрова и Іоаннова. Но, когда Христосъ вошелъ въ одну изъ нихъ и произвелъ чудесный ловъ рыбъ, и обѣ лодки соединились вмѣстѣ.

— Дай Богъ! Дай Богъ!—искренно пожелали мы всѣ соединенія церквей.

XXI.

Капернаумъ. — Нелюбезность католическаго монаха. — Городъ Христа. — Пустынь священнаго края. — Ночью на озерѣ. — Возвращеніе въ Тиверіаду. — Горячіе ключи. — Еврейство въ Тиверіадѣ. — Священныя мѣста. — По дорогѣ въ Кану Галилейскую. — Чудо превращенія воды въ вино. — Караванъ паломниковъ.

Когда мы стали подходить къ низкому берегу Телль-Хума, усѣянному камнями, солнце уже садилось за галилейскія горы. Лодочки пристали напротивъ католической постройки, огражденной каменнымъ заборомъ. Кромѣ этого хана, или гостиницы для туристовъ, другихъ построекъ не было на весь берегу. Намъ встрѣтилъ католическій монахъ и, увидѣвъ бедуинскій костюмъ одного и русскій картузъ и сапоги съ бутылками другого, не оказалъ намъ особенной любезности. На нашу просьбу воспользоваться ихъ минутнымъ гостепріимствомъ онъ сухо отвѣтилъ:

— Вы можете располагаться здѣсь, какъ вамъ угодно!

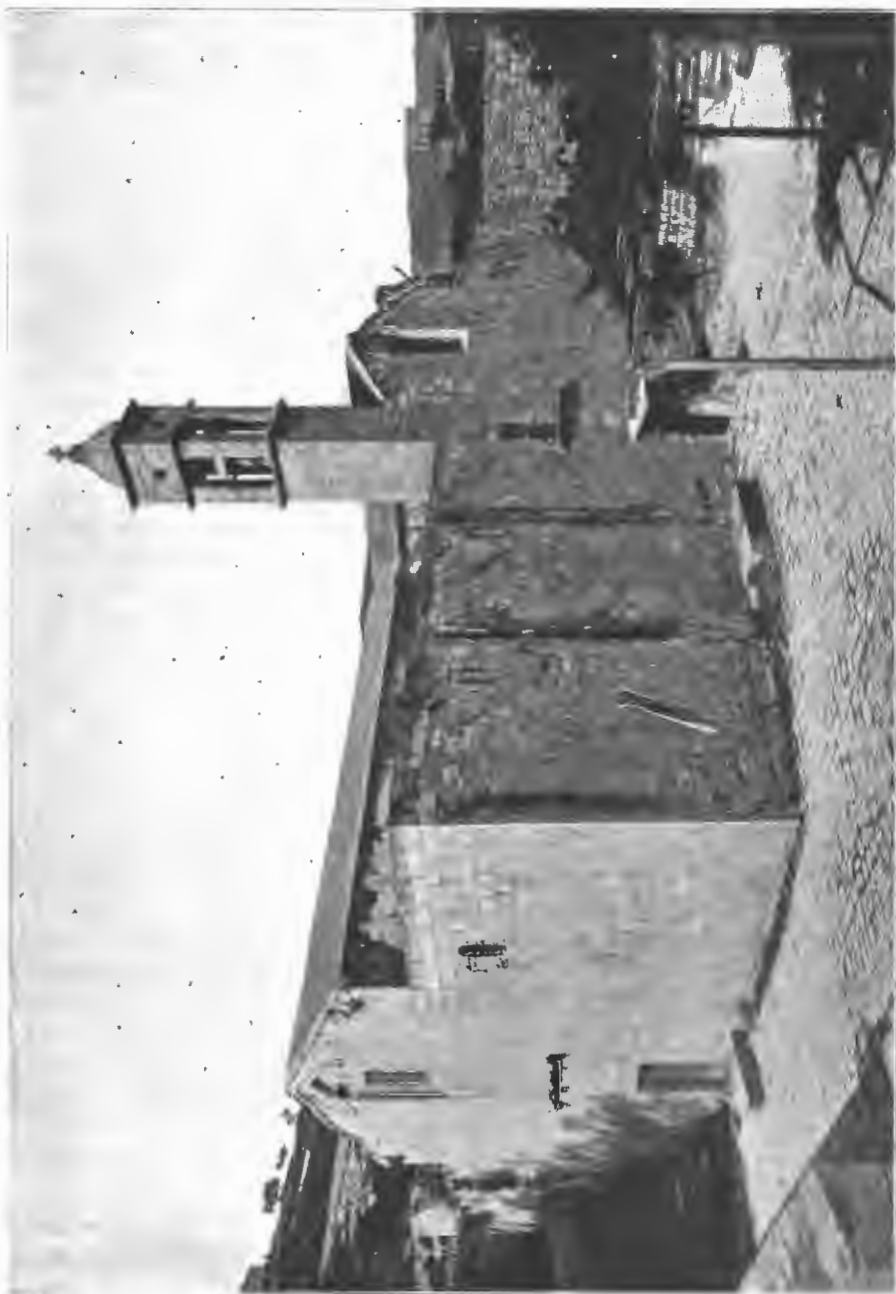
И вышелъ.

Другой монахъ оказался болѣе разговорчивымъ и показалъ намъ, гдѣ предполагаютъ мѣсто бывшаго Капернаума. Мы оста-

лись бы еще побродить немного среди камней древняго города, но нашъ лодочникъ Ибрагимъ настойчиво торопилъ ѣхать. Смеркалось. Мы набрали на память нѣсколько камешковъ, прошлись вдоль берега и, наконецъ, къ удовольствію рыбаковъ, сѣли въ лодку. Не хотѣлось намъ покидать такъ скоро берега, гдѣ столько было «явлено силъ Божіихъ». Въ Капернаумѣ Христосъ исцѣлилъ слугу сотника, освободилъ отъ горячки тещу Симона, выгналъ нечистаго духа изъ бѣсноватаго въ синагогѣ, и вообще возложеніемъ рукъ исцѣлилъ здѣсь множество страждущихъ различными болѣзнями, какъ свидѣлствуютъ евангелисты. А главное—Христосъ поселился въ Капернаумѣ и имѣлъ въ немъ Свой домъ, прославленный исцѣленіемъ разслабленнаго, спущеннаго къ Нему черезъ крышу. У этого дома тѣснились толпы народа, чтобы послушать божественнаго ученія.

Хотя говорится въ Евангеліи, что апостолы Петръ и Андрей были изъ Виѳсаиды, но въ то же время евангелисты рассказываютъ о пребываніи Иисуса Христа въ домѣ Петра въ Капернаумѣ. Можетъ быть, вотъ тутъ-то и было призваніе первыхъ апостоловъ.

Но какъ страшно слово Спасителя: «И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься!» И вотъ что же мы видимъ: городъ, въ которомъ жилъ Самъ Господь Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, городъ, гдѣ Онъ проповѣдывалъ и сотворилъ столько чудесъ, теперь обратился въ прахъ, въ ничтожество. Даже не могутъ опредѣлить мѣста, гдѣ онъ стоялъ. Мало того, весь сѣверный край озера, наиболѣе освященный стопами Господа, пустуетъ до сихъ поръ, когда православные, католики и протестанты наперерывъ стараются купить мѣста, связанные съ воспоминаніемъ о пребываніи Спасителя. Сначала это волнуетъ, и какъ будто стыдно становится за современное христіанство, но, взглянувъ глубже въ тайну домостроительства Божія, примиряешься съ этимъ. Я вспомнилъ тутъ слова ангела Уриила Ездры: «Для того и повелѣлъ, чтобы ты пришелъ на поле, гдѣ не положено основанія зданія. Ибо не могло дѣло человѣческаго созиданія существовать тамъ, гдѣ начиналъ показываться городъ Всевышняго». Въ самомъ дѣлѣ, Господь постоянно удалялся въ пустыни, гдѣ Онъ молился и училъ народъ, кормилъ его вещественнымъ и духовнымъ хлѣбомъ. Создавая нерукотворенный храмъ, Господь ведетъ за Собою народъ подъ открытое небо. Я никогда такъ не отдыхалъ душой, какъ совершая теперь зеленые склоны береговъ Галилейскаго озера; и мнѣ стало нравиться, что здѣсь нѣтъ въ настоящее время ни городовъ, ни деревень, а развалины древнихъ зданій поросли травой. Хоразинъ, Виѳсаида, Капернаумъ, всѣ эти города «человѣческаго созиданія», не могли вмѣстить божественнаго дѣла Иисуса Христа и были уничтожены, какъ предсказалъ Онъ имъ въ Своей обличительной рѣчи.

Православная црковь Благовѣщенія въ Назаретѣ.

Возвращаясь назадъ, мы не могли не замѣтить, что гордость Капернаума остается попрежнему на томъ же мѣстѣ. Нелюбезность католическаго монаха нѣсколько отравила наше восторженное настроеніе. Впрочемъ, мы скоро оправались. Насъ охватили новыя впечатлѣнія, какихъ нельзя получить ни въ какомъ другомъ мѣстѣ.

Наступила ночь. Съ берега подулъ легкій бризъ. Рыбаки распустили парусъ и разсѣлись по разнымъ угламъ лодки, изрѣдка перекидываясь короткими фразами. Въ водѣ отразились яркія звѣзды. Очертанія береговъ исчезали въ темной дали. Звѣзды сверху, звѣзды снизу, точно мы плывемъ среди небеснаго пространства! Мои спутники въ нѣмомъ созерцаніи неземной картины, какъ очарованные, не шевелились и, вѣроятно, чувствовали такой же дивный гимнъ Богу въ душѣ своей, какъ и я.

— Сколько здѣсь святости!—наконецъ нарушилъ наше молчаніе старообрядецъ.—Можетъ быть, на этомъ самомъ мѣстѣ Господь прошелъ по водамъ. Вѣдь Онъ все больше ночью переѣзжалъ съ одного берега на другой.

Горячій «бедуинъ» отозвался по-своему:

— Если бы внезапно поднялась и буря,—я ничего не имѣлъ бы противъ этого. Подумайте, Іисусъ Христосъ вчера, и сегодня, и во вѣки Тотъ же, а потому чего намъ бояться! По первому нашему зову, Онъ протянетъ намъ, какъ Петру, руку помощи. Вы что думаете? — вдругъ онъ обратился ко мнѣ.

— Я думаю, — отвѣчаю ему, — весь міръ есть житейское море. Довольно съ насъ и тѣхъ бурь, которыя мы нерѣдко испытываемъ среди волненія народовъ. Сейчасъ я несказанно радъ и благодарю Бога за тишину, миръ и сладкое душевное успокоеніе, испытываемыя нами. Взгляните на небо и на воду: отовсюду мигаютъ намъ ангельскія очи. Право, я чувствую себя окруженнымъ ангелами, точно я въ царствѣ небесномъ!...

И мы опять погрузились въ сладкое молчаніе подъ легкое шурпаніе воды о лодку. Только съ приближеніемъ къ Тиверіадѣ рыбаки спустили парусъ и взялись за весла. Въ городѣ царилъ тишина. Все уже спало во тьмѣ ночной. Опять рыбаки подхватили насъ на свои могучія плечи и вынесли на берегъ. Ибрагимъ довелъ темнымъ переулкомъ до греческаго монастыря, гдѣ мы застали знакомаго псаломщика еще не спящимъ. Паломники потѣснились и дали намъ немного мѣста для ночлега.

Рано утромъ поклонники шумно поднялись и наперерывъ спѣшили выйти за городъ на дорогу. Проснулись и мои спутники, но мы не хотѣли такъ скоро разстаться и съ Тиверіадой, и съ озеромъ. Разсчитывая потомъ догнать караванъ на своихъ ослахъ, мы не отправились сейчасъ вмѣстѣ съ нимъ, а прошли къ естественнымъ горячимъ ключамъ, текущимъ въ озеро съ южной стороны отъ города. Псаломщикъ попарился въ выстроенной здѣсь банѣ, а я со старообрядцемъ предпочелъ выкупаться въ озерѣ.

Горячіе ключи имѣютъ въ себѣ цѣлебныя свойства, и палестинскіе жители нарочно пріѣзжаютъ въ Тиверіаду, чтобы полѣчиться ими. Но мнѣ показалась сама баня грязною и неудобною, да и горько-соленыя воды ея, говорятъ, слишкомъ горячи. А главное— мнѣ непременно хотѣлось окунуться въ священномъ озерѣ. Весь берегъ устѣянъ камешками и очень мелкими ракушками. Здѣшніе ребята, замѣтивъ, что я собираю ракушки, притащили мнѣ ихъ цѣлый мѣшочекъ. Среди мелкаго гольша часто попадались совершенно черные камни.

Послѣ разрушенія Иерусалима Титомъ, городъ Тиверіада становится центромъ еврейства. Здѣсь слагался Талмудъ, и здѣсь была великая синагога, потому что въ первое время послѣ возстанія римляне разрѣшили только іудеямъ селиться въ этомъ городѣ. До сихъ поръ преобладаетъ въ городѣ еврейскій элементъ.

Здѣсь имѣются свои мѣста у католиковъ и у протестантовъ. Первые указываютъ у себя даже рыбную лавку апостола Петра. Обозрѣвать городъ некогда было: мы непременно желали сегодня догнать караванъ. Проводники арабы нарушили наши условія. Одного осла они отдали одному изъ паломниковъ большого каравана, а на другихъ они возложили съ боку сѣделъ связки сухой рыбы. Сперва мы погорячились, но потомъ по русскому добродушію махнули на это рукой и выѣхали изъ города. Дорога сначала шла въ обходъ полуразрушенныхъ стѣнъ Тиверіады на сѣверъ, а потомъ она все болѣе и болѣе склонялась на западъ.

Въ одномъ мѣстѣ на зеленомъ холмѣ мы встрѣтили большіе камни. Здѣсь, полагаютъ, было чудесное насыщеніе народа пятаю хлѣбами. Изъ двухъ стиховъ Евангелія отъ Іоанна (VI, 1, 23) заключаютъ, что это происходило близъ Тиверіады, но Лука упоминаетъ и Виесаиду. Далѣе по дорогѣ указываютъ на гору «Блаженствъ», т. е. то мѣсто, откуда была произнесена Іисусомъ Христомъ извѣстная нагорная проповѣдь. Здѣсь опять приходитъ на память Евангеліе отъ Луки, по которому мы можемъ судить, что это было близъ Капернаума. Какъ бы то ни было, но мы знали, что проходимъ именно ту часть Галилеи, которая лежитъ между городами, часто упоминаемыми въ Евангеліи, и этого довольно съ насъ. Здѣсь все намъ священо, все дорого для сердца нашего.

Около Хаттина вспомнили о страшномъ пораженіи крестоносцевъ Саладиномъ въ 1187 г. Впрочемъ, не столько ихъ побѣдили турки, сколько жара и неимѣніе воды въ іюлѣ мѣсяцѣ. Собственно эта битва рѣшила борьбу христіанъ съ магометанами изъ-за обладанія Святой Земли. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже семь вѣковъ, магометане непрерывно господствуютъ въ Палестинѣ, во исполненіе Писанія (Апок. XI, 2).

Часа черезъ два мы успѣли нагнать хвостъ каравана, но, застрявши на одномъ водопоѣ, снова потеряли его изъ вида. Боль-

шую часть пути я прошелъ пѣшкомъ, отдавши своего осла одной изъ паломницъ. Въ одномъ мѣстѣ, пробираясь хлѣбными полями, я уклонился съ «бедуиномъ» далеко въ сторону. Проводники наши куда-то исчезли. И намъ предстояло заблудиться, если бы не направилъ насъ отдыхавшій паломникъ, отставшій отъ каравана.

Картины здѣшнихъ мѣстъ чрезвычайно красивы. Всѣ долины и склоны горъ утопаютъ въ зелени. Преданіе относитъ къ одному изъ здѣшнихъ полей евангельскій случай, когда ученики Христовы въ субботу растирали въ рукахъ хлѣбные колосья и ѣли.

Второй разъ мы нагнали караванъ въ Канѣ Галилейской, гдѣ имѣется въ настоящее время православная церковь. Народъ занялъ весь огражденный дворъ при церкви и тотчасъ зашумѣлъ жестяными чайниками. Я пробрался между кострами въ церковь. Толпы паломниковъ прикладывались къ образамъ и ставили свѣчки. Въ память чудеснаго превращенія воды въ вино здѣсь поставлены древнія каменные массивныя урны, вышиною немного меньше аршина. Преданіе относитъ ихъ ко временамъ Спасителя. Весьма возможно. Но были ли онѣ въ числѣ шести водоносовъ, въ которыхъ по слову Господа вода превратилась въ вино,—это еще вопросъ.

По поводу этого чуда въ Канѣ Галилейской мнѣ пришлось услышать интересный разговоръ «бедуина» съ однимъ странникомъ изъ толпы народа. Какъ они столкнулись,—мнѣ неизвѣстно. Я ихъ засталъ на срединѣ разговора.

— Первое чудо,—ораторствовалъ странникъ,—которое сотворилъ Христосъ, это превращеніе воды въ вино, а послѣднее Его чудо—превращеніе вина въ кровь на послѣдней вечери въ Сионѣ. Въ этомъ послѣдовательномъ переходѣ воды въ вино, а вина въ кровь, указывается на составъ и развитіе человѣческаго естества. Сперва—плотное, потомъ—душевное и наконецъ—духовное. До Христа люди жили по плоти, а съ Его пришествіемъ стали жить по духу. Моисей тоже первое чудо предъ всѣмъ египетскимъ народомъ далъ въ такомъ же родѣ: онъ превратилъ воды въ кровь.

— А нельзя ли,—первалъ его «бедуинъ»,—такъ понимать это чудо? Кончилось вино—кончилось пророческое писаніе Ветхаго Завета. Приходитъ Христосъ и даетъ новое вино—ученіе Новаго Завета. И новое оказалось лучше стараго. Вѣдь Самъ Христосъ называлъ свое ученіе новымъ виномъ, когда говорилъ, что молодое вино не вливаютъ въ мѣхи ветхіе.

— Хорошо,—возразилъ странникъ,—но какъ вы объясняете, что сперва въ сосуды была влита вода, а потомъ уже по слову Господа сдѣлалась она виномъ?

«Бедуинъ» ни на минуту не смутился. Онъ какъ бы ждалъ такого возраженія и потому сейчасъ же отвѣтилъ:

Колодець Іакова (или Самарянки) близъ Сіхема.

— Обыкновенная вода, какъ извѣстно изъ бесѣды Христа съ самаряною, означаетъ человѣческое ученіе по наукѣ, по философіи; но Христосъ его одухотворяетъ, и получается пречудное вино премудрости Божіей, какъ говорится о семь въ притчахъ Соломона.

Паломники обступили тѣснымъ кольцомъ двухъ книжниковъ и, какъ видно, съ удовольствіемъ слушали ихъ, потому что одинъ сѣдовласый старичокъ низко поклонился «бедуину» и сказалъ ему:

— Спасибо вамъ, братцы! Теперь и мы можемъ сказать, что были въ Канѣ Галилейской и, благодаря вамъ, пили духовное вино. Пречудно разъяснили! Спаси васъ, Господи!

Можетъ быть, «бедуинъ» съ странникомъ еще долго бесѣдовали бы, потому что они принялись раскрывать тайственное значеніе брака въ Канѣ Галилейской, но народъ сталъ сниматься для послѣдняго перехода въ Назаретъ. Караванъ растянулся версты на двѣ, если не больше. Желая его разсмотрѣть детально, я съ «бедуиномъ», если такъ можно выразиться, прищипорили ословъ и стали понемногу обгонять путниковъ. Въ срединѣ каравана ѣхалъ верхомъ на лошади священникъ. «Бедуинъ» что-то спросилъ его и въ свою очередь получилъ вопросъ:

— Зачѣмъ это вы въ такомъ костюмѣ?

— Изъ подражанія Христу и Его апостоламъ. Я думаю, они ходили приблизительно въ такихъ же костюмахъ.

— Не въ костюмѣ мы должны подражать Христу, а въ жизни,—наставительно замѣтилъ священникъ.

— Батюшка, а зачѣмъ священники и монахи рясы носятъ?

На этотъ вопросъ «бедуина» священникъ ничего не могъ отвѣтить. Мы поѣхали дальше. Страшная пыль подымалась изъ-подъ ногъ паломниковъ. Вѣроятно, это одно изъ главныхъ обстоятельствъ, которое заставляетъ ихъ растягиваться на нѣсколько верстъ. Только голова каравана шла довольно скученно. Тутъ были, большею частью, крѣпкіе молодые люди.

Не желая глотать пыль, мы рѣшили обогнать караванъ и ѣхать нѣсколько впереди его. Немного ужъ и оставалось до Назарета. Кучка городскихъ мальчиковъ вышла намъ навстрѣчу и продавала небольшіе цвѣтные шарики. Паломники моментально ихъ раскупили. Встрѣчали насъ и воспитанники русскаго пансіона, въ фескахъ и въ однообразныхъ сѣрыхъ пиджакахъ поверхъ полосатыхъ кумбазовъ. Они привѣтствовали насъ по-русски и вмѣстѣ съ караваномъ прошли до русскаго дома.

XXII.

Въ Назаретѣ. — Источникъ Божіей Матери. — Всенощная въ православномъ храмѣ. — Пріютъ русскихъ паломниковъ. — Ночью въ городѣ. — Оливковое масло. — Обѣдня на праздникъ Благовѣщенія. — Пляска арабовъ. — Митрополитъ Фотій. — Два благовѣщенія Дѣвъ Маріи.

На этотъ разъ я вступилъ въ Назаретъ съ сѣверной стороны. У меня было рекомендательное письмо къ одному изъ учителей здѣшняго пансіона, К. И. Кеназе. Онъ принялъ меня въ свою семью съ чисто восточнымъ гостепріимствомъ. Мнѣ вдвойнѣ было пріятно остановиться у любезнаго учителя: во-первыхъ, я пользовался удобнымъ помѣщеніемъ, а, во-вторыхъ, я могъ непосредственно видѣть настоящую арабскую жизнь назаретскаго жителя, такъ какъ отецъ К. И. Кеназе—природный арабъ, занимающійся здѣсь торговлею.

Діаконъ не дождался праздника и уѣхалъ отсюда въ Кайфу. По своей разсѣянности онъ оставилъ тамъ, въ квартирѣ агента, у котораго мы ночевали, около девяти сотъ рублей. Деньги не нашлись, и діаконъ, говорятъ, совсѣмъ упалъ духомъ. Ему посовѣтовали пожаловаться русскому консулу въ Іерусалимѣ.

Не успѣли паломники отдохнуть съ дороги, какъ посѣщили они ко всенощной въ греческую церковь. Народу было и безъ русскихъ очень много, потому что къ этому дню, кануну праздника Благовѣщенія, въ Назаретъ съѣзжаются православные арабы не только изъ окрестныхъ деревень, но и изъ дальнихъ городовъ.

До начала службы русскіе паломники спѣшили напиться изъ святого источника Божіей Матери въ пещерѣ Благовѣщенія. Одинъ арабскій мальчикъ пробрался къ колодцу, завладѣлъ большимъ ведромъ на толстой желѣзной цѣпочкѣ и сталъ давать воду за деньги. Народъ тискался въ беспорядкѣ, вырывалъ другъ у друга ведро, проливалъ воду на полъ, бранился съ мальчуганомъ, требовавшимъ деньги... Наконецъ, нашъ горячій «бедуинъ» не вынесъ этого безобразія въ такомъ святомъ мѣстѣ и прогналъ арабскаго мальчика. Сильною рукою онъ быстро доставалъ воду изъ глубокаго колодца и поилъ народъ, не выпуская изъ своихъ рукъ ведра. Паломники чинно подходили, пили не торопясь, сколько хотѣли, даже отливали воду въ припасенныя бутылки. Мы смотрѣли и удивлялись на своего неутомимаго бедуина. Вѣдь, чрезъ его руки такимъ образомъ прошло болѣе двѣнадцати сотъ чело-
вѣкъ!

На всенощной присутствовалъ самъ назаретскій владыка, митрополитъ Фотій. Онъ стоялъ въ своей стасидіи, около праваго клироса, и принималъ дѣятельное участіе въ службѣ, дѣлая возгласы поочередно на трехъ языкахъ: по-гречески, по-русски и по-

арабски. Нѣкоторые псалмы онъ читалъ наизусть, поражая насъ, русскихъ, удивительною памятью. Митрополитъ не отставалъ отъ своего клира и въ пѣніи. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ онъ только, такъ сказать, аккомпанировалъ, время отъ времени протягивая однотонные звуки. Это вообще въ обычаѣ восточнаго пѣнія.

Поздно вечеромъ, когда было порядочно темно, кончилась все-нощная. Вся масса паломниковъ двинулась къ русскому дому и къ школѣ Палестинскаго общества, гдѣ завѣдывающіе этимъ домомъ и учителя хлопотали изъ всѣхъ силъ, чтобы удовлетворить такую массу народа. Инспекторъ галилейскихъ учебныхъ заведеній, П. П. Николаевскій, начальникъ назаретскаго мужского пансіона, А. Г. Кезма, и учитель К. И. Кеназе почти всю ночь провели около паломниковъ, устраивая имъ ночлегъ, добывая воду, дрова для костровъ, пищевые припасы, прекращая въ то же время всевозможныя пререканія между паломниками и горячими арабами.

Я легъ было въ отведенной мнѣ горницѣ на самомъ верху дома, но отъ жары (городъ находится въ котловинѣ между горъ) и отъ возбужденія нервовъ мнѣ не спалось. Накинувъ на плечи свой арабскій аба, я спустился внизъ и по темнымъ кривымъ переулкамъ пробрался къ ночлегу нашихъ паломниковъ. Около гигантскихъ котловъ съ водою толпился народъ съ чайниками. Вотъ бѣжитъ знакомый учитель.

— Куда вы?—спрашиваю его.

— За солью. Соли просятъ паломники.

И пустился дальше. Я подивился его усердію и прошелъ въ большія классныя помѣщенія, отданныя русскимъ гостямъ. Здѣсь съ перваго взгляда трудно было понять, что дѣлается. Но, судя по радостно возбужденнымъ лицамъ, всѣ были довольны и веселы. Многіе уже полегли спать. На углу ближайшей улицы арабскіе торговцы оживленно продавали хлѣбъ и фрукты. Надъ всѣмъ этимъ кварталомъ широкими волнами проносился ѣдкій дымъ костровъ.

Побродивъ еще немного по улицамъ священнаго города, я поднялся на свою вышку. Дверь выходила на плоскую крышу дома. По склонамъ горы здѣсь одно зданіе дѣпится надъ другимъ, и очень трудно разобраться, что принадлежит какому хозяину, а въ темнотѣ—тѣмъ болѣе.

Городъ спалъ. Только чуть слабый говоръ доносился сюда съ мѣста ночлега паломниковъ. Пламя костровъ освѣщало тамъ полосу дыма, все остальное кругомъ было погружено въ непроницаемую тьму. Однѣ сверкающія звѣзды, какъ неизмѣнные стражи неба, готовы были бодрствовать всю ночь. Полюбовавшись ими, я ушелъ въ свою горницу и наконецъ заснулъ.

Утромъ приходитъ ко мнѣ старикъ-хозяинъ и приглашаетъ меня внизъ, гдѣ сидѣли за столомъ только одни мужчины. Хо-

Привалъ каравана паломниковъ.

зайка дома, симпатичная полная арабка, любезно предложила мнѣ туземныя кушанья.

Такъ какъ въ Палестинѣ въ большемъ употребленіи оливковое масло, чѣмъ коровье, то я попросилъ попробовать его въ чистомъ видѣ. Мнѣ налили на тарелку зеленоватой жидкости и подали ее съ кусками бѣлаго хлѣба. Тутъ только я впервые оцѣнилъ, что за прекрасный вкусъ и запахъ чистаго свѣжаго масла, выбитаго изъ здѣшнихъ маслинъ! Назаретъ вообще славится своимъ масломъ, и, мнѣ кажется, вотъ откуда надо его выписывать въ Россію для священныя лампадъ предъ чудотворными иконами Божіей Матери. И вспомнилось мнѣ повелѣніе Господне Моисею, которое теперь часто забывается:

«И вели сынамъ Израилевымъ, чтобы они приносили тебѣ елей чистый, выбитый изъ маслинъ, для освѣщенія, чтобы горѣлъ свѣтильникъ во всякое время» (Исх. 27, 20).

Обѣдня прошла при такомъ же множествѣ народа, какъ и вчера всенощная. Несмотря на тѣсноту, всѣ молились съ видимымъ усердіемъ, особенно въ этомъ отношеніи выдѣлялись прибывшіе сюда изъ окрестностей арабы. Приняли участіе въ богослуженіи и русскіе. Смѣшеніе языковъ, какое здѣсь замѣчается въ день Благовѣщенія, нисколько не портило общаго впечатлѣнія отъ торжественной службы. Напротивъ, это видимое единеніе народовъ только радовало насъ, русскихъ, и чувствовалось, какъ будто Христосъ здѣсь ближе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Его Божественныя слова—«по тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою»—надо бы надписывать надъ входомъ каждаго христіанскаго храма, чтобы мы помнили главную заповѣдь нашей религіи. Говорятъ, въ этотъ самый день греки оказали въ здѣшнемъ храмѣ какое-то препятствіе русскимъ учителямъ. Признаюсь откровенно, я проглядѣлъ этотъ неблагоприятный поступокъ грековъ и услышалъ о немъ лишь много дней спустя.

Восторженные арабы, прибывшіе въ Назаретъ издалека, послѣ обѣдни собрались на дворѣ греческаго монастыря, чтобы принести поздравленіе митрополиту Фотію. Онъ вышелъ на балконъ и, краснорѣчиво привѣтствовавъ свою паству, благодарилъ ее. Въ отвѣтъ на это арабы закричали и стали прыгать, шумѣть и плясать, быстро помахивая обнаженнымъ оружіемъ. Для русскихъ такое странное выраженіе восторга и религіознаго чувства, конечно, было ново и непонятно, но для южанина, особенно для горячаго араба, оно положительно необходимо. Арабъ въ своемъ экстазѣ—какъ огонь. Въ это время онъ не можетъ сдержатъ себя. Ему нужно непременно шумѣть, кричать, прыгать, бушевать, плясать, нужно вылить, выразить въ чемъ нибудь всю страстность, весь пылъ своей натуры.

Посѣтилъ и я со своей компаніей митрополита Фотія, высокаго статнаго грека, съ умнымъ лицомъ, съ выразительными глазами. Онъ извѣстенъ на Востокѣ за человѣка выдающихся способностей. Ему не было еще тридцати лѣтъ, какъ въ Иерусалимѣ единогласно избрали его на патріаршій престолъ, но въ Константинополѣ воспротивились избранію такого молодого инока ¹⁾.

Митрополитъ Фотій прекрасно изъясняется по-русски. Мы попросили его объяснить намъ, почему православные въ Назаретѣ указываютъ на свою пещеру съ колодцемъ, какъ на мѣсто Благовѣщенія, а католики утверждаютъ, что оно происходило въ ихъ храмѣ.

Митрополитъ совершенно спокойно, не отрицая утвержденія католиковъ, передалъ намъ слѣдующее:

— Православный храмъ, въ которомъ вы были, очень древній; извѣстно, что онъ былъ построенъ на мѣстѣ разрушившагося храма, происхожденіе котораго относятъ чуть ли не къ первымъ временамъ византійскихъ императоровъ. Понятно, что если они строили въ тѣ времена храмъ въ Назаретѣ, то строили его, конечно, на мѣстѣ, связанномъ, по преданію, съ священными воспоминаніями. Важнѣйшее событіе, происходившее въ Назаретѣ, какъ вамъ извѣстно,—это Благовѣщеніе. Поэтому, весьма вѣроятно, оно и происходило на мѣстѣ нашего храма. А такъ какъ подъ нимъ находится главный въ городѣ источникъ, то тѣмъ болѣе вѣроятно предположить, что здѣсь, когда Матерь Божія почерпала воду, явился Ей архангелъ; а потомъ уже онъ подтвердилъ Ей свое Благовѣщеніе окончательно въ домѣ.

Мы поблагодарили митрополита за его безпристрастное объясненіе и попросились съ нимъ. Каждый изъ насъ онъ благословилъ и одарилъ на память образкомъ или четками.

На другой день, испивъ святой воды у источника Божіей Матери и поклонившись иконѣ Благовѣщенія, на которой Святая Дѣва Марія изображена стоящею у колодца, мы стали собираться въ Иерусалимъ, но на этотъ разъ другимъ путемъ—черезъ Самарійскія горы.

XXIII.

Выѣздъ изъ Назарета.—Салимъ мукари.—Инспекторъ П. П. Николаевскій.—Переправа черезъ ручьи.—Въ Ездрилонской долинѣ.—Фаворская битва.—Караванъ въ пути.—Недостатокъ въ знающемъ проводникѣ.—Селеніе Буркинъ.—Арабское священство.—Обстановка сельской жизни.—Испѣленіе Христомъ десяти прокаженныхъ.

Меня разбудили часа въ три ночи. Темно. Я поспѣшилъ одѣться и вышелъ на крышу дома. Вдали слабый гулъ голосовъ.

— Не караванъ ли это отправляется?—подумалъ я про себя и постучалъ въ комнату хозяина. Старикъ-арабъ вышелъ навстрѣчу,

¹⁾ Въ настоящее время митрополитъ Фотій утвержденъ александрійскимъ патріархомъ.

и мы вдвоемъ спустились на улицу. Наканунѣ мы стоворились, что онѣ найметъ мнѣ проводника-мукари съ осломъ до Иерусалима. Подходимъ къ русскому дому. Здѣсь все тихо.

— А караванъ гдѣ?—спрашиваю.

— Давно ушелъ.

Можетъ быть, не дождался меня нанятый вчера мукари или просто обманулъ, но только здѣсь осла не было для меня. Пришлось старику-арабу снова похлопотать съ наймомъ осла и взять перваго попавшагося. Я простился съ гостепріимнымъ хозяиномъ, горячо благодарилъ его за вниманіе и поѣхалъ за своимъ проводникомъ Салимомъ. Этотъ феллахъ изъ небольшой деревни близъ Иерусалима главнымъ образомъ занимался поставкою ословъ для русскихъ паломниковъ. И теперь въ караванѣ онѣ гонитъ ихъ около десятка при двухъ работникахъ. Салимъ немного зналъ русскихъ словъ, но довольно для того, чтобы переговорить о необходимомъ съ паломникомъ. Онѣ усердно угощалъ осла уколами своей острой палки, желая скорѣе догнать караванъ. Но его и слѣдъ простылъ! По дорогѣ къ намъ присоединились еще запоздавшіе паломники. Наконецъ, мы взобрались на край горы Назарета. Передъ нами внизу темнѣла Ездрилонская долина. Стало чуть-чуть разсвѣтать. Попадается намъ навстрѣчу П. П. Николаевскій, инспекторъ галилейскихъ школъ Палестинскаго общества, съ фонаремъ въ рукахъ. Поздоровались. Оказывается, онѣ и эту ночь бодрствовалъ съ паломниками и сейчасъ проводилъ ихъ далеко за городъ.

— Далеко теперь караванъ?—спрашиваю его.

— Порядочно. Но вы успѣете его догнать еще до первой остановки.

Мы попрощались съ взаимными пожеланіями всякаго благополучія и разошлись. Я удивлялся заботливости Павла Павловича о паломникахъ.

— Слава Богу,—подумалъ я, слѣдя за удалявшимся огонькомъ инспектора,—здѣсь работаютъ не по-чиновнически!

Спускъ въ долину оказался очень труднымъ. Я предпочелъ идти пѣшкомъ, хотя Салимъ и уговаривалъ меня остаться на ослѣ. Позади насъ ѣхала верхомъ толстая женщина и ругалась съ своимъ проводникомъ. Вдругъ громкій крикъ, и она свалилась на землю. Мукари снова посадилъ ее на осла. Я спросилъ неудачную амазонку, не ушиблась ли она.

— Немного ногу зашибла.

Сойдя въ долину, я снова сѣлъ на своего ослика, съ высоко подтянутыми стремянами, и въ утреннемъ полумракѣ поѣхалъ среди полей.

Ездрилонская долина испещрена множествомъ ручейковъ, которые сливаются въ одну рѣчку Нахръ-Ель-Мукатта, или библейскій потокъ Киссонъ. Это чрезвычайно плодородная долина—есте-

Караванъ паломниковъ передъ отправленіемъ изъ Іерусалима.

ственная граница Галилеи отъ Самаріи—перерѣзываетъ гористую Палестину отъ Иордана до самаго моря. Въ дождливое время года здѣсь едва можно пройти или пробѣхать, но въ мое время, то-есть 27-го марта, нѣкоторое затрудненіе представляли только ручейки, и то не всѣ. Мы нагнали караванъ во время переправы черезъ одинъ изъ такихъ ручейковъ. Иные паломники съ удивительнымъ самоотверженіемъ, по колѣно въ водѣ и илѣ, переходили прямо въ бродъ; другіе нанмали за «металликъ» арабовъ и на ихъ спинахъ верхомъ переправлялись на другую сторону. Въ этомъ случаѣ большое преимущество имѣли всѣ сидящіе на ослахъ и мулахъ. Но и съ ними нужно переправляться очень осторожно, потому что маленькія копытца ихъ далеко уходятъ въ мягкій иловатый грунтъ, и эти слабыя животныя иногда едва выкарабкиваются изъ воды.

Вскорѣ совсѣмъ разсвѣло, и моимъ глазамъ представилось оригинальное зрѣлище. На обширной равнинѣ, теряющейся изъ вида на сѣверо-западѣ и юго-востокѣ, версты на три длинною лентою растяннулись паломники. Впереди идутъ пѣшіе густою колонною, потомъ вперемежку съ верховыми на ослахъ и мулахъ, а въ хвостѣ почти исключительно всадники, да кое-гдѣ отсталые по немощи или болѣзни.

Впереди и позади виднѣются горы. Все знакомыя имена: Фаворъ, Ермонъ, Кармилъ, Гелвуй. Высокія дальнія горы какъ бы подчеркиваютъ обширность Ездрилонской долины. Казалось бы, мы, русскіе, должны привыкнуть къ равнинамъ, а между тѣмъ здѣшней долиной поражаетесь, какъ чѣмъ-то особеннымъ. Но это, пожалуй, будетъ понятно, если вспомнимъ, что всюду въ Палестинѣ обыкновенно встрѣчаешь горныя края, предгорія, холмы, такъ что равнина здѣсь кажется дѣйствительно чѣмъ-то необычнымъ.

На первомъ привалѣ для отдыха ко мнѣ подѣли нѣсколько паломниковъ и просили рассказать что нибудь о здѣшнихъ мѣстахъ. На Ездрилонской долинѣ происходило множество битвъ со временъ глубокой древности, но я имъ рассказалъ только про извѣстную Фаворскую битву израильтянъ съ Сисарою, которую начала пророчица Девора, а кончила Юиль, жена Хеверова, такъ что вся честь побѣды выпала на долю женщинъ. (Книга Судей, 4 и 5 гл.).

— Сражались здѣсь,—говорю я имъ,—и всѣ окрестныя народы, и египтяне, ассирійцы, халдеи, и греки, македоняне, персы, римляне, и арабы, турки, европейскіе крестоносцы, и даже Наполеонъ былъ здѣсь.

— Какъ,—съ удивленіемъ спрашиваютъ меня,—и Наполеонъ тутъ воевалъ?

— Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, въ виду горы Фаворъ, онъ разбилъ около двадцати тысячъ сирійцевъ.

Главная остановка каравана для обѣда была сдѣлана около источника, когда мы приблизились къ холмамъ Самаріи. Я обо-

шелъ всѣхъ паломниковъ и полюбовался пестрой картиной, которую создавали живописныя группы людей, собравшихся сюда во имя Исуса Христа. Почти у всѣхъ обѣдъ состоялъ изъ хлѣба съ солью и воды; только у нѣкоторыхъ виднѣлись въ рукахъ перья зеленого лука. Этотъ обѣдъ на зеленой равнинѣ, благоухающей медовыми цвѣтами, живо напомнилъ мнѣ чудесную евангельскую трапезу, когда Христосъ насытилъ пятыю хлѣбами пять тысячъ человѣкъ.

Съ нами ѣхалъ докторъ и еще одинъ представитель Палестинскаго общества, въ качествѣ начальника каравана. Кромѣ нихъ, я замѣтилъ священника съ двумя-тремя клирошанами изъ іерусалимской духовной миссіи. Охранителями же каравана и путеводителями его были два каваса верхомъ на превосходныхъ лошадяхъ.

Когда поотставшіе паломники подошли къ мѣсту привала, шедшіе во главѣ каравана уже успѣли закусить и подымались въ путь, чтобы опять итти впереди всѣхъ. Такимъ образомъ караванъ растягивался на нѣсколько верстъ. Это было неудобно для нашихъ охранителей, и они всѣми силами старались сдерживать стремительность передовыхъ, но ничего не могли подѣлать съ ними. Мнѣ говорили, что они такъ спѣшатъ итти впередъ, чтобы первыми захватить лучшія мѣста на ночлегѣ. Мотивъ совѣмъ не христіанскій.

До перваго ночлега было двадцать пять верстъ. Если бы не переходы черезъ ручьи, дорогу надо считать хорошою и живописною. Окружающая зелень, разубранная душистыми цвѣтами, такъ пріятно ласкала зрѣніе послѣ утомительно тяжелыхъ каменныхъ громадъ, видѣнныхъ мною въ Іудеѣ. Въ одномъ только чувствовался недостатокъ: не было человѣка, который бы могъ указать историческія мѣста. Проводники-мукари умѣютъ только назвать по-арабски существующіе города и села, и то далеко не всѣ. У меня была съ собою карта Палестины, но и она мало помогала. Спросишь мукари, какъ называютъ арабы этотъ городъ.

— Лхррмрр!—скороговоркой выпалить онъ нѣсколько непонятныхъ гортанныхъ звуковъ и какъ бы вдобавокъ своему отвѣту сильно ударить палкой осла, отчего тотъ весь вздрогнетъ и неожиданно прыснетъ въ сторону.

Вотъ налѣво виднѣется большой городокъ. Въ другой сторонѣ на горѣ тоже какъ будто селеніе. Что это такое? Никто не можетъ сказать. Даже кавасъ черноморецъ, проѣзжавшій здѣсь много разъ, и тотъ назоветъ только главные пункты по-арабски. Арабскія названія, внѣ связи съ исторіей, для любопытствующаго туриста, конечно, имѣютъ мало значенія. Въ Палестинѣ вѣдь оставили свои слѣды почти всѣ народы, побывавшіе въ ней. Положимъ, для русскаго паломника было бы достаточно отмѣтить хоть одни библейскія мѣста, онъ и за это скажетъ спасибо.

Въ 4-мъ часу вечера, мы прибыли въ селеніе Буркинъ, гдѣ была маленькая православная церковь. Полагаютъ, что это и есть та самая нѣкая весъ, при входѣ въ которую встрѣтили Христа десять прокаженныхъ. Весьма вѣроятно, что это евангельское событіе—очищеніе десяти прокаженныхъ—именно здѣсь и происходило, потому что въ то время Христосъ проходилъ между Самаріею и Галилеею (Лк. 17, 11). Другіе указываютъ на сосѣдній городокъ Дженинъ, находящійся тоже по пути изъ Назарета въ Иерусалимъ.

Селеніе Буркинъ расположено на полугорѣ надъ долиною, гдѣ протекаетъ небольшая горная рѣчушка. Кругомъ густая заросль. Видны не сжатые хлѣба, финиковыя пальмы, смоковницы и оливы. Несмотря на усталость, меня потянуло побродить по окрестностямъ. Я спустился внизъ подъ гору, къ ручью. Арабки наливали здѣсь воду въ свои черныя, глиняныя кувшины и, искусно ставя ихъ на головы, уходили въ селеніе. Ребятки обычно приставали съ просьбою бакниша. Одинъ арабъ принесъ цѣлый ворохъ пальмовыхъ листьевъ и сталъ продавать ихъ по шаричкѣ. Я купилъ у него ваю около двухъ сажень длиною. Верхушку я срѣзалъ, чтобы сохранить ее, какъ «вѣтку Палестины», а изъ толстаго конца черенка сдѣлалъ тросточку.

Всѣ ближайшіе къ дорогѣ дома и дворы были заняты паломниками. Мнѣ предложили для ночлега одинъ изъ домиковъ здѣшняго священника-араба. Впрочемъ, я не знаю, какъ и назвать это помѣщеніе: домомъ ли, сараемъ, или отдѣльно стоящею комнатою. Это небольшая мазанка съ глиняными нарами по двумъ стѣнамъ, съ землянымъ поломъ и съ кровлею изъ жердей. вмѣсто окна небольшое отверстіе. Ни украшеній, ни мебели; буквально, ничего не было, кромѣ двухъ-трехъ циновокъ. Хозяинъ священникъ, пожилой человекъ, лежитъ больной въ другомъ, болѣе обширномъ помѣщеніи. Къ нему набилось много народу, и расположились на полу на ночлегъ. Нѣкоторые сердобольные люди обратили вниманіе на больного священника и стали за нимъ ухаживать. Я попросилъ нашего каваса найти доктора и привести его къ больному. Между тѣмъ пришли ко мнѣ арабки съ предложеніемъ сварить или спечь чегонибудь на ужинъ. Вѣроятно, онѣ были изъ семьи священника. Меня поражала бѣдность обстановки. Въ Палестинѣ все сельское духовенство изъ мѣстныхъ арабовъ, малообразованное, бѣдное; все же правящее духовенство, — патриархи, митрополиты, епископы и архимандриты, — изъ грековъ. Греки господствуютъ здѣсь, собираютъ жатву со святыхъ мѣстъ, покупаютъ себѣ выгодныя положенія и почетныя званія. Такимъ образомъ бѣдные арабы находятся подъ двойнымъ игомъ магометанъ и грековъ.

Я вышелъ посмотреть на сельскую жизнь туземцевъ. Въ первомъ же проулкѣ попались здѣшнія оригинальныя печи для хлѣба,

Возращение каравана паломниковъ въ Иерусалимъ.

или, скорѣе, для хлѣбныхъ лепешекъ. Это не что иное, какъ аршина въ полтора въ основаніи усѣченный конусъ изъ глины, открытій сверху для топлива. Сперва накаливаютъ въ немъ камни, а потомъ кладутъ на нихъ тѣсто и печь закрываютъ, пока оно не испечется въ ней. Въ улицахъ распространился запахъ печенаго хлѣба и ѣдкаго дыма. Паломники успѣли всѣ размѣститься и теперь ужинали. Слышенъ оживленный говоръ всюду на огороженныхъ дворахъ, особенно въ оградѣ здѣшней церкви. Вотъ съ блесномъ прошелъ мелкій скотъ по дорогѣ. Стало смеркаться. Я вернулся въ свой однокомнатный домъ и попросилъ арабку принести мнѣ чего нибудь на ужинъ. Въ сосѣднемъ домѣ, гдѣ лежалъ больной священникъ, стоялъ гулъ отъ многочисленныхъ голосовъ. Слышны слова изъ Евангелія. Должно быть, ведутъ бесѣду на религиозную тему. Вскорѣ входятъ ко мнѣ двѣ женщины паломницы и съ ними высокій здоровый бородачъ, какъ оказалось потомъ, бывший гвардейскій солдатъ Павловскаго полка.

— Позвольте васъ спросить? — обращается ко мнѣ одна изъ женщинъ. — Вы такъ хорошо давеча утромъ объясняли! Въ этомъ мѣстѣ, говорятъ, Господь исцѣлилъ прокаженныхъ и сказалъ имъ, чтобы они пошли и показали священникамъ. Девять послушались Господа, а десятый — самарининъ — не послушался и вернулся къ Нему; и за это Господь его похвалилъ, а послушниковъ осудилъ. Какъ же это такъ?

Всѣ трое устались въ меня, какъ бы говоря: «Что, ученый баринъ, попался!»

— Тутъ вы затрогиваете, господа, — говорю я имъ, — очень важный вопросъ о законѣ и вѣрѣ. Прокаженные пошли по закону благодарить Бога очистительною жертвою, а вѣра вернула одного изъ нихъ ко Христу. Но въ данномъ случаѣ это не было послушаніемъ Господа. Напротивъ, самарянинъ по вѣрѣ и послушался Христа, и законъ исполнилъ. Ему говорятъ: покажись священнику! Онъ и пошелъ. Но куда? Не къ немощному священнику, который имѣетъ нужду ежедневно приносить жертвы сперва за свои грѣхи, а къ истинному, совершенному Первосвященнику по чину Мелхиседека, къ Иисусу Христу. Тѣ девять пошли приносить кровавыя жертвы, а самарянинъ принесъ Богу лучшую жертву хвалы. Такимъ образомъ онъ по вѣрѣ оказался большимъ исполнителемъ закона и послушникомъ Господа.

Мои слушатели были вполне удовлетворены этимъ отвѣтомъ. Они попросили разрѣшенія задать мнѣ еще нѣсколько вопросовъ, и бесѣда наша затянулась на нѣсколько часовъ, такъ что мнѣ самому нужно было напомнить имъ, что завтра караванъ снимется еще до разсвѣта, а потому не мѣшаетъ намъ немного отдохнуть. Солдата я пригласилъ ночевать въ моей комнатѣ.

XXIV.

Черезъ Самарію.—Ѣзда на ослахъ.—Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ.—Отчего заболѣваютъ паломники въ пути.—Англичане туристы.—Самарія.—Атака реблтишекъ.—Канунъ мусульманскаго праздника.—Набудусь, или Сихемъ.—Колодець Іакова.

На другой день, задолго до разсвѣта, паломники поднялись, и часть ихъ сейчасъ же двинулась въ путь въ темнотѣ, чтобы быть первыми и на слѣдующемъ привалѣ. Вся остальная масса отправилась съ разсвѣтомъ. Дорога шла черезъ Самарію съ одного холма на другой, изъ одной долины въ другую. Часто попадались ручьи. Зеленъ встрѣчалась также повсюду. Мѣстами проѣзжали хлѣбными полями. Хлѣбъ уже въ колосѣ, и кое-гдѣ начинали жать. Наши осла, мулы и лошади такъ и рвались къ созрѣвшему хлѣбу. Особенно трудно въ это время было справиться съ осломъ. Обыкновенной палки онъ не слушался, а отъ варварскаго способа колоть ему шею иголкой я отказался. У моего осла и такъ вся шея и задъ были истыканы до крови иголками погонщика. Вообще, надо замѣтить, Ѣзда верхомъ на ослѣ не представляетъ большого удовольствія. Кромѣ того, что трудно заставить итти это упрямое животное по намѣченному пути и съ желаемой скоростью, испытываешь порядочныя муки отъ неудобнаго сидѣнія. вмѣсто сѣдла бѣдные арабы кладутъ на спину осла толстую, широкую подушку, которую съ трудомъ обхватываешь ногами. Стремена на веревочкахъ подвязываются высоко, что заставляеть поджимать ноги; а если протянешь ихъ, то рискуешь оборвать стремяна. Это у меня и было раза два. Къ счастью, я ни разу не падалъ съ сѣдла. Только однажды случилось, когда я, вынудъ затекшія ноги изъ стремянъ, вдругъ скатился черезъ голову осла и сталъ на ноги прямо на землю.

Кстати, та женщина, которая упала съ осла при выѣздѣ изъ Назарета, оказалось, получила серьезный ушибъ. Сперва она не замѣтила, но потомъ дорогою нога ея все болѣе и болѣе пухла и причинила ей и доктору немало хлопотъ во все время пути до самаго Іерусалима.

Я и спутникъ мой, «бедуинъ», не запаслись провизіей на дорогу, рассчитывая покупать ее въ попутныхъ селахъ и городахъ, и не разъ въ этомъ раскаялись. Бѣдные арабы встрѣчающихся селеній очень часто не могли предложить намъ даже своихъ хлѣбныхъ лепешекъ. Предпримчивый купецъ могъ бы хорошо заработать, сопровождая караванъ русскихъ паломниковъ походной лавочкой, или устраивая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ привала временную торговлю.

Мнѣ кажется, большая часть болѣзней у паломника въ пути является отъ простуды, какъ я говорилъ раньше, да отъ плохого питанія. Вѣдь такъ легко прослѣдить здѣсь, чѣмъ онъ питается въ это время. Если предстоитъ большая остановка, онъ спѣшитъ развести огонь, скипятить воды и налиться чаю съ російскими сухарями. Это—тѣ самые сухари, которые онъ задолго до паломничества приготовилъ у себя дома въ Тамбовской или Тверской губерніи. И можно себѣ представить, какой они принимаютъ видъ отъ времени и сырого воздуха, залежавшись у него въ котомкѣ по пяти, по шести мѣсяцевъ! Напившись чайку, онъ опять набираетъ въ чайникъ воды, крошитъ въ нее сухарей и отправляется дальше. По дорогѣ отъ жары и усталости онъ часто прикладываетъ къ своему чайнику и потягиваетъ вредную для желудка сахарную бурду. Въ концѣ концовъ большинство страдаетъ разстройствомъ желудка и дизентеріей. Еще хуже на тѣхъ короткихъ привалахъ, гдѣ приходится паломникамъ пользоваться горячею водою для чая у арабовъ. Я нарочно заѣзжалъ впереди каравана, чтобы прослѣдить продажу яко бы кипятка. Стоять около дороги три-четыре черныхъ котла. Около нихъ возятся арабки и ребятишки. Одни усердно подтаскиваютъ хворостъ, другіе — воду. Костры горятъ громаднымъ пламенемъ. Вотъ подходятъ первые паломники и быстро разбираютъ за парички горячую воду. Арабки сейчасъ же доливаютъ котлы холодною водою. Между тѣмъ подходятъ слѣдующіе паломники, все больше и больше, окружаютъ котлы, протягиваютъ чайники. Они не спрашиваютъ, вскипѣла ли вода. Только давай скорѣй! Костры горятъ во всю силу,—чего тутъ спрашивать! Арабки едва успѣваютъ удовлетворять ихъ требованія. И вотъ, за исключеніемъ немногихъ, паломники напиваются недокипяченной воды и разстраиваютъ пищеваженіе.

Къ счастью своему, я не пью чаю, и потому мнѣ не приходилось обращаться къ арабкамъ за сомнительнымъ кипяткомъ. Не смотря на то, что я пилъ сырую воду прямо изъ источниковъ, колодезѣй и водоемовъ, во все время путешествій по Палестинѣ ни разу не могъ пожаловаться ни на какую болѣзнь.

Приближаясь къ остаткамъ древней Севастіи, или Самаріи, мы встрѣтили на одномъ холмѣ, съ котораго открывался видъ на Средиземное море, двѣ палатки съ англійскимъ флагомъ. Въ сторонѣ стояло нѣсколько прекрасныхъ лошадей и муловъ. Около нихъ суетливо хлопотали арабы. Два высокихъ англичанина съ сигарами въ зубахъ вышли изъ палатки и, замѣтивъ движущійся караванъ, на минуту скрылись въ нее и снова вышли съ фотографическимъ аппаратомъ.

Это ужъ не первая наша встрѣча съ англичанами въ Палестинѣ. Въ Галилеѣ мы наткнулись на большую кавалькаду мужчинъ на прекрасныхъ лошадяхъ, сопровождавшихъ почтенную даму въ ма-

Видъ Иерусалима съ сѣверной стороны.

ленькой кареткѣ на носилкахъ, напоминающей китайскій паланкинъ. Но разница та, что носилки несли не люди, а два мула впереди и позади каретки. Вотъ съ какимъ комфортомъ путешествуютъ англичане!

Въ Иерусалимѣ также есть контора всесвѣтнаго «Кука», въ которой можно достать всѣ удобства для путешествій по Сирию, но это доступно для богатыхъ людей.

Интересный разговоръ по поводу ихъ я подслушалъ у паломниковъ.

— Это изъ какого же народа они будутъ? — спрашиваетъ одинъ другого.

— Англичане, вотъ тѣ, что съ бурами теперь воюютъ.

— Такъ чего же эти гуляютъ, когда у нихъ война?

— Да, вѣдь, они сами не воюютъ: у нихъ войско наемное. Богатый народъ! Денежки чего не сдѣлаютъ: вотъ они тутъ, видишь, какъ путешествуютъ, а въ Африкѣ за нихъ сражаются иностранцы. Мечтаютъ весь миръ завоевать черезъ свои богатства.

— Кая польза человѣку, аще пріобрѣщеть миръ весь, и отщепитъ душу свою? — съ укоромъ произнесъ вопрошавшій.

Считаютъ около двадцати пяти верстъ отъ Буркина до Самаріи. Паломники были предупреждены, что мы не войдемъ въ Самарію. Сегодня, 28-го марта, канунъ главнаго магометанскаго праздника Курбанъ - Байрама, а потому надо спѣшить скорѣй засвѣтло въ мѣсту ночлега, чтобы избѣгнуть встрѣчи съ фанатизмомъ мусульманъ. Съ правой стороны отъ дороги на высокой горѣ показались зданія города и выступающій изъ-за нихъ храмъ. Насъ встрѣтили греческіе священники съ иконою Іоанна Крестителя въ рукахъ и поочередно подносили ее къ проходящимъ паломникамъ, за что, конечно, они охотно жертвовали свои парички. Лично я очень огорченъ былъ, что не могъ посѣтить гробницы своего патрона, Іоанна Предтечи.

Изъ города выбѣжали мальчишки и съ высоты стали бросать въ паломниковъ каменьями. Нашъ кавасъ Михаилъ припугнулъ ихъ плеткой. На мгновеніе они скрылись въ кустахъ, чтобы опять еще сильнѣе атаковать паломниковъ каменнымъ градомъ. Пришлось кавасу пришпорить свою лошадь, подняться на гору и прогнать ребятъ въ самый городъ.

Это нападеніе мусульманскихъ дѣтей напомнило намъ дерзкихъ ребятишекъ около Веѣиля, которые дразнили пророка Елисея. Но тогда по слову пророка «вышли двѣ медвѣдицы изъ лѣса и растерзали изъ нихъ сорокъ два ребенка».

Теперь не только около Веѣиля, но, пожалуй, во всей Самаріи и Іудеѣ нельзя найти такого лѣса, въ которомъ бы водились медвѣди. Еще можно въ долинахъ и по склонамъ горъ найти зеленныя рощи, но вообще-то вся горная южная половина Палестины представляетъ оголенный камень подъ палящимъ солнцемъ.

До Набулуса, древняго Сихема, оставалось около десяти верстъ. Всѣхъ паломниковъ сбили въ кучу и просили не расходиться, чтобы жители Набулуса, фанатичные магометане, не могли обидѣть отставшихъ и отдѣлившихся отъ общей массы. Также просили не останавливаться, если даже будутъ продавать арабы съѣстные припасы. Къ нашему каравану присоединился турецкій солдатъ на горячемъ арабскомъ скакунѣ, вѣроятно, присланный турецкою администраціей.

Въ виду завтрашняго мусульманскаго праздника, представители Палестинскаго общества телеграммой просили турецкое начальство оградить русскихъ паломниковъ отъ возможныхъ оскорбленій.

Разсказываютъ здѣсь, что въ послѣднюю русско-турецкую войну городъ Набулусъ послалъ отъ себя цѣлый полкъ, и изъ него будто бы не вернулось домой ни одного человѣка. Съ тѣхъ поръ жители этого города не могутъ равнодушно видѣть русскихъ. Судя по безпокойнымъ движеніямъ начальника каравана и развѣзжающихъ взадъ-впередъ кавасовъ, можно было заключить, что опасенія ихъ въ самомъ дѣлѣ были серьезны; и паломники, обыкновенно плохо подчиняющіеся дисциплинѣ въ пути, на этотъ разъ шли сжатую толпою. Побывавшіе раньше въ Палестинѣ тоже свидѣтельствовали, что жители этого города осыпаютъ русскихъ камнями. А нельзя пройти иначе, какъ черезъ городъ, между двумя библейскими горами Геваль и Гаризимъ.

Благодаря телеграммѣ, по сторонамъ дороги въ городъ была выставлена охрана турецкихъ войскъ. Да и надо было: народъ тѣсными толпами выступалъ на встрѣчу каравана и, если не кидалъ камней, то сопровождалъ паломниковъ ругательными кличками.

На всемъ пути отъ Назарета до Иерусалима Набулусъ—самый большой городъ. Онъ имѣетъ нѣсколько мыловарныхъ фабрикъ и ведетъ сравнительно порядочную торговлю. Въ библейскія времена онъ назывался Сихемомъ и извѣстенъ былъ еще Аврааму. Этотъ городъ есть середина Святой Земли, между моремъ и Иорданомъ. Отъ Сихема въ равныхъ разстояніяхъ (около 50 верстъ) лежатъ Иерусалимъ и Назаретъ, Яффа и Иерихонъ. А потому понятно, что Авраамъ первый свой жертвенникъ въ Землѣ Обѣтованной поставилъ въ дубравѣ Море, около Сихема, и что именно здѣсь явился ему Господь и впервые далъ извѣстное обѣщаніе: «Потомству твоему отдамъ я землю сію». Черезъ 180 лѣтъ въ лицѣ Израиля исторія повторилась. Онъ такъ же, какъ и Авраамъ, вышелъ изъ Месопотаміи и пришелъ въ землю, обѣщанную Господомъ ему и его потомству, и построилъ жертвенникъ около Сихема. Еще черезъ 430 лѣтъ Господь заповѣдалъ народу израильскому, когда онъ перейдетъ Иорданъ, поставить на горѣ Геваль (у подножія которой расположенъ Сихемъ) жертвенникъ Богу и написать на кам-

няхъ жертвенника всѣ слова Закона. Такъ Иисусъ Навинъ и исполнилъ, собравъ всего Израиля вмѣстѣ съ Ковчегомъ Завѣта въ долину горъ Гевала и Гаризима, такъ сказать, въ срединѣ, въ сердцѣ обѣтованной земли. Здѣсь же, въ Сихемѣ, предъ скиніей Господа Бога Израилева, заключилъ Иисусъ Навинъ съ народомъ завѣтъ и далъ ему постановленія и законъ, положивъ подъ дубомъ большой камень во свидѣтельство имъ.

Къ сожалѣнію, нашимъ паломникамъ было не до посѣщенія этихъ горъ, потому что, какъ прежде «жители сихемскіе сажали въ засаду людей на вершинахъ горъ, которые грабили всякаго проходящаго мимо ихъ по дорогѣ» ¹⁾, такъ и теперь небезопасно ходить для одинокихъ путниковъ.

Благополучно пройдя городъ, мы скоро дошли до огороженнаго мѣста, принадлежащаго православной греческой патріархіи. Здѣсь находился тотъ самый древній колодець Іакова, около котораго отдыхалъ Иисусъ Христосъ и бесѣдовалъ съ самарянкою.

Близъ колодца сдѣланъ большой водоемъ. Уставшіе паломники, придя къ нему, сейчасъ же стали черпать воду и пить. Я тоже подошелъ къ бассейну и попросилъ у одной женщины кружку. Почерпнувъ воды, я на минуту поколебался: пить или не пить. Слишкомъ очевидно для глазъ присутствіе разныхъ мелкихъ представителей животнаго царства. Но, вспомнивъ, изъ какихъ только лужъ я не пилъ раньше по дорогѣ, я храбро опорожнилъ кружку. Простота на Востокѣ удивительная! Къ тому бассейну, изъ котораго пьютъ паломники, подвели ослонъ и лошадей. Мнѣ вспомнились слова самарянки, сказанныя Христу: «Іаковъ далъ намъ этотъ колодець, и самъ изъ него пилъ, и дѣти его, и скотъ его».

Въ углу двора была легкая деревянная постройка. Передовые уже успѣли занять ее. Вся остальная масса расположилась на землѣ да на камняхъ, заросшихъ травою. Въ отдаленномъ углу мы выбрали себѣ мѣстечко подъ деревомъ, въ сосѣдствѣ аѳонскаго монаха и знакомаго молодого странника.

XXV.

Бесѣда Христа съ Самарянкою. — Самарянскій храмъ на горѣ Гаризимъ. — Пещера священнаго колодца. — Забота паломницъ о монахахъ. — Библейское значеніе встрѣчи дѣвидъ у колодца. — Оставленный паломникъ. — Заблудившійся караванъ. — Больные и престарѣлые паломники.

Священникъ, находившійся въ караванѣ паломниковъ, отслужилъ молебенъ передъ колодцемъ и прочиталъ евангеліе, повѣствующее знаменательную бесѣду Иисуса Христа съ самарянкою. Вотъ съ этого мѣста, указывая на гору Гаризимъ, она сказала Господу:

¹⁾ Судей, IX, 25; Осн, VI, 9.

— Отцы наши поклонялись на этой горѣ; а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Иерусалимѣ.

Изъ Библии извѣстно, что Ковчегъ Завета, величайшая святыня Израилева, путешествовалъ и въ пустынь, и въ Палестинѣ, и въ землѣ Филистимской въ продолженіе четырехъ съ половиною вѣковъ, пока при Соломонѣ онъ не остановился на приготовленномъ для него мѣстѣ въ Святомъ святыхъ перваго храма въ Иерусалимѣ. Съ этихъ поръ исполняется повелѣніе Господне: «На томъ только мѣстѣ, которое изберетъ Господь въ одномъ изъ колѣнъ твоихъ, приноси всесоженія твои и дѣлай все, что заповѣдую тебѣ»¹⁾. Но уже вскорѣ, приблизительно черезъ двадцать лѣтъ, царство еврейское раздѣлилось на два: Іудейское и Израильское. Израильтяне, чтобы не быть въ зависимости отъ іудеевъ и отъ ихъ города Иерусалима, гдѣ находился храмъ, создали свой особый жертвенникъ и тѣмъ нарушили повелѣніе Господне. Впослѣдствіи наслѣдники ихъ, собравшіеся изъ разныхъ народовъ въ Самаріи, построили свой храмъ на горѣ Гаризимъ. Такимъ образомъ самаряне съ древнѣйшихъ временъ стали въ положеніе раскольниковъ по отношенію къ іудеямъ. Вотъ этотъ-то вопросъ многолѣтней распри—на какой горѣ поклоняться Богу—и предложила самарянка Иисусу Христу; но Божественный учитель рѣшилъ совершенно иначе.

— Повѣрь мнѣ, — говоритъ онъ ей, — что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Иерусалимѣ будете поклоняться Отцу. Богъ есть духъ: и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ.

И на горѣ Гаризимѣ, и въ Иерусалимѣ храмы давно разрушены, кровавыя жертвы прекращены, а поклоненіе Богу распространилось по всей землѣ въ духѣ и истинѣ.

Послѣ молебна народъ спускался въ пещеру и пилъ воду изъ большого желѣзнаго ведра. Нѣкоторое время колодець былъ заваленъ, но не такъ давно его очистили и нашли воду на глубинѣ одиннадцати сажень. Пещера внутри ничѣмъ не украшена. При слабомъ свѣтѣ лампы мы замѣтили только двѣ простенькихъ иконы, можетъ быть, занесенныхъ сюда нашими паломниками. Кругомъ пещеры видны остатки храма. Позади колодца роща деревьевъ, къ сожалѣнію, загаженная настолько, что неприятно ходить въ ней.

Къ воротамъ ограды мѣстные жители принесли хлѣба и зеленого луку. То и другое паломники быстро раскупили. Пришлось и намъ довольствоваться этою скромною пищею. Оно и кстати! Не надо забывать, что именно здѣсь, когда ученики предлагали Иисусу Христу поѣсть, Онъ сказалъ имъ:

— Моя пища есть творить волю пославшаго Меня и совершить дѣло Его.

¹⁾ Второзаконіе, XII, 14.

Я прошелъ на раньше избранное мѣстю подѣ деревомъ, гдѣ странница усердно угощала чаемъ моего сосѣда, аеонскаго монаха. Я замѣтилъ, что почти всѣ странствующие монахи въ Палестинѣ имѣютъ около себя одну, двѣ или даже небольшую группу женщинъ, которыя заботятся о нихъ, какъ въ былое время онѣ заботились о Христѣ и апостолахъ ¹⁾. Онѣ помогаютъ монаху бѣлье, починаютъ рясу, накормятъ, сварятъ чай. За это онѣ почитаютъ имъ душеспасительную книжку, расскажетъ про видѣнныя имъ святыя мѣста, а иногда вмѣстѣ съ ними и помолится.

Я засталъ своего сосѣда, когда онъ говорилъ своей спутницѣ о знаменательномъ значеніи встрѣчи женщины у источника водъ. Онъ долго ей рассказывалъ, какъ Исаакъ чрезъ своего слугу нашелъ себѣ невѣсту у колодца, какъ Иаковъ встрѣтилъ Рахиль, а Моисей—Сепфору. И всѣ онѣ были случайно первыми дѣвицами, пришедшими черпать воду, но по устройенію Божію сдѣлавшимися женами великихъ патріарховъ избраннаго народа.

— Значитъ, встрѣча у колодца — къ счастью,—по-своему рѣшила странница.

Я залегъ спать на камняхъ подѣ деревомъ. Долго я ворочался съ боку на бокъ: мнѣ и жестко было, и холодно, да и мысль безпокоила, что какія нибудь животныя полѣзутъ изъ камней на тебя; но усталость взяла свое, и я задремалъ подѣ неясный шумъ тысячи паломниковъ.

Ночью просыпаюсь. Темно. Тихо. Сосѣдей нѣтъ. Да и никого нѣтъ во всей оградѣ. Ушли! Весь караванъ ушелъ, и никто меня не разбудилъ! Я схватилъ свой мѣшокъ и бросился бѣжать въ догонку за караваномъ, какъ вдругъ слышу голосъ моего проводника Салима:

— Иванъ! Иванъ!

Оказывается, они полагали, что я раньше ушелъ пѣшкомъ съ паломниками, и искали меня въ переднихъ рядахъ каравана, но потомъ «бедуинъ» вернулъ его къ колодцу поискать меня на дворѣ, не заснулъ ли я.

Салимъ помогъ мнѣ взобраться на осла, и черезъ часъ, не больше, мы догнали хвостъ остановившагося каравана. Было еще темно. Никакого признака разсвѣта. Итти или ѣхать по каменистой дорогѣ было чрезвычайно трудно.

— Отчего остановились?—спросили мы «бедуина».

— Ждемъ сбившихся съ пути паломниковъ.

— Какъ такъ?

И мнѣ рассказали, что и сегодня, какъ всегда, несмотря на просьбы кавасовъ и завѣдывающаго караваномъ, нѣкоторые паломники поднялись среди ночи и, не дожидаясь распоряженія выхо-

¹⁾ Луки, VIII, 3.

дить изъ ограды, отправились въ темнотѣ впередъ. Вслѣдъ за ними потянулась и остальная масса паломниковъ. Но, когда узнали, что передовые ушли куда-то въ сторону и заблудились, караванъ остановился, а кавасовъ отправили разыскивать нетерпѣливыхъ. Благодаря этой случайной задержкѣ, я нагналъ паломниковъ.

Наконецъ, караванъ тронулся въ путь: должно быть, разыскали заблудившихся. Въ темнотѣ ничего не разберешь. Вотъ мимо меня промчался на конѣ кавасъ и что-то сердито проворчалъ, надо полагать, по адресу паломниковъ.

Дорога сопровождалась крутыми спусками и подъемами. Стало разсвѣтать, и многіе древніе старцы облегченно вздохнули. Представитель Палестинскаго общества нанялъ десятка два ословъ на всякій случай. По указанію доктора всѣ захворавшіе или по немощи своей отставшіе отъ каравана были посажены на запасныхъ ословъ. А больныхъ, какъ я раньше замѣчалъ, было довольно много. Мнѣ жалко было колоть своего осла въ шею, и я по-пемногу очутился среди отставшихъ и больныхъ. И вотъ тутъ-то пришлось мнѣ насмотрѣться удивительныхъ примѣровъ вѣры, самоотверженія и терпѣнія. Плетется, напримѣръ, сѣдая старуха, вся увѣшенная дорожными принадлежностями. Тяжело для нея идти и по гладкой дорогѣ, а она пробирается между камнями. Но вотъ сѣла отдохнуть. Караванъ скрылся за горы. Она покинута. Ее могутъ ограбить разбойники. Но на первомъ привалѣ каравана, спустя полчаса, вдругъ покажется она вдали на холмѣ. Спѣшитъ, палочкой помахиваетъ. И кавасы обыкновенно не поднимаются дальше въ путь, пока не подойдутъ подобно этой старухѣ всѣ отставшіе паломники.

XXVI.

На границахъ Самаріи и Іудеи.—Докторъ Конрадъ Шикъ.—Тяжелый путь.—«Своя своихъ не познаша».—Видѣніе глѣстницы Іаковомъ.—Ночлегъ въ деревнѣ Рамаллахъ.—Священная Іудея.—Прибытіе въ Іерусалимъ.

Мы теперь вступили въ область, связанную съ исторіей временъ судеѣ израилевыхъ. Преданіе указываетъ здѣсь въ разныхъ мѣстахъ гробницы Иисуса Навина, Халева, первосвященниковъ Елеазара и Финееса. Далѣе дорога шла съ каменистаго хребта внизъ и довольно круто. Мѣстами даже нельзя сказать, что мы ѣдемъ по дорогѣ. Паломники и осла разбрелись по склону горы, и каждый выбиралъ, гдѣ ему было удобнѣе спуститься среди камней. Эти голыя скалы напомнили намъ близость Іудеи. По картѣ мы должны быть недалеко отъ древнихъ городовъ, Силома и Галгалъ. Но гдѣ они были,—никто намъ объ этомъ не говоритъ. Священника тоже нечего спрашивать. Когда мы пересѣкали Самарію и

приближались къ Набулусу, «бедуинъ» попробовалъ спросить его:

— Отсюда видны, батюшка, Геваль и Гаризимъ?

Священникъ вопросительно взглянулъ, какъ бы недоумѣвая, а чѣмъ его спрашиваютъ.

— Ну, тѣ двѣ горы, съ которыхъ все собраніе Израиля произнесло анаѣму и благословіе...

— Эхъ, вы хватились!—съ достоинствомъ знатока отвѣтилъ батюшка.—Вѣдь эти горы вонъ тамъ остались!

И онъ указалъ на сѣверо-западъ, по направленію къ Кармилу.

Если гдѣ особенно чувствуется потребность въ указателѣ священныхъ мѣстъ, такъ это именно здѣсь, на границахъ Самаріи и Іудеи, гдѣ каждый холмъ, каждая долина, каждый камень могли бы повѣдать исторію двухъ древнихъ еврейскихъ царствъ. Но вотъ тутъ-то меньше всего мы и слышимъ указаній на древній міръ. А между тѣмъ въ Іерусалимѣ, у инославныхъ, прекрасно читаются лекціи по палестиновѣдѣнію, и онѣ доступны также для всѣхъ желающихъ православныхъ. Я не хочу этимъ сказать, что намъ, православнымъ, надо имѣть здѣсь на мѣстѣ своего дипломированного ученаго палестинолога. Вопросъ не въ ученой степени, не въ дипломѣ, а въ истинной преданности и любви къ своему предмету. Предъ нашими глазами въ Іерусалимѣ есть отличный примѣръ, какъ изъ простого столяра вышелъ серьезный любитель палестинологіи, впоследствии признанный ученымъ міромъ, докторъ *honoris causa* Тюбингенскаго университета. Я говорю про хорошо извѣстнаго всѣмъ интересующимся древнимъ Іерусалимомъ доктора Конрада Шика, или просто—фатера Шика ¹⁾. Отъ души пожелаемъ, чтобы и у насъ нашлись свои русскіе православные Шики. Покойный архимандритъ Антонинъ, образовавъ нѣсколько русскихъ мѣстъ въ разныхъ углахъ Святой Земли, положилъ тѣмъ прекрасное основаніе для изслѣдованія нашимъ любителямъ палестинской старины.

Переходъ отъ Набулуса до Рамаллаха, куда мы теперь шли, считается самымъ труднымъ на всемъ пути изъ Назарета въ Іерусалимъ. Здѣсь случались ужасныя катастрофы съ нашими паломниками, особенно во время непогоды. Мнѣ кажется, пятидесятиверстное разстояніе отъ колодца Самарянки до Святого города (такъ называется Іерусалимъ и у туземцевъ—Ель-Кудсъ) надо бы раздѣлить ровнѣе на двѣ половины и промежуточную стоянку дѣлать не въ Рамаллахѣ, а въ какойнибудь другой деревушкѣ, болѣе сѣверной.

На этомъ пути трудно найти пищу. Въ одномъ мѣстѣ старикъ-арабъ вытащилъ мѣшочекъ сухихъ смоквъ. Мелкія, грязныя, сухія,—въ другое время и не взглянулъ бы на нихъ. А тутъ

¹⁾ Недавно, въ декабрѣ 1901 г., докторъ К. Шикъ скончался на 80-мъ году своей жизни и послѣ 55-ти-лѣтняго пребыванія въ Іерусалимѣ.

толпа съ жадностью обступила араба и на перебой просила у него продать ихъ. Да и самъ арабъ относился къ своимъ смоквамъ, какъ къ чему-то драгоценному, аккуратно отвѣщая, чтобы на чашку вѣсовъ не попала ни одна лишняя ягода.

У «Источника Разбойниковъ» въ глубокомъ ущельѣ Харамія мы и сами напились, и скотъ напоили, но долго не останавливались: спѣшили къ ночлегу. По дорогѣ у одного источника произошелъ такой эпизодъ. Паломники дружно окружили водоемъ и стали поочередно черпать воду. Иные просили другихъ почерпнуть заодно и для нихъ воды. Подходить «бедуинъ» къ одному услужливому паломнику изъ крестьянъ и просить его дать ему немного испить воды. Тотъ, видя его туземный костюмъ, счелъ за араба и сильно заругался:

— Ахъ, ты, нечистъ ты этакая! Ишь что выдумалъ! Поди прочь!..

— Я... заикнулся было «бедуинъ», чтобы разсѣять его недоумѣніе. Но мужикъ еще больше прежняго заругался, закричалъ на него и замахалъ руками. «Бедуину» ничего не оставалось, какъ уйти поскорѣе отъ колодца. Но, какъ увидимъ дальше, этотъ случай послужилъ отличнымъ поводомъ «бедуину» сказать проповѣдь всему народу.

Приближаясь по чрезвычайно трудной каменистой дорогѣ къ древнему Веелю, я вспомнилъ поэтичнѣйшія мѣста въ Библии, связанныя съ этимъ городомъ, или «Домомъ Божиимъ», какъ онъ называется въ переводѣ на русскій языкъ. Здѣсь было Іакову видѣніе лѣстницы до небесъ, по которой двигались ангелы. Относительно лѣстницы я подслушалъ случайно одну фразу въ разговорѣ паломниковъ:

— Надо разумѣть лѣстницу духовную. Вѣдь, ангелы—духи безплотные, слѣдовательно и лѣстница для нихъ нужна духовная. Понялъ?

Наконецъ, мы добрались и до ночлега въ деревнѣ Рамаллахѣ. Нѣкоторые паломники размѣстились въ домахъ арабовъ, а я, сдавъ своего осла Салиму, по инерціи за главною массою народа пробрался на огороженный дворъ, гдѣ заранѣе отъ Палестинскаго общества приготовлены были для бесплатной раздачи ломти хлѣба. Я взобрался во второй этажъ дома и любовался интересною картиною паломническихъ заботъ о ночлегѣ. Тутъ же происходила продажа съѣстныхъ припасовъ, вина, фруктовъ. Мнѣ любезно предоставили въ одной изъ комнатъ кровать, и я, наученный предыдущими опытами, поспѣшилъ поскорѣе лечь, подъ шумъ ужинающихъ представителей духовной миссіи.

Рано утромъ толпа поднялась до свѣта, но на этотъ разъ распорядились, чтобы ворота были заперты. Паломники волей-неволей должны были подчиниться и дожидаться на дворѣ разрѣшенія выйти. Вѣроятно, вчерашній случай вызвалъ опасеніе у начальника

каравана, что они могутъ и сегодня также заблудиться въ горахъ, вырвавшись безъ каваса ночью.

Нѣкоторые изъ толпы обратились къ «бедуину», какъ къ посреднику, не можетъ ли онъ испросить распоряженія раскрыть ворота. «Бедуинъ» уговаривалъ ихъ потерпѣть немного, объяснилъ, что до Иерусалима осталось не болѣе пятнадцати верстъ, а потому къ обѣду легко поспѣемъ. Но вдругъ онъ замѣтилъ того рыжебородаго мужика, который его ругалъ у колодца. Мужикъ вытаращилъ глаза и съ удивленіемъ слушалъ русскую рѣчь барина, одѣтаго бедуиномъ.

— Это ты меня ругалъ у колодца?—спрашиваетъ его «бедуинъ».

— Простите меня, ваше вы... Я думалъ, что вы турка, нехристь.

— Развѣ Христось училъ насъ, прежде чѣмъ помогать ближнему, спрашивать его: изъ какого народа? какой вѣры?.. Нѣтъ, дорогой, надо въ каждомъ человѣкѣ видѣть меньшого брата Христа, и всѣхъ безразлично надо кормить, поить, одѣвать, какъ самого Христа. Развѣ ты не читалъ Евангелія?

Толпа еще тѣснѣе сдвинулась къ «бедуину» послушать его проповѣди и на время забыла про дорогу. Но вотъ спустился кавасъ Марко и велѣлъ открывать ворота. Въ пять минутъ дворъ очистился, и длинная вереница паломниковъ быстро стала подвигаться къ Иерусалиму.

Предъ моими глазами болѣе тысячи человѣкъ, знакомыхъ по Библии съ царями Давидомъ и Сауломъ и со всѣми пророками отъ Самуила до Иереміи. А знаютъ ли они, что мы какъ разъ проходимъ по тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ эти цари и пророки жили, сражались, молились, «останавливали луну и солнце» и проявили силы Божіи въ знаменіяхъ и чудесахъ? Знаютъ ли, что мы идемъ мимо Рамы, Михмаса, Гаваона, Массифы, Анаѳоа, Гивы, Номвы и другихъ городовъ, связанныхъ съ исторіей священнаго народа? Впрочемъ, мнѣ и самому какъ-то страннымъ казалось, чтобы эти голыя каменистыя скалы когда-то были населены и покрыты травою и деревьями.

Одинъ изъ нашихъ спутниковъ развернулъ небольшой путеводитель довольно древняго изданія.

— Спрячьте свой «Бедекеръ»,—шутливо замѣтилъ ему «бедуинъ». — Онъ вамъ мало здѣсь поможетъ. Вѣрующему человѣку здѣсь надо имѣть съ собою Библию, и только Библию.

— Иванъ! Иванъ!—кличетъ меня Салимъ и показываетъ вдали на бѣдную арабскую деревушку:—мой домъ тамъ!

Въ это время паломниковъ занималъ другой видъ, открывшійся на Елеонскую гору. Ее легко можно было признать по высокой колокольнѣ, построенной о. Антониномъ. Еще немного,—и передъ нами сразу весь раскрылся городъ Иерусалимъ. Вотъ отсюда онъ прекрасенъ! Бѣлые дома его ослѣпительно блестятъ на солнцѣ.

Среди бапенъ и минаретовъ царить мечеть Омара. Хорошо выдѣляется и куполъ нашей Свято-Троицкой церкви.

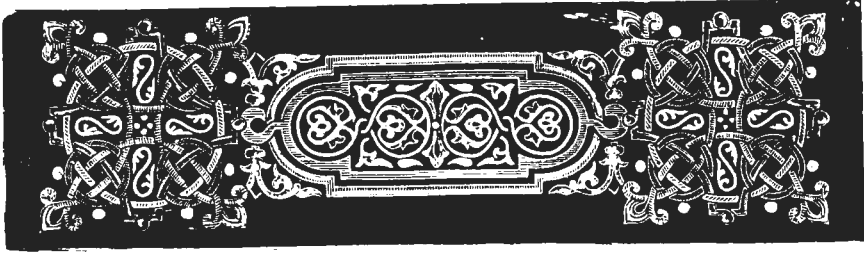
Паломниками овладѣлъ восторгъ и отъ вида святого города и отъ благополучнаго окончанія труднаго и долгаго путешествія. Караванъ растянулся на нѣсколько верстъ. Я не спѣшилъ въ городъ. Мнѣ такъ хотѣлось любоваться издали прекраснымъ видомъ его. Навстрѣчу намъ выходили паломники и участливо указывали, какой дорогой удобнѣе ѣхать. Уполномоченный Палестинскаго общества со своими помощниками также вышли навстрѣчу каравана и заботливо спрашивали о путешествіи.

Когда отставшіе подошли къ русскимъ постройкамъ, то всѣ паломники назаретскаго каравана приглашены были въ столовую, гдѣ прежде всего отслужили благодарственный молебенъ за благополучное окончаніе труднаго путешествія и за милость Господа, что онъ сподобилъ увидѣть священные берега Галилейскаго озера и приснопамятный Назаретъ, а затѣмъ сѣли за общій обѣдъ.

И. П. Ювачевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВНИМАНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

О ВСЕМУ кавказскому побережью еще сохранились далекой, сѣдой старины памятники, извѣстные подъ названіемъ дольменовъ. По-мѣстному на Кавказѣ эти оригинальныя постройки называются богатырскими хатами.

Разсказываютъ, что когда-то жилъ на Кавказѣ маленькій, но очень хитрый народъ, который покорилъ, благодаря своему острому уму, другой народъ рослый и необыкновенно сильный. Побѣдители заставили побѣжденных построить эти хаты съ круглыми отверстиями, черезъ которыя можетъ пройти (пролѣзть) только маленькій человѣкъ.

Эти постройки удивительныя. Дѣйствительно при видѣ дольменовъ, иногда встрѣчающихся на вершинахъ горъ (2.000 футовъ), невольно рождается мысль: какая сила должна эти каменныя глыбы внести на такую высоту, сложить обточенные камни песчаника и покрыть ихъ гигантской крышей болѣе аршина толщиной?! Мало того, эти огромныя плиты доставлялись издалека, ибо около Геленджика такой породы нѣтъ, а дольменовъ было 21 прежде, а теперь осталось только два!..

Я наблюдалъ разныя постройки этихъ памятниковъ, однообразныхъ по архитектурѣ, но исполненныхъ двумя способами: а) сложенныхъ изъ 4-хъ поставленныхъ въ правильномъ четырехугольникѣ огромныхъ плитъ, покрытыхъ одной гигантской крышей, ровно и правильно обдѣланной, такъ же, какъ и стѣны этого страннаго

зданія; в) такой же совершенно формы постройка, съ такой же крышей, но стѣны выложены изъ болѣе мелкихъ каменныхъ плитъ, правильно обдѣланныхъ другъ къ другу.

Первые, конечно, поражаютъ больше.

На 6-й верстѣ по шоссе, отъ посада Туапсе, противъ каштановой балки, недалеко (футовъ 200) отъ дороги сохранился гран-

Дольмены на Кавказѣ.

діозный дольмень изъ пяти гигантскихъ плитъ, покрытый крышей, не менѣе 2-хъ сажень длины и 1½ ширины.

Въ передней стѣнѣ обозначена форма двери, а сзади круглое, небольшое отверстіе. Этотъ дольмень произвелъ на меня огромное впечатлѣніе своей грандіозностью... Эти стѣны-скалы и эта крыша, на которой помѣстится толпа въ 100 человѣкъ!!...

Разумѣется, подъ этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ (доисторическимъ) прорыта канава, уже проникающая подъ богатырскую

постройку, которой, конечно, время сочтено, если не будетъ положенъ конецъ этому варварству, и археологическое общество вмѣстѣ съ представителями правительства не приметъ мѣръ къ огражденію дорогихъ и удивительныхъ памятниковъ...

Послѣ осмотра этого дольмена я говорилъ съ мѣстнымъ администраторомъ и доказывалъ необходимость охраны дольмена, на цѣлость котораго кто-то покушался, вѣроятно, кладоискатель.

Дольмены на Кавказѣ.

Представитель администраціи сказалъ мнѣ: «вы напишите объ этомъ, пусть напечатаютъ, а мы постараемся»...

О, нравы!..

Черкесы, которыхъ принято было называть дикимъ народомъ и азіатами, не трогали, не разрушали дольменовъ.. Почему?.. я, право не знаю, но думаю, что впечатлѣніе, которое эти памятники производятъ среди дикой, грандіозной природы Кавказа, такъ непо-

Дольмены на Кавказѣ.

средственно и такъ сильно, что дѣти горъ безмолвно удивлялись и уважали постройки гигантовъ.

А мы, русскіе?!...

Мы разрушили эти памятники самымъ возмутительнымъ, беспощаднымъ образомъ. Я упоминалъ, что изъ 21 дольмена близъ Геленджика остались только два и потому остались, что помѣщаются высоко, высоко на вершинѣ горы, куда и добраться трудно.

Эти девятнадцать дольменовъ употребили на постройку мостовъ во время проведенія въ 1891 году берегового шоссе и на постройку водопровода въ Новороссійскѣ. Скажите, пожалуйста, возможно ли это въ Европѣ. Нашлись бы тамъ такіе инженеры, такіе отчаянные и безшабашные, которые у насъ допустили возмутительное варварство?!

Любопытно бы узнать имена и фамиліи этихъ строителей геростратовъ или «геростратиковъ»?!...

Въ имѣніи принца Ольденбургскаго въ 16 верстахъ отъ Геленджика изъ 12-ти дольменовъ осталось 1^{1/2}: одинъ цѣлый и одинъ полуразрушенный...

Осталось много слѣдовъ, гдѣ были дольмены... Вы находите ямы, нѣкоторыя плиты и думаете: «да, здѣсь находился памятникъ и здѣсь... Какой огромныйъ былъ дольменьъ»... Да, былъ, а теперь осталась яма да кой-какіе осколки...

Гдѣ же эти десять дольменовъ?..

Свезены и употреблены инженерами и подрядчиками на постройку шоссе, которое проходитъ здѣсь неподалеку въ одной верстѣ... И все это произошло недавно, и живы люди, которые видѣли дольмены и показывали мнѣ мѣста теперь, гдѣ они находились.

Въ станицѣ Береговой построена изъ дольменовъ церковь, тамъ мостъ, водопроводъ... прекрасно... превосходно!..

Между тѣмъ на побережѣя камня и дикаря и цементнаго, вообще, матеріала для постройки сколько угодно въ горахъ. Но этотъ матеріалъ, кромѣ того, что нужно свезти, слѣдуетъ еще обработать, а дольмены готовые, обдѣланные, обточенные, можно пользоваться съ удобствомъ и выгодой...

И горько и комично: какіе-то древнихъ, доисторическихъ временъ народы работали и складывали гигантскія плиты для.... русскіхъ инженеровъ-строителей!.. Какая прелесть!..

Немало дольменовъ находилось по теперешнему береговому шоссе и близъ него—всѣ они пошли на постройку мостовъ и огражденій.

А вѣдь черкесы тоже проводили дороги и строили мосты, однако не посмѣли коснуться древнихъ памятниковъ, они, эти азіаты, очевидно къ старинѣ относились съ уваженіемъ.

Я пишу эту замѣтку, посвященную вниманію археологическаго общества, и думаю, что пишу во время, съ цѣлью сохранить хотя оставшіеся дольмены.

Во время, потому что скоро начнется постройка береговой желѣзной дороги до Сухума, и оставшіеся дольмены очевидно инженерамъ понадобятся.

Въ виду этой грядущей опасности необходимо принять мѣры. Какія?.. я не знаю, но надѣюсь, что почтенное археологическое общество придумаетъ и займется этимъ. Съ своей стороны могу посовѣтовать обратиться къ министру земледѣлія А. С. Ермолову, нынѣ состоящему предсѣдателемъ по устройству и заселенію кавказскаго побережья. Можетъ быть, онъ найдетъ возможнымъ возложить охрану дольменовъ на чиновъ лѣснаго вѣдомства побережья. Также можно посовѣтовать обратиться къ черноморскому губернатору Е. Н. Волкову, который съ своей стороны, вѣроятно, не откажетъ въ содѣйствіи археологическому обществу.

Во всякомъ случаѣ для охраны дольменовъ нужно что нибудь дѣлать и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше и цѣлесообразнѣе.

До сихъ поръ еще вполнѣ не выяснился смыслъ этихъ построекъ. Что это—могилы ли героевъ древнихъ временъ или простыя общія гробницы?.. Мнѣ говорили, что послѣ разрушенія нѣкоторыхъ дольменовъ подъ ними сравнительно неглубоко находились человѣческія кости и черепа. Внутри одного дольмена, посрединѣ, я видѣлъ на землѣ плиту, очень напоминающую надгробную...

Можетъ быть, дольмены были священными мѣстами жертвоприношеній въ тѣ давнія, далекія времена?!

Впрочемъ, на Кавказскомъ побережьѣ Чернаго моря и помимо дольменовъ для археологовъ найдется много и много интереснаго, но объ этомъ не мнѣ указывать почтенному ученому обществу.

С. Васюковъ.

КЪ БІОГРАФІИ ГРАФА П. А. РУМЯНЦЕВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

ОМУ изъ образованныхъ людей неизвѣстно славное имя героя первой турецкой войны, въ царствованіе императрицы Екатерины II, генераль-фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго? Блестательныя побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ, быстрое завоеваніе турецкихъ крѣпостей, переходъ за Дунай были знаменитѣйшими военными подвигами великаго полководца. Имя его останется бессмертнымъ въ ряду выдающихся именъ русскихъ военачальниковъ, и поэтому намъ кажется, что всякія данныя, относящіяся къ дѣятельности на государственномъ поприщѣ графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, должны быть обнародованы, съ одной стороны, какъ матеріалы для его біографіи, съ другой—какъ небезынтересные факты для характеристики Екатерининскаго времени. Вслѣдствіе такихъ соображеній, мы постарались воспользоваться актами, находящимися въ архивѣ курскаго губернскаго правленія и относящимися къ тому періоду гражданской дѣятельности Румянцева, когда онъ былъ намѣстникомъ трехъ намѣстничествъ: Малороссійскаго, Слободско-Украинскаго и Курскаго, и главнокомандующимъ кавалеріею и Украинскою дивизіею, именно съ февраля 1779 года по іюль 1781 года. Разсмотрѣнные нами акты состоятъ изъ распорядительныхъ бумагъ, дѣловыхъ писемъ, предложений, ордеровъ и т. п., посланныхъ графомъ разнымъ административнымъ лицамъ и учреждениямъ сначала Бѣлгородской губерніи, а потомъ Курскаго намѣстничества. Основываясь на быв-

шихъ въ нашихъ рукахъ актахъ, мы сообщимъ здѣсь свѣдѣнія о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ Румянцева по отношенію къ высшему за-вѣдыванію Курскимъ краемъ.

I.

Графу П. А. Румянцеву-Задунайскому было высочайше повелѣно открыть въ Харьковѣ, Курскѣ и Воронежѣ намѣстничества, при чемъ Бѣлгородская губернія была предназначена къ упраздненію. Уже въ началѣ 1779 года графъ заботился о приведеніи въ исполненіе высочайшаго повелѣнія, для чего было необходимо сдѣлать разныя приготовленія. Для Курскаго намѣстничества дѣло усложнялось въ томъ отношеніи, что намѣстническое правленіе и другія губернскія учрежденія надо было открыть вмѣсто Бѣлгорода— въ Курскѣ. 6-го февраля изъ деревни Парафеевки Румянцевъ писалъ тогдашнему бѣлгородскому губернатору, П. С. Свистуну, между прочимъ, слѣдующее: «Я долженъ отдать справедливость вашему неусыпному попеченію и трудамъ, кои вы въ мое облегченіе къ вновь учреждаемому Курскому намѣстничеству прилагаете. Найденные вами въ Курскѣ къ употребленію на будущія строенія три дома: курскаго секретаря, протопопа соборной церкви и выстроенный купцами постоялый дворъ, купить по сходной цѣнѣ. Впрочемъ, я надѣюсь, что вы не упустите времени, которое настоитъ къ отъѣзду въ Петербургъ со всѣми нужными объясненіями». Необходимые для устройства присутственныхъ мѣстъ лѣсные матеріалы графъ Румянцевъ приказалъ отпустить изъ казенныхъ путивльскихъ лѣсовъ, а такихъ матеріаловъ было нужно весьма много, такъ какъ даже намѣстническій домъ въ Курскѣ былъ выстроенъ изъ дерева, на каменномъ фундаментѣ. Лѣтомъ 1779 года бѣлгородскій губернаторъ оставался въ Петербургѣ, а для наблюденія «надъ новозаводимыми въ Курскѣ и уѣздныхъ городахъ строеніями» графомъ Румянцевымъ былъ назначенъ членъ малороссійской коллегіи Башиловъ, при чемъ въ Курскѣ присутственныя мѣста должны были строиться подъ руководствомъ харьковскаго архитектора, прапорщика Ярославскаго, а въ уѣздныхъ городахъ— бѣлгородскаго архитектора Салкова. Въ іюнѣ 1779 года, Башиловъ выѣхалъ изъ Глухова въ Бѣлгородъ, прогоны ему были даны «изъ малороссійскаго скарба»¹⁾. Рапорты Башилова, посланные графу Румянцеву, вызвали слѣдующее его замѣчаніе бѣлгородской губернской канцеляріи: «Усмотрѣлъ я надъ чаяніе²⁾ вмѣсто должнаго поспѣшествованія всевысочайшей ея императорскаго вели-

¹⁾ Ордеръ бѣлгор. губ. канцеляріи, № 70.

²⁾ Т. е. противъ чаянія (ожиданія).

чества волѣ, въ изготовленіи потребныхъ въ назначенномъ Курскомъ намѣстничествѣ строеній, не только во всемъ неготовость и остановку, но и описываемая бѣлгородскою канцеляріею, къ ея предосужденію, затрудненія». Вслѣдствіе этого графъ предписываетъ, кромѣ нарядовъ изъ обывателей, для успѣшнаго и своевременнаго возведенія необходимыхъ казенныхъ зданій, высылать изъ экономическихъ имѣній плотниковъ.

Въ октябрѣ 1779 года, графъ Румянцевъ потребовалъ отъ бѣлгородскаго губернатора списки чиновниковъ, которые могли быть предназначены къ занятію должностей по курскому намѣстничеству ¹⁾.

Въ началѣ января 1780 года, Курское намѣстничество было открыто въ присутствіи въ Курскѣ графа Румянцева. 10-го января имъ дано было предложеніе намѣстническому правленію объ отправленіи совѣтниковъ правленія въ уѣздные города Курскаго края для открытія тамъ присутственныхъ мѣстъ. Во время нахождения графа въ Курскѣ 18-го января имъ былъ данъ слѣдующій любопытный для характеристики нравовъ того времени ордеръ:

«Курскому намѣстническому правленію. Между просителями являются ко мнѣ разныхъ націй уроженцы съ жалобами что они, по своей волѣ и по договору, будучи въ услуженіи у здѣшнихъ помѣщиковъ, приневоливаются на дальнѣйшее у нихъ пребываніе, а иногда навсегда поработаются и потому принуждены бываютъ бѣжать. И дабы удержать помѣщиковъ отъ недозволенаго вольныхъ людей поработченія, я предписываю, дабы въ городахъ, селахъ и деревняхъ, до послѣдняго селенія, опубликовано было всѣмъ и каждому, чтобы въ семь намѣстничествъ никто никого изъ свободныхъ людей, вступившихъ къ кому либо въ приватную службу, насильно жить не принуждали, а если бы кто изъ свободныхъ людей не могъ получить отпуска, въ такомъ случаѣ долженъ явиться въ судебномъ мѣстѣ съ просьбою, которое должно снабдить его свидѣтельствомъ»...

Интересно и другое предложеніе графа Румянцева намѣстническому правленію о заведеніи школъ. «Извѣстно мнѣ, что изъ здѣшнихъ обитателей попечительные отцы, стараясь о воспитаніи дѣтей своихъ, сыскиваютъ для обученія ихъ изъ дальнихъ мѣстъ учителей, съ потерянiемъ немалаго иждивенія, но въ одной особѣ рѣдко сыскиваются всѣ науки потребныя, а при заведеніи школъ весьма уменьшится убытокъ и облегчится забота. При пособіи отъ общества, о коемъ губернскій и уѣздные предводители съ благороднымъ дворянствомъ не откажутся взять на разсужденіе, и при небольшой суммѣ, опредѣленной въ отпускъ отъ казны, можно достигнуть столь преползнаго предмета. Сіе г. правителю Курскаго

¹⁾ Письмо изъ слободы Вишеньки, № 186.

намѣстничества генераль-поручику П. С. Свистунову въ разсужденіи его великихъ о томъ (то-есть устройствѣ училищъ) знаній по прежней службѣ и долговременному управленію шляхетнымъ кадетскимъ корпусомъ препоручается»¹⁾...

Планъ устройства учебнаго заведенія въ Курскѣ графъ Румянцевъ просилъ правителя намѣстничества прислать ему на разсмотрѣніе. По инициативѣ намѣстника дѣло объ открытіи въ Курскѣ учебнаго заведенія пошло въ ходъ, и на средства дворянства, пожертвованія и другія суммы въ 1783 году въ Курскѣ было открыто такъ называемое «благородное училище» — первый разсадникъ свѣтскаго образованія въ Курскомъ краѣ. Училище это впослѣдствіи было преобразовано въ «главное народное».

Находясь въ Курскѣ по случаю открытія намѣстничества, графъ Румянцевъ былъ заваленъ жалобами на разнаго рода обиды, притѣсненія и несправедливости частныхъ лицъ и прежнихъ воеводскихъ канцелярій и другихъ подобныхъ учрежденій. Въ предложеніи намѣстническому правленію²⁾ онъ писалъ по этому поводу: «Оному правленію особливо примѣтить нахожу, что между до меня входящими жалобами нерѣдко оказываются о такихъ происшествіяхъ, кои челоуѣчеству столь несвойственны и слѣдовательно невѣроятны: нѣкоторые изъ обывателей насильно хватаютъ чужихъ женъ и дѣвокъ и вѣнчаютъ за крѣпостныхъ своихъ людей. Намѣстническое правленіе должно притверждать судебнымъ мѣстамъ, чтобы они рѣшали подобныя дѣла со всею строгостію и скоростью, дабы, сколь возможно скорѣе, угнетаемаго освободить, а преступника наказать безъ послабленія и тѣмъ вовсе пресѣчь злые и безчеловѣчныя поступки, и чтобы сіе наблюдалось въ точности, само намѣстническое правленіе должно всѣ суды предостерегать».

Весьма интересенъ ордеръ намѣстническому правленію графа Румянцева отъ 23-го января, слѣдующаго содержанія: «Каковъ мною полученъ изъ правительствующаго сената указъ относительно изобрѣтеннаго владимирскимъ генераль-губернаторомъ, графомъ Р. Л. Воронцовымъ, преполезнаго для казеннаго интереса средства къ продовольствію провіантомъ и фуражемъ состоящихъ въ Воронежскомъ намѣстничествѣ воинскихъ командъ».

Въ чемъ же заключалось это «преполезное для казеннаго интереса средство»?

Генераль-губернаторъ графъ Воронцовъ предложилъ предводителямъ Воронежскаго намѣстничества обсудить мѣры къ снабженію провіантомъ и фуражемъ воинскихъ командъ. Предводители пришли къ такому заключенію, что удобнѣйшее средство для этого заключается въ томъ, чтобы крестьяне каждаго селенія, по числу

¹⁾ Предложеніе 21 янв. 1780 г., № 80.

²⁾ 23-го января, № 87-й.

ревизскихъ душъ, привозили въ окружной городъ извѣстное количество ржаной муки и овса, за что получали бы плату изъ провіантской канцеляріи. Такимъ образомъ провіантское вѣдомство получало бы провіантъ и фуражъ изъ первыхъ рукъ, минуя посредниковъ, что, разумѣется, повело бы къ сохраненію казеннаго интереса. Воронцовъ представилъ о предположеніи предводителей въ сенатъ, откуда получилъ указъ о томъ, что «изобрѣтенное графомъ средство сенатъ пріемлетъ съ особливимъ удовольствіемъ, а потому не можетъ оставить, чтобъ не приписать попеченію его отъѣнной похвалы». Затѣмъ сенатъ разослалъ указы о новомъ средствѣ продовольствія воинскихъ командъ начальникамъ намѣстничествъ и губерній.

Находясь въ Курскѣ, графъ Румянцевъ 29-го января 1780 года получилъ, по поводу открытія Курскаго намѣстничества, рескриптъ императрицы Екатерины II. «Отъ ея императорскаго величества, — писалъ онъ намѣстническому правленію ¹⁾, — я имѣлъ счастье быть удостоенъ всевысочайшимъ и всемилостивѣйшимъ письмомъ. И какъ въ немъ изображается монаршее благоволеніе и удовольствіе о чувствахъ благодарности, съ каковыми дворянство и все общество здѣшнее приняли всевысочайшее о добрѣ ихъ попеченіе, то я съ онаго препровождаю точную копію».

Рескриптъ государыни былъ слѣдующій:

«Графъ Петръ Александровичъ! Съ особливимъ удовольствіемъ получила я донесенія ваши о благополучномъ открытіи Курскаго намѣстничества, присланныя съ директоромъ экономіи Башиловымъ. Въ семъ случаѣ новый подвигъ вашъ, оказанный по многимъ прежнимъ въ славу и пользу мою и имперіи моей, пріемлю я съ тѣмъ отличнымъ благоволеніемъ и признаніемъ, каковыхъ усердіе ваше къ службѣ и благу общему прямо достойно.

«Пріятно мнѣ было видѣть тутъ свидѣтельство ваше о чувствахъ благодарности, съ каковыми дворянство и все общество тамошнее приняли мое о добрѣ ихъ попеченіе. Удостоверьте ихъ, что событіе сихъ моихъ на пользу ихъ намѣреній есть главнѣйшее мое желаніе, а содѣйствіе со стороны ихъ точнымъ исполненіемъ всего предписаннаго и радѣтельнымъ исправленіемъ званія, на каждого изъ нихъ возложеннаго, — лучшая предо мною и отечествомъ жертва. Объявите равнымъ образомъ удовольствіе мое и всѣмъ духовнымъ и мірскимъ чинамъ, въ семъ дѣлѣ въ пособіе ваше трудившимся. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная Екатерина».

Этотъ рескриптъ былъ данъ 12-го января 1780 г.

¹⁾ Предложеніе за № 120-мъ.

II.

Съ учрежденіемъ намѣстничества, въ Курской губерніи начали функціонировать новыя судебныя мѣста. Графъ Румянцевъ-Задунайскій нѣсколькими своими предложеніями старался о томъ, чтобы новыя суды не медлили напрасно своимъ дѣлопроизводствомъ, а по возможности скорѣе удовлетворяли просителей. «Ко мнѣ,—писаль онъ ¹⁾,—являются многіе просители о томъ, что ихъ дѣла долговременно безъ производства и рѣшенія оставались въ прежнихъ судебныхныхъ мѣстахъ, которыя извинялись въ томъ, большею частью, многодѣліемъ. А какъ для вновь установленныхъ судовъ каждому опредѣлена должность соразмѣрно силамъ, такъ что, при должномъ радѣннн, каждый въ своихъ дѣлахъ успѣвать можетъ безъ малѣйшаго затрудненія, то я благонадеженъ, что всѣ новыя суды будутъ всякому ищущему доставлять неотложно правосудіе, а потому здѣшніе обыватели, познавъ справедливость и радѣннн судовъ, перестанутъ умножать мнѣ доуки, и всякій будетъ своего права искать тамъ, гдѣ по законамъ надлежитъ».

Многіе просители обращались къ графу Румянцеву съ разными просьбами, не зная, въ какихъ судахъ искать правосудія. Вслѣдствіе этого онъ велѣлъ «публиковать во всѣхъ городахъ, селахъ и деревняхъ до послѣдняго поселенія» о томъ, какіе именно иски и претензіи до какого новаго суда, расправы и приказа относятся, и выставить въ каждомъ селеніи при церквахъ и на публичныхъ мѣстахъ объявленія объ этомъ предметѣ.

Весьма интересны для характеристики разсматриваемаго нами времени два предложенія намѣстническому правленію графа Румянцева. Въ первомъ изъ нихъ находимъ поразительный фактъ: въ то время, когда Румянцевъ старался напомнить присутственнымъ мѣстамъ о томъ, что необходимо своевременно исполнять дѣла, само намѣстническое правленіе вызвало, по этому поводу, его замѣчаніе. Изъ дома правителя Курскаго намѣстничества генераль-поручика П. С. Свистунова была увезена его падчерица съ двумя служанками. Служитель Свистунова подалъ о томъ «челобитье» въ намѣстническое правленіе, а оно въ данномъ случаѣ не проявило необходимой поспѣшности... Графъ Румянцевъ потребовалъ по этому случаю отъ правленія представленія ему свѣдѣній о томъ, кто изъ членовъ, во время подачи «челобитья» служителемъ Свистунова, находился въ присутствіи, были ли о происшествіи увѣдомлены губернскіе прокуроръ и стряпчіе, городничій въ Курскѣ и исправникъ въ уѣздѣ, какія приняли мѣры къ возвращенію въ домъ похищенной дѣвицы.

¹⁾ Предложеніе намѣстническому правленію 2-го февраля, № 145-й.

Другое предложеніе ¹⁾ Румянцева касается нѣкоторыхъ безпорядковъ, бывшихъ въ то время въ Курскомъ намѣстничествѣ и въ особенности захвата чужихъ дѣвокъ и женъ. Нужно сказать, что, находясь въ Курскѣ, графъ получалъ очень много жалобъ на закрѣпощеніе вольныхъ людей. Нѣсколько человѣкъ изъ помѣщиковъ закрѣпостили не только русскихъ, но и иностранцевъ. Курскіе купцы откуда-то привозили калмыковъ, башкиръ и турокъ и, крестивъ ихъ, считали своими крѣпостными.

Вотъ объявленіе, которое графъ Румянцевъ велѣлъ распубликовать въ Курскомъ намѣстничествѣ:

«Графъ Петръ Румянцевъ-Задунайскій, ея императорскаго величества генераль-фельдмаршалъ, главнокомандующій кавалеріею и Украинскою дивизіею, сенаторъ, малороссійскій, слободско-украинскій и курскій государевъ намѣстникъ, коллегіи Малороссійской президентъ, кирасирскаго полка военнаго ордена полковникъ, російскихъ императорскихъ орденовъ святыхъ апостола Андрея Первозваннаго, военнаго великомученика и побѣдоносца Георгія 1-го класса и Александра Невскаго, королевскаго Прусскаго Чернаго Орла и голстинскаго св. Анны кавалеръ:

«Изъ доходящихъ до меня дѣлъ я узналъ о происходившихъ до сего въ нѣкоторыхъ уѣздахъ бывшей Бѣлгородской губерніи многихъ безпокойствахъ и безчиніяхъ необычайнаго рода, оскорбляющихъ самое человѣчество и во всемъ уѣздѣ обывателей, законы и благонравіе хранящихъ, именно гвалтовными ²⁾ нападеніями другъ на друга, грабительствами, убійствами, насильственнымъ захваченіемъ на поляхъ, въ лѣсахъ и городахъ чужихъ дѣвокъ и женъ и вѣнчаніемъ за крѣпостныхъ людей своихъ и иныхъ подобныхъ, и что приходскіе священники, имѣющіе долгъ воспрепятствовать всякое зло, вмѣсто того таковыя недозволенные браки утверждали, а сраженные толь наичувствительнѣйшею обидою родители и родственники, таскаясь по судамъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ не могли найти справедливости, и словомъ, дѣла сіи, вопіющія о защитѣ безпомощнымъ и объ отмщеніи и наказаніи преступниковъ, оставались вовсе безгласны, и сей вопль проникнулъ даже до престола, отъ коего премилосердная и челоуѣколюбивая монархія коль строжайше, толь всемилостивѣйше чрезъ рескриптъ 23-го февраля 1777 года ниспослать соизволила увѣщаніе.

«Я, по возложенному на меня начальству, симъ моимъ открытымъ листомъ ³⁾ напоминаю и предостерегаю, дабы всѣ и каждый, внимая гласу онаго, старался всемѣрно сохранить отнынѣ навсегда тишину и спокойствіе, и обидимые искали справедливости

¹⁾ Отъ 10-го февраля 1780 г., № 188-й.

²⁾ Шумными.

³⁾ Т.-е. объявленіемъ.

въ надлежащихъ судахъ, кои учреждены всякому ищущему доставлять скорое и неотложное рѣшеніе по законамъ; ибо всѣмъ судящимъ строго притвержено, чтобы они исполняли по предписанной имъ должности безъ малѣйшаго промедленія, подъ опасеніемъ за нерадѣніе, а тѣмъ паче упущеніе жестокаго отвѣта. Земскимъ исправникамъ и городничимъ прилежно наблюдать, чтобы никакихъ не позволенныхъ поступковъ отнюдь нигдѣ не происходило, а дерзнувшаго нарушить общій или частный покой отсылать въ надлежащія суды. А дабы со стороны епархіальныхъ архіереевъ даны были строгія повелѣнія всѣмъ приходскимъ священникамъ о воспрещеніи всякаго зла предписанными имъ по духовенству мѣрами и объ отвращеніи онаго кроткими и приличными изъ святаго писанія преподаваемыми паствѣ своей поученіями и наставленіями, о томъ отъ меня къ нимъ сообщено. Сей открытый листъ во всѣхъ городахъ, селахъ и деревняхъ до послѣдняго поселенія обнародовать и при церквахъ и другихъ пристойныхъ мѣстахъ прибить точные съ онаго справочные списки въ такой размѣръ, чтобы всякаго роста человекъ оныя читать и, внимая онымъ, отъ всякаго худа себя и близкихъ своихъ удалять, и никто незнаніемъ и неслышаніемъ оныхъ отговариваться не могли».

Въ Курскѣ графъ Румянцевъ оставался до 22-го февраля 1780 года. Въ этотъ день онъ увѣдомилъ намѣстническое правленіе о томъ, что для открытія намѣстничества Слободско-Украинскаго онъ уѣзжаетъ въ Харьковъ, а оттуда дѣла отзываютъ его въ Малороссію. Въ апрѣлѣ онъ уже былъ въ Вишенькахъ. Въ маѣ Румянцевъ былъ въ Кіевѣ и отсюда прислалъ въ Курскъ увѣдомленіе о томъ, что онъ, по высочайшему соизволенію, уѣзжаетъ въ Могилевъ, куда и предписывалъ посылать ему бумаги.

23-го сентября, будучи уже въ Вишенькахъ, графъ Румянцевъ прислалъ слѣдующій любопытный циркуляръ ¹⁾ курскому намѣстническому правленію:

«По дошедшему ко мнѣ отъ кіевскаго оберъ-коменданта Елчанинова рапорту о нападеніи поручика Днѣпровскаго егерскаго баталіона Курзакова, присланнаго въ Кіевъ для выбора изъ тамошняго гарнизона въ егеря солдатъ, на г-жу тайную совѣтницу Теплоу, ночевавшую близъ Кіева въ Броварахъ, оказалось, что онъ, Курзаковъ, подъ предлогомъ, что имѣетъ повелѣніе ее взять, ломаясь въ горницу, звалъ команду свою себѣ на помощь; но команда сія уговариваніемъ г-жи Теплоу отъ того была удержана, и тѣмъ сдѣлано его дерзкое предпріятіе тщетнымъ. За это Курзаковъ преданъ военному суду. Я, считая такое дерзкое предпріятіе слѣдствіемъ слабости и упущенія начальствующихъ, предписалъ частнымъ генераламъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, чтобы они наисто-

¹⁾ № 1041-й.

жайше притвердили имѣющимъ начальство о поведеніи подчиненныхъ лучшимъ образомъ наблюдать и не только до подобныхъ, но и малѣйшихъ своевольствъ не допускать».

Мы видѣли, что графъ Румянцевъ-Задунайскій нѣсколько разъ выражалъ надежду на то, что новые суды и администрація будутъ отличаться такими качествами, которыя должны соответствовать видамъ правительства, произведшаго въ этомъ отношеніи коренную реформу. Къ сожалѣнію, въ скоромъ времени дѣйствія новыхъ судовъ вызвали въ графѣ Румянцевѣ разочарованіе. 11-го ноября 1780 года, изъ слободы Кочуровки онъ писалъ курскому намѣстническому правленію слѣдующее, исполненное горечи и досады «предложеніе».

«По безпрестаннымъ и неотступнымъ на мѣстѣ и въ проѣзды чрезъ города и селенія ко мнѣ просьбамъ и жалобамъ, что въ судахъ уѣздныхъ правосудія, а въ нижнихъ земскихъ защищенія и пособія не находятъ ищущіе оныхъ, и по инымъ примѣчаемымъ обстоятельствамъ, а особливо, что въ городахъ отъ городничихъ, а въ уѣздахъ отъ исправниковъ, съ городскими и сельскими засѣдателями поступается грубо, и дѣлаются сверхъ опредѣленныхъ службъ и податей въ людяхъ и подводахъ незаконныя наряды, сборы и тѣлесныя наказанія, и что въ городахъ, въ немалое жителеймъ, а также пріѣзжающимъ и мимо съ товарами въ нѣчное время ѣдущимъ, отягощеніе, заводятся порядки, пограничнымъ только крѣпостямъ приличествующіе. Заключать я долженъ, что въ сей губерніи не пришло много въ положеніе, сходственное съ ея императорскаго величества учрежденіемъ и желаніемъ.

«За потребное нахожу намѣстническому правленію напомнить, чтобы суды и расправы всякія дѣла производили безъ малѣйшаго упущенія времени, а обязанные въ сей губерніи службою должности свои съ тщаніемъ и радѣніемъ проходили, подъ опасеніемъ суда и поступленія по законамъ и отъ мѣстъ своихъ по губерніи, безъ дозволенія г. правителя, а внѣ оной моего, отлучаться не дерзали».

6-го іюля 1781 года, графъ Румянцевъ увѣдомилъ курское намѣстническое правленіе о томъ, что генераль-поручикъ, князь А. А. Прозоровскій, назначенъ генераль-губернаторомъ Курскаго намѣстничества. Въ этомъ увѣдомленіи графъ уже титулуется «трехъ въ Малороссіи учреждаемыхъ намѣстничествъ государевымъ намѣстникомъ».

А. Танковъ.

ИЗЪ АРХИВНЫХЪ ДѢЛЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

I.

Лжецаревичъ Алексѣй Петровичъ.

ВЪ НАЧАЛѢ ноября 1724 года, въ городѣ Астрахани, нѣкто Михайлъ Смирновъ подалъ генераль-лейтенанту Матюшкину «извѣтъ», въ которомъ онъ объявлялъ о неслыханно дерзкомъ преступленіи, случившемся въ Астрахани.

По словамъ доносителя, выходило такъ, что въ городѣ появился самозванецъ, солдатъ гренадерскаго полка, который называетъ себя сыномъ Петра Великаго, царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ.

Генераль Матюшкинъ понялъ, что медлить нельзя, и лично произвелъ разслѣдованіе. Прежде всего былъ допрошенъ доноситель Смирновъ. Этотъ послѣдній заявилъ, что доносъ его основывается на точныхъ фактахъ, и что доносить онъ по чувству вѣрноподданческаго долга. Однако, здѣсь же выяснилось, что Смирновъ никогда солдата-самозванца не видалъ и ничего отъ него лично не слыхивалъ, а о самозванствѣ случайно узналъ отъ знакомаго ему офицера, прапорщика Астраханскаго гарнизона Савицкаго.

Генераль распорядился призвать и прапорщика. Оказалось, что и прапорщикъ ничего объ этомъ дѣлѣ положительнаго не знаетъ: онъ заявилъ генералу, что Михайло Смирновъ ему немножко знакомъ и бываетъ у него, прапорщика, въ гостяхъ; какъ-то однажды

онъ дѣйствительно разсказалъ доносителю, что въ городѣ объявился самозванецъ, но кто онъ такой, того не сказывалъ, хотя и слышалъ отъ астраханскаго священника Матвѣя Харитонова, что за царевича выдаетъ себя солдатъ-гренадеръ, который ходилъ къ священнику на исповѣдь и тамъ открылся ему въ своемъ царственномъ происхожденіи.

«Попъ Харитоновъ» былъ призванъ на допросъ. Онъ показалъ, что самозванствуеетъ солдатъ, «а имени, отчества и прозванія онаго не знаетъ»; солдатъ какъ-то однажды послѣ литургіи подошелъ къ священнику и сталъ просить его исповѣди, «при чемъ сказывался царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ донести объ этомъ епископу астраханскому Лаврентію, а пока хотѣлъ укрыться у священника во избѣжаніе преслѣдованія. По словамъ священника, исповѣдь не состоялась; желая снять съ себя отвѣтственность, онъ предложилъ солдату тотчасъ же отправиться къ епископу, но самозванецъ «не пошелъ и сказалъ, что недосугъ». Тогда священникъ сталъ уличать солдата, «что де царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился», и «онъ де на то ему отвѣтствовалъ, будто онъ—сущій царевичъ, а что де обносится, что царевичъ преставился, и что де мертвымъ обнесенъ другой».

Генералъ Матюшкинъ, выслушавъ такое показаніе, отнесся къ нему крайне недовѣрчиво и хотѣлъ привлечь священника къ слѣдствію въ качествѣ соучастника самозванца; несмотря на то, что обезумѣвшій священникъ приводилъ въ доказательство своей правоты такое объясненіе: «никому не доносилъ для того, что хотѣлъ къ нему оной солдатъ вскорѣ притти и съ нимъ, попомъ, итти къ епископу Лаврентію»,—онъ все-таки былъ арестованъ впредь до выясненія обстоятельствъ дѣла и до сыска самозванца.

Найти лжецаревича было затруднительно. Попъ не зналъ его фамиліи, видѣлъ всего только одинъ разъ, а потому дѣйствовать приходилось наугадъ.

Энергія и настойчивость, съ которыми дѣйствовалъ генералъ-лейтенантъ Матюшкинъ, много помогли дѣлу: онъ отправился вмѣстѣ съ попомъ Матвѣемъ въ астраханскій гренадерскій полкъ и приказалъ ему выбирать преступника изъ массы выставленныхъ передъ нимъ солдатъ.

Долго трудился попъ, пока наконецъ среди извозчиковъ (нестроевыхъ нижнихъ чиновъ полка) не замѣтилъ онъ покраснѣвшаго отъ смущенія и оробѣвшаго солдата.

Солдата арестовали и повели къ допросу.

Несмотря на всѣ тонкости слѣдственнаго производства того времени, несмотря на длинный рядъ уликъ, доказательствъ и свидѣтелей, солдатъ не признавалъ себя виновнымъ и продолжалъ настойчиво утверждать, что «Алексѣемъ его зовутъ, Петровъ сынъ, а прозванія нѣтъ; служить въ первомъ гренадерскомъ батальонѣ

въ извозчикахъ»; «въ приходѣ въ Покровскую церковь къ попу Матвѣю и въ прошеніи у него исповѣди (понеже будто боленъ животомъ), такожъ и въ называніи себя царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ не запырался».

Такіе отвѣты поставили представителей власти втупикъ. Тогда былъ пущена въ ходъ обычная слѣдственная хитрость—пристрастный допросъ, но на всѣ вопросы, которые имѣли цѣлью выяснить, какимъ путемъ обмѣнили его, царевича, гдѣ онъ находился въ это время и гдѣ жилъ,—онъ рѣшительно отказался отвѣчать.

Однако, этотъ предварительный допросъ представлялъ собою только введеніе въ слѣдственное производство того времени. Запирательство привлеченныхъ было обычнымъ явленіемъ; въ этихъ случаяхъ законъ предоставлялъ начальству пользоваться болѣе рѣшительными мѣрами: пытка была необходимостью, тѣмъ болѣе, что солдатъ обвинялся въ одномъ изъ тяжчайшихъ государственныхъ преступленій... Черезъ два дня выяснилось очень многое...

Самозванецъ былъ «пытанъ» и «съ пытки» показалъ слѣдующее: зовуть его Евстаѣемъ, Артемьевымъ сыномъ, а прозванія нѣтъ, родомъ Симбирскаго уѣзда, крестьянскій сынъ.

Теперь, когда языкъ самозванца уже развязался, приступлено было къ выясненію дальнѣйшихъ обстоятельствъ. Извозчикъ показалъ, что попъ Матвѣй Харитоновъ былъ знакомъ ему еще въ г. Симбирскѣ, и что «по этому знакомству» мѣсяцъ тому назадъ онъ зашелъ на квартиру къ солдату. Солдатъ былъ очень радъ приходу священника, но никакого значенія этому посѣщенію не придалъ; однако, священникъ, спустя нѣкоторое время, пришелъ къ нему въ гости еще разъ. Посидѣли, поговорили, а потомъ вышли изъ избы на дворъ, и попъ сталъ убѣждать извозчика назваться царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Разумѣется, извозчикъ отказался и ужаснулся такого предложенія. Тогда священникъ сказалъ извозчику, что ничего въ этомъ страшнаго нѣтъ, а самозванствовать ему будетъ и удобно, и выгодно, такъ какъ попъ рѣшилъ, какъ только извозчикъ назовется царевичемъ, онъ тотчасъ же подастъ объ этомъ епископу астраханскому доношеніе.

Это показаніе, болѣе или менѣе правдоподобное, оказалось весьма сомнительнымъ послѣ того, какъ извозчикъ заявилъ, что при этомъ разговорѣ со священникомъ онъ ни съ того, ни съ сего «объявилъ ему, попу, у себя животную болѣзнь и просилъ, чтобъ его исповѣдать, и оной де попъ велѣлъ ему притти въ вышереченную Покровскую церковь и хотѣлъ его, Артемьева, исповѣдать». Дальше солдатъ сталъ показывать нѣчто несуразное и во всякомъ случаѣ неправдоподобное: «и послѣ того, пришедъ онъ въ оную церковь, и оной де попъ хотѣлъ его исповѣдать и звалъ для помянутаго объявленія ко епископу, но токмо онъ, Артемьевъ, къ исповѣди и къ епископу не пошелъ, объявляя, яко бы было ему

недосугъ; а что де царевичъ Алексѣй Петровичъ представился, про то онъ, Артемьевъ, вѣдалъ, и назывался де онъ по наученію реченнаго имъ попа Матвѣя».

На этомъ окончилась дѣятельность генераль-лейтенанта Матюшкина, который, уѣзжая въ Персію, передалъ дальнѣйшее изслѣдованіе генераль-майору Шереметеву.

Естественно, что у властей возникло уже предположеніе о томъ, что самозванство сдѣлалось извѣстно въ самомъ городѣ и въ округѣ; поэтому подслѣдственный извозчикъ не былъ отосланъ въ военную коллегію, а Шереметеву было приказано изслѣдовать, «что по тому дѣлу не будутъ ли касаться тамошніе астраханскіе обыватели и низового корпуса служители, и не изслѣдовавъ въ Астрахани, отсылкою бы онаго извозчика въ продолженіи времени не упустить его императорскаго величества интересу; того ради попа Харитоновъ отослать къ епископу Лаврентію и писать къ нему, чтобъ его, попа, до изслѣдованія содержать подъ карауломъ и, когда по слѣдованію востребуется для отвѣтовъ и уликъ, то бѣ его прислать къ генераль-майору Шереметеву».

Такимъ образомъ, священникъ и солдатъ очутились подъ «крѣпкимъ карауломъ».

Однако, «слѣдованіе» продолжалось. Генераль Шереметевъ сталъ дѣйствовать особенно рѣшительно: тотчасъ же послѣ отъѣзда Матюшкина солдатъ былъ взятъ въ застѣнокъ. пытка продолжалась пять мѣсяцевъ; но солдатъ «явился по разспросамъ не постояненъ и говорилъ разнственнo».

Вѣроятно, ожиданіе новой пытки и страхъ передъ мученіями заставили солдата заговорить правду, и 2-го декабрия «на вискѣ въ разспросѣ» онъ заявилъ, что «царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ назвался самъ собою, съ пьянства, безъ всякаго наученія», что «съ попа Матвѣя сговорилъ», что послѣдній его «не научалъ, а токмо де, какъ былъ у него, попа, на духовенствѣ, въ то число онъ самъ ему, попу, царевичемъ сказался, а не онъ, попь, къ тому названію научалъ» и т. д.

Но начальство не удовлетворилось этимъ: важно было знать, для чего понадобилось солдату самозванствовать, какіе планы въ будущемъ имѣлъ онъ, къ чему клонилась его преступная пропаганда. Однако, извозчикъ не могъ удовлетворить этимъ разспросамъ, а потому, послѣ незначительнаго промежутка времени, снова былъ пытанъ.

Солдатъ, очевидно, былъ измученъ и, повторивъ это же показаніе, не могъ говорить болѣе: «больше де того за безмолвствіемъ не могли у него ничего допытаться, понеже притворилъ себя безгласнымъ», какъ говорилось въ доношеніи начальства въ сенатъ.

Новая пытка солдата Артемьева имѣла прежнюю цѣль: выяснить соучастниковъ преступленія; но виновный попрежнему призна-

вался въ оговорѣ невиннаго попа, объяснялъ свой оговоръ тѣмъ, что не могъ «стерпѣть пытки», и «твердо стоялъ, что къ оному самозванію никто его не научалъ и про оное самозваніе никто не зналъ, и о томъ отъ него рѣчей никто не слыхалъ, кромѣ того, что попу Матвѣю на духовенствѣ самъ сказалъ».

Но и этого было еще слишкомъ мало: по мнѣнію судей, соучастники были необходимы для самозванца. Поэтому пытка участилась, допросы дѣлались болѣе мучительными, но солдатъ твердилъ прежнее.

Въ теченіе двухъ недѣль извозчикъ былъ пытанъ два раза: «привоженъ въ застѣнокъ въ разнствѣ», но всѣ эти усиленные мѣры не привели ни къ чему, такъ какъ извозчикъ «весьма былъ боленъ, и разспрашивать было не можно, понеже ничего не говорилъ».

Въ концѣ мая 1725 года, генераль-майоръ Шереметевъ покидаетъ г. Астрахань, передаетъ управленіе оберъ-кригсъ-комиссару Сухово-Кобылину и предписываетъ ему продолжать допросъ самозванца.

Но и на этотъ разъ всѣ слѣдственныя манипуляціи не приводятъ къ какимъ либо результатамъ, и 12-го іюля Сухово-Кобылинъ получаетъ новое предписаніе: «о вышеозначенномъ названіи царевичемъ больше не слѣдовать и извозчикомъ Артемьевымъ не розыскивать, но токмо-бъ содержать его подъ карауломъ до указа».

Мы ничего не знаемъ о дальнѣйшей судьбѣ священника Харитонова. Что же касается самозванца, то дѣло было рѣшено обычнымъ порядкомъ: военная коллегія мнѣніемъ своимъ положила: «извозчика Артемьева за его продерзостныя и непристойныя показанныя въ генераль-лейтенанта Матюшкина доношеніи слова «надлежитъ казнить смертью—отсѣчь голову»; затѣмъ та же коллегія, «учиняя экстрактъ изъ доношенія», направила его въ сенатъ «для учиненія указа».

Такъ закончилась эта несложная, но характерная для своего времени исторія неизвѣстнаго самозванца.

II.

Отказъ отъ принесенія «вѣрноподданнической присяги».

Какую громадную роль играли въ началѣ XVIII ст. донесенія фискаловъ, можетъ свидѣтельствовать нижеслѣдующій случай изъ судебной практики той же эпохи.

Въ началѣ 1725 года, воевода Устюжской провинціи Поливановъ прислалъ въ сенатъ доношеніе о выдающемся преступленіи: отказѣ отъ принятія присяги государынѣ Екатеринѣ I.

Источниками этого доношенія служили донесенія устюжскаго фискала Плотникова, который заявилъ объ означенномъ престу-

пленіи воеводѣ на основаніи имъ самимъ полученныхъ доношеній фискаловъ города Яренска.

Яренскіе фискалы заявляли властямъ, что поручикъ Выборгскаго гарнизона Григорій Баландинъ, «обрѣтаясь у строенія полковыхъ дворовъ» въ гор. Яренскѣ, «по многократнымъ отъ яренскаго комиссара Коротнева призывамъ къ присягѣ, не ходилъ и подъ присягою не подписался».

Сенатъ, по указу государыни, приказалъ разыскать объ этомъ дѣлѣ военной коллегіи, а «что по розыску учинено будетъ, о томъ въ сенатъ рапортовать».

Началось разслѣдованіе. Поручику Баландину грозило впереди строгое наказаніе. Отказъ отъ присяги, высказанный офицеромъ, въ ту эпоху, когда каждое преступленіе могло быть истолковано въ сторону государственныхъ преступленій, являлся дѣломъ первостепенной важности.

Военная коллегія, получивъ сенатскій указъ, заволновалась. Первымъ ея дѣломъ было послать къ командиру «выборгскаго гарнизона полковъ майору Замыцкому» указъ, въ которомъ предписывалось «разыскать подлинно въ скоромъ времени, а ежели по тому розыску поручикъ явится приличенъ, и онаго поручика взять за крѣпкій караулъ и, окончивъ тотъ розыскъ, прислать его, Баландина, съ тѣмъ розыскомъ за карауломъ же въ военную коллегію немедленно».

Майоръ Замыцкій, въ свою очередь, получивъ грозный указъ, взволновалъ весь гарнизонъ: дѣяніе, которое совершилъ Баландинъ, налагало пятно позора на офицеровъ гарнизона, съ одной стороны, и влекло за собой въ будущемъ длинный рядъ судебныхъ розысковъ, допросовъ, можетъ быть, даже привлеченія къ суду, какъ соучастниковъ, и нѣкоторыхъ изъ товарищей Баландина—съ другой.

Нарядили слѣдователей и отправили въ городъ Яренскъ.

Но каково было удивленіе самого поручика Баландина, когда ему сообщили о «его злодѣяніи»!.. Оказалось что всѣ эти тайныя доношенія были извѣстны только фискаламъ и воеводѣ, а самому виновнику никто ничего не говорилъ и никакихъ объясненій отъ него не требовалъ.

Допросъ виновника обнаружилъ много неприглядныхъ сторонъ бюрократической дѣятельности того времени.

Оказалось, что «о наслѣдствіи ея императорскаго величества яренскій комиссаръ Коротневъ его поручика, Баландина, многократно къ присягѣ не призывалъ и указа о присягѣ никакого ему, Баландину, отъ Коротнева, что повелѣно ему оберъ-офицеровъ къ присягѣ приводить, не объявлялъ, и самъ онъ ему, Баландину, о присягѣ не говаривалъ и не видался».

Само собою разумѣется, что такое отрицаніе своей вины Баландинимъ не могло никого удовлетворить. Допросъ былъ возоб-

новленъ, и здѣсь выяснились тѣ основанія, которыя заставили комиссара возбудить дѣло.

«Присылалъ комиссаръ Коротневъ отъ себя февраля въ послѣднихъ числахъ, а въ которомъ числѣ, не упомянуть, разсыльщика однажды, а какъ его, разсыльщика, зовутъ, не знаетъ»,—показывалъ обвиняемый,—«а къ присягѣ онъ по тому разсыльщикова зову не ходилъ для того, что оной комиссаръ Коротневъ ему, поручику, не командиръ».

Несмотря, однако, на это, въ то время, какъ воеводское доношеніе путешествовало въ Петербургъ, обвиняемый отправился «на Вологду» и «въ соборной апостольской церкви съ прочими офицеры о наслѣдствіи государыни императрицы у присяги былъ и подъ присягою къ вѣрной службѣ подписался».

Инцидентъ былъ исчерпанъ: тайное производство фискаловъ сдѣлало свое дѣло, и обвиняемый былъ освобожденъ отъ дальнѣйшихъ розысковъ.

Но дѣло этимъ еще не закончилось. Несмотря на полную правоту Баландина, судьба его была не изъ завидныхъ: дѣло въ томъ, что съ Вологды уѣхать ему не пришлось: начальство не позволило ему отлучаться куда либо изъ опасенія возможныхъ осложненій въ дѣлѣ. Поэтому около четырехъ мѣсяцевъ поручикъ живетъ въ незнакомомъ городѣ, «и понеже жалованія онъ нынѣ на Вологдѣ не получаетъ, и помираетъ голодною смертью».

И только въ концѣ августа состоялось опредѣленіе военной коллегіи: «поручику Баландину, который по посылкамъ отъ яренскаго комиссара Коротнева къ присягѣ не пошелъ, въ вину ему не ставить, понеже онъ не въ его командѣ, а былъ у присяги», вслѣдъ затѣмъ коллегія послала «повелительный указъ» объ отправленіи поручика къ мѣсту его служенія.

Какъ кажется, оба представленныхъ казуса, почерпнутые изъ подлинныхъ дѣлъ начала XVIII ст., могутъ служить яркой иллюстраціей къ характеристикѣ судебныхъ порядковъ разсматриваемой эпохи; вмѣстѣ съ тѣмъ они очень выпукло рисуютъ вводимыя тогда въ нашъ уголовный процессъ слѣдственные начала, замѣнившія собою все, завѣщанное предшествовавшей эпохой.

Ф. Л—евъ.

МЕЛОЧИ ТЕАТРАЛЬНОЙ СТАРИНЫ.

I.

Крѣпостные артисты на службѣ императорскихъ театровъ.

(1827—1830 гг.).

ХРОНИКА добраго стараго времени заноситъ въ ряды текущихъ событій одно очень обыкновенное явленіе: продажу и куплю людей. Продавали корову, подержанную мебель, бричку, говорящаго попугая, продавали кучера Митьку и жену его Настасью, «нрава добраго, къ работѣ способнаго, если требуется по рознь, каждого отдѣльно». Только теперь совѣстливое чувство человека брезгливо отворачивается отъ столь обычнаго осмѣянія свободной личности, сведенной на степень простой вещи; въ описываемое время (мы говоримъ о началѣ 20-хъ годовъ) въ общій списокъ продажнаго люда могли поступать и артисты, т.-е. лица, которыхъ сама природа одарила болѣе другихъ способностью выдѣлиться изъ толпы. Случайности, правда, могли иногда спасать настоящіе таланты, счастливымъ исключеніемъ быть, напримѣръ, Щепкинъ; но большинство гибло въ обезличенной крѣпостной массѣ, гдѣ даровитый скрипачъ или актеръ силою обстоятельствъ стояли наравнѣ съ искуснымъ поваромъ или слесаремъ. На мрачномъ фонѣ крѣпостныхъ отношеній развитіе отдѣльныхъ дарованій не шло, вмѣстѣ съ тѣмъ, дальшее изученіе элементарныхъ понятій извѣстной специальности. Музыкантъ долженъ былъ удовлетворять домашнему оркестру, назначеніе живописца было писать образа въ приходской церкви или разрисовы-

вать стѣны барскаго дома, и точно такія же требованія предъявлялись кондитеру, столяру, фореитору, прачкѣ, единственно только для того приобрѣтавшихъ различныя познанія, чтобы служить вкусамъ одного лица—своего барина. Въ виду такихъ ненормальныхъ условій, можетъ показаться особенно благопріятнымъ, что на помощь крѣпостнымъ артистамъ являлась иногда дирекція императорскихъ театровъ. Съ 1827 года въ театральномъ архивѣ весьма нерѣдко встрѣтить официальную переписку по поводу ходатайства какого нибудь двороваго человѣка, желающаго поступить на службу дирекціи, предварительно выкупившись у своего барина, или предложеніе самого барина продать дирекціи крѣпостныхъ артистовъ. Надо замѣтить, что помѣщики, владѣльцы «артистическихъ душъ» очень точно знали имѣ цѣну и при продажѣ или арендѣ артистовъ заламывали баснословныя цифры. Помѣщица Теплова, на примѣръ, отдавала свой оркестръ изъ 28 человѣкъ дирекціи императорскихъ театровъ на условіи 18.500 р. ежегодной платы, что составляло приблизительно 660 р. на cadaго музыканта въ годъ, кромѣ казенной квартиры. Продажная цѣна была пропорціональна арендной. Дѣйствительная статская совѣтница Свистунова предлагала дирекціи своего крѣпостнаго живописца Ширяева за 1.500 р. банковыми ассигнаціями¹⁾. Эту сумму самъ Ширяевъ просилъ дирекцію заплатить помѣщицѣ, взаменъ чего обязывался служить казнѣ «со всею дѣятельностью и усердіемъ», выкупъ же просилъ погашать изъ жалованья. Къ сожалѣнію, бѣднягѣ не пришлось освободиться отъ помѣщицы. Несмотря на удовлетворительные успѣхи, оказанные имъ при испытаніи (онъ что-то сработалъ въ Каменностроовскомъ театрѣ и по отзыву директора «въ живописи оказался совершенно знающимъ и искуснымъ въ чистой и пріятной отдѣлкѣ»), дирекція не нашла свободныхъ средствъ для покупки и отказала живописцу. Впрочемъ, это нужно считать, какъ исключеніе; въ разобранныхъ нами дѣлахъ другого подобнаго случая не нашлось. Въ слѣдующемъ 1828 году дирекція купила цѣлый оркестръ такъ называемыхъ Чернышевскихъ музыкантовъ. Оберъ-шенкъ высочайшаго двора, д. т. с. Чернышевъ, продалъ казнѣ собственный оркестръ, и государь утвердилъ эту покупку. Музыканты въ количествѣ 27 человѣкъ «съ имѣющимися у нихъ семействами» обошлись дирекціи въ пятьдесятъ четыре тысячи рублей. вмѣстѣ съ людьми были проданы инструменты и ноты. Одновременно съ покупкой музыканты были отпущены «вѣчно на волю» и поступили на службу императорскихъ театровъ. Въ Петербургъ музыканты прибыли въ іюнь 1828 года, списокъ ихъ былъ препровожденъ гр. Віельгорскому, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручено помѣстить ихъ на жительство «въ домѣ Байкова» и позаботиться о довольствіи²⁾. Ор-

¹⁾ Архивъ императорскихъ театровъ, т. 1827 г., № 142.

²⁾ Тамъ же, 1828 г., № 280.

кестръ былъ струнный, какъ приличествовало барскому дому, его основавшему. Изъ 27 человѣкъ числились: двѣ первыхъ скрипки, двѣ секунды, одинъ контрабасистъ, два виолончелиста (одинъ изъ нихъ ученикъ), два альты, пара флейтъ, два кларнета, два гобоя, два фагота, двѣ волторны (третій ученикъ), тромбонъ, двѣ трубы, литавристъ и два ученика на скрипкахъ. Большинство было холостыхъ (21 противъ 6). На первыхъ порахъ потребовалось всѣхъ ихъ одѣть и обуть. Бѣдные служители искусства пріѣхали, повидимому, совсѣмъ налегкѣ. Въ счетъ жалованья имъ выдали 25 р. каждому «изъ итальянскихъ суммъ». Попробовали и таланты каждаго (любопытно, что это сдѣлали не до, а послѣ покупки). Отзывъ директора музыки Ершова былъ неважный. Судя по отзыву его, «изъ всѣхъ экзаменованныхъ только нѣкоторые могутъ быть употреблены по оркестрамъ въ разбивку для водевилей и малыхъ оперъ, также и въ балетъ, а такъ какъ они въ оркестрѣ не игравали (?), то нужна имъ большая практика». Духовые инструменты, кромѣ двухъ волторнъ, къ употребленію оказались негодными. Затѣмъ гр. Віельгорскій представилъ штаты новыхъ служащихъ, и министръ утвердилъ ихъ. По новому положенію чернышевскіе музыканты получали въ общей сложности 10.775 р. въ годъ, сумма по тому времени значительная, особенно, если принять во вниманіе, чѣмъ были музыканты до освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Между тѣмъ случилось маленькое происшествіе, доставившее нѣсколько неприятныхъ минутъ театральному начальству. Попечители пріѣзжихъ музыкантовъ снабдили ихъ, повидимому, всѣмъ нужнымъ, но забыли главное: постели; по какой-то странной случайности кроватями одѣлили холостыхъ музыкантовъ, женатымъ же предоставили спать на чемъ угодно. Музыканты, вѣроятно, просили, но просьба ихъ не была уважена, тогда они пожаловались. Вотъ ихъ прошеніе, поданное на имя министра двора кн. Волконскаго: «Сіятельный князь! Милостивый государь! Воззри милосерднымъ окомъ на бѣдныхъ и прими подъ покровительство несчастныхъ, кои осмѣлились въ самой крайности своей прибѣгнуть къ вашему сіятельству съ всенижайшею просьбою. Со дня вступленія нашего на службу театральной дирекціи бывшій комитетъ повелѣтъ соизволилъ конторѣ императорскихъ театровъ снабдить насъ всѣхъ вообще, ради чрезвычайной нашей бѣдности, кроватями, каковыми въ теченіе времени контора императорскихъ театровъ и наградила, тожъ были и намъ назначены постели, но оныя не получали, а намъ, женатымъ, было объявлено черезъ г. Изотина, что вмѣсто оныхъ будетъ выдано деньгами по 18 рублей на каждое семейство. Нынѣ протекло немалое время, и мы до сихъ поръ не получаемъ оныхъ, осмѣлились сіе дѣло представить на милостивое благоразсмотрѣніе вашего сіятельства». Далѣе просителя рассказывали, что за дорогу въ Петербургъ 300 рублей они заплатили изъ

собственныхъ денегъ, такъ какъ сумма эта, невзирая на ихъ бѣдность, была вычтена изъ ихъ жалованья. Еще было обѣщано выдавать семейнымъ музыкантамъ по 25 р. на семью, для чего музыканты представили въ контору «свидѣтельства новорожденныхъ дѣтей», но свидѣтельства приняли, а деньгами «удостоили» только нѣкоторыхъ. Прошеніе оканчивалось воззваніями къ милосердію князя и подписывалось: «всенижайшими слугами, купленными отъ гр. Чернышева музыкантами». Прочитавъ прошеніе, министръ велѣлъ навести справки. Музыканты оказались правы. Денегъ имъ выдали недостаточное количество, а постельными принадлежностями и вовсе обдѣлили. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ ноября того же года, т. е. спустя мѣсяцъ послѣ подачи прошенія, бѣдные артисты состоятъ еще на прежнемъ довольствіи. 22-го ноября комитетъ дирекціи велитъ «немедленно приготовить потребные для чернышевскихъ музыкантовъ тюфяки, подушки, одѣяла и пр., для холостыхъ натурою, а для женатыхъ деньгами». Средства опять берутся изъ «итальянскихъ суммъ». Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ чернышевскіе музыканты, повидимому, обжились и даже напоминаютъ о себѣ маленькими исторіями. 13-го апрѣля смотритель театра рапортовалъ, что имъ при обходѣ театра найденъ въ коридорѣ чернышевскій музыкантъ Шариковъ въ «безобразно пьяномъ видѣ» и посаженъ подъ арестъ въ Большомъ театрѣ «до разрѣшенія высшаго начальства». Шариковъ вообще аттестованъ, какъ нетрезвый человекъ, о чемъ извѣстно его ближайшему начальству. Резолюція послѣдняго была по тому времени короткая: «отправивъ Шарикова въ часть, наказать его тамъ розгами, съ объявленіемъ, что если еще разъ будетъ замѣченъ въ неприличномъ поведеніи, то будетъ въ то же время исключенъ изъ дирекціи и отданъ въ солдаты». Другой «случай» былъ съ чернышевскимъ музыкантомъ Сервиловымъ. Онъ состоялъ «копіистомъ въ нотной конторѣ» и замѣченъ въ очень неаккуратномъ отправленіи своихъ обязанностей: «по истеченіи трехъ дней къ должности своей не явился и въ болѣзни себя не показалъ». Кромѣ того, онъ дурно аттестованъ надзирателемъ нотной конторы Іосифомъ Миняти. Начальство и Сервилову пригрозило солдатчиной. Затѣмъ въ 1829 г. предстояла еще одна покупка помѣщичьихъ музыкантовъ, впрочемъ, осуществленная только на половину. Дѣло въ томъ, что въ 1829 г. было взято въ казенное управленіе и назначено въ продажу на удовлетвореніе банковскихъ и другихъ долговъ Горыгорѣцкое имѣніе отставнаго полковника графа Соллогуба въ Могилевской губерніи. Въ имѣніи находилась, между прочимъ, музыка въ числѣ 29 человекъ. Государь императоръ, по представленію министра финансовъ, заслушавъ настоящее дѣло, повелѣтъ соизволилъ: «если имѣніе сіе по прошествіи сроковъ публичныхъ торговъ, которые окончатся въ нынѣшнемъ февралѣ мѣсяцѣ, останется непроданнымъ, то изъ чи-

сла упомянутыхъ музыкантовъ, играющихъ на контрабасахъ, виолончеляхъ, скрипкахъ и альтыхъ, всего 10 человекъ, опредѣлить въ театральную дирекцію». Монаршая воля была закономъ, имѣніе не продали, а моголевскому гражданскому губернатору отдано распоряженіе «удобнѣйшимъ по ближайшему усмотрѣнію его способомъ на счетъ экономіи Горыгорѣцкаго имѣнія отправить музыкантовъ въ Петербургъ». Въ столицу они прибыли только въ маѣ 1830 г., т.-е. въ то время, когда театрами завѣдывалъ кн. Гагаринъ. Гагарину выпала обязанность давать свое мнѣніе о музыкантахъ, — мнѣніе, для нихъ невыгодное. Директоръ находилъ, что «ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть употребленъ въ оркестръ», при чемъ опирался на отзывъ извѣстнаго Кавоса, завѣдывавшаго всей музыкальной частью императорскихъ театровъ. Кавосъ же считалъ музыкальныя познанія пріѣзжихъ артистовъ «весьма слабыми и требующими еще образованія, которое бы стоило много труда и издержекъ, не соответствующихъ пользѣ, которую отъ нихъ ожидать можно». Въ концѣ концовъ музыкантовъ сунули не въ оркестръ, а въ... хоръ («они могутъ служить подкрѣпленіемъ хору, въ которомъ бы случился недостатокъ въ тенорахъ и басахъ»), большинство же опредѣлено на мелкія театральныя должности до истопниковъ включительно¹⁾. Наконецъ, въ томъ же 1829 г. дирекція приобрѣла у нѣкоего Ржевскаго весь его балетъ, состоявшій изъ 21 танцовщицы. По отзыву Ѳ. Ѳ. Кокошкина, директора московскихъ театровъ²⁾, «нѣсколько танцовщицъ образовали прекрасныхъ солистокъ и актрисъ», остальные же составили «необходимый» для сцены Петровскаго театра «очень хорошій corps de ballet». Къ сожалѣнію, болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ «крѣпостномъ балетѣ» мы не нашли.

II.

Императорскій циркъ.

(1847—1854 г.г.).

Въ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ нынѣшній Маринскій театръ былъ казеннымъ циркомъ. Тамъ, гдѣ въ настоящее время звучитъ музыка Глинки, Чайковскаго, Вагнера, Гуно, или порхають граціозный балетъ, тамъ въ серединѣ минувшаго столѣтія подвизались волтижеры, наѣздники, смѣшили публику клоуны. Времена измѣнчивы. Говорятъ, что такому превращенію цирка въ оперный театръ обязаны тѣмъ, что резонансъ въ театрѣ составляетъ желать много лучшаго. Несомнѣнно, однако, что затѣя со-

¹⁾ Общій архивъ министерства императорскаго двора, оп. 8—896, д. № 52.

²⁾ См. мою статью «Первый народный театръ и гоненіе на Н. А. Подемова» («Вѣстникъ Всемирной Исторіи», № 2, 1901 г.).

здать казенный циркъ была не изъ удачныхъ. Циркъ держался исключительно пособіемъ казны и въ концѣ концовъ погибъ естественной смертью. Но одна страничка изъ его исторіи (наиболѣе блестящаго періода), пожалуй, сохранить за нимъ счастливую память. Я имѣю въ виду постановку пьесы «Блокада крѣпости Ахты». Существуетъ преданіе, будто самъ императоръ Николай Павловичъ чрезвычайно интересовался монтировкой пьесы. Предположеніе это подтверждается деталями постановки, извлеченными изъ подлинныхъ дѣлъ придворнаго архива ¹⁾. Пьеса была исключительно военного характера, слѣдовательно требовала сосредоточенія разныхъ специальныхъ мелочей, совершенно незнакомыхъ театральной дирекціи, впервые завѣдывавшей этимъ. Директоръ театровъ Геденовъ, повидимому, сильно затруднялся и докладывалъ свои сомнѣнія министру, князю Волконскому. «Для монтируемой въ циркѣ пьесы подъ названіемъ «Блокада Ахты», соч. Мердера, писалъ онъ въ ноябрѣ 1849 года, потребны для дѣйствія сраженія пушки, которыя хотя и предполагаются быть деревянными, ибо стрѣльбы изъ нихъ производиться не будетъ, но со всѣмъ тѣмъ необходимы для нихъ лошади съ должной упряжкой и артиллеристы. Кромѣ того нужны статисты для дѣйствій пѣхоты съ ружейными выстрѣлами и между ними часть черкесскихъ отрядовъ. Для статистовъ обыкновенной формы изъ русской арміи потребуется дирекціи рядовые изъ полковъ въ ихъ формѣ и съ ихъ ружьями, но для черкесовъ необходимы ружья по особенному для нихъ присвоенному образу». Все это, конечно, вызывало массу хлопотъ. Лошадей недоставало, такъ какъ «лошади, принадлежащія цирку, заняты были волтижерами», а свободныя «едва ли бы годились подъ пушки подъ управленіемъ артиллеристовъ», то же самое можно сказать и относительно черкесскихъ ружей. Начать съ того, что ихъ весьма трудно «набрать покупкою изъ лавокъ», а «должно обдѣлать обыкновенные стволы въ черкесскія ложи»; но, помимо всего, директоръ опасался, чтобы «при покупкѣ старыхъ стволовъ не произошло при стрѣльбѣ изъ нихъ какого несчастія». Въ устраненіи всѣхъ такихъ недоразумѣній и сказалась симпатія государя къ приготовляемому спектаклю. Высочайшею волею приказано писать военному министру о «назначеніи лошадей со сбруей и людей потребное число изъ учебной артиллерійской роты, стволы же отпустить изъ драгунскихъ съ принадлежностями, изъ арсенала». Любопытно, что военное начальство не особенно дружелюбно относилось къ пьесѣ, а на участіе войсковыхъ частей въ представленіи смотрѣло даже враждебно. 10 февраля 1850 года, военный министр, князь Чернышевъ, писалъ, напримѣръ, князю Волконскому, что «въ постановленной на сценѣ театра-цирка пьесѣ «Блокада Ахты» роль док-

¹⁾ Общ. архивъ министерства императорскаго двора, оп. 7/939, д. № 125.

тора Шинкевича выставлена въ смѣшномъ видѣ, искажающемъ истинный характеръ военнаго врача. Государь императоръ по всеподданнѣйшему докладу его, Чернышева, во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ заслугамъ военныхъ врачей, «исполняющихъ всегда долгъ свой посреди опасностей, съ самоотверженіемъ и безъ всякихъ видовъ честолюбія», высочайше повелѣть соизволилъ: «роль доктора Шинкевича изъ помянутой пьесы немедленно исключить». Князь Волконскій отдалъ приказаніе «исполнить». Затѣмъ въ концѣ того же мѣсяца явилось затрудненіе, какъ поступить съ войсками, квартирующими по ту сторону Невы, при вскрытіи рѣки. Командиръ участвовавшей въ пьесѣ учебной артиллерійской бригады заявилъ Геденову, что «переходъ черезъ Неву становится ужъ неблагонадежнымъ, и если распутица продолжится, то легко можетъ сдѣлаться вскорѣ и вовсе невозможнымъ». Въ виду этого директоръ театровъ полагалъ «остановить на время представленіе помянутой пьесы», что и представилъ на усмотрѣніе министра. Однако государь остался недоволенъ такимъ рѣшеніемъ. Князь Волконскій увѣдомилъ Геденова, что высочайше повелѣно «артиллерійскихъ лошадей означенной бригады поставить на время въ конюшню цирка и кормить ихъ на счетъ дирекціи и нижнихъ чиновъ въ казармы театральнаго служителей». Наконецъ 10 мая военный министръ, ссылаясь на «приготовленія батареи учебной артиллерійской бригады къ третьему инспекторскому смотру и къ предстоящему 15 мая выступленію въ лагерное расположеніе, просилъ освободить бригаду отъ наряда людей и лошадей въ циркъ для представленія». На эту просьбу пришлось согласиться. Затѣмъ морское вѣдомство заявило претензію на отвлеченіе 10 унтеръ-офицеровъ и 130 рядовыхъ изъ квартирующихъ въ С.-Петербургѣ флотскихъ экипажей для участія въ «Блокадѣ Ахты». В. А. Перовскій писалъ министру двора, что «работы въ адмиралтействѣ» требуютъ «присутствія нижнихъ чиновъ», и просилъ князя Волконскаго дать ему по этому поводу «рѣшительное объясненіе». Задерживая отвѣтъ, министръ потребовалъ справку. Дирекція театровъ донесла ему, что за весь зимній и весенній сезонъ болѣе всего дохода приносила именно «Блокада Ахты». Постановка ея тѣмъ болѣе необходима и на будущее время, что «циркъ въ своемъ настоящемъ видѣ не располагаетъ болѣе вольтижеромъ Поль-Кюзаномъ и нѣкоторыми наѣздницами», а потому «разнообразить съ пользою для сборовъ цирковыя представленія» въ высшей степени затруднительно. Результатомъ такой переписки было, конечно, согласіе Перовскаго оставить на время своихъ нижнихъ чиновъ къ услугамъ цирка. Это было, впрочемъ, его лебединой пѣснью. Въ 1852 году дирекція театровъ пришла къ категорическому заключенію, что циркъ приноситъ казнѣ одни только убытки ¹⁾. Доложено было государю. Его

¹⁾ Общій архивъ министерства императорскаго двора, оп. 6/938, д. № 225.

величество приказалъ «изыскать средства къ уменьшенію расходовъ». Вскорѣ послѣ этого полковникъ Новосильцевъ вошелъ съ ходатайствомъ о дозволении ему принять всю труппу цирка на свое содержаніе, «съ тѣмъ, чтобы давать до 1 марта представленія въ Москвѣ, гдѣ онъ на свой счетъ выстроитъ для сего театръ». Предложеніе нашли выгоднымъ и приняли. Однако къ означенному сроку театръ не былъ готовъ, а 1-го іюня, когда назначено было открытіе, заболѣло нѣсколько важныхъ артистовъ, почему Новосильцевъ просилъ отсрочку. Но государь, вѣроятно, разсердился и велѣлъ окончательно упразднить циркъ, продавъ лошадей съ публичнаго торга. Вслѣдъ затѣмъ поступило два прошенія: одно отъ Новосильцева, который желалъ, чтобы долгъ его дирекціи въ количествѣ 6 съ чѣмъ-то тысячъ разсрочили на 4 года, въ обезпеченіе чего предлагалъ зданіе цирка; другое—отъ извѣстной въ то время наѣздницы Лоры Басанъ, просившей отдать ей циркъ въ бесплатное арендное содержаніе на 8 лѣтъ; при этомъ она разсказывала, что «на постройку зданія цирка она затретила собственный капиталъ»; въ обезпеченіе же самаго дѣла предлагала 3 тысячи рублей, равняющіяся «недоплаченному ей Новосильцевымъ жалованью». Несмотря на столь невыгодныя съ перваго взгляда условія, Волконскій и дирекція были на сторонѣ Л. Басанъ; по ихъ мнѣнію, предложеніе заслуживало вниманія и во всякомъ случаѣ не шло въ ущербъ казенному интересу. Одинъ государь былъ непреклоненъ. Высочайше повелѣно артистамъ бывшей цирковой труппы заплатить до 1 іюня (1854 г.); съ Новосильцева деньги взыскать, а въ случаѣ невозможности это сдѣлать отобрать у него театръ; инвентарь продать; предложеніе Л. Басанъ дозволить въ видѣ частнаго предпріятія съ уплатою $\frac{1}{4}$ сбора въ пользу дирекціи, предоставивъ ей давать конныя представленія въ обѣихъ столицахъ. Затѣмъ Л. Басанъ еще просила разрѣшить ей выписывать артистовъ изъ-за границы. Характеренъ отвѣтъ министра. Онъ удовлетворялъ ходатайство просительницы, но подъ условіемъ, что не будутъ выписаны «ни французы, ни англичане» (5 сентября 1854 года). Наконецъ Лора Басанъ просила одновременно съ эквилибристическими представленіями дозволить ей давать и «разговорныя пьесы». Въ этомъ ей отказали. Представленія ея начались 29 мая 1855 года въ Петербургѣ у Нарвскихъ воротъ.

III.

Монополія театральныхъ зрѣлищъ.

(1841 — 1848 г.г.).

Очень немногимъ, вѣроятно, извѣстно, что театральная антреприза, какъ самостоятельное предприятие, стала доступна всякому предпринимателю сравнительно недавно. Императоръ Александръ III, если не ошибаюсь, первый разрѣшилъ Московскому Пушкинскому театру (дирекція Бренко) свободно функционировать рядомъ съ императорскими и отмѣнилъ обязательный въ пользу казны сборъ съ cadaго спектакля. Это случилось въ началѣ 80-хъ годовъ. До тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, для обѣихъ столицъ частныя зрѣлища, спектакль наравнѣ съ концертомъ, составляли исключительную монополию министерства двора, которое безконтрольно ею распоряжалось. Это ревнивое отношеніе къ своимъ правамъ, боязнь, что частное предприятие можетъ подорвать успѣхъ казеннаго, повредить его сборамъ, звучитъ основнымъ мотивомъ во всей официальной перепискѣ театральнаго начальства Николаевскаго и Александровскаго царствованій. И чего, кажется, бояться начальству? На петербургской и московской драматическихъ сценахъ еще блещутъ имена Щепкина, Садовскаго, Мартынова, Самойлова, на оперной—поютъ Патти, Гризи, Тамберликъ, Кальцолари, кто можетъ конкурировать съ ними, кто станетъ имъ поперекъ дороги? Не дѣтскій же театрикъ, изобрѣтенный какимъ-то французомъ Ле-Мальтомъ, которымъ предприимчивый иностранецъ хотѣлъ занять семейную петербургскую публику. Въ этомъ театрѣ Ле-Мальтъ намѣревался показать: китайскія тѣни, волшебный фонарь съ мегаскопомъ, «la grande fantasmagorie», «feux pyriques», какія-то физическія игры и эскамотажъ, «spectacle mécanique de Pierre» и пр. Машины предполагалось выписать изъ-за границы, а декорации долженъ былъ писать нѣкій г. Брюно, «ученикъ Чичери (Cicero)». Одновременно Ле-Мальтъ испрашивалъ августѣйшее покровительство великаго князя Михаила Николаевича, который «имѣлъ свою маленькую ложу въ маленькомъ театрѣ». Дѣло при такихъ условіяхъ почти улаживалось, когда, благодаря неловкости самого антрепренера, все вдругъ пошло прахомъ. Случилось такъ, что Ле-Мальту было дозволено давать свои представленія исключительно подъ вечеръ, т. е. до 8 часовъ. Это было, вѣроятно, тахітумъ того, что еще допускала дирекція. Ле-Мальту это показалось мало. «5½ часовъ—обѣденное время для дѣтей,—объяснилъ онъ,—въ эти часы они не ходятъ въ театръ; я прошу вашу свѣтлость разрѣшить мнѣ начинать спектакль въ 6½ и кончать ровно въ 9. Контингентъ дѣтей, которыя могли бы иногда посѣщать дѣтскій театръ, не пойдетъ никогда въ императорскіе театры, а слѣдовательно не можетъ

помѣшать ихъ сбору. Кромѣ того, цѣны уменьшены на 30 и 75 к. за мѣсто». Уменьшеніе цѣнъ на мѣста могло только подлить масла въ огонь. Геденовъ, хотя соглашался, что «представленія дѣтскаго театра не могутъ имѣть значительнаго вліянія на городскіе дирекціонные спектакли», тѣмъ не менѣе ссылался на высочайше утвержденное положеніе дирекціи, что «при началѣ спектаклей ежедневно въ 7 часовъ вечера не дается въ городѣ уже никакихъ частныхъ зрѣлищъ», и на этомъ основаніи предлагалъ отказать Ле-Мальту. Французу отказали. Въ томъ же 1841 г. подобная участь постигла соотечественницу Ле-Мальта, на этотъ разъ знаменитую французскую трагическую актрису Жоржъ. Она просила дозволить ей дать нѣсколько представленій въ Москвѣ, при чемъ рассчитывала даже на пособіе отъ дирекціи. Въ то время въ Москвѣ подвизалась казенная французская труппа, приносящая значительные убытки. Дирекція усмотрѣла въ прошеніи Жоржъ подрывъ своимъ интересамъ и отказала ¹⁾. Случались, конечно, курьезы. Въ 1844 году нѣкая «повивальная бабка, дѣвица Елизавета Николаева», подала въ дирекцію прошеніе дозволить ей «открыть танцъ-классъ для первоначальнаго обученія танцамъ и для публичныхъ вечеровъ» ²⁾. Должно полагать, что прошеніе это вызвало очень веселое настроеніе у чиновниковъ, которые его разсматривали. Чья-то шутливая рука написала съ боку карандашомъ: «бабка молода и не дурна; заведеніе ея, полагаю, увеличитъ ея практику». Въ концѣ концовъ ей все-таки отказали. При такихъ условіяхъ благотворительныя общества, едва лишь нарождавшіяся въ Россіи, не могли, какъ нынче, считать устройство спектаклей и концертовъ въ числѣ своихъ доходныхъ статей. Нужна была особенно сильная протекція, чтобы вырвать у дирекціи согласіе на одинъ только вечеръ, и то какой цѣной! Въ нашихъ бумагахъ сохраняется въ высшей степени характерное дѣло о дозволеніи князю В. Ѳ. Одоевскому, извѣстному писателю и общественному дѣятелю, дать балъ-маскарадъ въ пользу общества для бѣдныхъ дѣтей. Изъ переписки видно, что дѣло, начатое нормальнымъ порядкомъ (подачей официальнаго прошенія, личнымъ ходатайствомъ и пр.), кончилось ничѣмъ. Богатый связями писатель-аристократъ получилъ отказъ и совершенно паль духомъ. Выручило его всесильное заступничество герцога Лейхтенбергскаго. Письмо къ нему князя Одоевскаго интересно, помимо всего, еще какъ отдѣльный эпизодъ изъ исторіи благотворительныхъ учрежденій въ Россіи. Князь писалъ: «Извѣстіе, полученное мною сегодня о предстоящей для общества невозможности получить дозволеніе на устройство аллегри съ маскарадомъ, привело меня въ совершенное отчаяніе. Этого рода благотворительные празд-

¹⁾ Общій архивъ министерства императорскаго двора, оп. 3/935, д. № 187.

²⁾ Архивъ дирекціи императорскихъ театровъ, 1844 г., № 313.

ники составляютъ третью нашихъ доходовъ; лишь въ надеждѣ, что такіе праздники, намъ, какъ первымъ ихъ избобрѣтателямъ, будутъ и нынѣ, какъ въ прежніе годы, дозволены, общество рѣшилось принять отъ холернаго комитета до 125 сиротъ на воспитаніе, съ платою по 23 р. сер. въ годъ, когда каждая сирота будетъ стоить до 60 рублей сер. въ годъ; сей недостатокъ общество намѣревалось пополнить своею дѣятельностью, а равно и содѣйствіемъ публики, которая такъ любитъ праздники, учреждаемые обществомъ посѣщенія бѣдныхъ, по увѣренности встрѣтить въ нихъ всегда что либо новое, потому что всегда оставалась довольною порядкомъ и благоприличіемъ сихъ праздниковъ, а наконецъ и потому, что видѣла и усердіе членовъ и вниманіе и покровительство правительства къ трудамъ ихъ. Съ уничтоженіемъ сего источника дохода, надежда на который обезпечивалась прежними примѣрами дозволенія, члены общества будутъ поставлены въ самое горькое для честныхъ и благородныхъ людей положеніе: не исполнить принятой на себя обязанности и предъ правительствомъ и предъ публикой; ибо симъ неожиданнымъ обстоятельствомъ не только уничтожается треть доходовъ общества, но, сверхъ того, въ публикѣ возникаетъ подозрѣніе, что общество почему либо лишилось довѣренности правительства и потому не получаетъ болѣе дозволенія на то, что прежде безъ затрудненія ему дозволялось. Разсѣять такое подозрѣніе будетъ невозможно, и, до нѣкоторой степени, всякія объясненія по сему предмету не могутъ быть допущены. На общество падаетъ упрекъ безъ вины и оправданія! Благодѣтельное покровительство вашего императорскаго высочества, донынѣ насъ не оставлявшее, въ настоящую минуту необходимо, ибо здѣсь начало разрушенія общества, потеря его прежнихъ тяжелыхъ трудовъ, прекращеніе его пособій, словомъ все неблагопріятное во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Осмѣливаюсь думать, что общее воспрещеніе не можетъ примѣняться ни къ женскому патриотическому обществу, ни къ обществу посѣщенія бѣдныхъ, ибо оба сіи учрежденія не получаютъ никакого отъ казны пособія, по крайней мѣрѣ, общество посѣщенія бѣдныхъ никогда не смѣло о томъ и ходатайствовать, а между тѣмъ его попеченію ввѣрены и отъ особъ императорской фамиліи и отъ частныхъ лицъ до 9.000 семействъ; общество успѣло отправить изъ С.-Петербурга на родину до 90 семействъ на свой счетъ; устроить 8 заведеній, гдѣ призрѣны вполнѣ до 240 человекъ; содержитъ въ разныхъ заведеніяхъ до 130 дѣтей, не считая тѣхъ 125, которыя приняты отъ холернаго комитета; раздаетъ каждый мѣсяць пенсій на 1.000 р. с., а единовременныхъ пособій до 2.000 р. въ недѣлю; каждую зиму раздаетъ до 2.000 сажень дровъ, не считая врачебнаго пособія, медикаментовъ, платьевъ, обуви и другихъ разнообразныхъ пособій, смотря по нуждѣ каждаго. Вся канцелярія оплачивается членами, и не употребляется на сей предметъ ни одной копейки изъ суммъ,

приносимыхъ для бѣдныхъ. Весь этотъ сложный механизмъ, стоящій до 30.000 р. с., поддерживается единственно добровольными приношеніями, ибо согласно утвержденному вашимъ императорскимъ высочествомъ правилу мы не только никому не докучаемъ просьбами о пособіи, но даже не рассылаемъ и билетовъ на наши праздники. Помогаетъ намъ лишь общее убѣжденіе, какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ, что благотвореніе общества не поощряетъ нищенства, но напротивъ дѣйствительно способствуетъ очищенію столицы отъ нищихъ-бродягъ. При такомъ положеніи дѣлъ общества, постоянно дѣйствующаго въ видахъ правительства, можетъ ли къ нему относиться общее воспрещеніе: давать аллегри съ маскарадомъ? Осмѣливаюсь присовокупить, что балъ аллегри безъ маскарада, какъ опытъ доказалъ, не можетъ имѣть успѣха, ибо публичныхъ баловъ наши дамы не любятъ, а на маскарады ѣздятъ охотно»¹⁾. Это письмо было, вѣроятно, передано герцогомъ Лейхтенбергскимъ министру, князю Волконскому, и 29-го декабря состоялась слѣдующая резолюція: «Высочайше повелѣно позволить дать сему обществу балъ съ маскарадомъ въ положенное время, въ послѣдній разъ, съ тѣмъ, чтобы никакое общество благотворительное не осмѣливалось впредь входить съ просьбами о маскарадахъ, и просьбы таковыхъ ни отъ кого не принимать».

Замѣтимъ въ заключеніе, что такое разрѣшеніе давалось при условіи, что въ кассу театральной дирекціи общество готово было внести, по бывшимъ примѣрамъ, 1000 р. с.!

Балъ маскарадъ состоялся на Пасхѣ.

IV.

Пособіе городского управленія театральной дирекціи.

(1848 г.).

Въ своемъ мѣстѣ мы указали на роль театрального вѣдомства въ монополіи театральныхъ зрѣлищъ. Не довольствуясь подобной привилегіей, представляющей такимъ курьезомъ въ настоящее время, Петербургская дирекція театровъ пользовалась ежегоднымъ еще пособіемъ отъ города Петербурга. Высочайшимъ указомъ 3 мая 1825 г. было назначено въ пользу театра изъ городскихъ средствъ 28.510 р. 42 к. ежегодно. Въ 1848 г. Петербургская дума постановила ходатайствовать объ измѣненіи такого положенія, о

¹⁾ Общій архивъ министерства императорскаго двора, оп. 2—934, д. № 18. Письмо собственноручное. Любопытно, что во избѣжаніе отказовъ со стороны правительства въ Москвѣ прибѣгали къ такого рода уловкамъ: объявляли балъ, а прибѣжали въ маскахъ. По этому поводу однажды возникла даже цѣлая переписка министра императорскаго двора съ московскимъ генералъ-губернаторомъ.

чемъ министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ 31 мая того же года министру императорскаго двора князю Волконскому: «При разсмотрѣнїи С.-Петербургской городской росписи на 1848 г., общая дума, имѣя въ виду, во-первыхъ, что нынѣ едва ли одна десятая столичнаго населенїя пользуется театрами, а потому девять десятыхъ платятъ за прочихъ; и, во-вторыхъ, что въ другихъ столицахъ театры и другїя зрѣлища нерѣдко составляютъ источникъ городского дохода, здѣшняя же дирекція, получая пособіе, имѣетъ еще доходъ и отъ всѣхъ прочихъ зрѣлищъ, какъ-то: концертовъ и проч., къ явному ущербу города, ходатайствовала объ отмѣнѣ назначеннаго въ пособіе здѣшнимъ театрамъ ежегоднаго пособїа въ 28.510 р. 42 к. по недостатку средствъ на покрытіе важнѣйшихъ городскихъ потребностей» и т. д. Однако князь Волконскій держался противоположнаго мнѣнїа и не согласился съ доводами городскихъ хозяевъ. Онъ отвѣчалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что на «отмѣну отпускаемаго изъ С.-Петербургской городской думы ежегоднаго пособїа высочайшаго повелѣнїа не послѣдовало». Въ виду этого «отпускъ сихъ денегъ продолжать попрежнему»¹⁾.

V.

Вербовка голосовъ для оперы.

(1848 г.).

Въ наше время очень часто раздаются жалобы на отсутствіе хорошихъ голосовъ въ оперѣ. Жалуется публика, газеты, жалуются и тѣ, которые, въ сущности говоря, имѣютъ въ рукахъ всѣ средства, чтобы прекратить такіа жалобы. Въ общемъ архивъ министерства императорскаго двора сохранились слѣды очень интересной попытки одного изъ самыхъ дѣятельныхъ директоровъ императорскихъ театровъ, Гедеонова, выйти изъ области безплодныхъ сѣтованїй на путь легко осуществимыхъ предположенїй²⁾. Гедеоновъ исходилъ изъ той мысли, что голоса слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ они по климатическимъ условїямъ и національнымъ особенностямъ чаще всего встрѣчаются. Въ Западной Европѣ такая страна—Италїя, у насъ—югъ, Малороссїя. «Употребляя всевозможное старанїе къ прїобрѣтенїю для императорскихъ театровъ необходимыхъ по оперной части сюжетовъ съ хорошими голосами,—писалъ онъ министру,—и зная, что наиболѣе можно найти ихъ въ Малороссїи, откуда постунають голоса и въ придворную капеллу, и, кромѣ того, иногда появляются оттуда же и вольные пѣвцы, какъ гг. Артемовскій и Петровъ, я вслѣдствїе того полагаю бы весьма полезнымъ для опыта послать туда кого либо изъ знающихъ музыку и отъ театральной дирекціи».

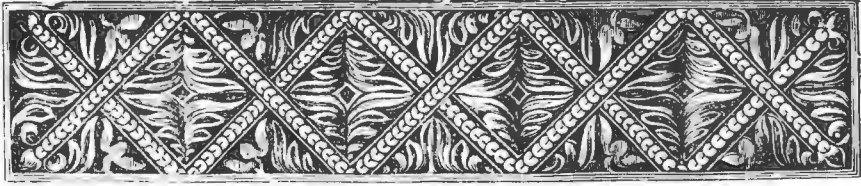
¹⁾ Общ. архивъ министерства императорскаго двора, оп. 6—937, д. № 385.

²⁾ Общ. арх. мин. имп. двора, оп. 4—936, д. № 37.

Далѣ директоръ театровъ описываетъ, какія условія, по его мнѣнію, могутъ благоприятствовать успѣху подобнаго опыта. Кромѣ средствъ, которыми нужно будетъ снабдить командируемое лицо, ему слѣдуетъ дать еще рекомендательныя письма начальникамъ тѣхъ губерній, куда направится командируемый. Такого порядка обыкновенно держались «при приобрѣтеніи голосовъ въ придворныя пѣвчіе». Князю Волконскому понравился планъ Гедеонова. 14-го мая полученъ рапортъ директора, а на другой день, 15-го мая, послѣдовала резолюція министра: «высочайше повелѣно исполнить для опыта». При этомъ приказано спросить дирекцію, кого она намѣрена командировать въ Малороссію, дабы можно было сдѣлать по сему предмету соотвѣтствующія распоряженія. Гедеоновъ избралъ «знающаго хорошо музыку репетитора Николая Вителаро съ отцомъ его, музыкантомъ Вителаро». Оба, отецъ и сынъ, были снабжены пакетами на имя черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго генералъ-губернаторовъ и въ началѣ іюня тронулись въ путь. Къ сожалѣнію, результаты ихъ командировки остались почему-то неизвѣстны. Дѣла архива не хранятъ больше слѣдовъ этого интереснаго опыта, который по существу своему не могъ не дать хорошихъ результатовъ, если только дѣло было передано въ надежныя руки.

Баронъ Н. В. Дризенъ.

АНГЛІЙСКІЙ КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ VII ¹⁾.

(Биографическій очеркъ).

VI.

ПРИНЦЪ УЭЛЬСКІЙ не пренебрегалъ литературой, изящными искусствами и музыкой. Ему доставляло удовольствіе покровительствовать писателямъ, художникамъ и музыкантамъ. Благодаря ему, англійское общество стало отзывчивѣе къ искусствамъ и гораздо музыкальнѣе, чѣмъ прежде. Ему было посвящено множество литературныхъ произведеній. Изъ нихъ первое былъ переводъ «Одъ» Горачія, напечатанныхъ въ 1858 г. лордомъ Равенсвортомъ. Двери Сандрингамскаго дворца были всегда широко открыты для представителей интеллигентнаго и научнаго міра. Однако принцъ Уэльскій предпочиталъ легкое чтеніе. Однажды въ Сандрингамѣ онъ засталъ Салюсбюри за чтеніемъ «Monte-Cristo Дюма» въ 4^{1/2} ч. утра. Черезъ три недѣли онъ сказалъ ему: «Monte-Cristo» заставилъ васъ подняться въ 4^{1/2} ч. утра, а меня онъ заставилъ сегодня лечь въ 4 часа».

Хотя Викторію обвиняли въ излишнемъ этикетѣ, но и наслѣдннй принцъ придерживался его, когда жилъ въ Мальборо-Гаузѣ, конечно, менѣе строго. Онъ даже считался посредникомъ во всѣхъ вопросахъ свѣтскаго этикета и моды; его мнѣніе принималось за законъ. Благодаря ему, безконечные банкеты стали короче, такъ какъ у себя на ужинахъ онъ уменьшилъ количество блюдъ. Точно такъ же и обѣды, на которыхъ онъ присутствовалъ, оканчивались

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIX, стр. 569.

раньше: хозяйева знали, что они не могли длиться долѣе часа или полутора.

Относительно выбора кушаній онъ былъ очень требователенъ, и кулинарный вопросъ былъ возведенъ у него на степень культа. Онъ ввелъ въ Англии моду на французское вино и въ особенности на шампанское, такъ какъ, по его мнѣнію, ничто не могло сравниться съ этимъ нектаромъ. Ужины стали играть главную роль въ аристократическихъ домахъ Англии.

Онъ ненавидѣлъ многочисленные и длинные речи послѣ пріятныхъ застольныхъ бесѣдъ, предпочитая имъ хорошую сигару, и безпощадно сокращалъ листъ съ именами ораторовъ, который ему предварительно показывали.

Принцъ Уэльскій служилъ образцомъ вкуса для англійской молодой аристократіи. Благодаря ему, въ костюмѣ англичанъ исчезла прежняя эксцентричность. Эдуардъ одѣвался просто, но изящно, и любилъ переодѣваться нѣсколько разъ въ день. Относительно количества одежды у него былъ лишь одинъ соперникъ, его племянникъ, германскій императоръ Вильгельмъ II. Покрой одежды принца признавался лучшимъ даже законодателями моды—французами, несмотря на то, что онъ выбралъ себѣ портнымъ нѣкоего Пуля, бывшаго скромнаго подмастерья у одного портного въ Парижѣ. Однажды французскій актеръ Фехте вышелъ на сцену въ сюртукѣ, покроемъ котораго поразилъ Эдуарда. Узнавъ, что это—работа Пуля, онъ сдѣлалъ мелкаго портного своимъ поставщикомъ. Теперь Пуль миллионеръ и вліятельный членъ клуба *Four in hand*.

Эдуардъ всегда былъ надушенъ тонкими духами; ихъ благоуханіе смѣшивалось съ запахомъ сигары, съ которой онъ почти не разставался.

Никто лучше его не зналъ, въ какомъ порядкѣ надо носить всевозможные ордена, кресты и медали.

Принцъ былъ очень пунктуаленъ относительно хорошаго обращенія не только между принцами и принцессами, но и съ окружавшими лицами.

Служа посредникомъ въ дѣлахъ этикета, онъ лично не всегда его придерживался, когда касалось дѣло какой нибудь его любимой привычки. Долго сплетничали въ Англии относительно вывѣшеннаго объявленія во дворцѣ Викторіи о запрещеніи курить. Много разъ королева замѣчала ему, что не выносить запаха сигары, и была принуждена прибѣгнуть къ официальному объявленію. Принцъ послѣ этого прекратилъ свои посѣщенія, и только Браунъ уговорилъ Викторію отмѣнить распоряженіе. Однако, принцъ плохо отблагодарилъ любимаго слугу матери, приказавъ убрать подальше его статую въ Бальморальскомъ паркѣ, которую королева воздвигнула предъ своими окнами.

Принцъ Уэльскій числился членомъ многихъ клубовъ, но его излюбленный клубъ былъ Мальборо, находящійся противъ Маль-

боро-Гауза. Онъ основаль его, благодаря слѣдующему обстоятельству. Во всѣхъ клубахъ разрѣшено курить лишь въ особой комнатѣ, и принцъ часто жаловался на эту строгость, но правилъ все-таки не измѣняли. Къ довершенію онъ представилъ въ Pall-Mall клубъ своего кандидата въ члены, но онъ былъ забаллотированъ. Это оскорбило принца Уэльскаго, и онъ, покинувъ клубъ, основаль свой собственный, Мальборо-клубъ, куда перешли всѣ молодые члены остальныхъ большихъ клубовъ. Съ тѣхъ поръ въ другихъ клубахъ остались членами лишь лица преклоннаго возраста, новыхъ же членовъ совсѣмъ нѣтъ.

Въ своемъ клубѣ принцъ Уэльскій являлся тѣмъ, что русскіе называютъ: «душа нараспашку». Онъ требовалъ, чтобы съ нимъ обращались тамъ запросто, не какъ съ принцемъ Уэльскимъ, а какъ съ обыкновеннымъ смертнымъ. Онъ присоединялся всегда къ самымъ шумнымъ группамъ, такъ какъ любилъ самъ поговорить и заставлялъ говорить другихъ. При этомъ онъ считалъ себя блестящимъ собесѣдникомъ.

Однажды лордъ Гугтонъ, который оспаривалъ у принца первенство на этомъ поприщѣ, объявилъ ему, что въ Англии только два человѣка способны удержать слушателей очарованіемъ своего разговора. Эдуардъ спросилъ ихъ имена. «Вы и я»,—отвѣчалъ лордъ и прибавилъ: «конечно, я—второй». Принцъ ничего не отвѣтилъ, а лордъ на другой день въ письмѣ къ родственникамъ передалъ этотъ разговоръ, но переставивъ порядокъ именъ.

Зная, въ какой часъ принцъ Уэльскій бывалъ въ клубѣ, его друзья являлись туда ежедневно въ это время и приносили ему всѣ лондонскія сплетни, къ которымъ онъ питалъ пристрастіе.

Чтобы послушать хорошихъ ораторовъ, наслѣдный принцъ посѣщалъ церковь въ тѣ дни, когда служилъ краснорѣчивый проповѣдникъ. Рѣдко онъ пропускалъ засѣданія палаты лордовъ, когда произносили рѣчи замѣчательные ораторы.

Что касается психологическаго портрета принца Уэльскаго, то онъ обладалъ необыкновенно быстрой сообразительностью. Его мозгъ находился въ постоянной кипучей дѣятельности, и онъ владелъ даромъ быстро усвоивать данный предметъ. Его образованіе разнообразно, но далеко не глубоко и не основательно; онъ хваталъ верхи со всего понемногу. Сталкиваясь на своемъ пути съ людьми различныхъ категорій, онъ невольно принималъ разнообразныя оттѣнки, но ему не хватало главнаго—основы. Въ разговорѣ онъ совершенно безотчетно перебѣгалъ съ одного предмета на другой и обо всемъ говорилъ, лишь слегка касаясь сущности. Впрочемъ, онъ былъ очень остороженъ, и, повидимому, сближаясь, онъ все-таки не доврѣяется вполнѣ.

Мысли свои онъ выражалъ тотчасъ же, какъ онѣ являлись ему, и вслѣдствіе этого его разговоръ отличался быстрымъ темпомъ.

Кто его слышалъ первый разъ, бывалъ положительно очарованъ, но, если приходилось видѣть его чаще, онъ становился монотоненъ и далеко не оригиналенъ. Секретъ его очарованія скрывался въ отсутствіи высокоумія и замѣчательномъ тактѣ, выработавшемся у него отъ сообщенія съ самымъ разнокалибернымъ обществомъ. Это качество рѣдкое въ Англии, и, безъ сомнѣнія, съ этой точки зрѣнія принцъ Уэльскій былъ самый пріятный англичанинъ.

Онъ умѣлъ наблюдать и понимать другихъ, но сбивалъ съ толку наблюдателя. Еще никому никогда не удавалось проникнуть его и совершенно убѣдиться въ его политическихъ взглядахъ. Трудно сказать, къ какой партіи примкнулъ бы онъ, если бы могъ это сдѣлать. Однако, все заставляетъ предполагать, что онъ былъ склоненъ къ либеральному империализму.

Во внѣшнемъ обращеніи онъ былъ замѣчательно любезенъ, не только съ высшими, но едва ли не болѣе съ низшимъ классомъ, и охотно забывалъ свое высокое положеніе, однако съ условіемъ, чтобы другіе объ этомъ не забывали. Гамбетта былъ совершенно очарованъ его обращеніемъ, любезностью, простотою и тактомъ. Онъ говорилъ своимъ друзьямъ послѣ свиданія съ принцемъ: «Я думалъ найти въ немъ аристократа, заключеннаго въ свои благородныя предрасудки, а оказалось не то. Онъ былъ такой же республиканецъ, какъ и я. Конечно, это было для того, чтобы сдѣлать мнѣ пріятное, но его никто не заставлялъ быть такимъ. Когда же я замѣтилъ ему это, онъ отвѣтилъ мнѣ смѣясь: «On peut être de Galles, sans être une mauvaise teigne».

Правда, принцъ умѣлъ вставить въ свой разговоръ любезность, льстившую собесѣднику, которая открывала дорогу прямо къ сердцу.

Съ прекраснымъ полемъ онъ былъ рыцарски предупредителенъ и любезенъ; какой бы легкой и невзыскательной побѣдой ни представлялась ему женщина, онъ всегда вносилъ въ свое обращеніе утонченность и вѣжливость. Болѣе всего на свѣтѣ онъ желалъ всѣмъ нравиться, но въ особенности женщинамъ.

Онъ былъ далеко не мистикъ, а человѣкъ съ современными взглядами и даже отчасти скептикъ. Деньги онъ любилъ, но иначе, какъ Викторія, которая копила ихъ, чтобы обезпечить спокойное существованіе дѣтей. Для него это было орудіе, которымъ можно завоевать все пріятное и всевозможныя удовольствія; онъ сѣялъ ихъ на всѣ четыре вѣтра и накопилъ двадцать восемь милліоновъ долгу; это обстоятельство, говорятъ, повлекло его къ сближенію съ еврейскими баронами.

Какъ большинство легкомысленныхъ и не уравновѣшенныхъ натуръ, онъ проявлялъ въ домашней жизни мелочную бережливость. Бросая громадныя суммы на свои личныя удовольствія, онъ былъ необыкновенно расчетливъ въ обыденной жизни и приходилъ въ ужасъ отъ бесполезныхъ расходовъ. Эта черта, вѣ-

роятно, унаслѣдована отъ Викторіи, вмѣстѣ съ пунктуальностью въ привычкахъ: какъ бы поздно онъ ни легъ, а въ восемь часовъ утра онъ уже на ногахъ. Лозанъ говоритъ о немъ: «Этотъ мотъ—самый умѣренный человѣкъ во всемъ Соединенномъ королевствѣ; этотъ расточитель, который никогда не считаетъ денегъ, могъ бы служить образцомъ для счетовода; его жизнь, которая кажется изображеніемъ несообразностей, ежедневно урегулирована, какъ хронометръ. Онъ не ляжетъ спать, не распредѣливъ заранѣе минута въ минуту слѣдующаго дня. При этомъ онъ старается такъ устроить, чтобы дѣлать все медленно, не наскоро; его пунктуальность обратилась въ поговорку во всей Англии. Онъ никогда не опаздываетъ ни на какое собраніе и не забываетъ ни одного свѣтскаго приглашенія и не оставляетъ безъ отвѣта никакого письма дольше сорока восьми часовъ. Его письма всегда ясны и отличаются сдержаннымъ стилемъ и отсутствіемъ аффектаціи, которая характеризуетъ его разговоръ».

Принцъ Уэльскій отличался прямодушіемъ. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ другой на его мѣстѣ воспользовался бы правами своего положенія и обошелъ законъ,—онъ повиновался ему. Такъ памятно всѣмъ въ Лондонѣ его личное появленіе въ судѣ по дѣлу лэди Мордонъ, обвиненной въ адюльтерѣ, которая при разводномъ процессѣ прямо назвала между многими другими любовниками принца Уэльскаго. Принца не вызывали, но онъ самъ явился въ судъ и лично опровергалъ этотъ фактъ, хотя нашлись его письма. Положимъ, по словамъ «Times»'а, они были «stupidly honest». Эту даму признали помѣшанной, но дѣло произвело сильное впечатлѣніе на народъ. Также не уклонился онъ отъ появленія въ судѣ по дѣлу сэра Вилльяма Гордона-Кумминга, хотя министры уговаривали его не являться и осудили его поступокъ.

Въ религіозныхъ вопросахъ принцъ Уэльскій отличался вѣротерпимостью, но лично держался твердо англиканской церкви.

Съ близкими онъ былъ насмѣшливъ и ему всегда требовалась какая нибудь жертва, которую онъ находилъ удовольствіе дразнить. Если же ему приходилось заходить въ насмѣшкахъ слишкомъ далеко, то онъ разсыпался въ извиненіяхъ. Рядомъ съ этимъ невиннымъ недостаткомъ, онъ былъ справедливымъ судьей. Ему приходилось,—разсказывалъ Стэдъ,—въ продолженіе двадцати лѣтъ разрѣшать между родственными королевскими особами дѣла, которыя были иногда важнѣе многихъ дипломатическихъ вопросовъ. Къ его чести онъ ни разу ни выразилъ безтактнаго сужденія, и его рѣшенія охотно принимались обѣими сторонами.

О себѣ принцъ Уэльскій отзывался въ автобіографической замѣткѣ, помѣщенной въ альбомѣ своей дочери, герцогини Файфъ, слѣдующимъ образомъ: «Я всего счастливѣе, когда не имѣю никакого общественнаго обязательства, когда забываю, что я королев-

ское высочество, когда я курю очень хорошую сигару и читаю (долженъ ли я сознаться) хорошій романъ, когда я, какъ простой мистеръ Джонсъ, отправляюсь на скачки, не боясь, что на другой день напечатають въ газетахъ: «его высочество, принцъ Уэльскій, серьезно отдался азарту и вчера на скачкахъ проигралъ болѣе, чѣмъ онъ можетъ заплатить»; когда я могу пожалъ руку сэру Эдварду Кларку и поговорить съ нимъ, не опасаясь, чтобы всѣ заговорили: «принцъ Уэльскій возстаетъ противъ трансваальской войны»; когда я провожу вечеръ съ принцессой и моимъ семействомъ. Я всего несчастнѣе, когда у меня болятъ зубы, и я долженъ исполнять свои общественныя обязанности».

Родственныя связи принца Уэльскаго распространялись по всей Европѣ. Викторія была бабушкой Европы, слѣдовательно онъ приходился ей дядей. Императоры: русскій и нѣмецкій, короли датскій, бельгійскій, греческій и будущій румынскій; герцоги Саксъ-Кобургъ-Готскій, Шлезвигъ-Гольштинскій, Гессенскій и наслѣдный принцъ Гогенлоэ-Лауэнбургскій— всѣ они приходились родственниками принцу Уэльскому.

Съ Россіей Эдуардъ связанъ слѣдующими родственными узами— онъ трижды дядя русскому императору Николаю II. Его жена—сестра императрицы Маріи Феодоровны; его братъ женатъ на великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, теткѣ русскаго императора; а его племянница, дочь его любимой сестры Алисы,—русская императрица Александра Феодоровна.

Родственныя отношенія принца Уэльскаго были не одинаковы: принцесса Александра очень любила свою сестру Дагмару, императрицу Марію Феодоровну, а также своего племянника Николая II. Бракъ же русскаго императора съ дочерью любимой сестры Алисы еще болѣе укрѣпилъ эту симпатію. Принцесса Уэльская часто посѣщала Россію, но два послѣдніе визита принца и принцессы въ особенности были выраженіемъ расположенія. Первый состоялся при печальныхъ обстоятельствахъ, когда они пріѣхали въ Ялту для перевезенія тѣла покойнаго императора Александра III, послѣ чего принцесса не покидала сестры въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ.

Второе посѣщеніе ихъ было по случаю свадьбы императора Николая Александровича.

Совершенно иначе принцъ Уэльскій относился къ другому своему племяннику, германскому императору Вильгельму II. Известно, какъ послѣдній не любилъ своей матери, сестры принца Уэльскаго, и какимъ униженіямъ онъ подвергалъ ее. Каждый разъ, какъ онъ посѣщаль свою бабушку Викторію, то обращался самымъ небрежнымъ образомъ съ дядей, что обижало наслѣднаго принца. Сколько разъ онъ пробовалъ сблизиться съ племянникомъ, но тщетно: Вильгельмъ не любилъ англійской крови. Отецъ Вильгельма одинаково не любилъ наслѣднаго принца, который въ свою

очередь завидовалъ ему во время брильянтоваго юбилея королевы Викторіи, вслѣдствіе овацій, сдѣланныхъ ему англійскимъ народомъ. Поведеніе принца Уэльскаго ожесточило народъ, и онъ совершенно игнорировалъ присутствіе принца на церемоніи, обративъ все свое вниманіе на браваго нѣмецкаго наслѣдника.

Съ греческимъ королемъ Георгомъ I, братомъ Александры, принцъ Уэльскій былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Они оба были однихъ лѣтъ и во многомъ сходились вкусами.

Къ могущественнымъ союзамъ посредствомъ королевскихъ браковъ принцъ Уэльскій относился скептически, что онъ доказалъ своей собственной женитьбой. Онъ предпочиталъ подобнымъ бракамъ женитьбу по сердцу, чего онъ придерживался относительно своихъ дѣтей. Его старшій сынъ женился на англичанкѣ, принцессѣ Маріи Тэкъ, бывшей невѣстѣ его умершаго старшаго сына. Дочерямъ онъ предоставилъ свободный выборъ безъ предразсудковъ. Старшая дочь выбрала мужемъ шотландца, герцога Файфъ, вторая—двоюроднаго брата, принца Карла Датскаго, который никогда не будетъ царствовать.

Англійскій народъ вполне раздѣляетъ мнѣніе съ наслѣднымъ принцемъ, и каждый разъ, когда парламентъ касался вопроса о приданомъ или пенсіи королевской принцессѣ, то онъ неохотно разрѣшалъ его, если принцесса уѣзжала изъ Англійи, а вмѣстѣ съ нею англійскія деньги. Принцъ Уэльскій имѣлъ свои причины не желать отъѣзда королевскихъ принцессъ за границу: онъ беспокоился о судьбѣ дочерей на чужой сторонѣ, такъ какъ большая часть англійскихъ принцессъ, воспитанныхъ въ независимости, были несчастливы въ бракѣ съ иностранными принцами. Превосходя образованіемъ придворныхъ дамъ иностранныхъ дворовъ и воспитанныя свободно, онѣ не могли встрѣтить подходящаго общества, не говоря уже о другихъ невзгодахъ, какія пришлось перенести королевѣ Фредерикѣ въ Германіи. Причиной недавняго развода принцессы Мелиты съ герцогомъ Гессенскимъ послѣдній выставилъ ея англійское воспитаніе, совершенно «не подходящее къ его нѣмецкимъ понятіямъ о долгѣ жены и матери, такъ какъ она осталась послѣ семилѣтняго брака попрежнему англичанкой».

Съ 1868 года принцъ Уэльскій состоялъ членомъ масонской ложи. 28 декабря графъ Зетландъ, великій мастеръ масонской ложи въ Англійи, получилъ изъ Стокгольма письмо отъ герцога Сентъ-Альбанса. Послѣдній извѣщалъ его, что шведскій король, Карлъ XV, и его братъ, Альбертъ-Эдуардъ, желаютъ, чтобы его королевское высочество, принцъ Уэльскій, былъ посвященъ въ мистеріи ордена, при чемъ король будетъ его восприемникомъ. Хотя въ Швеціи было только три ложи: одна національная и двѣ провинціальныя, но масонство тамъ было въ большемъ почетѣ, и шведскій король самъ управлялъ ложами государства.

По полученіи письма графъ Зетландъ тотчасъ же поздравилъ принца Уэльскаго, обѣщая ему участие въ ближайшемъ собраніи.

Принцъ сдѣлался массономъ не по убѣжденію, но изъ желанія сдѣлать удовольствіе шведскому королю, а затѣмъ его высокое положеніе помогло ему достигнуть безъ всякихъ усилій или заслугъ высшей массонской степени.

Послѣ десятилѣтняго испытанія, въ теченіе котораго принцъ постепенно производился въ различныя градаціи, онъ достигъ званія второго великаго мастера, въ сентябрѣ 1869 года.

Высшаго званія онъ достигъ въ 1875 г., когда былъ назначенъ великимъ мастеромъ вмѣсто лорда Рипона. Въ честь его инвестиции было устроено собраніе въ Альбертъ-Голлѣ, на которомъ присутствовали 10.000 массоновъ. Съ тѣхъ поръ его выбирали на этотъ постъ ежегодно. Въ этомъ званіи онъ принималъ въ массоны своего брата, герцога Артура Коннаутскаго, а позже своего сына, герцога Кларенскаго, который въ свою очередь въ 1888 г. былъ выбранъ великимъ мастеромъ Беркширской провинціальной ложи.

Англійское массонство — богословско-философское учрежденіе; къ нему можетъ примкнуть каждый, невзирая на политическія и религіозныя воззрѣнія. Его девизъ—вѣротерпимость, свобода, равенство и братство.

Со дня избранія принца Уэльскаго великимъ мастеромъ ложи, члены рассчитывали на его преданность, и каждый разъ, когда прибѣгали къ его покровительству, онъ являлся на собранія лично. Такъ 23 октября 1897 г. онъ предсѣдательствовалъ при закладкѣ новаго колледжа Christ's Hospital.

Этотъ колледжъ извѣстенъ всѣмъ посѣтившимъ Лондонъ, благодаря странному одѣянію его учениковъ, которыхъ народъ называетъ Blue Coats. Они ходятъ по городу съ обнаженными головами, въ длинныхъ темносинихъ камзолахъ, стянутыхъ на талѣ кожанымъ кушакомъ, и въ желтыхъ чулкахъ. Это одѣяніе не измѣняется со дня открытія учрежденія, основаннаго Эдуардомъ VI, вслѣдствіе трогательной проповѣди, произнесенной епископомъ Ридлеемъ. Онъ коснулся въ ней о долгѣ богатыхъ по отношенію къ бѣднымъ, и Эдуардъ VI рѣшилъ собирать покинутыхъ дѣтей и воспитывать ихъ. Лордъ-мэръ того времени, сэръ Ричардъ Доббсъ, пожертвовалъ землю, а король на свои средства построилъ домъ.

VII.

Во время царствованія Викторіи дѣятельность принца Уэльскаго ограничивалась нѣсколькими путешествіями, имѣвшими политическое значеніе, которыя въ сущности принесли дутый успѣхъ. Англія лелѣяла мечту завладѣть Египтомъ и хотя добилаь своего протектората надъ нимъ, но поѣздка принца Уэльскаго не ока-

зала на это событіе вліянія. Его путешествіе по Нилу послѣ посѣщенія Палестины не имѣло того успѣха, какъ путешествіе въ Канаду.

Совмѣстная поѣздка съ принцессой Александрой въ Ирландію была нѣсколько удачнѣе въ внѣшнемъ отношеніи.

Посѣщеніе же Индіи принесло успѣхъ лишь лично Эдуарду, получившему отъ индѣйскихъ принцевъ на полмилліона фунтовъ стерлинговъ подарковъ, при чемъ онъ не затратилъ на поѣздку ни одного пенса изъ собственныхъ средствъ. Впрочемъ и Викторія получила удовлетвореніе своего самолюбія: Дизраэли, ловко воспользовавшійся моментомъ, преподнесъ ей титулъ императрицы Индіи.

Что же касается государства, то эта поѣздка, предложенная Салисбюри съ цѣлью поддержанія добрыхъ отношеній съ восточными владѣніями Англии, вызвала немало пререканій, когда дѣло дошло до финансоваго вопроса. Государство ассигновало 40.000 фунтовъ на подарки индѣйскимъ принцамъ, 30.000 фунтовъ на пріемы и 52.000—на увеличеніе морского бюджета для составленія приличнаго эскорта представителю королевы.

Многіе возстали противъ подобныхъ расходовъ и ссылались на бесполезность поѣздки, говоря, что она устраивается, главнымъ образомъ, для удовольствія принца. Публичные ораторы Гайдъ-Парка даже кричали, что правительство растрачиваетъ народныя суммы, но, несмотря на все, палата подала голосъ за кредитъ, и только было подано 34 голоса за уменьшеніе суммы.

Слѣдующая поѣздка въ Ирландію съ женою опять имѣла только внѣшній успѣхъ. Посѣщеніе же этого любимаго имъ уголка съ старшимъ сыномъ въ 1885 г. не имѣло никакого успѣха, благодаря усиліямъ партіи націоналистовъ, хотя наслѣдный принцъ имѣлъ массу друзей среди ирландцевъ. Всякій разъ, какъ предпринималась подписка въ пользу бѣдныхъ Ирландіи, принцъ первый показывалъ примѣръ щедрымъ пожертвованіемъ. А во время земледѣльской выставки въ Сандрингамѣ онъ принималъ у себя 850 ирландскихъ фермеровъ. Несмотря на всѣ его любезности, ирландцы неприязненно относились къ нему, и ему не удалось произвести никакой перемѣны къ лучшему.

Этими поѣздками ограничивалась его дѣятельность во внѣшней политикѣ.

Что касается внутренней политики, то Викторія, находясь подъ вліяніемъ министровъ, не довѣряла ему и всякими средствами старалась удалить его отъ управленія государственными дѣлами. Только за годъ до смерти королева довѣрила ему подписать одну государственную бумагу. Говорятъ, если бы не Салисбюри, сильно возставшій противъ принца Уэльскаго, то онъ былъ бы королемъ за четыре года до смерти Викторіи. Въ 1879 г. королева, чувствуя, что ее покидаютъ силы, задумала передать тяжесть короны сыну.

Министры всполошились и стали приводить различные доводы. Между прочимъ они ссылались на то, что ни одинъ изъ англійскихъ государей добровольно не передавалъ своей короны. Эдуардъ II и Иаковъ II были удалены отъ трона силою; Джонъ Бельоль отрекся отъ шотландскаго престола, благодаря Эдуарду I. Точно также и въ Европѣ не было случаевъ, не считая двухъ отреченій—Суллы отъ диктаторства надъ Римомъ въ 79 г. до Р. X. и Діоклетіана отъ императорскаго трона въ 305 г. послѣ Р. X. Добровольныхъ отреченій было только четыре: Карла V въ Испаніи въ 1555 г., Христины Шведской въ 1654 г., Филиппа V въ Испаніи въ 1724 г. и голландскаго короля Людовика Бонапарта въ 1810 году.

Другая причина, которою пугали министры Викторію, было то обстоятельство, что королева при восшествіи на престолъ дала согласіе отказаться отъ наслѣдственныхъ доходовъ, которыми пользовались ея предшественники, съ условіемъ, что нація будетъ уплачивать ей ежегодно содержаніе. Въ то время, когда было заключено это условіе, парламентъ устроилъ для народа выгодное дѣло, но со временемъ оно оказалось невыгоднымъ, такъ какъ рента, выплачиваемая королевѣ народомъ, значительно превзошла доходы, которые получались съ государственныхъ имуществъ.

Королева, подписывая условіе, имѣла въ виду только себя, оставляя право своимъ преемникамъ позаботиться о возобновленіи этого условія. Министры нашли, что ея отреченіе—очень важный вопросъ для парламента. Это очень огорчило Викторію, но, какъ всегда, она повиновалась и написала народу письмо, въ которомъ обѣщала царствовать до смерти. Настоящая же причина ихъ настояній были личныя самолюбивыя цѣли.

Такимъ образомъ принцъ Уэльскій остался въ прежнемъ положеніи. Ему была предоставлена лишь бутафорская роль, которую онъ добросовѣстно исполнялъ въ продолженіе сорока лѣтъ. Въ теченіе этого времени онъ былъ членомъ палаты лордовъ, но ни разу не выражалъ своего мнѣнія. Только однажды онъ подалъ голосъ, когда разсматривали вопросъ о разрѣшеніи женитьбы на свояченицѣ. Зато, какъ предсѣдатель различныхъ учреждений научныхъ, промышленныхъ, благотворительныхъ и проч., онъ произнесъ въ теченіе 20 лѣтъ не менѣе 153-хъ рѣчей, и единственный разъ онъ принялъ участіе въ дебатахъ палаты лордовъ въ 1884 г., когда разбирался вопросъ о жилищахъ рабочихъ и облегченіи ихъ участи.

По словамъ его сотрудниковъ, принцъ былъ лучшимъ предсѣдателемъ. Онъ не имѣлъ времени самъ приготавливать свои рѣчи, и эта обязанность лежала на секретаряхъ; конечно, общую идею давалъ самъ наслѣдный принцъ. Рѣчи онъ записывалъ, и съ нихъ дѣлалось нѣсколько копій, вслѣдствіе чего репортерамъ не приходилось прибѣгать къ стенографіи.

Краснорѣчіе Эдуарда было просто и въ своемъ родѣ оригинально; главное его достоинство—ясность и сжатость. Говорилъ онъ свои рѣчи очень монотонно и дурно произносилъ, какъ будто у него едва ворочался языкъ, но его жесты были сдержанны. Между прочимъ онъ былъ принятъ въ Средній Temple въ качествѣ адвоката и засѣдалъ тамъ въ 1861 году. Изъ всѣхъ ораторовъ онъ предпочиталъ Гладстона.

Общество обязано ему отчасти и въ интеллектуальномъ отношеніи, такъ какъ, несмотря на сильную оппозицію, ему удалось основать императорскій институтъ.

Когда пріѣхалъ извѣстный Станлей изъ своего знаменитаго путешествія, то принцъ устроилъ въ честь его митингъ подѣ своимъ предсѣдательствомъ.

Послѣ скандальнаго процесса по дѣлу Вилльсона онъ былъ сдѣланъ президентомъ убѣжища для бѣдныхъ и горячо предался этому дѣлу, при чемъ отваживался лично посѣщать самые опасные кварталы, какъ Гальборнскій, св. Панкратія, предмѣстье Уайтчапль и проч. Онъ изучалъ въ главныхъ городахъ Европы, въ особенности въ Парижѣ, пріюты для бездомныхъ.

Еще болѣе онъ былъ занятъ открытіемъ публичныхъ памятниковъ, мостовъ, портовъ и всякаго рода выставокъ, а также присутствовалъ на всѣхъ закладкахъ больницъ, пріютовъ, санаторій и посѣщалъ благотворительные базары. Въ особенности въ 1890 г. онъ энергично предался общественнымъ дѣламъ.

Во время большей стачки выгрузчиковъ съ судовъ, которая угрожала парализовать дѣла страны, рабочіе выразили къ нему свое довѣріе тѣмъ, что хотѣли избрать его посредникомъ. Принцъ Уэльскій обладалъ добрымъ сердцемъ и прямою, а потому согласился взять на себя эту обязанность, но правительство воспротивилось, находя, что роль посредника между рабочими и капиталистами не подходящая для наслѣдника англійскаго престола. Гладстонъ говорилъ о немъ: «Обстоятельства предоставили ему подавляющій долгъ государя, и онъ выполнилъ его съ честью и преданностью. Онъ вліялъ на общество, и не одно полезное учрежденіе обязано ему своимъ существованіемъ, благодаря интересу, который имѣетъ къ нему первый дворянинъ Англій». Въ этомъ отношеніи было бы крайне несправедливо не отдать принцу Уэльскому должной чести, и англійское общество обязано ему своимъ прогрессомъ.

Конечно, не надо забывать, что Англія страна свободы, и то или другое учрежденіе основывается безъ всякаго разрѣшенія короля; онъ только какъ бы санкционируетъ его существованіе и если находитъ его полезнымъ для страны, то поддерживаетъ при плохихъ обстоятельствахъ.

Изъ всего видно, что поле дѣятельности принца Уэльскаго было не широко, и онъ часто жаловался на отсутствіе самостоятельности и ограниченіе его власти, ссылаясь на своего племянника: «Посмотрите,—говорилъ онъ о Вильгельмѣ II:—онъ еще молодой человѣкъ, однако онъ центръ всего, онъ всѣмъ управляетъ, онъ душа своей страны, тогда какъ мнѣ не дозволено ничего дѣлать».

Объ его политическихъ способностяхъ Гамбетта отзывался слѣдующимъ образомъ: «Принцъ,—говорилъ онъ,—обнаруживаетъ положительный вкусъ къ иностранной политикѣ и много имѣетъ о ней свѣдѣній, но та жизнь, которую онъ ведетъ, не содѣйствуетъ занятію политикой. Онъ человѣкъ разумный и съ познаніями, но не отличается острымъ и тонкимъ умомъ, и я полагаю, что онъ не могъ бы противостоять ни ловкому американцу, ни хитрому русскому».

Въ 1888 г. онъ обратился въ парламентъ съ просьбою увеличить сумму ежегоднаго своего содержанія въ 40.000 фунтовъ стерлинговъ до 76.000, ссылаясь на то, что расходы по путешествію превышаютъ ежегодные доходы. Эта прибавка не помогла принцу Уэльскому избавиться отъ долговъ, которые все болѣе и болѣе затягивались. Слухи объ этомъ обстоятельстве быстро распространились, и народъ выражалъ свое неудовольствіе.

Въ 1896 г. принцъ сдѣлался канцлеромъ Уэльскаго университета, а затѣмъ потребовалъ, какъ президентъ королевской комиссіи, увеличенія кредита для участія во всемирной выставкѣ 1900 года.

Несмотря на то, что принцъ Уэльскій не принималъ участія въ политическихъ дѣлахъ, онъ два раза подвергся покушенію на его жизнь. Первый разъ на него бросился въ Нью-Йоркѣ англійскій матросъ Эдвардъ Макъ-Канъ съ цѣлью его убить. Онъ оказался помѣшаннымъ. Второе покушеніе было въ 1900 г., когда онъ отправился съ принцессой Уэльской въ Данію чрезъ Брюссель. Въ него сдѣлалъ выстрѣлъ юный Сипидо, но не удачно.

VIII.

22-го января 1901 г. угасла великая конституціонная королева Викторія, а съ нею исчезъ прежній принцъ Уэльскій. Давно ожидаемое наслѣдство застигло Эдуарда VII болѣе чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ. Это уже не прежній гибкій, тонкій, стройный юноша, а грузный старикъ, средняго роста, толстый, нѣсколько обрюзглый, съ ожирѣвшимъ животомъ.

Бурная молодость оставила замѣтные слѣды на его лицѣ: глаза его поблекли, какъ бы выцвѣли, на лицѣ появилась усталость и какое-то страдальческое выраженіе, несвойственное прежнему жизнерадостному принцу Уэльскому. Движенія и жесты, однако, сохранили прежнюю изысканность. Послѣдніе годы онъ страдалъ Брай-

товой болѣзною, и, кромѣ того, шли слухи о какой-то неизлѣчимой хронической горловой болѣзни, которая иногда лишала его возможности говорить полнымъ голосомъ и требовала операции, что и было сдѣлано.

Только два короля вступили на англійскій тронъ въ такомъ преклонномъ возрастѣ и даже еще старше: Іаковъ II, которому исполнилось 65 лѣтъ въ моментъ его воцаренія, и Вильгельмъ IV, предшественникъ Викторіи, которому было тоже 65 лѣтъ, когда ему предстояло занять англійскій престолъ. Первый царствовалъ только три года, а второй семь лѣтъ. Эдуардъ VII—пятьдесятъ второй король Англій, восемьдесятъ второй государь Шотландіи и тридцать второй—Ирландіи.

Съ большимъ любопытствомъ ожидалъ англійскій народъ, подъ какимъ именемъ вступитъ на тронъ новый король. Обыкновенно онъ подписывался вездѣ «Альбертъ-Эдуардъ», и всѣ ожидали, что онъ выберетъ первое имя. Во время болѣзни королевы Викторіи англійская печать волновалась по этому поводу.

Если бы онъ выбралъ имя отца Альберта, то этотъ фактъ послужилъ бы къ основанію новой династіи, и Ганноверскій домъ уступилъ бы англійскій тронъ Саксенъ-Кобургъ-Готской династіи. Это неизбежно должно было случиться, если бы парламентъ далъ Альберту, какъ желала Викторія, титулъ короля. Новый король, однако, выбралъ имя своего дѣда, со стороны матери, ссылаясь на то, что, несмотря на всѣ свои хорошія качества, принцъ Альбертъ, какъ нѣмецъ, былъ не популяренъ среди англійскаго народа, а имя Эдуарда любимо. Впрочемъ было бы правильнѣе Эдуарду VII сдѣлаться родоначальникомъ новой династіи Саксенъ-Кобургъ-Готской, такъ какъ имя при названіи династіи ничего не значитъ.

Такимъ образомъ въ Англійи продолжается династія Ганноверскаго дома. Имя Эдуарда—первое въ этой династіи. Эдуардъ I, Эдуардъ II и III принадлежали къ дому Плантагенетовъ, Эдуардъ IV и V—къ Іоркскому дому, Эдуардъ VI—къ дому Тюдоровъ.

Если признавать законность кровныхъ узъ, то Эдуардъ VII происходитъ отъ перваго англійскаго короля чрезъ Эдуарда Исповѣдника.

14-го февраля 1901 года Эдуарду VII и Александрѣ впервые должно было предстать предъ парламентомъ.

Немалое затрудненіе предстояло министрамъ при составленіи длиннаго титула короля, такъ какъ подъ его владычествомъ находятся самыя разнообразныя формы правленія. Наконецъ послѣ долгихъ преній они рѣшили установить слѣдующій титулъ: «король Соединеннаго королевства Великобританіи, Ирландіи и всѣхъ британскихъ владѣній по ту сторону моря, защитникъ вѣры и императоръ Индіи».

Выраженіе «защитникъ вѣры» звучитъ фальшиво: его подданные самой разнообразной религіи, и о какой именно говорится въ титулѣ, остается неяснымъ, конечно, подразумѣвается протестантская. Клянясь служить своему народу, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно традиціямъ, долженъ произнести отреченіе отъ одной части подданныхъ, именно отъ католиковъ.

Эдуардъ VII понялъ, насколько обветшали эти традиціи, и, не желая оскорблять ни одного изъ своихъ подданныхъ, настаивалъ, чтобы министры рассмотрѣли этотъ вопросъ. Такимъ образомъ съ воцареніемъ Эдуарда VII для английскихъ католиковъ наступила новая эра.

До этого момента господствующая церковь была англиканская, остальные же религіи и секты только допускались; ихъ считали безвредными, недостойными вниманія. Впродолженіе полувѣка секты и въ особенности католичество развивались въ ущербъ англиканской церкви, но не имѣли политическаго значенія. За послѣднія двадцать лѣтъ католичество стало въ особенности замѣтно выбираться на новый путь. Теперь въ Англій насчитываютъ 5 милліоновъ католиковъ, изъ нихъ 270 іезуитовъ английской національности. Послѣдніе содержатъ свои лицеи въ Стонхурстѣ, въ Бомондѣ, около Виндзора, въ Четерфильдѣ и Ливерпулѣ.

Въ 1688 году английскій парламентъ не только закрылъ доступъ къ английскому трону королямъ, исповѣдывавшимъ католическую религію, но даже постановилъ, чтобы впредь короли, принося присягу при восшествіи на английскій престолъ, прибѣгали къ слѣдующей деклараціи: «Въ присутствіи Бога я торжественно и искренно объявляю и свидѣтельствую мою твердую вѣру, что въ евхаристіи нѣтъ пресуществленія элементовъ хлѣба и вина, и что они совсѣмъ не обратились въ тѣло и кровь Христову во время или послѣ освященія кѣмъ бы то ни было; болѣе того, воззваніе или поклоненіе Святой Дѣвѣ или другимъ святымъ и жертвоприношеніе во время обѣдни, какъ это бываетъ въ католическихъ церквахъ Франціи, есть суевѣріе и идолопоклонство. Я объявляю» и т. д.

Такимъ образомъ впродолженіе двухъ вѣковъ английскіе католики предавались королемъ остракизму. Они тщетно добивались уничтоженія подобной деклараціи, но при воцареніи Викторіи на ихъ просьбу не обратили вниманія. Эдуардъ отнесся иначе. Католики воспользовались случаемъ и, благодаря тому, что ихъ представители засѣдаютъ въ парламентѣ, обратились къ королю.

Вопросъ былъ сложный. Король долженъ повиноваться конституціи, которая была установлена парламентскимъ актомъ, а слѣдовательно она можетъ быть отмѣнена лишь новымъ актомъ, истекающимъ отъ того же авторитета. Но парламентъ былъ распущенъ, и для этого необходимо было его открытіе, а этотъ актъ никто не мо-

жетъ исполнить, какъ только новый король; король же не можетъ его открыть, не произнесши той же самой деклараціи. Другого исхода нѣтъ.

Это обстоятельство очень волновало короля. Наступилъ день открытія парламента; тридцать два члена палаты лордовъ, окружавшіе его, были католики; католикъ—лордъ-маршалъ, герцогъ Норфолькъ—католикъ, такимъ образомъ ему предстояло оскорбить всѣхъ католиковъ, чтобы сдѣлаться королемъ.

Король со свойственнымъ ему тактомъ вышелъ изъ этого положенія съ достоинствомъ. Получивъ изъ рукъ лорда-канцлера декларацію, онъ прочиталъ ее едва слышно, и никто изъ католиковъ не могъ разобрать словъ, исключая двухъ или трехъ перовъ, стоявшихъ около него. Одинъ изъ нихъ былъ герцогъ Норфолькъ, и было замѣтно, какое неприятное впечатлѣніе произвела на него декларація. Остальные католики были всѣ съ печальными лицами.

Послѣ подобнаго остракизма Вестминстерскій епископъ пригласилъ всѣхъ принять присягу.

Это было столь неестественно, что Эдуардъ возвратился подъ неприятнымъ впечатлѣніемъ.

Послѣ этого событія началась настоящая битва. Члены парламента католики подали просьбу объ уничтоженіи деклараціи. Правительство хотѣло обойти этотъ вопросъ и отвѣчало, что дѣйствительно декларація представляетъ нѣкоторыя неудобства, и въ ней есть, къ сожалѣнію, неприятныя для католиковъ выраженія, но она существовала ранѣе, и ея слѣдуетъ придерживаться.

Этотъ отвѣтъ возбудилъ бурю. Вся католическая пресса стала выражать негодованіе. Ирландія возмутилась. Канадскій парламентъ прислалъ офиціальныя протесты. Католики Новой Зеландіи, острова Маврикія, острова Мальты, представили также очень энергичные протесты. Такое неожиданное нападеніе заставило англійское правительство сдать на капитуляцію, и было назначена комиссія для разсмотрѣнія вопроса о томъ, какъ смягчить выраженія деклараціи.

Нижняя церковь, протестантская партія, съ своей стороны не менѣе энергично возстала противъ перемѣны деклараціи, заявивъ, что ей необходима эта декларація, и, во что бы то ни стало, надо ее сохранить. Шесть мѣсяцевъ длилась борьба. Въ газетахъ стали появляться статьи подъ самыми угрожающими заглавіями, какъ, напримѣръ: «Къ оружію, протестанты!»; «Заговоръ усиливается!»; «Измѣна добродѣлю!»; «Не прикасайтесь къ ней!»; «Не надо капитуляціи!»; «Патріотизмъ противъ ватиканизма!»; «Не нужно мира съ Римомъ!» и т. д.

Національныя событія,—говорилось въ «English Churchman»,—идутъ съ быстротою революціи, и развитіе папскаго заговора принимается съ каждымъ днемъ дурной оборотъ.

Комиссія, составленная исключительно изъ англиканцевъ, наконецъ предложила 25-го іюня новою формулою деклараціи, въ ко-

торой англійскіе короли исключали выраженіе, называвшее католиковъ «суевѣрными и идолопоклонниками».

Этого было слишкомъ мало для католиковъ, но все-таки 8-го іюля ее представили въ палату лордовъ отъ имени одного изъ членовъ комиссіи, лорда Грея, который приготовился ее поддерживать. Два часа тянулись пренія и были необычайно оживленны. Докторъ Тэмплъ, архіепископъ Кантербюрійскій, примасть англиканской церкви, первый открылъ огонь, какъ требовалъ этикетъ. Онъ былъ въ очень затруднительномъ положеніи, но ловко вышелъ изъ него, заявивъ, что декларация неудовлетворительна, ее надо отослать обратно въ комиссію и вновь рассмотреть.

Лордъ Салисбюри заявилъ, что такимъ образомъ выходить изъ дѣла, поставивъ другихъ въ затруднительное положеніе, ни къ чему не поведетъ. Надо объяснить, что именно въ деклараціи хорошо, что худо.

Лордъ Грей, приготовившійся защищать ее, удивилъ всѣхъ: послѣ рѣчи епископа Кантербюрійскаго онъ сообразилъ, что декларация, удовлетворяющая Нижнюю церковь, возбудитъ негодованіе ритуалистовъ, самыхъ интеллигентныхъ членовъ англиканской церкви, которыми дорожитъ архіепископъ. Отложивъ приготовленную рѣчь, онъ импровизировалъ новую, сильную рѣчь противъ деклараціи. Онъ выразилъ мнѣніе, что справедливѣе и политичѣе ее отмѣнить, или, во всякомъ случаѣ, уничтожить въ ней оскорбительныя выраженія для католиковъ.

Этотъ случай прекрасно характеризуетъ, насколько въ Англии справедливо относятся къ какому бы то ни было вопросу, когда англичане не ослѣплены страстью.

Въ заключеніе правительство предложило парламенту билль, предоставивъ ему выбрать выраженія для деклараціи. 23 іюля лордъ Салисбюри представилъ его въ палату лордовъ. Формула деклараціи, предложенная биллемъ, была менѣе оскорбительна для католиковъ, и слово «обожаніе» святой Дѣвы замѣнено было «призываніемъ».

На этотъ разъ споры были еще горячѣе. Въ теченіе трехъ съ половиною вѣковъ въ англійскомъ парламентѣ ни одинъ премьеръ не говорилъ о католицизмѣ съ такимъ почтеніемъ и уваженіемъ, какъ Салисбюри.

На его рѣчь отвѣчалъ протестантъ Нижней церкви, лордъ Киннэрдъ, который заявилъ, что перемѣны деклараціи требуютъ папа и лица, которыя управляютъ римско-католической церковью. «Не надо ни въ чемъ уступать этимъ людямъ»,— настаивалъ онъ.

Архіепископъ Кантербюрійскій заявилъ: «Палата лордовъ собралась не для того, чтобы спорить объ этомъ вопросѣ». Никогда, по его мнѣнію, не придутъ къ соглашенію относительно выраженной деклараціи, даже цѣною значительныхъ усилій и времени, а потому онъ рѣшилъ подать голосъ за билль.

Споры еще болѣе усилились; говорилъ лордъ Розберри, который все раскритиковалъ. Потомъ высказался лордъ Герріесъ, сдѣлавшій замѣчаніе, что католики подчинены папѣ только въ религиозныхъ вопросахъ. Такимъ образомъ, шесть пэровъ, въ числѣ которыхъ были лордъ Галифаксъ и лордъ Киннэрдъ, представители: первый—крайней правой и второй—крайней лѣвой англиканской церкви,—вотировали противъ билля; девяносто пэровъ подали голосъ за него, и билль былъ принятъ въ первомъ чтеніи.

Въ своей рѣчи лордъ Салисбюри сказалъ: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ эпохи, когда была установлена декларация, ни разу не происходило такого большого переворота въ мнѣніяхъ».

30 іюля въ Сенъ-Джемсъ-Голлѣ происходила громадная демонстрація, подъ предсѣдательствомъ лорда Киннэрда, по поводу протеста противъ билля. Одинъ изъ членовъ палаты общинъ, Вилльямъ Джонстонъ, въ порывѣ гнѣва, разорвалъ на тысячи кусочковъ копію билля и разсѣялъ ихъ по воздуху. Президентомъ митинга была подана петиція противъ билля въ палату общинъ отъ имени всѣхъ собравшихся.

1-го августа палата лордовъ снова разсматривала билль. Предлагалось множество измѣненій деклараціи, чтобы какъ можно менѣе оскорблять католиковъ, и наконецъ многіе пэры, а всѣхъ горячѣе лордъ Розберри, лордъ Галифаксъ и епископъ Кантербурійскій, требовали составленія новой комиссіи. Такимъ образомъ билль не могъ быть вотированъ даже палатой лордовъ.

Но очевидно стало, что подобная отсрочка возбудитъ большія затрудненія, и 5 августа, когда билль представили въ палату лордовъ для прочтенія уже въ третій разъ, первый министръ заявилъ, что правительство беретъ его обратно. «Хотятъ выработать новую формулу,—сказалъ онъ,—но никогда не достигнуть такой, которая удовлетворила бы палату». Премьеръ въ особенности ссылался на то, что билль былъ внесенъ для удовлетворенія католиковъ, но они заявили черезъ лорда Ландаффара, что ничѣмъ нельзя ихъ удовлетворить, какъ только уничтоженіемъ деклараціи.

Принципіально декларация была правительствомъ отвергнута и лордъ Салисбюри, беря обратно билль, сказалъ:

— Признаю, что декларация—пятно на собраніи законовъ.

Не одни католики распространились въ Англии, и не имъ однимъ покровительствуетъ король. Еще будучи принцемъ Уэльскимъ Эдуардъ VII находился въ лучшихъ отношеніяхъ съ протекторами евреевъ: барономъ Гиршемъ, барономъ Ротшильдомъ и другими еврейскими капиталистами, которые сумѣли, по той или другой причинѣ, привлечь на свою сторону принца. Говорятъ, онъ принималъ близко къ сердцу еврейскій вопросъ и взялъ на себя роль посредника между евреями и нѣкоторыми государствами. Одно время всѣ предполагали, что онъ кутитъ съ хорошенькими женщинами

въ Гомбургѣ, а въ это время онъ велъ переписку съ однимъ изъ государей по поводу еврейскаго вопроса.

Насколько удалось ему уладить этотъ вопросъ, — неизвѣстно, но въ Англии, вѣротерпимѣ которой нельзя найти страны, евреи, какъ дома. Въ послѣднее время послѣ протестантовъ они занимаютъ самое видное мѣсто. Ихъ кварталъ Уайтчэплъ переполненъ всевозможными эмигрантами, собравшимися туда со всего свѣта.

Въ Лондонѣ не рѣдкость видѣть, какъ евреи мужчины двигаются съ грязными телѣжками, на которыхъ помѣщаются ихъ пожитки, и около нихъ идутъ женщины съ дѣтьми всякаго возраста. Едва ли они знаютъ хоть одно англійское слово, но, несмотря на это, они—дома. Цѣлыя толпы переселенцевъ останавливаются предъ одной лавкой, окна которой испещрены объявленіями. Здѣсь ихъ временное пристанище: они ѣдятъ и ночуютъ въ этой труппѣ, а затѣмъ, размѣнявъ деньги, ищутъ себѣ квартиру и сейчасъ же находятъ занятіе, такъ какъ лондонскіе евреи великодушно относятся къ единовѣрцамъ.

Мѣстность вокругъ Олдгетской церкви — настоящій еврейскій муравейникъ. Нѣкоторые изъ евреевъ остаются тамъ только нѣсколько мѣсяцевъ или недѣль, а затѣмъ отправляются рыскать по свѣту, но чаще они устраиваются въ Лондонѣ.

Держатся они особнякомъ, женятся на единовѣрцахъ и быстро увеличиваютъ количество евреевъ. Они издаютъ на еврейскомъ языкѣ журналъ и даже устроили свой театръ, гдѣ даются на еврейскомъ языкѣ оперы. Несмотря на то, что дѣти изучаютъ англійскій языкъ, они все-таки всегда говорятъ на своемъ жаргонѣ.

По праздникамъ кварталъ блещетъ разнообразными нарядами и фальшивыми брилльянтами. На 10.000 человекъ жителей въ одномъ этомъ кварталѣ 7.000 евреевъ, и есть такія улицы, гдѣ не услышишь никакого другого языка, кромѣ еврейскаго.

Евреи этого квартала всегда находятся въ сообщеніи съ евреями другихъ кварталовъ и съ другими синагогами. Они соблюдаютъ безпрепятственно всѣ свои праздники и посты, какъ въ Палестинѣ.

Въ юлѣ прошлаго года евреи, изгнанные изъ Румыніи во время антисемитскихъ беспорядковъ, перебирались цѣлыми толпами въ Лондонъ. Они устроили свое пристанище около синагоги, и ихъ количество было столь велико, что многимъ изъ этихъ несчастныхъ пришлось помѣститься на мостовой.

Какъ разъ рядомъ съ синагогой находится католическая церковь св. Марка, отдѣляясь отъ нея лишь стѣною, такъ что изъ сада патера слышно еврейскую службу. Это вызываетъ негодованіе католиковъ, и они ропщутъ на допущеніе столькихъ евреевъ въ Лондонъ.

IX.

Насколько Викторію огорчило извѣстіе объ ея вступленіи на престоль, настолько ея сынъ былъ обрадованъ своимъ новымъ положеніемъ.

Перемѣнился ли онъ? Остался ли онъ прежнимъ принцемъ Уэльскимъ, или въ немъ произошла трансформация?

Говорятъ, что, произнося присягу, онъ поразилъ всѣхъ перемѣнной. Одинъ изъ членовъ королевскаго совѣта въ тотъ же вечеръ писалъ: «Мы были всѣ удивлены перемѣнной, замѣченной нами въ королѣ. Принцъ, котораго мы знали, казалось, исчезъ. На его мѣсто мы нашли другого человѣка и тотчасъ же поняли, что между имъ и нами внезапно возникла невидимая преграда. У него явилось достоинство, котораго мы прежде не замѣчали. Въ его присутствіи мы чувствовали, что мы находимся предъ королемъ».

Разумѣется, эта фраза была сказана царедворцемъ, ее надо принимать, какъ комплиментъ, одно лишь будущее покажетъ, остался ли живъ принцъ Уэльскій, или на его мѣсто появился невѣдомый никому Эдуардъ VII.

Эдуардъ VII далеко не мистикъ, а скорѣе скептикъ. Тронъ для него — наслѣдство, ради котораго стоитъ перенести скуку и непріятности. Король сознаетъ, что онъ орудіе роскоши, ключъ къ британской имперіи и народная собственность. Не будь онъ наслѣдникомъ престола, можетъ быть, у него не было бы мысли добиваться положенія главы народа, но, получивъ наслѣдіе, онъ сразу пожелалъ имъ широко воспользоваться, согласно его взглядамъ на свои права. Несмотря на кризисъ, переживаемый страной, благодаря трансваальской войнѣ, онъ первымъ долгомъ потребовалъ увеличить себѣ годовое содержаніе 470,000 фунтовъ стерлинговъ, что и было исполнено.

Какое онъ произвелъ впечатлѣніе на своихъ подданныхъ?

Въ своей королевской мантии, при открытіи парламента, Эдуардъ VII поразилъ ихъ сходствомъ съ Генрихомъ VIII, и только благодаря этому, они примирились съ его нѣмецкимъ акцентомъ. Этотъ недостатокъ короля произвелъ на всѣхъ непріятное впечатлѣніе при чтеніи тронной рѣчи.

Какъ отнесется къ нему народъ, если не произойдетъ въ немъ перемѣны, и послѣдуютъ ли немедленныя политическія событія?

Слишкомъ рано сказать, чего будетъ держаться Эдуардъ VII, но, повидимому, онъ склоненъ покровительствовать либераламъ-империалистамъ, въ родѣ лорда Розберри, разошедшагося въ мнѣніяхъ съ предводителемъ либераловъ, сэромъ Генрихомъ Кампбелъ Банерманомъ, относительно ирландскаго самоуправленія. Эдуардъ VII—империалистъ, онъ принялъ участіе въ развитіи королевскаго коло-

ніальнаго института, онъ крѣпко вѣритъ въ единеніе англійскаго народа.

Послѣ посѣщенія Индіи онъ не переставалъ изучать эту страну, имѣющую для Англии громадное значеніе. Двѣ вещи поразили Эдуарда VII во время его путешествія по Индостану: страшные расходы на содержаніе администраціи, рядомъ съ невообразимой нищетой населенія. Говоря о реформахъ, которыя должны быть тамъ произведены, Эдуардъ VII часто повторялъ: «Если я буду когда нибудь королемъ, то»... Настало время, и ему предстоитъ исполнить свой долгъ императора Индіи.

Будущность Англии въ Африкѣ его занимаетъ, и онъ восторгался Сесилемъ Родсомъ.

Его колоніальная программа слѣдующая: «Мое величайшее желаніе,—говорилъ Эдуардъ VII:—чтобы каждый изъ моихъ подданныхъ, гдѣ бы онъ ни родился—въ Австраліи, Индіи или Канадѣ, могъ бы стремиться къ публичнымъ должностямъ, какъ бы онъ родился въ Англии».

Однимъ изъ первыхъ его политическихъ дѣйствій по воцареніи была посылка въ Австралію наслѣднаго принца съ женою для открытія перваго федеративнаго парламента. Принцъ съ большимъ успѣхомъ исполнилъ это порученіе, и король пожаловалъ ему за это титулъ принца Уэльскаго.

Въ общемъ Эдуардъ VII обѣщаетъ быть королемъ либеральнымъ, демократическимъ и другомъ прогресса. Хотя въ Англии говорятъ о немъ, что изъ всѣхъ англичанъ у него одного въ венахъ течетъ менѣе всего англійской крови, но можно утвердительно сказать, что онъ любитъ родину, и со дня вступленія на тронъ Англии всѣ его помыслы обращены на пользу Англии и на ея обогащеніе.

Относительно добрыхъ мирныхъ отношеній съ другими государствами онъ многое можетъ сдѣлать. Положимъ, еще не такъ скоро иностранныя державы отвыкнутъ отъ опредѣленныхъ взглядовъ на Эдуарда VII; онѣ такъ привыкли къ жизнерадостному принцу Уэльскому, что потребуется нѣкоторое время, и нужны серьезныя рѣшительныя шаги короля Эдуарда VII къ благу родины, чтобы измѣнить мнѣніе Европы.

Несмотря на незначительную политическую роль въ Англии, онъ еще принцемъ Уэльскимъ сдѣлалъ шагъ къ ближенію Россіи съ Англійей. Подъ вліяніемъ своей жены Александры онъ старался направить мнѣніе народа въ пользу русско-англійскаго союза и увѣренъ, что добьется его.

Нечего говорить о его симпатіяхъ къ Франціи. Несмотря на скандальныя статьи и карикатуры относительно Викторіи, онъ все-таки хотѣлъ поѣхать на выставку 1900 г. Только сопротивленіе Салисбюри помѣшало ему осуществить этотъ планъ.

Хотя отецъ Эдуарда VII былъ нѣмецъ, но король не питаетъ къ Германіи симпатіи. Со дня его вступленія на престолъ отноше-

нiя Вильгельма измѣнились къ лучшему. Германскій императоръ всевозможными способами выражаетъ своему дядѣ симпатiи; такъ, напримѣръ, онъ подарилъ Эдуарду VII серебряный вызолоченный *surtout de table*, хотя не могъ не обойтись безъ намека. Главный предметъ была бутылка въ метръ вышины съ королевской короной вмѣсто пробки. Орнаменты были нарисованы лично Вильгельмомъ II. Этотъ подарокъ послужилъ отчасти ихъ свиданiю въ Вильгельмстѣе, и король лично поблагодарилъ его за вниманiе.

Что касается Америки, то Эдуардъ VII въ наилучшихъ отношенiяхъ съ американскими капиталистами, и даже американскій пароходный трестъ предложилъ ему, въ случаѣ надобности, пользоваться американскими судами.

Относительно женщинъ Эдуардъ VII остался пока принцемъ Уэльскимъ. Хотя онъ увѣрялъ одну французскую актрису, смущавшую его своими прелестями, что теперь онъ не прежнiй принцъ Уэльскiй, а король Эдуардъ VII, и то, что было можно первому, послѣднiй не можетъ допускать.

Это не мѣшало ему ухаживать за хорошенькими англичанками и американками прошлый годъ въ Гомбургѣ, гдѣ онъ лѣчился отъ ревматизма, проявившагося во время его пребыванiя въ Бальморалѣ.

Правда, жизнь онъ велъ на водахъ регулярную: въ 7 ч. вставалъ и гулялъ до 9 часовъ. Возвратившись съ прогулки, онъ завтракалъ, выпивая чашку чернаго кофе, съѣдая яйцо и поджаренный хлѣбъ безъ масла. Затѣмъ до 11 ч. онъ занимался государственными дѣлами съ сэромъ Ганлеемъ Кларкомъ и своими секретарями. Два раза въ недѣлю къ нему являлся изъ Лондона курьеръ.

Ежедневно онъ являлся къ доктору Ганелю для шведскаго массажа, а черезъ день онъ бралъ ванны изъ сосновыхъ иглъ.

Въ часъ происходилъ lunch, а обѣды въ 7³/₄ ч. Король отдавалъ предпочтенiе форели, но любимое его блюдо были поджаренные баклажаны, которые подавались утромъ и вечеромъ. Для него специально ихъ разводили въ огородѣ гостиницы. Онъ также неизмѣнно ѣлъ персиковый компотъ. Изъ легкихъ винъ онъ пилъ Мозельское, Шарцгофбергеръ и Гюкштейнеръ.

Въ 5 ч. король пилъ кофе съ молокомъ. Чай же былъ совсѣмъ изгнанъ. Послѣ обѣда онъ игралъ со своими адъютантами въ «bridge» до одиннадцати часовъ, а съ 11 до 12 опять занимался государственными дѣлами.

Въ полдень онъ ѣздилъ на автомобилѣ въ Вильгельмстѣе къ племяннику Вильгельму II, въ Ногеймъ къ сестрѣ, принцессѣ Шлезвигъ-Голштинской, или въ Вильфсартенъ къ великому герцогу Гессенскому.

Онъ посѣщалъ тѣнисъ и состязанiя всевозможнаго спорта.

Неизмѣннымъ его *lieutenant de service* была миссъ Чандосъ Поль, красивая, высокаго роста блондинка, прекрасно сложенная

Обыкновенно утромъ она появлялась въ обтянутыхъ платьяхъ tailleur, плотно облегавшихъ ея формы. Свою бѣлокурую головку она держала гордо, и только голубые глаза плутовато улыбались монарху.

Какъ всегда, рыцарски любезный Эдуардъ VII преподносилъ ей ежедневно букетики, которые они вмѣстѣ покупали у сосѣдней цвѣточницы. Затѣмъ они прогуливались или сидѣли на одной изъ скамеекъ парка и бесѣдовали.

Днемъ и вечеромъ миссъ Чандосъ Поль появлялась въ шляпѣ съ неимоვნно громадными черными и бѣлыми страусовыми перьями.

Другой его спутницей была миссъ Беттерсъ. Эта особа была въ иномъ стилѣ. Она была наибольшого роста съ задорливымъ лицомъ, во вкусѣ Режанъ. Одѣвалась мистриссъ Беттерсъ воздушно въ тюль и рюшахъ. Ходила она быстрыми мелкими шагами и всегда вся поворачивалась къ королю, когда онъ разговаривалъ съ нею.

Была тамъ также нѣкая мистриссъ Вайнеръ, съ которою король гулялъ не такъ часто, какъ съ двумя первыми, но зато это была единственная особа, за столомъ которой онъ обѣдалъ.

Присутствіе въ Гомбургѣ короля привлекло массу красавицъ англичанокъ и американокъ.

Но королю приходилось быть очень осторожнымъ, такъ какъ его преслѣдовалъ нѣмецкій агентъ тайной полиціи, заботившійся о жизни короля, и который ему страшно надоѣлъ.

Бывали комичныя сцены. Такъ случилось, что агентъ, замѣтивъ, какъ скоро король проглотилъ свой стаканъ воды наканунѣ, старался на другой день разомъ проглотить свой, чтобы не опоздать преслѣдовать короля. Эдуардъ VII какъ нарочно медлилъ, и бѣдному агенту приходилось проглотить два, три стакана, рискуя собственной жизнью. Иногда король разомъ выпивалъ, и несчастный агентъ бросался за нимъ со своимъ стаканомъ.

Лица, которыя видѣли короля послѣ вступленія на престолъ, находили, что первое время въ немъ не произошло особой моральной перемѣны, по крайней мѣрѣ, относительно женщинъ и удовольствій. Физически король измѣнился: горловая болѣзнь, которой онъ страдалъ, ухудшилась. Ему дѣлали три операціи, и къ его огорченію онъ принужденъ былъ разстаться съ сигарой.

Если произошла въ королѣ перемѣна, то совершенно иная. Онъ не былъ набожнымъ, но во всякомъ случаѣ придерживался нѣкоторыхъ традицій. Каково же было удивленіе англичанъ, когда они узнали, что Эдуардъ VII пожелалъ сократить число церковныхъ служителей во время коронаціоннаго торжества отъ тридцати двухъ, какъ было на коронованіи королевы Викторіи, — до двадцати. Вмѣстѣ съ тѣмъ говорили, что онъ не желаетъ церемоніи св. помазанія, а хочетъ лишь короноваться.

Такого рода коронованіе теряло свой церковный престижъ и принимало форму торжественнаго историческаго событія, въ кото-

ромъ англиканская церковь не принимала участія. На престолѣ возсѣдалъ бы не помазанникъ Божій, а избранный людьми человѣкъ, и божественное королевское право перестало бы существовать въ Англии.

Англичане, знавшіе принца Уэльскаго за человѣка, не любившаго помпы, были не менѣе удивлены, когда узнали, съ какимъ рвеніемъ онъ предался приготовленію церемоніи коронованія, вдаваясь въ мельчайшія подробности по устройству будущаго двора.

Дворъ короля рѣшено было устроить въ Букингамскомъ дворцѣ, и Сандрингамская простота замѣнится нѣкоторымъ этикетомъ. Онъ будетъ называться Букингамскимъ, хотя, по старой памяти, за нимъ останется названіе Сень-Джемскаго. Эдуардъ VII рѣшилъ широко открыть двери своего дворца не для одной аристократіи; во дворецъ одинаково будутъ допущены артисты, художники, литераторы ученые, финансисты и капиталисты, между которыми займутъ видное мѣсто евреи.

Тяготѣніе Эдуарда VII къ еврейской аристократіи имѣетъ свои причины. Король велѣлъ съ евреями личныя финансовыя дѣла, и они предоставили ему кредитоваться. Баронъ Гиршъ, умирая, завѣщалъ женѣ простить королю долгъ въ 8 миллионъ франковъ.

Теперь король задумалъ большой финансовый проектъ. Онъ хочетъ уплачивать свои долги посредствомъ ежегоднаго погашенія въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. Съ этою цѣлью онъ предполагаетъ увеличить доходы Сандрингамскихъ и Виндзорскихъ конюшенъ и фермъ.

Англійская старинная аристократія, и ранѣе не довольная обществомъ, собиравшимся въ Сандрингамскомъ дворцѣ, теперь еще болѣе огорчится, и кто знаетъ, не будетъ ли она противъ Эдуарда VII? Что же касается народа, то, вѣроятно, онъ отнесется къ нему иначе. Викторія царствовала надъ народомъ, Эдуардъ же желаетъ съ нимъ жить одной жизнью; Викторію народъ боготворилъ, Эдуарда будетъ любить.

Многіе разочаровались, ожидая массу переменъ въ этикетѣ, установленномъ Викторіей, но все остается по-старому. Королева Александра настояла на прежнемъ порядкѣ, только послѣдуетъ нѣсколько переменъ. Такъ приемы будутъ не днемъ, какъ было у Викторіи, а вечеромъ, и они будутъ называться не *drawing room evening courtes*, т. е. не гостинные приемы, а придворные. Кромѣ того, приемы будутъ не въ Тронной залѣ, а въ Бальной, которую Эдуардъ VII приказалъ украсить портретами Карла I и королевы Генріеты работы Ванъ-Дика, а также Викторіи и Альберта—работы Винтергальтера.

Дамы съ нетерпѣніемъ ожидали отмѣны традиціоннаго головного украшенія изъ трехъ страусовыхъ перьевъ, но королева не пожелала измѣнять традиціи. Только дамамъ, у которыхъ трауръ, разрѣшено являться съ черными перьями при черныхъ платьяхъ.

Нѣкоторыя изъ дамъ хорошо не поняли и явились на первый пріемъ въ различнаго цвѣта платьяхъ и такихъ же перьяхъ. Конечно, ихъ не отослали домой, какъ поступили съ г-жею Лангтри при дворѣ Викторіи, но онѣ получили замѣчаніе, чтобы другой разъ не являться въ такомъ туалетѣ.

Прошелъ слухъ, что королева отмѣнила букеты, такъ какъ они занимаютъ много мѣста, и цвѣточницы порядочно встревожились; но тревога ихъ оказалась напрасной.

Пріемы Викторіи ограничивались лишь представленіемъ дамъ, теперь же послѣ пріема устраивается ужинъ. Многія старыя придворныя дамы этимъ недовольны, онѣ говорятъ, что у Викторіи не давали даже чашки чая, и это было лучше.

Викторія принимала сидя, тогда какъ Эдуардъ VII и Александра — стоя. Говорятъ, они переняли этотъ обычай у германскаго императора съ тою разницею, что Вильгельмъ II съ женою обходятъ представляющихся и такимъ образомъ имѣютъ возможность по своему желанію сказать нѣсколько словъ избраннымъ лицамъ.

На первомъ пріемѣ король съ королевой простояли 2¹/₂ часа.

Представляющаяся особа сначала подаетъ свою визитную карточку церемоніймейстеру, который называетъ ее по имени, лишь послѣ тщательнаго осмотра, провѣряя, та ли именно это особа. Сначала она дѣлаетъ поклонъ королю, а затѣмъ королевѣ, послѣ чего проходитъ въ банкетный залъ, гдѣ накрытъ ужинъ à la fourchette, и всѣ ѣдятъ стоя.

У королевы Викторіи дамы цѣловали руку и удалялись, все время находясь лицомъ къ королевѣ, а теперь онѣ дѣлаютъ глубокій придворный поклонъ королю, а затѣмъ королевѣ.

Король и королева ужинаютъ за отдѣльнымъ столомъ, но иногда приглашаютъ лицъ, которыхъ хотятъ почтить особымъ вниманіемъ.

Думали, что произойдетъ перемѣна въ туалетахъ, но королева оставила все попрежнему: бѣлое платье съ большимъ декольте и едва замѣтнымъ признакомъ рукава.

При Викторіи большимъ и старымъ дамамъ было разрѣшено являться въ полудекольтѣ и съ рукавами до локтя; теперь не произошло никакого измѣненія.

Церемонія коронаванія была назначена Эдуардомъ на 25-е іюня и обѣщала быть самая блестящая и пышная, какая когда либо была въ Англій. Онъ хотѣлъ поразить Европу необычайной картиной въ средневѣковомъ стилѣ, и все вниманіе короля было обращено на декоративную сторону коронаціи. До мельчайшихъ подробностей Эдуардъ VII разсматривалъ и обсуждалъ детали костюмовъ, начиная отъ коронъ пэровъ и пэрессъ, кончая длиною мантий и порядкомъ кортежа.

Королева Александра настаивала, чтобы костюмы были сдѣланы изъ англійской матеріи и англійскими портными и портнихами.

Пэрессамъ предписывались бѣлыя платья декольтэ, длинныя мантии изъ малиноваго бархата съ горностаемъ, которыя спереди походили на туники, султанчикъ въ волосахъ и золотая коронка.

Пэрамъ назначалась одежда изъ малиноваго бархата, мантия изъ того же бархата, отдѣланная горностаемъ, и на перелинахъ ряды черныхъ хвостиковъ должны согласоваться съ титуломъ: у бароновъ два ряда, у виконтовъ два съ половиной, у графовъ три, у маркизовъ три съ половиной и у герцоговъ четыре.

Короны бароновъ украшены шестью серебряными бусами, виконтовъ—шестнадцатью, графовъ—восемью серебряными и золотыми цвѣтками, маркизовъ—четырьмя золотыми цвѣтками и четырьмя серебряными бусами, герцоговъ—восемью золотыми цвѣтками.

Обручи коронъ воспрещалось украшать драгоценными камнями, а также замѣнять серебряныя бусы поддѣльными жемчугами.

Особое вниманіе Эдуардъ обратилъ на этотъ вопросъ, такъ какъ при коронаціи Викторіи красовались самыя фантастическія короны.

Платье королевы, рѣдкое по богатству, была заказано заранѣе изъ золотой парчи, покрытой тюлемъ. Необыкновенно длинная пурпуроваго бархата мантия вышита золотыми коронами. Платье тоже вышито. Рисунокъ вышивки представлялъ эмблемы: роза—Англій, чертополохъ—Шотландіи, трилистникъ—Ирландіи и лотосъ—Индіи.

Пэры и пэрессы воевали съ королемъ и королевой, увѣряя, что ихъ костюмы испортятъ красоту коронаціи, но Эдуардъ настоялъ на своемъ.

Репетиціи, производимыя герцогомъ Норфолькскимъ, выводили ихъ изъ себя. Это были настоящія театральныя репетиціи, и герцогъ доходилъ до того, что приказывалъ къ шлейфамъ пэрессъ пришивать ковры, если они не соответствовали назначенной этикетомъ длинѣ.

Нѣкоторыя регалии, хранящіяся въ Лондонской башнѣ, которыя предстояло вынуть для коронаціоннаго торжества, представляютъ историческую рѣдкость. Съ незапамятныхъ временъ англо-саксонскіе или нормандскіе короли Англій владѣли этими сокровищами. Послѣ казни Карла I онѣ были расхищены. Королева Генріэта Французская, спасаясь во Францію, захватила съ собою самыя лучшіе брилльянты изъ короны, между которыми находились «Санси» и «Зеркало Португаліи».

Во время своего изгнанія она дошла до такой нищеты, что ей не на что было купить себѣ дровъ, и приходилось оставаться цѣлыми днями въ постели, чтобы спастись отъ холода. Наконецъ, она была принуждена продать эти драгоценности Мазарини, который послѣ своей смерти оставилъ ихъ Людовику XIV, и онѣ украсили корону Франціи. «Санси» былъ первымъ, а «Зеркало Португаліи» третьимъ изъ восемнадцати знаменитыхъ брилльянтовъ, из-

вѣстныхъ подѣ именемъ «Мазарини». «Санси» былъ нѣсколько разъ украденъ и въ послѣднее исчезновеніе былъ тайно проданъ въ Лондонъ. «Зеркало Португаліи» тоже было украдено и совершенно исчезло.

Когда послѣ смерти Кромвелля и возстановленія монархіи Монкомъ былъ поднятъ вопросъ о коронованіи Карла II, то пришлось возстановить сокровища Англійи и передѣлать королевскіе атрибуты, уничтоженные революціей. Такимъ образомъ, регалии, теперь существующія въ Англійи, считаются не старше 250 лѣтъ. Главный предметъ изъ этихъ сокровищъ — золотая корона св. Эдуарда, традиціонный типъ коронъ Англійи. Она состоитъ изъ четырехъ скрещающихся перехватовъ; на центрѣ скрещиванья находится шаръ, на которомъ возвышается крестъ. На ея обручѣ сдѣланы четыре креста, между которыми расположены четыре лиліи. Эти части украшены драгоценными камнями.

У Карла II была несоразмѣрно большая голова, такъ что королева Викторія не могла надѣть его корону, и для ея коронованія заказывали новую, всю осыпанную брилльантами, чрезвычайно изящную, но сдѣланную по рисунку старой короны. Она вѣситъ фунтъ съ четвертью и оцѣнена въ 6 милліоновъ франковъ. Въ ней вдѣланы 2.783 брилльанта; спереди красуется громаднѣйшій рубинъ «Трофей Чернаго Принца», стоившій два съ половиною милліона франковъ. Этой рѣдкостью нѣкогда владѣлъ одинъ гренадскій калифъ, у котораго его похитилъ Петръ Жестокій, убивъ владѣльца драгоценности. Англійскій король, Генрихъ V, вдѣлалъ его въ свою каску и былъ обязанъ ему спасеніемъ своей жизни. Въ сраженіи при Азинкурѣ герцогъ Алансонскій нанесъ ему такой сильный ударъ шпагою, что если бы не этотъ рубинъ, въ который попалъ ударъ, то онъ былъ бы убитъ. Между прочимъ въ Лондонской башнѣ хранится діадема Викторіи, которую, конечно, будетъ носить и королева Александра. Въ этой діадемѣ находится замѣчательный брилльантъ «Ко-хи-Нуръ» (Гора свѣта). Индѣйская легенда опредѣляетъ начало его существованія за 3001 годъ до нашей эры. Его носилъ въ своей коронѣ нѣкій принцъ Канакъ, извѣстный своей пышностью и роскошью. Но, не вдаваясь въ столь отдаленныя времена, можно прослѣдить превратность его существованія лишь за два вѣка.

Ради обладанія имъ не разъ проливалась человѣческая кровь. Одинъ изъ персидскихъ шаховъ убилъ индѣйскаго принца, который носилъ Ко-хи-Нуръ на своей чалмѣ, и вдѣлалъ его въ свой султанъ. Блескъ этого камня въ свою очередь обворожилъ начальника афганской гвардіи, и въ одну прекрасную ночь онъ задушил шаха, котораго ему предоставили охранять. Выкравъ «Ко-хи-Нуръ», онъ бѣжалъ, но былъ преслѣдуемъ своими солдатами. Убивъ его, они взяли чудный камень и продали королевѣ сиксовъ, которая

хранила его въ своей сказочной сокровищницѣ въ Лагорѣ. Лордъ Гардингъ, потерявшій руку въ битвѣ при Ватерлоо, послѣ ужасной рѣзни съ сиксами овладѣлъ Лагоромъ, а съ нимъ сокровищницей королевы, и «Ко-хи-Нуръ» былъ отосланъ въ Лондонъ. Это было въ 1849 г. Онъ вѣситъ 186 каратъ, но не достаточно богатъ блескомъ и кажется сѣроватымъ; онъ граненъ въ формѣ розы. Она такъ тяжела, что каждый разъ, какъ ее надѣвала Викторія, то съ облегченіемъ вздыхала, когда снимала, и на ея лбу долго оставались знаки.

Остальныя коронаціонныя регалии состоятъ изъ скипетровъ и державъ, сдѣланныхъ изъ массивнаго золота и украшенныхъ тысячею драгоценныхъ камней, затѣмъ золотыхъ: меча, рыцарскихъ шпоръ, сосуда для мира и ложечки. Всѣ регалии оцѣниваются въ 75 милліоновъ.

X.

Приближалось 25-е іюня; въ Лондонѣ царило необычайное оживленіе. Декораторы суетились оканчивать убранство улицъ. Всѣ делегаты Стараго и Новаго свѣта уже собрались на торжество. Народъ радостно ожидалъ пышнаго зрѣлища. Вдругъ за два дня до коронаціи въ Лондонѣ пронесся слухъ, который настолько поразилъ англичанъ, какъ будто они узнали, что ихъ побѣдили буры. Имъ было объявлено, что коронація не состоится по случаю внезапной болѣзни короля.

Громадная толпа народа бросилась къ Букингамскому дворцу; масса экипажей подѣзжали и отѣзжали отъ подѣзда; всѣ являлись за справками.

Наконецъ появилось офиціальное сообщеніе: у короля обнаружился аппендицитъ, или воспаленіе червеобразнаго придатка слѣпой кишки, и операція неизбѣжна.

Народъ страшно возмутился. Ясно было, что болѣзнь проявилась не вдругъ. Одна изъ газетъ рѣзко высказала въ статьѣ, что уже цѣлые мѣсяцы обманываютъ народъ. Министры скрывали, что король перенесъ три горловыя операціи, и до послѣдней минуты ему дѣлались промыванія горла, а двое врачей безотлучно находились при королѣ.

Еще 18-го мая королю было худо, но отъ народа это скрывали, чтобы не нарушить веселыхъ приготовленій, а для бодрости Эдуарда VII поили опиѣмъ, увѣряя, что если онъ воздержится отъ участія въ нѣкоторыхъ торжествахъ, то все сойдетъ благополучно.

Однако, въ субботу 21-го іюня у короля сдѣлались такія ужасныя боли, что даже опиѣ не дѣйствовалъ успокоительно. Операція была неизбѣжна. Министры потеряли голову: они рѣшили, что коронація должна состояться, чего бы это ни стоило. Королю ничего не оставалось дѣлать, какъ пріѣхать въ Лондонъ. Его трясла ли-

хорадка, и онъ долженъ былъ закутаться въ теплое пальто, чтобы добраться до Лондона. Едва онъ вошелъ во дворецъ, какъ упалъ въ обморокъ и въ продолженіе семи минутъ лежалъ безъ чувствъ. Немедленно составился консилиумъ изъ шести врачей. Силы короля падали, и съ операціей приходилось торопиться.

Послѣ операціи король долго не могъ прійти въ себя. Врачи выходили изъ себя, чтобы спасти короля, и въ то же время выпускали благоприятные бюллетени.

При операціи былъ вырѣзанъ громадный кусокъ жира. Болѣзнь горла и печени вмѣстѣ съ преклонными лѣтами усложняли результаты операціи. По словамъ врачей, вторая операція была бы смертельна. Десять часовъ Эдуардъ VII не приходилъ въ себя; при немъ находились лишь врачи и сидѣлки.

На другой день вечеромъ ему смочили водою губы. Въ среду ночью до четверга врачи опасались зараженія крови. Король невыносимо страдалъ, и доктора опять давали ему усыпительныя средства, послѣ чего онъ проспалъ 5 часовъ. Когда онъ проснулся, ему впервые дали ложечку разбавленнаго молока, а въ пятницу ту же порцію телячьей кровяной сыворотки. Доктора опасались Антонова огня. Часть ночи на четвергъ король бредилъ, а въ четвергъ лежалъ безъ чувствъ, бюллетени же гласили, что онъ спалъ.

Несмотря на серьезное положеніе короля, доктора все еще чего-то ожидали и не объявили народу правды, боясь его разочарованія. Король не подозрѣвалъ опасности, и отъ него тщательно скрывали истину.

Это неожиданное событіе вызвало среди народа негодованіе, которое выражалось все сильнѣе и сильнѣе. Въ Дупстеблѣ собрался митингъ протестующихъ, и мѣстнымъ властямъ сдѣланы были враждебныя демонстраціи. Въ Гемпель-Гемстедѣ толпа бѣдняковъ разгромила нѣсколько лавокъ, также въ Ньютонѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Когда король пришелъ въ себя, первыя его слова были: «Простить ли мнѣ народъ?»

Королева написала извинительныя письма къ иностраннымъ дворамъ, и король самъ ихъ подписалъ.

Нравственное состояніе Эдуарда VII было угнетающее, что еще болѣе усложняло ходъ болѣзни, и доктора распорядились, чтобы не далеко отъ спальни короля игралъ не очень громко оркестръ музыки.

Все время тревожась неудовольствіемъ народа, Эдуардъ VII пожелалъ, чтобы не отмѣняли празднества для бѣдныхъ Лондона.

1-го іюля королева и наслѣдный принцъ дѣлали смотръ войскамъ. Народъ восторженно встрѣтилъ королеву и наслѣдника. Правительство рѣшило удержать колоніальныя войска до коронаціи, что служило признакомъ улучшения въ здоровьѣ короля.

6-го іюля вышелъ бюллетень, что король внѣ опасности, и рѣшено было перевезти его на яхтѣ Victoria and Albert въ Коу до гонокъ, которыя предполагали начать въ августѣ.

Въ теченіе этого времени въ королѣ произошла нѣкоторая моральная переменѣна, какъ слѣдствіе физическихъ страданій. Онъ настаивалъ на возможно скоромъ коронованіи, но теперь хотя церемонія предполагалась не менѣе пышная, однако главное вниманіе короля было обращено на религіозную сторону. Коронація была назначена 9-го августа.

Во время выздоровленія король занимался государственными дѣлами и согласился на принятіе отставки лорда Салисбюри, который былъ замѣненъ въ качествѣ премьера Бальфуромъ. Онъ также подписалъ указъ объ учрежденіи новаго ордена «*Pour le merite*» для выдающихся военныхъ, государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, литераторовъ и т. д.

6-го августа состоялось возвращеніе короля въ Лондонъ. Народъ горячо привѣтствовалъ не только его, королеву и принца Уэльскаго, но даже двухъ сидѣлокъ, ухаживавшихъ за нимъ. На другой день Эдуардъ VII издалъ прокламацію, въ которой благодарилъ народъ за выраженное ему глубокое сочувствіе и извинялся за причиненное его болѣзнию разочарованіе. Народъ такъ обрадовался выздоровленію короля, что собралъ по подпискѣ 1¹/₃ милліона фунтовъ стерлинговъ и подарилъ ему, которые онъ пожертвовалъ на учрежденіе пріюта.

Король въ свою очередь преподнесъ народу Осборнскій дворецъ для инвалидовъ.

Во все время болѣзни Эдуарда королева ухаживала за мужемъ съ самоотверженіемъ, а первые дни послѣ операциі она не отходила отъ постели короля. Александра—замѣчательно мягкая, нѣжная натура, какую рѣдко можно встрѣтить. Несмотря на всѣ нравственные уколы со стороны мужа, она всегда старалась сдѣлать жизнь его какъ можно пріятнѣе. Когда народъ, возмущенный поведеніемъ наслѣднаго принца, открыто порицалъ его, а пресса, не стѣняясь, высказывала свое мнѣніе, она первая старалась его утѣшить и заставить забыть непріятности, несмотря на то, что страдающее лицо была она. Никогда она не высказывала своихъ огорченій, хотя поведеніе наслѣднаго принца относительно жены заслуживало порицанія.

Наступило 9-е августа новаго стиля. Уже наканунѣ вечеромъ несмѣтныя толпы собрались предъ Вукингэмскимъ дворцомъ, несмотря на холодъ, и пѣли «*God save the king*». Сосѣдніе дома были иллюминированы, но странно, что почти вездѣ виднѣлись щиты *Edouardus rex*, не упоминая имени королевы, и только на французскомъ посольствѣ было *Edouard VII et Alexandra*.

Съ пяти часовъ утра было прекращено пѣшеходное движеніе близъ Вестминстерскаго аббатства. Желающіе полюбоваться cere-

моніей забирались туда съ ночи, и уже образовалась значительная толпа.

Между четырьмя и пятью часами появились 6.000 солдатъ для пополненія прибывшаго наканунѣ гарнизона въ 20.000 человекъ. Изъ отдаленныхъ уголковъ Лондона жители стремились къ главному центру.

Въ 8^{1/2} часовъ появился въ своей роскошной коляскѣ, въ четыре лошади, лордъ-мэръ, за нимъ слѣдовали альдермены въ роскошныхъ экипажахъ.

Около восьми часовъ начали собираться пэры и пэрессы. Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ ихъ встрѣчалъ лордъ-маршалъ, герцогъ Норфолькъ.

Первые появившіеся не знали, что дѣлать со своими коронами, и бродили взадъ и впередъ.

Соборъ на этотъ разъ сохранилъ свой старинный величественный видъ. Во время коронаванія Викторіи его вздумали перекрасить, разукрасить золотыми тканями; историческое кресло Эдуарда тоже было покрыто парчею. Благодаря этому, видъ аббатства потерялъ свое величіе.

Толпа на улицахъ увеличивалась, и вмѣстѣ съ тѣмъ прибывали войска. Красные и синіе мундиры заслоняли собою всехъ.

Входъ въ аббатство, назначенный для пэровъ, охранялъ карауль Лондонской башни, который извѣстенъ подъ названіемъ beaf-eater.

Въ 10 часовъ улицы, ведущія въ аббатство, были заставлены баррикадами, и пэры съ пэрессами выходили изъ экипажей, продолжая путь пѣшкомъ.

Входя въ аббатство, они расходились: пэры занимали мѣсто направо отъ трона, пэрессы—налѣво; прочія сановныя лица находились рядомъ съ женами.

Утро было свѣжее. Командующій войсками, герцогъ Коннаутскій, представлялъ комическое зрѣлище въ своемъ богатомъ средневѣковомъ костюмѣ, разѣзжая на автомобилѣ, вообще не эстетичномъ и мало подходящемъ къ его наряду. Онъ осматривалъ войска.

Въ 10^{1/2} часовъ изъ Букингемскаго дворца выѣхалъ первый кортежъ, состоявшій изъ принцевъ.

Въ 10 час. 55 минутъ ударилъ колоколъ въ аббатствѣ, и музыка заиграла національный гимнъ, что означало прибытіе королевскихъ принцевъ.

Аббатство въ это время все наполнялось. Глаза ослѣплялись отъ красныхъ съ бѣлымъ облаченій епископовъ, золоченыхъ—архіепископовъ, малиновыхъ мантий пэровъ и пэрессъ, драгоценныхъ камней, золотого шитья мундировъ, которые преобладали, и только невольно глазъ останавливался на американскомъ посланикѣ, единственной фигурѣ въ черномъ фракѣ.

Всѣ вели себя прилично; герцога Норфолькъ и 40 челевѣкъ его помощниковъ прекрасно справлялись съ 7.000 приглашенныхъ. Очевидцы коронаванія Викторіи увѣряютъ, что въ то время вели себя всѣ неприлично; толкались, шумѣли и даже явились всѣ съ зелеными книжечками моднаго романа Диккенса «Пиквикъ». Не надо забывать, какой распущенный дворъ послѣ Вильгельма IV достался юной государынѣ, и какой она оставила дворъ своему сыну, благодаря строгому этикету.

Однако, замѣтно было, что часть приглашенныхъ начала скучать, а другая часть—волноваться: «быть или не быть?»—этотъ вопросъ тревожилъ многихъ въ аббатствѣ и внѣ его.

Хотя близкія лица короля знали, насколько онъ поправился, однако даже принцъ Уэльскій, находившійся впереди пэровъ, не скрывалъ тревогу, такъ какъ появленіе короля нѣсколько запоздало по винѣ королевы.

Ровно въ 11 часовъ изъ Букингамскаго дворца тронулся королевскій кортежъ. Толпа заволновалась.

Въ 11 ч. 20 м. въ Гайдъ-Паркъ были произведены 24 выстрѣла, а съ Лондонской башни 41; ударили всѣ колокола, а въ 12 ч. королевская чета входила въ Вестминстерское аббатство.

Король былъ нѣсколько блѣденъ, но бодръ, и шелъ рѣшительнымъ шагомъ. Заранѣе приготовленныя различныя носилки, кресла и прочее совершенно оказались излишними.

Королева была очень блѣдна, но прекрасна. Шлейфъ ея мантии несли герцогиня Буклегъ и десять придворныхъ кавалеровъ, между прочимъ маркизъ Стаффордъ, графъ Макклесфильдъ и Эвардъ Ли съ двумя почетными пажами. По обѣ ея стороны шли епископъ Оксфордскій и Норвичскій.

Обычная церемонія коронаванія была нѣсколько сокращена въ виду слабости короля. Во-первыхъ, епископъ Кантэрбурійскій не четыре раза спрашивалъ согласія народа на признаніе короля, а только одинъ разъ. Во-вторыхъ, чтобы не утомлять короля, нѣкоторыя молитвы онъ произнесъ про себя во время пѣнія хора. Въ-третьихъ, нѣкоторыя церемоніи исполнялись на *pro-Dieu*, а не у алтаря.

Были нѣкоторые недочеты. Такъ ученики Вестминстерской школы запѣли раньше, чѣмъ вошелъ король. Кромѣ того, било на театральнѣй эффектъ электрическое освѣщеніе, вспыхнувшее сразу, когда епископъ Кантэрбурійскій возложилъ корону королю. До этого момента церковь утопала въ сумракѣ, и только на алтарѣ горѣли двѣ свѣчи.

Забавно было видѣть, когда пэрессы надѣли свои короны послѣ того, какъ на королеву была возложена епископомъ Йоркскимъ ея корона. Такъ какъ короны пэрессъ были заказаны очень маленькія, то онѣ не держались на прическѣ, и, несмотря на репетиціи, сдѣ-

ланная герцогомъ Норфолькомъ, пэрессы не умѣли съ ними справиться. Онѣ были принуждены все время ихъ закрѣплять шпильками, и смѣшно было видѣть, какъ онѣ все подымали руки, стараясь водворить короны на мѣсто, но, несмотря на ихъ усилія, короны съѣзжали на сторону.

Присягу король произнесъ твердымъ, могучимъ голосомъ, раздавшимся во всехъ углахъ аббатства. Чѣмъ ближе приближалась церемонія къ моменту коронаванія, тѣмъ болѣе и болѣе волновался архіепископъ Кантербурійскій. Онъ читалъ молитвы печальнымъ голосомъ и дѣлалъ ошибки довольно забавныя. Когда онъ возлагалъ корону на голову короля, его руки такъ дрожали, что онъ едва могъ ее удержать. Во время присяги королю ему сдѣлалось дурно, и онъ долженъ былъ удалиться съ помощью двухъ епископовъ. Но оправившись онъ продолжалъ службу.

Говорили, что причиной волненія архіепископа было высказанное королевемъ до его болѣзни желаніе взять корону и надѣть ее самому. Но вѣрнѣе всего, что епископъ утомился подъ тяжестью золотого одѣянія.

Англійская аристократія осудила Эдуарда VII за то, что онъ демократично велъ себя, обнимая жену и сына слишкомъ продолжительно и нѣжно. Когда сынъ хотѣлъ уже удалиться, уступивъ мѣсто другимъ, онъ схватилъ его за руку и энергично пожалъ, удержавъ ее въ своей рукѣ.

Въ ложѣ, предназначенной для гостей короля, возсѣдали красивыя женщины, среди которыхъ находились еврейки, американки, артистки и даже писательницы. Между ними была романистка Марія Корелли и Сара Бернаръ. Среди этихъ дамъ выдѣлялась въ особенности одна не красавица, но чрезвычайно пикантная и изящно одѣтая дама. Говорятъ, она возбудила немало толковъ въ Лондонѣ, и пэрессы не сводили съ нея биноклей. Она портила ихъ настроеніе и вызывала гнѣвные взгляды. Эта дама была мистриссъ Джорджъ Кеппель.

Дни коронаціи были омрачены ирландскими манифестаціями. Ирландцы не явились на коронацію и рѣшили не признавать королевемъ Эдуарда VII. Король не оскорбился и рѣшилъ, какъ только ему позволить здоровье, поѣхать въ Ирландію и на мѣстѣ изучить ирландскій вопросъ.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Н. Д. Сергѣевскій, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета. Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ. Спб. 1902.

НЕБОЛЬШАЯ, но очень содержательная брошюра проф. Сергѣевского почти цѣликомъ посвящена выясненію интереснаго вопроса, что такое представляютъ собою тѣ «конституціи» и «коренные» законы Финляндіи, на которые финляндскіе патріоты ссылаются въ доказательство государственной самостоятельности княжества.

По завоеваніи Финляндіи, говоритъ уважаемый ученый, императоръ Александръ I въ 1809 г. двумя манифестами объявилъ свою волю о сохраненіи коренныхъ законовъ края, правъ и преимуществъ населенія. Всѣ послѣдующіе государи при вступленіи на престолъ дѣлали подобное же заявленіе въ особыхъ актахъ. Акты эти, различаясь лишь въ нѣкоторыхъ оборотахъ рѣчи, имѣютъ общую форму высочайшихъ манифестовъ; тѣмъ не менѣе имъ придается иное наименованіе, а именно въ шведскомъ текстѣ «Сборника постановленій великаго княжества Финляндскаго» они называются *Försäkran*, а соотвѣтственно тому до послѣдняго времени и въ русскомъ текстѣ именовались: «удостоверенія».

Въ этихъ манифестахъ, какъ уже было замѣчено, нѣкоторыя выраженія, провозглашающія и подтверждающія права населенія, нѣсколько разнятся между собою. Такъ въ манифестахъ императоровъ Александра I и Николая I права и преимущества всѣхъ состояній княжества «утверждаются по консти-

туціямъ ихъ». Между тѣмъ при восшествіи на престолъ Александра II въ подтвердительномъ манифестѣ выраженіе «по конституціямъ» было замѣнено словами «по прежнимъ установленіямъ». То же слово «установленія» сохранено и въ соотвѣтствующихъ манифестахъ императоровъ Александра III и нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II. Точно также въ тѣхъ же манифестахъ выраженіе «коренные законы», употребленное въ 1809, 1825 и 1855 гг., въ 1881 и 1894 гг. замѣняется наименованіемъ «основные законы».

Приведенные манифесты послужили въ рукахъ финляндскихъ политиковъ средствомъ подрѣзкіи того ученія, что власть русскихъ государей является въ предѣлахъ княжества Финляндскаго не самодержавной, а ограниченной, т.-е. императоромъ Александромъ I была утверждена особая финляндская «конституція», которая затѣмъ подтвердилась и всѣми его преемниками. Эта мысль прежде всего нашла себѣ примѣненіе въ наименованіи высочайшихъ манифестовъ терминомъ *Försäkran* съ переводомъ этого послѣдняго на русскій языкъ посредствомъ слова «удостовереніе». *Försäkran* значитъ не что иное, какъ присяга или клятвенное обѣщаніе шведскихъ королей на вѣрность установленному порядку страны.

Несмотря на то, что при изданіи манифестовъ, касающихся Финляндіи, русскіе государи никакихъ клятвъ не произносили, мнѣніе о финляндской «конституціи» съ особой силой выдвинулось въ шестидесятыхъ годахъ и было встрѣчено съ довѣріемъ даже со стороны нашихъ правительственныхъ сферъ. Поддерживаемое значительной частью финляндскихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей, это мнѣніе все болѣе и болѣе укрѣплялось, пока не выразилось съ особой силой въ представленіи финляндскаго сената по поводу высочайшаго манифеста и основныхъ положеній 3 февраля 1894 г. Въ этомъ представленіи финляндцы настаивали на томъ, что объединеніе законовъ княжества и имперіи противорѣчитъ финляндской «конституціи» и «основнымъ законамъ» края.

Несмотря на такую увѣренность, доказываетъ проф. Сергѣевскій, ближайшее разсмотрѣніе упомянутыхъ манифестовъ приводитъ къ тому несомнѣнному выводу, что они никогда не имѣли того значенія, которое имъ приписывается финляндскими политиками. Правда, Александръ Благословенный въ первые годы своего царствованія думалъ о парламентарномъ государственномъ устройствѣ, и можно предположить, что мысль о федеративно-конституціонномъ строѣ имперіи не была ему чужда. Однако отвлеченныя намѣренія, какъ извѣстно, осуществленія не получили; если даже въ планы императора входило введеніе въ Финляндію особаго государственнаго порядка, то отсюда все-таки трудно заключить, что парламентаризмъ конституціонный русскій монархъ даровалъ бы только одной части имперіи, лишивъ такового остальныхъ. На первый взглядъ недоразумѣніе порождаетъ только слово «конституція», внесенное въ манифестъ Александра Павловича; это слово (*constitution*) имѣется и во французской рѣчи, произнесенной императоромъ при открытіи сейма 1809 г.; наконецъ оно повторено и въ манифестѣ Николая Павловича въ 1825 году.

Возникаетъ вопросъ, о какой конституціи или даже, вѣрнѣе сказать, о какихъ конституціяхъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь. Финляндцы утверждаютъ,

что подъ этимъ именемъ должно понимать форму правленія 1772 г. и актъ соединенія и безопасности 1789 г. Однако проф. Сергѣевскій убѣдительно доказываетъ, что эти законодательные памятники, всецѣло относящіеся къ шведскимъ королямъ, не могутъ относиться къ русскимъ императорамъ между прочимъ и потому, что названные акты имѣютъ въ виду не Финляндію только, но всю Швецію. Кромѣ того, и по содержанію эти акты не могли быть утверждаемы въ качествѣ закона русскими государями уже потому, что въ нихъ, напримѣръ, содержится требованіе, чтобы монархъ исповѣдывалъ лютеранскую вѣру, и такія выраженія, какъ «величайшее отвращеніе къ самодержавію».

Разбираясь далѣе въ подробностяхъ, проф. Сергѣевскій приходитъ къ тому неизбѣжному заключенію, что слово «конституція» имѣетъ въ финляндскихъ манифестахъ совершенно иной смыслъ, нежели тотъ, который ему стремятся придать, во что бы то ни стало, мѣстные политики. Именно, уважаемый авторъ доказываетъ, что слово «конституція» получило значеніе термина, опредѣляющаго государственное устройство извѣстнаго порядка, ограничивающаго верховную власть представительными учрежденіями, лишь въ тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія; до того времени «конституція» на всѣхъ языкахъ означала не болѣе, какъ установленный закономъ порядокъ управленія вообще, и сообразно этому вполне соотвѣтствовало русскимъ словамъ: установленіе, учрежденіе, уставъ, уложеніе. Конституціями также назывались всегда постановленія польскихъ и литовскихъ сеймовъ.

Обращаясь въ глубь вѣковъ, уважаемый ученый въ доказательство справедливости своего мнѣнія могъ бы еще сослаться на римское словоупотребленіе этого термина, въ которомъ *constitutio* вообще значило письменное постановленіе власти: «*Quodcumque imperator per epistulam constituit vel cognoscens decrevit vel edicto praecipit, legem esse constat; haec sunt, quae constitutiones appellantur*» (tit. D. 1, 4. C. 1. 14). Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, въ 1844 г. извѣстный одинъ изъ Геймбаховъ издалъ свой трудъ по византійскому праву (по исторіи императорскихъ новеллъ), озаглавивъ его «*De origine et factis corporis, quod 168 Novellis Constitutionibus constat*».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что именно въ этомъ смыслѣ императоръ Александръ I употреблялъ слово «конституція», упоминая его поэтому во множественномъ числѣ; оттого-то и императоръ Александръ II замѣнилъ «конституціи» «установленіемъ», при чемъ этотъ оборотъ рѣчи сохранился и въ позднѣйшихъ манифестахъ. Значитъ, въ манифестахъ говорится не объ ограниченіи верховной власти, а лишь о законномъ основаніи старыхъ правъ и преимуществъ вообще.

Точно также проф. Сергѣевскій обстоятельно доказываетъ, что и выраженіе «коренные законы» въ финляндскихъ манифестахъ не имѣетъ никакого особеннаго смысла, такъ какъ этотъ оборотъ рѣчи обладаетъ въ данномъ случаѣ очень расплывчатымъ содержаніемъ, почему въ дѣйствительности даже нельзя опредѣлить, какіе изъ старыхъ шведскихъ законовъ въ манифестахъ Александра Павловича разумѣлись подъ именемъ коренныхъ.

По поводу книги г. Сергѣевского приходится въ заключеніе сказать, что убѣдительность и новизна его доводовъ въ значительной степени разъясняютъ запутанный вопросъ сущности взаимныхъ правовыхъ отношеній княжества и имперіи.

В. Грибовскій.

В. А. Францевъ. Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія ученныя связи конца XVIII и первой половины XIX столѣтія. Варшава. 1902.

Чешское возрожденіе представляетъ собою одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи. Народъ, который послѣ Бѣлогорской битвы потерялъ почти всякое чувство народнаго самосознанія и, казалось, былъ обреченъ на полную гибель въ нѣмецкомъ морѣ, на нашихъ почти глазахъ подъ вліяніемъ благоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ и ученыхъ трудовъ нѣсколькихъ патріотовъ-литераторовъ съ Добровскимъ во главѣ почти чудомъ воскресъ къ новой жизни. Прага, еще 50 лѣтъ тому назадъ бывшая нѣмецкимъ городомъ, теперь является центромъ славянской жизни; чехи, въ началѣ столѣтія стыдившіеся своего имени, теперь съ чувствомъ собственнаго достоинства и сознаниемъ своей правоты, шагъ за шагомъ, отвоевываютъ у нѣмцевъ занятые ими позиціи и являются однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ въ политической жизни Австрійской имперіи. Прослѣдить всѣ стадіи этого переворота, изучить его причины и условія — задача чрезвычайно благодарная: полное поучительности чешское возрожденіе и глубоко занимательно. Для насъ особенно интересно раскрыть роль, которую играло здѣсь взаимодѣйствіе чешской жизни съ другими славянскими народами, а въ частности съ народомъ русскимъ. Авторъ разбираемой книги считаетъ эту роль весьма важной, признавая связи чеховъ съ русскимъ міромъ однимъ изъ выдающихся факторовъ всего движенія и упрекая чешскихъ историковъ за то, что у нихъ встрѣчаются только «робкіе и глухіе намеки» на значеніе этого фактора. Съ другой стороны, онъ признаетъ и за чешскими учеными глубокое вліяніе на русскую научную жизнь въ тридцатые годы прошлаго столѣтія. «Взаимодѣйствіе науки чешской и русской въ этотъ періодъ, по его словамъ, опредѣляетъ все дальнѣйшее развитіе той и другой», и самая книга его должна служить, по его мысли, убѣдительнымъ доказательствомъ этихъ двухъ основныхъ положеній. Вся она распадается на пять главъ. Въ первой подборомъ мелкихъ фактовъ изъ чешской литературы освѣщается вліяніе наполеоновскихъ войнъ на возрожденіе славянскихъ народностей и рассказывается о русскихъ связяхъ патріарха славистики Добровскаго, о его путешествіи въ Россію и о переводѣ его трудовъ на русскій языкъ. Вторая глава посвящена начальнымъ годамъ дѣятельности Ганки и Челаковскаго и сношеніямъ съ ними Шишкова. Третья рассказываетъ о неудавшейся попыткѣ пригласить Шафарика, Ганку и Челаковскаго на предложенныя у насъ къ открытію кафедры славянскихъ нарѣчій. Въ четвертой говорится о посѣщеніи Чехіи нашими первыми славистами: Бодянскимъ, Срезневскимъ, Прейссомъ, Григоровичемъ и Дубровскимъ, о переводѣ на русскій языкъ Ша-

фариковыхъ «Славянскихъ древностей» и объ изданіи варшавскаго всеславянскаго журнала «Денница». Наконецъ, пятая носитъ названіе: «первые годы славянскихъ кафедръ въ Россіи». Здѣсь мы знакомимся съ первыми шагами преподаванія у насъ славянскихъ нарѣчій, а вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же излагается исторія перевода «Славянской народописи» Шафарика, исторія покупки у Ганки его библиотеки, изданія имъ Реймскаго евангелія и изданія Бодянскимъ древнихъ памятниковъ славянской письменности. Наибольшей новизной содержанія для русскаго читателя отличается первая глава книги; остальные могутъ быть названы не столько очерками изъ исторіи чешскаго возрожденія, сколько отдѣльными этюдами по исторіи русскаго славяновѣдѣнія. Это — трудъ полезный и добросовѣстный. Существующій по даннымъ вопросамъ печатный матеріалъ въ немъ подобранъ тщательно и подтвержденъ документами, добытыми авторомъ въ архивахъ и напечатанными имъ въ приложенияхъ. Но, какъ видно уже изъ краткаго обзора содержанія книги, авторъ ограничивается въ ней только внѣшней стороною чешско-русскаго культурнаго сближенія, и это, не лишая его книги ея достоинствъ, дѣлаетъ для него неисполнимой задачу доказать тѣсное взаимодействіе между чешскимъ возрожденіемъ и русскими влияніями, о которой онъ говоритъ въ предисловіи, ибо во всякомъ культурномъ общеніи первую роль всегда играютъ не внѣшнія связи, не денежная помощь, а взаимодействіе идей. Въ одномъ мѣстѣ самое изложеніе наталкивало автора на такую постановку вопроса, — это тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ извѣстномъ сборникѣ Челаковского «*Ohlas pisni guskych*», въ которомъ дѣйствительно отразилось въ значительной степени влияніе русскаго міросозерцанія. Но, упрекая чешскаго ученаго Махала за то, что онъ въ своей статьѣ о пѣсняхъ Челаковского ограничился только внѣшнимъ сравненіемъ ихъ съ русскими народными пѣснями, авторъ самъ не идетъ дальше самыхъ общихъ о нихъ фразъ и упускаетъ случай углубиться въ предметъ. Относительно Ганки и Шафарика русскія влиянія выдѣляются въ изложеніи еще менѣе. Читатель получаетъ такое впечатлѣніе, что, несмотря на самое предупредительное отношеніе къ чешскимъ ученымъ со стороны русскихъ учреждений и ученыхъ, они въ глубинѣ души смотрѣли на русскихъ свысока. Ганка, безъ сомнѣнія, отлично знавшій объ участіи къ чешскимъ научнымъ предпріятіямъ Погодина, не стѣняется дать о немъ въ частномъ письмѣ самый несправедливый отзывъ. Шафарикъ же въ то время, какъ его призывали на службу въ Россію, называетъ насъ «наполовину онѣмеченными и наполовину (что касается характера) отатаренными сѣверянами». «Если вы полагаете, — пишетъ онъ Коллару, — что подъ 60-мъ градусомъ когда либо разовьется и расцвѣтетъ истинная славянская жизнь, тогда я не могу и не хочу спорить съ вами, — я къ этому мнѣнію никогда не присоединюсь. Роскошные плоды ума Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина суть цвѣты диллетантизма; садъ, въ коемъ они возросли, — не народъ славянскій; на сѣверѣ народъ — ничто и даже еще меньше, чѣмъ ничто». Правда, такой рѣзкій отзывъ можетъ объясняться въ Шафарикѣ случайными влияніями минуты, но опредѣлить, что въ его взглядахъ на русскій народъ было случайнымъ и временнымъ, а что постояннымъ и основнымъ, — прямое дѣло изслѣдователя, отъ чего авторъ разбираемой книги уклонился. Та-

кимъ образомъ первый тезисъ его — о вліяніи русской культуры на чешское возрожденіе — остался недостаточно выясненнымъ, и это тѣмъ болѣе жаль, что онъ, по нашему мнѣнію, совершенно правиленъ. Гораздо выпуклѣе представляется въ работѣ вліяніе чешскихъ ученыхъ на русское славяновѣдѣніе, хотя и здѣсь изложеніе не полно. Такъ авторъ лишь мимоходомъ упоминаетъ о славянскихъ путешествіяхъ Погодина, имѣвшихъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ славянскаго взаимнаго ознакомленія. Говоря о Добровскомъ, Ганкѣ, Шафарикѣ и Челаковскомъ, онъ совершенно не касается русскихъ связей Коллара. Между тѣмъ давно уже указывалось на замѣчательныя совпаденія въ мысляхъ знаменитаго автора *Slávy dcera* и основателя нашего славянофильства Хомякова, котораго Колларъ въ одномъ изъ своихъ сокетовъ называетъ на ряду съ Утѣшеновичемъ своимъ ученикомъ — *pé školy zdární zakové*. Выяснить, насколько онъ здѣсь правъ, было бы очень важно и для чешской, и для русской литературы. Будемъ надѣяться, что авторъ, обследовавъ подробно внѣшнюю исторію чешско-русскихъ связей во всемъ ихъ объемѣ, дастъ намъ въ своихъ будущихъ трудахъ полную и живую картину и внутренняго взаимодействія чешско-русской мысли. А. Сиротиницъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXIX. Тифлисъ, 1901.

Управленіе Кавказскаго учебнаго округа въ 1881 году выпустило въ свѣтъ первый выпускъ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», и съ тѣхъ поръ по 1901 г. вышло уже 29 выпусковъ этого дѣйствительно полезнѣйшаго и необходимѣйшаго изданія. Каждый изъ нихъ содержалъ въ себѣ не только одни цѣнные матеріалы, но иногда и обстоятельныя и довольно крупныя изслѣдованія. То же приходится сказать и о разсматриваемомъ выпускѣ.

Все содержаніе его распадется на четыре отдѣла; въ первомъ изъ нихъ находимъ 14 статей, со статьею г. Н. А. Караулова — «Свѣдѣнія арабскихъ писателей о Кавказѣ, Арменіи и Азербейджанѣ», — во главѣ. Въ ней г. Карауловъ приводитъ арабскій текстъ съ русскимъ переводомъ извѣстій А. Истахрїя изъ его «Книги путей царствъ». Текстъ заимствованъ изъ изданія de Goeje («*Bibliotheca geographorum arabicorum*», 1870 г., т. I), переводъ, сдѣланный г. Карауловымъ, проверенъ профессоромъ Розеномъ и снабженъ довольно подробными пояснительными примѣчаніями. Всѣ извѣстія этого арабскаго географа, умершаго въ 934 г. по Р. Х., касаются главнымъ образомъ географіи Арменіи, Аррана и Азербейджана съ ихъ городами и путями, Хазарскаго, или Каспійскаго моря, рѣки Волги и этнографическихъ данныхъ о хазарахъ и буржасахъ. Для ознакомленія съ ними приведемъ нѣсколько выдержекъ: «Тифлисъ — городъ меньше Баб-ул-Абава (Дербента) по величинѣ; вокругъ него двѣ стѣны изъ глины, а въ нихъ трое воротъ» (объ этихъ укрѣпленіяхъ, читаемъ въ примѣчаніи 62, свидѣтельствуютъ нынѣ лишь развалины надъ городомъ на горѣ).

«Городъ этотъ весьма цвѣтущъ и богатъ плодами и носѣвами. Это пограничный городъ. Въ немъ находятся бани, въ родѣ Табарійскихъ, и вода въ нихъ горяча безъ помощи огня» (рѣчь идетъ и о нынѣ существующихъ въ Тифлисѣ сѣрныхъ горячихъ баняхъ).

Упомянувъ о городахъ Арменіи, Ал-Истахрій пишетъ: «въ этихъ городахъ цѣны настолько дешевыя, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣна овцы доходитъ до двухъ диргемовъ (то-есть, на наши деньги около 30 копеекъ), а цѣна меду доходитъ до того, что два или три мана (около 2—2½ фунтовъ) стоятъ диргемъ (то-есть, 15 копеекъ). Тамъ все въ изобиліи, хотя тотъ, кто не былъ очевидцемъ этого, при разсказѣ объ этомъ, отрицаетъ возможность такого изобилія продуктовъ».

Въ Каспійскомъ морѣ онъ называетъ два «выдающихся» острова: «Великій», «Сія-Кухъ», «покрытый источниками, кустарниками и зарослями» и богатый «дикими звѣрями», и другой въ устьѣ рѣки Куры, «покрытый зарослями, кустарниками и источниками и богатый мареною».

О рѣкѣ Волгѣ авторъ имѣлъ не совсѣмъ точныя свѣдѣнія и ея теченіе оцѣнивалъ по слухамъ, указывая, между прочимъ, ея начало въ землѣ киргизовъ. Что касается хазаръ, то свѣдѣнія о нихъ довольно подробны и точны.

Послѣ комплиментной статейки г. Остроумова — «Единицы цѣнности у первобытныхъ народовъ», слѣдуютъ четыре статьи г. Е. С. Такайшвили («Хроника Эриванскаго Академіста», «Канчестскій Жамъ-Гулани и историческія приписки его кинклосо», «Грузинскія надписи Ахталы» и «Ультиматумъ персидскаго шаха Ага-Магометъ-хана грузинскому царю Ираклію II»), которыя служатъ продолженіемъ работъ автора, помѣщенныхъ ранѣе въ «Сборникъ», по изученію источниковъ Грузіи. Каждой изъ нихъ онъ предпосылаетъ выясняющее ихъ научное значеніе предисловіе и въ концѣ даетъ пояснительныя примѣчанія.

Далѣе, въ небольшой статейкѣ «Армянскія древнія рукописи монастыря св. Өюмы» г. Тумановъ, разобравъ тамъ до 70 древнихъ рукописей (18 евангелій, 4 словаря, 1 грамматика древняго армянскаго языка, а остальные—разныя духовныя книги), приводитъ лишь нѣсколько наиболѣе интересныхъ и болѣе или менѣе проливающихъ свѣтъ на исторію армянъ и Кавказа замѣтокъ на рукописяхъ.

Г-ну М. Г. Джакошвили удалось найти въ 1900 г., въ числѣ рукописей Грузинскаго церковнаго музея, считавшіяся утеряннымъ одинъ изъ источниковъ «Картлисъ-Цховреба», а именно «Книгу Нимрода», переписанную почеркомъ «не древнѣе XVII вѣка»; изъ нея онъ заимствуетъ статьи объ «Изгнаніи Адама изъ рая». о «Нимродѣ и семи послѣпотопныхъ народахъ».

Слѣдующія 6 статей—этнографическаго и этнографическо-описательнаго характера, изъ которыхъ наиболѣе интересны: «Армянскіе цыганы» (или «боши», живущіе въ нагорной полосѣ юго-западной части Закавказья), Г. Ванціана, и «Очеркъ быта темиргоевцевъ» (отырысковъ ниже-черкесскаго племени, разселившагося нѣсколькими аулами по рѣкѣ Лабѣ и ея притокамъ)—В. В. Василькова.

Во второмъ отдѣлѣ помѣщены описанія трехъ мѣстностей Закавказскаго края: 1) «Колонія Еленсдорффъ, Елизаветпольской губерніи и уѣзда» (ст. Ф.

Циммера), населенной нѣмецкими колонистами, призванными въ край еще въ началѣ истекшаго столѣтія и достигшими высокой степени благосостоянія; 2) грузинскаго селенія «Квемо-Чала, Горійскаго уѣзда, Тифлиской губерніи» (ст. А. Микеладзе) и 3) татскаго селенія «Лагичъ, Гюкчайскаго уѣзда, Бакинской губерніи» (ст. Мамедъ-Гасана-Эфендіева), не только имѣющаго въ краѣ довольно большое значеніе своимъ кустарнымъ промысломъ, но любопытнаго такъ же и въ этнографическомъ отношеніи.

Въ третьемъ отдѣлѣ находимъ четыре статьи, посвященныя изученію русскаго населенія Кубанской и Терской областей. Изъ нихъ наиболѣе крупными и интересными являются: 1) «Суевѣрія, повѣрья, примѣты, заговоры..., собранныя въ городѣ Ейскѣ»—г. Харламова, и «Пѣсни, поющіяся въ станицѣ Галюгаевской, Моздокскаго отдѣла, Терской области» г. М. Караулова. По заключенію редактировавшаго этотъ отдѣлъ г. Карнинскаго, послѣдняя статья имѣетъ двойной интересъ: 1) знакомитъ подробно съ пѣснями самаго разнообразнаго характера, и 2) «пѣсни эти записаны фонетически и даютъ ясное понятіе объ особенностяхъ говора жителей станицы». «Лингвистическій же матеріалъ», продолжаетъ г. Карнинскій, «послужилъ уже автору при составленіи имъ статьи: «Говоръ станицъ бывшаго Моздокскаго полка Терскаго казачьяго войска», напечатанной въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» за 1900 г., №№ 3 и 4» (стр. 3 и 4).

Наконецъ въ четвертомъ отдѣлѣ помѣщены: «Чеченскіе» и «Адыгскіе тексты», то-есть сказки (6) и преданія (2). Первые записаны г. Эльдархановымъ, а вторыя—г. Тамбиевымъ.

В. Р—въ.

Преосвященный Аркадій, архіепископъ олонецкій, какъ дѣятель противъ раскола. Сочиненіе іеромонаха Веніамина. Петро-заводскъ. 1901.

Сочиненіе іеромонаха Веніамина посвящено обзору противораскольнической дѣятельности одного изъ выдающихся русскихъ миссіонеровъ, преосвященнаго Аркадія, сперва епископа оренбургскаго и пермскаго, а потомъ архіепископа олонецкаго, подвизавшагося на поприщѣ борьбы съ расколомъ въ теченіе 41 года (1828 — 1869), равнаго по этимъ трудамъ своимъ и заслугамъ такимъ корифеямъ русской церкви, каковы митрополиты — Филаретъ и Макарій московскіе и Григорій петербургскій. Въ виду того, что въ послѣднее время было опубликовано немало сырого матеріала по вопросу о противораскольнической дѣятельности архіепископа Аркадія, въ видѣ его сочиненій, писемъ и т. п., а самая эта дѣятельность еще не служила предметомъ спеціальнаго обзора, трудъ о. Веніамина является вполне своевременнымъ. Онъ раздѣляется на три части; каждая изъ нихъ, въ свою очередь, подраздѣляется на главы.

Первая часть сочиненія, состоящая изъ трехъ главъ, занимается обзоромъ пермскаго періода въ противораскольнической дѣятельности преосвященнаго Аркадія. Въ частности, въ первой главѣ (стр. 1—34), послѣ біографическихъ

свѣдѣній объ Аркадіи (родился въ 1783 г.) и обзора непродолжительной его службы въ Оренбургской епархіи (1829—1831 г.), рассказывается о его дѣятельности въ Перми (съ 1831 г.) по устраненію препятствій, тормозившихъ успѣхи православной миссіи среди мѣстнаго раскола; она состояла въ томъ, что ревностный архипастырь заботился о возвращеніи въ лоно православной церкви бѣглыхъ поповъ, дабы лишить раскольниковъ возможности и средствъ духовно окормляться и этими незаконными пастырями, боролся съ покровителями раскола въ лицѣ мѣстныхъ владѣльцевъ заводовъ, ихъ управляющихъ и приказчиковъ, волостныхъ старшинъ и писарей, которые держали простой народъ въ матеріальной или административной отъ себя зависимости и путемъ запугиванія, экономического гнета и административнаго произвола подавляли въ немъ стремленія къ общенію съ православной церковью; заботился объ умноженіи сельскаго православнаго духовенства, въ коемъ тогда Пермская епархія имѣла немалый недостатокъ, и руководилъ его дѣятельностью по обращенію заблуждающихся на истинный путь, давая по этому поводу разные наставленія, совѣты и указанія.

Во второй главѣ первой части (стр. 35 — 77) описывается миссіонерская дѣятельность въ Перми самого епископа Аркадія и ближайшихъ его сотрудниковъ. Епископъ Аркадій былъ какъ бы прирожденный миссіонеръ. Всею душою онъ любилъ миссіонерское дѣло, отличался умѣніемъ владѣть собою во время диспутовъ и находчивостью, обладалъ громадными познаніями въ области раскола, который пріобрѣталъ и изъ книгъ, и изъ жизни — непосредственно отъ самихъ раскольниковъ, ревностно слѣдилъ за состояніемъ раскола въ епархіи и энергично противодействовалъ его кознямъ и ухищреніямъ, заботясь о томъ, чтобы мѣры противъ раскола предпринимались въ духѣ любви христіанской и кротости, и направлялись главнымъ образомъ противъ духовной слѣпоты вожаковъ раскола и слѣдовавшей за ними массы. И сотрудниками у епископа Аркадія въ его просвѣтительномъ дѣлѣ были лучшіе члены пермскаго приходскаго духовенства, дѣйствовавшіе въ согласіи со своимъ архипастыремъ и въ духѣ его принциповъ и завѣтовъ. Противораскольническая миссія была любимымъ дѣтищемъ епископа и оказала сильное вліяніе на пермскій расколъ, уменьшивъ и число его адентовъ, и силу его руководителей, и въковую косность старообрядства.

Въ главѣ третьей (стр. 78—116) рѣчь идетъ о единовѣрїи и единовѣрческихъ школахъ, какъ особии противораскольнической миссіи. При епископѣ Аркадіи единовѣрїе широко развилось въ Пермской губерніи, благодаря совершенному пониманію этимъ архипастыремъ духа и традицій раскола, его привязанности къ старымъ обрядамъ и книгамъ. Могущественнымъ средствомъ къ распространенію единовѣрїя служили школы, устроенныя при единовѣрческихъ церквахъ и незамѣтно подготавливавшія переходъ приверженной къ старой вѣрѣ молодежи въ лоно православной церкви. Авторъ разсматриваемой книги подробно обозрѣваетъ, гдѣ, когда и кѣмъ были учреждены единовѣрческія школы въ Пермской епархіи, и въ какомъ направленіи распространилось ихъ просвѣтительное вліяніе на темную раскольническую среду.

Вторая часть состоитъ также изъ трехъ главъ. Здѣсь, по плану, сходному съ планомъ первой части, обозрѣвается противораскольническая дѣятельность

архієпископа Аркадія въ Олонецкой епархіи, которою онъ управлялъ въ теченіе 18-ти лѣтъ (съ 1851 года). Въ частности въ главѣ первой (стр. 117—157) описывается состояніе раскола въ Олонецкой губернии до прибытія Аркадія и дѣятельность послѣдняго, какъ руководителя мѣстнаго духовенства въ борьбѣ съ расколомъ. Во второй главѣ (стр. 158—202) изображается дѣятельность олонецкой миссіи, получившей при преосвященномъ Аркадіи прекрасную организацію и имѣвшей значительный успѣхъ. Въ главѣ третьей (стр. 203—236) рѣчь идетъ о начальныхъ школахъ и единовѣрїи, какъ вспомогательныхъ средствъ въ борьбѣ съ расколомъ. Наконецъ, въ третьей части разсматриваемаго труда (стр. 237—244) обзрѣвается литературная дѣятельность епископа Аркадія, выразившаяся въ составленіи сочиненій по общимъ вопросамъ полемики съ расколомъ и въ опроверженіе отдѣльныхъ толковъ, преимущественно поповщины и безоповщины.

На послѣднихъ страницахъ сочиненія (245—251) находится прибавленіе о единовѣрческихъ школахъ, имѣющее отношеніе къ третьей главѣ первой части.

Сочиненіе іеромонаха Веніамина составлено на основаніи весьма тщательнаго изученія литературы предмета и представляетъ очень обстоятельное обзорѣніе трудовъ по борьбѣ съ расколомъ одного изъ выдающихся іерарховъ русской церкви. Личность преосвященнаго Аркадія здѣсь изображена очень отчетливо и рельефно. Трудъ имѣетъ немалое значеніе и для исторіи раскола въ минувшемъ столѣтіи въ губерніяхъ Пермской и Олонецкой. **О.**

Мезіеръ, А. В. Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно. Библиографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Ч. II. Русская словесность XVIII и XIX ст. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. Спб. 1902.

Въ предисловіяхъ г. Рубакина и составительницы г-жи Мезіеръ опредѣлены задачи и значеніе этого огромнаго библиографическаго указателя русской словесности XVIII и XIX вв. (630 страницъ большого формата, въ два столбца). «Библиографическій указатель, — пишетъ г. Рубакинъ, — является необходимымъ пособіемъ для всякаго читающаго и мыслящаго человѣка... Мало-мальски серьезное и вдумчивое отношеніе къ литературѣ немислимо въ настоящее время безъ всякой помощи библиографическаго указателя... Указатель г-жи Мезіеръ сослужитъ добрую службу именно широкимъ кругамъ русскихъ читателей, напомнивъ этимъ послѣднимъ не только о существованіи хорошихъ книгъ по беллетристикѣ, но и о комментаторахъ-публицистахъ и критикахъ, послужившихъ запросамъ своего времени». Г-жа Мезіеръ опредѣляетъ рамки своего труда слѣдующимъ образомъ: «въ этотъ томъ вошли библиографическія указанія о произведеніяхъ тѣхъ авторовъ, которые представляютъ до сего времени наибольшій интересъ для читающей публики, ея главную духовную пищу... Если въ

указатель и не вошло все, что написано и напечатано по беллетристичѣ за послѣднія двѣсти лѣтъ, то въ него во всякомъ случаѣ вошло все существенное и крупное... Мы можемъ утѣшать себя лишь тѣмъ, что неполнотою грѣшатъ даже наиболѣе полные каталоги и указатели, вышедшіе до сего времени, и что во всякомъ случаѣ все, что можно было извлечь изъ этихъ послѣднихъ, введено въ эту книгу и расположено въ ней въ систематическомъ порядкѣ».

Характеристика труда г-жи Мезіеръ, представленная въ этихъ выпискахъ, совершенно справедлива: генетически ея работа выросла изъ систематическихъ указателей чтенія въ цѣляхъ развитія и образованія. При оцѣнкѣ книги г-жи Мезіеръ нельзя упускать изъ виду этого соображенія. Г-жа Мезіеръ имѣетъ въ виду широкіе круги читателей и не гонится за идеалами библиографической полноты и точности; библиографы, безъ сомнѣнія, не удовлетворятся ея книгой, особенно той ея частью, которая посвящена изслѣдованіямъ и статьямъ объ авторахъ. Г-жа Мезіеръ дѣйствительно ввела въ свою книгу библиографическіе перечни, разсѣянные въ книгахъ, журналахъ; воспользовалась книжными каталогами и существующими библиографическими указателями, и присоединила къ указаніямъ, полученнымъ такимъ путемъ, матеріалы изъ журналовъ и книгъ послѣднихъ годовъ.

Основная часть книги г-жи Мезіеръ (стр. 7—474, 478—512) списокъ произведеній изящной литературы XVIII и XIX вв., расположенный по авторамъ въ алфавитномъ порядкѣ. При каждомъ авторѣ дается перечень книгъ и статей о немъ. Указанія г-жи Мезіеръ заканчиваются 1900 и отчасти 1901 годами. Къ сожалѣнію, не вездѣ выдержанъ планъ указателя. Составительница не всегда даетъ при собраніяхъ сочиненій содержаніе отдѣльныхъ томовъ (напримѣръ, не указано содержанія по томамъ XIII-томнаго собранія сочиненій А. С. Хомякова, драматическихъ сочиненій Невѣжина, Кугушева, рассказовъ Яковлевой и т. д.). При однихъ писателяхъ г-жа Мезіеръ указываетъ ихъ художественные переводы, при другихъ нѣтъ. Кромѣ книгъ, г-жа Мезіеръ перечисляетъ и журнальныя статьи; она дѣлаетъ это и тогда, когда статьи вошли въ собранія сочиненій, но не всегда, и чѣмъ она руководится, то давая списокъ журнальныхъ статей, то не давая его, не разберешь. Произведенія авторовъ расположены безъ всякой системы, слѣдовало бы хоть придерживаться хронологическаго порядка. Наконецъ, встрѣчаются и прямо ошибки: при Гоголѣ перепутаны его изданія, и классическое изданіе подъ редакціей Тихонравова и Шенрока разорвано и отнесено къ двумъ разнымъ изданіямъ. «Противорѣчія» — первая повѣсть Салтыкова — не появлялась въ собраніи сочиненій, вопреки указанію г-жи А. Мезіеръ. Пропусковъ порядочно, но вѣдь составительница не задавалась идеалами полноты. Въ особенности много пробѣловъ въ литературѣ поэтической (Брюсовъ, Добролюбовъ, Ладыженскій, М. М. и др.), драматической (не указаны «Драматическія сочиненія» кн. Сумбатова, 2 тома, Г. Г. Ге—1 томъ, Трахтенберга, Фоломѣева и другихъ — очень много пропусковъ), малорусской и провинціальной.

Не ограничиваясь указаніемъ литературы, критической и біографической, по отдѣльнымъ авторамъ, г-жа Мезіеръ въ третьемъ отдѣлѣ своей книги (стр. 512 — 626) даетъ перечень пособій, книгъ и статей по эпохамъ исторіи

литературы. Не перечисляя всѣхъ подотдѣловъ этой части книги, отмѣтимъ болѣе крупныя. Литература по исторіи словесности XVIII вѣка сведена по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) обзоръ пособій, источниковъ и матеріаловъ для ознакомленія съ движеніемъ литературы XVIII вѣка, вообще, связи съ жизнью русскаго общества; 2) къ исторіи просвѣтительныхъ начинаній XVIII вѣка; 3) литературныя и общественныя теченія первой половины XVIII вѣка; 4) вѣкъ Екатерины II; 5) масонство въ Россіи; 6) журналистика, цензура и печать; 7) театр; 8) мемуары и 9) записки иностранцевъ о Россіи. XIX вѣкъ имѣетъ слѣдующіе подотдѣлы: начало XIX вѣка (1800 — 1830 годы: литературное движеніе Александровской эпохи и послѣдующаго времени въ связи съ исторіей общества; мемуары Александровской эпохи и декабристы) и періодъ 1830—1900 годовъ. Литература по этому періоду тоже размѣщена по рубрикамъ: общія сочиненія, 1830—1855 годы, славянофильство и западничество, 60, 70, 80-е годы, исторія русской критики, исторія печати.

Читатель видитъ, что въ этомъ отдѣлѣ книги г-жи Мезіеръ значительно расширяются рамки «словесности», и дается очень много указаній и по исторіи общества. Конечно, полную библиографію дать здѣсь было бы еще труднѣе, да полнота ея и не является задачей указателя г-жи Мезіеръ. Крупный недостатокъ отдѣла—отсутствіе системы въ распредѣленіи матеріала по рубрикамъ. Чтобы найти искомое, придется пересмотрѣть чуть не всѣ подотдѣлы. Въ подотдѣлѣ «исторія печати» вы не встрѣтите указаній на очень многія статьи по исторіи прессы, но онѣ не пропущены, а совершенно неожиданно помѣщены въ отдѣлѣ общей библиографіи (библиографическихъ работъ). Въ этомъ же отдѣлѣ вы найдете и «Галерею русскихъ писателей», изданную Скимунтомъ. Въ отдѣлѣ «о задачахъ и методахъ исторіи литературы и о родахъ литературныхъ произведеній» (въ скобкахъ дано общее подзаглавіе «историческая поэтика», но историческая поэтика не соответствуетъ этому опредѣленію!) царить нестрая смѣсь: тутъ и эстетика, и исторія критики, и исторія литературы, но меньше всего теоріи литературы. Отдѣлъ восьмидесятыхъ годовъ тоже представляетъ смѣсь. Сюда занесена и статья англійскаго критика М. Арнольда о задачахъ современной критики, и рецензія г. Каллаша на исторію литературы Незеленова и г. Сторожева на «Исторію Россіи» Иловайскаго. Въ отдѣлѣ украинской литературы пошла статья профессора Пѣтухова о Шафарикѣ и Ганкѣ; въ историческую поэтику занесена книжка Тардифа «Основы исторической критики»—руководство для историковъ по критикѣ источниковъ. Встрѣчаются ошибки: критику Вал. Н. Майкову приписана статья о С. Г. Аксаковѣ и Н. В. Гоголѣ, принадлежащая нашему современнику В. В. Майкову. Приводя иногда чересчуръ щедро перечни содержанія книгъ (выписаны, напримѣръ, подробныя оглавленія IV тома «Исторіи литературы» А. Н. Пынина, исторіи критики Ив. Пв. Иванова; обязательно даются указанія на «Энциклопедическій словарь»), г-жа Мезіеръ относительно «Русскаго біографическаго словаря» даетъ слѣдующее указаніе: вышли 4 книги на буквы А, И, К, Ф, Х и Ц. Можно было бы и должно было бы указать, что же именно можно найти въ каждомъ отдѣльномъ томѣ. Не при всѣхъ сборникахъ статей вы найдете перечень содержанія. При сборникахъ критическихъ статей слѣдовало бы обозначать, къ

кому относятся статьи съ заглавіями, не дающими указаній на это, въ родѣ: красивый циннизмъ, талантливая безталанность, вишигретъ современной морали и т. и. Къ сожалѣнію, въ книгѣ немало опечатокъ.

Всѣ наши замѣчанія, конечно, не имѣютъ цѣлью ослабить значеніе книги г-жи Мезіеръ; мы вполне присоединяемся къ той ея оцѣнкѣ, которая сдѣлана въ приведенныхъ нами въ началѣ замѣтки строкахъ г. Рубакина. Г-жа Мезіеръ дала очень полезную и необходимую работу, и г. Рубакинъ вполне справедливо утверждаетъ, что «Указатель» г-жи Мезіеръ составляетъ несомнѣнную заслугу передъ русской читающей публикой и сослужить добрую службу широкимъ кругамъ русскихъ читателей. Нужно только желать, чтобы онъ нашелъ доступъ въ среду этихъ читателей, имѣющихъ—этого нельзя скрыть—весьма смутное представленіе о библиографіи и ея значеніи. П. Щ.

**Антонъ Чеховъ. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ).
Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1902.**

А. П. Чеховъ посѣтилъ островъ Сахалинъ лѣтомъ 1890 г., въ періодъ мѣстныхъ реформъ и благихъ начинаній по иниціативѣ начальника острова, генерала Кононовича. Въ то время обстановка жизни ссыльно-каторжныхъ не была такъ мрачна, какъ она была въ послѣдующій періодъ «сахалинскаго междуцарствія» (до назначенія военного губернатора), или какъ она рисуется въ прошломъ по разсказамъ ссыльныхъ. Тѣмъ не менѣе и въ описаніи нашего талантливаго беллетриста Сахалинъ представляется иногда (напримѣръ, XXI глава о тѣлесномъ наказаніи) какой-то нравственной клоакой, возбуждающей ужасъ и отвращеніе.

«Сахалинъ» А. П. Чехова впервые появился въ «Русской Мысли» и тогда же обратилъ на себя вниманіе читающей публики. Затѣмъ эти очерки явились отдѣльнымъ изданіемъ. Теперь они повторялись въ собраніи его сочиненій въ изданіи А. Ф. Маркса. Эта довольно объемистая книга (около 26 печатныхъ листовъ) до сихъ поръ есть одно изъ лучшихъ описаній острова. Помимо мѣстами художественныхъ картинъ изъ каторжной жизни, авторъ даетъ цѣнный статистическій матеріалъ для характеристики быта ссыльныхъ поселенцевъ. Авторъ не былъ только случайнымъ туристомъ, заглянувшимъ на Сахалинъ изъ любопытства. Онъ пріѣхалъ къ несчастнымъ изгнанникамъ на все лѣто, чтобы сдѣлать обстоятельную подворную перепись всѣхъ селеній острова. Вотъ какъ самъ авторъ говоритъ о своей работѣ (стр. 36):

«Чтобы побывать по возможности во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ и познакомиться поближе съ жизнью большинства ссыльныхъ, я прибѣгнулъ къ приему, который въ моемъ положеніи казался мнѣ единственнымъ. Я сдѣлалъ перепись. Въ селеніяхъ, гдѣ я былъ, я обошелъ всѣ избы и записалъ хозяевъ, членовъ ихъ семей, жильцовъ и работниковъ. Чтобы облегчить мой трудъ и сократить время, мнѣ любезно предлагали помощниковъ, но такъ какъ, дѣлая перепись, я имѣлъ главною цѣлью не результаты ея, а тѣ впечатлѣнія, которыя даетъ самый процессъ переписи, то я пользовался чужою помощію только въ очень

рѣдкихъ случаяхъ. Эту работу, произведенную въ три мѣсяца однимъ человѣкомъ, въ сущности, нельзя назвать переписью; результаты ея не могутъ отличаться точностью и полнотой, но, за неимѣніемъ болѣе серьезныхъ данныхъ ни въ литературѣ, ни въ сахалинскихъ канцеляріяхъ, быть можетъ, пригодятся и мои цифры».

А. П. Чеховъ успѣлъ объѣхать всѣ главныя селенія острова и перезнакомиться со всѣми представителями мѣстной администраціи, которые на перебой спѣшили раскрыть ему закулисную сторону сахалинской жизни. По распоряженію генерала-губернатора барона Корфа, ему данъ былъ свободный пропускъ во всѣ тюрьмы съ однимъ только условіемъ: не имѣть какого бы то ни было общенія съ политическими ссыльными. И изъ-за этого условія въ талантливомъ описаніи Сахалина чувствуется нѣкоторый пробѣлъ. **И. Ю.**

П. Головачевъ. Сибирь. Природа, люди, жизнь. Съ 66 рисунками и 2 картами. Изданіе Ю. И. Базановой. Москва. 1902.

«При составленіи этой книги, — заявляетъ авторъ въ предисловіи, — мы имѣли въ виду дать общую картину природы и жизни Сибири на основаніи достоверныхъ и свѣжихъ данныхъ. Для этого мы пользовались соответствующими книгами и брошюрами, вышедшими въ свѣтъ за послѣднее десятилѣтіе, статьями въ общихъ и специальныхъ изданіяхъ, какія могли достать, подходящими статьями и замѣтками въ сибирскихъ газетахъ за послѣдніе три года, указаніями нѣкоторыхъ специалистовъ....., нѣкоторыхъ сибирскихъ золото- и рыбопромышленниковъ, лицъ, занимавшихся на мѣстахъ изученіемъ различныхъ сторонъ природы и жизни Сибири, и, наконецъ, собственными наблюденіями и впечатлѣніями».

Задача, намѣченная авторомъ при составленіи своего труда, является чрезвычайно интересной и вполне соответствующей современному положенію Сибири. Эта обширнѣйшая окраина нашего отечества со времени открытія университета въ Томскѣ и особенно со времени начала работъ по постройкѣ сибирскаго желѣзнодорожнаго пути вступила, можно сказать, не только во всероссійское, но даже въ мировое культурное общеніе. Поэтому хорошій компетентъ свѣдѣній о современной Сибири не только отвѣчаетъ мѣстнымъ требованіямъ, но еще болѣе необходимъ для русскихъ людей вообще и даже для иностранцевъ. Для послѣднихъ, конечно, былъ бы болѣе удобенъ хотя бы сокращенный французскій переводъ этого компетентъ'a. П. Головачевъ — не новичекъ въ литературныхъ работахъ: до появленія настоящаго труда имъ было помѣщено немало статей о Сибири, преимущественно въ мѣстныхъ газетахъ и литературныхъ сборникахъ. Если къ писательской опытности автора мы присоединимъ обиліе источниковъ и пособій со свѣдѣніями о Сибири, которыми онъ могъ пользоваться, то мы въ правѣ ожидать, что трудъ его выполненъ надлежащимъ образомъ и достигаетъ своей цѣли. И дѣйствительно, авторъ съ рѣдкимъ умѣньемъ извлекъ все существенное, непосредственно относящееся къ задачѣ своего труда, изъ 256 разныхъ книгъ, бро-

шюрь и статей, которые были приняты имъ во вниманіе при составленіи книги, и которые всѣ поименованы въ особо приложенномъ указателѣ. При этомъ мелкія замѣтки и сообщенія не обозначены.

Не можемъ не указать на два упущенія автора при составленіи книги, мѣшающія серьезному читателю въ полной мѣрѣ воспользоваться сочиненіемъ г. Головачева, какъ трудомъ, имѣющимъ всѣ признаки точнаго, безпристрастнаго изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что нѣтъ нигдѣ въ книгѣ точныхъ ссылокъ на книги, брошюры, статьи, мелкія замѣтки и сообщенія, которыми пользовался авторъ при составленіи своего труда. Развѣ примѣчанія съ обозначеніемъ источниковъ и пособій потребовали бы много мѣста? Между тѣмъ подобныя примѣчанія были бы очень полезны для тѣхъ читателей, которые пожелали бы подробнѣе ознакомиться съ какимъ либо вопросомъ по другимъ особымъ, спеціальнымъ трудамъ. Кромѣ того, точныя ссылки на сочиненія, конечно, необходимы для надлежащей оцѣнки и провѣрки самой разбираемой книги, что, безъ сомнѣнія, иногда можетъ потребоваться. Второе неудобство пользованія трудомъ г. Головачева заключается въ отсутствіи алфавитнаго указателя именъ и предметовъ: въ книгѣ 300 страницъ текста, и навести справку быстро едва ли возможно безъ указателя.

Содержаніе книги богатое, изложеніе точное, ясное, систематическое, безъ излишнихъ разсужденій и элегическихъ изліяній, что нерѣдко встрѣчается въ трудахъ такъ называемыхъ областниковъ, и что только мѣшаетъ ясности представленія излагаемаго предмета. Первая часть книги посвящена обзорнѣю природы Сибири. Здѣсь прежде всего обозначается географическое положеніе и пространство Сибири, обозрѣваются сухопутныя и морскія ея границы, дѣлается оцѣнка положенія Сибири и ея границъ. Далѣе, при обзорнѣю рельефа Сибири разсматриваются входящія въ составъ ея западной половины западно-сибирская равнина, тундры, степи, Алтайское нагорье съ его главнымъ хребтомъ, отрогами, вершиной Бѣлухой и ледниками. При описаніи восточной половины Сибири обозрѣвается пространство отъ Енисея до Лены, Байкальско-Даурское плоскогоріе, разные горные хребты включительно до Камчатскихъ горъ съ ихъ потухшими и огнедышащими сонками; затѣмъ слѣдуетъ описаніе страны къ западу отъ Станового хребта, Лѣсстаго хребта Сихота-Алиня и равнинъ Восточной Сибири. Въ этой же главѣ указываются преобладающія горныя породы Сибири, разсматриваются почвы Сибири и дается общая оцѣнка сибирскаго чернозема. Не можемъ не замѣтить, что тутъ же, во 2-й главѣ, обозрѣвающей поверхность Сибири, излагается, повидимому, не совсѣмъ ктати административное дѣленіе Сибири, о чемъ было бы, по нашему мнѣнію, умѣстнѣе говорить въ третьей части книги, разсматривающей жизнь сибирскаго населенія. Въ главѣ о климатѣ объясняются общія условія, отъ которыхъ зависитъ климатъ Сибири, указываются общія свойства его, и въ частности разсматривается климатъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ; въ заключеніе главы выясняется вліяніе климата Сибири на здоровье населенія. Въ статьѣ «о внутреннихъ водахъ» обозрѣваются всѣ главнѣйшія рѣки и озера Сибири, при чемъ выяснены ихъ физическія свойства; особо разсмотрѣны соленыя, горько-соленыя озера и различные минеральныя источники и воды. Глава о расти-

тельномъ мірѣ разсматриваетъ тундры, крайній сѣверный лѣсъ, тайгу, занимающую необозримыя пространства, затѣмъ идетъ частное обозрѣніе растительности, напримѣръ, Охотско-Камчатской окраины, Западно-сибирской равнины, Алтая, Саянскихъ горъ и проч. Последняя, VI-я, глава I-й части трактуетъ о животномъ мірѣ, при чемъ разсматривается животное население тундры, тайги, степныхъ мѣстностей, затѣмъ Алтая, Саянъ, Забайкалья, Примурья и Охотско-Камчатской окраины; въ концѣ главы помѣщены свѣдѣнія о рыбномъ богатствѣ Сибири и морскихъ животныхъ.

Во 2-й части книги рѣчь идетъ о составѣ населенія. Въ первой главѣ прежде всего указывается общее число населенія и его процентное отношеніе по губерніямъ и областямъ, процентное отношеніе по поламъ и численное отношеніе между русскимъ и инородческимъ населеніемъ, затѣмъ слѣдуетъ обозрѣніе инородцевъ финской вѣтви, куда отнесены вогулы, остяки, зыряне и самоѣды. Во 2-й главѣ обозрѣвается тюркская вѣтвь, въ составъ которой входятъ алтайскіе инородцы, отатарившіеся остяки и самоѣды, минусинскіе инородцы и киргизы. Особенное вниманіе авторомъ обращено на обозрѣніе быта и жизни киргизъ: разсмотрѣны ихъ типъ и характеръ, значеніе скота въ жизни киргизъ, ихъ кочевки, жилища, одежда, пища, кумысъ, жизнь киргизскаго аула, общественное устройство киргизъ, развлечения, праздники, поминки, пѣвцы, байги. Въ 3-й главѣ рѣчь идетъ о западно-сибирскихъ татарахъ, барабинцахъ и якутахъ. Статья о якутахъ обширна и представляется несомнѣнно очень интересной: авторъ опредѣляетъ типъ якутовъ, ихъ характеръ, даетъ свѣдѣнія объ ихъ занятіяхъ, пищѣ, одеждѣ, жилищахъ, въ частности о занятіяхъ ремесленныхъ, наконецъ объ общественномъ устройствѣ и семейномъ бытѣ. Въ 4-й главѣ обозрѣваются монгольская и тунгусская вѣтви инородцевъ. Къ первой группѣ относятся буряты. Авторъ сравнительно подробно говоритъ объ ихъ типѣ и характерѣ, пищѣ, жилищахъ, одеждѣ, занятіяхъ, общественномъ устройствѣ, о «черной вѣрѣ» и шаманахъ, «желтой вѣрѣ» и ламахъ; въ концѣ главы говорится о тунгусахъ и родственныхъ имъ племенахъ. Въ 5-й главѣ приведены довольно полныя свѣдѣнія о корякахъ, чукчахъ, аинахъ, гилякахъ. Въ послѣдней главѣ 2-й части книги выясняется нравственное и хозяйственное вліяніе русскихъ на инородческое населеніе Сибири, при чемъ отмѣчается особенно слабое воздѣйствіе русской гражданственности на киргизъ и вообще недостаточное воздѣйствіе русскихъ на духовное просвѣщеніе инородцевъ: въ результатъ оказывается двоевѣріе инородцевъ, выражающееся въ томъ, что у крещеныхъ инородцевъ рядомъ съ христіанствомъ легко уживаются шаманство и культъ медвѣдя. Далѣе отмѣчаются причины слабаго распространенія христіанства; констатируется слабое развитіе русской грамотности среди инородцевъ. Въ концѣ главы приводятся свѣдѣнія о коренномъ русскомъ населеніи Сибири; выясняется его происхожденіе, характеръ, типъ; отмѣчается инородческое вліяніе на русскихъ въ отношеніи быта, тѣла, языка, и указываются интересные факты устойчивости русскаго типа въ Сибири у такъ называемыхъ «семейскихъ» въ Забайкальѣ, у «каменщиковъ» и «поляковъ» (русскихъ изъ польскихъ областей) на Алтаѣ.

Третья часть книги, наиболее обширная, посвящена обзорной «жизни» Сибири, или, другими словами, рассматривает эту окраину в общественно-экономическом отношении. Прежде всего (глава 1-я) излагается история заселения Сибири, и тут же приводятся сведения о переселении русских людей в Сибирь в настоящее время. Затем выясняется деление населения по хозяйственным признакам: в зависимости от естественных условий и от условий общественной среды; обозрываются группы населения по благосостоянию, при чем все русское население Сибири распадается на старожилов, состоящих из крестьян и казаков, на новоселов и ссыльных. Далее, во 2-й главе, рассматривается хозяйственная деятельность населения в связи с пользованием произведениями царства растительного: здесь обозрываются сибирское земледелие с его различными системами полеводства, огородничество, табаководство, опыты плодоводства, травосыianie, эксплуатация леса, сбор кедровых орехов, смолочурение, ягодный и другие промыслы. Из видов хозяйственной деятельности населения в связи с пользованием произведениями животного царства (глава 3-я) рассмотрены скотоводство, оленеводство, собаководство, мараловодство, пчеловодство, охотничий промысел с его различными способами охоты, при чем в частности приводятся данные о строении промысловой деятельности русских зверопромышленников, о бѣлкованьи, соболинном промысле и добыче морских животных; в конце главы обозревается рыболовство. В следующей (4-й) главе автор рассматривает хозяйственную деятельность населения в связи с добыванием металлов и минералов. Здесь, при обзорной золотопромышленности, перечисляются места добывания золота, отмечается ослабление этой отрасли экономической деятельности, дается описание приисков и способов добывания золота, выясняется положение рабочих на приисках, кратко говорится о так называемых «золотничиках» и «летучках», выясняется влияние тяжелых приисковых работ, этой «вольной каторги», по выражению самих рабочих, на их здоровье и нравственность; в заключение отмечается почти полное отсутствие в Сибири добывания и обработки иных, кроме золота, металлов и минералов. В 5-й главе помещена довольно большая статья, излагающая историю возникновения, развития и современное состояние кустарных промыслов в Сибири; затем дается обзор сибирской обрабатывающей промышленности, находящейся вообще в зачаточном положении: в последнее десятилетие только одно маслоделие стало играть заметную роль, но и тут, к сожалению, наблюдаются хищнические приемы и вредная для населения неупорядоченность в организации этого еще нового дела. Далее, в статье о торговле Сибири и ее путях сообщения автором, как и следовало ожидать, всего более внимания обращено на громадное экономическое значение для края Сибирской железной дороги. Пароходство, вывозная торговля сырьем, извозный промысел, рост городов, обороты ярмарок, ввозная торговля, переселенческое движение—все это и многое иное в жизни Сибири уже испытало на себе многообразное могучее влияние грандиозного железнодорожного пути. Последняя (6-я) глава посвящена обзорной народному здоровью, образованию и отдельным главнейшим населенным местам. Говоря о состоянии на-

роднаго здравія въ Сибири, авторъ, между прочимъ, констатируетъ сильное распространеніе инфекціонныхъ болѣзней, почти полную неудовлетворительность медицинской помощи и въ результатъ слабое увеличеніе населенія путемъ естественнаго прироста особенно въ сибирскихъ городахъ, гдѣ часто смертность преобладаетъ надъ рождаемостью. Народное образованіе въ Сибири до настоящаго времени пребываетъ, по отзыву автора, въ очень незавидномъ положеніи: по даннымъ 1896 года въ Сибири одно низшее учебное заведеніе приходилось на 2.600 жителей и на 4.938 кв. верстъ, такъ что показатель образованія для всей Сибири равнялся 1,23, т. е. былъ въ $2\frac{1}{2}$ раза меньше, чѣмъ для земскихъ губерній Европейской Россіи. Въ концѣ главы помѣщены краткія свѣдѣнія о современномъ состояніи губернскихъ и областныхъ городовъ Сибири.

Изъ бѣглаго перечня содержанія книги г. Головачева видно, какое разнообразіе и обиліе свѣдѣній въ ней найдетъ читатель. Слишкомъ строгіе критики, можетъ быть, скажутъ, что данное сочиненіе въ сущности является сборникомъ, или компиляціей, судя по приемамъ его составленія. Право, можно было бы порадоваться за нашу учено-публицистическую литературу, отвѣтимъ мы на это, если бы почаще у насъ появлялись такіе добросовѣстные, съ большимъ умѣньемъ составленные сборники, или компиляціи, особенно о нашей глубокой провинціи и окраинахъ. Чтобы быть въ курсѣ народной жизни, намъ необходимы обзорѣнія главнѣйшихъ фактовъ современнаго состоянія отдѣльныхъ частей Россіи. Изъ такихъ общихъ обзорѣній, напримѣръ, Сибири, единственнымъ хорошимъ обзорѣньемъ былъ трудъ покойнаго Н. М. Ядринцева, но вѣдь жизнь идетъ впередъ, возникаютъ новые факты, явленія, и вотъ въ данномъ случаѣ книга г. Головачева представляется намъ въ качествѣ возобновленнаго, дополненнаго новыми данными обзорѣнія Сибири. Это обзорѣніе тѣмъ большаго заслуживаетъ вниманія, что въ немъ нѣтъ почти обычнаго у насъ въ публицистическихъ трудахъ пессимизма, однако нѣтъ и прекраснодушія благополучнаго россиянина: у автора трезвый взглядъ на положеніе Сибири, онъ прямо смотритъ въ глаза правдѣ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что внѣшній видъ книги «Сибирь» производитъ самое выгодное впечатлѣніе: отличная бумага, четкій, крупный шрифтъ, прекрасные рисунки. Если къ этому еще прибавимъ, что цѣна за книгу назначена очень дешевая (1 рубль), и что вся выручка отъ продажи изданія поступаетъ въ пользу общества вспоможенія учащимся въ Москвѣ сибирякамъ, то мы въ правѣ надѣяться, что книга г. Головачева, обладая отмѣченными нами выше достоинствами, будетъ имѣть несомнѣнный успѣхъ, и вскорѣ потребуетъ второе ея изданіе. Теперь же, какъ намъ кажется, слѣдовало бы сдѣлать французскій переводъ этой книги: это было бы очень кстати въ виду особеннаго интереса, проявляемаго въ настоящее время иностранцами въ отношеніи Сибири.

А. О—въ.

Е. Жилинская. Путешествіе по горамъ Средней Азіи. Варшава. 1902.

Г-жа Е. Жилинская, долгое время прожившая въ Ташкентѣ, неоднократно предпринимала поѣздки въ горы Сыръ-Дарьинской области. Обстановка, въ которой находилась она, а именно экспедиція съемочныхъ отдѣленій военно-топографическаго отдѣла, давала возможность дѣлать довольно обстоятельныя наблюденія проходимыхъ горныхъ областей.

Въ простой, интересной формѣ, прекраснымъ слогомъ г-жа Жилинская даетъ описаніе живописной природы Туркестанскихъ горъ, тяжесть горныхъ путей, опасность головоломныхъ мостиковъ, какъ соломинка, перекинутыхъ съ одного берега на другой надъ ревущимъ горнымъ потокомъ.

Какъ большинство такихъ описаній, трудъ г-жи Жилинской немного субъективенъ и одностороненъ; она больше занята собою, почему кругозоръ ея не захватываетъ того, что такъ цѣнится въ описаніи cadaго путешествія: это быть кочевого населенія, мѣстныя легенды, особенности той или другой мѣстности, различіе температуры и т. д.

По характеру своему книгѣ не соответствуетъ громкое заглавіе: «Путешествіе по горамъ Средней Азіи», а скорѣе подходилъ бы заголовокъ, напримѣръ, въ родѣ: «моя поѣздка по горамъ Сыръ-Дарьинской области», собственно горныхъ системъ которой авторъ и касается въ своемъ трудѣ.

Однако нельзя не привѣтствовать появленія новаго труда о Средней Азіи, литература которой все богатѣетъ съ каждымъ годомъ.

Отдѣльно отъ текста помѣщено нѣсколько цинкографій.

Ворисъ Тагъевъ.

Turkestan, von Franz von Schwarz. (Nach fünfzehnjährigen Aufenthalt in Turkestan). Freiburg in 13 Breisgau. 1900.

Названное сочиненіе Франца фонъ-Шварца находится въ связи съ его же трудомъ «Siedfluth und Völkerwanderungen» (Stuttgart, 1894). Кромѣ этихъ работъ, г. Шварцу принадлежитъ рядъ другихъ изысканій по Туркестану, и, межъ прочимъ, онъ написалъ изслѣдованіе «Походы Александра Великаго въ Туркестанъ», которое направлено къ тому, чтобы доказать фактъ смѣшенія нашего Кавказа съ азіатскимъ и тѣмъ устранить сомнѣніе о завоеваніи Грузіи Александромъ Македонскимъ. Интересъ къ Туркестану зарождается у автора съ 1874 г., когда онъ былъ приглашенъ генераломъ Кауфманомъ въ Ташкентъ въ качествѣ завѣдующаго обсерваторіей, въ то время тамъ организуемой. Такъ какъ обсерваторія представляла военно-топографическое отдѣленіе генеральнаго штаба и подчинялась его главѣ, то пришлось по его указанію производить опредѣленія барометрическихъ высотъ, широты и долготы, которыя легли впоследствии въ основу туркестанской карты генеральнаго штаба. Авторъ пробылъ въ Туркестанѣ почти двадцать лѣтъ и своими наблюденіями и изслѣдованіями воспользовался при обработкѣ различныхъ работъ, посвященныхъ названному краю. Недавно вышедшій его трудъ «Туркестанъ» распределенъ на 5 главъ: 1) Населеніе Туркестана, 2) Образъ жизни, нравы и обычаи туркестанскихъ кочев-

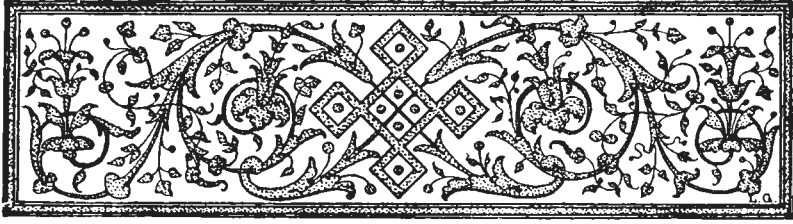
никовъ, 3) Образъ жизни, нравы и обычаи осѣдлаго населенія Туркестана, 4) Состояніе здоровья въ Туркестанѣ и 5) Климатическія условія Туркестана. Этими главамъ предшествуетъ особое введеніе. Населеніе Туркестана отличается своимъ пестрымъ составомъ. Въ него входятъ девять осѣдлыхъ народностей и семь номадовъ. Кромѣ того, здѣсь обрѣтаются еще представители девяти различныхъ племенъ (русскіе, вѣмцы, іудеи, персы, индійцы и прочіе). Среди туземцевъ осѣдлыхъ наибольшее значеніе имѣютъ сарты, узбеки и таджики, а изъ кочевниковъ — киргизы, туркмены, калмыки и торгоуты. Авторъ даетъ свѣдѣнія историческія, этнографическія и антропологическія о всѣхъ этихъ народностяхъ, пользуясь данными научной литературы. Любопытная глава посвящена киргизамъ, о которыхъ въ Россіи накопился обширный литературный материалъ. Онъ обозрѣваетъ семейныя отношенія, занятія, костюмы, нравы, религіозныя вѣрованія, правовыя воззрѣнія киргизовъ, при чемъ въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что нравственность киргизовъ, несмотря на ихъ нерелигіозность (они мусульмане лишь по имени), стоитъ выше морали многихъ изъ осѣдлыхъ племенъ Туркестана, другими словами, нравственность народа не всегда пропорциональна его религіозности. Переходя къ обзору осѣдлаго населенія Туркестана, авторъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о Ташкентѣ, навшемъ подъ ударами русскихъ въ 1865 году (при генералѣ Черняевѣ). Названіе «Ташкентъ» остается необъясненнымъ. Его производятъ отъ тюркскаго слова *tasch* (камень) и персидскаго *kent* (городъ). Этимологія, конечно, весьма искусственная. Книга снабжена картой и прекрасными иллюстраціями числомъ до 178.

А. Хах — о в ъ .

Л. Орда. Крестовоздвиженская братская церковь въ г. Луцкѣ. Опытъ историческаго очерка. Луцкѣ. 1902.

Въ эпоху гоненій на православныхъ христіанъ въ Западной Руси, послѣ обнародованія церковной уніи 1596 г., на защиту православія и русской народности выступили церковныя братства. Одно изъ нихъ — Луцкое братство на Волыни — объединяющимъ центромъ своихъ дѣйствій имѣло Крестовоздвиженскую церковь, при которой были сооружены братскій корпусъ для общежительнаго монастыря, русская школа и богадѣльня. Слегка коснувшись дѣятельности братства въ первое время его существованія, авторъ вышеозначенной брошюры главнымъ образомъ занялся судьбою каменнаго храма Воздвиженія Креста Господня. Этотъ храмъ, простоявъ около 170 лѣтъ, послѣ пожара 1803 г., былъ заброшенъ, а внослѣдствіи сданъ евреямъ на сломъ. Въ 1864 г., кievскій генералъ-губернаторъ Анненковъ, увидѣвъ такое обращеніе съ древнимъ памятникомъ православія, «пришелъ въ сильное негодованіе и велѣлъ немедленно удалить евреевъ съ погоста». Въ настоящее время вновь возродившееся въ 1871 г. братство на очищенномъ отъ нечистотъ и мусора мѣстѣ древняго храма соорудило небольшую церковь, которую 27 августа 1890 г. посѣтилъ и самъ жертвователь, покойный государь Александръ Александровичъ.

Брошюра г. Орды не претендуетъ дать какія либо новыя свѣдѣнія къ исторіи Крестовоздвиженской церкви, но ея значеніе заключается въ удачной группировкѣ имѣющихся въ настоящее время данныхъ по этому вопросу. **И. Ю.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОМЕРЪ—ГЕОГРАФЪ. Одиссея Гомера, которую до сихъ поръ большинство считало сказкой и басней, принимаетъ новую окраску, благодаря недавно вышедшей книгѣ М. Берара ¹⁾. Авторъ хочетъ доказать, во-первыхъ, что Одиссея—реальное произведение, во-вторыхъ, что ея научная часть заимствована отъ финикянъ. Онъ приравниваетъ Гомера къ Жюлю Верну, говоря, что хотя Одиссея написана въ видѣ романа, но въ немъ до мельчайшей точности описаны мѣста, люди и нравы, и путешествія Улисса то же, что «Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней» Жюля Верна. Такимъ образомъ авторъ считаетъ Одиссею географическимъ документомъ. Гомеръ описываетъ приключенія мореплавателей, а такъ какъ финикяне первые ознакомились съ мореплаваніемъ, то слѣдовательно они были его вдохновителями. Бераръ предлагаетъ совершенно новый методъ, которымъ онъ отвергаетъ археологическія данныя, считая эту науку недостаточно положительной. По его мнѣнію, археологи судятъ согласно впечатлѣнію, и часто ихъ гипотезы основаны на фантазіяхъ и предубѣжденіяхъ. Онъ же изучаетъ мѣстности и имена. Изученіе мѣстностей доказываетъ, насколько географически точна Одиссея, а ознакомленіе съ именами служитъ опредѣленіемъ ея финикійскаго происхожденія. Первое онъ называетъ «топологіей», а второе «топониміей». Последнее можетъ быть примѣнимо лишь при помощи сравненія греческихъ и семитическихъ именъ, а потому здѣсь привести доказательства неудобно; «топологіей» же можно провѣрить методъ Берара. Прежде чѣмъ представить доказательства, которыя онъ добылъ, благодаря изученію

¹⁾ Les Phéniciens et l'Odyssee, par Victor Berard, vol. I, Paris, 1902.

мѣстностей, Берарь говоритъ, что Одиссея не есть продуктъ воображенія, и приводитъ слѣдующій доводъ. Тотъ, кто долго изучалъ древнюю и современную Грецію, долженъ согласиться, что воображеніе не есть господствующая способность грековъ и не источникъ ихъ художественныхъ произведеній. Они не требуютъ отъ своихъ артистовъ воображенія. Имъ безразлично, если послѣ двадцати трагиковъ двадцать первый повторяетъ тѣ же самыя приключенія Гекубы и Антигоны. Архитекторъ или скульпторъ могутъ создать храмъ или статую въ томъ же родѣ, какъ уже сто разъ дѣлались до нихъ, лишь бы они были правильно и гармонично расположены, не имѣя ничего грубаго и чрезмѣрнаго, поражающаго неприятно взглядъ и умъ; если ихъ зарожденіе было подчинено уравновѣшенному уму, если ловкое и добросовѣстное исполненіе не отличалось поспѣшностью и незнаніемъ, если они сохраняли въ общемъ, несмотря на упрощеніе, наружные признаки вѣрной копии съ природы, — такія произведенія, даже нѣсколько банальныя и не большой оригинальности, покажутся грекамъ дѣйствительно греческими и достойными оцѣнки знатоковъ. Берарь устанавливаетъ этотъ реализмъ посредствомъ самыхъ разнообразныхъ и остроумныхъ соединеній. Онъ сличаетъ Одиссею съ «мореходными наставленіями» современныхъ мореплавателей и указываетъ на поразительную тождественность относительно наружныхъ очертаній береговъ и направленія вѣтра. Онъ роется въ описаніяхъ французскихъ путешественниковъ, которые въ XVII и XVIII вѣкахъ переплывали моря Леванта, и открываетъ живые комментаріи разсказовъ Гомера. Но едва ли не лучше его личныя наблюденія. Онъ самъ съ этой цѣлью предпринялъ путешествіе Улисса и убѣдился, что Гомеръ — лучший путеводитель. Берарь не только описалъ эти мѣстности, но даже снялъ съ нихъ фотографіи. Изъ этихъ — то историческихъ, филологическихъ и фотографическихъ документовъ Берарь составилъ обширную картину мореплаванія въ Средиземномъ морѣ во времена Гомера. Навигация и коммерція принадлежали въ то время финикійцамъ. Согласно Берарю бѣдные левантійскіе ремесленники, похищенные эгейскими пиратами и проданные греческимъ начальникамъ, были авторами произведеній искусствъ. Мѣстные или иноземные пираты, — говоритъ Берарь въ доказательство финикійскаго научнаго вліянія на грековъ, — должны были населять всю Эгею примитивными ремесленниками, наивными произведеніями которыхъ, можетъ быть, археологи заставляютъ насъ любоваться. Спустя четыре тысячи лѣтъ, мы даемъ званія художниковъ и скульпторовъ этимъ сапожникамъ. Такимъ образомъ Берарь доказываетъ на основаніи своихъ личныхъ наблюденій, топологіи и топониміи, что Гомеръ не пользовался своимъ воображеніемъ, а только утилизировалъ точныя справки финикійскихъ моряковъ. Онъ выводитъ, что островъ Калипсо — теперешній островъ Перегиль, находящійся у восточнаго входа въ Гибралтарскій проливъ, вблизи африканскихъ береговъ. Онъ плылъ по направленію къ Итакѣ, какъ вдругъ на высотѣ Адриатическаго моря поднялась страшная буря и разбила корабль. Въ «Мореходныхъ наставленіяхъ» находится описаніе бури въ этой мѣстности, и въ разсказѣ Гомера оно находится слово въ слово. Второй томъ сочиненія Берара дастъ его окончательные выводы. Первая же его часть представляетъ массу деталей географическихъ эпохъ быта древней Греціи, мореплавателяльнаго искусства самыхъ

отдаленныхъ морскихъ финикійскихъ пиратовъ Архипелага и богатую коллекцію фотографическихъ снимковъ и картъ.

— Римскіе выборы. Ноэль Треборъ сообщаетъ въ «Revue hebdomadaire» о выборахъ въ древнемъ Римѣ¹⁾. По его словамъ, на нихъ происходили тѣ же изыгрыши и переживались тѣ же волненія, какъ и на современныхъ выборахъ. Сенаторское достоинство въ Римѣ было наследственно и единственное, которое не подчинялось выборамъ посредствомъ голосованія. Однако, современемъ, какъ исключеніе, были сенаторы, выбранные изъ плебеевъ самими народомъ. Затѣмъ передали право консуламъ пополнять свободныя мѣста въ сенатѣ, согласно ихъ выбору. Во время имперіи цезари распредѣляли вакантныя мѣста. Римскій народъ имѣлъ право на выборы правительственныхъ властей, которыя имъ управляли: консуловъ, военныхъ трибуновъ, обладающихъ *imperium* или консульскимъ авторитетомъ, преторовъ, цензоровъ, децемвировъ и эдиловъ. Выборы низшихъ властей были предоставлены пролетаріямъ и производились въ собраніяхъ, называемыхъ *concilia plebis*. Выборы происходили въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ теченіе семнадцати дней народъ звалъ постановленіе о созывѣ комицій, изданное консуломъ. Кандидаты расхаживали повсюду, одѣтые въ *toga candida*, т. е. въ бѣлую тогу. Отъ этого и произошло слово кандидатъ. Если кандидаты добивались мѣста эдила или муниципальной власти, то давали народу за свой счетъ представленія, и это не считалось выборнымъ подкупомъ. Военачальниковъ и гражданскихъ властей выбирали иначе. Когда вотировала армія, то собиралась на Марсовомъ полѣ; если на горѣ Яникула развѣвался красный флагъ, то вотировала пѣхотерія; а если зеленый—кавалерія. Но граждане собирались всѣ на форумѣ, или публичной площади, кого бы они ни выбирали. Наканунѣ комиціального дня консулъ или, если его нѣтъ, президентъ комиціи устраивалъ свою палатку въ томъ мѣстѣ, гдѣ должно быть собраніе. Въ полночь его будили. Августъ своей палочкой изъ слоновой кости опредѣлялъ мѣсто, гдѣ должны были совершаться предзнаменованія. Подлежащая власть указывала ему, какого рода знаменіе слѣдуетъ изучать. Существовало пять категорій этихъ знаковъ: небесныя знаки е соело, какъ молнія; знаки *ex avibus*—полетъ птицъ, ихъ количество, форма ихъ стал; ащегить священныхъ куръ; жесты и движенія извѣстныхъ животныхъ, е *quadrupedibus*; возмущенія въ природѣ, какъ, на примѣръ, громы, ливни и внезапно появившіяся тучи. Президентъ комицій выбиралъ предзнаменованія посредствомъ священныхъ куриць или птицъ. Если предзнаменованіе было неблагопріятное, то выборы откладывались до слѣдующаго комиціального дня. Наоборотъ, если президентъ доволенъ знаменіями, тогда по всему городу били въ барабаны до восхода солнца, а съ восходомъ солнца народъ долженъ былъ собираться на форумъ. Согласно тому, что составляло предметы собранія, вотировали центуріи или сословія, и комиціи были центуріонныя или сословныя. Во второмъ случаѣ участвовали низшіе классы. Мѣсто выборовъ разграничивалось веревками на отдѣленія, въ которыхъ помѣщались центуріи числомъ сто девяносто три. Восемнадцать первыхъ центурій, или *equestres*,

¹⁾ Les elections dans l'ancienne Rome, par Noele Trebor. Revue hebdomadaire, 8 août, 1902.

считая сенаторовъ, обыкновенно были люди со средствами, чтобы имѣть лошадей и занимать въ кавалеріи почетное мѣсто. Остальныя центуріи раздѣлялись на пять классовъ, согласно количеству *as* (древняя римская монета), подъ которыми ихъ состояніе записано въ цензѣ, начиная со ста тысячъ *as* и нисходя до одиннадцати тысячъ. Люди, имѣющіе ниже этой цифры, считались уже пролетаріями, а совершенно бѣдные были граждане, которые назывались *capite censo*, т. е. у нихъ была только собственная голова, и записывали ихъ поголовно, *capite*. Они никогда не могли быть солдатами, даже во время войны, а пролетаріи призывались лишь во время войны или походовъ. Въ то время какъ въ центуріяхъ шли споры о кандидатахъ, президентъ приносилъ жертву божественнымъ покровителямъ города и произносилъ торжественныя формулы, которыми открывалъ собраніе. Между гражданами происходила настоящая травля: они упрекали другъ друга, что предаются *ambitus*, т. е. покупаютъ голоса, что запрещено закономъ, тогда какъ противники возражали, что ихъ патроны прибѣгаютъ лишь къ разрѣшенной свободѣ, *liberalitas*, а не къ *ambitus*, что наказуется десятилѣтнимъ изгнаніемъ. Люди, представленные къ выборамъ, такъ называемые кандидаты *centuriarum*, были разставлены при входѣ на узенькомъ мосту или коридорѣ, который служилъ проходомъ въ квадратъ центурій. Каждый гражданинъ, проходя чрезъ «мостъ», произносилъ громкимъ голосомъ имя кандидата, котораго хотѣлъ избирать. Позднѣе, чтобы сохранить въ тайнѣ выборы, употреблялись пластинки съ именемъ выбираемаго лица; эти пластинки избирателями складывались въ корзину. Собиратели голосовъ оканчивали въ центуріи подсчетъ голосовъ и узнавали избранныхъ кандидатовъ каждой центуріи. Но кандидатъ считался выбраннымъ, не благодаря большинству голосовъ, а по количеству центурій; для этого необходимо было безусловное большинство центурій. Если кандидатъ превысилъ бы хотя на одну центурію болѣе, половины побѣда была за нимъ. Безразлично было, если слѣдующіи центуріи могли дать большинство голосовъ конкуренту. Начинали собирать голоса съ конныхъ центурій и другихъ, нисходя до народа; такимъ образомъ онъ былъ лишь обстановочнымъ лицомъ, такъ какъ его выборъ даже не былъ извѣстенъ. Если выборы не были окончены до вечера, то приходилось откладывать ихъ до другого комиціального дня.

— Письма принцессы Урсень. Среди толпы интригановъ эпохи Людовика XIV не могла пройти незамѣченной Анна-Марія де-ла-Тремуйль-Нуармутъе, извѣстная въ исторіи подъ именемъ принцессы Урсень и игравшая видную роль въ большей части событій во время царствованія Филиппа V Испанскаго. Эта женщина, по словамъ ея современниковъ, была олицетвореніе благородства, граціи, любезности, мѣру которой она прекрасно знала, такта, а главное ума. Говорила она своеобразно, и ея рѣчь текла какъ бы противъ ея воли, производя на слушателей неотразимое впечатлѣніе. При такихъ качествахъ красавица-принцесса не могла довольствоваться незамѣтнымъ положеніемъ. Семнадцати лѣтъ ее выдали замужъ за принца Шале, Адриана-Блазъ Талейрана, который вскорѣ умеръ. Когда ей было тридцать три года, она была попрежнему прекрасна, и на ней женился Флавіо дели Орсини, герцогъ Браччано, старшій изъ дома Урсень. Уѣхавъ въ Италію, она отдалась изученію ди-

пломатин и прошла хорошую школу. Въмѣстѣ съ тѣмъ у нея составился свой маленькій дворъ, но, несмотря на это, ее потянуло снова въ Парижъ. Вскорѣ она осуществила свое желаніе. Въ Парижѣ она жила тихо и вдали отъ двора, по причинѣ нежеланія г-жи Ментенонъ видѣть при дворѣ короля такую умную женщину. Впрочемъ, въ Римѣ о ней соскучились, ея мужъ и знакомые съ нетерпѣніемъ ожидали ея прїѣзда, и она должна была возвратиться въ Италію. Нѣсколько времени спустя, умеръ ея мужъ, оставивъ громадное состояніе и едва ли не больше долговъ. Отдавшись устройству запутанныхъ дѣлъ, она не забывала своей цѣли и не теряла изъ виду двора. Въ теченіе этого времени она вела безконечную переписку, которую собралъ герцогъ Тремуиль и составилъ нѣсколько томовъ¹⁾. Первый томъ обнимаетъ 1695—1701 годы. Часть писемъ извлечена изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, часть изъ національной библіотеки, а большинство принадлежитъ архиву герцога Тремуиль. Собраніе этихъ писемъ, хотя напечатано, но не вышло еще въ продажу. Съ 1695 года ея письма, которыя она писала изъ Рима, отличаются тонкимъ дипломатическимъ искусствомъ. Она поддерживала сношенія со всѣми и, повидимому, желала всѣмъ нравиться. Принцесса переписывалась съ Морепа, съ маршаломъ Нуайль и его женою, съ Торси, съ Помпонномъ и даже съ самимъ Людовикомъ XIV. Она ловко вкралась въ довѣріе короля и всевозможными способами старалась напомнить ему о себѣ, прославляя его дѣйствія, хваля, когда онъ заключалъ миръ, съ энтузіазмомъ говорила о немъ, когда онъ хотѣлъ воевать и, наконецъ, просила оказать ей услуги, а затѣмъ выказала ему полнѣйшую преданность. Въ особенности она отличалась умѣніемъ примѣшивать къ общественнымъ дѣламъ свои личныя. Принцесса находилась въ безпрерывномъ сообщеніи съ иностранными министрами и кардиналами, и восторженно разсуждала о чувствахъ папы и объ ошибкахъ кардинала Бульонскаго. Такимъ образомъ, ей удалось достигъ виднаго положенія. Въ 1700 году она писала: «Я, государь, единственная значительная особа въ Римѣ. Другія націи имѣютъ посланницъ, которыя, привлекая къ себѣ общество различными увеселеніями, посвященными публикѣ, даютъ случай мужьямъ бесѣдовать съ лицами, не являвшимися безъ этого предлога въ ихъ домъ». Затѣмъ она прибавляетъ съ развязной откровенностью, что ея домъ самый пріятный и чаще остальныхъ посѣщаемый людьми высокаго положенія. При этомъ ловкая дипломатка не забываетъ добавить, что дѣлаетъ все для блага государства и изъ преданности къ королю. Но, хотя она не говоритъ, что настоящее положеніе ея не удовлетворяетъ, и ей нужна арена дѣятельности шире, но это очень ясно выражается во всѣхъ ея письмахъ. Узнавъ, что испанскій король долженъ жениться на принцессѣ Савойской, она тотчасъ же написала изъ Рима въ декабрѣ 1700 года женѣ маршала Нуайль, выражая желаніе быть выбранной въ камергера мажор, чтобы сопровождать молодую принцессу. Она просила походатайствовать и предложить на этотъ постъ ее, прежде чѣмъ король выберетъ когонибудь другого. При этомъ она довольно смѣло рекомендовала себя: «Смѣю сказать, что я всѣхъ болѣе подходящая на эту должность: у меня большое количество друзей въ

¹⁾ *Madame des Ursins et la succession d'Espagne. Fragments de correspondance. Tome 1. Les lettres, reunies par le duc de la Tremouille. Paris. 1902.*

той странѣ, и я грядесса Испаніи, что уничтожаетъ затрудненія, которыя можетъ встрѣтить другая дама. Кромѣ того, я говорю по-испански, и я увѣрена, что этотъ выборъ понравится всей націи, которая, могу себя польстить, всегда меня любила и уважала. Мой планъ—отправиться до Мадрида и жить тамъ, сколько пожелаетъ король, а затѣмъ пріѣхать и дать ему отчетъ о моемъ путешествіи. Если бы шелъ вопросъ проводить до границы королеву, я не думала бы объ этой должности, такъ какъ что же можно желать послѣ службы королю, который для меня главное, но я хочу ходатайствовать сама при Мадридскомъ дворѣ о важныхъ дѣлахъ, которыя у меня есть въ Неаполѣ. Судите сами послѣ этого, буду ли я занимать первую роль при этомъ дворѣ, и не съ излишней ли самонадѣянностью я предлагаю вамъ мои услуги». Ея предложеніе было очень любезно принято при дворѣ, но она не пренебрегала ничѣмъ и снова писала женѣ маршала, кардиналу Карреро и вдовствующей герцогинѣ Савойской. Когда насталъ моментъ сдѣлать выборъ, Туринскій дворъ, удостоившись въ ея достоинствахъ, предложилъ принцессу, какъ «свободную отъ мужа и дѣлъ». Г-жа Ментенонъ была рада отъ нея отдѣлаться; ея удаленіе тѣмъ болѣе казалось ей благопріятнымъ, что ея могущество было не безопасно. вмѣстѣ съ тѣмъ она сознавала, что будетъ имѣть въ ней цѣнную союзницу при испанскомъ дворѣ. Людовикъ XIV былъ того же мнѣнія. Въ письмѣ къ Марсеру, написанному нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ даже выражалъ, желаніе, чтобы принцесса оставалась всегда при королевѣ, когда она разсматриваетъ важныя дѣла или принимаетъ иностранныхъ посланниковъ. Лѣтомъ 1701 года она была официально принята на этотъ постъ. Принцесса не заставила себя долго ждать и, поспѣшно покинувъ Римъ, присоединилась къ принцессѣ, съ которой отправилась въ Каталонію. Теперь передъ ней «открылось само небо», какъ говорилъ Сень-Симонъ. Ей предстояло играть важную роль, которую она сумѣла провести, какъ ей было нужно. Въ юной принцессѣ она нашла послушное орудіе, которое не мѣшало ей развернуть собственный талантъ. Цѣлые годы она была регентшей Испаніи, совершенно забывъ въ руки короля и королеву и входя во всѣ дѣла. Ея прежніе друзья, кардиналъ д'Эстрэ и кардиналъ Портекорреро, видя, что они болѣе не имѣютъ вліянія, покинули свои должности. Она вертѣла всѣми и была вполне счастлива. Но въ порывѣ гордости она слишкомъ увлеклась и попала въ немилость. Однако это не смутило смѣлой принцессы, и она сумѣла найти себѣ выходъ. Начавъ борьбу, она попала въ милость къ г-жѣ Ментенонъ, и даже, заслуживъ королевское расположеніе, она заставила произвести своего брата въ кардиналы. Затѣмъ она потребовала назначить въ Мадридъ посланника по ея выбору и сама снова отправилась въ Испанію, окруженная почетомъ и славой. На этотъ разъ у нея не было болѣе конкурентовъ, и она властвовала до смерти королевы, послѣ чего совершенно потеряла свое могущество, но до послѣдней минуты своего отъѣзда сохранила достоинство и гордость.

— Вѣнчаніе лаврами итальянской поэтессы. Въ одномъ изъ іюльскихъ нумеровъ ¹⁾ «Debats» Е. Радоканаки вспоминаетъ о знаменитой, но забытой

¹⁾ Le couronnement de Corille au Capitole, par E. Rodocanachi. Journal des Debats: revue hebdomadaire, juillet 1902.

итальянской поэтессы, известной под именем Кориллы. Марія-Магдалино Морелли Фернандезъ родилась въ Пизѣ въ 1728 году. Ея слава не зависѣла отъ количества ея произведеній, которыхъ было только двѣ поэмы въ стихахъ, но отъ дара импровизировать. Этотъ талантъ былъ въ большемъ почетѣ въ Италіи въ XVIII вѣка, и ея слава распространилась въ Римѣ, Неаполѣ и Флоренціи. Екатерина II желала видѣть ее при своемъ дворѣ и наградила пенсіей, которую продолжалъ выплачивать даже Павелъ I. Марія-Терезія вызвала ее въ Инсбругъ, чтобы поэтически воспѣть свадьбу эрцъ-герцога Петра-Леопольда съ Маріей-Луизой Бурбонской, а папа Климентъ XII разрѣшилъ ей, въ виду ея высокаго образованія, читать произведенія, запрещенныя церковью. Одинъ изъ ея биографовъ говоритъ, что она была уважаема Метастазіемъ, нѣжно любима Фругони, почитаема Цезарроти и Пагани, а великій віолончелистъ Нардини, который обыкновенно ее сопровождалъ, иногда оставлялъ свою віолончель отъ восхищенія. Но это не удовлетворяло ея жажды славы; поэтесса отправилась въ Римъ, заранѣе зная, что легко и блестяще добьется цѣли. Она не ошиблась: аркадійская академія, основанная въ 1690 г., «чтобы воевать съ дурнымъ вкусомъ», какъ объявлено было въ статутѣ, приняла ее въ свои члены 16-го февраля 1775 года, не безъ нѣкоторой помщи. Съ этого времени она покинула свое имя и стала называться Кориллой Олимпійской. Нѣкоторое время спустя, общинный совѣтъ сдѣлалъ ее гражданкой города. Но это все еще не удовлетворяло ея самолюбія. Она добивалась поэтическихъ лавръ Капитолія. Съ тѣхъ поръ какъ они были присуждены въ 1725 году поэту Перфецію, благодаря настойчивому ходатайству Віоланты Баварскѣй, одной изъ невѣстокъ Маргариты Орлеанской, великой герцогини Тосканской, никто не считался достойнымъ такого отличія. Академія послужила Кориллѣ поприщемъ для состязанія, и 7-го марта новая пастушка, со свойственной ей легкостью, импровизировала нѣсколько пастушескихъ пѣсень. 13-го апрѣля, въ великую пятницу, академія посвятила торжественное засѣданіе Христовымъ страстямъ. Корилла съ такимъ жаромъ и граціей импровизировала на эту тему, что привела въ восторгъ присутствовавшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очаровала ихъ сладостью своего голоса. Когда академія рѣшила принять, какъ пастушку, Каролину-Луизу, маркграфиню Баденскую, Корилла импровизировала въ ея честь поэму подъ аккомпанементъ арфы и двухъ скрипокъ. Посланникъ принца Саксъ-Готскаго въ Парижѣ, Гриммъ, предложилъ ей слѣдующую тему: «Вѣкъ, когда женщины были особенно добродѣтельны, былъ ли для мужчинъ счастливѣйшимъ вѣкомъ?» Корилла, по словамъ современниковъ, ловко справилась съ отвѣтомъ и сумѣла понравиться женщинамъ, въ то же время не оскорбила и мужчинъ. Въ награду за такой блестящій выходъ изъ затруднительнаго положенія былъ поставленъ ея бюстъ въ залѣ засѣданій академіи, сдѣланный англійскимъ скульпторомъ, Христофоромъ Гавестономъ. Но это была лишь проба. 10-го августа начались серьезныя испытанія, которыя должны были рѣшить: достойна ли Корилла того, чего она добивалась. Она держала въ этотъ день экзаменъ въ Locanda nobile, гдѣ жилъ принцъ Людовикъ Гонзаго, главный виновникъ ея вѣнчанія лаврами. Его внимательство набрасывало тѣнь на добродѣтель Кориллы, и нѣкоторые пасквили намекали, не безъ основанія, что это было сдѣлано изъ бла-

годарности. Вопросы касались области чуждой поэзии. Напримѣръ, Салисети, тайный врачъ папы, задалъ вопросъ относительно цвѣта приса; Кавалли о гармоніи звуковъ; адвокатъ Чедри о потерѣ, которую причинила смерть Цицерона краснорѣчію. Адвокатъ Петрони, потребовавъ доказательствъ, что вѣтъ добродѣтели безъ религіи. Девоти предложилъ сюжетъ: «пастушеская жизнь», Нардини ничего не потребовалъ, такъ какъ поэтесса простудилась «и опасалась за свое здоровье». На слѣдующій день испытаніе было еще торжественнѣе въ присутствіи дамъ, кавалеровъ и литераторовъ; ей предложили довольно коварные вопросы: «Почему мифологія представляетъ любовь съ завязанными глазами, въ то время какъ она даетъ ей опредѣленные черты, и неопредѣленный предметъ?» — «Какая была первая религія, и кто былъ ея основателемъ?» Затѣмъ ее попросили выставить аргументы, посредствомъ которыхъ «цивилизованный европеецъ долженъ былъ бы доказать дикарю преимущества законодательства». Въ свою очередь и дамы задавали ей темы, между прочимъ онѣ спросили, кто былъ вѣрнѣе — мужчины или женщины. На послѣднемъ испытаніи, въ которомъ участвовало 12 членовъ академіи, аббатъ Тесто спросилъ Кориллу относительно прекраснаго въ искусствѣ, аббатъ Марци о героической поэзіи, принцъ Гонзаго о физическихъ и моральныхъ доказательствахъ существованія Бога. На другой день 20-го августа аббатъ Джіаккино Пицци, большой другъ поэтессы, объявилъ, что результатъ экзамена благоприятный, оставалось лишь получить согласіе папы на увѣнчаніе лаврами. 13-го августа 1776 года, вечеромъ, Корилла явилась въ Капитолій въ сопровожденіи графинь Корделли, Дандини и Джинази. Швейцарская гвардія папы и милиція сената была разставлена шпалерами на площади Капитолія, въ честь Кориллы. Обыкновенно всѣ вѣнчавшіеся лаврами отправлялись въ Капитолій съ помпой. Пажи въ красномъ и желтомъ одѣяніи предшествовали представителямъ 14 кварталовъ города. За ними слѣдовали знаменосцы, держа штандарты съ городскими гербами, мулы, разукрашенные золотыми матеріями, швейцарская гвардія, барабаны и т. д. Что касается Кориллы, то она желала скромно явиться въ Капитолій. Большой залъ дворца консерваторовъ былъ блестяще освѣщенъ и разукрашенъ. Вокругъ были воздвигнуты трибуны для лицъ различныхъ дворянскихъ орденовъ. Въ глубинѣ находился пурпуроваго бархата балдахинъ, подъ которымъ красовался портретъ папы; тамъ стояли четыре стула: одинъ для сенатора и три для консерваторовъ. Когда Корилла граціозно вошла въ залъ, раздались шумъ рукоплесканій и барабанный бой. Ей было около пятидесяти лѣтъ; она никогда не была красива, но избранное общество своимъ энтузіазмомъ охотно придавало ей всѣ необходимыя качества для ея роли. Приблизившись къ подножью трона консерваторовъ, поэтесса преклонила колѣно. Первый консерваторъ, Джіо Паоло дель Линкве, одѣтый въ свое золотое одѣяніе, всталъ и, произнося предписанныя для этого случая слова, возложилъ на ея голову лавровый вѣнокъ. Въ это время заиграла музыка и раздался салютъ въ сто выстрѣловъ. Послѣ этого сенатскій писецъ написалъ актъ церемоніи. Праздникъ закончился чтеніемъ привѣтствій, сочиненныхъ членами Аркадіи съ импровизаціей Кориллы на тему о «великолѣпніи Рима» и значеніи полученныхъ ею лавровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она разсмотрѣла также превосходство современной философіи надъ древ-

ней п влиявіе христіанскої релігії на усовершенствованія искусства. Зтѣмъ Корилла удалась во внутреннія комнаты дворца, гдѣ ее горячо прывѣтствовали ея поклонники. Она умерла 8-го ноября 1800 года въ Флоренці. По всей вѣроятности, по замѣчанію автора статьи о Кориллѣ, вѣнчаніе лаврами этой поэтессы вдохновило г-жу Сталь, и она написала свою Корину.

— Мемуары герцогини Флѣри. Кто читаль знаменитые стансы Андрэ Шенье: «Молодая плѣнница», вѣроятно, помнитъ имя герцогини Флѣри, которую онъ воспѣлъ въ этомъ стихотвореніи. Теперь вышли ея мемуары, найденные Этьеномъ Лами ¹⁾. Де Куаньи родилась 12 октября 1769 г. и въ 1775 г. вышла замужъ за герцога Флери, племянника кардинала. Ей исполнилось въ это время пятнадцать лѣтъ, а мужъ ея былъ на одинъ мѣсяць моложе. Лозэнгъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Бирона, генерала республики, былъ любовникомъ ея двоюродной сестры, маркизы Куаньи, о которой Марія-Антуанета говорила: «Я королева Версаля, но она королева Парижа». Извѣстно, какого рода браки устраивались въ XVIII вѣкѣ. Женщинамъ доставляло удовольствіе соблазнять мужчинъ и въ особенности заставлять ихъ измѣнять моднымъ львицамъ. Герцогиня Флѣри не избѣгла этого соблазна, и Лозэнгъ сдѣлался ея любовникомъ, прерывая связи съ маркизой Куаньи. Путешествіе въ Италію разлучило любовниковъ. По возвращеніи герцогиня сошлась съ англичаниномъ, лордомъ Мальмесбюри, и забеременѣла. Герцогъ Флери не очень былъ этимъ огорченъ, подписалъ раздѣлъ имущества, который предложила жена, и уѣхалъ сейчасъ же за границу, чтобы присоединиться въ Коблендѣ къ своимъ принципамъ. Герцогиня отправилась въ Лондонъ, гдѣ разрѣшилась отъ бремени. Когда она возвращалась въ 1793 г. въ Парижъ съ своимъ лордомъ, послѣдній былъ арестованъ. Онъ обратился къ Лозэнгу, сдѣлавшемуся республиканскимъ генераломъ Бирономъ, и герцогиня въ молящемъ письмѣ объяснила свои отношенія къ лорду. Мальмесбюри поспѣшно возвратился въ Лондонъ. Нѣсколько позднѣе самой герцогинѣ пришлось прибѣгнуть къ покровительству Бирона, такъ какъ ей угрожали арестомъ. Биронъ не могъ, или не хотѣлъ помочь. Впрочемъ, 1-го января 1794 г. ему снесли самому голову. 14 марта ее тоже арестовали и отправили въ Сенъ-Лазаръ подъ ея родовымъ именемъ Франкетто, и Андрэ Шенье, тоже арестованный, могъ любоваться, какъ она прогуливалась въ дворѣ тюрьмы. Но такъ и осталось загадкой, была ли между ними любовь, переписывались ли они, и вдохновили ли эти обстоятельства стихотвореніе «La jeune captive». Тѣмъ болѣе это невѣроятно, что въ тотъ же день, когда была водворена въ Сенъ-Лазаръ герцогиня, туда же заключили молодого Мурэ де-Монтронъ, и въ регистрѣ имя Мурэ занесено тотчасъ за гражданкой Франкетто. Во время ихъ заключенія надо было хлопотать объ освобожденіи, а Шенье только мечталъ и не зналъ, что предпринять, что касается Монтрона-то онъ угадалъ, какую подлую роль игралъ въ тюрьмѣ одинъ бельгійскій актеръ Жуберъ, шпіонъ Фукэ-Тенвилля. Получивъ распоряженія послѣдняго наблюдать за узниками, Жуберъ навелъ справки объ ихъ состояніи, и подъ пред-

¹⁾ Memoires de Aimée de Coigny. Introductions et notes, par Étienne Lamy. Paris. 1902.

логомъ розыска заговорщиковъ онъ записалъ на листахъ имена задержанныхъ, которые были богаты, и съ ними вошелъ въ сдѣлку. Богатые, устроившіеся такимъ образомъ, были освобождены; а тѣ, которые не обратили вниманія на это предложеніе, пошлѣли подѣ гильотину. Въ то время, какъ Шенье сочинялъ стихи и мечталъ, Монтронъ дѣйствовалъ, и съ помощью ста лудировъ онъ вычеркнулъ изъ списка приговоренныхъ свое имя и гражданки Франкетто, съ которой онъ все время находился въ сношеніяхъ. Четыре мѣсяца спустя, 9-го термидора, они были освобождены и повѣнчались. Герцогиня потеряла свой титулъ и положеніе. Но общество Директоріи отнеслось къ этой перемѣнѣ снисходительно, и бывшая герцогиня такъ же блистала въ обществѣ, какъ и прежде. Однако, ей надоѣлъ Монтронъ и ея незначительное положеніе; она взяла въ любовники трибуна Гара, брата знаменитаго пѣвца. Повидимому, она горячо его любила, несмотря на его грубость, безцеремонность и неуклюжесть — плоды его дурного воспитанія. Ихъ связь длилась шесть лѣтъ, и на этотъ разъ покинута была она. Злые языки говорили, что онъ былъ замѣщенъ Неомюсеномъ Лемерсье, а затѣмъ Этьеномъ де Жуи. Но Лемерсье былъ калѣка и семидесятипятилѣтнимъ старикомъ, а потому это не вѣроятно; второй же — человекъ со средствами, и этотъ слухъ правдоподобенъ. Но послѣдняя любовь была маркизь Брюно де Буажленъ, бывший капитанъ драгунъ, человекъ очень любезный и хорошаго общества. Съ нимъ она возвратила себѣ свое прежнее мѣсто въ свѣтѣ: «Моя душа, писала она въ своихъ воспоминаніяхъ, соединясь съ благороднымъ созданіемъ, чувствовала себя поднявшейся и водворенной на свое мѣсто». Съ нимъ она жила до дня своей смерти, т. е. до 1820 г.

— Наполеонъ-миротворецъ. Очень оригинальный взглядъ на Наполеона выразилъ недавно въ своей книгѣ «Napoléon et la Paix» Артуръ Леви. Онъ отважился сдѣлать довольно смѣлый шагъ — снять отвѣтственность съ Наполеона за пятнадцатилѣтнюю войну во время консульства и имперіи. Задавшись этой цѣлью, А. Леви принялся рыться въ архивахъ иностранныхъ канцелярій, а также изучалъ различныя историческія сочиненія. Его трудъ касается первыхъ дней консульства до Тильзитскаго мира, захватывая Амьенскій трактатъ и Пресбургскій миръ. Всю отвѣтственность онъ складываетъ главнымъ образомъ на Англію, не переносившую могущества имперіи и революціи. Самъ Наполеонъ принужденъ былъ воевать, чтобы сохранить естественныя границы Франціи, потому что Англія никогда не хотѣла согласиться на прочный солидный миръ. При этомъ Леви обвиняетъ Пруссію въ двуличной игрѣ; Фридриха-Вильгельма III въ интригахъ съ Александромъ, а нѣмецкихъ и русскихъ дипломатовъ въ вѣроломныхъ дѣйствіяхъ. По его мнѣнію, Наполеонъ жертва своихъ гуманнхъ чувствъ; онъ могъ низвергнуть Фридриха-Вильгельма III и Франца II, а вмѣстѣ съ тѣмъ держать въ рукахъ Александра, если бы онъ не былъ такъ великодушенъ и добросовѣстенъ. Онъ утверждаетъ, что на островѣ св. Елены Наполеонъ самъ сожалѣлъ о своемъ великодушіи въ отношеніяхъ съ европейскими династіями. Наполеонъ проницательно вспоминалъ, что его прозвали «Современнымъ Аттилой», и прибавлялъ: «Если бы я былъ Аттилой, быть можетъ, я еще царствовалъ бы, но они навѣрно давнымъ давно уже болѣе не были бы государями». И какъ онъ могъ избѣгнуть войны, говоритъ авторъ, когда про-

тивъ него были женщины и въ особенности такая красавица, какъ Луиза Прусская. Она околдовала Александра, который далъ себя увлечь до Аустерлица, и скрѣпила крѣпкими узами обоихъ государей. Послѣ Аустерлица она продолжала ненавидѣть Наполеона и создала при Берлинскомъ дворѣ кружокъ пылкой молодежи, готовой служить своей красавицѣ королевѣ. Эта партія увлекала за собою министровъ и самого короля. А. Леви говоритъ, что невозможно приписывать періодъ войны 1810—1815 г.г. какому-то умоизступленію, овладѣвавшему Наполеономъ каждый разъ, когда онъ думалъ объ Англіи, такъ какъ эта легенда была придумана англичанами, вѣчными врагами Франціи. Главной причиной разрыва Амьенскаго трактата съ Англіей былъ отказъ притти къ соглашенію относительно торговаго трактата, болѣе выгоднаго для Англіи, чѣмъ для Франціи. Отвѣтственность за то падаетъ на Англію. Англія была противъ революціи, потому что послѣдняя возвратила Франціи естественныя границы и завладѣла могуществомъ. Авторъ упрекаетъ европейскіе кабинеты, что они пустили позорные слухи, когда Наполеонъ приказалъ арестовать герцога Ангіенскаго на нейтральной землѣ курфюрства Баденскаго, а затѣмъ казнилъ его въ Венсенскомъ рву. Онъ ссылается на то, что принцъ не имѣлъ никакихъ причинъ жить въ Эттенгеймѣ и могъ покинуть страну со своей любовницей, чтобы избѣжать подозрѣній. Онъ этого не сдѣлалъ, потому что ему платили жалованье англичане, и онъ былъ готовъ проникнуть въ Парижъ при первомъ усилѣхъ заговора, въ которомъ участвовалъ Лондонскій кабинетъ, изгнанные принцы и эмигранты. Однако какъ ни старается Леви доказать свою идею, но ему не по силамъ облить величайшаго полководца XIX столѣтія и представить его миротворцемъ.

— Наполеонъ на островѣ Эльбѣ. Согласно недавно появившейся въ Дрезденѣ библиографіи Наполеоновской литературы—всѣхъ сочиненій, написанныхъ о немъ, 3.000. Однако Наполеоновская литература не остановится на этомъ числѣ, и уже въ одной изъ августовскихъ книжекъ «Revue hebdomadaire» помѣщена статья ¹⁾ П. де-Латура о пребываніи Наполеона на островѣ Эльбѣ. Появленіе этой статьи было вызвано слухомъ, что англійская королева желала купить резиденцію Наполеона на островѣ Эльбѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ англійское правительство уже купило домъ въ Лонгвудѣ, гдѣ окончилъ Наполеонъ послѣдніе дни и, вѣроятно, вилла Савъ-Мартино останется въ ихъ рукахъ. Это было наиболѣе предпочитаемое мѣстопробываніе великаго полководца послѣ его перваго отреченія отъ престола. Когда Наполеонъ покинулъ эту виллу ей пришлось перебивать во многихъ рукахъ, но она существуетъ до сихъ поръ въ своемъ первобытномъ видѣ, только мебель въ ней почти исчезла, исключая кровати и стола—небольшой цѣнности. На потолкѣ красуются разрисованные два голубя, связанные узами, которые все крѣпче и крѣпче затягиваются по мѣрѣ того, какъ они удаляются другъ отъ друга. Этимъ онъ намекалъ на свою жену Марію-Луизу, покинувшую его, чтобы повести иную жизнь, которая легла пятномъ на ея положеніе императрицы

¹⁾ Napoleon à l'île d'Elbe, par Patrice de Latour. «Revue hebdomadaire». 3 août, 1902.

и матери. «Лучше бы сдѣлали,—гозорилъ Наполеонъ,—давъ меня убить въ Шёнбрунѣ, чѣмъ допустить меня жениться на этой женщинѣ!» Тамъ же находилась живопись въ древне-египетскомъ стилѣ, какъ воспоминаніе о походѣ въ Египетъ. На одной изъ колоннъ былъ выгравированъ знаменитый девизъ: «Ubicumque felix Napoleo» (Наполеонъ всегда счастливый). Въ моментъ сдачи Парижа Наполеонъ былъ полонъ умственной и физической силы и жара и еще обладалъ достаточными источниками, чтобы возстановить славу, скомпрометированную, благодаря угомленію его генераловъ. Ему надо было собраться съ силами, отряхнуться отъ неудачъ, налетѣвшихъ на него со всѣхъ сторонъ. Островъ Эльба казался ему спокойнымъ мѣстомъ, гдѣ онъ могъ подготовиться дать отпоръ и возстановить свое могущество. Онъ удалился туда не смиренно, а высоко поднявъ голову, угрожая и ставя условія. Онъ говорилъ, что отправляется туда не потому, что его заставляютъ уѣхать, но онъ самъ желаетъ туда поѣхать. Его пребываніе было холоднымъ, разсудительнымъ, методическимъ подготовленіемъ, которое исполнялось съ свойственной ему лихорадочной дѣятельностью и замѣчательной ловкостью. Узнавъ, что Лавалетъ подписалъ капитуляцію Парижа, онъ пришелъ въ отчаяніе и назвалъ своего брата Юсіфа дуракомъ, Кларка — измѣнникомъ, а всѣхъ остальныхъ — пустоголовыми. Потомъ онъ прямо отправился въ Фонтенбло и объявилъ, что спокойно поѣдетъ въ Порто-Ферайо и тамъ поселится, готовый отказаться отъ короны Европы, если ему предложить ее. Послѣ знаменитой сцены съ солдатами во дворѣ онъ пустился въ путь къ своему новому «царству». Во время путешествія, несмотря на выражаемые населеніями враждебныя чувства къ нему, благодаря подговорами роялистовъ, онъ былъ очень веселъ. Въ Органѣ Наполеона встрѣтила сестра, принцесса Полина, и сопровождала его въ изгнаніе. Къ концу пути онъ сталъ обнаруживать нетерпѣніе и началъ угрожать вернуться и продолжать борьбу. Но предъ самымъ отъѣздомъ онъ снова просіялъ и много смѣялся, увидавъ названіе англійскаго фрегата «Непобѣдимый», приготовленнаго для его поѣздки на островъ Эльбу: «Это названіе ловко подобрано!» — сказалъ онъ. Изгнанникъ оставался пять дней въ морѣ и прибылъ на Эльбу только 3-го мая. Прежде всего Наполеонъ озаботился церемоніаломъ высадки и принялъ для переговоровъ о ней мѣстныхъ властей. На другой день въ 11 час. онъ сошелъ съ фрегата при звонѣ колоколовъ и салютахъ англійскихъ пушекъ. Наполеонъ шелъ среди своихъ офицеровъ и 50-ти моряковъ, назначенныхъ его тѣлохранителями, подъ балдахиномъ, устроеннымъ изъ найденныхъ на островѣ богатѣйшихъ матерій. Его встрѣтили помощникъ префекта Бальбьяне, въ сопровожденіи мѣстныхъ властей, а мэръ Традити поднесъ ему ключи отъ Порто-Ферайо. Прежде всего Наполеонъ направился въ домъ мэра и, заперевшись въ кабинетъ, потребовалъ отъ мэра отчета объ администраціи острова, его финансовыхъ средствахъ и потребностяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ ему представили карты и планы его новыхъ владѣній. Разсмотрѣвъ все, Наполеонъ сказалъ съ улыбкой: «Чортъ возьми, какой у меня маленькій островъ!» Изъ дома мэра Наполеонъ отправился въ жилище губернатора Порто-Ферайо и тамъ помѣстился. Съ первыхъ же дней своего пребыванія онъ сталъ устранивать для себя дворецъ Porto Longone и купилъ виллу Мартино,

гдѣ и жилъ во все свое пребываніе на островѣ Эльбѣ. Прежде чѣмъ постоянное помѣщеніе было устроено, онъ раскинулъ для своего жительства нѣсколько палатокъ. Въ нихъ провела двѣ ночи графиня Валевская съ сыномъ. Наполеонъ встрѣтилъ ее верхомъ, окруженный уланами и мамелюками, съ такимъ торжествомъ, что всѣ на островѣ приняли графиню за Марію-Луизу, а сына ея за римскаго короля. Жизнь державный узникъ велъ дѣятельную: онъ писалъ мало, но много читалъ, дѣлалъ длинныя прогулки верхомъ и на лодкѣ, при чемъ любилъ посѣщать англійскія суда, стоявшія на рейдѣ. Онъ также много охотился, хотя не любилъ этого развлеченія. Часто онъ давалъ праздники избранному мѣстному обществу, строго придерживаясь тюильрійскаго этикета. Купивъ много земли, онъ занимался культурой виноградниковъ и предпринялъ большія ирригаціонныя работы. Кромѣ того, онъ строилъ въ городѣ набережныя, мостилъ улицы и созидалъ дома, въ которыхъ открывалъ магазины. Онъ укрѣпилъ ПIANOSSU, наполнилъ арсеналъ военными матеріалами и покупалъ у поселенцевъ коровъ для продовольствія солдатъ. Онъ самъ всѣмъ распоряжался и надзиралъ за мельчайшей работой. Вообще онъ всячески старался увеличить удобства и красоту своего острова. Съ перваго же времени пребыванія на Эльбѣ Наполеонъ все время находился въ сношеніяхъ съ Римомъ, Неаполемъ, Генуей, Флоренціей и Ливорно. Его письма возили г-жа Бертранъ, принцесса Боргезе и г-жа Віала. Также постоянно ѣздили на островъ различные эмиссары. Все энергично подготовлялось къ возвращенію во Францію, и онъ имѣлъ подробныя свѣдѣнія объ интригахъ Талейрана и Веллингтона. Наконецъ 19-го февраля 1815 г. онъ объявилъ, что проведетъ лѣто въ Эрмитажѣ, называвшемся Марціано, но настоящая его цѣль была совершенно иная. Англійскій полковникъ Камбель, повинаясь инструкціямъ, полученнымъ отъ англійскаго правительства, смотрѣлъ на все сквозь пальцы и даже уѣхалъ въ Ливорно. 25-го февраля сестра Наполеона, герцогиня Боргезе, дала большой балъ, а на другой день онъ предпринялъ свою знаменитую попытку освобожденія, результатомъ которой были сначала Сто дней и Ватерлоо, а потомъ окончательное его изгнаніе на островъ св. Елены.

— Еще одинъ Бурбонъ. Въ послѣднее время историки задались цѣлью не оставлять во мракѣ неизвѣстности ни одного документа, ни одной личности, имѣющей какое либо отношеніе къ исторіи. Надняхъ Гастонъ Дешанъ помѣстилъ въ «Temps» замѣтку по поводу «Воспоминаній» виконта Резэ, и на другой день онъ получилъ изъ Штутгарта любопытное письмо ¹⁾, въ которомъ ему сообщаютъ, что у графа Шамбора былъ старшій братъ. Во время эмиграціи герцога Беррійскаго, находившагося въ то время въ Лондонѣ, онъ женился на нѣкоей миссъ Браунъ. Этотъ церковный бракъ, вполне законный въ Англии, не имѣлъ силы во Франціи, на томъ основаніи, что былъ совершенъ безъ разрѣшенія Людовика XVIII, какъ того требовало «королевское право», и герцогъ Беррійскій скрывалъ свою женитьбу. Отъ этого брака родились двѣ дочери и сынъ, не получившій никакого тутула и скончавшійся двадцать лѣтъ тому назадъ въ Мантѣ. По полученіи этого письма одинъ изъ сотрудниковъ «Temps» отпра-

¹⁾ «Temps». 25 août 1902.

вился въ Мантѣ за справками и съ этою цѣлью обратился къ мѣстному археологу г. Граву за разъясненіемъ. Послѣдній сообщилъ слѣдующее. Выходя замужъ, герцогиня Беррійскія не подозрѣвала прежней связи ея мужа. Только въ трагическій вечеръ, когда герцогъ, весь залитый кровью, лежалъ въ агоніи, 13 февраля 1820 г., онъ признался женѣ и попросилъ ее усыновить его двухъ дочерей. Дѣвочки были приведены къ умирающему отцу, и тутъ же передъ нимъ герцогиня съ трогательной простотой и благородствомъ удочерила ихъ. Старый король, утомленный страданіями, сдѣлалъ одну изъ нихъ графиней Иссуденъ, а другую графиней Верзонъ. Благодаря заботамъ королевской семьи, обѣ дѣвушки были выданы замужъ—одна за Фоссиньи-Люсанжа, другая за Урбена де Шареттъ. Но герцогъ Беррійскій ни слова не упомянулъ о сынѣ, и мальчикъ былъ приговоренъ къ безвѣстному существованію. Родившись въ Лондонѣ, онъ провелъ дѣтство въ Уши, на берегу Леманскаго озера. Возвратившись во Францію, онъ былъ помѣщенъ въ военную школу. Въ 1823 г. Гранвиль Браунъ, присутствуя вмѣстѣ съ матерью на свадьбѣ своей сестры, графини Иссуденъ, съ Фердинандомъ де-Фоссиньи-Люсанжъ, былъ оскорбленъ, что его матерью, а также имъ пренебрегаютъ, помѣстивъ ихъ въ задній рядъ, тогда какъ въ переднихъ рядахъ находился король, члены королевскаго дома и важныя особы. Возмущенный юноша взялъ за руку мать и помѣстилъ ее въ передніе ряды. Людовикъ XVIII видѣлъ эту сцену, но ничего не сказалъ. На слѣдующій день одинъ изъ офицеровъ короля принесъ Брауну высочайшій приказъ тотчасъ же отправиться къ Неаполитанскому королю. Онъ сдѣлался гренадерскимъ поручикомъ и возвратился во Францію лишь въ царствованіе Людовика-Филиппа. Затѣмъ о немъ ничего не было извѣстно до 1840 г., когда онъ жилъ въ Мантѣ по дорогѣ изъ Парижа въ Руэнъ. Это былъ добрый, безропотный, спокойный буржуа, съ виду нѣсколько грузный. Онъ велъ однообразную и банальную жизнь. Гравъ, лично знавшій Брауна, описывалъ его слѣдующимъ образомъ: «Онъ былъ довольно красивый человекъ, хотя не очень высокій. У него было длинное туловище, какъ у Бурбоновъ, маленькія и выгнутыя ноги и крѣпкіе суставы. Его голова была большая, массивная, лицо красное, носъ бурбонскій и надменные губы, усы, ниспадающіе полуциркулемъ, и маленькая сѣдая бородка Непі IV придавала его лицу серьезное выраженіе. Онъ удивительно походилъ на Людовика XVI. Браунъ напоминалъ добраго буржуа, безпритязательнаго и неунывающего. Средняго образованія и развитія онъ употреблялъ свой досугъ на благотворительность и ручную работу такъ же, какъ его великій дядя. Каждое утро видѣли этого потомка Бурбоновъ идущимъ твердой поступью и выпрямившись къ обѣднѣ, на церковное собраніе, такъ какъ онъ былъ набоженъ и великодушенъ. Возвращаясь онъ останавливался у книгопродавца Дюрдана, гдѣ усаживался читать газеты, преимущественно «Figaro». Иногда онъ приходилъ въ заднюю лавочку Дюрдана, который занимался также переплетнымъ дѣломъ, и молча смотрѣлъ, какъ онъ работаетъ. Онъ также заходилъ поговорить къ секретарю мэрїи Ланглуа, горячему легитимисту, только что недавно скончавшемуся, или къ аптекарю Лекюеру, также умершему, — единственнымъ двумъ близкимъ его друзьямъ. Затѣмъ онъ возвращался домой, гдѣ его ожидала жена. Вотъ какое существованіе въ продолженіе сорока

лѣтъ вель предпоследній изъ Бурбоновъ. Въ своемъ небольшемъ домѣ онъ устроилъ мастерскую, въ которой помѣстилъ верстакъ, тиски, кузнечный горнъ и прочіе инструменты. Онъ предавался ручному труду въ свободное отъ набожныхъ дѣлъ время. Впрочемъ его инкогнито вскорѣ обнаружилось, и жители Манты не называли его иначе, какъ Генрихъ V. Онъ самъ кончилъ тѣмъ, что болѣе не скрывалъ своего происхожденія и вспоминалъ, отъ времени до времени, о членахъ королевской семьи, но всегда очень почтительно. Онъ любилъ заявлять, что очень уважаетъ графа Шамбора, но онъ говорилъ о немъ, по словамъ одного свидѣтеля, какъ о постороннемъ лицѣ. Браунъ женился на двояродной сестрѣ, съ которой онъ очень дружно жилъ, но у нихъ не было дѣтей. Послѣ его смерти узнали, что онъ былъ отчасти собирателемъ рѣдкостей, и нѣкоторые предметы искусства свидѣтельствовали объ его вкусѣ. Но его страсти не были расточительны. Впрочемъ онъ и не могъ много тратить, имѣя лишь пенсію въ 12.000 франковъ. Эта пенсія положена была не Бурбонами, и графъ Шамборъ совсѣмъ имъ не занимался. Она перешла къ нему отъ матери, которая приходила къ нему часто, когда была жива. Онъ обладалъ достоинствомъ и никогда ничего не выпрашивалъ. Подлинность его рожденія подтверждается слѣдующимъ актомъ его смерти: «Четвертаго іюля 1882 г. въ 10 ч. утра сдѣланъ сей актъ о смерти Георга Гранвилля Брауна, домовладѣльца, семидесяти семи лѣтъ, родившагося въ Лондонѣ и скончавшагося въ Мантѣ 3-го іюля въ два часа пополудни въ своей квартирѣ въ улицѣ Сень-Пьера № 7. Онъ былъ сыномъ Георга Брауна и Анны Браунъ и мужемъ Шарлотты-Луизы Браунъ, проживающей въ Мантѣ. Этотъ актъ составленъ нами, Жозефомъ Гевромъ, мэромъ, послѣ признанія его личности въ моемъ присутствіи, Рене-Луи де Фосиньи-Люсанжъ, домовладѣльца 40 лѣтъ, проживающаго въ Туринѣ, племянника покойнаго, и Урбена де Шаретта, домовладѣльца сорока трехъ лѣтъ, проживающаго въ Гуффѣ (Внѣшняя Луара), тоже племянника покойнаго, которые, какъ свидѣтели, подписались съ нами, мэромъ, по прочтеніи». Конечно, тѣмъ бы и покончились справки о предпоследнемъ Бурбонѣ, мирно проживавшемъ въ Мантѣ, и съ его смертью умерла бы память о немъ, если бы не осталась послѣ него тоже незаконная вѣтвь. Это обстоятельство открылъ Мариусъ Габіонъ. По его словамъ, когда Георгъ Браунъ послѣ случая на свадьбѣ сестры былъ высланъ въ Неаполь, ему было 18 лѣтъ. Онъ увезъ съ собою свою подругу сердца Жюли Анастаси Л..., скромную молодую дѣвушку. Юная пара жила дружно, и 6 августа 1830 г. у нихъ родилась дѣвочка Луиза, которая носила фамилію матери. Когда Георгъ Браунъ возвратился во Францію, ей было 7 лѣтъ. Какъ случилось, что онъ разстался съ ними и женился на миссъ Браунъ, неизвѣстно, но о дѣвочкѣ онъ заботился. Она сама выбрала себѣ мужемъ привратника консерваторіи, который еще живъ, и они прижили многочисленную семью. Этотъ вопросъ усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что у этой дочери Георга Брауна, которой теперь 72 г., было пять или шесть сестеръ и братьевъ. Гдѣ они и что дѣлаютъ, старики ничего не говорятъ.

— Столѣтній юбилей Лакордера. Первый разъ парижскій соборъ Богоматери видѣлъ такое торжество, какое было въ день столѣтняго юбилея монаха доминиканскаго ордена и блестящаго проповѣдника Лакордера. Ни-

когда еще въ его стѣнахъ не собиралась такая масса народа въ честь частнаго, бѣднаго духовнаго лица, скончавшагося безъ какихъ либо официальныхъ титуловъ. Конечно, было нѣсколько странно видѣть, какъ чествовали кардиналы, архіепископы и прочіе духовные сановники человѣка, сказавшаго: «всѣ епископы, назначенные государствомъ, измѣнники религіи», или, какъ онъ выразился 31-го августа 1831 года: «не знаю, какое удовольствіе надѣвать митру на голову какого нибудь лица, когда ни во что не вѣришь, и еще надѣвать ее на недостойную голову, чтобы имѣть большее удовольствіе». Человѣкъ, сказавшій эти слова, казалось, долженъ былъ бы нажить себѣ враговъ среди духовенства, и многіе съ интересомъ ожидали, какъ выйдетъ изъ неловкаго положенія епископъ Тушэ, которому предстояло сказать юбилейную рѣчь. По поводу этого торжества появилось много статей, между прочимъ, въ «Revue hebdomadaire» ¹⁾. Жанъ-Батистъ-Анри Лакордеръ родился въ Ресеи-сюръ-Урсѣ 12-го мая 1802 года. Выйдя изъ Дижонской коллегіи, онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ окончилъ юридическій факультетъ и получилъ званіе адвоката. Нѣсколько времени спустя, когда ему исполнилось 22 года, онъ поступилъ въ семинарію Сень-Сюльписъ и посвященъ былъ въ патеры въ 1827 году. Со времени іюльскаго правительства онъ сошелся съ молодымъ перомъ Франціи, графомъ Монталамберомъ, который говорилъ о немъ: «Рожденный демократомъ и цитавшійся республиканскими идеями, онъ заранѣе скрылъ, но никогда не загашая, революціонную лаву, которая, отъ времени до времени, прорывалась въ его словахъ, не для того, чтобы посѣять развалины и ужасъ, но чтобы освѣтить окружавшую всѣхъ ночь. Сдѣлавшись христіаниномъ, католикомъ, священникомъ и монахомъ, онъ не измѣнилъ ни одному законному инстинкту, ни одному великодушному убѣжденію своей юности. Онъ навѣрно былъ въ церкви самымъ блестящимъ олицетвореніемъ этого новаго духа, который христіане обязаны принять подъ опасеніемъ потерять истину». Съ первыхъ же встрѣчъ Монталамберъ и Лакордеръ близко сошлись. Послѣдній говорилъ: «Я люблю его, какъ плебей». Они рѣшили составить свободную группу католиковъ и подняли вопросъ о свободѣ обученія и открытіи свободной школы, но гражданская власть приговорила Лакордера закрыть ее. Тогда онъ основалъ вмѣстѣ съ Монталамберомъ демократическо-католическій журналъ «Будущность», въ которомъ они проводили свою доктрину, и Лакордеръ писалъ въ немъ: «Католики, оставимъ надежды на рабство тѣмъ, кто имѣетъ вѣру только въ князей земли. Оставимъ ихъ твердить, что все пропало, если заговорить пресса, и погружаться въ плачевныя послѣдствія, въ которыхъ имъ останется выбирать между полнымъ разрушеніемъ порядка и разрушеніемъ разсудка. Это дѣти одного дня, которыя еще не видали затмѣнія, и которыя протягиваютъ руки, зывая о помощи, не знаю какихъ боговъ. Что касается насъ... не будемъ смущаться отъ пустяковъ и съ крестомъ на груди будемъ молиться и бороться; дни не убиваютъ вѣковъ, свобода—Бога». Папа Григорій XVI далъ имъ выговоръ и запретилъ журналъ. Они подчинились ему, но въ душѣ остались попрежнему

¹⁾ Quelques souvenirs sur le père Lacordaire, par Malarce. «Revue hebdomadaire», 21 mai 1902.

либералами. Революція 1830 года его не испугала. «Пришло время, — говоритъ онъ, — когда церковь должна отказаться отъ надежды быть поддерживаемой свѣтскою рукою, но надо болѣе и болѣе овладѣть свободой и завоевать ее съ трудомъ, какъ ее всегда завоевывали всѣ партіи». Въ 1834 году онъ былъ назначенъ проповѣдникомъ въ соборъ Парижской Богоматери. Въ 1840 году онъ вступилъ въ доминиканскій орденъ и появился на кафедрѣ уже въ доминиканской одеждѣ. Усиѣхъ былъ громаднѣй. Лакордеръ сказалъ надгробныя хвалебныя слова Фарбенъ-Жансену, генералу Друо и О'Коннелю. По словамъ Маларса, Лакордеръ такъ же, какъ Ровиньянъ, Доннэ Дюпанлу, Манкюэль, Фуа, Ройе-Колларъ, Бенжаменъ-Констанъ, Верье и т. д., болѣе всѣхъ возвысили умъ народа, и роль ихъ была наиболѣе плодотворная съ точки зрѣнія истинной цивилизаціи. Много было извѣстныхъ проповѣдниковъ, но они не могли такъ дѣйствовать на массы, какъ Лакордеръ. Секретъ его обаянія скрывался въ его сердцѣ, которое онъ вкладывалъ въ свои уста. «Любовь не что иное, какъ слово, — замѣчалъ онъ, — говоря его всегда, никогда не повторяешься!» Этой фразой онъ прекрасно характеризовалъ себя. Въ немъ господствовали два чувства: любовь и свобода. Онъ самъ говорилъ: «Либераломъ я былъ отъ природы». Въ 1846 году патеръ Лакордеръ былъ въ самомъ блескѣ своего ораторскаго таланта. Его воскресныя проповѣди привлекали во время поста самое избранное парижское общество, а также студентовъ. Съ шести часовъ утра къ собору являлись лакеи записаться для своихъ господъ удобнымъ мѣстомъ и стерегли его до часу дня, когда начиналась проповѣдь. Студенты, за неимѣніемъ лакеевъ, сами забирались ко времени открытія церкви и оставались тамъ по семи часовъ, ради сохраненія мѣсть. Въ ту эпоху такого рода добываніе мѣсть было не рѣдкостью, и не только предъ театрами стояли цѣлыя хвосты народа, но даже въ Сорбоннѣ и въ Коллегіи Франціи. Но нигдѣ не собиралось столько народа, какъ во время проповѣди Лакордера. Его конференціи продолжались неизмѣнно часъ. Какъ тонкій наблюдатель, Лакордеръ понималъ, что долѣе часа вниманіе публики не можетъ быть напряжено, а потому ему будетъ невозможно господствовать надъ массою. Однажды, по словамъ Маларса, Лакордеръ такъ увлекся предметомъ проповѣди, что перешелъ границу назначеннаго времени. Когда ударило два часа, то слушатели заволновались, такъ какъ это былъ урочный часъ. Ораторъ внезапно остановился и, протянувъ лѣвую руку къ циферблату, произнесъ: «Не смотрите, господа, на часы, мы обозначимъ ихъ величіемъ предметовъ, о которыхъ намъ остается поговорить». Моментально всѣ смолкли и сосредоточились. Но ораторъ въ нѣсколько минутъ окончилъ свою проповѣдь. Лакордеръ во всѣхъ отношеніяхъ былъ рѣдкимъ ораторомъ, и на своей кафедрѣ онъ былъ олицетвореніемъ вдохновеннаго проповѣдника. Прежде чѣмъ начать свою проповѣдь, онъ опускался на колѣно предъ архіепископомъ, чтобы получить его благословеніе, затѣмъ, поднявшись на кафедру, онъ минуту неподвижно стоялъ, съ высоко поднятой головой, опершись на кафедру обѣими руками и обративъ глаза къ небу, какъ бы вдохновляясь свыше. Затѣмъ онъ окидывалъ долгимъ взглядомъ всѣхъ собравшихся, какъ бы проникая въ ихъ души. Въ своемъ бѣломъ длинномъ одѣвнѣ, съ величественными, но скромными жестами, онъ производилъ уже однимъ своимъ видомъ обаятель-

ное впечатлѣніе. При этомъ онъ обладалъ яснымъ, металлическимъ голосомъ, которымъ прекрасно управлялъ, не прибѣгая ни къ какимъ приемамъ, бющимъ на эффектъ. Многіе находили, что талантъ Рашели напоминалъ Лакордера, а такъ какъ Лакордеръ никогда не присутствовалъ на представленіяхъ великой трагической актрисы, то, вѣроятно, она посѣщала его конференціи. Его проповѣди не заставляли слушателей углубляться въ себя и задумываться, но онъ зажигали какой-то огонь въ крови, сердцѣ и умѣ. Человѣка тянуло идти на борьбу, на какую—онъ самъ не зналъ. Его конференціи много способствовали паденію правительства Луи-Филиппа во время министерства Гизо. Въ послѣдніе годы царствованія Луи-Филиппа, Лакордеръ со своей каведры металъ стрѣлы ироніи по адресу вздорливаго антилиберальнаго и ничтожнаго правительства Гизо и даже самого короля, которому было не по себѣ съ государями священнаго союза и избѣгавшаго всѣхъ внутреннихъ вопросовъ, чтобы миновать голосованія парламента. Это было время, когда Луи-Филиппъ, давая инструкцію французскому дипломату Малэ, отправлявшемуся въ Америку на новый постъ, говорилъ: «Ничего не дѣлайте, ничего не говорите».—«Ахъ, государь,—отвѣчалъ дипломатъ,—вотъ трудная миссія, но я попробую!» Какой успѣхъ имѣли слова Лакордера, когда онъ, нападая на это скрытное и пронырливое министерство, сказалъ по поводу Версальскаго дворца, изъ котораго сдѣлали Національный музей: «Въ настоящее время одна только живопись достойна обитать въ этомъ дворцѣ». Революція 1848 года не убила въ немъ духа, онъ видѣлъ въ февральскихъ событіяхъ поддержку его идеямъ. Наступила новая эпоха; принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ былъ избранъ сначала президентомъ, а затѣмъ императоромъ. Захвативъ полную власть въ управленіи Франціей, онъ заставилъ замолчать слишкомъ краснорѣчивыхъ ораторовъ. Лакордеръ прекратилъ свои конференціи и отдался воспитанію юношей въ Сорресской коллегіи. Къ несчастію, это не была серіозная коллегія; въ ней находились лишь дѣти богатыхъ родителей и аристократовъ. Лакордеру предстояло ее очистить отъ испорченныхъ молодыхъ аристократовъ, и онъ отослалъ десятую часть учениковъ. Онъ былъ хорошимъ ораторомъ, но его талантъ воспитателя едва ли не превышалъ первой способности. Онъ говорилъ своимъ ученикамъ: «Надо съ пользою употреблять время и пользоваться научными средствами, которыя вамъ предлагаетъ французская коллегія и Сорбонна. Правильно слѣдите за опредѣленнымъ количествомъ курсовъ внѣ школы правовѣдѣнія, а чтобы связать себя, предложите себѣ добиться диплома бакалавра, такъ какъ въ избыткѣ своей свободы студенты должны связывать сами себя. Помните, что человѣческій умъ имѣетъ два органа—разсудокъ и воображеніе; если онъ исключительно развиваетъ одинъ изъ этихъ органовъ, то будетъ расти хромымъ; человѣкъ, хорошо уравновѣшенный, ходитъ обѣими ногами; разсудокъ усиливаетъ культуру наукъ, воображеніе возвышается культурой литературъ. Когда вы почувствуете, что стали слишкомъ разсудительны отъ точныхъ и физическихъ наукъ, склонитесь немного къ искусствамъ: читайте поэтовъ, посѣщайте музеи, ходите иногда въ пристойный театръ, въ концерты консерваторіи, а если эти занятія васъ увлекаютъ, возвратитесь къ практической жизни цифръ, открытій и естественныхъ изобрѣтеній. Такимъ образомъ, вы пойдете прямо, бу-

дете точно видѣть и станете совершеннымъ человѣкомъ. Не будьте слишкомъ абсолютны и необщительны, ни утопистами, ни опасными и неспособными, какъ нѣкоторые мечтатели». Относительно ораторскаго таланта Лакордеръ совѣтовалъ ученикамъ держаться слѣдующаго правила: «Напишите и заучите на память первыя и послѣднія фразы вашей рѣчи; это дозволитъ вамъ овладѣть собою и слушателями съ самаго начала; чтобы окончить, вы можете пустить въ ходъ какую нибудь сенсаціонную фразу, которая оставитъ слушателей подъ впечатлѣніемъ, выгоднымъ для васъ. Между началомъ и концомъ старайтесь держать умы слушателей подъ владычествомъ вашего слова. Ораторъ прекрасно знаетъ, слыся ли онъ со своими слушателями, властвуетъ ли онъ надъ ними и увлекаетъ ли ихъ, а когда онъ замѣчаетъ, что магнетическій токъ прекратился или ослабъ, онъ бросаетъ аргументъ, подходящий для слушателей, который соединитъ токъ. Кромѣ того, если онъ замѣчаетъ, что вниманіе ослабло, онъ можетъ прибѣгнуть къ древнему обычаю афинянъ — къ анекдоту. Чтобы маневрировать такимъ образомъ, нуженъ нѣкоторый навыкъ, но можно напрактиковаться, съ условіемъ основательно знать предметъ, а также имѣть прекрасную память». Онъ остался всю жизнь либераломъ, и на другой день его принятія въ академію онъ сказалъ группѣ молодыхъ людей: «Я умру раскаявшимся монахомъ, но не раскаяннымъ либераломъ». Его принятіе въ академію было триумфомъ. Онъ умеръ въ 1860 году.

— Смерть кардинала Лядоховскаго. Въ послѣднихъ числахъ іюля умеръ въ Римѣ восьмидесяти лѣтъ графъ Мячеславъ Лядоховскій, бывшій архіепископъ Познани, а съ 1875 г. кардиналъ. Это былъ человѣкъ твердый и упорный, одинъ изъ тѣхъ, которые играли видную роль послѣ созданія новой нѣмецкой имперіи въ борьбѣ противъ политики Бисмарка. Имя Виндгорста, главы нѣмецкой католической партіи, служитъ символомъ этой борьбы временъ Kulturkampf'a, и Лядоховскій былъ тѣсно связанъ съ его дѣятельностью. Онъ боролся за самобытность поляковъ въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, жертвуя собою, и два года провелъ въ тюрьмѣ Острови. Графъ Лядоховскій всю свою жизнь былъ дипломатомъ. Онъ началъ свою карьеру въ Лисабонѣ. Затѣмъ онъ былъ папскимъ делегатомъ въ Южной Америкѣ и нунціемъ въ Брюсселѣ. Когда 12 февраля 1865 г. умеръ епископъ Познани, Леонъ Пржилуцкій, вопросъ объ его замѣщеніи поднялъ настоящую перестрѣлку сначала между Берлиномъ и Римомъ, а потомъ между членами германскаго правительства. Находясь подъ вліяніемъ Бисмарка, который былъ всегда противъ всего и всѣхъ, что не было нѣмецкимъ, король хотѣлъ назначить на епископское мѣсто майнскаго епископа, Кеттлера. Поляки узнавъ объ этомъ, встрепенулись, и представители ихъ, князя Вильгельмъ и Фердинандъ Радзивиллы, обратились къ королю, отставивъ своего кандидата, графа Мячеслава Лядоховскаго—поляка и аристократа. Бисмаркъ возсталъ и старался воспрепятствовать, ссылаясь на то, что графъ Лядоховскій полякъ и мало жилъ въ Германіи. Однако князьямъ Радзивилламъ удалось одержать верхъ надъ Бисмаркомъ, и Лядоховскій былъ назначенъ архіепископомъ Познани и Гнѣзна. Но Бисмаркъ не сдался и продолжалъ интриговать противъ новаго архіепископа. Когда въ 1860 г. Лядоховскій и кельнскій архіепископъ Мельхерсъ приносили королю присягу, то

Бисмаркъ не явился на церемонію, ссылаясь на болѣзнь. Съ момента своего вступленія на новый постъ графъ Лядоховскій страстно принялся отстаивать и защищать полонизмъ и католицизмъ; не забывая своего долга прусскаго подданнаго, онъ все-таки мечталъ и стремился къ воскрешенію уже умершаго польскаго королевства и польскому сепаратизму. Подобнаго антигерманизма, конечно, не могъ допустить Бисмаркъ, и 15 апрѣля 1874 г. графъ Лядоховскій былъ приговоренъ къ тюремному заключенію за сопротивленіе государственнымъ законамъ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ онъ удалился въ Римъ, гдѣ и умеръ, какъ префектъ пропаганды. Со временемъ понемногу улеглось воспоминаніе о перенесенныхъ непріятныхъ минутахъ, и графъ Лядоховскій сталъ благопріятствовать нѣмецкому вліянію во всемъ свѣтѣ, изъ чего можно заключить, что именно къ Германіи бывшій познанскій епископъ не питалъ вражды. Во время посѣщенія Рима Вильгельмъ публично выразилъ ему свое благоволеніе.

С М Ъ С Ь.

ПАМЯТНИКЪ императору Александру II. 29-го іюня въ селѣ Волинщинѣ Рузскаго уѣзда, Московской губерні и, состоялось открытіе памятника Царю-Освободителю, сооруженнаго на средства, собранныя жителями Хотобцовской волости. Сборъ начался прошлой зимой по случаю исполнившагося сорокалѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и въ немъ участвовали, какъ передаетъ «Русское Слово», только жители Хотобцовской волости. Такъ, предводитель дворянства пожертвовалъ 100 рублей, учительница — 20 копеекъ, мѣстный богатей-крестьянинъ — 50 рублей и т. д. Для открытія былъ избранъ Петровъ день (ярмарка въ Волинщинѣ). Почетнымъ гостямъ былъ предложенъ обѣдъ, послѣ котораго послѣдовало торжество. Памятникъ, поставленный въ селѣ, при въѣздѣ въ паркъ усадьбы, былъ закрытъ полотномъ. Громадная площадь была покрыта народомъ. Около трехъ часовъ по полудни къ памятнику прибыло духовенство съ хоругвями, прекрасный хоръ пѣвчихъ города Рузы, почетные гости, и послѣдовало торжество освященія. Полотно съ бюста было свято. Во время пѣнія «со святыми упокой» и «вѣчной памяти» Царю-Освободителю всѣ присутствовавшіе преклонили колѣни. Послѣ богослуженія и. д. московскаго губернатора Л. А. Баратынскій провозгласилъ здравіе государя императора. Грянуло трехкратное «ура», и военный оркестръ исполнилъ «Боже, Царя храни». Затѣмъ предводитель дворянства произнесъ рѣчь.

Столѣтіе Голицынской больницы. 22-го іюля исполнилось столѣтіе существованія въ Москвѣ Голицынской больницы. Официальное торжественное празднованіе юбилея отложено на неопредѣленное время и состоится не ранѣе осени. 21-го іюля, накануне юбилея, въ больничной церкви мѣстнымъ духовенствомъ была отслужена заупокойная обѣдня по въ Бозѣ почивающихъ высочайшихъ покровительницахъ больницы, а также по ея основательнѣ, князѣ

Дмитрія Михайловичъ, строителѣ князь Александръ Михайловичъ Голицыныхъ, всѣхъ скончавшихся директорахъ ея и попечителяхъ, въ присутствіи всего медицинскаго и административнаго персонала больницы съ главнымъ врачомъ С. Ѳ. Дерюжинскимъ во главѣ. Послѣ литургія надъ гробницами князей Д. М. и А. М. Голицыныхъ, въ склепѣ подъ больничнымъ храмомъ, была отслужена панихида, и докторъ С. Ѳ. Дерюжинскій возложилъ на гробницы два вѣнка съ надписями: «Князю Д. М. Голицыну, основателю голицынской больницы, въ знакъ уваженія къ памяти его—благодарные служащіе Голицынской больницы» и «Князю А. М. Голицыну, душу свою положившему на созиданіе Голицынской больницы, — благодарные служащіе Голицынской больницы». Въ день юбилея въ больничной церкви была отслужена торжественная литургія, а по окончаніи ея—молебствіе также въ присутствіи медицинскаго персонала и администраціи, послѣ чего для служащихъ былъ прочитанъ историческій очеркъ больницы за время ея существованія, составленный врачомъ больницы, докторомъ С. Малолѣтковымъ. Голицынская больница возникла на капиталъ въ 720.000 рублей, завѣщанный съ этою цѣлью княземъ Д. М. Голицынымъ, бывшимъ въ царствованіе императрицы Екатерины II чрезвычайнымъ посломъ при австрійскомъ дворѣ. Въ 1796 году состоялась закладка больницы на 50 кроватей на землѣ, купленной близъ Калужскихъ воротъ у Строгановыхъ за 40.000 рублей. Планъ больницы былъ составленъ извѣстнымъ въ то время архитекторомъ Баженовымъ; наблюдалъ за постройкой архитекторъ Казаковъ, а руководилъ всѣмъ дѣломъ душеприказчикъ покойнаго, его двоюродный братъ князь А. М. Голицынъ. 22-го іюля 1802 года послѣдовало открытіе больницы на 50 кроватей съ организаціей при ней лѣченія электричествомъ, и начался бесплатный приѣмъ больныхъ. Первымъ главнымъ докторомъ былъ хирургъ Е. О. Мухинъ, впослѣдствіи бывший профессоромъ Московскаго университета. Въ 1805 году больница была расширена до 100 кроватей. Въ 1803 году при ней открыта богадѣльня, въ 1811 году—глазное отдѣленіе на десять кроватей, которымъ завѣдывалъ д-ръ Броссе. Въ 1812 г. Голицынская больница была избрана для помѣщенія раненыхъ французовъ и русскихъ; въ ней производилъ операціи врачъ Наполеона извѣстный ученый хирургъ Ларрей. Въ 1813 году было устроено костоправное отдѣленіе. Въ 1830 году главный докторъ Голицынской больницы Маркусъ принималъ самое энергичное участіе въ лѣченіи холерныхъ больныхъ, которыхъ не принимали въ другихъ больницахъ, завѣдывалъ холернымъ бараккомъ при Пречистенской части и самъ вскрывалъ умершихъ отъ холеры. Съ 1876 года въ Голицынскую больницу переведена фельдшерская школа для питомцевъ воспитательнаго дома и пансіонеровъ и устроенъ интернатъ, расширенный въ настоящее время до 150-ти. Въ послѣднюю турецкую войну при Голицынской больницѣ было открыто отдѣленіе для раненыхъ. Въ 1886 году реорганизованъ родильный приютъ, гдѣ ежегодно совершается болѣе 1.000 родовъ. Болѣе десяти лѣтъ какъ больница предоставила городскому управленію приютъ для 120-ти хрониковъ; она имѣетъ большую амбулаторію, дѣятельность которой развивается съ каждымъ годомъ; въ 1901 г. въ амбулаторіи было сдѣлано 21.194 посѣщенія. Въ настоящее время больница обогатилась отдѣль-

нымъ анатомическимъ театромъ съ часовой и имѣетъ собственную электрическую станцію, паровую прачечную, баню и водолѣчебницу для приходящихъ. Ко дню официального празднованія юбилея больницы выйдетъ специальное обширное изданіе, посвященное этому учрежденію, съ фототипіями и портретами лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ больницѣ за все время существованія. Кромѣ того, будутъ изготовлены особыя золотыя и серебряныя медали для раздачи почетнымъ гостямъ и чинамъ администраціи больницы.

Эриванскія древности. Въ Эривани замѣчательны два памятника древняго персидскаго зодчества: дворецъ и мечеть сардаровъ, бывшихъ правителей Эриванской области во времена персидскаго владычества. Оба зданія стоятъ вблизи другъ отъ друга въ центрѣ города на очень высокомъ, обрывистомъ берегу рѣки Занги. Дворецъ при подходѣ къ нему представляется невзрачнымъ домикомъ, подведеннымъ въ недавнее время, ради сохранности, подъ желѣзную крышу. Въ двухъ этажахъ его помѣщаются нѣсколько разной величины неправильно расположенныхъ комнатъ, не имѣющихъ впрочемъ для туриста, кромѣ знаменитаго зеркальнаго зала, никакого интереса. Три его стѣны, потолокъ и ниша состоятъ изъ разнообразныхъ кусочковъ зеркалъ, вставленныхъ въ цвѣтныя рамки. Тамъ, гдѣ нѣтъ зеркалъ, во множествѣ разбросаны причудливые цвѣтныя рисунки. На стѣнахъ же помѣщены восемь исполненныхъ красками портретовъ: шаха персидскаго Фетъ-Али, принца Абассъ-Мирзы, двухъ эриванскихъ сардаровъ и четырехъ героев персидскаго эпоса. Съ южной стороны зало имѣетъ глубокую нишу съ изящнымъ мраморнымъ бассейномъ. Изъ окна ниши открывается дивный видъ на Араратъ и долину рѣки Аракса. Дворецъ содержится въ крайнемъ небреженіи, множество зеркалъ исчезло, живопись въ значительной степени стерлась, на всемъ лежатъ слѣды запустѣнія. Видъ еще большаго разрушенія имѣетъ великолѣпная мечеть. Съверная сторона ея открыта и представляется замѣчательно изящной аркой. Стѣны, купола, потолокъ выложены темно-синими плитками съ изреченіями изъ корана и причудливыми рисунками Востока. Въ главномъ куполѣ огромная трещина, множество плитокъ вывалилось. Дворецъ и мечеть были окружены равнѣ крѣпостной стѣной, отъ которой въ настоящее время еле замѣтны слѣды. Расхищеніе кругомъ идетъ полное: всякій тащитъ все, что только хочетъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ отъ этихъ историческихъ памятниковъ ничего не останется.

Древности великокняжеской эпохи. На время XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, какъ извѣстно, устроена археологическая выставка. На послѣдней, какъ сообщаетъ «Кіевлянинъ», выставлена чрезвычайно богатая коллекція славянскихъ древностей великокняжеской эпохи, составляющая собственность В. П. и Б. И. Ханенко. Коллекція эта состоитъ, главнымъ образомъ, изъ кладовъ, найденныхъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. Среди этихъ кладовъ выставленъ замѣчательный, единственный въ своемъ родѣ кладъ, найденный въ прошломъ году подлѣ Кіева. За этотъ кладъ В. П. и Б. И. Ханенко заплатили 25.000 р. Въ составъ его входятъ слѣдующіе предметы: золотая эмальированная діадема, украшенная драгоценными камнями и жемчужомъ, нѣсколько золотыхъ эмальированныхъ образковъ, золотое украшенное эмалью ожерелье, 3 золотыя гривны, изъ которыхъ одна по своему типу пред-

ставляетъ unicum, два золотые эмальированные колта (наушные привѣски), являющіеся по своимъ размѣрамъ единственными изъ извѣстныхъ до сихъ поръ колтовъ, и много другихъ золотыхъ вещей, украшенныхъ драгоценными камнями. Діадема въ средней своей части имѣетъ изображеніе Александра Македонскаго (поясное), возносимаго къ небу грифонами. Кладъ этотъ найденъ въ глиняныхъ сосудахъ. По единогласному опредѣленію археологовъ, всѣ эти украшенія безусловно составляли собственность одного изъ кievскихъ великихъ князей. Кромѣ этого замѣчательнаго клада, на археологической выставкѣ въ Харьковѣ изъ обширной коллекціи В. Н. и Б. И. Ханенко выставлено нѣсколько кievскихъ кладовъ великокняжеской же эпохи, преимущественно найденныхъ въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ и заключающихъ золотые, серебряные, бронзовые и пр. предметы. Среди этихъ предметовъ особенно интересно большое бронзовое позолоченное блюдо, съ рѣзнымъ изображеніемъ Иисуса Христа. Особый отдѣлъ предметы, найденные на знаменитой въ археологическомъ мірѣ Княжьей горѣ. Среди нихъ находятся эмальированные золотые предметы, а также серебряныя, бронзовыя и др. вещи. Наконецъ, гг. Ханенко выставлены въ Харьковѣ рядъ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ славянскихъ городищъ Кievской губерніи. Среди древностей этого отдѣла особенно интересны предметы, найденные въ городищѣ на Дѣвичьей горѣ, на берегу рѣки Роси. Преимущественно это кресты, иконки и т. д.

Раскопки кургановъ. Между станціей Горячеводской и колоніей Константиновской, Пятигорскаго отдѣла, Терской области, тянется могильникъ изъ кургановъ. Съ разрѣшенія императорской археологической комиссіи, членъ-сотрудникъ С.-Петербургскаго археологическаго института В. Р. Апухтинъ произвелъ раскопку этого могильника. Маленькіе курганы имѣли погребеніе на уровнѣ материка. Костякъ засыпанъ землей съ мелкимъ камнемъ, обложенъ 4 брусьями и покрытъ деревянною доской. Мужскіе костяки имѣли въ лѣвой рукѣ желѣзные ножи, въ ногахъ одного изъ нихъ лежало кресало. Женскіе костяки имѣли около череповъ бронзовыя височныя кольца, въ ногахъ желѣзныя ножницы для стрижки овецъ, около плеча одного костяка поднять кусокъ ткани, перевитый шнуромъ, и пуговики. Курганы бoльшіе имѣли могилы въ грунтъ на 1 аршинъ отъ костяка, насыпанъ рѣчной песокъ и гравій, а затѣмъ до уровня материка плиты изъ камня. Въ головахъ стоялъ чудной работы сосудъ, лампочки изъ 3 сосудовъ и каменный столикъ. Черепа и вещи отправлены въ Харьковъ для выставки на предстоящемъ XII археологическомъ съѣздѣ, гдѣ В. Р. Апухтинъ и сдѣлаетъ докладъ о своихъ раскопкахъ.

Находка клада. Какъ сообщаютъ «Витебскія Губернскія Вѣдомости», крестьянскій паренъ деревни Фодотково, Никандровъ, пахалъ и плугомъ вырылъ эмальированный кушинъ съ мѣдными монетами времени царя Алексѣя Михайловича. Всего монетъ оказалось до полуторы тысячи. Форма ихъ неправильная, надписи трудно разбираются и неодинаковы, хотя монеты, повидимому, одного достоинства. Монеты просто обрублены, безъ заботы о сохраненіи надписей. На оборотной сторонѣ—кажущееся карикатурнымъ изображеніе всадника. Даты не видно. Величина монеты—около теперешняго серебрянаго пяточка; форма продолговатая. О находкѣ заявлено полиціи.

НЕКРОЛОГИ.

АРКЪ, Фанъ, К. К. 11-го августа въ Петербургѣ скончался извѣстный музыкальный дѣятель и педагогъ Карлъ Карловичъ фанъ-Аркъ, одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ Императорской С.-Петербургской консерваторіи. К. К. родился въ Петербургѣ 28-го августа 1839 г. и уже въ дѣтствѣ проявилъ музыкальныя способности. Музыкальное образованіе получилъ у профессора Ѳ. О. Лешетицкаго и состоялъ преподавателемъ съ самаго основанія консерваторіи въ 1862 г. Лешетицкій былъ приглашенъ профессоромъ, а К. К. адъюнктомъ по классу фортепiano. Въ 1866 г. онъ былъ избранъ старшимъ преподавателемъ, а въ 1873 г. профессоромъ первой степени. К. К.—авторъ «большой школы этюдовъ», по которой обучалась не одна тысяча начинающихъ свое музыкальное образованіе. Перу фанъ-Арка принадлежитъ также много небольшихъ фортепiанныхъ вещицъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ педагогическомъ репертуарѣ. (Некрологи его: «Новости», 1902 г., № 221, «Биржевыя Вѣдомости» 1902 г., № 219).

† **Базили, А. К.** 16-го іюля скончался въ Парижѣ, а похороненъ въ Одессѣ, старшій совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гофмейстеръ высочайшаго двора Александръ Константиновичъ Базили. Покойный происходилъ изъ дворянъ Новороссійскаго края, родился въ 1846 г. Высшее образованіе получилъ въ Ришельевскомъ лицѣѣ, въ Новороссійскомъ университетѣ. По окончаніи курса въ 1865 г., онъ поступилъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ; состоя нѣкоторое время въ Азіатскомъ департаментѣ, А. К. уже въ слѣдующемъ 1866 г. былъ назначенъ помощникомъ секретаря русской миссіи въ Константинополь. Въ продолженіе почти 20 лѣтъ его служебная дѣятельность протекла исключительно въ Константинополь, гдѣ онъ состоялъ младшимъ секретаремъ посольства и затѣмъ съ 1876 г. первымъ се-

кретаремъ посольства. Во время послѣдней русско-турецкой войны А. К. исполнялъ обязанности старшаго чиновника особыхъ порученій при дипломатической канцеляріи августѣйшаго главнокомандующаго дѣйствующей арміи, затѣмъ состоялъ въ штабѣ передвижнаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ генераль-адъютанта Гурко, и принималъ участіе въ сраженіяхъ съ этою частью войскъ. Во время мирныхъ переговоровъ съ турецкими уполномоченными въ Адрианополѣ и Санъ-Стефано, А. К. состоялъ секретаремъ при генераль-адъютантѣ графѣ Игнатъевѣ и потомъ сопровождалъ его въ Вѣну по особому дипломатическому порученію. По окончаніи войны съ Турціей А. К. вновь былъ назначенъ первымъ секретаремъ посольства въ Константинополѣ. Далѣе онъ былъ первымъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ, генеральнымъ консуломъ въ Вѣнѣ, генеральнымъ консуломъ въ Будапештѣ и въ 1897 г. былъ назначенъ директоромъ азіатскаго, нынѣ 1-го департамента министерства иностранныхъ дѣлъ. На этомъ посту покойный принималъ участіе въ международной мирной конференціи въ Гаагѣ. Въ августѣ 1900 г. А. К. былъ назначенъ старшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. (Некрологи его: «Новое Время» 1902 г., № 9474; «Одесскій Листокъ», 1902 г., № 190).

† **Вернеръ, К. А.** 31-го іюля скончался въ Москвѣ профессоръ Московскаго сельскохозяйственнаго института Константинъ Антоновичъ Вернеръ. К. А. родился 9-го февраля 1850 г. въ г. Немировѣ, окончилъ Одесское юнкерское училище, поступилъ сначала въ Константиновское военное училище въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Николаевское инженерное училище. По окончаніи курса въ послѣднемъ училищѣ К. А., въ качествѣ сапернаго офицера, прослужилъ два года въ рядахъ арміи. Затѣмъ онъ прекрасно сдалъ экзаменъ и поступилъ въ Николаевскую инженерную академію. За полгода до окончанія курса К. А. убѣдившись, что у него нѣтъ призванія къ военной службѣ, подалъ въ отставку, переѣхалъ въ Москву и поступилъ, по экзамену, въ Петровско-Разумовскую академію. Но по независящимъ отъ него обстоятельствамъ онъ не окончилъ въ ней полнаго курса. Во время русско-турецкой кампаніи К. А., съ высочайшаго соизволенія, принять былъ на военную службу и въ теченіе двухъ лѣтъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Азіатской Турціи. По окончаніи кампаніи К. А. возвратился въ Москву и выдержалъ въ Петровско-Разумовской академіи выпускной экзаменъ со степенью кандидата сельскаго хозяйства. Въ 1880 г. К. А. поступилъ статистикомъ въ московское земство и работалъ первое время подъ руководствомъ В. П. Орлова. Кромѣ мелкихъ, текущихъ работъ, К. А. выполнилъ крупную работу, составленіе обширнаго своднаго сборника: «Хозяйство частныхъ землевладѣльцевъ Московской губ.» (1883 г.). Трудъ этотъ сразу доставилъ автору репутацію опытнаго статистика, и уже въ слѣдующемъ 1884 г. таврическое земство пригласило его въ завѣдующіе статистическимъ бюро. Въ Таврической губерніи К. А. примѣнялъ тѣ же методы статистическаго изслѣдованія, которые были введены въ Московской губ. В. П. Орловымъ, и очень скоро таврическое бюро по солидности своихъ изслѣдованій заняло одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи. Всего Вернеромъ было издано девять томовъ «Сборника статистическихъ свѣдѣній по Таврической губ.». Большинство томовъ сборника имѣетъ болѣе или менѣе

спеціальний характеръ, но девятый томъ, носящій подзаголовокъ— «Памятная книжка Таврической губ.», болѣе общаго содержанія и представляетъ чрезвычайно интересную попытку нарисовать широкую картину всей хозяйственной жизни губернии. Кромѣ статистическихъ работъ, Вернеромъ въ сотрудничествѣ съ проф. Головкинскимъ изданъ въ 1889 г. «Путеводитель по Крыму». Въ 1889 г. К. А. оставилъ службу въ таврическомъ земствѣ, но не прекратилъ занятій сельскохозяйственной статистикой. Въ 1893 г. имъ написана небольшая по размѣрамъ, но очень содержательная статья: «Неурожаи и наше сельское хозяйство». Здѣсь затронуть крайне важный вопросъ о томъ, возрастаетъ ли вывозъ нашего хлѣба за границу изъ излишковъ производства или на счетъ народнаго потребленія, и авторъ путемъ цѣлаго ряда соображеній и фактическихъ данныхъ доказываетъ, что увеличение вывоза хлѣба идетъ рука объ руку съ сокращеніемъ потребленія народныхъ массъ. Съ 1895 г. К. А. состоялъ профессоромъ московскаго сельскохозяйственнаго института по кафедрѣ сельскохозяйственной экономіи. (Некрологи его: «Русскія Вѣдомости», 1902 г., № 211; «Русское Слово», 1902 г., № 209; «Курьеръ», 1902 г., № 211).

† **Гейротъ, А. А.** 24-го іюля послѣ долгой и тяжелой болѣзни скончался Александръ Александровичъ Гейротъ, бывшій въ теченіе 19-ти лѣтъ редакторомъ-издателемъ журнала «Чтеніе для солдатъ». Покойный происходилъ изъ стараго дворянскаго рода и родился въ 1851 году. По окончаніи гимназіи А. А. поступилъ въ университетъ, а оттуда въ Павловское военное училище. За блестящіе успѣхи въ наукахъ онъ былъ произведенъ въ фельдфебеля роты его величества и записанъ на мраморную доску въ залѣ училища.

Въ 1873 году высочайшимъ приказомъ Гейротъ былъ произведенъ въ офицеры въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Служа въ полку, А. А. исподволь подготовлялся къ редакторской дѣятельности подъ руководствомъ отца, извѣстнаго въ свое время дѣятеля генераль-майора А. Ф. Гейрота. Въ 1882 году, послѣ смерти отца Гейрота, послѣдовало высочайшее соизволеніе на утвержденіе А. А. редакторомъ-издателемъ журнала «Чтеніе для солдатъ». Въ 1886 году Гейротъ вышелъ въ отставку капитаномъ, съ мундиромъ полка и всецѣло отдался журналу и изданію общедоступныхъ книжекъ для народа и солдатъ.

А. А. много сдѣлалъ для журнала, исходатайствовалъ въ 1897 году высочайшее утвержденіе новой программы, болѣе отвѣчающей современнымъ требованіямъ, сталъ давать бесплатныя приложения и помѣщать въ журналѣ рисунки въ большомъ количествѣ. За свои труды, по изданію журнала онъ получилъ орденъ св. Станислава второй степени.

Въ 1901 году, отчасти вслѣдствіе усиленной работы, его постигло душевное расстройство, преждевременно сведшее въ могилу. Редакція и бывшіе сотрудники горько оплакиваютъ А. А., человѣка, который никогда никому не отказывалъ въ посильной помощи. Ни одинъ изъ сотрудниковъ, часто людей очень недостаточныхъ, не уходилъ отъ него, не получивъ просимаго. Глубоко религіозный человѣкъ и хорошій христіанинъ, Гейротъ былъ старостой церкви въ селѣ Ново-Никольскомъ Ярославской губерніи, непрестанно заботясь о благолѣпії храма. Состоя казначеемъ общества вспоможенія бывшимъ

кадетамъ Павловскаго корпуса и юнкерамъ Павловскаго военнаго училища, онъ душу и сердце отдавалъ этому дѣлу, заботясь о впавшихъ въ болѣзнь и бѣдность своихъ однокашникахъ. (Некрологъ его: «Чтеніе для солдатъ», 1902 г., № 9).

† **Клевецкій, А. З.** Въ ночь на 25 іюля, послѣ продолжительной болѣзни, скончался въ Москвѣ одинъ изъ немногихъ еще находящихся въ живыхъ славныхъ защитниковъ Севастополя, бывшій помощникъ товарища августѣйшаго генераль-фельдцейхмейстера, генераль-отъ-артиллеріи Александръ Захаровичъ Клевецкій.

Покойный родился въ 1826 году и по окончаніи курса въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ былъ въ 1846 году выпущенъ въ офицеры въ конную артиллерію. Вскорѣ же молодому офицеру пришлось принять боевое крещеніе, участвуя въ венгерской кампаніи, за которую и былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени съ мечами. Затѣмъ Александръ Захаровичъ участвовалъ въ геройской защитѣ Севастополя и, наконецъ, принималъ дѣятельное участіе, находясь въ рядахъ русской побѣдоносной арміи въ послѣдней русско-турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ. Здѣсь онъ вновь проявилъ боевыя доблести, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени съ мечами. Съ окончаніемъ этой войны покойный вскорѣ получилъ назначеніе на должность начальника артиллеріи гренадерскаго корпуса, а впослѣдствіи состоялъ помощникомъ товарища начальника артиллеріи. За свою болѣе чѣмъ полувѣковую доблестную службу въ офицерскихъ чинахъ покойный былъ одновременно награжденъ всѣми орденами до Бѣлаго Ора включительно. Въ чинъ генераль-майора онъ былъ произведенъ въ 1870 году, въ генераль-лейтенанта—въ 1881 году и въ генерала-отъ-артиллеріи—въ 1892 году. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1902 г., № 194; «Русскія Вѣдомости», 1902 г., № 194).

† **Ландау, А. Е.** 21-го іюля въ Берлинѣ скончался журналистъ Адольфъ Ефимовичъ Ландау. А. Е. родился въ 1841 году. Воспитаніе получилъ въ виленскомъ раввинскомъ училищѣ, а журнальную дѣятельность началъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», издававшихся подъ редакціей В. Ѳ. Корша, гдѣ онъ помѣщалъ преимущественно фельетоны и критическія статьи. Съ перемѣной редакціи Ландау уѣхалъ изъ Петербурга и работалъ въ одесскомъ «Днѣ», а въ 1871 году самъ началъ издавать историко-литературный сборникъ «Еврейскую Библіотеку», которая въ теченіе 10 лѣтъ была единственнымъ органомъ русско-еврейской литературы.

Въ 1880 году А. Е. началъ издавать ежемѣсячный журналъ «Восходъ», къ которому съ 1882 г. присоединилось еженедѣльное приложение «Недѣльная Хроника Восхода» Издавалъ онъ по 1899 годъ, когда журналъ былъ переданъ въ другія руки, такъ какъ Ландау уже хворалъ въ то время. (Некрологъ его: «Будущность», 1902 г., № 30).

Орловъ, И. Я. 10 іюня скончался на Майскомъ приискѣ, Амурской области, сибирскій журналистъ Иванъ Яковлевичъ Орловъ. Покойный сынъ священника и родился въ 1838 г. По окончаніи курса иркутской семинаріи онъ поступилъ въ Казанскій университетъ на медицинскій факультетъ, но его не

кончилъ, такъ какъ за политику былъ присужденъ къ 15-ти-лѣтней каторгѣ. Отбывъ каторгу, П. Я. обзавелся семьей и занялся простымъ трудомъ. Онъ сдалъ экзаменъ на фельдшера и все время исполнялъ эту обязанность на прискахъ и въ селахъ (въ Забайкальѣ), отличаясь особенной заботливостью о больныхъ. Тѣ убѣжденія, которыя онъ воспринялъ въ студенческіе годы, остались съ нимъ до гроба. Такъ, напримѣръ, будучи на службѣ въ одной богатой золотопромышленной компаніи, онъ не могъ переварить тѣхъ несправедливостей, которыя совершались, и обратился къ гласности. Компанія не стерпѣла и расчитала неспокойнаго человѣка. Въ пароходномъ обществѣ П. Я. указалъ одному изъ важныхъ заправиль, что такія-то лица поступаютъ недобросовѣстно. Запривидо раскричался, и покойный П. Я. остался безъ куска хлѣба, такъ какъ и другія компаніи не хотѣли принимать корреспондента. П. Я. не палъ духомъ и, вѣря въ людей, въ лучшее будущее, раскрывалъ глаза читающей публикѣ на эти вещи въ газетахъ «Сибирь» и «Восточное Обзоріе». Кромѣ того, П. Я. писалъ статьи по разнымъ вопросамъ, касающимся исторіи и разныхъ сторонъ сибирской жизни. (Некрологъ его: «Амурская Газета», 1902 г., № 75).

† **Пастернацкій, Ѳ. И.** Въ Пятовщинѣ, Минской губерніи, скончался 7-го августа профессоръ военно-медцинской академіи Федоръ Игнатьевичъ Пастернацкій. Имя покойнаго пользовалось обширной извѣстностью, какъ врача-спеціалиста по внутреннимъ болѣзнямъ.

Покойный происходилъ изъ духовнаго званія и родился 13-го декабря 1843 года. По окончаніи курса въ университетѣ св. Владимира, онъ началъ свою дѣятельность полковымъ врачомъ. Съ 1873 г. по 1878 г. состоялъ ординаторомъ при терапевтической госпитальной клиникѣ того же университета. Въ первые же годы врачебной дѣятельности ему пришлось бороться съ тифозными заболѣваніями, давшими ему возможность опубликовать «Очеркъ тифозныхъ процессовъ». Въ 1891 г. Ѳ. И. былъ приглашенъ ассистентомъ факультативной клиники при кафедрѣ общей терапіи и діагностики въ военно-медицинской академіи.

Съ тѣхъ поръ покойный не разставался съ академіей, будучи съ 1891 года экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ госпитальной клиники и съ 1893 года ординарнымъ профессоромъ. Къ этому времени относятся его работы по изслѣдованію смѣшанныхъ формъ тифовъ, различныхъ случаевъ зараженія тифомъ, сапомъ, дифтеритомъ и проч., белѣзней сердца, печени, лихорадочныхъ заболѣваній. Въ 1888 году онъ защитилъ диссертацию на степень доктора медицины: «О дѣйствиі жаропонижающихъ — таллина, антипирина и антифебрина на внутреннюю и наружную температуру и на потерю тепла кожей лихорадящаго организма». Читая лекціи, Ѳ. И. имѣлъ одновременно огромную практику.

Въ послѣдніе годы Пастернацкій проводилъ часто лѣто на Кавказѣ. Имъ изслѣдованы, между прочимъ, «Кисловодскъ и его лѣчебныя свойства» и «Сравнительное дѣйствіе углекислоселѣзистыхъ ваннъ Нарзана различныхъ температуръ на давленіе крови». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1902 г., № 219).

† **Пащенко, К. М.** Во Псковѣ скончался бывшій псковскій губернаторъ, тайн. сов. Константинъ Ивановичъ Пащенко. Покойный родился въ 1830 году, образование получилъ въ Ришельевскомъ лицее. Начавъ службу въ комитетѣ объ иностранныхъ поселенцахъ Южнаго края Россіи, онъ перевелся вскорѣ въ канцелярію новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора. Въ 1874 году былъ назначенъ херсонскимъ вице-губернаторомъ, затѣмъ былъ послѣдовательно архангельскимъ, курляндскимъ и съ 1888 года около десяти лѣтъ псковскимъ губернаторомъ. Покойный дѣятельно содѣйствовалъ во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ ему пришлось быть губернаторомъ, развитію народнаго просвѣщенія, улучшенію санитарныхъ условий губернскихъ и уѣздныхъ городовъ и путей сообщенія въ губерніяхъ. Онъ обращалъ особенное вниманіе на правильность дѣлопроизводства въ учрежденіяхъ, ему подвластныхъ, и съ этою цѣлью производилъ часто внезапныя ревизіи полицейскихъ управленій, сиротскихъ судовъ и другихъ учреждений. Умеръ онъ 72 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9497).

Починскій, Н. С. Въ с. Корчминѣ, по рѣкѣ Невѣ (возлѣ Сапернаго лагеря), въ ночь на 1-е іюля постѣ продолжительной и тяжелой болѣзни тихо скончался, пользовавшійся извѣстностью на югѣ Россіи въ 1860—1880 гг. строитель керченской крѣпости, одесскаго порта и многихъ другихъ многомилліонныхъ сооружений, военный инженеръ Николай Семеновичъ Починскій. Родился Н. С. въ 1827 г., вступилъ въ военную службу въ 1842 г., а въ 1847 г. первымъ окончилъ курсъ Николаевской инженерной академіи, со внесеніемъ на мраморную доску. Большую часть службы въ инженерномъ корпусѣ (съ 1858 по 1886 гг.) покойный провелъ на югѣ Россіи, а въ 1886 году уволился въ отставку тѣмъ же чиномъ инженеръ-полковника, которымъ за отличіе былъ награжденъ въ 1868 г. Съ именемъ покойнаго связаны выдающіяся по талантливости исполненія самыя разнообразныя инженерныя работы. Въ часы досуга Н. С. интересовался вопросами чистой математики, которой этотъ талантливый ученикъ знаменитаго Остроградскаго посвятилъ много цѣнныхъ изслѣдованій, разновремененно напечатанныхъ. Не мало и не безрезультатно потрудился покойный Н. С. надъ вопросами объ обезпеченіи мореплавателей приборами, автоматически предупреждающими аваріи, обусловленныя стихійными измѣненіями морского дна; таковъ, напримѣръ, изобрѣтенный имъ приборъ «автоматическій лопманъ». Оставивъ службу въ инженерномъ корпусѣ въ 1886 г. съ ничтожною пенсіей, покойный Н. С. преимущественно посвятилъ себя разработкѣ многихъ замѣчательныхъ приборовъ своего изобрѣтенія, но безъ денежныхъ средствъ, безъ поддержки, въ непрерывной работѣ ради хлѣба насущнаго занятія эти не успѣли дать тѣхъ практическихъ результатовъ, которыхъ можно было отъ нихъ ожидать. Между тѣмъ неумолимая старость, заботы и недуги подломили здоровье и энергію Н. С. И вотъ въ началѣ 90-хъ годовъ одинокій и больной старикъ, онъ очутился въ Петербургѣ, гдѣ его случайно встрѣтило одно весьма высокопоставленное лицо, знавшее его въ лучшую пору жизни въ Одессѣ. Н. С. опредѣленъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій по строительнымъ вопросамъ въ томъ вѣдомствѣ, во главѣ котораго находится упомянутое высокопоставленное лицо. Такимъ образомъ послѣдніе годы жизни

Николай Семеновичъ получилъ возможность дожить безъ нужды и лишеній, здоровье же его настолько поправилось, что онъ съ полной энергіей занялся порученными ему вопросами о постройкѣ портовъ, а досуги могъ посвятить любимымъ своимъ изслѣдованіямъ въ области чистой математики и теории инженернаго дѣла. Результатомъ этихъ трудовъ, между прочимъ, въ 1896 г. явилось его сочиненіе «Новый способъ рѣшенія алгебраическихъ уравненій», а 7-го ноября 1900 года въ императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ доложена была его записка о рациональномъ способѣ борьбы съ петербургскими наводненіями. Заболѣвъ весной нынѣшняго года инфлуенціей, Н. С. не могъ уже вполне оправиться. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9473).

Реммертъ, А. А. 26 іюля скончался въ Абась-Туманѣ главный военно-медицинскій инспекторъ, почетный лейбъ-медикъ двора его императорскаго величества, докторъ медицины, д. т. с. Адольфъ Александровичъ Реммертъ. А. А. родился 14 іюля 1835 г. и по окончаніи курса наукъ въ императорской петербургской медико-хирургической академіи опредѣленъ въ 1859 г. ординаторомъ въ елисаветпольскую дѣтскую больницу. Въ 1862 г. его высочествомъ принцемъ Ольденбургскимъ опредѣленъ врачомъ дѣтскаго пріюта имени его высочества. Въ 1867 году высочайшимъ приказомъ по министерству императорскаго двора опредѣленъ врачомъ при августѣйшихъ дѣтяхъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича. Спустя годъ, съ дозволенія его высочества намѣстника кавказскаго, назначенъ совѣщательнымъ членомъ общаго присутствія управленія медицинскою частью гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ, а въ 1872 г., высочайшимъ приказомъ по управленію намѣстничества, назначенъ исправляющимъ должность управляющаго медицинскою частью гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ. Съ наступленіемъ русско-турецкой войны покойный принялъ дѣятельное въ ней участіе въ войскахъ дѣйствовавшаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ, при главной квартирѣ его императорскаго высочества главнокомандующаго кавказской арміей, при обложеніи и штурмѣ крѣпости Карса и въ дѣйствовавшихъ отрядахъ соганлугскомъ, карскомъ, Приріонскаго края и ардаганскомъ и съ этимъ послѣднимъ участвовалъ при взятіи Батума. Въ апрѣлѣ 1878 г. назначенъ и. д. полевого военно-медицинскаго инспектора кавказской арміи. Въ 1880 г. былъ командированъ въ ахаль-текинскій отрядъ для устройства санитарно-медицинской части и эвакуаціи раненыхъ.

Кавказъ вообще много обязанъ А. А. Ему здѣсь удалось провести многія предпріятія, клонящіяся къ упорядоченію военно-медицинской части на Кавказѣ: по его инициативѣ созданъ такой прекрасный курортъ, какъ Абась-Туманъ, много работалъ покойный и по благоустройству Боржома, гдѣ въ честь его одинъ изъ парковъ названъ Реммертовскимъ, и пр.

А. А. въ 1882 г. былъ назначенъ почетнымъ лейбъ-хирургомъ, а въ 1887 г. совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета и главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ. (Некрологи его: «Кавказъ, 1902 г., № 198; «Тифлисскій Листокъ», 1902 г., № 178).

† **Розенштейнъ, Н. И.** 23 іюля скончался въ Москвѣ, на 42 году; популярный на югѣ журналистъ Наумъ Израилевичъ Розенштейнъ. Н. И. — уроженецъ

нець Кіева, образование получилъ во 2-ой Кіевской гимназіи и въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Уже въ Петербургѣ онъ выступилъ въ журналистикѣ и писалъ въ «Судебной Газетѣ» и «Новостяхъ», но особенную популярность онъ приобрѣлъ на югѣ своими злободневными фельетонами подъ псевдонимомъ Пиквикъ. Изъ Петербурга Н. И. переѣхалъ въ Ростовъ, гдѣ завѣдывалъ редакціями «Ростовскихъ Извѣстій» и «Приазовскаго Края». Въ 1900 году Н. И. переходитъ на короткое время въ «Донскую Рѣчь», а оттуда въ «Одесскія Новости», гдѣ принимаетъ на себя завѣдываніе провинціальнымъ отдѣломъ. Наконецъ, въ 1901 году, въ августѣ, Н. И. переселяется въ Москву, гдѣ, по предложенію И. Д. Сытина, вступаетъ въ завѣдываніе редакціей «Русскаго Слова». (Некрологи его: «Русскія Вѣдомости» 1902 г., № 202; «Приазовскій Край», 1902 г., № 196; «Одесскія Новости» 1902 г. № 5699).

† Семирадскій, Г. И. Въ ночь на 10-е августа скончался въ имѣніи Стржалково подъ Новородомскомъ, извѣстнѣйшій и въ Россіи и за границей художникъ Генрихъ Ипполитовичъ Семирадскій, отличавшійся яркимъ талантомъ и рѣдкой производительностью. Семирадскій родился въ 1843 году, въ селѣ Печенѣгахъ (близъ Харькова), гдѣ въ то время стоялъ полкъ, въ которомъ служилъ врачомъ его отецъ Ипполитъ Элевтеріевичъ. Учился онъ въ харьковской 2-й гимназіи. Преподавателемъ рисованія въ этой гимназіи былъ тогда одинъ изъ учениковъ К. П. Брюллова, Безперчій, которому и посчастливилось быть первымъ руководителемъ Г. И. въ его артистическихъ задаткахъ. Затѣмъ Г. И. окончилъ курсъ Харьковскаго университета по физико-математическому факультету со степенію кандидата, полученною за диссертацию «Объ инстинктѣ насѣкомыхъ». И въ университетѣ Семирадскій продолжалъ брать уроки у того же Д. И. Безперчія, который ознакомилъ его съ основными приемами живописи. Въ 1864 г. Г. И. поступилъ въ академію художествъ сперва вольноприходящимъ ученикомъ, а съ 1866 г. перешелъ въ академисты по живописи. Уже въ этомъ году онъ получилъ двѣ серебряныя медали, малую — за рисунокъ и большую — за этюдъ, и съ тѣхъ поръ ежегодно былъ отличаемъ наградами. Въ 1867 г. на академической выставкѣ находились его «Гаданіе на вылитомъ воскѣ» и «Людовикъ XI послѣ подписанія смертныхъ приговоровъ». Имѣя пять серебряныхъ медалей, онъ въ 1868 г. былъ удостоенъ малой золотой за программу «Диогенъ, разбивающій чашу» (находилась на академической выставкѣ того же года), а въ 1869 г. — первой денежной преміи за эскизъ «Разрушеніе Содома и Гоморры». Кромѣ этого эскиза, въ академіи хранятся, какъ образцовые рисунки, его эскизы, исполненные сепіей: «Сшествіе Христа во адъ» и «Избѣненіе младенцевъ». Первые два картона были выставлены въ академію художествъ въ 1869 г. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ большую золотую медаль съ званіемъ класснаго художника I степени и съ правомъ 6-лѣтняго пребыванія за границей пансіонеромъ академіи за бывшую на выставкѣ 1870 г. программу «Довѣріе Александра Македонскаго къ врачу Филиппу». Сюжетъ этой картины взятъ изъ жизнеописанія Александра, составленнаго Квинтомъ Курціемъ. Въ 1871 году Г. И. отправился въ Мюнхенъ, гдѣ пользовался совѣтами Шилоти. Уже въ 1872 году онъ выставилъ въ академіи замѣчательную картину «Римская оргія блестящихъ временъ цезаризма» (приобрѣтена императоромъ

Александромъ II). Въ 1872 г. Г. И. прибылъ въ Римъ, который съ того времени сдѣлался постояннымъ его мѣстопробываніемъ. Здѣсь прежде всего была имъ исполнена большая картина: «Христосъ и грѣшница», на сюжетъ поэмы гр. А. К. Толстого. Въ Петербургѣ на художественной выставкѣ эта картина произвела сильное впечатлѣніе и доставила художнику званіе академика (нах. нынѣ въ музеѣ Александра III). Послѣ нея изъ-подъ кисти С. вышли: «Гонители христіанъ у входа въ катакомбы», нѣсколько религіозныхъ картинъ на стѣнахъ московскаго храма Спасителя, между прочимъ колоссальное изображеніе Тайной Вечери въ запрестольной апсидѣ, сцены изъ античнаго быта: «Элегія» «Трудный выборъ», «Продажа амулетовъ» и «Римскій нищій». Семирадскій блестяще закончилъ въ 1877 г. срокъ своего пенсіонерства картиной «Свѣточы христіанства, или живые факелы Нерона», возбуждавшей всеобщее удивленіе на выставкѣ въ Петербургѣ, а затѣмъ на всемирной парижской 1878 г. За нее въ Петербургѣ С. получилъ званіе профессора, а французское правительство наградило его орденомъ Почетнаго Легиона; тогда же онъ получилъ дипломы на званіе члена отъ берлинской, стокгольмской и римской академій, флорентійская же академія предложила прислать собственной работы его портретъ для историческаго собранія портретовъ знаменитыхъ художниковъ въ галлерей Уффиций. «Свѣточы христіанства», побывавъ на нѣсколькихъ выставкахъ въ разныхъ городахъ Европы, были подарены авторомъ краковскому музею. Вслѣдъ за «Свѣточами христіанства» появились «Древній танецъ среди мечей», «Оргія временъ Тиберія на Капри», затѣмъ «Странствующій жрецъ Изиды», «Свѣтящійся червячекъ», «Погоня за мотылькомъ» и мног. др. Изъ портретовъ слѣдуетъ упомянуть: графа Водзицкаго, княгини Любомирской и графини Тышкевичъ. Помимо этихъ работъ Г. И. на писалъ немало сценъ изъ древняго быта, значительное количество головокъ, этюдовъ и т. п.

Въ 1886 и 1887 г. въ Берлинѣ были выставлены двѣ картины, которыя произвели большое впечатлѣніе за границей: это—«Христосъ у Марѣы и Маріи», находящаяся нынѣ въ музеѣ Александра III; вторая картина—«Шопень у князя Радзивила». Въ 1889 г. Г. И. устроилъ въ залахъ академіи художествъ отдѣльную выставку пяти картинъ: «Передъ купаньемъ», «У фонтана», «По примѣру боговъ» (была приобрѣтена императоромъ Александромъ III)—всѣ три воспроизводятъ сцены изъ древне-греческой жизни, затѣмъ «Искушеніе св. Иеронима» и «Фрина на праздникъ Посейдона въ Элевзисѣ» (также была приобрѣтена государемъ императоромъ и нынѣ находится въ музеѣ императора Александра III). Туринская академія Albertina избрала автора «Фрины» своимъ членомъ, а парижская академія изящныхъ искусствъ—членомъ корреспондентомъ. Послѣднимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній Семирадскаго была его «Цирцея въ римскомъ циркѣ», появившаяся въ Петербургѣ въ 1898 году на выставкѣ общества петербургскихъ художниковъ и на народной выставкѣ картинъ. (Некрологи его: «Варшавскій Дневникъ», 1902 г., № 218; «Новое Время», 1902 г., № 9497; «Новости», 1902 г., № 221).

Старынкевичъ, С. И. Въ Варшавѣ скончался 10-го августа бывшій президентъ этого города генераль-отъ артилеріи Сократъ Ивановичъ Старынкевичъ.

Покойный родился 18-го декабря 1820 г., образование получилъ въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ и въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ Михайловской артиллерійской академіи. Во время русско-турецкой войны 1853—1854 гг. былъ уже капитаномъ и принималъ участіе во многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ въ качествѣ адъютанта при главномъ штабѣ дѣйствовавшей арміи. Съ 1863 г. былъ управляющимъ канцеляріей новороссійскаго генералъ-губернатора, съ 1868 г.—херсонскимъ губернаторомъ. Въ 1871 г. былъ назначенъ президентомъ города Варшавы и въ теченіе 16 лѣтъ, до выхода въ отставку въ 1887 г., трудился надъ улучшеніемъ городского хозяйства и условій городской жизни въ Варшавѣ. Ему принадлежитъ инициатива и осуществленіе канализаціи и водоснабженія города. Это одна изъ главнѣйшихъ его заслугъ, сравнивая Варшаву въ отношеніи санитарнаго благоустройства съ видными западно-европейскими городами. Помимо этого покойный заботился объ улучшеніи и уиорядоченіи другихъ отраслей городского хозяйства, стараясь обогатить Варшаву лучшими и дешевыми путями сообщенія, а также лучшимъ освѣщеніемъ, вообще заботясь о чистотѣ и красотѣ города. С. И. пользовался общимъ уваженіемъ среди мѣстныхъ жителей и по выходѣ въ отставку не переставалъ интересоваться дѣлами города. Умеръ онъ 82 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9497).

Штейнфельдъ, П. К. Въ ночь на 22-е іюля въ г. Ставрополѣ, Самарской губерніи, скончался горный инженеръ, д. ст. сов. Павелъ Капитоновичъ Штейнфельдъ. Покойный родился въ Екатеринбургѣ въ 1839 году, прослужилъ на Уралѣ на различныхъ должностяхъ почти 40 лѣтъ и пользовался популярностью, какъ общественный дѣятель. Окончивъ въ 1860 г. горный институтъ, П. К. Штейнфельдъ пріѣхалъ на Уралъ и прослужилъ здѣсь до 1899 года, когда долженъ былъ оставить службу по разстроенному здоровью. Свою служебную карьеру П. К. началъ заводскимъ механикомъ при заводахъ Гороблагодатскаго округа, затѣмъ завѣдывалъ Кирсинскими и Песковскими заводами и занималъ должность главнаго механика уральскихъ горныхъ заводовъ. Въ послѣдніе годы своей служебной дѣятельности покойный былъ управляющимъ екатеринбургской золотосплавочной и химической лабораторіей. Во время своей службы на Уралѣ П. К. принималъ дѣятельное участіе въ составленіи проектовъ и смѣтъ по различнымъ горнозаводскимъ техническимъ сооруженіямъ. Онъ занимался точно также и чисто научными работами, въ особенности гониометріей: извѣстны его научныя работы о кристаллическихъ углахъ различныхъ минераловъ. Съ именемъ П. К. Штейнфельда тѣсно связано возникновеніе первой на Уралѣ частной газеты «Екатеринбургская Недѣля». Мысль объ изданіи газеты въ Екатеринбургѣ возникла въ 1878 году. Инициаторомъ былъ горный инженеръ Н. А. Полковъ, а товарищемъ и единомышленникомъ его П. К. Штейнфельдъ. Н. А. Полкову не суждено было дожить до осуществленія своей мечты. За смертію его издательство приняла вдова покойнаго А. А. Полкова, а П. К. Штейнфельдъ былъ представленъ и утвержденъ редакторомъ, каковымъ и состоялъ до 1886 года. Терминъ газетнаго дѣла въ провинціи чувствовался тогда особенно сильно.—Трудъ и энергія П. К., привлеченіе имъ къ участію въ изданіи лучшихъ интеллигент-

ныхъ силъ мѣстнаго общества, казалось, могли бы обезпечить успѣхъ изданія, однако въ дѣйствительности этого не было. Въ значительной степени неуспѣхъ развитія объясняется цензурными условіями. Изъ грозъ, разразившихся надъ «Екатеринбургской Недѣлю» за время редакторства П. К. Штейнфельда, упомянемъ о двукратномъ переводѣ цензуры ея въ другіе города, сперва въ Пермь, а затѣмъ въ Москву. Послѣднее равнялось, разумѣется, полной пріостановкѣ изданія, ибо извѣстія, переѣзжающія по мѣсяцу взадъ и впередъ, будучи наконецъ отпечатаны въ газетѣ, естественно являли собой лишь курьезы анахронизма. Но неуспѣхъ изданія въ силу отмѣченныхъ условій только увеличиваетъ заслугу П. К. предъ Уральскимъ краемъ. Несмотря на очень тяжелыя условія, онъ всей душой отдавался литературной работѣ и, пока была возможность, не оставлялъ редактированія «Екатеринбургской Недѣли» и такимъ образомъ немало поработалъ въ дѣлѣ развитія общественнаго самосознанія на Уралѣ. Оставивъ редакторство, П. К. не покидалъ литературной работы, принимая участіе въ мѣстныхъ изданіяхъ. (Некрологи его: «Уральская Жизнь» 1902 г., № 197; «Русскія Вѣдомости» 1902 г., № 208; «Саратовскій Листокъ», 1902 г., № 165).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу замѣтки протоіерея А. Свирѣлина однихъ переяславскихъ упраздненныхъ монастыряхъ, напечатанной въ июльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ интересахъ дѣла и съ согласія графа С. Д. Шереметева, которому мною были сообщены матеріалы о названныхъ монастыряхъ изъ Московскаго архива министерства юстиціи, считаю долгомъ сказать слѣдующее.

Печатные матеріалы, на которые указываетъ о. Свирѣлинъ, и многіе другіе, имъ не указанные, были мнѣ извѣстны, изученіе же архивныхъ документовъ, какъ бываетъ верѣдко при историческихъ работахъ, не вполне подтвердило печатныя данныя. Въ архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ просмотрѣны были всѣ акты, касающіеся Переяславскихъ Борисоглѣбскихъ монастырей: ни въ писцовыхъ, ни въ переписныхъ книгахъ, ни въ другихъ документахъ на протяженіи всего XVII столѣтія ни разу не описываются одновременно: Борисоглѣбскій монастырь надъ Плещеевымъ озеромъ и Борисоглѣбскій же монастырь на Песку, или точнѣе — первый показывается въ каждой писцовой книгѣ, а послѣдній — только въ одной изъ нихъ. Если считать ихъ двумя различными монастырями, то въ XVII вѣкѣ они находились слишкомъ недалеко другъ отъ друга: по документамъ — первый пишется близъ города, а послѣдній въ городѣ. Въ первой половинѣ XVII вѣка положеніе Борисоглѣбскаго Песковского монастыря было очень плохо: «много лѣтъ стоялъ пустъ и не огороженъ»¹⁾, старецъ Адрианъ по челобитью сдѣланъ былъ строителемъ, но его «воры убили»²⁾. «Борисоглѣбскій же патріаршій домовый монастырь надъ

¹⁾ Моск. архивъ мин. юст. Грамота колл. экономіи по Переяславль-Задѣскому уѣзду, № 485—9.209.

²⁾ То же, № 643—9.367.

Переяславскимъ озеромъ» въ писцовыхъ описаніяхъ упоминается, какъ мы уже сказали, только одинъ разъ въ 1645 г., когда ему выдается выпись съ переписныхъ книгъ Загряжскаго и подьячаго Володимерова ¹⁾). Послѣ этого Борисоглѣбскій патріаршій монастырь въ документахъ архива министерства юстиціи не встрѣчается, Борисоглѣбскій же Песковскій — означаетъ постоянно и въ писцовыхъ книгахъ, и въ грамотахъ коллегіи экономіи. Несомнѣнно, что временемъ упадка всѣхъ патріаршихъ монастырей слѣдуетъ считать смерть послѣдняго патріарха Адріана — 1700 годъ; промежуткомъ же съ этого года до учрежденія святѣйшаго синода — высшей точкой этого упадка въ отношеніи патріаршихъ вотчинъ. Около этого времени, вѣроятно, и произошло «захудѣніе» Переяславскаго Борисоглѣбскаго монастыря, какъ патріаршаго. Съ цѣлю охранительною монастырей и ихъ хозяйствъ монастырскимъ приказомъ, по приказу Петра Великаго, въ 1702 году предпринято было повсемѣстное описаніе монастырей по всей Россіи. Въ Переяславль-Залѣскій былъ отправленъ стольникъ Семень Никифоровичъ Коробинъ; здѣсь имъ было составлено описаніе монастырей, находящихся какъ въ городѣ, такъ и во всемъ уѣздѣ. Это описаніе составило въ общемъ объемистую книгу до 1.200 листовъ, размѣромъ въ листъ ²⁾), извлеченія изъ которой и напечатаны въ книгѣ гр. С. Д. Шереметева: «Два упраздненныхъ монастыря надъ Переяславскимъ озеромъ».

Въ описаніи С. Н. Коробина всѣхъ Переяславскихъ монастырей «Борисоглѣбскаго патріаршаго монастыря» совсѣмъ нѣтъ, «Борисоглѣбскій же монастырь, что на Пескахъ, описанъ здѣсь на листахъ 1010—1037; вверху надъ этимъ послѣднимъ описаніемъ сдѣлана помѣта: «1702 года марта въ 6 день съ отпискою его переписчиковою подалъ нижеписаннаго Борисоглѣбскаго монастыря подьячій Яковъ Лукинъ», а внизу подъ этою помѣтою идетъ описаніе названнаго Борисоглѣбскаго монастыря, на Песку. Далѣе, въ той же книгѣ, сверху описанія Николаевскаго монастыря на Болотѣ, тѣмъ же почеркомъ, что и при помѣтѣ Борисоглѣбскаго монастыря на Песку, наложена такая надпись: «1702 г. марта въ 6 день съ отпискою его переписчиковою подалъ Переславля-Залѣскаго патріарша Борисоглѣбскаго монастыря подьячій Яковъ Лукинъ».

Такимъ образомъ, при описаніи чужого монастыря, стороннее лицо, дѣлавшее помѣту, указало принадлежность Лукина къ патріаршему Борисоглѣбскому монастырю, и это же званіе показано за нимъ на помѣтахъ въ той же книгѣ при описаніи также чужихъ ему Богородицкаго и Вознесенскаго Переяславскихъ монастырей. При описаніи же того монастыря, къ которому принадлежалъ Лукинъ и который былъ на лицо въ описываемое время, стороннему человѣку не было нужды повторять про Лукина его полное званіе, т.-е. повторять тотъ же монастырь, гдѣ состоитъ онъ подьячимъ; въ помѣтѣ это обозначено словомъ «нижеписаннаго», а таковымъ, какъ мы видѣли выше, былъ Борисоглѣбскій монастырь на Песку. Въ виду этого въ подстрочномъ примѣчаніи означенной книги гр. С. Д. Шереметева и замѣчено,

¹⁾ То же, № 500—9.224.

²⁾ Моск. архивъ мин. юст. Книга монастырскаго приказа, № 60.

что названный Песковскій монастырь и Борисоглѣбскій патриаршій монастырь «въ 1702 году составляли одно и то же», оставляя отношенія ихъ другъ къ другу въ XVII вѣкѣ на отвѣтственности документовъ, которые были напечатаны въ нашей книгѣ.

Съ своей стороны, наименованіе Переяславскаго озера мы считали бы болѣе подходящимъ — «Плещевымъ», такъ какъ лѣтописныя собственныя имена часто грѣшатъ противъ дѣйствительности, а имя Плещевыхъ уже, по документамъ, въ половинѣ XV вѣка принадлежало цѣлому роду, который владѣлъ помѣстьями у Переяславскаго озера, и изъ котораго произошли любимцы Грознаго—Басмановы, и другія вѣтви: Очины-Плещевы и Колодкины-Плещевы

И. С. Вѣляевъ.

стоялъ полковникомъ и командиромъ одного изъ его полковъ. Ему хорошо было извѣстно, насколько въ военныхъ кружкахъ сильна была зависть и многочисленны интриги, благодаря чему многіе изъ его офицеровъ постоянно переписывались тайно съ вліятельными сенаторами. Печально думая объ этомъ, Рованъ размышлялъ самъ съ собою:

— На чье вліяніе могу я рассчитывать? Я долженъ проложить себѣ дорогу моимъ мечемъ.

Изъ гордости онъ не присоединился къ толпѣ льстецовъ, окружавшихъ президента, Макъ-Клеллана и другихъ вліятельныхъ лицъ.

У него не было ни богатства, ни родственныхъ связей, ни могущественныхъ друзей, ни даже газетныхъ военныхъ корреспондентовъ, которые поддерживали бы его славу.

Наканунѣ свадьбы Макъ-Крери онъ грустно разбиралъ только что полученную почту, въ которой находилось много газетъ: нью-іоркскихъ, филадельфійскихъ и массачусетскихъ, оскорбительно и рѣзко нападавшихъ на него. Съ негодованіемъ бросилъ онъ на полъ эти газеты, но съ значительнымъ опасеніемъ прочиталъ письмо своего пріятеля, майора Эндикота:

«Любезный Рованъ, — писалъ этотъ преданный другъ:— вчера, возвращаясь изъ Бѣлаго Дома съ Бэкеромъ, однимъ изъ вашихъ полковниковъ, я зашелъ съ нимъ въ канцелярію Стантона. Вдругъ у него изъ шляпы выпала бумага. Онъ поднялъ и показалъ мнѣ. Представьте мое удивленіе: это былъ приказъ о назначеніи его генераль-майоромъ, отданный уже мѣсяцъ тому назадъ. — Что вы думаете объ этомъ?—спросилъ онъ меня.—Я думаю, сенаторъ, — сказалъ я:— что если бы вы скрыли эту бумагу отъ меня, какъ вашего начальника, и продолжали бы называть себя полковникомъ, то я велѣлъ бы васъ разстрѣлять. Я никогда не слыхалъ подобнаго предательства; вѣдь Рованъ объ этомъ не подозреваетъ.— Боже мой,—воскликнулъ поблѣднѣвъ тайный генераль-майоръ:—я никогда не думалъ объ этомъ съ такой точки зрѣнія.—Смотрите, любезный другъ, вамъ измѣняютъ, и васъ или отставятъ, или вамъ посадятъ на шею другого начальника. На вашемъ мѣстѣ я отправился бы прямо къ президенту и выяснилъ все».

Карроль Рованъ вздрогнулъ, и письмо выпало изъ его нервныхъ рукъ.

— Неужели мнѣ измѣняютъ въ домѣ моихъ друзей?—промолвилъ онъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

Двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ женился Джакъ Макъ-Крери на богатой прелестной наслѣдницѣ. Уже, мало-помалу, Рованъ забылъ о своихъ семейныхъ заботахъ и мрачныхъ мысляхъ, находясь въ постоянныхъ попеченіяхъ о своей бригадѣ. Дочь его жила въ блестящемъ домѣ Полины, и насчетъ ея онъ былъ совершенно спокоенъ. Теперь всѣ его мысли были сосредоточены на службѣ.

Въ короткое время онъ довелъ свои пять полковъ до замѣчательнаго совершенства въ отношеніи дисциплины. Солдаты съ энтузіазмомъ исполняли всѣ его приказанія, и только офицеры смотрѣли на него съ прежнимъ неудовольствіемъ и завистью. Что же касается до сенатора-полковника, то онъ все еще не пріѣзжалъ въ свой полкъ, а оставался въ свитѣ Линкольна. Вообще Рованъ чувствовалъ себя свободнѣе, не получая никакихъ свѣдѣній изъ Вашингтона о новой соціальной катастрофѣ.

Каждыя двѣ недѣли Джакъ Макъ-Крери, сияя, какъ счастливый молодой, являлся къ Ровану съ цѣлью развлечь его и пообѣдать съ нимъ, такъ какъ онъ далеко держалъ себя отъ офицеровъ. Несмотря на совѣты Рована быть осторожнымъ въ своихъ посѣщеніяхъ лагеря, Макъ-Крери часто сходилъ съ молодыми офицерами и кутилъ съ ними. Потомъ, ночью, пользуясь пропускомъ, выданнымъ ему, онъ отправлялся чрезъ Потомакъ на свиданіе съ полковникомъ Пейтономъ. Обо всѣхъ этихъ тайныхъ измѣнахъ, конечно, Рованъ не подозрѣвалъ и узналъ о нихъ, лишь много лѣтъ спустя.

Въ концѣ сентября Макъ-Клелланъ уже нашелъ возможнымъ сдѣлать парадъ своей семидесяти-тысячной арміи: такъ успѣшно онъ ее сформировалъ и дисциплинировалъ. Вообще, въ образцовомъ порядкѣ было все его сто-пятидесяти-тысячное войско, находившееся подъ его начальствомъ отъ Кумберланда до Бальтиморы и форта Монроя. Въ этомъ числѣ находилась и бригада Рована.

Послѣ смотра Макъ-Клелланъ поручилъ майору Эндикоту подробно обревизовать эту бригаду. Окончивъ ревизію въ три дня, Эндикотъ тайно отвелъ въ сторону Рована и сказалъ ему:

— Я завтра уѣзжаю, генераль, и пришлю вамъ копію съ моего инспекторскаго отчета. Я надѣюсь, что вы будете имъ довольны.

Право, есть чѣмъ гордиться. Этимъ кончаются все мои официальные къ вамъ отношенія. Теперь, какъ другъ, я вамъ снова скажу: будьте осторожны и берегитесь. Всякій день могутъ васъ послать на непріятеля. Я знаю, что вы всегда на все готовы. Вашъ отрядъ образцовый, и ваши диспозиціи—великолѣпны. Въ Вашингтонѣ готовится что-то важное, и, по всей вѣроятности, дѣло начнется съ васъ. Политиканы, окружающіе Линкольна, хотятъ непременно побѣднаго сраженія. Макъ-Клелланъ не довѣряетъ ихъ азарту, но въ воздухѣ пахнетъ порохомъ; скоро, очень скоро будетъ дѣло на аванпостахъ. Что же касается до самого Макъ-Клеллана, то онъ желаетъ помѣряться съ самимъ генераломъ Ли, а не съ Боггардомъ или Джонсономъ, и начнетъ серьезную кампанію не ранѣе 1-го ноября.

— Кто теперь во главѣ нашихъ дѣлъ?—спросилъ мрачно Рованъ.

— Все и никто,—отвѣчалъ Эндикотъ:—я сожалею президента; онъ поддается вліянію окружающихъ его интригановъ: Камерона, Грили, Реверди Джонсона, Варда Ламана, сенатора Макъ-Дугалля и вашего «сенатора-полковника». Кромѣ того, Сумнеръ постоянно всѣхъ ссоритъ и, самъ не будучи герой, требуетъ крови. Такимъ образомъ бѣднаго Линкольна тянутъ во все стороны. Но, главное, помните о своихъ интересахъ. Линкольнъ намѣренъ сдѣлать, если уже не сдѣлалъ, Бэкера генералъ-майоромъ. Онъ можетъ замѣнить васъ во всякое время, если вы прозѣваете. Еще прибавлю, что Сумнеръ настоялъ на томъ, чтобы васъ выслали изъ Вашингтона въ самую ночь свадьбы Макъ-Крери. Онъ громко всюду объявлялъ, что массачусетскіе полки не безопасны въ вашихъ рукахъ. Помните, Рованъ, никогда не входите въ домъ Дюваля; пошлите свою дочь на сѣверъ. Сношенія съ Дювалями чрезвычайно для васъ опасны.

— Ну, а скажите,—спросилъ Рованъ:—какъ она ведетъ себя, наша свѣтская царица?

— Она странно успокоилась,—отвѣтилъ Эндикотъ:—но, все-таки, я боюсь, что эта красавица задумала дьявольскій заговоръ. Генералъ Портеръ сталъ отряжать на ея вечера тайныхъ агентовъ въ статскомъ платьѣ, но она вдругъ все прекратила. Весь городъ только и говоритъ до сихъ поръ о знаменитой свадьбѣ. Носится слухъ, что на ней было до дюжины непріятельскихъ офицеровъ. Она все устроила, благодаря выданнымъ ей семейнымъ пропускамъ. Макъ-Клелланъ, несмотря на свою учтивость и любезность, не выдержалъ и воскликнулъ: довольно этихъ потачекъ!

— Что теперь будетъ?—спросилъ съ безпокойствомъ Рованъ.

— Министръ,—отвѣчалъ Эндикотъ:—приготовилъ Полинѣ Дюваль и ея свитѣ свободный пропускъ, но если она будетъ продолжать свои глупыя выходки, то генералъ Фрай окружитъ ея домъ

солдатами, или попроситъ ее выѣхать изъ Вашингтона на югъ. Ея мужъ и Макъ-Крери—люди очень приличные, и Камеронъ обо ихъ ихъ любить. Что же касается до молодой Макъ-Крери, то это просто ангелъ въ юбкаѣ. Ну, милый другъ, прощайте и берегитесь, чтобы не потерять одной звѣзды на плечѣ, вмѣсто того, чтобы получить двѣ. Не довѣряйте никому, особенно прихвостнямъ Сумнера и Линкольна. Я не смѣю назвать именъ: я вѣдь только маленькій майоришка, но вашъ вѣрный другъ до могилы.

Онъ быстро удалился, а Рованъ возвратился въ свою палатку.

— Я поставлю лобъ подъ первую пулю, если только мнѣ позволятъ сразиться съ неприятелемъ, — сказалъ онъ про себя: — я, кажется, вижу игру, которую ведутъ противъ меня.

Онъ дѣйствительно видѣлъ часть игры, но только часть, и то въ закопченное стекло.

Одинокій вдовець метался на своей лагерной койкѣ до глубокой ночи.

Понимая предостереженіе благороднаго Эндикота, онъ не смѣлъ просить отпуска, чтобы отвезти сироту Адель на непривычный ей сѣверъ. Онъ уже такъ давно разстался съ своимъ роднымъ селеніемъ Гринфильдомъ, что боялся не застать тамъ никого знакомыхъ.

— Если я уѣду отсюда подъ какимъ бы то ни было священнымъ, семейнымъ предлогомъ,—размышлялъ онъ,—то въ случаѣ сраженія меня назовутъ трусомъ и измѣнчивымъ вестъ-пойнтскимъ аристократомъ. Нѣтъ, я твердо буду держаться за свой отрядъ. Макъ-Клелланъ—мой пріятель, и противъ меня нельзя дѣйствовать иначе, какъ черезъ него. Что ни случится, я буду на своемъ мѣстѣ, въ своей бригадѣ.

На другое утро онъ всталъ спокойный и принялся снова обучать свой отрядъ. До конца октября «сенаторъ-полковникъ», скрывая свое повышеніе, оставался въ Вашингтонѣ среди интригъ, окружавшихъ его въ Бѣломъ Домѣ.

Вся страна находилась въ безпокойномъ волненіи. Отвѣтственные политиканы жаловались на бездѣйствіе Макъ-Клеллана, во время котораго южане превращали Ричмондъ во внутренній Гибралтаръ. Но онъ не обращалъ вниманія на всѣ жалобы и спокойно устраивалъ свою армію, старательно изучая карты. Онъ не хотѣлъ вступать въ кружокъ Лемана, Макъ-Дугалля и Сумнера, которые уговаривали Линкольна успокоить публику смѣлымъ дѣломъ на Потомакѣ.

— Мнѣ кажется, господа, — говорилъ Линкольнъ, протягивая свои длинныя ноги:—мы на этотъ разъ поотрѣжемъ хвостъ у неприятеля. Это ему не очень будетъ больно, а намъ принесетъ нѣкоторую пользу.

Враговъ уже не осталось въ западной Виргиніи, гдѣ сѣверная армія занимала сильную позицію, и рѣшено было, что она возьметъ Лисбургъ, чтобы напомнить южанамъ о стоянкѣ противъ нихъ 152.000 сѣверянъ съ 600 орудіями. Правда, въ этой арміи не было ни госпитальной прислуги, ни фургоновъ, ни понтоновъ, ни основательной кавалеріи, ни отвѣтственныхъ военачальниковъ, а только прекрасная масса солдатъ, которой суждено было впослѣдствіи спасти отечество подъ начальствомъ желѣзнаго Гранта.

— Повидимому, Макъ-Клелланъ не двинется ранѣе весны,—говорилъ Линкольнъ: — мы можемъ напасть на непріятеля только между Вашингтономъ и Гарперсъ-Ферри; на западѣ все обстоитъ благополучно. Лишь въ Лисбургѣ находится небольшой непріятельскій отрядъ. Мнѣ надобно ужь постоянныя извѣстія: «все спокойно на Потомакѣ». Послушайте, Бэкеръ, — прибавилъ президентъ: — у насъ тамъ хорошіе надежные воины: старикъ Макъ-Колль, Эдуардъ Ордъ и вашъ пріятель Рованъ. Вы повидались бы съ Камерономъ и рѣшили бы взять Лисбургъ, чтобы исправить границу хоть до Альди или Ланца, тогда въ нашихъ рукахъ была бы вся желѣзная дорога отъ Лисбурга до Арколы и Александріи.

Линкольнъ устремилъ свои глаза на лежавшую передъ нимъ карту.

— Да,—продолжалъ онъ задумчиво: — повидайтесь съ Камерономъ, и онъ все устроитъ съ Макъ-Клелланомъ, такъ что вамъ останется только отправиться туда и исполнить нашъ планъ. Намъ уже давно надо хорошенько подраться съ непріятеlemъ, это успокоитъ крики партіи Грили.

— Вы забываете, что генералъ Рованъ мой прямой начальникъ, — сказалъ «сенаторъ-полковникъ»: — онъ долженъ командовать этимъ движеніемъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ недовольнымъ тономъ Линкольнъ, всегда сердившійся, когда ссылались на военные тонкости:—вы—старый солдатъ и въ Мексикѣ начальствовали надъ бригадой, когда Рованъ былъ только блестящимъ капитаномъ. Да, вѣдь, у васъ есть и патентъ на генералъ-майора. Не хотите ли, чтобы я напечаталъ его въ газетахъ?

— Нѣтъ, не надо, пока я не окрещу порохомъ своего полковничьяго чина,—твердо сказалъ спрингфилдскій товарищъ президента.—Позвольте мнѣ отправиться и утвердиться на Виргинскомъ берегу. Главное надо, чтобы на этотъ разъ не было измѣны относительно плановъ, какъ при Буль-Рунѣ.

— Да, — замѣтилъ Линкольнъ: — напутали мы тогда. Я думаю, въ другой странѣ Патерсона разстрѣляли бы, но я не могъ разсердить Пенсильванію. Вѣдь и на Нью-Йоркъ я могу надѣяться только на половину.

Полковникъ Бэккеръ глубоко задумался и, глядя рукой свою красивую сѣдую бороду, сказалъ:

— Я желалъ бы, чтобы вы одобрили этотъ планъ, господинъ президентъ; потомъ я повидаясь съ Камерономъ и, наконецъ, отправлюсь къ Макъ-Клеллану и все устрою съ нимъ. Рована можно вызвать сюда и объяснить ему предположенное движеніе; онъ останется на Мэриландскомъ берегу съ остальной своей бригадой, чтобы мнѣ помочь. Я только возьму мой Калифорнскій полкъ и такія войска, какія онъ мнѣ дастъ. Макъ-Колль съ правой дивизіей Макъ-Клеллана стоитъ со своимъ передовымъ отрядомъ въ четырехъ миляхъ отъ Лисбурга, а у Банка много войска противъ Гарперсъ-Ферри. Если я останусь на Виргинскомъ берегу, то въ качествѣ генераль-майора стану командовать правой дивизіей Макъ-Клеллана или лѣвой дивизіей Банка. Это спасетъ самолюбіе Рована. Тогда напечатайте въ приказѣ о назначеніи меня генераль-майоромъ.

Линкольнъ пристально взглянулъ на суровое лицо Бэкера и рѣзко спросилъ:

— Какого вы мнѣнія о Карролѣ Рованѣ? Преданъ ли онъ всѣмъ сердцемъ своему дѣлу?

Бэккеръ посмотрѣлъ на Ломана и на Макъ-Дугалля, но ничего не отвѣчалъ. Неловкое молчаніе было прервано послѣднимъ.

— Вашъ планъ очень хорошъ, президентъ, — сказалъ онъ: — только не пускайте сюда генерала Рована. Онъ—славный человѣкъ, и я убѣжденъ, что онъ храбрый изъ храбрыхъ, но у него слишкомъ много южныхъ друзей, и его дочь живетъ теперь у Полины Дюваль. Правда, Дюваль человѣкъ здравомыслящій, но она красивая, умная, притомъ горячая, пылкая южная царица.

— Сумнеръ выходитъ изъ себя отъ недавней свадьбы въ ихъ домѣ,—отвѣчалъ Линкольнъ.—Многіе южане были приглашены по случаю ея и осмѣлились явиться въ своихъ мундирахъ. Макъ-Клелланъ очень слабый человѣкъ, а генералъ Рованъ просто воскъ въ рукахъ этой женщины. Впрочемъ, Сьюардъ вскорѣ вышлетъ ее на югъ,—сказалъ Макъ-Дугалль: — мужъ ея останется, онъ старый пріятель и адвокатъ Камерона, что не мѣшаетъ ему нисколько не вступаться за черноокую красавицу. Помните мои слова, не дайте возможности Ровану узнать планъ сраженія; эта хитрая женщина обойдетъ его не такъ, такъ иначе. Пусть Бэккеръ поступитъ по-своему. Интересы страны будутъ въ безопасности. Рованъ останется на этой сторонѣ Потомака, а Бэкеръ приметъ начальство на Виргинской сторонѣ послѣ маленькой побѣды. Сумнеръ не потерпитъ, чтобы Рованъ командовалъ независимой арміей. Онъ слѣдилъ за нимъ на непріятельской свадьбѣ, а теперь послалъ шпионовъ въ Ричмондъ, чтобы разузнать все о краденой картѣ, найденной въ Сентервиллѣ. Что бы ни говорили, но старикъ Скоттъ

честный человекъ, и на него можно положиться. Онъ говорилъ мнѣ, что карта находилась только у васъ, у Рована и у него.

— Да, это очень подозрительно, — сказалъ Линкольнъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. — Сумнеръ мнѣ подробно говорилъ объ этой исторіи. Я обязанъ многимъ генералу Ровану за его поведение во время моего вступленія въ должность, но Сумнеръ клянется, что онъ не дастъ зарѣзать свои два полка, находящіеся у Рована. Правда, Сумнеръ хронически не доволенъ всѣми и на каждаго лаетя.

— Да, — отвѣчалъ Макъ-Дугалль. — Сьюардъ сказалъ ему наканунѣ: «Вы ненавидите, Сумнеръ, даже декларацію о независимости, потому что не вы ее писали». Зато онъ боится одного человека на свѣтѣ — Сьюарда.

— Вы забыли Престона Брукса, побившаго его палкой, — замѣтилъ Линкольнъ: — признаться сказать, Сумнеръ въ этомъ случаѣ не выказалъ себя храбрецомъ.

Всѣ громко разсмѣялись.

— Полковникъ Бэкеръ, — сказалъ неожиданно Линкольнъ съ такимъ достоинствомъ, что «сенаторъ-полковникъ всталъ и поклонился: — вы пойдете сейчасъ къ Камерону и все устроите; потомъ повидайтесь съ Макъ-Клелланомъ: я желаю, чтобы ударъ былъ нанесенъ черезъ три дня. Скажите имъ, что вы дѣствуете по личному моему приказанію. Будьте осторожны. Я не знаю, гдѣ теперь великій Ли. Онъ отлично знаетъ тотъ берегъ. Пусть Макъ-Клелланъ дастъ вамъ предварительное приказаніе. Вы получите отъ него планъ дѣйствій на словахъ. Смотрите, чтобы въ дѣлѣ не было никакихъ бумагъ. Если вы понесете неудачу, то можете отвести войска на Мэрилендскій берегъ, особенно, если подвернется генералъ Ли. Рованъ не долженъ пріѣзжать въ Вашингтонъ, и я думаю, мы тотчасъ отправимъ на югъ госпожу Дюваль; она слишкомъ злоупотребляла любезностью Макъ-Клеллана и устроила у себя цѣлое гнѣздо заговорщиковъ. Я попрошу Камерона уговорить генерала Рована взять отъ нея свою дочь. Можетъ быть, его обманываютъ; но вѣдь несомнѣнно, что его покойная жена была уроженка Виргиніи. Вообще это дѣло подозрительное. А что, Бэкеръ, есть телеграфъ въ Пулэсвиллѣ?

— Есть, президентъ, — отвѣчалъ орегонскій ветеранъ.

— Такъ Макъ-Клелланъ можетъ за всѣмъ слѣдить и всѣмъ руководить по телеграфу, — сказалъ Линкольнъ.

— Долженъ ли я все объяснить генералу Ровану? — спросилъ съ безпокойствомъ Бэкеръ.

— Нѣтъ! — произнесъ послѣ продолжительнаго молчанія президентъ: — если вы одержите побѣду, то онъ узнаетъ о ней по вашему повышенію, а если дѣло не удастся, то онъ ничего не по-

теряеть. Придайте этому движенію характеръ прямого распоряженія генерала Макъ-Клеллана.

— Такъ завтра все будетъ готово, — сказалъ Бэкеръ: — и на третій день съ мечемъ въ рукѣ я буду на Виргинскомъ берегу. Завтра ночью я зайду къ вамъ, чтобы проститься. Говорятъ, генералъ Ли скрывается гдѣ-то на югѣ и строить форты.

На слѣдующій день телеграфъ былъ занятъ передачей въ Пулэсвилль военныхъ депешъ на имя генерала Рована, и его армія, приведенная въ блестящій порядокъ, находилась въ пламенномъ волненіи, ожидая первой битвы.

Но Рованъ въ то же время ждалъ прибытія въ его лагерь больничнаго фургона съ Макъ-Крери, его прелестной женой и маленькой Аделью. Она должна была пріѣхать, чтобы проститься съ отцемъ, такъ какъ ей представлялся удобный случай ѣхать въ Филадельфію съ добрыми, старыми друзьями.

Ожидая дочь, Рованъ внезапно получилъ телеграмму на свое имя и помѣтилъ ее: «получено 20 ноября 1861 года». Войдя въ свою палатку, онъ съ нетерпѣніемъ прочиталъ эту депешу.

«Генералъ Макъ-Клелланъ увѣдомляетъ васъ, что генералъ Макъ-Колль занялъ вчера Джонсвилль и находится тамъ еще и теперь. Съ этого пункта мы пошлемъ завтра тяжелыя рекогносцировки во всѣ стороны. Генералъ желаетъ, чтобы вы наблюдали за Лисбургомъ съ цѣлью убѣдиться, не удалился ли оттуда врагъ вслѣдствіе нашего движенія. Быть можетъ, легкая демонстрація съ вашей стороны побудила бы его къ этому.

«Адъютантъ А. Кольбурнъ».

Рованъ быстро вынулъ изъ кармана свою карту, досталъ записную книжку съ листами копировальной бумаги и сталъ чертить боевой порядокъ на завтрашній день.

— Наконецъ-то! — промолвилъ онъ: — сраженіе будетъ завтра; но они скоро пріѣдутъ, и мнѣ надо будетъ отправить Джака съ моей голубкой сегодня же вечеромъ. Моей бѣдной сироткѣ не окреститься же огнемъ.

Потомъ черезъ нѣсколько времени, продолжая быстро чертить, онъ снова пробормоталъ:

— Какія назначить войска? Не Бэкера же? Онъ все еще въ Бѣломъ Домѣ. Онъ хорошій воинъ, и нельзя распорядиться его полкомъ безъ него.

И онъ выбралъ 5-й и 20-й Массачузетскіе полки для передового движенія, а Калифорнскій полкъ Бэкера и Нью-Йоркскій полкъ Тамани онъ оставилъ наготовѣ. Такъ какъ дѣло шло о содѣйствіи рекогносцировкѣ, то довольно было двухъ полковъ. Объ одномъ только Макъ-Клелланъ и Рованъ не подумали — о способѣ переправы чрезъ Потомакъ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ можно

было бы по секрету построить много лодокъ, но этого сдѣлано не было, а теперь думать было поздно.

— Дэвенсъ и Ли—опытные, способные офицеры,—произнесъ мысленно Рованъ:—я потребую ихъ сюда и все имъ объясню. Одного изъ нихъ я пошлю сегодня вечеромъ на тотъ берегъ, а войска перейдутъ на зарѣ.

Онъ немедленно отправилъ ординарца съ словеснымъ приказаніемъ приготовить на Мэриландскомъ берегу какъ можно болѣе лодокъ для завтрашней переправы.

Въ эту самую минуту къ палаткѣ подъѣхалъ больничный фургонъ съ ожидаемыми Рованомъ гостями. Эстелла сіяла счастьемъ; мужъ ея былъ веселъ, какъ всякій «молодой», а Адель бросилась отцу на шею со слезами.

— Папа, папа!—воскликнула она, прижимаясь къ его груди.

Онъ осторожно понесъ ее въ заднюю палатку, гдѣ расположена была его спальня, а Макъ-Крери и жена вошли въ переднюю палатку, гдѣ находился кабинетъ Рована. Молодой человекъ невольно поблѣднѣлъ, увидавъ на столѣ записную книжку, карту и телеграмму. Въ сосѣдней палаткѣ были слышны рыданія дѣвочки, которую Рованъ не могъ уговорить разстаться съ нимъ и спокойно уѣхать въ Филадельфію.

— Постой тутъ,—шепнулъ своей женѣ Макъ-Крери и, вернувшись къ столу, быстро снялъ копию съ телеграммы Макъ-Клеллана.

Потомъ онъ взялъ записную книжку Рована и съ удивленіемъ увидѣлъ, что генералъ по ошибкѣ оторвалъ не два листа копировальной бумаги, а три, такъ что получилось три копии съ его инструкціи. Джакъ поспѣшно отдѣлилъ третью копию отъ остальныхъ и спряталъ ее къ себѣ въ карманъ.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ подбѣжалъ къ Эстеллѣ и сказалъ:

— Я выйду на минуту, что-то хочется пить.

Онъ выскочилъ изъ палатки и, сдѣлавъ знакъ любимому разсыльному изъ мулатовъ Полины Дюваль, который сопровождалъ его, онъ бросился въ пустую палатку, находившуюся на небольшомъ разстояніи отсюда.

— Вотъ мой паспортъ,—быстро проговорилъ онъ:—возьмите еще пистолетъ и кошелекъ, да главное берегите вотъ эти бумаги. Отправляйтесь черезъ рѣку. Въ кошелекѣ сто долларовъ, и вотъ вамъ мои золотые часы. Спѣшите въ Лисбургъ и найдите тамъ полковника Шейтона, или полковника Дженифера, или перваго попавшагося начальника. Скажите имъ, что армія янки перейдетъ сегодня черезъ рѣку въ Больсъ-Блуффъ. Я взялъ эти бумаги со стола генерала Рована. Посмотрите теперь, который часъ. Достаньте или украдите какуюнибудь лошадь. Тамъ васъ награждать и окажутъ вамъ покровительство. Если вы успѣшно исполните по-

рученіе, то получите свободу и пятьсотъ долларовъ. Потомъ отправляйтесь въ Вашингтонъ и ждите меня. Ну, теперь летите, скачите. Погодите, какъ вы переберетесь черезъ рѣку?

— Я переплыву на первомъ попавшемся бревнѣ и грести буду руками, — шепотомъ произнесъ мулатъ и быстро исчезъ изъ палатки.

— Онъ ловкій малый и все сдѣлаетъ исправно, — подумалъ Макъ-Крери и, закуривъ сигару, послѣшно вернулся въ палатку Рована.

— Я заказалъ обѣдъ, Джакъ, — сказалъ генералъ, встрѣчая его: — здѣсь для вашей жены готова палатка, ради Бога, успокойте ребенка. Я долженъ теперь заняться дѣлами. Черезъ полчаса я приду къ вамъ. Мой слуга, Гекторъ, займется вами, приказывайте ему все, что угодно, а вечеромъ я отправлю васъ въ поѣздъ желѣзной дороги.

Съ этими словами Рованъ вернулся въ свою палатку и спряталъ карту и записную книжку. Черезъ нѣсколько минутъ явились полковники Дэвенсъ и Ли.

— Господа, — сказалъ онъ шепотомъ, отводя ихъ въ сторону: — сегодня ночью я пошлю на противоположный берегъ сильный отрядъ; выберите каждый въ своемъ полку самый лучший батальонъ и храбрѣйшихъ офицеровъ. Завтра утромъ будетъ битва. Храните молчаніе. Садитесь къ столу и изучайте мою письменную инструкцію.

И они всѣ трое сосредоточились на изученіи карты, депеши Макъ-Клееллана и инструкціи Рована.

VII.

Пока генералъ въ пламенномъ ожиданіи побѣды объяснялъ всѣ движенія его отряда полковникамъ Дэвенсу и Ли, Джакъ Макъ-Крери утѣшалъ, какъ могъ, встревоженную жену, хотя его собственное сердце далеко не было спокойно.

Маленькая Адель въ это время гуляла по лагерю съ однимъ юнымъ адъютантомъ.

— Боже мой, — восклицала Эстелла: — мы ѣдимъ его хлѣбъ и предаемъ его!

— Это для юга, — шепталъ съ раскраснѣвшимися щеками Макъ-Крери: — все хорошо для любви и войны. Вѣдь эти войска не принадлежатъ Ровану: это наемники Линкольна. Выслушай меня! Я долженъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, послѣшить въ Вашингтонъ; я обязанъ на разсвѣтѣ быть у Пейтона въ Лисбургѣ, такъ не удивляйся, что бы ни случилось.

Эстелла залилась слезами, а Макъ-Крери, видя, что слуга Рована началъ накрывать на столъ, пошелъ посмотреть лошадей ге-

нерала. Его сопровождалъ негръ, служащій шпиономъ у Рована, тайный агентъ Полины Дюваль.

— Помни,—сказалъ ему шепотомъ Макъ-Крери:—что я остановлюсь у судьи Синклера. Онъ будетъ ждать тебя. Когда войска начнутъ переходить рѣку, ты долженъ бѣжать къ нему. Верховая лошадь будетъ готова, и онъ отправитъ на ней вѣрнаго человѣка до рѣки и чрезъ нее. Помни, что въ слѣдующее мое посѣщеніе я привезу тебѣ сто долларовъ.

— Хорошо,—сказалъ негръ:—генераль приказалъ завтра утромъ приготовить своихъ четырехъ коней; ужь вы надѣйтесь на меня.

Въ то самое время, когда Макъ-Крери подготовлялъ эту дьявольскую интригу, Рованъ раздавалъ инструкціи своимъ двумъ полковникамъ.

— Вы согласны со мною,—говорилъ онъ:—что Фильбрикъ—самый ловкій изъ молодыхъ капитановъ для предводительства развѣдчиками. Пусть онъ возьметъ двадцать лучшихъ стрѣлковъ изъ вашихъ двухъ баталіоновъ, и переправьте его съ ними на другой берегъ въ сумерки. Берегъ не усѣянъ пикетами, по словамъ лазутчиковъ. Пусть Фильбрикъ разставитъ своихъ людей по мѣстамъ и вернется, чтобы донести мнѣ о своемъ движеніи. Готовы ли ваши баталіоны перейти рѣку въ 9 часовъ? У каждаго солдата должно быть по 80 зарядовъ. Остальныя войска будутъ готовы помочь вамъ, такъ что ваша безопасность обезпечена. Я буду слѣдить за битвой, и, если явится надобность, то переправлюсь чрезъ рѣку и приму команду.

— Но полковникъ Бекеръ,—сказалъ храбрый Дэвенсъ:—старше меня чиномъ.

— Онъ находится при Линкольнѣ и слѣдитъ за сенатомъ,—серьезно отвѣчалъ генераль:—насъ не должно выдать ни малѣйшее обстоятельство. Пусть Фильбрикъ разставитъ пикеты и хорошо изслѣдуетъ всю мѣстность. Боже, насъ избави отъ Бальтиморскаго фіаско или Буль-Рунской паники. До сихъ поръ Потомакская армія бесполезно теряла свою кровь.

Когда полковники удалились, Рованъ выглянулъ изъ своей палатки и, подзвавъ дежурнаго офицера, приказалъ ему очистить берегъ на милю вверхъ и внизъ рѣки, удвоить пикеты на ночь и останавливать всѣхъ проходящихъ, не позволяя никому, ни подъ какимъ предлогомъ, перебираться чрезъ рѣку съ той или другой стороны.

Возвращаясь въ ту палатку, гдѣ его ждали гости и обѣдъ, онъ думалъ про себя:

— Плохія средства переправы: три плоскодонныя лодки, два челнока и дырявая барка. Но на Гаррисоновомъ островѣ есть пѣшеходный мостъ: въ случаѣ неудачи наши люди могутъ быть защищены огнемъ орудій съ нашей стороны, и цѣлая бригада можетъ

въ десять минутъ перейти чрезъ мостъ, но надо его отдать подъ надзоръ хорошаго офицера.

Семейный обѣдъ прошелъ очень мрачно. Джакъ Макъ-Крери, блѣдный какъ смерть, молча смотрѣлъ на длинные ряды палатокъ и многочисленныхъ солдатъ, праздно ходившихъ взадъ и впередъ, такъ какъ ученѣе было окончено. Не было никакихъ признаковъ приготовленій. Не скакали взадъ и впередъ адъютанты, и не суетились дежурные. Только на отдаленномъ берегу виднѣлись, подобно муравьямъ, какія-то мрачныя фигуры.

У Эстеллы было горько на сердцѣ, и она тщетно старалась успокоить ребенка, который очень сожалѣлъ о неожиданномъ отъѣздѣ въ Филадельфію. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль блестящая невѣста предалась заботамъ. Ее тревожили неблагодарность мужа, интриги тетки и горе любимой дѣвочки.

Во время обѣда Макъ-Крери придумалъ какой-то предлогъ, чтобы немедленно вернуться въ Вашингтонъ, и генераль съ тяжелымъ вздохомъ произнесъ:

— Тѣмъ лучше! Я даже не смѣю послать васъ чрезъ ряды моего отряда. Я выписалъ Адель, желая съ нею проститься. Солдаты всѣ съ заряженными ружьями, такъ какъ мы ожидаемъ каждую минуту нападенія. Говорятъ, что генераль Ли вернулся и находится противъ насъ.

— А я убѣжденъ, что онъ еще укрѣпляетъ Вильмингтонъ, Чарльстонъ и другіе морскіе порты,—отвѣчалъ холоднымъ тономъ Макъ-Крери.—Онъ теперь состоитъ въ непонятной опалѣ. Подождите до будущаго года, и онъ покажетъ себя.

Вслѣдъ за этимъ они занялись финансовыми и другими заботами о маленькой Адели.

— Я не вернусь въ Вашингтонъ, пока меня не вызовутъ,—сказалъ Рованъ, окончивъ семейный дѣловой разговоръ:—но зимой, на Рождествѣ, я постараюсь урвать недѣлку, чтобы провести праздники съ дочерью, и тогда я избѣгну Вашингтона, а въ Филадельфію проѣду чрезъ Балтимору.

— Вы правы,—мрачно отвѣчалъ Джакъ:—теперь въ Вашингтонѣ чистый адъ. Чѣмъ бы ни былъ президентъ Линкольнъ, но Бѣлый Домъ въ настоящее время похожъ на кабакъ, а городъ будто населенъ авантюристами и мошенниками.

Около часа провелъ генераль со своей дочерью, утѣшая ее, какъ умѣлъ; въ это время безпрестанно приходили и отправлялись телеграммы.

— Слава Богу,—бормоталъ про себя Рованъ:—Горманъ и Макъ-Колль отправили тяжелыя колонны изъ Эдуардсъ-Ферри и Дранесвилля. Насъ теперь не поймаютъ въ западню, хотя этотъ уголокъ Виргиніи, врѣзавшійся въ Мэрилендъ, очень опасный пунктъ.

Народъ душею и тѣломъ преданъ южанамъ; каждый мальчишка готовъ указать имъ всякую секретную тропинку.

Уже темнѣло, когда Адель, крѣпко поцѣловавъ отца, была посажена въ госпитальную повозку съ Эстеллой, которая плакала на прощаніе.

— О, какъ я ненавижу эту жестокою войну,—проговорила она, смотря съ сожалѣніемъ на блѣдное лицо Рована:—пошли, Боже, поскорѣе миръ!

Отводя въ сторону Макъ-Крери, генераль произнесъ мужественнымъ тономъ:

— Вы обязаны мнѣ отчасти своимъ успѣхомъ въ жизни. Вы теперь богатый человѣкъ и имѣете красивую любящую жену. Если я паду на полѣ брани, то позаботьтесь о моемъ ребенкѣ и не забывайте одинокой могилы Мэри Рованъ.

— Я умру, если понадобится, за ребенка!—воскликнулъ Макъ-Крери:—хоть это я сдѣлаю для васъ, Карроль.

Госпитальный возница предупредилъ, что пора ѣхать. Эстелла крикнула: «Христосъ съ вами!» Маленькая Адель высунула свое заплаканное лицо. Раздались удары бича, и повозка двинулась.

— Ну! теперь за дѣло,—произнесъ Рованъ и бросился назадъ въ свою палатку:—но, право, я удивляюсь, что этотъ Макъ-Крери ни въ той, ни въ другой арміи. Неужели онъ трусъ, а родился виргинцемъ. Не даромъ онъ такой мрачный, несчастный на взглядъ. Нельзя въ это время оставаться нейтральнымъ.

Не подозрѣвая чудовищной измѣны, Карроль Рованъ принялся серьезно размышлять о предстоящемъ боѣ.

— Все въ порядкѣ, одинъ экземпляръ инструкціи въ моей памятной книжкѣ, другіе два у Дэвенса и Ли; телеграмма Макъ-Клеллана также у меня. Я задамъ парадный смотръ моей бригадѣ сегодня, чтобы поднять военный духъ солдатъ и обратить вниманіе всѣхъ лагерныхъ зѣвакъ.

Между тѣмъ, сидя въ своей палаткѣ, полковники Дэвенсъ и Ли старательно изучали свою инструкцію. Она была прекрасно задумана. Дэвенсъ долженъ былъ высадить на островъ пять ротъ своего полка и напасть неожиданно на Больсъ-Блуфъ и Лисбургъ. Движеніе слѣдовало совершить быстро и безмолвно. Полковнику Ли съ двѣнадцатымъ Массачузетскимъ полкомъ предстояло высадиться съ четырьмя ротами на Гаррисоновомъ островѣ и затѣмъ занять одной ротой Больсъ-Блуфъ; потомъ, взявъ половину лодокъ, высадиться на Виргинскомъ берегу. Такимъ образомъ на разсвѣтъ непріятельскій лагерь былъ бы взятъ, и враги обращены въ бѣгство. Преслѣдовавъ ихъ, насколько возможно, экспедиція вернулась бы обратно, если бы не оказалось возможнымъ занять Виргинскій берегъ надежнымъ образомъ.

— Ну, что вы скажете?—спросилъ одинъ изъ полковниковъ, окончательно изучивъ инструкцію.

— Хорошо,—сказалъ другой:—если только насъ не предупредятъ, то мы одержимъ успѣхъ. Но ловкіе мэриландскіе береговые жители умѣютъ узнавать всѣ наши тайны. Вотъ, напримѣръ, судья Синклеръ со своими двумя хорошенькими дочерьми умѣло обходить всѣхъ нашихъ молодыхъ офицеровъ. Намъ надо приготовиться къ встрѣчѣ непріятеля: генераль Фрай доносить, что къ 1-му декабря насъ будетъ 200.000, а я знаю, что южанъ не больше 60.000. Погода чисто классическая для борьбы. Энергично наступая, Макъ-Клелланъ могъ бы взять Ричмондъ къ Рождеству.

— Ничто не заставитъ этого человѣка послѣшить, даже поражение,—отвѣчалъ второй полковникъ.—Пойдемъ теперь къ Ровану. Намъ, повидимому, предстоитъ начать балъ.

Что касается до генерала, то онъ такъ заботился скрыть движеніе войскъ отъ всѣхъ, что даже его слуга не зналъ о немъ. Поэтому онъ тайно вынулъ свой плащъ, зрительную трубу, револьверъ и саблю, которые онъ бросилъ на постель.

— Въ двѣнадцать часовъ приготовь мнѣ ужинъ,—сказалъ онъ, рѣзко обращаясь къ слугѣ:—я вечеромъ объѣду всю позицію и приготовь мнѣ лошадь.

— Самъ будетъ служить вамъ генераль,—отвѣчалъ онъ:—а я пойду на балъ негровъ, который дается сегодня вечеромъ въ Пулэсвиллѣ.

— И прекрасно, братья негры будутъ спокойны,—произнесъ Рованъ:—все обѣщаетъ успѣхъ. Даже луна будетъ содѣйствовать нашей переправѣ.

Въ это самое время Джакъ Макъ-Крери, сидя въ вагонѣ желѣзной дороги, смотрѣлъ въ зрительную трубу на лѣсистый виргинскій берегъ, и сердце его дрогнуло отъ радости, когда онъ замѣтилъ движеніе вокругъ Лисбурга.

— Никъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи,—промолвилъ онъ:—вотъ сигналъ, а въ 12 ч. я выйду изъ дому и къ утру буду у Пейтона и Дженифера. Женщины позаботятся о маленькомъ сокровищѣ, а я, слава Богу, въ первый разъ обнажу свой мечъ за югъ. Мнѣ уже надоѣло вѣчно быть воромъ. Только... фуй... если я встрѣчу въ бою Рована. Но, нѣтъ, онъ не будетъ командовать. Телеграмма это ясно говоритъ. Какойнибудь Линкольнскій фаворитъ станетъ во главѣ войска.

Осмотрѣвъ свой прекрасно обученный отрядъ, Карроль Рованъ съ восторгомъ засвидѣтельствовалъ мысленно, что его четыре полка были вполне готовы къ бою.

Бѣлѣющіяся палатки и потерявшія уже листву деревья окружали массу блестящаго оружія. Наконецъ, войско разошлось; раздалась зарева пушка, и лагерный флагъ медленно опустился подъ звуки: «Star-Spankled Banner».

Собравъ вскругъ себя офицеровъ, генераль произнесъ:

— Быстро распустите войска, господа. Сдѣлайте солдатамъ хорошій ужинъ. Запомните пароль, удвойте часовыхъ, чтобы никто не отлучался изъ лагеря; задержите всякаго, кто захочетъ проникнуть въ него. Въ 7 ч. всѣ дежурные офицеры будутъ рапортовать мнѣ.

Затѣмъ генералъ Рованъ поѣхалъ къ своей палаткѣ, бросая жадные взгляды на серебристую рѣку и противоположный берегъ. На Виргинской сторонѣ все было тихо, все было спокойно, и только свѣтились огоньки въ маленькихъ хижинахъ и слышался лишь отдаленный звукъ колокольчиковъ пасущагося стада. Все было мирно и безмолвно.

Прѣдстившись со своими офицерами, Рованъ промолвилъ, смотря на удалявшіяся войска:

— *Morituri te salutant!* Завтра почью многихъ, быть можетъ, не будетъ въ живыхъ, но дай Богъ, чтобы я оказался достоинъ ввѣреннаго мнѣ прекраснаго отряда.

Расходясь, офицеры знали, что въ полночь начнется переходъ чрезъ рѣку передовыхъ силъ, на зарѣ произойдетъ нападеніе на непріятеля, а въ 12 ч. подоспѣютъ два резервные полка. Но Рованъ слышалъ, какъ одинъ офицеръ говорилъ другому съ неудовольствіемъ:

— А что же нашъ сенаторъ-полковникъ не поведетъ насъ въ первый бой?

— О! не беспокойтесь,—отвѣчалъ его собесѣдникъ:—Бэкеръ подвернется въ послѣднюю минуту.

Дѣйствительно, уже въ это время летѣлъ въ экстренномъ поѣздѣ изъ Вашингтона въ Пулэсвилль Эдуардъ Бэкеръ.

Когда онъ явился проститься съ президентомъ, то послѣдній спросилъ его съ безпокойствомъ:

— Вы взяли всѣ приказанія Макъ-Клеллана?

— Да,—отвѣчалъ храбрый орегонецъ:—а мой генералъ-майорскій патентъ спрятанъ на сердцѣ. Однажды перебравшись на противоположную сторону, я уже буду знать, что дѣлать.

— Послушайте, Бэкеръ,—сказалъ серьезно Линкольнъ:—все въ порядкѣ относительно Рована?

— Еще бы,—отвѣчалъ Бэкеръ:—я не приму начальство на Мэриландскомъ берегу.

— Такъ поѣзжайте и привозите намъ побѣду,—торжественно произнесъ Линкольнъ, потрепавъ по плечу своего стараго любимаго друга.

— Побѣду или смерть,—отвѣчалъ храбрый Бэкеръ и, крѣпко пожавъ руку Линкольна, выбѣжалъ изъ комнаты.

Вернувшись въ свою палатку, Рованъ засталъ тамъ капитана Фильбрика съ отчетомъ о благополучной переправѣ передовыхъ развѣдчиковъ.

— Вы говорите, что высоты на берегу пятьдесятъ футовъ? — спросилъ генераль Рованъ, выслушавъ его донесеніе.

— Да, онѣ очень велики, — отвѣчалъ капитанъ: — рѣка глубока, и существуетъ только одна узкая, извилистая тропинка между высотами. Вообще, это дурная мѣстность, если насъ тамъ окружатъ. Намъ слѣдовало бы имѣть, по крайней мѣрѣ, двадцать лодокъ. А наши люди даже не знаютъ фарватера.

— Ну, капитанъ, мы должны сдѣлать все, что можемъ, — сказалъ генераль, стараясь скрыть свое безпокойство. — Оставайтесь здѣсь и помогите полковнику Дэвенсу переправиться чрезъ рѣку въ полночь. Вы не видали непріятели?

— Нѣтъ, генераль, — отвѣчалъ Фильбрикъ: — мои люди хорошо спрятаны, и, повидимому, непріятельскій лагерь очень плохо оберегается. Мы даже не видали часовыхъ.

Ли и Дэвенсъ, отправивъ съ наступленіемъ темноты свои отряды на берегъ, чтобы ожидать переправы, явились за послѣдними распоряженіями къ генералу.

— Не торопитесь, — были послѣднія его слова: — и держитесь до послѣдней возможности; я пошлю вамъ подкрѣпленіе, а вы извѣстите, если вамъ нужна помощь. Я васъ поддержу тяжелыми орудіями.

Не успѣли храбрые полковники позвать на прощанье генералу Ровану руку и отправиться къ своимъ войскамъ, какъ генеральскій дворецкій побѣждалъ къ судѣ Синклеру съ извѣстіемъ, что девять ротъ переправляются чрезъ рѣку, а пятнадцать послѣдуютъ утромъ. Часовой хотѣлъ его остановить, но онъ промолвилъ:

— Я съ генеральскими депешами.

Прошли еще часъ... два... три, прежде чѣмъ Рованъ бросился на кровать, чтобы хоть на время забыться.

— Все идетъ благополучно, — промолвилъ онъ засыпая: — Ли и Дэвенсъ перебрались на другой берегъ и укрѣпились на островѣ, подъ руководствомъ Фильбрика.

Между тѣмъ въ Эльмирѣ въ четырехъ миляхъ разстоянія чрезъ рѣку перебрался въ маленькомъ челнокѣ храбрый юный сынъ судьи Синклера — Будъ. Достигнувъ виргинскаго берега, онъ бросился бѣгомъ въ Лисбургъ, гдѣ генераль Эвансъ поспѣшно собралъ 8-й виргинскій полкъ и три миссисипскіе полка, одержавшіе побѣду при Буль-Рунѣ.

Бѣдному, уставшему Ровану не дали спать и три раза его подняли съ постели телеграммы генерала Макъ-Клееллана.

— Точно я какой нибудь капраль, — гнѣвно бормоталъ Рованъ, комкая телеграммы и легкомысленно бросая ихъ на полъ.

Наконецъ наступило утро, и быстро скакавшая по лагерю лошадь остановилась предъ палаткой генерала. Полковникъ Бэкеръ бросился къ своему мнимому начальнику.

— Что мой полкъ уже перешелъ?—спросилъ онъ рѣзко.

— Говорю я съ полковникомъ или генераль-майоромъ Бэкеромъ?—холодно спросилъ Рованъ, смотря пристально на вошедшаго и забрызганнаго грязью воина:—я знаю, что на васъ спрятанъ генеральскій патентъ, а я здѣсь командую только въ чинѣ бригадира.

— Генераль Рованъ,—воскликнулъ ветеранъ мексиканскихъ войнъ:—я явился сюда сегодня, чтобы командовать своимъ полкомъ подъ вашимъ начальствомъ. Вотъ и все.

— Въ такомъ случаѣ,—рѣшительно произнесъ Рованъ:—я пришлю вамъ письменную инструкцію, и судьба предстоящей битвы зависитъ отъ вашего слѣпонаго повиновенія.

— Хорошо!—отвѣчалъ Бэкеръ и поклонившись поскакалъ къ своему полку, который уже выстраивался предъ его лагеремъ.

Наскоро позавтракавъ и объявивъ своему штабу всѣ приказанія на этотъ день, онъ осмотрѣлъ своихъ лошадей, которыхъ подвелъ къ нему негръ-шпіонъ, еще находившійся подъ впечатлѣніемъ стараго виски судьи Синклера.

Солнце уже играло на быстро катившемся Потомакѣ, когда Рованъ сталъ осматривать въ зрительную трубу лѣсистый виргинскій берегъ. Хотя штйки батальона, скрытаго на Гаррисонскомъ островѣ, сверкали въ зелени, но не слышно было ни одного выстрѣла.

— Неужели наши пріятели мятежники еще спятъ?—промолвилъ Рованъ, принявъ отъ дежурнаго офицера по лагерю рапортъ, что ночью задержаны пятьдесятъ или шестьдесятъ послѣдителей и запоздавшихъ солдатъ.

— Не выпускайте никого, чтобы ни одинъ человѣкъ не вышелъ изъ лагерей или не вошелъ въ него. Пропустите только моихъ посланныхъ съ телеграммами и дайте имъ эскортъ. Бейте тревогу!

Къ семи часамъ войска были подъ оружіемъ.

— Что это,—промолвилъ съ досадою одинъ изъ офицеровъ, встрѣтивъ полковника Бэкера:—непріятель, кажется, покинулъ Лисбургъ?

— Не беспокойтесь,—отвѣчалъ сурово Бэкеръ:—вамъ будетъ довольно работы сегодня.

Тѣ же слова промолвилъ про себя Рованъ, тихо прохаживаясь предъ палаткой:

— Неужели непріятель покинулъ Лисбургъ?

Но ни одинъ гонецъ не являлся, и, повидимому, въ Лисбургѣ не было южанъ.

На разсвѣтѣ генераль Эвансъ, руководимый полковникомъ Пейтономъ, Джениферомъ и мрачнымъ Макъ-Крери, вывелъ изъ Лисбурга свою бригаду.

— Пусть ихъ попадутся въ западню, Пейтонъ,—со смѣхомъ произнесъ Эвансъ:—я спрячу 8-й виргинскій и 18-й миссисипскій полки въ лѣсу на правомъ флангѣ; они ихъ отрѣжутъ отъ берега; 7-й полкъ заманить ихъ къ Лисбургу, а 13-й—съ шестью орудіями отнестъ у нихъ возможность получить подкрѣпленіе отъ Эдвардсъ-Ферри. Мы ихъ цѣликомъ захватимъ. Да благословить васъ Господь, Макъ-Крери и юный Будъ Синклеръ. Вы дали сегодня югу славную побѣду.

— Все, что я требую, генераль, такъ это мѣсто впереди,—промолвилъ Макъ-Крери, покраснѣвъ отъ стыда.

— Вы будете командовать нашей легкой кавалеріей и легко соберете лавры,—сказалъ генераль.

— Или кипарисовый вѣнокъ,—отвѣчалъ Джениферъ, заряжая свои пистолеты, тогда какъ Макъ-Крери, съ дико блестящими глазами, не думалъ о своемъ оружіи.

Между тѣмъ полковникъ Бэкеръ присылалъ нѣсколько разъ за приказаніями къ генералу Ровану, который получилъ отъ Макъ-Клеллана телеграмму:

«Исполните мои приказанія буквально: пусть Бэкеръ командуетъ войсками, которыя перейдутъ рѣку».

Въ ту же минуту слышалась на виргинскомъ берегу отдаленная ружейная пальба, и Рованъ получилъ записку отъ Дэвенса:

«Встрѣтили и прогнали непріятеля; остановились подъ прикрытіемъ въ лѣсу. Жду приказанія».

Немедленно полкъ Бэкера былъ отправленъ на помощь. Пока онъ переправлялся, была получена отъ Дэвенса вторая уже грозная вѣсть.

«Кавалерія угрожаетъ на Лисбургской дорогѣ; борьба усиливается. Пришлите помощь».

Однако, несмотря на это зловѣщее извѣстіе и на увеличивавшійся огонь непріятеля, увѣренный въ успѣхѣ Рованъ телеграфировалъ Макъ-Клеллану.

«Дѣло началось на зарѣ; все благополучно; непріятель бѣжитъ».

Посланному Рованъ приказалъ успокоить Дэвенса извѣстіемъ что немедленно спѣшитъ къ нему подкрѣпленіе.

— Возьмите, полковникъ, свой полкъ и Томансевскій и ваши орудія,—воскликнулъ онъ, когда Бэкеръ явился за послѣдними приказаніями:—вотъ ваша письменная инструкція, повинуйтесь ей строго. Вы начальникъ бригады на томъ берегу, и я подкрѣплю васъ всѣмъ, чѣмъ только могу. Генераль Макъ-Клелланъ далъ вамъ какія нибудь письменныя приказанія?

Не отвѣчая ни слова, Бэкеръ поклонился, сунулъ, не читая, инструкцію въ фуражку и бросился одинъ къ своимъ быстро переправлявшимся войскамъ.

— Попавъ на тотъ берегъ,—бормоталъ онъ по дорогѣ:—я прямо направляюсь на Лисбургъ; тамъ ужъ я буду генераль-майоромъ Бэкеромъ, а не маленькимъ полковникомъ.

Перестрѣлка все усиливалась, и новый посланный на словахъ отрапортовалъ:

— Насъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ, генераль. Отъ семи до восьми часовъ мы упорно сражались, а теперь отступили къ высотамъ. Наша позиція твердая. У насъ шестьсотъ пятьдесятъ солдатъ.

— Хорошо,—весело воскликнулъ Рованъ и, замѣтивъ, что посланный былъ раненъ, отправилъ его въ госпиталь.

Если онъ былъ доволенъ словеснымъ донесеніемъ Дэвенса, то депеша Макъ-Клеллана приводила его въ ярость.

— Бэкеръ командуетъ всѣми войсками на виргинскомъ берегу,—промолвилъ онъ съ сердцемъ:—это значить, что сраженіе его, а не мое. Впрочемъ, я ему далъ двѣ тысячи человекъ и три орудія. Къ тому же онъ будетъ дѣйствовать по моей письменной инструкціи.

Къ полудню на Мэриландскомъ берегу наступила тишина; даже издали не слышна была прежняя пальба. Рованъ былъ повсюду; онъ разставлялъ на берегу орудія, оказывалъ помощь раненымъ и приготовлялъ резервныя войска. Въ своемъ патріотическомъ пылу онъ телеграфировалъ генералу Горману въ Эдвардсъ-Ферри и генералу Макъ-Коллю въ Дранесвилль, чтобы они оба немедленно выслали сильную помощь. Наконецъ онъ послалъ съ полковникомъ Когсвеллемъ вторичный приказъ Бэкеру, предупреждая его снова, чтобы онъ слѣпо исполнялъ инструкцію.

Теперь онъ спокойно сталъ ожидать извѣстій о результатѣ битвы. Въ два часа, когда онъ только успѣлъ выпить чашку кофе, послышалась страшная пальба на виргинскомъ берегу.

— Это ужъ не перестрѣлка,—воскликнулъ Рованъ,—а сраженіе и на смерть.

Онъ вскочилъ на лошадь и помчался на берегъ, гдѣ встрѣтилъ раненаго офицера, котораго несли на носилкахъ.

— Какъ дѣла, Плимптонъ?—воскликнулъ генераль, соскочивъ съ лошади и опускаясь на колѣни предъ страдальцемъ.

— Плохо, генераль,—отвѣчалъ офицеръ:—Бэкеръ повелъ впередъ свои войска въ открытое поле, окруженное густыми лѣсами; непріятель бросился на него съ трехъ сторонъ. За нами рѣка и высоты. Если насъ отрѣжутъ и оттуда, то перебыютъ до послѣдняго человека. Мы даже не видимъ, въ кого мы стрѣляемъ.

— Боже мой!—воскликнулъ генераль:—я даже не могу стрѣлять въ непріятеля изъ тяжелыхъ орудій, опасаясь попасть въ своихъ.

Обезпокоенный все усиливающейся канонадой и голубоватой дымкой, застилавшей сцену рѣзни, Рованъ послалъ конныхъ по-

сланныхъ къ Макъ-Коллю и Горману, торопя ихъ атаку на Эванса.

До пяти часовъ онъ не получилъ никакихъ извѣстій, и только безъ устали гремѣла канонада.

— Бэкеръ не исполнилъ моихъ приказаній,—произнесъ гнѣвно Рованъ:—онъ долженъ былъ ретироваться, встрѣтивъ слишкомъ сильнаго непріятеля. Я второй разъ послалъ эти же приказанія съ Когсвеллемъ. Развѣ Бэкеръ сошелъ съ ума?

Наконецъ съ острова Гаррисона раздались крики и стоны пойманныхъ въ ловушку людей. А все-таки отъ Бэкера не было никакихъ извѣстій. Черезъ нѣсколько минутъ раздался взрывъ, и деревянный мостъ грохнулся въ воду.

Очевидно сраженіе было проиграно.

Что же было съ Бэкеромъ? Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ южанами, храбрый ветеранъ, легкомысленно погубившій свои войска, бросился съ отчаянія впередъ, размахивая саблей и крича изо всей силы:

— Впередъ, ребята! Прорѣжемъ себѣ путь въ Лисбургъ!

Отвѣтомъ ему было два или три выстрѣла изъ револьвера съ непріятельской стороны. На Бэкера, упавшаго бездыханнымъ, набросился миссисипскій офицеръ и схватилъ его саблю. Но капитанъ Луи Бейраль, изъ Калифорніи, выхватилъ у близъ стоявшаго солдата ружье и штыкомъ пронзилъ убійцу Бэкера.

Произошла убійственная борьба, и тщетно Когсвелль старался пробить непріятельскіе ряды, чтобы соединиться съ Горманомъ, который весь день съ цѣлой бригадой праздно простоялъ на другой сторонѣ рѣки и отступилъ съ многочисленными силами предъ однимъ Миссисипскимъ полкомъ.

Наступила ужасная сцена рѣзни Бэкерскаго отряда. Несмотря на все хладнокровіе и распорядительность полковника Дэвенса, онъ не могъ прекратить дикую панику, подъ вліяніемъ которой уцѣлѣвшіе солдаты съ тѣломъ Бэкера бросились къ немногимъ лодкамъ.

Занявъ высоты, южане хладнокровно стрѣляли по несчастнымъ, которые гибли и подъ выстрѣлами своихъ собственныхъ братьевъ, открывшихъ огонь съ Мэриландской стороны. Всѣ лодки были опрокинуты или потоплены, и устрешенная масса бросалась въ рѣку. Вскорѣ мертвые тѣла наполнили ее. Отвратительное, страшное зрѣлище избиваемыхъ и гибнущихъ людей, оглашавшихъ воздухъ криками и стопами, продолжалось до десяти часовъ. Тогда видя, что уже все кончено, Рованъ открылъ огонь изъ своихъ тяжелыхъ орудій и принудилъ торжествующаго врага отступить съ высотъ острова.

— Теперь изъ нашихъ на другомъ берегу остались только раненые и убитые,—мрачно произнесъ начальникъ артиллеріи:—надо непри-

телю помѣшать напасть на насъ, пока не подойдетъ подкрѣпленіе. Наша бригада совершенно разсѣяна.

Едва ли въ американскихъ лѣтописяхъ бывала такая хладнокровная рѣзня! Въ теченіе этого злополучнаго дня Рованъ потерялъ 760 плѣнныхъ и 1.300 убитыхъ и раненыхъ.

На разсвѣтѣ явился Банксъ, старшій генераль на Мэриландскомъ берегу, чтобы сдѣлать строгое изслѣдованіе, а съ той же цѣлью вечеромъ долженъ былъ прибыть самъ Макъ-Клелланъ. Не только поражение Рована было отчаянное, но очевидно оно вызвано было неспособностью и безпечностью Бэкера, а такъ же и бездѣятельностью Гормана. Несчастнѣйшій генераль всю ночь провелъ, не сомкнувъ глазъ, измученный отъ усталости, стыда и тяжелаго сознанія, что вся вина падала на него, хотя вполнѣ невиновнаго въ роковой катастрофѣ.

Весь сѣверъ вздрогнулъ отъ ужаса, и на другой день вся пресса представила мрачный отголосокъ отчаянія. Напротивъ югъ ликовалъ.

— Второй Булль-Рунъ!

— Янки истреблены сотнями!

— Цѣлыя полки загнаны въ Потомакъ!

Эти крики раздавались съ восторгомъ среди южанъ, въ то время какъ, смиренно выпросивъ перемиріе, сѣверяне со стыдомъ убирали своихъ мертвыхъ. Они громко бормотали, что причиною ихъ пораженія была измѣна.

Часовые увѣряли, что всю ночь домъ судьи Синклера былъ освѣщенъ. Раненые солдаты говорили прямо въ лицо офицерамъ:

— Намъ повели рѣшительно на закланіе. На 2.500 человекъ приготовили только пять скверныхъ лодокъ. Намъ устроили рѣзню.

Офицеры собирались группами и говорили между собою:

— Непрiятель вѣрно зналъ нашъ планъ. Онъ заманилъ насъ въ засаду, заранѣе подготовленную. Рѣзня началась только, когда отрядъ Бэкера увеличилъ число жертвъ. Кто виноватъ?

Къ этому прибавляли, что гости, бывшіе наканунѣ у генерала Рована, уѣхавъ отъ него, остановились на дорогѣ у судьи Синклера, главы мятежниковъ на Мэриландскомъ берегу. Безконечныя письма, телеграммы и сплетни обвиняли несчастнаго Рована.

Пока въ Пулэвиллѣ лагерь походилъ на громадный лазаретъ и кладбище, раненаго Джака Макъ-Крери тайно вывезли изъ Александріи на берегъ Нижняго Мэриланда.

— Вы дрались, какъ герой, Джекъ!—сказалъ, прощаясь съ нимъ, полковникъ Пейтонъ.—Вы должны вскорѣ присоединиться къ намъ въ открытомъ полѣ. Эти катастрофы заставляютъ «танцовальнаго учителя» Макъ-Клеллана, по крайней мѣрѣ, до апрѣля мѣсяца оставаться спокойнымъ. Югъ обязанъ вамъ такой великой побѣдой. Эвансъ и Джениферъ оба говорятъ это въ одинъ голосъ.

Надѣньте сѣрый съ золотомъ мундиръ и будьте настоящимъ южаниномъ.

— Я долженъ поскорѣе вернуться къ Полинѣ Дюваль,—промолвилъ Джэкъ Макъ-Крери, застонавъ отъ боли, причиненной пулей, засѣвшей въ его плечѣ:—во что бы то ни стало бѣдный ребенокъ Рована не долженъ пострадать. Боже мой, я боюсь, что довелъ до конечной гибели бѣднаго человѣка.

— Подумайте только, что вы такъ поступили въ пользу юга,—воскликнулъ смѣлый Пейтонъ.

Черезъ два дня Макъ-Крери былъ также тайно доставленъ въ вашингтонскій домъ Дюваля, и придуманная сказка о причиненной ему ранѣ пьянымъ негромъ спасла его отъ ареста и подозрѣнія.

— Имѣете вы какія нибудь извѣстія отъ Рована?—спросилъ онъ, какъ только его положили на постель.

— Нѣтъ,—промолвила гордая красавица, заливаясь слезами при мысли, что она убила душу неповиннаго человѣка:—но ребенокъ его, слава Богу, ухалъ.

Въ эту самую минуту изъ кабинета Линкольна выходилъ блѣдный отъ бѣшенства Чарльсъ Сумнеръ. Уничтоженіе 15 и 12 Массачузетскихъ полковъ привело его въ ярость и заставило послать въ Массачузетъ телеграмму:

«Есть ли у Спарты еще сыновья?»

Отправившись домой, онъ тотчасъ послалъ за своими секретными шпіонами и сказалъ имъ:

— Вы должны произвести полное изслѣдованіе этой бесполезной рѣзни или измѣны. Вы не будете жалѣть денегъ. Мы доставимъ всѣ извѣстія, какія мнѣ нужно, въ Ричмондъ и найдемъ измѣнника въ нашемъ лагерѣ. Клянусь Богомъ, что виновникъ этой катастрофы за нее заплатитъ головою, хотя бы это былъ мой родной братъ.

Вашингтонъ въ порывѣ отчаянія былъ свидѣтелемъ, какъ старый генералъ Скоттъ 21-го октября вечеромъ отправился, прихрамывая, въ главную квартиру Макъ-Клееллана. Его продержали полчаса въ пріемной, и наконецъ генералъ Ванъ-Флитъ сказалъ ему добродушно:

— Вы знаете, генералъ, что случилась новая катастрофа. Макъ-Клеелланъ отправляется туда самъ. Вы лучше съ нимъ не выдайтесь. Рованъ—погибшій человѣкъ.

Всѣми упрекаемый за ужасное пораженіе, военный министръ, Камеронъ, поникъ головою и просилъ Линкольна уволить его въ отставку.

— Повидимому, все преслѣдуетъ меня по сю сторону Голубого Бряжа!—мрачно произнесъ онъ.

Въ своей уединенной палаткѣ Карроль Рованъ сидѣлъ наединѣ съ генераломъ Банксомъ, который собиралъ матеріалы, чтобы увѣ-

домить своего покровителя сенатора Сумнера, по какой причинѣ два Массачузетскихъ полка были пожертвованы вестъ-пойнтскимъ аристократомъ.

— У васъ, конечно, есть всѣ предписанія, полученные вами предъ этимъ позорнымъ поражениемъ, генераль?—сказалъ Банксъ строго официальнымъ тономъ.

— Напротивъ, генераль,—отвѣтилъ Рованъ, смотря прямо на него:—я получилъ три депеши отъ адъютанта Кольбурна въ теченіе дня и потерялъ ихъ, а другія донесенія, полученные мною, были словесныя.

— Это, по меньшей мѣрѣ, неправильно,—произнесъ Банксъ:—эта бесполезная рѣзня будетъ строго изслѣдована, и вамъ придется для своего оправданія представить всѣ доказательства.

Рованъ вспыхнулъ и вскочилъ.

— Слѣдуетъ мнѣ понять, что я уволенъ въ отставку?—воскликнулъ онъ.—Вы, генераль, можете легко получить отъ Кольбурна, адъютанта Макъ-Клеллана, копія съ тайственныхъ приказаній, полученныхъ мною, а Дэвенсъ и Ли могутъ засвидѣтельствовать обо всемъ случившемся. Жаль, что Когсвелль въ плѣну, а то его показаніе было бы очень важно. Если бы мнѣ позволили,—прибавилъ онъ съ презрительно сверкавшими глазами:—перейти на тотъ берегъ и самому лично руководить битвой, то результатъ ея былъ бы иной. Если бы Макъ-Колль и Горманъ приняли участіе въ бою, мы окружили бы генерала Эванса и взяли бы въ плѣнъ всю его бригаду. Кромѣ того, мы спасли бы нашихъ полторы тысячи человѣкъ. Сегодня къ ночи мы были бы въ Лисбургѣ и заняли бы желѣзную дорогу отъ Раундъ-Хиля до Александрии.

— Такъ отчего же вы не превратили пораженія въ побѣду?—холодно спросилъ Банксъ.

— Пойдемте со мною, генераль,—воскликнулъ Рованъ и повелъ его въ сосѣднюю госпитальную палатку, предъ которой ходилъ почетный часовой.

Подойдя къ лежавшему въ ней величественному трупу Бэкера, Рованъ торжественно сказалъ:

— Тайна пораженія при Больсъ-Блуффѣ скрыта въ смерти этого храбраго человѣка. Я ему строго приказалъ письменно, какъ вести битву; я второй разъ то же приказаніе далъ ему чрезъ полковника Когсвелля и просилъ его не позволять себѣ отчаянной смѣлости, какъ въ Мексиканскомъ походѣ.

— У васъ есть, разумѣется, копія со всѣхъ этихъ бумагъ?—спросилъ поспѣшно Банксъ, когда они вернулись въ генеральскую палатку:—онѣ васъ спасутъ, я откровенно вамъ говорю, Рованъ.

— Увы!—серьезно отвѣчалъ Рованъ:—я слишкомъ торопился и разослалъ весь свой штабъ: у меня нѣтъ никакихъ копій.

— Я приму начальство надъ всѣмъ отрядомъ до личнаго пріѣзда генерала Макъ-Клеллана,—произнесъ сердитымъ тономъ Банксъ:— не давайте никакихъ приказаній безъ моего совѣта. Вы нанесли Массачузету самый тяжелый ударъ, какой онъ только знавалъ въ исторіи.

Рованъ поклонился и печально произнесъ:

— Все будетъ докладываться вамъ, пока я не получу новыхъ приказаній.

Генералъ Банксъ поспѣшно удалился, и какъ Рованъ ни былъ мрачно настроенъ, но онъ не могъ не просіять, увидавъ черезъ минуту у входа въ палатку своего собственнаго адъютанта. Онъ знаменательно приложилъ палецъ къ губамъ и шепотомъ произнесъ:

— Подите сюда, я покажу вамъ кое-что очень важное.

Слѣдуя за своимъ юнымъ другомъ, генералъ Рованъ вошелъ въ его палатку и въ изнеможеніи опустился въ кресло.

Убѣдившись, что они одни, Эльмеръ Осборнъ подалъ Ровану двѣ бумаги, изъ которыхъ одна была забрызгана кровью.

— Генералъ,—промолвилъ его старшій адъютантъ:— вамъ со всѣхъ сторонъ хладнокровно измѣняютъ. Васъ вчера продалъ какой-то дьяволъ въ человѣческомъ образѣ. Подумайте хорошенько, кто былъ у васъ вчера. Мой негръ Сэмъ влюбленъ въ служанку судьи Синклера. Онъ говорилъ мнѣ со смѣхомъ, что весь лѣсъ былъ переполненъ скрытыми стрѣлками, и что они знали обо всѣхъ вашихъ движеніяхъ, начиная съ послышки вами Фильбрика. Они просто играли въ прятки. Эвансъ на разсвѣтѣ ждалъ васъ съ четырьмя тысячами солдатъ и шестью орудіями; у него еще былъ тысячный отрядъ кавалеріи для удержанія проклятаго Гормана. Дюжина школьникова обратила бы его въ бѣгство. Отсюда уже пошло болѣе пятидесяти писемъ и двадцати телеграмъ, обвиняющихъ васъ въ измѣнѣ и трусости. Ваша покойная жена была виргинка.

Рованъ конвульсивно заплакалъ.

— Ваши солдаты почти что возмутились противъ васъ. Будьте спокойны, не пророните ни одного неосторожнаго слова,— продолжалъ Осборнъ:— Сумнеръ ни за что вамъ не проститъ убійства Бэкера. Банксъ можетъ васъ арестовать еще ранѣе. Я знаю, что въ вашей памятной книжкѣ нѣтъ ничего относящагося до сраженія.

— Только мои приказанія Дэвенсу и Ли, а также телеграмма Макъ-Клеллана,—замѣтилъ Рованъ

— Это вѣрно,—сказалъ Осборнъ:— «спеціальныя приказы, № 128, Пулэвилль, 20-го октября 1861 года въ 10¹/₂ часовъ по полудни».

— Осборнъ!—воскликнулъ генералъ, крѣпко схвативъ за руку своего друга:—я потерялъ полученныя отъ Кольбуерна три депеши; я помню, что я скомкалъ ихъ и бросилъ. Второпяхъ я не снялъ копій съ приказаній, данныхъ бѣдному Бэкеру.

— Молчите, генераль,—воскликнулъ Осборнъ:—вы защищаться будете на судѣ. Васъ окружаютъ враги и друзья Бэкера. Онъ былъ любимцемъ всего берега Тихаго океана, другомъ Линкольна, сенаторомъ и назначеннымъ вашимъ преемникомъ. Бѣдный, храбрый герой, онъ хотѣлъ только васъ замѣнить, а не погубить, для чего ждалъ только минуты побѣды. Разсмотрите эти бумаги, я досталъ ихъ въ его фуражкѣ. Кромѣ этого, я имѣю еще кое-что вамъ сказать.

— Это—запачканный кровью мой первый приказъ,—воскликнулъ Рованъ:—я прежде на словахъ предупредилъ его, чтобы онъ не увлекался передовымъ успѣхомъ, а потомъ на бумагѣ дозволилъ ему ввести весь отрядъ въ бой подъ своей отвѣтственностію.

— Хорошо, хорошо!—воскликнулъ Осборнъ.—Пошлите меня въ Вашингтонъ положить эти бумаги куда нибудь въ безопасное мѣсто: онѣ вамъ понадобятся. Но что во второй бумагѣ?

— Боже мой!—воскликнулъ Рованъ:—это послѣдній мой приказъ, посланный съ полковникомъ Когсвеллемъ; онъ еще не распечатанъ. Сбѣгайте къ адъютанту Когсвелля и узнайте, что сдѣлалъ Бэкеръ съ моимъ приказаніемъ; я буду ожидать васъ здѣсь.

Черезъ десять минутъ Осборнъ снова вбѣжалъ въ палатку.

— Генераль,—произнесъ онъ:—адъютантъ Когсвелля говоритъ, что Бэкеръ сунулъ приказъ въ фуражку, не распечатавъ его, и сказалъ: «Ступайте на свое мѣсто. Я единственный начальникъ на этой сторонѣ, а подъ вѣдѣніемъ Рована находится только лагерь. Я буду ночевать сегодня въ Лисбургѣ».

— Съ одной стороны субординація и излишняя смѣлость бѣднаго Бэкера, а съ другой роковое бездѣйствіе Гормана—вотъ что погубило меня,—пробормоталъ Рованъ.

— Это еще не все, генераль,—произнесъ Осборнъ.—Госпитальный докторъ, пріятель Бэкера, который заботился о его мертвомъ тѣлѣ, нашелъ на немъ патентъ на генераль-майора, подписанный нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и спряталъ его. Навѣрно этотъ патентъ теперь уже далеко отсюда. Докторъ поѣхалъ въ Вашингтонъ по приказанію генерала Банка для бальзамированія тѣла сенатора. Уже объ этомъ телеграфировалъ президентъ Линкольнъ. Бэкеръ будетъ торжественно выставленъ въ сенатѣ, а впослѣдствіи ему устроятъ въ Санъ-Франциско великолѣпныя похороны.

— Зачѣмъ это?—спросилъ съ удивленіемъ Рованъ.

— Чтобы скрыть его генеральскій чинъ,—отвѣчалъ Осборнъ:—и всю вину, а также отвѣтственность Макъ-Клеллана свалить на васъ. Военный пикникъ былъ устроенъ въ Вашингтонѣ для блестящаго торжества Бэкера. Ему, вѣроятно, предназначался новый корпусъ изъ войскъ Макъ-Клеллана, если бы все удалось.

— Осборнъ,—сказалъ печально Рованъ:—у меня нѣтъ сына, и вы должны мнѣ замѣнить его. Запечатайте мое второе приказаніе,

надписавъ на пакетѣ, что оно было распечатано нами 22-го октября 1861 года въ такомъ-то часу. Сдѣлайте съ обѣихъ бумагъ копии и подтвердите подъ присягою въ Вашингтонѣ эти факты. Потомъ положите эти бумаги въ банкъ Рикса на мое имя и возьмите квитанцію. Уѣзжайте скорѣе, прежде чѣмъ васъ остановитъ Банксъ. Погодите, сдѣлайте двѣ копии: одна мнѣ понадобится здѣсь.

— Вотъ теперъ вы дѣйствуете благоразумно, — сказалъ Осборнъ:— вамъ не слѣдуетъ вѣрить любезности и приличной внѣшности Макъ-Клеллана. Если узнаютъ, что онъ отвѣтственъ за эту бесполезную рѣзню, то онъ потеряетъ Потомакскую армію. Кромѣ того, Линкольнъ, во что бы то ни было, хочетъ сохранить доброе имя Бэкера, хотя бы этого стоила ваша отставка. Заладъ увѣнчаетъ лаврами своего героя, а Сумперъ отметитъ вамъ за него.

Спустя три часа, генераль Банксъ заглянулъ въ палатку Рована и спросилъ его адъютанта.

— Я послалъ его въ Вашингтонъ, чтобы помочь доктору въ хлопотахъ по похоронамъ,— спокойно отвѣчалъ Рованъ.

— Но я ему не разрѣшилъ отъѣзда,—грубо замѣтилъ Банксъ.

— Но и я не разрѣшилъ отъѣзда доктора, — твердо отвѣчалъ Рованъ.

Политиканъ-генераль, боясь, чтобы изъ этой исторіи не произошло скандала, замолчалъ.

Повидимому, порядокъ водворился въ лагерь, когда прибылъ въ него Макъ-Клелланъ съ многочисленной свитой и кавалерійскимъ эскортомъ.

Блестящій штабъ присутствовалъ при официальной встрѣчѣ Макъ-Клеллана съ Банксомъ, но зато въ глубокой тайнѣ происходилъ разговоръ между главноначальствующимъ и самозащищавшимся бригадиромъ.

Караульные у палатки не допускали до нея даже генерала Банка, только издали слышались два гнѣвные громкіе голоса.

— Такъ вы рѣшились себя погубить, генераль Рованъ?— наконецъ воскликнулъ Макъ-Клелланъ, выходя изъ себя, но не покидая своей граціозной позы и своего учтиваго обращенія.

— Я рѣшился, генераль,—почтительно отвѣчалъ Рованъ:—если генераль Банксъ не будетъ удаленъ изъ моего лагеря, а замѣнитъ меня, повѣдать всей странѣ, что это сраженіе было задумано и рѣшено въ Вашингтонѣ по секрету отъ меня. Это военное оскорбленіе начальствующаго лица въ арміи. Бэкеръ уже мѣсяцами былъ генераль-майоръ, вы это должны были знать; это или маскарадъ или военная измѣна. Онъ необдуманно бросился прямо на вѣрную смерть, надѣясь на вашу помощь и на покровительство президента. Онъ не послушался моего перваго приказанія и даже не прочиталъ моей второй инструкціи, а потому пожертвовалъ, ради своего

самолюбія, двумя тысячами солдатъ. Весь сѣверъ узнаеть, что ваше официальное предписаніе не было исполнено. Макъ-Колль ретировался, Горманъ просто мнѣ измѣнялъ. Хотите вы этого?

На другой день генераль-майоръ Натаніэль Банксъ послѣдно оставилъ Пулэсвилль, а генераль Джорджъ Макъ-Клелланъ строго разсмотрѣлъ позицію, призвалъ на помощь къ генералу Ровану значительные отряды и любезно разстался съ нимъ, оставивъ его попрежнему начальникомъ съ полной увѣренностью въ своемъ довѣрїи.

— Гроза грянетъ позднѣе, — замѣтилъ Осборнъ, вернувшись изъ Вашингтона и узнавъ о случившемся.

VIII.

Присутствіе новыхъ полковъ вскорѣ умирало безпорядки въ недовольномъ лагерѣ подъ Пулэсвиллемъ и мало-по-малу разсѣяло въ памяти людей печальное воспоминаніе о роковой катастрофѣ. Быстрый Потомакъ мирно катилъ свои волны между обоими берегами, и только мстительные офицеры истребленныхъ массачузетскихъ полковъ открыто выражали презрѣніе къ генералу Ровану.

Что касается до непріятели, то въ виду пятидесяти тяжелыхъ орудій, готовыхъ встрѣтить всякое нападеніе на лагерь, южане благоразумно удалились въ глубину лѣсовъ и зимовали въ Лисбургѣ. Среди общаго торжества Нейтонъ осторожно скрылъ отъ всѣхъ, что измѣна Макъ-Крери была причиной побѣды. Полковникъ Джениферъ и другіе южные офицеры полагали, что храбрый мальчикъ Синклеръ, теперь поручикъ штаба Эванса, рѣшилъ все дѣло съ помощью своихъ хорошенькихъ сестеръ, но Джонстонъ, Борегаръ и Джеферсонъ Дэвисъ знали, что полковникъ Макъ-Крери выигралъ четвертую побѣду юга съ помощью прелестной красавицы Полины Дюваль.

— Это счастье будетъ долго продолжаться, — со смѣхомъ сказалъ Нейтонъ: — Джакъ будетъ вскорѣ дѣйствовать въ открытомъ полѣ. Только бы Богъ помогъ ему ускользнуть отъ Линкольна.

Но, когда капитанъ Осборнъ вернулся изъ Вашингтона, исполнивъ порученіе Рована, и сообщилъ ему, что вокругъ дома Дюваля стоялъ значительный пикетъ, послѣдній вскочилъ съ кресла внѣ себя отъ удивленія.

— Весь городъ объ этомъ говоритъ, — сказалъ Осборнъ: — это дѣло Сьюарда, по просьбѣ сенатора Сумнера, и я не могъ войти въ домъ, а только досталъ письма къ вамъ вашей дочери.

— Такъ вы не могли видѣть Макъ-Крери? — спросилъ Рованъ.

— Нѣтъ, — произнесъ Осборнъ: — онъ въ постели отъ нанесенной пьянымъ негромъ раны на улицѣ и какъ только оправится, то уѣдетъ изъ Вашингтона для поправки своего здоровья на Бермуд-

скіе острова. Что касается до г-жи Дюваль, то она, безъ сомнѣнія, будетъ выслана изъ Вашингтона. Ея мужъ пріятный и любезный человѣкъ, но ему надо разстаться со своей красавицей женой. Она такъ ликуетъ отъ побѣды южанъ, что прямо выставляетъ ихъ флагъ.

— Бѣдная, глупая женщина, — пробормоталъ Рованъ:— славу Богу, что это опасное знакомство поневолѣ прекратится: оно было бы для меня роковымъ.

И онъ принялся читать первыя письма своей дочери изъ Филадельфіи.

Изолированное положеніе Рована послѣ позора потомакской арміи оставило его безъ друзей, исключая капитана Осборна и майора Эндикота. Онъ занимался все время обученіемъ остатковъ своей бригады и новыхъ полковъ. Несмотря на постоянныя жалобы и клеветы, распространяемыя противъ него пріятелями и врагами, никто не могъ не отдать справедливости дѣятельнымъ мѣрамъ дисциплины, которыя онъ вводилъ въ своей арміи. При всѣхъ этихъ заботахъ онъ сохранялъ блѣдное рѣшительное лицо, постарѣвшее на двадцать лѣтъ со времени катастрофы.

— Странно, генераль, — замѣтилъ капитанъ Осборнъ, не покидавшій теперь его ни на минуту:— что никто не знаетъ о тайнѣ Бэкерскаго генераль-майорства, а о васъ всѣмъ извѣстно болѣе, чѣмъ надо. Право, не понятна эта тишина.

— Буря собирается и грянетъ со временемъ, — сказалъ Рованъ. — Они скрываютъ чинъ Бэкера, чтобы взвалить на меня всю отвѣтственность. Военное министерство никогда не обнарудуетъ этого факта. Линкольнъ, Камеронъ и Макъ-Клелланъ желаютъ во что бы то ни стало прикрыть его вину, а Сумнеръ поклялся все выместить на мнѣ.

— Отчего же васъ не арестуютъ и не смѣняютъ? — замѣтилъ адъютантъ.

— Потому что мой часъ еще не пришелъ, — торжественно произнесъ Рованъ. — Однако, я смѣло говорилъ съ генераломъ Макъ-Клелланомъ по вашему совѣту. Онъ — добрый человѣкъ, и его выбралъ Скоттъ. Поэтому Макъ-Клелланъ и послалъ меня сюда, какъ любимца Скотта, но онъ, бѣдный, принужденъ отъ меня отказаться; болѣе низкіе люди нанесутъ мнѣ роковой ударъ. Я знаю, что Сумнеръ, побуждаемый всѣмъ Массачузетомъ, въ тайнѣ работаетъ противъ меня. Ему поможетъ вся сила правительства. Когда Макъ-Клелланъ уѣхалъ отсюда, то онъ удивился моей смѣлости, съ которой я отказалъ выдать даже ему бумаги, которыя вы спасли для меня. Но я, очевидно, иду къ своей гибели, хотя онъ и боится обнаруженія этихъ бумагъ.

— Однако вы невинны, — замѣтилъ Осборнъ.

— Милый юноша, — произнесъ генераль, любезно хлопая по плечу своего адъютанта:— невинность чисто отрицательное каче-

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

